UVIC - McPHERSON
3 2775 90332933 1

Изданіе Ф. Павленкова.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

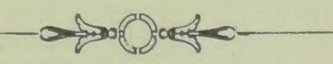
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статьей ЕВГЕНІЯ СОЛОВЬЕВА (автора біографіи Писарева).

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обложка напечатана въ типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1894.

Цѣна каждаго тома I рубль.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чирльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ)—1 р. 50 к.—До 10 декабря 1893 г. вышли первые пять томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррптъ. Большія ожиданія. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба. Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8-й томъ печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портр., біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 кар.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова (въ одномъ томѣ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ, біографіей, написанной *А. М. Скабичевскимъ*, и 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., въ простомъ перепл.—1 р. 40 к., въ коленкоровомъ съ золотымъ тисненіемъ—2 руб.

Сочиненія Лермонтова (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ автора, его біографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна за всѣ 4 тома 1 р., въ двухъ простыхъ переплетахъ—1 р. 50 к., въ двухъ роскошныхъ переплетахъ—2 руб.

Сочиненія Н. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *Н. Михайловскаго*. Ц. 3 р., въ пер.—4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Восемь томовъ. Ц. каждаго—1 р. Перепл. для 2 том. вмѣстѣ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изданіе въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и статей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и статей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ порт. автора. Ц. за все собраніе въ двухъ больш. том. (до 1700 стр.) 3 р. Перепл.—въ 50 к. и 1 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева*. Ц. въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля.* Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. Съ франц. 350 стр. 2-е изд. Ц. 80 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ *Эд. Бульвера*. Переводъ съ англійск. *А. Каменскаго*. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. Около 400 страницъ. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Пер. съ анг. и дополнилъ *В. Ранцовъ*. Съ 16 порт. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами*. 3-е изданіе, дополненное научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: «Куда мы идемъ?». Ц. 1 руб.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціал. борьбы съ эконом. язвами современнаго общества) *Бутса*. Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изд. съ 188 рис. Ц. 60 к. въ пап. 75 к. въ пер. 1 р.

Голодъ. Романъ *К. Гамсуна*. Съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ *К. Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Книга для домашняго чтенія. *А. Цвѣткова*. Съ 72 портр. Ц. 3 р. въ пер 3 р. 75 к.

Исторія новѣйшей Рус. литературы (1848 — 1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго*. 2-е исправленное изд. Ц. 2 р.

Исторія русской цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* 2-е изд. Ц. 75 к.

Въ раздумьи. Очерки и разсказы изъ жизни русской интеллигенціи. *Е. А. Соловьева*. Ц. 75 к.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области временной литературы и искусствъ. *Макса Норд* Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ пре словіемъ *Р. Сементковскаго*. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія культуры. *Липперта.* Перев. съ нѣмецкаго. 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока.* Переводъ *З. Горской* многими рисунками. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зутнеръ*. пактное изданіе. Цѣна 80 коп.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи па Романъ *Э. Постери*. Съ итальянскаго. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ третомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разност *Н. К. Михайловскаго*. Ц. 1 руб.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ нѣмецкаго изд. *Э. Зауеръ*. 3-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *Мантегацца*. Ц.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жи Профес. *Гольцендорфа*. Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сел го). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые оч *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физiологическіе оч А. *Бахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *С. Горянской*, под. *Я. Абрамова*. Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно женные и объясненные. Составилъ *В. Фармако* Изданіе 4-е. Цѣна 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова.* Со многим сунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* 2-е изд. Ц.

По градамъ и весямъ. Романъ изъ исторіи нашего вре *Вологдина* (Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ с Составилъ *В. Никитинъ*. Ц. 1 р.

Популярно-научныя книги.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В кевича*. Съ 91 рис. Ц. 1 р.

Преступная толпа. Опытъ коллективной псих *С. Сигеле*. 116 стр. Ц. 30 к.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли*. Популярн зоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ а скаго подъ редакціей *В. Яковенко*. Цѣна 1 р.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложені *линга*. Перев. съ англійскаго *П. Мокіевскаго*.

Законы подражанія. *Тарда.* Пер. съ фр. Ц. 1 р.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединген*.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сел хозяевамъ. *А. Альмединген*. Ч. 2-я. Ц. 50

Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Переводъ съ нѣм. Ц. 50

Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Н* Съ 30 рисунками. Цѣна 75 к.

Уходъ за больными дѣтьми. Д-ра *Э. Перье*. Пере франц. Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обы жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для и воспитателей. *Д-ра Варіо*. Перев. съ фран редакціей проф. *Пономарева*. Со мног. рис.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра Перев. съ нѣмец. съ 35 рис. Ц. 1 р.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ Съ 40 рисун. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ франц. ное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“. Со мн. р

Первобытные люди. *Дебьера.* Перев. съ франц. нилъ *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

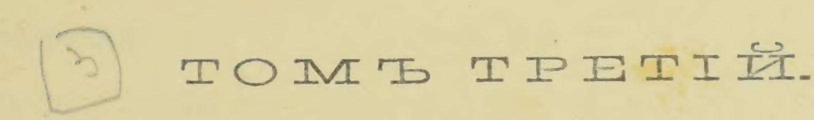
Фабричная гигіена. *Святловскаго.* Съ 153 рис.

Усталость. Популярно-научныя бесѣды проф. Перев. *М. Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ щемъ. *А. Ланге*. Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 1

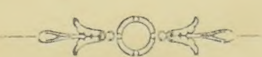
СОЧИНЕНІЯ
Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.



Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности помѣщены при шестомъ томѣ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1894.

Оглавленіе третьяго тома.

1863.

1863.

НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

I.

Осенью 1856-го года я поступилъ въ одинъ изъ нашихъ университетовъ. Осенью 1861 года я оставилъ этотъ университетъ съ кандидатскимъ дипломомъ. Я упоминаю теперь-же объ этомъ фактѣ, чтобы сразу зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Если я—кандидатъ, стало быть, университетъ обошелся со мной очень милостиво, стало быть, я не имѣю никакого основанія къ личной непріязни противъ университета, стало быть, читатель можетъ довѣрять моимъ показаніямъ настолько, насколько принято въ обществѣ вѣрить порядочному человѣку, разсказывающему о такомъ обстоятельствѣ, въ которомъ онъ не имѣетъ причины быть пристрастнымъ. Я выставилъ также цифру годовъ, чтобы показать читателю, что я—еще человѣкъ молодой, и слѣдовательно могу говорить о своихъ студенческихъ годахъ, не поддаваясь тому сантиментальному стремленію къ идеализированію, которое обыкновенно дѣйствуетъ въ людяхъ пожилыхъ, когда эти почтенные люди въ назиданіе младшимъ братьямъ или потомкамъ перебираютъ свои юношескія воспоминанія. Не прошло еще двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ университета, стало быть, всѣ главнѣйшіе факты моей тогдашней умственной жизни сохранились у меня въ памяти во всей своей свѣжести. Мнѣ незачѣмъ добавлять художественнымъ творчествомъ какія-нибудь забытыя черты или подробности. Я заранѣе могу дать читателю торжественное обѣщаніе, что не сочиню ни одной сцены, не выдумаю для украшенія моихъ воспоминаній ни одного разговора. Вслѣдствіе этого воспоминанія мои потеряютъ можетъ-быть въ отношеніи къ занимательности, но эта потеря съ избыткомъ будетъ вознаграждена тѣмъ, что они выиграютъ въ отношеніи къ строгой исторической вѣрности. Все вниманіе мое будетъ сосредоточено только на одной сторонѣ студенческой жизни, именно на отношеніяхъ студента къ наукѣ и на дѣятельности профессоровъ, какъ посредниковъ между алчущими и жаждущими умами съ одной стороны, и умственной пищей, заключенной въ различныхъ фоліантахъ, съ другой стороны. Отношенія студентовъ между собою, различныя проявленія молодой умственной жизни, студенческіе кружки, ихъ горячіе споры, ихъ искреннія вѣрованія и честныя стремленія, классическое «Gaudeamus igitur», отъ котораго встрепенется сердце всякаго бывшаго студента,—вся эта поэзія юности остается въ сторонѣ; я пишу серьезный очеркъ; я хочу сохранить въ настоящую минуту полную умственную трезвость; я хочу безпристрастно взглянуть на нашу университетскую науку, и потому съ суровостью, достойной древняго римлянина, отталкиваю отъ себя все то, что̀ подкупаетъ умъ и разнѣживаетъ чувство. Затѣмъ, попросивши у читателя извиненія за длинное вступленіе, я на всѣхъ парусахъ вступаю въ бурное и негостепріимное море моего трезваго и суроваго изложенія.

II.

Итакъ, я—студентъ. Позади меня, въ близкомъ прошедшемъ, лежитъ побѣжденная груда личныхъ враговъ моихъ, груда тѣхъ учебниковъ, которыхъ сумма называется въ совокупности гимназическимъ курсомъ.

Надъ этой хаотической грудой поверженныхъ и безсильныхъ противниковъ, какъ символъ примиренія и прощенія, сіяетъ кроткимъ и умилительнымъ блескомъ первая серебряная медаль съ изображеніемъ богини мудрости и съ многозначительной надписью: «преуспѣвающему». Видя, что я преуспѣвалъ и въ гимназіи, читатель долженъ осязательно чувствовать, какъ возрастаетъ въ немъ уваженіе къ моей особѣ и

довѣріе къ моему безстрастію. Внѣшніе результаты моего пребыванія въ гимназіи оказываются блистательными; внутренніе результаты поражаютъ неприготовленнаго наблюдателя обиліемъ и разнообразіемъ собранныхъ свѣдѣній: логариѳмы и конусы, усѣченныя пирамиды и неусѣченные параллелопипеды перекрещиваются съ гекзаметрами «Одиссеи» и асклепіадовскими размѣрами «Горація»; рычаги всѣхъ трехъ родовъ, ареометры, динамометры, гальваническія батареи приходятъ въ столкновеніе съ Навуходоносоромъ, Митридатомъ, Готфридомъ Бульонскимъ и нескончаемыми рядами цифръ, составляющихъ неизбѣжное хронологическое украшеніе слишкомъ извѣстныхъ историческихъ произведеній гг. Смарагдова, Зуева и Устрялова. А города, а рѣки, а горныя вершины, а германскій союзъ, а неправильные греческіе глаголы, а удѣльная система и генеалогія Іоанна Калиты! И при всемъ томъ мнѣ только шестнадцать лѣтъ, и я все это превозмогъ, и превозмогъ единственно только по милости той драгоцѣнной способности, которой обильно одарены гимназисты. Той-же самой способностью одарены вѣроятно въ той-же степени кадеты и семинаристы, лицеисты и правовѣды, да и вообще все обучающееся юношество нашего отечества. Эта благодатная способность не что иное, какъ колоссальная сила забвенія. Лермонтовскому демону, какъ извѣстно, не было дано этой силы, и Лермонтовъ, упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, прибавляетъ даже, что

Онъ и не взялъ-бы забвенья.

Не мудрено? Но откуда взять. Вся вода рѣки Леты съ той самой минуты, какъ ее перестали пить души, вступающія въ елисейскія поля, стала расходоваться на обучающееся юношество, которое съ истинно юношеской жадностью упивается ея живительными струями. Юношество понимаетъ, что эта магическая вода представляетъ для него единственное средство спасенія. Только при помощи ея оно выдерживаетъ свои многочисленные экзамены, и при ея-же помощи оно, выдержавши послѣдній свой экзаменъ, навсегда очищаетъ свою голову отъ переполняющихъ и засоряющихъ ее ингредіентовъ. Во время учебнаго года гимназистъ удерживаетъ заразъ въ своей головѣ только тотъ маленькій кусочекъ каждой учебной книги, который учитель въ ближайшій классъ можетъ потребовать къ осмотру; въ одно время въ его мозгу живутъ, независимо другъ отъ друга, кусочки разныхъ предметовъ; такъ какъ ни одинъ предметъ не вмѣщается въ мозгу въ своей цѣлости, то эти кусочки живутъ и шевелятся сами по себѣ, безъ всякой связи съ цѣлымъ, такъ точно, какъ живутъ и шевелятся сами по себѣ куски разрѣзаннаго земляного червяка. Когда наступаетъ пора экзаменовъ, тактика немедленно перемѣняется; эйнъ-цвей-дрей: куски разрѣзаннаго червяка сбѣгаются и срастаются въ надлежащемъ порядкѣ. Начинается церемоніальный маршъ червяковъ черезъ мозги гимназистовъ; по порядку, назначенному въ росписаніи экзаменовъ, проходятъ предметы одинъ за другимъ, и самъ гимназистъ испытываетъ рядъ изумительнѣйшихъ превращеній: сегодня онъ Архимедъ, черезъ три дня — Цицеронъ, черезъ недѣлю — Гомеръ; накопецъ весь этотъ рядъ метаморфозъ завершается тѣмъ, что увѣнчанный лаврами тріумфаторъ, гордость и цвѣтъ гимназіи — превращается въ юнаго тельца, увозится на каникулы въ деревню и тамъ *нагуливаетъ* жиръ, утраченный во время осеннихъ, зимнихъ и весеннихъ трудовъ и передѣлокъ. Тутъ уже забывается все до послѣдней капли; растительная жизнь вступаетъ во всѣ свои права; гимназистъ стоитъ на развалинахъ своего ученаго величія и, вспоминая свою недавнюю славу, утѣшается той мыслью, что именно такое-же оскорбительное превращеніе досталось нѣкогда на долю Навуходоносора, наполнявшаго всю переднюю Азію славой своего царственнаго имени и шумомъ своего побѣдоноснаго оружія. Если сила забвенія дѣйствуетъ съ непобѣдимымъ успѣхомъ во время переходныхъ экзаменовъ, то она дѣйствуетъ на выпускномъ экзаменѣ въ семь разъ успѣшнѣе. Сдавши напримѣръ выпускной экзаменъ изъ исторіи и приступая къ занятію математикой, юноша разомъ вытряхиваетъ изъ головы имена, годы и событія, которые онъ еще наканунѣ лелѣялъ съ такимъ увлеченіемъ; приходится забыть не какой-нибудь уголокъ исторіи, а какъ есть все начиная отъ китайцевъ и ассиріянъ и кончая войной американскихъ колоній съ Англіей *). Какъ совершается это удивительное физіологическое отправленіе — не знаю, но оно дѣйствительно совершается—это я знаю по своему личному опыту; этого не станетъ отвергать никто изъ читателей, если только онъ захочетъ заглянуть въ свои собственныя школьныя воспоминанія.

Быть-можетъ нѣкоторые педагоги, ревниво оберегающіе честь своихъ гимназій, отнесутся къ моей идеѣ, какъ къ легкомысленному произведенію праздной фантазіи, и скажутъ рѣшительно и гордо, что ихъ воспитанники учатъ уроки и выдерживаютъ экзамены, не прибѣгая ни въ какомъ случаѣ къ пособію благодатнаго забвенія. Такимъ довѣрчивымъ воспитателямъ лукаваго юношества я тотчасъ укажу вѣрное средство испытать своихъ питомцевъ и убѣдиться въ практическомъ значеніи моихъ словъ. Положимъ, что сегодня, 21 мая, экзаменъ изъ географіи происходитъ блистательно. Проходитъ два дня, 24-го числа тѣ-же воспитанники приходятъ экзаменоваться изъ латинскаго языка. Пусть тогда

*) Дальше этого пункта не простирались наши историческія познанія. Снисходя къ нашей отроческой невинности, педагоги набрасывали завѣсу на послѣднія событія XVIII столѣтія.

педагогъ, считающій меня фантазеромъ, объявитъ юношамъ, что экзамена изъ латинскаго языка не будетъ, а повторится уже выдержанный экзаменъ изъ географіи. Вы посмотрите, что это будетъ. По рядамъ распространится паническій страхъ; будущіе друзья науки увидятъ ясно, что они попали въ засаду; начнется такое избіеніе младенцевъ, какого не было со временъ нечестиваго царя Ирода; кто 21-го мая получилъ пять балловъ, помирится на трехъ, а кто довольствовался тремя, тотъ не скажетъ ни одного путнаго слова. Если моя статья попадется въ руки обучающемуся юношѣ, то этотъ юноша будетъ считать меня за самаго низкаго человѣка, за перебѣжчика, передающаго въ непріятельскій лагерь тайны бывшихъ своихъ союзниковъ. Разсуждая такимъ образомъ, юноша обнаружитъ трогательное незнаніе жизни; онъ подумаетъ, что педагоги когда-нибудь дѣйствительно воспользуются моимъ коварнымъ совѣтомъ. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ. Воспользоваться моимъ совѣтомъ значитъ нанести смертельный ударъ существующей системѣ преподаванія и слѣдовательно обречь себя на изобрѣтеніе новой системы. Конечно наши педагоги никогда не доведутъ себя до такой печальной для нихъ катастрофы.

III.

«Чѣмъ же однако нехороша теперешная система преподаванія?» спрашиваетъ недоумѣвающій читатель.—А кто-же вамъ, м. г., говоритъ, что она нехороша, отвѣчаю я. Я вамъ докладываю только, что она имѣетъ нѣкоторыя своеобразныя достоинства, вслѣдствіе которыхъ благодать забвенія становится необходимой. Главное достоинство, отъ котораго зависятъ уже всѣ остальныя, состоитъ въ томъ, что различные предметы не связываются въ общій циклъ знаній, не поддерживаютъ другъ друга, а стоятъ каждый самъ по себѣ, стараясь вытѣснить своего сосѣда. Математика норовитъ обидѣть исторію, которая въ свою очередь съ угрожающимъ видомъ наступаетъ на латинскую грамматику. Каждый предметъ бываетъ то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ: исторія ихъ безконечныхъ раздоровъ составляетъ исторію умственной жизни каждаго гимназиста; мозгъ ученика—вѣчное поле сраженія, а пора экзаменовъ — время самыхъ истребительныхъ войнъ между отдѣльными предметами. Буйные нравы этихъ задорныхъ предметовъ вносятся даже въ нѣдра семейства, въ группу родственныхъ предметовъ, которые въ силу своего родства должны были-бы жить въ добромъ согласіи и защищать другъ друга противъ благодати забвенія. Семья математическихъ наукъ представляетъ поучительный примѣръ такихъ бѣдственныхъ междоусобій: геометрія въ грошъ не ставитъ алгебру, и обѣ онѣ также враждебно смотрятъ на тригонометрію, какъ на какую-нибудь греческую грамматику. Что-же касается до ариѳметики, то на нее старшіе члены математической семьи и смотрѣть не хотятъ. Она—Сандрильона семейства; объ ней стараются забыть, и дѣйствительно забываютъ, вплоть до самаго выпускного экзамена, на которомъ, какъ на страшномъ судѣ, должно выдти на свѣтъ все, что было затаено въ глубинѣ преступной совѣсти. На выпускномъ экзаменѣ дѣйствительно произошла такая драматическая коллизія между ариѳметикой и ея старшими сестрами, такая, говорю я, коллизія, которая привела меня въ трепетъ. Намъ приходилось брать четыре билета (изъ ариѳметики, изъ алгебры, изъ геометріи и изъ тригонометріи),—экзаменовали насъ нѣсколько учителей разомъ на двухъ противоположныхъ концахъ большой залы; я на одномъ концѣ преодолѣлъ тригонометрію и, побѣдоносно раздѣлавшись съ синусами и тангенсами, перешелъ на другой конецъ отвѣчать изъ ариѳметики. Я былъ увѣренъ въ полномъ успѣхѣ, но вдругъ задумался надъ отношеніями и пропорціями, да такъ задумался, что весь экзаменъ сталъ казаться моему смущеному уму горькой и неумѣстной шуткой слѣпой судьбы. Я окончательно сѣлъ на мель, такъ что учитель, преподающій въ младшихъ классахъ, принужденъ былъ превратить экзаменъ въ лекцію и объяснить мнѣ, второму ученику седьмого класса, тѣ истины, которыя онъ внушалъ своимъ двѣнадцатилѣтнимъ слушателямъ. Кроткій ликъ моей будущей медали отуманился легкимъ облакомъ, и меня выручило только то обстоятельство, что за математику полагалась одна общая отмѣтка, составлявшая средній выводъ изъ четырехъ частныхъ балловъ. Скромность моихъ ариѳметическихъ познаній прошла такимъ образомъ незамѣченной и потонула въ лучахъ моей алгебраической, геометрической и тригонометрической славы.

Но дѣло не въ томъ. Вы вглядитесь въ разсказанный фактъ и тогда вы увидите, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ мыслящіе люди, которые утверждаютъ, что математика развиваетъ силу мышленія и что математическія науки представляютъ непрерывную цѣпь истинъ, вытекающихъ одна изъ другой по логической необходимости. У насъ математика есть ни что иное, какъ собраніе сочиненій Боско или Пинетти; это рядъ удивительныхъ фокусовъ, придуманныхъ богъ знаетъ зачѣмъ, и богъ знаетъ какой эквилибристикой человѣческаго мышленія. У каждаго фокуса есть свой особенный ключъ, и эту сотню ключей надо осилить памятью, той-же самой памятью, которой осиливаются историческія и географическія имена. Доказывая геометрическую теорему, гимназистъ только притворяется, будто онъ выводитъ доказательства одно изъ другого; онъ просто отвѣчаетъ заученный урокъ;

вся работа лежитъ на памяти, и тамъ, гдѣ измѣняетъ память, тамъ оказывается безсильной математическая сообразительность, которую вы, благодушный педагогъ, уже готовы были предположить въ вашемъ рѣчистомъ ученикѣ. Конечно, если вы перемѣните буквы чертежа, если вмѣсто треугольника A B C дадите треугольникъ L O R, то ученикъ докажетъ и по этому треугольнику,—но вы этимъ не обольщайтесь; это покажетъ вамъ только, что отрокъ заучилъ не буквы, а фигуру чертежа, потому что буквы заучиваютъ только тѣ нищіе духомъ, которые учатъ слово въ слово исторію, географію и другіе литературные предметы. Такія личности уже переводятся въ гимназіяхъ. А вы попробуйте измѣнить фигуру; предложите напримѣръ вмѣсто остроугольника — тупоугольникъ, или устройте такъ, чтобы заинтересованный въ доказательствѣ уголъ глядѣлъ не въ стѣну, какъ ему велѣно глядѣть по учебнику геометріи, а хоть-бы въ полъ или въ потолокъ. Сдѣлайте такъ, и я вамъ ручаюсь, что изъ десяти бойкихъ геометровъ пятаго класса, девять погрузятся въ безплодную и мрачную задумчивость. Они съ краской стыда на лицѣ сознаются вамъ, что «у нихъ этого нѣтъ», и если вы—немножко психологъ, то вамъ сдѣлается отъ души жалко бѣдныхъ юношей; вы поймете, что въ эту минуту ихъ законное самолюбіе страдаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ еслибы ихъ поймали на крупной шалости или уличили въ небрежности къ заданному уроку; имъ приходится признаться въ умственномъ безсиліи,—въ безсиліи, произведенномъ искусственными средствами, и они сами смутно чувствуютъ, что они могли-бы быть сильнѣе и что ихъ мѣстная тупость находится къ какой-то роковой связи съ своеобразными достоинствами системы преподаванія. Теперь намъ хорошо писать панегирикъ этой системѣ, но надо помнить, что она еще не отошла въ вѣчность и что было время, когда эта система была для насъ неотразимымъ рокомъ: мы изнемогали подъ ударами учебниковъ, мы чувствовали иногда, что тупѣемъ, а между тѣмъ исхода не было; отступленіе было невозможно. Именно такую тяжелую минуту сознательности переживутъ тѣ девять геометровъ, которымъ не понравится, чтобы уголъ отъ созерцанія стѣны перешелъ къ разсматриванью потолка Если-же они благополучно выпутаются изъ предложеннаго испытанія, тогда я не шутя совѣтую старшему педагогу, имѣющему власть, обратить все свое вниманіе на учителя математики и отмѣтить его въ своихъ начальническихъ соображеніяхъ, какъ опаснаго человѣка и безпокойнаго реформатора.

Не сѣтуйте на меня, читатель, за то, что я такъ долго говорилъ о математикѣ, и не удивляйтесь тому, что я вовсе не буду говоритъ о другихъ предметахъ гимназическаго курса. Отъ другихъ предметовъ и требовать нечего, но математика — наука великая, замѣчательнѣйшій продуктъ одной изъ благороднѣйшихъ способностей человѣческаго разума. Профанированіе математики есть преступленіе передъ разумомъ,—преступленіе, за которое несемъ наказаніе мы, невинныя жертвы своеобразныхъ достоинствъ. Если у насъ нѣтъ въ обществѣ строгихъ мыслителей, если наши критическія статьи бываютъ похожи на соображенія Кифы Мокіевича, если наши оптимисты смахиваютъ на Манилова, а добродѣтельные либералы—на Ситникова, то всѣ эти привычныя намъ чудеса происходятъ между прочимъ и отъ того, что чистую и прикладную математику мы одолѣваемъ памятью, а размышлять учимся впослѣдствіи, погружаясь въ историческія теоріи, въ философскія системы, въ юридическія фикціи, въ теологическія гипотезы и въ разныя другія извинительныя шалости досужаго и игриваго человѣческаго ума, Мы мыслимъ афоризмами и отыскиваемъ истину чутьемъ и инстинктомъ; исторія превратилась подъ нашими руками въ правоучительный романъ, преслѣдующій разныя заднія мысли, иногда хорошія, часто очень дурныя, но во всякомъ случаѣ неотносящіяся къ настоящему дѣлу: философія до сихъ поръ предъявляетъ права тираническаго господства надъ такими смирными умами, которые совершенно неподвижны въ покушеніи мыслить; юридическая литература вся наголо состоитъ изъ причитаній о законности и вмѣняемости,—изъ причитаній, которыхъ авторы поклялись торжественной клятвой никогда не отдавать отчета ни себѣ, ни другимъ—въ томъ, что̀ такое законность и до какихъ предѣловъ должна простираться вмѣняемость. Натуралисты наши, послѣдователи Мильнъ-Эдвардса и Катрфажа, до сихъ поръ любуются жизненной силой, толкуютъ о цѣляхъ въ природѣ и непритворно гордятся тѣмъ, что самый глупый человѣкъ все-таки умнѣе и привлекательнѣе самой умной обезьяны. Всѣ эти историки, метафизики, юристы и натурфилософы, составляющіе многочисленный и разнообразный классъ нашихъ филистеровъ, постоянно говорятъ и пишутъ, постоянно ссорятся и мирятся между собою, коварно соболѣзнуютъ другъ о другѣ, или дружелюбно свидѣтельствуютъ другъ другу свое почтеніе. Но человѣческая мысль сильна; порою вся пестрая сцена, набросанная мною въ послѣднихъ строкахъ, внезапно освѣщается яркимъ лучемъ чьей-нибудь неиспорченной мысли; тогда на лицахъ филистеровъ изображается недоумѣніе, безвредные споры ихъ умолкаютъ, взаимныя любезности прекращаются, въ пробившемся лучѣ мысли они всѣ чуютъ общаго врага,—составляется общій хоръ, и всѣ историки, юристы, политико-экономисты, метафизики и натурфилософы ревутъ благимъ матомъ, что новая мысль—совсѣмъ даже не мысль, а просто покушеніе на ихъ личную и имущественную безопасность, и хуже того—преступное посягательство на величіе патентованной науки, кото-

рая одинаково дорога имъ всѣмъ, какъ общая кормилица и вѣчная дойная корова.

Прислушайтесь, читатель, къ этому плачу и скрежету зубовъ, прислушайтесь и подумайте: вѣдь было же время, когда всѣ эти мужи науки и брани были сами юными геометрами; было время, когда они съ мѣломъ въ рукахъ стояли у школьной доски, краснѣли отъ стыда и досады и сознавали съ мучительной ясностью, что память ихъ напрягается до истощенія силъ и что въ это самое время непробужденная и неразвитая способность мышленія не можетъ ни на одну минуту поддержать и выручить ихъ въ борьбѣ съ неожиданными препятствіями. Теперь они это забыли; теперь на ихъ улицѣ праздникъ; теперь они заставляютъ краснѣть другихъ геометровъ и, работая въ обществѣ и въ литературѣ, словомъ и перомъ отстаиваютъ своеобразныя достоинства, отъ которыхъ имъ самимъ во время оно приходилось жутко-солоно. Усилія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ: наша учащаяся молодежь, воспользовавшись плодами ученія, распадается на двѣ рѣзко обозначенныя категоріи: направо идутъ овцы, неспособныя краснѣть; налѣво козлища, весьма способныя краснѣть, шалить и лѣниться. Первыя спокойно и радостно тупѣютъ, вторыя злятся и кусаютъ ногти. Изъ первыхъ выходятъ примѣрные чиновники, изъ вторыхъ — широкія натуры и иногда даровитые дѣятели. Разстояніе между тѣми и другими увеличивается съ каждымъ годомъ; различіе между обѣими категоріями постоянно становится глубже; не смотря на то, бываютъ иногда и такіе случаи, что геометръ, зачисленный въ овцы и постоянно считавшій себя овцой, вдругъ открываетъ въ себѣ козлиныя свойства и наклонности и, сдѣлавъ такое открытіе, немедленно перебѣгаетъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ. Случается и наоборотъ, тѣмъ болѣе, что овцой быть выгодно и пріятно.

IV.

Я принадлежалъ въ гимназіи къ разряду овецъ; я не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменахъ отвѣчалъ краснорѣчиво и почтительно, и въ награду за всѣ эти несомнѣнныя достоинства былъ признанъ «преуспѣвающимъ». Хотя я до сихъ поръ не сообщилъ фактическихъ подробностей о степени моего развитія, но я осмѣливаюсь думать что изъ всего того, что я наговорилъ, проницательный читатель уже составилъ себѣ приблизительное и притомъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что̀ я смыслилъ при поступленіи моемъ въ университетъ; скажу я ему еще, что любимымъ занятіемъ моимъ было раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ — романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма. Пробовалъ я читать «Исторію Англіи» Маколея, но чтеніе и подвигалось туго, и казалось мнѣ подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія естественныхъ силъ. На критическія статьи журналовъ я смотрѣлъ, какъ на кодексъ гіероглифическихъ надписей, прилагавшійся къ книжкѣ исключительно по заведенной привычкѣ, для вида и для счета листовъ; я былъ твердо убѣжденъ, что этихъ статей никто понимать не можетъ и что природѣ человѣка совершенно несвойственно находить въ чтеніи ихъ малѣйшее удовольствіе. Я долженъ признаться, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ журналамъ я даже до сего дня не исцѣлился отъ этого спасительнаго заблужденія.

Впрочемъ это въ скобкахъ. Началъ я также, будучи ученикомъ седьмаго класса, читать «Холодный Домъ», одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ романовъ Диккенса, и не дочиталъ. Длинно такъ, и много лицъ, и ничего не сообразишь, и приключеній никакихъ нѣтъ, и шумитъ такъ, что ничего не поймешь; такъ на томъ и оставилъ, порѣшивъ, что «Les trois mousquetaires» не въ примѣръ занимательнѣе. Ну, а русскіе писатели — Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ? Читатель, мнѣ стыдно за моихъ домашнихъ воспитателей, стыдно и за себя — зачѣмъ я ихъ слушалъ... Русскихъ писателей я зналъ только по именамъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» считались произведеніями безнравственными, а Гоголь — писателемъ сальнымъ и въ порядочномъ обществѣ совершенно неумѣстнымъ. Тургеневъ допускался, но конечно я понималъ его такъ-же хорошо, какъ понималъ геометрію, Маколея и Диккенса. «Записки Охотника» ласкали какъ-то мой слухъ, но остановиться и задуматься надъ впечатлѣніемъ было для меня немыслимо. Словомъ, я шелъ путемъ самаго благовоспитаннаго юноши... А между тѣмъ что-то манило меня въ университетъ, въ словахъ «студентъ, профессоръ, аудиторія, лекція» заключалась для меня какая-то необъяснимая прелесть; что-то свободное, молодое и умное чуялось мнѣ въ студенческой жизни; мнѣ хотѣлось не кутежей, не шалостей, а какихъ-то неиспытанныхъ ощущеній, какой-то дѣятельности, какихъ-то стремленій, которымъ я не могъ дать тогда ни имени, ни опредѣленія, но на которыя непремѣнно разсчитывалъ наткнуться въ стѣнахъ университета. Даже внѣшніе атрибуты студенчества казались мнѣ привлекательными; синій воротникъ, безвредная шпага, двуглавые орлы на пуговицахъ — все это нравилось мнѣ, какъ «вещественные знаки невещественныхъ отношеній». Въ то время, когда я, окончивши выпускной экзаменъ, обновлялъ студенческій сюртукъ, нѣкоторые изъ моихъ молодыхъ родственниковъ облекались въ самыя очаровательныя офицерскія формы; на каскахъ ихъ развѣвались султаны, сабли гремѣли, шпоры звенѣли, эполеты блестѣли, солдаты передъ ними вытягивались, а я все-таки не завидовалъ, и мои скромныя регаліи не те-

ряли въ моихъ глазахъ ни одного процента изъ своей неизмѣримой цѣны, несмотря на ослѣпительную блистательность «ихъ благородій».— Впрочемъ любовь моя къ университету была чувствомъ совершенно платоническимъ и даже пантеистическимъ: я любилъ университетъ и студенчество, какъ какое-то отдѣльное мірозданіе, а зналъ я это мірозданіе еще гораздо меньше, чѣмъ Данте свою Беатриче. Кромѣ того, любя этотъ міръ въ его совокупности, я не чувствовалъ никакого особеннаго влеченія къ тому или другому кругу наукъ; а такое влеченіе непремѣнно надо было почувствовать, потому что быть студентомъ вообще—такъже невозможно, какъ быть птицей или рыбой. Надо быть курицей, грачемъ, ястребомъ, окунемъ, щукой или карасемъ, а поступая въ университетъ, надо непремѣнно сдѣлаться студентомъ того или другого факультета. Это я зналъ, и потому, полюбовавшись на синеву воротника и на блескъ золоченаго эфеса шпаги, я въ одно мгновеніе ока произвелъ въ умѣ своемъ инспекторскій смотръ представлявшимся мнѣ факультетамъ. По математическому не пойду, потому что математику ненавижу и въ жизни своей не возьму больше въ руки ни одного математическаго сочиненія (читатель видѣлъ выше причины суровыхъ отношеній моихъ къ этому циклу наукъ); по естественному тоже не пойду, потому что и тамъ есть кусочекъ математики, да и физика почти то-же самое, что математика; юридическій факультетъ сухъ (это рѣшеніе можетъ показаться довольно отважнымъ, тѣмъ болѣе, что я тогда еще въ глаза не видалъ ни одного юридическаго сочиненія,—но я уже замѣтилъ прежде, что мы часто мыслимъ афоризмами: такъ случилось и со мною); въ камеральномъ факультетѣ нѣтъ никакой основательности (вотъ вамъ еще афоризмъ, который ничѣмъ не хуже предыдущаго.) Управившись такимъ образомъ съ четырьмя факультетами, я увидалъ, что передо мною остаются въ ожиданіи только два: историко-филологическій и восточный (медицинскаго не было въ томъ университетѣ, въ который я собирался поступить). Развѣ на восточный... Поѣхать при посольствѣ въ Турцію или въ Персію... жениться на азіатской красавицѣ... привезти ее въ Петербургъ и посадить въ національномъ костюмѣ въ ложу, въ бэль-этажѣ, въ итальянской оперѣ... Это впрочемъ пустяки... А вотъ что: вѣдь на восточномъ придется осиливать нѣсколько грамматикъ, которыя пожалуй будутъ похуже греческой... Ну, и Богъ съ нимъ!—значитъ, на филологическій. На томъ и покончилось размышленіе.

V.

Читатель конечно согласится со мною (не изъ одной только вѣжливости), что профессорамъ филологическаго факультета доставалось на долю въ моей особѣ настоящее сокровище. Я говорю не шутя. Подумайте: я былъ юнъ, понятливъ и совершенно нетронутъ. Имъ предстояло разработать дѣвственное поле; они могли обсѣменить меня всякимъ добромъ, возжечь во мнѣ всякія благородныя искры, вдунуть въ мое здоровое тѣло именно такую мысль и такую душу, которая наиболѣе приходилась имъ по вкусу. Всѣ эти обсѣмененія, возжиганія и вдуванія я принялъ-бы съ благоговѣйнымъ восторгомъ, съ пламенной благодарностью, съ фанатическимъ увлеченіемъ новопосвященнаго адепта. Вмѣстѣ со мною поступили въ университетъ личности всякаго разбора: были совершенные олухи, оставшіеся вѣрными своей природѣ вплоть до выхода изъ университета; были молодые фаты, уже испорченные великосвѣтскимъ элементомъ; были юноши себѣ на умѣ; были юноши тупосерьезные; были добрые ребята; были просто терпѣливые ослы; были наконецъ очень умные,—но навѣрное ни одинъ изъ всѣхъ этихъ юношей не соединялъ въ себѣ въ большей степени, чѣмъ я, тѣ два качества, которыя профессоръ, любящій свое дѣло, долженъ считать въ своемъ слушателѣ истинной драгоцѣнностью. Эти два качества—способность къ развитію и совершенная неразвитость—составляли все мое умственное достояніе въ то время, когда я вошелъ подъ священные своды храма наукъ. Благодаря этимъ качествамъ, каждый профессоръ могъ быть въ отношеніи ко мнѣ Христофоромъ Колумбомъ; онъ могъ открыть меня, водрузить въ меня свое знамя и обратить меня въ свою колонію, какъ землю, незаселенную и никому непринадлежащую. Новая колонія обрадовалась-бы несказанно и по первому востребованію въ неслыханномъ изобиліи стала-бы производить рѣпу, табакъ, сахарный тростникъ или хлопчатую бумагу, смотря по тому, какія сѣмена вздумалъ-бы отважный мореплаватель довѣрить ея нераспаханнымъ нѣдрамъ. Мало того, видя, что Колумбы не пристаютъ къ ея гостепріимнымъ берегамъ, колонія сама преодолѣла свою робость и отправилась искать себѣ завоевателей и цивилизаторовъ; повторилась исторія новгородскихъ славянъ и варяго-руссовъ. Но все это мы еще увидимъ. Попавши въ общество студентовъ-филологовъ, я впервые услышалъ такія вещи, которыя заставили меня задуматься. Трое или четверо изъ нихъ уже отмежевали себѣ ту или другую науку для спеціальныхъ занятій; другіе говорили, что выборъ ихъ еще не установился, но что вотъ они читаютъ то и то, и при этомъ размышляютъ такъ и такъ. Говорили объ исторической критикѣ, объ объективномъ творчествѣ, объ основѣ миѳовъ, объ отраженіи идей въ языкѣ, о гриммовскомъ методѣ, о міросозерцаніи народныхъ пѣсенъ; ухитрялись даже спорить; къ ужасу моему, разсуждали о тѣхъ критическихъ и ученыхъ статьяхъ въ журналахъ, которыя были мнѣ недоступны, какъ полярные льды: произно-

сили имена Соловьева, Кавелина, Буслаева, Срезневскаго и Нибура, Чичерина и Шафарика, Грановскаго и Вильгельма Гумбольдта; сумбуру именъ соотвѣтствовалъ сумбуръ идей; о родовомъ и общинномъ бытѣ толковали, а я только моргалъ глазами и даже не пытался скрыть того, какъ глубоко удручаетъ меня болѣзненное сознаніе моего вынужденнаго безгласія. Теперь я двухъ грошей не далъ-бы за то, что̀ говорилось тогда, тѣмъ болѣе, что говорившій рѣдко понималъ самого себя, а спорившіе уже рѣшительно никогда не понимали другъ друга, такъ что споръ прекращался только началомъ лекціи или охриплостью воюющихъ сторонъ. Но тогда... о, тогда я изнывалъ отъ своего безсилія и томился мучительной духовной жаждой, воображая себѣ, что кругомъ меня люди угощаютъ другъ друга чистѣйшимъ нектаромъ. Понятно, что каждая лекція казалась мнѣ усладительной каплей небесной росы, и понятно также, что эти росинки тотчасъ впитывались и безслѣдно исчезали въ аравійской пустынѣ моего невѣжества.

Первой изъ такихъ росинокъ была для меня лекція профессора Креозотова. Креозотовъ былъ человѣкъ замѣчательный. Надъ нимъ смѣялись въ совѣтѣ университета его товарищи профессора, надъ нимъ смѣялись его слушатели, надъ нимъ навѣрное смѣялся въ душѣ даже тотъ сторожъ, который въ университетскихъ сѣняхъ снималъ съ него шубу или пальто. Но Креозотовъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать всѣхъ этихъ тайныхъ и явныхъ смѣховъ и, не смущаясь ничѣмъ, твердой поступью направлялся къ избранной цѣли, т. е. къ выслугѣ въ пенсіонъ полнаго оклада жалованья. Служилъ онъ съ упорнымъ усердіемъ и, занимая каѳедру исторіи, дѣйствительно читалъ всякую исторію, какую назначатъ, то древнюю, то русскую, то новѣйшую. Еслибы ему поручили читать спеціальную исторію Букеевской орды или Абиссинской имперіи, то это-бы его нисколько не затруднило. Даже въ такомъ экстренномъ случаѣ у него нашлась-бы готовая тетрадка, написанная лѣтъ двадцать тому назадъ на такой синей бумагѣ, какую теперь нельзя найти ни въ одной бумажной лавкѣ. Служебное усердіе сопровождало Креозотова на лекцію и вмѣстѣ съ нимъ садилось на каѳедру; профессорскій паѳосъ его былъ разнообразенъ, какъ сама природа; онъ кряхтѣлъ отъ душевнаго напряженія, онъ изнывалъ и становился пѣвучимъ, когда герои его страдали или сходили въ могилу; онъ откидывался на спинку кресла, уводилъ ротъ въ сторону и придавалъ своей красной физіономіи шаловливое выраженіе, когда его героини спотыкались на пути добродѣтели и когда такимъ образомъ игривый эротическій анекдотъ прерывалъ собою величественное теченіе исторической жизни. Онъ лицедѣйствовалъ на каѳедрѣ, онъ разыгрывалъ, а не читалъ свои тетрадки, и, какъ слѣдовало ожидать, слушатели сначала недоумѣвали, потомъ смѣялись, наконецъ переставали посѣщать его лекціи, изрѣдка показывались въ его аудиторіи, ради соблюденія приличій, и заводили между собой очередь, чтобы на нѣсколько человѣкъ имѣть для экзамена по крайней мѣрѣ одинъ полный экземпляръ Креозотовскихъ записокъ.

Ученость Креозотова была такъ-же обширна, какъ велика была его типичность. Онъ не пропускалъ ни одного магистерскаго диспута, относящагося къ филологическому факультету. На каждомъ диспутѣ онъ дѣлалъ множество возраженій и замѣчаній очень безплодныхъ, микроскопически мелкихъ, но тѣмъ болѣе показывавшихъ, что спеціальный вопросъ, разработанный магистрантомъ, извѣстенъ ему по источникамъ, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. И это обиліе знаній лежало точно въ сундукѣ; единственнымъ ученымъ сочиненіемъ Креозотова была какая-то славянская миѳологія: выпустивъ ее въ свѣтъ, Креозотовъ весь ушелъ въ свои синія тетрадки и всѣ свои духовныя силы посвятилъ кряхтѣнію и мимическому искусству. Мы слушали его древнюю исторію вмѣстѣ съ камералистами, но онъ объявилъ, что для насъ, филологовъ, будетъ еще читать отдѣльно исторію древней географіи. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Что это такое было — этого я и выразить не въ состояніи. Тутъ уже не было ни героическихъ смертей, ни эротическихъ грѣховъ, ни мимическаго искусства. Осталось одно кряхтѣніе. Въ первый разъ, когда онъ пришелъ читать этотъ длинный списокъ собственныхъ именъ, его поразила наша малочисленность, которая тѣмъ рѣзче бросилась въ глаза, что занимаемая нами аудиторія была очень обширна. При этомъ удобномъ случаѣ онъ разсказалъ намъ слѣдующій историческій анекдотъ. — Одинъ мудрецъ вошелъ въ небольшой городъ, въ которомъ были очень большія ворота. Увидѣвъ это обстоятельство, мудрецъ обратился къ гражданамъ и сказалъ: «я боюсь, чтобы вашъ городъ не ушелъ черезъ ваши ворота».— Неожиданно для самого Креозотова, анекдотъ этотъ оказался пророчествомъ: въ одинъ прекрасный день городъ дѣйствительно ушелъ и мудрецъ увидѣлъ только одни большія ворота. Дѣло въ томъ, что терпѣніе наше истощилось, и мы сговорились пренебречь исторіей древней географіи и разойдтись по домамъ. До совершенія этого героическаго поступка мы однако выслушали около дюжины лекцій. Креозотовъ успѣлъ приглядѣться къ нашимъ лицамъ, узналъ наши фамиліи и неоднократно разговаривалъ съ каждымъ изъ насъ. Сблизившись съ нами такимъ образомъ, онъ однажды предложилъ намъ предпринять общую работу. Я навострилъ уши. Предложеніе Креозотова состояло въ томъ, чтобы общими силами перевести съ греческаго географическое сочиненіе Страбона. По окончаніи перевода Креозотовъ обязывался свѣрить его съ

подлинникомъ, подвергнуть его одной общей редакціи и издать, съ признательностью упомянувъ въ предисловіи фамиліи даровитыхъ и добросовѣстныхъ переводчиковъ. Предложеніе было принято. Предусмотрительный профессоръ, захватившій съ собою экземпляръ Страбона, для того чтобы ковать желѣзо, пока оно было горячо, тотчасъ предъявилъ принесенную книгу, разрѣзалъ ее на восемь частей, по числу завербованныхъ переводчиковъ, и вручилъ каждому желающему по пяти печатныхъ листовъ довольно мелкаго греческаго текста. Я конечно ревностно началъ переводить, и потому могу объяснить читателю, что̀ это была за работа. Представьте себѣ, что какой-нибудь господинъ раскрылъ передъ вами атласъ, взялъ въ руки указку и, водя ею взадъ и впередъ по картѣ, разсказываетъ вамъ, что вотъ это мысъ А, а въ двухъ верстахъ отъ него заливъ В, а въ заливъ этотъ впадаетъ рѣка С, а по рѣкѣ С стоятъ города D, E и F, и т. д., и все въ томъ-же родѣ. Это строгое изложеніе разнообразится порою краткимъ историческимъ намекомъ на сраженіе, происшедшее по близости, или на богослужебные обряды, совершавшіеся гдѣ-нибудь въ священной рощѣ... Вотъ и все. И такихъ прогулокъ по атласу набирается листовъ до сорока, а мнѣ предстояло перевести пять листовъ, т. е. 80 страницъ. Читатель понимаетъ конечно, какъ сильно такая работа могла обогатить мой умъ, и какъ необходимо было для русской публики получить изданіе Страбона въ русскомъ переводѣ. Чѣмъ дальше подвигалась моя работа, тѣмъ снисходительнѣе я начиналъ смотрѣть на нашихъ трехъ индепендентовъ. Дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, расклеилось. Креозотовъ собралъ растерзанныя части своего Страбона и отдалъ ихъ въ переплетъ.

VI.

Въ то время, когда мы еще тянули лямку, возложенную на насъ почтеннымъ профессоромъ, я вздумалъ обратиться къ Креозотову за совѣтомъ. Краснѣя отъ волненія, я покаялся ему, что желаю спеціально заняться исторіей, и убѣдительно просилъ его объяснить мнѣ, какъ надо поступать въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Выслушавъ мою исповѣдь, Креозотовъ тотчасъ посовѣтовалъ мнѣ читать энциклопедію Эрша и Грубера, и кромѣ того читать источники древней исторіи—Геродота, Фукидида, Плинія, Ксенофонта, Тита Ливія, Діодора Сицилійскаго, Діона Кассія и т. д. Я горячо поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и немедленно побѣжалъ въ университетскую библіотеку.

— Позвольте мнѣ взять на домъ энциклопедію Эрша и Грубера, сказалъ я нашему библіотекарю.

На лицѣ библіотекаря выразилось удивленіе.

— Книги, служащія для справокъ, отвѣтилъ онъ мнѣ очень вѣжливо:—на домъ не выдаются. Вы можете пользоваться ими здѣсь. Какую вамъ надобно букву?

Я не имѣлъ основанія предпочитать одну букву другой, и потому совершенно безпристрастно назвалъ букву А.

Тогда библіотекарь повелъ меня за собою въ одну длинную галлерею и указалъ мнѣ длинный рядъ большихъ и толстыхъ книгъ, стоявшихъ на паркетѣ въ стройномъ алфавитномъ порядкѣ. Не помню, сколько ихъ было—тридцать, сорокъ или пятьдесятъ, но знаю, что ихъ было очень много, и что это зрѣлище привело меня въ трепетъ; я взялъ первую книгу съ лѣваго фланга и увидалъ, что буква А далеко не исчерпывается этимъ томомъ, который однако оттягивалъ мнѣ руки. Передо мной лежалъ знаменитый нѣмецкій энциклопедическій лексиконъ Ersch und Gruber, и конечно я на первыхъ страницахъ его нашелъ то, что обыкновенно находится въ такихъ книгахъ. Рѣка Аа, слово Aal (угорь), рѣка Aar, кантонъ Aargau и т. д. Собирать свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ было конечно любопытно, а прочитать и сохранить въ памяти всю энциклопедію Ersch und Gruber значило-бы сдѣлаться восьмымъ чудомъ свѣта; но тѣмъ не менѣе чувство самосохраненія взяло верхъ надъ этими заманчивыми соображеніями. Я разсчиталъ, что мнѣ пришлось-бы читать Эрша и Грубера лѣтъ десять, и потомъ, по окончаніи послѣдняго тома, снова приняться за первый, который въ это время успѣлъ-бы еще разъ пріобрѣсти для меня всю прелесть новизны. Прочитавъ энциклопедію разъ пять отъ начала до конца, я могъ-бы сказать, что жизнь моя наполнена и что я могу умереть спокойно, совершивши въ земной жизни то, чего до меня еще не совершалъ ни одинъ здравомыслящій смертный. Совѣтъ Креозотова обогатилъ меня такимъ образомъ слѣдующими опытными знаніями: во-первыхъ я узналъ, что книги, служащія для справокъ, на домъ не выдаются; во-вторыхъ я узналъ, что существуетъ нѣмецкая энциклопедія Эрша и Грубера, что она очень велика и годится для справокъ; въ-третьихъ я узналъ, что пріобрѣтать историческія свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ и въ перемежку со всякими другими свѣдѣніями—оригинально, но неудобно; въ-четвертыхъ я пріобрѣлъ то драгоцѣнное убѣжденіе, что профессора университета могутъ иногда подавать совѣты, приводящіе въ недоумѣніе.

Совѣтомъ своимъ Креозотовъ заронилъ въ меня ядовитое зерно скептицизма. Изъ злого сѣмени выросла гибельная жатва. Теперь, если кто-нибудь рѣшится упрекать меня въ нигилизмѣ, я тотчасъ укажу моему обидчику на Креозотова и скажу: вотъ мой первый наставникъ! Спросите у него,—пусть онъ отвѣтитъ вамъ за мою погибшую душу.

Испытавъ неудачу на энциклопедіи, я тѣмъ не менѣе попробовалъ примѣнить къ дѣлу второй совѣтъ того-же коварнаго профессора. Я

взялъ къ себѣ на домъ творенiе Геродота во французскомъ переводѣ и началъ его читать. Тутъ конечно никакихъ трудностей не представлялось, но дѣло было столько-же безплодно, сколько легко. Всякому человѣку, имѣющему понятiе о серьезныхъ и послѣдовательныхъ умственныхъ занятiяхъ, хорошо извѣстно, что историческiе источники должны читаться съ спецiальной цѣлью изслѣдованiя людьми уже развитыми, способными бросить на эпоху критическiй взглядъ и желающими провѣрить и дополнить изысканiя своихъ предшественниковъ. Что-же касается до птенцовъ, подобныхъ мнѣ, то имъ надо читать историческiя сочиненiя и изслѣдованiя, въ которыхъ факты приведены въ порядокъ, сгруппированы и освѣщены критическими трудами мыслящихъ историковъ. Это я говорю для тѣхъ птенцовъ, которыхъ обуреваетъ неистовое желанiе съ юныхъ лѣтъ посвятить себя историческому изученiю. Я съ своей стороны такого желанiя во всякомъ случаѣ не одобряю, потому что, по крайнему моему разумѣнiю, исторiя вообще не такая наука (если только она наука, что̀ требуетъ доказательствъ), которая могла-бы укрѣпить и сформировать молодое мышленiе. Но допустимъ то, чего нѣтъ никакой надобности допускать,—что влеченiе юности къ исторiи порывисто и неудержимо, какъ эксцентрическое желанiе беременной женщины, то и въ этомъ случаѣ перепрыгнуть съ учебника Смарагдова на чтенiе Геродота—значитъ броситься изъ огня въ полымя или, гораздо вѣрнѣе, изъ мелкаго болота въ глубокую трясину. Я поясню это параллелью. Студенту медицины необходимо впродолженiи нѣсколькихъ лѣтъ возиться съ трупами; но если кромсать мертвыхъ людей и животныхъ начнетъ джентльмэнъ, не имѣющiй никакого предварительнаго понятiя объ анатомiи, то онъ изъ этого кромсанiя вынесетъ только впечатлѣнiя дурного запаха гнилой крови и разлагающагося мяса. Конечно первый анатомъ ни у кого не учился. Да и первый портной, по справедливому замѣчанiю госпожи Простаковой, тоже ни у кого не учился. «Да онъ можетъ-быть и работалъ хуже меня», отвѣчаетъ на это простаковскiй Тришка, который такимъ образомъ произноситъ безапеляцiонный приговоръ надъ глубокомысленнымъ совѣтомъ профессора Креозотова. Вы скажете можетъ-быть, что параллель моя невѣрна, потому что предполагаемый джентльмэнъ не имѣетъ понятiя объ анатомiи, а питомецъ Смарагдова до нѣкоторой степени знаетъ исторiю. Ну, да. Джентльмэнъ, войдя въ анатомическiй театръ, узнаетъ голову, руку, ногу, — и питомецъ, читая Геродота, узнаетъ Кира, Камбиза, Креза. Но трупы разсѣкаются не для того, чтобы убѣдиться въ существованiи головы, руки и ноги, а историческiе источники читаютъ добрые люди не для того, чтобы любоваться именами Кира, Камбиза и Креза. Значитъ, параллель вѣрна, и больше объ ней толковать нечего. Совѣтъ Креозотова имѣлъ въ себѣ еще одну опасную сторону, которая могла сдѣлаться гибельной для молодого человѣка, способнаго удручать плоть и мозгъ во имя величiя и славы науки. Еслибы Креозотовъ рекомендовалъ историческiя сочиненiя Грота (не того, который пишетъ въ «Русск. Вѣстн.»), Нибура, Моммзена, Дункера и т. п., то для студента оставался-бы шансъ спасенiя. У него явились-бы въ мозгу идеи, обогащающiе взгляды, попытки самостоятельнаго мышленiя. Прочтя двѣ-три книги, онъ могъ-бы оглянуться на самого себя, могъ-бы довольно правильно поставить и разрѣшить въ умѣ своемъ вопросъ: дѣйствительно-ли историческiя занятiя составляютъ потребность его природы? Но чтенiе Геродота и Фукидида отрѣзывало всякое отступленiе. Студентъ читаетъ одного писателя, читаетъ другого, и все не становится умнѣе, и все ждетъ проясненiя своего мозга, и все громоздитъ факты на факты, и вдругъ, нежданно-негаданно для самого себя, въ одно прекрасное утро оказывается туго-набитымъ историческимъ чемоданомъ, совершенно подобнымъ своему прототипу и возлюбленному руководителю. Для меня подобная опасность не существовала. Я никогда не могъ долго заниматься тѣмъ, что̀ не доставляло мнѣ умственнаго наслажденiя. Столпники и аскеты науки называютъ такихъ людей диллетантами и шарлатанами. Это свойство моей натуры можетъ-быть очень дурно, но для меня оно во многихъ случаяхъ было чрезвычайно полезно. Всякiй разъ, какъ я съ добродѣтельнымъ жаромъ думалъ посвятить себя какой-нибудь кретинизирующей дѣятельности, неумолимый демонъ умственнаго эпикуреизма насильно вырывалъ у меня работу изъ рукъ и деспотически сопротивлялся моему добросовѣстному стремленiю поглупѣть. Кончилось тѣмъ, что я махнулъ рукой и навсегда отказался отъ невозможной борьбы съ бѣсовскими прелестями. Но дошелъ я до этого результата не вдругъ, и читатель увидитъ, что не одинъ Креозотовъ снабжалъ меня совѣтами—сдѣлаться идiотомъ.

VII.

Кромѣ Креозотова, у насъ было еще двое преподавателей исторiи. Я не обращался къ нимъ за совѣтами, но слушалъ въ разныя времена ихъ лекцiи, и нахожу, что легкiй очеркъ ихъ дѣятельности заслуживаетъ вниманiя людей, интересующихся ходомъ образованiя въ нашихъ университетахъ. Во-первыхъ рекомендую вамъ приватъ-доцента Кавыляева. Онъ молодъ лѣтами, но великъ своими достоинствами; уступая Креозотову въ эрудицiи и мимической виртуозности, онъ далеко превосходитъ его утомительностью лекцiй. По скромности, свойственной молодому ученому, онъ всегда выбираетъ себѣ руководи-

теля и, прилѣпившись къ какому-нибудь одному историческому сочиненію, съ неизмѣннымъ постоянствомъ извлекаетъ изъ него всѣ свои лекціи на цѣлый академическій годъ. Составленныя такимъ образомъ записки идутъ безъ измѣненія на продовольствованіе слѣдующаго курса студентовъ; и такъ какъ нѣтъ причины останавливаться на этомъ пути, то есть основаніе надѣяться, что современемъ записки Кавыляева составятъ такую-же палеонтологическую диковинку, какую въ настоящее время уже составляютъ знаменитыя синія тетрадки Креозотова. Кавыляевъ читалъ намъ исторію среднихъ вѣковъ по сочиненію Гизо: «Исторія цивилизаціи во Франціи». Выборъ самъ по себѣ очень позволителенъ, но замѣчательно, что острый и живой анализъ великаго доктринера дѣлался совершенно незамѣтнымъ въ чтеніи маленькаго приватъ-доцента. Самая связь идей терялась въ его безучастной, апатической передачѣ. Еслибы вы заставили деревенскаго дьячка прочесть вслухъ рѣчь Эдмонда Берка или графа Мирабо, то волненіе англійской палаты общинъ или французскаго учредительнаго собранія вѣроятно осталось-бы для васъ совершенно необъяснимымъ. Именно такую горькую долю терпѣло сочиненіе Гизо въ рукахъ Кавыляева. Не думайте, что я говорю о голосѣ или дикціи,—объ этихъ мелочахъ не стоило-бы заботиться; тутъ дѣло идетъ о пониманіи. Когда человѣкъ выражаетъ передъ вами свою мысль или мысль чужую, но вполнѣ усвоенную имъ, и слѣдовательно развивающуюся изъ головы его, а не изъ тетради, тогда онъ непремѣнно оживляется и непремѣнно передаетъ вамъ часть этого оживленія; тогда даже чужая мысль принимаетъ на себя отпечатокъ его личности и пріобрѣтаетъ хоть частицу той живучести, которую она имѣла въ первобытномъ своемъ источникѣ. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ читающій совершенно равнодушенъ къ тому, что̀ онъ читаетъ, тамъ чтеніе самаго занимательнаго произведенія превращается въ усыпительное журчаніе. Такъ дѣйствительно и было,—и лекціи Кавыляева были гораздо невыносимѣе лекцій Креозотова. Креозотовъ читалъ Креозотова, и слѣдовательно глубоко понималъ его и могъ даже изображать его въ лицахъ, а Ковыляевъ читалъ Гизо, который при всѣхъ своихъ политическихъ и теоретическихъ заблужденіяхъ былъ все-таки неизмѣримо великъ для Кавыляевскаго пониманія; слѣдовательно... слѣдовательно, тотъ студентъ, который не желалъ среди лекціи припасть головой къ столу и унестись въ царство сновидѣній, долженъ былъ тщательно обходить аудиторію Кавыляева.

Когда мы перешли на третій курсъ, тотъ-же драгоцѣнный Кавыляевъ сталъ читать намъ новую исторію или, точнѣе, біографію Лютера, началу которой онъ предпослалъ кое-какія подробности объ эпохѣ возрожденія. Руководителемъ Кавыляева былъ историкъ реформаціи Мерль д'Обинье (Merle d'Aubigné). На этотъ разъ все было одинаково хорошо. Достоинство выбора соотвѣтствовало достоинству изложенія. Минуя множество замѣчательныхъ европейскихъ историковъ, нашъ приватъ-доцентъ отыскалъ себѣ родственную душу въ райкѣ исторической литературы. Этотъ Мерль д'Обинье оказался протестантскимъ піэтистомъ и мистикомъ. На жизнь и дѣятельность Лютера онъ смотрѣлъ, какъ на житіе святого угодника и чудотворца; въ каждомъ поступкѣ своего героя онъ усматривалъ спеціальное выраженіе воли божіей и, стараясь обратить своего читателя къ такимъ-же возвышеннымъ умозрѣніямъ, собралъ въ своемъ многотомномъ сочиненіи всякіе анекдоты и сплетни о Лютерѣ и его сподвижникахъ. Тутъ разсказывалось и то, по скольку разъ въ день отецъ Лютера сѣкъ маленькаго Мартина, и то, что̀ Мартинъ въ монастырѣ дѣлалъ, и то, какъ онъ въ Римѣ ползалъ на колѣнкахъ по каменной лѣстницѣ, и то, какіе сны видѣлъ курфирстъ Фридрихъ Мудрый, и то, какъ одна баба индульгенцію покупала, и многое множество всякихъ другихъ достопримѣчательностей. Конечно все это, какъ черезъ водопроводную трубу, текло черезъ уста Кавыляева въ наши записки. И все это мы должны были, не краснѣя за самихъ себя и не смѣясь надъ нашимъ наставникомъ, прилично казеннымъ языкомъ излагать на переходномъ и выпускномъ экзаменѣ. И это называлось новой исторіей и должно было давать намъ понятіе о томъ, какъ сложились бытовыя и политическія формы теперешнихъ обществъ! Читатель видитъ, что ядовитое зерно скептицизма, зароненное въ мою чистую душу хитрымъ Креозотовымъ, не могло чувствовать недостатка въ питательныхъ матеріалахъ и въ благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ.

Въ началѣ осени 1858 года возвратился изъ двухлѣтней заграничной отлучки экстраординарный профессоръ исторіи Ироніанскій. На него наше студенчество возлагало самыя блестящія надежды. Онъ былъ сверстникомъ Кавыляева, но уже давно обогналъ его въ своей ученой карьерѣ. Первыя лекціи его послѣ возвращенія изъ заграницы привлекли въ аудиторію его множество слушателей. Студенты, пришедшіе на лекцію изъ любопытства, оставались совершенно удовлетворенными, а обязательные слушатели Ироніанскаго были въ восторгѣ отъ своего профессора, поддразнивали тѣхъ, кому приходилось дремать подъ звуки Кавыляева, и жаловались только на то, что мѣста на скамейкахъ приходится занимать заранѣе и что въ огромной аудиторіи становится тѣсно и душно. Словомъ, успѣхъ Ироніанскаго могъ удовлетворить самое щекотливое самолюбіе. Ему даже апплодировали, и онъ, какъ нѣкогда Гизо, благодарилъ своихъ слушателей, и въ то-же время просилъ ихъ никогда не выражать ему такимъ образомъ ихъ сочувствія.

Сравнительное достоинство его лекцій было дѣйствительно велико. Онъ выражался языкомъ современной науки; видно было, что онъ понимаетъ то, чтó говоритъ, и умѣетъ высказать то, чтó думаетъ. Каждая лекція его заключала въ себѣ какую-нибудь идею, связывающую или по крайней мѣрѣ пытающуюся связать между собою сообщаемые факты. Этого уже было достаточно для слушателей, привыкшихъ къ античности Крезотова и къ олимпійскому спокойствію Кавыляева. Единственный недостатокъ, который можно было замѣтить въ наружной формѣ изложенія Ироніанскаго, заключался въ его профессорскомъ щегольствѣ, въ его умственной кокетливости, въ его постоянномъ усиліи говорить остроумно и изображать цивилизованнаго европейца, трактующаго d'égal à égal съ генералами и министрами ученаго міра. Конечно онъ не говорилъ, что дружески знакомъ съ Маколеемъ, пилъ чай у Моммзена, или спорилъ о политикѣ съ Зибелемъ; о подобныхъ вещахъ и Хлестаковъ могъ-бы разсказывать только женѣ городничаго; но неистовое желаніе ослѣпить слушателей оригинальностью и богатствомъ своихъ заграничныхъ впечатлѣній, наблюденій и изслѣдованій пробивало себѣ широкую дорогу всякій разъ, какъ только представлялась къ тому малѣйшая возможность. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда онъ объявилъ студентамъ, что будетъ читать три раза лекціи: publica (общій курсъ), privata (частный) и privatissima (самый частный). Въ самомъ частномъ курсѣ онъ обѣщалъ представить образчикъ исторической критики, и дѣйствительно началъ разбирать очень подробно сочиненія Луитпранда, лѣтописца X вѣка. Историческая критика Ироніанскаго не привела къ особенно плодотворнымъ результатамъ, не обнаружила въ изслѣдователѣ обширной эрудиціи и даже не показала намъ какихъ-нибудь замѣчательныхъ критическихъ пріемовъ. Ироніанскій просто разсказывалъ подробно содержаніе сочиненій и біографію автора, потомъ ловилъ Луитпранда въ противорѣчіяхъ, которыя были очень замѣтны, и уличалъ его въ пристрастіи къ Оттону, открывая такимъ образомъ обстоятельство, уже давно извѣстное и неподлежащее никакому сомнѣнію. Стало быть, ученой заслуги тутъ не было, а собственно для студентовъ личность и дѣятельность Луитпранда не могла представлять особеннаго интереса, потому что сотни болѣе крупныхъ историческихъ личностей и болѣе выразительныхъ фактовъ оставались для нихъ въ смарагдовскомъ и зуевскомъ полумаркѣ. Да и зачѣмъ было разгораживать курсъ на три отдѣленія?

И зачѣмъ было огородъ городить,
И зачѣмъ было капусту садить?..

Нельзя. Европеизмъ одолѣлъ. Гдѣ-нибудь въ Боннѣ или въ Гейдельбергѣ такъ дѣлается, и въ Царевококшайскѣ давай такъ дѣлать. Надо-же было Ироніанскому заявить, что онъ съ министрами знакомство имѣетъ. Не упускалъ также щеголеватый профессоръ случая упомянуть, какъ онъ собственной своей особой стоялъ или сидѣлъ на подлинномъ мѣстѣ того или другого мироваго событія. При этомъ изливались описательныя подробности, которыя, во-первыхъ, нисколько не объясняли разсматриваемаго факта, а, во-вторыхъ, съ удобствомъ могли быть отысканы въ карманномъ гидѣ. Но все это были мелкія слабости, а въ профессорской дѣятельности Ироніанскаго были и болѣе серьезные факты. Случилось мнѣ однажды съ большимъ удовольствіемъ прослушать лекцію Ироніанскаго, въ которой онъ, стараясь опредѣлить обязанности историка вообще, въ связи съ этой темой разбиралъ историческую и критическую дѣятельность Маколея. Конечно Маколей представлялся ему богомъ исторіи, сошедшимъ на землю единственно для того, чтобы научить людей искусству писать историческія монографіи и критическія статьи. Несмотря на хвалебное направленіе своей лекціи, Ироніанскій оцѣнилъ однако умно и мѣтко особенности и достоинства критическаго таланта Маколея; замѣтилъ даже слабость Маколея, какъ отвлеченнаго мыслителя; доказалъ, почему эта слабость, обнаруживающаяся въ его этюдѣ о Бэконѣ, не вредитъ ему, какъ историку, и очень основательно подкрѣпилъ всѣ свои положенія и выводы довольно обширными и очень удачно выбранными цитатами изъ сочиненій разбираемаго писателя. Вся лекція произвела на слушателей самое стройное впечатлѣніе, несмотря даже на то, что Ироніанскій, ради заграничности и щегольства, называлъ Маколея—*Мэкаулей.* Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Ироніанскій съ большимъ успѣхомъ прочелъ въ большой университетской залѣ, при значительномъ стеченіи публики, двѣ публичныя лекціи о состояніи французскихъ провинцій при Людовикѣ XIV. Источникомъ своимъ онъ объявилъ сочиненіе Флешье: «Les grands jours d'Auvergne». Публика осталась очень довольна, и дѣйствительно во всемъ, что я до сихъ поръ разсказывалъ, нельзя замѣтить ровно ничего предосудительнаго. Но «мой злобный геній» непремѣнно хотѣлъ превратить меня въ скептика. Случилось мнѣ купить одну французскую книжку: «Essais de critique et d'histoire par H. Taine» («Историческіе и критическіе опыты» Тэна). Въ этой хорошей книжкѣ заключались статьи о Гизо, о Мишле, о Теккереѣ, Монталамберѣ, и между прочими о Маколеѣ и о Флешье. Когда я добрался до Маколея, то изумленію моему не оказалось границъ *). Читаю и глазамъ не вѣрю: она, она, моя голубушка, блестящая лекція Ироніанскаго

*) Такое-же изумленіе постигло меня однажды при чтеніи лекцій Вызинскаго объ Англіи въ XVIII столѣтіи, когда я увидѣлъ, что характеристика Мэльборо цѣликомъ взята изъ романа Теккерея: «Генри Эсмондъ».

Маколеѣ; тѣ-же идеи, тотъ-же порядокъ изложенія, тѣ-же цитаты, даже обороты рѣчи и образы тѣ же самые; предположить случайное сходство нѣтъ никакой возможности, самое упорное сомнѣніе должно уступить очевидности. Зиждущій талантъ Ироніанскаго оказывается чужимъ талантомъ, внимательное изученіе Маколея оказывается призракомъ; павлиныя перья взяты на прокатъ, да еще безъ спросу; блестящая лекція нечто иное, какъ тайный переводъ съ французскаго. Ну, подумалъ я, посмотримъ, что̀ такое Флешье? Подозрѣнія мои оправдались. Обнаружилось, что публичныя лекціи тоже были взяты на прокатъ, а магазинъ, снабдившій ими цивилизованнаго европейца, былъ тщательно скрытъ отъ публики, потому-де, что совѣстно русскому профессору открыто пользоваться идеями легкаго французскаго критика, ну, а тайкомъ поживиться всегда пріятно и неубыточно. Еще въ одномъ случаѣ мнѣ удалось убѣдиться въ ученой безцеремонности профессора Ироніанскаго. Въ 1860 году ему пришлось задавать тему для сочиненія на медаль. Онъ задалъ тему изъ исторіи послѣднихъ вѣковъ язычества и въ отчетѣ объ университетскомъ актѣ было напечатано, вмѣстѣ съ объявленіемъ этой темы, указаніе на два пособія: во-первыхъ, на сочиненіе Чирнера «Der Fall des Heidenthums» (паденіе язычества), во-вторыхъ, на изслѣдованіе Ироніанскаго объ Александрѣ Авонотихитѣ, одномъ изъ ложныхъ чудотворцевъ и пророковъ язычества. Я, съ свойственнымъ мнѣ добродушіемъ, послѣдовалъ этому указанію и немедленно убѣдился въ томъ, что изслѣдованіе Ироніанскаго упомянуто въ отчетѣ объ актѣ исключительно ради щегольства, потому что оно не изслѣдованіе, а очень малограмотное извлеченіе изъ указанной книги Чирнера. Между прочими красотами я запомнилъ слѣдующее мѣсто. «Неронъ,—пишетъ Ироніанскій,—приказалъ перенести 500 желѣзныхъ статуй»... Желѣзныхъ статуй! Слыхали-ли вы когда-нибудь, читатель, чтобы въ древности или когда-бы то ни было выдѣлывались желѣзныя статуи? Какъ же это? Ковали ихъ, что ли? Отыскиваю соотвѣтствующее мѣсто у Чирнера и нахожу тамъ: «500 eherne Säulen». Дѣло объясняется просто. Это значитъ, по мнѣнію всѣхъ людей, знающихъ нѣмецкій языкъ: «500 мѣдныхъ колоннъ». Значитъ, Ироніанскій, кромѣ нетвердаго знанія нѣмецкаго языка, обнаружилъ еще небрежность въ работѣ и изумительное непониманіе древней техники. Изобрѣсти желѣзныя статуи, да еще цѣлыхъ пятьсотъ, и сохранить до сихъ поръ репутацію ученаго человѣка, это, милостивые государи, такой пассажъ, который возможенъ только у насъ, въ Россіи. И замѣтьте притомъ, что эти жрецы науки, тайно переводящіе съ французскаго и неудачно переводящіе съ нѣмецкаго, взираютъ съ высоты величія на литераторовъ и журналистовъ, на диллетантовъ, неспособныхъ удовлетворять серьезнымъ умственнымъ требованіямъ общества. Замѣтьте, что именно эти изобрѣтатели желѣзныхъ статуй всѣхъ громче разсуждаютъ о достоинствѣ науки,—замѣтьте это, и затѣмъ, слѣдуя мудрому совѣту Кузьмы Пруткова, «глядите въ самый корень вещей», ибо наружность обманчива.

VIII.

Говоря объ Ироніанскомъ и Кавыляевѣ, я невольно нарушилъ хронологическую послѣдовательность моихъ воспоминаній, и потому теперь возвращаюсь назадъ къ тому времени, когда я переводилъ Страбона и читалъ Геродота, т. е. къ началу зимы 1856 года. Ожидая себѣ умственнаго просвѣтлѣнія отъ каждаго профессорскаго слова, я въ то время аккуратно посѣщалъ и записывалъ всѣ лекціи, назначенныя мнѣ по росписанію. Особенно интересовали меня лекціи профессора Телицына, читавшаго намъ теорію языка и исторію древне-русской литературы. Въ этихъ лекціяхъ было дѣйствительно много хорошаго. Телицыну было лѣтъ тридцать съ небольшимъ; онъ любилъ студентовъ и искалъ между ними популярности; лекціи свои онъ составлялъ съ большимъ стараніемъ и всегда заканчивалъ ихъ какой-нибудь фіоритурой, которая неминуемо должна была поднять въ душѣ студентовъ цѣлую бурю добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ. Эта фіоритура всегда была приготовлена заранѣе, но тѣмъ не менѣе она всегда выдѣлывалась отъ души, съ полной искренностью и безъ всякой натяжки. Проговоривъ на каѳедрѣ впродолженіи полутора часа, Телицынъ всегда приходилъ въ восторженное состояніе, и тогда рулада вырывалась изъ груди его съ неудержимой силой; сходя съ каѳедры, онъ всегда чувствовалъ дѣйствительную потребность сказать студентамъ что-нибудь согрѣвающее, а такъ какъ онъ профессорствовалъ уже не первый годъ, то ему было вполнѣ позволительно, зная свою разнѣживающуюся натуру, заготовлять заранѣе матеріалы для той потребности, которая неминуемо возникаетъ передъ концомъ лекціи. Неужели вы упрекнете слезливаго человѣка въ театральничаньи, если онъ, отправляясь на чьи-нибудь похороны и находясь при выѣздѣ изъ своей квартиры въ самомъ веселомъ расположеніи духа, набьетъ карманы своего сюртука носовыми платками? Вѣдь онъ-же знаетъ, что непремѣнно расплачется: такъ ка̀къ-же ему не принять свои мѣры? Что-же за удовольствіе утирать слезы рукавами сюртука или умолять сосѣда объ одолженіи носового платка? Такъ и Телицынъ. Развѣ хорошо было-бы, еслибы растроганный въ концѣ профессоръ не излилъ своего чувства въ умныхъ и красивыхъ рѣчахъ? Вѣдь это-бы смѣху надѣлало, еслибы онъ, оканчивая лекцію, вдругъ развелъ руками, изобразилъ-бы на лицѣ своемъ глубокую любовь къ студентамъ, сдѣлалъ

бы нѣсколько усилій, и вдругъ ничего-бы изъ этого не вышло. А такая участь непремѣнно постигла-бы его, еслибы матеріалы для фейерверка не были припасены заранѣе. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ однажды, отработавъ спеціальный предметъ лекціи, началъ говорить о величіи знанія вообще, и вдругъ заключилъ свою рѣчь словами Беранже: «l'ignorance—c'est l'esclavage, le savoir—c'est la liberté» (невѣжество—рабство, знаніе—свобода). Насъ такъ и подкинуло кверху; эффектъ вышелъ оглушительный,—а все отчего? Оттого, что въ сюртукѣ Телицына лежали носовые платки.

Вы скажете можетъ-быть, что слезливость не есть чувствительность, и что истинный талантъ пренебрегаетъ приготовленными эффектами, потому что полагается на свои силы и всегда находитъ эффекты подъ руками въ ту рѣшительную минуту, когда онъ въ нихъ нуждается. Противъ этого я спорить не буду; считать Телицына талантливымъ профессоромъ позволительно только студентамъ перваго курса, восхищающимся кончиками его лекцій. Я съ своей стороны отстаиваю только его искренность. Телицынъ не похожъ на Ироніанскаго; ему хочется не блеска, не щегольства, а любви, сочувствія студентовъ; онъ не пускаетъ пыли въ глаза, онъ дѣйствительно хочетъ быть и полезнымъ профессоромъ, и дѣльнымъ ученымъ; онъ напрягаетъ всѣ свои силы, —но при этомъ мы должны помнить, что размѣры человѣческихъ силъ неодинаковы. Телицынъ много читалъ, читалъ постоянно и передавалъ намъ много хорошихъ вещей на лекціяхъ,—но лекціи его все-таки были мозаиками. Переварить и переработать массу матеріала въ своемъ мозгу и затѣмъ передать слушателямъ продукты своего мышленія,—этого отъ Телицына смѣшно было-бы и требовать. Да и не угодно-ли вамъ посмотрѣть вокругъ себя: много-ли у насъ въ цѣлой Россіи людей, дѣйствительно способныхъ мыслить и пользующихся этой способностью? Куда ни посмотришь, вездѣ—или переводчики, подобные Ироніанскому, или каменщики и носильщики, вродѣ Телицына; вездѣ или ловкіе люди, очень хорошо знающіе, чего они хотятъ, или терпѣливые труженики, вовсе незнающіе, зачѣмъ они трудятся. Пустили ихъ внизъ по наклонной плоскости, они и катятся по силѣ инерціи до тѣхъ поръ, пока ихъ не остановитъ накопленіе жира или истощеніе силъ. Люди, подобные Телицыну, работаютъ или до тѣхъ поръ, пока не войдутъ въ чины и въ барственную лѣнь, или до тѣхъ поръ, пока не разовьютъ въ себѣ чахотку. Телицыну предстоялъ по всей вѣроятности послѣдній исходъ. Несмотря на свои молодыя лѣта, онъ уже успѣлъ пріобрѣсти очень замѣтную сутуловатость и постоянно страдалъ застоями и приливами крови; глаза его были всегда немного воспалены и всегда неопредѣленно тусклымъ взоромъ смотрѣли куда-то вдаль. Обладатель этихъ глазъ, при самомъ простомъ разговорѣ казался всегда или усиленно сосредоточеннымъ, или тревожно разсѣяннымъ; можно было подумать, что онъ постоянно созерцаетъ духовными очами какую-нибудь неописанную красоту или постоянно старается уловить ухомъ какую-нибудь вѣчно-ускользающую отъ него райскую мелодію, а на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Телицынъ былъ просто вѣрующимъ жрецомъ и слѣпымъ поклонникомъ того идола, передъ которымъ онъ хотѣлъ повергнуть въ прахъ своихъ слушателей. На алтарѣ этого идола онъ съ улыбкой блаженства сжигалъ медленнымъ огнемъ свой мозгъ и свои жизненныя силы. Для него слова Беранже: «l'ignorance—c'est l'esclavage, le savoir,—c'est la liberté» были догматомъ вѣры. Какой savoir? какая liberté? онъ объ этомъ не спрашивалъ и былъ твердо увѣренъ, что изучить вліяніе византійскихъ писателей на проповѣди Кирилла Туровскаго или разсмотрѣть литературные пріемы Нестора значитъ—до извѣстной степени разсѣять мракъ губительной ignorance и потрясти основы ненавистнаго escvalage. Телицынъ былъ лучшій продуктъ нашего университетскаго образованія; онъ именно достигъ той точки развитія, которая составляетъ крайній и высшій предѣлъ педагогическихъ тенденцій нашихъ университетовъ. Пойти дальше, забрать вверхъ или въ сторону—значило-бы уклониться отъ той патентованной цѣли, которую самые лучшіе профессоры показываютъ своимъ слушателямъ, какъ цѣль, исключительно соотвѣтствующую достоинству и назначенію человѣка.

Такъ какъ всякую систему слѣдуетъ судить именно по тѣмъ ея произведеніямъ, которыя она сама считаетъ вполнѣ удавшимися, то вотъ я ставлю передъ читателемъ портретъ Телицына и говорю ему: таковъ идеалъ, къ которому стремится наше университетское образованіе. Какъ онъ вамъ нравится? Чувствуете-ли вы въ душѣ своей неотразимое желаніе приблизиться къ этому результату? Находите-ли вы, что обновленіе Россіи будетъ совершаться быстро и радикально, если десятки тысячъ Телицыныхъ будутъ разсѣяны на всѣхъ поприщахъ нашей общественной дѣятельности?—Не знаю, какъ вы отвѣтите на эти три вопроса; не скажу вамъ такъ-же, какъ отвѣтилъ-бы я на нихъ теперь; но въ 1856 и въ 1857 годахъ я отвѣтилъ-бы на первый вопросъ: «очень»,—на второй: «чувствую»,—на третій: «нахожу». Кромѣ того я самые вопросы нашелъ-бы странными и на вопрошающаго посмотрѣлъ-бы какъ на обскуранта, кощунствующаго надъ святыми представителями науки. 1856 и 1857 годы были, какъ извѣстно, тѣмъ временемъ, когда наше общество во что-бы то ни стало стремилось убѣдить себя въ томъ, что оно переживаетъ великую эпоху,—тогда множество старыхъ вещей перекрашивались заново и дѣйствительно принимались за новыя тѣми самыми людьми, которые собствен-

поручно отдавали ихъ къ красильщику и принимали ихъ отъ него обратно. При этомъ краски часто оказывались непрочными или разъѣдающаго свойства, такъ что матеріи въ скоромъ времени линяли или расползались. Это стремленіе обольщаться и надѣяться проявилось и въ университетѣ, гдѣ мы немедленно опредѣлили, что Креозотовъ и Кавыляевъ будутъ считаться представителями отживающаго порядка вещей, а Телицынъ—кроткимъ ангеломъ прогресса и вдохновеннымъ провозвѣстникомъ лучшаго будущаго.

Если читатель приметъ въ соображеніе, что эти два года юношескихъ мечтаній матушки Россіи соотвѣтствовали именно такой-же порѣ въ моей личной жизни, то онъ пойметъ, что образъ Телицына долженъ былъ произвести на меня чарующее и одурящее впечатлѣніе. Я увлекался въ одно время и чувствомъ массы, и своей личной потребностью найти себѣ учителя, за которымъ я могъ-бы слѣдовать съ вѣрой и любовью. Мысли о занятіяхъ исторіей замерли во мнѣ, благодаря совѣтамъ Креозотова. Въ этихъ мысляхъ никогда не было ничего серьезнаго, и я думалъ приняться за исторію только потому, что исторія—самая яркая наука нашего факультета; она первая бросается въ глаза, и я схватился за нее, какъ ребенокъ хватается за пламя свѣчи. Теперь-же, когда я всѣмъ сердцемъ возлюбилъ Телицына, теперь, когда онъ гальванизировалъ меня и товарищей моихъ лукавыми хвостиками своихъ лекцій, теперь въ душѣ моей зародилось неудержимое желаніе посвятить себя—чему? зачѣмъ?—ну, все равно, чему-бы то ни было, а только посвятить себя. *Наука, истина, свѣтъ, дѣятельность, прогрессъ, развитіе*—эти слова такъ и кувыркались у меня въ головѣ, и это кувырканіе казалось мнѣ ужасно плодотворнымъ, хотя изъ него ничего не выходило, да и выдти ничего не могло. «Хочу служить наукѣ, хочу быть полезнымъ; возьмите мою жизнь и сдѣлайте изъ нея что-нибудь полезное для науки!»—Восторгу было много, но смыслу мало. Слово *наука* осталось для меня любезнымъ звукомъ, какъ остается она для многихъ людей, утѣшающихся всю свою жизнь тѣмъ пріятнымъ заблужденіемъ, что они ее, науку, двигаютъ впередъ. Непонимая того, что́ такое «наука», и даже не спрашивая себя о томъ, на какое употребленіе и какой сортъ ея годится для человѣка, я конечно не могъ понимать и того, что́ полезно и что́ безполезно для науки. Стало быть, фраза моя измѣнилась такъ: «возьмите мою жизнь и истратьте ее на что хотите». А изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что́ возбуждать въ молодыхъ людяхъ безпредметный восторгъ и ослѣплять ихъ блескомъ добродѣтельныхъ словъ вовсе непохвально, потому что молодые люди отъ этого глупѣютъ, по крайней мѣрѣ на время, а потомъ, когда пройдетъ ихъ глупость, они начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, что́ возбуждало, и надъ тѣмъ, кто возбуждалъ въ нихъ неосмысленное благоговѣніе. Дѣйствительная наука, плодъ внимательнаго наблюденія и трезвой мысли, по самой природѣ своей враждебна всякимъ восторгамъ, какъ бы ни были они добродѣтельны. Если-бы химикъ или физіологъ съ восторгомъ принимался за свои опыты, то зрѣлище вышло-бы чувствительное, но опытъ не привелъ-бы къ искомому результату, или по крайней мѣрѣ результатъ былъ-бы неправильно понятъ или превратно истолкованъ. Что-же касается до тѣхъ ученыхъ, которые пишутъ о Несторѣ и Кириллѣ Туровскомъ, то имъ конечно восторги вредить не могутъ, потому что они опытовъ не производятъ и еще потому, что для ихъ соотечественниковъ и для всѣхъ прочихъ людей рѣшительно все равно, къ какимъ-бы результатамъ они ни пришли и до какихъ бы умозрѣній они ни дописались.

IX.

Послѣдняя лекція Телицына передъ святками 1856 года была ознаменована слѣдующимъ событіемъ. Нашъ обожаемый профессоръ сказалъ, что для пользы науки и для назиданія студентовъ намъ слѣдуетъ перевести нѣсколько ученыхъ изслѣдованій и разсужденій. Тутъ онъ назвалъ между прочими статью Якова Гримма: «Ueber den Liebesgott» («О богѣ любви»),—другую статью того-же автора: «Ueber das Verbrennen der Todten» («О сожженіи мертвыхъ»),—статью Шафарика о числительныхъ именахъ,—брошюру Штейнталя: «Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegelsche Philosophie» («Языкознаніе Вильгельма Гумбольдта и философія Гегеля»). Случилось такъ, что я сидѣлъ во время этой лекціи на срединѣ скамейки; товарищи мои, сидѣвшіе по обоимъ концамъ, тотчасъ послѣ окончанія лекціи встали, подошли къ каѳедрѣ и взяли себѣ тѣ работы, которыя были полегче, а на мою долю осталась только одна зловѣщая брошюра Штейнталя. Дѣлать было нечего; Телицынъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и еще говорилъ съ разсчитаннымъ коварствомъ, что эту брошюру перевести особенно необходимо. Я мысленно перекрестился и протянулъ къ ней руку. Рубиконъ былъ перейденъ, и Телицынъ овладѣлъ мною. Въ брошюрѣ Штейнталя оказалось 140 страницъ, и содержаніе роскошно выполнило тѣ грозныя обѣщанія, которыя давало заглавіе. О философіи Гегеля распространяться нечего. Всякій читатель знаетъ по наслышкѣ, что это штука хитрая, и что понимать ее мудрено и кромѣ того безполезно. Что-же касается до Гумбольдта, то объ немъ сами нѣмцы, и притомъ его поклонники, говорятъ, что онъ неясенъ, но что эта неясность происходитъ отъ новизны и оригинальности его идей. Теперь вообразите себѣ, что Штейнталь, который о высокихъ матеріяхъ пишетъ такъ-же удобопонятно, какъ и всѣ прочіе нѣмцы, начинаетъ сравнивать Гегеля съ Гумбольдтомъ, и притомъ не факты, добытые ими, не

результаты, къ которымъ они пришли, а методы ихъ мышленія и изслѣдованія; и это сравненіе продолжается на 140 страницахъ; и это надо было переводить мнѣ,—человѣку, читавшему Маколея съ трудомъ и Диккенса безъ особеннаго удовольствія. На моемъ младенческомъ лицѣ было ясно видно, на сколько я способенъ судить о Гегелѣ и Гумбольдтѣ, и Телицынъ могъ это замѣтить, но Телицынъ на такіе пустяки не обращалъ вниманія и съ наслажденіемъ готовился зарѣзать юную жертву на алтарѣ своего идола.

Когда я началъ читать брошюру Штейнталя, то у меня на первыхъ пяти строкахъ закружилась голова, и я понялъ, что читатели, къ которымъ обращается авторъ, должны знать очень многое, а что я этого многаго совсѣмъ не знаю. Тогда я рѣшился не читать, а прямо переводить, хотя-бы связь между отдѣльными періодами и смыслъ цѣлаго остались для меня совершенно непонятными. И я это выполнилъ. Зная отлично нѣмецкій языкъ и владѣя хорошо русскимъ языкомъ, я передавалъ вѣрно и отчетливо одинъ періодъ за другимъ,—и, независимо отъ моей воли, являлся какой-то общій смыслъ, точно такъ же, какъ въ чтеніи Чичиковскаго Петрушки изъ отдѣльныхъ буквъ всегда составлялось какое-нибудь слово, которое иногда и чортъ знаетъ что значило. Но переводилъ я долго, и потомъ самъ переписывалъ свою работу. Встрѣчаясь со мною въ университетѣ, Телицынъ не разъ говорилъ мнѣ шутя, что Штейнталь не такъ долго писалъ свою брошюру, какъ я ее перевожу. По моему, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Штейнталь вѣроятно понималъ, что онъ пишетъ, а я совсѣмъ напротивъ. Мѣсяца четыре ушло на мою работу; наконецъ, придя на экзаменъ Телицына, я вручилъ ему двѣ толстыя тетради, заключавшія въ себѣ переписанный набѣло переводъ ужасной брошюры. Должно быть, въ то время демонъ умственнаго эпикуреизма, о которомъ я упомянулъ выше, былъ совершенно подавленъ добродѣтельными стремленіями, возбужденными во мнѣ вліяніемъ Телицына. Переводить книгу, которую не понимаешь, это конечно самая непріятная и самая кретинизирующая работа, какую можно себѣ представить; и между тѣмъ я довелъ эту работу до конца. Очевидно демонъ былъ низринутъ и посрамленъ, но Телицыну этого было мало. Онъ тутъ же, на экзаменѣ, попросилъ меня на выдержку прочесть двѣ-три страницы изъ моего перевода. Оказалось, что переводъ хорошъ. Телицыну пришло въ голову помѣстить мой трудъ въ нашъ студенческій «Сборникъ». Такое желаніе польстило моему самолюбію. Но тотчасъ представилось возраженіе: объемъ перевода слишкомъ великъ; а вслѣдъ за возраженіемъ явилось въ умѣ Телицына средство помирить противорѣчія: сдѣлайте, говоритъ, изъ вашего перевода извлеченіе. Отъ этого предложенія меня въ жаръ бросило. Этого только не доставало. Перевелъ—ничего не понялъ, а теперь извлекай изъ того, чего не понимаешь. Что-же я извлеку? А положеніе безвыходное. Сказать: «не хочу»—неловко, да и весь разговоръ совсѣмъ не въ такомъ тонѣ былъ веденъ. Признаться въ томъ, что переводилъ машинально, признаться публично, при студентахъ, вѣдь это значитъ—дуракомъ себя назвать. Нѣтъ! что̀ будетъ, то будетъ! Всѣ эти размышленія промелькнули въ моей головѣ чрезвычайно быстро, и я сказалъ Телицыну, что извлеченіе будетъ сдѣлано. Я занялся этимъ трудомъ на каникулахъ и окончилъ его успѣшно, хотя и на этотъ разъ нельзя было сказать, чтобы понималъ мысли Штейнталя. Пріемы мои при этой работѣ были довольно оригинальны. Я опредѣлилъ себѣ извѣстный масштабъ, именно, чтобы три страницы перевода превращались въ одну страницу извлеченія; соображаясь съ этимъ масштабомъ, я сжималъ и сокращалъ языкъ моего перевода, такъ что извлеченіе мое оказалось просто миніатюрной фотографіей съ большой картины. Я ухитрился даже въ этомъ случаѣ работать машинально, да иначе и не могъ работать надъ такимъ сюжетомъ человѣкъ, неимѣющій никакого понятія ни о Гегелѣ, ни о Гумбольдтѣ, ни о философіи, ни о языкознаніи, ни объ умственной жизни Германіи, и рѣшительно ни объ одномъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ совершенно свободно разсуждалъ Штейнталь.

Какъ вы думаете, читатель, во что̀ превратилъ-бы меня Телицынъ, еслибы я лѣтъ пять поработалъ подъ его руководствомъ? Вѣдь такая операція надъ Штейнталемъ стоитъ цѣлаго года машинальной канцелярской работы; вѣдь тутъ человѣкъ не развивается, а напротивъ привыкаетъ обращаться съ чужими мыслями, какъ съ закупоренными тюками, которые онъ перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто и разставляетъ въ симметрическомъ порядкѣ, не заботясь о томъ, что̀ въ нихъ наложено. Является искусство строить фразы, привычка вставлять въ эти фразы научные термины, способность запоминать и передавать непонятныя идеи,—является попугайство и обезьянство; ко всему этому присоединяется гордое самодовольство, что вотъ, молъ, я сколько книжныхъ понятій усвоилъ, вотъ сколько научныхъ статей произвелъ, вотъ какую пользу великую принесъ. Когда явилось такое самодовольство, тогда человѣка слѣдуетъ признать совершенно погибшимъ; тогда критическая способность утрачена, а вмѣсто способности мыслить пріобрѣтена способность нанизывать слова и предложенія, соединять ихъ въ періоды и изъ періодовъ составлять статьи, диссертаціи или книги. Работая подъ руководствомъ Телицына, я большими шагами направлялся къ такому блаженному состоянію.

X.

Телицынъ имѣлъ полную возможность вглядѣться въ меня и изъ разговоровъ со мною

узнать степень моего развитія. Лѣтомъ 1857 года мнѣ пришлось ѣхать съ Телицынымъ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Мы пробыли вмѣстѣ 30 часовъ и по крайней мѣрѣ 10 часовъ были проведены въ серьезныхъ разговорахъ. Я съ наивнымъ восторгомъ объяснилъ Телицыну, какую чудесную перемѣну произвелъ во мнѣ одинъ годъ, проведенный въ университетѣ, какъ передъ моей мыслью открылись цѣлые новые горизонты и какія теперь у меня хорошія стремленія. Телицынъ все это слушалъ съ любовью и со вниманіемъ, умиляясь и восторгаясь вмѣстѣ со мною, а это конечно еще болѣе поддавало мнѣ жару. Человѣкъ разсудительный и неспособный удовлетворяться пылкими рѣчами, тотчасъ спросилъ-бы у меня, въ чемъ именно состоитъ перемѣна, какіе горизонты и къ чему клонятся стремленія. При такомъ вопросѣ съ меня поневолѣ соскочилъ бы хмѣль, и можетъ-быть за пароксизмомъ восторга послѣдовалъ-бы пароксизмъ унынія: пришлось бы вдругъ сознаться, что все упоеніе произведено какой-нибудь дюжиной словъ, и что кромѣ этихъ словъ да профессорскихъ записокъ не воспослѣдовало никакого умственнаго пріобрѣтенія; но на профессорскія записки я уже смотрѣлъ безъ особеннаго благоговѣнія, а слова, какія бы они ни были, все-таки не могли казаться мнѣ магическими талисманами. Значитъ, все умственное богатство мое оказалось-бы просто возбужденнымъ состояніемъ мозговыхъ нервовъ, и разсудительный человѣкъ тотчасъ понялъ-бы, что со мною слѣдуетъ говорить, какъ съ мальчикомъ, совершенно неразвитымъ и ничего незнающимъ, что мнѣ слѣдуетъ рекомендовать чтеніе серьезное, но вполнѣ доступное, и что задавать мнѣ какую-нибудь работу совсѣмъ не годится, потому что умъ мой долженъ питаться, а не тратить свои силы въ преждевременной производительности. Но Телицынъ ничего этого не разобралъ; всѣ мои восторги были приняты за доказательства развитости; болтовня моя о наукѣ сошла за чистую монету, и мой собесѣдникъ пресерьезно посовѣтовалъ мнѣ заняться спеціально теоріей или философіей языка.

Чтобы оцѣнить этотъ совѣтъ, надо знать, что философія языка основывается на громадномъ сравнительномъ изученіи отдѣльныхъ языковъ. Люди, посвящавшіе себя этой отрасли науки, старались по возможности познакомиться со всѣми существующими на земномъ шарѣ языками, что̀ было совершенно необходимо, потому что цѣль философіи языка (или философскаго языкознанія или филологіи) заключается въ томъ, чтобы представить ясное и вѣрное понятіе о *словѣ*, т. е. о способности человѣка выражать свои мысли и ощущенія членораздѣльными звуками. Преслѣдуя такую цѣль, необходимо знать, какъ проявляется эта способность у различныхъ народовъ, потому что безъ этого предварительнаго знанія нельзя позволить себѣ никакого заключенія или даже правдоподобнаго предположенія объ общихъ свойствахъ изучаемой способности. Языки у различныхъ народовъ оказывались до такой степени несходными, что разныя преждевременныя теоріи о языкѣ вообще разрушались въ прахъ такими фактами, которые узнавались вновь. Оказывалось напримѣръ, что многіе языки не различаютъ существительнаго отъ глагола; оказывалось, что другіе языки состоятъ не изъ словъ, а изъ готовыхъ предложеній. Все это надо было принимать въ разсчетъ, потому что въ самыхъ нелѣпыхъ и неразвитыхъ языкахъ все-таки дѣйствуетъ та-же способность, которая только въ болѣе сильной степени проявилась въ самыхъ богатыхъ и гибкихъ языкахъ человѣчества. Кромѣ сравнительнаго изученія языковъ, необходимо изученіе историческое. Надо-же знать, какъ совершенствуется или ослабѣваетъ съ теченіемъ времени разсматриваемая способность. Конечно филологу нѣтъ необходимости говорить и писать на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которые служатъ ему матеріалами для сравненія. Но онъ долженъ имѣть очень опредѣленныя понятія о системѣ звуковъ этихъ языковъ, о переходѣ звуковъ одинъ въ другой, объ образованіи словъ изъ корней, о грамматическомъ строѣ, о синтаксическихъ особенностяхъ; кромѣ того онъ долженъ знать до нѣкоторой степени лексическій составъ языковъ, т. е. запасъ наиболѣе замѣчательныхъ словъ, чтобы сближать эти слова съ словами и корнями другихъ языковъ. Если ученый хочетъ ограничить свои изслѣдованія однимъ племенемъ языковъ, если такимъ образомъ изъ области философіи языка онъ спускается въ область сравнительной грамматики, то съ уменьшеніемъ объема его трудовъ должна увеличиться глубина его знаній. Нѣмецкіе филологи, занимающіеся индо-европейской семьей языковъ, знаютъ уже во всѣхъ подробностяхъ языки санскритскій, зендскій (древне-персидскій), литовскій, греческій, латинскій, старо-славянскій, готскій и англо-саксонскій. Наконецъ ученые, сосредоточившіеся, подобно Якову Гримму, преимущественно на историческомъ изученіи нѣмецкаго языка, доводятъ знаніе всѣхъ его старыхъ и новыхъ оттѣнковъ и всѣхъ иностранныхъ языковъ, соприкасавшихся съ нимъ даже въ глубокой древности, до изумительной полноты и до непостижимаго совершенства. Цѣлая, долгая жизнь дѣятельнаго и умнаго человѣка наполняется этимъ изученіемъ, и потомъ все-таки оказывается, что изученіе это только что затронуто, и что еще десятки людей будутъ посвящать продолженію работы свои лучшія силы.

Мы можемъ сомнѣваться въ практической полезности подобныхъ занятій, можемъ находить, что нѣсколько человѣческихъ жизней истрачиваются на нихъ непроизводительнымъ образомъ, но во всякомъ случаѣ мы не можемъ отказаться въ полной

дани уваженія тому трудолюбію, той умственной энергіи, тому глубокомыслію и остроумію, которыя несомнѣнно обнаруживаются въ этихъ утомительныхъ и кропотливыхъ изысканіяхъ. Но если мы, оставляя въ сторонѣ ученыхъ нѣмцевъ, устремимъ наши взоры на нашихъ отечественныхъ языкознателей, то тутъ никакой дани намъ выдавать не придется, потому что соотечественники наши—народъ смѣтливый и находятъ, что загребать жаръ своими руками горячо, а чужими даже пріятно. У насъ до сихъ поръ было сдѣлано только одно открытіе въ области филологіи, именно открытіе Востокова о юсахъ, и съ этимъ открытіемъ наши ученые няньчаются уже очень давно, потому что для нихъ конечно это невиданная диковинка. Всѣ-же остальные наши ученые (а ихъ таки не мало) совершенно усвоили себѣ ту великую истину, что прочесть нѣмецкое изслѣдованіе, даже очень толстое, гораздо легче, чѣмъ учиться санскритскому и всякимъ другимъ, болѣе или менѣе непріятнымъ языкамъ. Съ этой истиной соображаются всѣ ихъ ученые подвиги. Нѣмецъ на каждой страницѣ своего труда приводитъ сопоставленія формъ и словъ, взятыхъ изъ разныхъ родственныхъ языковъ, и русскій дѣлаетъ то-же самое. Но нѣмецъ самъ разыскалъ эти формы и слова, а русскій отважно переписалъ работу нѣмца и даже не провѣрилъ ея, потому что не можетъ этого сдѣлать. Если русскій къ заимствованнымъ рядамъ формъ и словъ присоединилъ соотвѣтствующія русскія слова и формы, тогда имя его упоминается съ уваженіемъ, и студентамъ говорятъ на лекціяхъ: «даровитый ученый такой-то въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи такомъ-то примѣнилъ блестящимъ образомъ къ нашей отечественной наукѣ методъ Якова Гримма», или какого-нибудь другого туза филологіи. Конечно между нашими языкознателями есть и умные люди, понимающіе въ глубинѣ души, что ихъ экскурсіи въ нѣмецкія книги можно называть наукой только изъ вѣжливости; эти господа смотрятъ на свои работы безъ особенной нѣжности, но, какъ умные люди, они понимаютъ, что экскурсіи питаютъ и грѣютъ ихъ, и потому они не видятъ никакой надобности ратовать словомъ и перомъ противъ обычаевъ, укоренившихся въ ученомъ мірѣ. Что-же касается до большинства нашихъ филологовъ, то они такъ сжились съ существующими условіями ученой дѣятельности, что находятъ ихъ совершенно нормальными.

Къ этой многочисленной категоріи дѣятелей принадлежалъ и Телицынъ; занимаясь древней русской литературой и не имѣя никакихъ лингвистическихъ свѣдѣній, онъ находилъ совершенно возможнымъ читать намъ лекціи по философіи языка и приводить множество примѣровъ и сближеній изъ санскритскаго зендскаго и другихъ столь же извѣстныхъ ему языковъ. Мало того. Онъ даже находилъ совершенно естественнымъ и похвальнымъ вести по слѣдамъ своимъ юнаго ревнителя науки и служить ему руководителемъ въ такой отрасли знаній, въ которой онъ, Телицынъ, былъ самъ несвѣдущимъ ученикомъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта, Гримма, Боппа, Потта, Шлейхера,—но о дѣйствительномъ изученіи языковъ не было и рѣчи. По мнѣнію Телицына, было совершенно достаточно усвоить себѣ идеи нѣмецкихъ филологовъ, а доходить до самостоятельнаго изслѣдованія или до критическаго отношенія къ благодѣтельнымъ нѣмцамъ—значило мечтать о недоступной и совершенно излишней роскоши. Совѣтъ Телицына былъ такимъ образомъ діаметрально противоположенъ совѣту Креозотова. Телицынъ совѣтовалъ питаться высшими идеями, а Креозотовъ рекомендовалъ глотать сырые факты. Какъ не различны эти два совѣта, въ нихъ есть однако существенное сходство: оба они разсчитываютъ исключительно на память; слѣдуя тому или другому совѣту, учащійся долженъ навсегда отказаться отъ развитія критическаго смысла, потому что общая идея, построенная на извѣстныхъ вамъ фактахъ, представляется вамъ въ свою очередь голымъ фактомъ, который надо запомнить, но надъ которымъ размышлять невозможно. Кто знаетъ сравниваемые языки, для того сравнительная филологія является осмысленіемъ и приведеніемъ въ систему извѣстныхъ фактовъ; а кто ихъ не знаетъ, тотъ принимаетъ идеи науки на вѣру и закрѣпляетъ ихъ у себя въ памяти, какъ могъ-бы закрѣпить какую-нибудь хронологическую таблицу. Когда происходилъ у меня этотъ разговоръ съ Телицынымъ, тогда я конечно, не оцѣнилъ прелести его совѣта и принялъ его съ той добродушной радостью, съ которой принималъ до тѣхъ поръ всѣ профессорскіе совѣты, думая всякій разъ, что философскій камень найденъ, и что наконецъ жизнь моя окончательно посвящена великой научной дѣятельности.

XI.

Осенью 1857 года, возвратившись съ каникулъ, я отдалъ Телицыну составленное извлеченіе изъ брошюры Штейнталя. Телицынъ вполнѣ удовлетворился имъ и только спросилъ у меня, вполнѣ-ли я усвоилъ себѣ различіе между методомъ Гегеля и методомъ Гумбольдта? Я отвѣчалъ ему, что Гегель, вотъ видите-ли, все напираетъ на чистое мышленіе, а Гумбольдтъ основываетъ свои выводы на наблюденіи и изученіи фактовъ. Еслибы Телицынъ сколько-нибудь вошелъ въ подробности, то я-бы тотчасъ положилъ оружіе; но руководитель мой, кажется, самъ былъ поверхностно знакомъ съ мыслями Штейнталя, и потому отвѣтъ мой показался ему достаточно убѣдительнымъ. Вы спросите, читатель, отчего-же я самъ не требовалъ у Телицына объясненія темныхъ мѣстъ? Да, хорошо требовать объясненія

тогда, когда въ книгѣ не понимаешь двухъ-трехъ отдѣльныхъ фразъ, но когда вся книга представляется какимъ-то туманнымъ пятномъ, тогда не знаешь, о чемъ и спросить. Кромѣ того я видѣлъ, какое хорошее мнѣніе внушаетъ обо мнѣ Телицыну моя ярость къ наукѣ; жаль было разрушать такое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души я надѣялся на послѣдовательное и серьезное чтеніе, какъ на вѣрное средство безъ посторонней помощи разсѣять туманъ, скрывавшій отъ меня идеи Штейнталя и разныхъ другихъ умныхъ людей.

Разсчеты мои съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ оказались далеко неоконченными. Однажды Телицынъ сообщилъ мнѣ, что недавно вышла въ свѣтъ подробная біографія Гумбольдта, написанная Гаймомъ, и что было-бы очень хорошо, если-бы я по этой книгѣ составилъ статью, которая въ соединеніи съ оконченной моей работой могла-бы быть помѣщена въ студенческомъ «Сборникѣ». Къ этому предложенію Телицынъ присоединилъ нѣсколько убѣдительныхъ резоновъ: «вы,—говоритъ,—этимъ составите себѣ имя вамъ—говоритъ—это особенно удобно, потому что вы уже знакомы съ методомъ Гумбольдта». Какъ я ни былъ наивенъ, но мысль о составленіи себѣ имени посредствомъ извлеченія изъ нѣмецкой книги показалась мнѣ смѣлой, а второму аргументу я придалъ еще менѣе значенія, потому что мнѣ были слишкомъ хорошо извѣстны мои отношенія къ методу Гумбольдта. Но предложеніе Телицына я все-таки принялъ. Что-жъ, думалъ я, вѣдь вотъ перевелъ и извлекъ, не понимая,—авось и Гайма обработаю также удачно; да и наконецъ все-таки я въ брошюрѣ Штейнталя присмотрѣлся къ ученому языку, такъ что есть надежда, что теперь пойму больше. Справлялся я въ нѣкоторыхъ магазинахъ и узналъ, что книга Гайма стоитъ 5 рублей. Это мнѣ было не по деньгамъ Я сообщилъ объ этомъ горѣ Телицыну и, по его совѣту, рѣшился читать Гайма въ Публичной Библіотекѣ. Началось плинфодѣланіе египетское. Почти каждый день, въ седьмомъ часу вечера, я приходилъ въ читальную залу и читалъ до девяти часовъ, пока звонокъ не объявлялъ посѣтителямъ библіотеки о томъ, что пора опочить отъ дѣлъ. Читая въ библіотекѣ, я отмѣчалъ на клочкѣ бумаги собственныя имена и цифры годовъ. Идеи и событія я удерживалъ въ памяти и потомъ, возвратившись домой, торопился въ тотъ-же день обработать письменно прочитанную часть книги. Такимъ образомъ я принужденъ былъ писать статью безъ всякаго общаго плана. Мнѣ приходилось раболѣпно слѣдовать за Гаймомъ и резюмировать начало его книги, не зная, какова будетъ середина и къ чему приведетъ конецъ. Если-бы я распорядился иначе, если-бы напримѣръ я прочелъ сначала всю книгу, а потомъ началъ-бы писать свою статью, то вышла бы двойная работа. Я не могъ имѣть книгу подъ руками во время самаго писанія статьи, потому что изъ Публичной Библіотеки книгъ не выдаютъ на домъ, а писать въ самой библіотекѣ было совершенно неудобно, во-первыхъ потому, что въ читальной залѣ, обыкновенное дѣло, довольно тѣсно, во-вторыхъ потому, что постоянный приходъ и уходъ посѣтителей не позволялъ сосредоточиваться и вдуматься въ работу. Даже простое чтеніе шло у меня довольно медленно; часто приходилось останавливаться и перечитывать по нѣскольку разъ одно и то-же мѣсто, чтобы дойти до дѣйствительнаго пониманія. Если-бы я вздумалъ, не приступая къ писанію, прочесть сначала всю книгу, то мнѣ потомъ пришлось-бы еще разъ читать ее по частямъ, и общій самостоятельный планъ статьи не могъ-бы быть составленъ и выполненъ, потому что для выполненія такого плана совершенно необходимо имѣть передъ собой во время работы весь собранный матеріалъ, всю прочитанную и придуманную книгу, а удержать ясно и отчетливо въ памяти всѣ черты подробной біографіи, заключающей въ себѣ болѣе 700 страницъ, положительно невозможно.

Итакъ, я смиренно строилъ свой домикъ, кладя кирпичъ на кирпичъ и не зная заранѣе, какая изъ всего этого выйдетъ фигура. Работа шла медленно, потому что за одинъ разъ я не успѣвалъ прочитать болѣе 30 страницъ; кромѣ того, требовалось часто провѣрять написанное; иногда не оказывалось возможности тотчасъ резюмировать прочитанныя страницы, и тогда являлась необходимость читать ихъ еще разъ. Если прибавить къ этому, что отъ моей квартиры до библіотеки было полчаса скорой ходьбы, и что нанимать извозчиковъ значило-бы заплатить за Гайма дороже 5-ти рублей, то читатель увидитъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ подвигался впередъ мой учено-литературный трудъ. Самое чтеніе требовало съ моей стороны сильнаго напряженія ума; книга Гайма была написана ясно, изящно и даже картинно, и я сознавалъ и цѣнилъ въ ней эти достоинства; но Гаймъ писалъ все-таки для образованныхъ нѣмцевъ, а не для россійскихъ юношей, преуспѣвавшихъ въ гимназіи и восторгавшихся любезными звуками въ университетѣ. Гаймъ говорилъ мимоходомъ о политическомъ состояніи Европы, о литературномъ и умственномъ движеніи въ Германіи, называлъ личности и положенія, упоминалъ о партіяхъ и кружкахъ, о симпатіяхъ и антипатіяхъ, о надеждахъ и разочарованіяхъ, о конституціяхъ и реакціяхъ,—предметахъ, которые извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ, но которые для меня оказывались скорбной загадкой. Мнѣ приходилось тратить бездну вниманія и остроумія, мнѣ приходилось предполагать и угадывать, — мнѣ надо было быть Шамполіономъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни одного гіероглифа. Мнѣ надо было наконецъ называть въ моей статьѣ имена и со-

бытія, не вызывавшія въ умѣ моемъ никакого опредѣленнаго представленія, и надо было называть ихъ съ самоувѣренностью и въ то-же время съ осторожностью, такъ чтобы читатель не замѣтилъ моихъ колебаній и не уличилъ меня въ какомъ-нибудь враньѣ.

При такихъ условіяхъ писаніе статьи очень похоже на путешествіе по тонкому льду, который на каждомъ шагу трещитъ подъ ногами,— и на мѣстѣ стоять неудобно, и съ мѣста тронуться боязно. Однако я не провалился въ моей статьѣ, но надо знать, чего мнѣ это стоило; надо знать что, сидя въ библіотекѣ, я иногда схватывался за голову обѣими руками, потому что голова шла кругомъ отъ судорожныхъ усилій моихъ найти настоящій смыслъ шарадъ и іероглифовъ, заключавшихся собственно для меня въ книгѣ Гайма. Надо знать, какое это непріятное чувство — видѣть передъ собой нѣсколько собственныхъ именъ, знать, что ихъ слѣдуетъ помѣстить въ статью, и чувствовать при этомъ, что можешь сказать о нихъ только то, что̀ вычиталъ вчера въ книжкѣ; собственнаго мнѣнія не имѣешь; боишься употребить свой оборотъ или свой эпитетъ, потому что можешь провраться; и при всемъ этомъ соблюдаешь декорумъ и притворяешься передъ публикой, будто владѣешь вполнѣ обрабатываемымъ матеріаломъ. Точно будто ходишь на цыпочкахъ по темной комнатѣ и каждую минуту ожидаешь, что стукнешься лбомъ въ стѣну или повалишь ногой какую-нибудь затѣйливую мебель. И это мучительное чувство неловкости, притупляющееся со временемъ отъ упражненія въ фразерствѣ, дѣлаетъ честь тому, кто его испытываетъ. Это—естественное отвращеніе молодого ума къ шарлатанству и притворству. Но отвращеніе это скоро изгладилось-бы и искусство составлять фразы изъ непонятныхъ терминовъ и именъ развилось-бы у меня до замѣчательной виртуозности, если-бы за статьей о Гумбольдтѣ слѣдовали другія подобныя работы. Полюбуйтесь, читатели: кто насильно превращалъ меня въ скептика? Профессоръ Креозотовъ, который самъ вовсе не былъ скептикомъ. Кто вовлекалъ меня въ шарлатанство? Профессоръ Телицынъ, который самъ вовсе не считалъ себя шарлатаномъ. Такимъ образомъ два почтенные наставника внушали своему питомцу, одинъ — неуваженіе къ старшимъ, другой— неуважительное обращеніе съ наукой и съ человѣческой мыслью. Ни тотъ, ни другой не хотѣли придти къ такимъ результатамъ, а между тѣмъ выходило такъ. Должно быть, въ это дѣло замѣшивался древній фатумъ. А еще вѣрнѣе и во всякомъ случаѣ проще то объясненіе, что руководители сами нуждались въ руководителяхъ, и притомъ не сознавали этого, и были довольны собою,—стало быть, въ этомъ отношеніи стояли ниже тѣхъ студентовъ, которые чувствовали потребность совѣта и вразумленія.

XII.

Мѣсяца три продолжалось писаніе статьи: недѣли три ушло на переписываніе. Когда все было кончено, Телицынъ объявилъ мнѣ, что есть еще сочиненіе о Гумбольдтѣ, которое я также долженъ принять къ свѣдѣнію. Я замѣтилъ ему, что, стало быть, придется передѣлать заново всю работу; на это онъ возразилъ, что передѣлывать незачѣмъ, а что можно прочитать эту книгу Шлезіэра—«Воспоминаніе о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ», и потомъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія и вставки. Я покорился, получилъ отъ Телицына книгу, состоявшую изъ двухъ томовъ средняго сорта и дородства, и началъ дѣлать въ статьѣ своей дополненія и вставки. Много требовалось техническаго искусства для того, чтобы пришить эти новыя подробности и скрыть отъ читателя бѣлыя нитки. Въ душѣ моей начинала уже шевелиться досада противъ распоряженій моего руководителя. Видно было, что его деспотическое господство надъ моей мыслью начинаетъ колебаться. Какъ-бы то ни было, работа моя была приведена къ окончанію; выдержки изъ нея прочтены съ успѣхомъ въ собраніи студентовъ, и ихъ приговоръ рѣшилъ, что статья моя заслуживаетъ быть помѣщенной въ студенческомъ «Сборникѣ».

Значитъ, подвигъ совершенъ и самолюбіе удовлетворено. За окончаніемъ труда всегда слѣдуетъ время отдыха, когда трудившійся оглядывается на самого себя, повѣряетъ свои силы и отдаетъ себѣ отчетъ въ той пользѣ, которую принесъ ему оконченный трудъ. Біографія и характеристика Гумбольдта, какъ человѣка и ученаго, лежала передо мною въ пяти толстыхъ тетрадяхъ, и, глядя на эти тетради, я припомнилъ, что въ нихъ заключена вся моя умственная жизнь за шестнадцать мѣсяцевъ. Переводъ Штейнталя былъ начатъ въ декабрѣ 1856 года, а выписки изъ Шлезіэра окончены въ апрѣлѣ 1858 г. Что-же далъ мнѣ этотъ упорный и продолжительный трудъ? Телицынъ смотритъ на меня, какъ на дѣльнаго молодого человѣка, и даже не прочь похвастать мною, какъ своимъ произведеніемъ; многіе студенты и нѣкоторые профессора изъ нефилологовъ знаютъ мое лицо и мою фамилію; работа моя печатается въ сборникѣ. Ну, а потомъ? Мнѣніе другихъ обо мнѣ возвысилось, но чѣмъ возвысилось мое дѣйствительное достоинство? Что̀ я узналъ? Да мало-ли что! Узналъ я, что на свѣтѣ жили два брата фонъ-Гумбольдтъ— Вильгельмъ и Александръ; узналъ, у кого учился Вильгельмъ, съ кѣмъ былъ знакомъ, куда ѣздилъ, какія писалъ разсужденія и изслѣдованія; узналъ даже по нѣскольку мыслей изъ замѣчательныхъ его произведеній. Все это—знанія, на улицѣ этого не подымешь. Еслибы я пріобрѣлъ эти свѣдѣнія въ двѣ недѣли, то можно было-бы сказать, что время не пропало даромъ. Но придти

къ такимъ результатамъ послѣ шестнадцатимѣсячнаго труда—это похоже на побѣду Пирра надъ римлянами. «Еще двѣ такія побѣды,—говорилъ Пирръ,—и мнѣ придется бѣжать изъ Италіи».—Еще полтора такіе подвига, могъ я сказать, и мнѣ придется выходить изъ университета, потому что до окончанія курса мнѣ оставалось два года, т. е. столько времени, что я подъ руководствомъ Телицына могъ довести до конца еще одну біографію, и потомъ остановиться на половинѣ третьей работы, столь-же полезной для моего развитія и для будущей научной дѣятельности. Надъ этимъ стоило задуматься, и я дѣйствительно задумался. Мнѣ пришло наконецъ въ голову, что я, по милости Телицына, работалъ самымъ безалабернымъ образомъ и потратилъ пропасть лишняго труда и времени. Кто-жъ такъ дѣлаетъ? думалъ я. Сначала перевести, потомъ сдѣлать извлеченіе, потомъ къ извлеченію прилѣпить новую статью, потомъ въ эту новую статью вшивать вставки. Что-жъ это за руководитель? Да много-ли онъ самъ-то смыслитъ? Да полно, умный-ли онъ человѣкъ? Наконецъ, добросовѣстно-ли онъ распоряжался моими силами? И на всѣ эти сокрушительные вопросы слѣдовали быстро и неотразимо сокрушительные отвѣты: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Образъ Телицына сводился съ пьедестала, и на головѣ его вмѣсто сіяющаго ореола появлялся какой-то смиренный колпакъ; и его мечтательный взоръ, и его разсѣянность въ разговорѣ, и его красивыя слова въ заключеніе лекцій—все это освѣщалось иначе и пріобрѣтало другой смыслъ, очень простой и вовсе неторжественный. У него просто умъ за разумъ заходитъ, думалъ я; онъ весь ушелъ въ свои книги и говорить умѣетъ только о томъ, что̀ вычиталъ вчера или сегодня утромъ; дальше книгъ онъ видѣть не можетъ, и самый простой вопросъ изъ практической жизни застаетъ его врасплохъ и оказывается для него неразрѣшимымъ. Нѣтъ, рѣшилъ я, такой человѣкъ не можетъ служить другому руководителемъ въ занятіяхъ.

Несмотря на это правильное умозаключеніе, я сдѣлалъ однако еще попытку въ томъ направленіи, на которое указывалъ мнѣ Телицынъ. Я началъ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта и думалъ собственными силами продолжать потомъ занятія по философіи языка, обращаясь по временамъ къ Телицыну за невинными библіографическими справками. Мнѣ ужъ черезчуръ тяжело было сознаваться передъ самимъ собою, что почти полтора года ухлопано даромъ, и потому хотѣлось какъ-нибудь привязать новыя постоянныя занятія къ работѣ по Штейнталю и Гайму. Конечно изъ этого не могло выдти ничего путнаго. Философскимъ идеямъ Гумбольдта не на что было упереться въ моемъ мозгу, и чтеніе не оставляло во мнѣ прочнаго слѣда, а только пріучало меня къ нѣмецкому философскому изложенію. И за то спасибо, но время все-таки тратилось безъ особенной пользы. Между тѣмъ Телицынъ, какъ молодой ученый, подающій блестящія надежды, уѣхалъ на казенный счетъ за-границу. Это обстоятельство довершило и упрочило мое освобожденіе изъ подъ его вліянія. Надо сознаться, что это вліяніе было для меня вродѣ крѣпостной зависимости. Мой трудъ считался за ничто, и Телицынъ расходовалъ его самымъ неразсчетливымъ образомъ, давая совѣты наобумъ и не обращая вниманія на мои собственныя умственныя потребности. Правда, что я и самъ не сознавалъ этихъ потребностей, но дѣло руководителя въ томъ и состоитъ, чтобы дать своему питомцу такое чтеніе, которое пробудило-бы его самосознаніе и привело-бы въ ясность его умственныя требованія. Толпа студентовъ провожала Телицына на пароходъ; но когда онъ уѣхалъ, тогда критическій взглядъ на его личность и дѣятельность сталъ быстро вырабатываться въ головахъ его обожателей. Этому критическому взгляду содѣйствовали во многихъ отношеніяхъ письма Телицына изъ за-границы, печатавшіяся въ одномъ московскомъ журналѣ. Я помню, какъ, прочтя вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ товарищей одно изъ этихъ писемъ, я вынесъ изъ продолжительнаго чтенія только ту мысль, что студенты одного нѣмецкаго университета носятъ очень широкіе панталоны. Товарищъ мой, которому я сообщилъ этотъ результатъ, нашелъ, что это дѣйствительно самое рельефное впечатлѣніе, остающееся отъ чтенія письма.

XIII.

Долго поклонялся я Телицыну, и дорого стоило мнѣ это «любленіе твари паче бога»; но когда кумиръ мой оказался чурбаномъ, тогда уже всякое идолослуженіе сдѣлалось для меня отвратительнымъ и слѣдовательно навсегда невозможнымъ. Съ осени 1858 года я объявилъ себя независимымъ, и отношенія мои къ университету и къ профессорамъ, къ лекціямъ и совѣтамъ сдѣлались чисто отрицательными. Начинался третій годъ моего студенчества; цѣлая половина курса лежала уже позади меня—и помянуть ее было нечѣмъ. Слова, стремленія, бѣготня по коридорамъ университета, безплодное чтеніе, не оставлявшее по себѣ ни удовольствія, ни пользы, машинальная работа перомъ, не удовлетворявшая потребностямъ ума и не дававшая даже денегъ, школьническое приготовленіе къ экзаменамъ и школьническое отвѣчаніе на экзаменахъ, скука на лекціяхъ, скука дома—вотъ и все, что̀ пережито мною въ эти два года, вотъ и все, чѣмъ наградилъ меня волшебный міръ университета за мою страстную и неосмысленную любовь къ недостижимымъ и невѣдомымъ сокровищамъ мысли. Горько было не то, что пропали даромъ два года; я молодъ и дѣятеленъ; наверстать потерянное

время нетрудно. А горько и страшно то, что ошибки потерянныхъ лѣтъ ничему не научили меня и не могли пригодиться на будущее время. По прошествіи двухъ лѣтъ я не только не сдѣлалъ ни шагу впередъ въ той или другой области знанія, но я даже не зналъ, за что приняться и какъ взяться за дѣло. Дѣтская довѣрчивость моя была уничтожена, но опыта и собственнаго умѣнія руководить своими занятіями не было пріобрѣтено. Я увидѣлъ, что проводники ведутъ меня въ трущобу, и ушелъ отъ этихъ проводниковъ, и остался въ лѣсу одинъ, и все-таки не зналъ, куда идти и что дѣлать. Пока я довѣрялъ проводникамъ, положеніе мое было опасно, но я былъ доволенъ и успокоенъ; когда я бросилъ проводниковъ, во мнѣ явилось чувство тревоги и боязни, но положеніе мое не улучшилось, или по крайней мѣрѣ, улучшилось только въ томъ отношеніи, что я оцѣнилъ его неудобства.

Вопросъ о выборѣ спеціальности началъ принимать въ моихъ глазахъ серьезное и угрожающее значеніе; онъ сдѣлался для меня загадкой сфинкса; разрѣшенія этой загадки стала требовать уже не одна любознательность, къ любознательности стало присоединяться чувство самосохраненія. «Отгадай, или я тебя проглочу», говоритъ сфинксъ. Выбери спеціальность, говорилъ я себѣ, или клади зубы на полку. До выхода изъ университета остается меньше двухъ лѣтъ, а потомъ что? Жить попрежнему на родительскихъ хлѣбахъ? Да вѣдь надо-же и честь знать. Не для этого давали мнѣ образованіе, это образованіе и безъ того уже достается тяжело родительскому бюджету. Идти на службу? Да кого же это такъ прельститъ мой кандидатскій дипломъ? Кто-же это мнѣ по первому востребованію отведетъ штатное мѣсто? Да и что я такое? Образованный юристъ или просвѣщенный администраторъ? Грамотныхъ людей и безъ меня довольно въ числѣ искателей мѣстъ, а кромѣ грамотности во всей моей филологической премудрости нѣтъ ни одной іоты, пригодной для канцелярской дѣятельности. Всякій заштатный писецъ уѣзднаго суда или квартальнаго управленія лучше меня съумѣетъ написать и переписать входящую или исходящую. Я вотъ даже и не знаю, какъ назвать дѣловую бумагу. По ученой части пойти? Въ учителя гимназіи? Это, конечно, хорошо но только что-же я за учитель? Какую науку я возьмусь преподавать? Что я знаю, кромѣ книги Гайма о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ? И что я успѣю изучить втеченіи этихъ двухъ лѣтъ, когда мнѣ въ это время придется еще готовиться къ выпускному экзамену и писать кандидатскую диссертацію? Вопросъ о спеціальности становился мрачнымъ и грозилъ сдѣлаться неразрѣшимымъ.

Не хорошо вообще, когда обстоятельства принуждаютъ насъ разсматривать одинъ предметъ съ двухъ различныхъ и почти независимыхъ точекъ зрѣнія. Не хорошо, когда является необходимость сдѣлать компромиссъ между требованіями любознательности и нахальными доводами житейскаго разсчета. Совсѣмъ не хорошо, когда наука представляется вамъ въ одно и то-же время цѣлью и средствомъ, высокимъ наслажденіемъ и хлѣбнымъ ремесломъ. Тогда ваши отношенія къ наукѣ дѣлаются похожими на отношенія пламеннаго любовника, которому повелительница его сердца платитъ за сердечный пылъ наличными деньгами и готовой квартирой. При такихъ двусмысленныхъ условіяхъ вопросъ о спеціальности запутывается окончательно, и вопрошающій юноша дѣлается плохимъ ремесленникомъ и негоднымъ ученымъ. У него оказывается мало денегъ и еще менѣе учености. Цѣлая долгая жизнь изнашивается въ бѣдности и неизвѣстности, и что всего обиднѣе, часто въ подобной жизни тратится по мелочамъ такая масса умственнаго труда и терпѣливаго мужества,—такая масса, которой было-бы слишкомъ достаточно, чтобы выдвинуть труженика впередъ и сдѣлать его полезнымъ для общества и пріятнымъ для самого себя. И труженикъ ни въ чемъ невиноватъ, потому что наука—вообще плохое ремесло, иного она и обогатитъ, но она никогда не будетъ доставлять всѣмъ своимъ обожателямъ средства платить долги въ мелочную лавочку. И такъ поступаетъ не одна наука; заодно съ нею дѣйствуютъ литература, коронная служба, адвокатура и всѣ другія видоизмѣненія умственнаго труда. Самый жалкій пролетаріатъ распространенъ между бѣдными чиновниками, между неудавшимися литераторами, между непризнанными дѣятелями науки, и распространенъ между этими людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ между сапожниками, булочниками или портными.

Очень понятно. Изъ умственныхъ продуктовъ обществу нуженъ только первый сортъ; поэтому, осыпая деньгами и знаками уваженія отдѣльныя единицы, оно бросаетъ массѣ умственныхъ тружениковъ сухія корки хлѣба, да и то въ ограниченномъ количествѣ. Я не говорю, что оцѣнка общества всегда безошибочна, но это обстоятельство не измѣняетъ вопроса, потому что здѣсь дѣло идетъ не о дѣйствительномъ достоинствѣ умственнаго труда, а о степени его надежности и прибыльности. Калачъ, пара сапогъ, сюртукъ или пальто всегда нужны и всегда имѣютъ какую-нибудь цѣнность, но нелѣпое изслѣдованіе или романъ, отвергнутые журналистами или книгопродавцами, не имѣютъ никакой цѣнности и вводятъ ихъ обладателя въ убытокъ, потому что бѣлая бумага, на которой написано произведеніе, дороже исписанной бумаги, идущей на макулатуру. Все это истины очень старыя и очень простыя, но ихъ не понимаетъ до сихъ поръ та часть нашего общества, которая называется образованной. До сихъ поръ самые разсудительные родители тянутся изъ послѣднихъ силъ, чтобы провести своихъ дѣтей

черезъ средній и высшія учебныя заведенія и дать имъ въ руки аттестатъ или дипломъ; до сихъ поръ каждый разсудительный родитель взглянулъ-бы на васъ съ гнѣвнымъ удивленіемъ, если-бы вы заикнулись ему о томъ, что нехудо бы его Мишеньку или Володеньку мастерству какому-нибудь обучить; да вы, какъ человѣкъ благовоспитанный, никогда и не заикнетесь. Даже смѣлые журналисты наши, порывающіеся облобызать почву, толкующіе о томъ, что не мѣшало-бы приписаться куда-нибудь, и ради сближенія и сліянія перенести розги, могущія представиться по мирскому приговору, даже эти милые патріоты не заикаются насчетъ Мишеньки или Володеньки. Имъ также кажется невдомекъ, что больше девяти-десятыхъ нашего брата бѣдствуетъ, нищенствуетъ и дармоѣдствуетъ единственно отъ того, что возлагаетъ все упованіе на аттестаты и дипломы, а ко всякому ремеслу подходитъ только тайкомъ и украдкой, урывками и самоучкой, да и то въ случаѣ голодной крайности. Но какъ-же Мишеньку и Володеньку отдать въ ученье къ сапожнику или портному, скажетъ самая разсудительная мать. Вѣдь хозяева морятъ голодомъ своихъ учениковъ, бьютъ ихъ, чѣмъ попало, и порятъ ихъ не на животъ, а на смерть. Точно такъ, ваше высокоблагородіе! Но эти недоразумѣнія между хозяевами и учениками вовсе не составляютъ незыблемаго закона природы. Хозяева дѣйствуютъ такъ потому, что имъ отдаются въ ученіе Мишки и Володьки, которыхъ было принято кормить изъ хозяйственнаго разсчета, а пороть по вдохновенью. До сихъ поръ порятъ и скверно кормятъ въ семинаріяхъ и между тѣмъ, понемногу перестаютъ пороть и скверно кормить въ гимназіяхъ, единственно потому, что гимназіи болѣе на виду у общества и болѣе интересуютъ его.

Если общество будетъ заинтересовано тѣмъ, чтобы мастера обращались человѣчно съ своими учениками, то это исполнится безъ особеннаго труда, и благодѣянія человѣчнаго обращенія будутъ естественнымъ образомъ распространены на забитыхъ и замореныхъ Мишекъ и Володекъ. Стало быть, только умственная неподвижность мѣшаетъ родителямъ обращать своихъ дѣтей въ мастеровыхъ, и только рутинная ограниченность мысли заставляетъ ихъ навязывать дѣтямъ такую карьеру, которая чрезвычайно похожа на лотерейный билетъ. Выигралъ — ты директоръ департамента, академикъ или извѣстный писатель; проигралъ — ты вѣчный чернорабочій съ развитыми потребностями или просто нищій и паразитъ. Но выигрышей во всякой лотереѣ бываетъ чрезвычайно мало сравнительно съ общимъ числомъ билетовъ, а между тѣмъ охотники до лотерей запоминаютъ только примѣры выигрышей и не обращаютъ никакого вниманія на тысячи печальныхъ уроковъ самаго поучительнаго свойства. Всякій хватается за невѣрный умственный трудъ и великодушно оставляетъ ремесленный трудъ младшей братіи. Отъ этого развивается въ обществѣ бѣдность, отъ этого чахнетъ и умственная дѣятельность, которая по самой природѣ своей должна быть свободна даже отъ вліянія матеріальныхъ обстоятельствъ. Сапожникъ можетъ писать очень хорошія поэмы въ часы, свободные отъ работы; но если этотъ самый сапожникъ будетъ надѣяться, для прокормленія своей семьи, не на ремесло свое, а на свой поэтическій талантъ, то ему естественно придется пришпоривать себя къ творчеству, и стихи будутъ выходить посредственные; можетъ, правда, случиться, что талантъ его очень богатъ, и что онъ способенъ творить постоянно, не истощаясь и не слабѣя; но всякій понимаетъ, что такіе таланты рѣдки и что ихъ обладатели, имѣющіе возможность прокармливать себя умственными трудами, принадлежатъ именно къ тѣмъ счастливымъ исключеніямъ, которымъ достался выигрышный лотерейный билетъ. И вотъ изъ-за этихъ-то исключеній наше общество ежедневно жертвуетъ судьбою тысячъ своихъ молодыхъ членовъ, которые могли-бы быть хорошими и зажиточными, образованными и дѣятельными ремесленниками, и которые, не смотря на то, дѣлаются бѣдными и безполезными чиновниками, жалкими литераторами и смѣшными учеными.

XIV.

Въ общихъ чертахъ мнѣ пришлось передумать во время исканія спеціальности всѣ тѣ мысли, которыя изложены въ предыдущей главѣ и которыя читатель по всей вѣроятности считаетъ неумѣстнымъ отклоненіемъ отъ главнаго предмета моей статьи. Мнѣ было очень тяжело, и нерѣшительность моя увеличивалась вмѣстѣ съ мучительнымъ сознаніемъ, что время не терпитъ и что рѣшиться на что-нибудь надо поскорѣе. Когда вамъ случается особенно торопливо одѣваться, то дѣло рѣдко идетъ удачно; вы спѣшите, и каждая отдѣльная вещь тоже спѣшитъ и не дается вамъ въ руки. Я спѣшилъ заняться чѣмъ-нибудь, и потому только метался изъ стороны въ сторону, хватался то за одинъ предметъ, то за другой, читалъ много, но во-первыхъ — безъ толку, во-вторыхъ — съ глухимъ отчаяніемъ, съ постоянной мыслью, что это все безполезно и что ничего изъ этого не выйдетъ. Понятно, съ какой горячей благодарностью я вспоминалъ тогда почтенныхъ руководителей, сбившихъ меня съ толку и отнявшихъ у меня даже довѣріе къ моимъ силамъ. Отъ философіи языка я кинулся къ славянскимъ нарѣчіямъ, потомъ обрушился на русскую исторію, потомъ вдругъ принялся изучать гомеровскую миѳологію, потому что мнѣ представилось, что въ головѣ моей возникла геніальная идея, великолѣпно объясняющая греческое понятіе судьбы или рока. Въ такихъ ристаніяхъ

по наукамъ филологическаго факультета прошло больше года. Товарищи мои иногда бранили меня за мою нелѣпость, иногда смѣялись надъ моими постоянными тревогами, но мнѣ было не до смѣха, и я самъ готовъ былъ бранить себя самымъ горькимъ и обиднымъ образомъ. Каждый разговоръ съ товарищами приводилъ меня въ уныніе или усиливалъ мою тревогу. Отчего, думалъ я, они всѣ знаютъ, что̀ имъ дѣлать? Одинъ изучаетъ памятники народной поэзіи, да еще началъ съ кельтскихъ пѣсенъ, и языку кельтскому выучился; другой занимается славянами и совершенно доволенъ своими занятіями; третій читаетъ серьезныя сочиненія по древней исторіи и тоже не волнуется мятежными страстями. Отчего-же я одинъ одержимъ фуріями? Отвѣтъ найти было не трудно, но этотъ отвѣтъ меня не удовлетворялъ. Легко было понять, что всѣ они читаютъ спокойно потому, что каждый изъ нихъ нашелъ себѣ дѣло по вкусу и постепенно втянулся въ понравившееся занятіе. Но тогда возникалъ вопросъ: отчего же это мнѣ ничто не нравится настолько, чтобы я взялся за дѣло и вработался въ него? На этотъ вопросъ слѣдовало отвѣтить такъ: подожди! найдешь и ты занятіе по душѣ, а насильно влюбиться нельзя ни въ женщину, ни въ науку. Этотъ отвѣтъ приходилъ мнѣ въ голову, но противъ него всегда находилось сильное возраженіе: «ищите и обрящете». Спеціальность не придетъ ко мнѣ сама. Я рискую цѣлую жизнь просидѣть у моря въ ожиданіи погоды, если я не буду испытывать серьезными работами свои вкусы и способности.

Въ этомъ разсужденіи было много справедливаго, но я примѣнялъ его къ дѣлу чрезвычайно уродливо. Мнѣ слѣдовало-бы читать такія книги, которыя могли быть интересны и полезны для всякаго образованнаго человѣка. Историческія сочиненія, особенно по новѣйшей исторіи, политико-экономическія книги, популярныя книги по различнымъ отраслямъ права, сочиненія по естественнымъ наукамъ, наконецъ просто русскіе журналы и газеты—все это несомнѣнно содѣйствовало-бы моему развитію, все это дало-бы мнѣ много знаній и во всякомъ случаѣ не осталось-бы для меня мертвымъ капиталомъ, если-бы даже во время этихъ чтеній я не встрѣтился съ той неизвѣстной красавицей, которой я непремѣнно хотѣлъ отдать мою жизнь и мои умственныя силы. Если бы даже судьба погрузила меня въ чтеніе «Русскаго Вѣстника», и такимъ образомъ сотворила-бы изъ меня обожателя Каткова и де-Молинари, то и за это я могъ-бы сказать ей спасибо. Каткова и де-Молинари я сталъ-бы обожать за идеи, крайне рутинныя, но все же новыя для меня, какъ Телицына я обожалъ за красивыя слова, годныя только на то, чтобы вызывать рукоплесканія неопытныхъ студентовъ. Прогрессъ былъ-бы очевидный. Кромѣ того увлеченіе «Русскимъ Вѣстникомъ» не могло быть продолжительно, потому что такія проявленія могли встрѣтиться мнѣ въ той-же русской журналистикѣ, въ которой встрѣтились-бы узкія и ложныя мудрованія. Словомъ, мнѣ непремѣнно надо было взглянуть за двери университета, увидать дѣйствительную жизнь, хотя-бы въ журнальныхъ книжкахъ и столбцахъ газетъ.

Я могу сказать безъ преувеличенія, что если-бы я употребилъ первые два года моего студенчества на постоянное чтеніе «Московскихъ» или «Петербургскихъ Вѣдомостей», газетъ вовсе незамѣчательныхъ по своему литературному или политическому достоинству, то все-таки это чтеніе принесло-бы моему развитію гораздо больше пользы, чѣмъ мои занятія профессорскими лекціями, Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и переводомъ Страбона. Но, ухлопавъ два года, я продолжалъ ухлопывать до конца все время моего студенчества. Я видѣлъ, что ошибся въ выборѣ занятій, но не понималъ того, что мнѣ слѣдуетъ радикально перемѣнить методъ и принципъ занятій, слѣдуетъ выйдти на свѣжій воздухъ изъ душныхъ монастырскихъ стѣнъ университетской науки. Я не бралъ въ руки ни одной книги, не спросивши себя предварительно: а нужно ли мнѣ это читать для моей спеціальности? А не есть-ли это потеря времени? Я напримѣръ не зналъ Жоржъ Зандъ и не взялъ-бы въ руки ни одного ея романа изъ опасенія потерять даромъ время, пригодное для чтенія Краледворской рукописи или мухамеданской нумизматики Савельева. Я позволилъ себѣ прочесть Шекспира, Шиллера или Гёте только потому, что эти имена упоминаются во всякой исторіи литературы; но и къ нимъ я снисходилъ очень рѣдко, потому что время дорого и путь ко спасенію узокъ и прискорбенъ. Принимаясь за спеціальность, я всегда врѣзывался прямо въ самую сушь, въ такую сушь и глушь, которая могла имѣть смыслъ и интересъ только для человѣка, уже давно работающаго въ этой области наукъ. Кромѣ того я обладалъ особеннымъ искусствомъ браться именно за тѣ науки, къ которымъ нѣтъ легкаго и постепеннаго доступа. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ мнѣ приходилось начинать съ польской и чешской азбуки. Въ русской исторіи надо было преодолѣвать книгу Соловьева, изслѣдованія Погодина, работы Круга, Байера, Лерберга. Можетъ-быть этого и не надо было; можетъ-быть споръ о варягахъ могъ остаться для меня въ сторонѣ,—но я думалъ, что необходимо начинать сначала, и, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могъ заинтересовать себя ни чешской азбукой, ни изслѣдованіями о «Русской Правдѣ». Мнѣ приходило иногда въ голову, что я можетъ-быть вовсе не созданъ быть ученымъ; но такая еретическая мысль наполняла меня ужасомъ и негодованіемъ. На что-же я послѣ этого годенъ, и что-же я изъ себя сдѣлаю? Товарищи мои также смотрѣли съ укоризной на слишкомъ радикальныя сомнѣнія мои въ отношеніи къ ученой карьерѣ; они гово-

рили даже, что то блажь и лѣнь, и я этому вѣрилъ, хотя заподозрить меня въ лѣности было мудрено, и во всякомъ случаѣ несправедливо. Но студенты и профессоры филологическаго факультета были уже такъ устроены отъ природы, что на поползновеніе уклониться отъ ученой дѣятельности они смотрѣли, какъ на ренегатство, какъ на умственное и нравственное паденіе. Это не помѣшало почти всѣмъ моимъ товарищамъ поступить на службу въ разные департаменты, но они до сихъ поръ утѣшаютъ себя мыслью, что они будутъ держать экзаменъ на магистра и потомъ двигать науку впередъ.

Вліяніе профессоровъ и студентовъ, вліяніе спертой университетской и особенно факультетской атмосферы постоянно толкало меня обратно къ чешской азбукѣ и къ «Русской Правдѣ»; и я опять боролся, и опять изнемогалъ, и опять приходилъ въ отчаяніе, зачѣмъ я не влюбленъ въ русскія древности и въ славянское корнесловіе. Передъ глазами моими былъ поучительный образчикъ того ученаго аскетизма, къ которому я самъ стремился такъ упорно и такъ напрасно: товарищъ мой М., занимавшійся славянами, не хотѣлъ знать ничего такого, что не касалось-бы славянскаго міра. Въ этомъ нежеланіи была какая-то холодная и постоянная энергія; для него дѣйствительно существовалъ особенный славянскій міръ, и все, что выходило изъ предѣловъ этого міра, составляло для моего товарища тьму кромѣшную и игнорировалось имъ съ самодовольствомъ и гордостью заклятаго спеціалиста. По внушенію гимназическаго учителя русской словесности, онъ началъ заниматься славянами еще въ гимназіи, втянулся въ изученіе мельчайшихъ фактовъ и потомъ продолжалъ тѣ-же занятія въ университетѣ, обращая на остальныя науки столько вниманія, сколько было совершенно необходимо для того, чтобы кое-какъ выдерживать переходные экзамены. Объ общемъ образованіи его судить было невозможно, потому что онъ никогда не говорилъ ни о чемъ не-славянскомъ; когда при немъ студенты вели между собою общій научный разговоръ или философскій споръ (что составляетъ неизбѣжную принадлежность студенческаго быта), тогда М. молчалъ или приводилъ частный примѣръ изъ славянской исторіи или миѳологіи, изъ славянскаго языка или права, если споръ допускалъ подобныя вставки. Онъ вообще былъ холоденъ и сухъ; провести съ нимъ полчаса съ глазу на глазъ было тяжело и утомительно, хотя онъ всегда встрѣчалъ товарища радушно. Чтобы объяснить себѣ самому и другимъ исключительность своихъ занятій, онъ любилъ драпироваться въ мантію всеславянскаго патріотизма; на тетрадяхъ его красовался эпиграфъ: «Slavus sum et nihil slavice a me alienum esse puto» (Я—славянинъ, и ничто славянское не считаю для себя чужимъ),—жалкая и смѣшная пародія на прекрасныя слова: «Homo sum, et nihil humani...» (Я—человѣкъ, и ничто человѣческое и т. д.) Онъ съ паѳосомъ говорилъ о величіи славянскаго имени, но этотъ паѳосъ никого не увлекалъ, потому что самый неопытный слушатель славянствующаго витіи могъ чувствовать и дѣйствительно чувствовалъ, что восторгъ этотъ подогрѣтъ и что воодушевленіе это искусственно. Я не понималъ славянскихъ чувствъ моего товарища, да и всѣ наши филологи вмѣстѣ со мною сомнѣвались въ ихъ искренности и даже отрицали ихъ существованіе,—а между тѣмъ мы всѣ глубоко уважали М., какъ чрезвычайно дѣльнаго спеціалиста. Въ каждомъ изъ насъ было гораздо больше жизни, чѣмъ въ нашемъ славянинѣ; каждый изъ насъ былъ умнѣе и даровитѣе его, а между тѣмъ мы не задумывались ставить его выше насъ всѣхъ, потому что онъ былъ отрѣшеннымъ отъ грѣховнаго міра спеціалистомъ. И я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы дойти до того умственнаго кастратства, въ которомъ блаженствовалъ мой замѣчательный товарищъ.

XV.

Умственныя страданія мои увеличивались каждый разъ, когда я видѣлся и разговаривалъ съ профессоромъ Сварожичемъ, занимавшимъ въ нашемъ университетѣ каѳедру славянскихъ нарѣчій. Его слова были каплями уксуса, падавшими на мои свѣжія раны; между тѣмъ слова эти вовсе не были порицательнаго свойства, да и все обращеніе Сварожича со мною было чрезвычайно деликатно, ласково и даже задушевно. Сварожичу было около пятидесяти лѣтъ; онъ былъ академикомъ, членомъ многихъ обществъ и пользовался очень громкой извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что онъ былъ умнѣе всѣхъ профессоровъ нашего факультета. Но умъ этотъ, острый и проницательный, сухой и трезвый, былъ преимущественно разлагающаго свойства; онъ могъ преслѣдовать ошибочную гипотезу въ ея послѣднія убѣжища, онъ могъ разбивать красивую мечту безъ всякаго состраданія къ ея красотѣ, онъ разрушалъ всякую теорію, показывалъ несостоятельность всякаго рискованнаго предположенія,—и затѣмъ, окончивъ дѣло истребленія, воздерживался отъ всякой попытки собственнаго творчества. Я увѣренъ, что если-бы Сварожичъ былъ химикомъ или анатомомъ, то имя его было-бы гораздо извѣстнѣе и услуги, оказанныя имъ знанію, были-бы тогда дѣйствительно значительны и плодотворны. Но жизнь и умственная дѣятельность народа не могутъ быть вызваны изъ прошедшаго одной критической силой ума. Чтобы понимать человѣка, надо умѣть поставить себя въ его положеніе, надо перечувствовать его горе и радость. Историкъ нуждается, правда, въ трезвой критикѣ, чтобы очистить факты отъ выдумокъ и случайныхъ искаженій, но настолько-же,

или можетъ-быть еще болѣе нуждается онъ въ силѣ соображенія и чувства. Эти послѣднія свойства часто вводятъ историка въ ошибки, и историческая картинка оказывается невѣрной; но если-бы не было этихъ свойствъ, тогда картины не было бы вовсе, тогда не существовало бы исторіи. Историкъ, подобный Сварожичу, не ошибается никогда, потому что никогда не бываетъ историкомъ. Его критика взвѣшиваетъ каждый фактъ отдѣльно, отбрасываетъ все, что̀ неправдоподобно, подмѣчаетъ каждое внутреннее противорѣчіе и пользуется имъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Потомъ, когда весь механизмъ прошедшей жизни развинченъ, когда всѣ колеса, винты и гайки пересмотрѣны и вычищены, тогда вся эта груда очищенныхъ частей оставляется въ видѣ груды, и работникъ принимается за разборку другой машины. То, что̀ дѣлается въ области исторіи, повторяется также въ области филологіи; языкъ также развинчивается на звуки и части рѣчи, а жизнь и духъ языка, его особенности и красоты, въ которыхъ выразились свойства народа, остаются нетронутыми и непонятыми.

Такимъ образомъ, посвящая себя историкофилологической дѣятельности, сильный критическій умъ добровольно обрекаетъ себя на ту черную работу, которая называется въ ученомъ мірѣ заготовленіемъ матеріаловъ. Черная работа полезна, но если мы возьмемъ въ разсчетъ, что чернорабочій филологъ могъ-бы быть первокласснымъ химикомъ или анатомомъ, то мы невольно пожалѣемъ объ его участи и замѣтимъ про себя, что большое дарованіе тратится на малыя дѣла. Машинисту не слѣдуетъ быть землекопомъ, талантливому журналисту не слѣдуетъ быть приходскимъ учителемъ, и точно также Сварожичу не слѣдовало быть заготовителемъ матеріаловъ, когда онъ самъ могъ-бы быть замѣчательнымъ дѣятелемъ въ такой наукѣ, которая требуетъ только силы и трезвости критическаго взгляда. Я увѣренъ, что самъ Сварожичъ, какъ человѣкъ умный, понималъ неестественность своего положенія, но по всей вѣроятности онъ началъ понимать ее уже тогда, когда дорога была выбрана, когда первые и самые трудные шаги были пройдены и когда слѣдовательно поворотить назадъ и пойти по другой дорогѣ было уже неудобно и тяжело. Онъ конечно никогда не говорилъ о томъ, что ему не нравится предметъ его занятій, онъ постоянно работалъ настолько, насколько это было необходимо для поддержанія составленной репутаціи, даже увлекался иногда критическимъ процессомъ мысли, онъ ради приличія показывалъ сочувствіе къ судьбѣ и къ поэзіи славянскаго племени, — но всякій мало-мальски внимательный наблюдатель могъ легко замѣтить, что Сварожичъ глубоко равнодушенъ къ своей наукѣ и даже невольно относится къ ней съ легкимъ оттѣнкомъ скептическаго презрѣнія

Понятно, что такія отношенія человѣка къ предмету его постоянныхъ занятій должны быть мучительны; понятно также, что человѣкъ старается избавиться отъ этого мучительнаго ощущенія и достигаетъ своей цѣли; но умственное спокойствіе покупается цѣной нравственнаго достоинства. Сначала человѣкъ говоритъ себѣ: «я приношу мало пользы на этомъ поприщѣ; я здѣсь не на своемъ мѣстѣ», — и ему тяжело отъ этого сознанія, но потомъ онъ привыкаетъ къ своему ложному положенію и начинаетъ говорить себѣ: «а что за бѣда? Вѣдь люди глупы; имъ кажется, что я приношу много пользы. Меня уважаютъ. Чѣмъ-же я не на своемъ мѣстѣ? Вонъ я сколько жалованья получаю!»

Такая исторія происходитъ со всѣми ретивыми молодыми чиновниками, которые начинаютъ замѣчать, что ретивость ихъ должна укоротить поводья, и которые между тѣмъ не имѣютъ духу покинуть благословенныя Палестины. Такая исторія произошла нѣкогда съ Сварожичемъ. Какъ умный человѣкъ, онъ очень радикально излечился отъ всякихъ тяжелыхъ сознаній, и безъ малѣйшей любви къ своему дѣлу продолжалъ профессорствовать, работать въ академіи и засѣдать во всевозможныхъ ученыхъ обществахъ. Умственный трудъ, исканіе истины сдѣлались для него службой, средствомъ получать большое жалованье, дорогой къ чинамъ и знакамъ отличія. И дѣйствительно, служба его шла блистательно. Имя его было извѣстно даже заграничнымъ славянскимъ ученымъ, считавшимъ его въ невинности души ревностнымъ апостоломъ славянской науки въ единственной самостоятельной славянской державѣ.

Странное дѣло! Начиная писать эту главу о Сварожичѣ, я хотѣлъ отнестись къ нему почти съ сочувствіемъ, но чѣмъ пристальнѣе я всматриваюсь въ эту замѣчательную личность, тѣмъ ниже падаетъ она въ моихъ глазахъ, и я начинаю чувствовать противъ нея такое негодованіе, какого не могли возбудить во мнѣ ни Креозотовъ, ни Телицынъ, ни даже Ироніанскій. Тутъ нѣтъ впрочемъ ничего необъяснимаго. И Креозотовъ, и Телицынъ, и Ироніанскій смѣшные лилипуты въ сравненіи съ Сварожичемъ. Глядя на нихъ, мы только смѣемся, пожимаемъ плечами и жалѣемъ о той молодежи, которая, по милости этихъ господъ, принуждена ежедневно терять по нѣскольку драгоцѣнныхъ часовъ. Но, разсматривая умственную деморализацію Сварожича, мы страдаемъ за него самого, страдаемъ за достоинство человѣка, потому что здѣсь мы видимъ паденіе замѣчательнаго ума, оставшагося замѣчательнымъ даже въ своемъ униженіи. Паденіе Сварожича состояло въ томъ, что онъ былъ рабомъ занимаемаго имъ мѣста, вродѣ того, какъ итальянскій министръ Урбанъ Ратацци былъ въ 1862 году рабомъ своего министерскаго портфеля. Если-бы, для сохраненія мѣста, Сварожичу пришлось сжать въ комокъ свое человѣческое

достоинство, то онъ исполнилъ-бы эту эволюцію безъ малѣйшаго тяжелаго чувства, съ ѣдкой улыбкой на губахъ, потому что къ человѣческому достоинству онъ относился такъ-же скептически, какъ къ своимъ умственнымъ занятіямъ. Вліяніе сильнаго ума во всякомъ случаѣ такъ велико, что вы, присутствуя при операціяхъ Сварожича надъ его человѣческимъ достоинствомъ, ни на одну минуту не почувствовали-бы въ себѣ силы презирать его; вы могли-бы только чувствовать сильнѣйшій гнѣвъ, вы могли бы задыхаться отъ негодованія,—но вы въ то-же время понимали-бы, что Сварожичъ самъ, въ минуту своего униженія, смѣется и надъ собой, и надъ тѣми личностями, передъ которыми онъ преклоняется, и надъ тѣми обстоятельствами, которыя гнутъ его въ дугу.

Конечно такой характеръ могъ развиться только при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ; но мнѣ кажется, что его задатки заключались именно въ неестественныхъ отношеніяхъ Сварожича къ предмету его умственной дѣятельности. Замѣчательные умы, направленные къ такому труду, который поглощаетъ всѣ ихъ силы и удовлетворяетъ всѣмъ ихъ потребностямъ, находятъ именно въ этомъ трудѣ незыблемую точку опоры для своей нравственной самостоятельности. Они влюбляются въ свои идеи, и эти идеи, становясь для нихъ дороже выгодъ и удобствъ жизни, дѣлаютъ ихъ свободными и великими, непоколебимыми и мужественными. Вспомните старика Галилея, подумайте, почему онъ передъ папскимъ инквизиціоннымъ судомъ не побоялся произнести знаменитыя слова: «а она все-таки вертится!»—подумайте объ этомъ, и вы увидите, какой могучій и незамѣнимый талисманъ составляютъ для мыслящаго человѣка любимыя занятія его мысли. Если у васъ есть такія любимыя занятія, то на нихъ сосредоточится вашъ умъ; и чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, тѣмъ сильнѣе будетъ ваша привязанность къ любимымъ занятіямъ, тѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе вы будете держать себя въ отношеніи къ постороннимъ предметамъ. Но если у васъ нѣтъ любимыхъ занятій, то умъ вашъ естественнымъ образомъ направится на обсуживаніе практическихъ житейскихъ обстоятельствъ, и при этомъ обсуживаніи вы также естественно будете брать за мѣрку практическія потребности и удобства вашей особы; чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, чѣмъ онъ свободнѣе отъ предразсудковъ, тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе онъ разовьетъ и приложитъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни ходячую мораль: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Та-же самая сила ума, которая въ первомъ случаѣ дѣлала васъ свободнымъ и великимъ, сдѣлаетъ васъ во второмъ случаѣ маленькимъ рабомъ обстоятельствъ; или вѣрнѣе, въ первомъ случаѣ—великимъ человѣкомъ, а во второмъ—великимъ подлецомъ. Вотъ почему и говорятъ, что любовь и наука облагороживаютъ человѣка. Облагороживаютъ не знанія, а любовь и стремленіе къ истинѣ, пробуждающіяся въ человѣкѣ тогда, когда онъ начинаетъ пріобрѣтать знанія. Въ комъ не пробудились эти чувства, того не облагородятъ ни университетъ, ни обширныя свѣдѣнія, ни дипломы. Понятно также, что мѣсто любимой научной дѣятельности можетъ съ совершеннымъ успѣхомъ занять любимая литературная дѣятельность или любимый политическій принципъ.

Сильно развитая любовь ведетъ къ фанатизму, а сильный фанатизмъ есть безуміе, мономанія, idée fixe; но съ другой стороны, отсутствіе любви приводитъ къ скептицизму, а скептицизмъ, проведенный въ жизнь съ неумолимой логической послѣдовательностью, называется систематической подлостью. И вотъ, между бездной безумія съ одной стороны и бездной подлости съ другой стороны долженъ пробираться порядочный человѣкъ, балансируя на узкой тропинкѣ, которая часто становится до такой степени узкой, что приходится только выбирать, куда свалиться: упадешь въ безуміе—всѣ пожалѣютъ, упадешь въ подлость—пожалѣютъ немногіе, потому что большинство скажетъ: «молодецъ!» Въ первомъ случаѣ немногіе пожалѣютъ съ оттѣнкомъ уваженія, многіе—съ чистымъ состраданіемъ, а большинство—съ примѣсью презрительной насмѣшки; во второмъ-же случаѣ, тѣ немногіе, которые не скажутъ «молодецъ», будутъ жалѣть съ горькимъ негодованіемъ или съ ледянымъ презрѣніемъ, но вѣдь ихъ будетъ такъ немного!.. Остается, стало быть, затрудненіе выбора. Для Сварожича затрудненія тутъ не было; онъ не любилъ падать безъ надобности и всегда до послѣдней возможности балансировалъ на узкой тропинкѣ, но когда приходилось круто, всегда падалъ молодцомъ и проворно выскакивалъ опять на узкую тропинку. Эти паденія и выскакиванія производились такъ легко и граціозно, что они никому не бросались рѣзко въ глаза и никому не западали глубоко въ память. Поэтому личность Сварожича казалась и мнѣ, и другимъ, личностью умнаго человѣка, дипломата, университетскаго Талейрана. Поэтому я приступилъ къ ея анализу сначала съ тѣмъ невольнымъ уваженіемъ, которое всегда внушаетъ къ себѣ человѣческій умъ,—съ тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ историкъ XIX столѣтія сталъ-бы вглядываться въ физіономію Талейрана. Только рѣшившись анализировать и называть вещи настоящими именами, я могъ придти къ тѣмъ нелестнымъ для Сварожича результатамъ, къ которымъ привело меня естественное и непреднамѣренное развитіе мысли. Къ подобнымъ результатамъ приходятъ конечно и біографы знаменитыхъ дипломатовъ вообще, и Талейрана въ особенности.

Анализъ личности Сварожича объясняетъ до нѣкоторой степени, почему слова этого профессора всегда усиливали мои умственныя страда-

нія. Умному скептику было смѣшно видѣть мои добросовѣстныя и напрасныя усилія влюбиться въ науку, а даровитому и опытному критику стоило только сказать нѣсколько словъ, чтобы разбить въ прахъ методы моихъ занятій. Какъ я ни приступалъ къ дѣлу, какъ ни изловчался, Сварожичъ, на судъ котораго я приносилъ свои попытки и планы, сію-же минуту находилъ ихъ слабую сторону и доказывалъ мнѣ съ самой ловкой улыбкой, что ничего изъ моихъ плановъ и занятій не выйдетъ. И я принужденъ былъ соглашаться, потому что противъ очевидности не спорятъ. А обращался я къ Сварожичу по тому-же самому побужденію, по которому химикъ испытываетъ золото самыми сильными кислотами. Если Сварожичъ не найдетъ противъ этого плана возраженія, значитъ—дѣйствительно хорошъ. Но возраженіе всегда находилось, и я всегда удалялся отъ Сварожича съ цѣлымъ ворохомъ разбитыхъ иллюзій и перепутанныхъ намѣреній. Въ томъ, что онъ разбивалъ мои иллюзіи, не было конечно ничего дурного; я дѣйствительно затѣвалъ глупости и вертѣлся въ заколдованномъ кругу. Но нехорошо было то, что Сварожичъ дипломатизировалъ даже со мною, говоря о моихъ занятіяхъ и тревогахъ. Онъ указывалъ мнѣ только частныя мои ошибки и ни разу не проронилъ ни одного слова насчетъ общихъ свойствъ университетской науки и студенческихъ занятій. Когда я въ совершенномъ отчаяніи спрашивалъ у него: да что-же дѣлать? чѣмъ заниматься? тогда онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ успокоивалъ меня на минуту нѣсколькими общими словами и такимъ образомъ уклонялся самъ отъ всякаго категорическаго отвѣта. Ему, какъ филологу и профессору, было неудобно разоблачать передъ студентомъ общую несостоятельность нашей науки; и въ то-же время ему, какъ умному человѣку, было совѣстно и противно повторять тѣ фразы, которыя изливалъ Телицынъ,—вотъ онъ и лавировалъ, говоря съ солиднымъ уваженіемъ о какой-то отвлеченной наукѣ вообще и въ то-же время осмѣивая тонко и умно ошибки ученыхъ, учащихъ и учащихся въ частности. Сказать мнѣ просто и откровенно: бросьте нашъ хламъ, познакомьтесь съ жизнью, расширьте кругъ вашего чтенія и вашей мысли — этого ему не хотѣлось. Весь хламъ въ совокупности назывался у него великой и священной наукой, но каждый отдѣльный кусочекъ этого хлама разсматривался и оцѣнивался имъ по достоинству и оказывался пылью и гнилью, на которой нельзя построить ни одного твердаго вывода.

Каковъ былъ Сварожичъ въ разговорахъ, таковъ онъ былъ и на лекціяхъ. Относясь съ глубокой недовѣрчивостью къ трудамъ всѣхъ ученыхъ, разработывавшихъ его науку, онъ не читалъ на лекціяхъ ничего чужого. Всѣ его лекціи состояли изъ сырыхъ матеріаловъ и изъ замѣчаній, составленныхъ имъ самимъ. На каждой лекціи онъ разсматривалъ представлявшіеся вопросы съ разныхъ сторонъ, приводилъ множество доводовъ *за* и *противъ*, напрягалъ ожиданія слушателей и потомъ не останавливался ни на чемъ. «Можетъ-быть такъ, можетъ-быть и не такъ»—вотъ и все, что выносили слушатели; каждая лекція оканчивалась знакомъ вопросительнымъ и доказывала такимъ образомъ, что Сварожича забавляетъ иногда процессъ мышленія, но что предметъ, о которомъ онъ размышляетъ, всегда остается для него безразличнымъ. Говорить о судьбѣ цѣлаго народа или разбирать различныя мнѣнія археологовъ о какой-нибудь черниговской гривнѣ—для него это было все равно; было даже замѣтно предпочтеніе къ черниговскимъ гривнамъ, потому что микроскопическій вопросъ можетъ быть удобнѣе и безопаснѣе анализировать съ разныхъ сторонъ. А поведетъ-ли этотъ вопросъ къ чему нибудь? — объ этомъ собиратель матеріаловъ не спрашиваетъ, да и спрашивать не зачѣмъ. Вопросъ потѣшилъ его мысль, далъ ему возможность прочитать лекцію, доставилъ ему случай написать академическій мемуаръ; очевидно, стало быть, что вопросъ повелъ къ очень многому.

XVI.

Въ началѣ зимы 1858 года мнѣ удалось найти себѣ работу въ одномъ журналѣ для дѣвицъ, начинавшемъ свое существованіе съ января 1859 года. Это обстоятельство конечно не относится къ университетской наукѣ, но я упоминаю о немъ для того, чтобы нагляднымъ противоположеніемъ показать читателю различіе между самой нехитрой практической работой и самыми замысловатыми кабинетными занятіями. Мнѣ было поручено вести въ этомъ журналѣ библіографическій отдѣлъ, т. е. указывать юнымъ читательницамъ на тѣ книги и журнальныя статьи, которыя могутъ обогатить ихъ умъ, не вредя чистотѣ и непорочности ихъ сердца. Направленіе журнала было сладкое, но приличное, и отъ издѣлій г-жи Ишимовой онъ отличался значительно. Мы даже за эмансипацію женщины стояли, стараясь конечно не огорчать такими сужденіями почтенныхъ родителей. Добродѣтель мы любили особенно горячо, и объ ней говорили уже совершенно смѣло, потому что добродѣтель—предметъ одинаково пріятный для дѣтей и родителей.

Сначала я взглянулъ на свою новую работу преимущественно съ денежной точки зрѣнія; мои библіографическія статейки оплачивались по 30 р. с. за печатный листъ и доставляли мнѣ ежемѣсячно отъ 60 до 70 р. с. Для студента, бѣгавшаго въ Публичную Библіотеку, чтобы не издержать пяти рублей на книгу, это была цѣлая Калифорнія. Я и ухватился за эту работу обѣими руками, и старался выполнять ее какъ можно тщательнѣй и аккуратнѣй, чтобъ удержать и

обезпечить ее за собою. Редакторъ мой конечно замѣтилъ это, остался очень доволенъ моими стараніями, и мѣсяца черезъ два послѣ начала нашего знакомства мы уже были увѣрены, что не разстанемся безъ особенной необходимости, потому что оба чувствовали, насколько мы полезны другъ другу. Нечувствительно забралась ко мнѣ въ голову мысль, что эта работа можетъ поддерживать меня и послѣ выхода изъ университета. Стало быть, думалъ я, если даже я не отыщу себѣ прочной спеціальности, бѣда не такъ велика: жить можно. Чѣмъ яснѣй вырисовывалась для меня эта утѣшительная перспектива, тѣмъ сильнѣй я дорожилъ моей журнальной работой. Редакторъ поговаривалъ даже о томъ, что, когда я выйду изъ университета, онъ попроситъ меня быть его помощникомъ по редакціи. При мысли о такомъ повышеніи и благополучіи я чувствовалъ даже головокруженіе и отвѣчалъ, опуская глаза, что я всегда готовъ служить нашему общему дѣлу. Между тѣмъ работа начинала дѣйствовать на меня не съ одной денежной стороны: я привязывался къ ней искренно и сильно. Я писалъ свои жиденькія и невинныя статейки съ такимъ увлеченіемъ, съ какимъ мнѣ никогда не случалось работать надъ біографіей Гумбольдта. Мнѣ было пріятно всматриваться и вдумываться въ чтеніе книгъ и журнальныхъ статей, потому что я видѣлъ передъ собой близкую и вполнѣ доступную цѣль этого всматриванія и вдумыванія. Мнѣ было пріятно развивать на бумагѣ мои мысли и взгляды, потому что они были дѣйствительно мои, и я вполнѣ понималъ, что̀ я пишу; я всей душой сочувствовалъ тому, что я старался объяснить или доказать. Я не производилъ ничего новаго и оригинальнаго, но для меня это было и ново, и оригинально. Я не выписывалъ изъ книжки и не повторялъ чужихъ словъ,—я дѣйствительно самъ размышлялъ и, доходя путемъ собственнаго размышленія до общеизвѣстныхъ истинъ, я все-таки успѣвалъ сообщить этимъ истинамъ ту печать искренняго и живого убѣжденія, которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль дѣйствительно возникла въ собственномъ мозгу писавшаго. Поэтому работа моя была для меня привлекательна; я увѣренъ кромѣ того, что статьи мои, даже въ глазахъ постороннихъ читателей, не имѣли того утомительно-казеннаго характера, который имѣетъ обыкновенно повтореніе идей, обратившихся уже въ общее достояніе всѣхъ образованныхъ людей. Свѣжесть и искренность убѣжденія выкупали недостатокъ новизны; читатель могъ и долженъ былъ улыбаться наивному увлеченію автора, но эта самая улыбка, полунасмѣшливая, полублагосклонная, навѣрное мѣшала читателю зѣвнуть и можетъ-быть побуждала его дочитать до конца. Впрочемъ, что̀ бы ни дѣлалъ читатель—зѣвалъ или улыбался,—для меня это было все равно; я былъ доволенъ и счастливъ; умственная дѣятельность моя пробуждалась, и я умилялся надъ самимъ собою, какъ умиляется молодая мать надъ колыбелью своего новорожденнаго ребенка. Занятія славянскими и русскими древностями вѣжливо отходили въ сторону, хотя я все еще признавалъ ихъ занятіями главными и существенными. Мнѣ казалось, что я работаю такъ ревностно для журнала ради корысти, изъ практическаго разсчета, чтобы удовлетворить заказчика; но на самомъ дѣлѣ уже всѣ симпатіи были на сторонѣ журнальнаго труда, а филологической учености бросалось изрѣдка конѣечное подаяніе, служившее только для успокоенія моей встревоженной совѣсти. Въ журнальной работѣ сосредоточились и существенные мои интересы, и источники умственнаго наслажденія, а ученыя занятія остались только священнымъ долгомъ; я вѣровалъ, что надо исполнить этотъ долгъ, но не видалъ, почему надо, и не находилъ эту необходимость пріятной. Ясно, что догматъ, неподдерживаемый ни разсудкомъ, ни чувствомъ, былъ просто мертвымъ остаткомъ прошедшаго, которому предстояло рухнуть и разсыпаться въ прахъ.

Для составленія моихъ библіографическихъ обзоровъ мнѣ приходилось читать много разнообразныхъ книгъ и статей, и мнѣ нравилось не только размышленіе и писаніе, но и пестрое чтеніе само по себѣ. Вся эта масса книгъ и статей составляла самый разнообразный сбродъ, но во всемъ этомъ сбродѣ чувствовалось то обаятельное вѣяніе жизни, безъ котораго не можетъ существовать самый мрачный изъ современныхъ журналовъ. Мнѣ пришлось прочитать много историческихъ статей Маколея, Прескотта и Мотлея, много педагогическихъ разсужденій, нѣсколько путешествій (напр. «Фрегатъ Паллада» Гончарова, по Америкѣ—Лакіера, по Африкѣ—Ливингстона), нѣсколько книгъ по естественнымъ наукамъ (напр. «Химія вседневной жизни» Джонстона, «Исторія земной коры» Куторги, «Физическая географія» Гюйо, «Громъ и молнія» Араго). Наконецъ въ 1859 году мнѣ пришлось говорить довольно подробно въ нашемъ журналѣ объ «Обломовѣ» и о «Дворянскомъ Гнѣздѣ». Словомъ, библіографія моя насильно вытащила меня изъ закупоренной кельи на свѣжій воздухъ, и этотъ переходъ доставилъ мнѣ грѣховное удовольствіе, котораго я не могъ скрыть ни отъ самого себя, ни отъ другихъ. Товарищи мои стали внушительно качать головами и предостерегать меня, говоря, что конечно журнальной работой заниматься позволительно для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, но что увлекаться ею не слѣдуетъ, потому что она отводитъ человѣка отъ науки и повергаетъ его въ пустословіе и въ пагубный диллетантизмъ. Мнѣ указывали съ соболѣзнованіемъ на поучительный примѣръ Добролюбова, который, видите-ли, могъ-бы быть дѣльнымъ ученымъ, а вмѣсто того сдѣлался пу-

стымъ журналистомъ и увлекся суетой «Современника». Я съ своей стороны старался увѣрить всѣхъ въ моей невинности, открещивался отъ примѣра Добролюбова и говорилъ, что никогда не пойду по такому предосудительному пути. Остатокъ прошедшаго, мертвый догматъ все еще висѣлъ надъ моей головой, и я употреблялъ послѣднія усилія, чтобы поддержать мою угасавшую вѣру въ величіе и святость филологіи.

Но читатель мнѣ не вѣритъ, читатель навѣрное думаетъ, что я клевещу. «Возможное-ли дѣло,—говоритъ онъ себѣ,—чтобы студенты въ 1858 году смотрѣли на Добролюбова, какъ на человѣка, идущаго по ложной дорогѣ? Можетъ ли быть, чтобы они указывали на него, какъ на поучительный примѣръ, долженствующій привести молодого человѣка въ ужасъ и раскаяніе!..»

О, читатель, читатель! развѣ я не вижу, до какой степени мое показаніе неправдоподобно? И развѣ я осмѣлился-бы высказать такую несообразность, еслибы это не была чистая истина? Но увѣренія и клятвы мои не уясняютъ дѣла, а фактъ самъ по себѣ такъ любопытенъ, что я не могу избавить себя отъ обязанности остановиться на немъ и разсмотрѣть его по возможности внимательно. Надо, во-первыхъ, замѣтить, что молодежь наша очень сильно измѣнилась въ послѣдніе три-четыре года. Уже въ 1858 и 1859 годахъ студенты, поступившіе въ университетъ, не были похожи на насъ, студентовъ III и IV курсовъ. Поступая въ университетъ, мы были робки, склонны къ благоговѣнію, расположены смотрѣть на лекціи и слова профессоровъ, какъ на пищу духовную и какъ на манну небесную. Новые студенты, напротивъ того, были смѣлы и развязны, и оперялись чрезвычайно быстро, такъ что черезъ какіе-нибудь два мѣсяца послѣ поступленія они оказывались хозяевами университета и сами поднимали въ студенческихъ кружкахъ дѣльные вопросы и серьезные споры. Они затѣвали концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ, они приглашали профессоровъ читать публичныя лекціи для той-же благотворительной цѣли, они устроили студенческую библіотеку; а мы, старые студенты, считавшіе себя цвѣтомъ университета и солью русской земли, мы остались въ сторонѣ, изобразили на лицахъ своихъ недовѣріе и иронію и стали повторять стихъ Грибоѣдова: «шумите вы, и только». Но скоро оказалось, что иронія наша никуда не годится, потому что новые студенты распоряжаются умно и успѣшно; оказалось, что движеніе и жизнь пошли мимо насъ, и что мы отстали и превращаемся въ книжниковъ и фарисеевъ. Конечно отсталость наша была дѣло поправимое, но, чтобы поправить ее, надо было сначала признать существованіе новой жизни, надо было понять, что новые студенты непохожи на бывшихъ обожателей Телицына; надо намъ было выйти изъ нашей гордой замкнутости и пойдти вслѣдъ за другими. Но всѣмъ извѣстна заносчивость молодости и гордость ученой касты. Большая часть моихъ товарищей были увѣрены въ абсолютной непогрѣшимости своего умственнаго направленія, и большая часть изъ нихъ по образу мыслей уже принадлежала къ ученой кастѣ, хотя объемъ ихъ свѣдѣній былъ еще очень ограниченъ. Этимъ молодымъ ученымъ, ушедшимъ уже въ книги отъ грѣховнаго міра, казалась странной самая мысль учиться чему-нибудь у своихъ младшихъ товарищей; да и приходила-ли имъ въ голову мысль, что эти товарищи обогнали ихъ?

Если новые студенты могли быть названы людьми дѣла, то мы, старые студенты, съ гордымъ самодовольствіемъ называли себя людьми мысли, хотя конечно мы не имѣли никакихъ правъ на это названіе. Новые студенты могли считать Добролюбова своимъ учителемъ, но мы относились къ Добролюбову и къ «Современнику» вообще съ высокомѣріемъ, свойственнымъ нашей кастѣ. Мы ихъ и не читали, и гордились этимъ, говоря, что и читать не стоитъ. Но съ каждымъ годомъ ряды ученой партіи рѣдѣли, отчасти потому, что ученые кончали курсъ и поступали на службу въ разные департаменты, гдѣ они очень быстро затушевывались подъ общій тонъ чиновничества, отчасти и потому, что нѣкоторые ученые перебѣгали на сторону новыхъ студентовъ и дѣлались сами антагонистами университетской учености.

Такимъ образомъ университетъ сближался съ жизнью лучшей части общества, и уже теперь сближался настолько, что недоброжелательный взглядъ студента на Добролюбова кажется читателю неправдоподобнымъ изобрѣтеніемъ. Надо также обратить вниманіе на то, что филологическій факультетъ бываетъ обыкновенно самымъ недвижимымъ и мрачнымъ притономъ учености. Онъ въ этомъ отношеніи можетъ перещеголять даже математическій. Математикъ (если только онъ не обладаетъ совершенно исключительной умственной организаціей и замѣчательнымъ талантомъ въ своей спеціальности), не можетъ удовлетвориться одной математической сферой наукъ; ему необходимо читать для отдыха, и потому онъ обыкновенно знакомъ съ текущей журналистикой и съ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ журналахъ популярныя и легкія статьи по разнымъ общественнымъ, экономическимъ и литературнымъ вопросамъ. Но филологъ, для котораго исторія можетъ быть и отдыхомъ, и серьезной работой, филологъ, у котораго голова набита эстетикой и литературными теоріями, филологъ можетъ цѣлыми годами жить въ своемъ ученомъ мірѣ; а когда ему случится выглянуть изъ него, онъ обругаетъ только всѣ идеи, противорѣчащія его привычнымъ умозрѣніямъ, и опять уйдетъ въ свою раковину.

Мы дѣйствительно видимъ, что исторіей постоянно пользуются, какъ арсеналомъ, изъ ко-

тораго вынимаются противъ всякой новой идеи заржавленные и устарѣлые аргументы; фехтуютъ этимъ археологическимъ оружіемъ историки, юристы и гуманисты, постоянно являющіеся во главѣ всякой реакціи: очевидно, что сфера занятій формируетъ мышленіе этихъ господъ и воспитываетъ въ нихъ упорно-тупыхъ противниковъ всякаго умственнаго движенія. Поэтому естественно, что студенты-филологи презирали Добролюбова въ то самое время, когда его «Темное царство» читалось съ сочувствіемъ и съ увлеченіемъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Наконецъ надо вспомнить и то, что смерть Добролюбова очень значительно измѣнила отношенія литературы и общества къ его дѣятельности. Пока Добролюбовъ писалъ и боролся, до тѣхъ поръ его бранило большинство нашихъ журналовъ. Вліяніе его чувствовалось въ обществѣ, но оставалось непризнаннымъ. Какъ только онъ умеръ, такъ тотчасъ литературное значеніе его признали самые горячіе его противники; продолжая бранить сподвижниковъ Добролюбова, они немедленно ухитрились провести между мертвымъ и живыми раздѣлительную черту, замѣтную только для самихъ этихъ господъ, но тѣмъ не менѣе выгораживающую умершаго дѣятеля отъ всякаго скептическаго посягательства. Но въ 1858 году слышалось много голосовъ противъ Добролюбова. Война «Современника» съ серьезностью и безцвѣтностью другихъ журналовъ была въ полномъ разгарѣ, и мы, ученые люди университета, узнавая по временамъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ этой войны, были конечно на сторонѣ серьезности и съ полнымъ убѣжденіемъ величали безцвѣтность благоразумной умѣренностью.

Надѣюсь, что теперь читателю станетъ до нѣкоторой степени понятна возможность такого неправдоподобнаго факта, какъ пренебреженіе студентовъ 1858 года къ личности и дѣятельности покойнаго Добролюбова. Фактъ все-таки остается печальнымъ, но отвѣтственность за него должны нести не студенты и даже не профессора, а вся закваска, все устройство и направленіе нашего университета, и особенно факультета.

XVII.

Одинъ годъ журнальной работы принесъ больше пользы моему умственному развитію, чѣмъ два года усиленныхъ занятій въ университетѣ и въ библіотекѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что лѣта мои также должны были имѣть значительное вліяніе на пробужденіе моей мысли. Лѣто 1859 г. было для меня временемъ умственнаго кризиса; всѣ понятія, лежавшія въ умѣ моемъ съ самаго дѣтства, всѣ готовыя сужденія, казавшіяся мнѣ неприкосновенной основой всего существующаго въ моей собственной личности, всѣ гипотезы, имѣющія такое тираническое вліяніе на мысли и поступки большей части людей,—все это заколыхалось и какъ-то, помимо моей воли, стало обнаруживать мнѣ свою несостоятельность. Пока я безъ опредѣленной цѣли читалъ памятники и изслѣдованія, до тѣхъ поръ всѣ эти несообразности оставались нетронутыми и считались такими истинами, которыя ясны, какъ день, незыблемы, какъ гранитная стѣна, и величественнѣе Монблана или Казбека. Но когда пришлось читать и обдумывать читанное съ практической цѣлью, тогда мысль получила такой толчокъ, котораго дѣйствія и послѣдствія я не могъ ни предвидѣть, ни разсчитать. Пробудившееся стремленіе анализировать и всматриваться не можетъ быть по вашей волѣ опять погружено въ сонъ. Каждый человѣкъ, дѣйствительно мыслившій когда-нибудь въ своей жизни, знаетъ очень хорошо, что не онъ распоряжается своей мыслью, а что напротивъ того сама мысль предписываетъ ему свои законы и совершаетъ свои отправленія также независимо отъ его воли, какъ независимо отъ этой воли совершаются біеніе сердца и пищеварительная дѣятельность желудка. Человѣкъ боится подойти къ тѣмъ гипотезамъ, которыя величественнѣе Казбека и Монблана, а мысль не боится — и подходитъ, и ощупываетъ эти гипотезы, и вдругъ докладываетъ, что все это пустяки. Человѣкъ приходитъ въ ужасъ, но ужасъ этотъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ мыслью; мысль осмѣиваетъ и прогоняетъ ужасъ, и человѣку остается только качать головой, стоя на развалинахъ своего міросозерцанія. Наконецъ и качаніе головой прекращается, и тогда начинается новая умственная жизнь, въ которой мысль пользуется неограниченнымъ могуществомъ и не встрѣчаетъ себѣ нигдѣ ни отпора, ни сопротивленія. Въ этомъ царствѣ мысли живется свѣтло и весело; но періодъ перехода и умственной борьбы тяжелъ и мучителенъ. Умственный ростъ сопровождается болѣзнями точно такъ-же, какъ ростъ физическій. У меня напряженіе ума во время переходной борьбы было такъ болѣзненно-сильно, что оно повело за собою потрясеніе всего организма.

Осенью 1859 года я пріѣхалъ съ каникулъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Опрокинувъ въ умѣ своемъ всякіе Казбеки и Монбланы, я представлялся самому себѣ какимъ-то титаномъ, Прометеемъ, похитившимъ священный огонь; я ожидалъ, что совершу чудеса въ области мысли. Мнѣ случилось какъ-то въ обществѣ товарищей говорить о міросозерцаніи древнихъ грековъ, и я сказалъ, что греческая *судьба*, которой подчинены были высшіе олимпійскіе боги, по всей вѣроятности не что иное, какъ извѣстная сила законовъ природы:—греки, продолжалъ я, не олицетворили этой силы, потому что они, какъ геніальный народъ, чувствовали, что для этой силы узко и мелко всякое олицетвореніе. Эта мысль

моя, находившаяся въ самой интимной связи съ общимъ ходомъ моихъ титаническихъ идей, чрезвычайно понравилась мнѣ и даже поразила меня какимъ-то благоговѣніемъ. Я вдругъ рѣшился провѣрить и доказать эту мысль и даже превратить ея развитіе въ кандидатскую диссертацію. Но такъ какъ изучать для этой цѣли всѣхъ греческихъ поэтовъ было мнѣ не по силамъ, то я ограничился однимъ Гомеромъ и принялся за него съ тѣмъ неистовымъ рвеніемъ, которое всегда руководило моими любимыми занятіями. Мѣсяца два я работалъ неутомимо; прочелъ восемь пѣсней «Иліады» въ подлинникѣ и кромѣ того сдѣлалъ много выписокъ изъ нѣмецкихъ изслѣдованій, трактовавшихъ о миѳологическихъ и теологическихъ понятіяхъ Гомера. Товарищи мои смотрѣли на мои труды съ недоумѣніемъ и иногда дѣлали мнѣ выговоры за то, что я оставилъ славянорусскія древности и такъ внезапно, очертя голову, бросился въ совершенно неизвѣстную мнѣ область науки. Но я объявилъ себя Прометеемъ и уже не обращалъ вниманія ни на какіе дружескіе совѣты. Вдругъ за пароксизмомъ восторженной и кипучей дѣятельности послѣдовалъ пароксизмъ утомленія и апатіи. За самонадѣянностью наступило уныніе и совершенное недовѣріе къ своимъ силамъ. Идея о судьбѣ, казавшаяся геніальной, потеряла весь свой блескъ и представилась даже безсмысленной. Работа вывалилась у меня изъ рукъ. Даже такая обыкновенная вещь, какъ выпускной экзаменъ, предстоявшій мнѣ весной 1860 года, сталъ казаться мнѣ совершенно непреодолимой трудностью. Словомъ, періодъ переходной умственной борьбы заключился умственной болѣзнью. Прометея приковали къ скалѣ, и коршунъ сталъ клевать его печень, или, говоря языкомъ болѣе современнымъ, меня посадили въ карету и отвезли въ психіатрическую лечебницу. Я дошелъ до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости и сталъ воображать себѣ, что меня измучаютъ, убьютъ, или живого зароютъ въ землю. Скептицизмъ мой вышелъ изъ границъ и началъ отрицать существованіе дня и ночи. Все, что̀ мнѣ говорили, все, что̀ я видѣлъ, даже все, что̀ я ѣлъ, встрѣчало во мнѣ непобѣдимое недовѣріе. Я все считалъ искусственнымъ и приготовленнымъ нарочно для того, чтобы обмануть и погубить меня. Даже свѣтъ и темнота, луна и солнце на небѣ казались мнѣ декораціями и входили въ составъ общей громадной мистификаціи.

Такая фантасмагорія тянулась четыре мѣсяца. Наконецъ теплыя ванны, продолжительныя прогулки на открытомъ воздухѣ, ежедневныя гимнастическія упражненія, постоянные пріемы желѣза внутрь, а главное—отдыхъ мысли убавили скептицизмъ настолько, что въ половинѣ апрѣля 1860 года я оказался въ состояніи жить съ людьми по человѣчески и пользоваться гражданской свободой безъ опасности для себя и для другихъ. О выпускномъ экзаменѣ въ этомъ году было уже поздно думать, тѣмъ болѣе, что усиленныя занятія могли еще имѣть для меня опасныя послѣдствія; я остался въ университетѣ на нынѣшній годъ и тотчасъ послѣ своего выздоровленія удалился до осени на лоно природы укрѣплять свои силы и наслаждаться возвратившимся разсудкомъ.

Послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ былъ для меня очень замѣчателенъ. Я почти совсѣмъ не ходилъ на лекціи, но работалъ сильно. Послѣ пріѣзда съ каникулъ я рѣшился писать диссертацію на медаль, на историческую тему, заданную въ томъ году Ироніанскимъ. Предпріятіе было дерзкое. Тема задана была въ началѣ февраля, въ то время, когда я еще отрицалъ солнце и луну; кто писалъ на эту тему, тотъ принялся за работу тотчасъ послѣ объявленія задачи, а я началъ изучать предметъ диссертаціи въ началѣ октября, между тѣмъ какъ всѣ сочиненія должны были быть представлены никакъ не позже первыхъ чиселъ января. Мѣсяцъ былъ употребленъ на чтеніе и выписки, а въ ноябрѣ я началъ писать. Дѣло пошло быстро и успѣшно, отчасти на живую нитку, кое-гдѣ на авось, съ широкими взглядами и рискованными предположеніями. Я писалъ безъ черновой, потому что переписывать было-бы некогда, и старался обработать предметъ такъ, чтобы произведеніе мое могло быть помѣщено въ какомъ-нибудь литературномъ журналѣ. Къ началу января я кончилъ свой трудъ и замѣтилъ не безъ удовольствія, что въ немъ по крайней мѣрѣ пятнадцать печатныхъ листовъ (240 страницъ). Впрочемъ недостатокъ времени помѣшалъ мнѣ развить нѣкоторыя мысли, которыя были уже совсѣмъ выработаны въ моемъ умѣ. Дѣлать было нечего; я махнулъ на нихъ рукой, написалъ на своей диссертаціи эпиграфъ: «еже писахъ, писахъ», и представилъ ее куда слѣдовало.

Смѣлость города беретъ и даже очаровываетъ профессоровъ университета: диссертація моя очень понравилась, несмотря на то, что вмѣстѣ съ нею былъ представленъ основательный трудъ одного студента, долго изучавшаго предметъ и разработавшаго его чуть-ли не вдвое подробнѣе моего. Въ совѣтѣ университета произошло разногласіе: присяжный цѣнитель нашихъ работъ, Креозотовъ, въ своемъ отчетѣ расхвалилъ обѣ диссертаціи и приписалъ моему труду высокое литературное достоинство, а работѣ моего соперника глубокую научную основательность. Кому-же дать золотую медаль? Большинство говорило, что, по всѣмъ правамъ, золотая медаль принадлежитъ научной основательности. Но сильная партія утверждала, что слѣдуетъ дать золотыя медали и научной основательности, и литературному достоинству. Слышались даже еретическіе голоса, безусловно защищавшіе литературное достоинство. Однако здравый смыслъ и справедливость одержали верхъ. Профессора поняли, что

плѣняться смѣлостью и живымъ языкомъ и пренебрегать другими, болѣе прочными достоинствами труда—не слѣдуетъ, и потому опредѣлили дать золотую медаль научной основательности, а серебряную—литературному достоинству. Положивъ такое рѣшеніе, они распечатали конверты, заключавшіе въ себѣ фамиліи авторовъ, и узнали тогда, кому принадлежитъ научная основательность и кто отличился литературнымъ достоинствомъ. Признанный обладатель литературнаго достоинства остался конечно очень доволенъ: единственное желаніе его состояло въ томъ, чтобы достигнуть на актѣ почетнаго отзыва, который избавилъ-бы его отъ необходимости писать кандидатскую диссертацію; а вмѣсто почетнаго отзыва явилась медаль съ изображеніемъ юноши, вѣроятно Аполлона, и съ надписью: «преуспѣвшему». Всѣ эти прелести составляли уже неожиданную роскошь.

Когда Креозотовъ увидалъ меня на выпускномъ экзаменѣ, то онъ полюбопытствовалъ взглянуть на черновой списокъ моей диссертаціи. Я отвѣчалъ ему, что никакъ не могу удовлетворить его желанію, потому что диссертація писана безъ черновой. Тогда Креозотовъ почувствовалъ несказанное удивленіе, съ особенной признательностью пожалъ мнѣ руку и растроганнымъ голосомъ проговорилъ, что даже Пушкинъ писалъ «Капитанскую Дочку» сначала на-черно. О, читатель, согласитесь, что эпизодъ о моей диссертаціи имѣетъ свою прелесть. Развѣ не восхитительно то обстоятельство, что для нашихъ профессоровъ обыкновенный литературный языкъ и нѣкоторая смѣлость въ расположеніи мыслей имѣютъ такую неизрѣченную сладость? Имъ, бѣднымъ старикамъ и, еще болѣе, бѣднымъ людямъ средняго возраста, до смерти надоѣло ихъ собственное ученое величіе; имъ скучно сидѣть на Олимпѣ, и сидятъ они на немъ только потому, что сойдти съ него не умѣютъ,—серьезность и основательность имъ ни почемъ: это ихъ будничное кушанье. Но чуть что-нибудь посмѣлѣй и по оригинальнѣй, они тотчасъ готовы прельститься и принуждены строго наблюдать за собою, чтобы не поддаться искушенію и не измѣнить величію и достоинству своего сана. Это утѣшительно: это значитъ, что чисто-человѣческія потребности не могутъ быть окончательно истреблены ни монашескимъ подвижничествомъ, ни ученымъ столпничествомъ. Но, съ другой стороны, это значитъ также, что чисто-человѣческія потребности находятся въ постоянномъ разладѣ и съ тѣмъ, и съ другимъ. А что противорѣчитъ чисто-человѣческимъ потребностямъ, то, стало быть, неестественно. А что неестественно, то, стало быть, и неразумно. Вотъ вамъ и нравоученіе.

Диссертація моя достигла также своей литературной цѣли. Сдѣлавъ изъ пятнадцати листовъ—двѣнадцать, я помѣстилъ ее въ одинъ журналъ, лѣтомъ 1861 года, и получилъ за нее до шести сотъ сребренниковъ. Журналъ этотъ былъ уже не тотъ добродѣтельный журналъ для дѣвицъ, въ которомъ я помѣщалъ свои стыдливые опыты,—журналъ этотъ былъ исполненъ суеты и гордыни, и благонравные товарищи мои, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, бросали на меня прощальный взглядъ, полный укора и сожалѣнія, когда увидали, что я беззаботно и весело пошелъ по скользкому пути журналиста. На статьи мои они смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ; меня самого они рѣшительно и откровенно исключили изъ своего круга. О, читатель, и это неправдоподобно, но и это—чистая правда. Они считали меня ренегатомъ, маленькимъ Брамбеусомъ, недостойнымъ сыномъ университетской науки, обратившимся противъ своей родной матери,—и надо сказать правду, они не ошибались въ этомъ отношеніи. Могъ-ли же я послѣ этого ожидать себѣ помилованія? Не могъ и не ожидалъ, и потому покорился рѣшенію судьбы. Вижу и понимаю, что мои товарищи, бывшіе филологи,—люди честные, умные, вполнѣ достойные уваженія и сочувствія, но вижу также, что мнѣ съ ними уже не сойтись. Имъ предстоятъ двѣ дороги, и ни на одной изъ этихъ дорогъ я не встрѣчусь съ ними. Они могутъ продолжать съ успѣхомъ свою службу въ разныхъ департаментахъ и сдѣлаться черезъ нѣсколько лѣтъ просвѣщенными администраторами, или они могутъ осуществить свою университетскую мечту и сдѣлаться свѣтилами отечественной науки. Очевидно, что журналистъ, исполненный суеты и гордыни, ни администраторомъ, ни свѣтиломъ быть не можетъ; очевидно даже, что онъ и знакомства водить не можетъ ни съ администраторами, ни со свѣтилами, потому что онъ имъ совсѣмъ не пара: стоятъ они на разныхъ плоскостяхъ [1]), живутъ въ разныхъ мірахъ, смотрятъ на вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія и приходятъ разными путями къ противуположнымъ выводамъ и результатамъ. Стало быть, мнѣ остается только, вспоминая о моихъ добрыхъ и честныхъ товарищахъ, послать имъ на этихъ страницахъ послѣднее, дружеское «прости» и увѣрить ихъ въ томъ, что я съ своей стороны всегда готовъ и радъ съ ними сойтись и что въ то-же время я не вижу къ тому ни возможности — теперь, ни надежды—въ будущемъ.

Общее образованіе.

I.

Намъ постоянно случается слышать, что молодые люди, неимѣющіе почти никакихъ средствъ къ существованію, приходятъ изъ отдаленныхъ губерній въ университетскіе города, чтобы

[1]) Тутъ плоскость употреблена въ математическомъ смыслѣ, а не въ порицательномъ.

учиться, перебиваются со дня на день во время четырхлѣтняго курса, переносятъ всевозможныя лишенія, и наконецъ достигаютъ своей цѣли, то есть, благополучно, а иногда и блистательно выдерживаютъ выпускной экзаменъ. Всякому, кто бывалъ въ нашихъ университетахъ, случалось видѣть въ аудиторіяхъ молодыхъ людей бѣдно одѣтыхъ, худыхъ и блѣдныхъ, истомленныхъ работою по грошовымъ урокамъ и, несмотря на то, усердно посѣщающихъ и записывающихъ всѣ назначенныя по росписанію лекціи. Исторія Ломоносова повторяется у насъ въ Россіи каждый день, а между тѣмъ Ломоносовы такъ же рѣдки теперь, какъ были рѣдки въ прошломъ столѣтіи. Мы привыкли указывать на молодыхъ людей, приходящихъ пѣшкомъ въ университетскіе города, какъ на живыя доказательства того сильного стремленія къ образованію, которое существуетъ и проявляется порою въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ нашего отечества и въ самыхъ забитыхъ слояхъ нашего общества. Существуетъ дѣйствительно, или не существуетъ это стремленіе—это такой вопросъ, за рѣшеніе котораго я не берусь, потому что судить объ этомъ дѣлѣ можетъ только тотъ, кто знаетъ наше общество вдоль и поперекъ, кто наблюдалъ его долго и внимательно и кто серьезно обдумалъ свои наблюденія. Я скажу только, что примѣры молодыхъ людей, переносящихъ тягостныя лишенія во время своего университетскаго курса, оказываются при внимательномъ разсмотрѣніи доказательствами слабыми, односторонне понятыми и превратно истолкованными. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только предложить себѣ вопросъ: куда дѣваются эти молодые люди? Что съ ними дѣлается послѣ блистательнаго выпускного экзамена? Дѣлается то, что и со всѣми дѣлается: они идутъ въ чиновники, въ учителя, въ ученые, сливаются съ общей массой и ничѣмъ замѣчательнымъ не проявляютъ своей личности и дѣятельности. Авѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Кто прошелъ сотни верстъ и пережилъ сотни полуголодныхъ дней только потому, что онъ чувствовалъ въ душѣ непреодолимое и безкорыстное стремленіе къ знанію, тотъ стоитъ цѣлой головой выше общей массы, тотъ не сольется съ ея грошовыми заботами и не удовлетворится ея куриною хлопотливостью. Кто въ глуши, среди гнетущей бѣдности, искалъ безъ устали истины и свѣта, тотъ вынесетъ свои стремленія неподавленными и неусыпленными даже изъ мертвящей аудиторіи какого-нибудь Креозотова. А что эти стремленія останутся неудовлетворенными въ подобной аудиторіи и слѣдовательно будутъ искать себѣ удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ, это само собою разумѣется. Стало-быть, если исторія Ломоносова повторяется съ незначительными варіаціями каждый день, а между тѣмъ Ломоносовыхъ не является, то остается предположить, что повторяется только внѣшняя сторона этой исторіи. Борьбу съ лишеніями мы видимъ, энергію и терпѣніе также видимъ,—не видимъ только бездѣлицы—побудительной причины; а между тѣмъ, именно въ этой бездѣлицѣ заключаются, въ большей части случаевъ, смыслъ и разгадка всего явленія.

Если-бы молодой человѣкъ шелъ пѣшкомъ въ университетскій городъ только за образованіемъ, то у насъ уже теперь было бы много дѣйствительно образованныхъ людей, и вліяніе этихъ людей чувствовалось-бы въ общественной жизни. Но такъ какъ этого нѣтъ, то надо предположить, что дѣйствительнаго стремленія къ образованію молодой человѣкъ не чувствуетъ, или по крайней мѣрѣ это стремленіе существуетъ въ немъ съ очень значительной примѣсью посторонняго вещества. Не трудно догадаться, какое это вещество. Кромѣ знаній сомнительнаго достоинства, университеты даютъ своимъ слушателямъ еще права, которыхъ достоинство уже вовсе несомнительно. Кто не идетъ въ университетъ, какъ въ храмъ науки, тотъ идетъ въ него, какъ въ преддверіе карьеры. Для бѣднаго и незнатнаго человѣка университетъ составляетъ кратчайшую дорогу къ чинамъ, къ почестямъ, къ большому жалованью и слѣдовательно ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни. Эта кратчайшая дорога очень крута и усѣяна многими препятствіями; поступить въ уѣздный судъ писцомъ и перебиваться въ уѣздномъ городѣ копѣечнымъ жалованьемъ все-таки легче, чѣмъ идти на авось пѣшкомъ, въ неизвѣстную даль, и потомъ четыре года жить невѣрными уроками,—но за то писцу уѣзднаго суда нѣтъ перспективы въ будущемъ, а передъ кандидатомъ университета открыта жизнь съ ея опасностями, но также и съ ея заманчивыми надеждами. Чтобы пойти на встрѣчу лишеніямъ и грозной неизвѣстности судьбы, чтобы изъ рѣчного затишья выйти въ открытое море жизни, необходимо обладать предпріимчивостью и энергіей, а предпріимчивость и энергія—свойства очень почтенныя; но все-таки между этими свойствами и безкорыстно сильнымъ стремленіемъ къ образованію лежитъ цѣлая бездна. Молодые люди, пробивающіе себѣ дорогу энергіей, трудолюбіемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ, заслуживаютъ полнаго уваженія, но образованіе тутъ ни при чемъ. Молодые люди идутъ завоевать себѣ счастье, но не знанія; и до тѣхъ поръ, пока университеты будутъ давать своимъ слушателямъ какія-нибудь права, до тѣхъ поръ, пока университетскій дипломъ будетъ открывать дорогу къ такимъ мѣстамъ, которыхъ не могутъ занять люди, не имѣющіе дипломовъ, до тѣхъ поръ всякія сладкія рѣчи и стремленія общества къ образованію будутъ относиться къ легіону нашихъ патріотическихъ самообольщеній.

Въ томъ обстоятельствѣ, что бѣдному молодому человѣку, старающемуся выбиться изъ бѣдности,

необходимо идти въ университетъ и добывать дипломъ, въ этомъ обстоятельствѣ, говорю я, нѣтъ ничего утѣшительнаго. Это значитъ только, что одна коронная служба считается у насъ прочнымъ обезпеченіемъ. Это значитъ, что инпціатива общества крайне слаба; это значитъ далѣе, что общество собственнымъ умомъ не умѣетъ оцѣнить силы и способности своихъ членовъ и требуетъ, чтобы эти силы и способности были оцѣнены правительствомъ и засвидѣтельствованы дипломомъ. Нанимая домашняго учителя для своихъ дѣтей, отецъ семейства не можетъ самъ испытать его познанія и потому разсматриваетъ его дипломъ или аттестатъ. Въ дѣлѣ образованія мы требуемъ отъ правительства такой же гарантіи, какой требуютъ отъ него возникающія общества желѣзныхъ дорогъ. Окончивъ курсъ образованія, мы непремѣнно желаемъ, чтобы правительство платило намъ проценты съ нашего умственнаго капитала, или по крайней мѣрѣ, чтобы оно своимъ ручательствомъ рекомендовало насъ почтенной публикѣ. Я не думаю, чтобы такое положеніе дѣлъ говорило особенно убѣдительно въ пользу развитости нашего общества, или въ пользу его горячаго стремленія къ образованію.

Въ 1860 и 1861 годахъ проявилось въ столичной молодежи сильное желаніе посѣщать университетскія лекціи. Въ аудиторіяхъ петербургскаго университета стали появляться посторонніе слушатели, офицеры и дамы. Фактъ самъ по себѣ хорошъ, но надо понимать его, какъ слѣдуетъ. Въ чью пользу говоритъ этотъ фактъ: въ пользу-ли общества, или въ пользу университета? То-есть: пробудилась-ли потребность просвѣщенія въ самомъ обществѣ, или университетъ прославился настолько, чтобы разбудить общество и привлечь его въ свои аудиторіи? Стоитъ только поставить такимъ образомъ вопросъ, чтобы тотчасъ придти къ его разрѣшенію. Очевидно, что общество пробудилось совершенно независимо отъ университета, и что пробужденію общества содѣйствовали, во-первыхъ—реформы, предпринятыя правительствомъ, во-вторыхъ—оживленіе журналистики, которое въ свою очередь находилось въ связи съ общими реформами. Пробудившееся общество увидѣло, что ему необходимо образованіе,—а гдѣ его искать? Въ университетѣ,—не потому, чтобы въ университетѣ слышались особенно живые и свѣжіе голоса, а потому, что больше искать негдѣ. На безрыбьѣ и ракъ рыба. И общество хлынуло въ университетъ, и скоро съумѣло отличить менѣе усыпительныя аудиторіи. Но эти аудиторіи (за исключеніемъ развѣ одной костомаровской) все-таки не могли удовлетворить потребностямъ общества, и оно навѣрное само отхлынуло-бы назадъ, если-бы университетъ не предупредилъ его и не отогналъ отъ своихъ дверей непосвященную и неплатящую чернь. Стало быть, тотъ фактъ, что офицеры и дамы бывали на лекціяхъ, вовсе не доказываетъ того, чтобы между обществомъ и университетомъ существовало сознательное сочувствіе. Что университетъ вовсе не сочувствуетъ обществу, это онъ доказывалъ неоднократно словами и поступками своихъ отдѣльныхъ членовъ и даже цѣлой корпораціи. Но и общество также не сочувствуетъ университету; оно ожидало отъ него живого и разумнаго слова и готово было полюбить его за это слово, но ожиданія не исполнились, и общество конечно будетъ искать себѣ умственной пищи за предѣлами университетовъ, въ самостоятельномъ чтеніи, точно такъ же, какъ уже всѣ дѣльные студенты работаютъ теперь надъ своимъ развитіемъ совершенно независимо отъ профессорскихъ лекцій и записокъ. Отстранивъ такимъ образомъ тѣ факты, которые люди невнимательные могли-бы принять за признаки сочувствія общества къ теперешней университетской наукѣ, я приступлю прямо къ критикѣ нашего общаго и высшаго образованія.

II.

У насъ составилась привычка различать два рода образованія: общее и спеціальное. Эта привычка, какъ и большая часть нашихъ привычекъ, не оправдывается ничѣмъ, кромѣ давности лѣтъ, и оказывается несостоятельной при первомъ прикосновеніи анализа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое спеціальное образованіе? Ничто иное, какъ навыкъ въ какомъ-нибудь ремеслѣ, умѣнье взяться за какое-нибудь дѣло, умѣнье приложить къ этому дѣлу именно тѣ пріемы, которые въ данное время признаны опытомъ наиболѣе удобными. Что такое образованный спеціалистъ? Если отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ здравый смыслъ и правильное пониманіе употребляемыхъ словъ, то намъ придется сказать, что образованный спеціалистъ есть человѣкъ, получившій общее образованіе и потомъ изучившій какое-нибудь ремесло. Если же отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ обыкновенное разговорное употребленіе словъ, то намъ придется сказать, что образованный спеціалистъ есть человѣкъ, изучившій основательно избранное имъ ремесло. Я конечно беру тутъ «ремесло» въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Подъ это понятіе подходятъ всѣ профессіи, требующія знаній и сноровки. Ремесленниками оказываются и земледѣлецъ, и портной, и медикъ, и артиллеристъ, и законовѣдъ, и педагогъ, и литераторъ. Всѣ эти занятія требуютъ извѣстнаго напряженія мускуловъ и нервовъ; въ однихъ преобладаетъ умственный трудъ, въ другихъ—физическій; одни производительны, другія непроизводительны, но эти различія не имѣютъ для насъ въ настоящее время никакого значенія, потому что для нашего разсужденія важно только то, что всѣ они требуютъ практическаго навыка и нѣкоторыхъ знаній. Чтобы быть полезнымъ членомъ общества

необходимо работать, слѣдовательно—имѣть какое-нибудь ремесло, слѣдовательно — быть спеціалистомъ.

Польза, которую я приношу обществу, а слѣдовательно и самому себѣ, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ успѣшнѣе идетъ моя работа; а работа моя пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ основательнѣе я изучилъ свое ремесло. Общество видитъ и цѣнитъ результатъ моей работы, и если результатъ оказывается хорошимъ, то общество заключаетъ, что я знаю хорошо свое ремесло, и называетъ меня образованнымъ спеціалистомъ. Но общество не всегда поступаетъ такъ: если я сапожникъ и шью превосходные сапоги, то оно только заваливаетъ меня заказами и называетъ меня отличнымъ сапожникомъ, а объ образованномъ спеціалистѣ не говоритъ ни слова; если же я горный инженеръ и хорошо разыскиваю золотоносныя жилы, то меня производятъ въ образованные спеціалисты, потому что я ношу эполеты и потому что общество считаетъ невѣжливымъ назвать меня хорошимъ ремесленникомъ. Если я технологъ и управляю какимъ-нибудь сахарнымъ заводомъ, то и тутъ я еще могу, по мнѣнію общества, носить титулъ образованнаго спеціалиста. Ну, а если я агрономъ и управляю чьимъ-нибудь имѣніемъ, да еще небольшимъ, тогда титулъ образованнаго спеціалиста начинаетъ колебаться, и общество начинаетъ находить, что меня удобнѣе называть хорошимъ приказчикомъ. Разрозненность сословій и чиновная іерархія перепутали всѣ наши понятія и исказили нашъ разговорный языкъ. Очевидно, что образованный спеціалистъ—такой-же титулъ, какъ «ваше превосходительство», или «ваше высокоблагородіе». Но послѣдніе два титула совершенно безвредны, а первый подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ и къ неясности представленія. Извѣстно, что неправильное употребленіе словъ ведетъ за собою ошибки въ области мысли и потомъ въ практической жизни. Когда мы называемъ человѣка образованнымъ спеціалистомъ, то намъ уже кажется неправдоподобнымъ, чтобы этотъ человѣкъ былъ неучемъ и полудикаремъ. Если мы даже видимъ факты, ясно намекающіе на эти печальныя истины, то мы стараемся перевѣсить эти факты другими фактами утѣшительнаго свойства. Конечно, разсуждаемъ мы, этотъ господинъ имѣетъ много предразсудковъ; конечно онъ имѣетъ самыя смутныя понятія о достоинствѣ человѣка, объ интересахъ общества, объ отношеніяхъ гражданина къ своимъ согражданамъ и семьянина къ своему семейству,—но за то онъ отлично умѣетъ ввести корабль въ гавань, или подъискать статью въ сводѣ законовъ, или навести понтонный мостъ, или выстроить колонну къ аттакѣ. Мы краснорѣчиво разрабатываемъ это *но* и доходимъ до того, что основательныя ремесленныя познанія начинаютъ намъ казаться такою штукой, которая имѣетъ сходство съ образованіемъ и во многихъ случаяхъ можетъ замѣнить его съ пользою для отдѣльнаго лица и для общества. Дойдя до такого результата, мы очевидно потеряли уже изъ виду и дѣйствительное значеніе спеціальности, и настоящую цѣль общаго образованія. Начинается погоня за двумя зайцами, которые уходятъ отъ насъ по двумъ разнымъ дорогамъ. Возникаютъ общеобразовательныя заведенія съ намеками на спеціальность; являются спеціальныя заведенія съ претензіями на общее образованіе. Наконецъ, что всего хуже, въ обществѣ укореняется мысль о томъ, что можно въ одно и то-же время, одними и тѣми-же уроками дѣлать Васиньку или Количьку образованнымъ человѣкомъ и напримѣръ хорошимъ морякомъ, или дѣльнымъ юристомъ. Развелась пропасть разныхъ образованій: это, говорятъ, юридическое, а вотъ это—техническое, а вонъ то—военное. Идя по этому пути, можно дойти до образованія кирасирскаго, отличающагося отъ гусарскаго и уланскаго, до образованія, свойственнаго чиновнику казенной палаты и совершенно непохожаго на образованіе сенатскаго или почтамтскаго чиновника, до образованія кожевника, не имѣющаго ничего общаго съ образованіемъ мыловара или мясника. Когда мы доведемъ свое развитіе до такого невиданнаго совершенства, то намъ останется только утѣшаться, глядя на тысячи образованныхъ спеціалистовъ. Радость наша будетъ такъ безпредѣльна, что мы даже не замѣтимъ того, какъ общее образованіе совершенно уничтожилось и превратилось въ миѳъ, потому что сотни различныхъ образованій растащили его по кусочку. Образованныхъ людей у насъ не будетъ, а такъ какъ только образованные люди составляютъ и поддерживаютъ благоустроенное гражданское общество, то и общества не будетъ, а будутъ сотни цеховъ, находящихся между собою въ такихъ-же дружескихъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся къ прусскимъ гражданамъ прусскіе офицеры, поминутно обнажающіе оружіе противъ безоружныхъ своихъ соотечественниковъ за такія обиды, которыя понятны только этимъ храбрымъ воинамъ. Къ сожалѣнію, всякій ошибочный принципъ только въ теоріи можетъ быть доведенъ до своей нелѣпой крайности: жизнь рѣдко бываетъ логична и обыкновенно сворачиваетъ въ сторону, когда натыкается на нелѣпый выводъ, прямо вытекающій изъ принятаго ею принципа. Поэтому принципъ остается непобѣжденнымъ, скрывается на время внутрь и притихаетъ, а потомъ опять поднимаетъ голову и производитъ разныя мелкія глупости, которыя обыкновенно замазываются такими-же мелкими палліативными средствами. Такъ и ползетъ жизнь черезъ пень-колоду, обходя нелѣпыя крайности, сражаясь ежеминутно съ крошечными аномаліями и безропотно уживаясь съ основной причиной этихъ аномалій.

Такимъ образомъ нельзя подвигаться впередъ быстро и успѣшно, но объ этомъ почти никто и не

заботится. Объ образованіи толкуютъ всѣ, кому только есть время и охота толковать; составляются проэкты, измѣняются программы, увеличивается или уменьшается число учебныхъ часовъ, передвигается порядокъ занятій, чувствуется во всемъ ходѣ образованія какая-то общая нескладица,—но передѣлки производятся робко и нерѣшительно, и все въ одномъ и томъ-же узкомъ кругу идей, составившемся Богъ знаетъ когда и охватившемъ насъ Богъ знаетъ зачѣмъ. Раздаются голоса, говорящіе рѣшительно и ясно о томъ, что слѣдуетъ формировать человѣка, а не моряка, не чиновника. не офицера. Всѣ слушаютъ—и умиляются, и начинаютъ дѣйствовать, а между тѣмъ въ результатѣ оказываются только переименованія и передвиженія. Призракъ спеціальнаго образованія никакъ не рѣшается исчезнуть и до сихъ поръ мѣшаетъ нашему обществу разглядѣть дѣйствительный смыслъ и настоящую задачу образованія. Вмѣсто того, чтобы съ корнемъ вырвать ошибочный принципъ, вмѣсто того, чтобы навсегда прогнать нелѣпый призракъ, мы все хлопочемъ о томъ, чтобы заключить невозможную мировую сдѣлку между призракомъ и дѣйствительностью, какъ будто возможны какія-нибудь сдѣлки между истиной и безмыслицей, между здравымъ смысломъ и предразсудкомъ. Мы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ служимъ Богу и мамону; мы никогда не относимся къ образованію просто и безкорыстно; всякое знаніе мы забираемъ въ голову, какъ источникъ будущихъ доходовъ; на всякую книгу мы готовы смотрѣть, какъ на руководство къ изученію поваренпаго искусства, или какъ на рецептъ для соленія грибовъ и брусники; эти корыстныя цѣли конечно никогда не достигаются; каждая кухарка знаетъ, что никто еще не сдѣлался поваромъ по книжкѣ; каждая деревенская хозяйка скажетъ вамъ, что человѣкъ неопытный при самомъ подробномъ рецептѣ испортитъ грибы и бруснику. Но лукавые виды на грибы и бруснику не даютъ намъ покоя и не позволяютъ намъ дорыться до правильнаго взгляда на образованіе. Да и какъ дорыться, когда мы сваливаемъ въ одну кучу воспитаніе, образованіе и изученіе ремесла? Воспитаніемъ мы очень дорожимъ, потому что нашему сердцу безконечно отрадно видѣть въ дѣтяхъ и юношахъ благонравіе и кротость. Изученіемъ ремесла мы тоже дорожимъ по-своему, потому что жалованье и казенная квартира отыскиваютъ себѣ чувствительное мѣсто въ самомъ стоическомъ сердцѣ. А что такое образованіе—этого мы не знаемъ. Тамъ, на границѣ между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла, есть какая-то неопредѣленная амальгама, какая-то переходная тѣнь, которую мы и называемъ образованіемъ и къ которой мы, по правдѣ сказать, чувствуемъ глубочайшее равнодушіе. Но такъ какъ намъ совѣстно питать такія не-европейскія чувства къ такому великому дѣлу, какъ образованіе, то мы, ради приличнаго замаскированія, и придумали назвать образованіемъ всю кучу нашихъ педагогическихъ отправленій, т. е. и воспитаніе, и изученіе ремесла, и узенькую полоску неинтересной для насъ амальгамы. Тутъ дѣло не въ словахъ: можно, пожалуй, столъ назвать стуломъ, но зачѣмъ-же садиться на столъ? Это и неудобно, и неприлично. Можно какъ угодно назвать наши педагогическія упражненія надъ дѣтьми и юношами, но зачѣмъ-же сдавливать образованіе между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла? Зачѣмъ отодвигать образованіе на самый задній планъ и выдвигать впередъ воспитаніе и спеціальность, которыя должны имѣть второстепенное значеніе? Воспитывать вообще слѣдуетъ какъ можно менѣе, а выборъ спеціальности всегда долженъ быть безусловно предоставленъ самому молодому человѣку, получившему уже хорошее и полное образованіе. Я говорю здѣсь о такой спеціальности, которая требуетъ сильной и постоянной умственной работы и которая дастъ всей послѣдующей жизни человѣка опредѣленное направленіе. Что-же касается до простого ручного ремесла, то ему можно учить ребенка съ малолѣтства, потому что такое ремесло нисколько не мѣшаетъ общеобразовательнымъ занятіямъ, не направляетъ ума въ ту или въ другую сторону и, не вредя никакимъ другимъ умственнымъ или житейскимъ успѣхамъ, развиваетъ здоровье и всегда остается запаснымъ капиталомъ, на случай нужды или неудачи.

III.

Я сказалъ, что воспитывать слѣдуетъ вообще какъ можно менѣе. Эта мысль можетъ показаться парадоксальной, а между тѣмъ она чрезвычайно проста и совершенно неопровержима. Конечно не я первый высказываю эту мысль, которая, какъ всѣ простыя и свѣтлыя мысли, не принадлежитъ никому въ частности и непремѣнно приходитъ въ голову каждому человѣку, задумывающемуся серьезно и добросовѣстно надъ отношеніями взрослыхъ къ подростающему поколѣнію. Эта мысль находится въ тѣсной связи съ знаменитой идеей Бокля о томъ, что человѣчество подвигается впередъ при помощи знаній и открытій, и что нравственныя истины не имѣютъ почти никакого вліянія на быстроту и успѣшность историческаго развитія. Приложите эту мысль къ жизни отдѣльной личности, и вы увидите ясно, что ребенокъ нуждается въ знаніяхъ, а не въ нравоученіяхъ. А какъ только сообщаются какія-нибудь знанія, какимъ-бы то ни было образомъ и по какому-бы то ни было поводу, такъ уже начинается образованіе и самодѣятельное умственное развитіе будущаго человѣка. Чѣмъ раньше начинается это образованіе и развитіе, тѣмъ лучше. Воспитаніе же должно

продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не начнется образованіе. Какъ бы ни были разнообразны пріемы воспитанія, но всѣ они могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ типамъ: къ воспитанію розгой, или къ воспитанію авторитетомъ. Въ первомъ случаѣ воспитатель говоритъ ребенку: «дѣлай это и это, или я тебя высѣку. Не дѣлай того и того, или я тебя высѣку». Объ этомъ случаѣ распространяться нечего. Во второмъ случаѣ воспитатель пріобрѣтаетъ себѣ безусловное довѣріе ребенка, и потому уже просто говоритъ ему: «дѣлай это, не дѣлай того». Ребенокъ повинуется изъ любви и уваженія къ воспитателю, но въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго. Воспитатель говоритъ: «это хорошо, а то дурно», и ребенокъ запоминаетъ это,—и въ этомъ также нѣтъ ничего хорошаго. Всевозможныя нравоученія сводятся на послѣднюю формулу, съ той только разницей, что они бываютъ обыкновенно гораздо длиннѣе и утомительнѣе. Во всѣхъ этихъ нравоученіяхъ нѣтъ ни одного аргумента, ни одного такого доказательства, которое ребенокъ могъ-бы самъ провѣрить или по крайней мѣрѣ понять. Все дается на память и на вѣру. Стало быть, для мысли нѣтъ никакой пищи, и самодѣятельность будущаго человѣка остается совершенно незатронутой. Поступать такимъ образомъ съ ребенкомъ позволительно только тогда, когда онъ еще не можетъ воспринимать знаній. Если годовой ребенокъ лѣзетъ на горячій самоваръ, тогда конечно его прежде всего слѣдуетъ оттащить въ сторону, но и тутъ можно ему позволить прикоснуться къ самовару кончикомъ пальца. Опытъ не пропадетъ даромъ. Но когда ребенокъ уже говоритъ и разсуждаетъ, тогда заставлять его вѣрить на слово совершенно недобросовѣстно. Отцы и гувернеры, матери и гувернантки обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ, потому что имъ лѣнь объяснить ребенку причины разныхъ своихъ распоряженій или перечислить ему возможныя послѣдствія его собственныхъ поступковъ. Кромѣ лѣни есть еще причина, именно неумѣніе или даже невозможность объяснить ребенку, почему появляются приказанія или запрещенія. Въ кодексѣ нашей житейской морали почти всѣ вопросы рѣшаются безапелляціонно словами: «нравственно» или «безнравственно», «прилично» или «неприлично, «принято» или «не принято». Спросите: почему?—и вамъ не отвѣтятъ, потому что причины дѣйствительно не имѣется. Когда ребенокъ сталкивается съ однимъ изъ такихъ вопросовъ, то его осаживаютъ однимъ изъ выше приведенныхъ рѣшительныхъ словъ. Онъ это запоминаетъ, и такимъ образомъ его дрессировка подвигается понемногу впередъ. У насъ принято воспитывать, т. е. дѣйствовать авторитетомъ до тѣхъ поръ, пока есть какая-нибудь возможность поддержать авторитетъ. Вслѣдствіе этого, даже мужья воспитываютъ своихъ женъ, т. е. читаютъ имъ нравоученія; иногда бываетъ и наоборотъ, что также имѣетъ свою оригинальную прелесть. Теперь, я думаю, будетъ понятно, почему я говорилъ, что воспитывать слѣдуетъ какъ можно менѣе, и что воспитаніе уже въ самомъ раннемъ возрастѣ можетъ и должно уступать мѣсто образованію. Воспитаніе ставитъ воспитателя между ребенкомъ и окружающей природой, а образованіе ставитъ ребенка въ непосредственныя отношенія къ этой природѣ. Воспитаніе заставляетъ только повиноваться, а образованіе учитъ будущаго человѣка жить и распоряжаться своими силами. Я думаю, нѣтъ надобности доказывать, что образованіе можетъ и должно начинаться съ перваго проблеска мысли въ ребенкѣ, и что оно во всякомъ случаѣ, даже у насъ, начинается гораздо раньше перваго книжнаго ученія.

IV.

Я особенно настоятельно обращаю вниманіе читателя на ту мысль, что у насъ образованіе сдавлено между нравственнымъ воспитаніемъ и ученіемъ спеціальности. Эта мысль, къ которой мы пришли путемъ предшествующихъ разсужденій, даетъ намъ ключъ къ пониманію многихъ странныхъ явленій нашей педагогической практики. Когда ребенокъ начинаетъ ходить и говорить, то первыя старанія родителей направляются на то, чтобы покорить возникающую силу, подчинить ее посторонней волѣ, не допустить ее до сознанія того, что она сама—сила, способная крѣпнуть, развиваться, расширять свою дѣятельность и свои права. Прежде всего ребенокъ долженъ быть послушнымъ сыномъ или послушной дочерью; поэтому ему внушается ежеминутно, что онъ самъ ничтоженъ, слабъ, зависимъ, не способенъ понимать, что ему полезно и вредно; стараются даже доказать ему, что онъ не умѣетъ различать пріятное и непріятное; но этому послѣднему посягательству на его чувства и волю ребенокъ не поддается никогда. На различіи пріятнаго и непріятнаго онъ основываетъ всю свою оппозицію противъ притязаній взрослыхъ. Онъ знаетъ очень хорошо, чего ему хочется и чего не хочется; его желанія называютъ капризами, но это его не смущаетъ; въ капризахъ проявляются первые задатки характера, и эти задатки, противъ которыхъ направлены всѣ усилія воспитателей, все-таки развиваются и въ концѣ концовъ заставляютъ признать свою законность. Вѣдь и Меттернихъ считалъ національныя стремленія итальянцевъ предосудительнымъ капризомъ, а теперь непризнаваніе итальянскаго королевства покажется всякому здра-

вомыслящему человѣку пустымъ дипломатическимъ упорствомъ. Такъ точно бываетъ и въ частной жизни съ тѣми воспитателями, которые ведутъ ожесточенную войну съ такъ называемыми капризами своихъ питомцевъ. Эта ожесточенная война нисколько не ослабѣваетъ тогда, когда начинается книжное ученіе. Напротивъ того, книжное ученіе даетъ каждый день новые матеріалы для педагогическихъ распрей. Ребенокъ лѣнивъ, ребенокъ невнимателенъ, все это надо побѣждать и искоренять; гдѣ же тутъ думать о перемиріи? Воспитаніе широкой волной врывается въ собственное поле образованія. Знанія превращаются въ нравоученія. Учитель не спрашиваетъ объ умственныхъ потребностяхъ ребенка, не старается ихъ пробудить и не заботится объ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, которыя уже пробудились сами собой. Всякая умственная потребность, являющаяся безъ призыва, встрѣчается, какъ незванная гостья,—а извѣстно, что незванный гость хуже татарина. Такая нескромная потребность обыкновенно считается такимъ же капризомъ, какъ и всякое другое желаніе ребенка, не входящее въ педагогическіе разсчеты воспитателя. Ученіе не отвѣчаетъ на вопросы ребенка и никогда не бываетъ расположено такъ, чтобы ребенокъ самъ понималъ его необходимость. Ребенку говорится съ самаго начала, что онъ долженъ учиться для своей же пользы. Эти сакраментальныя слова: «это, душенька, для твоей же пользы» хорошо извѣстны всякому ребенку. Эти слова всегда произносятся въ заключеніи каждаго нравоученія, каждой распечки, даже каждаго наказанія розгой или другимъ орудіемъ. Это послѣдній аргументъ—ultima ratio, послѣ котораго воспитатель говоритъ себѣ, что онъ все объяснилъ ребенку и что ребенокъ окажется неблагодарнымъ животнымъ, если не дастъ съ радостью завязать себѣ глаза и не побѣжитъ съ завязанными глазами, по голосу своего воспитателя, всюду, куда прикажутъ. И дѣйствительно, надо сказать правду, только особенно даровитые ребята оказываются неблагодарными животными. Большинство дѣтей такъ благовоспитано, что путешествіе съ завязанными глазами не представляетъ уже для нихъ ничего необыкновеннаго. Нельзя сказать, чтобы слова: «это, душенька, для твоей же пользы» особенно глубоко врѣзались въ ихъ умъ; они вовсе не думаютъ, что это ихъ польза; они не пылаютъ фанатической вѣрой въ непогрѣшимость своихъ учителей, потому что такую фанатическую вѣру способна возбудить только высоко даровитая личность. Они просто измяты и усыплены воспитаніемъ; они привыкли кому-нибудь повиноваться и не умѣютъ ни разсуждать, ни горячо вѣрить. Они смотрятъ на свои уроки, какъ мужики на барщину: «нельзя же безъ этого; добромъ не сдѣлаешь, такъ насильно заставятъ». Они и дѣлаютъ добромъ, чтобы не вышло непріятности. Такимъ образомъ пріобрѣтается привычка, которая всегда сохраняется далеко за предѣлами дѣтства и часто сопровождаетъ человѣка до гробовой доски. Ребенокъ учитъ урокъ, потому что такъ велѣно; гимназистъ зубритъ къ экзамену, потому что такъ заведено; студентъ записываетъ безтолковую лекцію, потому что она назначена по росписанію; гимназическій учитель требуетъ отъ ученика твердаго знанія урока, потому что онъ на то поставленъ; профессоръ читаетъ безтолковую лекцію, потому что его за тѣмъ посадили на каѳедру. Словомъ, одинъ толкаетъ другого, не зная, куда и зачѣмъ, и другой также не знаетъ, куда и зачѣмъ толкаетъ его одинъ,—но не распрашиваетъ объ этомъ, слѣдуетъ импульсу и затѣмъ въ свою очередь начинаетъ толкать невиннаго третьяго. Perpetuu n mobile, котораго тщетно ищетъ механика, блистательнымъ образомъ найдено и осуществлено въ нашей педагогической и житейской практикѣ. Такъ какъ образованіе наше нисколько не обусловливается собственными потребностями ребенка, то чѣмъ же опредѣляется кругъ предметовъ, входящихъ въ его составъ? Если ребенку слѣдуетъ поступить въ казенное заведеніе, то кругъ предметовъ опредѣляется печатной программой; а если ребенокъ—дѣвочка, и если ей предстоитъ закончить свое образованіе въ родительскомъ домѣ, то кругъ предметовъ опредѣляется тѣми требованіями, которыя возбуждаютъ неопредѣленный идеалъ jeune personne charmante et bien élevée. Вы видите, что къ воспитательному элементу примѣшивается элементъ спеціальности. Иногда примѣшивается съ первыхъ дней жизни ребенка. Бываютъ родители, которые знаютъ заранѣе, что старшій ихъ сынъ будетъ фельдмаршаломъ, второй адмираломъ, а третій—министромъ финансовъ. Сообразно съ этими предначертаніями располагается воспитаніе, но такихъ родителей уже теперь немного; кромѣ того это уже крайности, а я хочу говорить только о лучшихъ явленіяхъ нашей педагогической практики. Даже въ этихъ лучшихъ явленіяхъ элементъ спеціальности примѣшивается къ образованію очень рано. Что касается до женщинъ, то онѣ всѣ спеціалисты, потому что воспитываются или для свѣтской жизни, или для кухни, или для мѣста гувернантки. Но о женскомъ воспитаніи я говорить не буду. Посмотримъ, какой же кругъ предметовъ назначается и требуется печатными программами, которыя имѣютъ такое неотразимое вліяніе на ходъ образованія мальчиковъ въ достаточныхъ и просвѣщенныхъ классахъ нашего общества. Мы можемъ принять за норму—программу гимназіи, потому что всѣ другія программы гражданскихъ и военно-учебныхъ заведеній представляютъ, по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ, очень незначительныя уклоненія отъ программы гимназіи.

V.

Перечислить отдѣльные предметы, входящіе въ гимназическую программу, очень легко, но опредѣлить, хоть въ общихъ чертахъ, планъ и характеръ нашего гимназическаго образованія совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что плана и характера въ немъ положительно нѣтъ.

Представьте себѣ, что я держу въ рукахъ маленькую и очень простую акварельную картинку. Вы умѣете рисовать и сидите въ другой комнатѣ; передъ вами лежатъ на столѣ листъ бумаги, кисти и всѣ тѣ краски, которыми нарисована моя картинка. Я начинаю вамъ диктовать: полвершка желтой краски, три штриха зеленой, два вершка въ длину и полтора въ ширину лиловой, и т. д. Я диктую совершенно вѣрно и систематически-послѣдовательно иду сверху внизъ, и отъ лѣвой руки къ правой, но, не смотря на то и не смотря на вашъ художественный талантъ, я позволяю себѣ усомниться въ томъ, чтобы на вашей бумагѣ изобразилась моя картина, или вообще какая-нибудь другая картина. Именно такимъ образомъ диктовала намъ Европа, и особенно Германія, программы своихъ заведеній, такія программы, которыя и на своемъ-то мѣстѣ не приносили никакой пользы. А ужъ что изъ нихъ вышло у насъ—такъ этого и разсказать невозможно. Въ послѣднее время, съ легкой руки «Русскаго Вѣстника», за подобную диктовку хотѣла приняться Англія. Являлось въ журналахъ мнѣніе, что слѣдуетъ усилить у насъ классическое образованіе, потому, дескать, что оно господствуетъ въ Англіи, а Англія—держава просвѣщенная, и граждане ея пользуются всѣми благами общественной жизни, и ораторы ея очень замѣчательны, и государственные люди дальновидны, и ученые глубокомысленны. Покуда мы съ приверженцами классическаго образованія не будемъ ни спорить, ни соглашаться. Замѣтимъ только, что школьное образованіе въ Европѣ находится еще подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя вложили въ него гуманисты, жившіе въ эпоху возрожденія и во время реформаціи. Въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI столѣтія всѣ мыслящіе люди Европы были увлечены обожаніемъ классической древности, и это было хорошо, потому что лучше увлекаться идеями Цицерона и Платона, лучше восхищаться красотами Гомера и красивыми словами Виргилія, чѣмъ тупѣть надъ средневѣковой схоластической гнилью. Увлеченіе греками и римлянами конечно хватило черезъ край. Латинскій языкъ, постоянно оставшійся языкомъ церкви и права, вытѣснилъ народные языки изъ литературы и науки. Даже лютеровъ переводъ библіи на нѣмецкій языкъ не положилъ предѣла тираническому господству латинскаго языка. На латинскомъ писались и стихотворенія, и богословскіе трактаты, и ученыя изслѣдованія, и политическіе памфлеты. При такомъ положеніи дѣлъ, латинскій языкъ долженъ былъ твердо укорениться въ школахъ.

Кромѣ того все школьное образованіе должно было сложиться по образцу классической древности, съ тѣми только измѣненіями, которыхъ требовала христіанская религія. Такимъ образомъ и явилось на свѣтъ такъ называемое гуманное образованіе, которому противополагаютъ образованіе реальное, и котораго жалкіе и искаженные лохмотья составляютъ нашъ гимназическій курсъ. Въ Греціи и въ Римѣ образованіе было исключительно словесное. Преподавались грамматика, риторика и философія. Къ этому присоединялось кое-что изъ математики и разныя гаданія объ астрономіи. Естественныхъ наукъ не было. Наука вообще въ древнемъ мірѣ не существовала, потому что соображенія Аристотеля и Платона о мірозданіи и человѣкѣ, правившіяся такъ сильно древнимъ и среднимъ вѣкамъ, конечно не могутъ быть названы наукой. Математика была еще мало развита, и вліяніе ея на общее образованіе было незначительно. Стало быть, грекъ или римлянинъ въ школѣ выучивался только хорошо говорить и хорошо писать. Апофеоза фразерства была доведена до такой наивной крайности, до которой она не можетъ дойти въ нашъ лицемѣрный вѣкъ. Мы фразерствуемъ стыдливо и стараемся увѣрять всѣхъ, что говоримъ просто и дѣльно, а грекъ и, глядя на него, римлянинъ фразерствовали гордо и откровенно, потому что фразерство было и наукой, и искусствомъ, и высшимъ достоинствомъ человѣка, и лучшей доблестью гражданина, и вѣрнѣйшимъ средствомъ ворочать, по своему благоусмотрѣнію, судьбой городовъ и республикъ. Фразерство пользовалось всемогуществомъ во время лучшихъ дней греческой и римской свободы, и это всемогущество фразы было конечно одной изъ мрачныхъ сторонъ этого быта. Когда пала свобода Греціи и Рима, тогда фраза потеряла свою силу, потому что эта сила перешла въ македонскую фалангу и въ преторіанскую когорту. Но въ школѣ фраза продолжала господствовать, потому что больше не на чемъ было построить обученіе. Изъ римскихъ школъ фраза, потерявшая смыслъ и силу, перешла въ средневѣковыя училища, потомъ въ школы гуманистовъ, гдѣ она немножко освѣжилась отъ соприкосновенія съ литературными памятниками классической древности, и наконецъ отъ гуманистовъ къ намъ, черезъ Польшу и Кіевъ, черезъ заиконоспасскую академію и бурсы; та же самая классическая фраза забралась въ гимназіи и даже въ кадетскіе корпуса. Кое-что приставили, кое-что урѣзали, и образовался гимназическій курсъ, въ которомъ, какъ я уже говорилъ, всѣ предметы враждуютъ между собой и неутомимо преслѣдуютъ и истребляютъ другъ друга. Чтобы доискаться до какого-нибудь смысла въ нашемъ гимназическомъ или общемъ образованіи, необходимо было отправиться

въ историческую экскурсію и добраться до грековъ, потому что только тамъ, въ этомъ первобытномъ источникѣ, словесное или гуманное образованіе имѣло смыслъ и значеніе, а мы обнашиваемъ теперь чужіе обноски, въ которыхъ уже не видно ни цвѣта, ни покроя, ни качества матеріи. Я конечно оставляю въ моемъ обозрѣніи преподаваніе закона Божія въ сторонѣ; судить о томъ, хорошо или дурно ведется это преподаваніе, я предоставляю спеціалистамъ, какъ людямъ болѣе компетентнымъ. Но кромѣ закона Божія мы имѣемъ великое множество наукъ.

Исторія, географія, математика, физика, русская грамматика, риторика съ піитикой, посящія болѣе современное названіе теоріи словесности, исторія русской литературы, латинскій языкъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ греческій, языки французскій и нѣмецкій. Помилуйте! Да можетъ ли быть что-нибудь роскошнѣе этой программы, особенно если вспомнимъ, что вмѣсто греческаго языка въ большей части гимназій преподаются законовѣдѣніе и естественная исторія (Sic!). Но замѣчаете-ли вы странное явленіе? Математика и физика стоятъ совершенно одиночно въ этой роскошной программѣ, точно незванные гости, зашедшіе по ошибкѣ въ незнакомое общество. Онѣ такъ и жмутся другъ къ другу; обыкновенно учитель математики преподаетъ и физику. А въ тѣхъ классахъ гимназіи, гдѣ еще нѣтъ физики, математика оказывается совершенной сиротой, и потому поневолѣ примѣняется къ обычаямъ и манерамъ всего остального общества. Всѣ другіе предметы обращаются къ памяти учениковъ; такое обращеніе вовсе не нравится математикѣ, но съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ, и она, скрѣпя сердце, покоряется господствующему порядку. Значитъ, математику и физику, какъ личности страдательныя и ни въ чемъ неповинныя, мы можемъ оставить въ сторонѣ. Онѣ бы и рады были помочь горю и предохранить гимназистовъ отъ угрожающаго имъ отупѣнія, но сила остальныхъ наукъ слишкомъ велика, такъ что противъ нихъ невозможно бороться. Вотъ напримѣръ исторія. У насъ принято думать, что это великая и прекрасная наука, что дѣти и юноши должны развивать свой умъ и облагораживать сердце, читая дѣянія патріотовъ Греціи и Рима и умиляясь думой надъ священными страницами отечественнаго бытописанія. У насъ принято даже говорить объ исторіи высокимъ слогомъ, что я и старался исполнить въ предыдущей моей фразѣ. У насъ, далѣе, принято негодовать противъ Кайданова, Смарагдова, Зуева и Устрялова; принято утверждать, что эти почтенные дѣятели написали очень плохіе учебники, и что только по милости этихъ учебниковъ не достигаются тѣ возвышенныя цѣли, къ которымъ должно вести преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ. Кто только не бранилъ поименованныхъ господъ, кто не изощрялъ надъ ними своего копѣечнаго остроумія! «Намъ,—говорятъ эти остряки,—необходимы хорошіе историческіе учебники для гимназій. Это наша настоятельная потребность. Пора, пора обратить на нее вниманіе». Затѣмъ слѣдуютъ знаки восклицательные, многоточія и другія печатныя выраженія взволнованныхъ чувствъ. А между тѣмъ все это пустяки. Учебники никуда не годятся, это правда. Но новыхъ учебниковъ совсѣмъ не нужно; они также никуда не будутъ годиться, потому что учебникъ исторіи для гимназій—безсмыслица, невозможная книга, неосуществимая мечта. Раціональное преподаваніе исторіи въ гимназіи также мечта, которая ни при какихъ условіяхъ осуществиться не можетъ.

VI.

Мое мнѣніе объ исторіи требуетъ доказательствъ, и я не откажу въ нихъ читателю, но предупреждаю его, что мнѣ придется доказывать это довольно долго, и что поэтому читатель не долженъ гнѣваться на меня за отклоненіе отъ главнаго предмета статьи. Въ настоящее время исторія есть списокъ собственныхъ именъ, связанныхъ между собою разными глаголами и пересыпанныхъ цифрами годовъ: Антонъ поколотилъ Сидора въ такомъ-то году, а потомъ Сидоръ соединился съ Егоромъ и пошелъ на Антона въ такомъ-то году, и вздулъ его при такомъ-то городѣ, и выгналъ его изъ такого-то царства. Потомъ Сидоръ съ Егоромъ передрались за добычу; потомъ Егоръ женился на дочери Сидора, Феклѣ, въ такомъ-то году и получилъ за нею въ приданое такіе-то города; потомъ... Ну, и такъ далѣе,—вотъ образчикъ той исторіи, которую изучаютъ наши гимназисты. Говорятъ, это нехорошо; это, говорятъ, отъ учебниковъ; слѣдуетъ ученикамъ видѣть внутреннее развитіе народной жизни, слѣдуетъ понимать историческій колоритъ событій, слѣдуетъ постигать связь между великими причинами и великими слѣдствіями... Ну да! Мало-ли что слѣдуетъ! Да вѣдь все это однѣ фразы! Вы попробуйте приложить ихъ къ отдѣльному историческому эпизоду. Возьмите напримѣръ изъ римской исторіи дѣятельность Гракховъ. Гимназистъ бойко разскажетъ вамъ, что Тиверій и Кай Гракхи были украшеніемъ и гордостью матери своей Корнеліи, потомъ Тиверій сдѣлался народнымъ трибуномъ и захотѣлъ раздѣлить между бѣдными гражданами общественныя земли—ager publicus, потомъ сенатъ перепугался и сталъ хитрить, наконецъ перехитрилъ Тиверія, и наконецъ—Тиверія убили въ народномъ собраніи. И это онъ вамъ разскажетъ по Смарагдову, и конечно гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ я вамъ разсказалъ. Ну, чего-же вамъ больше? Какого вамъ историческаго колорита? Вѣдь все, кажется, на своемъ мѣстѣ: и сенатъ, и народное собраніе, и трибунъ, и плебеи, и даже по-латыни

ager publicus. Вы отъ гимназиста ничего больше требовать не можете, а между тѣмъ это тоже самое, что повѣствованіе о Егорѣ, Антонѣ, Сидорѣ и дочери его Феклѣ. Гимназистъ очевидно не понимаетъ, отчего Тиверію вдругъ вздумалось осчастливить бѣдныхъ, и отчего именно землею, а не деньгами, и откуда взялись эти бѣдные, и отчего сенату было выгодно, чтобы они оставались бѣдными, и отчего сенату удалось перехитрить Тиверія, и отчего все предпріятіе рухнуло, и отчего бѣдные никакъ не могли сдѣлаться землевладѣльцами. Словомъ, гимназистъ во всей дѣятельности Тиверія Гракха не понимаетъ ничего и понимать ничего не можетъ. Его нисколько не удивило, если-бы вдругъ оказалось у Смарагдова, что Тиверій настроилъ кораблей, посадилъ туда всѣхъ бѣдныхъ, поѣхалъ съ ними черезъ Геркулесовы столбы, присталъ къ берегамъ Британіи, основалъ королевство и сдѣлался родоначальникомъ династіи Гракховъ. Гимназистъ принялъ-бы этотъ исходъ дѣла такъ-же равнодушно и разсказалъ-бы его такъ-же краснорѣчиво, какъ онъ принимаетъ и разсказываетъ дѣйствительное событіе. Чтобы не было этого равнодушія и краснорѣчія, гимназисту слѣдуетъ знать и понимать такое множество различныхъ вещей, которое рѣдко совмѣщается въ надлежащей полнотѣ и ясности въ почтенной головѣ профессора исторіи. Ему надо знать напримѣръ что такое трудъ и капиталъ, въ какихъ отношеніяхъ они находились между собой въ древнемъ Римѣ, каково было въ римской республикѣ распредѣленіе богатства, какія причины содѣйствовали переходу имуществъ изъ рукъ въ руки и сосредоточенію ихъ въ рукахъ немногихъ семействъ, каково было умственное и нравственное положеніе богачей и бѣдняковъ; далѣе, такое-же множество разнородныхъ знаній необходимо и для пониманія личнаго характера Тиверія, для оцѣнки интригъ сената, для разумѣнія тѣхъ мрачныхъ и разрушительныхъ страстей, которыя сенатъ умѣлъ возбудить въ массѣ бѣдняковъ противъ того самаго человѣка, который захотѣлъ ихъ облагодѣтельствовать. Вотъ и смекайте. Вѣдь чего добраго, для пониманія одного эпизода о Гракхахъ придется гимназисту прочитать нѣсколько объемистыхъ томовъ, придется заглянуть и въ политическую экономію, и въ философію исторіи, и въ римскія древности Нибура. Какъ-же вы это желаете въ учебникъ вмѣстить? Если вы внесете въ учебникъ всѣ эти знанія въ видѣ краткихъ афоризмовъ, то книга значительно увеличится въ объемѣ, а гимназисту, вмѣсто одной исторіи о Сидорѣ и Егорѣ, придется заучивать десять исторій, потому что ваши краткіе афоризмы будутъ для него голыми фактами, которые онъ будетъ брать приступомъ, на память, съ равнодушіемъ и краснорѣчіемъ. Надо вообще твердо запомнить, что тысяча прочтенныхъ страницъ можетъ оставить по себѣ ясное понятіе о предметѣ, а экстрактъ изъ этихъ тысячи страницъ, заключающій въ себѣ напримѣръ страницъ пятьдесятъ, не оставляетъ никакого понятія, и можетъ быть только затверженъ на память. Стало быть, приходится — или удовлетвориться разсказомъ по Смарагдову, или написать учебникъ всеобщей исторіи томовъ въ пятьдесятъ, или наконецъ прежде изученія исторіи сообщать ученику множество юридическихъ, политическихъ и экономическихъ свѣдѣній. Но Смарагдовымъ вы удовлетвориться не хотите, и я тоже не хочу. Стало быть, напишемъ учебникъ въ пятьдесятъ томовъ. Хорошо. Но это будетъ не учебникъ, а книга для чтенія. Ну, такъ начнемъ сообщать предварительныя свѣдѣнія, а потомъ уже учиться исторіи. Опять-таки хорошо. Но тогда намъ придется въ гимназіи сообщать предварительныя свѣдѣнія, а исторію отложить на будущее время, и тогда уже читать лекціи исторіи, а не задавать уроки по учебнику.

Противъ этихъ двухъ выходовъ я ровно ничего не могу возразить. Пусть гимназисты читаютъ историческія сочиненія, если они ихъ понимаютъ и находятъ ихъ занимательными. Пусть имъ преподаютъ въ гимназіи основныя понятія о народномъ хозяйствѣ, о государственныхъ системахъ, о юридическихъ отношеніяхъ, ежели только съумѣютъ преподавать эти мудреныя и щекотливыя вещи такъ, чтобы онѣ были понятны и оставались неизуродованными. Но пусть не сваливаютъ этого разнороднаго матеріала въ одинъ общій ящикъ съ надписью «учебникъ исторіи» и пусть не требуютъ отъ этого учебника такихъ чудесъ, которыя онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ совершить. Вѣдь исторія не наука; это — приложеніе всѣхъ наличныхъ знаній и всего наличнаго ума человѣка къ пониманію прошедшей жизни; поэтому два различные человѣка на основаніи однихъ и тѣхъ-же памятниковъ напишутъ двѣ исторіи совершенно различнаго достоинства; поэтому пониманіе важныхъ историческихъ событій измѣняется съ каждымъ десятилѣтіемъ, хотя-бы въ это десятилѣтіе и не открылось никакихъ новыхъ памятниковъ и матеріаловъ. Самый тупой и и неразвитой человѣкъ можетъ написать исторію, но она будетъ отражать въ себѣ безсмысленную физіономію своего творца. А если напишетъ исторію геніальный и очень образованный человѣкъ, то его твореніе будетъ великолѣпно и безсмертно. Понимать исторію мы также можемъ только сообразно съ нашими умственными силами и съ шириной нашего развитія. Шекспиръ самъ по себѣ не измѣняется, но если вы читали его, когда вамъ было четырнадцать лѣтъ, и потомъ прочли его, когда вамъ минуло двадцать лѣтъ, то навѣрное первое впечатлѣніе было значительно слабѣе и смутнѣе послѣдняго. Исторія, написанная замѣчательнымъ человѣкомъ, — тотъ-же Шекспиръ; а исторія, составленная какимъ-нибудь Капфигомъ или Устряловымъ, то-же самое, что романъ Воскресенскаго или Рафаила Зотова. Перваго рода исторію слѣдуетъ понимать,

а втораго рода—совсѣмъ читать не стоитъ. А чтобы понимать, надо стоять на извѣстной степени развитія. Но если никто не принуждаетъ гимназистовъ читать историческія книги, тогда нѣтъ бѣды въ этомъ, что они возьмутъ въ руки такія сочиненія, которыя еще не вполнѣ доступны ихъ пониманію. Не поймутъ—такъ оставятъ, а если будутъ читать,—значитъ находятъ удовольствіе и стало-быть что-нибудь понимаютъ. Я возстаю только противъ обязательнаго изученія исторіи и противъ обязательнаго чтенія историческихъ книгъ. Эта обязательность прямо наваливаетъ на молодой умъ непосильный грузъ и слѣдовательно неизбѣжно ведетъ за собою отупѣніе и упадокъ мыслительной силы.

VII.

Географія конечно можетъ и должна быть преподаваема въ гимназіяхъ, но конечно не такъ, какъ она преподается теперь. Вину плохого преподаванія сваливаютъ на учебники, и въ этомъ случаѣ крестовый походъ противъ плохихъ учебниковъ оказывается такой-же смѣшной несообразностью, какой онъ оказался въ дѣлѣ Смарагдова и компаніи. Существенный недостатокъ въ преподаваніи географіи заключается въ томъ, что политическая географія преобладаетъ надъ физической, а этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ только тогда, когда географія будетъ преподаваться въ тѣсной связи съ геологіей, ботаникой и зоологіей. Въ нашихъ географическихъ учебникахъ стоятъ на первомъ планѣ имена горъ, рѣкъ, озеръ, мысовъ и особенно городовъ; но въ нихъ есть также замѣчанія о почвѣ, климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. На эти замѣчанія ни учитель географіи, ни его ученики не обращаютъ никакого вниманія, и дѣйствительно вниманія обращать не стоитъ, потому что замѣчанія гласятъ обыкновенно, что почва плодородная, климатъ благорастворенный, или умѣренный, или холодный, произведеній много, и всѣхъ не упомнить. Стало-быть, если о плодородіи почвы отозваться умѣренно, а о климатѣ сообразить приблизительно по градусу широты, то дѣло сойдетъ благополучно. А насчетъ произведеній учитель рѣдко спрашиваетъ; вѣдь онъ видитъ, что ученикъ запомнилъ нѣсколько десятковъ именъ, означающихъ горы, рѣки и города; къ чему-же ему гнаться еще за дюжиной именъ вродѣ банановъ, бататовъ, баобабовъ, кокосовыхъ пальмъ, орангъутанговъ, тапировъ, кенгуру, орниторинксовъ; для ученика, незнакомаго съ естественными науками, это все такія-же имена, какъ Камбоджа, Брамапутра, Давалагири, Чандернагоръ и т. д. А если-бы учитель взялся объяснять каждое изъ именъ, означающихъ диковинныя растенія, или принадлежащихъ диковиннымъ животнымъ, то ему пришлось-бы сдѣлать въ преподаваніи своего предмета цѣлый переворотъ, и переворотъ этотъ принесъ-бы очень мало пользы, потому что двѣ самостоятельныя науки, ботаника и зоологія, не могутъ быть сообщены ученикамъ между прочимъ, въ прибавленіи къ урокамъ географіи.

Ни учебникъ, ни учитель географіи не могутъ своими средствами исправить общій недостатокъ системы. Географія прежде всего должна быть описаніемъ земли. Она должна дать ученику рядъ картинъ, показывающихъ ему, какъ размѣщены на земномъ шарѣ минералы, растенія, животныя и люди. Она должна объяснить ему связь, существующую между этими произведеніями съ одной стороны и устройствомъ поверхности, орошеніемъ, свойствами почвы и климатическими условіями съ другой стороны. Словомъ, дѣло географіи показать общую связь отдѣльныхъ частей: ея дѣло нарисовать общія картины природы. Но исполнить эту важную и трудную задачу она можетъ только въ томъ случаѣ, если отдѣльныя части будутъ уже извѣстны учащимся. Географія можетъ и должна опираться на всѣ естественныя науки, но замѣнять ихъ собой она не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ ей пришлось бы обратиться въ необъятную энциклопедію, наполниться множествомъ эпизодическихъ подробностей и слѣдовательно совершенно упустить изъ виду свою единственную законную цѣль. Стало-быть учебники наши ни въ чемъ невиноваты, они совершенно соотвѣтствуютъ общимъ требованіямъ системы, и хорошіе учебники могутъ возникнуть только тогда, когда будетъ перестроена вся система. Теперь преподаваніе географіи впадаетъ въ тѣ-же роковыя ошибки, которыя я указалъ въ преподаваніи исторіи. Вмѣсто того, чтобы описывать землю, географія старается описывать государства, или, другими словами, старается представить картину современной жизни человѣчества, точно такъ же, какъ исторія усиливается представить картину прошедшей жизни человѣчества. Старанія географіи, въ этомъ случаѣ, такъ же безплодны, какъ усилія исторіи. Могутъ-ли ученики понять, что такое правительство монархическое неограниченное, монархическое ограниченное, республиканское? что такое религія римско-католическая, лютеранская и англиканская? что такое университеты, ученыя и учебныя заведенія, заводы, фабрики и мануфактуры, гавани и крѣпости, и другія слова, которыми для разнообразія пересыпаны собственныя имена городовъ? что такое каналы, доки, верфи, таможни, биржи? что такое мѣсторожденія замѣчательныхъ людей, которыхъ имя попадается ученику въ первый разъ въ жизни, и что такое памятники, воздвигнутые въ честь этихъ людей или въ воспоминаніе событій, о которыхъ ученикъ также не слыхалъ никогда? Чтобы объяснить ученику различные образы правленія, надо прочитать ему сравнительный обзоръ европейскихъ конституцій; чтобы слова: римско-католическій, лютеранскій и т. д.

не были для него звуками, лишенными значенія, надо познакомить его съ параллельной исторіей религій; другія, приведенныя мною слова: университеты, заводы, гавани и т. д. употребляются нами такъ часто, что мы не отдаемъ себѣ отчета въ ихъ неясности; но подумайте, возбуждаютъ-ли эти слова въ умѣ ученика какія-нибудь опредѣленныя представленія? Онъ присмотрѣлся къ нимъ; слово знакомо, но о томъ предметѣ, который обозначается этимъ словомъ, онъ не имѣетъ никакого понятія. Чтобы дать ему это понятіе, надо, по поводу каждаго отдѣльнаго слова, прочесть ему нѣсколько лекцій; въ географіи надо будетъ ввести множество экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и техническихъ свѣдѣній и подробностей. А всего лучше поступить съ преподаваніемъ политической географіи такъ же, какъ я совѣтовалъ поступить съ преподаваніемъ исторіи. Политическая географія предметъ очень сложный; поэтому слѣдуетъ преподавать ее тогда, когда ученики усвоятъ себѣ понятіе о простыхъ элементахъ, входящихъ въ ея составъ. Но политическія и экономическія свѣдѣнія вообще должны быть передаваемы юношамъ, уже развитымъ и способнымъ мыслить; стало-быть всего лучше отложить о нихъ попеченіе въ гимназіи и сосредоточить все вниманіе учениковъ на физической географіи, поддерживаемой основательнымъ изученіемъ естественныхъ наукъ.

Кстати о естественныхъ наукахъ. Многія замѣтятъ быть можетъ, что естественныя науки и теперь преподаются въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ нѣтъ греческаго языка. Это замѣчаніе конечно не можетъ считаться серьезнымъ. Вы можете себѣ представить, что это за преподаваніе. Припомните только, что вмѣсто одного греческаго языка вводятся два предмета: законовѣдѣніе и естественная исторія. Стало - быть всѣ естественныя науки, вмѣстѣ взятыя, соотвѣствуютъ половинѣ греческаго языка. Потомъ, что это за наука «естественная исторія»? Это винегретъ изъ минералогіи, ботаники и зоологіи, и винегретъ этотъ подается на столъ однимъ учителемъ. Тутъ очевидно можно ожидать только изобилія терминовъ и классификаціи, или же, для разнообразія, бюффоновскихъ разсказовъ о трогательной вѣрности собаки и объ изумительной смышленности бобра. Такія естественныя науки конечно не могутъ служить опорой для физической географіи. Но даже естественная исторія все-таки лучше всеобщей исторіи и политической географіи. Вѣрность собаки и смышленность бобра по крайней мѣрѣ понятны ученикамъ, а дѣйствія Тиверія Гракха или монархическое ограниченное правленіе Англіи оказываются для учениковъ китайской грамотой. Надо принять себѣ за неизмѣнное правило ту основную педагогическую истину, что ученику слѣдуетъ говорить только то, что его интересуетъ, или то, что онъ можетъ вполнѣ понять. Пріобрѣтаемая въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ привычка встрѣчать незнакомыя понятія и свыкаться съ ними, не проникнувъ въ ихъ смыслъ, привычка читать книги, не отдавая себѣ отчета въ ихъ содержаніи, привычка скользить надъ трудностями, не желая ихъ замѣтить, эта привычка прямо ведетъ къ разслабленію и къ вялости мысли, къ неизлечимому фразерству, къ безсознательному и безъисходному шарлатанству.

VIII.

О преподаваніи русской грамматики распространяться нечего. Оно идетъ дурно и конечно оно совершенно необходимо, какъ естественное и неизбѣжное продолженіе азбуки. Остается желать ему тѣхъ улучшеній, которыя понемногу проникаютъ во всякое преподаваніе, по мѣрѣ развитія и уясненія общихъ понятій о раціональныхъ педагогическихъ пріемахъ. Въ грамматикѣ не можетъ быть никакихъ радикальныхъ преобразованій и поэтому я отодвигаю ее всторону.

Неугодно-ли вамъ взглянуть на теорію словесности и на исторію русской литературы, поглощающія въ жизни гимназистовъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Эти два предмета начинаются въ четвертомъ классѣ и сопровождаютъ учениковъ до седьмого включительно. Подъ именемъ теоріи словесности укрываются, съ несвойственной имъ стыдливостью, риторика и піитика,—тѣ самыя науки, которыя до сихъ поръ открыто свирѣпствуютъ въ семинаріяхъ, отравляя жизнь бурсака и наполняя его несчастную голову непроходимой чепухой. Къ этимъ двумъ знаменитымъ наукамъ присоединяется кусочекъ формальной логики; есть даже покушенія на эстетику; впрочемъ гдѣ тотъ смертный, который отважится разграничить эти науки? Кто отличитъ піитику отъ эстетики? И какой здравомыслящій человѣкъ объяснитъ намъ, на что годятся всѣ эти четыре науки, вмѣстѣ взятыя? Гимназическая программа желаетъ вѣроятно, чтобы онѣ умягчали жестокія сердца буйныхъ и строптивыхъ учениковъ. Извѣстно, что изящныя искусства поселяютъ кротость и добродушіе въ суровые нравы дикарей; извѣстно, что даже животныя любятъ музыку и что камни слагались сами собой въ стѣны фиванской крѣпости подъ звуки лиры Амфіона. На основаніи всѣхъ этихъ историческихъ и зоологическихъ примѣровъ, гимназическая программа хочетъ умилить и растрогать юныхъ питомцевъ разсужденіями объ изящномъ и о различныхъ его проявленіяхъ.

Я поневолѣ долженъ предположить въ теоріи словесности скрытую нравственную цѣль, потому что отыскать въ ея преподаваніи малѣйшую долю пользы для умственнаго развитія нѣтъ никакой возможности. Представленія, понятія и силлогизмы, метафоры, эпитеты, синекдохи, антите-

*

зы, опредѣленіе изящнаго, субъективность и объективность, пластическія и топическія искусства, художественность и поэзія, трогательное и наивное, юморъ и иронія, дидактизмъ, драматизмъ, эпосъ, лирика—да если-бы я захотѣлъ, я могъ-бы наполнить словами десятки страницъ, и это море словъ льется сначала широкими и правильными волнами съ каѳедры къ скамейкамъ, потомъ журчитъ робкими и перемежающимися ручейками отъ скамеекъ къ каѳедрѣ; и въ подобныхъ занятіяхъ учитель и его ученики проводятъ еженедѣльно часа по три впродолженіи двухъ лѣтъ; и учителю не совѣстно глядѣть на своихъ учениковъ; и ученикамъ не смѣшно смотрѣть на своего учителя. Не явное-ли это доказательство того чарующаго и смягчающаго вліянія, которое разсужденія объ изящныхъ предметахъ оказываютъ на самыя разнородныя организаціи? Учитель изливаетъ море словъ и, убаюканный его величественнымъ шумомъ, перестаетъ понимать то, что онъ дѣлаетъ, перестаетъ чувствовать подавляющую нелѣпость своего занятія. Ученикъ изливаетъ журчащій ручеекъ словъ и, также убаюканный его серебристымъ журчаніемъ, теряетъ свойственную гимназисту способность видѣть смѣшную сторону вещей. Учитель и ученикъ баюкаютъ другъ друга и затѣмъ расходятся, успокоенные и умиротворенные.

Я прошу читателя извинить мой шутливый отзывъ о теоріи словесности; но мнѣ кажется, что объ этомъ предметѣ невозможно говорить серьезно. Вѣдь только тѣ остроумные люди, которые, при напряженіи всѣхъ своихъ умственныхъ силъ, дошли до отрицанія учебниковъ Кайданова и Смарагдова, только эти остроумные люди, говорю я, способны серьезно полемизировать противъ теоріи словесности. Я настолько уважаю моего читателя, что не причисляю его къ этимъ остроумнымъ людямъ. Поэтому я нахожу достаточнымъ напомнить читателю, что такое теорія словесности, и замѣтить ему, что этимъ предметомъ занимаются гимназисты впродолженіи двухъ лѣтъ. Этого напоминанія и замѣчанія слишкомъ достаточно для того, чтобы произнести приговоръ надъ этой умиротворящей наукой. Археологическое значеніе этой науки также заслуживаетъ вниманія: мы сохранили ее со временъ Аристотеля въ полной чистотѣ и неприкосновенности. Живучесть фразерства ясно доказывается этимъ любопытнымъ обстоятельствомъ.

За теоріей словесности слѣдуетъ исторія русской литературы. Эта исторія, какъ и всѣ другія, представляетъ списокъ именъ, которыя навсегда останутся для ученика именами, ровно ничего собою неозначающими. Жилъ-былъ Несторъ, написалъ лѣтопись; жилъ-былъ Кириллъ Туровскій, написалъ проповѣдей много; жилъ-былъ Даніилъ заточникъ, написалъ Слово Даніила заточника; жилъ-былъ Серапіонъ, жилъ-былъ, жилъ-былъ, и всѣ они жили-были, и всѣ они что-нибудь написали, и всѣхъ ихъ очень много, и до всѣхъ ихъ никому нѣтъ дѣла, кромѣ гимназистовъ и изслѣдователей старины. Когда дойдетъ дѣло до Ломоносова и Державина, тогда становится еще тошнѣе; приходится запоминать названія одъ и отрывки изъ нихъ, до которыхъ также дотыкаются только гимназисты и изслѣдователи. А ужъ когда доберутся до Пушкина, тогда надо спѣшить, потому что учебный годъ приходитъ къ концу; да и кромѣ того гимназистамъ не полагается знакомиться съ новѣйшей литературой подробнѣе, чѣмъ съ словомъ Даніила заточника и съ державинской Фелицей.

Читатель мой, вы—патріотъ, и я—тоже патріотъ; вы всей душой любите русскую литературу, и я тоже люблю ее всей душой. Но допустимъ на минуту предположеніе, что наши высокія чувства не помрачаютъ нашего проницательнаго ума; въ одну изъ такихъ предполагаемыхъ свѣтлыхъ минутъ приложимъ перстъ ко лбу и подумаемъ: слѣдуетъ-ли преподавать исторію русской литературы? Отрицательный отвѣтъ не замедлитъ привести насъ въ ужасъ, потому что, пока мы будемъ размышлять, свѣтлая минута пройдетъ, и отвѣтъ врѣжется въ туманъ нашихъ чувствъ, какъ зловѣщая молнія. Но если настанетъ еще свѣтлая минута, тогда мы не побоимся сознаться передъ собою, что дѣйствительно сохранять отъ забвенія имена такихъ людей, которыхъ идеи и поступки не имѣютъ уже никакого вліянія на нашу умственную жизнь—трудъ тяжелый, неблагодарный и кромѣ того всегда безуспѣшный. Имена эти удерживаются въ памяти учащихся только до вожделѣннаго дня послѣдняго экзамена. Первыя впечатлѣнія дѣйствительной жизни смываютъ безъ слѣда всѣ тепличныя растенія школы. Если случится, что молодой человѣкъ припомнитъ нечаянно какого-нибудь Вассіана Рыло, или Сильвестра Медвѣдева, или Аблесимова, Хераскова, Кострова, или два-три стиха Тредьяковскаго, Ломоносова, или Державина, то онъ только улыбнется и проговоритъ про себя или вслухъ: чортъ знаетъ, чему насъ учили! И это скажетъ молодой человѣкъ, потому что у насъ всегда случается, что юноша, окончившій курсъ ученія, становится тотчасъ непримиримымъ врагомъ той системы преподаванія, которую онъ испыталъ на себѣ самомъ. Это враждебное отношеніе учащагося или учившагося въ школѣ составляетъ у насъ такое общее явленіе, къ которому мы совершенно приглядѣлись и въ которомъ мы не находимъ даже ничего ненормальнаго. А хорошо-ли это явленіе? Не доказываетъ-ли оно само по себѣ, независимо отъ всякихъ другихъ доказательствъ, что вся система нашего образованія нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ, и что она можетъ освѣжиться и усовершенствоваться только вслѣдствіе радикальнаго переворота? Если-бы были недовольны теперешнимъ препо-

даваніемъ десять, сто, тысяча воспитанниковъ и учениковъ, то причины этого неудовольствія могли-бы быть случайныя, происходящія отъ собственной вины недовольныхъ. Но когда нельзя найти ни одного воспитанника, или ученика, который учился бы съ удовольствіемъ изъ одной любви къ ученію, когда эта непріязнь къ школѣ сохраняется у людей, уже вышедшихъ изъ-подъ ея вліянія, тогда дѣлается очевиднымъ, что школа не исполняетъ своего назначенія.

Однако патріотическое чувство наше все-таки оскорблено, читатель, и мы говоримъ, снова упиваясь туманомъ, что нельзя же народу забывать прошедшее своей умственной жизни. Но туманъ опять разсѣевается, и тогда мы соображаемъ, что прошедшее нашей умственной жизни всегда будетъ сохраняемо изслѣдователями. Кому надо ознакомиться со стариной русской литературы, духовной и свѣтской, тотъ найдетъ въ ней дорогу, помимо учебника Зеленецкаго, утвержденнаго департаментомъ народнаго просвѣщенія. А кому такое знакомство не кажется необходимымъ, того не обратитъ на путь истины даже учебникъ Зеленецкаго. Я думаю, не было еще примѣра, чтобы гимназическій курсъ русской литературы вселилъ въ кого-нибудь любовь къ этому предмету. Учитель русской словесности конечно можетъ подѣйствовать такимъ образомъ, но только въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ разсуждать съ учениками и слѣдовательно дѣйствовать на нихъ, какъ человѣкъ, а не какъ учитель. Наконецъ не мѣшаетъ посмотрѣть на дѣло слѣдующимъ образомъ: если мы будемъ думать, что наше умственное прошедшее можетъ сохраниться въ нашей памяти только при содѣйствіи обязательнаго ученія, то мы стало-быть будемъ сомнѣваться въ патріотизмѣ нашего юношества. Если патріотизмъ надо втолковывать въ школѣ и поддерживать экзаменами, то какой же это патріотизмъ? Вѣдь вынужденная добродѣтель теряетъ всю свою цѣну. Патріотъ поневолѣ—le patriote malgré lui—сюжетъ, достойный Мольера и нисколько не уступающій въ комизмѣ сюжету: врачъ поневолѣ—le médicin malgré lui. Стало-быть нравственная сторона въ преподаваніи русской литературы оказывается несостоятельной. Что же касается до умственной стороны этого преподаванія, то несостоятельность ея не нуждается въ доказательствахъ. А что, если-бы учитель, оставивъ въ сторонѣ теорію словесности и исторію русской литературы, началъ читать съ учениками лучшія поэмы и прозаическія сочиненія Пушкина, потомъ прочиталъ бы имъ всего Гоголя, кромѣ переписки съ друзьями, потомъ Кольцова, потомъ Тургенева и Островскаго, потомъ лучшія критическія статьи Бѣлинскаго и Добролюбова, потомъ нѣсколько народныхъ былинъ и пѣсенъ, нѣсколько легендъ и сказокъ? Какъ вы думаете? Вѣдь гимназисты считали бы классъ русской словесности наслажденіемъ для себя: вѣдь они съ благодарностью вспоминали бы о такомъ учителѣ до сѣдыхъ волосъ; вѣдь пожалуй даже интересы патріотизма были бы сохраняемы; пожалуй у нѣкоторыхъ учениковъ пробудилось бы дѣйствительное желаніе узнать что-нибудь о предшественникахъ Пушкина. Пожалуй могло бы изъ этого выдти много хорошаго. Но вѣдь это неосуществимая мечта. Вѣдь ученикамъ тогда нечего было бы учить наизусть, и учителя согнали бы съ каѳедры послѣ перваго экзамена въ его классѣ. Вѣдь у насъ принято измѣрять и взвѣшивать плоды ученія, а такъ какъ умственное развитіе нельзя прикинуть ни на аршинъ, ни на безмѣнъ, то оно и считается миѳомъ и роскошью. Намъ подавай знанія, чтобъ ученикъ говорилъ на экзаменѣ полчаса, не переводя духа, и чтобъ онъ могъ проговорить два или три часа, если только его не остановятъ. Это мы любимъ и этого мы достигаемъ.

IX.

Языки латинскій и греческій обыкновенно преподаются въ гимназіяхъ недурно. Въ той гимназіи, гдѣ я учился, эти предметы преподавались отлично. Каждымъ изъ нихъ завѣдывали по два учителя, такъ что ни одинъ день не обходился у насъ безъ эллиновъ или римлянъ. Самые лѣнивые и невнимательные ученики принуждены были читать довольно правильно латинскіе стихи и спрягать безъ значительныхъ ошибокъ греческіе глаголы. Результатъ блестящій! Но къ чему это вело? Къ чему это могло вести? Можетъ быть къ тому, что изъ тридцати учениковъ выработается со временемъ одинъ учитель латинскаго языка и одинъ учитель греческаго языка; а изъ трехъ сотъ учениковъ, можетъ быть, одинъ сдѣлается профессоромъ римской или греческой словесности. Этотъ одинъ втеченіи своей профессорской дѣятельности образуетъ двоихъ или троихъ эллинистовъ или латинистовъ, которые потомъ, въ свою очередь, передадутъ свѣтильникъ своей науки немногимъ избраннымъ; десятилѣтія, вѣка пройдутъ надъ нашимъ обществомъ, а свѣтильникъ эллинизма или латинизма будетъ горѣть попрежнему въ двухъ-трехъ кабинетахъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла: если-бы этотъ свѣтильникъ погасъ, то никто бы этого не замѣтилъ, никто бы объ этомъ не сожалѣлъ, а между тѣмъ тысячи дѣтей и юношей постоянно тратятъ силы и время надъ грамматическими и синтаксическими трудностями классическихъ писателей единственно для того, чтобы подливать въ этотъ тускло-горящій свѣтильникъ скудныя капельки масла.

Зачѣмъ гибнетъ это время? Къ чему тратятся эти силы? Защитники классическаго образованія приводятъ въ его пользу два главные аргу-

мента. Во-первыхъ, они говорятъ, что самый процессъ изученія древнихъ языковъ развиваетъ мыслительныя силы. Во-вторыхъ, они напоминаютъ о красотахъ классическихъ литературъ и говорятъ, что чтеніе въ подлинникѣ Гомера, Виргилія, Горація, Цицерона, Демосфена, Тацита, Фукидида, Платона составляетъ лучшую школу для ума, для сердца и для эстетическаго чувства. Первый аргументъ вѣренъ, но его надо расширить, и тогда практическое примѣненіе его будетъ значительно измѣнено. Не изученіе древнихъ языковъ, а вообще всякое изученіе иностранныхъ языковъ развиваетъ умъ, сообщая ему гибкость и способность проникать въ чужое міросозерцаніе. Изученіе греческаго и латинскаго языковъ труднѣе, чѣмъ изученіе языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, но это обстоятельство вовсе не доказываетъ того, чтобы занятія перваго рода были полезнѣе для развитія ума. Трудности классическихъ языковъ, заключающіяся въ страшномъ изобиліи грамматическихъ формъ, въ сложности склоненій и спряженій, цѣликомъ ложатся на память, и усилія, необходимыя для преодолѣнія этихъ трудностей вовсе не развиваютъ критическаго смысла учащагося. Обыкновенно случается такъ, что юный гимназистъ пріучается только къ мелочной внимательности и что весь его умъ уходитъ на борьбу съ удареніями и метрами, съ временами и наклоненіями, съ предлогами и союзами, съ конструкціями и поэтическими вольностями. Древніе языки сложнѣе новѣйшихъ вовсе не потому, чтобы мысли тѣхъ временъ были богаче нашихъ, а напротивъ — потому, что въ древности форма преобладала надъ мыслью. Для насъ литература есть серьезное дѣло, а для аристократовъ и патриціевъ древности она была художественной забавой. Мысль придумывала для своего выраженія сотни ненужныхъ оттѣнковъ, которыхъ мы теперь не понимаемъ. Самая простота грековъ такъ богата украшеніями, что для насъ она кажется напыщенностью. Иліада въ буквально вѣрномъ переводѣ Гнѣдича поражаетъ насъ своей цвѣтистостью и высокопарностью, а между тѣмъ извѣстно, что удивительная простота рѣчи составляетъ главное достоинство Гомера. Поэтому, углубляясь въ изученіе классиковъ, мы рискуемъ увлечься преимущественно формой выраженія; мы тратимъ всѣ силы своего ума, чтобы вдуматься въ такіе оттѣнки рѣчи, которые для грека или римлянина были только капризами фантазіи, требовавшей разнообразія. Мы дѣлаемся педантами тамъ, гдѣ древній человѣкъ былъ сибаритомъ, тѣшившимся звучностью и прихотливостью своихъ выраженій. Силы, издерживаемыя на изученіе древнихъ языковъ, были бы употреблены гораздо болѣе производительнымъ образомъ, если бы мы обратили ихъ на изученіе живыхъ языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго. Въ этихъ языкахъ нѣтъ тѣхъ безплодныхъ, техническихъ трудностей, которыя заваливаютъ собой грамматики греческую и латинскую, а между тѣмъ, каждый изъ этихъ языковъ переноситъ насъ въ міросозерцаніе такого народа, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ греки и римляне, какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни.

Но намъ говорятъ о красотахъ классическихъ литературъ, и это напоминаніе составляетъ второй аргументъ защитниковъ классическаго образованія. По правдѣ сказать, изъ всѣхъ греческихъ и латинскихъ писателей только Гомера и Тацита дѣйствительно стоитъ читать въ подлинникѣ. Всѣ остальные писатели древности не произвели ничего такого, чего бы мы не могли найти у современныхъ народовъ въ болѣе совершенной и сознательной формѣ. Но изучать два языка для того, чтобы прочитать въ подлинникѣ двѣ поэмы и четыре историческія сочиненія, о которыхъ все-таки можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по хорошимъ переводамъ, — это, воля ваша, слишкомъ удивительный подвигъ самоотверженія; этотъ подвигъ могутъ совершать люди по доброй волѣ, но зачѣмъ возлагать его на невинныхъ гимназистовъ? Пусть учится древнимъ языкамъ тотъ, кто желаетъ этого, но зачѣмъ же обязательное ученіе? Если каждому образованному человѣку необходимо прочитать въ подлинникѣ Гомера и Тацита, то я не вижу, почему не было бы необходимости читать Саади и Гафиза въ персидскомъ подлинникѣ, Магабарату и Сакунталу въ санскритскомъ, сочиненія Конфуція въ китайскомъ, коранъ въ арабскомъ, и т. д. Навѣрное въ каждомъ языкѣ можно было бы найти такія красоты, которыя утрачиваются или по крайней мѣрѣ блѣднѣютъ въ переводѣ. Но такъ какъ жизнь человѣческая имѣетъ предѣлы и не должна тратиться на одно преслѣдованіе различныхъ красотъ, то для образованнаго русскаго можно признать совершенно достаточнымъ, если онъ кромѣ своего родного языка будетъ знать языки французскій, нѣмецкій и англійскій. Можно сказать безъ преувеличенія, что на этихъ трехъ языкахъ онъ найдетъ всѣ сокровища человѣческаго ума и человѣческой фантазіи, какъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ, такъ и въ превосходныхъ переводахъ со всѣхъ остальныхъ, мертвыхъ и живыхъ языковъ. Если-бы гимназіи, обращающія такъ много вниманія на классическую древность, перенесли это вниманіе на языки французскій, нѣмецкій и англійскій, то общество и учащаяся молодежь сказали бы имъ большое спасибо. Конечно многіе молодые люди употребили бы свои лингвистическія познанія только для свѣтской болтовни, но за то всѣ они имѣли бы въ рукахъ ключи отъ трехъ богатѣйшихъ литературъ. Кто изъ нихъ захотѣлъ бы, тотъ могъ бы воспользоваться этими ключами, а это много значитъ; намъ часто случается видѣть, что самое добросовѣстное стремленіе къ

образованію остается на степени стремленія, только потому, что стремящемуся приходится начинать съ французской или нѣмецкой азбуки, чтобы добраться до серьезныхъ научныхъ сочиненій. Заниматься азбукой, вокабулами и грамматикой въ двадцать лѣтъ не всякому по силамъ, и прямая обязанность школы состоитъ въ томъ, чтобы облегчить своимъ питомцамъ дальнѣйшій ходъ занятій, сообщивъ имъ тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя такъ легко усвоиваются дѣтьми и которыя съ трудомъ и скукой пріобрѣтаются взрослыми. Французскій и нѣмецкій языки преподаются въ гимназіяхъ плохо и небрежно; англійскій вовсе не преподается. Если-бы уничтожить въ гимназіяхъ латинскій и греческій языки, то сбереженное время могло-бы значительно усилить преподаваніе новѣйшихъ языковъ, и польза такой перемѣны была-бы очевидна. Защитники классицизма обыкновенно приводятъ въ примѣръ Англію, воспитывающую свое юношество на греческихъ и латинскихъ писателяхъ и въ то же время преуспѣвающую на поприщѣ гражданской жизни. Аргументація этихъ господъ болѣе оригинальна, чѣмъ убѣдительна. Вотъ ихъ логика: Ивановъ—человѣкъ очень богатый. Онъ ѣздитъ обыкновенно на гнѣдыхъ лошадяхъ. Слѣдовательно, чтобы разбогатѣть, необходимо ѣздить также на гнѣдыхъ лошадяхъ. Пока мы будемъ соблазняться такой логикой, или сражаться противъ нея, до тѣхъ поръ мы навѣрное не разбогатѣемъ, на какихъ бы лошадяхъ мы не ѣздили.

IX.

Обзоръ предметовъ, входящихъ въ гимназическій курсъ, доказываетъ очень убѣдительно наше совершенное равнодушіе къ общему образованію. Воспитательный элементъ очень силенъ въ гимназіяхъ; для сохраненія благонравія между учениками принято множество мѣръ положительныхъ и отрицательныхъ. Къ первымъ относятся различныя наказанія, о которыхъ я не считаю нужнымъ распространяться. Вторыя заключаются въ той заботливости, съ которой начальство слѣдитъ за преподаваніемъ и удаляетъ изъ него всѣ подробности, могущія повредить нравственной или умственной чистотѣ учащагося юношества. Спеціальный элементъ обнаруживается не такъ сильно, потому что гимназіи считаются преимущественно общеобразовательными заведеніями. Кто желаетъ изучить характеръ спеціальнаго элемента, тотъ долженъ обратиться къ такимъ заведеніямъ, въ которыхъ къ гимназической программѣ присоединены предметы, сообщающіе всему заведенію особый колоритъ и опредѣленное познаніе. Тамъ конечно наблюдатель увидитъ, что спеціальные предметы преподаются очень тщательно и оттѣсняютъ на самый задній планъ тѣ науки, которыя считаются у насъ необходимой принадлежностью общаго образованія. Даже въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ можно впрочемъ замѣтить признаки спеціализма. Они выражаются въ особенно тщательномъ преподаваніи греческаго и латинскаго языковъ.

Если-бы программа нашего общаго образованія была составлена раціонально, то можно было бы пожалѣть о томъ, что это общее образованіе такъ часто приносится въ жертву спеціализму. Но теперь не о чемъ жалѣть. Воспитательный элементъ и спеціализмъ не могутъ повредить общему образованію, потому что нечему вредить; общее образованіе не можетъ пострадать, потому что оно не существуетъ; но почему оно не существуетъ, это довольно трудно объяснить. Можетъ быть потому, что наша программа списана съ устарѣлыхъ нѣмецкихъ программъ; а можетъ быть и потому, что составители нашихъ программъ упускали изъ виду общее образованіе и заботились только о воспитаніи и о спеціальностяхъ. Какъ бы то ни было, общее образованіе оказывается у насъ именно въ данной формѣ, съ очень опредѣленнымъ литературно-историческимъ направленіемъ. Съ этой формой и съ этимъ направленіемъ свыклась разсуждающая часть нашего общества; свыкнувшись съ ними, она стала поддерживать ихъ своимъ мнѣніемъ и своими предразсудками, она приглядѣлась къ тому типу, который она называетъ образованнымъ человѣкомъ, и потому очень смѣло объявляетъ необразованными тѣхъ людей, которые отвергаютъ и этотъ типъ, и ея требованія.

Я не буду говорить о тѣхъ временахъ, когда незнаніе французскаго языка, или, вѣрнѣе, непривычка говорить на этомъ языкѣ, считалась рѣшительнымъ доказательствомъ необразованія. Эти времена отживаютъ свой вѣкъ, и ратовать противъ умирающихъ предразсудковъ—смѣшно и безполезно. Я замѣчу, что даже лучшая часть нашего общества до сихъ поръ носится съ такими странными понятіями объ образованіи, которыя она приняла по наслѣдству, безъ малѣйшей критической повѣрки. Образованный человѣкъ, по господствующему мнѣнію, долженъ имѣть понятіе... На этихъ словахъ я долженъ остановиться, потому что нѣтъ никакой возможности выразить точно и опредѣлительно, о чемъ долженъ имѣть понятіе человѣкъ, признаваемый образованнымъ. Онъ долженъ знать, что Сервантесъ написалъ Донъ Кихота, и что Донъ Кихотъ сражался съ мельницами, что Шекспиръ написалъ Гамлета и что Гамлетъ былъ влюбленъ въ Офелію, что Беатриче была возлюбленной Данте, а Лаура возлюбленной Петрарки, что Жоржъ Зандъ проповѣдуетъ эмансипацію женщинъ, что Юлій Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ, что Байронъ хромалъ на одну ногу и сражался за свободу Греціи, что Людовикъ XIV сказалъ: «l'état—c'est moi», а потомъ сказалъ: «il n'y a plus de Pyrénées», что графъ Уголино умеръ въ башнѣ съ голода, что Лютеръ бросилъ

въ чорта чернильницей, что Марій сидѣлъ на развалинахъ Карфагена, что губернаторомъ острова св. Елены былъ Гудзонъ Ло, что Титъ считалъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не сдѣлалъ добраго дѣла, что «Парижскія тайны» написаны Эженемъ Сю, что... ну, все равно, довольно и этого, чтобы видѣть требованія общества. Образованный человѣкъ долженъ знать кромѣ того имена всѣхъ столичныхъ городовъ на земномъ шарѣ, а изъ математики—четыре правила ариѳметики и названія всѣхъ математическихъ наукъ. Нельзя сказать, чтобы требованія общества были обширны и глубоки, но за то въ предѣлахъ своихъ требованій общество очень строго. О Данте оно знаетъ напримѣръ только то, что онъ любилъ Беатриче и написалъ «Божественную комедію»; о Петраркѣ то, что онъ итальянскій поэтъ и пѣвецъ Лауры; о Титѣ—что онъ римскій императоръ и хорошій человѣкъ; о Людовикѣ XIV—что онъ le grand roi, и что при немъ былъ le siècle de Louis XIV, ну и потомъ M-lle de la Vallière, M-me de Montespan, M-me de Maintenon. Но если вы не знаете и этихъ вещей, тогда вы человѣкъ необразованный. Вы и не требуйте отъ общества отчета, почему именно необходимо знать эти вещи и къ чему ведетъ это знаніе. Вамъ или совсѣмъ не отвѣтятъ, или отвѣтятъ съ изумленіемъ и досадой: «ахъ, Боже мой, да какъ же этого не знать? Это всѣ знаютъ. Какъ, къ чему ведетъ? Но нужно же имѣть понятіе.»

Дальше этого отвѣта общество не идетъ; оно и само не знаетъ, какъ велики предѣлы этихъ обязательныхъ знаній; не знаетъ и того, почему и съ какого времени они сдѣлались обязательными; оно только чувствуетъ непріятное ощущеніе, когда кто-нибудь въ его средѣ выходитъ изъ границъ дозволеннаго невѣжества, и объявляетъ тотчасъ такого нарушителя границъ человѣкомъ необразованнымъ. Вы смѣло можете не знать ничего о физическихъ законахъ природы и можете признаваться обществу въ своемъ невѣжествѣ; но есть собственныя имена и историческія сплетни, которыя вы обязаны знать, если не желаете сдѣлаться предметомъ всеобщаго изумленія. Понятно стало-быть, что образованіе представляется обществу чѣмъ-то неопредѣлимымъ; этимъ именемъ называется что-то такое, а что именно—неизвѣстно; да общество никогда объ этомъ и не спрашиваетъ. Ему досталось откуда-то, когда-то, по какому-то случаю, сумма какихъ-то разрозненныхъ знаній; оно къ нимъ привыкло, назвало ихъ образованіемъ, удовлетворилось ими, и теперь только иногда, точно сквозь сонъ, требуетъ частичныхъ усовершенствованій, новыхъ учебниковъ, нагляднаго преподаванія, улучшенія въ личномъ составѣ учителей. Ему даже въ голову не приходитъ спросить себя: да что же такое образованіе? чѣмъ оно должно быть и въ какомъ положеніи находится оно у насъ? Молодые люди, выходящіе изъ учебныхъ заведеній, всегда недовольны школой, но всегда объясняютъ свое неудовольствіе мелкими и случайными недостатками: учебники нехороши, учителя плохи, начальство придирчиво. Потомъ это неудовольствіе стирается другими житейскими впечатлѣніями, и молодые люди, дѣлаясь отцами семейства, совершенно мирятся съ школьными неудобствами и безтрепетно подвергаютъ имъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ вліяніе общества на школу ограничивается только тѣмъ, что общество говоритъ: «надо имѣть понятіе...», а такъ какъ школа дастъ понятіе и о Гракхахъ, и о Несторѣ, и о синекдохахъ, то общество оказывается совершенно довольнымъ, и отцы каждый годъ проливаютъ слезы умиленія надъ успѣхами возлюбленныхъ дѣтей. Я теперь перейду къ университету, а потомъ въ заключеніе выскажу нѣсколько мыслей о томъ, чѣмъ должно быть общее образованіе.

X.

Лучшія надежды нашего отечества сосредоточиваются на университетахъ; университетская молодежь обыкновенно вноситъ въ практическую жизнь честность стремленій, свѣжесть взглядовъ и непримиримую ненависть къ рутинѣ всякаго рода. Обскуранты и рутинеры всегда нападали на университеты и предпочитали имъ систему закрытыхъ заведеній; но теперь эта порода обскурантовъ и рутинеровъ переводится и обращается въ палеонтологическую рѣдкость. Ихъ уже никто не боится и съ ними никто не споритъ. Теперь писатель, уважающій самаго себя, не обязанъ безусловно защищать университеты; онъ можетъ спокойно разсматривать и указывать недостатки ихъ устройства. А недостатки эти очень многочисленны и крупны.

Въ концѣ 1861 г. появилось много статей объ университетахъ. Я теперь не имѣю ихъ подъ руками и не помню ихъ выводовъ. Можетъ быть мнѣ случится въ чемъ-нибудь сойтись съ той или другой изъ этихъ статей, но я не вижу въ этомъ большой бѣды. Если мысли мои будутъ вѣрны, то онѣ ничего не потеряютъ отъ того, что будутъ высказаны во второй разъ. Если онѣ ошибочны, то повторенное вранье будетъ также безвредно для публики, какъ было безвредно вранье первобытное. То обстоятельство, что у меня нѣтъ подъ руками этихъ статей, даже благодѣтельно для публики; оно сокращаетъ мое разсужденіе, потому что отнимаетъ у меня возможность возражать тѣмъ писателямъ, которые раньше меня разрабатывали вопросъ объ университетахъ.

Важнѣйшее и единственное преимущество университета передъ всякими другими высшими учебными заведеніями заключается въ томъ, что учащіеся пользуются значительной степенью свободы въ выборѣ и въ направленіи своихъ за-

нятій. Ни талантъ профессоровъ, ни ихъ усердіе, ни ихъ умѣнье сближаться со студентами, ничто не можетъ возбудить въ молодомъ человѣкѣ ту энергію и самодѣятельность, которую возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ чувство собственной самостоятельности. Въ закрытомъ заведеніи молодой человѣкъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ быть только благовоспитаннымъ и прилежнымъ школьникомъ. Въ университетѣ онъ дѣлается человѣкомъ, сознательно распоряжающимся своими силами и способнымъ обращать въ свою пользу даже неблагопріятныя условія. Онъ часто увлекается, часто дѣлаетъ глупости, но надо помнить, что переходъ отъ дѣтства къ мужеству заключается именно въ томъ, что молодой человѣкъ, путемъ собственныхъ опытовъ, ошибокъ и паденій, выучивается твердо стоять на ногахъ и твердыми шагами направляться къ сознательно-выбранной цѣли. Кого заботливая рука удерживала отъ всякихъ паденій, тотъ или въ позднѣйшемъ возрастѣ наверстаетъ потерянное время, или останется на всю жизнь благовоспитаннымъ мальчикомъ, неимѣющимъ ни характера, ни оригинальности. Процвѣтаніе университетовъ всегда соотвѣтствовало той степени самостоятельности, которая предоставлена была студентамъ. Дѣятельность самыхъ талантливыхъ профессоровъ никогда не могла замѣнить собой эту драгоцѣнную самостоятельность. Умственное развитіе похоже въ этомъ отношеніи на кристаллизацію. Главное дѣло экспериментатора, желающаго добыть правильные кристаллы, заключается въ томъ, чтобы не тревожить сосуда, въ которомъ налитъ растворъ. Главное дѣло университетскаго начальства, добросовѣстно относящагося къ умственнымъ интересамъ студентовъ, не вмѣшиваться въ ходъ ихъ занятій регламентаціей и административными распоряженіями. Если бы начальство захотѣло напримѣръ ввести на лекціяхъ переклички студентовъ и репетиціи, то подобное распоряженіе повредило-бы университету сильнѣе, чѣмъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ даровитѣйшихъ профессоровъ. Эта мѣра можетъ-быть принудила-бы десятокъ кутящихъ студентовъ проводить въ аудиторіяхъ часы, тратившіеся въ ресторанахъ, но за то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала-бы сотни дѣльныхъ студентовъ на такихъ лекціяхъ, которыя не приносятъ имъ пользы. А истратить часъ времени на безполезной лекціи гораздо хуже, чѣмъ истратить часъ на болтовню или другое развлеченіе.

Студентъ возвращается съ лекціи утомленный и долженъ отдыхать, такъ что у полезной работы отнимается не часъ времени, а вдвое или втрое больше. Прибавьте къ этому постоянную досаду противъ нравственнаго насилія, и вы увидите, какъ некрасивы послѣдствія такого распоряженія, которое на первый взглядъ можетъ показаться довольно благообразнымъ.

Такъ какъ преимущества университета передъ другими высшими учебными заведеніями заключаются единственно въ самостоятельныхъ отношеніяхъ студентовъ къ своимъ занятіямъ, то недостатки, обнаруживающіеся въ современномъ устройствѣ университетовъ, заключаются единственно въ ограниченіи этой необходимой и во всѣхъ отношеніяхъ полезной самостоятельности. Можетъ-быть нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій неизбѣжны въ настоящее время и находятся въ связи съ общимъ положеніемъ образованія въ обществѣ; но во всякомъ случаѣ эти ограниченія оказываются недостатками, на которые должна указывать теорія, и объ исправленіи которыхъ должно заботиться общество. Если эти недостатки существуютъ сами по себѣ, то ихъ нетрудно устранить; если же они представляются только симптомами болѣе глубокаго зла, заключающагося въ образѣ мыслей и въ складѣ жизни самого общества, то мы тѣмъ болѣе не должны съ ними мириться. Какъ-бы глубоко ни укоренилось зло, оно никогда не превращается въ добро; его надо искоренить рано или поздно, и анализировать его развѣтвленія и проявленія всегда полезно и своевременно.

Основная причина всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ самостоятельность учащихся, состоитъ въ тѣхъ правахъ, которыя университетъ даетъ своимъ студентамъ, окончившимъ курсъ и выдержавшимъ выпускной экзаменъ. Кто получаетъ права, тотъ, разумѣется, несетъ обязанности. Всякая обязанность налагаетъ извѣстнаго рода заботы, а всякая забота, не относящаяся прямо къ интересамъ умственнаго развитія, мѣшаетъ этому развитію.

Права, предоставляемыя студентамъ, окончившимъ курсъ, ведутъ за собою два ближайшія послѣдствія. Во-первыхъ, университетъ раздѣляется на факультеты. Во-вторыхъ, являются обязательные экзамены. Оба эти послѣдствія вредятъ очень сильно самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ.

Раздѣленіе на факультеты обязываетъ молодого человѣка, стремящагося къ высшему образованію, выбрать тотчасъ-же одинъ изъ факультетовъ. Выборъ этотъ всегда дѣлается на авось, потому что гимназія не даетъ понятія ни объ одной наукѣ. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ гимназіи, не знаетъ ни силъ, ни наклонностей своего ума, не знаетъ также и того, какой работы требуетъ та или другая наука, и какія умственныя наслажденія она можетъ доставить. Чаще всего случается такъ, что молодой человѣкъ дѣлается математикомъ, филологомъ, или юристомъ, смотря по тому, за какіе предметы онъ получалъ въ гимназіи хорошіе баллы. Иногда онъ угадываетъ вѣрно, но это только счастливый случай. Часто бываетъ такъ, что онъ перескакиваетъ изъ одного факультета въ другой и тратитъ года два на неудачныя

пробы. Большей-же частью бываетъ и еще хуже. Поступивши на такой факультетъ, который ему не нравится, молодой человѣкъ остается въ немъ: «все равно, думаетъ онъ: — какъ-нибудь дотяну; стоитъ-ли кидаться изъ стороны въ сторону? Еще, богъ знаетъ, найдешь-ли на другомъ факультетѣ что-нибудь получше?»—Когда студентъ разсуждаетъ такимъ образомъ, тогда конечно нельзя ожидать, чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ съ любовью; онъ записываетъ лекціи, выдерживаетъ экзамены и получаетъ аттестатъ, не почувствовавши ни разу въ жизни живительнаго вліянія любимаго труда. Удивительно-ли, что такой человѣкъ, бывши рутинеромъ на студенческой скамейкѣ, окажется рутинеромъ и въ практической жизни? Въ университетѣ онъ стремился къ аттестату, а въ жизни всегда найдутся постороннія цѣли, къ которымъ можно стремиться и которымъ можно приносить въ жертву интересы дѣла и собственное человѣческое достоинство.

Но вы скажете, можетъ быть, что такой человѣкъ самъ виноватъ въ своей деморализаціи, и что эту деморализацію нельзя приписывать раздѣленію университета на факультеты. Вы скажете, что этотъ человѣкъ могъ перейти съ одного факультета на другой; что онъ могъ наконецъ поступить въ университетъ вольнымъ слушателемъ и уже потомъ, изучивъ свои силы и наклонности, присмотрѣвшись къ различнымъ наукамъ, сдѣлаться студентомъ и сознательно выбрать себѣ факультетъ. Ваши разсужденія справедливы, но только до извѣстной степени. Вы берете отвлеченнаго человѣка, глубоко проникнутаго безкорыстнымъ и сознательнымъ стремленіемъ къ образованію; вы забываете, что эти чувства, мысли и стремленія обыкновенно пріобрѣтаются и очищаются только путемъ образованія и умственнаго труда; вы забываете, что въ университетъ поступаютъ не мудрецы, сознательно идущіе къ завоеванію истины, а юноши, прельщающіеся всѣми искушеніями жизни. Лучшіе изъ этихъ юношей приносятъ съ собою въ университетъ только неопредѣленную любознательность, передъ которой вовсе не умолкаютъ житейскіе разсчеты. Отъ университетской атмосферы зависитъ—или очистить эту любознательность отъ постороннихъ примѣсей, или, напротивъ, совершенно задушить ее подъ этими посторонними побужденіями. Если любознательный юноша сразу заинтересуется какой-нибудь наукой, онъ станетъ выше своихъ разсчетовъ и будетъ смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ. Если же онъ ошибется въ своемъ выборѣ, то неудовлетворяемая любознательность можетъ замереть; юноша можетъ подумать, что эта любознательность была мечтательнымъ стремленіемъ къ несуществующимъ благамъ; разсчеты одержатъ рѣшительную побѣду, и юноша разсудитъ очень основательно, что переходить съ одного факультета на другой значитъ терять время, затруднять себѣ дорогу къ аттестату, отнимать у самого себя такіе годы, которые могутъ быть употреблены на дѣйствительную службу, ведущую къ чинамъ, къ знакамъ отличія, къ большому окладу жалованья. А поступать въ вольные слушатели? Подобная мысль не можетъ придти въ голову юношѣ, только-что вышедшему изъ гимназіи; для этого надобно, чтобы онъ чувствовалъ недовѣріе къ своему собственному выбору. Кто-же не знаетъ, что подобное недовѣріе немыслимо въ очень молодомъ и совершенно неопытномъ человѣкѣ? Кромѣ того поступить въ вольные слушатели значитъ также потерять нѣсколько времени на размышленіе и попытки, а молодость торопится жить. Мы должны имѣть въ виду не отвлеченную молодежь, а такую, какая дѣйствительно существуетъ. Эта молодежь черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ сама смѣяться и надъ своими разсчетами, и надъ своими побужденіями; одни ей покажутся мелкими, другія—ребяческими, но и тѣ и другія въ свое время сообщали ея поступкамъ опредѣленное направленіе. Ими нельзя пренебрегать; ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что отъ нихъ зависитъ часто сила и колоритъ умственной жизни цѣлаго поколѣнія. Этимъ-то мелкимъ разсчетамъ и ребяческимъ побужденіямъ современное устройство университетовъ оказываетъ самую предосудительную поблажку.

Говоря поступающимъ молодымъ людямъ: «выбирайте себѣ факультетъ!» университетъ самъ примѣшиваетъ идею карьеры къ идеѣ образованія и потакаетъ такимъ образомъ житейскимъ разсчетамъ будущихъ Петровъ Иванычей Адуевыхъ. Конечно, молодой человѣкъ можетъ противустоять этимъ искушеніямъ; онъ можетъ сказать: «я не ищу правъ, я не хочу выбирать факультетъ. Я буду вольнымъ слушателемъ, выслушаю тѣ курсы, которые меня интересуютъ, и потомъ уйду изъ университета безъ всякихъ экзаменовъ и дипломовъ». Онъ можетъ это сказать и сдѣлать. На это нѣтъ ни физической невозможности, ни запретительной статьи закона. А между тѣмъ очень невѣроятно, чтобы онъ поступилъ такимъ образомъ. Искушенія слишкомъ сильны. Всѣ предразсудки общества поддерживаютъ права, дипломы, экзамены, студенчество, распредѣленное по факультетамъ. Простое слушаніе лекцій, невознаграждаемое ни чинами, ни служебными преимуществами, до сихъ поръ кажется обществу пустымъ препровожденіемъ времени. Наука величественна, образованіе полезно, но практическія выгоды болѣе осязательны. Онѣ смягчаютъ самое жестокое сердце и примиряютъ съ университетами самые скептическіе умы престарѣлыхъ родителей. На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ, мы можемъ принять за несомнѣнную истину, что покуда въ университетѣ существуютъ права и факультеты, до тѣхъ поръ большая часть молодыхъ людей будетъ бросаться въ эти

факультеты, очертя голову, и въ случаѣ ошибки, будетъ дотягивать лямку, чтобы получить дипломъ.

Ну, хорошо, говорите вы,—молодой человѣкъ поступилъ на факультетъ. Кто-же ему мѣшаетъ слушать нѣкоторыя лекціи другого факультета.—Да, никто не мѣшаетъ; онъ слушаетъ, но изъ этого слушанія ничего не выходитъ. Онъ смотритъ на постороннюю лекцію, какъ женатый человѣкъ на легкую интрижку. Передъ нимъ лежитъ извѣстная дорога; надъ головой его висятъ извѣстные экзамены; практическое значеніе имѣютъ въ его глазахъ только труды по извѣстнымъ, факультетскимъ предметамъ. Какое же значеніе можетъ имѣть при такихъ условіяхъ посторонняя лекція? Она можетъ ему понравиться, какъ понравилась бы какая-нибудь театральная пьеса. Она можетъ возбудить въ немъ желаніе ходить для развлеченія въ аудиторію посторонняго профессора — и только. Что же тутъ за польза? Когда наука служитъ намъ развлеченіемъ и не возбуждаетъ въ насъ желанія трудиться, тогда она вовсе не исполняетъ своего назначенія. Комедія или концертъ всегда развлекаютъ сильнѣе, чѣмъ лекція,—стало быть, отъ лекціи не слѣдуетъ требовать развлеченія. Но положимъ, что лекція или рядъ лекцій посторонняго профессора заинтересовали студента очень серьезно и возбудили въ немъ желаніе познакомиться покороче съ этой наукой. Такое желаніе дѣлается для него несчастіемъ. Начинается борьба между искусственно сооруженнымъ долгомъ и естественнымъ влеченіемъ. Съ любовью заниматься посторонней наукой значитъ отнимать время у факультетскихъ занятій, значитъ измѣнять интересамъ своей будущей карьеры, значитъ предпочитать пріятное полезному. Оставаться на одномъ факультетѣ и заниматься предметомъ другого факультета значитъ дробить свои силы. Перейти на другой факультетъ? Но вѣдь тамъ кромѣ одной любимой науки придется заниматься десяткомъ наукъ, вовсе непривлекательныхъ? Что же тутъ дѣлать? Положеніе драматическое, а между тѣмъ весь драматизмъ происходитъ только отъ перегородки, поставленной между двумя факультетами и поддерживаемой обязательными экзаменами и правами. Если бы молодой человѣкъ былъ вольнымъ слушателемъ, то ему ничто бы не мѣшало слушать вмѣстѣ лекціи разныхъ факультетовъ; если бы онъ былъ вольнымъ слушателемъ, то любовь, почувствованная имъ къ какой бы то ни было наукѣ, наполнила бы его душу живѣйшей радостью и повела бы его къ серьезнымъ занятіямъ. Не было бы никакого драматическаго столкновенія. Конечно студентъ всегда можетъ сдѣлаться вольнымъ слушателемъ. Физической невозможности нѣтъ, но нравственныхъ препятствій много. «Вотъ, подумаетъ онъ, — если я останусь студентомъ и выдержу опредѣленный экзаменъ по программѣ факультета, то получу дипломъ и права. А если сдѣлаюсь вольнымъ слушателемъ и буду заниматься тѣмъ, что мнѣ нравится, то ничего не получу. Это обидно».—И не только обидно, а даже глупо, говорятъ студенту родители, опекуны и всѣ опытные совѣтники. Да ты объ этомъ и думать не смѣй, подтверждаетъ раздражительная маменька. А отчего они все это думаютъ, говорятъ и подтверждаютъ? Отчего переходъ съ одного факультета на другой подаетъ иногда поводъ къ семейнымъ сценамъ? Отчего такая простая вещь, какъ занятія тѣмъ предметомъ, который нравится, оказывается труднымъ подвигомъ, требующимъ отъ молодого человѣка почти ломоносовской силы характера? Все оттого, что университетъ даетъ права и составляетъ преддверіе карьеры, Если бы не было правъ, не было бы и факультетовъ. Вся учащаяся молодежь была бы вольными слушателями, посѣщала бы лекціи по собственному выбору и распоряжалась бы своимъ развитіемъ съ полной самостоятельностью.

XI.

Факультеты стараются образовать спеціалистовъ, и вмѣсто того образуютъ только одностороннихъ теоретиковъ. Студентъ по выходѣ изъ университета находится въ положеніи Сократа: онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ, по крайней мѣрѣ, ничего такого, что приложимо къ жизни и къ какой-нибудь отрасли труда. Въ этомъ я и не упрекаю университетъ, совсѣмъ не его дѣло учить молодого человѣка ремеслу; но если все устройство университета видимо направлено къ тому, чтобы образовать нѣсколько сортовъ ремесленниковъ, и если, при всемъ томъ, ремесленники не выходятъ изъ университетовъ, а формируются и обучаются уже послѣ выхода, подъ вліяніемъ практической дѣятельности, то очевидно, не достигается ни та широкая цѣль, къ которой долженъ бы былъ стремиться университетъ, ни та узкая цѣль, къ которой онъ направленъ въ настоящее время. Университетъ не даетъ намъ истинно образованныхъ людей, потому что его устройство ставитъ много препятствій на пути самостоятельнаго умственнаго развитія учащихся; университетъ не даетъ спеціалистовъ, потому что спеціалиста не можетъ образовать школа, его образуетъ только самая работа,—что же даетъ намъ университетъ? людей, пропитанныхъ умозрѣніями, принимающихъ теоріи за аксіомы, уходящихъ отъ жизни въ книгу и сохраняющихъ въ своихъ фразахъ и разсужденіяхъ отпечатокъ того факультета, въ которомъ они были замкнуты. Я очень хорошо знаю, что многіе изъ теперешнихъ и бывшихъ студентовъ вовсе не подходятъ подъ эту характеристику; я знаю, что между ними найдется много людей, смотрящихъ на жизнь свѣтло и разумно; но я знаю также, что эти люди развиваются по-

мимо университета, и что всѣ неудобства современнаго университетскаго устройства сознательно чувствуются ими и производятъ на нихъ самое тяжелое впечатлѣніе. Защитники современнаго университетскаго устройства очень недовольны теперешними студентами, и неудовольствіе это началось именно съ тѣхъ поръ, какъ студенты поняли неудовлетворительность однѣхъ профессорскихъ лекцій и начали искать собственными силами въ жизни и въ литературѣ матеріаловъ для своего развитія.

Это значитъ, что современное устройство университетовъ не удовлетворяетъ ни тѣхъ, для кого оно составлено, ни тѣхъ, кто его защищаетъ. Для первыхъ, то есть для учащихся, оно стѣснительно. Вторые, то есть заматерѣлые профессора, находятъ его слабымъ и неспособнымъ сдерживать развитіе студентовъ въ строю—въ опредѣленныхъ границахъ. Молодая жизнь вездѣ просачивается черезъ обветшалыя плотины, затрудненія обходятся, препятствія преодолѣваются, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы затрудненія и препятствія уже теперь были безвредны. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, чтобы увидѣть въ нихъ не содѣйствіе, а помѣху, молодому человѣку нужно много остроумія и проницательности; чтобы вступить съ ними въ борьбу и одолѣть ихъ, нужно много энергіи и много драгоцѣннаго времени. Часто большая половина университетскихъ годовъ уходитъ у студента исключительно на то, чтобы убѣдиться въ ложности и безплодности господствующаго направленія занятій. Конечно испытывать разочарованія полезно, но по всей вѣроятности защитники современнаго университетскаго устройства ожидаютъ отъ университетовъ не того, чтобы они снабжали студентовъ разочарованіями.

Не одни студенты испытываютъ на себѣ неудобства современнаго университетскаго устройства; эти неудобства падаютъ и на профессоровъ. Профессоръ университета по роду своихъ занятій мало отличается въ настоящее время отъ учителя гимназіи. Вся разница между ними заключается въ томъ, что учитель спрашиваетъ уроки во время каждаго класса, а профессоръ спрашиваетъ уроки за цѣлый годъ, на экзаменѣ. Отношенія учителя къ ученикамъ гораздо проще и откровеннѣе, чѣмъ отношенія профессора къ своимъ слушателямъ. Учитель очень хорошо знаетъ, что ученики сошлись къ нему въ классъ по звонку, безъ всякаго особеннаго желанія учиться; обыкновенно учитель не придаетъ никакого значенія желанію или нежеланію учениковъ, ставитъ имъ за нежеланіе плохіе баллы, оставляетъ ихъ безъ обѣда или безъ отпуска, и дѣло съ концомъ. Профессоръ также можетъ предполагать, что большая часть его слушателей сидитъ въ его аудиторіи по долгу службы и задабриваетъ его своимъ присутствіемъ для предстоящаго экзамена; но какъ убѣдиться въ этомъ? Какъ отдѣлить слушателей, любящихъ его науку и его лекціи, отъ слушателей, высиживающихъ въ его аудиторіи хорошій баллъ? Какъ узнать дѣйствительныя потребности слушателей, записывающихъ съ одинаковымъ усердіемъ все, что благоугодно сказать господину профессору? Какъ заговорить откровенно съ слушателемъ, который прежде всего видитъ въ профессорѣ будущаго экзаменатора? Положеніе добросовѣстнаго профессора чрезвычайно щекотливо. Добросовѣстный профессоръ знаетъ, что оффиціальность студентовъ въ отношеніи къ нему совершенно оправдывается: во-первыхъ, общимъ устройствомъ университета, во-вторыхъ, личностью и дѣятельностью большей части другихъ профессоровъ. Онъ—добросовѣстный профессоръ, не формалистъ, но онъ знаетъ, что по настоящему онъ обязанъ быть формалистомъ; знаетъ и то, что въ сосѣдней аудиторіи сидитъ профессоръ-формалистъ, которому нѣтъ никакого дѣла до умственныхъ потребностей слушателей. Конечно, между добросовѣстнымъ профессоромъ и дѣльнымъ студентомъ могутъ установиться разумныя отношенія независимыя отъ экзаменовъ; но для этого надобно, чтобы профессоръ и студентъ узнали другъ-друга, а это вовсе не легко, потому что они поставлены другъ къ другу въ обязательныя отношенія; профессору неловко сдѣлать шагъ къ сближенію съ студентомъ, потому что онъ видитъ съ его стороны оффиціальность и недовѣріе; студенту также неловко, потому что профессоръ можетъ подумать, что студентъ заискиваетъ въ немъ для экзамена. Такая простая вещь, какъ довѣрчивое сближеніе между человѣкомъ знающимъ и человѣкомъ желающимъ знать, становится затруднительною,—почему? Опять-таки потому, что существуютъ права, и вслѣдствіе того, обязательные экзамены. Эти экзамены, смотря по личности профессора, бываютъ или очень трудны, или очень легки. Если профессоръ—формалистъ, то малѣйшее отклоненіе отъ записокъ принимается въ разсчетъ, какъ доказательство непосѣщенія лекцій; если профессоръ—не формалистъ, то онъ во всякомъ случаѣ и за всякій отвѣтъ ставитъ удовлетворительный баллъ. Въ первомъ случаѣ студентъ принужденъ зубрить, какъ гимназистъ, или какъ бурсакъ; во второмъ случаѣ онъ приходитъ на экзаменъ, чтобы исполнить формальность. Очевидно, что въ первомъ случаѣ экзамены вредны, а во второмъ безполезны. Но конечно полная отмѣнена всякихъ экзаменовъ, и выпускныхъ, и переходныхъ, возможна только тогда, когда университеты не будутъ давать своимъ слушателямъ никакихъ правъ. Поэтому отмѣнена правъ должна быть желаніемъ всѣхъ людей, принимающихъ къ сердцу судьбу высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

XII.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ недостатки нашего гимназическаго образованія и показали слабую сторону нашихъ университетовъ. Теперь нетрудно будетъ обозначить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ преобразованія, въ которыхъ нуждаются гимназіи и университеты. Въ гимназической программѣ нѣтъ общаго плана; собранія словъ и фразъ называются науками; разсказы и гипотезы вытѣсняютъ собою серьезныя знанія; память учениковъ работаетъ постоянно, а мыслительныя способности ихъ находятся въ бездѣйствіи. Конечно все это должно быть передѣлано. Въ программу должно быть внесено строгое единство общаго плана; фразы, называющіяся въ своей совокупности исторіей, политической географіей, теоріей словесности и т. д., должны быть оставлены за штатомъ; разсказы и гипотезы должны уступить мѣсто научнымъ аксіомамъ и теоремамъ; мыслительныя способности учениковъ должны вступить въ отправленіе своихъ естественныхъ обязанностей. Всѣ эти метаморфозы могутъ быть произведены только въ томъ случаѣ, когда будетъ измѣнена самая подкладка образованія. До сихъ поръ въ нашихъ школахъ изучали преимущественно человѣка и его духовныя произведенія, а теперь надобно изучать природу. Это единственное средство выдти изъ области догадокъ и предположеній, фразъ и возгласовъ, красивыхъ теорій и безсмысленнаго зубренія. Это единственное средство ввести учениковъ въ область точнаго знанія, добросовѣстнаго изслѣдованія и живого мышленія.

Я доказалъ уже, говоря о преподаваніи исторіи и географіи въ гимназіяхъ, что изученіе человѣка и его гражданской жизни по своей сложности недоступно гимназистамъ; я доказалъ также, что изученіе это въ дѣйствительности не существуетъ, и что историческія и географическія знанія гимназистовъ составляютъ самый печальный оптическій обманъ. Одного этого обстоятельства уже достаточно, чтобы навсегда отложить попеченіе о такъ называемомъ гуманномъ образованіи; объ этомъ образованіи не стоитъ жалѣть; оно кажется удовлетворительнымъ только тогда, когда нѣтъ лучшаго; оно считалось хорошимъ тогда, когда естественныя науки были въ колыбели; оно существуетъ теперь по тому же самому, почему существуютъ многіе антики, давно осужденные на смерть наукой и здравымъ смысломъ; существуетъ потому, что крѣпка наша рутина, велико наше невѣжество, безгранично наше равнодушіе къ умственнымъ интересамъ подростающихъ поколѣній. Благодаря невѣжеству и рутинѣ, естественныя науки такъ оклеветаны въ нашемъ обществѣ, что совѣтъ положить ихъ въ основу нашего школьнаго образованія покажется многимъ просвѣщеннымъ педагогамъ преступнымъ посягательствомъ на умственную непорочность учащагося отрочества. За естественными науками стоитъ призракъ матеріализма, выдуманный отъ нечего дѣлать волхвами и кудесниками московской журналистики. Доказать, что матеріализмъ намъ вовсе не опасенъ, что онъ у насъ даже вовсе не существуетъ—конечно, нетрудно, но это доказываніе ни къ чему не поведетъ; когда общество наслушалось нелѣпыхъ толковъ, когда оно напугано ими, тогда оно не вѣритъ доказательствамъ. Попробуйте доказать крестьянскому мальчику, что нѣтъ на свѣтѣ домового, и вы увидите, какъ блистательная аргументація ваша разобьется объ укоренившійся предразсудокъ, превратившійся уже въ инстинктивное чувство. Я очень хорошо знаю, что мои мысли о гимназическомъ образованіи и о необходимости положить въ его основу естественныя науки будутъ приняты въ обществѣ очень недовѣрчиво; я знаю, что объ осуществленіи подобной мысли смѣшно даже мечтать. Но я думаю, что между журнальной статьей и дѣловымъ проектомъ существуетъ значительная разница. Проектъ долженъ быть практиченъ и непосредственно приложимъ къ дѣлу; онъ долженъ принимать въ соображеніе взгляды, мнѣнія и даже современные предразсудки общества. Что же касается до простой журнальной статьи, то ея дѣло просто бросить въ общество ту или другую мысль. Авторъ отвѣчаетъ только за честность этой мысли и за искренность собственнаго убѣжденія. Дѣло общества принять, или отбросить эту мысль, оспаривать ее, или оставить ее вовсе безъ вниманія. Поэтому, не смущаясь добродѣтельнымъ отвращеніемъ общества къ естественнымъ наукамъ и къ матеріализму, и въ то же время не заботясь о практической приложимости моего разсужденія, я покажу, почему именно однѣ естественныя науки, положенныя въ основу общаго образованія, могутъ развить умъ и сообщить учащемуся прочныя знанія.

Во-первыхъ, знанія о природѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ естественнымъ потребностямъ дѣтскаго ума. Первые проблески ребяческой любознательности направляются прямо на окружающія впечатлѣнія. Спрашиваетъ-ли когда-нибудь ребенокъ о томъ, что было тысячу лѣтъ тому назадъ? Нѣтъ, онъ и представить себѣ не можетъ такую крупную цифру и такую далекую эпоху. Стало быть, исторія дается ребенку помимо его желанія; она не отвѣчаетъ никакой потребности его ума. Спрашиваетъ-ли ребенокъ: что такое красота, добро, истина? Когда ему нравится картинка или игрушка, спрашиваетъ ли онъ: почему это мнѣ нравится? Конечно нѣтъ. Отвлеченіе и анализъ собственныхъ впечатлѣній—такіе процессы, которые совершенно несвойственны уму ребенка. Стало быть, логика, эстетика и весь хламъ теоріи словесности даются

ребенку помимо его желанія. Но вѣдь извѣстно, что ребенокъ постоянно пристаетъ къ взрослымъ съ вопросами. О чемъ же онъ спрашиваетъ? Конечно о томъ, что онъ видитъ. Отчего мѣсяцъ сегодня стоитъ на небѣ серпомъ, а недѣлю тому назадъ былъ круглый? Отчего собака ѣстъ хлѣбъ, а кошка не ѣстъ? Отчего бутылка съ водою лопнула на морозѣ? Отчего облака по небу ходятъ? Отчего дождь идетъ? Вотъ вопросы ребенка, и ребенокъ такъ разнообразитъ ихъ, что вамъ становится очевиднымъ, какъ они родятся въ головѣ его подъ вліяніемъ свѣжихъ и постоянно измѣняющихся впечатлѣній.

Періодъ такой живой любознательности обыкновенно продолжается недолго; взрослые большею частью отвѣчаютъ на вопросы ребенка такъ глупо, что ребенку надоѣдаетъ спрашивать. Ему приходится думать одно изъ двухъ: или то, что на его вопросы вовсе не существуетъ удовлетворительнаго отвѣта, или то, что окружающіе его взрослые не понимаютъ нелѣпости своихъ отвѣтовъ. Въ первомъ случаѣ онъ мирится съ незнаніемъ, и любознательность его засыпаетъ; во второмъ случаѣ онъ ищетъ отвѣта, какъ искалъ отвѣта Ломоносовъ. Конечно второй случай гораздо рѣже перваго. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ знакомство съ естественными науками должно привести ребенка въ восхищеніе. Разумный отвѣтъ на одинъ вопросъ порождаетъ въ умѣ десятокъ новыхъ вопросовъ, и ребенокъ пріобрѣтаетъ прочныя свѣдѣнія, даже не подозрѣвая того, что онъ началъ учиться. Если естественныя науки преподаются ребенку сколько-нибудь разумно, то конечно удовольствіе, испытанное имъ при первомъ знакомствѣ съ законами природы, будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ это знакомство будетъ дѣлаться болѣе короткимъ и сознательнымъ. Знаніе природы ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ условіяхъ жизни, ни въ какомъ общественномъ положеніи не можетъ быть мертвымъ капиталомъ ни для ребенка, ни для взрослаго человѣка. Всякая школьная мудрость забывается за порогомъ школы, потому что самое существованіе этой мудрости поддерживается и обусловливается только затхлой атмосферой школы; но природа окружаетъ человѣка вездѣ; стало-быть человѣкъ, однажды заинтересовавшійся изученіемъ ея силъ и законовъ, уже никогда не забудетъ того, что онъ о ней знаетъ, и всегда будетъ стремиться къ расширенію своихъ свѣдѣній. Только однѣ естественныя науки глубоко коренятся въ живой дѣйствительности: только онѣ совершенно независимы отъ теорій и фикцій; только въ ихъ область не проникаетъ никакая реакція; только онѣ образуютъ сферу чистаго знанія, чуждаго всякихъ тенденцій; слѣдовательно только естественныя науки ставятъ человѣка лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью, неподкрашенной нравоученіями, необрѣзанной системами, несочиненной досужимъ мышленіемъ философовъ. И между тѣмъ эти самыя естественныя науки до сихъ поръ считаются достояніемъ заклятыхъ спеціалистовъ; исторію, теорію словесности должны знать всѣ образованные люди, а законы и отправленія жизни, которая проявляется во всѣхъ органическихъ существахъ, начиная отъ лишаевъ и водорослей и кончая обезьяной и человѣкомъ, эти законы писаны только для двухъ-трехъ десятковъ чудаковъ, называемыхъ натуралистами. Остальному обществу, называющему себя образованнымъ, до нихъ нѣтъ никакого дѣла,—ему, по русской пословицѣ, законъ не писанъ. Конечно такое непостижимое равнодушіе къ тому, что насъ постоянно окружаетъ и постоянно дѣйствуетъ на насъ, можетъ быть объяснено только крайней неразвитостью, которую, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно назвать полной умственной слѣпотой. Лечить отъ этой слѣпоты взрослыхъ уже можетъ быть поздно; но предохранить отъ нея дѣтей — это должно быть святой обязанностью всѣхъ отцовъ и воспитателей. Общество наше погружено въ спячку; у него нѣтъ никакихъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ, а между тѣмъ великая книга природы открыта передъ всѣми, и въ этой великой книгѣ до сихъ поръ, трудами немногихъ замѣчательныхъ дѣятелей, прочтены только первыя страницы.

Кто же виноватъ въ томъ, что наши достаточные и soi-disant образованные классы ничего не дѣлаютъ и ничѣмъ не интересуются? Виновато очевидно направленіе ихъ образованія; школа ничѣмъ не заинтересовала ихъ, и это обстоятельство даже дѣлаетъ честь ихъ природному уму, потому что въ нашихъ школахъ дѣйствительно заинтересоваться нечѣмъ. Если бы Александръ Гумбольдтъ учился въ русской гимназіи или въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, то по всей вѣроятности онъ сдѣлался бы ревностнымъ посѣтителемъ баловъ и балетовъ, вмѣсто того, чтобы быть натуралистомъ и путешественникомъ. Вѣдь Александръ Гумбольдтъ былъ барономъ и богатымъ человѣкомъ,— стало-быть нѣтъ ничего несбыточнаго въ той мысли, что при разумномъ направленіи образованія даже высшіе классы нашего общества могутъ перейти отъ танцевъ къ другимъ занятіямъ, болѣе достойнымъ человѣка и болѣе полезнымъ для человѣчества. Кому же удобнѣе всего разрабатывать науку, какъ не тѣмъ людямъ, которые обезпечены въ матеріальномъ отношеніи? И эти люди дѣйствительно стали бы разрабатывать науку, если бы были заинтересованы ею съ дѣтства. А заинтересовать человѣка съ дѣтства можетъ только изученіе природы.

Говорить о практической пользѣ естественныхъ наукъ, указывать на паровыя машины, на желѣзныя дороги, на электрическіе телеграфы, на микроскопъ, химическій анализъ и успѣхи

физiологiи—значило бы повторять фразы, встрѣчающiяся въ предисловiяхъ ко всевозможнымъ оригинальнымъ и переводнымъ книгамъ по естественнымъ наукамъ. Я воздержусь отъ этого словоизверженiя. Читатель самъ понимаетъ, что все матерiальное благосостоянiе человѣчества зависитъ отъ его господства надъ окружающей природой, и что это господство заключается только въ знанiи естественныхъ силъ и законовъ. Но читатель можетъ-быть не обращалъ вниманiя на то обстоятельство, что эти знанiя до сихъ поръ вырабатывались только десятками людей; сотни и тысячи принимали уже выработанные результаты, питались готовыми кушаньями и слѣдовательно сами нисколько не помогали стряпнѣ. А почему они не помогали? Неужели потому, что они всѣ были неспособны помогать? Такое предположенiе совершенно неправдоподобно. Неужели наши мужики потому неграмотны, что неспособны выучиться азбукѣ? Вѣдь это уже очевидная нелѣпость. Мужики неграмотны, потому что разныя постороннiя обстоятельства мѣшали имъ учиться; точно также сотни и тысячи образованныхъ людей оставались равнодушными къ изученiю природы, потому что направленiе ихъ образованiя не давало имъ познакомиться съ азбукою естествознанiя. Но между мужиками находились и находятся люди, въ которыхъ желанiе учиться такъ сильно, что оно вырывалось даже изъ-подъ гнета неблагопрiятныхъ обстоятельствъ. Точно также между образованными людьми попадаются личности замѣчательныя по своей любознательности, личности умѣющiя вырваться изъ того ограниченнаго круга идей и понятiй, въ который ставитъ ихъ господствующее направленiе общаго образованiя. Эти-то немногiя личности, превращающiяся въ чудаковъ и натуралистовъ, несутъ на плечахъ своихъ весь трудъ матерiальнаго прогресса человѣчества. Если бы этихъ личностей было больше, то очевидно завоеванiя человѣчества въ области естествознанiя совершались бы быстрѣе; а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся жизнь человѣчества представляла бы меньше лишенiй и страданiй, меньше горя и бѣдности. Если бы азбука естествознанiя была такъ-же распространена, какъ та азбука, по которой мы учимся читать, то число изслѣдователей природы навѣрное увеличилось бы въ нѣсколько десятковъ разъ, и труды этихъ изслѣдователей сдѣлались бы также гораздо плодотворнѣе, чѣмъ теперь, потому что всѣ результаты изслѣдованiя обобщались и прилагались бы къ жизни несравненно быстрѣе и полнѣе теперешняго. Рутина и предразсудки погибли бы на вѣки, потому что они держатся теперь, только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвѣстны даже образованному обществу.

Наконецъ самый законъ умовъ сдѣлается тверже, когда естественныя науки будутъ положены въ основу общаго образованiя. Естественныя науки важны и значительны не только по предмету своего изученiя, но и по своему методу. Это—науки, основанныя исключительно на наблюденiи и опытѣ. Собственно говоря, только математическiя и естественныя науки имѣютъ право называться науками. Только въ нихъ гипотезы не остаются гипотезами; только онѣ показываютъ намъ истину и даютъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно истина. Эти науки сообщаютъ человѣку, посвятившему себя ихъ изученiю, такую трезвость и неподкупность мышленiя, такую требовательность въ отношенiи къ своимъ и къ чужимъ идеямъ, такую силу критики, которая сопровождаетъ этого человѣка за предѣлы выбранныхъ имъ наукъ, которая не оставляетъ его въ дѣйствительной жизни и кладетъ свою печать на всѣ его разсужденiя и поступки.

По всѣмъ этимъ причинамъ я полагаю, что изученiе математическихъ и естественныхъ наукъ должно быть положено въ основанiе нашей гимназической программы. Кромѣ этихъ наукъ должны оставаться только законъ божiй, русская грамматика и новѣйшiе языки. Что касается до университета, то онъ нуждается только въ отмѣнѣ правъ и ограниченiй. Реформа гимназiй естественно отразится на немъ, и потребности слушателей выразятся сами собой въ томъ обстоятельствѣ, что однѣ аудиторiи будутъ биткомъ набиты, а другiя останутся пустыми. Въ гимназiяхъ должна *быть произведена* реформа, а университетъ *самъ себя* реформируетъ, если только будутъ устранены искусственныя препятствiя. Реформа образованiя должна быть начата съ низшихъ заведенiй, потому что въ нихъ заключается корень нашего умственнаго безсилiя. Все это теорiя и мечта, скажетъ читатель, и я скажу тоже самое, и это нисколько не приведетъ меня въ смущенiе и въ раскаянiе. Я говорю о томъ, что должно быть, а не о томъ, что дѣлается теперь, и не о томъ, что будетъ дѣлаться въ будущемъ году.

1863 г. Iюнь.

1864.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

I.

Когда мы разсматриваемъ какой-нибудь отдѣльный поступокъ, тогда мы обыкновенно по человѣческой слабости вдаемся въ лиризмъ и, смотря по свойствамъ даннаго поступка, чувствуемъ приливы негодованія или благоговѣнія, ужаса или восторга, огорченія или удовольствія. Всѣ эти чувства въ значительной степени ослабѣваютъ, когда мы начинаемъ принимать въ соображеніе, кромѣ голаго факта, ту ближайшую причину, изъ которой развился этотъ фактъ. Если отъ ближайшихъ причинъ мы станемъ переходить къ причинамъ болѣе отдаленнымъ, то лирическіе порывы наши постоянно будутъ остывать болѣе и болѣе, такъ что наконецъ взволновавшій насъ фактъ будетъ интересовать насъ только какъ предметъ изученія.

Человѣкъ А въ извѣстномъ случаѣ поступилъ хорошо или дурно. Спрашивается, почему онъ поступилъ такъ, а не иначе? Потому конечно, что ему иначе нельзя было поступить. Во-первыхъ, случай былъ именно тотъ, а не другой, а во-вторыхъ, дѣйствующимъ лицомъ былъ именно А, а не Б и не С. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ поступокъ, надо разсмотрѣть, во-первыхъ, обстоятельства даннаго случая, а во-вторыхъ, характеръ дѣйствующаго лица. Видя, что наши лирическія изліянія неумѣстны въ отношеніи къ отдѣльному поступку, мы обыкновенно переносимъ ихъ на характеръ самого человѣка. Но и въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ неосмотрительно. Если извѣстный поступокъ есть неизвѣстный результатъ извѣстнаго характера, поставленнаго въ извѣстное положеніе, то характеръ, въ свою очередь, есть такой-же неизвѣстный результатъ многихъ физіологическихъ, климатическихъ, историческихъ и разныхъ другихъ данныхъ. Если-бы мы могли прослѣдить жизнь человѣка съ минуты его рожденія до того времени, когда характеръ оказался совершенно сформированнымъ, то мы увидѣли-бы передъ собою непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Спрашивается, на какое-же звено этой цѣпи мы имѣемъ разумное основаніе изливать нашъ гнѣвъ или наше благоговѣніе? Намъ приходится или воздерживаться отъ лирическихъ увлеченій, или обращать ихъ на первое звено цѣпи, т. е. на новорожденнаго младенца. Но если даже мы способны дойти въ своемъ лиризмѣ до такой нелѣпости, то намъ все-таки и здѣсь предстоитъ разочарованіе. Новорожденный ребенокъ совсѣмъ не первое звено; онъ, въ свою очередь, слѣдствіе безчисленнаго множества причинъ. Перваго звена мы никогда не найдемъ. Метафизики были терпѣливѣе насъ, однако ничего не нашли и принуждены были кое-что выдумать. Слѣдовательно лиризму нашему окончательно приходится улетучиваться въ пространство. Въ житейской практикѣ не всегда удобно и часто безполезно бываетъ прогонять лиризмъ серьезнымъ размышленіемъ и основательнымъ изученіемъ причинъ. Во-первыхъ, на это занятіе пришлось-бы тратить очень много времени, а во вторыхъ, біографіи окружающихъ насъ людей очень рѣдко представляютъ что-либо интересное. Но когда мы беремся за изученіе историческихъ явленій, тогда всякій лиризмъ долженъ быть устраненъ съ неумолимой строгостью. Присутствіе лиризма всегда, какъ въ практической жизни, такъ и въ теоретическомъ размышленіи, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Когда мы понимаемъ вполнѣ какое-нибудь явленіе, тогда мы не можемъ ни негодовать противъ него, ни благоговѣть передъ нимъ.

Для потребностей практической жизни намъ достаточно знать окружающіе предметы настолько, насколько эти предметы могутъ обусловливать собою наши поступки. Если я имѣю съ А денежныя дѣла, то мнѣ необходимо знать мошенникъ-ли онъ, или не мошенникъ; но мнѣ нѣтъ никакой практической надобности размышлять о томъ, что именно сдѣлало его мошенникомъ, или помогло ему остаться честнымъ человѣкомъ.

Когда-же я пускаюсь въ теоретическія размышленія, тогда мнѣ необходимо вести изслѣдованіе такъ далеко, какъ только позволяютъ наличные матеріалы и мои собственныя умственныя силы. Кто въ теоретическихъ размышленіяхъ останавливается на половинѣ дороги, удовлетворяясь полузнаніемъ и полупониманіемъ, тому, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности заниматься такими размышленіями. Кто въ области мысли обрекаетъ себя на эту узкость поверхностность сужденій, которая господствуетъ въ нашей вседневной жизни, тому не зачѣмъ и забираться въ область мысли. Кто разбираетъ историческія событія съ тѣмъ близорукимъ пристрастіемъ, съ которымъ онъ разсуждаетъ о сво-

ихъ добрыхъ знакомыхъ, тому было бы лучше вовсе не заниматься исторіей. Исторія обогащаетъ насъ новыми идеями и расширяетъ нашъ умственный горизонтъ только въ томъ случаѣ, когда мы изучаемъ какое-нибудь событіе въ его естественной связи съ его причинами и съ его послѣдствіями. Если мы вырвемъ изъ исторіи отдѣльный эпизодъ, то мы увидимъ передъ собою борьбу партій, игру страстей, фигуры добродѣтельныхъ и порочныхъ людей; однимъ мы станемъ сочувствовать, противъ другихъ будемъ негодовать; но сочувствіе и негодованіе будутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока мы не поставимъ вырваннаго эпизода на его настоящее мѣсто, пока мы не поймемъ той простой истины, что весь этотъ эпизодъ во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ совершенно логично и неизбѣжно вытекаетъ изъ предшествующихъ обстоятельствъ.

Какъ ни проста эта истина, однако многіе писатели, разсуждающіе объ исторіи, и многіе историки, пользующіеся очень громкой извѣстностью, совершенно теряютъ ее изъ виду въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ. Раскройте напримѣръ Маколея, и вы увидите, что онъ на каждой страницѣ кого-нибудь оправдываетъ, или кого-нибудь обвиняетъ, кому-нибудь свидѣтельствуетъ свое почтеніе, или кому-нибудь дѣлаетъ строжайшій выговоръ. Всѣ эти оправданія или обвиненія, почтенія или выговоры служатъ только признаками неяснаго или неполнаго пониманія событій. Моралистъ вытѣсняетъ историка, потому что у историка не хватаетъ матеріаловъ, или не достаетъ проницательности. Въ приговорахъ Маколея заключается такой смыслъ: я, говоритъ онъ, умнѣе такого-то; я понимаю политику лучше такого-то; я бы не сдѣлалъ такой-то ошибки и т. д. На это читатель имѣетъ полное право возразить, что ему нѣтъ дѣла до тѣхъ прекрасныхъ свойствъ ума и сердца, которыми обладаетъ Маколей; ему нѣтъ дѣла до того, какъ поступилъ бы историкъ, находясь въ такомъ или въ другомъ положеніи; ему любопытно было знать, какъ поступила дѣйствительная историческая личность, почему она поступила такъ, а не иначе, и почему ея поступки имѣли важное значеніе для ея современниковъ. Дѣло историка—разсказать и объяснить; дѣло читателя—передумать и понять предлагаемое объясненіе; когда историкъ и читатель, каждый съ своей стороны, исполнятъ свое дѣло, тогда уже не останется мѣста ни для оправданія, ни для обвиненія. Мыслящій изслѣдователь вглядывается въ памятники прошедшаго для того, чтобы найти въ этомъ прошедшемъ матеріалы для изученія человѣка вообще, а не для того, чтобы погрозить кулакомъ покойнику Сидору или погладить по головкѣ покойника Антона. Исторія до сихъ поръ не сдѣлалась наукою, но между тѣмъ только въ исторіи мы можемъ найти матеріалы для рѣшенія многихъ вопросовъ первостепенной важности. Только исторія знакомитъ насъ съ массами; только вѣковые опыты прошедшаго даютъ намъ возможность понять, какъ эти массы чувствуютъ и мыслятъ, какъ онѣ измѣняются, при какихъ условіяхъ развиваются ихъ умственныя и экономическія силы, въ какихъ формахъ выражаются ихъ страсти и до какихъ предѣловъ доходитъ ихъ терпѣніе. Исторія должна быть осмысленнымъ и правдивымъ разсказомъ о жизни массы; отдѣльныя личности и частныя событія должны находить въ ней мѣсто настолько, насколько они дѣйствуютъ на жизнь массы или служатъ къ ея объясненію. Только такая исторія заслуживаетъ вниманія мыслящаго человѣка, а въ такой исторіи очевидно нѣтъ мѣста ни для похвалы, ни для порицанія, потому что хвалить или порицать массу все равно, что хвалить березу за бѣлый цвѣтъ коры или полемизировать противъ дождливой погоды. Масса есть стихія, а стихію конечно нельзя ни любить, ни ненавидѣть; ее можно только разсматривать и изучать. До сихъ поръ масса была всегда затерта и забита въ дѣйствительной жизни; точно также затерта и забита она была и въ исторіи. На первомъ планѣ стояла въ исторіи біографія и нравственная философія. Вся колоссальная знаменитость Маколея и всѣ успѣхи его безчисленныхъ подражателей основаны на рисованіи историческихъ портретовъ и на торжественномъ произнесеніи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Эти портреты и приговоры мѣшаютъ читателю додуматься до настоящаго назначенія исторіи и слѣдовательно положительно вредятъ успѣхамъ разумнаго и плодотворнаго историческаго изученія. Нравственная философія такъ-же мало относится къ исторіи, какъ напримѣръ къ органической химіи или къ сравнительной анатоміи. Что же касается до біографіи, то она должна занимать въ исторіи очень скромное мѣсто. Частная жизнь только тогда интересна для историка, когда она выражаетъ въ себѣ особенности той коллективной жизни массъ, которая составляетъ единственный предметъ, вполнѣ достойный историческаго изученія.

Собираясь говорить съ читателями о томъ переворотѣ, который въ концѣ прошедшаго столѣтія опрокинулъ во Франціи всѣ средневѣковыя учрежденія, я счелъ нелишнимъ высказать сначала нѣсколько общихъ мыслей объ историческомъ изученіи. Познакомившись съ этими мыслями, читатель пойметъ заранѣе, какъ я намѣренъ вести мой разсказъ. Онъ увидитъ, что я не хочу произносить никакихъ приговоровъ, потому что всякій приговоръ надъ историческимъ событіемъ я считаю вопіющей нелѣпостью; онъ увидитъ далѣе, что я вовсе нерасположенъ впутываться въ біографическія подробности и разрывать груду тѣхъ придворныхъ и городскихъ скандаловъ, слуховъ и интригъ, которыми такъ богата эта тревожная эпоха. Меня занимаетъ исключитель-

но общая, бытовая, всемірно-историческая сторона французскаго переворота. Я не буду ни ужасаться передъ нимъ, ни оправдывать его, потому что я твердо убѣжденъ въ томъ, что всякое отдѣльное событіе, какъ-бы оно ни было ужасно или величественно, есть только неизбѣжное и очень простое слѣдствіе такихъ же неизбѣжныхъ и простыхъ причинъ. Разсматривая французскій переворотъ, какъ логически-необходимый результатъ всей средневѣковой исторіи французскаго королевства, я не могу питать къ этому перевороту ни грѣховной симпатіи, ни добродѣтельнаго отвращенія. Я могу только разбирать его причины, разсматривать его развитіе и указывать на ту связь, въ которой находится самая катастрофа со всѣмъ историческимъ прошедшимъ французской націи. Мое дѣло объяснять и разсказывать, а не усыпать страницы восклицательными знаками. Руководителемъ моимъ на трудномъ и скользкомъ пути будетъ Генрихъ Зибель, опытный и серьезный историкъ, у котораго однако, не смотря на всю его серьезность, прорываются изрѣдка стремленія къ приговорамъ и желаніе заявить добродѣтельное отвращеніе. Я постараюсь быть серьезнѣе самого Зибеля и объективнѣе самого Гончарова. Постараюсь, однимъ словомъ, приблизиться къ величественному спокойствію гомеровскаго эпоса. Читатель понимаетъ, что на трудномъ и скользкомъ пути безъ гомеровскаго спокойствія нѣтъ спасенія.

II.

Всѣ французскіе короли изъ династіи Гуго Капета съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремились къ тому, чтобы подчинить своей верховной власти крупныхъ и мелкихъ феодальныхъ владѣтелей, господствовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ и старавшихся, съ своей стороны, отстоять и упрочить за собою полную самостоятельность. Писанное право было на сторонѣ феодальныхъ владѣтелей; матеріальная сила также склонялась часто на ихъ сторону; но притязанія центральной королевской власти пользовались полнымъ сочувствіемъ задавленныхъ массъ, которыхъ жизнь ежеминутно отравлялась придирчивымъ и хищнымъ деспотизмомъ безчисленнаго множества герцоговъ, графовъ, маркизовъ и другихъ доблестныхъ и породистыхъ грабителей. Массы видѣли въ королѣ своего заступника и покровителя, и короли, понимавшіе свою выгоду, дѣйствительно часто принимали сторону городскихъ общинъ, возмущавшихся противъ феодальныхъ владѣтелей. Политика королей обыкновенно сообразовалась съ ближайшими требованіями обстоятельствъ, имъ хотѣлось пріобрѣсти какъ можно больше власти, а для этого надо было содержать на свой счетъ такое войско, которое не зависѣло бы отъ произвола феодаловъ; на содержаніе войска были необходимы деньги, и къ деньгамъ стремились съ незапамятныхъ временъ всѣ помыслы французскихъ королей. Имъ случалось иногда продавать за значительную сумму какому-нибудь городу льготную грамату, предоставлявшую городской общинѣ право самоуправленія и независимость отъ феодальнаго владѣтеля; вслѣдъ за тѣмъ владѣтель, съ своей стороны, вносилъ убѣдительную сумму, и тогда льготная грамата немедленно уничтожалась. къ величайшему изумленію добродушныхъ горожанъ. Филиппъ IV Красивый сжегъ тампліеровъ единственно для того, чтобы конфисковать ихъ имѣнія; тотъ же самый Филиппъ по нѣскольку разъ въ годъ перечеканивалъ монету, портилъ ее неумѣренной примѣсью мѣди и извлекалъ изъ этихъ операцій значительныя выгоды для королевской казны. Продолжительныя войны съ Англіей, разорившія обѣ страны и подвергнувшія страшной опасности политическую самостоятельность Франціи, содѣйствовали укрѣпленію королевской власти. Собраніе государственныхъ чиновъ предоставило Карлу VII право взимать ежегодно во всемъ королевствѣ опредѣленную подать, предназначавшуюся для содержанія постоянной и правильно организованной арміи. Королевскіе чиновники получили такимъ образомъ возможность проникать въ земли владѣтельныхъ дворянъ, и понемногу стали упрочивать въ нихъ свое вліяніе, клонившееся впрочемъ исключительно къ обогащенію королевской казны, а вовсе не къ облегченію работающихъ и платящихъ сословій. Къ прямымъ налогамъ присоединились косвенные, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ былъ своей не популярностью налогъ на соль.

Королевская власть стала укрѣпляться, по мѣрѣ того, какъ увеличивались и упрочивались источники ея доходовъ. Со временъ Франциска I она успѣла пріобрѣсти уже неоспоримый перевѣсъ надъ всѣми остальными общественными силами феодальнаго государства. Дворяне оставили свои замки и стали искать себѣ придворныхъ должностей. Всѣ попытки феодальной аристократіи возвратить себѣ прежнюю самостоятельность оканчивалась полнѣйшими неудачами. Волненія Лиги и Фронды были послѣдними проблесками средневѣковой строптивости. Твердыя и крутыя мѣры Генриха IV, Ришелье и Мазарини положили конецъ всѣмъ этимъ волненіямъ, и приготовили собою эпоху Людовика XIV. Въ дѣйствительности Людовикъ XIV былъ деспотомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ въ дѣлахъ управленія руководствовался только своими собственными соображеніями или фантазіями; ему иногда приходили въ голову такія мысли, которыя, по выраженію Зибеля, выходятъ изъ границъ европейскаго пониманія. Однажды онъ предложилъ своимъ совѣтникамъ вопросъ: не долженъ-ли онъ, подобно магометанскимъ властителямъ Востока, пользоваться правомъ собственности надъ пахотною землей

воего королевства? Въ другой разъ онъ запретилъ, подъ страхомъ наказаній, всякую частную благотворительность на томъ основаніи, что никто кромѣ короля не имѣетъ права быть во Франціи заступникомъ и покровителемъ бѣдныхъ людей. Не смотря на то, Людовикъ XIV по праву оставался все-таки королемъ феодальнаго государства, въ которомъ, какъ извѣстно, центральная власть на каждомъ шагу встрѣчала себѣ препятствія и противодѣйствія со стороны разныхъ сословныхъ и корпоративныхъ учрежденій и привилегій. Вся средневѣковая путаница властей продолжала существовать при Людовикѣ XIV и оставалась неотмѣненной до самой революціи. Духовенство завѣдывало своими дѣлами почти совершенно независимо отъ короля; колоссальныя помѣстья, принадлежащія церкви, не платили никакой подати, кромѣ такъ называемаго don gratuit, назначавшагося въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по расположенію духовенства къ правительству. Въ рукахъ духовенства находилось народное обученіе, въ которое вовсе не вмѣшивалась королевская власть. Дворянство имѣло свои провинціальныя собранія, въ которыхъ оно обсуживало мѣстныя потребности края, занималось раскладкой податей и иногда выдвигало противъ королевскихъ чиновниковъ упорную оппозицію. Въ отправленіи правосудія не было ни единства, ни цѣлесообразности: въ каждой провинціи было свое обычное право (droit coutumier); каждый землевладѣлецъ и каждая городская община имѣли свой судъ и расправу; аппелировать на ихъ рѣшенія можно было въ королевскіе президіальные суды, но кругъ дѣятельности этихъ судовъ оставался до такой степени неопредѣленнымъ, что у нихъ на каждомъ шагу происходили столкновенія съ другими инстанціями. Высшая судебная власть сосредоточивалась въ парламентахъ; ихъ было прежде девять, а потомъ пятнадцать, и всѣ они въ своемъ судебномъ округѣ были верховными судилищами; всѣ они гордо опирались на вѣковыя права и постоянно спорили за нихъ между собою, съ низшими инстанціями, вырывавшимися изъ-подъ ихъ контроля, и наконецъ съ королевскими министрами, старавшимися ограничить ихъ притязанія. Парламенты, и особенно важнѣйшій изъ нихъ, парижскій, утверждали постоянно, что никакое распоряженіе короля не имѣетъ законной силы, пока оно не внесено въ парламентскіе реестры; иногда, находя королевскія распоряженія несогласными съ требованіями права, или опасными для блага государства, парламенты отказывались вносить эти распоряженія въ реестръ. Иногда парламенты собственной властью отдавали приказанія по важнѣйшимъ отраслямъ полицейскаго управленія; иногда они призывали къ суду королевскихъ чиновниковъ за превышеніе власти или за какое-нибудь другое нарушеніе закона. Правительство упорно сопротивлялось притязаніямъ парламентовъ. Отвергнутое распоряженіе короля записывалось въ реестръ насильно; приказаніе парламента по полицейскому управленію, въ случаѣ надобности, отмѣнялось; обвиненные чиновники освобождались отъ судебныхъ преслѣдованій; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ парламенты принуждены были покоряться, но какъ только представлялся случай, такъ они тотчасъ начинали и съ невозмутимой стойкостью выдерживали до конца ту легальную борьбу, которая кончалась торжествомъ вооруженной силы надъ вѣковымъ документальнымъ правомъ.

Стойкость парламентовъ основывалась преимущественно на томъ обстоятельствѣ, что назначеніе парламентскихъ совѣтниковъ не зависѣло отъ короля. Всѣ мѣста въ парламентахъ передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, короли продавали различныя должности не только въ пожизненное, но и въ наслѣдственное владѣніе. Такимъ образомъ были проданы всѣ мѣста въ парламентахъ. Такимъ же образомъ продавались мѣста при дворѣ, въ арміи, въ лѣсномъ управленіи, въ вѣдомствѣ податныхъ сборовъ, въ городскихъ и цеховыхъ управленіяхъ. Многія должности создавались единственно для продажи; чтобы выручить за нихъ болѣе значительную сумму денегъ, правительство давало покупателямъ дворянское достоинство и уже во всякомъ случаѣ освобождало ихъ отъ многихъ тягостныхъ повинностей. Королевская власть была такимъ образомъ окружена при Людовикѣ XIV легіономъ несмѣняемыхъ чиновниковъ и цѣлыми тысячами старинныхъ правъ замкнутыхъ корпорацій, неприкосновенныхъ привилегій и разныхъ другихъ, на половину обезсмысленныхъ остатковъ и призраковъ отдаленнаго прошедшаго. Людовикъ XIV не уничтожалъ этихъ реликвій; онъ чувствовалъ, что если тронуть этотъ старый порядокъ, то придется перестраивать заново все общественное зданіе. Такая титаническая работа была ему не по силамъ и не по вкусу; не отличаясь шириною общихъ взглядовъ и не чувствуя въ себѣ призванія быть радикальнымъ реформаторомъ, онъ совершенно удовлетворялся тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старое документальное право уступало напору его державной воли. Онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изворачивался мелкими средствами; онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ и, какъ человѣкъ практическій, вовсе не заботился о томъ, почему исполняется его воля,—потому-ли, что эта воля совпадаетъ съ принципомъ существующаго закона, или потому, что она опирается на матеріальную силу. На тѣхъ людей, которые находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ дѣйствовалъ непосредственнымъ вліяніемъ своей личности; онъ привлекалъ ихъ своей неотразимой любезностью,

или внушалъ имъ почтеніе своей поразительной величавостью: для достиженія своихъ цѣлей онъ пускалъ въ ходъ всѣ чувствительныя струны человѣческой души. Онъ эксплоатировалъ въ свою пользу тщеславіе дворянства, властолюбіе чиновничества, нетерпимость духовенства и наконецъ стремленіе къ пріобрѣтенію, въ одинаковой степени свойственное аристократамъ, бюрократамъ и церковникамъ. На кого не дѣйствовали кроткія ласки, на того можно было навести спасительный страхъ, и наконецъ оставались еще въ запасѣ насильственныя мѣры. Если въ какой-нибудь провинціи слышался ропотъ, то ропотъ этотъ умолкалъ при вступленіи въ провинцію военнаго отряда; если какой-нибудь городовой магистратъ не во время вспоминалъ о своихъ неотмѣнныхъ правахъ, то въ городѣ ставились на постой войска, и магистратъ убѣждался въ томъ, что права его составляетъ анахронизмъ; наконецъ парламентскіе совѣтники и чиновники, получившіе свои должности по наслѣдству, не могли быть замѣщены другими лицами, но за то для нихъ и вообще для всякаго человѣка, изъявлявшаго притязаніе на самостоятельность, были всегда готовы въ неограниченномъ количествѣ гостепріимныя каморки Бастиліи, Венсенскаго замка и разныхъ другихъ общеполезныхъ учрежденій.

Всѣми этими и многими другими средствами Людовикъ XIV пользовался съ замѣчательнымъ искусствомъ. Его положенію завидовали и его примѣру безуспѣшно подражали всѣ современные ему государи Европы. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ онъ стоялъ на такой недосягаемой высотѣ, на которой слухъ его не могъ быть возмущенъ ни тихой жалобой, ни робкимъ противорѣчіемъ. Всѣ силы Франціи были въ его рукѣ и онъ расходовалъ эти силы по своему усмотрѣнію, не отдавая никому отчета въ своихъ распоряженіяхъ. Одна война быстро слѣдовала за другою: деньги и рабочія руки тратились на завоевательныя попытки, имѣвшія чисто династическій интересъ, поднимавшія на Францію оружіе почти всей остальной Европы и вслѣдствіе этого оканчивавшіяся обыкновенно неудачами и унизительными мирными трактатами. Королевская казна постоянно нуждалась въ деньгахъ, а между тѣмъ народъ постоянно платилъ такъ много что самый изобрѣтательный финансовый геній не находилъ возможности увеличивать массу налоговъ. Чтобы добывать деньги, приходилось выдумывать новыя должности и продавать ихъ частнымъ лицамъ, приходилось отдавать на откупъ всѣ отрасли частной промышленности, приходилось вводить монополіи и привилегіи во всѣ отправленія народной жизни. Дошло до того, что ремесло перевозчиковъ, факельщиковъ и носильщиковъ было продано въ исключительную собственность нѣсколькимъ семействамъ. Само собою разумѣется, что монополисты выручали затраченные капиталы, вытягивая ихъ изъ народа; слѣдовательно, въ концѣ концовъ, всѣ войны Людовика XIV, всѣ его версальскіе дворцы, фонтаны и праздники всей своей тяжестью лежали *на плечахъ французскихъ крестьянъ и французскихъ работниковъ*, которымъ уже не на кого было сложить эту тяжесть. Голодъ и заразительныя болѣзни опустошали цѣлыя провинціи; сотни тысячъ жителей питались желудями и древесной корой, причемъ конечно умственное и нравственное состояніе ихъ совершенно соотвѣтствовало высотѣ ихъ матеріальнаго довольства. Въ концѣ царствованія Людовика XIV ему окончательно измѣнила *даже* та военная слава, которая съ незапамятныхъ временъ составляла для французовъ необходимое утѣшеніе во время неурожаевъ и тяжелыхъ налоговъ. Когда исчезло это послѣднее утѣшеніе, тогда народъ понялъ, что положеніе его дѣйствительно тяжело.

III.

При такихъ обстоятельствахъ началось царствованіе Людовика XV и регентство Филиппа Орлеанскаго. Регентъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ веселый и беззаботный, а король, когда выросъ и возмужалъ, сдѣлался еще веселѣе и беззаботнѣе регента. Дворъ и высшія сословія государства, подражая властолину, дышали веселостью и беззаботностью. Король былъ человѣкъ очень остроумный, и приближенные его были также по большей части люди не глупые и не лишенные образованія; всѣ они понимали, или по крайней мѣрѣ чувствовали, что государственная машина трещитъ и расклеивается, что старому обществу приходитъ конецъ и что въ воздухѣ эпохи носятся идеи, радикально враждебныя всѣмъ средневѣковымъ учрежденіямъ и авторитетамъ. Всѣ чувствовали непрочность своего положенія, но такъ какъ положеніе само по себѣ въ данную минуту было все таки пріятно, то они и спѣшили имъ наслаждаться, подражая мудрымъ эпикурейцамъ древности и съ полнымъ успѣхомъ прогоняя всякія назойливыя мысли о завтрашнемъ днѣ и о будущемъ финансовомъ дефицитѣ. Въ эту веселую эпоху практической мудрости возникла извѣстная поговорка: «après moi le déluge» (послѣ меня хоть трава не расти); въ эту же эпоху король говорилъ съ лукавой улыбкой, что на его вѣкъ хватитъ, а ужъ наслѣдникъ пускай выпутывается, какъ самъ знаетъ.

Все это было очень остроумно, но все это нисколько не нравилось среднему сословію, которое постоянно посматривало то вверхъ — на аристократію, то внизъ — на народъ, и при этомъ все о чемъ-то размышляло и весьма неодобрительно покачивало головами. Это сословіе, имѣвшее ее матеріальное обезпеченіе и свободное время для

умственныхъ занятій, было насквозь проникнуто идеями XVIII столѣтія, отвергавшими въ основныхъ принципахъ и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ все міросозерцаніе средневѣковой эпохи. Средневѣковый человѣкъ за предѣлами церковнаго догмата не видѣлъ ничего, кромѣ мірской суеты, грѣховной лжи и дьявольскаго искушенія; на землю онъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто изгнанія и заточенія; на всей природѣ онъ видѣлъ печать первобытнаго проклятія; себя самого онъ считалъ мерзкимъ сосудомъ всякой нечистоты; къ уму своему онъ чувствовалъ недовѣріе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока авторитетъ католицизма оставался на высотѣ, недоступной для критической мысли. Но когда стали появляться попытки свести его съ этой высоты, и когда эти попытки стали повторяться все чаще и чаще, когда наконецъ сумма нѣсколькихъ счастливыхъ попытокъ образовала собой реформацію, тогда самые вѣрующіе католики принуждены были сознаться въ томъ, что элементъ грѣховной лжи проникъ даже въ истолкованіе церковнаго догмата; тогда исчезла граница между областью истины и областью лжи, эту границу каждому отдѣльному человѣку пришлось отыскивать силами собственнаго ума; и проклятому еретику, и спасающемуся католику по неволѣ пришлось размышлять —сначала для того, чтобы поражать другъ друга полемическими аргументами, а черезъ нѣсколько времени уже просто потому, что размышленіе вошло въ привычку и сдѣлалось потребностью. Люди начали открывать истины тамъ, гдѣ ихъ вовсе не предполагали. Земля завертѣлась подъ ногами такихъ людей, которые готовы были присягать и божиться, что она всегда стояла и до сихъ поръ стоитъ на одномъ мѣстѣ. Солнце которое каждый день восходитъ и садится на нашихъ глазахъ. вдругъ остановилось, или по крайней мѣрѣ было объявлено неподвижнымъ свѣтиломъ. Каждый благомыслящій человѣкъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ стоитъ на землѣ книзу ногами и вверхъ головой, но вдругъ обнаружилось, что земля есть шарообразное тѣло, по которому намъ или нашимъ антиподамъ приходится ходить кверху ногами, такъ, какъ мухи ходятъ по потолку. Уже однихъ этихъ открытій было совершенно достаточно для того, чтобы поставить въ тупикъ всякаго порядочнаго человѣка. Если земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, то что же послѣ этого твердо и незыблемо? Если я самъ не знаю, какъ я хожу по землѣ, кверху головой, или кверху ногами, то что же я знаю? Гдѣ верхъ, гдѣ низъ? Гдѣ голова, гдѣ ноги? Если меня обманываютъ зрѣніе и осязаніе, то что-же меня не обманываетъ? Существуетъ-ли вокругъ меня что-нибудь? Существую-ли я самъ? И какъ, и зачѣмъ, и почему?

Всѣ эти вопросы кажутся намъ странными теперь, потому что мы уже привыкли къ той мысли, что мы многаго не знаемъ и что многое навсегда останется намъ неизвѣстнымъ. Мы теперь выучились терпѣливо ждать отвѣта на наши вопросы со стороны опыта и выучились вмѣстѣ съ тѣмъ, не задавать такихъ вопросовъ, которыхъ не можетъ разрѣшить никакой опытъ. Но средневѣковые люди впродолженіе многихъ столѣтій знали рѣшительно все, и вдругъ имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они не знаютъ рѣшительно ничего; они рѣшили всѣ вопросы, и въ одинъ прекрасный день оказалось, что всѣ ихъ рѣшенія никуда не годятся. Сотрясеніе произошло конечно такое сильное, что мыслителямъ пришлось ощупывать самихъ себя и вовсе не на шутку сомнѣваться въ собственномъ существованіи. И скептизмъ Юма, и идеализмъ Берклея, и трансцендентальный идеализмъ Канта были неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ того общаго движенія мысли, которое разрушило и стерло въ порошокъ всѣ колоссальныя построенія среднихъ вѣковъ. Проникая съ неудержимой силой во всѣ отрасли умственной дѣятельности, прокладывая себѣ новые пути по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, духъ критики и изслѣдованія создавалъ или передѣлывалъ заново философію, естествознаніе и политику. Любовь къ природѣ, уваженіе къ человѣческой личности и признаніе безусловной диктатуры человѣческаго ума сдѣлались основными элементами и руководящими принципами новаго умственнаго движенія. Во имя этихъ принциповъ стало отвергаться съ неумолимой строгостью все, что унижало и порабощало человѣческую личность, и все это оказывалось несостоятельнымъ передъ судомъ человѣческаго разума.

Когда государство Людовика XV въ цѣломъ составѣ своемъ и въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ было подвергнуто такому анализу, который не щадилъ ни исторической давности, ни документальной законности, тогда все это государство передъ лицомъ анализирующей мысли оказалось безвозвратно осужденнымъ на неминуемое разрушеніе. Приговоръ теоретическаго мышленія имѣлъ въ этомъ случаѣ неотразимую силу, потому что мыслители приводили только въ научную систему или облекали въ стройную литературную форму тѣ разрозненныя идеи отрицанія которыя возбуждались въ каждомъ отдѣльномъ членѣ общества ежедневными столкновеніями съ живой дѣйствительностью. Политическая тактика самого Людовика XV открывала этимъ идеямъ доступъ во всѣ сферы тогдашняго общества. Король не могъ удерживать за собою постоянный перевѣсъ надъ всѣми силами своего феодальнаго государства; у него не было ни того искусства, ни той настойчивости, которыя обнаруживалъ во все продолженіе своего царствованія его прадѣдъ, Людовикъ XIV; не обладая этими личными качествами, Людовикъ XV поочередно боролся и вступалъ въ союзъ съ ра-

личными общественными силами тогдашней Франціи; сначала онъ соединился съ іезуитами противъ парламентовъ, потомъ при помощи парламентовъ вступилъ въ борьбу съ вліяніемъ духовенства, а потомъ опять сдѣлался клерикаломъ для того, чтобы смирить парламенты. Когда одно изъ привилегированныхъ сословій находилось такимъ образомъ въ королевской милости, тогда другое было въ опалѣ и составляло оппозицію. Первое проникалось веселостью и беззаботностью, свойственной королю и его придворнымъ, а второе въ это время пропитывалось идеями отрицанія и, чувствуя себя обиженнымъ, старалось распространить неудовольствіе въ обществѣ. Когда первое дѣлалось вторымъ, а второе первымъ, тогда веселость и беззаботность перваго помрачались оппозиціонными идеями отрицанія, а идеи отрицанія второго мгновенно прояснялись въ лучахъ веселости и беззаботности. Въ результатѣ оказывалось, что правительственныя сословія въ совершенствѣ выучились наслаждаться жизнью и въ то же время потеряли всякое довѣріе къ своей собственной дѣятельности. Великія слова; «apres moi le déluge» сдѣлались девизомъ всѣхъ людей, когда либо приближавшихся къ вѣнценосной особѣ Людовика XV. Но тѣ сословія, которымъ постоянно суждено было составлять молчаливую оппозицію, не поняли великаго значенія этихъ сакраментальныхъ словъ; имъ не нравились ни веселость, ни беззаботность, ни политическая тактика короля, ни періодическая оппозиція привилегированныхъ классовъ. Имъ особенно не нравилось то, что на сторонѣ королевской власти была вся матеріальная сила, а на сторонѣ феодальныхъ сословій все документальное право. Они спрашивали себя, на чью сторону склоняется разумъ? и отвѣчали себѣ на этотъ вопросъ, что разумъ отвергаетъ и то, и другое, и требуетъ чего-нибудь совершенно непохожаго на существующій порядокъ. Что же касается до массы простого народа, то онъ конечно не занимался теоретическими выкладками, но между тѣмъ не чувствовалъ также преобладающей наклонности къ веселости и беззаботному наслажденію. Ему казалось особенно обиднымъ то обстоятельство, что съ каждымъ годомъ приходится больше работать для того, чтобы сильнѣе голодать; его смущала также та простая мысль, что въ будущемъ не предвидится ни уменьшенія налоговъ, ни увеличенія годовыхъ заработковъ. Представлялся гамлетовскій вопросъ: быть или не быть? А если «быть», то какъ сводить концы съ концами? Этотъ вопросъ былъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ представлялся людямъ, никогда не читавшимъ Шекспира и даже незнакомымъ съ французской азбукой. Можно было ожидать, что они когда-нибудь рѣшатъ этотъ вопросъ довольно круто и во всякомъ случаѣ очень прямолинейно.

IV.

Важнѣйшей отраслью народнаго хозяйства во Франціи прошлаго столѣтія было земледѣліе. Изъ 25 милліоновъ жителей имъ занимались 21 милліонъ; изъ 51 милліона гектаровъ земли, составлявшихъ всю площадь королевства, было распахано 35 милліоновъ. Двѣ трети этого распаханнаго пространства принадлежали крупнымъ собственникамъ, то есть церкви, дворянству и богатымъ финансистамъ и законовѣдамъ. Остальная треть составляла собственность крестьянъ и была раздроблена на такіе мелкіе кусочки, которые не могли прокормить своихъ владѣльцевъ, и приносили имъ очень мало пользы. Въ сельскомъ быту встрѣчались такимъ образомъ двѣ крайности рядомъ съ обладателями сотенъ и тысячъ гектаровъ стояли владѣльцы десяти или пяти квадратныхъ саженъ земли; между этими крайностями не существовало середины, не было совсѣмъ такихъ землевладѣльцевъ, которыхъ существованіе было-бы обезпечено продуктами земли и которые между тѣмъ находились-бы въ необходимости постоянно трудиться и собственноручно заниматься своимъ хозяйствомъ. Для крупнаго собственника такія занятія были немыслимы, а счастливому обладателю пяти квадратныхъ саженъ надо было искать заработковъ на сторонѣ, потому что въ собственныхъ помѣстьяхъ ему не къ чему было приложить свой трудъ. Богатые землевладѣльцы перестали жить въ своихъ имѣньяхъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ феодальное рыцарство превратилось въ блестящую толпу придворныхъ. Они переселились въ столицу, сгруппировались вокругъ особы короля и появлялись въ своихъ замкахъ только тогда, когда прожито было слишкомъ много денегъ, и только затѣмъ, чтобы набить потуже кошелекъ и снова ѣхать въ Парижъ, и снова платить обычную дань прелестямъ цивилизованной жизни. Земли, изъ которыхъ извлекалось содержаніе дворянскихъ кошельковъ, были раздѣлены на мелкіе участки въ 10 или въ 15 гектаровъ, и отдавались въ аренду крестьянамъ, которые были обязаны выплачивать владѣльцу половину сырого земледѣльческаго продукта. За это имъ давался отъ хозяина зерновой хлѣбъ на первое обсѣмененіе полей; кромѣ того они получали также отъ хозяина рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Самому владѣльцу было конечно скучно возиться и разсчитываться съ мужиками, и потому онъ обыкновенно отдавалъ гуртомъ свои доходы на откупъ какому-нибудь адвокату или нотаріусу, который, какъ человѣкъ практическій, всегда умѣлъ съ большимъ избыткомъ выручить откупную сумму и собрать обильную дань и съ земли, и съ крестьянъ, и съ самого хозяина. Крестьяне знали, что половина ихъ хлѣба неминуемо должна пойдти къ владѣльцу или къ откупщику; имъ не было никакого разсчета заботиться объ улучшеніи земли, и они постоянно вели спустя

рукава свое земледѣльческое хозяйство; когда надо было пахать, они нанимались въ извозъ, потому что изъ посторонняго заработка имъ ничего не приходилось отдавать хозяину; они загоняли гусей въ свои пшеничныя поля, потому что пшеница была на половину хозяйская, а гуси цѣликомъ принадлежали крестьянину *); наконецъ они старались оставлять какъ можно больше земли подъ паромъ, потому что на этой землѣ можно было кормить скотину, которая также составляла нераздѣльную собственность крестьянина.

Земледѣліе велось такимъ образомъ безъ усердія, безъ знанія, и совершенно безъ капитала. Хорошіе урожаи были невозможны: пшеница рождалась самъ-пять и самъ-шесть, а въ Англіи въ то-же самое время она давала самъ-двѣнадцать. Это объясняется отчасти тѣмъ, что въ то время самая высокая рента Англіи не превышала одной четвертой доли сырого продукта. Кромѣ того англійскіе землевладѣльцы изъ этой ренты платили церковную десятину и налогъ для бѣдныхъ, а французскіе оптиматы, отбирая въ свою пользу половину продукта, оставляли въ пользу бѣдныхъ только общественныя тягости и разнородныя повинности, отъ которыхъ высшія сословія были совершенно освобождены. Крестьяне должны были исправлять разныя обязательныя работы на господскомъ дворѣ, подъ общимъ названіемъ corvée; они должны были выплачивать церковную десятину и они же безъ всякаго вознагражденія должны были мостить и чинить большія и проселочныя дороги. За вычетомъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей оказывалось, что крестьянинъ, бравшій на аренду 10 гектаровъ, только въ счастливый годъ могъ прокормить свою семью продуктомъ своего поля. О продажѣ хлѣба и объ удобствахъ жизни нечего было и думать. Крестьянинъ тупѣлъ отъ постоянной нужды, и хозяйство съ каждымъ годомъ велось небрежнѣе. Большія полосы пахатной земли оставлялись заброшенными, и поростали бурьяномъ; къ 1750 году, по словамъ Кене, около четвертой доли пахатной земли было запущено и заброшено; пространство этихъ оставленныхъ полей постоянно увеличивалось, такъ что въ 1790 году больше 9 милліоновъ гектаровъ удобной земли было превращено въ пустыню. Милліоны крестьянскихъ хижинъ стояли безъ оконъ, въ цѣлыхъ провинціяхъ народъ ходилъ босикомъ; во всякомъ случаѣ не было никакой обуви, кромѣ деревянныхъ башмаковъ. Пища состояла изъ хлѣба, изъ мучной похлебки, и иногда изъ свиного сала; мясо и вино были почти неизвѣстны; не слѣдуетъ также обольщаться словомъ «хлѣбъ»; то, что французскій крестьянинъ называлъ хлѣбомъ, представляло мало сходства съ тѣмъ, что принято называть хлѣбомъ въ образованномъ обществѣ; крестьянскій хлѣбъ относился въ цивилизованному хлѣбу такъ, какъ крестьянское patois относилось къ языку Вольтера и Руссо; въ этотъ такъ называемый хлѣбъ входили и отруби, и мякина, и каштаны, и желуди, и, въ случаѣ надобности, древесная кора. Кто набиваетъ себѣ желудокъ такимъ хлѣбомъ, у того нѣтъ ни охоты, ни матеріальной возможности думать объ украшеніи ума. Грамотность не существовала во французскихъ деревняхъ; книги или газеты были въ нихъ совершенно неизвѣстны. Проповѣдь приходскаго священника замѣняла крестьянамъ всѣ остальные источники просвѣщенія. Но сельское духовенство было почти такъ-же бѣдно и вслѣдствіе этого почти такъ-же необразованно, какъ и масса прихожанъ. Религіозныя понятія крестьянъ представляли самую своеобразную мозаику, составленную изъ христіанскихъ представленій и изъ остатковъ друидизма. Пламенная и слѣпая ненависть крестьянъ къ протестантамъ представляется главнымъ и почти единственнымъ результатомъ того вліянія, которымъ сельское духовенство пользовалось въ своихъ приходахъ. Въ южной Франціи, крестьяне, благодаря своимъ пастырямъ, видѣли въ каждомъ протестантѣ опаснаго колдуна, котораго слѣдуетъ бить и убивать изъ любви къ Богу и для спасенія собственной души. О томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, за предѣлами села или прихода, крестьяне не знали ничего. Поѣздка на базаръ въ ближайшій городъ считалась путешествіемъ труднымъ и не безопаснымъ, потому что дороги находились въ первобытномъ состояніи и бродяжничество существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Если кому-нибудь изъ крестьянъ случалось отправиться въ дальній городъ на заработки, или если ему приходилось пойдти въ солдаты, то онъ обыкновенно уже не возвращался на родину и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій, такъ что земляки его нисколько не могли воспользоваться его житейской опытностью.

При ограниченности своихъ понятій, крестьянинъ видѣлъ въ помѣщикѣ и въ его повѣренномъ не только ближайшую, но даже единственную причину того голода и той неблагодарной работы, изъ которыхъ состояла вся его жизнь. Крестьянинъ замѣчалъ, что помѣщикъ пріѣзжаетъ въ свой замокъ только затѣмъ, чтобы собрать побольше денегъ; пріѣздъ владѣльца сопровождался обыкновенно усиленной строгостью въ требованіи запущенныхъ недоимокъ. Ни самъ владѣлецъ, ни его повѣренный не отличались мягкостью и любезностью въ обращеніи съ простымъ народомъ. Экономическіе интересы обоихъ клас-

*) Этотъ фактъ, цѣликомъ заимствованный мною у Зибеля (Geschichte der Revolutionszeit, Band I. 21), доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что гуси и пшеница составляли яблоко раздора между землевладѣльцами и крестьянами задолго до рожденія Фета и Ѳемена. При этомъ должно замѣтить, что гуси постоянно являются представителями демократическихъ интересовъ.

совъ населенія были діаметрально противуположны между собою; случаи мелкихъ столкновеній представлялись на каждомъ шагу; въ понятіяхъ, въ потребностяхъ и во вкусахъ не могло быть ничего общаго; люди замка смотрѣли на хижины съ презрѣніемъ, а люди хижинъ смотрѣли на замокъ съ ненавистью и со страхомъ. «Когда крестьянину,—говоритъ Зибель,—случалось взглянуть на башни господскаго дома, то любимой мечтой его было когда-нибудь сжечь этотъ замокъ, въ которомъ былъ записанъ счетъ его недоимокъ.»

Провинція Анжу составляла счастливое исключеніе изъ общаго правила; въ этой провинціи крестьяне не умирали съ голоду и дворяне не были предметомъ ненависти для простого народа. Анжуйское дворянство не увлеклось прелестями придворной жизни, не покинуло своихъ родовыхъ помѣстій и вслѣдствіе этого удержало за собою уваженіе своихъ поселянъ. Въ этой провинціи дворяне и крестьяне росли вмѣстѣ и знали другъ друга съ дѣтства; фермы переходили отъ отца къ сыну и помѣщикъ, крестившій всѣхъ дѣтей у своихъ фермеровъ, никогда не рѣшался за неаккуратность въ платежѣ или въ исполненіи повинностей прогнать съ своей земли крестьянина, выросшаго на его глазахъ и не отличавшагося особенно дурнымъ поведеніемъ. Помѣщикъ жилъ круглый годъ въ своемъ замкѣ, самъ управлялъ имѣніемъ, самъ ходилъ въ поле наблюдать за ходомъ работъ, самъ вникалъ въ нужды своихъ фермеровъ, потому что разоренный фермеръ былъ бы плохимъ плательщикомъ, самъ взыскивалъ съ нихъ за неисправности и самъ подавалъ имъ примѣръ дѣятельности. По праздничнымъ днямъ онъ вмѣстѣ съ крестьянами ѣздилъ на базаръ и отстаивалъ своихъ вассаловъ, когда ихъ тѣснили мелкіе чиновники. Эта патріархальная простота неизбѣжно соединялась съ патріархальной грубостью, но крестьяне ею не обижались и были очень довольны тѣмъ, что на нихъ не наваливаютъ тяжести, превышающей человѣческія силы.

Сѣверныя провинціи королевства Фландрія, Артуа, Пикардія, Нормандія и Иль-де-Франсъ) во многихъ отношеніяхъ отличались отъ другихъ частей Франціи; въ этихъ провинціяхъ крестьяне брали земли на аренду по многолѣтнимъ контрактамъ и вносили арендную плату не зерномъ, а деньгами, причемъ конечно сумма арендной платы оставалась неизмѣнной на весь срокъ контракта. Земля обрабатывалась тщательно, съ знаніемъ дѣла и съ приложеніемъ капитала. Урожаи были вдвое лучше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ государства, и крестьяне, живя безбѣдно, стояли въ умственномъ отношеніи гораздо выше своихъ прочихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ тому-же сословію. Но число этихъ сравнительно счастливыхъ и просвѣщенныхъ земледѣльцевъ совершенно исчезало въ общей грудѣ непроницаемаго невѣжества и безвыходной нищеты.

V.

Въ городахъ старой французской монархіи господствовала замкнутая денежная аристократія. Городскія должности, замѣщавшіяся во время среднихъ вѣковъ посредствомъ выборовъ, съ XVII столѣтія стали въ непосредственную зависимость отъ воли короля и, подобно многимъ другимъ государственнымъ должностямъ, были проданы разнымъ богатымъ людямъ въ потомственное владѣніе. Семейства, въ которыя такимъ образомъ попало наслѣдственное обладаніе важными должностями, стали во главѣ городской аристократіи. Къ нимъ примкнули члены большихъ финансовыхъ компаній, откупщики косвенныхъ налоговъ, сборщики прямыхъ податей, важнѣйшіе банкиры и главные акціонеры торговыхъ обществъ, пользовавшихся различными монополіями. Этотъ кружокъ, въ который можно было попасть только по рожденію или по особому разрѣшенію правительства, съ полнымъ самовластіемъ господствовалъ на биржахъ и управлялъ движеніемъ капиталовъ во всей странѣ. Центромъ биржевыхъ спекуляцій и ареной самаго роскошнаго ажіотажа былъ Парижъ. Джонъ-Ло, какъ извѣстно, на вѣчныя времена обезсмертилъ свое имя той акціонерной горячкой, которую ему удалось возбудить въ Парижѣ, и чрезъ Парижъ въ цѣлой Франціи во время регентства веселаго и беззаботнаго Филиппа Орлеанскаго. Тысячи колоссальныхъ состояній возникали и исчезали въ одинъ день; бумаги переходили изъ рукъ въ руки съ невѣроятной быстротой; за приливами безграничнаго восторга слѣдовали припадки паническаго страха, и хотя дѣло кончилось тѣмъ, что Ло принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа, чтобы не сдѣлаться жертвой разоренныхъ акціонеровъ, однако страсть къ биржевой игрѣ не унялась и продолжала попрежнему отвлекать капиталы отъ производительнаго приложенія, и практическіе умы—отъ полезной дѣятельности. Прелесть игры понимали и король, и министры, и придворныя дамы, и дворянство, и духовенство, и парламенты; вѣчный финансовый дефицитъ и постоянное возрастаніе государственнаго долга наполняли и переполняли биржу бумажными цѣнностями; членамъ правительства каждый день представлялась возможность эксплоатировать въ свою пользу потребности государства и довѣріе частныхъ лицъ; и члены правительства, отличавшіеся въ то время изумительной эластичностью нравственныхъ убѣжденій, съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовались выгодами своего положенія. Парижъ до революціи не былъ фабричнымъ городомъ и оптовая торговля его была незначительна, такъ что все

его промышленное движеніе было основано на мелкой ремесленной дѣятельности и на крупной биржевой игрѣ.

Для характеристики того времени любопытно замѣтить, что тогдашніе богачи съ особеннымъ удовольствіемъ покупали пожизненныя ренты, то есть они заранѣе отнимали у своихъ наслѣдниковъ капиталъ, и за то втеченіи своей жизни получали съ своего капитала большіе проценты. Въ этомъ обстоятельствѣ чувствуется еще разъ вліяніе господствовавшаго принципа «après moi le déluge». Тогдашніе богачи, подобно птицамъ небеснымъ, не собирали въ житницы и не заботились о завтрашнемъ днѣ, потому что завтрашній день казался имъ весьма ненадежнымъ.

Торговля и ремесленная дѣятельность во всемъ королевствѣ была подчинена строжайшему цеховому устройству. Генрихъ III произнесъ то замѣчательное сужденіе, что только король даруетъ право труда, и эти слова сдѣлались руководящимъ принципомъ французскаго правительства въ отношеніи къ ремесленному населенію королевства. Заниматься ремесломъ позволялось только тому, кто принадлежалъ къ ремесленному цеху; каждый цехъ управлялся мастерами, которые одни имѣли право принимать въ цехъ постороннія лица, а постороннее лицо, поступавшее въ цехъ, подвергалось испытанію со стороны мастеровъ, и кромѣ того должно было платить за свое принятіе и государству, и цеху, и мастерамъ. Выгода мастеровъ состояла въ томъ, чтобы удерживать за собой и за своими семействами монополію своего ремесла, потому они старались не принимать въ цехъ ни одного посторонняго лица, что имъ и удавалось въ большей части случаевъ. Часто самые статуты цеха ограждали ихъ отъ всякихъ пришельцевъ, опредѣляя положительно, что мастерами могутъ быть только сыновья мастеровъ или вторые мужья овдовѣвшихъ мастерицъ. Такимъ образомъ столяры, булочники или портные составляли такую же замкнутую аристократію, какую образовали изъ себя наслѣдственные чиновники, парламентскіе совѣтники или банкиры. Вся Франція была покрыта громадной сѣтью различныхъ аристократій, и кому не удавалось родиться въ томъ или другомъ изъ этихъ счастливыхъ кружковъ, тому почти нечего было дѣлать на земномъ шарѣ и почти нечѣмъ было отбиваться отъ голодной смерти. Ему надо было идти въ услуженіе, наниматься въ поденьщики, или отдаваться въ безусловное распоряженіе мастера, который зналъ его безвыходное положеніе и слѣдовательно бралъ его въ кабалу на произвольно назначаемыхъ условіяхъ. Мужикъ, голодавшій въ деревнѣ, не находилъ себѣ облегченія и въ городѣ.

Изъ всѣхъ аристократій, отравлявшихъ жизнь французскаго пролетарія, ремесленная аристократія была, по всей вѣроятности, самою тяжелой; ея существованіе связывало простого человѣка по рукамъ и по ногамъ и кромѣ того самымъ радикальнымъ образомъ извращало глубочайшія основы народнаго характера. Пролетарію приходилось чувствовать зависть и ненависть не только къ тому, кто былъ богатъ и знатенъ, но и къ своему брату бѣдняку, если только этотъ бѣднякъ имѣлъ право заниматься такой работой, которая для простого пролетарія составляла запрещенный плодъ. Съ богатымъ и знатнымъ пролетарій встрѣчался рѣдко; богатаго и знатнаго онъ видалъ издали; напротивъ того, привилегированнаго бѣдняка онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, и каждая такая встрѣча растравляла его раны и подогрѣвала его враждебныя чувства. Пока пролетарій стоялъ въ тѣни, до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на его чувства и на весь складъ его характера; злоба его была смѣшна, и страданія его возбуждали только презрѣніе; но когда пролетарій подъ знаменательнымъ именемъ с а н к ю л о т а въ свою очередь сдѣлался важнымъ лицомъ, тогда всплыли наверхъ всѣ чувства, посѣянныя въ его душѣ вѣками порабощенія, тогда систематически искаженный характеръ его сдѣлался двигателемъ міровыхъ событій, и тогда историкамъ пришлось ужасаться передъ тѣми результатами, которые выработала исторія въ своемъ вѣковомъ теченіи. Пролетарій явился тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ его весь средневѣковый порядокъ вещей. Превращенный историческими обстоятельствами въ голоднаго волка, пролетарій не обнаружилъ голубиной кротости, и историки изумились и ужаснулись.

Ремесленная аристократія была, подобно чиновной аристократіи, созданіемъ королевскаго правительства; постоянно нуждаясь въ деньгахъ, короли продавали цеховыя привилегіи точно такъ же, какъ они продавали общественныя должности; французскіе правители въ этомъ случаѣ дѣйствовали, какъ покупатели пожизненныхъ рентъ, или вообще какъ люди, проживающіе капиталъ. Они брали съ своего государства большіе проценты въ настоящемъ и чрезъ это готовили въ будущемъ ему и кому-нибудь изъ своихъ наслѣдниковъ неизбѣжную катастрофу.

Различныя аристократіи, выработанныя исторической жизнью, или учрежденныя волей королей, глубоко сознавали свою взаимную солидарность и ту роковую связь, въ которой находились между собой различные камни стараго общественнаго зданія. Когда Тюрго въ 1776 году уничтожилъ замкнутые цехи, тогда со всѣхъ сторонъ поднялись яростные вопли: парижскій парламентъ, принцы, перы, доктора правъ объявили въ одинъ голосъ, что всѣ французы, начиная отъ ступеней трона и кончая бѣднѣйшей мастерской, составляютъ и всегда должны составлять непрерывную цѣпь твердо организованныхъ корпорацій, которыхъ неприкосновенность совершенно необходима для существованія государства и ко-

торыхъ разрушеніе неминуемо повлечетъ за собой окончательную гибель всего общественнаго порядка. Противъ такихъ предвѣщаній не могъ устоять Людовикъ XVI; опасный Тюрго потерялъ министерскій портфель, и цехи были возстановлены въ прежнемъ своемъ величіи.

Фабричная промышленность со времени Кольбера пользовалась постояннымъ покровительствомъ и находилась подъ постоянной опекой центральной власти. До Кольбера Франція не производила ни тонкаго сукна, ни шелковыхъ матерій, ни стеклянныхъ издѣлій, ни мыла, ни дегтя; фабричное производство почти не существовало, такъ что Кольберу пришлось выписать мастеровыхъ изъ Германіи, изъ Швеціи и изъ Италіи. Чтобы эти иноземныя сѣмена принялись на французской почвѣ, Кольберъ взялъ на себя трудъ обезпечить сбытъ фабрикуемыхъ товаровъ и защищать новорожденныя фабрики отъ иностранной конкуренціи; всѣ товары должны были производиться по назначеннымъ образцамъ; заграничные товары подвергались огромнымъ пошлинамъ; отступленіе отъ назначенныхъ образцовъ влекло за собой денежные штрафы, сожженіе изготовленныхъ товаровъ незаконной формы и часто позорныя наказанія провинившагося фабриканта. Техническія усовершенствованія сдѣлались невозможными, потому что изобрѣтательность считалась уголовнымъ преступленіемъ. При такихъ условіяхъ все развитіе мануфактурной промышленности приняло искусственное и чисто аристократическое направленіе. При Кольберѣ фабрикаціей шерстяныхъ тканей занимались 60,400 работниковъ, а выдѣлкой кружева 17,300 человѣкъ. Такимъ образомъ на 100 работниковъ, приготовлявшихъ необходимыя вещи, приходилось больше 20 человѣкъ, удовлетворявшихъ требованіямъ роскоши. Черезъ сто лѣтъ послѣ Кольбера мы встрѣчаемъ фактъ гораздо болѣе любопытный: оказывается, что фабрикація мыла приносила въ годъ 18 милліоновъ дохода, а производство пудры доставляло до 24 милліоновъ. Если, какъ мы видимъ изъ этихъ цифръ, французскій пролетарій никогда въ жизни не имѣлъ въ рукахъ куска мыла, то уже по одному этому факту можно составить себѣ понятіе объ общей высотѣ его эстетическаго развитія. Обстоятельства принуждали его быть грязнымъ циникомъ, и этотъ грязный цинизмъ въ свое время далъ себя знать всему французскому обществу и всей феодальной Европѣ. Если бы французскій пролетарій могъ умываться, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, то навѣрное не было бы ни террора 1793 г., ни завоевательныхъ шалостей великаго Наполеона.

Это можетъ показаться парадоксомъ и неумѣстной шуткой, но стоитъ повнимательнѣе взглянуть на дѣло, чтобы убѣдиться въ томъ, что тутъ парадоксальна только внѣшняя форма выраженія. А шутки тутъ и въ виду не имѣется. Кто сколько-нибудь имѣетъ понятіе о смыслѣ событій, совершающихся во всемірной исторіи, тотъ знаетъ, что каждый голодный день пролетарія, каждая прорѣха на его рубищѣ, каждая болячка на его истомленномъ тѣлѣ составляютъ общественныя явленія колоссальной важности и ведутъ за собой такія послѣдствія, которыхъ «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Покровительствуя фабричной промышленности, французское правительство стѣсняло развитіе земледѣлія. Высокія таможенныя пошлины возвышали цѣну на земледѣльческія орудія и слѣдовательно принуждали массу крестьянъ работать плохими и неудобными инструментами. Сверхъ того правительство, желая искусственными средствами поддерживать въ странѣ дешевыя цѣны на хлѣбъ, для того, чтобы городскіе работники не терпѣли недостатка въ продовольствіи, запрещало вывозъ земледѣльческаго продукта заграницу. Хлѣбъ былъ дѣйствительно дешевъ, вслѣдствіе этихъ распоряженій, но сельское хозяйство не имѣло возможности совершенствоваться, количество производимаго хлѣба не увеличивалось, и слѣдовательно въ общей массѣ народнаго богатства не замѣчалось никакого приращенія. Хлѣбъ былъ дешевъ, но трудъ былъ еще дешевле, такъ что рабочій человѣкъ все-таки продолжалъ нуждаться въ насущномъ пропитаніи. За годъ до революціи, въ 1788 году, городской работникъ получалъ въ день около 26 су, а работница около 15-ти; въ 1853 году городской работникъ получалъ не менѣе 42 су, а работница не менѣе 26-ти. Въ деревнѣ рабочій день въ 1788 году стоилъ 15 су, а въ 1853 г. онъ возвысился до 25 су. До революціи было въ году по крайней мѣрѣ тридцатью праздничными днями больше, чѣмъ въ настоящее время. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то мы увидимъ, что фабричный работникъ стараго времени получалъ въ годъ около 350 ливровъ, между тѣмъ какъ теперь такой-же работникъ добываетъ до 630 франковъ (1 франкъ=1 ливру). Годовой заработокъ сельскаго поденьщика составлялъ до революціи около 160 ливровъ, а въ наше время онъ доходитъ до 300 франковъ. Фунтъ печенаго хлѣба до 1789 года, при всѣхъ усиліяхъ правительства понизить его цѣну искусственными средствами, стоилъ въ самое дешевое время 3 су; такая цѣна держалась только въ Парижѣ, благодаря особеннымъ стараніямъ правительства и городскихъ властей, а въ провинціяхъ хлѣбъ обыкновенно стоилъ дороже; въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ 1820 по 1840 годъ, средняя цѣна печенаго хлѣба были 17 сантимовъ за фунтъ, что равняется 3 су; а въ 1851 году фунтъ печенаго хлѣба стоилъ въ Парижѣ 14 сантимовъ, т. е. 2 су. Печеный хлѣбъ въ наше время такимъ образомъ оказывается дешевле, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, а между тѣмъ пшеница повысилась въ цѣнѣ. Около 1780 года гектолитръ пшеницы стоилъ отъ 12 до 13 франковъ, а

около 1840 года онъ стоилъ отъ 19 до 20 франковъ.

Понижевіе цѣны на печеный хлѣбъ при возвышеніи цѣнъ зерноваго хлѣба объясняются тѣмъ, что превращеніе зерна въ муку и муки въ хлѣбъ испытало въ новѣйшее время очень значительныя усовершенствованія; теперь опредѣленное количество зерноваго хлѣба даетъ почти въ полтора раза больше печенаго хлѣба, чѣмъ сколько оно давало въ прошломъ столѣтіи. То количество питательнаго вещества, которое тогда терялось, вслѣдствіе несовершенства снарядовъ и неискусства рабочихъ рукъ, теперь сохраняется и приноситъ непосредственную пользу. Можно сказать безъ преувеличенія, что такого рода усовершенствованіе обогатило страну сильнѣе, чѣмъ моглобы обогатить ее открытіе неисчерпаемой золотой руды; но такія усовершенствованія возможны только тогда и тамъ, гдѣ и когда личная изобрѣтательность и промышленная дѣятельность развиваются въ массахъ вмѣстѣ съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Полезныя изобрѣтенія не возникаютъ среди подавленнаго и притупленнаго народа, или если имъ даже случается возникнуть, то они не прививаются къ обыденной жизни и не приносятъ существенной пользы.

Сопоставляя цифры заработной платы съ цифрами хлѣбныхъ цѣнъ, мы видимъ, что теперешній работникъ можетъ купить почти вдвое больше хлѣба, чѣмъ могъ купить работникъ временъ Людовика XVI. Точно такой-же результатъ получился-бы, если бы мы стали разсматривать цѣны другихъ съѣстныхъ припасовъ; въ отношеніи къ одеждѣ перевѣсъ настоящаго времени надъ прошедшимъ оказался-бы еще значительнѣе, потому что въ фабрикаціи тканей произведено въ послѣднее полустолѣтіе больше усовершенствованій, чѣмъ въ какой-либо другой отрасли промышленности. До революціи Франція во всѣхъ отношеніяхъ была гораздо бѣднѣе, чѣмъ теперь, а правительство ея было гораздо расточительнѣе, чѣмъ всѣ правительства, смѣнившія другъ друга въ этой странѣ втеченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Въ отношеніи къ торговлѣ Франція, по вывозу и ввозу товаровъ, была въ прошломъ столѣтіи вдвое бѣднѣе, въ отношеніи къ сельскому хозяйству втрое бѣднѣе, въ отношеніи къ фабричному и ремесленному производству вчетверо бѣднѣе, чѣмъ въ настоящее время. Соображая эти обстоятельства, Зибель выводитъ заключеніе, что бюджетъ въ 500 милліоновъ составляетъ для страны въ XVIII столѣтіи такую тяжесть, какую теперь составилъ-бы бюджетъ въ 1400 милліоновъ. Финансовый дефицитъ долженъ измѣряться такимъ-же масштабомъ. Сто милліоновъ дефицита въ старой монархіи равняются 300 милліонамъ дефицита нашего времени. Встрѣчаясь съ такимъ ежегоднымъ дефицитомъ, правительство по-неволѣ должно было придти въ недоумѣніе. Государственная машина отказывалась служить, и потому по-неволѣ надо было приняться за пересмотръ ея цѣлаго состава и всѣхъ отдѣльныхъ частей.

VI.

За четыре года до революціи, въ 1785 году, французское правительство собирало съ своихъ подданныхъ, прямыми и косвенными налогами, на текущіе государственные расходы 558 милліоновъ ливровъ. Кромѣ того на мѣстныя управленія провинцій собиралось 41 милліонъ; эта сумма расходовалась въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ она взималась, и не поступала въ государственное казначейство. Далѣе, церковь, содержавшая себя до революціи совершенно независимо отъ общаго бюджета, получала 133 милліона десятинной подати и 16 милліоновъ разныхъ другихъ сборовъ. Въ пользу судебнаго сословія собиралось 29 милліоновъ; землевладѣльцы, имѣвшіе право устраивать въ своихъ земляхъ заставы, собирали на этихъ заставахъ $2^1/_2$ милліона; каждая торговая сдѣлка, совершавшаяся въ помѣстьѣ, приносила землевладѣльцу опредѣленную пошлину, и сумма всѣхъ этихъ пошлинъ на всемъ пространствѣ королевства доходила втеченіи года до 37 милліоновъ. Изобрѣтательные рыцари и остроумное ихъ потомство располагали еще множествомъ другихъ замысловатыхъ способовъ эксплоатаціи. Всѣ эти способы были дозволены закономъ или по крайней мѣрѣ освящены обычаемъ; каждый изъ нихъ имѣлъ за себя неисчерпаемое количество юридическихъ и историческихъ аргументовъ, изъ которыхъ самымъ древнимъ и однако же самымъ свѣжимъ по своей убѣдительности былъ фактъ, или было право, — называйте, какъ хотите, — вооруженнаго насилія. Всѣ эти способы съ блестящимъ успѣхомъ прилагались къ жизни французскаго народа до 1789 года. Вслѣдствіе этого въ общемъ результатѣ оказывалось, что кромѣ 600 милліоновъ, поступавшихъ въ государственное казначейство и въ различныя провинціальныя управленія, французскій народъ платилъ въ разныя стороны разнымъ почтеннымъ людямъ до 280 милліоновъ. Итого получается 880 милліоновъ, что, по масштабу, представленному въ концѣ предыдущей главы, равняется для настоящаго времени суммѣ въ 2400 милліоновъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что правительство Людовика-Филиппа никогда не издерживало въ годъ больше 1500 милліоновъ, и что, несмотря на то, оппозиція въ палатѣ депутатовъ и самостоятельная политическая пресса постоянно твердили министерству вплоть до февраля 1848 года о необходимости убавить расходы и сложить съ народа часть налоговъ.

Старый порядокъ въ финансовомъ отношеніи былъ для народа слишкомъ въ полтора раза

тяжелѣе администраціи іюльской монархіи, не говоря уже о томъ, что этотъ старый порядокъ парализировалъ всѣ производительныя силы народа сѣтью привилегій, монополій и запрещеній. Для народа вовсе не составляло облегченія то обстоятельство, что только двѣ трети собираемыхъ съ него денегъ шли на издержки правительства; народу было-бы легче платить правительству всѣ 880 милліоновъ и за то избавиться разъ навсегда отъ всѣхъ внутреннихъ заставъ, десятинъ, пошлинъ за продажу и покупку и отъ всѣхъ изобрѣтеній остроумнаго рыцарства. Народъ понималъ это, и потому неудовольствіе его направлялось преимущественно не на центральное правительство, а на привилегированныя сословія. Народъ чувствовалъ, что его постоянно приносятъ въ жертву привилегированнымъ классамъ какъ при распредѣленіи налоговъ, такъ и при расходованіи государственныхъ суммъ. Во-первыхъ — цѣлая треть платимыхъ повинностей (280 милліоновъ) прямымъ путемъ переходила изъ рукъ работающаго пролетарія въ руки веселящагося аристократа. Во-вторыхъ — аристократы платили сполна только косвенные налоги, падающіе на предметы потребленія; отъ остальныхъ налоговъ ихъ избавляло или сословное преимущество, или занимаемая должность, или какая-нибудь другая основательная причина, которую пролетарій никакъ не могъ привести въ свою пользу. Въ отношеніи къ аристократу всякій сборщикъ податей могъ быть только смиреннымъ просителемъ, а въ отношеніи къ пролетарію та-же особа была начальствомъ, которое приходилось умилостивлять посильными и непосильными жертвоприношеніями. Сборщикъ податей, или откупщикъ косвенныхъ налоговъ въ старой Франціи наживалъ себѣ обыкновенно значительное состояніе, а такъ какъ всѣ эти состоянія получались все-таки изъ трудовыхъ денегъ народа, то легко сообразить, что кромѣ 880 милліоновъ французскій народъ платилъ еще ежегодно разными негласными путями довольно значительныя суммы, которыхъ величину нельзя опредѣлить даже круглыми цифрами. Эти сборщики и откупщики обыкновенно давали правительству взаймы значительныя суммы въ счетъ доходовъ будущихъ лѣтъ; забирая такимъ образомъ свои доходы впередъ, правительство платило за нихъ большіе проценты, такъ что сборщики и откупщики, служившіе посредниками между народомъ и казначействомъ, тянули деньги и изъ народа, и изъ казначейства, раззоряли по мѣрѣ силъ обѣ стороны и доводили свое собственное благосостояніе до самыхъ почтенныхъ размѣровъ. Отношенія между казначействомъ и сборщиками были до такой степени сложны, что напримѣръ въ бюджетѣ 1785 года ставятся на счетъ долги за 1781 годъ и суммы, забранныя впередъ за 1787 годъ. По всѣмъ этимъ счетамъ подводится итогъ въ 850 милліоновъ, а чистыхъ денегъ оказывается въ казначействѣ 327 милліоновъ. Я не берусь объяснить читателю, изъ какихъ именно элементовъ состоитъ общій итогъ въ 850 милліоновъ; этого не объясняетъ и Зибель, и вообще вопросъ этотъ имѣетъ интересъ очень спеціальный; привожу я эту цифру только для того, чтобы показать, какъ запутаны были разсчеты между казначействомъ и его ближайшими агентами; вся эта запутанность конечно обращалась въ пользу сборщиковъ, которыхъ усилія постоянно направлялись къ той общей цѣли, чтобы народъ платилъ какъ можно больше, и казначейство получало какъ можно меньше.

Насколько хороша была система собиранія доходовъ, настолько-же сообразно съ общественной пользой было расходованіе собранныхъ денегъ. На содержаніе двора полагалось по бюджету 35 милліоновъ, но тратилось до сорока, и въ эту сумму не входили расходы на королевскія охоты и путешествія, на жалованье высшихъ придворныхъ чиновниковъ и на ремонтъ королевскихъ замковъ. Военное министерство по бюджету должно было получать 114 милліоновъ, а получало 131 милліонъ; изъ этихъ денегъ 39 милліоновъ расходовалось на административную часть, 44 милліона на содержаніе солдатъ и 46 милліоновъ на жалованье офицерамъ. Въ совершенной независимости отъ соображеній министра находились личныя распоряженія короля, израсходовавшаго въ 1785 году 136 милліоновъ на «подарки придворнымъ, министру финансовъ и парламентскимъ совѣтникамъ, на уплату постороннихъ займовъ, на проценты и учеты чиновникамъ казначейства, на отпущеніе разныхъ личныхъ повинностей и на непредвидѣнныя издержки всякаго рода». Въ этомъ-же году на мосты и дороги истрачено 4 милліона, на общественныя зданія меньше 2-хъ милліоновъ и на ученыя и учебныя заведенія съ небольшимъ 1 милліонъ. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на эти предметы тратилось ежегодно по 59 милліоновъ, т. е. слишкомъ въ восемь разъ больше, чѣмъ въ 1785 году. Больницы и воспитательные дома получили въ 1785 году 6 милліоновъ отъ государства, 6 милліоновъ отъ церкви, и 24 милліона собственныхъ доходовъ; въ современной Франціи благотворительныя заведенія получаютъ въ годъ до 119 милліоновъ.

Изъ всего этого видно, что старая монархія сохраняла неизмѣнную вѣрность своему феодальному происхожденію; каковы-бы ни были внутреннія противорѣчія между отдѣльными ея учрежденіями, но всѣ они съ непобѣдимой силой стремились къ тому, чтобы раззорить массу и обогатить то меньшинство, для котораго существовала вся государственная машина. Но когда эта цѣль была достигнута, когда масса была раззорена до послѣдней крайности, тогда стали съ

ужасающей быстротой исчезать самые источники доходовъ. Начались огромныя недоимки; пришлось дѣлать займы, платить большіе проценты, увеличивать платежемъ процентовъ дефицитъ, а потомъ замазывать дефицитъ новымъ займомъ, требовавшимъ новаго платежа процентовъ. Долгъ увеличивался вмѣстѣ съ дефицитомъ, а кредитъ уменьшался вмѣстѣ съ производительной силой страны. Министры предпринимали разныя финансовыя операціи, но такъ какъ нѣтъ такой финансовой операціи, которая изъ франка могла-бы сдѣлать луидоръ, или взять что-нибудь съ крестьянина, не имѣющаго ровно ничего, то все глубокомысліе министровъ оказывалось безсильнымъ передъ сокрушительными цифрами долговъ и ежегодныхъ дефицитовъ. Все царствованіе Людовика XVI состоитъ изъ длиннаго ряда разнообразныхъ попытокъ выпутаться изъ отчаяннаго положенія финансовъ.

Изъ всѣхъ совѣтниковъ Людовика XVI одинъ Тюрго понялъ вполнѣ, что финансовую болѣзнь нельзя лечить финансовыми мѣрами, что необходимо увеличить производительную дѣятельность народа, и что причины, парализующія эту дѣятельность, заключаются въ самыхъ основаніяхъ феодальнаго государства. Распоряженія Тюрго посыпались на всѣ отрасли народной жизни. Онъ разрѣшилъ вывозъ хлѣба за границу и снялъ съ крестьянъ дорожныя повинности; онъ уничтожилъ цехи и основалъ кредитное учрежденіе подъ названіемъ учетной кассы; онъ измѣнилъ податную систему и сталъ подготовлять всѣхъ собственниковъ государства къ участію въ политическихъ правахъ; онъ хотѣлъ произвести сверху и постепенно тѣ реформы, которыя революціонныя собранія произвели снизу и мгновенно; но постепенность Тюрго показалась всѣмъ привилегированнымъ классамъ, бурной и сумасбродной заносчивостью. Братъ короля, графъ Карлъ Артуа, тотъ самый, по милости котораго старшая линія Бурбоновъ въ 1830 году была окончательно лишена французскаго престола, сталъ во главѣ недовольныхъ, а недовольны распоряженіями Тюрго были и дворъ, и вся аристократія, и духовенство, и парламенты, и цеховые мастера, и всѣ кромѣ крестьянъ и пролетаріевъ, которые въ то время еще не имѣли своего сужденія въ государственныхъ вопросахъ. Карлъ и придворные стали дѣйствовать на короля ежедневными воздыханіями о гибельныхъ преобразованіяхъ неосторожнаго министра, а другіе недовольные аристократы въ это время стали волновать народъ, чтобы показать королю, насколько дѣятельность Тюрго противна желаніямъ націи и опасна для общественнаго спокойствія. Народъ, по своей безграничной наивности, дѣйствительно сталъ шумѣть на улицахъ Парижа въ пользу тѣхъ самыхъ привилегій, которыя морили его голодомъ. Людовику надоѣла вся эта тревога, и министерство Тюрго продолжалось всего полтора года; какъ только Тюрго вышелъ въ отставку, такъ воцарилась старая система управленія во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей величественной неподвижности. Неккеръ сталъ поправлять финансы займами, Калонъ сталъ поощрять своими совѣтами придворную роскошь, говоря, что только роскошь поддерживаетъ кредитъ, а что кредитъ необходимъ для существованія государства. Неккеръ во время своего перваго министерства занялъ въ разныхъ мѣстахъ до 50 милліоновъ и наконецъ сталъ въ тупикъ. Калонъ убѣдился собственнымъ опытомъ, что всякій кредитъ имѣетъ границы. Въ 1787 году онъ увидѣлъ передъ собой дефицитъ въ 198 милліоновъ, что составляетъ по масштабу нашего времени почти 600 милліоновъ. Покрыть этотъ дефицитъ было необходимо, а покрыть было нечѣмъ; увеличить подати не было никакой возможности; кредитъ былъ истощенъ до-чиста. Тогда Калонъ вдругъ перемѣнилъ политику и пошелъ по слѣдамъ Тюрго; начался опять скрежетъ зубовъ; противъ короля и противъ министерства зашумѣли придворные, провинціальные дворяне, сборщики податей, суды, полицейскіе чиновники, общинные совѣты и цеховые мастера.

Въ ряды оппозиціи попали, какъ мы видимъ, такія лица, которыя во всякомъ благоустроенномъ государствѣ имѣютъ значеніе, только какъ послушныя орудія центральной власти. Государство видимо разлагалось, потому что перестало удовлетворять существеннымъ потребностямъ общества, и во всѣхъ частяхъ своихъ оказалось несостоятельнымъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе было въ то время уже такъ сильно, что къ нему, какъ къ высшей аппеляціонной инстанціи, обратились за разрѣшеніемъ своего спора, съ одной стороны — министерство, поневолѣ ударившееся въ прогрессъ, съ другой стороны — аристократическая оппозиція, ухватившаяся за старину со всей страстью инстинктивнаго самосохраненія и съ полнымъ сознаніемъ своего вѣкового права. Само министерство освободило прессу для того, чтобы она заклеймила въ глазахъ цѣлой націи упорныхъ защитниковъ привилегій и феодальнаго быта. Парижскій парламентъ, защищавшій, подобно цеховымъ юристамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, формальную легальность аристократическихъ притязаній, потребовалъ съ своей стороны въ пику министерству, чтобы собраны были государственные чины (états généraux), которыхъ Франція не видала впродолженіи двухъ столѣтій. Собраніе аристократическихъ нотаблей, попытавшихся произвести реформы, не осилило этого дѣла и повторило требованіе парижскаго парламента. Между тѣмъ Калонна замѣнилъ уже Бріенъ, а Бріенна Неккеръ, но отъ этой перемѣны лицъ не перемѣнилось положеніе

финансовъ, и Неккеръ, съ удовольствіемъ изображая собой либеральнаго и просвѣщеннаго министра, ввелъ французское королевство въ новую эпоху его существованія: государственные чины были созваны къ 27 апрѣля 1789 года.

VII.

Приступая къ изложенію событій, совершившихся во Франціи отъ 1789 до 1795 года, я заранѣе долженъ предупредить читателя, что онъ не найдетъ у меня описанія тѣхъ сценъ, величественныхъ или ужасныхъ, которыя происходили въ это тревожное время на площадяхъ, на улицахъ или въ залахъ національныхъ собраній. Чтобы изобразить эти сцены, надо, во-первыхъ, обладать такимъ художественнымъ талантомъ, котораго я въ себѣ не чувствую; а во вторыхъ, надо написать очень большую книгу, что совершенно неудобно по многимъ причинамъ. На этомъ основаніи я постараюсь по возможности совершенно уклониться отъ рисованія историческихъ картинъ, а въ началѣ моей статьи я уже обѣщалъ читателю уклоняться отъ біографическихъ подробностей и отъ судебныхъ приговоровъ надъ личностями и событіями. Стало-быть мнѣ остается только слѣдить за главными фазами того общественнаго движенія, о которомъ мы говоримъ; мнѣ остается выводить одну фазу изъ другой, показывать, почему движеніе приняло одно направленіе, а не другое, разсматривать общія причины, скрывающіяся за личностями выступающихъ дѣятелей и придающія этимъ личностямъ всю ихъ дѣйствительную силу; я желалъ бы представить читателю не рядъ картинъ изъ разсматриваемой нами исторической эпохи, а ландкарту, по которой онъ могъ бы познакомиться съ мѣстными условіями, вызвавшими переворотъ и сообщавшими ему импульсъ и направленіе. Такую ландкарту, или такой анатомическій рисунокъ, можно было бы считать излишней, если-бы читающая часть нашего общества обладала большимъ запасомъ продуманныхъ и осмысленныхъ историческихъ свѣдѣній; но такъ-какъ по правдѣ сказать подобныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, ни въ большомъ, ни въ маломъ количествѣ, то я позволяю себѣ думать, что моя статья не будетъ совершенно безполезна, и постараюсь устроить такъ, чтобы эту ландкарту особаго устройства можно было разсматривать, не проклиная составителя за сухость изложенія. Теперь мы можемъ обратиться къ собранію государственныхъ чиновъ.

Собраніе государственныхъ чиновъ, или сословій, состояло въ старой Франціи изъ представителей дворянства, духовенства и третьяго сословія (tiers-état), или городскихъ общинъ. Это собраніе созывалось королемъ въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда центральная власть нуждалась въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія и безъ этой поддержки не рѣшалась требовать отъ націи какихъ-нибудь необыкновенныхъ пожертвованій или чрезвычайныхъ усилій. При ближайшихъ предшественникахъ Людовика XVI государственные чины не созывались ни разу, потому что Людовикъ XIV и Людовикъ XV хозяйничали въ своемъ королевствѣ совершенно безцеремонно и находили, что никакое пожертвованіе націи не можетъ быть необыкновеннымъ, и никакое усиліе не можетъ быть чрезвычайнымъ.

Когда государственные чины созывались въ былое время, тогда они разсуждали о предлагавшихся вопросахъ въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ; сообразно съ духомъ всѣхъ средневѣковыхъ учрежденій, сословія оставались разъединенными даже тогда, когда обсуживали дѣла, относящіяся къ интересамъ всего государства. Въ 1789 году сословія созывались затѣмъ, чтобы спасти государство отъ банкротства; спасти государство можно было только самыми обширными реформами, и именно такихъ реформъ ожидала отъ собранія вся здоровая часть общественнаго мнѣнія; на собраніе это смотрѣла вся Франція; отъ него народъ, цѣлый въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ждалъ хлѣба насущнаго, т. е. избавленія отъ тѣхъ феодальныхъ учрежденій, которыя разоряли земледѣльца и ремесленника, парализируя ихъ производительный трудъ. Желанія правительства въ этомъ случаѣ не могли расходиться съ желаніями народа; правительству были необходимы реформы потому, что безъ реформъ нельзя было выпутаться изъ долговъ; безъ реформъ не на что было жить и не возможно было управлять. Реформы не нравились только духовенству, дворянству, парламентамъ, цеховымъ мастерамъ, т. е. тѣмъ людямъ, которыхъ питали и грѣли монополіи и всѣ средневѣковые порядки; только съ ихъ стороны можно было ожидать оппозиціи; эта оппозиція могла производить много шума въ залѣ тюльерійскаго дворца, или въ аристократическомъ салонѣ, но въ общемъ голосѣ народа она совершенно терялась и переходила въ едва замѣтный ропотъ, которому нельзя было придавать никакого серьезнаго значенія. Эта оппозиція только въ томъ случаѣ могла бы сдѣлаться препятствіемъ въ дѣлѣ преобразованій, когда бы она получила въ собраніи свой отдѣльный органъ. Если бы государственные чины, по старому обычаю, открыли свои засѣданія по сословіямъ, въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ, тогда можно было бы предвидѣть, что всѣ предложенія и рѣшенія третьяго сословія будутъ задерживаться, искажаться или отвергаться духовенствомъ и дворянствомъ. Слѣдовательно на первомъ планѣ стоялъ вопросъ: какъ будутъ засѣдать государственные чины? Въ одномъ-ли общемъ національномъ собраніи, или въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ? Нельзя сказать, чтобы съ этимъ вопросомъ была связана судьба ожидаемыхъ преобразованій; преобразованія эти были уже неизбѣжны, потому что

ихъ необходимость сознавалась и чувствовалась всей націей; ихъ не могли уже отсрочить, ни исказить никакіе дебаты и никакіе отрицательные результаты въ подачѣ голосовъ. Но оставалось узнать, какъ произойдутъ реформы? Путемъ-ли мирныхъ преній и легальныхъ постановленій собранія, или какъ-нибудь совсѣмъ иначе безъ всякой легальности и безъ малѣйшаго благообразія?

Можно было предвидѣть, что система трехъ палатъ надѣлаетъ народу и правительству много хлопотъ и что при этой системѣ мудрено будетъ удержаться на путяхъ добродѣтели и легальности. Общественное мнѣніе безусловно отвергало эту систему; но правительство, отъ котораго зависѣло рѣшеніе капитальнаго вопроса, церемонилось съ аристократіей и, созывая государственные чины, не сказало ничего о томъ, какъ будутъ происходить ихъ совѣщанія. Оно опредѣлило только, что третье сословіе выставитъ вдвое больше представителей, чѣмъ выставляло два столѣтія тому назадъ. Это нововведеніе могло быть чрезвычайно важно въ случаѣ общаго собранія, потому что тогда оно упрочивало за третьимъ сословіемъ рѣшительный перевѣсъ въ числѣ голосовъ; но при системѣ трехъ палатъ двойное число представителей не имѣло никакого значенія, и третье сословіе оставалось совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ легальной оппозиціей духовенства и дворянства.

5-го мая 1789 года король открылъ въ Версалѣ засѣданіе государственныхъ чиновъ; онъ произнесъ рѣчь; послѣ него заговорилъ хранитель большой печати Барантенъ, и наконецъ министръ финансовъ Неккеръ; во всѣхъ этихъ рѣчахъ было много добродушія, много благихъ желаній и еще больше внушительныхъ совѣтовъ, но о важнѣйшемъ вопросѣ, о томъ, какъ засѣдать государственнымъ чинамъ, не сказано ни слова. Неккеръ говорилъ три часа и отличился тѣмъ, что торжественно солгалъ передъ представителями націи насчетъ положенія финансовъ: онъ показалъ годовой дефицитъ въ 56 милліоновъ, между тѣмъ какъ со времени собранія нотаблей общество постоянно слышало о дефицитѣ въ 120 или въ 140 милліоновъ. Ложь Неккера дала ему возможность сказать, что король созвалъ государственные чины не потому, что онъ нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому, что онъ хочетъ оказать націи всякую милость. Ложь Неккера и молчаніе о существенномъ вопросѣ выходили изъ одного общаго источника,—изъ двусмысленнаго и нерѣшительнаго отношенія правительства къ націи вообще и къ представителямъ ея въ особенности. Правительство нуждалось въ деньгахъ и слѣдовательно въ реформахъ и слѣдовательно въ томъ собраніи, при содѣйствіи котораго возможно было произвести реформы; но если съ одной стороны оно нуждалось въ томъ собраніи, то съ другой стороны оно еще больше боялось его. Хорошо, если собраніе придумаетъ такія реформы, которыя дадутъ много денегъ, и затѣмъ оставитъ все въ должномъ порядкѣ; а что, если оно заговоритъ о такихъ реформахъ, которыя съ должнымъ порядкомъ совсѣмъ не уживаются? Что тогда дѣлать съ этимъ собраніемъ, на которое смотритъ вся Франція? И гдѣ остановятся его реформаторскіе подвиги? И что оно считаетъ должнымъ порядкомъ? И что, если его должный порядокъ совсѣмъ не похожъ на настоящій должный порядокъ? Все это были такіе вопросы, которые не могли не придти въ голову совѣтникамъ короны, и людямъ, находившимся въ ихъ положеніи, надъ этими вопросами очень стоило задуматься. Они дѣйствительно задумались, и въ этой задумчивости захватилъ ихъ день, назначенный для открытія засѣданій. Они явились передъ представителями націи, но рѣшивши въ умѣ своемъ, гдѣ заключается для нихъ настоящая опасность, — въ финансовомъ дефицитѣ, или въ ожидаемомъ всемогуществѣ созваннаго собранія. Когда Неккеръ сидѣлъ передъ пустой кассой и передъ печальными итогами предстоящихъ расходовъ, тогда онъ думалъ, что собраніе лучше дефицита; когда онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ собраніемъ въ 1200 человѣкъ и когда онъ услышалъ, какими криками восторга встрѣчаетъ и провожаетъ народъ представителей третьяго сословія, тогда онъ навѣрное подумалъ, что ужъ лучше жить съ дефицитомъ, чѣмъ съ собраніемъ. Думалъ или не думалъ Неккеръ такимъ образомъ, объ этомъ исторія молчитъ, но достовѣрно извѣстно то, что правительство Людовика XVI при самыхъ первыхъ сношеніяхъ своихъ съ государственными чинами начало бояться могущества собранія, совершенно упуская изъ виду, что именно это могущество необходимо для короля и для его министровъ, какъ единственное средство произвести реформы и реформами поправить отчаянное положеніе финансовъ.

Выслушавъ назидательныя рѣчи и не найдя въ нихъ ожидаемаго рѣшенія, сословія стали рѣшать основной вопросъ силами собственныхъ умовъ; три недѣли продолжались между ними переговоры о томъ, какъ повѣрять выборы; переговоры эти ни къ чему не повели. Неккеръ попробовалъ явиться посредникомъ между высшими сословіями, настаивавшими на отдѣльной повѣркѣ выборовъ, и депутатами общинъ, не допускавшими ничего такого, что могло-бы привести къ утвержденію трехъ-палатной системы. Но посредничество Неккера осталось безуспѣшнымъ; дворянство объявило рѣшительно, что оно само повѣрило свои выборы и уже образовало изъ себя отдѣльную палату. Увидѣвъ безполезность переговоровъ, третье сословіе, избѣгавшее до той минуты окончательнаго разрыва съ бытовыми формами прошедшаго, сдѣлало съ своей стороны смѣлый шагъ впередъ. Къ 14 іюня оно окончило у себя провѣрку выборовъ, и въ тотъ же день

начались въ его палатѣ разсужденія о томъ, подъ какимъ именемъ оно приступитъ къ своей дѣятельности. Назвать себя представителями третьяго сословія было вполнѣ легально, потому что такъ всегда дѣлалось въ старой Франціи, но поступить такимъ образомъ значило-бы отдать интересы народа въ руки дворянства и духовенства; это значило-бы подвергнуть всю Францію страшному разочарованію и поднять такую бурю народнаго гнѣва, противъ которой не устояло-бы ни собраніе государственныхъ сословій, ни верховное правительство. Объ этомъ нечего было и думать; большинство депутатовъ всѣми силами души ненавидѣло старый порядокъ, а тѣ немногія единицы, которыя чувствовали робкое желаніе щадить остатки прошедшаго, не имѣли въ собраніи никакого вѣса и боялись обнаруживать свои тайныя влеченія. Мирабо предложилъ, чтобы депутаты третьяго сословія назвали себя представителями народа въ національномъ собраніи; эта формула давала чувствовать, что депутаты третьяго сословія не составляютъ собой полнаго національнаго собранія, но во всякомъ случаѣ служатъ представителями самой многочисленной и самой важной части націи. Сійэсъ пошелъ дальше: онъ предложилъ, чтобы третье сословіе просто и прямо объявило себя національнымъ собраніемъ. 17-го числа это предложеніе было принято, и депутаты духовенства и дворянства вслѣдствіе рѣшенія третьяго сословія оказались просто отсутствующими членами національнаго собранія. Они могли отсутствовать, сколько имъ было угодно; никто не интересовался знать причины ихъ отсутствія и никто не считалъ этого отсутствія препятствіемъ для начала работъ.

Если мы примемъ въ соображеніе, что Мирабо былъ неизмѣримо краснорѣчивѣе Сійэса, и что французы всегда были способны подкупаться краснорѣчіемъ, то побѣда Сійэса должна показаться намъ фактомъ очень выразительнымъ. Сійэсъ побѣдилъ именно потому, что предложеніе его было смѣлѣе и крайнѣе всѣхъ остальныхъ. По этому предложенію третье сословіе не только утверждало свое преобладаніе надъ остальными сословіями, но оно рѣшительно поглощало ихъ въ себѣ и въ сознаніи своего полновластія объявляло, что будетъ игнорировать всѣ тѣ элементы, которые осмѣлятся присвоивать себѣ отдѣльное существованіе. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что это первое собраніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ учредительнаго *) (assemblée constituante), было самымъ умѣреннымъ и консервативнымъ изъ всѣхъ революціонныхъ собраній; кромѣ того оно было созвано всего шесть недѣль тому назадъ; оно еще не знало, какъ велико его могущество и вліяніе на народъ; члены его были мало знакомы между собой; обаяніе королевской власти было еще сильно; Бастилія напоминала еще о необходимости быть осторожнымъ, и несмотря на все это, предложеніе Сійэса было принято съ восторгомъ единственно потому, что оно соотвѣтствовало простымъ требованіямъ разума и противорѣчило старой легальности.

Если мы сообразимъ всѣ эти обстоятельства, то изъ одного этого факта, встрѣчающагося намъ на самомъ порогѣ французской революціи, будемъ въ состояніи понять, какіе неистощимые запасы пламеннаго, безстрашнаго и безпощаднаго отрицанія накопились въ сознаніи и въ чувствѣ всего французскаго народа во время долгихъ вѣковъ безгласности и страданія. Народъ не оставался въ бездѣйствіи въ то время, когда сословія вели между собой переговоры; газеты, печатныя объявленія на стѣнахъ, рѣчи подъ открытымъ небомъ, на улицахъ и въ садахъ Пале-Рояля знакомили парижанъ съ событіями дня и скрѣпляли связь ихъ съ представителями третьяго сословія; 9-го и и 10-го іюля въ залу засѣданій являлись депутаціи отъ различныхъ торговокъ и благодарили третье сословіе за то, что оно поддерживаетъ «les intérêts du peuple». А третье сословіе соображало, что если безъ всякой надобности являются десятки торговокъ, то въ случаѣ надобности могутъ явиться тысячи работниковъ; конечно такія соображенія не оставались безъ вліянія на ходъ совѣщаній и значительно ослабили заслуженный авторитетъ Бастиліи.

Первый декретъ національнаго собранія поставленный имъ въ тотъ самый день, когда оно приняло предложеніе Сійэса, показываетъ ясно, какое понятіе составляло себѣ третье сословіе о предѣлахъ своей власти. Собраніе объявило, что всѣ взимавшіяся до сихъ поръ подати незаконны, потому что ихъ установило правительство безъ согласія націи; къ этому рѣшенію была прибавлена оговорка, что собраніе позволяетъ продолжать взиманіе прежнихъ податей только до тѣхъ поръ, пока представители націи будутъ заниматься пересмотромъ государственныхъ учрежденій; если-же собраніе, какимъ-бы то ни было образомъ, будетъ распущено, то взиманіе податей прекратится. Этотъ декретъ былъ разосланъ во всѣ провинціи, такъ что распущеніе собранія дѣйствіемъ королевской власти могло отнять у правительства всѣ денежныя средства, или въ случаѣ собиранія налоговъ вооруженной силой могло повести за собой междоусобную войну и распаденіе королевства. Чѣмъ наступательнѣе дѣйствовало національное собраніе, за которымъ правительство еще не признавало этого титула, тѣмъ громче и восторженнѣе апло-

*) Его часто называютъ по-русски конституціоннымъ, но это названіе во-первыхъ—ничего не выражаетъ потому что всякій парламентъ есть конституціонное собраніе, а во-вторыхъ—оно и невѣрно. Конституціонный по-французски—constitutionnel, а constituant—тотъ, кто организуетъ, учреждаетъ, создаетъ конституцію.

дировали посторонніе зрители и слушатели, наполнявшіе густыми толпами галлереи или трибуны въ залѣ засѣданій; а чѣмъ сильнѣе шумѣли галлереи, тѣмъ смѣлѣе чувствовало себя собраніе и тѣмъ несбыточнѣе казались всякія печальныя размышленія о Бастиліи.

VIII.

Невозможно было ожидать, чтобы храброе французское дворянство отступило безъ борьбы передъ завоевательными тенденціями національнаго собранія; негодованіе дворянства было очень значительно и особенно очень шумно; министры съ своей стороны находили, что депутаты третьяго сословія посягаютъ на достоинство короны; но когда зашла рѣчь о томъ, какъ поступать съ нарушителями должнаго порядка, тогда въ совѣтѣ министровъ обнаружился расколъ, и отщепенцемъ оказался тотъ самый Неккеръ, который при открытіи собранія 5-го мая, для соблюденія интересовъ короны, отважно солгалъ передъ депутатами насчетъ цифры годового дефицита. Теперь онъ заговорилъ иначе. Какъ министръ финансовъ, удрученный безденежьемъ, какъ платоническій обожатель англійской конституціи и особенно какъ большой любитель дешевой популярности, онъ рѣшился превозмочь въ себѣ антипатію къ могуществу національнаго собранія и подалъ королю совѣтъ освятить своимъ королевскимъ словомъ совершившійся фактъ, т. е. признать существованіе національнаго собранія и приказать дворянству и духовенству соединиться съ депутатами третьяго сословія. Неккеръ былъ увѣренъ, что національное собраніе во всякомъ случаѣ дастъ правительству много денегъ и устроитъ для французской націи очаровательную конституцію съ двумя палатами; имѣя въ виду такую привлекательную перспективу, можно было помириться съ тѣмъ, что на первый разъ будетъ работать только одна палата и что такимъ образомъ не будетъ соблюдена та pondération des pouvoirs (уравновѣшеніе властей), которая до сихъ поръ составляетъ для доктринеровъ всѣхъ націй задачу, подобную философскому камню и жизненному элексиру. Кромѣ того Неккеръ разсудилъ, что если собраніе очень сильно, то съ нимъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ ссориться и тѣмъ болѣе необходимо уступать ему съ привѣтливой улыбкой такія вещи, которыя оно по своей грубости способно взять насильно. Но остальные совѣтники короны, официіальные и неофиціальные, въ это время почувствовали особенно живо свое кровное родство со всѣми умиравшими привилегіями; уступка третьему сословію казалась имъ государственной измѣной, и король, въ которомъ всегда легко было возбудить сознаніе долга, убѣдился въ томъ, что онъ долженъ противодѣйствовать распоряженіямъ новорожденнаго національнаго собранія. Начались приготовленія къ королевскому засѣданію, и 20 іюня депутаты третьяго сословія, собравшіеся для своихъ обыкновенныхъ занятій, увидѣли, что зала ихъ заперта, потому что въ ней производились эти приготовленія. Они знали по слухамъ, что королевское засѣданіе будетъ направлено противъ ихъ послѣднихъ распоряженій, и рѣшились заранѣе обязать себя къ самому энергическому сопротивленію. Отъ запертыхъ дверей залы они длинной процессіей отправились по улицамъ Версаля къ пустому дому, служившему для игры въ мячъ (jeu de paume), и тамъ дали клятву и подписку «не расходиться и не допускать распущенія собранія, а собираться тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока не будетъ составлена и утверждена напрочномъ основаніи новая конституція государства». 22 числа депутатовъ, по распоряженію графа Артуа, не пустили въ jeu de paume, тогда они отправились засѣдать въ церковь Св. Людовика, и въ этотъ день къ нимъ присоединились 148 представителей духовенства, -такъ что духовныя лица, противившіяся соединенію, остались въ меньшинствѣ. 23 числа произошло королевское засѣданіе. Король обѣщалъ самыя либеральныя реформы; завѣдываніе финансами предоставлялось сословіямъ; обременительныя подати отмѣнялись; въ юстиціи и въ военномъ вѣдомствѣ предполагалось произвести преобразованія; устраивались провинціальныя собранія, уничтожались произвольные аресты и упразднялась цензура. Обсудить всѣ эти вопросы и привести ихъ къ окончательному разрѣшенію король предоставлялъ государственнымъ сословіямъ. Разсужденія сословій должны были происходить въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ.

Рѣшительное слово королевской власти было такимъ образомъ произнесено; національному собранію приходилось существовать не только помимо королевской власти, но даже прямо наперекоръ этой волѣ. Дѣйствіе королевской рѣчи обнаружилось немедленно, какъ только Людовикъ XVI успѣлъ выйдти изъ залы. Когда оберъ-церемоніймейстеръ, исполняя приказаніе короля, пригласилъ депутатовъ третьяго сословія разойтись, тогда Мирабо отвѣчалъ на это приглашеніе короткой, но очень непочтительной рѣчью, которая кончилась такъ: «идите, скажите вашему господину, что мы находимся здѣсь по волѣ народа, и что насъ можно сдвинуть отсюда только штыками». Эти слова нарушали и легальность, и этикетъ, и даже парламентскіе обычаи, потому что отъ лица собранія имѣлъ право отвѣчать только президентъ, а президентомъ былъ членъ академіи Бальи, которому конечно въ голову не пришло бы сказать важному придворному чиновнику грубость, цѣликомъ сохранившуюся въ исторіи. Но на этомъ безчинствѣ дѣло не остановилось. Собраніе тотчасъ приняло свои мѣры для того, чтобы сдвиганіе штыками, реко-

мендованное графомъ Мирабо, сдѣлалось совершенно невозможнымъ или по крайней мѣрѣ особенно затруднительнымъ. Не выходя изъ залы, оно, по предложенію Барнава, постановило рѣшеніе, что «личность каждаго изъ депутатовъ неприкосновенна», и что «всякое лицо, всякая корпорація, судъ, административное мѣсто или комиссія», которые будутъ подвергать депутата аресту, слѣдствію или суду за предложенія, совѣты, мнѣнія или рѣчи въ собраніи государственныхъ сословій, должны признаваться за людей безчестныхъ, измѣнниковъ націи и преступниковъ». Это рѣшеніе осталось бы мертвой буквой, если бы королевская власть располагала такою преданной военной силой, какая находилась въ распоряженіи генерала Бонапарте въ день 18-го брюмера; и это рѣшеніе было не нужно въ томъ случаѣ, когда собраніе было увѣрено въ поддержкѣ народа и даже въ сочувствіи солдатъ, которые въ это время, по словамъ Камиля Демулена, всѣ сдѣлались философами. Но какъ бы то ни было, это рѣшеніе, какъ громогласное выраженіе собственной храбрости, значительно возвысило энергію всего собранія. Объявивъ себя неприкосновеннымъ, оно въ самомъ дѣлѣ подумало, что ему всѣ повѣрятъ на слово, и что до него никто не посмѣетъ дотронуться.

Ходъ событій разбилъ втеченіе послѣдующихъ лѣтъ много подобныхъ иллюзій, но учредительное собраніе дѣйствительно не потерпѣло ни малѣйшей обиды, хотя защищалъ его конечно не декретъ о неприкосновенности депутатовъ. Защищало его преимущественно глубокое разстройство королевской арміи; каждый отдѣльный полкъ представлялъ миніатюрный портретъ феодальнаго общества; офицеры, назначавшіеся исключительно изъ дворянъ, играли роль привилегированныхъ классовъ, а солдаты изображали безправную массу народа; между офицерами и солдатами не было никакой связи, на долю первыхъ выпадали удовольствія жизни и лавры военной славы; вторымъ доставались только труды службы, палки отъ начальства, раны отъ непріятелей и подъ старость вынужденное нищенство и бродяжничество. Надежды на повышеніе по службѣ у солдата не было; привязанности къ своему дѣлу у него не могло быть, и ненависть къ старому порядку вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ была въ немъ по крайней мѣрѣ такъ же сильна, какъ и во всѣхъ другихъ непривилегированныхъ гражданахъ французскаго государства. Кромѣ того народные ораторы говорили такъ громко и такимъ простымъ языкомъ, что солдатъ слушалъ и понималъ ихъ рѣчи и пріучался смотрѣть на приближающійся переворотъ, какъ на единственное спасеніе отъ палокъ, отъ офицерскаго высокомѣрія и отъ безнадежно тяжелой службы. Чѣмъ ближе стоялъ полкъ къ Парижу, тѣмъ менѣе могло на него положиться ближайшее начальство и королевское правительство. Къ этому можно прибавить, что даже многіе изъ офицеровъ, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, были увлечены идеями своего времени и считали вооруженное нападеніе на гражданъ совершенно непозволительнымъ преступленіемъ.

Соображая эти обстоятельства, читатель придетъ вѣроятно къ тому заключенію, что армія, составленная изъ подобныхъ элементовъ, была гораздо опаснѣе для короля и для его министровъ, чѣмъ для непослушныхъ членовъ національнаго собранія. Въ Парижѣ народъ былъ неспокоенъ; его тревожила участь депутатовъ, и каждый день распространялись самые преувеличенные слухи о намѣреніяхъ двора и аристократіи разогнать представителей третьяго сословія и задушить всякую попытку преобразованій; считая архіепископа парижскаго однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ національнаго собранія, народъ ворвался 25 іюня въ его домъ, и отрядъ французской гвардіи, призванный для усмиренія мятежа, отказался дѣйствовать противъ народа. По случаю дороговизны хлѣба, голодный народъ ежедневно производилъ безпорядки передъ булочными, и солдаты постоянно оставались нейтральными, несмотря на приказанія и угрозы своихъ начальниковъ. Аристократическая партія при дворѣ не отказывалась однако отъ надежды направить національное собраніе на путь добродѣтели и легальности; она убѣдила короля сдѣлать еще одну энергическую попытку. Рѣшено было: призвать изъ провинцій нѣсколько свѣжихъ полковъ, не успѣвшихъ еще превратиться въ философскія школы; назначить главнокомандующимъ стараго маршала Брольи, котораго подвиги во время Семилѣтней войны должны были наполнять сердца солдатъ похвальными чувствами, несовмѣстными съ философіей; уволить отъ службы Неккера за его любовь къ популярности; составить министерство изъ элементовъ строго-консервативныхъ и наконецъ поговорить тогда внушительнымъ образомъ съ версальскимъ собраніемъ и съ парижскими демагогами.

Все это было приведено въ исполненіе, за исключеніемъ послѣдней статьи: поговорить внушительнымъ образомъ не удалось ни въ Версалѣ, ни въ Парижѣ, потому что какъ только парижане узнали 12 іюля объ отставкѣ Неккера и трехъ другихъ министровъ, такъ они тотчасъ сами начали разговоръ; въ тотъ-же день тысячи ремесленниковъ разграбили нѣсколько оружейныхъ лавокъ и сожгли таможенные дома у городскихъ заставъ; войска почти вездѣ отказались сражаться противъ народа; начальники принуждены были выйдти съ ними изъ города и поставить ихъ на Марсовомъ полѣ для того, чтобы они по крайней мѣрѣ не перешли на сторону возмутившихся гражданъ.

13 іюля весь Парижъ былъ во власти инсургентовъ, и для обезпеченія частной собствен-

ности въ этотъ-же день была организована національная гвардія, въ которую кромѣ горожанъ поступили сотни солдатъ французской гвардіи, рѣшительно отложившихся отъ своихъ начальниковъ и объявившихъ себя открыто друзьями народа и врагами стараго порядка. Ратушу заняли избиратели третьяго сословія, которые уже съ первыхъ чиселъ мая постоянно собирались для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Они смѣнили городовыя власти, назначенныя самимъ королемъ, и сами составили городовой совѣтъ и комитетъ безопасности, который тотчасъ дѣятельно занялся вооруженіемъ и организованіемъ національной гвардіи. Между тѣмъ движеніе въ городѣ продолжалось и усиливалось; 14 іюля народъ взялъ инвалидный домъ, нашелъ въ немъ 20 пушекъ и 28,000 ружей и, усиливши этой находкой свое вооруженіе, пошелъ на Бастилію. Она была взята приступомъ, комендантъ и офицеры перебиты, а солдаты гарнизона спасены съ большимъ трудомъ отрядомъ французской гвардіи, дѣйствовавшей заодно съ инсургентами. 15-го король явился въ національное собраніе, сказалъ, что войска отозваны изъ Парижа, обѣщалъ тотчасъ пригласить Неккера въ министерство и просилъ представителей націи успокоить волненіе въ столицѣ. 16-го депутація отъ національнаго собранія отправилась въ Парижъ, была принята съ восторгомъ и передала парижанамъ намѣренія короля; парижане такъ воодушевились, что тотчасъ безъ всякихъ формальностей въ одинъ голосъ назначили президента національнаго собранія, Бальи,—своимъ перомъ, а генерала Лафайета — начальникомъ національной гвардіи. Въ ночь съ 16-го на 17-е число, цвѣтъ аристократической партіи, подъ предводительствомъ графа Артуа и принца Конде, отправился за границу, подавая такимъ образомъ первый сигналъ къ открытію длиннаго ряда эмиграцій. 17-го іюля король причастился святыхъ тайнъ, сдѣлалъ свое завѣщаніе и поѣхалъ въ Парижъ, подъ покровительствомъ Бальи и другихъ популярныхъ депутатовъ. Поѣздка обошлась благополучно; между королемъ и парижанами состоялось полное примиреніе, но верховная власть оказалась для короля безвозвратно потерянной. Она перешла въ руки національнаго собранія, которое однако въ значительной степени должно было раздѣлить ее съ городовымъ управленіемъ Парижа и съ національной гвардіей.

Парижскія событія отозвались съ изумительной быстротой и съ неотразимой силой во всѣхъ концахъ французскаго королевства. Втеченіи нѣсколькихъ дней исчезло съ лица земли все, что поддерживало старое государство. Во всѣхъ провинціяхъ безъ исключенія поднялись сословія, городовые магистраты, горожане, крестьяне, пролетаріи, всѣ, кто могъ найти себѣ въ революціи средство воротить старое право, завоевать новое или освободиться отъ обременительной повинности, или просто вымѣстить зло на богатыхъ и знатныхъ баловняхъ разрушавшагося порядка вещей. Въ Бретани всѣ города назначили себѣ новые муниципалитеты и изъ королевскихъ арсеналовъ взяли оружіе для національной гвардіи. Въ Канѣ народъ взялъ приступомъ цитадель и разорилъ домъ вѣдомства соляного налога. Королевскіе интенданты не показывались нигдѣ; парламенты не подавали признака существованія; о низшихъ судилищахъ не было ни слуха, ни духа; все, что при старомъ порядкѣ имѣло офиціальный санъ и величественную походку, старалось теперь скрыться отъ глазъ толпы и навсегда изгладить въ ея умѣ воспоминаніе о своемъ недавнемъ могуществѣ. Старый судъ, старая полиція, старое управленіе—все исчезло; во всѣхъ городахъ образовались для огражденія личной и имущественной безопасности гражданъ постоянные комитеты, которые, при помощи національной гвардіи, формировавшейся и вооружавшейся вездѣ чрезвычайно быстро, старались и часто успѣвали предупреждать грабежи, убійства и разныя другія быстрыя проявленія народной расправы. Національная гвардія вооружалась всякимъ оружіемъ, какое попадалось подъ руку: ружья, пики, кинжалы, сабли—все шло въ дѣло; такъ какъ столкновеніе съ войскомъ было невозможно, потому что войско отказалось дѣйствовать противъ гражданъ, то національная гвардія своимъ солиднымъ видомъ должна была только укрощать излишнюю пылкость пламенныхъ патріотовъ, а для этой цѣли ея пестрое вооруженіе было совершенно достаточно. Конечно дѣятельность комитетовъ и національной гвардіи не могла оградить вполнѣ безопасность гражданъ; гдѣ народу попадался сборщикъ податей, таможенный чиновникъ, нелюбимый судья или офицеръ съ аристократическими понятіями, тамъ происходило насиліе и убійство; во многихъ городахъ народъ повѣсилъ нѣсколькихъ купцовъ въ полной увѣренности, что они производятъ искусственную дороговизну хлѣба. Все это было очень нелѣпо, несправедливо и безобразно; но благоразумія, справедливости или изящества могъ ожидать или требовать отъ тогдашняго французскаго народа только тотъ, кто не имѣлъ понятія о средневѣковой исторіи Франціи и о томъ внутреннемъ положеніи, въ какомъ застала ее революція 1789 года. Если-бы невѣжество, нищита и угнетеніе дѣйствовали на человѣка въ ту минуту, когда онъ ихъ испытываетъ, тогда они приносили-бы нашей породѣ только незначительную долю того зла, которое приносятъ на самомъ дѣлѣ. Въ томъ то и бѣда, что невѣжество, нищета и угнетеніе отравляютъ не только настоящее, но и далекое будущее. Они не только причиняютъ человѣку страданіе, но они этими страданіями уродуютъ его умъ и характеръ: когда устранены обстоятельства, мѣшавшія развитію

развитію просвѣщенія, когда уничтожены учрежденія, стѣснявшія трудъ и разорявшія работника, когда человѣку даны человѣческія права, тогда сдѣлано великое и прекрасное дѣло, но все-таки было-бы совершенно неблагоразумно ожидать, что тогда всѣ родители съ кроткой радостью пошлютъ дѣтей своихъ въ школы, что всѣ лежебоки тотчасъ примутся за работу, что всѣ пьяницы проникнутся отвращеніемъ къ кабаку и любовью къ отечеству и къ акуратности, что наконецъ всѣ люди, не знавшіе до той минуты никакихъ правъ, въ одно мгновеніе поймутъ, что у нихъ есть свои права, и что слѣдовательно они должны уважать права своего сосѣда. Такихъ благодѣтельныхъ превращеній не производитъ никакая реформа, какъ-бы она хорошо не была задумана и съ какой-бы осторожной мудростью она не вводилась въ жизнь. Превращеніе произойдетъ, если реформа соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ людей, но произойдетъ оно не скоро; плоды благодѣтельной реформы всегда лежатъ впереди, и тѣмъ дальше отодвигаются впередъ, чѣмъ важнѣе реформа и чѣмъ упорнѣе та борьба, которую ей приходится выдержать съ укоренившимся зломъ. Можно замѣтить здѣсь мимоходомъ, что наша извѣстная теорія постепенности основана на простомъ недоразумѣніи: введенная реформа приноситъ плоды постепенно—это правда, это говоритъ самая элементарная логика здраваго смысла; но наши публицисты и мыслители, не разобравши дѣла, увидѣли только, что слова реформа и постепенно стоятъ рядомъ; они и связали эти два слова по своему и стали доказывать, что реформа должна вводиться въ жизнь постепенно, т. е. не въ видѣ органическаго и осмысленнаго цѣлаго, а въ видѣ отдѣльныхъ кусочковъ, не имѣющихъ ровно никакого самостоятельнаго смысла. Зерно превращается въ растеніе не вдругъ, а постепенно: изъ этого общеизвѣстнаго факта вывели то своеобразное заключеніе, что слѣдуетъ класть въ землю не все зерно, а сначала одинъ кусочекъ зерна, потомъ, немного погодя, другой, потомъ третій до тѣхъ поръ, пока изъ кусочковъ не составится цѣлое зерно. Можетъ быть при такой методѣ сѣянія, рекомендуемой нашими публицистами, выроститъ дѣйствительно богатая жатва. Не знаю. Пусть рѣшаютъ этотъ вопросъ компетентные спеціалисты.

IX.

Въ деревняхъ, гдѣ бѣдствія феодальнаго быта давали чувствовать себя всего сильнѣе, взятіе Бастиліи послужило знакомъ къ самому разрушительному взрыву народныхъ страстей. На сѣверѣ Франціи, тамъ, гдѣ крестьяне платили за землю деньгами и жили въ довольствѣ, отрицаніе старины выразилось въ томъ, что тотчасъ прекратились всѣ обязательныя работы, всѣ платежи десятины и всякое отправленіе повинностей; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне отобрали въ свою пользу ту землю, которую помѣщикъ обработывалъ для себя, но вообще жизнь мѣстнаго дворянства осталась въ безопасности, замки уцѣлѣли; переворотъ совершился такимъ образомъ на сѣверѣ довольно благообразно. Напротивъ того, въ центрѣ и на югѣ королевства, гдѣ народъ былъ разоренъ и голоденъ, разыгрались всѣ трагическія сцены, характеризующія собой крестьянскія войны. Мужикъ тутъ еще не думалъ улучшать свой бытъ; ему хотѣлось прежде потѣшиться; у него пробудилась потребность мстить и разрушать. Въ Оверни и въ Дофине крестьяне собрались сначала въ горахъ и оттуда, вооруженные всякимъ дрекольемъ, толпами спустились въ долины; замки горѣли, монастыри разрушались, дворяне истреблялись съ утонченной жестокостью въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходила толпа. Въ Франшъ-Конте везульская національная гвардія попробовала остановить дѣйствія мѣстныхъ поселянъ, но поселяне разбили гвардію, загнали ее въ городъ Везуль и даже взяли приступомъ самый городъ. Въ провинціи Маконне собралась толпа крестьянъ въ 6,000 человѣкъ; кто изъ мужиковъ не присоединялся къ этой толпѣ, у того сжигали дворъ; втеченіи двухъ недѣль эти люди разграбили, разрушили и сожгли больше 70-ти дворянскихъ замковъ и убили 230 крестьянъ, не одобрившихъ ихъ движенія. Кончилось тѣмъ, что собралась національная гвардія изъ нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ и разсѣяла эту толпу, разбивши ее въ настоящемъ сраженіи. Такіе же случаи, только быть можетъ не въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, происходили съ половины іюля почти на всемъ пространствѣ французской территоріи; въ однихъ мѣстахъ лилась кровь, въ другихъ дѣло обходилось безъ кровопролитія, но вездѣ феодальный порядокъ исчезъ совершенно, а такъ какъ новаго порядка еще не было, то общество, по выраженію Зибеля, вездѣ разложилось на свои естественные элементы.

Со времени взятія Бастиліи начинается во всей Франціи непосредственное господство народа. Національное собраніе издаетъ законы, но его дѣятельность имѣетъ значеніе только въ той степени, въ какой она выражаетъ собой народную волю; законы, не пользующіеся сочувствіемъ народа, остаются мертвой буквой; проводить въ національномъ собраніи идеи, непопулярныя или консервативныя становится опаснымъ; пощада старины начинаетъ считаться измѣной передъ націей; всѣмъ ходомъ событій втеченіи послѣдующихъ годовъ революціи управляютъ движенія народа, но отвѣтить на вопросъ: что такое народъ? становится довольно труднымъ. Если-бы въ половинѣ 1789 года мы могли спросить у каждаго взрослаго француза отдѣльно—

чего онъ хочетъ? и если-бы было возможно расположить общественныя дѣла сообразно съ тѣмъ отвѣтомъ, который дало-бы на нашъ вопросъ большинство французскихъ гражданъ, то навѣрное получились-бы результаты, совершенно непохожіе на то, что произошло въ дѣйствительности. Навѣрное большинство не захотѣло-бы ни смерти короля, ни террора, ни республики, ни императорскихъ войнъ. Навѣрное также большинство захотѣло-бы быть сытымъ, здоровымъ и свободнымъ, т. е. непринужденнымъ дѣлать то, что ему не нравится. Но эти желанія всякому политику, обращающемуся къ народу посредствомъ suffrage universel, показались-бы наивными до нелѣпости и для большинства совершенно неосуществимыми, хотя каждый человѣкъ отдѣльно лично для себя считаетъ подобныя желанія въ высшей степени скромными. Всѣ практическіе люди вообще, а политики, обращающіеся къ suffrage universel въ особенности, знаютъ твердо, что облагодѣтельствовать можно только избранное меньшинство и притомъ не иначе, какъ на счетъ кроткаго большинства. Большинство также знаетъ это; оно не можетъ доказать неизбѣжность этого факта экономическими выкладками и историческими примѣрами; но оно привыкло къ тому, что всегда такъ бываетъ; привычка терпѣть лишенія не заглушила въ немъ потребностей, вложенныхъ природой въ каждый живой организмъ, но довела большинство до того, что оно плохо вѣритъ въ возможность когда-нибудь удовлетворять этимъ потребностямъ вполнѣ. Бываютъ минуты, когда это привычное недовѣріе къ будущему уступаетъ мѣсто страстному взрыву надежды, но надежда не осуществляется, потому что для осуществленія ея необходимъ не минутный взрывъ, а долговременная, напряженная и строго послѣдовательная дѣятельность. До сихъ поръ еще не было на свѣтѣ такого народа, въ которомъ большинство было-бы способно къ сознательной коллективной дѣятельности. За минутой надежды всегда слѣдовало горькое разочарованіе, а потомъ прежнее апатическое недовѣріе. Но кромѣ кроткаго большинства, проникнутаго непроизвольнымъ скептицизмомъ, въ каждомъ народѣ существуетъ обыкновенно энергическое и безпокойное меньшинство, которое ни подъ какимъ видомъ не хочетъ и даже по складу своего ума не можетъ помириться съ приговоромъ житейской мудрости, утверждающимъ, что «такъ всегда было, стало - быть такъ и быть должно». Почему должно? говоритъ это неугомонное меньшинство; совсѣмъ не должно! Пустяки! Что люди сдѣлали, то люди могутъ передѣлать!

Когда большинство народа относится къ своему будущему съ холодной беззаботностью привычнаго отчаянія, тогда люди меньшинства не имѣютъ вліянія ни на массу своихъ соотечественниковъ, ни на общій ходъ событій, тогда событія опредѣляются въ своемъ развитіи такими случайными и мелкими причинами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ потребностями и стремленіями, съ хорошими свойствами или съ дурными страстями милліоновъ. Въ это время люди меньшинства много говорятъ и пишутъ, но на нихъ обращаютъ вниманіе только для того, чтобы преслѣдовать ихъ насмѣшками, или изъ этихъ людей выработываются въ такія времена неисправимые мечтатели, а въ низшихъ слояхъ общества люди такого типа легко превращаются въ энергическихъ преступниковъ, потому что неудовольствіе ихъ противъ несовершенствъ жизни выражается не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ конкретныхъ поступковъ. Когда вѣковая апатія большинства смѣняется минутнымъ пробужденіемъ лихорадочной энергіи и изступленной надежды, тогда люди меньшинства тотчасъ выдвигаются впередъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы; на нѣсколько недѣль или на нѣсколько дней они становятся оракулами и идолами толпы.

X.

Въ ночномъ засѣданіи національнаго собранія съ 4 на 5 августа дворянство, соединившееся съ духовенствомъ и съ третьимъ сословіемъ послѣ взятія Бастиліи, великодушно отказалось отъ своихъ феодальныхъ правъ, которыя въ то время опасно было предъявлять и которыми во всякомъ случаѣ невозможно было пользоваться. Декреты, изданные національнымъ собраніемъ послѣ этого ночного засѣданія, отмѣнили множество денежныхъ и натуральныхъ повинностей, которыя фактически уже не существовали; законодательная власть записала только на бумагѣ то, что было совершено на французской территоріи общимъ движеніемъ народа въ концѣ іюля. Отмѣнивъ феодальныя права, собраніе стало разсматривать объявленіе о правахъ человѣка, представленное Лафайетомъ 11-го іюля и составившее введеніе къ новой конституціи. Идея о такомъ объявленіи была заимствована у американцевъ. Собраніе долго обсуждало проектъ Лафайета, разбирало каждый параграфъ отдѣльно, взвѣшивало каждое выраженіе и наконецъ 27-го августа утвердило окончательную редакцію, въ которой основная мысль автора осталась неизмѣнной.

Зибель—въ исторіи революціоннаго времени, и Шлоссеръ—въ исторіи XVIII столѣтія, говорятъ оба, что объявленіе о правахъ человѣка было со стороны собранія дѣломъ очень неблагоразумнымъ, и что дѣйствіе этого объявленія оказалось впослѣдствіи въ высшей степени разрушительнымъ. Читатель безъ сомнѣнія расположенъ скорѣе согласиться съ приговоромъ двухъ замѣчательныхъ историковъ, чѣмъ съ мо-

имъ личнымъ мнѣніемъ, не имѣющимъ за себя никакого авторитета, Несмотря на это расположеніе читателя, которое я съ своей стороны вполнѣ понимаю и одобряю, я отважусь въ этомъ случаѣ не согласиться ни съ Зибелемъ, ни съ Шлоссеромъ. Мнѣ кажется, что оба они придаютъ слишкомъ много значенія бумажнымъ декретамъ національнаго собранія. То настроеніе умовъ, которое побуждало общество требовать объявленія о правахъ и которое заставило это общество съ восторгомъ принять произведеніе Лафайета и національнаго собранія, можетъ конечно быть названо разрушительнымъ. Но самое изданіе объявленія ничего не прибавило и не могло прибавить къ возбужденію умовъ. Оно не сказало рѣшительно ничего новаго тѣмъ французамъ, которые въ Парижѣ штурмовали Бастилію, а въ провинціяхъ разрушали феодальные замки и средневѣковыя учрежденія. Было-бы странно думать, что печатная фраза, какая-бы она ни была задорная, можетъ развратить невинные умы тѣхъ людей, которые привыкли слушать на улицахъ такихъ ораторовъ, какъ Дантонъ и Камиль Демуленъ, и которые кромѣ того привыкли исполнять немедленно то, о чемъ разсуждали съ ними эти господа. Политическая теорія, проведенная въ объявленіи о правахъ, была давно уже приложена къ дѣлу, и національное собраніе въ этомъ случаѣ, какъ въ отмѣны феодальныхъ учрежденій, изложило только на бумагѣ то, что каждый уличный мальчишка въ Парижѣ зналъ изъ практической жизни. Объявленіе о правахъ было слѣдствіемъ и симптомомъ народнаго настроенія; пока продолжалось это народное настроеніе, сначала во всей массѣ населенія, а потомъ въ энергическомъ меньшинствѣ, до тѣхъ поръ принципы лафайетовской деклараціи воплощались въ ежедневныхъ явленіяхъ жизни; когда горячій пароксизмъ прошелъ, тогда декларація со всѣми ядовитыми сѣменами, которыя усматриваютъ въ ней Зибель и Шлоссеръ, оказалась такимъ же старымъ лоскутомъ бумаги, какъ большая часть изъ 2500 законовъ, изданныхъ учредительнымъ собраніемъ, и какъ множество французскихъ конституцій, возникавшихъ и погибавшихъ одна за другой. Декларація правъ была издана въ 1789 году, а спустя пятнадцать лѣтъ, благополучно царствовалъ уже императоръ Наполеонъ I, который всякія деклараціи называлъ идеологіей и который дѣйствительно имѣлъ полное основаніе презирать идеологію, потому что она не мѣшала французамъ жертвовать за его фантазіи состояніемъ и жизнью.

Гдѣ-же послѣ этого разрушительное дѣйствіе этой деклараціи? Наконецъ стоитъ только сличить декларацію правъ съ любымъ нумеромъ газетъ, читавшихся въ то время въ Парижѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что декларація, даже какъ кусокъ печатной бумаги, по содержанію и по формѣ выраженія, гораздо скромнѣе и невиннѣе тѣхъ произведеній, которыя составляли ежедневную умственную пищу французской публики. Но каждый разсудительный человѣкъ понимаетъ, что и газеты того времени только удовлетворяли существовавшимъ потребностямъ, а не создавали ихъ своимъ появленіемъ. Бриссо, Карра, Горса, Лустало, Демуленъ, Фреронъ, Мара были очень яркими значками своей эпохи, но не они создали эпоху, а напротивъ того эпоха произвела на свѣтъ ихъ литературное и политическое направленіе.

Въ общемъ результатѣ можно сказать, что объявленіе о правахъ человѣка было такой же вывѣской революціи, какъ и знаменитая трехцвѣтная кокарда, которой Франція обязана тому же генералу Лафайету. Французы, по складу своего ума и по особенностямъ своего національнаго характера, чрезвычайно любятъ всякіе «вещественные знаки» и потому они ухватились обѣими руками и за декларацію, и за кокарду, и придали тому и другому какое-то мистическое значеніе; старые наполеоновскіе солдаты, какъ извѣстно, плакали и ругались, когда имъ приходилось снимать съ киверовъ трехцвѣтную кокарду и прикрѣплять бѣлую; они продолжали дорожить вывѣской, когда идея давно уже улетучилась. Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности увѣрять читателя въ томъ, что ни пестрота кокарды, ни изящные періоды деклараціи не имѣли никакого вліянія на развитіе революціи. Агитаторы могли порой ссылаться на тотъ или другой параграфъ деклараціи, но если бы декларація вовсе не существовала, тогда эти агитаторы стали бы только подробно развивать въ своихъ рѣчахъ или статьяхъ тѣ принципы, на которые они при существованіи деклараціи могли просто указывать. Да и наконецъ надо помнить, что эти принципы были уже тогда общимъ умственнымъ достояніемъ массъ. Декларація повторила еще разъ то, что уже было всѣмъ извѣстно и затвержено наизусть. Народъ желалъ только, чтобы собраніе произнесло ту мысль, которая нравится ему, народу, точно такъ же, какъ онъ желалъ потомъ, чтобы собраніе принимало участіе въ той или другой патріотической процессіи. Это пристрастіе къ знаменательнымъ штучкамъ составляетъ очень любопытную черту французскаго національнаго характера, и историкъ безъ сомнѣнія долженъ ее отмѣтить и принять въ соображеніе. Но это пристрастіе дѣйствуетъ разумѣется только на декоративную сторону событій, а не на общее ихъ направленіе, которое всегда зависитъ отъ общихъ и великихъ причинъ.

Окончивъ обсужденіе деклараціи, національное собраніе стало разсматривать основныя положенія будущей конституціи. На очереди стояли слѣдующіе вопросы: будетъ-ли законодательная власть принадлежать одной палатѣ, или

нѣсколькимъ? будутъ-ли промежутки между засѣданіями законодательнаго корпуса? будетъ-ли король имѣть участіе въ законодательной власти? зависитъ-ли отъ короля утвердить или отвергнуть статьи той конституціи, которая вырабатывается теперешнимъ національнымъ собраніемъ? Всѣ эти вопросы, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ и упорныхъ преній, были рѣшены въ такомъ смыслѣ, что надежды Неккера пересадить на французскую землю англійскую конституцію оказались совершенно несбыточными мечтами. Законодательная власть была предоставлена одному собранію выборныхъ депутатовъ. Промежутковъ между его засѣданіями не допускалось. Король долженъ былъ безусловно принять составленную конституцію. Вопросъ объ участіи короля въ законодательной власти послѣдующихъ собраній былъ рѣшенъ посредствомъ компромисса между требованіями лѣвой стороны и желаніями монархистовъ. Положили, что король можетъ отсрочивать предлагаемый законъ, но что онъ обязанъ утвердить его, если два слѣдующія собранія также признаютъ отсроченный законъ необходимымъ.

Пока національное собраніе разсуждало въ Версалѣ о высшихъ вопросахъ философской политики и государственнаго права, простой народъ въ Парижѣ былъ одержимъ двумя такими заботами, которыхъ конечно не могла устранить въ данную минуту никакая конституціонная система. Во-первыхъ—народу мерещились вездѣ заговоры аристократовъ; во-вторыхъ,—хлѣбъ былъ дорогъ, и народъ былъ увѣренъ, что дороговизну производятъ купцы, которыхъ слѣдуетъ перевѣшать. Каждый день разыгрывались на эти двѣ неистощимыя темы самыя разнообразныя траги-комедіи; общія основы этихъ эпизодовъ тогдашней уличной жизни проникнуты глубокимъ трагизмомъ: гнетущая бѣдность народа и непобѣдимое недовѣріе его ко всему, что держитъ въ рукахъ общественную власть, лежатъ въ основаніи ежедневныхъ парижскихъ событій; развязка этихъ событій была обыкновенно ужасна, но тотъ отдѣльный поводъ, который въ одну минуту поднималъ цѣлую бурю, та народная логика, которая обнаруживалась въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ толпы, были обыкновенно нелѣпы до крайнихъ предѣловъ смѣшного. Не было того слуха, не было той басни, которые не подхватывались бы массой и не облетали бы въ одну минуту цѣлые кварталы, если только этотъ слухъ и эта басня попадали въ тонъ господствующему настроенію, т. е. если они говорили о коварствѣ двора и корыстолюбіи барышниковъ, или объ ошибкахъ городского управленія. Городское управленіе съ половины іюля находилось въ рукахъ избирателей, т. е. имущихъ гражданъ столицы; они назначили посредствомъ выборовъ большой контролирующій совѣтъ изъ трехъ-сотъ членовъ; а этотъ совѣтъ выбралъ изъ среды себя городской совѣтъ въ шестьдесятъ членовъ, который, подъ предсѣдательствомъ выборнаго мэра, сталъ заниматься текущими дѣлами управленія. Мэромъ былъ сдѣланъ, какъ я уже говорилъ, президентъ національнаго собранія Бальи, человѣкъ пользовавшійся популярностью и уваженіемъ. Избиратели и члены городского управленія дѣйствовали заодно съ народомъ при штурмѣ Бастиліи и вообще при борьбѣ съ старымъ правительствомъ; но когда третье сословіе одержало рѣшительную побѣду въ собраніи, въ столицѣ и во всемъ государствѣ, когда предводители вооруженной уличной оппозиціи въ свою очередь сдѣлались начальствомъ, тогда между новымъ начальствомъ и народомъ тотчасъ начались неудовольствія. Начальство, какъ начальство, старалось водворить порядокъ, но такъ какъ порядокъ, при разгоряченномъ состояніи умовъ, при застоѣ всѣхъ работъ и при всеобщей нищетѣ, былъ рѣшительно невозможенъ, то популярность новаго начальства утратилась въ первые же дни его господства среди безплодныхъ попытокъ укротить народную тревогу. Пролетарій увидѣлъ съ наивнымъ изумленіемъ и съ комическимъ или вѣрнѣе опять-таки траги-комическимъ гнѣвомъ, что побѣда третьяго сословія къ нему, пролетарію, совсѣмъ не относится, и что всякія политическія права существуютъ и имѣютъ значеніе только для людей состоятельныхъ, т. е. для тѣхъ людей, которымъ при всякомъ порядкѣ вещей живется не совсѣмъ плохо. Пролетарій, несмотря на свою неразвитость, или, какъ говорятъ другіе писатели, по причинѣ своей неразвитости, смекнулъ въ одну минуту, что кромѣ родовой аристократіи есть еще аристократія денежная, и что этой послѣдней аристократіи онъ, пролетарій, доставилъ надъ первой полную побѣду, отъ которой ему, пролетарію, не досталось ничего, кромѣ горячихъ подзатыльниковъ. Избиратели третьяго сословія, одержавшіе побѣду и овладѣвшіе городской властью, находили, что это превосходно, и Бальи говорилъ: «превосходно», и Лафайетъ съ національной гвардіей говорилъ: «превосходно», но пролетарій, опять-таки по своей неразвитости, совсѣмъ не могъ взять въ толкъ, что тутъ превосходнаго? Но такъ какъ начальству толковать съ пролетаріемъ было некогда и такъ какъ кромѣ того не было надежды, чтобы они до чего-нибудь могли дотолковаться, то городскія власти и національная гвардія, состоявшая изъ имущихъ горожанъ, въ августѣ и въ сентябрѣ стали дѣйствовать противъ демократической прессы и противъ уличныхъ ораторовъ, которымъ они весьма горячо сочувствовали въ іюнѣ и въ іюлѣ, т. е. тогда, когда они еще не были городскими властями и національными гвардейцами. Начальственныя распоряженія городскихъ властей повели только къ тому результату, что простой народъ, про-

клинавшій до того времени аристократовъ и барышниковъ, сталъ проклинать еще и буржуазію и сталъ ненавидѣть послѣднюю тѣмъ сильнѣе, что до того времени онъ считалъ ее своей естественной союзницей и будущей спасительницей. Однимъ предметомъ ненависти у пролетарія стало больше, и это обстоятельство не содѣйствовало ни къ просвѣщенію его ума, ни къ смягченію его характера.

Положеніе буржуазіи вообще и городскихъ властей въ особенности было затруднительно и тяжело до послѣдней степени. Буржуазія могла ежеминутно ожидать, что народъ обратится противъ собственности съ той же разрушительной энергіей, съ какой буржуазія обратилась противъ аристократическихъ привилегій породы. Городскимъ властямъ приходилось еще круче: имъ надо было, во что бы то ни стало, добывать для Парижа достаточное количество продовольствія; годъ былъ неурожайный; провинція и города удерживали свои запасы хлѣба для самихъ себя, надо было закупать большія партіи хлѣба за границей по дорогой цѣнѣ, потомъ давать бѣднякамъ деньги, чтобы имъ было на что купить себѣ хлѣба. Послѣдняя часть программы была необходима, потому что при началѣ волненій большая часть ремесленныхъ заведеній Парижа закрылась; капиталы попрятались; роскошь сдѣлалась опасной, а такъ какъ промышленность Парижа была основана преимущественно на удовлетвореніи требованіямъ аристократической роскоши, то огромное число работниковъ осталось на улицѣ, безъ хлѣба и безъ занятій. Городскія власти придумали открыть общественныя мастерскія; тысячи пролетаріевъ стали стекаться въ нихъ въ тотъ день, когда раздавалась недѣльная плата, и только сотни приходили работать. Слухи о легкихъ заработкахъ разнеслись по окрестностямъ, и Парижъ сталъ наполняться тысячами пришлаго населенія, такъ что чѣмъ больше городскія власти старались объ устраненіи голода, тѣмъ труднѣе становилась ихъ задача. Средства городской казны были совершенно недостаточны для того, чтобы кормить все бѣдное населеніе Парижа; но Бальи объявилъ Неккеру, что если въ Парижѣ хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ, то изъ этого получится новая революція; стало-быть пусть Неккеръ беретъ денегъ, откуда хочетъ, и пусть прокармливаетъ этими деньгами Парижъ. Дѣлать было нечего, Неккеръ доставалъ денегъ, и одинъ милліонъ за другимъ исчезалъ въ парижскихъ желудкахъ. Новой революціи не произошло, но спокойствіе не возстановлялось; пролетаріи хотѣли, чтобы имъ было хорошо, а имъ все-таки было дурно, хотя городъ и государство раззорялись на покупку хлѣба для ихъ продовольствія; надежда на лучшее была пробуждена, и нужно было много передрягъ для того, чтобы надежда эта опять заглохла, и все-таки она можетъ заглохнуть только на время, и періодическія пробужденія ея всегда будутъ сопровождаться страшными потрясеніями, до тѣхъ поръ, пока люди не захотятъ и не съумѣютъ осуществить ее тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ началѣ октября народъ вообразилъ себѣ, что дороговизна прекратится, и что всѣ его дѣла пойдутъ превосходно, если онъ убѣдитъ или заставитъ короля и національное собраніе переѣхать изъ Версаля въ Парижъ; какими соображеніями руководствовался тутъ самъ народъ, этого отгадать невозможно, потому что у него была своя собственная логика; но тѣ люди, которые натолкнули народъ на эту идею, имѣли свои причины желать присутствія короля въ Парижѣ. Городское управленіе съ наслажденіемъ думало о королевскихъ суммахъ (liste civile), которыя король, послѣ пріѣзда въ Парижъ, поневолѣ долженъ будетъ отдавать на продовольствіе города для поддержанія спокойствія. Лафайетъ понималъ, что начальникъ парижской національной гвардіи будетъ господствовать надъ королемъ и надъ собраніемъ. Герцогъ Орлеанскій, котораго клиенты интриговали во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія, хотѣлъ посредствомъ популярности добыть себѣ регентство, а со временемъ можетъ быть и корону; ему не хотѣлось, чтобы король пріѣхалъ въ Парижъ, но онъ желалъ, чтобы народъ, отправившись за королемъ въ Версаль, заставилъ его бѣжать оттуда куда-нибудь подальше; его-бы не огорчило также то обстоятельство, если-бы король и дофинъ погибли въ мятежѣ. Словомъ, съ разныхъ сторонъ и по разнымъ причинамъ обнаружилось въ различныхъ коноводахъ желаніе натравить народъ на Версаль, а народъ, по своему обыкновенію, разыгралъ роль увѣсистаго орудія. 5-го октября совершилось нашествіе народа на королевскую резиденцію, а 6-го короля и его семейство привезли въ Парижъ. Я говорю, что его привезли, потому что тутъ о свободномъ актѣ воли его не могло быть и рѣчи. Съ минуты своего отъѣзда изъ Версаля до самой своей смерти Людовикъ XVI постоянно находился въ плѣну и въ опасности. 19 октября національное собраніе также переѣхало въ Парижъ.

XI.

Ни побѣда третьяго сословія въ національномъ собраніи, ни волненія пролетаріевъ въ Парижѣ, ни возстанія крестьянъ во всѣхъ провинціяхъ государства не могли содѣйствовать поправленію финансовъ. Бѣдность французскаго народа и вслѣдствіе этого бѣдность государства, прямымъ или косвеннымъ образомъ, составляетъ основу всѣхъ трагическихъ событій французской революціи. Непосредственная нужда въ денежныхъ средствахъ, нужда, не терпящая отлагательства, постоянно вовлекала всѣ различныя министерства и законодательныя со-

бранія революціонной эпохи въ такія финансовыя и политическія мѣры, которыя немедленно вели за собой безчисленныя затрудненія и компликаціи. Уничтоженіе феодальныхъ повинностей и эмансипація всѣхъ различныхъ отраслей труда непремѣнно должны были современемъ удвоить и утроить массу народнаго богатства, но послѣдствія этихъ преобразованій могли обозначиться не раньше, какъ черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, между тѣмъ пролетарію хотѣлось ѣсть сегодня, а правительству необходимы были деньги на текущіе расходы; надо было дѣйствовать такъ или иначе, чтобы выпутываться изъ ежедневныхъ затрудненій.

10 октября епископъ отенскій, знаменитый Талейранъ, предложилъ въ національномъ собраніи воспользоваться церковными имуществами для потребностей государства. 12 октября Мирабо предложилъ объявить церковныя имущества собственностью націи. 2 ноября національное собраніе приняло предложеніе Мирабо. Отбирая въ свою пользу имѣнія духовенства, государство вмѣстѣ съ тѣмъ принимало на себя обязанность оплачивать расходы богослуженія и выдавать жалованье священникамъ. Вся эта операція казалась чрезвычайно выгодной по слѣдующему разсчету: имѣнія духовенства приносили ему до 70 милліоновъ годового дохода, а доходъ съ поземельной собственности въ то время равнялся обыкновенно во Франціи одной тридцать-третьей части продажной цѣны; слѣдовательно, помножая 70 на 33, мы получаемъ цифру 2310, и такимъ образомъ оказывается, что продажей церковныхъ имуществъ можно выручить сумму въ 2310 милліоновъ. Эту сумму слѣдуетъ употребить на выкупъ шести-процентныхъ и семи-процентныхъ государственныхъ бумагъ; когда этотъ выкупъ будетъ произведенъ, тогда государство освободится отъ 150 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; если изъ этихъ остающихся въ экономіи 150 милліоновъ, государство будетъ употреблять на содержаніе церкви даже 100 милліоновъ, то все-таки государство будетъ имѣть каждый годъ 50 милліоновъ чистаго барыша.

Цифры были заманчивы, но разсчетъ былъ невѣренъ въ основаніи. Во-первыхъ—въ общую сумму доходовъ, равнявшуюся 70 милліонамъ, входили доходы съ имѣній мальтійскаго ордена и съ имуществъ, принадлежавшихъ школамъ и госпиталямъ; за исключеніемъ этихъ имѣній и имуществъ, которыя, по мнѣнію всего собранія, должны были оставаться неприкосновенными, церковныя имущества давали не 70, а 50 милліоновъ дохода. Во-вторыхъ—не всѣ церковныя имущества состояли въ поземельныхъ владѣніяхъ; у духовенства было много городскихъ домовъ, государственныхъ бумагъ и частныхъ долговыхъ обязательствъ; всѣ эти предметы не могли принести при продажѣ сумму, равнявшуюся тридцати тремъ годовымъ доходамъ. Кромѣ того продажа огромныхъ поземельныхъ владѣній неизбѣжно должна была понизить цѣну на земли, потому предложеніе непремѣнно оказалось бы сильнѣе запроса. Стало-быть даже для земель духовенства нельзя было разсчитывать на ту продажную цѣну, которая въ то время давалась во Франціи при нормальныхъ условіяхъ продажи. На основаніи этихъ соображеній, надо было вмѣсто цифры 33 поставить цифру 25, а такъ какъ и другой множитель 70 понизился до 50, то и произведеніе окажется не 2310, а всего только 1250. Получивши такимъ образомъ отъ продажи церковныхъ имуществъ 1,250 милліоновъ, можно было освободить государство только отъ 80 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; стало-быть, чтобы получить отъ всей этой колоссальной операціи барышъ, надо было устроить такъ, чтобы содержаніе церкви стоило въ годъ меньше 80 милліоновъ. Но устроить это, не измѣняя внутреннихъ учрежденій церковнаго управленія, было невозможно. Крайняя лѣвая сторона собранія и радикалы въ обществѣ и въ народѣ радовались этой необходимости внести волю націи въ церковныя учрежденія. Но легко можно было предвидѣть, что столкновеніе законодательной власти съ древними статутами католической церкви приведетъ въ волненіе всѣ клерикальные инстинкты страны. Инстинкты эти не были достаточно сильны для того, чтобы одержать перевѣсъ надъ революціоннымъ движеніемъ, но, при крайней необразованности сельскаго населенія, они легко могли выразиться въ противуреволюціонныхъ возстаніяхъ, могли положить основаніе междоусобной войнѣ и послужить современемъ исходной точкой для будущей католической реакціи.

Надъ подобной перспективой государственные люди учредительнаго собранія могли бы задуматься, если бы вообще они имѣли возможность сдѣлать свободный выборъ; но именно свободнаго-то выбора у нихъ и не было; оставить государство безъ денегъ было невозможно; стало-быть надо было продавать церковныя имущества и утѣшать себя тѣмъ, что утро вечера мудренѣе, и что когда представится затрудненіе, тогда можно будетъ придумать какую-нибудь спасительную мѣру.

Поддерживая 12 октября свое предложеніе о церковныхъ имуществахъ, Мирабо дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ особенныхъ разсчетовъ, которыми онъ до поры до времени не считалъ нужнымъ дѣлиться съ остальными членами учредительнаго собранія. Онъ въ это время находился въ сношеніяхъ съ дворомъ, получалъ отъ него деньги, старался усилить правительство и имѣлъ въ виду стать во главѣ министерства, или по крайней мѣрѣ сдѣлаться его руководителемъ. Много и часто было говорено о томъ, что Мирабо продалъ свои убѣжденія и измѣнилъ на-

родному дѣлу; если негодующіе противъ него историки имѣютъ въ виду его личный характеръ, то я конечно не стану его оправдывать и даже не возьму на себя труда объяснять его поступки, потому что мнѣ въ этой статьѣ до отдѣльныхъ личностей нѣтъ никакого дѣла. Принимая деньги отъ двора, Мирабо поступалъ во всякомъ случаѣ какъ взяточникъ, причемъ конечно, величина взятки соотвѣтствовала силѣ его ораторскаго таланта и могуществу его популярности. Но о продажѣ убѣжденій и объ измѣнѣ народному дѣлу здѣсь не можетъ быть и рѣчи: Мирабо съ начала до конца своей дѣятельности оставался вѣренъ себѣ; онъ никогда не поворачивалъ назадъ, а онъ просто, дойдя до извѣстной точки, сказалъ, что дальше идти не слѣдуетъ; сказалъ не потому, что былъ подкупленъ, а потому что всегда считалъ эту извѣстную точку тѣмъ предѣломъ, на которомъ должно остановиться.

Этотъ фактъ важенъ и любопытенъ для насъ, потому что Мирабо является самымъ даровитымъ представителемъ и самымъ крупнымъ воплощеніемъ тѣхъ идей и стремленій, которыя, выдвинувшись впередъ въ самомъ началѣ революціи, скоро должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе яркимъ и рѣзко обозначеннымъ направленіямъ. Политическая программа Мирабо осталась невыполненной не потому, что его личность перестала пользоваться довѣріемъ честныхъ гражданъ, а потому, что требованія партій и массъ, еще неутомленныхъ революціонной борьбой, были въ то время безпредѣльно широки; ихъ не могла ни примирить, ни удовлетворить никакая отдѣльная система. Въ перепискѣ своей съ графомъ Ламаркомъ, довѣреннымъ лицомъ королевы, Мирабо развиваетъ свои политическія убѣжденія, стараясь доказать королю и его приближеннымъ, что, только дѣйствуя сообразно съ этими убѣжденіями, можно спасти государство отъ окончательной катастрофы. Въ этихъ письмахъ, посредствомъ которыхъ Мирабо велъ свои переговоры съ дворомъ, очевидно должно было бы выразиться съ полной рельефностью отступничество Мирабо отъ интересовъ народа, если бы только это отступничество вообще когда-нибудь существовало. Но Мирабо разсуждаетъ здѣсь о государственныхъ дѣлахъ такъ, какъ разсуждалъ о нихъ всегда и вездѣ. Онъ конституціонную монархію считаетъ лучшей изъ всѣхъ извѣстныхъ политическихъ системъ, причемъ онъ однако придаетъ особенную важность не внѣшнимъ формамъ управленія, а тѣмъ основнымъ началамъ, которыхъ держится правительство въ своихъ отношеніяхъ къ народной жизни; онъ хочетъ, чтобы не было частныхъ привилегій, чтобы трудъ оставался свободнымъ отъ помѣщичьяго и цехового гнета, чтобы капиталъ былъ освобожденъ отъ монополіи столичной биржи, чтобы судопроизводство не находилось въ зависимости отъ землевладѣльцевъ и отъ парламентскихъ фамилій, чтобы государственные финансы не разстраивались придворными прихотями, чтобы національное единство не ослаблялось внутренними таможнями и провинціальными привилегіями. Словомъ, онъ хочетъ, чтобы правительство было сильно и популярно, т. е. чтобы оно пользовалось своей силой только для народнаго блага; для этого онъ находитъ необходимымъ, чтобы король былъ независимъ отъ фантазій парижскаго пролетаріата, но чтобы онъ дѣйствовалъ постоянно и добросовѣстно, заодно съ національнымъ собраніемъ и чтобы онъ былъ связанъ съ этимъ собраніемъ самымъ неразрывнымъ союзомъ. Фактическую возможность такого союза Мирабо видитъ въ томъ, что совѣтниками короны должны быть постоянно самые вліятельные предводители парламентскаго большинства. Такъ какъ Мирабо никогда не стремился къ республикѣ и такъ какъ онъ всегда пользовался волненіями пролетаріата только какъ орудіемъ противъ феодальной оппозиціи, то въ письмахъ своихъ къ графу Ламарку онъ остается совершенно вѣренъ политическимъ идеямъ всей жизни.

Чтобы привести эти идеи къ осуществленію, ему дѣйствительно необходимо было быть министромъ. Задача, которую онъ себѣ ставилъ, въ то время была неисполнима даже для него, но уже всякому другому человѣку за нее нечего было и браться. Чтобы заранѣе избавить свое будущее министерство отъ гнетущаго безденежья, Мирабо пустилъ въ ходъ предложеніе о церковныхъ имуществахъ. Какъ только предложеніе это было принято, такъ Мирабо тотчасъ двинулъ впередъ рядъ новыхъ проектовъ. Онъ предложилъ обезпечить спокойствіе Парижа закупкой большихъ запасовъ хлѣба, поручить завѣдываніе государственнымъ долгомъ особому вѣдомству, независимому отъ министерства финансовъ, дозволить этому вѣдомству пустить въ обращеніе кредитные билеты, обезпеченные церковными имуществами, и наконецъ предоставить министрамъ короля совѣщательный голосъ въ національномъ собраніи. Послѣднее предложеніе, которое Мирабо дѣлалъ уже одинъ разъ въ концѣ сентября, прямо клонилось къ министерской кандидатурѣ самого оратора. Но въ собраніи господствовало такое настроеніе отдѣльныхъ партій, при которомъ составленіе сильнаго министерства было совершенно невозможно. Можетъ быть такое министерство было-бы чрезвычайно благодѣтельно для Франціи, если бы оно составилось и начало дѣйствовать, но вся бѣда заключалась въ томъ, что оно не могло при тогдашнихъ обстоятельствахъ ни составиться, ни удержаться. Оппозиція противъ правительства была безконечно сильна и въ національномъ собраніи, и на улицахъ, и въ провинціяхъ; въ оппозиціи собранія соединялись самые разнородные элементы, которые только въ оппозиціи и могли соединиться между собой, потому что

всѣ были недовольны настоящимъ и между тѣмъ всѣ хотѣли совершенно различныхъ вещей въ будущемъ. Республиканцы крайней лѣвой стороны и аристократы крайней правой стороны сходились между собой на томъ пунктѣ, что Мирабо не долженъ быть министромъ; и тѣ, и другіе хотѣли, чтобы правительство было слабо, потому что и тѣ, и другіе хотѣли произвести переворотъ въ свою пользу, а между тѣмъ въ то время еще ни тѣ, ни другіе не были въ силахъ образовать правительство изъ самихъ себя. Что-же касается до умѣренныхъ членовъ собранія, то между ними господствовало личное вліяніе Неккера и Лафайета, которые видѣли въ Мирабо опаснаго соперника, способнаго отнять у нихъ могущество и затмить ихъ популярность.

Изъ всѣхъ этихъ немногочисленныхъ партій и кружковъ составлялось въ общей сложности огромное большинство, и собраніе отвѣчало на предложеніе Мирабо такимъ объявленіемъ, которое попало не въ бровь, а въ глазъ; оно объявило 7 ноября, что ни одинъ депутатъ не можетъ быть членомъ министерства. Весь политическій планъ Мирабо разрушился окончательно; остались только предложенія его насчетъ церковныхъ имуществъ и на счетъ покупки хлѣба для Парижа; и то, и другое было необходимо во всякомъ случаѣ и не зависѣло ни отъ какихъ политическихъ комбинацій. Втеченіи всей зимы, съ 1789 на 1790 годъ, различные комитеты учредительнаго собранія изучили во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о продажѣ церковныхъ имуществъ. 19 декабря собраніе рѣшило, что слѣдуетъ на первый разъ продать изъ нихъ на сумму 400 милліоновъ. 6 февраля, выслушавъ докладъ своего комитета, собраніе рѣшило, что прежде всего должно упразднить монастыри и продать ихъ земли. По этому случаю было произнесено насчетъ монашества много непочтительныхъ рѣчей, въ которыхъ присутствовавшіе аббаты и епископы съ ужасомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ усмотрѣли духъ Дидро и Вольтера. Епископъ нансійскій заблагоразсудилъ даже спросить, продолжаетъ-ли католическое вѣроисповѣданіе считаться государственной религіей Франціи. Собраніе оставило этотъ язвительный вопросъ безъ отвѣта и настояло на упраздненіи монастырей. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы всѣ епископы и аббаты, сидѣвшіе въ собраніи, были подвержены приливамъ ужаса и сердечнаго сокрушенія. Въ числѣ епископовъ былъ Талеранъ, котораго ничто не сокрушало и не ужасало и которому принадлежала даже иниціатива въ дѣлѣ церковныхъ имуществъ; а въ числѣ аббатовъ сидѣли: Сійесъ, сдѣлавшій первый рѣшительный шагъ въ борьбѣ третьяго сословія съ привиллегированными классами, и Грегуаръ, не уступавшій въ радикализмѣ своему другу, Робеспьеру.

Тлетворный духъ времени проникалъ такимъ образомъ даже въ ряды того сословія, которое было связано съ средневѣковымъ прошедшимъ всѣми своими воспоминаніями и всѣми интересами своего могущества. Стонали католическіе пастыри, сохранившіе чистоту сердца, содрогались великія тѣни Григорія VII, Иннокентія III и Игнатія Лойолы, а монастырскія помѣстья все-таки пошли въ продажу и пошли тѣмъ скорѣе, что въ дѣло вмѣшался парижскій городской совѣтъ, которому забота о насущномъ хлѣбѣ, по очень понятнымъ причинамъ, не оставляла ни минуты покоя. Бальи постоянно убѣждалъ Неккера однимъ и тѣмъ-же разсужденіемъ, которое отъ повторенія не становилось избитымъ и не теряло своей силы. «Если, говорилъ онъ, пролетаріямъ нечего будетъ ѣсть, они все поставятъ вверхъ дномъ; не хотите революціи, такъ давайте денегъ». Въ первые два зимніе мѣсяца у Неккера забрали на покупку хлѣба 17 милліоновъ, да кромѣ того на общественныя мастерскія уходило по 360,000 ливровъ въ мѣсяцъ. Для Парижа не было ничего завѣтнаго; со времени пріѣзда короля на продовольствіе столицы тратились и королевскія суммы, и все это поѣдалось съ необыкновенной быстротой.

Когда въ національномъ собраніи покончилось дѣло о монастыряхъ, тогда городской совѣтъ рѣшился отломить для своихъ питомцевъ кусокъ предстоящей добычи. 10 марта Бальи явился къ рѣшеткѣ національнаго собранія, изобразилъ бѣдственное состояніе государственнаго кредита, выразилъ необходимость поскорѣе продать церковныя помѣстья и объявилъ собранію, что парижская коммуна готова взять на себя продажу своихъ монастырскихъ имуществъ, оцѣненныхъ въ 150 милліоновъ, съ тѣмъ, чтобы ей за хлопоты уступили четвертую часть тѣхъ денегъ, которыя будутъ выручены. «А за это, прибавилъ Бальи, городъ выстроитъ собранію прекрасный дворецъ». Какъ ни оригинально то обстоятельство, что одно общественное учрежденіе публично предлагаетъ другому такому-же учрежденію магарычъ, и какъ не соблазнительна была для собранія, засѣдавшаго въ манежѣ, перспектива имѣть собственный «прекрасный дворецъ», однако представители націи устояли противъ искушеній лукаваго Бальи и нашли, что заплатить за коммисію почти 40 милл. будетъ черезчуръ роскошно. Бальи смягчился, просилъ 16 милліоновъ. Собраніе согласилось.

Этотъ эпизодъ изображаетъ очень картинно то безвыходное отчаяніе, въ которое постоянное безденежье погружало всѣ общественныя вѣдомства. Понятно, что наивныя слова Бальи о прекрасномъ дворцѣ были просто судорожнымъ усиліемъ утопающаго схватиться за соломинку. Несчастнаго старика затормошили съ тѣхъ поръ,

какъ онъ былъ мэромъ. Городской совѣтъ дѣлалъ ему замѣчанія, большой контролирующій совѣтъ присылалъ ему выговоры; въ каждомъ парижскомъ кварталѣ былъ свой совѣтъ, который о дѣйствіяхъ мэра отзывался неодобрительно, и всѣ требовали денегъ, и всѣмъ деньги были дѣйствительно необходимы, а Бальи, узнавъ это, сообщалъ свое знаніе Неккеру, и обоимъ имъ приходилось отчаяваться. Тутъ поневолѣ договоришься до прекраснаго дворца.

17-го марта собраніе положило поручить продажу монастырскихъ имѣній городскимъ общинамъ королевства и предоставить послѣднимъ опредѣленную долю чистой выручки. Затѣмъ опредѣлено было выпустить 400 милл. ассигнацій, присвоить имъ внутри государства курсъ наравнѣ съ звонкой монетой, и потомъ принять ихъ обратно въ казну, какъ уплату отъ покупщиковъ монастырскихъ имуществъ. Въ это самое время комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ собранію докладъ, который окончательно озадачилъ все благочестивое духовенство. По проекту комитета, духовенство устранялось отъ управленія церковными имуществами, и управленіе передавалось свѣтскимъ вѣдомствамъ. Нація принимала на себя долги духовенства, доходившіе до 149 милліоновъ, и обязывалась выдавать на содержаніе церкви 133 милліона вмѣсто прежнихъ 170, составлявшихся изъ десятинной подати и изъ доходовъ. Но такъ какъ и эта сумма, по мнѣнію комитета, была слишкомъ велика, то предлагалось дать церкви на будущее время совершенно новое устройство, при которомъ оно ежегодно обходилось-бы государству въ 65 милліоновъ. Съ 170 милліоновъ перейти на 65 для всѣхъ благочестивыхъ людей было чрезвычайно обидно, и потому намъ совершенно понятны тѣ крики негодованія, которыми истинные столпы католичества встрѣтили мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи. Но собраніе не обратило вниманія на эти жалобы и очень серьезно стало разсматривать и обсуживать проектъ комитета.

XII.

Въ ту самую зиму, въ которую національное собраніе завоевало въ пользу націи церковныя имущества, оно также положило основаніе новому административному раздѣленію и устройству французской территоріи. Старое историческое раздѣленіе на провинціи было отмѣнено, и вся Франція распалась на 83 департамента, которые подраздѣлялись на 574 округа и 4730 кантоновъ. На всемъ пространствѣ французскаго королевства существовало въ то время около 44000 городскихъ и сельскихъ общинъ, которыя всѣ получили новое устройство по одному общему образцу. Каждая община должна была управляться выборнымъ совѣтомъ, и всѣ должности въ общинѣ должны были замѣщаться по непосредственнымъ выборамъ гражданъ безъ всякаго вмѣшательства или вліянія сверху. Округомъ управлялъ совѣтъ изъ 12 лицъ, а департаментомъ совѣтъ изъ 36 лицъ. Члены того и другого совѣта выбирались на два года коллегіями избирателей, составлявшимися по непосредственнымъ выборамъ гражданъ каждаго отдѣльнаго кантона. Департаментскій совѣтъ раскладывалъ подати по округамъ и общинамъ, наблюдалъ за исправностью сбора и препровождалъ собранныя суммы въ государственную казну. Онъ завѣдывалъ мѣстными путями сообщенія и заботился о полицейскомъ благочиніи. Въ его распоряженіи находились департаментскія суммы; ему довѣренъ былъ надзоръ за общеполезными учрежденіями и ему принадлежало также начальство надъ мѣстнымъ отрядомъ жандармовъ. Окружной совѣтъ подчинялся департаментскому и завѣдывалъ тѣми мѣстными подробностями администраціи, въ которыя неудобно было вникать департаментскому начальству. Впрочемъ окружные совѣты съ самаго своего происхожденія на свѣтъ считались совершенно излишней инстанціей, которая только замедляла теченіе дѣлъ, не принося взамѣнъ этого неудобства никакой осязательной пользы. Всѣ должностныя лица въ департаментѣ, въ округѣ и въ общинѣ только по приговору суда могли быть отрѣшены отъ должности до истеченія того срока, на который они были выбраны. Они были обязаны исполнять законныя приказанія короля, но король собственной властью не могъ ни награждать, ни наказывать ихъ. Если какое-нибудь изъ этихъ мѣстныхъ вѣдомствъ совершало противузаконный поступокъ, или обнаруживало небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, то вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли распустить это вѣдомство и предать его членовъ суду, разрѣшался въ національномъ собраніи. Королю предоставлялось впрочемъ право пріостановить дѣятельность провинившагося вѣдомства въ то время, пока національное собраніе будетъ разсматривать вопросъ о его виновности. Вся система была, какъ мы видимъ, основана на всеобщемъ приложеніи выборнаго начала. Въ выборахъ участвовали отъ 4 до 9 милліоновъ гражданъ, называвшихся полноправными или активными; они должны были быть совершеннолѣтними, должны были прожить по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ томъ округѣ, въ которомъ они подавали голосъ, и наконецъ должны были вносить сумму подати, равную поденной платѣ трехъ дней. Эти активные граждане не выбирали прямо депутатовъ національнаго собранія, а назначали посредствомъ выборовъ коллегіи избирателей, которыя выбирали какъ депутатовъ, такъ и членовъ департаментскихъ окружныхъ совѣтовъ. Чтобы быть избирателемъ, требовалось имѣть

въ собственности или въ пользованіи землю, которая-бы равнялась въ богатыхъ провинціяхъ цѣнѣ четырехсотъ, въ среднихъ—двухсотъ, а въ бѣдныхъ—сто-пятидесяти рабочихъ дней. Депутатомъ могъ быть человѣкъ, не имѣющій никакой собственности.

Мнѣніе о томъ, что декларація правъ человѣка и гражданина не имѣла въ себѣ той разрушительной силы, которую приписываютъ ей Зибель и Шлоссеръ, находитъ себѣ довольно сильное подтвержденіе въ этомъ бѣгломъ очеркѣ выборной системы, установленной національнымъ собраніемъ. То самое собраніе, которое съ величайшимъ воодушевленіемъ пустило въ свѣтъ декларацію, отклонилось отъ основныхъ принциповъ этой деклараціи на первомъ-же шагу своей законодательной дѣятельности. Декларація, составляющая введеніе въ конституцію, говоритъ, что всѣ граждане равны, а первыя страницы конституціи противорѣчатъ введенію и говорятъ, что есть граждане активные и граждане пассивные, и что различіе между тѣми и другими основывается на различіи имущества. Потомъ оказывается, что есть избиратели и неизбиратели, которые опять-таки различаются между собой по имуществу. Если сами творцы деклараціи такъ развязно уклоняются въ сторону отъ своего политическаго исповѣданія вѣры, то очевидно, что исповѣданіе не имѣетъ въ себѣ такой чудодѣйственной силы, которая сама по себѣ могла-бы покорять себѣ умы и направлять ихъ къ разрушенію красивыхъ политическихъ системъ.

Низшіе классы, несмотря на декларацію, увидѣли себя въ числѣ пассивныхъ гражданъ; тогда они нашли себѣ предводителей и обнаружили вскорѣ очень значительную степень активности. Печать оставалась совершенно свободной; національная гвардія срывала иногда со стѣнъ плакарды, а парижскій городской совѣтъ требовалъ иногда, чтобы каждый печатный листокъ выставлялъ имя отвѣтственнаго издателя, но подобныя распоряженія были совершенно случайны и произвольны, всегда вызывали противъ себя сильный отпоръ и никогда не достигали своей общей цѣли, т. е. не могли ни запугать радикальныхъ писателей, ни ослабить ихъ вліянія на массу пролетаріата. Право ассоціаціи также не было ограничено никакимъ закономъ, и пассивные граждане, которымъ отказано было въ голосѣ на выборахъ, пріобрѣли себѣ, благодаря праву ассоціаціи и указаніямъ радикальной прессы, такую организацію, которая въ скоромъ времени сдѣлалась сильнѣе всѣхъ оффиціальныхъ властей государства.

При самомъ началѣ засѣданій національнаго собранія нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны образовали клубъ, называвшійся бретанскимъ и собиравшійся въ Пуасси. Сначала въ этотъ клубъ принимались только депутаты, а потомъ, когда собраніе вслѣдъ за королемъ переѣхало въ Парижъ, въ клубъ стали допускать всѣхъ людей подходящаго образа мыслей. Засѣданія клуба стали происходить въ якобинскомъ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ члены этого общества стали называться якобинцами. Число ихъ разрослось очень быстро; весной 1791 года ихъ было уже 1800 человѣкъ въ одномъ Парижѣ; во всѣхъ провинціяхъ сформировались якобинскіе клубы, находившіеся въ постоянной перепискѣ между собой и съ центральнымъ парижскимъ обществомъ. Въ концѣ 1790 года всѣхъ якобинскихъ клубовъ во Франціи было до двухсотъ, и нѣкоторые изъ нихъ считали въ себѣ болѣе 1000 членовъ; конечно, очень многіе изъ этихъ членовъ не были ни фанатиками, ни демагогами; многіе записывались въ клубъ изъ подражанія другимъ, а впослѣдствіи для того, чтобы оградить себя отъ подозрѣній въ недостаткѣ патріотизма, но ядро каждаго клуба состояло изъ горячихъ демократовъ, слѣдившихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за парижскими событіями и готовыхъ, по первому сигналу со стороны вождей центральнаго общества произвести народное движеніе въ своемъ городѣ или въ своей провинціи. Эти ревностные якобинцы находились въ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ массами пассивныхъ и вообще бѣднѣйшихъ гражданъ, которые вполнѣ вѣрили этимъ вождямъ и легко поднимались на ноги при первомъ востребованіи.

Когда на всю Францію раскинулась такимъ образомъ сѣть демократическихъ обществъ, проповѣдовавшихъ съ неукротимымъ жаромъ истребительную войну противъ королевской власти, противъ аристократовъ, противъ духовенства, противъ капиталистовъ, словомъ, противъ всего, что стояло выше пролетарія, когда въ каждой провинціи голодная масса нашла себѣ коноводовъ, неразрывно связанныхъ съ ней и между собой единствомъ надеждъ и стремленій, тогда пассивные граждане сдѣлались неизмѣримо сильнѣе активныхъ.

Но здѣсь я опять долженъ повторить ту мысль, которая не разъ находила себѣ приложеніе въ предыдущихъ главахъ моей статьи. Не отдѣльныя единицы и не частныя явленія создаютъ общія положенія, а на оборотъ общія положенія сообщаютъ единицамъ и явленіямъ всю ихъ силу и весь ихъ смыслъ. Не клубы, не рѣчи ораторовъ, не газеты Демулена и Марата производили въ низшихъ слояхъ французскаго общества неумолимое озлобленіе, а напротивъ существовавшее озлобленіе порождало и поддерживало и клубы, и яростныя рѣчи, и неистовыя газеты. Вожди и агитаторы давали существующей силѣ организацію и единство общаго направленія, но эта сила существовала совершенно независимо отъ нихъ и часто толкала ихъ впередъ тогда, когда они считали удобнымъ пріостановиться.

Ораторы и журналисты могли разработывать въ отдѣльныхъ приложеніяхъ общіе мотивы народнаго настроенія, но чуть только они пробовали уклониться отъ этихъ мотивовъ,—тотчасъ масса кричала имъ, что они измѣнники и что ихъ немедленно потащатъ къ фонарному столбу. Исторія революціи переполнена трагическими эпизодами, въ которыхъ вчерашній любимецъ массы погибаетъ сегодня отъ рукъ этой массы въ ту самую минуту, когда онъ, полагаясь на свою популярность, пробуетъ внести въ движеніе свои личные взгляды, несовмѣстные съ общими стремленіями его недавнихъ восторженныхъ обожателей. Такъ погибли жирондисты. Но, чтобы не забѣгать впередъ, я приведу въ примѣръ Мирабо, который въ 1789 году казался французскому народу воплощеніемъ революціи, и котораго жизнь была однако въ опасности впродолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ того какъ онъ совѣтовалъ въ національномъ собраніи предоставить королю право безусловно отвергать проекты законовъ. Самая исторія парижскаго Якобинскаго клуба показываетъ, что не клубъ распалялъ страсти народа, а наоборотъ распаленное состояніе народныхъ страстей находило себѣ въ клубѣ одно изъ своихъ проявленій. Въ началѣ существованія Якобинскаго клуба въ немъ господствовали своимъ краснорѣчіемъ жирондисты, поэты и романтики революціи, мечтавшіе объ античныхъ республиканскихъ добродѣтеляхъ, чувствовавшіе глубокое отвращеніе къ тѣмъ коммунистическимъ стремленіямъ, которыя шевелились въ голодной толпѣ людей безъ панталонъ (sans culottes). Еслибы можно было предположить, что раздраженіе массъ производится рѣчами ораторовъ и статьями журналистовъ, то надо было-бы ожидать, что жирондисты, какъ люди превосходно владѣвшіе словомъ и перомъ, навсегда сохранятъ за собой господство въ клубѣ, въ столицѣ и во Франціи; надо было-бы ожидать, что они обратятъ пролетарія къ добру и къ красотѣ и наложатъ на всю общественную жизнь печать своего эстетическаго вліянія. На повѣрку же оказывается напротивъ того, что реальный элементъ безпанталонности выгналъ въ очень короткое время поэзію античной добродѣтели изъ клуба, изъ столицы и изъ Франціи. Стало-быть мы видимъ, что окружающіе элементы передѣлали на свой образецъ Якобинскій клубъ; слѣдовательно дѣйствующая сила лежала и лежитъ всегда и вездѣ— не въ единицахъ, не въ кружкахъ, не въ литературныхъ произведеніяхъ, а въ общихъ и преимущественно—въ экономическихъ условіяхъ существованія народныхъ массъ.

Покончивъ съ пассивными и активными гражданами, я могу сказать нѣсколько словъ о судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ для Франціи національнымъ собраніемъ втеченіи зимы 1789 года.

Господскіе суды, королевскіе трибуналы, парламенты, вообще всѣ судебныя учрежденія старой монархіи были уничтожены; послѣ іюльскихъ дней 1789 года и послѣ ночного засѣданія съ 4 на 5 августа эти учрежденія, тѣсно связанныя съ общимъ строемъ феодальнаго государства, потеряли всю свою силу, но такъ какъ національное собраніе успѣло создать новую систему судоустройства и судопроизводства только въ октябрѣ 1790 года, то Франція больше года оставалась фактически безъ судовъ, и это обстоятельство конечно не могло содѣйствовать водворенію спокойствія и законности. Уничтоженіе парламентовъ и введеніе новыхъ судовъ обременили государство новыми, значительными расходами и увеличили сумму государственнаго долга. Такъ какъ мѣста въ парламентахъ были проданы старой монархіей въ вѣчное и потомственное владѣніе, то, уничтожая парламенты, надо было выкупить эти мѣста, и сумма, которую приходилось уплатить по разсчету парламентскимъ совѣтникамъ и владѣльцамъ наслѣдственныхъ мѣстъ въ другихъ судахъ, доходила до 350 милліоновъ. Кромѣ того новые суды по самой умѣренной смѣтѣ должны были стоить дороже старыхъ; парламентскій совѣтникъ удовлетворялся очень незначительнымъ жалованьемъ, потому что онъ имѣлъ въ виду во-первыхъ—наслѣдственность своей должности, во-вторыхъ,—ея политическое вліяніе и въ третьихъ,—тѣ значительныя суммы денегъ, которыя, по средневѣковымъ обычаямъ и законамъ, взимались въ пользу судей съ тяжущихся сторонъ. Новый судья не долженъ былъ пользоваться ни одной изъ этихъ трехъ выгодъ; слѣдовательно за всѣ эти выгоды его надо было вознаградить жалованьемъ; поэтому уничтоженіе старыхъ судовъ и устройство новыхъ прибавляло по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ къ суммѣ ежегодныхъ государственныхъ расходовъ.

Необходимость правосудія для развитія народнаго благосостоянія такъ очевидна и такъ значительна, что за полезную реформу въ судебныхъ учрежденіяхъ можно, не колеблясь, платить ежегодно болѣе 20 милліоновъ; эти деньги не пропадаютъ, и соблюдать экономію въ ущербъ правосудію было-бы во всякомъ случаѣ не позволительно и неразсчетливо. Но любопытно замѣтить, что въ тогдашней Франціи всѣ отрасли общественной жизни требовали радикальныхъ реформъ, а всѣ реформы требовали затраты денегъ, и чѣмъ радикальнѣе и полезнѣе были реформы, чѣмъ больше онѣ могли обогатить государство въ будущемъ, тѣмъ дороже онѣ обходились въ настоящемъ. И всѣ онѣ скопились къ одному времени, такъ что не законодатели управляли ходомъ преобразованій, а напротивъ общее положеніе дѣлъ увлекало за собой и постоянно насиловало волю законодателей. Старина падала отъ своей собственной ветхости и падала разомъ повсемѣстно, не дожидаясь того, чтобы ее

отмѣнили декретомъ и не спрашивая о томъ, есть-ли чѣмъ замѣнить ее. Но такъ или иначе замѣнять чѣмъ-нибудь разрушившееся учрежденіе было необходимо, а на это требовались деньги, средства же государства были забраны впередъ и истрачены правительствами прежнихъ столѣтій, тѣми правительствами, которыя продавали общественныя должности и оставили потомству въ знакъ памяти безсильную администрацію, слѣпую аристократію, развращенный судъ, неоплатный государственный долгъ и озлобленіе массъ, заглушающее въ нихъ всякое пониманіе своихъ собственныхъ выгодъ. Тѣ представительныя собранія, которымъ доброе старое время завѣщало такое роковое наслѣдство, находились въ самомъ трагическомъ положеніи. Дорога легальности и осторожной послѣдовательности въ пересмотрѣ и въ обновленіи отдѣльныхъ частей государственнаго механизма была имъ отрѣзана. Легальность была невозможна отчасти потому, что оппозиція привилегированныхъ классовъ уступала только дѣйствію силы, отчасти потому, что долги государства превышали его средства, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда дѣйствовали революціонныя собранія. Осторожная послѣдовательность была невозможна, потому что вся старина обрушивалась разомъ, такъ что надо было все отмѣнять и все создавать заново. Между тѣмъ каждое нарушеніе легальности заключало въ себѣ зародышъ будущей борьбы и насилій; каждое отступленіе отъ осторожности и послѣдовательности вело къ ошибкамъ и запутывало еще болѣе страшно запутанное положеніе дѣлъ.

«Какое управленіе, говорилъ однажды Мирабо, какая эпоха! Всего надо опасаться и на все надо отваживаться. Создается возмущеніе тѣми средствами, которыя употребляются для его предупрежденія. Постоянно необходима умѣренность, и всякій разъ умѣренность кажется медлительностью и малодушіемъ. Постоянно необходима сила, и каждое приложеніе силы кажется тираніей. Со всѣхъ сторонъ сыпятся совѣты, а довѣрять приходится только самому себѣ. Приходится бояться людей благомыслящихъ, потому что ихъ безпокойство и увлеченіе опаснѣе всякихъ заговоровъ. Изъ благоразумія приходится уступать, становиться во главѣ волненія, чтобы умѣрять его и при всѣхъ страшнѣйшихъ затрудненіяхъ надо еще сохранять на лицѣ веселое выраженіе».

Мирабо былъ достаточно уменъ и достаточно знакомъ съ положеніемъ дѣлъ и умовъ, чтобы предчувствовать въ будущемъ неизбѣжность государственнаго банкротства, произвольныхъ конфискацій и длиннаго ряда насильственныхъ дѣйствій. Но самъ Мирабо, умершій весной 1791 года, и учредительное собраніе, отошедшее отъ дѣлъ правленія осенью того-же года, были все-таки гораздо счастливѣе національнаго конвента. Учредительному собранію досталось на долю провозгласить принципы революціи, а конвенту пришлось вбивать эти принципы въ жизнь, бороться съ той реакціей, которую раздразнило первое собраніе, расплачиваться по тѣмъ счетамъ, которые оставила старая монархія, покрывать тѣ издержки, которыхъ требовали новыя учрежденія, и наконецъ принимать на себя отвѣтственность за всѣ тѣ неизбѣжныя насилія, до которыхъ учредительному собранію удалось не дожить. Весь блескъ гражданскихъ доблестей, все благозвучіе либеральныхъ словъ остались собственностью учредительнаго собранія, а вся злокачественная грязь черной исполнительной работы, безъ которой всѣ либеральныя слова остались-бы словами, великодушно предоставлены національному конвенту. Поэтому французскіе либералы до сихъ поръ съ пафосомъ превозносятъ «les grands principes de 1789» и вслѣдъ за тѣмъ казнятъ своимъ негодованіемъ «les excès de 1793».

Такъ какъ роль учредительнаго собранія состояла преимущественно въ томъ, чтобы провозгласить принципы революціи, то и на судебную реформу его слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія принципа, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя подробности должны были измѣниться, и дѣйствительно измѣнились современемъ сообразно съ указаніями опыта. Главныя основанія новаго судоустройства заключались въ томъ, что всѣ судьи выбирались активными гражданами изъ числа образованныхъ юристовъ; судъ присяжныхъ прилагался къ уголовнымъ дѣламъ; гражданскіе процессы рѣшались безъ участія присяжныхъ, несмотря на то, что демократы національнаго собранія сильно настаивали на введеніи присяжныхъ во всѣ отрасли судопроизводства. (Здѣсь можно замѣтить, что въ Америкѣ присяжные рѣшаютъ какъ уголовные, такъ и гражданскіе процессы; Токвилль, котораго еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не обвинялъ въ яростномъ демократизмѣ, находитъ, что участіе присяжныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ процессовъ очень сильно содѣйствуетъ развитію юридическаго смысла въ американскомъ народѣ). Судьи выбирались гражданами на шесть лѣтъ; для гражданскаго процесса устраивался въ каждомъ округѣ трибуналъ первой инстанціи и одинъ изъ этихъ трибуналовъ долженъ былъ служить другому аппеляціонной инстанціей. Третью и послѣднюю инстанцію составлялъ высшій аппеляціонный судъ, который долженъ былъ засѣдать въ Парижѣ. Для уголовныхъ дѣлъ учреждалось въ каждомъ департаментѣ судебное мѣсто, а въ Парижѣ кассаціонный судъ, изъ котораго по жребію должны были назначаться члены національнаго суда, чтобы судить преступленія противъ націи (crimes de lèse-nation). Когда въ національномъ собраніи разсматривался вопросъ объ учрежденіи этого національнаго суда, Казалесъ, одинъ

изъ депутатовъ правой стороны, потребовалъ, чтобы были точно опредѣлены тѣ преступленія, которыя оскорбляютъ націю и подлежатъ вѣдѣнію исключительнаго трибунала. На это отвѣчалъ депутатъ крайней лѣвой стороны, адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса; онъ сказалъ, что національный судъ долженъ поражать знатныхъ вельможъ, враждебныхъ народу и искажающихъ его нравственное развитіе; главное дѣло, по его мнѣнію, состояло въ томъ, чтобы въ этомъ судѣ засѣдали искренніе друзья революціи.

Въ этихъ словахъ ясно заключался тотъ смыслъ, что революція для своего самосохраненія и для своихъ дальнѣйшихъ побѣдъ надъ старымъ обществомъ нуждается въ послушномъ орудіи и что право судьи должно подчиниться политикѣ. Несмотря на то, что Робеспьеръ не пользовался сильнымъ вліяніемъ въ учредительномъ собраніи, его мнѣніе было принято; предложеніе Казалеса оставлено безъ вниманія; и собраніе рѣшило, что члены національнаго суда будутъ назначаться не по жребію, какъ предполагалось прежде, а по выбору активныхъ гражданъ всѣхъ департаментовъ.

Чтобы покончить съ судебными реформами, достаточно будетъ упомянуть, что судопроизводство сдѣлалось гласнымъ, подсудимые получили защитниковъ, пытка и произвольные аресты отмѣнены; наконецъ учреждены мирные судьи, коммерческіе трибуналы и семейные суды.

XIII.

Разговоры опечаленнаго духовенства о мученическихъ вѣнцахъ и хищныхъ посягательствахъ національнаго собранія стали обнаруживать свое вліяніе. Народъ, остававшійся единодушнымъ въ то время, когда шло дѣло о борьбѣ противъ феодализма, раздѣлился на партіи, когда идеи XVIII столѣтія коснулись церковной іерархіи, и вопіющія потребности государства принудили національное собраніе наложить руку на церковныя имущества. Католицизмъ, не имѣвшій уже для жителей Парижа ни малѣйшей прелести, оказался сильнымъ и живучимъ въ городахъ и селахъ отдаленныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ агитація въ пользу католическаго духовенства находила себѣ пищу не столько въ религіозныхъ чувствахъ народа, сколько въ его экономическихъ интересахъ; дѣло въ томъ, что духовенство содержало свои имѣнія въ большомъ порядкѣ и не страдало тѣми спазматическими припадками безденежья, которые часто удручали дворянство. Вслѣдствіе этого духовенство не отдавало своихъ доходовъ на откупъ разнымъ аферистамъ, не притѣсняло своихъ фермеровъ неумѣренными требованіями и вообще вело свои денежныя дѣла ровно, спокойно и правильно, такъ что крестьяне, находившіеся съ нимъ въ сношеніяхъ, благословляли свою судьбу и очень дорожили своими арендами.

Когда разнесся слухъ о предстоящей продажѣ церковныхъ имуществъ, тогда всѣ арендаторы этихъ помѣстій, не бывшіе въ состояніи купить себѣ ту ферму, которую они нанимали, пришли въ смятеніе, боясь, что будущій владѣлецъ окажется притѣснителемъ, или сгонитъ ихъ прочь съ своей земли. Въ Эльзасѣ составилось за неприкосновенность католической религіи прошеніе, и въ три недѣли набралось 21000 подписей; съ одинаковымъ усердіемъ подписывались католики, протестанты и евреи, потому что всѣ они были арендаторами церковныхъ имѣній и слѣдовательно, всѣ связаны между собой единствомъ интересовъ; въ Бретани начались противу-революціонныя движенія, во главѣ которыхъ появились католическіе священники. На югѣ королевства дѣло дошло до кровопролитныхъ схватокъ между патріотами и клерикалами. Въ Нимѣ національная гвардія и пролетаріи, принадлежавшіе къ католической партіи, поколотили армейскій полкъ, пылавшій патріотизмомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ томъ-же городѣ составилось католическое общество изъ 4000 человѣкъ, которые немедленно пригласили сосѣдніе департаменты соединиться съ ними въ братскій союзъ за христіанскую религію. Эта мысль нашла себѣ отголосокъ, и въ религіозное братство вступили немедленно города Перпиньянъ, Тарнъ и Тулуза. Въ городѣ Але народъ прогналъ за городскія ворота войска, державшіяся революціонныхъ принциповъ; въ Монтабанѣ національная гвардія сразилась съ католическимъ пролетаріатомъ, который побѣдилъ и разогналъ нечестивыхъ друзей прогресса. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ учредительное собраніе усматривало, что le peuple souverain (властительный народъ) часто противорѣчитъ самому себѣ, и что его въ большей части случаевъ мудрено урезонить. Во всей Франціи не было той деревни, въ которой народъ согласился-бы платить десятину послѣ іюльскихъ событій 1789 года, а между тѣмъ когда отсутствіе десятинной подати вело за собой необходимость преобразовать внутреннее устройство церкви, тогда peuple souverain во многихъ мѣстахъ переполнялся католическимъ восторгомъ и не хотѣлъ слышать о преобразованіяхъ; я, — говоритъ peuple souverain— платить не желаю, а въ церкви пускай остается все по-старому; а откуда взять денегъ—это дѣло правительства; на то оно правительство. Такъ какъ не было возможности пригласить народъ къ разсмотрѣнію финансовыхъ отчетовъ и убѣдить его цифрами и фактами въ неисполнимости его требованій, то національное собраніе рѣшилось поскорѣе окончить церковныя преобразованія и утвердить ихъ силой въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ зашевелится католическая реакція. Приступая къ такому образу дѣйствій,

національное собраніе очевидно вступало въ борьбу съ проявленіемъ народной воли, но такъ какъ эта воля оказывалась раздвоенной, то законодателямъ по-неволѣ надо было примкнуть рѣшительно къ одной изъ двухъ партій и объявить другую партію толпой мятежниковъ, хотя, разумѣется странно было ругать людей мятежниками въ такой странѣ, въ которой вся нація считала іюльскіе мятежи славнѣйшими подвигами своей исторіи.

Впрочемъ въ революціяхъ дѣло обыкновенно идетъ не о томъ, чтобы убѣдить противника, а о томъ, чтобы побѣдить и уничтожить его; здѣсь, какъ и вообще въ практической дѣятельности, послѣдовательность часто становится невозможной и отступаетъ далеко на задній планъ передъ неотразимой необходимостью. Собираясь дѣйствовать энергическими мѣрами противъ католическихъ реакцій, національное собраніе не нарушило однако принципа религіозной свободы; собраніе видѣло въ ожесточенныхъ аббатахъ и въ ихъ восторженныхъ послѣдователяхъ только политическихъ враговъ революціи, и всѣ позднѣйшія распоряженія его по этому предмету вытекали исключительно изъ этого основного взгляда.

29-го мая 1790 года комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ учредительному собранію проектъ новаго устройства церкви. По этому проекту, избиратели каждаго округа назначаютъ себѣ приходскихъ священниковъ, а избиратели департамента — мѣстнаго епископа. Каждый избранный даетъ присягу въ вѣрности націи, королю и конституціи. Капитулы и духовное судопроизводство уничтожаются, потому что преступленія противъ религіи становятся невозможными съ этой стороны, когда оффиціально признанъ принципъ религіозной свободы со всѣми своими послѣдствіями. Папа теряетъ, по проекту комитета, право давать диспенсаціи и утверждать духовныхъ сановниковъ въ ихъ званіи. При этомъ должно замѣтить, что папа уже давно имѣлъ основаніе гнѣваться на свою галликанскую паству, потому что уже знаменитая ночь 4-го августа, уничтожая десятинную подать, отмѣнила декретомъ ежегодное препровожденіе денегъ въ Римъ.

Легко можно вообразить себѣ, что весь проектъ комитета долженъ былъ казаться истиннымъ католикамъ непрерывнымъ рядомъ святотатствъ; граждане, которые согласились-бы войти въ эту перестроенную церковь, должны были-бы считаться еретиками, а духовныя лица, которыя дали-бы требуемую присягу,— богохульниками, безбожниками и, хуже того, ересіархами.

Чѣмъ должны были-бы считаться члены собранія и комитета—я и выразить не умѣю, но во всякомъ случаѣ такъ какъ папа очевидно не могъ утвердить нововведенія, то религіозная война противъ нечестивыхъ соотечественниковъ становилась для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ во Франціи первѣйшей изъ священныхъ обязанностей. Видно было, что духовенство смотритъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія: когда въ собраніи происходили пренія о церковныхъ преобразованіяхъ, тогда вѣрующіе епископы и аббаты не говорили ни слова; отвергая весь проектъ отъ начала до конца, они не хотѣли разсматривать его въ подробностяхъ и были намѣрены во всякомъ случаѣ рѣшительно отказаться отъ требуемой присяги. Споръ поддерживался центромъ собранія и лѣвой стороной; онъ относился къ частностямъ; шла рѣчь о величинѣ жалованья, о капитулахъ, о томъ, кому выбирать епископовъ,— народу или духовенству. Политики собранія были равнодушны къ этому спору, въ которомъ горячились и торжествовали одни янсенисты, видѣвшіе наконецъ осуществленіе своей задушевной мысли о самостоятельности галликанской церкви и о побѣдѣ надъ ультрамонтанскими тенденціями. Робеспьеръ попробовалъ провести мысль объ уничтоженіи безбрачія духовенства, но собранію показалось, что это ужъ черезчуръ смѣло, и попытка эта осталась безуспѣшною.

15-го іюня когда тянулись эти пренія, въ національное собраніе былъ представленъ отъ нимскаго католическаго союза адресъ, требовавшій повелительнымъ тономъ благоговѣнія передъ церковью и полнаго возстановленія королевской власти. Католичество шло такимъ образомъ, объ руку съ роялизмомъ, и учредительное собраніе, враждовавшее съ послѣднимъ, рѣшилось разорвать всякія дружелюбныя отношенія и съ первымъ. Адресъ Нима былъ признанъ преступнымъ дѣйствіемъ мятежа. Въ это время на югѣ ежеминутно можно было ожидать сильнаго столкновенія между цѣлыми городами. Бордо выставилъ отрядъ патріотовъ противъ Монтобана, въ которомъ господствовали католики, и обѣ партіи долго стояли лагеремъ другъ противъ друга, но на этотъ разъ усилія министерства и національнаго собранія отклонили, или, вѣрнѣе, отсрочили кровопролитіе.

Разсужденія о церковныхъ преобразованіяхъ продолжались въ національномъ собраніи до 12 іюля и окончились тѣмъ, что проектъ комитета былъ утвержденъ съ тѣми частными измѣненіями или дополненіями, которыя были внесены въ него во время преній. Духовенство, какъ отдѣльная корпорація, перестало существовать. Около того-же времени прекратилось существованіе дворянства. 19-го іюня прусскій баронъ Клоотсъ, большой любитель либеральныхъ эфектовъ, ввелъ въ залу національнаго собранія толпу людей, наряженныхъ въ костюмы разныхъ народовъ, и, отъ имени всего человѣчества, произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ собраніе за его подвиги и умолялъ Францію подать знакъ къ освобожденію всего земного шара. Президентъ отвѣчалъ на эту общечеловѣческую рѣчь серьез-

но и торжественно, а члены собранія воспользовались присутствіемъ человѣчества, чтобы уничтожить послѣдніе остатки аристократизма. Объ этомъ особенно усердно хлопотали либералы изъ дворянъ Ламетъ, Лафайетъ, Эгильонъ, Сенъ-Фарже, которые, не шутя, воображали себѣ, что, отрекаясь отъ своихъ титуловъ, они совершаютъ подвигъ самопожертвованія и оказываютъ любезному отечеству безсмертную услугу. Правая сторона поспорила и пошумѣла, но по обыкновенію на ея оппозицію никто не обратилъ вниманія, и въ тотъ-же день составленъ былъ декретъ объ уничтоженіи всѣхъ дворянскихъ титуловъ и всѣхъ орденовъ.

Любопытно замѣтить, что эта законодательная мѣра, не заключавшая въ себѣ ничего осязательнаго и существеннаго, причинила дворянству гораздо больше огорченія, чѣмъ тѣ декреты, которые послѣ ночного засѣданія 4-го августа уничтожили феодальныя привилегіи и отняли у дворянства всѣ связанные съ ними доходы. Потерю денегъ можно было перенести изъ любви къ отечеству, но потеря дворянской чести была слишкомъ чувствительна, такъ что эмиграція стала значительно усиливаться послѣ декрета объ уничтоженіи титуловъ. Если Лафайетъ, Ламетъ и другіе либералы того-же сорта видѣли въ этомъ декретѣ великій подвигъ законодательной мудрости, то дворяне стараго закала видѣли въ немъ великое поруганіе родовой святыни. Либералы и консерваторы изъ дворянъ сходились между собой на томъ, что тѣ и другіе придавали этой законодательной мѣрѣ міровое значеніе, а Мирабо отъ души смѣялся надъ обѣими сторонами, которыя конечно стоили другъ друга.

Долго-ли еще придется Франціи въ самыя серьезныя и торжественныя минуты своей исторіи украшать себя сусальнымъ золотомъ ложноклассическихъ сценъ и театрально-героическихъ движеній—это такой вопросъ, на который можетъ отвѣтить только будущее; что-же касается до первой революціи, то въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ рядомъ съ потрясающей наготой дѣйствительности, встрѣчается много мишуры, и народъ восхищается этой мишурой, добродушно упуская изъ виду, что всѣ его бѣдствія ведутъ свое начало отъ мишурнаго блеска ея историческихъ свѣтилъ...

Потѣшивши себя остроумной интермедіей барона Клоотса и насладившись самоотверженіемъ либеральныхъ дворянъ, собраніе обратило свое вниманіе на предметы серьезные. Надо было заняться преобразованіемъ арміи, въ которой съ самаго начала революціи офицеры и солдаты открыто враждовали между собой и постоянно тянули въ разныя стороны. Чѣмъ полнѣе и шире развертывалась реформаторская дѣятельность учредительнаго собранія, тѣмъ сильнѣе становилось неудовольствіе офицеровъ и тѣмъ страстнѣе выражалась привязанность солдатъ къ дѣлу революціи. Многіе изъ офицеровъ эмигрировали, а солдаты устроили себѣ во всѣхъ полкахъ клубы и требовали, чтобы имъ увеличили жалованье, облегчили производство въ офицерскіе чины, предоставили контроль надъ полковыми суммами и отмѣнили тѣлесныя наказанія. Полковые клубы отправляли свои депутаціи къ полковникамъ, а иногда и прямо къ военному министру или къ національному собранію.

Депутаціи эти объявляли часто, что солдаты не желаютъ повиноваться аристократамъ и врагамъ свободы. Во многихъ провинціяхъ армейскіе полки соединялись съ національной гвардіей и праздновали вмѣстѣ союзы братства, давая клятву защищать общими силами націю, короля и конституцію. Національное собраніе постоянно ободряло составленіе этихъ союзовъ, называвшихся федераціями, но такъ какъ большинство офицеровъ вовсе не было расположено служить націи и защищать конституцію, то союзы эти увеличивали вражду между начальниками и подчиненными, вслѣдствіе чего необходимость преобразованій по арміи съ каждымъ днемъ становилась болѣе настоятельной.

Прежде всего національное собраніе опредѣлило, что на будущее время всѣ вопросы, относящіеся къ величинѣ и къ устройству арміи, къ порядку ея пополненія, къ употребленію ея въ государствѣ, къ жалованью всѣхъ чиновъ, къ принятію на службу иностранныхъ солдатъ и къ военнымъ уголовнымъ и дисциплинарнымъ законамъ,—подлежатъ рѣшенію законодательныхъ собраній. Потомъ слѣдовали самыя преобразованія: жалованье рядовыхъ увеличено, доступъ къ офицерскимъ чинамъ открытъ всѣмъ способнымъ людямъ, солдату предоставлены въ мирное время всѣ права гражданина. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ тогдашней государственной жизни, старина разваливалась сама собой прежде, чѣмъ можно было обновить, замѣнить или уничтожить ее мѣрами законодательства. Во всѣхъ полкахъ происходили уже частныя волненія, тѣмъ болѣе, что декретъ, уничтожившій дворянскіе титулы, превратилъ офицеровъ въ рѣшительныхъ враговъ революціи и довелъ до крайнихъ предѣловъ недовѣріе солдатъ къ ихъ ближайшему начальству.

Въ началѣ августа Мирабо предложилъ собранію распустить всю армію и сформировать ее заново, но Маратъ, питавшій къ солдатамъ большую нѣжность за ихъ радикальный образъ мыслей, вслѣдъ за тѣмъ посовѣтовалъ въ своей газетѣ парижанамъ поставить восемьсотъ висѣлицъ и на первую изъ нихъ повѣсить подлаго измѣнника Мирабо, а на остальныя—всѣхъ тѣхъ, кто подастъ голосъ за его предложеніе. Маратъ, какъ извѣстно, никогда не подавалъ другихъ совѣтовъ, и, что всего удивительнѣе, эти однообразные совѣты всегда приводили пролетаріевъ

въ восторгъ, хотя разумѣется они почти никогда не исполнялись. Въ настоящемъ случаѣ національное собраніе побоялось раздражить людей крайней партіи, и предложеніе Мирабо было отвергнуто.

Въ послѣднихъ числахъ августа произошла наконецъ серьезная тревога. Въ Нанси взбунтовались три полка, овладѣли городомъ и соединились съ вооруженными пролетаріями; къ чему клонилось возстаніе нансійскихъ солдатъ—неизвѣстно, потому что это возстаніе очень скоро было задавлено; генералъ Буйе собралъ небольшой отрядъ надежнаго войска, пошелъ на Нанси, и произвелъ такое кровопролитіе, что въ одномъ изъ возмутившихся полковъ осталось всего 40 человѣкъ. Національное собраніе, серьезно перепуганное нансійскимъ бунтомъ, публично выразило генералу Буйе свою признательность. Робеспьеръ возражалъ противъ этого рѣшенія, но его не послушали. Въ Парижѣ нансійскія событія отозвались сильнымъ раздраженіемъ умовъ противъ министровъ, которыхъ народъ считалъ первыми виновниками кровопролитія. Въ сентябрѣ собраніе опредѣлило для арміи порядокъ производства въ чины. Королю предоставлялось назначать только маршаловъ и отрядныхъ генераловъ; офицеры должны были производиться по старшинству службы; въ унтеръ-офицеры должны были производиться способнѣйшіе солдаты, по представленію старыхъ унтеръ-офицеровъ роты. Наконецъ, къ военному судопроизводству былъ примѣненъ институтъ присяжныхъ.

XIV.

Католическія волненія, дворянская эмиграція, солдатскіе мятежи—все это конечно тревожило и огорчало національное собраніе, но всѣ эти тревоги и огорченія были незначительны, въ сравненіи съ гнетущей и неотвратимой заботою о финансахъ. Уходили дни и недѣли; пришла и прошла годовщина взятія Бастиліи; отпраздновали въ этотъ день на Марсовомъ полѣ торжество федераціи для всей Франціи; все это было красиво и трогательно; но вмѣстѣ съ днями и недѣлями быстро, незамѣтно и неудержимо уходили изъ государственнаго казначейства недавно отпечатанныя ассигнаціи. Къ концу августа изъ 400 милліоновъ, выпущенныхъ въ апрѣлѣ, не оставалось уже ничего. Въ концѣ сентября, когда министерство Неккера упало и когда на его мѣсто стало другое министерство, такое-же неспособное, Мирабо предложилъ въ собраніи—выпустить еще 800 милліоновъ ассигнацій и употребить ихъ на погашеніе государственнаго долга съ тѣмъ, чтобы въ обращеніи никогда не было болѣе 1,200 милліоновъ бумажныхъ денегъ. За мнѣніе Мирабо стояли якобинцы; населеніе Парижа также желало новаго выпуска ассигнацій, потому что обиліе денежныхъ знаковъ облегчало процессъ обмѣна и на первое время оживляло промышленность. Но такъ какъ законодатели не могли смотрѣть на вопросы государственнаго хозяйства съ той добродушной беззаботностью, которую обнаруживали въ этомъ случаѣ парижане, то члены національнаго собранія преимущественно утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что съ 1 января 1791 года начнется для финансовъ новый періодъ существованія. Поэтому рѣшено было—должное количество ассигнацій выпустить, но вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно приняться за основательный пересмотръ государственнаго бюджета и за преобразованіе податной системы.

Устанавливая цифры бюджета, члены собранія усердно вели дѣло къ тому, чтобы доказать экономическую благодѣтельность революціи; если-бы они имѣли въ виду только то обстоятельство, что декреты 4 августа 1789 года значительно увеличили народную производительность, то мнѣніе ихъ было-бы безошибочно; но они думали, что народъ этого разсчета не пойметъ, и что, на этомъ основаніи, необходимо показать ему, какъ непосредственный результатъ революціи, прямое уменьшеніе въ общей суммѣ податей. Чтобы придти къ этому результату, члены собранія были принуждены прибѣгать ко многимъ смѣлымъ гипотезамъ, которыя своей утѣшительностью могли произвести пріятное впечатлѣніе на публику, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были надолго упрочить путаницу въ финансахъ. Во всѣхъ статьяхъ расхода были произведены значительныя сокращенія, но можно было опасаться того, что эти сокращенія по необходимости останутся только на бумагѣ. Такъ напримѣръ на расходы по сбору податей положено 8 милліоновъ, между тѣмъ какъ по умѣренному разсчету, надо было-бы положить на это дѣло около 30 милліоновъ. Церкви, стоившей 170 милліоновъ, отведено 67. Армія съ 99-ти посажена на 89. На пенсіи вмѣсто 29-ти назначено 12 милліоновъ. Хорошо, если этого достанетъ; но достанетъ-ли?

При всѣхъ этихъ правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ сокращеніяхъ получился общій итогъ обыкновенныхъ расходовъ въ 580 милліоновъ для государства и въ 60 милліоновъ для мѣстныхъ потребностей департаментовъ. Кромѣ того, предвидѣлось въ 1791 году экстраординарныхъ расходовъ на 76 милліоновъ. Эту послѣднюю статью бюджета оставили совсѣмъ въ сторонѣ. Теперь надо было ухитриться, чтобы какъ-нибудь разложить эти 640 милліоновъ (580 и 60) на народъ. Какъ ихъ собрать? Какія преобразованія ввести въ податную систему? При опредѣленіи расходовъ депутаты были расположены предполагать ихъ неестественно скромными, а при вычисленіи дохо-

довъ они, по тому-же самому побужденію, старались выводить цифры невѣроятно крупныя. Они разсчитывали напримѣръ, что національныя имущества (бывшія церковныя) дадутъ 60 милліоновъ дохода; нѣкоторые пессимисты возражали имъ, что эти имущества управляются городскими общинами дурно и что они, по приблизительному разсчету, дадутъ не больше 40 милліоновъ. Пессимистовъ не слушали, и разсчетъ продолжался въ томъ-же идиллическомъ направленіи. Такимъ образомъ нашли, что государство можетъ получить 448 милліоновъ дохода помимо податей—тутъ считались доходы съ національныхъ имуществъ, съ государственныхъ лѣсовъ, съ соляныхъ источниковъ и т. д. Стало-быть народъ долженъ былъ уплатить 492 милліона, т. е. слишкомъ на 100 милліоновъ меньше, чѣмъ онъ платилъ въ послѣдній годъ стараго порядка, не считая десятинъ и феодальныхъ повинностей. Стало-быть главная цѣль національнаго собранія была достигнута; пріятное впечатлѣніе было произведено, и дѣло революціи еще разъ было зарекомендовано народу съ самой привлекательной стороны. Но все-таки надо было разложить эти 492 милліона, и тутъ опять пошли затрудненія.

Народонаселеніе Парижа, имѣвшее ближайшее и сильнѣйшее вліяніе на всѣ распоряженія собранія, сурово отрицало большую часть косвенныхъ налоговъ. Замѣчено вообще, что косвенные налоги бываютъ особенно значительны въ тѣхъ странахъ и въ тѣ эпохи, гдѣ и когда преобладаетъ аристократическій элементъ. По мѣрѣ того, какъ низшіе и бѣднѣйшіе классы народа, живущіе трудомъ, пріобрѣтаютъ себѣ значеніе въ общественномъ организмѣ,—косвенные налоги замѣняются прямыми; наконецъ когда демократическій элементъ становится преобладающимъ, тогда прямые налоги дѣлаются прогрессивными, т. е. богатые граждане не только платятъ абсолютно большую сумму денегъ, но они даже платятъ бо̀льшій процентъ съ своего бо̀льшаго дохода, чѣмъ бѣдные—съ своего малаго дохода. Почему усиленіе демократіи ведетъ за собой систему прогрессивныхъ налоговъ—это понятно безъ объясненій; замѣна косвенныхъ налоговъ прямыми основано на той-же общей причинѣ. Прямой налогъ падаетъ преимущественно на тотъ капиталъ, который легко опредѣлить; ему подвергаются землевладѣльцы, чиновники, получающіе опредѣленное жалованье, капиталисты, живущіе процентами съ государственныхъ бумагъ; люди, живущіе собственнымъ трудомъ, могутъ въ этомъ случаѣ платить только подушную подать, да еще пошлину за какой-нибудь патентъ или билетъ; опредѣлить величину ихъ годового заработка и брать съ нихъ извѣстный процентъ этого заработка нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно прямой налогъ падаетъ больше на капиталъ, чѣмъ на трудъ. Косвенные налоги напротивъ того падаютъ съ одинаковой силой на всѣхъ людей, нуждающихся въ тѣхъ предметахъ, которые обложены пошлиной. А такъ какъ средневѣковыя правительства съ особенной изобрѣтательностью умѣли облагать пошлинами предметы первой необходимости, то косвенные налоги падали всей своей тяжестью на все населеніе страны, не разбирая ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Для бѣдныхъ они разумѣется были тяжелѣе, чѣмъ для богатыхъ. Человѣкъ, получающій въ годъ 100000 рублей годового дохода, никакъ не съѣстъ въ 1000 разъ больше соли, чѣмъ работникъ, добывающій себѣ въ годъ 100 рублей; первый не съѣстъ даже вдвое больше послѣдняго; оба они съѣдятъ одинаковое количество соли и заплатятъ за нее одинаковую сумму налога, изъ чего прямо слѣдуетъ заключеніе, что работникъ относительно платитъ въ 1,000 разъ больше, чѣмъ милліонеръ. Если-же работникъ не съѣстъ въ годъ того количества соли, которое необходимо для организма, то онъ разстроитъ свое здоровье. Поэтому ненависть народа противъ косвенныхъ налоговъ вообще и противъ соляного налога въ особенности объясняется очень удовлетворительно.

Послѣ іюльскихъ дней 1789 года о взиманіи соляного налога нечего было и думать. Въ августѣ того-же года національное собраніе обѣщало уничтожить этотъ налогъ, но выразило ту мысль, что его необходимо взимать до тѣхъ поръ, пока не будетъ введена на его мѣсто другая подать. Въ отвѣтъ на это мнѣніе провинція Анжу объявила, что она противъ сборщиковъ соляного налога выставитъ въ поле 60000 вооруженныхъ людей; другія провинціи обнаружили такія-же воинственныя наклонности, и соляной налогъ исчезъ безъ слѣда. Изъ государственныхъ доходовъ выбыло такимъ образомъ, 60 милліоновъ. Табачная регалія въ 27 милліоновъ и питейный акцизъ въ 50 милліоновъ отправились вслѣдъ за солянымъ налогомъ. Налоги на пудру, кожу и желѣзо, всего на 9 милліоновъ, пошли по тому-же пути.

Въ старой Франціи, на городскихъ заставахъ, собирались, подъ названіемъ octrois, пошлины за ввозъ различныхъ припасовъ; эти пошлины, падавшія преимущественно на вино и мясо, давали въ годъ 70 милліоновъ, изъ которыхъ 46 поступали въ государственное казначейство, а 24 шли въ пользу городовъ и мѣстныхъ больницъ. Въ одномъ Парижѣ octrois приносили въ годъ государству 24, а городу 13 милліоновъ. Втеченіи 1789 и 1790 годовъ эту пошлину продолжали собирать по-прежнему, преимущественно потому, что парижскій городской совѣтъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ обойтись безъ этой статьи дохода; а національное собраніе всегда старалось поддержать хорошія отношенія съ городскимъ совѣтомъ и вовсе

не желало посягать на его финансовыя средства, тѣмъ болѣе что всякое денежное затрудненіе въ городской кассѣ всей своей тяжестью обрушивалось на государственное казначейство, которое подъ страхомъ революціи должно было выдавать деньги и кормить пролетаріевъ. По весною 1791 года octrois должны были уничтожаться; народъ давно сообразилъ, что отъ этого octrois вино становится дороже, и требованія его по этому случаю сдѣлались до такой степени настоятельными, что городской совѣтъ и національное собраніе принуждены были уступить; octrois были отмѣнены во всей Франціи, и вслѣдствіе этого пришлось прибавить еще 46 милліоновъ къ той массѣ налоговъ, которая лежала на поземельной собственности; кромѣ того государство стало платить городской кассѣ Парижа по 3 милліона въ годъ, чтобы хоть отчасти вознаградить городъ за потерю этой важной статьи дохода: эти 4 милліона конечно упали также на сельское хозяйство. Изъ косвенныхъ налоговъ удержались только тѣ, которые не отягощали рабочаго населенія; остались такимъ образомъ въ прежней силѣ почтовые доходы, дававшіе до 12 милліоновъ; пошлины за внесеніе процентовъ въ реестры были увеличены съ 40 милліоновъ на 51 милліонъ; введена новая пошлина въ 22 милліона за гербовую бумагу; удержаны таможенные доходы въ 22 милліона, хотя внутреннія таможни были уничтожены, а тарифъ заграничной торговли передѣланъ по новому плану; осталась въ прежней силѣ государственная лотерея, приносившая 10 милліоновъ; законодатели понимали, что это учрежденіе вовсе не полезно для общественной нравственности, но Парижъ, любившій дешевое вино и требовавшій вслѣдствіе этого отмѣны octrois, любилъ также сильныя ощущенія азартной игры и желалъ на этомъ основаніи удержать лотерею.

Когда впродолженіи многихъ вѣковъ накоплялись всевозможныя соціальныя неурядицы, развращавшія народъ, тогда всѣ Солоны и Конфуціи прошедшихъ и настоящихъ временъ при всей добросовѣстности своихъ усилій не съумѣютъ въ два-три года исправить народную нравственность,точно такъ-же, какъ никакіе философы не съумѣютъ вдругъ разсѣять густые туманы народныхъ предразсудковъ. Что портилось вѣками, то поправляется по меньшей мѣрѣ десятилѣтіями. Поэтому, если благосклонному читателю не понравится что-нибудь въ дальнѣйшемъ ходѣ революціонныхъ событій, онъ твердо долженъ помнить—и я сто разъ готовъ повторять ему—что за все надо говорить спасибо доброму старому времени. Члены конвента опустили только тотъ топоръ, который повѣсило надъ государствомъ старое время, и первые 75 лѣтъ прошлаго вѣка въ особенности... Если виноватъ палачъ, то еще болѣе виноватъ судья, хотя вообще искать въ исторіи виноватыхъ—занятіе столько-же наивное, сколько и безплодное.

Всѣ уцѣлѣвшіе косвенные налоги давали въ общей сложности 110 милліоновъ; оставалось набрать еще 282 милліона; для этого было опредѣлено, чтобы каждый ремесленникъ бралъ себѣ ежегодно патентъ; эта мѣра дала 22 милл.; потомъ наложена подушная подать, и выручено 60 милліоновъ; затѣмъ остальные 300 милліоновъ упали на поземельную собственность. Разсчеты по бюджету были окончены; на бумагѣ все обстояло красиво и благополучно; но въ дѣйствительности предвидѣлось мало отраднаго. 76 милліоновъ экстраординарныхъ расходовъ можно было игнорировать при разсчетѣ; но они отъ этого не теряли своей силы; смѣта обыкновенныхъ расходовъ была, по крайней мѣрѣ на 50 милліоновъ ниже дѣйствительныхъ потребностей государства. Опытные и знающіе люди говорили, что при собираніи прямыхъ налоговъ окажется не менѣе 100 милліоновъ недоимки. 50+76+100=226; такимъ образомъ при бюджетѣ въ 716 милліоновъ (640 обыкновенныхъ и 76 экстраординарныхъ расходовъ) оказывается дефицитъ въ 226 милліоновъ, почти одна треть. Только очень упорные оптимисты могли думать серьезно, что съ 1-го января 1791 года начинается для государственныхъ финансовъ періодъ благоденствія и порядка.

XV.

Государственный долгъ, переданный національному собранію старой монархіей, оставался непогашеннымъ; революція была поставлена въ необходимость увеличить этотъ долгъ значительной суммою; реформируя всѣ отрасли управленія, надо было вездѣ уничтожать наслѣдственныя должности, а владѣльцамъ этихъ должностей надо было выдавать денежное вознагражденіе, потому что должности были, какъ намъ уже извѣстно, куплены у прежнихъ правительствъ на чистыя деньги. Весь капиталъ, который слѣдовало израсходовать на это исправленіе старыхъ шалостей, доходилъ до 1430 милліоновъ и слѣдовательно равнялся суммѣ всѣхъ государственныхъ расходовъ за два года. Уплатить такой капиталъ было совершенно невозможно; оставалось только причислить его къ утвержденному государственному долгу и платить за него вѣчные проценты; такъ и сдѣлали: къ суммѣ ежегодно платимыхъ процентовъ прибавилось вслѣдствіе этого еще 70 милліоновъ.

Ассигнаціи, которыя предположено было употребить на погашеніе государственнаго долга, составляли единственную поддержку казначейства и по горькой необходимости тратились на текущіе расходы; въ іюнѣ 1791 года были издержаны всѣ 1200 милліоновъ первыхъ

двухъ выпусковъ; изъ нихъ на уплату долгового капитала употреблено 108 милліоновъ, на уплату запущенныхъ процентовъ и забранныхъ впередъ доходовъ—416 милліоновъ; на текущіе расходы—676 милліоновъ. Эти 676 милл. были обезпечены національными имуществами; но продать эти имущества можно было только одинъ разъ; стало-быть издерживая цѣну этихъ имуществъ на текущіе расходы, государство съѣдало свой капиталъ, а всякому извѣстно, что тратить на житье капиталъ вмѣсто того, чтобы жить процентами съ капитала, значитъ быстрыми шагами идти къ разоренію. Въ сентябрѣ 1790 года національное собраніе опредѣлило декретомъ, что въ обращеніи никогда не должно быть болѣе 1200 милліоновъ ассигнацій. Въ іюнѣ 1891 года тому-же самому собранію пришлось нарушить свое собственное приказаніе и выпустить еще 600 милліоновъ. Тутъ уже и не пробовали опредѣлить заранѣе ту цифру бумажныхъ милліоновъ, на которой слѣдуетъ остановиться; всѣ знали въ національномъ собраніи и всѣ предчувствовали въ обществѣ, что остановиться невозможно и что за неимѣніемъ настоящихъ милліоновъ государство будетъ постоянно создавать бумажные. А что будетъ дальше, того никто не могъ рѣшить опредѣленно. Послѣ новаго выпуска ассигнаціи потеряли въ своемъ курсѣ отъ 8 до 10 процентовъ. Чтобы облегчить мелкія операціи обмѣна, правительство выпустило 100 милліоновъ пяти-ливровыми билетами (1 руб. 25 коп. с.), между тѣмъ какъ въ первыхъ двухъ выпускахъ не было билетовъ мельче 50 ливровъ. Ассигнаціи проникли такимъ образомъ въ бѣднѣйшіе классы народа и вовлекли въ ажіотажъ работниковъ и крестьянъ. Принимая какой-нибудь заказъ, ремесленникъ долженъ былъ разсчитывать на предстоящее пониженіе курса; продавая возъ хлѣба, крестьянинъ могъ ожидать, что въ ближайшей лавкѣ у него примутъ вырученныя деньги не иначе, какъ съ значительнымъ учетомъ.

Можно себѣ представить, сколько тревоги вносили подобныя обстоятельства во всѣ крупныя и мелкія сдѣлки; не трудно также понять, какого рода вліяніе эта промышленная тревога должна была оказывать на общее настроеніе умовъ въ народныхъ массахъ. Гдѣ богатый человѣкъ рисковалъ частью своего капитала, тамъ поденьщикъ поневолѣ рисковалъ кускомъ своего обѣда; когда богачъ раззорялся, тогда бѣднякъ страдалъ отъ голода; а между тѣмъ новые выпуски ассигнацій были неизбѣжны и дѣйствительно быстро слѣдовали одинъ за другимъ; съ каждымъ новымъ выпускомъ увеличивалось колебаніе въ курсѣ; вмѣстѣ съ колебаніемъ въ курсѣ возрастало безпокойство и неудовольствіе массъ; отвращеніе къ правильному и постоянному труду увеличивалось, потому что правильный и постоянный трудъ возможенъ только тогда, когда онъ можетъ разсчитывать на правильное и постоянное вознагражденіе.

Безпокойство, неудовольствіе, шаткость ежедневныхъ разсчетовъ, отсутствіе правильныхъ заработковъ, отвращеніе къ труду—всѣ эти моменты составляли ту общую канву, на которой революціонное движеніе могло разсыпать щедрой рукой самые роскошные и причудливые узоры. Все дѣйствовало за одно съ революціей, и все предвѣщало ей въ будущемъ много фазъ тревожнаго и неудержимо-стремительнаго развитія. Усилія правительства и національнаго собранія остановить революцію не могли имѣть ни малѣйшаго успѣха, потому что и правительство, и собраніе, стараясь одной рукой обезоружить народныя страсти, другой рукой, сами того не замѣчая, увеличивали раздраженіе умовъ и заготовляли матеріалы для новаго взрыва. И новая революція дѣйствительно приближалась съ неумолимой быстретой, приближалась независимо отъ единичныхъ желаній или опасеній, приближалась, какъ громадное и неизбѣжное явленіе природы, вытекающее изъ данныхъ условій по слѣпымъ и безжалостнымъ законамъ необходимости. Средневѣковое ярмо было разбито и сброшено; несмотря на это, въ сельскомъ и городскомъ населеніи Франціи лежали еще неистощимые запасы матеріаловъ для самыхъ всеобъемлющихъ переворотовъ.

Посмотримъ, что дѣлалось въ деревняхъ. Въ іюлѣ и въ августѣ 1789 года крестьяне почти во всѣхъ провинціяхъ королевства принудили бывшихъ феодаловъ спасаться бѣгствомъ; вмѣстѣ съ феодалами бѣжали и укрылись въ городахъ или за-границей капиталы; это обстоятельство могло-бы принести сельскому хозяйству много вреда, если-бы капиталы въ прежнее время были прилагаемы къ улучшенію почвы и земледѣльческихъ пріемовъ; но такъ какъ этого въ большей части случаевъ не бывало, то отсутствіе господъ и ихъ капиталовъ выразилась для крестьянъ только въ томъ, что они, крестьяне, избавились отъ многихъ непріятныхъ столкновеній. Законъ отмѣнилъ десятинныя подати. Тогда крестьянинъ вспомнилъ, что многія пашни были превращены у него въ луга собственно потому, что лугъ былъ обложенъ менѣе значительной десятинной податью; вспомнивъ это, онъ тотчасъ распахалъ и засѣялъ лугъ, чтобы выручить хорошій денежный кушъ за пшеницу, бывшую въ то время въ цѣнѣ. Отмѣнили питейную подать. Французскій крестьянинъ, любящій вообще заниматься винодѣліемъ, насадилъ тогда виноградныхъ лозъ во многія такія земли, которыя были несовсѣмъ удобны для такого рода обработки. Превращеніе луговъ въ пашни должно было ослабить скотоводство; превращеніе пахатныхъ земель въ виноградники должно было ослабить земледѣліе; въ томъ и въ другомъ случаѣ прочное благосостояніе хозяйства приносилось

въ жертву болѣе прибыльному, но болѣе рискованному промыслу. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, въ которыхъ неудача происходитъ отъ непривычки пользоваться свободой въ сферѣ своего труда, крестьянинъ, нестѣсняемый внѣшними препятствіями, съумѣетъ скоро освободиться отъ своихъ убыточныхъ предразсудковъ и поведетъ свое хозяйство разсчетливо и благоразумно; колебанія и неудачи не пропадутъ даромъ; но такъ какъ эти первыя попытки совпадаютъ съ началомъ революціи, и такъ какъ онѣ вносятъ тревогу и волненіе почти въ каждую крестьянскую хижину, то мы видимъ, что и здѣсь существуютъ задатки, изъ которыхъ можетъ развиться симпатія къ дальнѣйшему общественному движенію. Французское крестьянство укрѣпилось и разбогатѣло, несмотря на всю тягость общественнаго кризиса; многіе изъ безпорядковъ тревожной эпохи послужили ему въ пользу; государство бѣднѣло, потому что не было въ состояніи собрать необходимое количество податей, но такъ какъ подати эти оставались въ домѣ крестьянина, то хозяйство его могло совершенствоваться и развиваться. Въ первыя времена революціи въ рукахъ крестьянъ оставалось ежегодно около 170 милліоновъ податей, и это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало успѣхамъ французскаго земледѣлія. Немногіе крестьяне во Франціи владѣли землей, и то, что я говорилъ до сихъ поръ, относится только къ этимъ немногимъ. Для того большинства, которое пробавлялось фермерствомъ и, по недостатку средствъ нанимало себѣ крошечные кусочки земли, отдавая за наемъ половину сырого продукта, для этого большинства, составляющаго сельскій пролетаріатъ, устраненіе феодальныхъ повинностей оказалось незначительнымъ облегченіемъ. Съ этихъ неимущихъ людей нельзя было ничего взять кромѣ повинности трудомъ; когда обязательный трудъ былъ уничтоженъ, тогда у этихъ людей остался досугъ, но съ этимъ досугомъ нечего было дѣлать; при низкомъ состояніи тогдашняго земледѣлія, при бѣдности крестьянъ-собственниковъ, при отсутствіи всякой сельской промышленности, крестьяне-пролетаріи рѣдко могли пристроить себя къ какому-нибудь производительному занятію; конечно свобода труда не можетъ на вѣчныя времена остаться мертвымъ капиталомъ, но не можетъ она также въ одно мгновеніе устранить ту глубокую нищету и вынужденную праздность, которыя обыкновенно тяготѣютъ надъ рабами, только что выпущенными на волю.

Крестьяне-пролетаріи были друзьями того общественнаго движенія, которое уничтожило барщину, но они по своей простотѣ, воображали себѣ, что настоящее движеніе еще впереди; они видѣли, что ихъ сосѣди, крестьяне-собственники, извлекли изъ движенія такія выгоды, которыя имъ, крестьянамъ-пролетаріямъ, остались недоступными; тогда они, опять-таки по своей простотѣ, стали воображать, что и имъ надо-же когда-нибудь попользоваться этими выгодами и что къ этому пользованію должно привести неизбѣжно дальнѣйшее развитіе революціи. Каждый просвѣщенный либералъ могъ-бы поразить этихъ глупыхъ крестьянъ безчисленнымъ множествомъ аргументовъ, взятыхъ изо всѣхъ областей права, исторіи, нравственной философіи и политической экономіи. Онъ могъ-бы сказать имъ въ общемъ результатѣ: «глупые друзья мои! Какъ вы этого не понимаете? Они собственники, а вы не собственники. У васъ нѣтъ совсѣмъ ничего, и потому вы никакъ не можете получить отъ революціи тѣ удовольствія, которыя пріобрѣли отъ нея люди, имѣющіе что нибудь. Революція можетъ измѣнить законы и учрежденія, но если она посягнетъ на священную собственность, тогда это будетъ уже не революція, а одно безобразіе».

Національное собраніе подумало, что продажа церковныхъ имуществъ можетъ принести французской націи двойную пользу: во-первыхъ — дастъ казначейству золотыя горы, а во-вторыхъ — превратитъ глупыхъ пролетаріевъ въ счастливыхъ собственниковъ и слѣдовательно въ просвѣщенныхъ либераловъ, противъ которыхъ не нужно будетъ употреблять никакихъ героическихъ лекарствъ. Поэтому, когда въ половинѣ іюня 1790 года рѣшено было пустить въ продажу всю массу церковныхъ имуществъ, тогда національное собраніе приказало продавать ихъ мелкими кусками. Мѣра была превосходная, но на землѣ не бываетъ полнаго совершенства, и не можетъ его быть, прибавляетъ солидный читатель *). У глупаго пролетарія совсѣмъ ничего не было, такъ что если-бы землю продавали не десятинами, а цвѣточными горшками, то и тутъ онъ могъ-бы только украсть себѣ такой горшокъ земли, а никакъ не купить его. Если-бы государство захотѣло подарить землю своему убогому дѣтищу, то и тогда этотъ блудный сынъ могъ-бы пахать эту землю только собственными ногтями, потому что у него не было даже своей лопаты; я говорилъ уже въ одной изъ предыдущихъ главъ, что большая часть фермеровъ работали хозяйскими орудіями и хозяйскимъ рабочимъ скотомъ; стало-быть, сдѣлавшись собственникомъ, такой фермеръ все еще не превращался въ просвѣщеннаго либерала и все еще искалъ себѣ въ революціи недозволенныхъ удовольствій.

Ну, однако, спрашиваетъ наконецъ раздосадованный читатель, что-же вы съ нимъ прикажете дѣлать? И какъ-же его наконецъ пристроить такъ, чтобы онъ не кричалъ и не лѣзъ — —

*) И даже совсѣмъ не должно быть, прибавляю я и оказываюсь такимъ образомъ солиднѣе всякаго читателя.

на стѣны? И чѣмъ-же тутъ виновато національное собраніе?

Ахъ вы, мой читатель! ахъ вы, мой гнѣвный читатель! неужели вы не знаете, что въ жизни бываютъ такія положенія, въ которыхъ рѣшительно ничѣмъ нельзя помочь и рѣшительно ничего нельзя сдѣлать путнаго? Куда ни кинь, все клинъ. Въ подобныхъ случаяхъ частной жизни русскій человѣкъ утѣшается пословицей: «перемелется—мука будетъ». Перемелется-то оно точно, и мука будетъ непремѣнно; но ужъ за-то не взыщите: что попадетъ подъ жерновъ и изъ чего выдѣлается мука—этого никто не знаетъ заранѣе. Вотъ въ такомъ-то положеніи и находились дѣла во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. И если-бы они находились не въ такомъ положеніи, тогда во Франціи не было-бы революціи, а совершалось-бы полюбовное размежеваніе заинтересованныхъ сторонъ. Но ни одна попытка подобнаго размежеванія въ тогдашней Франціи не удалась, и между заинтересованными сторонами не оказалось ни малѣйшей полюбовности; обнаружилось, что всѣ интересы противорѣчатъ другъ другу и всѣ перепутаны между собой до послѣдней крайности. Со всѣхъ сторонъ заговорили страсти, и каждая изъ этихъ страстей сама по себѣ была вполнѣ естественна, а между тѣмъ каждая изъ нихъ для своего удовлетворенія должна была тѣснить и истреблять другія страсти. Люди разгнѣвались другъ противъ друга и сначала стали шумѣть, а потомъ передрались. И больно передрались. И долго продолжалась ихъ драка. И все это вовсе не хорошо, и вовсе не нравится ни мнѣ, ни моему читателю. Но мало-ли что намъ не нравится. Многое, другъ Горацio, очень много дѣлается въ этомъ мірѣ совсѣмъ не такъ, какъ мы съ тобой того желаемъ. Этимъ печальнымъ размышленіемъ, изумительнымъ по своей новизнѣ, я заканчиваю эту XV главу, которая, по какому-то необъяснимому капризу судьбы, пропиталась небывалымъ легкомысліемъ изложенія. Въ оправданіе этого легкомыслія я могу впрочемъ поставить на видъ читателю, что я все-таки тѣмъ или другимъ тономъ выразилъ все то, и только то, что я хотѣлъ выразить, а это во всякомъ случаѣ заслуга немаловажная, за которую многое можетъ мнѣ быть прощено.

XVI.

Въ странѣ, населенной полудикими пролетаріями, каждый неурожай производитъ такія страданія, о которыхъ не имѣютъ понятія жители богатыхъ и промышленныхъ земель. Каждый неурожай во Франціи XVIII столѣтія приводилъ за собой голодъ и общественныя волненія, потому что большинство сельскаго населенія не имѣло никогда никакихъ запасовъ и, живя со дня на день, тотчасъ встрѣчалось лицомъ къ лицу съ голодной смертью, какъ только погода въ какомъ-нибудь отношеніи переставала благопріятствовать успѣшному созрѣванію жатвы. Въ историческихъ сочиненіяхъ упоминается часто о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, которыя, совпадая съ общественной нескладицей, увеличиваютъ тревожное настроеніе умовъ и усиливаютъ разнообразные безпорядки. Говоря о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, историки обыкновенно смотрятъ на нихъ, какъ на явленіе совершенно самостоятельное и не имѣющее ни малѣйшей связи съ общественнымъ положеніемъ той страны, надъ которой они разражаются. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, историки обнаруживаютъ трогательное отсутствіе обобщаемаго пониманія.

Объяснить и доказать это вовсе не трудно. Представьте себѣ, что васъ застигаетъ въ дорогѣ наша отечественная мятель, украшенная 20-ти-градуснымъ морозомъ; вы, какъ человѣкъ, одаренный енотовой шубой, остаетесь здравы и невредимы, а ямщикъ вашъ, благодаря своему зипуну *), отмораживаетъ себѣ руки и ноги, пріобрѣтаетъ антоновъ огонь **) и умираетъ. Мятель для васъ обоихъ была одна и та-же, и морозъ одинъ и тотъ-же, но оборонительное оружіе противъ того и другого было у насъ различное, а потому и результаты получились совершенно несходные.

Размѣры моей притчи о мятели и ея послѣдствіяхъ могутъ быть увеличены въ милліоны разъ, и притча не потеряетъ отъ этого своей вѣрности. Мы увидимъ тогда, что богатый, промышленный и образованный народъ, счастливый по условіямъ своего гражданскаго быта ***), переноситъ естественныя бѣдствія совсѣмъ не такъ, какъ переноситъ его народъ бѣдный, производящій мало земледѣльческихъ продуктовъ и фабричныхъ издѣлій, погруженный въ невѣжество и доведенный своими историческими посчастіями до неизбѣжной и подавляющей апатіи. В о-п е р в ы х ъ — многія, если не всѣ, естественныя бѣдствія поражаютъ бѣдный и невѣжественный народъ гораздо чаще, чѣмъ богатый и образованный. Понятно также, что это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ бо̀льшаго или меньшаго совершенства предохранительныхъ мѣръ, а количество и качество этихъ мѣръ очевидно обусловливается общимъ положеніемъ народа. Голодъ также посѣщаетъ всего чаще тѣ мѣста, въ которыхъ искусство человѣка слабо и

---

*) „Зипунъ одежда честная“ и т. д. (Объявленіе объ изданіи „Времени“ въ 1863 году.)

**) Его должно утѣшить, что, благодаря тому-же зипуну, онъ кромѣ антонова огня пріобрѣлъ себѣ еще сочувствіе либеральныхъ журналистовъ.

***) Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти привлекательные эпитеты имѣютъ только относительное значеніе. Англичане счастливы и т. д. въ сравненіи съ индусами, но абсолютно счастливыхъ народовъ до сихъ поръ еще не бывало.

въ которыхъ хлѣбныя зерна совершенно предоставляются на волю естественныхъ силъ земли и атмосферы; чѣмъ безобразнѣе земледѣльческія орудія, чѣмъ допотопнѣе системы хозяйства, тѣмъ хуже родится хлѣбъ и тѣмъ чаще происходятъ неурожаи. Моровая язва и разныя другія повальныя болѣзни идутъ обыкновенно вслѣдъ за голодомъ и разражаются съ особенной силой въ военныхъ лагеряхъ или въ городахъ, въ которыхъ чистый воздухъ составляетъ роскошь, доступную только для самаго ограниченнаго меньшинства. Извѣстно, что холера, лихорадки, тифы появляются сначала въ самыхъ бѣдныхъ и грязныхъ кварталахъ, а потомъ изъ лачугъ переходятъ въ роскошные отели, напоминая обитателямъ послѣднихъ, что въ лачугахъ прозябаютъ и дышатъ животныя совершенно одинаковой съ ними организаціи. Извѣстно, что голодъ и язва постоянно работаютъ на Востокѣ, гдѣ массы подавлены нищетой и рабствомъ; извѣстно, что англичане своимъ управленіемъ производятъ въ Остъ-Индіи голодъ и повальныя болѣзни, которыя не были извѣстны тамошнимъ жителямъ до тѣхъ поръ, пока Остъ-Индская компанія не приняла на себя человѣколюбивый трудъ обирать индуса до послѣдней нитки и называть это обираніе распространеніемъ европейской цивилизаціи между грубыми варварами. Все это во-первыхъ. А в о - в т о р ы х ъ, надо взять въ разсчетъ, что если надъ богатымъ и образованнымъ народомъ стрясется такая бѣда, которую нельзя отвратить никакими предосторожностями, то богатство, образованность и вытекающая изъ нихъ неутомимая дѣятельность даютъ народу возможность перенести это бѣдствіе безъ большихъ потерь и потомъ съ изумительной быстротой исправить понесенные убытки. Случилось, положимъ, землетрясеніе или наводненіе; тотчасъ появляются со всѣхъ сторонъ вспомоществованія и пожертвованія; но они даже и не нужны, потому что всѣ погибшія зданія были застрахованы; кто изъ жителей разорился, тотъ можетъ найти себѣ работу и находитъ ее въ промышленной странѣ несравненно легче, чѣмъ могъ-бы сдѣлать это въ такомъ мѣстѣ, гдѣ царствуетъ невозмутимый застой.

Все это отступленіе отъ главнаго предмета клонилось къ тому, чтобы показать, что отношенія человѣка къ явленіямъ природы подчинены тѣмъ отношеніямъ, которыя установились втеченіи вѣковъ между человѣкомъ и человѣкомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что счастье человѣка зависитъ и с к л ю ч и т е л ь н о отъ особенностей его общественной жизни. Когда каждый человѣкъ будетъ относиться къ каждому другому человѣку совершенно разумно, тогда изъ этихъ разумныхъ отношеній вырабатывается такая сила, которая побѣдитъ навсегда всякія враждебныя вліянія природы. Въ подтвержденіе этой мысли достаточно будетъ привести одинъ крупный примѣръ. Сравните южныя части Европы съ сѣверными и вы увидите, на какой сторонѣ находится перевѣсъ въ дѣлѣ народнаго благосостоянія. Народъ счастливѣе на Скандинавскомъ полуостровѣ, чѣмъ на Пиринейскомъ; счастливѣе въ Даніи, чѣмъ въ Италіи; въ Англіи, чѣмъ въ Турціи; и именно во столько разъ счастливѣе въ первыхъ странахъ, чѣмъ во вторыхъ, во сколько разъ климатическія условія благопріятнѣе во вторыхъ, чѣмъ въ первыхъ.

Окончательный выводъ нашъ, парадоксальный по своей формѣ, будетъ тотъ, что не природа, а исторія производитъ неурожаи, пожары и повальныя болѣзни. Этотъ выводъ уже прямо относится къ нашему главному предмету. Во Франціи въ 1788 году былъ неурожай, и послѣдствія этого неурожая во многихъ отношеніяхъ содѣйствовали усиленію революціи. Для насъ вовсе не интересно то обстоятельство, что солнечные и дождливые дни слѣдовали въ этомъ году одни за другими въ томъ или въ другомъ порядкѣ; но для насъ уже интересно и важно то, что неблагопріятная погода испортила жатву на значительномъ пространствѣ французской территоріи. Для насъ еще важнѣе и еще интереснѣе то, что одна испорченная жатва произвела во Франціи сильныя народныя страданія и такія волненія, которыя заняли свое мѣсто въ исторіи. Конечно всѣ прежніе правители Франціи своими совокупными усиліями не могли навлечь на свою родину градовую тучу, или отклонить отъ ея засыхающихъ полей благотворное дождевое облако; однако не подлежитъ сомнѣнію, что самый климатъ страны можетъ быть испорченъ напримѣръ неразсчетливымъ вырубаніемъ лѣсовъ, — или улучшенъ напримѣръ осушкой болотъ. Если прежніе правители Франціи по незнанію или по небрежности упускали изъ виду лѣса и болота, то даже въ дѣлѣ погоды эти прежніе правители являются виновниками позднѣйшихъ бѣдствій.

Если мы перейдемъ къ вопросу о томъ, почему люди подѣйствовали разрушительно на жатву, то тутъ участіе прежнихъ правительствъ въ бѣдствіяхъ настоящей эпохи сдѣлается еще ощутительнѣе; если-бы поля были вспаханы глубже, если-бы они были орошены каналами, если-бы между нивами были разсажены разсчетливымъ образомъ деревья, то вліяніе засухи было бы ослаблено въ значительной степени. А почему земля была дурно вспахана, почему не было каналовъ, почему не было аллей? Да потому, что у крестьянъ не было ни хорошихъ орудій, ни раціональныхъ познаній; а этого не было, потому что народъ вообще былъ бѣденъ до послѣдней степени и задавленъ самымъ глубокимъ невѣжествомъ. А почему одна испорченная жатва производила въ тогдашней Франціи голодъ, опасный для самой жизни цѣлыхъ милліоновъ людей? Очевидно потому, что народъ жилъ почти такъ, какъ живутъ теперь остяки, не оставляя

ничего про запасъ, съѣдая въ одинъ годъ все, что не отнято изъ ихъ рукъ сборщиками податей и господскихъ повинностей, и находясь такимъ образомъ постоянно въ безусловной зависимости отъ ежегодныхъ щедротъ земли и благопріятной погоды. А если земля ничего не дастъ и если погода окажется неблагопріятной, тогда дѣлать нечего, хоть съ голоду умирай.

Такимъ образомъ милліоны французскаго народа до минуты собиранія жатвы находились каждый годъ въ положеніи игрока, поставившаго на карту свою жизнь и жизнь своего семейства и обязавшагося въ случаѣ проигрыша уморить голодной смертью себя и своихъ домашнихъ. Въ случаѣ же выигрыша счастливому игроку дается отсрочка, и ему позволяется быть увѣреннымъ, что онъ не умретъ съ голода раньше будущаго года. Этой годовой отсрочкой исчерпываются всѣ счастливые шансы, которые могъ извлечь французскій крестьянинъ-пролетарій изъ блистательнѣйшаго выигрыша. И каждый годъ возобновляется та-же игра съ тѣми же пріятными шансами. Хочешь не хочешь, а играй, пока тебя таскаютъ ноги, и пока дѣйствуютъ у тебя руки.

Я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ объ ажіотажѣ, проникнувшемъ въ народныя массы вслѣдствіе выпуска мелкихъ ассигнацій, постоянно колебавшихся въ своемъ курсѣ. Я выставлялъ вредныя послѣдствія этого ажіотажа; но спрашивается, какой же ажіотажъ, по своему потрясающему дѣйствію на человѣческіе нервы и по своему вредному вліянію на общественную нравственность, можетъ сравниться, хотя въ самой отдаленной степени, съ этой колоссальной и вѣчной игрой, составлявшей собой всю жизнь огромнаго большинства французскихъ крестьянъ. Эта колоссальная и вѣчная игра выдумана и привита къ жизни французскаго народа старой монархіей. Въ эту игру входятъ самые разнообразные ингредіенты: тутъ занимаетъ первое мѣсто громкая слава французскаго оружія; тутъ бросается въ глаза блескъ французскаго двора; тутъ сіяютъ великолѣпныя любезности (galanteries) Франциска I, Людовика XIV и Людовика XV; тутъ ласкаютъ зрѣніе парки, дворцы и фонтаны разныхъ королевскихъ резиденцій; тутъ мы съ глубокимъ уваженіемъ преклоняемся передъ картинными галереями и мраморными статуями, свидѣтельствующими о просвѣщенномъ вкусѣ и о весьма понятной щедрости прежнихъ правителей; тутъ придворные поэты, придворные костюмы, придворные лакеи, придворные шуты и придворныя животныя; тутъ рябитъ въ глазахъ отъ золота и пестроты; тутъ, однимъ словомъ, собрано все, что довело государственные финансы Франціи до неотразимой катастрофы; тутъ все, что впродолженіи тысячелѣтія увлекало въ свой широкій и глубокій потокъ трудовыя копѣйки всякой негодной и оборванной сволочи; и это все,—этотъ блескъ, этотъ потокъ, эта причина финансовой катастрофы,—лишивъ земледѣльца всякой собственности, уничтожило наконецъ самую возможность труда и засушило такимъ образомъ послѣдній источникъ, изъ котораго простой человѣкъ могъ извлекать себѣ средства къ существованію.

Я говорю, что уничтожена была самая возможность труда, и говорю это потому, что трудъ и азартная игра—двѣ вещи совершенно различныя. Трудомъ можетъ называться только тотъ процессъ, въ которомъ извѣстному напряженію мускуловъ и нервовъ соотвѣтствуютъ извѣстные, т. е. точно опредѣленные результаты. Чѣмъ болѣе это соотвѣтствіе между напряженіемъ и результатами подвержено колебаніямъ, тѣмъ сильнѣе самая сущность труда отравляется элементомъ риска. Мы видѣли, какъ силенъ былъ элементъ риска въ жизни и ежедневной дѣятельности французскаго крестьянина прошлаго столѣтія; поэтому насъ не должно изумлять то выраженіе, что хозяйство старой монархіи уничтожило для огромной массы французскихъ гражданъ самую возможность труда. Крестьянинъ работаетъ одинъ годъ и сытъ; работаетъ другой годъ точно такъ-же усердно и умираетъ съ голода. На что же это похоже? Вѣдь это вотъ что значитъ: я ставлю одну карту, — мнѣ ее даютъ, я ставлю другую—ее бьютъ; а для того, чтобы не умереть съ голода, мнѣ необходимо, чтобы мнѣ дали подрядъ пятьдесятъ или шестьдесятъ картъ; сколько лѣтъ я проживу, столько картъ; каждый годъ по картѣ. Спрашивается, трудъ-ли это, или игра? Спрашивается кромѣ того: что составляетъ при подобныхъ условіяхъ нормальный уровень моего благосостоянія? Для того, чтобы я былъ постоянно сытъ, мнѣ необходимъ невозможный рядъ постоянныхъ удачъ. По теоріи вѣроятностей, я могу только ожидать, что количество счастливыхъ картъ будетъ равняться количеству несчастныхъ. Стало-быть одинъ годъ я сытъ, а другой годъ умираю съ голода, потомъ опять сытъ и опять голодаю; въ среднемъ выводѣ оказывается, что я постоянно нахожусь впроголодь, потому что занимаюсь не трудомъ, а игрой.

Мы встрѣчаемъ въ числѣ многихъ другихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ французскаго революціоннаго движенія, дороговизну хлѣба, произведенную неурожаемъ 1788 года. Встрѣчаясь съ этимъ фактомъ, мы сначала можемъ подумать, что революція произведена отчасти средневѣковымъ прошедшимъ, а отчасти неодушевленными силами природы. Мы можемъ отнести голодъ и дороговизну къ такому порядку фактовъ, который не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствіями и ошибками людей. Но все это мы сдѣлаемъ только сначала. Вглядѣвшись внимательно въ причинную связь событій, мы тотчасъ сообразимъ, что рабская зависимость сильнаго и даровитаго народа отъ перемѣнъ погоды со-

ставляетъ быть можетъ самое замѣчательное проявленіе той безпомощности и искусственной хилости, до которой этотъ народъ былъ доведенъ блестящими подвигами своихъ предводителей. «Quand un francais a la colique, il dit que c'est la faute du gouvernement» (Когда у француза болитъ животъ, онъ говоритъ, что въ этомъ виновато правительство). Этими словами сами французы превосходно характеризуютъ свою привычку сваливать на правительство всякую заботу и упрекать правительство за всѣ несовершенства жизни. Эта привычка сама по себѣ вовсе не полезна, но она не даромъ укоренилась во французскомъ народѣ; она составляетъ неизбѣжный выводъ изъ безконечно-длиннаго ряда пережитыхъ опытовъ; правительство старой монархіи особенно сильно содѣйствовало развитію этой привычки; мѣшая всякой иниціативѣ, путаясь во все, извлекая деньги изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ источниковъ, не дѣлая на эти деньги ничего полезнаго для общества, правительство старыхъ королей должно было нести ужасную отвѣтственность за все зло, которое совершалось на французской территоріи, и за всѣ препятствія, которыя сознательно или безсознательно подавляли возникновеніе и развитіе всякаго добра. Когда у французскаго мужика въ прошломъ столѣтіи болѣлъ животъ отъ древесной коры и отъ разныхъ другихъ изящныхъ веществъ, исправляющихъ должность муки, тогда этотъ французъ имѣлъ полное основаніе сказать, «что въ этомъ виновато правительство». Ancien régime, державшійся по милости этихъ правительствъ впродолженіи многихъ столѣтій, испортилъ во Франціи все, начиная отъ народной логики и кончая народными желудками, начиная отъ государственныхъ финансовъ и кончая формой костюмовъ. Все было перековеркано исторіей, и всѣ результаты этого хроническаго коверканія обрушились на людей старой монархіи тогда, когда имъ пришлось сводить счеты за себя и за своихъ великолѣпныхъ предшественниковъ. Природа тутъ не при чемъ. Неурожай голодъ, волненіе—все это произведено не природой, а исторіей. Вездѣ и на всемъ лежала во Франціи мертвящая рука ancien regime; нѣтъ того климата, котораго бы онъ не испортилъ, нѣтъ той почвы, которой бы онъ не истощилъ.

XVII.

Неурожай 1788 года произвелъ дороговизну хлѣба во время 1789 года; различныя провинціальныя и городскія управленія, заботясь о продовольствіи своихъ жителей, перебивали другъ у друга существующіе запасы и своимъ соперничествомъ еще болѣе поднимали цѣны, которыя и безъ того были очень высоки. Эти торговыя операціи городскихъ и провинціальныхъ управленій были вызваны необходимостью и конечно не заключали въ себѣ ни малѣйшаго лукаваго умысла; но народъ страдалъ; его тревожили разные зловѣщіе слухи, ему было неудобно и невозможно разсуждать благоразумно и спокойно о причинахъ дороговизны; онъ зналъ, что ему въ прошедшемъ дѣлали много зла аристократы и купцы; понятіе объ этихъ двухъ классахъ людей тѣсно связывалось въ умѣ его съ ощущеніемъ боли; народу было больно; значитъ, разсуждалъ народъ, тутъ дѣйствуютъ купцы и аристократы; не трудно было найти, какъ они дѣйствуютъ. Аристократы, думалъ народъ, скупаютъ хлѣбъ изъ злости, чтобы отомстить мужикамъ за низверженіе феодализма, а купцы дѣлаютъ тоже самое изъ корыстолюбія, чтобы набить себѣ карманы, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ. А правительство слабо, правительство этого не знаетъ, правительство обмануто врагами народа.

Рядъ подобныхъ разсужденій, вытекающихъ прямо и непосредственно изъ чувства страданія, долженъ былъ неизбѣжно привести къ тому практическому выводу, что народу слѣдуетъ самому взяться за свое дѣло, самому расправиться съ своими обидчиками, самому прекратить гнетущую дороговизну. Примѣры народной расправы встрѣчаются въ это время вездѣ, гдѣ только встревоженному народу попадается подозрительное лицо, а кого именно народъ считалъ подозрительнымъ, это было также трудно опредѣлить, какъ и то, кого именно онъ считалъ неподозрительнымъ. Народъ дѣйствовалъ по вдохновенію, и порывы этого вдохновенія были всегда довольно разрушительны и часто попадали туда, куда имъ совсѣмъ не резонъ было попадать. Случалось не рѣдко, что какой-нибудь несчастный агентъ городского или провинціальнаго вѣдомства, отправленный своимъ начальствомъ для закупки хлѣба, попадался въ руки вдохновенной толпы патріотовъ, которые, не выслушивая никакихъ оправданій, вѣшали усерднаго чиновника, какъ злонамѣреннаго барышника, производящаго искусственную дороговизну хлѣба. Всякій хлѣбный торговецъ находился въ постоянной опасности, всякій булочникъ могъ ежеминутно ожидать, что лавка его будетъ разграблена голоднымъ народомъ; въ городахъ мѣстное начальство принимало свои мѣры для того, чтобы хлѣбъ постоянно оставался доступнымъ по своей цѣнѣ бѣднѣйшему классу жителей; но въ деревняхъ дороговизна была такъ обременительна, что толпы крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ предпринимали нашествіе на сосѣдніе города, грабили амбары и булочныя, сталкивались съ отрядами національной гвардіи и нерѣдко побѣждали блюстителей порядка и защитниковъ собственности.

Лѣтомъ 1790 года эти крестьянскія волненія стали принимать очень серьезные размѣры. Тѣ провинціи, которыя въ прошломъ 1789 году отличались особенной яростью въ возстаніи противъ дворянскихъ правъ, отпраздновали годов-

щину этого перваго возстанія новымъ движеніемъ, направленнымъ сначала противъ дороговизны хлѣба, а потомъ противъ привилегій богатства вообще. Центральныя провинціи королевства: Бурбонне, Берри, Ниверне, Шароле, покрылись вооруженными толпами сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ требованія стали дѣлаться обширнѣе и настоятельнѣе по мѣрѣ того, какъ они сами стали чувствовать свою силу и свою многочисленность. Сначала поднявшіеся крестьяне требовали отъ правительства, чтобы оно установило таксу на хлѣбъ и прекратило дѣйствіемъ своей власти преступныя продѣлки аристократовъ и барышниковъ, скупающихъ хлѣбъ и производящихъ искусственный голодъ; это требованіе было совершенно неисполнимо, потому что преступныя продѣлки существовали только въ воображеніи народа; но на этомъ дѣло не остановилось. Крестьяне взяли приступомъ городъ Десизъ и потребовали себѣ общаго пониженія арендной платы; вслѣдъ за тѣмъ явилась идея, что арендную плату можно совершенно отмѣнить; пролетаріи захотѣли сдѣлаться собственниками, и по волнующимся провинціямъ пробѣжала съ изумительной быстротой мысль о поземельномъ законѣ, т. е. о такомъ раздѣлѣ полей, при которомъ уничтожились бы какъ сельскій пролетаріатъ, такъ и колоссальная поземельная собственность.

Аграрный законъ составляетъ краеугольный камень всякой коммунистической системы; это любимый конекъ всѣхъ коммунистовъ со временъ Ликурга, а пожалуй и раньше. Каждый разъ, когда втеченіи вѣковъ произносились серьезно эти два слова: «аграрный законъ»,—они дѣлались сигналомъ самой неумолимой борьбы между достаточными гражданами и оборванной сволочью, между правами собственности и посягательствами коммунизма, между практикой и заразительной утопіей. До сихъ поръ побѣда постоянно оставалась на сторонѣ историческаго права; такъ точно случилось и въ 1790 году. Въ національномъ собраніи партія коммунистовъ почти не существовала; напротивъ того собственники пользовались въ немъ всесильнымъ вліяніемъ; поэтому тенденціи сельскихъ пролетаріевъ произвели въ собраніи величайшій ужасъ и возбудили противъ себя сильнѣйшее отвращеніе. Рѣшено было всякія подобныя тенденціи подавлять вооруженной силой и всякую мысль объ аграрномъ законѣ считать возмутительнымъ преступленіемъ. Національная гвардія съ удвоенной энергіей стала дѣйствовать противъ самородныхъ коммунистовъ, и къ зимѣ 1790 года движеніе пролетаріевъ противъ собственности совершенно утратило свой грозный характеръ и опять раздробилось на разъединенные и отрывочные акты народной расправы съ амбарами, булочными и такъ-называемыми барышниками. Но всякій разъ какъ собраніе начинало разсуждать о необходимости строгихъ мѣръ, адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса вставалъ съ своего мѣста, отправлялся на трибуну и начиналъ говорить; краснорѣчіе этого оратора не поражало слушателей; тема его рѣчей въ подобныхъ случаяхъ была постоянно одна и та-же; но именно это однообразіе составляло силу этого человѣка и постепенно неизгладимыми чертами врѣзывало его образъ и весь строй его идей въ умъ тѣхъ слушателей, которые толпились на галереяхъ. Робеспьеръ постоянно говорилъ о страданіяхъ народа, постоянно выводилъ изъ этихъ страданій всѣ безпорядки и постоянно всѣми силами сопротивлялся приложенію строгихъ мѣръ. Ему рѣдко удавалось доставить своему мнѣнію побѣду въ собраніи, но народъ твердо помнилъ имя, наружность и идеи своего неутомимаго защитника. Въ собраніи Робеспьеръ оставался дюжиннымъ ораторомъ, но въ Парижѣ и во Франціи онъ былъ уже сильнымъ человѣкомъ. Въ характерѣ своихъ рѣчей Робеспьеръ примѣнялся къ требованіямъ обстоятельствъ и къ понятіямъ своихъ товарищей-депутатовъ, на которыхъ онъ старался дѣйствовать; ни республиканскихъ, ни коммунистическихъ идей не встрѣчалось въ его разсужденіяхъ; единственнымъ основнымъ мотивомъ, изъ котораго выводились всѣ варіаціи, было для Робеспьера уваженіе къ народу, сочувствіе къ его страданіямъ, стремленіе возвысить его благосостояніе кроткими и гуманными распоряженіями. Такія тенденціи не могли никого озадачить въ національномъ собраніи, а между тѣмъ когда другіе депутаты говорили о необузданномъ своеволіи крестьянъ, объ ихъ жестокой дикости и необходимости дѣйствовать противъ нихъ штыками національной гвардіи, тогда практическое различіе между рѣчами Робеспьера и произведеніями другихъ ораторовъ обозначалось очень явственно, и народъ въ Парижѣ и въ департаментахъ вѣроятно по извѣстной уже намъ простотѣ своей находилъ, что одинъ Робеспьеръ говоритъ настоящее дѣло.

Другой любимецъ французскаго пролетаріата, Маратъ не умѣлъ или не хотѣлъ держаться осторожной и выжидательной политики Робеспьера; пренебрегая всякими приличіями, отбрасывая всторону всякую дипломатическую мягкость выраженій, Маратъ неутомимо проповѣдывалъ въ своей газетѣ: «Ami du peuple» истребительную войну неимущихъ гражданъ противъ аристократовъ, противъ купцовъ, противъ богачей, противъ собственниковъ, противъ національной гвардіи, противъ учредительнаго собранія, противъ всѣхъ и противъ всего, кто и что отдѣляло пролетаріевъ отъ верховной власти въ государствѣ и отъ полнаго наслажденія благами жизни. Маратъ не смущался даже той мыслью, что пролетаріи быть можетъ не останутся побѣдителями въ этой борьбѣ со всѣми властями и высшими классами общества; Маратъ не хотѣлъ и

не могъ сообразить, что на сторонѣ высшихъ классовъ находится въ данную минуту несомнѣнный перевѣсъ вооруженія и организаціи; онъ не хотѣлъ понять, что собственникъ будетъ сражаться за свою собственность съ мужествомъ отчаянія.

Былъ-ли Маратъ въ полномъ умѣ, или страдалъ онъ разстройствомъ мозга, это—такой вопросъ, который можетъ быть очень интересенъ для спеціалиста по части душевныхъ болѣзней; я замѣчу только, что его пламенный протестъ неотразимо увлекалъ толпу. Масса, пошла за людьми, подобными Марату и Робеспьеру; прежніе кумиры, Бальи, Лафайетъ, Мирабо стали казаться массѣ измѣнниками и врагами; тѣ классы общества, которые группировались вокругъ этихъ бывшихъ кумировъ, стали также считаться притѣснителями народа и прямыми преемниками уничтоженныхъ аристократовъ. Между буржуазіей и низшими слоями народа произошелъ окончательный разрывъ. Этотъ разрывъ обнаружился въ самомъ Парижѣ тотчасъ послѣ побѣды третьяго сословія, послѣ взятія Бастиліи и послѣ сформированія національной гвардіи. Буржуазія хотѣла водворить порядокъ, а народъ хотѣлъ продолжать безпорядки; буржуазія хотѣла охранять собственность, а народъ, которому нечего болѣе охранять, хотѣлъ завоевать собственность; на сторонѣ буржуазіи находились всѣ кроткія добродѣтели человѣка и гражданина; на сторонѣ народа—всѣ буйные пороки голодной собаки и отверженнаго каторжника. Все это прекрасно. Но именно потому между народомъ и буржуазіей не могло быть ни союза, ни примиренія. Борьба между ними была такъ-же неизбѣжна, какъ борьба между свѣтомъ и тьмой, между Ормуздомъ и Ариманомъ. Парижане давно поняли это, но провинціалы, которымъ всегда суждено получать и носить парижскія моды годомъ позднѣе, сообразили это обстоятельство только во время крестьянскихъ волненій 1790 года.

Тутъ дѣйствительно мудрено было не сообразить. Единственная вооруженная сила, которую встрѣчали сельскіе пролетаріи, называлась національной гвардіей и состояла изъ горожанъ, обязавшихся защищать конституцію и охранять тишину и спокойствіе. При каждой встрѣчѣ національной гвардіи съ крестьянами штыкъ національнаго гвардейца попадалъ крестьянину либо въ животъ, либо въ грудь, и такъ какъ эти опыты втеченіи лѣта 1790 года производились во многихъ мѣстностяхъ Франціи чуть-ли не каждый день, то самая упорная вѣра въ единодушіе французской націи должна была наконецъ поколебаться, совершенно независимо отъ декламаціи демократическихъ ораторовъ и отъ газетныхъ статей демократическихъ журналовъ. Каждая старуха и каждый ребенокъ увидѣли и поняли наконецъ, что люди хорошо одѣтые и хорошо вооруженные враждуютъ съ санкилазами, вооруженными разнымъ дрекольемъ; и враждуютъ эти двѣ партіи не въ одномъ мѣстѣ и не при какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ, а враждуютъ вездѣ и при каждой встрѣчѣ; сталобыть одни хотятъ такъ, а другіе совсѣмъ иначе; чтобы дойти до такого заключенія, надо было только видѣть и слышать то, что дѣлалось въ каждомъ городкѣ и въ каждомъ селеніи тогдашней Франціи; можно было не слыхать ни одной рѣчи Робеспьера и не читать ни одной статьи Марата, и все-таки понимать, что буржуазія и пролетаріатъ не ладятъ между собою и что примиреніе между ними затруднительно. Проявленіе этого рѣшительнаго разлада между приличными гражданами съ одной и людьми безъ панталонъ съ другой стороны составляетъ самый важный результатъ крестьянскихъ волненій 1790 года. Аграрный законъ конечно остался неосуществленной мечтой сельскихъ пролетаріевъ, но зато ненависть къ буржуазіи, таившаяся до сихъ поръ въ парижскихъ предмѣстьяхъ, разлилась по всѣмъ департаментамъ и просочилась въ самый темный и грубый классъ пассивныхъ гражданъ. Эта ненависть положила широкое основаніе будущему господству санкюлотизма.

XVIII.

Продажа церковныхъ имуществъ, которая, по соображеніямъ добродушныхъ законодателей, должна была уничтожить пролетаріатъ и осчастливить бывшихъ пролетаріевъ, начала обнаруживать свое вліяніе въ концѣ 1790 и въ началѣ 1791 года. Продажей завѣдывали мѣстные муниципалитеты, которымъ предоставлена была за хлопоты шестнадцатая доля выручки; продавать велѣно было мелкими кусками; формальная сторона дѣлопроизводства была упрощена до послѣдней возможности; задатки были назначены самые умѣренные, остальная часть суммы разсрочивалась на долгіе сроки; уплата принималась не только звонкой монетой и ассигнаціями, но и разными другими государственными бумагами. Словомъ, были приняты всѣ мѣры для того, чтобы привлечь покупателей и сдѣлать пріобрѣтеніе земель доступнымъ для простыхъ и бѣдныхъ людей. Покупателей дѣйствительно явилось очень много, такъ что въ концѣ сентября 1791 года цѣнность проданныхъ имуществъ доходила уже до 964 милліоновъ. Общій результатъ былъ утѣшителенъ, и подробности отличались также самой пріятной наружностью, потому что покупателями являлись большей частью крестьяне, которые, пріобрѣтая себѣ недвижимую собственность, навсегда должны были разстаться съ гибельными тенденціями, свойственными пролетарію и самородному коммунисту. Такъ по крайней мѣрѣ можно было думать. Но здѣсь случилось то, что случается почти вездѣ и почти всегда. Вся выгода операціи досталась не государству и не трудящемуся классу гражданъ, а разнымъ крупнымъ и мел-

кимъ аферистамъ и спекуляторамъ. Спекулировать въ тогдашней Франціи было конечно все равно, что курить сигару, сидя на раскрытой бочкѣ пороха; взрывъ народныхъ страстей могъ ежеминутно разнести въ дребезги всякую спекуляцію и стереть въ порошокъ самого спекулятора; каждая спекуляція могла показаться подозрительной какой-нибудь группѣ патріотовъ, и тогда никто не могъ-бы поручиться за безопасность предпріимчиваго гражданина; но такъ какъ неразборчивый гнѣвъ патріотовъ поражалъ одинаково часто и одинаково сильно и честныхъ людей, и безсовѣстныхъ мошенниковъ, то для человѣка, любящаго пускаться въ рискованныя и не совсѣмъ чистыя предпріятія, не было побудительныхъ причинъ обуздывать свои размашистыя наклонности. А если оставить въ сторонѣ опасность, которая впрочемъ была одинаково сильна для спекуляторовъ и для неспекуляторовъ, то конечно придется сознаться, что тогдашняя Франція представляла необъятно широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ проявленій финансовой геніальности со стороны отдѣльныхъ гражданъ. Политическое и соціальное броженіе, колеблющійся курсъ ассигнацій, продажа огромной массы имуществъ, неопытность огромнаго количества крестьянъ, стремившихся къ быстрому обогащенію, безсиліе судебной власти, равнодушіе общественнаго мнѣнія къ гражданскимъ и коммерческимъ процессамъ и вообще ко всему, что не входило въ сферу животрепещущихъ политическихъ вопросовъ—все это вмѣстѣ со многими другими мѣстными и временными условіями создавало въ тогдашней Франціи такой океанъ мутной воды, въ которомъ каждый опытный и смѣлый рыбакъ могъ наловить себѣ пропасть крупной и мелкой рыбы. Продажа церковныхъ имуществъ подала поводъ къ устройству очень простого рыболовнаго снаряда, который, несмотря на свою простоту, дѣйствовалъ въ этихъ департаментахъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

Рыбакъ или иначе спекуляторъ давалъ подставному лицу изъ крестьянъ небольшую сумму денегъ; подставное лицо это являлось на торги, покупало на свое имя участокъ земли и отдавало врученную ему сумму въ задатокъ; тогда спекуляторъ въ купленномъ имѣніи начиналъ хозяйничать по своему; лѣсъ вырубался, строенія продавались на сломъ, и вообще изъ имѣнія выжималось на скорую руку возможно большее количество денегъ; данный задатокъ конечно возвращался въ карманъ спекулятора съ тройной или четверною прибылью; затѣмъ никто не думалъ о томъ, чтобы вносить въ положенные сроки остальныя доли покупной суммы; когда всѣ сроки были такимъ образомъ пропущены, тогда муниципалитеты конечно объявляли продажу недѣйствительной и отбирали имѣнія у несостоятельныхъ покупателей, но въ это время дѣло уже было сдѣлано и пойманная рыба находилась въ полной сохранности. Государство получало обратно только то, что спекуляторъ не могъ унести въ своемъ бумажникѣ; прежнее число гектаровъ оставалось на мѣстѣ; но въ какомъ положеніи были эти гектары, объ этомъ уже лучше было и не спрашивать; имѣніе было превращено въ пустыню и едва стоило половины прежней своей цѣны; отвѣтственнымъ лицомъ за произведенное опустошеніе оказывался безграмотный и нищій крестьянинъ, съ котораго нечего было взять, а настоящій рыболовъ со всей собранной добычей былъ въ это время уже далеко и прилагалъ свои капиталы и свое искусствокъ какому-нибудь другому общеполезному предпріятію.

Кромѣ такихъ подвиговъ чистаго мошенничества во время продажи церковныхъ имуществъ совершались многія другія спекуляціи гораздо болѣе невинныя, возникавшія единственно потому, что финансовая предпріимчивость носилась въ воздухѣ эпохи. Обильный поводъ къ разнообразнѣйшимъ биржевымъ фокусамъ и продѣлкамъ подавали ассигнаціи, которыя правительство обязалось принимать въ уплату за продаваемыя имущества наравнѣ съ звонкой монетой. Тогдашнія ассигнаціи, какъ извѣстно, не имѣли обязательнаго курса; ихъ принимало по нарицательной цѣнѣ только правительство, связанное своими обѣщаніями; при всѣхъ сдѣлкахъ между частными людьми ассигнаціи всегда стояли ниже звонкой монеты, и курсъ ихъ колебался сообразно съ биржевыми извѣстіями и смотря по общей физіономіи политическихъ обстоятельствъ. При каждомъ новомъ выпускѣ ассигнаціи падали въ цѣнѣ, такое-же пониженіе происходило при каждомъ слухѣ о войнѣ, о реакціи, о грозныхъ замыслахъ эмигрантовъ и вообще при каждомъ вѣрномъ или выдуманномъ извѣстіи о такомъ событіи, которое, угрожая всему дѣлу революціи, могло превратить всѣ ассигнаціи революціоннаго правительства въ негодные и безсмысленные лоскутки бумаги. Каждое чувствительное пониженіе въ курсѣ ассигнацій было жестокимъ и раззорительнымъ ударомъ для государственнаго казначейства; при каждомъ такомъ положеніи оно теряло милліоны; вознаградить эту потерю можно было только новымъ выпускомъ ассигнацій, а новый выпускъ неизбѣжно велъ за собой новое пониженіе, новую потерю, опять новый выпускъ, и т. д. до безконечности, вродѣ того, какъ въ періодической дроби первая цифра періода неизбѣжно ведетъ за собой всѣ остальныя.

Искреннимъ друзьямъ революціи слѣдовало желать, чтобы ассигнаціи возвышались въ цѣнѣ и сравнялись-бы наконецъ съ звонкой монетой, потому что только при этомъ условіи могли поправиться государственные финансы, составляющіе важнѣйшую опору возникшаго общественнаго зданія. Но послѣ продажи церковныхъ имуществъ оказалось, что у многихъ искреннихъ

друзей революціи частный экономическій интересъ совершенно расходится съ общимъ политическимъ и что при этомъ разладѣ между интересами близорукое стремленіе къ личной выгодѣ удерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ дальновидной политической тенденціей. Покупатели церковныхъ имуществъ изъ чувства личнаго самосохраненія должны были всѣми силами защищать дѣло революціи, потому что всякая реакція непремѣнно возстановила-бы старое устройство церкви, отобрала-бы назадъ всѣ проданныя помѣстья и быть можетъ, уничтожая совершившуюся продажу, не возвратила-бы даже покупателямъ заплаченныхъ денегъ на томъ основаніи, что покупать церковныя земли свойственно только нечестивымъ негодяямъ, которые должны быть наказаны за свою революціонную безнравственность. Это вѣроятіе не было упущено изъ вида покупателями, которые вообще ожидали отъ всякой реакціи еще гораздо больше ужасовъ и нелѣпостей, чѣмъ сколько она могла натворить въ дѣйствительности. Такимъ образомъ не только всѣ симпатіи покупателей были на сторонѣ революціи, но даже и правильное пониманіе собственныхъ выгодъ обязывало ихъ поддерживать горячо и добросовѣстно общее дѣло всего французскаго народа. Они были искренними друзьями революціи, но, подобно многимъ искреннимъ друзьямъ, они при случаѣ, по простотѣ или по практической сметливости, были вовсе не прочь попользоваться на счетъ возлюбленнаго друга и съ большимъ удовольствіемъ поносили громадные убытки государственнымъ финансамъ, чтобы увеличить свое частное благосостояніе копѣечной поживой. Такъ какъ правительство принимало въ уплату ассигнаціи по нарицательной цѣнѣ, то покупателю имуществъ было очень выгодно, чтобы ассигнаціи понижались; при пониженіи курса покупатель имуществъ могъ пріобрѣсти ассигнаціи дешево, отдать ихъ правительству не по своей цѣнѣ, а по нарицательной, получивъ такимъ образомъ приличный барышъ и оставивъ за собой имѣніе за половинную цѣну. Но покупателей было очень много; желанія ихъ всѣ клонились къ тому, чтобы понизить курсъ ассигнацій; въ числѣ покупателей были такіе ловкіе люди, которые, не ограничиваясь одними желаніями, умѣли и старались дѣйствовать въ этомъ направленіи; усилія однихъ и желанія другихъ оказывали чувствительное давленіе па общественное мнѣніе, и ассигнаціи падали, и казначейство теряло милліоны, и тревога распространялась въ обществѣ, и биржевая игра окончательно сбивала съ толку все населеніе французскаго королевства, начиная отъ банкира, властвующаго на биржѣ, и кончая сельскимъ пролетаріемъ, для котораго удачная спекуляція воплощалась въ лишней луковицѣ, прибавленной къ обѣду.

При такомъ положеніи дѣлъ продажа церковныхъ имуществъ не могла принести чувствительной пользы классу безземельныхъ крестьянъ. Эти люди, привыкшіе смотрѣть на поземельную собственность, какъ на магическій талисманъ, открывающій доступъ ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни, стали напрягать всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти себѣ при продажѣ уголокъ земли. Уступая ихъ пламеннымъ желаніямъ, муниципалитеты крошили помѣстья на мельчайшіе участки и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что такая мелочная продажа давала въ общей суммѣ самыя значительныя выгоды, далеко превышающія тотъ результатъ, котораго можно было-бы ожидать отъ продажи гуртомъ. Крестьяне были также въ восторгѣ и, стремясь къ великому званію собственниковъ, обирали себя до послѣдней нитки, чтобы внести требуемый задатокъ. А потомъ? Потомъ крестьянинъ оказывался самъ другъ съ землей, безъ орудій, безъ рабочаго скота, безъ денегъ и даже иногда безъ хозяйственныхъ построекъ, потому что муниципалитеты крошили участки безъ милосердія и въ однѣ руки продавали усадьбу съ огородомъ, а въ другія кусокъ полевой земли. Могло-ли изъ всего этого произойти въ ближайшемъ будущемъ какое-нибудь дѣйствительное улучшеніе въ матеріальномъ благосостояніи французскихъ поселянъ? Не обладая особой дальновидностью, можно было предвидѣть и предсказать заранѣе, что пролетаріи, ухлопавшіе свою послѣднюю копѣйку на уплату задатка, не получатъ отъ своей возлюбленной собственности никакого удовольствія и ни за что не пріобрѣтутъ въ ближайшемъ будущемъ тѣхъ утонченныхъ инстинктовъ консерватизма, которыми кроткій собственникъ отличается отъ буйнаго коммуниста.

Надежды національнаго собранія на продажу церковныхъ имуществъ, какъ на средство поправить финансы и умиротворить безземельныхъ крестьянъ, не осуществились; желаніе остановить революціонное движеніе оказалось неисполнимымъ; стремленіе успокоить народъ и утвердить на прочныхъ основаніяхъ господство буржуазнаго либерализма находилось въ явномъ противорѣчіи съ матеріальнымъ положеніемъ и съ умственнымъ настроеніемъ народныхъ массъ. Единственную силу буржуазной политики составляли штыки національной гвардіи и рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ національномъ собраніи. Рѣчи были убѣдительны, а штыки были еще убѣдительнѣе; но съ одной стороны у эмигрантовъ и у католиковъ, а съ другой стороны у якобинцевъ и у пролетаріевъ не было тоже недостатка ни въ рѣчахъ, ни въ оружіи. Если мы вспомнимъ, что перевѣсъ числа и отчаянной энергіи былъ на сторонѣ пролетаріата, то намъ не трудно будетъ сообразить, кому изъ трехъ партій принадлежало ближайшее будущее.

XIX.

Со времени взятія Бастиліи городское управленіе Парижа находилось въ рукахъ революціонныхъ властей, установившихся въ день возстанія; положительный законъ о городскомъ управленіи состоялся лѣтомъ 1790 г., и обсужденіе этого закона въ національномъ собраніи подало поводъ къ горячимъ столкновеніямъ между двумя главными лагерями политиковъ. Либералы изъ буржуазіи хотѣли, чтобы исполнительная власть принадлежала мэру и его комитету, а законодательныя распоряженія и контроль были раздѣлены между большимъ и малымъ совѣтомъ. Чистымъ демократамъ это не понравилось: они хотѣли, чтобы собранія секцій засѣдали постоянно, чтобы эти собранія обсуждали каждый день текущіе вопросы и чтобы мэръ приводилъ въ исполненіе приказанія, отданныя въ секціяхъ большинствомъ голосовъ.

Не трудно понять, какіе послѣдствія должны были выйти изъ такого устройства: въ постоянныхъ собраніяхъ секцій могли-бы участвовать только тѣ граждане, которые дѣлали изъ текущей политики занятіе всей своей жизни; кто имѣлъ хозяйство, свои торговыя дѣла, свою промышленность, тотъ не могъ просиживать цѣлые дни и повторять эти засѣданія каждый день. Такимъ образомъ предводителями и главными членами секціонныхъ собраній должны были сдѣлаться самые заклятые агитаторы, для которыхъ революція только что начиналась и которые считали измѣнникомъ каждаго гражданина, способнаго утомиться тревогами общественной дѣятельности. Планъ чистыхъ демократовъ не могъ послужить основаніемъ для прочнаго и постояннаго устройства городского управленія; было-бы нелѣпо устраивать управленія такъ, чтобы въ немъ не могли принимать участія полезные и трудящіеся граждане, которые по всѣмъ вопросамъ городского благосостоянія были заинтересованы гораздо сильнѣе и были гораздо болѣе компетентными судьями, чѣмъ политическіе ораторы всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Демократы понимали это не хуже своихъ противниковъ и именно потому-то они и настаивали на примѣненіи своего плана, что видѣли его непрочность. Самое существенное различіе между умѣренными либералами и чистыми демократами заключалось въ то время именно въ томъ, что первые хотѣли уже строить и утверждать прочный порядокъ, а вторые хотѣли еще разрушать и покуда увеличивать безпорядокъ.

Смѣшно было-бы предположить въ чистыхъ демократахъ безпричинную любовь къ безпорядку ради самого безпорядка; они тоже хотѣли въ будущемъ и спокойствія, и тишины, и личной безопасности, и порядка, но они думали, что всѣ эти прекрасныя вещи будутъ дѣйствительно прекрасны для всѣхъ французскихъ гражданъ только тогда, когда не только государство, но и общество будетъ сначала разобрано по кусочкамъ до самаго основанія, а потомъ опять сложено по совершенно новому рисунку. Трудно сказать, чтобы для кого-нибудь изъ тогдашнихъ демократовъ этотъ новый рисунокъ былъ ясенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; они не знали хорошенько, къ чему именно они придутъ, но они безгранично вѣрили въ народъ и надѣялись, что его живыя силы выработаютъ что-нибудь превосходное, если только силы эти будутъ взволнованы во всей своей глубинѣ и если броженіе, необходимое для этого народнаго творчества, будетъ постоянно поддерживаться въ полномъ своемъ могуществѣ. Но если народъ обнаруживалъ какія-нибудь консервативныя наклонности или реставраціонныя стремленія, тогда демократы смѣло противодѣйствовали народу, говорили съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ сбивается съ дороги и объясняли себѣ это заблужденіе народа именно тѣмъ, что силы его еще не довольно глубоко взволнованы и что броженіе начинаетъ ослабѣвать вслѣдствіе преступныхъ происковъ двора, аристократіи, собранія, буржуазіи, клерикаловъ или какихъ-нибудь другихъ измѣнниковъ и оскорбителей народной святыни. Значитъ демократамъ въ тогдашнее время надо было во всякомъ случаѣ усиливать броженіе и особенно всѣми мѣрами противодѣйствовать всякой попыткѣ прочной организаціи.

Добиваясь постоянныхъ собраній въ парижскихъ секціяхъ, демократы конечно заботились не о томъ, чтобы произвести какія-нибудь улучшенія въ городскомъ хозяйствѣ; имъ до городского хозяйства не было рѣшительно никакого дѣла; они хотѣли только имѣть въ секціонныхъ собраніяхъ надежное орудіе, которымъ въ случаѣ надобности можно было въ нѣсколько часовъ взволновать весь Парижъ и слѣдовательно произвести переворотъ въ цѣлой Франціи. Предводители буржуазіи хорошо понимали, къ чему клонилось дѣло, и разумѣется употребили всѣ усилія, чтобы не дать демократамъ этого орудія и чтобы сдѣлать всякій дальнѣйшій переворотъ совершенно невозможнымъ. За постоянныя засѣданія секцій стоялъ въ національномъ собраніи Робеспьеръ; въ городѣ агитировалъ въ томъ же направленіи Дантонъ, пользовавшійся уже сильнымъ вліяніемъ въ клубѣ кордельеровъ, въ которомъ засѣдали самые крайніе якобинцы. Маратъ по своему обыкновенію разсыпалъ по этому поводу въ своей газетѣ проклятія и угрозы. Но и между демократами начали обнаруживаться несогласія. Бриссо, бывшій въ то время членомъ общиннаго совѣта и сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ предводителей жиронды, сталъ говорить и писать противъ постоянныхъ засѣданій секціи. Это перессорило его съ чистыми демократами, и съ тѣхъ поръ демократы рѣшительно перестали считать его своимъ союзникомъ. На

этотъ разъ буржуазія одержала полную побѣду, потому что въ національномъ собраніи демократическая партія была очень слаба, а въ городѣ агитаторы еще не успѣли придать своимъ многочисленнымъ послѣдователямъ единство организаціи, необходимое для успѣха насильственнаго переворота. Городское управленіе было расположено по плану либераловъ *), и постоянныя засѣданія въ секціяхъ были устранены. Выборы городскихъ властей также доставили полное торжество либераламъ: Бальи былъ снова выбранъ мэромъ, а Лафайетъ—начальникомъ національной гвардіи; но популярность того и другого клонилась къ упадку по мѣрѣ того, какъ низшіе классы столичнаго населенія отдѣлялись отъ буржуазіи и начинали смотрѣть съ недовѣріемъ и ненавистью на красивые мундиры и блестящіе штыки національныхъ гвардейцевъ.

Въ Парижѣ движеніе народныхъ умовъ противъ богатства и собственности было чрезвычайно сильно, такъ что окончательный разрывъ между національной гвардіей и пролетаріатомъ былъ неизбѣженъ и недалекъ. На это было много мѣстныхъ причинъ. При старой монархіи Парижъ, какъ мѣстопребываніе богатаго двора, кормилъ свое промышленное населеніе почти исключительно той работой, которую задавало ему удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ капризовъ и фантазій аристократической роскоши. Парижъ былъ переполненъ такими ремесленниками, которые работали и могли работать только для богатыхъ господъ, потому что среднему сословію и тѣмъ болѣе простому народу чудеса ихъ техническаго искусства были во-первыхъ недоступны по цѣнѣ, а во-вторыхъ совершенно безполезны. Когда аристократы потянулись заграницу и когда капиталисты, напуганные уличнымъ шумомъ, стали съеживаться, прятать деньги въ иностранные банки и во избѣжаніе грѣха умѣрять свою обыденную роскошь, тогда тысячи рафинированныхъ ремесленниковъ остались безъ работы и тогда послышался въ Парижѣ плачъ и скрежетъ зубовъ, который не остался безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ событій.

По здравой экономической теоріи слѣдуетъ конечно считать благодѣтельной такую перемѣну, которая насильно перебрасываетъ тысячи людей изъ безполезныхъ отраслей производства въ полезныя, но при этомъ надо помнить, что въ дѣйствительной жизни никакія благодѣтельныя перемѣны не обходятся даромъ и не совершаются въ одно мгновеніе ока, безъ ломки, безъ борьбы и безъ индивидуальныхъ страданій. Франція несомнѣнно осталась-бы въ барышахъ, если-бы всѣ парикмахеры, украшавшіе втеченіи многихъ десятковъ лѣтъ очаровательныя головы графовъ и графинь, маркизовъ и маркизъ, во все это время пахали-бы землю или вырывали-бы каналы для осушенія болотъ или для орошенія полей; но когда сотни парикмахеровъ остались безъ работы, тогда ихъ довольно мудрено было повернуть къ земледѣлію; прошу покорно пріучить къ сохѣ и къ заступу, и къ тогдашней деревенской жизни такого артиста en cheveux, у котораго были совершенно дворянскія руки, совершенно утонченныя манеры и совершенно эпикурейскія привычки. Богатство и роскошь всегда создаютъ вокругъ себя и подъ собой очень многочисленный классъ паразитовъ. Къ числу такихъ паразитовъ надо причислить не только приживальцевъ и нахлѣбниковъ, не только лакеевъ, но и тѣхъ ремесленниковъ, которые живутъ по милости барскихъ прихотей, и тѣхъ художниковъ, которыхъ произведенія сбываются въ барскія гостинныя и галереи, и тѣхъ сочинителей стиховъ и прозы, которыхъ читаютъ, хвалятъ и кормятъ богатые и вельможные меценаты. Всѣ эти люди цѣной самыхъ незначительныхъ усилій добываютъ себѣ такія удобства жизни, которыя навсегда остаются недоступными крестьянину и фабричному работнику. Всѣ эти люди питаются подачками аристократовъ и въ то-же время обыкновенно ненавидятъ аристократію.

Старая французская аристократія въ отношеніи къ паразитамъ вела себя вполнѣ исправно: во-первыхъ размножила ихъ цѣлые легіоны, а во-вторыхъ всѣмъ имъ внушила къ себѣ чувство глубочайшей ненависти. Вышло то, что паразиты съ величайшимъ усердіемъ и съ невыразимымъ наслажденіемъ стали рубить тотъ сукъ, на которомъ сами сидѣли; съ самаго начала революціи паразиты постоянно составляли главную силу уличной арміи, слѣдовавшей за агитаторами; парикмахеры участвовали во всѣхъ волненіяхъ; да и наконецъ намъ не зачѣмъ называть отдѣльныя профессіи, потому что бо̀льшая часть тогдашнихъ парижскихъ ремесленниковъ въ большей или меньшей степени можетъ быть отнесена къ разряду паразитовъ. Когда сукъ, надъ которымъ трудились паразиты, упалъ подъ ихъ ударами, тогда и сами паразиты, падая вмѣстѣ съ этимъ сукомъ, потерпѣли при своемъ паденіи болѣе или менѣе значительные ушибы.

Оставляя въ сторонѣ метафоры, я могу сказать, что бо̀льшая часть парижскихъ ремесленниковъ послѣ паденія аристократіи и послѣ исчезновенія прежней роскоши осталась безъ работы, т. е. безъ крова и безъ хлѣба. Въ Парижѣ вдругъ оказались десятки тысячъ нищихъ, о которыхъ въ прежнее время никто не имѣлъ понятія, потому что прежде революціи они и не были нищими. Они питались грѣхами стараго порядка; когда грѣхи эти исчезли, тогда для нихъ прекратились источники продовольствія, и рево-

*) Слово либералъ въ концѣ прошлаго столѣтія не было употребительно, но я позволю себѣ называть такимъ образомъ политиковъ буржуазіи, чтобы отличать ихъ отъ якобинцевъ, кордельеровъ и другихъ предводителей пролетаріата, которыхъ я буду называть демократами.

люціи здѣсь, какъ и вездѣ, пришлось расплачиваться за старыя шалости, въ которыхъ она, революція, была совершенно неповинна. Начало революціи оставило этихъ людей безъ хлѣба; теперь имъ хотѣлось и имъ было необходимо продолжать революцію, чтобы такъ или иначе добыть себѣ и хлѣба, и денегъ, и власти, и всякихъ другихъ удовольствій, которыхъ жаждетъ натура всякаго человѣка вообще и впечатлительнаго француза въ особенности. Отказаться отъ продолженія революціи эти обнищавшіе паразиты не хотѣли и не могли ни подъ какимъ видомъ; но такъ какъ каждый намекъ о продолженіи революціи для властвующей и богатой буржуазіи былъ личнымъ оскорбленіемъ и прямой угрозой, то городскія власти и національное собраніе истощили все свое административное и законодательное искусство, чтобы сдѣлать это непріятное продолженіе невозможнымъ и безполезнымъ.

Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ, принимавшихся собраніемъ и городскими властями, занимаетъ особенно видное мѣсто кормленіе пролетаріевъ, производившееся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ общественныхъ мастерскихъ, заведенныхъ единственно для того, чтобы подъ приличнымъ предлогомъ давать пролетаріямъ деньги на покупку хлѣба, государство платило ежедневно каждому работнику по 20 су за какія-то земляныя работы, въ которыхъ никто не нуждался. Число работниковъ, посѣщавшихъ эти мастерскія, постоянно доходило до 12000, и понизить эту цифру не было никакой надежды тѣмъ болѣе, что надзоръ за работами былъ чисто-формальный и что пролетарію представлялось такимъ образомъ привлекательная возможность получать за совершенное бездѣйствіе высшую поденную плату тогдашняго франц. работника. Хорошо еще, если-бы бездѣйствіе пролетаріи было дѣйствительно прочно и надежно; за это бездѣйствіе правительство съ удовольствіемъ соглашалось платить ежедневно по 20 су на человѣка; но лукавый пролетарій на эту штуку не поддавался; сегодня онъ смиренно получалъ свою плату въ общественной мастерской, а на другой день онъ по условному сигналу выходилъ на улицу и кричалъ, и махалъ пикой, и дѣлалъ всякое безобразіе, и готовъ былъ чувствительнѣйшимъ образомъ огорчить то самое правительство, которое на свою бѣду кормило его даровымъ хлѣбомъ во время антрактовъ между отдѣльными сценами длинной революціонной трагедіи.

Пролетарій очень хорошо понималъ, почему его такъ заботливо лелѣетъ правительство; о благодарности съ его стороны не было и рѣчи; онъ принималъ даровой хлѣбъ за неимѣніемъ лучшаго и пользовался имъ только въ ожиданіи тѣхъ будущихъ благъ, которыя должно было принести ему неизбѣжное продолженіе начавшейся революціи. А правительство между тѣмъ кромѣ расходовъ на мастерскія тратило еще милліоны на огромныя закупки зерноваго хлѣба, который потомъ въ видѣ муки продавался булочникамъ за половинную цѣну для того, чтобы парижане не гнѣвались на дороговизну продовольствія. Къ концу 1790 года оказалось, что на закупки хлѣба для Парижа истрачено 75 милліоновъ, а если вычислить всѣ суммы, которыя израсходовало государство для поддержанія спокойствія въ столицѣ въ первые двадцать мѣсяцевъ революціи, то получится въ итогѣ болѣе 100 милліоновъ. Эти 100 милліоновъ были съѣдены, и взамѣнъ ихъ не было произведено ничего и даже спокойствіе не было упрочено.

Громадность и безполезность этихъ издержекъ объясняется преимущественно тѣмъ, что Парижъ былъ биткомъ набитъ отставными паразитами, негодными ни на какую производительную работу. Вѣрность этого объясненія сдѣлается совершенно несомнѣнной, какъ только мы взглянемъ на общее состояніе французской промышленности въ первые годы революціи. Промышленность не только не находилась въ застоѣ, но она напротивъ того была приведена въ состояніе лихорадочнаго возбужденія. Это состояніе не могло быть продолжительнымъ и должно было повести за собой промышленный кризисъ, но пока оно продолжалось, до тѣхъ поръ могли жаловаться на недостатокъ работы только парикмахеры и другіе подобные имъ артисты, созданные барскими прихотями и неспособные къ настоящему труду. Фабрики работали во всю силу на всей французской территоріи и едва поспѣвали удовлетворять безчисленнымъ требованіямъ заказчиковъ; промышленныя предпріятія возникали сотнями съ изумительной быстротой; строенія, машины, товары изготовлялись вновь и переходили изъ рукъ въ руки; промышленная горячка находилась въ полномъ развитіи, и существованіе этой горячки объясняется тремя главными причинами.

Во-первыхъ—благодаря выпускамъ ассигнацій, рынокъ былъ переполненъ денежными знаками, и притомъ такими знаками, къ которымъ никто не чувствовалъ безусловнаго довѣрія. У кого было въ рукахъ много бумажныхъ денегъ, тотъ старался, какъ можно скорѣе, спустить ихъ съ рукъ на какое-нибудь предпріятіе, чтобы не потерпѣть убытка при пониженія курса. Разсчетъ былъ простой и вѣрный. Домъ, фабрика, партія товаровъ всегда сохраняютъ какую-нибудь цѣнность, а ассигнаціи сегодня могутъ быть денежными знаками, а завтра—простыми лоскутками бумаги. При такихъ условіяхъ очень осторожные люди могли пускаться въ довольно рискованныя предпріятія, отъ которыхъ они навѣрное воздержались-бы въ обыкновенное время. Рискъ былъ по крайней мѣрѣ одинаково великъ въ обоихъ случаяхъ: если опасно было пустить ка-

питалъ въ предпріятіе, то оставить его въ шкатулкѣ было также опасно; кромѣ того самое рискованное предпріятіе все-таки въ случаѣ успѣха давало барышъ, а ужъ ассигнаціи въ самомъ счастливомъ случаѣ не могли дать ничего кромѣ медленнаго пониженія.

Во-вторыхъ—при торговыхъ сношеніяхъ съ чужими краями вексельный курсъ вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ былъ въ то время неблагопріятенъ для Франціи. Если напримѣръ французъ былъ долженъ англичанину 30 фунтовъ стерлинговъ, то при переводѣ денегъ на Лондонъ французу приходилось платить въ Парижѣ не 740 франковъ, а 880. И наоборотъ, когда англичанину надо было заплатить своему парижскому кредитору 880 франковъ, то англичанинъ въ Лондонѣ вынималъ изъ своего бумажника 30 фунтовъ стерлинговъ, а не 34, какъ слѣдовало-бы по нарицательной цѣнѣ при равновѣсіи вексельнаго курса. Вслѣдствіе этого иностраннымъ купцамъ выгодно было дѣлать французскимъ фабрикамъ большіе заказы, за которые имъ приходилось платить дешевле, чѣмъ сколько они заплатили-бы у себя дома. И заказовъ дѣйствительно дѣлалось чрезвычайно много, такъ что фабриканты едва управлялись съ ними, но разумѣется такой приливъ работы могъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не будетъ возставлено равновѣсіе вексельнаго курса.

Въ третьихъ—ночное засѣданіе 4 августа 1789 года уничтожило цехи и освободило такимъ образомъ ремесленный трудъ. Съ этого дня каждый французъ занимался, чѣмъ ему было угодно, не выпрашивая себѣ никакого позволенія у замкнутыхъ корпорацій и не руководствуясь въ процессѣ своей работы ничѣмъ, кромѣ своего личнаго вкуса и требованій своихъ покупателей. Эта радикальная реформа въ области ремесленнаго производства особенно сильно содѣйствовала оживленію промышленности, и эта третья причина отличалась отъ двухъ первыхъ въ томъ отношеніи, что только отъ этой третьей причины можно было ожидать въ будущемъ прочныхъ и дѣйствительно благодѣтельныхъ результатовъ. Въ мартѣ 1791 года національное собраніе закрѣпило дѣло 4 августа положительнымъ закономъ, по которому каждому французу предоставлялось право заниматься любымъ ремесломъ съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно платилъ государству опредѣленную подать за патентъ.

По поводу этого закона Маратъ съ горькой укоризной замѣтилъ въ своей газетѣ, что свободная конкурренція поведетъ за собой промышленную анархію, систематическое плутовство и всеобщее раззореніе. Предсказанія эти не сбылись во всемъ своемъ объемѣ, потому что уничтоженіе цеховъ было во всякомъ случаѣ значительнымъ шагомъ впередъ, но темныя стороны свободной конкурренціи были дѣйствительно подмѣчены вѣрно, и надъ устраненіемъ этихъ темныхъ сторонъ до нашего времени безуспѣшно хлопочутъ многіе передовые мыслители, которыхъ идеи долго еще будутъ стоять выше казеннаго уровня общественнаго пониманія. Свободная конкурренція вела за собой деспотическое господство капитала надъ трудомъ; это положеніе дѣлъ можно было назвать прогрессомъ, если сравнивать его съ прежнимъ господствомъ привилегій и монополій, но участь работниковъ все-таки осталась очень тяжелой. Началась безконечная борьба между хозяевами и мастеровыми по вопросамъ о числѣ рабочихъ часовъ и о задѣльной платѣ. Работники скоро поняли, что, дѣйствуя въ разсыпную, они всегда будутъ терпѣть пораженія отъ капиталистовъ и никогда не выбьются изъ своей новой крѣпостной зависимости. Необходимость научила работниковъ составлять общества и товарищества для улучшенія своей участи. Прежде другихъ составилось въ Парижѣ общество плотниковъ, принявшее названіе общества обязанностей. Важнѣйшей изъ обязанностей, лежавшихъ на этомъ обществѣ, была обязанность воздерживаться по взаимному согласію отъ работы для того, чтобы прекращеніемъ работъ склонять хозяина или подрядчика къ возвышенію задѣльной платы. Такимъ образомъ парижскіе плотники подчинили правильной организаціи тѣ случайныя и разрозненныя явленія, которыя называются обыкновенно стачками рабочихъ и часто сопровождаются во всѣхъ промышленныхъ государствахъ Европы сценами произвола и насилія. Примѣру плотниковъ послѣдовали наборщики и печатники; число обществъ увеличилось; изъ Парижа они распространились по департаментамъ и завели между собой правильную переписку для того, чтобы въ случаѣ надобности поддержать другъ друга и дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ. Главная цѣль этихъ рабочихъ ассоціацій оставалась однако недостигнутой, потому что хозяева и подрядчики находили себѣ работниковъ на сторонѣ, изъ людей, не признававшихъ обязанностей и соглашавшихся продавать свой трудъ за такую цѣну, которую общества рѣшили не принимать. Тогда ассоціаціи попробовали дѣйствовать на этихъ индепендентовъ сначала увѣщаніями, а потомъ угрозами; вѣроятно дѣло дошло-бы и до насилій, потому что членамъ ассоціацій было разумѣется очень обидно видѣть, какъ ихъ всѣ старанія пропадаютъ даромъ и какъ отдѣльные работники, измѣняя интересамъ всего своего сословія, доставляютъ побѣду капиталистамъ. Но тутъ вступилось національное собраніе. Какъ только послышались со стороны рабочихъ ассоціацій первыя угрозы противъ постороннихъ работниковъ, ладившихъ съ хозяевами, такъ законодатели тотчасъ воспользовались этими угрозами, какъ превосходнымъ оружіемъ противъ самаго принципа рабочихъ ассоціацій. 14 іюня 1791 года

національное собраніе закономъ запретило всѣмъ работникамъ одного ремесла составлять между собой общества, заводить списки членовъ, устраивать кассы и вообще предпринимать какія-бы то ни было попытки организаціи. Все это запрещалось на томъ основаніи, что подобныя попытки клонятся къ возстановленію уничтоженныхъ цеховъ и къ стѣсненію промышленной дѣятельности.

Здѣсь я еще разъ попрошу читателя вспомнить то, что я говорилъ о декларацін правъ человѣка и гражданина. Большинство почтенныхъ членовъ знаменитаго учредительнаго собранія, провозгласившаго на всю Францію «les grands principes de 1789», было самымъ надежнымъ образомъ застраховано противъ того разрушительнаго дѣйствія, которое добродушные нѣмецкіе историки стараются увидать въ параграфахъ деклараціи. Великіе законодатели Франціи были прежде всего представителями дворянства, духовенства и особенно, особенно—буржуазіи. Обожая священные кошельки и бумажники этого послѣдняго, кроткаго и почтеннаго сословія, члены собранія готовы были совершать и дѣйствительно совершали во имя своихъ кумировъ высокіе и удивительные подвиги гражданской доблести законодательнаго героизма. Они отдавали своихъ соотечественниковъ въ кабалу капиталистамъ и съ полнымъ жаромъ убѣжденія говорили объ истинной свободѣ и о благоденствіи великой французской націи. Виданное-ли дѣло, чтобы такіе титаны законодательной мудрости и ораторской діалектики когда-нибудь стали въ тупикъ надъ какимъ-нибудь параграфомъ своего политическаго исповѣданія вѣры? Развѣ есть на бѣломъ свѣтѣ хоть одинъ такой параграфъ, который титанъ не сможетъ перешагнуть,—котораго діалектикъ не ухитрится обойти, — о которомъ разогорченный патріотъ не съумѣетъ искусно забыть въ минуту своего горестнаго волненія? Къ тому-же параграфы деклараціи были написаны такъ давно, почти два года тому назадъ, и помѣщены во введеніи къ той конституціи, которая уже приближалась съ своему окончанію.

Поставьте себя, мой читатель, на мѣсто французскихъ законодателей. Неужели вы, дочитывая какую-нибудь книгу, помните отъ слова до слова первую страницу? Когда вы пишите длинную статью, вы навѣрно забываете подъ конецъ тѣ обороты и даже тѣ отдѣльныя мысли, которыя вы помѣстили въ самомъ началѣ. Отчего-же и національному собранію было не забыть той первой страницы, которая возбудила во французскомъ народѣ столько надеждъ и столько восторга? Національное собраніе забыло, и этотъ фактъ забвенія послужилъ французскому народу полезнымъ и необходимымъ урокомъ житейской мудрости. Такіе уроки сильно подвигаютъ впередъ политическое воспитаніе неопытныхъ націй. Французы въ 1789 году вообразили себѣ по своей политической незрѣлости, что они уже въ самомъ дѣлѣ люди и граждане и что у нихъ въ самомъ дѣлѣ есть какія-то естественныя и неотъемлемыя права. Теперь имъ и показали, что неотъемлемымъ называется только такое право, котораго нельзя отнять, а естественнымъ считается только то, чего нельзя запретить закономъ. Французы, какъ народъ незрѣлый, но догадливый, разсудили тогда по-своему. Значитъ, подумали они, надо устроить такъ, чтобы нельзя было отнимать и запрещать. А если отнимаетъ и запрещаетъ національное собраніе, то оно дѣлается врагомъ націи, перестаетъ существовать. Дѣйствительно этотъ процессъ мысли съ каждымъ днемъ глубже и глубже проникалъ въ массы и обрывалъ послѣднія нити, связывавшія національное собраніе и его возлюбленную буржуазію съ огромнымъ большинствомъ французской націи. Закономъ 14 іюня представители навлекли па себя ненависть всѣхъ производительныхъ работниковъ. Черезъ два дня собраніе приказало къ 1 іюлю закрыть въ Парижѣ всѣ общественныя мастерскія. Этимъ распоряженіемъ оно привело въ отчаяніе всѣхъ бывшихъ паразитовъ и всѣхъ вообще безпріютныхъ пролетаріевъ. Всѣ эти мѣры превосходнѣйшимъ образомъ выполняли самыя задушевныя желанія чистыхъ демократовъ. Все, что инстинктивно или сознательно негодовало противъ политики буржуазнаго либерализма, все, что было раздражено и озлоблено законодательными подвигами собранія, сдвигалось въ тѣсныя и рѣшительныя группы, для которыхъ бѣшеныя выходки Марата казались простымъ и очень естественнымъ выраженіемъ патріотическихъ чувствъ, обязательныхъ для каждаго порядочнаго гражданина. Буржуазія довершала такимъ образомъ дѣло народнаго воспитанія, начатое феодальными властями. Старый порядокъ вмѣстѣ съ аристократіей разорилъ и развратилъ французскаго пролетарія. Буржуазія употребляла теперь всѣ усилія, чтобы довести его до послѣдней степени озлобленія. Усилія буржуазіи увѣнчались въ свою очередь такимъ-же блестящимъ успѣхомъ, какого достигли въ свое время старанія аристократіи и феодальной власти. Пролетарій воспользовался всѣми уроками и развернулъ всѣ свои благопріобрѣтенныя качества и способности. Воспитатели его до сихъ поръ не могутъ понять, что все это ихъ собственная работа. Понять не трудно, но иногда бываетъ разсчетливо и выгодно не понимать и сваливать вину на людей постороннихъ. Виновные разысканы, историкъ удовлетворенъ, и читатель погружается въ размышленія о суетѣ мірской премудрости.

XX.

Въ апрѣлѣ 1791 года умеръ Мирабо. Однимъ великимъ ораторомъ на свѣтѣ стало меньше. Блескъ и красота засѣданій національнаго со-

бранія поубавились. Съ эстетической точки зрѣнія потеря была незамѣнима, и французы, всегда расположенные къ эстетическимъ взглядамъ на вещи, вообразили себѣ, что они дѣйствительно осиротѣли. Но міровыя событія развиваются всегда изъ такихъ общихъ и великихъ причинъ, передъ которыми совершенно стушевываются и исчезаютъ не только отдѣльныя личности, но даже эстетическіе взгляды цѣлаго народа. На дальнѣйшее развитіе революціи не подѣйствовали ни смерть Мирабо, ни даже то обстоятельство, что тогдашніе французы преувеличивали политическое значеніе этой крупной и эффектной личности. Смерть Мирабо, о которомъ горевала вся Франція, была утратой только для королевскаго семейства и произвела вліяніе только на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Мирабо въ послѣдній годъ своей жизни игралъ трудную и неблагодарную роль: съ одной стороны онъ постоянно изъ разсчета поддерживалъ свою популярность громовыми рѣчами противъ различныхъ остатковъ старины; съ другой—онъ келейно употреблялъ всѣ усилія, чтобы изъ этихъ самыхъ остатковъ склеить прочную плотину, которая остановила-бы дальнѣйшія завоеванія революціи. Онъ господствовалъ въ національномъ собраніи силой своего краснорѣчія, но ему плохо довѣряли тѣ самые люди, которые съ восторгомъ слушали его рѣчи; король и придворная партія также не вполнѣ вѣрили ему, потому что ихъ пугали эти самыя рѣчи, служившія въ это время ширмой для его настоящихъ намѣреній. Мирабо думалъ, что онъ съумѣетъ совершенно приковать къ своей личности любовь народа и что потомъ, когда онъ, Мирабо, прямо вступитъ въ борьбу съ чистой демократіей,—народъ пойдетъ за нимъ противъ демократовъ. Смерть отняла у него возможность произвести этотъ опытъ и избавила его такимъ образомъ отъ тяжелаго разочарованія. Впрочемъ такъ какъ Мирабо не былъ ни фантазеромъ, ни оптимистомъ, такъ какъ онъ умѣлъ смотрѣть на вещи трезвыми и непредубѣжденными глазами и такъ какъ наконецъ онъ вовсе не былъ способенъ дѣйствовать въ важныхъ и серьезныхъ дѣлахъ, очертя голову, — то по всей вѣроятности онъ обнаруживалъ-бы свои настоящія намѣренія только въ томъ случаѣ, когда можно было-бы разсчитывать на успѣхъ. Въ ожиданіи этихъ благопріятныхъ шансовъ и симптомовъ, онъ безъ сомнѣнія продолжалъ-бы вести рядомъ двѣ политики, одну—на показъ народу для поддержанія популярности, составлявшей въ то время во Франціи единственную силу государственнаго человѣка; другую—въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ приближенными короля для спасенія королевской власти и для утвержденія такой конституціи, въ которой либеральная буржуазія видѣла и философскій камень, и жизненный элексиръ, и пожалуй даже perpetuum mobile. Эта двойственная политика для революціи была-бы безвредна, а королю могла-бы принести много пользы; она во всякомъ случаѣ не возвратила-бы королю ни одного изъ потерянныхъ правъ, но она по крайней мѣрѣ могла-бы предохранить короля отъ всѣхъ безплодныхъ попытокъ, возбуждавшихъ въ народѣ подозрѣнія и ненависть; она могла-бы устранить множество политическихъ ошибокъ и осторожно, шагъ за шагомъ свести Людовика XVI съ того престола, съ котораго такъ грубо и безжалостно сбросило его совокупное дѣйствіе революціонныхъ страстей и антиреволюціонныхъ интригъ.

Мирабо могъ-бы быть очень полезнымъ совѣтникомъ для Людовика XVI, не потому, что онъ, Мирабо, успѣлъ бы осуществить свои намѣренія, а потому, что онъ умѣлъ-бы всегда отличать возможное отъ невозможнаго и слѣдовательно не впутывалъ-бы короля въ такія предпріятія, которыя компрометировали его, не представляя ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но все это было-бы возможно только въ томъ случаѣ, если-бы Людвикъ былъ способенъ, во-первыхъ оцѣнить умственное превосходство Мирабо и во-вторыхъ—подчинившись этому превосходству, держаться неуклонно той политической программы, которую предписывалъ ему великій ораторъ. Къ сожалѣнію у Людвика не было ни сильнаго ума, ни твердой воли; у него было только очень искреннее желаніе исполнить свои обязанности и уклониться отъ грѣховныхъ поступковъ. Но люди втеченіи своей исторической жизни такъ отуманили себя искусственными понятіями и довели свою логику до такой изумительной гибкости, что въ распознаваніи обязанности и грѣховъ могутъ сбиться съ толку и запутаться въ противорѣчіяхъ даже умы довольно сильные и самостоятельные. Людовикъ XVI, поставленный судьбой въ самое исключительное положеніе и жившій въ такое время, въ которомъ всѣ трудности этого исключительнаго положенія сдѣлались неизмѣримыми,—Людовикъ XVI, окруженный множествомъ совѣтниковъ, вѣчно блуждалъ въ безконечномъ хаосѣ неизвѣстныхъ величинъ, по поводу которыхъ одни голоса громко выговаривали слово «обязанность», между тѣмъ какъ другіе голоса то отчаяннымъ крикомъ, то повелительнымъ шепотомъ произносили слово «грѣхъ». Людовикъ XVI постоянно находился въ трагическомъ положеніи гоголевскаго почтмейстера; если одинъ голосъ говорилъ «не распечатывай», то другой непремѣнно твердилъ: «распечатай», и притомъ ни одинъ изъ этихъ двухъ голосовъ не былъ для Людовика голосомъ личнаго искушенія, а оба выдавали себя за чистѣйшее выраженіе нравственнаго закона. И Людовикъ обыкновенно устраивалъ такъ, что обѣ стороны оставались имъ недовольны и укоряли его то за небрежное исполненіе обязанности, то за совершеніе какого-нибудь грѣха. И

Людовикъ недоумѣвалъ и мучился и еще болѣе сбивался съ толку. Онъ выслушивалъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ и съ каждымъ изъ нихъ отъ души соглашался, но такъ какъ для дѣйствія надо было выбрать только какой-нибудь одинъ планъ, то и выбирался обыкновенно самый послѣдній по времени, т. е. тотъ, который былъ всего свѣжѣе въ умѣ короля.

Именно такимъ процессомъ мысли и воли объясняются поступки Людовика XVI въ отношеніи къ собранію государственныхъ сословій, тѣ поступки, которые повели за собой штурмъ Бастиліи и которые могутъ быть названы первымъ шагомъ короля съ престола къ гильотинѣ. Еслибы такъ поступили Карлъ I Стюартъ или Карлъ X французскій, то тутъ не было-бы ничего удивительнаго; оба они были одарены широкими натурами, неспособными ужиться съ какими-бы то ни было уступками. Но Людовикъ всегда съ удовольствіемъ подчинялся вліянію своихъ министровъ, всегда радъ былъ оставлять имъ всю славу и всю отвѣтственность управленія и всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ желалъ, чтобы подданные его устроили себѣ такое счастье, какого они сами желаютъ или могутъ достигнуть. И вдругъ такой честный, мягкій и добродушный человѣкъ ни съ того, ни съ сего затѣваетъ ссору съ тѣмъ самымъ собраніемъ, которое онъ созвалъ и которое именно ему самому совершенно необходимо. Этотъ человѣкъ вдругъ начинаетъ поступать совершенно противно собственнымъ выгодамъ, собственному характеру и собственнымъ желаніямъ. И все это происходитъ отъ того, что его въ эту минуту окружаетъ со всѣхъ сторонъ аристократическая партія; ему жужжатъ и кричатъ, и шепчутъ въ уши, что слѣдуетъ «распечатать»; онъ и самъ знаетъ, что ему не слѣдуетъ этого дѣлать, и ему самому не хочется такъ распоряжаться, и онъ даже не чувствуетъ особенной привязанности къ тѣмъ аристократическимъ личностямъ, которыя суетятся въ его дворцѣ; а между тѣмъ сознаніе его начинаетъ колебаться отъ шума фразъ и аргументовъ, воля слабѣетъ, и рѣшительный шагъ дѣлается медленно, съ неохотой, но все-таки дѣлается, и всѣ послѣдствія, связанныя съ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, развиваются изъ него такъ-же неизбѣжно и въ такомъ же полномъ комплектѣ, какъ будто-бы этотъ шагъ былъ сдѣланъ съ величайшимъ желаніемъ и съ самымъ лукавымъ умысломъ. Даже хуже. При желаніи и при умыслѣ, человѣкъ обыкновенно принимаетъ уже всѣ мѣры и всѣ предосторожности, которыя могутъ обезпечить успѣхъ предпріятія, или въ случаѣ неудачи прикрыть отступленіе. Когда же человѣкъ поступаетъ противъ своего желанія, повинуясь постороннему внушенію, тогда онъ дѣйствуетъ спустя рукава, не надѣясь на успѣхъ и не заботясь о послѣдствіяхъ; онъ производитъ опытъ и самъ относится къ своему дѣлу равнодушно и недовѣрчиво. Кромѣ того поступки такого человѣка всегда непослѣдовательны; но такъ какъ нашъ умъ настойчиво ищетъ въ человѣческихъ поступкахъ послѣдовательности и руководящей идеи, то мы, глядя со стороны на вереницу этихъ безсвязныхъ поступковъ, бываемъ часто расположены видѣть въ нихъ скрытую связь и затаенную тенденцію. Человѣкъ колеблется, а намъ кажется, что онъ хитритъ; человѣкъ вчера говорилъ такъ, а сегодня поступаетъ иначе, просто потому, что у него въ головѣ плохо вяжутся мысли, но мы думаемъ, что онъ дѣйствуетъ не съ проста, что онъ и вчера, и сегодня руководствовался обдуманнымъ планомъ и что онъ играетъ свою роль съ искусствомъ замѣчательнаго актера. Мы начинаемъ бояться и ненавидѣть такого человѣка, котораго даже не за что презирать.

Такія недоразумѣнія встрѣчаются на каждомъ шагу, даже при сношеніяхъ между частными лицами, которыя могутъ видѣть другъ друга вблизи во всякое время и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ отношеніи къ лицу, мало доступному и облеченному въ ослѣпительный блескъ оффиціальности, такое недоразумѣніе становится совершенно неизбѣжнымъ. Для историка характеръ Людовика XVI совершенно понятенъ; историкъ не увидитъ въ этомъ характерѣ ни глубокаго коварства, ни затаенныхъ стремленій къ деспотизму; историкъ съумѣетъ распутать ту сѣть разнородныхъ вліяній, которая тяготѣла надъ всѣми намѣреніями и поступками этого человѣка; историкъ оцѣнитъ честность его побужденій и слабость воли; такимъ образомъ человѣческая личность Людовика XVI получитъ въ исторіи свои настоящіе размѣры и свой дѣйствительный колоритъ. Но то, что возможно для историка, то было совершенно невозможно для подданныхъ и современниковъ Людовика XVI, если-бы даже эти подданные и современники имѣли твердое намѣреніе и искреннее желаніе отложить всторону всякое личное увлеченіе и всякое политическое пристрастіе. Подданные и современники Людовика XVI видѣли только внѣшнюю и оффиціальную сторону его дѣятельности; они не имѣли возможности доискиваться до тѣхъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалось рѣшеніе короля; они не имѣли возможности пускаться въ психологическій анализъ, потому что во-первыхъ —для этого анализа не было достаточныхъ матеріаловъ; а во-вторыхъ—каждое рѣшеніе Людовика могло быть опаснымъ для такихъ вещей, которыя тогдашнимъ французамъ были очень дороги и совершенно необходимы; стало-быть тутъ некогда было думать о психологическихъ анализахъ. Каждое колебаніе въ политикѣ Людовика XVI казалось тогдашнимъ французамъ разсчитанной измѣной; каждое внутреннее противорѣчіе въ этой политикѣ объяснилось глубокимъ коварство-

ствомъ короля или его совѣтниковъ. Когда король утверждалъ такое предложеніе національнаго собранія, которое пользовалось сочувствіемъ народа, тогда народъ былъ расположенъ думать, что король хитритъ и старается выиграть время; когда король отказывалъ какому-нибудь популярному декрету въ своемъ утвержденіи, тогда народъ былъ увѣренъ, что король сбрасываетъ маску и что начинается выполненіе обширнаго заговора, составленнаго противъ французской свободы дворомъ, эмигрантами и иностранными правительствами; тогда народъ готовился къ борьбѣ на жизнь и на смерть, и хотя борьбы не оказывалось въ дѣйствительности, однако всѣ горькія чувства, возбужденныя постояннымъ ожиданіемъ рѣшительной катастрофы, естественнымъ образомъ направлялись противъ короля и направлялись противъ него за то, что онъ не могъ и не умѣлъ внушить народу довѣріе въ честность своихъ намѣреній и въ твердость своего личнаго характера.

Историкъ можетъ считать Людовика XVI за очень честнаго человѣка, но судъ историка не имѣетъ никакого вліянія на жизнь исторической личности; Людовикъ дѣйствительно былъ очень честенъ и добродушенъ, но онъ не казался такимъ человѣкомъ; современники не могли считать его честнымъ и не могли чувствовать къ нему довѣрія; но такъ какъ Людовикъ дѣйствовалъ въ исторіи революціи только тѣмъ крайне невыгоднымъ впечатлѣніемъ, которое его личность производила на умы его народа, то для исторіи, въ обширномъ и настоящемъ смыслѣ этого слова, личныя добродѣтели Людовика имѣютъ такъ-же мало значенія, какъ напримѣръ его замѣчательное искусство въ дѣлѣ слесарной работы. Людовикъ былъ честнымъ человѣкомъ и хорошимъ слесаремъ, но современники его не оцѣнили ни того, ни другого. Для нихъ существовала только одна черта въ характерѣ Людовика, именно его нерѣшительность, выражавшаяся въ непослѣдовательности поступковъ и постоянно принимавшаяся современниками за проявленіе глубокаго коварства. Когда Мирабо сталъ хлопотать о томъ, чтобы помирить короля съ народомъ, то всѣ старанія знаменитаго оратора направились къ тому, чтобы внести въ политику Людовика твердость и послѣдовательность; но личный характеръ короля и разнокалиберность его обстановки дѣлали эту задачу неисполнимой; Людовикъ слушалъ и Мирабо, и королеву, и Бретейля, и Буллье, и императора Леопольда, и своего духовника, и всякаго, кто только имѣлъ возможность и охоту разсуждать въ тюильрійскомъ дворцѣ или писать изъ прекраснаго далека о вопросахъ текущей политики; при такихъ условіяхъ вліяніе Мирабо было совершенно парализовано; Мирабо, какъ единственный совѣтникъ, былъ почти безполезенъ, потому что его совѣты имѣли свою цѣну только въ общей связи, только тогда, когда они исполнялись всѣ вмѣстѣ и когда они такимъ образомъ составляли руководящую политическую программу. Но все-таки смерть Мирабо была утратой для королевскаго семейства, потому что Мирабо зналъ свою эпоху, не смотрѣлъ на нее глазами придворнаго, умѣлъ выпутываться изъ затрудненій и слѣдовательно въ минуту опасности могъ-бы подать Людовику такой совѣтъ, до котораго никогда-бы не додумались остальные совѣтники короны.

XXI.

Смерть Мирабо подѣйствовала на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Нѣкоторые изъ предводителей лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, подумали, что теперь настало ихъ время, что они должны сдѣлаться руководителями исполнительной власти и что министерскія мѣста должны быть заняты ихъ приверженцами и друзьями; они стали сближаться съ правительствомъ, и съ ними произошло то, что до сихъ поръ происходило вездѣ съ каждой оппозиціонной партіей, овладѣвающей господствомъ. Всякая оппозиція говоритъ очень много о существующихъ злоупотребленіяхъ и о настоятельной необходимости преобразованій; когда эта оппозиція становится правительствомъ, тогда обыкновенно лиры настраиваются на другой тонъ: тѣ-же самые ораторы начинаютъ доказывать, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что злоупотребленія по большей части составляютъ просто оптическій обманъ, что въ стремленіи къ преобразованіямъ есть много опасныхъ и разрушительныхъ элементовъ и что осторожная медленность должна быть первой обязанностью государственнаго человѣка.

Въ тогдашней Франціи конечно нельзя было говорить о злоупотребленіяхъ и преобразованіяхъ, потому что все было преобразовано и потому что злоупотребленія не могли еще завестись въ новыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ такой конституціей, которая еще не была даже закончена. Но во Франціи оппозиція говорила о свободѣ, а правительственная партія о порядкѣ, и этотъ именно переходъ отъ защищенія свободы къ отстаиванію порядка совершили послѣ смерти Мирабо предводители лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ и ихъ ближайшіе друзья. Это сдѣлалось послѣ смерти Мирабо, потому что при жизни этого оратора никто изъ членовъ національнаго собранія не могъ перевѣсить его вліянія на дѣла правленія. Смерть крупной личности очистила мѣсто, на которое тотчасъ нашлись претенденты. Приближаясь къ правительственнымъ сферамъ, вожди лѣвой стороны произвели расколъ въ своей собственной партіи и чрезъ это потеряли значительную долю своего прежняго вліянія; отъ нихъ совершенно отдѣ-

лилась крайняя лѣвая сторона, къ которой принадлежали между прочими Петіонъ и Робеспьеръ и которая ни подъ какимъ видомъ, ни на какихъ условіяхъ не соглашалась перемѣнить наступательное положеніе оппозиціи на оборонительную роль правительственной партіи. Вмѣстѣ съ крайней стороной отдѣлился отъ Барнава и и компаніи якобинскій клубъ, который былъ основанъ именно Дюпоромъ и Ламетомъ, но въ скоромъ времени далеко обогналъ своихъ основателей на пути къ радикализму и къ демократіи. Когда якобинцы стали въ скептическія отношенія къ бывшимъ вождямъ лѣвой стороны, тогда и массы народа охладѣли къ нимъ и перенесли все свое довѣріе и всю свою любовь на ораторовъ крайней лѣвой и въ особенности на Робеспьера. Это обстоятельство произвело полный разладъ между національнымъ собраніемъ и общественнымъ мнѣніемъ страны. Въ національномъ собраніи партія Робеспьера была очень слаба по числу своихъ членовъ и ничтожна по своему вліянію; въ столицѣ, въ клубахъ и черезъ посредство клубовъ во всей Франціи одна только крайняя сторона, партія Робеспьера, партія непреклонной оппозиціи— пользовалась силой и вліяніемъ. Движеніе зашло такъ далеко и развивалось такъ быстро, что національное собраніе уже не поспѣвало за нимъ и служило ему тормазомъ въ то время, когда нація желала имѣть въ собраніи органъ для выраженія своихъ потребностей. Ясно было, что тѣ люди, которые были достойными представителями третьяго сословія въ 1789 году, уже не могли быть представителями французскаго народа въ 1791 году. Самъ народъ понялъ это вполнѣ, и Робеспьеръ, выражая это общее мнѣніе, предложилъ въ половинѣ мая 1791 года, чтобы ни одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія не могъ баллотироваться въ депутаты на слѣдующихъ выборахъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что это предложеніе не представляло особенной важности и что оно должно было имѣть вліяніе только на личный составъ слѣдующаго собранія, а не на расположеніе и сравнительную силу политическихъ партій въ этомъ слѣдующемъ собраніи. Если нельзя будетъ выбрать Барнава, Ламета, Дюпора, Робеспьера, Лафайета, Ланжюине, Бюзо, Грегуара, то выберутъ кого-нибудь изъ друзей и приверженцевъ этихъ господъ, выберутъ такихъ людей, которые держутся одинаковыхъ съ ними политическихъ мнѣній, и новое собраніе представитъ слѣдовательно ту-же группировку и ту-же сравнительную силу партій, которую можно было видѣть въ старомъ собраніи. Если же политическія мнѣнія той или другой стороны учредительнаго собранія не пользуются сочувствіемъ избирателей, тогда все равно не выберутъ вновь членовъ этой стороны, хотя бы они и имѣли право баллотироваться.

Противъ такого разсужденія въ области чистой теоріи нельзя представить никакого уважительнаго возраженія. Но Робеспьеръ зналъ, что выборы будутъ происходить не въ области чистой теоріи, а на почвѣ практической дѣятельности, гдѣ вопросы ставятся и рѣшаются совсѣмъ не такъ просто. Примѣняясь къ особенностямъ этой практической дѣятельности, Робеспьеръ понималъ, что его предложеніе измѣнитъ радикально не только личный составъ, но и политическій цвѣтъ національнаго собранія. Къ этой именно цѣли онъ и стремился. Дѣло въ томъ, что многіе изъ членовъ учредительнаго собранія втеченіи своей двухлѣтней дѣятельности составили себѣ очень громкую извѣстность, которая во всякомъ случаѣ была для нихъ сильной рекомендаціей передъ каждой коллегіей избирателей. Только для членовъ крайней правой стороны громкая извѣстность могла быть помѣхой, потому что извѣстность эта была пріобрѣтена ими въ безплодной борьбѣ съ желаніями націи; что же касается до представителей буржуазнаго либерализма, содѣйствовавшихъ побѣдѣ третьяго сословія и опрокинувшихъ феодальныя учрежденія, то ихъ извѣстность составляла въ то время гордость французской націи и открывала имъ широкую дорогу къ депутатскому мѣсту въ будущемъ національномъ собраніи. Но эта извѣстность открыла дорогу имъ самимъ, а вовсе не ихъ приверженцамъ и не ихъ идеямъ. Если бы передъ коллегіей избирателей явился съ одной стороны—знаменитый ораторъ, подобный Дюпору или Барнаву, а съ другой стороны—неизвѣстный юноша, отличающійся самымъ пылкимъ радикализмомъ, то первый по всей вѣроятности побѣдилъ бы послѣдняго. Когда же всѣ знаменитые ораторы будутъ устранены отъ выборовъ, тогда избиратели, имѣя дѣло съ простыми смертными, обратятъ все свое вниманіе на убѣжденія кандидатовъ и выберутъ тѣхъ людей, которые, неуспѣвши прославиться на всю Францію, выразили однако въ кругу своихъ ближайшихъ соотечественниковъ искреннюю и горячую привязанность къ свободѣ и къ революціи. Почти въ каждомъ городѣ существовали якобинскіе клубы, а въ каждомъ клубѣ было нѣсколько личностей, пользовавшихся въ цѣломъ околоткѣ репутаціей отличныхъ патріотовъ и дѣльныхъ людей; эти провинціальныя свѣтила гражданской доблести и политической мудрости непремѣнно должны были восторжествовать на выборахъ послѣ устраненія парижскихъ и общефранцузскихъ знаменитостей. Но всѣ провинціальные якобинцы питали глубочайшее благоговѣніе къ парижскому клубу, а въ этомъ парижскомъ клубѣ уже господствовалъ въ это время Робеспьеръ; стало-быть Робеспьеръ могъ разсчитывать, что онъ съ трибуны якобинскаго клуба будетъ управлять дѣйствіями новаго собранія; имѣя въ виду такую заманчивую диктатуру, онъ съ удовольствіемъ могъ отказаться за себя и за своихъ ближайшихъ друзей отъ вся-

кихъ притязаній на мѣсто депутата; эта ожидаемая диктатура должна была сдѣлаться особенно обширной вслѣдствіе того обстоятельства, что въ новомъ собраніи будутъ засѣдать совершенно новые люди, незнакомые ни съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, ни съ закулисными тайнами различныхъ партій, ни съ внѣшней стороной парламентской процедуры. Если бы въ это новое и неопытное собраніе могли проникнуть нѣсколько старыхъ депутатовъ, то эти депутаты сразу пріобрѣли бы себѣ авторитетъ, сдѣлались бы центрами и предводителями кружковъ и захватили бы въ свои руки управленіе дѣлами. Но предложеніе Робеспьера исключало всѣхъ старыхъ депутатовъ: какъ только эти старые депутаты переставали быть членами оффиціальнаго собранія, такъ они тотчасъ теряли всякое значеніе и всякую возможность управлять общественнымъ мнѣніемъ; только люди крайней лѣвой стороны и больше всѣхъ другихъ самъ Робеспьеръ имѣли вѣсъ сами по себѣ, независимо отъ своей оффиціальной должности; только эти люди, опираясь на якобинскій клубъ и на парижское населеніе, могли сохранять и увеличивать свою силу послѣ выхода своего изъ учредительнаго собранія.

Новое собраніе должно было подчиниться центральному свѣтилу якобинскаго клуба, во-первыхъ—потому, что оно должно было составиться преимущественно изъ провинціальныхъ якобинцевъ, а во-вторыхъ—потому, что оно непремѣнно должно было на первыхъ порахъ отличаться неопытностью, искать совѣта старшихъ и не встрѣчать вокругъ себя никого изъ старшихъ, кромѣ Робеспьера и его партіи. Была еще третья причина. Можно было предполагать, что Франція выслала въ учредительное собраніе всю свою науку, весь свой умъ, всѣ свои таланты; когда этотъ верхній слой знанія, ума и таланта будетъ снятъ и отложенъ въ сторону, тогда окажутся на поверхности второстепенные умы и посредственныя дарованія; новое собраніе составится такимъ образомъ изъ людей средняго разбора, и это отсутствіе сильныхъ талантовъ положитъ самое прочное основаніе предполагаемой диктатурѣ. Къ этому послѣднему соображенію Робеспьеръ, какъ человѣкъ очень самолюбивый и чрезвычайно тщеславный, не могъ быть равнодушенъ, тѣмъ болѣе что въ первые полтора года своей дѣятельности онъ былъ совершенно задавленъ ораторскими талантами учредительнаго собранія: его долго не слушали, и надъ нимъ перестали смѣяться только тогда, когда начали его бояться; теперь онъ съ удовольствіемъ могъ сказать себѣ, что такихъ оскорбительныхъ сценъ для него по всей вѣроятности уже не будетъ.

Однако надежды на безцвѣтность будущаго собранія не оправдались. Въ собраніи явилась горячая молодежь, составившая партію Жиронды; талантливые ораторы этой партіи, Верньо, Инаръ, Гюаде, стали бороться съ Робеспьеромъ въ самомъ центрѣ его могущества, въ собраніи якобинскаго клуба. Впрочемъ эта борьба не входитъ уже въ предѣлы теперешней моей статьи. Вполнѣ-ли сбылись разсчеты Робеспьера, или осталась часть этихъ разсчетовъ неосуществленною, во всякомъ случаѣ Робеспьеру выгодно было представить собранію свое предложеніе; выгодно было уже потому, что онъ такимъ образомъ являлся еще разъ въ очень важномъ вопросѣ проводникомъ народныхъ желаній. Но если Робеспьеру выгодно было представить собранію это предложеніе, то всѣмъ значительнымъ членамъ собранія не очень выгодно было принять его и совершить такимъ образомъ надъ собой политическое самоубійство. Барнавъ, Дюпоръ, братья Ламеты стали горячо возражать и ничего не успѣли сдѣлать своими возраженіями, потому что предложеніе Робеспьера пришлось по душѣ не только народу, но и большинству депутатовъ. Въ учредительномъ собраніи, какъ и вообще во всѣхъ собраніяхъ, большинство состояло изъ людей безгласныхъ и безцвѣтныхъ; этимъ людямъ мудрено было разсчитывать на вторичный выборъ, потому что помолчать, какъ выражается Фамусовъ, не велика услуга, и на избирателей такая услуга не могла подѣйствовать; слѣдовательно этой массѣ сомнительныхъ кандидатовъ пріятно было отказаться красиво и великодушно отъ такой чести, которую у нихъ и безъ того бы отняли. Это обстоятельство тогда же было подмѣчено Камиломъ Демуленомъ, который съ свойственной ему веселостью и откровенностью тотчасъ тиснулъ по этому поводу статью въ своей газетѣ. Кромѣ того предложеніе Робеспьера очень понравилось аристократамъ и реакціонерамъ правой стороны; эти господа особенно сильно боялись и ненавидѣли людей умѣренныхъ партій; они думали, что умѣренныя партіи могутъ основать прочный порядокъ, который навсегда положитъ конецъ господству привилегій, а на крайнихъ якобинцевъ аристократы смотрѣли, какъ на невозможныхъ людей, которые пошумятъ, покричатъ, порурачатся и потомъ будутъ оставлены народомъ, что нихъ съ полнымъ удобствомъ можно будетъ въ урочное время перевѣшать и переколесовать по всѣмъ правиламъ старой уголовной техники. Руководствуясь этими привлекательными соображеніями, правая сторона всегда готова была поддерживать чистыхъ демократовъ противъ либераловъ, всегда радовалась каждой ссорѣ между тѣми и другими и горячо сочувствовала каждой побѣдѣ первыхъ надъ послѣдними. Это настроеніе усилилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у абсолютистовъ и аристократовъ были личные враги между либералами, а между крайними якобинцами у нихъ не было и не могло быть враговъ, потому что эти два класса людей слишкомъ далеко отстояли другъ отъ друга по своему общественному положенію.

Всѣ эти причины привели къ тому результату,

что Дюпоръ, Ламетъ и Барнавъ оказались почти единственными противниками Робеспьера. Предложеніе его было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Его защищали даже нѣкоторыя знаменитости собранія; видно было, что всѣ утомлены напряженной дѣятельностью, всѣ тяготятся своими натянутыми отношеніями къ народу и всѣ, кромѣ немногихъ неугомонныхъ честолюбцевъ, хотятъ отдохнуть и сложить на другія плечи отвѣтственность за дальнѣйшія событія. Такимъ образомъ за четыре мѣсяца до закрытія своихъ засѣданій учредительное собраніе признало себя устарѣлымъ и рѣшилось передать новымъ людямъ судьбы Франціи, конституціи и всѣхъ революціонныхъ пріобрѣтеній, оторванныхъ народомъ отъ королевской власти и отъ аристократическихъ привилегій. Но послѣднія недѣли учредительнаго собранія были ознаменованы еще двумя чрезвычайно важными событіями, первымъ изъ нихъ было неудавшееся бѣгство короля, вторымъ — кровопролитное столкновеніе народа съ національной гвардіей.

XXII.

Между Франціей и всей монархической Европой не могло быть искренняго и прочнаго мира съ той самой минуты, какъ парижскій народъ взялъ штурмомъ Бастилію и передалъ верховную власть въ руки своихъ представителей. Не могло быть мира по многимъ причинамъ. Во-первыхъ—всѣ европейскіе государи и всѣ европейскія аристократіи чувствовали свою солидарность съ Людовикомъ XVI, съ французскимъ дворянствомъ; во-вторыхъ революція съ своей стороны вовсе не заботилась о томъ, чтобы успокоить и смягчить своихъ взволнованныхъ враговъ; она вовсе не хотѣла замыкаться въ предѣлы своего отечества, ея ораторы при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорили о міровой задачѣ революціи, о ея космополитическомъ значеніи, объ освобожденіи всѣхъ народовъ, о естественномъ братствѣ всѣхъ людей и о разныхъ другихъ вещахъ, которыя всякій благоразумный человѣкъ могъ-бы теперь назвать нелѣпостями, потому что со времени французской революціи прошло слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ. всѣ эти либеральныя шалости такъ и остались ораторскими фіоритурами и притомъ фіоритурами не только для Европы, но и для самой Франціи. Но тогда въ эти либеральныя шалости крѣпко вѣрили сами шалуны. Революціонеры угрожали, консерваторы хмурились; ясно было, что рано или поздно дойдетъ до драки и что перевѣсъ будетъ на той сторонѣ, которая лучше выберетъ время для того, чтобы нанести первый ударъ.

Это воинственное расположеніе, господствовавшее естественнымъ образомъ въ обоихъ политическихъ лагеряхъ Европы, усиливалось въ аристократическомъ лагерѣ криками и жалобами французскихъ эмигрантовъ, передавшихъ всѣмъ европейскимъ дворамъ такія подробности о революціи, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ; сообщая эти подробности, французскіе эмигранты обнаруживали щедрость, достойную ихъ высокаго званія; они, не запинаясь ни на одномъ словѣ, пересыпали чистую правду поэтическими украшеніями и чистѣйшей ложью. И имъ вѣрили, во-первыхъ — потому что пріятно и полезно было вѣрить; а во-вторыхъ—потому что неистощимые импровизаторы были несчастными мучениками, пострадавшими за правду, испытавшими на себѣ тяжесть людской неблагодарности и слѣдовательно достойными всякаго сочувствія, уваженія и разумѣется довѣрія. Благодаря своимъ изобрѣтательнымъ мученикамъ, далеко превосходившимъ Павла Ивановича Чичикова въ любви къ добру и къ истинѣ, Франція превратилась въ страну легендъ, въ родину мифическихъ чудовищъ, способныхъ въ одну минуту разнести свое заразительное безобразіе по всѣмъ городамъ и селамъ Европы и солиднаго земного шара. Надо было прежде всего посадить Францію въ карантинъ, оцѣпить ее санитарнымъ кордономъ, отрѣзать ей всякое сообщеніе съ незараженной частью человѣчества. Потомъ надо было употребить въ дѣло увѣщанія, потомъ пустить въ ходъ угрозы и наконецъ обуздать неукротимое безуміе мѣрами кротости.

Все это въ порядкѣ вещей, и все это безъ сомнѣнія превосходно, но любопытно было-бы спросить, каково дѣйствовали подобныя демонстраціи на судьбу Людовика XVI и его семейства, желавшаго сохранить феодальную власть, какъ зеницу ока. Положеніе короля было въ высшей степени оригинально; во всей всемірной исторіи врядъ-ли найдется другое такое положеніе. Людовикъ былъ въ плѣну въ той самой фантастической странѣ чудовищъ, о которой трубили эмигранты. Но это еще ничего, что онъ былъ въ плѣну. Своеобразность положенія заключалась въ томъ, что онъ не могъ признать себя плѣнникомъ; ему надо было прикидываться патріотическимъ вождемъ пылкаго народа и заклятымъ врагомъ тѣхъ элементовъ и тѣхъ людей, къ которымъ онъ чувствовалъ полнѣйшую симпатію и въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ будущихъ избавителей; какъ только французскій народъ замѣчалъ, что король тяготится своей неестественной ролью, такъ показывались немедленно всѣ признаки приближающейся бури, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей Людовикъ XVI поневолѣ долженъ былъ поспѣшно прижимать къ своему лицу ту ненавистную маску, которая мѣшала ему дышать, но въ то-же время представляла единственную возможность отсрочивать неизбѣжную катастрофу. Катастрофа была неизбѣжна, и политическій маскарадъ въ сущности былъ безполезенъ, во-первыхъ—потому, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ король не могъ выдержать его до конца, а во-вторыхъ потому, что мифическія чудовища, на-

селявшія Францію, нисколько не были расположены къ довѣрчивости и очень хорошо знали, что такое лицо и что такое маска.

Король старался выиграть время, надѣясь на реакцію внутри государства и на помощь со стороны Европы; народъ съ своей стороны смутно чувствовалъ неискренность короля и постоянно тревожился неопредѣленными слухами объ австрійскомъ комитетѣ, который будто-бы работаетъ въ тюильрійскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ королевы Маріи-Антуанеты и замышляетъ предать Францію въ руки иностранцевъ и эмигрантовъ. Война между Франціей и Европой казалась неизбѣжной; и точно также неизбѣжнымъ казался рѣшительный и окончательный разрывъ между идеями революціи и принципомъ королевской власти. Самъ Людовикъ увидѣлъ и понялъ наконецъ неизбѣжность этого разрыва тогда, когда національное собраніе принялось за преобразованія въ устройствѣ церкви. Разрушеніе Бастиліи, уничтоженіе дворянства, ограниченіе монархической власти, учрежденіе національной гвардіи, свобода печати—все это было грустно и тягостно, но, скрѣпя сердце, можно было еще кое-какъ перенести всѣ эти страданія; когда же зашла рѣчь о духовенствѣ, о монастыряхъ, о церковныхъ помѣстьяхъ, о назначеніи священниковъ по выбору прихожанъ, тогда истощилось дипломатическое терпѣніе плѣннаго короля. Людовикъ былъ прежде всего католикъ; надъ нимъ господствовали его духовники, и съ той минуты, какъ революція коснулась церковной іерархіи, Людовикъ XVI съ мужествомъ отчаянія рѣшился во что-бы то ни стало сбросить маску и бѣжать въ тотъ лагерь, въ которомъ были всѣ его друзья.

Я оставляю въ сторонѣ фактическія подробности: какъ было задумано бѣгство, какъ измѣнялся планъ этого бѣгства, какія сношенія поддерживала по этому поводу королева Марія-Антуанета съ своимъ братомъ, Леопольдомъ Австрійскимъ, какъ королевское семейство тронулось въ путь, какъ происходило это опасное путешествіе—все это имѣетъ анекдотическій и біографическій интересъ и все это совсѣмъ не относится къ историческому развитію революціи. Достаточно замѣтить, что король съ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Парижа въ ночь на 21 іюня, а въ тотъ же день поздно вечеромъ его задержали въ провинціальномъ городкѣ Вареннѣ. Тамошнія городскія власти тотчасъ дали знать объ этомъ національному собранію. Національное собраніе прислало въ Варениъ своихъ коммиссаровъ, и короля съ семействомъ привезли обратно въ Парижъ. Эта неудавшаяся поѣздка короля нанесла послѣдній ударъ монархическому принципу во Франціи. Его убили не нападенія его враговъ, а ошибки представителей и защитниковъ.

Первая причина революціи заключалась, какъ мы видѣли, въ экономическомъ истощеніи народа и государства; это истощеніе разумѣется было произведено не философами XVIII вѣка, а администраторами, любившими старый порядокъ вещей всѣми силами своего организма. Первый поводъ къ вооруженному возстанію былъ поданъ, какъ мы также видѣли, попыткой короля парализировать съ самаго начала дѣятельность національнаго собранія; эта попытка очевидно была сдѣлана друзьями стараго порядка, а не агитаторами народа и не фанатиками революціи. Теперь мы опять встрѣчаемся съ такимъ-же фактомъ. Втеченіи 1789 и 1790 года республиканскихъ стремленій нельзя было замѣтить ни въ народѣ, ни въ образованномъ обществѣ, ни въ національномъ собраніи, ни въ якобинскомъ клубѣ. Народъ хотѣлъ только прочнаго уничтоженія феодальныхъ повинностей, а къ вопросамъ высшей политики оставался совершенно равнодушнымъ, полагаясь въ этомъ отношеніи на своихъ возлюбленныхъ представителей и законодателей. Образованное общество и національное собраніе состояли изъ чистыхъ роялистовъ, обожавшихъ старый порядокъ, и изъ конституціоналистовъ, разъигравшихъ разныя варіаціи, болѣе или менѣе смѣлыя, на одну основную тему англійскаго самоуправленія. Якобинцы сами называли свой клубъ — обществомъ друзей конституціи и не терпѣли на своей трибунѣ ни одного слова противъ монархическаго начала. Необходимость королевской власти для всѣхъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей того времени составляла неприкосновенный догматъ политическаго вѣроисповѣданія. Та мысль, что республиканское правленіе годится только для отдѣльныхъ городовъ и мелкихъ областей, находилась тогда въ общемъ ходу и считалась неопровержимой истиной, не требующей доказательствъ. Ввести республиканское правленіе во Францію значило-бы превратить ее въ федерацію, состоящую изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ республикъ; о федераціи такого рода никто не хотѣлъ слышать, потому что привилегіи отдѣльныхъ провинцій только что были уничтожены, внутреннія заставы и таможни были сняты и отмѣнены, единство было основано, и все, что могло мѣшать укрѣпленію этого единства и водворенію сильной централизаціи, казалось всѣмъ тогдашнимъ публицистамъ тяжелымъ преступленіемъ противъ націи и отечества. Ни Робеспьеръ, ни Дантонъ, ни Маратъ, никто изъ тѣхъ людей, которыхъ считаютъ обыкновенно опаснѣйшими демократами и злѣйшими революціонерами, не заикались о республикѣ втеченіи 1789 и 1790 года. Одинъ только Демуленъ написалъ въ то время политическій памфлетъ съ республиканскими тенденціями, но Демуленъ въ началѣ революціи такъ часто кидался изъ стороны въ сторону, отъ Лафайета къ Робеспьеру, отъ Марабо къ Дантону, что всѣ партіи считали его талантливымъ и остроумнымъ повѣсой, котораго съ удовольствіемъ можно читать и слушать, но на котораго не стоитъ обращать вниманія въ серьезномъ дѣлѣ. Республиканскій пам-

флетъ Демулена остался безъ вліянія, и то-же самое произошло-бы даже въ томъ случаѣ, если-бы вмѣсто Демулена заговорилъ въ то время о республикѣ какой-нибудь сильный предводитель политической партіи. Республиканцы конечно существовали и тогда; но одни молчали, другіе притворялись приверженцами конституціи; всѣ считали себя мечтателями, далеко опередившими свой вѣкъ; всѣ были увѣрены въ неспособности французскаго народа къ самоуправленію и всѣ любили восхищаться античными доблестями грековъ и римлянъ, которые были извѣстны тогдашнему обществу по трагедіямъ Корнеля и Расина, да еще по жизнеописаніямъ Плутарха и Корнелія Непота, переведеннымъ на французскій языкъ.

Всѣ эти безвредныя занятія тогдашнихъ республиканцевъ могли бы продолжаться втеченіи неопредѣлимо-долгаго времени и могли-бы кончиться ничѣмъ, могли-бы не дойти до свѣдѣнія французскаго народа, если-бы только представитель и защитники стараго порядка имѣли возможность удержаться отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Но обстоятельства были расположены такимъ образомъ, что каждое дѣйствіе Людовика XVI превращалось въ ошибку и, подрывая монархію, закладывало основанія будущей республики. Когда по городамъ и селамъ королевства разнесся слухъ, что король попробовалъ убѣжать за-границу, тогда во всей Франціи произошелъ такой единодушный взрывъ народнаго негодованія, что послѣ этого взрыва всякое примиреніе между королемъ и народомъ сдѣлалось невозможнымъ. Король дѣйствуетъ заодно съ иностранцами! Король дѣйствуетъ заодно съ эмигрантами! Эти двѣ мысли были безсильны и безвредны, пока онѣ встрѣчались только на столбцахъ демократическихъ газетъ и въ декламаціяхъ яростныхъ ораторовъ но когда каждый горожанинъ, каждый мужикъ и каждый поденьщикъ самъ додумался до этихъ двухъ мыслей, самъ разобралъ ихъ значеніе, самъ взволновался ихъ возможными послѣдствіями и наконецъ самъ громко произнесъ ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ, тогда эти двѣ мысли разорвали всякую связь между королемъ и народомъ и съ неудержимой силой бросили всю массу народа въ руки крайней демократической и республиканской партіи, которая тотчасъ ободрилась, отложила въсторону Плутарха и Корнелія Непота и съ восхищеніемъ принялась хозяйничать въ дѣлахъ современной дѣйствительности.

Король дѣйствуетъ заодно съ иностранцами, думалъ народъ, услышавъ о поѣздкѣ въ Вареннъ, —стало-быть онъ продастъ иностранцамъ честь и благосостояніе Франціи; онъ хочетъ привести во Францію нѣмецкія арміи, онъ хочетъ выжечь города и села, вытоптать поля, обломать виноградники, опустошить цѣлыя провинціи голодомъ и моровой язвой. Король дѣйствуетъ заодно съ эмигрантами, разсуждали всѣ классы народа, воспользовавшіеся различными выгодами революціи. Втеченіи своей двухлѣтней дѣятельности революція пустила въ народную жизнь такіе глубокіе корни, произвела такія радикальныя и разнообразныя измѣненія во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ и заинтересовала въ свою пользу такое неизмѣримое большинство французскихъ гражданъ, что при первомъ намекѣ на возможность реакціи вся Франція съ низу и до верху, отъ одной границы до другой, встрепенулась отъ ужаса и негодованія. Въ это время революція была уже непобѣдимо сильна, именно потому, что она успѣла уже дать всѣмъ классамъ народа осязательныя доказательства своего существованія и своей дѣятельности. Пока революція была чистой идеей, отвлеченнымъ приговоромъ мыслителей надъ существующими бытовыми формами, до тѣхъ поръ ее можно было задержать, отсрочить или поворотить назадъ; но когда она проложила себѣ дорогу въ міръ матеріальныхъ интересовъ, когда она передѣлала по-своему весь строй экономическихъ отношеній, тогда возвращеніе стараго порядка вещей сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Тогда дѣло революціи стали защищать не одни мыслители, писатели, ораторы и утописты; вмѣстѣ съ идеологами поднялись за общее дѣло и городскіе собственники, и крестьяне, и солдаты, и ремесленники. Всѣ неопредѣленныя декламаціи объ австрійскомъ комитетѣ, о вѣроломствѣ двора, о кровожадныхъ замыслахъ аристократовъ, о враждебныхъ тенденціяхъ самого короля, всѣ журнальныя утки и ораторскія импровизаціи превратились передъ глазами испуганнаго народа въ самую осязательную, неопровержимую и сокрушительную истину. Творцы утокъ и импровизацій сдѣлались мудрецами и пророками; отъ нихъ народъ сталъ ожидать спасенія; за ними онъ готовъ былъ идти всюду, куда они захотятъ повести его; отъ нихъ зависѣло произнести слово «республика», и если-бы это слово не тотчасъ перешло въ дѣло, то по крайней мѣрѣ послѣ вареннскаго путешествія никто не подумалъ бы назвать адвокатовъ республики мечтателями и утопистами. Словомъ, до поѣздки короля въ Вареннъ народъ подозрѣвалъ короля въ неискренности и чувствовалъ неопредѣленное безпокойство; послѣ этой поѣздки не осталось никакихъ подозрѣній, и неопредѣленное безпокойство смѣнилось твердой увѣренностью. Весь народъ пережилъ въ нѣсколько часовъ цѣлыя десятилѣтія исторической опытности; онъ увидѣлъ, что надо выбирать одно изъ двухъ: или революцію, или старый порядокъ. Рубиконъ былъ перейденъ, и Людовикъ XVI, привезенный изъ Варенна въ Парижъ, сдѣлался во всѣхъ отношеніяхъ плѣнникомъ своихъ политическихъ противниковъ.

XXIII.

Короля привезли въ Парижъ 25 іюня 1791 года, а королевская власть была уничтожена во Франціи 10 августа 1792 года. Между этими

двумя событіями прошло больше года, и король считался въ этотъ промежутокъ времени тотъ же Людовикъ XVI, который уже однажды попробовалъ убѣжать съ своего престола. На первый взглядъ иному недогадливому читателю могутъ показаться непонятными двѣ вещи: почему Людовикъ XVI самъ не отказался въ это время отъ своего престола, на которомъ онъ съ минуты своего бѣгства могъ ожидать только непріятностей и оскорбленій? И далѣе, почему національное собраніе не объявило престола вакантнымъ и не созвало національнаго конвента, т.-е. почему оно послѣ варенской исторіи не поступило такъ, какъ поступило законодательное собраніе послѣ возмущенія 10 августа 1792 года?

Отвѣта на эти два вопроса надо искать въ характерѣ Людовика XVI и въ характерѣ коллективной личности, называвшейся національнымъ учредительнымъ собраніемъ. Во-первыхъ—Людовикъ по своему темпераменту не былъ способенъ на энергическіе поступки; онъ могъ съ христіанскимъ терпѣніемъ переносить оскорбительныя непріятности своего положенія, но выйдти изъ этого положенія рѣшительнымъ и необычнымъ шагомъ онъ былъ не въ состояніи. Только уступая вліянію королевы, онъ попробовалъ бѣжать за-границу, и эта попытка, удавшаяся такъ плохо, надолго истощила въ немъ запасъ дѣятельной энергіи; онъ подумалъ, что всего лучше съ полнымъ смиреніемъ ожидать, что будетъ. Во вторыхъ—Людовикъ XVI былъ воспитанъ своими наставниками и своей вседневной версальской жизнью такъ, что онъ не зналъ о существованіи и не понималъ значенія тѣхъ живыхъ силъ, которыя копошились подъ его престоломъ: что такое народъ, чего онъ хочетъ, сытъ-ли онъ, голоденъ ли и что такое значитъ быть голоднымъ,—все это и многое другое въ томъ же родѣ были такіе вопросы, которыхъ даже не могли задавать себѣ обитатели версальскаго дворца. О правильномъ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ смѣшно было бы и думать. Всей версальской публикѣ революція казалась интригой какихъ-нибудь мошенниковъ, которые сегодня въ модѣ, а завтра будутъ заброшены и забыты вмѣстѣ съ своими задорными фразами. Революцію дѣлаетъ герцогъ орлеанскій, или Мирабо, или Лафаетъ, или Барнавъ, или Дантонъ, или всѣ они вмѣстѣ, или каждый изъ нихъ порознь, по своему особенному разсчету, но непремѣнно кто-нибудь да дѣлаетъ революцію: не можетъ же быть, чтобы революція сама себя дѣлала *).

Никто изъ роялистовъ не могъ разсуждать иначе, а разсуждая такимъ образомъ, Людовикъ XVI, который конечно былъ самъ роялистомъ, не могъ отказаться отъ престола. Онъ такъ мало считалъ свое положеніе отчаяннымъ, что даже послѣ варенской исторіи продолжалъ бояться успѣха эмигрантовъ больше, чѣмъ успѣха демократовъ. Онъ боялся, что его братья, графъ Прованскій и графъ Артуа, задавятъ революцію, возьмутъ его, Людовика, подъ свою опеку, а королеву подвергнутъ скандальному процессу и заточенію. Людовику въ голову не приходило бояться за свою жизнь, и онъ до послѣдней минуты своего царствованія былъ увѣренъ, что Франція не можетъ и никогда не захочетъ быть республикой. Стало-быть отказываться отъ престола значило-бы открывать дорогу принцамъ-эмигрантамъ. Вообще можно сказать одно: если-бы Людовикъ XVI былъ способенъ отказаться отъ престола, т.-е. если-бы онъ понималъ глубину и обширность революціоннаго движенія, если-бы онъ предвидѣлъ, какъ оно разыграется, если-бы онъ, понимая и предвидя все это, могъ поступать твердо и рѣшительно, то онъ еще гораздо раньше 1789 года отыскалъ и поддержалъ-бы людей, подобныхъ Тюрго, и повелъ-бы необходимыя реформы мирнымъ путемъ, осторожно, послѣдовательно, но безъ уклончивости, безъ уступокъ старинѣ и безъ боязни передъ новыми идеями. Реформа была необходима и неизбѣжна, но самъ Людовикъ, смотря по особенностямъ своего характера и умственнаго развитія, могъ примкнуть къ той или другой сторонѣ; если-бы онъ примкнулъ къ партіи будущаго вмѣсто того, чтобы присоединиться къ партіи прошедшаго, тогда его личная судьба во многомъ-бы измѣнилась, и внѣшнія формы французской революціи также испытали-бы многія измѣненія, но прочные результаты всего движенія оказались-бы совершенно такими-же, какими мы ихъ видимъ теперь. Читатель вѣроятно знаетъ уже, что прочными результатами я называю въ этомъ случаѣ экономическія и соціальныя преобразованія.

Національное собраніе, по своимъ отношеніямъ къ массѣ народа, было заранѣе осуждено на бездѣйствіе. Съ одной стороны оно не могло принять рѣшительную иниціативу и объявить престолъ вакантнымъ; съ другой стороны, если-бы оно захотѣло защищать и прикрыть Людовика XVI своимъ авторитетомъ, защита эта оказалась-бы очень недостаточною, потому что авторитетъ собранія былъ уже въ значительной степени подорванъ. При началѣ своихъ засѣданій національное собраніе было составлено на половину изъ депутатовъ отъ дворянства и отъ духовенства. Эти депутаты, которыхъ народъ не хотѣлъ и не могъ считать своими представителями, составили правую сторону собранія и почти всѣ держали себя во все время засѣданій, какъ явные враги революціи и какъ безусловные приверженцы стараго порядка. Многіе изъ этихъ депутатовъ уѣхали за-границу, когда эмиграція стала усиливаться и вошла въ моду. Когда дворянство и духовенство были уничтожены, какъ отдѣльныя сословія, тогда депутаты отъ этихъ

*) Это только унтеръ-офицерская жена сама себя высѣкла; да и то показаніе Сквозника-Дмухановскаго въ этомъ случаѣ можетъ удовлетворить только Хлестакова.

несуществующихъ сословій очевидно потеряли всякій смыслъ и превратились въ ходячій анахронизмъ. Несмотря на это, анахронизмъ продолжалъ засѣдать въ собраніи, произносить рѣчи и подавать голоса. Въ половинѣ 1791 года правая сторона собранія состояла еще изъ трехсотъ человѣкъ, которые, производя много шума, заявляя торжественные протесты и безпристрастнѣйшимъ образомъ балансируя между различными оттѣнками центральной партіи и лѣвой стороны, развлекали силы собранія и отнимали у него возможность дѣйствовать рѣшительно. Впрочемъ центръ и лѣвая сторона сами по себѣ находились въ постоянномъ колебаніи. Если они боялись эмигрантовъ и чистыхъ роялистовъ, которые до того времени были ихъ постоянными врагами, то еще сильнѣе боялись они чистыхъ демократовъ и революціонеровъ, которые до того времени были ихъ постоянными союзниками. Чтобы сдержать въ границахъ благопристойности этихъ опасныхъ союзниковъ, они готовы были пойти на мировую сдѣлку съ своими врагами, но враги ни на какую сдѣлку не поддавались, имѣя въ виду соблазнительную надежду, что революція погибнетъ въ ближайшемъ будущемъ отъ собственныхъ ошибокъ и увлеченій.

Конституціонная партія, сжатая такимъ образомъ между слишкомъ извѣстными людьми прошедшаго и страшными по своей неизвѣстности силами будущаго чувствовала шаткость своего положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняла за собой численный перевѣсъ въ національномъ собраніи. Отъ нея зависѣло рѣшить вопросъ: какъ выпутать короля и собраніе изъ непріятныхъ послѣдствій варенской исторіи? При рѣшеніи этого вопроса она конечно постаралась сохранить золотую середину и устроила дѣло такъ, что не удовлетворила ни роялистовъ, ни революціонеровъ. Роялисты смотрѣли на варенское дѣло, какъ на законный протестъ угнетеннаго короля противъ посягательствъ зазнавшихся подданныхъ; въ этомъ дѣлѣ для нихъ не могло быть и рѣчи о преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ; виновными они считали только тѣхъ людей, которыхъ неслыханная дерзость понудила короля искать себѣ безопасности внѣ Парижа и можетъ быть внѣ Франціи; для роялистовъ эмиграція принцевъ и дворянства было дѣломъ совершенно законнымъ, и такъ какъ король, по ихъ мнѣнію, былъ первымъ принцемъ и первымъ дворяниномъ во Франціи, то онъ также могъ эмигрировать, если находилъ это удобнымъ для сохраненія своего достоинства и необходимымъ для своей личной безопасности. Но гдѣ король, тамъ и отечество,—говорили далѣе роялисты; поэтому всѣ честные французы, не желающіе оставить свое отечество, должны слѣдовать за королемъ на край свѣта; слѣдовательно генералъ Буйе, приготовившій бѣгство короля, и офицеры, отправившіеся въ путь вмѣстѣ съ королемъ, оказываются лучшими патріотами во всей Франціи и достойны полнаго уваженія со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей.

Такъ думали роялисты, хотя конечно на трибунѣ національнаго собранія они уже не могли высказываться вполнѣ откровенно; общество XVIII вѣка было уже слишкомъ развращено для того, чтобы понимать идеи и цѣнить чувства временъ Людовика XIV, Генриха IV и Франциска I. На трибунѣ эти тенденціи выражались осторожно и уклончиво, съ различными примѣненіями къ языку и понятіямъ испорченной эпохи. Но во всякомъ случаѣ у роялистовъ былъ свой взглядъ на вещи очень опредѣленный и вполнѣ послѣдовательный, т.-е. вполнѣ вѣрный основной идеѣ.

У революціонеровъ былъ также свой взглядъ, не менѣе опредѣленный и не менѣе послѣдовательный. Они думали и говорили, что король и всѣ соучастники варенской экспедиціи виновны въ измѣнѣ противъ націи; короля слѣдуетъ объявить лишеннымъ престола, а всѣхъ остальныхъ предать суду и наказать по всей строгости законовъ. Конституціоналисты попались въ тиски между этими двумя противуположными взглядами; они стали лавировать изъ стороны въ сторону, изобрѣтать несуществующіе факты и соглашать несогласимыя понятія. Уѣзжая изъ Парижа, король оставилъ письменный протестъ противъ всѣхъ узаконеній, выработанныхъ національнымъ собраніемъ и получившихъ уже королевское утвержденіе; въ этомъ протестѣ король очень подробно излагаетъ свои жалобы противъ французовъ вообще и парижанъ въ особенности; онъ объясняетъ очень обстоятельно причины своего бѣгства; національное собраніе получило эту бумагу въ тотъ самый день, въ который оно узнало о бѣгствѣ короля. Но, несмотря на положительныя увѣренія самого Людовика XVI, собраніе, слѣдуя внушенію конституціонной партіи, выдумало, что король не бѣжалъ, а сдѣлался жертвой насильственнаго или коварнаго похищенія. Эта выдумка отодвигала самого короля въ сторону, а всю отвѣтственность обрушивала на его коварныхъ и злоумышленныхъ похитителей.

Такое замысловатое рѣшеніе не могло удовлетворить ни роялистовъ, ни демократовъ; кромѣ того оно оскорбляло здравый смыслъ и нравственное чувство всѣхъ честныхъ людей безъ различія политическихъ партій. Никто не могъ обмануться выдумкой національнаго собранія; всѣ знали, что бѣгство короля было вполнѣ добровольно и преднамѣренно. Если это бѣгство составляетъ преступленіе, то всѣ участники этого предпріятія преступны; если-же не существуетъ преступленія, то не за что губить тѣхъ людей, которые были простыми исполнителями и вѣрными слугами. Такъ говорилъ здравый смыслъ, но конституціонная теорія, сплетенная изъ множества политическихъ и юридическихъ фикцій, находилась на такомъ неизмѣримомъ разстояніи отъ простого и скромнаго здраваго смысла, что не могла обращать на его совѣты ни малѣйшаго вниманія. Впрочемъ

конституціонная партія не ограничилась тѣмъ, что взяла себѣ исходной точкой произвольную импровизацію; она кромѣ того съумѣла поставить себя въ противорѣчіе съ этой самой импровизаціей: предполагая, что король былъ похищенъ, она однако ухитрилась наложить на него исправительную эпитимію; собраніе рѣшило, что верховная исполнительная власть отнимается у короля и сосредоточивается въ національномъ собраніи до тѣхъ поръ, пока конституція не будетъ окончена и пока король не приметъ и не утвердитъ ее своей торжественной клятвой.

Все это зданіе выдумокъ и противорѣчій было воздвигнуто трудами Дюпора, Барнава, Ламета и многихъ другихъ сотрудниковъ ихъ, втеченіи трехъ недѣль. Къ 16 іюля пренія о варенской исторіи окончились въ собраніи, но тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись представители, вовсе не понравились народу. Клубъ кордельеровъ весь объявилъ себя противъ королевской власти; Маратъ въ своей газетѣ совѣтовалъ народу выбрать себѣ диктатора или военнаго трибуна. Бриссо сталъ издавать газету «le Républicain»; Кондорсе написалъ республиканскій памфлетъ; Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ говорилъ объ осторожности и уваженіи въ конституціи; но въ національномъ собраніи настаивалъ на томъ, что короля слѣдуетъ судить. Якобинцы старались соблюдать конституціонное благоразуміе, но когда Бриссо заговорилъ въ ихъ клубѣ противъ неприкосновенности королевской особы, тогда раздались крики неистоваго и чисто республиканскаго восторга. Бывшіе хозяева якобинскаго клуба,—Ламетъ, Дюпоръ и Барнавъ,—увидѣли по многимъ признакамъ, что твореніе ихъ рукъ уходитъ окончательно изъ-подъ ихъ вліянія. Они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку; 10 іюля они перешли вмѣстѣ съ своими друзьями изъ монастыря якобинцевъ въ монастырь фельяновъ; за ними послѣдовали почти всѣ депутаты, бывшіе членами якобинскаго клуба; этотъ новый клубъ фельяновъ объявилъ всѣмъ провинціальнымъ якобинцамъ, что съ этого дня онъ будетъ составлять настоящее общество друзей конституціи; но большая часть провинціальныхъ клубовъ не признали этого настоящаго «общества» и попрежнему продолжали переписываться съ якобинцами, оставшимися въ якобинскомъ монастырѣ. Ни Робеспьеръ, ни Петіонъ, ни Бриссо не пошли въ новое помѣщеніе клуба. У фельяновъ стали собираться депутаты и конституціонный beau-monde, но это изысканное общество, существовавшее всего одинъ годъ, постоянно оставалось совершенно безсильнымъ.

Руководители національнаго собранія принуждены были наконецъ убѣдиться въ томъ, что ихъ время прошло и что выдвигаются впередъ новыя стремленія, которыхъ они не понимаютъ, и новые люди, въ отношеніи къ которымъ они становятся уже людьми прошедшаго. Анти-роялистское движеніе въ клубахъ и въ газетахъ служило вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго настроенія народныхъ массъ. Въ національное собраніе приходили изъ разныхъ городовъ и департаментовъ адресы, совершенно враждебные Людовику XVI, и нескромное направленіе этихъ адресовъ ставило иногда почтенныхъ законодателей въ очень неловкое и затруднительное положеніе.

Но затрудненія сдѣлались еще гораздо существеннѣе и значительнѣе, когда рѣшеніе собранія по дѣлу короля возбудило сильное неудовольствіе въ самомъ Парижѣ. Пока продолжались еще пренія о варенской исторіи, происходили разныя частныя демонстраціи; когда пренія закончились, тогда составился планъ подать собранію петицію, подписанную многими тысячами именъ и выражающую желаніе парижскаго народа, чтобы король былъ низложенъ съ престола. Утромъ 17 іюля нѣсколько гражданъ, принадлежащихъ къ клубу кордельеровъ, собрались на Марсовомъ полѣ и положили свою петицію на алтарь отечества, построенный въ 1790 году, для праздника федераціи. Кто проходилъ мимо, тотъ читалъ и подписывалъ. Слухъ о прошеніи распространился очень быстро; люди, желающіе прочитать и подписать петицію, стали стекаться на Марсово поле со всѣхъ сторонъ; толпа привлекала толпу, и часамъ къ четыремъ по полудни вокругъ алтаря отечества собрались десятки тысячъ народа; устроилось что-то вродѣ общественнаго гулянья; тутъ были женщины и дѣти, люди всякаго званія и всякаго образа мыслей; были и сумасброды, совѣтовавшіе публикѣ взять штурмомъ собраніе и разогнать недостойныхъ представителей великаго французскаго народа; но публика разумѣется смотрѣла на этихъ бѣсноватыхъ проповѣдниковъ, какъ на забавный аксессуаръ лѣтней прогулки; между тѣмъ на петиціи набралось уже очень много подписей, и національное собраніе, знавшее непріятное направленіе этой бумаги, пожелало уничтожить ее и задавить все движеніе мѣрами спасительной строгости. Собраніе приказало парижскому мэру разогнать толпу бунтовщиковъ и злодѣевъ, собравшихся вокругъ алтаря отечества; Вальи и Лафайетъ объявили военный законъ противъ возмущенія, выставили въ окнѣ ратуши красное знамя и пошли на Марсово поле съ пѣхотой, кавалеріей и артиллеріей національной гвардіи; пѣхота дала залпъ, храбрая кавалерія бросилась въ атаку и только артиллеріи не удалось принять участіе въ пораженіи враговъ. Бунтовщики и злодѣи обращены въ позорное бѣгство; на ступеняхъ алтаря отечества осталось больше сотни убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ много женщинъ, дѣтей и стариковъ. Собраніе изъявило свою благодарность городскимъ властямъ за ихъ энергію и распорядительность. Затѣмъ дѣла пошли прежнимъ порядкомъ.

Собраніе было такъ великодушно, что не воспользовалось своей побѣдой надъ злоумышлен-

никами. Нѣкоторые депутаты совѣтовали закрыть клубы и пугнуть журналистовъ, но собраніе на это не согласилось. Якобинцы, смущенные воинственнымъ шумомъ, скоро оправились и совершенно пересилили фельяновъ, въ пользу которыхъ была одержана такая блистательная побѣда. Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ, Бриссо, Демуленъ, Фреронъ продолжали господствовать надъ умами народа рѣчами, брошюрами и газетами. Популярность Лафайета и Бальи осталась убитой на Марсовомъ полѣ. 14 сентября король принялъ конституцію; 30 сентября учредительное собраніе окончило свою дѣятельность и разошлось. Изъ 1800 милліоновъ ассигнацій было издержано 1323. Финансы остались въ прежнемъ положеніи.

ЦВѢТЫ НЕВИННАГО ЮМОРА.

1. Сатиры въ прозѣ. Н. Щедрина. 2. Невинные разсказы. Н. Щедрина.

I.

Плохо приходится въ наше время поэтамъ; кредитъ ихъ быстро понижается; безчувственные критики и бездушные свистуны подрываютъ въ публикѣ всякое уваженіе къ великимъ тайнамъ безсознательнаго творчества. Прежде говорили о вдохновеніи поэта, прежде поэта считали любимцемъ боговъ и интимнымъ собесѣдникомъ музъ; хотя эти миѳологическія метафоры грѣшно было принимать буквально, однакожъ за этими метафорами постоянно чувствовалось что-то хорошее и таинственное, неуловимое и непостижимое, что-то такое, что нашему брату вахлаку должно оставаться навсегда недоступнымъ; объ этомъ нашему брату позволялось узнавать только по неяснымъ разсказамъ художниковъ, которые, «какъ боги, входятъ въ зевесовы чертоги», гдѣ имъ показываютъ весьма интересныя и часто нескромныя картинки. Теперь все это перемѣнилось; нашъ братъ вахлакъ большую силу забралъ и обо всемъ разсуждать берется; и вдохновенія не признаетъ, и въ зевесовы чертоги не желаетъ забираться, несмотря на то, что поэтъ весьма наглядно разсказываетъ, какъ въ этихъ чертогахъ показывали одному художнику въ «вѣчныхъ идеалахъ» «волнистость спинки бѣлой» и вообще разныя такія вещи, которыя «божество открываетъ смертнымъ въ доляхъ малыхъ» (А. Майковъ). Все это нашъ братъ отрицаетъ съ свойственной ему грубостью чувствъ и дерзостью выраженій; это, говоритъ, все цвѣты фантазіи, а вы намъ вотъ что скажите: какова у поэта сила ума? и широко-ли его развитіе? и основательно-ли его образованіе? — Ну, что-жъ это за вопросы? Умѣстны-ли они? Деликатны-ли они? Позволительно-ли ставить передъ собой любимца боговъ и допрашивать его, какъ провинившагося гимназиста? Когда уже дѣло дошло до такихъ неслыханныхъ вопросовъ, когда утрачена вѣра въ божественность вдохновенія, когда журналы находятъ болѣе интереснымъ держать корреспондентовъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ, въ Саратовѣ или Иркутскѣ, чѣмъ на Парнасѣ или въ чертогахъ Зевеса, тогда конечно мирному поэту остается только повѣсить свою голубушку-лиру на гвоздикъ и поступить на дѣйствительную службу или обратиться къ мрачнымъ заботамъ сельскаго хозяйства. Если такъ пойдетъ дальше, то наступитъ современемъ драматическая минута, когда послѣдній поэтъ бросится на шею къ послѣднему эстетику и, рыдая, скажетъ ему: «другъ мой, мы съ тобой одни. Міръ прокисъ и развратился. Микроскопъ и скалпель не даютъ намъ покоя. Если мы не спрячемся или не притворимся натуралистами, то насъ съ тобой могутъ посадить за-живо въ спиртъ, чтобы сохранить въ полной цѣлости послѣдніе экземпляры исчезнувшей породы, имѣвшей удивительное внѣшнее сходство съ человѣкомъ. Другъ мой, когда мы умремъ, тогда послѣдняя калитка, ведущая въ зевесовы чертоги, будетъ заколочена и на глухо заложена не кирпичами, а всѣми нераспроданными экземплярами моихъ стихотвореній и всѣми неразрѣзанными листами твоихъ критическихъ статей». Ну, скажетъ эстетикъ, если такъ, то все кончено. Калитка навсегда сдѣлается неприступной! Сквозь мою критику и твою поэзію ни человѣкъ не пролѣзетъ, ни звѣрь не проскочитъ. И, обнявшись весьма крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могиканы во весь духъ побѣгутъ въ лавку покупать себѣ микроскопъ и химическія реторты, какъ маскарадныя принадлежности, долженствующія спасти ихъ отъ преждевременнаго и непроизвольнаго погруженія въ спиртъ. Исторія переродившихся экземпляровъ исчезнувшей породы кончится тѣмъ, что оба, эстетикъ и поэтъ, женятся à la face du soleil et de la nature на двухъ дѣвушкахъ, занимающихся медицинской практикой и приводившихъ въ былое время своихъ теперешнихъ поклонниковъ въ совершенный ужасъ своимъ непостижимо-солиднымъ образованіемъ, своимъ неприлично-твердымъ образомъ мыслей и своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ женственной граціи, т. е. слабости, глупости и жеманства. Дѣти этихъ двухъ счастливыхъ паръ услышатъ еще кое-какіе

темные толки объ эстетикахъ и поэтахъ, а внуки и того не услышатъ. Обѣ породы сдѣлаются совершенно неизвѣстными, какъ неизвѣстны намъ теперь многіе слизняки первобытнаго міра, не оставившіе послѣ себя ни костей, ни раковинъ, ни другихъ слѣдовъ своего бреннаго существованія.

По многимъ отдѣльнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ моей пророческой импровизаціи, читатель можетъ замѣтить, что осуществленіе ея принадлежитъ еще весьма отдаленному будущему; по всей вѣроятности прадѣдушки и прабабушки послѣдняго эстетика и послѣдняго поэта въ настоящую минуту еще не находятся въ утробахъ своихъ матерей; но, несмотря на отдаленность рѣшительной катастрофы, зловѣщіе признаки показываются уже и въ наше время. Такъ напримѣръ Фетъ, рѣшившись посвятить всѣ свои умственныя способности неутомимому преслѣдованію хищныхъ гусей, сказалъ въ прошломъ 1863 году послѣднее прости своей литературной славѣ; онъ самъ отпѣлъ, самъ похоронилъ ее и самъ поставилъ надъ свѣжей могилой величественный памятникъ, изъ-подъ котораго покойница уже никогда не встанетъ; памятникъ этотъ состоитъ не изъ гранита и мрамора, а изъ печатной бумаги; воздвигнутъ онъ не въ обширныхъ сердцахъ благородныхъ россіянъ, а въ тѣсныхъ кладовыхъ весьма неблагодарныхъ книгопродавцевъ; монументъ этотъ будетъ конечно несокрушимѣе бронзы (aere perennius), потому что бронза продается и покупается, а стихотворенія Фета, составляющія вышеупомянутый монументъ, въ наше время уже не подвергаются этимъ не эстетическимъ операціямъ. Эта незыблемая прочность монумента весьма огорчаетъ книгопродавцевъ вообще, а издателя стихотвореній, купца Солдатенкова, въ особенности; эти господа не понимаютъ трагическаго величія этого монумента и готовы роптать на его несокрушимость; поэтому-то я и назвалъ ихъ неблагодарными; неблагодарность ихъ, мнѣ кажется, можетъ дойти до того, что они современемъ сами разобьютъ монументъ на куски и продадутъ его пудами для оклеиванія комнатъ подъ обои и для завертыванія сальныхъ свѣчей, мещерскаго сыра и копченой рыбы. Фетъ унизится такимъ образомъ до того, что въ первый разъ станетъ приносить своими произведеніями нѣкоторую долю практической пользы. Согласитесь, что для вѣчнаго поклонника чистой красоты такое «порабощеніе искусства», не снившееся даже Ахшарумову, должно казаться невыносимо обиднымъ.

Я вижу, какъ растроганы всѣ мои чувствительные читатели, и спѣшу отвратить ихъ взоры, отуманенные слезами, отъ этихъ печальныхъ и зловѣщихъ явленій, исподволь подготовляющихъ для нашего потомства окончательное паденіе чистаго искусства. Спѣшу даже утѣшить моихъ стихолюбивыхъ читателей. Мы вѣдь не потомство, мы не люди будущаго. На нашъ вѣкъ хватитъ и лирической поэзіи, и кулачныхъ подвиговъ, и темнаго суевѣрія, и бурыхъ тараканoвъ, и всякаго другого снадобья, въ которомъ выражаются даже до сего дня нашъ отечественный бытъ, нашъ доморощенный умъ и наше народное самосознаніе. Чтобы утѣшить читателя еще болѣе, я кромѣ того попрошу его замѣтить, что въ наше время чистое искусство еще чрезвычайно сильно и отдѣлаться отъ него почти невозможно, тѣмъ болѣе что оно до безконечности измѣняетъ свои наружныя формы и иногда появляется въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ видѣ, въ которомъ чрезвычайно трудно вывести его на свѣжую воду. Вы не думайте, что чистое искусство проявляется только въ пѣсенкахъ «о серебрѣ и колыханіи соннаго ручья», или «о волнахъ ликующаго звука». Не думайте также, что въ одинъ разрядъ съ этими пѣсенками слѣдуетъ поставить только тѣ романы и повѣсти, которые изслѣдуютъ невысказанныя чувства и неразъясненныя недоразумѣнія, растерзавшія два нѣжныя сердца, изъ которыхъ одно принадлежало существу мужескаго пола, а другое такому же существу пола женскаго. Это самыя невинныя видоизмѣненія чистаго искусства; ихъ уже давно взяли на замѣчаніе, и кто попадется на эту удочку, тотъ обличитъ уже или крайнюю неопытность, или неисправимую закоснѣлость. Но развѣ мало другихъ видоизмѣненій, болѣе утонченныхъ? Вотъ напримѣръ исполинъ-ловецъ, неутомимо преслѣдующій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» всякую умственную ересь, толкуетъ горячо и пространно о «пляшущихъ блудницахъ», о «головкахъ и хвостикахъ недодѣланной мысли», о томъ, что онъ, московскій Немвродъ, часто превращающійся въ мычащаго Навуходоносора, всѣхъ умнѣе, честнѣе и благонадежнѣе, и что онъ всякому честному человѣку будетъ смотрѣть прямо въ глаза до тѣхъ поръ, пока тотъ отвернется, или сморгнетъ. Что долженъ думать читатель, при которомъ производятся такія конфиденціальныя бесѣды, пересыпанныя столь загадочными выраженіями и столь неожиданными эксцентричностями? Онъ долженъ думать, что читаетъ лирическую пѣсню, и долженъ жалѣть о томъ, что эта пѣсня такъ длинна и притомъ написана прозой, а не убаюкивающимъ стихомъ Фета. А вотъ напримѣръ платоническій любитель славянскихъ идей въ сотый разъ повторяетъ въ своей газеткѣ, что наша цивилизація есть ложь и что свѣдѣнія о самой настоящей правдѣ слѣдуетъ собрать въ самыхъ пыльныхъ архивахъ и въ самыхъ завалящихъ пещерахъ; и все-таки онъ не представляетъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній и не собираетъ никакихъ матеріаловъ, а только, бія себя въ перси, лепечетъ и выкликаетъ слово «ложь», какъ всесильное заклинаніе противъ всѣхъ неблагоЛѣпій любезнаго отечества. Очевидно, что онъ изъ любви къ искусству пишетъ дифирамбъ, и читателю опять-таки прихо-

дится пожалѣть, что онъ пишетъ его не стихами; во-первыхъ — онъ въ такомъ случаѣ писалъ бы не такъ быстро и слѣдовательно не такъ много; во-вторыхъ—его читали бы еще меньше и осмѣивали бы больше, чѣмъ читаютъ и осмѣиваютъ теперь. А вотъ напримѣръ хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» ежемѣсячно производитъ инспекторскій смотръ прекраснымъ качествамъ своей собственной великой души, и также ежемѣсячно проливаетъ горькія слезы надъ печальными заблужденіями и чернило-пролитными ссорами своихъ журнальныхъ собратовъ. Какъ жаль, скажетъ всякій безпристрастный читатель, что этотъ добрый человѣкъ не пишетъ элегій. Его произведенія можно было бы положить на ноты, и ему сказали бы большое спасибо всѣ уѣздныя барышни, находящія, что «Черная шаль» конечно романсъ безподобный, но что въ немъ, къ сожалѣнію, недостаетъ современнаго колорита гражданской скорби. А весь легіонъ сотрудниковъ «Времени», всѣ эти Григорьевы, Страховы, Косицы и всѣ, «ихъ же имена Богъ вѣсть», развѣ можно не признать ихъ жрецами чистаго искусства и развѣ можно не поставить ихъ въ этомъ отношеніи гораздо выше Фета, Случевскаго, Майкова и Крестовскаго? Вся политика, наука и критика «Времени» составляютъ очевидно одну длинную, сладкую-пресладкую, нѣжную-пренѣжную идиллію, написанную въ прозѣ Аѳанасіемъ Ивановичемъ собственно для того, чтобы изумить и обрадовать голубушку Пульхерію Ивановну въ день ея шестьдесятъ-седьмаго *) тезоименитства. Собственно, одна Пульхерія Ивановна только и должна была бы читать эту идиллію, а если у «Времени» было, какъ оно говоритъ, 4000 подписчиковъ, то это доказываетъ только, что Пульхерія Ивановна у насъ на Руси составляетъ лицо не единоличное, а въ нѣкоторомъ смыслѣ коллегіальное. Да, чистое искусство, вытѣсненное задорными отрицателями изъ области «сладкихъ звуковъ и молитвъ», немедленно влетѣло въ міръ «корысти и битвъ» и на этой новой почвѣ разрослось съ такой силой и быстротой, какой никто не могъ-бы въ немъ предположить.

Читатель вѣроятно понимаетъ уже теперь, что я называю чистымъ искусствомъ, и посему я считаю несправедливымъ ограничивать область этого чужеяднаго растенія тѣмъ крошечнымъ палисадникомъ, въ которомъ разводятся для барской потѣхи эстетическія рецензіи, розовые романы и благоухающія стихотворенія. Какъ-бы это было хорошо, кабы чистое искусство процвѣтало въ одномъ этомъ палисадникѣ; тогда можно было-бы уговорить и упросить всѣхъ задорныхъ критиковъ, чтобъ они совсѣмъ и не заглядывали въ этотъ палисадничекъ; пускай себѣ растутъ и цвѣтутъ всѣ эти зеленыя милашки; они никого не трогаютъ, и ихъ пускай не трогаютъ. А теперь нельзя. Претъ чистое искусство во всѣ стороны, и поневолѣ приходится изъ чувства самосохраненія преслѣдовать его въ томъ самомъ убѣжищѣ, въ которомъ оно съ незапамятныхъ временъ устроило себѣ теплое гнѣздышко.

Итакъ, что же такое чистое искусство? А вотъ видите ли, человѣкъ пользуется своимъ языкомъ для того, чтобы выражать свои мысли, чувства и потребности; когда онъ дѣйствуетъ такъ, тогда разговоръ приноситъ пользу или удовольствіе ему, или его слушателю, или тому и другому вмѣстѣ. Тутъ разговоръ служитъ средствомъ, а цѣль разговора лежитъ внѣ его предѣловъ; стало-быть тутъ нельзя сказать, что разговоръ производится для разговора. Но въ большей части случаевъ человѣкъ пользуется языкомъ для того, чтобы убить время. Разговоръ самъ себѣ становится цѣлью. Французы съ гордостью говорятъ о себѣ, что они создали искусство разговора— l'art de la causerie. Зато Базаровъ умоляетъ Аркадія не говорить красиво и по своей медвѣжьей грубости увѣряетъ, что говорить красиво свойственно только людямъ совершенно пустоголовымъ. Если мы припомнимъ, что искусство de la causerie процвѣтало при дворахъ Людовиковъ XIV, XV и XVI, и что оно воздѣлывалось маркизами и графинями, систематически притуплявшими свои умственныя способности съ самой ранней молодости, то мы принуждены будемъ сознаться, что нашъ грубый землякъ Базаровъ разсуждаетъ весьма непочтительно, но довольно основательно. Примѣненіе чистаго искусства къ человѣческому разговору оказывается вѣрнѣйшимъ средствомъ развратить и ослабить умственныя способности и вселить въ лукавое сердце человѣка непобѣдимую любовь къ извивающейся фразѣ и неодолимое отвращеніе ко всякому серьезному труду мысли. Вообразимъ себѣ теперь, что искусство салонной бесѣды успѣло развиться во Франціи еще сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности; очевидно, могло и должно было случиться, что изъ общей массы бесѣдующихъ выдѣлились бы спеціалисты своего дѣла, художники-болтуны, которымъ стали бы платить деньги, по стольку-то за часъ или за вечеръ, какъ платятъ таперу, пѣвцу или чтецу: поговори только, отецъ родной, побесѣдуй! Этого не случилось въ отношеніи къ разговору даже во Франціи прошлаго столѣтія; но въ отношеніи къ письменному изложенію мыслей это случилось во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы. Всякій умѣетъ говорить, но не всякій

*) Цифра 67 не имѣетъ здѣсь никакого таинственнаго значенія. Она означаетъ только, что Пульхерія Ивановна была уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда сожитель ея поднесъ ей идиллію. Старый дѣдушка писалъ эту идиллію для старой бабушки. Каждый догадливый читатель вѣроятно давно уже замѣтилъ это обстоятельство по смиренному тону изложенія и по сладкой неопредѣленности умствованій. Такъ и слышится въ каждой строчкѣ: „охъ-охъ-охъ! Всѣ-то мы люди, всѣ человѣки!“

умѣетъ писать; поэтому и платятъ литературѣ деньги, не только за мысль, за изслѣдованіе, за умственный трудъ, а сверхъ всего этого за то еще, что вотъ ты, дескать, соколъ ясный, съумѣлъ связать слова въ предложенія и предложенія въ періоды. И это совершенно справедливо, потому что не всѣ умѣютъ это сдѣлать; самыя хорошія и оригинальныя мысли часто становятся для общества недоступнымъ сокровищемъ единственно оттого, что онѣ разбросаны въ такомъ безпорядкѣ и покрыты такимъ туманомъ, въ которомъ безхитростный читатель не видитъ ни начала, ни конца, ни середины, а видитъ только «хаоса бытность довременну». Когда принимается за дѣло какой нибудь умный и трудолюбивый человѣкъ, не имѣющій однако ни малѣйшаго притязанія на геніальность, онъ разсѣеваетъ туманъ и превращаетъ хаосъ въ прекрасный садъ, въ которомъ растетъ древо познанія добра и зла. Онъ овладѣваетъ тѣми матеріалами, которые даны ему въ хаотическихъ твореніяхъ оригинальнаго генія; онъ перерабатываетъ чужія мысли, но если-бы онъ ихъ не переработывалъ, то онѣ остались бы мертвымъ капиталомъ и не обнаружили бы ни малѣйшаго вліянія на умственную жизнь остальныхъ людей. За подобный трудъ стоитъ платить деньги и кромѣ того стоитъ удѣлять популяризатору часть того уваженія, которое достается оригинальному генію. Но въ каждомъ обществѣ бываютъ между писателями люди неглупые и нелишенные дарованій, а между тѣмъ питающіе глубочайшее отвращеніе ко всякому упорному и тяжелому труду. Оригинальными геніями, бросающими въ міръ новыя идеи, эти люди не могутъ быть: силъ не хватаетъ. Терпѣливыми популяризаторами они не хотятъ быть: лѣнь одолѣла. Читаютъ эти люди только то, что доведено предварительной обработкой до послѣдней степени ясности мысли и взгляды свои они почерпаютъ изъ популярныхъ книгъ и статей; такимъ образомъ они учатся въ одной школѣ со всей массой читающаго общества; между тѣмъ въ этихъ господахъ бодрствуетъ безсмертный духъ Петра Ивановича Бобчинскаго; съ одной стороны, имъ хочется заявить о своемъ существованіи, а съ другой стороны, имъ желательно пріобрѣсти по больше денегъ легкой работой литературнаго перетряхиванья изъ кулька въ рогожку. Тогда они начинаютъ перефразировать мысли, полученныя ими изъ вторыхъ или третьихъ рукъ; мысль, вполнѣ разъясненная первымъ популяризаторомъ, становится для этихъ милыхъ умственныхъ паразитовъ основнымъ мотивомъ, на который разыгрываются десятки варіацій; если вы сравните варіацію съ мотивомъ, то увидите, что варіація нисколько не яснѣе самого мотива и что она не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на самостоятельную работу мысли. Вся работа паразита состоитъ въ томъ, что онъ измѣнилъ слова и обороты. Такъ какъ о мысли уже заботиться нечего, то все вниманіе паразита сосредоточивается на формѣ; онъ не убѣждаетъ читателя, онъ ничего не доказываетъ, онъ просто повторяетъ то, что уже доказано другими и что уже проведено этими другими въ сознаніе читателя; поэтому паразиту надо устроить только такъ, чтобы читатель не замѣтилъ избитости той мысли, которую ему подносятъ; надо прикрыть убожество паразитизма эффектностью внѣшней формы; надо и соловьемъ свистать, и лягушкой квакать, и въ грудь себя колотить, и слезами обливаться, и конструкціи необыкновенныя употреблять, и главное—трещать, трещать и трещать такъ, чтобъ у читателя въ ушахъ зазвенѣло. Ну, читатель и ротъ разинетъ; бѣдность и безсиліе мысли, взятой съ барскаго плеча, проскользнутъ незамѣченными, и счастливый паразитъ получитъ большія деньги и пріобрѣтетъ репутацію блестящаго писателя и полезнаго двигателя общественнаго прогресса.

II.

Литературныхъ паразитовъ чрезвычайно много, но изъ темной и жалкой толпы умственнаго пролетаріата выдвигаются только тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ усвоить себѣ гибкую и разнообразную форму выраженія. Эти блестящіе паразиты дѣйствительно доводятъ форму до невѣроятнаго совершенства. Они выдѣлываютъ на своемъ языкѣ такія-же изумительныя рулады, какія Контскій выдѣлываетъ на скрипкѣ или Рубинштейнъ на фортепьяно. Когда эта виртуозность пріобрѣтена навыкомъ и практикой, тогда разумѣется слѣдуетъ ею пользоваться; это капиталъ, съ котораго надо брать проценты. И вотъ гдѣ всякому простодушному читателю приходится только глазами хлопать и диву даваться! Приходится присутствовать при сотвореніи міра въ малыхъ размѣрахъ: все творится изъ ничего; пустота прикидывается полнотой и такъ натурально прикидывается, что остается только плечами пожимать: художникъ, артистъ, профессоръ бѣлой магіи, Боско и даже Михайла Васильевичъ! Разумѣется публика ахаетъ и восхищается, да и нельзя не восхищаться, когда чудеса во-очію совершаются!

Когда паразитъ начинаетъ брать проценты съ своего капитала, тогда онъ просто и рѣшительно творитъ для того, чтобы въ чему-нибудь прикладывать свою техническую ловкость. Онъ вовсе не имѣетъ потребности высказывать обществу какія-нибудь идеи; у него нѣтъ такого чувства, которое настоятельно искало бы себѣ выхода и проявленія; онъ вовсе не желаетъ сознательно дѣйствовать на развитіе общества въ томъ или въ другомъ направленіи; онъ не мыслитель, не общественный дѣятель и не поэтъ въ высшемъ и забытомъ теперь значеніи этого слова; онъ статейныхъ, романныхъ, или стиховныхъ дѣлъ

мастеръ, и какъ разсудительный мастеровой, онъ не хочетъ, чтобы его умѣнье пропадало даромъ. Зачѣмъ сидѣть сложа руки, когда выучился ремеслу? Отчего не отправиться на ловлю рублей и лавровыхъ вѣнковъ, когда есть добрые люди, разсыпающіе въ приличномъ изобиліи то и другое?

Разсужденіе безукоризненно вѣрно, и это разсужденіе ведетъ прямымъ путемъ къ полному торжеству и безграничному господству чистаго искусства. Одни люди пишутъ, потому что во всемъ ихъ существѣ кипитъ страстная работа мысли и чувства; ясно, что мысль и чувство ихъ, служащія причиной творческаго процесса, возбуждены впечатлѣніями, независимыми отъ этого процесса. Другіе люди пишутъ для того, чтобы дѣйствовать на общество; цѣль дѣятельности независима отъ процесса, какъ это мы видимъ у Бѣлинскаго, Добролюбова и автора «Что дѣлать?». Третьи пишутъ вслѣдствіе того, что выучились писать и могутъ писать безъ малѣйшаго труда, такъ, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ; у нихъ творчество безпричинно и безцѣльно; то-есть, если хотите, причина и цѣль есть, но онѣ не могутъ имѣть вліянія на направленіе творческаго процесса; положимъ, что стиходѣлателю хочется пришить къ своему теплому пальто бобровый воротникъ; вотъ побудительная причина, заставляющая его обмокнуть перо въ чернильницу; между тѣмъ онъ по всей вѣроятности станетъ писать не о бобровыхъ воротникахъ, а о превратностяхъ судьбы, постигшихъ трехъ древнихъ мудрецовъ, или о несчастіяхъ бѣдной дѣвочки, умершей весной подъ звуки отцовской скрипки, или вообще о чемъ-нибудь высокомъ и прекрасномъ, не имѣющемъ ничего общаго съ обворожительной выставкой сосѣдняго мѣховщика. Цѣль также есть, стиходѣлатель желаетъ продать свое стихотвореніе въ журналъ, да взять подороже, да прихватить, коли дадутъ, хорошій задатокъ; несмотря на то, Сенека, Луканъ и Люцій разсуждаютъ весьма горячо о безсмертіи души, а совсѣмъ не о томъ, гдѣ больше дадутъ, въ «Современникѣ» или въ «Отечественныхъ Запискахъ»; и умирающая Маня также интересуется въ свои послѣднія минуты весенней зеленью, вмѣсто того, чтобы смущать себя щекотливымъ вопросомъ: отпустятъ ли, молъ, изъ «Русскаго Слова» рублей пятьдесятъ впередъ? Ясно стало-быть, что причина и цѣль не проникаютъ въ святилище творчества; святилище остается неоскверненнымъ, и люди, тоскующіе о бобровомъ воротникѣ и мечтающіе о плѣнительномъ задаткѣ, могутъ быть признаны достойными жрецами чистаго искусства. Вопросъ конечно нисколько не измѣнится, если вмѣсто боброваго воротника я поставлю стремленіе къ литературной славѣ, а вмѣсто задатка въ 50 рублей—рукоплесканія на публичномъ чтеніи. Жрецъ чистаго искусства въ томъ или въ другомъ случаѣ останется вѣренъ своему призванію и въ томъ или въ другомъ случаѣ останется великолѣпнѣйшимъ экземпляромъ породы паразитовъ.

Если читателю не совсѣмъ ясно, почему наши лирическіе поэты, представляющіе полное отсутствіе мысли, могутъ быть включены въ разрядъ паразитовъ, похищающихъ чужую мысль, то я немедленно разрѣшу это недоумѣніе. Лирическіе поэты наши питаютъ свое убожество тѣми мельчайшими крупицами мысли и чувства, которыя составляютъ всеобщее достояніе всѣхъ людей, глупыхъ и умныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, честныхъ и подлыхъ. Всякій человѣкъ ощущаетъ что-нибудь, когда смотритъ на красивую женщину, и всякій знаетъ это ощущеніе и понимаетъ, что оно и другимъ извѣстно, и что стало быть о немъ разсказывать безполезно и не интересно. Но лирики, подобно птицѣ колибри, питаются цвѣточной пылью; они даже это мельчайшее и извѣстнѣйшее чувство обратили въ свою собственность и стали извлекать изъ него доходъ, благодаря своему умѣнію творить все изъ ничего и надѣвать на неосязаемую пыль легкотканныя и весьма пестрыя одежды изъ ямбовъ, хореевъ, анапестовъ, дактилей и амфибрахіевъ. Лирики, какъ мелкія пташки въ великой семьѣ паразитовъ, пробавляются тѣмъ, что уже всѣ знаютъ и чѣмъ никто кромѣ лирика не можетъ и не хочетъ пользоваться. Другіе паразиты, болѣе крупные, эксплоатируютъ въ свою пользу не крупицы чувства и не зародыши мысли, а цѣлыя большія чувства и цѣлыя развившіяся мысли. Этими жрецами чистаго искусства поглощаются замѣчательныя теоріи и величественныя міросозерцанія. Есть между этими жрецами воробьи, но есть и слоны, и такъ какъ большому кораблю и большое плаваніе, то слоны разумѣется овладѣваютъ самыми широкими и самыми смѣлыми міросозерцаніями. Они толкуютъ съ чужого голоса о самыхъ важныхъ и великихъ вопросахъ жизни; они разыгрываютъ свои варіаціи съ такимъ апломбомъ и съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, что читатель робѣетъ и почтительно склоняетъ передъ ними голову. Но храмъ чистаго искусства одинаково отворенъ для всѣхъ своихъ настоящихъ поклонниковъ, для всѣхъ жрецовъ, чистыхъ сердцемъ и невинныхъ въ самостоятельной работѣ мысли. Благодаря этому обстоятельству, читатель, изумляясь и не вѣря глазамъ своимъ, увидитъ за однимъ и тѣмъ-же жертвенникомъ съ одной стороны—нашего маленькаго лирика, Фета, а съ другой стороны—нашего большого юмориста, Щедрина. Это съ непривычки столь удивительно, что надо начать новую главу.

III.

Да, Щедринъ, вождь нашей обличительной литературы, съ полной справедливостью можетъ быть названъ чистѣйшимъ представителемъ чистаго искусства въ его новѣйшемъ видоизмѣненіи. Щедринъ не подчиняется въ своей дѣя-

тельности ни силѣ любимой идеи, ни голосу взволнованнаго чувства; принимаясь за перо, онъ также не предлагаетъ себѣ вопроса о томъ, куда хватитъ его обличительная стрѣлка—въ своихъ или въ чужихъ, «въ титулярныхъ совѣтниковъ или въ нигилистовъ» *). Онъ пишетъ разсказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшиться надъ этими диковинками вмѣстѣ съ добродушнымъ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны и съ гигіенической точки зрѣнія даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе, что къ смѣху Щедрина, заразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серьезныя ноты, которыя слышатся постоянно въ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гейне, Берне, Гоголя и вообще всѣхъ не дѣйствительно статскихъ, а дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ. Щедринъ всегда смѣется отъ чистаго сердца и смѣется не столько надъ тѣмъ, что онъ видитъ въ жизни, сколько надъ тѣмъ, какъ онъ самъ разсказываетъ и описываетъ событія и положенія; измѣните слегка манеру изложенія, отбросьте шалости языка и конструкціи, и вы увидите, что юмористическій букетъ окончательно выдохнется и ослабѣетъ. Чтобы разсмѣшить читателя, Щедринъ не только пускаетъ въ ходъ грамматическіе и синтаксическіе salto-mortale, но даже умышленно искажаетъ жизненную и бытовую правду своихъ разсказовъ; главное дѣло—ракету пустить и смѣхъ произвести; эта цѣль оправдываетъ всѣ средства узаконяетъ собой всякія натяжки и разумѣется, достигается, потому что все остальное безъ малѣйшаго колебанія приносится ей въ жертву.

Эта особенность въ литературной дѣятельности Щедрина объясняетъ въ значительной степени постоянный успѣхъ его произведеній. Когда мы были расположены ворковать по голубиному, тогда мы упивались Фетомъ; когда мы пожелали смѣяться, тогда мы стали обожать Щедрина; смѣхъ во всякомъ случаѣ представляетъ собой болѣе нормальное отправленіе человѣческаго организма, чѣмъ воркованіе, и потому переходъ отъ Фета къ Щедрину, обозначаетъ собой нѣкоторый прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи. Но безпредметный и безцѣльный смѣхъ Щедрина самъ по себѣ приноситъ нашему общественному сознанію и нашему человѣческому совершенствованію такъ же мало пользы, какъ безпредметное и безцѣльное воркованіе Фета. Мы легко можемъ заснуть на этомъ смѣхѣ и, продолжая смѣяться, воображать себѣ, что мы дѣлаемъ дѣло, идемъ за вѣкомъ и обновляемъ нашимъ невиннымъ смѣхомъ старыя бытовыя формы. Смѣхъ Щедрина убаюкиваетъ и располагаетъ ко сну, потому что, возбуждая собой этотъ серебристый смѣхъ, все тяжелое безобразіе нашей жизни производитъ на насъ легкое и отрадное впечатлѣніе. Мы смѣемся и теряемъ силу негодовать; личность веселаго разсказчика и неистощимаго балагура заслоняетъ отъ насъ темную и трагическую сторону живыхъ явленій; мы смѣемся и склоняемъ голову на подушку и тихо засыпаемъ съ дѣтской улыбкой на губахъ. Вотъ тутъ мы и можемъ измѣрить громадное разстояніе, отдѣляющее людей, дѣйствительно чувствующихъ, отъ тѣхъ людей, которые служатъ съ безукоризненнымъ усердіемъ чистому искусству. Сравните напримѣръ Писемскаго съ Щедринымъ. Щедринъ—писатель, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ любитъ стоять въ первомъ ряду прогрессистовъ, сегодня съ «Русскимъ Вѣстникомъ», завтра съ «Современникомъ», послѣ завтра еще съ кѣмъ-нибудь, но непремѣнно въ первомъ ряду; для того, чтобы удерживать за собой это лестное положеніе, онъ осторожно производитъ въ своихъ убѣжденіяхъ разныя маленькія передвиженія, приводящія незамѣтнымъ образомъ къ полному повороту налѣво кругомъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Щедринъ своимъ отрицаніемъ сооружаетъ фигуру идеальнаго чиновника Надимова; но, по свойственной ему осторожности, авторъ «Губернскихъ очерковъ» не произнесъ въ этомъ направленіи послѣдняго слова; это слово, какъ извѣстно, было произнесено графомъ Соллогубомъ, котораго наши добрые соотечественники сначала на рукахъ носили, а потомъ разумѣется осмѣяли. Когда великосвѣтскій литераторъ такимъ образомъ опростоволосился, когда идеальный чиновникъ былъ доведенъ до послѣднихъ границъ картонности трудами чувствительныхъ писателей, подобныхъ Львову, тогда г. Щедринъ, счастливо выбравшійся изъ этого кораблекрушенія, тотчасъ началъ растирать въ порошокъ фигуру Надимова и притомъ растирать ее тѣмъ же самымъ отрицаніемъ, которымъ онъ ее соорудилъ. Изъ тона Каткова онъ перешелъ въ тонъ Добролюбова. Держась постоянно хорошаго общества, то-есть общества прогрессистовъ, Щедринъ постоянно велъ себя «чинно, благопристойно и вѣжливо», соблюдая «чистоту и опрятность въ одеждѣ», то-есть онъ никогда не огорчалъ своихъ товарищей по прогрессу какой-нибудь рѣзкой выходкой, хотя случалось нерѣдко, что онъ не попадалъ въ тактъ людей, къ образу мыслей которыхъ онъ пристраивался съ боку. Формулярный списокъ Щедрина, какъ литератора, совершенно чистъ: литературная служба его безпорочна; служилъ

*) Сія послѣдняя острота, побивающая разомъ и титулярныхъ совѣтниковъ, и нигилистовъ, украшаетъ собой страницы „Современника“ (см. „Наша общественная жизнь“) 1864 г., январь.

въ «Русскомъ Вѣстникѣ», служитъ теперь въ «Современникѣ»; удовлетворялъ прежде однимъ требованіямъ, теперь также хорошо и отчетливо удовлетворяетъ другимъ; ни тогда, ни теперь онъ не произвелъ такого скандала, который-бы изумилъ читателей и привелъ въ негодованіе лучшихъ представителей нашего общественнаго сознанія. Писемскаго напротивъ того нельзя назвать даже просто пріятнымъ писателемъ; сходится онъ съ людьми самыхъ сомнительныхъ убѣжденій и ведетъ себя часто совершенно «безчинно, неблагопристойно и невѣжливо»; скандалы производитъ на каждомъ шагу, и упреки въ обскурантизмѣ сыпятся на него со всѣхъ сторонъ; онъ не развитъ и не образованъ и вполнѣ заслуживаетъ эти упреки своей грубой безтактностью. Но вотъ что любопытно замѣтить. Щедринъ, какъ дѣйствительно статскій прогрессистъ, долженъ очевидно осуждать нашу родимую безалаберщину гораздо строже и сознательнѣе, чѣмъ Писемскій, котораго образъ мыслей загроможденъ предразсудками, противорѣчіями и разлагающимися остатками котошихинской старины. Между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что произведенія Писемскаго каждому не предубѣжденному читателю внушаютъ гораздо болѣе осмысленной ненависти и серьезнаго отвращенія къ безобразію нашей жизни, чѣмъ сатиры и разсказы Щедрина. Критикъ «Современника» въ ноябрьской книжкѣ 1863 года, разбирая «Горькую Судьбину» Писемскаго, жалуется на то, что произведенія этого писателя производятъ невыносимо тяжелое впечатлѣніе и заставляютъ читателя испытывать чувство нестерпимой духоты; причину этого обстоятельства критикъ ищетъ въ томъ, что у Писемскаго нѣтъ идеала; объясненіе это кажется мнѣ довольно страннымъ; жалоба также очень оригинальная. Проще было-бы сообразить, что романъ или драма даютъ читателю тѣ-же впечатлѣнія, какія дала автору сама жизнь. Вѣроятно «Современникъ» не рѣшится отвергать присутствіе духоты въ нашей жизни, а если она существуетъ въ жизни, то я не вижу резона, зачѣмъ ее выкуривать изъ романовъ и драмъ. Писемскому душно и больно, когда онъ берется за перо, и оттого каждый фактъ, изображаемый имъ, бьетъ читателя, какъ обухомъ по головѣ, а совокупность картины потрясаетъ всю нервную систему читателя неотразимымъ впечатлѣніемъ ужасающей дѣйствительности. А тамъ ужъ ваше дѣло осмысливать себѣ испытанное ощущеніе и отыскивать причины т й духоты и того мрака, которые охватили васъ во время чтенія. Авторъ заставилъ васъ прочувствовать то, что онъ чувствуетъ самъ, и вы можете быть на него въ претензіи только въ томъ случаѣ, если вы полагаете, что наша жизнь свѣтла, прекрасна и богата разумными наслажденіями, доступными для каждой человѣческой личности. Если-же вы этого не думаете, тогда вы должны согласиться, что романы и повѣсти неріятнаго обскуранта Писемскаго дѣйствуютъ на общественное сознаніе сильнѣе и живительнѣе, чѣмъ сатиры и разсказы пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ и прогрессивнаго Щедрина. Когда Писемскій начинаетъ разсуждать, тогда хоть святыхъ вонъ неси, но когда онъ даетъ сырые матеріалы, тогда читателю приходится задумываться надъ нимъ очень глубоко. Щедринъ напротивъ того очень отчетливо и благообразно разсуждаетъ по Добролюбову, очень мило смѣшитъ читателя до упаду своей простодушной веселостью; но вы можете прочитать отъ доски до доски всѣ его сатиры и разсказы, и вы ни надъ чѣмъ не задумаетесь, и впечатлѣніе останется точно такое, какъ будто-бы вы побывали въ Михайловскомъ театрѣ и посмотрѣли извѣстный французскій водевиль: «L'Amour qu'e qu'c'est qu'ça?». Писемскій способенъ написать романъ съ самыми непозволительными тенденціями, и онъ вполнѣ обнаружилъ эту способность въ своемъ послѣднемъ, отвратительномъ произведеніи, но зато онъ способенъ написать и такую вещь, которая, какъ его «Тюфякъ», характеризуетъ грязь нашего провинціальнаго общества гораздо полнѣе и ярче, чѣмъ всѣ юмористическія диссертаціи Щедрина о «нашихъ глуповскихъ дѣлахъ»; зато онъ создалъ «Горькую Судьбину» и «Батьку» и въ этихъ произведеніяхъ очертилъ трагическую сторону крѣпостного права съ такой страшной силой, которая останется навсегда недоступной для Щедрина. Писемскаго вы сегодня можете ненавидѣть и ненавидѣть за дѣло, но вчера вы его любили и любили также за дѣло; что-же касается до Щедрина, то его не за что ни любить, ни ненавидѣть; въ его книгѣ нельзя видѣть ни друга, ни врага; его книга ничто иное, какъ веселый собесѣдникъ, съ которымъ пріятно бываетъ побалагурить часъ-другой послѣ хорошаго обѣда или на сонъ грядущій.

Зная беззаботные нравы нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ и принимая въ разсчетъ невинность щедринскаго юмора и заразительную веселость его добродушнаго смѣха, мы съ читателемъ въ одну минуту сообразимъ, почему Щедринъ съ перваго появленія своего на литературномъ поприщѣ вошелъ во вкусъ нашей читающей публики и преимущественно тѣхъ самыхъ классовъ общества, которые сатира его преслѣдуетъ съ неумолимымъ постоянствомъ. Конечно провинціальные чиновники съ самаго начала было переконфузились, полагая, что сатира служитъ предвѣстницей грома; но такъ какъ громъ не грянулъ, то догадливые провинціалы скоро успокоились, возлюбили веселаго Щедрина всѣмъ сердцемъ своимъ и продолжаютъ любить его вплоть до настоящаго времени. Оно и естественно. Въ томъ обществѣ, въ

которомъ «Сынъ Отечества» имѣетъ десятки тысячъ читателей, Щедринъ неизбѣжно долженъ считать десятки тысячъ поклонниковъ. Легкая наука «Сына Отечества», легкій смѣхъ Щедрина и легкая мечтательность Фета связаны между собой тѣсными узами умственнаго родства. Всѣ эти писатели пишутъ для процесса писанія, а публика всѣхъ ихъ читаетъ для процесса чтенія. Изъ этого происходитъ удовольствіе взаимное, безгрѣшное и пренепорочное.

IV.

Но читатель мнѣ не вѣритъ; читатель убѣжденъ, что я преувеличиваю. Я съ своей стороны совершенно одобряю недовѣріе читателя, потому что терпѣть не могу, чтобы мнѣ вѣрили на слово. Я тотчасъ выдвину впередъ доказательства; я выберу изъ сочиненій Щедрина нѣсколько смѣхотворныхъ пассажей, и мы съ читателемъ посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ юмористическая соль. Предупреждаю, что выписокъ будетъ много, потому что коли доказывать, такъ ужъ доказывать неотразимо. Вотъ напримѣръ Щедринъ разсказываетъ, что одинъ губернаторъ имѣлъ привычку повторять по цѣлымъ днямъ какое-нибудь слово; вздумаетъ говорить: *закона нѣтъ*, такъ и пойдетъ на цѣлый день: «нѣтъ закона». До такой степени зарапортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричитъ: «нѣтъ закона».

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный!— замѣтитъ бывало губернаторша.

— Ахъ, матушка! — возразитъ губернаторъ, и съ этой минуты, вмѣсто «нѣтъ закона», начинаетъ пилить: «ахъ, матушка».

«Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями подвергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ-за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтового сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой резолюціи, сказалъ ему: «ахъ, матушка», и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже, — сказывалъ онъ мнѣ:—у него ищутъ правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!»

Не правда ли, читатель что это замысловатая выдумка сатирика по своему остроумію и по своей безобидности не уступитъ лучшимъ карикатурамъ «Сына Отечества»? Это мѣсто находится въ книжкѣ «Сатиры въ прозѣ», на страницѣ 286—287; исторія о губернаторскихъ поговоркахъ этимъ еще не оканчивается, но слѣдить за ея продолженіемъ я считаю дѣломъ роскоши. Перейдемъ къ другимъ забавамъ.

Говорится напримѣръ о провинціальныхъ сплетняхъ, и сатирикъ, объятый веселымъ волненіемъ, восклицаетъ: «Какое дѣло кабаньей женѣ, что поросенковъ братъ третьяго дня съ свиньиной племянницей черезъ плетень нюхался? Анъ дѣло, потому что кабанья жена до изступленія чувствъ этимъ взволнована, потому что кабанья жена дала себѣ слово неустанно искоренять поросячью безнравственность и выводить на свѣжую воду тайные поросячьи амуры».— A la bonne heure, вотъ это сатира! Каковъ великодушный пылъ негодованія! Какова возвышенная смѣлость рѣчи! А главное, каково остроуміе и какова неистощимая веселость въ самомъ разгарѣ душевнаго волненія! Что Ювеналъ! Ему и не грезились такіе обороты. Свиньи, говоритъ, вы провинціалы! но говоритъ не просто, а съ тонкими намеками, указывая на поросячью «безнравственость» и «поросячьи амуры».

Мягко, а между тѣмъ язвительно! — Одинъ изъ героевъ Щедрина, Пьеръ Уколкинъ, цвѣтъ и надежда Глупова, говоритъ ради остроты: «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ» и потомъ спрашиваетъ на счетъ своей выдумки: «joli»? Но до «тайныхъ поросячьихъ амуровъ» самъ Пьеръ Уколкинъ никогда не возвысится; зато Щедринъ постоянно мигаетъ своему читателю и, подобно Пьеру Уколкину, постоянно спрашиваетъ насчетъ своихъ остротъ: «joli»? Вопросы и миганія не выражены въ печати, но они живо чувствуются въ архитектурѣ самыхъ остротъ. Поросячье мѣсто смотри на страницѣ 372.—Разсказывается эпизодъ изъ политической исторіи Глупова: «Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: скажите дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла? Но глуповцы кланялись и потѣли; самый что называется горланъ ихній хотѣлъ было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ.—Скажите, что жъ вы желали бы? настаивала Минерва и даже топнула ножкой отъ нетерпѣнья. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда Богъ вѣсть откуда раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было»! Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачекъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами» (стр. 407). Это забавное мѣсто заключаетъ въ себѣ философію исторіи, популярно изложенную Щедринымъ для поросячьихъ братьевъ и для свиньиныхъ племянницъ. Изъ этого мѣста мы можемъ извлечь кое-какія поучительныя размышленія: во-первыхъ — мы усматриваемъ, что вся мудрость заключалась въ головѣ Минервы, а что глуповцы всегда умѣли только кланяться, потѣть и смѣяться нутрянымъ смѣхомъ, который вѣроятно очень значительно отличается отъ смѣха Ще-

дрина; во-вторыхъ,—мы видимъ, что Минерва отличалась безконечной благостью и отъ души готова была даровать глуповцамъ рѣшительно все, чего бы они ни попросили; этого мы до сихъ поръ не знали, но теперь будемъ знать и твердо будемъ помнить, что глуповцы сами во всемъ виноваты, что впрочемъ говоритъ уже намъ Гончаровъ, создавшій Обломова и выдумавшій Обломовщину, какъ болѣзнь, и Штольца, какъ лекарство; а въ-третьихъ—мы замѣчаемъ, что повѣствовать о губернаторскихъ поговоркахъ и разоблачать тайные поросячьи амуры легче и безопаснѣе, чѣмъ пускаться на утлой ладьѣ сатирическаго ума въ неизвѣстное и непонятное море историческихъ и политическихъ соображеній; ну, а въ-четвертыхъ и въ послѣднихъ—мы убѣждаемся въ томъ, что Добролюбовъ не всегда вывозитъ и что Щедринъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, разсуждаетъ о высокихъ матеріяхъ не столько благоразумно и основательно, сколько развязно, игриво и простодушно. Но такъ какъ поросенковы братья и свиньины племянницы хохочутъ надъ потѣющими глуповцами, то цѣль великаго сатирика очевидно достигнута. «Joli»?—спрашиваетъ онъ и мигаетъ.

Описываются глуповскія губернскія власти: «Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется бывало губернскій синклитъ этотъ, да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать—даже мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!» (Стр. 410).—Здѣсь сатирикъ нашъ очевидно находится въ своей истинной сферѣ; здѣсь онъ опять состязается въ остроуміи и невинности съ «Сыномъ Отечества» и опять одерживаетъ блистательную побѣду надъ своимъ опаснѣйшимъ конкуррентомъ. Всѣ плѣшивые—ахъ, забавникъ! А управляющій палатой кажется плѣшивымъ—каково? и *учнетъ* толковать, и *мухи умрутъ*, и *таково оно тошно*! Ну, можно-ли въ двухъ строкахъ собрать столько аттической соли: вѣдь явно посягаетъ человѣкъ на жизнь своихъ глуповскихъ читателей; вѣдь уморить со смѣху хочетъ! Просто приходится пощады просить. А фантазія какова: «мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ». Этого и Державинъ-бы не выдумалъ, а ужъ на что кажется былъ проказникъ. Оно, положимъ, понятно: какъ это мухи умрутъ. Оно, положимъ, и смысла нѣтъ; но развѣ Державинъ могъ-бы писать, если-бы отъ писателя всегда требовался смыслъ? Да и что такое смыслъ? Лукавый врагъ пріятныхъ и величественныхъ иллюзій. Прочь здравый смыслъ, и да здравствуютъ иллюзіи, начиная отъ державинскихъ и кончая щедринскими! «Умъ молчитъ, а сердцу ясно». Ну, значитъ милые глуповцы, понимающіе сердцемъ стихи Державина, будутъ также сердцемъ хохотать надъ сатирами Щедрина, потому что уму и здравому смыслу нечего дѣлать ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Читателя изумляетъ, почему это я вдругъ Державина потревожилъ; а вотъ видите ли, юмористическія фантазіи Щедрина на счетъ мухъ напомнили мнѣ другія фантазіи тождественнаго свойства, менѣе забавныя, но еще болѣе нелѣпыя; ну, и тутъ конечно представился мнѣ самый торжественный изъ нашихъ одопѣвцевъ, а такъ какъ я очень люблю и уважаю Державина, то я не утерпѣлъ, чтобы не приласкать его мимоходомъ, при семъ удобномъ случаѣ. Къ тому же Щедринъ, какъ новѣйшій жрецъ чистаго искусства, болѣе или менѣе приводитъ мнѣ на память всѣхъ своихъ товарищей и предшественниковъ на поприщѣ этого великаго служенія.

Изображается сцена, характеризующая коренные обычаи Глупова: «Въ это хорошее, старое время, когда собирались гдѣ либо «хорошіе» люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлецъ, такъ смотришь? говорилъ одинъ «хорошій» человѣкъ другому.

— Помилуйте... отвѣчалъ другой «хорошій» человѣкъ, нравомъ посмирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не «помилуйте», а зачѣмъ ты на меня смотришь? настаивалъ первый «хорошій» человѣкъ.

— Да помилуйте-съ...

...И бацъ въ рыло!...

— Да плюй же, плюй ему прямо въ лохань (такъ въ просторѣчіи назывались лица «хорошихъ» людей!), вмѣшивался случившійся тутъ, третій «хорошій» человѣкъ!

И выходило здѣсь нѣчто вродѣ свѣтопреставленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ, и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя... (Стр. 418).

Вы смѣетесь, читатель, и я тоже смѣюсь, потому что нельзя не смѣяться. Ужъ очень большой артистъ Щедринъ въ своемъ дѣлѣ! Ужъ такъ онъ умѣетъ слова подбирать; вѣдь сцена то сама по себѣ вовсе не смѣшная, а глупая, безобразная и отвратительная; а между тѣмъ впечатлѣніе остается у васъ самое легкое и пріятное, потому что вы видите передъ собой только смѣшныя слова, а не грязные поступки; вы думаете только о затѣяхъ Щедрина и совершенно забываете глуповскіе нравы. Я знаю, что эстетическіе критики называютъ это просвѣтляющимъ и примиряющимъ дѣйствіемъ искусства, но я въ этомъ просвѣтленіи и примиреніи не вижу ничего, кромѣ одуряющаго. Разсказъ долженъ производить на насъ то-же впечатлѣніе, какое производитъ живое явленіе; если же жизнь тя-

жела и безобразна, а разсказъ заставляетъ насъ смѣяться пріятнѣйшимъ и добродушнымъ смѣхомъ, то это значитъ, что литература превращается въ щекотаніе пятокъ и перестаетъ быть серьезнымъ общественнымъ дѣломъ. Чтобы предлагать людямъ такое чтеніе, не стоитъ отрывать ихъ отъ карточныхъ столовъ. Здѣсь я опять укажу на Писемскаго. «Взбаломученное море» при при всей затхлости своихъ тенденцій представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ эпизодовъ. Припомните напримѣръ дѣянія Іоны-циника; тутъ ужъ не засмѣетесь; тутъ за человѣка страшно дѣлается, а между тѣмъ Іона-циникъ вовсе не хуже щедринскихъ героевъ; среда та-же самая, и порожденія ея одинаковы; да манеры-то у писателей бываютъ различныя: одинъ чувствуетъ, что калѣки и изверги нашей общественной жизни все-таки люди, которыхъ можно ненавидѣть, презирать, отвергать, но къ которымъ невозможно относиться, какъ къ маріонеткамъ, созданнымъ нашими руками для нашей забавы; а другой ищетъ только случая посмѣяться, водитъ передъ читателями своихъ глуповцевъ, какъ медвѣдей на цѣпи, и заставляетъ ихъ показывать почтеннѣйшей публикѣ, «какъ малые ребята горохъ воруютъ» и «какъ старыя бабы на барщину ходятъ». Если Писемскій своими грубыми ухватками оскорбляетъ наши временныя симпатіи, то Щедринъ своимъ юмористическимъ добродушіемъ обнаруживаетъ непониманіе вѣчныхъ интересовъ человѣческой природы. Есть язвы народной жизни, надъ которыми мыслящій человѣкъ можетъ смѣяться только желчнымъ и саркастическимъ смѣхомъ; кто въ подобныхъ случаяхъ смѣется ради пищеваренія, тотъ сбиваетъ съ толку общественное сознаніе, тотъ усыпляетъ общественное негодованіе, тотъ ругается надъ священной личностью человѣка и, стоя въ первыхъ рядахъ прогрессистовъ, юродствуетъ хуже всякаго обскуранта. Но зато выходитъ joli, и даже trés-joli.

Гегемоніевъ преподаетъ наставленіе Потапчикову: «А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потапчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... шутка!» (Невинные разсказы. Стр. 8). Ну, объ этомъ распространяться нечего; это очевидно «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ»; шутка эта даже не отличается самостоятельностью; она заимствована изъ «Обыкновенной исторіи» Гончарова, гдѣ Александръ Адуевъ говоритъ о «вещественныхъ знакахъ невещественныхъ отношеній»; тамъ это выраженіе умѣстно, а здѣсь поставлено ни къ селу, ни къ городу; конечно Щедринъ можетъ сказать, что онъ не заимствовалъ и что геніальные умы, идя самостоятельными путями, часто встрѣчаются между собой на одномъ и томъ же открытіи, но это возраженіе мало поможетъ нашему балагуру, потому что открытіе все-таки приписывается обыкновенно тому, кто первый его обнародовалъ; стало-быть въ этомъ случаѣ честь изобрѣтенія останется неотъемлемой принадлежностью Гончарова. А вѣдь много есть добродушныхъ и довѣрчивыхъ читателей, которые, зная Щедрина, какъ весьма передового прогрессиста, будутъ искать въ его шуткахъ какого-нибудь высшаго и таинственнаго смысла; они даже не повѣрятъ заглавію книжки: «Невинные разсказы». Скажутъ: знаемъ мы тебя, какой ты невинный, и все-таки будутъ искать, и разумѣется каждый найдетъ все, что захочетъ найти. Въ безсмыслицѣ всегда можно увидать какой угодно смыслъ, именно потому, что нѣтъ въ ней своего собственнаго, яснаго и опредѣленнаго смысла. И когда каждый найдетъ все, что захочетъ найти, то конечно слава Щедрина, какъ передового прогрессиста, соединяющаго глубокомысліе съ остроуміемъ, упрочится и распространится пуще прежняго. Тутъ весь секретъ тактики состоитъ въ томъ, чтобы говорить неясно и игриво, не договаривая до конца и давая чувствовать, что и радъ-бы, да нельзя, потому что не время, потому что не поймутъ. Это была всегдашняя тактика всѣхъ дипломатовъ, но такъ какъ наша читающая публика до сихъ поръ еще особенно довѣрчива, то морочить ее и дразнить ея ребяческое любопытство гіероглифическими шутками несравненно легче, чѣмъ водить за носъ ту европейскую публику, передъ которой Талейранъ и Меттернихъ умѣли прикидываться міровыми геніями. Для этого не надо обладать даже той дозой дешеваго ума, которой обладали Меттернихъ и Талейранъ; для этого достаточно усвоить себѣ извѣстнаго рода снаровку и жаргонъ. Какъ простодушна и довѣрчива наша публика, это можно видѣть на самомъ Щедринѣ; нашъ сатирикъ ухитрился самого себя обморочить жаргономъ и снаровкой своего собственнаго изобрѣтенія; онъ не шутя принимаетъ себя за глубокомысленнаго прогрессиста, соединяющаго кротость голубя съ мудростью змія; въ своемъ заглавіи «Невинные разсказы» онъ думалъ затаить глубокую и горькую иронію; онъ думалъ, что невинность будетъ только внѣшнимъ лакомъ, сообщающимъ его разсказамъ необходимое благообразіе; но соскоблите этотъ лакъ, и подъ нимъ вы опять увидите невинность; скоблите дальше, скоблите до самой сердцевины, и вездѣ одно и то-же, невинность да невинность, можетъ быть угнетенная, но угнетенная чисто по недоразумѣнію, угнетенная потому, что угнетатели также обморочены таинственностью жаргона и снаровки. А то и угнетать было-бы нечего.

Во всѣхъ сочиненіяхъ Щедрина безъ исключенія нѣтъ ни одной идеи, которая-бы въ наше время не была извѣстна и переизвѣстна каждому

пятнадцатилѣтнему гимназисту и кадету; но такъ какъ эта идея показывается изъ-подъ полы, съ таинственными предосторожностями и лукавыми миганіями, то публика и хватаетъ ее, какъ самую новѣйшую диковинку и какъ вѣрнѣйшій талисманъ противъ всякаго умственнаго недуга. Конечно публика разочаровалась-бы, увидавши, что ей всучили мѣдную копѣечку вмѣсто червонца, но ей не даютъ всмотрѣться въ дѣло; ее смѣшатъ до упаду, и она остается совершенно довольной, закрывая книгу въ полной увѣренности, что она и либерализмомъ побаловалась, и душу свою натѣшила. Ну, значитъ сдѣлала дѣло, и спать ложись. Тактика хорошая и плоды приноситъ обильные. Публикѣ весело, а Щедрину и подавно.

Приведу еще три примѣра; въ нихъ обнаружится до послѣдней степени ясности глубокая невинность и несложность тѣхъ пружинъ, которыми Щедринъ надрываетъ животики почтеннѣйшей публикѣ. Его Сивушество Князь Полугаровъ (смѣйтесь-же, добрые люди!) всѣхъ кабаковъ, выставокъ и штофныхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель, говоритъ рѣчь: «отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т. е. къ откупамъ. Тутъ, господа, ужъ не то, что «плевъ сто рублевъ», тутъ пахнетъ милліонами, а запахъ милліоновъ — сильный, острый, всѣмъ любезный, совсѣмъ не то, что запахъ теорій; чѣмъ замѣнить эти милліоны? Какой новой затыкаемостью заткнуть эту старую поглощаемость»? Что можетъ сказать читатель, прочитавши это удивительное мѣсто? Можетъ сказать совершенно справедливо: «Кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь»? Эта фраза будетъ заимствована читателемъ у самого Щедрина, и нашъ неистощимый сатирикъ погибаетъ такимъ образомъ подъ ударами своего собственнаго остроумія. Замѣтьте еще, что исторія о князѣ Полугаровѣ, растянутая на нѣсколько страницъ, предлагается публикѣ въ то время, когда откупа уже не существуетъ; замѣтьте, что, по разсказамъ самого Щедрина, шалимовскій гимназистъ, процвѣтающій въ городѣ Глуповѣ, уже отвертывается съ презрѣніемъ отъ администратора, желающаго поддержать откупную систему; сообразите-ка эти обстоятельства и поставьте себѣ тогда вопросъ: не есть-ли смѣхъ Щедрина безплодное проявленіе чистаго искусства, подобное лирическимъ воздыханіямъ Фета, Крестовскаго и Майкова? Посмотримъ, какъ-то вы на этотъ вопросъ отвѣтите. Положимъ, Щедринъ можетъ возразить, что онъ писалъ тогда, когда откупа еще существовали, и что въ 1863 году выходятъ только въ свѣтъ отдѣльной книжкой тѣ сатирическіе разсказы, которые печатались прежде въ журналѣ и имѣли нѣкогда животрепещущій интересъ современности. Но это возраженіе ни къ чему не ведетъ, потому что тутъ возникаетъ тотчасъ новый вопросъ: съ какой-же стати вторично угощать публику объѣдками? Она, наша матушка, разумѣется все съѣстъ, да еще и второго изданія попроситъ, но не мѣшаетъ нашему брату, писателю, и честь знать, особенно когда писатель стоитъ въ первомъ ряду прогрессистовъ. Тутъ не дурно было-бы и самому писателю относиться къ себѣ критически и до нѣкоторой степени оберегать публику отъ ея собственной довѣрчивости и неразборчивости. Воззрѣнія на публику, какъ на дойную корову, надо предоставить въ нераздѣльную собственность юродствующему лагерю обскурантовъ. Идеи наши только тогда будутъ дѣйствительно сильны, когда отношенія наши къ обществу будутъ строго безкорыстны и до послѣдней степени деликатны. Кто думаетъ и поступаетъ въ этомъ случаѣ иначе, тотъ не прогрессистъ, а эксплоататоръ прогрессивной идеи, паразитъ и откупщикъ умственнаго міра. Если-же Щедринъ погрѣшилъ здѣсь по необдуманности, то онъ можетъ принести покаяніе и позаботиться объ исправленіи.

Въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ невинность смѣхотворныхъ пружинъ доходитъ до такого великаго совершенства, что она должна даже возбуждать умиленіе читателя.

Ходитъ по комнатамъ Кондратій Тихонычъ, «и ходитъ, и ходитъ по своимъ сараямъ, ходитъ до того, что и полъ-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь-же ты, ради Христа»! Читатель смѣется, а чему тутъ смѣяться?

Чиновникъ играетъ въ ералашъ противъ своего начальника; вслѣдствіе этого обстоятельства онъ вовсе не радуется своимъ хорошимъ картамъ, которыя заставляютъ его волей-неволей обыгрывать и огорчать великаго патрона. Положеніе дѣйствительно характеристическое и комизма въ немъ много; но Щедринъ здѣсь, какъ и вездѣ, вызываетъ смѣхъ читателя не самымъ положеніемъ, а неожиданно брошенной эксцентричностью. «Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ-бы говоря: вѣдь лѣзетъ-же такое дурацкое счастье! дѣлая ходы, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ-бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ!» Еще-бы тутъ читатель не расхохотался; но ясно, что онъ будетъ смѣяться надъ «сукинымъ сыномъ тузомъ», а не надъ мелочными слабостями начальника и подчиненнаго. Смѣхъ будетъ безгрѣшный.

Щедринъ, самъ того не замѣчая, въ одной изъ глуповскихъ сценъ превосходно охарактеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играютъ глуповцы въ карты:

— Греческій человѣкъ Трефандосъ!—восклицаетъ онъ (пѣхотный командиръ), выходя съ трефъ. Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва-ли не всякій вечеръ.

— Фики! продолжаетъ командиръ, — выходя съ пиковой масти.

— Ой, да перестань-же, пострѣлъ!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху:— вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю».

Не кажется-ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что Щедринъ говоритъ вамъ: «Трефандосъ» и «Фики», а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смѣху, кричите безсильнымъ голосомъ: «ой, да перестань-же, пострѣлъ! Всю игру перепутаю»... Но неумолимый острякъ не перестаетъ, и вы дѣйствительно путаете игру, то-есть сбиваетесь съ толку и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно «тайные поросячьи амуры», «новая затыкаемость старой поглощаемости» и особенно «сукинъ сынъ тузъ» не чета «греческому человѣку Трефандосу». Остроты Щедрина смѣлѣе, неожиданнѣе и замысловатѣе шутокъ пѣхотнаго командира, но зато и смѣется надъ остротами Щедрина не одинъ глуповскій генералъ Голубчиковъ, а вся наша читающая публика, и въ томъ числѣ даже наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь. А ужъ это дѣло пора-бы и бросить. Развращать умъ нашей молодежи «нутрянымъ смѣхомъ Иванушки-дурачка» такъ-же предосудительно, какъ щекотать ея нервы звучными безсмыслицами лирической поэзіи. Первое опаснѣе послѣдняго: надъ лириками молодежь уже смѣется, а сатирикамъ она еще довѣряетъ, особенно тѣмъ изъ сатириковъ, которымъ удалось прикрыться почтенной фирмой замѣчательнаго журнала, который еще долго будетъ представляться высокой силой его прошлаго дѣятеля. Какъ эти патентованные сатирики пользуются выгодами своего положенія, какъ они эксплоатируютъ довѣріе публики вообще и молодежи въ особенности—это мы съ читателемъ уже отчасти видѣли и увидимъ еще впереди.

V.

Щедрину приходится иногда изображать трагическія происшествія: у него въ разсказахъ встрѣчаются два сумасшествія и одно самоубійство. Но Щедринъ твердо убѣжденъ въ томъ, что глуповскаго чиновника всегда слѣдуетъ обличать и осмѣивать; поэтому онъ не разсказываетъ о помѣшательствѣ Зубатова и Голубчикова, а язвительно обличаетъ того и другого въ этомъ непрогрессивномъ поступкѣ. Трагическія происшествія передаются такимъ образомъ читателю весело и игриво, а читатель разумѣется принимаетъ ихъ съ благодарностью, какъ новую юмористическую интермедію. Что касается до самоубійства, но тутъ дѣло совсѣмъ другое; такъ какъ дѣйствующими лицами являются въ этомъ случаѣ два крѣпостныхъ мальчика, то Щедринъ, желая разыграть самымъ блистательнымъ образомъ роль гуманнаго прогрессиста, натягиваетъ трагическія струны своего повѣствовательнаго таланта такъ туго, что онѣ обрываются до конца разсказа; видя, что эпическая сила измѣняетъ ему и что изъ нея ужъ не выжмешь больше никакого раздирательнаго эффекта, Щедринъ смѣло кидается въ лирическое юродство и буквально начинаетъ голосить и выкликать надъ несчастными ребятами, которымъ и безъ того тошно на свѣтѣ жить. Дѣло доходитъ до того, что юмористъ нашъ обращается съ воззваніемъ сначала къ жестокой помѣщицѣ, Катеринѣ Афанасьевнѣ, а потомъ къ нашей планетѣ. Не вѣрите, такъ читайте: «Катерина Афанасьевна! если-бы вы могли подозрѣвать, что дѣлается въ этомъ оврагѣ, покуда вы безмятежно почиваете съ налѣпленными на носу и на щекахъ пластырями, вы съ ужасомъ вскочили-бы съ постели, вы выбѣжали-бы безъ кофты на улицу и огласили-бы ее неслыханными, раздирающими душу воплями».

«Земля мать! Если-бы ты знала, какое страшное дѣло совершается въ этомъ оврагѣ, ты застонала-бы, ты всколыхалась-бы всѣми твоими морями, ты заговорила-бы всѣми твоими рѣками, ты закипѣла-бы всѣми твоими ручьями, ты зашумѣла-бы всѣми твоими лѣсами, ты задрожала-бы всѣми твоими горами! («Невинные разсказы», стр. 168—169).

Ахъ, мои батюшки! Страсти какія! Не жирно-ли будетъ, если земля-мать станетъ производить всѣ предписанныя ей эволюціи по поводу каждаго страшнаго дѣла, совершающагося въ оврагѣ. Вѣдь ее, я думаю, трудно удивить; видала она на своемъ вѣку всякіе виды; не осталось на ней ни одного квадратнаго аршина, на которомъ ея возлюбленный сынъ не совершилъ-бы надъ собой или надъ другими какой-нибудь невообразимой гадости; такъ ужъ гдѣ ей, старухѣ, возмущаться такимъ дѣломъ, которое даже въ слабомъ человѣкѣ, въ гуманномъ русскомъ прогрессистѣ, въ самомъ Щедринѣ не можетъ возбудить ни одной искры неподдѣльнаго чувства. Вѣдь не выражается-же въ самомъ дѣлѣ истинное чувство въ этомъ завываніи, въ которомъ такъ мало смысла и такъ много риторства. Вѣдь это все подѣлка съ начала до конца; вѣдь это плаксивая гримаса, это слезы, извлеченныя изъ глазъ посредствомъ нюханія хрѣна; это какая-то плохо-устроенная мистификація, которая была-бы возмутительна, если-бы она не была такъ плоско смѣшна. «И кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?» въ раздумьи повторяетъ читатель и потомъ усмѣхается, пожимая плечами, но на этотъ разъ усмѣхается конечно не шуткамъ сатирика, а тому печально-комическому положенію, въ которое попалъ самъ сатирикъ. Но допустимъ невозможное предположеніе: положимъ, что Щедринъ былъ потрясенъ дѣйствительно сильнымъ приливомъ чувства въ ту минуту, когда онъ создавалъ свое воззваніе къ землѣ и

къ Катеринѣ Аѳанасьевнѣ; тогда тѣмъ хуже для него; въ такомъ случаѣ онъ несетъ заслуженное наказаніе за хроническую невинность своего безплоднаго смѣха; это значитъ, что человѣкъ можетъ превратить себя въ вертлявую куклу; это значитъ, что вся нервная система человѣка можетъ быть безвозвратно исковеркана постояннымъ и одностороннимъ употребленіемъ умственныхъ способностей на мелкое и пустое увеселеніе публики; когда приходится выразить истинное чувство, тогда истасканные нервы отказываются служить и подъ перомъ писателя не оказывается ни одного образа, ни одного выраженія, соотвѣтствующаго этой непривычной потребности. И выходитъ вслѣдствіе этого такая неестественная кислятина, что читатель не знаетъ, что ему дѣлать: жалѣть-ли бѣднаго художника, продавшаго свой душевный жаръ въ мелочную лавочку, смѣяться-ли надъ его тщетными усиліями, или просто отвернуться и плюнуть отъ негодованія.

Но это еще не все. Желая во весь духъ ударить кулакомъ по лирическимъ струнамъ, Щедринъ не только риторствуетъ, но даже совершаетъ надъ самимъ собой нѣчто вродѣ литературнаго самоубійства; онъ умышленно искажаетъ въ своемъ воззваніи къ Катеринѣ Афанасьевнѣ тотъ характеръ, который онъ самъ очертилъ довольно тщательно на предыдущихъ страницахъ. Если-бы Катерина Аѳанасьевна зимой выбѣжала изъ дому «безъ кофты», не боясь простуды, и стала-бы оглашать улицы города «неслыханными воплями», не боясь скандала и всѣхъ его непріятныхъ послѣдствій, тогда это значило-бы, что она женщина взбалмошная, вспыльчивая, но при всемъ томъ способная почувствовать себя виноватой, способная подъ вліяніемъ сильнаго потрясенія придти въ себя и отбросить въ сторону систему своего хозяйственнаго терроризма. Между тѣмъ предыдущія страницы говорятъ намъ совсѣмъ другое; изъ нихъ мы видимъ, что Катерина Аѳанасьевна совершаетъ свои жестокости очень хладнокровно и съ значительной примѣсью рабовладѣльческаго остроумія; мы видимъ, что строй нравственныхъ понятій, вытекающихъ изъ крѣпостного права, ограждаетъ ее самымъ надежнымъ и непроницаемымъ оплотомъ противъ всякихъ непослѣдовательныхъ припадковъ состраданія и человѣколюбія. Мы узнаемъ кромѣ того, что Катерина Аѳанасьевна—стрѣлянная ворона: ей уже не въ первый разъ приходится переживать, что люди по ея милости рѣшаются на самоубійство; сестра одного изъ мальчиковъ утопилась вслѣдствіе жестокаго обращенія, а стоицизмъ помѣщицы не поколебался; помѣщица увѣрила себя и другихъ, что «поганка-Ольгушка» утопилась «для того, чтобы скрыть свой стыдъ», то-есть беременность. Потомъ, когда тѣло не было найдено и когда исправникъ укрѣпилъ естественный стоицизмъ помѣщицы своей дѣловой опытностью, тогда Катерина Аѳанасьевна смѣло стала отрицать самый фактъ самоубійства и подала объявленіе о побѣгѣ «дѣвки Ольги Никандровой», которая не только бѣжала сама, но, усугубляя свою вину воровствомъ, «унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта». Возьмите въ разсчетъ, что наша бойкая помѣщица—женщина необразованная и суевѣрная, и тогда вы поймете, какую силу характера обнаружила Катерина Аѳанасьевна, взводя поклепъ въ побѣгѣ и въ воровствѣ на такую покойницу, которую она, Катерина Аѳанасьевна, почти собственноручно спровадила на тотъ свѣтъ. Правда, «поганка Ольгушка» явилась своей барынѣ во снѣ, и барыня выскочила изъ спальни, какъ полоумная; но во-первыхъ—это видѣла только ключница Матрена, а во-вторыхъ—что-же изъ этого слѣдуетъ? Помѣщица набивала свой желудокъ особенно плотно, потому что больше и дѣлать нечего было; а извѣстно, что переполненный желудокъ награждаетъ человѣка разнообразными и эксцентрическими сновидѣніями; это и случилось съ Катериной Аѳанасьевной; привидѣлась ей «поганка Ольгушка», но могъ привидѣться и чертъ съ рогами; тутъ не было-бы ничего удивительнаго, и оба сновидѣнія заставили-бы ее выскочить изъ спальни съ одинаковой стремительностью. Гораздо характернѣе то обстоятельство, что на глазахъ Катерины Аѳанасьевны росъ маленькій братъ утопившейся дѣвушки и что барынѣ не только не было тяжело смотрѣть на этого ребенка, который долженъ былъ ежеминутно напоминать ей совершившееся преступленіе, но что напротивъ того барыня имѣла даже храбрость мучить этого мальчика наравнѣ съ другими домочадцами и ежедневными мученіями постоянно толкать его къ тому оврагу, въ которомъ должно было произойти новое самоубійство. И вдругъ эта практическая женщина станетъ бѣгать по улицамъ въ одной рубашкѣ и раздирать уши городскихъ обывателей неслыханными воплями. И отчего? Отъ того, что мальчишки, которыхъ она вѣроятно иначе и не называла, какъ «мерзавцами» и «паршивыми», вздумали полоснуть себя ножемъ по горлу. Да ей-то какое дѣло? Она постарается схоронить концы въ воду, она подаритъ кому слѣдуетъ, сколько будетъ необходимо, и потомъ попрежнему будетъ наѣдаться до отвалу и въ случаѣ переполненія желудка будетъ видѣть во снѣ не одну Ольгу, а цѣлую компанію знакомыхъ мертвецовъ. Велика важность—нечего сказать! Ѳедору Бергу или неизвѣстному поэту, воспѣвавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Слезы кукушки», позволительно не знать этихъ особенностей человѣческаго организма, а со стороны Щедрина такое незнаніе не только неприлично, но и невѣроятно. Всякій здравомыслящій читатель хорошо понимаетъ, что это игнорированіе

такъ-же искусственно, какъ и самое чувство, породившее лирическое обращеніе къ землѣ и къ помѣщицѣ. Надъ подобной искусственностью всегда слѣдуетъ смѣяться, и чѣмъ дороже вамъ тотъ предметъ, по поводу котораго она пускается въ ходъ, тѣмъ громче и рѣзче долженъ быть вашъ карающій смѣхъ, потому что искусственность унижаетъ и опошляетъ все то, къ чему она прикасается.

Но и это еще не все. У читателя давно уже вертится на языкѣ вопросъ: да развѣ есть теперь крѣпостные мальчики? — Нѣтъ, нѣту. — Такъ какъ-же это они себя убивать могутъ? — Да они убиваютъ себя не теперь, а прежде, давно, во время оно. — А если прежде, во время *оно*, то съ какой-же стати повѣствуется объ этомъ событіи теперь, во время *сіе?* — Не знаю. Должно быть Щедринъ позавидовалъ литературной славѣ нашего Вальтеръ-Скотта, графа А. Толстого, описавшаго съ такой наглядностью всѣ кушанья, подававшіяся на столъ Ивана Грознаго? Или онъ хотѣлъ состязаться съ нашимъ Шекспиромъ, Островскимъ, изобразившимъ съ такимъ счастливымъ успѣхомъ Козьму Минина и всѣ его видѣнія? Или онъ боялся, что вновь возстановится крѣпостное право, и пожелалъ противодѣйствовать такому пассажу кроткими мѣрами литературнаго увѣщанія? Или-же онъ постарался поразить своимъ перомъ прошедшее, чтобы сдѣлать пріятный и любезный сюрпризъ настоящему? Послѣднее предположеніе кажется мнѣ всего болѣе правдоподобнымъ, потому что всякому жрецу чистаго искусства должно быть чрезвычайно лестно соединить въ своей особѣ блестящую репутацію русскаго Аристофана съ полезными достоинствами современнаго Державина, который, какъ извѣстно, говорилъ истину съ улыбкой самого обезоруживающаго и обворожительнаго свойства.

Щедринъ прекрасно сдѣлаетъ, если пойдетъ впередъ по этому пути, но, становясь на чисто эстетическую точку зрѣнія и заботясь о чистотѣ нашего литературнаго вкуса, я позволю себѣ выразить желаніе, чтобы на будущее время Щедринъ, слагая свои оды, построже придерживался литературныхъ преданій и пріемовъ чисто-классической школы. Я возьму для примѣра отношеніе литературы къ нашему молодому поколѣнію, на сторонѣ котораго находятся всѣ мои личныя симпатіи, тѣмъ болѣе, что и самъ я принадлежу къ нему тѣломъ и душой. Лучшіе органы нашей періодической литературы начали защищать умственные интересы молодого поколѣнія противъ нападеній дряхлой и озлобленной бездарности, съ той самой минуты, какъ только въ нашемъ обществѣ обнаружился тотъ повсемѣстный разладъ, который всегда бываетъ неразлученъ съ поступательнымъ движеніемъ впередъ. Междуусобная борьба въ литературѣ по поводу молодежи продолжается до сихъ поръ и вѣроятно протянется еще довольно долго, хотя строгіе обличители юношества уже значительно посбавили тону. Мыслящіе представители свѣжаго направленія въ нашей литературѣ защищаютъ до сихъ поръ молодыхъ людей противъ медоточивой клеветы и противъ грубаго непониманія. Защищеніе это вовсе на панегирикъ и оно еще необходимо, во-первыхъ — потому что нельзя же оставлять общество въ печальномъ заблужденіи, а во-вторыхъ — потому что человѣкъ все-таки не камень и что самаго хладнокровнаго писателя все-таки нѣтъ, нѣтъ, да и взбѣситъ, когда онъ услышитъ черезъ-чуръ нелѣпую исторію вродѣ «Взбаламученнаго моря». А между тѣмъ, несмотря на полную законность и разумность этого защищенія, надо сказать правду, что для молодежи всего безплоднѣе именно тѣ страницы нашихъ журналовъ, въ которыхъ всего больше толкуютъ о ней и всего сильнѣе выражаютъ ей сочувствіе. Эти горячія и благородныя страницы не даютъ ей никакого новаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, что узнаютъ изъ нихъ молодые люди? Что они — хорошіе люди? Это они сами знаютъ. Что имъ сочувствуетъ честное меньшинство литературы? Экое, подумаешь, благодѣяніе оно имъ оказываетъ. Да и потомъ, само собою разумѣется. Какъ бы ухитрилось это меньшинство, оставаясь честнымъ, не сочувствовать тому, что также честно? Что они, молодые люди, думаютъ такъ и такъ? Да ужъ навѣрное сами-то молодые люди знаютъ это еще лучше, чѣмъ тѣ литераторы, которые объ этомъ пишутъ.

Такимъ образомъ всего безполезнѣе для молодого поколѣнія оказывается именно то, что всего ближе подходитъ къ восхваленію этого самого молодого поколѣнія. Чѣмъ больше вы хотите приносить пользы молодымъ людямъ, тѣмъ меньше толкуйте объ ихъ достоинствахъ и тѣмъ больше думайте объ ихъ умственныхъ потребностяхъ. Старайтесь помогать вашими статьями ихъ развитію, старайтесь давать имъ матеріалы для размышленія, старайтесь, чтобы молодой человѣкъ, берущій въ руки журнальную книжку для развлеченія, постоянно находилъ бы въ ней вмѣстѣ съ развлеченіемъ полезныя и основательныя знанія, свѣжія и живыя идеи, разумную ширину взглядовъ и сознательную гуманность направленія; дѣлайте все это, посвящайте вашу жизнь этому дѣлу и вы увидите, что молодежь будетъ считать васъ своимъ истиннымъ другомъ, хотя бы вамъ ни разу не пришлось сказать ни одного слова въ ея похвалу. Такимъ образомъ гораздо лучше выражать свою любовь полезнымъ дѣломъ, чѣмъ пріятной похвалой.

Въ настоящее время чисто отрицательныя отношенія литературы къ молодежи еще невозможны, потому что молодежь находится еще въ пассивномъ положеніи. Литература не можетъ поставить себѣ задачей постоянно указывать на недостатки и ошибки такого элемента, который

еще въ значительной степени неизвѣстенъ и во всякомъ случаѣ только что начинаетъ заявлять о своемъ существованіи. Но и теперь уже возможны нѣкоторыя частныя попытки въ отрицательномъ родѣ, попытки, которыя разумѣется *не могутъ имѣть ни малѣйшаго сходства съ слѣпымъ и ожесточеннымъ отрицаніемъ нѣкоторыхъ свирѣпствующихъ старцевъ.* Мнѣ кажется, что эти попытки принесутъ молодежи гораздо больше пользы, чѣмъ защитительныя статьи ея частныхъ адвокатовъ. Къ числу подобныхъ попытокъ въ отрицательномъ родѣ я отношу мою теперешнюю рецензію. Я знаю, что Щедринъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые до поры до времени пользуются сочувствіемъ молодежи, но съ которой у нихъ нѣтъ ничего общаго; мнѣ кажется, что сочувствіе это не обдумано и не провѣрено критическимъ анализомъ; молодежь смѣется, читая Щедрина, молодежь привыкла встрѣчать имя этого писателя на страницахъ лучшаго изъ нашихъ журналовъ и молодежь поддается веселымъ впечатлѣніямъ, потому что ей не приходитъ въ голову отнестись къ этимъ впечатлѣніямъ съ недовѣріемъ и съ вопросительнымъ знакомъ. Но мнѣ кажется, что вліяніе Щедрина на молодежь можетъ быть только вредно, и на этомъ основаніи я стараюсь разрушить пьедестальчикъ этого маленькаго кумира и произвожу эту отрицательную работу съ особеннымъ усердіемъ, именно потому, что тутъ дѣло идетъ о симпатіяхъ молодежи. Я хочу уничтожить эти симпатіи, и если онѣ дѣйствительно приносятъ молодымъ людямъ только вредъ, то уничтоженіе ихъ и слѣдовательно попытка въ отрицательномъ родѣ будетъ полезнѣе для нашего поколѣнія, чѣмъ самая горячая похвала Базарову и Лопухову и самая ѣдкая полемика противъ Каткова. Такимъ образомъ, разсмотрѣвши отношенія журналистики къ молодежи, я показалъ на этомъ примѣрѣ, какимъ образомъ дѣльное отрицаніе приноситъ обществу гораздо больше пользы, чѣмъ справедливая похвала, воздаваемая существующимъ фактамъ. Щедринъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ.

VI.

Если мы съ высоты птичьяго полета бросимъ общій взглядъ на разсказы Щедрина, то намъ придется изумляться бѣдности, мелочности и однообразію ихъ основныхъ мотивовъ. Все вниманіе сатирика направлено на вчерашній день и на переходъ къ нынѣшнему дню; хотя этотъ переходъ совершился очень недавно, но онъ очевидно составляетъ для насъ прошедшее, совершенно законченное и имѣющее чисто историческій интересъ; а исторію эту писать еще слишкомъ рано, да и совсѣмъ это не щедринское дѣло. Конечно крѣпостное право такъ глубоко отравило всѣ отправленія нашей народной жизни, что тяжелая старина долго еще будетъ давать себя чувствовать въ разныхъ воспоминательныхъ ощущеніяхъ весьма непріятнаго свойства; конечно и чиновничество долго еще будетъ жить старинными преданіями классической школы, перекроенными и перекрашенными сообразно съ требованіями новѣйшей моды; все это такъ, но всѣ эти отпрыски срубленныхъ деревьевъ надо изучать именно въ ихъ теперешнихъ видоизмѣненіяхъ; и чтобы изучать ихъ, нѣтъ никакой необходимости восходить ни къ тѣмъ вѣкамъ, когда деревья стояли на корню, ни къ тѣмъ минутамъ, когда деревья стали трещать подъ топоромъ. Прошедшее само по себѣ, переходъ самъ по себѣ, а настоящее тоже само по себѣ. Въ исторіи всѣ эти моменты разумѣется связаны между собой и объясняютъ другъ друга, какъ необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, но опять-таки никому въ голову не приходитъ требовать и ожидать отъ Щедрина исторіи, а сатира хороша только тогда, когда она современна. Что мнѣ за охота и за интересъ смѣяться надъ тѣмъ, что не только осмѣяно, но даже уничтожено законодательнымъ распоряженіемъ правительства. «Довлѣетъ дневи злоба его», и «пускай мертвецы сами хоронятъ своихъ мертвецовъ».

Но Щедринъ игнорируетъ это простое требованіе здраваго смысла, и потому почти всѣ дѣйствующія лица его разсказовъ смотрятъ мертвецами, выкопанными изъ могилъ, нарочно для того, чтобы повеселить читателя. Ретрограды, перепуганные зловѣщими слухами, чиновники, перепуганные невиданными предписаніями, и кромѣ того глуповцы, плюющіе другъ другу въ лохань, выпивающіе «по маленькой» и каждый вечеръ потѣшающіеся «Трефондосами»—вотъ и все содержаніе сатирическихъ разсказовъ. Глуповъ, блаженствующій въ своемъ нетронутомъ спокойствіи, и Глуповъ, только что взбудораженный слухами о преобразованіяхъ—вотъ и все; а вѣдь кажется пора бы это бросить, потому что вся наша журналистка молотила, молотила эту тощую копну плохой ржи, да и молотить устала. Всѣмъ надоѣло— и писателямъ и читателямъ; да и наконецъ, кромѣ соломы, тутъ ничего больше и не осталось. Такъ ужъ это избито, что можно измѣнять только слова, а новой, нетронутой черты не отыщетъ самый проницательный сатирикъ. Поэтому бросьте прошедшее, ищите въ настоящемъ, а если настоящее еще не выработало себѣ особенной физіономіи, если вы не умѣете уловить того процесса броженія, которымъ выработываются эти новыя черты, то бросьте сатиру, бросьте совсѣмъ нашу истрепавшуюся беллетристику, обратившуюся съ нѣкотораго времени для нашихъ писателей въ какую-то казенную или барщинную работу.—Эти слова обращены не къ Щедрину, а вообще ко всѣмъ нашимъ второстепеннымъ беллетристамъ. А кто же теперь не второ-

степенный? Чернышевскій, Тургеневъ, можетъ быть Островскій—и только. Разъ, два — да и обчелся. Но ясно, что сила Чернышевскаго заключается не въ самородномъ художественномъ талантѣ, а въ широкомъ умственномъ развитіи; ясно, что Тургеневъ и Островскій приближаются къ концу своей литературной карьеры; ясно, что разстроенная печень Писемскаго будетъ портить каждое новое произведеніе этого сильнаго таланта и превращать каждый новый романъ его въ «Взбаломученное море» авторской желчи. Ну, стало быть

И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь этому увяданію нашей беллетристики и вижу въ ней очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственнаго развитія. Поэзія, въ смыслѣ стиходѣланія, стала клониться въ упадку со времени Пушкина; при Гоголѣ романисты или вообще прозаики заняли въ литературѣ то высшее мѣсто, которое занимали поэты; съ этого времени стихотворцы сдѣлались чѣмъ-то вродѣ литературныхъ башибузуковъ, плохо вооруженныхъ, безсильныхъ и неспособныхъ оказать регулярному войску никакого серьезнаго содѣйствія; теперь стиходѣланіе находится при послѣднемъ издыханіи, и конечно этому слѣдуетъ радоваться, потому что есть надежда, что ужъ ни одинъ дѣйствительно умный и даровитый человѣкъ нашего поколѣнія не истратитъ своей жизни на пронизываніе чувствительныхъ сердецъ убійственными ямбами и анапестами. А кто знаетъ, какое великое дѣло — экономія человѣческихъ силъ, тотъ пойметъ, какъ важно для благосостоянія всего общества, чтобы всѣ его умные люди сберегли себя въ цѣлости и пристроили всѣ свои прекрасныя способности къ полезной работѣ. Но, одержавши побѣду надъ стиходѣланіемъ, беллетристика сама начала утрачивать свое исключительное господство въ литературѣ; первый ударъ нанесъ этому господству Бѣлинскій; глядя на него, Русь православная начала понимать, что можно быть знаменитымъ писателемъ, не сочинивши ни поэмы, ни романа, ни драмы. Это было великимъ шагомъ впередъ, потому что добрые земляки наши выучились читать критическія статьи и понемногу приготовились такимъ образомъ понимать разсужденія по вопросамъ науки и общественной жизни. Когда эти разсужденія сдѣлались возможными, тогда Добролюбовъ и Чернышевскій стали продолжать дѣло Бѣлинскаго; въ это же время «Русскій Вѣстникъ» проторилъ себѣ свою особенную дорожку, на которой онъ до сихъ поръ съ большимъ успѣхомъ виляетъ; но какъ ни предосудительна его дѣятельность съ гражданской точки зрѣнія, однако надо отдать ему справедливость; своими статьями объ Англіи и своими политическими обозрѣніями онъ также содѣйствовалъ тому общему движенію мысли, которое постепенно оттѣсняло на задній планъ беллетристику и искусство вообще. Теперь это оттѣсненіе произведено: въ послѣднее пятилѣтіе не было рѣшительно ни одного чисто литературнаго успѣха; чтобы не упасть, беллетристика принуждена была прислониться къ текущимъ интересамъ дня, часа и минуты; всѣ беллетристическія произведенія, обращавшія на себя вниманіе общества, возбуждали говоръ единственно потому, что касались какихъ нибудь интересныхъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Вотъ вамъ примѣръ: «Подводный Камень» романъ, стоящій по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имѣетъ громкій успѣхъ, а «Дѣтство, отрочество и юность» графа Л. Толстого, вещь замѣчательно хорошая по тонкости и вѣрности психологическаго анализа, читается холодно и проходитъ почти незамѣченной.

Теперь пора бы сдѣлать еще шагъ впередъ: недурно было бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ разсказъ, придуманный на эту тему и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета. Впрочемъ этотъ шагъ сдѣлается самъ собой, и можетъ быть онъ уже наполовину сдѣланъ. Разумѣется здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ увлекаться педантическимъ риторизмомъ: если въ самомъ дѣлѣ есть такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выражать свои мысли въ образахъ, если въ романѣ или въ поэмѣ они умѣютъ выразить новую идею, которую они не съумѣли бы развить съ надлежащей полнотой и ясностью въ теоретической статьѣ, тогда пусть дѣлаютъ такъ, какъ имъ удобнѣе; критика съумѣетъ отыскать, а общество съумѣетъ принять и оцѣнить плодотворную идею, въ какой бы формѣ она не была выражена. Если Некрасовъ можетъ высказываться только въ стихахъ, пусть пишетъ стихи; если Тургеневъ умѣетъ только изобразить, а не объяснить Базарова, пусть изображаетъ; если Чернышевскому удобно писать романъ, а не трактатъ по физіологіи общества, пусть пишетъ романъ; этимъ людямъ есть что высказать, и потому общество слушаетъ ихъ со вниманіемъ и не остается въ накладѣ. Это даже хорошо, если такіе люди излагаютъ свои идеи въ беллетристической формѣ, потому что окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей, и особенно читательницъ, все еще сохраняетъ кое-какіе блѣдные лучи своего ложнаго ореола.

Но если въ рукахъ писателей, имѣющихъ свои собственныя идеи, беллетристическая форма можетъ еще приносить обществу пользу, то напротивъ того, попадая въ руки писателей, ни-

щихъ духомъ, эта форма становится положительно вредной. Она превосходно маскируетъ ихъ бѣдность, вводитъ читателей въ ошибку и, что всего хуже, возбуждаетъ въ рядахъ молодежи охоту подражать такимъ произведеніямъ, которыя составляютъ пустоцвѣтъ и сорную траву нашей умственной жизни. Щедринъ взялъ изъ Добролюбовскаго «Свистка» манеру относиться недовѣрчиво къ нашему оффиціальному прогрессу; естественный, живой и глубоко-сознательный скептицизмъ Добролюбова превратился у его подражателя въ пустой знакъ, къ кокарду, которую онъ пришпиливаетъ къ своимъ разсказамъ для того, чтобы сообщить имъ колоритъ безукоризненной прогрессивности. Если-бы Щедринъ писалъ не разсказы, а научныя или критическія статьи, то эта форменная безукоризненность очень скоро надоѣла бы всѣмъ читателямъ, и Щедринъ не былъ бы метеоромъ, а занялъ бы ту скромную роль, которую занимаетъ напримѣръ нашъ почтенный и возлюбленный сотрудникъ, В. П. Поповъ. Тогда онъ поневолѣ былъ бы полезенъ, потому что ему уже нельзя было бы ограничивать свою дѣятельность производствомъ безконечныхъ варіацій на весьма извѣстныя темы. Ему пришлось бы за неимѣніемъ своихъ оригинальныхъ идей популяризировать чужія идеи, еще неизвѣстныя русской публикѣ, переводить, извлекать, компилировать, давать не мудрствованія, а дѣйствительные факты. Ему пришлось бы побольше читать, а это принесло бы ему не малую пользу, потому что тогда бы онъ не сталъ намъ разсказывать миѳы о Минервѣ и постарался бы поосновательнѣе обдумать вопросъ, отчего эти глуповцы спятъ такимъ глубокимъ сномъ и показываютъ другъ другу «всевозможныя свѣтила небесныя». Теперь онъ повидимому убѣжденъ въ томъ, что рыться въ глуповскомъ навозѣ полезно, что *молодое поколѣніе* ради своего умственнаго совершенствованія *должно* внимательно вглядываться въ каждую частичку этого вещества, каждую изъ нихъ должно *осмѣивать* и спасительнымъ смѣхомъ своимъ должно ограждать себя отъ опошленія и отъ возвращенія къ глуповской старинѣ. Если-бы Щедринъ не былъ блестящимъ беллетристомъ и если-бы вслѣдствіе этого онъ былъ принужденъ побольше читать и размышлять, тогда онъ не питалъ бы вышеозначеннаго убѣжденія и понималъ бы нѣкоторыя вещи, которыхъ онъ теперь не понимаетъ и которыя поэтому я постараюсь ему объяснить.

Смѣяться надъ безобразіемъ глуповца все равно, что смѣяться надъ уродствомъ калѣки, или надъ дикостью дикаря, или надъ неопытностью ребенка; всѣ эти смѣхи не даютъ рѣшительно ничего ни тому, кто смѣется, ни тому, кого осмѣиваютъ. Смѣяться полезно только надъ идеей, потому что въ этомъ случаѣ смѣхъ есть самъ по себѣ новая идея, отрицающая старую и становящаяся на ея мѣстѣ. Осмѣивать идею значитъ доводить ее до абсурда и показывать такимъ образомъ ея несостоятельность, но показывать такъ живо и такъ ясно, чтобы аргументація не утомляла читающую массу, чтобы эта аргументація иногда сосредоточивалась вся въ одномъ эпитетѣ, въ одномъ намекѣ, въ одной веселой шуткѣ; такой смѣхъ дѣйствительно способенъ выворачивать на изнанку цѣлыя тысячелѣтнія міросозерцанія; стоитъ назвать только два имени, Вольтеръ и Гейне. Не всякій—Вольтеръ и Гейне, но всякій человѣкъ, обладающій свѣтлымъ умомъ и сатирическимъ талантомъ, можетъ и долженъ пристраивать свой смѣхъ туда, гдѣ онъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ. А если онъ не умѣетъ этого сдѣлать, то вѣдь его никто и не принуждаетъ смѣяться публично. Пусть смѣется надъ глуповскими «Трефандосами» съ добрыми пріятелями въ тиши своего уютнаго кабинета. Что же касается до огражденія молодежи отъ возвращенія къ старинѣ, то и тутъ смѣхъ Щедрина равняется нулю. Насъ ограждаетъ отъ пошлости не смѣхъ надъ пошлостью, а то внутреннее содержаніе, которое даетъ намъ чтеніе и размышленіе. Чтобы человѣкъ не ѣлъ испорченной пищи, надо дать ему свѣжую пищу; а если вы ему не дадите свѣжей, онъ будетъ ѣсть испорченную, потому что не умирать-же ему съ голоду изъ любви къ свѣжести. У насъ есть теперь это содержаніе, и есть основаніе думать, что оно у насъ съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться; это содержаніе заключается въ изученіи природы и въ изученіи человѣка, какъ послѣдняго звена длинной цѣпи органическихъ существъ. Мыслящіе европейцы собрали и привели въ порядокъ необозримую груду фактовъ, относящихся ко всѣмъ отраслямъ естествознанія; въ настоящее время исторія и политическая экономія прислоняются къ изученію природы и постоянно очищаются отъ примѣси тѣхъ фразъ, гипотезъ и такъ называемыхъ законовъ, которые не имѣютъ для себя основанія въ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ предметовъ. Умозрительная философія скончалась вмѣстѣ съ Гегелемъ, и пріемы опытныхъ наукъ проникли и продолжаютъ проникать до сихъ поръ во всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Отрѣшаясь отъ школьныхъ фантазій, наука, въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова, получаетъ наконецъ въ мірѣ свое полное право гражданства: она формируетъ не спеціальнаго изслѣдователя, а человѣка; она закаляетъ умъ, она пріучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ вседневной его жизни; она входитъ въ общество и въ семейство; она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать посредствомъ строгаго анализа всѣ запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде рѣшались наудачу слѣпыми движеніями чувства; она входитъ въ кровь че-

ловѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства; тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и созерцанія великой истины; тѣхъ людей, которые дышатъ одной жизнью съ природой и человѣчествомъ и у которыхъ полнѣйшій эгоизмъ имѣетъ равносильное значеніе съ всеобъемлющей любовью. *Я* исчезаетъ, потому что для этого *я* жить и любить есть одно и то-же; а если оно живетъ и любитъ, то оно стало-быть живетъ милліонами жизней, живетъ въ себѣ и въ другихъ, наслаждаясь процессомъ и цѣлью той всемірной работы ума, которая облегчаетъ или облегчитъ страданія всемірныя.

И всѣ эти непостижимыя, но очень естественныя чудеса дѣлаетъ наука, раскрывающая предъ человѣкомъ жизнь клѣточки, жизнь человѣческаго организма и историческую жизнь человѣческихъ обществъ. Все это она совершаетъ не тѣмъ, что открываетъ человѣку интересныя тайны, а тѣмъ, что, вовлекая его въ преслѣдованіе этихъ тайнъ, усиливаетъ и регулируетъ дѣятельность необходимую для его счастья и затѣмъ, когда дѣятельность эта доведена до сильной степени возбужденія и обратилась въ привычное отправленіе организма, позволяетъ ему (человѣку) обратить ее (дѣятельность) на ежедневное обсуживаніе и совершенствованіе всѣхъ междучеловѣческихъ отношеній. Словомъ, наука создаетъ мыслящихъ людей; если она такимъ образомъ перевоспитываетъ человѣческую личность, если ея вліяніе неотступно слѣдуетъ за человѣкомъ въ семейство и въ общество, и въ судъ, и въ лагерь, въ купеческую контору и на профессорскую каѳедру, на фабрику и къ постели больного, въ степную деревню и въ уѣздный городъ, то безъ сомнѣнія скромное изученіе химическихъ силъ и органической клѣточки составляетъ такую двигательную силу общественнаго прогресса, которая рано или поздно — и даже скорѣй рано, чѣмъ поздно — должна подчинить себѣ и переработать по своему всѣ остальныя силы. Это уже и теперь замѣтно. Скромное изученіе началось настоящимъ образомъ съ прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Лавуазье создалъ химическій анализъ; когда оно началось, метафизика смотрѣла на него покровительственнымъ окомъ. А гдѣ теперь метафизика? И кто ее тихимъ манеромъ отправилъ въ архивъ? И гдѣ теперь та наука, которая бы не подольщалась къ естествознанію и не отчаявалась бы въ своемъ существованіи, если естествознаніе не оказываетъ ей покровительства?

Наша русская цивилизація находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того, чтобы принять въ себя эти обновляющія начала: ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство, что она находится еще въ колыбели или даже въ утробѣ матери; у ней нѣтъ укоренившихся преданій школы; нѣтъ въ каждомъ городкѣ легіона филистеровъ; нѣтъ фантастической рутины средневѣковой науки; передъ нами лежитъ вся европейская наука: переводи, читай и учись! Не будемъ же мы въ самомъ дѣлѣ такими дураками, чтобы брать у другихъ то, что они выкидываютъ за негодностью? Нѣтъ, не будемъ. Это мы доказываемъ каждый день, потому что постоянно переводимъ книги по естественнымъ наукамъ и выбираемъ все, что новѣе и получше. Если-бы Добролюбовъ былъ живъ, то можно поручиться за то, что онъ бы первый понялъ и оцѣнилъ это явленіе. Говоря проще, онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризированіе европейскихъ идей естествознанія и антропологіи. Въ его время интересъ еще не былъ пробужденъ, и такія статьи рисковали остаться непрочитанными; теперь дѣло пошло на ладъ, и сообразно съ обстоятельствами должна измѣняться задача прогрессивнаго литератора; но Щедринъ разумѣется этого не понимаетъ и все тянетъ попрежнему старую ноту, завѣщанную ему его молодымъ учителемъ; и не замѣчаетъ онъ того, что его однообразное и невинное хихиканье отвлекаетъ только отъ настоящаго дѣла нѣкоторую часть нашей свѣжей и умной молодежи.

Можетъ быть мое благоговѣніе передъ естествознаніемъ покажется читателю преувеличеннымъ; можетъ быть онъ возразитъ мнѣ, что и естествознаніе будетъ приносить пользу и удовольствіе только тѣмъ классамъ нашего общества, которымъ и безъ того не слишкомъ дурно живется на свѣтѣ. Книги по естественнымъ наукамъ, скажетъ онъ, издаются не для народа, и всѣ сокровища, заключающіяся въ нихъ, все-таки останутся для народа мертвымъ капиталомъ. На это я отвѣчу, что изданіе этихъ книгъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ.

Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собой; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить за границу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на безполезныя сооруже-

нія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты во-первыхъ будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ будутъ находить наслажденія въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно неосуществимо, значитъ утверждать, что капиталистъ не человѣкъ и даже никогда не можетъ дѣлаться человѣкомъ. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу резона, почему сынъ капиталиста не могъ бы сдѣлаться Базаровымъ или Лопуховымъ точно такъ же, какъ сынъ богатаго помѣщика сдѣлался Рахметовымъ. Для того, чтобы подобныя превращенія были возможны и даже обыкновенны, необходимо только, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣжая струя живой мысли, которую вноситъ къ намъ зарождающееся естествознаніе. Если всѣ наши капиталы, если всѣ умственныя силы нашихъ образованныхъ людей обратятся на тѣ отрасли производства, которыя полезны для общаго дѣла, тогда разумѣется дѣятельность нашего народа усилится чрезвычайно, богатство его будетъ возрастать постоянно, и качество его мозга будетъ улучшаться съ каждымъ десятилѣтіемъ. А если народъ будетъ дѣятеленъ, богатъ и уменъ, то что же можетъ помѣшать ему сдѣлаться счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Конечная цѣль лежитъ очень далеко, и путь тяжелъ во многихъ отношеніяхъ; быстраго успѣха ожидать невозможно; но если этотъ путь къ счастію, путь умственнаго развитія, оказывается необходимымъ, единственно вѣрнымъ путемъ, то это вовсе не значитъ, чтобы слѣдовало исключить изъ исторіи всѣ двигатели событій кромѣ опытной науки. Народное чувство, народный энтузіазмъ остаются при всѣхъ своихъ правахъ; если они могутъ привести къ цѣли быстро, пускай приводятъ. Но литература тутъ ни при чемъ: она ничего не можетъ сдѣлать ни для охлажденія, ни для разогрѣванія народнаго чувства и энтузіазма; тутъ дѣйствуютъ только историческія обстоятельства; журналистика старается обыкновенно попадать въ тонъ общаго настроенія, но это попаданіе содѣйствуетъ только успѣху журнала, но вовсе не приноситъ пользы важному и общему дѣлу. Литература можетъ приносить пользу только посредствомъ новыхъ идей; это ея настоящее дѣло, и въ этомъ отношеніи она не имѣетъ соперниковъ. Если даже чувство и энтузіазмъ приведутъ къ какому-нибудь результату, то упрочить этотъ результатъ могутъ только люди, умѣющіе мыслить. Стало-быть размножать мыслящихъ людей—вотъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія. Стало-быть естествознаніе составляетъ въ настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла, тотъ вредитъ общественному развитію. И потому еще разъ скажу Щедрину: пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣньи владѣть русскимъ языкомъ и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ. А Глуповъ давно пора бросить.

1864 г. Февраль.

МОТИВЫ РУССКОЙ ДРАМЫ.

I.

Основываясь на драматическихъ произведеніяхъ Островскаго, Добролюбовъ показалъ намъ въ русской семьѣ то «темное царство», въ которомъ вянутъ умственныя способности и истощаются свѣжія силы нашихъ молодыхъ поколѣній. Статью прочли, похвалили и потомъ отложили всторону. Любители патріотическихъ иллюзій, не съумѣвшіе сдѣлать Добролюбову ни одного основательнаго возраженія, продолжали упиваться своими иллюзіями и вѣроятно будутъ продолжать это занятіе до тѣхъ поръ, пока будутъ находить себѣ читателей. Глядя на эти постоянныя колѣнопреклоненія передъ народной мудростью и передъ народной правдой, замѣчая, что довѣрчивые читатели принимаютъ за чистую монету ходячія фразы, лишенныя всякаго содержанія, и зная, что народная мудрость и народная правда выразились всего полнѣе въ сооруженіи нашего семейнаго быта,—добросовѣстная критика поставлена въ печальную необходимость повторять по нѣскольку разъ тѣ положенія, которыя давно уже были высказаны и доказаны. Пока будутъ существовать явленія «темнаго царства» и пока патріотическая мечтательность будетъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы, до тѣхъ поръ намъ постоянно придется напоминать

читающему обществу вѣрныя и живыя идеи Добролюбова о нашей семейной жизни. Но при этомъ намъ придется быть строже и послѣдовательнѣе Добролюбова; намъ необходимо будетъ защищать его идеи противъ его собственныхъ увлеченій; тамъ, гдѣ Добролюбовъ поддался порыву эстетическаго чувства, мы постараемся разсуждать хладнокровно и увидимъ, что наша семейная патріархальность подавляетъ всякое здоровое развитіе. Драма Островскаго «Гроза» вызвала со стороны Добролюбова критическую статью подъ заглавіемъ: «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Эта статья была ошибкой со стороны Добролюбова; онъ увлекся симпатіей къ характеру Катерины и принялъ ея личность за свѣтлое явленіе. Подробный анализъ этого характера покажетъ нашимъ читателямъ, что взглядъ Добролюбова въ этомъ случаѣ невѣренъ и что ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ «темномъ царствѣ» патріархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго.

II.

Катерина, жена молодого купца, Тихона Кабанова, живетъ съ мужемъ въ домѣ своей свекрови, которая постоянно ворчитъ на всѣхъ домашнихъ. Дѣти старой Кабанихи, Тихонъ и Варвара, давно прислушались къ этому брюзжанію и умѣютъ его «мимо ушей пропущать» на томъ основаніи, что «ей вѣдь что-нибудь надожъ говорить». Но Катерина никакъ не можетъ привыкнуть къ манерамъ своей свекрови и постоянно страдаетъ отъ ея разговоровъ. Въ томъ же городѣ, въ которомъ живутъ Кабановы, находится молодой человѣкъ, Борисъ Григорьевичъ, получившій порядочное образованіе. Онъ заглядывается на Катерину въ церкви и на бульварѣ, а Катерина съ своей стороны влюбляется въ него, но желаетъ сохранить въ цѣлости свою добродѣтель. Тихонъ уѣзжаетъ куда-то на двѣ недѣли; Варвара по добродушію помогаетъ Борису видѣться съ Катериной, и влюбленная чета наслаждается полнымъ счастьемъ впродолженіи десяти лѣтнихъ ночей. Пріѣзжаетъ Тихонъ; Катерина терзается угрызеніями совѣсти, худѣетъ и блѣднѣетъ; потомъ ее пугаетъ гроза, которую она принимаетъ за выраженіе небеснаго гнѣва; въ это же время смущаютъ ее слова полоумной барыни о гееннѣ огненной; все это она принимаетъ на свой счетъ; на улицѣ при народѣ она бросается передъ мужемъ на колѣни и признается ему въ своей винѣ. Мужъ, по приказанію своей матери, «побилъ ее немножко», послѣ того какъ они воротились домой; старая Кабаниха съ удвоеннымъ усердіемъ принялась точить покаявшуюся грѣшницу упреками и нравоученіями; къ Катеринѣ приставили крѣпкій домашній караулъ, однако ей удалось убѣжать изъ дома: она встрѣтилась съ своимъ любовникомъ и узнала отъ него, что онъ, по приказанію дяди, уѣзжаетъ въ Кяхту;—потомъ тотчасъ послѣ этого свиданія она бросилась въ Волгу и утонула. Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы должны составить себѣ понятіе о характерѣ Катерины. Я далъ моему читателю голый перечень такихъ фактовъ, которые въ моемъ разсказѣ могутъ показаться слишкомъ рѣзкими, безсвязными и въ общей совокупности даже неправдоподобными. Что это за любовь, возникающая отъ обмѣна нѣсколькихъ взглядовъ? Что это за суровая добродѣтель, сдающаяся при первомъ удобномъ случаѣ? Наконецъ что это за самоубійство, вызванное такими мелкими непріятностями, которыя переносятся совершенно благополучно всѣми членами всѣхъ русскихъ семействъ.

Я передалъ факты совершенно вѣрно, но разумѣется я не могъ передать въ нѣсколькихъ строкахъ тѣ оттѣнки въ развитіи дѣйствія, которые, смягчая внѣшнюю рѣзкость очертаній, заставляютъ читателя или зрителя видѣть въ Катеринѣ не выдумку автора, а живое лицо, дѣйствительно способное сдѣлать всѣ вышеозначенныя эксцентричности. Читая «Грозу», или смотря ее на сценѣ, вы ни разу не усомнитесь въ томъ, что Катерина должна была поступать въ дѣйствительности именно такъ, какъ она поступаетъ въ драмѣ. Вы увидите передъ собой и поймете Катерину, но разумѣется поймете ее такъ или иначе, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія вы на нее посмотрите. Всякое живое явленіе отличается отъ мертвой отвлеченности именно тѣмъ, что его можно разсматривать съ разныхъ сторонъ, и, выходя изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ фактовъ, можно приходить къ различнымъ и даже къ противуположнымъ заключеніямъ. Катерина испытала на себѣ много разнородныхъ приговоровъ; нашлись моралисты, которые обличили ее въ безнравственности; это было всего легче сдѣлать: стоило только сличить каждый поступокъ Катерины съ предписаніями положительнаго закона и подвести итоги: на эту работу не требовалось ни остроумія, ни глубокомыслія, и поэтому ее дѣйствительно исполнили съ блестящимъ успѣхомъ писатели, не отличающіеся ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ достоинствъ; потомъ явились эстетики и рѣшили, что Катерина—свѣтлое явленіе; эстетики разумѣется стояли неизмѣримо выше неумолимыхъ поборниковъ благочинія, и поэтому первыхъ выслушали съ уваженіемъ, между тѣмъ какъ послѣднихъ тотчасъ же осмѣяли. Во главѣ эстетиковъ стоялъ Добролюбовъ, постоянно преслѣдовавшій эстетическихъ критиковъ своими мѣткими и справедливыми насмѣшками. Въ приговорѣ надъ Катериной онъ сошелся съ своими всегдашними противниками и сошелся потому, что, подобно имъ, сталъ восхищаться общимъ впечатлѣніемъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть

это впечатлѣніе спокойному анализу. Въ каждомъ изъ поступковъ Катерины можно отыскать привлекательную сторону; Добролюбовъ отыскалъ эти стороны, сложилъ ихъ вмѣстѣ, составилъ изъ нихъ идеальный образъ, увидалъ вслѣдствіе этого «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» и, какъ человѣкъ, полный любви, обрадовался этому лучу чистой и святой радостью гражданина и поэта. Если-бы онъ не поддался этой радости, если-бы онъ на одну минуту попробовалъ взглянуть спокойно и внимательно на свою драгоцѣнную находку, то въ его умѣ тотчасъ родился бы самый простой вопросъ, который немедленно привелъ бы за собой полное разрушеніе привлекательной иллюзіи. Добролюбовъ спросилъ бы самаго себя: какъ могъ сложиться этотъ свѣтлый образъ? Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, онъ прослѣдилъ бы жизнь Катерины съ самаго дѣтства, тѣмъ болѣе, что Островскій даетъ на это нѣкоторые матеріалы; онъ увидѣлъ бы, что воспитаніе и жизнь не могли дать Катеринѣ ни твердаго характера, ни развитого ума; тогда онъ еще разъ взглянулъ бы на тѣ факты, въ которыхъ ему бросилась въ глаза одна привлекательная сторона, и тутъ вся личность Катерины представилась бы ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Грустно разставаться съ свѣтлой иллюзіей, а дѣлать нечего; пришлось бы и на этотъ разъ удовлетвориться темной дѣйствительностью.

III.

Во всѣхъ поступкахъ и ощущеніяхъ Катерины замѣтна прежде всего рѣзкая несоразмѣрность между причинами и слѣдствіями. Каждое внѣшнее впечатлѣніе потрясаетъ весь ея организмъ; самое ничтожное событіе, самый пустой разговоръ производятъ въ ея мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ цѣлые перевороты. Кабаниха ворчитъ — Катерина отъ этого изнываетъ; Борисъ Григорьевичъ бросаетъ нѣжные взгляды — Катерина влюбляется; Варвара говоритъ мимоходомъ нѣсколько словъ о Борисѣ — Катерина заранѣе считаетъ себя погибшей женщиной, хотя она до тѣхъ поръ даже не разговаривала съ своимъ будущимъ любовникомъ; Тихонъ отлучается изъ дома на нѣсколько дней — Катерина падаетъ передъ нимъ на колѣни и хочетъ, чтобы онъ взялъ съ нея страшную клятву въ супружеской вѣрности. Варвара даетъ Катеринѣ ключъ отъ калитки, — Катерина, подержавшись за этотъ ключъ впродолженіи пяти минутъ, рѣшаетъ, что она непремѣнно увидитъ Бориса, и кончаетъ свой монологъ словами: «ахъ, какъ-бы ночь поскорѣе!» А между тѣмъ даже и ключъ-то былъ данъ ей преимущественно для любовныхъ интересовъ самой Варвары, и въ началѣ своего монолога Катерина находила даже, что ключъ жжетъ ей руки и что его непремѣнно слѣдуетъ бросить. При свиданіи съ Борисомъ конечно повторяется та-же исторія; сначала «поди прочь, окаянный человѣкъ», а вслѣдъ затѣмъ на шею кидается. Пока продолжаются свиданія Катерина думаетъ только о томъ, что «погуляемъ»; какъ только пріѣзжаетъ Тихонъ и вслѣдствіе этого ночныя прогулки прекращаются, Катерина начинаетъ терзаться угрызеніями совѣсти и доходитъ въ этомъ направленіи до полусумасшествія; а между тѣмъ Борисъ живетъ въ томъ-же городѣ, все идетъ по-старому, и, прибѣгая къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ, можно было-бы кое-когда видѣться и наслаждаться жизнью. Но Катерина ходитъ, какъ потерянная, и Варвара очень основательно боится, что она бухнется мужу въ ноги, да и разскажетъ ему все по порядку. Такъ оно и выходитъ, и катастрофу эту производитъ стеченіе самыхъ пустыхъ обстоятельствъ. Грянулъ громъ, Катерина потеряла послѣдній остатокъ своего ума, а тутъ еще прошла по сценѣ полоумная барыня съ двумя лакеями и произнесла всенародную проповѣдь о вѣчныхъ мученіяхъ; а тутъ еще на стѣнѣ въ крытой галереѣ нарисовано адское пламя и все это одно къ одному — ну, посудите сами, какъ-же въ самомъ дѣлѣ Катеринѣ не разсказать мужу тутъ-же при Кабанихѣ и при всей городской публикѣ, какъ она провела во время отсутствія Тихона всѣ десять ночей. Окончательная катастрофа, самоубійство, точно также происходитъ экспромптомъ. Катерина убѣгаетъ изъ дому съ неопредѣленной надеждой увидать своего Бориса; она еще не думаетъ о самоубійствѣ: она жалѣетъ о томъ, что прежде убивали, а теперь не убиваютъ; она спрашиваетъ: «долго-ли еще мнѣ мучиться?» Она находитъ неудобнымъ, что смерть не является; «ты, говоритъ, ее кличешь а она не приходитъ». Ясно стало-быть, что рѣшенія на самоубійство еще нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ не о чемъ было-бы и толковать. Но вотъ, пока Катерина разсуждаетъ такимъ образомъ, является Борисъ; происходитъ нѣжное свиданіе. Борисъ говоритъ: «ѣду».— Катерина спрашиваетъ: куда ѣдешь? — Ей отвѣчаютъ: «далеко, Катя, въ Сибирь».— Возьми меня съ собой отсюда! — «Нельзя мнѣ, Катя». Послѣ этого разговоръ становится уже менѣе интереснымъ и переходитъ въ обмѣнъ взаимныхъ нѣжностей. Потомъ, когда Катерина остается одна, она спрашиваетъ себя: «куда теперь? домой идти?» и отвѣчаетъ: «нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу — все равно». Потомъ слово «могила» наводитъ ее на новый рядъ мыслей, и она начинаетъ разсматривать могилу съ чисто-эстетической точки зрѣнія, съ которой впрочемъ людямъ до сихъ поръ удавалось смотрѣть только на чужія могилы. «Въ могилѣ, говоритъ, лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!.. Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростаетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть.

дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе, всякіе». Это поэтическое описаніе могилы совершенно очаровываетъ Катерину, и она объявляетъ, что «объ жизни и думать не хочется». При этомъ, увлекаясь эстетическимъ чувствомъ, она даже совершенно упускаетъ изъ виду геену огненную, а между тѣмъ она вовсе неравнодушна къ этой послѣдней мысли, потому что въ противномъ случаѣ не было-бы сцены публичнаго покаянія въ грѣхахъ, не было-бы отъѣзда Бориса въ Сибирь, и вся исторія о ночныхъ прогулкахъ осталась-бы шитой и крытой. Но въ послѣднія свои минуты Катерина до такой степени забываетъ о загробной жизни, что даже складываетъ руки крестъ на крестъ, какъ въ гробу складываютъ, и, дѣлая это движеніе руками, она даже тутъ не сближаетъ идеи о самоубійствѣ съ идеей о геенѣ огненной. Такимъ образомъ дѣлается прыжокъ въ Волгу, и драма оканчивается.

IV.

Вся жизнь Катерины состоитъ изъ постоянныхъ внутреннихъ противорѣчій; она ежеминутно кидается изъ одной крайности въ другую; она сегодня раскаявается въ томъ, что дѣлала вчера, и между тѣмъ сама не знаетъ, что будетъ дѣлать завтра; она на каждомъ шагу путаетъ и свою собственную жизнь и жизнь другихъ людей; наконецъ, перепутавши все, что было у нея подъ руками, она разрубаетъ затянувшіеся узлы самымъ глупымъ средствомъ, самоубійствомъ, да еще такимъ самоубійствомъ, которое является совершенно неожиданно для нея самой. Эстетики не могли не замѣтить того, что бросается въ глаза во всемъ поведеніи Катерины; противорѣчія и нелѣпости слишкомъ очевидны, но зато ихъ можно назвать красивымъ именемъ: можно сказать, что въ нихъ выражается страстная, нѣжная и искренняя натура. Страстность, нѣжность, искренность—все это очень хорошія свойства, по крайней мѣрѣ все это очень красивыя слова, а такъ какъ главное дѣло заключается въ словахъ, то и нѣтъ резона, чтобы не объявить Катерину свѣтлымъ явленіемъ и не придти отъ нея въ восторгъ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что всѣ противорѣчія и нелѣпости ея поведенія объясняются именно этими свойствами. Но что-же это значитъ? Значитъ, что поле моего анализа слѣдуетъ расширить; разбирая личность Катерины, слѣдуетъ имѣть въ виду страстность, нѣжность и искренность вообще и кромѣ того тѣ понятія, которыя господствуютъ въ обществѣ и въ литературѣ на счетъ этихъ свойствъ человѣческаго организма. Если-бы я не зналъ заранѣе, что задача моя расширится такимъ образомъ, то я и не принялся-бы за эту статью. Очень нужно въ самомъ дѣлѣ драму, написанную слишкомъ три года тому назадъ, разбирать для того, чтобы доказать публикѣ, какимъ образомъ Добролюбовъ ошибся въ оцѣнкѣ одного женскаго характера. Но тутъ дѣло идетъ объ общихъ вопросахъ нашей жизни, а о такихъ вопросахъ говорить всегда удобно, потому что они всегда стоятъ на очереди и всегда рѣшаются только на время. Эстетики подводятъ Катерину подъ извѣстную мѣрку, и я вовсе не намѣренъ доказывать, что Катерина не подходитъ подъ эту мѣрку; Катерина-то подходитъ, да мѣрка-то никуда не годится, и всѣ основанія, на которыхъ стоитъ эта мѣрка, тоже никуда не годятся; все это должно быть совершенно передѣлано, и хотя разумѣется я не справлюсь одинъ съ этой задачей, однако лепту свою внесу.

Мы до сихъ поръ при оцѣнкѣ явленій нравственнаго міра ходимъ ощупью и дѣйствуемъ наугадъ; по привычкѣ мы знаемъ, что такое грѣхъ; по уложенію о наказаніяхъ мы знаемъ, что такое преступленіе; но когда намъ приходится оріентироваться въ безконечныхъ лѣсахъ тѣхъ явленій, которыя не составляютъ ни грѣха, ни преступленія, когда намъ приходится разсматривать напримѣръ качества человѣческой природы, составляющія задатки и основанія будущихъ поступковъ, тогда мы идемъ всѣ въ разсыпную и аукаемся изъ разныхъ угловъ этой дубравы, т. е. сообщаемъ другъ другу наши личные вкусы, которые чрезвычайно рѣдко могутъ имѣть какой-нибудь общій интересъ. Каждое человѣческое свойство имѣетъ на всѣхъ языкахъ по крайней мѣрѣ по два названія, изъ которыхъ одно порицательное, а другое хвалительное,—скупость и бережливость, трусость и осторожность, жестокость и твердость, глупость и невинность, вранье и поэзія, дряблость и нѣжность, взбалмошность и страстность и такъ далѣе до безконечности. У каждаго отдѣльнаго человѣка есть въ отношеніи къ нравственнымъ качествамъ свой особенный лексиконъ, который почти никогда не сходится вполнѣ съ лексиконами другихъ людей. Когда вы напримѣръ одного человѣка называете благороднымъ энтузіастомъ, а другого безумнымъ фанатикомъ, то вы сами конечно понимаете вполнѣ, что вы хотите сказать, но другіе люди понимаютъ васъ только приблизительно, а иногда могутъ и совсѣмъ не понимать. Есть вѣдь такіе озорники, для которыхъ коммунистъ Бабефъ былъ благороднымъ энтузіастомъ, но зато есть и такіе мудрецы, которые австрійскаго министра Шмерлинга назовутъ безумнымъ фанатикомъ. И тѣ, и другіе будутъ употреблять одни и тѣ-же слова, и тѣми-же самыми словами будутъ пользоваться всѣ люди безчисленныхъ промежуточныхъ оттѣнковъ. Какъ вы тутъ поступите, чтобы открыть живое явленіе изъ-подъ груды набросанныхъ словъ, которыя на языкѣ каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ свой особенный смыслъ? Что такое благородный энтузіазмъ? Что такое безумный фанатикъ? Это пустые звуки, не соотвѣтствующіе никакому опредѣленному пред-

ставленію. Эти звуки выражаютъ отношеніе говорящаго лица къ неизвѣстному предмету, который остается совершенно неизвѣстнымъ во все время разговора и послѣ его окончанія. Чтобы узнать, что за человѣкъ былъ коммунистъ Бабефъ и что за человѣкъ Шмерлингъ, надо разумѣется отодвинуть въ сторону всѣ приговоры, произнесенные надъ этими двумя личностями различными людьми, выражавшими въ этомъ случаѣ свои личные вкусы и свои политическія симпатіи. Надо взять сырые факты во всей ихъ сырости, и чѣмъ они сырѣе, чѣмъ меньше они замаскированы хвалительными или порицательными словами, тѣмъ больше мы имѣемъ шансовъ уловить и понять живое явленіе, а не безцвѣтную фразу. Такъ поступаетъ мыслящій историкъ. Если онъ, располагая обширными свѣдѣніями, будетъ избѣгать увлеченія фразами, если онъ къ человѣку и ко всѣмъ отраслямъ его дѣятельности будетъ относиться не какъ патріотъ, не какъ либералъ, не какъ энтузіастъ, не какъ эстетикъ, а просто какъ натуралистъ, то онъ навѣрное съумѣетъ дать опредѣленные и объективные отвѣты на многіе вопросы, рѣшавшіеся обыкновенно красивымъ волненіемъ возвышенныхъ чувствъ. Обиды для человѣческаго достоинства тутъ не произойдетъ никакой, а польза будетъ большая, потому что вмѣсто ста возовъ вранья получится одна горсть настоящаго знанія. А одна остроумная поговорка утверждаетъ совершенно справедливо, что лучше получить маленькій деревянный домъ, чѣмъ большую каменную болѣзнь.

V.

Мыслящій историкъ трудится и размышляетъ конечно не для того, чтобы приклеить тотъ или другой ярлыкъ къ тому или другому историческому имени. Стоитъ-ли въ самомъ дѣлѣ тратить трудъ и время для того, чтобы съ полнымъ убѣжденіемъ назвать Сидора мошенникомъ, а Филимона добродѣтельнымъ отцомъ семейства? Историческія личности любопытны только, какъ крупные образчики нашей породы, очень удобные для изученія и очень способные служить матеріалами для общихъ выводовъ антропологіи. Разсматривая ихъ дѣятельность, измѣряя ихъ вліяніе на современниковъ, изучая тѣ обстоятельства, которыя помогали или мѣшали исполненію ихъ намѣреній, мы изъ множества отдѣльныхъ и разнообразныхъ фактовъ выводимъ неопровержимыя заключенія объ общихъ свойствахъ человѣческой природы, о степени ея измѣняемости, о вліяніи климатическихъ и бытовыхъ условій, о различныхъ проявленіяхъ національныхъ характеровъ, о зарожденіи и распространеніи идей и вѣрованій и наконецъ, что всего важнѣе, мы подходимъ къ рѣшенію того вопроса, который въ послѣднее время блистательнымъ образомъ поставилъ знаменитый Бокль. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ: какая сила или какой элементъ служитъ основаніемъ и важнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго прогресса? Бокль отвѣчаетъ на этотъ вопросъ просто и рѣшительно. Онъ говоритъ: чѣмъ больше реальныхъ знаній, тѣмъ сильнѣе прогрессъ; чѣмъ больше человѣкъ изучаетъ видимыя явленія и чѣмъ меньше предается фантазіямъ, тѣмъ удобнѣе онъ устраиваетъ свою жизнь и тѣмъ быстрѣе одно усовершенствованіе быта смѣняется другимъ.—Ясно, смѣло и просто! Такимъ образомъ дѣльные историки путемъ терпѣливаго изученія идутъ къ той-же цѣли, которую должны имѣть въ виду всѣ люди, рѣшающіеся заявлять въ литературѣ свои сужденія о различныхъ явленіяхъ нравственной и умственной жизни человѣчества.

Каждый критикъ, разбирающій какой-нибудь литературный типъ, долженъ въ своей ограниченной сферѣ дѣятельности прикладывать къ дѣлу тѣ самые пріемы, которыми пользуется мыслящій историкъ, разсматривая міровыя событія и разставляя по мѣстамъ великихъ и сильныхъ людей. Историкъ не восхищается, не умиляется, не негодуетъ, не фразерствуетъ, и всѣ эти патологическія отправленія такъ же неприличны въ критикѣ, какъ и въ историкѣ. Историкъ разлагаетъ каждое явленіе на его составныя части и изучаетъ каждую часть отдѣльно, и потомъ, когда извѣстны всѣ составные элементы, тогда и общій результатъ оказывается понятнымъ и неизбѣжнымъ; что казалось раньше анализа ужаснымъ преступленіемъ или непостижимымъ подвигомъ, то оказывается, послѣ анализа простымъ и необходимымъ слѣдствіемъ данныхъ условій. Точно такъ-же слѣдуетъ поступать критику; вмѣсто того, чтобы плакать надъ несчастіями героевъ и героинь, вмѣсто того, чтобы сочувствовать одному, негодовать противъ другого, восхищаться третьимъ, лѣзть на стѣны по поводу четвертаго, критикъ долженъ сначала проплакаться и пробѣсноваться про себя, а потомъ, вступая въ разговоръ съ публикой, долженъ обстоятельно и разсудительно сообщить ей свои размышленія о причинахъ тѣхъ явленій, которыя вызываютъ въ жизни слезы, сочувствіе, негодованіе или восторги. Онъ долженъ объяснять явленія, а не воспѣвать ихъ; онъ долженъ анализировать, а не лицедѣйствовать. Это будетъ болѣе полезно и менѣе раздражительно.

Если историкъ и критикъ пойдутъ оба по одному пути, если оба они будутъ не болтать, а размышлять, то оба придутъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Между частной жизнью человѣка и исторической жизнью человѣчества есть только количественная разница. Одни и тѣ же законы управляютъ обоими порядками явленій точно такъ-же, какъ одни и тѣ же химическіе и физическіе законы управляютъ и развитіемъ простой клѣточки, и развитіемъ человѣческаго

организма. Прежде господствовало мнѣніе, будто общественный дѣятель долженъ вести себя совсѣмъ не такъ, какъ частный человѣкъ. Что въ частномъ человѣкѣ считалось мошенничествомъ, то въ общественномъ дѣятелѣ называлось политической мудростью. Съ другой стороны то, что въ общественномъ дѣятелѣ считалось предосудительной слабостью, то въ частномъ человѣкѣ называлось трогательной мягкостью души. Существовало такимъ образомъ для однихъ и тѣхъ же людей два рода справедливости, два рода благоразумія,—всего по два. Теперь дуализмъ, вытѣсняемый изъ всѣхъ своихъ убѣжищъ, не можетъ удержаться и въ этомъ мѣстѣ, въ которомъ нелѣпость его особенно очевидна и въ которомъ онъ надѣлалъ очень много практическихъ гадостей. Теперь умные люди начинаютъ понимать, что простая справедливость составляетъ всегда самую мудрую и самую выгодную политику; съ другой стороны они понимаютъ, что и частная жизнь не требуетъ ничего кромѣ простой справедливости; потоки слезъ и конвульсіи самоистязанія такъ же безобразны въ самой скромной частной жизни, какъ и на сценѣ всемірной исторіи; и безобразны они въ томъ и другомъ случаѣ единственно потому, что вредны, то-есть доставляютъ одному человѣку или многимъ людямъ боль, невыкупаемую никакимъ наслажденіемъ.

Искусственная грань, поставленная человѣческимъ невѣжествомъ между исторіей и частной жизнью, разрушается по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ невѣжество со всѣми своими предразсудками и нелѣпыми убѣжденіями. Въ сознаніи мыслящихъ людей эта грань уже разрушена, и на этомъ основаніи критикъ и историкъ могутъ и должны приходить къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Историческія личности и простые люди должны быть измѣряемы одной мѣркой. Въ исторіи явленіе можетъ быть названо свѣтлымъ или темнымъ не потому, что оно нравится или не нравится историку, а потому, что оно ускоряетъ или задерживаетъ развитіе человѣческаго благосостоянія. Въ исторіи нѣтъ безплодно-свѣтлыхъ явленій; что безплодно, то не свѣтло,—на то не стоитъ совсѣмъ обращать вниманія; въ исторіи есть очень много услужливыхъ медвѣдей, которые очень усердно били мухъ на лбу спящаго человѣчества увѣсистыми булыжниками; однако смѣшонъ и жалокъ былъ бы тотъ историкъ, который сталъ бы благодарить этихъ добросовѣстныхъ медвѣдей за чистоту ихъ намѣреній. Встрѣчаясь съ примѣромъ медвѣжьей нравственности, историкъ долженъ только замѣтить, что лобъ человѣчества оказался раскроеннымъ, и долженъ описать, глубока ли была рана и скоро ли зажила, и какъ подѣйствовало это убіеніе мухи на весь организмъ паціента, и какъ обрисовались вслѣдствіе этого дальнѣйшія отношенія между пустынникомъ и медвѣдемъ. Ну, а что такое медвѣдь? Медвѣдь ничего; онъ свое дѣло сдѣлалъ. Хватилъ камнемъ по лбу — и успокоился. Съ него взятки гладки. Ругать его не слѣдуетъ— во-первыхъ потому, что это ни къ чему не ведетъ; а во-вторыхъ, не за что: потому—глупъ. Ну, а хвалить его за непорочность сердца и подавно не резонъ; во-первыхъ,—не стоитъ благодарности: вѣдь лобъ-то все-таки разбитъ; а во-вторыхъ—опять-таки онъ глупъ, такъ на какого же чорта годится его непорочность сердца.

Такъ какъ я случайно напалъ на басню Крылова, то мимоходомъ любопытно будетъ замѣтить, какъ простой здравый смыслъ сходится иногда въ своихъ сужденіяхъ съ тѣми выводами, которые даютъ основательное научное изслѣдованіе и широкое философское мышленіе. Три басни Крылова, о медвѣдѣ, о музыкантахъ, которые «немножечко дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ», и о судьѣ, который попадетъ въ рай за глупость,—три эти басни, говорю я, написаны на ту мысль, что сила ума важнѣе, чѣмъ безукоризненная нравственность. Видно, что эта мысль была особенно мила Крылову, который разумѣется могъ замѣчать вѣрность этой мысли только въ явленіяхъ частной жизни. И эту же самую мысль Бокль возводитъ въ міровой историческій законъ. Русскій баснописецъ образовавшійся на мѣдныя деньги и навѣрное считавшій Карамзина величайшимъ историкомъ XIX вѣка, говоритъ по своему то-же самое, что высказалъ передовой мыслитель Англіи, вооруженный наукой. Это я замѣчаю не для того, чтобы похвастаться русской смѣтливостью, а для того, чтобы показать, до какой степени результаты разумной и положительной науки соотвѣтствуютъ естественнымъ требованіямъ неиспорченнаго и незасореннаго человѣческаго ума. Кромѣ того эта неожиданная встрѣча Бокля съ Крыловымъ можетъ служить примѣромъ того согласія, которое можетъ и должно существовать, во-первыхъ—между частной жизнью и исторіей, а вслѣдствіе этого, во-вторыхъ—между историкомъ и критикомъ. Если добродушный дѣдушка Крыловъ могъ сойтись съ Боклемъ, то критикамъ, живущимъ во второй половинѣ XIX вѣка и обнаруживающимъ притязанія на смѣлость мысли и на широкое развитіе ума, такимъ критикамъ, говорю я, и подавно слѣдуетъ держаться съ непоколебимой послѣдовательностью за тѣ пріемы и идеи, которые въ наше время сближаютъ историческое изученіе съ естествознаніемъ. Наконецъ, если Бокль слишкомъ уменъ и головоломенъ для нашихъ критиковъ, пусть они держатся за дѣдушку Крылова, пусть проводятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о нравственныхъ достоинствахъ человѣка простую мысль, выраженную такими незатѣйливыми словами: «услужливый дуракъ опаснѣе врага». Если бы только одна эта мысль, понятная пятилѣтнему

ребенку, была проведена въ нашей критикѣ съ надлежащей послѣдовательностью, то во всѣхъ нашихъ воззрѣніяхъ на нравственныя достоинства произошелъ бы радикальный переворотъ, и престарѣлая эстетика давнымъ-давно отправилась-бы туда-же, куда отправились алхимія и метафизика.

VI.

Наша частная жизнь запружена до нельзя красивыми чувствами и высокими достоинствами, которыми всякій порядочный человѣкъ старается запастись для своего домашняго обихода и которымъ всякій свидѣтельствуетъ свое вниманіе, хотя никто не можетъ сказать, чтобы они когда-нибудь кому-бы то ни было доставили малѣйшее удовольствіе. Было время, когда лучшими атрибутами физической красоты считалась въ женщинѣ интересная блѣдность лица и непостижимая тонкость таліи; барышни пили уксусъ и перетягивались такъ, что у нихъ трещали ребра и спиралось дыханіе; много здоровья было уничтожено по милости этой эстетики и по всей вѣроятности эти своеобразныя понятія о красотѣ еще не вполнѣ уничтожились и теперь, потому что Льюисъ возстаетъ противъ корсетовъ въ своей физіологіи, а Чернышевскій заставляетъ Вѣру Павловну упомянуть о томъ, что она, сдѣлавшись умной женщиной, перестала шнуроваться. Такимъ образомъ физическая эстетика очень часто идетъ въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла, съ предписаніями элементарной гигіены и даже съ инстинктивнымъ стремленіемъ человѣка къ удобству и комфорту. «Il faut souffrir pour être belle», говорила въ былое время молодая дѣвушка, и всѣ находили, что она говоритъ святую истину, потому что красота должна существовать сама по себѣ ради красоты, совершенно независимо отъ условій, необходимыхъ для здоровья, для удобства и наслажденія жизнью. Критики, не освободившіеся отъ вліянія эстетики, сходятся съ обожателями интересной блѣдности и тонкихъ талій вмѣсто того, чтобы сходиться съ естествоиспытателями и мыслящими историками. Надо сознаться, что даже лучшіе изъ нашихъ критиковъ, Бѣлинскій и Добролюбовъ, не могли оторваться окончательно отъ эстетическихъ традицій. Осуждать ихъ за это было-бы нелѣпо, потому что надо-же помнить, какъ много они сдѣлали для уясненія всѣхъ нашихъ понятій, и надо-же понимать, что не могутъ два человѣка отработать за насъ всю нашу работу мысли. Но, не осуждая ихъ, надо видѣть ихъ ошибки и прокладывать новые пути въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ старыя тропинки уклоняются въ глушь и въ болото.

Относительно анализа «свѣтлыхъ явленій» насъ не удовлетворяетъ эстетика ни своимъ красивымъ негодованіемъ, ни своимъ искусственно подогрѣтымъ восторгомъ. Ея бѣлила и румяна тутъ остаются не при чемъ. Натуралистъ, говоря о человѣкѣ, назоветъ свѣтлымъ явленіемъ нормально развитый организмъ; историкъ дастъ это названіе умной личности, понимающей свои выгоды, знающей требованія своего времени и вслѣдствіе этого работающей всѣми силами для развитія общаго благосостоянія; критикъ имѣетъ право видѣть свѣтлое явленіе только въ томъ человѣкѣ, который умѣетъ быть счастливымъ, т. е. приносить пользу себѣ и другимъ, и, умѣя жить и дѣйствовать при неблагопріятныхъ условіяхъ, понимаетъ въ то же время ихъ неблагопріятность и по мѣрѣ силъ своихъ старается переработать эти условія къ лучшему. И натуралистъ, и историкъ, и критикъ согласятся между собой въ томъ пунктѣ, что необходимымъ свойствомъ такого свѣтлаго явленія долженъ быть сильный и развитый умъ; тамъ, гдѣ нѣтъ этого свойства, тамъ не можетъ быть и свѣтлыхъ явленій. Натуралистъ скажетъ вамъ, что нормально развитый человѣческій организмъ необходимо долженъ быть одаренъ здоровымъ мозгомъ, а здоровый мозгъ также неизбѣжно долженъ мыслить правильно, какъ здоровый желудокъ долженъ переваривать пищу; если-же этотъ мозгъ разслабленъ отсутствіемъ упражненія и если такимъ образомъ человѣкъ, умный отъ природы, притупленъ обстоятельствами жизни, то весь разсматриваемый субъектъ уже не можетъ считаться нормально развитымъ организмомъ, точно такъ-же, какъ не можетъ имъ считаться человѣкъ, ослабившій свой слухъ или свое зрѣніе. Такого человѣка натуралистъ не назоветъ свѣтлымъ явленіемъ, хотя-бы этотъ человѣкъ пользовался желѣзнымъ здоровьемъ и лошадиной силой. Историкъ скажетъ вамъ... но вы и сами знаете, что онъ вамъ скажетъ; ясное дѣло, что умъ для исторической личности такъ-же необходимъ, какъ жабры и плавательныя перья для рыбы; ума тутъ не замѣнить никакими эстетическими ингредіентами; это можетъ быть единственная истина, неопровержимо доказанная всѣмъ историческимъ опытомъ нашей породы. Критикъ докажетъ вамъ, что только умный и развитой человѣкъ можетъ оберегать себя и другихъ отъ страданій при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, при которыхъ существуетъ огромное большинство людей на земномъ шарѣ; кто не умѣетъ сдѣлать ничего для облегченія своихъ и чужихъ страданій, тотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ свѣтлымъ явленіемъ; тотъ — трутень, можетъ быть очень милый, очень граціозный, симпатичный, но все это такія неосязаемыя и невѣсомыя качества, которыя доступны только вниманію людей, обожающихъ интересную блѣдность и тонкія таліи. Облегчая жизнь себѣ и другимъ, умный и развитой человѣкъ не ограничивается этимъ; онъ кромѣ того въ большей или меньшей степени, сознательно или невольно перерабатываетъ эту жизнь и приготовляетъ переходъ къ лучшимъ условіямъ существованія. Умная и раз-

вітая личность, сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость,—все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ по крайней мѣрѣ уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ полюбить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умной и развитой личностью, можетъ быть начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ такимъ образомъ обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли, то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности. Разница между ними заключается только въ количествѣ силъ, и потому оцѣнивать ихъ дѣятельность можно и должно посредствомъ одинаковыхъ пріемовъ. Такъ вотъ какіе должны быть «лучи свѣта»—не Катеринѣ чета.

VII.

«Яйца курицу не учатъ», — говоритъ нашъ народъ,—и такъ эта поговорка ему по душѣ пришлась, что онъ твердитъ ее съ утра до вечера, словами и поступками, отъ моря и до моря. И передаетъ онъ ее потомству, какъ священное наслѣдство, и благодарное потомство, пользуясь ею, въ свою очередь созидаетъ на ней величественное зданіе семейнаго чинопочитанія. И поговорка эта не теряетъ своей силы, потому что она всегда употребляется кстати; а кстати потому, что ее употребляютъ только старшіе члены семейства, которые не могутъ ошибаться, которые всегда оказываются правыми и которые слѣдовательно всегда дѣйствуютъ благодѣтельно и разсуждаютъ поучительно. Ты—яйцо безсознательное и долженъ пребывать въ своей безотвѣтной невинности до тѣхъ поръ, пока самъ не сдѣлаешься курицей. Такимъ образомъ пятидесятилѣтнія куры разсуждаютъ съ тридцатилѣтними яйцами, которыя съ пеленокъ выучились понимать и чувствовать все, что такъ коротко и такъ величественно внушаетъ имъ безсмертная поговорка. Великое изреченіе народной мудрости дѣйствительно выражаетъ въ четырехъ словахъ весь принципъ нашей семейной жизни. Принципъ этотъ дѣйствуетъ еще съ полной силой въ тѣхъ слояхъ нашего народа, которые считаются чисто-русскими.

Только въ молодости человѣкъ можетъ развернуть и воспитать тѣ силы своего ума, которыя потомъ будутъ служить ему въ зрѣломъ возрастѣ; что не развилось въ молодости, то остается неразвитымъ на всю жизнь; слѣдовательно если молодость проводится подъ скорлупой, то и умъ, и воля человѣка остаются навсегда въ положеніи замореннаго зародыша; и наблюдателю, смотрящему со стороны на этотъ курятникъ, остается только изучать различныя проявленія человѣческаго уродства. Каждый новорожденный ребенокъ втискивается въ одну и ту же готовую форму, а разнообразіе результатовъ происходитъ, во-первыхъ отъ того, что не всѣ дѣти родятся одинаковыми, а во-вторыхъ отъ того, что для втискиванія употребляются различные пріемы. Одинъ ребенокъ ложится въ форму тихо и благонравно, а другой барахтается и кричитъ благимъ матомъ; одного ребенка бросаютъ въ форму со всего размаху, да еще потомъ держатъ въ формѣ за вихоръ; а другого кладутъ помаленьку, полегоньку и при этомъ поглаживаютъ по головкѣ и пряникомъ обольщаютъ. Но форма все-таки одна и та же, и не въ укоръ будь сказано искателямъ свѣтлыхъ явленій—уродованіе идетъ всегда надлежащимъ порядкомъ; такъ какъ жизнь не шевелитъ и не развиваетъ ума, то человѣческія способности глохнутъ и искажаются какъ при воспитаніи палкой, такъ и при воспитаніи лаской. Въ первомъ случаѣ получается типъ, который я для краткости назову карликами, во второмъ получаются также уроды, которыхъ можно назвать вѣчными дѣтьми. Когда ребенка ругаютъ, порятъ и всячески огорчаютъ, тогда онъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ начинаетъ чувствовать себя одинокимъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ понимать себя, такъ онъ пріучается надѣяться только на свои собственныя силы; онъ находится въ постоянной войнѣ со всѣмъ, что его окружаетъ; ему дремать нельзя; чуть оплошаешь, тотчасъ лишишься всякаго удовольствія, да еще налетятъ на тебя со всѣхъ сторонъ ругательства, затрещины и даже весьма серьезныя непріятности въ видѣ многочисленныхъ и полновѣсныхъ ударовъ розгами. Гимнастика для дѣтскаго ума представляется постоянная, и каждый безграмотный мальчишка, выдержанный въ ежевыхъ рукавицахъ свирѣпымъ родителемъ, удивитъ своими дипломатическими талантами любого благовоспитаннаго мальчика, способнаго уже восхищаться, по Корнелію Непоту, доблестями Аристида и непреклоннымъ характеромъ Катона. Умъ разовьется на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы обдѣлывать практическія дѣлишки: тамъ надуть, тутъ поклониться въ поясъ, здѣсь прижать, въ другомъ мѣстѣ въ амбицію вломиться, въ третьемъ—добрымъ малымъ прикинуться, — все это будетъ исполнено самымъ отчетливымъ манеромъ, по-

тому что вся эта механика усвоена во времена нѣжнаго дѣтства. Но выйти изъ колеи этой механики умъ уже не можетъ; надуетъ онъ десять разъ, проведетъ и выведетъ, будетъ лгать и вывертываться, будетъ постоянно обходить препятствія, на которыя постоянно будетъ натыкаться; но обдумать заранѣе планъ дѣйствій, разсчитать вѣроятности успѣха, предусмотрѣть и устранить препятствія заблаговременно, словомъ, связать въ головѣ длинный рядъ мыслей, логически вытекающихъ одна изъ другой,—этого вы отъ нашего субъекта не ждите. Умственнаго творчества вы въ немъ также не найдете; практическое изобрѣтеніе, созданіе новой машины или новой отрасли промышленности возможно только тогда, когда у человѣка есть знанія, а знаній у нашего карлика нѣтъ никакихъ; онъ не знаетъ ни свойствъ того матеріала, который онъ обработываетъ, ни потребностей тѣхъ людей, для которыхъ онъ работаетъ. Шьетъ онъ, положимъ, чемоданъ изъ кожи; кожа скверно выдѣлана и трескается; ну, значитъ чемоданъ надо вычернить, чтобы подъ краской трещины были незамѣтны; и рѣшительно ни одному карлику въ голову не придетъ: а нельзя-ли какъ-нибудь такъ выдѣлывать кожу, чтобъ она не трескалась? Да и не можетъ придти; чтобы замазать трещину черной краской, не нужно ровно никакихъ знаній и почти никакого труда мысли; а для того, чтобы сдѣлать малѣйшее усовершенствованіе въ выдѣлкѣ кожъ, надо по крайней мѣрѣ всматриваться въ то, что имѣешь подъ руками, и обдумывать то, что видишь. Но мы никогда не были заражены такими мыслительными слабостями; поэтому мы разработали у себя барышничество и надувательство до высокой степени художественности, а всѣ науки мы принуждены привозить къ себѣ изъ-за границы; другими словами, мы постоянно обирали удобства жизни другъ у друга, но производительность нашей земли мы не съумѣли увеличить ни на одинъ мѣдный грошъ. Не зная свойствъ предметовъ, карликъ не знаетъ и самого себя: онъ не знаетъ ни своихъ силъ, ни своихъ наклонностей, ни своихъ желаній; поэтому онъ цѣнитъ себя только по внѣшнему успѣху своихъ предпріятій; онъ мѣняется въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ акція сомнительнаго достоинства, которой курсъ колеблется на биржѣ; штука удалась, барышъ въ карманѣ,—тогда онъ великій человѣкъ, тогда онъ возносится выше нарицательной цѣны и даже выше облака ходячаго; штука лопнула, капиталъ улетучился, — тогда онъ червь, подлецъ, поношеніе человѣковъ; тогда онъ умоляетъ васъ, чтобъ вы на него плюнули, да только оказали-бы ему участіе. И хоть-бы это было по крайней мѣрѣ притворство, хоть бы онъ прикидывался несчастнымъ для того, чтобы разжалобить васъ, все было бы легче; а то вѣдь нѣтъ—дѣйствительно раздавленъ и уничтоженъ, дѣйствительно палъ въ своихъ собственныхъ глазахъ оттого, что потерпѣлъ убытокъ или другую неудачу; немудрено, что карликъ отвертывается отъ друзей своихъ, когда они въ несчастіи; онъ и отъ самого себя радъ былъ-бы отвернуться, да жаль, некуда.

Все это понятно; только сознательное уваженіе человѣка къ самому себѣ даетъ ему возможность спокойно и весело переносить всѣ мелкія и крупныя непріятности, которыя не сопровождаются сильной физической болью; а чтобы сознательно уважать самого себя и чтобы находить въ этомъ чувствѣ высшее наслажденіе, человѣку надо предварительно поработать надъ собой, очистить свой мозгъ отъ разнаго мусора, сдѣлаться полнымъ хозяиномъ своего внутренняго міра, обогатить этотъ міръ кое-какими знаніями и идеями и наконецъ, изучивши самого себя, найти себѣ въ жизни разумную, полезную и пріятную дѣятельность. Когда все это будетъ сдѣлано, тогда человѣку будетъ понятно удовольствіе быть самимъ собой, удовольствіе класть на каждый поступокъ печать своей просвѣтленной и облагороженной личности, удовольствіе жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ и постоянно увеличивать богатство и разнообразіе этого міра. Тогда человѣкъ почувствуетъ, что это высшее удовольствіе можетъ быть отнято у него только сумасшествіемъ или постояннымъ физическимъ мученіемъ; и это величественное сознаніе полной независимости отъ мелкихъ огорченій въ свою очередь сдѣлается причиной гордой и мужественной радости, которую опять-таки ничто не можетъ ни отнять, ни отравить. Сколько минутъ чистѣйшаго счастья пережилъ Лопуховъ въ то время, когда, отрываясь отъ любимой женщины, онъ собственноручно устроивалъ ей счастье съ другимъ человѣкомъ? Тутъ была обаятельная смѣсь тихой грусти и самаго высокаго наслажденія, но наслажденіе далеко перевѣшивало грусть, такъ что это время напряженной работы ума и чувства навѣрное оставило послѣ себя въ жизни Лопухова неизгладимую полосу самаго яркаго свѣта. А между тѣмъ какъ все это кажется непонятнымъ и неестественнымъ для тѣхъ людей, которые никогда не испытали наслажденія мыслить и жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Эти люди убѣждены самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что Лопуховъ — невозможная и неправдоподобная выдумка, что авторъ романа «Что дѣлать?» только прикидывается, будто понимаетъ ощущенія своего героя, и что всѣ пустозвоны, сочувствующіе Лопухову, морочатъ себя и стараются обморочить другихъ совершенно безсмысленными потоками словъ. И это совершенно естественно. Кто способенъ понимать Лопухова и сочувствующихъ ему пустозвоновъ, тотъ самъ — и Лопуховъ, и пустозвонъ, потому что рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше.

Замѣчательно, что высокое удовольствіе самоуваженія въ большей или меньшей степени доступно и понятно всѣмъ людямъ, развившимъ въ себѣ способность мыслить, хотя бы эта способность привела ихъ потомъ къ чистымъ и простымъ истинамъ естествознанія; или напротивъ того къ туманнымъ и произвольнымъ фантазіямъ философскаго мистицизма. Матеріалисты и идеалисты, скептики и догматики, эпикурейцы и стоики, раціоналисты и мистики—всѣ сходятся между собой, когда идетъ рѣчь о высшемъ благѣ, доступномъ человѣку на землѣ и независимомъ отъ внѣшнихъ и случайныхъ условій. Всѣ говорятъ объ этомъ благѣ въ различныхъ выраженіяхъ, всѣ подходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ, всѣ называютъ его разными именами, но отодвиньте въ сторону слова и метафоры и вы вездѣ увидите одно и то же содержаніе. Одни говорятъ, что человѣкъ долженъ убить въ себѣ страсти, другіе — что онъ долженъ управлять ими, третьи — что онъ долженъ облагородить ихъ, четвертые—что онъ долженъ развить свой умъ и что тогда все пойдетъ, какъ по маслу. Пути различные, но цѣль вездѣ одна и та же,— чтобы человѣкъ пользовался душевнымъ миромъ, какъ говорятъ одни, — чтобы въ его существѣ царствовала внутренняя гармонія, какъ говорятъ другіе, чтобы совѣсть его была спокойна, какъ говорятъ третьи, — или наконецъ, если взять самыя простыя слова,—чтобы человѣкъ постоянно былъ доволенъ самимъ собой, чтобы онъ могъ сознательно любить и уважать самого себя, чтобы онъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни могъ положиться на самого себя, какъ на своего лучшаго друга, всегда неизмѣннаго и всегда правдиваго.

Если всѣ мыслители понимаютъ и цѣнятъ чувство самоуваженія, то мы въ этомъ отношеніи никакъ не должны считать мыслителями всѣхъ людей, читающихъ и пишущихъ философскія сочиненія. Рутинеръ, буквоѣдъ и филистеръ, къ какой-бы школѣ онъ не принадлежалъ и какой-бы наукой онъ не занимался, всегда будетъ работать по обязанности службы, никогда не почувствуетъ наслажденія въ процессѣ мысли и поэтому никогда не составитъ себѣ понятія о чарующей прелести самоуваженія. Дѣло въ томъ, что все можно обратить въ механику. У насъ обращено въ механику искусство надувательства, а въ Западной Европѣ со временъ средневѣковой схоластики въ механику превратилось искусство писать ученые трактаты, рыться въ фоліантахъ и получать самымъ добросовѣстнымъ образомъ докторскіе дипломы, не переставая вѣрить въ колдовство или въ алхимію. Закваска рутины такъ сильна, что многіе нѣмцы и англичане находятъ возможнымъ заниматься естественными науками, не переставая быть по своему міросозерцанію чисто средневѣковыми субъектами. Отъ этого выходятъ презабавные эпизоды. Напримѣръ знаменитый англійскій анатомъ Ричардъ Оуэнъ (прошу не смѣшивать съ соціалистомъ Робертомъ Оуэномъ) упорно не желаетъ видѣть въ мозгу обезьяны одну особенную штучку (аммоніевы рога), потому что существованіе этой штучки у обезьяны кажется ему оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Ему показываютъ, Гексли изъ себя выходитъ, а тотъ такъ и остается при своемъ. Не вижу, да и только. Любопытно также послушать, какъ Карлъ Фохтъ бесѣдуетъ съ Рудольфомъ Вагнеромъ, чрезвычайно замѣчательнымъ физіологомъ и въ то же время еще болѣе замѣчательнымъ филистеромъ. Но Оуэнъ и Вагнеръ во всякомъ случаѣ превосходные изслѣдователи; они смотрятъ во всѣ глаза и сильно работаютъ мозгомъ, когда вопросъ не слишкомъ близко подходитъ къ ихъ сердечнымъ симпатіямъ. Напряженное вниманіе и размышленіе все-таки могутъ расшевелить и развить умъ настолько, что чувство самоуваженія сдѣлается понятнымъ и драгоцѣннымъ. А есть и второстепенные Оуэны и Вагнеры; во всѣхъ философскихъ и научныхъ лагеряхъ есть мародеры и паразиты, которые не только не создаютъ мыслей сами, но даже не передумываютъ чужихъ мыслей, а только затверживаютъ ихъ, чтобы потомъ разбавлять готовыя темы ушатами воды и составлять такимъ образомъ статьи или книги. Этимъ людямъ чувство самоуваженія разумѣется останется навсегда неизвѣстнымъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что мыслители всѣхъ школъ понимаютъ одинаково высшее и неотъемлемое благо человѣка; мы видимъ кромѣ того, что это благо дѣйствительно доступно только тѣмъ изъ мыслителей, которые въ самомъ дѣлѣ работаютъ умомъ, а не тѣмъ, которые повторяютъ съ тупымъ уваженіемъ слѣпыхъ адептовъ великія мысли учителей. Выводъ простъ и ясенъ. Не школа, не философскій догматъ, не буква системы, не истина дѣлаютъ человѣка существомъ разумнымъ, свободнымъ и счастливымъ. Его облагороживаетъ, его ведетъ къ наслажденію только самостоятельная умственная дѣятельность, посвященная безкорыстному исканію истины и неподчиненная рутиннымъ и мелочнымъ интересамъ вседневной жизни. Чѣмъ-бы не пробудили вы эту самостоятельную дѣятельность, чѣмъ-бы вы ни занимались—геометріей, филологіей, ботаникой, все равно—лишь-бы только вы начали мыслить. Въ результатѣ все-таки получится расширеніе внутренняго міра, любовь къ этому міру, стремленіе очистить его отъ всякой грязи и наконецъ незамѣнимое счастье самоуваженія. Значитъ, все-таки умъ дороже всего, или вѣрнѣе умъ—все. Я съ разныхъ сторонъ доказывалъ эту мысль и можетъ быть надоѣлъ читателю повтореніями, но вѣдь мысль-то ужъ больно драгоцѣнная. Ничего въ ней нѣтъ новаго, но если бы

только мы провели ее въ нашу жизнь, то мы всѣ могли-бы быть очень счастливыми людьми. А то вѣдь мы всѣ куда какъ не далеко ушли отъ тѣхъ карликовъ, отъ которыхъ совершенно отвлекло меня это длинное отступленіе.

VIII.

По тѣмъ немногимъ чертамъ, которыми я обрисовалъ карликовъ, читатель видитъ уже, что они вполнѣ заслуживаютъ свое названіе. Всѣ способности ихъ развиты довольно равномѣрно: у нихъ есть и умишко, и кое-какая волишка, и миніатюрная энергія, но все это чрезвычайно мелко и прилагается конечно только къ тѣмъ микроскопическимъ цѣлямъ, которыя могутъ представиться въ ограниченномъ и бѣдномъ мірѣ нашей вседневной жизни. Карлики радуются, огорчаются, приходятъ въ восторгъ, приходятъ въ негодованіе, борятся съ искушеніями, одерживаютъ побѣды, терпятъ пораженія, влюбляются, женятся, спорятъ, горячатся, интригуютъ, мирятся, словомъ все дѣлаютъ точно настоящіе люди, а между тѣмъ ни одинъ настоящій человѣкъ не съумѣетъ имъ сочувствовать, потому что это невозможно; ихъ радости, ихъ страданія, ихъ волненія, искушенія, побѣды, страсти, споры и разсужденія — все это такъ ничтожно, такъ неуловимо мелко, что только карликъ можетъ ихъ понять, оцѣнить и принять къ сердцу. Типъ карликовъ или, что то-же, типъ практическихъ людей чрезвычайно распространенъ и видоизмѣняется сообразно съ особенностями различныхъ слоевъ общества: этотъ типъ господствуетъ и торжествуетъ; онъ составляетъ себѣ блестящія карьеры, наживаетъ большія деньги и самовластно распоряжается въ семействахъ; онъ дѣлаетъ всѣмъ окружающимъ людямъ много непріятностей, а самъ не получаетъ отъ этого никакого удовольствія; онъ дѣятеленъ, но дѣятельность его похожа на бѣганіе бѣлки въ колесѣ.

Литература наша давно уже относится къ этому типу безъ всякой особенной нѣжности и давно уже осуждаетъ съ полнымъ единодушіемъ то воспитаніе палкой, которое выработываетъ и формируетъ плотоядныхъ карликовъ. Одинъ только Гончаровъ пожелалъ возвести типъ карлика въ перлъ созданія; вслѣдствіе этого онъ произвелъ на свѣтъ Петра Ивановича Адуева и Андрея Ивановича Штольца; но эта попытка во всѣхъ отношеніяхъ похожа на поползновеніе Гоголя представить идеальнаго помѣщика Костанжогло и идеальнаго откупщика Муразова. Типъ карликовъ повидимому уже не опасенъ для нашего сознанія; онъ не прельщаетъ насъ больше, и отвращеніе къ этому типу заставляетъ даже нашу литературу и критику бросаться въ противоположную крайность, отъ которой также не мѣшаетъ поостеречься; не умѣя остановиться на чистомъ отрицаніи карликовъ, наши писатели стараются противупоставить торжествующей силѣ угнетенную невинность; они хотятъ доказать, что торжествующая сила нехороша, а угнетенная невинность напротивъ того прекрасна; въ этомъ они ошибаются: и сила глупа, и невинность глупа, и только отъ того, что онѣ обѣ глупы, сила стремится угнетать, а невинность погружается въ тупое терпѣніе; свѣту нѣтъ и оттого люди, не видя и не понимая другъ друга, дерутся въ темнотѣ; и хотя у поражаемыхъ субъектовъ часто сыплятся искры изъ глазъ, однако это освѣщеніе, какъ извѣстно по опыту, совершенно не способно разсѣять окружающій мракъ; и какъ-бы ни были многочисленны и разноцвѣтны подставляемые фонари, но всѣ они въ совокупности не замѣняютъ самаго жалкаго сальнаго огарка.

Когда человѣкъ страдаетъ, онъ всегда дѣлается трогательнымъ; вокругъ него разливается особенная мягкая прелесть, которая дѣйствуетъ на васъ съ неотразимой силой; не сопротивляйтесь этому впечатлѣнію, когда оно побуждаетъ васъ въ сферѣ практической дѣятельности заступиться за несчастнаго или облегчить его страданіе; но если вы въ области теоретической мысли разсуждаете объ общихъ причинахъ разныхъ специфическихъ страданій, то вы непремѣнно должны относиться къ страдальцамъ такъ же равнодушно, какъ и къ мучителямъ, вы не должны сочувствовать ни Катеринѣ, ни Кабанихѣ, потому что въ противномъ случаѣ въ вашъ анализъ ворвется лирическій элементъ, который перепутаетъ все ваше разсужденіе. Вы должны считать свѣтлымъ явленіемъ только то, что въ большей или меньшей степени можетъ содѣйствовать прекращенію или облегченію страданія, а если вы расчувствуетесь, то вы назовете лучемъ свѣта — или самую способность страдать, или ослиную кротость страдальца, или нелѣпые порывы его безсильнаго отчаянія, или вообще что-нибудь такое, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ образумить плотоядныхъ карликовъ. И выйдетъ изъ этого, что вы не скажете ни одного дѣльнаго слова, а только обольете читателя ароматомъ вашей чувствительности: читателю это можетъ быть и понравится: онъ скажетъ, что вы человѣкъ отмѣнно хорошій; но я съ своей стороны, рискуя прогнѣвать и читателя, и васъ, замѣчу только, что вы принимаете синія пятна, называемыя фонарями, за настоящее освѣщеніе.

Страдательныя личности нашихъ семействъ, тѣ личности, которымъ порывается посочувствовать наша критика, болѣе или менѣе подходятъ подъ общій типъ вѣчныхъ дѣтей, которыхъ формируетъ ласковое воспитаніе нашей безтолковой жизни. Нашъ народъ говоритъ, что «за битаго двухъ не битыхъ даютъ». Имѣя понятіе о дикости семейныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, мы должны сознаться, что это изреченіе совершенно справедливо и проникнуто

глубокой практической мудростью. Пока въ нашу жизнь не проникнетъ настоящій лучъ свѣта, пока въ массахъ народа не разовьется производительная дѣятельность, разнообразіе занятій, довольство и образованіе, до тѣхъ поръ битый непремѣнно будетъ дороже двухъ небитыхъ, и до тѣхъ поръ родители въ простомъ быту постоянно будутъ принуждены бить своихъ дѣтей для ихъ же пользы. И польза эта вовсе не воображаемая. Даже въ наше просвѣщенное время дѣтямъ простолюдина полезно и необходимо быть битыми, иначе они будутъ современемъ несчастнѣйшими людьми. Дѣло въ томъ, что жизнь сильнѣе воспитанія, и если послѣднее не подчиняется добровольно требованіямъ первой, то жизнь насильно схватываетъ продуктъ воспитанія и спокойно ломаетъ его по своему, не спрашивая о томъ, во что обходится эта ломка живому организму. Съ молодымъ человѣкомъ обращаются такъ же, какъ и со всѣми его сверстниками; другихъ ругаютъ, и его ругаютъ,—другихъ бьютъ, и его бьютъ. Привыкъ или не привыкъ онъ къ этому обращенію—кому до этого дѣло? Привыкъ—хорошо, значитъ выдержитъ; не привыкъ—тѣмъ хуже для него, пусть привыкаетъ. Вотъ какъ разсуждаетъ жизнь, и отъ нея невозможно ни ожидать, ни требовать, чтобы она дѣлала какія-нибудь исключенія въ пользу деликатныхъ комплекцій или нѣжно-воспитанныхъ личностей. Но такъ какъ всякая привычка пріобрѣтается всего легче въ дѣтствѣ, то ясно, что люди воспитанные лаской, будутъ страдать въ своей жизни отъ одинаково-дурного обращенія гораздо сильнѣе, чѣмъ люди, воспитанные палкой. Воспитаніе палкой нехорошо, какъ нехорошо напримѣръ повсемѣстное развитіе пьянства въ нашемъ отечествѣ; но оба эти явленія составляютъ только невинные и необходимые аксессуары нашей бѣдности и нашей дикости; когда мы сдѣлаемся богаче и образованнѣе, тогда закроется по крайней мѣрѣ половина нашихъ кабаковъ, и тогда родители не будутъ бить своихъ дѣтей. Но теперь, когда мужикъ дѣйствительно нуждается въ самозабвеніи и когда водка составляетъ его единственную отраду, было-бы нелѣпо требоватъ, чтобы онъ не ходилъ въ кабакъ; съ тоски онъ могъ-бы придумать что-нибудь еще болѣе безобразное; вѣдь есть и такія племена, которыя ѣдятъ мухоморъ. Теперь и палка приноситъ свою пользу, какъ приготовленіе къ жизни; уничтожьте палку въ воспитаніи, и вы приготовите только для нашей жизни огромное количество безсильныхъ мучениковъ, которые, натерпѣвшись на своемъ вѣку, или помрутъ отъ чахотки, или превратятся понемногу въ ожесточенныхъ мучителей. Въ настоящее время вы имѣете въ каждомъ русскомъ семействѣ два воспитательные элемента: родительскую палку и родительскую ласку; и то, и другой безъ малѣйшей примѣси разумной идеи. И то, и другое изъ рукъ вонъ скверно, но родительская палка все-таки лучше родительской ласки.

Я знаю, чѣмъ я рискую; меня назовутъ обскурантомъ, а заслужить въ наше время это названіе почти то же самое, что было въ средніе вѣка прослыть еретикомъ и колдуномъ. Я очень желаю сохранить за собой честное имя прогрессиста, но, разсчитывая на благоразуміе читателя, надѣюсь, что онъ понимаетъ общее направленіе моей мысли, и, вооружившись этимъ упованіемъ, осмѣливаюсь уклоняться отъ общепринятой рутины нашего дешеваго либерализма. Палка дѣйствительно развиваетъ до нѣкоторой степени дѣтскій умъ, но только не такъ, какъ думаютъ суровые воспитатели; они думаютъ, что коли посѣчь ребенка, такъ онъ запомнитъ и приметъ къ сердцу спасительные совѣты, раскается въ своемъ легкомысліи, пойметъ заблужденіе и исправитъ свою грѣховную волю; для большей вразумительности воспитатели даже сѣкутъ и приговариваютъ, а ребенокъ кричитъ: «никогда не буду!» и значитъ изъявляетъ раскаяніе. Эти соображенія добрыхъ родителей и педагоговъ неосновательны; но въ высѣченномъ субъектѣ дѣйствительно происходитъ процессъ мысли, вызванный именно ощущеніемъ боли. Въ немъ изощряется чувство самосохраненія, которое обыкновенно дремлетъ въ дѣтяхъ, окруженныхъ нѣжными заботами и постоянными ласками. Но чувство самосохраненія составляетъ первую причину всякаго человѣческаго прогресса; это чувство, и только оно одно, заставляетъ дикаря переходить отъ охоты къ скотоводству и земледѣлію; оно кладетъ основаніе всѣмъ техническимъ изобрѣтеніямъ, всякому комфорту, всѣмъ промысламъ, наукамъ и искусствамъ. Стремленіе къ удобству, любовь къ изящному и даже чистая любознательность, которую мы въ простотѣ души считаемъ безкорыстнымъ порывомъ человѣческаго ума къ истинѣ, составляютъ только частныя проявленія и тончайшія видоизмѣненія того самаго чувства, которое побуждаетъ насъ избѣгать боли и опасности. Мы чувствуемъ, что нѣкоторыя ощущенія освѣжаютъ и укрѣпляютъ нашу нервную систему; когда мы долго не получаемъ этихъ ощущеній, тогда организмъ нашъ разстраивается, сначала очень легко, однако такъ, что это разстройство заставляетъ насъ испытать какое-то особенное ощущеніе, извѣстное подъ названіемъ скуки или тоски. Если мы не хотимъ или не можемъ прекратить это непріятное чувство, т. е. если мы не даемъ организму того, что онъ требуетъ, тогда онъ разстроивается сильнѣе, и чувство дѣлается еще непріятнѣе и томительнѣе. Для того, чтобы постоянно чѣмъ-нибудь затыкать ротъ нашему организму, когда онъ такимъ образомъ начинаетъ скрипѣть и пищать, мы, т. е. люди вообще, стали смотрѣть вокругъ себя, стали вглядываться и прислушиваться, стали двигать са-

нымъ усиленнымъ образомъ и руками, и ногами, и мозгами. Разнообразное движеніе совершенно соотвѣтствовало самымъ прихотливымъ требованіямъ неугомонной нервной системы; это движеніе такъ завлекло насъ и такъ полюбилось намъ, что мы занимаемся имъ теперь съ самымъ страстнымъ усердіемъ, совершенно теряя изъ виду исходную точку этого процесса. Мы серьезно думаемъ, что любимъ изящное, любимъ науку, любимъ истину, а на самомъ дѣлѣ мы любимъ только цѣлость нашего хрупкаго организма; да и не любимъ даже, а просто повинуемся слѣпо и невольно закону необходимости, дѣйствующему во всей цѣпи органическихъ созданій, начиная отъ какого-нибудь гриба и кончая какимъ-нибудь Гейне или Дарвиномъ.

IX.

Если чувство самосохраненія, дѣйствуя въ нашей породѣ, вызвало на свѣтъ всѣ чудеса цивилизаціи, то разумѣется это чувство, возбужденное въ ребенкѣ, будетъ въ малыхъ размѣрахъ дѣйствовать въ немъ въ томъ-же направленіи. Чтобы привести въ движеніе мыслительныя способности ребенка, необходимо возбудить и развить въ немъ ту или другую форму чувства самосохраненія. Ребенокъ начнетъ работать мозгомъ только тогда, когда въ немъ проснется какое-нибудь стремленіе, которому онъ пожелаетъ удовлетворить, а всѣ стремленія безъ исключенія вытекаютъ изъ одного общаго источника, именно изъ чувства самосохраненія. Воспитателю предстоитъ только выборъ той формы этого чувства, которую онъ пожелаетъ возбудить и развить въ своемъ воспитанникѣ. Образованный воспитатель выберетъ тонкую и положительную форму, т. е. стремленіе къ наслажденію; а воспитатель полудикій поневолѣ возьметъ грубую и отрицательную форму, т. е. отвращеніе къ страданію; второму воспитателю нѣтъ выбора; стало-быть очевидно надо или сѣчь ребенка, или помириться съ той мыслью, что въ немъ всѣ стремленія останутся непробужденными и что умъ его будетъ дремать до тѣхъ поръ, пока жизнь не начнетъ толкать и швырять его по своему. Ласковое воспитаніе хорошо и полезно только тогда, когда воспитатель умѣетъ возбудить въ ребенкѣ высшія и положительныя формы чувства самосохраненія, т. е. любовь къ полезному и къ истинному, стремленіе къ умственнымъ занятіямъ и страстное влеченіе къ труду и къ знанію. У тѣхъ людей, для которыхъ эти хорошія вещи не существуютъ, ласковое воспитаніе есть не что иное, какъ медленное развращеніе ума посредствомъ бездѣйствія. Умъ спитъ годъ, два, десять лѣтъ и наконецъ доспится до того, что даже толчки дѣйствительной жизни перестаютъ возбуждать его. Человѣку не все равно, когда начать развиваться съ пятилѣтія или съ двадцати лѣтъ. Въ двадцать лѣтъ и обстоятельства встрѣчаются не тѣ, да и самъ человѣкъ уже не тотъ. Не имѣя возможности справиться съ обстоятельствами, двадцатилѣтній ребенокъ поневолѣ подчиняется имъ, и жизнь начнетъ кидать это пассивное существо изъ стороны въ сторону, а ужъ тутъ плохо развиваться, потому что когда на охоту ѣдутъ, тогда собакъ поздно кормить. И выйдетъ изъ человѣка ротозѣй и тряпка, интересный страдалецъ и невинная жертва. Когда ребенокъ не затронутъ никакими стремленіями, когда дѣйствительная жизнь не подходитъ къ нему ни въ видѣ угрожающей розги, ни въ видѣ тѣхъ обязательныхъ и серьезныхъ вопросовъ, которые она задастъ человѣческому уму,—тогда мозгъ не работаетъ, а постоянно играетъ разными представленіями и впечатлѣніями. Эта безцѣльная игра мозга называется фантазіей и кажется даже считается въ психологіи особенной силой души. На самомъ-же дѣлѣ эта игра есть просто проявленіе мозговой силы, непристроенной къ дѣлу. Когда человѣкъ думаетъ, тогда силы его мозга сосредоточиваются на опредѣленномъ предметѣ и слѣдовательно регулируются единствомъ цѣли; а когда нѣтъ цѣли, тогда готовой мозговой силѣ все-таки надо-же куда-нибудь дѣваться; ну, и начинается въ мозгу такое движеніе представленій и впечатлѣній, которое относится къ мыслительной дѣятельности такъ, какъ насвистываніе какого-нибудь мотива относится къ оперному пѣнію передъ многочисленной и взыскательной публикой. Размышленіе есть трудъ, требующій участія воли, трудъ невозможный безъ опредѣленной цѣли, а фантазія есть совершенно невольное отправленіе, возможное только при отсутствіи цѣли. Фантазія—сонъ на яву; поэтому и существуютъ на всѣхъ языкахъ для обозначенія этого понятія такія слова, которыя самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ понятіемъ о снѣ; по-русски—греза, по-французски—rêverie, по-нѣмецки—Träumerei, по-англійски—day dream. Очень понятно, что спать днемъ и притомъ спать на яву можетъ только такой человѣкъ, которому нечего дѣлать и который не умѣетъ употребить свое время ни на то, чтобы улучшить свое положеніе, ни на то, чтобы освѣжить свои нервы дѣятельнымъ наслажденіемъ. Чтобы быть фантазеромъ, вовсе не нужно имѣть темпераментъ особеннаго устройства; всякій ребенокъ, у котораго нѣтъ никакихъ заботъ и у котораго очень много досуга непремѣнно сдѣлается фантазеромъ; фантазія родится тогда, когда жизнь пуста и когда нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ интересовъ; эта мысль оправдывается какъ въ жизни цѣлыхъ народовъ, такъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей. Если эстетики будутъ превозносить развитіе фантазіи, какъ свѣтлое и отрадное явленіе, то этимъ они обнаружатъ только свою привязанность къ пустотѣ и свое отвращеніе къ тому, что дѣйствительно возвышаетъ человѣка; или еще проще, они докажутъ

намъ, что они чрезвычайно лѣнивы и что умъ ихъ уже не переноситъ серьезной работы. Впрочемъ это обстоятельство уже ни для кого не составляетъ тайны.

X.

Наша жизнь, предоставленная своимъ собственнымъ принципамъ, вырабатываетъ карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Первые дѣлаютъ зло активное, вторые—пассивное; первые больше мучаютъ другихъ, чѣмъ страдаютъ сами, вторые больше страдаютъ сами, чѣмъ мучаютъ другихъ. Впрочемъ съ одной стороны карлики вовсе не наслаждаются безмятежнымъ счастьемъ, а съ другой стороны вѣчные дѣти причиняютъ часто другимъ очень значительныя страданія; только дѣлаютъ они это не нарочно по трогательной невинности или, что тоже, по непроходимой глупости. Карлики страдаютъ узкостью и мелкостью ума, а вѣчные дѣти—умственной спячкой, и вслѣдствіе этого совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла. По милости карликовъ наша жизнь изобилуетъ грязными и глупыми комедіями, которыя разыгрываются каждый день, въ каждомъ семействѣ, при всѣхъ сдѣлкахъ и отношеніяхъ между людьми; по милости вѣчныхъ дѣтей, эти грязныя комедіи иногда заканчиваются глупыми трагическими развязками. Карликъ ругается и дерется, но соблюдаетъ при этихъ дѣйствіяхъ благоразумную разсчетливость, чтобы не надѣлать себѣ скандала и чтобы не вынести сора изъ избы. Вѣчный ребенокъ все терпитъ и все печалится, а потомъ, какъ прорветъ его, онъ и хватитъ заразъ, да ужъ такъ хватитъ, что или самого себя, или своего собесѣдника уложитъ на мѣстѣ. Послѣ этого завѣтный соръ разумѣется не можетъ оставаться въ избѣ и препровождается въ уголовную палату. Простая драка превратилась въ драку съ убійствомъ, и трагедія вышла такая же глупая, какая была предшествовавшая ей комедія.

Но эстетики понимаютъ дѣло иначе; въ ихъ головы засѣла очень глубоко старая піитика, предписывающая писать трагедіи высокимъ слогомъ, а комедіи—среднимъ и, смотря по обстоятельствамъ, даже низкимъ; эстетики помнятъ что герой умираетъ въ трагедіи насильственной смертью; они знаютъ, что трагедія непремѣнно должна производить впечатлѣніе возвышенное, что она можетъ возбуждать ужасъ, но не презрѣніе, и что несчастный герой долженъ приковывать къ себѣ вниманіе и сочувствіе зрителей. Вотъ эти-то предписанія піитики они и прикладываютъ къ обсужденію тѣхъ словесныхъ и рукопашныхъ схватокъ, которыя составляютъ мотивы и сюжеты нашихъ драматическихъ произведеній. Эстетики открещиваются и отплевываются отъ преданій старой піитики; они не упускаютъ ни одного случая посмѣяться надъ Аристотелемъ и Буало и заявить свое собственное превосходство надъ ложно-классическими теоріями, а между тѣмъ именно эти одряхлѣвшія преданія составляютъ до сихъ поръ все содержаніе эстетическихъ приговоровъ. Эстетикамъ и въ голову не приходитъ, что трагическое происшествіе почти всегда бываетъ такъ же глупо, какъ и комическое, и что глупость можетъ составлять единственную пружину разнообразнѣйшихъ драматическихъ коллизій. Какъ только дѣло переходитъ отъ простой бесѣды къ уголовному преступленію, такъ эстетики тотчасъ приходятъ въ смущеніе и спрашиваютъ себя, кому-жъ они будутъ сочувствовать, и какое выраженіе изобразятъ они на своихъ физіономіяхъ—ужасъ или негодованіе, или глубокую задумчивость, или торжественную грусть? Но вообще надо имъ найти, во-первыхъ, предметъ для сочувствія, а во-вторыхъ,—возвышенное выраженіе для собственной физіономіи. Иначе нельзя и говорить о трагическомъ происшествіи.

Однако, что же въ самомъ дѣлѣ, думаетъ читатель, вѣдь не смѣяться-же, когда люди лишаютъ себя живота или перегрызаютъ другъ другу горло? О, мой читатель, кто васъ заставляетъ смѣяться? Я такъ-же мало понимаю смѣхъ при видѣ нашихъ комическихъ глупостей, какъ и возвышенныя чувства при видѣ нашихъ трагическихъ пошлостей; совсѣмъ не мое дѣло, и вообще не дѣло критика предписывать читателю, что онъ долженъ чувствовать; не мое дѣло говорить вамъ: позвольте, сударь, улыбнуться,—потрудитесь, сударыня, вздохнуть и возвести очи къ небу. Я беру все, что пишется нашими хорошими писателями,—романы, драмы, комедіи, что угодно,—я беру все это, какъ сырые матеріалы, какъ образчики нашихъ нравовъ; я стараюсь анализировать всѣ эти разнообразныя явленія, я замѣчаю въ нихъ общія черты, я отыскиваю связь между причинами и слѣдствіями, и прихожу такимъ путемъ къ тому заключенію, что всѣ наши треволненія и драматическія коллизіи обусловливаются исключительно слабостью нашей мысли и отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ знаній, то есть, говоря короче, глупостью и невѣжествомъ. Жестокость семейнаго деспота, фанатизмъ старой ханжи, несчастная любовь дѣвушки къ негодяю, кротость терпѣливой жертвы семейнаго самовластія, порывы отчаянія, ревность, корыстолюбіе, мошенничество, буйный разгулъ, воспитательная розга, воспитательная ласка, тихая мечтательность, восторженная чувствительность—вся эта пестрая смѣсь чувствъ, качествъ и поступковъ, возбуждающихъ въ груди пламеннаго эстетика цѣлую бурю высокихъ ощущеній, вся эта смѣсь сводится, по моему мнѣнію, къ одному общему источнику, который, сколько мнѣ кажется, не можетъ возбуждать въ насъ ровно никакихъ ощущеній, ни высокихъ, ни низкихъ. Все это различныя проявленія неисчерпаемой глупости.

Добрые люди будутъ горячо спорить между собою о томъ, что въ этой смѣси хорошо и что дурно; вотъ это, скажутъ, добродѣтель, а вотъ это порокъ; но безплоденъ будетъ весь споръ добрыхъ людей: нѣтъ тутъ ни добродѣтелей, ни пороковъ, нѣтъ ни звѣрей, ни ангеловъ. Есть только хаосъ и темнота, есть непониманіе и неумѣнье понимать. Надъ чѣмъ-же тутъ смѣяться, противъ чего тутъ негодовать, чему тутъ сочувствовать? Что тутъ долженъ дѣлать критикъ? Онъ долженъ говорить обществу и сегодня, и завтра, и послѣзавтра, и десять лѣтъ подрядъ, и сколько хватитъ его силъ и его жизни, — говорить, не боясь повтореній, говорить такъ, чтобы его понимали, говорить постоянно, что народъ нуждается только въ одной вещи, въ которой заключаются уже всѣ остальныя блага человѣческой жизни. Нуждается онъ въ движеніи мысли, а это движеніе возбуждается и поддерживается пріобрѣтеніемъ знаній. Пусть общество не сбивается съ этой прямой и единственной дороги къ прогрессу, пусть не думаетъ, что ему надо пріобрѣсти какія-нибудь добродѣтели, привить къ себѣ какія-нибудь похвальныя чувства, запастись тонкостью вкуса, или вытвердить кодексъ либеральныхъ убѣжденій. Все это мыльные пузыри, все это дешевая поддѣлка настоящаго прогресса, все это болотные огоньки, заводящіе насъ въ трясину возвышеннаго краснорѣчія, все это бесѣды о честности зипуна и о необходимости почвы, и отъ всего этого мы не дождемся ни одного луча настоящаго свѣта. Только живая и самостоятельная дѣятельность мысли, только прочныя и положительныя знанія обновляютъ жизнь, разгоняютъ темноту, уничтожаютъ глупые пороки и глупыя добродѣтели и такимъ образомъ выметаютъ соръ изъ избы, не перенося его въ уголовную палату. Но не думайте пожалуйста, что народъ найдетъ свое спасеніе въ тѣхъ знаніяхъ, которыми обладаетъ наше общество и которыя разсыпаютъ щедрой рукой книжки, продающіяся теперь для блага младшихъ братьевъ по пятаку и по гривнѣ. Если вмѣсто такого просвѣщенія мужикъ купитъ себѣ калачъ, то онъ докажетъ этимъ поступкомъ, что онъ гораздо умнѣе составителя книжки и самъ могъ-бы многому научить послѣдняго.

Дерзость наша равняется только нашей глупости, и только глупостью нашей можетъ быть объяснена и оправдана. Мы—просвѣтители народа?!.. Что это—невинная шутка, или ядовитая насмѣшка? Да сами-то мы что̀ такое? Неправда-ли, какъ мы много знаемъ, какъ мы основательно мыслимъ, какъ превосходно мы наслаждаемся жизнью, какъ умно мы установили наши отношенія къ женщинѣ, какъ глубоко мы поняли необходимость работать на пользу общую? Да можно-ли перечислить всѣ наши достоинства? Вѣдь мы такъ безподобны, что, когда намъ покажутъ издали, въ романѣ, поступки и размышленія умнаго и развитого человѣка, тогда мы сейчасъ въ ужасъ придемъ и глаза зажмуримъ, потому что примемъ неискаженный человѣческій образъ за чудовищное явленіе. Вѣдь мы такъ человѣколюбивы, что, великодушно забывая свою собственную неумытость, лѣземъ непремѣнно умывать нашими грязными руками младшихъ братьевъ, о которыхъ болитъ наша нѣжная душа и которые, само собою разумѣется, выпачканы также до помраченія человѣческаго образа. И усердно мажемъ мы грязными руками по грязнымъ лицамъ, и велики наши труды, и пламенна наша любовь, во-первыхъ— къ чумазымъ братьямъ, а во-вторыхъ—къ ихъ пятакамъ и гривнамъ, и человѣколюбивые подвиги темныхъ просвѣтителей могутъ съ величайшимъ удобствомъ продолжаться вплоть до второго пришествія не нанося ни малѣйшаго ущерба тому надежному слою грязи, который съ полнымъ безпристрастіемъ украшаетъ какъ хлопотливыя руки учителей, такъ и неподвижныя лица учениковъ. Глядя на чудеса нашего народолюбія, поневолѣ прибѣгнешь къ языку боговъ и произнесешь стихъ Полонскаго:

Тебѣ ли съ рыломъ
Суконнымъ да въ гостиный рядъ.

Лучшіе наши писатели очень хорошо чувствуютъ, что рыло у насъ дѣйствительно суконное и что въ гостиный рядъ намъ покуда ходить не зачѣмъ. Они понимаютъ, что имъ самимъ слѣдуетъ учиться и развиваться и что вмѣстѣ съ ними должно учиться то русское общество, которое для красоты слога называетъ себя образованнымъ. Они видятъ очень ясно двѣ вещи: первое— то, что наше общество, при теперешнемъ уровнѣ своего образованія, совершенно безсильно и слѣдовательно неспособно произвести въ понятіяхъ и нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія ни въ дурную, ни въ хорошую сторону, а второе—то, что еслибы даже, по какому-нибудь необъяснимому стеченію случайностей, теперешнему обществу удалось переработать народъ по своему образу и подобію, то это было-бы для народа истиннымъ несчастіемъ.

Чувствуя, понимая и видя все это, лучшіе наши писатели, люди, дѣйствительно мыслящіе, обращаются до сихъ поръ исключительно къ обществу, а книжки для народа пишутся тѣми литературными промышленниками, которые въ другое время стали-бы издавать сонники и новыя собранія пѣсенъ московскихъ цыганъ. Даже такое чистое и святое дѣло, какъ воскресныя школы, оказывается еще сомнительнымъ. Тургеневъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ, что мужикъ говорилъ съ Базаровымъ, какъ съ несмыслящимъ ребенкомъ, и смотрѣлъ на него, какъ на шута гороховаго. Пока на сто квадратныхъ миль будетъ приходиться по одному Базарову, да и то врядъ ли, до тѣхъ поръ всѣ, и сермяжники, и

джентльмэны, будутъ считать Базаровыхъ вздорными мальчишками и смѣшными чудаками. Пока одинъ Базаровъ окруженъ тысячами людей, неспособныхъ его понимать, до тѣхъ поръ Базарову слѣдуетъ сидѣть за микроскопомъ и рѣзать лягушекъ, и печатать книги и статьи съ анатомическими рисунками. Микроскопъ и лягушка—вещи невинныя и занимательныя, а молодежь—народъ любопытный; ужъ если Павелъ Петровичъ Кирсановъ не утерпѣлъ, чтобы не взглянуть на инфузорію, глотавшую зеленую пылинку, то молодежь и подавно не утерпитъ, и не только взглянетъ, а постарается завести себѣ свой микроскопъ и незамѣтно для самой себя проникнется глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ. А только это и нужно. Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ-то, и заключаются спасеніе и обновленіе русскаго народа. Ей-Богу, читатель, я не шучу и не потѣшаю васъ парадоксами. Я выражаю только безъ торжественности такую истину, въ которой я глубоко убѣжденъ и въ которой гораздо раньше меня убѣдились самыя свѣтлыя головы въ Европѣ и слѣдовательно во всемъ подлунномъ мірѣ. Вся сила здѣсь въ томъ, что по поводу разрѣзанной лягушки чрезвычайно мудрено приходить въ восторгъ и говорить такія фразы, въ которыхъ понимаешь одну десятую часть, а иногда и еще того меньше. Пока мы, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, спали невиннымъ сномъ грудного ребенка, до тѣхъ поръ фразерство не было для насъ опасно; теперь, когда наша слабая мысль начинаетъ понемногу шевелиться, фразы могутъ на долго задержать и изуродовать наше развитіе. Стало быть, если наша молодежь съумѣетъ вооружиться непримиримой ненавистью противъ всякой фразы, кѣмъ-бы она ни была произнесена, Шатобріаномъ или Прудономъ, если она выучится отыскивать вездѣ живое явленіе, а не ложное отраженіе этого явленія въ чужомъ сознаніи, то мы будемъ имѣть полное основаніе разсчитывать на довольно нормальное и быстрое улучшеніе нашихъ мозговъ. Конечно эти разсчеты могутъ быть совершенно перепутаны историческими обстоятельствами, но объ этомъ я не говорю, потому что тутъ голосъ критики совершенно безсиленъ. Но придетъ время,—и оно уже вовсе недалеко,—когда вся умная часть молодежи, безъ различія сословія и состоянія, будетъ жить полной умственной жизнью и смотрѣть на вещи разсудительно и серьезно. Тогда молодой землевладѣлецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы, и устроитъ ихъ такъ, какъ того требуютъ общіе интересы хозяина и работниковъ; и этого довольно; хорошая ферма и хорошая фабрика, при раціональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственную возможную школу для народа, во-первыхъ потому, что эта школа кормитъ своихъ учениковъ и учителей, а во-вторыхъ потому, что она сообщаетъ знаніе не по книгѣ, а по явленіямъ живой дѣйствительности. Книга придетъ въ свое время, устроить школы при фабрикахъ и при фермахъ будетъ такъ легко, что это уже сдѣлается само собою.

Вопросъ о народномъ трудѣ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные вопросы и самъ не заключается ни въ одномъ изъ нихъ; поэтому надо постоянно имѣть въ виду именно этотъ вопросъ и не развлекаться тѣми второстепенными подробностями, которыя всѣ будутъ устроены, какъ только подвинется впередъ главное дѣло. Не даромъ Вѣра Павловна заводитъ мастерскую, а не школу, и не даромъ тотъ романъ, въ которомъ описывается это событіе, носитъ заглавіе: «Что дѣлать?» Тутъ дѣйствительно дается нашимъ прогрессистамъ самая вѣрная и вполнѣ осуществимая программа дѣятельности. Много-ли, мало-ли времени придется намъ идти къ нашей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы обогатить и просвѣтить нашъ народъ,—объ этомъ безполезно спрашивать. Это—вѣрная дорога, и другой вѣрной дороги нѣтъ. Русская жизнь, въ самыхъ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, не заключаетъ рѣшительно никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія; въ ней лежатъ только сырые матеріалы, которые должны быть оплодотворены и переработаны вліяніемъ общечеловѣческихъ идей; русскій человѣкъ принадлежитъ къ высшей, кавказской расѣ; стало-быть, всѣ милліоны русскихъ дѣтей, неискалѣченныхъ элементами нашей народной жизни, могутъ сдѣлаться и мыслящими людьми, и здоровыми членами цивилизованнаго общества. Разумѣется, такой колоссальный умственный переворотъ требуетъ времени. Онъ начался въ кругу самыхъ дѣльныхъ студентовъ и самыхъ просвѣщенныхъ журналистовъ. Сначала были свѣтлыя личности, стоявшія совершенно одиноко; было время, когда Бѣлинскій воплощалъ въ себѣ всю сумму свѣтоносныхъ идей, находившихся въ нашемъ отечествѣ; теперь, испытавши по дорогѣ много видоизмѣненій, одинокая личность русскаго прогрессиста разрослась въ цѣлый типъ, который нашелъ уже себѣ свое выраженіе въ литературѣ и который называется или Базаровымъ, или Лопуховымъ. Дальнѣйшее развитіе умственнаго переворота должно идти такъ-же, какъ шло его начало; оно можетъ идти скорѣе или медленнѣе, смотря по обстоятельствамъ, но оно должно идти все одной и той-же дорогой.

XI.

Не ждите и не требуйте отъ меня, читатель, чтобы я теперь сталъ продолжать начатый анализъ характера Катерины. Я такъ откровенно и такъ подробно высказалъ вамъ свое мнѣніе о

цѣломъ порядкѣ явленій «темнаго царства» или, говоря проще, семейнаго курятника,—что мнѣ теперь осталось-бы только прикладывать общія мысли къ отдѣльнымъ лицамъ и положеніямъ; мнѣ пришлось-бы повторять то, что я уже высказалъ, а это была-бы работа очень не головоломная, и вслѣдствіе этого очень скучная и совершенно безполезная. Если читатель находитъ идеи этой статьи справедливыми, то онъ вѣроятно согласится съ тѣмъ, что всѣ новые характеры, выводимые въ нашихъ романахъ и драмахъ, могутъ относиться или къ базаровскому типу, или къ разряду карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Отъ карликовъ и отъ вѣчныхъ дѣтей ждать нечего; новаго они ничего не произведутъ; если вамъ покажется, что въ ихъ мірѣ появился новый характеръ, то вы смѣло можете утверждать, что это—оптическій обманъ. То, что вы въ первую минуту примите за новое, скоро окажется очень старымъ; это просто—новая помѣсь карлика съ вѣчнымъ ребенкомъ, а какъ ни смѣшивайте эти два элемента, какъ ни разбавляйте одинъ видъ тупоумія другимъ видомъ тупоумія, въ результатѣ все-таки получите новый видъ стараго тупоумія.

Эта мысль совершенно подтверждается двумя послѣдними драмами Островскаго: «Гроза» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Въ первой—русская Офелія, Катерина, совершивъ множество глупостей, бросается въ воду и дѣлаетъ такимъ образомъ послѣднюю и величайшую нелѣпость. Во второй — русскій Отелло, Красновъ, во все время драмы ведетъ себя довольно сносно, а потомъ сдуру зарѣзываетъ свою жену, очень ничтожную бабенку, на которую и сердиться не стоило. Можетъ-быть русская Офелія ничѣмъ не хуже настоящей и можетъ-быть Красновъ ни въ чемъ не уступитъ венеціанскому мавру, но это ничего не доказываетъ: глупости могли такъ-же удобно совершаться въ Даніи и въ Италіи, какъ и въ Россіи; а что въ средніе вѣка онѣ совершались гораздо чаще и были гораздо крупнѣе, чѣмъ въ наше время, это уже не подлежитъ никакому сомнѣнію; но средневѣковымъ людямъ, и даже Шекспиру, было еще извинительно принимать большія человѣческія глупости за великія явленія природы, а намъ, людямъ XIX столѣтія, пора же называть вещи ихъ настоящими именами. Есть правда и у насъ средневѣковые люди, которые увидятъ въ подобномъ требованіи оскорбленіе искусства и человѣческой природы, но вѣдь на всѣ вкусы мудрено угодить; такъ пускай ужъ эти люди гнѣваются на меня, если это необходимо для ихъ здоровья.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о двухъ другихъ произведеніяхъ Островскаго, о драматической хроникѣ «Козьма Мининъ» и о сценахъ «Тяжелые дни». По правдѣ сказать, я хорошенько не вижу, чѣмъ «Козьма Мининъ» отличается отъ драмы Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». И Кукольникъ, и Островскій рисуютъ историческія событія такъ, какъ наши доморощенные живописцы и граверы рисуютъ доблестныхъ генераловъ; на первомъ планѣ огромный генералъ сидитъ на лошади и машетъ какимъ-нибудь дрекольемъ; потомъ—клубы пыли или дыма—что именно не разберешь; потомъ—за клубами крошечные солдатики, поставленные на картину только для того, чтобы показать наглядно, какъ великъ полковой командиръ и какъ малы въ сравненіи съ нимъ нижніе чины. Такъ, у Островскаго на первомъ планѣ—колоссальный Мининъ, за нимъ—его страданія на яву и видѣнія во снѣ, а совсѣмъ назади два-три карапузика изображаютъ русскій народъ, спасающій отечество. По настоящему слѣдовало-бы всю картину перевернуть, потому что въ нашей исторіи Мининъ, а во французской—Іоанна д'Аркъ понятны только какъ продукты сильнѣйшаго народнаго воодушевленія. Но наши художники разсуждаютъ по своему, и урезонить ихъ мудрено. Что касается до «Тяжелыхъ дней», то это ужъ и Богъ знаетъ что за произведеніе. Остается пожалѣть, что Островскій не украсилъ его куплетами и переодѣваніями, вышелъ-бы премиленькій водевиль, который съ большимъ успѣхомъ можно было-бы давать на сценѣ для съѣзда и для разъѣзда театральной публики. Сюжетъ заключается въ томъ, что добродѣтельный и остроумный чиновникъ съ безкорыстіемъ, достойнымъ самаго идеальнаго становаго, устраиваетъ счастье купеческаго сына Андрея Брускова и купеческой дочери Александры Кругловой. Дѣйствующія лица пьютъ шампанское, занавѣсъ опускается, и статья моя оканчивается.

1864 г. Мартъ.

Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній.

I.

Введеніе.

Человѣкъ, совершенно незнакомый съ естественными науками, не можетъ даже приблизительно представить себѣ, до какой степени разнообразны произведенія природы. Натуралисты до сихъ поръ не могутъ справиться съ этимъ разнообразіемъ и до сихъ поръ постоянно строятъ различныя классификаціи, которыя постоянно приходится передѣлывать то въ самомъ основаніи, то въ многочисленныхъ подробностяхъ.

Во-первыхъ, всю природу нашей планеты дѣлятъ на три царства: минеральное, растительное и животное; но съ одной стороны, Жоффруа-Сентъ-Илеръ и Катрфажъ желаютъ, чтобы для человѣка было отведено четвертое царство, а съ другой стороны, нѣкоторые ученые утверждаютъ, что между растеніями и животными нельзя провести рѣзкую границу, потому что между ними существуетъ множество переходныхъ формъ. Разногласіе начинается такимъ образомъ съ перваго шага; затѣмъ царства раздѣляются на отдѣлы; царство животныхъ, которое я постоянно буду имѣть въ виду въ этомъ очеркѣ, раздѣляется на два *отдѣла*—позвоночныя и безпозвоночныя. Къ первому принадлежатъ четыре класса: млекопитающія, птицы, земноводныя и рыбы; ко второму—четырнадцать различныхъ классовъ, изъ которыхъ я назову здѣсь насѣкомыхъ, моллюсковъ, полиповъ и микроскопическихъ инфузорій. Потомъ классы распадаются на *порядки*, порядки—на *группы*, группы—на *семейства*, семейства—на *роды*, роды—на *виды*, и наконецъ въ каждомъ видѣ различается по нѣскольку породъ, расъ или разновидностей. Вотъ тутъ-то въ самомъ концѣ классификаціи натуралисты-систематики испытываютъ постоянныя огорченія. Возьмемъ, напримѣръ, барана. Принадлежитъ онъ, по учебнику Григорьева, къ царству животныхъ, къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ порядку двукопытныхъ, къ семейству полорогихъ, къ роду — ovis, видъ — ovis aries.

Пока идетъ дѣло о высшихъ инстанціяхъ, отъ царства до порядка и даже до семейства, до тѣхъ поръ все обстоитъ благополучно; что баранъ—животное, что у него есть позвоночный хребетъ, что его самка питаетъ дѣтей молокомъ, что у него раздвоенныя копыта и полые рога — все это неопровержимыя истины. Но произносится родовое названіе ovis и начинается рядъ недоразумѣній; вы не знаете, на что указываетъ это названіе—на сходство признаковъ или на единство происхожденія. Что за слово ovis? Похоже-ли оно на слово *блондинъ* или *брюнетъ*, или, напротивъ того, фамилію *Петровъ* или *Ивановъ?* Вы предлагаете этотъ вопросъ натуралисту, и онъ вамъ отвѣчаетъ, что различные члены одного рода соединены между собою только сходствомъ признаковъ. А члены одного вида? спрашиваете вы дальше. Это другое дѣло, отвѣчаетъ натуралистъ, тѣ связаны между собой единствомъ происхожденія. «Тѣ животныя,—говоритъ вамъ учебникъ,—которыя сходны между собой во всѣхъ своихъ признакахъ (въ строеніи своихъ органовъ, въ наружной формѣ тѣла, въ образѣ жизни и проч.) и которыя *происходятъ отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей*,—соединяются при описаніяхъ вмѣстѣ въ одинъ *видъ.*»

Чудесно, думаете вы. Вотъ у меня ovis aries; стало быть, и сынъ его будетъ ovis aries, и внукъ, и правнукъ, и такъ далѣе до свѣтопреставленія. Если-же я обращу взоръ свой въ прошедшее, то увижу за своимъ ovis aries необозримо длинный рядъ предковъ, которые всѣ точь-въ-точь похожи другъ на друга и на своего общаго родоначальника, на перваго ovis aries, явившагося на свѣтъ безъ отца и безъ матери. Понимаю. Успокоившись такимъ образомъ, вы продолжаете читать исторію о баранѣ, но вдругъ оказывается, что вы совсѣмъ ничего не понимаете. Вамъ объявляютъ, что баранъ «представляетъ множество разновидностей, какъ-то: мериносы изъ Испаніи,

съ тонкой курчавой шерстью; англійская овца, безрогая, съ тонкой шерстью; венгерскій баранъ со спирально закрученными рогами и грубой шерстью; курдючныя и жирнохвостыя овцы, замѣчательныя скопленіемъ жира въ хвостѣ и въ задней части тѣла, съ хвостомъ длиннымъ, толстымъ и съ повислыми ушами». А куда же дѣвался настоящій представитель вида? Гдѣ вашъ неизмѣнный ovis aries, на котораго вы надѣялись, какъ на каменную гору, и который долженъ былъ происходить *«отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей»*? Онъ васъ обманулъ, онъ растаялъ у насъ въ рукахъ и превратился во «множество разновидностей», съ которыми вы опять не знаете, что̀ дѣлать. Вамъ представляются два возможныя объясненія, и оба они одинаково губительны для вида ovis aries. Во-первыхъ, вы можете держаться того принципа, что каждое животное происходитъ «отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей». Тогда вы должны будете допустить, что всѣ мериносы происходятъ отъ мериноса, венгерскіе бараны — отъ венгерскаго барана, курдючныя овцы—отъ курдючной овцы, и такъ далѣе. Но вѣдь разновидностей дѣйствительно существуетъ великое множество. Въ одной Англіи разводится столько различныхъ породъ барановъ, что одинъ натуралистъ печатно высказалъ предположеніе, будто эти породы должны происходить отъ одиннадцати сортовъ дикихъ барановъ. Стало быть, вамъ придется вмѣсто одной формы ovis aries представить себѣ безчисленное множество самостоятельныхъ формъ, вышедшихъ изъ нѣдръ земли въ полномъ всеоружіи своихъ оттѣнковъ и аттрибутовъ, точно такъ, какъ Минерва вышла изъ головы Зевеса. Очевидно, что понятіе ovis aries окажется совершенно неуловимымъ миѳомъ. Во-вторыхъ, вы можете отбросить въ сторону тотъ принципъ, что дѣти совершенно подобны родителямъ. Тогда вы увидите, что и мериносы, и венгерскіе бараны, и англійскіе, и курдючные могли произойти отъ одной общей формы, которую пожалуй можно будетъ назвать ovis aries. Но если эта общая форма расползлась такимъ образомъ въ разныя стороны и испытала на себѣ множество превращеній, то какая-же она послѣ этого неизмѣнная? А если ovis aries измѣнялся и вчера, и третьяго дня, и въ прошломъ столѣтіи и въ запрошломъ, то гдѣ же основаніе думать, что онъ когда-нибудь былъ совершенно неизмѣннымъ? Если мериносы, курдючные, венгерскіе, англійскіе составляютъ развѣтвленія одной общей формы, то эта общая форма въ свою очередь представляется отросткомъ другой формы, еще болѣе общей напримѣръ такой, которая въ глубинѣ вѣковъ соединяла въ себѣ всѣхъ теперешнихъ представителей рода ovis. Еслибы вмѣсто барана мы взяли какое-нибудь другое животное, то намъ во всякомъ случаѣ представились-бы то-же самое затрудненіе и та-же дилемма; встрѣчаясь съ разновидностями, намъ пришлось-бы или предположить, что онѣ существуютъ отъ начала вѣковъ, или допустить, что онѣ выработались изъ одной общей формы, способной измѣняться.

Большинство натуралистовъ постоянно уклонялось отъ прямого разрѣшенія этого неизбѣжнаго вопроса. Они отвѣчали такъ, что въ отвѣтѣ ихъ всегда заключалось глухое внутреннее противорѣчіе, котораго они сами не хотѣли почувствовать. Они говорили, что земля испытала во время своего существованія нѣсколько такихъ геологическихъ переворотовъ, которые всякій разъ истребляли до-тла всю органическую жизнь. Вся наша планета перепахивалась такимъ образомъ за-ново и послѣ каждаго подобнаго паханія засѣвалась совершенно новыми и небывалыми видами растеній и животныхъ. Эти новые виды являлись совершенно готовыми и тотчасъ принимались за свойственныя имъ занятія. Дубъ покрывался зелеными листьями и въ надлежащее время ронялъ свои жолуди, которые въ значительномъ количествѣ истребляла дикая свинья; баранъ щипалъ траву и пережевывалъ жвачку; волкъ съѣдалъ барана; щука глотала карасей; кукушка клала свои яица въ чужія гнѣзда; словомъ, послѣ послѣдняго геологическаго переворота все пошло тотчасъ тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ оно идетъ въ настоящее время. Но натуралисты никакъ не рѣшались утверждать, что изъ нѣдръ земли вышли готовыми не виды, а разновидности. Идеальный баранъ могъ выдти готовымъ; на то онъ идеальный, на то онъ представитель неизмѣннаго типа, на то онъ родоначальникъ всей бараньей породы; но крымскій баранъ, рѣшетиловскій, калмыцкій, одиннадцать англійскихъ, мериносъ, и такъ далѣе—все это мелкія и частныя явленія, и о нихъ никакъ не могло быть рѣчи послѣ такого великаго событія, какъ геологическій переворотъ. Это—разновидности, представляющія большія или меньшія уклоненія отъ оригинальнаго и неизмѣннаго типа. Это—игра природы, это—случайное явленіе, а типъ все-таки сохраняется, и баранъ все-таки остается бараномъ, и всегда былъ таковымъ, съ той самой минуты, какъ онъ вышелъ изъ нѣдръ земли. Тутъ натуралисты попадали очевидно въ безвыходное противорѣчіе, и такія слова, какъ игра природы или случайное уклоненіе, разумѣется, ничего не объясняли и даже не представляли рѣшительно никакого ручательства въ пользу неизмѣнности основного типа. Поэтому уже въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторые натуралисты стали догадываться, что виды могутъ перерождаться, и что во всей органической природѣ по всей вѣроятности нѣтъ ничего неизмѣннаго, кромѣ тѣхъ общихъ законовъ, которыми управляется вся матерія.

Однимъ изъ первыхъ выразилъ эту мысль поэтъ Гёте, который, какъ извѣстно, былъ очень

замѣчательнымъ естествоиспытателемъ. Но пока господствовала теорія геологическихъ переворотовъ, до тѣхъ поръ должна была держаться вѣра въ самостоятельное значеніе видовыхъ типовъ. Когда натуралисты думали, что земля нѣсколько разъ заселялась за-ново, тогда трудно было допустить предположеніе, что органическая жизнь всякій разъ начинала свое развитіе съ самыхъ простыхъ формъ и всякій разъ путемъ медленнаго и естественнаго совершенствованія доходила до болѣе сложныхъ явленій. Если стихіи могли производить геологическіе перевороты, подобные перемѣнамъ декорацій въ волшебномъ балетѣ, то и всѣ остальные процессы природы могли также совершаться необъяснимымъ путемъ мгновенныхъ возникновеній, исчезаній и превращеній. При такомъ взглядѣ на прошедшую жизнь нашей планеты прямыя наблюденія надъ законами природы, какъ они обнаруживаются въ настоящее время, оказывались почти безполезными для объясненія тѣхъ явленій, которыя совершались въ далекія геологическія эпохи. Почему вы знаете, какъ дѣйствовали эти законы тогда? — можно было сказать такому наблюдателю. Теперь жизнь природы идетъ такъ, а тогда шла совсѣмъ иначе. Теперь въ природѣ нѣтъ скачковъ, а тогда были. Разсуждая такимъ образомъ, можно было писать великолѣпнѣйшіе геологическіе романы, и прошедшая жизнь нашей планеты долго казалась намъ длиннымъ рядомъ чудесъ и колоссальной борьбой такихъ титаническихъ силъ природы, которыя теперь улеглись и успокоились на время или навсегда. Но понемногу въ нѣкоторыхъ пытливыхъ умахъ стало возникать сомнѣніе: нельзя ли, думали они, объяснить всѣ явленія различныхъ геологическихъ эпохъ постояннымъ дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя до сихъ поръ медленно, но безостановочно, каждый день и каждую минуту, измѣняютъ видъ земной поверхности. Оказалось, что можно. Теорія волшебныхъ переворотовъ стала ослабѣвать и клониться къ упадку. Наконецъ знаменитый англійскій геологъ, Чарльзъ Ляйелль, окончательно уложилъ въ могилу эту старую теорію и доказалъ, что законы, управляющіе матеріей теперь, управляли ею, безъ малѣйшаго перерыва, втеченіи тѣхъ длинныхъ періодовъ, которыхъ неизмѣримый рядъ называется прошедшей жизнью нашей планеты. Море медленно разрушаетъ берега свои; рѣка медленно наноситъ илъ въ своемъ устьѣ; атмосфера медленно разъѣдаетъ гранитныя вершины горныхъ хребтовъ; остатки мертвыхъ растеній и животныхъ медленно разлагаются и еще медленнѣе образуютъ на землѣ новые слои почвы; полипы медленно строятъ коралловые рифы; подземныя вулканическія силы дѣйствуютъ правда мгновенно, но дѣйствіе ихъ всегда частично и никогда не производитъ такого переворота, который могъ бы распространиться на всю поверхность нашей планеты. Такимъ образомъ измѣняется видъ земли теперь; такимъ образомъ формируются новыя напластованія и точно такимъ же образомъ совершалось это дѣло тогда, когда на землѣ жили только колоссальные ящеры, и тогда, когда существовали только низшія формы моллюсковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ расплавленное ядро земли покрылось твердой корой, съ тѣхъ поръ, какъ образовались на нашей планетѣ вода и атмосфера,—словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ существованіе растительныхъ и животныхъ организмовъ,—съ этихъ поръ земля не испытала ни одного такого переворота, который разомъ взбудоражилъ бы всю ея поверхность и слѣдовательно истребилъ-бы на ней всѣ проявленія органической жизни. Когда перевороты удалились такимъ образомъ въ область поэтическаго творчества, тогда натуралистамъ представилась необходимость задуматься надъ рѣшеніемъ громаднѣйшаго вопроса.

Если разные трилабиты, белемниты, ихтіозавры, мастодонты и тому подобныя исчезнувшія животныя не были истреблены мгновенной перемѣной декорацій, то почему же они исчезли? Если хвощи и папоротники каменноугольной эпохи не были выворочены съ корнями дѣйствіемъ разыгравшихся стихій, то почему же они уступили мѣсто другимъ растительнымъ формамъ, которыя потомъ въ свою очередь были вытѣснены новой флорой? Если идеальный баранъ не вышелъ изъ нѣдръ земли послѣ послѣдняго геологическаго переворота, то откуда же взялись крымскіе, венгерскіе, англійскіе и всякіе другіе бараны? Если органическая жизнь не обрывалась на землѣ съ той самой минуты, какъ она возникла, то, стало быть, нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ея исторіи существованіе необъяснимыхъ скачковъ; если нѣтъ скачковъ,— стало быть, есть послѣдовательное развитіе; если есть послѣдовательное развитіе, стало быть, есть постоянные законы; а если есть законы, то надобно до нихъ добраться, не удовлетворяя своей любознательности такими удобными выраженіями, какъ игра природы или случайное уклоненіе отъ неизмѣннаго типа. Если природа играетъ сегодня, то она, значитъ, играла и вчера; стало быть, она имѣетъ свойство играть, и натуралистамъ надо изучить это свойство, какъ и всякое другое. Случая въ природѣ нѣтъ, потому что все совершается по законамъ и всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину; когда мы не знаемъ закона и когда мы не видимъ причины, тогда мы произносимъ слово «случай», и произносимъ его всегда некстати, потому что это слово никогда не выражаетъ ничего, кромѣ нашего незнанія, и притомъ такого незнанія, котораго мы сами не сознаемъ.

Ляйелль очистилъ науку отъ геологическихъ чудесъ; другимъ натуралистамъ надо было сдѣ-

лать то-же самое въ отношеніи къ исторіи органической жизни; надо было, чтобы идеальный баранъ не изображалъ собою Венеру, выходящую изъ морской пѣны въ полномъ сіяніи развитой красоты, и надо было, чтобы простые бараны не дѣлались венгерскими или курдючными вслѣдствіе случайной игры природы. Словомъ, надо было понять существующіе законы и такимъ образомъ устранить, по мѣрѣ слабыхъ человѣческихъ силъ, случай. Исходная точка, самое возникновеніе органической жизни до сихъ поръ остается неразгаданнымъ, потому что до сихъ поръ ни одному натуралисту не удалось приготовить въ своей лабораторіи изъ неорганическихъ или органическихъ веществъ ни одного, даже самаго простѣйшаго живого организма; но процессъ развитія и перерожденія органическихъ формъ разъясненъ въ значительной степени англійскимъ натуралистомъ Чарльзомъ Дарвиномъ, издавшимъ въ 1859 году знаменитое сочиненіе: «On the origin of species» («О происхожденіи видовъ»). Этотъ геніальный мыслитель, обладающій колоссальными знаніями, взглянулъ на всю жизнь природы такимъ широкимъ взглядомъ и такъ глубоко вдумался во всѣ ея разрозненныя явленія, что онъ сдѣлалъ открытіе, которое быть можетъ не имѣло себѣ подобнаго во всей исторіи естественныхъ наукъ. Онъ открываетъ не единичный фактъ, не железку, не жилку, не отправленіе того или другого нерва,—онъ открываетъ цѣлый рядъ тѣхъ законовъ, которыми управляется и видоизмѣняется вся органическая жизнь нашей планеты. И разсказываетъ онъ ихъ такъ просто, и доказываетъ такъ неопровержимо, и выходитъ при своихъ разсужденіяхъ изъ такихъ очевидныхъ фактовъ, что вы, простой человѣкъ, профанъ въ естественныхъ наукахъ, удивляетесь постоянно только тому, какъ это вы сами давнымъ давно не додумались до тѣхъ же самыхъ выводовъ.

Да, не велика мудрость Америку открыть, однако все-таки, кромѣ Колумба, никто не догадался, какъ это сдѣлать. Великое открытіе и умная загадка всегда просты, когда первое сдѣлано, а вторая разгадана; но чтобы разгадать загадку, надо обладать извѣстной дозой остроумія, а чтобы сдѣлать великое открытіе, надо быть геніальнымъ человѣкомъ. Для насъ, для простыхъ и темныхъ людей, открытія Дарвина драгоцѣнны и важны именно тѣмъ, что они такъ обаятельно просты и понятны; они не только обогащаютъ насъ новымъ знаніемъ, но они освѣжаютъ весь строй нашихъ идей и раздвигаютъ во всѣ стороны нашъ умственный горизонтъ. Благодаря имъ, мы понимаемъ связь такихъ явленій, которыя мы видѣли каждый день, на которыя мы смотрѣли безсмысленными глазами и которыя однако такъ легко было понять и объяснить себѣ. Почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія идеи Дарвина производятъ совершенный переворотъ; ботаника, зоологія, антропологія, палеонтологія, сравнительная анатомія и физіологія, и даже опытная психологія получаютъ въ его открытіяхъ ту общую руководящую нить, которая свяжетъ между собою множество сдѣланныхъ наблюденій и направитъ умы изслѣдователей къ новымъ плодотворнымъ открытіямъ.

Значеніе идей Дарвина такъ обширно, что въ настоящее время даже невозможно предусмотрѣть и вычислить тѣ послѣдствія, которыя разовьются изъ нихъ, когда онѣ будутъ приложены къ различнымъ областямъ научнаго изслѣдованія. Лучшіе европейскіе натуралисты давно поняли ихъ важность, и весь ученый міръ раздѣлился на двѣ партіи; съ одной стороны стоятъ глубоко убѣжденные защитники новой теоріи; съ другой стороны—ея противники, научные предразсудки которыхъ ожидаютъ себѣ неизбѣжной погибели.

Старыя методы и старыя классификаціи непремѣнно должны будутъ сойти со сцены, а такъ какъ человѣку больно разставаться съ заблужденіями цѣлой жизни, то, разумѣется, противники Дарвина всѣми силами будутъ защищать свои разбитыя позиціи. Но свѣтлые умы тотчасъ становятся горячими приверженцами истины, въ какомъ бы рѣзкомъ противорѣчіи она ни находилась съ ихъ прежними понятіями. Карлъ Фохтъ въ лекціяхъ своихъ о человѣкѣ *), изданныхъ въ 1863 г., объявляетъ себя послѣдователемъ Дарвина и признается, что онъ въ молодости своей держался теоріи геологическихъ переворотовъ, съ которой, какъ мы видѣли, была связана теорія неизмѣнныхъ типовъ.

Книга Дарвина переведена уже въ настоящее время на нѣмецкій, французскій и на русскій языки; каждому образованному человѣку необходимо познакомиться съ идеями этого мыслителя, и поэтому я считаю умѣстнымъ и полезнымъ дать нашимъ читателямъ ясное и довольно подробное изложеніе новой теоріи. Въ этой теоріи читатели найдутъ и строгую опредѣленность точной науки, и безпредѣльную ширину философскаго обобщенія, и наконецъ ту высшую и незамѣнимую красоту, которая кладетъ свою печать на всѣ великія проявленія сильной и здоровой человѣческой мысли. Когда читатели познакомятся съ идеями Дарвина, даже по моему слабому и блѣдному очерку, тогда я спрошу у нихъ, хорошо или дурно мы поступали, отрицая метафизику, осмѣивая нашу поэзію и выражая полное презрѣніе къ нашей казенной эстетикѣ. Дарвинъ, Ляйелль и подобные имъ мыслители—вотъ философы, вотъ поэты, вотъ эстетики нашего времени. Когда человѣческій умъ, въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей, съумѣлъ подняться на такую высоту, съ которой онъ обо-

*) «Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ», лекціи К. Фохта (переведены на русскій языкъ).

зрѣваетъ основные законы міровой жизни, тогда мы, обыкновенные люди, неспособные быть творцами въ области мысли, обязаны передъ своимъ собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ возвыситься по крайней мѣрѣ на столько, чтобы понимать передовыхъ геніевъ, чтобы цѣнить ихъ великіе подвиги, чтобы любить ихъ, какъ украшеніе и гордость нашей породы, чтобы жить нашей мыслью въ той свѣтлой и безграничной области, которую геніи открываютъ для каждаго мыслящаго существа. Мы богаты и сильны трудами этихъ великихъ людей, но мы не знаемъ нашего богатства и нашей силы, мы ими не пользуемся, мы не умѣемъ даже пересчитать и измѣрить ихъ, и поэтому, проводя нашу жалкую жизнь въ бѣдности, въ глупости и въ слабости, мы потѣшаемъ свое младенческое невѣдѣніе разными золочеными грошами, вродѣ діалектическихъ мудрствованій, лирическихъ воздыханій и эстетическихъ умиленій. И живутъ люди, и умираютъ люди, и считаютъ себя развитыми и образованными, и толкуютъ о музыкѣ и о поэзіи, и ни разу, вѣдь ни одного разу не удается этимъ людямъ даже мелькомъ взглянуть на то, что̀ составляетъ и богатство, и силу, и высшее изящество человѣческой личности. А то и взглянутъ, да не поймутъ. Нечего дѣлать, надо объяснять, разбавлять мысль водой, вдаваться въ лирическіе восторги, чтобы показать, что вещь дѣйствительно хорошая, и что ею въ самомъ дѣлѣ можно и должно любоваться. По настоящему, идеи Дарвина слѣдовало-бы передавать просто, ровно, спокойно, такъ, какъ излагаетъ ихъ самъ Дарвинъ, но для насъ это еще не годится, потому что нашу публику слѣдуетъ заманивать, ее слѣдуетъ покуда подкупать въ пользу дѣльныхъ мыслей разными фокусами то комическаго, то лирическаго свойства. Поэтому, если кому нибудь изъ моихъ читателей не понравится что нибудь въ изложеніи моей статьи, то я умоляю его обратить все его негодованіе исключительно противъ меня, а никакъ не противъ Дарвина. Я именно того и хочу, чтобы моя статья возбудила въ читателѣ любознательность, но не удовлетворила бы ее вполнѣ; пусть онъ увидитъ, какъ умёнъ Дарвинъ, пусть почувствуетъ, что я не въ силахъ передать то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе самой книги великаго натуралиста, и пусть вслѣдствіе этого обругаетъ меня и возьмется за сочиненіе самого Дарвина. Цѣль моя будетъ въ такомъ случаѣ вполнѣ достигнута. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о личномъ характерѣ Дарвина, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ его введенія.

«Я находился,—говоритъ онъ,—въ качествѣ натуралиста на кораблѣ ея британскаго величества — «Бигль», когда меня въ первый разъ сильно поразили нѣкоторые факты въ распредѣленіи органическихъ существъ, населяющихъ южную Америку, и геологическія отношенія, существующія между прежними и теперешними обитателями этого материка. Эти факты, какъ видно будетъ въ послѣднихъ главахъ этого сочиненія, бросаютъ повидимому нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ, «эту тайну тайнъ», какъ выражается одинъ изъ величайшихъ нашихъ философовъ (Гумбольдтъ въ «Космосѣ»). Послѣ моего возвращенія, въ 1837 году, мнѣ пришло въ голову, что можетъ-быть есть возможность подвинуть впередъ этотъ вопросъ, если собирать и обдумывать всѣ различныя наблюденія, которыя такъ или иначе могутъ содѣйствовать разрѣшенію задачи. Только послѣ пятилѣтняго труда я позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя наведенія и составилъ краткія замѣтки. Не раньше какъ въ 1844 году я набросалъ тѣ заключенія, которыя казались мнѣ наиболѣе правдоподобными. Съ этого времени до нынѣшняго дня (т. е. до конца 1859 года) я постоянно занимался тѣмъ же самымъ предметомъ. Мнѣ извинятъ эти личныя подробности, въ которыя я пускаюсь только для того, чтобы доказать, что у меня не было излишней поспѣшности въ разрѣшеніи вопросовъ. Моя работа уже далеко подвинулась впередъ; однако мнѣ понадобится еще года два или три для ея окончанія, а такъ какъ здоровье мое вовсе не отличается крѣпостью, то я и поторопился выпустить въ свѣтъ это извлеченіе. Меня преимущественно побудило поступить такимъ образомъ то обстоятельство, что мистеръ Уэллесъ, изучающій въ настоящее время природу Малайскаго архипелага, почти совершенно сошелся со мною въ своихъ заключеніяхъ о происхожденіи видовъ. Въ 1858 году онъ прислалъ мнѣ мемуаръ по этому предмету, съ просьбой сообщить его сэру Чарльзу Ляйеллю, который послалъ его Линнеевскому обществу (Linnean Society). Онъ напечатанъ въ третьемъ томѣ журнала этого общества. Сэръ Чарльзъ Ляйелль и докторъ Гукеръ, знавшіе мои работы, сдѣлали мнѣ честь подумать, что было бы хорошо издать въ одно время съ превосходнымъ мемуаромъ мистера Уэллеса нѣкоторые отрывки изъ моихъ рукописей. Это извлеченіе, которое я издаю теперь, необходимо оказывается неполнымъ. Я принужденъ излагать въ немъ мои идеи, не подкрѣпляя ихъ обильнымъ запасомъ фактовъ или цитатами писателей, и я поставленъ въ необходимость разсчитывать на то довѣріе, которое читателямъ угодно будетъ питать къ вѣрности моихъ сужденій».

Приведенное мною мѣсто заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній и характерныхъ подробностей. Во-первыхъ, мы видимъ, что Дарвинъ посвятилъ всю свою жизнь разрѣшенію того вопроса, который заинтересовалъ его во время кругосвѣтнаго плаванія на кораблѣ «Бигль»; онъ работаетъ надъ этимъ вопросомъ болѣе 25 лѣтъ (съ 1837 по 1864) и все еще не считаетъ свой трудъ оконченнымъ; когда геніальный умъ со-

единяется съ такимъ упорствомъ въ преслѣдованіи цѣли и съ такой требовательностью и строгостью въ отношеніи къ собственному труду, тогда дѣйствительно человѣкъ совершаетъ чудеса въ области мысли и тогда онъ смѣло можетъ приниматься за разрѣшеніе такой задачи, которая до него считалась «тайною тайнъ». Во-вторыхъ, Дарвинъ называетъ свою теперешнюю книгу извлеченіемъ и очень скромно и добродушно извиняется передъ читателемъ, говоря, что онъ принужденъ былъ поторопиться, и что извлеченіе конечно вышло очень неполное, потому что настоящая книга, капитальная часть труда, еще впереди. До такой изумительной и совершенно безъискусственной скромности могутъ возвышаться только очень замѣчательные люди; поторопился — а работалъ двадцать два года (до 1859 года); извлеченіе — а въ немъ больше пятисотъ страницъ; не полное — а весь ученый міръ приходитъ отъ него въ волненіе; извиняется передъ читателями—а самъ производитъ небывалый переворотъ почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія. Это было бы просто смѣшно, это было бы даже неприлично со стороны Дарвина, еслибы въ этой скромности можно было предположить хоть малѣйшую тѣнь искусственности. Но такъ какъ вся книга Дарвина носитъ на себѣ печать глубочайшей искренности и добросовѣстности, и такъ какъ отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, то эта скромность, которая при другихъ условіяхъ могла бы сдѣлаться смѣшной, въ настоящемъ случаѣ остается цѣликомъ въ предѣлахъ великаго. Въ-третьихъ, любопытно замѣтить, какъ равнодушно Дарвинъ относится къ своему собственному здоровью; ему остается до окончанія громаднаго труда всего два, три года, но онъ предвидитъ тотъ шансъ, что ему можетъ-быть и неудастся дожить до этого времени; и возможность близкой смерти вовсе не смущаетъ его, а только побуждаетъ его выпустить въ свѣтъ извлеченіе, въ которомъ заключались бы добытые имъ результаты. Это спокойствіе, это умѣнье умирать безъ жалобы и безъ боязни, это высшее проявленіе человѣческаго героизма совершенно понятны со стороны тѣхъ людей, которые умѣли наполнить свою жизнь разумнымъ наслажденіемъ, то-есть умѣли полюбить полезную дѣятельность больше собственнаго существованія. Дарвинъ такъ слился съ своей двадцатипятилѣтней работой, онъ такъ постоянно жилъ высшими интересами всего человѣчества, что ему некогда и незачѣмъ думать и горевать объ упадкѣ собственныхъ силъ. Лишь бы работу кончить, лишь бы отдать людямъ съ рукъ на руки добытыя сокровища, а тамъ и умереть не бѣда. Кто не понимаетъ такого обожанія идеи и такой любви къ людямъ, тотъ говоритъ, что личности, подобныя Дарвину, совершаютъ подвиги самоотверженія, а кто понимаетъ, тотъ скажетъ, что это—вполнѣ практическіе люди и что они превосходно умѣютъ наслаждаться жизнью. Ихъ разсчетъ оказывается вѣрнымъ во всякомъ случаѣ и во всякую данную минуту; какъ ни прожить жизнь, а умирать все равно надо; ну, стало-быть, всего лучше жить такъ, чтобы въ минуту смерти не было больно и совѣстно оглянуться назадъ; пріятно подумать передъ смертью, что жизнь прожита не даромъ и что она цѣликомъ положена въ тотъ капиталъ, съ котораго человѣчество будетъ постоянно брать проценты; а если пріятно, то и слѣдуетъ жить въ томъ мірѣ мысли и труда, въ которомъ распоряжаются Дарвинъ, Ляйелль, Фохтъ, Бокль и другіе люди такого же разбора. Наконецъ, въ-четвертыхъ и въ послѣднихъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на тѣ честныя, дружескія отношенія, которыя существуютъ между лучшими изъ современныхъ ученыхъ. Ляйелль и Гукеръ постоянно слѣдятъ за процессомъ работы Дарвина; Дарвинъ совѣтуется съ ними, и они ему помогаютъ; Гукеръ впродолженіи пятнадцати лѣтъ постоянно сообщаетъ ему то новые факты, то свои критическія замѣчанія. Уэллесъ, близко подошедшій къ самымъ выводамъ Дарвина, съ полнымъ довѣріемъ присылаетъ послѣднему свой мемуаръ, а Дарвинъ съ своей стороны отзывается объ этомъ мемуарѣ съ полнымъ уваженіемъ. Видно, однимъ словомъ, что всѣ эти люди заботятся объ успѣхѣ общаго дѣла, а совсѣмъ не о томъ, чтобы высунуть впередъ собственную личность и подставить ногу опасному сопернику. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, ихъ общее дѣло идетъ хорошо, а во-вторыхъ, каждому изъ нихъ достается на долю столько ученой знаменитости, сколько они не могли бы пріобрѣсти, еслибы работали въ разсыпную, завистливо скрывая другъ отъ друга добываемые факты и не обмѣниваясь между собою мыслями и замѣчаніями.

Широкое умственное развитіе этихъ превосходныхъ людей дѣлаетъ ихъ особенно способными къ свободной ассоціаціи, а ассоціація съ своей стороны придаетъ имъ новыя силы и еще болѣе расширяетъ горизонтъ ихъ мысли. До сихъ поръ добровольная и совершенно естественная ассоціація нашла себѣ приложеніе только въ высшихъ сферахъ научной дѣятельности. Тамъ нѣтъ истребительной войны между конкурентами; тамъ всѣ честные люди идутъ къ одной цѣли и дружелюбно опираются другъ на друга; зато мы и видимъ, что высшія сферы научной дѣятельности до сихъ поръ представляютъ единственное мѣсто, въ которомъ человѣкъ можетъ развернуть, сохранить и облагородить всѣ свои истинно-человѣческія качества и способности; зато мы видимъ также, что наука, въ настоящемъ значеніи этого слова, развивается съ невѣроятной быстротой и оставляетъ далеко позади себя всѣ остальныя отрасли человѣческой дѣятельности. Но если люди, развернувшіе, сохранившіе и облагородившіе свои человѣческія

способности, оказываются особенно расположенными къ коллективному труду, если у нихъ образуется ассоціація совершенно естественно, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, то, мнѣ кажется, не трудно понять, что добровольная ассоціація и развитіе индивидуальности не только не представляютъ собою двухъ непримиримыхъ крайностей, а, напротивъ того, совершенно необходимы другъ для друга и не могутъ существовать безъ взаимной поддержки. А теперь пора кончить это длинное введеніе и отъ личности мыслителя перейдти къ его теоріи.

II.

Домашнія животныя.

Многія растенія, размножающіяся быстро и успѣшно въ естественномъ состояніи, перестаютъ приносить сѣмена, какъ только начинаютъ испытывать на себѣ заботливыя попеченія человѣка; они повидимому благоденствуютъ, покрываются свѣжими листьями и цвѣтами, но ихъ цвѣточная пыль совершенно теряетъ свою оплодотворящую силу; многія животныя также не могутъ размножаться подъ властью человѣка; они иногда совокупляются, но не производятъ дѣтей; такъ напримѣръ, хищныя птицы, находясь въ неволѣ, кладутъ иногда яйца; но изъ этихъ яицъ почти никогда не выводятся птицы. Тѣ животныя и растенія, которыя съ незапамятныхъ временъ подчинились нашему господству, представляютъ также замѣчательную особенность въ своемъ размноженіи: дѣти ручныхъ животныхъ больше отличаются отъ своихъ родителей и больше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ дѣти дикихъ животныхъ; то-же самое можно сказать и о растеніяхъ; поэтому напримѣръ пшеница до сихъ поръ производитъ еще новыя разновидности; поэтому георгины, тюльпаны, гвоздики до сихъ поръ даютъ садовникамъ небывалыя формы, разрисованныя самыми блестящими красками; поэтому также лошади, бараны, быки, свиньи постоянно совершенствуются и крупнѣютъ или мельчаютъ и портятся, то-есть вообще обнаруживаютъ способность и стремленіе измѣняться, и дѣйствительно измѣняются въ ту или въ другую сторону, смотря по тому, умѣетъ или не умѣетъ человѣкъ пользоваться этой измѣнчивостью сообразно съ своими выгодами. Безплодіе однихъ растеній и животныхъ и измѣнчивость другихъ органическихъ существъ выходятъ изъ одного общаго источника. Когда растеніе или животное попадаетъ въ руки человѣка, и когда человѣкъ, сознательно или невольно, измѣняетъ въ большей или въ меньшей степени тѣ условія, при которыхъ это растеніе или животное существовало на свободѣ, — тогда эта перемѣна въ образѣ жизни производитъ особенно сильное вліяніе на всю систему половыхъ отправленій. Если вліяніе это очень сильно, то половая система совершенно отказывается дѣйствовать, и животныя даже не совокупляются; если оно менѣе сильно—совокупляются, но не рождаютъ дѣтей; еще менѣе сильно — рождаютъ уродовъ; еще менѣе сильно—рождаютъ здоровыхъ дѣтей, но такихъ, у которыхъ индивидуальныя уклоненія отъ фигуры родителей оказываются болѣе значительными, чѣмъ это могло бы произойти въ дикомъ состояніи. Такимъ образомъ дѣти выходятъ не совсѣмъ похожими на своихъ родителей; внуки также получаютъ свои личныя особенности; правнуки также, и такъ далѣе; измѣнчивость и индивидуальное разнообразіе становятся прочными свойствами цѣлой породы, и это случилось именно съ большей частью нашихъ домашнихъ животныхъ. Корова не такъ похожа на свою родную сестру и жеребецъ не такъ похожъ на своего папеньку, какъ напримѣръ медвѣдь—на посторонняго медвѣдя или заяцъ—на совершенно неродственнаго зайца. Существованіе этихъ индивидуальныхъ особенностей никакъ не можетъ быть приписано прямому дѣйствію образа жизни; двѣ коровы, принадлежащія одному хозяину, съ самаго своего рожденія живутъ на одномъ скотномъ дворѣ, пасутся на одномъ лугу, получаютъ одинаковое количество сѣна, муки, соли и всякаго другого снадобья; напротивъ того, два медвѣдя, не принадлежащіе никому, живутъ въ двухъ различныхъ берлогахъ, ѣдятъ, что Богъ пошлетъ, иногда голодаютъ, иногда пируютъ, но дѣлаютъ и то, и другое не вмѣстѣ, а порознь, въ различное время, съ различнымъ успѣхомъ, такъ что тутъ очевидно представляется гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ жизни коровъ или лошадей. Ясно, стало-быть, что индивидуальныя особенности послѣднихъ могутъ быть объяснены только тѣми измѣненіями, которыя испытала въ глубинѣ вѣковъ половая система домашнихъ животныхъ; эти измѣненія съ тѣхъ поръ уже постоянно переходятъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому и такимъ образомъ постоянно даютъ каждому зародышу возможность довольно замѣтно отклоняться въ своемъ развитіи отъ фигуры родителей. Но если каждая корова или лошадь получаетъ свою индивидуальную физіономію, то изъ этого никакъ не должно заключать, что она не наслѣдуетъ отъ своихъ родителей многихъ важнѣйшихъ особенностей ихъ организаціи. Въ человѣческомъ семействѣ сынъ обыкновенно бываетъ похожъ и на отца, и на мать, и въ то-же время у него есть свои личныя свойства какъ въ чертахъ лица, такъ и въ складѣ тѣла, такъ и въ устройствѣ темперамента, ума и характера.

Совершенно подобныя явленія мы замѣчаемъ и въ домашнихъ животныхъ. Поэтому, если образъ жизни подѣйствовалъ въ томъ или въ другомъ направленіи на здоровье или на тѣлосложеніе

животнаго, то произведенная такимъ образомъ перемѣна передается обыкновенно дѣтямъ и становится болѣе или менѣе прочнымъ свойствомъ породы. Напримѣръ, если свѣсить скелетъ дикой утки и скелетъ домашней утки и если потомъ сравнить въ обоихъ случаяхъ вѣсъ костей крыла и вѣсъ костей ноги съ вѣсомъ цѣлаго скелета, то окажется, что у домашней утки кости крыла сравнительно легче, а кости ноги сравнительно тяжелѣе, чѣмъ у дикой. Происхожденіе домашней утки отъ дикой не подлежитъ сомнѣнію; слѣдовательно, измѣненіе въ вѣсѣ и величинѣ костей объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что домашняя утка постоянно ходитъ и почти совсѣмъ не летаетъ. Нога укрѣпляется, а крыло слабѣетъ; эта особенность, сначала незамѣтная, передается отъ матери къ дѣтямъ, и у дѣтей становится сильнѣе, потому что продолжается дѣйствіе тѣхъ-же самыхъ причинъ, которыя дѣйствовали на мать; у внуковъ еще сильнѣе, и такъ далѣе; наконецъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе и постоянно усиливаясь, эта перемѣна организаціи доходитъ до такихъ значительныхъ размѣровъ, что выражается уже не въ однихъ мускулахъ крыла и ноги, а даже въ соотвѣтствующихъ частяхъ самаго скелета. Такимъ образомъ превращеніе дикой утки въ домашнюю оказывается конченнымъ, и пріобрѣтенныя особенности дѣлаются прочнымъ и наслѣдственнымъ достояніемъ новой породы. Огромное вымя дойныхъ коровъ образовалось также вслѣдствіе особенныхъ условій жизни и также передается по наслѣдству. Многія домашнія животныя отличаются отъ своихъ дикихъ сродниковъ висячими ушами, и это обстоятельство, по мнѣнію дѣльныхъ наблюдателей, объясняется тѣмъ, что домашнее животное рѣже дикаго чувствуетъ себя въ опасности и слѣдовательно рѣже навостряетъ уши, такъ что мускулы уха, оставаясь въ бездѣйствіи, слабѣютъ и ухо отвисаетъ.

Но тѣ законы, по которымъ развивается живой организмъ, отличаются такой сложностью, что они до сихъ поръ остаются почти совершенно неизвѣстными. Къ области этихъ неизслѣдованныхъ законовъ относится то обстоятельство, что если въ организмѣ проявляется какая-нибудь особенность, то она обыкновенно не ограничивается одной частью организма, а производитъ перемѣны въ нѣсколькихъ органахъ, и притомъ часто въ такихъ, которые *повидимому* не имѣютъ между собой тѣсной анатомической связи. Такъ напримѣръ, у голубей величина клюва находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ величиной ногъ. Чѣмъ меньше клювъ, тѣмъ меньше нога. Голубоглазыя кошки обыкновенно бываютъ глухи. Лысыя собаки отличаются неполнымъ развитіемъ зубовъ. Бѣлые бараны и бѣлыя свиньи страдаютъ отъ нѣкоторыхъ растеній, которыя не приносятъ никакого вреда баранамъ и свиньямъ другого цвѣта. Въ Флоридѣ растетъ въ большомъ изобиліи растеніе laehnanthes; черныя свиньи ѣдятъ его совершенно безнаказанно; но какъ только поѣстъ его свинья другого цвѣта, такъ у нея краснѣютъ кости и отваливаются копыта. Тамошніе сельскіе хозяева знаютъ очень хорошо это обстоятельство и потому держатъ у себя только черныхъ свиней, а остальныхъ постоянно убиваютъ, чтобы онѣ не пропадали даромъ. Эти изумительныя соотношенія между развитіемъ отдѣльныхъ частей организма до сихъ поръ еще мало изслѣдованы, и причины ихъ остаются совершенно неизвѣстными, но необходимо имѣть постоянно въ виду эти соотношенія, когда дѣло идетъ о различныхъ перерожденіяхъ органическихъ формъ. Если у цѣлой породы животныхъ измѣняется такой органъ, на который внѣшнія условія жизни не имѣютъ непосредственнаго вліянія, то такое измѣненіе можетъ быть объяснено соотношеніемъ развитія. Условія жизни измѣнили, положимъ, клювъ голубя, а измѣненіе этого органа уже потянуло за собой перемѣну въ формѣ и въ величинѣ ногъ, на которыя жизнь не оказывала прямого дѣйствія.

Изъ всего, что было говорено съ самаго начала этой главы, мы можемъ вывести то заключеніе, что наши домашнія животныя и растенія измѣняютъ свою организацію подъ вліяніемъ очень многихъ и очень сложныхъ причинъ; между этими причинами особенно замѣчательны слѣдующія: во-первыхъ, то измѣненіе въ половой системѣ, которое усиливаетъ индивидуальное разнообразіе дѣтей; во-вторыхъ, прямое вліяніе условій жизни на различные органы животныхъ и растеній; въ-третьихъ, соотношеніе развитія, то-есть то свойство живого организма, вслѣдствіе котораго измѣненіе, происшедшее въ одномъ органѣ, ведетъ за собою, при развитіи зародыша, измѣненіе въ другихъ частяхъ тѣла. Наконецъ, въ-четвертыхъ, чрезвычайно важно то обстоятельство, что особенности родителей передаются дѣтямъ и что вслѣдствіе этого закона наслѣдственности разныя, едва замѣтныя уклоненія отъ прежнихъ свойствъ породы могутъ упрочиваться и усиливаться въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ. Безъ этого закона наслѣдственности происхожденіе новыхъ разновидностей и породъ было бы совершенно невозможно, потому что индивидуальныя особенности, прирожденныя и благопріобрѣтенныя, погибали бы тогда вмѣстѣ съ тѣмъ субъектомъ, у котораго онѣ проявились.

Дѣйствіемъ этихъ четырехъ главныхъ причинъ объясняются въ общихъ чертахъ всѣ измѣненія животныхъ и растеній, попавшихъ въ руки человѣка. Какъ ни разнообразны различія породы лошадей, куръ, утокъ или кроликовъ, но есть основаніе думать, что все это разнообразіе выработалось уже подъ вліяніемъ человѣка, и что всѣ наши лошади произошли отъ одной дикой породы, всѣ наши куры, утки и кролики—также.

Чтобы доказать возможность такихъ обширныхъ развѣтвленій, Дарвинъ беретъ отдѣльный примѣръ; онъ изучаетъ всѣ различныя породы голубей и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ эти породы произошли отъ дикаго голубя (Columba livia) и переродились въ разныя стороны уже подъ руками человѣка.

III.

О голубяхъ.

«Чтобы разрѣшить какой-нибудь вопросъ по естественной исторіи, — говоритъ Дарвинъ,— лучше всего изучить какую-нибудь отдѣльную группу. Обдумавъ основательно это дѣло, я выбралъ группу голубей и сдѣлалъ ее спеціальнымъ предметомъ моихъ наблюденій. Я собралъ всѣ породы, какія только могъ достать. Кромѣ того мнѣ помогали самымъ любезнымъ образомъ господа Эллiотъ и Мёррей (Murray), присылавшіе мнѣ чучела изъ разныхъ странъ земного шара, а преимущественно изъ Персіи и изъ Индіи. Сверхъ того я досталъ себѣ большое число сочиненій, написанныхъ о голубяхъ на разныхъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣютъ большое значеніе по своей древности. Наконецъ я вступилъ въ сношеніе со многими знаменитыми любителями голубей и приписался къ двумъ голубинымъ клубамъ (pigeons-clubs) въ Лондонѣ.

Что̀ вы скажете о такомъ изслѣдователѣ, мой читатель? Кажется, онъ шутить не любитъ, когда принимается за какое-нибудь изученіе; придется потратить на голубей пять лѣтъ жизни—онъ такъ и сдѣлаетъ; понадобится десять—онъ и десять положитъ; а вѣдь не только голуби, но даже и всѣ домашнія животныя составляютъ только крошечный уголокъ того громаднаго міра явленій, который охваченъ и въ значительной степени разъясненъ свѣтлыми идеями Дарвина. Но сила этого геніальнаго человѣка заключается именно въ томъ, что, обобщая явленія, онъ не теряется въ отвлеченностяхъ, не впадаетъ въ диллетантизмъ, а постоянно упирается ногой въ твердую почву собственныхъ наблюденій и такого изслѣдованія, которое своей основательностью и усидчивостью привело бы въ трепетъ любого изъ нашихъ буквоѣдовъ. Широкихъ-то теоретиковъ много найдется, но зато теоріи ихъ подбиты вѣтромъ и лопаются, какъ мыльные пузыри. А кто такимъ образомъ изучаетъ голубей, тотъ ужъ ни одного слова не говоритъ на вѣтеръ.

Разнообразіе голубиныхъ породъ оказалось изумительнымъ. Не говоря уже о томъ, что этихъ породъ чрезвычайно много, мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ отличаются другъ отъ друга необыкновенно рѣзкими и очень своеобразными признаками и особенностями. Напримѣръ у *англійскаго гонца* (english carrier, Columba tabellaria) длинный клювъ съ широкими ноздрями, у *курносаго турмана* клювъ такой, какъ у воробья, у *римскаго голубя*, при значительной величинѣ всего тѣла, клювъ толстый и ноги большія, а у *варварійскаго голубя*, похожаго по фигурѣ на *гонца*, клювъ очень короткій и очень широкій. *Обыкновенный турманъ* (C. gyratrix) имѣетъ привычку взлетать цѣлой толпой на значительную высоту и потомъ, спускаясь внизъ, по три или по два раза кувыркаться на воздухѣ. *Толстогорлый голубь* (C. gutturosa) изъ гордости или по какому нибудь другому неизвѣстному побужденію постоянно раздуваетъ свой зобъ и доводитъ его до такихъ размѣровъ, что, по словамъ Дарвина, «даже смѣшно смотрѣть». А Columba turbita такимъ же образомъ раздуваетъ заднюю часть своего пищевода. *Якобинецъ* (C. cucullata) замѣчателенъ тѣмъ, что у него на шеѣ перья заворочены кверху и образуютъ надъ его головой что-то вродѣ капюшона; поэтому онъ и названъ якобинцемъ, въ честь тѣхъ монаховъ, которые носили капюшоны и которые подарили свое имя не только кроткимъ голубямъ, но и лукавымъ членамъ знаменитаго революціоннаго клуба. *Голубь-павлинъ* (C. laticauda) отличается необыкновенно широкимъ хвостомъ; у него въ хвостѣ отъ тридцати до сорока перьевъ, между тѣмъ какъ у другихъ голубей бываетъ ихъ отъ 12 до 14; и эти тридцать или сорокъ перьевъ всѣ торчатъ кверху вѣеромъ и даже наклоняются впередъ, такъ что у нѣкоторыхъ субъектовъ хвостъ сходится съ головой.

Этихъ примѣровъ разнообразія будетъ достаточно; къ этому можно прибавить, что въ самомъ скелетѣ обнаруживаются очень важныя различія; вмѣстѣ съ формой и размѣромъ клюва измѣняется все строеніе черепа, число позвонковъ въ хвостѣ и къ крестцѣ, и число реберъ у различныхъ породъ бываетъ не одинаково; длина крыльевъ и хвоста сравнительно съ величиной тѣла и относительная величина различныхъ частей ноги подвергаются очень сильнымъ измѣненіямъ. Форма и размѣры яицъ, полетъ, голосъ и инстинкты—все это расходится въ разныя стороны. Наконецъ въ нѣкоторыхъ породахъ самецъ и самка значительно отличаются другъ отъ друга. Можно подобрать такую коллекцію голубей, что орнитологъ, спеціалистъ въ дѣлѣ изученія птицъ, непремѣнно отнесетъ ихъ къ различнымъ видамъ, и даже посовѣстится назвать ихъ представителями одного рода. А между тѣмъ всѣ эти разнокалиберныя птицы произошли отъ одного вида, который подъ названіемъ *дикаго голубя* (rock-pigeon, Columba livia) до сихъ поръ живетъ и размножается во многихъ странахъ земного шара. Если мы предположимъ, что различныя породы нашихъ домашнихъ голубей произошли отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, то, чтобы согласить это предположеніе съ суще-

ствующими фактами, намъ придется запутаться въ безвыходную сѣть самыхъ рискованныхъ и несостоятельныхъ гипотезъ. Если мы не захотимъ допустить, что особенности различныхъ голубиныхъ породъ выработались медленнымъ путемъ постепенныхъ измѣненій, то намъ придется предположить, что въ дикомъ состояніи существовало по крайней мѣрѣ семь или восемь отдѣльныхъ видовъ, изъ которыхъ одинъ отличался напримѣръ воробьинымъ клювомъ курносаго турмана, другой — стоячимъ хвостомъ голубя-павлина, третій — колоссальнымъ зобомъ толстогорлаго голубя, и такъ далѣе. Отчего не предположить? Предположимъ.. Но спрашивается, существуютъ-ли теперь эти виды въ дикомъ состояніи? Нѣтъ, не существуютъ. А куда же они дѣвались? Отвѣтъ: изчезли, вымерли. Это уже начинаетъ быть неправдоподобнымъ. Голубь гнѣздится на скалистыхъ обрывахъ и обладаетъ очень сильнымъ полетомъ; эти два обстоятельства такъ хорошо ограждаютъ его отъ естественныхъ враговъ, что полное истребленіе восьми голубиныхъ видовъ представляется дѣломъ чрезвычайно сомнительнымъ. Естественная исторія не знаетъ ни одного примѣра, который доказывалъ бы, что дикій голубь былъ истребленъ въ такой странѣ, гдѣ онъ прежде водился. Голуби сдѣлались домашними птицами въ глубокой древности; о нихъ упоминается въ исторіи Египта слишкомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.; слѣдовательно, намъ придется предположить, что полудикіе люди съумѣли приручить нѣсколько породъ голубей, что они съумѣли соблюсти всѣ условія, необходимыя для того, чтобы эти различныя породы плодились въ неволѣ, что они выбрали для прирученія самыя странныя и причудливыя формы этихъ птицъ, и наконецъ, что всѣ выбранныя ими породы вымерли и исчезли съ лица земли, оставляя на бѣломъ свѣтѣ только свое ручное потомство. Каждое изъ этихъ предположеній порознь оказывается неправдоподобнымъ, но когда мы собираемъ всѣ эти предположенія въ одинъ букетъ, тогда неправдоподобіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что превращается въ очевидную невозможность и нелѣпость. А между тѣмъ именно весь букетъ этихъ предположеній необходимъ для того, чтобы произвести различныя породы домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ.

Но кромѣ отрицательныхъ доказательствъ есть и положительныя. Во-первыхъ, голубиныя породы, отличающіяся рѣзкими особенностями, нигдѣ и никогда не обращались въ дикое состояніе, несмотря на то, что европейцы перевозили ихъ за собой во всѣ части свѣта; напротивъ того, простой домашній голубь, очень похожій на дикаго, довольно часто возвращается къ образу жизни своихъ предковъ и умѣетъ обходиться безъ попеченій человѣка. Это доказываетъ, что рѣзкія особенности этихъ птицъ выработались подъ вліяніемъ людей, потому что въ противномъ случаѣ эти особенности не отнимали бы у данныхъ субъектовъ возможности жить на свободѣ. Попадая въ свое отечество, курносый турманъ или голубь-павлинъ долженъ былъ бы почувствовать себя дома и при первомъ удобномъ случаѣ устроить себѣ самостоятельное житье. Но если онъ до сихъ поръ никогда не попадалъ въ свое отечество, то слѣдуетъ думать, что у него и у всей его породы нѣтъ и не было другого отечества, кромѣ голубятника. Во-вторыхъ, случается часто, что помѣсь двухъ отдѣльныхъ голубиныхъ породъ принимаетъ цвѣтъ дикаго голубя, хотя этого цвѣта не было ни у отца, ни у матери. Дарвинъ скрестилъ бѣлаго голубя-павлина съ чернымъ *барбомъ* (варварійскимъ голубемъ); метисы получились черные, коричневые и пестрые. Скрестилъ онъ другого чернаго барба съ *спотомъ* *) (Spot); метисы вышли пестрые. Тогда онъ скрестилъ двухъ метисовъ, т. е. барбо-павлина съ барбо-спотомъ, и родился голубь прекраснаго сизаго цвѣта, съ бѣлымъ зобомъ, съ черными полосками на крыльяхъ и на хвостѣ и съ бѣлымъ окаймленіемъ перьевъ на этихъ двухъ частяхъ тѣла. Словомъ, по цвѣту эта помѣсь двухъ метисовъ оказалась совершенно похожей на чистую Columba livia.

Во всей цѣпи органическихъ существъ случаются такія возвращенія къ характеру предковъ; въ человѣческихъ семействахъ замѣчаютъ очень часто, что ребенокъ похожъ не на отца или на мать, а на дѣда или на бабку; вѣроятно случается часто, что онъ бываетъ похожъ на болѣе отдаленныхъ предковъ, но это обстоятельство, разумѣется, можетъ быть замѣчено только въ тѣхъ немногихъ семействахъ, въ которыхъ сохраняются фамильные портреты. Что касается до голубей, то случай, подмѣченный Дарвиномъ, очень знаменателенъ. И барбъ, и спотъ, и павлинъ были очень чистой породы; ни у кого изъ нихъ не было ни одной крапинки сизаго цвѣта: слѣдовательно, откуда же этотъ цвѣтъ взялся у метисовъ второго поколѣнія? Если вы хотите во что бы то ни стало произвести домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ породъ, то вамъ придется еще предположить, что всѣ эти разныя породы были окрашены, какъ дикій голубь, потому что только этимъ предположеніемъ объяснится стремленіе метисовъ къ сизому цвѣту. Но такъ какъ съ васъ должно быть довольно и тѣхъ неправдоподобныхъ предположеній, которыя я вамъ представилъ выше, то вы вѣроятно кладете оружіе, миритесь съ единствомъ происхожденія всѣхъ голубиныхъ породъ и требуете только, чтобы я вамъ объяснилъ въ общихъ чертахъ, какъ выработалось теперешнее разнообра-

*) Spot значитъ пятно. Этимъ именемъ называется бѣлая порода голубей съ краснымъ пятномъ на головѣ и съ краснымъ хвостомъ.

зіе, и какимъ манеромъ потомки дикаго голубя пріобрѣли различныя уродливыя особенности. Объясненіе будетъ представлено, какъ для голубей, такъ и для другихъ животныхъ, покорившихся человѣку.

IV.

Сознательное вліяніе человѣка.

Я уже замѣтилъ выше, что голуби съ незапамятныхъ временъ сдѣлались домашними птицами. По многимъ историческимъ свидѣтельствамъ видно, что они постоянно пользовались благосклоннымъ расположеніемъ человѣка, а иногда дѣлались предметомъ особеннаго вниманія. Являлась мода на голубей, являлось множество любителей, и между ними завязывалось горячее соперничество. Римскій натуралистъ Плиній говоритъ, что въ его время голуби были въ большомъ почетѣ; за иныя породы платились большія деньги, и чистота такихъ любимыхъ породъ хранилась такъ тщательно, что каждый голубь имѣлъ свое генеалогическое древо. Въ Индіи великій моголъ Акбаръ-Ханъ, около 1600 года, былъ великимъ охотникомъ и спеціалистомъ по части голубей. Властители Ирана и Турана присылали къ нему самыхъ рѣдкихъ и отличныхъ птицъ голубиной породы. У него было до двадцати тысячъ штукъ голубей, и придворный лѣтописецъ замѣчаетъ съ благоговѣніемъ, что его величество изволили изобрѣсти особую методу скрещиванія, посредствомъ которой породы голубей улучшились изумительнымъ образомъ. Въ то время, какъ Акбаръ-Ханъ предавался своимъ невиннымъ забавамъ, страсть къ голубямъ свирѣпствовала также на другой оконечности стараго свѣта; голландцы, которымъ впослѣдствіи суждено было предаться обожанію тюльпановъ, бредили въ то время голубями. Конечно въ исторіи встрѣчается много другихъ примѣровъ голубеманіи, и, разумѣется, во всякое время существовало еще больше такихъ любителей, о которыхъ никогда не упомянетъ никакая исторія. Мы видѣли выше, что и теперь есть въ Англіи знаменитые любители голубей, составляющіе голубиные клубы.

Этихъ условій совершенно достаточно, чтобы объяснить самое пестрое разнообразіе и самыя эксцентрическія особенности въ различныхъ породахъ домашнихъ голубей. Голубей человѣкъ измѣнялъ по своему капризу, а другихъ домашнихъ животныхъ онъ измѣнялъ и до сихъ поръ измѣняетъ сообразно съ своими выгодами. Это дѣлается вотъ какъ: рождается напримѣръ голубь, у котораго зобъ немного больше, чѣмъ у его сродниковъ; любителю эта особенность кажется оригинальной и прелестной; мудренаго тутъ ничего нѣтъ, потому что человѣческіе вкусы гораздо болѣе разнообразны и эксцентричны, чѣмъ голубиныя породы; любитель подыскиваетъ зобастому голубю подругу, у которой зобъ также побольше, чѣмъ у другихъ; посмотримъ, думаетъ онъ, что выйдетъ. Выходятъ зобастые птенцы. Онъ выбираетъ изъ нихъ самыхъ зобастыхъ и спариваетъ ихъ съ другими зобастыми; ну, и является наконецъ, послѣ многихъ систематическихъ спариваній и послѣ тщательнаго избранія самыхъ характерныхъ субъектовъ, такая птица, на которую смѣшно смотрѣть и для которой надо выдумать особенное названіе columba gutturasa, а по англійски pouter.

Такія особенности, которыми отличаются многія породы голубей и которыя не доставляютъ никакой пользы ни человѣку, ни самому животному, дѣйствительно могли развиться только тѣмъ путемъ, который показанъ въ предыдущихъ строкахъ. Только прихоть любителей произвела эти особенности, и только та-же самая прихоть поддерживаетъ ихъ. Можно сказать навѣрное, что каждая очень эксцентричная порода голубей очень немногочисленна сравнительно съ какой-нибудь простой породой; люди, держащіе голубей для стола, не станутъ выбирать нарочно голубей съ стоячими хвостами или съ якобинскими капюшонами, а если имъ попадутся такіе голуби, то никто не станетъ заботиться о сохраненіи этихъ характеристическихъ признаковъ; птицы будутъ совокупляться по собственному благоусмотрѣнію; вся генеалогія перепутается, и черезъ нѣсколько поколѣній стоячіе хвосты и капюшоны совершенно пропадутъ, потому что эти эксцентрическія особенности очень непрочны. Гораздо прочнѣе тѣ особенности въ складѣ животныхъ, которыя приносятъ человѣку дѣйствительную пользу, и прочнѣе онѣ именно потому, что объ ихъ поддержаніи и совершенствованіи заботятся сознательно или невольно всѣ люди. и не двѣ, три дюжины прихотливыхъ знатоковъ любителей. Наконецъ всего прочнѣе тѣ особенности, которыя полезны самому животному; эти особенности поддерживаются и развиваются постояннымъ вліяніемъ всей природы, неудержимымъ дѣйствіемъ той общей и роковой силы вещей, которая всегда и вездѣ оказывается неизмѣримо сильнѣе всякихъ человѣческихъ сознательностей.

Но объ этихъ послѣднихъ особенностяхъ и объ этой силѣ вещей у насъ будетъ рѣчь впереди,— тогда, когда мы отъ домашнихъ животныхъ перейдемъ къ дикимъ, то-есть изъ скотнаго двора выйдемъ въ лѣсъ, въ степь, въ море, въ различныя части свѣта и въ глубину геологическаго прошедшаго. Покуда потолкуемъ о скотномъ дворѣ и объ огородѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ скромныхъ областяхъ сельскаго хозяйства мы найдемъ чрезвычайно много поучительнаго и интереснаго. Дарвинъ не даромъ началъ свою книгу съ домашнихъ животныхъ; ему было необходимо разсмотрѣть и изучить сначала дѣйствіе законовъ природы въ малыхъ размѣрахъ, въ

упрощенныхъ формахъ и въ ограниченныхъ сферахъ. Превращенія домашнихъ породъ относятся къ превращеніямъ дикихъ породъ, какъ искры электрической машины относятся къ ударамъ настоящаго грома. Изучать различныя свойства электричества гораздо удобнѣе въ физическомъ кабинетѣ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, во-первыхъ потому, что не мокнешь подъ дождемъ, а во-вторыхъ потому, что не рискуешь подвергнуться участи профессора Рихмана, который, какъ извѣстно, былъ убитъ громомъ въ прошломъ столѣтіи во время своихъ наблюденій надъ атмосфернымъ электричествомъ. Такъ точно и въ дѣлѣ Дарвина. Тутъ даже нѣтъ никакой возможности дѣлать прямыя наблюденія надъ дикими породами. Надо имѣть постоянно передъ глазами изучаемую породу, надо слѣдить за ея видоизмѣненіями втеченіи нѣсколькихъ и даже многихъ поколѣній; а какъ только вы поставите дикое животное въ такое положеніе, въ которомъ можете постоянно слѣдить за нимъ, такъ оно очевидно перестанетъ быть дикимъ и сдѣлается или плѣннымъ животнымъ, или ручнымъ. Левъ въ клѣткѣ — что-жъ это за левъ? И какіе-же общіе выводы можно основать на такихъ наблюденіяхъ, при которыхъ наблюдаемый предметъ насильственно вырванъ изъ своей естественной сферы и поставленъ въ совершенно ненормальное положеніе? Да еслибы даже вы и захотѣли дѣлать тутъ какіе-нибудь выводы, такъ и дѣлать-то ихъ не изъ чего, потому что запасъ фактовъ будетъ очень скуденъ. Поэтому, если натуралистъ хочетъ изучать вопросъ о типахъ, о разновидностяхъ, о законахъ наслѣдственности, о возможныхъ размѣрахъ индивидуальнаго разнообразія, то онъ долженъ съ полнымъ смиреніемъ обратиться къ тому богатому запасу практическаго опыта, который собранъ у скотоводовъ, у заводчиковъ, у садовниковъ, у огородниковъ и у разныхъ другихъ скромныхъ двигателей матеріальнаго благосостоянія. У этихъ людей нѣтъ обобщающаго взгляда, но сырыхъ фактовъ пропасть, и умѣнье ихъ обращаться съ живымъ матеріаломъ доходитъ до изумительнаго совершенства, конечно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ сельское населеніе не задавлено бѣдностью и гдѣ различныя отрасли сельскаго хозяйства не ведутся на авось. Въ Англіи и въ Германіи есть знаменитые скотоводы, которые втеченіи одной человѣческой жизни, произвели очень обширныя измѣненія въ нѣкоторыхъ породахъ быковъ и барановъ. «Можно подумать,—говоритъ лордъ Сомервиль,— что они нарисовали идеальную форму и потомъ дали ей жизнь». Они дѣйствительно смотрятъ на животное, какъ на кусокъ глины, изъ которой, при нѣкоторомъ умѣньи, можно вылѣпить самую красивую, самую полезную или самую уродливую статую. И этотъ взглядъ основанъ цѣликомъ на практическомъ опытѣ, потому что, какъ только эти господа пускаются въ теоріи, такъ они становятся чрезвычайно робкими. Они сами измѣняютъ фигуру своихъ животныхъ, но въ то-же время они рѣшительно отказываются вѣрить, что напримѣръ короткорогіе быки произошли отъ длиннорогихъ. Они видятъ и понимаютъ только то, что сами дѣлаютъ; поэтому когда эти невѣрующіе практики говорятъ о превращеніяхъ, то имъ уже можно вѣрить безусловно. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Джонъ Себрайтъ, говоритъ, что онъ въ три года берется создать для голубя какой угодно цвѣтъ перьевъ; а въ шесть лѣтъ онъ можетъ переработать голову и клювъ. Вся хитрость состоитъ тутъ въ томъ, чтобы умѣть выбрать самца и самку и чтобы повторять эту операцію съ одинаковымъ искусствомъ для второго, для третьяго поколѣнія, и такъ далѣе.

Этотъ принципъ систематическаго выбора произвелъ и до сихъ поръ производитъ всѣ превращенія нашихъ домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растеній. Но выбирать вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Вѣдь тутъ дѣло не въ томъ, чтобы распознать и отдѣлить одну отъ другой, двѣ явственно обозначенныя породы; и не въ томъ, чтобы отстранить отъ завода уродливыхъ субъектовъ; это только самая простая и чисто отрицательная часть задачи, и Дарвинъ, не имѣющій понятія о тайнахъ нашего русскаго скотоводства, утверждаетъ, даже съ полнымъ убѣжденіемъ, что не существуетъ такихъ безалаберныхъ людей, которые позволили-бы размножаться самымъ плохимъ экземплярамъ своего стада. Но положительная сторона дѣла оказывается несравненно болѣе трудной. Глазъ скотовода долженъ подмѣтить каждую зарождающуюся особенность, чтобы уничтожить ее въ самомъ началѣ, если она можетъ сдѣлаться вредной, или чтобы развить и воспитать ее въ будущихъ поколѣніяхъ, если она можетъ принести пользу. Въ Саксоніи, гдѣ процвѣтаетъ тонкорунное овцеводство, умѣнье изучать и разсматривать барановъ превратилось въ науку и въ искусство. Есть тамъ такіе спеціалисты по части барановѣдѣнія, которыхъ владѣльцы стадъ приглашаютъ на консультаціи и которымъ платятъ за совѣты очень порядочныя деньги. Три раза въ годъ каждаго барана ставятъ на столъ, барановѣдъ изучаетъ его во всѣхъ подробностяхъ, какъ картину, отмѣчаетъ и записываетъ его въ особенную категорію, и затѣмъ только самые безукоризненные бараны признаются достойными наслаждаться счастьемъ взаимной любви. Несмотря на всѣ эти хлопоты и издержки, хозяинъ остается въ большомъ барышѣ, потому что бараны дѣйствительно воплощаютъ въ себѣ идеалъ бараньяго совершенства, а всякое совершенство, при умѣньи имъ пользоваться, даетъ значительный доходъ. Но не всякій желающій можетъ сдѣлаться барановѣдомъ или быковѣдомъ; Дарвинъ всѣми силами старался разсмотрѣть

такія особенности, о которыхъ разсуждали и спорили спеціалисты, и ничего не могъ увидать. «Врядъ-ли,—говоритъ онъ, — одинъ человѣкъ изъ тысячи обладаетъ той вѣрностью глаза и сужденія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ скотоводомъ». «Немногіе люди повѣрятъ,—говоритъ онъ далѣе,—сколько требуется природныхъ способностей и опытности для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ любителемъ голубей». Впрочемъ, повѣрить этому вовсе не трудно; индивидуальныя особенности обыкновенно бываютъ едва замѣтны, а только постоянное накопленіе этихъ незамѣтныхъ особенностей въ извѣстномъ направленіи можетъ современемъ повести къ замѣтному совершенствованію породы, или къ образованію новой разновидности. Если вы побываете въ хорошемъ цвѣтникѣ, въ хорошемъ огородѣ, и въ хорошемъ фруктовомъ саду, то вы непремѣнно замѣтите очень любопытное явленіе; въ цвѣтникѣ вы увидите положимъ множество различныхъ георгинъ; разнообразіе будетъ заключаться въ цвѣтахъ, между тѣмъ какъ стебель и листья этихъ растеній будутъ очень похожи другъ на друга; въ огородѣ вы увидите много сортовъ капусты; здѣсь листья будутъ разнообразны, а цвѣты почти одинаковы; въ фруктовомъ саду вы увидите всевозможные виды крыжовника; на одномъ кустѣ будутъ крупныя ягоды, на другомъ мелкія, на третьемъ зеленыя, на четвертомъ желтыя, на пятомъ — красныя, здѣсь — мохнатыя, тамъ — гладкія, здѣсь —продолговатыя, тамъ—круглыя; но посмотрите на самые кусты, на листья, на цвѣты, и вы едва отличите одинъ сортъ отъ другого. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, разнообразіе, какъ видите, проявляется именно въ тѣхъ частяхъ растенія, на которыя обращено вниманіе человѣка. Понятно почему. Занимаясь георгинами, садовникъ выбираетъ сѣмяна тѣхъ растеній, которыя даютъ особенно яркіе и красивые цвѣты; если какая нибудь новая форма проявится въ цвѣтахъ этихъ растеній, то садовникъ замѣтитъ и воспитаетъ ее; если же эта новая форма обнаружится въ стеблѣ или въ листьяхъ, то на нее даже никто и не посмотритъ. Цвѣты георгины измѣняются такимъ образомъ подъ вліяніемъ человѣка, а стебли и листья измѣняются уже только вслѣдъ за цвѣтами по соотношенію въ развитіи, и эти второстепенныя измѣненія бываютъ обыкновенно незначительны. Въ капустѣ и въ крыжовникѣ дѣло устраивается точно также, съ той только разницей, что вниманіе человѣка обращается тутъ, въ первомъ случаѣ, на листья, а во второмъ,—на ягоды. То же самое явленіе можно замѣтить и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя человѣкъ производитъ надъ животными. Что онъ измѣняетъ, напримѣръ, въ баранѣ? Ростъ, фигуру тѣла, рога, шерсть, величину ногъ—вообще то, что бросается въ глаза, или что можно, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть. Никому въ голову не приходило измѣнить желудокъ или печень барана да и никому бы не удалось сдѣлать такую штуку, потому что, въ большей части случаевъ, нѣтъ возможности подмѣтить у живаго существа, въ устройствѣ внутренняго органа, такую индивидуальную особенность, которую можно было бы развить посредствомъ систематическаго выбора Но, когда устройство внутренняго органа проявляется въ какомъ нибудь внѣшнемъ признакѣ, тогда человѣкъ можетъ измѣнить и внутренній органъ. Напримѣръ, величина зоба выразилась у голубя въ привычкѣ раздувать эту часть тѣла; человѣкъ замѣтилъ и развилъ какъ зобъ, такъ и привычку. У свиней особое устройство пищеварительнаго канала или особыя химическія свойства крови выражаются внѣшнимъ образомъ въ черномъ цвѣтѣ; обитатель Флориды замѣтилъ это обстоятельство, и, выбирая постоянно черныхъ свиней, упрочилъ за своими свиньями тѣ особенности, которыя позволяютъ имъ ѣсть корень laehnanthes, не расплачиваясь за это удовольствіе своими копытами. Наконецъ, коннозаводство, выбирая постоянно для своихъ заводовъ самыхъ быстрыхъ скакуновъ, несомнѣнно упрочиваетъ за своими лошадьми, кромѣ крѣпости ногъ, особое устройство легкихъ, потому что простая лошадь задохнется отъ того быстраго движенія, которое безъ малѣйшаго труда вынесетъ англійскій рысакъ. Такимъ образомъ человѣкъ, посредствомъ цѣлесообразнаго выбора производителей, можетъ измѣнить всю организацію животныхъ и растеній; но обыкновенно, онъ измѣняетъ только внѣшніе органы, или какую нибудь отдѣльную группу органовъ, а внутренніе или вообще другіе органы, не интересующіе человѣка, измѣняются уже помимо его воли, въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, по неизслѣдованнымъ законамъ соотношенія въ развитіи.

V.

Невольное вліяніе человѣка.

Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скотоводы стали обращать серьезное вниманіе на улучшеніе породъ посредствомъ систематическаго выбора производителей. До сихъ поръ скотоводство обращено въ науку и въ искусство только въ немногихъ странахъ Европы; гдѣ существуетъ національное скотоводство, тамъ оно съ изумительной быстротой доставило уже блистательные результаты, но результаты эти не могутъ имѣть обширнаго значенія по той простой причинѣ, что всякое раціональное занятіе еще надолго будетъ оставаться доступнымъ только для самаго незначительнаго меньшинства нашей великой и прославленной породы. Большинство людей, вслѣдствіе печальной необходимости, живетъ и дѣйствуетъ ощупью, по силѣ

инерціи, безъ всякаго плана жизни и безъ всякой цѣли. Какъ оно живетъ вообще, такъ точно оно дѣйствуетъ и на тотъ міръ животныхъ и растеній, отъ котораго оно зависитъ съ своемъ пропитаніи. Вліяніе этого безсознательнаго большинства обнаруживается медленно, неясно и безтолково, но зато кругъ дѣйствій этого большинства чрезвычайно обширенъ. Во-первыхъ, большинство есть все-таки стихійная сила, и въ сравненіи съ нею всякіе индивидуальные труды оказываются крошечными песчинками; во-вторыхъ, это большинство дѣйствуетъ не какихъ нибудь восемьдесятъ лѣтъ, какъ просвѣщенные скотоводы, а нѣсколько десятковъ тысячелѣтій. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что большинство, или человѣчество вообще, съ начала своего существованія невольно и безсознательно произвело въ животныхъ и въ растеніяхъ множество чрезвычайно важныхъ и обширныхъ измѣненій. Всякій разъ, какъ только человѣкъ имѣлъ возможность выбрать изъ нѣсколькихъ предметовъ одинъ, онъ выбиралъ непремѣнно тотъ, который доставлялъ ему больше пользы или удовольствія. Если онъ напримѣръ могъ прокормить только одну собаку, то онъ конечно пришибалъ не ту, которая отличалась особенной вѣрностью и смышленостью. Если у него была одна кобыла, то онъ, разумѣется, не отыскивалъ для нея нарочно самаго уродливаго и дряхлаго жеребца. Когда арабы, застигнутые голодомъ въ пустынѣ, бываютъ принуждены зарѣзать и съѣсть верблюда, то они никакъ не распорядятся такимъ образомъ съ самымъ лучшимъ и съ самымъ крѣпкимъ верблюдомъ. Дикіе обитатели Огненной Земли такъ дорожатъ своими собаками, что во время голодныхъ мѣсяцевъ или годовъ, которые для всякихъ дикарей вообще повторяются очень часто,— они убиваютъ и съѣдаютъ своихъ старухъ, а собакъ не трогаютъ, потому, говорятъ они, что собака полезнѣе. Когда людямъ, не питающимся въ обыкновенное время человѣческимъ мясомъ, приходится поѣдать своихъ близкихъ родственницъ, тогда, разумѣется, бываетъ уже съѣдено все, что только можно было съѣсть. Собаку можно съѣсть, а если ея не съѣсть, то ее надо кормить, а это очень мудрено сдѣлать въ такое время, когда люди ѣдятъ другъ друга, и все-таки умираютъ съ голоду. Понятно, что послѣ такой передряги уцѣлѣютъ только тѣ собаки, которыя, во-первыхъ, особенно драгоцѣнны для своихъ владѣльцевъ какими нибудь отмѣнными достоинствами и, во-вторыхъ, умѣютъ переносить голодъ лучше другихъ. Выборъ будетъ сдѣланъ такимъ образомъ не по раціональной методѣ, но зато чрезвычайно строго.

И въ древности, и во время среднихъ вѣковъ люди голодали очень часто, нисколько не хуже теперешнихъ обитателей Огненной Земли или Гренландіи. А что въ доисторическія времена такія голодныя полосы находили на людей еще гораздо чаще и поражали ихъ гораздо сильнѣе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ дальше въ прошедшее, тѣмъ мрачнѣе становится картина человѣческаго существованія или прозябанія. Голодъ обрушивался и на людей, и на домашнихъ животныхъ; животныя травоядныя могли-бы прокормиться сами, но ихъ съѣдали голодные люди, и конечно оставалось въ живыхъ только то, что̀ было всего крѣпче, всего лучше и всего необходимѣе. Эти періодическія посѣщенія голода сдѣлались гораздо рѣже или совершенно прекратились только тогда, когда люди, размножавшись, стали вести образъ жизни вполнѣ приличный осѣдлому и земледѣльческому племени. Тутъ уже «табуны его коней» не могли пастись «вольны, нехранимы», потому что это возможно только тогда, когда «его луга необозримы», а необозримость луговъ существуетъ тогда, когда народъ находится въ переходномъ состояніи отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Когда же кони и всякій другой скотъ стали обитать въ покрытыхъ строеніяхъ, тогда вмѣсто вліянія періодическаго голода домашнія животныя стали испытывать на себѣ видоизмѣняющее дѣйствіе хозяйственныхъ распоряженій. Всякій крестьянинъ, вовсе не разсчитывая усовершенствовать породу и вовсе не зная, что такія усовершенствованія возможны, старался по крайней мѣрѣ, чтобы его корова или кобыла не производила на свѣтъ уродовъ. Для этого онъ напримѣръ держалъ молодыхъ самцовъ отдѣльно отъ молодыхъ самокъ. Если представлялась восможность случить корову съ хорошимъ быкомъ, или кобылу съ хорошимъ жеребцомъ, то крестьянинъ, разумѣется, пользовался этой возможностью, потому что важное значеніе хорошей породы понятно самымъ необразованнымъ людямъ и было имъ извѣстно съ незапамятныхъ временъ. Они не умѣли ни произвести, ни даже поддержать въ полной чистотѣ хорошую породу, но все-таки, по мѣрѣ своихъ силъ и своей сообразительности, они старались сдѣлать получше, а не похуже. То, что̀ было очевидно дурно,—отбрасывалось въ сторону; то, что̀ было очевидно хорошо,—сохранялось; и такъ какъ въ этомъ направленіи дѣйствовали не десятки людей, а милліоны, то и результаты получились очень значительные, хотя въ большей части случаевъ никакое научное изслѣдованіе не можетъ показать намъ, каковы были первобытныя формы домашнихъ животныхъ, и чрезъ какія постепенныя видоизмѣненія они должны были пройти, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго положенія.

Исторія разныхъ животныхъ и хозяйственныхъ растеній не сохранилась и не могла сохраниться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, начало земледѣлія и скотоводства относится къ такому далекому прошедшему, о которомъ говорятъ не лѣтописи и даже не преданія, а только кое-какіе,

самые скудные геологическіе остатки; жили люди, были у нихъ прирученныя животныя, остались отъ тѣхъ и другихъ кое-какія кости,—вотъ и все, что можно узнать о доисторическихъ тысячелѣтіяхъ, да и эти небогатыя свѣдѣнія мы стали пріобрѣтать только въ самое новѣйшее время. Стало быть, возстановить типъ домашнихъ животныхъ и растеній, какъ они были въ минуту перваго своего соприкосновенія съ человѣкомъ, и потомъ сравнить этотъ типъ съ тѣми формами, которыя живутъ теперь подъ нашей властью,—это такая работа, которую изслѣдователи наши по всей вѣроятности никогда не будутъ въ состояніи выполнить.

Не зная исходной точки, мы точно также не знаемъ и тѣхъ переходныхъ ступеней, черезъ которыя прошли наши животныя и растенія. Теперь, когда на этотъ предметъ обращено вниманіе мыслящихъ людей, теперь, когда существуютъ выставки сельско-хозяйственныхъ произведеній, когда о скотѣ, объ огородахъ и о поляхъ пишутся научныя сочиненія съ самыми отчетливыми рисунками, чертежами и таблицами, теперь, разумѣется, можно замѣтить всякую перемѣну въ быкахъ, въ баранахъ, въ капустѣ, въ пшеницѣ, въ георгинахъ или въ крыжовникѣ. Но въ былое время, въ то время, которое собственно для насъ не составляетъ даже прошедшаго,—никто не обращалъ вниманія на эти перемѣны, никому не приходило въ голову рисовать портретъ съ капусты или измѣрять быка вдоль и поперекъ. Теперь въ образованныхъ государствахъ измѣненія органическихъ формъ рѣзче бросаются въ глаза, потому что, благодаря трудамъ дѣльныхъ спеціалистовъ, они совершаются очень быстро, то есть втеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, на глазахъ одного поколѣнія. Въ былое время они совершались чрезвычайно медленно, и людямъ было такъ же невозможно замѣтить эти измѣненія, какъ невозможно напримѣръ замѣтить глазами движеніе часовой стрѣлки. О движеніи часовой стрѣлки человѣкъ, незнающій внутренняго устройства часовъ, заключаетъ потому, что помнитъ, на какомъ мѣстѣ она стояла нѣсколько времени тому назадъ, и видитъ, гдѣ она очутилась въ данную минуту. Въ вопросѣ объ органическихъ формахъ мы обыкновенно не знаемъ, гдѣ стояла стрѣлка лѣтъ пятьсотъ или семьсотъ тому назадъ; но въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ у насъ есть указанія на прошедшее положеніе стрѣлки, мы постоянно видимъ, что она съ тѣхъ поръ подвинулась впередъ. Напримѣръ, англійская лягавая собака привезена въ Англію изъ Испаніи; между тѣмъ въ Испаніи новѣйшіе путешественники ни разу не видали ни одной собаки, похожей на теперешнюю англійскую; испанскія лягавыя собаки хуже теперешнихъ англійскихъ, и послѣднія были усовершенствованы тѣмъ, что каждый охотникъ старался пріобрѣсти себѣ собаку какъ можно получше, хотя ни одинъ охотникъ не заботился положительно о томъ, чтобы реформировать всю породу. Англійскія лошади происходятъ отъ арабскихъ, но онѣ теперь настолько лучше послѣднихъ, что на нѣкоторыхъ скачкахъ существуютъ постоянныя правила, по которымъ арабскіе скакуны во время состязаній должны нести на себѣ меньше тяжести, чѣмъ англійскіе. По описаніямъ Плинія можно заключить, что груши у древнихъ римлянъ были очень дурного качества, а между тѣмъ вѣдь никто-же не рѣшится предположить, что лучшіе сорта нашихъ теперешнихъ грушъ найдены готовыми гдѣ-нибудь въ лѣсу во время среднихъ вѣковъ. Въ лѣсу, разумѣется, находились всегда только такія яблоки и груши, которыя мы и теперь называемъ дикими и которыми никто не пожелаетъ лакомиться. Теперешнія груши произошли прямымъ путемъ отъ дрянныхъ грушъ временъ Плинія и усовершенствовались постепенно вліяніемъ тщательной обработки; а главнымъ средствомъ улучшенія былъ выборъ сѣмянъ; всякій садовникъ, какъ-бы онъ ни былъ неразвитъ, все-таки старается посѣять самыя крупныя, самыя зрѣлыя сѣмена, происходящія изъ тѣхъ плодовъ, которые отличались особенной сочностью и особенно хорошимъ вкусомъ. Даже гоголевскій Иванъ Никифоровичъ, и тотъ навѣрное собиралъ въ бумажку сѣмена тѣхъ только дынь, которыя ему нравились. А если такимъ образомъ втеченіе другихъ столѣтій постоянно накопляются только самыя легкія и незамѣтныя индивидуальныя особенности, то въ общемъ итогѣ непремѣнно получаются наконецъ новыя породы и цѣлые новые виды. Пока эти разновидности, породы и виды вырабатываются, ихъ никто не замѣчаетъ; когда-же они окончательно готовы и когда нельзя ихъ не замѣтить, тогда никто не знаетъ, откуда они взялись и какъ они сформировались. Отсюда и возникаетъ мнѣніе, что они, дескать, всегда существовали. Если человѣкъ чего-нибудь не знаетъ, то онъ въ одну минуту или выдумаетъ что-нибудь, или увѣритъ себя, что тутъ и знать нечего. Не знаетъ происхожденія породы, значитъ и не было никакого происхожденія: всегда была порода съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ; не знаетъ развитія породы, значитъ и нѣтъ никакого развитія: всѣ породы неизмѣнны и неподвижны. А живая-то жизнь сейчасъ тутъ-же и прихлопнетъ человѣка и уличитъ его въ безтолковомъ и самонадѣянномъ враньѣ неопровержимыми фактами. Окажется напримѣръ, что породы чрезвычайно подвижны, и что онѣ часто измѣняются передъ самыми глазами человѣка, помимо и даже вопреки его воли. Жили-были два англичанина, Берджесъ и Беклей; завели они себѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ по стаду лейстерскихъ барановъ съ бекуэлевскаго завода; заводъ этотъ знаменитый, и оба англичанина старались только о томъ, чтобы сохранить въ

чистотѣ породу своихъ стадъ и всѣ ихъ превосходныя качества. Бараны какъ были отличные, такъ и остались отличными. Но какъ ни строги были консервативныя тенденціи господъ Берджеса и Беклея, однако въ результатѣ все-таки получился прогрессъ, а если не прогрессъ, такъ во всякомъ случаѣ перемѣна. У Берджеса— одни бараны, а у Беклея—другіе, точно двѣ разныя породы, и обѣ породы отличаются отъ чистыхъ бекуэлевскихъ барановъ. И жили оба стада въ одномъ климатѣ, и мѣстоположеніе одинаковое, и пища та-же самая, и хозяева оба консерваторы, а все-таки такой грѣхъ случился. Чѣмъ-же это объяснить? Все-таки выборомъ производителей. Берджесъ и Беклей хотѣли придти къ одной цѣли, или, вѣрнѣе, оба хотѣли стоять на одномъ мѣстѣ, но такъ какъ одинъ человѣческій взглядъ никогда не сходился вполнѣ съ другимъ, то и наши англичане навѣрное чуть-чуть, но расходились между собой въ манерѣ прикладывать общую методу къ дѣлу. Берджесъ обращалъ напримѣръ немножко больше вниманія на одну сторону бараньяго идеала, а Беклей на другую. И изъ этого «немножко», и изъ этого «чуть - чуть» втеченіи пятидесяти лѣтъ, при полномъ сходствѣ важнѣйшихъ условій жизни, выработалась очень замѣтная разница въ результатахъ.

Послѣ этого надо быть очень яростнымъ классификаторомъ и очень непреклоннымъ обожателемъ неуловимаго понятія ovis aries, чтобы отрицать измѣняемость органическихъ формъ и чтобы не видѣть въ каждомъ измѣненіи исключительное дѣйствіе человѣческаго искусства. Если человѣкъ не хочетъ измѣнять, а между тѣмъ все-таки измѣняетъ, то очевидно, что его самого увлекаетъ непобѣдимая и роковая сила вещей. А эта сила вездѣ одна и та-же; она дѣйствуетъ и на скотномъ дворѣ англійскаго сквайра, и въ дѣвственномъ лѣсу тропической Америки, и въ развалившейся клѣтушкѣ русскаго мужика, и въ холодной глубинѣ полярнаго океана. Законъ тяготѣнія управляетъ движеніемъ тѣхъ частицъ жира, которыя поднимаются на поверхность вашего супа, и тотъ-же законъ господствуетъ надъ тѣми тысячами міровъ, которые представляются нашимъ сильнѣйшимъ телескопамъ въ видѣ неясныхъ туманныхъ пятенъ. А законъ тяготѣнія отличается отъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается развитіе органической жизни, только тѣмъ, что послѣдніе гораздо сложнѣе перваго и гораздо менѣе изслѣдованы. Но всѣ законы природы, простые и сложные, изслѣдованные и неизслѣдованные, физическіе и психологическіе, одинаково непоколебимы, одинаково обширны и одинаково не терпятъ исключеній, потому что всѣ они одинаково вытекаютъ изъ необходимыхъ и вѣчныхъ свойствъ безпредѣльнаго мірового вещества.

VI.

Борьба за жизнь.

Каждое растеніе производитъ втеченіи своей жизни нѣсколько зеренъ; каждая самка, къ какому-бы классу животнаго царства она ни принадлежала, производитъ, при нормальныхъ условіяхъ, нѣсколько яицъ или нѣсколько живыхъ дѣтенышей. Каждая порода органическихъ существъ стремится такимъ образомъ размножаться по геометрической прогрессіи, которая возростаетъ болѣе или менѣе быстро, смотря по тому, много или мало птенцовъ рождаетъ самка. Если мы возьмемъ ту геометрическую прогрессію, которая возростаетъ въ такомъ видѣ: 1, 2, 4, 8, 16, 32..., то и тутъ получатся изумительные результаты. Линней предположилъ, что какое-нибудь однолѣтнее растеніе даетъ втеченіи своей годовой жизни только два зерна, и что эти два зерна на будущій годъ взойдутъ благотворно, и въ свою очередь принесутъ по два зерна; продолжая этотъ разсчетъ съ тѣми же предположеніями, онъ нашелъ, что на двадцать-первый годъ получится больше милліона растеній. Но такихъ растеній, которыя приносили бы въ годъ по два зерна, не существуетъ; всѣ приносятъ больше; а у нѣкоторыхъ органическихъ существъ быстрота размноженія доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ. Самка налима кладетъ въ годъ до 130 тысячъ яичекъ; самка окуня—до 300,000; треска—до 4 милліоновъ; если приложить разсчетъ Линнея къ трескѣ, то есть, если предположить, что каждое изъ 4 милліоновъ яичекъ благополучно разовьется и произведетъ также 4 милліона яичекъ, и если продолжать этотъ разсчетъ до двадцать-перваго поколѣнія, то, разумѣется, получится такой рядъ цифръ и нулей, котораго никто не съумѣетъ произнести, а треска такъ сопрется въ морѣ, что ей негдѣ будетъ повернуться и уже во всякомъ случаѣ нечѣмъ будетъ питаться. Но такое несчастье возможно только въ теоретическомъ разсчетѣ; въ природѣ оно невозможно, именно потому, что всѣ органическія формы размножаются не по геометрической прогрессіи; всѣ онѣ производятъ столько дѣтей, яицъ или сѣмянъ, что еслибы всѣ дѣти, яица и сѣмена, произведенныя только втеченіи одного года, достигли полнаго своего развитія, то всѣ эти ровесники не могли-бы умѣститься на всей поверхности земного шара. Но это предположеніе опять-таки не только неосуществимо въ дѣйствительности, а даже немыслимо въ теоріи, то есть, оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если вы предположите, что всѣ сѣмена растеній достигнутъ полнаго своего развитія, то вы осудите на вѣрную смерть весь животный міръ безъ исключенія, потому что нѣтъ ни одного животнаго, которое питалось-бы неорганическими веществами. Если вы захотите,

чтобы группа травоядныхъ животныхъ развилась совершенно безпрепятственно, то вы до нѣкоторой степени обидите растительный міръ и совершенно погубите плотоядныхъ.

Словомъ, органическая жизнь немыслима безъ постояннаго и ежеминутнаго истребленія живыхъ существъ; органическая жизнь есть вѣчная борьба между живыми существами, и каждая органическая форма стѣсняется въ своемъ размноженіи всѣми остальными формами. Борьба эта не можетъ прекратиться ни на одно мгновеніе, потому что каждый шагъ въ жизни есть актъ борьбы. Бороться приходится за все: за пищу, за пространство, за горсть земли, за глотокъ воздуха, за частицу воды, за лучъ свѣта, за неприкосновенность собственнаго тѣла, короче сказать,—за жизнь, въ самомъ обширномъ и всеобъемлющемъ смыслѣ этого страшнаго слова. Кто оплошалъ въ этой борьбѣ, тотъ погибъ, того тотчасъ отдаютъ въ ломъ, какъ серьги или булавку стараго фасона; онъ умираетъ и его немедленно самымъ веселымъ и добродушнѣйшимъ образомъ поѣдаютъ другія растенія и животныя; то растеніе или животное, которому удалось оторвать себѣ кусокъ мертваго тѣла, одержало побѣду надъ тѣми, кому это не удалось; кто часто одерживаетъ такія побѣды, тотъ усиливается и получаетъ возможность еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ одолѣвать своихъ конкурентовъ; кто часто терпитъ такія пораженія, тотъ, напротивъ того, слабѣетъ, умираетъ и своей смертью открываетъ поле для новыхъ схватокъ, которыя кончаются новыми побѣдами однихъ и новыми пораженіями другихъ. Если напримѣръ ястребъ поймалъ и задушилъ голубя, то онъ одержалъ побѣду не только надъ голубемъ, но и надъ другими ястребами. Какъ ни могучъ полетъ ястреба и какъ ни многочисленны тѣ птицы, которыя могутъ служить ему добычей, однако число этихъ послѣднихъ не можетъ считаться неограниченнымъ на томъ пространствѣ земли, которое ястребъ можетъ облетѣть, не отдыхая. Стало быть, всякій голубь, съѣденный однимъ ястребомъ, есть кусокъ пищи, отнятый имъ у другихъ хищныхъ птицъ. Слѣдовательно, между этими птицами происходитъ постоянная борьба даже тогда, когда у нихъ и не доходитъ дѣло до открытой драки. Если люди ищутъ грибовъ въ одномъ лѣсу, то они очевидно борятся между собою, хотя и не наносятъ другъ другу ударовъ. Если растеніе производитъ въ годъ сотню зеренъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ только одно успѣваетъ пустить корень, то, разумѣется это растеніе борется со всѣми своими сосѣдями за кусокъ земли и за необходимую порцію воздуха и солнечнаго свѣта. Или оно должно задушить кого-нибудь изъ сосѣдей, или сосѣди его задушатъ. Середины нѣтъ и нейтралитетъ невозможенъ. На дубѣ, на яблонѣ и на нѣкоторыхъ другихъ деревьяхъ растетъ чужеядное растеніе viscum aucuparium; оно борется за жизнь, какъ съ другими подобными себѣ растеніями, такъ и съ тѣми деревьями, изъ которыхъ оно тянетъ питательные соки; если этихъ растеній на одномъ деревѣ разведется слишкомъ много, то дерево зачахнетъ и умретъ, а вслѣдъ за нимъ умрутъ и его паразиты. Птицы клюютъ ягоды этого растенія и потомъ разсѣваютъ его сѣмена въ своихъ испражненіяхъ; для viscum выгодно, чтобы птицы клевали его плоды; для другихъ растеній того-же вида или другихъ видовъ и родовъ—это также выгодно, но тѣмъ-же самымъ причинамъ; стало быть, и здѣсь завязывается борьба въ самой своеобразной формѣ; одна ягода говоритъ птицѣ: «съѣшь меня!» и другая тоже проситъ: «пожалуйста, съѣшь меня!» Очевидно, побѣда остается за тѣмъ сортомъ ягодъ и за тѣми отдѣльными ягодами каждаго сорта, которыя оказываются самыми вкусными для приглашаемой птицы. Результатъ борьбы здѣсь, какъ и вездѣ, выразится въ томъ, что число побѣдителей увеличится, а число побѣжденныхъ уменьшится.

Жить на бѣломъ свѣтѣ значитъ постоянно бороться и постоянно побѣждать; растеніе борется съ растеніемъ, травоядное животное борется съ растеніемъ и съ травоядными, плотоядное—съ травояднымъ и съ плотояднымъ, крупныя животныя—съ мелкими, напримѣръ: быкъ съ какой-нибудь мухой, которая кладетъ ему свои яйца въ ноздри и разводитъ у него въ носу цѣлую губительную колонію, или человѣкъ съ крошечной американской блохой, которая поселяется вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ подъ ногтемъ его ноги и производитъ такимъ образомъ смертельное воспаленіе, или вообще всѣ высшія животныя—съ мельчайшими паразитами, живущими въ ихъ внутренностяхъ и причиняющими очень часто опасныя болѣзни. Оттѣнки этой всемірной борьбы безконечно разнообразны; каждому недѣлимому приходится постоянно и нападать, и защищаться; и только тотъ, кто отстоялъ свое тѣло отъ гастрономическихъ покушеній разнокалиберныхъ враговъ и кто самъ поѣлъ достаточное количество другихъ враговъ, только тотъ, говорю я, можетъ оставить послѣ себя потомство, которому предстоитъ тотчасъ-же послѣ рожденія начать ту же самую истребительную борьбу.

Родиться на свѣтъ — самая простая штука, но прожить на свѣтѣ—это уже очень мудрено; огромное большинство органическихъ существъ вступаетъ въ міръ, какъ въ громадную кухню, гдѣ повара ежеминутно рубятъ, потрошатъ, варятъ и поджариваютъ другъ друга; попавши въ такое странное общество, юное существо прямо изъ утробы матери переходитъ въ какой-нибудь котелъ и поглощается однимъ изъ поваровъ; но не успѣлъ еще поваръ проглотить свой обѣдъ, какъ онъ уже самъ, съ недожеваннымъ кускомъ во рту, сидитъ въ котлѣ и обнаруживаетъ уже чисто пассивныя достоинства, свойственныя хо-

рющей котлетѣ. И идетъ эта удивительная работа день и ночь безъ малѣйшаго перерыва съ тѣхъ поръ, какъ «солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ». Сколько милліоновъ птицъ питается напримѣръ зернами и насѣкомыми! Каждой птицѣ надо съѣсть въ день сотни мошекъ или сѣмячекъ, и слѣдовательно каждый разъ, какъ она разѣваетъ свой клювъ, однимъ органическимъ существомъ становится меньше.

Сила размноженія у всѣхъ органическихъ существъ очень велика, но конечный результатъ зависитъ не отъ этой силы, а отъ величины препятствій, лежащихъ на пути этого размноженія, и отъ могущества тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ размножающаяся порода для борьбы съ этими препятствіями. Препятствія заключаются въ напорѣ другихъ органическихъ существъ, которыя также размножаются, а оборонительныя и наступательныя средства заключаются въ условіяхъ организаціи той породы, о которой идетъ рѣчь. Когда выгодное устройство этой организаціи перевѣшиваетъ препятствія, тогда порода размножается, и если перевѣсъ очень значителенъ, то и размноженіе идетъ очень быстро. Напримѣръ, въ Южной Америкѣ и въ Австраліи лошади и быки, привезенные европейцами, возвратились къ дикому состоянію и размножились съ невѣроятной быстротой. Сила размноженія не увеличилась, потому что складъ коровъ и кобылъ не измѣнился, но уменьшились препятствія, существовавшія въ Европѣ; человѣкъ уже не рѣзалъ телятъ и быковъ для своего стола и не отвлекалъ лошадей отъ дѣторожденія своими хозяйственными распоряженіями; а еще важнѣе было то обстоятельство, что въ своемъ новомъ отечествѣ эти одичавшія животныя не встрѣтили себѣ ни многочисленныхъ и опасныхъ враговъ между плотоядными звѣрями и чужеядными насѣкомыми, ни многочисленныхъ и опасныхъ конкурентовъ между туземными формами травоядныхъ. Въ обширныхъ луговыхъ равнинахъ Ла-Платы цѣлыя квадратныя мили почти исключительно покрыты однимъ видомъ репейника, завезеннаго изъ Европы, слѣдовательно непопавшаго въ Америку послѣ Колумба. Въ Остъ-Индіи живутъ нѣкоторыя растенія, привезенныя изъ Америки, и эти растенія въ большомъ изобиліи распространены отъ Гималайскихъ горъ до мыса Коморина, то-есть до самой южной оконечности полуострова. Ясно, что европейскій репейникъ, завоевавшій Ла-Плату, и американское растеніе, водворившееся въ Индіи, покрыли такія обширныя пространства въ такое короткое время не потому, что они размножаются особенно быстро, а потому, что они по своей организаціи оказались сильнѣе представителей туземной флоры. Кондоръ кладетъ пару яицъ, а страусъ—штукъ двадцать, но въ нѣкоторыхъ странахъ кондоровъ больше, чѣмъ страусовъ, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: страусъ кладетъ свои яйца въ землю, гдѣ ихъ расхищаютъ и люди, и животныя, а кондоръ устраиваетъ свое гнѣздо на неприступныхъ скалахъ, куда никому не захочется отправляться за добычей; затѣмъ важно то обстоятельство, что у страуса нѣтъ того страшнаго оборонительнаго и наступательнаго оружія, которымъ обладаетъ кондоръ; наконецъ можно замѣтить, что страусу вредятъ его красивыя перья, изъ за которыхъ онъ терпитъ постоянныя преслѣдованія отъ неугомонныхъ людей. Буревѣстникъ кладетъ только по одному яйцу, а между тѣмъ это самая многочисленная порода птицъ. И немудрено. Это единственное яйцо кладется на скалѣ, у самаго моря; буревѣстникъ постоянно летаетъ надъ океаномъ, очень далеко отъ берега; крылья у него сильныя, питается онъ рыбою, и не полетитъ за нимъ въ открытое море никакая хищная птица, ни для того, чтобы съѣсть его самого, ни для того, чтобы отбивать у него добычу. Но конечно тѣ породы органическихъ существъ, которыя не имѣютъ возможности защитить свое потомство противъ многочисленныхъ враговъ, ограждаютъ себя отъ совершеннаго истребленія только своей непомѣрной плодовитостью, напримѣръ: рыбы большей частью бросаютъ свою икру въ воду, не принимая никакихъ предосторожностей; животныя истребляютъ ежегодно билліоны яичекъ и маленькихъ рыбокъ, только что выглянувшихъ на свѣтъ; люди ежегодно ловятъ и съѣдаютъ милліоны рыбъ всякой породы и всякаго возраста; разумѣется, всѣ рыбы давно были-бы истреблены, если-бы онѣ не размножались съ непостижимой быстротой; если изъ 4 милліоновъ яичекъ трески выведутся только 40 рыбокъ, если изъ этихъ сорока доживутъ до зрѣлаго возраста только двѣ рыбы, и если этотъ процессъ будетъ повторяться каждый годъ, то и тогда треска будетъ размножаться, потому что она живетъ гораздо больше одного года, и слѣдовательно втеченіи своей жизни самецъ и самка успѣютъ произвести себѣ на смѣну больше одной пары. Стало-быть, для того, чтобы количество трески не увеличивалось и не уменьшалось, надо можетъ-быть, чтобы изъ десятка милліоновъ яичекъ выводилась и доживала до совершеннолѣтія только одна рыба; и конечно трудно себѣ представить, чтобы изъ десяти милліоновъ случаевъ не выдалось ни одного совершенно счастливаго. Почти то-же самое мы видимъ въ нашихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, которыя спасаются отъ совершеннаго истребленія единственно тѣмъ, что огромное количество отдѣльныхъ растеній собрано на одномъ мѣстѣ. Если-бы мы захотѣли посѣять не сотни десятинъ ржи или пшеницы, а одну грядку, то птицы небесныя съѣли-бы все до послѣдняго зерна; но такъ какъ количество хлѣбныхъ колосьевъ, созрѣвающихъ въ одномъ околоткѣ, несоразмѣрно велико въ сравненіи съ количествомъ зерноядныхъ птицъ, водящихся въ томъ-же околоткѣ, то кое-что

остается и на долю людей. Птицы наѣдаются до отвалу, жирѣютъ, портятъ еще больше хлѣба, чѣмъ сколько съѣдаютъ, и все-таки не могутъ уничтожить всего, потому что на такой подвигъ способна только саранча, да и то на очень ограниченномъ пространствѣ.

VII.

Сложныя отношенія между органическими существами.

Такъ какъ органическія существа или поѣдаютъ другъ друга, или отбиваютъ другъ у друга пищу, или борятся между собою за порцію земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, то, разумѣется, они всѣ связаны между собою самыми сложными и перепутанными отношеніями. Нѣтъ и не можетъ быть ни одного органическаго существа, которое не зависѣло-бы въ своемъ существованіи отъ множества различныхъ животныхъ и растеній, и притомъ часто отъ такихъ, съ которыми оно даже не имѣетъ ни малѣйшихъ непосредственныхъ отношеній. При теперешнемъ положеніи нашихъ знаній мы ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, ни для одного животнаго или растенія не можемъ указать точно и подробно на всѣ нити, связывающія его по разнымъ направленіямъ со всей цѣпью другихъ созданій. Важно и превосходно уже то, что современные натуралисты поняли сложность этихъ взаимныхъ отношеній между органическими существами; убѣдившись въ этой сложности и въ своемъ собственномъ невѣдѣніи, натуралисты поставили себя лицомъ къ лицу со своей настоящей задачей; они вглядѣлись въ ея трудности и сообразили также, что эти трудности, которыя вовсе не могутъ считаться непобѣдимыми, преодолѣваются только терпѣливымъ, внимательнымъ и совершенно непредубѣжденнымъ наблюденіемъ мельчайшихъ подробностей органической жизни. Чѣмъ больше фактическихъ наблюденій, тѣмъ ближе рѣшеніе великихъ задачъ; а для мыслящаго натуралиста поводы къ наблюденіямъ представляются на каждомъ шагу, и манера осмысливать эти наблюденія съ каждымъ годомъ становится болѣе раціональной и болѣе свободной отъ теоретическихъ предубѣжденій. Будущее разрѣшитъ множество великихъ вопросовъ, но въ настоящее время можно только сказать, что между самыми разнородными формами органическаго міра существуютъ чрезвычайно сложныя и совершенно неизслѣдованныя отношенія. Кромѣ того можно представить два, три примѣра, которые покажутъ читателю, какое множество еще неразрѣшимыхъ вопросовъ задаетъ мыслящему человѣку самый простой и обыкновенный эпизодъ изъ жизни природы.

Въ Англіи, въ одномъ помѣстьѣ графства Стаффордъ, лежитъ большой пустырь, поросшій бурьяномъ. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ часть этого пустыря, въ нѣсколько сотъ акровъ величиной, обнесли заборомъ и засадили шотландскими соснами. Появленіе сосенъ произвело совершенный переворотъ въ природѣ засаженнаго участка; количество бурьяна значительно убавилось, и въ молодой сосновой рощѣ поселилось двѣнадцать сортовъ растеній, не встрѣчающихся на всемъ остальномъ пространствѣ пустыря; на этихъ растеніяхъ завелись тѣ насѣкомыя, которыя живутъ на нихъ обыкновенно, а вслѣдъ за насѣкомыми появились такія насѣкомоядныя птицы, которымъ прежде не за чѣмъ было залетать въ голый пустырь. Изъ этого примѣра мы видимъ, что, во-первыхъ, растенія тѣсно связаны между собой и что, во-вторыхъ, каждое растеніе связано съ тѣми группами животныхъ, которымъ оно служитъ пищей. А такъ какъ одинъ сортъ животныхъ идетъ на пропитаніе другого сорта, то растеніе, черезъ группу травоядныхъ или зерноядныхъ, связывается также съ опредѣленной группой хищныхъ животныхъ, которыя въ свою очередь тянутъ за собой какихъ нибудь паразитовъ, и наконецъ, рано или поздно, эта цѣпь запутанныхъ отношеній обрывается въ рукахъ изслѣдователя, но онъ никакъ не имѣетъ права утверждать, что прослѣдилъ ее до конца, и что она дѣйствительно оборвалась въ живой природѣ. Какимъ образомъ связываются между собой отдѣльныя кольца этой огромной цѣпи, этого изслѣдователь также не знаетъ въ большей части случаевъ. Въ приведенномъ примѣрѣ мы даже не можемъ сказать положительно, что̀ именно произвело перемѣну въ растительности: сосна или заборъ. Заборъ могъ имѣть очень сильное вліяніе: онъ ограждалъ растительность отъ скота, а скотъ обыкновенно производитъ въ распредѣленіи растеній самыя значительныя перемѣны. Положимъ напримѣръ, что скотъ постоянно пасется на какой нибудь лужайкѣ, на которой растетъ двадцать сортовъ различныхъ травъ; если вы удалите скотъ, то можетъ случиться, что изъ этихъ двадцати сортовъ девять совершенно пропадутъ; скотъ, пощипывая траву, постоянно держитъ всѣ сорта ея на одномъ уровнѣ, такъ что всѣмъ достается и свѣтъ, и воздухъ; какъ только прекращаются эти уравнительныя распоряженія скота, такъ немедленно поднимаются кверху тѣ травы, которыя посильнѣе; остальнымъ становится темно и душно, и онѣ понемногу умираютъ. Но если скотъ является невольнымъ покровителемъ слабыхъ, то онъ оказывается также опаснѣйшимъ врагомъ сильныхъ растеній, которыхъ развитіе онъ обыкновенно дѣлаетъ совершенно невозможнымъ.

Въ графствѣ Сёррей тянутся на большое пространство сухіе пустыри, покрытые бурьяномъ; кое-гдѣ разбросаны по этимъ пустырямъ небольшія группы старыхъ шотландскихъ сосенъ; втеченіи послѣдняго десятилѣтія

значительная часть этихъ пустырей обнесена заборами, и всѣ обнесенныя мѣста поросли сами собой такимъ густымъ соснякомъ, что множество молодыхъ деревьевъ задохнулись въ чащѣ отъ тѣсноты и темноты. Въ это же время на открытыхъ мѣстахъ не видно было ни одного дерева, кромѣ тѣхъ вѣковыхъ сосенъ, которыя стояли кое-гдѣ отдѣльными кучками. Но Дарвинъ сталъ всматриваться внимательнѣе, и раздвигая верхушки бурьяна, замѣтилъ возлѣ самой земли множество сосенокъ, которыя были до-чиста объѣдены скотомъ; на одномъ изъ этихъ несчастныхъ деревьевъ Дарвинъ насчиталъ двадцать-шесть годовыхъ колецъ; втеченіи двадцати-шести лѣтъ эта сосенка старалась подняться выше бурьяна, и всякій разъ какое нибудь животное отгрызало ея молодой побѣгъ. Какъ только прекратились нашествія четвероногихъ распорядителей, такъ и поднялись сосновыя рощи, и если присутствіе этихъ деревьевъ дѣйствительно ведетъ за собой рядъ существенныхъ измѣненій въ группированіи растительныхъ и животныхъ формъ, то, разумѣется, на серрейскихъ пустыряхъ должны были повториться тѣ же самыя явленія, которыя мы видѣли въ графствѣ Стаффордъ. А исходной точкой всѣхъ этихъ переворотовъ оказывается такой простой и ничтожный фактъ, какъ удаленіе нѣсколькихъ головъ рогатаго или безрогаго скота.

Но я опять долженъ напомнить читателю, что мы здѣсь видимъ только, въ какомъ порядкѣ крупныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ. Какъ связываются между собой эти явленія, и какіе мелкіе и мельчайшіе факты образуютъ между ними эту связь—объ этомъ мы еще ничего не можемъ сказать. Сосна измѣняетъ вокругъ себя растительность—хорошо!—но какимъ же образомъ это дѣлается? Дѣйствуетъ-ли сосна своей тѣнью, какъ всякое другое дерево, или своимъ хвоемъ, который она каждый годъ роняетъ на землю, или своими корнями, которыми она разрыхляетъ почву, или своими смолистыми испареніями, которыми наполняется окружающій воздухъ? Вѣроятно всѣ эти свойства сосны ведутъ за собой какія нибудь послѣдствія, вѣроятно эти послѣдствія перекрещиваются между собой и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, а мы видимъ только отдаленные и послѣдніе результаты, которыхъ внутренняя и необходимая связь до поры до времени ускользаетъ отъ нашего пониманія. Травоядный скотъ дѣйствуетъ на растительность, но самъ онъ въ свою очередь подчиняется вліянію насѣкомыхъ. Въ Парагваѣ ни быкъ, ни лошадь не могутъ жить въ дикомъ состояніи, потому что тамъ водится особая порода мухъ, которая губитъ телятъ и жеребятъ, устраивая въ ихъ ноздряхъ гнѣздо для своихъ яичекъ. Муху эту истребляютъ хищныя насѣкомыя другого рода; этихъ хищныхъ насѣкомыхъ поѣдаютъ птицы; положимъ теперь, что по какой нибудь причинѣ число насѣкомоядныхъ птицъ уменьшилось въ Парагваѣ; тогда число хищныхъ насѣкомыхъ быстро увеличится; эти насѣкомыя будутъ поѣдать большее количество вредныхъ мухъ; мухи, становясь менѣе многочисленными, не будутъ въ состояніи истреблять все молодое поколѣніе травоядныхъ породъ; быкъ и лошадь разведутся въ Парагваѣ; ихъ вліяніе произведетъ кое-какія перемѣны въ растительномъ мірѣ; эти перемѣны отзовутся на распредѣленіи насѣкомыхъ, а насѣкомыя подѣйствуютъ на тѣхъ птицъ, которымъ они служатъ пищей. Какъ только въ какой нибудь странѣ происходитъ перемѣна въ числѣ или свойствахъ одной группы, такъ эта перемѣна тотчасъ даетъ себя чувствовать по всѣмъ направленіямъ. До этой перемѣны различныя группы держали другъ друга въ равновѣсіи, то есть каждая группа отстаивала свое собственное существованіе и каждая, по мѣрѣ силъ своихъ, мѣшала своимъ сосѣдямъ, родственникамъ, конкурентамъ или врагамъ размножаться далѣе извѣстнаго предѣла. Когда происходитъ перемѣна, то это равновѣсіе въ одномъ мѣстѣ оказывается нарушеннымъ и тотчасъ начинается во всей необозримой цѣпи органическихъ формъ волнообразное колебаніе, которое черезъ нѣсколько времени приводитъ къ новому равновѣсію. Но будетъ-ли новое равновѣсіе совершенно похоже на старое — это невозможно сказать заранѣе. Самая незначительная перемѣна можетъ доставить нѣкоторымъ породамъ перевѣсъ надъ противниками; однѣ породы сдѣлаются многочисленнѣе, а другія начнутъ ослабѣвать; борьба между этими породами будетъ продолжаться, но ослабѣвшая сторона уже будетъ не въ состояніи выдерживать натискъ размножившихся враговъ или конкурентовъ; ослабѣвая болѣе и болѣе, она наконецъ можетъ совершенно исчезнуть, а замѣтное уменьшеніе или окончательное истребленіе цѣлой породы тотчасъ поведетъ за собою новыя колебанія, которыя могутъ опять уничтожить новыя породы животныхъ или растеній. Словомъ въ экономіи природы, каждое нарушеніе установившагося равновѣсія можетъ повести за собой такіе-же передвиженія и перевороты, какіе напримѣръ производитъ въ коммерческомъ мірѣ банкротство какого нибудь одного незначительнаго банкирскаго дома. Здѣсь также банкротство одной породы потрясаетъ существованіе многихъ другихъ, и никто не можетъ предвидѣть, куда распространится это потрясеніе и въ какихъ предѣлахъ оно разыграется. Но потрясенія въ экономіи природы совершаются обыкновенно медленно и безъ шума; породы не даютъ другъ другу генеральныхъ сраженій; нѣтъ ни громкой радости со стороны побѣдителей, ни стоновъ отчаянія со стороны побѣжденныхъ; породы торжествуютъ или вымираютъ, сами того не сознавая, и даже для мыслящаго наблюдателя это торжество или вымираніе становятся

замѣтными не въ исходной своей точкѣ, а уже тогда, когда они почти совершились. Переворотъ тянется цѣлыми вѣками, и наблюдатель никогда не можетъ сказать рѣшительно или даже приблизительно, что переворотъ закончился и что вотъ въ эту минуту всѣ породы извѣстной страны держатъ другъ друга въ равновѣсіи.

Въ природѣ ежеминутно совершаются или могутъ совершаться тысячи мельчайшихъ явленій, которыя то здѣсь, то тамъ доставляютъ одной изъ сражающихся сторонъ перевѣсъ надъ другой; многія изъ этихъ явленій, по тѣмъ или другимъ неизвѣстнымъ причинамъ, могутъ остаться безъ значительныхъ послѣдствій, но зато нѣкоторыя изъ этихъ явленій могутъ сдѣлаться первыми звеньями такой цѣпи событій, которая потянется черезъ длинный рядъ столѣтій, уничтожитъ множество существующихъ породъ и создастъ на ихъ мѣсто множество видоизмѣненій. Геологъ, разсматривающій окаменѣлые остатки животныхъ и растеній, видитъ въ нихъ разрозненные листы изъ архива органической природы за цѣлые милліоны вѣковъ; онъ видитъ, что жила порода и что она исчезла, но онъ не можетъ ни видѣть, ни возсоздать силой своего научнаго анализа ту безконечно длинную вереницу мелкихъ причинъ и мелкихъ послѣдствій, которая незамѣтно измѣнила всѣ условія существованія данной природы и понемногу довела данную органическую форму до совершеннаго исчезновенія. Геологъ этого не можетъ видѣть, потому что этого не видитъ даже натуралистъ, изучающій живую природу; но такъ какъ очень немногіе люди, и притомъ только самые замѣчательные, способны просто и откровенно сказать: «не знаю», и такъ какъ эта превосходная способность начала развиваться у мыслящихъ людей только въ самое недавнее время, то геологи былыхъ годовъ, видя уничтоженіе органическихъ породъ, немедленно пускались въ геологическую философію и въ геологическую беллетристику, то-есть строили системы и писали романы, въ которыхъ являлись катастрофы, катаклизмы, кризисы, перевороты, разыгравшіяся волны шаловливыхъ морей и оглушительный грохотъ совершенно неумѣстныхъ порывовъ центральнаго огня. И вся эта роскошь научнаго романтизма тратилась на то, чтобы стереть съ лица земли какую нибудь дюжину, или сотню, или тысячу ящеровъ, птицъ или звѣрей, которые, правда, были очень велики, но у которыхъ было все-таки множество мелкихъ враговъ и крупныхъ конкурентовъ, множество мелкихъ преслѣдователей и паразитовъ, и которые вообще могли сойти со сцены такъ-же тихо, благопристойно и вѣжливо, какъ сошла напримѣръ въ половинѣ прошлаго столѣтія толстая и глупая птица додо, или какъ сошелъ-бы зубръ, если-бы его не берегли ради рѣдкости въ Бѣловѣжской пущѣ.

Историческая память человѣчества простирается всего на какія-нибудь пять тысячъ лѣтъ, да и то врядъ-ли, потому что кто-же рѣшится сказать, что мы знаемъ хорошо все, что̀ дѣлалось на земномъ шарѣ за 3000 лѣтъ до начала нашей эры. Если-бы даже мы могли утверждать, что втеченіи этихъ пяти тысячъ лѣтъ вымерли только двѣ породы животныхъ—додо и зубръ, то и тогда мы совершенно смѣло могли-бы предполагать, что всѣ животныя и растенія геологическихъ эпохъ вымерли такимъ-же естественнымъ и неэффектнымъ образомъ, какъ толстая птица и теперешній обитатель Бѣловѣжской пущи. Стало-быть, сколько-бы тысячъ породъ ни отыскалось въ различныхъ пластахъ земной коры, для всѣхъ найдется достаточно времени; всѣ онѣ могли развиваться, бороться между собой, побѣждать противниковъ, и потомъ въ свою очередь ослабѣвать, уменьшаться въ числѣ и вымирать, уступая натиску другихъ, болѣе развитыхъ враговъ, которые по всей вѣроятности находились съ ними въ болѣе или менѣе тѣсномъ, кровномъ родствѣ. Всѣ эти процессы должны были продолжаться для каждой породы десятки и сотни вѣковъ, и все-таки природа ни разу не была принуждена и не могла поторопиться прибавить шагу—произвести мгновенную перемѣну декорацій или вообще какимъ-нибудь образомъ отступить отъ того роковаго и необходимаго хода событій, который изучаютъ современные натуралисты путемъ непосредственнаго наблюденія.

Въ природѣ нѣтъ и никогда не было цѣльныхъ и крупныхъ явленій. Громаднѣйшіе результаты достигаются всегда совокупнымъ или послѣдовательнымъ дѣйствіемъ милліоновъ мельчайшихъ силъ и причинъ, точно такъ, какъ громаднѣйшій организмъ весь состоитъ изъ накопленія микроскопическихъ клѣточекъ. Мы обыкновенно видимъ громадные результаты и не видимъ мелкихъ причинъ, но величайшая заслуга современнаго естествознанія состоитъ именно въ томъ, что лучшіе изслѣдователи постигли вполнѣ несуществованіе крупныхъ явленій и всеобъемлющую важность мелкихъ. Микроскопъ и химическій анализъ проникли въ самое мышленіе натуралистовъ, и поэтому всякій крупный результатъ или разложенъ уже на мелкія составныя части, или будетъ разложенъ тогда, когда усовершенствуются орудія изслѣдованія и увеличится запасъ собранныхъ наблюденій. То, что представляется крупнымъ и цѣльнымъ, все-таки не признается мыслящими натуралистами за крупное и цѣльное явленіе; оно считается только неразложеннымъ и неизслѣдованнымъ и до поры до времени отодвигается въ сторону, въ ту груду нетронутаго матеріала, которая еще ожидаетъ себѣ мыслящихъ работниковъ и архитекторовъ. Для вопроса объ органическихъ породахъ наступаетъ, кажется, рѣшительная минута. Если изслѣдователи обратятъ все свое вниманіе на разнообразныя проявленія

того процесса, который называется у Дарвина борьбой за жизнь (struggle for life), и если они посвятятъ всѣ свои силы на изученіе той безконечно запутанной сѣти отношеній, которая развивается изъ этой борьбы и охватываетъ собой весь органическій міръ, то они навѣрное, рано или поздно, разъяснятъ фактическими наблюденіями всѣ причины, видоизмѣненія, колебанія и вымиранія органическихъ породъ.

Можно утверждать рѣшительно, что для каждаго органическаго существа его отношенія къ другимъ органическимъ существамъ составляютъ самый важный элементъ жизни, безусловно подчиняющій себѣ всѣ остальные. Даже климатическія условія всего сильнѣе дѣйствуютъ на растенія и на животныхъ не прямымъ и непосредственнымъ образомъ, а черезъ посредство другихъ растеній и животныхъ.

Въ этихъ словахъ заключаются повидимому неясность и противорѣчіе, но я сейчасъ объясню, въ чемъ дѣло. Если вы, переходя изъ холодной страны въ умѣренную, будете замѣчать, что какая-нибудь порода животныхъ или растеній становится рѣдкой и наконецъ исчезаетъ, то вы никакъ не должны думать, что эта органическая форма исчезла оттого, что ей въ этомъ мѣстѣ было-бы слишкомъ тепло жить. Климатъ подѣйствовалъ преимущественно тѣмъ, что онъ измѣнилъ условія борьбы за жизнь. Положимъ, что растеніе *A* успѣшно выдерживаетъ легкіе морозы, а растеніе *B*, неспособное переносить морозы, растетъ гораздо быстрѣе и роскошнѣе предыдущаго. Легкіе морозы не составляютъ для *A* необходимости и ничѣмъ не содѣйствуютъ его благосостоянію, но они убиваютъ или ослабляютъ опаснаго конкурента *B*. Стало быть, въ нашемъ полушаріи, къ сѣверу отъ извѣстнаго градуса широты, перевѣсъ въ борьбѣ будетъ постоянно на сторонѣ *A*; можетъ быть морозы такъ легки, что *B* не умираетъ отъ нихъ, а только теряетъ извѣстную долю своей растительной силы; если-бы надо было бороться съ однимъ климатомъ, то *B* могло-бы передвинуться немного за извѣстный градусъ широты, но такъ какъ за этимъ предѣломъ его ждетъ не одинъ морозъ, а морозъ + конкурентъ *A*, то борьба уже становится не подъ силу, и *B* удаляется въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ морозовъ. *A*, какъ самонадѣянный побѣдитель, пускается догонять своего врага, но тутъ дѣло принимаетъ совершенно новый оборотъ. Растеніе *B*, не ослабленное морозомъ, сильнѣе растенія *A*, и потому побиваетъ его на каждомъ шагу. Съ одной стороны *B* могло-бы подвинуться немного къ сѣверу, а съ другой стороны *A* навѣрное могло-бы подвинуться довольно далеко къ югу; климатъ самъ по себѣ не помѣшалъ-бы ни тому, ни другому, и во второмъ случаѣ онъ можетъ еще менѣе помѣшать, чѣмъ въ первомъ; да конкуренты помѣшаютъ, и вслѣдствіе этого растенія *A* и *B* остаются каждое въ своей области, несмотря на постоянныя попытки выйти за ея предѣлы. Если мы еще возьмемъ въ разсчетъ, что и *A*, и *B* терпятъ горькія обиды отъ разныхъ грызуновъ, насѣкомыхъ, травоядныхъ и зерноядныхъ, и если мы сообразимъ, что всѣ эти животныя также измѣняются вмѣстѣ съ градусомъ широты, то мы вполнѣ поймемъ, что прямое дѣйствіе климата на *A* и на *B* играетъ очень незначительную роль въ массѣ тѣхъ причинъ, которыя привязываютъ эти два растенія къ опредѣленному мѣсту.

Безъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью каждой отдѣльной органической формы нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что̀ именно благопріятствуетъ ей въ одномъ мѣстѣ и мѣшаетъ ей жить въ другомъ. Произнести въ этомъ случаѣ «климатъ» очень легко; сказать «климатъ мѣшаетъ», «климатъ содѣйствуетъ» — тоже не велика хитрость; но климатъ — это огромное явленіе, которое кажется цѣльнымъ только до тѣхъ поръ, пока вы его не разложите на части. Нѣтъ, вы намъ покажите, что̀ именно дѣйствуетъ, морозъ, сырость, вѣтеръ, непостоянство погоды, и т. д., да потомъ покажите, какъ именно дѣйствуетъ, прямо или черезъ другія существа. Вѣдь пожалуй можно сказать, что климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ, и это, строго говоря, не будетъ ошибкой. Положимъ, что быкъ живетъ и къ югу, и къ сѣверу отъ Парагвая; положимъ, что ему не мѣшаютъ жить въ Парагваѣ ни морозы, ни жары, ни дожди, ни вѣтры; все это такъ; но вѣдь та муха, которая заводитъ у него колоніи въ ноздряхъ, живетъ въ Парагваѣ потому, что климатъ позволяетъ ей жить тамъ; вѣдь если-бы ее пристукнулъ морозъ, такъ не жила бы она въ Парагваѣ, ну, стало-быть, и можно сказать, что климать виноватъ. Но читатель конечно понимаетъ, что если мы скажемъ: «климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ», то мы этими словами ровно ничего не выразимъ, а только повторимъ уже извѣстный фактъ: «быкъ не живетъ въ Парагваѣ», — фактъ, которому мы должны были искать объясненія. Если же мы скажемъ: «быку мѣшаетъ жить такая-то муха, и мѣшаетъ именно вотъ чѣмъ», то мы дѣйствительно объяснимъ разсматриваемый фактъ, и докажемъ такимъ образомъ еще разъ, что объяснить — значитъ именно разлагать крупное, сложное явленіе на мелкія и простыя составныя части. А какъ только начинается разложеніе или анализъ, такъ непосредственное наблюденіе и прямой опытъ являются единственными возможными орудіями изслѣдованія. Никакой человѣческій умъ не выдумаетъ тѣхъ неожиданныхъ изворотовъ и перепутанныхъ комбинацій, которые обнаруживаются на каждомъ шагу въ отношеніяхъ между органическими существами. Вотъ вамъ примѣръ. Пчелы, бабочки и разныя другія насѣкомыя, добывая себѣ изъ цвѣтовъ сладкіе соки, постоянно уносятъ на своемъ тѣлѣ

частицы цвѣточной пыли; перелетая съ одного цвѣтка на другой, они совершенно невольно и безсознательно переносятъ эту пыль съ тычинокъ, или мужскихъ половыхъ органовъ, на пестики, или женскіе половые органы; такимъ образомъ насѣкомыя содѣйствуютъ оплодотворенію цвѣтовъ, и для нѣкоторыхъ растеній это содѣйствіе такъ необходимо, что для нихъ оплодотвореніе становится невозможнымъ безъ вмѣшательства той или другой группы насѣкомыхъ. Къ числу такихъ зависимыхъ растеній относятся viola tricolor и различные виды trifolium. Двадцать цвѣтковъ trifolium repens, при содѣйствіи насѣкомыхъ, дали 2250 сѣмянъ, а двадцать такихъ же цвѣтковъ, защищенныхъ отъ всякихъ посѣтителей, не дали ни одного сѣмячка. Сто цвѣтковъ trifolium pratense, посѣщаемыхъ насѣкомыми, произвели 2700 сѣмянъ, а сто защищенныхъ цвѣтковъ того же сорта не произвели ни одного сѣмячка. Но не всѣ крылатыя насѣкомыя могутъ быть полезными посредниками для trifolium pratense. Бабочка такъ легка, что не можетъ расправить своей тяжестью листки вѣнчика, и поэтому она не прикасается своимъ тѣломъ къ тѣмъ мѣстамъ цвѣтка, въ которыхъ находится цвѣточная пыль. Пчела не посѣщаетъ этого цвѣтка, потому что сладкій сокъ его лежитъ слишкомъ глубоко внутри вѣнчика, такъ что пчела не можетъ добраться до него своимъ хоботкомъ. Только шмели, пользуясь сладкимъ сокомъ этого цвѣтка, помогаютъ его оплодотворенію. Если-бы какая-нибудь причина уменьшила въ извѣстной странѣ количество шмелей, то это обстоятельство непремѣнно повело бы за собой уменьшеніе въ количествѣ растеній trifolium pratense. Шмелей преслѣдуютъ съ особеннымъ ожесточеніемъ полевыя мыши, разоряющія ихъ гнѣзда и питающіяся ихъ медомъ. Полевыхъ мышей истребляютъ кошки, стало-быть, цѣпь отношеній между этими органическими формами представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: чѣмъ больше кошекъ, тѣмъ меньше полевыхъ мышей, тѣмъ больше шмелей и тѣмъ больше цвѣтовъ trifolium pratense. Читатель конечно не воображалъ никогда, что кошка имѣетъ значительное вліяніе на судьбу шмелей и помогаетъ оплодотворенію цвѣтовъ. Въ этомъ случаѣ непосредственное наблюденіе показало намъ, какимъ образомъ связываются между собой кошка, мышь, шмель и trifolium pratense. Тысячи и милліоны другихъ сложныхъ отношеній остаются до сихъ поръ неразъясненными, но мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ существованіи этихъ отношеній или отрицать ихъ громадную важность.

Растенія и животныя размножаются въ геометрической прогрессіи; растенія и животныя постоянно истребляютъ и поѣдаютъ другъ друга; эти два ряда фактовъ очевидны для всякаго ребенка и для всякаго дикаря; изъ этихъ очевидныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ вытекаетъ необходимость всемірной борьбы; а если тысячи и милліоны организмовъ ежеминутно борятся между собою, то, разумѣется, между ними должны существовать самыя сложныя и запутанныя отношенія. Объ этихъ отношеніяхъ мы въ настоящее время не имѣемъ почти никакого понятія, но безъ этихъ отношеній вся органическая жизнь была бы невозможна и даже немыслима. Каждый организмъ живетъ только потому, что самъ поѣдаетъ что нибудь, и только до тѣхъ поръ, пока его самого не съѣстъ какой-нибудь другой организмъ. Стало-быть, каждый организмъ зависитъ, во-первыхъ—отъ того, что̀ ему служитъ пищей, и во-вторыхъ—отъ того, что̀ его самого можетъ обратить въ пищу. Внѣ этой зависимости мы не можемъ себѣ представить ни одного организма, и поэтому очевидно благосостояніе и размноженіе той или другой породы организмовъ зависятъ отъ того, какъ будутъ расположены ея отношенія, во-первыхъ, — къ пищѣ, а во-вторыхъ—къ врагамъ. Чѣмъ больше пищи, тѣмъ лучше; чѣмъ больше враговъ, тѣмъ хуже. Но эти два ряда отношеній зависятъ отъ устройства самаго организма. Если организмъ требуетъ мало пищи, то у него больше шансовъ быть постоянно сытымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы онъ требовалъ много пищи; если организмъ одаренъ въ значительной степени оборонительнымъ оружіемъ, то для него не страшны враги. Можно было бы представить еще много другихъ условій, но достаточно и этого, чтобы показать читателю, какимъ образомъ устройство организма можетъ быть и дѣйствительно бываетъ то помѣхой, то содѣйствіемъ въ общей борьбѣ за существованіе. Не трудно понять, что всего дольше долженъ продержаться въ борьбѣ тотъ организмъ, который устроенъ всего удобнѣе для борьбы. Это положеніе совершенно очевидно, и на этомъ-то очевидномъ положеніи основывается весь прогрессъ животныхъ и растеній и вся теорія Дарвина.

VIII.

Естественный выборъ.

Индивидуальное разнообразіе бываетъ особенно сильно у домашнихъ животныхъ и у тѣхъ растеній, которыя подчинены вліянію человѣка. У дикихъ животныхъ и растеній это разнообразіе также существуетъ, хотя выражается обыкновенно менѣе рѣзко. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности могутъ быть вредны для животнаго или для растенія, другія могутъ быть ему полезны, третьи наконецъ могутъ быть безразличны. Напримѣръ, одинъ волкъ одаренъ особенно острымъ обоняніемъ, другой отличается слабымъ развитіемъ мускуловъ, а у третьяго цвѣтъ шерсти немного потемнѣе или посвѣтлѣе,

чѣмъ у товарищей. Первому волку острое обоняніе будетъ въ жизни большой подмогой; оно дастъ ему возможность съ особеннымъ успѣхомъ охотиться за разной добычей и во-время убѣгать отъ всякихъ преслѣдователей. Второй волкъ, отличающійся слабыми мускулами, будетъ особенно часто подвергаться голоду и разнымъ опасностямъ; захочетъ онъ утащить къ себѣ въ лѣсъ овцу и не одолѣетъ этого дѣла — его застигнутъ люди на мѣстѣ преступленія, и онъ или будетъ убитъ, или будетъ принужденъ бросить свою добычу и бѣжать въ лѣсъ съ пустымъ желудкомъ. Наконецъ третій волкъ будетъ жить счастливо или несчастливо, смотря по обстоятельствамъ, но цвѣтъ его шерсти по всей вѣроятности не будетъ для него ни помѣхой, ни пособіемъ въ жизни. Первый волкъ вѣроятно проживетъ дольше своихъ сверстниковъ и слѣдовательно оставитъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Второй волкъ вѣроятно погибнетъ раньше своихъ сверстниковъ и слѣдовательно или умретъ безъ потомства, или оставитъ послѣ себя немногихъ дѣтей. Нѣкоторыя изъ дѣтей перваго волка получатъ отъ отца его острое обоняніе; эти субъекты будутъ имѣть шансы пережить своихъ братьевъ и передать свою наслѣдственную особенность своимъ потомкамъ. Нѣкоторые изъ немногихъ дѣтей второго волка получатъ отъ отца его слабую мускулатуру, но каждый изъ нихъ будетъ имѣть очень мало шансовъ прожить долго и передать свой наслѣдственный порокъ будущимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ острое обоняніе будетъ постоянно укореняться въ волчьей породѣ сильнѣе и сильнѣе, а ненормальная слабость мускуловъ будетъ постоянно выбрасываться вонъ. Что же касается до темныхъ или свѣтлыхъ оттѣнковъ шерсти, то они, какъ безразличныя качества, будутъ постоянно подвергаться колебаніямъ и измѣненіямъ.

То, что̀ мы видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ, можетъ быть обобщено и распространено на весь органическій міръ. Всякая полезная особенность прививается къ породѣ и удерживается въ ней, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Всякая вредная особенность уничтожается. Безразличныя особенности колеблются и мѣняются. Если мы вдумаемся только въ смыслъ словъ «полезный» и «вредный», и если мы припомнимъ, что, по закону наслѣдственности, качества родителей обыкновенно передаются или всѣмъ дѣтямъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ, то мы немедленно убѣдимся въ томъ, что наше обобщеніе не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего натянутаго или произвольнаго. Полезно то, что̀ даетъ организму возможность одолѣвать противниковъ въ борьбѣ за жизнь; вредно то, что̀ отнимаетъ у него эту возможность; слѣдовательно, полезная особенность, по самой сущности своей, придаетъ отдѣльному организму прочность, а вредная, также по самой сущности своей, сообщаетъ ему хрупкость. Прочный организмъ живетъ долго и, стало-быть, успѣваетъ породить много другихъ организмовъ, также прочныхъ; а хрупкій организмъ ломается скоро и стало-быть не успѣваетъ населить міръ новыми хрупкими организмами. Поэтому прочность организма и все, что̀ содѣйствуетъ этой прочности, принимаетъ характеръ устойчивости и долговѣчности; а хрупкость и всѣ ея отдѣльные аттрибуты, то-есть всѣ вредныя особенности, непремѣнно должны быть явленіями временными и мимолетными.

Природа ежеминутно въ громадныхъ размѣрахъ производитъ надъ всѣми органическими существами ту операцію выбора, которую опытные заводчики производятъ надъ своими ручными животными. Но человѣкъ выбираетъ въ животныхъ и въ растеніяхъ тѣ особенности, которыя нравятся или приносятъ пользу ему, человѣку, а природа, то-есть совокупность естественныхъ законовъ, выбираетъ и упрочиваетъ только то, что̀ полезно самому животному или растенію; заводчикъ обыкновенно обращаетъ вниманіе только на то, что̀ бросается въ глаза, а для природы не существуетъ никакого различія между внѣшними и внутренними органами; если проявилась у животнаго индивидуальная особенность въ печени или въ легкихъ, и если эта особенность полезна, то она будетъ сохранена и упрочена, точно такъ же, какъ могла бы сохраниться и упрочиться совершенно очевидная особенность, проявившаяся въ устройствѣ ногъ, роговъ или ушей. Человѣкъ не позволяетъ быкамъ или жеребцамъ драться между собою за обладаніе самками, а въ природѣ самцы дерутся, побѣда остается за самыми сильными, и слѣдовательно качества сильныхъ побѣдителей упрочиваются въ потомствѣ. Жизнь человѣка коротка и вкусы его измѣнчивы, а природа дѣйствуетъ на органическій міръ впродолженіи безконечнаго ряда вѣковъ и постоянно дѣйствуетъ по одному направленію, то-есть уничтожаетъ все, что̀ слабо и хрупко, и поддерживаетъ все, что̀ крѣпко и прочно.

Этотъ законъ, по которому уничтожаются вредныя особенности и сохраняются полезныя, называется у Дарвина закономъ естественнаго выбора. Вопросъ о томъ, что̀ полезно, что̀ вредно и что̀ безразлично, рѣшается для каждаго отдѣльнаго случая прямымъ опытомъ жизни; тутъ не можетъ быть никакихъ общихъ правилъ; все зависитъ отъ того, при какихъ условіяхъ живетъ данный организмъ, какую пищу ему приходится добывать и отъ какихъ враговъ онъ терпитъ преслѣдованія. Для волка цвѣтъ шерсти не составляетъ никакой важности. Его преслѣдуютъ люди, которымъ обыкновенно помогаютъ собаки; собаки отыскиваютъ волка чутьемъ, а не зрѣніемъ, стало-быть, какъ-бы цвѣтъ волка

ни сливался съ цвѣтомъ окружающихъ предметовъ, его все-таки отыщутъ и затравятъ; но для многихъ птицъ цвѣтъ перьевъ можетъ быть чрезвычайно полезенъ. Соколы, ястребы и другіе хищники съ высоты своего полета высматриваютъ себѣ добычу, и конечно имъ бросаются въ глаза преимущественно тѣ птицы, которыя своимъ цвѣтомъ рѣзко отдѣляются отъ окружающихъ предметовъ. Бѣлые голуби такъ часто дѣлаются жертвой хищныхъ птицъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ любители или хозяева совсѣмъ не держатъ бѣлыхъ голубей. Многимъ породамъ дикихъ птицъ чрезвычайно полезно то обстоятельство, что онѣ по цвѣту своихъ перьевъ совершенно сливаются съ цвѣтомъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ постоянно живутъ. Альпійская куропатка зимой становится совершенно бѣлой, и этотъ цвѣтъ приноситъ ей пользу, потому что она постоянно держится на снѣжныхъ вершинахъ. Шотландскій тетеревъ, живущій среди бурьяна, отличается тѣмъ буроватымъ цвѣтомъ, который свойственъ этимъ растеніямъ. Другая порода тетерева держится на торфяникахъ и сливается съ ними чернымъ цвѣтомъ своихъ перьевъ. Многія насѣкомыя, живущія на листьяхъ, отличаются зеленымъ цвѣтомъ; другія, живущія на древесной корѣ, принимаютъ бурый или сѣрый цвѣтъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цвѣтъ составляетъ для животнаго одно изъ важнѣйшихъ оборонительныхъ средствъ, и чѣмъ онъ важнѣе для животнаго, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него естественный выборъ. По всей вѣроятности было время, когда черный и бурый тетерева не составляли двухъ отдѣльныхъ породъ; тогда тетерева рождались и черные, и бурые, и пестрые, и быть можетъ даже бѣлые; водились они и на торфяникахъ, и въ бурьянѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Но на торфяникахъ хищныя птицы истребляли почти всѣхъ тетеревовъ, кромѣ черныхъ, а въ бурьянѣ—почти всѣхъ, кромѣ бурыхъ; такимъ образомъ случайное и легкое индивидуальное свойство, заключавшееся въ цвѣтѣ перьевъ, сдѣлалось, путемъ естественнаго выбора, постояннымъ отличительнымъ признакомъ цѣлой породы. И такимъ образомъ изъ одной породы выработались двѣ, три или больше, смотря по обстоятельствамъ жизни. Когда за нѣсколькими породами птицъ окончательно упрочился цвѣтъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ проводятъ свою жизнь, тогда это обстоятельство должно было въ свою очередь подѣйствовать на зрѣніе хищниковъ, также посредствомъ естественнаго выбора. Бураго тетерева труднѣе разглядѣть въ бурьянѣ, чѣмъ чернаго, или пестраго, или бѣлаго; поэтому, когда остались въ бурьянѣ только одни бурые тетерева, тогда стали находить себѣ добычу только тѣ соколы или ястребы, у которыхъ зрѣніе было особенно сильно. Остальнымъ хищникамъ приходилось часто голодать; ну, стало-быть понятно, что особенно зоркіе хищники получили перевѣсъ надъ менѣе зоркими, оставили послѣ себя болѣе многочисленное потомство, передали нѣкоторымъ изъ своихъ потомковъ свое исключительно острое зрѣніе и наконецъ мало-по-малу обратили эту высшую степень зоркости въ постоянное свойство цѣлыхъ видовъ и родовъ.

Такъ могли воспитываться, и дѣйствительно воспитывались втеченіи вѣковъ и тысячелѣтій всѣ органы и всѣ способности всѣхъ организмовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что свойства родителей обыкновенно наслѣдуются дѣтьми именно въ томъ возрастѣ, въ какомъ эти свойства обнаружились у родителей. Если въ какомъ-нибудь семействѣ существуетъ наслѣдственная болѣзнь, напримѣръ сумасшествіе, или падучая, или подагра и т. п., то эта болѣзнь проявляется обыкновенно у всѣхъ членовъ семейства въ одномъ и томъ-же возрастѣ. То-же самое замѣчается во всемъ органическомъ мірѣ. Если у насѣкомаго проявляется какая-нибудь особенность въ личинкѣ, въ куколкѣ или въ бабочкѣ, то и у дѣтей этого насѣкомаго особенность эта проявится въ той-же самой фазѣ развитія. Если у птицы обнаружилась особенность въ формѣ яицъ или въ цвѣтѣ того пуха, которымъ покрываются птенцы, то особенность эта такъ и будетъ обнаруживаться у слѣдующихъ поколѣній въ тѣ-же самые періоды жизни.

Когда я говорилъ о домашнихъ животныхъ и растеніяхъ, то я обратилъ вниманіе читателя на то обстоятельство, какимъ образомъ проявляется разнообразіе въ различныхъ сортахъ георгины, капусты и крыжовника. Мы видѣли тамъ, что систематическій выборъ человѣка можетъ дѣйствовать или на цвѣты растенія, или на его листья, или на его плоды. То же самое можно сказать и объ естественномъ выборѣ. Если для растенія полезно имѣть напримѣръ такія сѣмена, которыя вѣтеръ уносилъ бы на далекія разстоянія и которыя вслѣдствіе этого имѣли бы больше шансовъ упасть на незанятой клочекъ земли, то именно такія сѣмена и выработаются путемъ естественнаго выбора. Это и случилось съ сѣменами тѣхъ желтыхъ цвѣтовъ, которые называются одуванчиками и которые дѣйствительно обдуваются вѣтромъ въ концѣ лѣта и въ началѣ осени.

Такъ какъ процессъ естественнаго выбора вездѣ, во всемъ органическомъ мірѣ, совершается точь въ точь такъ, какъ я объяснилъ его въ трехъ примѣрахъ, — о волкѣ, о тетеревѣ и о хищныхъ птицахъ, — то я ужъ больше не буду распространяться объ этомъ процессѣ по поводу каждаго отдѣльнаго примѣра. Я просто буду говорить: «путемъ естественнаго выбора», и надѣюсь, что читатель не будетъ затрудняться этими словами, которыя теперь уже должны быть для него совершенно понятны.

У нѣкоторыхъ животныхъ есть такіе органы, которые бываютъ имъ необходимы только одинъ разъ въ жизни. У молодыхъ птицъ клювъ оканчивается твердой роговой частицей, которой птица продавливаетъ скорлупу своего яйца и которая впослѣдствіи отваливается прочь. У нѣкоторыхъ насѣкомыхъ остаются на всю жизнь большія и крѣпкія челюсти, которыми насѣкомое разорвало свой коконъ и которыя послѣ этого не приносятъ уже никакой пользы. Хотя эти органы дѣйствуютъ только одинъ разъ въ жизни, однако они также подчиняются естественному выбору, потому что тотъ моментъ, когда они дѣйствуютъ, рѣшаетъ всю судьбу животнаго, то-есть даетъ ему возможность жить или осуждаетъ его на смерть. Птичка съ мягкимъ клювомъ не можетъ пробить скорлупу своего яйца, а насѣкомое, лишенное крѣпкихъ челюстей, не можетъ прогрызть свой коконъ; такая птичка и такое насѣкомое непремѣнно погибаютъ до выхода своего на свѣтъ, и слѣдовательно они никакъ не могутъ передать свою индивидуальную особенность слѣдующимъ поколѣніямъ.

Здѣсь представляется намъ любопытный примѣръ того главнаго различія, которое существуетъ между вліяніемъ природы и дѣйствіемъ человѣка. Курносый турманъ, отличающійся отъ другихъ голубей своимъ воробьинымъ клювомъ, цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ короче его клювъ. Выбирая постоянно самыхъ курносыхъ субъектовъ, любители довели эту породу до такой крайности, что нѣкоторые изъ самыхъ чистѣйшихъ ея представителей уже не могутъ вылупливаться изъ яйца. Клювъ такъ коротокъ и его роговая частица такъ слаба, что курносой птичкѣ нечѣмъ продавить яичную скорлупу. Птицѣ пришлось бы погибать, и природа очень быстро уничтожила бы неумѣренную курносость, но любители этого не допускаютъ. Они стерегутъ ту минуту, когда птица должна выходить изъ яйца, и потомъ сами осторожно продавливаютъ скорлупу. Дѣйствуя такимъ образомъ, любители сформируютъ современемъ такую породу птицъ, которая уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ вылѣзать изъ яйца безъ посторонней помощи. Разумѣется, такая порода животныхъ безъ вмѣшательства человѣка не могла бы образоваться; какъ только вліяніе человѣка прекратилось бы, такъ чистѣйшіе представители этой породы погибли бы немедленно. и характерная особенность утратилась бы черезъ нѣсколько поколѣній, потому что эта особенность не могла бы поддерживаться естественнымъ выборомъ. Естественный выборъ можетъ развить и сохранить только тѣ особенности, которыя полезны самой породѣ, а никакъ не тѣ, которыя приносятъ выгоду или удовольствіе другому разряду животныхъ. Въ естественномъ состояніи только тотъ организмъ живетъ долго и размножается сильно, который самъ по себѣ здоровъ и крѣпокъ, а вовсе не тотъ, который одаренъ вкуснымъ мясомъ, тонкой шерстью, звучнымъ голосомъ или пріятной наружностью. Но когда организмъ попадаетъ подъ власть человѣка, тогда конечно выдвигаются на первый планъ и получаютъ первостепенную важность именно тѣ впечатлѣнія, которыя этотъ организмъ производитъ на своего владѣльца. Оставляется на заводъ не тотъ баранъ, который всѣхъ крѣпче, а тотъ, у котораго шерсть особенно тонка. Оставляется на заводъ не тотъ голубь, который всѣхъ нормальнѣе, а напротивъ того, часто именно тотъ, который всѣхъ уродливѣе. Оттого-то мы и видимъ почти во всѣхъ породахъ нашихъ животныхъ и растеній разныя приспособленія къ выгодамъ и прихотямъ человѣка. Эти приспособленія не могли возникнуть и развиться во время дикой жизни нашихъ домашнихъ породъ; они сформированы уже послѣ ихъ прирученія, сформированы путемъ систематическаго или безсознательнаго вліянія человѣка, а это вліяніе часто расходится съ естественнымъ выборомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ идетъ ему наперекоръ, какъ мы это видѣли въ дѣлѣ курносыхъ турмановъ.

Этимъ разладомъ между частными интересами человѣка и общими интересами всей органической жизни объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что ни въ Австраліи, ни на мысѣ Доброй Надежды не нашлось ни одного растенія, которое стоило бы обрабатывать въ огородѣ или въ фруктовомъ саду. Дѣло въ томъ, что наши домашнія растенія испытываютъ на себѣ вліяніе человѣка впродолженіи многихъ тысячелѣтій; поэтому они значительно уклонились отъ своего первоначальнаго типа, и уклонились именно въ ту сторону, въ которую гнулъ ихъ выборъ человѣка. Что же касается до туземныхъ растеній Австраліи и Капской Земли, то они постоянно подчинялись только естественному выбору; дикари, жившіе въ этихъ земляхъ, не имѣли на нихъ никакого вліянія, и поэтому въ нихъ не существуетъ тѣхъ приспособленій, которыми мы дорожимъ въ нашихъ овощахъ или садовыхъ ягодахъ. Эти приспособленія могли бы выработаться черезъ нѣсколько столѣтій, но кому же охота начинать работу съ начала, когда мы имѣемъ уже готовые продукты, то-есть хорошую капусту, морковь, горохъ, землянику, малину, крыжовникъ, и вообще все, что въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ пользу или удовольствіе?

Выводъ тотъ, что каждая порода дѣйствуетъ постоянно только сама для себя, и что полнѣйшій эгоизмъ составляетъ основной законъ жизни для всего органическаго міра. Человѣкъ можетъ передѣлать капусту для себя, но сама капуста ни подъ какимъ видомъ не будетъ передѣлывать себя для человѣка. Сохраняться и размножаться въ естественномъ состояніи будутъ тѣ экземпляры, которые особенно хорошо защищены своей организаціей отъ враждебныхъ вліяній, а не тѣ, которые особенно сочны и вкусны для человѣка.

IX.

Половыя отношенія.

Случается иногда, что какая нибудь особенность проявляется и становится наслѣдственной у однихъ самцовъ или у однѣхъ самокъ. Если такая особенность помогаетъ акту дѣторожденія, или вообще доставляетъ данному субъекту какой нибудь перевѣсъ надъ другими животными той же породы, то она можетъ быть сохранена и усовершенствована вліяніемъ естественнаго выбора. Сохраненіе и усовершенствованіе такихъ полезныхъ половыхъ особенностей объясняетъ намъ то обстоятельство, что во многихъ породахъ животныхъ самцы одарены такимъ специальнымъ оружіемъ, котораго нѣтъ у самокъ. Самцы обыкновенно дерутся между собой за обладаніе самками, и въ этой дракѣ одерживаютъ побѣду тѣ субъекты, которые вооружены лучше другихъ. Для этой борьбы такое оружіе, какъ рогъ оленя или крючковатая челюсть самца семги, или шпора пѣтуха, оказывается полезнѣе, чѣмъ общая крѣпость тѣлосложенія. Крѣпкій и здоровый субъектъ имѣетъ шансы пережить своихъ сверстниковъ, но, чтобы оставить послѣ себя потомство и передать этому потомству свои личныя особенности, этому субъекту необходимо еще обладать хорошимъ оружіемъ, неукротимой храбростью и задорнымъ характеромъ. Такимъ образомъ борьба за самокъ вводитъ въ дѣло естественнаго выбора новый элементъ, который никакъ нельзя считать маловажнымъ, потому что эта борьба существуетъ, какъ постоянное правило, почти во всѣхъ высшихъ областяхъ животнаго царства.

У млекопитающихъ задоръ самцовъ такъ великъ, что, при малѣйшемъ недосмотрѣ со стороны человѣка, быки, бараны или жеребцы вступаютъ между собой въ сраженіе, хотя повидимому спокойная и однообразная жизнь скотнаго двора или конюшни должна была бы значительно ослабить у нашихъ домашнихъ животныхъ первобытную пылкость характера. Драки между самцами домашнихъ птицъ также случаются каждый день, и при этомъ любопытно замѣтить напримѣръ разительную противоположность между смиреннымъ нравомъ курицы и неукротимой свирѣпостью пѣтуха. Это свойство характера такъ же точно выработалось путемъ естественнаго выбора, какъ фигура и оружіе пѣтуха, потому что храбрый и задорный пѣтухъ имѣлъ значительные шансы побѣдить и отогнать прочь отъ самокъ своего трусливаго или уступчиваго противника. Изъ пресмыкающихся, аллигаторы сильно дерутся между собой за самокъ; при этомъ они мычатъ и кружатся съ возрастающей быстротой, какъ индѣйцы, танцующіе свою военную пляску. Изъ рыбъ, семги дерутся по цѣлымъ днямъ. Даже многія насѣкомыя придерживаются этого обычая. Нѣкоторыя породы птицъ вносятъ въ эту борьбу мирный элементъ артистическихъ состязаній. Самцы стараются привлечь къ себѣ самокъ мелодическимъ пѣніемъ, и это имъ удается, потому что въ противномъ случаѣ не за чѣмъ было бы соловью, канарейкѣ и многимъ другимъ пѣвчимъ птицамъ надсаживать себѣ горло именно въ то время, когда наступаетъ для нихъ пора любви. Здѣсь побѣда достается лучшему пѣвцу; естественный выборъ дѣйствуетъ на музыкальныя способности птицъ, и его дѣйствіемъ, продолжающимся цѣлыя тысячелѣтія, объясняется, во-первыхъ, необыкновенное развитіе голоса у нѣкоторыхъ породъ, а во-вторыхъ—то обстоятельство, что поютъ преимущественно, а можетъ быть даже исключительно, одни самцы. Другія птицы обольщаютъ легкомысленныхъ самокъ красотой своего оперенія. *Каменные пѣтушки*, живущіе въ Гвіанѣ, и райскія птицы производятъ даже въ присутствіи самокъ что-то вродѣ бала или турнира, единственно для того, чтобы показать своимъ дамамъ всю свою ловкость и всю блестящую красоту своихъ перьевъ. Они распускаютъ поочереди хвостъ и крылья, принимаютъ самыя необыкновенныя позы, вертятся, пляшутъ и наконецъ, очаровавши присутствующихъ зрительницъ, предоставляютъ имъ выбирать того или тѣхъ, кто умѣлъ имъ понравиться сильнѣе прочихъ. Здѣсь естественный выборъ очевидно направляется на цвѣтъ и пестроту перьевъ, и его постоянное дѣйствіе объясняетъ намъ также, почему у самцовъ опереніе бываетъ обыкновенно красивѣе и ярче, чѣмъ у самокъ той же породы.

Въ мірѣ растеній конечно не можетъ быть ни борьбы между самцами, ни выбора со стороны самки; у очень многихъ растеній женскіе и мужскіе органы соединены въ одномъ цвѣткѣ; мужскіе органы вырабатываютъ цвѣточную пыль, роняютъ ее на женскій органъ и совершаютъ такимъ образомъ актъ оплодотворенія, послѣ котораго цвѣтокъ оканчиваетъ свое существованіе и превращается въ плодъ, заключающій въ себѣ сѣмена. Здѣсь половыя отношенія, разумѣется, гораздо проще, чѣмъ въ мірѣ высшихъ животныхъ. У простѣйшихъ животныхъ и у тайнобрачныхъ растеній они еще проще, но объ нихъ намъ не за чѣмъ говорить. У многихъ изъ высшихъ растеній половые органы находятся на разныхъ цвѣткахъ, такъ что одинъ цвѣтокъ имѣетъ въ себѣ только пестикъ, или женскій половой органъ, а другой—только тычинки, или мужскіе органы, вырабатывающіе цвѣточную пыль. Такое раздѣленіе органовъ выгодно для растенія, несмотря на то, что оплодотвореніе при этихъ условіяхъ не можетъ совершаться безъ посторонней помощи. Обыкновенно помогаютъ вѣтеръ и насѣкомыя. Выгода для растенія заключается тутъ въ томъ, что всѣ силы каждаго отдѣльнаго цвѣтка устремляются на одно отправленіе, вмѣсто того чтобы дробиться между двумя различ-

ными занятіями. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ великій принципъ раздѣленія труда, который сохраняетъ всю свою силу во всѣхъ отдѣлахъ растительнаго и животнаго царства, начиная отъ экономической дѣятельности человѣка и кончая прозябаніемъ грибовъ и водорослей. Современные натуралисты признали важное значеніе этого принципа и, приложивъ его къ объясненію многихъ явленій органической жизни, назвали его *раздѣленіемъ физіологическаго труда*. У растеній, соединяющихъ оба пола въ одномъ цвѣткѣ, случается иногда, что нѣкоторые субъекты представляютъ одностороннее развитіе, то-есть одинъ изъ половыхъ органовъ развивается въ ущербъ другому. Такой цвѣтокъ очевидно не можетъ оплодотворять самого себя, но зато въ своей спеціальности онъ сильнѣе своихъ нормально сложившихся сверстниковъ, то-есть или его тычинки развиты особенно хорошо и вырабатываютъ цвѣточную пыль отличнаго качества, въ необыкновенномъ изобиліи, или его пестикъ отличается особенно крѣпкой организаціей. Въ первомъ случаѣ нашъ субъектъ съ большимъ успѣхомъ можетъ оплодотворить другой цвѣтокъ; во второмъ случаѣ онъ съ такимъ же успѣхомъ можетъ принять отъ другого оплодотворяющую пыль; въ обоихъ случаяхъ нашъ ненормальный цвѣтокъ, именно вслѣдствіе своей ненормальности, исполнитъ свое спеціальное дѣло отлично; онъ оставитъ послѣ себя многочисленное и крѣпкое потомство, то-есть произведетъ много сѣмянъ, а изъ этихъ сѣмянъ выростутъ при благопріятныхъ условіяхъ здоровыя растенія, и между этими растеніями нѣкоторыя наслѣдуютъ по всей вѣроятности ту односторонность, которою отличался папаша или отличалась мамаша. Эти растенія опять произведутъ здоровое и многочисленное потомство; дѣло пойдетъ вообще обыкновеннымъ путемъ естественнаго выбора, и такимъ образомъ рядомъ съ растеніями, соединяющими въ одномъ цвѣткѣ оба половые органа, возникнетъ и упрочится новая порода такихъ растеній того же сорта, у которыхъ мужской и женскій органы будутъ находиться отдѣльно, на разныхъ цвѣткахъ. Ботаника дѣйствительно знаетъ довольно много такихъ примѣровъ. Помѣщеніе половыхъ органовъ на двухъ различныхъ цвѣткахъ выгодно для растеній въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе раздѣленія физіологическаго труда, а во-вторыхъ—потому, что на весь органическій міръ распространяется одинъ общій законъ, который повидимому также находится въ связи съ принципомъ раздѣленія труда. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что для поддержанія плодовитости необходимо совокупленіе двухъ различныхъ индивидуумовъ. У высшихъ животныхъ и у тѣхъ растеній, у которыхъ половые органы раздѣлены, совокупленіе необходимо предъ каждымъ дѣторожденіемъ. Напротивъ того, у гермафродитовъ животнаго и растительнаго царства, то-есть у тѣхъ породъ, у которыхъ оба органа принадлежатъ одному субъекту, дѣторожденіе производится обыкновенно безъ совокупленія. Каждый субъектъ самъ себя оплодотворяетъ и самъ родитъ. Но если этотъ процессъ продолжается черезъ нѣсколько поколѣній гермафродитовъ, то наконецъ ихъ производительная сила слабѣетъ и истощается, такъ что для возстановленія этой силы необходимо, чтобы два гермафродита одной породы взаимно оплодотворили другъ друга. Послѣ этого гермафродитъ опять можетъ втеченіи нѣсколькихъ поколѣній обходиться безъ посторонней помощи. Такъ это и дѣлается. Гермафродиты изъ класса моллюсковъ иногда совокупляются, а гермафродиты растительнаго царства оплодотворяютъ другъ друга при содѣйствіи вѣтра и насѣкомыхъ, которые переносятъ цвѣточную пыль съ одного цвѣтка на другой и даже очень часто производятъ помѣси между различными породами растеній, находящихся между собой въ близкомъ родствѣ. Если два растенія принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ семействамъ, то цвѣточная пыль одного вовсе не подѣйствуетъ на женскій органъ другого. Если два растенія принадлежатъ къ одному роду, но къ двумъ различнымъ видамъ, тогда они произведутъ помѣсь, которая называется *гибридомъ* и которая будетъ такъ же безплодна, какъ напримѣръ безплодны въ животномъ царствѣ мулы и лошаки, составляющіе помѣсь лошади съ осломъ. Если два растенія принадлежатъ къ одному виду, но къ двумъ различнымъ породамъ или разновидностямъ, то помѣсь ихъ будетъ называться *метисомъ* и будетъ способна размножаться. Наконецъ, если два растенія принадлежатъ къ одной породѣ, то они, оплодотворивши другъ друга, произведутъ такое потомство, которое будетъ здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ потомство гермафродита, оплодотворившаго себя своей собственной цвѣточной пылью. Короче сказать, для успѣшнаго дѣторожденія *) необходимо различіе между содѣйствующими сторонами, но только до извѣстныхъ предѣловъ. Когда различіе слишкомъ мало или совсѣмъ не существуетъ, тогда производительная сила слабѣетъ и исчезаетъ. Когда различіе слишкомъ велико, тогда производительная сила тоже слабѣетъ и исчезаетъ. Если мы взглянемъ на высшихъ животныхъ, то увидимъ тутъ съ одной стороны, что совокупленія между очень близкими родственниками портятъ породу, а съ другой стороны, что совокупленія между различными видами или совершенно невозможны, или даютъ безплодное потомство. Теперь понятно почему для растенія выгодно раздѣленіе поло-

---

*) Я употребляю для краткости это выраженіе въ самомъ обширномъ смыслѣ, прилагая его и къ моллюскамъ, и къ растеніямъ, и къ высшимъ животнымъ, и вообще ко всему органическому міру.

выхъ органовъ:—потому, что такое раздѣленіе непремѣнно требуетъ для дѣторожденія совокупнаго дѣйствія двухъ отдѣльныхъ субъектовъ, а это совокупное дѣйствіе ведетъ за собой улучшеніе и укрѣпленіе породы. Почему именно существуетъ этотъ общій законъ, и изъ какихъ основныхъ свойствъ органической жизни онъ вытекаетъ, этого натуралисты еще не знаютъ, и, стало быть, до поры, до времени намъ приходится только отмѣтить здѣсь его дѣйствительное существованіе, доказанное множествомъ отдѣльныхъ наблюденій.

У нѣкоторыхъ растеній-гермафродитовъ половые органы, соединенные на одномъ цвѣткѣ, устроены такъ, что цвѣтокъ самъ себя оплодотворять не можетъ, и слѣдовательно или умираетъ безъ потомства, или обмѣнивается услугами со своими сверстниками и сосѣдями. Такъ напримѣръ у lobelia fulgens тычинки цвѣтка созрѣваютъ и выдѣляютъ цвѣточную пыль тогда, когда пестикъ того же цвѣтка еще не созрѣлъ и не можетъ воспользоваться оплодотвореніемъ. Ясно, стало-быть, что выработанная пыль или пропадаетъ даромъ, или достается пестику другого цвѣтка, развившагося раньше перваго. Когда же разовьется въ свою очередь пестикъ перваго цвѣтка, тогда оказывается, что тычинки уже отжили и прекратили свою дѣятельность. Тутъ, значитъ, пестику приходится или увядать безъ потомства, или принимать цвѣточную пыль отъ другого, младшаго цвѣтка. Такимъ образомъ выходитъ, что lobelia fulgens въ молодости своей бываетъ мужчиной, а подъ старость становится женщиной. Настоящимъ же гермафродитомъ, то-есть мужчино-женщиной, она никогда не бываетъ. Тутъ очевидно есть противорѣчіе между конструкціей цвѣтка и его дѣятельностью. По конструкціи—онъ настоящій гермафродитъ, а по дѣятельности — однополое растеніе. Это противорѣчіе было бы необъяснимо, если-бы мы предположили, что lobelia fulgens вышла изъ земли съ готовой конструкціей и съ готовой дѣятельностью, подобно тому, какъ нашъ давнишній знакомый, идеальный баранъ, неизмѣнный ovis aries (смотри *введеніе*), вышелъ изъ земли во всеоружіи своихъ аттрибутовъ. Но противорѣчіе объяснится, если мы предположимъ, что естественный выборъ уже переработалъ дѣятельность цвѣтка и еще не успѣлъ переработать его конструкцію.

Вотъ какъ было дѣло. У нѣкоторыхъ экземпляровъ lobelia fulgens тычинки созрѣли чуть чуть пораньше пестика; это индивидуальное уклоненіе такъ же возможно, какъ и всякое другое: оно было выгодно для цвѣтка, потому что вся масса его цвѣточной пыли устремлялась по необходимости на другіе цвѣты, то-есть туда, гдѣ она могла принести величайшее количество пользы; ни одна частица этой пыли не тратилась на свой пестикъ, и, стало-быть, пестикъ, не засоренный своей собственной пылью, былъ въ высшей степени способенъ принять ту пыль, которая вызывала къ дѣятельности всѣ его производительныя силы. Значитъ, и пыль, и пестикъ этихъ цвѣтковъ дѣлали свое дѣло лучше, чѣмъ тѣ же органы другихъ, совершенно нормальныхъ субъектовъ. Ну, а послѣдствія давно извѣстны читателю: крѣпкое потомство, сохраненіе выгодной особенности, сохраненіе тѣхъ субъектовъ, у которыхъ эта особенность сильнѣе развита, чѣмъ у другихъ, усиленіе особенности посредствомъ постояннаго выбора, превращеніе особенности въ постоянное и коренное свойство, образованіе новой видоизмѣненной породы рядомъ со старой и наконецъ совершенная побѣда новой породы надъ старой,—побѣда, приводящая за собой медленное и полное вымираніе старой породы—черезъ эти фазы проходитъ всегда естественный выборъ и черезъ эти же фазы прошелъ онъ тогда, когда измѣнилъ дѣятельность цвѣтка lobelia fulgens. Точно также совершилось бы измѣненіе его конструкціи, лишь бы только представились такія индивидуальныя уклоненія, которыя полезны для цвѣтка и которыми вслѣдствіе этого можетъ овладѣть естественный выборъ. Пусть читатель твердо запомнитъ, что безъ индивидуальныхъ уклоненій естественный выборъ ничего не можетъ сдѣлать. Онъ не производитъ этихъ уклоненій; онъ только сохраняетъ ихъ, а производятся эти уклоненія совершенно другими причинами, и притомъ такими, которыя до сихъ поръ очень мало изслѣдованы.

X.

Образованіе разновидностей, видовъ и родовъ.

Борьба за жизнь, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, то усиливается и становится болѣе ожесточенной, то ослабѣваетъ и принимаетъ болѣе спокойное теченіе. Если напримѣръ лѣтняя засуха уменьшила въ какой-нибудь степной странѣ количество травы, то, разумѣется, борьба между травоядными сдѣлается особенно сильной. Если въ страну врывается новая порода животныхъ или растеній, то борьба, происходившая обыкновенно между туземными формами, тотчасъ оживляется, потому что пришельцы вносятъ въ эту борьбу еще новый элементъ и еще болѣе перепутываютъ своимъ появленіемъ сложную сѣть прежнихъ отношеній между животными и растеніями. Если какая-нибудь туземная форма животныхъ или растеній испытываетъ то или другое измѣненіе, тотчасъ это измѣненіе отражается на общемъ колоритѣ борьбы, и борьба на время усиливается, потому что остальнымъ формамъ приходится припаровиться къ этому измѣненію, чтобы не потерпѣть отъ него существеннаго ущерба. Чѣмъ обширнѣе страна, чѣмъ она доступнѣе для чужеземныхъ растеній и живот-

ныхъ, чѣмъ разнообразнѣе ея собственное населеніе, тѣмъ ожесточеннѣе кипитъ въ ней борьба за жизнь, тѣмъ чаще происходятъ періодическія усиленія этой борьбы и тѣмъ прихотливѣе и пестрѣе перепутываются отношенія между различными органическими породами. Но чѣмъ ожесточеннѣе борьба, тѣмъ труднѣе побѣда, а такъ какъ живутъ и размножаются только побѣдители, то тѣмъ строже естественный выборъ. Та порода, которая измѣняется въ свою пользу медленнѣе, чѣмъ ея конкурренты, терпитъ рѣшительное пораженіе, теряетъ средства къ существованію и становится малочисленной. А какъ только она начинаетъ убывать, такъ окончательное истребленіе ея становится почти несомнѣннымъ. Во-первыхъ, на малочисленную породу всякія неблагопріятныя обстоятельства, вродѣ холодной зимы, жаркаго лѣта, голоднаго года, дѣйствуютъ гораздо разрушительнѣе, чѣмъ на многочисленную. Малочисленная порода можетъ при такихъ условіяхъ вымереть безъ остатка, а для многочисленной породы такой трагическій случай представляется въ высшей степени неправдоподобнымъ. Во-вторыхъ, чѣмъ малочисленнѣе порода, тѣмъ меньше существуетъ вѣроятій, что въ этой породѣ обнаружатся такія полезныя индивидуальныя особенности, которыя строгій естественный выборъ могъ-бы сохранить, развить и упрочить. Стало-быть, если не будетъ даже никакихъ неблагопріятностей со стороны климата, то все-таки на убывающую породу будутъ постоянно дѣйствовать съ возрастающей силой тѣ самыя причины, которыя уже попятили ее назадъ. Конкурренты уже опередили ее, конкурренты продолжаютъ измѣняться въ свою пользу быстрѣе, чѣмъ эта отсталая порода, конкурренты съ каждымъ днемъ сильнѣе отбиваютъ у нея насущный хлѣбъ, и все это продолжается до тѣхъ поръ, пока побѣжденная порода не исчезаетъ окончательно. На большихъ материкахъ борьба за жизнь особенно сильна, разнообразіе органическихъ формъ особенно значительно, естественный выборъ особенно строгъ, и слѣдовательно однѣ породы исчезаютъ, а другія совершенствуются гораздо быстрѣе, чѣмъ это дѣлается на островахъ или на такихъ небольшихъ материкахъ, какъ Австралія.

При ожесточенной борьбѣ и при строгости естественнаго выбора побѣда и жизнь достаются только тѣмъ породамъ, которыя одарены чрезвычайно крѣпкой, гибкой и измѣнчивой организаціей. Когда эти породы, выработавшія свои превосходныя свойства цѣлыми тысячелѣтіями самой напряженной борьбы, врываются въ такое мѣсто, гдѣ борьба была слаба и гдѣ естественный выборъ вслѣдствіе этого не отличался строгостью, — тогда въ этомъ уголкѣ земного шара происходитъ что-то похожее на вторженіе гунновъ въ Римскую имперію. Туземные конкурренты разступаются во всѣ стороны, а пришельцы, сдѣлавшись въ самое короткое время полными хозяевами страны, размножаются съ небывалой быстротой, и размноженіемъ своимъ истребляютъ тѣ слабыя и неразвитыя породы, которыя не могутъ выдержать ихъ натиска.

Такимъ образомъ европейскія растенія и животныя, въ томъ числѣ и европейскіе люди, утвердились въ Австраліи и на многихъ островахъ Тихаго Океана, быстро приноровились къ природѣ своего новаго отечества и истребили въ этой природѣ то, что̀ стояло поперекъ ихъ дороги. Растительность острова Мадеры похожа, по словамъ натуралиста Освальда Гира (Heer), на ту флору, которая жила въ Европѣ во время третичнаго геологическаго періода. Въ Австраліи живетъ до сихъ поръ безобразнѣйшее и нелѣпѣйшее млекопитающее съ утинымъ клювомъ, орниторинксъ или утконосъ, которому повидимому давно-бы слѣдовало лежать въ какомъ-нибудь напластованіи земной коры и принадлежать къ разряду ископаемыхъ, или такъ называемыхъ допотопныхъ животныхъ. Эти два факта объясняются тѣмъ, что на Мадерѣ и въ Австраліи борьба за жизнь была слабѣе, чѣмъ на громадномъ материкѣ Стараго Свѣта; поэтому тѣ формы, которыя давно истреблены въ Европѣ, до сихъ поръ могли продержаться тамъ, гдѣ естественный выборъ дѣйствовалъ съ меньшей строгостью. Къ этимъ двумъ фактамъ можно прибавить еще два факта того-же самаго разряда. Во-первыхъ, можно замѣтить, что почти всѣ австралійскія млекопитающія принадлежатъ къ низшему порядку этого класса, именно къ порядку сумчатыхъ, которыя когда-то жили и въ Европѣ, но уже въ далекомъ геологическомъ прошедшемъ сошли со сцены и обратились въ ископаемыхъ. Во-вторыхъ, птица дожила до половины прошлаго столѣтія не на материкѣ, а на островѣ Мадагаскарѣ; на материкѣ, при множествѣ враговъ и конкуррентовъ, эта неуклюжая и беззащитная птица никакъ не продержалась-бы такъ долго.

Стало быть, вотъ въ какой связи представляются намъ явленія органической жизни: на большихъ материкахъ живутъ разнообразныя формы животныхъ и растеній; разнообразіе формъ порождаетъ разнообразіе отношеній и напряженность борьбы; а напряженная борьба ведетъ за собою строгій естественный выборъ, уничтоженіе однѣхъ породъ, совершенствованіе другихъ, движеніе и колебаніе въ органическихъ формахъ, и наконецъ, въ общемъ результатѣ, возвышеніе всего уровня мѣстной органической жизни. Но это еще не все. Если разнообразіе формъ является причиной сильной борьбы и строгаго выбора, то спрашивается, откуда же взялось это самое разнообразіе? Если сказать, что это разнообразіе такъ всегда и было разнообразіемъ, то въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же было представлять въ смѣшномъ видѣ мысль объ идеальномъ

баранѣ, выходящемъ изъ нѣдръ земли, подобно Венерѣ, родящейся изъ морской пѣны? Но теперь намъ не зачѣмъ смотрѣть на это разнообразіе, какъ на первобытный и безпричинный фактъ.

Всѣ разновидности, виды, роды, семейства, порядки и такъ далѣе, развились изъ одной общей формы посредствомъ той самой борьбы и того самаго выбора, которые въ настоящее время кажутся намъ слѣдствіями существующаго разнообразія. Какая была общая первобытная форма организма —этого никто никогда не узнаетъ, потому что та эпоха, когда зарождалась на нашей планетѣ органическая жизнь, не оставила, да и не могла оставить намъ рѣшительно никакихъ геологическихъ документовъ. Въ пластахъ земной коры могли сохраниться только твердыя части организма, кости, раковины, дерево, а такой организмъ, который состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей, представляетъ уже очень развитое и сложное явленіе. Такое явленіе никакъ не можетъ быть принято за исходную точку органической жизни, во-первыхъ потому, что всѣ организмы безъ исключенія начинаютъ свое развитіе съ простой клѣточки, въ которой, разумѣется, нѣтъ ни костей, ни раковинъ, ни дерева, а есть только слизь, да тоненькая оболочка. Стало быть, о первобытныхъ формахъ и объ исходной точкѣ органической жизни нечего и толковать, потому что гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ не можетъ быть ни научнаго изслѣдованія, ни даже серьезнаго разговора. Тамъ ужъ пускай дѣйствуютъ поэзія и метафизика. Но чтобы объяснить, какимъ образомъ виды, роды, семейства и порядки могли возникнуть и развиться посредствомъ борьбы за жизнь и посредствомъ естественнаго выбора, намъ даже нѣтъ никакой надобности забираться въ такую древность, о которой молчитъ даже геологія. Если намъ удастся только показать, что изъ одного вида могутъ развиться два вида, что такія явленія дѣйствительно встрѣчаются въ природѣ, и что они имѣютъ себѣ основаніе въ самыхъ существенныхъ свойствахъ органической жизни, то цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, если только дробленіе видовъ на новые виды совершается и должно совершаться въ органической природѣ, то этому дробленію не можетъ быть никакихъ опредѣленныхъ границъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Если виды дробятся сегодня, если мы видимъ причину, почему они должны дробиться, и если мы можемъ доказать, что причина эта составляетъ необходимое свойство органической жизни, то не трудно понять, что виды дробились вчера и будутъ дробиться завтра; если-же они дробились въ прежнія времена, то стало быть теперешніе виды составляютъ результатъ прошедшаго дробленія; стало быть, группы близкихъ между собою видовъ составляли въ былое время одну общую форму; а эта общая форма образовала въ прошедшемъ одинъ видъ и связывалась съ другими видами въ родовыя и семейныя группы, которыя всѣ вмѣстѣ въ болѣе отдаленную эпоху имѣли своимъ родоначальникомъ также одну форму, еще болѣе общую; и такимъ образомъ, переходя постоянно отъ частнаго къ общему, къ болѣе общему и къ еще болѣе общему, мы дойдемъ наконецъ до того предѣла, гдѣ кончаются геологическіе документы, и гдѣ слѣдовательно начинается *темное царство* поэзіи и метафизики. Туда мы ужъ не пойдемъ, а вмѣсто того воротимся къ тому вопросу, который составляетъ фундаментъ всего строенія.

Итакъ, я повторяю вопросъ: какимъ образомъ одинъ видъ можетъ раздѣлиться на два вида? Или точнѣе: почему одному виду можетъ быть выгодно и полезно раздѣлиться на два или вообще на нѣсколько видовъ? Отвѣтъ будетъ довольно длиненъ и начнется издалека. Борьба за средства къ существованію происходитъ съ особенной ожесточенностью между существами одной породы или между очень близкими породами. Причина очевидна. Что ѣстъ одинъ баранъ, то ѣстъ и другой баранъ; что нравится одному, то нравится и другому; чего не терпитъ одинъ, того не терпитъ и другой. Быкъ и баранъ оба питаются травою и слѣдовательно также борятся между собою, но быкъ можетъ предпочитать одинъ сортъ травы, а барану можетъ нравиться другой; стало-быть, въ обыкновенное время, когда нѣтъ засухи, борьба быка съ бараномъ слабѣе, чѣмъ междуусобная борьба въ самой породѣ быковъ или барановъ. Съ лошадью баранъ борется еще слабѣе, чѣмъ съ быкомъ, и чѣмъ значительнѣе становится различіе въ организаціи двухъ животныхъ, тѣмъ слабѣе дѣлается ихъ борьба между собой. Съ собакой или съ курицей баранъ уже совсѣмъ не находится въ прямомъ соперничествѣ, хотя онъ можетъ-быть и связанъ съ ними какой нибудь запутанной сѣтью сложныхъ отношеній, вродѣ того, какъ кошка связана съ шмелемъ и съ растеніемъ trifolium pratense. Но до какой степени сильна и истребительна можетъ быть борьба между очень близкими породами и между отдѣльными существами одной породы, —это доказывается многими любопытными наблюденіями. Если перемѣшать сѣмена нѣсколькихъ разновидностей пшеницы, если посѣять ихъ въ одномъ полѣ и потомъ послѣ каждой уборки сѣять опять полученныя сѣмена, не разбирая ихъ по сортамъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ нѣкоторыя изъ посѣянныхъ разновидностей совершенно вытѣснятся другими, болѣе крѣпкими, болѣе плодовитыми и болѣе соотвѣтствующими данному климату и данной почвѣ. То-же самое произойдетъ, если вы будете сѣять вмѣстѣ разновидности душистаго горошка, отличающіяся другъ отъ друга только красками цвѣтовъ. Сильные въ нѣсколько лѣтъ совершенно

уничтожатъ слабыхъ. Если пустить нѣкоторыя породы горныхъ барановъ въ одно пастбище съ другими, то этимъ другимъ придется терпѣть голодъ, между тѣмъ какъ первые будутъ постоянно наѣдаться и благоденствовать. То-же самое случится между различными сортами медицинскихъ піявокъ, если вы будете кормить ихъ въ одномъ резервуарѣ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ берутся отношенія между отдѣльными разновидностями, потому что въ такихъ случаяхъ результатъ борьбы выражается особенно нагляднымъ образомъ; но само собой разумѣется, что внутри каждой разновидности идетъ еще болѣе ожесточенная борьба между отдѣльными субъектами, потому что чѣмъ значительнѣе сходство, тѣмъ чаще должны быть столкновенія и тѣмъ ежеминутнѣе должно быть соперничество; вѣдь и въ приведенныхъ примѣрахъ не разновидность идетъ на разновидность, а просто каждый отдѣльный организмъ стоитъ за самого себя, сколько хватитъ его силъ, и при этомъ совершенно неумышленно и безпристрастно отбиваетъ хлѣбъ, какъ у того, кто похожъ на него какъ двѣ капли воды, такъ и у того, кто немного отличается отъ него складомъ тѣла или цвѣтомъ шерсти. Результатъ, то-есть торжество одной разновидности надъ другой, получается не вслѣдствіе генеральнаго сраженія, а вслѣдствіе множества ежеминутныхъ и мельчайшихъ дуэлей; да и дуэли-то большей частью такія, въ которыхъ противники не видятъ и не знаютъ другъ друга въ глаза; весь поединокъ состоитъ въ томъ, что каждый миролюбивѣйшимъ образомъ набиваетъ себѣ желудокъ какъ можно полнѣе и стало-быть другимъ оставляетъ какъ можно меньше съѣстного матеріала.

Представимъ себѣ теперь, что въ странѣ *A* порода *B* размножилась до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Когда этотъ крайній предѣлъ достигнутъ, тогда все-таки половыя отправленія породы не прекращаются. Самцы попрежнему оплодотворяютъ самокъ, а самки попрежнему рождаютъ дѣтей. Порода *B* не знаетъ политической экономіи и не имѣетъ понятія о томъ «моральномъ самовоздержаніи», которое Мальтусъ и Милль такъ остроумно рекомендуютъ англійскимъ работникамъ. Что же изъ этого можетъ выйти? Подъ именемъ страны я понимаю здѣсь пространство земли, окаймленное естественными границами; съ одной стороны напримѣръ цѣпь горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, съ другой — песчаная пустыня, а съ остальныхъ сторонъ — море; значитъ, выхода нѣтъ; выселеній быть не можетъ; стало-быть, если порода *B* размножилась до maximum'а, то каждый годъ извѣстному числу этихъ животныхъ приходится умирать голодной смертью. Оно конечно приходится; но вѣдь умирать съ голоду до такой степени непріятно, что каждое животное, какъ бы оно ни было глупо, будетъ все-таки подниматься на всѣ доступныя ему хитрости, чтобы поставить вопросъ какъ нибудь иначе. Если ужъ никакъ нельзя прожить на бѣломъ свѣтѣ, такъ оно постарается по крайней мѣрѣ умереть какой-нибудь другой смертью. Вѣдь мы видимъ напримѣръ, что голодный волкъ бросается на человѣка, котораго онъ не трогаетъ во времена своего благоденствія, хотя повидимому сытый организмъ долженъ быть сильнѣе и стало-быть смѣлѣе голоднаго. Видимъ мы также, что и люди во время голода набиваютъ себѣ желудокъ разными негодными веществами и вслѣдствіе этого умираютъ отъ болѣзней, что все-таки какъ-то легче, чѣмъ умереть отъ чистаго голода. Такого же рода явленія обнаружатся и въ нашей породѣ *B*. Прежде всего отложена будетъ въ сторону всякая прихотливость и брезгливость. Положимъ, что порода *B* плотоядна; стало-быть, главная часть ея задачи состоитъ не въ томъ, чтобы переварить съѣденное вещество, а въ томъ, чтобы найти это вещество, которое и бѣгаетъ, и летаетъ, и плаваетъ. Надо пронюхать, высмотрѣть, подкараулить, догнать, перехитрить и одолѣть живую добычу. Тутъ требуются и сила, и ловкость, и острота чувствъ, и смышленость, и навыкъ; открывается, какъ видите, очень обширное поле для индивидуальныхъ способностей, и мы легко можемъ себѣ представить безчисленное множество оттѣнковъ въ развитіи каждой изъ этихъ способностей и въ распредѣленіи ихъ между отдѣльными животными одной и той же породы. Глядя на двухъ животныхъ этой породы, поставленныхъ рядомъ, мы конечно не замѣтимъ этихъ оттѣнковъ; и тотъ — волкъ, и этотъ — волкъ, да если еще притомъ они одного роста и одного цвѣта, то мы и рѣшаемъ, что они совершенно равны между собой; но разница выразится въ результатахъ; если одинъ съумѣетъ кормиться лучше другого, то, значитъ, у него есть какое-нибудь преимущество, незамѣтное для нашихъ глазъ, но очень важное для его жизни. Само собой разумѣется, что въ нашей породѣ *B* будутъ одни субъекты очень даровитые, другіе — посредственные, а третьи — ужъ гораздо поплоше. Если порода *B* до своего крайняго размноженія имѣла привычку питаться исключительно мясомъ тѣхъ животныхъ, которыхъ сами они только что растерзали, то послѣ размноженія эта привычка превратится уже въ роскошь, доступную только для геніевъ первой величины. Непросвѣщенная толпа принуждена будетъ привыкать понемногу къ падали, и даже къ очень несвѣжей падали, потому что все-таки гнилое мясо лучше, чѣмъ голодная смерть. А самымъ плохимъ субъектамъ по всей вѣроятности и лизнуть не придется свѣжей пищи. Разумѣется, этотъ процессъ привыканія будетъ доставаться туго и окупаться цѣной многихъ пожертвованій. Желудки, устроенные для свѣжей пищи, не будутъ переносить падали, и многія

животныя переколѣютъ отъ разлагающагося мяса. Но нѣкоторыя переживутъ; борьба за жизнь завяжется между самыми плохими субъектами, и естественный выборъ, начавши дѣйствовать въ этомъ направленіи, будетъ постоянно сохранять тѣ желудки, которые успѣшнѣе прочихъ переваривають несвѣжую пищу. Подъ вліяніемъ этой пищи и при содѣйствіи тѣхъ привычекъ и способностей, которыхъ требуетъ ея отыскиваніе, сформируется изъ самыхъ плохихъ субъектовъ породы B отдѣльная разновидность, у которой проявятся современемъ очень замѣтныя отличія отъ организаціи лучшихъ представителей кореннаго типа. Естественный выборъ будетъ постоянно увеличивать эти отличія, и не трудно понять, почему это будетъ дѣлаться такимъ образомъ. Между чистымъ стервятникомъ (извините за выраженіе; оно впрочемъ употребляется въ учебникахъ зоологіи) и чистымъ хищникомъ будетъ существовать сначала промежуточная категорія животныхъ той же породы B. Эти — *ни-то, ни-се* будутъ самыми обиженными созданіями. У нихъ меньше талантовъ, чѣмъ у передовыхъ геніевъ породы, и больше желудочной требовательности, чѣмъ у самой крайней сволочи той же породы. Пойдутъ они за живой добычей — въ дуракахъ останутся, и притомъ въ голодныхъ дуракахъ, потому что настоящіе, первоклассные хищники вездѣ ужъ успѣли побывать раньше ихъ; наѣдятся наши горемыки падали, опять бѣда выйдетъ; на нѣсколько дней животъ разболится, а то и совсѣмъ ноги протянуть придется. Ясно стало-быть, что передъ хищниками лежитъ одинъ путь развитія, а передъ стервятниками — совсѣмъ другой, и чѣмъ дальше они будутъ расходиться между собой, тѣмъ лучше будетъ для тѣхъ и для другихъ. Хищнику надо работать мозгомъ, нервами чувствъ и мускулами произвольнаго движенія, а стервятнику — преимущественно желудкомъ, да еще пожалуй нервами обонянія. Естественный выборъ такъ и будетъ дѣйствовать по этимъ двумъ направленіямъ, и постоянно будетъ сохранять лучшихъ представителей обѣихъ разновидностей; а такъ какъ самый лучшій хищникъ всего менѣе похожъ на самаго лучшаго стервятника, то ясно, что разстояніе между ними подъ вліяніемъ естественнаго выбора будетъ незамѣтно увеличиваться въ каждомъ новомъ поколѣніи. Связь между этими двумя крайними формами будутъ составлять съ одной стороны плохіе хищники, а съ другой стороны — плохіе стервятники, между которыми невозможно будетъ провести ясную пограничную черту; но мы уже видѣли, что этимъ плохимъ формамъ приходится круто; естественный выборъ постоянно направляется противъ нихъ и производится на ихъ счетъ, то-есть онъ именно и состоитъ въ ихъ постоянномъ истребленіи; если эти *ни-то, ни-се* будутъ мыкаться между двумя ясно очерченными разновидностями, то ихъ непремѣнно сотрутъ съ лица земли; чтобы не уничтожиться, имъ надо броситься куда-нибудь въ сторону, то-есть выйти изъ своей безцвѣтной промежуточности, найти себѣ собственную спеціальность и превратиться въ новую разновидность. Кто можетъ это сдѣлать, то-есть, у кого есть зародышъ оригинальной способности, тотъ такъ и сдѣлаетъ; а кто не можетъ, тотъ будетъ раздавленъ между двумя опредѣлившимися разновидностями.

Такъ какъ мы предположили, что порода B очень многочисленна, то мы можемъ и должны допустить, что у ея отдѣльныхъ представителей найдутся зародыши многихъ разнообразныхъ способностей; чѣмъ больше въ какой-нибудь породѣ отдѣльныхъ животныхъ, тѣмъ больше индивидуальныхъ особенностей, и стало-быть тѣмъ больше шансовъ, что найдутся и такія особенности, которыя разовьются въ разныя стороны подъ вліяніемъ естественнаго выбора. Если порода B размножилась въ странѣ A до maximum'а, то она, разумѣется, одержала побѣду надъ разными другими породами, жившими въ томъ же мѣстѣ и составлявшими ей конкуренцію. Побѣда одерживается той породой, которая обладаетъ особенно гибкой организаціей и вслѣдствіе этого способна измѣняться въ свою пользу скорѣе, чѣмъ ея соперники. Гибкость организаціи заключается именно въ томъ, что каждое нарождающееся поколѣніе представляетъ множество легкихъ, но очень разнообразныхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ. Стало-быть, предположеніе наше, что въ породѣ B найдутся зародыши многихъ оригинальныхъ способностей, не только не заключаетъ въ себѣ никакой натяжки, но даже составляетъ необходимое слѣдствіе того основного предположенія, что порода B размножилась до крайнихъ предѣловъ.

Въ чемъ-же могутъ состоять эти способности? — Да мало-ли въ чемъ! — Замѣчено напримѣръ, что однѣ изъ нашихъ домашнихъ кошекъ занимаются преимущественно ловлею мышей; другія — охотятся больше за крысами; третьи — ловятъ молодыхъ птицъ и разоряютъ гнѣзда; четвертыя — добываютъ кроликовъ и зайцевъ; бываютъ и такія, которыя каждую ночь отправляются на болото и подкарауливаютъ тамъ куликовъ и бекасовъ. Всѣ эти вещи кошка дѣлаетъ безо всякой особенной надобности, потому что хозяева не дали-бы ей умереть съ голода, еслибы даже она совершенно спокойно сидѣла дома; дѣлаетъ она это потому, что всякому животному свойственно стремленіе упражнять ту способность, которая въ немъ существуетъ; но, когда ловля добычи перестаетъ быть развлеченіемъ и становится дѣломъ жизни, тогда, разумѣется, каждая существующая способность совершенно выясняется и доводится до послѣдней степени напряженія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ гористой мѣстности Кэтскилль, живутъ двѣ разновидности волковъ, которые замѣтно отли-

чаются другъ отъ друга, какъ складомъ тѣла, такъ и спеціальностью занятій. Одни—похожи на борзую собаку и преслѣдуютъ дикихъ животныхъ. Другіе—помассивнѣе и посильнѣе—занимаются домашними животными. Особенности этихъ двухъ типовъ выработаны конечно естественнымъ выборомъ, который дѣйствовалъ на одну и ту-же породу по двумъ различнымъ направленіямъ, выбирая въ первомъ случаѣ самыхъ быстрыхъ, а во второмъ—самыхъ сильныхъ волковъ. Быстрому волку было удобнѣе охотиться за дикимъ животнымъ, потому что тутъ главное дѣло состояло въ томъ, чтобы догнать; чтобы справиться съ зайцемъ или даже съ ланью немного требуется силы; а догнавши и справившись, волкъ могъ преспокойно расположиться на мѣстѣ и обѣдать, потому что дѣло происходило въ лѣсу, или вообще въ какомъ-нибудь уединенномъ и тихомъ убѣжищѣ. Напротивъ того, волку, пускающемуся на охоту за домашними животными, необходима сила, не для того, чтобы одолѣть овцу или свинью, а для того, чтобы унести ее въ безмятежное пристанище. Такъ стало быть и произошло раздѣленіе одной породы на двѣ разновидности, потому что естественный выборъ здѣсь, какъ и вездѣ, благопріятствовалъ крайностямъ и истреблялъ промежуточные оттѣнки.

Такого же рода особенности могли проявиться въ породѣ *B*. Напримѣръ нѣкоторые субъекты могли быть по росту гораздо меньше своихъ сверстниковъ. Это обстоятельство могло быть для нихъ полезно, потому что при маломъ ростѣ они могли поддерживать свою жизнь меньшимъ количествомъ пищи. Если только малорослость была полезна, то естественный выборъ могъ образовать очень мелкую разновидность, которая, вмѣсто того чтобы преслѣдовать зайцевъ или ланей, обратила свою дѣятельность на крысъ и мышей. Такъ какъ для этой мелкой охоты требуются свои спеціальныя качества, то естественный выборъ сохранилъ и развилъ-бы зародыши этихъ качествъ, такъ что рядомъ съ крупными хищниками и съ стервятниками образовалась-бы отдѣльная порода мышатниковъ или крысятниковъ. Нѣкоторые субъекты могли отличаться особенною гибкостью членовъ и цѣпкостью когтей; такіе стали бы взлѣзать на деревья и поѣдать птичьи яйца или молодыхъ птенцовъ, или медъ дикихъ пчелъ, какъ то дѣлаетъ медвѣдь, или-же, подобно рыси, они могли-бы караулить свою добычу, сидя на деревѣ, и потомъ бросаться на нее сверху; опять естественный выборъ крайнихъ представителей и опять новая разновидность, или пожалуй порода. Потомъ нашлись-бы такіе, которые плаваютъ легче другихъ и держатся охотно по близости воды; эти стали-бы донимать болотныхъ птицъ, или лягушекъ, или, поусовершенствовавшись въ плаваніи и ныряніи, рыбъ, раковъ и моллюсковъ. Опять новая порода, похожая напримѣръ на выдру. Могли-бы быть такіе субъекты, которые немного лучше видятъ подъ вечеръ, чѣмъ въ серединѣ дня. Имъ было-бы выгодно выходить на промыселъ тогда, когда конкуренты отдыхаютъ. Естественный выборъ благопріятствовалъ-бы тѣмъ, которые выходятъ попозднѣе, то есть тѣмъ, у которыхъ глаза всего лучше приспособлены къ полумраку. Разовьется такимъ образомъ особенное устройство зрительнаго аппарата и образуется порода ночныхъ хищниковъ.

Если нѣкоторые субъекты могли привыкнуть къ падали, то другіе могли понемногу помириться съ плодами, съ зернами, съ кореньями и съ разными другими видами растительной пищи. Опять новая порода. Я насчиталъ семь породъ, и читатель конечно согласится, что, раздробившись такимъ образомъ, порода *B* имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше пищи, и слѣдовательно можетъ размножаться гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, когда она предоставляла одинъ нераздѣленный видъ. Въ растительномъ мірѣ мы видимъ совершенно такія-же явленія. Цѣлый рядъ опытовъ доказалъ, что если напримѣръ на одной десятинѣ посѣять траву одного сорта, а на другой десятинѣ такой-же земли посѣять травы нѣсколькихъ очень различныхъ сортовъ, то со второй десятины получится больше сѣна, чѣмъ съ первой. Это понятно. Тѣло травы (если можно такъ выразиться) выработывается изъ составныхъ частей почвы и изъ тѣхъ газовъ, которые плаваютъ въ атмосферномъ воздухѣ. Одна трава тянетъ изъ почвы преимущественно одно вещество, а другая—другое. Гдѣ цѣлая десятина засѣяна однимъ сортомъ травы, тамъ будетъ вытянуто только одно вещество, а другое, третье, четвертое, которыя были-бы вытянуты другими травами, такъ и останутся въ почвѣ. А гдѣ земля засѣяна разными травами, тамъ многія составныя части почвы пойдутъ въ дѣло и превратятся въ траву.

Читатель конечно ясно видитъ сходство этого примѣра съ исторіей нашей возлюбленной породы *B*. Тамъ тоже, пока всѣ питались одной пищей, до тѣхъ поръ былъ голодъ; какъ стали питаться разною пищей, такъ явилась возможность размножаться и благоденствовать. Въ акклиматизаціи животныхъ и растеній замѣчены также многіе факты, представляющіе собою отдѣльныя проявленія того-же самаго принципа. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ какой-нибудь странѣ должны расплодиться особенно успѣшно тѣ формы животныхъ и растеній, которыя очень близки къ туземнымъ формамъ. Процессъ мысли тутъ такой: если туземцамъ тутъ хорошо жить, то должно быть хорошо и тѣмъ пришельцамъ, которые требуютъ себѣ совершенно одинаковыхъ условій жизни. На видъ такое разсужденіе довольно благообразно, но все-таки я на моего читателя надѣюсь, что ужъ

онъ такимъ образомъ разсуждать не будетъ. Онъ уже понимаетъ, что борьба за жизнь и отношенія между организмами важнѣе простыхъ климатическихъ вліяній. Если травоядное вступаетъ въ такую страну, гдѣ очень много своихъ травоядныхъ, то ему предстоитъ побѣдить конкурентовъ или умереть, а побѣда будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше конкурентовъ и чѣмъ значительнѣе ихъ сходство съ новымъ пришельцемъ. Если это чужеземное животное имѣетъ въ своей организаціи очень сильное преимущество надъ туземцами, то, значитъ, оно на нихъ непохоже и утверждается въ странѣ, именно благодаря этому несходству. Если-же у пришлой породы нѣтъ этого счастливаго несходства, то ей по всей вѣроятности предстоитъ полное пораженіе, потому что туземцы обыкновенно бываютъ многочисленнѣе пришельцевъ, а ужъ я говорилъ о томъ, какія огромныя преимущества доставляетъ какой-нибудь породѣ ея многочисленность. Но пустимъ плотояднаго звѣря въ такую страну, гдѣ живутъ только травоядныя, и мы конечно увидимъ, что новый гость очень скоро сдѣлается хозяиномъ и будетъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Пустимъ насѣкомоядную птицу туда, гдѣ очень много насѣкомыхъ и гдѣ нѣтъ на нихъ никакой грозы, и произойдетъ таже самая исторія. Пустимъ наконецъ растеніе въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни одного представителя этого рода растеній, и тогда растеніе это расплодится, если только не встрѣтится непреодолимыхъ препятствій со стороны климата и почвы. Въ Соединенныхъ Штатахъ акклиматизировано 260 растеній, которыя принадлежатъ къ 162 отдѣльнымъ родамъ, и изъ этого послѣдняго числа 100 родовъ не имѣютъ во всей странѣ ни одного туземнаго представителя. Стало быть, привились именно такія формы, которыя представляютъ чрезвычайно мало сходства съ туземной флорой.

Общій выводъ тотъ, что полнота жизни и разнообразіе формъ всегда должны идти рядомъ. Если-бы весь земной шаръ былъ заселенъ только одной формой животныхъ и одной формой растеній, то, какъ-бы ни были эти животныя и растенія мелки, все-таки на нашей планетѣ помѣщалось-бы тогда меньшее число организмовъ, чѣмъ теперь, несмотря на то, что теперь есть организмы довольно крупные. Всѣ организмы стремятся къ безграничному размноженію; стремленіе это никогда не ослабѣваетъ и никогда не удовлетворяется вполнѣ, потому что всѣ организмы стараются заселить собою всю землю, и слѣдовательно всѣ тѣснятъ и сдерживаютъ другъ друга; но всего полнѣе стремленіе къ размноженію можетъ удовлетвориться при крайнемъ развитіи разнообразія. Стало быть, дробленіе формъ на новыя формы составляетъ въ жизни природы необходимое явленіе. Когда дробленіе началось, тогда крайнія формы одерживаютъ перевѣсъ надъ промежуточными и стремятся сдѣлаться еще болѣе крайними. Такимъ образомъ легкія и индивидуальныя особенности даютъ начало прочнымъ разновидностямъ; разновидности, постоянно удаляясь другъ отъ друга, превращаются въ отдѣльные виды; виды дробятся и становятся родовыми группами; въ родовой группѣ крайніе виды развиваются обыкновенно лучше среднихъ; средніе уничтожаются; изъ одной родовой группы вслѣдствіе этого выпаденія среднихъ видовъ образуются двѣ отдѣльныя группы, которыя вмѣстѣ составляютъ семейство. И этотъ процессъ развѣтвленія идетъ все дальше и дальше; проходятъ милліоны лѣтъ, милліоны вѣковъ, милліоны тысячелѣтій; одни отдѣлы разростаются и дробятся, другіе слабѣютъ и уничтожаются; исчезаютъ незамѣтно цѣлыя семейства, порядки и классы и наконецъ получаются тѣ безконечно разнообразныя и рѣзко очерченныя формы, съ которыми въ настоящее время никакъ не умѣютъ справиться классификаторы.

Читателю много кажется тутъ неяснымъ, но, во-первыхъ, идеи Дарвина только что входятъ въ науку и до сихъ поръ еще не были приложены къ разъясненію подробностей; а во-вторыхъ, если читатель думаетъ, что журнальная статья можетъ раскрыть передъ нимъ «тайну тайнъ» и показать ему все естествознаніе, какъ на ладони, то онъ сильно ошибается. Если читатель уловилъ до сихъ поръ только самыя существенныя черты дарвиновскихъ идей, если онъ только заинтересовался такимъ вопросомъ, который прежде даже не былъ для него вопросомъ, то этого на первый разъ уже черезъ-чуръ достаточно.

XI.

Различныя видоизмѣненія.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что всѣ животныя и всѣ растенія постоянно борятся между собою за средства къ существованію. Побѣждаютъ въ этой борьбѣ тѣ животныя и тѣ растенія каждой породы, которыя отличаются какими-нибудь выгодными, хотя быть-можетъ и незамѣтными особенностями своей организаціи. Побѣдители переживаютъ своихъ побѣжденныхъ единоплеменниковъ и оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, а изъ этого потомства живутъ долго и размножаются сильно тѣ субъекты, которые получили въ особенно значительной степени выгодныя качества родительской комплекціи. Такимъ образомъ выгодныя особенности тѣлосложенія сохраняются въ породѣ, и этотъ процессъ сохраненія называется, какъ мы видѣли, естественнымъ выборомъ. Если-бы всѣ животныя и всѣ растенія рождались всегда совершенно похожими на своихъ родите-

лей, т. е. еслибы не было никакого индивидуальнаго разнообразія, тогда не могло-бы быть и естественнаго выбора, потому что тогда не было-бы никакихъ выгодныхъ особенностей, и стало быть нечего было-бы сохранять. Естественный выборъ составляетъ такимъ образомъ прямое слѣдствіе тѣхъ видоизмѣненій, которыя проявляются въ каждой породѣ животныхъ и растеній. Когда видоизмѣненіе представилось, тогда естественный выборъ или сохраняетъ, или отбрасываетъ его, т. е., говоря другими словами, видоизмѣненный организмъ или переживаетъ своихъ сверстниковъ, или умираетъ раньше ихъ. Но чтобы видоизмѣненный организмъ могъ сдѣлать то или другое, ему очевидно сначала надо родиться видоизмѣненнымъ. Видоизмѣненіе должно уже существовать прежде, чѣмъ оно подвергнется дѣйствію естественнаго выбора. Какія же причины производятъ эти видоизмѣненія и по какимъ законамъ они совершаются? Дать на этотъ вопросъ полный и удовлетворительный отвѣтъ современная наука еще не въ состояніи; но кое-какіе факты уже собраны, и нѣкоторыя общія заключенія могутъ быть сдѣланы уже въ настоящее время.

Климатическія условія, т. е. воздухъ, свѣтъ, теплота, влажность, производятъ въ организмахъ нѣкоторыя измѣненія и дѣйствуютъ обыкновенно на растительное царство сильнѣе, чѣмъ на животное. Замѣчено, что многія растенія, живущія на берегу моря, имѣютъ мясистые листья; насѣкомыя, водящіяся по берегамъ, отличаются металлическимъ блескомъ крыльевъ и тѣла; моллюски, живущіе въ тропическихъ моряхъ и на незначительной глубинѣ, яркостью своихъ красокъ превосходятъ тѣхъ моллюсковъ, которые держатся въ глубокихъ и холодныхъ водахъ; птицы, обитающія внутри материковъ, носятъ болѣе пестрое и блестящее опереніе, чѣмъ тѣ птицы, которыя водятся на островахъ и на берегахъ. Всѣ эти особенности не только свойственны тѣмъ породамъ, которыя составляютъ коренное населеніе этихъ мѣстностей, но онѣ даже пріобрѣтаются многими пришлыми породами; такимъ образомъ, если наблюдатель постепенно переходитъ отъ болѣе холодныхъ морей къ болѣе теплымъ, или отъ болѣе глубокихъ водъ къ болѣе мелкимъ, то онъ замѣчаетъ, что одна и та-же порода моллюсковъ постепенно окрашивается болѣе яркими оттѣнками. Точно также птицы одной породы становятся болѣе или менѣе яркими, смотря по тому, гдѣ онѣ живутъ, въ сухой или жаркой странѣ материка, или подъ сѣрымъ небомъ острововъ и приморскихъ земель. То-же самое происходитъ со многими растеніями и насѣкомыми, т. е., приближаясь къ морю, первыя пріобрѣтаютъ мясистые листья, а вторыя — металлическій блескъ, несмотря на то, что ихъ порода не отличалась этими особенностями, когда жила вдали отъ береговъ. Извѣстно, что у животныхъ одной породы мѣхъ бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ холоднѣе мѣсто ихъ жительства. Но здѣсь вмѣшивается въ дѣло естественный выборъ, и поэтому результатъ не можетъ быть приписанъ исключительно прямому дѣйствію климата. Если напримѣръ пара медвѣдей, по какому нибудь случаю будетъ принуждена переселиться изъ умѣреннаго климата въ холодный то мы никакъ не можемъ утверждать, что медвѣдица въ новомъ своемъ отечествѣ родитъ всѣхъ дѣтей съ болѣе густымъ мѣхомъ, чѣмъ еслибы они родились на прежнемъ мѣстѣ жительства; но тѣ медвѣжата, у которыхъ мѣхъ будетъ погуще, получатъ преимущество надъ своими жидкошерстными братьями; первые вѣроятно переживутъ послѣднихъ, и такъ какъ естественный выборъ будетъ дѣйствовать такимъ-же образомъ на всѣ слѣдующія поколѣнія, то потомство медвѣдей умѣреннаго пояса рано или поздно пріобрѣтетъ себѣ тотъ густой мѣхъ, который необходимъ для обитателей холодной страны. Если это пріобрѣтеніе дѣйствительно совершится, то мы никакъ не будемъ въ состояніи рѣшить, какую долю вліянія тутъ надо приписать прямому дѣйствію климата, и какую — естественному выбору, т. е., потому-ли мѣхъ сдѣлался густымъ, что холодный воздухъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на кожу и поощряетъ произрастаніе волосъ, или потому, что медвѣди постоянно рождались отъ густошерстныхъ родителей, которые, благодаря своему теплому мѣху, постоянно переживали своихъ сверстниковъ, плохо защищенныхъ отъ холода? То же безвыходное затрудненіе представляется каждый разъ, когда какое-нибудь видоизмѣненіе приноситъ животному или растенію малѣйшую долю пользы. Гдѣ польза, тамъ непремѣнно дѣйствуетъ естественный выборъ, и отдѣлить его вліяніе отъ прямого дѣйствія климатическихъ условій нѣтъ никакой возможности.

Если какой-нибудь органъ животнаго часто упражняется, то онъ развивается и усиливается; если же онъ находится въ бездѣйствіи, то онъ слабѣетъ и атрофируется, т. е. увядаетъ отъ недостатка питанія. Эти пріобрѣтенныя свойства органа, т. е. его сила или его слабость, передаются по наслѣдству, и если дѣти ведутъ жизнь, сходную съ жизнью родителей, то эта сила или эта слабость увеличиваются и въ такомъ увеличенномъ видѣ переходятъ къ слѣдующему поколѣнію. Говоря о домашнихъ животныхъ, я указывалъ читателю на сильное развитіе вымени у дойныхъ коровъ и на слабость крыльевъ у нашихъ утокъ. Подобные факты встрѣчаются и у дикихъ животныхъ, съ той только неизбѣжной разницей, что какъ чрезмѣрное развитіе, такъ и атрофія органа непремѣнно должны быть въ какомъ-нибудь отношеніи полезны для самаго животнаго, потому что еслибы

они не были полезны, то они были-бы немедленно уничтожены дѣйствіемъ естественнаго выбора и слѣдовательно не могли-бы превратиться въ постоянныя свойства отдѣльной разновидности или цѣлаго вида. Если животное поставлено въ такія условія жизни, при которыхъ тотъ или другой органъ перестаетъ быть для него необходимымъ, то для этого животнаго положительно полезно, чтобы этотъ ненужный органъ атрофировался. Атрофія безполезнаго органа даетъ животному возможность усилить и увеличить необходимые органы.

Читателю извѣстно, что вся масса питательнаго вещества, которое нашъ желудокъ и кишечный каналъ извлекаетъ изъ того, что мы ѣдимъ и пьемъ, — постоянно употребляется на возстановленіе нашего организма, который ежеминутно разрушается процессами дыханія, потѣнія, испражненія и разныхъ другихъ выдѣленій. Для организма выгодно, чтобы каждая частица питательнаго вещества приносила какъ можно больше пользы, т. е., чтобы она употреблялась именно туда, гдѣ она всего болѣе необходима, именно на тѣ органы, которые всего болѣе содѣйствуютъ общему благосостоянію всего организма. Такой органъ, который постоянно находится въ бездѣйствіи, не можетъ приносить организму существенной пользы; стало быть, организму невыгодно кормить такого дармоѣда; организму удобнѣе или перенести въ другое мѣсто то количество пищи, которое пошло бы на питаніе безполезнаго органа или совершенно сберечь это количество, то-есть покрыть свои неизбѣжные расходы меньшей массой питательнаго вещества. Это послѣднее обстоятельство, то-есть возможность сводить концы съ концами при меньшемъ количествѣ пищи, особенно важно для дикихъ животныхъ, которыя принуждены брать себѣ съ бою каждый кусокъ питательнаго вещества. Бездѣйствующій органъ атрофируется, а такъ какъ эта атрофія полезна для животнаго, то естественный выборъ поощряетъ ее и во многихъ случаяхъ успѣлъ уже обратить ее въ постоянное свойство цѣлыхъ породъ.

Такимъ путемъ образовались породы дикихъ птицъ, неспособныхъ летать, напримѣръ страусы, казуары, пингвины, малокрылыя утки (anas brachyptera). Такимъ же образомъ произошло то, что многіе навозные жуки или совершенно лишены передней пары ногъ, или имѣютъ эти органы въ зачаточномъ, то-есть совершенно неразвитомъ состояніи. По той же причинѣ глаза кротовъ и другихъ животныхъ, постоянно копающихся въ землѣ, остаются навсегда совершенно неразвитыми, а иногда покрываются даже кожей и заростаютъ шерстью; чѣмъ меньше глазъ и чѣмъ плотнѣе онъ защищенъ кожей и волосами, тѣмъ это удобнѣе для такихъ животныхъ, которыя никогда не выходятъ на свѣтъ; смотрѣть кроту нечего, потому что онъ постоянно держится въ темнотѣ, а большой и открытый глазъ во время ежедневныхъ подземныхъ странствованій крота долженъ былъ-бы часто засоряться и подвергаться воспаленію. Отсутствіе упражненія ослабляло такимъ образомъ глазъ, а естественный выворъ сохранялъ тѣхъ кротовъ, которые всего менѣе страдали отъ глазныхъ воспаленій, и вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ глазъ кротовъ дошелъ до своего теперешняго зачаточнаго состояніе. Въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоліи и американскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ самымъ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собой въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ, совершенно нѣтъ органовъ зрѣнія, но зато сильно развиты усики, щупальцъ и разные другіе органы осязанія. Климатъ Карнеоліи очень сходенъ съ климатомъ Кентукки; пещеры той и другой страны составились изъ известковыхъ формацій и находятся на одинаковой глубинѣ; стало быть, условія жизни въ обѣихъ пещерахъ совершенно сходны между собой; если мы предположимъ, что породы слѣпыхъ животныхъ были созданы спеціально для того, чтобы жить въ глубокихъ и темныхъ пещерахъ, то, разсуждая послѣдовательно, мы придемъ къ тому убѣжденію, что животныя, созданныя для одинаковыхъ условій, должны быть одинаковы или по крайней мѣрѣ очень сходны между собой, и что стало-быть обитатели американскихъ пещеръ должны быть очень похожи на европейскихъ. Но факты разобьютъ это убѣжденіе. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что американскія и европейскія слѣпыя животныя не похожи другъ на друга; но зато существуетъ родственная связь между обитателями пещеры и тѣми зрячими животными, которыя водятся въ ея окрестностяхъ, то-есть подземный карнеоліецъ похожъ на земного карнеолійца, и то же самое явленіе замѣчено также въ Кентукки. Кромѣ того между жителями самой темной глубины и обитателями совершенно свѣтлыхъ окрестностей существуетъ нѣсколько переходныхъ степеней и оттѣнковъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ постепенному переходу отъ дневного свѣта къ вѣчной темнотѣ и по своей организаціи превосходно приспособлены къ различнымъ степенямъ полусвѣта или полумрака.

Существованіе этой родственной связи и этихъ промежуточныхъ оттѣнковъ ясно указы-

ваетъ намъ на тотъ процессъ, посредствомъ котораго населились обѣ пещеры. Обыкновенныя животныя, съ нормальнымъ устройствомъ глазъ и органовъ осязанія, подошли сначала къ отверстію пещеры и устроили свое жилище подъ вѣчной тѣнью нависшихъ утесовъ. Эта легкая тѣнь могла содѣйствовать ихъ размноженію, потому что она спасала ихъ отъ разныхъ хищниковъ; размножившееся потомство этихъ животныхъ, выросшее въ тѣни, подвинулось немного дальше, въ царство вѣчнаго сумрака. Привыкнувъ къ сумраку, новыя поколѣнія стали подвигаться еще дальше,—туда, гдѣ господствуетъ вѣчная ночь, и наконецъ дошли до той крайней глубины, гдѣ постоянно бываетъ такъ темно, какъ на поверхности земли не бываетъ темно ни въ какую ночь. Разумѣется, эти переходы совершались чрезвычайно медленно; въ каждомъ новомъ поколѣніи были вѣроятно субъекты съ разными легкими особенностями въ устройствѣ глазъ; однимъ было удобно оставаться тамъ, гдѣ они родились; другимъ было удобно подняться къ отверстію пещеры,—туда, гдѣ посвѣтлѣе; наконецъ третьимъ было удобно спуститься дальше въ глубину, чтобы уйти отъ болѣе зоркихъ враговъ и конкурентовъ. Естественный выборъ дѣйствовалъ на всѣхъ этихъ колонистовъ, постоянно сохраняя тѣхъ, которые всего лучше были приспособлены къ мѣсту своего жительства, а такъ какъ мѣста жительства пользовались освѣщеніемъ въ очень различной степени, то глаза жильцовъ атрофировались, а ихъ органы осязанія развивались—также въ очень различной степени. Такимъ образомъ отъ совершенно зрячихъ родоначальниковъ произошли втеченіи многихъ тысячелѣтій, сообразно съ требованіями мѣстныхъ условій, подслѣповатые, полуслѣпые, слѣпые и наконецъ совершенно безглазые потомки, у которыхъ органы осязанія становились все лучше и лучше, по мѣрѣ того какъ утрачивалось зрѣніе.

Если такимъ образомъ вліяніе мѣстныхъ условій, бездѣйствіе органа и естественный выборъ, тѣсно связанные между собой и дѣйствующіе постоянно въ одномъ направленіи, могутъ превратить зрячую породу животныхъ въ слѣпую и даже въ безглазую, если они могутъ замѣнить чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, и если наконецъ они могутъ произвести эти метаморфозы надъ самыми различными классами животныхъ—надъ крысами, раками, рыбами, лягушками и насѣкомыми, то, мнѣ кажется, трудно себѣ представить какую нибудь возможную границу для дѣятельности и могущества этихъ элементовъ.

Всѣ разнообразныя формы организмовъ, существующія на земномъ шарѣ, порождены вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Современная наука не можетъ показать намъ, какъ это произошло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, потому что знанія нашихъ натуралистовъ до сихъ поръ еще очень неудовлетворительны; но зато современная наука не можетъ также представить ни одного такого случая, котораго нельзя было-бы объяснить вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Если-бы одинъ такой случай былъ извѣстенъ въ настоящее время, или если-бы будущія изслѣдованія и наблюденія натуралистовъ привели со временемъ къ открытію такого случая, то вся теорія Дарвина тотчасъ взлетѣла-бы на воздухъ, несмотря на то, что она объясняетъ совершенно удовлетворительно тысячи другихъ случаевъ. Эта теорія или объясняетъ всю исторію органической жизни, или не объясняетъ ровно ничего и даже не можетъ существовать; исключеній тутъ никакихъ не допускается; если будетъ доказано, что въ природѣ былъ хоть одинъ скачекъ, то это будетъ значить, что скачки возможны, и тогда вся теорія медленныхъ видоизмѣненій и естественнаго прогресса рухнетъ въ ту же минуту. Но сила теоріи Дарвина заключается именно въ томъ, что до сихъ поръ невозможно было найти ни одного несомнѣннаго скачка. Разумѣется, ни одинъ дѣльный натуралистъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дарвину, не станетъ слѣпо вѣровать въ его теорію и не допуститъ, чтобы эта теорія стѣсняла его во время непосредственныхъ наблюденій. Живой фактъ всегда важенъ самъ по себѣ, а теорія хороша только до тѣхъ поръ, пока она вполнѣ согласна съ фактами и объясняетъ ихъ совершенно удовлетворительно и безъ малѣйшаго насилія.

На островѣ Мадерѣ водится до 550 различныхъ видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, или, проще, жуковъ; изъ этого числа 200 видовъ отличаются совершенно неразвитыми крыльями и не могутъ летать. Изъ 29 родовъ, свойственныхъ исключительно этому острову, до 23-хъ находятся въ такомъ положеніи. Напротивъ того, чешуекрылыя насѣкомыя острова Мадеры, или бабочки, и тѣ виды жуковъ, которые питаются цвѣточнымъ сокомъ и цвѣточной пылью, одарены очень крѣпкими и особенно хорошо развитыми крыльями. Эти два противоположныя явленія произведены вліяніемъ одинаковыхъ условій жизни и дѣйствіемъ естественнаго выбора. Вотъ какъ это сдѣлалось. На островѣ Мадерѣ дуютъ очень сильные вѣтры, и особенно на той сторонѣ острова, которая обращена къ африканскому берегу; именно на этой сторонѣ живетъ большая часть жуковъ, лишенныхъ способности летать. Втеченіи многихъ тысячелѣтій вѣтеръ постоянно подхватывалъ на лету и уносилъ въ море тѣхъ жесткокрылыхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались распустить свои крылья и подняться на воздухъ; такимъ образомъ вмѣстѣ съ ними, по словамъ Дарвина, тонула въ морѣ будущность ихъ расы. Для тѣхъ жуковъ, которые питались навозомъ, или корнями растеній, или древесиной, или личинками другихъ насѣкомыхъ, ле-

таніе составляло пустую прихоть, что-то вродѣ прогулки для моціона; одни изъ нихъ могли любить подобныя прогулки, другіе могли быть къ нимъ совершенно равнодушны, потому что эти прогулки не имѣютъ для нихъ ничего общаго съ настоящей цѣлью жизни, то-есть съ отыскиваніемъ пищи. Естественный выборъ выражался здѣсь въ томъ, что вѣтеръ постоянно истреблялъ тѣхъ, которые летали, и постоянно оставлялъ въ покоѣ тѣхъ, которые вели исключительно сидячую и ходячую жизнь. Крылья, остававшіяся въ бездѣйствіи у многихъ тысячъ поколѣній, ослабѣли и атрофировались, а у многихъ породъ жесткія надкрылья срослись даже совершенно на-глухо. Напротивъ, для бабочекъ и для жуковъ, питающихся цвѣтами, летаніе было необходимымъ условіемъ жизни; для нихъ не летать значило положить зубы на полку, потому что если на каждый цвѣтокъ вспользать, да потомъ спускаться съ него внизъ, да потомъ переползать на другой цвѣтокъ по густой травѣ, которая для насѣкомаго должна казаться гуще, выше и страшнѣе, чѣмъ кажется человѣку непроходимый дѣвственный лѣсъ, наполненный змѣями и тиграми, если, говорю я, производить по поводу каждаго цвѣтка всѣ эти длинныя церемоніи, то конечно придется насѣкомому умереть съ голоду. Слѣдовательно, такъ или иначе, опасно или не опасно подниматься на воздухъ, а бабочки и цвѣтоядные жуки должны летать во что бы то ни стало; и они дѣйствительно летали всегда, и не перестали летать на Мадерѣ; и вѣтеръ уносилъ въ море очень многихъ, и можетъ-быть погубилъ такимъ образомъ цѣлыя породы, но сохраниться могли тутъ не тѣ субъекты, которые мало летали, а напротивъ тѣ, которые летали больше всѣхъ и у которыхъ вслѣдствіе этого крылья были особенно крѣпки и способны противиться вѣтру. У жуковъ, летающихъ рѣдко и по прихоти, крылья по всей вѣроятности всегда были слабѣе, чѣмъ у тѣхъ насѣкомыхъ, которыя летаютъ постоянно и по необходимости. Поэтому для первыхъ было возможно и необходимо отсиживаться отъ вѣтра, а для вторыхъ также возможно и необходимо было бороться съ вѣтромъ и иногда побѣждать его. Поэтому естественный выборъ, дѣйствуя въ обоихъ случаяхъ посредствомъ того же самаго вѣтра, уничтожилъ крылья первыхъ и укрѣпилъ крылья вторыхъ.

XII.

Тѣлосложеніе и привычки.

Животныя, которыхъ мы видимъ каждый день, большей частью такъ хорошо приспособлены устройствомъ своего тѣла къ своему теперешнему образу жизни, что, глядя на нихъ, мы съ трудомъ рѣшаемся допустить то предположеніе, что они приспособились къ этому образу жизни постепенно. Мы видимъ напримѣръ, что дикая утка постоянно плаваетъ по водѣ, и видимъ, что у нея между пальцами ногъ протянута перепонка, которая помогаетъ ей плавать. Мы видимъ, что летучая мышь питается насѣкомыми, и видимъ, что между передними и задними оконечностями ея тѣла протянута перепонка, которая даетъ ей возможность летать и слѣдовательно съ особеннымъ успѣхомъ преслѣдовать крылатую добычу. Мы видимъ, что цапля отыскиваетъ свою пищу въ болотахъ, и видимъ, что у нея ноги высокія, тонкія, сухія и непокрытыя перьями, то есть какъ разъ приспособленныя къ тому, чтобы шагать по вязкому и илистому грунту. Мы видимъ и всегда видѣли очень много подобныхъ вещей, и существующія приспособленія стали бросаться людямъ въ глаза съ той самой минуты, какъ только люди начали обращать вниманіе на то, что происходитъ вокругъ нихъ, въ мірѣ животныхъ и растеній.

Добродушные натуралисты или, вѣрнѣе, натурфилософы старой школы, по свойственной имъ чистотѣ сердца, умилялись надъ этими приспособленіями и утверждали, что природа, заботливо охраняющая всякую тварь, одарила цаплю длинными ногами для того, чтобы цапля могла ходить по болотамъ. Ну, что въ самомъ дѣлѣ, кабы у цапли, да не было-бы длинныхъ ногъ? Какъ-бы она стала ходить по болотамъ? Пропадать-бы пришлось бѣдной цаплѣ. Стремленіе къ болоту есть, а сунуться въ болото нельзя: увязнешь. А природа заботится, ну, и одарила: на, молъ, тебѣ, цаплюшка! Живи въ свое удовольствіе. Другіе натуралисты, похитрѣе первыхъ, очень остроумно смѣялись надъ этими соображеніями и говорили, что все это вздоръ: не ноги даны цаплѣ для того, чтобы ходить по болотамъ, а совсѣмъ напротивъ: цапля отъ того именно и стремится къ болоту, что у нея такъ, а не иначе, устроены и ноги, и желудокъ, и весь складъ тѣла. Будь у нея другой складъ тѣла, ее и не потянуло-бы къ болоту, и жила-бы она совсѣмъ не по теперешнему, и всѣ привычки были-бы у нея совсѣмъ другія, а вы, добродушные натурфилософы, и тогда стали-бы восхищаться заботливостью природы, что, молъ, вотъ какъ отмѣнно хорошо пристроена цапля къ надлежащему мѣсту.

Если смотрѣть на тѣхъ и другихъ натуралистовъ, какъ на представителей философской доктрины, то конечно между первыми и вторыми можно замѣтить существенное различіе. По мнѣнію первыхъ выходитъ такъ, что сначала существовало только отвлеченное стремленіе цапли къ болоту, а потомъ къ этому невещественному стремленію придѣлана цапля, то-есть соотвѣтствующій желудокъ, и ноги, и голова, и клювъ, и все, какъ быть должно. Вѣдь если мы отъ имени цапли должны благодарить природу

за удобныя ноги, то мы точно также должны благодарить и за крылья, и за весь скелетъ, и за каждую частицу тѣла, потому что все это подобрано одно къ одному и все соотвѣтствуетъ стремленіямъ цапли. Ну, стало быть и выходитъ, что стремленія цапли существовали тогда, когда еще не было ни ногъ, ни головы, ни крыльевъ, ни желудка, и вообще ни одной частицы цаплинаго тѣла. Другіе, тѣ, что похитрѣе, осмѣливаются предполагать, что, напротивъ того, цапля начала стремиться къ болоту только тогда, когда она начала существовать, то-есть, когда у нея оказались уже и ноги, и крылья, и всѣ прочіе необходимые аттрибуты. Стало быть, съ философской точки зрѣнія разница есть, но зато, какъ естествоиспытатели, обѣ враждующія стороны стоятъ между собой на одномъ уровнѣ, и остроумные хитрецы ничѣмъ не превосходятъ умиляющихся чистосердечниковъ. Хитрецы говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги, и вслѣдствіе этого цапля... и т. д.»; противники ихъ говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги для того, чтобы цапля... и т. д.» Значитъ, и тѣ, и другіе говорятъ: «природа дала», и стало быть единственная существенная часть вопроса остается въ сторонѣ. Не было ногъ, и вдругъ явились ноги, а откуда онѣ взялись, и какъ онѣ развивались, и почему онѣ приняли именно эту, а не другую форму—объ этомъ и разговора нѣтъ: кто-жъ ихъ знаетъ, какъ, откуда и почему? Читатель, разумѣется, понимаетъ, что «природа дала» и «кто-жъ ихъ знаетъ?»—въ сущности совершенно одно и то же. Понять это не трудно, и почти всѣ натуралисты понимали это очень давно, но одни считали вопросъ неразрѣшимымъ, а другіе и пробовали разрѣшить его, да только не умѣли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскій натуралистъ Ламаркъ построилъ цѣлую теорію, но въ этой теоріи все выходило какъ-то неосязательно и невразумительно: съ одной стороны—цапля, съ другой—болото, съ третьей—упражненіе органовъ, съ четвертой—законъ прогрессивнаго развитія, а со всѣхъ сторонъ оказывается, что у цапли ноги длинныя выросли. Ламаркъ чувствовалъ, что есть связь между цаплей, болотомъ и упражненіемъ органовъ, и что есть тутъ какой-то законъ развитія, но разобрать по ниточкамъ эту связь и разъяснить пообстоятельнѣе дѣйствіе этого закона Ламаркъ былъ не въ силахъ. Во-первыхъ, онъ и по даровитости-то былъ не чета Дарвину, а во-вторыхъ, и время его было еще не то, что теперь. Восемнадцатый вѣкъ, золотой вѣкъ великой философіи, незабвенная заря чистаго человѣческаго самосознанія, вмѣстѣ съ своими громадными достоинствами имѣлъ свою неисправимую и неизбѣжную философскую слабость: любилъ покойникъ рѣшать всякіе вопросы свысока и вообще, т. е. именно такъ, какъ при изученіи природы невозможно рѣшить ни одного вопроса. Поэтому-то настоящее господство естествознанія началось именно тогда, когда послѣдній выродившійся представитель великой философіи, Гегель, сошелъ въ могилу вмѣстѣ съ своей системой.

Послѣ Ламарка другой французскій натуралистъ, Этьеннъ Жоффруа-Сенъ-Илеръ, много толковалъ о вліяніи окружающей среды (le milieu ambiant), но всѣ эти разсужденія были только какими-то предчувствіями и гаданіями, такъ что можно было сказать:

Недуренъ слогъ; писать умѣетъ;

но съ вещественной стороны теорія оказывалась и неуловимой, и несостоятельной. Непоколебимые скептики, Базаровы самаго высшаго разбора, очень спокойно разрушали всѣ эти словесныя построенія чрезвычайно простыми вопросами и чрезвычайно законными требованіями. «Покажите, докажите, говорили они, объясните вотъ этотъ случай, разрѣшите такое-то затрудненіе», и при этихъ нехитрыхъ словахъ теоріи немедленно разлетались, какъ дымъ.

Теоретическихъ попытокъ въ такомъ родѣ было довольно много, и всѣ онѣ кончались неудачно, и этотъ рядъ постоянныхъ неудачъ объясняетъ намъ, почему теорія Дарвина при первомъ своемъ появленіи была встрѣчена довольно недовѣрчиво и засыпана со всѣхъ сторонъ очень скороспѣлыми возраженіями. Дарвинъ въ первый разъ прочелъ мемуаръ о естественномъ выборѣ въ іюлѣ 1858 года въ засѣданіи Линнеевскаго Общества (Linnean Society). Основательнѣйшіе скептики по всей вѣроятности задумались надъ этимъ мемуаромъ, а Базаровы средней руки тотчасъ бросились впередъ съ твердымъ намѣреніемъ немедленно растрепать въ куски новую теорію и уложить ее на мѣстѣ рядомъ со всѣми ея предшественницами. Но тутъ обнаружилось, что Дарвинъ зиждетъ свою храмину не на пескѣ, а на камени, такъ что никакія ухищренія современныхъ человѣческихъ умовъ поколебать ее не въ состояніи. Издавая свою книгу или, какъ онъ выражается, свое извлеченіе, онъ принимаетъ въ отношеніи къ возражателямъ такую оригинальную тактику, какой послѣдніе никогда еще не видывали и никакъ не могли ожидать. Сначала онъ отвѣчаетъ на возраженіе, а потомъ, покончивши съ нимъ дѣло, говоритъ: «нѣтъ, постойте; вы-бы лучше мнѣ вотъ что возразили», и дѣйствительно собственными своими руками ставитъ себѣ такую запятую, которая будетъ вдесятеро посильнѣе чужого возражеженія, и начинаетъ полегоньку сворачивать это препятствіе въ сторону, и все дѣйствуетъ яснѣйшими доводами, все выдвигаетъ впередъ осязательные факты; посмотришь, и нѣтъ препятствія, и передъ великимъ мыслителемъ опять открывается гладкая дорога. А мыслитель еще при этомъ, въ невинности души своей, на каждой страницѣ сознается, что разсужденія его очень

голословны, но что дѣлать нечего, вѣдь это легкое извлеченіе, стало-быть подождите, господа, пока выйдетъ настоящій трудъ въ полномъ объемѣ. Факты всѣ собраны, только помѣстить-то ихъ въ книгу покуда еще нельзя. Понятно, что возражатели должны онѣмѣть отъ изумленія и положить оружіе задолго до ужаснаго выхода въ свѣтъ того невиннаго левіафана, который лежитъ теперь въ портфелѣ Дарвина.

Эта оборонительная часть книги «О происхожденіи видовъ» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интереснѣйшихъ подробностей и составляетъ собой лучшее ручательство за прочность всей теоріи. Передать всю сущность этой части я не могу: журнальная статья должна-же имѣть разумные предѣлы, а Дарвинъ излагаетъ свой предметъ такъ коротко, что сокращать его еще больше—значило-бы предлагать публикѣ совершенно непонятныя и слѣдовательно очень незанимательныя загадки. Поэтому я предупреждаю читателя, что съ этой минуты и вплоть до самаго конца моей статьи я не гонюсь за строгой систематичностью изложенія и совершенно отказываюсь отъ невозможной задачи представить публикѣ миніатюрный фотографическій снимокъ съ книги Дарвина. Я буду выбирать только то, что̀ особенно занимательно, и что̀ я съумѣю представить по возможности подробно, ясно и наглядно. Въ первыхъ десяти главахъ читатель получилъ общее понятіе о теоріи естественнаго выбора; теперь онъ увидитъ приложеніе этой теоріи къ объясненію многихъ отдѣльныхъ и разнообразныхъ явленій; увидитъ онъ нѣсколько эпизодовъ изъ борьбы этой теоріи съ возраженіями и препятствіями; и наконецъ увидитъ оправданіе этой теоріи въ геологіи, въ географіи, въ сравнительной анатоміи и въ эмбріологіи. Все это будутъ только легкіе и бѣглые очерки, но я постараюсь, чтобы легкость и бѣглость нисколько не вредили ясности. А за вѣрность ручается Дарвинъ, и этого, я думаю, достаточно. Ну, и съ Богомъ! Значитъ, такъ и пойдутъ теперь:

«Легкіе и бѣглые очерки», безъ отдѣльныхъ заглавій.

I.

Теорія Дарвина утверждаетъ, что всѣ приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработались понемногу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее—въ летучее, дневное—въ ночное, и такъ далѣе; причемъ, разумѣется, всѣ эти превращенія могли совершиться и наоборотъ. Спрашивается, какимъ-же образомъ могло существовать животное во время переходной эпохи, когда оно не было вполнѣ приспособлено и когда оно по своей организаціи колебалось между двумя комплексами занятій и привычекъ? Какимъ образомъ напримѣръ плотоядное сухопутное животное могло сдѣлаться водянымъ?

Этотъ вопросъ поставили противники дарвиновской теоріи, а Дарвинъ нашелъ на него отвѣтъ въ явленіяхъ живой природы. Въ Сѣверной Америкѣ существуетъ напримѣръ животное mustela vison, принадлежащее къ семейству куницъ; пальцы этого vison соединены плавательной перепонкой; по своему мѣху, по короткимъ ногамъ и по формѣ хвоста онъ приближается къ рѣчной выдрѣ (lutra vulgaris), которая постоянно питается раками и рыбой. Лѣтомъ визонъ живетъ какъ выдра, т. е. ныряетъ, плаваетъ и преслѣдуетъ рыбу; но такъ какъ въ отечествѣ визона зима продолжается очень долго, то на зиму визонъ по своему образу жизни становится настоящей земной куницей, т. е. кормится крысами и другими мелкими земными звѣрьками, несмотря на свою плавательную перепонку и на свою способность нырять. Когда негдѣ плавать и нырять, тогда поневолѣ приходится дѣйствовать сухопутными средствами и пробавляться тѣмъ, что̀ попадается. Если визонъ, совершенно приспособленный къ водяной жизни, можетъ однако существовать на сушѣ во время продолжительной сѣверной зимы, то, разумѣется, ничто не мѣшало ему поступить точно такимъ-же образомъ, когда онъ былъ менѣе приспособленъ къ плаванію и нырянью. Теперь рыбная ловля составляетъ его любимое и спеціальное занятіе, и онъ пробавляется этимъ занятіемъ всегда, когда есть возможность плавать и нырять; а прежде, когда приспособленіе только-что начинало вырабатываться, предки визона смотрѣли на рыбную ловлю, какъ на побочное и чисто-вспомогательное ремесло. Между прежнимъ и теперешнимъ состояніемъ визона можно себѣ вообразить безчисленное множество промежуточныхъ переходныхъ оттѣнковъ, и какую-бы фазу этой переходной эпохи мы ни выбрали для изученія, все-таки намъ никогда не представится такой моментъ, въ которомъ визонъ будетъ оторванъ и отъ земли, и отъ воды, и въ которомъ слѣдовательно существованіе визона сдѣлается невозможнымъ.

Теперешній визонъ, балансирующій между водой и сушей, служитъ живымъ образчикомъ переходнаго состоянія; стало-быть, самый фактъ его существованія составляетъ разительное подтвержденіе той идеи, что всѣ переходы возможны. Но если переходы возможны, то это вовсе не значитъ, что всѣ переходы непремѣнно должны совершаться успѣшно. Очень многіе переходы оканчиваются въ природѣ совершенными неудачами, т. е. полнымъ истребленіемъ того вида животныхъ, который поставленъ въ необходимость сдѣлать какой-нибудь переходъ. Но отчего происходятъ тутъ неудачи

и истребленіе? Совсѣмъ не отъ того, что переходъ самъ по себѣ невозможенъ, и не отъ того, что животное остается въ висячемъ положеніи между двумя стихіями, а просто отъ того, что обѣ стихіи уже заняты вполнѣ приспособленными конкурентами, т. е. такими животными, которыя сдѣлали переходъ раньше и быстрѣе другихъ. Если-бы визона тѣснили съ обѣихъ сторонъ, съ воды и съ земли, очень опасные конкуренты, то порода визона навѣрное исчезла-бы съ лица земли, и этотъ фактъ исчезновенія вовсе не могъ-бы служить доказательствомъ противъ возможности переходовъ. Если я приду въ садъ раньше васъ, да оборву всѣ яблоки, то вамъ конечно ничего не достанется, но вѣдь это не значитъ, что вы неспособны рвать и ѣсть яблоки, а значитъ только, что васъ опередили. Такъ и тутъ, въ дѣлѣ между визономъ и его конкурентами. Не свойства воды и земли мѣшаютъ переходу и не свойства той пищи, которую визонъ долженъ добывать себѣ на водѣ и на землѣ, а количества и качество тѣхъ родственниковъ визона, съ которыми ему приходится вступать въ соперничество. Много ихъ и сильны они—визонъ погибаетъ; мало ихъ и слабы они—визонъ торжествуетъ, и переходъ совершается благополучно.

Но та-же самая исторія произошла-бы и тогда, когда не было бы никакого перехода. Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растеніями во всякую данную минуту ихъ существованія. Чѣмъ больше конкурентовъ, тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ строже естественный выборъ и тѣмъ быстрѣе исчезаютъ породы, смѣняясь новыми усовершенствованными формами. Всѣ переходы совершаются точно также подъ вліяніемъ того же общаго закона борьбы. Отчего сухопутное животное начинаетъ питаться лягушками или рыбой? Да отъ того, что не достаетъ пищи на сушѣ, то-есть отъ того, что число конкурентовъ несоразмѣрно велико въ сравненіи съ существующимъ количествомъ съѣстнаго матеріала. Ну, и лѣзетъ животное въ воду, и упражняется, а естественный выборъ тотчасъ начинаетъ покровительствовать тѣмъ, которые бойчѣе другихъ распоряжаются въ новой стихіи. Но когда животное ступило въ воду, то вѣдь это не значитъ, что оно такъ сразу и отказалось отъ суши. Водяная охота служитъ только подспорьемъ и пріобрѣтаетъ для животнаго важное самостоятельное значеніе только гораздо позднѣе, по прошествіи многихъ и многихъ поколѣній, воспитанныхъ постояннымъ упражненіемъ и очищенныхъ безпрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора.

Отвѣтивъ на возраженіе противниковъ, Дарвинъ, по своему обыкновенію, говоритъ имъ: «а вы-бы лучше у меня вотъ что спросили: какимъ образомъ четвероногое животное, питающееся насѣкомыми, могло превратиться въ летучую мышь? Эта штука будетъ гораздо похитрѣе. А между тѣмъ и тутъ можно отыскать переходныя формы, хотя и не въ самомъ порядкѣ рукокрылыхъ, или летучихъ мышей, но зато въ семействѣ бѣлокъ, въ которомъ также развито умѣнье летать или по крайней мѣрѣ порхать. Обыкновенная бѣлка обладаетъ только способностью прыгать, и ея широкій, пушистый хвостъ, развѣваясь по воздуху, помогаетъ ей во время прыганія. За обыкновенной бѣлкой слѣдуютъ такія породы бѣлокъ, у которыхъ задняя часть тѣла расширена и кожа не совсѣмъ плотно прилегаетъ къ бокамъ. Широкое основаніе хвоста и кожистые мѣшки по бокамъ слегка поддерживаютъ эту бѣлку на воздухѣ и позволяютъ ей дѣлать болѣе значительные прыжки, чѣмъ дѣлаетъ простая бѣлка. Это расширеніе хвоста и эта мѣшковатость кожи увеличиваются въ различныхъ бѣличьихъ породахъ съ такою полною постепенностью, что простая бѣлка связывается съ летучей бѣлкой непрерывною цѣпью промежуточныхъ экземпляровъ, которые отличаются другъ отъ друга только самыми незначительными особенностями. Крайнее звено этой цѣпи бѣлокъ называется по-русски *летягой*, а по-латыни—Sciuropterus, что̀ значитъ, въ буквальномъ переводѣ, бѣлокрылъ или крылатая бѣлка. Эти два названія показываютъ довольно ясно, что̀ это за животное. Его переднія ноги соединены съ задними и даже съ основаніемъ хвоста широкой перепонкой, покрытой волосами и образовавшейся посредствомъ постепеннаго отвисанія боковой кожи. Эта перепонка въ минуту прыжка вытягивается, превращается въ парашютъ и, поддерживая бѣлку на воздухѣ, даетъ ей возможность перелетать съ дерева на дерево на изумительныя разстоянія. Всѣ эти породы бѣлокъ, одаренныя въ различной степени способностью прыгать и порхать, могли сохраниться въ живыхъ до нашего времени, только благодаря тому обстоятельству, что всѣ онѣ живутъ отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ земного шара. Если-бы мы могли свести всѣ эти породы въ одну страну, то между ними началась-бы самая ожесточенная борьба за пропитаніе, и, разумѣется, перевѣсъ остался бы за тѣми, которыя проворнѣе и расторопнѣе другихъ. Летяга, дѣлающая колоссальные прыжки, по всей вѣроятности перещеголяла-бы всѣхъ своихъ соперниковъ и рано или поздно размножилась-бы такъ, что заморила-бы ихъ всѣхъ голодной смертью. Кромѣ того летательный снарядъ доставилъ-бы летягѣ еще другія преимущества, которыя также имѣли-бы вліяніе на результатъ борьбы. Летяга лучше другихъ бѣлокъ могла-бы отдѣлываться отъ преслѣдованій разныхъ хищниковъ, и она меньше другихъ была-бы подвержена опасности падать на землю и расшибаться при неудачномъ или плохо разсчитанномъ прыжкѣ. Перепонка ея, дѣйствуя какъ парашютъ, смягчаетъ всякое

паденіе, а для животнаго, которое постоянно лазитъ и прыгаетъ по деревьямъ, это обстоятельство конечно не можетъ считаться маловажнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ можно предположить, что только одна летяга сохранила и размножила-бы свою породу, а всѣ остальныя породы бѣлокъ исчезли-бы съ лица земли, и тогда летяга осталась-бы для насъ живой загадкой, къ которой намъ пришлось-бы придѣлывать ключъ посредствомъ разныхъ предположеній, очень неубѣдительныхъ для непреклонныхъ скептиковъ и для завзятыхъ гонителей всякой теоріи.

Такого рода живыя загадки встрѣчаются намъ на каждомъ шагу, и ихъ существованіе вовсе не должно насъ удивлять, потому что мы знаемъ, что уничтоженіе промежуточныхъ степеней составляетъ въ природѣ обыкновенное правило, прямо вытекающее изъ самаго принципа естественнаго выбора, а сохраненіе этихъ степеней возможно только въ немногихъ случаяхъ, при исключительныхъ и слѣдовательно рѣдко встрѣчающихся обстоятельствахъ. Есть напримѣръ одно животное, которое называется шерстокрыломъ (galeopithecus rufus); его обыкновенно причисляли къ летучимъ мышамъ. Но въ новѣйшее время нашли, что его слѣдуетъ перевести въ порядокъ четверорукихъ, или обезьянъ, и въ семейство лемуровъ. Его теперь такъ и называютъ галеопитекомъ или летучимъ лемуромъ, и Дарвинъ также держится этого мнѣнія. Летательная перепонка галеопитека протягивается отъ угла челюсти до хвоста и охватываетъ собою какъ переднія, такъ и заднія оконечности; но у галеопитека она покрыта волосами, а у настоящихъ летучихъ мышей она совершенно голая. Кромѣ того — и это гораздо важнѣе — перепонка не захватываетъ пальцевъ галеопитека, и эти пальцы, оставаясь свободными на рукахъ и ногахъ, вооружены когтями; напротивъ того, у летучихъ мышей остаются свободными и вооружаются когтями только пальцы заднихъ оконечностей и большой палецъ переднихъ. Остальные же пальцы переднихъ оконечностей даже совсѣмъ непохожи на настоящіе пальцы: они ничѣмъ не вооружены, непомѣрно вытянуты въ длину и наглухо вдѣланы въ летательную перепонку; по своей фигурѣ и по своему значенію они напоминаютъ тѣ прутики, на которые натягивается матерія зонтика. Когда летучая мышь разставляетъ руки и ноги и растопыриваетъ свои длинные пальцы, тогда весь летательный снарядъ развертывается, и животное можетъ начать свое воздушное путешествіе. Когда же руки и ноги опущены, и пальцы сложены, тогда летательная перепонка, какъ широкая и длинная мантія, облегаетъ все тѣло. Что же касается до галеопитека, то его перепонка растягивается безъ содѣйствія пальцевъ посредствомъ особаго мускула, заключеннаго въ самой перепонкѣ.

Во всемъ семействѣ лемуровъ, кромѣ галеопитека, нѣтъ ни одного животнаго, которое моглобы хоть кое-какъ поддерживаться на воздухѣ. Переходныхъ степеней не сохранилось никакихъ, но это ровно ничего не доказываетъ. Значитъ, были да сплыли. Во-первыхъ, самъ галеопитекъ — не что иное, какъ переходная степень между настоящими лемурами и настоящими летучими мышами; это обстоятельство выразилось даже въ томъ недоумѣніи, по которому натуралисты принуждены были перетаскивать его изъ одной категоріи въ другую. А во-вторыхъ, галеопитекъ не живетъ, подобно бѣлкѣ, почти на всемъ пространствѣ земного шара; стало быть, живя въ ограниченной области, онъ могъ выработать себѣ летательную способность до высокой степени совершенства только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ низшія промежуточныя степени постоянно уничтожались; въ противномъ случаѣ, т. е., если-бы плохіе и посредственные прыгуны не истреблялись вліяніемъ ежеминутной борьбы, тогда отличные прыгуны постоянно совокуплялись-бы съ ними и такимъ образомъ постоянно портили-бы свою породу. А если-бы порода портилась, то прыгуны никогда не моглибы сдѣлаться летунами.

Требовать отъ теоріи естественнаго выбора, чтобы она во всѣхъ случаяхъ представляла живые образчики переходныхъ инстанцій, значитъ требовать отъ нея самоуничтоженія. Не станете же вы требовать отъ вѣялки, чтобы она оставляла мякину рядомъ съ зернами. Тогда она не будетъ вѣялкой, или будетъ находиться въ бездѣйствіи. А естественный выборъ — та-же вѣялка: что̀ онъ сохраняетъ — то живетъ и плодится: что̀ онъ выбрасываетъ, — то умираетъ; и мякиной оказываются постоянно всякіе промежуточные типы. Вѣдь и бѣлки, образующія непрерывную цѣпь градацій, не могутъ быть названы промежуточными типами; каждая изъ нихъ въ своемъ отечествѣ составляетъ торжествующій, крайній и передовой типъ, который живетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе только потому, что не встрѣчаетъ себѣ болѣе крайнихъ соперниковъ; въ сравненіи съ чужеземцами, этотъ типъ можетъ стоять на очень низкой степени развитія; но это ничего не значитъ; у себя дома онъ впереди всѣхъ, и въ этомъ заключаются его сила и причина его существованія. А если онъ ниже чужеземцевъ, то это зависитъ отъ мѣстныхъ условій жизни и отъ силы мѣстной борьбы; естественный выборъ не вездѣ же дѣйствуетъ одинаково; вѣдь и вѣялки бываютъ разныя; одна очищаетъ зерна самымъ строгимъ образомъ, а другая валитъ пополамъ съ мякиной. Стало-быть, переходъ отъ четвероногаго животнаго къ летучей мыши возможенъ и даже не подлежитъ сомнѣнію, а несуществованіе переходныхъ формъ не только не противорѣчитъ идеямъ теоріи, но даже, напротивъ того, составляетъ прямое слѣдствіе ея основныхъ принциповъ. Впрочемъ, кому угодно

думать, что летучая мышь свалилась на землю, подобно аэролиту или подобно крупному граду, тому, разумѣется, никакая теорія препятствовать не можетъ, не смѣетъ и не должна.

II.

Понятія наши о привычкахъ и нравахъ животныхъ чрезвычайно смутны; изъ какихъ источниковъ почерпаются зоологическія свѣдѣнія, бродящія въ массѣ грамотнаго общества,—это даже и вообразить себѣ мудрено. Какъ ни удивительно такое предположеніе, а все-таки я осмѣлюсь замѣтить, что басни добродушнаго Лафонтена и почтеннаго дѣдушки Крылова оказываютъ очень значительное вліяніе на то понятіе, которое мы составляемъ себѣ о характерѣ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ извѣстныхъ птицъ и звѣрей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда явились у насъ идеи о царственномъ величіи льва и орла, объ умственной неповоротливости медвѣдя, о коварствѣ лисицы, о кротости овцы и о многихъ другихъ курьезахъ животной психологіи. Вглядитесь въ эти идеи, и вы увидите, что въ основаніи ихъ лежитъ Крыловъ, Лафонтенъ, или какой-нибудь другой источникъ равносильнаго достоинства. Разумѣется, вы при этомъ зрѣлищѣ улыбнетесь и даже отчасти сконфузитесь; но вмѣстѣ съ вами и сильнѣе васъ должны сконфузиться наши просвѣщенные журналисты, которые такъ долго и такъ безтолково удобряли и засѣвали своими издѣліями наши умственныя нивы. Они-то, сердечные, чего смотрѣли? Вѣдь о скотахъ безсловесныхъ всегда писать было возможно; вѣдь тутъ даже и обстоятельствами нельзя отговориться. Они пожалуй иногда и писали, но никто не знаетъ, для кого они писали, и сами они этого не знаютъ, и по всей вѣроятности даже никогда объ этомъ не думали. Русская публика благополучно изучаетъ природу по баснямъ Крылова и по сборникамъ анекдотовъ о смышлености кошекъ и собакъ, а русскій журналъ (это вы, «Отечественныя Записки»!) вдругъ бацъ двѣ статьи о томъ, что французскій профессоръ Мильнъ-Эдвардсъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, излагаетъ сравнительную анатомію. Или вдругъ выхватятъ статью изъ «Westminster Review» и подносятъ нашимъ читателямъ. Все равно, молъ, сойдетъ: что они, сиволапые, смыслятъ? Человѣку простого хлѣба хочется, человѣкъ голоденъ, а ему предлагаютъ: не хочешь-ли, ангелъ мой, зельтерской воды съ лимономъ? И «ангелъ мой» морщится, а все-таки сидитъ голодный, потому что откуда же взять? Люди, изучающіе природу путемъ непосредственныхъ наблюденій, разумѣется, не вѣруютъ въ непогрѣшимость такихъ авторитетовъ, какъ Крыловъ, Лафонтенъ, сказаніе о лисѣ Рейнеке, или повѣствованіе Шехерезады; но человѣческій умъ устроенъ до такой степени оригинально, что даже очень дѣльные и знающіе люди часто совершенно невольно и безсознательно подчиняются въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ господству тѣхъ понятій, которыя носятся въ обществѣ, какъ умственныя міазмы, и которыя попали туда богъ знаетъ откуда и когда и укоренились въ немъ богъ знаетъ по какой причинѣ и на какихъ основаніяхъ. Какъ понять напримѣръ такое соображеніе Изидора Жоффруа Сентъ-Илера? Онъ говоритъ самымъ догматическимъ тономъ, что *растеніе живетъ; животное живетъ и ощущаетъ, а человѣкъ живетъ, ощущаетъ и мыслитъ.* Выходитъ стало-быть, что животное не мыслитъ; и такую феноменальную нелѣпость говоритъ ученый, пользующійся европейской извѣстностью и дѣйствительно заслужившій эту извѣстность очень многими добросовѣстными и дѣльными фактическими наблюденіями. Очевидно Сентъ-Илеръ этотъ не могъ изловить такое открытіе въ своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ; онъ заразился этимъ открытіемъ со стороны, какъ заражаются люди сибирской язвой или тифозной горячкой.

У многихъ другихъ натуралистовъ встрѣчаются также очень разнообразные признаки умственнаго зараженія, иногда довольно легкаго, а иногда совершенно безнадежнаго. Къ числу самыхъ упорныхъ міазматическихъ поврежденій принадлежитъ та повсемѣстно распространенная идея, что животныя рѣшительно неспособны развиваться и совершенствоваться въ умственномъ отношеніи. Всякій разсуждающій человѣкъ, ученый и неученый, скажетъ вамъ, не запинаясь, точно математическую аксіому произноситъ, что и обезьяны, и собаки, и журавли, и лягушки, и муравьи, и всякая тварь жили пять тысячъ лѣтъ тому назадъ точь въ точь такъ, какъ они живутъ сегодня. Если вы спросите: а почему же вы такъ, милостивый государь, думаете?—то «милостивый государь» даже засмѣется: вотъ прекрасно! Почему? Да это ясно, какъ день! Это само собой разумѣется. А по вашему-то какъ же: у нихъ стало-быть есть исторія, существуетъ собачья цивилизація, журавлиный прогрессъ, лягушечьи революціи!

Когда міазматическая идея вооружается насмѣшкой, то удары ея становятся неотразимыми, потому что такая насмѣшка всякому по плечу и всякому доставляетъ удовольствіе. Всякій понимаетъ соль этой насмѣшки, сочувствуетъ вашему остроумному собесѣднику и хохочетъ надъ вами, какъ надъ пошлымъ дуракомъ. Если-же вы, не боясь насмѣшки, все-таки остаетесь на вашей позиціи и продолжаете спрашивать: почему? и если вашъ собесѣдникъ, кромѣ остроумія, располагаетъ еще кое-какими знаніями, то онъ выдвинетъ противъ васъ слѣдующіе аргументы, которые изумятъ васъ своей бѣдностью и неубѣдительностью. Во-первыхъ—египетскіе памятники, во-вторыхъ—Аристотель, въ треть-

ихъ—Плиній старшій. Это вотъ что значитъ: на разныхъ египетскихъ памятникахъ вырѣзаны изображенія животныхъ, совершенно сходныхъ съ тѣми породами, которыя существуютъ въ настоящее время. Аристотель, современникъ Александра Македонскаго, написалъ естественную исторію, въ которой говоритъ о внѣшнемъ видѣ многихъ животныхъ и сообщаетъ кое-что о ихъ образѣ жизни. Плиній написалъ такое же сочиненіе, только гораздо похуже, въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. И это все. И на этомъ фундаментѣ покоится наше твердое убѣжденіе о неподвижности умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ.

Но вѣдь что же это въ самомъ дѣлѣ такое? На памятникахъ не могутъ же быть изображены всѣ животныя земного шара, и памятники не могутъ дать намъ ни малѣйшаго понятія ни объ образѣ жизни изображенныхъ животныхъ, ни объ ихъ умственномъ развитіи. Это разъ. А второе то, что на памятникахъ представлены также люди, и нѣкоторыя изъ этихъ человѣческихъ фигуръ совершенно похожи на теперешнихъ негровъ, а другія — на евреевъ. Надо, стало-быть, выводить заключеніе, что люди остаются неподвижными. Положимъ однако, что мы достовѣрно знаемъ, какимъ образомъ извѣстное племя негровъ жило во времена какого-нибудь египетскаго царя Менеса или Мерида; положимъ, что оно живетъ теперь совершенно такъ, какъ жило тогда. Красиво-ли будетъ, если мы выведемъ заключеніе, что обычаи человѣчества не измѣняются? А если некрасиво и если нельзя заключать отъ части къ цѣлому, то-есть отъ одной расы къ цѣлому виду или роду, то на какомъ же основаніи мы кладемъ этотъ логическій законъ подъ столъ, когда заходитъ рѣчь о мірѣ животныхъ, который однако неизмѣримо обширнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ человѣчество?

Значитъ, памятники въ сторону. Аристотель и Плиній на первый взглядъ могутъ показаться посущественнѣе памятниковъ, потому что ихъ сочиненія охватываютъ большое количество животныхъ формъ и сообщаютъ кое-какія свѣдѣнія о нравахъ и объ умственныхъ способностяхъ. Но какъ только мы посмотримъ на дѣло чуть-чуть повнимательнѣе, мы тотчасъ убѣдимся въ полной несостоятельности обоихъ мудрецовъ классической древности. Новѣйшіе писатели, напримѣръ Александръ Гумбольдтъ въ «Космосѣ» и уже знакомый намъ Изидоръ во введеніи къ своей «Общей біологіи» («Histoire naturelle générale des règnes organiques»), хвалятъ Аристотеля за то, что онъ не вѣритъ тѣмъ баснословнымъ разсказамъ о природѣ, которые въ его время были въ ходу между его легкомысленными земляками. Эти похвалы губительнѣе всякаго порицанія. Если приходится говорить человѣку большое спасибо за то, что онъ отвергаетъ существованіе сиренъ, фениксовъ или пигмеевъ, то какъ же требовать или ожидать отъ этого же самаго человѣка такихъ тщательныхъ и усидчивыхъ наблюденій, которыя могли бы послужить надежнымъ матеріаломъ для исторіи умственныхъ отправленій животнаго царства? О Плиніѣ и говорить нечего, потому что его даже и за то нельзя похвалить, за что хвалятъ Аристотеля. Теперешніе натуралисты проводятъ по цѣлымъ часамъ надъ какимъ нибудь муравейникомъ и повторяютъ такіе сеансы каждый божій день, втеченіи многихъ и очень многихъ лѣтнихъ сезоновъ, и все-таки при этомъ страшномъ напряженіи вниманія считаютъ себя школьниками въ дѣлѣ изученія природы и сознаются въ томъ, что психологическіе вопросы животнаго царства до сихъ поръ даже не могутъ быть поставлены надлежащимъ образомъ. Во времена Аристотеля задача была такъ же громадна и запутана, какъ и теперь, а между тѣмъ великій Аристотель никогда не углублялся въ изученіе муравейниковъ; онъ писалъ и о политикѣ, и о логикѣ, и о риторикѣ, и между прочимъ о естественной исторіи; онъ воспитывалъ Александра Македонскаго, и онъ же основалъ цѣлую громадную философскую школу перипатетиковъ. Положимъ, что онъ очень великъ; его величіе пускай при немъ и остается на вѣчныя времена; но если мы вздумаемъ обращаться къ такому всеобъемлющему генію за свѣдѣніями о нравахъ мелкой твари, то наша довѣрчивость приведетъ насъ къ очень неутѣшительнымъ результатамъ. Недурно также припомнить, что Америка и Австралія были совершенно неизвѣстны Аристотелю, а Индія, Китай, Сибирь, почти вся Африка и весь сѣверъ Европы были извѣстны только по нелѣпѣйшимъ сказкамъ. Каковы были пробѣлы въ зоологическихъ свѣдѣніяхъ классической древности, это достаточно видно изъ того факта, что ни греки, ни римляне не знали ни одного вида высшихъ обезьянъ,—ни орангъ-утанга, ни гиббона, ни шимпанзе, ни гориллы. Наконецъ надо же взять въ толкъ разъ навсегда, что какихъ-нибудь пять тысячъ лѣтъ ровно ничего не значатъ въ томъ неизмѣримомъ океанѣ тысячелѣтій, который отдѣляетъ нашу эпоху отъ зарожденія органической жизни на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, что вы разстались на мѣсяцъ съ любимой женщиной; вы изучили всѣ черты ея лица, вы замѣтили-бы въ немъ малѣйшую перемѣну, а между тѣмъ вы возвращаетесь черезъ мѣсяцъ, всматриваетесь и не замѣчаете ровно ничего. Попробуйте утверждать на этомъ основаніи, что время не измѣняетъ человѣка. А въ жизни органической природы пять тысячъ лѣтъ навѣрное значатъ меньше, чѣмъ одинъ мѣсяцъ въ жизни человѣка. Стало-быть, историческія свидѣтельства по очень многимъ причинамъ не могутъ дать намъ никакихъ матеріаловъ для рѣшенія во-

проса о движеніи умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ. Геологія также молчитъ, потому что никакой скелетъ не можетъ намъ разсказать, какъ жилъ и мыслилъ его обладатель. Гдѣ же искать отвѣта? Да все тамъ же, въ осмысленномъ наблюденіи живой природы. Живая природа въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, даетъ намъ очень много указаній на тотъ процесс развитія, посредствомъ котораго она возвысилась до своего теперешняго положенія. Надо только смотрѣть и понимать.

III.

Утѣшимъ въ первый и послѣдній разъ обожателей Аристотеля и научнаго благонравія; откажемся отъ дарвиновскаго лукавства; допустимъ, что лягушечій прогрессъ и собачья цивилизація не существуютъ и не могутъ существовать. Посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Если переходы отъ одного рода привычекъ къ другому совершенно невозможны въ царствѣ животныхъ, если необозримый рядъ предковъ каждаго животнаго жилъ всегда точь въ точь такъ, какъ въ настоящее время живетъ ихъ потомокъ, то это значитъ, что извѣстный комплектъ привычекъ связанъ на вѣчныя времена роковыми и необходимыми узами съ извѣстнымъ устройствомъ организма. Утѣшать, такъ утѣшать! Положимъ, что и устройство организма неизмѣнно и непоколебимо. Если существуетъ неразрушимая связь между устройствомъ организма и всѣми привычками, то, разумѣется, всѣ животныя одного вида должны имѣть совершенно одинаковыя привычки, отъ которыхъ они не могутъ отклоняться ни на волосъ, ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ условіяхъ. Если вы только допустите, что животное въ минуту сильнаго голода можетъ взять въ ротъ кусокъ такой пищи, которую не ѣли его отцы, дѣды и прадѣды, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ будетъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Если гнетъ сильной необходимости можетъ произвесть въ привычкахъ малѣйшее уклоненіе, то рѣшительно никто не можетъ поручиться, что этотъ гнетъ не дѣйствовалъ на каждое поколѣніе, и что изъ множества мелкихъ уклоненій не составилось въ концѣ концовъ совершенное превращеніе. Стало-быть, для поддержанія любезнаго принципа надо твердо стоять на томъ, что всѣ теперешнія ласточки одного вида живутъ — какъ одна ласточка, всѣ медвѣди — какъ одинъ медвѣдь, всѣ лягушки — какъ одна лягушка, и такъ далѣе, распространяя это правило: «всѣ, какъ одинъ», на всѣ отдѣльные виды безсловесной твари. Хорошо, будемъ стоять. Кромѣ того животныя, близкія другъ къ другу по тѣлосложенію, должны имѣть сходныя привычки. Это условіе такъ же необходимо для поддержанія принципа, который весь держится на томъ основномъ положеніи, что привычки составляютъ роковой и неизмѣнный результатъ организаціи. А если организація составляетъ единственную причину привычекъ, то невозможно допустить, чтобы сходныя причины привели за собой несходныя слѣдствія. Стало-быть, мы получили два закона:

I. Всѣ животныя одного вида живутъ, какъ одно животное.

II. Сходные виды имѣютъ сходныя привычки.

Изъ этихъ двухъ законовъ не можетъ быть ни одного исключенія, и если такое исключеніе встрѣтится, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ окажется миѳомъ. Посмотримъ теперь на живую природу. Она одна можетъ рѣшить споръ между научнымъ благонравіемъ и дарвиновскимъ лукавствомъ. Если не найдется исключенія, то мы навсегда откажемся отъ собачьяго прогресса. Въ противномъ случаѣ великій принципъ принужденъ будетъ сложить оружіе и признать себя нелѣпостью. Долго разсуждать тутъ нечего. Исключеній пропасть, и оба основные закона трещатъ по всѣмъ направленіямъ.

Животныя всевозможныхъ породъ на каждомъ шагу позволяютъ себѣ такія выходки, которыя очень рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ и постоянныхъ привычекъ цѣлаго вида. Одинъ разъ наблюдателю удастся подмѣтить такую выходку, но придется ли ему во второй разъ сдѣлать то же наблюденіе, этого никакъ нельзя сказать заранѣе, потому что выходка эта можетъ-быть совсѣмъ не повторится по прошествіи значительнаго промежутка времени, а можетъ-быть повторится тотчасъ же, или на другой день. Все зависитъ отъ того, какъ сложатся для животнаго разныя мелкія обстоятельства его вседневной жизни. Напримѣръ въ Сѣверной Америкѣ натуралистъ Гирнъ видѣлъ, какъ черный медвѣдь плавалъ по рѣкѣ съ разинутой пастью и глоталъ водяныхъ насѣкомыхъ. Это упражненіе продолжалось нѣсколько часовъ, но какой же благоразумный человѣкъ рѣшится утверждать, что такія занятія свойственны медвѣдю, что они находятся въ строгой зависимости отъ его организаціи, и что всѣ предки этого оригинала всегда занимались подобными промыслами. Китъ постоянно поступаетъ такимъ образомъ, и киту очень удобно это дѣлать: у него пасть усажена роговыми пластинками, въ которыхъ насѣкомыя и всякая мелюзга задерживаются для съѣденія; а въ верхней части головы у него продѣланы отверстія, черезъ которыя онъ выбрасываетъ воду, набранную въ ротъ вмѣстѣ съ мелкими животными. Не мѣшаетъ также замѣтить, что китъ во время такой охоты чувствуетъ себя совершенно дома, между тѣмъ какъ медвѣдю приходится въ этомъ случаѣ отправляться въ чужую стихію за очень мелкой и неудобной добычей. Можно себѣ представить, сколько онъ во время этого занятія проглотилъ

воды безъ всякой надобности и безъ малѣйшаго желанія, сколько разъ вода захлестывала ему ноздри и сколько разъ пойманныя насѣкомыя ускользали изъ его пасти въ то время, когда онъ фыркалъ и отплевывался. Повторитъ-ли онъ свое плаваніе,—это конечно зависитъ отъ того, понравилась-ли ему первая попытка; но если животное можетъ дѣлать попытки и въ случаѣ удачи повторять ихъ, то куда же послѣ этого укроется принципъ неизмѣнныхъ привычекъ? Разныя птицы очень часто дѣлаютъ то, что несвойственно ихъ породѣ, и что совершенно свойственно какой нибудь другой породѣ, вовсе на нихъ непохожей. Мухоловка (Muscicapa) обыкновенно прыгаетъ по деревьямъ и питается насѣкомыми; но Дарвинъ видѣлъ не разъ, какъ одна изъ птицъ этого рода Saurophagus sulphuratus, подобно коршуну, держалась въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ съ распростертыми крыльями, потомъ дѣлала быстрый поворотъ и вслѣдъ затѣмъ останавливалась такимъ же образомъ надъ другой точкой. Коршуну, какъ хищнику, очень удобно такимъ образомъ высматривать себѣ съ высоты добычу, состоящую изъ птицъ и мелкихъ звѣрьковъ; но для мухоловки, питающейся насѣкомыми, такой способъ вовсе не можетъ быть полезенъ; стало-быть, тѣ субъекты, за которыми Дарвинъ подмѣтилъ эту замашку, руководствовались какими нибудь особенными соображеніями, неимѣющими тѣсной связи съ обыкновенными потребностями и привычками всей породы. Дарвину случалось также видѣть, что Saurophagus sulphuratus стоитъ надъ водой, караулитъ мелкую рыбу и потомъ вдругъ кидается на нее, выбравъ удобную минуту; а между тѣмъ мухоловка нисколько не приспособлена къ водяной охотѣ. Стало-быть, она сама себя приспособляетъ; а принципъ опять-таки страдаетъ по случаю ея нескромности. Синица (Parus major) также позволяетъ себѣ разныя непослѣдовательности; обыкновенно она прыгаетъ по вѣткамъ деревьевъ и питается ягодами, зернами и насѣкомыми; но иногда она лазитъ, какъ пищуха; иногда она своимъ клювомъ бьетъ мелкихъ птичекъ по головѣ до смерти и вполнѣ подражаетъ въ этомъ отношеніи хищному сорокопуту (Lanius), который однако вовсе не похожъ на нее и принадлежитъ даже къ совершенно другому семейству. Иногда та же самая беззаконная синица разбиваетъ мелкіе орѣхи, ударяя ихъ по нѣскольку разъ объ дерево, и въ этомъ случаѣ она беретъ примѣръ съ орѣховки (Nucifraga), которая также принадлежитъ къ другому семейству.

Принципъ, принципъ! Каково ты себя, другъ мой, чувствуешь? Но это еще все цвѣточки, а настоящія-то ягоды заключаются въ томъ фактѣ, что цѣлыя породы, находящіяся между собой въ самомъ близкомъ родствѣ и очень похожія другъ на друга по складу тѣла, имѣютъ такія *постоянныя* привычки, въ которыхъ самый усердный обожатель принципа не усмотритъ даже ни малѣйшаго сходства. Дятелъ (Picus) всѣмъ устройствомъ своего тѣла превосходно приспособленъ къ тому, чтобы лазить по деревьямъ, выстукивать насѣкомыхъ изъ-подъ коры ударами клюва и ловить ихъ языкомъ въ узкихъ трещинахъ и углубленіяхъ. Вотъ какъ описываетъ его учебникъ зоологіи: «Клювъ прямой, коническій; языкъ длинный, заостренный, роговой, прикрѣпленный къ подвижнымъ язычнымъ костямъ, можетъ съ быстротой выдвигаться изо рта. Хвостъ съ жесткими перьями, служащими опорой при лазаніи». Къ этому описанію можно прибавить, что и нога этой птицы по устройству пальцевъ и когтей превосходно приноровлена къ обыкновеннымъ привычкамъ огромнаго большинства дятловъ, которые дѣйствительно постоянно карабкаются по стволамъ и толстымъ сучьямъ деревьевъ, стучатъ въ нихъ клювомъ и вылизываютъ изъ нихъ разныхъ насѣкомыхъ. Но и между дятлами встрѣчаются неблагодарные вольнодумцы, для которыхъ всѣ эти милости заботливой природы остаются мертвымъ капиталомъ. Въ Сѣверной Америкѣ одна порода дятловъ питается преимущественно плодами, а другая, одаренная длинными крыльями, летаетъ вслѣдъ за насѣкомыми и ловитъ ихъ на воздухѣ, вмѣсто того чтобы выстукивать ихъ изъ-подъ древесной коры.

Ага!—скажетъ защитникъ принципа,—длинныя крылья! Оттого-то они и летаютъ за насѣкомыми, что у нихъ длинныя крылья. На это восклицаніе можно отвѣтить, что защитникъ принципа, какъ утопающій, хватается за соломинку, которая такъ и останется у него въ рукахъ. Во-первыхъ, длинныя крылья вовсе не мѣшаютъ этимъ дятламъ карабкаться по деревьямъ; а во-вторыхъ, крылья обыкновенныхъ дятловъ вовсе не коротки и не слабы, такъ что обыкновенный дятелъ очень легко и удобно могъ-бы ловить насѣкомыхъ на лету, если-бы того требовали мѣстныя обстоятельства. А почему именно крылья длиннѣе у того дятла, который больше другихъ летаетъ, на этотъ вопросъ теорія лукаваго Дарвина даетъ, кажется, совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Она произноситъ въ этомъ случаѣ только двѣ пары словъ: «упражненіе органовъ» и «естественный выборъ». Читатель долженъ понимать, что этого вполнѣ достаточно.

Дятелъ Colaptes, живущій въ Мексикѣ и описанный Соссюромъ, самымъ необыкновеннымъ образомъ извращаетъ свои естественныя дарованія. Онъ выдалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ углубленія въ стволахъ очень твердыхъ деревьевъ и складываетъ въ эти углубленія запасы зеренъ, обезпечивающіе его продовольствіе. Colaptes—дятелъ, и нашъ европейскій Picus—также дятелъ; у одного крѣпкій клювъ, и у другого также крѣпкій клювъ. Спрашивается, по-

чему же одинъ устраиваетъ себѣ амбары, а другой выстукиваетъ насѣкомыхъ? Отвѣчать не трудно, но только отвѣтъ будетъ губителенъ для принципа неизмѣнныхъ привычекъ. Александръ Гумбольдтъ былъ человѣкъ, и Наполеонъ I былъ также человѣкъ. У одного былъ здоровый мозгъ, и у другого былъ также здоровый мозгъ. Почему же одинъ написалъ «Космосъ», а другой соорудилъ 18-е брюмера, разстрѣлялъ герцога Ангіенскаго, выигралъ нѣсколько десятковъ сраженій, очень упорно преслѣдовалъ идеалогію и наконецъ, какъ малолѣтній ребенокъ, отдался въ руки сначала негодяю Фуше, а потомъ—англійской олигархіи? Не потому-ли, что обстоятельства были не одинаковы? Вліянія, дѣйствовавшія на этихъ двухъ людей, окружавшія ихъ съ самой минуты рожденія и направлявшія каждый ихъ шагъ и каждую ихъ мысль въ ту или въ другую сторону, были различны, и отъ того выработались два различные характера, а въ общемъ выводѣ получились уже совершенно несходные результаты. На молодого Бонапарта и на молодого Гумбольдта дѣйствовали идеи вѣка, политическія событія, отношеніе этихъ событій къ ихъ отечеству, семейныя обстоятельства, денежное положеніе того и другого,—словомъ, огромная масса такихъ условій, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ внутреннимъ строеніемъ ихъ мозга и всего ихъ организма. Если-бы какой нибудь великій анатомъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ мозгъ покойнаго Гумбольдта и покойнаго Наполеона, и если-бы оказалось, что вѣсъ, химическій составъ, устройство всѣхъ извилинъ, величина всѣхъ внутреннихъ желудочковъ, словомъ, всѣ мельчайшія особенности совершенно сходны въ обоихъ мозгахъ, то я не думаю, чтобы какой нибудь здравомыслящій человѣкъ нашелъ это обстоятельство особенно удивительнымъ, несмотря на то, что эти двѣ даровитыя личности занимались въ жизни совершенно различными предметами. Было-бы даже гораздо удивительнѣе, если-бы мозгъ Мюрата былъ въ такой же значительной степени похожъ на мозгъ Наполеона или если-бы въ черепѣ профессора Креозотова заключался совершенно такой мозгъ, какимъ обладалъ Александръ Гумбольдтъ. А между тѣмъ Мюратъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ почти всѣ его кампаніи и даже считался въ свое время великимъ кавалерійскимъ генераломъ. А Креозотовъ, подобно Гумбольдту, постоянно предавался ученымъ занятіямъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Передъ вами лежатъ на столѣ двѣ бритвы; одна настоящая англійская, другая—чисто отечественная, и притомъ изъ самыхъ плохихъ. Какъ той, такъ и другой бритвой вы можете сдѣлать множество разнообразнѣйшихъ эволюцій: выбрить себѣ бороду, или перерѣзать себѣ горло, или срѣзать себѣ мозоль, или разрѣзать лимонъ, или очинить карандашъ. И все это можетъ быть произведено обѣими бритвами почти съ одинаковымъ успѣхомъ, потому что трудно себѣ вообразить такую дрянную бритву, которая съ перваго-же раза оказалась-бы несостоятельной. Если вашъ родственникъ хватитъ себя по горлу вашей англійской бритвой, а вы будете употреблять свою русскую бритву какимъ-нибудь другимъ, менѣе кровопролитнымъ образомъ, то я не думаю, чтобы изъ этихъ двухъ фактовъ можно было вывести хоть малѣйшія заключенія о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ инструментовъ. Оба эти факта зависятъ отъ той обстановки, въ которой находились обѣ бритвы, и отдѣльные элементы этой обстановки не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ качествами русской и англійской стали, или русской и англійской фабрикаціи бритвъ. Но, разумѣется, никакая обстановка не можетъ приноровить бритву къ такому употребленію, которое совершенно несовмѣстно съ ея фигурой или съ свойствами ея матеріала. Если вамъ понадобится написать письмо, вы никакъ не напишите его бритвой. Хоть-бы вамъ до-зарѣзу необходимы были сапоги, вы ни за какія блага не ухитритесь надѣть бритву на ногу. Вы можете умирать съ голоду въ комнатѣ, переполненной бритвами, и все таки вамъ не удастся разжевать, проглотить и переварить хоть одну бритву. То же самое можно сказать о Наполеонѣ и о Гумбольдтѣ. Если-бы Наполеонъ захотѣлъ снести яйцо, то по всей вѣроятности вся его геніальность не доставила-бы ему желаннаго успѣха. Простая курица перещеголяла-бы въ этомъ отношеніи великаго завоевателя. А Гумбольдту легче было-бы написать другую книгу,—подобную «Космосу», чѣмъ собственными средствами своего организма выработать одинъ квадратный вершокъ паутины или одинъ золотникъ воска. Глупѣйшій изъ пауковъ и лѣнивѣйшая изъ рабочихъ пчелъ превзошли-бы въ этихъ дѣлахъ одного изъ даровитѣйшихъ работниковъ нашего столѣтія.

Между простымъ и безжизненнымъ орудіемъ, подобнымъ бритвѣ, и тѣмъ удивительно сложнымъ органомъ, который называется человѣческимъ мозгомъ, лежитъ громадное разстояніе. Можно сказать, что вся природа помѣщается въ этомъ промежуткѣ. Однако, не смотря на эту громадность разстоянія, можно замѣтить по крайней мѣрѣ одну общую черту въ дѣятельности бритвы и въ дѣятельности мозга. Именно, результатъ дѣятельности въ обоихъ случаяхъ не зависитъ вполнѣ и исключительно отъ собственныхъ качествъ бритвы и мозга. Результатъ этотъ складывается изъ двухъ элементовъ: изъ качествъ самаго орудія и изъ качествъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, съ которыми данное орудіе соприкасается во время своей дѣятельности. Каждый кусокъ неодушевленной матеріи подчиняется этому общему закону наравнѣ съ организмомъ человѣка. Орга-

низмъ животнаго ближе къ организму человѣка, тѣмъ кусокъ неорганическаго вещества, а между тѣмъ защитники неизмѣнныхъ привычекъ ухитрились выдумать, что весь міръ животныхъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Они думаютъ, что если ужъ дятлу даны способности лазить и долбить, то онъ такъ и будетъ поступать всегда и вездѣ, хотя-бы онъ даже попалъ въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ деревьевъ и гдѣ очень мало насѣкомыхъ. Бороться съ такими идеями даже какъ-то неловко и совѣстно, и я прошу читателя извинить мое длинное отступленіе отъ настоящаго дѣла. Мнѣ хотѣлось только показать, какимъ образомъ многія изъ нашихъ обиходныхъ понятій рѣшительно противорѣчатъ не только осязательнымъ фактамъ живой природы, но даже основнымъ законамъ здороваго человѣческаго мышленія. Если въ нелѣпостяхъ могутъ быть какія-нибудь градаціи, то надо будетъ сознаться, что идея о неизмѣнности животныхъ привычекъ составляетъ болѣе значительную и несообразную нелѣпость, чѣмъ извѣстная русская теорія о трехъ китахъ, поддерживающихъ нашу планету.

Когда мы всматриваемся въ дѣло, тогда мы ясно видимъ, гдѣ смыслъ и гдѣ безсмыслица. Но въ томъ-то и горе наше великое, что намъ очень рѣдко приходится всматриваться въ наши идеи и выбивать пріемами строгой критики ту пыль и моль, которыя завелись въ нашей умственной рухляди и перепортили все естественное богатство нашего превосходнаго кавказскаго мозга. Мозгъ-то хорошъ, да дряни въ немъ много. Чтобы покончить исторію о дятлахъ, я сообщу читателю, что въ безлѣсныхъ равнинахъ Ла-Платы живетъ дятелъ Colaptes campestris, который никогда не взлѣзаетъ на деревья по той простой причинѣ, что не на что взлѣзать. Клювъ его не такъ твердъ и прямъ, какъ у простого дятла, во-первыхъ—по недостатку упражненія, а во-вторыхъ—потому, что естественный выборъ пересталъ поддерживать спеціальныя качества этого орудія. Въ безлѣсной странѣ, гдѣ нечего долбить, дятлу безполезенъ твердый и прямой клювъ, и поэтому строгость естественнаго выбора въ этомъ отношеніи ослабѣла.

Здѣсь мы можемъ проститься съ неизмѣнными привычками и съ ихъ остроумными защитниками, опирающимися на египетскіе памятники и на сочиненія классическихъ мудрецовъ. Возиться съ ними очень скучно, и я увѣренъ, что они уже давно опротивѣли моему возлюбленному читателю, свободному отъ всякихъ предразсудковъ или по крайней мѣрѣ искренно желающему отъ нихъ освободиться. Чтобы окончательно сразить противниковъ Дарвина, достаточно произнести одно слово, указывающее на цѣлый, длинный рядъ неопровержимыхъ фактовъ. Это слово: *акклиматизація* животныхъ. Объ ней я однако распространяться не буду.

IV.

Привычки животныхъ измѣняются вмѣстѣ съ условіями жизни, а для того, чтобы условія жизни измѣнились, вовсе не нужно накликать на землю какіе-нибудь ужасы вродѣ наводненія или землетрясенія. Если порода благоденствуетъ и размножается, то самая эта безмятежность, самое это довольство, рано или поздно, приведутъ за собой перемѣну; порода размножится такъ, что явится несоразмѣрность между количествомъ пищи и числомъ потребителей; многимъ субъектамъ придется искать новой пищи и приспособляться къ новымъ промысламъ; вотъ вамъ и перемѣна. Пока искатели новой пищи не выработаютъ себѣ новыхъ приспособленій, до тѣхъ поръ мы будемъ замѣчать разладъ между тѣлосложеніемъ животнаго и его образомъ жизни. Разладъ этотъ во всякомъ случаѣ будетъ продолжаться очень долго, потому что всѣ видоизмѣненія совершаются въ органическомъ мірѣ чрезвычайно медленно и незамѣтно. А бо̀льшая или меньшая продолжительность этого разлада будетъ зависѣть отъ бо̀льшей или меньшей гибкости даннаго организма, отъ бо̀льшей или меньшей напряженности борьбы и отъ бо̀льшей или меньшей строгости естественнаго выбора. Т. е. здѣсь, какъ и вездѣ, результатъ будетъ обусловливаться свойствами субъекта и особенностями всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ.

Если это разсужденіе вѣрно, то оно должно оправдываться фактами дѣйствительной жизни. Если оно вѣрно, то есть основаніе думать, что нѣкоторыя породы животныхъ въ настоящую минуту должны представлять живой образчикъ такого разлада между устройствомъ тѣла и свойствами привычекъ. Слѣдовательно, если мы найдемъ, что такія породы дѣйствительно существуютъ, то мы будемъ имѣть полное основаніе сказать, что разсужденіе было построено вѣрно— Дятлы, летающіе за насѣкомыми, питающіеся плодами и живущіе въ совершенно безлѣсныхъ равнинахъ, показываютъ уже довольно замѣтный разладъ между тѣлосложеніемъ и привычками. Но есть и другіе примѣры, гораздо болѣе поразительные. Буревѣстники проводятъ бо̀льшую часть своей жизни на лету, между небомъ и моремъ, вдали отъ береговъ. У всего этого семейства птицъ крылья превосходно развиты. Между тѣмъ въ тихомъ проливѣ Огненной Земли живетъ буревѣстникъ Puffinuria Berardi, который превосходно плаваетъ и ныряетъ, но чрезвычайно рѣдко и повидимому неохотно поднимается на воздухъ. По привычкамъ своимъ онъ очень похожъ на пингвина или на чистика, т. е. на такихъ птицъ, которыя совершенно лишены способности летать и употребляютъ свои крылья на водѣ вмѣсто веселъ, а на сушѣ—вмѣсто переднихъ ногъ. Особенности его образа жизни произвели уже довольно значительныя измѣненія въ устрой-

*

ствѣ его тѣла, но въ немъ еще легко узнать типъ настоящаго буревѣстника. Оляпка (Cinclus aquaticus) постоянно добываетъ себѣ пищу подъ водой, ныряетъ, цѣпляется ногами за камни и бѣгаетъ по дну рѣки, разгребая воду крыльями. Между тѣмъ оляпка принадлежитъ къ земному семейству дроздовъ, и, разсматривая ея трупъ, самый опытный наблюдатель не отыщетъ въ немъ ни малѣйшаго намека на ея своеобразныя привычки. Стало-быть разладъ существуетъ во всей своей силѣ. У гусей перепонка между пальцами приспособлена для плаванія, и мы, разумѣется, привыкли считать гуся совершенно водяной птицей; а между тѣмъ есть нѣсколько породъ дикихъ гусей, которыя, сохраняя перепонку, никогда не входятъ въ воду. Фрегатъ (Tachypetes aquila) постоянно летаетъ надъ моремъ, удаляется отъ береговъ на огромныя разстоянія и, несмотря на то, почти никогда не опускается на воду. Изъ всѣхъ натуралистовъ, только одинъ Одюбонъ видѣлъ, что фрегатъ опустился на воду, а между тѣмъ у фрегата четыре пальца соединены перепонкой. Но въ этой перепонкѣ, которая отлично годится для плаванія, есть глубокія выемки, указывающія на то, что нога фрегата начала измѣняться, сообразно съ его образомъ жизни. У гагаръ и у лысухъ пальцы только оторочены перепонкой, хотя эти пальцы постоянно держатся на водѣ. Опять разладъ и противорѣчіе. Длинныя ноги голенастыхъ птицъ такъ отлично приноровлены къ путешествіямъ по болоту, что ничего лучше желать не остается и требовать нельзя; между тѣмъ съ одной стороны водяная курочка, принадлежащая къ этому порядку, постоянно плаваетъ по водѣ, вмѣсто того чтобы бродить по вязкому берегу; а съ другой стороны коростель, принадлежащій къ одному семейству съ водяной курочкой и даже поставленный съ ней рядомъ въ учебникѣ зоологіи, также презираетъ болото и держится обыкновенно въ хлѣбныхъ посѣвахъ и въ высокой травѣ вмѣстѣ съ перепелками и куропатками.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы видимъ, что организація животнаго вовсе не связана наглухо именно съ однимъ, тѣсно опредѣленнымъ образомъ жизни. Конечно организація ставитъ нѣкоторыя границы для дѣятельности животныхъ, но эти границы оставляютъ животному очень широкій просторъ, и со временемъ могутъ быть раздвинуты еще шире, если представится настоятельная необходимость и если окружающія обстоятельства дадутъ на то малѣйшую возможность. Разумѣется, рыба не можетъ построить себѣ гнѣзда на деревѣ; воробей не можетъ вырыть въ землѣ тѣ норы и галлереи, которыя сооружаетъ кротъ; тигръ не можетъ питаться травой, какъ баранъ; а страусъ не можетъ гоняться за голубями, какъ ястребъ. Между рыбой и птицей, между воробьемъ и кротомъ, между тигромъ и бараномъ, между страусомъ и ястребомъ существуютъ очень глубокія различія въ организаціи; однако нѣтъ никакого основанія думать, чтобы между этими очень различными организаціями лежала непроходимая бездна, чрезъ которую природа, то-есть постоянное дѣйствіе разнородныхъ и очень сложныхъ обстоятельствъ, не была бы въ состояніи проложить узкую тропинку или широкую дорогу. Въ природѣ возможны самыя полныя превращенія и самые удивительные переходы, но только эти превращенія и переходы никогда и ни подъ какимъ видомъ не могутъ совершиться круто и внезапно. Вся исторія органической жизни состоитъ въ томъ, что различныя формы животныхъ и растеній постоянно обособлялись и съ каждымъ тысячелѣтіемъ, дробясь на новыя разновидности, все сильнѣе и рѣзче удалялись другъ отъ друга; вслѣдствіе этого въ настоящую минуту различные отдѣлы, классы и порядки животнаго царства гораздо дальше отстоятъ другъ отъ друга и гораздо глубже и явственнѣе разграничены между собой, чѣмъ это было въ прошедшія геологическія эпохи. Однако, несмотря на эти глубокія границы, несмотря на то, что всякія промежуточныя формы постоянно вытѣсняются крайними представителями отдѣловъ, классовъ и порядковъ, мы и теперь можемъ указать на тѣ пути, по которымъ могли-бы совершиться самые далекіе и неожиданные переходы; во многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся даже съ живыми формами, которыя, какъ верстовые столбы, стоятъ по серединѣ этихъ путей и ясно говорятъ намъ самымъ фактомъ своего существованія, что было время, когда эти заброшенные пути были бойкими столбовыми дорогами, и когда органическая жизнь, направляясь къ своему теперешнему положенію, медленно и величественно совершала по этимъ путямъ свое безпредѣльное развитіе. Такимъ образомъ цѣлые два порядка животныхъ связываютъ классъ млекопитающихъ съ классомъ рыбъ; во-первыхъ—ластоногія (Pinnipedia), то-есть моржи, тюлени, морскіе львы и морскіе коты; а во-вторыхъ—китовыя (Cetacea), то есть киты и дельфины. Летучая рыба намекаетъ на возможность перехода отъ рыбы къ птицѣ и напоминаетъ о тѣхъ страшно далекихъ временахъ, когда вся наша планета была покрыта водой, когда главнѣйшими представителями органической жизни были моллюски и хрящевыя рыбы, и когда эти рыбы, самыя совершенныя изъ тогдашнихъ живыхъ существъ, подъ вліяніемъ борьбы за жизнь и естественнаго выбора стали постепенно перерождаться въ крылатыхъ гадовъ и въ птицеобразныхъ животныхъ или, вѣрнѣе, въ рыбообразныхъ птицъ. Австралійскій утконосъ стоитъ на границѣ между млекопитающими и птицами; а сумчатыя животныя, изъ которыхъ одни по устройству своихъ зубовъ приближаются къ жвачнымъ (кенгуру), другія—къ грызунамъ (вомбатъ), а третьи—къ плотояднымъ (двуутробка).

показываютъ намъ, какъ развивалось въ прошедшемъ то глубокое различіе, которое существуетъ теперь между этими тремя, рѣзко разграниченными порядками млекопитающихъ.

Все животное царство распадается на два громадные отдѣла, на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ. Различіе между этими двумя отдѣлами до такой степени глубоко, что между животными этихъ двухъ отдѣловъ даже нельзя производить никакихъ сравненія; невозможно сказать и безполезно было-бы спрашивать, какое животное стоитъ выше въ цѣпи созданій: какая-нибудь рыба или пчела? Типы ихъ не имѣютъ между собой ни одной точки соприкосновенія и развились совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Эти два отдѣла животнаго царства обозначились по всей вѣроятности въ самой глубокой древности, недоступной даже для геологіи; какія формы предшествовали этому раздѣленію — этого мы никогда не узнаемъ, хотя конечно можно предполагать, что жили тогда животныя, до нѣкоторой степени похожія на теперешнихъ инфузорій, если не по своей величинѣ, то по крайней мѣрѣ по простотѣ своей организаціи. Однако, несмотря на то, что различіе между позвоночными и безпозвоночными такъ глубоко и такъ сильно упрочено своей неизмѣримой древностью, — несмотря на это, существуютъ и теперь нѣкоторыя формы, служащія живымъ намекомъ на прежнее, уже совершенно утратившееся родство между этими двумя отдѣлами. Амфіоксъ или ланцетная рыба принадлежитъ къ позвоночнымъ животнымъ, а между тѣмъ ее очень долго принимали за моллюска; у нея нельзя отличить головы и головного мозга; поэтому, когда ее причисляли къ моллюскамъ, то ее ставили ниже головоногихъ и брюхоногихъ моллюсковъ, у которыхъ ясно обозначена голова. Даже между царствами животнымъ и растительнымъ, которыя должны были отдѣлиться другъ отъ друга еще раньше, существуютъ нѣкоторыя промежуточныя формы, которыя никакъ не могли возникнуть послѣ того, какъ это раздѣленіе уже совершилось. Полипы очень долго считались растеніями и только въ половинѣ прошлаго столѣтія окончательно перечислены въ категорію животныхъ, несмотря на то, что у большей части полиповъ до сихъ поръ не доказано существованіе нервной системы. Губки очень недавно включались въ растительное царство, а теперь ихъ также перевели въ разрядъ животныхъ, хотя тутъ и рѣчи не можетъ быть о нервной системѣ. Любопытно замѣтить, что эти промежуточныя формы, занимающія теперь самое низшее мѣсто въ царствѣ животныхъ, занимали также одно изъ низшихъ мѣстъ въ ряду растеній. Это — живые остатки того далекаго прошедшаго, когда органическая жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи, и когда всѣ зародыши и всѣ родоначальники теперешнихъ, безконечно разнообразныхъ типовъ были похожи другъ на друга и сливались между собой въ общемъ хаотическомъ броженіи безцвѣтности и безформенности. Это — выкидыши органической природы, оставшіеся въ живыхъ, несмотря на свою недодѣланность. Очень понятно, что выкидышъ самаго высшаго животнаго менѣе развитъ въ своей организаціи, чѣмъ вполнѣ сложившееся животное низшаго разряда. Поэтому и не трудно понять, что такія формы, какъ полипы и губки, всегда будутъ занимать послѣднее мѣсто въ цѣпи органическихъ существъ, къ какому бы царству ни относили ихъ классификаторы.

Всю эту экскурсію по различнымъ областямъ органическаго міра я веду къ тому, чтобы выразить нѣсколько мыслей, имѣющихъ самое прямое и непосредственное отношеніе къ нашему главному предмету. Развиваясь по разнымъ направленіямъ изъ одного общаго источника и подчиняясь въ своемъ разностороннемъ развитіи господству одинаковыхъ законовъ, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ, органическая природа сохранила, и по всей вѣроятности сохранитъ навсегда, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ ту гибкость, измѣнчивость и подвижность, которыя привели ее къ ея теперешнему роскошному и цвѣтущему разнообразію. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что щука, тигръ, воробей, страусъ и всѣ вообще современные намъ организмы составляютъ собой тотъ окончательный результатъ, къ которому направлялось все развитіе живой природы. Множество подмѣченныхъ фактовъ доказываетъ намъ, напротивъ того, что въ органической природѣ все идетъ по старому, и что формы передѣлываются или до поры до времени остаются неподвижными, смотря по тому, какъ дѣйствуютъ на нихъ всѣ остальныя формы, съ которыми имъ такъ или иначе приходится вести борьбу за существованіе. Есть-ли въ органическомъ мірѣ такія формы, которыя были-бы совершенно неизмѣнны и неподвижны по самой своей природѣ,—этого мы не знаемъ; но если такія формы существуютъ, то онѣ при первой встрѣчѣ съ неблагопріятными обстоятельствами будутъ непремѣнно истреблены, потому что онѣ вслѣдствіе своей неподвижности не будутъ въ состояніи выдержать случившуюся перемѣну и приноровиться къ новымъ условіямъ жизни. Очень многія, а можетъ-быть и всѣ, погибшія формы погибли именно оттого, что тѣ или другія измѣнившіяся обстоятельства потребовали отъ нихъ такого быстраго и значительнаго измѣненія въ привычкахъ и въ организаціи, которое въ данную минуту было для нихъ невозможно. А такъ какъ сила вещей неотразима и не даетъ никакихъ отсрочекъ, то она ихъ и скрутила до совершеннаго уничтоженія. Если-бы тигру предстояла альтернатива—питаться травой или умереть съ голоду, онъ-бы умеръ, но это вовсе не доказываетъ,

что между плотояднымъ и травояднымъ лежитъ непроходимая бездна. Можетъ-быть переходъ возможенъ, но только никакъ не вдругъ. Наша домашняя кошка приходится тигру очень близкой родственницей; до своего знакомства съ человѣкомъ она питалась исключительно мясомъ, а теперь всякій знаетъ, что ее можно кормить молокомъ и хлѣбомъ. Молешотъ, писавшій свое «Ученіе о пищѣ» въ то время, когда о теоріи Дарвина не было ни слуху, ни духу, говоритъ положительно во введеніи къ этой книгѣ, что у дикой кошки кишечный каналъ короче, чѣмъ у домашней, и что это измѣненіе, приближающее домашнюю кошку къ травояднымъ, произошло въ ея организмѣ подъ вліяніемъ растительной пищи. Воробей также долженъ былъ-бы погибнуть, если-бы ему для спасенія жизни необходимо было приняться за подземныя работы крота; но и тутъ существуетъ возможность перехода и сближенія въ привычкахъ. Воробей питается ягодами, зернами и насѣкомыми; смотря по обстоятельствамъ, онъ можетъ питаться или исключительно однимъ изъ этихъ кушаній, или всѣми тремя заразъ. Положимъ, что обстоятельства принуждаютъ его питаться насѣкомыми; положимъ, что воробьевъ очень много; тогда каждое насѣкомое пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ значительную цѣну; тогда воробей очень охотно будетъ клевать земляныхъ червей и очень тщательно будетъ заботиться о ихъ добываніи; онъ будетъ разрывать землю лапками и по всей вѣроятности это упражненіе, соединенное съ дѣйствіемъ естественнаго выбора, укрѣпитъ его когти и вообще приспособитъ его члены къ этому новому занятію. Очень можетъ быть, что воробьи, постоянно копающіеся въ землѣ, утратятъ въ значительной степени юркость своихъ движеній и крѣпость своихъ крыльевъ, но, разумѣется, это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если этихъ воробьевъ не будутъ преслѣдовать опасные враги. Если-же найдутся такіе враги, то они вѣроятно будутъ постоянно истреблять неповоротливыхъ воробьевъ, и тогда юркость и способность летать, поддерживаясь естественнымъ выборомъ, останутся попрежнему постоянными свойствами этой породы. Сдѣлаются-ли эти воробьи когда-нибудь подземными животными, этого я, ей Богу, не знаю, и мнѣ очень боязно и неловко высказать такое предположеніе, но моя робость происходитъ по всей вѣроятности отъ недостатка твердыхъ знаній и научнаго развитія. Дарвинъ разсуждаетъ гораздо смѣлѣе, хотя обыкновенно бываетъ наоборотъ; то-есть, обыкновенно ученики и адепты преувеличиваютъ идеи учителя и доводятъ ихъ иногда до уродливыхъ крайностей. Здѣсь-же ученикъ остается позади учителя, даже въ дѣлѣ умственной храбрости. Вотъ что говоритъ Дарвинъ по поводу медвѣдя, подражавшаго киту. «Даже въ такомъ исключительномъ случаѣ я не вижу ничего невозможнаго въ томъ, что, если-бы насѣкомыхъ было постоянно вдоволь и если-бы въ той-же сторонѣ не находилось уже лучше приспособленныхъ соискателей, отдѣльная порода медвѣдей могла-бы сдѣлаться черезъ естественный выборъ все болѣе и болѣе водной, ихъ пасть все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось-бы существо такое-же уродливое, какъ китъ.» Если Дарвинъ позволяетъ медвѣдю превратиться почти въ кита, то, пожалуй, почему-бы и моему воробью не превратиться, не говорю «въ крота»,—а въ подземное и, разумѣется, совершенно не летающее и не совсѣмъ зоркое животное? Pourquoi pas? Однако я все-таки не рѣшусь этого сказать. Дарвину хорошо храбриться: онъ знаетъ, что не навретъ. А я на этотъ счетъ, при сильной наклонности моей къ широкимъ умозрѣніямъ, побаиваюсь за себя ежеминутно.

Можетъ-быть, примѣръ мой о воробьѣ выбранъ очень неудачно, но я за него и не держусь. Дѣло не въ примѣрѣ, а въ основной идеѣ, которая во всякомъ случаѣ остается неприкосновенной. Дѣло въ томъ, что окружающія обстоятельства совершенно полновластно господствуютъ надъ привычками животныхъ, а черезъ ихъ привычки—надъ ихъ тѣлосложеніемъ. Когда животное получаетъ при рожденіи извѣстный запасъ способностей и орудій, то какія именно изъ данныхъ способностей оно разовьетъ въ себѣ преимущественно и къ чему именно пристроитъ оно свои орудія—это будетъ зависѣть вполнѣ отъ чисто внѣшнихъ условій жизни. Привычки животныхъ составляютъ именно приложеніе къ дѣлу жизни врожденныхъ способностей и орудій; а каково будетъ приложеніе, — это, разумѣется, зависитъ отъ того, къ чему станешь прикладывать. Въ настоящее время очень рѣзкіе переходы по всей вѣроятности не могутъ совершаться даже постепенно; напримѣръ, рыба въ птицу, медвѣдь въ кита, страусъ въ орла превратиться не могутъ даже въ цѣлыя сотни тысячелѣтій; но это происходитъ не отъ какихъ-нибудь непреодолимыхъ препятствій въ организаціи рыбы, медвѣдя или страуса, а преимущественно, или даже исключительно, отъ того, что и рыба, и медвѣдь, и страусъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своего превращенія встрѣтятъ непреодолимое препятствіе со стороны отлично приспособленныхъ конкурентовъ, то-есть со стороны настоящихъ птицъ, настоящихъ китовъ и настоящихъ орловъ. Поэтому прогрессъ медвѣдей, рыбъ и страусовъ будетъ вѣроятно состоять только въ томъ, что они постоянно будутъ становиться все болѣе и болѣе медвѣдями, рыбами и страусами, то-есть, подчиняясь естественному выбору, будутъ постоянно развивать въ своей породѣ тѣ спеціальныя орудія и способности, которыя до сихъ поръ доставляли имъ побѣду надъ конкурентами и врагами въ борьбѣ

за существованіе. Но никто не можетъ сказать заранѣе, что это прогрессивное развитіе будетъ постоянно упрочивать существованіе этихъ породъ и постоянно одерживать побѣду надъ всѣми враждебными обстоятельствами способными повредить этимъ породамъ или даже совершенно стереть ихъ съ лица земли. Никто не можетъ поручиться и за то, что отъ чистаго типа медвѣдей, щукъ или страусовъ не отдѣлится подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какой-нибудь боковой отростокъ, который проложитъ себѣ совершенно своеобразный путь для своего дальнѣйшаго развитія. Наконецъ и то можетъ случиться, что какія-нибудь внѣшнія условія заставятъ медвѣдя, страуса или рыбу отказаться отъ употребленія того или другого органа и такимъ образомъ попятятъ ихъ назадъ, вмѣсто того чтобы подвигать ихъ впередъ. Регрессивное развитіе такъ же возможно въ природѣ, какъ и прогрессивное, лишь-бы только оно въ данномъ случаѣ было выгодно для данной породы, то есть лишь бы только было возможно вмѣшательство естественнаго выбора: безкрылые жуки, слѣпые обитатели пещеръ и самъ страусъ, лишенный способности летать, являются живыми продуктами такого регрессивнаго развитія.

Въ природѣ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ идеальному совершенству, и направленіе развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется только вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Одни органы доводятся до изумительнаго совершенства, напримѣръ глазъ у всѣхъ высшихъ животныхъ другіе органы атрофируются до совершеннаго безсилія, напримѣръ крылья у многихъ птицъ; однѣ породы торжествуютъ и улучшаются, другія отступаютъ назадъ, третьи совсѣмъ вымираютъ; на каждомъ шагу сложныя отношенія между организмами запутываются въ самые неразрѣшимые гордіевы узлы, и на каждомъ шагу эти узлы развязываются или разрубаются, смотря по обстоятельствамъ. И привычки, и органы, и типы, все подвержено измѣненію, все можетъ быть перестроено или разрѣшено. И эта вѣчная, тихая и безпристрастная ломка составляетъ собою всю исторію органической жизни. Намъ очень трудно понять, до какой степени значительны и сложны могутъ быть результаты этой незамѣтной ломки; нашъ умъ отказывается вѣрить тому, чтобы напримѣръ глазъ хищной птицы или мозгъ европейца могъ выработаться путемъ медленныхъ измѣненій изъ какого нибудь безформеннаго накопленія органическихъ клѣточекъ. Но недовѣрчивость нашего ума ровно ничего не значитъ. Умъ нашихъ прапрадѣдовъ также отказывался вѣрить тому, что солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля вокругъ него бѣгаетъ. Наши умственныя привычки такъ же подвижны и измѣнчивы, какъ и всякія другія привычки живыхъ организмовъ. Вотъ что говоритъ Дарвинъ о происхожденіи глаза: «Предположеніе, чтобы глазъ, со всѣми его неподражаемыми аппаратами для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической аберраціи, могъ сложиться въ силу естественнаго выбора — такое предположеніе, сознаюсь, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпымъ. Но если можно доказать, что существуютъ многочисленныя постепенности между совершеннымъ, сложнымъ глазомъ и глазомъ несовершеннымъ и простымъ, причемъ каждая степень совершенства полезна организму, ею одаренному; если далѣе глазъ хоть сколько-нибудь подверженъ видоизмѣненіямъ, и эти видоизмѣненія наслѣдственны, въ чемъ нельзя сомнѣваться; и если какое-либо видоизмѣненіе этого органа можетъ сдѣлаться полезнымъ организму при измѣняющихся жизненныхъ условіяхъ, — то, по законамъ логики, возможность образованія совершеннаго, сложнаго глаза путемъ естественнаго выбора, какъ ни безсильно сладить съ нею наше воображеніе, не можетъ быть отвергнута.» И дѣйствительно оказывается, что въ живой природѣ существуетъ безконечное разнообразіе зрительныхъ аппаратовъ; въ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ замѣтно очень немного степеней; но зато у безпозвоночныхъ, въ отрядѣ членистыхъ животныхъ, то есть у насѣкомыхъ, червей, пауковъ и раковъ, зрительный аппаратъ проходитъ по всѣмъ фазамъ своего развитія. Лѣстница эта начинается съ зачаточныхъ глазъ, которые способны только различать свѣтъ отъ темноты; отсюда отправляются въ одну сторону простые глаза, состоящіе изъ хрусталика и роговой оболочки; а въ другую сторону идутъ сложные или граненые глаза. Эти сложные глаза такъ разнообразны, что натуралистъ Мюллеръ нашелъ необходимымъ распредѣлить ихъ на три главные класса и на семь подраздѣленій. Наконецъ эти двѣ системы, то есть сложные и простые глаза, соединяются между собою и образуютъ еще новыя формы. Кажется, трудно даже требовать, чтобы было соблюдено еще больше постепенности въ развитіи, и чтобы каждая ступенька этого развитія была отмѣчена еще нагляднѣе. То же самое можно сказать и о мозгѣ. У птицъ онъ еще совершенно гладокъ; у млекопитающихъ начинаются извилины и углубленія; у обезьянъ они особенно сильно развиты; у шимпанзе, у орангъ-утанга, у гориллы они болѣе значительны и разнообразны, чѣмъ у низшихъ обезьянъ; у негровъ болѣе, чѣмъ у высшихъ обезьянъ; у европейцевъ еще болѣе, чѣмъ у негровъ. Постепенность соблюдена вполнѣ. Кромѣ того, если мы посмотримъ на исторію человѣчества, то мы и въ ней увидимъ сквозь безконечную сѣть перепутанныхъ событій очень медленное совершенствованіе человѣческаго мозга, какъ того спеціальнаго орудія, которое доставляетъ человѣку

побѣду въ общей борьбѣ за существованіе. Налагая свою печать на человѣческую дѣятельность каждаго отдѣльнаго поколѣнія и каждаго историческаго періода, это совершенствованіе измѣняетъ также форму самаго органа и величину его вмѣстилища; тщательныя измѣренія многихъ череповъ доказали, что въ общемъ результатѣ объемъ этого костяного ящика замѣтно увеличился у обитателей Парижа съ XII столѣтія по XIX. Если мы припомнимъ, что XII столѣтіе было цвѣтущей эпохой феодализма, крестовыхъ походовъ, папскихъ экскоммуникацій и разныхъ другихъ неподражаемыхъ проявленій человѣческаго остроумія, то мы конечно согласимся, что результатъ этихъ тщательныхъ измѣреній не долженъ казаться намъ особенно неожиданнымъ. Если же масса и достоинство человѣческаго мозга совершенствуются до настоящаго времени, то мы имѣемъ полное право заключать по аналогіи, что этотъ процессъ совершенствованія производился также въ до-историческомъ и домиѳическомъ прошедшемъ.

V.

На языкѣ всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ такія слова, которыя каждый здравомыслящій человѣкъ долженъ употреблять всегда съ крайней осмотрительностью. А еще гораздо лучше было-бы совсѣмъ не употреблять ихъ; но къ сожалѣнію это почти невозможно. *Умъ, чувство, инстинктъ, талантъ, геній, темпераментъ, характеръ* и разныя другія выраженія, относящіяся къ психической жизни животныхъ организмовъ,—все это очень опасныя и неудобныя слова. Они заслоняютъ собою живые факты, и никто не знаетъ навѣрное, что̀ именно подъ ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произноситъ эти слова и приэтомъ всегда старается этими непонятными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопросъ объ умственныхъ способностяхъ всѣхъ животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, совершенно затемненъ разными непонятными словами, которыя приносятъ особенно много вреда, потому что всѣ къ нимъ прислушались и привыкли, и всѣ воображаютъ, будто въ этихъ знакомыхъ словахъ заключается очень опредѣленный смыслъ. Вамъ ежеминутно случается слышать что собака любитъ хозяина по инстинкту, кошка преслѣдуетъ мышей по инстинкту, ласточка вьетъ гнѣздо по инстинкту, пчела устраиваетъ восковую ячейку по инстинкту. Куда какъ это хорошо и удобно! Все по инстинкту! А что такое инстинктъ — это всякій понимаетъ; это вотъ—когда собака любитъ хозяина, кошка преслѣдуетъ мышей, ласточка и т. д.; вотъ это и есть инстинктъ. Поняли вы теперь, почему собака любитъ хозяина, почему кошка и т. д.? Ну, какъ-же не понять? Вы знаете Петра?—Нѣтъ, не знаю.—Да это тотъ, что̀ женатъ на Авдотьѣ.—Да я и Авдотью не знаю.—Ахъ, Боже мой, да это та, что замужемъ за Петромъ.—А! Ну, теперь знаю и Петра, и Авдотью. Давно-бы вы мнѣ такъ объяснили. Благодарю васъ покорно за то, что научили меня уму-разуму! Мы почти всегда разсуждаемъ такимъ манеромъ, т. е. неизвѣстнаго Петра объясняемъ неизвѣстной Авдотьей, а потомъ, когда прислушаемся во время объяснительнаго разговора къ обоимъ неизвѣстнымъ именамъ, то начинаемъ считать ихъ извѣстными, и вопросъ оказывается рѣшеннымъ. Насколько подобное рѣшеніе вопросовъ можетъ быть полезно для нашего умственнаго развитія, — объ этомъ пусть разсуждаетъ мой просвѣщенный читатель, какъ ему самому будетъ угодно. Я-же съ своей стороны перейду къ изображенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ той дѣятельности животныхъ, которую мы такъ превосходно объяснили словомъ *инстинктъ*.

Извѣстно, что наша европейская кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ; эта другая птица очень добросовѣстно высиживаетъ подкидышей наравнѣ со своими собственными дѣтьми, а высиженный подкидышъ при первой возможности выживаетъ, т. е. просто выбрасываетъ изъ гнѣзда своихъ благопріобрѣтенныхъ братцевъ и сестрицъ. Подобная исторія повторяется каждый годъ, и порода кукушекъ постоянно процвѣтаетъ, благодаря своей догадливости и безцеремонности. Если мы предположимъ, что этотъ инстинктъ кукушки возникъ въ ея породѣ мгновенно, то одно это предположеніе повалитъ всю теорію медленнаго развитія, потому что одинъ скачекъ, какъ-бы ни былъ онъ самъ по себѣ незначителенъ, будетъ доказывать возможность скачковъ, а эта возможность находится въ радикальной и непримиримой враждѣ со всякимъ простымъ и естественнымъ объясненіемъ существующихъ явленій. Поэтому необходимо отыскать въ живой природѣ причины этого инстинкта и тотъ путь постепенныхъ измѣненій, по которому онъ долженъ былъ пройти къ своему теперешнему положенію. Причины дѣйствительно найдены, и путь развитія можетъ быть указанъ съ приблизительной вѣрностью. Кукушка несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня; если-бы она сама высиживала ихъ въ собственномъ гнѣздѣ, то старшія яйца уже превратились-бы въ птенцовъ въ то время, какъ младшія находились-бы еще въ своемъ первобытномъ состояніи. Это было-бы очень неудобно во многихъ отношеніяхъ. Живые птенцы своими движеніями могли-бы помѣшать развитію младшихъ братьевъ, пожалуй, даже могли-бы продавить скорлупки ихъ яицъ; для птенцовъ требуется пища, а между тѣмъ мать не можетъ отлетѣть отъ яицъ, которыя постоянно нуждаются въ ея теплотѣ; такимъ образомъ всѣ заботы о прокормленіи старшихъ дѣтей должны упасть

на отца, а, кажется, самцы во всемъ мірѣ животныхъ управляются съ такими дѣлами не такъ удачно, какъ самки. Но эти неудобства не составляютъ еще непреодолимаго препятствія, и американская кукушка, которая также кладетъ яйца не ежедневно, свиваетъ свое собственное гнѣздо и сама заботится о своемъ потомствѣ, несмотря на эти неудобства. Гораздо важнѣе то, что европейской кукушкѣ приходится очень рано отлетать въ теплый климатъ; это неудобство уже не можетъ быть устранено, и вслѣдствіе этого обстоятельства кукушка, свившая свое собственное гнѣздо, была-бы принуждена оставить большую часть своихъ дѣтей въ самомъ безпомощномъ состояніи. Стало-быть, подкидываніе яицъ въ чужія гнѣзда дѣлается вовсе не по беззаботности, а напротивъ—именно по любви къ дѣтямъ и вслѣдствіе желанія устроить ихъ судьбу какъ можно благополучнѣе. Положимъ теперь, что древняя прародительница нынѣшней европейской кукушки устраивала свои дѣла такъ, какъ устраиваетъ ихъ теперешняя американская кукушка; высидѣвъ своихъ дѣтей, она собирается летѣть въ теплый климатъ; въ это время она чувствуетъ потребность снести яйцо, и въ это-же время она видитъ чужое гнѣздо. О высиживаніи этого запоздалаго яйца ей нельзя и подумать; она находится на отлетѣ, ей уже становится холодно, или,—что все равно,—та пища, которая для нея необходима, дѣлается уже очень рѣдкой въ это время года; стало-быть, ей предстоитъ альтернатива: или уронить яйцо на полъ, или положить его въ то гнѣздо, которое она видитъ. Въ этомъ случаѣ та естественная, или инстинктивная, или какая вамъ угодно заботливость, которую всѣ матери обнаруживаютъ къ своему потомству, должна склонить запоздавшую кукушку къ тому, чтобы бережно положить свое послѣднее яйцо въ чужое гнѣздо, вмѣсто того, чтобы совершенно небрежно бросить его на землю. Очень правдоподобно, что это подкинутое яйцо будетъ счастливѣе и разовьется лучше своихъ братьевъ, высиженныхъ самой матерью, которая принуждена была во время высиживанія возиться постоянно съ голодными птенцами разныхъ возрастовъ. Если подкидыши будутъ постоянно превосходить другихъ птенцовъ кукушки здоровьемъ и крѣпостью, то они постоянно будутъ ихъ переживать и расплодятся сильнѣе ихъ. Вѣроятно эти подкидыши или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ получатъ по наслѣдству отъ своей матери ту догадливость, которая побудила ее воспользоваться чужимъ гнѣздомъ. Та кукушка, въ которой эта догадливость будетъ особенно развита, сообразитъ, что, если можно положить въ чужое гнѣздо одно яйцо, то отчего-же не распорядиться такимъ-же образомъ и со всѣми остальными; сообразитъ она это тѣмъ скорѣе, чѣмъ неудобнѣе ей будетъ нянчиться съ птенцами разныхъ возрастовъ и съ недосиженными яйцами; а такъ какъ неудобство это довольно значительно, то и соображеніе по всей вѣроятности явится на выручку довольно быстро. Соображающая кукушка будетъ имѣть преимущество передъ несоображающей, потому что потомство первой, благодаря добросовѣстнымъ стараніямъ разныхъ обманутыхъ матерей изъ другихъ птичьихъ породъ, будетъ развиваться и выкармливаться лучше, чѣмъ потомство второй кукушки, болѣе усердной, но менѣе остроумной. Но мы уже давно знаемъ, что преимущество, какъ-бы оно ни было незамѣтно, всегда доставляетъ со временемъ своему обладателю полную побѣду въ истребительной борьбѣ за существованіе. Поэтому мы можемъ сказать навѣрное, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ типъ добродѣтельной кукушки будетъ совершенно вытѣсненъ типомъ кукушки практической. Можетъ-быть инстинктъ подкидыванія найдетъ себѣ поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что подкидывающая мать сама выросла въ чужомъ гнѣздѣ и поэтому считаетъ именно эти гнѣзда естественнымъ пріютомъ молодой кукушки. Можетъ-быть тутъ дѣйствуютъ воспоминанія дѣтства. У Дарвина есть одно мѣсто, которое повидимому намекаетъ на возможность такихъ воспоминаній. «Аналогія,—говоритъ онъ,—побуждаетъ насъ заключить, что птенцы, *высиженные и вскормленные такимъ образомъ чужими родителями*, наслѣдуютъ въ большей или меньшей степени ту ненормальность инстинкта, вслѣдствіе которой ихъ мать отказала имъ въ своихъ попеченіяхъ». Я подчеркнулъ тѣ слова, въ которыхъ вижу возможность намека, но такъ какъ этотъ намекъ выраженъ очень легко и не совсѣмъ ясно, то я и не рѣшаюсь настаивать на своемъ предположеніи о возможности кукушкиныхъ воспоминаній.

Не думаю однако, чтобы мы имѣли основаніе совершенно отвергать существованіе этихъ и многихъ другихъ проявленій умственной жизни въ мірѣ животныхъ. Когда мы видимъ со стороны какого-нибудь животнаго рядъ поступковъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли и вполнѣ достигающихъ этой цѣли, то мы обыкновенно, по нашей всеобъемлющей мудрости, утверждаемъ сплеча, что животное не знаетъ, къ чему именно клонятся его поступки, что оно дѣйствуетъ совершенно безсознательно подобно тому, какъ шарманка выпускаетъ изъ себя одну ноту за другою, не имѣя ни малѣйшей возможности слѣдить за развитіемъ мелодіи. Можетъ-быть это сравненіе животнаго съ шарманкой въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно вѣрно; можетъ-быть даже это сравненіе прилагается также удачно къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ человѣка. Напримѣръ половое влеченіе клонится къ размноженію породы; а между тѣмъ влюбленный юноша всего менѣе думаетъ о предстоящихъ обязанностяхъ отца; каждый его поступокъ, каждое сло-

во, каждое помышленіе ежеминутно стремятся къ этой неизбѣжной развязкѣ, а въ то-же время самая развязка быть-можетъ даже пугаетъ его, какъ значительное приращеніе заботъ и непосильныхъ расходовъ. Здѣсь человѣкъ очевидно изображаетъ собою шарманку. Но когда молодая женщина, чувствуя приближеніе срока своей беременности, старается приготовить для будущаго ребенка пеленки и рубашечки, тогда никто не скажетъ, что она поступаетъ безсознательно, по неизвѣстному ей импульсу. Можетъ-быть жизнь кукушки представляетъ намъ такія-же явленія, отчасти шарманочныя, отчасти нешарманочныя. Но какое явленіе отнести къ одной категоріи, какое — къ другой? — это, мнѣ кажется, вопросъ чрезвычайно затруднительный и даже не всегда разрѣшимый. Когда юная и дѣвственная кукушка въ первый разъ въ жизни отдаетъ любимому самцу лапку и сердце, то знаетъ-ли она, что за актомъ любви послѣдуетъ кладка яицъ? Можно-ли дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ? И возможенъ-ли тутъ вообще такой отвѣтъ, который отвѣчалъ-бы разомъ на всѣ отдѣльные случаи этого вопроса? Можетъ-быть одна кукушка знаетъ, а другая не знаетъ, смотря по тому, какъ великъ или какъ малъ запасъ ея житейской опытности. Но мы видимъ, что американская кукушка, подобно всѣмъ другимъ птицамъ, свиваетъ себѣ гнѣздо тотчасъ послѣ того, какъ началась нормальная дѣятельность ея половой системы. Дѣйствуетъ-ли она въ этомъ случаѣ, какъ шарманка или нѣтъ? Что побуждаетъ ее къ этому дѣйствію? Тутъ можно выразить только два предположенія: или ей пріятно строить гнѣздо, то-есть, удовлетворивъ своему половому влеченію, она чувствуетъ потребность успокоиться, усѣсться на мѣстѣ, какъ можно комфортабельнѣе, и поэтому старается окружить себя тѣми удобствами, которыя ей можетъ доставить ея кукушечья ловкость и смѣтливость. Или-же она устраиваетъ гнѣздо съ опредѣленной цѣлью, т. е. поступаетъ такъ-же сознательно, какъ поступаетъ молодая женщина, заготовляющая колыбель и пеленки. Никакого третьяго предположенія допустить нельзя. Найдите мнѣ хоть одинъ примѣръ, чтобы какое-нибудь животное, находящееся въ совершенно здоровомъ состояніи, добровольно принимало на себя безъ всякой опредѣленной цѣли трудъ, не доставляющій ему въ данную минуту ни малѣйшаго наслажденія. Но первое предположеніе наше оказывается несостоятельнымъ. Еслибы птица чувствовала потребность устроить удобный пріютъ лично для себя, то европейская кукушка, находящаяся въ самомъ ближайшемъ родствѣ съ американской, также свивала-бы себѣ гнѣздо; мы знаемъ, напротивъ того, что она этого не дѣлаетъ, и что она устраиваетъ свои дѣла такъ, какъ это удобно для ея будущихъ дѣтей. Это значитъ, что шарманка, смотря по обстоятельствамъ, играетъ то «la donna è mobile», то «Marlborough s'en va-t-en guerre», и сама оцѣниваетъ обстоятельства и выбираетъ именно ту пьесу, которая всего болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и мѣста. Согласитесь, что такая дипломатизирующая шарманка въ значительной степени похожа напримѣръ на опытнаго редактора, выбирающаго для своей книжки именно тѣ статьи, которыя въ данную минуту могутъ понравиться большинству читающаго общества. Согласитесь также, что, имѣя дѣло съ такой благовоспитанной шарманкой, мы не имѣемъ никакого разумнаго основанія утверждать сплеча, что въ ней не совершается никакого особеннаго процесса, или что въ ней совершается такой процессъ, который не имѣетъ ничего общаго съ размышленіемъ. Произнести слово *инстинктъ* очень не трудно, но вѣдь мы уже давно знаемъ эту исторію: Петръ женатъ на Авдотьѣ, а Авдотья замужемъ за Петромъ. Отъ этого дѣло не подвигается дальше, ни взадъ, ни впередъ.

Много другихъ вопросовъ приходится задавать себѣ по поводу кукушкиныхъ поступковъ. Если она неслась въ нынѣшнемъ году, то запомнитъ ли она до будущаго года тотъ рядъ причинъ и слѣдствій, который составляетъ собою актъ дѣторожденія во всей его сложности и во всѣхъ различныхъ фазахъ его развитія? Этотъ вопросъ сводится на другой вопросъ, болѣе общій: способна-ли вообще кукушка или какая-нибудь другая близкая къ ней птица накоплять въ своемъ умѣ прямыя указанія своего личнаго опыта? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ: «способна», то мы этимъ отвѣтомъ окончательно допустимъ возможность птичьяго прогресса въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Мы допустимъ не только прогрессъ породы, совершающійся втеченіи тысячелѣтій посредствомъ естественнаго выбора, но и прогрессъ отдѣльнаго субъекта, совершающійся втеченіи дней и мѣсяцевъ посредствомъ разнообразныхъ впечатлѣній, словомъ, — тотъ прогрессъ, который называется воспитаніемъ и который достается на долю каждому изъ насъ въ родительскомъ домѣ, въ школѣ и въ жизни. Если-же мы отвѣтимъ: «неспособна», то я рѣшительно не знаю, какимъ образомъ мы объяснимъ напримѣръ слѣдующій общій фактъ, извѣстный каждому ружейному охотнику безъ исключенія. Когда вы приходите съ ружьемъ въ такую мѣстность, въ которой не было сдѣлано ни одного выстрѣла втеченіи многихъ лѣтъ, то вы можете смѣло идти прямо къ птицѣ, останавливаться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и совершенно открыто прицѣливаться; птица не полетитъ и даже будетъ смотрѣть на васъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Когда-же вы, пользуясь этой первобытной невинностью птицъ, постреляете въ этой благословенной мѣстности недѣли двѣ, три, тогда птицы сдѣлаются гораздо болѣе осторожными, и вамъ при-

дется подкрадываться и употреблять различныя хитрости. Вамъ тогда всякій мужикъ скажетъ, что птица напугана, и вы вѣроятно не найдете въ этихъ простыхъ словахъ ровно ничего удивительнаго, а между тѣмъ что̀ значитъ «напугана»? Значитъ—составила себѣ понятіе объ опасности, которая прежде была ей неизвѣстна; значитъ — присоединила новый опытъ къ своему прежнему запасу житейскихъ опытовъ. Если это не прогрессъ, то я послѣ этого рѣшительно не знаю, что̀ такое прогрессъ. Но если кукушка можетъ пріобрѣтать себѣ опытность посредствомъ личныхъ впечатлѣній, то не можетъ-ли она также кое-чему научиться, глядя на старшихъ кукушекъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно мы не можемъ. Если-же такая передача опыта изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣйствительно существуетъ, то намъ необходимо будетъ въ каждомъ поступкѣ кукушки отдѣлять элементъ врожденности отъ элемента воспитанія.

То-же самое можно сказать о каждомъ поступкѣ каждаго другого животнаго. Пока намъ не удастся ясно разграничить эти два элемента, до тѣхъ поръ всѣ наши понятія объ умственныхъ отправленіяхъ животныхъ будутъ въ высшей степени сбивчивы и неудовлетворительны. Въ самомъ рельефномъ фактѣ, который извѣстенъ намъ изъ обычаевъ кукушки, въ инстинктѣ подкидыванія, намъ, или по крайней мѣрѣ мнѣ, представляется очень много неясныхъ сторонъ, требующихъ значительнаго количества изслѣдованій и наблюденій. Напримѣръ, кладетъ-ли кукушка свои яйца въ первое попавшееся гнѣздо, или она обнаруживаетъ предпочтеніе къ гнѣздамъ извѣстныхъ породъ? Если это предпочтеніе существуетъ, то какимъ именно образомъ оно выражается? Выбираетъ-ли кукушка то или другое гнѣздо, смотря по его формѣ? Или она кладетъ свои яйца къ такимъ птицамъ, которыхъ яйца до нѣкоторой степени похожи на кукушечьи? Вѣдь еслибы кукушка подкинула ихъ напримѣръ къ курицѣ, то врядъ-ли это было-бы особенно удобно для кукушечьяго потомства, потому что насѣдка при всемъ своемъ добродушіи никакъ не могла-бы принять кукушечье яйцо за свое собственное. Конечно къ курицѣ кукушка не можетъ подкинуть, но вѣдь есть и между лѣсными птицами такія, которыхъ яйца очень рѣзко отличаются отъ кукушечьихъ. Или наконецъ кукушка выбираетъ гнѣзда тѣхъ птицъ, которыя помельче и послабѣе и которыхъ слѣдовательно подкинутый птенецъ можетъ современемъ вышвырнуть изъ родительскаго пріюта? Все это вопросы въ высшей степени интересные, и еслибы они были удовлетворительно разрѣшены прямыми наблюденіями, то умственная жизнь кукушки разъяснилась-бы для насъ въ значительной степени.

Я не ручаюсь за то, что эти вопросы вполнѣ удачно поставлены, но, мнѣ кажется, насъ не должно смущать то обстоятельство, что они повидимому предполагаютъ въ кукушкѣ очень обширное развитіе мыслительной дѣятельности. Наслѣдственная сообразительность, личный опытъ, вліяніе старшихъ птицъ, а главное—постоянный контроль естественнаго выбора, сохраняющаго только самые полезные инстинкты, все это вмѣстѣ можетъ дать намъ самые изумительные результаты. Грей и нѣкоторые другіе наблюдатели доказали, что европейская кукушка не совсѣмъ утратила свою материнскую нѣжность и свою заботливость о птенцахъ. Въ какой спеціальной формѣ проявляются эти свойства и какимъ образомъ они уживаются съ инстинктомъ подкидыванія—если только не примемъ самаго подкидыванія за вынужденное видоизмѣненіе материнской любви,—этого Дарвинъ не сообщаетъ; а такъ какъ мои личныя зоологическія свѣдѣнія совершенно ничтожны, то и я ровно ничего не могу сообщить читателю о материнской нѣжности кукушки.

Можетъ-быть и даже вѣроятно, всѣ вопросы, на которые навели меня поступки этой птицы, давнымъ-давно поставлены и разрѣшены различными натуралистами, но наше читающее общество объ этомъ ровно ничего не знаетъ, и я также ровно ничего не знаю. Выписалъ же я всѣ эти вопросы, пришедшіе мнѣ въ голову, конечно не для того, чтобы принести пользу естествознанію; такая претензія была-бы смѣшна и глупа до последней степени; а для того, чтобы показать подобнымъ мнѣ профанамъ, какая бездна непонятныхъ для насъ подробностей заключается въ каждомъ мельчайшемъ фактѣ, совершающемся ежеминутно передъ нашими глазами, въ каждомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, которые мы по своей крайней неразвитости считаемъ совершенно простыми и незаслуживающими нашего просвѣщеннаго вниманія.

VI.

Самка американскаго страуса (Rhea americana), подобно кукушкѣ, несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня. Вслѣдствіе этого, нѣсколько самокъ составляютъ между собою ассоціацію и общими силами устраиваютъ на землѣ нѣсколько гнѣздъ; затѣмъ каждая изъ участвующихъ самокъ кладетъ въ первое гнѣздо по нѣскольку яицъ, и когда гнѣздо такимъ образомъ наполнится, то высиживаніе поручается одному изъ самцовъ. Черезъ два или черезъ три дня такимъ-же образомъ наполняется второе гнѣздо, затѣмъ третье, и такъ далѣе, до самаго конца носки. Повидимому этотъ инстинктъ въ настоящее время еще не успѣлъ окончательно сформироваться и установиться; многіе страусы роняютъ свои яйца, гдѣ случится, такъ что Дарвинъ, находясь на охотѣ, въ одинъ день видѣлъ на равнинѣ штукъ двадцать брошенныхъ и испорченныхъ яицъ этой породы. Инстинктъ ассоціаціи вырабатывается именно посредствомъ истре-

оленія этихъ яицъ. Та самка, которая постоянно будетъ усыпать своими яйцами равнины Южной Америки, разумѣется, не оставитъ послѣ себя ни одного потомка и слѣдовательно никому не передастъ по наслѣдству свои безпорядочныя привычки. Напротивъ того, тѣ самки, которыя всего болѣе расположены къ составленію полезныхъ ассоціацій, выкормятъ себѣ самое многочисленное потомство, и въ этомъ новомъ поколѣніи повторится та-же самая исторія. Такимъ образомъ число безпечныхъ самокъ будетъ постоянно уменьшаться, а число самокъ, одаренныхъ общественными инстинктами, будетъ также постоянно возрастать до тѣхъ поръ, пока стремленіе къ ассоціаціи не сдѣлается непремѣннымъ свойствомъ каждаго отдѣльнаго страуса подобно тому, какъ оно сдѣлалось свойствомъ пчелы и муравья.

Нѣкоторыя насѣкомыя поступаютъ совершенно такъ, какъ европейскія кукушки. Въ семействѣ пчелъ есть много паразитовъ, которые всегда кладутъ свои яички въ гнѣзда другихъ пчелиныхъ породъ, и это извращеніе инстинктовъ связано у нихъ съ измѣненіемъ въ организаціи. У этихъ чужеядныхъ пчелъ нѣтъ на ногахъ того снаряда, посредствомъ котораго самостоятельныя пчелы собираютъ цвѣточную пыль, необходимую для пропитанія вылупившихся личинокъ. Многія породы осъ также воспитываютъ свое потомство на чужой счетъ. Въ этомъ отношеніи оса Tachytes nigra особенно замѣчательна потому, что у нея инстинктъ паразитизма въ настоящее время только-что развивается и до сихъ поръ находится еще въ неустановившемся состояніи. Обыкновенно она сама трудится для своего потомства, но при удобномъ случаѣ она воруетъ. Это насѣкомое принадлежитъ къ многочисленной группѣ тѣхъ осъ, которыя ведутъ одинокую жизнь и устраиваютъ въ землѣ гнѣздо для своихъ личинокъ; когда гнѣздо готово, тогда оса наполняетъ его съѣстными припасами; для этого она отправляется на охоту за разными насѣкомыми, которыхъ она побѣждаетъ большей частью посредствомъ нечаяннаго нападенія. Оса внезапно кидается на свою добычу и, пользуясь первой минутой ея испуга, схватываетъ ее своими острыми челюстями за голову; потомъ направляетъ заднюю часть своего тѣла подъ ея животъ и наноситъ ей рану своимъ жаломъ, находящимся въ связи съ ядовитой желѣзкой. Ядъ осы дѣйствуетъ на раненное насѣкомое мгновенно, но не убиваетъ его, а только погружаетъ въ совершенное оцѣпенѣніе, такъ что оно теряетъ способность стоять, ходить или вообще дѣлать какое-бы-то ни было произвольное движеніе. Оса переноситъ побѣжденное насѣкомое въ свое гнѣздо и продолжаетъ совершать такіе-же подвиги до тѣхъ поръ, пока не наберется достаточный запасъ парализованной добычи. Тогда она кладетъ свои яички и затѣмъ перестаетъ заботиться объ ихъ дальнѣйшей участи. Изъ яичекъ выходятъ личинки — маленькіе, безногіе червячки, которые тотчасъ принимаются за истребленіе съѣстныхъ припасовъ: съѣстные припасы эти свѣжи и мягки, потому что пораженныя насѣкомыя живы и могутъ прожить въ гнѣздѣ осы нѣсколько недѣль или даже нѣсколько мѣсяцевъ. Они вѣроятно чувствуютъ, какъ личинка въѣдается въ ихъ тѣло, но не могутъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія своему слабому и ничтожному врагу. Въ гнѣздо осы попадаютъ такимъ образомъ для продовольствія ея потомства личинки или гусеницы разныхъ бабочекъ, мухи, мелкіе кузнечики, а иногда даже пчелы, пауки и тараканы, которыхъ оса побѣждаетъ послѣ упорной и опасной борьбы. Оса Tachytes nigra обыкновенно поступаетъ точно такъ же, но если ей случается найти гнѣздо, вырытое и уже наполненное трудами другой осы, то она кладетъ свои яички, и ея личинки поѣдаютъ то, что было назначено для потомства законной хозяйки. Tachytes nigra находится стало-быть въ переходномъ состояніи и балансируетъ въ настоящее время между двумя различными складами привычекъ. Во многихъ другихъ семействахъ осъ чужеядные инстинкты окончательно установились и проявляются въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Однѣ, напримѣръ хризиды или золотыя осы, тайкомъ кладутъ свои яички въ гнѣзда пчелъ или другихъ осъ. Другія, напримѣръ ихневмониды, прокалываютъ кожу живыхъ гусеницъ или даже взрослыхъ насѣкомыхъ и кладутъ яички прямо въ ихъ тѣло, такъ что личинки этихъ осъ ѣдятъ живое существо, которое вмѣстѣ съ ними ходитъ, бѣгаетъ и летаетъ, до тѣхъ поръ, пока непрошенные гости не заберутся слишкомъ глубоко и не положатъ конецъ всякому бѣганію и летанію. Наконецъ третьи, напримѣръ Hemiteles и Chrysolampus, очень маленькія насѣкомыя, распоряжаются еще хитрѣе: они кладутъ свои яйца въ такую чужеядную личинку, которая сама сидитъ подъ кожей живого насѣкомаго. Такимъ образомъ личинка осы Bracen наѣдается жиромъ гусеницы, а въ это самое время ея собственный жиръ истребляется личинкой Hemiteles; точно такъ-же личинка Aphidius ѣстъ живую тлю и сама съѣдается заживо личинкою Chrysolampus. При этомъ надо замѣтить, что Hemiteles и Chrysolampus никогда не воспитываются иначе, а такъ какъ эти насѣкомыя очень многочисленны, то само собою разумѣется, что въ природѣ должны встрѣчаться на каждомъ шагу трехъэтажныя строенія самой оригинальной архитектуры. Первый этажъ — гусеница или тля второй—личинка Bracon или Aphidius, и третій—личинка Hemiteles или Chrysolampus.

Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» сообщаетъ читателямъ, что онъ однажды написалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезная природа!» и заплакалъ отъ сладостнаго волненія.

Еслибы Карамзину случалось иногда созерцать въ природѣ трехъ-этажныя зданія вышеописанной конструкціи, то по всей вѣроятности волненіе его было-бы менѣе сладостно, и можетъ-быть ему удалось-бы понять, что любезность природы совсѣмъ не такъ велика, какъ это можетъ показаться русскому путешественнику, одаренному чувствительнымъ сердцемъ и не обременившему свой умъ полезными знаніями. Впрочемъ человѣческое остроуміе такъ неистощимо, знакомство человѣка съ природой такъ неудовлетворительно, и замѣчательные умы, способные обнять и осмыслить всю совокупность собранныхъ наблюденій, такъ рѣдки, что, кажется, нельзя выдумать той идиллической нелѣпости, которая не нашла-бы себѣ глубокомысленныхъ защитниковъ даже между современными европейскими натуралистами. Дарвину приходится иногда сталкиваться съ такими соображеніями, которыя смѣло могутъ стать рядомъ съ «любезной природой» Карамзина.

«Предыдущія замѣчанія, — говоритъ онъ,— даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о протестѣ, поднятомъ въ послѣднее время нѣкоторыми натуралистами противъ утилитарнаго ученія, по которому каждая подробность строенія сложилась для блага одареннаго ею организма. Эти натуралисты полагаютъ, что многія черты строенія созданы лишь для того, чтобы прельщать глазъ человѣка, или просто для разнообразія.»

Совершенно справедливо разсуждаютъ эти остроумные натуралисты. Bracon вноситъ драматическое *«разнообразіе»* въ безцвѣтную жизнь гусеницы, а Hemiteles *«прельщаетъ глазъ человѣка»* поучительнымъ зрѣлищемъ правосуднаго наказанія. А теперь мы снова обратимся къ менѣе философическимъ соображеніямъ. Хризиды и другія осы, воспитывающія свое потомство въ чужихъ гнѣздахъ, обыкновенно дѣйствуютъ очень осторожно, подкрадываются къ гнѣзду во время отсутствія хозяйки и стараются положить свои яички такъ, чтобы хозяйка не замѣтила ихъ послѣ своего возвращенія. Но та пчела или оса, которой принадлежитъ гнѣздо, также держитъ ухо востро, твердо помнитъ наружность и обычаи чужеядныхъ породъ и при всякомъ удобномъ случаѣ расправляется съ ними очень круто. Вслѣдствіе этого происходятъ часто самыя драматическія столкновенія между двумя чадолюбивыми матерями, изъ которыхъ одна трудится для своихъ дѣтей, а другая—также для своихъ дѣтей рѣшается на воровство, сопряженное съ опасностью жизни.

«Золотая оса Hedychrum regium,—говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ «Зоологическихъ письмахъ»,—кладетъ свои яйца въ гнѣзда обыкновенной стѣнной пчелы (Osmia muraria). Эти гнѣзда устраиваются на старыхъ стѣнахъ, часто на значительной высотѣ, и строительница наполняетъ ихъ запасомъ меда и цвѣточной пыли. Эта пища, собранная пчелой для ея собственной личинки, съѣдается заблаговременно чужеядными личинками золотой осы, если только послѣдней удается подкинуть свои яички въ гнѣздо. Одна золотая оса высмотрѣла гнѣздо такой стѣнной пчелы и, оборотившись задомъ къ этому гнѣзду, только что хотѣла просунуть заднюю часть своего тѣла въ отверстіе ячейки, чтобы положить въ нее свое яичко, какъ вдругъ стѣнная пчела прилетѣла домой съ грузомъ цвѣточной пыли, бросилась на своего врага съ особеннымъ жужжаніемъ и схватила осу своими острыми челюстями. Золотая оса, по обыкновенію своей породы, въ ту-же минуту свернулась въ клубокъ. Пчела напрасно пыталась нанести ей рану сквозь твердый панцырь, и когда ея усилія въ этомъ отношеніи остались безплодными, тогда она наконецъ откусила у нея всѣ четыре крыла у самаго корня и потомъ бросила ее на землю; послѣ этого пчела съ замѣтнымъ безпокойствомъ обыскала свое гнѣздо и, убѣдившись, что яичка нѣтъ, улетѣла опять на промыселъ. Стѣнная пчела полагала безъ сомнѣнія, что, откусивъ у золотой осы крылья, она отняла у нея возможность снова добраться до гнѣзда. Но разсчетъ этотъ былъ невѣренъ. Какъ только стѣнная пчела оставила свое гнѣздо, золотая оса, лежавшая на землѣ, развернулась, прямо по стѣнѣ поползла къ гнѣзду и положила въ него свое яичко.» («Зоологическія письма» Карла Фохта).

Осторожность, хитрость, неустрашимая твердость характера, умѣніе свертываться въ клубокъ и чужеядный инстинктъ—все это идетъ одно къ одному и все это должно было развиваться въ одно время. Всѣ эти особенности ума и тѣлосложенія порождены гнетущей необходимостью, усовершенствованы постояннымъ упражненіемъ и упрочены безпрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Каждое отдѣльное существо такой чужеядной породы живетъ на свѣтѣ только вслѣдствіе удачнаго обмана, совершеннаго его матерью надъ какимъ-нибудь другимъ насѣкомымъ. Понятно, стало быть, что только самыя хитрыя осы успѣваютъ пристроить своихъ личинокъ, и что искусство обманывать должно постоянно совершенствоваться, потому что бдительность обираемыхъ породъ также развивается посредствомъ естественнаго выбора. Золотая оса постоянно совершенствуетъ стѣнную пчелу, подобно тому, какъ Карлъ XII усовершенствовалъ стратегическія способности Петра Великаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, прогрессъ составляетъ прямое слѣдствіе борьбы и соперничества.

VII.

Инстинкты кукушки, американскаго страуса и чужеядныхъ насѣкомыхъ могутъ быть названы очень простыми, если мы сравнимъ ихъ съ тѣми сложными проявленіями умственной дѣя-

-тельности, которыя представляются намъ въ общественной жизни пчелъ и муравьевъ. Но мы уже видѣли, что происхожденіе самыхъ сложныхъ и совершенныхъ органовъ объясняется теоріей естественнаго выбора также удовлетворительно, какъ и происхожденіе самыхъ простыхъ особенностей тѣлосложенія. Глазъ животнаго гораздо сложнѣе, чѣмъ нога или хвостъ, а между тѣмъ и глазъ, и нога, и хвостъ, и всѣ другіе органы совершенствовались постепенно, и притомъ такъ, что каждое улучшеніе или усложненіе органа было полезно тому существу или, вѣрнѣе, той породѣ, у которой это усложненіе или улучшеніе проявлялось и упрочивалось. Вся разница между исторіей глаза и исторіей какого-нибудь другого, болѣе простого органа заключается только въ томъ, что глазъ испыталъ большее количество видоизмѣненій, и что слѣдовательно на его формированіе потратилось больше времени, то есть болѣе значительное число животныхъ поколѣній.

То-же самое можно сказать и объ инстинктахъ: чѣмъ проще инстинктъ, тѣмъ скорѣе онъ могъ выработаться; чѣмъ сложнѣе инстинктъ, тѣмъ дольше ему надо было вырабатываться. Но какъ-бы ни былъ усложненъ какой-нибудь инстинктъ, никогда его сложность не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу необъяснимыхъ скачковъ и противъ теоріи медленныхъ видоизмѣненій. Отказаться отъ этой теоріи при встрѣчѣ съ очень сложнымъ явленіемъ органической жизни — значитъ вообще отказаться отъ всякой попытки объяснить и понять происхожденіе этого явленія, или, другими словами, значитъ отрѣзать въ данномъ направленіи всякій дальнѣйшій путь научнаго изслѣдованія. Когда вамъ говорятъ, что первый муравей произошелъ на свѣтъ со всѣми своими лапками, челюстями, усиками и инстинктами, словомъ, совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его потомки являются передъ вами въ настоящую минуту, тогда, разумѣется, у васъ заранѣе отнимаютъ навсегда всякую надежду узнать что-бы ни было о томъ, какимъ образомъ муравей возникалъ и развивался. Теорія Дарвина не посягаетъ такимъ образомъ на будущіе успѣхи науки; она открываетъ передъ мыслителемъ тотъ единственный путь, который можетъ современемъ ввести человѣческій умъ въ самыя таинственныя и недоступныя лабораторіи природы; но еслибы мы стали требовать отъ этой теоріи, чтобы она теперь, тотчасъ-же, объяснила намъ все то, чего мы не понимаемъ, и чтобы она кромѣ того подкрѣпила всѣ свои объясненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, осязательными фактами, то такія требованія обнаружили-бы только крайнее ребячество нашей мысли, которая все ожидаетъ, что когда-нибудь жареные рябчики сами собою свалятся къ ней въ ротъ. Встрѣчаясь съ инстинктами или умственными способностями животнаго царства, теорія Дарвина болѣе чѣмъ гдѣ-либо принуждена ограничиваться совершенно общими и чисто гипотетическими объясненіями не потому, что она не въ силахъ справиться съ фактами, а напротивъ потому, что фактовъ собрано слишкомъ мало, и еще потому, что для прошедшихъ временъ не существуетъ совсѣмъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Мы можемъ дѣлать очень много предположеній на счетъ того, что сложные инстинкты развивались такъ и такъ и проходили черезъ такія-то и такія-то фазы, но показать эти фазы въ живой природѣ не всегда бываетъ возможно; а отыскать въ геологическихъ остаткахъ какіе-нибудь намеки на минувшее существованіе этихъ фазъ мы рѣшительно не въ состояніи. Объ умственныхъ способностяхъ исчезнувшихъ породъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія; мы также не можемъ знать, каковы были инстинкты теперешнихъ животныхъ за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени; и наконецъ совершенно неосновательно было-бы ожидать, что живая природа представитъ намъ въ настоящую минуту такой непрерывный рядъ родственныхъ животныхъ породъ, по которому мы могли-бы прослѣдить всѣ переходныя фазы въ развитіи всѣхъ существующихъ инстинктовъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Мы уже знаемъ давно, что усовершенствованная порода всегда вытѣсняетъ и истребляетъ неусовершенствованную, а для сохраненія породы развитые инстинкты имѣютъ такое-же важное значеніе, какъ напримѣръ крѣпкіе мускулы, острые когти или зоркіе глаза. Здѣсь, какъ и вездѣ, органическая природа идетъ впередъ и самымъ процессомъ своего движенія заметаетъ за собою свой слѣдъ. Въ дѣлѣ развитія инстинктовъ это заметаніе производится еще гораздо полнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ развитія органовъ. Въ большей части случаевъ слѣдъ заметенъ вполнѣ, и тогда, разумѣется, никакой Дарвинъ не можетъ доказать, что тутъ дѣйствительно совершалось движеніе и что оно проходило именно черезъ точки A, B, C, D и такъ далѣе. Но зато ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ также доказать, что движеніе въ этомъ мѣстѣ не существовало. На этомъ основаніи Дарвинъ, говоря о простыхъ и сложныхъ инстинктахъ, принимаетъ строго-оборонительное положеніе и не ищетъ здѣсь никакихъ новыхъ подтвержденій для своей теоріи. Онъ доказываетъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, его теорія не встрѣчаетъ себѣ непобѣдимыхъ и необъяснимыхъ препятствій.

VIII.

Если вы посмотрите на восковой сотъ обыкновенной пчелы, то правильность и изящество его архитектуры приведутъ васъ въ изумленіе, и вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, какъ превосходно это восковое строеніе приспособлено къ своей цѣли.

«По свидѣтельству математиковъ,—говоритъ

Дарвинъ,—пчелы практически разрѣшили трудную геометрическую задачу и придали своимъ ячейкамъ ту форму, при которой съ крайнимъ сбереженіемъ драгоцѣннаго воска онѣ могутъ вмѣстить наибольшее количество меда. Было высказано мнѣніе, что искусный работникъ, снабженный приличными орудіями для работы и измѣренія, лишь съ большимъ трудомъ могъ-бы построить восковыя ячейки надлежащей формы, между тѣмъ какъ это дѣлается въ совершенствѣ толпой пчелъ, трудящихся въ темномъ ульѣ.»

Теорія естественнаго выбора задаетъ себѣ въ этомъ случаѣ вопросъ: какимъ путемъ строительное искусство пчелы пришло къ своему теперешнему совершенству? Противники всякихъ раціональныхъ объясненій немедленно возражаютъ, что вопросъ этотъ самъ по себѣ неумѣстенъ, потому что никакого пути тутъ не было, и пчела, какъ есть пчела, такъ и была всегда пчелой, со всѣмъ своимъ строительнымъ искусствомъ и съ полнымъ его совершенствомъ. Переспорить этихъ господъ нельзя и разсуждать съ ними безполезно. Но мы посмотримъ теперь, какія условія необходимы для того, чтобы въ строительномъ инстинктѣ пчелы можно было допустить возможность развитія. Прежде всего надо замѣтить, что по самой сущности дѣла теорія естественнаго выбора въ настоящемъ случаѣ не можетъ представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Если мы скажемъ защитнику этой теоріи: «покажите намъ рядъ восковыхъ сотовъ, принадлежащихъ къ разнымъ геологическимъ эпохамъ и представляющихъ въ своемъ строеніи различныя степени совершенства», то подобное требованіе трудно будетъ назвать вполнѣ законнымъ и благоразумнымъ, и отъ насъ въ такомъ случаѣ можно будетъ ожидать, что мы вдругъ прикажемъ антикварію представить намъ въ подлинникѣ супъ или соусъ, приготовленный поваромъ Лукулла или пожалуй Сарданапала. Если мы пожелаемъ видѣть передъ собою сотни видовъ различныхъ живыхъ пчелъ, которыя всѣ строили-бы свои ячейки различнымъ образомъ, такъ, чтобы различная архитектура этихъ ячеекъ показала намъ, какимъ образомъ совершенствовался строительный инстинктъ пчелы, то желаніе это будетъ очень замысловато, но по всей вѣроятности неисполнимо. Люди во время оно шили себѣ платье изъ древесныхъ листьевъ, а потомъ—изъ звѣриныхъ шкуръ и пользовались жилами животныхъ вмѣсто нитокъ, а рыбьими костями—вмѣсто иголокъ, но въ настоящее время трудно найти живыхъ портныхъ такого сорта не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ. Еслибы даже и народился такой художникъ, то прожилъ-бы онъ по всей вѣроятности недолго, потому что сильная конкуренція болѣе лукавыхъ товарищей подорвала-бы его торговлю и уморила-бы его голодной смертью. Породы недоучившихся или отсталыхъ пчелъ постоянно должны были испытывать на себѣ тѣ бѣдствія, которыя постигли-бы въ наше время ископаемаго портного. Поэтому и сохраниться до нашихъ временъ имъ было несовсѣмъ удобно. Но мы знаемъ, что естественный выборъ можетъ дѣйствовать только на тѣ органы или инстинкты, которыхъ совершенствованіе полезно для данной породы. Слѣдовательно, мы можемъ спросить: въ какомъ отношеніи изящная и правильная архитектура ячеекъ приноситъ пчеламъ дѣйствительную пользу? Ну вотъ, слава Богу! договорились мы наконецъ до настоящаго дѣла. На этотъ вопросъ защитникъ теоріи обязанъ найти отвѣтъ *рано или поздно*, потому что врядъ-ли пчела стала-бы учиться и развиваться для того, чтобы вносить въ природу элементъ *разнообразія*, или для того, чтобы *прельщать глазъ человѣка* красивой формой шестигранныхъ ячеекъ. Но и здѣсь я поставилъ слово *рано или поздно* потому, что мы при теперешнемъ состояніи нашихъ фактическихъ знаній даже на дѣльные вопросы не имѣемъ права требовать отъ натуралиста немедленнаго отвѣта.

Что инстинктъ долженъ быть полезенъ — это ясно; но чѣмъ именно полезенъ — это во многихъ случаяхъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, потому что животныхъ очень много, а натуралистовъ очень мало. Впрочемъ въ вопросѣ о строительномъ инстинктѣ пчелъ намъ нѣтъ надобности откладывать рѣшеніе въ долгій ящикъ. Извѣстно, что восковой сотъ необходимъ для пчелы, какъ колыбель молодого поколѣнія и какъ кладовая для сбереженія меда. Извѣстно также, что пчелы выдѣляютъ воскъ изъ своего организма очень медленно и въ незначительномъ количествѣ; чтобы выдѣлить одинъ фунтъ воска, улей пчелъ долженъ съѣсть отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ сухого сахара; а такъ какъ пчелы, вмѣсто сухого сахара, ѣдятъ обыкновенно жидкій сахарный сиропъ, заключающійся въ цвѣтахъ, то имъ для выдѣленія одного фунта воска надо съѣсть несравненно больше пятнадцати фунтовъ цвѣточнаго сиропа, или нектара. Воскъ достается пчелѣ очень дорого, тѣмъ болѣе, что пчелы, занимающіяся выдѣленіемъ этого вещества, вмѣсто того чтобы вылетать изъ улья за добычей, должны втеченіи многихъ дней сидѣть на одномъ мѣстѣ и ѣсть готовую пищу. Стало-быть, чѣмъ больше потребуется воска на сооруженіе ячеекъ, тѣмъ меньше будетъ приготовлено меда, а для пропитанія пчелъ во время зимы необходимъ очень значительный запасъ этой пищи, и если запасъ окажется недостаточнымъ, то улей погибнетъ. Ясно стало-быть, что бережливость въ обращеніи съ воскомъ прямо рѣшаетъ для колоніи пчелъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи. Пчеламъ, подъ страхомъ голодной смерти, необходимо было разрѣшить на практикѣ ту мудреную геометрическую задачу, о которой говоритъ Дарвинъ, то есть имъ необходимо было отыскать для своихъ ячеекъ такую

форму, при которой наименьшее количество воска вмѣщало-бы въ себя наибольшее количество меда. Вѣроятно, пчелы, втеченіе многихъ и многихъ тысячелѣтій, медленно и ощупью подвигались впередъ къ рѣшенію этой задачи ихъ жизни; а въ это время естественный выборъ, дѣйствуя здѣсь на коллективныя единицы, постоянно сохранялъ только тѣ общины пчелъ, которыя въ этомъ отношеніи имѣли какое-нибудь, хотя малѣйшее, преимущество надъ другими. Такимъ образомъ польза строительнаго инстинкта пчелы доказана и слѣдовательно отысканъ тотъ путь, по которому этотъ инстинктъ, подъ вліяніемъ естественнаго выбора, долженъ былъ подвигаться впередъ къ своему теперешнему совершенству.

Кромѣ того теорія Дарвина можетъ здѣсь выдвинуть въ свою пользу такія пояснительныя подтвержденія, которыхъ мы по настоящему даже не имѣемъ права отъ нея требовать. Въ настоящее время существуютъ еще насѣкомыя, у которыхъ строительное искусство находится въ различныхъ, менѣе совершенныхъ фазахъ своего развитія. Шмели употребляютъ для храненія меда свои старые коконы—это низшая степень архитектурной техники. Иногда они придѣлываютъ къ коконамъ короткія восковыя трубочки—вторая степень. Иногда они строятъ изъ воска отдѣльныя ячейки, округлыя и очень неправильныя—третья степень. Въ Мексикѣ живетъ насѣкомое Melipona domestica, которое по строенію своего тѣла занимаетъ средину между шмелемъ и пчелою.

«Она строитъ, — говоритъ Дарвинъ, — почти правильный восковой сотъ изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и кромѣ того нѣсколько крупныхъ восковыхъ ячеекъ для храненія меда. Эти послѣдніе ячейки почти шарообразны, приблизительно одинаковой величины и скучены въ неправильную массу».

Между шмелемъ и мелипоною съ одной стороны и между мелипоною и пчелою съ другой стороны, недостаетъ очень многихъ переходныхъ степеней. Кромѣ того, ни шмель, ни мелипона ни въ какомъ отношеніи не могутъ считаться прямыми предками пчелы; они могутъ быть названы только ея боковыми родственниками, остановившимися на низшихъ степеняхъ развитія. Несмотря па то, читатель конечно согласится, что простые инстинкты шмеля и усложняющіеся инстинкты мелипоны въ значительной степени помогаютъ намъ понять, какимъ образомъ могло сформироваться сложное и вполнѣ развитое архитектурное искусство обыкновенной пчелы. Готтентоты или алеуты также не могутъ считаться прямыми предками современныхъ англичанъ; а между тѣмъ образъ жизни существующихъ дикарей въ значительной степени разъясняетъ намъ многія подробности изъ далекаго прошедшаго цивилизованныхъ народовъ. Но еслибы какія-нибудь обстоятельства погубили весь родъ шмелей и мелипонъ, или всѣхъ дикарей, живущихъ на земномъ шарѣ, то и тогда мы едва-либы имѣли разумное основаніе думать, что пчела всегда была отличнымъ архитекторомъ, или что англичане всегда пользовались неприкосновенностью жилища. Хотя шмель и мелипона очень интересны для натуралиста, а дикари—для антрополога, однако они ничѣмъ не застрахованы противъ уничтоженія и во всякое время могли исчезнуть съ лица земли такъ-же легко, какъ и всякая другая порода. Исчезновеніе ихъ очевидно нисколько не могло-бы подорвать теорію Дарвина и не имѣло-бы ничего общаго съ постановкою вопроса объ инстинктѣ пчелы, или объ исторіи англійской конституціи.

Муравьи.

I.

Все рабочее населеніе ульевъ и муравейниковъ состоитъ изъ безплодныхъ самокъ, которыя значительно отличаются отъ своихъ родителей по устройству тѣла, и еще сильнѣе расходятся съ ними въ направленіи инстинктовъ и въ образѣ жизни. Родители, или вообще самцы и плодовитыя самки, совсѣмъ не работаютъ, а безплодныя самки напротивъ того трудятся постоянно, и при этомъ далеко превосходятъ самцовъ и плодовитыхъ самокъ своей породы развитіемъ умственныхъ способностей и спеціальной технической ловкостью. Спрашивается, какимъ-же образомъ могли выработаться эти свойства рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ? — Ни одно изъ этихъ насѣкомыхъ не можетъ имѣть потомства и слѣдовательно никому не можетъ передавать по наслѣдству особенности своего тѣлосложенія и своего инстинкта. Всѣ счастливыя индивидуальныя уклоненія, всѣ результаты упражненія и развитія, все это умираетъ вмѣстѣ съ каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ и не можетъ обратиться въ постоянное качество всей породы. Каждый рабочій муравей, отличающійся отъ своихъ сверстниковъ особенною ловкостью, или силою, или догадливостью, имѣетъ конечно преимущество надъ другими субъектами; въ силу этого преимущества онъ можетъ ихъ пережить; надъ его личностью обнаружится такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго выбора. Но во всякомъ случаѣ, дальше его личности это дѣйствіе не пойдетъ, потому что этотъ муравей все-таки умретъ безъ потомства, хотя-бы онъ прожилъ сто лѣтъ, и хотя-бы онъ былъ геніемъ первой величины. На породу муравьевъ это долголѣтіе и эта геніальность не могутъ имѣть никакого вліянія, потому что муравьи слѣдующаго поколѣнія родятся не отъ этихъ дѣятельныхъ и даровитыхъ субъектовъ, а отъ обыкновенныхъ и постоянно праздныхъ самцовъ и самокъ. Повидимому, тутъ представляется

для теоріи естественнаго выбора неопредѣлимое затрудненіе; повидимому, тутъ не можетъ быть постепеннаго улучшенія или очищенія породы, потому что отдѣльныя поколѣнія этой породы разъобщены между собою, то-есть не происходятъ другъ отъ друга; а между тѣмъ только постоянное накопленіе мелкихъ усовершенствованій, передаваемыхъ изъ одного поколѣнія въ другое, могло-бы объяснить намъ то громадное и своеобразное развитіе умственныхъ способностей, до котораго дошли въ настоящее время рабочія пчелы и рабочіе муравьи. Если-же намъ придется допустить, что эти способности возникли мгновенно, безо всякаго подготовленія и историческаго развитія, то теорія Дарвина можетъ считать свое дѣло окончательно проиграннымъ, потому что здѣсь повидимому живой фактъ возмущается противъ теоріи и самымъ своимъ существованіемъ уличаетъ ее въ несостоятельности.

Дарвинъ сознается въ своей книгѣ, что инстинкты безполыхъ насѣкомыхъ долго казались ему неопровержимымъ возраженіемъ, окончательно гибельнымъ для теоріи естественнаго выбора и медленныхъ видоизмѣненій. Однако онъ не отчаялся въ успѣхѣ и дѣйствительно отыскалъ ключъ къ пониманію этой живой загадки.

Рабочій муравей не можетъ имѣть дѣтей—это несомнѣнно; но у этого рабочаго муравья есть отецъ и мать, которые могутъ имѣть очень многочисленное потомство; стало-быть, у рабочаго муравья будетъ много братьевъ и сестеръ; братья всѣ будутъ способны къ половой дѣятельности, а изъ сестеръ однѣ будутъ безплодны, подобно нашему рабочему, а другія будутъ плодовиты, подобно своей родной матери. Если всѣ эти братья и сестры, плодовитые и безплодные, разбредутся въ разныя стороны, какъ только сдѣлаются способными добывать себѣ пищу безъ помощи родителей,—то произойдетъ очень простая исторія. Безплодныя самки умрутъ безъ потомства, плодовитыя—народятъ кучу дѣтей; въ этомъ второмъ поколѣніи повторится та-же простая исторія: безплодныя умрутъ, плодовитыя обзаведутся семействами. То-же самое случится и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи, и въ двадцатомъ, до тѣхъ поръ, пока безплодныя самки совершенно переведутся. Съ каждымъ поколѣніемъ безплодныя самки будутъ становиться рѣже, потому что естественный выборъ будетъ постоянно направляться противъ ихъ матерей. Положимъ напримѣръ, что самка A родитъ постоянно безплодныхъ дочерей; ясно, что потомство этой самки въ слѣдующемъ-же поколѣніи совершенно прекратится, и что способность рождать *исключительно* безплодныхъ дѣтей рѣшительно, по самой сущности своей, не можетъ сдѣлаться наслѣдственной. Другая самка B родитъ и безплодныхъ, и плодовитыхъ, а третья C—исключительно плодовитыхъ. Ясно, что у C окажется болѣе многочисленное потомство, чѣмъ у B. Число дѣтей будетъ пожалуй одинаково у обѣихъ, но число внучатъ будетъ уже различно, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ различіе будетъ увеличиваться въ пользу C, если только обѣ самки, и B, и C, передадутъ свои личныя особенности всему плодовитому потомству. Но при одинаковыхъ условіяхъ быстро размножающаяся порода должна непремѣнно, рано или поздно, вытѣснить и истребить породу, размножающуюся медленно. Такимъ образомъ самки, подобныя своей прародительницѣ B, то-есть имѣющія способность рождать иногда безплодныхъ, уничтожатся, и вслѣдствіе этого безплодіе перестанетъ существовать, если только оно не будетъ поддерживаться какими-нибудь искусственными средствами. Все это произойдетъ въ томъ случаѣ, когда плодовитые и безплодные братья и сестры будутъ расходиться въ разныя стороны и жить совершенно независимо другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности дѣло приняло совершенно другой оборотъ, потому что въ породѣ муравьевъ проявилось стремленіе къ общественной жизни за много тысячелѣтій до тѣхъ временъ, когда въ младенческихъ обществахъ человѣка начали формироваться первые очерки миѳическихъ сказаній. Когда это стремленіе проявилось, то-есть, когда молодые члены семейства рѣшились оставаться на всю жизнь вмѣстѣ съ родителями и общими силами стали заботиться объ удовлетвореніи своихъ общихъ потребностей, тогда одинокіе муравьи должны были уничтожиться, потому что борьба и соперничество съ обществами во всѣхъ отношеніяхъ оказались имъ не по силамъ. Если шло дѣло на драку, то одинокаго колотили или убивали; если приходилось заготовлять запасъ пищи, то десять членовъ ассоціаціи, помогая другъ другу, добывали больше пищи, сохраняли ее лучше и съ большимъ успѣхомъ защищали ее противъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ пятнадцать одинокихъ личностей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную; когда надо было няньчить и кормить молодое поколѣніе, то и въ этомъ дѣлѣ общество обнаруживало свое превосходство надъ разрозненными единицами. Принципъ раздѣленія труда и соединенія силъ даетъ себя знать вездѣ, гдѣ составляется общество и гдѣ появляется коллективный трудъ. Кто составляетъ общество и кто трудится—люди или муравьи—это рѣшительно все равно. Законы труда и свойства ассоціаціи остаются неизмѣнными при всѣхъ условіяхъ. Когда общежительные инстинкты муравья окончательно упрочились, тогда въ положеніи безплодныхъ самокъ произошла существенная перемѣна *).

*) Легко можетъ быть, что безплодіе совершенно не существовало во время одинокой жизни муравья и порождено именно складомъ его общественной жизни; но объ этомъ я поговорю впослѣдствіи, а теперь я излагаю дѣло такимъ образомъ, чтобы рельефнѣе выставить противуположность между одинокимъ и общежительнымъ періодомъ муравьиной исторіи.

Надо замѣтить, что въ мірѣ животныхъ безплодіе часто соединяется съ самыми разнообразными измѣненіями въ тѣлосложеніи. «Намъ даже извѣстны,—говоритъ Дарвинъ—въ разныхъ породахъ скота особенности въ рогахъ, сопряженныя съ искусственнымъ несовершенствомъ мужескаго пола: волы извѣстныхъ породъ имѣютъ рога болѣе длинные, чѣмъ коровы и быки тѣхъ-же породъ.» Извѣстно также, что оскопленіе человѣка ведетъ за собою измѣненія въ голосѣ, въ развитіи волосъ на бородѣ, въ цвѣтѣ лица и во всемъ складѣ характера. Если-же безплодіе производится не насильственнымъ истребленіемъ половыхъ частей, а медленнымъ и глубокимъ вліяніемъ развитія и воспитанія даннаго субъекта, то, разумѣется, надо ожидать, что различіе между безплоднымъ и плодовитымъ животнымъ окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между воломъ и быкомъ, или между евнухомъ и мужчиной. Замѣчено вообще, что напряженная дѣятельность мозга рѣдко уживается съ напряженной дѣятельностью половой системы. Люди, сильно работающіе умомъ, рѣдко оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, и Джонъ-Стюартъ Милль весьма усердно и настоятельно совѣтуетъ женщинамъ побольше размышлять, чтобы поменьше предаваться пагубному занятію дѣторожденія. Во всемъ мірѣ животныхъ можно также замѣтить то общее явленіе, что животное размножаетъ свою породу тѣмъ быстрѣе, чѣмъ несовершеннѣе строеніе его мозга. У безплодныхъ муравьевъ половые органы остаются на всю жизнь въ томъ зачаточномъ положеніи, въ какомъ они находились у муравьиной личинки, только что вылупившейся изъ яйца. Стало-быть, есть основаніе думать, что мозгъ безплодной самки развивается въ ущербъ половой системѣ, и что вслѣдствіе этого безплодное насѣкомое всегда становилось немного умнѣе плодовитаго, безъ всякаго содѣйствія естественнаго выбора. Когда у муравьевъ и у пчелъ укоренились общежительныя привычки, тогда это легкое умственное превосходство безплодныхъ субъектовъ получило очень важное значеніе для благосостоянія каждаго отдѣльнаго общества.

II.

Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности существуетъ нѣсколько сотенъ или нѣсколько тысячъ муравейниковъ, населенныхъ самцами, самками и безплодными субъектами. Эти муравейники конечно ведутъ между собою такую-же ожесточенную и разнообразную борьбу, какую до составленія обществъ вели между собою отдѣльные муравьи.

Муравейники нападаютъ другъ на друга, отбиваютъ другъ у друга пищу, похищаютъ другъ у друга куколки, и во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, прямыхъ или косвенныхъ, то-есть выражающихся въ видѣ открытой драки или въ видѣ глухой борьбы за средства къ существованію,—во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, говорю я, побѣда остается на сторонѣ сильнѣйшаго муравейника, точно такъ, какъ она прежде оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго муравья. Побѣжденные муравейники погибаютъ, и причины ихъ погибели такъ-же разнообразны, какъ въ свое время были разнообразны причины погибели отдѣльныхъ муравьевъ. Одинъ муравейникъ погибаетъ подъ ударами сосѣдняго общества, заключающаго въ себѣ большое количество сильныхъ, храбрыхъ или хитрыхъ насѣкомыхъ. Другой ослабѣваетъ отъ голода, потому что его жители уступаютъ сосѣдямъ въ умѣньи добывать себѣ пищу. Третій размывается дождемъ, потому что жители не умѣютъ строить такіе своды и крыши, которые могли-бы устоять противъ дѣйствія водяныхъ капель. Въ четвертомъ число жителей постоянно убавляется отъ плохого воспитанія личинокъ или отъ того, что самки слишкомъ ревностно исполняютъ спасительный совѣтъ Джона-Стюарта Милля. Въ то-же время рядомъ съ этими слабыми, голодными и угнетенными обществами существуютъ общества сильныя, сытыя и угнетающія другихъ. Спрашивается, на чемъ-же основано различіе между первыми и вторыми? Очевидно на томъ, что вторыя располагаютъ большей массой сильныхъ мускуловъ и дѣятельныхъ мозговъ. Для благосостоянія муравейника необходимо, чтобы число его жителей не уменьшалось, чтобы эти жители умѣли добывать себѣ много пищи, чтобы они умѣли построить себѣ удобное и прочное жилище, чтобы они заботливо ухаживали за своими личинками, и наконецъ чтобы они во всякое время могли встрѣтить и отразить нападеніе своихъ враждебныхъ единоплеменниковъ и сосѣдей. Если въ муравейникѣ слишкомъ много безплодныхъ самокъ, то число жителей уменьшается; вслѣдствіе этого общество, рано или поздно, погибаетъ естественной или насильственной смертью. Если въ муравейникѣ совсѣмъ нѣтъ безплодныхъ самокъ, или если ихъ слишкомъ мало, то оказывается недостатокъ въ умственныхъ силахъ и въ технической ловкости; вслѣдствіе этого сосѣдніе муравейники пріобрѣтаютъ перевѣсъ и со временемъ губятъ это отстающее общество. Такимъ образомъ естественный выборъ постоянно сохраняетъ тѣ общества, которыя строже своихъ соперниковъ поддерживаютъ у себя должное равновѣсіе между дѣятельностью мозга и дѣятельностью половой системы, то-есть между количествомъ безплодныхъ и количествомъ плодовитыхъ жителей. Но отчего-же зависитъ поддержаніе этого должнаго равновѣсія?

Дарвинъ говоритъ, что оно зависитъ отъ различныхъ особенностей въ тѣлосложеніи плодовитыхъ субъектовъ. Если самка муравья рождаетъ безплодныхъ дѣтей, то конечно причина этого

явленія заключается въ томъ или другомъ свойствѣ ея организма; это свойство, подобно всякому другому, подвержено индивидуальнымъ колебаніямъ, то-есть у одной самки развито сильнѣе, у другой —слабѣе, и нѣкоторыя изъ этихъ колебаній выгодны для муравейника, а другія невыгодны. Какое это свойство и какія въ немъ могутъ быть колебанія—этого мы не знаемъ, но наше незнаніе нисколько не должно насъ смущать или изумлять. Мы также не знаемъ напримѣръ, почему у одной четы супруговъ родятся постоянно мальчики, у другой — дѣвочки, а у третьей—и дѣвочки, и мальчики. Однако не остроумно было-бы утверждать, что это дѣлается безъ причины, и еще неостроумнѣе было-бы произносить по этому поводу безсмысленное слово «случай», выражающее то, что въ дѣйствительности не существуетъ нигдѣ и не существовало никогда. Не трудно понять, что причина должна заключаться въ тѣлосложеніи родителей или въ обстоятельствахъ ихъ жизни и ихъ взаимныхъ отношеній.

Уничтожая одни муравейники и сохраняя другіе, естественный выборъ черезъ это уничтожаетъ вредныя и сохраняетъ полезныя колебанія, проявляющіяся въ тѣлосложеніи плодовитыхъ субъектовъ. Рано или поздно полезныя колебанія упрочиваются, и вслѣдствіе этого плодовитыя самки будутъ постоянно рождать плодовитыхъ и безплодныхъ дѣтей въ надлежащей пропорціи. Точно такимъ-же образомъ естественный выборъ постоянно благопріятствуетъ тѣмъ муравейникамъ, въ которыхъ живутъ самые умные, самые дѣятельные и самые ловкіе работники. Такіе муравейники процвѣтаютъ и отличаются особенной долговѣчностью, а вмѣстѣ съ этими муравейниками сохраняются и упрочиваются тѣ половыя особенности самцовъ и самокъ, которыя сообщаютъ безплодному потомству умъ, дѣятельность и ловкость.

Итакъ, естественный выборъ дѣйствуетъ не на тѣхъ животныхъ, которыя сами обладаютъ умомъ, дѣятельностью и ловкостью, а на тѣхъ, которыя составляютъ причину этихъ свойствъ, то-есть—на родителей рабочихъ насѣкомыхъ, и вообще на все плодовитое населеніе муравейника или улья. Такимъ образомъ развитіе и совершенствованіе становятся возможными и даже неизбѣжными.

«Моя вѣра,—говоритъ Дарвинъ,—въ могущество выбора простирается до того, что я не сомнѣваюсь, что можно было-бы постепенно образовать породу, въ которой волы имѣли-бы постоянно необыкновенно длинные рога, лишь тщательно наблюдая, какіе быки и коровы производятъ самыхъ длиннорогихъ воловъ, несмотря на то, что ни одинъ волъ не могъ-бы передать своихъ признаковъ породѣ.»

Такъ, полагаю я, было и съ общественными насѣкомыми; легкое видоизмѣненіе въ строеніи, въ инстинктѣ, сопряженное съ безплодіемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ общины, было для нея выгодно; слѣдственно, плодовитые самцы и самки той-же общины благоденствовали и передавали своему плодовитому потомству расположеніе къ произведенію безплодныхъ членовъ, видоизмѣненныхъ подобнымъ образомъ. И я полагаю, что этотъ процессъ повторялся, пока не обозначилось между плодовитыми и безплодными самками одного вида то разительное различіе, которое представляютъ многія *общественныя* насѣкомыя. Я подчеркнулъ слово *общественныя*, потому что въ немъ заключаются весь смыслъ этого явленія и единственный ключъ къ его пониманію. Если-бы нормальное безплодіе и связанное съ этимъ безплодіемъ развитіе особенныхъ инстинктовъ существовало въ такой породѣ животныхъ, которая ведетъ одинокую жизнь, то подобное явленіе оказалось-бы совершенно необъяснимымъ, и одного такого примѣра было-бы достаточно, чтобы навсегда погубить теорію Дарвина. Но такихъ явленій не подмѣтилъ до сихъ поръ ни одинъ натуралистъ, и слѣдовательно теорія естественнаго выбора остается неприкосновенной и непобѣдимой.

III.

Теперь уже намъ не трудно будетъ прослѣдить въ общихъ чертахъ дальнѣйшее развитіе муравьиной породы. Въ общественной жизни муравьевъ встрѣчается много замѣчательныхъ явленій, и всѣ эти явленія нисколько не противорѣчатъ теоріи естественнаго выбора.

«Во многихъ видахъ муравья,—говоритъ Дарвинъ,—безполыя особи разнятся не только отъ плодовитыхъ самцовъ и самокъ, но и между собою, распадаясь такимъ образомъ на двѣ или даже на три касты. Эти касты сверхъ того обыкновенно не представляютъ переходовъ между собою, но такъ-же рѣзко разграничены, какъ любые виды одного рода или, точнѣе, роды одного семейства. Такъ, у Eciton есть безполые рабочіе и воины съ чрезвычайно разнородными челюстями и инстинктами; Gryptoerus рабочіе лишь одной касты снабжены очень страннымъ щитомъ на головѣ, употребленіе котораго совершенно неизвѣстно; у мексиканскаго Myrmecocystus рабочіе одной касты никогда не оставляютъ гнѣздо; ихъ кормятъ рабочіе другой касты и у нихъ безмѣрно развитое брюхо, выдѣляющее родъ меда, замѣняющаго выдѣленіе тлей или дойнаго скота, содержимаго *) нашими европейскими муравьями.»

Факты эти не представляютъ никакихъ серьезныхъ затрудненій для теоріи естественнаго вы-

*) Ухитрился-же г. переводчикъ написать три причастія и три придаточныя предложенія одно на другое: 1) «выдѣляющее... 2) «замѣняющаго».... и 3) «содержимаго»!....

бора и доказываютъ только, что тѣлосложеніе муравья отличается вообще замѣчательной гибкостью и измѣнчивостью. Раздѣленіе рабочаго населенія на касты объясняется очень просто.— Положимъ, что существуютъ въ близкомъ сосѣдствѣ между собою нѣсколько муравейниковъ вида Eciton. Дѣйствіе происходитъ въ глубокой древности. У Eciton еще не успѣли образоваться двѣ касты рабочихъ и воиновъ, а существуетъ только одна каста безплодныхъ самокъ, которыя немного умнѣе и дѣятельнѣе своихъ родителей и плодовитыхъ сестеръ. Въ это время въ муравейникѣ A обнаруживается въ тѣлосложеніи нѣскольких безплодныхъ самокъ легкое уклоненіе, вслѣдствіе котораго челюсти ихъ становятся немного покрѣпче, а характеръ немного позадорнѣе, чѣмъ у другихъ муравьевъ того-же вида. Эти задорные и зубастые муравьи заводятъ драку съ сосѣднимъ муравейникомъ B и, благодаря своимъ челюстямъ и своей храбрости, одерживаютъ рѣшительную побѣду. Муравейникъ B окончательно разоряется; часть жителей погибаетъ въ сраженіи и поѣдается побѣдителями; остальные разбѣгаются по окрестностямъ и умираютъ отъ голода и отъ разныхъ лишеній, потому что они уже разучились вести ту одинокую жизнь, которую въ былое время вели ихъ предки. Та-же жестокая участь постигаетъ общества C, D и E. Муравейникъ A торжествуетъ и процвѣтаетъ, свирѣпствуетъ въ своемъ околоткѣ и постоянно обжирается трупами и куколками побѣжденныхъ враговъ. Но въ одинъ прекрасный день онъ сталкивается съ муравейникомъ F и, къ своему крайнему изумленію, встрѣчаетъ такой энергическій отпоръ, какого ему до той минуты не случалось испытывать нигдѣ; оказывается, что самки муравейника F также произвели на свѣтъ храбрыхъ и зубастыхъ дѣтей, которыя уже успѣли показать свою удаль муравейникамъ G, H и K. Такимъ образомъ муравейники A и F остаются неразоренными и въ случаѣ войны отражаютъ другъ друга съ одинаковымъ успѣхомъ. Но равновѣсіе между ними продолжается только до тѣхъ поръ, пока въ одномъ изъ нихъ не обнаружится дальнѣйшее развитіе храбрости и зубастости *). Кто обогналъ противника въ этомъ отношеніи, тотъ и побѣдилъ. Малѣйшее выгодное измѣненіе въ тѣлосложеніи воинственныхъ рабочихъ рѣшитъ вопросъ, кому изъ этихъ завоевательныхъ республикъ жить и кому умирать. Борьба можетъ тянуться десятки лѣтъ, потому что общества муравьевъ, подобно обществамъ пчелъ и государствамъ людей, существуютъ постоянно до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушитъ стеченіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Муравейники A и F разростаются и основываютъ множество колоній, потому что старое помѣщеніе становится слишкомъ тѣснымъ для увеличившагося числа жителей. Гдѣ жили прежде общества B, C, D, E, G, H и K, тамъ поселяются потомки зубастыхъ и воинственныхъ муравьевъ A и F. Эти потомки—всѣ зубасты и воинственны, но въ одномъ изъ этихъ новыхъ обществъ, въ какомъ-нибудь муравейникѣ Z, обнаруживается особенное развитіе этихъ героическихъ качествъ. Тогда Z истребляетъ всѣ колоніи A и F вмѣстѣ съ обѣими метрополіями и, разросшись въ свою очередь, на ихъ развалинахъ самъ основываетъ свои колоніи, еще болѣе храбрыя и зубастыя. Черезъ нѣсколько времени таже самая исторія повторяется въ потомствѣ муравейника Z. Тотъ, кто сильнѣе, постоянно торжествуетъ, и такимъ образомъ общій уровень муравьинаго могущества постоянно возвышается, потому что все, что стоитъ ниже этого уровня, ежедневно и ежеминутно уничтожается, то оружіемъ враговъ, то голодомъ, то разными другими причинами. Сами герои или, вѣрнѣе, героини не могутъ передать свои достоинства потомству, но у героинь есть родители и плодовитыя сестры, которыя, живя съ героинями въ одномъ муравейникѣ и пользуясь плодами ихъ побѣдъ, благоденствуютъ и постоянно производятъ на свѣтъ новыя поколѣнія завоевателей.

Теперь намъ надо еще объяснить, почему и какимъ образомъ рядомъ съ кастой воиновъ сохранилась и развилась каста работниковъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ очень не трудно. Работники были такъ-же необходимы для существованія общества, какъ воины были необходимы для отраженія враговъ. Пока герои совершали чудеса храбрости, личинки могли умереть съ голоду и куколки могли измокнуть подъ дождемъ, еслибы въ муравейникѣ не было дѣятельныхъ и расторопныхъ субъектовъ, воспитывающихъ молодое поколѣніе и предохраняющихъ его отъ всякой напасти. Положимъ, что въ муравейникѣ M *всѣ* безплодныя самки одарены воинственными наклонностями и соотвѣтствующимъ тѣлосложеніемъ; въ муравейникѣ N, напротивъ того, *всѣ* безплодныя самки относятся къ кастѣ мирныхъ работниковъ, а въ третьемъ муравейникѣ O есть и воины, и работники. Ясно, что послѣдній муравейникъ переживетъ своихъ одностороннихъ сосѣдей; N по всей вѣроятности будетъ завоеванъ и разоренъ, а M ослабѣетъ и погибнетъ отъ того, что некому будетъ заботиться о личинкахъ и куколкахъ. Мы видѣли выше, какимъ образомъ естественный выборъ можетъ привести дѣло къ тому результату, что въ каждомъ муравейникѣ будетъ находиться именно столько безплодныхъ и столько плодовитыхъ самокъ, сколько того требуетъ благосостояніе общества. Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, тогда естественный выборъ. продолжая дѣйствовать по-

*) У муравьевъ нѣтъ зубовъ, и читатель конечно понимаетъ, что выраженія: «зубастый» и «зубастость» употребляются для большей краткости вмѣсто словъ: «одаренный сильными челюстями» и «сильное развитіе челюстей».

прежнему, тѣмъ-же самымъ способомъ устроитъ такъ, что изъ числа безплодныхъ одна часть будетъ одарена однимъ тѣлосложеніемъ, а другая—другимъ. Сначала разница между этими двумя типами будетъ очень невелика, но если для общества выгодно, чтобы эта разница увеличилась, то понемногу она и увеличится, потому что долговѣчнѣе другихъ будутъ оказываться тѣ муравейники, въ которыхъ работники и воины сильнѣе отличаются другъ отъ друга. Можетъ случиться, что эти двѣ касты въ свою очередь раздробятся на новыя касты, и эти подраздѣленія также сдѣлаются постоянными, если только они окажутся полезными для муравейника въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ мѣстности. Такимъ путемъ произошли—щитъ на головѣ у Gryptocerus и медоточивое брюхо у Myrmecocystus.

IV.

Естественный выборъ постоянно сохраняетъ всякое видоизмѣненіе въ организаціи рабочаго муравья. Но спрашивается, какія именно причины производятъ эти видоизмѣненія? Зависятъ-ли они вполнѣ отъ тѣлосложенія родителей, или-же тутъ дѣйствуютъ какія-нибудь другія вліянія? Попробую отвѣтить на этотъ вопросъ, но предупреждаю читателя, что отвѣтъ мой будетъ выраженъ въ формѣ догадокъ, сомнѣній и предположеній.

Какъ у пчелъ, такъ и у муравьевъ, каждая самка кладетъ яйца трехъ родовъ—сначала для будущихъ рабочихъ, потомъ для самцовъ и наконецъ для плодовитыхъ самокъ. Изъ этихъ яицъ выходятъ личинки, и въ первое время своего существованія личинки рабочихъ нисколько не отличаются отъ личинокъ плодовитыхъ самокъ. Существуетъ-ли въ личинкѣ расположеніе сдѣлаться со временемъ безплоднымъ или плодовитымъ насѣкомымъ, этого мы не знаемъ, но достовѣрно извѣстно, что это расположеніе, если оно существуетъ, можетъ быть переработано воспитаніемъ. Воспитаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ огромное значеніе. Это доказывается тѣмъ, что муравьи и пчелы содержатъ будущихъ рабочихъ совсѣмъ не такъ, какъ будущихъ самокъ: пища, помѣщеніе, уходъ—все совершенно различно. Пчелы, всегда соблюдающія въ расходованіи воска крайнюю бережливость, строятъ для будущихъ самокъ или матокъ отъ шести до десяти ячеекъ такой величины, что на каждую изъ нихъ тратится во сто разъ больше воску, чѣмъ на ячейку простой рабочей. Разумѣется, пчелы не стали-бы этого дѣлать безъ надобности. Кромѣ того извѣстно, что, въ случаѣ необходимости, пчелы могутъ сформировать себѣ новую матку изъ такой личинки, которой сначала назначено было сдѣлаться рабочей.

«Если на бѣду,—говоритъ Карлъ Фохтъ,—старая матка останется въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока молодыя матки начнутъ выходить изъ куколокъ, то она ихъ умертвитъ безъ милосердія, и рабочія не будутъ сопротивляться этому поступку. Но такъ какъ старая царица *) въ это время уже неспособна класть яйца, то общество разсѣевается послѣ ея смерти; или-же рабочіе формируютъ себѣ новую царицу, то-есть переносятъ рабочую личинку, которой еще не минуло трехъ дней, въ царскую ячейку и кормятъ ее царской пищей; при такихъ условіяхъ ея половыя части развиваются, а при простомъ рабочемъ содержаніи онѣ остаются въ зачаточномъ состояніи.» («Зоологическія письма».)

Муравейникъ никогда не терпитъ недостатка въ плодовитыхъ самкахъ, и поэтому муравьямъ нѣтъ никакой надобности формировать себѣ самку изъ рабочей личинки. Но зато случается довольно часто, что плодовитая самка муравья работаетъ сама надъ построеніемъ ячеекъ и, это обстоятельство доказываетъ, что разстояніе между инстинктами плодовитыхъ и безплодныхъ муравьевъ не такъ громадно, какъ можно было-бы подумать, глядя на обыкновенный образъ жизни тѣхъ и другихъ.

«Основаніе новыхъ муравьиныхъ обществъ,—говоритъ Фохтъ,—происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ, послѣ полудня, громадные рои крылатыхъ самцовъ и самокъ оставляютъ гнѣзда и совокупляются на воздухѣ. Самцы умираютъ почти тотчасъ послѣ совокупленія; большую часть самокъ рабочіе ловятъ и уводятъ назадъ въ муравейникъ, гдѣ самки кладутъ яйца преимущественно во время весны будущаго года. Оплодотворенныя самки, не пойманныя рабочими, прежде всего сами обрываютъ себѣ крылья, слабо прикрѣпленныя къ ихъ тѣлу, а потомъ устраиваютъ въ землѣ галлерею и присоединяютъ къ ней комнатки, въ которыя онѣ кладутъ яйца для рабочихъ. Какъ только эти рабочія разовьются, такъ онѣ начинаютъ помогать матери въ ея работахъ, проводятъ вмѣстѣ съ нею зиму и съ весны ведутъ хозяйство дальше, между тѣмъ какъ самка, подобно пчелиной маткѣ, занимается съ этого времени исключительно кладкой яицъ и соблюдаетъ при этомъ ту-же очередь, то-есть, кладетъ сначала рабочія яйца, потомъ мужскія и наконецъ женскія.» («Зоологическія письма»).

Оказывается такимъ образомъ, что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ рабочей личинки пчелиную матку, и что обстоятельства жизни могутъ на время превратить праздную самку муравья въ очень усердную работницу. Рожденіе, воспитаніе и обстоятельства жизни—вотъ тѣ три элемента, которые создаютъ тѣлосложеніе и весь характеръ

---

*) Извѣстно, что пчелиная матка называется также царицей; по-нѣмецки ее даже всегда называютъ Königin—королева.

взрослаго насѣкомаго. Но рѣшить, *что́* именно вложено самкой въ яичко и *что́* дано впослѣдствіи воспитаніемъ личинки—это такая задача, которая въ настоящее время превышаетъ силы естествоиспытателей. Дарвинъ повидимому расположенъ думать, что вліяніе матери очень значительно, то-есть, что почти всѣ свойства и особенности будущаго насѣкомаго заключены въ яичкѣ и находятся въ немъ въ ту минуту, когда это яичко отдѣляется отъ тѣла матери. Склонность Дарвина къ этому мнѣнію выражается въ томъ, что онъ, говоря объ инстинктахъ и тѣлосложеніи безплодныхъ насѣкомыхъ, постоянно напираетъ на половую систему ихъ родителей и совершенно оставляетъ въ сторонѣ воспитаніе личинокъ. Не противорѣча идеямъ великаго натуралиста, я въ этомъ случаѣ позволю себѣ обратить вниманіе читателя на ту сторону дѣла, которую Дарвинъ отодвинулъ на второй планъ.

Половыя части личинки,—по словамъ Карла Фохта,—«находятся въ совершенно зачаточномъ положеніи и выражаются преимущественно во внутреннихъ органахъ, приготовляющихъ сѣмя или яички, но эти органы чрезвычайно малы и съ трудомъ могутъ быть отысканы.» («Зоологическія письма».) «Во время кукольнаго періода,—говоритъ онъ далѣе,—формируются изъ жирнаго тѣла личинки преимущественно половыя части, такъ что бо̀льшая часть насѣкомыхъ способна къ оплодотворенію тотчасъ послѣ своего выхода изъ кокона.»

«Червовидныя личинки бабочекъ, мухъ, жуковъ и т. д.,—говоритъ Дарвинъ,—гораздо ближе схожи между собою, чѣмъ полныя насѣкомыя, хотя личинки, какъ зародыши дѣятельные, приспособлены къ разнымъ образамъ жизни.» «Въ силу такихъ особыхъ приспособленій,—говоритъ онъ далѣе,—сходство между личинками или дѣятельными зародышами сродныхъ животныхъ значительно затемняется.»

Мы видимъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, что Дарвинъ считаетъ *личинки* дѣятельнымъ *зародышемъ* насѣкомаго, то-есть *зародышемъ*, ведущимъ свою самостоятельную жизнь и развивающимся на свободѣ, а не въ тѣлѣ своей матери. А на страницѣ 7-й Дарвинъ говоритъ такъ: «опыты Жоффруа-Сентъ-Илера доказываютъ, что вліяніе неестественныхъ условій на *зародышъ* производитъ уродливости, и между уродливостями и уклоненіями нельзя провести рѣзкой границы. Теперь, читатель мой, потрудитесь вывести общія заключенія изъ всѣхъ этихъ выписокъ. *У личинки половыя части находятся въ зачаточномъ состояніи*—стало-быть, разовьются-ли эти части, или останутся онѣ навсегда неразвитыми—это такой вопросъ, который рѣшается во время жизни личинки, а не въ ту минуту, когда самка кладетъ яичко. *Половыя части насѣкомаго вырабатываются изъ жирнаго тѣла личинки* въ то время, когда личинка находится уже въ состояніи куколки; стало-быть, для того чтобы эти части выработались, необходимо извѣстное количество жирнаго вещества, а это жирное вещество, разумѣется, добывается личинкой изъ пищи, и личинка обыкновенно бываетъ очень прожорлива именно потому, что ей надо накопить матеріалы для будущихъ видоизмѣненій. Но если личинку будутъ кормить скупо, то она конечно ничего не накопитъ, и половымъ частямъ не изъ чего будетъ сформироваться. У животныхъ, ведущихъ одинокую жизнь, личинка всегда ѣстъ столько, сколько сама пожелаетъ, а у общежительныхъ животныхъ личинку держатъ въ заперти и ее кормятъ взрослыя насѣкомыя, руководствуясь при этомъ своими особенными соображеніями. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть одну изъ причинъ, почему безплодіе проявляется постоянно только у общежительныхъ насѣкомыхъ. Если *личинка есть дѣятельный зародышъ* и если *вліяніе неестественныхъ условій производитъ въ зародышѣ уродливости или уклоненія*, то, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что воспитаніе личинки можетъ произвести въ тѣлосложеніи будущаго насѣкомаго самыя обширныя и глубокія измѣненія. Припомните наконецъ, какимъ образомъ пчелы формируютъ себѣ новую матку изъ рабочей личинки, и тогда вы вѣроятно не найдете слишкомъ смѣлымъ мое предположеніе, что безплодіе рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ есть явленіе чисто искусственное, выработанное складомъ ихъ общественной жизни и постоянно поддерживаемое тѣмъ воспитаніемъ, которое старыя насѣкомыя даютъ огромному большинству новорожденныхъ личинокъ. Послѣдователи Мальтуса желаютъ, чтобы въ человѣческихъ обществахъ рабочіе также были до нѣкоторой степени безплодны, и это обстоятельство доказываетъ, что общественная жизнь, дойдя до извѣстной степени развитія, обыкновенно сталкивается съ роковымъ вопросомъ: куда дѣвать избытокъ населенія? Муравьи и пчелы отвѣтили на этотъ вопросъ тѣмъ, что нашли возможность постоянно убивать производительныя способности у огромнаго большинства своей породы Муравьямъ и пчеламъ это извинительно потому, что у нихъ нѣтъ ни паровыхъ машинъ, ни химическаго анализа, ни раціональной агрономіи, а главное—нѣтъ такихъ мыслителей, какъ Ньютонъ, Либихъ или Дарвинъ. Люди могли-бы рѣшить вопросъ иначе, но мало-ли что они могли-бы сдѣлать. Si vieillesse savait, si jeunesse pouvait!..

V.

Дѣйствія естественнаго выбора нисколько не стѣсняются моимъ предположеніемъ на счетъ искусственнаго происхожденія безплодія. Естественный выборъ во всякомъ случаѣ истребляетъ или сохраняетъ весь муравейникъ съ родителя-

ми и воспитателями; стало-быть, отъ кого-бы ни зависѣло тѣлосложеніе молодого поколѣнія, отъ родителей или отъ педагоговъ, причина этого тѣлосложенія все-таки будетъ истреблена или сохранена, смотря потому, вредно или полезно это тѣлосложеніе для даннаго общества. Теорія естественнаго выбора остается такимъ образомъ въ полной безопасности, но высказанное мною предположеніе интересно для насъ въ другомъ отношеніи.

Прогрессъ въ органическомъ мірѣ дѣйствительно существуетъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Но совершается-ли этотъ прогрессъ совершенно независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ животныхъ, или-же, напротивъ того, нѣкоторыя животныя своими сознательными усиліями содѣйствуютъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя переживаетъ ихъ порода? Этотъ вопросъ вѣроятно кажется читателю очень страннымъ, а между тѣмъ онъ возникаетъ въ нашемъ умѣ совершенно естественно, когда мы вглядываемся въ жизнь высшихъ насѣкомыхъ, подобныхъ пчелѣ и муравью. Читатель все-таки смѣется и никакъ не хочетъ вѣритъ, чтобы муравей могъ сознательно участвовать въ прогрессѣ своей породы; но мнѣ кажется, что читатель въ этомъ случаѣ ошибается. Если безплодіе рабочихъ и раздѣленіе ихъ на различныя касты производятся исключительно различными особенностями въ тѣлосложеніи плодовитыхъ самокъ, то видоизмѣненія муравьиной породы или ея прогрессъ происходятъ совершенно независимо отъ воли и сознанія самыхъ муравьевъ. Если-же, напротивъ того, безплодіе и касты составляютъ въ большей или въ меньшей степени результатъ воспитанія, то прогрессъ находится въ рукахъ самихъ муравьевъ или, другими словами, *муравьи сами дѣлаютъ свой прогрессъ*. Если судьба личинокъ зависитъ отъ воспитателей, если воспитатели могутъ произвести значительныя измѣненія въ комплекціи будущаго насѣкомаго, если отъ нихъ зависитъ поворотить развитіе личинки въ ту или въ другую сторону, сдѣлать изъ личинки плодовитую самку или воина, простого рабочаго или дойную корову (Myrmecocystus), то разумѣется все будущее благосостояніе муравейника во всякую данную минуту зависитъ цѣликомъ отъ его взрослаго населенія. Въ такомъ случаѣ умъ и опытность рабочаго муравья не умираютъ вмѣстѣ съ нимъ. Все, что̀ онъ получилъ отъ природы, все, что̀ онъ пріобрѣлъ воспитаніемъ, все, что̀ ему передали старшіе муравьи, все, что̀ онъ видѣлъ и испыталъ въ своей собственной жизни,—все это прилагается къ дѣлу воспитанія личинокъ, все это передается потомъ молодому муравью и все это становится навсегда двигательнымъ элементомъ въ прогрессѣ породы. Каждое поколѣніе собираетъ свой запасъ опытности, каждая личность вноситъ въ этотъ запасъ свою крупинку, и все это вмѣстѣ присоединяется къ общему капиталу и производитъ прочное приращеніе въ умственномъ и матеріальномъ богатствѣ общества и породы. Читатель сердится или смѣется. Онъ увѣренъ въ томъ, что я зафантазировался и что критическія способности моего ума перестали слѣдить за движеніями моего пера. Читатель хочетъ напомнить мнѣ, что я все-таки говорю о муравьяхъ, а не о людяхъ; но я самъ твердо помню это обстоятельство и внимательнымъ взоромъ наблюдаю за шалостями моего легкомысленнаго (о, даже слишкомъ легкомысленнаго!) пера. Но что-же васъ, читатель мой, смущаетъ? Вы вѣроятно думаете, что у муравья не можетъ быть индивидуальныхъ мыслей, что онъ не способенъ накопить запасъ личной опытности и что онъ не въ состояніи дѣлиться съ своими согражданами своими ощущеніями, соображеніями и воспоминаніями. Да, муравей конечно — животное маленькое и невзрачное. Неловко какъ-то приписывать такому ничтожеству разныя высшія способности и отправленія. А между тѣмъ вы, мой читатель, все-таки потрудитесь преодолѣть ваше замѣшательство и прочтите слѣдующій простой разсказъ Карла Фохта, —человѣка, совершенно нерасположеннаго фантазировать и умиляться.

«Одинъ изъ моихъ друзей,—говоритъ Фохтъ,—сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе. Муравьи объѣдали у него вишни съ одного дерева. Чтобы отвадить ихъ, онъ вымазалъ стволъ дерева кругомъ на вершокъ въ ширину густымъ табачнымъ нагаромъ изъ трубки, собраннымъ нарочно для этой цѣли. Муравьи, взбиравшіеся на дерево толпами, поворотили назадъ, когда дошли до этого клейкаго и вонючаго кольца. Тѣ, которые были на деревѣ и хотѣли спуститься внизъ, не осмѣлились перешагнуть черезъ кольцо; они взлѣзли опять наверхъ и съ вѣтокъ свалились на землю. Дерево скоро освободилось отъ своихъ посѣтителей. Но черезъ нѣсколько времени муравьи полѣзли толпами вверхъ по стволу. Каждый изъ нихъ несъ въ челюстяхъ кусочекъ земли и съ величайшей осторожностью начали они накладывать на табачный нагаръ одинъ комокъ возлѣ другого, такъ что мало по-малу образовалась настоящая мощенная дорога, которую они укрѣпили и расширили съ величайшей старательностью. Потомъ, когда составилась полоска шириною въ полвершка, колонна муравьевъ съ полной безопасностью могла снова взбираться на дерево, которое дѣйствительно покрылось немедленно толпами опустошителей.» («Зоологическія письма».)

Если животныя дѣйствуютъ постоянно по инстинкту, и если всѣ инстинкты представляютъ только рядъ машинальныхъ привычекъ, полученныхъ каждымъ животнымъ при самомъ рожденіи по наслѣдству отъ предковъ, то надо предположить, что всѣ муравьи, посѣщающіе вишневыя деревья, имѣютъ наслѣдственную

привычку хватать въ челюсти кусочки земли, какъ только они увидятъ или обнюхаютъ на деревѣ какую нибудь гадость. Можно было-бы возразить на это остроумное предположеніе, что цѣлыя сотни или тысячи поколѣній муравьевъ могли прожить на бѣломъ свѣтѣ, не встрѣтивши ни на одномъ деревѣ клейкаго кольца изъ табачнаго нагара, но если мы уже рѣшились объяснять все наслѣдственными привычками, то насъ не должно смущать это выраженіе. Мы скажемъ, что у тысячи поколѣній этотъ инстинктъ существовалъ, но не проявлялся, а потомъ, когда другъ Фохта сдѣлалъ муравьямъ непріятность, этотъ скрытый инстинктъ тотчасъ и развернулся. Намъ отвѣтятъ, что такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, каждому муравью приходится таскать съ собою милліарды разныхъ скрытыхъ инстинктовъ, потому что на каждый отдѣльный случай должно существовать въ этой ходячей аптекѣ особенное, готовое лекарство. Но мы и тутъ нисколько не струсимъ: ну, и пускай таскаютъ милліарды инстинктовъ! Инстинктъ есть нѣчто невѣсомое, и, стало быть, для муравья такая обуза не можетъ быть обременительной. Если-же у моего читателя не достанетъ храбрости, чтобы побѣждать всѣ препятствія подобными соображеніями, то онъ непремѣнно долженъ будетъ допустить, что у муравьевъ рождаются индивидуальныя мысли, которыя отъ одной личности переходятъ въ массу и потомъ приводятся въ исполненіе соединенными усиліями всѣхъ муравьевъ, усвоившихъ себѣ новую идею. Въ самомъ дѣлѣ, трудно-же предположить, чтобы всѣмъ муравьямъ, наткнувшимся на табачную трясину, въ одну минуту пришла въ голову одна и та-же мысль, и чтобы всѣ они, не сговариваясь между собою, тотчасъ побѣжали за комками земли. Тутъ, мнѣ кажется, можно допустить только два предположенія: или какой-нибудь особенно умный муравей самостоятельно выдумалъ эту уловку въ ту самую минуту, когда встрѣтилось затрудненіе, или-же онъ припомнилъ сходный эпизодъ изъ своей жизни и пустилъ въ ходъ свою опытность, примѣняя ее къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ личный умъ или личная опытность обогатили общество муравьевъ новымъ знаніемъ или новой идеей, а такой прогрессъ, мнѣ кажется, было-бы очень несправедливо называть невольнымъ и безсознательнымъ. Но если мы только допустимъ, что муравей можетъ что-нибудь придумать и сообщить свою выдумку своимъ товарищамъ, то намъ придется совершенно отказаться отъ нашихъ нелѣпыхъ предвзятыхъ идей о машинальности тѣхъ сложныхъ и вполнѣ цѣлесообразныхъ поступковъ, которые совершаются муравьями и другими животными для блага общества и для сохраненія породы. Когда мы, оставивъ въ сторонѣ наши предубѣжденія, посмотримъ на нѣкоторыя явленія общественной жизни муравьевъ, тогда передъ нами раскроется замѣчательный смыслъ этихъ явленій и тогда мы поймемъ, что сознательный прогрессъ и чисто историческое развитіе составляютъ неотъемлемое достояніе всѣхъ высшихъ породъ животнаго царства. Надо только видѣть въ каждомъ явленіи то, что̀ въ немъ дѣйствительно заключается, а не то, что̀ вложено въ наши бѣдныя головы добродушными руководителями нашего счастливаго младенчества и нашей довѣрчивой юности.

VI.

Въ муравейникахъ мексиканскаго Myrmecocystus живутъ въ особенныхъ ячейкахъ толстобрюхіе рабочіе, выдѣляющіе на пользу общества сладкій сокъ, подобный меду. Спеціально развитое брюхо этой касты, подобно всѣмъ органамъ всевозможныхъ животныхъ, произошло не вдругъ; оно выработалось постепенно, посредствомъ медленныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ организаціи обыкновеннаго Myrmecocystus. Какъ и по какой причинѣ проявился первый зародышъ такого видоизмѣненія—этого мы не знаемъ, потому что вообще причины и законы всѣхъ видоизмѣненій до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдованы. Когда выгодное видоизмѣненіе проявилось, тогда началось дѣйствіе естественнаго выбора и произошла та обыкновенная исторія, которую читатель знаетъ уже наизусть. Но мнѣ кажется, что, кромѣ естественнаго выбора, тутъ дѣйствуетъ еще одинъ элементъ, именно сознательное вліяніе самихъ рабочихъ муравьевъ на тѣлосложеніе воспитываемыхъ личинокъ. Личинка, какъ *«дѣятельный зародышъ»*, одарена чрезвычайной гибкостью тѣлосложенія, а рабочіе муравьи, занимающіеся воспитаніемъ молодого поколѣнія, какъ важнѣйшимъ дѣломъ всей своей жизни, навѣрное довели до изумительнаго совершенства свое умѣнье пользоваться этой гибкостью. Они навѣрное умѣютъ распознавать всѣ мельчайшія личныя особенности въ организаціи личинки; они знаютъ, какъ развить эти особенности или какъ остановить ихъ развитіе; они знаютъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ дѣйствуетъ та или другая температура, то или другое помѣщеніе; и всѣми этими знаніями, которые непремѣнно должны были накопиться у нихъ втеченіи тысячелѣтій, они пользуются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ такой напряженной внимательностью, какой не можетъ похвалиться ни одинъ изъ педагоговъ самолюбиваго человѣчества. Поэтому, когда въ муравейникахъ Myrmecocystus проявились задатки медоточиваго брюха, рабочіе пустили въ ходъ всѣ свои знанія и всю свою старательность, чтобы развить до крайнихъ предѣловъ эту полезную особенность. Естественный

выборъ сдѣлалъ также свое дѣло, но приписывать ему одному весь получившійся результатъ было-бы не совсѣмъ основательно. Медоточивое брюхо не составляетъ для муравейника крайней необходимости, такъ что въ этомъ случаѣ естественный выборъ не могъ отличиться особенной строгостью. У огромнаго большинства муравьиныхъ породъ нѣтъ толстобрюхихъ рабочихъ, выдѣляющихъ сладкій сокъ, и однако-же эти муравьи живутъ очень благополучно и пользуются сокомъ тлей, или травяныхъ вшей, которыя совершенно справедливо могутъ быть названы дойными коровами муравьевъ.

Когда мы видимъ, что человѣкъ подчинилъ своему господству то или другое животное, тогда мы говоримъ, что это подчиненіе произведено силой человѣческаго ума. Если мы отложимъ въ сторону наши предубѣжденія, то мы должны будемъ высказать то-же самое сужденіе, когда увидимъ, что муравей подчинилъ своему господству тлю. А что это подчиненіе дѣйствительно существуетъ, въ этомъ читатель убѣдится изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ Карла Фохта и Дарвина.

«У настоящихъ тлей, — говоритъ Карлъ Фохтъ,—находятся на задней части тѣла двѣ прямыя трубочки, изъ которыхъ вытекаетъ сладкій сахарный сокъ, съ жадностью пожираемый муравьями. Каждый муравейникъ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ свою область деревьевъ, кустовъ и травъ, на которыхъ сидятъ по листьямъ и по стволамъ колоніи тлей. Муравьи заботливо ухаживаютъ за этими колоніями и даже иногда перетаскиваютъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Можно видѣть, какъ муравьи ласкаютъ этотъ дойный скотъ, тихо гладятъ и постукиваютъ его своими щупальцами до тѣхъ поръ, пока не выступитъ изъ трубочекъ медовый сокъ, который съ жадностью поглощается муравьями». («Зоологическія письма»).

Въ концѣ той-же книги отношенія между тлями и муравьями описаны еще подробнѣе: «Лѣтомъ,—говоритъ Фохтъ, — рабочіе муравьи добываютъ пищу не только для самихъ себя, но и для личинокъ, для самокъ и для самцовъ, которые всѣ ничего не дѣлаютъ. Они кормятъ ихъ всевозможными органическими веществами, но преимущественно сладкими растительными соками, которые доставляютъ имъ тли... Муравьи обращаются съ тлями крайне заботливо, пересаживаютъ ихъ съ засохшихъ вѣтвей и побѣговъ на свѣжіе, живые листья и до тѣхъ поръ ласкаютъ ихъ щупальцами, пока онѣ не выпустятъ медоваго сока. Бо̀льшая часть муравьиныхъ породъ строитъ отъ своего гнѣзда крытые проходы, настоящія искусственныя дороги, къ тѣмъ деревьямъ и кустамъ, на которыхъ находятся колоніи ихъ дойнаго скота; другіе даже приносятъ въ свои гнѣзда такихъ тлей, которыя питаются корнями растеній, и эти тли проводятъ зиму въ муравейникѣ.»

А вотъ личное наблюденіе другого натуралиста, доказывающее, что тли дѣйствительно могутъ быть названы въ отношеніи къ муравьямъ ручными животными. «Я—удалилъ, говоритъ Дарвинъ, —всѣхъ муравьевъ отъ группы изъ дюжины тлей, сидѣвшихъ на щавелѣ, и не допускалъ къ нимъ муравьевъ втеченіи нѣсколькихъ часовъ. По прошествіи этого времени я былъ убѣжденъ, что тлямъ уже хочется выдѣлять свой сокъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ въ лупу, но ни одна изъ нихъ не выдѣляла сока. Затѣмъ я принялся трогать и щекотать ихъ волоскомъ по возможности тѣмъ-же способомъ, какъ щекочутъ ихъ муравьи своими усиками; но ни одна изъ нихъ не выпустила соку. Вслѣдъ затѣмъ я допустилъ къ нимъ муравья, и по дѣятельности, съ которой онъ забѣгалъ вокругъ нихъ, было очевидно, что онъ тотчасъ замѣтилъ, на какое богатое стадо онъ напалъ. Онъ тотчасъ принялся щекотать усиками брюшко сперва одной тли, потомъ другой, и каждая тля, какъ только ощущала прикосновеніе усиковъ, тотчасъ подымала свое брюшко и выдѣляла прозрачную каплю сладкаго сока, которую жадно глоталъ муравей. Даже самыя молодыя тли поступали такъ-же, доказывая тѣмъ, что это—дѣйствіе инстинктивное, но не слѣдствіе опыта. Но такъ какъ выдѣленіе чрезвычайно липко, то тлямъ вѣроятно полезно отдѣлываться отъ него, и поэтому тля вѣроятно выдѣляетъ сокъ инстинктивно не для одного блага муравьевъ».

Къ этому можно прибавить, что тлямъ вообще очень полезно находиться подъ покровительствомъ муравьевъ, и что именно вслѣдствіе этого самыя молодыя тли, по наслѣдственному инстинкту, обращаются съ своими покровителями такъ довѣрчиво, какъ напримѣръ щенокъ или теленокъ обращается съ человѣкомъ.

Если мы сравнимъ обычаи породы Myrmecocystus съ дѣйствіями другихъ муравьевъ, покорившихъ тлей, то мы увидимъ, какъ это даровитое насѣкомое (муравей, а не тля) умѣетъ соображаться съ обстоятельствами. Гдѣ представилось внутри самой породы выгодное видоизмѣненіе, тамъ муравьи довели его до крайнихъ предѣловъ и извлекли изъ него всевозможную пользу для своего общества. Гдѣ такого видоизмѣненія не случилось, тамъ муравьи устроили свои дѣла иначе и доставили себѣ удобства жизни силой собственной изобрѣтательности. Изъ того, что сообщаетъ Фохтъ, можно вывести заключеніе, что муравьи ведутъ свое скотоводство гораздо раціональнѣе, чѣмъ какіе-нибудь киргизы или лапландцы, у которыхъ скотъ—у первыхъ лошади, у вторыхъ сѣверные олени — зимуетъ подъ открытымъ небомъ и кормится чѣмъ Богъ пошлетъ. Разумѣется, это скотоводство муравьевъ развивалось такъ-же послѣдовательно и постепенно, какъ и всѣ остальныя отрасли ихъ общественнаго быта; и навѣрное опыты и соображе-

нія отдѣльныхъ личностей, понемногу входившіе въ сознаніе массъ и превращавшіеся въ прочную привычку, составляютъ единственное основаніе теперешняго господства муравьевъ надъ тлями. Кому-нибудь изъ муравьевъ надо-же было *открыть* тотъ фактъ, что тля даетъ сладкій сокъ; потомъ это *открытіе* должно было распространиться и обобщиться. Прогрессъ совершился вполнѣ сознательно, и если вы съ этимъ не согласитесь, то вы должны будете предположить, что сама природа, создавая муравья, вложила въ его мозгъ понятіе о тлѣ и о ея сокѣ. Отчего-бы не сказать въ такомъ случаѣ, что и въ нашего мужика вложено самой природой понятіе о яровомъ и озимомъ хлѣбѣ?

VII.

У Eciton и у многихъ другихъ муравьевъ личинки, осуждаемыя на безплодіе природой или воспитаніемъ, развиваются по двумъ различнымъ направленіямъ: однѣ становятся воинственными амазонками, а другія—заботливыми и трудолюбивыми хозяйками. Еслибы одна изъ этихъ кастъ развилась въ ущербъ другой, то-есть, еслибы появилось слишкомъ много работниковъ или слишкомъ много воиновъ, то благосостояніе общества пострадало-бы отъ такой перемѣны, потому что въ первомъ случаѣ муравейнику стала-бы угрожать опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, а во второмъ случаѣ домашнія работы и воспитаніе дѣтей пришли-бы въ упадокъ. Еслибы это нарушеніе равновѣсія между кастами проявилось въ очень значительныхъ размѣрахъ, то оно могло-бы окончательно погубить общество или породу. Вѣроятно очень многіе муравейники или даже цѣлые виды муравьевъ погибли вслѣдствіе этого обстоятельства. Но натуралистамъ извѣстны двѣ породы, у которыхъ это равновѣсіе совершенно нарушено и которыя, несмотря на то, существуютъ и размножаются; въ основаніи ихъ общественной жизни лежитъ чисто искусственное учрежденіе, играющее очень важную роль въ исторіи человѣчества. Эти двѣ породы сдѣлались совершенно воинственными, *завели себѣ рабовъ* и на нихъ сложили значительную часть хозяйственныхъ и педагогическихъ заботъ. Рабство находится у этихъ двухъ породъ на двухъ различныхъ степеняхъ развитія. У кроваваго муравья (Formica Sangvinea), порабощающаго черныхъ, господа работаютъ вмѣстѣ съ рабами; напротивъ того, у рыжеватаго (Formica Rufescens), захватывающаго бурыхъ, господа ровно ничего не дѣлаютъ и даже разучились ѣсть безъ помощи рабовъ. Всѣ эти факты доказаны прямыми опытами и самыми тщательными наблюденіями Петра Губера, Смита, Дарвина и другихъ первоклассныхъ натуралистовъ. Безплодныя самки рыжеватаго муравья умѣютъ только вести войну, разорять чужіе муравейники и захватывать рабовъ.

«Безполые субъекты кроваваго и рыжеватаго муравьевъ,—говоритъ Карлъ Фохтъ,—встрѣчающихся въ нашихъ мѣстахъ, сами не работаютъ, но предпринимаютъ настоящіе военные походы, нападаютъ на гнѣзда другихъ муравьевъ и похищаютъ оттуда куколки рабочихъ. Большей частью тактика ихъ состоитъ въ томъ, что они внезапно бросаются на сосѣдній муравейникъ, и, когда его обитатели начинаютъ обороняться, тогда главная масса нападающихъ даетъ формальное сраженіе, между тѣмъ какъ отдѣльные отряды обходятъ крылья непріятеля и опустошаютъ его гнѣздо. Послѣ такой борьбы поле сраженія бываетъ покрыто трупами; обѣ стороны кусаютъ другъ друга съ величайшимъ ожесточеніемъ; раненые и неспособные къ борьбѣ подъ прикрытіемъ друзей удаляются изъ свалки въ безопасное мѣсто. Похищенныя куколки развиваются впослѣдствіи въ жилищѣ похитителей и исправляютъ тамъ рабскія обязанности, т. е. принимаютъ на себя всѣ хозяйственныя работы, кормятъ своихъ праздныхъ господъ и ухаживаютъ за ихъ личинками. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ смѣшанныя общества муравьевъ, въ которыхъ существуютъ четыре разряда обитателей: самцы, самки и воины (такъ-называемыя амазонки) одного вида и трудящіеся рабы другого вида.» («Зоологическія письма».)

Дарвинъ объясняетъ происхожденіе рабовладѣльческихъ учрежденій тѣмъ, что куколки, захваченныя для съѣденія, случайно развились въ муравейникѣ своихъ похитителей. Муравьи, вышедшіе изъ этихъ куколокъ, по влеченію своего врожденнаго инстинкта, принялись за работу. Это обстоятельство оказалось выгоднымъ для общества, и затѣмъ началось обыкновенное дѣйствіе естественнаго выбора. Эта гипотеза Дарвина очень правдоподобна, но нельзя не замѣтить, что Дарвинъ здѣсь, какъ и вездѣ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ сознательную дѣятельность самихъ муравьевъ. Почему дѣлаетъ это Дарвинъ—этого я не знаю. Можетъ-быть потому, что онъ не хочетъ входить въ подробности, неимѣющія прямого отношенія къ его теоріи; а можетъ-быть и потому, что онъ пишетъ для англійскаго общества, которое любитъ, чтобы «всякій сверчокъ зналъ свой шестокъ», и которое слѣдовательно не желаетъ, чтобы ничтожный муравей осмѣливался пускаться въ слишкомъ остроумныя размышленія. Какъ-бы то ни было, я считаю нелишнимъ постоянно выдвигать эту сторону дѣла впередъ и освѣщать ее, какъ можно ярче. Похищенныя куколки развились и новорожденные муравьи начали работать;—прекрасно; но вѣдь эти муравьи по фигурѣ и по цвѣту были совершенно не похожи на воинственныхъ владѣльцевъ муравейника; почему-же хозяева оставили ихъ въ живыхъ, между тѣмъ какъ тѣ-же хозяева имѣли обыкновеніе убивать на войнѣ и съѣдать послѣ побѣды соот-

чественниковъ этихъ муравьевъ? Стало быть, кому-нибудь изъ хозяевъ пришло въ голову, что эти плѣнники своей работой могутъ принести больше пользы, чѣмъ своей смертью. Потомъ еще кому-нибудь пришло въ голову, что можно захватить нѣсколько куколокъ нарочно для того, чтобы сформировать изъ нихъ плѣнныхъ работниковъ. Потомъ, когда эти двѣ мысли распространились и обобщились, воинственные муравьи быстро сообразили, что можно сложить на плѣнниковъ значительную долю тѣхъ домашнихъ работъ, которыми до того времени, по необходимости и съ крайней неохотой, занимались сами хозяева. Тогда одно занятіе за другимъ стало переходить въ руки рабовъ. Хозяева отдали всѣ свои помышленія войнѣ и грабежу и наконецъ избаловались до такой невѣроятной степени, что рабы принуждены въ настоящее время кормить своихъ взрослыхъ и воинственныхъ повелителей, какъ маленькихъ личинокъ.

Рыжеватые муравьи, подобно людямъ, постоянно стремились совершенно сознательно къ тому, что въ каждую данную минуту казалось имъ выгодой или удобствомъ, и, подобно людямъ, они не умѣли смотрѣть вдаль, и потому, въ общемъ результатѣ, эти стремленія къ близкой выгодѣ и къ близкому удобству привели ихъ къ окончательной и неисправимой деморализаціи. Если мы сравнимъ исторію рыжеватаго муравья съ исторіей многихъ рабовладѣльческихъ государствъ, то мы увидимъ поразительное сходство въ расположеніи причинъ и слѣдствій. И здѣсь, и тамъ—сначала война, потомъ рабство и наконецъ деморализація. Это доказываетъ намъ, что какъ только образуется общество, такъ начинается немедленно неотразимое господство соціальныхъ законовъ, которые, подобно всѣмъ остальнымъ законамъ природы, дѣйствуютъ совершенно безстрастно и не допускаютъ никакихъ исключеній.

Отношенія между рыжеватыми муравьями и ихъ бурыми рабами доказываютъ намъ кромѣ того, что инстинкты муравья чрезвычайно гибки не только въ цѣлой породѣ, но и въ каждой отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ это обстоятельство: рабы всѣ безплодны, и каждое новое поколѣніе рабовъ набирается посредствомъ новаго похищенія куколокъ. Каждая похищенная куколка родилась въ свободномъ муравейникѣ и провела въ немъ весь личиночный періодъ своей жизни. Стало быть, ни отъ своихъ родителей, ни отъ своихъ первыхъ воспитателей куколка не могла получить ни одной частицы тѣхъ спеціальныхъ инстинктовъ, которые потребуются отъ нея въ рабовладѣльческомъ муравейникѣ. Изъ куколки выходитъ взрослое насѣкомое и принимается за работу; это конечно наслѣдственный инстинктъ, усиленный воспитаніемъ личинки. Но кормить взрослыхъ муравьевъ—развѣ это наслѣдственный инстинктъ и развѣ онъ могъ быть привитъ личинкѣ такими воспитателями, которые, оставаясь свободными, сами кормятъ только личинокъ? При переселеніяхъ изъ одного муравейника въ другой бурые рабы рыжеватаго муравья берутъ своихъ господъ въ челюсти и переносятъ ихъ на новоселье. Этотъ обычай также не существуетъ въ свободномъ муравейникѣ, и слѣдовательно тутъ также не можетъ быть рѣчи о наслѣдственности. Какимъ-же образомъ эти особенные обычаи сформировались и поддерживаются? Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Когда первыя поколѣнія бурыхъ рабовъ вышли изъ похищенныхъ куколокъ, тогда рыжеватые рабовладѣльцы сами принялись за воспитаніе этихъ новорожденныхъ муравьевъ и переработали ихъ естественныя наклонности сообразно съ своими собственными требованіями. Потомъ взрослые и вышколенные рабы стали помогать своимъ господамъ въ воспитаніи новичковъ, съ которыми эти старые рабы были связаны какъ единствомъ происхожденія, такъ и одинаковостью общественнаго положенія. Наконецъ, когда господа совсѣмъ облѣнились, рабы приняли на себя всю эту заботу вмѣстѣ со всѣми остальными хозяйственными распоряженіями. Это доказываетъ намъ, что муравей можетъ воспитать другого муравья, не только въ физическомъ смыслѣ кормленія, какъ рабочіе воспитываютъ личинокъ, но и... но и... въ умственномъ и соціальномъ.

Между первымъ поколѣніемъ господъ и первымъ поколѣніемъ рабовъ не могли существовать тѣ отношенія, которыя существуютъ теперь между этими двумя классами въ рабовладѣльческихъ обществахъ. До появленія первыхъ рабовъ рыжеватый муравей самъ работалъ; не могъ же онъ тотчасъ послѣ ихъ появленія вдругъ выдумать, что онъ самъ не въ состояніи даже ѣсть. Такой штуки не выдумаетъ сразу ни муравей, ни человѣкъ. Впослѣдствіи это нововведеніе также не могло появиться вдругъ, потому что всякій нелѣпый обычай вводится только нечувствительно, такъ, что къ нему присматриваются и привыкаютъ понемногу. Обычай устанавливается самъ собою, а не выдумывается. Стало быть, каждое новое поколѣніе господъ и рабовъ медленно и незамѣтно измѣняло что-нибудь въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, и одинъ день былъ не похожъ на другой, и одна недѣля еще менѣе была похожа на другую. Молодые рабы перенимали привычки старыхъ, но потомъ, во время своей жизни, измѣняли эти привычки и въ этомъ измѣненномъ видѣ передавали ихъ новому поколѣнію, которое въ свою очередь производило въ нихъ перемѣны.

Мудреное, очень мудреное животное этотъ муравей! Личный умъ, индивидуальная изобрѣтательность, разнообразіе характеровъ и наклонностей, цѣлесообразное воспитаніе, смѣна поко-

леній, ведущая за собою смѣну обычаевъ, развитая общественная жизнь съ ошибками и уклоненіями, умѣнье пользоваться обстоятельствами, способность участвовать сознательными усиліями ума въ прогрессѣ собственной породы—все это мы находимъ у муравья и все это вмѣстѣ несомнѣнно обезпечиваетъ за нимъ первое мѣсто въ громадномъ отдѣлѣ членистыхъ или суставчатыхъ животныхъ. Но для насъ должны быть еще гораздо важнѣе тѣ общія мысли, на которыя наводитъ насъ весь этотъ длинный и между тѣмъ чрезвычайно отрывочный и неполный очеркъ муравьинаго житья-бытья. Прочитавши эти страницы, читатель быть-можетъ убѣдится въ томъ, что прогрессъ дѣйствительно существуетъ въ мірѣ животныхъ и растеній.

Въ заключеніе я представлю бѣглый очеркъ геологическихъ, географическихъ, эмбріологическихъ и анатомическихъ доказательствъ теоріи Дарвина.

Геологическіе документы.

I.

Если вы имѣете нѣкоторое понятіе о геологіи, но если понятіе это довольно поверхностно, то вы, читатель мой, по всей вѣроятности думаете, что геологія можетъ и должна рѣшить безапелляціонно вопросъ о достоинствѣ теоріи Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ формы животныхъ и растеній измѣнялись постепенно и чрезвычайно медленно, то въ различныхъ пластахъ земной коры должны находиться несомнѣнные слѣды и очевидныя доказательства этихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Если напримѣръ волкъ, шакалъ и лисица произошли отъ одного вида, послужившаго родоначальникомъ всему собачьему семейству, то геологи и палеонтологи, то есть историки нашей планеты и ея органической жизни, должны показать намъ скелетъ этого родоначальника и кромѣ того скелеты его потомковъ, постепенно принимающихъ на себя фигуру волка, шакала и лисицы. Требованіе это повидимому очень естественно и законно; кость можетъ сохраняться очень долго, а лишь бы только найти двѣ-три кости животнаго—и палеонтологи тотчасъ опредѣлятъ, къ какому виду оно принадлежало и какова была его внѣшняя фигура. Уже Кювье по одной кости животнаго умѣлъ возстановлять весь портретъ исчезнувшей породы, а послѣ Кювье палеонтологія и сравнительная анатомія сдѣлали много новыхъ успѣховъ. Поэтому я повторяю, что требованіе на счетъ родоначальника собачьей породы и насчетъ его видоизмѣняющихъ потомковъ можетъ показаться вполнѣ справедливымъ не только какому-нибудь профану, вродѣ меня или моего читателя, но даже и натуралисту, не успѣвшему вглядѣться въ дѣйствительныя затрудненія такого запроса. Очень дѣльные люди до сихъ поръ пристаютъ къ Дарвину съ такими требованіями и возраженіями. Если, говорятъ они, различныя породы животныхъ развиваются одна изъ другой, то покажите намъ скелеты или по крайней мѣрѣ кости всѣхъ переходныхъ формъ. А если не покажете, то, значитъ, породы не измѣняются, значитъ, исчезнувшія животныя и растенія не находятся въ родственной связи съ теперешними органическими формами, и, значитъ, вся ваша теорія есть не что иное, какъ произведеніе блестящей, но безполезной фантазіи.

Все это приставаніе и весь этотъ процессъ доказательствъ очень неосновательны. *Во-первыхъ*, только Европа и Соединенные Штаты изслѣдованы до сихъ поръ въ геологическомъ отношеніи хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Азія, Африка, Южная Америка и Австралія, то есть слишкомъ четыре пятыхъ всего существующаго материка, совершенно не тронуты. *Во-вторыхъ*, даже изслѣдованныя части чуть не каждый годъ изумляютъ геологовъ новыми фактами, которые производятъ радикальные перевороты въ постановкѣ и въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ вопросовъ. *Въ-третьихъ*, кости, раковины и вообще всѣ твердыя части животныхъ и растительныхъ организмовъ, несмотря на свою твердость, все-таки разлагаются и могутъ быть сохранены въ цѣлости только благодаря стеченію особенно благопріятныхъ и чисто исключительныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ оказывается, что современная геологія знаетъ только ничтожную частицу изъ всей массы существующихъ органическихъ остатковъ; а эти существующіе остатки въ свою очередь составляютъ также очень ничтожную частицу изъ всей массы существовавшихъ организмовъ. Пройдутъ десятки вѣковъ прежде, чѣмъ геологи отроютъ всѣ окаменѣлости, лежащія въ различныхъ пластахъ земной коры, подъ различными географическими широтами и долготами. Легко можетъ быть, что *всѣ* существующія окаменѣлости никогда не будутъ отрыты и собраны, но еслибы даже это и случилось, то и тогда было-бы совершенно неосновательно воображать себѣ, что музеумъ, обладающій всѣми этими палеонтологическими сокровищами, можетъ дать мыслящему натуралисту полное и отчетливое понятіе обо всемъ историческомъ развитіи органической жизни. О теперешнемъ же положеніи нашихъ палеонтологическихъ коллекцій нечего и говорить. Ученые, занимающіеся геологіей, обнаруживаютъ изумительную проницательность; и довели точность своихъ научныхъ пріемовъ и строгость своихъ наблюденій и умозаключеній до невѣроятной степени совершенства, но, несмотря на это обстоятельство, геологія и палеонтологія, по недостаточному количеству наличныхъ матеріаловъ, находятся еще въ полномъ младенчествѣ и, какъ подростающія дѣти, постоянно измѣняютъ свою физіономію.

Сто лѣтъ тому назадъ геологія и палеонтологія не существовали. Вольтеръ былъ человѣкъ очень неглупый, но когда онъ начинаетъ разсуждать объ исторіи нашей планеты, то вамъ кажется, будто вы слышите судью Ляпкина-Тяпкина или Кифу Мокіевича. Ему говорятъ напримѣръ, что въ альпійскихъ горахъ найдены окаменѣлыя раковины такихъ животныхъ, которыя въ настоящее время живутъ въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Сиріи; а онъ по этому поводу представляетъ соображенія, что эти раковины занесены туда какими-нибудь пилигримами, которые сначала посѣтили Палестину, а потомъ отправились въ Римъ изъ Германіи или изъ Франціи. Шли они черезъ Альпы, ну, и обронили раковину, взятую съ сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря. Такое легкое и живое объясненіе предлагалось Вольтеромъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; Вольтеръ не былъ спеціалистомъ, но его нельзя назвать профаномъ; онъ очень хорошо понималъ великое значеніе естественныхъ наукъ и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; поэтому ясно, что во второй половинѣ XVIII вѣка самые образованные люди не имѣли понятія объ исторіи земного шара и даже не подозрѣвали возможности возсоздать основныя черты этой исторіи по различнымъ пластамъ земной коры и по различнымъ окаменѣлостямъ, заключеннымъ въ этихъ пластахъ. Выводя на сцену своихъ пилигримовъ, обронившихъ раковину, Вольтеръ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, на какой глубинѣ открыта эта раковина, въ какой почвѣ она лежала, какіе слѣды оставила на ней эта почва. Всѣ эти вопросы для него не существуютъ, и онъ даже сомнѣвается въ томъ, чтобы можно было отличить морскую раковину отъ прѣсноводной или сухопутной. Когда-же нѣкоторые ученые осмѣливаются высказать потихоньку скромное предположеніе, что можетъ быть Альпы были въ доисторическія времена покрыты моремъ, тогда Вольтеръ схватываетъ себя за бока и начинаетъ хохотать самымъ искреннимъ и неумолимымъ смѣхомъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что геологія родилась послѣ Вольтера, послѣ Бюффона, послѣ французской революціи, то есть въ началѣ нынѣшняго столѣтія. У этого новорожденнаго ребенка явилось тотчасъ множество дѣтскихъ болѣзней: первые геологи, и во главѣ ихъ великій Кювье, стали толковать о катаклизмахъ и переворотахъ и начали изъ отрытыхъ костей и раковинъ строить хитрѣйшіе планы и системы мірозданія. Тридцать лѣтъ тому назадъ Кювье говорилъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни ископаемыхъ обезьянъ, ни ископаемыхъ людей, и приводилъ въ пользу этого мнѣнія даже теоретическія основанія. Эти основанія очень хороши и убѣдительны, но къ сожалѣнію нашлись ископаемыя обезьяны и даже ископаемые люди.

«Только двадцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ лекціяхъ о человѣкѣ,—учился я у Агассиза слѣдующимъ истинамъ: первичныя образованія, палеозойскія формаціи=царство рыбъ; въ это время нѣтъ пресмыкающихся и не могло ихъ быть, потому что это было-бы противно плану мірозданія;—вторичныя образованія (тріасъ, юра, мѣлъ)=царство пресмыкающихся; нѣтъ млекопитающихъ и не могло ихъ быть по той-же самой причинѣ;—третичные пласты=царство млекопитающихъ; нѣтъ людей и не можетъ ихъ быть;—нынѣшнее твореніе = царство человѣка. Куда дѣвалась теперь эта теорія со всѣми своими исключительностями? Пресмыкающіяся въ девонскихъ пластахъ, пресмыкающіяся въ каменномъ углѣ, пресмыкающіяся въ діасѣ—прощай, царство рыбъ!—Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ пурбекскомъ известнякѣ, который причисляется нѣкоторыми учеными къ нижнимъ слоямъ мѣловой формаціи — до свиданія, царство пресмыкающихся! — Люди въ верхнихъ третичныхъ пластахъ, люди въ намывныхъ слояхъ—приходи въ другой разъ, царство млекопитающихъ!»

Открытіе ископаемыхъ людей было особенно жестокимъ ударомъ для заносчивости ревностныхъ систематиковъ, и ударъ этотъ нанесенъ имъ очень недавно, всего лѣтъ пять тому назадъ. Особенно сокрушительно для нихъ то обстоятельство, что открытіе это сдѣлано не въ Австраліи, не въ Африкѣ, даже не въ Азіи, а именно въ Европѣ, да еще во Франціи и въ Англіи, то есть какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были изслѣдованы тщательнѣе, чѣмъ всѣ остальныя мѣстности земного шара. Если въ такихъ извѣстныхъ странахъ возможны до настоящей минуты новыя открытія колоссальной важности, то повидимому систематикамъ остается только замолчать или публично признаться въ томъ, что бѣдность матеріаловъ еще не позволяетъ геологамъ и палеонтологамъ заниматься сооруженіемъ системъ и произносить какіе-бы то ни было приговоры на счетъ различныхъ особенностей органической жизни въ отдаленномъ прошедшемъ. Даровитѣйшіе изъ современныхъ геологовъ, и во главѣ ихъ знаменитый Чарльзъ Ляйелль, истребитель катаклизмовъ и переворотовъ, вполнѣ сознаютъ безсиліе своей науки и никакъ не рѣшаются поражать теорію Дарвина тѣмъ возраженіемъ, что наши палеонтологическія коллекціи не представляютъ безчисленнаго множества переходныхъ формъ. Они очень хорошо понимаютъ, что въ геологіи отрицательныя доказательства не имѣютъ ни малѣйшей силы. Геологъ говоритъ: «такое-то животное существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи находятся его кости», — это дѣло. Но геологъ не можетъ сказать: «такое-то животное не существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи *нѣтъ* его ко-

стей»,—это была-бы чепуха. *Нѣтъ* на языкѣ геологовъ значитъ: *мы не нашли.* Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Не нашли сегодня, можете найти завтра. А если даже и совсѣмъ не найдете, то и это еще ничего не доказываетъ. Животное могло существовать, а кости его могли не сохраниться. Кости, раковины и другіе органическіе остатки сохраняются втеченіи цѣлыхъ геологическихъ эпохъ только тогда, когда они покрываются очень толстымъ наносомъ минеральныхъ частицъ,—такимъ наносомъ, который можетъ ихъ защищать отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха, воды, различныхъ кислотъ. Гдѣ нѣтъ такого наноса, тамъ самая твердая кость разлагается и уничтожается безъ слѣда, хоть конечно на такое уничтоженіе требуется нѣсколько столѣтій. Но такіе предохранительные наносы образуются преимущественно изъ тѣхъ минеральныхъ частицъ, которыя осаждаются на дно морей, озеръ и рѣкъ. Чтобы кость сохранилась, она должна попасть въ одно изъ такихъ водовмѣстилищъ и покрыться минеральнымъ осадкомъ, прежде нежели ее истребитъ разрушительное дѣйствіе воды и водяныхъ животныхъ. Поэтому не трудно понять, что во всѣхъ пластахъ земной коры остатки морскихъ и прѣсноводныхъ животныхъ встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ кости млекопитающихъ и птицъ, то есть такихъ животныхъ, которыя живутъ и умираютъ на сушѣ. Кость какого-нибудь мамонта или медвѣдя можетъ сохраниться только тогда, когда она *случайно* попадетъ, уже послѣ смерти животнаго, въ ложе рѣки или озера, или-же тогда, когда она такъ или иначе будетъ занесена въ такую пещеру, въ которой известковая вода, просачиваясь черезъ разныя щели, образуетъ на полу и на стѣнахъ твердую кору сталагмитовъ и сталактитовъ. Эта кора понемногу покроетъ занесенную кость и предохранитъ ее отъ разложенія. Нѣкоторыя породы исчезнувшихъ животныхъ извѣстны намъ исключительно по тѣмъ костямъ, которыя сохранились въ такихъ пещерахъ; эти животныя такъ и называются *пещерными*, напримѣръ пещерный медвѣдь (Ursus Spelaeus), пещерная гіена (Hyaena Spelaea). Понятно, что только очень незначительное количество костей могло сохраниться такимъ путемъ. Огромное-же большинство погибло безъ остатка, то-есть пошло опять въ общій круговоротъ жизни и превратилось въ составныя части новыхъ растеній и новыхъ животныхъ. Иначе и быть не можетъ, и только Кифа Мокіевичъ способенъ былъ-бы вообразить себѣ, что кости всѣхъ животныхъ, существовавшихъ съ самаго начала органической жизни, могутъ сохраниться въ цѣлости. На земномъ шарѣ втеченіи неизмѣримаго ряда тысячелѣтій жили и умирали неисчислимые милліоны и милліарды животныхъ; ихъ кости въ общей сложности составляютъ такую груду, которая навѣрное въ нѣсколько тысячъ разъ превышаетъ объемъ всей нашей планеты. Ясно стало быть, что кости умершихъ поколѣній постоянно идутъ на сооруженіе костей живущихъ организмовъ. Недавно въ Англіи случился очень извѣстный примѣръ такого употребленія костей. Замѣчено было, что честерскій сыръ начинаетъ терять свои превосходныя качества. Стали изслѣдовать причину: оказалось, что въ молокѣ тамошнихъ коровъ не достаетъ нѣкоторыхъ составныхъ частей; эти составныя части получаются изъ пищи; стали анализировать пищу и нашли наконецъ, что вся бѣда происходитъ отъ истощенія почвы тѣхъ луговъ, на которыхъ пасутся честерскія коровы. Разыскали, чего именно не достаетъ въ почвѣ, и пополнили этотъ недостатокъ слѣдующимъ образомъ. Разрыли ватерлооское поле, привезли на нѣсколькихъ корабляхъ кучи человѣческихъ и лошадиныхъ костей, смололи все это на паровыхъ мельницахъ, и этимъ костянымъ порошкомъ усыпали истощившіеся луга. Честерскій сыръ немедлено исправился, но сама природа съ незапамятныхъ временъ дѣлаетъ то, чему наши химики выучились только въ нынѣшнемъ столѣтіи.

«Кажется, — говоритъ Ляйелль, — въ планъ природы не входитъ сохранять продолжительное свидѣтельство о значительномъ количествѣ растеній и животныхъ, которыя жили на поверхности земли. Напротивъ, повидимому ея главная забота состоитъ въ доставленіи средствъ избавить удобную для жительства поверхность земли, покрытую или непокрытую водою, отъ этихъ миріадъ плотныхъ скелетовъ и огромныхъ стволовъ, которые безъ этого вскорѣ-бы запрудили рѣки и засыпали долины. Чтобы избѣгнуть этого неудобства, она прибѣгаетъ къ теплотѣ солнца, къ влажности атмосферы, къ растворяющей силѣ угольной и другихъ кислотъ, къ зубамъ хищныхъ, къ желудку четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, и къ дѣйствію множества безпозвоночныхъ животныхъ.» (*Ляйелль.* «Древность человѣка». Русскій переводъ Ковалевскаго).

Къ немалому огорченію геологовъ и палеонтологовъ, всѣ эти разрушители, крупные и мелкіе, неодушевленные и одушевленные, исполняютъ свою обязанность превосходно и уничтожаютъ все, что только можетъ быть уничтожено. Осушеніе Гаарлемскаго озера, произведенное голландскимъ правительствомъ въ 1853 году, обнаружило въ полномъ блескѣ изумительную силу всѣхъ этихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ враговъ геологіи и палеонтологіи. Озеро это покрывало поверхность въ 45,000 квадратныхъ акровъ; на его водахъ произошло много кораблекрушеній и много морскихъ битвъ, въ которыхъ погибли сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ; антикваріи нашли въ ложѣ этого озера обломки судовъ и оружіе шестнадцатаго вѣка,

но во всемъ озерѣ не нашлось ни одной человѣческой кости. Неправда-ли, какъ остроумно было-бы придавать этому отрицательному доказательству значеніе серьезнаго аргумента? А геологъ, приводящій какое-бы то ни было отрицательное доказательство, никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ не попадаетъ въ такой же точно просакъ. Въ Сѣверной Франціи, въ долинѣ Соммы, въ дилювіальныхъ или намывныхъ пластахъ рядомъ съ костями мамонтовъ и другихъ угасшихъ животныхъ найдено множество кремневыхъ орудій самой грубой работы. Кто дѣлалъ эти топоры и ножи? — Люди, современные мамонту. А гдѣ кости этихъ людей?—Костей нѣтъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Да ровно ничего не слѣдуетъ. Надо ждать, пока найдутся кости. Подождали. И дѣйствительно, въ той же самой формаціи отыскалась человѣческая челюсть. Ну, а еслибы эта челюсть не нашлась, тогда что?— И тогда ничего-бы не воспослѣдовало. Все-таки топоры и ножи не могли обтесаться сами собою, и мамонты также ихъ не могли обтесать, значитъ, присутствіе или отсутствіе человѣческихъ костей нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Очень пріятно, если человѣческія кости найдутся, потому что тогда можно будетъ сдѣлать кое-какія заключенія объ анатомическомъ строеніи этого первобытнаго племени, но, хоть бы не осталось ни одной человѣческой кости, все-таки существованіе человѣка въ эпоху мамонтовъ оказывается несомнѣннымъ и неопровержимымъ фактомъ.

«Между тѣмъ,—говоритъ Ляйелль,—отсутствіе всякаго слѣда костей, принадлежащихъ народонаселенію, оставившему столько готовыхъ и неоконченныхъ орудій, представляетъ поразительный урокъ относительно того значенія, которое мы должны придавать этимъ отрицательнымъ доказательствамъ, приводимымъ въ пользу несуществованія нѣкоторыхъ классовъ земныхъ животныхъ въ данную эпоху прошедшаго. Это — новое и замѣчательное доказательство крайняго несовершенства нашихъ геологическихъ данныхъ,—несовершенства, о которомъ даже тѣ, которые постоянно работаютъ на этомъ поприщѣ, съ трудомъ могутъ составить себѣ вѣрное понятіе.»

«По нашему незнанію геологіи иныхъ странъ, кромѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ,—говоритъ Дарвинъ,—и по тѣмъ переворотамъ въ нашихъ геологическихъ воззрѣніяхъ, которые произошли отъ открытій послѣднихъ двѣнадцати годовъ, мнѣ кажется, что мы имѣемъ столько-же права дѣлать общіе выводы о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на земномъ шарѣ, сколько имѣлъ-бы натуралистъ, посѣтившій на пять минутъ пустынный берегъ Австраліи, право разсуждать о количествѣ и свойствѣ ея естественныхъ произведеній.»

«Развивая метафору Чарльза Ляйелля,—говоритъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ,— я считаю нашу геологическую лѣтопись за исторію міра, веденную непостоянно и написанную на измѣнчивомъ нарѣчіи. Изъ этой исторіи намъ доступенъ лишь послѣдній томъ, относящійся къ двумъ-тремъ странамъ. Изъ этого тома лишь тамъ и сямъ сохранилась краткая глава и изъ каждой страницы—лишь нѣсколько безсвязныхъ строкъ.»

Такимъ образомъ для насъ становится ясною та истина, что геологія не имѣетъ никакого права и ни малѣйшей возможности произносить надъ теоріей Дарвина въ ту или въ другую сторону окончательный приговоръ. Мы должны только разсмотрѣть вопросъ, примиряются-ли съ теоріей Дарвина тѣ немногіе *положительные* факты, которые составляютъ прочное и неотъемлемое достояніе современной геологіи.

II.

Рыбы появляются въ первый разъ въ девонскихъ пластахъ, принадлежащихъ къ первичной, то есть къ древнѣйшей формаціи. Прежде всѣхъ другихъ рыбъ появляются такъ-называемыя *ганоидныя* рыбы, которыхъ число и разнообразіе постоянно увеличиваются и наконецъ достигаютъ высшей степени развитія въ юрскихъ пластахъ, составляющихъ средину вторичной формаціи. Затѣмъ въ мѣловыхъ слояхъ, лежащихъ надъ юрской почвой, ганоиды начинаютъ слабѣть и исчезать; этотъ постепенный упадокъ возрастаетъ въ третичныхъ пластахъ и наконецъ въ настоящее время порядокъ ганоидныхъ рыбъ, наполнявшій своими разнообразными представителями всѣ воды юрскаго періода, заключаетъ въ себѣ всего семь родовъ, живущихъ только въ немногихъ рѣкахъ, гдѣ борьба за существованіе не такъ сильна, какъ въ морѣ. Такая строгая постепенность въ появленіи, въ размноженіи и въ вымираніи породъ находится въ полномъ согласіи съ теоретическими требованіями Дарвина. Но рыбы другого порядка, *костистыя*, въ этомъ отношеніи ведутъ себя совершенно неприлично. Онѣ появляются внезапно цѣлой группой видовъ и родовъ въ нижнихъ ярусахъ мѣловой эпохи. Вотъ видите, говорятъ Агассизъ, Пикте, Седжвикъ и другіе палеонтологи, видите: онѣ появляются внезапно. Гдѣ-же ихъ постепенное развитіе? Значитъ, онѣ *всѣ вдругъ* были созданы въ началѣ мѣлового періода. И совсѣмъ не «значитъ». Тутъ опять пущено въ ходъ отрицательное доказательство, и мы должны строго разграничить область дѣйствительныхъ фактовъ отъ области произвольныхъ толкованій и предположеній. Въ чемъ состоитъ голый фактъ? Въ томъ, что многія породы костистыхъ рыбъ жили во время мѣлового періода и оставили свои кости и слѣды въ мѣловой формаціи. Затѣмъ начинаются предположенія, противъ которыхъ Дарвинъ, съ своей точки зрѣнія, можетъ выставить много

другихъ предположеній, гораздо болѣе естественныхъ и правдоподобныхъ. *Во-первыхъ*, костистыя рыбы могли жить задолго до начала мѣловой эпохи въ моряхъ и рѣкахъ тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ не изслѣдованы въ геологическомъ отношеніи. Такихъ морей и рѣкъ слишкомъ достаточно, потому что геологи до сихъ поръ не знаютъ почти ни одной ископаемой рыбы, жившей въ южномъ полушаріи. Стало быть, въ этихъ неизслѣдованныхъ мѣстностяхъ порядокъ костистыхъ рыбъ могъ преспокойно возникнуть, усилиться и раздѣлиться на множество ясно обозначенныхъ семействъ, родовъ и видовъ; потомъ, проживши такимъ образомъ въ южныхъ водахъ сотни тысячелѣтій, онъ могъ наконецъ во время мѣлового періода проникнуть и въ тѣ моря, которыя омывали тогдашніе берега Европы. *Во-вторыхъ*, намъ необходимо помнить, что отдѣльныя геологическія формаціи ложились другъ на друга не иначе, какъ съ громадными антрактами. Если сегодня кончилось накопленіе юрскихъ слоевъ, то съ завтрашняго дня никакъ не можетъ начаться напластованіе слѣдующей мѣловой формаціи. Еслибы дѣло происходило такимъ образомъ, то не было-бы никакой возможности отличить мѣлъ отъ юры. Различныя геологическія эпохи отличаются одна отъ другой особенностями тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключены въ ихъ пластахъ. Стало быть, конецъ одной геологической эпохи и начало другой наступаютъ тогда, когда появляются слѣды новой флоры и новой фауны *), то есть, когда во всей совокупности растеній и животныхъ обнаруживается рѣзкое и сильное измѣненіе, а такія измѣненія производятся только многими сотнями тысячелѣтій.

Вотъ примѣръ изъ книги Ляйелля «Древность человѣка»: «Мы уже видѣли, — говоритъ Ляйелль,—что всѣ растенія и прѣсноводныя и морскія раковины «лѣсного слоя» и рѣчно-морскихъ пластовъ Норфолька совершенно тождественны съ видами нынѣшней европейской фауны и флоры, такъ что, если на подобнаго рода слой отложилась-бы морская или прѣсноводная формація настоящаго періода, она-бы расположилась соотвѣтственными слоями и содержала-бы какъ ту же фауну безпозвоночныхъ, такъ и ту-же флору. Расположенные такимъ образомъ пласты назывались-бы одновременными въ обыкновенной геологической номенклатурѣ, не только какъ принадлежащіе къ той-же эпохѣ, но и какъ относящіеся къ тому-же подраздѣленію части одной и той же эпохи, хотя на самомъ дѣлѣ они и были-бы раздѣлены промежуткомъ времени въ нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ».

Въ геологическомъ отношеніи лордъ Пальмерстонъ и самъ сэръ Чарльзъ Ляйелль могутъ быть названы современниками мамонтовъ и пещерныхъ медвѣдей, но животныя юрской эпохи не могутъ быть названы современниками животныхъ мѣлового періода. Стало быть, антрактъ между юрой и мѣломъ, то есть между двумя пластами, лежащими непосредственно одинъ на другомъ, несравненно длиннѣе, чѣмъ тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ XIX столѣтіе отъ эпохи мамонтовъ. Какъ великъ антрактъ между двумя геологическими формаціями, этого никто не можетъ сказать даже приблизительно. Что происходило въ этомъ антрактѣ — этого также никто не знаетъ. Костистыя рыбы въ это время могли возникнуть и развиться, или онѣ могли переселиться въ сѣверныя моря изъ южныхъ, а потомъ, когда началось напластованіе мѣловой формаціи, эти рыбы оказались уже многочисленными и разнообразными. *Въ-третьихъ*, вопросъ о костистыхъ рыбахъ, благодаря новымъ открытіямъ, начинаетъ подвергаться той участи, которую уже испыталъ въ наше время вопросъ объ ископаемыхъ обезьянахъ и объ ископаемыхъ людяхъ. Пикте открылъ недавно, что костистыя рыбы существовали *даже въ Европѣ* раньше мѣловой эпохи. Кромѣ того есть какія-то рыбы, гораздо болѣе древнія, о которыхъ между палеонтологами идетъ споръ, неразрѣшенный еще до настоящей минуты. Одни говорятъ, что эти рыбы — костистыя, другіе находятъ, что это — ганоиды или хрящевыя рыбы. А для теоріи Дарвина очень благопріятно именно то обстоятельство, что характеръ этихъ спорныхъ рыбъ оказывается неясно обозначеннымъ. Вотъ она и есть — переходная форма, отошедшая прочь отъ одного порядка и еще не возвысившаяся до другого. Но, разумѣется, натуралисты, абсолютно не желающіе признавать никакихъ переходовъ, всегда съумѣютъ обойти это непріятное слово. Если переходная форма слабо уклонилась отъ первобытной, они скажутъ, что это разновидность—varietas. А уклонилась посильнѣе—ну, значитъ — это новый видъ — species, возникшій совершенно самостоятельно. Перехода нѣтъ, но его нѣтъ въ словахъ, а на дѣлѣ-то онъ все-таки существуетъ. Оттого и происходитъ напримѣръ такая исторія: въ верхнихъ пластахъ третичной формаціи находится множество раковинъ, почти совершенно сходныхъ съ тѣми раковинами, которыя живутъ въ прѣсныхъ и морскихъ водахъ нашего періода. Большинство натуралистовъ говоритъ, что это однѣ и тѣ-же раковины; но другіе первоклассные авторитеты, напримѣръ Пикте и Агассизъ, утверждаютъ, что между третичными и нынѣшними раковинами существуетъ видовое различіе. И тѣ, и другіе правы: различіе дѣйствительно существуетъ, а раковины, то есть породы моллюсковъ,—тѣ-же самыя; потомокъ не вполнѣ похожъ на своего предка, точно такъ-же, какъ англійская лошадь не вполнѣ похожа на

*) Не знаю, есть-ли надобность пояснять, что фауной называется совокупность животныхъ, а флорой совокупность растеній. На всякій случай поясняю.

арабскую, какъ теперешняя груша не вполнѣ похожа на грушу временъ Плинія, или какъ курносый турманъ не вполнѣ похожъ на дикаго голубя. Моллюски понемногу переродились, но сотни тысячелѣтій произвели въ нихъ меньше перемѣны, чѣмъ десятки лѣтъ производятъ въ домашнихъ животныхъ. Только такимъ медленнымъ перерожденіемъ моллюсковъ и можно объяснить то странное несогласіе, которое возникаетъ по поводу ихъ раковинъ между опытными спеціалистами. Еслибы была возможность опредѣлить совершенно точно различіе между разновидностью и видомъ, то натуралисты давнымъ-давно установили-бы незыблемую границу между этими двумя понятіями. Но нельзя установить эту границу, потому что она не существуетъ въ живой природѣ, а признать ея несуществованіе— значитъ принять теорію Дарвина со всѣми ея неизбѣжными выводами. Многіе порядки животныхъ появляются въ геологическихъ формаціяхъ такъ-же внезапно, какъ костистыя рыбы, но во всѣхъ этихъ случаяхъ внезапность появленія не даетъ намъ права заключать, что эти порядки внезапно возникли. Полное недовѣріе къ отрицательнымъ доказательствамъ должно служить намъ необходимой защитой противъ всякихъ геологическихъ иллюзій.

III.

По теоріи Дарвина, всѣ положительные факты, добытые современной геологіей, объясняются совершенно удовлетворительно. При всякомъ другомъ взглядѣ на органическую жизнь значеніе и общая связь этихъ положительныхъ фактовъ остаются совершенно непонятными. Если мы посмотримъ на царство животныхъ въ его теперешнемъ положеніи, то замѣтимъ, что нѣкоторыя группы рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, но пробѣлъ, существующій между этими группами, пополняется въ значительной степени или даже совершенно исчезаетъ, когда мы начинаемъ изучать живыя формы въ связи съ ископаемыми организмами. Семейство травоядныхъ китовъ (Sirenia) очень ясно отдѣляется отъ толстокожихъ животныхъ (Pachidermata), то есть отъ слоновъ, тапировъ, носороговъ, бегемотовъ и свиней; но вымершія породы *динотеріевъ* и *токсодонтовъ* становятся какъ разъ посерединѣ между китами и слонами. По формѣ тѣла и заднихъ оконечностей динотерій былъ китомъ, а по устройству зубовъ и хобота онъ оказывается близкимъ родственникомъ слона. Толстокожія рѣзко отличаются отъ жвачныхъ. Какое сходство въ самомъ дѣлѣ можно найдти между свиньей и овцой, между слономъ и оленемъ, между носорогомъ и верблюдомъ? Но исчезнувшее семейство *аноплотеридовъ* составляетъ переходъ отъ толстокожихъ къ жвачнымъ, и классификаторы не знаютъ навѣрное, къ какому порядку должно быть отнесено это семейство.

Такимъ образомъ китъ, слонъ и баранъ оказываются дальними родственниками, и родство ихъ можетъ быть доказано даже тѣми скудными средствами, которыми располагаетъ современная палеонтологія. Ящерицы рѣзко отдѣляются отъ птицъ, но въ юрскомъ періодѣ жили крылатыя ящерицы (pterodactylia), и въ соленгофенскихъ пластахъ найдена даже ящерица, покрытая перьями. По словамъ Дарвина, можно было-бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что «вымершія животныя занимаютъ середину между нынѣ живущими группами». И особенно интересно то обстоятельство, что всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго палеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первоклассный ученый, Баррандъ, также горячій противникъ дарвиновскаго легкомыслія, говоритъ, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ «принадлежатъ къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ».

Если всѣ видовыя формы были сначала мелкими разновидностями, и если каждая разновидность возникла и развилась изъ незамѣтной индивидуальной особенности, то причина этого явленія, подмѣченнаго Оуэномъ, Баррандомъ и всѣми другими палеонтологами, совершенно понятна. Но если каждый видъ возникъ отдѣльно и остается неизмѣннымъ вплоть до своего исчезновенія, то невозможно объяснить себѣ, почему животныя древнихъ формацій вообще не такъ рѣзко раздѣлены на видовыя, родовыя и семейныя группы, какъ животныя текущаго періода. Такъ случилось конечно; но почему же случилось именно такъ, а не иначе, въ теченіи неизмѣримаго ряда тысячелѣтій и въ каждой изъ тридцати шести извѣстныхъ намъ громадныхъ геологическихъ эпохъ? На этотъ вопросъ противники Дарвина не могутъ дать никакого отвѣта, а Дарвинъ даетъ отвѣтъ совершенно правдоподобный, и, что всего важнѣе, этотъ правдоподобный отвѣтъ разрѣшаетъ совершенно удовлетворительно множество другихъ вопросовъ, поставленныхъ положительными фактами геологіи и многихъ другихъ отраслей естествознанія. Такой отвѣтъ, приложимый ко множеству самостоятельныхъ вопросовъ и согласный со всей совокупностью различныхъ фактовъ, независимыхъ другъ отъ друга,—такой отвѣтъ, говорю я, по своему всеобъемлющему значенію, уже теряетъ характеръ простой гипотезы.

Если мы будемъ сравнивать между собою фауны и флоры различныхъ геологическихъ эпохъ, то увидимъ, что чѣмъ дальше одна эпоха отстоитъ по времени отъ другой, тѣмъ

сильнѣе отличаются другъ отъ друга ихъ флоры и фауны. Напримѣръ животныя и растенія третичныхъ формацій ближе подходятъ къ теперешнимъ породамъ, чѣмъ животныя и растенія вторичныхъ пластовъ, а вторичныя, въ свою очередь, представляютъ съ теперешними больше сходства, чѣмъ первичныя. Чѣмъ древнѣе пластъ, тѣмъ страннѣе и непривычнѣе для нашихъ глазъ формы животныхъ и растеній; чѣмъ новѣе пластъ, тѣмъ знакомѣе кажутся намъ фигуры ископаемыхъ организмовъ. Если мы возьмемъ три формаціи, лежащія одна на другой, напримѣръ силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ древнѣйшихъ, силурскихъ, формъ къ болѣе новымъ, каменноугольнымъ. Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина. Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ общаго начала, если каждая новѣйшая форма оказывается въ буквальномъ смыслѣ слова дочерью другой формы, болѣе древней, если такимъ образомъ каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей громадной драмы, не перерывавшейся ни разу съ самаго своего начала,—тогда понятно, почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему напримѣръ вторая сцена служитъ переходомъ отъ первой къ третьей. Но если каждый видъ возникъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ формамъ, которыя жили раньше его появленія, и если такимъ образомъ каждая геологическая эпоха оказывается совершенно законченной пьесой, съ своей особенной завязкой и развязкой,—тогда для насъ становится необъяснимой причина той несомнѣнной связи, которую мы замѣчаемъ между органическими произведеніями отдѣльныхъ геологическихъ эпохъ.

Противники Дарвина представляютъ себѣ исторію органической жизни въ слѣдующемъ видѣ: сначала созданы животныя и растенія силурской эпохи; потомъ они уничтожаются и создаются животныя и растенія девонскаго періода; потомъ эти уничтожаются въ свою очередь и создаются животныя и растенія каменноугольной формаціи, и такъ далѣе вплоть до нашихъ временъ. Спрашивается, почему же организмы девонскихъ слоевъ болѣе похожи на силурскія формы, чѣмъ напримѣръ на теперешніе виды животныхъ и растеній? Потому что девонская эпоха слѣдуетъ непосредственно за силурской? Но какая же связь существуетъ между простой хронологической послѣдовательностью и типическими особенностями организмовъ? Если силурская эпоха отдѣлена отъ девонской непроходимой бездной, то не все-ли равно, одна-ли такая бездна лежитъ между ними, или двадцать безднъ? Еслибы девонскія организмы возникли совершенно независимо отъ силурскихъ, то имъ не было никакой надобности и никакой причины представлять съ послѣдними какое-бы то ни было родственное сходство.

Клифтъ доказалъ, что ископаемыя млекопитающія, находящіяся въ австралійскихъ пещерахъ, обнаруживаютъ тѣсную, родственную связь съ сумчатыми животными, населяющими Австралію въ настоящее время. Оуэнъ доказалъ, что ископаемыя млекопитающія, отысканныя въ Ла-Платѣ и въ Бразиліи, сродны съ южно-американскими животными нашего времени. Оуэнъ подмѣтилъ кромѣ того родственное сходство между ископаемыми и живущими птицами Новой Зеландіи. И наконецъ тотъ же Оуэнъ «распространилъ то-же обобщеніе и на млекопитающихъ Стараго Свѣта». Вотъ сколько незабвенныхъ услугъ этотъ драгоцѣнный Оуэнъ, самъ того не желая, оказалъ своими великими учеными трудами той теоріи, которую онъ ненавидитъ! Всѣ эти открытія очевидно идутъ въ пользу Дарвина.

Почему же въ самомъ дѣлѣ вымершія породы извѣстной страны представляютъ сходство съ тѣми органическими формами, которыя живутъ именно въ той же самой странѣ? Почему напримѣръ ископаемыя животныя Австраліи похожи на живыхъ обитателей той же Австраліи, а не на жителей Европы, или Азіи, или Америки? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Австралійскія животныя похожи на австралійскихъ, ново-зеландскія—на ново-зеландскихъ, южно-американскія— на южно-американскихъ, и такъ далѣе,—потому что живыя формы этихъ мѣстностей составляютъ прямое, нисходящее потомство ископаемыхъ организмовъ. Это потомство переродилось сообразно съ измѣняющимися требованіями вѣчной борьбы за существованіе; но основныя черты общаго типа еще не успѣли изгладиться. Другого отвѣта тутъ и быть не можетъ, и такимъ образомъ даже геологія, при всей недостаточности своихъ матеріаловъ, выдвигаетъ въ пользу Дарвина три ряда многознаменательныхъ фактовъ.

Географическія доказательства.

I.

Почему слоны и носороги живутъ въ Азіи и въ Африкѣ и не живутъ въ тропическихъ частяхъ Америки и Австраліи? Почему бенгальскій тигръ замѣняется въ Америкѣ ягуаромъ? Почему въ Южной Америкѣ живетъ лама, а не верблюдъ? Почему обезьяны Стараго Свѣта принадлежатъ къ семейству узконосыхъ и короткохвостыхъ, а обезьяны Новаго Свѣта, напротивъ того, отличаются широкими носами и длинными хвостами? Можно поставить тысячи подобныхъ вопросовъ, и на всѣ эти вопросы натуралистъ постоянно будетъ отвѣчать: «не знаю». Клима-

тическія условія въ этомъ случаѣ не объясняютъ ровно ничего. Экваторъ проходитъ черезъ Африку, Азію и Южную Америку; въ этихъ трехъ частяхъ свѣта можно отыскать множество такихъ мѣстностей, въ которыхъ солнце жжетъ съ одинаковой силой, и воздухъ въ одинаковой степени насыщенъ водяными парами. Сходство въ климатическихъ условіяхъ будетъ полное, а между тѣмъ различіе растеній и животныхъ будетъ чрезвычайно значительно. Австралія также лежитъ въ жаркомъ поясѣ, но тропическій климатъ конечно не объясняетъ намъ, почему въ Австраліи живутъ утконосы и двуутробки, и почему черепъ австралійскаго человѣка похожъ на рѣдьку съ хвостомъ кверху.

Великобританское королевство есть группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, и Японская имперія есть также группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, но жизнь англичанина не похожа на жизнь японца, и никому не приходитъ въ голову находить это послѣднее обстоятельство удивительнымъ. Говорятъ, что исторія выработала въ Великобританіи habeas corpus, а въ Японіи манеру лишать себя жизни посредствомъ взрѣзыванія живота. Ну да, исторія, и та-же самая исторія выработала цѣпкій хвостъ широконосаго американскаго сапажу и безхвостость узконосаго азіятскаго орангутанга. Та исторія, которая сформировала государственныя учрежденія Англіи и Японіи, составляетъ только новѣйшій и очень короткій періодъ той всемірной исторіи, которая создала и постоянно продолжаетъ создавать всѣ существующія формы растеній и животныхъ нашей планеты. Въ исторіи человѣчества только тѣ народы могутъ дѣйствовать другъ на друга, которые имѣютъ между собою какія-нибудь сношенія; точно также въ исторіи органической жизни только тѣ растенія и животныя дѣйствуютъ другъ на друга, которыя такъ или иначе находятся между собою въ соприкосновеніи. Азіятскіе народы развивались особнякомъ отъ европейскихъ; африканскіе—особнякомъ отъ тѣхъ и отъ другихъ; а народы Америки и Австраліи до конца XV-го вѣка еще гораздо рѣзче были отчуждены отъ народовъ Стараго Свѣта. То-же самое явленіе «*особничества*» въ еще болѣе сильной степени обнаруживается въ историческомъ развитіи органическихъ формъ. Жизнь возникла и развилась самостоятельно на различныхъ точкахъ земной поверхности. Всѣ животныя и всѣ растенія каждой обширной географической области, окаймленной естественными границами, составляютъ одно органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части связаны между собою перепутанными сѣтями самыхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній. Внутри этого цѣлаго совершается историческое развитіе всѣхъ отдѣльныхъ частей, т. е. всѣхъ видовъ растительнаго и животнаго царства. Каждая отдѣльная часть, т. е. каждый видъ, стремится къ тому, чтобы какъ можно плотнѣе приладиться къ этому цѣлому; каждый видъ борется съ другими видами *данной области* и шлифуется посредствомъ этой борьбы, т. е. пріобрѣтаетъ тѣ особенности въ тѣлосложеніи, которыхъ требуютъ *мѣстныя условія*. Колоритъ и направленіе борьбы зависятъ отъ этихъ мѣстныхъ условій, т. е. всей совокупности тѣхъ органическихъ формъ, которыя населяютъ данную мѣстность. Сообщая борьбѣ то или другое направленіе, эти мѣстныя условія вырабатываютъ типическія особенности каждаго отдѣльнаго вида, который такимъ образомъ оказывается непремѣнно продуктомъ извѣстной географической области. Эти готовые продукты различныхъ географическихъ областей изъ своего отечества распространяются въ разныя стороны и наконецъ останавливаются въ своемъ распространеніи на тѣхъ естественныхъ границахъ, черезъ которыя не можетъ перейдти ни животное, ни растеніе. Самыми непроходимыми границами оказываются океаны, и поэтому три материка: Старый Свѣтъ, Америка и Австралія, чрезвычайно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга по характеру своихъ туземныхъ организмовъ. Африканскій слонъ конечно могъ-бы найдти себѣ въ тропической Бразиліи удобный климатъ и обильную пищу; бенгальскій тигръ, попавши въ Бразилію, не превратился-бы тамъ въ ягуара; потомство узконосаго и безхвостаго орангутанга, перевезеннаго въ Южную Америку, по всей вѣроятности не пріобрѣло-бы себѣ тамъ широкой носовой перегородки и длиннаго хвоста. Но такъ какъ всѣ эти животныя не имѣютъ никакой возможности перебраться черезъ океанъ, то всѣ они и остаются исключительными обитателями Стараго Свѣта.

Но развѣ не могла порода тигровъ, слоновъ и орангутанговъ возникнуть одновременно и въ Старомъ Свѣтѣ, и въ Новомъ?—На этотъ вопросъ можно отвѣчать рѣшительно: нѣтъ, не могла. Для этого было-бы необходимо, чтобы втеченіи многихъ сотенъ тысячелѣтій на двухъ различныхъ точкахъ земной поверхности борьба за существованіе совершалась при одинаковыхъ условіяхъ. Такое требованіе совершенно неосуществимо, и поэтому каждый натуралистъ, принимающій видовыя формы за продукты борьбы и естественнаго развитія, непремѣнно приходитъ къ тому заключенію, что каждая видовая форма могла возникнуть *только въ одной* географической области. Факты подтверждаютъ это теоретическое предположеніе. Натуралисты не знаютъ ни одного примѣра, чтобы какое-нибудь дикое млекопитающее водилось на двухъ совершенно отдѣльныхъ материкахъ. На океаническихъ островахъ, лежащихъ далеко отъ материка, нѣтъ ни дикихъ млекопитающихъ, ни лягушекъ, ни жабъ, ни ящерицъ. Почему?—Потому,

что всѣ эти животныя не могутъ переселяться за море. Лягушки, жабы и ящерицы сами погибаютъ отъ морской воды, и даже ихъ икра не выдерживаетъ прикосновенія этой стихіи. Стало быть, лягушка, жаба или ящерица могутъ попасть на островъ только при помощи человѣка. Человѣкъ нечаянно помогъ лягушкамъ пробраться на Мадеру, на Азорскія острова и на островъ св. Маврикія, и лягушки такъ отлично приноровились къ мѣстнымъ условіямъ и размножились такъ успѣшно, что ихъ многочисленность становится для жителей этихъ острововъ тягостнымъ наказаніемъ. На тѣхъ океаническихъ островахъ, на которыхъ нѣтъ земныхъ млекопитающихъ, живутъ однако летучія мыши, т. е. именно такія млекопитающія, которыя, подобно птицамъ, могутъ переправляться черезъ морскіе проливы. Эти факты доказываютъ намъ, что каждый океаническій островъ населялся тѣми растеніями и животными, которыя такъ или иначе могли пробраться на него съ сосѣдняго материка. Поэтому населеніе этихъ острововъ большей частью очень бѣдно, т. е. на нихъ живетъ сравнительно съ ихъ пространствомъ очень незначительное количество видовыхъ формъ. Присутствіе летучихъ мышей на океаническихъ островахъ не должно насъ изумлять; извѣстно, что двѣ породы изъ этого семейства перелетаютъ нѣсколько разъ въ годъ съ береговъ Сѣверной Америки на Бермудскіе острова, находящіеся въ шести стахъ миляхъ отъ материка. Путешественники видали иногда, какъ летучія мыши носятся днемъ надъ Атлантическимъ океаномъ въ очень далекомъ разстояніи отъ береговъ. Поэтому вовсе не трудно предположить, что какая-нибудь континентальная порода летучихъ мышей залетѣла на островъ, осталась на немъ, размножилась и потомъ видоизмѣнилась, такъ что образовалась новая порода, свойственная исключительно данному острову. Съ точки зрѣнія Дарвина этотъ фактъ понятенъ. Но если мы отвергнемъ теорію преемственности видовъ, то намъ останется только изумляться, почему же это въ самомъ дѣлѣ для Новой Зеландіи полагаются двѣ породы летучихъ мышей, и совсѣмъ не полагается ни крысъ, ни зайцевъ, ни собакъ, ни кошекъ. И почему же мать-природа не помѣстила лягушекъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всѣ условія жизни оказываются для этихъ животныхъ въ высшей степени благопріятными?

II.

Во многихъ случаяхъ бываетъ очень трудно объяснить, какимъ образомъ совершилось переселеніе животнаго или растенія съ одной точки земной поверхности на другую. Вѣтры, морскія теченія, птицы, рыбы въ очень значительной степени помогаютъ переселеніямъ растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ. Дарвинъ сообщаетъ много любопытнѣйшихъ наблюденій на счетъ этихъ случайныхъ способовъ переселенія. Но до сихъ поръ предметъ этотъ разработанъ очень недостаточно. Ботаники не знаютъ даже, долго ли сѣмена различныхъ растеній могутъ противиться вредному дѣйствію морской воды. Между тѣмъ вѣтеръ каждый годъ ломаетъ вѣтки и уноситъ ихъ въ море; тамъ онѣ попадаютъ въ теченіе и плывутъ въ даль, и потомъ выбрасываются на какой-нибудь берегъ. Послѣ такого плаванія могутъ ли зрѣлыя сѣмена, находившіяся на этихъ вѣткахъ, пустить корень и произвести здоровое растеніе? Понятно, что этотъ вопросъ имѣетъ важное значеніе. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ растеній, Дарвинъ бралъ вѣтки съ зрѣлыми сѣменами, клалъ ихъ въ морскую воду на нѣсколько сутокъ и даже недѣль, а потомъ сѣялъ ихъ, и отмѣчалъ результаты этихъ опытовъ. Многія вѣтки тотчасъ отправлялись ко дну; другія держались на водѣ очень долго, но потомъ сѣмена ихъ оказывались негодными; третьи выдерживали испытаніе вполнѣ. Погруженіе, продолжавшееся 28, 42 и даже для нѣкоторыхъ 137 дней, нисколько не вредило ихъ сѣменамъ, которыя при первой возможности тотчасъ пускали корень и производили здоровыя растенія. Зеленыя вѣтки отправлялись ко дну очень быстро; но тѣ-же самыя вѣтки, высушенныя на солнцѣ, держались на водѣ очень долго. Напримѣръ сухая вѣтка орѣшника продержалась на водѣ 90 дней, и потомъ орѣхи этой вѣтки, положенныя въ землю, пустили корень. Сухая вѣтка спаржи съ зрѣлыми ягодами плавала 85 дней, и сѣмена пустили корень. Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Дарвинъ выводитъ то заключеніе, что изъ 100 растеній десять могутъ плавать по морю около четырехъ недѣль, не теряя жизненной силы своихъ сѣмянъ. По физическому атласу Джонстона, средняя быстрота атлантическихъ теченій равняется 33 милямъ въ сутки.— $33 \times 28 = 924$. Это значитъ, что нѣкоторыя растенія могутъ переплыть въ 28 сутокъ морской рукавъ шириною 924 мили; потомъ, если волна выброситъ ихъ на берегъ, и если морской вѣтеръ занесетъ ихъ въ удобное мѣсто, сѣмена этихъ растеній могутъ пустить корень и основать такимъ образомъ новую колонію вдали отъ прежняго отечества.

Море часто выбрасываетъ на берегъ океаническихъ острововъ цѣлыя деревья, и на коралловыхъ островахъ Тихаго Океана туземцы приготовляютъ инструменты и оружіе исключительно изъ тѣхъ камней, которые попадаются между корнями этихъ деревьевъ. Камни эти получаются въ такомъ значительномъ количествѣ, что начальники этихъ островитянъ сочли удобнымъ превратить эту статью мѣстной торговли въ свою регалію. Эти камни часто держатся такъ плотно между корнями, что частицы земли, ле-

жащія иногда за камнями или между ними, совершенно защищены, отъ воды и не могутъ быть размыты несмотря на значительную продолжительность плаванія. Въ этихъ частицахъ земли заключаются иногда сѣмена различныхъ растеній, которыя такимъ образомъ могутъ переселяться на чрезвычайно далекія разстоянія. Дарвинъ видѣлъ между корнями пятидесятилѣтняго дуба кусокъ земли, совершенно обросшій деревомъ; изъ этого куска появились ростки трехъ сѣмянъ, пробывшихъ пятьдесятъ лѣтъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи.

Тѣла мертвыхъ птицъ помогаютъ иногда переселеніямъ растеній, потому что многія сѣмена долго сохраняютъ свою жизненность въ зобу этихъ птицъ. Живыя птицы въ этомъ отношеніи оказываютъ самыя значительныя услуги. Косточки многихъ ягодъ и плодовъ проходятъ черезъ кишечный каналъ птицы совершенно нетронутыми. Кромѣ того, такъ какъ зобъ птицы не выдѣляетъ желудочнаго сока, то всѣ зерна, находящіяся въ ея зобу и не попавшія еще въ желудокъ, совершенно способны пустить корень. Пища птицы остается въ зобу отъ пятнадцати до восемнадцати часовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда птица наѣлась досыта. Предположимъ теперь, что птица наглоталась различныхъ зеренъ и полетѣла. Ее подхватываетъ вѣтеръ, не даетъ ей справиться и уноситъ ее въ открытое море; птица поневолѣ летитъ по вѣтру, и, по словамъ Дарвина, скорость ея полета при такихъ условіяхъ можетъ доходить до 35 миль въ часъ, такъ что она легко можетъ пролетѣть миль пятьсотъ прежде, чѣмъ съѣденныя ею зерна перейдутъ изъ ея зоба въ желудокъ. Наконецъ она видитъ берегъ и опускается въ совершенномъ изнеможеніи, но соколы и ястребы имѣютъ непозволительную привычку подстерегать утомленныхъ птицъ; одинъ изъ такихъ хищниковъ бросается на нашего странника и раздираетъ его; часть сѣмянъ вываливается изъ разорваннаго зоба и можетъ немедленно пустить корень. Далѣе, многія хищныя птицы глотаютъ цѣликомъ свою добычу и потомъ, по прошествіи двѣнадцати и даже двадцати часовъ, выбрасываютъ черезъ клювъ комки разныхъ непереваренныхъ веществъ. Въ этихъ комкахъ часто находятся сѣмена, способныя пустить корень. Нѣкоторыя зерна овса, пшеницы, проса, конопли, клевера и свекловицы пустили корень, пробывши отъ 12 до 20 часовъ въ желудкѣ разныхъ хищныхъ птицъ. Два сѣмечка свекловицы пробыли въ желудкѣ хищной птицы двое сутокъ и четырнадцать часовъ (всего 62 часа) и все-таки пустили корень. Эта хищная птица могла въ это время залетѣть Богъ знаетъ куда, а хищныхъ птицъ много, и онѣ каждый день истребляютъ зерноядныхъ птицъ и каждый день выбрасываютъ комки непереваренныхъ веществъ. Вліяніе этихъ птицъ на судьбу растеній должно быть очень значительно. Хищныя птицы, питающіяся рѣчной рыбой, такъ-же точно дѣйствуютъ на распространеніе водяныхъ растеній, потому что рыба глотаетъ сѣмена, а птица глотаетъ рыбу. Къ лапамъ птицъ пристаютъ иногда частицы глины и ила, въ этихъ частицахъ часто заключаются мелкія сѣмена. Цапли, кулики и другія болотныя птицы особенно сильно должны содѣйствовать этимъ способомъ распространенію прѣсноводныхъ растеній. Эти птицы постоянно бродятъ по вязкому грунту и перелетаютъ часто на чрезвычайно значительныя разстоянія. Съ береговъ каждаго пруда онѣ непремѣнно уносятъ частицу мѣстной грязи, а эта грязь заключаетъ въ себѣ обыкновенно громадныя количества сѣмянъ. «Я въ февралѣ,—говоритъ Дарвинъ—взялъ три столовыя ложки ила изъ трехъ разныхъ подводныхъ точекъ на краю маленькаго пруда. Этотъ илъ, высушенный, вѣсилъ всего $6^3/_4$ унціи; я держалъ его прикрытымъ въ моемъ кабинетѣ втеченіи шести мѣсяцевъ, вырывая и считая всѣ всходящія растенія; растенія эти принадлежали къ разнымъ видамъ, и всѣхъ ихъ было 537; однако вязкій илъ весь помѣщался въ чайной чашкѣ—.» Дикія утки и другія птицы, плавающія по рѣкамъ и перелетающія съ одной рѣки на другую, могутъ переносить съ собой прѣсноводныхъ моллюсковъ. Возможность такихъ перенесеній доказана прямымъ опытомъ. Дарвинъ повѣсилъ въ акваріумъ утиную лапу въ томъ положеніи, въ какомъ держитъ ее утка, плавая по водѣ; къ этой лапѣ присосалось множество молодыхъ моллюсковъ, только что вылупившихся изъ яицъ. Дарвинъ вынулъ лапу и началъ ее отряхать; моллюски не пошевельнулись; послѣ этого лапа пролежала внѣ воды больше двѣнадцати часовъ и моллюски остались въ живыхъ. Стало быть, утка очень легко могла-бы перелетѣть вмѣстѣ съ ними за нѣсколько десятковъ миль и потомъ опустить ихъ въ какой-нибудь другой прудъ, отстоящій очень далеко отъ мѣста ихъ рожденія. Этими и многими другими причинами, еще недостаточно изслѣдованными, объясняется то обстоятельство, что одни и тѣ-же виды прѣсноводныхъ моллюсковъ попадаются въ различныхъ рѣкахъ, не имѣющихъ между собой никакого водянаго сообщенія. Сами собой моллюски, живущіе исключительно и постоянно въ водѣ, очевидно не могутъ перебраться сухимъ путемъ изъ одной рѣки въ другую. Кромѣ птицъ, моллюскамъ помогаютъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыя насѣкомыя «Сэръ Чарльзъ Ляйелль,—говоритъ Дарвинъ,—извѣщаетъ меня, что однажды былъ пойманъ Dytiscus (плавунецъ—водяной жукъ) съ прѣсноводной раковиной Ancylus, крѣпко присосавшейся къ нему; а водяной жукъ Colymbetes, принадлежащій къ тому же семейству, однажды залетѣлъ на корабль «Бигль», когда этотъ корабль находился въ 45 миляхъ отъ ближайшаго бе-

рега».—Очень можетъ быть, что этотъ Colymbetes при попутномъ вѣтрѣ пролетѣлъ-бы еще дальше, а съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ-бы и тотъ моллюскъ, который присосался-бы къ его тѣлу.—Въ природѣ существуютъ вѣроятно многіе другіе способы переселенія, и будущіе натуралисты конечно сдѣлаютъ по этому предмету много неожиданныхъ открытій.

III.

Въ Великобританіи и въ Ирландіи водятся тѣ-же дикія млекопитающія, которыя живутъ во Франціи, въ Германіи и въ Швеціи. Это обстоятельство было-бы необъяснимо, если бы мы не обратили вниманія на тѣ значительныя измѣненія морского уровня, которыя совершились во время новѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Западныя и сѣверозападныя части Европы то поднимались, то опускались во время всего послѣ-плioценоваго періода, примыкающаго непосредственно къ этой эпохѣ, къ которой относится все историческое существованіе человѣческихъ обществъ. Во время поднятія почвы всѣ британскіе острова соединялись въ одну массу и сростались съ европейскимъ материкомъ; Ламаншъ исчезалъ совершенно и можетъ-быть даже все Нѣмецкое море превращалось въ сушу, такъ что Великобританія на югѣ сливалась съ Франціей, а на востокѣ—съ Норвегіей и Даніей. Темза въ это время становилась притокомъ Рейна. Потомъ, когда почва опускалась, Великобританія, оторванная отъ материка, разрывалась кромѣ того на множество мелкихъ островковъ. Всѣ эти колебанія уровня совершаются чрезвычайно медленно, такъ что Великобританія была соединена съ материкомъ втеченіи многихъ тысячелѣтій, и всѣ континентальныя животныя имѣли полную возможность населить эту землю и размножиться въ ней во время періода поднятія. Такъ какъ во время послѣ-плioценовой эпохи теперешнія породы животныхъ были уже сформированы, то эти колебанія уровня объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно, почему однѣ и тѣ-же породы млекопитающихъ населяютъ и материкъ Европы, и Британскіе острова. Несмотря на эти послѣдовательныя повышенія и пониженія, главныя массы твердой земли постоянно оставались на тѣхъ-же мѣстахъ, на которыхъ онѣ находятся въ настоящее время. Подробности въ очертаніяхъ материковъ измѣнялись значительно, но при всемъ томъ Старый Свѣтъ былъ постоянно отдѣленъ отъ Америки обширными океанами. Среднія и южныя части этихъ двухъ материковъ лежали очень далеко другъ отъ друга, а сѣверныя части, напротивъ того, находились почти въ непосредственномъ соприкосновеніи; словомъ, въ главныхъ чертахъ, эти двѣ громадныя массы твердой земли занимали постоянно то-же положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. Прямыя переселенія животныхъ и растеній изъ Франціи въ Соединенные Штаты или съ мыса Доброй Надежды въ Ла-Плату были невозможны во время всѣхъ геологическихъ эпохъ, о которыхъ мы имѣемъ какія-нибудь свѣдѣнія. Двѣ послѣднія геологическія эпохи, плioценовая и послѣ-плioценовая, дѣйствовали на разселеніе животныхъ и растеній не только колебаніями уровня, но еще кромѣ того значительными колебаніями климатическихъ условій. Въ плioценовой эпохѣ былъ одинъ періодъ гораздо теплѣе теперешняго; потомъ началось медленное охлажденіе, и во время послѣ-плioценовой эпохи холодъ, достигши своего крайняго развитія, сдѣлался до такой степени силенъ, что наступилъ такъ называемый *ледовой* или *ледниковый* періодъ; въ это время климатъ былъ гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь; потомъ температура опять начала повышаться и наконецъ, послѣ различныхъ, менѣе значительныхъ колебаній, достигла до своего теперешняго положенія

Посмотримъ, какимъ образомъ эти климатическія измѣненія должны были дѣйствовать на разселеніе животныхъ и растеній. Возьмемъ сначала теплый періодъ плioценовой эпохи и постоянно будемъ имѣть въ виду то обстоятельство, что главныя очертанія великихъ материковъ во все это время не испытывали никакихъ существенныхъ видоизмѣненій. Когда климатъ былъ гораздо теплѣе теперешняго, тогда жители сѣвернаго умѣреннаго пояса могли жить за полярнымъ кругомъ, а организмы, свойственные холодному поясу, жили въ тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ возлѣ самаго полюса, подъ сплошной корой вѣчнаго льда, подавляющаго въ настоящее время всякое проявленіе органической жизни. Въ настоящее время сѣверныя оконечности Стараго Свѣта и Америки населены совершенно одинаково именно потому, что эти оконечности находятся въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ. Но теперь въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ одинаковы только чисто полярныя формы, напримѣръ сѣверный олень, бѣлый медвѣдь, песцы, морскіе бобры, киты, и тому подобныя животныя, свойственныя исключительно холодному поясу. Во время теплаго періода плioценовой эпохи на обоихъ материкахъ были одинаковы, *во-первыхъ*, полярныя формы, жившія въ то время въ тѣхъ странахъ вѣчнаго льда, которыя теперь совершенно лишены обитателей и даже недоступны самымъ любознательнымъ и неустрашимымъ изслѣдователямъ; и, *во-вторыхъ*,—тѣ животныя и растенія умѣреннаго пояса, которыя въ то время жили въ теперешней области сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ медвѣдей и морскихъ бобровъ. Берինговъ проливъ по всей вѣроятности исчезалъ иногда подобно Ламаншу, и тогда всякія переселенія изъ сѣверной Азіи въ сѣверную Америку становились очень удобными. Началось охлажденіе. Вѣчные льды обложили полюсъ и

медленно потѣснили къ югу полярную фауну и полярную флору. Полярныя животныя и растенія, подвигаясь къ югу, прогнали въ умѣренный поясъ тотъ комплектъ растеній и животныхъ, который во время теплаго пліоцена жилъ за полярнымъ кругомъ. Эти послѣднія въ свою очередь стали напирать на тѣхъ, которыя жили южнѣе, и этотъ напоръ различныхъ органическихъ существъ вмѣстѣ съ постепеннымъ пониженіемъ температуры далъ себя почувствовать всему міру животныхъ и растеній вплоть до самаго экватора. Все живое двигалось отъ обоихъ полюсовъ къ жаркому поясу. Но растеніямъ и животнымъ, населявшимъ тропическія земли, отступать было некуда. Во-первыхъ, они были стиснуты съ двухъ сторонъ, и во-вторыхъ, имъ уже негдѣ было искать еще болѣе теплаго климата. Они должны были столпиться на самомъ экваторѣ, забиться въ самыя жаркія долины и наконецъ погибнуть, если холодъ и пришельцы изъ умѣренныхъ поясовъ продолжали преслѣдовать ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. Наступаетъ ледовой періодъ. Вѣчные льды занимаютъ оба холодные пояса и значительную часть обоихъ умѣренныхъ. На всѣхъ горахъ земного шара лежатъ громадные ледники спускающіеся очень далеко въ окрестныя долины; по морямъ плаваютъ ледяныя горы, которыя заходятъ даже въ жаркій поясъ и тамъ, поддаваясь дѣйствію теплоты, таютъ и уничтожаются, роняя на дно моря, на отмели или на берега каменныя глыбы, принесенныя изъ далекихъ полярныхъ или умѣренныхъ земель. Растенія и животныя, свойственныя въ наше время исключительно холодному поясу, наполняютъ всю среднюю Европу, доходятъ до Альповъ и до Пиренеевъ, и даже проникаютъ въ Испанію. Тѣ-же самыя полярныя формы живутъ во время ледового періода во всей умѣренной территоріи Американскихъ штатовъ. Къ югу отъ этихъ полярныхъ жителей происходитъ самая ожесточенная борьба. Холодъ согналъ къ тропикамъ самое разнокалиберное населеніе, т. е. все, кромѣ полярныхъ формъ, все, что во время теплаго періода пліоценовой эпохи жило отъ береговъ Баффинова моря до крайней оконечности Огненной Земли. Тутъ, около тропиковъ, на протяженіи какихъ-нибудь пятидесяти или шестидесяти градусовъ, толпятся, во-первыхъ, жители теперешнихъ умѣренныхъ поясовъ, во-вторыхъ,—жители теперешняго жаркаго пояса, и наконецъ, въ третьихъ,—жители того жаркаго пояса, который во время теплаго пліоцена былъ гораздо жарче теперешняго. Можно себѣ представить, какая тутъ происходитъ давка, и какъ плохо приходится въ этой давкѣ тѣмъ жителямъ *прежняго* жаркаго пояса, которые больше всѣхъ другихъ страдаютъ отъ холода и поэтому меньше всѣхъ другихъ способны давать отпоръ многочисленнымъ конкурентамъ. Большая часть этихъ прежнихъ жителей погибаетъ, и жаркій поясъ во время крайняго развитія холода представляетъ намъ слѣдующій составъ населенія: по горамъ и по плоскимъ возвышенностямъ—животныя и растенія умѣреннаго пояса, а въ самыхъ жаркихъ долинахъ—фауна и флора теперешняго жаркаго пояса. Холодъ начинаетъ убывать, и вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры начинается обратное движеніе всего живого отъ экватора къ обоимъ полюсамъ. Ледники таютъ; вершины невысокихъ горъ совершенно освобождаются отъ ледяныхъ громадъ, а на высокихъ горахъ ледники отодвигаются къ самымъ вершинамъ, позволяя растеніямъ проникать въ долины, ущелья и на склоны горныхъ хребтовъ. Растеніямъ и животнымъ холоднаго пояса въ средней Европѣ становится слишкомъ тепло; они отступаютъ туда, гдѣ похолоднѣе, то есть съ юга на сѣверъ и кромѣ того снизу вверхъ, изъ долины на гору. Растеніямъ и животнымъ умѣреннаго пояса между тропиками становится также неудобно; во-первыхъ жарко, а во-вторыхъ тропическія формы не даютъ имъ пощады; они выходятъ изъ знойныхъ долинъ, побѣждаютъ пришельцевъ и заставляютъ ихъ бѣжать; куда-же бѣгутъ растенія и животныя умѣреннаго пояса? —Туда, гдѣ прохладнѣе. Если растеніе не перешло черезъ экваторъ, то оно уходитъ въ сѣверный умѣренный поясъ; если-же оно во время крайняго развитія холода успѣло перешагнуть черезъ экваторъ, то оно уже не поворачиваетъ назадъ, а идетъ дальше къ югу, переходитъ за тропикъ Козерога и утверждается въ южномъ умѣренномъ поясѣ. Наконецъ если растеніе живетъ у подошвы горы, то оно взлѣзаетъ на гору; если эта гора слишкомъ низка, то растеніе погибаетъ, когда теплота усиливается; если-же гора достаточно высока, то растеніе по мѣрѣ усиленія теплоты лѣзетъ все выше и выше и наконецъ успокоивается на той высотѣ, на которой оно находитъ себѣ умѣренный климатъ, неблагопріятный для его тропическихъ конкурентовъ. Такимъ образомъ высокія горы жаркаго пояса населяются растеніями умѣренной полосы, а высокія горы умѣреннаго пояса — растеніями полярныхъ мѣстностей. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. На Шотландскихъ горахъ, на Альпахъ и на Пиренеяхъ живутъ одинаковыя растенія, родственныя съ тѣми формами, которыя находятся на сѣверѣ Скандинавіи. На Бѣлыхъ горахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, живутъ растенія, родственныя съ растеніями Лабрадора. То-же самое родство замѣчается между растеніями южныхъ Сибирскихъ горъ и растеніями сѣверной Сибири. Кромѣ того всѣ эти горныя растенія, находящіяся на такихъ различныхъ точкахъ земной поверхности, не только сходны и родственны между собою, но часто бываютъ даже совершенно тождественны, такъ что ботанику случается иногда встрѣтить ту-же самую

породу въ Испаніи и въ Сѣверной Америкѣ, несмотря на то, что растительность долинъ въ этихъ мѣстностяхъ вовсе не одинакова и вовсе непохожа на растительность горныхъ хребтовъ. Натуралисты прошлаго столѣтія думали, что эти горныя растенія возникли разомъ на нѣсколькихъ точкахъ земного шара, но теперь, благодаря успѣхамъ новѣйшей геологіи, дѣло объясняется гораздо проще. На высокихъ горахъ тропической Бразиліи живутъ нѣкоторыя чисто-европейскія растенія. На Абиссинскихъ горахъ встрѣчаются также растенія, родственныя отчасти съ европейскими, отчасти съ такими, которыя живутъ на мысѣ Доброй Надежды. Нѣкоторыя растенія, незавезенныя на мысъ Доброй Надежды человѣкомъ, также родственны съ европейскими. На Гималайскихъ горахъ, на нѣкоторыхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ Остъ-Индіи, на высокихъ горахъ острова Цейлона и на вулканическихъ вершинахъ Явы водятся также растенія, принадлежащія къ европейскимъ родамъ. Всѣ эти факты объясняются очень легко, какъ необходимыя послѣдствія ледового періода. Одни растенія сѣвернаго умѣреннаго пояса перебрались черезъ экваторъ и ушли на югъ, на мысъ Доброй Надежды, а другія утвердились на высокихъ горахъ, когда усилившаяся теплота выгнала ихъ изъ тропическихъ долинъ.—Растенія и животныя Соединенныхъ Штатовъ представляютъ признаки кровнаго родства съ растеніями и животными средней Европы; и это понятно; во время теплаго пліоцена эти органическія формы жили въ сплошныхъ земляхъ, составляющихъ теперь сѣверныя оконечности обоихъ великихъ материковъ; потомъ, когда началось охлажденіе, эти формы пошли къ югу и разошлись; одни вступили въ борьбу съ фаунами и флорами Стараго Свѣта, другія—съ фаунами и флорами средней и тропической Америки. Одни видоизмѣнились въ одну сторону, другія—въ другую; образовалось между ними значительное различіе, но признаки кровнаго родства еще сохранились. Чѣмъ дальше мы подвигаемся на югъ, тѣмъ эти признаки становятся слабѣе, такъ что тропическая природа Америки уже нисколько не похожа на тропическую природу Азіи или Африки. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главные факты въ распредѣленіи организмовъ по лицу земли находятся въ полномъ согласіи съ идеями Дарвина. Многія второстепенныя подробности представляютъ до сихъ поръ неразъяснимыя затрудненія, но мы должны помнить, что наука наша не закончена, что кругъ нашихъ знаній расширяется ежедневно, и что открытія и наблюденія будущихъ натуралистовъ должны пополнить то, чего не успѣютъ сдѣлать наши современники. Тогда устранятся и тѣ неизбѣжныя затрудненія, которыя каждая новая и плодотворная идея всегда встрѣчаетъ на своемъ пути.

Эмбріологія и сравнительная анатомія.

I.

Различныя части тѣла у зародышей представляютъ между собою гораздо больше сходства, чѣмъ у взрослыхъ животныхъ. Напримѣръ у человѣческаго зародыша нога похожа на руку, у зародыша летучей мыши задняя оконечность похожа на переднюю, которая впослѣдствіи должна превратиться въ крыло. Кромѣ того зародыши различныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу или отдѣлу, въ раннія фазы своего развитія бываютъ очень похожи другъ на друга. Въ началѣ своего существованія зародыши птицъ, млекопитающихъ, ящерицъ, змѣй рѣшительно ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого. Видно только, что это—зародышъ позвоночнаго животнаго, но какого класса—это неизвѣстно. Потомъ, въ болѣе поздній періодъ развитія, видно, что это млекопитающее, или птица, или ящерица, но еще нельзя опредѣлить, къ какому порядку или семейству относится это возникающее существо. Потомъ обозначаются признаки семейства, рода и вида. Новорожденный жеребенокъ уже отличается отъ новорожденнаго осленка, но тѣ подробности тѣлосложенія, которыя характеризуютъ ломовую и скаковую лошадь, англійскую и донскую, рысака и вятку, обозначаются уже черезъ нѣсколько времени послѣ рожденія животнаго. Въ младенчествѣ у многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя свойственны цѣлой группѣ родственныхъ формъ и которыя потомъ исчезаютъ замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримѣръ у молодыхъ птицъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, хотя впослѣдствіи цвѣтъ перьевъ у различныхъ видовъ этой группы отличается значительнымъ разнообразіемъ. Въ семействѣ кошекъ большая часть породъ носитъ полосатую или пятнистую шкуру; левъ и пума, принадлежащіе также къ группѣ кошекъ, отличаются отъ своихъ родственниковъ одноцвѣтностью мѣха, но новорожденные львы и пумы очень часто бываютъ испещрены полосками и пятнами, которыя потомъ сглаживаются.

Сходство между зародышами различныхъ позвоночныхъ животныхъ существуетъ совершенно независимо отъ тѣхъ условій, при которыхъ эти зародыши развиваются. Млекопитающее развивается въ утробѣ матери;—птица подъ скорлупою яйца; лягушка, въ видѣ головастика, ведетъ самостоятельную жизнь въ водѣ, и, несмотря на то, у всѣхъ этихъ животныхъ во время ихъ зачаточнаго состоянія артеріи изгибаются совершенно одинаковымъ образомъ вокругъ жаберныхъ скважинъ, которыя впослѣдствіи исчезаютъ безъ слѣда. Головастику жабры необходимы, потому что онъ живетъ въ водѣ и дышетъ этими

жабрами; но зародышу птицы, млекопитающаго, змѣи или черепахи жабры ни на что не нужны ни въ какое время, а между тѣмъ жаберныя скважины все-таки существуютъ и возникаютъ у всѣхъ этихъ животныхъ единственно для того, чтобы потомъ исчезнуть, не доставивъ организму ни малѣйшей пользы; чѣмъ объяснить такой капризъ природы? Намъ приходится поставить два вопроса: во-первыхъ, почему зародыши болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ взрослыя животныя? И во-вторыхъ, почему у зародыша существуютъ нѣкоторые органы, совершенно безполезные для самаго зародыша и не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ образу жизни взрослаго животнаго? По идеямъ Дарвина эти вопросы разрѣшаются очень удовлетворительно. Родители передаютъ дѣтямъ по наслѣдству, во-первыхъ, тѣ черты тѣлосложенія, которыя родители сами приняли отъ своихъ предковъ и во-вторыхъ, тѣ особенности, которыя родители выработали себѣ втеченіи своей жизни. Можно сказать, что родители передаютъ дѣтямъ родовое и благопріобрѣтенное имущество своего организма. Особенность, проявившаяся у родителя въ извѣстномъ возрастѣ, большей частью проявляется и у сына въ томъ же самомъ возрастѣ. Извѣстно напримѣръ, что многія наслѣдственныя болѣзни, эпилепсія, сумасшествіе, и такъ далѣе, обнаруживаются у нѣсколькихъ нисходящихъ поколѣній аккуратно въ томъ же самомъ возрастѣ. Положимъ теперь, что какое-нибудь животное, совершенно приспособленное къ водяной жизни, понемногу пріучается къ преслѣдованію такой добычи, которая живетъ на сушѣ. Такіе примѣры извѣстны въ живой природѣ. Угорь часто выходитъ изъ воды и отправляется въ хлѣбныя поля иногда на нѣсколько дней. Ракъ Birgus latro по ночамъ выходитъ на берегъ, взлѣзаетъ на кокосовыя деревья и своими огромными клешнями раскалываетъ кокосовые орѣхи для своего продовольствія. Рыба Anabas scandens ползаетъ по землѣ и взбирается на деревья, опираясь при этомъ на твердые костяные лучи своихъ нижнихъ плавниковъ.

Если подобныя явленія возможны теперь при существованіи огромнаго количества ящерицъ, змѣй, млекопитающихъ, птицъ, и другихъ опасныхъ конкурентовъ, то, разумѣется, эти явленія должны были встрѣчаться очень часто во время оно, въ тѣ геологическія эпохи, когда на земномъ шарѣ не было никакихъ позвоночныхъ животныхъ, кромѣ рыбъ. Итакъ, мы можемъ предположить, что въ одну изъ этихъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ какое-нибудь рыбообразное животное *A* повадилось вылѣзать изъ воды и питаться растеніями и насѣкомыми, живущими по берегамъ моря и рѣки. Каждое животное изъ породы *A* начинало эти упражненія только тогда, когда силы его были уже достаточно развиты, слѣдовательно не тотчасъ послѣ своего выхода изъ яйца, а напримѣръ черезъ годъ или черезъ полтора. Прогулки по землѣ развивали въ тѣлѣ этого животнаго извѣстные мускулы, направляли теченіе питательныхъ соковъ преимущественно въ тѣ части тѣла, которыя подвергались усиленному напряженію, и кромѣ того прогулки эти дѣйствовали измѣняющимъ образомъ на систему дыхательныхъ органовъ. Тѣ отдѣльныя животныя породы *A*, у которыхъ эти медленныя измѣненія совершались особенно успѣшно, имѣли надъ своими сверстниками преимущество и въ силу этого преимущества оставляли послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Это потомство получало отъ нихъ видоизмѣненное и усовершенствованное тѣлосложеніе, но эти выгодныя измѣненія проявлялись у дѣтей въ томъ возрастѣ, въ которомъ они проявились у отцовъ. Рядъ выгодныхъ измѣненій привелъ къ тому результату, что животное *B*,—прямой потомокъ животнаго *A*,— получилъ наконецъ одну пару оконечностей или лапъ. Этотъ рядъ видоизмѣненій въ жизни породы происходилъ чрезвычайно медленно: *A*, доживши до полутора года, началъ ползать по землѣ и измѣнилъ свою организацію самымъ незамѣтнымъ образомъ; дѣти *A* въ полуторагодовомъ возрастѣ наслѣдовали это измѣненіе и увеличили свое наслѣдство собственными упражненіями; внуки въ томъ же возрастѣ получили это увеличенное наслѣдство, и увеличили его еще больше. Такъ точно поступили и правнуки, и праправнуки, и всѣ остальныя поколѣнія. Но еслибы напримѣръ двадцатое поколѣніе начало рядъ своихъ видоизмѣненій въ полтора года, и еслибы эти видоизмѣненія происходили въ немъ такъ-же послѣдовательно и медленно, какъ они совершались во всѣхъ девятнадцати предыдущихъ поколѣніяхъ, то на весь этотъ процессъ можетъ-быть не хватило-бы жизни этихъ животныхъ. Тѣ потомки, которые получаютъ особенности своихъ дѣдовъ и отцовъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, будутъ имѣть очевидное преимущество надъ тѣми потомками, у которыхъ эти особенности проявляются какъ разъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились у предковъ. Вслѣдствіе этого преимущества въ потомствѣ животнаго *A* установится слѣдующій процессъ развитія. Молодыя животныя выходятъ изъ яицъ въ первобытной рыбообразной формѣ; проживаютъ въ такомъ видѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ, получивъ пару оконечностей, превращаются въ животное *B* и начинаютъ ползать по сушѣ. Это ползаніе продолжаетъ дѣйствовать на ихъ тѣлосложеніе такъ, что отдаленные потомки *B* имѣютъ уже двѣ пары оконечностей и вслѣдствіе этого получаютъ отъ натуралистовъ отдѣльное видовое названіе *C*. Тутъ и процессъ развитія усложняется. Изъ яйца выходитъ *A*; потомъ у него выростаетъ одна пара оконечностей—оказывается *B*; потомъ—другая пара и животное *C*

готово. Не останавливайтесь на точкѣ C, идите дальше, и вы получите развитіе лягушки. Сначала головастикъ или рыбообразное животное A, потомъ одна пара оконечностей—B; потомъ другая—C; потомъ толстый рыбій хвостъ пропадаетъ и жабры замѣняются легкими—вотъ вамъ и лягушка готова.

Развитіе лягушки представляетъ намъ просто портретную галлерею тѣхъ предковъ, отъ которыхъ это животное ведетъ свой родъ. Родоначальникъ лягушечьей породы былъ рыбой—оттого и происходитъ рыбообразная фигура головастика. Тутъ дѣйствуютъ законы наслѣдственности. Всѣ превращенія, которыя совершились въ породахъ птицъ, млекопитающихъ и другихъ животныхъ, съ той минуты, когда эти животныя уклонились отъ чистаго рыбьяго типа, всѣ эти превращенія мало по малу стѣснились въ одну кучку и уложились цѣликомъ въ непродолжительную жизнь зародыша. Многія черты этихъ превращеній при этомъ конечно изгладились и исказились, но, несмотря на то, даже и теперь жизнь зародыша представляется наблюдательному натуралисту въ видѣ краткой исторіи и родословной таблицы всей породы. Даже тѣ естествоиспытатели, которые твердо убѣждены въ неизмѣнности видовыхъ формъ, даже они, говорю я, сами подмѣчаютъ и признаютъ изумительное сходство, во-первыхъ, между зародышами высшихъ животныхъ и взрослыми фигурами низшихъ, и во-вторыхъ между зародышами теперешнихъ животныхъ и взрослыми фигурами исчезнувшихъ организмовъ.

Дарвинъ объясняетъ дѣло просто и понятно. Птица и млекопитающее организованы выше рыбы; эти высшія формы принаровлены къ особеннымъ условіямъ жизни; эти приноровленія до нѣкоторой степени изгладили черты основного типа, но въ зародышѣ эти черты остались въ большой неприкосновенности, потому что всякія принаровленія полезны и необходимы только взрослому животному, которое добываетъ себѣ пищу и защищается отъ враговъ собственными силами. Пока кондоръ сидитъ въ яйцѣ, ему не нужны сильныя крылья и острое зрѣніе; пока тигренокъ находится въ утробѣ матери, ему безполезны зубы и когти. Поэтому естественный выборъ совершенствуетъ только взрослыхъ и касается зародыша настолько, насколько этотъ послѣдній долженъ измѣниться по своей связи съ будущей формой взрослаго животнаго. Рыбы и птицы, и млекопитающія произошли по прямой линіи отъ рыбъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ, силурской и девонской. Рыбы меньше удалились отъ этого первобытнаго типа; птицы и млекопитающія удалились отъ него гораздо больше, и при этомъ разошлись въ разныя стороны. Но зародышъ птицъ и млекопитающихъ, не имѣя надобности принаровляться къ различнымъ условіямъ жизни, сохранилъ черты своего девонскаго или силурскаго предка, а такъ какъ этотъ предокъ до нѣкоторой степени похожъ на теперешнюю рыбу, то и зародышъ высшихъ, позвоночныхъ формъ также похожъ на эту низшую форму. По той-же самой причинѣ зародыши различныхъ животныхъ одного отдѣла похожи одинъ на другого. Только долговременное упражненіе многихъ поколѣній и постоянное дѣйствіе естественнаго выбора втеченіи многихъ тысячелѣтій создали у различныхъ животныхъ ноги, крылья и разныя другія сложные органы. У предковъ всѣ эти подробности и утонченныя затѣи вовсе не существовали, а когда онѣ возникли, то возникли въ самой грубой и элементарной формѣ, такъ что можно было поворотить эти куски органическаго вещества куда угодно, и на крыло, и на плавникъ, и на ногу. Въ породѣ эти куски шлифовались и обтачивались втеченіи цѣлыхъ геологическихъ эпохъ, а въ отдѣльномъ животномъ, то есть въ зародышѣ, они шлифуются втеченіи нѣсколькихъ недѣль. Крапчатое перо молодыхъ дроздовъ достается имъ по наслѣдству отъ общаго родоначальника дроздоваго семейства. Такъ-же точно объясняются полоски или пятна на шкурѣ новорожденнаго льва и пумы.

Большая часть насѣкомыхъ выходитъ изъ яичка въ видѣ личинки или червяка; различныя личинки очень сильно отличаются одна отъ другой, потому что многія изъ нихъ сами должны добывать себѣ пищу и слѣдовательно должны быть приспособлены къ различнымъ условіямъ жизни. Но, несмотря на то, форма червяка ясно обозначена у всѣхъ личинокъ. Это доказываетъ, что черви были родоначальниками насѣкомыхъ, подобно тому, какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторыя животныя поставлены въ такія условія жизни, при которыхъ сложное и утонченное устройство организма становится для нихъ безполезнымъ, обременительнымъ и даже вреднымъ. Кроту, копающемуся въ землѣ, червяку, живущему въ кишечномъ каналѣ другого животнаго, или чужеядному раку, присосавшемуся на всю жизнь къ тѣлу рыбы, совершенно безполезны органы зрѣнія. Такіе безполезные органы утрачиваются; взрослое животное приспособляется къ условіямъ жизни, но эти перемѣны по обыкновенію не относятся къ зародышу. Поэтому зародышъ сохраняетъ черты прежняго типа, и вслѣдствіе этого организація его оказывается выше и совершеннѣе, чѣмъ тѣлосложеніе взрослаго животнаго, испытавшаго регрессивную перемѣну. Семейство усоногихъ раковъ (Cerrhipedia) очень замѣчательно по этимъ своеобразнымъ отношеніямъ между зародышами и взрослыми формами. «Ихъ личинки,—говоритъ Дарвинъ,—въ первой степени своего развитія имѣютъ три пары ногъ, одинъ очень простой глазъ и ротъ въ видѣ хобота, посредствомъ ко-

тораго онѣ обильно питаются, потому что растутъ быстро. Во второмъ, соотвѣтствующему кукольной стадіи бабочекъ, они имѣютъ шесть паръ ногъ самаго изящнаго устройства, два великолѣпныхъ сложныхъ глаза и чрезвычайно сложные усики; но ротъ закрытъ и такъ устроенъ, что онѣ не могутъ питаться. Ихъ отправленіе въ этой стадіи состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ высокоразвитыхъ органовъ чувства отыскать удобное мѣсто для дальнѣйшихъ превращеній и чтобы доплыть до этого мѣста при помощи своего высоко-развитого плавательнаго аппарата. По совершеніи окончательнаго метаморфоза они прикрѣплены на всю жизнь. Ихъ ноги превращаются въ хватательные органы; они снова пріобрѣтаютъ хорошо устроенный ротъ, но усики пропадаютъ, а ихъ два глаза снова замѣняются однимъ мелкимъ, весьма простымъ глазнымъ пятнышкомъ. Нѣкоторыя личинки усоногихъ раковъ при послѣднемъ метаморфозѣ понижаются еще сильнѣе: онѣ превращаются въ такое существо, которое Дарвинъ называетъ «дополнительнымъ самцомъ»; это — простой мѣшокъ, у него нѣтъ ни рта, ни желудка, ни органовъ чувства; онъ живетъ очень недолго, совсѣмъ не принимаетъ пищи и занимается исключительно оплодотвореніемъ того болѣе развитого существа, къ которому онъ прикрѣпленъ. Усоногіе раки до такой степени измѣнились подъ вліяніемъ своей сидячей жизни, что Кювье, знавшій только взрослыхъ животныхъ этой группы, относилъ ихъ къ классу моллюсковъ. Но настоящій типъ, указывающій на дѣйствительное происхожденіе этихъ животныхъ, сохранился въ личинкахъ или зародышахъ, и когда различныя фазы ихъ развитія были открыты и прослѣжены, тогда натуралисты немедленно причислили усоногихъ къ классу раковъ. Этому открытію въ значительной степени содѣйствовалъ самъ Дарвинъ, написавшій объ усоногихъ ракахъ великолѣпную монографію въ двухъ томахъ.

II.

У очень многихъ животныхъ существуютъ неразвитые органы, которые не приносятъ имъ ни малѣйшей пользы, подобно тому, какъ окно, нарисованное на стѣнѣ зданія, не даетъ ни одного луча свѣта обитателямъ этого зданія. Въ классѣ млекопитающихъ почти всѣ самцы носятъ на груди или на животѣ зачаточные сосцы. У птицъ кости крыла заканчиваются небольшой косточкой, которая называется крылушкомъ (alula ala spuria) и составляетъ зачаточный палецъ. Эта косточка совершенно закрыта перьями крыла и нисколько не помогаетъ полету птицы. У многихъ змѣй развито и приспособлено для дыханія только одно лѣвое легкое, правое совершенно безполезно и находится всегда въ полномъ бездѣйствіи, однако оно существуетъ въ зачаточномъ состояніи, и змѣя, втеченіи всой своей жизни, таскаетъ въ своемъ тѣлѣ этотъ негодный мѣшочекъ. У другихъ змѣй есть зачатки тазовыхъ костей и заднихъ оконечностей. Чѣмъ вы объясните существованіе этихъ безполезныхъ органовъ? Зачѣмъ природа приставила къ тѣлу животныхъ эти негодныя и безсмысленныя брелоки? Въ военныхъ мундирахъ всѣхъ европейскихъ державъ есть очень много безполезныхъ висюлекъ и разводовъ, но если вы только справитесь объ историческомъ происхожденіи этихъ штучекъ, то увидите, что почти всѣ онѣ въ свое время имѣли нѣкоторый смыслъ и опредѣленное, утилитарное назначеніе. Эполеты, аксельбанты, темляки, шнурки—все это возникло изъ походныхъ или боевыхъ потребностей солдата и только впослѣдствіи превратилось въ безполезное украшеніе. Но вѣдь извѣстное дѣло, что человѣкъ иногда дѣйствуетъ по внушеніямъ свободной фантазіи, и что, напротивъ того, въ природѣ все производится по неизмѣннымъ законамъ, такъ что каждая ничтожная мелочь обусловливается какой нибудь необходимой причиной. Если человѣкъ въ самыхъ произвольныхъ своихъ созданіяхъ, въ покроѣ и украшеніи своего платья, руководствуется реальными побужденіями, стремленіями къ удобству и безопасности, то смѣшно и дико было-бы думать, что цѣлыя породы живыхъ организмовъ *постоянно* носятъ на своемъ тѣлѣ приставки и привѣски, не имѣющія достаточной причины существованія. Причина, разумѣется, есть, и читатель ее знаетъ; она одинакова, какъ для украшеній военнаго мундира, такъ и для неразвитыхъ органовъ живого тѣла. Эта причина—наслѣдственность. Эполеты были сначала придуманы для того, чтобы защищать плечо отъ сабельнаго удара; теперь они ровно ничего не защищаютъ, но ихъ носятъ по старой привычкѣ. Въ природѣ роль старой привычки играетъ сила наслѣдственности, и органы, существующіе въ настоящее время въ зачаточномъ или неразвитомъ состояніи, были прежде развитыми и дѣятельными и приносили предкамъ теперешнихъ животныхъ существенную практическую пользу. Зачаточное сосцы самцовъ по всей вѣроятности указываютъ намъ на то обстоятельство, что самецъ и самка сформированы по одному общему типу, и самецъ вслѣдствіе этого сохранилъ сосцы, потерявшіе въ его организмѣ всякое практическое значеніе. Я долженъ признаться читателю, что это предположеніе принадлежитъ лично мнѣ. Дарвинъ приводитъ фактъ, но не даетъ ему отдѣльнаго объясненія; онъ объясняетъ вообще значеніе зачаточныхъ органовъ; въ каждомъ изъ этихъ органовъ онъ видитъ или остатокъ прошедшаго, или зарожденіе будущаго, то есть или этотъ органъ былъ дѣятельнымъ и потомъ утратилъ свою силу, или же онъ формируется вновь и понемногу увеличивается дѣйствіемъ естественнаго выбора. Зачаточный палецъ птицъ, заглохше-

легкое, тазовая кость и заднія оконечности змѣй объясняются очень просто. Предокъ птицы пользовался своимъ пальцемъ вполнѣ, а предокъ змѣи дышалъ обоими легкими и быть-можетъ былъ похожъ на ящерицу по устройству таза и заднихъ лапъ. У кита, когда онъ находится въ утробѣ матери, выростаетъ въ каждой челюсти около сотни зубовъ, которые впослѣдствіи выпадаютъ, и замѣняются въ верхней челюсти роговыми пластинками, извѣстными подъ названіемъ китоваго уса. Киту зубы совершенно безполезны, но предку этого животнаго они по всей вѣроятности были необходимы. У нѣкоторыхъ жуковъ жесткія надкрылья спаяны наглухо, такъ что летаніе невозможно; однако, подъ сросшимися щитками все-таки лежатъ крылья, которымъ никогда не приходится выглянутъ на свѣтъ и развернуться. Ясное дѣло, что предки этихъ жуковъ летали, и что органъ еще уцѣлѣлъ, когда отправленіе уже прекратилось. То-же самое можно сказать о неразвитыхъ глазахъ нѣкоторыхъ кротовъ и слѣпыхъ обитателей темныхъ пещеръ. Иногда бываетъ, что ослабѣвшій органъ примѣняется къ какому-нибудь новому назначенію. Напримѣръ плавательный пузырь рыбы обыкновенно употребляется на то, чтобы рыба, сжимая или расширяя его, могла подниматься или опускаться въ водѣ. Но у нѣкоторыхъ рыбъ этотъ пузырь сдѣлался такъ малъ, что пересталъ помогать имъ во время плаванія; зато онъ сдѣлался дыхательнымъ органомъ, такъ что на него можно смотрѣть, какъ на возникающее легкое. Крыло пингвина слишкомъ слабо, чтобы поддерживать тѣло этой птицы на воздухѣ, и теперь оно служитъ пингвину весломъ во время плаванія и ныряиія. Если каждый видъ переродился сообразно съ условіями жизни и борьбы, тогда всѣ зачаточные, возникающіе, заглохшіе или искаженные органы становятся понятными, какъ необходимые продукты великаго закона наслѣдственности. «Зачаточные органы, говоритъ— Дарвинъ,—могутъ быть сравнены съ тѣми буквами слова, которыя, сохранившись въ письмѣ, но утратившись въ произношеніи, служатъ намъ намеками на этимологію этого слова». Это сравненіе отличается чрезвычайной мѣткостью и въ высшей степени удачно характеризуетъ значеніе зачаточныхъ органовъ для мыслящаго натуралиста.

Мы видѣли, что зародыши различныхъ животныхъ одного класса очень похожи одинъ на другого; сходство это ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ животное зрѣетъ и складывается; но любопытно замѣтить, что даже въ зрѣломъ возрастѣ животныя одного класса оказываются построенными по одному общему плану. Это единство общаго плана уже давно подмѣчено натуралистами, и оно никакъ не можетъ быть объяснено сходствомъ въ условіяхъ жизни. Можно-ли найти какое-нибудь сходство между жизнью крота, лошади, моржа и летучей мыши? Всѣ эти животныя превосходно приспособлены къ самымъ различнымъ положеніямъ и занятіямъ, всѣ они одарены тѣми органами, которые необходимы для ихъ продовольствія и для обезпеченія ихъ существованія, всѣ ихъ органы чрезвычайно различны, и между тѣмъ эти органы все-таки построены по общему плану. Рука обезьяны приспособлена къ хватанію и ощупыванію предметовъ; лапа крота — къ раскапыванію земли; передняя нога лошади — къ простой ходьбѣ; ластъ моржа—къ плаванію; крыло летучей мыши — къ летанію; и между тѣмъ всѣ эти оконечности состоятъ изъ подобныхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ, относительномъ порядкѣ; во всѣхъ этихъ оконечностяхъ мы видимъ одинаковое число главныхъ сочлененій или суставовъ, и во всѣхъ нихъ мы различаемъ совершенно ясно плечевую кость, локтевую, запястье и пясть. Относительная величина и форма этихъ отдѣльныхъ составныхъ частей измѣняется до безконечности, но всегда самыя части остаются расположенными въ томъ-же порядкѣ. Оуэнъ и другіе первоклассные анатомы утверждаютъ единогласно, что это единство плана, сохраняющееся, несмотря на различныя условія жизни, рѣшительно не можетъ быть объяснено какими-нибудь особенными цѣлями природы.

Если мы возьмемъ одно отдѣльное животное и будемъ внимательно изучать различныя части или органы его тѣла, то мы и здѣсь замѣтимъ также очень любопытное явленіе. Мы увидимъ, что нѣкоторыя части, непохожія другъ на друга по своей фигурѣ и приспособленныя къ различнымъ отправленіямъ, построены также по одному общему плану. Напримѣръ переднія и заднія оконечности состоятъ изъ одинаковыхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ порядкѣ, несмотря на то, что по своимъ отправленіямъ рука не похожа на ногу и крыло летучей мыши не похоже на ея лапу. Черепъ позвоночныхъ животныхъ состоитъ изъ большого количества различныхъ костей, которыя сростаются вполнѣ только въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ сростаются такъ, что швы остаются замѣтными. Кажется, для крѣпости черепа и для большей сохранности головного мозга было-бы удобнѣе, чтобы черепъ состоялъ изъ одной цѣльной кости или по крайней мѣрѣ изъ наименьшаго количества составныхъ частей. На это разсужденіе можно возразить, что черепъ млекопитающаго, благодаря многочисленности своихъ составныхъ частей, не сросшихся въ плотную массу, можетъ сжиматься въ минуту рожденія, и что это сжатіе облегчаетъ выходъ животнаго изъ утробы матери. Это разсужденіе справедливо, но оно не можетъ относиться ни къ птицамъ, ни къ ящерицамъ, ни къ черепахамъ, ни вообще ко всѣмъ тѣмъ позвоночнымъ, которыя вылупливаются изъ яйца. Здѣсь сжатіе черепа ни на что

не нужно, а между тѣмъ у всѣхъ этихъ животныхъ костяная коробка, вмѣщающая головной мозгъ, состоитъ изъ множества соотвѣтственныхъ или *гомологичныхъ* частей самой странной формы. Вглядываясь въ эти части черепа, сравнивая ихъ съ частями спинного хребта и изучая положеніе этихъ частей у различныхъ зародышей, натуралисты пришли къ тому убѣжденію, что черепъ составленъ изъ видоизмѣненныхъ позвонковъ спинного хребта. Гексли при этомъ замѣчаетъ, что было-бы точнѣе выразиться такъ: не позвонки превратились въ кости черепа, а кости и позвонки выработались параллельно изъ какого-нибудь общаго элемента. Такой процессъ совершается дѣйствительно у зародыша. У многихъ раковъ переднія пары ногъ превращены въ челюсти и называются жевательными ногами. Тутъ опять та-же исторія. У первобытнаго типа этого класса не было ни настоящихъ ногъ, ни настоящихъ челюстей; его тѣло было раздѣлено на рядъ члениковъ, снабженныхъ наружными придатками; одни изъ этихъ придатковъ приспособились къ передвиженію тѣла съ мѣста на мѣсто, другіе къ измельченію пищи, третьи превратились въ жабры или органы дыханія. Все это понятно, но, чтобы понять всѣ эти факты, необходимо утвердиться въ томъ убѣжденіи, что видовыя формы способны измѣняться, и что онѣ съ начала органической жизни уже испытали множество превращеній.

Заключеніе.

Работа моя окончена, и я могу сказать по чистой совѣсти, что она стоила мнѣ очень много труда и что, несмотря на то, она все-таки очень неудовлетворительна. Еслибы я обладалъ литературнымъ талантомъ Вольтера и знаніями Александра Гумбольдта, то эти громадныя средства были-бы только что достаточными для того, чтобы вполнѣ удовлетворительно изложить теорію Дарвина для русской публики, не имѣющей никакого понятія о естественныхъ наукахъ. Но развѣ-же у насъ на Руси есть люди съ талантами Вольтера, съ знаніями Гумбольдта и съ добросовѣстнымъ стремленіемъ посвящать всѣ свои силы на умственную пользу во тьмѣ ходящихъ согражданъ? А если нѣтъ такихъ образцовыхъ популяризаторовъ, то, стало-быть, идеи европейскихъ геніевъ должны оставаться для нашей публики тарабарской грамотой? Такъ, что-ли? Или можетъ-быть слѣдуетъ ѣсть не деревянной ложкой, когда не на что купить серебряную? Мнѣ кажется, что благоразумнѣе обратиться къ деревянной, чѣмъ голодать въ тщетномъ ожиданіи серебряной. Поэтому я и рѣшился изобразить своей особой такую деревянную ложку, которую немедленно можно и даже должно бросить подъ столъ, когда на этотъ столъ явится благородный металлъ. Въ моей статьѣ о Дарвинѣ есть по всей вѣроятности недомолвки, неясности, неудачныя выраженія, можетъ-быть есть даже и фактическіе промахи. Что-же дѣлать? Я не спеціалистъ, и читалъ я до сихъ поръ очень мало по естественнымъ наукамъ. Стараясь выразиться яснѣе, я можетъ-быть впадалъ въ ошибки. Но я все-таки повторяю: что-же дѣлать? Вы посмотрите, какъ поступаютъ съ нашей публикой наши спеціалисты. Такого невниманія къ потребностямъ публики, такого неуваженія къ самымъ скромнымъ, законнымъ и неизбѣжнымъ желаніямъ читателей вы не встрѣтите нигдѣ за предѣлами любезнаго нашего отечества. Подумаешь, что спеціалистъ живетъ гдѣ-нибудь на звѣздѣ Оріона и оттуда ведетъ свою рѣчь въ пространство эѳира, вовсе не заботясь о томъ, услышитъ-ли его кто нибудь, или пойметъ-ли его тотъ несчастный слушатель, до котораго случайно долетятъ эти блуждающіе звуки. По моему мнѣнію, полезнѣе прочитать статью вполнѣ понятную, хотя и съ нѣкоторыми ошибками, чѣмъ набивать себѣ голову совершенно безукоризненными диссертаціями, недоступными человѣческому пониманію.

Чтобы получить понятіе о подвигахъ нашихъ спеціалистовъ, намъ не надо далеко ходить за примѣрами. Достаточно взглянуть на то, въ какомъ видѣ книга Дарвина явилась передъ русской публикой. Эту книгу «перевелъ съ англійскаго профессоръ Московскаго университета С. А. Рачинскій». Значитъ, спеціалистъ! Раскрываете книгу—ни одного слова отъ переводчика. Дарвинъ вводится безъ рекомендаціи. Зачѣмъ переведена эта книга, какое значеніе она имѣетъ въ наукѣ, какъ смотритъ на нее «профессоръ Московскаго университета»—все это остается для русскаго читателя глубокой тайной. Читаете далѣе, ни одного пояснительнаго примѣчанія: должно полагать, что мы, русскіе читатели, отлично знаемъ ботанику и зоологію, такъ что можемъ налету ловить и понимать всѣ мимоходныя указанія, которыми переполнена книга Дарвина. При этомъ г. профессоръ выражается такимъ языкомъ, который можетъ показаться русскимъ только истинному спеціалисту. Далѣе, переводъ наполненъ такими плоскими ошибками, которыя непростительны профессору университета. Приведу три примѣра. На стр. 178 говорится о рабовладѣльческомъ инстинктѣ муравьевъ: «рабы черны и на половину мельче своихъ красныхъ господъ», а на стр. 180 уже оказывается, что эти черные рабы сдѣлались бурыми. Эта нелѣпость создана русскимъ переводчикомъ. У Дарвина говорится, что рыжеватый муравей (Formica rufescens) захватываетъ въ плѣнъ бураго (F. fusca), а кровавый (F. sanguinea)—чернаго. Рачинскій все это заблагоразсудилъ перепутать. На стр. 228 Дарвинъ разсказываетъ, будто онъ «извлекъ изъ лапы куропатки *двадцать два зернышка* сухоглинистой земли». Что за неслыханная чепуха! Кто же это

измѣряетъ глину зернышками? Загадка объясняется просто: въ подлинникѣ стояло слово grain, и надо было перевести *двадцать два грана*; тогда всякій аптекарскій ученикъ пойметъ, что̀ это значитъ. А г. профессоръ хватилъ *двадцать два зернышка* и вложилъ свое остроумное изобрѣтеніе въ уста несчастнаго Дарвина.— На стр. 290 говорится, что «горы Шотландіи и Уэльса съ ихъ исчерченными склонами, отполированными поверхностями и шатающимися валунами свидѣтельствуютъ о ледяныхъ потокахъ, нѣкогда наполнявшихъ ихъ долины». Въ двухъ строкахъ двѣ нелѣпости. Что это за *шатающіеся* валуны? *Шатающіеся*—это, видите-ли, переводъ слова *эрратическіе*. Errare значитъ бродить, шататься; ну, и чудесно! Пускай валуны *шатаются!—А ледяные потоки*—это что такое? Это красивое выраженіе, замѣняющее, по мнѣнію г. спеціалиста, слово *ледники*. Но послѣдній курьезъ въ русскомъ переводѣ Дарвина лучше всѣхъ остальныхъ. Въ этой книгѣ много опечатокъ, и притомъ такихъ, которыя искажаютъ смыслъ, напримѣръ: «метафорическихъ» вмѣсто «метаморфическихъ» (стр. 284), «Стараго Свѣта» вмѣсто «Новаго Свѣта» (стр. 275), и другія въ томъ-же родѣ. Но это еще ничего. Опечатки вездѣ бываютъ, а любопытно вотъ что. Къ книгѣ приложенъ списокъ опечатокъ. Въ этомъ спискѣ я не нашелъ *ни одной* изъ тѣхъ опечатокъ, которыя бросались мнѣ въ глаза во время чтенія. Тогда я полюбопытствовалъ посмотрѣть, есть-ли въ книгѣ тѣ опечатки, которыя изобличаетъ списокъ. Оказалось, что нѣтъ, и притомъ ни одной. Къ книгѣ приложенъ интересный списокъ опечатокъ, заключающихся въ какой-то другой книгѣ. И даже нельзя сослаться на ошибку переплетчика. Списокъ напечатанъ на одномъ печатномъ листѣ съ текстомъ и съ алфавитнымъ указателемъ. Вотъ у насъ какія чудеса дѣлаются, и вотъ въ какомъ нарядѣ появляется предъ русской публикой великое твореніе геніальнѣйшаго изъ современныхъ мыслителей.

Послѣ этого, любезные соотечественники, вы, ей богу, даже къ *деревянной ложкѣ* должны отнестись съ снисходительною нѣжностью. А впрочемъ мнѣ совсѣмъ не нужна ваша снисходительность. Я совсѣмъ не хочу, чтобы вы по моимъ статьямъ учились естествознанію, я хочу только, чтобы мои статьи шевелили вашу любознательность, доводили до вашего свѣдѣнія слабый отголосокъ великихъ движеній европейской мысли и разгоняли хоть немного вашу умственную дремоту. А теперь довольно говорить о деревянной ложкѣ. Обратимся еще разъ къ Дарвину и скажемъ нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели его идеи на Европу. Впечатлѣніе сильное, и вѣроятно оно еще долго будетъ усиливаться, по мѣрѣ того, какъ защитники различныхъ оттѣнковъ мысли будутъ пристальнѣе вглядываться въ громадное мировое значеніе этихъ идей. Нѣмецкіе филистеры уже пустили въ ходъ слово «*Дарвинисты*», придали этому слову ругательное значеніе и усиливаются доказать, что теорія Дарвина, во-первыхъ,—пустая мечта, а во вторыхъ,—самая безнравственная штука. Главные доводы этихъ милашекъ давно извѣстны, и ихъ могли-бы высказать съ нарочитымъ успѣхомъ Пульхерія Ивановна и купчиха Кабанова. Иногда тенденціи этихъ почтенныхъ русскихъ женщинъ, проходя черезъ уста нѣмецкихъ филистеровъ, прикрываются благообразной мантіей: мы, дескать, ратуемъ за строгую точность науки и требуемъ отъ нея, чтобы она не пускалась въ обаятельныя мечтанія и красивыя гипотезы. Такими филистерскими тенденціями пропитана рѣчь доктора Шписа, читанная въ прошломъ году въ какомъ-то Зинкенберговскомъ обществѣ естествоиспытателей. Эта рѣчь, напечатанная отдѣльной брошюрой, называется «о границахъ естествознанія». Такихъ рѣчей будетъ говорено много, и такихъ брошюръ будетъ писано по поводу Дарвина еще больше, и все это будетъ читаться и слушаться съ удовольствіемъ такими людьми, которые пресерьезно считаютъ себя мыслителями и естествоиспытателями. Я думаю даже, что и у насъ, въ Россіи, великій естествоиспытатель Страховъ прочтетъ эти творенія съ наслажденіемъ, и самъ произведетъ нѣчто въ томъ-же родѣ. Но въ Западной Европѣ есть люди и другого закала. Въ Англіи творецъ новѣйшей геологіи, Чарльзъ Ляйелль, склонился къ теоріи Дарвина, Гёксли работаетъ въ томъ же направленіи. Гукеръ, Уэллесъ, Батстъ пришли къ тѣмъже результатамъ. Изъ нѣмцевъ Карлъ Фохтъ, бывшій прежде приверженцемъ Агассиза, перешелъ рѣшительно на сторону Дарвина. Фохтъ—пожилой человѣкъ, извѣстный ученый—отказывается отъ всего своего прошедшаго и прямо сознается, что аргументы Дарвина переубѣдили его. Во второмъ томѣ своихъ лекцій о человѣкѣ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года, онъ отводитъ слишкомъ тридцать страницъ на разсмотрѣніе идей Дарвина и высказываетъ на этихъ страницахъ много дѣльныхъ фактическихъ замѣчаній, которыя могутъ служить превосходнымъ подтвержденіемъ новой теоріи. Въ введеніи ко второму тому Фохтъ замѣчаетъ между прочимъ, что два первоклассные ботаника, Альфонсъ Де-Кандоль и Ноденъ, въ послѣднее время двумя совершенно самостоятельными путями пришли къ одинаковымъ выводамъ, чрезвычайно благопріятнымъ для идей Дарвина. Де-Кандоль изучалъ различные виды дуба, а Ноденъ занимался скрещиваніями видовъ и разновидностей растительнаго царства. Оба убѣдились въ томъ, что различные виды возникли и до сихъ поръ возникаютъ одинъ изъ другого посредствомъ медленныхъ измѣненій.

Фохтъ совершенно согласенъ съ той мыслью Дарвина, что геологія при теперешней бѣдности своихъ наличныхъ матеріаловъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности произносить окончательный приговоръ надъ теоріей перерожденія видовъ. Фохтъ самъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ преждевременны были попытки геологовъ построить систему мірозданія изъ немногихъ собранныхъ ими обломковъ. Теорія Дарвина сильна именно тѣмъ, что она можетъ существовать помимо геологическихъ доказательствъ, опираясь на факты *живой* природы.

Въ 1863 году извѣстный филологъ Шлейхеръ издалъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: «Теорія Дарвина и языкознаніе». Онъ доказываетъ, что идеи Дарвина могутъ быть примѣнены къ историческому изученію языковъ. Языки также расходятся въ различныя стороны отъ немногихъ коренныхъ родоначальниковъ; они также дробятся на нарѣчія или говоры, соотвѣтствующіе разновидностямъ органическаго міра эти говоры обособляются и превращаются въ отдѣльные языки—это виды органическаго міра. Языки опять дробятся и порождаютъ новые языки, причемъ многіе изъ старыхъ говоровъ и языковъ вымираютъ, какъ вымерли напримѣръ санскритскій, греческій, латинскій и древнееврейскій. Для насъ брошюра Шлейхера особенно любопытна, какъ разумное слово посторонняго человѣка, не имѣющаго личнаго пристрастія ни къ одному изъ двухъ лагерей современныхъ натуралистовъ. Глубокое уваженіе Шлейхера къ естественнымъ наукамъ заслуживаетъ полнаго вниманія: «Я горячо желаю,—говоритъ онъ,—чтобы метода естественныхъ наукъ постоянно болѣе и болѣе прививалась къ изслѣдованію языковъ. Быть-можетъ слѣдующія строки убѣдятъ кого нибудь изъ начинающихъ филологовъ пойти въ ученіе къ дѣльнымъ ботаникамъ и зоологамъ для усвоенія надлежащей методы. Даю ему слово, что онъ въ этомъ не раскается. Я по крайней мѣрѣ знаю очень хорошо, чѣмъ я обязанъ изученію такихъ произведеній, какъ научная ботаника Шлейдена, физіологическія письма Карла Фохта, и др. Я знаю, какъ они помогли мнѣ понять сущность и жизнь языка. Вѣдь изъ этихъ книгъ я узналъ впервые, что̀ такое *исторія развитія* (Entwickelungsgeschichte)».

Далѣе Шлейхеръ съ замѣчательной вѣрностью взгляда опредѣляетъ настоящій смыслъ той неразрывной связи, въ которой идеи Дарвина находятся съ общимъ движеніемъ человѣческой мысли нашего времени. «Наблюденіе,—говоритъ онъ,—составляетъ фундаментъ современнаго знанія. Кромѣ наблюденія допускается только неизбѣжный выводъ, основанный на томъ же наблюденіи. Все, что̀ построено на однихъ гадательныхъ соображеніяхъ, все, что̀ создано мыслью въ пустомъ пространствѣ, считается въ лучшемъ случаѣ остроумной забавой, но для науки все это — безполезный хламъ. Наблюденіе учитъ насъ, что всѣ живые организмы, вообще входящіе въ кругъ удовлетворительнаго изслѣдованія, измѣняются по опредѣленнымъ законамъ. Эти измѣненія ихъ, эта жизнь составляютъ ихъ настоящую сущность. Мы знаемъ ихъ только тогда, когда знаемъ сумму этихъ измѣненій, когда знаемъ всю ихъ сущность. Другими словами: если мы не знаемъ, какъ вещь образовалась, то мы совсѣмъ не знаемъ этой вещи. Положивши наблюденіе въ основу нашего знанія, мы тѣмъ самымъ упрочили за исторіей развитія и за научнымъ изслѣдованіемъ жизни организмовъ то важное значеніе, которое они имѣютъ теперь для современнаго естествознанія. — Важность исторіи развитія (эмбріологіи) для изученія индивидуальнаго организма не подлежитъ уже возраженіямъ. Сначала исторія развитія проникла въ зоологію и въ ботанику. Ляйелль, какъ извѣстно, изобразилъ также жизнь нашей планеты, какъ рядъ постепенно совершавшихся видоизмѣненій; онъ доказалъ, что и здѣсь, какъ въ жизни другихъ естественныхъ организмовъ, не существуетъ скачковъ. И Ляйелль также ссылается прежде всего на наблюденіе. Такъ какъ наблюденіе новѣйшаго періода земной жизни,—періода, правда, очень короткаго, показываетъ только постепенныя измѣненія, то мы и не имѣемъ рѣшительно никакого права предполагать для прошедшаго другой порядокъ жизненныхъ явленій. Той же точки зрѣнія держался и я при изслѣдованіи жизни языковъ, которая также доступна непосредственному наблюденію только въ своихъ послѣднихъ, новѣйшихъ, и сравнительно очень короткихъ періодахъ. Этотъ короткій періодъ въ нѣсколько тысячелѣтій доказываетъ намъ съ неопровержимой достовѣрностью, что жизнь словесныхъ организмовъ идетъ вообще по опредѣленнымъ законамъ, подвергаясь постепеннымъ измѣненіямъ, и что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы когда-нибудь это дѣло совершалось иначе. Дарвинъ и его предшественники *) сдѣлали шагъ впередъ въ сравненіи съ другими ботаниками и зоологами; нетолько недѣлимыя имѣютъ жизнь, но и виды, и роды; и они также образовались постепенно, и они также подвергаются постояннымъ видоизмѣненіямъ по опредѣленнымъ законамъ. Подобно всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ, Дарвинъ также опирается на наблюденіе, хотя оно, по самой сущности дѣла, распространяется только на короткій періодъ времени, также какъ и наблюденіе надъ жизнью земли и надъ жизнью языковъ. Такъ какъ мы дѣйствительно можемъ замѣтить, что виды не совсѣмъ неизмѣнны, то измѣняемость ихъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, мо-

*) Окенъ, Гёте, Ламаркъ, Эгьеннъ и Жоффруа-Сентъ-Илеръ.

жетъ считаться доказанной. Обстоятельство, само по себѣ случайное, именно краткость періода, подлежавшаго достовѣрнымъ наблюденіямъ, составляетъ причину, почему измѣненія видовъ вообще представляются незначительными. Надо только, согласно съ результатами другихъ наблюденій, допустить, что живыя существа населяли нашу планету втеченіи очень многихъ тысячелѣтій, и тогда мы успѣемъ постигнуть, какимъ образомъ постоянныя медленныя видоизмѣненія, подобныя тѣмъ, которыя дѣйствительно подлежатъ наблюденію, — привели за собою существованіе теперешнихъ видовъ и родовъ. Вслѣдствіе этого ученіе Дарвина дѣйствительно представляется мнѣ, какъ необходимый результатъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя признаны современнымъ естествознаніемъ. Это ученіе основано на наблюденіи и составляетъ попытку изобразить исторію развитія. Что Ляйелль сдѣлалъ для исторіи земли, то выполнилъ Дарвинъ для исторіи обитателей земного шара. Слѣдовательно, ученіе Дарвина — не случайное явленіе, не порожденіе прихотливаго личнаго ума, а напротивъ того, это законное и естественное дитя нашего столѣтія. Теорія Дарвина была настоятельной потребностью времени».

Вотъ какими глазами смотрятъ на произведеніе Дарвина люди умные и совершенно безпристрастные.

1864 г.

Историческое развитіе европейской мысли.

I.

Лѣтъ за восемьсотъ до Рождества Христова полудикій греческій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ ребяческой довѣрчивостью слушалъ пѣсни странствующихъ пѣвцовъ о подвигахъ Геркулеса и Тезея, о путешествіи аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ, о быстроногомъ Ахиллесѣ, о хитроумномъ Одиссеѣ, о паденіи Иліона, о несчастіяхъ и преступленіяхъ Атридовъ и потомковъ Кадма. Въ этихъ пѣсняхъ заключалась вся мудрость тогдашняго грека. Тутъ была и религіозная догматика, и нравственная философія, и исторія, и физика, и астрономія; все это было смѣшано въ одну пеструю кучу и все вмѣстѣ считалось святой и неприкосновенной истиной. Много было чудесъ въ томъ мірѣ, который представлялся греческому воображенію, но міръ этотъ былъ узокъ и бѣденъ, и чудеса въ немъ были маленькія и игрушечныя. Въ центрѣ всего мірозданія лежитъ земля, плоская, какъ блинъ, и опоясанная кругомъ водами океана; надъ землей раскинутъ въ видѣ балдахина хрустальный сводъ голубого неба; по этому своду ходятъ солнце, луна и звѣзды; пониже этихъ ходячихъ лампадокъ носятся тучи, постоянно измѣняя форму и цвѣтъ. На лицевой сторонѣ земли живутъ растенія, животныя и люди, а подъ землей или можетъ-быть на ея изнанкѣ находится царство Плутона, или область ночи и смерти. Туда отправляются души умершихъ; тамъ ихъ судятъ; злыхъ сажаютъ въ Тартаръ на вѣчное мученіе, добрыхъ пускаютъ въ Елисейскія поля для пріятныхъ прогулокъ и удовольствій. На землѣ вмѣстѣ съ простыми людьми живутъ разныя чудовища, великаны и совсѣмъ особенные люди, не похожіе на обыкновенныхъ. На сѣверѣ — счастливые гипербореи; на югѣ — безгрѣшные эѳіопы; на берегахъ Италіи — сирены, завлекающія путешественниковъ пѣснями; рядомъ съ ними, въ Мессинскомъ проливѣ, — чудовища Сцилла и Харибда, поглощающія корабли; въ Сициліи — одноглазые циклопы и кровожадные людоѣды Лестригоны. Выше хрустальнаго небеснаго свода находится Олимпъ, — жилище безсмертныхъ боговъ. Боги эти ѣдятъ и пьютъ, спятъ и любезничаютъ, женятся и плодятся, ругаются и дерутся, но, несмотря на всю эту разнообразную дѣятельность, они повидимому скучаютъ и для развлеченія вмѣшиваются ежеминутно въ дѣла людей, требуютъ отъ нихъ жертвоприношеній, посылаютъ имъ сновидѣнія и болѣзни, соблазняютъ ихъ женъ и дочерей, участвуютъ въ человѣческихъ войнахъ, и вообще, по мѣрѣ силъ и капризовъ своихъ, производятъ всякую путаницу въ мірѣ стихій и въ душѣ человѣка. — Прислушиваясь къ пѣнію своихъ пѣвцовъ, полудикій грекъ не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между существеннымъ и несущественнымъ, между идеей и формой, между основнымъ догматомъ и случайнымъ украшеніемъ. Еслибы вы ему сказали, что въ Сициліи нѣтъ одноглазыхъ циклоповъ, то онъ за такое безбожіе окрысился-бы на васъ такъ-же сильно, какъ если-бы вы стали отвергать сплошь все подземное царство Плутона. Сила всего миѳологическаго зданія заключалась именно въ томъ, что критика совсѣмъ не допускалась; ничего не трогай: ни основныхъ началъ, ни подробностей; но эта сила могла продолжаться только до поры до времени; грекамъ стоило только покороче познакомиться съ Сициліей, чтобы немедленно уничтожить ци-

клоповъ; а стоило только одинъ разъ уличить миѳологію въ очевидной лжи для того, чтобы критика тотчасъ начала свою работу; если нѣтъ на свѣтѣ циклоповъ, то можетъ-быть нѣтъ и безгрѣшныхъ эѳіоповъ; вопросы пойдутъ за вопросами, и вѣковая привычка принимать все миѳологическое зданіе за одно неразрывное цѣлое приведетъ за собой тотъ результатъ, что все зданіе развалится, когда нѣкоторыя подробности окажутся ложными.

Въ 670 году до Р. Х. Египетъ въ первый разъ открылъ свои гавани для иностранцевъ; полудикіе, но даровитые и воспріимчивые греки увидѣли себя лицомъ къ лицу съ одной изъ самыхъ древнихъ цивилизацій земного шара. Все, что они видѣли въ Египтѣ, возбуждало въ нихъ изумленіе и шевелило ихъ мозгъ. Періодическія разлитія Нила, сложная система каналовъ для орошенія полей, астрономическія наблюденія жрецовъ, ихъ геометрическія познанія, необходимыя для размежеванія полей послѣ наводненія, ихъ таинственные символы и гіероглифы, колоссальныя произведенія египетской архитектуры, пирамиды, лабиринтъ, сфинксы, обелиски — все это вмѣстѣ было гораздо болѣе поразительно, чѣмъ самыя затѣйливыя сказки греческой миѳологіи. Греки узнали, что у египтянъ есть свои собственные боги, не имѣющіе ничего общаго съ греческими богами; а въ могуществѣ этихъ боговъ греки не могли сомнѣваться, потому что видѣли собственными глазами древность, силу и процвѣтаніе того государства, которое находилось подъ покровительствомъ этихъ верховныхъ существъ. Греческій Олимпъ получилъ такимъ образомъ первый ударъ, отъ котораго онъ уже никогда не могъ оправиться.

Въ 572 году до Р. Х. ассирійскій царь Навуходоносоръ разрушилъ финикійскій городъ Тиръ, державшій въ своихъ рукахъ всю торговлю Средиземнаго моря. Малоазійскіе греки и жители Архипелага, пользуясь этимъ событіемъ, быстро развернули свои морскія силы и овладѣли тѣми торговыми путями и сношеніями, которыя составляли безраздѣльную собственность сильныхъ и богатыхъ тирійцевъ. Развитіе греческой торговли повело за собой два ряда послѣдствій. Во-первыхъ, явилось накопленіе и неравномѣрное распредѣленіе богатства; а во-вторыхъ, даже простые матросы, плававшіе по Средиземному морю и посѣщавшіе берега Сициліи, Италіи, Сѣверной Африки, Испаніи и южной Франціи, перестали вѣрить въ существованіе сиренъ, циклоповъ и многихъ другихъ чудесъ гомеровской географіи. Но матросу, какъ рабочему человѣку, некогда было углубляться въ критику и обобщать результаты своихъ вседневныхъ опытовъ и наблюденій. Этой умственной работой начали заниматься люди тѣхъ достаточныхъ классовъ, которые понемногу образовались вслѣдствіе торговаго движенія въ приморскихъ городахъ малоазійской и европейской Греціи. Изъ этихъ достаточныхъ классовъ стали выдвигаться впередъ поэты, историки, философы. Какъ только индивидуальная мысль начала шевелиться, такъ она тотчасъ почувствовала, что ей тѣсно и душно въ тѣхъ готовыхъ рамкахъ міросозерцанія, которыя были установлены народными преданіями для всѣхъ и навсегда. Поэты повидимому меньше всѣхъ остальныхъ умственныхъ работниковъ враждовали съ миѳологіей, но и поэтамъ невозможно было ужиться съ ней въ добромъ согласіи. Они брали миѳологическіе сюжеты для своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеній, но они перерабатывали эти сюжеты совершенно по своему, и очень часто случалось, что сочувствіе поэта ложилось совсѣмъ не на ту сторону, на которой ему слѣдовало лежать по понятіямъ немыслящаго большинства. Эсхилъ написалъ напримѣръ трагедію «Скованный Прометей» и возвеличилъ въ ней геніальнаго Титана, который, желая облагодѣтельствовать людей, навлекъ на себя жестокое мщеніе завистливаго и несправедливаго громовержца Зевеса. Разумѣется, въ такой трагедіи Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, игралъ очень некрасивую роль; Прометей высказывалъ ему очень сильными словами очень горькія истины, а зрители понимали какъ нельзя лучше, что за фигурой Прометея скрывается самъ Эсхилъ, подрывающій его дерзкими рѣчами вѣру въ величіе, а пожалуй даже и въ существованіе безсмертныхъ олимпійцевъ.

Историки старались разсказывать событія такъ, чтобы видна была естественная связь между причинами и слѣдствіями; люди боролись между собою, люди побѣждали другъ друга; ихъ поступками управляли простыя человѣческія страсти; никакого вмѣшательства высшихъ силъ не замѣчалось, и писатель, а вслѣдъ за нимъ и его читатели приходили понемногу къ тому размышленію, что можетъ-быть и всегда событія слагались такъ же просто, что можетъ-быть и священная Троя была разрушена безъ малѣйшаго содѣйствія Паллады-Аѳины и волоокой Геры. Еще необузданнѣе была дерзость философовъ. Эти съ перваго шага отодвинули прочь весь Олимпъ и на мѣсто живыхъ и человѣкообразныхъ боговъ поставили неодушевленныя стихіи и слѣпыя силы природы. Одни изъ этихъ философовъ пришли путемъ своихъ размышленій къ единобожію; другіе — къ пантеизму, то есть къ тому выводу, что Богъ и вселенная — одно и то-же; третьи — къ совершенному отрицанію божества. Все они наговорили и написали ужасно много чепухи по физикѣ, по астрономіи и по психологіи; всѣ они, за исключеніемъ Аристотеля, старались что-то отгадать, вмѣсто того чтобы смотрѣть и изучать міръ видимыхъ явленій; но всѣ они боролись противъ миѳологіи, всѣ они, собирая вокругъ себя школы усердныхъ слушателей и поклонниковъ, содѣйствовали разруше-

нію греческаго многобожія, и эта отрицательная сторона ихъ дѣятельности имѣетъ важное и прочное историческое значеніе. Положительные же выводы всѣхъ этихъ мыслителей, начиная отъ Фалеса и кончая Платономъ, до такой степени ничтожны и наивны, что на нихъ не стоитъ останавливаться ни на одну минуту. Умнѣйшіе изъ греческихъ философовъ сами поняли очень хорошо, что всѣ ихъ умозрѣнія никуда не годятся. «Ничто не можетъ быть познано,— говоритъ Анаксагоръ,—ничто не можетъ быть изучено, ничто не можетъ сдѣлаться достовѣрнымъ; чувства ограничены; умъ слабъ; жизнь коротка.» На этой мысли скептики построили всю свою философію и пришли къ отрицанію всего видимаго міра и наконецъ къ отрицанію самаго отрицанія. Софисты превратили философію въ діалектическое орудіе, которымъ можно было доказывать все, что̀ угодно, въ ту или въ другую сторону. Въ концѣ концовъ греческая мысль, не поддержанная опытомъ и наблюденіемъ, пришла такимъ образомъ къ полному и очевидному банкротству.

Подчиняясь вліянію философіи, исторіи и поэзіи, видя вблизи и держа въ собственныхъ рукахъ чисто человѣческія пружины текущихъ политическихъ событій, высшіе классы греческаго народа очень скоро совершенно отложились отъ національной религіи. Но масса продолжала, несмотря ни на что, держаться за своихъ ненаглядныхъ олимпійцевъ съ тѣмъ тупымъ и непостижимымъ упорствомъ, которымъ отличаются вообще народныя массы и которое побѣждается не аргументами, а только медленнымъ, неотразимымъ и нечувствительнымъ дѣйствіемъ всеразлагающаго времени. Такія натянутыя отношенія между образованными людьми и массой продолжались безъ малаго тысяча лѣтъ, то-есть со времени открытія египетскихъ гаваней вплоть до окончательной побѣды христіанства надъ язычествомъ.

II.

Жрецы пользовались очень безцеремонно довѣрчивостью народа; однако надо отдать справедливость и жрецамъ; ихъ дѣятельность не осталась совершенно безплодной: въ храмахъ Эскулапа родилась современная медицина, которая до сихъ поръ признаетъ своимъ отцомъ великаго и честнаго человѣка Гиппократа, жившаго во время пелопоннезской войны. Въ то время каждая болѣзнь приписывалась обыкновенно гнѣву какого-нибудь оскорбленнаго божества; больныхъ приносили въ храмъ, преимущественно къ Эскулапу, и жрецы лечили ихъ тамъ заклинаніями и наконецъ кое-какими лекарствами. Больныхъ собиралось въ этихъ храмахъ довольно много, и любознательный человѣкъ могъ наблюдать признаки и постепенное развитіе различныхъ болѣзней. Выздоровѣвшіе больные приносили Эскулапу разныя пожертвованія и между прочимъ оставляли въ храмѣ таблички, на которыхъ былъ описанъ въ общихъ чертахъ весь ходъ пережитой болѣзни. Эти таблички, хранившіяся въ храмѣ для прославленія Эскулапа, могли подъ руками мыслящаго человѣка превратиться въ драгоцѣнный матеріалъ для изученія болѣзней. Такой мыслящій человѣкъ нашелся въ лицѣ Гиппократа. Опираясь на свои собственныя многолѣтнія наблюденія и на критическое изученіе эскулаповскихъ табличекъ, Гиппократъ въ своихъ сочиненіяхъ высказалъ и послѣдовательно выдержалъ до конца ту мысль, что каждая болѣзнь происходитъ отъ вліянія чисто физическихъ причинъ и излечивается чисто физическими средствами. Для основанія разумной медицины эта простая мысль была безусловно необходима, но жрецовъ такая мысль поражала въ самое чувствительное мѣсто. Чѣмъ больше народъ будетъ довѣряться искусству врача, тѣмъ меньше онъ будетъ обращать вниманія на манипуляціи и заклинанія жреца. Больницы наполнятся, а храмы Эскулапа опустѣютъ. Понятно, какую бурю негодованія долженъ былъ поднять противъ себя трезвый мыслитель Гиппократъ. Надо было обладать непоколебимымъ мужествомъ, чтобы пойдти на встрѣчу этой бури, и надо было принести народу очень много совершенно осязательной пользы, чтобы устоять противъ разыгравшихся страстей, то-есть, чтобы не погибнуть такъ, какъ погибъ напримѣръ Сократъ. Гиппократъ былъ гораздо опаснѣе Сократа для языческаго благочинія. Сократъ только говорилъ противъ предразсудковъ и то робко и двусмысленно; а Гиппократъ дѣйствовалъ, и притомъ самымъ разрушительнымъ образомъ: исцѣляя больныхъ своимъ искусствомъ, онъ доказывалъ имъ и всѣмъ ихъ знакомымъ какъ нельзя нагляднѣе, что наука сильнѣе и полезнѣе заклинаній. Но Сократъ погибъ, потому что народъ видѣлъ въ немъ только говоруна, а на Гиппократа не поднялась ни одна рука, потому что Гиппократъ защищалъ свои научныя положенія не только дѣльными доказательствами, но еще и фактическими благодѣяніями. О Гиппократѣ сохранился между прочимъ одинъ анекдотъ, доказывающій намъ, что этотъ великій человѣкъ никогда не льстилъ народнымъ страстямъ и любилъ говорить своимъ неразвитымъ соотечественникамъ голую правду. Можетъ-быть этотъ анекдотъ и вымышленъ впослѣдствіи, но во всякомъ случаѣ онъ показываетъ, какимъ образомъ греки понимали характеръ Гиппократа. Въ городѣ Абдерѣ жилъ философъ Демокритъ, постоянно смѣявшійся надъ различными глупостями всѣхъ людей вообще и своихъ согражданъ въ особенности; онъ не щадилъ своими насмѣшками ни жрецовъ, ни философовъ, ни даже самого себя; его неугомонный смѣхъ упрочилъ за нимъ прозваніе смѣ-

ющагося мудреца изъ Абдеры, а жителямъ этого города доставилъ на вѣчныя времена репутацію непроходимой тупости. Наконецъ почтеннымъ абдеритамъ стало уже слишкомъ тяжело отъ этого постояннаго зубоскальства; они распустили слухъ, что ихъ мудрецъ помѣшался, и пригласили знаменитаго врача Гиппократа полечить рехнувшагося философа. Гиппократъ пріѣхалъ въ Абдеру съ искреннимъ соболѣзнованіемъ; оно и въ самомъ дѣлѣ жалко: во всемъ городѣ одинъ умный человѣкъ былъ, да и тотъ съ ума сошелъ. Гиппократъ освидѣтельствовалъ заподозрѣннаго Демокрита самымъ добросовѣстнымъ образомъ, поговорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ очень долго и вышелъ изъ его дома, проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ къ его великому и гибкому уму.—«Сами вы,—сказалъ онъ, обращаясь къ собравшимся абдеритамъ,—гораздо больше его нуждаетесь въ медицинскихъ пособіяхъ!»—сказалъ и уѣхалъ. Изъ этого любопытнаго разсказа мы можемъ вывести то поучительное заключеніе, что комедія «Горе отъ ума» разыгрывалась въ дѣйствительной жизни слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до рожденія нашего Грибоѣдова.

III.

Завоеванія Александра Македонскаго составляютъ рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи греческаго ума и всего греческаго народа. Вслѣдствіе этихъ завоеваній греческая національность разлилась по Египту и по всей Азіи. Когда Александръ основалъ свою огромную имперію на развалинахъ персидской монархіи, тогда потянулось на востокъ изъ европейской Греціи все, что было молодо, сильно и предпріимчиво. Та-же самая исторія продолжалась при ближайшихъ преемникахъ Александра. Полководцы македонскаго завоевателя во время своихъ продолжительныхъ междоусобій постоянно тянули къ себѣ изъ Греціи молодыхъ, сильныхъ и храбрыхъ солдатъ; такимъ образомъ цвѣтъ греческаго населенія погибъ въ безплодныхъ сраженіяхъ, а кто уцѣлѣлъ, тотъ пристроился въ Азіи или въ Египтѣ, обзавелся тамъ женой и хозяйствомъ и смѣшалъ такимъ образомъ кровь эллиновъ съ кровью персовъ, сиріянъ или египтянъ. Европейская Греція опустѣла и ослабѣла съ этого времени. Греческая національность потонула въ другихъ національностяхъ, какъ тонетъ стаканъ вина въ бочкѣ воды. Греческія мысли и греческій языкъ были привиты къ умственнымъ способностямъ азіятовъ и африканцевъ, но чистая греческая раса, эллинская кровь утратились навсегда, породивши изъ себя множество разнообразныхъ помѣсей.

Въ Нижнемъ Египтѣ, на берегу Средиземнаго моря, Александръ основалъ городъ Александрію. Мѣсто было выбрано такъ умно и такъ удачно что новый городъ разросся съ невѣроятной быстротой и совершенно убилъ въ самое короткое время умственное значеніе Аѳинъ. Въ Александрію потянулись со всѣхъ сторонъ предпріимчивые капиталисты, даровитые художники и глубокіе мыслители. Политика Птоломеевъ, ближайшихъ преемниковъ Александра, довела александрійскую торговлю и александрійскую науку до высочайшей степени процвѣтанія. Здѣсь, въ Александріи, развернулись всѣ силы греческаго ума. Александръ основалъ тотъ городъ, въ которомъ греческая мысль совершила свои величайшіе подвиги, а учитель Александра, Аристотель, одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей древняго міра, основалъ тотъ методъ, по которому развилась александрійская наука и по которому всегда будутъ развиваться всѣ отрасли положительнаго, не мечтательнаго и не умозрительнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Аристотель составляетъ совершенную противоположность со всѣми своими предшественниками и въ особенности со своимъ учителемъ, Платономъ. Платонъ признаетъ дѣйствительное существованіе какихъ-то общихъ идей; по его мнѣнію, философъ долженъ углубиться въ самого себя, погрузиться въ созерцаніе общихъ идей и потомъ уже изъ этихъ идей вывести частности и подробности видимыхъ явленій. Аристотель, напротивъ того, говоритъ, что общія идеи составляются только посредствомъ отвлеченія общихъ признаковъ отъ частныхъ явленій, и что, стало быть, философъ долженъ наблюдать и изучать живую дѣйствительность, чтобы потомъ, сравнивая между собою отдѣльныя впечатлѣнія, возвышаться до пониманія общихъ законовъ. Методъ Аристотеля безукоризненно вѣренъ; но на практикѣ Аристотель очень часто измѣняетъ своему методу; въ то время фактическихъ знаній было собрано еще такъ мало, что не было ни малѣйшей возможности дѣлать какія-нибудь основательныя философскія заключенія о мірозданіи, о жизни, о человѣческой душѣ и о разныхъ другихъ вопросахъ, надъ которыми любятъ задумываться мыслители. Чтобы оставаться совершенно послѣдовательнымъ, Аристотелю надо было совсѣмъ отказаться отъ философіи и приняться за собираніе фактическихъ наблюденій. Но тогдашніе люди, въ томъ числѣ и самъ Аристотель, думали, что каждому мыслящему человѣку необходимо дать отвѣты на всѣ вопросы, и если неоткуда взять дѣльныхъ отвѣтовъ, то надо непремѣнно пуститься въ догадки и въ умозрѣнія. Увлекаясь печальнымъ пристрастіемъ своего вѣка къ философствованіямъ, Аристотель уклоняется отъ того метода, который онъ признаетъ истиннымъ въ теоріи, и пишетъ чрезвычайно много вздора о физикѣ, о метафизикѣ, о физіологіи и о политикѣ. Аристотель остается вѣренъ своему собственному методу только въ

*

своей «Естественной исторіи» и въ своихъ сочиненіяхъ по сравнительной анатоміи. Здѣсь онъ описываетъ то, что видѣлъ собственными глазами. Чтобы заниматься этими предметами, онъ имѣлъ болѣе средства, чѣмъ кто-либо другой изъ его предшественниковъ или современниковъ; ученикъ его, Александръ Македонскій, былъ самъ человѣкомъ очень любознательнымъ; онъ съ большимъ участіемъ слѣдилъ за работами Аристотеля и постоянно присылалъ ему изъ Азіи цѣлыя коллекціи животныхъ и растеній, неизвѣстныхъ европейскимъ грекамъ.

Когда междоусобныя войны между полководцами Александра прекратились, когда Египетъ сдѣлался неоспоримой собственностью династіи Птоломеевъ, тогда Александрія сдѣлалась центромъ греческой торговли и всей умственной жизни тогдашняго образованнаго міра. Первые Птоломеи были люди умные и просвѣщенные. Они приняли науку подъ свое покровительство и основали въ Александріи музеумъ,—такое учрежденіе, которое было въ одно и то же время университетомъ и академіей и которое своими громадными размѣрами далеко превышало всѣ подобныя учрежденія прежнихъ и даже позднѣйшихъ временъ. Александрійскій музеумъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ ученаго города; въ немъ бывало иногда до четырнадцати тысячъ различныхъ работниковъ мысли. При музеумѣ находился роскошный ботаническій садъ для изученія растеній, звѣринецъ для зоологическихъ наблюденій, астрономическая обсерваторія со всѣми извѣстными въ то время инструментами и пособіями, химическая лабораторія, въ которой самъ Птоломей Филадельфъ, одержимый на старости лѣтъ страхомъ смерти, отыскивалъ не совсѣмъ успѣшно жизненный эликсиръ, анатомическій театръ, въ которомъ ученые изслѣдователи, несмотря на предразсудки египетскаго народа, смѣло рѣзали подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства не только тѣло животныхъ, но даже и человѣческіе трупы.

Богатство александрійскихъ библіотекъ извѣстно каждому школьнику. Птоломеи хотѣли собрать въ музеумъ всѣ книги, какія когда либо были написаны людьми; этого имъ не удалось сдѣлать, но до 700,000 томовъ они дѣйствительно пріобрѣли; цифра эта чрезвычайно значительна и даже почти невѣроятна для того времени, когда книгопечатаніе еще не существовало и когда книга была роскошью, понятной и доступной только для очень богатыхъ и просвѣщенныхъ людей. Еще важнѣе всѣхъ этихъ превосходныхъ учрежденій была для процвѣтанія александрійской учености полная терпимость Птоломеевъ ко всѣмъ оттѣнкамъ философскихъ и религіозныхъ убѣжденій. Въ Александрію шли, какъ въ совершенно безопасную пристань, безъ различія религіи и національности, всѣ умные люди, преслѣдуемые глупостью своихъ согражданъ или современниковъ. И Птоломеи пристраивали въ своемъ музеумѣ всякаго, кто, по ихъ мнѣнію, обнаруживалъ литературный талантъ или обладалъ научными познаніями. На развитіе литературы, философіи, исторіи и политическихъ наукъ всякое покровительство дѣйствуетъ конечно развращающимъ образомъ; всѣ эти отрасли умственной дѣятельности тотчасъ проникаются духомъ лести и превращаются въ пріятное увеселеніе покровительствующихъ особъ. Такъ случилось, разумѣется, и въ Александріи. Но, кромѣ этихъ развращающихъ проявленій человѣческой мысли, есть еще строгія, точныя науки, которыя не гнутся ни въ право, ни въ лѣво и которыя вслѣдствіе этой естественной непоколебимости могутъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, принимать покровительство отъ кого угодно. Именно эти совершенно безстрастныя науки,—геометрія, астрономія, механика, физика, анатомія,—развились въ александрійскомъ музеумѣ. Многія открытія александрійскихъ ученыхъ по этимъ предметамъ составляютъ до сихъ поръ и будутъ составлять навсегда драгоцѣнную и необходимую часть въ общей совокупности человѣческихъ знаній. Геометрія Эвклида до сихъ поръ преподается во всѣхъ европейскихъ школахъ. Архимедъ, жившій въ Сиракузахъ, но учившійся въ Александріи, сдѣлалъ множество открытій въ геометріи, основалъ гидростатику, изучилъ свойства рычага, изобрѣлъ тотъ винтъ, который до сихъ поръ называется архимедовымъ, и кромѣ того придумалъ около сорока различныхъ менѣе важныхъ машинъ. Эратосфенъ, Гиппархъ и Птоломей довели астрономію и математическую географію до той степени развитія, на которой она находилась до временъ Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона. Александрійскіе астрономы совершенно отбросили мысль о томъ, что земля—плоскій кружокъ, опоясанный океаномъ; они убѣдились въ томъ, что земля есть шарообразное тѣло; они объяснили себѣ настоящія причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и нашли возможность вычислять и предсказывать ихъ заранѣе; они пробовали строго научнымъ путемъ опредѣлить величину земного шара и разстояніе, отдѣляющее его отъ солнца и луны. Географическія и астрономическія сочиненія Птоломея, переведенныя сначала на арабскій языкъ, а потомъ уже на латинскій, втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ пользовались непоколебимымъ авторитетомъ у магометанъ и у христіанъ. Птоломей предполагаетъ, что земля стоитъ неподвижно въ пространствѣ, и что солнце, луна и планеты обращаются вокругъ нея. Эта теорія прожила почти полторы тысячи лѣтъ, и первымъ послѣдователямъ Коперника побѣда надъ укоренившимися идеями Птоломея досталась цѣной тяжкой и опасной борьбы.

Медицина развилась въ александрійскомъ музеѣ самымъ раціональнымъ образомъ, опираясь

на анатомическія изслѣдованія. Основатель музеума, Птоломей Филадельфъ, зашелъ такъ далеко въ своемъ усердіи къ развитію науки, что позволилъ медикамъ, приставленнымъ къ музеуму, производить физіологическіе опыты надъ живыми преступниками, осужденными на смерть. Изъ александрійскихъ медиковъ замѣчательны Герофилъ и Эразистратъ. Каждый изъ этихъ двухъ ученыхъ основалъ свою отдѣльную школу, и медики втеченіи нѣсколькихъ столѣтій раздѣлялись на *эразистротистовъ* и *герофилистовъ*. Однако позволеніе рѣзать живыхъ преступниковъ не пошло впрокъ александрійской медицинѣ; несмотря на это позволеніе, Герофилъ и Эразистратъ утверждаютъ единогласно, что въ артеріяхъ заключается не кровь, а воздухъ; о кровообращеніи они оба не имѣли ни малѣйшаго понятія. Если принять въ разсчетъ, что эти люди располагали совершенно исключительными пособіями, то надо сознаться, что наблюдательность ихъ была не особенно велика.

IV.

Когда Египетъ былъ обращенъ въ римскую провинцію, александрійская наука медленно начала клониться къ упадку. Музеумъ существовалъ попрежнему; попрежнему въ немъ жили и трудились ученые; но не было въ ихъ трудахъ той свѣжей и сильной оригинальности мысли, которой отличаются умственные подвиги Эвклида, Архимеда, Эратосфена и Гиппарха. Началось компилированіе и комментированіе старыхъ авторитетовъ. Самостоятельныя изслѣдованія прекратились. Причину этого упадка мысли можно приписать отчасти подавляющему вліянію римскаго господства. Въ такое время мыслящему человѣку совершенно надоѣдаетъ жизнь; а когда не хочется жить, тогда не зачѣмъ и трудиться надъ разрѣшеніями мудреныхъ научныхъ вопросовъ. Но еслибы даже Египетъ оставался попрежнему подъ господствомъ умныхъ и просвѣщенныхъ Птоломеевъ, то и въ такомъ случаѣ александрійская наука непремѣнно должна была измельчать и одряхлѣть. У нея не было будущаго. Представляя собой самое блестящее проявленіе классической цивилизаціи, она вполнѣ раздѣляла съ этой цивилизаціей ея радикальную и роковую недолговѣчность.

Дреперъ въ своей «Исторіи умственнаго развитія въ Европѣ» («History of the intellectual developement of Europe») объясняетъ упадокъ александрійской науки тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время греческій умъ, переживши уже фазы дѣтства, отрочества, юности и мужества, вступилъ въ печальный, но неизбѣжный періодъ старческой дряхлости. Дреперъ думаетъ, что историческая жизнь народовъ совершается по тѣмъ же законамъ, по которымъ располагается жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Я считаю книгу Дрепера очень замѣчательной книгой; я даже положилъ ее въ основаніе моей теперешней статьи, но я долженъ оговориться, что мысли Дрепера о различныхъ неизбѣжныхъ фазахъ въ исторической жизни народовъ рѣшительно не выдерживаютъ серьезной критики. Мы дѣйствительно знаемъ изъ исторіи, что нѣкоторыя народности вымерли, нѣкоторыя цивилизаціи одряхлѣли, уничтожились. Но число этихъ извѣстныхъ намъ примѣровъ до сихъ поръ еще совсѣмъ не такъ значительно, чтобы мы *только по одному числу* случаевъ могли составить себѣ то убѣжденіе, что существуетъ въ природѣ общій законъ, на основаніи котораго каждая народность и каждая цивилизація непремѣнно должны рано или поздно одряхлѣть и умереть. Если-же мы обратимъ вниманіе не на гуртовую цифру извѣстныхъ намъ историческихъ примѣровъ, а на внутренній смыслъ каждаго отдѣльнаго случая, то мы придемъ совсѣмъ не къ тому результату, къ которому приходитъ Дреперъ. Внимательное изученіе покажетъ намъ, что каждая умершая національность или цивилизація умерла отъ какого-нибудь неизлечимаго органическаго порока, таившагося въ ней съ самаго начала ея существованія, или же, что она убита внѣшнимъ насиліемъ, котораго она не могла и не умѣла отразить. То, что Дреперъ принимаетъ за неизбѣжную старость, оказывается болѣзненнымъ разстройствомъ. Поэтому, если двадцать цивилизацій умерли отъ различныхъ болѣзней, то изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія, что двадцать первая цивилизація также непремѣнно умретъ отъ какой-нибудь болѣзни. Можетъ-быть умретъ, а можетъ-быть и не умретъ. Болѣзнь совсѣмъ не то, что старческая дряхлость. Отъ болѣзни можно и уберечься, и вылечиться. Мнѣ кажется, что классическая цивилизація умерла не отъ старости, или, вѣрнѣе, она одряхлѣла не потому, что таковъ законъ природы, а потому, что она заключала въ себѣ неизлечимый органическій порокъ, отъ котораго совершенно свободна новѣйшая европейская цивилизація. Основаніе классической цивилизаціи было очень узко и очень мелко, т. е. эта цивилизація не могла распространяться ни въ ширину, ни въ глубину. Распространенію ея въ ширину, т. е. отъ одного народа къ другому, мѣшала національная вражда. Грекъ считалъ и называлъ варваромъ всякаго не-грека. Распространенію ея въ глубину, т. е. отъ высшихъ классовъ общества къ низшимъ, мѣшало рабство. Общество, построенное на рабствѣ, всегда будетъ смотрѣть на науку, какъ на аристократическую забаву, недоступную и даже вредную для трудящагося большинства. Въ такомъ обществѣ на всякую умственную дѣятельность смотрятъ не какъ на средство осмыслить и усовершенствовать жизнь, а какъ на средство забыть дрязги и пошлости. Въ такомъ обществѣ

люди очень любятъ умозрительную философію, на томъ основаніи, что

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Низкія истины дѣйствительной жизни такъ и остаются навсегда низкими въ такомъ обществѣ, въ которомъ мыслящіе люди боятся къ нимъ прикоснуться и предпочитаютъ упиваться *возвышающими обманами*. Въ такомъ обществѣ даже строго-реальная наука скоро превращается въ *возвышающій обманъ*. Добытыя истины не находятъ себѣ приложенія; онѣ остаются въ библіотекахъ; онѣ не входятъ ни въ народное міросозерцаніе, ни въ народный трудъ. Ученые чувствуютъ себя одинокими, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанными, никому и ни на что не нужными; они трудятся для собственнаго удовольствія и теряютъ такимъ образомъ всякое желаніе и всякую возможность отличать полезный трудъ отъ мартышкина труда. Всякій трудъ полезенъ, потому что онъ доставляетъ ученому удовольствіе, и всякій трудъ есть мартышкинъ трудъ, потому что общество не получаетъ отъ него ровно ничего. При такихъ условіяхъ наука непремѣнно должна измельчать и зачахнуть. Уже великій Архимедъ даетъ намъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ ученые, оторванные отъ жизни, тратятъ свои силы на дѣтскія забавы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ доказываетъ серьезно и пространно, что можно насчитать не только всѣ песчинки морскихъ береговъ, но даже всѣ песчинки, которыя можно было бы умѣстить между землей и неподвижными звѣздами. И дѣйствительно онъ производитъ это вычисленіе. «Такая книга,—замѣчаетъ Дреперъ,—есть игра математическаго гиганта, безпечно забавляющагося своей собственной силой». Такая книга, прибавлю я отъ себя, указываетъ самымъ выразительнымъ образомъ на печальное и почти безнадежное положеніе того общества, среди котораго она возникла. Плохо, очень плохо идетъ жизнь того народа, въ которомъ гиганты, подобные Архимеду, забавляются, вмѣсто того чтобы работать.

Какой-то латинскій писатель въ какомъ-то сочиненіи употребилъ замѣчательное выраженіе: «homo homini lupus» (человѣкъ человѣку волкъ), то есть человѣкъ обращается съ человѣкомъ, какъ волкъ или какъ съ волкомъ. Эти три слова: «homo homini lupus» превосходно характеризуютъ ту болѣзнь, отъ которой погибла классическая цивилизація. Грекъ на варвара, аристократъ на чернорабочаго, богачъ на бѣдняка, свободный на раба, аѳинянинъ на спартанца, философъ на неуча, мужчина на женщину, отецъ на сына—всѣ народности, всѣ классы общества, всѣ люди, различные между собою по полу, по возрасту или по образованію, смотрѣли другъ на друга съ недовѣріемъ, съ недоброжелательствомъ, съ пренебреженіемъ и съ худо скрытымъ намѣреніемъ скрутить, осѣдлать, взять въ ежовыя рукавицы и обратить въ вьючное животное. Какъ велись напримѣръ тогдашнія войны? — Александръ Македонскій, образованный человѣкъ, ученикъ Аристотеля, любитель философіи и естествознанія, въ самое цвѣтущее время эллинизма распялъ на крестахъ двѣ тысячи тирійцевъ за то великое преступленіе, что они съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ защищали противъ него свой родной городъ. Какъ смотрѣли другъ на друга отдѣльные греческіе города? — Аѳины такъ озлились за что-то на Мегару, что въ мирное время установили законъ, по которому каждый мегарянинъ, очутившійся въ Аѳинахъ, немедленно долженъ подвергаться смертной казни. — Какъ относились философы къ народу?—Всѣ они были убѣждены, что народъ никогда не можетъ и не долженъ просвѣщаться; всѣ они считали суевѣріе необходимымъ для массъ, и многіе изъ нихъ имѣли по двѣ доктрины: одну—*эксотерическую*—для всѣхъ желающихъ, другую—*эзотерическую*—для немногихъ посвященныхъ. Когда философы пускались разсуждать о политикѣ, то они всегда сочиняли такое общественное устройство, при которомъ всѣ работаютъ, а философы постоянно кушаютъ и постоянно размышляютъ о суетности всего земного и тлѣннаго.

Что-же наконецъ должно было выдти изъ этого homo homini lupus? — Различныя національности, не умѣющія жить между собою въ добромъ согласіи и неспособныя обогащать другъ друга мирнымъ и плодотворнымъ обмѣномъ продуктовъ физическаго и умственнаго труда, должны были постоянно ссориться, драться, разорять и поглощать другъ друга. Такъ это и было. Потомъ, когда всѣ народности, облегающія бассейнъ Средиземнаго моря, оказались достаточно истрепанными, всѣ онѣ должны были попасть подъ господство какой-нибудь одной народности, разумѣется той, которая была затаскана менѣе всѣхъ остальныхъ. Такъ оно и случилось. Римъ положилъ насильственный конецъ всѣмъ международнымъ дракамъ по берегамъ Средиземнаго моря. Общее порабощеніе привело за собою общее спокойствіе. Религіи, національности поневолѣ перемѣшались. Шероховатости сгладились отъ ежедневныхъ соприкосновеній. Не находя себѣ удовлетворенія и питанія въ войнѣ, международныя антипатіи притупились и заглохли. Но въ этомъ вынужденномъ спокойствіи было мало отраднаго. Это было спокойствіе безсилія и обморока. Административныя и финансовыя распоряженія Рима поддерживали этотъ обморокъ самымъ тщательнымъ образомъ. Римляне обращались съ завоеванными землями такъ, какъ англичане обращаются съ Остъ-Индіей. Они тянули изъ провинцій все, что можно было вытянуть. Покоренныя населенія были задавлены налогами и кромѣ того римскіе чинов-

ники постоянно наживали себѣ на ихъ счетъ громадныя состоянія. Римское правительство никогда не заботилось о народномъ благосостояніи; величайшіе политики и администраторы древняго Рима смотрѣли на народъ только съ стратегической, или съ финансовой, или вообще съ отвлеченной государственной точки зрѣнія. Имъ надо было только, чтобы народъ не бунтовалъ, чтобъ онъ платилъ большіе налоги и чтобы границы государства были защищены отъ вторженій варваровъ кордономъ укрѣпленныхъ лагерей и военныхъ поселеній. Римляне сооружали въ провинціяхъ превосходныя военныя дороги, водопроводы, мосты, общественныя зданія, театры, цирки; къ обременительнымъ налогамъ присоединялись такимъ образомъ еще натуральныя повинности; люди и рабочій скотъ надрывались въ безплодныхъ усиліяхъ; крестьянскія хозяйства разорялись; поля оставались необработанными; мелкіе собственники за неплатежъ податей продавались въ рабство съ женами и дѣтьми; пахатныя земли, сосредоточиваясь въ рукахъ капиталистовъ, превращались въ пастбища. Живые источники свободнаго народнаго труда быстро изсякали; рабы работали дурно и небрежно; голодъ свирѣпствовалъ постоянно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ обширнаго государства; за голодомъ шли повальныя болѣзни; люди умирали тысячами, и земли, составлявшія древній историческій міръ, понемногу превращались въ пустыни, среди которыхъ возвышались, въ видѣ жестокой насмѣшки надъ политической мудростью римлянъ, обширные и великолѣпные города, переполненные голодной чернью и одурѣвшими отъ разврата милліонерами.

При такихъ условіяхъ существованіе цивилизаціи сдѣлалось невозможнымъ; не оставалось даже и послѣдняго исхода: не могло быть такого переворота, который положилъ-бы конецъ системѣ финансовой и административной эксплуатаціи; некому было сдѣлать такой переворотъ; деревенское населеніе было такъ задавлено, а городская чернь такъ развращена даровыми зрѣлищами и раздачами дарового хлѣба, что неоткуда было ждать ни малѣйшаго сознательнаго протеста. Исторія Гракховъ достаточно поучительна въ этомъ отношеніи, а со временъ Гракховъ до основанія имперіи и съ основанія имперіи до ея паденія дѣла шли все хуже да хуже; и каждое слѣдующее поколѣніе оказывалось постоянно глупѣе и подлѣе предыдущаго. Отъ людей, задавленныхъ и развращенныхъ до мозга костей римской администраціей, отъ рабовъ и рабовладѣльцевъ, отъ патроновъ и кліентовъ, отъ гладіаторовъ и праздныхъ любителей цирка, отъ всей этой сволочи, сытой до одурѣнія или доведенной голодомъ до собачьей угодливости и до собачьяго безстыдства, отъ всего, что̀ носило на себѣ клеймо римскаго вліянія, ждать было рѣшительно нечего.

Римъ, основавшій и поддерживавшій свое господство силой оружія, довелъ себя наконецъ системой государственнаго хозяйства до такого полнаго разслабленія, что оказался несостоятельнымъ даже въ своей нарочитой спеціальности. Желѣзные легіоны Рима стали терпѣть позорнѣйшія пораженія отъ презрѣнныхъ варваровъ; потомъ пришлось пополнять желѣзные легіоны презрѣнными варварами и довѣрять наемникамъ защиту Римской имперіи; пришлось уступать варварамъ пограничныя области и откупаться деньгами отъ ихъ набѣговъ. Римское государство умерло и сгнило такимъ образомъ задолго до того времени, когда Одоакръ свергнулъ съ престола послѣдняго императора, Ромула-Августула. Варвары, захватившіе одну провинцію за другой, могли разорять въ нихъ различныя великолѣпныя строенія, могли сжигать рукописи и картины, но задавить живое начало классической цивилизаціи они были не въ состояніи, потому что это начало уже давно перестало быть живымъ. Кое-какія знанія, выработанныя греками, могли пригодиться людямъ во всякое время; но эти знанія были уже для послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи обломками далекой и невозвратимой старины, окаменѣлыми остатками такого умственнаго движенія, которое уже давно прекратилось и потеряло всякую способность дѣйствовать живительнымъ образомъ на настоящее. Варвары быть-можетъ круто оборвали такую агонію, которая безъ ихъ вмѣшательства протянулась-бы еще нѣсколько столѣтій, какъ тянулось напримѣръ жалкое прозябаніе Византійской имперіи; но во всякомъ случаѣ варвары только ускорили, а не нарушили естественный и необходимый ходъ историческихъ событій. Надежды на выздоровленіе и обновленіе не оставалось; значитъ, надо было для пользы всего человѣчества поскорѣе убрать съ дороги гнилое тѣло и начать съ самаго начала, свѣжими силами, работу новой цивилизаціи. Если Атилла дѣйствительно называлъ себя *бичомъ божіимъ*, то надо полагать, что этотъ дикарь былъ очень умнымъ человѣкомъ и понималъ чрезвычайно вѣрно глубокое историческое значеніе своей разрушительной дѣятельности. Зданіе классической цивилизаціи, цѣликомъ построенное на рабствѣ, надо было срыть до основанія, и кто ломалъ это зданіе, сознательно или безсознательно, тотъ оказывалъ человѣчеству существенную услугу. Съ этой точки зрѣнія гунны и вандалы могутъ быть названы прогрессистами.

V.

Безжизненность греко-римскихъ идей и учрежденій выражается особенно наглядно въ борьбѣ между язычествомъ и христіанствомъ. Многіе императоры, смотря на христіанъ, какъ на опасную политическую партію, старались запугать

ихъ преслѣдованіями. Преслѣдованія эти не достигали своей цѣли; они давали только христіанамъ возможность обнаруживать торжественно и публично то высокое и непоколебимое мужество, которое всегда одушевляетъ человѣка, идущаго на мученія и на смерть за святыню своего глубокаго и искренняго убѣжденія. Эти поразительные примѣры стойкости и терпѣнія дѣйствовали потрясающимъ образомъ на массу; въ людяхъ, задавленныхъ, загрязненныхъ и изувѣченныхъ свинцовымъ гнетомъ римской жизни, эти примѣры будили лучшія человѣческія чувства,—такія чувства, которыхъ самъ человѣкъ никогда не подозрѣвалъ въ себѣ, которыя дремали въ немъ съ самаго его рожденія и которыя, выплывая на верхъ изъ темной глубины его души, изумляли его самого своей свѣтлой, невиданной и между тѣмъ знакомой и родственной красотой. Зато, чтобы разъ въ жизни почувствовать себя человѣкомъ, чтобы разъ въ жизни не струсить передъ преторомъ, передъ ликторами и палачами, забитый рабъ или грязный бродяга могъ съ гордой радостью пойдти на смерть, когда онъ видѣлъ, что такую смерть встрѣчали спокойно тѣ загадочные люди, которые называли себя христіанами. Такимъ образомъ казни плодили мучениковъ и содѣйствовали распространенію гонимой религіи. Бывали примѣры, что христіанинъ, сидящій въ тюрьмѣ и уже осужденный на смерть, въ послѣднія минуты своей жизни обращалъ въ христіанство своего тюремщика, велъ и его вмѣстѣ съ собою на мѣсто казни.

Во время Діоклетіана христiане составляли уже дѣйствительно такую политическую силу, съ которой надо было обращаться очень осторожно; они были многочисленны не только въ государствѣ, но уже и въ арміи; у нихъ были ревностные агенты во всѣхъ классахъ общества, даже въ императорскомъ дворцѣ, потому что жена, и дочь Діоклетіана исповѣдали новую религію. Послѣ смерти Діоклетіана Константинъ одержалъ рѣшительную побѣду въ междоусобныхъ войнахъ, именно потому, что съумѣлъ привлечь на свою сторону христіанъ всей имперіи. При Константинѣ христіанство сдѣлалось господствующей религіей, и теперь пришло для язычества время расплачиваться за преслѣдованія прежнихъ правительствъ. Христіанство объявило истребительную войну всему, что̀ было связано такъ или иначе съ языческими воспоминаніями. Вся классическая цивилизація, философія, наука, искусство, все безъ разбору было занесено въ рубрику язычества, и все должно было исчезнуть, какъ суета и прелесть грѣховнаго міра. И по результатамъ своимъ эти гоненія были совсѣмъ не похожи на тѣ преслѣдованія, которымъ подвергалось христіанство. Здѣсь гонимыя идеи, формы и учрежденія дѣйствительно прятались и исчезали безъ остатка и почти безъ борьбы. Жрецы, философы, ученые, художники классическаго міра не дали народу ровно ничего, кромѣ бѣдности, невѣжества, распутства и страданія. Народу не за что было любить этихъ людей, и, когда явились новые вожди, тогда народъ сталъ ломать статуи боговъ, разрушать ихъ жертвенники, рвать и жечь сочиненія философовъ, ученыхъ и поэтовъ. И новые вожди дѣйствительно держали себя иногда съ такимъ мужествомъ и съ такимъ достоинствомъ, что неотразимое вліяніе ихъ на умы народа становится совершенно понятнымъ. Случилось однажды, что императоръ Ѳеодосій Великій изъ личнаго мщенія избилъ въ Ѳессалоникѣ семь тысячъ гражданъ, находившихся въ циркѣ, за что епископъ Амвросій медіоланскій не далъ ему причастія, не пустилъ его въ церковь и заставилъ его принести публичное покаяніе. Если принять въ соображеніе энергическій характеръ Ѳеодосія, проявившійся съ достаточной очевидностью въ его ѳессалоникскомъ подвигѣ, и если припомнить кромѣ того, что церковь и духовенство были обязаны этому императору очень важными льготами, то надо будетъ сознаться, что поступокъ Амвросія представляетъ очень яркій примѣръ непоколебимаго мужества, неподкупной гражданской честности. Разумѣется, молва объ этомъ поступкѣ разнеслась во всѣ концы имперіи, и по всей вѣроятности многіе приверженцы старой религіи съ глубокимъ огорченіемъ провели параллель между стойкостью христіанскаго епископа и угодливостью тѣхъ языческихъ жрецовъ, которые совершали жертвоприношенія передъ живымъ богомъ Калигулой или передъ статуей Антиноя, красиваго мальчика, пользовавшагося страстной любовью императора Адріана. Народъ не имѣлъ понятія о томъ, что есть возможность напоминать цезарямъ о требованіяхъ справедливости; и вдругъ эта возможность явилась; понятно, на какую высоту должно было подняться въ глазахъ народа то учрежденіе, отъ лица котораго можно было давать свѣтской власти такіе выразительные уроки.

Царствованіе Ѳеодосія нанесло смертельный ударъ древней религіи и древней философіи; языческія гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ были объявлены уголовными преступленіями; вслѣдъ затѣмъ, въ 394 году, запрещено приносить жертвы богамъ и входить въ ихъ храмы; доходы и владѣнія храмовъ взяты въ государственную казну; зданія многихъ храмовъ разрушены. Для того, чтобы охранить христіанскую церковь отъ ересей, Ѳеодосій учредилъ особыхъ инквизиторовъ, соединявшихъ въ своемъ лицѣ обязанности доносчиковъ и судей. Любопытно при этомъ замѣтить, что Ѳеодосій былъ родомъ изъ Испаніи,—изъ той самой страны, которая много вѣковъ спустя съ особенной любовью пригрѣла на своей груди судилище инквизиціи въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Далѣе тотъ-же Ѳеодосій объявилъ

указомъ, что подвергаются лишенію гражданскихъ правъ и ссылкѣ всѣ тѣ люди, которые въ чемъ бы то ни было окажутся несогласными съ религіозными убѣжденіями Дамаза, епископа римскаго, и Петра, епископа александрійскаго. Въ этомъ указѣ Ѳеодосія проглядываетъ первый намекъ на будущій догматъ римской церкви о непогрѣшимости папы. Этимъ же указомъ объявляется смертная казнь тѣмъ христіанамъ, которые будутъ праздновать Пасху въ одинъ день съ евреями.

Видя такое усердіе въ императорѣ, христіане воспользовались всѣми выгодами своего положенія и стали дѣятельно разрушать все, что казалось имъ связаннымъ такъ или иначе съ отжившей религіей. При этомъ въ Александріи произошла кровопролитная сшибка между христіанами и язычниками, которые, несмотря на свое сопротивленіе, были, разумѣется, окончательно побѣждены. Александрія можетъ служить превосходнымъ образчикомъ тогдашняго историческаго міра; въ ней были перемѣшаны и доведены до высшей степени напряженія всѣ боровшіяся между собою историческія силы. Въ этомъ городѣ было до сорока тысячъ евреевъ, предпріимчивыхъ, образованныхъ и державшихъ въ своей власти большую часть обширной александрійской торговли Язычество было очень сильно въ Александріи, потому что именно въ этомъ мѣстѣ греко-римскія идеи слились съ сѣдой древностью египетскаго символизма. Жрецы Сераписа и Изиды считались постоянно самыми учеными, самыми строгими и самыми опытными хранителями всѣхъ таинствъ языческой святыни. Многіе изъ мистиковъ и піетистовъ древняго міра были сами родомъ изъ Александріи, другіе ѣздили въ этотъ городъ нарочно за тѣмъ, чтобы поучиться у тамошнихъ жрецовъ ихъ таинственной мудрости. Философскій скептицизмъ и древняя наука держались еще въ высшихъ слояхъ александрійскаго общества; въ древнемъ музеумѣ, переведенномъ послѣ Юлія Цезаря въ роскошное зданіе храма Сераписа, хранилось еще огромное количество разнообразныхъ рукописей и ученыхъ инструментовъ; этими сокровищами еще пользовались запоздалые преемники Эвклида, Гиппарха и Эрастосфена. Наконецъ христіанство также пустило очень глубокіе корни въ Александріи и во всемъ Египтѣ. Епископъ александрійскій, по своему вліянію на дѣла вселенской церкви, стоялъ въ четвертомъ вѣкѣ наравнѣ съ епископами римскимъ и константинопольскимъ и постоянно оспаривалъ у нихъ первенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Александрія была центромъ самыхъ горячихъ богословскихъ споровъ; въ Александріи возникла важнѣйшая изъ христіанскихъ ересей, знаменитая въ исторіи подъ именемъ аріанства. А усерднѣйшимъ противникомъ аріанства и неутомимѣйшимъ врагомъ самого Арія былъ епископъ александрійскій, Аѳанасій. Кромѣ того отшельничество и монашество возникли въ верхнемъ Египтѣ, и въ четвертомъ вѣкѣ вся Сѣверная Африка была уже усѣяна кельями пустынниковъ и многолюдными монастырями.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній не трудно вывести то общее заключеніе, что въ Александріи были собраны всѣ матеріалы для драматическаго столкновенія между самыми ревностными христіанами и самыми упорными защитниками языческой старины. Епископъ александрійскій Ѳеофилъ, получивъ отъ правительства позволеніе построить христіанскую церковь на томъ мѣстѣ, которое занято было прежде храмомъ Озириса, сталъ рыть фундаментъ для новаго зданія и нашелъ въ землѣ символическія изображенія, употреблявшіяся при таинствахъ египетскаго бога. Такъ какъ Озирисъ представляетъ собою оплодотворяющую силу природы, то изображенія оказались очень неприличнаго свойства, и епископъ, для посрамленія язычества, приказалъ выставить ихъ на базарную площадь. Такое оскорбленіе показалось невыносимымъ для старой египетской партіи. Люди этой партіи собрались въ храмъ Сераписа съ оружіемъ въ рукахъ; потомъ, сдѣлавъ изъ своей крѣпкой позиціи удачную вылазку, захватили на улицахъ нѣсколько человѣкъ христіанъ, затащили ихъ въ храмъ, заставили ихъ принести тамъ языческую жертву и зарѣзали ихъ самихъ на тѣхъ-же самыхъ жертвенникахъ. Епископъ тотчасъ отправилъ донесеніе къ императору Ѳеодосію, который немедленно положилъ резолюцію—разрушить храмъ Сераписа до основанія, а за исполненіемъ этого приказанія наблюдать самому Феофилу. Языческая партія совершенно упала духомъ, положила оружіе и разсѣялась безъ сопротивленія, а исполнители Ѳеодосіева приказанія сожгли библіотеку, изломали математическіе инструменты, изрубили въ куски статую Сераписа, изъ подъ которой, къ великому удовольствію всѣхъ присутствующихъ, выбѣжала цѣлая колонія перепуганныхъ крысъ, отобрали въ пользу церкви все золото и серебро, заключавшееся въ храмѣ, и дѣйствительно сравняли съ землей громадное зданіе, составлявшее одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній греческой архитектуры.

Вслѣдъ за временами Ѳеодосія Великаго свободная дѣятельность мысли превращается на Западѣ въ самое ужасное изъ всѣхъ возможныхъ преступленій. Воровъ и разбойниковъ просто вѣшаютъ, а иногда даже и не вѣшаютъ, но мыслителей жгутъ живьемъ, потому что всѣ мыслители и всѣ ученые изслѣдователи оказываются колдунами или еретиками. Клерикальные писатели четвертаго и пятаго вѣковъ совершенно систематически выражаютъ свое полное презрѣніе ко всему, что выработала древняя наука. «Не по незнанію тѣхъ вещей,—пишетъ Евсевій,—которыми восхищаются философы, но по презрѣ-

нію къ столь безполезному труду мы такъ мало занимаемся этими предметами, обращая нашъ духъ на болѣе возвышенные подвиги.» Къ сожалѣнію, многіе изъ писателей этого времени при всемъ своемъ презрѣніи къ земной мудрости все-таки разсуждали о многихъ чисто-земныхъ и строго-научныхъ вопросахъ, напримѣръ о фигурѣ нашей планеты, о ея положеніи въ пространствѣ, объ антиподахъ. Изъ всѣхъ этихъ разсужденій составился цѣлый космографическій кодексъ, который средневѣковые схоластики вызубрили наизусть, и которымъ они съ замѣчательной храбростью поражали то Колумба, то Магеллана, то Галилея. А вотъ образчикъ этихъ разсужденій, взятый изъ сочиненій Лактанція:

«Неужели есть люди, достаточно глупые для того, чтобы предполагать, будто на другой сторонѣ земли жатвы и деревья висятъ верхушками книзу и будто у тамошнихъ людей ноги находятся выше головы? Если вы спросите у нихъ, какимъ образомъ они защищаютъ подобныя нелѣпости и какимъ образомъ предметы нашей стороны не отваливаются прочь отъ земли, то они намъ отвѣтятъ, что такъ устроена природа вещей, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія тѣла, напримѣръ облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра къ небу на всѣхъ сторонахъ земли. Тутъ ужъ я рѣшительно становлюсь втупикъ и не знаю, что̀ сказать такимъ людямъ, которые, сдѣлавъ въ своемъ разсужденіи ошибку, постоянно упорствуютъ въ своемъ безуміи и защищаютъ одно нелѣпое мнѣніе другимъ, еще болѣе нелѣпымъ.»

Августинъ также отрицаетъ существованіе антиподовъ и подкрѣпляетъ свое мнѣніе аргументами и цитатами, еще болѣе неотразимыми. Человѣчество старалось такимъ образомъ забыть все, что̀ было выработано классическимъ періодомъ его исторической жизни. Причина этого чрезвычайно замѣчательнаго явленія заключается, по моему крайнему разумѣнію, именно въ томъ, что классическая наука всегда и вездѣ держала себя совершенно «пассивной», никогда не старалась проникнуть въ народную жизнь и пріобрѣсти себѣ вліяніе надъ ея отправленіями, никогда и ничѣмъ не облегчала участи задавленной массы, и поэтому упрочила за собой въ ея глазахъ репутацію пустой прихоти и презрѣнной забавы.

VI.

Въ самыя мрачныя времена всемірной исторіи человѣческій умъ все-таки съ неотразимой силой требуетъ себѣ пищи и дѣятельности. Когда мірская философія и мірская наука впали въ немилость, тогда самые живые и подвижные умы обратились на размышленія о догматахъ вѣры. Въ этихъ размышленіяхъ не было никакихъ скептическихъ тенденцій; каждый вѣровалъ горячо и чистосердечно, но каждый хотѣлъ созерцать догматы своей религіи во всей ихъ непосредственной чистотѣ и подлинности; каждый отдѣльный человѣкъ, у котораго было время, желаніе и возможность заниматься размышленіями, старался уберечь догматъ отъ ошибочныхъ дополненій и толкованій, вносимыхъ въ него другими людьми. Чѣмъ искреннѣе было религіозное чувство, тѣмъ неизбѣжнѣе было разногласіе и тѣмъ ожесточеннѣе должны были быть столкновенія между несходными понятіями. Оттѣсненный отъ области безстрастнаго научнаго изслѣдованія, человѣческій умъ бросился стремглавъ на арену раздражающихъ богословскихъ преній; ереси были неизбѣжны, и дѣйствительно аріане, несторіане, македоніане, евтихіане, пелагіане, полупелагіане, монофизиты, монофелиты втеченіи нѣсколькихъ столѣтій волновали весь христіанскій міръ своими безконечными и безъисходными преніями и раздорами. Религіозныя разногласія могли возникать изъ субъективныхъ настроеній; люди могли бороться между собой на смерть изъ-за такихъ идей, которыя они дѣйствительно считали своимъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ. Но само собой разумѣется, что въ такую борьбу вмѣшивались постоянно въ большей или меньшей степени побужденія, вовсе не возвышенныя и совсѣмъ не похвальныя: то честолюбіе, то корыстолюбіе, то политическій разсчетъ, то стремленіе угодить сильному лицу, то желаніе подставить ногу личному врагу.

Что религіозное усердіе дѣйствительно прикрывало собою разсчеты и побужденія, не имѣющіе ничего общаго съ религіей и ея догматами,— это доказывается очень убѣдительно крупными историческими фактами. Достаточно взглянуть на отношенія римскихъ епископовъ къ восточной церкви. Когда папамъ выгодно было балансировать между византійскимъ императоромъ и французскими королями, тогда они балансировали; когда надо было приблизиться къ византійскому двору, они приближались; когда оказалась возможность занять совершенно самостоятельное положеніе, они круто разорвали всякую связь съ восточной церковью, и для всѣхъ этихъ макіавелевскихъ эволюцій отыскивался и подтасовывался всегда чисто догматическій предлогъ; все это повидимому дѣлалось ad majorem Dei gloriam, а совсѣмъ не по разсчетамъ земной политики. Но иногда историческія обстоятельства слагались такъ неожиданно круто, что маска безкорыстнаго усердія не могла удержаться на своемъ мѣстѣ, и папство выпутывалось изъ своего неловкаго положенія безъ громкаго скандала, только благодаря тому обстоятельству, что невѣжество тогдашняго общества было дѣйствительно выше всякаго описанія.—Въ началѣ восьмого вѣка византійскій императоръ, Левъ Исавріецъ, задумалъ искоренить въ своихъ владѣніяхъ почитаніе иконъ; началась жестокая борьба между гражданской властью съ одной стороны и мас-

сами народа, бѣлымъ духовенствомъ и многочисленнымъ греческимъ монашествомъ съ другой стороны. Несмотря на всѣ волненія, императоръ настоялъ на своемъ; сынъ и наслѣдникъ его, Константинъ Копронимъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; сынъ Константина, Левъ, былъ также иконоборцемъ; такимъ образомъ преслѣдованіе иконъ продолжалось въ византійской имперіи слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Во все это время папы на-отрѣзъ отказывались признавать надъ собою господство императоровъ на томъ основаніи, что императоры запятнали себя ересью. А настоящая причина заключалась въ томъ, что императоры были заняты опасными войнами съ аравитянами и болгарами, и что имъ, стало быть, некогда было думать о покореніи Италіи и объ усмиреніи задорныхъ папъ.

Въ половинѣ VIII-го столѣтія папы сблизились съ франкскими королями. Папа Захарій своимъ духовнымъ вліяніемъ помогъ Пипину Короткому сѣсть на престолъ Меровинговъ и запереть въ монастырь законнаго короля; а Пипинъ за эту дружескую услугу поколотилъ лонгобардовъ, притѣснявшихъ папу; сынъ Пипина, Карлъ Великій, совершенно разрушилъ Лонгобардское царство и завоеваніями своими усилился до такой степени, что папа безусловно подчинился его могучей волѣ. Но на бѣду случилось такъ, что Карлу пришла въ голову та самая фантазія, которая надѣлала столько шуму въ Византійской имперіи: Карлъ объявилъ себя противникомъ иконопочитанія и приказалъ даже одному изъ своихъ придворныхъ ученыхъ написать въ этомъ направленіи цѣлый богословскій трактатъ. А въ это время иконоборчество уже не существовало въ Византійской имперіи. Папа былъ поставленъ въ самое двусмысленное положеніе. Догматическая послѣдовательность требовала отъ него, чтобы онъ уличилъ Карла въ ереси и чтобы онъ возстановилъ съ византійскимъ дворомъ тѣ отношенія, которыя были прерваны иконоборческой дѣятельностью трехъ императоровъ. Но Карлъ былъ очень силенъ, Византія была очень слаба, а папа былъ очень сообразителенъ... Богословскія доктрины Карла не встрѣтили себѣ со стороны папы ни малѣйшаго противорѣчія; папа остался попрежнему подъ покровительствомъ Карла, несмотря на его еретическія мнѣнія,—и не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Византіей, несмотря на ея безукоризненную ортодоксію.

Такимъ же чисто дипломатическимъ характеромъ отличаются тѣ раздоры между папой Николаемъ I и константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, которые привели за собою окончательное отдѣленіе западной церкви отъ восточной. И тѣ-же самые житейскіе разсчеты играютъ главную роль въ исторіи всѣхъ ересей, волновавшихъ церковь и гражданское общество во все время смутнаго средневѣковаго броженія европейской мысли. Были тутъ и чистыя личности, фанатически преданныя своей идеѣ; были преслѣдователи, глубоко убѣжденные въ необходимости преслѣдованія; но эти безхитростные люди всегда были орудіями въ рукахъ искусныхъ механиковъ, не вѣрившихъ ни во что, или политическихъ партій, совершенно равнодушныхъ къ догматическому и нравственному достоинству употребляемыхъ средствъ.

Въ 622 году пятидесятилѣтній мечтатель, аравитянинъ Магометъ, сынъ Абдаллы, принужденъ былъ бѣжать тайкомъ изъ Мекки въ Медину и скрываться отъ своихъ преслѣдователей во время этого путешествія въ различныхъ трущобахъ и горахъ. А *черезъ двадцать лѣтъ* послѣ этого событія ученики этого бѣглеца-мечтателя владѣли всѣми землями отъ Триполи въ Африкѣ до Индіи и отъ Индѣйскаго океана до Кавказа. Такой сказочный переворотъ былъ-бы для насъ необъяснимымъ чудомъ, еслибы мы не обратили вниманія на то, что большая часть областей, завоеванныхъ аравитянами, была оторвана ими отъ Византійской имперіи, и что всѣ эти области были переполнены разными еретиками. Нѣкоторыя завоеванія первостепенной важности были пріятнымъ сюрпризомъ для самихъ аравитянъ. Такимъ неожиданнымъ образомъ былъ завоеванъ Египетъ. Въ 639 году халифъ Омаръ послалъ туда изъ Сиріи своего полководца Амру съ войскомъ въ *четыре тысячи* человѣкъ. Эта компанія въ глазахъ Омара была просто военной диверсіей или опустошительнымъ набѣгомъ. Амру получилъ отъ него приказаніе не забираться въ глубину страны и поворотить назадъ. Но Амру не послушался, завелъ сношенія съ жителями Египта, разбилъ греческія войска въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, получивъ подкрѣпленіе отъ халифа, навсегда оторвалъ Египетъ отъ христіанскаго міра; лучшія области Византійской имперіи, Сирія, Египетъ, вся сѣверная Африка,—земля, игравшая самую важную роль въ древнѣйшей исторіи христіанства, отдались магометанамъ безъ сопротивленія. Іерусалимъ, Антіохія, Александрія, Карѳагенъ,—города, въ которыхъ христіанство выросло и укрѣпилось, одерживая свои первыя побѣды надъ язычествомъ и іудействомъ, увидѣли въ своихъ собственныхъ стѣнахъ торжество дерзкихъ людей, снимавшихъ съ церквей кресты, отмѣнявшихъ колокольный звонъ. Значитъ, вѣра азіятскихъ и африканскихъ христіанъ покачнулась очень сильно, когда такъ легко увидѣли, что побѣда осталась за аравитянами. Многія тысячи людей обратились къ магометанству потому, что тѣ изъ христіанъ, которые пожелали-бы сохранить свою религію, были обложены поголовной податью, которая не распространялась на поклонниковъ Аллаха и его пророка. Покоряя византійскія провинціи, Омаръ въ то-же время велъ войну съ персидскимъ царствомъ, которое также сдѣлалось добычей ара-

витянъ. Но персы сопротивлялись очень упорно: цѣлыя области Персидскаго царства, уже покоренныя магометанами, поднимались снова, такъ что ихъ приходилось завоевывать во второй разъ. Раздраженіе персовъ противъ чужеземныхъ завоевателей было такъ сильно, что самъ Омаръ поплатился жизнью за побѣды своихъ армій; персъ Фирусъ, фанатикъ изъ простонародья, зарѣзалъ этого халифа, какъ виновника тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на Персидское государство и на религію огнепоклонниковъ. Ничего подобнаго не было въ византійскихъ провинціяхъ: онѣ покорились сразу и послѣ этого уже не пошевельнулись.

VII.

Въ Азіи аравитяне пришли въ соприкосновеніе съ христіанской сектой несторіанъ, а въ Африкѣ они испытали на себѣ умственное вліяніе тамошнихъ евреевъ. Несторіанская секта была основана въ началѣ пятаго вѣка константинопольскимъ патріархомъ Несторіемъ, который за свои еретическія мнѣнія о Пресвятой Дѣвѣ былъ лишенъ святительскаго сана, преданъ на вселенскомъ соборѣ церковному проклятію и сосланъ въ отдаленный египетскій оазисъ, въ которомъ онъ и умеръ. Послѣ паденія своего учителя многочисленные послѣдователи бывшаго патріарха выселились на берегъ Евфрата и основали тамъ такъ называемую халдейскую церковь. Многіе изъ этихъ еретиковъ любили древнюю науку; они открыли въ Эдессѣ коллегіумъ и завели нѣсколько школъ; въ этихъ школахъ были переведены на сирійскій языкъ нѣкоторыя греческія и латинскія рукописи, и въ томъ числѣ сочиненія Аристотеля и естественная исторія Плинія старшаго. Несмотря на всѣ старанія византійскаго правительства подавить всякое самостоятельное проявленіе мысли, несторіанскія общины продолжали потихоньку заниматься чтеніемъ, переписываніемъ и переводомъ старинныхъ книгъ, выбирая преимущественно все то, что̀ относилось къ изученію природы. Особенно старательно собирали они сочиненія греческихъ врачей: Гиппократъ, Книдская школа, Герафилъ, Эразистратъ и многочисленные ихъ послѣдователи сдѣлались для несторіанъ предметомъ самаго тщательнаго изученія. Само собою разумѣется, что ихъ дѣятельность не ограничивалась однимъ пассивнымъ собираніемъ и чтеніемъ рукописей. Медицина — дѣло такое живое, такое необходимое въ каждую данную минуту, что при ея изученіи свѣдѣнія, добываемыя изъ книгъ, постоянно прикладываются къ практикѣ, постоянно провѣряются вседнevнымъ опытомъ и такимъ образомъ на каждомъ шагу видоизмѣняются и дополняются личными наблюденіями учащагося субъекта.— Умственная дѣятельность африканскихъ евреевъ направлялась также преимущественно на изученіе медицины: у нихъ были свои самостоятельные изслѣдователи, и одинъ изъ нихъ, Рабъ, занимавшійся анатоміей и описавшій подробно устройство человѣческаго тѣла, пріобрѣлъ себѣ своими трудами такую знаменитость, что послѣ его смерти простой народъ употреблялъ вмѣсто лекарства землю съ его могилы. Эта черта обрисовываетъ наглядно характеръ времени и народа. Ученаго уважаютъ, но уважаютъ, какъ могучаго волшебника. Въ трудахъ самихъ ученыхъ, какъ несторіанъ, такъ и евреевъ, можно замѣтить такое же сильное уваженіе къ наукѣ, перемѣшанное съ такимъ же сильнымъ стремленіемъ къ чудесному, таинственному и сверхъестественному.

Религіозный фанатизмъ, воодушевлявшій аравитянъ во время ихъ завоевательныхъ подвиговъ, не долго мѣшалъ ихъ сближенію съ учеными евреями и греками. Какъ только халифатъ принялъ размѣры огромной имперіи, такъ правительство тотчасъ почувствовало необходимость образованныхъ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ административной и промышленной техники. Уже въ половинѣ седьмого столѣтія между аравитянами появились скептики, критиковавшіе Коранъ; ученые иновѣрцы сдѣлались лейбъ-медиками и довѣренными лицами халифовъ; а Гарунъ-аль-Рашидъ, царствовавшій въ концѣ VIII столѣтія, назначилъ даже несторіанскаго ученаго, Мазуэ, главнымъ начальникомъ всѣхъ публичныхъ школъ, т. е., по нашему,—министромъ народнаго просвѣщенія. Такой примѣръ терпимости былъ бы замѣчателенъ даже въ Европѣ XIX вѣка; толки о вступленіи евреевъ въ англійскій парламентъ и о правахъ этого народа въ разныхъ другихъ государствахъ Европы хорошо знакомы каждому изъ насъ.—Подъ вліяніемъ образованныхъ халифовъ высшія училища возникли во всѣхъ концахъ магометанскаго государства; въ Багдадѣ, въ Бассорѣ, въ Испагани, въ Самаркандѣ, въ Фецѣ, въ Марокко, въ Кордовѣ, въ Севильѣ, въ Гренадѣ появились разсадники строго-научнаго образованія; всѣ эти города, погруженные теперь въ глубокое невѣжество, были наполнены учеными и литераторами въ то время, когда Англія, Франція и Германія были покрыты лѣсами и скудно населены грубыми и звѣрообразными дикарями.

Движеніе, возбужденное въ передней Азіи аравійскими завоеваніями, перемѣшало между собою всѣ элементы тамошней умственной жизни. Аравитяне сблизили астрономію и медицину грековъ съ астрономіей и магіей персовъ. По складу своего національнаго ума, аравитяне любили все, что̀ возбуждало фантазію; персидское чернокнижіе не пропало для нихъ даромъ; они съ радостью повѣрили тому, что небесныя тѣла дѣйствуютъ на жизнь людей; что существуетъ таинственная связь между металлами и планетами; что въ каждомъ кускѣ одушевленнаго или не-

одушевленнаго вещества заключается частица общей міровой души, и что на эту частицу можно дѣйствовать различными заклинаніями и таинственными операціями. Въ связи съ этой доктриной о міровой душѣ находилась та обаятельная идея, что природа различными неизвѣданными процессами превращаетъ одно вещество въ другое, что напримѣръ свинецъ и мѣдь перерождаются въ нѣдрахъ земли, подъ вліяніемъ небесныхъ тѣлъ, въ золото и въ серебро. Человѣкъ, всегда гонявшійся за богатствомъ и всегда видѣвшій по своей глупости богатство въ красивыхъ камушкахъ или въ кускахъ блестящаго металла, — непремѣнно долженъ былъ соблазниться этой доктриной и сдѣлать изъ нея практическое приложеніе. Задача человѣка, желающаго пріобрѣсти могущество и богатство, состояла въ томъ, чтобы подмѣтить или, вѣрнѣе, ощупью отыскать таинственные процессы, посредствомъ которыхъ природа творитъ драгоцѣнные металлы изъ низкаго и ничтожнаго матеріала. За это исканіе аравитяне принялись очень горячо, и ихъ подвиги на этомъ поприщѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи обще-человѣческой мысли. Во-первыхъ, они старались добыть такое вещество, которое, въ соединеніи съ силой огня, очищало бы всѣ низкія тѣла природы отъ грубыхъ и грязныхъ примѣсей и оставляло бы въ результатѣ драгоцѣнный металлъ. Это вещество называлось философскимъ камнемъ. Потомъ, придавая золоту множество фантастическихъ достоинствъ, алхимики убѣдили себя въ томъ, что если-бы удалось превратить золото въ такую жидкость, которую человѣкъ могъ бы пить, то это золотое питье навсегда сохранило бы въ человѣкѣ жизнь и силу молодости. Такимъ образомъ возродилось то исканіе жизненнаго элексира, которому предавался старикъ Птоломей Филадельфъ въ александрійской лабораторіи. Гоняясь за призраками безконечнаго богатства и безконечной жизни, аравійскіе алхимики втеченіи многихъ столѣтій толкли, варили, смѣшивали, пережигали, переплавляли, просѣивали и процѣживали, и всячески перерабатывали въ своихъ таинственныхъ мастерскихъ всевозможныя вещества, твердыя и жидкія, органическія и неорганическія, благоухающія и вонючія. Иной разъ алхимикъ взлеталъ на воздухъ со всей своей лабораторіей; въ народѣ распространялся слухъ, что черти унесли въ преисподнюю проклятаго колдуна; но эти случаи не смущали другихъ алхимиковъ, и они съ неутомимымъ упорствомъ продолжали заниматься тѣмъ, что̀ они называли *великимъ дѣломъ*. И дѣло ихъ было дѣйствительно *великое*. Философскаго камня они не нашли; жизненнаго элексира не добыли; но ихъ многовѣковыя изслѣдованія положили прочное основаніе новѣйшей химіи. Алхимики напоминаютъ мнѣ извѣстную басню о томъ человѣкѣ, который передъ смертью сказалъ своимъ дѣтямъ, что въ его полѣ зарытъ кладъ. Клада не нашлось, но поле, изрытое по всѣмъ направленіямъ, стало давать богатые урожаи. Еслибъ не было фантазій о философскомъ камнѣ и о жизненномъ элексирѣ, то не было бы и тѣхъ неутомимыхъ работъ, которыя познакомили насъ съ химическими свойствами многихъ тѣлъ и проложили дорогу къ болѣе раціональнымъ изслѣдованіямъ.

VIII.

Въ 410 году готы, подъ предводительствомъ Алариха, взяли и ограбили Римъ; въ 455 году вандалы, подъ начальствомъ Генсериха, переправились изъ Африки въ Италію; втеченіи двухъ недѣль они хозяйничали въ Римѣ по своему, а потомъ уѣхали къ себѣ домой, нагрузивъ свои корабли разными драгоцѣнностями и множествомъ плѣнниковъ. Въ 476 году, начальникъ геруловъ, Одоакръ, прекратилъ существованіе Западной Римской имперіи и объявилъ себя королемъ Италіи; въ 490 году въ Италію пришли остготы и послѣ трехлѣтней войны разрушили царство геруловъ. Въ 556 году сильное войско византійскаго императора Юстиніана, подъ начальствомъ Велисарія, проникло въ Италію, чтобы выгнать остготовъ. Жестокая война продолжалась нѣсколько лѣтъ; Римъ нѣсколько разъ брали приступомъ то греки, то остготы; стѣны этого города были срыты, и запустѣніе его было такъ велико, что уцѣлѣвшіе въ немъ жители хотѣли переселиться изъ него въ какое-нибудь другое мѣсто. Наконецъ, въ 568 году явились лонгобарды и завоевали всю сѣверную Италію. Но въ какомъ положеніи должна была находиться страна, выдержавшая втеченіи полутораста лѣтъ шесть варварскихъ нашествій? На этотъ вопросъ отвѣчать очень трудно; люди шестого столѣтія не занимались статистикой, а мы въ настоящее время врядъ-ли можемъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что̀ такое нашествіе варваровъ, и до какихъ размѣровъ могутъ доходить та голая нищета, та безнадежная забитость и подавленность, та одичалость людей и земли, которыя являются естественными и неизбѣжными слѣдствіями подобныхъ событій. Современники Юстиніана говорятъ, что Италія превратилась въ пустыню, и что война, голодъ и моровая язва погубили въ ней при этомъ императорѣ до пятнадцати милліоновъ жителей. Цифра показана, разумѣется, на угадъ; считать было некому, некогда и не зачѣмъ; но видно во всякомъ случаѣ, что тогдашніе люди были сильно поражены кровавой безалаберщиной своей эпохи, и что они, пуская въ ходъ крупную цифру, хотѣли выразить какъ можно нагляднѣе всю глубину испытанныхъ ими общественныхъ страданій.

Въ такое мрачное и безтолковое время чело-

вѣкъ естественнымъ образомъ тупѣетъ и безотчетно боится всего, что̀ его окружаетъ. Разорительныя войны, голодъ и повальныя болѣзни составляютъ тотъ историческій фундаментъ, на которомъ утвердилось прочное зданіе папской власти. Такъ какъ во всей остальной Европѣ огромное большинство людей находилось также въ самомъ бѣдственномъ положеніи, то папство, родившееся въ Италіи, легко проложило себѣ дорогу во Францію, въ Германію, въ Англію и въ земли далекаго скандинавскаго сѣвера. Въ 590 году римскимъ епископомъ или папой сдѣлался человѣкъ умный, энергическій и опытный, Григорій I. Многосторонняя дѣятельность этой крупной исторической личности намѣтила по всѣмъ направленіямъ тѣ пути, которые должны были впослѣдствіи привести римскаго епископа къ полновластному господству надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ. Во-первыхъ, Григорій обратилъ серьезное вниманіе на тѣхъ варваровъ, на которыхъ его предшественники смотрѣли съ тупымъ страхомъ и съ близорукимъ презрѣніемъ. Онъ отправилъ въ Британію миссіонеровъ и такимъ образомъ подчинилъ своему вліянію тамошнихъ полудикихъ язычниковъ; онъ вмѣшался въ дѣла галльской церкви и запретилъ тамъ продажу церковныхъ должностей; онъ принялъ въ нѣдра католической церкви Испанію, отказавшуюся въ это время отъ аріанской ереси; онъ искоренилъ язычество.

Такая дѣятельность была, разумѣется, несравненно полезнѣе для будущаго могущества папъ, чѣмъ безплодныя состязанія съ патріархами александрійскимъ и константинопольскимъ. Эти духовныя лица ни подъ какимъ видомъ не уступили бы римскому епископу господства надъ вселенской церковью; отуманить ихъ историческими аргументами было невозможно; они сами знали исторію церкви не хуже папы и могли забросать его доказательствами, совершенно отклоняющими всякую мысль о законности римскихъ притязаній. А кромѣ того—и это самое главное—препирательство съ восточными патріархами непремѣнно приводило папу въ столкновеніе съ византійскимъ императоромъ, который все-таки считалъ папу своимъ подданнымъ и не разъ напоминалъ ему этотъ печальный фактъ очень жесткимъ и чувствительнымъ образомъ. Поэтому сближаться съ греческимъ востокомъ—значило для папы отказываться отъ своей исторической будущности. Выгоды папъ требовали положительно, чтобы они исподволь, безъ скандала, прекратили всякія сношенія съ восточными церквями и поворотили-бы всю свою дѣятельность на сѣверъ и на западъ, гдѣ они могли открыть и завоевать своимъ духовнымъ оружіемъ цѣлыя обширныя государства. А духовное оружіе Рима было тогда очень сильно. Утомительные и опасные подвиги миссіонерства соотвѣтствовали, какъ нельзя лучше, всему характеру той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Григорій I. Люди цѣнили въ это время свою жизнь очень дешево по той простой причинѣ, что она вездѣ давала имъ много страданій и вездѣ была очень мало обезпечена противъ разнообразнаго насилія. Монастырей было очень много, и въ каждомъ монастырѣ можно было найти много настоящихъ монаховъ, глубоко и чистосердечно ненавидѣвшихъ собственное тѣло и постоянно старавшихся причинять этому лютому врагу всевозможныя непріятности. Такому монаху епископъ могъ сказать преспокойно: «Сынъ мой, ступай въ такую-то землю. Что ты тамъ найдешь и что съ тобою тамъ сдѣлаютъ, этого я не знаю. Но я даю тебѣ мое благословеніе и буду поминать тебя въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ.» И этого было довольно. Монахъ пускался въ путь и старался исполнить въ точности все, что̀ ему было приказано. Если онъ по дорогѣ проваливался въ трясину, если онъ умиралъ отъ голода или отъ лихорадки на снѣжномъ сугробѣ или въ непроходимомъ лѣсу, если его заѣдалъ медвѣдь, если его заколачивали до смерти изъ пустого озорства дикіе предки Либиха и Александра Гумбольдта, словомъ, если онъ пропадалъ безъ вѣсти по той или по другой причинѣ, то Римъ не терялъ ровно ничего. Однимъ монахомъ меньше—однимъ мученикомъ больше; церковь вносила въ свои поминанія новое имя, а на мѣсто погибшаго брата находились, по первому востребованію, сотни новыхъ охотниковъ. Если же по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Римъ приходилъ одичавшій человѣкъ, весь заросшій волосами и бородой, одѣтый въ звѣриныя кожи, и если этотъ человѣкъ, съ чисто монашескимъ смиреніемъ, падалъ на колѣни передъ епископомъ и докладывалъ ему, что онъ, недостойный грѣшникъ такой-то, благодаря святымъ молитвамъ епископа и церкви, сподобился основать новую христіанскую общину въ землѣ такого-то племени,—то выгода для Рима была очевидная. Вѣдь не станутъ-же новообращенные варвары задавать себѣ лукавые вопросы на счетъ духовнаго первенства римскаго престола. Не станутъ они разузнавать, дѣйствительно-ли папа есть прямой и законный преемникъ апостола Петра? И дѣйствительно-ли преемникъ св. Петра выше всѣхъ другихъ епископовъ? И не долженъ-ли самъ папа подчиняться рѣшеніямъ вселенскаго собора? И что̀ думаютъ о папѣ въ Константинополѣ и въ Александріи?—Константинополь, Александрія, вселенскій соборъ—все это непонятные звуки для простодушныхъ дикарей, обработанныхъ такимъ-же простодушнымъ монахомъ. Имъ сказано, что папа—глава церкви, самый великій и самый святой человѣкъ во всемъ мірѣ,—они это и затвердили. Только одного папу они и знаютъ. И дѣти, и внуки ихъ выростаютъ въ тѣхъ-же самыхъ понятіяхъ. А между тѣмъ новая

церковь раздвигаетъ свои предѣлы, и цѣнность завоеванія, сдѣланнаго смѣлымъ миссіонеромъ, увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Вмѣстѣ съ важностью всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній растетъ и міровое значеніе папства.

Высшая степень папскаго могущества относится къ тому времени, когда всѣ обращенные варвары достигли той степени умственнаго развитія, которая даетъ народу возможность выработать себѣ такъ или иначе опредѣленный государственный механизмъ. А потомъ, когда сознаніе варваровъ не остановилось на этой точкѣ и когда оно стало понемногу приниматься за критику существующихъ идей и учрежденій, тогда, разумѣется, могущество римскаго престола начало клониться къ упадку.

Вся историческая роль папства связана совершенно неразрывно съ общественной и умственной жизнью тѣхъ варваровъ, на которыхъ Григорій въ первый разъ обратилъ серьезное вниманіе. Обращая въ христіанство людей совершенно необразованныхъ, Григорій зналъ, какими средствами слѣдуетъ на нихъ дѣйствовать. Онъ понималъ, сознательно или инстинктивно, что этихъ господъ не проймешь логической аргументаціей; имъ, какъ малолѣтнимъ ребятамъ, доступно только то, что бросается въ глаза, поражаетъ чувства, затрогиваетъ воображеніе. Имъ подавай блеску, пестроты, театральной пышности, картинности, музыкальности, величественной таинственности, эффектовъ, освѣщенія и перспективы. Для нихъ истина, добро и красота понятны только въ самыхъ вычурныхъ проявленіяхъ. Строгая разумность и безъискуственно-изящная простота для нихъ недоступны. Понимая эти свойства неразвитой человѣческой природы, и понимая ихъ тѣмъ глубже, что самъ онъ въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей, папа Григорій заботился очень усердно о пышности и торжественности церковнаго церемоніала. Празднества, процессіи, облаченіе священниковъ и причетниковъ, убранство храмовъ — все это было расположено такъ, чтобы поражать чувство и воображеніе поклонниковъ. Съ этой цѣлью Григорій сталъ поощрять искусства. Скульптура, живопись и музыка были приняты имъ подъ особенное покровительство церкви. Храмы наполнились статуями и картинами; церковное пѣніе было усовершенствовано самимъ Григоріемъ. Преемники этого папы постоянно подражали его примѣру; они ввели въ церковь органъ, возвысили пѣніе до небывалой виртуозности, сформировали такихъ архитекторовъ, какъ Браманте, Брунеллески и Микель-Анджело; такихъ живописцевъ, какъ Рафаэль и Леонардо-де-Винчи; такихъ музыкантовъ, какъ Палестрина, и наконецъ превратили католическую обѣдню въ концертъ и въ театральное представленіе. Они-же создали и настоящій театръ, который, какъ извѣстно, выработался изъ духовныхъ мистерій, разыгрывавшихся съ большими эффектами во всѣхъ католическихъ церквахъ.

Кромѣ пышнаго церемоніала, есть еще одна сторона, дѣйствующая съ неотразимой силой на чувство и воображеніе простыхъ людей. Я говорю о мнимо сверхъестественныхъ событіяхъ, о сношеніяхъ человѣка съ невидимыми существами, о видѣніяхъ и чудесахъ, играющихъ такую важную роль въ безчисленныхъ средневѣковыхъ легендахъ, которыя изобрѣтались на счетъ истинныхъ чудесъ и которыя для нашей православной церкви не имѣютъ никакого каноническаго значенія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всякія чудеса и видѣнія были особенно многочисленны; они творились на каждомъ шагу, единственно потому, что всѣ были необразованы, всѣ были расположены принимать за чудо каждое естественное событіе въ природѣ и въ человѣческой жизни, всѣ разсказывали свои сны и галлюцинаціи, — всѣ съ жадностью слушали эти разсказы и, украсивъ ихъ цвѣтами собственной фантазіи, пускали ихъ дальше въ общее обращеніе. Легенды составлялись тогда точно такимъ-же образомъ, какимъ въ наше прозаическое время вырабатываются въ уѣздныхъ городахъ чудовищныя сплетни. Легенда — та-же сплетня, только окрашенная въ тотъ своеобразный фантастическій колоритъ, который соотвѣтствовалъ умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ тогдашняго времени. Папа Григорій всѣми своими силами содѣйствовалъ процвѣтанію всякихъ легендъ, во-первыхъ потому, что человѣческое легковѣріе было выгодно для могущества римской іерархіи, а во-вторыхъ и потому, что онъ самъ, какъ человѣкъ своего времени, обладалъ достаточной пылкостью воображенія и слишкомъ достаточной неразвитостью ума.

Въ какомъ направленіи производилась фабрикація легендъ — это не трудно будетъ увидѣть и понять изъ двухъ отдѣльныхъ примѣровъ. Остготскій король Теодорихъ Великій, царствовавшій въ Италіи въ началѣ VI вѣка, былъ приверженцемъ аріанской ереси. За это его ненавидѣло итальянское духовенство, которому поганый еретикъ не дѣлалъ однако-же никакихъ притѣсненій. Въ своихъ переговорахъ съ византійскимъ императоромъ Юстиномъ Теодорихъ выражалъ между прочимъ слѣдующія мысли: «Стремиться къ господству надъ человѣческой совѣстью, — значитъ похищать то, что принадлежитъ одному Богу. По самой природѣ вещей, власть государей должна проявляться только въ политическомъ управленіи. Они имѣютъ право наказывать только тѣхъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Самая опасная ересь состоитъ въ томъ, когда государь отдѣляется отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ за то, что ихъ вѣра не сходится съ его собственными религіозными понятіями.»

Если взять во вниманіе, что слишкомъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ Теодориха Филиппъ II испан-

скій довелъ своихъ нидерландскихъ подданныхъ до вооруженнаго возстанія, что Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи полезныхъ и покорныхъ мавровъ, и что Людовикъ XIV еще позднѣе распорядился такимъ-же образомъ съ французскими протестантами, если припомнить, что всѣ эти и многія другія штуки дѣлались въ Европѣ по религіозной враждѣ, то не трудно будетъ понять и оцѣнить умъ и характеръ остготскаго короля, писавшаго свое посланіе къ Юстину въ VI вѣкѣ. Однако итальянское духовенство сочло необходимымъ составить противъ Теодориха заговоръ и завести тайныя сношенія съ византійскимъ правительствомъ. Теодорихъ узналъ всѣ эти продѣлки. Начались аресты, допросы, пытки и казни. Преслѣдованіе было направлено не противъ религіи, а противъ политическаго преступленія. Въ заговорѣ былъ замѣшанъ папа. Теодорихъ посадилъ его въ тюрьму и продержалъ его въ заключеніи до его смерти. Вскорѣ послѣ этихъ событій Теодорихъ умеръ, и тотчасъ послѣ его кончины духовенство пустило въ ходъ легенду, что черти утащили его душу въ кратеръ вулкана Липари, считавшійся въ то время отверстіемъ геенны огненной. Кто-же это видѣлъ?—Видѣлъ нѣкій отшельникъ.—А не солгалъ-ли сей отшельникъ? И находился-ли онъ въ здравомъ умѣ и въ полной памяти?—Этихъ вопросовъ никто себѣ не задавалъ, потому что поставить такіе вопросы,—значило-бы обнаружить неумѣстную и предосудительную пытливость гордаго ума. Легенда была очевидно выгодна для духовенства. Духовенство приняло разсказъ отшельника благосклонно, а можетъ-быть даже выдумало этотъ разсказъ собственными силами, впустивъ въ него особу отшельника, какъ подставное лицо. Духовенство сообщило этому разсказу обязательный авторитетъ, и черезъ два-три десятилѣтія эта игривая выдумка сдѣлалась твердой истиной, назидательной для вѣрующихъ и неприкосновенной для скептиковъ, еслибы скептики осмѣлились только появиться и возвысить голосъ въ VI или въ VII столѣтіи.

Другая легенда, составленная позднѣе, еще откровеннѣе носитъ на себѣ печать фабриканта. Французскіе короли, постоянно страдавшіе безденежьемъ, очень часто обращали свои тоскливые взоры на богатыя помѣстья духовенства, не платившаго рѣшительно никакихъ повинностей. Они много разъ заводили рѣчь о бѣдственномъ положеніи государственной казны и о громадности церковныхъ имуществъ, но духовенство ко всякому подобному разговору относилось чрезвычайно неодобрительно и пересыпало свои отвѣты такими ужасами, которые навсегда должны были отвадить свѣтскую власть отъ нескромныхъ поползновеній. Въ одномъ изъ суровыхъ отвѣтовъ духовенства встрѣчается между прочимъ слѣдующее мѣсто: «Принцъ Карлъ первый изъ всѣхъ франкскихъ королей и князей расхитилъ и раздробилъ имущества церкви, и единственно по этой причинѣ онъ осужденъ на вѣчное мученіе. Мы знаемъ дѣйствительно, что св. Эвхерій, епископъ орлеанскій, находясь на молитвѣ, былъ перенесенъ въ міръ духовъ, и что, въ числѣ другихъ предметовъ, показанныхъ ему Господомъ, онъ увидѣлъ Карла, терзаемаго въ самыхъ глубокихъ безднахъ ада. Ангелъ, служившій ему проводникомъ, на вопросъ его объ этомъ предметѣ отвѣчалъ ему, что на будущемъ судѣ тѣло и душа человѣка, взявшаго или раздѣлившаго имущества церкви, будутъ преданы, даже раньше кончины міра, на вѣчное мученіе по приговору святыхъ, засѣдающихъ въ судилищѣ вмѣстѣ съ Господомъ. Это святотатственное дѣло прибавитъ къ его собственнымъ грѣхамъ всѣ грѣхи всѣхъ тѣхъ людей, которые думали, что купили себѣ прощеніе своими пожертвованіями, сдѣланными изъ любви къ Богу въ пользу святыхъ обителей, на освѣщеніе храмовъ при богослуженіи и на пропитаніе служителей христовыхъ.»

Чтобы оцѣнить всю красоту этой легенды, надо замѣтить, что принцъ Карлъ, подвергаемый такому строгому наказанію, есть тотъ самый великій воинъ и защитникъ христіанства, Карлъ Мартеллъ, который разбилъ испанскихъ аравитянъ при Пуатье, въ рѣшительномъ сраженіи, положившемъ предѣлъ успѣхамъ магометанскаго оружія въ западной Европѣ. Непростительное *расхищеніе* было сдѣлано именно для того, чтобы собрать и прокормить сильную армію, необходимую для отраженія опаснаго врага, котораго по всей вѣроятности самыя раздирательныя легенды не убѣдили-бы въ неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Интересно также то обстоятельство, что видѣнія епископа Эвхерія употребляются какъ серьезныя и полновѣсныя доказательства въ обсужденіи финансоваго вопроса, имѣвшаго громадную важность для всего государственнаго хозяйства Франціи.

Чтобы поддерживать авторитетъ легендъ, надо было систематически давить всякое проявленіе научной дѣятельности; и съ этой стороны энергія и послѣдовательность папства оказались также очень замѣчательными. Папы поняли очень хорошо, что наука и искусство—двѣ вещи совершенно различныя, хотя эти два слова обыкновенно ставятся рядомъ, когда заходитъ рѣчь о какомъ-нибудь золотомъ вѣкѣ, вродѣ вѣка Перикла или Августа. Папы поняли, что искусство—ихъ лучшій другъ, потому что скульпторы, музыканты, живописцы могутъ быть простодушны и довѣрчивы, какъ грудные младенцы; а наука, напротивъ того,—ихъ непримиримый врагъ, потому что ученость и безграничное простодушіе взаимно исключаютъ другъ друга. Григорій I особенно любилъ повторять, что «невѣжество есть мать истиннаго благочестія», и такъ какъ онъ подъ словомъ «истинное благочестіе» понималъ способность вѣрить слѣпо росказнямъ каждаго монаха, то его любимое изрѣченіе оказывается неопровержимой аксіомой. Любимое изрѣченіе Григорія не оста-

валось для него мертвой буквой: онъ выгналъ изъ Рима всѣхъ учителей математики, сжегъ Палатинскую библіотеку, основанную Августомъ, запретилъ чтеніе латинскихъ классиковъ, изломалъ всѣ древнія статуи, находившіяся въ его власти, и старательно уничтожалъ всѣ рукописи, попадавшіяся ему на глаза. Онъ самъ, потомокъ римскихъ патриціевъ, не зналъ правилъ латинскаго языка и гордился тѣмъ, что его собственныя сочиненія были переполнены грамматическими ошибками. Одному священнику, осмѣлившемуся преподавать латинскую грамматику, Григорій сдѣлалъ строжайшій выговоръ.

Такимъ образомъ политика папства характеризуется тремя главными стремленіями: 1) сближаться съ варварами; 2) дѣйствовать на воображеніе массъ театральными эффектами и фантастическими разсказами; 3) истреблять всякую научную дѣятельность.

IX.

Папская политика и папское могущество составляютъ естественный продуктъ мрачной и мутной исторической эпохи. Приписывать вліянію папства всѣ гадости, которыя дѣлались въ средневѣковое время въ Италіи и въ самомъ Римѣ, въ церкви и въ обществѣ, въ частной жизни и въ политикѣ,—было бы несправедливо. Папство дѣйствовало неразумно и дурно, и сами папы были часто дурными и безчестными людьми, потому что весь характеръ ихъ времени былъ звѣрообразенъ до крайности. Люди ежеминутно грызлись между собою за каждую пеструю тряпку и за каждую обглоданную кость. Кто не былъ воромъ, разбойникомъ и убійцей, тотъ навѣрное дѣлался самъ жертвой неотразимаго насилія. Самые великіе люди этого времени замараны грязью и кровью, потому что, принимая дѣятельное участіе въ тогдашней исторической жизни, не было ни малѣйшей возможности уберечься отъ такихъ пятенъ. Италія, наводненная варварами всевозможныхъ племенъ, была развращена и измучена болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ земель, ее грабили и раздирали на части мелкіе тираны, ничѣмъ не отличавшіеся отъ разбойничьихъ атамановъ; такіе-же разбойники, называвшіе себя римскими патриціями, буянили въ самомъ Римѣ и ежедневно поливали кровью римскія улицы, ведя между собой мелкія и безконечныя войны, въ которыя вмѣшивались безпрестанно и духовенство, и простой народъ. Всѣ эти люди—аристократы, духовенство и народъ—участвовали въ назначеніи папъ; можно себѣ легко представить, какими странными сценами сопровождались выборы, и какія дикія фигуры появлялись иногда, вслѣдствіе этихъ сценъ, на папскомъ престолѣ. Въ VIII, въ IX и въ X столѣтіяхъ исторія папства переполнена скандалами и преступленіями. По смерти папы Павла I, вступившаго на престолъ въ 757 году, герцогъ Непійскій заставилъ епископовъ посвятить въ папы Константина. Въ 768 году выборы эти объявлены незаконными. Папой сдѣлался Стефанъ IV. Константину выкололи глаза. Одному изъ его приверженцевъ, епископу Ѳедору, отрѣзали языкъ. Затѣмъ Ѳедора заперли въ тюрьму, въ которой онъ и умеръ—отъ жажды. Въ 795 году племянники умершаго папы Адріана схватили на улицѣ преемника его, Льва III, втащили его въ сосѣднюю церковь и собирались выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ, но во время самой ожесточенной свалки прибѣжали приверженцы папы и отбили его отъ свирѣпыхъ враговъ. Преемника Льва, Стефана V, съ позоромъ выгнали изъ города въ 816 году. Слѣдующаго папу, Пасхалиса I, обвинили въ томъ, что онъ ослѣпилъ и зарѣзалъ въ латеранскомъ дворцѣ двухъ священниковъ; дѣло было отдано на разсмотрѣніе императорскимъ коммиссарамъ, потому что въ это время Западная Римская имперія была уже возстановлена и императоръ былъ Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Великаго. Но раньше окончанія слѣдствія и суда папа умеръ, очистивъ свою совѣсть клятвой въ невинности, данной торжественно въ присутствіи тридцати епископовъ. Исторія объ ослѣпленіи и зарѣзаніи осталась такимъ образомъ неразъясненной. Въ 872 году папа Іоаннъ VIII былъ принужденъ платить дань магометанамъ, утвердившимся въ нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ Италіи. Епископъ неаполитанскій находился въ тайномъ союзѣ съ этими врагами христіанства и получалъ отъ нихъ, какъ лазутчикъ, часть добычи, достававшейся имъ отъ папы. За эти продѣлки папа отлучилъ его отъ церкви и соглашался датъ ему прощеніе только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ заманилъ магометанъ въ западню и собственноручно зарѣзалъ бы ихъ главныхъ начальниковъ. Сношенія съ магометанами вовсе не составляли въ то время рѣдкаго и исключительнаго явленія. При томъ же самомъ Іоаннѣ VIII римское духовенство составило заговоръ; положено было убить папу, захватить церковныя сокровища, отворить поддѣльными ключами ворота Св. Панкратія и впустить въ городъ магометанъ. Папа, имѣвшій повидимому достаточное число искусныхъ шпіоновъ, открылъ и разстроилъ этотъ заговоръ. Въ 891 году папой сдѣлался Формозъ, участвовавшій въ этомъ заговорѣ и отлученный отъ церкви. Въ 896 году ему наслѣдовалъ Бонифацій VI, котораго два раза лишали духовнаго сана за непомѣрную безнравственность и негодность. Преемникъ этого папы, Стефанъ VII, приказалъ вырыть изъ могилы трупъ Формоза, нарядилъ его въ новое святительское облаченіе, посадилъ его на кресло и сталъ производить надъ нимъ судъ. По суду безотвѣтный Формозъ оказался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ; тогда трупъ его былъ брошенъ въ Тибръ. Стефана вскорѣ послѣ этого посадили въ тюрьму, а потомъ задушили. Втеченіи пяти лѣтъ, отъ 896

до 900 года, перемѣнилось пять папъ. Въ 904 году папу Льва V посадилъ въ тюрьму одинъ изъ его капеллановъ, Христофоръ, котораго въ слѣдующемъ же году выгналъ изъ Рима Сергій III, овладѣвшій папскимъ престоломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ этого времени начинается въ Римѣ дѣятельность трехъ женщинъ, Теодоры-старшей и двухъ ея дочерей, Марозіи и Теодоры-младшей. Красота, безнравственность, богатство и неукротимая отвага этихъ женщинъ доставляли имъ впродолженіи тридцати лѣтъ полновластное господство надъ Римомъ и даже надъ всей средней Италіей. Особенно сильна была Марозія, вышедшая замужъ за Альбериха, маркграфа камеринскаго, самаго богатаго и могущественнаго изъ тогдашнихъ мелкихъ тирановъ средней Италіи. Марозія владѣла въ Римѣ крѣпостью Св. Ангела и вслѣдствіе этого держала въ повиновеніи весь городъ. Теодора-старшая сдѣлала одного изъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ епископомъ равенскимъ; а потомъ, въ 915 году, она же доставила ему папскій престолъ, на который онъ вступилъ подъ именемъ Іоанна X. Впродолженіи четырнадцати лѣтъ любовь Теодоры поддерживала его на папскомъ престолѣ; но его ненавидѣла Марозія, и въ 926 году эта ненависть рѣшила его участь. Марозія захватила его въ латеранскомъ дворцѣ, убила его брата Петра, а самого папу посадила въ тюрьму, гдѣ его задушили подушками. Въ 931 году Марозія сдѣлала папой своего собственнаго сына, Іоанна XI. Отецъ этого юноши былъ доподлинно неизвѣстенъ; многіе полагали, что Іоаннъ XI—сынъ папы Сергія III, но сама Марозія думала, что она родила его отъ Альбериха; впрочемъ Марозіи въ этомъ отношеніи, при многосложности ея занятій, очень легко было спутаться въ генеалогическихъ и хронологическихъ соображеніяхъ. Другой сынъ Марозіи, Альберихъ, посадилъ въ тюрьму свою мать и своего брата, папу Іоанна XI. Въ 956 году девятнадцатилѣтній сынъ этого второго Альбериха сдѣлался папой подъ именемъ Іоанна XII. Поступки этого молодого человѣка были уже до такой степени неприличны, что возбудили противъ себя негодованіе всей католической Европы и дали поводъ императору Оттону Великому созвать соборъ для изслѣдованія преступленій рѣзваго юноши. Оказалось, что папа бралъ взятки за посвященіе епископовъ, что онъ сдѣлалъ епископомъ десятилѣтняго мальчика, что онъ совершилъ однажды обрядъ посвященія въ конюшнѣ, что онъ выкололъ глаза одному священнику, что онъ оскопилъ другого, что оба эти человѣка умерли вслѣдствіе этого увѣчья, что латеранскій дворецъ наполненъ безнравственными женщинами, что папа постоянно пьетъ, играетъ и даже вѣруетъ въ Юпитера и въ Венеру. За все это безобразіе Іоанна низложили; папой сдѣлался въ 963 году Левъ VIII; но Іоаннъ не упалъ духомъ,—произвелъ въ Римѣ возмущеніе, одолѣлъ своихъ противниковъ и поступилъ съ ними такъ, какъ этого можно было ожидать отъ его характера; иныхъ замучилъ до смерти; инымъ выколол глаза; многимъ отрѣзалъ пальцы, руки, уши, носы и языки. Кончилъ онъ свою бурную жизнь тѣмъ, что его убилъ одинъ римлянинъ, у котораго онъ соблазнилъ жену.

Долго еще продолжались въ Римѣ грязныя трагедіи, подобныя тѣмъ, которыя описаны въ предыдущихъ строкахъ. Іоанна XIII задушили въ темницѣ; Бенедикта VII, по приказанію Бонифація VII, уморили въ тюрьмѣ голодной смертью; Іоанна XIV посадили въ крѣпость Св. Ангела и убили; по смерти Бонифація VII римская чернь разорвала на части его трупъ и протащила его по улицамъ города. Въ 996 году императоръ Оттонъ III назначилъ папой своего родственника Бруно, который принялъ имя Григорія V. Сынъ Теодоры-младшей, Кресценцій, владѣвшій въ это время крѣпостью Св. Ангела, выгналъ изъ Рима Григорія и посадилъ на папскій престолъ Іоанна XVI. Но въ 997 году Оттонъ опять пришелъ въ Римъ съ войскомъ, взялъ крѣпость Св. Ангела, захватилъ самого Кресценція и отрубилъ ему голову. А Іоанну XVI, по приказанію императора, выкололи глаза и отрѣзали носъ и языкъ; потомъ этого изувѣченнаго человѣка посадили на осла лицомъ къ хвосту и провели въ такомъ видѣ по улицамъ города; наконецъ его представили въ полное распоряженіе римской черни, которая всегда готова была потѣшиться надъ тѣмъ, кто не могъ защищаться. Въ 1033 году папой сдѣлался одиннадцатилѣтній мальчикъ, Бенедиктъ XI. По своему образу жизни онъ былъ еще грязнѣе Іоанна XII. Римляне два раза выгоняли его, и онъ два раза возвращался, по милости всѣхъ сильныхъ родственниковъ и друзей, которые разбойничали съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Захвативши папскую тіару во второй разъ и не надѣясь удержать ее за собою, Бенедиктъ назначилъ на нее аукціонный торгъ, и въ 1045 году папское достоинство было куплено Григоріемъ VI.

Прочитавши этотъ утомительный перечень невѣроятныхъ скандаловъ, читатель, мало знакомый съ исторіей среднихъ вѣковъ, подумаетъ, можетъ-быть, что папство сдѣлалось совершенно безсильнымъ и потеряло въ глазахъ европейскихъ народовъ всякій нравственный авторитетъ. Читатель сильно ошибется. Папство, обезчестившее себя всѣми пороками и преступленіями, достигло въ это время высшей точки своего могущества. Въ 1045 году папство продавалось съ аукціоннаго торга, а въ 1073 году на папскомъ престолѣ сидѣлъ уже Гильдебрандъ, тотъ самый Григорій VII, который заставилъ нѣмецкаго императора Генриха IV стоять три дня на дворѣ замка Каноссы въ одной рубашкѣ, съ голыми ногами, въ положеніи кающагося грѣшника, вымаливающаго себѣ прощеніе. А въ концѣ

того же одиннадцатаго столѣтія папа Урбанъ II поднимаетъ всю Европу противъ магометанъ, удержавшихъ въ своей власти святыя мѣста. А въ XIII столѣтіи Инокентій III превращаетъ южную Францію въ окровавленную и обожженную пустыню и учреждаетъ ордены нищенствующихъ монаховъ; преемникъ его, Григорій IX, основываетъ судилище инквизиціи.

Какъ же объяснить себѣ это странное противорѣчіе? Папъ бьютъ, уродуютъ, сажаютъ въ темницы и убиваютъ, какъ самыхъ низкихъ преступниковъ, а въ то-же время папство растетъ, усиливается и захватываетъ въ свои руки, на нѣсколько столѣтій всю историческую жизнь европейскаго міра. Это явленіе объясняется довольно легко и совершенно удовлетворительно. Историческая судьба папства зависѣла не отъ него самого, а отъ совершенно постороннихъ причинъ. Папство было вообще пассивнымъ идоломъ, передъ которымъ европейцы лежали ницъ до тѣхъ поръ, пока вообще историческая жизнь не расшевелила ихъ умовъ и не навела ихъ на мысль подняться на ноги. Средневѣковымъ европейцамъ идолъ казался необходимымъ; безъ него они, по своей тогдашней неразвитости, не могли существовать. Это стремленіе къ идолу не изъ ничего было создано папствомъ, оно составляло коренную особенность младенчествующаго ума; папство съумѣло только конфисковать это стремленіе въ свою пользу; ему помогли въ этомъ дѣлѣ отчасти миссіонерскіе подвиги монаховъ, отчасти же — и притомъ гораздо сильнѣе — военные подвиги Карла Великаго, окрестившаго насильно почти всю внутреннюю Германію. А окрестить въ то время—значило обратить не ко Христу, а къ папѣ. Сдѣлавшись идоломъ, папство могло уже творить все, что ему было угодно. Ни глупости, ни подлости, ни преступленія, ничто не могло разрушить его авторитета; человѣкъ обожаетъ идола не за его достоинства, а за то, что онъ предполагаетъ въ немъ совершенно особенную, сверхъестественную силу. Тунгузы иногда бьютъ своихъ идоловъ кнутомъ, и все-таки поклоняются имъ. Такъ это дѣлалось и съ папами. Императоръ могъ ошельмовать папу, какъ послѣдняго каторжника; но если этотъ самый ошельмованный папа успѣвалъ пустить противъ императора проклятіе, то это проклятіе сильно дѣйствовало на умы, и противъ него надо было употребить совсѣмъ особенный пріемъ; надо было выбрать, съ соблюденіемъ законныхъ формальностей, новаго папу — и приказать этому новому, чтобы онъ проклялъ стараго. Тогда равновѣсіе возстановлялось, умы массъ успокоивались, и успѣхъ того или другого папы зависѣлъ уже только отъ числа и храбрости ихъ вооруженныхъ приверженцевъ. Пока на папскомъ престолѣ сидѣлъ глупый или дрянной человѣкъ, до тѣхъ поръ идолъ спокойно стоялъ на мѣстѣ, и европейцы преклонялись передъ нимъ по пассивной привычкѣ, еще не вытѣсненной образованіемъ и размышленіемъ. Если же папой становился человѣкъ честный, умный и энергическій, то идолъ мгновенно оживлялся и начиналъ ворочать историческими событіями. Индивидуальная сила сама по себѣ ничего не могла сдѣлать, но въ соединеніи съ привилегированнымъ положеніемъ эта сила дѣлала чудеса. А привилегированное положеніе все-таки было создано исключительно той фазой умственнаго развитія, въ которой находилась тогда европейская мысль. Папству могли повредить не преступленія его представителей и не ошибки его общей политики, а только успѣхи образованія. Поэтому опаснѣйшими врагами папства были испанскіе магометане. Они подорвали силу папства не оружіемъ, а неотразимымъ вліяніемъ утонченной роскоши, блестящей поэзіи, смѣлой философіи и точной науки.

X.

Въ 711 году аравитяне перешли изъ Африки въ Европу и быстро завоевали почти весь Пиренейскій полуостровъ. Въ 759 году разорвалась политическая связь между магометанской Испаніей и азіатскимъ халифатомъ. Новое государство, несмотря на внутреннія волненія и постоянныя войны съ испанскими христіанами, стало быстро развиваться по всѣмъ направленіямъ. Уже въ концѣ VIII вѣка Испанія вела обширную морскую торговлю съ сѣверной Африкой, съ Византіей и съ магометанскимъ Востокомъ; ея военный флотъ господствовалъ на Средиземномъ морѣ и державъ въ постоянномъ страхѣ Италію, Сицилію, Корсику, Сардинію и южную Францію. Испанскіе пираты по своей предпріимчивости и ловкости могли поспорить съ норманнами. Береговымъ жителямъ всей тогдашней Европы житья не было отъ этихъ двухъ хищныхъ породъ; да и внутри страны не всегда можно было разсчитывать на безопасность, потому что и норманны, и сарацины имѣли дурную привычку подниматься на лодкахъ вверхъ по теченію рѣкъ и грабить всѣ города и села, стоявшіе по обоимъ берегамъ рѣки.

Въ десятомъ столѣтіи, въ царствованіе Абд-Эррахмана III и сына его Гакема, магометанская Испаніи стала на такую высокую степень могущества и благосостоянія, какой она не достигала никогда, ни прежде, ни послѣ этого времени. Въ составъ магометанскаго государства входили нынѣшнія провинціи: Арагонія, Валенсія, Новая-Кастилія, Мурсія, Эстремадура, Андалузія, Гранада и южная половина Португаліи. Въ настоящее время въ этихъ областяхъ считается около девяти милліоновъ жителей; а при Абд-Эррахманѣ ихъ было отъ 25 до 30 милліоновъ,— значитъ, втрое больше. Эта цифра основана не на пустыхъ догадкахъ, а на точныхъ статистическихъ данныхъ. Для магометанъ статистика была необходима, потому что они имѣли обыкновеніе облагать поголовной податью всѣхъ жи

телей не мусульманской религіи. Во владѣніяхъ Абд-Эррахмана процвѣтала торговля, а земледѣліе, горная промышленность и фабрики находились въ такомъ блестящемъ положеніи, какого они послѣ того никогда не достигали въ Испаніи. Для орошенія полей были устроены резервуары и очень сложныя системы плотинъ, шлюзъ, трубъ и насосовъ. Законъ тщательно опредѣлялъ правила, съ которыми слѣдовало соображаться при пользованіи этой водой; въ противномъ случаѣ, при безпорядочномъ хозяйствѣ, наличная масса воды, драгоцѣнной въ сухомъ климатѣ Испаніи, могла бы оказаться недостаточной для орошенія полей. Аравитяне внесли въ Испанію рисъ, сахарный тростникъ и хлопчатую бумагу; они же насадили въ Испаніи превосходные фруктовые сады, состоящіе изъ такихъ деревьевъ, которыя до того времени еще не появлялись въ Европѣ. Ихъ же стараніями разведены тутовыя деревья и шелковичные черви. Въ окрестностяхъ Хереса и Малаги возникли, несмотря на строгія запрещенія Корана, роскошные виноградники, и винодѣліе было доведено до того совершенства, которое сохранилось до нашихъ временъ и разнесло по всему міру славное имя двухъ испанскихъ городовъ. Производство различныхъ тканей, гончарное дѣло, фабрикація металлическихъ вещей занимали тысячи искусныхъ рукъ и раскупались съ жадностью домашними и чужеземными потребителями. Клинки толедскихъ фабрикъ славились втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ наравнѣ съ саблями сирійскаго города Дамаска, въ которомъ надъ обработкой стали трудились также магометане. Кожевенное дѣло находилось также въ блестящемъ положеніи; въ Испаніи выдѣлывался превосходный сафьянсъ; когда, въ началѣ XVII вѣка, слабоумный Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи всѣхъ мавровъ, тогда они перенесли съ собою фабрикацію сафьяна въ Марокко, и сафьянъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ сталъ называться мароканской кожей (по-французски — maroquin; по-нѣмецки — Marokin; по-англійски — Marocco leather). Скотоводствомъ испанскіе арабы занимались съ особенной любовью и съ большимъ знаніемъ дѣла; они сформировали знаменитую породу испанскихъ тонкорунныхъ барановъ или мериносовъ. О лошадяхъ и говорить нечего; извѣстно, что каждый арабъ любитъ свою лошадь, какъ лучшаго друга, страстной и восторженной любовью; съ нею онъ дѣлитъ въ пустынѣ послѣднюю горсть ячменя и послѣдній глотокъ воды; въ ея честь онъ сочиняетъ дифирамбы и эпопеи; каждая арабская лошадь имѣетъ свою генеалогію, и осквернить чистую арабскую кровь неблагородной примѣсью,— значитъ, по мнѣнію араба, сдѣлать непростительное преступленіе. Въ цвѣтущее время магометанской культуры арабскіе историки писали біографіи калифовъ и въ то-же время добросовѣстно описывали, для назиданія потомства, поучительную жизнь прославившихся лошадей и знаменитыхъ верблюдовъ.

Эта конюшенная исторія и эта берейторская поэзія, разумѣется, покажутся намъ уродливыми и смѣшными крайностями, но мы очень сильно ошибемся, если рѣшимся сказать, что та основная страсть, изъ которой развились эти крайности, сама по себѣ неблагоразумна и безплодна. Она благоразумна, потому что для кочевого араба лошадь составляетъ дѣйствительно незамѣнимую драгоцѣнность. Она (т. е. страсть, а не лошадь) полезна потому, что, благодаря своей страсти, арабы развели въ Испаніи превосходную породу андалузскихъ лошадей, а всякій здравомыслящій и практическій человѣкъ знаетъ конечно какъ нельзя лучше, какое значеніе имѣетъ хорошая лошадь для самыхъ важныхъ отраслей народнаго труда. Во всякомъ случаѣ страсть къ лошадямъ неизмѣримо полезнѣе, чѣмъ страсть къ безпредметному искусству, а между тѣмъ никто не смѣется надъ поклонниками этого искусства, и очень многіе смѣются надъ обожателями скачекъ и рысистыхъ бѣговъ.

Изъ всего, что я говорялъ выше, видно, что испанскіе арабы производили и могли производить множество разнообразныхъ предметовъ. Торговля ихъ была чрезвычайно обширна, тѣмъ болѣе, что въ тогдашней Испаніи было очень много евреевъ, которые вездѣ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ обнаруживаютъ во всякихъ коммерческихъ оборотахъ изумительную сметливость, подвижность и предпріимчивость. Арабы съ евреями сдружились очень скоро. Ихъ сблизили единство семитическаго происхожденія и общій религіозный догматъ строгаго монотеизма. Обширныя торговыя предпріятія велись ими сообща, компаніями, въ которыя, безъ различія вѣроисповѣданій, входили капиталисты обѣихъ національностей. У нихъ были факторіи и консулы на берегахъ Азовскаго моря и Дона; черезъ внутреннюю Азію они поддерживали постоянныя сношенія съ Индіей и съ Китаемъ; по восточному берегу Африки они спускались на югъ, далеко за экваторъ, до острова Мадагаскара. Успѣхи торговаго дѣла обращали на себя вниманіе мыслящихъ теоретиковъ, и уже въ половинѣ X столѣтія просвѣщенные арабы, подобные Абуль-Кассему, писали научные трактаты о разумныхъ основаніяхъ коммерческихъ оборотовъ.

При такомъ положеніи страны не мудрено, что ея повелитель, Абд-Эррахманъ III, получалъ до пяти съ половиной милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. до 37 милліоновъ рублей серебромъ годового дохода. Не трудно также согласиться съ замѣчаніемъ Шлоссера, который говоритъ, что «въ то время испанскій халифъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ свѣтѣ.» Столица магометанской Испаніи, Кордова, заключала въ

себѣ двѣсти двѣнадцать тысячъ зданій, не считая лавокъ и караванъ-сараевъ (постоялыхъ дворовъ), число которыхъ доходило до восьмидесяти пяти тысячъ. Въ числѣ городскихъ зданій Кордовы было шестьсотъ мечетей. «Трудно повѣрить всѣмъ этимъ даннымъ,—замѣчаетъ Шлоссеръ,—но, сравнивая старую Кордову съ большими европейскими городами нашего времени, не должно упускать изъ виду, что въ ней не было, какъ напримѣръ въ Парижѣ, шести и семиэтажныхъ домовъ.» Жителей въ Кордовѣ считалось болѣе милліона. Улицы этого города были вымощены камнемъи освѣщались фонарями. Втеченіи многихъ столѣтій послѣ временъ Абд-Эррахмана III обитатели Лондона и Парижа тонули въ непроходимой грязи и боролись по вечерамъ съ непроницаемой темнотой, доставлявшей огромныя выгоды всѣмъ художникамъ по части кражи и грабежа.

Дворецъ халифа, составлявшій цѣлую часть города, отличался сказочнымъ великолѣпіемъ,—не той грубой роскошью, которая безъ толку громоздитъ груды золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, а тѣмъ утонченнымъ и глубокообдуманнымъ изяществомъ комфорта, которое дѣйствительно ласкаетъ и нѣжитъ чувства и до безконечности разнообразитъ наслажденія жизни. Балконы изъ полированнаго мрамора тонули въ тѣни апельсинныхъ деревьевъ; каскады и фонтаны освѣжали воздухъ въ садахъ и въ комнатахъ, въ которыя проходилъ пріятный и таинственный полусвѣтъ сквозь разноцвѣтныя стекла высокихъ остроконечныхъ оконъ; въ нѣкоторыхъ комнатахъ свѣтъ падалъ сверху, пробиваясь черезъ водяную струю, текущую подъ стекляннымъ потолкомъ; стѣны и полы были украшены тонкой мозаичной работой. Лѣтомъ искусно устроенные вентиляторы вливали въ комнаты, изъ обширныхъ цвѣтниковъ, волны свѣжаго воздуха, пропитаннаго ароматомъ рѣдкихъ и дорогихъ растеній. А зимой цѣлая система трубъ, вложенныхъ въ стѣны, проводила въ комнаты нагрѣтый и ароматическій воздухъ изъ подземныхъ сводовъ, въ которыхъ топились печи и сжигались разныя благовонныя вещества. Мебель дворца, отличавшаяся еще болѣе удобствомъ, чѣмъ красотой, была сдѣлана изъ сандальнаго и лимоннаго дерева, съ инкрустаціями изъ перламутра, слоновой кости, серебра и золота; диваны и кушетки были обиты шелковыми матеріями; вазы изъ горнаго хрусталя, этажерки, уставленныя китайскимъ фарфоромъ, и столы изъ превосходной мозаики были разставлены по комнатамъ въ изящномъ безпорядкѣ, между многочисленными мраморными колоннами, на которыя опирались своды потолка, расписаннаго блестящими и пестрыми арабесками. Въ зимнихъ покояхъ полы и стѣны были обиты мягкими персидскими коврами. Цвѣтущія растенія, привезенныя изъ далекихъ земель, дополняли своей свѣжей красотой убранство комнатъ. Горячая и холодная вода была проведена, посредствомъ металлическихъ трубъ, изъ особыхъ резервуаровъ въ мраморныя купальни; кромѣ того купающіеся могли окачивать себя сверху искусственнымъ дождемъ различной температуры. Въ садахъ, расположенныхъ между различными строеніями дворца, цвѣты были посажены по всѣмъ правиламъ искусства, такъ чтобы ихъ краски и ароматы не мѣшали другъ другу, а напротивъ того, сливаясь между собою въ надлежащихъ пропорціяхъ, производили на гуляющихъ самое гармоническое впечатлѣніе. Между клумбами деревъ, кустарниковъ и цвѣтовъ, между бесѣдками изъ розъ, между скамейками, вырубленными въ скалѣ, между свѣжими гротами, сложенными изъ дикаго камня, били по разнымъ направленіямъ крупные и мелкіе фонтаны или разстилались искусственныя озера, въ которыхъ кормилась рыба для халифскаго стола. Были тутъ и звѣринцы для чужеземныхъ животныхъ, и птичные дворы для рѣдкихъ птицъ.

Въ одеждѣ испанскихъ арабовъ господствовало то же утонченное изящество, которымъ отличались у нихъ жилища всѣхъ достаточныхъ людей. Ихъ верхнее платье дѣлалось бо́льшей частью изъ шелковой ткани, расшивалось пестрыми шнурками и золотомъ и украшалось часто драгоцѣнными камнями. Яркія краски, богатыя матеріи, золото, хризолиты, геацинты, изумруды и сапфиры составляли страсть арабскихъ женщинъ, и какой-то любезный поэтъ ихъ націи сказалъ совершенно справедливо, что комната, въ которой собираются дамы въ своихъ блестящихъ нарядахъ, становится похожа на цвѣтущій лугъ, вспрыснутый весеннимъ дождемъ.

На всю эту необузданную роскошь въ жилищахъ, въ одеждѣ, во всемъ образѣ жизни мыслящій человѣкъ не можетъ смотрѣть безъ пуританскаго негодованія. Конечно высшіе классы общества здѣсь, какъ и вездѣ, брали себѣ львиную часть изъ общей массы продуктовъ народнаго труда; но народъ не бѣдствовалъ, не голодалъ, не былъ задавленъ непосильнымъ трудомъ и непомѣрными налогами. Если Абд-Эррахманъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ тогдашнемъ мірѣ, то можно утверждать съ другой стороны, что и народъ его былъ самымъ счастливымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Для жителей Франціи, Англіи и Германіи было мало пользы отъ того, что ихъ правители жили въ какихъ-то деревянныхъ сараяхъ, безъ печей, безъ оконъ и съ простымъ отверстіемъ въ крышѣ для дыма; грязь, копоть, сырость и сквозной вѣтеръ, господствовавшіе въ этихъ первобытныхъ дворцахъ, ни сколько не мѣшали жителямъ быть такими жалкими, ограбленными и замученными существами, о какихъ мы теперь съ трудомъ можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, несмотря даже на то,

что современный европейскій пауперизмъ можетъ доставить нашему воображенію превосходные матеріалы. Въ тогдашней Европѣ всѣмъ было скверно жить: мужикъ выбивался изъ силъ за работой и все-таки вырабатывалъ мало; воинъ отнималъ у мужика послѣдній кусокъ хлѣба и все-таки былъ одѣтъ въ вонючія тряпки, покрытъ чесоткой и насѣкомыми, подверженъ всякимъ болѣзнямъ, лишенъ врачебной помощи и совершенно неспособенъ доставить себѣ то, что всякій, даже самый грубый человѣкъ, называетъ наслажденіемъ. Съѣсть цѣлый окорокъ ветчины, выпить чуть не полведра какой-нибудь хмельной бурды,—вотъ все, что могъ сдѣлать тогдашній богатый и сильный воинъ, когда ему хотѣлось повеселить свою душу. Это *все*—чрезвычайно немного; ему становилось невыносимо скучно и досадно; «хоть-бы поколотить кого нибудь», приходило ему въ голову,—и онъ колотилъ своихъ сосѣдей, топталъ крестьянскія жатвы, жегъ ихъ хижины, получалъ за всѣ эти подвиги порядочныя затрещины отъ другихъ скучающихъ рыцарей, и жизнь такимъ образомъ кое-какъ наполнялась впечатлѣніями. Роскоши не было, но это отсутствіе роскоши не доставляло рѣшительно никому ни пользы, ни удовольствія. Роскоши не было, но зато было очень большое озорство и безобразіе, которое было убыточнѣе самыхъ утонченныхъ затѣй Абд-Эррахмана и его придворныхъ. Арабскіе халифы кутили въ Испаніи слишкомъ семьсотъ лѣтъ, и тѣмъ не менѣе при взятіи Гранады, въ 1492 году, арабы были богаты, дѣятельны и предпріимчивы,—значитъ, основной капиталъ народа не былъ истраченъ; умъ, характеръ и сильное тѣлосложеніе людей остались неприкосновенными; производительныя силы страны также не истощались. А испанскіе короли распорядились совсѣмъ иначе: они ограбили арабовъ, ограбили мексиканцевъ, ограбили перуанцевъ, всѣми награбленными сокровищами не доставили себѣ тѣхъ удобствъ жизни, которыми пользовались халифы, и при всемъ томъ уже въ семнадцатомъ столѣтіи довели свое государство до совершенной нищеты, а народъ до замѣчательной степени отупѣнія.

Эта поучительная параллель доказываетъ намъ, что не роскошь высшихъ классовъ общества губитъ и разоряетъ народъ, а умственная неподвижность, узкость понятій и односторонность стремленій. Когда въ обществѣ кипитъ живая дѣятельность мысли, и когда силы народа поддерживаются и развиваются разнообразіемъ труда, тогда являются неизбѣжно неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, накопленіе большихъ капиталовъ и вслѣдствіе этого неумѣренная роскошь въ высшихъ слояхъ денежной аристократіи. Эти явленія вредны для благосостоянія народа, но они составляютъ зло переходное и поправимое. Болѣзнь сама приноситъ съ собою лекарство. Высшіе классы разоряются и уступаютъ мѣсто среднему сословію, болѣе образованному и трудолюбивому; изъ этого сословія выходятъ люди, обогащающіе народъ открытіями и задумывающіеся серьезно надъ положеніемъ трудящагося большинства. Эти люди поддерживаютъ и направляютъ дѣятельность народнаго ума, и, благодаря ихъ усиліямъ, обиженное большинство понемногу начинаетъ вступать въ свои естественныя права.

XI.

Для испанскихъ арабовъ было-бы, разумѣется, лучше, еслибы Абд-Эррахманъ и его преемники строили себѣ менѣе великолѣпные дворцы. Но для европейской цивилизаціи вообще роскошь испанскихъ халифовъ была незамѣнимымъ благодѣяніемъ. Надо было, чтобы просвѣщеніе являлось передъ дикарями въ самомъ блестящемъ и неотразимо обаятельномъ видѣ; надо было, чтобы оно шевелило дикаря со всѣхъ сторонъ, чтобы каждая фибра грубой нервной системы дрожала въ немъ отъ зависти при видѣ недоступныхъ ему наслажденій или отъ удовольствія въ томъ случаѣ, когда ему удавалось подышать нѣсколько времени разнѣживающей атмосферой цивилизованной жизни. Надо было, чтобы основная мысль цивилизаціи являлась передъ дикаремъ въ самой популярной формѣ; а, разумѣется, матеріальныя удобства жизни составляютъ самое наглядное и популярное изложеніе тѣхъ преимуществъ, которыя достаются на долю образованнаго человѣка. Доказать дикарю, что наука — вещь хорошая, что она расширяетъ умъ человѣка, облагораживаетъ его стремленія, *доказать* все это дикарю совершенно невозможно. Ему надо *показать*. Вотъ, молъ, любезный, посмотри, пощупай, понюхай, отвѣдай, да и соображай.

Весело было жить на свѣтѣ проклятымъ басурманамъ, и ихъ веселость нашла себѣ выраженіе въ легкой и игривой поэзіи, воспѣвавшей и красоту женщинъ, и сладость запрещеннаго вина, и всѣ радости беззаботной молодости. Эта поэзія, сама по себѣ пустая и ничтожная, и безполезная для того народа, среди котораго она возникла, была замѣчательна, какъ новая приманка для европейцевъ, какъ новое и совершенно понятное изложеніе такой житейской мудрости. Веселая поэзія, какъ зараза, разлилась изъ Испаніи въ сосѣднія христіанскія земли. И въ южной Франціи, и въ сѣверной Франціи, и въ Сициліи, и въ Италіи, а потомъ и въ Германіи, и въ Англіи, вездѣ зазвучали лиры и полились пѣсни любви и грѣховныхъ помысловъ о разныхъ мірскихъ наслажденіяхъ. «Въ монастыряхъ,—говоритъ Дреперъ,—голоса, произнесшіе обѣтъ цѣломудрія, запѣли тайкомъ такіе романсы, которые врядъ-ли были бы одобрены Св. Іеронимомъ; много было здоровыхъ аббатовъ, которые, подобно веселымъ грѣшникамъ Хереса и Малаги, умѣли восхвалять игривыми куплетами прелести женщинъ и вина, несмотря на то, что одинъ изъ этихъ предметовъ составлялъ запре-

щенный плодъ для магометанина, а другой—для монаха. Солидныя сѣдыя бороды Кордовы уже давно просили главнаго судью запретитъ пѣсни испанскаго еврея Абраама Ибнъ-Сагала, потому что не было въ городѣ юноши, женщины или ребенка, которые не могли бы повторить ихъ наизусть. Ихъ безнравственныя тенденціи составляли публичный скандалъ. Легкая веселость Испаніи отразилась и въ болѣе грубыхъ привычкахъ сѣверныхъ странъ. Уже въ десятомъ столѣтіи люди, имѣвшіе наклонность къ книжному ученію или къ блестящимъ общественнымъ удовольствіямъ, находили себѣ дорогу въ Испанію изъ всѣхъ сосѣднихъ земель.»

Вся эта поэзія трубадуровъ, труверовъ, миннезенгеровъ, разумѣется, плавала очень мелко, но, несмотря на ея совершенную безобидность, историческое значеніе этой поэзіи, родившейся на басурманской почвѣ, чрезвычайно важно въ двухъ отношеніяхъ. Въ этой поэзіи въ первый разъ со временъ классической древности выразилась свѣжая, могучая и неистребимая любовь человѣка къ жизни. Голосомъ своихъ простодушныхъ пѣвцовъ несчастный средневѣковой человѣкъ въ первый разъ заявилъ громко и ясно, что ему все-таки хочется жить, несмотря на то, что его бьютъ и грабять. И дѣйствительно, наслажденіе облагородилось, какъ только оно перестало прятаться въ темныхъ углахъ. Грубое пьянство превращается понемногу въ веселое пированіе, оживленное остроумными шутками и застольными пѣснями, а животная чувственность, оскорблявшая и даже тиранившая женщину, уступаетъ мѣсто рыцарской страстности, сладкой, болтливой и пѣвучей, очень смѣшной въ своихъ проклятіяхъ, но по крайней мѣрѣ уже относившейся совершенно неодобрительно къ стеганію любимаго предмета плетью или къ трепанью его по щекамъ. А тогда и за это надо было говорить спасибо.

Въ наше время пѣсни о винѣ и поцѣлуяхъ ни на что не нужны. Когда всѣ образованные люди вѣруютъ въ прогрессъ, то есть въ неистощимую творческую силу жизни, тогда нѣтъ никакой надобности будитъ въ обществѣ любовь къ жизни. Вся наша наука и вся наша практическая дѣятельность цѣликомъ основаны на этой любви. Намъ не зачѣмъ говорить другъ другу: «я хочу жить», потому что это и безъ того видно и всякому извѣстно, и само собою разумѣется. Но въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ было совсѣмъ не то. Свѣтлая и естественная вѣра въ жизнь была подорвана страданіями и завѣшана чернымъ крепомъ суевѣрія. Люди X-го вѣка были серьезно убѣждены въ томъ, что въ 1000 году произойдетъ свѣто-преставленіе. Въ то самое время, когда Абд-Эррахманъ III и Гакемъ II пили полной чашей всѣ наслажденія, доступныя смертному, сосѣди ихъ, предки нынѣшнихъ французовъ, собирались хоронить заживо себя и все человѣчество, и весь грѣховный міръ. Не было у тогдашнихъ людей надежды впереди, не было и бодрости, не было, стало быть, и возможности дѣйствовать благоразумно и цѣлесообразно. Но 1000-ый годъ прошелъ безовсякаго особеннаго переворота, и въ это время, когда люди увидѣли необходимость жить и работать обыкновеннымъ порядкомъ,—были особенно полезно произнести громко и смѣло, пропѣть весело и увлекательно на разные голоса и съ безчисленными варіаціями великія но простыя слова: «я хочу жить». Эта мысль, западши въ народную память и проникнувъ глубоко въ народное сознаніе, составила ту необходимую канву, по которой было вышито впослѣдствіи много блестящихъ и превосходныхъ узоровъ. Я хочу жить... Мое желаніе совершенно естественно и нисколько не предосудительно... Я имѣю право жить... Я имѣю право украшать и разнообразить жизнь удовольствіями... Я имѣю право устраивать ее удобно и пріятно... Я имѣю право считать удобнымъ и пріятнымъ то, что *мнѣ самому* нравится... Я имѣю право размышлять о томъ, что можетъ доставить мнѣ удобства и пріятности... Я имѣю право размышлять обо всемъ... Вотъ какіе узорчики вышила понемногу человѣческая мысль на простой канвѣ, данной ей наивнымъ выраженіемъ того животнаго инстинкта, который называется чувствомъ самосохраненія.

Поэзія трубадуровъ была первымъ проблескомъ того умственнаго движенія, которое породило Лютера, а потомъ, разгораясь съ каждымъ десятилѣтіемъ сильнѣе и сильнѣе, проникло во всѣ сферы науки и жизни. Не трубадуры выдумали ту мысль, которая составляетъ основу ихъ поэзіи, но они прокричали, прозвонили эту мысль на всѣхъ перекресткахъ, а это—важная услуга. Началось же это веселое пробужденіе средневѣковото человѣчества въ южной Франціи, потому что она лежитъ рядомъ съ Испаніей и потому что прелести поганаго басурманства оказались ужъ черезчуръ соблазнительными. Веселый и легкомысленный тонъ пѣсенъ трубадуровъ не понравился безчисленнымъ представителямъ и агентамъ римскаго двора. Обскурантамъ было невыгодно, чтобы народъ веселился, потому что человѣкъ, подавленный горемъ и страхомъ, подчиняется суевѣрію гораздо полнѣе, чѣмъ человѣкъ, способный балагурить и смѣяться. Обскуранты стали тѣснить странствующихъ пѣвцовъ; стали гнѣваться; пѣвцы стали изподтишка мстить имъ насмѣшками. Народу пришлось такимъ образомъ колебаться между тѣмъ, чего онъ привыкъ бояться, и тѣмъ, что доставляло ему непосредственное удовольствіе. Такая борьба можетъ длиться цѣлыя столѣтія, но она всегда оканчивается побѣдой живого инстинкта надъ искусственной привычкой: рано или поздно люди непремѣнно идутъ не туда, куда имъ велѣно идти, а туда, куда ихъ тянетъ собственное желаніе. На легкія сатиры трубадуровъ и труве-

ровъ обскуранты отвѣчали часто палочными ударами и уголовными наказаніями; борьба повидимому была невыгодна для пѣвцовъ, но ихъ пѣсни, какъ дождевыя капли, медленно размягчали ту сухую кору, подъ которой долго были затаены живыя силы народнаго ума, и силы эти подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ наконецъ начали развертываться. Сатира, робкая и слабая въ своемъ младенчествѣ, побѣдила своихъ сильныхъ и суровыхъ враговъ, хотя, разумѣется, ни трубадуры, ни тогдашніе агенты римскаго двора, ни тогдашній народъ не могли даже представить себѣ, что такая побѣда возможна.

Сатирическій характеръ, вкравшійся въ поэзію труверовъ и трубадуровъ, составляетъ такимъ образомъ вторую важную сторону ихъ историческаго значенія. Сначала трубадуръ говорилъ просто: «я хочу жить», но потомъ ему пришлось прибавить: «а вы, книжники и фарисеи, не мѣшайте мнѣ жить». Народъ слушалъ эти пѣсни, и его естественный здравый смыслъ подсказывалъ ему сначала робко, а потомъ смѣлѣе и смѣлѣе, что въ желаніяхъ трубадура нѣтъ ничего предосудительнаго, хотя бы даже точно такія же желанія высказывались, по ту сторону Пиренейскихъ горъ, смуглыми пѣвцами, принадлежащими къ европейской или къ арабской національности. Веселая поэзія простодушно и безсознательно стремилась сглаживать и смягчать тѣ международныя антипатіи, изъ которыхъ папскій обскурантизмъ старался, напротивъ того, выковать себѣ надежное оружіе для истребленія всѣхъ иновѣрцевъ, еретиковъ и индифферентистовъ.

XII.

Всѣ чудеса арабской роскоши были построены на прочномъ фундаментѣ глубокаго и многосторонняго знанія. Въ X и XI столѣтіи умственная дѣятельность кипѣла на всемъ пространствѣ тогдашняго магометанскаго міра. «Отъ предѣловъ Индіи и Татаріи,—говоритъ Шлоссеръ,—до внутренней Африки, Сициліи и Испаніи появился цѣлый рядъ разсадниковъ высшей образованности. Благодаря легкости сообщенія, они находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ и связи между собою. У аравитянъ уже въ самую славную эпоху Аббасидовъ (въ IX столѣтіи) были хорошія дороги съ *караван-сараями* или гостинницами; въ пустыняхъ поддерживались источники, и еще со временъ халифа Муавіи (661—680) были учреждены почты. Кромѣ того, правительство содержало пѣшихъ казенныхъ курьеровъ, которые отправлялись черезъ каждые восемь или десять дней и проходили до десяти нѣмецкихъ миль въ сутки (по семидесяти верстъ). Частныя лица учились или преподавали по очереди въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ династій, и, не взирая на вражду между владѣтелями, великіе ученые находили повсюду почетъ и покровительство. Во всѣхъ значительныхъ городахъ были устроены библіотеки, которыя своимъ богатствомъ могли поспорить съ новѣйшими. Повсюду проявлявшееся уваженіе къ образованію и учености содѣйствовало распространенію поразительной у магометанъ вѣротерпимости. Такъ напримѣръ, почти всѣ придворные врачи были огнепоклонники, и той же религіи принадлежалъ и секретарь двухъ первыхъ эмировъ изъ фамиліи Бундовъ, не только писавшій всѣ ихъ декреты, но и завѣдывавшій ихъ частной корреспонденціей». «Высшія училища и обсерваторіи Бухары и Самарканда,—говоритъ далѣе тотъ-же историкъ, — вошли въ сношенія съ учеными учрежденіями Александріи и Дамаска, и на основаніи ихъ наблюденій и вычисленій были составлены персидскія таблицы, оставшіяся краеугольнымъ камнемъ магометанской астрономіи до самаго пятнадцатаго вѣка». «Багдадскій халифъ Аль-Мамунъ (813—833),—говоритъ Дреперъ,—въ письмѣ къ византійскому императору Ѳеофилу выражалъ свое желаніе посѣтить Константинополь, если не встрѣтитъ препятствій со стороны своихъ общественныхъ обязанностей. Онъ просилъ его позволить греческому математику Льву пріѣхать въ Багдадъ, для того чтобы подѣлиться съ нимъ, Аль-Мамуномъ, своими познаніями; халифъ обязывается притомъ своимъ честнымъ словомъ доставить ученаго обратно въ совершенной сохранности. «Пусть различіе религіи или національности,—пишетъ онъ,—не заставляетъ васъ отвергнуть мою просьбу. Сдѣлайте то, въ чемъ дружба не отказала бы другу. Взамѣнъ того, я предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ». Ѳеофилъ угрюмо и дерзко отклонилъ эту просьбу, говоря, что ученость, прославившая римское имя никогда не сдѣлается достояніемъ варвара». Однако *варвары* при томъ-же самомъ Мамунѣ опередили грековъ въ астрономіи и геометріи, какъ это видно изъ ихъ тогдашнихъ старанiй опредѣлить математически величину земного шара. «Удивительное измѣреніе,—говоритъ Шлоссеръ,—градуса широты въ Санджарской пустынѣ было произведено въ присутствіи Мамуна извѣстными математиками, сыновьями Музы, Мухаммедомъ, Хосанномъ и Ахмедомъ, и для точности повторено еще разъ. Мамунъ собраль мастеровъ для изготовленія астрономическихъ инструментовъ и устроилъ въ Шемасіи, близъ Багдада, обсерваторію. Здѣсь было положено начало наблюденіямъ и вычисленіямъ, которыя впослѣдствіи провѣрялись и пополнялись во всѣхъ частяхъ средневѣковой имперіи аравитянъ. Они послужили для составленія тѣхъ таблицъ движенія небесныхъ тѣлъ, безъ которыхъ Кеплеръ и Ньютонъ не могли-бы основать новѣйшей астрономіи». «Въ то время, когда въ Римѣ,—говоритъ Дреперъ,—господствовало, во всей своей нелѣпости, мнѣніе о плоской

формѣ земли, испанскіе арабы въ своихъ элементарныхъ школахъ преподавали географію *по глобусамъ*. Въ Африкѣ, въ каирской библіотекѣ, магометане берегли почти съ религіознымъ уваженіемъ одинъ бронзовый глобусъ, который, какъ они думали, принадлежалъ нѣкогда великому астроному Птоломею». «Въ то время, — говоритъ Шлоссеръ, — когда народы латинскаго племени не имѣли еще ни одной порядочной библіотеки, и всего два университета, заслуживавшіе это имя, въ Испаніи считалось до семидесяти большихъ библіотекъ со многими тысячами томовъ и до шестнадцати высшихъ учебныхъ заведеній». «При каждой мечети, — говоритъ Дреперъ,—была устроена публичная школа, въ которыхъ *дѣти бѣдныхъ людей* учились читать и писать и знакомились съ предписаніями Корана. Для болѣе достаточныхъ классовъ существовали академіи, вмѣщавшія въ себѣ обыкновенно 25 или 30 отдѣленій, причемъ каждое отдѣленіе было устроено для четырехъ студентовъ; вся академія находилась подъ управленіемъ ректора. Въ Кордовѣ, въ Гранадѣ и въ другихъ большихъ городахъ существовали университеты, которыми часто управляли евреи; магометане держались того правила, что дѣльная ученость человѣка имѣетъ болѣе важное значеніе для успѣхознаній, чѣмъ его личныя религіозныя мнѣнія... Въ университетахъ профессоры изящной словесности читали лекціи о классическихъ арабскихъ произведеніяхъ; другіе преподавали риторику или піитику, или математику, или астрономію, или другія науки. Отъ этихъ учрежденій заимствованы многіе обычаи, существующіе до сихъ поръ въ нашихъ коллегіяхъ. Въ началѣ учебнаго года они, подобно намъ, устраивали торжественныя собранія, на которыхъ въ присутствіи публики читались поэмы и произносились рѣчи. Кромѣ этихъ общеобразовательныхъ училищъ, у нихъ были еще спеціальныя школы, въ особенности для изученія медицины». «Многіе ученые посвящали себя основательному изученію языковъ; они составляли лексиконы арабскіе, греческіе, латинскіе, еврейскіе; одинъ арабскій лексиконъ заключаетъ въ себѣ шестьдесятъ томовъ, потому что каждое слово поясняется цитатами изъ классическихъ арабскихъ писателей. Словарь Аль-Фараби, составленный въ началѣ одиннадцатаго вѣка, до сихъ поръ считается у европейскихъ оріенталистовъ важнымъ пособіемъ при изученіи арабскаго языка, замѣчательнаго по своему богатству и по своей трудности.

Въ магометанской Испаніи образованіе распространялось и на женщинъ. «Замѣчательнымъ и неслыханнымъ явленіемъ у восточныхъ народовъ,—говоритъ Шлоссеръ,—было то, что у испанскихъ аравитянъ женщины также получали образованіе *въ учебныхъ заведеніяхъ*. Нѣкоторыя изъ нихъ писали даже стихи, что которымъ учились въ школахъ и которые надписывались на стѣнахъ большого дворца Абд-Эррахмана». Келамъ, любимая султанша Гакема II, извѣстна своими историческими и поэтическими сочиненіями; кромѣ того намъ извѣстенъ цѣлый рядъ знаменитыхъ испанско-арабскихъ писательницъ.» Дреперъ изъ числа этихъ писательницъ называетъ Веладу, Аліешу, Лабану и Алгасанію; онъ прибавляетъ къ этому замѣчаніе, что нѣкоторыя изъ нихъ были дочери халифовъ. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что въ Испаніи были женщины, занимавшіяся медициной и хирургіей; эти медики женскаго пола дѣлали надъ женщинами тѣ операціи, при которыхъ страдаетъ стыдливость паціентки. Объ этомъ говоритъ Дреперъ на стр. 38 второго тома, ссылаясь при этомъ на свидѣтельство арабскаго врача Альбуказн, жившаго въ Кордовѣ.

По обширности своего распространенія и по своей энергіи, умственное движеніе, господствовавшее во всемъ магометанскомъ мірѣ отъ IX до XIII столѣтія, далеко превосходитъ все, что̀ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи классическая древность. У арабовъ не было можетъ-быть такихъ титановъ, какъ Аристотель и Архимедъ, но зато числомъ своихъ замѣчательныхъ ученыхъ, разносторонностью ихъ трудовъ, практическимъ значеніемъ ихъ дѣятельности, обиліемъ ихъ открытій—арабы далеко оставили за собою древнихъ грековъ. Геніальный человѣкъ есть все-таки счастливая случайность. Рожденіе Аристотеля или Архимеда вовсе не зависѣло отъ тѣхъ общихъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ выработались типическія особенности греческой цивилизаціи. Отецъ Архимеда могъ умереть въ молодыхъ лѣтахъ или жениться на какой нибудь дурѣ, и тогда легко могло-бы случиться, что многія открытія, сдѣланныя Архимедомъ, были бы сдѣланы гораздо позднѣе усиліями многихъ обыкновенныхъ работниковъ. Тогда не было бы того ослѣпительнаго блеска, который сосредоточивается вокругъ одного великаго имени; если мы такимъ образомъ размѣняемъ на мелкую монету всѣхъ великихъ людей древней Греціи, если мы оставимъ совершенно въ сторонѣ обаятельную красоту блестящихъ *личностей* и обратимъ все наше вниманіе исключительно на число вѣковъ и на массу сдѣланной *работы*,—словомъ, если мы скажемъ: греческій міръ прожилъ столько-то временъ и принесъ столько-то прочной пользы, арабскій міръ прожилъ столько-то и принесъ столько-то,—то окажется въ результатѣ, что арабы прожили меньше, а сдѣлали больше.

Этотъ результатъ и показываетъ намъ, что энергія умственнаго движенія, находящаяся въ прямой связи съ обширностью его распространенія, въ арабскомъ мірѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ греческомъ. У грековъ была всего только одна яркая свѣтящаяся точка—александрійскій музеумъ; у арабовъ такія точки считаются десятками, и онѣ были разсыпаны

на всемъ громадномъ пространствѣ, лежащемъ между Татаріей и Атлантическимъ океаномъ. Каждая изъ этихъ точекъ была поменьше александрійскаго музеума; но всѣ онѣ въ общей сложности были гораздо больше. Кромѣ того десять небольшихъ ученыхъ обществъ гораздо лучше чѣмъ одно большое. *Одно* общество, совершенно изолированное отъ другихъ, неизбѣжно погружается въ филистерство и превращается въ муравейникъ, въ которомъ отдѣльные муравьи славятъ и превозносятъ другъ друга. Является кумовство. «Кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку.» При существованіи многихъ отдѣльныхъ обществъ, является, напротивъ того, живой обмѣнъ мыслей, бдительный контроль другъ надъ другомъ и сильное соперничество. Ученымъ некогда заснуть, потому что въ такомъ случаѣ они отстанутъ отъ общаго движенія идей, и ихъ закритикуютъ не на животъ, а на смерть болѣе дѣятельные ученые, принадлежащіе къ другимъ обществамъ и, стало-быть, не связанные съ лежебоками узами служебнаго кумовства. Наконецъ для арабскихъ ученыхъ было чрезвычайно полезно то, что они принуждены были много путешествовать, чтобы учиться у знаменитыхъ профессоровъ, жившихъ въ различныхъ пунктахъ магометанскаго міра. Для умнаго, наблюдательнаго человѣка путешествіе полезнѣе многихъ десятковъ хорошихъ книгъ; путешествіе составляетъ превосходный противовѣсъ тому исключительно книжному и теоретическому направленію, въ которое очень легко и охотно вдаются ученые всѣхъ вѣковъ и народовъ. Во время своихъ путешествій, арабскіе ученые сталкивались съ людьми всякаго разбора, съ политиками, съ чиновниками, съ военными авантюристами, съ сельскими хозяевами; они приглядывались къ ихъ образу мыслей, къ ихъ нуждамъ, къ ихъ дѣловой смѣтливости, къ ихъ ремесленнымъ знаніямъ, и всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, всѣ эти соприкосновенія съ текущей жизнью вливали въ арабскую науку тотъ здоровый, практическій и прикладной характеръ, который рѣзко отличаетъ ее отъ науки древнихъ грековъ. Арабы писали много по статистикѣ, по топографіи, по агрономіи, по фармакологіи, по акушерству. Арабскіе ученые пользовались уваженіемъ не только со стороны правительства, но и со стороны народа.

Между магометами всѣхъ сословій были въ ходу нѣкоторыя поговорки, ясно показывающія взглядъ народа на ученую дѣятельность. Напримѣръ: «чернила ученаго такъ-же драгоцѣнны, какъ кровь мученика.» — «Рай принадлежитъ одинаково тому, кто честно дѣйствовалъ перомъ, и тому, кто убитъ непріятельскимъ мечомъ.» — «Весь міръ держится на четырехъ вещахъ: на учености мудраго, на справедливости сильнаго, на молитвѣ добраго и на мужествѣ храбраго.» — Всѣмъ подобнымъ изрѣченіямъ арабы приписывали очень почтенное и даже полурелигіозное происхожденіе; они говорили, что такія слова произнесъ или какой-нибудь великій халифъ, или какой-нибудь личный другъ и товарищъ пророка. Зятю Магомета, халифу Али, приписывается много нравственныхъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ также относятся къ дѣятельности ученыхъ съ величайшимъ уваженіемъ. Напримѣръ: «Ученая знаменитость выше всѣхъ почестей.» — «Тотъ не умираетъ, кто отдаетъ жизнь наукѣ». — «Величайшее украшеніе человѣка есть ученость».

Арабскій народъ не осуждалъ своихъ Анаксагоровъ на смерть, не называлъ своихъ Демокритовъ сумасшедшими, не собирался побивать своихъ Эсхиловъ камнями и не подносилъ своимъ Сократамъ чаши съ ядомъ. Это обстоятельство дѣлаетъ одинаковую честь, какъ умному народу, такъ и практически-дѣльнымъ ученымъ. Связь между наукой и жизнью была у арабовъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ у грековъ, и этимъ объясняется значительная плодотворность арабской науки. Конечно политическая жизнь арабовъ была совершенно неразвита и наука нисколько не успѣла подчинить ее своему вліянію. Но спрашивается, гдѣ же и когда же она успѣла это сдѣлать? До сихъ поръ политика вездѣ шла ощупью и валила черезъ пень колоду. Ужъ не знаменитое-ли англійское равновѣсіе трехъ властей составляетъ торжество науки? Такими торжествами лучше было-бы и не хвастаться.

Еще въ одномъ отношеніи арабская цивилизація была счастливѣе греческой. У арабовъ гораздо меньше умственныхъ силъ превращалось въ пустоцвѣтъ. Живопись и скульптура для арабовъ были совершенно закрыты, потому что Коранъ строго запретилъ своимъ поклонникамъ изображать людей и животныхъ. Передовые люди очень скоро переросли Коранъ, но такъ какъ художнику необходима публика и такъ какъ публика продолжала уважать книгу Магомета, то живописцамъ и скульпторамъ невозможно было распустить крылья. Для украшенія стѣнъ и потолковъ употреблялись разныя фестоны, каемки и завитушки, извѣстные подъ названіемъ *арабесковъ*. Эта уцѣлѣвшая частица живописи была очевидно такъ узка и бѣдна, что сильные таланты никакъ не могли посвящать себя этой отрасли дѣятельности. Поэтому тѣ прекрасныя силы, которыя у грековъ уходили въ пластическое искусство, у арабовъ цѣликомъ сохранились для науки. Если же мнѣ кто-нибудь замѣтитъ, что великій художникъ, по самому складу своего ума и темперамента, не можетъ сдѣлаться великимъ ученымъ, то я въ отвѣтъ на это неосновательное возраженіе назову только два имени: Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело. Оба они принадлежатъ къ числу величайшихъ живописцевъ въ мірѣ, но первый былъ кромѣ того величайшимъ механикомъ и инженеромъ, а второй — величайшимъ архитекторомъ своего времени. А въ архитектурѣ одной

илой фантазіи немного возьмешь. Дѣйствовать ъ ней ощупью тоже невозможно. Тутъ надо все аранѣе вычислить, размѣрить и предусмотрѣть. Стало быть, если Микель-Анджело могъ быть еликимъ въ архитектурѣ, то онъ могъ быть такимъ же великимъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ рикладной математики. О Леонардо-де-Винчи и оворить нечего. Дреперъ ставитъ его рядомъ съ Архимедомъ. Слѣдовательно, Леонардо-де-Винчи Микель-Анджело совершили-бы много великихъ одвиговъ въ наукѣ, еслибы они не тратили воего драгоцѣннаго времени на картины и статуи. Запрещеніе Корана неразумно, въ этомъ никто не сомнѣвается, но въ данномъ случаѣ оно принесло арабамъ пользу.

Въ заключеніе этой длинной главы объ арабской наукѣ постараюсь представить короткій списокъ тѣхъ услугъ, которыя оказаны арабами европейской цивилизаціи. Само собою разумѣется, что въ этотъ списокъ войдутъ только такіе предметы, которыхъ значеніе будетъ совершенно понятно для читателя.

По математикѣ. Они ввели въ общее употребленіе тѣ цифры, которыя до сихъ поръ называются *арабскими*: самое слово «цифра» принадлежитъ арабскому языку. По-арабски *цифра* значитъ пробѣлъ, пустое мѣсто. Этимъ именемъ арабы называли *нуль*, и у англичанъ слово «cipher» до сихъ поръ употребляется въ этомъ смыслѣ. Не самые арабы выдумали эту нумерацію, но они заимствовали ее у индѣйцевъ и принесли ее въ Европу. Если хотите оцѣнить всю важность этой услуги, попробуйте сдѣлать *римскими* цифрами самое простое умноженіе или дѣленіе, тогда сами увидите и восчувствуете. Арабы создали *алгебру*, которая своимъ именемъ до сихъ поръ обнаруживаетъ свое арабское происхожденіе. Въ наше время открыта, правда, книга грека Діофанта, доказывающая, что алгебра родилась у грековъ, но очевидно, что на труды греческихъ математиковъ эта наука имѣла очень мало вліянія; стало быть, если арабы не сами создали первую мысль объ алгебрѣ, то во всякомъ случаѣ они дали этой мысли полное и стройное научное развитіе.

По астрономіи. Мы уже видѣли выше, что астрономическія таблицы, составленныя арабскими учеными по вычисленіямъ и наблюденіямъ, производившимся на арабскихъ обсерваторіяхъ, послужили основаніемъ для великихъ открытій Кеплера и Ньютона.

По механикѣ. Арабскій ученый Ибнъ-Юнисъ первый приложилъ маятникъ къ измѣренію времени.

По физикѣ. Аль-Газенъ положилъ основаніе современной оптики. Греки думали, что лучи свѣта выходятъ изъ нашего глаза и направляются къ тѣмъ предметамъ, на которые мы смотримъ. Аль-Газенъ, жившій въ началѣ XII вѣка, доказалъ, что, напротивъ того, лучи идутъ отъ свѣтящагося предмета къ глазу, что изображеніе предмета отпечатывается на сѣтчатой оболочкѣ, и оттуда, черезъ оптическій нервъ, впечатлѣніе передается мозгу. Тотъ же Аль-Газенъ знаетъ, что лучъ свѣта преломляется въ воздухѣ; онъ знаетъ далѣе, что плотность атмосферы возлѣ самой поверхности земли значительнѣе, чѣмъ въ отдаленіи отъ земли; онъ знаетъ, что плотность эта уменьшается по мѣрѣ того, какъ разстояніе отъ земли увеличивается, и что вслѣдствіе этого лучъ свѣта, проходящій черезъ атмосферу, описываетъ кривую линію. Онъ измѣряетъ математически высоту атмосферы и находитъ, что она равняется 58½ милямъ. Одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, Рожеръ Беконъ, жившій въ XIII вѣкѣ, заимствовалъ всѣ свои оптическія открытія у Аль-Газена, а тамъ, гдѣ онъ расходится съ арабомъ, тамъ онъ начинаетъ врать.

По химіи. Джафаръ, жившій въ концѣ VIII столѣтія, открылъ селитряную кислоту и царскую водку. До него люди не знали болѣе сильной кислоты, чѣмъ крѣпкій уксусъ. «Его имя,—говоритъ Дреперъ,—незабвенно въ химіи, потому что оно означаетъ собою въ развитіи этой науки эпоху одинаковой важности съ эпохой Пристли и Лавуазье... Для насъ существованіе химіи безъ кислотъ совершенно немыслимо.» Разесъ въ IX столѣтіи приготовилъ сѣрную кислоту. Бечиль добылъ фосфоръ.

По медицинѣ и хирургіи. Множество лекарственныхъ составовъ было впервые приготовлено арабскими аптекарями. Фармакологія до сихъ поръ употребляетъ много арабскихъ словъ, напримѣръ сиропъ, ялапъ, элексиръ. Многія важныя операціи по хирургіи и по акушерству введены въ употребленіе арабами. Ножомъ и каленымъ желѣзомъ арабы дѣйствовали очень рѣшительно и искусно.

Наконецъ надо назвать еще три открытія, имѣющія чрезвычайну важность для практической жизни: во-первыхъ—огнестрѣльное оружіе; во-вторыхъ — компасъ; въ-третьихъ — бѣлье. Мы привыкли думать, что порохъ выдуманъ нѣмцемъ, Бертольдомъ Шварцомъ, и что свойства намагниченной стрѣлки открыты въ итальянскомъ городѣ Амальфи, но Дреперъ утверждаетъ положительно, что и порохъ, и компасъ созданы арабами Употребленіе бѣлья было неизвѣстно древнему міру. Полудикіе германцы также не имѣли о немъ понятія; они носили звѣриныя шкуры, а потомъ стали шить себѣ платье изъ выдѣланной кожи. Отсутствіе бѣлья производило, разумѣется, значительную нечистоплотность, которая, въ свою очередь, вела за собою множество мучительныхъ накожныхъ болѣзней и между прочимъ знаменитую средневѣковую *проказу*. Выучивъ европейцевъ употреблять бѣлье, арабы оказали имъ неоцѣненную услугу. Въ европейскихъ языкахъ сохранились слѣды этого историческаго

факта. Французскія слова «chemise» (рубашка) и «coton» (хлопчатая бумага) взяты изъ арабскаго языка.

XIII.

Въ интеллектуальномъ отношеніи вся исторія среднихъ вѣковъ представляетъ собою продолжительную, упорную, многосложную и разнообразную въ своихъ проявленіяхъ борьбу между римскимъ обскурантизмомъ и наукой. Я брошу теперь бѣглый взглядъ на нѣкоторые эпизоды этой интересной и чрезвычайно драматической борьбы.

Въ первой половинѣ X вѣка одинъ юноша, воспитывавшійся въ орильякскомъ аббатствѣ, въ провинціи Оверни, обратилъ на себя вниманіе Бореля, графа барселонскаго. Отправляясь изъ Франціи въ сѣверную Испанію, принадлежавшую въ то время наслѣдникамъ Карла Великаго, Борель взялъ съ собою молодого орильякскаго монаха, котораго звали Гербертомъ. Гербертъ сталъ учиться математикѣ, астрономіи и медицинѣ. Онъ отправился путешествовать по всей Испаніи, жилъ нѣсколько времени въ Кордовѣ, гдѣ царствовалъ тогда знаменитый халифъ Абд-Эррахманъ III, выучился арабскому языку, слушалъ лучшихъ тамошнихъ профессоровъ и на всю жизнь привязался всѣми силами своей страстной и даровитой природы къ той великой цивилизаціи, которая такъ великодушно приняла, обласкала и надѣлила полезными знаніями его, иностранца и иновѣрца. Изъ Испаніи онъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, Борелемъ, поѣхалъ въ Римъ, гдѣ находился въ то время императоръ Оттонъ Великій; Гербертъ понравился Оттону, умѣвшему цѣнить въ людяхъ умственныя способности и основательныя знанія. Оттонъ сталъ давать Герберту нѣкоторыя порученія, требовавшія большого искусства. Гербертъ исполнялъ ихъ безукоризненно и, въ награду за свою расторопность, былъ назначенъ аббатомъ въ Боббіо. Итальянскіе монахи не взлюбили его отчасти за то, что его назначилъ на это мѣсто нѣмецъ Оттонъ, отчасти оттого, что онъ самъ былъ родомъ французъ, водилъ хлѣбъ-соль съ магометанами и обладалъ такими знаніями, о которыхъ монахи его боялись даже подумать. Разными ежедневными непріятностями почтенные иноки Боббіо такъ съумѣли насолить своему аббату, что тотъ бросилъ все и опрометью бѣжалъ изъ своего аббатства, сначала въ Римъ, а потомъ во Францію, въ городъ Реймсъ. Въ Реймсѣ существовало училище, основанное вѣроятно при Карлѣ Великомъ; тутъ преподавались не только богословіе и то, что называлось тогда философіей, но и коекакія лохмотья реальныхъ наукъ. Гербертъ съ удовольствіемъ пристроился къ этому училищу, тѣмъ болѣе, что въ числѣ наставниковъ были честные и неглупые люди, которые добросовѣстно оцѣнили умъ, знаніе и усердіе скитающагося аббата. Архіепископъ реймскій, Адельберонъ, бывшій въ то время канцлеромъ французскаго короля, также полюбилъ Герберта и скоро назначилъ его директоромъ реймскаго училища. Гербертъ съ большой энергіей принялся за свое любимое дѣло,—за распространеніе и оживленіе любви къ научнымъ занятіямъ. Онъ старался подѣлиться съ своими учениками всѣмъ, что онъ пріобрѣлъ въ Испаніи. Онъ преподавалъ музыку, ариѳметику, геометрію, медицину, высшую грамматику, написалъ популярный учебникъ риторики, собиралъ вѣрные списки произведеній древнихъ писателей и распространялъ ихъ во множествѣ копій. Онъ ввелъ въ своемъ училищѣ употребленіе арабскихъ цифръ и сталъ преподавать географію по глобусу, вывезенному имъ изъ его возлюбленной Кордовы. Глобусъ возбуждалъ всеобщее удивленіе, но ни свѣтское, ни духовное начальство не мѣшало Герберту употреблять его при своемъ преподаваніи. Франція въ этомъ отношеніи была не такъ разборчива, какъ Италія. Въ Италіи глобусъ былъ бы непремѣнно запрещенъ, какъ басурманское нововведеніе, совершенно несогласное съ мыслями Августина и Лактанція о видѣ земли и о невозможности антиподовъ. Но и въ Реймсѣ на Герберта смотрѣли съ какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ, похожимъ на страхъ. О немъ сохранились слухи, что онъ смотрѣлъ на звѣзды черезъ какія-то особенныя трубы, что онъ соорудилъ часы, что онъ придумалъ органъ, приводившійся въ движеніе посредствомъ пара.

Всѣмъ средневѣковымъ ученымъ приписывалось обыкновенно такое множество изумительныхъ изобрѣтеній, у каждаго изъ этихъ людей ихъ современники видѣли столько небывалыхъ и даже невозможныхъ снарядовъ, инструментовъ и машинъ, что, читая подобные разсказы, историкъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается игра воображенія. Иное, пожалуй, и возможно, но было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, это рѣшить очень мудрено. На счетъ Герберта достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что, живя въ Реймсѣ, онъ сильно подѣйствовалъ на умы своихъ современниковъ.

При вступленіи на престолъ Гуго Капета французское духовенство, начинавшее уже сознавать свою національную самостоятельность, повздорило съ папой, желавшимъ по обыкновенію вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ католическихъ государствъ. Епископъ орлеанскій произнесъ очень смѣлую рѣчь на соборѣ французскаго духовенства въ Реймсѣ. Рѣчь эта была написана Гербертомъ, скромнымъ и ученымъ директоромъ реймскаго училища. Въ этой рѣчи заключались сильные упреки противъ римскаго невѣжества: «Нѣтъ въ Римѣ ни одного человѣка,—говорилъ епископъ, — это извѣстно, — который-бы обладалъ достаточными свѣдѣніями, чтобы быть порядочнымъ привратникомъ. Съ какого-же права осмѣливается учить другихъ тотъ, кто самъ ничему не учился?» Словомъ *тотъ* обозначается здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ папа; отъ

папы требуютъ отчета въ его знаніяхъ; о папѣ говорятъ, что онъ не годится въ дворники; что-же это такое? Реформація, что-ли, совершилась въ X столѣтіи? нисколько не бывало. Эту еретическую хулу, за которую втеченіи многихъ послѣдующихъ столѣтій перевѣшали, перерѣзали и изжарили тысячи простодушныхъ и откровенныхъ людей, эту самую хулу, говорю я, произноситъ публично, въ торжественномъ собраніи католическаго духовенства, католическій прелатъ, единственно потому, что того требовали въ данную минуту политическіе интересы. А Гербертъ разумѣется, съ величайшей радостью, становится адвокатомъ этихъ минутныхъ интересовъ, потому что онъ находитъ здѣсь удобный случай высказать вслухъ всему католическому міру такія истины, которыя во всякое другое время непремѣнно подвели-бы неосторожнаго обличителя подъ уголовный судъ, въ тюрьму и можетъ-быть на костеръ. Далѣе слѣдуютъ истины, еще менѣе способныя доставить папѣ удовольствіе: «Еслибы посланники короля Гуго могли дать взятку папѣ и Кресценцію, то дѣло короля приняло-бы совершенно другой оборотъ». Потомъ говорится подробно о томъ, какъ папы взаимно другъ друга истребляли. «И неужели такимъ людямъ,—спрашиваетъ епископъ,—наполненнымъ всякою скверною и лишеннымъ всякихъ познаній человѣческихъ и божественныхъ, неужели имъ должны подчиняться всѣ служители церкви,—люди, извѣстные всему міру обширностью своей учености и святостью своей жизни? Первосвященникъ, который такимъ образомъ грѣшитъ противъ своего брата и при увѣщаніи не хочетъ слушать голоса совѣта,—становится мытаремъ и грѣшникомъ.» Далѣе на счетъ папы предлагается вопросъ: «не есть-ли онъ антихристъ?» Папу называютъ «человѣкомъ грѣха» и «пучиной беззаконія». — Епископъ бросаетъ общій взглядъ на положеніе всего историческаго міра и бьетъ папство по самымъ больнымъ его мѣстамъ. «Римъ,—говоритъ онъ,—уже давно потерялъ всякое вліяніе на Востокѣ. Александрія и Антіохія, Африка и Азія оторваны отъ него; Константинополь прервалъ съ нимъ сношенія; средина Испаніи понятія не имѣетъ о папѣ.»

Злѣйшій врагъ католичества не могъ-бы нанести ему болѣе чувствительныхъ ударовъ, чѣмъ тѣ, которые наноситъ ему здѣсь епископъ орлеанскій; что Гербертъ написалъ такую рѣчь, это вовсе не удивительно; но что ее рѣшился произнести на соборѣ прелатъ, не жившій никогда въ магометанской Испаніи и не вынесшій оттуда непримиримой ненависти къ невѣжеству и обскурантизму, — это въ высшей степени замѣчательный фактъ, объясняющійся только тѣмъ общеизвѣстнымъ явленіемъ, что при всѣхъ семейныхъ раздорахъ именно самые близкіе родственники выкапываютъ обыкновенно самыя позорныя кучи домашней грязи,—такія кучи, которыхъ посторонніе люди быть-можетъ и не съумѣли-бы отыскать. Всѣ знали, кѣмъ была написана рѣчь, произнесенная епископомъ орлеанскимъ; это обстоятельство такъ сильно выдвинуло Герберта впередъ, что онъ почти тотчасъ послѣ собора получилъ санъ архіепископа реймскаго. Но въ то же время онъ естественнымъ образомъ навлекъ на себя непримиримую ненависть папы и всѣхъ его корыстныхъ и безкорыстныхъ обожателей. Вслѣдствіе этого положеніе Герберта, какъ архіепископа реймскаго, было очень шатко и двусмысленно. Строгіе католики смотрѣли на него, какъ на еретика и узурпатора. Гербертъ старался пріобрѣсти себѣ любовь и довѣріе подчиненнаго ему духовенства, относясь кротко и снисходительно къ тѣмъ естественнымъ стремленіямъ человѣческой природы, съ которыми постоянно боролись фанатики и противъ которыхъ декламировали лицемѣры. «Я не запрещаю брака,— говорилъ онъ.—Я не осуждаю вторичныхъ браковъ. Я не порицаю тѣхъ, которые ѣдятъ мясо.»

Эта политика Герберта была очень искусна, и для католической церкви спокойное обсужденіе вопроса о бракѣ духовныхъ лицъ было въ то время особенно необходимо, потому что до времени Григорія VII, занимавшаго папскій престолъ въ концѣ XI вѣка, этотъ вопросъ былъ еще не рѣшенъ. Было-бы вѣроятно гораздо лучше для всего католическаго міра, еслибы этотъ важный вопросъ рѣшился въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Гербертъ. Но не въ эту сторону направлялось общее теченіе тогдашнихъ идей и событій. Благоразуміе было ненавистно тогдашнимъ людямъ именно потому, что оно — благоразуміе и что вслѣдствіе этого оно противоположно съ одной стороны всѣмъ безпорядочнымъ взрывамъ чувства, страсти и фантазіи, а съ другой стороны—финансовымъ интересамъ тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ обращать эти взрывы въ источники не малыхъ доходовъ. Герберту не помогла никакая политическая мудрость. Папа торжественно запретилъ ему отправлять архіепископскія обязанности. Папскій легатъ, Левъ, произнесъ по этому случаю любопытную рѣчь, которая должна была служить противоядіемъ знаменитой рѣчи епископа орлеанскаго.

«Викаріи Петра и ихъ ученики,—говорилъ онъ между прочимъ,—не хотятъ имѣть своими учителями Платона, Виргилія, Теренція и все остальное стадо философовъ, которые носятся въ высотѣ, подобно птицамъ воздушнымъ, и погружаются въ глубину, подобно рыбамъ морскимъ; и вслѣдствіе этого вы говорите, что они недостойны быть привратниками, потому что не обладаютъ искусствомъ писать стихи. Петръ — дѣйствительно привратникъ, но привратникъ неба.» Что папа беретъ взятки, этого легатъ нисколько не отрицаетъ, но онъ доказываетъ, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. «Развѣ,—спрашиваетъ онъ,— Спаситель не принялъ приношенія волхвовъ?» Онъ также нисколько не сомнѣвается въ дѣйстви-

тельности преступленій, совершенныхъ папами; онъ не хочетъ только, чтобы эти преступленія выводились на свѣтъ. «Хамъ,—говоритъ онъ,—былъ проклятъ за то, что открылъ наготу отца своего.»

Разсужденія краснорѣчиваго легата Льва до такой степени понравились его слушателямъ, что Гербертъ не нашелъ себѣ въ нихъ никакой поддержки. Онъ сложилъ съ себя санъ архіепископа и удалился въ Германію, ко двору малолѣтнаго короля Оттона III. Тамъ онъ сдѣлался наставникомъ Оттона, сталъ заниматься научными опытами и наблюденіями и далъ своему воспитаннику образованіе, блистательное для тогдашняго времени. Въ 996 году шестнадцатилѣтній король Оттонъ, пылкій, честолюбивый и образованный, пошелъ съ войскомъ въ Италію, чтобы утвердиться въ Римѣ и уничтожить тамошнюю кровавую неурядицу. Гербертъ находился въ свитѣ Оттона и, въ качествѣ его бывшаго наставника, пользовался особеннымъ уваженіемъ и дружбой молодого короля. Въ 998 году Оттонъ сдѣлалъ Герберта архіепископомъ равенскимъ, а на слѣдующій годъ, по смерти папы Григорія V, Гербертъ, по приказанію своего бывшаго воспитанника, вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Сильвестра II.

Это явленіе было въ высшей степени оригинально. Папой сдѣлался тотъ самый человѣкъ, котораго вся Европа знала, какъ умнѣйшаго и опаснѣйшаго противника папства и клерикальной политики. Всѣ свои духовныя должности Гербертъ занималъ постоянно независимо отъ духовенства и наперекоръ его желаніямъ. Аббатомъ въ Боббіо его назначилъ Оттонъ I; архіепископомъ реймскимъ—Гуго Капетъ; архіепископомъ равенскимъ—Оттонъ III; наконецъ на папскій престолъ его посадилъ тотъ же Оттонъ III. Но изъ Боббіо и изъ Реймса его вытѣснили интриги клерикаловъ; изъ Равенны его не успѣли вытѣснить отчасти потому, что онъ пробылъ тамъ недолго, а отчасти потому, что Оттонъ былъ въ это время въ Италіи и не любилъ шутить съ тѣми людьми, которые не хотѣли ему повиноваться. Наконецъ Гербертъ сдѣлался главой католическаго міра, а Оттонъ все-таки продолжалъ жить въ Италіи, такъ что каждое слово новаго папы почерпало себѣ силу и обязательный авторитетъ изъ присутствія нѣмецкой арміи.

Можно было ожидать важныхъ преобразованій въ управленіи церкви и во всемъ строѣ тогдашняго общества. Оттонъ былъ молодъ, уменъ, полонъ энергіи; замыслы его были очень широки, и чрезмѣрная крутость его характера, проявившаяся въ его поступкахъ съ возмутившимися римлянами, начинала смягчаться по мѣрѣ того, какъ онъ становился опытнѣе и разсудительнѣе. Папа и императоръ были воодушевлены одинаковыми стремленіями: оба ненавидѣли невѣжество и презирали испорченность тогдашняго духовенства; ихъ соединенныя усилія могли повидимому сдѣлать много добра. А между тѣмъ всѣ ихъ прогрессивныя желанія пропали даромъ. Итальянцы ненавидѣли ихъ обоихъ, какъ иностранцевъ, а нѣмцы обижались тѣмъ, что ихъ король Оттонъ живетъ въ Италіи, а не въ Германіи. Оттону надо было постоянно то ублажать своимъ присутствіемъ ревнивыхъ и любящихъ нѣмцевъ, то укрощать, также своимъ присутствіемъ, шаловливыхъ и ненавидящихъ итальянцевъ. Такъ онъ мыкался постоянно между Италіей и Германіей, не успѣвая принести существенной пользы ни той, ни другой странѣ. А совершенно отказаться отъ Италіи было невозможно, не говоря уже о томъ, что честолюбіе молодого короля не позволяло ему поступить такимъ образомъ. Отказаться отъ Италіи значило отдать папство въ руки всякихъ негодяевъ, вродѣ Альбериха, Кресценція, Марозіи, Теодоры и разныхъ другихъ продуктовъ тогдашней итальянской жизни. Опять пошла-бы та же исторія: этого задушили, другого изуродовали, третьяго уморили голодомъ, и такъ далѣе. А такія событія, совершающіяся надъ главой церкви, производили болѣзненное потрясеніе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ тогдашней Европы, и потому было не все равно, кто сидитъ на папскомъ престолѣ и кто управляетъ дѣйствіями папы. Папа, находящійся въ рукахъ какого-нибудь Кресценція, могъ своей подкупностью и своими недобросовѣстными дѣйствіями возбуждать смуты и междоусобныя войны и въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи. Стало быть, Оттона и его преемниковъ невозможно осуждать за то, что они всѣ непремѣнно лѣзутъ въ Римъ за императорской короной и стараются, во что-бы то ни стало, утвердиться въ Римѣ силой оружія. Они ни подъ какимъ видомъ не могли разойтись съ папствомъ полюбовно; надо было или подчинить папство, или покориться ему. А когда человѣку приходится такимъ образомъ быть непремѣнно или наковальней, или молоткомъ, тогда отъ него невозможно требовать, чтобы онъ добровольно выбралъ себѣ пассивную роль наковальни. Такая травоядная кротость составляетъ очень жалкую добродѣтель, какъ въ частномъ человѣкѣ, такъ тѣмъ болѣе въ историческомъ дѣятелѣ.

Пока Оттонъ мыкался между Италіей и Германіей, Сильвестръ II держался кое-какъ въ Римѣ, благодаря тому страху, который чувствовали римляне передъ именемъ молодого и энергическаго императора. Но производить какія-нибудь рѣшительныя преобразованія, какія-нибудь значительныя передвиженія въ личномъ составѣ высшаго итальянскаго духовенства—объ этомъ до поры до времени нечего было и думать. Дѣйствовать на проломъ было неудобно. Во-первыхъ, результаты такихъ дѣйствій обыкновенно бываютъ очень непрочны и не окупаютъ собою сдѣланныхъ усилій. А во-вторыхъ, вынуж-

ніе Оттона и силы его монархіи не могли постоянно сосредоточиваться на римскихъ дѣлахъ. Поэтому Сильвестръ рѣшился сначала осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, узнать характеръ окружающихъ людей и разъяснить себѣ игру тѣхъ многосложныхъ страстей и интересовъ, которые опутывали со всѣхъ сторонъ папское могущество. Но итальянцы не долго позволили Сильвестру предаваться этимъ предварительнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1002 году умеръ Оттонъ III, а вслѣдъ за нимъ скончался и папа. Оба умерли въ Италіи, и есть сильныя основанія думать, что оба умерли отъ яда. Клерикальная партія, то есть почти все духовенство, черное и бѣлое, продолжала ненавидѣть Герберта и въ то время, когда онъ былъ уже Сильвестромъ II. Клерикалы очень хорошо умѣютъ сами различать въ папѣ человѣка, и человѣкъ никакъ не становится для нихъ священнымъ съ той минуты, какъ онъ надѣваетъ тіару, несмотря на то, что тѣ-же клерикалы требуютъ отъ всѣхъ другихъ людей безусловнаго уваженія къ папѣ, совершенно независимо отъ его личныхъ достоинствъ. Тѣ-же самые клерикалы, которые, голосомъ легата Льва, указывали на поступокъ Хама и на послѣдствія этого поступка, тѣ-же самые клерикалы очень усердно стали открывать наготу отца своего, когда отцомъ ихъ сдѣлался человѣкъ, ненавистный имъ по своимъ познаніямъ и по своему взгляду на вещи. Духовенство постаралось распуститъ о папѣ Сильвестрѣ по всей Европѣ самые нелѣпые слухи, разсчитанные на то, чтобы возбудить въ народѣ недовѣріе и ненависть къ главѣ католической церкви. Тутъ пошла въ ходъ даже клевета, а не только раскрываніе наготы. Простодушнымъ горожанамъ и поселянамъ тогдашней Европы стало доподлинно извѣстно, что въ самой затаенной комнатѣ римскаго дворца запрятанъ у папы карликъ, видомъ безобразный, и что сидитъ въ томъ карликѣ нечистая сила; и что носитъ тотъ карликъ сарацинскую чалму; и что есть у него кольцо, которое дѣлаетъ его невидимымъ; а другіе на это возражали, что это неправда, и что кольцо у него на то, чтобы являться разомъ въ двухъ мѣстахъ въ одно и то-же время; потомъ разсказывали, что въ глухую полночь слышались часто странные звуки изъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ никого, кромѣ папы, не было. И соображали доморощенные мыслители, что мудренаго тутъ ничего нѣтъ, и что этого всегда слѣдовало ожидать, потому что не даромъ же папа жилъ въ Испаніи съ погаными нехристями; тамъ онъ запродалъ сатанѣ свою душу съ тѣмъ условіемъ, чтобы сатана сдѣлалъ его главой христіанской церкви; теперь условіе выполнено и пришла пора окончательнаго разсчета. Поэтому вѣроятно папа и воетъ по ночамъ, стараясь отбиться отъ нечистой силы. Да, говорили съ таинственнымъ видомъ глубокомысленные монахи: «homagium diabolo fecit et male finivit» (покорился дьяволу и пришелъ къ худому концу).

Такъ жилъ, такъ умеръ и такъ поминался своими современниками одинъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ нашей цивилизаціи. Извѣстное дѣло: ласточка еще не приводитъ съ собою весную, но настоящая ласточка, птица, и не прилетаетъ въ наши края тогда, когда весна еще не установилась. Въ мірѣ людей дѣло другое: тутъ случается очень часто, что неосторожная ласточка прилетаетъ слишкомъ рано изъ теплаго климата и терпитъ холодъ и голодъ въ той негостепріимной странѣ, гдѣ ей приходится жить. Зато въ мірѣ людей такія ласточки своимъ раннимъ появленіемъ и своими страданіями дѣйствительно ускоряютъ наступленіе той весны, которая должна пригрѣть и накормить ихъ отдаленныхъ потомковъ.

XIV.

Начавшись въ X вѣкѣ, вліяніе арабской цивилизаціи на Европу постоянно и быстро усиливалось втеченіи трехъ послѣдующихъ столѣтій. Арабская философія незамѣтно разливалась во всѣ стороны по тѣмъ неуловимо тонкимъ каналамъ, по которымъ всегда проходитъ успѣшно всякая идея, заключающая въ себѣ зародышъ новой исторической жизни. Европейская мысль начинала шевелиться, и ея первое пробужденіе выразилось въ разсужденіяхъ о религіозной догматикѣ.

Нетрудно понять, почему умственныя силы мыслящихъ людей направились прежде всего именно въ ту область, въ которой умъ всегда оказывается безсильнымъ. Во-первыхъ, всѣ люди, имѣвшіе возможность и желаніе заниматься размышленіями, принадлежали въ то время къ духовному сословію. Во-вторыхъ, теологія поглощала въ то время всѣ науки; ни о солнцѣ, ни о лунѣ, ни о землѣ, ни о водѣ, ни о животныхъ, ни о людяхъ, рѣшительно ни о чемъ нельзя было размышлять серьезно, не сталкиваясь такъ или иначе съ теологіей и не чувствуя надъ собою ея вліянія. Вопросы, которые теперь рѣшаются посредствомъ телескопа, микроскопа, химическаго анализа или анатомическаго ножа, рѣшались въ то время безусловно и безапелляціонно приговоромъ папы или собора. Мыслящіе люди занялись теологіей просто потому, что, кромѣ теологіи, въ умственной жизни тогдашней Европы не было рѣшительно никакого содержанія. А какъ только начались серьезныя размышленія о догматикѣ, такъ начались немедленно и тѣ разногласія, которыя на языкѣ клерикаловъ называются ересями.

Теоретическія мнѣнія средневѣковыхъ еретиковъ и возраженія ихъ противниковъ для насъ нисколько не интересны, но появленіе ересей очень важно, какъ барометрическое указаніе на положеніе умственной погоды; исторія нѣкоторыхъ ересей также очень интересна, потому что

въ нихъ можно разглядѣть, каковы были характеры, умы, страсти и взаимныя отношенія тогдашнихъ людей, корпорацій и народныхъ массъ. Еретикомъ назывался въ средневѣковой Европѣ такой человѣкъ, который имѣлъ противъ себя матеріальную силу, а за себя—свое личное убѣжденіе, неспособное избавить его ни отъ тюрьмы, ни отъ плетей, ни отъ костра. Личное убѣжденіе, противоположное мнѣніямъ сильныхъ людей и большинства, можетъ возникнуть только путемъ размышленія; а такое размышленіе, которое заставляетъ человѣка идти въ тюрьму или на смерть, возможно только тамъ и тогда, гдѣ и когда существуетъ уже сильное умственное движеніе. Вотъ это я и называю барометрическимъ указаніемъ. Какъ держитъ себя одинокая личность, вооруженная только силой индивидуальнаго убѣжденія, какъ смотритъ на эту личность общество, какъ ведутъ себя въ отношеніи къ ней представители матеріальной силы—все это очень интересно для характеристики данной эпохи.

Въ половинѣ XI столѣтія Беренгаръ Турскій началъ разсуждать о таинствѣ пресуществленія. Его разсужденія очень не понравились духовенству. На нѣсколькихъ соборахъ они были объявлены еретическими, и наконецъ второй латеранскій соборъ, при папѣ Николаѣ II, предложилъ Беренгару выбрать одно изъ двухъ: или смерть, или отреченіе. Беренгаръ доказалъ своимъ выборомъ, что онъ—человѣкъ очень неглупый. Онъ отрекся отъ своей ереси, но какъ только гроза прошла мимо, онъ тотчасъ снова сталъ разсуждать и учить попрежнему. На него опять посыпались благонамѣренные доносы, и дѣло его на этотъ разъ могло придти къ очень дурному концу, потому что онъ оказался уже нераскаяннымъ и неисправимымъ еретикомъ. Во второй разъ ему врядъ-ли предложили-бы выборъ. Но къ счастью его на папскомъ престолѣ сидѣлъ въ то время Григорій VII, и—о ужасъ!—этотъ знаменитѣйшій изъ папъ самъ сочувствовалъ еретическимъ мнѣніямъ Беренгара. Григорій взялъ еретика подъ свое покровительство. Для большей убѣдительности Григорій выдумалъ даже, будто онъ видѣлъ видѣніе, и будто сама Пресвятая Дѣва являлась ему, чтобы засвидѣтельствовать справедливость мнѣній Беренгара. Клерикалы сами очень часто опирались на видѣнія, какъ на уважительное и надежное доказательство. Они обязаны были вѣровать въ подлинность видѣнія, и теперь тѣмъ болѣе, что о видѣніи говорилъ самъ папа, и притомъ папа Григорій VII, лучшій и непоколебимѣйшій защитникъ папства. Однако вышло иначе. Клерикалы оказались скептиками, и, когда разгорѣлась борьба между Григоріемъ VII и германскимъ королемъ Генрихомъ IV, соборъ нѣмецкихъ епископовъ проклялъ папу, какъ приверженца беренгаровской ереси и какъ колдуна.

[illegible] и такимъ образомъ, что непогрѣ-[illegible]а не была серьезнымъ дѣломъ для самихъ клерикаловъ. Какъ только папа дѣлалъ не то, чего имъ хотѣлось, такъ сейчасъ являлась критика его поступковъ, и вслѣдъ за критикой—клевета, къ которой клерикалы обращались всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Но Беренгара имъ такъ и не удалось изжарить. Въ XII столѣтіи имъ пришлось испытать еще болѣе жестокія огорченія. Число училищъ быстро увеличивалось. «Изъ этихъ заведеній XI и XII вѣка,—говоритъ Шлоссеръ,—особенно часто упоминаются школы въ Реймсѣ, Канѣ, Ланѣ, Турнэ, Камбрэ, Суассонѣ, Шалонѣ-на-Марнѣ, Амьенѣ и Аррасѣ, но самыми знаменитыми изъ нихъ были школы въ Люттихѣ, Безансонѣ, Шартрѣ, Орлеанѣ и Парижѣ. Кромѣ того называютъ школы въ Мецѣ, Турѣ, Верденѣ, Санѣ, Буржѣ, Пуатье и Анжерѣ. Въ Германіи въ то-же время славились училища въ Кёльнѣ, Майнцѣ, Падерборнѣ и Брауншвейгѣ.»

Но вся премудрость всѣхъ этихъ училищъ не удовлетворяла горячей любознательности тогдашнихъ передовыхъ умовъ. Неодолимая сила тянула ихъ на самый далекій западъ, въ университеты магометанской Испаніи, и эта притягательная сила съ каждымъ годомъ становилась значительнѣе и дѣйствовала успѣшнѣе. То, что во время Герберта было единичнымъ случаемъ, обратилось понемногу почти въ общее правило. Петръ Достопочтенный, аббатъ монастыря Клюньи, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Кордовѣ и не только выучился превосходно говорить поарабски, но даже перевелъ Коранъ на латинскій языкъ.

На этотъ послѣдній фактъ стоитъ обратить вниманіе. Духовное лицо, пользовавшееся важнымъ значеніемъ, безукоризненной репутаціей и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ современниковъ, переводитъ ту ужасную книгу, на которой основана вся религія поганыхъ басурмановъ, самыхъ опасныхъ враговъ христіанства. Значитъ, уже въ XII столѣтіи были въ Европѣ люди, способные смотрѣть на чужую религію безъ фанатической ярости и способные изучать каноническія книги этой религіи просто и спокойно, какъ важный историческій фактъ, имѣвшій огромное вліяніе на судьбу многихъ милліоновъ людей.—Этотъ Петръ Достопочтенный говоритъ, что во время пребыванія его въ Испаніи тамошніе университеты были наполнены духовными лицами, пріѣхавшими изъ разныхъ государствъ Европы, чтобы понабраться всякой премудрости отъ магометанскихъ ученыхъ. Между прочимъ было много англичанъ, прилежно изучавшихъ астрономію. Въ XII вѣкѣ умственныя занятія становятся уже для многихъ европейцевъ насущной потребностью. Появляются уже такіе люди, которые блѣднѣютъ, сохнутъ, сходятъ съ ума надъ книгами и за книжныя идеи безъ страха и безъ сожалѣнія отдаютъ свою жизнь. Безплодны и неумѣстны были многія усилія этихъ людей, мечтательны

и неосуществимы ихъ стремленія, узокъ горизонтъ ихъ мысли, но велика и безкорыстна была ихъ любовь къ истинѣ, тревожно и неутомимо ихъ исканіе, неукротима и непоколебима ихъ желѣзная воля. Это были въ самомъ дѣлѣ мученики; они втеченіи всей своей жизни сжигали въ упорномъ и безплодномъ трудѣ свои великія умственныя силы, и все для того, чтобы рано или поздно столкнуться съ римскимъ обскурантизмомъ и разлетѣться въ дребезги отъ этого столкновенія.

Для насъ, для людей, уже имѣющихъ возможность трудиться и бороться за истину совершенно сознательно, для насъ должны быть дороги и священны всѣ ошибки и всѣ мучительныя разочарованія, всѣ безплодныя усилія, всѣ умственныя, нравственныя и физическія томленія, даже всѣ непроходимыя глупости честныхъ, великихъ и уже забытыхъ работниковъ мысли, изнывавшихъ среди безсмыслицъ средневѣковой Европы. Мы должны всегда помнить, что жизнь, по выраженію Некрасова, «жертвъ искупительныхъ проситъ». Для того чтобы одинъ человѣкъ открылъ плодотворную истину, надо, чтобы сто человѣкъ испепелили свою жизнь въ неудачныхъ поискахъ и печальныхъ ошибкахъ. Еслибы средневѣковые философы не бродили ощупью, то европейцамъ XIX столѣтія приходилось бы и бродить, и витать, и пробовать надъ каменной стѣной крѣпость человѣческаго черепа. А что любовь къ истинѣ и жажда знанія не угасли среди неудачъ и насмѣшекъ, подъ гнетомъ невыносимой скуки тогдашнихъ философствованій и подъ ударами разъяреннаго невѣжества, что эта любовь и эта жажда, напротивъ того, разгорались сильнѣе послѣ каждаго новаго пораженія,—это можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за несокрушимую живучесть и блестящую будущность европейской цивилизаціи.

Однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ двигателей просвѣщенія въ XII вѣкѣ былъ Петръ Абеляръ, знаменитый и несчастный любовникъ знаменитой и несчастной Элоизы. У этихъ двухъ людей любовь къ умственной дѣятельности и желаніе разливать вокругъ себя знанія доходили не до страсти—это выраженіе слишкомъ слабо—а до изступленія, до бѣшенства, до неизлечимой мономаніи. И эта нервная болѣзнь дѣйствовала заразительно на тѣхъ людей, которые приходили съ ними въ близкое соприкосновеніе. Конечная цѣль умственной дѣятельности была для нихъ неясна, но зато пылъ ихъ страсти былъ неукротимъ. Они учились сами и вовлекли въ ученіе другихъ, потому что безъ этой работы они не могли жить. Элоиза получила образованіе въ Аржантельскомъ монастырѣ. «Она познакомилась тамъ,—говоритъ Шлоссеръ,—не только съ священнымъ писаніемъ и сочиненіями отцовъ церкви, музыкой и церковнымъ пѣніемъ, но изучала также хирургію и медицину, потому что въ то время женщины часто должны были замѣнять недостатокъ врачей.»

Въ магометанской Испаніи, какъ я говорилъ выше, женщины также занимались медициной и хирургіей; мы видимъ такимъ образомъ, что уже очень давно затаился въ человѣчествѣ зародышъ того разумнаго взгляда на образованіе и трудъ женщины, за который принуждены бороться до сихъ поръ всѣ здравомыслящіе люди обоего пола. И гдѣ же мы находимъ этотъ зародышъ? Съ одной стороны у магометанъ, которыхъ мы привыкли осуждать свысока за ихъ гаремы; съ другой стороны—у европейцевъ XII вѣка, надъ которыми мы привыкли смѣяться за ихъ безчисленные предразсудки. Кажется, именно имъ, магометанамъ и средневѣковымъ католикамъ, слѣдовало-бы возставать съ особеннымъ неистовствомъ противъ женскаго труда и противъ всякаго соприкосновенія женщинъ съ областью реальнаго знанія. А выходитъ совсѣмъ напротивъ, такъ что многіе изъ нашихъ домашнихъ мыслителей могли-бы позаимствовать себѣ болѣе разумный взглядъ на женщинъ у аржантельскихъ монахинь и кордовскихъ многоженцевъ.

«Она (т. е. Элоиза),—продолжаетъ Шлоссеръ,—возвратилась въ Парижъ, въ домъ своего дяди Фульберта, цвѣтущей восемнадцатилѣтней красавицей. Въ то время Абеляръ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ Парижѣ и, какъ самъ говоритъ, получалъ много денегъ. Элоиза также желала слушать его уроки, и Фульбертъ, прельстившись деньгами, принялъ его къ себѣ на житье и совершенно предоставилъ ему воспитаніе племянницы. Элоиза выучилась у него греческому и еврейскому языкамъ, но особенно первому, которымъ, какъ положительно извѣстно, Абеляръ обладалъ вполнѣ. Старый подлецъ Фульбертъ съ самаго начала подготовилъ весь романъ, разыгравшійся между несчастными молодыми людьми, а потомъ, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сталъ имъ же мстить за то, что было единственнымъ послѣдствіемъ его собственной гнусности и глупости. Такая молодая дѣвушка, которая на двадцатомъ году своей жизни учится и выучивается читать въ подлинникѣ Аристотеля, разумѣется, должна влюбиться до безумія въ такого слѣпаго, пылкаго и блестящаго мыслителя, въ такого страстнаго и неутомимаго работника, какъ Абеляръ. А Абеляръ былъ бы деревяннымъ чурбаномъ, еслибы онъ не отдался всѣми силами своего существа такой дѣвушкѣ, у которой съ красотой и молодостью соединяются страстная любовь къ знанію и желѣзная сила воли, заставляющая ее преодолѣвать всю неисчерпаемую скуку азбуки и грамматики. Кого-же и любить, какъ не такую дѣвушку?—Читая и философствуя вдвоемъ, внося въ серьезныя и сухія занятія весь пылъ своей молодой и еще несознанной любви, Абеляръ и Элоиза еще сильнѣе разогрѣвали другъ въ другѣ

страсть къ знанію и наконецъ довели себя въ этомъ отношеніи до той неизлечимой мономаніи, которая наложила свою печать на всю ихъ послѣдующую жизнь. Но этимъ не могли ограничиться ихъ взаимныя отношенія. Такіе энергическіе и даровитые люди ни въ чемъ и никогда не останавливаются на половинѣ дороги. Они неизбѣжно должны были привести свой романъ къ естественной развязкѣ. Элоиза родила сына и дала ему имя: *Астролябія*. Это имя показываетъ ясно, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ дошла ея мономанія. Кому въ самомъ дѣлѣ, кромѣ неистовствующей Элоизы, могло придти въ голову наградить несчастнаго ребенка такой нелѣпой ученой кличкой? Назвать сына въ честь математическаго инструмента, кажется,— это единственный случай во всей исторіи человѣчества.—Рожденіе Астролябіи Петровича надѣлало его родителямъ много непріятностей. Фульбертъ вломился въ амбицію и, слишкомъ поздно вздумавши охранять честь своей племянницы, сталъ требовать отъ Абеляра, чтобы онъ женился на Элоизѣ. Абеляръ и не думалъ отказываться, но тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Во второй половинѣ XI столѣтія безбрачіе сдѣлалось обязательнымъ для всего католическаго духовенства. Только духовныя лица имѣли право преподавать теологію. Еслибы Абеляръ женился, то онъ былъ-бы принужденъ выйдти изъ духовнаго сословія и отказаться отъ преподованія теологіи. Стало-быть, ему надо было принести въ жертву или свою общественную дѣятельность, или честь любимой женщины. Не знаю, на что-бы онъ самъ рѣшился, но Элоиза сразу положила конецъ всякимъ колебаніямъ. Она объявила наотрѣзъ, что слышать не хочетъ о бракѣ, что она никогда не согласится сдѣлаться женой Абеляра и отнять такимъ образомъ у общества и у науки величайшаго учителя. Фульберту удалось однако уладить между молодыми людьми тайный бракъ, но эта полумѣра никого не могла удовлетворить. Фульберту хотѣлось доказать своимъ знакомымъ, что его племянница замужемъ и, стало-быть, имѣетъ законныя основанія рожать дѣтей. Но для этого надо было огласить бракъ, а на это Элоиза ни подъ какимъ видомъ не соглашалась, потому что тогда враги и завистники Абеляра тотчасъ согнали-бы его съ каѳедры. Когда Фульбертъ намекалъ кому нибудь на существованіе тайнаго брака, тогда Элоиза возражала тотчасъ, что все это чистый вздоръ, и что она совсѣмъ не жена, а любовница Абеляра. За эти неистовыя рѣчи Фульбертъ очень сильно гнѣвался и, при случаѣ, билъ свою неукротимую племянницу. Молодые люди рѣшили покончить все это безобразіе. Абеляръ отвезъ Элоизу въ Аржантельскій монастырь, и она поступила тамъ въ монашество. А Фульбертъ подослалъ къ Абеляру наемныхъ людей, которые его оскопили. Вылечившись отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, Абеляръ поступилъ въ монастырь Сенъ-Дени. Съ Элоизой онъ поддерживалъ постоянную переписку. Свѣжесть и энергія его ума нисколько не поколебались отъ поразившаго его несчастія. Напротивъ того, видя, что личное счастье сдѣлалось для него невозможнымъ, онъ весь безраздѣльно отдался своей общественной дѣятельности, и преподаваніе его съ этого времени сдѣлалось еще болѣе увлекательнымъ. Въ монастырѣ Сенъ-Дени Абеляръ не могъ ужиться, аббатъ и монахи были слишкомъ грубы и развратны. Абеляръ убѣжалъ во владѣнія графа Шампанскаго и поселился близъ города Провена, въ уединенной мѣстности, уступленной ему монахами города Труа. Здѣсь онъ опять взялся за преподаваніе и немедленно собралъ вокругъ себя множество восторженныхъ слушателей. Стеченіе учащихся въ пустынѣ Абеляра сдѣлалось до такой степени значительно, что профессора всѣхъ высшихъ училищъ центральной Франціи пришли въ ужасъ и въ негодованіе. Ихъ, почтенныхъ профессоровъ, не слушаютъ, а къ негодному развратнику и скопцу Абеляру бѣгутъ студенты со всѣхъ сторонъ. Этому безчинству надо было положить конецъ. Всего удобнѣе было состроить противъ Абеляра искусный и ученый доносъ; такъ и сдѣлали два почтенные профессора реймскаго училища. Они подняли суматоху, распустили слухъ, что Абеляръ извращаетъ догматъ о Святой Троицѣ, собрали въ Суассонѣ соборъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа реймскаго, засудили на смерть еретическую философію и заставили Абеляра собственноручно сжечь ту книгу, въ которой были изложены преступныя мнѣнія. Кромѣ того Абеляра посадили для наказанія въ монастырь Св. Медара, а потомъ, когда кончился опредѣленный срокъ тюремнаго заключенія, его отослали въ Сенъ-Дени съ строжайшимъ приказаніемъ непремѣнно ужиться съ тамошними монахами. Профессора торжествовали. Сирена, отвлекавшая ихъ слушателей, была взята въ ежевыя рукавицы и принуждена прекратить свое соблазнительное пѣніе. Въ Сенъ-Дени на Абеляра посыпались новыя несчастія. Въ простотѣ души своей, онъ высказалъ однажды замѣчаніе, что Діонисій Ареопагитъ совсѣмъ не тотъ Діонисій, который утвердилъ христіанскую религію во Франціи, что эти два Діонисія были двумя совершенно различными лицами. Аббатъ придрался къ этому замѣчанію и усмотрѣлъ въ немъ государственное преступленіе. Аббату, разумѣется, не было никакого дѣла до историческихъ доказательствъ; онъ просто хотѣлъ погубить человѣка, и погубилъ-бы его навѣрное, еслибы Абеляру не удалось еще разъ убѣжать во владѣнія графа Шампанскаго. Пока его разыскивали, аббатъ умеръ, а монастырскій капитулъ былъ такъ великодушенъ, что простилъ Абеляру его великое преступленіе и позволилъ несчастному грѣшнику жить, гдѣ ему заблагоразсудится. Абеляръ поселился въ одномъ уединенномъ мѣстѣ

около Ножана на Сенѣ, въ епархіи города Труа; здѣсь онъ, при помощи друзей, построилъ себѣ домикъ, превратилъ его, съ разрѣшенія епископа, въ часовню и опять началъ читать лекціи. Сирена опять запѣла, а профессора сосѣднихъ городовъ опять заскрежетали зубами въ своихъ опустошенныхъ аудиторіяхъ. «Около его дома,—говоритъ Шлоссеръ,—образовалась вскорѣ настоящая колонія. Число его учениковъ въ короткое время возрасло до шестисотъ; они выстроили себѣ хижины, поселились вокругъ часовни и построили возлѣ нея изъ дерева и камня новый домъ, такъ что образовался настоящій монастырь; Абеляръ назвалъ его *Параклетомъ*, то есть духомъ-утѣшителемъ въ пустынѣ, посвятивъ это зданіе вмѣстѣ съ часовней, Святому Духу.»

Но профессора не дремали; они подняли противъ Абеляра такое ржаніе и мычаніе, что Абеляръ, во избѣжаніе новаго осужденія за какую нибудь воображаемую ересь, принужденъ былъ прекратить свои лекціи и удалиться въ Бретань, гдѣ онъ сдѣлался аббатомъ въ монастырѣ Рюи. Черезъ нѣсколько времени его вызвали оттуда жалобы Элоизы, которая была уже въ это время настоятельницей аржантельскихъ монахинь; Элоиза писала къ своему другу, что она со всѣми своими монахинями осталась совершенно безъ пріюта, потому что аббатъ Сенъ-Дени выгналъ ихъ вонъ изъ аржантельскаго монастыря. Абеляръ тотчасъ пріѣхалъ къ нимъ на помощь и уступилъ имъ весь Параклетъ; здѣсь онѣ устроили себѣ монастырь, и аббатиссой этого монастыря сдѣлалась Элоиза.

«Элоиза, — говоритъ Шлоссеръ, — считала своей нравственной обязанностью учить сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, но главнымъ предметомъ ея изученія было священное писаніе. Встрѣчая затрудненія, которыхъ не могла рѣшить сама, она обращалась къ Абеляру, который имѣлъ родъ высшаго надзора надъ монастыремъ. Абеляръ написалъ для параклетскихъ монахинь «Гексаэмеронъ» или сочиненіе о сотвореніи міра и его шести дняхъ. По словамъ Бейля, въ воспоминаніе объ учености Элоизы, въ монастырѣ Параклетѣ ежегодно на Троицынъ день совершалась служба на греческомъ языкѣ.»

Изъ этихъ фактовъ читатель видитъ, что мономанія Элоизы нисколько не укротилась съ того времени, какъ она родила на свѣтъ Астролябію. Неутомимая жажда знанія и умственной дѣятельности осталась въ ней на всю жизнь преобладающей страстью. Абеляръ также не измѣнилъ себѣ до конца. Пристроивъ Элоизу въ Параклетѣ, онъ отправился въ Парижъ и своимъ преподаваніемъ еще разъ поднялъ противъ себя жесточайшую бурю профессорскихъ, учительскихъ и пастырскихъ страстей. На этотъ разъ враги рѣшились стереть его съ лица земли. Они извлекли изъ сочиненій Абеляра множество еретическихъ тезисовъ, созвали въ Санѣ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ французскій король Людовикъ VII, и — что всего важнѣе — натравили на Абеляра знаменитаго Бернара изъ Клерво, неистоваго фанатика, уже извѣстнаго во всей Европѣ неотразимой силой своего пламеннаго краснорѣчія, — того самаго Бернара, который вскорѣ послѣ санскаго собора поднялъ на ноги всю Европу для второго крестоваго похода. Бернаръ принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и страстныхъ людей, на которыхъ всегда ѣздятъ верхомъ отъявленные мошенники и которые всегда дѣлаютъ по глубокому и чистосердечному убѣжденію то, чего желаютъ негодяи по своимъ мелкимъ и корыстнымъ разсчетамъ. Бернаръ, нападая на Абеляра, былъ убѣжденъ въ томъ, что ратуетъ во славу и величіе религіи и церкви; на самомъ же дѣлѣ онъ воевалъ только во славу бездарныхъ и завистливыхъ педантовъ, которымъ ни до церкви, ни до религіи, ни до Бога не было рѣшительно никакого дѣла. Бернаръ погубилъ Абеляра не столько силой своего краснорѣчія, сколько громадной тяжестью своего авторитета. Всѣ знали, что Бернаръ — въ самомъ дѣлѣ честный человѣкъ, и поэтому мелкимъ и криводушнымъ врагамъ Абеляра было особенно выгодно выдвинуть впередъ такого неподкупнаго бойца. Санскій соборъ осудилъ Абеляра и представилъ папѣ ужаснѣйшій докладъ о дерзкомъ вольнодумцѣ, подкапывающемъ основанія религіи.

«Онъ опустошаетъ,—говорилось въ этомъ памятникѣ клерикальнаго озлобленія—всю христіанскую вѣру, пытаясь постигнуть человѣческимъ разумомъ природу божества. Онъ восходитъ на небо, онъ нисходитъ въ адъ. Ничто не остается для него неприкосновеннымъ ни въ высочайшей высотѣ, ни въ глубочайшей глубинѣ. Его вѣтви простираются надъ всей землей. Онъ хвастаетъ, что у него есть послѣдователи въ самомъ Римѣ, даже въ коллегіи кардиналовъ. Онъ увлекаетъ всю землю за собою. Поэтому пора обуздать его языкъ апостольской властью.»

Папа Иннокентій II, склоняясь передъ неотразимымъ авторитетомъ, исполнилъ всѣ требованія гонителей Абеляра; онъ велѣлъ сжечь всѣ его книги, а его самого посадить на всю жизнь въ темницу и отнять у него всѣ средства распространять свое ученіе.

Побѣда обскурантовъ оказалась однако безплодной. У Абеляра нашелся сильный, вѣрный и мужественный другъ, который рѣшился и съумѣлъ защитить его противъ всѣхъ властей католическаго міра. Не обращая вниманія ни на санкскій соборъ, ни на короля Людовика VII, ни на Бернара, ни на Иннокентія II, аббатъ могущественнаго и богатаго монастыря Клюньи, тотъ самый Петръ Достопочтенный, который учился въ Кордовѣ и перевелъ Коранъ, взялъ къ себѣ въ аббатство гонимаго Абеляра, не выдалъ его никому и сталъ покоить и ласкать его, какъ больного и замученнаго ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ умный, честный, твердый и всѣми

уважаемый человѣкъ сталъ ходатайствовать за осужденнаго въ самыхъ высшихъ инстанціяхъ церковной іерархіи; ему удалось успокоить бестолковаго, но честнаго Бернара, а какъ только Бернаръ помирился съ Абеляромъ, такъ и папа, не имѣвшій противъ знаменитаго преподавателя никакой личной ненависти, согласился предать все дѣло забвенію и волѣ божіей. Однако Абеляръ прожилъ не долго. Санскій соборъ происходилъ въ 1140 г., а въ 1142 г. утомленный, но непоколебимый боецъ кончилъ свою трудовую, бурную и нерадостную жизнь. Тѣло его было передано его Элоизѣ и погребено въ монастырѣ Параклетѣ.

При своемъ колоссальномъ умѣ Абеляръ могъ бы дойдти до степеней очень извѣстныхъ, еслибы только онъ согласился насиловать естественное теченіе своихъ мыслей и пригонять ихъ искусственнымъ образомъ къ заранѣе установленному результату. Но именно этого фокуса онъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ дѣлать. Онъ никогда не управлялъ своей мыслью; онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, отдавался ея свободному и неудержимому теченію. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается тайна того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ многочисленныхъ слушателей. Какъ бы ни были недостаточны его фактическія знанія о природѣ и о человѣкѣ, какъ бы ни было узко его матеріальное міросозерцаніе, какъ бы ни были безплодны его усилія,—онъ все-таки былъ всегда искреннимъ мыслителемъ, неподкупнымъ и неустрашимымъ искателемъ истины. Вся его жизнь была полуинстинктивной, полусознательной, но всегда честной и мужественной борьбой за самостоятельность и полноправность человѣческаго мышленія. Много разъ его сшибали съ ногъ доносы, обвиненія и приговоры; всякій разъ, избитый и измученный, онъ опять поднимался на ноги и все-таки пускался въ путь, и все-таки шелъ дальше, совсѣмъ не по тому направленію, которое могло довести его до степеней извѣстныхъ; и шелъ, и боролся этотъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока упалъ и умеръ на дорогѣ. Такіе цѣльные характеры, такія «сердца изъ золота и стали» навсегда упрочиваютъ за собою глубокое и страстное уваженіе всѣхъ людей, имѣющихъ малѣйшее понятіе о томъ, что значитъ съ наслажденіемъ трудиться, страдать и бороться за любимую идею.

Есть основаніе думать, что доктрины Абеляра хватали очень далеко и что въ нихъ заключались зародыши такихъ преобразованій, которыя нѣсколько столѣтій спустя дѣйствительно стали прокладывать себѣ дорогу въ церковь и въ общество. Въ числѣ учениковъ и страстныхъ поклонниковъ Абеляра находился одинъ молодой человѣкъ, Арнольдъ, уроженецъ итальянскаго города Брешіи (Brescia), извѣстный въ исторіи подъ именемъ Арнольда Брешіанскаго. Этотъ молодой человѣкъ хотѣлъ сдѣлать въ XII вѣкѣ то, о чемъ до сихъ поръ хлопочутъ напрасно государственные люди западной Европы. Онъ хотѣлъ совершенно отдѣлить церковь отъ государства. «Онъ явился въ Римъ,—говоритъ Шлоссеръ, — и съ большимъ успѣхомъ сталъ проповѣдывать въ народѣ, что духовенство обязано заниматься только тѣмъ, къ чему призвано, и не должно ни принимать участія въ земныхъ дѣлахъ, ни пользоваться свѣтской властью. Арнольдъ сдѣлался совершеннымъ оракуломъ римлянъ.» Проповѣдь Арнольда началась около 1140 года. На нѣсколько времени онъ принужденъ былъ удалиться изъ Рима въ Швейцарію, но въ 1145 году онъ опять вернулся въ Римъ съ толпой прозелитовъ, пріобрѣтенныхъ въ Швейцаріи, и на этотъ разъ сталъ дѣйствовать такъ успѣшно, что римляне выгнали вонъ папу Евгенія III, учредили по примѣру своихъ предковъ сенатъ и возстановили всѣ формы древней республики. Пированіе это продолжалось до 1154 года; римляне XII вѣка не были однако похожи на древнихъ республиканцевъ; они постоянно чувствовали свою слабость и постоянно искали себѣ покровительства у германскаго императора, Конрада III, къ которому они очень важно и величественно писали письма отъ имени сената и народа римскаго (Senatus populusque romanus). Любопытно замѣтить, что Конрадъ, которому по всей вѣроятности крѣпко надоѣли претензіи духовенства, питалъ грѣховное сочувствіе къ еретическимъ мыслямъ Арнольда, стоявшаго тогда во главѣ римской республики. «Онъ соглашался,—говоритъ Шлоссеръ,—что духовные не должны были ни вести войнъ, ни возбуждать кровопролитій, и что ихъ призваніе ограничивается только проповѣдями и богослуженіемъ, хотя провести эту мысль въ Германіи ему было гораздо труднѣе, чѣмъ новому римскому сенату въ Римѣ.» Однако изъ этого сочувствія Конрада ровно ничего не вышло. Конрадъ умеръ въ 1152 году; римляне призвали къ себѣ назадъ папу Андріана IV, а въ концѣ того же самаго года преемникъ Конрада, Фридрихъ Барбаросса, вступая въ Римъ для коронованія, обѣщалъ папѣ уничтожить римскую республику, схватить Арнольда и выдать его клерикаламъ. Все это было исполнено, и папа приказалъ немедленно сжечь дерзкаго еретика.

Такимъ образомъ погибали въ средневѣковой Европѣ всѣ люди, искренно преданные благу человѣчества и возлагавшіе свои надежды на стойкость и благоразуміе народныхъ массъ. Массы въ то время были изъ рукъ вонъ плохи. Онѣ могли придти въ неистовый восторгъ и двинуться цѣлыми ордами въ Азію, послушавшись жалобныхъ восклицаній какого нибудь Петра Пустынника или Бернара, но спокойно и твердо стоять за сознательно понятое право онѣ были рѣшительно неспособны. Впрочемъ въ природѣ не пропадаетъ ни одна частица матеріи. А въ исторіи человѣчества ни одна мысль, ни одна попытка, ни одна неудача и ни одна ошибка

не остаются безъ послѣдствій. Все это западаетъ въ умы людей, зрѣетъ и развивается въ нихъ незамѣтно и потомъ вдругъ воплощается въ померомъ переворотѣ или въ новой бытовой формѣ.

XVI.

Театромъ первой серьезной борьбы между папствомъ и самостоятельнымъ человѣческимъ мышленіемъ сдѣлалась та самая земля, въ которой вліяніе магометанской Испаніи породило поэзію трубадуровъ. Южная Франція въ XII вѣкѣ была богатой, промышленной и образованной страной. Большіе города ея пользовались самоуправленіемъ и вели обширную торговлю; въ каждомъ изъ такихъ городовъ, въ Монпелье, въ Арлѣ, въ Тулузѣ, въ Нарбоннѣ, въ Безье, находились высшія училища, въ которыхъ превосходные еврейскіе ученые съ большимъ успѣхомъ преподавали медицину, несмотря на протесты и угрозы епископовъ и монаховъ. Рыцари и благородныя дамы занимались стихоплетствомъ, оказывали покровительство странствующимъ пѣвцамъ и вовсе не были расположены преслѣдовать фанатической ненавистью ученыхъ еврейскихъ врачей или смотрѣть на испанскихъ арабовъ, какъ на гнусное отродье сатаны. Достаточные горожане умѣли читать и писать и обнаруживали наклонность къ умственнымъ занятіямъ. Многіе изъ нихъ читали Библію и углублялись въ серьезныя размышленія о несовершенствахъ церковной іерархіи и о противорѣчіи, существующемъ между образомъ жизни духовныхъ лицъ и точнымъ смысломъ евангелическаго ученія. Агенты папства ловили и сжигали тѣхъ людей, которые высказывали громко свои нескромныя замѣчанія; но всѣхъ было невозможно перехватать и зажарить. Движеніе мысли распространилось, и число еретиковъ быстро увеличилось. Они поражали римскую іерархію и серьезными аргументами, и остроумными сатирами. Они увлекали за собой дворянство и даже часть духовенства. Они говорили, что святость священника заключается не въ его званіи, а въ нравственной чистотѣ его жизни; что богатство духовенства есть слѣдствіе и источникъ многихъ злоупотребленій; что епископы не должны вмѣшиваться въ войны и участвовать въ кровопролитіяхъ. Они отрицали чистилище и продажу индульгенцій. Они требовали, чтобы священное писаніе было переведено на народный языкъ, и чтобы на этомъ же языкѣ совершалось богослуженіе. Словомъ, реформа Лютера по своей идеѣ была уже готова въ XII столѣтіи. Но остальная Европа въ это время была непохожа на южную Францію, и папѣ Иннокентію III, вступившему на престолъ въ 1198 году, безъ особеннаго труда удалось двинуть цѣлую орду рыцарей, монаховъ и разбойниковъ въ цвѣтущія земли провансальскихъ вольнодумцевъ. Въ 1209 году начался знаменитый крестовый походъ противъ альбигойцевъ; такъ называли еретиковъ южной Франціи по имени города Альби; крестоносцы сдѣлали свое дѣло, какъ слѣдуетъ; богатство, промышленность, поэзія, медицина, ересь—все потонуло въ крови. Римская іерархія перепахала всю страну заново и посѣяла въ ней свое сѣмя такъ основательно, что въ настоящее время южная Франція можетъ смѣло похвастаться своимъ безукоризненнымъ клерикализмомъ, своей яростной ненавистью къ протестантамъ и своимъ глубокимъ невѣжествомъ. Во время революціи прошлаго столѣтія католическая реакція была особенно сильна въ тѣхъ самыхъ большихъ городахъ южной Франціи, въ которыхъ до крестоваго похода противъ альбигойцевъ развивалось реальное знаніе и выростала свободная мысль.—Клерикалы серьезно задумались надъ событіями XII вѣка; смѣлое философствованіе отдѣльныхъ личностей, быстрое распространеніе ересей въ народныхъ массахъ — все это было для нихъ совершенно ново. Они сообразили, что пришла пора перемѣнить тактику: держаться чисто-отрицательныхъ мѣръ, то-есть давить безъ разбору всѣ проблески образованія—это было очень удобно въ VI и въ VII вѣкѣ; но въ XII и въ XIII такая работа становилась уже затруднительной. Можно было задать страху еретикамъ посредствомъ поголовнаго истребленія; но часто прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ и одерживать такія блестящія побѣды — было опасно: нѣтъ той системы, которая могла бы постоянно поддерживать себя конвульсивными потрясеніями. Надо было измыслить какую-нибудь машину,—такую, которая давила и извращала бы человѣческій умъ ровно, спокойно, постоянно, безъ открытой войны, безъ опустошенія цѣлыхъ областей. Машина эта дѣйствительно была изобрѣтена и пущена въ ходъ въ началѣ XIII вѣка. Она состояла изъ трехъ главныхъ частей, которыя однако были очень тѣсно связаны между собою. Во-первыхъ—нищенствующіе ордена, во-вторыхъ — церковная схоластика и въ-третьихъ—инквизиція.—Два фанатика, Францискъ и Доминикъ, основали въ началѣ XIII вѣка два монашескіе ордена, францисканцевъ и доминиканцевъ; люди, поступающіе въ эти ордена, обязывались жить милостыней, отказываться отъ всякой роскоши, ходить по городамъ и селамъ и при каждомъ удобномъ случаѣ говорить народу проповѣди на народномъ языкѣ. Посредствомъ этихъ орденовъ, разросшихся съ изумительной быстротой, римская іерархія пріобрѣтала постоянное и очень сильное вліяніе на низшіе классы народа. Обязательная бѣдность францисканцевъ и доминиканцевъ зажимала ротъ тѣмъ еретикамъ, которые обращали вниманіе народа на богатство и изнѣженность римскаго духовенства. Къ словамъ аббатовъ или епископовъ, одѣтыхъ въ бархатъ и заплывшихъ жиромъ, народъ могъ относиться съ предубѣжденіемъ; онъ могъ смотрѣть на этихъ людей, какъ на чиновниковъ, получающихъ огромное жалованье за свою службу. Но когда тѣ-же самыя мысли высказывались человѣкомъ, перенося-

щимъ добровольно всякія лишенія, тогда эти мысли должны были получить въ глазахъ массы значительный вѣсъ. Тутъ вся наружность оратора говорила ясно, что онъ никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть подкупленъ. Но надо было устроить такъ, чтобы воодушевленіе этихъ нищихъ-ораторовъ постоянно поддерживалось и подогрѣвалось. Кромѣ того надо было строго наблюдать за тѣмъ, чтобы они не сбивались въ сторону, чтобы они говорили дѣйствительно все то и только то, что, по соображеніямъ римской іерархіи, слѣдовало говорить. Въ противномъ случаѣ, все ихъ вліяніе на простой народъ могло бы обратиться противъ папства, и, вмѣсто того чтобы быть полезнѣйшими защитниками папскихъ принциповъ, они могли сдѣлаться ихъ опаснѣйшими врагами. Чтобы застраховать нищенствующихъ монаховъ отъ ереси, римская іерархія ухитрилась направить всѣ ихъ умственныя силы къ безконечнымъ діалектическимъ турнирамъ схоластическаго богословія. Вся философія и все богословіе средневѣковой Европы называется въ настоящее время схоластикой. Самое слово *схоластика* не заключаетъ въ себѣ никакого порицательнаго значенія. Оно происходитъ отъ латинскаго слова «schola» — что значитъ *школа*. Философія и богословіе тѣхъ временъ называются *школьными* по той простой причинѣ, что они господствовали въ тогдашнихъ школахъ. Но та схоластика, которую старался развивать Римъ, носитъ на себѣ совершенно особенную печать. Ея типическое свойство заключается въ томъ, что результатъ, къ которому обязанъ придти мыслитель, всегда извѣстенъ заранѣе. Напримѣръ Абеляръ, не имѣвшій ничего общаго съ той спеціальной схоластикой, которую взлелѣяли клерикалы,—написалъ очень непріятную для Рима книгу, подъ заглавіемъ: «Sic et non» («Да и нѣтъ»). Въ этой книгѣ онъ доказываетъ, что сочиненія многихъ церковныхъ писателей, считавшихся непогрѣшимыми, заключаютъ въ себѣ огромное количество внутреннихъ противорѣчій, что эти писатели противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагу, что объ одномъ и томъ же вопросѣ они говорятъ и *да*, и *нѣтъ*. Ясное дѣло, что такая книга составляетъ результатъ критическаго изслѣдованія, не направленнаго къ предвзятой цѣли. Абеляръ читалъ, изучалъ, сравнивалъ писателей, нашелъ въ нихъ непримиримыя противорѣчія и откровенно высказалъ свои умозаключенія. Настоящій схоластикъ долженъ былъ взяться за дѣло совершенно иначе. Еще не раскрывая ни одной книги, онъ уже зналъ твердо, что въ такихъ-то писателяхъ никакихъ противорѣчій быть не можетъ. Этотъ выводъ стоялъ непоколебимо, и къ нему онъ долженъ былъ непремѣнно придти въ концѣ своего изслѣдованія. Значитъ, все дѣло его состояло въ томъ, чтобы посредствомъ діалектическихъ маневровъ примирить всѣ крайности, даже и такія, которыя никакъ не могутъ примириться. Если одинъ авторитетъ говоритъ: «да», а другой: «нѣтъ», то схоластикъ долженъ доказать, что оба правы и что оба между собою согласны. Чтобы устроить такой фокусъ, схоластикъ, разумѣется, долженъ напустить такого тумана, который отнялъ-бы у слушателей и учителей всякую возможность понимать различіе между *да* и *нѣтъ*. Такъ схоластики и поступали дѣйствительно. У доминиканцевъ величайшимъ искусникомъ по части напусканія тумана считался Фома Аквинскій, жившій въ XIII вѣкѣ и наполнившій своими діалектическими хитросплетеніями двадцать три фоліанта. У францисканцевъ нашелся свой искусникъ, Дунсъ Скотъ (то есть шотландецъ), жившій въ одно время съ Фомою, но написавшій только двадцать фоліантовъ. Нищенствующіе монахи такъ возлюбили своихъ мудрецовъ, что дальше ихъ уже не пошли; францисканцы называли себя *скотистами*, а доминиканцы—*фомистами*. Скотисты съ фомистами очень горячо спорили, причемъ спорящія стороны съ замѣчательнымъ искусствомъ прикидывались, будто понимаютъ другъ друга. Иногда споръ переходилъ въ драку, и тогда взаимное пониманіе становилось уже непритворнымъ. Цѣль римской іерархіи достигалась; умственныя силы горячихъ фанатиковъ вертѣлись въ заколдованномъ кругу, воспламенялись въ безвыходныхъ спорахъ, отвлекались отъ опаснаго вольнодумства и устремлялись противъ всѣхъ не-фомистовъ или не-скотистовъ со всей энергіей безтолково-полемическаго задора. Доминиканцы утверждали совершенно серьезно, что прочитать книги Фомы Аквинскаго,—значитъ проглотить всю человѣческую мудрость. Доминиканцы были самымъ надежнымъ воинствомъ папы, гораздо надежнѣе францисканцевъ. Поэтому папа Григорій IX поручилъ имъ хватать, судить, пытать и жечь всѣхъ еретиковъ. Инквизиція была изобрѣтена самимъ Доминикомъ, и духовныя дѣти этого великаго палача сдѣлались инквизиторами.

Опираясь на нищенствующихъ монаховъ, на усовершенствованную схоластику, на шпіоновъ и палачей священной инквизиціи, папство смѣло и бодро вступило въ борьбу съ пробуждающимся самосознаніемъ средневѣковаго человѣка, у котораго не было никакихъ орудій, кромѣ мысли и воли. Въ XIII вѣкѣ папство, раздавившее альбигойцевъ, было всесильно. Долго-ли продолжалось это могущество и какимъ образомъ европейская мысль старалась завоевать себѣ самостоятельность, объ этомъ я поговорю довольно подробно въ отдѣльной статьѣ, подъ особымъ заглавіемъ. («Умственный переломъ въ жизни средневѣковой Европы». Томъ IV, стр. 377).

Который часъ? *И. Вавилова.* Популярн. руководство для вѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Физіологическая психологія. *Цигена.* Переводъ подъ редакціей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. Ц. 75 коп.

Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона.* Перев. съ французскаго. *Е. Предтеченскаго.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Эшлера.* Ц. 50 к.

Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Переводъ съ французскаго. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Огородничество. Практич. настав. для народ. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Міръ грёзъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ франц. Ц. 1 р.

Физіологія души. *А. Герцена.* професс. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домаш. занятіямъ ремеслами. Пер. съ фр. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ пап.—1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итал. изданія *д-ра Лейненберга.* Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. *Д-ра Реньяра.* Перев. съ франц. *Эл. Зауэръ.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣн. 6-е изд. значительно исправленное съ 65 рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Перев. съ фр. *В. Черкасова.* Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 80 к.

Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды *Предтеченскаго.* Съ мног. рис. Ц. 30 к.

Телефонъ и его практическія примѣненія. Соч. *Майера* и *Присса.* Пер. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Со мног. рисунками. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перевелъ и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. *Селоменса.* Съ англ. 81 рис. Ц. 1. 25 к.

О безопасности электрич. освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *О. Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніе). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Пер. съ анг. *Головъ.* Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популяр. обзоръ его трудовъ, состав. *Гексли, Гейки, Дайеромъ* и *Романесомъ.* Съ портр. Дарвина. Ц. 75 к.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ.* 500 стр. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* Съ франц. 2-е изд. Ц. 40 к.

Психологія великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.

Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и рисунками. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Составилъ *Г. Тисандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа.* Ц. 10 к.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ питомниковъ и обученіе садоводству. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.

Для дѣтей и юношества.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 рисунками. Перев. *Б. Порозовской.* Цѣна каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 к., въ изящномъ переп. по 3 тома—2 р. 50 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. *Ф. Павленкова.* Издается съ 1894 г. Всѣхъ книжекъ будетъ отъ 150 до 200. Вышло до 10 мая тридцать книжекъ, отъ № 1 до 30. Цѣны книжекъ отъ 5 до 20 коп.

... переводѣ *Л. Шелгуновой:* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никкльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго ром. 40 к. Въ пап. 50 к. въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ. Ц. кажд. ром. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5 роман. Ц. 2 р. 80 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *Н. Азбелева.* Съ 16 рис. Ц. 20 к.

Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. разсказовъ. *Бажиной.* Съ мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап.—1 р. 25 к. Въ пер.—1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ. *В. Буша.* Пер. съ нѣм. 100 рис. 2-е изд. Цѣна въ папкѣ 50 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множ. рисунковъ. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рисунковъ. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Въ добрый часъ! Сборн. дѣтск. разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 25 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ.* Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. Ц. кажд. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рис. 2-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп. 2 р.

Послушаемъ! Дѣтскіе разсказы. *А. Нольде.* 28 рис. Цѣна въ папкѣ 1 р., въ переп. 1 р. 35 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Съ 107 рис. Ц. 30 к. Въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращ. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. 1 р. «Объясненіе» къ нимъ 5 к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фиг. и таб. Ц. 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрич. игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. *В. Ворисгофера.* Съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Чрезъ дебри и пустыни. *В. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

Сказочная страна. *В. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *В. Ворисгофера.* Съ иллюс. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

Вечерніе досуги. *А. Круглова.* Съ 70 рис. 2 изд. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспомин. всемірнаго путешественника. *В. Галузѣева.* Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Съ рисунками. Ц. кажд. кн. по 35 к.

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ перепл.—2 руб.

20 біографій образц. русск. писателей. *В. Острогорскаго.* 4-е изд. Съ 20 портр. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к. въ папкѣ—1 р. въ пер.—1 р. 30 к.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.
Курсъ начальной механики. *Рыкачева.* 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Практическая геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 чертеж. Ц. 60 к.
Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рисунками и 6 картами. Ц. 2 р.
Основы химич. технологіи. *Селезнева.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.
Учебникъ химіи. *Альмендингена.* 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е дополненное изд. Ц. 15 к.
Сборникъ самостоят. упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* Ц. 25 к.
Методика ариѳметики. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ «Методикѣ ариѳметики». *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. 40 к.
Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. картами и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова.* Ц. 1 р.
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* 800 рис. 13-е изд. Ц. 20 к.
Объясненіе къ «Наглядной Азбукѣ». *Ф. Павленкова.* 7-е изданіе. Ц. 15 к.
Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 8-е изд. 200 рис. Ц. 5 к.
Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма Съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к. 2-я кн. Ц. 40 к.
Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 8-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.
Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) къ «Родному слову» Ушинскаго (400 рис.), 2) къ азбукѣ Бунакова (460 рис.), 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430 рис.), 4) Общія наглядно-звуковыя прописи (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. *А. Н. Корфа.* Ц. 50 к.
Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. бар. *Н. А. Корфъ.* 15-е изд., съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.
Начальн. рус. грамматика. *Н. Бучинскаго.* Ц. 30 к.
Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низш. учебныхъ заведеній и младш. классовъ гимназій. (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.
Церковно-славян. букварь. *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5.
Руководство къ „Ц.-С. букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ баронъ Н. Корфъ. Ц. 75 к.
Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ къ начальной школѣ. *Н. А. Корфа.* Ц. 15 к.
Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грамматическихъ правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 12 к.
Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева.* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ Ц. 50 к. 3) Элементарныя свѣдѣнія о знакахъ препинанія Ц. 35 к. 3) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.
Сборникъ ариѳметическ. задачъ. *Лубенца.* 13-е изд. (ок. 2000 зад. и 3000 числен. примѣровъ). Ц. 40 к. Тотъ же «Сборникъ по частямъ: Годъ I—12 к. Г. II—15 к. Г. III—20 к.
Сборникъ алгебрическихъ задачъ. *М. Савицкаго.* Ц. 40 к.
Первое знакомство съ физикой. *Герасимова.* 96 рис. Ц. 50 к.
Дешевый географ. атласъ. 10 раскр. карт. Ц. 30 к.
Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. съ 57 портретами. Ц. 2 р. Въ перепл. 2 р. 75 к.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Перев. подъ редакц. проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 2-е изд. съ портрет. автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.
Краткій курсъ ботаники. *М. Сіязова.* Съ 118 р. Ц. 50 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунками въ текстѣ. Ц. 75 к.
Руководство къ рисованію акварелью. *Лакассаня.* 120 политипажей и 6 акверелей. Ц. 1 р. 50 к.

Съ осени 1890 г. Ф. Павленковымъ издается біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4 книжки.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 коп.

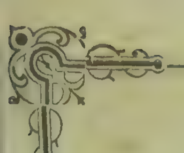
До мая 1894 г. вышли отдѣльными книжками 143 біографіи слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Аввакума, Андерсена, Аристотеля, Байрона, Баха, Беккаріа и Бентама, Бёрне, Бэкона, *Бѣлинскаго*, *Карла Бэра*, Беранже, Бетховена, *Богдана Хмельницкаго*, Боккачіо, Бомарше, *Боткина*, Джіордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи, *Волкова* (основателя русск. театра), Вольтера, *Воронцовыхъ*, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, *Глинки*, Говарда, *Гоголя*, *Грибоѣдова*, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дагерра и Ніэпса, Даламбера, Данте, Дарвина, *Даргомыжскаго*, *кн. Дашковой*, *Демидовыхъ*, *Державина*, Дефо, Дженнера, Диккенса, *Достоевскаго*, Жоржъ-Занда, *Иванова* (художника), *Іоанна Грознаго*, Кальвина, *Канкрина*, Канта, *Кантемира*, *Каразина* (основателя харьк. университета), Карлейля, Кеплера, *Ковалевской*, Колумба, Конфуція, *Кольцова*, Коперника, *Барона Н. А. Корфа*, *Крамского*, *Крылова*, Кювье, Лавуазье, Лапласа и Эйлера, Лейбница, *Лермонтова*, Лессепса, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, Лойолы, Локка, *Ломоносова*, Ляйелля, Маколея, Мейербера, Микель-Анджело, Милля, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, *Никитина*, *Никона*, *Новикова*, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, *Перова*, *Пирогова*, *Писарева*, *Писемскаго*, *Потемкина*, *Пржевальскаго*, Прудона, *Пушкина*, Рабле, Рафаэля, Ришелье, Сакіа-Муни (Будды), *Салтыкова*, Савонаролы, Свифта, *Сенковскаго*, В. Скотта, Адама Смита, *Сперанскаго*, Стефенсона и Фультона, *Струве*, Стэнли, *Сырова*, Теккерея, Торквемады, Уатта, *Ушинскаго*, Фарадея, *Фонвизина*, Франклина, Цвингли, *Шевченко*, Шиллера, Шопенгауэра, Шопена, Шумана, *Щепкина*, Эдисона и Морзе, Джорджъ-Эліота, Юма, *Ѳедотова*.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Аксакова, *Александра II*, Бальзака, Бисмарка, Бокля, Вашингтона, *В. В. Верещагина*, Вирхова, Гайдна, *Гончарова*, Гракховъ, *Грановскаго*, Декарта, Дидро, *Добролюбова*, *Екатерины II*, *Жуковскаго*, Ибсена, *Карамзина*, Кетле, Кондорсе, Конта, *Н. И. Костомарова*, Кука, *Лобачевскаго*, Лютера, Магомета, Макіавелли, *Меншикова*, Меттерниха, Мольтке, Т. Мюнцера, Наполеона I, *Некрасова*, *Островскаго*, Пастера, *Петра Великаго*, Платона, *Н. Полевого*, *Радищева*, Рембрандта, Ренана, Рикардо, Ротшильдовъ, Руссо, Сенеки, Сервантеса, *Скобелева*, Сократа, *С. Соловьева*, Спенсера, Спинозы, *Станкевича*, *Суворова*, *Льва Толстого*, *Тургенева*, *Успенскаго*, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Цицерона, *Чайковскаго*, Шекспира, *А. Н. Энгельгардта*, и др.

Курсивными буквами въ обоихъ столбцахъ обозначены имена русскихъ дѣятелей.



2-е изданіе Ф. Павленкова.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статьей ЕВГЕНІЯ СОЛОВЬЕВА (автора біографіи Писарева).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обложка печатана въ типографіи Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1897.

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекціи *А. Сабатье.* Переводъ *В. Обреимова.* Ц. 60 к.

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Французская литература: Литература эмигрантовъ. Реакція во Франціи. Романтическая школа. Перев. *Э. Зауэръ.* Съ 13 портр. и статьей *Е. Соловьева.* Ц. 2 р.

Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. *Шарля Летурно.* Перев. *В. Святловскаго.* Ц. 1 р. 50 к.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Г. Т. Бокля. Перев. *А. Н. Буйницкаго.* 2-е изд. Ц. 2 руб. и 1 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Сочиненія Виктора Гюго. Въ двухъ томахъ. Сокращенный переводъ *С. Брагинской.* Съ портретомъ автора и статьей *А. Скабичевскаго.* Цѣна кажд. тома 1 р. 25 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. 1) Давидъ Копперфильдъ. 2) Домби и сынъ. 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ. 4) Крошка Дорритъ. Большія ожиданія. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пиквикскаго клуба. Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8) Мартинъ Чёззльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленный. 9) Барнеби Рёджъ. Тайна Эдвина Друда. Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника. Станція Мегби. Медфогскія записки. Рецепты д-ра Мериголвда. Безъ выхода.

Сочиненія Пушкина. Съ портр., біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.— 1 р. 50 к. Съ 44 кар.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томнаго изд. — 40 к. и 1 р. Для 10-томнаго изд. (въ 5 перепл.)—1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Полное собраніе въ 1 и въ 4 томахъ. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1-томн. и 4-томнаго изд. одна и та же—1 р. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р., для 4-хъ-томнаго (въ 2 перепл.)—50 к. и 1 р.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Одиннадцать томовъ. Ц. каждаго—1 р. Перепл. для 2 том. вмѣстѣ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изданіе въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и статей *Н. К. Михайловскаго.* Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и статей *М. Протопопова.* Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Два большихъ тома. Съ порт. автора. 2-е изд. Ц. 3 р.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 томахъ. Съ портр., факсимиле и снимкомъ съ карт. Наумова «Бѣлинскій передъ смертью». Ц. кажд. тома 1 р. 25 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля.* Перев. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона.* Съ франц. 350 стр. 2-е изд. Ц. 80 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ *Эд. Бульвера.* Переводъ съ англійск. *А. Каменскаго.* Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Пер. съ анг. и дополнилъ *В. Ранцовъ.* Съ 16 порт. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами.* 3-е изданіе, дополненное научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: «Куда мы идемъ?». Ц. 1 руб.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціал. борьбы съ эконом. язвами современнаго общества) *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изд. съ 188 рис. Ц. 60 к. въ пап. 75 к. въ пер. 1 р.

При свѣтѣ звѣздъ. Популярно-научные очерки *К. Фламмаріона.* Цѣна 1 руб.

Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ 89 рис. 3-е изд. Ц. 75 к.

Правители и мыслители. Біографическіе очерки *Е. Литвиновой.* Ц. 1 р.

Голодъ. Романъ *К. Гамсуна.* Съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять и т. п. Сост. *Я. В. Абрамовъ.* Ц. 25 к. (№ 1 Попул.-Юрид. библіотеки).

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 2 той-же библіотеки).

Новѣйшіе русскіе писатели. Книга для домашняго чтенія. *А. Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р. въ пер. 3 р. 75 к.

Исторія новѣйшей рус. литературы (1848 — 1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е иллюстриров. изд. Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* 3-е изд. Ц. 75 к.

Современная женщина.—Ея положеніе въ Европѣ и Аме рикѣ. *Б. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.

Исторія религіи. Профес. *Мензиса.* Съ англійск. Ц. 1 р

Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к

Забота. Ром. *Г. Зудермана.* Перев. съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к

Вырожденіе. Психопат. явленія въ области соврем. литературы и искусствъ. *Макса Нордау.* Перев. подъ ре и съ предислов. *Р. Сементковскаго.* Ц. 1 р. 60 к.

Исторія русской цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р

Конецъ міра. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона* Съ 80 рис. Ц. 60 к.

Исторія культуры. *Липперта.* Перев. съ нѣмецкаго. Съ 85 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока.* Переводъ *З. Горской.* Со многими рисунками. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зутнеръ.* Компактное изданіе. Цѣна 80 коп.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ) Романъ *Э. Постери.* Съ итальянскаго. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 руб.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. *Э. Зауер* 4-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *Мантегацца.* Ц. 50 к

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельск го). *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерк *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерк *А. Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изл женные и объясненные. Составилъ *В. Фармаковскій* Изданіе 4-е. Цѣна 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова.* Со многими ри сунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Романъ изъ исторіи нашего времени. *Вологдина* (Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Популярно-научныя книги.

Общественный организмъ. *Р. Вормса.* Переводъ подъ редакціей профессора *А. С. Трачевскаго.* Ц. 75 к.

Мозговая работа и переутомленіе. *Д. Блэкка.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к.

Очерки психологіи. *В. Вундта.* Переводъ д-ра *Г. А. Паперна.* Ц. 75 к.

Земля и ея обитатели. Первое знакомство съ географіей всеобщей и русской. Пособіе для самообразованія. *М. Соколовой.* Съ 170 рис. Ц. 1 р.

Основы политической экономіи. *Шарля Жида.* Переводъ съ 4 франц. изд. Ц. 1 р. 25 к.

Соціологическія основы исторіи. *Лакомба.* Перев. съ франц. подъ ред. *Р. Сементковскаго.* Ц. 1 р. 50 к.

Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. *М. Ковалевскаго.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Экономическая система Карла Маркса. Популярный очеркъ *Гроса,* проф. Вѣнскаго университета. 2-е изд. Ц. 20 к.

Духовный прогрессъ и счастіе. Психологическое изслѣдованіе. *П. Лоскутова.* Ц. 1 р.

Настоящее и прошлое земли. Популярная геологія. *В. К. Агафонова.* Съ 237 рис. Ц. 2 р.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича.* Съ 91 рис. Ц. 1 р.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологі *С. Сигеле.* 116 стр. 2-е изд. Ц. 30 к.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности помѣщены при шестомъ томѣ.

Изданіе 2-е Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

1864 г.

1865 г.

1864.

РЕАЛИСТЫ *).

(Посвящается моему лучшему другу — моей матери В. Д. Писаревой.)

I.

Мнѣ кажется, что въ русскомъ обществѣ начинаетъ вырабатываться въ настоящее время совершенно самостоятельное направленіе мысли. Я не думаю, чтобы это направленіе было совершенно ново и вполнѣ оригинально; оно непремѣнно обусловливается тѣмъ, что было до него, и тѣмъ, что его окружаетъ; оно непремѣнно заимствуетъ съ различныхъ сторонъ то, что соотвѣтствуетъ его потребностямъ; въ этомъ отношеніи оно, разумѣется, подходитъ вполнѣ подъ тотъ общій естественный законъ, что въ природѣ ничто не возникаетъ изъ ничего. Но самостоятельность этого возникающаго направленія заключается въ томъ, что оно находится въ самой неразрывной связи съ дѣйствительными потребностями нашего общества. Это направленіе создано этими потребностями и, только благодаря имъ, существуетъ и понемногу развивается. Когда наши дѣдушки забавлялись мартинизмомъ, массонствомъ или вольтерьянствомъ, когда наши папеньки утѣшались романтизмомъ, байронизмомъ или гегелизмомъ, тогда они были похожи на очень юныхъ гимназистовъ, которые, во чтобы то ни стало, стараются себя увѣрить, что чувствуютъ неодолимую потребность затянуться послѣ обѣда крѣпкой папиросой. У юныхъ гимназистовъ существуетъ на самомъ дѣлѣ потребность казаться взрослыми людьми, и эта потребность вполнѣ естественна и законна, но все-таки самый процессъ куренія не имѣетъ ни малѣйшей связи съ дѣйствительными требованіями ихъ организма. Такъ было и съ нашими ближайшими предками. Имъ было очень скучно, и у нихъ существовала дѣйствительная потребность занять мозги какими-нибудь размышленіями, но почему выписывался изъ-за-границы мартинизмъ, или байронизмъ, или гегелизмъ— на этотъ вопросъ не ищите отвѣта въ органическихъ потребностяхъ русскихъ людей. Всѣ эти *измы* выписывались единственно потому, что они были въ ходу у европейцевъ, и всѣ они не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ тому, что происходило въ нашемъ обществѣ. Теперь повидимому дѣло пошло иначе. Мы теперь выписываемъ больше, чѣмъ когда бы то ни было; мы переводимъ столько книгъ, сколько не переводили никогда; но мы теперь знаемъ, что дѣлаемъ, и можемъ дать себѣ отчетъ, почему мы беремъ именно это, а не другое.

Послѣ окончанія крымской войны родилась и быстро выросла наша обличительная литература. Она была очень слаба и ничтожна, и даже очень близорука, но ея рожденіе было явленіемъ совершенно естественнымъ и вполнѣ органическимъ. Ударъ вызвалъ ощущеніе боли, и вслѣдъ затѣмъ явилось желаніе отдѣлаться отъ этой боли. Обличеніе направилось конечно на тѣ стороны нашей жизни, которыя всѣмъ мозолили глаза, и между прочимъ наше негодованіе обрушилось на мелкое чиновничество; но такіе обличительные подвиги конечно не могли насъ удовлетворить, и мы скоро поняли, что они во-первыхъ безплодны, а во-вторыхъ несправедливы и даже безсмысленны. Прежде всего явилось въ отпоръ обличительному бѣшенству то простое соображеніе, что мелкому чиновнику хочется ѣсть, и что за это естественное желаніе не совсѣмъ основательно считать его извергомъ рода человѣческаго.—Это точно. Пускай ѣдятъ мел-

*) Хотя настоящая статья, написанная Д. И. Писаревымъ въ концѣ 1864 года, носила заглавіе „Реалисты", но почему-то ей дали названіе „Нерѣшенный вопросъ", подъ которымъ она испытала на себѣ, по словамъ Писарева, нѣчто вродѣ геологическаго переворота. Большая часть измѣненій возстановлена при жизни Писарева, въ 1866 г.

кіе чиновники. Значитъ, надо увеличить оклады жалованья, заговорили тѣ мыслители, которые любятъ находить въ одну минуту универсальныя лекарства для всякихъ неудобствъ частной и общественной жизни.—Это само собою, отвѣчали другіе; но этого мало. Когда чиновникъ будетъ обезпеченъ, тогда онъ потянется за роскошью. Надо сдѣлать такъ, чтобы онъ не тянулся.—Ну да, конечно, заговорили опять любители универсальныхъ лекарствъ. Дать чиновнику твердыя нравственныя убѣжденія. Дать ему солидное образованіе. Пускай кандидаты университета идутъ въ квартальные и въ становые.—И это хорошо, замѣтили другіе. Образованіе—дѣло превосходное, но у каждаго чиновника есть семейство или кружокъ близкихъ знакомыхъ. Каждый чиновникъ, получившій солидное образованіе, прямо съ университетской скамейки входитъ въ одинъ изъ такихъ кружковъ и проводитъ всю свою жизнь въ одномъ кружкѣ, или въ нѣсколькихъ кружкахъ, которые впрочемъ всѣ похожи другъ на друга. Преданія университетской скамейки говорятъ ему одно, а вліяніе жены, сестеръ, матери, отца и тотъ безконечный гулъ и говоръ, который все-таки, какъ ни вертись, составляетъ общественное мнѣніе,—говорятъ совершенно другое. Преданія и воспоминанія всегда бываютъ слабѣе живыхъ впечатлѣній, повторяющихся каждый день, и выходитъ изъ этого тотъ результатъ, что чиновникъ начинаетъ тянуться за роскошью, хотя и знаетъ, что тянуться за нею дозволенными средствами невозможно, а недозволенными не годится. Значитъ какъ-же?—Ахъ, чортъ побери, думаютъ любители универсальныхъ лекарствъ, подобные Каткову, Павлову, Громекѣ и К°. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-же? Шутка сказать. Вѣдь это надо реформировать среду.—Впрочемъ раздумье этихъ мыслителей продолжается недолго, и они непремѣнно что-нибудь придумываютъ или по крайней мѣрѣ о чемъ-нибудь начинаютъ говорить: ну да, реформировать; ну да, обновить. Ну да, распространить грамотность, устроить сельскія школы, завести женскія гимназіи, проложить желѣзныя дороги, открыть земскіе банки и т. д.—Но мы видѣли и до сихъ поръ видимъ передъ собою два громадные факта, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ наши отдѣльныя непріятности и огорченія. Во-первыхъ, мы бѣдны, а во-вторыхъ—глупы. Эти слова нуждаются конечно въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. *Мы бѣдны*,—это значитъ, что у насъ, сравнительно съ общимъ числомъ жителей, мало хлѣба, мало мяса, мало сукна, мало полотна, мало платья, обуви, бѣлья, человѣческихъ жилищъ, удобной мебели, хорошихъ земледѣльческихъ орудій, словомъ—всѣхъ продуктовъ труда, необходимыхъ для поддержанія жизни и для продолженія производительной дѣятельности. *Мы глупы*,—это значитъ, что огромное большинство нашихъ мозговъ находится почти въ полномъ бездѣйствіи, и что можетъ быть одна десятитысячная часть наличныхъ мозговъ работаетъ кое-какъ и вырабатываетъ въ двадцать разъ меньше дѣльныхъ мыслей, чѣмъ сколько она могла бы выработать при нормальной и нисколько не изнурительной дѣятельности. Обижаться тутъ конечно нечѣмъ; когда человѣкъ спитъ, онъ не можетъ работать умомъ; когда Иванъ Сидоровичъ ремизитъ Степана Парамоновича за зеленымъ сукномъ, онъ не можетъ работать умомъ. Словомъ, только тѣ и не работаютъ, кто, по своему теперешнему положенію, не въ состояніи работать. Кто можетъ, тотъ работаетъ, но кое-какъ, потому что потребность на эту работу слаба, и потому самый страстный актеръ будетъ холоденъ и вялъ, когда ему придется играть передъ пустымъ партеромъ. Само собою разумѣется, что наша умственная бѣдность не составляетъ неизлечимой болѣзни. Мы—не идіоты и не обезьяны по тѣлосложенію, но мы—люди кавказской расы, сидѣвшіе сиднемъ, подобно нашему милому Ильѣ Муромцу, и наконецъ ослабившіе свой мозгъ этимъ продолжительнымъ и вреднымъ бездѣйствіемъ. Надо его зашевелить, и онъ очень быстро войдетъ въ свою настоящую силу. Оно конечно надо, но вѣдь вотъ въ чемъ бѣда: мы бѣдны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бѣдны. Змѣя кусаетъ свой хвостъ и изображаетъ собою эмблему вѣчности, изъ которой нѣтъ выхода. Шарль Фурье говоритъ совершенно справедливо, что главная сила всѣхъ бѣдствій современной цивилизаціи заключается въ этомъ проклятомъ cercle vicieux. Чтобы разбогатѣть, надо, хоть немного, улучшить топорные способы нашего земледѣльческаго, фабричнаго и ремесленнаго производства, то-есть надо поумнѣть; а поумнѣть некогда, потому что окружающая бѣдность не дастъ вздохнуть. Вотъ тутъ и вертись, какъ знаешь. Есть однако возможность пробить этотъ заколдованный кругъ въ двухъ мѣстахъ. *Во-первыхъ*, извѣстно, что значительная часть продуктовъ труда переходитъ изъ рукъ рабочаго населенія въ руки непроизводящихъ потребителей. Увеличить количество продуктовъ, остающихся въ рукахъ производителя, значитъ уменьшить его нищету и дать ему средства къ дальнѣйшему развитію. Къ этой цѣли были направлены законодательныя распоряженія правительства по крестьянскому вопросу. Въ этомъ мѣстѣ заколдованный кругъ можетъ быть пробитъ только дѣйствіемъ законодательной власти, и поэтому мы объ этой сторонѣ дѣла распространяться не будемъ.—*Во-вторыхъ*, можно дѣйствовать на непроизводящихъ потребителей, но конечно надо дѣйствовать на нихъ не моральной болтовней, а живыми идеями, и поэтому надо обращаться только къ тѣмъ потребителямъ, которые желаютъ взяться за по-

лезный и увлекательный трудъ, но не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу и къ чему приспособить свои силы. Тѣ люди, которые, по своему положенію, могутъ и, по своему личному характеру, желаютъ работать умомъ, должны расходовать свои силы съ крайней осмотрительностью и разсчетливостью; то-есть, они должны браться только за тѣ работы, которыя могутъ принести обществу дѣйствительную пользу.—Такая экономія умственныхъ силъ необходима вездѣ и всегда, потому что человѣчество еще нигдѣ и никогда не было настолько богато дѣятельными умственными силами, чтобы позволять себѣ въ расходованіи этихъ силъ малѣйшую расточительность. Между тѣмъ расточительность всегда и вездѣ была страшная, и оттого результаты до сихъ поръ получались самые жалкіе. У насъ расточительность также очень велика, хотя и расточать-то намъ нечего. У насъ до сихъ поръ всего какой-нибудь двугривенный умственнаго капитала, но мы, по нашему извѣстному молодечеству, и этотъ несчастный двугривенный ставимъ ребромъ и расходуемъ безобразно. Намъ строгая экономія еще необходимѣе, чѣмъ другимъ, дѣйствительно образованнымъ народамъ, потому что мы въ сравненіи съ ними—нищіе. Но, чтобы соблюдать такую экономію, надо, прежде всего, уяснить себѣ до послѣдней степени ясности, что̀ полезно обществу и что̀ безполезно. Вотъ тутъ-то, надъ этимъ уясненіемъ и должна работать литература. Мнѣ кажется, что мы начинаемъ чувствовать необходимость умственной экономіи и стремимся уяснить себѣ понятіе настоящей выгоды или пользы. Въ этомъ и заключается то самостоятельное направленіе мысли, которое, по моему мнѣнію, вырабатывается въ современномъ русскомъ обществѣ. Если это направленіе разовьется, то заколдованный кругъ будетъ пробитъ. Экономія умственныхъ силъ увеличитъ нашъ умственный капиталъ, а этотъ увеличенный капиталъ, приложенный къ полезному производству, увеличитъ количество хлѣба, мяса, одежды, обуви, орудій и всѣхъ остальныхъ вещественныхъ продуктовъ труда. Обязанность развивать это направленіе и пробивать съ этой стороны заколдованный кругъ лежитъ цѣлякомъ на нашей литературѣ, потому что въ этой сферѣ литература можетъ дѣйствовать самостоятельно.

II.

Экономія умственныхъ силъ есть не что иное, какъ строгій и послѣдовательный реализмъ. «Природа—не храмъ, а мастерская,—говоритъ Базаровъ,—и человѣкъ въ ней работникъ». Рахметовъ видится только съ тѣми людьми, съ которыми ему «нужно» видѣться; онъ читаетъ только тѣ книги, которыя ему «нужно» прочесть; онъ даже ѣстъ только ту пищу, которую ему «нужно» ѣсть, для того чтобы поддерживать въ себѣ физическую силу; а поддерживаетъ онъ эту силу также потому, что это кажется ему «нужнымъ», то-есть потому, что это находится въ связи съ общей цѣлью его жизни. Особенность Рахметова состоитъ исключительно въ томъ, что онъ менѣе другихъ честныхъ и умныхъ людей нуждается въ отдыхѣ; можно сказать, что онъ отдыхаетъ только тогда, когда спитъ. Вся остальная часть его жизни проходитъ за работой, и вся эта работа клонится только къ одной цѣли: уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ наслажденій. Къ этой цѣли клонились всегда, сознательно и безсознательно, прямо или косвенно, всѣ усилія всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, всѣхъ мыслителей и изобрѣтателей. Чѣмъ сознательнѣе и прямѣе дѣятельность человѣка направлялась къ этой цѣли, тѣмъ значительнѣе была масса принесенной имъ пользы; но къ сожалѣнію нервная система человѣка такъ устроена, что она не можетъ долго сосредоточивать свои силы на одной точкѣ. Если мы захотимъ долго держать руку или ногу въ одномъ и томъ же положеніи, то мы почувствуемъ въ одной ногѣ или рукѣ утомленіе и наконецъ настоящую боль. Если мы будемъ долго смотрѣть на одинъ предметъ, то у насъ зарябитъ въ глазахъ. Если мы будемъ долго вдумываться въ одну и ту-же мысль, то умъ нашъ на нѣсколько времени откажется работать. Если мы будемъ проводить эту мысль во всѣ наши поступки, то наконецъ эта мысль начнетъ насъ тяготить, и мы почувствуемъ непреодолимую потребность отложить ее на время всторону и пожить хоть нѣсколько часовъ безцѣльной жизнью. У Рахметова эта потребность возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то-есть, можетъ втеченія своей жизни сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрять умственныя силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. Рахметовъ можетъ обходиться безъ того, что̀ называется личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины, или хорошей музыкой, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него есть только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполнѣ успѣшно размышлять. Но и это наслажденіе служитъ ему только средствомъ: онъ куритъ не потому, что это доставляетъ ему удовольствіе, а потому, что куреніе возбуждаетъ его мозговую дѣятельность. Еслибы онъ не замѣчалъ въ этомъ куреніи осязательной пользы, онъ бы отъ него отказался, не ради идеальнаго совершенства, а ради того, что не слѣдуетъ отвлекаться отъ настоящей цѣли. Ставить такого титана въ примѣръ читателю совершенно безполезно. Это все равно, что совѣтовать читателю связать желѣзную кочергу въ узелъ или

открыть какой-нибудь міровой законъ, вродѣ ньютоновскаго тяготѣнія или дарвиновской теоріи естественнаго выбора. Мы—люди обыкновенные, и еслибы мы захотѣли выбросить изъ нашей жизни отдыхъ и чисто-личное наслажденіе, то мы сдѣлали бы себя мучениками и кромѣ того повредили бы даже общему дѣлу; мы бы надорвались, мы бы отняли у себя возможность принести ту малую долю пользы, которая соотвѣтствуетъ размѣрамъ нашихъ силъ; поэтому намъ не слѣдуетъ надуваться, потому что до вола мы все-таки не доростемъ, а если лопнемъ, то вмѣсто экономіи окажется чистый убытокъ. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имѣетъ права посылать васъ на работу; общее дѣло человѣчества подвигается впередъ не барщинной работой, и сгонять на этотъ трудъ лѣнивыхъ или утомленныхъ людей значитъ изображать суетливую муху, помогавшую лошадямъ вытаскивать въ гору тяжелый рыдванъ. Но когда вы, отдохнувши и насладившись вдоволь, сами, по собственной охотѣ, принимаетесь за работу, тогда общество, въ лицѣ каждаго изъ своихъ членовъ, тотчасъ получаетъ надъ вами право контроля и критики; оно произноситъ свой приговоръ надъ вашей дѣятельностью, и имѣетъ полное право выражать свое желаніе, чтобы тѣ силы, которыя добровольно отдаются на общеполезное дѣло, дѣйствительно тратились тамъ, гдѣ онѣ необходимы. Когда вы отдыхаете, вы принадлежите самому себѣ; когда вы работаете, вы принадлежите обществу. Если же вы никогда не хотите принадлежать обществу, если ваша работа не имѣетъ никакого значенія для него, тогда вы можете быть вполнѣ увѣрены, что вы совсѣмъ никогда не работаете, и что вы проводите всю вашу жизнь подобно мотыльку, порхающему съ цвѣтка на цвѣтокъ. Мартышкинъ трудъ не есть работа. Если такой мартышкинъ трудъ производится вполнѣ сознательно, то-есть, если трудящаяся личность сама понимаетъ свою безполезность и сама говоритъ себѣ и другимъ: я трутень и хочу быть трутнемъ, потому что это мнѣ пріятно, тогда, разумѣется, не о чемъ и толковать, потому что неизлечимые больные не нуждаются ни въ дружескихъ совѣтахъ, ни въ медицинской помощи. Но можно сказать навѣрное, что большая часть мартышкина труда производится въ каждомъ человѣческомъ обществѣ по чистому недоразумѣнію. Трудящаяся личность въ большей части случаевъ добросовѣстно и искренно убѣждена въ томъ, что она трудится для человѣчества и для общества; это обаятельное убѣжденіе придаетъ ей бодрость и вдохновляетъ ее во время труда; если вы поколеблете въ ней это убѣжденіе, у нея опустятся руки, и для нея настанетъ очень тяжелая минута разочарованія и унынія; но за этой минутой явится сильное стремленіе къ настоящей пользѣ и крутой поворотъ къ какой-нибудь другой дѣятельности, достойной мыслящаго человѣка и добросовѣстнаго гражданина. Въ результатѣ получится такимъ образомъ экономія умственныхъ силъ, и эта экономія будетъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ это можетъ показаться читателю съ перваго взгляда. Каждая личность дѣйствуетъ болѣе или менѣе на все, что̀ ее окружаетъ; поворотъ къ реализму, происшедшій въ одной личности, даетъ себя чувствовать многимъ другимъ, и та же самая особа, которая до своего обращенія могла своимъ примѣромъ и своими совѣтами сбить съ толку двухъ или трехъ молодыхъ людей, будетъ послѣ своего обращенія дѣйствовать на этихъ-же молодыхъ людей самымъ благотворнымъ образомъ, какъ покаявшійся грѣшникъ можетъ дѣйствовать на человѣка, порывающагося согрѣшить и, главное, убѣжденнаго въ похвальности грѣха. Поэтому, я думаю, что наша литература могла бы принести очень много пользы, еслибы она тщательно подмѣтила и основательно разоблачила различныя проявленія мартышкина труда, свирѣпствующаго въ нашемъ обществѣ и отравляющаго нашу умственную жизнь. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано; но вся задача, во всей своей цѣлости, чрезвычайно обширна, многія ея стороны совсѣмъ не затронуты, и вѣроятно пройдетъ еще много лѣтъ и потратится много усиленнаго труда, прежде чѣмъ общество начнетъ ясно сознавать свою собственную пользу. Пока не наступитъ это блаженное время русскаго благоразумія, литература должна постоянно держать ухо востро и выводить на свѣжую воду мартышкинъ трудъ, надѣвающій на себя самыя разнообразныя личины и ежедневно сбивающій въ толку самыхъ добросовѣстныхъ людей, очень неглупыхъ и вполнѣ способныхъ горячо полюбить полезную работу.

III.

Нашихъ реалистовъ упрекаютъ давно, и часто, и сильно въ томъ, что они не понимаютъ и не уважаютъ искусства. Упрекъ въ непониманіи несправедливъ; а что они не уважаютъ искусства—это вѣрно. Наши реалисты, какъ люди молодые и не вполнѣ установившіеся, до сихъ поръ еще не опредѣлили съ достаточной ясностью свои отношенія къ искусству. Реальное направленіе нашей литературы вообще находится теперь въ переходной порѣ: оно перестало быть смутнымъ инстинктомъ, но не сдѣлалось еще строгимъ и отчетливо-сознательнымъ убѣжденіемъ. Многіе упреки противной стороны застаютъ нашихъ реалистовъ врасплохъ. Когда противники представляютъ имъ крайніе выводы, составляющіе естественный и логическій результатъ ихъ собственныхъ положеній, тогда наши реалисты часто конфузятся, дѣлаютъ шагъ назадъ и стараются оправдаться.

Само собою разумѣется, что такія колебанія вредятъ реальному направленію литературы, ободряютъ его противниковъ и даютъ имъ поводъ говорить поучительнымъ и покровительственнымъ тономъ разныя «жалкія слова» на ту печальную тему, что «молодо-зелено», и что всѣ нападки мальчишекъ на искусство и на науку происходятъ только отъ нежеланія учиться и отъ ребяческой наклонности ко всякому озорству. Всѣ уступки реалистовъ обращаются такимъ образомъ не только противъ ихъ общаго дѣла, но даже противъ ихъ отдѣльныхъ личностей. Эти уступки и колебанія безусловно вредны; но они въ то же время могутъ служить намъ превосходнымъ доказательствомъ той истины, что нашъ теперешній литературный реализмъ не выписанъ изъ-заграницы въ готовомъ видѣ, а формируется у насъ дома. У насъ нѣтъ готовой системы, изъ которой мы могли бы брать для нашей защиты сильные аргументы, придуманные какимъ-нибудь заграничнымъ учителемъ; мы въ этомъ отношеніи не похожи на гегелистовъ прошлаго поколѣнія; намъ приходится приготовлять каждый аргументъ своими домашними средствами; оттого дѣло идетъ у насъ не очень прытко, оттого мы иногда пятимся и провираемся, но это еще ничего не значитъ. Но конфузиться все-таки не годится, а уже сдѣланныя ошибки въ подобномъ родѣ слѣдуетъ исправлять для того, чтобы на будущее время обнаруживать, при столкновеніяхъ съ литературными противниками, больше достоинства, стойкости и сознательности. Года два тому назадъ наши литературные реалисты сильно опростоволосились, и этотъ случай такъ интересенъ и поучителенъ, что о немъ стоитъ поговорить подробно, для того чтобы опредѣлить разумныя отношенія настоящаго литературнаго реализма къ вопросу объ искусствѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1862 году. Въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» появляется романъ Тургенева: «Отцы и Дѣти». Романъ этотъ очевидно составляетъ вопросъ и вызовъ, обращенный къ молодому поколѣнію старшей частью общества. Одинъ изъ лучшихъ людей старшаго поколѣнія, Тургеневъ, писатель честный, написавшій и напечатавшій «Записки Охотника» задолго до уничтоженія крѣпостного права, Тургеневъ, говорю я, обращается къ молодому поколѣнію и громко предлагаетъ ему вопросъ: «Что вы за люди? Я васъ не понимаю, я вамъ не могу и не умѣю сочувствовать. Вотъ что я успѣлъ подмѣтить. Объясните мнѣ это явленіе». Таковъ настоящій смыслъ романа. Этотъ откровенный и честный вопросъ пришелся какъ нельзя болѣе во-время. Его предлагала вмѣстѣ съ Тургеневымъ вся старшая половина читающей Россіи. Этотъ вызовъ на объясненіе невозможно было отвергнуть. Отвѣчать на него литературѣ было необходимо. — Это было бы превосходно, еслибы каждая идея, проводимая мыслящими людьми, проникала въ общество, перерабатывалась въ немъ и потомъ возвращалась бы назадъ къ литераторамъ въ отраженномъ видѣ для повѣрки и поправки. Тогда умственная работа закипѣла бы очень быстро, и всякія недоразумѣнія между литературой и обществомъ оканчивались бы вполнѣ удовлетворительными объясненіями. Дурна или хороша была тенденція тургеневскаго романа — это все равно; для литературныхъ реалистовъ этотъ романъ былъ во всякомъ случаѣ драгоцѣннымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ идеи и еще болѣе драгоцѣннымъ поводомъ къ обстоятельному объясненію съ читающей публикой. Но надо было именно говорить со всѣмъ русскимъ обществомъ, а не съ личностью Тургенева и ужъ во всякомъ случаѣ не съ литературной партіей «Русскаго Вѣстника». *Надо* было совершенно отодвинуть въ сторону оцѣнку романа и сосредоточиться на разборѣ базаровскихъ идей даже въ томъ случаѣ, еслибы самъ Базаровъ былъ карикатурой. Но «Современникъ» поступилъ какъ разъ наоборотъ. Совершенно измѣняя добролюбовскимъ преданіямъ, онъ далъ своимъ читателямъ чисто эстетическую рецензію. Антоновичъ употребилъ всѣ силы своей діалектики на то, чтобы доказать, что романъ Тургенева плохъ, хотя публикѣ не было никакого дѣла ни до Тургенева, ни до его романа. Она хотѣла знать, что такое Базаровъ, и этотъ вопросъ имѣлъ для нея самое жизненное значеніе, потому что большая часть матерей, отцовъ и сестеръ видѣли въ своихъ дѣтяхъ и братьяхъ частицы или зародыши тѣхъ типическихъ особенностей, которыя сосредоточились и воплотились съ полной силой въ фигурѣ тургеневскаго нигилиста. «Если Базаровъ — карикатура, — разсуждала публика,—то объясните и представьте намъ въ настоящемъ свѣтѣ то явленіе жизни, которое вызвало эту карикатуру, и покажите намъ еще разъ ту идею, которая породила это явленіе. Если Базаровъ—живой человѣкъ, то растолкуйте намъ его, мы не понимаемъ, онъ насъ пугаетъ, и пугаетъ именно потому, что мы видимъ что-то непонятное и базаровское въ чертахъ характера многихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, отъ которыхъ намъ больно отрываться и съ которыми мы не умѣемъ свыкнуться». Но этотъ животрепещущій вопросъ, поставленный жизнью, не дошелъ до слуха критика, углубившагося въ проведеніе остроумной параллели между Тургеневымъ и Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ. Критикъ «Современника» не захотѣлъ объяснить публикѣ и даже самому молодому поколѣнію, какой смыслъ заключается для него въ Базаровѣ, изъ какой общей идеи выходятъ тенденціи его. Задача дѣйствительно была очень обширная, и для удовлетворительнаго ея разрѣшенія требовалось очень много ос-

торожности, хладнокровія и технической ловкости; надо было отказаться отъ всякихъ стремленій къ паѳосу и къ полемической декламаціи. Надо было уяснить себѣ свою собственную мысль во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и затѣмъ изложить ее въ полной ясности самыми холодными, безстрастными и пожалуй даже безцвѣтными словами. Но критикъ написалъ статью чрезвычайно рѣзкую, напалъ на Тургенева съ неслыханнымъ ожесточеніемъ, уличилъ его въ такихъ мысляхъ и стремленіяхъ, о которыхъ Тургеневъ никогда и не думалъ, выдержалъ самую упорную борьбу съ несуществующими заблужденіями автора и затѣмъ, наполнивъ этимъ воинственнымъ шумомъ пятьдесятъ страницъ, оставилъ существенный вопросъ совершенно нетронутымъ. Съ Тургеневымъ критикъ расправляется очень бойко, но при встрѣчѣ съ тѣми людьми, которые считаютъ Базарова уродомъ и злодѣемъ, онъ совершенно умолкаетъ. Эти люди говорятъ, что Базаровъ дѣйствительно существуетъ, и что онъ—лютое животное, подобное тѣмъ эгоистамъ, для которыхъ Станицкій рекомендуетъ желѣзныя кольца, продѣтыя въ ноздри. А критикъ Тургенева говоритъ, что Базаровъ—карикатура, что Базаровъ не существуетъ, но что, еслибы онъ существовалъ, то конечно его надо было бы признать лютымъ животнымъ. Это значитъ, что дама просто пріятная говоритъ о лапкахъ да о глазкахъ: «ахъ, пестро!», а дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ возражаетъ: «ахъ, не пестро!», но въ сущности обѣ дамы вполнѣ согласны между собою въ томъ. что пестрое платье унижаетъ достоинство благовоспитанной губернской аристократки. Онѣ спорятъ о фактѣ, и только объ одномъ фактѣ, и при этомъ критикъ тщательно скрываетъ то обстоятельство, что онъ совершенно расходится съ Дудышкинымъ, Заринымъ и Катковымъ въ самомъ принципѣ, на основаніи котораго произносится сужденіе о достоинствѣ факта. И онъ даже не останавливается на одномъ молчаніи; онъ робко и неясно произноситъ такія слова, которыя совершенно не вяжутся съ основными идеями «Современника»; словомъ, онъ конфузится, теряется и доходитъ въ своей скромности или въ тонкости своей литературной дипломатіи до очевиднаго молчалинства, но все это благополучно сходитъ съ рукъ по милости воинственнаго экстаза, который составляетъ декорацію и направляется противъ личности Тургенева, какъ мыслителя, художника и гражданина. Базарова критикъ выдаетъ головой, и при этомъ онъ даже не осмѣливается отстаивать то живое явленіе, по поводу котораго былъ созданъ Базаровъ. Причина, которой онъ оправдываетъ свою робость, въ высшей степени любопытна: «пожалуй,—говоритъ онъ,—обличатъ въ пристрастіи къ молодому поколѣнію, а что еще хуже—станутъ укорять въ недостаткѣ самообличенія. Поэтому пускай кто хочетъ защищаетъ молодое поколѣніе, только не мы» (стр. 93). Вотъ это очаровательно! Вѣдь защищать молодое поколѣніе значитъ, по-настоящему, защищать тѣ идеи, которыя составляютъ содержаніе его умственной жизни и которыя управляютъ его поступками. Одно изъ двухъ: или критикъ самъ проникнутъ этими идеями, или онъ ихъ отрицаетъ. Въ первомъ случаѣ защищать молодое поколѣніе значитъ защищать свои собственныя убѣжденія. Во второмъ случаѣ защищать его невозможно, потому что человѣкъ не можетъ поддерживать ту идею, которую онъ отрицаетъ. Но критикъ, видите-ли, и радъ бы защитить, да боится, что «его обличатъ въ пристрастіи».—Къ чему?—Къ собственнымъ убѣжденіямъ. Удивительное обличеніе! Уменъ долженъ быть тотъ господинъ, который выступитъ съ подобнымъ обличеніемъ, да и тотъ тоже недуренъ, кто боится такихъ обличителей. И зачѣмъ приводить такіе неестественные резоны? Просто не хватило умѣнья, и ничего тутъ нѣтъ постыднаго въ этомъ недостаткѣ наличныхъ силъ. Мы люди молодые: поживемъ, поучимся, подумаемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшимъ тѣ вопросы, которые теперь быть-можетъ заставляютъ насъ становиться въ тупикъ. Но валить съ больной головы на здоровую все-таки не годится: Тургеневъ и Базаровъ во всякомъ случаѣ невиноваты въ томъ, что критикъ не умѣетъ защищать молодое поколѣніе и что роль перваго критика въ «Современникѣ» не соотвѣтствуетъ теперешнимъ размѣрамъ его силъ. А между тѣмъ за все, про все отдуваются именно Тургеневъ да Базаровъ. Чтобы доказать, что Базаровъ—гнусная карикатура и что Тургеневъ написалъ презрѣнный пасквиль, критикъ «Современника» разсуждаетъ такъ неестественно и пускаетъ въ ходъ такія удивительныя натяжки, что читателю, знакомому съ романомъ «Отцы и Дѣти», приходится на каждомъ шагу обвинять и уличать критика или въ непонятливости, или въ нежеланіи понимать. Какъ объяснить себѣ напримѣръ такой пассажъ: «Главный герой романа съ гордостью и заносчивостью говоритъ о своемъ искусствѣ въ картежной игрѣ» (стр. 68). Это Базаровъ-то! Съ гордостью и заносчивостью! О преферансѣ и ералашѣ! Мнѣ даже совѣстно становится за критика. «Потомъ г. Тургеневъ старается выставить главнаго героя обжорой, который только и думаетъ о томъ, какъ бы поѣсть и попить» (стр. 69). Подумаешь, право, что этотъ г. Тургеневъ есть нѣчто вродѣ г. Бориса Федорова, пишущаго для какихъ-то воображаемыхъ дѣтей поучительные разсказы о жадномъ Васинькѣ и о воздержной Парашѣ. «Даже смотрѣть глупо», какъ говоритъ Щедринъ въ своемъ разсказѣ «Развеселое житье». Но еще глупѣе смотрѣть на то, какъ критикъ «Современника», умышленно или нечаянно, уро-

дуетъ сцену, происходящую передъ смертью Базарова. Вотъ это изумительное мѣсто: «герой, какъ медикъ, очень хорошо знаетъ, что ему остается до смерти нѣсколько часовъ; онъ призываетъ къ себѣ женщину, къ которой онъ питалъ не любовь, а что-то другое, непохожее на настоящую возвышенную любовь. Она пришла, герой и говоритъ ей: «Старая штука смерть, а каждому вновѣ. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство, и фюить! Ну, что-жъ мнѣ сказать вамъ. Что я любилъ васъ? Это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь — форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая»... (Читатель дальше яснѣе увидитъ, какой гадкій смыслъ заключается въ этихъ словахъ). Она подошла къ нему поближе, и онъ опять заговорилъ: «Ахъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!»... (стр. 67). Отъ этого рѣзкаго и дикаго диссонанса теряетъ всякое поэтическое значеніе эффектно написанная картина смерти героя». Читатель конечно недоумѣваетъ и начинаетъ думать, что критикъ «Современника»—прекраснѣйшій критикъ, но только «ужъ очень строгъ на счетъ манеръ», подобно Матренѣ Марковнѣ, супругѣ Егора Капитоныча, изъ повѣсти Тургенева — «Затишье». Читатель никакъ не можетъ понять, гдѣ же тутъ «гадкій смыслъ», и въ чемъ именно чуткое ухо эстетика уловило «рѣзкій и дикій диссонансъ»? Оказывается дальше, что критикъ оскорбленъ не какъ эстетикъ, а какъ моралистъ. «И у автора,—восклицаетъ онъ на стр. 73,—поворачивается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безконечной жизни послѣ того, какъ его самого эта любовь и мысль о безконечной жизни не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія съ своимъ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видомъ ея прелестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть. Очень мило!» Да ужъ такъ мило, что милѣе этого мѣста не выдумалъ бы ни Заринъ, ни Щегловъ. Всякій обыкновенный читатель видитъ ясно, что Базаровъ хочетъ въ послѣдній разъ взглянуть на любимую женщину и въ послѣдній разъ сказать ей какое-нибудь ласковое слово. Можетъ быть со стороны Базарова очень непохвально занимать свои мысли передъ самою смертью такими сустными привязанностями. Что-жъ, думаетъ онъ, пускай посмотритъ. Пусть она ему улыбнется, пусть онъ увидитъ въ этой улыбкѣ тѣнь тихой грусти, пусть онъ выскажетъ ей словами или взглядами хоть что-нибудь изъ той горячей любви, которою переполнена была его молодая душа.

Такъ подумаетъ самый обыкновенный и самый безхитростный читатель, тотъ самый читатель, который быть-можетъ на здороваго Базарова смотрѣлъ, какъ на злобнаго и опаснаго разрушителя. Такъ подумали навѣрное даже многіе изъ мудреныхъ русскихъ писателей, подобныхъ Каткову, Павлову, Скарятину и другимъ блюстителямъ литературнаго благочинія. Но критикъ «Современника» такъ переполненъ воинственнымъ жаромъ, что онъ ни на одну минуту не желаетъ сдѣлаться обыкновеннымъ и безхитростнымъ читателемъ. Онъ надѣваетъ на себя неестественную маску; онъ старается быть неумолимо строгимъ. Онъ проникаетъ въ мысли Базарова и усматриваетъ въ нихъ грѣховную нечистоту. Прежде всего онъ впускаетъ въ свой разсказъ нѣкоторыя невѣрности, которыя я, изъ вѣжливости, назову ошибками. Во-первыхъ, Базаровъ не призываетъ Одинцову, а только посылаетъ ей сказать, что онъ умираетъ. Одинцова пріѣзжаетъ къ нему безъ всякаго зова. Базаровъ не ожидалъ ея; онъ едва могъ надѣяться на то, что она пріѣдетъ, и вслѣдствіе этого онъ, увидя ее передъ собою, чувствуетъ такой избытокъ радости и благодарности, что не находитъ даже, какъ и о чемъ говорить съ нею. Сверхъ того онъ уже такъ плохъ, что въ присутствіи Одинцовой начинаетъ бредить и вообще съ трудомъ можетъ связывать мысли. Онъ, какъ больной ребенокъ, смотритъ на нее и видитъ, что она хорошая, и бормочетъ: «славная, красивая, молодая, свѣжая, чистая, въ гадкой комнатѣ». При этомъ онъ только съ мучительной ясностью чувствуетъ поразительный контрастъ между ея цвѣтущей жизнью и своимъ собственнымъ разложеніемъ. И тутъ, при всей его слабости, въ немъ не видно ни зависти, ни боязни. Какъ только Одинцова переступаетъ черезъ порогѣ его комнаты, онъ говоритъ ей: «Не подходите; моя болѣзнь можетъ быть заразительна», но Одинцова тотчасъ, по естественному движенію нѣжности и неустрашимости, подходитъ къ самой его постели. Тогда онъ и говоритъ: «Ахъ, какъ близко!» Этими словами онъ хочетъ сказать: я—кусокъ гнилого мяса. Мнѣ больно за васъ. Зачѣмъ вы, молодая, свѣжая, чистая, дышете зараженнымъ воздухомъ этой гадкой комнаты. И въ то же время ему конечно въ высшей степени пріятно, что она его не боится, что она смотритъ на него ласково и безъ отвращенія, что она не бѣжитъ вонъ изъ гадкой комнаты, а особенно пріятно для него то, что она въ самомъ дѣлѣ хорошая и милая женщина, а не только «вдова души возвышенной, благородной и аристократической», какъ называетъ ее критикъ. Базаровъ мучительно счастливъ ея присутствіемъ и съ грустнымъ удовольствіемъ наслаждается ея простой и естественной гуманностью, потому что въ немъ шевелятся до самой послѣдней минуты высоко-человѣчныя и

строго разумныя мысли. И по поводу этого-то человѣка критикъ говоритъ о какомъ-то щекотаніи. Я даже не понимаю хорошенько, что именно онъ называетъ этимъ карательнымъ терминомъ. Во всякомъ случаѣ я нахожу, что мнѣ давно пора прекратить разговоръ объ этомъ предметѣ. Да, опростоволосились наши реалисты, опростоволосились до такой степени, что сочли нужнымъ поддерживать свое дѣло крючкотворной аргументаціей.

IV.

Наши умственныя силы расходуются неразсчетливо—это не подлежитъ сомнѣнію, и въ признаніи этого факта сходятся между собою всѣ наши литературные органы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Гдѣ причина неразсчетливости? Когда приходится отвѣчать на этотъ вопросъ, тогда всѣ органы бросаются вразсыпную и другъ друга побиваютъ величіемъ своей ерунды. Все это очевидно доказываетъ, что ясныхъ и неопровержимыхъ аргументовъ не представляетъ никто, что въ корень дѣла не заглядываетъ ни одинъ писатель, и что настоящая причина нашей умственной суеты остается неизвѣстной всѣмъ ея искателямъ и обличителямъ. Еслибы кто-нибудь растолковалъ публикѣ, какъ дважды два—четыре, въ чемъ состоятъ важные интересы ея умственной жизни, то противники этого «кто-нибудь» были бы радикально побѣждены, потому что публика себѣ не врагъ и, стало быть, не будетъ обольщаться тѣмъ, что она разъ на-всегда признала для себя вреднымъ и невыгоднымъ. Поэтому указать на эти интересы и доказать, что они дѣйствительно существенные,— это, разумѣется, самая важная задача современной литературы. Пока эта задача не будетъ рѣшена вполнѣ, до тѣхъ поръ и писателямъ придется работать ощупью, и публикѣ выбирать себѣ кусочки изъ груды ихъ произведеній—также ощупью. Ни одинъ писатель не рѣшится сказать, что онъ работаетъ для нанесенія вреда читающему обществу; ни одинъ не рѣшится также сказать, что онъ своей работой не приноситъ обществу ни малѣйшей пользы; стало быть, всѣ стремятся принести своимъ читателямъ пользу; между тѣмъ одни изъ нихъ дѣйствуютъ прямо на перекоръ другимъ. Еслибы читатели «однихъ» были моллюсками, а читатели «другихъ»—тараканами, то, разумѣется, можно было бы думать, что и «одни», и «другіе» говорятъ дѣло, потому что огранизація таракана не похожа на огранизацію моллюска, и слѣдовательно умственные интересы этихъ двухъ породъ могутъ быть діаметрально противоположными. Но, къ сожалѣнію, и однихъ, и другихъ читаютъ все-таки несчастные люди, стало быть, очевидно, или одни, или другіе врутъ и вредятъ, а легко можетъ быть и то, что врутъ и вредятъ какъ одни, такъ и другіе, потому что способы вранья неисчислимы, между тѣмъ какъ истина двоиться не можетъ. Стало быть, есть писатели, приносящіе чистый вредъ или по медвѣжьей услужливости, или по узкой корыстности*); первые ошибаются, вторые лицемѣрятъ. Первыхъ надо урезонить, вторыхъ надо разоблачить для того, чтобы они сдѣлались безвредными и неопасными. Чтобы произвести эти двѣ операціи, то-есть, чтобы радикально вычистить литературу, надо именно указать существенную пользу. Вполнѣ послѣдовательное стремленіе къ пользѣ называется реализмомъ и непремѣнно обусловливаетъ собою строгую экономію умственныхъ силъ, то-есть постоянное отрицаніе всѣхъ умственныхъ занятій, не приносящихъ никому пользы. Реалистъ постоянно стремится къ пользѣ и постоянно отрицаетъ въ себѣ и другихъ такую дѣятельность, которая не даетъ полезныхъ результатовъ. Стало быть, строгій реалистъ соблюдаетъ въ самомъ себѣ и уважаетъ въ другихъ людяхъ строгую экономію умственныхъ силъ. Стало быть, разъяснить вполнѣ значеніе реализма въ литературѣ—значитъ рѣшить самую важную задачу современной идеи и радикально очистить эту идею отъ ненужнаго сора и отъ безплодныхъ полемическихъ волненій.— Но различныя недоразумѣнія могутъ укрыться въ самомъ словѣ «*польза*», и поэтому прежде всего необходимо разъяснить эти недоразумѣнія.—Человѣкъ одаренъ чувствомъ самосохраненія. Онъ невольно и безсознательно любитъ свою жизнь и старается сохранить ее въ себѣ какъ можно дольше. Такія крайности, какъ мотовство и скряжничество,—одинаково неразсчетливы, потому что при обоихъ способахъ дѣйствія жизнь даетъ меньше наслажденій, чѣмъ сколько она могла бы дать при раціональномъ пользованіи. Дѣти такъ радикально предпочитаютъ пріятное полезному, то-есть непосредственное наслажденіе отсроченному, что, если посыпать сахаромъ ихъ молочную кашу и не размѣшать ее начальственной рукой, они непремѣнно истребятъ сначала элементъ *пріятнаго*, то-есть чистый сахаръ, а потомъ уже, по необходимости и съ тяжелымъ вздохомъ, примутся за голую *пользу*, то-есть за кашу, которая однако была бы гораздо вкуснѣе въ соединеніи съ *пріятностью*. Взрослые называютъ этихъ юныхъ эпикурейцевъ глупыми ребятами и сами дѣлаютъ глупости гораздо болѣе крупныя. Напримѣръ, далеко не всякій чиновникъ умѣетъ такъ распорядиться съ своимъ третнымъ жалованьемъ, чтобы въ началѣ трети не задавать неестественнаго форсу и въ концѣ трети не созерцать свои зубы, положенные на полку. Это значитъ — сначала облизалъ весь сахаръ, а потомъ лишилъ себя даже молочной каши. У кого хватаетъ предусмотрительности на четыре мѣ-

*) Въ концѣ концовъ и то, и другое сводится къ тупоумію.

сяца, у того можетъ не хватить ея на два года. Сколько бывало примѣровъ, что на литературное поприще выступаетъ вдругъ блестящее молодое дарованіе; два-три успѣха быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ; опытные люди смотрятъ на него и радуются, но въ то же время совѣтуютъ ему потихоньку: почитайте книжку; поучитесь, голубчикъ. Ей Богу, лучше будетъ.— Еще успѣю, говоритъ онъ, еще успѣю.—Успѣю, да успѣю, какъ вдругъ неожиданное фіаско постигаетъ юное дарованіе, которое, какъ падающая звѣзда, мгновенно скатывается съ неба и скрывается на заднемъ дворѣ какого-нибудь «Сына Отечества» или «Развлеченія», куда впрочемъ настоящія падающія звѣзды, сколько мнѣ извѣстно, не заглядываютъ...

V.

Базаровъ съ первой минуты своего появленія приковалъ къ себѣ всѣ мои симпатіи, и онъ продолжаетъ быть моимъ любимцемъ даже теперь. Я долго не могъ себѣ объяснить причину этой исключительной привязанности, но теперь я ее вполнѣ понимаю. Ни одинъ изъ подобныхъ ему героевъ не находятся въ такомъ трагическомъ положеніи, въ какомъ мы видимъ Базарова. Трагизмъ базаровскаго положенія заключается въ его полномъ уединеніи среди всѣхъ живыхъ людей, которые его окружаютъ. Онъ вездѣ производитъ своей особой рѣзкій диссонансъ, онъ всѣхъ заставляетъ страдать своимъ присутствіемъ и существованіемъ, онъ самъ это видитъ и понимаетъ, и понимаетъ кромѣ того съ мучительной ясностью роковыя причины и абсолютную неизбѣжность этихъ страданій. Люди, окружающіе Базарова, страдаютъ не отъ того, что онъ поступаетъ съ ними дурно, и не отъ того, что они сами дурные люди; напротивъ того, онъ не дѣлаетъ въ отношеніи къ нимъ ни одного дурного поступка, и они, съ своей стороны, также очень добродушные и честные люди. И тѣмъ хуже, тѣмъ мучительнѣе и безвыходнѣе ихъ положеніе. Нѣтъ причинъ для разрыва и нѣтъ возможности сблизиться. Нѣтъ возможности потому, что нѣтъ ни одного общаго интереса, ни одного такого предмета, который съ одинаковой силой затронулъ бы умственныя способности Базарова и его собесѣдниковъ. Ему приходится слушать ихъ, какъ пяти-лѣтнихъ дѣтей, разсказывающихъ, что вотъ они гулять ходили и вдругъ видятъ большую такую корову, и вдругъ эта корова подошла туда, знаете, къ рѣкѣ, и вдругъ начала пить. — Ну, такъ что-же? спрашиваете вы.—Ну вотъ, напилась и пошла.—А потомъ?— Потомъ мы домой вернулись.—Вотъ вамъ и весь анекдотъ. И, выслушивая его, вы, изъ чувства естественной гуманности, должны тщательно наблюдать за вашей физіономіей, чтобы на ней не выразилось изумленіе, чтобы ваши губы не сложились невольно въ улыбку сострадательнаго недоумѣнія, и чтобы кромѣ того черты вашего лица изображали хоть малѣйшее участіе къ тому, что вамъ разсказывается съ чисто дѣтскимъ увлеченіемъ. Чуть только какой-нибудь мускулъ вашей физіономіи утомился отъ этого неестественнаго напряженія и подернулся не въ тактъ этой усыпительной музыкѣ, и вся гармонія нарушена, и весь плодъ вашихъ долговременныхъ усилій пропалъ безвозвратно, и разсказчикъ, человѣкъ добрый и честный, искренно желающій васъ утѣшить и развлечь, оказывается глубоко и смиренно опечаленнымъ своей немощностью и своей неспособностью дать вамъ то, чего бы вы желали. Еслибы онъ васъ обругалъ въ эту минуту, вы бы этому обрадовались; но онъ тихо опечалится и замолчитъ; въ его душѣ будетъ только грусть, безъ малѣйшей горечи, но эту грусть вы въ немъ видите совершенно ясно, и совершенно независимо отъ его воли и его усилія скрыть отъ васъ эту грусть, то-есть не огорчить васъ, человѣка, огорчившаго его,—эти усилія, говорю я, дѣлаютъ его еще болѣе трогательнымъ въ вашихъ глазахъ; и вамъ больно было, и ему больно, и обоимъ грустно, что разбередили другъ друга, и все-таки ничѣмъ, да вѣдь рѣшительно ничѣмъ, нельзя этому дѣлу помочь. Вотъ оно, дьявольское-то положеніе: вотъ что́ можетъ душу вытянуть изъ каждаго человѣка, способнаго мыслить и чувствовать. Я совѣтую читателямъ, получавшимъ «Русское Слово» 1863 годъ, перечитать въ немъ повѣсть «Женитьба отъ скуки». Тамъ именно такой разладъ между мужемъ и женой приводитъ къ сумасшествію и къ самоубійству. Результатъ вовсе не преувеличенъ, и развитіе трагической дисгармоніи прослѣжено тамъ очень удовлетворительно. Но молодой мужъ и молодая жена по крайней мѣрѣ имѣютъ хоть какую-нибудь возможность разойтись; конечно этотъ образъ дѣйствій тягостенъ и сопряженъ со многими неудобствами; конечно трудно предположить, чтобы обоимъ разошедшимся супругамъ удалось устроить себѣ новое счастье; но все-таки есть выходъ, и во всякомъ случаѣ лучше одинокое и безцвѣтное существованіе, чѣмъ мучительное сожитіе. Но когда между родственниками и дѣтьми появился такой разладъ, какой мы видимъ между старыми Базаровыми и ихъ сыномъ, тогда и выхода-то никакого нельзя придумать. Евгеній Базаровъ, разумѣется, можетъ отшатнуться отъ своихъ родителей, и его жизнь все-таки будетъ полна, потому что ее наполняетъ умственный трудъ. Но ихъ жизнь? И какой же настоящій Базаровъ, какой мыслящій человѣкъ рѣшится оттолкнуть отъ себя своихъ стариковъ, которые только имъ живутъ и дышатъ и которые сдѣлали все, что могли, для его образованія. Эти старики буквально подсадили его на своихъ плечахъ, чтобы онъ могъ ухватиться своими отроческими руками за нижнюю вѣтку древа позна-

нія; онъ ухватился и полѣзъ, и залѣзъ высоко, и ходу нѣтъ назадъ, и спуститься невозможно, а имъ также невозможно подняться кверху, потому что они слабы и дряхлы, и приходится имъ аукаться издали, и приходится имъ страдать отъ того, что нѣтъ возможности разслышать и понять другъ друга; а между тѣмъ старики и тому рады, что слышатъ по крайней мѣрѣ неясные звуки родного голоса. Скажите, Бога ради, кто-же рѣшится, находясь въ положеніи Базарова, замолчать совершенно и не отвѣчать ни однимъ звукомъ на кроткія и ласковыя рѣчи, поднимающіяся къ нему изъ подъ дерева? И Базаровъ откликается. — И страшно, и мучительно волнуются и борятся въ широкой груди Базарова ненависть и любовь, безпощадный, стальной и холодный, судорожно улыбающійся, демоническій скептицизмъ и горячее, тоскливое, порою радостное и ликующее романтическое стремленіе вдаль, вдаль, но не прочь отъ земли, а впередъ, въ манящую, ласкающую, глубокую синеву необозримаго лучезарнаго будущаго. Почитайте Гейне, и вы поймете, вы увидите въ образахъ эту ужасную смѣсь мучительныхъ ощущеній, которыми наградило всѣхъ мыслящихъ людей Европы наше общее историческое прошедшее. А покуда прочтите этотъ небольшой разговоръ Базарова съ Аркадіемъ.

«— Нѣтъ, говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію,—уѣду отсюда завтра. Скучно, работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я-же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ по крайней мѣрѣ запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ: «мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ, никто тебѣ мѣшать не будетъ», а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запираться. Ну, и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится, промолвилъ Аркадій,— да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами что-ли она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.»

Такъ тебѣ и надо поступать, Аркашенька. Больше ты, другъ мой разлюбезный, ничего и дѣлать не умѣешь, какъ только глазки опускать. Заговорилъ было съ тобою Базаровъ сначала какъ съ путнымъ человѣкомъ, а ты только, какъ старушка Божія, охами да вздохами отвѣчать ухитрился. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ этотъ разговоръ. Базарову тяжело и душно; онъ видитъ, что и работать нельзя, да и для стариковъ-то удовольствія мало, потому что «выйдешь къ ней—и сказать ей нечего». Такъ ему приходится скверно, что онъ чувствуетъ потребность высказаться хоть кому-нибудь, хоть младенчествующему кандидату Аркадію. И начинаетъ онъ высказываться отрывочными предложеніями, такъ, какъ всегда высказываются люди сильные и сильно измученные: «Совѣстно какъ-то», «ну и мать тоже», «вздыхаетъ за стѣной», «сказать ей нечего». Кажется, не хитро понять изъ этихъ словъ, что не гаерствуетъ онъ надъ своими стариками, что не весело ему смотрѣть на нихъ сверху внизъ, и что самъ онъ видитъ съ поразительной ясностью, какъ мало даетъ имъ его присутствіе и какъ мучительна будетъ для нихъ необходимая разлука. Я думаю, умный человѣкъ, будучи на мѣстѣ Аркадія, понялъ бы, что Базаровъ особенно заслуживаетъ въ эту минуту сочувствія, потому что быть мучителемъ, и мучителемъ роковымъ, для каждаго разумнаго существа гораздо тяжеле, чѣмъ быть жертвой. Умный человѣкъ хоть однимъ добрымъ словомъ далъ бы замѣтить огорченному другу, что онъ понимаетъ его положеніе, и что въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ нельзя помочь бѣдѣ, и что, стало быть, дѣйствительно слѣдуетъ залить тяжелое впечатлѣніе свѣжими волнами живительнаго труда. А Аркадій? Онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ ухватить Базарова за самое больное мѣсто:—«Очень она огорчится». Точно будто Базаровъ этого не знаетъ. И точно будто эта мысль даетъ какое-нибудь средство поправить дѣло. На это старушечье размышленіе Базаровъ могъ отвѣчать сокрушительнымъ вопросомъ: — Ну, а что-жъ мнѣ дѣлать, чтобъ она не огорчалась? И тутъ Аркадій, какъ настоящая старуха, повторилъ бы опять ту-же минорную гамму съ легкой перестановкой нотъ: «она очень огорчится». И такъ какъ изъ трехъ словъ можно сдѣлать шесть перестановокъ, то юный мудрецъ, повторивъ ту-же фразу шесть разъ, замолчалъ бы, находя, что онъ подалъ своему другу шесть практическихъ совѣтовъ, или шесть цѣлительныхъ бальзамовъ. Къ счастью, Базарову было не до диспутовъ съ этимъ пискливымъ цыпленкомъ. Онъ тотчасъ спохватился, вспомнилъ, что юный другъ его не созданъ для пониманія трагическихъ положеній, и сталъ продолжать разговоръ безъ всякихъ изліяній, въ самомъ лаконическомъ тонѣ. Но это плоское животное, Аркадій, не утерпѣлъ и произвелъ новое визжаніе, и опять еще грубѣе ухватилъ Базарова за больное мѣсто. «Мнѣ твою мать особенно жалко». Въ сущности, это изреченіе есть не что иное, какъ одна изъ шести возможныхъ перестановокъ. Но такъ какъ Аркадій взялся за перестановки очень хитро, то-есть сталъ выражать ту-же мысль *другими* словами, то надо было опасаться, что перестановокъ будетъ не шесть, а даже гораздо больше. Базарову предстояло утонуть въ волнахъ цѣлительнаго бальзама, и очевидно, было необходимо сразу заморозить потоки кандидатскаго сердоболія. Ну, а Базаровъ на эти дѣла мастеръ. Какъ сказалъ объ ягодахъ, такъ и закрылись хляби сердечныя. Аркадій опустилъ глаза, что ему необходимо было сдѣлать въ самомъ началѣ разговора.— А

наша критика?! А наша глубокая, проницательная критика?!—Она съумѣла только за этотъ разговоръ укорить Базарова въ жестокости характера и въ непочтительности къ родителямъ.—Ахъ ты, Коробочка доброжелательная!—Ахъ ты, обличительница копѣечная! Ахъ ты, лукошко россійскаго глубокомыслія!

VI.

Взглядъ Базарова на отца Аркадія, Николая Петровича, доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что Базаровъ желаетъ и старается сблизиться съ тѣми людьми старшаго поколѣнія, которые еще способны подвинуться впередъ. Но какъ сблизиться? Такъ-ли, чтобы Базаровъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ихъ сторону, или такъ, чтобы люди старшаго поколѣнія сами подошли къ Базарову и къ его идеямъ? То-есть, другими словами, готовъ-ли Базаровъ сдѣлать рядъ уступокъ, или, напротивъ того, онъ желаетъ переубѣдить другихъ? Я думаю, достаточно поставить этотъ вопросъ для того, чтобы считать его рѣшеннымъ. Человѣкъ, дѣйствительно имѣющій какія-нибудь убѣжденія, только отъ того и держится этихъ убѣжденій, что считаетъ ихъ истинными. Онъ быть можетъ ошибается; быть-можетъ онъ замѣтитъ со временемъ свою ошибку, и тогда, разумѣется, тотчасъ перемѣнитъ въ своихъ убѣжденіяхъ то, что̀ окажется несогласнымъ съ истиной; но покуда онъ не увидитъ ясно несостоятельности своихъ мнѣній, пока эти мнѣнія не разбиты ни фактами дѣйствительной жизни, ни очевидными доказательствами противниковъ, до тѣхъ поръ онъ думаетъ по-своему, считаетъ свои идеи вѣрными, держится за нихъ твердо и, изъ чистой любви къ своимъ ближнимъ, чувствуетъ желаніе избавить ихъ отъ того, что онъ, справедливо или несправедливо, считаетъ заблужденіемъ. Когда сходятся между собою два человѣка различныхъ убѣжденій, оба искренно преданные своимъ идеямъ, оба добросовѣстно стремящіеся къ истинѣ и оба настолько просвѣщенные, чтобы понимать возмутительную пошлость нетерпимости, тогда каждый изъ нихъ, видя въ своемъ собесѣдникѣ честнаго человѣка и не имѣя причины ненавидѣть его, желаетъ открыть своему ближнему ту истину, которою онъ самъ обладаетъ. Одна изъ этихъ истинъ непремѣнно оказывается заблужденіемъ; но тотъ, кто обладалъ этимъ заблужденіемъ, старался доставить ему побѣду, потому что видѣлъ въ немъ несомнѣнную истину. Можетъ быть — мало-ли что бываетъ на свѣтѣ?—можетъ быть, говорю я, Базарову и пришлось бы въ чемъ-нибудь сдѣлать искреннюю уступку идеямъ старшаго поколѣнія, но все-таки Базаровъ не могъ подходить къ старшему поколѣнію съ желаніемъ сдѣлать ему эту уступку и съ той мыслью, что такая уступка возможна. Подобная мысль и подобное желаніе составляютъ уже дѣйствительную уступку и могутъ возникнуть въ человѣкѣ искренно убѣжденномъ только вслѣдствіе фактическихъ доказательствъ, а никакъ не вслѣдствіе мягкости характера. Когда у человѣка есть дѣйствительно какія-нибудь убѣжденія, тогда ни состраданіе, ни уваженіе, ни дружба, ни любовь, ничто, кромѣ осязательныхъ доказательствъ, не можетъ поколебать или измѣнить въ этихъ убѣжденіяхъ ни одной мельчайшей подробности.

VII.

Еслибы отцомъ Базарова былъ Николай Петровичъ, крѣпкій и довольно образованный сорока-четырехъ-лѣтній мужчина, то Базаровъ можетъ быть увлекъ бы своего отца въ область реалистическаго труда, и представители двухъ поколѣній съ любовью и съ взаимнымъ довѣріемъ стали бы поддерживать и ободрять другъ друга. Молодой работалъ бы больше пожилого, но пожилой понималъ бы его вполнѣ и совершенно сознательно радовался бы каждому отдѣльному успѣху своего младшаго товарища, на котораго это сочувствіе дѣйствовало бы самымъ живительнымъ образомъ. О разладѣ не могло бы быть и рѣчи, потому что, вполнѣ понимая другъ друга, эти люди видѣли бы, что между ихъ интересами нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей противоположности. Одинъ ищетъ истины, и другой также ищетъ истины, и эта истина для обоихъ одна и та-же, и эта истина не такое благо, которое, доставшись одному, не могло бы въ то же время принадлежать и другому. Стало быть, и дуться другъ на друга незачѣмъ, и надо только договориться до взаимнаго пониманія. Базаровъ очень хорошо знаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякая попытка договориться до какого-нибудь удовлетворительнаго результата совершенно безплодна. Онъ никогда не пробуетъ серьезно разговаривать съ Ситниковымъ или съ Кукшиною, потому что эти господа очевидно изображаютъ своими особами бездонную бочку Данаидъ. Сколько въ нихъ ни вали дѣльныхъ мыслей, хоть весь британскій музеумъ опрокинь въ ихъ головы, все будетъ пусто и все̂ будетъ проходить насквозь съ величайшей легкостью. Базаровъ не пробуетъ также вступать въ серьезные разговоры съ своими родителями, хотя эти родители вовсе не глупы отъ природы. Но договориться и съ ними невозможно: отецъ Базарова—славный и добрый старикъ, еще бодрящійся, но уже начинающій впадать въ дѣтство; а мать его даже никогда не переставала быть ребенкомъ, хотя и была постоянно примѣрной супругой, отличной хозяйкой и до самозабвенія нѣжной матерью. Такія личности, обладающія здоровымъ и нормальнымъ мозгомъ, но живущія и умирающія безъ пособія этого органа, встрѣчаются у насъ на каж-

домъ шагу и доказываютъ своимъ существованіемъ ту несомнѣнную истину, что время полнаго господства головного мозга надъ явленіями человѣческой жизни наступитъ еще очень нескоро. Такія личности живутъ такъ называемымъ чувствомъ, то-есть каждое впечатлѣніе, не задерживаясь и не перерабатываясь въ ихъ мозгу ни одной минуты, немедленно переходитъ въ какой-нибудь поступокъ, въ которомъ эта поступающая личность никогда не спрашиваетъ у себя и никогда не можетъ дать себѣ ни малѣйшаго отчета. Такія личности приходятся по душѣ нашему обществу и нашимъ художникамъ, которые дѣйствительно имѣютъ съ ними довольно много точекъ соприкосновенія; но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы такія личности могли имѣть особенно живительное вліяніе на медленное, страшно-медленное движеніе человѣчества къ свѣтлому будущему. Личности, подобныя старушкѣ Базаровой,—это ходячіе пуховики, часто очень привлекательные и всегда приглашающіе своей симпатичностью полезныхъ работниковъ опочить до конца жизни отъ несодѣланныхъ подвиговъ и разумнаго труда. Съ этимъ милымъ, добродушнымъ, трогательно любящимъ и уже состарѣвшимся пуховикомъ Базаровъ конечно ни о чемъ не разсуждаетъ, потому что «и сказать ей нечего». Такимъ образомъ Базаровъ разговариваетъ только съ Аркадіемъ, съ Николаемъ и Павломъ Петровичами и съ Одинцовой. Самое серьезное значеніе для Базарова и самый серьезный результатъ во всѣхъ отношеніяхъ могли имѣть разговоры съ Одинцовой; они могли доставить Базарову счастье взаимной любви и они же могли дать обществу мыслящую женщину. Наслаждаясь разумнымъ счастьемъ, Базаровъ удесятерилъ бы свои рабочія силы, и это приращеніе пошло бы цѣликомъ на пользу общему умственному капиталу всего человѣчества. Одинцова, съ своей стороны, развернула бы всѣ силы своего здороваго ума. Но такіе счастливые результаты получаются очень рѣдко. Почти всегда какая-нибудь ничтожная оплошность нарушаетъ процессъ развитія въ самомъ его началѣ, подобно тому, какъ самое легкое движеніе воздуха разстраиваетъ всѣ разсчеты химика и искажаетъ весь процессъ медленной и нормальной кристаллизаціи. Такъ случилось и въ исторіи Одинцовой. Ее испугала страстность Базарова, но еслибы та-же страстность проявилась съ такой-же силой двумя или тремя мѣсяцами позднѣе, то Одинцова увлеклась бы ею сама до полнѣйшаго самозабвенія. Впрочемъ объ отношеніяхъ реалистовъ къ женщинамъ я буду говорить впослѣдствіи очень подробно.

Аркадій, мнѣ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на кусокъ очень чистаго и очень мягкаго воска. Вы можете сдѣлать изъ него все, что хотите, но зато, послѣ васъ, всякій другой точно также можетъ сдѣлать съ нимъ все, что этому другому будетъ угодно. Вы можете натереть имъ мебель и паркетный полъ: Аркадій исполнитъ это назначеніе въ совершенствѣ. Вы можете превратить его въ свѣчку: Аркадій будетъ таять и уничтожаться въ порывахъ самопожертвованія, и можетъ уничтожиться безъ остатка, если никто не догадается дунуть на свѣтильню; но этотъ процессъ самоистребленія будетъ постоянно совершаться только въ непосредственной близости самаго огня, и во время этого процесса вся свѣча будетъ совершенно холодна и равнодушна. Какъ только погаснетъ свѣтильня, не имѣющая по своему составу ничего общаго съ воскомъ, такъ въ ту же минуту прекратится всякое таяніе и изнываніе. Если вы—искусный скульпторъ, вы можете сдѣлать изъ этого восковаго Аркадія изящнѣйшую статуэтку и даже можете вложить въ складки его чела выраженіе глубокой задумчивости и міровой печали; но эту художественную бездѣлку вы непремѣнно должны держать подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобы ея не засидѣли мухи; кромѣ того мы должны тщательно наблюдать, чтобы она не подвергалась вліяніямъ измѣнчивой температуры; попробуйте оставить ее на полчаса подъ лучами лѣтняго солнца, и она расплывется такъ удивительно, что ея творецъ, искусный скульпторъ, не будетъ въ состояніи узнать свое любимое произведеніе. Не только глубокая задумчивость, не только міровая печаль изгладится безъ слѣда, но даже обыкновенныя черты человѣческаго образа стушуются до полнаго безличія. Но это ничего не значитъ. Если скульпторъ терпѣливъ, онъ можетъ немедленно взять свою отекшую креатуру въ свои искусныя руки и снова можетъ возстановить утраченное достоинство ея выраженія. Впрочемъ надо сказать правду, что такой терпѣливый скульпторъ окажется чистымъ художникомъ, то-есть человѣкомъ, работающимъ изъ любви къ искусству, безъ малѣйшаго стремленія въ практической пользѣ, потому что такая восковая статуэтка можетъ быть только очень безполезнымъ и очень непрочнымъ украшеніемъ дамскаго будуара. Въ концѣ концовъ мухи засидятъ ее непремѣнно до полнаго помраченія, и воскъ утратитъ всю свою первобытную чистоту, такъ-что статуэтку все-таки придется отдать въ распоряженіе полотеровъ для украшенія паркета. Говоря проще, подъ старость Аркадій все-таки сдѣлается безполезнѣйшимъ, а можетъ быть и дряннѣйшимъ тунеядцемъ. А старость, то-есть житье въ брюхо, для этихъ восковыхъ господъ начинается ровно черезъ годъ послѣ выхода изъ университета. Базаровъ разговариваетъ съ Аркадіемъ именно въ то время, когда послѣдній находится въ переходномъ состояніи изъ отрочества въ старость. Базаровъ видитъ своего такъ называемаго друга насквозь и ни-

сколько его не уважаетъ. Но иногда, какъ мыслящій человѣкъ и какъ страстный скульпторъ, онъ увлекается тѣмъ разумнымъ выраженіемъ, которое его же собственное вліяніе накладываетъ порою на мягкія черты его воскового друга. Еслибы вы спросили у Базарова: «Выйдетъ ли что-нибудь путное изъ вашего друга?» Базаровъ отвѣчалъ бы вамъ съ полнымъ убѣжденіемъ: «Ничего путнаго не выйдетъ; будетъ рафинированнымъ Маниловымъ и больше ничего». Но на практикѣ Базаровъ не всегда послѣдовательно выдерживаетъ эту идею; онъ иногда обращается къ Аркадію такъ, какъ будто бы онъ видѣлъ въ немъ какіе-нибудь задатки сильнаго ума и твердаго характера.

Это понятно и извинительно. Базаровъ такъ одинокъ, всѣ окружающіе его люди смотрятъ на него такими изумленными глазами, что поневолѣ одолѣваетъ его иногда потребность хоть кому-нибудь сказать человѣческое слово, хоть кому-нибудь помочь добрымъ совѣтомъ. Николай Петровичъ положительно умнѣе своего сына, и съ нимъ Базаровъ могъ бы сблизиться, еслибы была какая-нибудь возможность завязать это сближеніе, то-есть сдѣлать первый шагъ. Но вѣдь неловко же, неудобно подойти къ посторонпему человѣку пожилыхъ лѣтъ и, безъ малѣйшаго вызова съ его стороны, подарить ему нѣсколько непрошенныхъ совѣтовъ касательно направленія его умственной дѣятельности. Аркадій могъ бы явиться посредникомъ между отцомъ и Базаровымъ, но Аркадій не умѣетъ сдѣлать ни одного активнаго шага, а, какъ неоперившійся птенецъ, производитъ ежеминутно разныя плоскости и безтактности. Братъ Николая Петровича, Павелъ, положительно мѣшаетъ всякому сближенію, постоянно вызываетъ Базарова на безплоднѣйшіе діалектическіе поединки, жестоко надоѣдаетъ ему и наконецъ завершаетъ всѣ свои подвиги глупѣйшей дуэлью, уже не на словахъ, а на пистолетахъ.

Павелъ Петровичъ — человѣкъ очень неглупый, и его фигура чрезвычайно любопытна и поучительна, какъ отживающая тѣнь печоринскаго типа. Эта тѣнь не хочетъ и не можетъ признать себя тѣнью, и, встрѣчаясь съ тѣмъ типомъ, который живетъ въ настоящемъ, она, эта представительница прошедшаго, отрицаетъ его всѣми силами своего ума и ненавидитъ его такъ, какъ скупой рыцарь ненавидитъ своихъ наслѣдниковъ. Печоринскій и Базаровскій типы ненавидятъ и отталкиваютъ другъ друга. Печорины и Базаровы рѣшительно не могутъ существовать вмѣстѣ въ одномъ обществѣ, потому что и Печорины, и Базаровы выдѣлываются изъ одного матеріала: стало быть, чѣмъ больше Печориныхъ, тѣмъ меньше Базаровыхъ, и наоборотъ. Вторая четверть XIX столѣтія особенно благопріятствовала производству Печориныхъ; новыхъ Печориныхъ жизнь уже не отчеканиваетъ, а старые, потускнѣлые и поблекшіе, никакъ не желаютъ понять, что ихъ время прошло. Прошло ли оно невозвратно, этого никто не рѣшится сказать, но что Печорины въ настоящую минуту не стоятъ на первомъ планѣ — это несомнѣнно. Печорины и Базаровы совершенно непохожи другъ на друга по характеру своей дѣятельности; но они совершенно сходны между собою по типическимъ особенностямъ натуры: и тѣ, и другіе — очень умные и вполнѣ послѣдовательные эгоисты; и тѣ, и другіе выбираютъ себѣ изъ жизни все, что въ данную минуту можно выбрать самаго лучшаго, и, набравши себѣ столько наслажденій, сколько возможно добыть и сколько способенъ вмѣстить человѣческій организмъ, оба остаются неудовлетворенными, потому что жадность ихъ непомѣрна, а также и потому, что современная жизнь вообще не очень богата наслажденіями.

Очень умный человѣкъ можетъ наслаждаться мыслью только тогда, когда дѣятельность мысли клонится къ какой-нибудь великой и немечтательной цѣли. Великія цѣли бываютъ безконечно разнообразны въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; но всѣ онѣ въ сущности могутъ заключаться только въ томъ, чтобы улучшить, такъ или иначе, положеніе той или другой группы человѣческихъ существъ. Переберите всѣ сферы человѣческой дѣятельности, и вы увидите, что всѣ онѣ порождены и поддерживаются исключительно стремленіемъ людей къ нравственному или матеріальному благосостоянію. Не всѣ эти сферы, далеко не всѣ, удовлетворяютъ своему назначенію; многія, очень многія изъ нихъ безполезны для людей и слѣдовательно вредятъ уже тѣмъ, что поглощаютъ силы; многія вредятъ даже положительно, не только отвлекая силы, но и парализируя или извращая другія полезныя проявленія человѣческой дѣятельности; но все-таки всѣ эти сферы существуютъ для блага человѣчества. Такимъ образомъ можно сказать рѣшительно, что для человѣческой мысли главная цѣль есть стремленіе къ человѣческому благополучію. Но въ исторіи бываютъ такія эпохи, когда враждебныя обстоятельства мѣшаютъ людямъ стремиться къ благополучію и рѣшать задачи, вытекающія изъ этого стремленія.

Мысль, работающая для блага человѣчества, дѣйствуетъ обыкновенно по одному изъ двухъ главныхъ путей: или она прилагаетъ къ современной жизни людей тѣ результаты, которые уже добыты передовыми дѣятелями посредствомъ теоретическихъ изслѣдованій и научныхъ наблюденій, или же она добываетъ для будущаго времени новые результаты, то-есть производитъ изслѣдованія, наблюденія и опыты. Тѣ науки, которыя, подобно исторіи и политической экономіи, живутъ только безпристрастнымъ анализомъ между-человѣческихъ отношеній, — въ эпо-

хи застоя теряютъ значительную долю своей занимательности. Этимъ наукамъ предаются въ такое время люди двухъ сортовъ: одни пишутъ казенные учебники, другіе честно и добросовѣстно убѣждены въ томъ, что людямъ слѣдуетъ вѣчно спать, но спать облагороженнымъ сномъ, то-есть видѣть во снѣ великія идеи. Они восхищаютъ своихъ слушателей одушевленными бесѣдами, отъ которыхъ однако никогда, ни при какихъ условіяхъ, ничего, кромѣ испаряющагося восхищенія, не можетъ произойти.

Въ эту категорію я включаю всѣхъ честныхъ и умныхъ людей, подобныхъ Грановскому и Кудрявцеву. Эти имена пользуются у насъ уваженіемъ, и я называю ихъ для того, чтобы не оставить въ моей мысли ни малѣйшей неясности. Эти два профессора жили и умерли вполнѣ честными людьми, но надо сказать правду, что имъ въ этомъ отношеніи сильно посчастливилось: ихъ выручила своевременная смерть, которую ихъ почитатели совершенно неосновательно называютъ преждевременной. Между такимъ историкомъ, какъ Грановскій, и такимъ, какъ Костомаровъ, лежитъ дистанція огромнаго размѣра, а извѣстно, что даже Костомарова застаютъ иногда врасплохъ и ставятъ въ тупикъ запросы пробуждающейся жизни. Любопытно замѣтить, какъ тонко и вѣрно Тургеневъ выразилъ свое мнѣніе о дѣятельности Грановскаго. Пусть читатели припомнятъ личность Берсенева въ романѣ «Наканунѣ» и пусть подумаютъ, могъ ли Грановскій сформировать что-нибудь выше и лучше Берсенева. Еслибы сѣмя всѣхъ сѣятелей всегда падало на такую добрую почву, какъ душа Берсенева, то и желать ничего болѣе не оставалось бы. Берсеневъ въ высокой степени честенъ и настолько уменъ, чтобы быть очень полезнымъ работникомъ. Если-же общій результатъ берсеневской дѣятельности оказывается совершенно ничтожнымъ, то виновато исключительно плохое качество того сѣмени, которое было принято и взлелѣяно этимъ честнымъ и искреннимъ человѣкомъ съ полнѣйшимъ благоговѣніемъ и съ безкорыстнѣйшей любовью. А, кажется, Тургеневу въ этомъ отношеніи можно повѣрить, во-первыхъ, потому, что онъ зналъ вполнѣ всѣ задушевныя стремленія московскихъ кружковъ, а во-вторыхъ—потому, что его можно заподозрить скорѣе въ пристрастіи къ симпатичному Грановскому, чѣмъ въ преувеличенной нѣжности къ угловатымъ реалистамъ нашего времени.

Мнѣ возразятъ, что на поприщѣ Грановскаго никто бы не могъ дѣйствовать лучше и плодотворнѣе. Я знаю, что не могъ. Но это доказываетъ только, что не надо ему было становиться на такое поприще. На это скажутъ, что лучше что-нибудь, чѣмъ совсѣмъ ничего. Съ этимъ я опять-таки совершенно согласенъ, но только надо условиться въ пониманіи термина—«что-нибудь». Если мнѣ очень хочется ѣсть, то я прошу: дайте мнѣ, ради Бога, хоть что-нибудь! То-есть, дайте мнѣ хоть сухую корку хлѣба. Но если мнѣ дадутъ палисандровую дощечку или атласный лоскутокъ, то я никакъ не скажу, что это—«что-нибудь» а скажу, что это—«совсѣмъ ничего». При совершенно раціональномъ преподаваніи, исторія есть «что-нибудь», и можетъ служить обществу очень питательной пищей. Но при художественной манерѣ преподаванія исторія превращается въ галлерею рембрандтовскихъ портретовъ. И хорошо, и весело, и глаза разбѣгаются, а въ результатѣ выходитъ все-таки совсѣмъ ничего. Вѣдь какъ хотите толкуйте: Грановскому до Маколея очень далеко, а между тѣмъ я бы покорнѣйше попросилъ кого-нибудь изъ многочисленныхъ обожателей великаго Маколея доказать мнѣ ясно и вразумительно, что вся дѣятельность этого великаго человѣка принесла Англіи или человѣчеству хоть одну крупинку дѣйствительной пользы. А что дѣятельность всѣхъ ученыхъ и писателей, подобныхъ Маколею, принесла чрезвычайно много вреда, это вовсе не трудно доказать. Всѣ эти господа, сознательно или безсознательно, постоянно морочили граціозностью.

Молодые люди, подобные Берсеневу, входятъ въ храмъ науки и прежде всего попадаютъ въ преддверіе, изъ котораго расходятся въ двѣ противоположныя стороны—въ два корридора. Пойдешь налѣво—тебѣ покажутъ тысячи палисандровыхъ дощечекъ и атласныхъ лоскутковъ, которые тебѣ придется жевать для утоленія умственнаго голода. А пойдешь направо—тебя накормятъ, одѣнутъ, обуютъ, обмоютъ и покажутъ кромѣ того, какъ кормить, одѣвать, обувать и обмывать другихъ людей. Въ лѣвомъ, атласно-палисандровомъ отдѣленіи храма наукъ господствуютъ: исторіографія Маколея и его безчисленныхъ, даровитыхъ и бездарныхъ, послѣдователей, политическая экономія не менѣе безчисленныхъ учениковъ Мальтуса и Рикардо и сверхъ того пестрѣйшая толпа различныхъ «правъ»: римское, гражданское, государственное, уголовное и множество другихъ. И всѣ атласно-палисандровыя подобія наукъ тщательно приведены, посредствомъ усѣченій и пришиваній, въ строгую гармонію какъ между собою, такъ въ особенности и съ общими современными требованіями. Въ правомъ отдѣленіи, напротивъ того, помѣщается изученіе природы.

Еслибы молодымъ людямъ, вступающимъ въ храмъ науки, ставили вопросъ о двухъ корридорахъ такъ откровенно, какъ онъ поставленъ здѣсь, то, разумѣется, кому же была бы охота идти налѣво и жевать атласъ? Но къ несчастью, къ большому несчастью для молодыхъ людей и для всего человѣчества—все лѣвое отдѣленіе биткомъ набито сладкогласными сиренами, вродѣ Маколея и Грановскаго, кото-

рыя только тѣмъ и занимаются, что очаровываютъ и завлекаютъ своимъ мелодическимъ пѣніемъ неопытныхъ посѣтителей великаго храма. Въ правомъ отдѣленіи совсѣмъ нѣтъ сиренъ: во-первыхъ потому, что тамъ вообще до сихъ поръ мало обитателей, а во-вторыхъ и потому, что наличнымъ обитателямъ рѣшительно некогда заниматься пѣснопѣніями: одинъ добываетъ какую-нибудь кислоту, другой анатомируетъ пузырчатую глисту, третій изслѣдуетъ химическія свойства гуано, четвертый возится съ кореннымъ зубомъ какого-нибудь Elephas meridionalis, пятый прилаживаетъ отрѣзанную лапку лягушки къ гальванической батареѣ, шестой анализируетъ мочу помѣшанныхъ людей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ томъ же прозаическомъ направленіи. Ну, скажите, Бога ради, такія-ли это занятія, чтобы можно было запѣть по поводу ихъ мелодическую серенаду, способную очаровать и привлечь молодыхъ посѣтителей, только-что поступившихъ въ храмъ науки и не умѣющихъ ясно отличать область чистой фантазіи отъ области строгаго знанія?

Неудивительно, что почти вся масса свѣжихъ умственныхъ силъ, не находившихъ себѣ никакого приложенія къ жизни, тратилась прежде или на строго научное веденіе правильныхъ аттакъ противъ женскихъ сердецъ, или на писаніе и чтеніе сочиненій и статей въ маколеевскомъ родѣ, только гораздо пожиже. Грановскіе и ихъ ученики Берсеневы почти совершенно удовлетворялись этой послѣдней дѣятельностью и были глубоко убѣждены въ томъ, что они дѣлаютъ дѣло, и что Россія, только по своей крайней неразвитости, не считаетъ ихъ великими гражданами; но люди болѣе умные, люди, подобные Лермонтову и его герою Печорину, рѣшительно отвертывались отъ русскаго маколейства и искали себѣ наслажденій въ любви, страдали исключительно отъ любовныхъ неудачъ, порхали съ цвѣтка на цвѣтокъ, довели русское донъ-жуанство до замѣчательной виртуозности и все-таки скучали, какъ ни были разнообразны и очаровательны отдѣльные эпизоды этой многотрудной дѣятельности.

Выбрать себѣ донъ-жуанство, когда общество живетъ или начинаетъ жить полной жизнью, значитъ, во-первыхъ, обнаружить замѣчательное скудоуміе, а во-вторыхъ—обнять мечту вмѣсто дѣйствительности, потому что въ живущемъ или пробуждающемся обществѣ субъектъ, не имѣющій за собою никакихъ достоинствъ, кромѣ стремленія къ любви, одержитъ весьма слабое количество очень неблестящихъ побѣдъ. Въ такомъ обществѣ женщины всегда требуютъ отъ своихъ поклонниковъ хотя какихъ-нибудь внѣшнихъ признаковъ дѣльности и умственной энергіи; тутъ ужъ невозможно колотить себя въ грудь и божиться, что въ этой груди заключены исполинскія силы, которыя тщетно стремятся найти себѣ исходъ; тутъ самая простодушная женщина скажетъ этому колотителю: «Что-жъ вы не проявляете вашихъ силъ? Вѣдь вотъ M и N проявляютъ. И вы проявите». И останется на это сказать только: «Слушаю-съ, сударыня; завтра-же проявлять начну». Но въ цвѣтущее время печоринства постоянная праздность, хроническое скучаніе и полный разгулъ страстей дѣйствительно составляютъ неизбѣжную и естественную принадлежность самыхъ умныхъ людей. Конечно маску вѣчной скуки надѣвали на себя такіе люди, которые просто были глупы, которые во всякое время были-бы праздными и которые старались только прострѣлить женское сердце разочарованными взорами. Грушницкіе носили тогда обноски Печориныхъ такъ точно, какъ теперь Ситниковы носятъ обноски Базаровыхъ. Конечно и настоящіе Печорины часто интересничали своимъ скучаніемъ, когда это интересничаніе могло остаться незамѣченнымъ, сойти за чистую монету и ускорить желанную развязку любовной интриги. Но, несмотря на то, скука настоящихъ Печориныхъ вовсе не была маской; она ихъ дѣйствительно тяготила, и еслибы какой-нибудь благодѣтельный геній предложилъ имъ снять съ нихъ эту проклятую обузу, то они съ большимъ удовольствіемъ дали бы клятвенное обязательство никогда не надѣвать на себя личину этой скуки «для пущаго трагизма», какъ выражается Зайцевъ. Печорины были во всѣхъ отношеніяхъ умнѣе Берсеневыхъ, и поэтому-то именно имъ и не оставалось никакого выхода изъ скуки и изъ міра любовныхъ похожденій. Конечно ихъ силы могли бы найти себѣ удовлетвореніе въ глубокомъ изученіи природы, но вѣдь надо-же помнить, что въ нашемъ любезномъ отечествѣ только что на этихъ дняхъ сдѣлано то великое открытіе, что естественныя науки дѣйствительно существуютъ, что онѣ способны принести людямъ нѣкоторую пользу, и что не мѣшало бы, вмѣсто «розъ Ѳеокрита», возрастить на россійскихъ снѣгахъ нѣчто вродѣ химіи, физіологіи и анатоміи. Для Печориныхъ естествознаніе было тѣмъ, что будетъ вѣроятно во всякое время интегральное исчисленіе для огромнаго большинства людей. Стало быть, Печоринымъ не было никакого выбора, и постоянная ихъ праздность не можетъ служить доказательствомъ ихъ умственной хилости. Даже напротивъ того.

VIII.

Германія, классическая страна «здороваго растительнаго сна», настоящая родина чистѣйшаго филистерства, совершенно недоступнаго въ своей полной чистотѣ для всѣхъ остальныхъ частей нашей планеты; Германія, говорю я, съумѣла однако устроить такъ, что ея многолѣтній сонъ не пропалъ даромъ ни для нея

самой, ни для человѣчества. Первые шестьдесятъ четыре года XIX столѣтія останутся навсегда незабвенной эпохой, какъ колыбель новѣйшаго естествознанія. Либихъ, Леманъ, Мульдеръ, Молешотъ, Дюбуа-Реймонъ, Пфлюгеръ, Вирховъ, Фирордтъ, Валентинъ, Гельмгольцъ, братья Веберы, Карлъ Фохтъ, Гиртль, Броннъ, Келликеръ, Фульротъ, Шахтъ, Александръ Гумбольдтъ, Шваннъ, Функе, Эренбергъ, Зибольдъ и другіе болѣе или менѣе замѣчательные натуралисты сдѣлали изъ этой эпохи незыблемый фундаментъ для будущаго развитія естествознанія. «Химическія письма» Либиха, «Круговоротъ жизни» Молешота, «Изслѣдованія о животномъ электричествѣ» Дюбуа-Реймона, «Целлюлярная патологія» Вирхова, «Анатомія» Гиртля, «Гистологія» Келликера, «Дерево» Шахта, «Космосъ» Гумбольдта навсегда останутся драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Эти труды не только кладутъ фундаментъ будущаго благосостоянія, но кромѣ того даже въ настоящемъ увеличиваютъ богатство массъ; подобные люди счастливы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, они прежде другихъ созерцаютъ тѣ великія тайны природы, съ которыхъ они срываютъ завѣсу; и во-вторыхъ, они видятъ счастье тѣхъ людей, которые имъ однимъ обязаны своимъ благосостояніемъ. Конечно многія тайны остаются для нихъ недоступными; но я не говорю, что истинные ученые естествоиспытатели наслаждаются безоблачнымъ блаженствомъ. Они часто и страдаютъ, и волнуются, но они не отдадутъ этихъ великихъ минутъ страданія и волненія за милліоны невозмутимыхъ филистерскихъ благополучій. Вы любите женщину, васъ волнуетъ и терзаетъ и ея присутствіе, и ея отсутствіе, и ея слова, и ея взгляды, и ея холодность, и ея страстность; въ самыя счастливыя минуты вы не знаете сами, весело-ли вамъ, или больно; а между тѣмъ всѣ эти мучительныя ощущенія безконечно дороги для васъ, и дороги даже тогда, когда весь вашъ романъ цѣликомъ ушелъ въ прошедшее и когда у васъ не осталось для настоящаго ровно ничего, кромѣ грустно-радужныхъ воспоминаній; какъ только прошедшее выступаетъ ярко передъ вашей памятью, такъ вамъ становится положительно больно, и никакого изъ этой боли не можетъ выйти толку; а между тѣмъ вы любите даже эти томительныя минуты, и вы ни за что не согласились бы взять себѣ забвеніе, еслибы даже оно было возможно.

Если вы когда-нибудь любили, то вы найдете эти замѣчанія вѣрными, и вы получите тогда легкое понятіе о томъ, какимъ образомъ знающіе естествоиспытатели относятся ко всѣмъ трудамъ, непріятностямъ и страданіямъ той дѣятельности, которая наполняетъ всю ихъ жизнь. Когда типъ скучающихъ Печориныхъ процвѣталъ въ нашемъ отечествѣ, тогда все-таки никакія обстоятельства не мѣшали и не хотѣли мѣшать развитію физическихъ и физіологическихъ изслѣдованій. Конечно идеи Фейербаха и Бюхнера считались и тогда очень предосудительными. Но совсѣмъ не въ этихъ идеяхъ и заключается сила современнаго естествознанія. Если до сихъ поръ мы относимся къ этимъ идеямъ съ особенной нѣжностью и накидываемся на нихъ съ особенной жадностью, то это доказываетъ только, что мы стоимъ еще на самомъ порогѣ настоящей науки и что мы до сихъ поръ никакъ не можемъ отказаться отъ ребяческой замашки строить системы міра изъ двухъ десятковъ собранныхъ кирпичей. Кромѣ того запрещенный плодъ всегда привлекателенъ. Но настоящіе натуралисты, тѣ, которымъ нѣтъ причины нѣжничать съ запрещенными плодами, и тѣ, которые находятъ скучнымъ полемизировать съ подобными созданіями человѣческой глупости, тѣ, говорю я, относятся съ глубочайшимъ равнодушіемъ къ такимъ системамъ, начиная съ необузданнаго идеализма Платона и кончая простымъ матеріализмомъ Бюхнера. Они даже перестали удивляться тому, что люди спорятъ о такихъ предметахъ. Мы желаемъ работать, говорятъ естествоиспытатели, а не фантазировать. Работа-же наша состоитъ въ изученіи тѣхъ сторонъ природы, которыя можно видѣть, измѣрять и вычислять. Такъ разсуждаютъ величайшіе изъ современныхъ натуралистовъ, и простота, и разумность такихъ разсужденій такъ очевидны, такъ неотразимо дѣйствуютъ на всѣ человѣческіе умы, даже на самые неразвитые, что передъ трудами натуралиста преклоняются съ невольнымъ уваженіемъ люди всѣхъ политическихъ партій.

На основаніи всѣхъ предыдущихъ соображеній, я рѣшаюсь высказать ту мысль, что наши Печорины могли проникнуть въ область труда, недоступную атмосферическимъ вліяніямъ, и проникли бы въ нее непремѣнно, еслибы они только имѣли ясное понятіе о ея существованіи. Мнѣ кажется, что имъ всего болѣе мѣшали открыть эту область три вещи: во-первыхъ—наше общее невѣжество, во-вторыхъ — поэзія и эстетика, и въ-третьихъ— ученое фразерство нашихъ добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ Маколеевъ. Послѣднія двѣ причины мѣшали преимущественно тѣмъ, что возбуждали въ сильныхъ и естественно-скептическихъ умахъ нашихъ Печориныхъ презрѣніе къ умственной дѣятельности вообще. Они думали, по своей необразованности, что видятъ передъ собою образчики всей человѣческой науки, и, замѣчая тотчасъ дряблость и практическое убожество тѣхъ занятій, которымъ съ колѣнопреклоненіями и съ священнымъ ужасомъ предавались наши Берсеневы, они, Печорины, рѣшали сразу, что все это чепуха, и что надо жить,

пока живется, и что скука составляетъ неизбѣжную непріятность въ жизни каждаго умнаго человѣка. Я увѣренъ, что читая даже статьи Бѣлинскаго, многіе Печорины разсуждали про себя: «Да. Славно пишетъ. И умно, и честно. Но къ чему все это?» И если они разсуждали такимъ образомъ, то нельзя сказать, чтобы они были совершенно неправы. Еслибы Бѣлинскій и Добролюбовъ поговорили между собою съ глаза на глазъ, съ полной откровенностью, то они разошлись бы между собою на очень многихъ пунктахъ. А еслибы мы поговорили такимъ же образомъ съ Добролюбовымъ, то мы не сошлись бы съ нимъ почти ни на одномъ пунктѣ. Читатели «Русскаго Слова» знаютъ уже, какъ радикально мы разошлись съ Добролюбовымъ во взглядѣ на Катерину, то-есть — въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ оцѣнка свѣтлыхъ явленій въ нашей народной жизни. Слѣдовательно, самыя идеи Бѣлинскаго уже не годятся для нашего времени. Въ свое время онѣ были очень полезны, но основательно-ли было бы утверждать, что въ его время невозможны были такія другія идеи, которыя принесли бы вдесятеро больше пользы.

Мнѣ кажется, что такія идеи были возможны даже тогда. Бѣлинскій, усвоившій себѣ полулитературное, полуфилософское образованіе, не могъ сдѣлаться проводникомъ этихъ другихъ идей; но тотъ же Бѣлинскій, получившій математическое и строго реальное образованіе, тотъ же Бѣлинскій, съ тѣмъ-же сильнымъ умомъ, съ тѣмъ же блестящимъ талантомъ, съ тѣми же честными убѣжденіями, но только Бѣлинскій-натуралистъ, а не эстетикъ и не гегельянецъ, принесъ бы въ десять разъ больше пользы, и послѣ дѣятельности такого атлета мнѣ конечно не было бы ни надобности, ни даже возможности писать въ 1864 году настоящія строки. Но немногіе уцѣлѣвшіе и состарѣвшіеся Печорины никакъ не хотятъ и не могутъ повѣрить тому, что они при всемъ своемъ умѣ были круглыми невѣждами и втеченіи всей своей жизни скучали не по возвышенности своей натуры, а только потому, что не знали, какъ взяться за дѣло. Потому, при встрѣчѣ съ молодыми Печориными, они стараются ихъ разразить аргументами, какъ разражали въ былые годы гегелистовъ и маколеевъ россійской фабрикаціи. Но тутъ коса находитъ на камень, и старые Печорины замѣчаютъ въ молодыхъ ту же холодную ясность взгляда, ту же умственную требовательность, ту же безпощадность ироніи, словомъ, всѣ тѣ же свойства, которыми они сами наводили трепетъ на Максима Максимовича и благоговѣйную любовь на княжну Мери. И ко всему этому присоединяется знаніе, котораго у пятигорскаго демона не было. Да еще вдобавокъ не скучаютъ, канальи, и даже отрицаютъ скуку, то-есть ухитряются такимъ образомъ перещеголять демона даже въ отрицаніи, которое, какъ извѣстно, составляетъ его нарочитую спеціальность. Разумѣется, все это неимовѣрно бѣситъ посѣдѣвшихъ Печориныхъ, и имъ, чтобы не видѣть молодыхъ чертенятъ, которые оказываются шустрѣе старыхъ,—остается только взять примѣръ съ Павла Петровича Кирсанова, то-есть уѣхать въ Дрезденъ и показывать себя публикѣ на брюлевской террасѣ.

IX.

Базаровъ говоритъ Аркадію: «Твой отецъ— добрый малый, но онъ человѣкъ отставной, его пѣсенка спѣта. Онъ читаетъ Пушкина. Растолкуй ему, что это никуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. Дай ему что-нибудь дѣльное, хоть Бюхнерово «Stoff und Kraft» на первый случай».

Выписавъ эти слова, Антоновичъ прибавляетъ отъ себя замѣчаніе: «Сынъ вполнѣ согласился со словами друга и почувствовалъ къ отцу сожалѣніе и презрѣніе».

Но, во-первыхъ, это неправда: ни сожалѣнія, ни презрѣнія Аркадій не чувствовалъ къ своему отцу, ни *до* этого разговора, ни *послѣ*. А во-вторыхъ, еслибы даже глупость Аркадія дошла до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, то, разумѣется, *сожалѣніе* и *презрѣніе* родились бы въ немъ не отъ того, что онъ *согласился съ словами друга*, а отъ того, что онъ понялъ эти слова совсѣмъ навыворотъ. Базаровъ нисколько не желаетъ разъединять сына съ отцомъ; напротивъ того, Базаровъ своимъ совѣтомъ указываетъ на тотъ единственный путь, по которому Аркадій можетъ приблизиться къ Николаю Петровичу, не измѣняя идеямъ своего поколѣнія. Но прежде всего необходимо правильно понимать Базарова; онъ выражается всегда очень сильно и довольно небрежно; поэтому, если мы захотимъ придираться къ отдѣльнымъ словамъ, намъ будетъ вовсе нетрудно извратить ихъ смыслъ, обвинить Базарова въ различныхъ намѣреніяхъ и даже отыскать въ каждой его фразѣ по нѣскольку противорѣчій. Напримѣръ, онъ говоритъ, что Николай Петровичъ — человѣкъ отставной, и въ то же время совѣтуетъ дать ему что-нибудь дѣльное. Явное противорѣчіе! Если отставной, такъ и пускай читаетъ Пушкина; незачѣмъ его и отрывать отъ этого безвреднаго занятія. Далѣе: противъ чтенія Пушкина приводится тотъ аргументъ, что «вѣдь онъ (т.-е. Николай Петровичъ) не мальчикъ». Это опять похоже на безсмыслицу. Значитъ, еслибы Базаровъ увидалъ сочиненія Пушкина въ рукахъ семнадцатилѣтняго мальчика, то онъ этого мальчика похвалилъ бы за прилежаніе и нашелъ бы, что этому мальчику дѣйствительно слѣдуетъ тратить время на чтеніе «Кавказскаго плѣнника» и «Бахчисарайскаго фонтана». Уличивши такимъ образомъ Базарова въ противорѣчіяхъ, доказавши ему, что

онъ самъ не понимаетъ своихъ собственныхъ словъ, мы конечно безъ малѣйшаго труда придемъ къ тому заключенію, что Базарову, какъ самолюбивому мальчишкѣ, хочется только поумничать надъ почтеннымъ отцомъ семейства, и что вся тирада противъ Пушкина должна быть приписана этому мелкому предосудительному побужденію. Это заключеніе чрезвычайно печально, потому что оно доказываетъ намъ удивительную непрочность той гармоніи, которая господствуетъ въ самыхъ лучшихъ и просвѣщенныхъ русскихъ семействахъ.

Когда Базаровъ говоритъ съ Аркадіемъ о Николаѣ Петровичѣ, то слова могутъ подать поводъ къ ложнымъ истолкованіямъ; въ этихъ словахъ можно отыскать безсвязность и нелѣпость; но стоитъ только взглянуть на эти слова безъ предубѣжденія, чтобы увидать и понять немедленно честныя, чистыя и вполнѣ сознательныя стремленія Базарова. — Зачѣмъ онъ говоритъ Аркадію, что его отецъ—человѣкъ отставной?— Очень понятно, зачѣмъ.—Аркадій—юноша впечатлительный. Пріѣхавъ въ деревню, онъ подчиняется вліянію разнѣживающей обстановки и увлекается симпатичной личностью своего добраго отца. Любить отца очень похвально, но всякій читатель вѣроятно согласится со мною въ томъ, что двадцатилѣтнему юношѣ не слѣдуетъ относиться къ требованіямъ современной дѣйствительности такъ, какъ относится къ нимъ сорокачетырехлѣтній мужчина. Если пожилой человѣкъ отдыхаетъ и благодушествуетъ, если онъ занимается полезнымъ трудомъ отъ нечего дѣлать, если этотъ трудъ составляетъ для него не цѣль и смыслъ всего существованія, а только пріятное развлеченіе вродѣ прогулки для моціона, если, говорю я, все это дѣлается пожилымъ человѣкомъ, то мы отъ всей души говоримъ ему спасибо за то, что онъ не мѣшаетъ работѣ другихъ людей, и еще за то, что онъ способенъ находить удовольствіе въ такихъ занятіяхъ, которыя не могутъ быть названы совершенно безполезными. Мы всегда должны помнить, что человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ провелъ всю свою молодость въ печоринскомъ періодѣ, и что вынужденная неподвижность дѣйствуетъ на человѣческія силы гораздо разрушительнѣе, чѣмъ самый тяжелый и изнурительный трудъ. Поэтому реалисты никогда не потребуютъ отъ Николая Петровича, чтобы онъ съ юношеской энергіей и съ горячимъ усердіемъ принялся за работу нашего времени. Но по этой же самой причинѣ реалисты отнесутся съ полнымъ и совершенно справедливымъ презрѣніемъ къ тому двадцатилѣтнему празднолюбцу, который вздумаетъ отдыхать, благодушествовать и дилеттантствовать подобно Николаю Петровичу. Или работай серьезно, или совсѣмъ не принимайся за работу.—Они скажутъ это каждому изъ своихъ сверстниковъ, потому что отъ нихъ, отъ нашихъ сверстниковъ, мы имѣемъ полное право настоятельно требовать непреклонной энергіи, желѣзнаго терпѣнія и неутомимаго трудолюбія. У кого нѣтъ этихъ свойствъ и кто, будучи двадцатилѣтнимъ здоровымъ парнемъ, не въ состояніи выработать въ себѣ эти свойства, тотъ не можетъ пользоваться уваженіемъ нашимъ, того ошикаютъ и осмѣютъ, если онъ осмѣлится пуститься въ добродѣтельныя фразы о своемъ пламенномъ сочувствіи общему дѣлу отечественнаго прогресса. Намъ нужна полезная работа, и нѣтъ никакого дѣла до пламенныхъ сочувствій. Сочувствіе-же мы съ полной признательностью принимаемъ только отъ тѣхъ людей, которые уже не въ силахъ быть дѣятельными работниками.

Теперь понятно, что̀ значатъ слова Базарова: «твой отецъ — человѣкъ отставной». Это значитъ: помни, о другъ мой, Аркадій Николаевичъ, что съ твоей стороны будетъ совершенно неприлично вести тотъ образъ жизни, который дѣлаетъ твоему пожилому отцу большую честь. Онъ поступаетъ хорошо, потому что онъ отставной, но тебѣ рано выходить въ отставку. Смотри-же, держи ухо востро, если не желаешь къ двадцати-пяти годамъ сдѣлаться Афанасіемъ Ивановичемъ. Когда Аркадій женился на Катеринѣ Сергѣевнѣ, онъ дѣйствительно превратился въ Афанасія Ивановича, и можно было сказать заранѣе, что всѣ предостереженія Базарова пропадутъ даромъ, потому что воскъ ни при какихъ условіяхъ не перестанетъ быть воскомъ и не сдѣлается ни сталью, ни алмазомъ. Но вѣдь Базаровъ не виноватъ въ томъ, что его разумныя слова попадали въ ослиное ухо. Слова все-таки разумны, намѣреніе все-таки честно, а если успѣхъ не великъ, такъ что̀-же съ этимъ дѣлать. Намъ пришлось бы наложить на себя пиѳагорейскій обѣтъ молчанія, еслибы мы стали высказывать наши мысли только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ навѣрное должны попасть въ цѣль и произвести осязательный практическій результатъ.

Это напоминаетъ мнѣ, что фельетонистъ «Современника» называетъ Базарова болтуномъ. О, Господи! Ужъ не нашимъ-бы литераторамъ высказывать этотъ упрекъ. Намъ, пишущимъ людямъ, приходится болтать десятки лѣтъ, прежде чѣмъ наша болтовня дойдетъ по назначенію. Или можетъ-быть Щедринъ думаетъ, что каждое его слово творитъ чудеса и извлекаетъ изъ камня нашей закоснѣлости живую воду плодотворныхъ идей и высокихъ стремленій? Ну, и пускай думаетъ! Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ! — Но Базаровъ даже и говоритъ-то совсѣмъ немного, и выражаетъ свои мысли такъ коротко и отрывисто, что почти каждое его слово требуетъ дополнительныхъ и пояснительныхъ комментаріевъ. Такъ не говорятъ болтуны, то-есть люди, наслаждающіеся звукомъ собственныхъ рѣчей. Такъ говорятъ только дѣловые люди, чувствующіе непримиримую ненависть ко

всякому риторству. Сказавши Аркадію, что его отецъ—отставной человѣкъ, Базаровъ на этомъ не останавливается. Онъ не хочетъ махнуть рукой на отставного человѣка и отвернуться отъ него. Онъ говоритъ Аркадію: «Растолкуй ему, что это никуда не годится... Дай ему что-нибудь дѣльное».—Зачѣмъ онъ это говоритъ? Конечно не затѣмъ, чтобы сдѣлать Николая Петровича великимъ естествоиспытателемъ. И конечно не затѣмъ, чтобы покуражиться надъ этимъ добродушнымъ и смирнымъ человѣкомъ. Еслибы онъ хотѣлъ куражиться, то онъ самъ полѣзъ бы съ совѣтами къ Николаю Петровичу, вмѣсто того, чтобы разговаривать съ его сыномъ. Базаровъ просто желаетъ подѣлиться тѣмъ, что̀ онъ считаетъ высшими человѣческими наслажденіями, со всякимъ, кто только способенъ воспринять и почувствовать эти наслажденія. Если вы любите ѣсть устрицы, то очень естественно, что вы при случаѣ будете угощать устрицами каждаго изъ вашихъ знакомыхъ; и вы даже съ особеннымъ удовольствіемъ будете вовлекать въ любовь къ устрицамъ тѣхъ людей, которые никогда не брали ихъ въ ротъ и смотрятъ на нихъ съ непозволительнымъ ужасомъ. Ваше удовольствіе будетъ совершенно безкорыстно, и оно будетъ вытекать изъ самаго чистаго источника. Вамъ хочется, чтобы вмѣстѣ съ вами наслаждались и другіе. На этомъ желаніи основано убійственное хлѣбосольство гоголевскаго Пѣтуха, и хлѣбосольство это, проявляющееся въ самыхъ скотскихъ размѣрахъ, все-таки остается очень симпатичнымъ, именно потому, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго тщеславія, а только одно добродушіе: пользуйся, молъ, всякая душа человѣческая!—Пѣтухъ кормитъ своихъ гостей на убой, а Базаровъ хочетъ усадить Николая Петровича за книгу, которую онъ считаетъ дѣльной; оба дѣйствуютъ по одинаковому побужденію. «Мнѣ хорошо; хочу, чтобъ и другому было хорошо»,—это размышленіе такъ просто, такъ естественно, такъ неистребимо въ каждомъ здоровомъ человѣческомъ организмѣ, что и Пѣтухъ способенъ размышлять такимъ образомъ. А между тѣмъ всѣ величайшіе подвиги чистѣйшаго человѣческаго героизма совершались и будутъ совершаться всегда именно на основаніи этого простого размышленія. — А критика наша по обыкновенію смотритъ въ книгу и видитъ фигу, и на основаніи этой фиги изобличаетъ Базарова въ непочтительности, въ жестокости и во всякомъ озорствѣ. Долго придется Антоновичу раскаяваться въ его статьѣ объ «Асмодеѣ нашего времени». Много вреда надѣлала эта статья. Сильно перепутала она понятія нашего общества о молодомъ поколѣніи. Такъ напакостить могъ именно только одинъ «Современникъ».

А что же значатъ слова Базарова: «вѣдь онъ не мальчикъ»?—Это значитъ: «Когда твой отецъ былъ мальчикомъ, тогда позволительно было читать Пушкина, потому что лучше наслаждаться четырехстопными ямбами, чѣмъ «ромомъ и аракомъ» или вороными рысаками. Теперь онъ не мальчикъ, и теперь настали другія времена, и теперь люди выучились создавать себѣ болѣе прочныя, болѣе разумныя и болѣе сильныя наслажденія. Пусть твой отецъ отвѣдаетъ этихъ наслажденій, и онъ, какъ человѣкъ неглупый, навѣрное полюбитъ ихъ и броситъ ямбы и хореи. Помоги твоему отцу; тебѣ самому будетъ чрезвычайно пріятно сознавать, что ты принесъ ему пользу, и что ты открылъ ему доступъ къ великимъ наслажденіямъ мысли. И еще пріятнѣе будетъ для тебя то обстоятельство, что отецъ сдѣлается твоимъ другомъ и помощникомъ во всѣхъ твоихъ дальнѣйшихъ работахъ». Вотъ мысль Базарова, развитая во всѣхъ подробностяхъ. Если смотрѣть на его слова безъ предвзятой идеи, безъ недоброжелательнаго предубѣжденія, то невозможно даже предположить, чтобы эти слова были произнесены вслѣдствіе какого-нибудь другого процесса мысли.

Я обращаюсь теперь къ каждому безпристрастному читателю съ вопросомъ: есть ли малѣйшая возможность заподозрить Базарова въ желаніи поглумиться надъ Николаемъ Петровичемъ и унизить въ его лицѣ лучшую часть старшаго поколѣнія? Я убѣжденъ въ томъ, что каждый безпристрастный читатель, вглядѣвшись въ мои доводы, совершенно очиститъ Базарова отъ тѣхъ нелѣпыхъ обвиненій, которыя взведены на него близорукой критикой. Слова Базарова, вмѣсто большой пользы, принесли крошечный вредъ, то-есть огорчили на нѣсколько дней Николая Петровича и поселили между отцомъ и сыномъ легкое неудовольствіе, которое однако скоро исчезло. Случилось же это во-первыхъ потому, что Николай Петровичъ нечаянно подслушалъ эти слова, которыхъ ему вовсе не слѣдовало слышать; а во-вторыхъ потому, что Аркадій оказался набитымъ дуракомъ и превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣ ожиданія или опасенія Базарова. Однажды, когда Николай Петровичъ читалъ Пушкина (а читалъ онъ его повидимому часто и усердно), Аркадій подошелъ къ нему, съ ласковой улыбкой взялъ у него изъ рукъ книгу и вмѣсто Пушкина положилъ передъ нимъ «Kraft und Stoff». Ну, и оправдалась пословица: услужливый дуракъ и т. д. Базаровъ сказалъ: «дай ему на первый случай хоть Бюхнерово «Kraft und Stoff» — Аркадій буквально исполнилъ этотъ совѣтъ. Но Базаровъ сказалъ кромѣ того: «*растолкуй*» ему, что это (т.-е. Пушкинъ) никуда не годится»—а сообразительный Аркадій пропустилъ эти слова мимо ушей и не понялъ, что въ нихъ заключается весь смыслъ дѣла. Само собою разумѣется, что школьническая, нелѣпая и дерзкая выходка Аркадія, смягченная и украшенная ласковой улыбкой, не могла разъяснить Николаю Петровичу значеніе

естествознанія для исторической жизни массъ и для міросозерцанія отдѣльнаго человѣка. Читатель имѣетъ полное право назвать Аркадія самонадѣяннымъ пошлякомъ, и Николаю Петровичу остается только вздохнуть, пожать плечами и пожалѣть о томъ, что сынъ его такъ плохъ въ умственномъ отношеніи. Но зачѣмъ же валить съ больной головы на здоровую? Въ чемъ тутъ виноватъ Базаровъ? И что̀ общаго имѣетъ глупость Аркадія съ идеями, которыми проникнуты наши реалисты? Шекспиръ—очень замѣчательный писатель, но и шекспировскую драму можно такъ искусно перевести и такъ восхитительно разыграть на сценѣ, что она покажется гораздо хуже драмы Нестора Кукольника или Николая Полевого. Еслибы Аркадій былъ дѣйствительно проникнутъ сознательной любовью къ наукѣ, еслибы онъ разумно и убѣдительно заговорилъ съ своимъ отцомъ объ умственныхъ интересахъ естествоиспытателей нашего времени, еслибы онъ возбудилъ и направилъ любознательность Николая Петровича, еслибы онъ такимъ образомъ доставилъ ему много чистыхъ наслажденій и еслибы онъ посредствомъ этихъ наслажденій сблизился съ своимъ отцомъ тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, — то навѣрное никому изъ читателей не пришло бы въ голову обвинять Аркадія въ непочтительности къ родителямъ или въ недостаткѣ сыновней любви. А поступая такимъ образомъ, Аркадій исполнилъ бы съ самой добросовѣстной точностью дружескій совѣтъ Базарова, — тотъ самый совѣтъ, который онъ, по своей глупости, совершенно изуродовалъ.— Изъ всего, что̀ было говорено выше, я вывожу то заключеніе, что взаимному пониманію этихъ двухъ поколѣній, старшаго и молодого, мѣшаютъ съ одной стороны старые Печорины, подобные Павлу Петровичу, а съ другой стороны— глупые юноши, подобные Ситникову и Аркадію, то-есть, другими словами, мѣшаютъ непониманіе и тупоуміе.

X.

«Базаровъ—циникъ; взглядъ Базарова на женщину проникнутъ самымъ грубымъ цинизмомъ». Такое сужденіе вы услышите отъ каждаго русскаго человѣка, прочитавшаго романъ Тургенева и умѣющаго произнести слова «циникъ» и «цинизмъ». Въ устахъ русскаго человѣка эти слова имѣютъ конечно ругательное значеніе; такъ какъ мы сами до сихъ поръ не были причастны ни къ одной философской школѣ, то мы ухитрились всѣ дошедшіе до насъ философскіе термины осмыслить по своему, сообразно съ уровнемъ нашихъ умственныхъ отправленій. Вслѣдствіе этого получились самые неожиданные результаты: — кто ѣлъ, пилъ и спалъ за четырехъ, тотъ былъ произведенъ въ матеріалисты; а набитые дураки, не умѣющіе приняться ни за одно практическое дѣло, получили титулъ романтиковъ или идеалистовъ. Въ этомъ всеобщемъ маскарадѣ, въ которомъ наши пошлости прикрылись иностранными словами, циническая хламида старика Діогена досталась тѣмъ людямъ, которые въ дамскомъ обществѣ произносятъ непечатныя слова и украшаютъ свою вседневную жизнь разными неприличными поступками. Такихъ людей у насъ не мало; понятія о томъ, что̀ прилично и что̀ неприлично, очень измѣнчивы и растяжимы; вслѣдствіе этого и слово «цинизмъ» стало прикладываться, безъ дальнѣйшаго разбора, къ такимъ вещамъ, которыя сами по себѣ очень хороши, и къ такимъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ отвратительны. Цинпкомъ называютъ у насъ съ одной стороны человѣка прямодушнаго и откровеннаго, презирающаго всякое фразерство и безпощадно разоблачающаго гадости, которыя мы любимъ облекать въ граціозныя формы и смягчать благозвучными словами; съ другой стороны—я напомню читателю Іону-циника, выведеннаго въ послѣднемъ романѣ Писемскаго. Кто говоритъ рѣзкую правду, тотъ, по нашему, циникъ; и кто оскорбляетъ или тиранитъ беззащитнаго человѣка, тотъ, по нашему, также циникъ. Понятно, что послѣднія черты циническаго образа бросаютъ грязную тѣнь на первыя, и получается въ общей суммѣ неопредѣленное представленіе о чемъ-то дикомъ, неумолимомъ и звѣроподобномъ. Если какой-нибудь ловеласъ стремится насильно поцѣловать женщину, путешествующую съ нимъ въ мальпостѣ, мы называемъ его любезности циническими; если какой-нибудь тупоумный господинъ глумится и куражится надъ своей женой, мы называемъ его обращеніе циническимъ. И то же самое загрязненное слово мы прикладываемъ не только къ характеру людей совершенно другого закала, но даже къ умственной дѣятельности тѣхъ великихъ мыслителей, которые спокойно и разсудительно анализируютъ съ физіологической точки зрѣнія чувство чистой дѣвственной любви, и процессъ поэтическаго творчества, и порывы возвышеннаго героизма. Все это, по нашей терминологіи, — циники, и всѣ ихъ разсужденія вытекаютъ изъ гнуснаго желанія унизить человѣческую личность и измять грубыми руками нѣжныя чувства и розовыя надежды довѣрчиваго читателя.

Принимая слово «цинизмъ» въ такомъ широкомъ и разнохарактерномъ значеніи, я пожалуй готовъ допустить, что Базаровъ—дѣйствительно циникъ; но въ такомъ случаѣ я надѣюсь доказать моимъ читателямъ, что въ базаровскомъ цинизмѣ нѣтъ рѣшительно ничего дурного, т.-е. ничего оскорбительнаго для человѣческаго достоинства и несовмѣстнаго съ разумнымъ уваженіемъ къ женщинѣ. Я намѣренъ разобрать довольно подробно всѣ отношенія Базарова къ Одинцовой, и я имѣю причины думать, что этотъ этюдъ въ настоящее время будетъ не совсѣмъ безполезенъ; онъ до нѣкоторой степени облегчитъ намъ пониманіе того сфинкса, который называется моло-

дымъ поколѣніемъ и который подъ этимъ названіемъ наводитъ недоумѣніе и ужасъ на очень многихъ добрыхъ людей обоего пола.

Увидавши Одинцову на балѣ у губернатора, Базаровъ прежде всего обращаетъ вниманіе на ея наружность. «Кто бы она ни была,—говоритъ онъ Аркадію, — просто-ли губернская львица, или «эманципе», вродѣ Кукшиной, только у ней такія плечи, какихъ я не видывалъ давно.—Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова».— Вотъ и чудесно! Слово «цинизмъ» сразу вырвалось у самого Тургенева. Это даетъ самый удобный случай проанализировать, какого рода штука этотъ цинизмъ. Что молодой человѣкъ не равнодушенъ къ красотѣ молодой женщины,— въ этомъ, кажется, самый строгій моралистъ и самый восторженный поэтъ, каждый съ своей точки зрѣнія, не найдутъ ровно ничего предосудительнаго. Ужъ на томъ свѣтъ стоитъ, что молодые люди нравятся другъ другу, и что любовь начинается преимущественно съ того пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ привлекательная наружность. Когда человѣкъ почувствовалъ это пріятное впечатлѣніе, то почему-же его и не высказать третьему лицу, которому это сообщеніе нисколько не можетъ быть оскорбительно?— Да,—конечно скажетъ мой изящный читатель,— но *какъ* высказать?—О, я знаю; въ этомъ *какъ* и заключается настоящая загвоздка. Молодому человѣку позволяется говорить о красотѣ женщины, даже о ея бюстѣ, даже о ея роскошныхъ формахъ, но при этомъ онъ, во-первыхъ, долженъ выражаться отборными словами, спеціально обточенными для подобныхъ живописаній, а во-вторыхъ— онъ долженъ во время такого разговора млѣть и благоговѣть, прищуривать глаза и изображать на своихъ губахъ блаженную улыбку небеснаго созерцанія. Тогда никому въ голову не придетъ произнести слово «цинизмъ»; тогда скажутъ напротивъ того, что молодой человѣкъ—художникъ, способный увлекаться высшими идеалами, и что онъ въ конечной формѣ усматриваетъ безконечную идею прекраснаго.—Но такъ какъ Базаровъ говоритъ спокойно и называетъ плечи—плечами, а не формами, и о безконечной идеѣ прекраснаго не заикается, то сейчасъ является на сцену «цинизмъ» и начинаетъ коробить благонравнаго Аркадія, который однако способенъ, подобно большей части юныхъ птенцовъ, выслушивать съ величайшимъ наслажденіемъ самыя нескромныя описанія, если только эти описанія производятся по всѣмъ правиламъ эстетики. Куда ни кинь, вездѣ на эстетику натыкаешься.

Любопытно замѣтить, что самъ Добролюбовъ съ этой стороны заплатилъ дань эстетикѣ. Защищая какой-то характеръ, кажется характеръ Катерины, онъ говоритъ, что его могутъ извратить и опошлить въ своемъ пониманіи только тѣ грязные люди, которые все мараютъ своимъ прикосновеніемъ, которые на какую-нибудь Венеру Милосскую смотрятъ съ пріапической улыбкой и съ низкими чувственными помышленіями. Я совершенно согласенъ съ Добролюбовымъ, что скалить зубы передъ мраморной статуей—занятіе очень глупое, безплодное и неблагодарное; но, наперекоръ всѣмъ художникамъ и эстетикамъ въ мірѣ, я осмѣлюсь утверждать, что всѣ экстазы самыхъ просвѣщенныхъ и рафинированныхъ поклонниковъ древней скульптуры въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ пріапическихъ улыбокъ и чувственныхъ поползновеній. Послѣднія только проще, непосредственнѣе и откровеннѣе, вслѣдствіе чего и нелѣпость послѣднихъ обрисовывается гораздо рѣзче. Именно эта очевидная нелѣпость дѣлаетъ ихъ менѣе вредными, сравнительно съ утонченными восторгами. Человѣкъ нехитрый взглянетъ на статую, осклабится своей неизящной улыбкой, постоитъ минуты двѣ-три передъ чудомъ искусства, да и пройдетъ мимо. А люди, посвященные въ таинства экстазовъ, поступаютъ совершенно иначе: они часто всѣ свои силы и всю свою жизнь ухлопываютъ на то, чтобы доставлять эти экстазы себѣ и другимъ; два класса людей—эстетики и художники,—только этимъ и занимаются, и при этомъ они находятъ, что дѣлаютъ дѣло. Такую трату свѣжихъ умственныхъ силъ и драгоцѣннаго времени слѣдуетъ назвать по меньшей мѣрѣ непроизводительной и убыточной. Смотрѣть съ пріапической улыбкой на живую женщину не только глупо, но даже дерзко и совершенно непозволительно по той простой причинѣ, что такая улыбка можетъ оскорбить или по крайней мѣрѣ привести въ замѣшательство ту личность, къ которой она адресуется. Но Базаровъ говоритъ съ постороннимъ лицомъ, такъ что объ оскорбленіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Стало быть, остается только разрѣшить вопросъ, какимъ языкомъ лучше говорить о красотѣ женщины: высокимъ и восторженнымъ или простымъ естественнымъ. Можно было бы сказать, что ужъ это дѣло личнаго вкуса, но я намѣренъ пойти далѣе, и осмѣлюсь выразить то мнѣніе, что говорить въ этихъ случаяхъ простымъ базаровскимъ языкомъ гораздо благоразумнѣе и достойнѣе мыслящаго человѣка.

Въ другомъ мѣстѣ того же романа Базаровъ умоляетъ своего друга, Аркадія Николаевича, «не говорить красиво», но по своему обыкновенію Базаровъ не пускается въ дальнѣйшія діалектическія тонкости и не объясняетъ причины, почему красивыя рѣчи возбуждаютъ въ немъ непобѣдимое отвращеніе. Между тѣмъ такая причина дѣйствительно существуетъ, и ее никакъ нельзя назвать неосновательной. Люди, пробудившіе въ себѣ способность размышлять, ежедневно и ежечасно играютъ сами съ собой въ очень странную и смѣшную игру. Придетъ ли ему въ голову какая-нибудь мысль, шевельнется ли въ его нервной системѣ какое-нибудь ощущеніе,—человѣкъ тотчасъ ухватывается за

это душевное движеніе и начинаетъ его осматривать съ различныхъ сторонъ. Что, молъ, это за штука? И какъ ее сформулировать? И подъ какую категорію подвести? И изъ какихъ основныхъ свойствъ моей личности она вытекаетъ? Конечно процессъ анализа почти никогда не поднимается до настоящихъ физіологическихъ причинъ даннаго явленія; останавливаясь на половинѣ или, еще чаще, въ самомъ началѣ пути, этотъ процессъ обыкновенно заканчивается тѣмъ, что данная мысль или данное ощущеніе получаетъ себѣ то или другое названіе. Если нашему аналитику удастся подобрать названіе красивое, то онъ немедленно почувствуетъ удовольствіе и даже проникнется нѣкоторымъ уваженіемъ къ своей особѣ: однако, подумаетъ, я—молодецъ. Вотъ какія тонкія мысли и высокія ощущенія я способенъ въ себѣ вынашивать. Но вѣдь пріискивать красивыя названія и пригонять къ этимъ названіямъ психическіе анализы—дѣло совсѣмъ немудреное; если только пріобрѣсти въ этомъ занятіи нѣкоторый навыкъ, то можно дѣйствовать безъ промаха, и въ каждой плоской выдумкѣ своего *я*, въ каждомъ естественномъ отправленіи своего организма усматривать бездну граціи, изящества, мягкости, великодушія и всякихъ другихъ благоухающихъ аттрибутовъ. Тутъ конечно удовольствію и самоуваженію не будетъ конца. Когда человѣкъ покупаетъ себѣ самоуваженіе дорогой цѣной полезнаго и неустрашимаго труда, когда онъ поддерживаетъ въ себѣ это чувство ежедневными усиліями ума и воли, направленныхъ къ великимъ, обще-человѣческимъ цѣлямъ,—тогда самоуваженіе облагораживаетъ его, то-есть постоянно укрѣпляетъ его на новые подвиги труда и борьбы. Но когда человѣкъ платитъ себѣ за самоуваженіе фальшивой монетой красивыхъ выраженій и плоскихъ софизмовъ, когда онъ такимъ образомъ безсознательно выучивается шулерничать съ самимъ собой,—тогда онъ быстро пошлѣетъ и опускается, продолжая по прежнему воскуривать себѣ свой затхлый фиміамъ. Чѣмъ мельче становятся мысли и чувства, тѣмъ вычурнѣе и красивѣе подбираются для нихъ названія, потому что навыкъ съ каждымъ днемъ усиливается въ этомъ ремеслѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ. Такимъ-то именно путемъ и вырабатываются отъявленные тунеядцы, считающіе себя русскими лириками. Такимъ же точно путемъ многіе великіе умы парализировали и оскопили свою дѣятельность. Гете, а вмѣстѣ съ нимъ и добрякъ Шиллеръ совершенно чистосердечно убѣдили сами себя и другъ друга, что имъ стоитъ только потоньше ощущать, да повозвышеннѣе мыслить, да помудренѣе выражаться,—и они тогда окажутъ всему человѣчеству неизмѣримыя благодѣянія. Утвердившись на этой позиціи, великія свѣтила нѣмецкой поэзіи вскорѣ сдѣлали открытіе, что ощущенія ихъ достаточно тонки, мысли достаточно возвышены и выраженія достаточно замысловаты. Тогда осталось только любоваться своими совершенствами и продовольствовать простое человѣчество не грубыми плодами полезнаго умственнаго труда, а тонкимъ изяществомъ просвѣтленныхъ личностей. Восхищайтесь, молъ, нами и благодарите Бога за то, что мы живемъ среди васъ, и что вы можете созерцать такую невиданную красоту души и ума. А увѣривъ себя въ этомъ, Гете самъ себя считалъ великимъ. Какъ могъ онъ, при своемъ громадномъ умѣ, предпочитать узкій міръ своихъ личныхъ ощущеній широкому міру волнующейся жизни человѣчества? Какъ могъ онъ ставить субъективную мечту, отправленіе единичнаго организма, выше той дѣйствительной драмы, которая ежеминутно, на каждомъ шагу, съ учрежденія первыхъ человѣческихъ обществъ, разыгрывается передъ глазами каждаго мыслящаго наблюдателя? Филистерская трусость Гете не разъяснитъ намъ этой загадки. Еслибы тутъ была одна трусость, Гете не могъ бы такъ чистосердечно уважать и обожать себя. Нѣтъ, міръ личныхъ ощущеній былъ для него не убѣжищемъ, а храмомъ, въ которомъ онъ поселился съ полнымъ убѣжденіемъ, что прекраснѣе и священнѣе этого мѣста нѣтъ ничего на свѣтѣ. Чтобы увидать въ самомъ себѣ свѣтлый храмъ, а въ окружающей жизни грязную базарную площадь, чтобы забыть такимъ образомъ естественную солидарность своего *я* съ окружающими глупостями и страданіями остальныхъ людей, надо было систематически подкупить и усыпить свой критическій смыслъ красотой отборныхъ выраженій. Мелкія мысли и мелкія чувства надо было возвести въ перлъ созданія; Гете выполнилъ этотъ фокусъ, и подобные фокусы считаются до сихъ поръ величайшимъ торжествомъ искусства; но производятся такія штуки не только въ сферѣ искусства, а также и во всѣхъ остальныхъ сферахъ человѣческой жизни.

Маленькій, но поучительный примѣръ такого фокуса представляется намъ въ романѣ Тургенева въ лицѣ Павла Петровича.—«Я очень хорошо знаю,—напримѣръ говоритъ этотъ perfect gentleman,—что вы изволите находить смѣшными мои привычки, мой туалетъ, мою опрятность наконецъ, но это все проистекаетъ изъ чувства самоуваженія, изъ чувства долга, да-съ, да-съ, долга. Я живу въ деревнѣ, въ глуши, но я не роняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка».

Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы магическая сила красивыхъ словъ могла обрисоваться когда-нибудь и гдѣ-нибудь ярче и нагляднѣе, чѣмъ она обрисована въ этомъ мѣстѣ. Циникъ, подобный Базарову, скажетъ: я умываю лицо и руки, стригу ногти, причесываю волосы, хожу въ баню, мѣняю бѣлье—и только. И эти простыя слова не возбудятъ въ говорящей личности

никакого пріятнаго чувства удовлетворенной гордости. А эстетикъ, подобный Павлу Петровичу, скажетъ: я повинуюсь чувству долга и поддерживаю свое достоинство, я уважаю въ себѣ человѣка, значитъ, я—развитая личность, значитъ, я себя по головѣ поглажу, значитъ, я дѣло дѣлаю, значитъ, я могу въ спокойной совѣстью почивать на лаврахъ. И мужикъ ходитъ въ баню, но онъ ходитъ по грубой животной потребности, а я хожу съ размышленіемъ, я одухотворяю процессъ физическаго омовенья высшимъ процессомъ мыслительной дѣятельности. Такимъ образомъ будетъ постоянно возрастать дешевое самоуваженіе, и съ каждымъ днемъ неизлѣчимѣе и безнадежнѣе будутъ становиться пустота, пошлость и праздность фразерствующей личности. Если человѣкъ не сумасшедшій можетъ ставить себѣ въ заслугу то, что онъ умывается душистымъ мыломъ и носитъ туго накрахмаленные воротнички, и если даже эта незамысловатая вещь можетъ уложиться въ опрятную и красивую фразу, то понятно, какой неистощимый матеріалъ самовосхваленія могутъ доставить такому человѣку самыя простыя отношенія къ женщинѣ. Полюбоваться красотой женщины, кажется, не велика мудрость и не важный подвигъ; но эстетикъ самъ себѣ представитъ свои ощущенія въ такомъ эѳирно-облагороженномъ видѣ, что при семъ удобномъ случаѣ непремѣнно умилится надъ нѣжностью, мягкостью, чуткостью, воспріимчивостью и утонченной страстностью своей натуры. Результатъ извѣстенъ: циники, подобные Базарову, уважаютъ себя только за то, что крѣпко трудятся; а эстетики уважаютъ себя за то, что красиво ѣдятъ, красиво пьютъ, красиво умываются и красиво глядятъ на красивыхъ женщинъ. Вслѣдствіе этого реалисты, чтобы сохранить себѣ свое собственное уваженіе, продолжаютъ крѣпко трудиться; а эстетики, для достиженія той же самой цѣли, продолжаютъ красиво ѣсть, красиво пить, красиво умываться и красиво глядѣть на красивыхъ женщинъ. Что̀ лучше и что̀ общеполезнѣе — объ этомъ я предоставляю судить благосклонному читателю. — Кажется мнѣ только, что плечи слѣдуетъ называть плечами, и что, любуясь красотой живой женщины или мраморной Венеры, мы не оказываемъ особенно великаго одолженія ни отечеству, ни человѣчеству. Ощущеніе очень обыкновенное; стало быть, и выраженіе должно быть просто и положительно. Энтузіазмъ не мѣшаетъ приберегать на другіе случаи, болѣе торжественные, о которыхъ травоядные эстетики не имѣютъ понятія.

XI.

Въ жизни Базарова трудъ стоитъ на первомъ планѣ, но Базаровъ совсѣмъ не ригористъ и вовсе не прочь отъ того, чтобы доставлять своей особѣ удовольствія. Одинцова понравилась ему съ перваго взгляда, и ему пришло въ голову приволокнуться за ней. Мысль безнравственная, но какъ вы убережетесь отъ подобныхъ мыслей при настоящихъ условіяхъ воспитанія, жизни и общественныхъ отношеній?

Увѣрять женщину въ любви, когда любви этой въ самомъ дѣлѣ не имѣется, — значитъ лгать, а лгать во всякомъ случаѣ скверно, тѣмъ болѣе тогда, когда ложь такъ близко затрогиваетъ личные интересы того человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло. Еслибы Базаровъ разъигралъ съ Одинцовой систематическую и хладнокровно разсчитанную комедію любви, то поступокъ этотъ былъ бы очень предосудителенъ, и вся личность Базарова явилась бы передъ нами въ сомнительномъ свѣтѣ. Но мнѣ кажется, что Базаровъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы актерствовать; еслибы даже онъ принялся за это утомительное занятіе, то у него не хватило бы терпѣнія дотянуть дѣло до развязки, и онъ, послѣ первыхъ двухъ-трехъ приступовъ, убѣдился бы въ томъ, что игра не стоитъ свѣчей. Съ молодыми людьми случается часто, что они строятъ въ умѣ своемъ какой-нибудь отчаянно-маккіавелевскій планъ; все такъ хорошо обдумано, и ложь, и притворство поставлены на свое мѣсто, разсчетъ произведенъ блистательно, и теоретическая сторона дѣла оказывается безукоризненной; это значитъ, что мысль работаетъ исправно и отличается надлежащей смѣлостью полета; но такъ на одномъ смѣломъ полетѣ мысли дѣло и останавливается, потому что, при первой встрѣчѣ съ практической стороной задуманной дьявольщины, юный маккіавелистъ оказывается добродушнымъ и чистосердечнымъ человѣкомъ, который немедленно махнетъ рукой и скажетъ про себя:—А ну ихъ къ чорту! Съ какой стати я ихъ надувать буду! — Такъ могло случиться, и до нѣкоторой степени такъ случилось и съ самимъ Базаровымъ. Онъ оказался гораздо моложе и нѣжнѣе, чѣмъ онъ воображаетъ себя. Съ кабинетными работниками, у которыхъ теоретическій умъ далеко обгоняетъ опытъ жизни, сплошь и рядомъ случаются такія иллюзіи. Справляясь съ идеями, мы думаемъ, что намъ также легко справляться и съ живыми явленіями, а вдругъ оказывается, что живое явленіе затрогиваетъ насъ съ такой стороны, которую мы и не подозрѣвали въ своей особѣ, когда производили наши теоретическія комбинаціи.

Я думаю однако, что Базаровъ даже въ чистой теоріи не задавалъ себѣ задачи актерствовать и лицемѣрить предъ красивой обладательницей «богатаго тѣла». Онъ просто думалъ, что Одинцова — нѣчто вродѣ Евдокіи Кукшиной, а въ такомъ случаѣ комедія была бы излишней роскошью. Стоило только сказать нѣсколько красивыхъ любезностей на счетъ наружности, да наговорить побольше вздору о Либихѣ и Жоржъ Зандѣ, о Мишле и Прудонѣ, о Бунзенѣ и о жен-

скомъ вопросѣ — и дѣло было бы улажено къ обоюдному удовольствію. Тутъ дѣло съ самаго начала велось бы на чистоту, безъ всякихъ хитростей, и женщина даже не требовала бы отъ мужчины серьезнаго чувства, потому что не была бы даже способна насладиться такимъ чувствомъ и отплатить за него тою же монетой. Тутъ не было бы ничего, кромѣ болтовни и объятій, и, разумѣется, Базарову очень скоро пріѣлось бы такое препровожденіе времени. Но Базаровъ съ перваго разговора своего съ Одинцовой замѣтилъ, что эта женщина умѣетъ уважать свое достоинство и смотритъ на жизнь серьезными глазами мыслящаго человѣка. Шутить съ такой женщиной было невозможно; обманывать ее было трудно и опасно; можно было попасть въ просакъ и поставить самого себя въ самое глупое и безвыходно-позорное положеніе; наконецъ еслибы, паче чаянія, обманъ удался, то онъ оказался бы капитальной подлостью, потому что возбудить въ такой женщинѣ чувство и потомъ, рано или поздно, обнаружить свою полную неискренность, значило бы оскорбить и огорчить эту женщину самымъ жестокимъ, незаслуженнымъ и мошенническимъ образомъ. Все это Базаровъ сообразилъ или, вѣрнѣе, почувствовалъ почти мгновенно, и все его поведеніе съ Одинцовой проникнуто съ начала до конца самой глубокой, искренней и серьезной почтительностью. «Какой я смирненькій сталъ», думалъ онъ про себя въ первыя минуты своего пребыванія въ деревнѣ Одинцовой, и потомъ онъ сдѣлался еще болѣе «смирненькимъ», потому что онъ *полюбилъ* Одинцову; о, когда такой «циникъ» любитъ женщину, тогда онъ ее уважаетъ дѣйствительно, то-есть тогда ему становится невозможно схитрить передъ ней словомъ, взглядомъ или движеньемъ. Искренность Базарова доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и мнѣ кажется, что именно эта искренность, эта полнѣйшая честность, неподдѣльность приводятъ за собой его неудачу и разрывъ только-что зарождавшихся отношеній. Эта неподдѣльность показалась некрасивой, а женщины наши повидимому очень крѣпко держатся за эстетику и въ смыслъ психическихъ явленій не заглядываютъ почти никогда.

XII.

Самые искренніе люди бываютъ часто самыми сдержанными людьми, и самыя сильныя чувства этихъ людей никогда не выражаются ими, а вырываются изъ нихъ только тогда, когда уже не хватаетъ силъ ихъ задерживать. Въ строгомъ смыслѣ, только такія вырвавшіяся чувства и могутъ быть названы совершенно неподкрашенными. Когда же человѣкъ сознательно выпускаетъ изъ себя чувство, то есть говоритъ о немъ и описываетъ его, то мы уже тутъ имѣемъ дѣло не съ сырымъ матеріаломъ, а съ умственнымъ трудомъ, построеннымъ на основаніи этого матеріала. Чѣмъ изящнѣе и граціознѣе эта постройка, тѣмъ больше на нее положено искусства, то-есть, другими словами, тѣмъ спокойнѣе и сознательнѣе произведена обработка первобытнаго матеріала. Чѣмъ красивѣе выраженіе, тѣмъ слабѣе чувство, а такъ какъ женщины дорожатъ преимущественно красотой, въ чемъ-бы она ни проявлялась, то и оказывается въ результатѣ, что онѣ обыкновенно отвертываются отъ искреннихъ людей и бросаются на шею фразерамъ или красивымъ кукламъ. Чѣмъ сильнѣе человѣкъ любитъ, тѣмъ невыгоднѣе его положеніе и тѣмъ вѣрнѣе онъ можетъ разсчитывать на полную неудачу.

Истину этого неутѣшительнаго изреченія въ совершенствѣ испыталъ на себѣ Базаровъ. Онъ полюбилъ Одинцову очень скоро; серьезная любовь началась въ немъ вѣроятно послѣ первой ботанической экскурсіи, которую они предприняли вдвоемъ послѣ завтрака и которая продолжалась до обѣда. Это было на другой день послѣ пріѣзда молодыхъ людей въ деревню Одинцовой. Что любовь возникла такъ быстро, этому удивляться нечего. Физическая красота бросается въ глаза съ перваго взгляда; умъ обнаруживается въ первомъ-же разговорѣ; а когда такимъ образомъ вся фигура женщины и каждое слово производятъ на человѣка стройное и пріятное впечатлѣніе, то чего-же вамъ больше? И кровь волнуется, и мозгъ раздражается, и все это такъ обаятельно — ну вотъ, и любовь готова. Чѣмъ больше такихъ пріятныхъ впечатлѣній ляжетъ безъ перерыва одно на другое, тѣмъ сильнѣе будетъ становиться любовь; но фундаментъ, незамѣтный зародышъ этого чувства, заложенъ уже самымъ первымъ впечатлѣніемъ.

Полюбивши Одинцову, Базаровъ проводитъ вмѣстѣ съ ней, подъ одной кровлей и въ постоянныхъ дружескихъ разговорахъ, больше двухъ недѣль. Во все это время онъ говоритъ съ ней, какъ съ умнымъ мужчиной, о предметахъ, имѣющихъ дѣйствительный интересъ: о химіи, о ботаникѣ, о новѣйшихъ открытіяхъ натуралистовъ, о различныхъ взглядахъ передовыхъ умовъ на жизнь природы, на личность человѣка и на потребности общества. Если уважать женщину значитъ обращаться съ ней какъ съ мыслящимъ существомъ, то съ этой стороны поведеніе «циника» Базарова надо признать совершенно безукоризненнымъ: онъ старался удовлетворять умственнымъ требованіямъ своей собесѣдницы и не проронилъ ни одного слова о томъ, чтó мучило и волновало его самого. Ни слова не было сказано о томъ, чтó могло возвысить въ глазахъ любимой женщины личность самого Базарова; ни о своемъ прошедшемъ, ни о своихъ стремленіяхъ и планахъ въ будущемъ Базаровъ не заикнулся; а между тѣмъ въ его прошедшемъ было много упорнаго труда и непобѣдимаго тер-

пѣнія, а въ его взглядѣ на будущее широко и обаятельно развертывались свѣтлое могущество его мысли и неудержимая страстность его сознательной любви къ людямъ. И онъ все-таки молчалъ объ этомъ, потому что ему было отвратительно подумать, что онъ способенъ рисоваться, интересничать и говорить красивыя слова передъ любимой женщиной. Это честное и глубокое отвращеніе къ ложной эффектности постоянно обливало его холодной водой, когда онъ начиналъ увлекаться и когда въ этомъ увлеченіи начинали проблескивать высшія и симпатичныя стороны его ума, его характера и его дѣятельности. Онъ не хотѣлъ становиться на ходули и поэтому оставался постоянно ниже своего настоящаго роста. Что дѣлать? Человѣкъ почти всегда пересаливаетъ въ ту или въ другую сторону; но кто пересолитъ подобно Базарову, тотъ по крайней мѣрѣ не продастъ гнилого товара за свѣжій и не залѣзетъ обманомъ ни въ кошелекъ, ни въ душу своихъ собесѣдниковъ.

Дѣльные разговоры Базарова занимаютъ Одинцову, какъ женщину умную и любознательную; но именно, какъ умная женщина, она понимаетъ, что, говоря обо всемъ, Базаровъ не высказываетъ бездѣлицы—самого себя; а какъ женщина любознательная и даже любопытная, она желаетъ вырвать у Базарова эту тайну, она хочетъ объяснить себѣ настоящій смыслъ этой сильной и замѣчательной личности. Она старается перевести разговоръ съ общаго поля великихъ умственныхъ интересовъ на болѣе интимный тонъ личныхъ признаній и изліяній. Базарову, какъ влюбленному человѣку, такой поворотъ разговора былъ бы чрезвычайно выгоденъ, а между тѣмъ Базаровъ упирается и выдерживаетъ свое упорство до самаго конца. Одинцова все къ чему-то подходитъ; ей повидимому хотѣлось бы, чтобы оба они понемногу разнѣжились, и чтобы слово любви было произнесено какъ-то незамѣтно для обоихъ, во время нѣжнаго и мечтательнаго разговора; она бы желала увлечься нечувствительно, безъ страстныхъ порывовъ и безъ рѣзкихъ ощущеній. Базарову всѣ эти тонкости непонятны. Какъ это, думаетъ онъ, подготовлять и настраивать себя къ любви? Когда человѣкъ дѣйствительно любитъ, развѣ онъ можетъ граціозничать и думать о мелочахъ внѣшняго изящества? Развѣ настоящая любовь колеблется? Развѣ она нуждается въ какихъ-нибудь внѣшнихъ пособіяхъ мѣста, времени и минутнаго расположенія, вызваннаго разговоромъ? Базаровъ мѣряетъ на свой аршинъ психическія отправленія другихъ людей, и поэтому онъ относится сурово и враждебно ко всѣмъ попыткамъ Одинцовой придать ихъ отношеніямъ ласкающій и нѣжный колоритъ. Ему всѣ эти попытки кажутся искусственными маневрами кокетки или по меньшей мѣрѣ невольными капризами избалованной аристократки. Еслибы она меня любила, думаетъ онъ, она бы давно поняла, какъ сильно я ее люблю, и тогда все между нами было бы ясно, просто и разумно, и тогда къ чему всѣ ухищренія? Но вѣдь она меня не любитъ, и въ такомъ случаѣ какъ же она смѣетъ забавляться со мной задушевными разговорами? Дикарь этотъ Базаровъ! Первобытный человѣкъ! Онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что ея любовь можетъ явиться, какъ результатъ многихъ мелкихъ причинъ, многихъ внѣшнихъ, случайныхъ и неважныхъ впечатлѣній. Онъ совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы доставить ей эти впечатлѣнія и потомъ эксплоатировать ихъ въ свою пользу. Онъ хочетъ, чтобы ея любовь была сильна, естественна и самородна, чтобъ эта любовь свалилась на нее, какъ снѣгъ на голову, такъ, какъ его любовь обрушилась на него, Базарова. А любовь, высиженная, вымученная, тепличная, воспитанная нѣжными словами, эффектными взглядами, пустотой деревенской жизни, тишиной и полумракомъ лѣтняго вечера,—такая любовь очень понравилась бы Базарову, еслибы онъ хотѣлъ завести интригу съ красивой барыней, но притворной и отвратительной показалась бы она ему тогда, когда онъ самъ полюбилъ серьезно. Дикарь этотъ Базаровъ! Его уваженіе къ женщинѣ выражается въ томъ, что онъ ничѣмъ не хочетъ и по натурѣ своей ничѣмъ не способенъ насиловать чувство этой женщины.

Выше этого уваженія ничего нельзя себѣ представить, но для нашихъ дрессированныхъ, обезсиленныхъ и обезцвѣченныхъ женщинъ такое уваженіе оказывается совершенно неумѣстнымъ и непонятнымъ. Женщина сама, всѣмъ направленіемъ своихъ поступковъ и рѣчей, упрашиваетъ, чтобы ее *заставили* полюбить, чтобы ее «увлекли», чтобы ей «вскружили» голову, то есть, короче, чтобы ее лишили воли и сознанія и чтобы тогда дѣлали съ ней, что хотятъ. Тогда, думаетъ она, пожалуй я полюблю и потомъ спасибо скажу тому доброму человѣку, который отнялъ у меня способность и печальную необходимость обдумывать мои поступки. А иначе какъ же? Какъ же бы я сама,—какъ бы я, находясь въ здравомъ умѣ, сама распорядилась своей особой? Никогда и ни за что бы я сама не распорядилась. Я бы постоянно стремилась и постоянно робѣла бы. На то я и женщина! А дикарь стоитъ себѣ, сложа руки, и говоритъ: рѣшайся сама. Думай за себя. Люби самостоятельно. Ни увлекать, ни убѣждать, ни умолять тебя я не намѣренъ, да и не умѣю. Я—равный тебѣ человѣкъ. Я—не опекунъ тебѣ. И хоть бы у меня аневризмъ сдѣлался, и хоть бы у меня сердце лопнуло отъ любовнаго волненія, все-таки я не съумѣю и не захочу кружить тебѣ голову и опаивать тебя дурманомъ граціозныхъ нѣжностей и эффектной жестикуляціи. Я говорю съ тобой, какъ съ разумнымъ существомъ, и не умѣю говорить иначе ни съ кѣмъ изъ тѣхъ лю-

дей, которые разъ навсегда заслужили мое уваженіе. Еслибы я не уважалъ тебя, то я бы тебя и не любилъ; а такъ какъ я тебя люблю, то я и не могу, абсолютно не могу, посягать словами или поступками на твою умственную самостоятельность. — Какой дикарь; но какой хорошій дикарь! Жаль только, что не въ коня кормъ.

XIII.

Читателю можетъ показаться, что я самъ сочинилъ себѣ Базарова и Одинцову, вовсе непохожихъ на героевъ Тургеневскаго романа, — до такой степени мои размышленія и заключенія рѣзко противорѣчатъ тому понятію, которое, по милости нашей образцовой тупости, установилось въ читающемъ обществѣ на счетъ базаровскаго типа и преимущественно на счетъ его *циническихъ* отношеній къ женщинамъ. Мнѣ теперь надо доказать, что я не сочиняю, и что каждое мое слово основывается исключительно на правильномъ пониманіи тѣхъ матеріаловъ, которые даетъ Тургеневъ и которые, мнѣ кажется, самъ Тургеневъ не всегда разсматриваетъ съ надлежащей точки зрѣнія, хотя фактическія подробности всегда поразительно вѣрны.

Я приведу длинный рядъ доказательствъ изъ двухъ рѣшительныхъ сценъ Базарова съ Одинцовой. Базаровъ сказалъ, что онъ скоро уѣзжаетъ къ своему отцу; это было сказано безъ всякаго дипломатическаго умысла, и Тургеневъ при этомъ замѣчаетъ, что Базаровъ «никогда не сочинялъ». Одинцова, по поводу этого близкаго отъѣзда, находится въ полу-грустномъ, полу-нѣжномъ настроеніи. Сидятъ они вдвоемъ, поздно вечеромъ, въ комнатѣ Одинцовой.—Одинцова два раза подъ рядъ говоритъ ему: «Мнѣ будетъ скучно».—На первый разъ онъ отвѣчаетъ: —«Аркадій останется», а на второй:—«во всякомъ случаѣ долго вы скучать не будете».— Вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ ей, что она непогрѣшительно-правильно устроила свою жизнь, такъ что въ ней не можетъ быть мѣста никакимъ тяжелымъ чувствамъ.—«Черезъ нѣсколько минутъ,—прибавляетъ онъ,—пробьетъ десять часовъ, и я уже напередъ знаю, что вы меня прогоните».—«Нѣтъ, не прогоню, Евгеній Васильевичъ,—отвѣчаетъ она, — вы можете остаться».—Онъ остается. — «Разскажите мнѣ что-нибудь о самомъ себѣ, — говоритъ она, — вы никогда о себѣ не говорите».—«*Я стараюсь бесѣдовать съ вами о предметахъ полезныхъ, Анна Сергѣевна*».—Она настаиваетъ съ особенной ласковостью.—Базаровъ думаетъ про себя: «Зачѣмъ она говоритъ такія слова?» и отвѣчаетъ ей: «*Мы — люди темные.*» — «А я, по вашему, аристократка?» — «*Да*,— промолвилъ онъ *преувеличенно рѣзко*». — Одинцова защищается:—«Я,—говоритъ она,— вамъ когда-нибудь разскажу свою жизнь... но вы мнѣ прежде разскажите свою». Базаровъ это третье приглашеніе пропускаетъ мимо ушей и переводитъ разговоръ на личность Одинцовой. —«Зачѣмъ вы, съ вашимъ умомъ, съ вашей красотой, живете въ деревнѣ?»—«Какъ? Какъ вы это сказали?—съ живостью подхватила Одинцова. — Съ моей... красотой?» — Бѣдная женщина! Какъ она обрадовалась! Должно быть, Базаровъ не избаловалъ ее комплиментами. А Базаровъ-то! О, дикарь! О, бурлакъ! Вотъ онъ затушевываетъ свою нечаянную любезность: «*Базаровъ нахмурился.—Это все равно*, — пробормоталъ онъ.—Я хотѣлъ сказать, что не понимаю хорошенько, зачѣмъ вы поселились въ деревнѣ».— Его очевидно покоробило и смутило то, что онъ сказалъ. Говорить съ любимой и уважаемой женщиной о ея красотѣ кажется ему плоскостью и слѣдовательно дерзостью. И это— тотъ самый Базаровъ, который говорилъ съ Аркадіемъ о плечахъ и о богатомъ тѣлѣ этой самой Одинцовой? И тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Тогда онъ ея не зналъ и, стало быть, для него существовали только линіи и краски ея фигуры; по этимъ извѣстнымъ ему даннымъ онъ и высказывалъ о ней свое сужденіе. Кромѣ того онъ говорилъ съ третьимъ лицомъ, и тогда эти слова имѣли свой смыслъ, какъ всякое другое сужденіе о какомъ-нибудь предметѣ, остановившемъ на себѣ вниманіе человѣка. Но говорить самой женщинѣ, что она хороша собой—это безсмыслица, годная только на то, чтобы наскучить ей, если она умна, или польстить ей, если она глупа. Къ сожалѣнію надо замѣтить, что очень многимъ женщинамъ такіе разговоры не надоѣдаютъ, и—увы!—кажется, даже Одинцова не прочь послушать такія рѣчи изрѣдка. Что дѣлать? Сильна наша глупость и безчисленны ея убѣжища; и у самыхъ умныхъ людей еще отведены для нея уютные уголки, и нѣтъ, быть можетъ, того мыслителя, который подъ-часъ не оказывался бы простофилей. Но Базаровъ, по своей дикой суровости, не хочетъ принимать въ соображеніе слабости своей собесѣдницы. Потворствовать этимъ слабостямъ и пользоваться ими онъ очевидно считаетъ не только пошлымъ, но и безчестнымъ дѣломъ. — Черезъ нѣсколько минутъ Базаровъ встаетъ. — «Куда вы? — медленно проговорила она.—Онъ ничего не отвѣчалъ и опустился на стулъ». Разговоръ, несмотря на безконечную свирѣпость Базарова, становится конфиденціальнымъ и почти нѣжнымъ. «Кажется,—говоритъ она,—еслибъ я могла сильно привязаться къ чему-нибудь...» — «Вамъ хочется полюбить,— перебилъ ее Базаровъ,—а полюбить вы не можете: вотъ въ чемъ ваше несчастье.»—«Развѣ я не могу полюбить?» — «Едва ли! Только я напрасно назвалъ это несчастьемъ. Напротивъ, тотъ скорѣе достоинъ сожалѣнья, съ кѣмъ эта штука случается».—«Случается что?» — «Полюбить.» — «А вы почемъ это знаете?» — «*По наслышкѣ*,—*сердито* отвѣчалъ Базаровъ. —

Ты кокетничаешь, — подумалъ онъ, — *ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего дѣлать, а мнѣ*... Сердце у него дѣйствительно такъ и рвалось». «По-моему, — продолжаетъ Одинцова,—или все, или ничего. Жизнь за жизнь. Взялъ мою—отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо». — «*Что-жъ*, — замѣтилъ Базаровъ,—*это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ... не нашли, чего желали*».—«Но вы бы съумѣли отдаться?—спрашиваетъ она».—«*Не знаю, хвастаться не хочу*».—Базаровъ опять встаетъ. Она еще разъ его удерживаетъ: «Погодите, куда-же вы спѣшите?.. мнѣ нужно сказать вамъ одно слово». —«Какое?»—«Погодите,—шепнула Одинцова. Ея глаза остановились на Базаровѣ; казалось, она внимательно его разсматривала.—Онъ прошелъ по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился къ ней и торопливо сказалъ: «прощайте», стиснулъ ей руку такъ, что она чуть не вскрикнула, и вышелъ вонъ».

На другой день Одинцова сама зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ и, пришедши туда, прямо говоритъ ему, что хочетъ возобновить вчерашній разговоръ. Опять начинаются съ ея стороны вызовы на откровенность, а со стороны Базарова упорное отнѣкиванье. Онъ говоритъ: «*между вами и мною такое разстояніе*». Она говоритъ на это: «Какое разстояніе? Полноте, Евгеній Васильевичъ, *я вамъ, кажется, доказала*. Или можетъ быть—продолжаетъ она—вы меня, какъ женщину, не считаете достойной вашего довѣрія? *Вѣдь вы насъ всѣхъ презираете?*»—«*Васъ я не презираю, Анна Сергѣевна, и вы это знаете*».—«*Нѣтъ, я ничего не знаю*», — отвѣчаетъ она и затѣмъ требуетъ, чтобы Базаровъ сказалъ ей, что̀ въ немъ происходитъ, и какая причина его сдержанности и напряженности. Что̀ же остается дѣлать этому несчастному Базарову? Вѣдь наконецъ всякія человѣческія силы должны истощиться и всякое ослиное терпѣніе должно лопнуть, когда любимая женщина два дня подъ рядъ умоляетъ объ одномъ и томъ же, когда она васъ упрекаетъ въ томъ, что вы ее презираете, и когда всѣ ея просьбы, всѣ ея ласковыя слова клонятся исключительно къ той самой цѣли, къ которой вы сами стремитесь всѣми силами своего существа. Поневолѣ надо было высказать самую глубокую тайну, и Базаровъ ее высказалъ, только совершенно по-базаровски. «Такъ знайте-же,—говоритъ онъ,—что я васъ люблю глупо, безумно... *Вотъ чего вы добились*».—И эти сердитыя слова онъ произноситъ, не глядя на Одинцову, отошедши отъ нея къ окну и стоя къ ней спиной. Онъ задыхался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая,—*страсть, похожая на злобу и быть можетъ сродни ей... Одинцовой стало и страшно, и жалко его*. — «Евгеній Васильевичъ, — проговорила она,—и *невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосѣ*».

Ну, тутъ, разумѣется, онъ бросился къ ней и обнялъ ее. Еще бы онъ не бросился. Еще бы онъ не обнялъ! Эта *невольная нѣжность въ голосѣ* была для него послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ, передъ которымъ уже не могла устоять никакая сдержанность, никакая напряженность, никакая искусственная суровость. Онъ ее обнялъ,—гдѣ-же тутъ дерзость, гдѣ оскорбленіе? Развѣ, обнимая *любящую* женщину, любящій мужчина наноситъ ей оскорбленіе? И развѣ Базаровъ могъ и развѣ онъ смѣлъ сомнѣваться въ томъ, что Одинцова его любитъ? Все было высказано, высказано просто, грубо и угрюмо, высказано съ глубокимъ, тяжело-выстраданнымъ упрекомъ: «*вотъ чего вы добились*» и послѣ этого «*нѣжность въ голосѣ*»! Какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе? И выразить подобное сомнѣніе, колебаться послѣ этой проклятой «*нѣжности*» еще одну секунду—вѣдь это значило бы глубоко огорчить и оскорбить любящую женщину, значило бы требовать отъ нея, чтобы она вымаливала вашу любовь, подобно тому, какъ она уже вымолила ваше признаніе. И вдругъ она отъ него отскакиваетъ, и вдругъ она говоритъ ему: «Вы меня не поняли»! А что-же дѣлаетъ Базаровъ? Ничего. Онъ закусываетъ губы и выходитъ изъ комнаты. А потомъ, вечеромъ, онъ извиняется передъ Одинцовой:—«Я долженъ извиниться передъ вами, Анна Сергѣевна. Вы не можете не гнѣваться на меня».—А она ему отвѣчаетъ:—«Нѣтъ, я на васъ не сержусь, Евгеній Васильевичъ, но я огорчена».

О, Анна Сергѣевна, замѣчу я отъ себя, какъ вы безмѣрно великодушны! Неужели вы можете не сердиться на этого ужаснаго преступника, котораго неслыханное преступленіе состоитъ въ томъ, что вы поджаривали его на медленномъ огнѣ впродолженіи двухъ дней? Преклоняюсь передъ вашей женственной кротостью и говорю вамъ безъ всякой ироніи, что вы въ этомъ отношеніи стоите выше многихъ очаровательныхъ, умныхъ и безукоризненныхъ женщинъ. Тѣ также терзаютъ людей, мажутъ ихъ по губамъ, разбиваютъ ихъ счастье, говорятъ имъ: «вы меня не поняли»—и сверхъ всего этого ненавидятъ ихъ самой упорной и холодной ненавистью. Бываютъ конечно и мужчины въ такомъ же родѣ, потому что когда дѣло зайдетъ о глупостяхъ, тогда ни одинъ полъ не уступитъ другому. Но исторія Базарова поучительна; онъ измученъ, онъ же извиняется, онъ же получаетъ великодушное полу-прощенье, онъ самъ во все время своего знакомства съ Одинцовой не говоритъ ей ни одного непріятнаго или непочтительнаго сло-

ва, онъ обходится съ ней, какъ съ святыней, и при всемъ томъ его же вся читающая публика обвиняетъ въ нахальствѣ, въ дерзости, въ цинизмѣ, въ неуваженіи къ достоинству женщины, и чортъ знаетъ еще въ какихъ неправдоподобныхъ гадостяхъ.

Но вотъ о чемъ не мѣшаетъ подумать нашей добрѣйшей и почтеннѣйшей публикѣ:—дали ей въ руки печатную книгу; въ этой книгѣ была написана яснымъ русскимъ языкомъ исторія Базарова и Одинцовой; прочитали эту исторію и опытные критики, и простые, непредубѣжденные читатели; и изъ всего этого прилежнаго чтенія, изъ всѣхъ критическихъ разсужденій произошло, по неисповѣдимымъ законамъ судебъ, самое удивительное пониманіе навыворотъ, или еще вѣрнѣе совершенное непониманіе. Я спрашиваю у каждаго безпристрастнаго читателя моей статьи, есть-ли какая-нибудь возможность понять и объяснить факты, собранные мной въ этой главѣ, по какому-нибудь другому способу, несходному съ моимъ объясненіемъ? Я увѣренъ, что каждый читатель скажетъ: «нѣтъ, невозможно», и даже назоветъ мое объясненіе ненужной болтовней, потому что факты ясны, какъ день, и сами за себя говорятъ. Ну да, ясны, какъ день, а вѣдь однако ухитрились же люди ихъ не понять и исказить, и для многихъ легковѣрныхъ господъ судьба Базарова, какъ литературнаго типа, рѣшена безапелляціонно. Ихъ теперь и не вытащить изъ заколдованнаго круга ихъ затверженныхъ сужденій.

И это случилось съ печатной книгой, которую стóитъ только раскрыть и прочитать внимательно для того, чтобы уничтожить всякое заблужденіе и возстановить настоящее значеніе разсказанныхъ событій. Поставьте же теперь на мѣсто книги живое явленіе, которое никогда не бываетъ такъ ясно и такъ удобно для изученія, какъ литературное произведеніе. Подумайте, какая тутъ произойдетъ катавасія! Если наша публика ни съ того, ни съ сего совершенно несправедливо оплевала тургеневскаго Базарова, то каково-же поступаетъ она съ живыми Базаровыми, которыхъ понять гораздо труднѣе и которымъ однако больно и досадно, когда на нихъ сыплятся незаслуженныя оскорбленія отъ отцовъ, матерей, сестеръ и особенно отъ любимыхъ женщинъ? Подумайте, сударыня-публика, не пора-ли вамъ заподозрить непогрѣшимость вашихъ разсужденій о такихъ явленіяхъ, которыхъ вы не съумѣли понять даже по печатной книгѣ? Я нарочно выбралъ для примѣра «любовную» исторію Базарова, потому что это именно такой предметъ, въ которомъ каждый человѣкъ считаетъ себя компетентнымъ судьей. Ну и чтó же, компетентные судьи, много вы разсудили?

Нравоученье изъ этого извлекается только то, что обругать человѣка недолго, но что и пользы изъ этого выходитъ немного.

XIV.

Вамъ можетъ быть угодно знать теперь, почему Одинцова не полюбила Базарова или, точнѣе, почему ея зарождавшаяся любовь къ этому человѣку не повела за собой никакихъ счастливыхъ послѣдствій. А потому-же самому, почему король Лиръ оттолкнулъ отъ себя ту единственную дочь, которая дѣйствительно была къ нему привязана; потому что чувство Базарова, подобно чувству Корделіи, выразилось некрасиво, то-есть несогласно съ эстетическими требованіями того лица, къ которому это чувство адресовалось. Я говорю это безъ всякихъ предположеній, основываясь на словахъ самого Тургенева. «Она задумывалась и краснѣла, *вспоминая почти звѣрское лицо* Базарова, когда онъ бросился къ ней». Она даже не рѣшила хорошенько, какъ ей поступить, то-есть отдаться ли Базарову, или разойтись съ нимъ. «*Или?* произнесла она вдругъ и остановилась, и тряхнула кудрями».

Неподражаемымъ комментаріемъ къ этому забубенному *или* можетъ служить слѣдующая цитата изъ того же романа: «Ямщикъ ему попался лихой, онъ останавливался передъ каждымъ кабакомъ, приговаривая: «чкнуть?» или: «аль чкнуть?», но зато, *чкнувши*, не жалѣлъ лошадей». Къ сожалѣнію, Одинцова, въ дѣлѣ лихости, далеко уступала ямщику, и на первый разъ она рѣшила, что лучше не надо «*или?*» Но это рѣшеніе никакъ нельзя считать окончательнымъ; нельзя по той простой причинѣ, что она его нѣсколько разъ подтверждала впослѣдствіи, а это значитъ, что передъ каждымъ подтвержденіемъ въ ея умѣ шевелился болѣе или менѣе явственно-обозначенный вопросъ: «аль чкнуть?» И подтвержденіе являлось постоянно по случаю неэстетичности. «Одинцова раза два — прямо, не украдкой — посмотрѣла на его лицо, строгое и желчное, съ опущенными глазами, съ отпечаткомъ презрительной рѣшимости въ каждой чертѣ, и подумала: «нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ». — «Вѣдь вы, — извините мою откровенность, говоритъ ей Базаровъ вечеромъ того-же дня,—не любите меня и не полюбите никогда.—Глаза Базарова сверкнули на мгновенье изъ-подъ темныхъ его бровей. Анна Сергѣевна не отвѣчала ему; «я боюсь этого человѣка», мелькнуло у нея въ головѣ».

Одинцова пріѣзжаетъ къ умирающему Базарову, и вотъ первое ея ощущеніе при взглядѣ на больного: «она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, еслибы точно его любила, мгновенно сверкнула у ней въ головѣ». Вотъ видите: до самой послѣдней минуты вопросы: «любила-ли она его» и «точно-ли любила» оставались для нея вопросами. А полюбила ли бы она его, еслибы онъ не умеръ, и могла ли она вообще полюбить его—это та-

кіе вопросы, какіе навсегда остались для нея неразрѣшимыми. Базаровъ поставилъ вопросъ слишкомъ ясно: или отдаться, или разойтись, Одинцовой еще не хотѣлось рѣшиться ни въ ту, ни въ другую сторону; ей хотѣлось еще поговорить, и она не разъ выражала это желаніе, и у нея были на то очень законныя причины. Для того, чтобы стать въ уровень съ Базаровымъ, чтобы понять его и взглянуть на его личность свѣтлымъ взглядомъ мыслящаго человѣка, сбросившаго съ своего ума оковы эстетической рутины, для этого Одинцовой дѣйствительно необходимо было поумнѣть, а она, какъ даровитая женщина, умнѣла довольно быстро подъ живительнымъ вліяніемъ дѣльныхъ разговоровъ съ Базаровымъ. Но Базаровъ, при всей своей «сатанинской» гордости, не сознавалъ, что онъ въ умственномъ отношеніи стоитъ выше ея; онъ не замѣчалъ, что его вліяніе производитъ въ ней перемѣну; поэтому онъ и думалъ, что если она не любитъ его теперь, то и не полюбитъ никогда. Значитъ, онъ уважалъ ее слишкомъ много, и было бы гораздо—о, гораздо лучше,—если бы онъ уважалъ ее поменьше. Но замѣчательно, что вѣдь Базарова-то принято упрекать какъ разъ въ противоположной погрѣшности. Желаніе Одинцовой «еще поговорить» выражается въ двухъ случаяхъ самымъ очевиднымъ образомъ. Во-первыхъ, тотчасъ послѣ неудавшагося поцѣлуя Базаровъ присылалъ ей записку слѣдующаго содержанія: «Долженъ-ли я сегодня уѣхать—или могу остаться до завтра?» Она ему отвѣчаетъ: «Зачѣмъ уѣзжать? Я васъ не понимала—вы меня не поняли». Выводъ ясенъ: «поговоримъ еще и можетъ быть договоримся до взаимнаго пониманія». Во-вторыхъ — когда Базаровъ, спустя нѣсколько недѣль, заѣзжаетъ въ послѣдній разъ на короткое время въ деревню Одинцовой, она упрашиваетъ его остаться и еще наивнѣе выражаетъ свое желаніе «поговорить».—«Развѣ,— говоритъ она,—вы уѣзжаете? Отчего-же вамъ теперь не остаться? Останьтесь... съ вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Останьтесь». Тутъ опять ясно сквозитъ такая мысль: «дайте мнѣ понабраться смѣлости, и тогда я, чего добраго, брошусь въ самую пропасть, которая перестанетъ меня пугать»... Но Базаровъ не видитъ этой сквозящей мысли, или-же у него не хватаетъ силъ дожидаться, пока Одинцова поумнѣетъ и перестанетъ робѣть.—«Спасибо за предложенье, Анна Сергѣевна,—отвѣчаетъ онъ ей,—и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я и такъ слишкомъ долго вращался въ чужой для меня сферѣ».

Нелюбезно и почти дерзко отвѣчаетъ онъ на ея приглашенье, но ее этотъ отвѣтъ не оскорбляетъ. Взглянувши на его блѣдное лицо, подернутое горькой усмѣшкой, она подумала: «этотъ меня любитъ!» и съ участіемъ протянула ему руку. Но онъ не взялъ эту руку и оттолкнулъ прочь ея непрошенное участье, потому что люди, подобные Базарову, берутъ себѣ любовь женщины или ровно ничего не берутъ.—«Нѣтъ,—сказали онъ и отступилъ на шагъ назадъ.—Человѣкъ я бѣдный, но милостыни до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ и будьте здоровы».—Оаъ опять рванулась къ нему.—«Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся,—произнесла Анна Сергѣевна *съ невольнымъ движеньемъ*», (Это опять то-же самое, что «невольная нѣжность въ голосѣ» и знаменательный вопросъ «*или?*»). Но Базаровъ неприступенъ и опять осаживаетъ ее назадъ.—«Чего на свѣтѣ не бываетъ!»—отвѣчалъ Базаровъ, поклонился и вышелъ.

Женщина сама всего лучше можетъ судить о томъ, оскорблена-ли она, или нѣтъ; а Одинцова, тотчасъ послѣ Базаровскаго объятія, не чувствовала себя оскорбленной: «она скорѣе чувствовала себя виноватой». Она никогда, ни прежде, ни послѣ рѣшительной сцены, не смотрѣла на Базарова, какъ на нахальнаго циника. Ей, въ самый день поцѣлуя, «хотѣлось сказать ему какое-нибудь доброе слово, но она не знала, какъ заговорить съ нимъ».—«Вы знаете,— говоритъ она ему во время ихъ предпослѣдняго свиданья,—что я васъ боюсь... и въ то же время я вамъ довѣряю, потому что въ сущности вы очень добры».

Что за удивительная смѣсь различныхъ чувствъ! И боязнь, и довѣріе, и уваженіе, и желаніе дружбы, и неудовлетворенное любопытство. Боязнь тутъ не что иное, какъ неполное пониманіе, потому что мы всегда боимся того, что кажется намъ страннымъ, незнакомымъ или необъяснимымъ. Но отчего-же изъ всей этой смѣси чувствъ не составляется та своеобразная кристаллизація, которая называется любовью? Всѣ составные элементы любви даны, и даже нѣтъ того *физическаго* отвращенья, которое иногда бываетъ въ такомъ дѣлѣ необходимымъ препятствіемъ; отчего же не образуется любовь? Оттого, что эстетика мѣшаетъ; оттого, что въ чувствѣ Базарова нѣтъ той внѣшней миловидности, joli à voir, которыя Одинцова совершенно безсознательно считаетъ необходимыми аттрибутами всякаго любовнаго паѳоса. Читатель подумаетъ вѣроятно, что эстетика—мой кошмаръ, и читатель въ этомъ случаѣ не ошибется. Эстетика и реализмъ дѣйствительно находятся въ непримиримой враждѣ между собой, а реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмысливаетъ всѣ отрасли нашей научной дѣятельности, начиная отъ высшихъ сферъ научнаго труда и кончая самыми обыкновенными отношеніями между мужчиной и женщиной. Я немедленно постараюсь доказать читателю, что эстетика есть

самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный врагъ разумнаго прогресса.

XV.

Въ томъ-то и состоитъ пошлость всякихъ эстетическихъ приговоровъ, что они произносятся не вслѣдствіе размышленья, а по вдохновенію, по внушенію того, что называется голосомъ инстинкта или чувства. Взглянулъ, понравилось—ну, значитъ, хорошо, прекрасно, изящно. Взглянулъ, не понравилось—кончено дѣло: скверно, отвратительно, безобразно. А почему понравилось или не понравилось—этого вамъ не объяснитъ ни одинъ эстетикъ. Все объясненіе ограничится только ссылкой на внутренній голосъ непосредственнаго чувства. Эстетикъ выставитъ вамъ конечно цѣлую систему второстепенныхъ правилъ, но чтобы поставить весь этотъ затѣйливый эшафодажъ на какой-нибудь фундаментъ, онъ все-таки сошлется подъ конецъ на непосредственное чувство. Но эти ссылки непремѣнно должны имѣть опредѣленный физіологическій смыслъ, или-же въ противномъ случаѣ онѣ не имѣютъ ровно никакого смысла. Напримѣръ, нѣкоторые люди не могутъ ѣсть никакой рыбы и занемогаютъ, какъ только въ ихъ пищеварительный каналъ попадетъ малѣйшій кусочекъ этого нестерпимаго для нихъ вещества, которое у большей части людей считается однако лакомой и здоровою пищей. Въ этомъ случаѣ отвращеніе совершенно законно. Значитъ, въ устройствѣ желудка или кишечнаго канала есть какая-нибудь индивидуальная особенность, отрицающая рыбу. Всякій дѣльный физіологъ скажетъ, подобно Льюису, что надо повиноваться голосу желудка, потому что урезонить его невозможно, апеллировать на него некуда, а бороться съ нимъ значитъ только вызывать тошноту и разныя другія болѣзненныя явленія. Другой примѣръ: рѣзкій свистъ локомотива абсолютно непріятенъ или, выражаясь другими словами, неизященъ, отвратителенъ, безобразенъ, потому что отъ этого пронзительнаго звука страдаетъ слуховой нервъ. Физіологическая причина существуетъ, и, стало быть, дѣло опять-таки рѣшается окончательно. Третій примѣръ: женщина А чувствуетъ непобѣдимое физическое отвращенье къ мужчинѣ Б. Ей противно прикоснуться къ его рукѣ, а поцѣловать этого человѣка было бы для нея настоящей пыткой. Такія явленія дѣйствительно существуютъ въ природѣ и, разумѣется, имѣютъ какое-нибудь физіологическое основаніе, хотя можетъ быть современная наука и не въ состояніи въ точности опредѣлить ихъ причину. И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ насиловать природу. И госпожа А поступитъ очень неблагоразумно, если, вопреки этому физическому отвращенію, разсудочными доводами заставитъ себя выйти замужъ за господина Б.

Нашъ организмъ имѣетъ свои безспорныя права и предъявляетъ ихъ, и не терпитъ ихъ нарушенія. Но скажите пожалуйста, какія права своего организма заявляла напримѣръ французская публика временъ Вольтера, когда она систематически освистывала всякую трагедію, въ которой не было *un amoureux et une amoureuse?* Или какія права организма выражались въ томъ, что нашимъ уѣзднымъ барышнямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нравились почти исключительно блестящіе мундиры и разочарованные герои? Согласитесь, что тутъ не можетъ быть допущено даже легкое предположеніе объ особенномъ устройствѣ какихъ-нибудь зрительныхъ, слуховыхъ, желудочныхъ или другихъ нервовъ. И барышни, и французская публика очень горячо ссылались на голосъ непосредственнаго чувства и были готовы божиться въ томъ, что ужъ такъ устроила ихъ природа, что онѣ иначе не могутъ чувствовать и разсуждать, что у нихъ есть врожденное стремленіе къ однимъ предметамъ и такое же врожденное отвращеніе къ другимъ. Странное дѣло! Уѣздныя барышни считаются тысячами, и во французскіе театры ходили, при Вольтерѣ, также тысячи людей. Эти тысячи отдѣльныхъ организмовъ представляли самое пестрое индивидуальное разнообразіе; тутъ были умные и глупые, полнокровные и худосочные, раздражительные и апатичные, и такъ далѣе, до безконечности. И у всѣхъ этихъ различныхъ организмовъ оказывается вдругъ одна общая черта, самая тонкая и неуловимая,—та, вслѣдствіе которой французамъ нравились только любовныя трагедіи, а барышнямъ—только разочарованные воины. Воля ваша, такое предположеніе еще болѣе неправдоподобно, чѣмъ еслибы мы предположили, что всѣ наши барышни родились съ крошечнымъ темнымъ пятномъ надъ лѣвымъ глазомъ. Само по себѣ такое пятно вовсе неудивительно, и оно такъ-же удобно можетъ помѣститься надъ лѣвымъ глазомъ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, но чтобы оно появилось разомъ у всѣхъ новорожденныхъ дѣвочекъ цѣлой обширной мѣстности—это невозможно. Чтобы такое *врожденное* свойство держалось постоянно втеченіи двухъ десятилѣтій и потомъ исчезло бы безъ слѣда, замѣняясь для слѣдующихъ поколѣній другимъ *врожденнымъ* свойствомъ,—это уже ни съ чѣмъ несообразно.

Ясно, стало быть, что природа тутъ не причемъ, и что внутренній голосъ непосредственнаго чувства повторяетъ только, какъ попугай, то, что нажужжали намъ въ уши въ самой ранней молодости. Французъ XVIII вѣка видѣлъ постоянно трагедіи съ любовнымъ пламенемъ и слышалъ постоянно, что такія трагедіи считаются превосходными,—онъ и требуетъ себѣ такихъ трагедій и дѣйствительно чувствуетъ къ нимъ особенную симпатію. Барышня съ трехъ лѣтъ до пятнадцати видитъ постоянно, что старшія родственницы ея любезничаютъ съ офицерами

печоринскаго типа, и слышитъ постоянно, что взрослыя дѣвицы находятъ такихъ офицеровъ очаровательными; очень естественно, что, надѣвши длинное платье, эта барышня сама стремится любезничать съ такими же офицерами и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ какое-то особенное замираніе сердца при одномъ взглядѣ на восхитительный мундиръ. Пассивная привычка—считать какой-нибудь предметъ хорошимъ и желательнымъ — становится до такой степени сильной, что превращается наконецъ въ дѣйствительное чувство и въ активное желаніе.

Такія превращенія происходятъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ на каждомъ шагу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ конечно привычка — дѣло очень хорошее, но не потому, что она—привычка, а потому, что она ведетъ за собой общеполезныя послѣдствія, необходимыя для благосостоянія человѣчества. Допуская и поощряя результаты привычки, когда они приносятъ намъ пользу, мы не имѣемъ въ то же время никакого основанія преклоняться передъ нашими привычками вообще и считать ихъ неприкосновенными даже въ томъ случаѣ, когда онѣ вредны, безразсудны, стѣснительны или неудобны. Поэтому, когда внутренній голосъ непосредственнаго чувства начинаетъ намъ что-нибудь докладывать, мы можемъ его выслушать, но вовсе не обязаны принимать его совѣты на вѣру, безъ дальнѣйшихъ критическихъ изслѣдованій. Вѣрить этому чревовѣщанію на слово—значитъ обрекать себя на вѣчную умственную неподвижность.

Наши инстинкты, наши безсознательныя влеченія, наши безпричинныя симпатіи и антипатіи, словомъ—всѣ движенія нашего внутренняго міра, въ которыхъ мы не можемъ дать себѣ яснаго и строгаго отчета и которыя мы не можемъ свести къ нашимъ потребностямъ или къ понятіямъ вреда и пользы, — всѣ эти движенія, говорю я, захвачены нами изъ прошедшаго, изъ той почвы, которая насъ выкормила, изъ понятій того общества, среди котораго мы развились и жили. Это наслѣдство и составляетъ силу и основаніе всѣхъ нашихъ эстетическихъ понятій. Что̀ нравится намъ безотчетно, то нравится намъ только потому, что мы къ нему привыкли. Если эта безотчетная симпатія не оправдывается сужденіемъ нашей критической мысли, то очевидно, эта симпатія тормозитъ наше умственное развитіе. Если въ этомъ столкновеніи побѣдитъ трезвый умъ, — мы подвинемся впередъ, къ болѣе здравому, то-есть къ болѣе общеполезному взгляду на вещи. Если побѣдитъ эстетическое чувство, — мы сдѣлаемъ шагъ назадъ, къ царству рутины, умственнаго безсилія, вреда и мрака.

Эстетика, безотчетность, рутина, привычка— это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ — это также равносильныя понятія, діаметрально-противоположныя первымъ. Чѣмъ больше мы даемъ простора нашимъ безотчетнымъ влеченіямъ, чѣмъ сильнѣе разыгрывается наше эстетическое чувство, тѣмъ пассивнѣе становятся наши отношенія къ окружающимъ условіямъ жизни, тѣмъ окончательнѣе и безвозвратнѣе наша умственная самостоятельность поглощается и порабощается безсмысленными вліяніями нашей обстановки. Люди, обожающіе красоту и эстетику, разсуждаютъ обыкновенно такъ: мнѣ это нравится, слѣдовательно это хорошо. Утвердившись на той позиціи, что *это* хорошо, они начинаютъ подбирать второстепенныя условія, при которыхъ можетъ и должна развиться полная красота даннаго предмета, и этимъ подбираньемъ ограничивается то скромное шевеленье мозговъ, которое называется эстетическимъ анализомъ. Мысль при этомъ вертится въ предѣлахъ того крошечнаго кружка, который очерченъ вокругъ нея заранѣе. Повертится, передвинетъ съ мѣста на мѣсто кое-какія пылинки, да на томъ и успокоится. Современники Вольтера убѣдили себя разъ навсегда въ томъ, что прекрасная трагедія непремѣнно должна заключать въ себѣ любовную интригу. Такая трагедія прекрасна, потому что она намъ нравится—это была ихъ основная аксіома. Отъ этой аксіомы отправлялся ихъ анализъ и клонился къ тому, чтобы разъяснить, при какихъ условіяхъ *такая* трагедія можетъ быть особенно прекрасна. Этотъ робкій и жалкій анализъ, разумѣется, оканчивался шлифованьемъ мельчайшихъ подробностей, составлявшихъ безполезный, хотя и логическій выводъ изъ совершенно пустой и ложной основной идеи. Вольтеръ осмѣиваетъ рутинную узкость этихъ ходячихъ эстетическихъ теорій, и при этомъ самъ также вертится въ совершенно замкнутомъ кругу, который только чуть-чуть пошире перваго. Вольтеръ приходитъ въ эстетическій ужасъ, когда одинъ изъ его современниковъ, Ламотъ-Ударъ (la Motte-Houdart), начинаетъ доказывать, что трагедіи могутъ быть прекрасны даже въ томъ случаѣ, если въ нихъ не соблюдены три единства (времени, мѣста и дѣйствія) и если даже онѣ написаны прозой. Вольтеръ допускаетъ, что трагедія можетъ быть прекрасна безъ любви, но ереси Ламота онъ допустить не можетъ, и драматическія произведенія Шекспира все-таки ужасаютъ его своими варварскими неправильностями. Но и Ламотъ-Ударъ, при всей своей смѣлости, пришелъ бы въ ужасъ, еслибы Бѣлинскій сталъ ему доказывать, что трагедіи Корнеля и Расина никуда не годятся, и что ихъ даже смѣшно сравнивать съ Шекспиромъ. Но и Бѣлинскій, при всей своей геніальности, пришелъ бы въ ужасъ, еслибы Базаровъ сказалъ ему, что «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ», и что слѣдовательно люди очень удобно могутъ жить на свѣтѣ даже совсѣмъ безъ трагедіи.

И французы, обожавшіе любовную трагедію, и Вольтеръ, и Ламотъ, и Бѣлинскій, при всемъ различіи своихъ взглядовъ, были все-таки эстетиками, и это обстоятельство проводитъ ясную и неизгладимую границу между этими людьми и представителями чистаго реализма. Существенная разница заключается не въ томъ, что одни признаютъ, а другіе отрицаютъ искусство; это только второстепенные выводы. Можно быть эстетикомъ, не выходя изъ сферы чисто-практическихъ интересовъ; и можно быть реалистомъ, съ любовью изучая Шекспира и Гейне, какъ геніальныхъ и великихъ людей. Существенная разница лежитъ гораздо глубже; эстетики всегда останавливаются на аргументѣ: «*потому что это мнѣ нравится*», и чаще всего даже не доходятъ до этого послѣдняго аргумента. Реалисты, напротивъ того, и этотъ послѣдній аргументъ подвергаютъ анализу. «Это мнѣ нравится, —думаетъ реалистъ.—Хорошо. Но, чтобы узнать цѣну моихъ симпатій, не мѣшаетъ сначала узнать, что за штука это *я*, такъ отважно произносящее свои рѣшительные приговоры. Между *моими* сверстниками было много дураковъ и негодяевъ; *мои* наставники пороли *меня* по вдохновенью и заставляли *меня* лгать и подличать; *мои* родственники жили и живутъ безгрѣшными доходами; *мои* родственницы смѣшиваютъ Гоголя съ Поль-де-Кокомъ и говорятъ, что писателя, какъ вреднаго сплетника, опасно пустить на порогъ порядочнаго дома. Посреди всѣхъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ вліяній слагалась и развивалась *моя* личность. Были конечно и другія впечатлѣнія, совсѣмъ другого сорта,—впечатлѣнія, по милости которыхъ мнѣ удалось бросить критическій взглядъ на разнообразный соръ моей родной избы. Были разговоры немногихъ умныхъ людей и чтеніе многихъ умныхъ книгъ. Не дерзко-ли и не глупо-ли было бы принять за непреложную истину, что благотворное вліяніе этихъ людей и книгъ совершенно очистило мою личность отъ всѣхъ грязныхъ ингредіентовъ, вошедшихъ въ нее изъ почвы?»

Ясно теперь, что именно существованіе этой высшей руководящей идеи у послѣдовательнаго реалиста и отсутствіе такой идеи у эстетика составляетъ основное различіе между этими двумя группами людей. Какая же это идея? Это — идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности. Какъ всѣ люди и даже всѣ животныя вообще, эстетикъ и реалистъ—оба вполнѣ эгоисты. Но эгоизмъ эстетика похожъ на безсмысленный эгоизмъ ребенка, готоваго ежеминутно облопаться сквернѣйшими леденцами и коврижками. А эгоизмъ реалиста есть сознательный и глубоко-разсчетливый эгоизмъ зрѣлаго человѣка, заготовляющаго себѣ на цѣлую жизнь неистощимые запасы свѣжаго наслажденья.

Идея общечеловѣческой солидарности извѣстна очень многимъ эстетикамъ, но они относятся къ ней, какъ напримѣръ къ какому-нибудь мексиканскому вопросу.—Да, молъ, хорошая идея и интересныя вещи объ ней пишутся. Отчего не почитать на счетъ этой идеи? Отчего даже, при удобномъ случаѣ, не заявить печатно, что homo sum et nihil humani?.. Словомъ, отчего-же намъ, эстетикамъ, не побаловать себя этой идеей, какъ мы балуемъ себя всѣми цвѣточками этого лучшаго изъ возможныхъ міровъ?—Такимъ образомъ эстетики, нисколько не содѣйствуя выясненію и практическому торжеству этой идеи, овладѣваютъ ею, утѣшаются ею, по своему обыкновенію, весьма миловидно, искусно и тонко вводятъ ее въ замкнутый кружокъ своихъ неподвижныхъ симпатій и безусловно подчиняютъ ее своему высшему, хотя и затаенному принципу, великому аргументу: *потому что мнѣ нравится*. При такой обстановкѣ великая идея, господствовавшая деспотически надъ умами міровыхъ геніевъ, становится милой бездѣлкой, которую пріятно поставить на письменный столъ, въ видѣ легкаго пресспапье, для того, чтобы она напоминала пишущему барину, что и онъ тоже работаетъ для человѣчества. Да и какъ-же иначе? Какую бы глупость онъ ни написалъ, все-таки его будутъ читать не лошади, а люди.

Всѣ мои насмѣшки могутъ относиться вполнѣ только къ эстетикамъ *нашего* времени. У эстетиковъ *прежнихъ* временъ, у людей, подобныхъ Вольтеру или Бѣлинскому, идея общечеловѣческой солидарности медленно созрѣвала подъ эстетической скорлупкой. Теперь эта идея созрѣла и проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Стало быть, кто теперь отворачивается отъ этой идеи и самодовольно возится съ ея разбитой скорлупой, тотъ или слѣпъ, или умышленно зажмуриваетъ глаза. А смѣяться надъ умственной слѣпотой людей, считающихъ себя квинтъэссенціей человѣчности, это не только позволительно, но даже необходимо для выясненія и очищенія великой идеи, превращенной въ будуарное украшенье.

XVI.

Для реалиста идея общечеловѣческой солидарности есть просто одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы,—одинъ изъ тѣхъ законовъ, которые ежеминутно нарушаются нашимъ невѣдѣніемъ и которые своимъ нарушеніемъ порождаютъ почти всѣ хроническія страданія нашей породы. Человѣческій организмъ, разсуждаетъ реалистъ, устроенъ такъ, что онъ можетъ развиваться по человѣчески и удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ только въ томъ случаѣ, если онъ находится въ постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ другими подобными себѣ организмами. Выражаясь короче и проще, человѣку, для его собственнаго благосостоянія, не-

обходимо общество другихъ людей. На земномъ шарѣ существуетъ множество отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ; между этими обществами могутъ существовать или дружескія, или враждебныя отношенія. Первыя несравненно выгоднѣе послѣднихъ. Чѣмъ больше дружескихъ отношеній и чѣмъ меньше вражды, тѣмъ лучше для каждаго изъ отдѣльныхъ обществъ; а чѣмъ успѣшнѣе развивается общество, тѣмъ пріятнѣе живется каждому изъ его членовъ, то-есть каждому отдѣльному человѣческому организму. Такимъ образомъ и выходитъ, что участь одного зависитъ отъ участи всѣхъ. И наоборотъ, когда отдѣльная личность вполнѣ разсчетливо пользуется своими естественными способностями, тогда она неизбѣжно, сама того не сознавая, увеличиваетъ сумму общечеловѣческаго благосостоянія. Еслибы эта личность сознавала значеніе своей дѣятельности и для общаго блага, то ей все-таки не было бы надобности измѣнять въ своей дѣятельности какую бы то ни было мелочную подробность. Вполнѣ разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія. Но, сознавая важное и высокое значеніе своего личнаго труда, видя въ этомъ трудѣ свою неразрывную связь съ милліонами другихъ мыслящихъ существъ, трудящаяся личность еще сильнѣе привязывается къ своей дѣятельности, еще смѣлѣе развертываетъ свои способности и, ясно понимая законность своихъ стремленій, становится болѣе счастливой, то-есть болѣе независимой отъ тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, которыя порождаются мелкими неудачами. Я не ошибаюсь въ общемъ направленіи моей жизни, думаетъ такая личность; я повинуюсь основному закону природы. Если мнѣ приходится пережить кое-какія непріятности, то я все-таки знаю, что я изъ многихъ золъ выбираю меньшее. Если я пойду въ разрѣзъ съ естественнымъ закономъ, если я уклонюсь отъ него въ сторону, то въ общемъ результатѣ жизнь моя пойдетъ еще хуже.

Эстетики вообще восторгаются, умиляются и человѣколюбствуютъ гораздо чаще и шумнѣе, чѣмъ реалисты, которые обыкновенно обнаруживаютъ упорную антипатію ко всякому порывистому энтузіазму. Но эстетики считаютъ совершенно невозможнымъ дѣломъ провести идею дѣятельной любви во всѣ мельчайшіе поступки собственной жизни. Для нихъ эта идея—блестящій мундиръ, который можно и даже слѣдуетъ надѣвать по табельнымъ днямъ, но который, при всей своей красотѣ, превратится въ орудіе пытки, если вы станете таскать его каждый день, съ ранняго утра до поздней ночи. Когда имъ говорятъ, что это даже не мундиръ, а очень просторное домашнее пальто, то они этому рѣшительно не вѣрятъ, и людей, высказывающихъ подобныя мысли, называютъ или фантазерами, или лицемѣрами. Помилуйте, вопіютъ эстетики, эти сухіе, черствые люди, эти угловатыя фигуры, толкующія постоянно о выгодѣ и убыткѣ, хотятъ увѣрить насъ, что имъ удалось рѣшить такую задачу общечеловѣческой любви, которая оказалась не по силамъ даже намъ, людямъ мягкимъ, нѣжнымъ и высоко-развитымъ въ дѣлѣ пониманія самыхъ изящныхъ сторонъ природы и человѣческой души. Не есть-ли это съ ихъ стороны дерзкая и возмутительная ложь?

Конечно, еслибы реалисты къ каждому своему шагу приплетали высокія разсужденія о человѣколюбіи и глубокіе вздохи о человѣческихъ страданіяхъ, то это было бы и глупо, и скучно, и наконецъ сдѣлалось бы невыносимымъ, какъ для самого реалиста, такъ и для всѣхъ его знакомыхъ. Но идея любви проводится въ жизнь гораздо проще и гораздо дѣйствительнѣе. Къ этой высшей идеѣ реалистъ обращается чрезвычайно рѣдко. Обыкновенно онъ имѣетъ дѣло только съ ея практическими выводами и частными приложеніями. Доживши до тѣхъ лѣтъ, когда приходится выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій, молодой человѣкъ, неиспорченный богатствомъ и барственной лѣнью, начинаетъ всматриваться въ свои способности и дѣлаетъ попытки по разнымъ направленіямъ до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ себѣ такой трудъ, который ему пріятенъ и который при томъ можетъ его прокормить. Разсматривая различныя сферы занятій, молодой человѣкъ, сколько-нибудь способный размышлять, непремѣнно ставитъ себѣ нѣкоторые вопросы, на которые ему необходимо получить отъ себя отвѣты. Не безчестно-ли это занятіе, то-есть, не вредитъ-ли оно естественнымъ интересамъ большинства? Не подѣйствуетъ-ли оно подавляющимъ образомъ на мои умственныя способности? Обезпечитъ-ли оно мою нравственную самостоятельность, то-есть, буду-ли я моимъ трудомъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества? Чтобы поставить и рѣшить въ ту или въ другую сторону нѣсколько подобныхъ вопросовъ, не надо быть ни геніальнымъ мыслителемъ, ни героемъ или фанатикомъ человѣколюбія. Надо просто быть неглупымъ человѣкомъ и получить въ какомъ-нибудь университетѣ довольно ясное понятіе о томъ, что такое общество и что̀ такое умственный трудъ.

Конечно, выбирая то или другое поприще, надо взглянуть на дѣло широко и серьезно, надо обратиться къ высшей руководящей идеѣ, и ей надо безусловно подчинить разныя второстепенныя соображенія, которыя обыкновенно называются практическими, а на самомъ дѣлѣ всегда оказываются ложными и близорукими. Если напримѣръ лѣтъ пять тому назадъ молодому человѣку, вышедшему изъ университета, предложили бы *выгодное* мѣсто по откупамъ, то, разумѣется, онъ, во имя идеи, обязанъ былъ безусловно отказаться отъ этого мѣста, несмотря ни на какія выгоды. Идея требуетъ отъ него этой жертвы:

но намъ стоитъ только взглянуть внимательно на дѣло, чтобы немедленно убѣдиться въ томъ, что тутъ жертва чисто внѣшняя, и что требованія высшей идеи здѣсь, какъ и вездѣ, совпадаютъ вполнѣ съ внушеніями эгоистическаго разсчета. Молодой человѣкъ стоитъ на распутьѣ: направо — дорога въ откупъ, налѣво — грошовые уроки и неизвѣстное будущее. Еслибы какой-нибудь волшебникъ могъ показать ему его самого, какимъ онъ будетъ лѣтъ черезъ пятнадцать, пошедши направо, и потомъ опять-таки его самого, пошедшаго налѣво и пережившаго такой промежутокъ времени, то конечно молодому человѣку захотѣлось бы выбрать тотъ путь, который приводитъ къ наиболѣе благообразному результату. Я не думаю, чтобы молодому человѣку понравилась та личность, которую онъ увидалъ бы въ первомъ случаѣ. Жизнь въ брюхо, грязные друзья и сослуживцы, равнодушіе ко всякимъ высшимъ интересамъ, извращеніе умственныхъ способностей, тупая и боязливая ненависть ко всему, что можетъ нарушить выгодное спокойствіе мутнаго болота, рѣзкій разрывъ съ честными университетскими товарищами, словомъ,—всѣ признаки безнадежнаго паденія—результатъ непривлекательный!— Къ этому результату *приходятъ* тѣмъ или другимъ путемъ многіе пламенные юноши, но *идутъ* они не къ этому результату, и еслибы они могли видѣть его заранѣе, то изъ этихъ многихъ почти всѣ повернули бы куда-нибудь въ другую сторону. Значитъ, тутъ происходитъ ошибка въ разсчетѣ, и отъ такихъ ошибокъ, неизбѣжныхъ при нашей юношеской неопытности и самонадѣянности, насъ всего лучше можетъ предохранить та кажущаяся жертва, которую мы приносимъ требованіямъ высшей идеи.

Очень многіе отрасли труда находятся въ полномъ согласіи съ самыми строгими требованіями идеи. Которую-же изъ этихъ отраслей долженъ выбрать себѣ молодой человѣкъ? И здѣсь интересы общества сходятся съ интересами личности. Пусть молодой человѣкъ выбираетъ себѣ то, что ему всего пріятнѣе. Тогда, и именно только тогда, онъ, наслаждаясь процессомъ своего труда, принесетъ обществу такое количество пользы, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ размѣрамъ его личныхъ способностей.

Положимъ теперь, что требованія идеи соблюдены, дѣятельность молодого человѣка вошла въ свою ровную колею и, удовлетворяя его умственнымъ потребностямъ, съ каждымъ годомъ становится болѣе драгоцѣнной и необходимой частью его существованія. Каждый неглупый человѣкъ можетъ найти себѣ такую дѣятельность; а какъ только жизнь наполнена осмысленнымъ трудомъ, такъ задача можетъ считаться рѣшенной: идея общечеловѣческой любви проведена во всѣ поступки жизни. Вашъ трудъ полезенъ, вы его любите, вы посвящаете ему всѣ ваши силы, вы ни за что не согласитесь дѣлать его кое-какъ, вы готовы бороться съ затрудненіями и переносить непріятности, чтобы довести его до возможной степени совершенства, вы понимаете и стараетесь расширить практическое значеніе вашей работы—кажется, этого довольно, и, кажется, вы, поступая такимъ образомъ, ни на одну минуту не забываете вашей солидарности съ остальными людьми и ни однимъ вашимъ движеніемъ не уклоняетесь въ сторону отъ самыхъ неумолимыхъ требованій высшей идеи.

Итоги всѣхъ этихъ разсужденій можно подвести такъ: эстетикъ—великодушный баринъ, способный, въ минуту героическаго порыва, бросить бѣдному человѣчеству даже трехъ-рублевую бумажку, которая немного позднѣе, вмѣстѣ со всѣми остальными деньгами и симпатіями этого барина, непремѣнно полетѣла бы въ руки поющей цыганки; а реалистъ—разсчетливый акціонеръ, пустившій въ оборотъ все свое состояніе и всѣми силами служащій дѣлу компаніи, для увеличенія собственнаго дивиденда. Иной акціонеръ, ради собственной поживы, вздумаетъ пожалуй обокрасть компанію, но вѣдь это разсчетъ не столько вѣрный, сколько отважный. На такихъ изобрѣтательныхъ акціонеровъ есть уголовный судъ, а на мошенниковъ въ общемъ дѣлѣ человѣчества—презрѣніе честныхъ людей, надъ которымъ не во всякое время можно смѣяться безнаказанно. Поверхностному наблюдателю эстетикъ можетъ показаться симпатичнѣе реалиста, потому что реалистъ понятенъ только тому, кто разглядитъ общее направленіе его поступковъ и разгадаетъ высшее значеніе идеи, составляющей внутренній смыслъ его существованія. А эстетикъ весь какъ на ладони, и внутренняго смысла въ его жизни вы не найдете.

XVII.

Реалистъ—мыслящій работникъ, съ любовью занимающійся трудомъ. Изъ этого опредѣленія читатель видитъ ясно, что реалистами могутъ быть въ настоящее время только представители умственнаго труда. Конечно трудъ тѣхъ людей, которые кормятъ и одѣваютъ насъ, въ высшей степени полезенъ, но эти люди совсѣмъ не реалисты. При теперешнемъ устройствѣ матеріальнаго труда, при теперешнемъ положеніи чернорабочаго класса во всемъ образованномъ мірѣ, эти люди не что иное, какъ машины, отличающіяся отъ деревянныхъ и желѣзныхъ машинъ невыгодными способностями чувствовать утомленіе, голодъ и боль. Въ настоящее время эти люди совершенно справедливо ненавидятъ свой трудъ и совсѣмъ не занимаются размышленіями. Они составляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало и не принимаетъ до сихъ поръ никакой опредѣленной формы. Это—туманное пятно, изъ кото-

раго выработаются новые міры, но о которомъ до сихъ поръ рѣшительно нечего говорить. Заниматься съ любовью матеріальнымъ трудомъ—это въ настоящее время почти немыслимо, а въ Россіи, при нашихъ допотопныхъ пріемахъ и орудіяхъ работы, еще болѣе немыслимо, чѣмъ во всякомъ другомъ цивилизованномъ обществѣ. Такимъ образомъ самый реальный трудъ, приносящій самую озязательную и неоспоримую пользу, остается внѣ области реализма, внѣ области практическаго разума, въ тѣхъ подвалахъ общественнаго зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли. Что-жъ намъ дѣлать съ этими подвалами? Покуда приходится оставить ихъ въ покоѣ и обратиться къ явленіямъ умственнаго труда, который только въ томъ случаѣ можетъ считаться позволительнымъ и полезнымъ, когда, прямо или косвенно, клонится къ созиданію новыхъ міровъ изъ первобытнаго тумана, наполняющаго грязные подвалы.

Изъ всѣхъ реалистовъ только одни естествоиспытатели, раздвигающіе предѣлы науки новыми открытіями, работаютъ для человѣчества *вообще*, безъ отношенія къ отдѣльнымъ національностямъ и къ различнымъ условіямъ мѣста и времени. Остальные реалисты работаютъ также для человѣчества, но задачи и пріемы ихъ дѣятельности должны измѣняться сообразно съ обстоятельствами и приспособляться къ потребностямъ отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ. Мѣстныя и временныя условія нашей русской жизни заявляютъ свои опредѣленныя требованія, и русскій реалистъ не можетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Этимъ требованіямъ онъ непремѣнно долженъ подчинять свою дѣятельность, если только онъ не посвятилъ себя исключительно изученію природы.

Мнѣ кажется, вліяніе нашихъ мѣстныхъ обстоятельствъ выражается преимущественно въ томъ, что отдѣльныя направленія реалистическаго труда до сихъ поръ не выяснились и не опредѣлились. Наша мысль только-что пробуждается въ немногихъ головахъ; въ дѣлѣ умственнаго труда одному и тому-же человѣку приходится, сплошь и рядомъ, и землю пахать, и сапоги шить, и пироги печь, и дрова колоть. Раціональное раздѣленіе труда до сихъ поръ еще невозможно; взяться основательно за спеціальную задачу—значитъ уйти далеко впередъ отъ пониманія общества, съузить, безъ малѣйшей пользы, сферу своего вліянія и не встрѣтить въ соотечественникахъ ничего, кромѣ равнодушія и недоумѣнія. За какое бы общеполезное предпріятіе вы ни взялись, вамъ во всякомъ случаѣ придется вить веревку изъ песку, то-есть собирать и склеивать искусственными средствами такія разсыпающіяся частицы, которыя не имѣютъ, не хотятъ и не могутъ имѣть ни малѣйшей связи ни между собой, ни съ вашей идеей. Каждаго соотечественника придется уговаривать поодиночкѣ и каждаго придется при этомъ удобномъ случаѣ обучать тѣмъ элементарнымъ истинамъ, которыя человѣкъ непремѣнно долженъ знать для того, чтобы имѣть какое-нибудь мнѣніе о вашемъ предпріятіи. Это значитъ, вамъ нуженъ строевой лѣсъ, а подъ руками у васъ мѣра желудей; конечно, если положить эти желуди въ землю, то лѣсъ выростетъ, но, разсчитывая на этотъ лѣсъ, подряжать плотниковъ—это было бы съ вашей стороны опрометчиво. А кстати подряжать-то некого, потому что плотники, подобно строевому лѣсу, также находятся въ зачаточномъ состояніи. Какъ-же тутъ прикажете поступить мыслящему реалисту? Если онъ придетъ въ уныніе и опуститъ руки, то онъ очень скоро сдѣлается жирнымъ филистеромъ, и его уныніе перейдетъ въ хроническую улыбку тупого самодовольства. Если онъ будетъ суетиться и метаться изъ угла въ уголъ, не требуя отъ своихъ условій осязательнаго результата и не задавая себѣ даже вопроса о томъ, возможенъ-ли такой результатъ, то онъ окажется Репетиловымъ или трудящейся мартышкой. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ перестанетъ быть реалистомъ; горизонтъ его мысли быстро съузится, и вся личность его завянетъ и сморщится, потому что и бездѣйствіе, и безсмысленная суетня дѣйствуютъ на человѣка самымъ опошляющимъ образомъ.

Чтобы подкрѣплять и возвышать человѣческую личность, умственный трудъ непремѣнно долженъ быть полезнымъ, то-есть онъ не только долженъ быть направленъ къ извѣстной разумной цѣли, но онъ кромѣ того долженъ достигать этой цѣли. Реалистъ не можетъ успокоить себя той отговоркой, что я, молъ, исполнилъ свой долгъ, старался, говорилъ, убѣждалъ, а если не послушали, такъ, стало быть, и нечего дѣлать. Такія отговорки полезны только для эстетика, для дилеттанта умственной работы, для человѣка, которому надо, во что бы то ни стало, получить отъ самого себя квитанцію въ исправномъ платежѣ какого-то невещественнаго долга. А въ глазахъ реалиста такая квитанція не имѣетъ никакого смысла; для него трудъ есть необходимое лѣкарство противъ заразительной пошлости; онъ ищетъ себѣ полезнаго труда съ тѣмъ неутомимымъ упорствомъ, съ какимъ голодное животное ищетъ себѣ добычи; онъ ищетъ и находитъ, потому что нѣтъ такихъ условій жизни, при которыхъ полезный умственный трудъ былъ бы рѣшительно невозможнымъ. Реалистъ убѣждается въ томъ, что намъ прежде всего необходимы знанія. Это—великая истина, превратившаяся даже въ избитую фразу, благодаря тѣмъ мудрецамъ, которые, произнося невозможныя слова, не поняли во всю свою жизнь ни одной мысли. Но реалистъ не останавливается на голой фразѣ и немедленно выводитъ изъ основной идеи всѣ ея практическія послѣдствія. Общество нуждается въ знаніяхъ, но оно само почти со-

всѣмъ не сознаетъ и не чувствуетъ, до какой степени оно бѣдно въ умственномъ отношеніи, и до какой степени эта умственная бѣдность мучительно отзывается во всѣхъ потребностяхъ его вседневной жизни. Завалите такое общество превосходнѣйшими учебниками, переведите для него всѣ лучшія научныя сочиненія величайшихъ европейскихъ мыслителей—и все это принесетъ ему очень мало пользы. Обставьте больного всевозможными микстурами и декоктами—и онъ все-таки не выздоровѣетъ, если не будетъ принимать вашихъ лекарствъ и не захочетъ исполнять ваши гигіеническія предписанія. Когда больной считаетъ себя здоровымъ, тогда ему прежде всего необходимо показать, что онъ жестоко ошибается. Именно такимъ образомъ слѣдуетъ поступить и съ нашимъ обществомъ. Оно не только мало размышляетъ, но оно даже не имѣетъ никакого понятія о томъ, что̀ такое дѣятельность мысли. Лексиконъ мудреныхъ словъ, цѣлые сборники готовыхъ изреченій, цѣлыя библіотеки игрушечныхъ произведеній праздной фантазіи, — вотъ весь умственный капиталъ, обращающійся въ нашемъ обществѣ, и обладаніе такими сокровищами во всѣхъ отношеніяхъ должно считаться болѣе тягостнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ самая голая умственная нищета. Мы изъ каждой дѣльной мысли выхватываемъ только ея формальное выраженіе и къ обширному сборнику нашихъ затверженныхъ изреченій прибавляемъ такимъ образомъ еще новую фразу, изъ которой улетучивается весь ея жизненный смыслъ.

Имѣемъ-ли мы какое-нибудь понятіе о животныхъ и растеніяхъ, о физическихъ и химическихъ законахъ, о свойствахъ воды, воздуха, металловъ и различныхъ составныхъ частей почвы?—Ровно никакого.—Знаемъ-ли мы что-нибудь о жизни европейскихъ обществъ?—Совсѣмъ ничего.—Понимаемъ-ли мы ихъ исторію?—Нисколько.—Извѣстно-ли намъ положеніе Россіи?—Рѣшительно неизвѣстно.—И въ то-же время, при этомъ кругломъ невѣжествѣ, мы все знаемъ, мы знаемъ ужасно много, мы все читаемъ и обо всемъ пишемъ.—Мы знаемъ, что есть телескопъ, микроскопъ, химическій анализъ, жирафа, Александръ Гумбольдтъ, хлѣбное дерево, анатомія, кокосовые орѣхи, эмбріологія, коралловые рифы и многія другія естественныя произведенія, интересныя съ той или съ другой стороны для изслѣдователей природы. Познанія наши по части европейской политики еще болѣе обширны и разнообразны. Мы знаемъ, что въ англійскомъ парламентѣ сидитъ мистеръ Геннеси; что Гарибальди сначала подстрѣлили при Аспро-Монте, а потомъ вылечили и простили; что Викторъ Гюго живетъ въ Брюсселѣ и написалъ новый романъ: «Les Misérables», что черногорцы—наши братья и дерутся съ турками; что фабриканты, машинисты и работники совокупными силами создали чудеса новѣйшей промышленности, но что къ сожалѣнію тутъ поднялся антагонизмъ сословій, породился пауперизмъ, а потомъ явились коммунисты и соціалисты, которые еще болѣе перепутали дѣло; всего-же основательнѣе мы знаемъ, по разсказамъ нашихъ путешествовавшихъ соотечественниковъ, что поѣзды и дебаркадеры желѣзныхъ дорогъ устроены удобно, что лоретки—женщины пикантныя и рулетка—препровожденіе времени очаровательное, но во многихъ отношеніяхъ изнурительное.

Мы, какъ видите, знаемъ чрезвычайно много; всякія собственныя имена, всякія спеціальныя слова и техническія выраженія,—все это намъ доподлинно извѣстно. Не знаемъ мы только бездѣлицы,—не знаемъ тѣхъ живыхъ явленій, которыя обозначаются этими словами, и не знаемъ кромѣ того, какимъ образомъ эти неизвѣстныя намъ явленія связываются одно съ другимъ. Мы скажемъ вамъ, напримѣръ, что пауперизмъ значитъ бѣдность, но каковы размѣры этого явленія, въ какихъ формахъ оно выражается, откуда оно произошло, почему оно въ одной сторонѣ развилось сильнѣе, чѣмъ въ другой,—этого мы не знаемъ, и мы бы даже очень удивились, еслибы кто-нибудь заподозрѣлъ насъ въ способности когда-нибудь задать себѣ такіе вопросы и узнать такія запутанныя исторіи.—Что такое Литва?—спрашиваетъ одинъ изъ обывателей города Калинова въ драмѣ «Гроза».—А эта Литва къ намъ съ неба свалилась,—отвѣчаетъ другой, и любознательность перваго гражданина немедленно удовлетворяется этимъ отвѣтомъ.—Литва—это народъ такой,—отвѣтитъ себѣ образованный человѣкъ и также удовлетворится. А вѣдь въ сущности узнать, что неизвѣстный мнѣ народъ называется Литвой, а не Капустой и не Самоваромъ,—это значитъ только прибавить къ своему лексикону новое двусложное слово.

И точно такое-же значеніе имѣетъ каждый голый фактъ, вырванный изъ общей картины жизни и поднесенный невзыскательному читателю затѣйливымъ составителемъ журнальнаго или газетнаго обозрѣнія. А такъ какъ наша публика, кромѣ такихъ голыхъ реляцій, не получаетъ отъ своихъ обыкновенныхъ просвѣтителей рѣшительно ничего, и такъ какъ она даже не знаетъ, чего бы она могла отъ нихъ потребовать, такъ какъ она читаетъ отъ нечего дѣлать и даже не обращаетъ вниманія на свою полную умственную пассивность, то реалистъ, пристально вглядѣвшись въ эти спеціально-россійскія отношенія между писателями и читателями, говоритъ рѣшительно и просто, что общество не знаетъ ровно ничего и не умѣетъ даже отличить живую дѣятельность мысли отъ безсознательной игры словъ и оборотовъ. Но реалистъ долженъ не только высказать такое сужденіе, а еще кромѣ того доказать его строгую вѣрность и

сдѣлать такъ, чтобы общество увидѣло и почувствовало справедливость его словъ.

На чемъ-же спятъ наши соотечественники или, выражаясь яснѣе, что ихъ утѣшаетъ и успокоиваетъ, что маскируетъ пустоту ихъ жизни и избавляетъ ихъ отъ необходимости умирать со скуки или заниматься полезной работой? Водка, табакъ, карты, рысаки, донъ-жуанство, гончія собаки — все это предметы, играющіе самыя почетныя роли въ жизни нашего общества, и противъ нихъ конечно современный реализмъ безсиленъ. Эти тюфяки будутъ отодвинуты въ сторону только тогда, когда реализмъ войдетъ въ дѣйствительную жизнь, то-есть когда реалистовъ будетъ уже очень много и когда общество, вслѣдствіе ихъ вліянія, начнетъ въ самомъ дѣлѣ проникаться тѣмъ сознаніемъ, что трудиться гораздо полезнѣе и пріятнѣе, чѣмъ искать сильныхъ ощущеній въ игрѣ, въ пьянствѣ или въ псовой охотѣ. Эти времена лежатъ еще далеко впереди, и поэтому реалистъ не долженъ въ настоящее время тратить свою энергію на безплодныя проповѣди. Реалистъ долженъ думать только о тѣхъ людяхъ, которые могутъ проснуться и превратиться въ реалистовъ. Такіе люди въ нашемъ обществѣ существуютъ. Чтеніе составляетъ для нихъ дѣйствительную потребность, и они читаютъ много и, несмотря на то, все-таки спятъ. Эти любители умѣютъ читать даже серьезныя статьи и понимаютъ въ нихъ каждое слово (напримѣръ пауперизмъ—бѣдность, ботаника—наука о растеніяхъ, Либихъ—нѣмецкій химикъ). Но такъ какъ настоящія задушевныя симпатіи этихъ людей влекутъ въ беллетристикѣ и къ поэзіи, то они и серьезныя статьи, и книги читаютъ, какъ повѣсти и какъ поэмы. Они говорятъ для собственнаго назиданія, что серьезныя вещи читать полезно, и они даже всякій разъ, одолѣвши что-нибудь серьезное, утѣшаютъ себя тѣмъ пріятнымъ размышленіемъ, что они исполнили священный долгъ и что теперь, успокоивъ свою требовательную совѣсть, можно побаловать свою грѣшную душу романчикомъ или стишками. Но при всемъ томъ, даже исполняя священный долгъ, они ищутъ во всякомъ серьезномъ чтеніи все той-же, любезной имъ, беллетристической занимательности. Когда-же они этого сладкаго ингредіента не находятъ, тогда они стараются только какъ можно скорѣе прожевать и проглотить сухую матерію, для того чтобы умиротворить свою совѣсть. Надо отдать имъ справедливость, что совѣсть ихъ очень требовательна, она все шепчетъ имъ самымъ озлобленнымъ шопотомъ: «слѣди-же за вѣкомъ! читай-же дѣльныя книги! Будь-же мыслящимъ существомъ!»

И, повинуясь этому повелительному голосу, спящіе читатели совершаютъ дѣйствительно чудеса храбрости. Читать серьезныя сочиненія безъ общаго плана, узнавать отдѣльныя подробности, не видя въ нихъ общаго смысла, проводить черезъ свою голову чужія мысли, не имѣя понятія о живыхъ явленіяхъ, породившихъ эти идеи, напрягать свое вниманіе, не отыскивая никакого отвѣта на вопросы и сомнѣнія своей собственной жизни и мысли — это занятіе умственно-скучное. Это—все равно, что читать лексиконъ или приходо-расходную книгу совершенно неизвѣстнаго вамъ человѣка. И что выходитъ изъ этого чтенія? Запоминаются слова и факты, но въ тѣхъ мысляхъ, которыя управляютъ жизнью самого читателя, не происходитъ ни малѣйшаго передвиженія. Наши русскіе читатели даже твердо убѣждены въ томъ, что между книгой и жизнью не можетъ быть никакого взаимнаго дѣйствія. И все это оттого, что они выучились читать и полюбили чтеніе исключительно по романамъ и поэмамъ. У нихъ установился взглядъ на чтеніе, какъ на препровожденіе времени, то-есть какъ на средство *убить время*, потому что время, это драгоцѣннѣйшее достояніе мыслящаго человѣка, есть смертный врагъ нашихъ соотечественниковъ,—врагъ, котораго слѣдуетъ гнать и истреблять всѣми возможными орудіями, начиная отъ желудочной водки и кончая статьями «Русскаго Вѣстника».

Чтеніе нашихъ соотечественниковъ не имѣетъ цѣли; русскій человѣкъ ничего не ищетъ въ книгѣ, ни о чемъ не спрашиваетъ, ни къ чему не желаетъ придти. Онъ просто хочетъ, чтобы писатель повеселилъ его душу. Если писатель веселитъ его утонченными ощущеніями, и если увеселяемый читатель понимаетъ всѣ утонченности, то онъ считаетъ себя развитымъ человѣкомъ и, любуясь на свою развитость, называетъ тонкаго увеселителя великимъ геніемъ, и, вмѣняя себѣ въ заслугу то, что онъ ихъ понимаетъ, русскій читатель вноситъ и во всякое дѣльное чтеніе тѣ пріемы мышленія, которые онъ пріобрѣлъ въ обществѣ тонкихъ увеселителей. Хоть русскій читатель и увѣряетъ себя, что онъ читаетъ серьезную книгу *для пользы*, но вѣдь это только такъ говорится. О настоящей пользѣ онъ и понятія не имѣетъ. Слово *польза* не вызываетъ въ его умѣ никакого опредѣленнаго представленія, и въ общемъ результатѣ всякое чтеніе все-таки приводитъ за собой только истребленіе времени; а запоминается изъ прочитанной книги и нравится въ ней исключительно то, что повеселило душу.

Еслибы безобразіе и пошлость такого занятія выступили передъ пониманіемъ читателя во всей своей отвратительной наготѣ, то ему сдѣлалось бы очень совѣстно. Онъ встревожился бы и сталъ бы искать чего-нибудь менѣе нелѣпаго. Онъ именно попалъ бы съ постели на полъ и открылъ бы свои отяжелѣвшія очи. Къ этой цѣли и направляются усилія нашихъ реалистовъ; сдѣлать такъ, чтобы русскій человѣкъ, собирающійся вздремнуть или помечтать, постоянно

слышалъ въ ушахъ своихъ звуки рѣзкаго смѣха, сдѣлать такъ, чтобы русскій человѣкъ самъ принужденъ былъ смѣяться надъ своими возвеличенными пигмеями,—это одна изъ самыхъ важныхъ задачъ современнаго реализма.—Вамъ нравится Пушкинъ? — Извольте, полюбуйтесь на вашего Пушкина.— Вы восхищаетесь «Демономъ» Лермонтова?—Посмотрите, что это за безсмыслица.—Вы благоговѣете передъ Гегелемъ?—Попробуйте сначала понять его изреченія.—Вамъ хочется уснуть подъ сѣнью «общихъ авторитетовъ поэзіи и философіи?»—Докажите сначала, что эти авторитеты существуютъ и на что-нибудь годятся. — Вотъ какъ надо поступать съ русскимъ человѣкомъ. Не давайте ему уснуть, какъ бы онъ ни закутывалъ себѣ голову теплыми иллюзіями и темными фразами.

Реалисты наши такъ и дѣлаютъ: они смѣются, и ихъ звонкій смѣхъ прорѣзываетъ такіе туманы, которые не поддаются серьезной аргументаціи. Русскіе писатели смѣются уже давно, но смѣхъ сатириковъ нашихъ, отъ Капниста до Щедрина, тратился постоянно на такія явленія, которыя на сатиру не обращаютъ никакого вниманія. Искоренять сатирой взяточничество—что можетъ быть невиннѣе и безплоднѣе этого занятія? Реалисты конечно неспособны тратить свой смѣхъ на такія упражненія. Они очень хорошо понимаютъ, что взятка никогда не будетъ казаться смѣшной тому человѣку, котораго она кормитъ и одѣваетъ. Если идеи и чувства лириковъ, эстетиковъ, романтиковъ, педантовъ, фразеровъ сдѣлаются смѣшными для общества, то общество перестанетъ ими увлекаться и направитъ свои симпатіи въ другую сторону. Результатъ получится осязательный, и я смѣю думать, что такимъ образомъ рѣшится очень серьезная задача, потому что въ настоящее время всего необходимѣе превращать чувствительныхъ тунеядцевъ въ мыслящихъ работниковъ.

XVIII.

Началъ я съ общечеловѣческой солидарности, а кончилъ тѣмъ практическимъ заключеніемъ, что намъ, русскимъ реалистамъ, можно только осмѣивать потихоньку наши мелкія глупости и медленно учиться вмѣстѣ съ нашей лѣнивой публикой самымъ элементарнымъ истинамъ строгой науки. Какое торжественное начало и какой мизерный конецъ! Гора мышь родила, подумаетъ читатель, и я никакъ не осмѣлюсь ему противорѣчить. Я уже говорилъ въ первой части этой статьи, что мы бѣдны и глупы; теперь намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что наша бѣдность и наша глупость доходитъ дѣйствительно до самыхъ почтенныхъ размѣровъ,—до такихъ размѣровъ, что глупость мѣшаетъ намъ понимать пользу необходимаго лекарства, а бѣдность мѣшаетъ намъ пріобрѣсти себѣ заразъ достаточную дозу этого лекарства. Вслѣдствіе этого и приходится употреблять это лекарство самымъ поверхностнымъ образомъ и въ самыхъ микроскопическихъ пріемахъ. Великая и плодотворная идея должна пристроиться къ самому мелкому практическому примѣненію, и только при этомъ условіи она можетъ съ грѣхомъ пополамъ проникнуть въ сознаніе лучшаго меньшинства нашей читающей публики.

Въ этомъ печальномъ обстоятельствѣ невиноваты, разумѣется, ни основныя особенности реалистической идеи, ни личныя свойства нашихъ реалистовъ. Представьте себѣ, что вы превосходно изучили раціональную агрономію, и что вамъ приходится прикладывать ваши знанія къ обыкновенному мужицкому хозяйству, и всего оборотнаго капитала у васъ рублей сорокъ или пятьдесятъ. Если вы—не пустой фантазеръ, то вы, разумѣется, оставите покуда въ сторонѣ всякіе помыслы о паровыхъ плугахъ, о молотилкахъ, объ искусственномъ травосѣяніи и о химическомъ анализѣ почвы. Вы ограничитесь тѣмъ, что на первый годъ купите напримѣръ желѣзную борону и для удобренія корову. Значитъ, и здѣсь гора мышь родила, но вѣдь это обстоятельство нисколько не доказываетъ, что приложеніе химіи къ земледѣлію—чепуха, или что вы сами ничему не выучились. Ничуть не бывало. Если вы одарены яснымъ практическимъ умомъ и твердымъ характеромъ, если вы способны ровнымъ шагомъ идти къ далекой цѣли, не спуская съ нея глазъ ни на одну минуту, постоянно соразмѣряя ваши собственныя силы съ тѣмъ разстояніемъ, которое вы должны пройти, то вы непремѣнно докажете на дѣлѣ вашимъ деревенскимъ сосѣдямъ, что раціональная агрономія—не пустяки, и что вы сами не даромъ потратили время на ея изученіе. За бороной и коровой будутъ слѣдовать ежегодно новыя улучшенія, которыя, постоянно увеличивая вашъ доходъ, постоянно будутъ расширять кругъ вашей преобразовательной дѣятельности. Каждое новое улучшеніе будетъ вытекать изъ прошлогодняго, и такимъ образомъ корова и борона сдѣлаются фундаментомъ всего вашего послѣдующаго благосостоянія. Еслибы корова и борона остались безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, тогда конечно можно было бы сказать, что гора родила мышь; но вѣдь тутъ дѣло идетъ, какъ говорятъ французы: de fil en aiguille; стало-быть, гора родитъ цѣлую цѣпь явленій, которыя могутъ вылѣзти изъ горы не иначе, какъ одно за другимъ.

Я хотѣлъ говорить о русскомъ реализмѣ и свелъ разговоръ на отрицательное направленіе въ русской литературѣ. Читатель можетъ подумать, что я дѣлалъ это по цеховому самолюбію, по пристрастію къ моему муравейнику и къ моимъ собственнымъ муравьинымъ занятіямъ. Въ этомъ случаѣ читатель рѣшительно ошибется. Я съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ отыскивалъ въ общественныхъ явленіяхъ нашей вседневной

жизни какихъ-нибудь признаковъ здороваго реализма и не нашелъ въ нихъ ничего похожаго не только на реализмъ, но даже на какое-нибудь сознательное движеніе мысли. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, только въ одной литературѣ и проявлялось до сихъ поръ хоть что-нибудь самостоятельное и дѣятельное. Гоголь, Бѣлинскій, Добролюбовъ— вотъ вамъ въ трехъ именахъ полный отчетъ о всей нашей умственной жизни за цѣлое тридцатилѣтіе; къ этимъ именамъ можно было бы прибавить еще два-три имени, но и эти послѣднія также принадлежатъ къ литературѣ и по направленію своей дѣятельности примыкаютъ или къ Бѣлинскому, или къ Добролюбову.

А гдѣ-же наши изслѣдователи, гдѣ наши практическіе работники? Были, есть и будутъ и тѣ, и другіе. Соловьевъ, Срезневскій, Бодянскій, Буслаевъ—вотъ какія громкія имена мы можемъ выдвинуть въ параллель нѣмецкимъ именамъ: Либихъ, Дюбуа-Реймонъ, Фохтъ, Гельмгольцъ, или французскимъ: Клодъ-Бернаръ, Де-Кандолль, Эли де-Бомонъ, Мильнъ-Эдвардсъ, или англійскимъ: Дарвинъ, Ляйелль, Форбесъ, Бокль. Что же касается до практическихъ работниковъ, то ихъ незачѣмъ и пересчитывать.

Нѣкоторые *настоящіе* изслѣдователи, приносящіе *дѣйствительную* пользу общечеловѣческой наукѣ, живутъ, правда, въ русскихъ городахъ и даже иногда носятъ русскія фамиліи, но ихъ труды остаются для нашего общества мертвымъ и даже неизвѣстнымъ капиталомъ. Нашъ академикъ Карлъ-Эрнстъ фонъ-Бэръ считается во всей Европѣ однимъ изъ величайшихъ эмбріологовъ нашего времени. Дарвинъ, Карлъ Фохтъ, Гексли всегда цитируютъ его мнѣнія съ особеннымъ уваженіемъ. Льюисъ въ своей «Физіологіи обыденной жизни» ссылается на изслѣдованіе Овсянникова о спинномъ мозгѣ и Якубовича —о нервныхъ клѣточкахъ. Французскій ученый Бекларъ упоминаетъ въ своей физіологіи о нѣкоторыхъ экспериментальныхъ работахъ Боткина и Сѣченова. Ну, а мы? Мы, я чай, и понятія не имѣемъ о томъ, что у насъ могутъ существовать такіе люди, которые въ самомъ дѣлѣ, не шутя, занимаются эмбріологіей, нервными клѣточками и физіологическими опытами. Мы узнаемъ объ этихъ людяхъ изъ иностранныхъ книгъ и чувствуемъ себя польщенными, точно будто мы сами не спимъ, а занимаемся дѣломъ. И вдругъ, узнавши такимъ случайнымъ образомъ о подвигахъ русскихъ людей, какой-нибудь мыслитель изъ «Сына Отечества» или изъ «Сѣверной Пчелы» вламывается въ амбицію и заявляетъ жалобнымъ голосомъ свою патріотическую претензію. «На что-же, молъ, это похоже? Въ Россіи есть умные люди, а я, русскій мыслитель и образованный человѣкъ, объ этомъ ничего не знаю. Какъ-же вамъ не грѣхъ такъ поступать, родимые спеціалисты? Зачѣмъ-же вы пишете по-латини или по-нѣмецки? Вы должны писать по-русски, тогда бы я васъ зналъ и мнѣ было-бы пріятно, а русское общество получило бы отъ васъ назиданіе и пользу. Смотрите же, родимые спеціалисты, непремѣнно пишите по-русски».

Такія жалобы и такія увѣщанія слышатся очень часто, и читатель имъ обыкновенно сочувствуетъ тѣмъ дряблымъ и ни на что негоднымъ сочувствіемъ, которымъ мы вообще чрезвычайно богаты и которое никогда не можетъ повести насъ дальше какихъ-нибудь обѣдовъ по подпискѣ или спектаклей съ благотворительными предлогами. Но эти жалобы и увѣщанія такъ-же пусты и праздны, какъ и большая часть тѣхъ мыслей, съ которыми сочувственно соглашаются русскіе читатели. Какая бы въ самомъ дѣлѣ вышла польза, еслибы Овсянниковъ написалъ свое изслѣдованіе по-русски? Пользы—никакой, а вредъ очевидный; вѣдь Льюисъ не сталъ бы учиться русскому языку ради одной диссертаціи о спинномъ мозгѣ; ну, стало быть, у Льюиса однимъ полезнымъ пособіемъ было бы меньше, а мыслитель «Сына Отечества» или «Сѣверной Пчелы» все-таки не прочелъ бы диссертаціи родимаго спеціалиста; а еслибы и прочелъ, то ничего бы изъ нея не понялъ и не извлекъ, потому что выучиться нѣмецкому или латинскому языку гораздо легче, чѣмъ понять спеціально ученый трудъ, написанный даже по-русски. Еслибы мыслитель былъ способенъ заниматься серьезнымъ дѣломъ, то нѣмецкій или латинскій языкъ не составилъ бы для него непреодолимаго препятствія. А если онъ, отъ лица публики, жалуется на трудность иностраннаго языка, то онъ еще пуще того будетъ жаловаться на непонятность научнаго изложенія. Ему что надо? Ему надо, чтобы Бэръ явился передъ русской публикой и сказалъ ей съ подобающей любезностью: «честь имѣю рекомендоваться: я—Карлъ-Эрнстъ фонъ-Бэръ. Я занимаюсь эмбріологіей. Эмбріологія есть наука о развитіи живыхъ существъ. Эта наука составляетъ часть естествознанія, а естествознаніе—вещь очень полезная, вотъ почему, и вотъ почему. Я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ открытій и объясню вамъ значеніе этихъ открытій, примѣняясь къ вашему убогому пониманію и стараясь растолковать вамъ самыя элементарныя истины, извѣстныя каждому нѣмецкому школьнику, но совершенно новыя для мыслителей нашихъ газетъ и журналовъ».

Ахъ, какъ бы это было хорошо и благоразумно! На это галантерейное расшаркиваніе Бэра передъ русской публикой ушло бы очень много времени, а время Бэра очень дорого, потому что великій натуралистъ могъ бы употребить его на новыя изслѣдованія. Бэръ—превосходный спеціалистъ, раздвигающій предѣлы науки, а мы, по нашей глупости, хотимъ кромѣ того, чтобы онъ сдѣлался для насъ школьнымъ учителемъ; и еслибы наше глупое желаніе исполнилось, то однимъ великимъ изслѣдователемъ

сдѣлалось бы меньше и однимъ плохимъ писателемъ больше.

И такія-же требованія, вмѣстѣ съ такими-же нелѣпыми упреками, сыпятся на нашихъ остальныхъ дѣльныхъ спеціалистовъ. Эти требованія и упреки очень поучительны, потому что въ нихъ выражается самымъ наивнымъ образомъ изумительная пассивность нашихъ умственныхъ привычекъ. Чуть только появится у насъ какой-нибудь дѣльный человѣкъ, мы сейчасъ норовимъ пристроиться къ нему подъ крылышко. Мы уже ждемъ отъ него какой-то манны небесной, и намъ даже въ голову не приходитъ та мысль, что намъ слѣдуетъ быть дѣятельными помощниками, а не убогими приживалками этого полезнаго человѣка. Мы говоримъ дѣльному человѣку: благодѣтель, отецъ родной! Просвѣти насъ, научи насъ, наставь на путь истины! Мы тебя будемъ слушать и вѣкъ за тебя будемъ Бога молить.

Написано напримѣръ дѣльное научное сочиненіе, открывающее какія-нибудь новыя истины. Значитъ, нашелся въ обществѣ мыслящій человѣкъ, который сдѣлалъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Если общество живетъ полной и здоровой жизнью, то этотъ утѣшительный фактъ никакъ не останется одинокимъ и случайнымъ явленіемъ; немедленно найдется другой дѣльный человѣкъ, который объяснитъ открытіе перваго; потомъ какой-нибудь третій человѣкъ придумаетъ для этихъ открытій практическое примѣненіе,—словомъ, дѣло изслѣдователя будетъ проведено въ сознаніе и въ жизнь общества разными популяризаторами и техниками. А у насъ, напротивъ того, десятки людей будутъ жаловаться на то, что изслѣдователь пишетъ неясно, и ни одинъ изъ этихъ ноющихъ десятковъ не потрудится разъяснить и переработать собственными силами то, что онъ находитъ неудовлетворительнымъ. Да онъ и не находитъ ничего неудовлетворительнымъ; онъ просто хочетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, сибаритствовать, заниматься пріятнымъ чтеніемъ и, отдавшись безусловно въ руки спеціалиста, пріобрѣтать отъ него знанія безъ малѣйшаго напряженія мысли.

При такой полной пассивности нашего общества, русскіе спеціалисты поставлены въ необходимость писать свои изслѣдованія на иностранныхъ языкахъ. Это даже выгодно для нашего общества, не говоря уже объ интересахъ общечеловѣческой науки. Положимъ напримѣръ, что докторъ Боткинъ произвелъ какія-нибудь новыя изслѣдованія надъ леченіемъ нервныхъ болѣзней. Напечатай онъ эти изслѣдованія на русскомъ языкѣ, они точно въ воду канутъ. Но какъ только они попадутся въ руки европейскихъ ученыхъ, такъ тотчасъ сотни дѣятельныхъ умовъ дополнятъ и переработаютъ ихъ своими собственными наблюденіями, и открытіе нашего доктора вернется къ намъ въ Россію въ усовершенствованномъ видѣ, и больные наши испытаютъ на собственномъ тѣлѣ благодѣтельныя послѣдствія того факта, что русскій ученый написалъ свое изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ. Еслибы умственная жизнь нашего общества отличалась силой и энергіей, тогда спеціалисты наши писали бы по-русски, тогда у насъ было бы много спеціалистовъ, и тогда европейскіе ученые находили бы для себя полезнымъ учиться русскому языку, подобно тому, какъ они въ настоящее время учатся англійскому, французскому и нѣмецкому. Спеціалиста съ непобѣдимой силой притягиваетъ та сфера, въ которой его спеціальный трудъ будетъ всего лучше понятъ и оцѣненъ, и въ которой онъ слѣдовательно произведетъ самое плодотворное и живительное впечатлѣніе. И спеціалистъ поступаетъ совершенно благоразумно и добросовѣстно, подчиняясь безусловно дѣйствію этой притягательной силы.

Мы даже не имѣемъ никакого права говорить, что русскіе ученые не думаютъ о потребностяхъ русскаго общества. Какіе русскіе ученые? Русскіе ученые не существуютъ. Развѣ тѣ-же ученые, которыхъ мы называемъ русскими, порождены умственнымъ движеніемъ и умственными потребностями нашего общества? Ни чуть не бывало. Мы даже до сихъ поръ не имѣемъ понятія о томъ, что такое умственное движеніе или умственная потребность. Все это я говорю не для того, чтобы обидѣть такихъ спеціалистовъ, какъ Бэръ, Овсянниковъ, Якубовичъ и другіе, а только для того, чтобы доказать, что спеціалисты, перевезенные изъ Европы въ Россію или, точнѣе, порожденные обще-европейскимъ движеніемъ мысли, всегда будутъ и должны тянуться къ своей умственной родинѣ. Они въ нашемъ обществѣ такъ-же одиноки, какъ еслибы они находились въ аравійской пустынѣ. Они не могутъ создать въ обществѣ умственное движеніе. Не спеціалисты создаютъ то или другое общественное настроеніе, а наоборотъ общество, настроившись такъ или иначе дѣйствіемъ общихъ причинъ, испытываетъ тѣ или другія потребности и выдвигаетъ, для удовлетворенія этимъ потребностямъ, теоретическихъ изслѣдователей или практическихъ дѣятелей. Общество должно само работать надъ своимъ образованіемъ, и только оно одно, совокупными усиліями всѣхъ своихъ членовъ, можетъ выполнить надъ собой это дѣло умственнаго перерожденія. А пока оно будетъ сидѣть сложа руки и ждать себѣ манны небесной отъ отдѣльныхъ личностей, до тѣхъ поръ манна къ нему не сойдетъ, хотя-бы эти личности и были европейскими знаменитостями, подобными Бэру.

Что европейская наука насаждена и поддерживается у насъ искусственными средствами, это очень хорошо, потому что безъ искусственныхъ средствъ она бы не поддержалась; но если общество думаетъ, что оно имѣетъ какое-нибудь право контроля надъ такой наукой, которая возникла

и держится помимо его содѣйствія, то общество сильно ошибается. Пусть оно сначала поработаетъ, пусть выдѣлитъ изъ себя научныхъ дѣятелей, и тогда ему не на что̀ будетъ жаловаться: эти новые дѣятели, обязанные ему своимъ происхожденіемъ, будутъ безусловно преданы его умственнымъ интересамъ. До сихъ поръ наше общество создало своими собственными силами только одну журналистику, которая дѣйствительно возникла, развилась и держится независимо отъ всякихъ постороннихъ вліяній. И въ самомъ дѣлѣ, журналистика, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, всегда служила самымъ добросовѣстнымъ образомъ умственнымъ потребностямъ общества. Такая предварительная дѣятельность совершенно необходима. Базаровъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что всѣ наши акціонерныя компаніи лопаются отъ недостатка честныхъ и дѣльныхъ людей. Стало-быть, надо сначала сформировать честныхъ и дѣльныхъ людей, а потомъ уже приниматься за составленіе акціонерныхъ компаній или за какія-нибудь другія столь-же общественныя предпріятія. Къ этой цѣли и направляются наши реалисты, отчасти осмѣивая мѣшающія глупости, отчасти распространяя научныя свѣдѣнія. — Дѣятельность очень скромная, но мы за блескомъ и не гонимся. Намъ нужна польза для себя и для всѣхъ.

XIX.

Трудъ современныхъ реалистовъ такъ-же доступенъ самой слабой женщинѣ, какъ и самому сильному мужчинѣ. Въ этомъ трудѣ нѣтъ ничего грубаго, рѣзкаго и воинственнаго. Надо только понимать и любить общую пользу, надо распространять правильныя понятія объ этой пользѣ, надо уничтожать смѣшныя и вредныя заблужденія, и вообще надо вести всю свою жизнь такъ, чтобы личное благосостояніе не было устроено въ ущербъ естественнымъ интересамъ большинства. Надо смотрѣть на жизнь серьезно; надо внимательно вглядываться въ физіономію окружающихъ явленій, надо читать и размышлять, не для того чтобы убить время, а для того, чтобы выработать себѣ ясный взглядъ на свои отношенія къ другимъ людямъ и на ту неразрывную связь, которая существуетъ между судьбой каждой отдѣльной личности и общимъ уровнемъ человѣческаго благосостоянія. Словомъ: *надо думать.*

Въ этихъ двухъ словахъ выражается самая насущная, самая неотразимая потребность нашего времени и нашего общества. Эти слова могутъ показаться фразой, но что̀-же съ этимъ дѣлать? Нѣтъ того слова, которое мы не съумѣли-бы обезсмыслить и превратить въ пустой звукъ тѣми безцѣльными и безсознательными повтореніями, которыя наводняютъ нашу литературу. А между тѣмъ дѣйствительно намъ надо думать, и нѣтъ другого слова, которое яснѣе и проще выражало бы то, въ чемъ мы нуждаемся въ настоящую минуту. Есть такіе люди, есть такія книги, которые выучиваютъ насъ думать. Надо, чтобъ такихъ людей и книгъ у насъ было какъ можно больше; тогда всякая пробуждающаяся мысль будетъ находить себѣ поддержку и здоровую пищу. Надо думать и надо размножать тѣ предметы, которые пробуждаютъ человѣческую мысль и содѣйствуютъ успѣху ея работы.

Женщина можетъ думать и можетъ дѣлиться своими мыслями съ другими людьми; поэтому я и говорю, что трудъ современныхъ реалистовъ совершенно доступенъ женщинѣ. Въ *природѣ* женщины нѣтъ ничего такого, что̀ отстраняло бы женщину отъ дѣятельнаго участія въ рѣшеніи насущныхъ задачъ нашего времени; но въ воспитаніи женщины, въ ея общественномъ положеніи, словомъ, въ тѣхъ условіяхъ, которыя составляютъ *искусственную* сторону ея теперешней жизни, въ этихъ условіяхъ, говорю я, есть очень много препятствій, которыя въ настоящее время преодолѣваются только самыми умными женщинами при содѣйствіи исключительно счастливыхъ обстоятельствъ. Подъ именемъ «счастливыхъ обстоятельствъ» я, разумѣется, понимаю не то, что̀ понимаетъ большинство нашего общества. Счастливой называютъ у насъ обыкновенно ту женщину, которая богата, хороша собой, выходитъ замужъ по любви, веселится и блеститъ въ свѣтѣ, потомъ пристроиваетъ благополучно своихъ дѣтей и наконецъ умираетъ окруженная внучатами, приживалками и домашними животными. По моему мнѣнію, такая счастливая жизнь, проведенная въ полномъ спокойствіи, то-есть въ полномъ подчиненіи господствующей рутинѣ, оставляетъ мысль женщины совершенно непробужденной. Можетъ быть такая умственная дремота чрезвычайно пріятна, но я знаю навѣрное, что ни одинъ человѣкъ, пробудившійся отъ подобнаго усыпленія, не захочетъ ни за какія блага въ мірѣ возвратиться къ этому состоянію первобытной невинности. Поэтому я называю счастливыми тѣ обстоятельства, которыя, даже причиняя женщинѣ тяжелыя страданія, насильно заставляютъ ее браться за умъ и задумываться надъ тѣми нелѣпостями, которыя она видитъ и слышитъ вокругъ себя. За размышленіемъ слѣдуетъ отвращеніе, а такъ какъ природа не терпитъ пустоты, то женщина старается замѣнить въ своемъ умѣ выброшенныя нелѣпости какимъ-нибудь живымъ и осмысленнымъ содержаніемъ. Если женщина въ эту критическую минуту своей жизни встрѣтитъ умнаго человѣка или умную книгу, тогда она устроитъ у себя въ головѣ порядокъ и чистоту, и тогда она будетъ совершенно застрахована противъ тѣхъ безплодныхъ восторговъ, которыми увлеклась напримѣръ госпожа Свѣчина. Именно такія обстоятельства я и называю вполнѣ счастливыми; какой-нибудь рѣзкій

толчокъ долженъ пробудить мысль, а встрѣча съ умнымъ руководителемъ должна направить эту мысль туда, гдѣ она можетъ найти себѣ удовлетвореніе, то-есть реальныя знанія и полезный трудъ.

Такъ случилось съ Вѣрой Павловной Лопуховой, но такъ случается рѣдко, и огромное большинство нашихъ и даже европейскихъ женщинъ проводитъ свою жизнь безъ размышленія, безъ знаній и безъ труда. Онѣ живутъ внѣ общихъ интересовъ человѣчества. Онѣ задавлены мелочами кухни, спальни и моднаго магазина, подобно тому, какъ масса чернорабочихъ задавлена физическимъ утомленіемъ и голодной нищетой. Имъ некогда думать; жизнь ежеминутно задаетъ имъ множество мельчайшихъ вопросовъ, которые волнуютъ и раздражаютъ ихъ, но которые всѣ могутъ быть разрѣшены безъ помощи размышленія; у нихъ нѣтъ ни спокойствія, ни дѣятельности, а есть только безконечная суета, которая утомляетъ человѣка и мѣшаетъ его мысли сосредоточиться на какомъ-нибудь отдѣльномъ и важномъ вопросѣ жизни. Это суетливое движеніе начинается у нашихъ женщинъ съ самаго ранняго дѣтства.

Ты, другъ мой, должна быть образованной дѣвицей, говорятъ опытныя воспитательницы маленькому существу, одѣтому въ короткое платье, и маленькое существо по ихъ командѣ суетливо кидается отъ географіи къ фортепьяно, отъ фортепьяно—къ пуническимъ войнамъ, отъ подвиговъ Аннибала и Сципіона—къ шассе вправо, шассе назадъ, потомъ къ естественной исторіи Горизонтова, потомъ къ рисованію цвѣтовъ и носовъ, и разныя лохмотья знаній, разныя упражненія по части пріятныхъ искусствъ проходятъ, какъ китайскія тѣни, черезъ несчастный мозгъ ошеломленнаго маленькаго существа. И чуть только въ дѣвочкѣ шевельнется любознательность, чуть только она пожелаетъ посмотрѣть повнимательнѣе на одну изъ промелькнувшихъ тѣней, ее тотчасъ останавливаютъ, потому что такое неестественное желаніе нарушаетъ заведенный порядокъ систематической суеты. Въ день надо непремѣнно продѣлать семь или восемь различныхъ штукъ по части наукъ и искусствъ, стало быть, если одна штука разростется въ ущербъ остальнымъ, то изъ этого произойдетъ безпорядокъ, который въ благоустроенномъ педагогическомъ хозяйствѣ не можетъ быть допущенъ. Кромѣ того извѣстно всѣмъ и каждому, что дѣвушка прежде всего должна быть пріятной въ обществѣ, а пріятность эта заключается между прочимъ въ разнообразіи ея талантовъ и знаній; поэтому любознательность можетъ быть терпима въ дѣвочкѣ настолько, насколько она содѣйствуетъ исправному изученію обязательныхъ уроковъ; когда-же любознательность стремится выйти изъ этихъ естественныхъ границъ, тогда она можетъ повредить будущей пріятности; слѣдовательно, она идетъ тогда наперекоръ основнымъ тенденціямъ воспитанія, и ее необходимо подавлять и искоренять мѣрами кротости и, въ случаѣ упорства, мѣрами строгости.

Впрочемъ любознательность дѣвочки очень рѣдко вызываетъ противъ себя отпоръ со стороны воспитательницъ. Вся система преподаванія, всѣ объясненія учителей и весь комплектъ учебниковъ тщательно подобраны такимъ образомъ, что любознательность рѣшительно не можетъ возникнуть, и мысли дѣвочки постоянно стремятся вонъ изъ классной комнаты, прочь отъ книгъ и уроковъ, къ міру дѣйствительной жизни, то-есть къ балу, къ театру, къ модному магазину и къ другимъ очаровательнымъ предметамъ, въ которыхъ каждая благовоспитанная дѣвочка видитъ весь смыслъ и весь интересъ жизни и дѣйствительности. За суетой уроковъ въ жизни дѣвушки слѣдуетъ суета свѣтскихъ удовольствій, которая въ большей части случаевъ усложняется кислой суетой домашней бѣдности. Поѣхать на балъ необходимо, но и пообѣдать тоже не мѣшаетъ; нанять карету необходимо, но и купить сажень дровъ слѣдуетъ; надо заказать новое платье—и надо въ то-же время заплатить долгъ въ овощную лавку; нельзя-же быть одѣтой хуже какой-нибудь Сидоровой или Антоновой, —но какъ-же распорядиться, когда папенька бранится за излишніе расходы «на тряпки»? Не поѣхать на балъ,—но на балѣ будетъ *онъ*. При такихъ непримиримыхъ требованіяхъ дѣйствительной жизни, драма слѣдуетъ за драмой; каждая грошовая ленточка смачивается горькими слезами; каждое пошлое слово дурака или негодяя, встрѣченнаго на балѣ и поставившаго себѣ задачей жизни ухаживать за всѣми красивыми барышнями,—вызываетъ живыя надежды, за которыми слѣдуютъ быстро и непремѣнно мучительныя разочарованія.

Все это—бури въ стаканѣ воды; все это смѣшно и глупо, но вѣдь тутъ льются человѣческія слезы, тутъ проводятся безсонныя ночи, и то существо, которое мечется по постели и обливаетъ слезами свою подушку, это существо, говорю я, страдаетъ дѣйствительно, страдаетъ такъ, какъ будто бы причина страданія была велика и серьезна. И это-же самое существо, съ тѣмъ-же тѣлосложеніемъ, съ тѣмъ-же темпераментомъ и устройствомъ черепа, могло бы, при другихъ условіяхъ развитія и жизни, стать на ту нормальную высоту человѣческаго пониманія, на которую никогда не забираются грязныя и мучительныя волненія о новомъ платьѣ Сидоровой или о пятой кадрили, протанцованной вѣроломнымъ Ивановымъ съ легкомысленной Антоновой. Для большинства нашихъ теперешнихъ женщинъ эта нормальная высота недостижима, и препятствія, отрѣзывающія имъ путь къ человѣческому благоразумію, вытекаютъ естественнымъ образомъ изъ того основного принципа, которому подчинены воспитаніе и вся жизнь женщины.

XX.

Реалисты, построившіе всю свою жизнь на идеѣ общей пользы и разумнаго труда, относятся презрительно и враждебно ко всему, что разъединяетъ человѣческіе интересы, и ко всему, что отвлекаетъ человѣка отъ общеполезной дѣятельности. Поэтому они строго осуждаютъ ту мелкость понятій и узкость симпатій, которыя прививаются къ женщинамъ всѣмъ направленіемъ ихъ воспитанія. Это враждебное отношеніе реалистовъ къ искусственной ограниченности женщинъ послужило поводомъ къ безсмысленной клеветѣ. Добрые люди пустили слухъ, что реалисты отрицаютъ семейство, осмѣиваютъ бракъ и стараются поставить развратъ на степень общественной добродѣтели.

Эта выдумка столько-же остроумна, сколько доброжелательна. Она могла показаться правдоподобной только нашему невинному обществу, совершенно не привыкшему контролировать распускаемые слухи самостоятельнымъ наблюденіемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Общество знаетъ нашихъ реалистовъ по роману «Отцы и Дѣти». Какіе же факты сообщаются въ этомъ романѣ?—А вотъ какіе. Базаровъ разговариваетъ съ Одинцовой. Она говоритъ ему: «По-моему или все, или ничего. Жизнь за жизнь. Взявъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо». — Онъ отвѣчаетъ ей: «Что-жъ? это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ не нашли, чего желали».—Эти слова нельзя принять иначе, какъ за самое искреннее выраженіе его взгляда на отношенія между мужчиной и женщиной. Базарова нельзя заподозрить въ желаніи соблазнить Одинцову этимъ косвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности, потому что, когда она вслѣдъ затѣмъ спрашиваетъ у него прямо: «но вы бы съумѣли отдаться?»—тогда онъ отвѣчаетъ ей: «не знаю, хвастаться не хочу». Замѣтьте слово «хвастаться». Въ этомъ словѣ Базаровъ опять невольно проговаривается: значитъ, онъ считаетъ способность отдаться на всю жизнь великимъ достоинствомъ. И онъ понимаетъ въ то-же время, что не всякій обладаетъ этой способностью, и не всякому представляется въ жизни счастливый случай приложить эту способность въ дѣлу, и не всякій умѣетъ воспользоваться счастливымъ случаемъ, когда онъ ему представляется.

Гдѣ-же, въ комъ-же изъ настоящихъ реалистовъ добрые люди подмѣтили наклонность къ разврату? Каждый настоящій реалистъ прежде всего—работникъ. Хороша-ли, дурна-ли его работа, объ этомъ онъ самъ знаетъ, и объ этомъ онъ не будетъ давать отчета тѣмъ добрымъ людямъ, которые изобрѣтаютъ и распускаютъ ложные слухи. Хороша-ли, дурна-ли его работа, но во всякомъ случаѣ онъ трудится какъ волъ, а кто не трудится, тотъ и не можетъ называться реалистомъ, какъ бы краснорѣчиво онъ ни разсуждалъ о человѣчествѣ и объ общей пользѣ. Кто не трудится, а только разсуждаетъ, тотъ или пустой болтунъ, или вредный шарлатанъ, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не реалистъ. Стало быть, настоящимъ реалистомъ нѣтъ никакой надобности ратовать противъ цѣломудрія и противъ супружеской вѣрности. У реалиста трудъ стоитъ на первомъ планѣ. Что помогаетъ успѣху его труда, то онъ любитъ. Что мѣшаетъ его труду, то онъ ненавидитъ. Когда женщина является мыслящимъ существомъ, способнымъ помогать его работѣ и ободрять его своимъ сочувствіемъ, тогда онъ любитъ и уважаетъ женщину. Когда женщина является капризнымъ ребенкомъ, требующимъ себѣ не участія въ полезной работѣ, а пестрыхъ игрушекъ, тогда онъ отворачивается отъ нея, чтобы она не мѣшала ему трудиться и не надоѣдала ему безсмысленной болтовней. Такой бракъ, который увеличиваетъ силу и энергію работника, называется на языкѣ реалиста полезнымъ, благоразумнымъ и счастливымъ. Такой бракъ, который уменьшаетъ или извращаетъ рабочую силу, называется вреднымъ, безразсуднымъ и несчастнымъ. Для прочной связи между мужчиной и женщиной необходимъ, по мнѣнію реалиста, общій трудъ. Мужчина долженъ трудиться, и женщина также должна трудиться. Если они трудятся въ одинаковомъ направленіи, если они оба любятъ свою работу, если оба способны понять ея цѣль, то они начинаютъ чувствовать другъ къ другу симпатію и уваженіе, и наконецъ мужчина и женщина объявляютъ свое рѣшеніе передъ обществомъ и призываютъ на свой союзъ благословеніе любви.

Все это, по мнѣнію реалиста, очень естественно и благоразумно. Если бракъ заключенъ при такихъ условіяхъ, то, по мнѣнію реалиста, счастье обоихъ супруговъ съ каждымъ годомъ должно увеличиваться, и вмѣстѣ съ ихъ счастьемъ должна постоянно увеличиваться ихъ взаимная привязанность. Реалистъ улыбнется самой презрительной улыбкой, если вы попробуете сказать ему, что за обладаніемъ должно слѣдовать охлажденіе.

— Да, отвѣтитъ онъ вамъ на это, такъ всегда бываетъ съ тѣми людьми, которые, отъ нечего дѣлать, раздражаютъ свою чувственность и горячатъ свое воображеніе въ то время, когда начинаютъ сближаться съ красивой женщиной и обладаніе представляется ихъ праздному уму высшей цѣлью жизни. Когда эта цѣль достигнута, является разочарованіе, является чувство внутренней пустоты; а чтобы наполнить эту пустоту, они ставятъ себѣ новую цѣль въ такомъ-же родѣ, то-есть они направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы соблазнить другую женщину. И потомъ опять пустота, и опять стремленіе къ новымъ побѣдамъ. Все это въ порядкѣ вещей, но у меня,

продолжаетъ реалистъ, такіе переходы отъ безумной любви къ безумному разочарованію совершенно невозможны. Цѣль моя въ жизни была всегда одна и та-же, и эта цѣль поставлена такъ далеко и такъ высоко, что сотни поколѣній будутъ къ ней стремиться, и сотни поколѣній умрутъ прежде, чѣмъ она будетъ достигнута, несмотря на то, что каждое новое поколѣніе будетъ стоять къ ней ближе всѣхъ предыдущихъ. Съ этой настоящей цѣлью моей жизни обладаніе любимой женщиной никогда не имѣло ничего общаго. Я всегда видѣлъ въ счастливой любви очень большое наслажденіе, помогающее намъ переносить трудности и непріятности утомительной работы и упорной борьбы съ человѣческими глупостями. Я всегда смотрѣлъ на любовь не какъ на самостоятельную цѣль, а какъ на превосходное и незамѣнимое вспомогательное средство. Поэтому я никогда не составлялъ себѣ преувеличеннаго понятія о наслажденіяхъ любви, и слѣдовательно я былъ совершенно застрахованъ противъ всякихъ разочарованій и охлажденій. Мнѣ нравится наружность моей жены, но я бы никогда не рѣшился сдѣлаться ея мужемъ, еслибъ я не былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ способна быть для меня самымъ лучшимъ другомъ. Я зналъ всю ея жизнь и всѣ ея наклонности, прежде чѣмъ я рѣшился сдѣлать ей предложеніе. Она знала всю мою жизнь и всѣ мои наклонности, прежде чѣмъ она рѣшилась принять мое предложеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ мы сошлись, мы ведемъ трудъ нашъ общими силами. Она понимаетъ, чего я хочу, и я тоже понимаю, чего она хочетъ, потому что мы оба хотимъ одного и того-же, хотимъ того, чего хотятъ и будутъ хотѣть всѣ честные люди на свѣтѣ. Она знаетъ, какимъ образомъ моя работа связывается съ общей цѣлью; она знаетъ, зачѣмъ я читаю ту или другую книгу, зачѣмъ я пишу ту или другую статью, зачѣмъ я принимаю одно занятіе и отказываюсь отъ другого; и она тоже читаетъ, пишетъ, занимается тѣми или другими работами; и я также знаю, какъ нельзя лучше, почему она поступаетъ такъ, а не иначе. Мы часто читаемъ вмѣстѣ, часто читаемъ врозь, часто споримъ объ отдѣльныхъ подробностяхъ и часто измѣняемъ эти подробности, когда споръ кончается торжествомъ противоположныхъ аргументовъ. Всѣ силы ея ума и ея начитанности постоянно находятся въ моемъ распоряженіи, когда я нуждаюсь въ ея содѣйствіи; всѣ силы моего ума и моей начитанности постоянно подоспѣваютъ къ ней на помощь, когда она чѣмъ-нибудь затрудняется. Этотъ ежеминутный обмѣнъ услугъ превращаетъ самую сухую работу въ живое наслажденіе и оставляетъ за собой неизгладимый рядъ самыхъ обаятельныхъ воспоминаній. Чѣмъ больше такихъ воспоминаній, чѣмъ больше взаимныхъ услугъ, чѣмъ больше работъ, улаженныхъ общими силами, тѣмъ тѣснѣе наша дружба, тѣмъ полнѣе наше взаимное довѣріе, тѣмъ непоколебимѣе наше взаимное уваженіе. А тутъ еще присоединяется ощущеніе любви, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тутъ еще дѣти, какъ новая живая связь между мною и ею; а тутъ еще ея неизбѣжныя страданія, которыя дѣлаютъ женщину священной въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка. Я этихъ страданій не могу раздѣлить съ ней, поневолѣ-же я долженъ вознаградить ее за нихъ удвоенной нѣжностью и безграничнымъ уваженіемъ; а тутъ еще воспитаніе дѣтей, какъ новый видъ общей работы, которую мы оба съумѣемъ вести сообразно съ далекой и высокой цѣлью всего нашего существованія. Одна и та-же личность является такимъ образомъ для меня товарищемъ по работѣ, другомъ, женой, страдалицей, матерью и воспитательницей моихъ дѣтей, — и вдругъ выдумываютъ, что я не способенъ любить эту личность! И вдругъ произносятъ тутъ слова: охлажденіе, разочарованіе, супружеская ревность или супружеская невѣрность. Чортъ знаетъ, что̀ за чепуха! Охладѣть къ другу потому, что онъ десять лѣтъ былъ другомъ. Разочароваться въ этомъ другѣ потому, что мы вмѣстѣ съ нимъ постарѣли на десять лѣтъ. Подозрѣвать этого друга въ томъ, что онъ будетъ со мной лицемѣрить. Искать себѣ новой привязанности, когда старый другъ живетъ со мной въ одномъ домѣ. Скажите пожалуйста, есть-ли человѣческій смыслъ въ подобныхъ предположеніяхъ? А вѣдь для эстетиковъ и романтиковъ эти самыя предположенія оказываются непреложными истинами. Почему? Очень просто. Потому что жена никогда не бываетъ для нихъ другомъ. И мужчины, и женщины, одержимые эстетическими стремленіями, постоянно, втеченіи всей своей жизни, играютъ въ игрушки. У нихъ и мужъ — игрушка, и жена — игрушка. Пока игрушка блеститъ, пока она имѣетъ прелесть новизны, до тѣхъ поръ ею потѣшаются. А чуть только блескъ и новизна пропали, является горькое сожалѣніе о томъ, что игрушку нельзя бросить въ помойную яму!

Соотечественники! Кто сложилъ поговорку: «жена не башмакъ, съ ноги не сбросишь»? Кажется мнѣ, что эта поговорка была въ полномъ ходу въ то время, когда еще прадѣды современныхъ реалистовъ не рождались на бѣлый свѣтъ. И кто, или что̀ мѣшаетъ вамъ сбросить жену, какъ башмакъ, не заботясь о томъ, куда она упадетъ? Неужели вамъ мѣшаетъ ваша собственная добросовѣстность? Нѣтъ, друзья мои, вамъ мѣшаетъ только законъ, а то бы тысячи утонченныхъ эстетиковъ, повторяющихъ наивную поговорку съ тяжелымъ вздохомъ, пустили бы на всѣ четыре стороны своихъ женъ вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми и безъ копѣйки денегъ. И эти-же самые рѣзвые ребятишки, обожающіе всякія новыя игрушки, смѣютъ распускать безсмысленные слухи о развратныхъ стремленіяхъ

такихъ людей, которые всю свою жизнь проводятъ въ рабочихъ кабинетахъ, за книгами или за письменнымъ столомъ! Только наша русская безтолковость и способна переваривать такія вопіющія нелѣпости.

XXI.

Во всѣхъ двадцати главахъ, которыя я до сихъ поръ написалъ о нашихъ реалистахъ, я старался доказать, что наше общество не поняло и оклеветало этихъ людей съ чужого голоса. Чтобы сдѣлать доказательства мои какъ можно болѣе убѣдительными, я взялъ за представителя нашего реализма Базарова,—того самаго Базарова, котораго одна часть нашей критики считала карикатурой, а другая—правдивымъ, но строжайшимъ обличеніемъ, направленнымъ противъ тенденцій молодого поколѣнія. Вы находите, господа, сказалъ я, что это—карикатура или обличеніе. Положимъ, что это дѣйствительно такъ. Карикатура или обличеніе, какъ вамъ угодно. Во всякомъ случаѣ, вы согласитесь, что этотъ образъ написанъ безъ малѣйшаго желанія польстить нашимъ реалистамъ. Этотъ образъ написанъ человѣкомъ правдивымъ, но уже вовсе неспособнымъ увлекаться юношескими стремленіями къ новымъ идеямъ и къ новымъ людямъ. Хорошо. Я беру именно этотъ образъ, именно то, что̀ вы считаете карикатурой или обличеніемъ. Я анализирую каждую черту этого образа, я принимаю каждое слово Тургенева за наличную монету, я выслушиваю такимъ образомъ сильнѣйшаго и умнѣйшаго врага современнаго реализма,—такого врага, который «все-таки неспособенъ лгать», и изъ всѣхъ показаній этого врага я не могу извлечь ни одной черты, которая дѣйствительно превращала бы реалистовъ въ людей глупыхъ, безчестныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ для общества и для благосостоянія отдѣльныхъ личностей.

Говорятъ, что реалисты непочтительны къ своимъ родителямъ—неправда! Они только разрознены съ ними роковымъ вліяніемъ общихъ историческихъ причинъ. Реалисты возстановляютъ дѣтей противъ родителей—неправда! Они стараются сблизить старшее поколѣніе съ младшимъ. Реалисты не уважаютъ женщинъ—неправда! Они уважаютъ ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ уважали поэты и эстетики. Реалисты отрицаютъ бракъ—и это неправда! Они хотятъ только, чтобы благосостояніе отдѣльныхъ семействъ было въ строгомъ согласіи съ великими интересами общества.

Откуда-же вы, милые русскіе журналисты, взяли всѣ ваши обвиненія противъ реалистовъ? Изъ романа Тургенева? Нѣтъ, врете, тамъ нѣтъ этихъ обвиненій. Тамъ даются голые факты, которые надо только понять. А если вы извратили эти факты сообразно съ вашими закулисными выгодами, то вы напрасно прикрываетесь именемъ честнаго, хотя и отсталаго, русскаго писателя. Имя Тургенева надѣлало быть можетъ много путаницы, но Тургеневъ не виноватъ въ томъ, что его именемъ пользуются Хлестаковы и Держиморды нашей журналистики. И всѣ идеи Базарова остаются вѣрными и честными идеями, несмотря на тотъ толстый слой грязи, которымъ завалили ихъ. Конечно Тургеневъ могъ бы быть менѣе пассивнымъ въ то время, когда его имя марали Катковы и Скарятины, но вѣдь извѣстное дѣло, старость—не радость, и шумъ журнальной полемики ему уже не по лѣтамъ. Отношенія реалистовъ къ живымъ людямъ такимъ образомъ очерчены, хотя и не вполнѣ выяснены. Теперь мнѣ остается поговорить объ отношеніяхъ ихъ къ искусству и къ наукѣ.

XXII.

Лѣтъ двадцать тому назадъ извѣстный мыслитель и фантазеръ, Пьеръ Леру, написалъ одну очень странную книгу «О человѣчествѣ» («De l'humanité»). Въ этой странной книгѣ имѣется достаточное количество самой вопіющей галиматьи; дотого человѣкъ завирается, что горячо и серьезно доказываетъ и объясняетъ, какимъ манеромъ человѣческія души переселяются изъ одного тѣла въ другое. По его метафизическимъ выкладкамъ выходитъ, что у насъ нѣтъ предковъ и что у насъ не будетъ потомковъ, а что мы, со временъ Адама, всегда жили и всегда будемъ жить постоянно обновляющейся жизнью въ томъ громадномъ организмѣ, который называется на языкѣ Леру «человѣкъ - человѣчество» («l'homme-humanité»). Читаете вы эту книгу и только плечами пожимаете. «Ахъ, какъ вретъ!—думаете вы.—Боже мой, какъ неистово вретъ!» А между тѣмъ—странное дѣло!—вы все-таки дочитываете сумасбродную книгу до конца: и потомъ, дочитавши ее, вы сохраняете объ ея авторѣ очень свѣтлое воспоминаніе, вы невольно относитесь къ Пьеру Леру съ любовью и даже съ уваженіемъ. У Пьера Леру были послѣдователи и горячіе поклонники. Жоржъ Зандъ подчинялась чарующему вліянію его фантазій и написала два превосходные романа: «Consuelo» и «la Comtesse de Rudolstadt» подъ господствомъ обаятельно-мистической идеи о переселеніи человѣческихъ душъ.

И все это очень понятно. Пьеръ Леру принадлежитъ къ числу тѣхъ страстно-честныхъ людей, которые много возлюбили и которымъ за это многое прощается, даже вся неисчерпаемая безсмыслица ихъ безпредѣльнаго вранья. Тѣмъ это вранье и обаятельно, что все въ немъ совершенно искренно; нѣтъ въ немъ ни малѣйшей декламаціи. Леру страстно влюбленъ въ человѣчество, страстно вѣритъ въ его безконечное совершенствованіе, страстно стремится къ далекому будущему, и всѣхъ этихъ страстностей оказывается черезъ - чуръ достаточно, чтобы совер-

шенно заглушить въ его умѣ голосъ простого здраваго смысла, который потихоньку нашептываетъ ему очень печальныя истины.—Ты, братъ Леру,—говоритъ ему здравый смыслъ,—не очень восхищайся. Ты все-таки умрешь лѣтъ черезъ тридцать или черезъ сорокъ, и обо всякихъ грядущихъ великолѣпіяхъ человѣческаго прогресса ты не получишь никогда ни малѣйшаго понятія.—Вздоръ!—отвѣчаетъ Леру въ порывѣ прогрессивнаго восторга.—Я люблю человѣчество, я живу съ нимъ одной жизнью и буду вѣчно жить, любить и мыслить на той самой землѣ, на которой совершается безпредѣльное историческое развитіе громаднаго организма homme-humanité.

Любовь къ людямъ и къ жизни доходитъ очевидно до галлюцинаціи; мы ясно видимъ всѣ признаки бреда, но мы понимаемъ также причины этого явленія и никогда не рѣшимся оскорбить насмѣшкой или презрѣніемъ такую личность, у которой любовь къ человѣчеству развилась до пожирающей страсти, до фанатизма и наконецъ до сумасшествія. Эта любовь, доводящая всѣ умственныя силы Леру до неестественнаго и слѣдовательно болѣзненнаго напряженія, все-таки облагораживаетъ, очищаетъ его личность и возводитъ ее на такую высоту, съ которой онъ окидываетъ широкимъ и проницательнымъ взглядомъ всю исторію человѣческой мысли. Онъ понимаетъ и эпикуреизмъ, и стоицизмъ, и Платона, и Аристотеля, и мистиковъ, и раціоналистовъ, и скептиковъ, и аскетовъ. Отдавая всѣмъ имъ должную справедливость, отмѣчая яркими и вѣрными чертами ихъ историческое значеніе, онъ понимаетъ и глубоко чувствуетъ, что человѣчество выростаетъ изъ своихъ пеленокъ и что въ его сильномъ коллективномъ умѣ медленно созрѣваетъ что-то новое и громадное, что-то такое, въ чемъ совмѣстятся всѣ истины отжившихъ и отживающихъ философскихъ системъ. Когда Леру слѣзаетъ съ своего любимаго конька, то-есть, когда онъ перестаетъ городить чепуху о переселеніи душъ, тогда у него почти на каждой страницѣ сыпятся, какъ крупныя искры, свѣтлыя и превосходныя мысли, выраженныя тѣмъ яркимъ и могучимъ языкомъ, которымъ владѣютъ Гюго, Кине, Мишле, Прудонъ, Жоржъ Зандъ. Одна изъ подобныхъ мыслей особенно сильно пришлась мнѣ по душѣ, такъ что я рѣшился положить ее въ основаніе моихъ реалистическихъ размышленій о наукѣ и искусствѣ. Чтобы эта мысль сдѣлалась вполнѣ понятной моимъ читателямъ и чтобы она освѣтилась для нихъ со всѣхъ сторонъ, я счелъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ источникѣ, изъ котораго она заимствована. «A un point de vue élevé,—говоритъ Леру,—les poètes sont ceux qui, d'époque en époque, signalent les maux de l'humanité, de même que les philosophes sont ceux, qui s'occupent de sa guérison et de son salut» *).

Мнѣ кажется, тому человѣку, который такъ высоко и такъ просто понимаетъ и опредѣляетъ призваніе истиннаго поэта и истиннаго мыслителя, тому человѣку, говорю я, можно простить даже печальную наклонность къ переселенію человѣческихъ душъ.

XXIII.

Люди издавна стремились создать вокругъ себя искусственную атмосферу тепла, аромата и роскоши. Они удовлетворяли всѣмъ естественнымъ потребностямъ своего организма, но этого было мало; они придумывали себѣ новыя потребности, создавали себѣ новыя, чисто искусственныя страсти, нѣжили, лелѣяли, воспитывали и доводили ихъ до высокой степени чуткости, впечатлительности и утонченности. Человѣкъ развивалъ въ своей личности чувства и страсти для того, чтобы извлекать себѣ изъ жизни какъ можно больше разнообразнаго и безмятежнаго наслажденія. Но разсчетъ оказался не совсѣмъ вѣренъ. Тѣ самыя страсти и чувства, которыя должны были служить приправой утонченнаго обѣда или очаровательнаго любовнаго свиданія, сдѣлались, напротивъ того, злѣйшими врагами этой тепличной жизни. Постоянно ѣсть, постоянно пить, постоянно любезничать, проводить жизнь между столомъ и постелью—это показалось невыносимымъ наказаніемъ именно для тѣхъ тонко развитыхъ и страстныхъ эпикурейцевъ, которые лучше всѣхъ другихъ людей умѣли разнообразить свои наслажденія. Никакіе соусы изъ соловьиныхъ язычковъ, никакія неестественныя проявленія сластолюбія не могли заглушить въ нихъ неукротимаго стремленія дѣйствовать, мыслить, пожалуй даже страдать, но только, во что бы то ни стало, вырваться изъ одуряющаго воздуха теплицы въ суровую, холодную, но естественную среду дѣйствительной жизни. Дѣйствовать?—Какимъ образомъ?—Мыслить?—О чемъ и зачѣмъ?—Страдать и бороться?—Съ чѣмъ и за что?—Какимъ образомъ дѣйствовать? Ну, конечно, прежде всего воевать. Эта отрасль дѣятельности первая бросается въ глаза страстному эпикурейцу, воспитанному въ тепличной атмосферѣ и утомленному безконечными оргіями. Такъ и рѣшается вопросъ въ дѣйствительности. Алкивіадъ бросается съ войскомъ въ Сицилію, Цезарь—въ Галлію, Александръ—въ Персію. А потомъ? Потомъ и война надоѣдаетъ. Сильный умъ ищетъ себѣ новой пищи. Начинаются серьезныя размышленія о сдѣланныхъ завоеваніяхъ.

---

*) «Съ высшей точки зрѣнія, поэтами можно назвать тѣхъ людей, которые, изъ эпохи въ эпоху, раскрываютъ передъ нами страданія человѣчества, а мыслителями—тѣхъ людей, которые отыскиваютъ средства облегчить и исцѣлить эти болѣзни».

Отставной завоеватель становится рачительнымъ хозяиномъ.

Не всѣ, далеко не всѣ блестящіе дѣятели всемірной исторіи прошли черезъ указанныя мною фазы развитія. Очень многіе споткнулись и погибли въ началѣ или на половинѣ пути, но, несмотря на то, можно сказать навѣрное, что каждый дѣйствительно замѣчательный умъ утомляется рано или поздно тѣми наслажденіями, которыя достаются ему на долю безъ труда и безъ борьбы; утомившись и пресытившись, онъ тревожно начинаетъ искать выхода своимъ силамъ и наконецъ или погибаетъ во время безуспѣшныхъ поисковъ, или успокоивается на такой дѣятельности, которая самымъ тѣснымъ образомъ связана съ интересами страждущаго большинства. А между тѣмъ вѣдь и у частныхъ людей бываютъ и сильныя страсти, и тонкія чувства, и свѣтлые умы. Имъ-то чѣмъ-же забавляться? Какимъ образомъ они-то могутъ вырваться изъ теплицы?

Одни изъ этихъ страстныхъ и даровитыхъ тунеядцевъ начинаютъ искать вокругъ себя сильныхъ ощущеній; другіе задумываются надъ различными явленіями изъ жизни природы, ставятъ себѣ на каждомъ шагу мудреные вопросы и ломаютъ себѣ голову надъ сотнями и тысячами вѣчныхъ загадокъ. Первые дѣлаются поэтами или художниками; вторые—учеными или мыслителями. Но гдѣ-же поэтъ или художникъ, человѣкъ дѣйствительно воспріимчивый, умный и страстный до геніальности, гдѣ-же, спрашиваю я, онъ найдетъ себѣ тѣ сильныя ощущенія, которыя удовлетворятъ вполнѣ его ищущую, жаждущую и томящуюся природу?—Какимъ образомъ онъ ухитрится во время своихъ поисковъ миновать тотъ громадный міръ неподдѣльнаго человѣческаго страданія, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ сплошной, темной стѣной?—Развѣ есть возможность не замѣтить того, что на каждомъ шагу рѣжетъ глазъ самому невнимательному наблюдателю? Можно конечно приглядѣться къ этимъ будничнымъ картинкамъ, можно притупить въ себѣ умъ и чувство, можно довести себя совершенно незамѣтнымъ образомъ до самаго невозмутимаго равнодушія къ чужому голоду и холоду. Съ этимъ я согласенъ, и мы встрѣчаемся въ жизни ежеминутно съ великолѣпнѣйшими экземплярами такой философской невозмутимости. Но вы не забывайте, что вѣдь мы ведемъ здѣсь рѣчь о поэтѣ, о художникѣ, о человѣкѣ, въ высшей степени впечатлительномъ, страстномъ и отзывчивомъ. Какой-же истинный поэтъ можетъ довести себя до чурбаннаго равнодушія? Если человѣческія страданія не производятъ на него впечатлѣнія, то гдѣ-же его впечатлительность? Если онъ, отворачиваясь съ самодовольнымъ презрѣніемъ отъ картинъ грязной нищеты и невольнаго порока, отзывается пѣвучими нотами на трепетаніе влюбленнаго соловья и на благоуханіе расцвѣтающей розы, и на каждый грошовый вздохъ смазливой барышни, то вѣдь эта отзывчивость такъ-же приторна и отвратительна, какъ нѣжная привязанность старой дѣвки къ кошкамъ, попугаямъ и моськамъ. Въ такомъ человѣкѣ нѣтъ ни ума, ни впечатлительности, ни страсти, ни отзывчивости. Что это за художникъ? Это просто мышиный жеребчикъ, одержимый самымъ мельчайшимъ тщеславіемъ, самымъ копѣечнымъ желаніемъ порисоваться передъ почтеннѣйшей публикой и заработать себѣ отъ разныхъ глупыхъ тунеядцевъ нѣсколько лестныхъ комплиментовъ и нѣсколько еще болѣе лестныхъ рублей.

Мнѣ возразятъ быть можетъ, что художникъ можетъ увлечься поклоненіемъ чистой красотѣ и что въ такомъ случаѣ онъ посвятитъ всѣ свои силы на воплощеніе своего идеала въ художественномъ созданіи, въ статуѣ, въ картинѣ, въ романѣ или въ какой-нибудь другой формѣ творчества. Скульптура цѣликомъ основана на этомъ поклоненіи физической красотѣ. Знаю. Но это возраженіе устраняется само собой. Я предположилъ выше, что самымъ умнымъ и даровитымъ людямъ становится непремѣнно душно въ искусственной атмосферѣ эпикурейской теплицы. Мнѣ кажется, что предположеніе вѣрно въ психологическомъ отношеніи и можетъ быть доказано сотнями примѣровъ изъ всѣхъ эпохъ всемірной исторіи. Кому сдѣлалось душно въ теплицѣ, тотъ, разумѣется, выходитъ на открытый воздухъ, то-есть такъ или иначе вмѣшивается въ жизнь большинства. Кому пріѣлись разныя сладости, вино и поцѣлуи, тотъ ищетъ себѣ труда и борьбы, тотъ лечится отъ пресыщенія суровыми столкновеніями съ неподкрашенной дѣйствительностью. Гейне превосходно выразилъ это настроеніе въ своей пѣснѣ о Тангейзерѣ. Венера угощаетъ Тангейзера сладкимъ виномъ, хочетъ надѣть ему на голову вѣнокъ изъ свѣжихъ розъ, наконецъ зоветъ его къ себѣ въ спальню; но Тангейзеръ даже смотрѣть на нее не хочетъ; его уже просто тошнитъ отъ всѣхъ этихъ миндальностей; ему хочется труда, горечи, терноваго вѣнка; онъ говоритъ ласковой любовницѣ своей крупныя дерзости и уходитъ отъ нея чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ зачѣмъ. Понятно, что человѣкъ, находящійся въ настроеніи свирѣпаго Тангейзера, рѣшительно неспособенъ заниматься поклоненіемъ чистой или идеальной красотѣ. Не за тѣмъ-же въ самомъ дѣлѣ онъ такъ сурово отвернулся отъ живой красавицы, чтобы писать къ ней пламенные сонеты или падать на колѣни передъ ея изображеніемъ, вырѣзаннымъ изъ бѣлаго мрамора или написаннымъ масляными красками на холстѣ. Пигмаліонъ молилъ боговъ, чтобы они превратили его мраморную Галатею въ живую женщину, и это понятно; но промѣнять живую, любящую женщину на кусокъ полотна или мрамора—это такая нелѣпость, на которую

не покушался до сихъ поръ ни одинъ изъ самыхъ необузданныхъ идеалистовъ. Очень многіе пламенные любовники пробавляются чистымъ платонизмомъ, но они всегда дѣлаютъ это только вслѣдствіе печальной необходимости; когда-же они имѣютъ возможность дѣлать выборъ, тогда они съ нарочитымъ удовольствіемъ промѣниваютъ свои отвлеченные восторги на болѣе существенныя и менѣе невинныя наслажденія.

Что-же изъ всего этого слѣдуетъ? Да очевидно то, что поклонники чистой красоты никогда не испытывали мученій Тангейзера; напротивъ того, они чрезвычайно довольны тепличной жизнью и, въ наивности души, принимаютъ свой крошечный теплый уголокъ за великій, богатый и разнообразный міръ, въ которомъ всѣ высшія человѣческія потребности находятъ и должны находить себѣ полное и всестороннее удовлетвореніе. Эти пигмеи, занимающіеся скульптурой, живописью, эротическимъ стиходѣланіемъ или томными руладами, эти пигмеи, говорю я, или не знаютъ великихъ вопросовъ широкой, дѣйствительной, міровой жизни, или-же не хотятъ ихъ знать, прикидываются глухими и слѣпыми, чтобы оправдывать въ своемъ собственномъ мнѣніи свою канареечную жизнь и дѣятельность. Въ первомъ случаѣ — если не знаютъ—мы имѣемъ несомнѣнное право заподозрить ихъ въ тупоуміи или въ полной неразвитости. Во второмъ случаѣ — если напускаютъ на себя поддѣльную глухоту и слѣпоту — мы имѣемъ право назвать ихъ безчестными и трусливыми людьми, которые стараются обмануть даже собственную совѣсть.—Въ томъ и въ другомъ случаѣ было бы странно и нелѣпо требовать отъ насъ, чтобы мы признали въ этихъ мелкихъ сибаритахъ передовыхъ представителей человѣчества; дѣятельность такихъ людей не даетъ намъ ровно ничего, и слѣдовательно, встрѣчаясь съ ихъ произведеніями, намъ остается только посмѣяться надъ довѣрчивостью того общества, которое видитъ въ нихъ лучшее свое украшеніе.

XXIV.

Послѣдовательный реализмъ безусловно презираетъ все, что не приноситъ существенной пользы; но слово «польза» мы принимаемъ совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ его навязываютъ намъ наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говоримъ поэту: «шей сапоги», или историку: «пеки кулебяки», но мы требуемъ непремѣнно, чтобы поэтъ, какъ поэтъ, и историкъ, какъ историкъ, приносили, каждый въ своей спеціальности, *дѣйствительную* пользу. Мы хотимъ, чтобы созданія поэта ясно и ярко рисовали передъ нами тѣ стороны человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать. Мы хотимъ, чтобы изслѣдованіе историка раскрывало намъ настоящія причины процвѣтанія и упадка отжившихъ цивилизацій. Мы читаемъ книги единственно для того, чтобы посредствомъ чтенія расширить предѣлы нашего личнаго опыта. Если книга въ этомъ отношеніи не даетъ намъ ровно ничего, ни одного новаго факта, ни одного оригинальнаго взгляда, ни одной самостоятельной идеи, если она ничѣмъ не шевелитъ и не оживляетъ нашей мысли, то мы называемъ такую книгу пустой и дрянной книгой, не обращая вниманіе на то, писана-ли она прозой или стихами; и автору такой книги мы всегда, съ искреннимъ доброжелательствомъ, готовы посовѣтовать, чтобы онъ принялся шить сапоги или печь кулебяки.

Постараемся-же теперь обсудить вопросъ: какимъ образомъ поэтъ, не переставая быть поэтомъ, можетъ принести обществу и человѣчеству дѣйствительную и несомнѣнную пользу? Само собою разумѣется, что названіе «поэтъ» прилагается здѣсь не къ однимъ стихотворцамъ, а вообще ко всѣмъ художникамъ, создающимъ образы посредствомъ слова. Прежде всего скажу откровенно, я рѣшительно не признаю такъ называемаго безсознательнаго и безцѣльнаго творчества. Я подозрѣваю, что это — просто миѳъ, созданный эстетической критикой для пущей таинственности. Въ древности, когда поэтъ былъ пѣвцомъ и импровизаторомъ, тогда пожалуй еще можно было допустить, что его осѣняло вдохновеніе и что онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какъ и зачѣмъ слагалась его пѣсня. Но теперь, когда поэтъ носитъ не хламиду и лавровый вѣнокъ, а сюртукъ и круглую шляпу, теперь, когда онъ не поетъ, а пишетъ и печатаетъ, теперь, говорю я, уже поздно видѣть въ поэтѣ близкаго родственника изступленной дельфійской пиѳіи. Поэтъ прежде всего такой-же членъ гражданскаго общества, какъ и каждый изъ насъ. Встрѣчаясь съ поэтомъ въ гостиной, мы имѣемъ полное право требовать отъ него, чтобы онъ не клалъ ноги на столъ и не плевалъ въ потолокъ; вступая съ поэтомъ въ разговоръ, мы имѣемъ полное право требовать, чтобы онъ разсуждалъ дѣльно и логично; если онъ не исполнитъ этого требованія, мы замѣтимъ про себя, что онъ несетъ чепуху, быть можетъ и вдохновенную, но все-таки невыносимую. Чтобы пользоваться любовью и уваженіемъ своихъ знакомыхъ, поэтъ непремѣнно долженъ обладать тѣми-же самыми качествами, которыя упрочиваютъ любовь и уваженіе окружающихъ людей за каждымъ изъ простыхъ смертныхъ. Для этого необходима извѣстная доза ума, добродушія, честности и т. д. Такса, по которой покупаются въ обществѣ любовь и уваженіе, повышается и понижается вмѣстѣ съ общимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія. Кто въ Англіи считается дуракомъ, тотъ въ Турціи могъ бы прослыть за очень порядочнаго человѣка. Когда общество доходитъ до извѣстной

высоты развитія, тогда оно начинаетъ требовать отъ своихъ членовъ, чтобы у нихъ были опредѣленныя и сознательныя убѣжденія и чтобы они держались за свои убѣжденія. Кромѣ обыкновенной честности является тогда еще высшая честность, честность политическая. Воспитавши въ самомъ себѣ великое чувство политической честности, общество начинаетъ вмѣнять его въ обязанность каждому изъ своихъ членовъ, и тѣмъ болѣе такимъ людямъ, которые, опираясь на свои умственныя дарованія, присвоиваютъ себѣ право дѣйствовать словомъ или перомъ на развитіе общественныхъ убѣжденій. Но эта спасительная зрѣлость и строгость требованій даются обществу не вдругъ. Нравственная чуткость вырабатывается туго и медленно. Байронъ прямо называетъ Роберта Соути ренегатомъ, а Робертъ Соути въ свое время считался знаменитымъ поэтомъ, и англичане даже до сихъ поръ читаютъ и издаютъ его произведенія. Но настоящіе поэты не могутъ быть продажными мазуриками; самъ Байронъ, заклеймившій Роберта Соути, ни разу не покривилъ душой, именно потому, что его умъ и талантъ стояли неизмѣримо выше всякихъ искушеній. Такіе умы и таланты творятъ чудеса, но творческая сила тотчасъ измѣняетъ имъ, какъ только они осмѣливаются пустить ее въ продажу.

Но одной голой честности и великаго самороднаго таланта еще недостаточно, чтобы быть міровымъ поэтомъ. Самородки, подобные Бёрнсу или Кольцову, остаются навсегда блестящими, но безплодными явленіями. Истинный, «полезный» поэтъ долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святой и великой ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этой ненавистью, составляетъ и непремѣнно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священнѣйшій смыслъ всего его существованія и всей его дѣятельности. «Я пишу не чернилами, какъ другіе,—говорилъ Бёрне: я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ». Такъ, и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки.

Поэтъ, самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ писателей, конечно не можетъ составлять исключеніе изъ этого правила. А чтобы дѣйствительно писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть. А чтобы любить и ненавидѣть и чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты отъ всякихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда онъ понялъ, что надо и что должно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда безсознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ. Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собой яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами съ трепетомъ томительной надежды смотрятъ въ даль, на ту-же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямого пути.

И вы, господа эстетики, хотите, чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ, что и зачѣмъ лепечутъ его розовыя губы! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшился пестрыми картинками своей фантазіи именно въ тѣ великія и священныя минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессѣ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. Человѣкъ, прикоснувшійся рукою къ древу познанія добра и зла, никогда не съумѣетъ и, что всего важнѣе, никогда не захочетъ возвратиться въ растительное состояніе первобытной невинности. Кто понялъ и прочувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ, волей и неволей, въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду.

Итакъ, по моему мнѣнію, истинный поэтъ, принимаясь за перо, отдаетъ себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, къ какой общей цѣли будетъ направлено его новое созданіе, какое впечатлѣніе оно должно будетъ произвести на умы читателей, какую святую истину оно докажетъ имъ своими яркими картинами, какое вредное заблужденіе оно подроетъ подъ самый корень. Поэтъ— или великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный «рыцарь духа», какъ говоритъ Генрихъ Гейне, или же ничтожный паразитъ, потѣ-

шающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ—или титанъ, потрясающій горы вѣкового зла, или же козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли. И это не фраза. Это—строгая психологическая истина. Дѣйствительно, каждый эстетикъ, конечно, согласится со мною, что искренность есть необходимѣйшее качество поэта. Драма, романъ, поэма, лирическое стихотвореніе, въ которыхъ хоть сколько-нибудь проглядываютъ натянутыя и обязательныя отношенія автора къ его предмету,—ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть названы поэтическими произведеніями. Это—риторическія упражненія на заданныя темы, а риторъ и поэтъ, разумѣется, не имѣютъ между собой ничего общаго. Припомните напримѣръ оды Ломоносова, «Парашу-Сибирячку» Полевого, романъ Клюшникова «Марево» и тому подобныя прелести.

Искренность необходима; но поэтъ можетъ быть искреннимъ или въ полномъ величіи разумнаго міросозерцанія, или въ полной ограниченности мыслей, знаній, чувствъ и стремленій. Въ первомъ случаѣ онъ—Шекспиръ, Дантъ, Байронъ, Гёте, Гейне. Во второмъ случаѣ онъ—Фетъ.—Въ первомъ случаѣ онъ носитъ въ себѣ думы и печали всего современнаго міра. Во второмъ—онъ поетъ тоненькой фистулой о душистыхъ локонахъ и еще болѣе трогательнымъ голосомъ жалуется печатно на работника Семена. Вы не думайте, господа, что свистящая журналистика ухватилась такъ крѣпко за работника Семена по ребяческому пристрастію къ безплодному зубоскальству. Работникъ Семенъ—лицо замѣчательное. Онъ непремѣнно войдетъ въ исторію русской литературы, потому что ему назначено было Провидѣніемъ показать намъ обратную сторону медали въ самомъ яромъ представителѣ темной лирики. Благодаря работнику Семену, мы увидѣли въ нѣжномъ поэтѣ, порхающемъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, разсчетливаго хозяина, солиднаго bourgeois и мелкаго человѣка. Тогда мы задумались надъ этимъ фактомъ и быстро убѣдились въ томъ, что тутъ нѣтъ ничего случайнаго. Такова должна быть непремѣнно изнанка каждаго поэта, воспѣвающаго «шопотъ, робкое дыханіе, трели соловья».

Кто способенъ вполнѣ удовлетвориться микроскопическими пылинками мысли и чувства, кто умѣетъ составить себѣ громкую извѣстность собираніемъ этихъ пылинокъ, тотъ долженъ быть мелокъ насквозь, въ каждой отдѣльной чертѣ своей частной и общественной жизни. Заглядывать въ область частной жизни мы не имѣемъ никакого права и никакой возможности; но если самому поэту угодно было прогуляться передъ публикой въ домашнемъ халатѣ, то мы должны сказать за это большое спасибо, во-первыхъ, разыгравшемуся поэту, а во-вторыхъ—великому Семену, ухитрившемуся привести своего хозяина въ такой паѳосъ лирическаго негодованія. Мы всматриваемся въ интересный халатъ и выводимъ то плодотворное заключеніе, что подобные халаты носятъ и должны носить всѣ поэты, не имѣющіе понятія о великихъ, истинныхъ и серьезныхъ сторонамъ общечеловѣческой жизни. Какъ были они дѣтьми, такъ и останутся навсегда дѣтьми, мелочными, капризными и сварливыми существами, утратившими только дѣтскую грацію и лишившимися уже всякой надежды сдѣлаться со временемъ сильными, здоровыми, добродушными и мыслящими людьми. Отвернемся отъ этихъ явленій плюгавой старости и посмотримъ въ другую сторону, на вѣчно-юныхъ титановъ умственнаго міра.

XXV.

Въ числѣ титановъ я назвалъ Гёте и Гейне. Легко можетъ случиться, что наши литературные противники ухватятся за эти два имени и докажутъ мнѣ, какъ дважды-два четыре, что Гёте втеченіи всей своей жизни былъ самымъ неискреннимъ человѣкомъ и что Гейне очень часто является въ своихъ произведеніяхъ пустѣйшимъ балагуромъ или безпечнѣйшимъ пѣвцомъ луны, дѣвы, любви и вздоховъ. — Вотъ видите, скажутъ они мнѣ, значитъ, вамъ надо или вычеркнуть имена Гёте и Гейне изъ списка міровыхъ поэтовъ, или-же радикально измѣнить вашъ взглядъ на поэзію и вообще на искусство.

А вотъ посмотримъ на дѣло поближе. Что Гёте обладалъ въ высшей степени способностью извиваться и блюдолизничать, это конечно не можетъ подлежать сомнѣнію. Что онъ стряпалъ разныя стихотворныя миндальности и салонныя оперетки, это также составляетъ неопровержимую истину. Ну, а какъ вы думаете, стали бы мы теперь разсуждать съ вами о Гёте, еслибы полное собраніе его сочиненій состояло цѣликомъ изъ сотни чистенькихъ оперетокъ и изъ нѣсколькихъ тысячъ миндально-лакейственныхъ мадригаловъ? И какъ вы думаете, посвятилъ-ли бы такому Гёте гордый и безукоризненный Байронъ своего «Сарданапала»? Да еще какъ посвятилъ-то! Съ трепетомъ робости и благоговѣнія. Вотъ подлинныя слова этого посвященія: «Знаменитому Гёте иностранецъ осмѣливается предложить дань литературнаго вассала своему сюзерену, первому изъ существующихъ писателей, создавшему литературу своей родины и прославившему литературу Европы. Недостойное произведеніе, которое авторъ дерзаетъ посвятить ему, носитъ заглавіе: «Сарданапалъ».

Ясное дѣло, что въ глазахъ Байрона умственное величіе Гёте съ избыткомъ заглаживаетъ или выкупаетъ тѣ низкія слабости его характера, которыя конечно были хорошо извѣстны Байрону, какъ современнику Гёте, и которымъ Байронъ, какъ человѣкъ въ высшей степени независимый, разумѣется не могъ сочувствовать.

Но когда Гёте спускался въ міръ живыхъ людей, въ міръ золоченаго нѣмецкаго мѣщанства, когда онъ превращалъ свой талантъ въ дойную корову и начиналъ гоняться за благосклонными взглядами и покровительственными улыбками, тогда онъ сразу дѣлался мельче всякой козявки, ниже, гаже и безсильнѣе самаго ничтожнаго изъ нашихъ современныхъ лириковъ, потому что эти поютъ отъ избытка своей ограниченности, а тотъ долженъ былъ насильно ёжиться и прикидываться невинной канарейкой.

Примѣръ Гёте доказываетъ какъ нельзя очевиднѣе, что всякая умственная дѣятельность велика и плодотворна только до тѣхъ поръ, пока она остается неразлучной съ искренностью и твердостью глубокаго убѣжденія. Гёте великъ именно въ той сферѣ, въ которой онъ дѣйствовалъ съ полнымъ и естественнымъ воодушевленіемъ, не стѣсняясь никакими житейскими разсчетами, и этотъ Гёте, великій Гёте, совершенно подходитъ подъ мое опредѣленіе поэта и съ полной справедливостью можетъ быть названъ «полезнымъ» поэтомъ, хотя конечно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ могутъ быть названы полезными поэтами: Барбье, Беранже, Леопарди, Джусти, Шелли, Томасъ Гудъ и другіе двигатели общественнаго сознанія. Эти люди были поэтами текущей минуты; они будили въ людяхъ ощущеніе и сознаніе настоятельныхъ потребностей современной гражданской жизни; они любили живыхъ людей и возились постоянно съ ихъ дѣйствительными глупостями и страданіями. А Гёте никого не любилъ, кромѣ самого себя и своихъ собственныхъ идей; онъ нисколько не заботился объ интересахъ человѣческихъ обществъ и, несмотря на то, онъ все-таки принесъ и еще долго будетъ приносить своими произведеніями много пользы тѣмъ самымъ человѣческимъ обществамъ, къ которымъ онъ былъ совершенно равнодушенъ. Только пустые и мелкіе люди могутъ оставаться безполезными, а великія умственныя силы непремѣнно приносятъ пользу даже своими ошибками. Гёте никогда не былъ и не будетъ любимымъ поэтомъ читающихъ массъ; вслѣдствіе этого онъ никогда не будетъ дѣйствовать прямо и непосредственно на умственную жизнь массы, потому что на эту жизнь дѣйствуетъ только тотъ, кто любитъ массу. Но эти наставники и руководители массъ, люди различные между собой по своимъ дарованіямъ, но тѣсно связанные другъ съ другомъ единствомъ святой любви и честныхъ стремленій, это люди, питающіе другихъ своими идеями, часто нуждаются сами въ умственномъ подкрѣпленіи и обновленіи. Эти люди—мыслящіе и просвѣщенные работники, но совсѣмъ не міровые геніи. Они, по своему уму и развитію, способны понимать Гёте, но у нихъ, разумѣется, не достало бы силъ произвести то, что́ онъ произвелъ. Для нихъ-то его сочиненія составляютъ огромную гальваническую батарею, которая постоянно снабжаетъ ихъ утомляющіеся мозги новыми электрическими силами. Они читаютъ Гёте и глубоко задумываются надъ его страницами, и умъ ихъ растетъ и крѣпнетъ въ этой живительной работѣ. А пріобрѣтенный такимъ образомъ запасъ свѣжей энергіи и новыхъ умственныхъ силъ отправляется все-таки внизъ по теченію, въ то живое море, которое называется массой и въ которое, тѣмъ или другимъ путемъ, рано или поздно, вливаются, подобно скромнымъ ручьямъ или бурнымъ потокамъ, или величественнымъ рѣкамъ, всѣ наши мысли, всѣ наши труды и стремленія. И холодный тайный совѣтникъ и кавалеръ фонъ-Гёте дѣйствуетъ такимъ образомъ, и сильно дѣйствуетъ на пользу бѣдныхъ и простыхъ ближнихъ посредствомъ тѣхъ идей и ощущеній, которыя онъ возбуждаетъ своими произведеніями въ тѣсномъ кругу своихъ избранныхъ и высокоразвитыхъ читателей.

Приведу одинъ очень любопытный и оригинальный примѣръ. Бёрне ненавидитъ Гёте отчасти за дѣло, по своему горячему демократическому чувству, отчасти несправедливо. Эту ненависть Бёрне высказываетъ не разъ въ своихъ «Парижскихъ письмахъ» и въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ. Высказываетъ онъ ее всегда съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, и изъ подъ его пера выливаются по этому поводу превосходнѣйшія страницы, сверкающія изумительнымъ остроуміемъ и пылающія самымъ чистымъ огнемъ любви къ людямъ и уваженія къ человѣческому достоинству. И эти страницы прочтетъ съ увлеченіемъ, пойметъ и запомнитъ чуть не наизусть рѣшительно каждый человѣкъ, стоящій по своему развитію немного выше чичиковскаго Петрушки. Эти страницы, писанныя слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ такъ свѣжи и горячи, какъ будто онѣ только сегодня вышли изъ-подъ типографскаго станка. А кому же мы обязаны этими страницами, какъ не тому самому Гёте, который на нихъ осыпается справедливыми насмѣшками и громовыми проклятіями критика? Чтобы возбудить въ такомъ умномъ человѣкѣ, какъ Бёрне, такую пылкую и упорную ненависть, чтобы взволновать всю его желчь, когда онъ только вспомнитъ ненавистное имя или взглянетъ на проклятыя строки, и наконецъ чтобы каждый разъ заставлять своего разъяреннаго антагониста облекаться во всеоружіе саркастическаго ума и страстной діалектики, для всего этого, говорю я, необходимо быть такимъ титаномъ умственнаго міра, какимъ и былъ на самомъ дѣлѣ тайный совѣтникъ и кавалеръ фонъ-Гёте. Да и самъ Бёрне всегда признаетъ его титаномъ и за то именно бѣсится на него, что этотъ титанъ съ такимъ удовольствіемъ зарывалъ свой талантъ въ землю. Съ этой стороны Бёрне, разумѣется, правъ: еслибы у Гёте кромѣ колоссальныхъ силъ было еще стремленіе при-

лагать эти силы, какъ слѣдуетъ, то безъ сомнѣнія онъ сдѣлалъ бы въ своей жизни неизмѣримо больше прочнаго и существеннаго добра. Но дѣло теперь не въ томъ. Важно и любопытно для всего хода моей аргументаціи то обстоятельство, что Гёте электризуетъ своей дѣятельностью даже такого человѣка, который по своему чисто фанатическому складу ума рѣшительно неспособенъ отнестить съ любовью къ тому, что дѣйствительно превосходно въ произведеніяхъ «великаго язычника». Это и значитъ, что великое явленіе никогда не можетъ остаться безплоднымъ; оно освѣжаетъ и обновляетъ жизнь и тѣмъ, что́ въ немъ хорошо, и тѣмъ, что̀ въ немъ дурно. Оно приносятъ людямъ пользу и той любовью, и той ненавистью, которую оно въ нихъ возбуждаетъ. Скверно только безсиліе, губительна только апатія; а столкновеніе и борьба враждебныхъ силъ въ области мысли всегда приводятъ за собой со временемъ плодотворное примиреніе въ высшей сферѣ болѣе широкаго синтеза. Поэтому давай намъ Богъ побольше великихъ умовъ, и пусть они куралесятъ въ области мысли, какъ душѣ ихъ будетъ угодно. Мы, простые люди, вслѣдствіе этого во всякомъ случаѣ останемся въ чистыхъ барышахъ. По геометріи выходитъ конечно, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Но многовѣковой опытъ дѣйствительной жизни доказываетъ неопровержимо, что люди въ исторической практикѣ не признаютъ этой математической истины и умѣютъ подвигаться впередъ не иначе, какъ зигзагами, то-есть кидаясь изъ одной крайности въ другую. *Ндраву* всего человѣчества препятствовать невозможно, а поэтому приходится махнуть рукой на неизбѣжные зигзаги и только радоваться тому, когда крайности начинаютъ быстро и порывисто смѣняться одна другой. Значитъ, пульсъ хорошъ, и человѣческая мысль не поростаетъ плѣсенью.

XXVI.

А теперь потолкуемъ о Гейне. Мнѣ кажется, этого писателя каждый истинный сынъ XIX вѣка долженъ любить совсѣмъ особенной, нѣжной, исключительной любовью. Мнѣ кажется, все умственное развитіе человѣка можно сразу измѣрить и обсудить, смотря по тому, какъ и насколько онъ понимаетъ поэтическую дѣятельность Генриха Гейне. Этотъ писатель—самый новѣйшій изъ міровыхъ поэтовъ; онъ всѣхъ ближе къ намъ по времени и по всему складу своихъ чувствъ и понятій. Онъ цѣликомъ принадлежитъ нашему вѣку; онъ воплотилъ въ себѣ даже всѣ его слабости и смѣшныя стороны; даже разстроенные и разбитые нервы Гейне указываютъ ясно на его кровное родство съ тѣмъ великимъ и просвѣщеннымъ вѣкомъ, въ которомъ средневѣковые костры и плахи смѣнились пенсильванскими общеполезными учрежденіями для производства умалишенныхъ и въ которомъ феодальныя права уступили мѣсто мануфактурному пауперизму. Гейне—поэтъ капризнаго, раздражительнаго, нетерпѣливаго и непослѣдовательнаго вѣка. Онъ самъ весь состоитъ изъ противорѣчій и самъ себя дразнитъ этими противорѣчіями, и даже не пробуетъ помирить ихъ между собой, и самъ то плачетъ, то смѣется надъ своими ощущеніями, то вдругъ кидается въ борьбу жизни и съ полной силой юношеской горячности и мужественнаго убѣжденія объясняетъ людямъ различіе между остатками прошедшаго и живыми проблесками будущаго. И этой послѣдней, живительной стороной своей дѣятельности Гейне также цѣликомъ принадлежитъ къ нашему вѣку, который все-таки лучше всѣхъ прошедшихъ вѣковъ и въ которомъ все-таки, несмотря ни на какія глупости и подлости, химія и физіологія подняли человѣческій умъ на безпримѣрную и для нашихъ предшественниковъ непостижимую высоту самостоятельнаго знанія.

Вотъ и соображайте, какого рода результатъ долженъ получиться, когда человѣку приходится жить при ежеминутномъ столкновеніи такихъ несовмѣстимыхъ крайностей. Разумѣется, должно получиться нѣчто вродѣ горячаго льда и сухой воды; и въ человѣческомъ характерѣ дѣйствительно встрѣчаются ежеминутно такія вопіющія внутреннія противорѣчія, которыя сильно смахиваютъ на сухую воду и горячій ледъ. Намъ эти противорѣчія, порожденныя всѣмъ складомъ европейской жизни, должны быть особенно дороги и интересны; намъ необходимо внимательно изучать эту патологію нашего ума и характера, потому что только внимательное изученіе болѣзни даетъ намъ возможность отыскать лекарство. Вотъ тутъ-то именно никто не можетъ замѣнить обществу великаго поэта. Никакое научное изслѣдованіе не опредѣлитъ вамъ душевную болѣзнь цѣлой эпохи съ такой ясностью, съ какой нарисуетъ ее великій художникъ. Тутъ вполнѣ оправдывается глубокая мысль Пьера Леру о томъ, что поэты изъ вѣка въ вѣкъ возвѣщаютъ человѣчеству его страданія. Потомъ, когда поэтъ собралъ въ одинъ фокусъ, въ одну ярко освѣщенную картину всѣ разрозненные симптомы господствующей болѣзни вѣка, тогда начинается работа мыслителей, которые анализируютъ вопросъ во всѣхъ его отдѣльныхъ подробностяхъ и выводятъ явленія настоящей минуты изъ отдаленныхъ и глубоко затаившихся историческихъ, бытовыхъ и экономическихъ причинъ. Лирика Гейне есть не что иное, какъ неподражаемо - полная и правдивая картина тѣхъ чувствъ и мыслей, тѣхъ тревогъ и огорченій, тѣхъ чередующихся припадковъ энергіи и апатіи, среди которыхъ тратятъ свою жизнь лучшіе люди XIX вѣка. Гейне не захотѣлъ или не могъ наблюдать и изображать сво-

ихъ современниковъ со стороны; съ естественной самонадѣянностью истиннаго генія онъ понялъ, что носитъ въ самомъ себѣ всѣ завѣтныя чувства и мысли своей эпохи; онъ принялъ самого себя за чистѣйшій типъ современнаго человѣка и посвятилъ всю свою жизнь на то, чтобы высказаться со всѣхъ сторонъ, со всей искренностью и непосредственностью, какая только доступна человѣку XIX столѣтія. Поэтому всѣ двадцать томовъ сочиненій Гейне составляютъ одно неразрывное цѣлое. И проза, и стихи, и любовь, и политика, и дурачества, и серьезныя разсужденія,—все это только въ общей связи получаетъ свой полный смыслъ и свое настоящее значеніе. Если вы развинтите Гейне на части и будете разсматривать каждый кусочекъ отдѣльно, то, разумѣется, вы получите много великолѣпныхъ алмазовъ и большую кучу негоднѣйшихъ черепковъ, перемѣшанныхъ съ глиной и грязью. Тогда вы скажете, что алмазы надо сохранить и оправить въ золото, а всю кучу примѣси спустить въ помойную яму. И такимъ приговоромъ вы докажете несомнѣнно, что, читая Гейне, вы смотрѣли въ книгу и видѣли фигу. Гейне именно тѣмъ и неоцѣнимъ, что онъ даетъ мыслителямъ нашего времени цѣлые рудники матеріаловъ для самыхъ глубокихъ психологическихъ наблюденій и изслѣдованій. Читая Гейне, вдумывайтесь именно въ то, какимъ образомъ грязь перемѣшана въ человѣкѣ съ алмазами, старайтесь понять, почему одинъ и тотъже геніальный умъ волновался высшими сомнѣніями, порывами и страстями, доступными человѣческой личности, и въ то-же время тратился на то, чтобы воспѣвать съ искреннимъ воодушевленіемъ голубые или черные глазенки вертлявыхъ парижскихъ лоретокъ. Посмотрите напримѣръ письма Гейне съ Гельголанда, помѣщенныя въ его книгѣ о Бёрне и написанныя послѣ іюльскихъ событій 1830 г., и потомъ вдругъ прочтите въ его-же книгѣ «Neue Gedichte — стихотворенія подъ рубриками: «Анжелика», «Серафима», «Катарина». На Гейне очень часто находитъ блажь: онъ вдругъ воображаетъ себѣ, что онъ можетъ забыть все, что мѣшаетъ мыслящему человѣку предаваться телячьимъ восторгамъ; начинается бѣганіе и прыганіе на одной ножкѣ;—ахъ, Боже мой, какое благополучіе! воздухъ тепелъ, птички поютъ, роза цвѣтетъ, барышня улыбается; давайте бѣгать, давайте любезничать, давайте дѣлать вѣнки и букеты изъ васильковъ и ландышей!—Да вдругъ ему самому сдѣлается уже черезъ-чуръ смѣшно, глядя на собственную прыткость и веселость; а потомъ досадно; а потомъ опять смѣшно; а потомъ и смѣшно, и досадно въ одно и тоже время. Оплюетъ онъ вдругъ и барышню, и цвѣты, и природу. Все скверно, все никуда не годится. И желать нечего, и плакать не о чемъ, потому что все это пустяки и ни на что не слѣдуетъ обращать вниманія. Къ выдѣлыванію такихъ руладъ неизбѣжно долженъ придти геніальный умъ, не имѣющій возможности найти себѣ такое дѣло, которое соотвѣтствовало бы его силамъ. А что люди, одаренные силами Гейне, остаются внѣ практической дѣятельности,—это конечно составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ болячекъ нашего времени и одно изъ самыхъ капитальныхъ препятствій къ выздоровленію. Рисовать картину страданій—это безъ сомнѣнія тоже дѣятельность, и даже, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, дѣятельность очень полезная. Но вѣроятно самый заклятый эстетикъ согласится со мною, что было бы не въ примѣръ лучше, еслибы такая дѣятельность была совершенно не нужна и даже невозможна. Еслибы Гейне не былъ вполнѣ удовлетворенъ жизнью, еслибы онъ чувствовалъ себя счастливымъ, то по всей вѣроятности онъ не сдѣлался бы поэтомъ, потому что его поэзія была бы странной аномаліей въ такой средѣ, въ которой люди, подобные ему, могли бы устраивать свою жизнь сообразно съ требованіями своего чувства и своего разсудка. Развѣ можетъ возникнуть и развиться патологія тамъ, гдѣ не бываетъ болѣзней? А вѣрнѣйшимъ симптомомъ такого отсутствія болѣзней было бы то обстоятельство, что умные люди, подобные Гейне, не состояли бы въ разрядѣ людей лишнихъ, непрактичныхъ, безпокойныхъ и вредныхъ.

Если такимъ образомъ мы примемъ всю литературную дѣятельность Гейне за цѣльное выраженіе того невольнаго и неизбѣжнаго различія, полу-трагическаго, полукомическаго, которое существуетъ между нашими завѣтными желаніями и нашими вседневными поступками, если мы взглянемъ на Генриха Гейне, какъ на геніальнаго человѣка, который втеченіи всей своей жизни стучится головой въ толстую стѣну человѣческихъ глупостей и наконецъ по временамъ самъ глупѣетъ отъ этого невыносимаго занятія,—то, разумѣется, всѣ балагурства Гейне, всѣ фривольности и тривіальности примутъ въ нашихъ глазахъ значеніе драгоцѣннѣйшихъ фактовъ изъ психологической исторіи современнаго человѣка. Да, подумаемъ мы, вотъ какъ круто приходится иногда умнымъ людямъ! Вотъ какими минутами пошлости и пустоты общая безсмысленность исторической жизни награждаетъ иногда первоклассныхъ геніевъ! Подобныя размышленія никакъ нельзя назвать безплодными, и мы должны будемъ сказать большое спасибо Генриху Гейне за то, что онъ не утаилъ отъ насъ тѣхъ печально-комическихъ минутъ своей жизни, когда онъ, отчаяваясь въ торжествѣ разума, пробовалъ сдѣлаться шаловливымъ ребенкомъ и начиналъ то изнывать у ногъ какой-нибудь Анжелики, то съ простодушіемъ пансіонерки умилялся надъ зеленой травой и надъ голубыми фіалками.

Гейне вызвалъ цѣлые легіоны подражателей, и этотъ фактъ служитъ еще новымъ подтвержденіемъ той ужасно старой и печальной истины, что глупыхъ людей очень много. Гейне можно и должно изучать, но подражать ему нѣтъ, во-первыхъ, никакой надобности, а во-вторыхъ—никакой возможности. Когда очень замѣчательный человѣкъ разсказываетъ намъ откровенно о своихъ заблужденіяхъ, о глупостяхъ и проступкахъ своей жизни, о позорныхъ минутахъ унынія, праздности, апатіи и безпечности, тогда мы слушаемъ этотъ разсказъ съ жаднымъ вниманіемъ и съ глубокимъ уваженіемъ. Ошибки и страданія великаго ума всегда поучительны, потому что въ нихъ всегда чувствуется вліяніе общихъ причинъ, повертывающихъ въ ту или въ другую сторону жизнь цѣлой исторической эпохи. На этомъ основаніи мы читаемъ и признаемъ полезными книгами и лирику Гейне, и «Confessions» Жанъ-Жака Руссо. Но когда какой-нибудь Лягушкинъ или Козявкинъ начинаетъ повѣствовать намъ стихами или прозой о томъ, какъ онъ кутилъ и опять желаетъ кутить, какъ онъ любилъ и какъ ему рога наставили, какъ онъ проигрался въ карты и желаетъ получить реваншикъ, а подлецъ Михрюшкинъ забастовалъ не во-время,—тогда мы говоримъ ему: уймись, любезный! помажь свои душевные нарывы деревяннымъ масломъ и прикрой ихъ тряпочкой! у насъ этого добра и безъ тебя достаточно.

Любопытно замѣтить, до какого полнаго извращенія естественныхъ понятій дошла эстетика, то есть та критика, которая предпочитаетъ форму содержанію. Эстетикъ скажетъ вамъ, не задумываясь, что у такого-то поэта хватаетъ силъ на лирическое стихотвореніе, но что онъ непремѣнно опростоволосится, если примется писать романъ или драму. Вы, мой читатель, навѣрное такъ привыкли къ такимъ сужденіямъ, что въ недоумѣніи спросите у меня: «а что-же въ этомъ мнѣніи эстетика есть такого уродливаго и безсмысленнаго? Это чистая правда. Вотъ напримѣръ — Полонскій. Кропаетъ онъ лирическіе стишки—и ничего: концы съ концами сводитъ. А попробовалъ написать романъ «Свѣжее преданіе»—вышло убійственно. Сунулся соорудить драму «Разладъ»—вышло еще того хуже, такъ что Несторъ Васильевичъ Кукольникъ можетъ сказать, потирая руки: «нашего полку прибыло!»—Справедливо изволите разсуждать, господинъ читатель. Но вы подумайте все-таки, что такое лирика? Вѣдь это просто публичная исповѣдь человѣка? Прекрасно. А на что-же намъ нужна публичная исповѣдь такого человѣка, который рѣшительно ничѣмъ, кромѣ своего желанія исповѣдываться, не можетъ привлечь къ себѣ наше вниманіе? Чѣмъ его огорченія или радости интереснѣе моихъ или вашихъ? Тѣмъ, что онъ умѣетъ укладывать ихъ въ риѳмованные ямбы и хореи? Кажется мнѣ, что эта причина неудовлетворительна. Лирика, по самой сущности своей, гораздо искреннѣе и непосредственнѣе эпической и драматической поэзіи. Драму или романъ надо долго обдумывать; при этомъ надо изучать жизнь; плоды этого изученія могутъ быть интересны и поучительны даже въ томъ случаѣ, если автору не удастся придать характерамъ ту яркость, которая создается только силой таланта. Лирическій поэтъ, напротивъ того, только ловитъ и фиксируетъ мимолетныя настроенія своей собственной особы, и достоинство лирическаго произведенія заключается именно въ томъ, чтобъ оно было какъ можно безъискусственнѣе, чтобы чувство или мысль поэта были схвачены и показаны читателю во всей своей непосредственности и неподкрашенности. Но вѣдь показываться въ такой первобытной наготѣ имѣетъ право только то, что̀ замѣчательно само по себѣ и что̀ вслѣдствіе этого можетъ пробудить въ другихъ людяхъ дѣятельность чувства и мысли. Поэтому ясно, что лирика есть самое высокое и самое трудное проявленіе искусства. Лириками имѣютъ право быть только первоклассные геніи, потому что только колоссальная личность можетъ приносить обществу пользу, обращая его вниманіе на свою собственную частную и психическую жизнь.

Отчего-же у насъ лирики плодятся, какъ дождевые грибы? Да просто оттого, что журналисты привыкли наполнять стишками тѣ бѣлыя страницы или, выражаясь типографскимъ языкомъ, бѣлыя полосы, которыя случайно остаются между отдѣльными статьями. И до сихъ поръ не могутъ сообразить почтенные журналисты, что бѣлая полоса гораздо лучше лирическаго стихотворенія, во-первыхъ, потому, что читатель не тратитъ на бѣлую полосу ни одной минуты времени, во-вторыхъ, потому, что редакція за бѣлую полосу не платитъ ни копѣйки денегъ, въ-третьихъ, потому, что существованіе бѣлыхъ полосъ не поощряетъ ни одной отрасли предосудительнаго тунеядства. Къ крайнему моему огорченію, даже «Русское Слово» не возвысилось еще до пониманія этихъ высокихъ и мудрыхъ истинъ.

XXVII.

Литературные противники нашего реализма простодушно убѣждены въ томъ, что мы затвердили нѣсколько филантропическихъ фразъ и во имя этихъ афоризмовъ отрицаемъ сплошь все то, изъ чего нельзя изготовить обѣдъ, сшить платье или выстроить жилище голоднымъ и прозябшимъ людямъ. Понимая насъ такимъ образомъ, они конечно должны были ожидать, что мои размышленія о наукѣ и искусствѣ будутъ заключать въ себѣ безконечные упреки Шекспиру, Гёте, Гейне и другимъ подобнымъ негодяямъ за трату драгоцѣннаго времени на непроизводительныя занятія. Они ожидали вѣ-

роятно, что я такъ и пойду косить безъ разбору: Шекспиръ — не Шекспиръ, Гёте — не Гёте, чортъ мнѣ не братъ, всѣ дураки и знать никого не хочу. Такому направленію моихъ умозрѣній они были бы несказанно рады, потому что, разумѣется, подобная премудрость не поколебала бы въ умахъ читателей ни одной буквы изъ стараго эстетическаго кодекса. Теперь, когда они увидятъ, что я взялся за дѣло совсѣмъ не такимъ косолапымъ манеромъ, — имъ сдѣлается очень досадно, и они начнутъ звонить въ своихъ журналахъ, что реалисты добрались до чортиковъ и теперь поневолѣ поворачиваютъ оглобли назадъ.

И все это будетъ съ ихъ стороны голая выдумка. Всѣ мысли, высказанныя мною въ этой статьѣ, совершенно послѣдовательно вытекаютъ изъ того, что я говорилъ во всѣхъ моихъ предъидущихъ статьяхъ. Ни малѣйшаго поворота назадъ не случилось, и мнѣ не приходится раскаяваться ни въ одномъ словѣ, сказанномъ мною прежде. Я совѣтовалъ Щедрину заняться компиляціями по естественнымъ наукамъ и говорилъ по этому поводу, что меня радуетъ увяданіе нашей беллетристики, какъ симптомъ возрастающей зрѣлости нашего ума. Я и теперь повторяю то-же самое, и изъ этого сужденія о нашихъ домашнихъ дѣлахъ все-таки никакъ не вытекаетъ для меня обязанность ругать Шекспира, Гёте, Гейне и другихъ подобныхъ негодяевъ. Эти негодяи были прежде всего чрезвычайно умные люди, а я и теперь, и прежде, и всегда былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что мысль, и только мысль можетъ передѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни. Все то безусловно полезно, что заставляетъ насъ задумываться и что помогаетъ намъ мыслить. Конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка все-таки состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать; но вопросъ этотъ и самъ по себѣ такъ громаденъ и такъ сложенъ, что на его разрѣшеніе требуется вся наличная сила и зрѣлость человѣческой мысли, все напряженіе человѣческой энергіи и любви и весь запасъ собранныхъ человѣческихъ знаній; излишку оказаться не можетъ, а напротивъ оказывается до сихъ поръ громадный недочетъ, который поневолѣ будутъ пополнять рабочія силы слѣдующихъ столѣтій.

Стало быть, мы вовсе не расположены откидывать годный матеріалъ изъ любви къ процессу откидыванія. Это было бы съ нашей стороны нелѣпѣйшій ригоризмъ и формализмъ, еслибы мы вздумали браковать геніальную мысль на томъ основаніи, что она проведена въ поэмѣ или въ романѣ, а не въ теоретическомъ разсужденіи. Еслибы мы разсуждали такимъ образомъ, то намъ пришлось бы поставить критическія статьи Энгельсона выше романа «Отцы и дѣти». Но мы разсуждаемъ совершенно иначе. Мы твердо убѣждены въ томъ, что каждому человѣку, желающему сдѣлаться полезнымъ работникомъ мысли, необходимо широкое и всестороннее образованіе, въ которомъ Гейне, Гёте, Шекспиръ должны занять свое мѣсто на ряду съ Либихомъ, Дарвиномъ и Лайеллемъ. — Ничто такъ сильно не расширяетъ весь горизонтъ нашихъ понятій о природѣ и о человѣческой жизни, какъ близкое знакомство съ величайшими умами человѣчества, къ какой бы отдѣльной области знанія или творчества ни относилась дѣятельность этихъ первоклассныхъ представителей нашей породы. Но, во-первыхъ, знакомясь съ этими титанами, надо непремѣнно сохранять въ отношеніи къ нимъ полную самостоятельность своей собственной мысли, а иначе придется принимать за чистое золото даже то, что составляетъ грязное пятно въ произведеніи титана. Во-вторыхъ, и это главное, надо знакомиться только съ настоящими титанами и преспокойно проходить, не кивая головой, мимо многихъ и премногихъ кумировъ, выставляемыхъ на поклоненіе толпы усердными историками различныхъ литературъ. Посовѣтуйтесь напримѣръ съ какимъ-нибудь записнымъ гуманистомъ: онъ вамъ будетъ доказывать, что не прочитать Горація, Овидія, Виргилія, Цицерона значитъ остаться круглымъ невѣждой. Заговорите съ французомъ: онъ вамъ поклянется честью, что вамъ совершенно необходимо прочитать всѣ трагедіи Корнеля, всѣ трагедіи Расина, всѣ сатиры Буало, всѣ сладости Фенелона и всѣ проповѣди Боссюэта, котораго французы до сихъ поръ считаютъ великимъ геніемъ и даже глубокимъ, хотя и одностороннимъ, историкомъ. Обратитесь къ Лонгинову, и онъ вамъ, какъ русскому человѣку, поставитъ въ непремѣнную обязанность прочитать цѣликомъ Ломоносова, Державина, Карамзина и Жуковскаго. Счастливъ вашъ Богъ, если онъ еще позволитъ вамъ не читать Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова, Аблесимова, Хераскова, Озерова и князя Шаликова. Да нѣтъ! Врядъ-ли онъ окажетъ вамъ эту великую милость. Нельзя, скажетъ. Эти писатели имѣютъ историческое значеніе. А что-же вы, въ самомъ дѣлѣ, будете за человѣкъ, если не будете знать исторіи нашей великой и прекрасной литературы?

Если вы одарены отъ природы чувствомъ благоразумнаго самосохраненія, то вы, разумѣется, не послушаете ни Лонгинова, ни гуманиста, ни француза. Вы прочитаете Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, Гейне, Мольера и очень немногихъ другихъ поэтовъ, замѣчательныхъ не тѣмъ, что они когда-то жили и что-то написали, а тѣмъ, что они дѣйствительно высказали людямъ нѣсколько дѣльныхъ и умныхъ

мыслей. Изъ нашихъ-же писателей вы возьмете Грибоѣдова, Крылова, Пушкина, Гоголя, отнесетесь къ нимъ съ самой строгой критикой и увидите тогда, что ваше чисто литературное образованіе совершенно окончено. Я не говорю о новѣйшихъ писателяхъ, напримѣръ о Жоржъ Зандѣ, Викторѣ Гюго, Диккенсѣ, Теккереѣ и о лучшихъ представителяхъ нашей собственной беллетристики. Этихъ писателей вы уже непремѣнно прочтете, даже не для литературнаго образованія, а просто для того, чтобы слѣдить за современнымъ развитіемъ европейской мысли. Тутъ, разумѣется, вамъ придется прочитать много пустяковъ, напримѣръ: «Фанни» — Фейдо, «Саламбо» — Флобера и такія повѣсти Тургенева, какъ «Первая любовь» и «Призраки». Противъ этого не поможетъ ужъ никакой послѣдовательный реализмъ. Чтобы приносить людямъ пользу, надо знать, что̀ ихъ интересуетъ и о чемъ они въ данную минуту толкуютъ, а для этого приходится очень часто просматривать ничтожнѣйшіе романы, пробѣгать пустѣйшіе нумера журналовъ и газетъ и выслушивать отъ разныхъ добродушныхъ личностей еще болѣе пустыя разсужденія. Кто хочетъ заниматься психіатріей, тотъ поневолѣ долженъ выслушивать разсказы всякихъ Поприщиныхъ о шишкѣ алжирскаго дея. Но и психіатру нѣтъ особенной надобности читать въ пыльныхъ архивахъ и библіотекахъ умозрѣнія всѣхъ тѣхъ Поприщиныхъ, которые жили раньше насъ и которыхъ бредни, на бѣду нашу, не затерялись.

Изъ всего, что̀ я говорилъ съ самаго начала этой статьи, читатель видитъ ясно, что я отношусь съ глубокимъ и совершенно искреннимъ уваженіемъ къ первоклассньмъ поэтамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Задача реалистической критики въ отношеніи ко всей массѣ литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ намъ отжившими поколѣніями, состоитъ именно въ томъ, чтобы выбрать изъ этой массы то, что̀ можетъ содѣйствовать нашему умственному развитію и объяснить, какимъ образомъ мы должны распоряжаться съ этимъ отборнымъ матеріаломъ. Такая обширная задача не по силамъ одному человѣку, но я, съ своей стороны, постараюсь все-таки со временемъ подвинуть это дѣло впередъ, представляя моимъ читателямъ рядъ критическихъ статей о тѣхъ писателяхъ, которыхъ чтеніе я считаю необходимымъ для общаго литературнаго образованія каждаго мыслящаго человѣка.

Въ этой статьѣ я, разумѣется, могу только указать на эту задачу и ограничиться неопредѣленнымъ обѣщаніемъ.—Но у реалистической критики есть и другая задача, можетъ быть еще болѣе серьезная. Дѣлая строгую оцѣнку литературнымъ трудамъ прошедшаго, она должна еще внимательнѣе и строже слѣдить за развитіемъ литературы въ настоящемъ. Здѣсь на ней лежитъ обязанность быть несравненно болѣе разборчивой и требовательной. Когда мы говоримъ напримѣръ о Шекспирѣ, мы просто беремъ у него то, что̀ находимъ въ наличности. Что̀ есть—за то спасибо; чего нѣтъ—не взыщите; на нѣтъ и суда нѣтъ. Наряжать надъ Шекспиромъ слѣдствіе по тому вопросу, былъ ли онъ прогрессистомъ или ретроградомъ,—смѣшно, нелѣпо и несправедливо, по той простой причинѣ, что люди XVI вѣка еще не имѣли понятія о такомъ прогрессѣ, который охватываетъ всѣ отправленія общественной жизни и всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Но еслибы въ наше время появился поэтъ съ громаднымъ талантомъ и еслибы онъ, подобно Шекспиру, посвятилъ лучшія силы своего таланта на создаваніе историческихъ драмъ, то реалистическая критика имѣла бы полное право отнестись очень сурово къ тому обстоятельству, что колоссальный талантъ отвертывается отъ интересовъ живой дѣйствительности и уходитъ въ область «безпечальнаго созерцанія», изобрѣтеннаго «Отечественными Записками» или «Петербургскими Вѣдомостями».

Я твердо убѣжденъ въ томъ, что настоящій поэтъ, родившійся въ XIX вѣкѣ и получившій здоровое человѣческое образованіе, не можетъ быть ни ретроградомъ, ни индифферентистомъ. Стало быть, если въ произведеніяхъ даровитаго человѣка будутъ проглядывать допотопныя тенденціи или холодное равнодушіе къ живымъ потребностямъ современности, — реалистическая критика обязана внимательно разобрать причины такого ненормальнаго и вреднаго явленія. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла непремѣнно окажется или полное невѣжество даннаго субъекта, или односторонность развитія, или слабоуміе, или молчалинство, или вообще что-нибудь способное испортить и сбить съ пути самые лучшіе задатки литературнаго дарованія. Эти результаты ближайшаго изслѣдованія реалистическая критика должна выставить на показъ въ самыхъ яркихъ краскахъ, для того, чтобы публика перестала обольщаться такимъ оракуломъ, который говоритъ ей вредную галиматью или по крайней мѣрѣ отвлекаетъ ея вниманіе отъ полезнаго дѣла. Въ наше время можно быть реалистомъ и слѣдовательно полезнымъ работникомъ, не будучи поэтомъ; но быть поэтомъ и въ то-же время не быть глубокимъ и сознательнымъ реалистомъ—это совершенно невозможно. Кто не реалистъ, тотъ не поэтъ, а просто даровитый неучъ, или ловкій шарлатанъ, или мелкая, но самолюбивая козявка. Отъ всей этой назойливой твари реалистическая критика должна тщательно оберегать умы и карманы читающей публики.

XXVIII.

Если вы предложите мнѣ вопросъ: есть-ли у

насъ въ Россіи замѣчательные поэты?—то я вамъ отвѣчу безъ всякихъ обиняковъ, что у насъ ихъ нѣтъ, никогда не было, никогда не могло быть — и по всей вѣроятности очень долго еще не будетъ. У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго. Первые остались на всю жизнь въ положеніи зародышей, потому что имъ нечѣмъ было питаться и некуда было развиться. Силы-то у нихъ были, но не было ни впечатлѣній, ни простора. Поэтому ничего и не вышло, кромѣ одностороннихъ попытокъ и недодуманныхъ зачатковъ разумнаго міросозерцанія.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое «Мертвыя Души»? Изображалъ человѣкъ «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни», и все шло хорошо и умно; а потомъ вдругъ, въ самомъ концѣ, пустилъ безсмысленнѣйшее воззваніе къ Россіи, которая будто-бы куда-то мчится, какъ бѣшеная тройка, да такъ шибко мчится, что остальные народы только ротъ разѣваютъ и диву даются. И кто тянулъ изъ него эту дифирамбическую тираду? Рѣшительно никто. Такъ сама собой вылилась, отъ полноты невѣжества и отъ непривычки къ широкому обобщенію фактовъ. И вышла чепуха: съ одной стороны «бѣдность», а съ другой—такая быстрота развитія, что любо-дорого. Ничего цѣльнаго и не оказалось. И уже въ этомъ лирическомъ порывѣ сидятъ зачатки второй части «Мертвыхъ Душъ» и знаменитой «Переписки съ друзьями».

А что̀ такое басни Крылова? Робкіе намеки на сильный умъ, который никогда не можетъ и не осмѣлится развернуться во всю свою ширину.

Но эти зародыши все-таки заслуживаютъ нашего уваженія, заслуживаютъ именно тѣмъ, что не могли развернуться. Значитъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ этихъ элементовъ могло выработаться что-нибудь порядочное. Но о людяхъ второй категоріи, о пародіяхъ на поэта, намъ приходится высказать совершенно противоположное мнѣніе. Эти люди процвѣтали «яко кринъ», щебетали, какъ птицы пѣвчія, и совершили «въ предѣлѣ земномъ все земное», то-есть все, что̀ они были способны совершить. Въ произведеніяхъ этихъ людей нѣтъ никакихъ признаковъ болѣзненности или изуродованности. Имъ было весело, легко и хорошо жить на свѣтѣ, и это обстоятельство конечно останется вѣчнымъ пятномъ на ихъ прославленныхъ именахъ. Впрочемъ нѣтъ,—не *вѣчнымъ*. Такъ какъ эти господа уже теперь ничѣмъ не связаны къ современнымъ развитіемъ нашей умственной жизни, то мы можемъ надѣяться, что ихъ прославленныя имена скоро забудутся или по крайней мѣрѣ превратятся для русскихъ людей въ такіе же пустые звуки, въ какіе уже давно превратились имена Ломоносова, Сумарокова, Державина и всякихъ другихъ бардовъ прошлаго столѣтія. Съ именемъ Жуковскаго уже совершилось это превращеніе, но Пушкина мы все еще не рѣшаемся забыть, или, вѣрнѣе, мы боимся признаться самимъ себѣ, что мы его почти совсѣмъ забыли. О Пушкинѣ до сихъ поръ бродятъ въ обществѣ разные нелѣпые слухи, пущенные въ ходъ эстетическими критиками; общество не сличаетъ этихъ слуховъ съ существующими фактами, но повторяетъ ихъ съ чужого голоса и, по старой привычкѣ къ этимъ слухамъ, считаетъ ихъ за непреложную истину, не требующую никакихъ доказательствъ. Говорятъ напримѣръ, что Пушкинъ — великій поэтъ, и всѣ этому вѣрятъ. А на повѣрку выходитъ, что Пушкинъ просто великій стилистъ, и больше ничего. Говорятъ далѣе, что Пушкинъ основалъ нашу новѣйшую литературу, и этому тоже вѣрятъ. И это тоже вздоръ. Новѣйшую литературу основалъ не Пушкинъ, а Гоголь. Пушкину мы обязаны только нашими милыми лириками, а подъ вліяніемъ Гоголя сформировались Тургеневъ, Писемскій, Некрасовъ, Островскій, Достоевскій; да кромѣ того произведенія Гоголя дали рѣшительный толчокъ нашей реальной критикѣ.

Многимъ читателямъ мои размышленія о Пушкинѣ покажутся возмутительно дерзкими. Я самъ съ своей стороны признаю за читателемъ полное право требовать отъ меня серьезныхъ и подробныхъ фактическихъ доказательствъ, но теперь, въ этой статьѣ, я все-таки не буду распространяться о литературной дѣятельности великаго Пушкина. Объ этомъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Тогда я представлю моимъ читателямъ рядъ статей подъ заглавіемъ «Пушкинъ и Бѣлинскій». Въ этихъ будущихъ статьяхъ я разберу дѣятельность прославленнаго поэта и постараюсь, съ точки зрѣнія послѣдовательнаго реализма, перерѣшить тѣ вопросы, которые Бѣлинскій рѣшалъ на основаніи эстетическихъ догматовъ, потерявшихъ для насъ всю свою обязательную силу.

Въ настоящее время у насъ также нѣтъ поэтовъ; наше общество все еще слишкомъ неподвижно, чтобы содѣйствовать развитію тѣхъ высшихъ силъ ума и чувства, которыми долженъ обладать геніальный поэтъ. Но между нашими литераторами есть нѣсколько умныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ, помѣщающихъ въ различныхъ журналахъ романы, повѣсти и драматическія произведенія. Дѣятельность этихъ людей никакъ нельзя назвать безплодной. Они заставляютъ своихъ читателей задумываться надъ различными вопросами вседневной жизни; они даютъ реальной критикѣ удобный случай разъяснить эти вопросы. Публика прислушивается къ этимъ разъясненіямъ, и смыслъ понемногу начинаетъ шевелиться, медленно проса-

чиваясь въ такіе темные углы, которые съ поконъ вѣку были совершенно незнакомы съ подобной роскошью.

При самомъ бѣгломъ взглядѣ на современныя литературы всѣхъ цивилизованныхъ народовъ вы тотчасъ замѣтите тотъ общій фактъ, что надъ всѣми отраслями поэтическаго творчества далеко преобладаетъ такъ-называемый *гражданскій эпосъ* или, проще,—романы, повѣсти и разсказы. Романъ втянулъ въ себя всю область поэзіи, а для лирики и для драмы остались только коекакіе крошечные уголки. Если напримѣръ въ годъ будетъ напечатано *сто* листовъ драматическихъ произведеній и лирическихъ стиховъ, то можно сказать навѣрное, что въ тотъ-же промежутокъ времени появится по крайней мѣрѣ *тысяча* листовъ романовъ, повѣстей и разсказовъ. А еслибы мы могли сравнить цифры читателей, то перевѣсъ *гражданскаго эпоса* безъ сомнѣнія оказался бы еще поразительнѣе. Далѣе не мѣшаетъ замѣтить, что романы въ стихахъ или эпическія поэмы въ наше время сдѣлались невозможными, и что эту невозможность признали наконецъ сами эстетики.

Это рѣшительное преобладаніе романа, и притомъ романа въ прозѣ, показываетъ очевидно, что въ отношеніяхъ читающаго общества къ поэзіи совершился глубокій и радикальный переворотъ. Въ былое время на первомъ планѣ стояла *форма;* читатели восхищались совершенствомъ внѣшней техники и вслѣдствіе этого безусловно предпочитали стихи прозѣ. Еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія Вольтеръ, превознося Фенелонова «Телемака», говоритъ въ то-же время, что все-таки «Телемака» невозможно сравнить съ эпическими поэмами, потому что самая посредственная поэма, написанная стихами, стоитъ неизмѣримо выше превосходнѣйшаго романа въ прозѣ. Теперь, напротивъ того, вниманіе читателей безраздѣльно направляется на *содержаніе*, то-есть на смыслъ. Отъ *формы* требуютъ только, чтобы она не мѣшала содержанію, то-есть, чтобы тяжелые и запутанные обороты рѣчи не затрудняли собой развитіе мысли. По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, красота языка заключается единственно въ его ясности и выразительности, то-есть исключительно въ тѣхъ качествахъ, которыя ускоряютъ и облегчаютъ переходъ мысли изъ головы писателя въ голову читателя. Достоинство телеграфа заключается въ томъ, чтобы онъ передавалъ извѣстія быстро и вѣрно, а никакъ не въ томъ, чтобы телеграфная проволока изображала собой разныя извилины и арабески. Эту простую истину нашъ практическій вѣкъ понемногу, самъ того не замѣчая, приложилъ къ области поэтическаго творчества. Языкъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, именно средствомъ для передачи мысли. Форма подчинилась содержанію, и съ этого времени укладываніе мысли въ размѣренныя и риѳмованныя строчки стало казаться всѣмъ здравомыслящимъ людямъ ребяческой забавой и напрасной тратой времени. По привычкѣ къ старинѣ, мы еще не рѣшаемся громко сознаться въ томъ, что мы дѣйствительно такъ смотримъ на это дѣло, но живые факты сами говорятъ за себя. Общее число писателей и читателей увеличивается, и въ то-же время число стихотворцевъ и стихолюбителей уменьшается. Стихотворцы отходятъ на второй планъ. Кто напримѣръ стоитъ во главѣ современной англійской литературы? Ужъ конечно не Теннисонъ, а Диккенсъ, Теккерей, Троллопъ, Эллiотъ, Бульверъ, то-есть все прозаики и все романисты. Какія сочиненія Виктора Гюго извѣстны всей читающей Европѣ? Не лирика и не трагедіи, а «Notre Dame de Paris» и «Les Misérables»—два романа, написанные прозой.

Романъ настолько-же удобнѣе всѣхъ остальныхъ видовъ поэтическаго творчества, насколько современный сюртукъ и прическа удобнѣе костюмовъ и париковъ, бывшихъ въ модѣ при Людовикѣ XIV. Романистъ распоряжается своимъ матеріаломъ, какъ ему угодно; описанія, размышленія, психологическіе анализы, историческія бытовыя и экономическія подробности,—все это съ величайшимъ удобствомъ входитъ въ романъ и все это почти совсѣмъ не можетъ войти въ драму. О лирикѣ ужъ и говорить нечего. Кромѣ того романъ оказывается самой *полезной* формой поэтическаго творчества. Когда писатель хочетъ предложить на обсужденіе общества какую-нибудь психологическую задачу, тогда романъ оказывается необходимымъ и незамѣнимымъ средствомъ. Въ обществѣ и въ семействѣ ежеминутно случаются между различными типами и характерами болѣе или менѣе рѣзкія и болѣзненныя столкновенія. При подобныхъ столкновеніяхъ обѣ стороны очень часто считаютъ себя правыми. Когда дѣло идетъ о денежномъ интересѣ, тогда начинается разорительный судебный процессъ. Когда-же затронутъ вопросъ, входящій въ область чувства или мысли, тогда сводъ законовъ, разумѣется, молчитъ, и дѣло можетъ быть рѣшено только приговоромъ или, вѣрнѣе, вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Но въ неразвитомъ обществѣ общественное мнѣніе чрезвычайно слабо; это мнѣніе слагается изъ толковъ сосѣдей и знакомыхъ, которые произносятъ свои сужденія ощупью, на авось, подъ вліяніемъ своихъ мельчайшихъ симпатій и антипатій. При каждомъ огласившемся столкновеніи между отцомъ и сыномъ, братомъ и сестрой, мужемъ и женой обѣ воюющія стороны непремѣнно находятъ себѣ между сосѣдями и знакомыми усердныхъ утѣшителей и краснорѣчивыхъ защитниковъ. Эти господа своимъ участіемъ всегда растравляютъ ссору и увеличиваютъ упорство враждующихъ личностей. Иной добродушный человѣкъ, обдумавши на досугѣ свой поступокъ, могъ бы

почувствовать, что онъ въ самомъ дѣлѣ ошибся и обидѣлъ ни за грошъ своего ближняго, но когда этотъ человѣкъ встрѣчаетъ въ своихъ знакомыхъ полное сочувствіе, когда посторонніе люди совершенно искренно доказываютъ ему, что онъ-то самъ и есть угнетенная невинность, тогда очевидно безпристрастное обсужденіе собственныхъ ошибокъ становится чрезвычайно затруднительнымъ, и глупѣйшая ссора отравляетъ вслѣдствіе этого двѣ человѣческія жизни, которыя могли бы протекать рядомъ въ вожделѣнномъ согласіи. Множество непріятностей и мелкихъ страданій, истощающихъ человѣческія силы и опошляющихъ человѣческую личность, происходитъ такимъ образомъ отъ слѣпоты или неразвитости общественнаго мнѣнія, отъ поголовнаго неумѣнія опредѣлять тѣ границы, внутри которыхъ отдѣльная личность можетъ развертывать свои силы, не посягая на свободу и на человѣческое достоинство другихъ личностей.

Самымъ могущественнымъ средствомъ для правильнаго развитія общественнаго мнѣнія является конечно общественная жизнь. Когда общество заботится о собственныхъ интересахъ, тогда оно быстро выучивается контролировать поступки и убѣжденія своихъ отдѣльныхъ членовъ. Но такъ какъ развитіе общественной жизни зависитъ не отъ литературы, а отъ историческихъ обстоятельствъ, то мнѣ незачѣмъ и распространяться объ этомъ щекотливомъ предметѣ.

Вторымъ средствомъ, гораздо менѣе могущественнымъ, но все-таки не совсѣмъ ничтожнымъ, является вліяніе литературы. Задавать обществу психологическія задачи, показывать ему столкновеніе между различными страстями, характерами и положеніями, наводить его на размышленія о причинахъ этихъ столкновеній и о средствахъ устранить подобныя непріятности, заставлять его сочувствовать въ книгѣ тому лицу или поступку, противъ котораго оно (общество) вооружилось бы въ дѣйствительной жизни вслѣдствіе своихъ закоренѣлыхъ предубѣжденій,—все это значитъ формировать общественное мнѣніе, значитъ—говорить обществу: вглядывайся, вдумывайся въ свою собственную жизнь, выметай изъ нея, хотя понемногу, тотъ мусоръ ложныхъ понятій, на которомъ живые люди, твои-же собственные члены, спотыкаются и ломаютъ себѣ ноги!

Въ рѣшеніи чисто-психологическихъ вопросовъ романъ незамѣнимъ; напротивъ того, въ рѣшеніи чисто-соціальныхъ вопросовъ романъ долженъ уступить первое мѣсто серьезному изслѣдованію. Но такъ какъ чисто-соціальный интересъ почти всегда сплетается съ интересомъ чисто-психологическимъ, то романъ можетъ принести очень много пользы даже для разъясненія соціальнаго вопроса. Представьте себѣ напримѣръ, что васъ поразили вседневныя явленія вопіющей человѣческой бѣдности. Если вы съ своей стороны хотите сдѣлать вашимъ умственнымъ трудомъ что-нибудь для облегченія этого зла, то вы, разумѣется, должны изучить причины и видоизмѣненія бѣдности, собрать какъ можно больше сырыхъ фактовъ и достовѣрныхъ статистическихъ цифръ, привести всѣ эти матеріалы въ порядокъ и вывести ваши посильныя практическія заключенія. Трудъ вашъ окажется такимъ образомъ серьезнымъ изслѣдованіемъ и дѣловымъ проектомъ. Его прочитаютъ и обдумаютъ тѣ люди, которые имѣютъ возможность и желаніе осуществлять въ дѣйствительной жизни общеполезныя идеи кабинетныхъ мыслителей. Такъ напримѣръ, въ 1860 году Эмиль Лоранъ издалъ очень дѣльную книгу о французскомъ пауперизмѣ и объ обществахъ взаимнаго вспомоществованія. Эту книгу прочитали навѣрное всѣ президенты подобныхъ обществъ, и нѣкоторыми изъ совѣтовъ Лорана воспользовались быть можетъ тѣ префекты и мэры, которыхъ мысли не сосредоточены исключительно на прискиваніи средствъ для полученія ордена Почетнаго Легіона. Для такихъ читателей, разумѣется, необходимы факты и цифры, а не картины трудовой жизни и душевной борьбы.—Но бѣдность порождаетъ развратъ и преступленіе, а общество обрушивается всей тяжестью своего гнѣва и презрѣнія на тѣхъ людей, которые споткнулись на трудномъ пути и которые могли бы снова подняться на ноги, еслибы ихъ не давило въ грязь все, что ихъ окружаетъ, и все, что, благодаря болѣе благопріятнымъ случайностямъ, успѣло сохранить наружный видъ чистоты и безукоризненности.

Если васъ поразила эта чисто-психологическая сторона бѣдности, то вы напишете романъ, и созданныя вами картины заставятъ многихъ изъ вашихъ читателей задуматься надъ той кровавой несправедливостью или, проще, надъ той поразительной тупостью, которую мы, люди добродѣтельные, обнаруживаемъ ежедневно въ нашихъ отношеніяхъ къ умственнымъ и нравственнымъ болѣзнямъ голоднаго и раздѣтаго человѣка. Романы Диккенса и Виктора Гюго направляются вовсе не къ тому, чтобы разжалобить толстыхъ филистеровъ и выпросить у нихъ копѣечку на пропитаніе вдовъ и сиротъ; эти романы доказываютъ намъ съ разныхъ сторонъ полную логическую несостоятельность всѣхъ нашихъ обиходныхъ понятій о порокѣ и преступленіи. Капля долбитъ камень non vi, sed saepe cadendo (не силой, но часто повторяющимся паденіемъ), и романы незамѣтно произведутъ въ нравахъ общества и въ убѣжденіяхъ каждаго отдѣльнаго лица такой радикальный переворотъ, какого не произвели бы безъ ихъ содѣйствія никакіе философскіе трактаты и никакія ученыя изслѣдованія.—Поэтому каждый послѣдовательный реалистъ видитъ въ Диккенсѣ, Теккереѣ,

Троллопѣ, Жоржъ Зандѣ, Гюго замѣчательныхъ поэтовъ и чрезвычайно полезныхъ работниковъ нашего вѣка. Эти писатели составляютъ своими произведеніями живую связь между передовыми мыслителями и полуобразованной толпой всякаго пола, возраста и состоянія. Они—популяризаторы разумныхъ идей по части психологіи и физіологіи общества, а въ настоящую минуту добросовѣстные и даровитые популяризаторы по крайней мѣрѣ такъ-же необходимы, какъ оригинальные мыслители и самостоятельные изслѣдователи.

Мы вовсе не требуемъ отъ романистовъ, чтобы всѣ они непремѣнно описывали страданія бѣдняковъ или показывали намъ человѣка въ преступникѣ. По нашему мнѣнію, каждый романистъ, разрѣшающій какую-нибудь психологическую задачу, поставленную естественнымъ теченіемъ дѣйствительной жизни,—приноситъ обществу существенную пользу и по мѣрѣ силъ своихъ исполняетъ обязанность честнаго гражданина и развитого человѣка. Частная жизнь и семейный бытъ, наравнѣ съ экономическими и общественными условіями нашей жизни, должны обращать на себя постоянное вниманіе мыслящихъ людей и даровитыхъ писателей. Чтобы упрочить за собой глубочайшее уваженіе реалистовъ, романистъ или поэтъ долженъ только постоянно, такъ или иначе, служить живому дѣлу дѣйствительной, современной жизни. Онъ не долженъ только превращать свою дѣятельность въ безцѣльную забаву праздной фантазіи. Я надѣюсь, что даже эстетики не станутъ заступаться за Дюма, за Феваля, за Поль-де-Кока. Но очень правдоподобно, что они уважаютъ Вальтеръ Скотта и Купера. А мы ихъ нисколько не уважаемъ и вообще считаемъ историческій романъ за одно изъ самыхъ безполезныхъ проявленій поэтическаго творчества. Вальтеръ Скоттъ и Куперъ — усыпители человѣчества. Что они люди очень даровитые—противъ этого я не спорю. Но тѣмъ хуже. Тѣмъ-то они и вредны, что ихъ произведенія читаются съ удовольствіемъ и создаютъ цѣлыя школы подражателей. А что выноситъ читатель изъ этихъ романовъ? Ничего, ни одной новой идеи. Рядъ картинъ и арабесковъ. То-же самое, что ребенокъ выноситъ изъ волшебной сказки. Въ наше время, когда надо смотрѣть въ оба глаза и работать обѣими руками, стыдно и предосудительно уходить мыслью въ мертвое прошедшее, съ которымъ всѣмъ порядочнымъ людямъ давно пора разорвать всякія связи.

XXIX.

Съ самаго начала этой статьи я все говорилъ только о поэзіи. Обо всѣхъ другихъ искусствахъ: пластическихъ, тоническихъ и мимическихъ, я выскажусь очень коротко и совершенно ясно. Я чувствую къ нимъ глубочайшее равнодушіе. Я рѣшительно не вѣрю тому, чтобы эти искусства какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовали умственному или нравственному совершенствованію человѣчества. Вкусы человѣческіе безконечно разнообразны: одному желательно выпить передъ обѣдомъ рюмку очищенной водки; другому — выкурить послѣ обѣда трубку махорки; третьему—побаловаться вечеромъ на скрипкѣ или на флейтѣ; четвертому—придти въ восторгъ и въ ужасъ отъ взвизгиваній Ольриджа въ роли Отелло. Ну, и безподобно. Пускай утѣшаются. Все это я понимаю. Понимаю я также, что двумъ любителямъ очищенной водки, или Ольриджа, или віолончели пріятно побесѣдовать между собой о совершенствахъ любимаго предмета и о тѣхъ средствахъ, которыя слѣдуетъ употребить для того, чтобы придать любимому предмету еще болѣе высокія совершенства. Изъ такихъ спеціальныхъ бесѣдъ могутъ образоваться спеціальныя общества. Напримѣръ «общество любителей водки», «общество любителей псовой охоты», «общество театраловъ», «общество любителей слоеныхъ пирожковъ», «общество любителей музыки» и такъ далѣе, впредь до безконечности. У такихъ обществъ могутъ быть свои уставы, свои выборы, свои парламентскіе дебаты, свои убѣжденія, свои журналы. Такія общества могутъ раздавать патенты на геніальность. Вслѣдствіе этого могутъ появиться на свѣтѣ великіе люди самыхъ различныхъ сортовъ: великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря. Мы можемъ только радоваться этому обилію человѣческой геніальности и осторожно проходить мимо всѣхъ этихъ «обществъ любителей», тщательно скрывая улыбку, которая невольно напрашивается на наши губы и которая можетъ раздразнить очень многихъ гусей. Впрочемъ отрицать совершенно практическую пользу живописи мы конечно не рѣшимся. Черченіе плановъ необходимо для архитектуры. Почти во всѣхъ сочиненіяхъ по естественнымъ наукамъ требуются рисунки. Въ настоящую минуту передо мной лежитъ великолѣпная книга Брема: «Illustrirtes Thierleben» («Иллюстрированная жизнь животныхъ»), и эта книга показываетъ мнѣ самымъ нагляднымъ образомъ, до какой степени даровитый и образованный художникъ можетъ своимъ карандашомъ помогать натуралисту въ распространеніи полезныхъ знаній. Но вѣдь ни Рембрандтъ, ни Тиціанъ не стали бы рисовать картинки для популярнаго сочиненія по зоологіи или по ботаникѣ. А ужъ какимъ образомъ Моцартъ и Фанни Эльслеръ, Тальма и Рубини ухитрились бы пристроить свои великія дарованія къ какому-нибудь разумному дѣлу, этого я даже и представить себѣ не умѣю. Пусть помогутъ мнѣ въ этомъ за-

труднительномъ обстоятельствѣ эстетики «Эпохи» и «Библіотеки для Чтенія».

Любители всяческихъ искусствъ не должны гнѣваться на меня за легкомысленный тонъ этой главы. Свобода и терпимость прежде всего! Имъ нравится дуть въ флейту или изображать своей особой Гамлета, принца датскаго, или пестрить полотно масляными красками, а мнѣ нравится доказывать насмѣшливымъ тономъ, что они никому не приносятъ пользы и что ихъ не за что ставить на пьедесталы. А забавамъ ихъ никто мѣшать не намѣренъ. За шиворотъ ихъ никто не тянетъ на полезную работу. Весело вамъ — ну и веселитесь, милыя дѣти!

XXX.

Припомните вмѣстѣ со мной, мой читатель, какимъ образомъ васъ воспитывали и учили. Предположимъ на первый случай, что вы — сынъ богатаго помѣщика и живете вмѣстѣ съ вашими родителями въ какой-нибудь Тамбовской или Рязанской деревнѣ. Вамъ лѣтъ десять, вы безжалостно рвете и пачкаете ваши рубашечки, курточки и панталоны; вы лазаете по горамъ и по деревьямъ и сокрушаете каждый день вашу мамашу новыми синяками и царапинами, которые она постоянно усматриваетъ на вашемъ лицѣ и на вашихъ рукахъ. Наконецъ мамаша говоритъ папашѣ, что мальчикъ шибко балуется и что давно пора выписать для него строгаго гувернера, который серьезно присадилъ бы его за умныя книжки. Папаша отвѣчаетъ: хорошо! Вотъ продамъ обозъ пшеницы, съѣзжу недѣли на три въ Москву и отыщу тамъ подходящаго нѣмца или француза. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Получаются деньги за пшеницу, и часть этихъ денегъ употребляется на пріобрѣтеніе того неизвѣстнаго господина, которымъ уже давно стращала васъ ваша мамаша. Неизвѣстный господинъ объявляетъ папашѣ, что надо выписать такую-то ариѳметику, такую-то грамматику, такую то географію и такъ далѣе. Папаша отпираетъ-ту шкатулку, въ которой у него ссыпана пшеница, превращенная въ кредитные билеты, и выдаетъ рублей 20 или 30 на покупку учебныхъ книгъ. Каждый годъ продаются обозы пшеницы, и каждый годъ часть вырученныхъ денегъ вручается вашему ментору, а другая часть превращается въ книги, глобусы, ландкарты, аспидныя доски, писчую бумагу, стальныя перья. Все это вы, какъ ненасытная пучина, поглощаете съ той-же быстротой, съ какой вы въ былое время истребляли штаны и куртки. Положимъ, что все это идетъ вамъ впрокъ. Ваша любознательность пробуждается; вашъ умъ растетъ и укрѣпляется; вы всей душой привязываетесь къ вашему воспитателю; онъ разсказываетъ вамъ о своемъ студенчествѣ, и васъ самихъ начинаетъ тянуть въ университетъ, въ обѣтованную землю труда и знанія. Родители ваши съ удовольствіемъ уступаютъ вашему желанію; несмотря на вашу юношескую робость, вы превосходно выдерживаете вступительный экзаменъ и съ замираніемъ сердца входите въ обѣтованную землю. Съ этой минуты часть пшеницы, превращенная въ деньги, поступаетъ въ ваше собственное распоряженіе; вы сами заботитесь о своемъ костюмѣ, сами покупаете себѣ книги, сами дозволяете себѣ удовольствія. Допустимъ, что все это вы дѣлаете вполнѣ благоразумно; въ одеждѣ нѣтъ роскоши, въ чтеніи вашемъ господствуетъ строгая послѣдовательность, удовольствія выбираются такія, которыя дѣйствительно освѣжаютъ ваши силы для новаго труда; все это превосходно; но вѣдь все это до сихъ поръ было только поглощеніемъ пшеницы, превращенной въ сукно, въ голландское полотно, въ дѣльныя книги, въ театральные и концертные билеты, въ профессорскія лекціи, въ умныя мысли и въ высокія стремленія. Всякій человѣкъ, собирающійся работать, долженъ непремѣнно поглотить сначала извѣстное количество продукта, уже выработаннаго другими людьми; онъ можетъ поглотить его глупо, то-есть разстроить себѣ желудокъ этимъ поглощеніемъ; можетъ поглотить умно, то-есть дѣйствительно подкрѣпить свои силы; но за то, что человѣкъ подкрѣпилъ свои силы, мы еще ничуть не обязаны говорить ему спасибо; надо посмотрѣть, что будетъ дальше. Дальше вы оказываетесь кандидатомъ, и передъ вами раскрывается жизнь. У васъ есть все, что нужно человѣку для счастья: здоровая молодость, развитой умъ, приличная наружность, обезпеченное состояніе; вамъ хочется жить, любить, мыслить и дѣйствовать. Чѣмъ захочу, думаете вы, тѣмъ и займусь: куда захочу, туда и поѣду; что захочу, то и сдѣлаю. Я самъ себѣ баринъ и никому не намѣренъ отдавать отчетъ въ своемъ образѣ жизни. Мое образованіе изощрило во мнѣ способность наслаждаться всѣмъ, что затрогиваетъ мысль и ласкаетъ чувство; поэтому я намѣренъ извлекать себѣ наслажденія изъ любви, изъ науки, изъ искусства, изъ живой природы; все—мое, а самъ я не принадлежу рѣшительно никому.

Такой взрывъ юношеской самостоятельности составляетъ очень обыкновенное, быть можетъ даже неизбѣжное явленіе въ жизни каждой мыслящей и развивающейся личности. Но первый трезвый взглядъ на экономическую прозу жизни кладетъ конецъ этому взрыву. Вы начинаете соображать, что вы поглотили цѣлыя сотни четвертей видоизмѣненной пшеницы, и что каждая четверть соотвѣтствуетъ извѣстному количеству рабочихъ дней, конныхъ и пѣшихъ, мужскихъ и женскихъ. А я-то, думаете вы, такъ радовался обилію моихъ знаній; а я-то такъ гордился силой моего ума и тонкостью моего эстетическаго вкуса! Вѣдь смѣшно даже

подумать, къ чему приводится эта радость и эта гордость. Какой я въ самомъ дѣлѣ молодецъ! Какую гору пшеницы я съѣлъ и переварилъ! А что-же я теперь собираюсь дѣлать? Наслаждаться прелестями молодой жизни, то-есть опять ѣсть и опять переваривать? Вѣдь надо-же и честь знать. А если не честь, то надо-же знать по крайней мѣрѣ простыя правила ариѳметики. Если постоянно вычитать изъ общественнаго капитала, то наконецъ весь капиталъ уничтожится, и общество придетъ къ банкротству. Я взялъ въ займы чужой трудъ; теперь надо-же уплачивать этотъ долгъ. А чѣмъ его уплачивать? Деньгами, что-ли? Очевидная нелѣпость. Это значитъ занимать у Ивана, чтобы отдавать Петру. За трудъ можно платить только трудомъ. Сначала другіе люди работали для меня, а теперь я долженъ работать для другихъ людей. Я весь принадлежу тому обществу, которое меня сформировало; всѣ силы моего ума составляютъ результатъ чужого труда, и если я буду разбрасывать эти силы на разныя пріятныя глупости, то я окажусь несостоятельнымъ должникомъ и злостнымъ банкротомъ, хотя можетъ быть никто не назоветъ меня этимъ позорнымъ именемъ и даже не замѣтитъ, что я поступаю безчестно, то-есть становлюсь врагомъ того самаго общества, которому я обязанъ рѣшительно всѣмъ.

Когда вы придете къ такимъ серьезнымъ заключеніямъ, тогда безцѣльное наслажденіе жизнью, наукой, искусствомъ окажется для васъ невозможнымъ. Останется только одно наслажденіе,—то, которое выходитъ изъ яснаго сознанія, что вы приносите людямъ дѣйствительную пользу, что вы уплачиваете понемногу накопившуюся массу вашихъ долговъ и что вы твердыми шагами, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, идете впередъ, къ общей цѣли всей вашей жизни. Да, жизнь есть постоянный трудъ, и только тотъ понимаетъ ее вполнѣ по-человѣчески, кто смотритъ на нее съ этой точки зрѣнія. И любовь къ женщинѣ, и искусство, и наука,—все это или вспомогательныя средства въ общемъ механизмѣ жизненнаго труда, или минуты отдыха въ антрактахъ между оконченной работой и началомъ новаго дѣла. О любви къ женщинѣ и объ искусствѣ я уже говорилъ выше. Теперь будемъ говорить о наукѣ. Но сначала надо сдѣлать еще нѣсколько общихъ замѣчаній.

Для большей простоты анализа я предположилъ въ первыхъ строкахъ этой главы, что вы, мой читатель,—сынъ богатаго помѣщика и что вы воспитывались на деньги вашихъ родителей. При этомъ условіи отношенія вашего воспитанія къ пшеницѣ и къ рабочимъ днямъ обрисовываются такъ ясно, что о нихъ больше незачѣмъ и распространяться. Но еслибы я предположилъ, что вы — плебей и пролетарій, и что вы сами тяжелымъ трудомъ завоевали себѣ каждую отдѣльную частицу вашего широкаго образованія, то даже и въ этомъ случаѣ настоящая сущность дѣла осталась бы неизмѣнной. Все-таки окажется при внимательномъ разсмотрѣніи, что вы всѣмъ обязаны обществу, и что всѣ силы вашего развитого и укрѣпленнаго ума должны быть употреблены на постоянное служеніе дѣйствительнымъ интересамъ этого общества. Природа дала вамъ живой умъ и сильную любознательность. Но самые превосходные дары природы остаются мертвымъ капиталомъ, если вы живете въ такомъ обществѣ, къ которомъ еще не зародилась умственная дѣятельность. Тѣ вопросы, которые на каждомъ шагу задаетъ себѣ вашъ пытливый умъ, остаются безъ отвѣта; энергія ваша истрачивается на множество мелкихъ и безплодныхъ попытокъ проникнуть въ затворенную область знанія; вы понемногу слабѣете, тупѣете, мельчаете и наконецъ миритесь съ вашимъ невѣжествомъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, которое наконецъ перестаетъ даже тяготить васъ. Въ нашемъ обширномъ отечествѣ было очень много геніальныхъ самородковъ, проживишхъ жизнь безъ труда и безъ знанія по той простой причинѣ, что негдѣ, не у кого и некогда было выучиться уму-разуму. Вѣроятно такіе печальные случаи повторяются довольно часто и въ наше время, потому что Россія велика, а свѣтильниковъ въ ней немного. Стало-быть, если вы—пролетарій и если вамъ посчастливилось наткнуться или удалось отыскать такой свѣтильникъ, который уяснилъ вамъ смыслъ и цѣль человѣческаго существованія, то вы должны задать себѣ вопросъ: какими средствами зажженъ этотъ спасительный свѣтильникъ? и какими матеріалами поддерживается его горѣніе?—Каковъ бы ни былъ этотъ свѣтильникъ, университетъ, академія, образованный человѣкъ, хорошій журналъ, умная книга,— все равно; во всякомъ случаѣ онъ стоитъ денегъ, а мы уже знаемъ, что деньги—не что иное, какъ пшеница, рожь, овесъ, ленъ, пенька или, еще проще, рабочіе дни, конные и пѣшіе, мужскіе и женскіе. Все богатство общества безъ исключенія заключается въ его трудѣ. Часть этого труда, тѣми или другими средствами, отдѣляется на то, чтобы создавать въ обществѣ умственный капиталъ. Ясное дѣло, что этотъ умственный капиталъ долженъ приносить обществу хорошіе проценты, иначе общество будетъ постоянно терпѣть убытки и постоянно приближаться къ окончательному разоренію. Примѣры такихъ разореній уже бывали въ исторіи. Такое разореніе называется паденіемъ цивилизаціи, и каждый ученикъ уѣзднаго училища долженъ знать, что уже нѣсколько цивилизацій, повидимому сильныхъ и цвѣтущихъ, упало и уничтожилось безъ остатка.

XXXI.

Человѣческій трудъ весь цѣликомъ основанъ на наукѣ. Мужикъ *знаетъ*, когда надо сѣять хлѣбъ, когда жать или косить, на какой землѣ можетъ родиться хлѣбъ и какого снадобья надо подбавить въ землю, чтобы урожай былъ обильнѣе. Все это онъ знаетъ очень смутно и въ самыхъ общихъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе это—зародыши науки, первыя попытки человѣка уловить тайны живой природы. Въ свое время эти простыя наблюденія человѣка надъ особенностями земли, воздуха и растеній были великими и чрезвычайно важными открытіями; именно по своей важности они сдѣлались общимъ достояніемъ трудящейся массы; они навсегда слились съ жизнью, и въ этомъ отношеніи они оставили далеко за собой всѣ послѣдующія открытія, болѣе замысловатыя и до сихъ поръ еще не успѣвшія пробить себѣ дорогу въ трудовую жизнь простого и бѣднаго человѣка. Въ настоящее время физическій трудъ и наука на всемъ пространствѣ земного шара находятся между собой въ полномъ разрывѣ. Физическій трудъ пробавляется до сихъ поръ тѣми жалкими начатками науки, которые выработаны человѣческимъ умомъ въ до-историческія времена; а наука въ это время накопляетъ груды великихъ истинъ, которыя остаются почти безплодными, потому что масса не умѣетъ ни понимать ихъ, ни пользоваться ими.

Читатель мой вѣроятно привыкъ читать и слышать, что девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ промышленныхъ чудесъ; вслѣдствіе этого читателю покажутся странными мои слова о разрывѣ между физическимъ трудомъ и наукой. Да, точно. Люди понемногу начинаютъ браться за умъ, но они берутся за него такъ вяло и такъ плохо, что мои слова о разрывѣ никакъ не могутъ считаться анахронизмомъ. Промышленными чудесами рѣшительно не слѣдуетъ обольщаться. Паровозъ, пароходъ, телеграфъ—все это штуки очень хорошія и очень полезныя, но существованіе этихъ штукъ доказываетъ только, что есть на свѣтѣ правительства и акціонерныя компаніи, которыя понимаютъ пользу и важное значеніе подобныхъ открытій. Русскій мужикъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ; купецъ телеграфируетъ другому купцу о какой-нибудь перемѣнѣ цѣнъ. Мужикъ размышляетъ, что славная эта штука чугунка; купецъ тоже философствуетъ, что оченно хитро устроена эта проволока. Но скажите на милость: пробуждаютъ-ли эти промышленныя чудеса самодѣятельность мысли въ головахъ мужика и купца? Проѣхалъ мужикъ по чугункѣ, воротился въ свою курную избу и по-прежнему ведетъ дружбу съ тараканами, по-прежнему лечится нашептываніями знахарки и по-прежнему обрабатываетъ допотопными орудіями свою землю, которая по-прежнему остается раздѣленной на три клина—озимый, яровой и паръ. А купецъ, отправивъ телеграфическую депешу, по-прежнему отбираетъ силой у своихъ дѣтей всякія книги и по-прежнему твердо убѣжденъ въ томъ, что торговать безъ обмана значитъ быть сумасшедшимъ человѣкомъ и стремиться къ неизбѣжному разоренію. Паровозъ и телеграфъ пришиты снаружи къ жизни мужика и купца, но они нисколько не срослись съ ихъ полудикой жизнью.

Когда простой человѣкъ, оставаясь простымъ и темнымъ человѣкомъ, входитъ въ близкія и ежедневныя сношенія съ промышленными чудесами, тогда его положеніе становится уже изъ рукъ вонъ плохо. Посмотрите, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собой фабричная машина и фабричный работникъ. Чѣмъ сложнѣе и великолѣпнѣе машина, тѣмъ тупѣе и бѣднѣе работникъ. На фабрикѣ являются два совершенно различные вида человѣческой породы: одинъ видъ господствуетъ надъ природой и силой своего ума подчиняетъ себѣ стихіи; другой видъ находится въ услуженіи у машины, не умѣетъ понять ея сложное устройство и даже не задаетъ себѣ никакихъ вопросовъ о ея пользѣ, о ея цѣли, о ея вліяніи на экономическую жизнь общества. До вопросовъ-ли тутъ, когда надо подкладывать уголь подъ котелъ или ежеминутно открывать и закрывать какой-нибудь клапанъ? И такимъ образомъ машина, изобрѣтенная знающимъ человѣкомъ, подавляетъ незнающаго человѣка, подавляетъ потому, что между наукой съ одной стороны и трудящейся массой съ другой стороны лежитъ широкая бездна, которую долго еще не ухитрятся завалить самые великіе и самые человѣколюбивые мыслители. Если работникъ такъ мало развитъ, что у него нѣтъ сознательнаго чувства самосохраненія, то машина закабалитъ этого работника въ самое безвыходное рабство,—въ то рабство, которое основано на умственной и вещественной бѣдности порабощаемой личности. Машины должны составлять для человѣчества источникъ довольства и счастья, а на повѣрку выходитъ совсѣмъ другая исторія: машины родятъ пауперизмъ, то-есть хроническую и неизлечимую бѣдность. А почему это происходитъ? Потому что машины, какъ снѣгъ на голову, сваливаются изъ высшихъ сферъ умственнаго труда въ такую темную и жалкую среду, которая рѣшительно ничѣмъ не приготовлена къ ихъ принятію. Простой работникъ слишкомъ необразованъ, чтобы сдѣлаться сознательнымъ повелителемъ машины; поэтому онъ немедленно становится ея рабомъ. Видите такимъ образомъ, что промышленныя чудеса превосходно уживаются съ тѣмъ печальнымъ и страшнымъ разрывомъ, который существуетъ между наукой и физическимъ трудомъ.

Вѣкъ машинъ требуетъ непремѣнно добровольныхъ ассоціацій между работниками, а такія разумныя ассоціаціи возможны только тогда, когда работники находятся уже на довольно высокой степени умственнаго развитія. Если-же работники, сталкиваясь съ машинами, продолжаютъ дѣйствовать вразсыпную, то въ рабочемъ населеніи развиваются немедленно съ изумительной силой и быстротой бѣдность, тупость и деморализація. Представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь округѣ пятьсотъ семействъ добываютъ себѣ насущный хлѣбъ производствомъ полотенъ. Заработки ихъ не очень богаты, но всѣ они по крайней мѣрѣ сыты, одѣты и даже откладываютъ кое-какіе гроши про черный день. Вдругъ какой-нибудь механикъ придумываетъ превосходный ткацкій станокъ, который приводится въ движеніе силой пара и производитъ въ одинъ день столько полотна, сколько простой работникъ сдѣлаетъ въ мѣсяцъ. Дай Богъ здоровья механику за его превосходное изобрѣтеніе, но для нашихъ пятисотъ семействъ новый ткацкій станокъ равняется страшному неурожаю, громадному пожару, наводненію или вообще какому-нибудь жестокому естественному бѣдствію. Новая машина такъ дорога, что ни одно семейство не въ силахъ купить ее на свои собственныя сбереженныя деньги, а работать по-старому уже невозможно, потому что изобрѣтеніе механика произвело очень сильное пониженіе цѣнъ на полотно, и ручной трудъ уже не окупается. Еслибы двадцать или тридцать семействъ сложили вмѣстѣ свои крошечные капиталы, то они могли бы купить машину, устроить небольшую фабрику и потомъ дѣлить между собой барыши соразмѣрно съ внесенными суммами. Но можно сказать навѣрное, что они этого не сдѣлаютъ; во-первыхъ, никому изъ нихъ эта простая мысль не придетъ въ голову; во-вторыхъ—еслибы даже она пришла въ голову одному изъ этихъ работниковъ, то она не нашла бы себѣ сочувствія въ другихъ работникахъ; сейчасъ явилось бы на сцену то тупое и безпричинное недовѣріе, которымъ обыкновенно страдаютъ люди, не привыкшіе думать, и которое такъ превосходно воплощено Гоголемъ въ личности помѣщицы Коробочки; въ-третьихъ — еслибы даже компанія дѣйствительно составилась, то она черезъ два-три мѣсяца расползлась бы врозь, потому что акціонеры, непривычные къ коллективной дѣятельности, перессорились бы между собой, завели бы кляузы и процессы или погубили бы свое общее дѣло небрежностью. На основаніи всѣхъ этихъ и многихъ другихъ причинъ, компанія не составляется, и ткачи, задавленные превосходствомъ новой машины, прекращаютъ свое производство, отправляются на сосѣднюю фабрику и поступаютъ туда въ поденщики. Такимъ образомъ кладется краеугольный камень того прочнаго зданія, которое называется пауперизмомъ. Какъ вамъ это нравится? Практическое приложеніе научнаго открытія увеличиваетъ массу человѣческихъ страданій!

И такія трагическія недоразумѣнія между наукой и жизнью будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока не прекратится гибельный разрывъ между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ. Пока наука не перестанетъ быть барской роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не проникнетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и простого мужика, до тѣхъ поръ бѣдность и безнравственность трудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, несмотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ. Есть въ человѣчествѣ только одно зло—невѣжество; противъ этого зла есть только одно лекарство—наука; но это лекарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а ведрами и сороковыми бочками. Слабый пріемъ этого лекарства увеличиваетъ страданія больного организма. Сильный пріемъ ведетъ за собой радикальное исцѣленіе. Но трусость человѣческая такъ велика, что спасительное лекарство считается ядовитымъ.

XXXII.

Надо распространять знанія—это ясно и несомнѣнно. Но *какъ* распространять?—вотъ вопросъ, который, заключая въ себѣ всю сущность дѣла, никакъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Взять въ руки азбуку и пойти учить грамотѣ мѣщанъ и мужиковъ — это конечно дѣло доброе; но не думаю я, чтобы эта филантропическая дѣятельность могла привести за собой то сліяніе науки съ жизнью, которое можетъ и должно спасти людей отъ бѣдности, отъ предразсудковъ и отъ пороковъ. Во-первыхъ, всѣ труды частныхъ лицъ по дѣлу народнаго образованія до сихъ поръ носятъ на себѣ или чисто-филантропическій, или нагло-спекулятивный характеръ. Во-вторыхъ, всякая школа, а народная тѣмъ болѣе, имѣетъ замѣчательную способность превращать самую живую науку въ самый мертвый учебникъ или въ самую приторную христоматію. Чистая филантропія проявлялась у насъ въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ преподаватели занимались своимъ дѣломъ безплатно. Наглая спекуляція свирѣпствуетъ до сихъ поръ въ тѣхъ книжкахъ для народа, которыя продаются по пятачку и по три копѣйки. Объ этомъ послѣднемъ явленіи распространяться не стоитъ, потому что каждая изъ подобныхъ книжекъ собственной наружностью кричитъ достаточно громко о своей непозволительной гнусности. Но о филантропіи поговорить не мѣшаетъ, потому что филантропическая дѣятельность притягиваетъ къ себѣ силы очень хо-

ровныхъ людей, которые могли бы принести общему дѣлу гораздо больше пользы, если бы принимались за работу иначе.

Нѣтъ того добраго дѣла, за которое, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, не ухватывалась бы филантропія; и нѣтъ того предпріятія, въ которомъ филантропія не потерпѣла бы самаго полнаго пораженія. Характеристическій признакъ филантропіи заключается въ томъ, что, встрѣчаясь съ какимъ-нибудь видомъ страданія, она старается поскорѣй укротить боль, вмѣсто того чтобы дѣйствовать противъ причины болѣзни. Мать слышитъ напримѣръ плачъ своего ребенка, у котораго болитъ животъ.—На, батюшка, на, говоритъ она ему, пососи конфетку.—Пріятное ощущеніе во рту дѣйствительно перевѣшиваетъ на минуту боль въ желудкѣ, которая еще не успѣла развиться до слишкомъ большихъ размѣровъ. Ребенокъ затихаетъ, но болѣзнь, не остановленная во-время, усиливается, и тогда уже не помогаетъ никакое сосаніе конфетокъ. Такая любящая, но недальновидная мать представляетъ собой чистѣйшій типъ искренняго филантропа. Что филантропія русскаго купечества плодитъ нищихъ, которыхъ содержаніе лежитъ тяжелымъ бременемъ на трудящейся массѣ, это всѣмъ извѣстно. А что бросить грошъ нищему гораздо легче, чѣмъ задумываться надъ причинами нищества, это тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Люди, посвящавшіе свои силы и свое время преподаванію въ народныхъ школахъ, по чистотѣ стремленій и по высотѣ умственнаго развитія стояли конечно неизмѣримо выше нищелюбивыхъ купцовъ. Но, надо сказать правду, они были такъ-же недальновидны, какъ и всѣ остальные филантропы. Они видѣли зло—невѣжество. Не вглядываясь въ глубокія причины этого зла, они сейчасъ при первой возможности схватились за лекарство. Народъ ничего не знаетъ; ну, значитъ, надо учить народъ. Разсужденіе повидимому такъ вѣрно и такъ просто, что оно должно придти въ голову всякому ребенку и что съ нимъ долженъ согласиться всякій мыслитель. А между тѣмъ разсужденіе это поверхностно и ошибочно. Почему народъ ничего не знаетъ? Во-первыхъ, потому, что ему неудобно было учиться, мѣшало крѣпостное право. Допустимъ, что въ настоящее время обстоятельства измѣнились; явилась *возможность* учиться. Но одной возможности еще недостаточно. Ученіе есть все-таки трудъ, а человѣкъ никогда не принимается за трудъ безъ внѣшней или внутренней побудительной причины. Если нѣтъ побудительной причины, то и филантропическое преподаваніе останется безплоднымъ; а если есть побудительная причина, то народъ самъ выучится всему, что ему дѣйствительно необходимо знать, то-есть всему, что можетъ доставить ему въ жизни какія-нибудь осязательныя выгоды. Онъ выучится урывками, самоучкой, помимо школъ, и такое знаніе, взлелѣянное каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ съ страстной и сознательной любовью, будетъ, разумѣется, неизмѣримо прочнѣе, живучѣе и способнѣе къ дальнѣйшему развитію, чѣмъ то знаніе, которое методически и систематически вливается учителемъ въ пассивныя головы равнодушныхъ школьниковъ. Какъ вы думаете: кто богаче, тотъ-ли человѣкъ, который самъ выработалъ тысячу рублей, или тотъ, которому вы подарили двѣ тысячи? Что касается до меня, то я, въ обиду всѣмъ правиламъ ариѳметики, скажу смѣло, что первый гораздо богаче второго.—Стало быть, чтобы дать простымъ людямъ тѣ выгоды, которыя доставляются образованіемъ, надо создать ту побудительную причину, о которой я говорилъ выше. То есть надо сдѣлать такъ, чтобы во всей русской жизни усилился запросъ на умственную дѣятельность. Другими словами, надо увеличить число мыслящихъ людей въ тѣхъ классахъ общества, которые называются образованными. Въ этомъ вся задача. Въ этомъ альфа и омега общественнаго прогресса. Если вы хотите образовать народъ, возвышайте уровень образованія въ цивилизованномъ обществѣ.

Итакъ, повторяю вопросъ, поставленный въ началѣ этой главы: какимъ-же образомъ надо распространять знанія? А вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: пусть каждый человѣкъ, способный мыслить и желающій служить обществу, дѣйствуетъ собственнымъ примѣромъ и своимъ непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ самомъ кружкѣ, въ которомъ онъ живетъ постоянно, и на тѣхъ самыхъ людей, съ которыми онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Учитесь сами и вовлекайте въ сферу вашихъ умственныхъ занятій вашихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ, товарищей, всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ вы знаете лично и которые питаютъ къ вашей особѣ довѣріе, сочувствіе и уваженіе. Если умѣете писать—пишите о предметѣ вашихъ занятій; если не чувствуете расположенія къ литературной дѣятельности, говорите о немъ съ тѣми людьми, у которыхъ уже пробудилась любознательность и на которыхъ вы можете имѣть прочное вліяніе. Эта дѣятельность внутри собственнаго кружка многимъ нетерпѣливымъ людямъ покажется чрезвычайно скромной и даже мизерной; я согласенъ съ тѣмъ, что въ такой дѣятельности нѣтъ ничего эффектнаго и блестящаго. Но именно поэтому-то она и хороша. Всякій разсудительный читатель, вдумавшись въ настоящую сущность дѣла, придетъ къ тому заключенію, что только дѣятельность, лишенная всякаго блеска и эффекта, можетъ повести за собой прочные результаты. Такая дѣятельность, по своей наружной мизерности, не возбуждаетъ противъ себя филистерскихъ стесненій, а подъ конецъ и окажется, что младшіе

братья и дѣти самыхъ заклятыхъ филистеровъ сдѣлались реалистами и прогрессистами.

Весь ходъ историческихъ событій всегда и вездѣ опредѣлялся до сихъ поръ количествомъ и качествомъ умственныхъ силъ, заключающихся въ тѣхъ классахъ общества, которые не задавлены нищетой и физическимъ трудомъ. Когда общественное мнѣніе пробудилось, тогда уже очень крупныя эксцентричности въ исторической жизни становятся крайне неудобными и даже невозможными, хотя бы общественное мнѣніе и не имѣло еще никакого опредѣленнаго органа для заявленія своихъ требованій. Общественное мнѣніе, если оно дѣйствительно сильно и разумно, просачивается даже въ тѣ закрытыя лабораторіи, въ которыхъ приготовляются историческія событія. Искусные химики, работающіе въ этихъ лабораторіяхъ, сами живутъ все-таки въ обществѣ и незамѣтно для самихъ себя пропитываются тѣми идеями, которыя носятся въ воздухѣ. Нѣтъ той личности и той замкнутой корпораціи, которыя могли бы считать себя вполнѣ застрахованными противъ незамѣтнаго и нечувствительнаго вліянія общественнаго мнѣнія. Иногда общественное мнѣніе дѣйствуетъ на исторію открыто, механическимъ путемъ. Но кромѣ того оно дѣйствуетъ еще химическимъ образомъ, давая незамѣтно то или другое направленіе мыслямъ самихъ руководителей. Такимъ образомъ даже историческія событія подчиняются до нѣкоторой степени общественному мнѣнію. А внутренняя сторона исторіи, то-есть экономическая дѣятельность, почти вся цѣликомъ находится въ рукахъ общества. Оживить народный трудъ, дать ему здоровое и разумное направленіе, внести въ него необходимое разнообразіе, увеличить его производительность примѣненіемъ дознанныхъ научныхъ истинъ,—все это дѣло образованныхъ и достаточныхъ классовъ общества, и никто кромѣ этихъ классовъ не можетъ ни взяться за это дѣло, ни привести его въ исполненіе. Къ какой бы экономической или соціальной доктринѣ ни примыкалъ тотъ или другой писатель, во всякомъ случаѣ осязательные историческіе и бытовые факты для всѣхъ писателей остаются неизмѣнными. И что-же говорятъ намъ эти факты? То, что до сихъ поръ, всегда и вездѣ, въ той или другой формѣ, физическій трудъ былъ управляемъ капиталомъ. А накопленіе капитала всегда основано на физическомъ или умственномъ превосходствѣ того лица, которое накопляетъ. Кто сильнѣе или умнѣе другихъ, тотъ и богаче. Впослѣдствіи, разумѣется, капиталъ самъ получаетъ притягательную силу: «деньга деньгу родитъ», какъ говоритъ русская поговорка. Но первое начало этой «деньги» заключается въ физическомъ или умственномъ неравенствѣ между людьми. А это неравенство, какъ явленіе живой природы, не подлежитъ конечно реформирующему вліянію человѣка.

Переворотовъ въ исторіи было очень много; падали и политическія, и религіозныя формы; но господство капитала надъ трудомъ вышло изъ всѣхъ переворотовъ въ полнѣйшей неприкосновенности. Историческій опытъ и простая логика говорятъ намъ съ одинаковой убѣдительностью, что умные и сильные люди всегда будутъ одерживать перевѣсъ надъ слабыми и тупыми или притупленными. Поэтому возмущаться противъ того факта, что образованные и достаточные классы преобладаютъ надъ трудящейся массой, значило бы стучаться головой въ несокрушимую и непоколебимую стѣну естественнаго закона. Одинъ классъ можетъ смѣняться другимъ классомъ, какъ напримѣръ во Франціи родовая аристократія смѣнилась богатой буржуазіей, но законъ остается ненарушимымъ. Значитъ, при встрѣчѣ съ такимъ неотразимымъ проявленіемъ естественнаго закона, надо не возмущаться противъ него, а напротивъ того дѣйствовать такъ, чтобы этотъ неизбѣжный фактъ обратился на пользу самого народа. У капиталиста есть умъ и богатство. Эти два преимущества упрочиваютъ за нимъ господство надъ трудомъ. Но господство это, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть вредно или полезно для народа. Если вы дадите этому капиталисту кое-какое смутное полуобразованіе, — онъ сдѣлается піявкой. А дайте ему полное, прочное, чисто человѣческое образованіе—и тотъ-же самый капиталистъ сдѣлается не благодѣтельнымъ филантропомъ, а мыслящимъ и разсчетливымъ руководителемъ народнаго труда, то-есть такимъ человѣкомъ, который во сто разъ полезнѣе всякаго филантропа. Откройте умному человѣку доступъ къ тѣмъ сильнѣйшимъ наслажденіямъ, которыя мы находимъ въ умственномъ трудѣ и въ полезной дѣятельности, и этотъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, милліонеръ или пролетарій, непремѣнно пристрастится къ этимъ наслажденіямъ и непремѣнно пойметъ, что быть превосходнымъ общественнымъ дѣятелемъ пріятнѣе, чѣмъ извлекать изъ своего капитала какіе бы то ни было жидовскіе проценты. Разбудить общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда—значитъ открыть трудящемуся большинству дорогу къ широкому и плодотворному умственному развитію. А чтобы выполнить эти двѣ задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность народа, надо дѣйствовать исключительно на образованные классы общества. Судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ. Распространеніе грамотности конечно ничему не мѣшаетъ, но жаль, если на этотъ трудъ употребляются такія силы, которыя могли бы дѣйствовать въ высшихъ сферахъ мысли и въ болѣе обширномъ кругу.—У насъ такихъ силъ еще очень немного, и люди, одаренные ими, должны изъ любви къ дѣлу своей жизни рас-

ходовать ихъ съ величайшей осмотрительностью. Филантропическими вспышками увлекаться не слѣдуетъ. Надо дѣлать то, что цѣлесообразно, а не то, что красиво, трогательно и похвально съ точки зрѣнія сердечной мягкости.

Вотъ меня опять обвинятъ въ пристрастіи къ парадоксамъ за мое откровенное мнѣніе о распространеніи грамотности. Но я долго и упорно размышлялъ объ этомъ предметѣ и старался высказать свою мысль какъ можно проще, серьезнѣе и скромнѣе. Поэтому я бы желалъ, чтобы мнѣ возражали на эту мысль основательными доводами, а не восклицаніями о моемъ неисправимомъ чудачествѣ. Мнѣ кажется, оно и для дѣла было бы полезнѣе.

XXXIII.

Въ наукѣ, и только въ ней одной, заключается та сила, которая, независимо отъ историческихъ событій, можетъ разбудить общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда. Если наука въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей примется за рѣшеніе этихъ двухъ задачъ и сосредоточитъ на нихъ всѣ свои силы, то губительный разрывъ между наукой и физическимъ трудомъ прекратится очень скоро, и наука втеченіи какихъ-нибудь десяти или пятнадцати лѣтъ подчинитъ всѣ отрасли физическаго труда своему прочному, разумному и благодѣтельному вліянію. Но я уже замѣтилъ въ предыдущей главѣ, что всякая школа обыкновенно превращаетъ живую науку въ мертвый учебникъ. Ученикъ является въ школѣ пассивнымъ лицомъ. Научныя истины лежатъ въ его головѣ безъ движенія, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ онѣ положены туда преподавателемъ или руководствомъ. Если въ головѣ ученика состоялось до начала ученія какое-нибудь ошибочное понятіе, то это понятіе очень часто продолжаетъ жить самымъ дружелюбнымъ образомъ рядомъ съ такой научной истиной, которая находится съ нимъ въ очевидномъ и непримиримомъ противорѣчіи. Урокъ самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Можетъ быть это происходитъ отъ молодости лѣтъ, а можетъ быть и отъ общепринятой манеры преподаванія. Послѣднее предположеніе кажется мнѣ болѣе правдоподобнымъ. У дѣтей нѣтъ недостатка въ живости и логичности мышленія, но у нихъ нѣтъ той умственной настойчивости, которая необходима для того, чтобы процессъ мышленія дошелъ до какого-нибудь окончательнаго результата. Дѣти по поводу своихъ уроковъ часто предлагаютъ учителю очень мѣткіе и остроумные вопросы; иногда эти вопросы приводятъ учителя въ немалое смущеніе своимъ неожиданнымъ и непозволительнымъ радикализмомъ; но учитель—человѣкъ ловкій и политичный; онъ быстро производитъ искусную диверсію, принимаетъ на себя внушительную осанку или произноситъ съ важнымъ видомъ глубокомысленную чепуху, и умственная самодѣятельность, только что зашевелившаяся въ живой головѣ ученика, опять усыпляется на долго, а можетъ быть и навсегда.

Былъ у меня въ университетѣ одинъ товарищъ, человѣкъ неглупый, студентъ работящій и дѣльный. Онъ ухитрился дойти до третьяго курса безъ всякаго міросозерцанія. Даже вопросовъ и сомнѣній никакихъ не являлось. Но однажды ему пришлось переводить по заказу какую-то астрономическую статью Бабине или Араго, или какого-то другого французскаго ученаго. Эта статья поставила въ его головѣ все вверхъ дномъ, и началась та умственная перестройка, которую непремѣнно приходится переживать каждому человѣку, прикоснувшемуся къ живому знанію. Въ этомъ простомъ случаѣ любопытно слѣдующее обстоятельство: статья французскаго астронома не заключала въ себѣ никакихъ полемическихъ тенденцій; она излагала яснымъ и живымъ языкомъ тѣ самыя старыя научныя истины, которыя мой товарищъ уже два раза усваивалъ себѣ въ гимназіи, во-первыхъ, по введенію въ географію Ободовскаго, а во-вторыхъ—по математической географіи Талызина. Но таковы уже специальныя достоинства учебниковъ и школьнаго преподаванія: книга, не тронутая школьнымъ педантизмомъ, вызываетъ живую дѣятельность мысли и прохватываетъ насквозь всѣ убѣжденія читателя тѣми самыми истинами, которыя, красуясь на страницахъ учебника, не возбуждаютъ въ мальчикѣ или въ юношѣ ничего кромѣ истерической зѣвоты и лѣниваго отвращенія.

Кто дорожитъ жизнью мысли, тотъ знаетъ очень хорошо, что настоящее образованіе есть только самообразованіе и что оно начинается только съ той минуты, когда человѣкъ, распростившись навсегда со всѣми школами, дѣлается полнымъ хозяиномъ своего времени и своихъ занятій. Университетъ только въ томъ отношеніи и лучше другихъ школъ, что онъ предоставляетъ учащемуся гораздо больше самостоятельности. Но если вы, окончивши курсъ въ университетѣ, отложите всякое попеченіе о вашемъ дальнѣйшемъ образованіи, то вы по гробъ жизни останетесь очень необразованнымъ человѣкомъ. Кто разъ полюбилъ науку, тотъ любитъ ее на всю жизнь и никогда не разстанется съ ней добровольно. А кто знаетъ науку такъ мало, что еще не успѣлъ привязаться къ ней всѣми силами своего существа, тотъ не имѣетъ ни малѣйшей причины считать себя образованнымъ человѣкомъ. Надо учиться въ школѣ, но еще гораздо больше надо учиться по выходѣ изъ школы, и это второе ученіе, по своимъ послѣдствіямъ, по своему вліянію на человѣка и на общество, неизмѣримо важнѣе перваго. Стало быть, кто хочетъ содѣйствовать успѣхамъ обра-

зованія, тотъ долженъ прежде всего обращать вниманіе на то ученіе, которое производится послѣ школы и помимо школы. Что читаетъ общество и какъ оно относится къ своему чтенію, то-есть видитъ-ли оно въ немъ препровожденіе времени или живое и серьезное дѣло,— вотъ вопросы, которые прежде всего долженъ себѣ поставить человѣкъ, желающій внести науку въ жизнь. Господствующій вкусъ общества и его взглядъ на чтеніе зависитъ отчасти отъ общихъ историческихъ причинъ; но отчасти, и при томъ въ очень значительной степени, они зависятъ также отъ личныхъ свойствъ тѣхъ людей, которые пишутъ для общества. Слабые, дряхлые, безцвѣтные и бездарные писатели подчиняютъ свою дѣятельность прихотямъ общественнаго вкуса и капризамъ умственной моды. Но писатели, сильные талантомъ, знаніемъ и любовью къ идеѣ, идутъ своей дорогой, не обращая никакого вниманія на мимолетныя фантазіи общества. Умственная энергія такихъ писателей сама по себѣ дѣлается иногда такимъ событіемъ, которое обращаетъ на себя вниманіе общества и даже создаетъ новую моду. Яркость таланта и сила убѣжденія могутъ сдѣлать то, что въ обществѣ, всегда смотрѣвшемъ на книгу какъ на нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса, зародится серьезный взглядъ на чтеніе и возникнетъ законная потребность прикидывать мѣрку чистой и свѣтлой идеи къ сдѣлкамъ и продѣлкамъ дѣйствительной жизни. Общество начнетъ понемногу понимать, что умныя мысли кладутся на бумагу не для того, чтобы оставаться въ хорошихъ книжкахъ.—Умиляешься, другъ любезный, надъ хорошей книжкой, такъ не слишкомъ пакости-же и въ жизни!

Благодаря Гоголю, Бѣлинскому, Некрасову, Тургеневу, Достоевскому, Добролюбову и немногимъ другимъ, очень замѣчательнымъ и добросовѣстнымъ писателямъ, наше общество уже додумалось до этого умозаключенія. Стѣна между книжной мыслью и дѣйствительной жизнью пробита навсегда. Мысль писателя смотритъ на дѣйствительную жизнь, а жизнь понемногу всасываетъ въ себя питательные элементы теоретической мысли. То, что сдѣлано на этомъ пути нашими предшественниками, значительно облегчаетъ собой задачу современныхъ писателей. Дайте обществу, что хотите—научный трактатъ, газетный очеркъ какихъ-нибудь новѣйшихъ событій, критическую статью по литературѣ, романъ, стихотвореніе—все равно: вамъ ужъ не будетъ надобности пробивать ледяную кору равнодушія, невниманія и непониманія; если есть въ вашемъ трудѣ что-нибудь полезное, общество посмотритъ и пойметъ, и подумаетъ; и мысль ваша западетъ въ ту глубину, въ которой вырабатываются и созрѣваютъ общественныя убѣжденія. При такихъ условіяхъ и жить стоитъ, и работать можно. Есть уже точка опоры, съ которой можно начать дѣло сближенія между теоретическимъ знаніемъ и вседневной жизнью. Общество уже не прочь отъ того, чтобы видѣть въ чтеніи путь къ самообразованію, а въ самообразованіи—путь къ практическому благоразумію и совершеннолѣтію. Давайте обществу матеріалы—оно ихъ возьметъ и воспользуется ими, и скажетъ вамъ спасибо; но *давайте* непремѣнно. Само собой, безъ содѣйствія литературныхъ посредниковъ общество не въ силахъ пойти за матеріалами, разрыть ихъ громаду, выбрать и усвоить себѣ именно то, что ему необходимо. Общество уже любитъ и уважаетъ науку; но эту науку все-таки надобно *популяризировать*, и популяризировать съ очень большимъ умѣньемъ. Можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что популяризированіе науки составляетъ самую важную всемірную задачу нашего вѣка. Хорошій популяризаторъ, особенно у насъ въ Россіи, можетъ принести обществу гораздо больше пользы, чѣмъ даровитый изслѣдователь. Изслѣдованій и открытій въ европейской наукѣ набралось уже очень много. Въ высшихъ сферахъ умственной аристократіи лежитъ огромная масса идей; надо теперь всѣ эти идеи сдвинуть съ мѣста, надо размѣнять ихъ на мелкую монету и пустить ихъ въ общее обращеніе. Тогда только и можно будетъ оцѣнить въ полномъ объемѣ, съ одной стороны, глубину, красоту и практическую силу научныхъ идей, а съ другой стороны—гибкость и плодовитость человѣческаго ума, который тогда впервые отдастъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ подвигахъ. Это сближеніе мыслителей съ обществомъ непремѣнно поведетъ за собой сближеніе общества съ народомъ,—то сближеніе, которое при всякомъ другомъ образѣ дѣйствій конечно останется навсегда маниловской фантазіей «Эпохи» и «Дня».

Необходимость популяризировать науку до такой степени очевидна, что, кажется, и распространяться объ этомъ не слѣдуетъ. Не значитъ-ли это унижать великую истину риторическими декламаціями? Нѣтъ, совсѣмъ не значитъ. У насъ и великія истины еще требуютъ доказательствъ.— У насъ одинъ писатель, и при томъ изъ молодыхъ, и при томъ бывшій студентъ естественнаго факультета, доказывалъ недавно очень горячо и даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ, что науку не зачѣмъ популяризировать и что такимъ дѣломъ могутъ заниматься только шарлатаны и верхогляды. Этого писателя зовутъ Аверкіевъ, а горячится онъ въ «Эпохѣ», во второй части своей статьи: «Университетскіе отцы и дѣти». Этотъ Аверкіевъ, пламенный поклонникъ и неудавшійся подражатель покойнаго Аполлона Григорьева, очень сердится за что-то на Карла Фохта, повидимому за то, что Фохтъ не похожъ на Григорьева. Разсердившись на Фохта собственно съ этой спеціальной стороны, Авер-

кіевъ утверждаетъ, что популярныя сочиненія этого ученаго по естественнымъ наукамъ никуда не годятся; а вслѣдъ затѣмъ, разгуливаясь все шире да шире, Аверкіевъ возвѣщаетъ намъ, что популяризировать науку даже очень глупо. А доказательства предлагаются вотъ какія: во-первыхъ, всякая научная истина сама по себѣ совершенно ясна, потому что она—истина; во-вторыхъ, философскія сочиненія Канта гораздо удобопонятнѣе, чѣмъ популярныя статьи о философіи Лаврова; въ-третьихъ, Льюисъ написалъ свою «Физіологію обыденной жизни» безъ всякихъ претензій на популярность, и книга эта оказалась гораздо лучше популярныхъ физіологическихъ писемъ Карла Фохта.— Ахъ, какія безподобныя доказательства! Во-первыхъ, всякая научная истина ясна только тогда, когда она изложена ясно. Что̀ ясно для ученаго, то можетъ быть совершенно неясно для образованнаго человѣка въ общепринятомъ разговорномъ значеніи этого слова. И всякую научную истину можно изложить такъ, что у васъ отъ этой истины затрещитъ голова и потемнѣетъ въ глазахъ. Сотруднику эстетическаго журнала не мѣшало бы, кажется, понимать, что внутреннее достоинство идеи и внѣшняя форма изложенія—двѣ вещи совершенно различныя. Во-вторыхъ, примѣръ о Кантѣ и о Лавровѣ замѣчателенъ по своей неудачности. Что Кантъ писалъ ясно, это—личное открытіе, или вѣрнѣе, изобрѣтеніе Аверкіева. Впрочемъ, по его мнѣнію, чего добраго и Григорьевъ, которому онъ старается подражать, пишетъ ясно. Нѣмцы, народъ совершенно привычный къ варварской туманности изложенія, все-таки жалуются на Канта, что онъ писалъ самое капитальное изъ своихъ сочиненій «Критику чистаго разума» самымъ тяжелымъ, деревяннымъ, непонятнымъ и даже схоластическимъ языкомъ. Лучшее доказательство кантовской неясности, заключается въ томъ, что нѣмцы раскусили «Критику чистаго разума» черезъ восемь лѣтъ послѣ ея выхода въ свѣтъ. А своимъ обширнымъ господствомъ надъ умами всѣхъ образованныхъ людей тогдашней Германіи философія Канта обязана преимущественно философскимъ статьямъ Шиллера, сочиненіямъ Рейнгольда и усерднымъ трудамъ многихъ другихъ болѣе мелкихъ популяризаторовъ. Еслибы ясно было, такъ и незачѣмъ было бы такъ много разъяснять. Что Кантъ яснѣе Лаврова, объ этомъ я не спорю. Но это доказываетъ только, что Лавровъ—прекрасный математикъ и очень ученый человѣкъ, но очень плохой популяризаторъ. Плохихъ популяризаторовъ на свѣтѣ очень много, но выводить изъ этого простого факта заключеніе противъ популяризированія вообще способенъ только сотрудникъ «Эпохи». Въ-третьихъ, что Льюисъ писалъ свою «Физіологію» безъ стремленія къ популярности, это опять произвольная выдумка Аверкіева. А что «Физіологія» Льюиса написана гораздо понятнѣе и занимательнѣе, чѣмъ «Физіологическія письма» Фохта, это чистая правда. Но опять-таки что же изъ этого слѣдуетъ? То, что Льюисъ популяризируетъ лучше Фохта. Это несомнѣнно. И Бюхнеръ также, какъ популяризаторъ, стоитъ выше Фохта. Я подразумѣваю здѣсь «Физіологическія картины», которыя по ясности и увлекательности изложенія далеко оставляютъ за собой «Физіологическія письма». Я видѣлъ собственными глазами, что двадцатилѣтняя дѣвушка, не имѣвшая никакого понятія о физіологіи, съ величайшимъ увлеченіемъ, почти не отрываясь отъ книги, прочитала три большія статьи изъ «Физіологическихъ картинъ» Бюхнера. Эти три статьи были: «Сердце и кровь», «Воздухъ и легкія» и «Жизнь и теплота». Кто читалъ эту книгу Бюхнера, тотъ знаетъ очень хорошо, что въ ней нѣтъ и намека на тѣ скандалезныя пряности, которыми занимаютъ своихъ читателей французские негодяи, подобные Дебе и Жувенселю. Стало быть, дѣвушка, незнакомая съ физіологіей, была завлечена исключительно интересомъ предмета и мастерствомъ изложенія. Мнѣ кажется, этотъ опытъ говоритъ громче всякихъ умозрѣній, и писатель, достигающій такихъ блестящихъ результатовъ, имѣетъ полное право считаться образцовымъ популяризаторомъ. Такимъ популяризаторомъ можетъ сдѣлаться далеко не всякій желающій. При всемъ своемъ умѣ, при своемъ блестящемъ литературномъ талантѣ, при своихъ обширныхъ занятіяхъ, Карлъ Фохтъ въ этомъ отношеніи все-таки стоитъ ниже Бюхнера, котораго онъ превосходитъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Оно и понятно. По своему образованію Фохтъ—дѣльный натуралистъ. Но по всему складу своего ума и характера онъ—политическій дѣятель. Его настоящее мѣсто не на профессорской каѳедрѣ, а на парламентской трибунѣ. Но когда надо просто разсказывать, излагать факты, тогда Фохтъ ясенъ, спокоенъ, точенъ и часто сухъ. Нѣтъ у него той ровной пластичности изложенія, которая составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ первокласснаго популяризатора.

Популяризаторъ непремѣнно долженъ быть художникомъ слова, и высшая, прекраснѣйшая, самая человѣческая задача искусства состоитъ именно въ томъ, чтобы слиться съ наукой и посредствомъ этого сліянія дать наукѣ такое практическое могущество, котораго она не могла бы пріобрѣсти исключительно своими собственными средствами. Наука даетъ матеріалъ художественному произведенію, въ которомъ все—правда, и все—красота; самая смѣлая фантазія не можетъ ничего придумать. Такія художественныя произведенія человѣкъ создастъ еще впослѣдствіи, когда онъ много поумнѣетъ и еще многому выучится; но робкія попытки, превосходныя для нашего времени, существуютъ въ этомъ родѣ и

теперь. Я могу указать на огромную книгу Брема: «Иллюстрированная жизнь животныхъ», о которой мы впрочемъ будемъ еще говорить съ нашими читателями довольно подробно. Эта книга задумана въ громадныхъ размѣрахъ, написана самымъ простымъ и увлекательнымъ языкомъ, съ удивительнымъ знаніемъ дѣла, съ удивительнымъ пониманіемъ характера и ума различныхъ животныхъ и съ самой здоровой, неподкрашенной любовью къ природѣ и къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Весь разсказъ проникнутъ ровнымъ, спокойно-веселымъ и постоянно-естественнымъ юморомъ. Читаешь и оторваться не хочется. Такъ читалъ я только въ дѣтствѣ романы Купера и «Трехъ Мушкетеровъ». И къ этому-то изложенію, представьте себѣ, почти на каждой страницѣ картины, рисованныя съ натуры превосходными художниками, сдѣлавшими кругосвѣтное путешествіе, посѣтившими нѣсколько зоологическихъ садовъ въ Европѣ и пользовавшимися совѣтами первоклассныхъ натуралистовъ. Читаешь характеристику какого-нибудь четвероногаго чудака, посмотришь на его портретъ и дѣйствительно видишь и по рожѣ, и по глазамъ, и по всей его фигурѣ, что онъ способенъ на всѣ тѣ штуки, которыя приписываетъ ему Бремъ. Когда я пріобрѣлъ себѣ эту книгу, которая впрочемъ далеко еще не доведена до конца, то я втеченіи нѣсколькихъ дней ни о чемъ не могъ думать, кромѣ Брема. Просто ошалѣлъ отъ радости. И эту великую, именно великую, книгу переводятъ на русскій языкъ. И картины въ ней будутъ совершенно такія-же, какъ въ нѣмецкомъ изданіи. Но—горе переводчикамъ, если они хоть сколько-нибудь обезцвѣтятъ разсказъ Брема. Это будетъ одно изъ тѣхъ литературныхъ преступленій, которыхъ не должно прощать общество. Если издатели догадаются послѣ богатаго изданія съ картинами выпустить другое, дешевое, на сѣрой бумагѣ, безъ картинъ, то Бремъ проникнетъ въ каждое грамотное семейство. Такая книга есть историческое событіе въ полномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова. Если Бремъ успѣетъ описать всѣ классы животнаго царства такъ, какъ онъ теперь описываетъ млекопитающихъ, то его книга останется на вѣчныя времена не только въ исторіи науки и литературы (это уже само собою разумѣется), но и въ исторіи обще-европейской народной жизни. Невозможно представить себѣ, какое море живой мысли и свѣжаго чувства хлынетъ вмѣстѣ съ этой книгой въ умы всего читающаго человѣчества.

Если неразвитость общества требуетъ, чтобы наука являлась передъ нимъ въ арлекинскомъ костюмѣ, съ погремушками и съ бубенчиками,—это не бѣда. Такой маскарадъ нисколько не унижаетъ науку. Дѣльная и вѣрная мысль все-таки остается дѣльной и вѣрной. А если этой мысли, чтобы проникнуть въ сознаніе общества, надо украситься прибаутками и подернуться щедринской игривостью, пускай украшается и подергивается. Главное дѣло—проникнуть, а черезъ какую дверь и какой походкой—это рѣшительно все равно. Арлекинствовать можно и должно, если только арлекинство ведетъ къ цѣли.

Иные читатели скажутъ, что все это вздоръ, что русская публика можетъ читать серьезныя книги и статьи безъ малѣйшей приправы арлекинства. Но я отвѣчу на это: господа, говорите за себя! Есть люди, стоящіе ниже васъ по развитію, и эти люди читаютъ только то, что̀ ихъ забавляетъ, и они составляютъ въ читающей массѣ большинство. Это видно напримѣръ по тому, что публика выписываетъ журналы чисто ощупью. Лучшій журналъ, когда-либо существовавшій въ Россіи, добролюбовскій «Современникъ», имѣлъ блестящій успѣхъ; прекрасно! Но вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ самыхъ плоскихъ русскихъ журналовъ, «Время», имѣлъ также блестящій успѣхъ. Что̀ за притча! Да и притчи никакой нѣтъ. Увидало дитя малое червонецъ: давай его сюда! цаца!—Увидало золоченый орѣхъ: и къ орѣху потянулось. Тоже цаца!—Ну вотъ и надо, чтобы научныя идеи всегда были размалеваны, какъ цацы. Пускай дитя малое играетъ этими цацами. Онѣ помогутъ ему рости; а выростетъ, такъ и увидитъ, что эта цаца—штука самая отмѣнная. Но само собой разумѣется, что арлекинствовать надо съ большимъ, съ очень большимъ умѣньемъ. Играй и кувыркайся, какъ хочешь, въ своемъ изложеніи, но держи ухо востро, ни на одну секунду не теряй равновѣсіе и ни подъ какимъ видомъ не допускай ни малѣйшаго посягательства на то, что̀ составляетъ жизнь и смыслъ твоей идеи. Шути, но такъ, чтобы каждая твоя шутка была строго разсчитана и чтобы совокупность твоихъ шутокъ выражала всю научную идею, которую ты хочешь провести въ сознаніе твоихъ читателей, всю, какъ есть, безъ искаженій и утаекъ. Если ты соблюдаешь постоянно это условіе,—ты честный и полезный популяризаторъ. Въ противномъ случаѣ, ты поступаешь въ категорію тѣхъ господъ, которые, пуская въ свѣтъ «Физіологію брака», «Тайныя явленія природы» и разныя другія гнусности, прикрываютъ себя тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что мы, дескать, просвѣщаемъ общество.

При недостаткѣ осмотрительности, умѣнья и серьезности во взглядѣ на великую цѣль своей дѣятельности, популяризаторъ очень легко можетъ превратиться въ литературнаго промышленника и унизить науку до проституціи. Но эта проституція заключается не въ смѣхѣ, не въ игривости, не въ юморѣ, а въ безцѣльности, въ безтактности и въ неразборчивости этого смѣха, этой игривости и этого юмора. Когда смѣхъ, игривость и юморъ служатъ средствомъ, тогда все обстоитъ благополучно. Когда они дѣлаются цѣлью—тогда начинается умственное распут-

ство. Для художника, для ученаго, для публициста, для фельетониста, для кого угодно, для всѣхъ существуетъ одно великое и общее правило: *идея прежде всего!* Кто забываетъ это правило, тотъ немедленно теряетъ способность приносить людямъ пользу и превращается въ презрѣннаго паразита. Стоитъ только сравнить «Свистокъ» Добролюбова съ полемическими статьями теперешняго «Современника», чтобы тотчасъ понять на живомъ примѣрѣ, что̀ значитъ «*идея прежде всего*» и что̀ значитъ «*все прежде идеи*». Конечно шутливый тонъ въ популярно-научныхъ сочиненіяхъ составляетъ только временное явленіе. Когда все читающее общество сдѣлается серьезнѣе въ своемъ взглядѣ на чтеніе, тогда и тонъ измѣнится; но не слѣдуетъ измѣнять его слишкомъ рано. Если двѣ-три шутки на страницѣ могутъ дать вашей статьѣ двухъ-трехъ лишнихъ читателей, то было бы очень негуманно и неблагоразумно съ вашей стороны отталкивать отъ себя этихъ читателей серьезностью изложенія ради того, чтобы соблюсти въ неприкосновенности какое-то отвлеченное и совершенно фантастическое понятіе о величіи и достоинствѣ науки. Величіе и достоинство науки состоитъ исключительно въ той пользѣ, которую она приноситъ людямъ, увеличивая производительность ихъ труда и укрѣпляя природныя силы ихъ умовъ. Значеніе науки можетъ только возвыситься, если о ней получатъ нѣкоторое понятіе даже тѣ неразвитые два-три читателя, которые будутъ привлечены къ вашей статьѣ содержащимися въ ней шутками. Но, кромѣ художественности, кромѣ шутливаго тона, популярное изложеніе должно отличаться еще и другими свойствами, которыя останутся необходимыми даже и тогда, когда смѣхъ, игривость и юморъ потеряютъ для общества свою теперешнюю обаятельность.

Я укажу здѣсь на двѣ главныя особенности, которыми популярное изложеніе всегда должно отличаться отъ строго-научнаго.

Во-первыхъ, популярное изложеніе не допускаетъ въ теченіи мыслей той быстроты, которая совершенно умѣстна въ чисто-научномъ трудѣ. Записные ученые, привыкшіе ко всѣмъ пріемамъ строгаго мышленія, ко всевозможнымъ упражненіямъ умственныхъ силъ, могутъ слѣдить безъ малѣйшаго напряженія за мыслью изслѣдователя, когда она, какъ бѣлка, прыгаетъ съ одного предмета на другой, бросая читателямъ только легкіе намеки на то, зачѣмъ и почему производятся эти быстрые переходы. Слѣдя за этими эволюціями, ученый видитъ и понимаетъ, что все это одна длинная цѣпь доказательствъ, связанная единствомъ общей идеи и общей цѣли; онъ видитъ, что одна мысль логично развивается изъ другой; но простой читатель этого не увидитъ и станетъ втупикъ. Писатель высказалъ одно положеніе, вывелъ изъ него другое, на этихъ двухъ построилъ третье и пошелъ шагать, а простой читатель только недоумѣваетъ: какимъ-же образомъ второе вытекаетъ изъ перваго и почему возможенъ переходъ къ третьему? Второе дѣйствительно не вытекаетъ *непосредственно* изъ перваго; эти два положенія связываются между собой двумя или тремя промежуточными умозаключеніями; но ученый писатель, увѣренный въ сообразительности своихъ товарищей по наукѣ, выкидываетъ вонъ эти мостики мысли, которые дѣйствительно не прибавляютъ къ ученому труду ничего новаго и существеннаго. Но для читателя, не выучившагося прыгать, такое отсутствіе мостиковъ составляетъ непреодолимое препятствіе. На первой-же страницѣ онъ спотыкается, а ужъ на какой-нибудь пятой или шестой онъ рѣшительно не знаетъ, о чемъ это тутъ идетъ рѣчь и зачѣмъ это все написано. При этихъ условіяхъ серьезное чтеніе ведетъ за собой только головную боль и одурѣніе. Популяризаторъ, разумѣется, обязанъ избавить мысль своего читателя отъ всякихъ подобныхъ прыжковъ. Въ популярномъ сочиненіи каждая отдѣльная мысль должна быть развита подробно, такъ, чтобы умъ читателя успѣлъ прочно утвердиться на ней, прежде чѣмъ онъ пустится въ дальнѣйшій путь, къ логическимъ слѣдствіямъ, вытекающимъ изъ этой мысли. Если вы будете утомлять умъ вашего читателя слишкомъ быстрыми переходами, то получится тотъ-же результатъ, который произвело бы отсутствіе мостиковъ: читатель ошалѣетъ и совершенно потеряетъ изъ виду общую связь вашихъ мыслей.

Во-вторыхъ, популярное изложеніе должно тщательно избѣгать всякой отвлеченности. Каждое общее положеніе должно быть подтверждено осязательными фактами и пояснено частными примѣрами. Вотъ и я, повинуясь этому правилу, покажу на отдѣльномъ примѣрѣ, какимъ образомъ популярное изложеніе должно смягчать быстроту и отвлеченность строго научнаго языка. Представьте себѣ, что въ научномъ сочиненіи находится слѣдующая фраза: «Такъ какъ всѣ математическія сужденія отличаются совершенно аналитическимъ характеромъ, то, *разумѣется*, чистая математика меньше всѣхъ остальныхъ наукъ опирается на свидѣтельство опыта». И затѣмъ авторъ начинаетъ уже выводить дальнѣйшія заключенія изъ той мысли, что «математика меньше всѣхъ остальныхъ наукъ опирается на свидѣтельство опыта». Но простой читатель сталъ втупикъ. Чорта съ два тутъ «*разумѣется*»! Почему-же *аналитическій характеръ* позволяетъ чистой математикѣ *опираться на свидѣтельство опыта меньше всѣхъ остальныхъ наукъ?* Ясное дѣло, что въ нашей фразѣ заключаются два положенія, связанныя между собой союзами *такъ какъ* и *то*. Между этими двумя положеніями долженъ существовать мостикъ, но мостикъ этотъ, для большей быстроты движенія, выброшенъ вонъ, а

вмѣсто него вставлено проклятое слово «*разумѣется*», означающее собой смѣлый и ловкій прыжокъ возмужалой мысли. Популяризаторъ долженъ здѣсь прежде всего напомнить читателю, что такое *анализъ* и въ чемъ состоитъ его существенное отличіе отъ *синтеза*. Потомъ онъ долженъ взять два или три математическихъ сужденія—чѣмъ проще, тѣмъ лучше—и показать на этихъ примѣрахъ, въ чемъ состоитъ типическая особенность всякаго математическаго сужденія и чѣмъ эти сужденія отличаются напримѣръ отъ истинъ химіи или физіологіи. Такимъ образомъ выяснится *аналитическій характеръ* математическихъ сужденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится и отношеніе математики къ опыту. Читатель пойметъ, что при *анализѣ* только исходная точка берется изъ опыта, а при *синтезѣ* напротивъ того весь процессъ мысли постоянно опирается на опытъ. Ясно, стало-быть, что чѣмъ исключительнѣе преобладаетъ въ какой-нибудь наукѣ элементъ анализа, тѣмъ незначительнѣе становится въ ней участіе опыта.

Популяризаторъ долженъ постоянно предвидѣть всѣ вопросы, сомнѣнія и возраженія своего читателя; онъ самъ долженъ ставить и разрѣшать ихъ; такая тактика имѣетъ двоякую выгоду: во-первыхъ, предметъ освѣщается со всѣхъ сторонъ; во-вторыхъ — вопросы и возраженія прерываютъ собой монотонное теченіе рѣчи, поддерживаютъ и напрягаютъ постоянно вниманіе читателя, который въ противномъ случаѣ легко можетъ вдаться въ полу-машинальное чтеніе, то-есть пропускать черезъ свою голову отдѣльныя мысли, не вдумываясь въ ихъ отношеніе къ цѣлому. Не только группировка мыслей и общій тонъ изложенія, но даже самый языкъ, выборъ словъ и оборотовъ имѣютъ очень значительное вліяніе на успѣхъ или неуспѣхъ популярно-научнаго сочиненія. Удачное выраженіе, мѣткій эпитетъ, картинное сравненіе чрезвычайно много прибавляютъ къ тому удовольствію, которое доставляется читателю самымъ содержаніемъ книги или статьи. А такъ какъ просвѣщать читателя помимо его собственной воли нѣтъ ни малѣйшей возможности, то и не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ пренебрегать тѣми техническими средствами языка, которыя могутъ увеличить удовольствіе читателя, не вредя основной идеѣ вашего труда. Бентамъ доказываетъ очень подробно и чрезвычайно убѣдительно, что законы должны быть написаны не только совершенно яснымъ и простымъ, но еще кромѣ того изящнымъ языкомъ. Съ этимъ мнѣніемъ трудно не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время нѣтъ на свѣтѣ ни одной страны, въ которой большинство грамотныхъ людей имѣло бы совершенно ясное понятіе о законахъ своего отечества. Отъ этихъ законовъ зависятъ жизнь, честь, собственность, гражданское положеніе и семейное спокойствіе, словомъ—все земное благополучіе каждой отдѣльной личности, а между тѣмъ ихъ все-таки почти никто не знаетъ, кромѣ судей и адвокатовъ. Можно себѣ представить, сколько невольныхъ преступленій, сколько безтолковыхъ процессовъ, какая трата времени, силъ, денегъ происходятъ отъ этого незнанія. А чѣмъ-же объясняется самый фактъ этого удивительнаго незнанія? Да просто тѣмъ, что сводъ законовъ совершенно справедливо считается у всѣхъ народовъ земного шара, имѣющихъ какой-нибудь сводъ, самой скучной книгой, какую только можно было выдумать и написать. А происходитъ-ли эта невыносимая скучность свода законовъ отъ самаго содержанія этой книги? Составляетъ-ли она необходимую принадлежность самаго предмета. Ничуть не бывало. Законъ опредѣляетъ отношенія между людьми, устанавляетъ ихъ права и обязанности. Трудно даже придумать что-нибудь интереснѣе этого предмета. Но этотъ предметъ превращенъ въ сухой скелетъ педантизмомъ средневѣковыхъ юристовъ и остался въ своемъ засушенномъ положеніи по милости современныхъ законовѣдовъ, робѣющихъ до сихъ поръ передъ призраками старыхъ авторитетовъ. Бентамъ доказалъ теоретически и, что̀ еще гораздо важнѣе, показалъ на практикѣ своимъ собственнымъ примѣромъ, что можно писать живо и увлекательно не только изслѣдованія по философіи права, но даже текстъ кодекса, статьи свода законовъ. По мнѣнію Бентама, самый текстъ закона долженъ быть написанъ коротко и ясно; законъ приказываетъ или запрещаетъ, но не разсуждаетъ. Но вслѣдъ за этой канонической частью каждой отдѣльной статьи долженъ слѣдовать комментарій, въ которомъ объясняется значеніе, необходимость, цѣлесообразность и причина даннаго закона. Совокупность этихъ комментаріевъ составитъ, по мнѣнію Бентама, полный и чрезвычайно интересный кодексъ нравственной философіи. И книга, вмѣщающая въ себѣ такой кодексъ, сдѣлается настольной книгой въ каждомъ грамотномъ семействѣ; по этой книгѣ отецъ самъ будетъ объяснять своимъ дѣтямъ законы той страны, въ которой имъ суждено жить и дѣйствовать; благодаря такимъ комментаріямъ, законъ ляжетъ въ основаніе самаго обыкновеннаго воспитанія. Вслѣдствіе этого большая часть непроизводительныхъ юристовъ принуждена будетъ заняться полезнымъ трудомъ. Но все это возможно только въ томъ случаѣ, если законы будутъ изложены легкимъ, простымъ и изящнымъ языкомъ. Иначе никакая философская глубина комментаріевъ не принудитъ общество читать и изучать сводъ законовъ. Въ общей массѣ люди чрезвычайно легкомысленны; они всегда дѣлаютъ то, что̀ имъ пріятно, и очень рѣдко дѣлаютъ то, что̀ имъ полезно. Всѣ понимаютъ какъ нельзя лучше, что знаніе законовъ необходимо; всѣ знаютъ, что незнаніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ; и однако

почти никому въ голову не приходитъ почитать въ часы досуга и отдохновенія сводъ законовъ. Послѣ этого есть-ли хоть малѣйшая возможность ожидать, что люди примутся читать популярно-научныя сочиненія, если эти сочиненія не будутъ доставлять имъ пріятнаго препровожденія времени. Вѣдь какъ ни велика польза научныхъ знаній, а все-таки эта польза далеко не такъ очевидна, какъ польза законовѣдѣнія. Противъ науки вы услышите много голосовъ даже въ печати, а ужъ противъ изученія законовъ не возразятъ ни слова ни купчиха Кабанова, ни Викторъ Ипатьевичъ, ни даже Катковъ.—Ясно, стало быть, что внѣшняя форма популярнаго изложенія имѣетъ громадную важность.

XXXIV.

Послѣ всего, что я говорилъ о популяризированіи науки, у читателя по всей вѣроятности зародился въ умѣ естественный вопросъ: какія-же именно науки необходимо популяризировать? Въ общихъ чертахъ читатель, разумѣется, уже знаетъ мой образъ мыслей; онъ знаетъ, что я не укажу ни на санскритскую грамматику, ни на египетскую археологію, ни на теорію музыки, ни на исторію живописи. Но если читатель полагаетъ, что я буду рекомендовать ему преимущественно технологію, практическую механику, геогнозію или медицину, то онъ ошибается. Наука, слившаяся уже съ ремесломъ, наука прикладная конечно приноситъ обществу громадную и неоспоримую пользу, но популяризировать ее нѣтъ ни надобности, ни возможности. Технологи, геогносты, механики необходимы для общества, но люди, имѣющіе общее понятіе о технологіи, геогнозіи и механикѣ никому и ни на что не нужны. Словомъ, прикладныя науки долженъ изучать совершенно основательно каждый человѣкъ, желающій обратить ихъ въ свое хлѣбное ремесло. Кто изучаетъ науку основательно, тотъ конечно обращается къ самимъ источникамъ науки, а не къ популярнымъ сочиненіямъ. Стало-быть, нуждаются въ популярной обработкѣ только тѣ отрасли знаній, которыя, не слившись съ спеціальнымъ ремесломъ, даютъ каждому человѣку вообще, безъ отношенія къ его частнымъ занятіямъ, вѣрный, разумный и широкій взглядъ на природу, на человѣка и на общество. Разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, на первомъ планѣ стоятъ тѣ науки, которыя занимаются изученіемъ всѣхъ видимыхъ явленій: астрономія, физика, химія, физіологія, ботаника, зоологія, географія и геологія.

Превосходство естественныхъ наукъ надъ всѣми остальными накопленіями знаній, присвоивающими себѣ также титулъ науки, до такой степени очевидно, и мы уже такъ часто и съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ говорили о значеніи этихъ наукъ, что теперь мнѣ незачѣмъ о нихъ распространяться. Замѣчу только, что подъ именемъ *географіи* я понимаю, разумѣется, не перечисленіе государствъ, а общую картину земного шара и опредѣленіе той связи, которая существуетъ между землей и ея обитателями.—Но естественныя науки при всемъ своемъ великомъ значеніи не исчерпываютъ собой всего круга предметовъ, о которомъ человѣку необходимо составить себѣ понятіе. Человѣкъ долженъ знать человѣка и общество. Физіологія показываетъ намъ различныя отправленія человѣческаго организма; сравнительная анатомія показываетъ намъ различія между человѣческими расами; но обѣ эти науки не даютъ намъ никакого понятія о томъ, какъ человѣкъ устраиваетъ свою жизнь и какъ онъ постепенно подчиняетъ себѣ силы природы силой своего ума. Оба эти вопроса имѣютъ для насъ капитальную важность; но тѣ отрасли знанія, отъ которыхъ мы должны ожидать себѣ на нихъ отвѣта—исторія и статистика,—до сихъ поръ еще не достигли научной твердости и опредѣленности. Исторія до сихъ поръ не что иное, какъ огромный арсеналъ, изъ котораго каждая литературная партія выбираетъ себѣ годные аргументы для пораженія своихъ противниковъ. Превратится-ли исторія когда-нибудь въ настоящую науку,—это неизвѣстно и даже сомнительно. Научная исторія была бы возможна только въ томъ случаѣ, еслибы сохранились всѣ матеріалы для составленія подробныхъ статистическихъ таблицъ за всѣ прошедшія столѣтія. Но о такомъ богатствѣ матеріаловъ нечего и думать. Поэтому для изученія человѣка въ обществѣ остается только внимательно вглядываться въ современную жизнь и обмѣниваться съ другими людьми запасомъ собранныхъ опытовъ и наблюденій. Статистика уже дала намъ множество драгоцѣнныхъ фактовъ; она подрываетъ вѣру въ пригодность пенитенціарной системы; она цифрами доказываетъ связь между бѣдностью и преступленіемъ; но статистика только что начинаетъ развиваться, и мы имѣемъ полное основаніе ожидать отъ нея въ ближайшемъ будущемъ въ тысячу разъ больше самыхъ важныхъ практическихъ услугъ, чѣмъ сколько она оказала ихъ намъ до сихъ поръ.

Статья моя кончена. Читатель видитъ изъ нея, что всѣ стремленія нашихъ реалистовъ, всѣ ихъ радости и надежды, весь смыслъ и все содержаніе ихъ жизни пока исчерпываются тремя словами: «*любовь, знаніе и трудъ*». Послѣ всего, что я говорилъ выше, эти слова не нуждаются въ комментаріяхъ.

КУКОЛЬНАЯ ТРАГЕДІЯ СЪ БУКЕТОМЪ ГРАЖДАНСКОЙ СКОРБИ.

I.

Въ каждой изъ нашихъ журнальныхъ партій есть неисправимые фразеры, которымъ никогда въ жизни не случалось произвести на свѣтъ ни одной самостоятельной мысли. Эти господа въ своихъ произведеніяхъ самымъ усерднымъ и добросовѣстнымъ образомъ обезцвѣчиваютъ ту идею, которая даетъ имъ насущный хлѣбъ, но этимъ не ограничивается ихъ дѣятельность. По самолюбію, свойственному всякой бездарности, они непремѣнно желаютъ высказывать руководящую идею «своими словами», изобрѣтаютъ сами различныя приставки и украшенія, воплощаютъ идею въ карикатурные образы и наконецъ доводятъ ее до такого жалкаго безсилія, что всѣмъ мыслящимъ защитникамъ этой идеи приходится или краснѣть за своихъ непрошенныхъ союзниковъ, или отталкивать ихъ отъ себя съ тѣмъ суровымъ презрѣніемъ, съ которымъ Базаровъ относится къ своему обожателю Ситникову. Большая часть нашихъ второстепенныхъ беллетристовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ различныхъ журналахъ, принадлежитъ къ числу самыхъ отъявленныхъ карикатуристовъ идеи. Ихъ романы и повѣсти сшиваются обыкновенно на живую нитку по выкройкамъ послѣдней моды, а модной выкройкой служитъ для нихъ критическій отдѣлъ того журнала, для котораго они работаютъ. Люди, событія, положенія—все это задумывается по данной программѣ, и кромѣ того самая программа понимается изъ пятаго въ десятое или, вѣрнѣе, отражается въ творческомъ умѣ беллетриста съ той неподражаемой ясностью и отчетливостью, съ какою человѣческая физіономія можетъ отразиться въ дешевомъ зеркалѣ, покрытомъ пузырями. Много у насъ такихъ беллетристовъ, и велики труды ихъ, но, мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи никто не можетъ сравниться съ Н. Станицкимъ, по милости котораго почтенный «Современникъ» такъ часто нагружается раздирательными романами. Бываютъ бездарности тихія, скромныя, почти пріятныя по своей безобидности; но бываютъ и другія бездарности: лютыя, буйныя, изъявляющія притязаніе на смѣлость мысли, на пылкость чувства, на ширину умственнаго развитія, на свѣжесть и ѣдкость юмора и на разныя другія хорошія вещи, которыя навсегда остаются для нихъ недоступными. По произведеніямъ Станицкаго намъ будетъ очень удобно изучить типъ фразера, маскирующаго свою умственную бѣдность крикомъ и жестикуляціей. Изученіе Станицкаго особенно интересно для насъ потому, что этотъ писатель постояннно работаетъ для «Современника» и постоянно уродуетъ своимъ фразерствомъ свѣтлыя и широкія идеи, которыя развивали въ этомъ журналѣ дѣйствительно мыслящіе и дѣльные люди. Еслибы какой-нибудь усердный писатель уродовалъ идеи «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Вѣстника», то подобное занятіе можно было бы назвать безвреднымъ толченіемъ воды, потому что въ этихъ наипочтеннѣйшихъ журналахъ, по нашему крайнему разумѣнію, нечего уродовать и еще потому, что ихъ изуродованную идею могутъ отличить отъ неизуродованной только самые опытные эксперты. Но искажать идеи Добролюбова и людей близкихъ къ нему, обезцвѣчивать эти идеи невинной болтовней, или опошлять ихъ мелодраматическимъ риторствомъ—это уже выходитъ изъ границъ позволительной шутки, и противъ такихъ упражненій критика должна принимать болѣе серьезныя мѣры. Она должна подвергнуть произведенія свирѣпствующаго фразера строгому и тщательному изученію, чтобы показать и доказать публикѣ, что между фразерами и настоящими мыслителями, стоящими повидимому подъ однимъ знаменемъ, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей умственной солидарности. Такого рода операцію я намѣренъ произвести надъ авторской личностью Станицкаго, и я твердо убѣжденъ въ томъ, что лучшіе мыслящіе сотрудники «Современника» въ душѣ скажутъ мнѣ спасибо за эту дружескую услугу. Имъ самимъ конечно неловко говорить горькія истины своему старому и постоянному сподвижнику, но когда эти истины будутъ высказаны постороннимъ человѣкомъ, тогда это навѣрное доставитъ имъ большое удовольствіе, потому что они, разумѣется, понимаютъ очень хорошо, что дубовый трагизмъ Станицкаго, подобно невинному юмору Щедрина, только сбиваетъ съ толку читателей и вредитъ уясненію настоящей идеи журнала. Итакъ, пускаюсь въ путь и принимаюсь за разборъ романа «Женская доля». Я буду слѣдить за каждымъ шагомъ нашего романиста, потому что въ развитіи подробностей Станицкій еще болѣе прелестенъ, чѣмъ въ общей концепціи своихъ произведеній.

II.

Въ селѣ Григорьевкѣ живетъ помѣщица Анна Антоновна, женщина пожилая и болѣзненная; у нея шестнадцатилѣтняя дочь, Софья Григорьевна. Мужъ Анны Антоновны, Григорій Андреевичъ, живетъ въ Петербургѣ и пользуется безпредѣльной ненавистью Станицкаго. Впрочемъ эту ненависть раздѣляютъ съ Григоріемъ Андреевичемъ почти всѣ остальныя дѣйствующія лица

романа. Почти всѣ они—гнусные люди и выведены на сцену особенно для того, чтобы ихъ пороки давали обильную пищу великодушному негодованію и ювеналовскому краснорѣчію пылкаго романиста. Предо мной лежитъ въ настоящую минуту мартовская книжка «Современника» за 1862 годъ; она раскрыта на страницѣ 48 перваго отдѣла, и я усматриваю въ этомъ мѣстѣ пылкую ненависть Станицкаго къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ его романа.

Вслѣдъ затѣмъ я отправляюсь въ «Современное Обозрѣніе» той-же книжки и на стр. 68 читаю слѣдующія строки: «Онъ питаетъ какую-то личную ненависть и непріязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую-нибудь обиду и пакость, и онъ старается отмстить имъ на каждомъ шагу, какъ человѣкъ лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ съ дурно-скрываемымъ злорадствомъ, и только для того, чтобы унизить героя въ глазахъ читателей: «посмотрите, дескать, какіе негодяи мои враги и противники». Онъ дѣтски радуется, когда ему удастся уколоть чѣмъ-нибудь нелюбимаго героя, съострить надъ нимъ, представить его въ смѣшномъ или пошломъ и мерзкомъ видѣ; каждый промахъ, каждый необдуманный шагъ героя пріятно щекочетъ его самолюбіе, вызываетъ улыбку самодовольствія, обнаруживающую гордое, но мелкое и негуманное сознаніе собственнаго превосходства». Все это говоритъ Антоновичъ въ той статьѣ, въ которой онъ провелъ очень неудачно параллель между Тургеневымъ и Аскоченскимъ; все это онъ говоритъ по поводу отношеній Тургенева къ Базарову, и все это разсужденіе, совершенно неподходящее къ роману «Отцы и дѣти», обрисовываетъ чрезвычайно вѣрно отношенія, существующія между Станицкимъ и его героями.

Изъ приведенной цитаты мы видимъ, что первый критикъ «Современника» рѣшительно осуждаетъ личную вражду автора къ его героямъ, а такъ какъ романъ Станицкаго весь построенъ на такой враждѣ, то ясно, что этотъ романъ не можетъ нравиться Антоновичу, и что между беллетристикой и критикой «Современника» происходитъ очевидный разладъ. Слѣдовательно, нападая на Станицкаго, я буду постоянно нападать не на идеи «Современника», а на такія уклоненія и нелѣпости, къ которымъ каждый дѣльный сотрудникъ этого журнала долженъ относиться съ насмѣшкой и съ презрѣніемъ. Что хорошо въ «Современникѣ», то мы всегда будемъ считать хорошимъ, несмотря ни на какія полемическія столкновенія между нашими журналами; но что составляетъ въ «Современникѣ» гнилой хламъ и вредный балластъ, того навѣрное не рѣшится защищать ни одинъ изъ мыслящихъ дѣятелей этого журнала».

Возвращаюсь къ Станицкому. Григорій Андреевичъ ведетъ въ Петербургѣ самую безнравственную жизнь, содержитъ лоретку, играетъ и пьянствуетъ. Добравшись до этого порочнаго человѣка, авторъ немедленно пускаетъ въ ходъ свое краснорѣчіе и цицеронствуетъ слишкомъ на четырехъ страницахъ. На этихъ краснорѣчивыхъ страницахъ есть и психологическій анализъ, и разсужденія о междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Мысли какъ-то плохо вяжутся между собой, но зато пылкости очень много, и всѣ сужденія выражаются преимущественно въ восклицательной формѣ, при чемъ производятся весьма затѣйливые переливы изъ ироническаго тона въ тонъ зазывающаго негодованія. По части психологическаго анализа особенно любопытно то соображеніе, «что эгоистическія натуры неспособны ни къ какимъ привязанностямъ, если ими не руководитъ чувственная страсть, для удовлетворенія которой онѣ могутъ пожалуй на время прикинуться порядочными людьми, но какъ только эта страсть миновалась, онѣ снова начинаютъ питать непримиримую вражду къ тѣмъ, кто ждетъ отъ нихъ человѣческихъ чувствъ». Ясно, кажется, что эгоистъ есть мерзкое и лютое животное. Дальше оказывается даже, что «грязные, развратные эгоисты готовы побить каменьями каждаго отца, если онъ захочетъ воспитать свою дочь не куклой, а матерью будущихъ гражданъ». А еще дальше — по пословицѣ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ—авторъ заявляетъ даже, что эгоистовъ могутъ усмирить только «желѣзныя кольца, продѣтыя въ ихъ ноздри; только тогда они безсильны проявлять свою звѣрскую силу надъ слабыми».

Все это читатель «Современника» усваиваетъ себѣ въ мартѣ 1862 года. Вдругъ въ мартѣ 1863 года происходитъ перемѣна декорацій: появляется романъ «Что дѣлать?», и читатель съ удивленіемъ усматриваетъ, что бываютъ и такіе эгоисты, съ которыми можно вступать въ сношенія безъ помощи желѣзнаго кольца. Оказывается, что эти эгоисты никого не стремятся побить каменьями, непримиримой вражды не питаютъ и даже порядочными людьми никогда не прикидываются. Читатель недоумѣваетъ и наконецъ склоняется на сторону романа «Что дѣлать?», потому что дѣйствіе сильнаго и свѣтлаго ума почти всегда бываетъ неотразимо. Но вѣдь безхитростный читатель не привыкъ вдумываться въ то, что онъ читаетъ; онъ не умѣетъ сразу усваивать себѣ навсегда вѣрныя мысли. Романъ «Что дѣлать?» оставилъ быть можетъ въ его умѣ болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ другіе романы, но все-таки этотъ слѣдъ изгладится очень быстро, если его никто не будетъ подновлять дальнѣйшими впечатлѣніями изъ того-же міросозерцанія. А ужъ какое тутъ можетъ быть подновленіе, когда черезъ годъ Станицкій, того и гляди, разразится новымъ романомъ, въ которомъ опять соединитъ семинар-

скую психологію съ звѣринцемъ Крейцберга! Спрашивается теперь, какое-же право имѣютъ мыслящіе представители нашей литературы требовать отъ нашего общества нравственной и умственной стойкости, сознательной иниціативы и послѣдовательности въ мысляхъ и поступкахъ? Если лучшій изъ нашихъ журналовъ шатается изъ стороны въ сторону, безо всякой надобности тормозитъ свое собственное вліяніе и самого себя сбиваетъ съ ногъ, если такимъ образомъ въ самую лабораторію русской мысли забираются разныя умственныя нечистоты, если «соль земли» сама себя пакоститъ, то можемъ-ли мы ожидать какихъ-нибудь болѣе утѣшительныхъ результатовъ отъ той пестрой и разнокалиберной массы, которая называется русской публикой?

Я знаю, что мнѣ на это могутъ возразить. Мнѣ скажутъ, что вѣдь это—беллетристика, и что въ отношеніи къ этому отдѣлу слѣдуетъ быть болѣе снисходительнымъ, чѣмъ въ отношеніи къ критикѣ, къ политикѣ и къ прочимъ серьезнымъ отдѣламъ журнала. Почти всѣ журналисты на практикѣ придерживаются этой методы, но мнѣ кажется, что такой взглядъ на дѣло сильно отзывается самымъ близорукимъ рутинерствомъ. Если повѣсти и романы не имѣютъ для публики важнаго значенія, то-есть, если они читаются мало и неохотно, тогда незачѣмъ набивать безполезнымъ балластомъ половину книжки. Если-же они читаются большинствомъ, тогда они важнѣе всѣхъ остальныхъ отдѣловъ и сохранятъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока большинство не доростетъ до серьезнаго чтенія. Стало-быть, надо или сократить размѣры этого отдѣла, или смотрѣть на него во всѣ глаза, чтобы въ него не залѣзало всякое безобразіе. Но дѣлать то, что мы теперь дѣлаемъ, то-есть держать при журналахъ огромные беллетристическіе отдѣлы и въ то-же время вести эти отдѣлы спустя рукава, устраивать въ нихъ богадѣльни для разныхъ умственныхъ убогостей,—это ужъ просто ни на что не похоже. Это неразсчетливо въ отношеніи къ интересамъ издатели, это вредно для литературы, и это чрезвычайно недобросовѣстно и невѣжливо въ отношеніи къ читающей публикѣ. Если плохо пишутъ отечественные художники—помѣщай переводы, но не поощряй бездарности и не развивай этого умственнаго тунеядства. Кромѣ того сильный и любимый журналъ можетъ понемногу совершенно перевоспитать вкусъ публики и пріучить ее къ дѣльному и серьезному чтенію, такъ что беллетристическій отдѣлъ можно будетъ довести до самыхъ крошечныхъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы продѣвать эгоистамъ желѣзныя кольца въ ноздри, было бы гораздо лучше заняться чѣмъ-нибудь менѣе лютымъ, но болѣе полезнымъ для читателей.

III.

Карая безнравственность Григорія Андреевича и его лоретки, Станицкій при семъ удобномъ случаѣ прохаживается на счетъ эманципаціи женщинъ, и все это въ восклицательномъ и афористическомъ тонѣ. «Чего-же,—взываетъ нашъ Цицеронъ,—вы можете ждать, бѣдныя, честныя женщины въ жизни? Вы развѣ не видите, какъ нагло покровительствуется сознательный развратъ и какъ позорно наказываютъ вашъ проступокъ, вынужденный страхомъ и стыдомъ, а также и неопытностью? И не ждите ничего пока отъ эманципаціи женщинъ! Это проповѣдываніе такъ-же безплодно, какъ и состраданіе къ человѣчеству, о которомъ такъ давно и много толкуютъ. И развѣ вы не видите, что женщина, увлекавшаяся эманципаціей и отдавшаяся мужчинѣ безъ всякихъ гражданскихъ условій, развѣ она не гибнетъ также въ унизительномъ рабствѣ,—и въ придачу еще опозоренная?»

Дальше идетъ все въ томъ-же возвышенномъ направленіи, но съ насъ довольно и этого образчика, тѣмъ болѣе, что намъ придется еще потрудиться довольно долго надъ распутываніемъ нагороженной здѣсь чепухи. Подъ названіемъ *проступка* Станицкій разумѣетъ *дѣтоубійство*. Онъ противополагаетъ позорное наказаніе этого *проступка* тому *наглому покровительству*, которымъ пользуется *сознательный развратъ* соблазнителей. Какъ ораторская рулада, это противоположеніе можетъ быть очень красиво и эффектно, но смысла въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго. Станицкій желаетъ повидимому, чтобы въ случаѣ дѣтоубійства вмѣстѣ съ матерью ребенка наказывался и его отецъ; или онъ желаетъ, чтобы въ этомъ случаѣ наказывался одинъ отецъ; или-же наконецъ онъ желаетъ, чтобы всякій отецъ незаконнорожденнаго ребенка подлежалъ уголовному наказанію, хотя и не произошло никакого дѣтоубійства. Всѣ эти три желанія очень великодушны и еще болѣе остроумны. Разные французскіе романисты и моралисты, очень добродѣтельные и очень пустоголовые, постоянно эксплоатируютъ въ своихъ произведеніяхъ избитую тему на счетъ infame séducteur и innocente victime и постоянно призываютъ на голову перваго небесный громъ и уголовную кару; но еслибы составить изъ всѣхъ этихъ призывателей комитетъ и предоставить этому комитету полную законодательную власть по дѣламъ между séducteur'ами и victime'ами, то всѣ эти добродѣтельные люди убѣдились бы очень скоро, что они говорили совершенные пустяки. Во-первыхъ, не можетъ быть никакихъ ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ на то, что именно Иванъ, а не Петръ долженъ считаться отцомъ ребенка. Римскіе юрисконсульты говорятъ совершенно основательно, что mater semper est certa (мать всегда достовѣрно извѣстна); но объ отцѣ этого никакъ нельзя сказать, а осуждать человѣка по

догадкамъ—это было бы ужъ черезчуръ игриво. Во-вторыхъ, женщина наказывается не за безнравственность, а за истребленіе живого человѣческаго существа, и если любовникъ этой женщины не принимаетъ прямого участія въ этомъ послѣднемъ поступкѣ, то его и наказать не за что. Станицкій скажетъ на это, что коварный любовникъ есть прямая причина дѣтоубійства, но это возраженіе никуда не годится. Если судъ долженъ такимъ образомъ восходить къ причинамъ, то ему придется наказывать за дѣтоубійство не только отца и мать убитаго ребенка, а еще и многихъ другихъ людей. Придется наказывать родителей и воспитателей матери за то, что они сдѣлали ее легкомысленной, за то, что они не познакомили ее съ дѣйствительной жизнью и скрыли отъ нея даже тѣ естественныя послѣдствія, которыя ведетъ за собой взаимная и неплатоническая любовь. Придется наказывать также всѣхъ тѣхъ людей, по милости которыхъ отецъ ребенка сдѣлался коварнымъ обольстителемъ угнетенной невинности.

Можно себѣ представить, насколько подобное восхожденіе къ причинамъ благоразумно и приложимо къ условіямъ дѣйствительной жизни. Если-же Станицкій негодуетъ только противъ жестокости и несправедливости тѣхъ позорныхъ наказаній, которыя обрушиваются на женщину, обезумѣвшую отъ стыда, горя, страха и физической боли, то я конечно не буду съ нимъ спорить, потому что моя аргументація приводитъ меня именно къ этому результату. Но тогда незачѣмъ кричать о *наглом покровительствѣ*, потому что тутъ нѣтъ ни наглости, ни покровительства, а есть только невмѣшательство закона въ такія дѣла, въ которыя онъ не можетъ вмѣшаться и въ которыя ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не пожелаетъ его впутывать. Стало-быть, эффектная антитеза Станицкаго оказывается или безсмысленной фразой, или совершенно превратнымъ разсужденіемъ, клонящимся къ тому общему выводу, что общественные пороки должны излечиваться уголовными наказаніями. Это выходитъ опять вродѣ продѣванія желѣзныхъ колецъ для облагораживанія эгоистическихъ натуръ. Что подразумѣваетъ Станицкій подъ терминомъ: «эманципація женщинъ»—это вопросъ очень мудреный, но кажется мнѣ, что его понятія объ этомъ предметѣ такъ-же ясны и основательны, какъ и всѣ остальныя его воззрѣнія. Честныя женщины, по его мнѣнію, не должны ничего ждать отъ эманципаціи, потому что «женщина, увлекавшаяся эманципаціей и отдавшаяся мужчинѣ безъ всякихъ гражданскихъ условій, позорится и гибнетъ въ унизительномъ рабствѣ». Ну вотъ, скажите пожалуйста: постоянный сотрудникъ «Современника» разсуждаетъ такимъ образомъ объ эманципаціи женщинъ, и въ это самое время Антоновичъ дѣлаетъ Тургеневу строжайшій выговоръ за Евдокію Кукшину. Нельзя сказать, чтобы Кукшина была одарена геніальнымъ умомъ, но объ эманципація женщинъ эта барыня разсуждаетъ гораздо основательнѣе Станицкаго.

Нечего дѣлать: давайте распутывать чепуху, прикрытую почтенной фирмой. Во-первыхъ, осмѣлюсь замѣтить, что когда женщина отдается мужчинѣ безъ условій, тогда она обыкновенно увлекается любовью къ этому мужчинѣ, а не эманципаціей. Если-же женщина отдается мужчинѣ во имя идеи и по теоріи, то мнѣ кажется, что такая женщина дура набитая, глупѣе всякой Кукшиной, а дурѣ конечно никакая эманципація не можетъ пойти впрокъ. Станицкій очевидно понимаетъ эманципацію исключительно съ точки зрѣнія половыхъ отношеній. Честная женщина, по мнѣнію его, гибнетъ, когда отдается «грязному, развратному эгоисту». Прекрасно. Но зачѣмъ-же она отдается такому недостойному человѣку? Зачѣмъ она въ него влюбляется? Зачѣмъ она суется въ воду, не спросясь броду? Что̀ ее приворотнымъ зельемъ что-ли приколдовываютъ? Влюбляется она потому, что неопытна, неразвита, не умѣетъ размышлять, не имѣетъ понятія о настоящемъ достоинствѣ человѣка, не можетъ поставить при встрѣчѣ съ мужчиной ни одного разумнаго требованія. Женщина отдается мужчинѣ и ошибается въ немъ: что-же это значитъ? Значитъ, что она не знала ни его характера, ни склада его ума, ни уровня его развитія. Спрашивается, что же она знала и чему-же она отдавалась? Ясно что, и ясно чему: знала мужчину,—и отдавалась тоже мужчинѣ, и въ этомъ отношеніи ошибки не произошло. А что̀ можетъ избавить будущія поколѣнія женщинъ отъ подобныхъ пошлостей? Мнѣ кажется, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: широкое развитіе умственныхъ способностей и экономическая самостоятельность, то-есть именно эманципація женщины, проведенная въ ея воспитаніе и въ сферу женскаго труда. Но Станицкій думаетъ совсѣмъ по-своему. «Пока,—глаголетъ онъ,—сами мужчины не сдѣлаются нравственнѣе, никакая эманципація женщинъ не возможна». Это «*пока*» равняется совершенному отрицанію эманципаціи. На это «*пока*» можно отвѣчать другимъ «*пока*». *Пока* женщины не перестанутъ быть невинными и легкомысленными жертвами, до тѣхъ поръ мужчины не перестанутъ быть коварными обольстителями, потому что—извѣстное дѣло—не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ. Положимъ, что Іосифъ прекрасный убѣжалъ отъ жены Пентефрія. Но вѣдь всякому извѣстно, что такія добродѣтели даже въ древности были рѣдки, а ужъ въ наше время было бы черезчуръ неосторожно воздвигать на такихъ исключительныхъ добродѣтеляхъ будущее зданіе женской эманципаціи. Кромѣ того мужчины уже и теперь стоятъ далеко впереди женщинъ по своему умственному развитію; всякій

нравственный прогрессъ возможенъ только подъ условіемъ дальнѣйшаго *умственнаго* прогресса, и если Станицкій не знаетъ этой простой истины, то мнѣ остается только пожалѣть о его невѣдѣніи. Стало-быть, если мужчины должны сдѣлаться нравственнѣе, то это значитъ, что они должны сдѣлаться умнѣе, и что вслѣдствіе этого разстояніе между мужчинами и женщинами должно еще болѣе увеличиться. Но мы видимъ, что разладъ между мужчинами и женщинами уже и теперь очень силенъ; мы видимъ, что матери, сестры, жены, невинныя дѣвушки и *наглыя лоретки*,—словомъ, женщины вообще чрезвычайно сильно тормозятъ развитіе мужчинъ и по своей умственной несостоятельности постоянно тянутъ назадъ въ застой и въ рутину тѣхъ мужчинъ, которые не одарены желѣзной твердостью характера. Можно сказать безошибочно, что *филистерство* родилось у семейнаго очага, и что холостякъ никогда не способенъ сдѣлаться такимъ чистокровнымъ филистеромъ, какимъ становится рано или поздно почти каждый добродѣтельный отецъ семейства. Поэтому нетрудно понять, что дальнѣйшій прогрессъ мужчины связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ вопросомъ объ умственномъ развитіи женщины. И всякія разсужденія о томъ, кому надо умнѣть сначала, мужчинамъ или женщинамъ, напоминаютъ только старинный натурфилософскій вопросъ о томъ, что раньше произошло на свѣтъ—яйцо или курица? Съ одной стороны, если—яйцо, то кѣмъ-же это первое яйцо было снесено? А съ другой стороны, если курица, то откуда-же эта первая курица взялась? Выходитъ, стало-быть, что по-настоящему не могли произойти на свѣтъ ни курица, ни яйцо, и что слѣдовательно на свѣтѣ не можетъ быть ни куръ, ни яицъ, что̀ повидимому противорѣчитъ прямымъ указаніямъ вседневнаго опыта. Такъ точно и въ дѣлѣ прогресса. Еслибы прогрессъ не совершался самъ собой, помимо всякихъ теоретическихъ выкладокъ, то, разумѣется, вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ двинуться впередъ, мужчинамъ или женщинамъ, на практикѣ оказался бы неразрѣшимымъ. Мужчины стали бы говорить: «place aux dames!», а женщины стали бы говорить: «messieurs, мы—слабый полъ; ступайте впередъ и тащите насъ за собой», и всѣ вмѣстѣ остановились бы въ полной неподвижности, и начали бы упрекать другъ друга за неудачу поступательнаго движенія. Все это непремѣнно случилось бы, еслибы прогрессъ зависѣлъ отъ нашихъ разсужденій; мы постоянно вертѣлись бы въ заколдованномъ кругу, въ которомъ одно неудобство поддерживается всѣми остальными и въ которомъ надо непремѣнно или все разомъ двинуть впередъ, или все оставить на вѣчныя времена въ первобытномъ положеніи. Въ теоріи мы и не знаемъ, какъ-же это все разомъ двинуть, но на практикѣ все двигается разомъ, потому что каждый отдѣльный кусочекъ этого всего, то-есть каждая отдѣльная личность, мужского или женскаго пола, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется эгоизмомъ, то-есть старается устроить свою жизнь какъ можно пріятнѣе. Подчиняясь этому общему двигателю всего органическаго міра, каждый отдѣльный кусочекъ шевелится въ томъ или въ другомъ направленіи, и сумма всѣхъ этихъ частичныхъ шевеленій создаетъ общій прогрессъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій регрессъ или упадокъ, потому что все зависитъ отъ того, въ какую сторону направляется большинство индивидуальныхъ стремленій.

Но, разумѣется, для Станицкаго, считающаго наглость лоретокъ и жестокость развратныхъ эгоистовъ самыми серьезными препятствіями на пути отечественнаго преуспѣянія, для Станицкаго, говорю я, правильное пониманіе прогресса останется навсегда недоступнымъ, и онъ постоянно будетъ утруждать свою творческую мысль разными многознаменательными «пока». Всего интереснѣе то, что этотъ Кифа Мокіевичъ, составляющій для «Современника» чистое божеское наказаніе, принимаетъ самого себя за серьезное явленіе и чувствуетъ поползновеніе сдѣлаться наставникомъ молодого поколѣнія. «Я долженъ оговориться, — замѣчаетъ онъ, — что я пишу этотъ романъ для юношей, которые вступаютъ только въ общество, а потому, по неопытности, часто увлекаются рутинными, вредными понятіями о многихъ вещахъ,—тѣмъ болѣе вредными, что эти понятія усвоены большинствомъ».

Неопытные юноши! Что̀ вы на это скажете? Молодое поколѣніе! Какъ вамъ нравится такой глубокомысленный просвѣтитель? Такимъ образомъ мы познакомились до нѣкоторой степени съ краснорѣчіемъ Станицкаго, съ его претензіями и вообще съ тѣмъ элементомъ фразерства, который я назвалъ въ заглавіи этой статьи «букетомъ гражданской скорби». Намъ можетъ быть придется еще встрѣтиться съ различными проявленіями этого элемента, но теперь мы обратимъ наши взоры на «кукольную трагедію» и начнемъ серьезно и добросовѣстно изучать страданія, размышленія и злодѣянія различныхъ добродѣтельныхъ и порочныхъ, и при томъ сплошь деревянныхъ маріонетокъ.

IV.

Анна Антоновна скрываетъ отъ своей дочери неудовлетворительное поведеніе ея отца; но дочь, придя въ возрастъ, догадывается, что между родителями все обстоитъ не весьма благополучно. Она желаетъ примирить Григорія Андреевича съ супругой и говоритъ матери: «почему ты не пишешь отцу, чтобъ онъ ѣхалъ къ намъ?» Аннѣ Антоновнѣ на этотъ вопросъ отвѣчать неудобно, и потому она рѣшается писать къ своему беззаконному сожителю пригласительное письмо.

Софья Григорьевна также пишетъ, и безпутный глава семейства возвращается къ своимъ пенатамъ, но возвращается не одинъ, а привозитъ съ собой молодого человѣка, Петра Васильевича, также очень безпутнаго и чрезвычайно ненавистнаго Станицкому. Вотъ тутъ-то и начинается трагическое раздирательство.

Вѣщее сердце матери угадываетъ въ молодомъ гостѣ коварнаго обольстителя, и Анна Антоновна очень возмущается его прибытіемъ и его долговременнымъ присутствіемъ въ селѣ Григорьевкѣ, но злокачественный супругъ ея *на зло ей* удерживаетъ опаснаго юношу и даже старается сблизить его съ дочерью. Впрочемъ у молодыхъ людей это дѣло идетъ на ладъ помимо всякихъ постороннихъ вліяній. Все это вмѣстѣ очень безпокоитъ Станицкаго. «Да и чѣмъ было возмущаться Аннѣ Антоновнѣ?» восклицаетъ онъ съ явными претензіями на самую горькую и язвительную иронію. «Развѣ тѣмъ, что молодой человѣкъ говорилъ съ ея дочерью все о поэзіи и объ идеальныхъ предметахъ; или тѣмъ, что онъ по цѣлымъ ночамъ игралъ въ карты и пилъ множество вина съ ея мужемъ; или тѣмъ наконецъ, что онъ вздыхалъ, какъ страстно влюбленный, въ присутствіи барышни и въ то-же время искалъ случая соблазнить молоденькую и хорошенькую горничную этой-же самой барышни?»

Читатель видитъ, что молодой человѣкъ дѣйствительно ведетъ себя неблагонравно. Соблазнять молодыхъ горничныхъ вовсе непохвально, а пить *множество* вина изъ рукъ вонъ не хорошо, потому что это послѣднее занятіе не только унижаетъ человѣческое достоинство, но даже противорѣчитъ духу и требованіямъ русскаго языка. Впрочемъ я полагаю, что молодой человѣкъ пилъ вино не множествомъ, а рюмками или стаканами, и поэтому мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ половина грѣха должна упасть на авторскую совѣсть Станицкаго. Петръ Васильевичъ во всякомъ случаѣ рекомендуетъ себя плохо, но я хорошенько не понимаю, почему его порочныя наклонности огорчаютъ Анну Антоновну. Вѣдь она вовсе не желаетъ, чтобы онъ женился на ея дочери. Стало-быть, чего-же лучше? Позвала бы она къ себѣ свою дочь, да и разсказала бы ей по порядку, что вотъ онъ вчера выпилъ «множество вина», а третьяго дня строилъ куры какой-нибудь Натальѣ или Пелагеѣ. Можно было бы представить на лицо самыя убѣдительныя доказательства, напримѣръ свидѣтельство буфетчика и обольщаемой горничной. Тогда Софья Григорьевна поняла бы настоящую цѣну любовныхъ вздоховъ и поэтическихъ разговоровъ, и такимъ образомъ обольстительный ядъ потерялъ бы всю свою роковую силу. Но маріонеткамъ кукольной трагедіи подобное разрѣшеніе практическихъ вопросовъ не нравится, потому что оно слишкомъ просто и благоразумно.

Анна Антоновна воспитывала свою дочь въ счастливомъ невѣдѣніи дѣйствительной жизни; послѣ пріѣзда молодого гостя она «сознала вполнѣ страшную ошибку», но отъ этого сознанія дѣло нисколько не поправилось, и эта остроумная барыня вмѣсто того, чтобы сразу открыть глаза своей наивной дочери, начала предаваться какимъ-то неяснымъ размышленіямъ, которыя я могу сообщить читателю не иначе, какъ собственными словами Станицкаго. «Анна Антоновна сама находила, что было бы гораздо лучше, еслибы ея дочь теоретически ознакомилась съ развратомъ общества, съ его лицемѣрствомъ и эгоизмомъ, чѣмъ переиспытала все это на практикѣ, рискуя самой попасть въ этотъ грязный потокъ дѣйствительной жизни, который умчитъ ее и обезобразитъ въ водоворотѣ всевозможныхъ пороковъ». Это, я вамъ скажу, чудесная метода знакомиться съ жизнью, и я удивляюсь, какъ до сихъ поръ никто не догадался учредить при нашихъ университетахъ каѳедры для *теоретическаго* преподаванія «разврата, лицемѣрства и эгоизма». Недурно было бы также примѣнить эту *теоретическую* методу къ изученію плаванія, верховой ѣзды, фехтованія и стрѣльбы въ цѣль. Результаты получились бы блистательные. Хотя Анна Антоновна *сама* находила, что теоретическая метода очень хороша, однако она опять-таки *сама* начала дѣйствовать противъ Петра Васильевича практическимъ путемъ и потерпѣла совершенное пораженіе. Она обратилась къ супругу съ требованіемъ, чтобы онъ выпроводилъ своего гостя изъ дому. Супругъ конечно обругалъ ее за такое глупое требованіе; тогда она въ свою очередь обругала Петра Васильевича; Григорій Андреевичъ послѣ отъѣзда обруганнаго гостя сугубо обругалъ Анну Антоновну и даже пожелалъ увезти отъ нея дочь, но дочь не поѣхала, и военныя дѣйствія на нѣсколько времени пріостановились. Какимъ образомъ ругалась Анна Антоновна, этого намъ Станицкій не сообщаетъ, потому что Анну Антоновну онъ любитъ и всячески выгораживаетъ. Но о Григоріи Андреевичѣ мы доподлинно знаемъ, что онъ ругается шибко, кричитъ «неистово», кричитъ «ужасающимъ голосомъ», стучитъ «изо всей силы кулакомъ по столу» и держитъ «кулаки надъ головой несчастной женщины». Результатъ всѣхъ этихъ усилій оказывается въ высшей степени удовлетворителенъ, потому что Анна Антоновна остается безъ чувствъ на полѣ сраженія, хотя сраженіе ограничивалось только краснорѣчіемъ и мимикой, и слѣдовательно могло по всей справедливости называться *теоретическимъ* изученіемъ семейнаго боксерства. Когда наступила тишина и когда Анна Антоновна стала поправляться отъ болѣзни, причиненной ей всѣми *теоретическими* и практическими трудностями, тогда она замѣтила, что дочь ея тоскуетъ объ

уѣхавшемъ гостѣ. Тутъ она «дала себѣ слово понемногу начать, въ разговорахъ, знакомить свою дочь съ дѣйствительной жизнью».

Видно, теоретическая метода очень глубоко засѣла въ голову этой барыни, и намъ было бы куда какъ лестно послушать эти поучительные разговоры, но къ сожалѣнію Аннѣ Антоновнѣ побесѣдовать о жизни не удалось, потому что въ это самое время открылось, что барышня изучаетъ жизнь по другой методѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра Васильевича и при содѣйствіи добродушнаго папеньки.— Въ одну прекрасную ночь Аннѣ Антоновнѣ пришлось увидать, что ея дочь цѣлуется въ саду съ тѣмъ самымъ гостемъ, котораго она, Анна Антоновна, такъ храбро и рѣшительно выпроводила изъ дому. «Несчастная мать тотчасъ узнала голосъ дочери,—говоритъ Станицкій;—силы ей измѣнили, и она схватилась за дерево, чтобъ устоять на ногахъ, но тотчасъ-же, оглушенная точно громомъ, опустилась на сырую траву, прислонивъ свою пылающую голову къ дереву. Анна Антоновна не чувствовала холодной осенней ночи; напротивъ, мучительный огонь жегъ ее, она хотѣла кричать, но у ней не хватало голосу, хотѣла схватить за платье дочь, когда та прошла мимо съ Петромъ Васильевичемъ, но руки были безсильны; одинъ только слухъ, какъ бы нарочно, не былъ парализованъ, и она ясно разслышала и циническія шуточки Григорія Андреевича, совѣтовавшаго влюбленнымъ разойтись по домамъ, и звонкій прощальный поцѣлуй».

Однако, думаетъ хладнокровный читатель, какая-же это Анна Антоновна воинственная и притомъ какая преглупая! Какое она питаетъ страстное влеченіе къ безполезнымъ скандаламъ! И какъ это хорошо устроено, что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Ну посудите вы сами, зачѣмъ она хотѣла кричать и хватать дочь свою за платье?— Вѣдь изъ этого кричанія и хватанія ровно ничего не могло выйти, кромѣ смертельнаго испуга для Софьи Григорьевны. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, что дѣвушку, взволнованную любовнымъ свиданіемъ, окликаетъ въ темномъ саду отчаянный и неестественный голосъ; или еще лучше, ее ухватываетъ въ темнотѣ за платье съ судорожной силой какая-то невѣдомая рука. Ну, разумѣется, обморокъ, нервная горячка и смерть,—вотъ все, что можно ожидать отъ такой родительской шалости. И потомъ та-же самая Анна Антоновна стала бы раздирать свои ризы и стала бы обвинять въ смерти дочери весь свѣтъ, кромѣ самой себя, потому что услужливые медвѣди всегда поступаютъ такимъ образомъ. Вѣдь вотъ и въ этомъ случаѣ, размышляя о ночной сценѣ въ саду, Анна Антоновна никакъ не умѣетъ сообразить, что это любовное свиданіе вполнѣ можетъ быть названо дѣломъ ея собственныхъ рукъ. Пересчитаемъ всѣ ея капитальныя глупости, и мы увидимъ, что романъ ея дочери составляетъ прямой, естественный и необходимый результатъ родительской тактики самой Анны Антоновны. *Во-первыхъ*, она воспитываетъ свою дочь въ глубокомъ уединеніи и въ такомъ оранжерейномъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ рѣшительно ничего похожаго на дѣйствительную жизнь. *Во-вторыхъ*, она самымъ тщательнымъ образомъ лжетъ передъ дочерью на счетъ своей собственной семейной жизни, но сама требуетъ отъ дочери полной откровенности и въ то-же время брюзжитъ на эту дочь, когда замѣчаетъ или подозрѣваетъ въ ней какія-нибудь неподходящія мысли. Это впрочемъ самая обыкновенная метода старшихъ при сношеніяхъ съ младшими. Я, говоритъ старшій,—твой другъ, и ты открывай мнѣ всѣ твои мысли, а я тебя буду распекать за твои глупости и буду тебя обманывать для твоей-же пользы. И послѣ этого старшій удивляется, какъ это у младшаго достало безсовѣстности нарушить такой выгодный и удобный контрактъ. Но, разумѣется, контракты эти всегда нарушаются, потому что въ самомъ дѣлѣ трудно найти такого олуха, который удовлетворялся бы подобной дружбой и вообразилъ бы себѣ, что онъ дѣйствительно видитъ передъ собой настоящаго друга, а не благодѣтельное начальство. Поэтому система обязательной откровенности непремѣнно учитъ младшаго хитрить и притворяться, потому что хитрость и притворство составляютъ въ этомъ случаѣ естественное и необходимое орудіе личной обороны. Если-же эта система располагаетъ огромными, разнообразными и утонченными средствами угнетенія, то она приводитъ младшаго къ искусственному идіотизму, что и дѣлалось съ полнымъ успѣхомъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Но такъ какъ Аннѣ Антоновнѣ было далеко во всѣхъ отношеніяхъ до іезуитовъ, то ея педагогическія глупости привели только къ тому, что отношенія ея съ дочерью, оставаясь нѣжными и чувствительными, сдѣлались неестественными и натянутыми съ той самой минуты, какъ только въ головѣ молодой дѣвушки шевельнулась первая самородная мысль. Еслибы Софья Григорьевна встрѣтилась съ подругой, то она бы ей отдала всю свою довѣренность и стала бы ей высказывать такія вещи, которыя она не находила удобнымъ говорить любящей, но скрипящей. матери. Случилось ей встрѣтиться на первый разъ не съ подругой, а съ молодымъ мужчиной; очень естественно, что она бросилась къ нему на шею, потому что увидала въ немъ своего перваго друга и кромѣ того перваго близкаго знакомаго мужескаго пола. *Въ-третьихъ*, Анна Антоновна по просьбѣ дочери пишетъ своему мужу, чтобы онъ ѣхалъ къ нимъ въ деревню. Этотъ поступокъ составляетъ очень большую глупость, которая, именно съ точки зрѣнія самой Анны Антоновны и Станицкаго, оказывается совершенно непростительной. Анна Антоновна знаетъ давно, что ея мужъ—человѣкъ

отпѣтый; зачѣмъ же она сама напрашивается на то, чтобы этотъ человѣкъ забралъ въ руки вліяніе надъ ся дочерью? Зачѣмъ она рѣшается приблизить къ своей взрослой дочери этого человѣка, который по ея же собственному убѣжденію не можетъ принести ровно ничего, кромѣ вреда и горя?—Развѣ она не понимаетъ, что Григорій Андреевичъ навѣрное навяжетъ ей и дочери какое-нибудь знакомство, вовсе непоучительное для молодой дѣвушки? Что онъ привезетъ съ собой такого знакомаго изъ Петербурга, этого она, положимъ, не могла предвидѣть. Но вѣдь какого-нибудь молодого кутилу и веселаго собутыльника не трудно отыскать и въ провинціи, а что Григорій Андреевичъ будетъ искать и найдетъ такую драгоцѣнность, это было въ высшей степени вѣроятно, во-первыхъ, потому, что человѣкъ созданъ для общества, а во-вторыхъ, потому, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Если даже оставить въ сторонѣ это частное неудобство, то вообще слѣдовало ожидать, что Григорій Андреевичъ такъ или иначе обнаружитъ свои достоинства, и что дочь именно вслѣдствіе сближенія съ отцомъ испытаетъ въ отношеніи къ нему самое полное и самое тяжелое разочарованіе. Зачѣмъ же любящая и заботливая мать сама не взяла на себя труда разочаровать свою дочь и убѣдить ее въ томъ, что сближеніе съ кутящимъ родителемъ неудобно и неосуществимо во всѣхъ отношеніяхъ? Вотъ тутъ дѣйствительно не мѣшало пустить въ ходъ *теоретическую* методу, потому что, когда мать говоритъ дочери: «твой отецъ—пьяница», то дочери для того, чтобы повѣрить этимъ словамъ, нѣтъ никакой особенной надобности видѣть собственными глазами, какъ родитель пишетъ мыслете. Въ этомъ случаѣ показаніе матери замѣняетъ вполнѣ непосредственное созерцаніе сырого факта. Спрашивается, почему-же Анна Антоновна сдѣлала эту третью, капитальную глупость? Станицкій по своему пристрастію къ этой рыдающей маріонеткѣ не останавливается надъ этимъ вопросомъ и глухо даетъ почувствовать читателю, что Анна Антоновна выписала своего супруга по своему мягкосердію. Но я думаю, что она сдѣлала это по русской пословицѣ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Когда дочь задала ей вопросъ: «отчего ты не пишешь къ отцу?», то ей предстояло или отвѣчать на этотъ вопросъ: «вотъ отчего», или сказать: «сейчасъ напишу». Въ первомъ случаѣ надо было тотчасъ, немедленно высказать всю правду, а во второмъ случаѣ опасность отсрочивалась на нѣсколько недѣль. Этой отсрочки было совершенно достаточно, чтобы прельстить Анну Антоновну и направить ее на второй путь. Громъ непремѣнно грянетъ, и креститься все-таки придется, но такія отдаленныя соображенія не укладываются въ слабую голову заботливой матери. А можетъ и не грянетъ, авось, Богъ милостивъ, да когда еще это будетъ, ну, тогда увидимъ—вотъ тѣ обыкновенныя умозрѣнія, которыми пробавляется огромное большинство нашихъ соотечественниковъ, и эта близорукость пониманія, эта неповоротливость мысли составляютъ самое существенное основаніе нашего рутиннаго добродушія и мягкосердія. Мы обыкновенно не принимаемъ никакихъ раціональныхъ мѣръ противъ возможныхъ и вѣроятныхъ столкновеній съ различными шероховатостями дѣйствительной жизни: но мы дѣлаемъ это не потому, что сознательно уважаемъ нашихъ ближнихъ и не хотимъ оскорбить ихъ недовѣріемъ, а просто потому, что мы не умѣемъ вглядываться въ жизнь и ведемъ всѣ наши дѣла кое-какъ и спустя рукава. Это совсѣмъ не мягкость, а просто тупоуміе, и симпатизировать этому прелестному свойству могутъ только психологи, подобные Станицкому. *Въ - четвертыхъ*, Анна Антоновна не сдѣлала рѣшительно ничего, чтобы открыть дочери глаза на крупные недостатки Петра Васильевича. *Въ-пятыхъ*, она выгнала этого молодого человѣка изъ дому и этимъ крутымъ поступкомъ превратила любовь Софьи Григорьевны въ бѣшеную страсть.

Изъ этого длиннаго перечня глупостей видно, что всю кашу заварила Анна Антоновна, а Станицкій, напротивъ того, сваливаетъ всю вину на гнусныхъ развратниковъ, которые въ этомъ случаѣ являются совершенно второстепенными дѣятелями. Софья Григорьевна конечно выходитъ замужъ за Петра Васильевича, и жизнь ея складывается самымъ уродливымъ образомъ. Станицкій усиливается доказать, что виновниками ея несчастія были ея отецъ и ея мужъ, и весь романъ приготовляется такимъ образомъ къ тому заключенію, что женщины терпятъ горькую муку отъ безнравственности грязныхъ эгоистовъ, не вразумленныхъ желѣзными кольцами. Романъ составляетъ такимъ образомъ длинную проповѣдь противъ разврата и эгоизма. Станицкій, какъ авторъ, воленъ конечно къ однимъ изъ своихъ маріонетокъ питать нѣжную привязанность, а къ другимъ—лютую ненависть; мы ему препятствовать не можемъ и не желаемъ, но если мы осторожно соскоблимъ съ его картинъ тотъ ложный колоритъ, который кладутъ на нихъ его пылкія симпатіи и антипатіи, если мы такимъ образомъ возстановимъ факты разсказа въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и покажемъ дѣйствительныя пружины, управляющія ходомъ этихъ событій, то весь романъ приведетъ насъ къ совершенно противоположному заключенію. Что женщины терпятъ часто горькую муку—это правда; но главная и почти единственная причина ихъ страданій заключается въ ихъ собственной неразвитости и въ томъ искусственномъ тупоуміи, которое напускается на нихъ воспитаніемъ и всѣмъ складомъ нашей образцовой семейной жизни. Развратъ и эгоизмъ тутъ ни въ чемъ не виноваты, и вся основная тенденція ро-

мана оказывается такимъ образомъ совершенно ложной. Станицкій кричитъ людямъ: «старайтесь, подлецы вы этакіе, исправить вашу нравственность», и весь этотъ крикъ, растянутый на сотни страницъ, по всей справедливости долженъ быть названъ безплоднымъ наборомъ рѣзкихъ звуковъ. Людямъ надо говорить очень кротко и доказывать какъ можно убѣдительнѣе, что они въ сущности совсѣмъ не подлецы, и что имъ вовсе не слѣдуетъ исправляться, но что имъ было бы очень пріятно и не безполезно побольше и почаще пользоваться содѣйствіемъ головного мозга. «Вы бы, сударики мои, почитали книжку; вы бы, голубчики, подумали о вашихъ потребностяхъ; вы бы взглянули на такой-то вопросъ съ такой-то точки зрѣнія».—Вотъ какъ слѣдуетъ объясняться съ нашими милыми соотечественниками, и только такія дружелюбныя объясненія и могутъ принести хоть какую-нибудь пользу, потому что все человѣческое благосостояніе безусловно зависитъ отъ высоты умственнаго развитія.

Мы увидимъ, что даже творческій умъ Станицкаго не въ состояніи былъ изобрѣсти такіе факты, которые бы противорѣчили этой основной и неопровержимой истинѣ. Станицкому постоянно хочется свернуть на нравственную проповѣдь, а факты его романа, вопреки его авторскому всемогуществу, говорятъ ясно и громко, что вся бѣда происходитъ исключительно отъ недостатка умственнаго развитія.

V.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что добродѣтельная женщина надѣлала кучу глупостей и, вполнѣ обезоруживъ свою дочь нелѣпымъ воспитаніемъ, сама отдала ее въ безотчетное распоряженіе первому встрѣчному, который оказался неблагонадежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Посмотримъ теперь, какую роль играли здѣсь «грязные и развратные эгоисты», ненавистные Аннѣ Антоновнѣ и Станицкому. Что эта роль была совершенно второстепенной, это уже ясно изъ предыдущаго. Но теперь надо посмотрѣть, какая побудительная причина заставляла ихъ играть эту второстепенную роль. На соображенія Станицкаго тутъ полагаться невозможно, потому что онъ самъ рѣшительно не понимаетъ и упорно отказывается понимать тѣ факты, которые самъ изобрѣтаетъ и разсказываетъ. Добродѣтельная ненависть къ эгоизму и разврату помрачаетъ всѣ его помыслы. Онъ думаетъ, что Григорій Андреевичъ устроилъ сближеніе дочери съ Петромъ Васильевичемъ «на зло» Аннѣ Антоновнѣ, потому, изволите-ли видѣть, что «черствыя души не могутъ выносить самопожертвованій и чистыхъ привязанностей», и еще потому, что «у людей самолюбивыхъ нѣтъ пощады никому». Сильно сказано, но по обыкновенію неосновательно. Что Григорій Андреевичъ питаетъ непріязненное чувство къ Аннѣ Антоновнѣ—этому я охотно вѣрю, потому что это больное, слезливое и раздражительное существо способно навести тоску и уныніе даже на такого пламеннаго и постояннаго обожателя, какимъ былъ добрый рыцарь Тоггенбургъ или его близкій родственникъ, полоумный Донъ-Кихотъ. Но губить дочь для того, чтобы насолить женѣ, это слишкомъ замысловато и не совсѣмъ правдоподобно, особенно, если еще сообразить, что эта дочь любитъ и ласкаетъ своего отца и что собственно противъ дочери у этого отца нѣтъ ни малѣйшей непріязни. Но «у людей самолюбивыхъ нѣтъ пощады никому»; примемъ эти слова за святую истину и допустимъ, что Григорій Андреевичъ способенъ испортить жизнь дочери для того, чтобы доѣхать любезную супругу. Прекрасно, но вѣдь невозможно сомнѣваться въ томъ, что люди самолюбивые соблюдаютъ свои собственные интересы; дѣлать зло они могутъ, но если это для нихъ самихъ невыгодно, то они навѣрное не будутъ увлекаться, въ ущербъ собственному интересу, идеальнымъ удовольствіемъ напакостить ближнему. Село Григорьевка, заключающее въ себѣ пятьсотъ душъ, принадлежитъ Аннѣ Антоновнѣ — и послѣ ея смерти должно перейти во владѣніе Софьи Григорьевны; Анна Антоновна—женщина больная и можетъ умереть чрезъ два-три года; тогда Софья Григорьевна, какъ молодая и неопытная дѣвушка, довѣритъ все управленіе отцу даже и въ томъ случаѣ, если она въ то время будетъ совершеннолѣтней. Спрашивается, выгодно ли Григорію Андреевичу выдавать дочь свою замужъ, то-есть вводить между собой и дочерью третье лицо, съ которымъ по всей вѣроятности будетъ гораздо труднѣе ладить, чѣмъ съ одинокой и неопытной дѣвушкой? Кажется, невыгодно. А если невыгодно, то невозможно допустить, чтобы его участіе въ романѣ Софьи Григорьевны было обдуманной и злонамѣренной интригой. Лютый эгоистъ и нравственная испорченность остаются совершенно въ сторонѣ, а вмѣсто этихъ фантастическихъ свойствъ является на сцену то же самое дряблое мягкосердечіе, которое мы уже нашли въ Аннѣ Антоновнѣ и которое обыкновенно управляетъ почти всѣми поступками пустыхъ и ничтожныхъ людей. Привезъ онъ съ собой Петра Васильевича отъ нечего дѣлать, потому что съ «*хорошимъ человѣкомъ*» пріятно компанію вести; молодые люди понравились другъ другу; ихъ одушевленіе разсѣяло однообразіе деревенской жизни, и Григорію Андреевичу это обстоятельство доставило особенно много удовольствія потому, что онъ видѣлъ тутъ дѣло рукъ своихъ, и потому, что это обстоятельство льстило его родительскому самолюбію. Вотъ, молъ, Соня, думаетъ онъ, сколько лѣтъ ты жила вмѣстѣ съ мамашей и все удовольствія никакого не видала; а пріѣхалъ отецъ—и все разомъ пошло по новому. Отецъ то сразу догадался привезти тебѣ такую игрушку,

которая должна тебѣ понравиться больше всего на свѣтѣ.

Когда Анна Антоновна стала косо посматривать на петербургскую игрушку, тогда Григорію Андреевичу сдѣлалось досадно по многимъ причинамъ. Во-первыхъ —что за чортъ! ничѣмъ не угодишь. Всякая заслуга обращается въ преступленіе. Во-вторыхъ — чѣмъ же Петръ Васильевичъ не женихъ? Молодъ, нравится дѣвушкѣ, имѣетъ состояніе, и главное — душа-человѣкъ. Въ-третьихъ—зачѣмъ же огорчать Соню? Въ четвертыхъ — пріятно защитить дочь отъ капризовъ больной и раздраженной матери. Именно такого рода мысли и ощущенія должны были зашевелиться въ оскорбленномъ родителѣ, когда Анна Антоновна начала войну противъ развратныхъ эгоистовъ. При этомъ надо замѣтить, что Анна Антоновна съ своей стороны сдѣлала все, что могла сдѣлать, для того, чтобы довести почтеннаго супруга до послѣднихъ предѣловъ бѣшенства. Объясненія свои она начинаетъ обыкновенно самымъ надменнымъ и кисло-враждебнымъ тономъ; потомъ, когда видитъ, что этотъ тонъ никого не можетъ удивить и запугать, она вдругъ превращается въ казанскую сироту и начинаетъ визжать и плакать, но сквозь слезы все-таки продолжаетъ дѣлать оскорбительные попреки. Вотъ вамъ образчики: «я считаю неблагоразумнымъ,— сказала она,—далѣе терпѣть присутствіе вашего гостя: я его не знаю и не желаю знать короче. Прошу васъ сдѣлать ему намекъ, что его посѣщеніе слишкомъ продолжительно, и что я утомилась имъ».

Мнѣ кажется, что порядочные люди съ своими лакеями никогда не говорятъ такимъ сухимъ и повелительнымъ тономъ. Григорій Андреевичъ отвѣчаетъ ей «грубыми словами», «оскорбительнымъ и озлобленнымъ крикомъ», и это конечно съ его стороны непохвально, но надо же войти и въ его положеніе. Слова Анны Антоновны сразу уничтожаютъ возможность всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ. На эти слова надо отвѣчать или самымъ полнымъ изъявленіемъ покорности, то-есть немедленнымъ изгнаніемъ невиннаго гостя, или самымъ рѣшительнымъ отказомъ, а такой отказъ, въ какую бы мягкую форму онъ ни былъ облеченъ, все-таки долженъ произвести на Анну Антоновну самое потрясающее впечатлѣніе. Станицкій очевидно желаетъ, чтобы «грязный эгоистъ» собственноручно продѣлъ себѣ въ ноздри желѣзное кольцо, и малѣйшее уклоненіе этого лютаго животнаго отъ этой священной обязанности вмѣняется ему въ позорное преступленіе. Анна Антоновна между тѣмъ немедленно переходитъ въ минорный тонъ: «я прошу васъ не отрывать отъ меня мое дитя. Пожалѣйте меня хоть разъ въ жизни! Развѣ вы не видите, что вся моя жизнь въ ней?», и такъ далѣе, и все это произносится «умоляющимъ голосомъ». А вслѣдъ затѣмъ начинаются попреки, которые, какъ извѣстно, никогда не могутъ принести ни малѣйшей пользы. «Развѣ я плакала, когда вы прикидывались влюбленнымъ въ меня. Я вѣрила вамъ, вашей любви, и потому не могла перенести всѣ ваши унизительные поступки со мной»... и такъ далѣе.

Всѣ эти рѣчи очевидно не имѣютъ никакого прямого отношенія къ Петру Васильевичу и нисколько не могутъ расположить Григорія Андреевича къ мягкости и уступчивости. Я не думаю также, чтобы всѣ эти переходы отъ величаваго презрѣнія къ покорнѣйшей просьбѣ и отъ обильныхъ слезъ къ обильной брани могли внушить кому бы то ни было уваженіе къ личному характеру и къ желаніямъ Анны Антоновны. Поэтому, мнѣ кажется, нѣтъ основанія противополагать Анну Антоновну, какъ добродѣтельную мученицу, Григорію Андреевичу, какъ свирѣпому злодѣю. Анна Антоновна сама себѣ причиняетъ огорченія своими собственными ошибками, а Григорій Андреевичъ въ настоящемъ случаѣ является даже вовсе не злодѣемъ, а, напротивъ того, защитникомъ естественныхъ правъ своей дочери. Анна Антоновна шестнадцать лѣтъ воспитывала эту дочь и не умѣла даже настолько развить ея умъ, чтобы она не увлекалась первымъ нѣжнымъ взглядомъ перваго встрѣчнаго фата. А потомъ, когда это воспитаніе начинаетъ приносить свои плоды, Анна Антоновна думаетъ поправить все дѣло крутыми мѣрами родительской власти. Отецъ предлагаетъ дочери прогулку, а мать говоритъ: «не надо прогулки, ступай въ свою комнату и займись чѣмъ-нибудь». Сонѣ нравится молодой человѣкъ, а мать дѣлаетъ этому молодому человѣку дерзости и выгоняетъ его изъ дому. Намѣренія матери превосходны, но дѣйствія нелѣпы, и нѣтъ надобности быть эгоистомъ, развратникомъ или злодѣемъ для того, чтобы принять сторону дочери и сдѣлаться покровителемъ ея молодой любви. Жаль, что эта любовь возникла, но объ этомъ надо было думать гораздо раньше: дѣвушка не виновата въ томъ, что она полюбила, и подавлять ея любовь родительскими приказаніями значитъ только причинять ей безполезную боль. Эта дѣвушка по всей вѣроятности будетъ несчастлива, но совсѣмъ не потому, что у нея дурной отецъ, и не потому, что она влюбилась въ дурного человѣка, а потому, что она родилась, выросла и будетъ жить при такихъ условіяхъ, при которыхъ не могли развиться и окрѣпнуть силы ея ума.

Представьте себѣ, что Ноздревъ женился на помѣщицѣ Коробочкѣ и что у нихъ родилась дочь; много безполезныхъ слезъ прольетъ она на своемъ вѣку; подобно своей матери, она будетъ оплакивать каждую околѣвшую телушку и ужасаться при видѣ каждой градовой тучи; каждый копѣечный проигрышъ ея мужа будетъ дарить ее безсонными ночами; каждый убійственный взоръ, брошенный этимъ же самымъ мужемъ на какую-нибудь казначейшу, будетъ по-

вергать ее въ бездну отчаянія. Спрашивается, кто былъ виноватъ во всѣхъ ея страданіяхъ? Папенька ли ея, Ноздревъ, или маменька, Коробочка, или супругъ ея, подпоручикъ Кувшинниковъ, или всѣ они вмѣстѣ, или никто изъ нихъ? И каждый, и всѣ, и никто, и самъ чортъ ихъ разберетъ, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Причина всѣхъ страданій этой подпоручицы Кувшинниковой заключается и въ ней самой, и во всемъ, что ея окружаетъ, и во всей исторіи ея развитія. Ея личный характеръ, ея вседневная жизнь и ея воспитаніе — это такая мозаика, въ которую самыя разнокалиберныя личности положили и ежедневно кладутъ по крошечному камушку: тутъ и маменька, тутъ и папенька, и супругъ, и соперница-казначейша, и скотница Авдотья, и лакей Филимонъ, и странница Евпраксія, и юродивый Гришутка, и всѣ, ихъ же имена богъ-вѣсть, всѣ, всѣ вложили по лептѣ; и составилось изъ всѣхъ этихъ добровольныхъ приношеній нѣчто болѣе похожее на тѣстообразный осадокъ, чѣмъ на мозаику, построенную по опредѣленному рисунку. И совершаются въ этомъ осадкѣ разные химическіе процессы броженія: осадокъ дуется и плачетъ, осадокъ волнуется и страдаетъ, осадокъ лѣзетъ на стѣны и проклинаетъ свою жизнь, то-есть свой химическій составъ.—Кто тебя, осадочекъ, обижаетъ? спрашиваетъ сердобольный человѣкъ, подобный Станицкому. — А, вотъ кто! отвѣчаетъ себѣ этотъ человѣкъ.—Хорошо, я-жъ его отдѣлаю!—Кто тебя, осадочекъ, замѣсилъ? спрашиваетъ другой человѣкъ, также очень сердобольный и также очень похожій на Станицкаго.— А, вотъ кто! отвѣчаетъ онъ себѣ,—я-жъ ему покажу! И распространяются, по милости этихъ сердобольныхъ людей, зловѣщіе слухи, что всѣ страданія тѣстообразнаго осадка напущены на него и выдуманы спеціально для него лютыми злодѣями, подлецомъ Кувшинниковымъ и мерзавцемъ Ноздревымъ. Кувшинниковъ обижаетъ, а Ноздревъ замѣсилъ. Ясное дѣло, что они виноваты. Они выдумали рецептъ тѣстообразнаго осадка, они привели этотъ рецептъ въ исполненіе и они же теперь производятъ надъ осадкомъ разные химическіе опыты, которые для осадка мучительны, а для нихъ, для этихъ злобныхъ алхимиковъ, пріятны и занимательны.

О, могущественные чародѣи, Ноздревъ и Кувшинниковъ, о великіе извѣдователи осадочныхъ формацій! Какъ же это вы злодѣйствуете такъ сознательно, а между тѣмъ сами не умѣете приложить вашу сознательность къ устройству вашей собственной жизни! Неужели тебѣ, чародѣй Ноздревъ, пріятно, когда взыскательные партнеры истребляютъ твои бакенбарды? И неужели тебѣ, алхимикъ Кувшинниковъ, весело, когда ты примѣриваешь цѣлое утро новые сапоги и осматриваешь со всѣхъ сторонъ «на-диво сточенный каблукъ»?—Скучно и скверно живется вамъ обоимъ, друзья мои, и оба вы точно такъ же волнуетесь и страдаете, какъ тотъ несчастный осадокъ, на которомъ вы такъ часто срываете вашу нелѣпую злобу, и который въ свою очередь немедленно вымѣщаетъ полученныя отъ васъ огорченія на какой-нибудь безотвѣтной кухаркѣ или на своемъ собственномъ пятилѣтнемъ ребенкѣ. — Какіе-жъ вы послѣ этого чародѣи и алхимики? Какіе-жъ вы сознательные злодѣи? Вы сами—тѣстообразные осадки, никакого вы рецепта не выдумали и никакого рецепта не существуетъ. Существуетъ только поголовное неумѣнье жить, существуетъ повсемѣстная темнота и безсознательность, и въ этомъ отношеніи вы, Ноздревы и Кувшинниковы, нисколько не лучше, но и нисколько не хуже вашихъ добродѣтельныхъ женъ и вашихъ невинныхъ дочерей. Это неумѣнье жить, эта толкотня и это разнообразное мордобитіе существуетъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ земля. Когда мы смотримъ въ самую глубокую древность, тогда мы называемъ это неумѣнье жить дикостью или варварствомъ; потомъ, когда это неумѣнье организуется, мы замѣчаемъ въ немъ различныя стороны или грани, а теперь это неумѣнье жить раздробилось на такое множество отдѣльныхъ и мелкихъ явленій и получило столько благозвучныхъ названій, что всякое разсужденіе объ этомъ предметѣ сдѣлалось въ высшей степени неудобнымъ и щекотливымъ. Всякая отдѣльная форма этого неумѣнья пріобрѣла себѣ солидную осанку, укрѣпилась на фундаментѣ исторической давности, выработала себѣ самое щепетильное чувство собственнаго достоинства и вооружилась, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей, всѣми утонченными аргументами схоластической логики. А лекарство все-таки остается одно и тоже: не умѣешь жить, такъ учись; а не умѣешь учиться, такъ живи, какъ знаешь, и не жди себѣ никакого чудодѣйственнаго облегченія ни отъ декламаціи Станицкаго, ни отъ игривости Щедрина, ни даже отъ громоносной сатиры Розенгейма.

VI.

Романъ Станицкаго очень длиненъ (239 страницъ), и потому я нахожу невозможнымъ вести далѣе мое критическое изслѣдованіе о его достоинствахъ въ томъ объемѣ, въ которомъ я его началъ. Разнообразныя красоты этого романа такъ неисчислимы, что приходится сдѣлать самый строгій выборъ и остановиться только на самыхъ яркихъ и крупныхъ алмазахъ поэтической діадемы Станицкаго. Такими алмазами будутъ для насъ: *во-первыхъ*, идеальный конецъ, придѣланный къ земному существованію Анны Антоновны; *во-вторыхъ*, страданія Софьи Григорьевны; *въ-третьихъ*, дѣдушка Петра Васильевича; и *въ-четвертыхъ*, добродѣтельные люди молодого поколѣнія. Но, прежде нежели я приступлю къ изученію этихъ блестящихъ дра-

тонѣнностей, я желаю еще разъ позабавить моего читателя «букетомъ гражданской скорби» и высокаго негодованія. Я полагаю, что Станицкій есть именно тотъ князь Григорій, о которомъ говоритъ Репетиловъ, что у него

«Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!..»

По крайней мѣрѣ мнѣ никогда не случалось встрѣчать другого писателя, который такъ упорно и добросовѣстно придирался бы ко всякому удобному и неудобному случаю для того, чтобы вмѣстѣ съ своими читателями порыдать надъ несовершенствами нашей жизни и надъ испорченностью человѣческаго рода. На каждомъ шагу нить разсказа прерывается, романистъ восклицаетъ: «но восплачемъ-же, братья мои!», и начинается немедленно скрежетаніе зубовъ и посыпаніе главы пепломъ и сором разныхъ безплодныхъ выкликаній. А потомъ ничего, выплачетъ свое обязательное горе и опять начнетъ разсказывать. И никакъ невозможно предусмотрѣть, какое именно слово затронетъ чувствительную струну въ душѣ пылающаго гражданина. Иногда буря краснорѣчиваго огорченія разыгрывается по поводу самой ничтожной причины, подобно тому, какъ лавина сваливается часто отъ того, что какой-нибудь пастухъ громко высморкается или какой-нибудь дикій козелъ сдѣлаетъ неосторожный прыжокъ. Вотъ вамъ очень любопытный примѣръ. Станицкій приводитъ отрывокъ изъ письма влюбленнаго Петра Васильевича къ влюбленной Софьѣ Григорьевнѣ. «И ничего. На небѣ ясно. Бури не предвидится». «Я нахожу,—говоритъ Станицкій,—этотъ отрывокъ изъ переписки достаточнымъ, какъ образчикъ краснорѣчія влюбленнаго Петра Васильевича, которому Софья Григорьевна безусловно вѣрила, какъ она нѣкогда вѣрила, бывши ребенкомъ, волшебнымъ сказкамъ, которыя ей разсказывала ея няня».—Кажется, спокойно разсуждаетъ человѣкъ; но вообразите себѣ, въ этихъ спокойныхъ словахъ уже заключается гибельный зародышъ неистовой бури. Гдѣ же буря? спрашиваете вы съ безпокойствомъ. Должно быть, на счетъ довѣрчивости дѣвушекъ и коварства мужчинъ?—Нѣтъ-съ, это было бы слишкомъ просто.—Такъ можетъ быть по части педагогики: о томъ, что, молъ, не слѣдуетъ дѣтямъ разсказывать волшебныя сказки?—Нѣтъ, все не то. Извольте слушать дальше; сами не догадаетесь. «Разсказы о чудесномъ такъ плѣняли ее, что мать должна была долго и настойчиво разувѣрять, что въ дѣйствительной жизни вовсе не существуетъ людей въ видѣ звѣря или рыбы, что нѣтъ ни мертвой, ни живой воды, и нѣтъ такой волшебной палочки, по взмаху которой воздвигались бы дворцы, а всѣ люди при этомъ раболѣпно преклонялись бы предъ владѣтелемъ палочки; что нѣтъ также тѣхъ стоглавыхъ чудовищъ, которыхъ бы ни огонь, ни сталь и никакая сила человѣческая не могла уничтожить.» Буря надвинулась со всѣхъ сторонъ. Вы и сами чувствуете, что дѣло неладно. Не даромъ же авторъ такъ разгулялся на счетъ волшебныхъ сказокъ. Охъ, не даромъ! Но вы все-таки еще не знаете, съ которой же стороны на васъ посыпятся стрѣлы краснорѣчія, и отъ этой неизвѣстности вамъ становится еще болѣе жутко. Но вотъ раздается первый громовой ударъ, и передъ вами открывается мгновенно вся бездна приготовленнаго для васъ несчастья. «Но я такъ думаю,—продолжаетъ Станицкій,—что Анна Антоновна скорѣе ошибалась, разувѣряя ребенка въ томъ, что сказочныя нелѣпости не существуютъ въ дѣйствительной жизни. Неужели читатель не встрѣчалъ въ своей жизни людей, которые только носятъ человѣческій образъ, а по всѣмъ своимъ наклонностямъ дикіе звѣри? Мало-ли мы видимъ людей, нѣмыхъ, какъ рыба, при видѣ какихъ угодно ужасовъ»... Ну, и такъ далѣе.

Вотъ она, буря-то! Поняли теперь, какой зловѣщій смыслъ имѣло перечисленіе тѣхъ предметовъ, которые встрѣчаются, а можетъ быть даже и не встрѣчаются въ русскихъ волшебныхъ сказкахъ. Теперь вамъ Станицкій будетъ доказывать, не убѣдительно, но очень горячо, что въ жизни есть и живая вода, и мертвая вода, стоглавыя чудовища и волшебныя палочки. За ходомъ его доказательствъ я слѣдить не буду, потому что кому-же охота лѣзть подъ проливной дождь, когда можно пребывать въ сухости и безопасности?—Но результаты получаются такіе, что тщеславіе въ обществѣ—это живая и мертвая вода, что стоглавыя чудовища доподлинно существуютъ и что волшебную палочку составляютъ деньги. Ну, думаете вы, буря окончилась, потому что параллель проведена самымъ блистательнымъ образомъ. Но у Станицкаго буря родитъ бурю, бѣда влечетъ за собой новую бѣду. Деньги родятъ роскошные обѣды, роскошные обѣды родятъ обжоръ, въ числѣ обжоръ оказываются «ученые мужи» и «патентованные либералы и демократы». И тутъ, при этомъ роковомъ словѣ, въ одну минуту поднимается такой ураганъ, который сваливаетъ съ ногъ самого Станицкаго и отшибаетъ у него послѣдніе остатки здраваго смысла. Дѣло доходитъ вотъ до чего: «Да, ученые мужи и патентованные либералы, вѣдь сознайтесь, что, не будь у этихъ плутовъ дворцовъ и роскошныхъ обѣдовъ, вы бы, съ вашими строгими убѣжденіями, возмутились отъ одной дерзости ихъ, еслибы они протянули вамъ гордо руку и пригласили бы васъ на роскошный обѣдъ».

Что же это такое? Въ первой половинѣ фразы роскошный обѣдъ рѣшительно отрицается, а во второй половинѣ той же фразы это условіе уже забыто, и роскошный обѣдъ опять явился на сцену. У плута нѣтъ роскошнаго обѣда, и плутъ приглашаетъ на роскошный обѣдъ. Ай, да плутъ!

Именно плутъ! Тонкая шельма! Вотъ что значитъ разсуждать во время урагана. Вотъ до какой премудрости можно договориться. Но почему же это Станицкій такъ горячо заботится о желудкахъ «патентованныхъ либераловъ» и почему знакомство этихъ господъ съ богатыми плутами принимаетъ въ его глазахъ размѣры общественнаго бѣдствія? Мнѣ кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Люди, подобные Станицкому, обыкновенно слышатъ звонъ, да не знаютъ, откуда онъ. Станицкій слышалъ, а можетъ быть и читалъ, что есть на свѣтѣ доктринеры и ложные либералы, которые своей дѣятельностью тормозятъ развитіе общества. Какъ и чѣмъ они тормозятъ, этого Станицкій не съумѣлъ разобрать; сказали ему, что тормозятъ,—онъ и давай ихъ ненавидѣть безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ. Слышалъ онъ вѣроятно, что и у насъ расплодились ложные либералы и доктринеры, но чѣмъ эти господа отличаются отъ истинныхъ либераловъ,—этого онъ по своему обыкновенію не дослышалъ и не понялъ. И началъ онъ отличать истинныхъ либераловъ отъ ложныхъ не по идеямъ, а по поведенію. И поэтому явилась настоятельная необходимость разузнавать, гдѣ либералъ обѣдаетъ, гдѣ чай пьетъ, гдѣ ужинаетъ и какъ проводитъ ночь. А тутъ подоспѣла на помощь французская поговорка: «dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es» (Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я тебѣ скажу, кто ты такой). И такимъ образомъ составилось въ творческомъ умѣ Станицкаго непоколебимое убѣжденіе, что кромѣ лоретокъ и эгоизма существуетъ въ Россіи еще одно общественное зло, именно привычка «патентованныхъ либераловъ и демократовъ» обжираться роскошными обѣдами у богатыхъ плутовъ. Только не страдай эти господа чревоугодіемъ, многое пошло бы совсѣмъ иначе. Обѣдай они въ трактирѣ, а не у богатаго плута—и Станицкій съ удовольствіемъ призналъ бы ихъ настоящими либералами. Если же ихъ чревоугодіе составляетъ общественное зло, то надо разразить это чревоугодіе обличительнымъ громомъ. Ну вотъ, онъ и разражаетъ.

Привожу здѣсь послѣдніе и самые сильные порывы урагана, который постоянно вертится на роскошныхъ обѣдахъ и патентованныхъ либералахъ.

«А вы, господа, вы свою продажность души прикрываете честными убѣжденіями, и къ вамъ довѣрчиво идетъ пылкій юноша поучиться тому, какъ надо твердо отстаивать честныя убѣжденія, какъ строго надо слѣдить за своими слабостями и страшиться вреднаго тщеславія. И чему же вы научаете юношу?—торговать честью, приносить все въ жертву пустому тщеславію, карать порокъ на словахъ, а на дѣлѣ принимать участіе въ нихъ съ іезуитской осмотрительностью, чтобъ сухимъ выйти изъ воды. Вы—Іуды предатели! (Я вамъ говорилъ, что разразитъ, вотъ и разразилъ). Вамъ мало показалось зла человѣчеству отъ процвѣтанія торговли, вы завели биржу либераловъ и демократовъ, гдѣ идетъ торгъ честными убѣжденіями, посредствомъ которыхъ ловкіе торгаши обогащаются популярностью и дѣлаются либеральными Ротшильдами, и такъ же эксплоатируютъ бѣднымъ человѣчествомъ, какъ банкиры и фабриканты на своихъ биржахъ!..»

Такъ какъ ураганъ при самомъ своемъ началѣ подрѣзалъ логику Станицкаго, то въ этой тирадѣ совершенно безполезно будетъ искать какого-нибудь опредѣленнаго смысла. Мнѣ остается только замѣтить, что послѣдній порывъ урагана сшибаетъ даже грамматику, и вслѣдствіе этого «либеральные Ротшильды» начинаютъ «эксплоатировать» не *бѣдное человѣчество*, а «*бѣднымъ человѣчествомъ*», что во время тихой погоды, то-есть при ненарушенномъ господствѣ русской грамматики, оказывается совершенно невозможнымъ.

На стр. 130 Станицкій говоритъ о страданіяхъ трехъ добродѣтельныхъ женщинъ и произноситъ между прочимъ слѣдующія слова: «въ этихъ случаяхъ у меня умъ за разумъ заходитъ». Вотъ, что правда, то правда. Съ этимъ я совершенно согласенъ, и мнѣ даже кажется, что этотъ феноменъ совершается надъ Станицкимъ гораздо чаще, чѣмъ онъ самъ предполагаетъ. Теперь мы можемъ проститься съ «букетомъ гражданской скорби». Много остается нетронутыхъ сокровищъ, но кто-же можетъ выловить изъ Персидскаго залива весь заключающійся въ немъ жемчугъ? Или изъ Сѣвернаго океана—всю плавающую въ немъ селедку?—«Ты можешь-ли левіаѳана на удѣ вытащить на брегъ?»—Нѣтъ, не могу.—Ну, стало быть, не ропщи на судьбу, будь малымъ доволенъ и благословляй свою скромную долю.

VII.

Идеальный конецъ, придѣланный къ земному существованію Анны Антоновны.

Станицкій употребляетъ всѣ усилія, чтобы внушить читателю величайшее уваженіе къ характеру Анны Антоновны, и побудительная причина этихъ усилій очень понятна, потому что Анна Антоновна составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень всего строенія. Если окажется, что эта барыня смахиваетъ на помѣщицу Коробочку, тогда Григорій Андреевичъ перестанетъ быть свирѣпымъ мучителемъ добродѣтельной мученицы, а сдѣлается просто ничтожнымъ супругомъ ничтожной женщины; тогда печальная участь Софьи Григорьевны перестанетъ быть преступнымъ дѣломъ недостойнаго отца, а сдѣлается просто естественнымъ результатомъ дюжиннаго воспитанія и очень обыкновенныхъ условій жизни. Тогда читатель не будетъ думать, что все зло дѣйствительной жизни выдумано и напущено на добродѣтельныхъ людей «грязными эгоистами», «наглыми лоретками и «либеральными Ротшильдами». Тогда читатель можетъ подумать, что добродѣтельные люди часто бываютъ

людьми очень глупыми, и что ихъ глупость составляетъ крѣпкую почву, на которой растутъ и процвѣтаютъ всякіе Ротшильды, лоретки и такъ называемые эгоисты. Словомъ, тогда читатель нарушитъ въ отношеніи къ Станицкому всякую дисциплину и осмѣетъ его нравственную проповѣдь, какъ плоскую штуку. Очевидно, что такое безчинство допущено быть не можетъ, и что слѣдовательно Анну Антоновну необходимо утвердить на пьедесталѣ несокрушимой прочности и недосягаемой высоты. Станицкій усердно принимается за эту работу и съ свойственной ему смѣлостью въ одно мгновеніе ока превращаетъ Анну Антоновну въ благодѣтельницу крестьянъ села Григорьевки. Послѣ свадьбы Петръ Васильевичъ увозитъ свою молодую жену къ своимъ роднымъ, а Анна Антоновна переноситъ продолжительную болѣзнь и потомъ, послѣ выздоровленія, проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ «въ бездѣйственномъ состояніи». Она сидитъ въ комнатѣ дочери, перебираетъ ея дѣтскія вещи и только иногда соглашается выпить чашку чаю или бульону. Потомъ, надумавшись, она отправляется на деревню, обходитъ всѣ крестьянскія избы, вникаетъ въ потребности каждаго семейства и обѣщаетъ возвратить дѣтей, отданныхъ въ ученіе, тѣмъ отцамъ и матерямъ, которые желаютъ воспитывать ихъ при себѣ. Въ тотъ же вечеръ она пишетъ къ дочери письмо, въ которомъ сообщаетъ ей свои намѣренія. «Мнѣ страшно будетъ теперь умирать,—говоритъ она,—если я не искуплю хоть чѣмъ-нибудь жертвы, какія я требовала отъ людей. Мнѣ стыдно: у меня не повернется языкъ требовать отъ этихъ по моей милости нищихъ еще новыхъ жертвъ!..» «Свой домъ я превращу въ больницу и дѣтскую школу. Безъ тебя это наполнитъ мою жизнь...» «Всѣ земли, принадлежащія мнѣ, будутъ принадлежать обществу; изъ нихъ часть будетъ идти на больницу и школу, другая часть—на уплату податей, а остатки будутъ составлять капиталъ, безъ котораго нельзя обходиться сотнямъ людей. Мало-ли что можетъ случиться: пожаръ, голодъ, имъ будетъ чѣмъ извернуться».

Все это очень похвально, но только неправдоподобно, чтобы именно Анна Антоновна могла распорядиться такимъ образомъ. Въ такомъ образѣ дѣйствій нѣтъ никакого особеннаго героизма или самоотверженія; напротивъ того, въ положеніи Анны Антоновны только такой образъ дѣйствій можетъ избавить человѣка отъ невыносимой апатіи и снова помирить его съ жизнью живыхъ людей. Еслибы Анна Антоновна могла вполнѣ благоразумно обсудить свое положеніе, то она конечно выбрала бы именно этотъ путь, и ее не остановили бы какія-нибудь корыстолюбивыя или, какъ ихъ назвалъ бы Станицкій, «эгоистическія» соображенія. Но я осмѣливаюсь думать, что Анна Антоновна не могла разсуждать такъ здраво, и что Станицкій навязываетъ ей свои собственныя мысли; а мысли сотрудника «Современника», даже такого, какъ Станицкій, все-таки должны быть несравненно благообразнѣе, чѣмъ тѣ умозрѣнія, которыми руководствуются наши добродѣтельныя барыни. Станицкій совершенно упускаетъ изъ виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Спрашивается: была-ли Анна Антоновна сколько-нибудь расположена къ ханжеству? Существовалъ-ли по крайней мѣрѣ въ ея умѣ тотъ микроскопическій зародышъ этихъ стремленій, который существуетъ почти у всѣхъ нашихъ женщинъ и который, часто оставаясь незамѣтнымъ во время веселой и беззаботной молодости, развертывается съ полной силой и доходитъ иногда до мономаніи подъ старость или послѣ сильныхъ огорченій? Если на эти два вопроса Станицкій отвѣтитъ *да*, то благородная дѣятельность Анны Антоновны должна будетъ измѣниться существеннымъ образомъ отъ примѣси этихъ постороннихъ элементовъ. Тогда начнутся благочестивыя пожертвованія, поѣздки по монастырямъ, безтолковое раздаваніе милостыни, учрежденіе какого-нибудь пріюта или богадѣльни для убогихъ странницъ. Вмѣстѣ съ этимъ пойдутъ пожалуй и какія-нибудь милостивыя льготы для мужиковъ, но это будетъ великодушное копѣечное подаяніе, а совсѣмъ не такое широкое и полное возстановленіе нарушенной справедливости, какое изображаетъ Станицкій. Кормить нищихъ и поддерживать такимъ образомъ нищенство—это подвигъ очень не головоломный, и поэтому совершенно доступный для нашихъ благотворительныхъ господъ и барынь. Но подрѣзывать нищенство подъ самый корень, дѣйствовать противъ первыхъ причинъ нищенства, пересоздавать всѣ свои отношенія къ трудящемуся населенію—это работа въ высшей степени *сознательная*, и для того, чтобы понять настоятельную необходимость такой работы, недостаточно выдать дочь за «грязнаго эгоиста» и посидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ опустѣвшей комнатѣ этой дочери. Если-же на мои вопросы Станицкій отвѣтитъ *нѣтъ*, то намъ представится затрудненіе другого рода; если не было даже микроскопическаго зародыша, то, значитъ, были такія убѣжденія, которыя совершенно его искоренили. Стало-быть, было широкое, свѣтлое и основательное развитіе ума; но въ такомъ случаѣ все воспитаніе Софьи Григорьевны было бы направлено совершенно иначе. Въ такомъ случаѣ Анна Антоновна не стала бы пускать въ ходъ систему педагогическаго обмана, и въ шестнадцать лѣтъ Софья Григорьевна была бы дѣвушкой серьезно образованной и неспособной увлекаться безцвѣтнымъ и плоскимъ фразерствомъ такого ничтожнаго господина, какъ Петръ Васильевичъ. Да и никакого Петра Васильевича не было бы на сценѣ, потому что Соня понимала бы, что папашѣ очень весело въ Петербургѣ, и что папашу вовсе не слѣдуетъ отрывать отъ удо-

вольствій столичной жизни. Но—увы!—такая Соня не могла бы сдѣлаться героиней трагическаго романа, и Станицкому пришлось-бы искать добродѣтельныхъ маріонетокъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, за предѣлами села Григорьевки. Поэтому я думаю, что попытка Станицкаго возвысить Анну Антоновну въ глазахъ читателя должна считаться совершенно неудачной. Эта попытка показываетъ намъ, какъ мало Станицкій понимаетъ настоящее значеніе тѣхъ явленій дѣйствительной жизни, которыя онъ рѣшается изображать. Читатель согласится конечно, что предложенные мною вопросы имѣютъ очень важное значеніе, а между тѣмъ эти вопросы не только не разрѣшены, но даже не поставлены Станицкимъ.

VII.

Страданія Софьи Григорьевны.

Анна Антоновна внезапно умираетъ отъ огорченія, не исполнивъ ни одного изъ своихъ плановъ. Замѣчательно, что ее убиваетъ Софья Григорьевна, и еще замѣчательнѣе то, что нашъ удивительный романистъ не обращаетъ на это обстоятельство почти никакого вниманія. Узнавъ о намѣреніяхъ своей жены, Григорій Андреевичъ подаетъ, куда слѣдуетъ, бумагу о томъ, что Анна Антоновна страдаетъ припадками помѣшательства, и на этой бумагѣ красуется подлинная подпись Софьи Григорьевны. «По требованію отца,—говоритъ Станицкій,—Софья Григорьевна подписала просьбу, которая была и причиной смерти Анны Антоновны. Но дочь и не воображала, чтобы отецъ могъ ее заставить подписать такое гнусное обвиненіе», и такъ далѣе.

Этотъ интересный случай доказываетъ только ту простую истину, что совсѣмъ не надо *воображать*, а надо *читать* тѣ бумаги, которыя подписываешь, и кромѣ того надо *понимать* то, что читаешь. Я очень хорошо знаю, что огромное большинство нашихъ дамъ подписываетъ, не читая; а еслибы онѣ и рѣшались прочесть, то ничего не поняли бы и все-таки подписали бы на-авось. Но когда женщина погружена въ такую счастливую невинность, что она подписываетъ бумаги *нечаянно*,—когда она своей подписью пришибаетъ до смерти родную мать и когда она *по невѣдѣнью* принимаетъ *дѣятельное* участіе въ подлости, тогда можно сказать навѣрное, что каждый шагъ въ жизни будетъ приносить ей разочарованія, оскорбленія и страданія. По своей ребяческой неопытности, она будетъ натыкаться лбомъ на такія препятствія, которыя легко можно было устранить или обойти. По своей ребяческой раздражительности и впечатлительности, она будетъ чувствовать сильную боль отъ такихъ ничтожныхъ ушибовъ, на которые взрослый и мыслящій человѣкъ не обращаетъ никакого вниманія. Вдвое чаще ушибаться, да вдвое сильнѣе чувствовать каждый ушибъ—это значитъ вчетверо больше страдать, но вѣдь масса страданій учетверяется только благодаря личнымъ свойствамъ женщины. Будь она позрѣлѣе, она страдала бы вчетверо меньше, и тогда масса страданій была бы можетъ-быть такъ незначительна, что въ общемъ итогѣ женщина чувствовала бы себя счастливой. Для Вѣры Павловны изъ романа «Что́ дѣлать?» даже немыслимы тѣ огорченія, отъ которыхъ зачахла Софья Григорьевна. Вѣра Павловна можетъ быть счастливой, потому что она сама знаетъ, въ чемъ она нуждается, сама умѣетъ контролировать свои желанія и сама отыскиваетъ средства для удовлетворенія этимъ желаніямъ. Но для Софьи Григорьевны счастье было бы возможно только при одномъ условіи. Надо было бы, чтобы нашелся какой-нибудь господинъ очень ограниченнаго ума, который прочиталъ бы книги Мишле о женщинѣ и о любви и принялъ бы эти книги за величайшее произведеніе геніальнаго мыслителя. Проникнувшись идеями Мишле, убѣдившись въ томъ, что женщина есть существо вѣчно больное, что женщина есть цвѣтокъ, что женщина есть ребенокъ и что мужъ долженъ быть вѣчнымъ садовникомъ, вѣчнымъ воспитателемъ и вѣчной сидѣлкой, ухитрившись согласить въ своемъ убогомъ умѣ всѣ эти и многія другія обязанности мужа по Мишле, этотъ господинъ долженъ предложить Софьѣ Григорьевнѣ руку и сердце, и затѣмъ должна начаться такая маниловщина, которая даже самому Манилову показалась бы невыносимой по своей утонченности. Вотъ тогда Софья Григорьевна почувствовала бы себя счастливой, но такъ какъ человѣкъ, имѣющій хоть каплю практическаго ума, неспособенъ проникнуться идеями Мишле и не пожелаетъ посвятить свою жизнь на воздѣлываніе Софьи Григорьевны, то мужъ цвѣтка будетъ также цвѣткомъ; и поэтому для охраненія этихъ невинныхъ растеній отъ коровъ иословъ потребуется спеціальный садовникъ или опекунъ.

Такимъ образомъ для счастья каждой женщины, подобной Софьѣ Григорьевнѣ, необходимы по меньшей мѣрѣ два должностныя лица: во-первыхъ — глупый мужъ, а во-вторыхъ — идеальный опекунъ. Но изъ этого ясно, что счастье подобныхъ созданій не только невозможно, но даже и нежелательно, потому что, въ самомъ дѣлѣ, за что́ же одну половину наличныхъ мужчинъ погружать въ красивый идіотизмъ, а другую осуждать на безправіе и на вѣчное ухаживаніе за плодящимися идіотами. Я знаю, что очень многія женщины похожи на Софью Григорьевну. Очень жаль, что онѣ несчастливы, но не приведи Богъ, чтобы онѣ когда-нибудь сдѣлались счастливыми, потому что тогда земной шаръ еще сильнѣе, чѣмъ въ настоящую минуту, сдѣлался бы похожъ на психіатрическую лечебницу. Больнымъ надо выздоравливать, а неизлечимымъ больнымъ надо умирать, но никакъ не слѣдуетъ

желать такого измѣненія въ условіяхъ жизни, вслѣдствіе котораго больные, не переставая *быть* больными, *чувствовали* бы себя легко и весело. Если бы такое измѣненіе и было возможно, то оно очевидно было бы гибельно для здоровыхъ. Музыкантъ не виноватъ въ томъ, что глухой не слышитъ музыки; лечите глухого, но не заставляйте музыкантовъ играть такъ, чтобы вашъ невылеченный паціентъ могъ слышать всѣ переливы звуковъ; такой музыкой вы разгоните всѣхъ здоровыхъ слушателей. Можетъ-быть оркестръ играетъ плохо, можетъ-быть музыка находится въ младенческомъ состояніи, но и оркестръ, и музыка должны совершенствоваться для того, чтобы доставлять наслажденіе здоровымъ, а не для того, чтобы пронимать глухихъ. Какъ бы музыка ни усовершенствовалась, глухому отъ этого не сдѣлается легче, потому что ему можетъ помочь только такая перемѣна, которая произойдетъ не въ окружающемъ мірѣ, а въ его собственной личности.

Страданія Софьи Григорьевны начинаются съ первыхъ недѣль ея замужества и принимаютъ очень крупные размѣры, хотя повидимому никакихъ особенныхъ несчастій не происходитъ.— «Нынче день такой для меня; я его никогда въ жизни не забуду: страшнѣе этого дня не можетъ быть ни въ чьей жизни,—замѣтила съ увѣренностью Софья Григорьевна». Что же такое случилось въ этотъ страшный день? Умеръ кто-нибудь, или съ-ума сошелъ, или преступленіе какое-нибудь ужасное совершилось, или развратные эгоисты прибили Софью Григорьевну? Нѣтъ, ничего этого не случилось, да и вообще въ этотъ день не произошло никакого событія, а только Софья Григорьевна узнала нѣкоторыя подробности изъ холостой жизни Петра Васильевича, и всѣ эти подробности относятся исключительно къ различнымъ проявленіямъ русскаго донъ-жуанства. Узнала она, что Петръ Васильевичъ прижилъ сына съ дворовой дѣвушкой Лизаветой, и увидала она этого сына, и убѣдилась въ томъ, что ребенокъ дѣйствительно похожъ на своего отца; узнала она кромѣ того, что Петръ Васильевичъ велъ любовную переписку съ бѣдной дѣвушкой, Олимпіадой Федоровной. И узнала она наконецъ, что Петръ Васильевичъ находился въ интригѣ съ камеліей Катей. Вотъ и всѣ ужасы. Надо сказать правду: было бы очень весело жить на свѣтѣ, еслибы «страшнѣе этого дня» не могло быть «ни въ чьей жизни». Ясно, что всѣ страданія Софьи Григорьевны происходятъ отъ ревности, и притомъ отъ самой глупой ревности, то есть отъ такой, которая обращена на прошедшее.

Замѣчательно, что Станицкій горячо осуждаетъ ревность въ Григорьѣ Андреевичѣ и въ то же время относится съ полнымъ сочувствіемъ къ ревности его дочери; «и если грубость иногда и проглядывала въ его дѣйствіяхъ,—говоритъ онъ о Григорьѣ Андреевичѣ,—то это, какъ догадывались, была ревность,—а вѣдь ревность-то и есть любовь, какъ доказываютъ всѣ влюбленные эгоисты, чтобъ оправдаться чѣмъ-нибудь въ своихъ дурныхъ поступкахъ въ то время, когда власть ихъ надъ женщиной еще колеблется». Положимъ, что не влюбленные эгоисты, а влюбленные пошляки доказываютъ, что «ревность-то и есть любовь». Но это все равно; мы уже знаемъ, что слово «эгоистъ» на языкѣ Станицкаго имѣетъ ругательное значеніе; стало быть, не придираясь къ словамъ, замѣтимъ только, что Станицкій считаетъ ревность чувствомъ вполнѣ достойнымъ грязныхъ эгоистовъ, а потомъ все мучительство Софьи Григорьевны основывается почти исключительно на этомъ оплеванномъ чувствѣ, и однако сама мученица не считается ни эгоисткой, ни грязной, ни даже глупой. Софья Григорьевна бросаетъ на полъ медальонъ Петра Васильевича и кричитъ «раздирающимъ голосомъ»: «поѣдемте къ нему! я хочу его видѣть и сказать ему въ глаза, что онъ...» Здѣсь вырываются изъ груди ея вопли, которые мѣшаютъ ей «досказать фразу», и она падаетъ безъ чувствъ.—Можно сказать, что вопли и обморокъ подоспѣли очень кстати, потому что Софья Григорьевна вѣроятно произнесла бы какую-нибудь «грубость», и тогда Станицкому пришлось бы доказывать, что грубости Григорья Андреевича были предосудительны и вытекали изъ грязнаго эгоизма, а грубости Софьи Григорьевны напротивъ того похвальны и вытекаютъ изъ самой чистой любви.

Но ни вопли, ни обморокъ не могутъ замаскировать ту печальную неурядицу, которая господствуетъ въ идеяхъ Станицкаго. Какъ ни поворачивай дѣло, а все-таки выходитъ, что мужчина не смѣй ревновать, а женщина ревнуй, сколько душѣ угодно. Само собой разумѣется, что это мнѣніе Станицкаго въ высшей степени оскорбительно для женщинъ. Если мы допустимъ, что ощущеніе ревности есть необходимое и нормальное отправленіе женскаго организма, то мы этимъ самымъ сужденіемъ обречемъ женщину на вѣчную, самую унизительную и самую тягостную зависимость. Въ самомъ дѣлѣ, если вы ревнуете, и если это чувство принимаетъ у васъ размѣры серьезнаго страданія, то это значитъ, что все счастье вашей жизни находится въ чужихъ рукахъ, и что эти чужія руки во всякую данную минуту могутъ измять и изуродовать ваше счастье, не прикасаясь къ вашей собственной личности. Когда намъ говорятъ: «эта женщина счастлива», то мы обыкновенно понимаемъ эти слова въ томъ смыслѣ, что эта женщина любима тѣмъ человѣкомъ, котораго она сама любитъ; чуть только этотъ человѣкъ отвернулся отъ нея, вотъ она и несчастлива, вотъ и начинаются мученія ревности; мы такъ привыкли къ такимъ явленіямъ, что даже не замѣчаемъ ихъ

уродливости, а вѣдь между тѣмъ не трудно, кажется, понять, что эти явленія указываютъ на страшную внутреннюю пустоту тѣхъ личностей, для которыхъ любовь Петра или Ивана составляетъ такимъ образомъ высшее благо и единственную цѣль существованія. У этихъ несчастныхъ личностей нѣтъ своего внутренняго содержанія; у нихъ нѣтъ никакой любимой дѣятельности; онѣ не принимаютъ никакого участія въ общей работѣ человѣчества; онѣ даже не имѣютъ понятія о существованіи такой работы; всѣ величайшія усилія человѣческой мысли, всѣ колоссальныя событія новѣйшей исторіи, всѣ животрепещущія надежды и стремленія лучшихъ людей—все это или совершенно неизвѣстно ревнивымъ обожательницамъ Петра и Ивана, или, еще хуже, извѣстно имъ, какъ вызубренный параграфъ учебника или какъ мертвый столбецъ газеты. Взаимная любовь конечно даетъ много наслажденій, больше, чѣмъ хорошій обѣдъ, больше, чѣмъ роскошная квартира, больше, чѣмъ оперная музыка, но наполнять всю жизнь взаимной любовью, не видѣть въ жизни ничего выше и обаятельнѣе взаимной любви, не умѣть, въ случаѣ надобности, отказаться отъ этого наслажденія—это значитъ не имѣть понятія о настоящей жизни, это значитъ не подозрѣвать, какъ великъ и силенъ человѣческій умъ, и какія неисчерпаемыя сокровища неотъемлемыхъ наслажденій скрыты въ сѣромъ веществѣ нашего головного мозга. Когда любовь дается вамъ въ руки, пользуйтесь ею, какъ вы пользуетесь напримѣръ свѣтлымъ и теплымъ лѣтнимъ днемъ. Но если набѣгутъ тучи и польется дождь, не станете же вы плакать о томъ, что разстроилась ваша прогулка. Велика бѣда!—сегодня дождь, а завтра будетъ опять солнечный день. А семилѣтній ребенокъ все-таки заплачетъ: завтрашній день далекъ, ему надо сегодня. Печальная была бы штука, еслибы этому семилѣтнему ребенку пришлось оставаться ребенкомъ втеченіи семидесяти лѣтъ и еслибы существовала цѣлая порода такихъ человѣкообразныхъ созданій, которыя проливали бы горькія слезы по поводу каждаго лѣтняго дождя, разстроившаго пріятную прогулку. А вѣдь недалеко уѣхали отъ этихъ плаксивыхъ созданій тѣ убогія и нищія личности, для которыхъ невѣрность Ивана и Петра составляетъ громадное несчастье, наполняющее цѣлую жизнь слезами и отчаяніемъ. И эту плаксивость, эту убогость, эту поразительную нищету романисты и критики ежедневно возводятъ въ великое достоинство человѣческой природы. Вотъ она, говорятъ, истинная любовь, вотъ она, сила любви. А вся эта сила и истинность не что иное, какъ результатъ внутренней пустоты. Личность такъ слаба и несостоятельна сама по себѣ, что поневолѣ должна прислониться къ другой личности, и когда эта опора измѣняетъ, тогда прислонившаяся личность падаетъ, ушибается и начинаетъ охать.

Вотъ именно противъ этой-то мучительной и позорной зависимости должна быть направлена эманципація женщинъ. Женщина должна стоять на своихъ собственныхъ ногахъ; женщина, какъ человѣческая личность, должна постоянно носить въ себѣ самой главный источникъ своего счастья, и ни мужчина, ни женщина никогда не должны отдавать этотъ основной капиталъ своей жизни въ чужія руки. Удастся-ли женщинѣ стать такимъ образомъ въ совершенно независимое положеніе—этого никто не рѣшится утверждать заранѣе, но объ этомъ еще не время разсуждать, удастся или нѣтъ—это все равно; во всякомъ случаѣ каждая женщина, уважающая свою человѣческую личность и желающая упрочить свое собственное счастье, должна употреблять всѣ усилія, чтобы какъ можно ближе подойти къ полному самоосвобожденію. А подойти къ этой цѣли можно только однимъ путемъ, путемъ серьезнаго, послѣдовательнаго и общеполезнаго умственнаго труда. Въ медицинѣ нѣтъ универсальнаго лекарства, но есть общія правила гигіены, и соблюденіе этихъ правилъ предотвращаетъ большую часть болѣзней. Противъ различныхъ нравственныхъ и общественныхъ страданій человѣчества также нѣтъ универсальнаго лекарства; но если мы хотимъ, чтобы будущія поколѣнія страдали меньше насъ, то мы должны стараться, чтобы умственный капиталъ обращался въ обществѣ какъ можно быстрѣе. Въ этомъ заключается главное правило общественной гигіены, и если это правило будетъ соблюдаться, то можно сказать навѣрное, что несчастная любовь, мучительная ревность и подвиги донъжуанства скоро будутъ сданы въ общій архивъ забытыхъ человѣческихъ глупостей.—Но къ сожалѣнію въ умственный капиталъ впущено много фальшивой монеты, и множество человѣческихъ глупостей пользуются полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ самыхъ людей, которые считаютъ себя проповѣдниками истины и карателями заблужденій.

Любопытно и даже умилительно замѣтить, какъ чистосердечно Станицкій, неутомимой проповѣдникъ и пламенный каратель, восхищается ребяческимъ слабоуміемъ своихъ любимыхъ маріонетокъ. Идетъ Софья Григорьевна встрѣчать Петра Васильевича, уѣхавшаго въ городъ къ Катѣ и обѣщавшаго воротиться въ назначенный день. Она отходитъ отъ дому довольно далеко и вмѣсто Петра Васильевича встрѣчаетъ его молодого родственника, Сережу, который считается съумасшедшимъ и живетъ отшельникомъ въ уединенномъ флигелѣ; на самомъ дѣлѣ этотъ Сережа—благороднѣйшій человѣкъ, вовсе не съумасшедшій, но ведущій созерцательную жизнь среди книгъ, нотъ и цвѣтовъ; выбралъ же онъ эту жизнь, достойную рыцаря Тоггенбурга, потому, что мать его—дурная женщина, а еще потому, что сестра его умерла отъ отчаянія и во-

спаленія въ легкихъ, и наконецъ еще потому, что самъ онъ, Сережа, не въ состояніи смотрѣть на человѣческія гнусности. Встрѣтившись съ Софьей Григорьевной, Сережа спрашиваетъ у нея между прочимъ, давно-ли уѣхалъ ея мужъ?

«— Вотъ уже теперь ровно двое сутокъ.— Софья Григорьевна произнесла это такимъ тономъ, точно богъ-знаетъ сколько лѣтъ прошло съ минуты ихъ разлуки». Эта наивность очень трогательна и похвальна, но еще трогательнѣе и похвальнѣе то, что Софья Григорьевна принимаетъ предложеніе Сережи, вызвавшагося поѣхать ночью верхомъ въ городъ для того, чтобы къ утру доложить Софьѣ Григорьевнѣ, какая причина задержала ея супруга. Сережа, слабый и болѣзненный юноша, путешествуетъ всю ночь и, воротившись домой, конечно занемогаетъ. На другой день, узнавши, что Сережа боленъ, Софья Григорьевна говоритъ «*съ досадой*»: «Такъ онъ не былъ въ городѣ? А я такъ надѣялась на него». И этими словами ограничивается все ея участіе къ положенію больного, даже тогда, когда ей говорятъ, что его свалила съ ногъ поѣздка въ городъ. Вы не забудьте, что все это происходитъ черезъ два дня послѣ швырянія медальона на полъ. Посудите сами, есть ли какая-нибудь разница между этой женщиной и тѣмъ семилѣтнимъ ребенкомъ, который плачетъ и капризничаетъ по поводу лѣтняго дождя? И есть ли какая-нибудь возможность серьезно сочувствовать воплямъ и обморокамъ такого пустого и ничтожнаго существа?

Дальше наивность Софьи Григорьевны становится еще обаятельнѣе, а сочувствіе Станицкаго дѣлается еще очевиднѣе и умилительнѣе. Софья Григорьевна сближается съ Сережей и посѣщаетъ иногда его уединенный флигель. «Они, какъ дѣти,—говоритъ Станицкій,—долго болтали и смѣялись; ихъ взгляды такъ были чисты, ихъ разговоръ такъ искрененъ, что невольно думалось: вотъ что нужно для супружескаго счастья,—нужно, чтобъ равно обоихъ пугала грязь жизни, а не такъ, какъ это бываетъ всегда: одинъ пропитанъ развратомъ, безстрашенъ ко всѣмъ низостямъ и равнодушенъ ко всякому горю и страданію ближняго, другой —слабая, неопытная женщина». А вотъ чѣмъ занимались невинные молодые люди: «Они читали вмѣстѣ и даже иногда, какъ дѣти, бѣгали по саду, стараясь каждый сдѣлать возможно большее число круговъ. Послѣ этой бѣготни они, безъ всякой натянутости, вели серьезный разговоръ объ умершей сестрѣ молодого человѣка, о страданіяхъ двухъ бѣдныхъ женщинъ и оканчивали всегда надеждой, что добро восторжествуетъ наконецъ надъ зломъ,—въ это они дѣтски вѣровали».

Да! Вотъ что нужно для супружескаго счастья! Договорился наконецъ Станицкій до послѣднихъ результатовъ своей нравственной философіи. Раскрылись передъ нашими изумленными очами самые глубокіе тайники его міросозерцанія. Когда я предлагалъ для Софьи Григорьевны счастье по рецепту Мишле, то недовѣрчивые читатели думали быть-можетъ, что я преувеличиваю и что я слишкомъ недоброжелательно отношусь къ тому типу, который выражается въ возлюбленной героинѣ Станицкаго. Теперь эти недовѣрчивые читатели видятъ желанія самого Станицкаго, благоговѣющаго передъ этимъ типомъ; кажется, эти желанія по своей смѣлости превосходятъ всѣ мои предположенія, потому что я никакъ не думалъ, чтобы для полноты супружескаго счастья, даже по Мишле и даже для Софьи Григорьевны, было необходимо или полезно дѣлать по саду «возможно большее число круговъ». Впрочемъ мнѣ кажется, что это дѣланіе круговъ составляетъ самое благоразумное изъ всѣхъ занятій, наполнявшихъ безконечные досуги Сережи и Софьи Григорьевны. Тутъ получаются осязательные результаты: укрѣпляются мускулы, развиваются легкія и пріобрѣтается аппетитъ. Но какую пользу приносило ихъ чтеніе и къ чему вели ихъ возвышенныя бесѣды о торжествѣ добра, чѣмъ отличалось ихъ чтеніе отъ упражненій чичиковскаго Петрушки и чѣмъ отличались ихъ бесѣды отъ умозрѣній судьи Ляпкина-Тяпкина о сотвореніи міра —это вопросы очень мудреные, и если Станицкій попробуетъ ихъ разрѣшить, то его умъ немедленно зайдетъ за его разумъ. Всѣ эти серьезныя или игривыя забавы Сережи и Софьи Григорьевны оправдаются вполнѣ извѣстной поговоркой: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало; но при этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что добро врядъли когда-нибудь восторжествуетъ надъ зломъ, если всѣ люди, желающіе этого торжества, сдѣлаются похожими на Софью Григорьевну и на ея невиннаго собесѣдника.

Это конечно очень красиво и трогательно, когда *грязь жизни равно пугаетъ обоихъ*, но для того, чтобы эта боязнь грязи воспиталась въ одной человѣческой личности, необходимо, чтобы десятки или сотни другихъ человѣческихъ личностей вертѣли за кулисами очень грязныя колеса большой и тяжелой машины. Окружить себя цвѣтами, книгами и нотами, бѣгать по саду съ хорошенькой женщиной и воодушевлять себя и ее пріятными разговорами о торжествѣ добра—все это конечно очень изящно и пропитано ароматомъ чистѣйшей поэзіи и самой возвышенной нравственности, но все это было бы совершенно невозможно, еслибы въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ристалища невинныхъ отроковъ не копошились съ ранняго утра до поздней ночи грязныя лапы тѣхъ милыхъ младшихъ братьевъ, которые обращаются съ своими супругами очень невѣжливо, о торжествѣ добра никогда не бесѣдуютъ и вообще погрязаютъ упорно въ самомъ грубомъ и предосудительномъ матеріализмѣ. Еслибы у Сережи не было денегъ, заработанныхъ руками ми-

лыхъ мужичковъ, то невинному Сережѣ пришлось бы замѣнить боязнь передъ житейской грязью разными другими, болѣе производительными свойствами ума и характера. Боязнь житейской грязи это—самое барское качество, и люди, обладающіе этой добродѣтелью, всегда будутъ годны только на то, чтобы дѣлать «возможно большее число круговъ», читать для процесса чтенія и бесѣдовать о борьбѣ между добромъ и зломъ. Уважать этихъ людей нѣтъ ни малѣйшей возможности, и въ этихъ людяхъ особенно противно именно то, что они бесѣдуютъ о торжествѣ добра и заявляютъ свои благія желанія: ахъ, молъ, кабы восторжествовало! Заявлять эти желанія, вѣровать въ полную искренность своихъ заявленій, считать самого себя за чистаго и честнаго человѣка, имѣющаго право гнушаться житейской грязью, и въ то же время сидѣть сложа руки и коптить небо, и при этомъ не чувствовать невыносимо мучительной безсмысленности своего положенія и всего своего существованія—это великолѣпный фокусъ человѣческой глупости. Хороша честность и чистота, которая ѣстъ чужой хлѣбъ, на чужой счетъ доставляетъ себѣ умственную роскошь и взамѣнъ этихъ поглощаемыхъ продуктовъ чужого труда не производитъ и не хочетъ производить ровно ничего, кромѣ супружескаго счастья. Отчего-жъ ты, голубчикъ, не хочешь?—Да я боюсь замарать мою честность и чистоту. Меня пугаетъ грязь жизни. Я ненавижу пороки и не желаю подходить къ нимъ близко.—О, другъ любезный! Ты можешь совершенно успокоиться на счетъ твоей честности и чистоты. Эти пріятныя свойства существуютъ только въ твоемъ собственномъ воображеніи. На самомъ-же дѣлѣ твоя честность и чистота насквозь пропитаны той грязью, которая тебя пугаетъ. Твои родители купили для тебя эти свойства вмѣстѣ съ твоимъ тонкимъ бѣльемъ и учебными книжками. Добываніе твоей честности и чистоты принесло такимъ образомъ препорядочную массу зла. Теперь эти свойства тщательно сохраняются тобою подъ стеклляннымъ колпакомъ. Ты боишься ихъ замарать, и вслѣдствіе этого они не приносятъ ни малѣйшаго добра. Изъ этого выходитъ то печальное заключеніе, что ты, о другъ мой,—чистый минусъ и что твое существованіе вредно для общества. Разсуждая о торжествѣ добра, ты всякій разъ долженъ краснѣть за самого себя; если же ты не краснѣешь, а, напротивъ того, радуешься и воодушевляешься, то это доказываетъ только, о другъ мой, что ты замѣчательно тупоуменъ, что ты дѣйствительно можешь составить счастье Софьи Григорьевны, и что на тебѣ съ любовью и съ благоволеніемъ могутъ и должны останавливаться взоры твоего великаго создателя, Станицкаго.

Однако пора оставить въ покоѣ Софью Григорьевну. Пускай швыряетъ на полъ медальоны, пускай падаетъ въ обмороки, пускай дѣлаетъ возможно большее число круговъ—всѣ эти упражненія представляютъ очень мало интереснаго, и всѣ они объясняются очень удовлетворительно краткой и невѣжливой поговоркой: съ жиру собаки бѣсятся.—Я самъ чувствую, что поговорка невѣжлива, но что же съ этимъ дѣлать?—Ее сложили младшіе братья, одаренные грязными лапами и лишенные эстетическаго понимания.

IX.

Дѣдушка Петра Васильевича.

Романъ Станицкаго переполненъ гнусными людьми, но даже въ этомъ мрачномъ романѣ дѣдушка Петра Васильевича приводитъ читателя въ изумленіе размѣрами своей гнусности. Еслибы творческая сила Станицкаго равнялась его добродѣтельному азарту, то фигура этого дѣдушки оказалась бы гораздо ужаснѣе титанической фигуры шекспировскаго Ричарда III, а извѣстно, что въ сравненіи съ Ричардомъ III Сатана Мильтона можетъ быть названъ кроткимъ и привлекательнымъ юношей. Но такъ какъ силы Станицкаго далеко не соотвѣтствуютъ обширности его замысловъ и претензій, то ужасный дѣдушка оказывается похожимъ на полишинеля: онъ дѣйствительно очень некрасивъ, но въ его безобразіи нѣтъ ничего ужаснаго, и вообще это безобразіе не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія, потому что оно—совершенно неправдоподобно. Эта фигура была бы вполнѣ умѣстна въ «Парижскихъ Тайнахъ», а если она появилась на страницахъ «Современника», то это обстоятельство доказываетъ только, что пересоленный реализмъ легко превращается въ мелодраму, и что редакція, заваленная серьезной работой, не въ силахъ постоянно оберегать свой беллетристическій отдѣлъ отъ различныхъ нелѣпостей.

При первомъ знакомствѣ вашемъ съ безобразнымъ дѣдушкой вы тотчасъ чувствуете, что это очень дурной человѣкъ и что Станицкій приказываетъ вамъ возненавидѣть его всѣми силами вашей добродѣтельной души. Вотъ описаніе его наружности: «Лицо старика было длинно и желто; сверхъ того дрябло и покрыто крупными морщинами; подбородокъ острый; носъ формой походилъ на клювъ хищной птицы, а губы то какъ-бы жевали, то складывались въ непріятную, злобную улыбку; маленькіе глаза, съ какимъ то желтымъ блескомъ, такъ и сверкали изъ-подъ клочьевъ полусѣдыхъ бровей и невольно поражали противорѣчіемъ съ аптечной обстановкой комнаты и съ натянутымъ, болѣзненно плачевнымъ выраженіемъ лица, которое однако то и дѣло измѣнялось въ самое ехидное». Ясное дѣло, что дѣдушка—ужасный «моветонъ», то есть: «хорошо, если мошенникъ, а можетъ и еще того хуже». Чего и ожидать отъ человѣка, у котораго носъ подобенъ клюву хищной птицы, глаза сверкаютъ желтымъ блескомъ, а на лицѣ выра-

жается всякое ехидство? «Впрочемъ,—говоритъ далѣе Станицкій, — этотъ почтенный дѣдушка была такая гнусная личность, что ей по настоящему надо было вмѣстѣ съ гадами скрываться гдѣ-нибудь въ подземельи, но ужъ никакъ не жить при дневномъ свѣтѣ и пользоваться уваженіемъ людей независимыхъ и образованныхъ».

Не знаю, кто тутъ напуталъ, Станицкій или корректоръ, но во всякомъ случаѣ меня безконечно увеселяетъ то обстоятельство, что «дѣдушка *была*» такая большая мерзавка. Лирическое мѣсто само по себѣ безподобно, но грамматическая ошибка возводитъ его въ перлъ созданія, потому что она порождаетъ тотъ примиряющій смѣхъ, котораго эстетики требуютъ отъ каждаго комическаго произведенія. «Его лицемѣрство и эгоизмъ, — продолжаетъ нашъ романистъ, — доходили до ужасающихъ размѣровъ: онъ мучилъ и притѣснялъ съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ». Я вамъ говорилъ, что *подлая* дѣдушка выйдетъ хуже Ричарда III, если только мы будемъ вѣрить на слово Станицкому. У Ричарда по крайней мѣрѣ была какая-нибудь цѣль: онъ добивался англійской короны. А у дѣдушки и цѣли никакой нѣтъ: голая ядовитость, безъ малѣйшей примѣси. «Можно-ли было свободно дышать тамъ, гдѣ до того развито было шпіонство между дворней, что даже шефъ инквизиціи позавидовалъ бы дѣдушкѣ, такъ глубоко развратившему людей».—Ну, шефъ-то инквизиціи не позавидовалъ бы, глубокомысленно замѣтитъ здѣсь зять Ноздрева, скептикъ Мижуевъ. И оказывается, что дѣйствительно нечему завидовать, и что инквизиція приплетена тутъ для большей мрачности колорита и для пущаго посрамленія недостойнаго дѣдушки.

На стр. 170 и 171 повѣствуется о томъ, что двѣ женщины, жившія въ домѣ дѣдушки, надули всѣхъ шпіоновъ, и не только надули, но даже надували ихъ впродолженіи нѣсколькихъ дней; онѣ перенесли умирающаго Сережу изъ его уединеннаго флигеля въ домъ дѣдушки, въ комнату Софьи Григорьевны, которая въ то время уже уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ. «Но надо было обманывать шпіоновъ,— говоритъ Станицкій,— и Марья Васильевна носила въ пустой домъ пищу и питье, чтобъ только не потревожили умирающаго». Все это открылось только тогда, когда Сережа умеръ. Нечего сказать, хороши шпіоны и хороша была бы инквизиція, опирающаяся на услуги такихъ болвановъ. «Очень понятно, что и новая внучка не была избавлена отъ подобнаго шпіонства, и онъ, что называется, ловилъ рыбу въ мутной водѣ, упиваясь слезами и отчаяніемъ молодой женщины, противъ которой составилось чуть не ополченіе». Эту новую внучку, то-есть Софью Григорьевну, онъ старается даже сдѣлать своей любовницей. «Будьте умненькая,—говоритъ онъ,—не огорчайте меня; что вамъ стоитъ поласкать старика? Право, старики еще честнѣе: молодой-то разомъ ласкаетъ трехъ-четырехъ и всѣхъ обманываетъ, а ужъ старикъ такого предательства не сдѣлаетъ».

Все это и многое другое въ томъ же эротическомъ направленіи несчастный дѣдушка говоритъ очевидно по приказанію Станицкаго, и только для того, чтобы обнаружить передъ читателемъ всю глубину своей гнусности. Для самого дѣдушки отъ этихъ разговоровъ не можетъ произойти ни малѣйшаго удовольствія, и онъ, какъ опытный старикъ и отставной Донъ-Жуанъ, самъ очень хорошо долженъ понимать, что эти разговоры ни къ чему не поведутъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, кто же обращается съ подобными предложеніями къ женщинѣ, только что вышедшей замужъ и страстно влюбленной въ своего мужа. Само собою разумѣется, что Софья Григорьевна даже не догадывается, къ чему дѣдушка клонитъ свою рѣчь, а дѣдушка съ своей стороны, заявивъ публикѣ, что онъ — развратникъ, считаетъ дѣло оконченнымъ и оставляетъ всякія дальнѣйшія домогательства. Въ домѣ дѣдушки живетъ его бывшая любовница, старуха Марья Васильевна, которую дѣдушка конечно терзаетъ всякими попреками. У дѣдушки есть незаконнорожденная дочь, Олимпіада Федоровна, которую онъ, на глазахъ читателя, доводитъ до чахотки и укладываетъ въ могилу, также попреками. Въ концѣ первой части романа происходитъ генеральное вымираніе различныхъ замученныхъ жертвъ. Прежде всѣхъ умираетъ великодушный Сережа. За нимъ слѣдуетъ, черезъ страницу, Марья Васильевна. На слѣдующей страницѣ умираетъ Олимпіада Федоровна. Это называется черезъ часъ по ложкѣ. Дѣдушка переживаетъ ихъ всѣхъ и избираетъ себѣ жертву изъ новаго поколѣнія. Онъ держитъ при себѣ, въ видѣ казачка, сына Петра Васильевича и Лизаветы: «Старикъ тѣшился надъ бѣднымъ мальчикомъ безобразно: всякій день ему приготовляли въ коробкѣ пауковъ, и дѣдушка тихонько выпускалъ ихъ на мальчика, который страшно боялся этихъ насѣкомыхъ (мимоходомъ замѣчу, что это даже и не насѣкомыя), плакалъ, дрожалъ и умолялъ снять съ него паука, но старикъ притворялся, что онъ тоже боится, и такимъ образомъ доводилъ ребенка до истерики». «А уже испуская дыханіе, онъ выкинулъ слѣдующую штуку. Измученный мальчикъ обыкновенно засыпалъ стоя и потомъ уже, скользя по стѣнѣ, тихо опускался на коверъ, гдѣ и спалъ. Но умирающій, не желая, чтобы ребенокъ спалъ, велѣлъ привязать его къ спинкѣ стула и поставить противъ себя».

Однако дѣдушкѣ не удалось замучить казачка до смерти. Время взяло свое, и старикъ умеръ прежде мальчика. Станицкій не сообщаетъ намъ, какую эпитафію изобразили на памятникѣ лютаго дѣдушки, но по всей справедливости эпита-

фію слѣдовало-бы составить такъ: «здѣсь лежитъ несчастная жертва неудавшагося реалиста».

X.

Добродѣтельные люди молодого поколѣнія.

Сережа очень добродѣтеленъ и не разгромитъ порокъ очень пламенными рѣчами. «Вы увидите,—говоритъ онъ Софьѣ Григорьевнѣ *уничтожительнымъ тономъ*,—что я заставлю всѣхъ пресмыкающихся и ползающихъ около васъ гадовъ спрятаться по своимъ мрачнымъ норамъ». Но этотъ добродѣтельный Сережа, выражающій свои мысли такимъ сильнымъ и въ то же время книжнымъ языкомъ, не вполнѣ удовлетворяетъ нравственнымъ требованіямъ Станицкаго. Въ лицѣ Сережи мы видимъ плачущую и страждущую добродѣтель, и поэтому необходимо, чтобы на сцену явились новыя маріонетки, изображающія добродѣтель веселую, твердую и побѣдоносную. Такія маріонетки дѣйствительно являются во второй части романа и конечно причисляются къ тому молодому поколѣнію, о которомъ наши писатели разсуждаютъ такъ много и о которомъ они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ почти никакого понятія. Станицкій знаетъ это молодое поколѣніе такъ же хорошо, какъ онъ знаетъ вообще природу человѣка, потребности нашей современной жизни и причины семейныхъ несогласій. Его добродѣтельный юноша, Александръ Егоровичъ Снѣговъ, составленъ по очень извѣстному рецепту, и по этому же самому рецепту составленъ другой добродѣтельный юноша, Дмитрій Степановичъ Карсановъ, украшающій своимъ присутствіемъ «Романъ въ петербургскомъ полусвѣтѣ». Личнаго характера не имѣютъ ни тотъ, ни другой, и вслѣдствіе этого я буду анализировать ихъ общій рецептъ, выбирая факты изъ обоихъ романовъ, принадлежащихъ одному автору. Бѣдные родители, природная любознательность, блестящія способности, борьба съ бѣдностью, кружокъ университетскихъ товарищей, однимъ словомъ—все, какъ слѣдуетъ, все такъ, какъ обыкновенно бываетъ написано въ книжкахъ, и все это, разумѣется, безъ малѣйшихъ слѣдовъ самостоятельнаго наблюденія. Вотъ напримѣръ какія подробности сообщаются изъ исторіи умственной жизни героевъ: «вмѣсто пошлыхъ французскихъ романчиковъ, какіе читаются единственно завитыми и расчесанными головами, Снѣговъ читалъ дѣльныя книги да изучалъ русскую литературу».— «Пріѣхавъ въ Петербургъ застѣнчивымъ мальчикомъ, онъ не имѣлъ случая завести себѣ знакомствъ и сдѣлался очень разборчивъ, мѣтко угадывая и понимая все дурное въ людяхъ». Что застѣнчивость и отсутствіе знакомствъ развиваютъ въ мальчикѣ способность мѣтко угадывать и понимать въ людяхъ все дурное—это очевидно субъективное соображеніе Станицкаго, потому что до сихъ поръ по всей вѣроятности никому не приходило въ голову связывать такія причины съ такими послѣдствіями. «Снѣговъ и его товарищи постоянно разсуждали объ обязанностяхъ честнаго человѣка и оставались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, несмотря ни на какіе соблазны». Снѣговъ и его товарищи могли бы найти болѣе полезный предметъ для разсужденій. Съ какими соблазнами имъ приходилось бороться — это остается неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что Снѣговъ «выжилъ почти весь курсъ въ четырехъ стѣнахъ института». О Карсановѣ мы узнаемъ то же самое. «Его студенческая, труженическая жизнь не убила въ немъ юношеской свѣтлой вѣры въ достоинство человѣка и въ торжество истины въ мірѣ. Около Карсанова составился кружокъ подобныхъ ему честныхъ, пылкихъ душой товарищей, и въ скоромъ времени въ этомъ кружкѣ закипѣла дѣятельная жизнь мысли. Европейскіе мыслители были ихъ заочными наставниками, такъ что этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей сдѣлался какимъ-то изолированнымъ мíркомъ въ русскомъ обществѣ».—«Они въ своей экзальтаціи очень походили на людей, которые усѣлись на берегу моря въ лодку, распустили паруса и, любуясь величественной картиной безбрежной дали, закатомъ солнца, убаюканные мѣрными волнами, плывутъ все дальше, не замѣчая, что ихъ уже раздѣлило страшное пространство и что ихъ голоса не достигнутъ до берега».

Изъ всего этого явствуетъ, что Карсановъ и Снѣговъ сдѣлались очень добродѣтельными людьми. Но изъ всего этого явствуетъ еще болѣе, что Станицкій не имѣетъ никакого понятія о томъ, что онъ описываетъ. Еслибы я умѣлъ писать одну фразу за другой, не вкладывая въ эти фразы никакого осязательнаго смысла, то я бы могъ тотчасъ изобразить вамъ, какъ развиваются японскіе юноши, и мое изображеніе было бы такъ-же вѣрно и наглядно, какъ разсказы Станицкаго о студенческихъ занятіяхъ Снѣгова и Карсанова. Что читали эти молодые люди?— «Дѣльныя книги». — Какія книги? Сочиненія «европейскихъ мыслителей».—Какихъ европейскихъ мыслителей? Такихъ, которые превратили «этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей» въ «какой-то изолированный мірокъ». А если даже этотъ отвѣтъ покажется вамъ недостаточно опредѣленнымъ, то вамъ представятъ лодку, плывущую при закатѣ солнца, и людей, любующихся величественной картиной безбрежной дали. Этимъ поясненіемъ вы уже непремѣнно обязаны удовлетвориться, потому что всякая человѣческая любознательность должна же имѣть какіе нибудь предѣлы. Да и чего вамъ еще надо? Книги были дѣльныя, мыслители—европейскіе, кружокъ—маленькій, мірокъ—изолированный, даль—безбрежная, картина — величественная. При каждомъ существительномъ особое прилагательное. Какой-же вы еще желаете ясности и опредѣлен-

ности? Вамъ можетъ-быть любопытно знать, что изучалъ Снѣговъ? Извольте; Станицкій такъ великодушенъ, что даже на этотъ вопросъ онъ готовъ вамъ отвѣтить: Снѣговъ изучалъ русскую литературу. Вы спросите пожалуй, о чемъ разсуждалъ Снѣговъ съ своими товарищами? Объ обязанностяхъ честнаго человѣка.

Теперь довольно. Прекратите ваши нескромные вопросы и разсмотрите внимательно данный вамъ отвѣтъ на счетъ русской литературы. Снѣговъ конечно можетъ изучать русскую литературу; если ему угодно, онъ можетъ даже изучать сіамскія древности или алеутскую грамматику; всѣ эти занятія не представляютъ физической невозможности и не воспрещены закономъ; но если Снѣговъ изображаетъ своей особой представителя молодого поколѣнія, если въ немъ должны воплощаться преобладающія стремленія теперешней молодежи, и если онъ дѣйствительно одаренъ блестящими способностями, то изученіе русской литературы навязано ему совершенно некстати. Теперешніе молодые люди относятся къ русской литературѣ очень равнодушно, и врядъ ли можно ожидать, чтобы Лонгиновъ, Галаховъ, Тихонравовъ, Буслаевъ, Сухомлиновъ и другіе нашли бы себѣ въ рядахъ нашей молодежи восторженныхъ цѣнителей и усердныхъ продолжателей. Конечно каѳедры русской словесности въ университетахъ и въ гимназіяхъ не опустѣютъ; всегда найдутся молодые люди, желающіе ихъ занять; но трудно себѣ вообразить, чтобы къ этимъ каѳедрамъ устремились самыя блестящія дарованія трудящейся молодежи. Русскую литературу изучаютъ въ настоящее время юноши очень трудолюбивые, очень кроткіе, очень добросовѣстные, но вовсе не даровитые и совершенно неспособные привязываться сознательной и страстной любовью къ предмету своихъ занятій. Эти юноши превосходно выдерживаютъ кандидатскій экзаменъ, также превосходно выдерживаютъ экзамены на магистра и на доктора и защищаютъ свои диссертаціи съ скромной основательностью; потомъ они получаютъ каѳедру; затѣмъ, лѣтъ черезъ пятнадцать, они сдѣлаются ординарными профессорами; они будутъ читать лекціи и, ради приличія, писать маленькія изслѣдованія до тѣхъ поръ, пока не выслужатъ себѣ въ пенсіонъ полный окладъ жалованья, и наконецъ, достигнувъ этой послѣдней цѣли, они сойдутъ со сцены для того, чтобы, подобно императору Діоклитіану, дожить свои дни въ спокойной и обезпеченной неизвѣстности.

Почему именно *эти* юноши устремляются къ изученію русской литературы, это понять не трудно. Стоитъ только подумать о томъ, *что* можно изучать въ русской литературѣ и какая сторона этого изученія можетъ завлечь даровитаго представителя молодого поколѣнія? Спрашивается прежде всего, какой періодъ русской литературы затронетъ любознательность молодого человѣка? Тотъ-ли, который тянется отъ начала русской письменности до петровской реформы, или тотъ, который продолжается со временъ Петра до Гоголя? Или наконецъ новѣйшій періодъ, получившій свою теперешнюю физіономію послѣ Гоголя? Необходимо, чтобы одинъ изъ этихъ отдѣловъ чѣмъ-нибудь заинтересовалъ молодого человѣка, потому что иначе молодой человѣкъ не будетъ изучать русской литературы. Посмотримъ, заинтересуетъ-ли его древній періодъ нашей литературы. Есть у насъ въ этомъ древнемъ періодѣ пѣсни, сказки, былины, легенды, лѣтописи и юридическіе памятники. Пѣсни, сказки, былины и легенды—все это повидимому очень интересно; все это, какъ толковали намъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ различныхъ ученыхъ сочиненіяхъ, знакомитъ съ народной жизнью и открываетъ передъ нашими глазами глубокіе тайники народнаго міросозерцанія. Не знаю, такими ли именно словами выражались и выражаются преподаватели и составители ученыхъ книгъ, но знаю навѣрное, что только этими мыслями оправдывается и объясняется появленіе такихъ тяжеловѣсныхъ изданій, каковы напримѣръ «Очерки» Буслаева или «Памятники» Костомарова и Пыпина.

Итакъ, молодому человѣку представляется возможность проникнуть въ тайники народнаго міросозерцанія. Но, прежде чѣмъ проникнуть, не поставитъ-ли себѣ молодой человѣкъ вопроса: зачѣмъ я буду забираться въ эти трущобы? Кому я своими трудами на этомъ поприщѣ принесу дѣйствительную пользу: народу или себѣ? Народу? Странное дѣло! Какая выгода можетъ быть народу отъ того, что я, Александръ Егоровичъ Снѣговъ, узнаю всѣ примѣты домового, всѣ варіанты былины о Микулушкѣ Селяниновичѣ и всѣ столкновенія Иванушки съ Бабой-Ягой? А какая отъ этого произойдетъ польза для моего собственнаго развитія? Я узнаю нѣсколько новыхъ подробностей о сказочныхъ личностяхъ, я отпечатаю въ своей памяти нѣсколько сотенъ лубочныхъ картинъ, но общее понятіе мое о народѣ останется совершенно такое же, какое образовалось въ моемъ умѣ изъ впечатлѣній дѣтства и какое поддерживается всѣми ежедневными столкновеніями моими съ дѣйствительной жизнью и съ милой «почвой». Бѣдность та же самая, и невѣжество то же самое, и та же заунывность пѣсни съ тѣми же проблесками забубенной удали. Что въ этомъ народѣ есть много ума, и много юмора, и много хорошихъ силъ, и много задатковъ здороваго развитія, это я знаю очень хорошо безо всякихъ былинъ и пѣсенъ. Во-первыхъ, я знаю это по моимъ собственнымъ столкновеніямъ съ простыми людьми, а во-вторыхъ, это иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ кавказской расы есть самое понятливое изъ всѣхъ существующихъ позвоночныхъ живот-

ныхъ. Могу ли я взять, лично для себя, хоть какую-нибудь частицу изъ того народнаго міросозерцанія, съ которымъ меня познакомятъ легенды, былины и пѣсни? Мудрено, очень мудрено, даже совсѣмъ невозможно, потому что всѣ эти идеи и мотивы этого міросозерцанія находятся въ самой непримиримой враждѣ со всѣми элементарными учебниками физики и географіи. Есть ли надобность знать эти идеи и мотивы народнаго міросозерцанія для того, чтобы работать на пользу этого народа? Нѣтъ. Ну, стало быть, скажетъ въ заключеніе Александръ Егоровичъ Снѣговъ, я вовсе не намѣренъ углубляться въ былины и сказки, а древній періодъ русской литературы можетъ оставаться для меня недоступнымъ сокровищемъ.

Такія размышленія *моего* Снѣгова (а не того, который изображенъ у Станицкаго) могутъ вызвать противъ себя много насмѣшекъ и много горячихъ возраженій. Молодой человѣкъ, скажутъ ему спеціалисты, вы не знаете того предмета, о которомъ разсуждаете такъ смѣло. Если вы не изучали нашей древней литературы, то почему же вы знаете, что ее не стоитъ изучать и что она не можетъ принести вамъ ни малѣйшей пользы? На это мой скромный Снѣговъ отвѣтитъ такъ: я прочиталъ отъ доски до доски два тома «Очерковъ» Буслаева. Я знаю, что Буслаевъ трудится на своемъ поприщѣ гораздо больше десяти лѣтъ, и что эти «Очерки» составляютъ сборникъ его статей за все время его ученой дѣятельности. Я знаю кромѣ того, что Буслаевъ считается за одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и талантливыхъ изслѣдователей нашей литературной старины. Я вовсе не смѣю думать, что я умнѣе, даровитѣе и трудолюбивѣе Буслаева. Я не имѣю также особенныхъ основаній надѣяться, что нападу на такія сокровища, которыя укрылись отъ пытливаго взора этого изслѣдователя. Стало-быть, если я пойду по слѣдамъ Буслаева, то я можетъ-быть лѣтъ черезъ пятнадцать подарю русской публикѣ два тома «Очерковъ» Александра Снѣгова. Я не думаю, чтобы этотъ подарокъ принесъ русской публикѣ значительную пользу, и меня вовсе не обольщаетъ перспектива обогатить со временемъ нашу книжную торговлю такимъ произведеніемъ. Книга Буслаева навѣрное представляетъ очень удовлетворительный образчикъ нашихъ литературныхъ сокровищъ. Будущіе изслѣдователи могутъ отыскать много новыхъ подробностей, но невозможно предположить, что они вдругъ найдутъ подъ хламомъ былинъ, пѣсенъ и легендъ цѣлый міръ самородной мысли, —такой міръ, котораго существованіе было совершенно неизвѣстно Буслаеву и его сподвижникамъ; невозможно предположить, что въ этомъ ископаемомъ мірѣ русскихъ идей вдругъ окажутся такія драгоцѣнности, которыя придется предпочесть непоколебимымъ истинамъ европейской или, вѣрнѣе, общечеловѣческой науки. Вѣроятно самые усердные спеціалисты не рѣшатся утверждать, что такой удивительный случай возможенъ; а если онъ невозможенъ, то я и не желаю тратить свое время и свои силы на изученіе былинъ, пѣсенъ, легендъ и разныхъ другихъ памятниковъ нашей письменной и изустной литературы. — Стало-быть, возразятъ любители древности, вы отвергаете заслуги такихъ дѣятелей, каковы напримѣръ братья Гриммы, великіе собиратели нѣмецкихъ сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и преданій?—Братья Гриммы, отвѣтитъ Снѣговъ съ своей обыкновенной кротостью, —люди очень умные, трудолюбивые и честные. Я очень уважаю ихъ усердіе и добросовѣстность, но мнѣ кажется, что ихъ превосходныя качества могли бы принести несравненно больше пользы, еслибы они были приспособлены къ другому занятію. Гриммы исходили вдоль и поперекъ всю Германію, чтобы собрать остатки старины, сохранившейся въ обычаяхъ, въ языкѣ и въ народной поэзіи. Путешествуя пѣшкомъ по Германіи, они конечно превосходно усвоили себѣ всѣ обороты народной рѣчи; они пріобрѣли драгоцѣнное умѣнье объясняться съ самыми простыми и необразованными людьми. Еслибы они примѣнили это умѣнье къ обобщенію научныхъ истинъ, еслибы они своимъ простымъ и понятнымъ языкомъ провели знаніе природы въ низшіе слои рабочаго населенія, то они принесли бы дѣйствительно громадную пользу, хотя быть можетъ ихъ и не считали бы великими свѣтилами ученаго міра. Ученыя работы Гриммовъ громадны, но приносятъ ли онѣ какую-нибудь дѣйствительную пользу хоть одному живому человѣку въ мірѣ? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно смѣло и рѣшительно отвѣчать: нѣтъ—Гриммы то же самое, что Рафаэль, за котораго Базаровъ гроша мѣднаго не хочетъ дать. Базаровъ выражается рѣзко, но мысль его вполнѣ справедлива. Еслибы въ Италіи было десять тысячъ живописцевъ, равныхъ Рафаэлю, то это нисколько не подвинуло бы впередъ итальянскую націю ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ, ни въ соціальномъ, ни въ умственномъ отношеніи. И еслибы въ Германіи было десять тысячъ археологовъ, подобныхъ Якову Гримму, то Германія отъ этого не сдѣлалась бы ни богаче, ни счастливѣе. Безобразіе ея политическаго устройства, пошлость ея юнкерства и неимовѣрное филистерство всякихъ патріотическихъ обществъ при десяти тысячахъ Гриммовъ продолжали бы существовать точь въ точь въ такомъ же видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь. Поэтому я говорю совершенно искренно, что желалъ бы лучше быть русскимъ сапожникомъ или булочникомъ, чѣмъ русскимъ Рафаэлемъ или Гриммомъ. Каждый Рафаэль обожаетъ свое искусство, и каждый Гриммъ обожаетъ свою науку, но ни тотъ, ни другой не задаютъ себѣ убійственнаго вопроса: *зачѣмъ?* Я имѣю несчастье задавать себѣ этотъ вопросъ, и когда я

прикладываю его къ дѣятельности Рафаэлей и Гриммовъ, то не нахожу на него отвѣта. Поэтому я не могу, не хочу и не долженъ быть ни Рафаэлемъ, ни Гриммомъ, ни въ малыхъ, ни въ большихъ размѣрахъ. Поэтому я могу, хочу и долженъ браться только за такую работу, которой результаты давали-бы громкій и совершенно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: *зачѣмъ?*— Поэтому проходи мимо, древній періодъ русской литературы!

Специалисты конечно не согласятся съ размышленіями моего Снѣгова, но по крайней мѣрѣ они махнутъ на него рукой и оставятъ его въ покоѣ; въ самомъ дѣлѣ, можно-ли разговаривать съ такимъ человѣкомъ, который даже дѣятельность Гриммовъ считаетъ безполезной? Когда специалисты умолкнутъ и отойдутъ въ сторону, тогда самъ читатель сдѣлаетъ Снѣгову слѣдующее возраженіе: вы задаете себѣ вопросъ, скажетъ онъ, есть-ли надобность знать идеи и мотивы народнаго міросозерцанія для того, чтобы работать на пользу этого народа? и потомъ на этотъ вопросъ вы отвѣчаете: «нѣтъ». Какъже это возможно? Какъ-же вы принесете пользу такому народу, о которомъ вы не имѣете никакого понятія?—Во-первыхъ, отвѣтитъ на это Снѣговъ, можно приносить пользу народу, не находясь въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ тѣми слоями населенія, которые преимущественно называются народомъ и которые дѣйствительно составляютъ огромное большинство всей націи. Бѣлинскій и Добролюбовъ принесли много пользы русскому народу, а между тѣмъ ни грамотный мужикъ, ни грамотный мѣщанинъ не могутъ понимать ихъ сочиненія. Во-вторыхъ, я думаю, что даже учителю народной школы нѣтъ никакой надобности изучать ту народную поэзію, на которой основано народное міросозерцаніе. Учитель долженъ говорить съ своими учениками простымъ и понятнымъ языкомъ и кромѣ того долженъ обращаться съ ними такъ кротко и добродушно, чтобы ученики не робѣли передъ нимъ и откровенно предлагали ему свои вопросы и возраженія, если его разсказы кажутся имъ непонятными или несогласными съ тѣми идеями, которыя составились въ ихъ головахъ до прихода въ школу. Учителю необходимы кромѣ того умѣнье и навыкъ; но эти вещи пріобрѣтаются чисто практическимъ путемъ, и ихъ нельзя вычитать ни въ сборникѣ былинъ, ни въ «Очеркахъ» Буслаева. Когда учитель передаетъ ученикамъ элементарныя основанія географіи, то ему нѣтъ никакой надобности говорить, что земля *не* стоитъ на трехъ китахъ, что Царь-градъ *не* есть пупъ земли и что *нѣтъ* такой страны, въ которой живутъ люди съ песьими головами. Пусть онъ разсказываетъ только то, что *есть*; если ученикъ слышалъ о китахъ и о пупѣ земли, то онъ самъ спроситъ у учителя на счетъ этихъ очаровательныхъ созданій народной мудрости, и тогда учитель объяснитъ ему, что все это неимовѣрная чепуха. Поэтому я говорю еще разъ, что изучать народное міросозерцаніе или, проще, народное суевѣріе нѣтъ никакой надобности.

Управившись такимъ образомъ съ древнимъ періодомъ нашей литературы, Снѣговъ, разумѣется, не почувствуетъ особеннаго расположенія остановиться съ уваженіемъ и съ любовью на созерцаніи XVIII вѣка. Снѣговъ знаетъ, что въ это время сформировались нашъ литературный языкъ и нашъ стихъ. Но Снѣговъ находитъ, что гораздо благоразумнѣе пользоваться сформированнымъ языкомъ для распространенія въ обществѣ полезныхъ знаній и здравыхъ идей, чѣмъ любоваться на колыбель этого языка и перечислять всѣ забытыя шалости этого милаго ребенка, постоянно ходившаго и до сихъ поръ продолжающаго ходить на спасительныхъ помочахъ. Что-же касается до стиховъ, то въ этомъ отношеніи Снѣговъ можетъ быть настоящимъ варваромъ; онъ, каналья, равнодушенъ къ ихъ гармоніи; онъ думаетъ, что время дорого и что его не слѣдуетъ тратить ни на сочиненіе новыхъ стиховъ, ни на чтеніе напечатанныхъ произведеній нашей современной поэзіи, ни на изслѣдованіе того вопроса, кто ввелъ у насъ тоническое стихотвореніе, кто его усовершенствовалъ, и чрезъ какія фазы развитія оно перешло со временъ Третьяковскаго до временъ Майкова.

Такимъ образомъ передъ моимъ Снѣговымъ остается только третій періодъ, или современная литература. Къ этому періоду онъ относится съ сочувствіемъ и уваженіемъ, потому что въ это время многіе честные и умные люди бросили смѣлый и безпристрастный взглядъ на «бѣдность, да несовершенства нашей жизни».

Если мы не будемъ знать того, что пережили и передумали эти люди, если мы по ихъ сочиненіямъ не будемъ догадываться о томъ, что составляло смыслъ и безсмыслицу ихъ существованія, то для насъ во многихъ отношеніяхъ останутся непонятными настоятельныя потребности и накопившіяся со всѣхъ сторонъ задачи нашей собственной эпохи. Грибоѣдовъ, Крыловъ въ нѣкоторыхъ изъ его лучшихъ басенъ, Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ первой части «Мертвыхъ Душъ», въ «Ревизорѣ» и во многихъ мелкихъ повѣстяхъ, Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Островскій, и особенно Бѣлинскій и Добролюбовъ, и въ заключеніе, какъ фактъ вчерашняго дня, романъ «Что *дѣлать?*»—это все сырые матеріалы, которые каждый изъ нашихъ образованныхъ соотечественниковъ долженъ непремѣнно переработать въ своемъ умѣ, чтобы знать, чего мы хотимъ, о чемъ мы думаемъ и съ какихъ различныхъ точекъ зрѣнія мы разсматриваемъ наше собственное положеніе. Но изучать тутъ все-таки нечего; надо только прочитать, какъ мы читаемъ журнальную статью, какъ пробѣгаемъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій въ газетѣ. Въ каждомъ

литературномъ произведенія и въ каждой критической статьѣ Бѣлинскаго и Добролюбова надо видѣть только то явленіе жизни, которымъ они вызваны, а вдаваться въ эстетику, подмѣчать индивидуальныя особенности того или другого таланта, вглядываться въ языкъ и въ манеру повѣствованія—это значитъ терять изъ виду требованія живой дѣйствительности и уходить отъ этихъ требованій въ темныя трущобы семинарской и гимназической пiитики.

Часто случается однако, что личность автора и его литературные пріемы составляютъ сами по себѣ очень знаменательный фактъ въ исторіи нашей умственной жизни, и этотъ фактъ можетъ быть для насъ важнѣе и интереснѣе, чѣмъ явленіе, которое описываетъ намъ авторъ. Возьмемъ напримѣръ сочиненія Бѣлинскаго. На каждой страницѣ мы видимъ передъ собой человѣка умнаго, горячаго, непоколебимо честнаго, совершенно неспособнаго продать кому-бы то ни было дѣйствительные интересы человѣческой личности и вполнѣ способнаго увидать и понять, въ чемъ именно заключаются эти великіе интересы. И въ то-же время мы видимъ, что всѣ умственныя силы этого превосходнаго человѣка и вся его кипучая энергія тратятся на то, чтобы разсматривать и оцѣнивать игрушечныя издѣлія разныхъ пустѣйшихъ господъ, наполнявшихъ свои досуги писаніемъ русскихъ стиховъ и русскихъ повѣстей. Пушкинъ былъ безъ сомнѣнія человѣкъ очень умный, и стихъ его былъ очень легокъ, и образы очень картинны, но когда вы видите, что весь восьмой томъ сочиненій Бѣлинскаго посвященъ оцѣнкѣ Пушкина, то вамъ становится обидно за Бѣлинскаго и вамъ невольно приходитъ въ голову, что эта честь слишкомъ велика для Пушкина и что силамъ великаго и серьезнаго критика негдѣ развернуться въ эстетическомъ разборѣ красивыхъ произведеній остроумнаго русскаго барина. Никакой отдѣльный поэтъ, ни Гете, ни Гейне, ни даже Шекспиръ, не можетъ быть достаточно обширенъ для того, чтобы приковать къ себѣ и поглотить въ своихъ произведеніяхъ всѣ силы такого мыслящаго и такого живого человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій. Эти люди не могутъ и не должны возиться съ индивидуальными мыслями, чувствами и фантазіями. Для нихъ достаточно широка только одна сфера,—та, которая шире всѣхъ остальныхъ и которая вмѣщаетъ въ себѣ и Шекспира, и Станицкаго, и нѣмецкаго филистера, и безграмотнаго мужика, и всѣ усилія человѣческой геніальности, и всѣ безчисленныя проявленія человѣческаго тупоумія. Для мыслителей, подобныхъ Бѣлинскому, необходима живая и безпрерывная умственная связь съ настоящими страданіями и радостями настоящихъ людей. Для нихъ необходимо размышлять о дѣйствительной жизни и откровенно передавать свои размышленія всѣмъ тѣмъ людямъ, которые могутъ и желаютъ ихъ понимать. Эти мыслители только тѣмъ и счастливы, только тѣмъ и живутъ, что пробуждаютъ въ человѣческихъ умахъ дѣятельность мысли и сознательное стремленіе къ разумному, свѣтлому и далекому, очень далекому будущему. Бѣлинскій былъ современникомъ Людвига Берне; по силѣ своего ума и по честности своего характера Бѣлинскій былъ вполнѣ способенъ сдѣлаться русскимъ Берне; а между тѣмъ Бѣлинскій жилъ и умеръ эстетикомъ, и, разумѣется, этотъ фактъ, по своему печальному и грозному значенію, гораздо важнѣе и интереснѣе для насъ, чѣмъ тѣ поэмы Пушкина, которыя такъ превосходно оцѣниваетъ Бѣлинскій. Въ своей статьѣ «Бѣлинскій и Добролюбовъ» Зайцевъ показалъ значеніе этого факта въ исторіи нашей умственной жизни; но этотъ предметъ до такой степени важенъ, Бѣлинскій, какъ эстетикъ, представляетъ явленіе до такой степени замѣчательное по своей колоссальной уродливости, что, мнѣ кажется, было-бы полезно разработать и освѣтить этотъ фактъ въ отдѣльномъ, чисто психологическомъ этюдѣ. Бѣлинскій былъ настоящимъ Прометеемъ нашего времени, и въ глубинѣ, искренности и законности своихъ страданій онъ навѣрное можетъ поспорить съ самимъ Байрономъ,—съ тѣмъ великимъ и несчастнымъ Байрономъ, котораго, для увеселенія русскихъ барышень, такъ обкарнали и обезсмыслили наши милые байронисты, начиная отъ самого Лермонтова и кончая Полонскимъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ, мы пришли къ тому общему результату, что наше молодое поколѣніе, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, не изучаетъ русской литературы, а только читаетъ тѣ книги, русскія или иностранныя, которыя даютъ человѣку основательное знаніе дѣйствительной жизни.

Теперь, мой читатель, вы мнѣ позвольте сдѣлать вамъ откровенное признаніе. Мнѣ ужасно надоѣло возиться съ романами Станицкаго и со всѣми его добродѣтельными и порочными фигурами изъ papier-maché. Честью васъ могу увѣрить, что въ Снѣговѣ и въ Карсановѣ нѣтъ даже ничего похожаго на какое-бы то ни было поколѣніе, старое или молодое. Поэтому будьте великодушны, позвольте мнѣ совершенно оставить ихъ въ сторонѣ и передать вамъ въ отдѣльной статьѣ тѣ мысли, на которыя навелъ меня вопросъ объ изученіи или, вѣрнѣе, о неизученіи русской литературы. Эта отдѣльная статья пойдетъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Реалисты» *).

---

*) Эта статья, какъ центральная, поставлена нами въ главѣ тома, т.-е. помѣщена *передъ* «Кукольной трагедіей». *Изд.*

ПРОМАХИ НЕЗРѢЛОЙ МЫСЛИ.

I.

Прежде чѣмъ я приступлю къ настоящему предмету моей статьи, я долженъ поправить одинъ *промахъ* моей собственной *мысли*, которую я во многихъ отношеніяхъ считаю очень *незрѣлой*. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ я прочиталъ раза два или три повѣсти и разсказы графа Л. Н. Толстого, печатавшіеся тогда въ «Современникѣ». Читалъ я ихъ съ увлеченіемъ; они мнѣ очень нравились, но я былъ еще до такой степени молодъ, что рѣшительно не въ силахъ былъ бросить на нихъ общій взглядъ и вдуматься въ настоящій смыслъ тѣхъ типовъ, которые изучилъ и воспроизвелъ графъ Толстой. Вниманіе мое останавливалось на удивительно тонкой отдѣлкѣ мелкихъ подробностей, ландшафтныхъ, бытовыхъ и преимущественно психологическихъ. Въ эти дни моей самой ранней юности я былъ помѣшанъ съ одной стороны на величіи науки, о которой не имѣлъ никакого понятія, а съ другой—на красотахъ поэзіи, которой представителями я считалъ между прочими Фета и моего университетскаго товарища Крестовскаго. Прочитавши повѣсти Толстого, я, разумѣется, рѣшилъ, что Толстой—поэтъ, и что я долженъ быть ему очень благодаренъ за доставленное мнѣ эстетическое наслажденіе. Въ 1860 году въ моемъ развитіи произошелъ довольно крутой поворотъ. Гейне сдѣлался моимъ любимымъ поэтомъ, а въ сочиненіяхъ Гейне мнѣ всего больше стали нравиться самыя рѣзкія ноты его смѣха. Отъ Гейне понятенъ переходъ къ Молешоту и вообще къ естествознанію, а далѣе идетъ уже прямая дорога къ послѣдовательному реализму и къ строжайшей утилитарности. Когда эти переходы совершились, тогда конечно всякую чистую художественность я съ величайшимъ наслажденіемъ выбросилъ за бортъ. Мнѣ такъ много надо было читать, учиться и работать, что рѣшительно не было возможности пересматривать отдѣльно каждую изъ тѣхъ бездѣлушекъ, которыя составляли въ совокупности пеструю кучу поэзіи, возбуждавшей недавно мои юношескіе восторги. Я осудилъ и осмѣялъ въ своемъ умѣ всю эту кучу гуртомъ, не боясь ошибиться, потому что общее впечатлѣніе было еще очень свѣжо въ моей памяти. Память меня не обманула, но вѣдь память сохраняетъ только то, что вы сами даете ей на сохраненіе. Если вы въ сумеркахъ разсматривали какую-нибудь матерію, которая тогда показалась вамъ прочной и красивой, то память такъ и отмѣтитъ у себя, что, молъ, въ такомъ-то магазинѣ есть такая-то матерія, прочная и красивая. Но будетъ ли замѣченная матерія дѣйствительно соотвѣтствовать вашимъ ожиданіямъ, не разочаруетесь ли вы въ ея достоинствахъ, когда увидите ее днемъ?—это уже такіе вопросы, на которые никакъ не можетъ отвѣчать ваша память. Память моя говорила мнѣ, что пестрая куча нравилась мнѣ своей чистой художественностью. Умъ мой отвѣчалъ на это: значитъ, никуда не годится!—Но не было ли въ этой кучѣ, кромѣ чистой художественности, какихъ-нибудь золотыхъ крупинокъ мысли, незамѣченныхъ и неоцѣненныхъ мною въ то время, когда я способенъ былъ восхищаться только сладкими звуками?—это такой вопросъ, котораго не могли рѣшить ни память, ни умъ, произносившій свой приговоръ на основаніи общихъ воспоминаній. Вотъ тутъ-то и случился промахъ. Въ статьѣ моей «Цвѣты невиннаго юмора» я, мелькомъ упоминая о литературной дѣятельности графа Толстого, замѣчаю, что публика отнеслась къ ней довольно равнодушно, и объясняю это равнодушіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ произведеніяхъ графа Толстого нѣтъ ничего, кромѣ чистой художественности. Это объясненіе никуда не годится. Въ нынѣшнемъ году вышли сочиненія Толстого, въ изданіи Стелловскаго. Я прочиталъ «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика» и «Люцернъ». На этомъ я покуда остановился. Меня изумили обиліе, глубина, сила и свѣжесть мыслей. Мнѣ пришло въ голову, что критика наша молчала о Толстомъ или, еще того хуже, говорила о немъ ласкательные пустячки единственно по своему признанному безсилію и скудоумію. Добролюбову неловко было черезчуръ много говорить о постоянномъ сотрудникѣ «Современника», ну, а кромѣ Добролюбова,—извѣстное дѣло, — хоть шаромъ покати! Аполлонъ Григорьевъ, у котораго, при всей его безалаберности, были очень живые проблески мысли и чувства, — Аполлонъ Григорьевъ, говорю я, понималъ, что произведенія Толстого затрогиваютъ что-то очень большое и очень важное; понималъ онъ, что тутъ хорошо было бы пошевелить мозгами и кое-что разъяснить; и началъ онъ во «Времени» статью о Толстомъ и, разумѣется, ничего не разъяснилъ. Всѣмъ статьямъ этого критика постоянно суждено было оставаться размашистыми вступленіями во что-то такое, о чемъ ни Григорьевъ, ни его читатели не имѣли, не имѣютъ и никогда не будутъ имѣть никакого понятія. Толстой остался попрежнему въ тѣни. Его читаютъ, его любятъ, его знаютъ, какъ тонкаго психолога и граціознаго художни-

ка, его уважаютъ, какъ почтеннаго работника въ ясно-полянской школѣ; но до сихъ поръ никто не подхватилъ, не разработалъ и не подвергнулъ тщательному анализу то сокровище наблюденій и мыслей, которое заключается въ превосходныхъ повѣстяхъ этого писателя. О каждомъ романѣ Тургенева кричатъ и спорятъ по крайней мѣрѣ по полугоду. Толстого прочитаютъ, задумаются, ни до чего не додумаются, да такъ и покончатъ дѣло благоразумнымъ молчаніемъ. Это молчаніе я попробую нарушить. Въ моей статьѣ читатель не найдетъ, разумѣется, ни похвалъ, ни порицаній писателю. Онъ найдетъ только анализъ тѣхъ живыхъ явленій, надъ которыми работала творческая мысль графа Толстого.

II.

Читатели мои знаютъ конечно, что повѣсти «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность» составляютъ три отдѣльныя части воспоминаній Николая Иртеньева. Эти воспоминанія начинаются съ одиннадцатаго и доходятъ до восемнадцатаго года его жизни. Въ концѣ своего «Отрочества», за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія въ университетъ, Иртеньевъ сближается съ княземъ Нехлюдовымъ, котораго характеръ, набросанный довольно яркими чертами въ «Юности», дорисовывается вполнѣ въ отдѣльныхъ разсказахъ: «Утро помѣщика» и «Люцернъ».—Иртеньевъ и Нехлюдовъ принадлежатъ оба къ тому поколѣнію, которому во время крымской войны было около тридцати лѣтъ. Это поколѣніе лѣтъ на десять моложе Рудиныхъ и Печориныхъ и лѣтъ на десять или на пятнадцать старше Базаровыхъ. Въ настоящую минуту людямъ базаровскаго типа можно положить возрастъ отъ двадцати до тридцати лѣтъ; Иртеньевымъ и Нехлюдовымъ—около сорока, а Рудинымъ и Печоринымъ — слишкомъ пятьдесятъ. Впрочемъ границы базаровскаго типа еще не могутъ быть обозначены, потому что въ настоящую минуту мы не видимъ его конца. Трудно сдѣлаться раньше двадцати лѣтъ зрѣлымъ, то-есть вполнѣ сознательнымъ и непоколебимымъ Базаровымъ, но изъ этого обстоятельства никакъ нельзя выводить то заключеніе, что молодые люди, еще не достигшіе двадцатилѣтняго возраста, составляютъ крайній предѣлъ базаровскаго типа; пятнадцатилѣтній мальчикъ конечно не можетъ быть Базаровымъ, потому что въ эти лѣта характеръ и образъ мыслей едва начинаютъ формироваться; но утверждать, что этотъ мальчикъ никогда не будетъ Базаровымъ, было бы очень опрометчиво. Напротивъ, можно сказать почти навѣрное, что черезъ нѣсколько лѣтъ умный пятнадцатилѣтній мальчикъ сдѣлается непремѣнно Базаровымъ.

Въ настоящую минуту въ умственной жизни нашего общества нѣтъ еще рѣшительно ни одного признака, на основаніи котораго мы могли бы предположить, что на смѣну Базаровыхъ вырабатывается какой-нибудь новый типъ. — Иртеньевы и Рудины находятся въ совершенно другомъ положеніи. Это—типы прошедшаго, скромно доживающіе свой вѣкъ и уже не обновляющіеся притокомъ новыхъ представителей. Иртеньевы и Нехлюдовы, какъ по своему возрасту, такъ и по характеру, занимаютъ середину между Рудиными съ одной стороны и Базаровыми съ другой. Рудины — чистые говоруны, неимѣющіе даже понятія о возможности какой-нибудь дѣятельности, кромѣ дѣятельности языка. Базаровы—чистые работники, допускающіе дѣятельность языка только въ томъ случаѣ, когда она содѣйствуетъ успѣху работы. А Иртеньевы и Нехлюдовы—ни рыба, ни мясо. Они за все хватаются, вездѣ хотятъ произвести что-нибудь изумительно хорошее и въ то же время совсѣмъ ничего не знаютъ и рѣшительно ничего не умѣютъ сдѣлать какъ слѣдуетъ. Рудины берутся за какую-нибудь работу только въ самомъ крайнемъ случаѣ, то-есть, когда имъ ѣсть нечего. Да и тутъ работа идетъ у нихъ такъ нескладно, что они сидятъ впроголодь и ходятъ съ разодранными локтями. У Иртеньевыхъ жажда дѣятельности гораздо сильнѣе, чѣмъ у Рудиныхъ, а на счетъ практической смѣтливости они другъ друга стоятъ. Настоящее назначеніе Иртеньевыхъ и Нехлюдовыхъ заключается въ томъ, чтобы сидѣть на мягкомъ креслѣ и кушать страсбургскіе пироги. Это — единственное занятіе, которому они могутъ предаваться съ полнымъ успѣхомъ. Но ихъ неугомонная добродѣтель никакъ не позволяетъ имъ удовлетвориться такой безмятежной отраслью дѣятельности. Ихъ все подмываетъ сотворить какое-нибудь удивительно мудреное добро. Они вскакиваютъ съ мягкаго кресла, хлопочутъ до обморока и кончаютъ свои добродѣтельныя упражненія тѣмъ, что разоряются впухъ. Впрочемъ этотъ результатъ самъ по себѣ очень недуренъ, потому что нѣкоторые обломки нехлюдовскаго или иртеньевскаго состоянія попадаютъ иногда въ руки такихъ людей, которые, во первыхъ, нуждаются въ деньгахъ, а во-вторыхъ— умѣютъ съ ними обращаться. Такимъ образомъ Нехлюдовы и Иртеньевы приносятъ иногда пользу совершенно непроизвольно подобно тому, какъ многіе люди оказываютъ обществу незамѣнимую услугу своей мирной кончиной. А между тѣмъ Иртеньевы и Нехлюдовы—люди очень неглупые и совсѣмъ не подлые. Тѣ изъ нихъ, которые родились и выросли въ знатныхъ семействахъ, готовы даже для совершенія великихъ подвиговъ добра переломить свои привычки къ роскошной жизни и разорвать свои связи съ аристократическимъ обществомъ. Стало быть, въ недостаткѣ усердія ихъ упрекнуть нельзя и объяснить ихъ безполезность исключительно разслабляющимъ вліяніемъ барственнаго воспитанія было бы также не совсѣмъ основательно. Причины

ихъ практической непригодности и ихъ безплодныхъ страданій оказываются гораздо сложнѣе и лежатъ гораздо глубже, чѣмъ можно было бы подумать при бѣгломъ взглядѣ на общій очеркъ ихъ неудачной дѣятельности. Причины эти показаны графомъ Толстымъ такъ ясно, такъ подробно и такъ убѣдительно, что мнѣ остается только сгруппировать для общихъ выводовъ тѣ бытовые и психологическіе факты, которые разбросаны въ отдѣльныхъ сценахъ и отрывочныхъ эпизодахъ «Дѣтства», «Отрочества» и «Юности».

III.

Съ самаго ранняго возраста Иртеньевъ чувствовалъ мучительный разладъ между мечтой и дѣйствительностью. Вотъ короткій отрывокъ изъ воспоминаній о классной комнатѣ. «Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Иванычъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: когда-же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Иванычъ сердится за ошибки».

Мальчишкѣ лѣнь, мальчишкѣ учиться не хочется, скажутъ эксперты по части педагогики. Мы къ этому давно привыкли, и ничего тутъ нѣтъ особеннаго.—Знаю, господа. Но именно это-то и скверно, что вы давно къ этому привыкли и не видите тутъ ничего особеннаго. Это-то и скверно, что подобныя исторіи повторяются аккуратно каждый день, въ каждомъ семействѣ, въ которомъ есть учащіяся дѣти. Это-то и скверно, что мы всегда принимаемъ господствующій обычай за законъ природы. Присмотримся къ тому отдѣльному случаю, который представляется намъ въ воспоминаніяхъ Иртеньева. Ребенку хочется быть вмѣстѣ съ матерью и съ большими.—Зачѣмъ его туда не пускаютъ?—Ребенку не хочется сидѣть за диктовкой и за діалогами.—Зачѣмъ его къ этому приневоливаютъ?—Что за глупые вопросы? заговорятъ хоромъ всѣ читатели, эксперты и не-эксперты, мужчины и женщины, старики и молодые.—Зачѣмъ? Надо-же ребенку учиться! Нельзя-же ему баклушничать.—А я опять свое: зачѣмъ-же надо? И отчего-же нельзя?—Ну! часъ отъ часу не легче! Надо ребенку учиться, напримѣръ, хоть-бы для того, чтобы по достиженіи извѣстнаго возраста поступить въ учебное заведеніе.—А зачѣмъ-же ему по достиженіи извѣстнаго возраста надо поступить въ учебное заведеніе?—Фу, какія глупыя шутки! Затѣмъ, чтобы учиться, чтобы сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ, чтобы составить себѣ какую-нибудь карьеру.—(Слова «учиться» и «сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ» приведены здѣсь для украшенія рѣчи. Поэтому я пропущу ихъ мимо ушей и задамъ еще одинъ вопросъ, который уже окончательно выведетъ изъ терпѣнія всѣхъ моихъ собесѣдниковъ).—А зачѣмъ-же ему надо составить себѣ какую-нибудь карьеру?—Что-жъ ему, по вашему, собакъ гонять въ деревнѣ, или въ свинопасы опредѣлиться? Или пить, ѣсть, спать и баловаться съ горничными? Что это вы у г-жи Простаковой, урожденной Скотининой, что-ли, заимствовали педагогическую философію?

Напрасно вы, волнующіеся читатели, думаете застращать меня именемъ госпожи Простаковой, урожденной Скотининой. Не въ обиду вамъ будь сказано, госпожа Простакова, урожденная Скотинина, окажется геніальной мыслительницей, если мы сравнимъ ея идеи о воспитаніи съ тѣмъ жалкимъ наборомъ перепутанныхъ и непонятыхъ полу-правилъ и полу-фразъ, который считается обязательнымъ кодексомъ общепринятой домашней педагогики. У Простаковой есть одно драгоцѣнное свойство: у нея есть послѣдовательность, а у васъ, господа эксперты, ея нѣтъ; и вы даже инстинктивно боитесь ея и ненавидите эту проклятую послѣдовательность въ другихъ людяхъ. Простакова говоритъ напримѣръ, что географія совсѣмъ не дворянская наука, потому что на то есть кучеръ, чтобы везти, куда ему прикажутъ, безо всякаго описанія земли. Превосходная мысль! Изумительная логика! Самый прямой и необходимый выводъ изъ крѣпостного права! Когда подъ моей властью находятся люди, обязанные удовлетворять всѣмъ моимъ потребностямъ и исполнять всѣ мои прихоти, тогда я смѣло отрицаю всякую науку, въ томъ числѣ и географію. Такъ всегда было и того требуетъ сила вещей или логика исторіи. А просвѣщенные педагоги разсуждаютъ о географіи совсѣмъ иначе. Они говорятъ, что географія есть одна изъ отраслей знанія, и что знаніе вообще расширяетъ умъ человѣка и умягчаетъ его душу. И, говоря эти хорошія слова, они въ то же время понимаютъ какъ нельзя лучше, что ни учебникъ Арсеньева, ни учебникъ Ободовскаго, ни учебникъ Павловскаго не расширили до сихъ поръ ничьего ума и не умягчили ничьей души. Хорошія слова произносятся такимъ образомъ даже безъ малѣйшей надежды обмануть ими кого-бы то ни было. Сужденія Простаковой гораздо разумнѣе этихъ хорошихъ словъ, потому что Простакова по крайней мѣрѣ сама крѣпко вѣритъ въ истину того, что она говоритъ.—Когда Митрофанушка объявляетъ: «не хочу учиться, хочу жениться!»—тогда Простакова начинаетъ его ублажать: «ты, говоритъ, хоть для виду поучись! А тамъ мы тебя сейчасъ и женимъ».—Здѣсь опять Простакова оказывается правдивѣе и благоразумнѣе про-

свѣщенныхъ педагоговъ. Она понимаетъ, что когда человѣкъ не хочетъ учиться, тогда онъ можетъ учиться только для виду. Понимая это дѣло такъ просто и разумно, она и высказываетъ свое желаніе совершенно прямо и откровенно. Просвѣщенные педагоги повидимому знаютъ натуру дѣтей гораздо глубже, чѣмъ знала ее госпожа Простакова; они пишутъ цѣлыя статьи о томъ, что ребенка слѣдуетъ пріохочивать къ ученію. Кромѣ того они такъ глубоко уважаютъ науку, что ни за что не рѣшатся сказать воспитаннику: поучись только для виду! Но такъ какъ писать статьи и уважать науку гораздо легче, чѣмъ возиться съ шаловливыми ребятами,— то при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, то есть съ живымъ, а не съ воображаемымъ воспитанникомъ, просвѣщенные педагоги тотчасъ замѣняютъ слово «пріохочивать» словомъ «приневоливать». — Хорошія слова вставляются попрежнему въ книжки и въ разсужденія, а ребенокъ все-таки учится для виду, и педагогъ, изучившій дѣтскую натуру и уважающій науку, видитъ это очень хорошо, но смотритъ на дѣло сквозь пальцы или утѣшаетъ себя тѣмъ извѣстнымъ разсужденіемъ, что самая вѣрная теорія непремѣнно должна пускаться на уступки при столкновеніяхъ съ практикой. Значитъ, и въ этомъ случаѣ госпожа Простакова, урожденная Скотинина, можетъ дать нашимъ экспертамъ хорошій урокъ по части послѣдовательности и прямодушія.

Пріохочивать гораздо труднѣе, чѣмъ *приневоливать*. Это несомнѣнно. Еслибы отъ каждаго воспитателя требовалось непремѣнно умѣнье пріохочивать ребенка къ ученію, то навѣрное девяносто-девять сотыхъ тѣхъ людей, которые въ настоящее время называютъ себя гувернерами и гувернантками, были бы принуждены отказаться отъ своего ремесла. Отцы и матери ужаснулись бы, увидѣвъ такое запустѣніе, отнимающее у ихъ дѣтей всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь образованными людьми, но сами дѣти не потеряли бы ровно ничего, потому что все, что изучается по принужденію, забывается при первомъ удобномъ случаѣ. Десятилѣтнему мальчику, Колѣ Иртеньеву, хочется сидѣть на террасѣ, возлѣ матери, вмѣстѣ съ большими; ему хочется слушать ихъ разговоры и участвовать въ ихъ смѣхѣ. Ребенокъ понимаетъ инстинктивно свою собственную пользу гораздо вѣрнѣе, чѣмъ ее понимаютъ взрослые. Онъ своими ребяческими желаніями тянется именно въ то мѣсто, гдѣ ему слѣдуетъ быть, гдѣ онъ можетъ приглядываться къ дѣйствительной жизни и гдѣ умныя рѣчи взрослыхъ должны будить и шевелить его любознательность. Но взрослые гонятъ его прочь отъ себя, по извѣстной пословицѣ: «знаетъ кошка, чье мясо съѣла». Взрослые чувствуютъ очень хорошо, что ихъ рѣчи совсѣмъ не умныя, а, напротивъ того, постоянно вздорныя и подчасъ очень грязныя. Присутствіе ребенка стыдитъ и стѣсняетъ ихъ, и они загоняютъ его куда-нибудь подальше, въ классную, не только затѣмъ, чтобы онъ зубрилъ діалоги, но преимущественно затѣмъ, чтобы онъ не мозолилъ имъ глаза и не мѣшалъ имъ врать пошлости. Съ одной стороны, въ этомъ желаніи удалить ребенка можно видѣть смиренное сознаніе собственной замаранности; мы, дескать,—пустые и дрянные люди, и мы это чувствуемъ, и поэтому мы боимся загрязнить собой нашего чистаго ребенка. Съ другой стороны, въ этомъ-же самомъ желаніи можно видѣть полную умственную пустоту и безнадежную нравственную распущенность. Мы, дескать, любимъ нашего ребенка, но и для его пользы, и для удовольствія быть съ нимъ вмѣстѣ не оставимъ ни одной изъ нашихъ глупыхъ или предосудительныхъ привычекъ. Значитъ, съ одной стороны выходитъ трогательно, а съ другой стороны—скверно; но кромѣ того съ обѣихъ сторонъ глупо, потому что въ большей части случаевъ это систематическое удаленіе ребенка изъ общества взрослыхъ рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ, черезъ лакейскую или черезъ дѣвичью, ребенокъ непремѣнно узнаетъ всѣ тайны, семейныя или физіологическія, которыя скрывались отъ него самымъ тщательнымъ образомъ. Если ребенокъ считалъ папеньку и маменьку полубожественными существами, то онъ въ нихъ непремѣнно разочаруется и будетъ въ душѣ своей относиться къ нимъ тѣмъ суровѣе, чѣмъ больше они съ нимъ лукавили. Онъ будетъ понимать ихъ слабости, да еще кромѣ того будетъ презирать ихъ за систематическій обманъ. Туда-же, скажетъ, на пьедесталъ лѣзутъ! Если ребенокъ полагалъ, что дѣти родятся въ капустѣ, то онъ и тутъ разочаруется и сверхъ того узнаетъ настоящую сущность вещей отъ какого-нибудь смышленаго сверстника съ такими заманчивыми украшеніями, которыхъ не придумаетъ ни одинъ взрослый и которыя могутъ сдѣлать это открытіе дѣйствительно опаснымъ для юнаго слушателя. Какъ хотите разсуждайте, а вѣдь все-таки не было на свѣтѣ ни одного человѣка, который втеченіи всей своей жизни считалъ бы своихъ родителей полубогами и который дожилъ бы до сѣдыхъ волосъ въ томъ пріятномъ убѣжденіи, что дѣти родятся въ капустѣ. Изъ чего-же мы такъ хлопочемъ о той чистотѣ ребенка, которая непремѣнно должна исчезнуть безъ остатка при первомъ проблескѣ его умственной самодѣятельности? Или можетъ-быть мы дѣлаемъ это для симметріи?—Природа даетъ дѣтямъ молочные зубы, которые потомъ выпадаютъ и замѣняются настоящими. Ну, а мы—должно быть, для симметріи—вкладываемъ имъ въ голову молочныя идеи, которыя потомъ так-

же выпадаютъ и также замѣняются настоящими. И для этого мы удаляемъ дѣтей изъ нашего общества, которое все-таки, несмотря на всѣ наши пошлости, могло бы принести имъ гораздо больше пользы, чѣмъ заучиваніе діалоговъ въ ненавистной классной комнатѣ.

IV.

Если старшіе члены семейства—люди дѣльные, умные и образованные, то лучшей первоначальной школой для дѣтей будетъ та комната, въ которой отецъ и мать работаютъ, читаютъ или разговариваютъ. Ребенокъ всегда интересуется тѣмъ, что̀ дѣлаютъ взрослые. И прекрасно. Пусть присматривается къ ихъ работѣ, пусть вслушивается въ ихъ чтеніе, пусть старается понимать смыслъ ихъ разговоровъ. Онъ будетъ предлагать свои вопросы; ему будутъ отвѣчать какъ можно проще и яснѣе; но въ самыхъ простыхъ и ясныхъ отвѣтахъ ему будутъ попадаться нѣкоторыя вещи, превышающія его ребяческое пониманіе. Ему захочется поработать вмѣстѣ съ взрослыми; всѣ мы знаемъ по вседневному опыту, съ какимъ усердіемъ и съ какой радостной гордостью дѣти бѣгутъ помогать взрослымъ, когда они видятъ, что помощь ихъ приноситъ дѣйствительную пользу. Но при первой попыткѣ поработать вмѣстѣ съ взрослыми ребенокъ нашъ увидитъ, что работа только съ виду кажется легкой и простой штукой, а что на самомъ дѣлѣ тутъ необходима такая сноровка, которая сразу никому не дается. Любознательность ребенка будетъ такимъ образомъ затронута тѣмъ, что осталось для него неяснымъ въ разговорахъ и отвѣтахъ старшихъ. Самолюбіе и стремленіе къ дѣятельности будутъ постоянно возбуждаться въ немъ тѣмъ зрѣлищемъ, что вотъ, молъ, большіе работаютъ, а я-то ни за что̀ не умѣю приняться. И ребенокъ самъ начнетъ приставать къ отцу и къ матери, чтобы они его чему-нибудь поучили; и когда, уступая этимъ слезнымъ мольбамъ, отецъ или мать возьмутся за книгу или начнутъ показывать ребенку основныя начала какого-нибудь рукодѣлія, тогда ребенокъ будетъ смотрѣть на нихъ во всѣ глаза и слушать, разиня ротъ, боясь проронить что-нибудь изъ тѣхъ наставленій, которыхъ онъ самъ добивался. Каждый наблюдательный человѣкъ можетъ навѣрное припомнить множество случаевъ, въ которыхъ восьми или десятилѣтній ребенокъ выучился читать и писать почти самоучкой. А всякій конечно согласится съ тѣмъ, что механизмъ чтенія и писанія составляетъ самую скучную и быть можетъ даже самую трудную часть всей человѣческой науки. Извѣстна русская поговорка: «первая коломъ, вторая соколомъ, а тамъ полетѣли мелкія пташки». Эта поговорка, весьма любезная всѣмъ кутиламъ, можетъ быть приложена съ полнымъ успѣхомъ не только къ поглощенію вина и водки, но и ко всякому другому болѣе полезному занятію. Вездѣ первый шагъ труднѣе и страшнѣе всѣхъ остальныхъ. Стало быть, если даже этотъ первый шагъ въ дѣлѣ книжнаго ученія можетъ быть сдѣланъ ребенкомъ по собственному влеченію, то о другихъ шагахъ нечего и толковать. Надо только, чтобы взрослые до самаго конца не измѣняли великому принципу невмѣшательства, то есть, чтобы всегда и во всякомъ случаѣ ученикъ приставалъ къ учителю, а не наоборотъ. Что ученіе можетъ идти совершенно успѣшно не только безъ розогъ, но даже—что̀ несравненно важнѣе—безо всякаго нравственнаго принужденія, это доказано на вѣчныя времена практическимъ опытомъ самого же графа Толстого въ яснополянской школѣ. Но если вы никогда не задумывались надъ этимъ вопросомъ, то вы даже и представить себѣ не можете, какое громадное вліяніе будетъ имѣть на весь характеръ ребенка, на весь складъ его ума и на весь ходъ его дальнѣйшаго развитія то обстоятельство, что онъ съ самаго начала не дѣлалъ въ книжномъ ученіи ни одного шага безъ собственнаго желанія и безъ внутренняго убѣжденія въ разумности и необходимости этого шага.

Вглядитесь въ развитіе Николая Иртеньева, и на этомъ превосходномъ примѣрѣ вы увидите, до какой степени важны и вредны могутъ быть первыя тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя ребенкомъ изъ классной комнаты. Я замѣтилъ выше, что Иртеньевъ рано почувствовалъ разладъ между мечтой и дѣйствительностью. Вы скажете можетъ-быть, что мы всѣ рано или поздно начинаемъ чувствовать этотъ разладъ, и что самое превосходное воспитаніе не можетъ вполнѣ предохранить человѣка отъ этого тягостнаго ощущенія. Я съ вами согласенъ, но не совсѣмъ. Разладъ разладу рознь. Моя мечта можетъ обгонять естественный ходъ событій, или же она можетъ хватать совершенно въ сторону, туда, куда никакой естественный ходъ событій никогда не можетъ придти. Въ первомъ случаѣ мечта не приноситъ никакого вреда; она можетъ даже поддерживать и усиливать энергію трудящагося человѣка. Представьте себѣ, что вы занимаетесь какой-нибудь ученой работой; вы устали, идете гулять и начинаете мечтать о томъ, что̀ вы сдѣлаете, когда трудъ вашъ будетъ оконченъ. Вотъ, думаете вы, заплатятъ мнѣ хорошія деньги, заговорятъ обо мнѣ въ журналахъ, дадутъ каѳедру, поѣду за-границу, женюсь на такой-то, буду жить такъ и такъ.—Потомъ, когда прогулка ваша приходитъ къ концу и когда наступаетъ время спѣшить куда-нибудь въ лабораторію, въ клинику или въ публичную библіотеку, вы тотчасъ соображаете, что для осуществленія всѣхъ вашихъ привлекательныхъ мечтаній вамъ прежде всего слѣдуетъ поработать.—Ну, что-жъ, думаете вы, развѣ я отъ этого прочь? И поработаю. Согласитесь, что

въ подобныхъ мечтахъ нѣтъ ничего такого, что извращало или парализировало бы вашу рабочую силу. Даже совсѣмъ напротивъ. Еслибы человѣкъ былъ совершенно лишенъ способности мечтать такимъ образомъ, еслибы онъ не могъ изрѣдка забѣгать впередъ и созерцать воображеніемъ своимъ въ цѣльной и законченной красотѣ то самое твореніе, которое только что начинаетъ складываться подъ его руками,—тогда я рѣшительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человѣка предпринимать и доводить до конца обширныя и утомительныя работы въ области искусства, науки и практической жизни. Мечта какого-нибудь утописта, стремящагося пересоздать всю жизнь человѣческихъ обществъ, хватаетъ впередъ въ такую даль, о которой мы не можемъ даже имѣть никакого понятія. Осуществима ли, не осуществима ли мечта—этого мы рѣшительно не знаемъ. Видимъ только то, что эта мечта находится въ величайшемъ разладѣ съ той дѣйствительностью, которая находится передъ нашими глазами. Существованіе разлада не подлежитъ сомнѣнію, но этотъ разладъ все-таки нисколько не вреденъ и не опасенъ ни для самого мечтателя, ни для тѣхъ людей, на которыхъ онъ старается подѣйствовать. Самъ мечтатель видитъ въ своей мечтѣ святую и великую истину, и онъ работаетъ, сильно и добросовѣстно работаетъ, чтобы мечта его перестала быть мечтой. Вся жизнь расположена по одной руководящей идеѣ и наполнена самой напряженной дѣятельностью. Онъ счастливъ, несмотря на лишенія и непріятности, несмотря на насмѣшки невѣрующихъ и на трудности борьбы съ укоренившимися понятіями. Онъ счастливъ, потому что величайшее счастье, доступное человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы влюбиться въ такую идею, которой можно посвятить безраздѣльно всѣ свои силы и всю свою жизнь. Если такой мечтатель или, вѣрнѣе, теоретикъ дѣйствительно открылъ великую и новую истину, тогда уже само собой разумѣется, что разладъ между *его* мечтой и нашей практикой не можетъ принести намъ, то-есть людямъ вообще, ничего, кромѣ существенной пользы. Если же мечтатель ошибался, то даже и въ такомъ случаѣ онъ принесъ пользу своей дѣятельностью. Его мечта была односторонней и незрѣлой попыткой исправить такое неудобство, которое чувствуется болѣе или менѣе ясно всѣми остальными людьми. Значитъ, во-первыхъ, мечтатель заговорилъ о такомъ предметѣ, о которомъ полезно говорить и думать. Во-вторыхъ, онъ собралъ кое-какія наблюденія, которыя могутъ пригодиться другимъ мыслителямъ, болѣе образованнымъ, болѣе осмотрительнымъ и болѣе даровитымъ. Въ-третьихъ, онъ вывелъ изъ своихъ наблюденій ошибочныя заключенія. Если эти заключенія своей внѣшней логичностью поразили слушателей и читателей, то эти же самыя заключенія побудили навѣрное болѣе основательныхъ мыслителей заняться серьезной разработкой даннаго вопроса для того, чтобы опровергнуть въ умахъ читающаго общества соблазнительныя заблужденія нашего мечтателя. Экономисты напримѣръ очень не любятъ соціалистовъ. Мы съ читателями твердо знаемъ по «Русскому Вѣстнику», что экономисты — люди почтенные, а соціалисты—прощалыги и сумасброды. Но все-таки совершенно невозможно отрицать, что экономисты давнымъ давно обратились бы въ стадо барановъ и воловъ, пережевывающихъ старую жвачку Адама Смита, еслибы соціалисты своими предосудительными глупостями не заставляли ихъ ежеминутно бросаться въ полемику и отражать новыя нападенія новыми аргументами. Стало быть, разладъ между мечтой и дѣйствительностью не приноситъ никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно вѣритъ въ свою мечту, внимательно вглядываясь въ жизнь, сравниваетъ свои наблюденія съ своими воздушными замками и вообще добросовѣстно работаетъ надъ осуществленіемъ своей фантазіи. Когда есть какое-нибудь соприкосновеніе между мечтой и жизнью, тогда все обстоитъ благополучно. Тогда или жизнь уступитъ мечтѣ, или мечта исчезнетъ передъ фактическими доводами жизни, и въ концѣ концовъ все-таки получится примиреніе между мечтой и жизнью; то-есть или мечтателю дѣйствительно удастся завоевать себѣ то счастье, къ которому онъ стремится, или мечтатель убѣдится въ томъ, что такое счастье невозможно и что надо выбрать себѣ что-нибудь попроще.

Но есть мечты совсѣмъ другого рода,—мечты, разслабляющія человѣка,—мечты, рождающіяся во время праздности и безсилія и поддерживающія своимъ вліяніемъ ту праздность и то безсиліе, среди которыхъ онѣ родились. Это—маниловскія мечты о лавкахъ на каменномъ мосту. Мечтая такимъ образомъ, человѣкъ самъ знаетъ очень хорошо, что онъ не въ состояніи пошевельнуть пальцемъ для того, чтобы мечта перешла въ дѣйствительность. Представьте себѣ, что вы бѣдный человѣкъ, и что только самый усиленный трудъ можетъ поддерживать вашу жизнь и вашу нравственную самостоятельность. Въ томъ же усиленномъ трудѣ заключаются и всѣ ваши далекія надежды на нѣкоторое улучшеніе вашей незавидной участи. Лѣтъ черезъ пять вашъ хозяинъ прибавитъ вамъ жалованья, потомъ дастъ вамъ какое-нибудь болѣе важное порученіе, потомъ еще прибавитъ—вотъ все, на что вы можете разсчитывать; но, во-первыхъ, все это далеко, очень далеко, а во-вторыхъ, все это надо взять упорнымъ трудомъ. И нынче, и завтра, и послѣ-завтра надо работать пристально, и—что гораздо труднѣе—надо тянуть ножки по одежкѣ и отмѣривать себѣ по золотникамъ все

то, что люди зажиточные считаютъ безусловно необходимымъ. И вдругъ вы въ этакомъ-то подлѣйшемъ положенiи начинаете мечтать о томъ, что какъ бы это было хорошо, кабы у васъ было тысячъ десять годового дохода: сшили бы вы себѣ теплую шубу; накупили бы себѣ хорошихъ книгъ; заказали бы вашему повару обѣдъ, отъ котораго васъ не стало бы тошнить; поѣхали бы на лѣто за-границу; а то хорошо было бы и въ деревню поѣхать, чистымъ степнымъ и лѣснымъ воздухомъ подышать, за вальдшнепами по болоту пошляться; потомъ не мѣшало бы сдѣлать предложенiе той барышнѣ, которую вы видѣли въ зеленомъ бархатномъ салопѣ на англiйской набережной. Въ вашей молодой головѣ складываются обаятельныя подробности простого и невиннаго романа съ самой добродѣтельной развязкой, и вы — герой этого романа; но вдругъ герой слышитъ, что за сосѣдней деревянной перегородкой охаетъ и ворчитъ старуха-хозяйка на тѣхъ шаромыжниковъ-жильцовъ, которые вотъ уже два мѣсяца не платятъ денегъ ни за квартиру, ни за столъ. Васъ этотъ ворчливый голосъ поражаетъ въ самое сердце, потому что завтра первое число, а за квартиру вы заплатить не можете, потому что почти все ваше жалованье ушло на обмундированье вашего младшаго брата, только что поступившаго въ гимназiю и живущаго подъ вашимъ покровительствомъ. Голосъ хозяйки совершенно разсѣялъ ваши мечты, и вы видите, что передъ вами на покривившемся деревянномъ столѣ лежитъ какой-то глупѣйшiй конторскiй счетъ, который къ завтрашнему утру необходимо провѣрить. И знаете вы, что вамъ приходится провѣрять въ мѣсяцъ сотни подобныхъ счетовъ, такъ что даже трудно сообразить, какое незначительное число копѣекъ вамъ достается за провѣрку каждаго отдѣльнаго счета. И у васъ опускаются руки и является вопросъ: зачѣмъ работать? зачѣмъ морить себя медленной смертью? И что̀-жъ это въ самомъ дѣлѣ за жизнь? И является безплоднѣйшее размышленiе: «tant pour les uns, et si peu pour les autres!» — безплоднѣйшее потому, что вѣдь вы все-таки не пошевельнете мизинцемъ для того, чтобы устроить дѣло какъ-нибудь иначе. А такъ только: пофилософствуете, потоскуете, повздыхаете да и приметесь за провѣрку конторскаго счета, и эта работа идетъ у васъ гораздо хуже и внушаетъ вамъ гораздо болѣе сильное отвращенiе послѣ того, какъ вы побаловали себя ребяческими мечтами о теплой шубѣ, о сносномъ обѣдѣ и о барышнѣ въ зеленомъ бархатномъ салопѣ. Вотъ такiя мечты я называю вредными и губительными во всѣхъ отношенiяхъ. Мечты перваго рода можно сравнить съ глоткомъ хорошаго вина, которое бодритъ и подкрѣпляетъ человѣка во время утомительнаго труда. Но послѣднiя мечты похожи на прiемъ опiума, который доставляетъ человѣку обаятельныя видѣнiя и вмѣстѣ съ тѣмъ безвозвратно разстраиваетъ всю нервную систему. Люди бѣдные, лишенные всѣхъ дѣйствительныхъ наслажденiй, легче другихъ могутъ пристраститься къ опiуму и также больше другихъ людей способны баловать себя тѣми *завѣдомо* несбыточными мечтами, которыя я сравнилъ съ вреднымъ наркотическимъ веществомъ. Но и зажиточные люди ухитряются иногда губить свою жизнь, какъ опiумомъ, такъ и вредными мечтами. То воспитанiе, которое мы обыкновенно даемъ нашимъ дѣтямъ, ведетъ ихъ самымъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ безвыходную область *наркотической* мечты.

V.

Для десятилѣтняго Коли Иртеньева дiалоги и диктовка составляютъ презрѣнную и ненавистную дѣйствительность, а пребыванiе на террасѣ вмѣстѣ съ большими—любимую, но неосуществимую мечту. Дѣйствительность ничѣмъ не связана съ мечтой. Какъ бы усердно мальчикъ ни зубрилъ свои дiалоги и какъ бы успѣшно онъ ни избѣгалъ орѳографическихъ ошибокъ, все-таки онъ ни на одну секунду не приблизитъ къ себѣ то желанное время, когда всѣ будутъ признавать его большимъ, постоянно принимать его въ свое общество и разсуждать и смѣяться съ нимъ, какъ съ равнымъ. Онъ самъ очень хорошо понимаетъ все это и возится съ дiалогами и съ диктовками только потому, что такъ приказано и что его непремѣнно заставятъ учиться, если онъ обнаружитъ слишкомъ очевидный недостатокъ усердiя. За дiалогами и диктовками послѣдуютъ болѣе серьезные уроки; за серьезными уроками послѣдуютъ университетскiя лекцiи. За послѣднимъ университетскимъ экзаменомъ начнется мелкая толкотня практической жизни, и молодой человѣкъ, снимая студенческiй мундиръ, скажетъ себѣ съ самодовольной улыбкой, что его научное образованiе окончено самымъ блистательнымъ образомъ и что теперь надо смотрѣть на вещи глазами зрѣлаго мужчины, то-есть заботиться о хорошемъ мѣстѣ, о связяхъ, о повышенiи, о протекцiи, о выгодныхъ акцiяхъ, о богатой невѣстѣ, вообще о прочномъ и комфортабельномъ положенiи въ обществѣ. Переходы отъ дiалоговъ къ серьезнымъ урокамъ и отъ серьезныхъ уроковъ къ университетскимъ лекцiямъ и экзаменамъ совершаются обыкновенно такъ постепенно и незамѣтно, что мальчикъ, превращающiйся понемногу въ юношу, въ большей части случаевъ переноситъ на серьезные уроки тотъ взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на дiалоги, а потомъ относится и къ университетскимъ занятiямъ такъ, какъ онъ относился къ серьезнымъ урокамъ. Все научное образованiе, отъ азбуки до кандидатской диссертацiи, оказывается для нашего юноши длиннымъ и утомительнымъ обрядомъ, который не-

премѣнно долженъ быть исполненъ изъ уваженія къ установившимся привычкамъ общества, но который все-таки не имѣетъ никакого вліянія на умственную жизнь исполняющаго субъекта. Бываютъ конечно въ жизни нѣкоторыхъ молодыхъ людей счастливыя встрѣчи съ мыслящимъ человѣкомъ или съ очень дѣльной книгой; эти встрѣчи открываютъ молодымъ людямъ глаза и вдругъ бросаютъ имъ въ голову ту поразительно-новую для нихъ мысль, что наука совсѣмъ непохожа на діалоги и на диктовку, что въ научныхъ занятіяхъ можно находить себѣ постоянно возрастающее наслажденіе, что университетъ только отворяетъ человѣку двери въ область знанія, что эта область безпредѣльна и необозрима, что умственное образованіе человѣка должно оканчиваться только съ его жизнью и что умственное образованіе пересоздаетъ весь характеръ отдѣльной личности и даже всѣ понятія, обычаи и учрежденія громаднѣйшихъ человѣческихъ обществъ. Послѣ такой встрѣчи наука перестаетъ казаться молодому человѣку презрѣнной и ненавистной прозой жизни. Научныя занятія перестаютъ быть для него мертвымъ обрядомъ, проза и поэзія, мечта и дѣйствительность заключаютъ между собой вѣчный миръ и неразрывный союзъ. Умственный трудъ дѣлается для него живѣйшимъ наслажденіемъ, потому что онъ видитъ въ этомъ трудѣ самое вѣрное средство ловить и осуществлять ту любимую мечту, которая постоянно носится передъ его воображеніемъ и постоянно увлекаетъ его за собой все дальше и дальше, впередъ и впередъ, въ область новыхъ размышленій, изслѣдованій и открытій. Такія счастливыя встрѣчи бываютъ точно; но, во-первыхъ, не всѣмъ онѣ выпадаютъ на долю, а во-вторыхъ, далеко не всѣ умѣютъ ими пользоваться, то есть не на всѣхъ такія встрѣчи производятъ сразу достаточно глубокое и прочное впечатлѣніе. Шевельнется въ головѣ какой-то зародышъ плодотворнаго сомнѣнія, блеснетъ какая-то молнія новой мысли, да тѣмъ дѣло и покончится, за недостаткомъ такихъ матеріаловъ, которые могли бы поддержать и направить работу неопытнаго ума.

Такимъ образомъ множество молодыхъ людей остаются совершенно нетронутыми въ научномъ отношеніи и выходятъ изъ университетовъ большими двадцатилѣтними школьниками, выучившими громадное количество скучныхъ и мудреныхъ уроковъ, которые послѣ выпускного экзамена непремѣнно должны быть забыты, и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше. Природный умъ этихъ молодыхъ людей, часто очень живой и сильный, и притомъ, разумѣется, совершенно неудовлетворенный холодными, формальными и обязательными отношеніями своими къ наукѣ, совершенно отвертывается отъ книжныхъ премудростей, проникается глубокимъ недовѣріемъ ко всякой научной теоріи, о которой онъ въ сущности не имѣетъ никакого понятія, старается проложить себѣ свою собственную, совсѣмъ особенную дорогу, производитъ какіе-то курьезнѣйшіе эксперименты надъ собой и надъ жизнью, терпитъ на всѣхъ пунктахъ очень естественныя пораженія и наконецъ приходитъ къ полнѣйшему банкротству, то-есть къ самому безвыходному унынію и къ самой тупой апатіи. Такія траги-комическія кувырканія неразвитого и голоднаго ума проявляются напримѣръ въ добросовѣстныхъ усиліяхъ какого-нибудь деревенскаго механика открыть perpetuum mobile. И такія же точно кувырканія слышатся намъ ежеминутно въ разсужденіяхъ сантиментальныхъ, но необразованныхъ журналистовъ о почвѣ, о народности, о недосягаемыхъ и непостижимыхъ совершенствахъ русскаго человѣка, о необходимости смириться умомъ передъ народной правдой. У кого умъ наполненъ только смутными воспоминаніями объ учебникахъ Устрялова, Кайданова и Ободовскаго, тотъ конечно можетъ смирить гордыню своей мысли передъ мудростью любой деревенской кликуши; но кто не ограничился такой легкой умственной пищей, тотъ уже навсегда потерялъ возможность принижать свой умъ до уровня вопіющей нелѣпости.

Очень многіе читающіе и даже пишущіе люди серьезно и добросовѣстно убѣждены въ томъ, что можно сдѣлаться превосходнымъ человѣкомъ и чрезвычайно полезнымъ гражданиномъ помимо всякаго научнаго образованія. Не всѣмъ же быть учеными, толкуютъ они. Давайте намъ только добросовѣстныхъ практическихъ дѣятелей. Давайте намъ людей непосредственнаго чувства, не засушенныхъ книжными теоріями, не пріучившихъ себя вносить всюду разлагающее начало холоднаго сомнѣнія и дерзновеннаго анализа. Давайте намъ людей строго-нравственныхъ, преданныхъ своему долгу, проникнутыхъ желаніемъ добра, способныхъ жертвовать собой для пользы общества, и такъ далѣе. Такими восклицаніями «давайте» можно наполнить цѣлыя страницы, но къ счастью все это давно уже было высказано на сценѣ Александринскаго театра, когда Самойловъ, въ роли соллогубовскаго чиновника Надимова, приглашалъ всю почтенную публику кликнуть кличъ на всю Россію и вырвать взятки или, какъ говорилось тогда, *«зло»* съ самымъ корнемъ. Въ сущности всѣ добрые люди, восклицающіе: «давайте намъ того-то и того-то», требуютъ невозможнаго, потому что въ ихъ требованіи заключается внутреннее противорѣчіе. Они говорятъ: «не нужно топить въ кухнѣ печку. Давайте намъ только горячаго супу и жареныхъ рябчиковъ».—Они относятся холодно и почти враждебно къ научному образованію и въ то же время требуютъ себѣ та-

кихъ предметовъ, которые не могутъ быть изготовлены рѣшительно ничѣмъ, кромѣ того-же самаго научнаго образованія. Особенно печально то обстоятельство, что дѣло очень часто не ограничивается нелѣпыми словами. Многіе люди не только кричатъ: «давайте, давайте», но еще кромѣ того насилуютъ и ломаютъ свой собственный умъ и характеръ, стараясь домашними средствами выработать изъ своей личности что-то очень возвышенное и прекрасное, что-то такое, о чемъ они сами не могутъ составить себѣ яснаго понятія и что вырабатывается изъ человѣческой личности единственно и исключительно вліяніемъ широкаго и глубокаго научнаго образованія.

Не всѣмъ надо быть изслѣдователями — съ этимъ я совершенно согласенъ. Не всѣмъ надо быть популяризаторами науки—съ этимъ я также согласенъ; по всякому, кто хочетъ быть въ жизни дѣятельной личностью, а не страдательнымъ матеріаломъ, всякому, говорю я, совершенно необходимо твердо усвоить себѣ и основательно передумать всѣ тѣ результаты общечеловѣческой науки, которые могутъ имѣть хоть какое-нибудь вліяніе на развитіе нашихъ житейскихъ понятій и убѣжденій. И это еще не все. Надо укрѣпить свою мысль чтеніемъ геніальнѣйшихъ мыслителей, изучавшихъ природу вообще, и человѣка въ особенности, не тѣхъ мыслителей, которые старались выдумать изъ себя весь міръ, а тѣхъ, которые подмѣчали и открывали путемъ наблюденія и опыта вѣчные законы живыхъ явленій. И надо кромѣ того постоянно поддерживать серьезнымъ чтеніемъ живую связь между своей собственной мыслью и тѣми великими умами, которые изъ года въ годъ своими постоянными трудами расширяютъ по разнымъ направленіямъ всемірную область человѣческаго знанія. Только при соблюденіи этихъ условій можно быть превосходнымъ человѣкомъ, превосходнымъ семьяниномъ и превосходнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Только такимъ путемъ постояннаго умственнаго труда можно выработать въ себѣ ту высшую гуманность и ту ширину пониманія, безъ которыхъ человѣку не дается въ руки ни разумное наслажденіе жизнью, ни великая способность приносить дѣйствительную пользу самому себѣ, своему семейству и своему народу. *Превосходными* я называю только тѣхъ людей, которые развернули вполнѣ и постоянно употребляютъ на полезную работу всѣ способности, полученныя отъ природы. Такихъ людей очень немного, и, вдумавшись въ мое опредѣленіе слова «*превосходный*», читатель вѣроятно согласится съ тѣмъ, что человѣкъ дѣйствительно можетъ сдѣлаться превосходнымъ только по тому рецепту, который я представилъ въ предыдущихъ строкахъ. Всякая другая метода умственнаго и нравственнаго совершенствованія производитъ только глупости, ошибки, самообольщенія и разочарованія, разбиваетъ разными утомительными волненіями всю нервную систему человѣка и наконецъ доводитъ его до безсилія и до апатіи. Подробный, правдивый и чрезвычайно почтительный перечень такихъ безплодныхъ попытокъ и такихъ печальныхъ *промаховъ незрѣлой мысли* представляется намъ въ воспоминаніяхъ Николая Иртеньева о его юности.

VI.

Во время своего отрочества Иртеньевъ мечтаетъ точь въ точь такимъ-же образомъ, какъ онъ мечталъ въ дѣтствѣ. Краски и очертанія мечты измѣняются вмѣстѣ съ окружающей обстановкой, но основной характеръ остается въ полной неприкосновенности: Иртеньевъ забавляется процессомъ мечтанія, сознавая совершенно ясно, что онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага для того, чтобы приблизиться къ своей мечтѣ и захватить ее въ руки. Наконецъ ему однако надоѣдаетъ эта пассивность. Его пробуждающійся умъ начинаетъ изобрѣтать разныя средства, которыми можно было-бы сблизить міръ мечты съ міромъ вседневной жизни. Этими стремленіями — перейти отъ мечтательной праздности къ энергической дѣятельности — начинается и характеризуется первая половина юности нашего героя. А вторая половина этой юности обѣщана, но до сихъ поръ еще не написана графомъ Толстымъ. Я очень жалѣю объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, но нисколько не нахожу его удивительнымъ. Первыя три части воспоминаній Иртеньева были такъ смутно поняты критикой и публикой, что авторъ могъ считать продолженіе своего труда несвоевременнымъ и безполезнымъ. Очень жаль, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ второй части «Юности»; но за неимѣніемъ ея мы и въ первой части найдемъ огромный запасъ психологическаго матеріала, о которомъ придется потолковать довольно подробно.

Сближеніе съ Нехлюдовымъ составляетъ для Иртеньева ту эпоху, съ которой онъ самъ считаетъ начало своей юности. Сближеніе это начинается неопредѣленно-страстными разсужденіями о жизни, о добродѣтели и объ обязанностяхъ человѣка,—тѣми милыми бреднями, къ которымъ всѣ очень молодые люди питаютъ непреодолимое влеченіе и изъ которыхъ никогда не выходитъ ничего, кромѣ горячихъ и очень непрочныхъ привязанностей. Послѣ многихъ продолжительныхъ бесѣдъ о высокихъ матеріяхъ,—бесѣдъ, которыя къ счастью только подразумѣваются, а не выписываются въ полномъ своемъ объемѣ въ повѣсти графа Толстого, послѣ многихъ изліяній Нехлюдовъ и Иртеньевъ заключаютъ между собой контрактъ, которымъ они обязываются помогать другъ другу въ процессѣ постояннаго нравственнаго совершенствованія.

«Знаете, какая пришла мнѣ мысль, Nicolas,— говоритъ Нехлюдовъ;—*сдѣлаемте* это, и вы увидите, какъ это будетъ полезно для насъ обоихъ: дадимъ себѣ слово признаваться во всемъ другъ другу. Мы будемъ контролировать другъ друга и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться постороннихъ, дадимъ себѣ слово *никогда, ни съ кѣмъ и ничего* не говорить другъ о другѣ. Сдѣлаемъ это.—И мы дѣйствительно *сдѣлали это*», прибавляетъ Иртеньевъ.

Трудно было придумать что-нибудь нелѣпѣе и вреднѣе этого взаимнаго обязательства. Начать съ того, что оно неисполнимо. «*Признаваться во всемъ*»—значитъ признаваться въ каждой мысли, которая остановила на себѣ ваше вниманіе. И наши юные друзья дѣйствительно понимаютъ свой контрактъ въ этомъ смыслѣ; они считаютъ этотъ контрактъ надежнымъ громовымъ отводомъ противъ гадкихъ и подлыхъ мыслей. «Такія подлыя мысли, — говоритъ Нехлюдовъ, — что ежели-бы мы знали, что должны признаваться въ нихъ, онѣ никогда не смѣли-бы заходить къ намъ въ голову». Неестественный контрактъ, разумѣется, ежеминутно нарушается. Иртеньевъ почти на каждой страницѣ «Юности» признается въ томъ, что даже во время самаго разгара своей дружбы съ Нехлюдовымъ онъ совершенно невольно то умалчивалъ, то искажалъ въ разговорахъ съ нимъ разные тонкіе оттѣнки своихъ мыслей или побудительныя причины своихъ поступковъ. Иногда дѣло доходитъ до настоящаго актерства. Въ первый день своего студенчества Иртеньевъ затѣваетъ преглупую ссору съ своимъ добрымъ знакомымъ Дубковымъ. Ссора эта, начатая изъ-за пустяковъ, кончается также пустяками. «И я тотчасъ-же успокоился, — разсказываетъ Иртеньевъ, — притворяясь только передъ Дмитріемъ (Нехлюдовымъ) разсерженнымъ настолько, насколько это было необходимо, чтобъ мгновенное успокоеніе не показалось страннымъ». Это наивное признаніе, повидимому даже не замѣченное самимъ Иртеньевымъ, доказываетъ лучше всякихъ аргументацій, что полная откровенность совершенно невозможна. Каждый долженъ быть самъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и другого полнаго хозяина тутъ не можетъ и не должно быть. Но, заключивши свой контрактъ совершенно добровольно и считая его дѣйствительно очень полезнымъ, наши молодые люди все-таки стараются соблюдать его по возможности добросовѣстно и постоянно осыпаютъ другъ друга разными интимными признаніями.

Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается именно настоящій вредъ. Читатель уже замѣтилъ вѣроятно, что Нехлюдовъ и Иртеньевъ оба страдаютъ какой-то странной мыслебоязнью: контрактъ ихъ направленъ почти исключительно противъ *гадкихъ и подлыхъ* мыслей. Какія это такія бываютъ *гадкія и подлыя* мысли? Я этого не понимаю. Когда я обдумываю какой-нибудь вопросъ или обсуживаю характеръ какой-нибудь личности, то я дѣлаю въ умѣ своемъ разныя предположенія, разсматриваю ихъ съ разныхъ сторонъ, одни изъ нихъ нахожу правдоподобными, другія несостоятельными, сближаю одно предположеніе съ другимъ, подтверждаю или опровергаю ихъ различными аргументами, и наконецъ результатомъ всѣхъ моихъ размышленій является то или другое убѣжденіе, которое опредѣляетъ собой дальнѣйшій ходъ моихъ поступковъ. Многія изъ предположеній, сдѣланныхъ мною во время размышленія, могутъ оказаться совершенно нелѣпыми или даже оскорбительными для той особы, о которой я думаю, и все-таки въ этихъ предположеніяхъ нѣтъ ничего дурного. Если-бы я остановился на такомъ предположеніи и принялъ его за норму для моихъ поступковъ, тогда конечно я обнаружилъ-бы несостоятельность моихъ умственныхъ способностей, и оскорбленная мною особа имѣла-бы полное право отвернуться отъ меня, какъ отъ пошлаго дурака. Но вѣдь нелѣпое предположеніе не есть окончательный результатъ моего мышленія. Это только одна изъ первыхъ или низшихъ фазъ въ развитіи моей мысли. Это одна изъ ступенекъ той длинной и крутой лѣстницы, по которой мой умъ идетъ вверхъ къ познанію настоящей истины. Это одинъ изъ тѣхъ ингредіентовъ, которые, въ своей совокупности, послѣ долгой и сложной химической переработки дадутъ мнѣ готовый продуктъ, имѣющій уже практическое значеніе для меня и для другихъ людей. Въ природѣ ничто не возникаетъ мгновенно и ничто не появляется на свѣтъ въ совершенно готовомъ видѣ. Самая красивая женщина и самый геніальный мужчина были все-таки въ свое время очень безобразными и безсмысленными зародышами, а потомъ очень плаксивыми и сопливыми ребятишками. Но никому-же не приходитъ въ голову вырѣзывать зародышъ изъ утробы матери для того, чтобы глумиться надъ безобразіемъ и тупоуміемъ этого куска органической матеріи. И ни одному здравомыслящему человѣку не приходитъ также въ голову ненавидѣть и презирать трехлѣтняго пузыря за то, что онъ часто плачетъ и плохо сморкается. Надъ картиной, надъ статуей, надъ научной теоріей мы также произносимъ нашъ приговоръ только тогда, когда произведеніе окончено, то-есть доведено до той степени совершенства, какую только способенъ придать ему его творецъ.

Когда вы пообѣдали, то вы очень хорошо знаете, что въ вашемъ желудкѣ находится пережеванная пища въ видѣ такъ называемой кашицы; вы знаете, что эта кашица имѣетъ очень

некрасивый видъ и довольно непріятный запахъ; но васъ это обстоятельство нисколько не смущаетъ; вы преспокойно оставляете неблагообразную кашицу тамъ, гдѣ она должна быть, и изъ этой кашицы вырабатывается понемногу ваша кровь, ваши мускулы и ваши нервы, то-есть все, что даетъ вамъ возможность жить въ свое удовольствіе и дѣйствовать на пользу вашихъ ближнихъ. Значитъ, некрасивая кашица—вещь очень хорошая, но еслибы вы стали вытаскивать ее изъ вашего желудка, показывать ее вашимъ друзьямъ и горевать вмѣстѣ съ ними надъ ея непохвальнымъ цвѣтомъ и запахомъ, то вы доставили бы только себѣ и друзьямъ нѣсколько непріятныхъ минутъ, а въ случаѣ частаго повторенія подобныхъ продѣлокъ вы бы даже очень серьезно разстроили свое здоровье, что все-таки не обратило бы на путь истины закоснѣлую мерзавку-кашицу. А возмущаться противъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается процессъ нашего мышленія, это въ своемъ родѣ точно такая же нелѣпость, какъ убиваться надъ совершенствами трехмѣсячнаго зародыша или желудочной кашицы.

Мысли не могутъ быть ни гадкими, ни подлыми, пока онѣ остаются въ головѣ мыслящаго субъекта, который пользуется ими, какъ сырыми матеріалами. Но такое первобытное сырье совсѣмъ не должно показываться на свѣтъ, во-первыхъ потому, что оно часто бываетъ очень уродливо и безсмысленно, а во-вторыхъ потому, что такое заглядываніе въ лабораторію мысли вредитъ процессу умственной работы. Когда вы знаете, что вамъ придется представлять другому лицу докладъ о томъ, что происходитъ въ вашемъ умѣ, тогда вы стараетесь сами смотрѣть на вашу умственную работу со стороны и запоминать, въ какомъ порядкѣ одна мысль развивалась изъ другой. На этотъ совершенно лишній трудъ заглядыванія и запоминанія тратятся тѣ силы, которыя гораздо полезнѣе было бы употребить на болѣе быстрое или болѣе основательное разрѣшеніе затронутыхъ вами вопросовъ, имѣющихъ для васъ живое практическое значеніе. Подглядывая за собой, вы сами раздваиваете свой умъ и ослабляете или извращаете его дѣятельность. Стало-быть, и подглядываніе ваше даетъ вамъ совершенно искусственные результаты. Вы подглядѣли работу вашей ослабленной и извращенной мысли, а не ту естественную работу, которую вы старались опредѣлить. Можетъ быть всѣ гадости, въ которыхъ вы каетесь вашему другу, произошли именно отъ того, что вы начали подглядывать. Извѣстное дѣло, ничто такъ не раздражаетъ мысль, какъ боязнь мысли и инквизиторскій контроль надъ мыслью. Вы отъ нея отталкиваетесь, вы ее преслѣдуете,—тутъ то именно она и лѣзетъ къ вамъ въ голову, тутъ то она и становится для васъ неотвязнымъ контролемъ. — Говорятъ, одинъ алхимикъ открылъ какому то благодѣтелю своему вѣрнѣйшій способъ дѣлать золото. Возьмите, говоритъ, того-то и того-то по стольку-то золотниковъ и долей, всыпьте въ такую то посуду, поставьте на такой-то огонь, мѣшайте вотъ этой палочкой и произносите такія то слова. Разсказалъ и ушелъ. — Благодѣтель сейчасъ принялся за работу, но на бѣду его добросовѣстный алхимикъ воротился назадъ.—Ахъ, говоритъ, самое то главное условіе я и забылъ. Когда будете варить золото, ни подъ какимъ видомъ не думайте о бѣлыхъ медвѣдяхъ, а то ничего не выйдетъ.—Ну, это пустяки, отвѣчаетъ благодѣтель. Я объ нихъ и безъ того никогда не думаю. Однако вышло не пустяки. Благодѣтель, никогда не думавшій о бѣлыхъ медвѣдяхъ, сталъ думать о нихъ аккуратно каждый день, и притомъ именно въ тѣ великія минуты, когда эта проклятая мысль должна была помѣшать процессу волшебнаго броженія. Поэтому золота не получилось, но предсказаніе алхимика о томъ, что ничего не выйдетъ, оказалось все-таки не совсѣмъ вѣрнымъ. Вышло то, что благодѣтель сошелъ съума и началъ съ крикомъ и со слезами умолять своихъ докторовъ вырѣзать изъ его головы бѣлаго медвѣдя, который будто бы съѣлъ у него весь мозгъ и всякій разъ плюетъ и чихаетъ въ ту посуду, гдѣ варится самое чистое золото.

Если съ Нехлюдовымъ и съ Иртеньевымъ не случилось такой пакости, они обязаны своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ихъ желаніе раздавить въ себѣ *гадкія* и *подлыя* мысли было гораздо менѣе сильно и серьезно, чѣмъ желаніе благодѣтеля пріобрѣсти себѣ золотыя горы. Для нашихъ юныхъ моралистовъ борьба съ предосудительными мыслями была только пріятной потѣхой. Оно и въ самомъ дѣлѣ увеселительно. То маленько погрѣшишь, то маленько пораскаешься, да легонько постегаешь самого себя невещественными розгами. Вотъ тебѣ и покажется, что ты точно какое-то дѣло дѣлаешь, умомъ своимъ работаешь, нравственность свою исправляешь, полезнаго дѣятеля изъ своей особы приготовляешь. Если даже и крѣпко грѣшишь и часто падаешь на пути добродѣтели —все это для тебя не велика бѣда. У тебя сейчасъ фарисейскія утѣшенія найдутся, потому что весь твой умъ постоянно устремленъ на казуистическія тонкости и посредствомъ навыка пріобрѣлъ себѣ замѣчательное мастерство по части іезуитской изворотливости. Умъ твой тоненькимъ голоскомъ станетъ шептать тебѣ: успокойся! другіе грѣшатъ вдесятеро больше тебя, но и ухомъ не ведутъ, потому что у нихъ нѣтъ твоей чуткости. Тю неизмѣримо выше ихъ, потому что ты замѣчаешь за собой каждую малѣйшую слабость. — Ты человѣкъ высокой нравственности, потому что ты строгъ къ самому себѣ.— Ты будешь слушать эти льстивыя рѣчи съ глу-

пѣйшей улыбкой самодовольнаго блаженства; но такъ какъ ты уже измошенничался насквозь, благодаря твоимъ любезнымъ подглядываніямъ, то ты тотчасъ состроишь постную рожу и прикрикнешь на самого себя: молчи, мерзавецъ! Какъ ты смѣешь гордиться твоими совершенствами, когда тебѣ слѣдуетъ оплакивать твои беззаконія!—И вслѣдъ затѣмъ тебя еще пріятнѣе охватитъ сознаніе, что ты ни въ чемъ не даешь себѣ спуску и даже умственную гордость свою подавлять умѣешь. — Да. Точно. Потѣха весьма увеселительная, но еще болѣе вредная. Во-первыхъ — вся штука основана на глупой мыслебоязни. Во-вторыхъ — происходитъ громадная трата времени. Кто дѣйствительно хочетъ уберечься по возможности отъ тяжелыхъ практическихъ ошибокъ, тотъ долженъ не бояться *гадкихъ* и *подлыхъ* мыслей, а, напротивъ того, смѣло подходить ко всякой мысли и совершенно спокойно разсматривать ее со всѣхъ сторонъ. Не мѣшаетъ еще при этомъ принимать въ разсчетъ ту старую истину, что тратить свои молодые годы на какія бы то ни было увеселительныя потѣхи—значитъ навѣрняка готовить изъ себя въ будущемъ дрянного, тяжелаго и несчастнаго человѣка. Но, разумѣется, Нехлюдовъ и Иртеньевъ не виноваты въ томъ, что они надъ собой творятъ. Въ нихъ дѣйствуетъ то отвращеніе къ научнымъ занятіямъ, которое вколочено въ ихъ головы прежнимъ приневоливаніемъ къ діалогамъ и диктовкамъ. Болѣзненная мечтательность ребенка при переходѣ въ юношескій возрастъ породила изъ себя уродливыя и вредныя кривлянія нравственной гимнастики.

VII.

Настоящимъ спеціалистомъ по части нравственной гимнастики оказывается князь Дмитрій Нехлюдовъ, а Иртеньевъ является въ этомъ отношеніи только его подражателемъ и къ счастью своему останавливается на степени диллетанта. У Нехлюдова заведены какія-то росписанія пороковъ и прегрѣшеній; онъ каждый вечеръ пишетъ подробно свой дневникъ и еще кромѣ того записываетъ въ особую тетрадь свои будущія и прошедшія занятія. Впрочемъ собственно о его занятіяхъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть у него и времени не хватало на занятія, потому что ему было необходимо постоянно держать въ порядкѣ свою душевную бухгалтерію и подводить различные итоги въ приходо-расходной книгѣ грѣховъ и добродѣтелей. Нехлюдовъ по университету былъ однимъ курсомъ старше Иртеньева, по повидимому во взглядахъ своихъ на науку они оба были совершенными школьниками. Нехлюдовъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы Иртеньевъ блистательно выдержалъ свой вступительный экзаменъ въ университетъ и чтобы ему поставили очень хорошіе баллы; а потомъ, когда Иртеньевъ сдѣлался студентомъ и когда дружба между юными моралистами находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, Нехлюдовъ не умѣлъ возбудить въ своемъ другѣ ни малѣйшей любви къ серьезнымъ занятіямъ, такъ что Иртеньевъ цѣлый годъ проболтался глупѣйшимъ образомъ и, разумѣется, провалился или *срѣзался* на переходномъ экзаменѣ самымъ постыднымъ манеромъ. Вообще Нехлюдовъ и Иртеньевъ совершенно не похожи на тотъ типъ студента, который каждому изъ насъ хорошо знакомъ и дорогъ по нашимъ собственнымъ недавнимъ студенческимъ воспоминаніямъ.

Когда мы были студентами, мы всюду втискивали *науку*, кстати и некстати, съ умысломъ и безъ умысла, искусно и неискусно. Мы очень много знали о наукѣ, мы часто сами себя не понимали, но наука дѣйствительно владѣла всѣми нашими помыслами; мы ее любили чрезвычайно горячо и чистосердечно; мы готовы были работать и дѣйствительно работали; для насъ жизнь была немыслима безъ науки, и гдѣ, бывало, сойдутся два-три студента, тамъ уже черезъ пять минутъ непремѣнно свирѣпствуетъ научный споръ, въ которомъ воюющія особы наперерывъ другъ передъ другомъ съ восторгомъ обнаруживаютъ крайнюю слабость своихъ фактическихъ знаній и столь же крайнее могущество своихъ молодыхъ и здоровыхъ голосовъ. Много у насъ было безтолковщины, но это было именно то «мутное броженіе» молодой мысли, изъ котораго «творится свѣтлое вино» разумныхъ убѣжденій и сознательнаго трудолюбія. Смѣшно было смотрѣть на насъ со стороны, но ужъ совсѣмъ не грустно. И тѣ самые пожилые и опытные люди, которые смѣялись надъ нами, какъ надъ преуморительными мальчишками,—они сами не могли отказать намъ ни въ своемъ сочувствіи, ни въ своемъ уваженіи, ни даже въ своей *зависти*. Имъ становилось завидно, глядя на насъ. Вспоминая свою собственную молодость, они признавались съ глубокимъ вздохомъ намъ, «преуморительнымъ мальчишкамъ», что наше развитіе идетъ болѣе здоровымъ и разумнымъ путемъ, что мы живемъ болѣе полной жизнью, что у насъ есть мысли, чувства и желанія, которыя имъ были совершенно неизвѣстны и которыя послужили намъ надежной опорой во время житейскихъ испытаній и въ «минуту душевной невзгоды».

И рѣшительно ничего подобнаго нѣтъ у Нехлюдова и Иртеньева. Они оба, и особенно Нехлюдовъ, не возбуждаютъ въ постороннемъ наблюдателѣ никакого другого чувства, кромѣ глубочайшаго и совершенно безнадежнаго сожалѣнія о погибающихъ человѣческихъ способностяхъ. Въ ихъ жизни наука не играетъ никакой роли. Объ умѣ они рѣшительно не заботятся. Имъ нужна только добродѣтель. И въ то же

время они насквозь пропитаны пошлостями своего общества и со всѣхъ сторонъ опутаны разными свѣтскими и великосвѣтскими связями и предразсудками. Добродѣтельный Иртеньевъ никакъ не можетъ удержаться, чтобы не заявлять всѣмъ и каждому о своемъ родствѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и для этого онъ даже однажды въ семействѣ Нехлюдова и въ присутствіи самого Дмитрія сплетаетъ экспромптомъ неимовѣрнѣйшую ложь о дачѣ этого князя и о какой-то удивительной рѣшеткѣ, цѣной въ триста рублей. А еще болѣе добродѣтельный Нехлюдовъ всѣми своими бухгалтерскими упражненіями никакъ не можетъ побѣдить въ себѣ странную наклонность бить своего крѣпостного мальчика Ваську кулаками по головѣ. Но все это еще не очень большая бѣда. Родиться во время полнаго господства крѣпостныхъ понятій и всосать въ себя съ молокомъ матери фамусовскую слабость къ вельможному родству—это конечно несчастье, но тутъ еще нѣтъ ничего неисправимаго. Шестнадцатилѣтній Фамусовъ можетъ сдѣлаться черезъ годъ семнадцатилѣтнимъ громителемъ московскаго чванства; и даже колотить Ваську не значитъ еще быть отпѣтымъ негодяемъ. Очень можетъ быть, что и Базаровъ во времена своего дѣтства и отрочества показывалъ свою барскую прыткость надъ ребятишками своей крѣпостной дворни. А потомъ выросъ, поумнѣлъ и прекратилъ свои подвиги.

Главная бѣда Нехлюдова и Иртеньева заключается въ безнадежности ихъ умственнаго положенія. Въ головахъ ихъ царствуетъ глубочайшее непочатое невѣжество, и сношенія ихъ съ университетомъ скользятъ по этому невѣжеству, не производя въ немъ ни малѣйшаго измѣненія. Нехлюдовъ оказывается еще гораздо безнадежнѣе Иртеньева. Иртеньевъ за все хватается, всѣмъ интересуется и увлекается, дурачится и важничаетъ, какъ настоящій шестнадцатилѣтній ребенокъ; поэтому онъ еще двадцать разъ можетъ перемѣниться и выскочить на прямую дорогу, лишь-бы только нашлись въ его жизни сначала отрезвляющіе толчки, а потомъ умные товарищи и руководители. Впрочемъ и на Иртеньева нравственная гимнастика положила свою проклятую печать; отъ привычки постоянно копаться въ своихъ душевныхъ ощущеніяхъ, у него выработалась чудовищная мнительность и подозрительность, ежеминутно отравляющія ему всѣ его сношенія съ другими людьми. Въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ онъ угадываетъ какую-нибудь особенную, затаенную и обыкновенно пакостную или оскорбительную мысль своего собесѣдника. Такъ какъ Иртеньевъ отъ природы очень не глупъ—гораздо умнѣе Нехлюдова,—то онъ очень часто угадываетъ совершенно вѣрно, и все-таки для него было-бы несравненно лучше вовсе не обладать этимъ даромъ ясновидѣнія. Излишняя воспріимчивость какого бы то ни было чувства, зрѣнія, слуха, обонянія, и такъ далѣе, всегда ведетъ за собой очень много непріятностей. Сова не можетъ видѣть днемъ именно оттого, что зрѣніе ея слишкомъ остро и чувствительно; то количество лучей, которое намъ необходимо для того, чтобы мы могли ясно различать предметы, дѣйствуетъ на сову такъ сильно, что рѣжетъ ей глаза и заставляетъ ее задвигать наглухо отверстіе зрачка. Та музыка, которая намъ доставляетъ удовольствіе, оказывается мучительной для тонкаго слуха кошки или собаки.

То-же самое можно сказать и объ иртеньевскомъ ясновидѣніи. Заглядывать въ душу другихъ людей—такое же пустое и непріятное занятіе, какъ выносить другимъ людямъ на показъ свои собственныя душевныя тайны. Что вамъ за удовольствіе подмѣчать въ каждомъ изъ вашихъ знакомыхъ каждое движеніе мелкой досады, или зависти, или скаредности, или трусости, каждое изъ тѣхъ мимолетныхъ движеній, которыя родятся и умираютъ въ душѣ, не дѣйствуя на общее направленіе поступковъ и выражаясь только изрѣдка въ какомъ-нибудь подергиваніи губъ или въ какой-нибудь дребезжащей нотѣ голоса?! Всѣ ваши отношенія къ людямъ сдѣлаются только болѣе шероховатыми, а въ сущности все останется по старому, потому что нельзя-же удалиться отъ людей въ пустыню на томъ основаніи, что люди не всегда могутъ и умѣютъ быть или вполнѣ искренними друзьями, или вполнѣ непроницаемыми актерами. А главное дѣло, какъ у васъ достаетъ времени и охоты возиться съ этой психологической дрянью? Надо быть безконечно празднымъ человѣкомъ, чтобы по губамъ Семена Пафнутьича или по бровямъ Пелагеи Сидоровны читать тайные оттѣнки ихъ душевныхъ волненій. И замѣчательно, что это чтеніе *поддерживаетъ* въ человѣкѣ праздность, потому что служитъ ему источникомъ неисчерпаемыхъ изслѣдованій, которыхъ привлекательность, разумѣется, совершенно непостижима для того, кто занимается какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ. Но, несмотря на губительную страсть Иртеньева къ ясновидѣнію, Нехлюдовъ все-таки гораздо безнадежнѣе своего друга. Нехлюдовъ при своемъ кругломъ невѣжествѣ серьезенъ и настойчивъ. У него есть принципы, которые онъ почерпнулъ чортъ знаетъ изъ какой лужи, но за которые онъ держится очень крѣпко. Бьетъ онъ Ваську конечно не по принципу, а по увлеченію, и принципы его осуждаютъ эту баталію, и онъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что принципы переработаютъ всю его природу и даже осчастливятъ со временемъ всѣхъ его Васекъ. По своимъ принципамъ онъ влюбился или, точнѣе, *влюбилъ себя* въ рыжую, старую, кривобокую, да вдобавокъ еще и глупую барышню, Любовь Сергѣевну, которая все бесѣдуетъ съ

нимъ о правилахъ, о сердцѣ и о добродѣтеляхъ. Графъ Толстой этихъ бесѣдъ не выписываетъ, и прекрасно дѣлаетъ. Вѣдь тутъ ужъ дѣйствительно «мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ», когда они начнутъ разводить свою психологію сладкими вздохами и любовнымъ жеманствомъ. Также по своимъ принципамъ Нехлюдовъ, подъ руководствомъ Любови Сергѣевны, ѣдетъ къ московскому прорицателю, Ивану Яковлевичу; и также по принципамъ студентъ второго курса Нехлюдовъ находитъ, что Иванъ Яковлевичъ—очень замѣчательный человѣкъ, и что только самые легкомысленные люди могутъ считать его съумасшедшимъ или мошенникомъ. А Любовь Сергѣевна, по словамъ самого Нехлюдова, понимаетъ совершенно Ивана Яковлевича (видите, какая умница!), часто ѣздитъ къ нему, бесѣдуетъ съ нимъ и даетъ ему для бѣдныхъ деньги, которыя сама зарабатываетъ. Изъ всѣхъ этихъ доблестныхъ подвиговъ рыжей барыни Нехлюдовъ выводитъ то заключеніе, что она—удивительная женщина, что она необходима для его совершенствованія и что въ нее никакъ нельзя не влюбиться.

Познакомившись съ этими любопытными подробностями, читатель вѣроятно согласится, что голова Нехлюдова, какъ сплошная чугунная масса, совершенно обезпечена противъ вторженія какихъ-бы то ни было современныхъ идей. Человѣколюбствовать онъ можетъ, потому что на это способна даже усердная собесѣдница Ивана Яковлевича, но ужъ дальше московскаго сердоболія онъ не пойдетъ. А вѣдь могло-бы быть совершенно иначе, еслибы любознательность его была затронута въ дѣтствѣ и еслибы живая струя свѣта и знанія попала въ его голову, когда надъ нею еще не успѣли воцариться мертвящіе принципы нравственной гимнастики и Ивана Яковлевича. Эти принципы такъ безнадежно мрачны и такъ безвыходно-губительны для ума, для чувства и для дѣятельности, что въ сравненіи съ ними даже общій колоритъ московской великосвѣтскости представляется какой-то небесной лазурью.

VIII.

Исторія объ избіеніи Васьки бросаетъ такой яркій свѣтъ на спеціальныя достоинства нравственной гимнастики, что я считаю очень полезнымъ разсказать и разобрать этотъ любопытный эпизодъ довольно подробно. Иртеньевъ, только что поступившій въ университетъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ деревню на лѣто пріѣзжаетъ на дачу къ Нехлюдовымъ знакомиться съ семействомъ своего друга, проводитъ у нихъ вечеръ и остается ночевать въ комнатѣ Дмитрія. У Нехлюдова въ этотъ вечеръ разбаливаются зубы; кромѣ того онъ взволнованъ споромъ съ своей сестрой Варинькой; дѣло идетъ въ этомъ спорѣ объ Иванѣ Яковлевичѣ. Варинька отзывается о немъ съ презрѣніемъ, и ея непочтительные отзывы о московскомъ предсказателѣ очень сильно возмущаютъ Дмитрія, тѣмъ болѣе, что они косвеннымъ образомъ бросаютъ тѣнь на великія достоинства самой Любови Сергѣевны, которая живетъ въ семействѣ Нехлюдовыхъ и присутствуетъ при этомъ горячемъ спорѣ. Кромѣ того старая княгиня Нехлюдова, мать Дмитрія и Вариньки, очевидно держитъ сторону своей дочери, и это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ волненіе юнаго моралиста. Пораженный въ своемъ обожаніи къ Ивану Яковлевичу и разобиженный зубною болью, Нехлюдовъ уходитъ въ свою комнату и садится за свои вычисленія погрѣшностей и обязанностей. Въ это время Васька спрашиваетъ у него, гдѣ будетъ спать Иртеньевъ. Нехлюдовъ въ отвѣтъ на этотъ неумѣстный вопросъ топаетъ ногой и кричитъ: «убирайся къ чорту!» Васька стушевывается. Тогда Нехлюдовъ начинаетъ *тотчасъ-же* кричать: «Васька, Васька, Васька!» Васька входитъ.—«Стели мнѣ на полу!»—командуетъ Нехлюдовъ.—«Нѣтъ, лучше я лягу на полу»,—говоритъ Иртеньевъ.—«Ну, все равно, стели гдѣ-нибудь»,—ворчитъ Нехлюдовъ. Васька рѣшительно не знаетъ, за что ему взяться: «убирайся къ чорту! Стели на полу! Стели гдѣ-нибудь», три противорѣчивыя приказанія въ три минуты, и наконецъ послѣднее приказаніе совершенно неопредѣленное; что значитъ «гдѣ-нибудь»? Гдѣ-жъ ему стлать постель? Васька останавливается въ недоумѣніи и ждетъ, чтобы ему приказали толкомъ. А въ распросы пускаться онъ боится, потому что его только что отправили къ чорту за неумѣстную любознательность. Васька стоитъ и ждетъ, но Нехлюдовъ начинаетъ бѣсноваться. «Васька, Васька! Стели, стели!» И все это съ крикомъ и съ неистовствомъ. Васька окончательно теряется. Тогда Нехлюдовъ подбѣгаетъ къ нему и бьетъ его кулаками по головѣ «изо всѣхъ силъ». Васька куда-то убѣгаетъ, и Нехлюдовъ заноситъ въ свою тетрадку новый грѣхъ.

Уже достаточно поучительно то, что Нехлюдовъ послалъ мальчика къ чорту и потомъ обработалъ ему голову кулаками *въ то самое время*, когда совершались упражненія нравственной гимнастики. Размышлять о неописанной красотѣ нравственнаго идеала и тутъ-же, не сходя съ мѣста, нарушать самыя простыя обязанности человѣка самымъ постыднымъ и скотскимъ образомъ,—это фактъ въ высшей степени краснорѣчивый. Не трудно, кажется, сообразить, что всѣ эти ежедневныя разглядыванія своего поведенія не даютъ человѣку ровно ничего, кромѣ педантическаго высокомѣрія и фарисейской нетерпимости. Но дальше пойдетъ еще интереснѣе.

Вы вѣроятно съ нетерпѣніемъ желаете узнать, какую-же физіономію состроилъ добродѣтельный Иртеньевъ, когда на его глазахъ другъ и руко-

водитель его разыгрался, какъ пьяный дикарь. А вотъ, полюбуйтесь. Вотъ что произошло въ ту самую минуту, когда избитый Васька выбѣжалъ изъ комнаты. «Остановившись у двери, Дмитрій оглянулся на меня, и выраженіе бѣшенства и жестокости, которое за секунду было на его лицѣ, замѣнилось такимъ кроткимъ, пристыженнымъ и любящимъ дѣтскимъ выраженіемъ, что мнѣ стало жалко его, и, какъ ни хотѣлось отвернуться, я не рѣшился этого сдѣлать».

Еслибы на мѣстѣ Иртеньева находился человѣкъ дѣйствительно развитый и гуманный, и еслибы этотъ человѣкъ могъ чувствовать хоть малѣйшее состраданіе къ негодяю, толкующему о добродѣтели и въ то же время поднимающему руку на беззащитнаго и безотвѣтнаго ребенка, то этотъ развитый и гуманный человѣкъ отвернулся бы въ сторону именно изъ состраданія къ Нехлюдову, чтобы не показать ему во всемъ выраженіи своего лица того подавляющаго презрѣнія, которое возбуждено въ немъ этимъ безсовѣстнымъ поруганіемъ человѣческой личности. Я вовсе не думаю утверждать, что безобразный поступокъ Нехлюдова долженъ навсегда отнять у него уваженіе всѣхъ честныхъ людей. Напротивъ. По моему мнѣнію, нѣтъ того злодѣянія, которое могло бы положить на человѣка вѣчное и неизгладимое пятно безчестія. Самый грязный преступникъ можетъ снова сдѣлаться мыслящимъ и любящимъ существомъ; и дѣйствительно развитое общество никогда не должно отнимать у ожесточеннаго и загрубѣлаго человѣка надежду на самую полную реабилитацію. Но въ ту минуту, когда совершается грязное и безчестное насиліе, порядочный человѣкъ невольно отвернется отъ мерзавца для того, чтобы не плюнуть ему въ лицо. Но Иртеньевъ повидимому такъ мало пораженъ избіеніемъ Васьки, что въ самую минуту этого событія все его вниманіе обращено исключительно на игру лицевыхъ мускуловъ въ физіономіи Нехлюдова. Замѣчая въ этихъ мускулахъ быстрое передвиженіе, вслѣдствіе котораго скотское выраженіе бѣшенства переходитъ въ гримасу раскаянія, Иртеньевъ совершенно забываетъ объ участи Васьки, у котораго въ это время по всей вѣроятности лицевые мускулы тоже находятся въ сильномъ движеніи и у котораго кромѣ того созрѣваютъ на черепѣ синяки и кровяныя шишки. Иртеньевъ начинаетъ соболѣзновать не о томъ, кого избили, а о томъ,—кто билъ. Того и гляди, что онъ подойдетъ къ своему Дмитрію и, взявъ его за руку, спроситъ у него со слезами въ голосѣ: о, мой кроткій другъ! о, мой сизенькой голубчикъ! Не зашибъ ли ты свою нѣжную ручку о поганую головищу этого грубаго невѣжи? У него, у подлеца, такая твердая голова. И не поранилъ ли ты свое любвеобильное сердце припадкомъ негодованія, возбужденнаго въ тебѣ закоснѣлостью этого пакостника? И зачѣмъ ты самъ утруждалъ себя? Развѣ нельзя было отправить сквернаго мальчишку въ ближайшую полицейскую часть для надлежащаго вразумленія?

Въ подобныхъ изліяніяхъ дружественнаго сочувствія не было бы ничего особенно удивительнаго. Этого совсѣмъ немудрено ожидать отъ Иртеньева, который совершенно откровенно признается, что еще сильнѣе прежняго любилъ Дмитрія, увидѣвъ на его лицѣ выраженіе стыда и кротости. Значитъ, вся исторія съ Васькой показалась Иртеньеву нѣкоторымъ легкимъ проявленіемъ юношеской рѣзвости,—такимъ проявленіемъ, которое выкупается съ избыткомъ нѣкоторой игрой лицевыхъ мускуловъ. Окончивъ потасовку, Нехлюдовъ начинаетъ сѣчь себя невещественными розгами. «Дмитрій легъ ко мнѣ на постель,—разсказываетъ Иртеньевъ,—и, облокотясь на руку, долго, молча, ласковымъ и пристыженнымъ взглядомъ смотрѣлъ на меня. Ему видимо было тяжело это, но онъ какъ будто наказывалъ себя. Я улыбнулся, глядя на него. Онъ улыбнулся тоже.»

Скажите, пожалуйста, какіе милые младенцы! Лежатъ рядомъ на одной постелькѣ и улыбаются, глядя другъ на друга. Чему-жъ это они такъ чистосердечно радуются? Оно и видно, что Дмитрій наказывалъ себя не въ самомъ дѣлѣ, а только какъ будто. Прелюбезное дѣло—эти невещественныя розги, когда можно ими сѣчь себя съ улыбкой наслажденія. Вотъ Васька такъ ужъ навѣрное не улыбался, потому что кулакъ— штука вещественная и съ улыбками несовмѣстимая. Глядя на улыбающихся младенцевъ, мы съ читателемъ можемъ ожидать, что они немедленно заговорятъ о Васькиной головѣ даже съ нѣкоторымъ юморомъ. Однако, братъ Дмитрій,— скажетъ Иртеньевъ,—ты ловко распорядился. Я и оглянуться не успѣлъ, а ужъ онъ ему четыре шишки наставилъ. Теперь Васька-то, я чай, почесывается. Долго не забудетъ, мошенникъ. Ну, что за важность?—отвѣчаетъ Нехлюдовъ съ нѣкоторой скромностью.—Онъ у меня къ этому давно привыкъ. Ему не впервой!—Да вѣдь и не въ послѣдній!—подхватитъ съ пріятной усмѣшкой Иртеньевъ.— Еще бы!—закончитъ Нехлюдовъ, влагая въ этотъ лаконическій отвѣтъ самое солидное выраженіе барственной величавости. И знаете ли, господа читатели, подобный разговоръ не такъ противно было бы слушать, какъ тотъ, который дѣйствительно завязался между нашими улыбающимися друзьями. Въ томъ разговорѣ, который я самъ сочинилъ, есть по крайней мѣрѣ та прямота и простота взглядовъ, которыми я восхищался въ госпожѣ Простаковой. Грязь, такъ ужъ грязь на-голо, безъ малѣйшей примѣси солодковаго корня и розовой водицы. Хочу, дескать, сокрушить морду и сокрушаю, и ни у кого на этотъ счетъ совѣта и позволенія просить не намѣренъ. Въ такой нетронутой дикости часто не бываетъ даже никакой силы и

никакихъ задатковъ развитія. Но иногда въ ней есть и силы, и задатки. Есть или нѣтъ—этого большей частью и разобрать невозможно. Темно, хоть глазъ выколи. Ничего не видать. Но именно эта-то темнота и оставляетъ еще нѣкоторую надежду. Кто его знаетъ, можетъ быть тамъ и есть что-нибудь. Поэтому мерзости, совершаемыя чистымъ дикаремъ, совсѣмъ не такъ отвратительны, какъ тѣ мерзости, которыя творитъ полу-цивилизованная особа. И всего хуже не то, что она дѣлаетъ мерзости, а то, что она относится къ нимъ чрезвычайно хитро и деликатно. Каждая мерзость представляетъ ей удобный случай погладить себя же по головкѣ. Дикарь ничего не знаетъ и вслѣдствіе своего незнанія не слушаетъ никакихъ резоновъ. А деликатная особа кляузничаетъ, то есть пользуется своимъ неполнымъ знаніемъ, чтобы отуманивать себя и своихъ собесѣдниковъ и чтобы во всякомъ случаѣ ставить свою деликатность выше всякаго сомнѣнія, даже послѣ совершенія мерзостей. Впрочемъ это уже очень старая и однако очень мало сознанная истина, что полуобразованіе совмѣщаетъ въ себѣ всѣ пороки варварства и цивилизаціи. Всѣ усилія мыслящихъ людей всѣхъ человѣческихъ обществъ уже съ давнихъ поръ направлены на борьбу съ полуобразованіемъ. Нашему обществу варварство уже теперь неопасно. Я могу смѣло хвалить Простакову, нисколько не опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ моихъ читателей прельстился ея идеями. Но полуобразованіе со всѣми своими фокусами и кляузами должно внушать намъ самыя серьезныя опасенія, и типъ милѣйшихъ джентльменовъ, совмѣстившихъ въ себѣ чувствительность Манилова съ остроуміемъ Хлестакова, — еще очень долго будетъ тормазить или извращать умственное развитіе нашего общества. Ощутивъ на своихъ губахъ присутствіе улыбки, Нехлюдовъ подумалъ вѣроятно, что вещественныя розги истрепались и что не мѣшаетъ взять въ руки новый пучокъ или, еще того лучше, предоставить все дѣло сѣченія добродѣтельному и улыбающемуся другу. И начинается вслѣдствіе этого поучительная бесѣда.

— «А отчего же ты мнѣ не скажешь,—сказалъ онъ,—что я гадко поступилъ? вѣдь ты объ этомъ сейчасъ думалъ?» — Этотъ пошлый вопросъ могъ быть предложенъ только Нехлюдовымъ и рисуетъ чрезвычайно ярко подлѣйшую приторность отношеній, существующихъ между юными друзьями. Порядочный человѣкъ, сдѣлавши гадость, даже гораздо поменьше Нехлюдовской штуки, конечно не осмѣлился бы фамильярничать съ своимъ другомъ, валяться на его постели, таращить на него глаза и скалить вмѣстѣ съ нимъ зубы. Порядочный человѣкъ понялъ и почувствовалъ бы, что его другу, также человѣку порядочному, непріятно, тяжело и даже больно смотрѣть на него въ ту минуту, когда впечатлѣніе сдѣланнаго безобразія еще совершенно свѣжо. Тотъ стыдъ, который мы невольно чувствуемъ послѣ очень глупой выходки, у человѣка искренняго и неизломаннаго бываетъ всегда очень цѣломудреннымъ и глубоко затаеннымъ ощущеніемъ. Пристыженный человѣкъ стушевывается, хочетъ, чтобы его въ эту минуту всѣ забыли, чувствуетъ, что онъ тяготитъ другихъ своей замаранной особой; такого пристыженнаго человѣка вамъ дѣйствительно становится жалко; вы подходите къ нему осторожно, какъ къ больному, и стараетесь подкрѣпить, ободрить и утѣшить его, и при томъ такъ, чтобы ваше приближеніе и ваши слова не оскорбили въ немъ то цѣломудріе стыда, которое неразлучно со всякимъ искреннимъ, естественнымъ раскаяніемъ, то есть съ томительнымъ сознаніемъ важной и вредной ошибки. Но когда накуралесившій нахалъ самъ лѣзетъ къ вамъ съ своимъ раскаяніемъ, когда онъ преслѣдуетъ васъ своимъ присутствіемъ и пристальными взглядами, когда онъ приглашаетъ васъ любоваться его стыдомъ, когда онъ обращается къ вамъ съ безтолковѣйшими вопросами о такомъ дѣлѣ, которое не требуетъ ни малѣйшаго разъясненія,—тогда вамъ остается только сказать: убирайся ты къ чорту, скотина, съ твоими глупыми подвигами самобичеванія! Ты хочешь погеройствовать, силу воли своей обнаружить, а я вовсе не расположенъ быть для тебя ни плетью, ни пудовой гирей, которыми ты выдѣлываешь свои дурацкіе фокусы. Нельзя ли для гимнастическихъ прогулокъ подальше выбрать закоулокъ? —Затѣмъ надо было повернуться на другой бокъ и оставить милѣйшаго Нехлюдова наединѣ съ его растрепанными чувствами.

Такой неожиданный отпоръ могъ положить рѣзкій конецъ всякимъ дружескимъ отношеніямъ; но о такой дружбѣ, которая не выдерживаетъ прикосновенія голой правды, не стоитъ и жалѣть. Туда ей и дорога. Дружба должна быть прочной штукой, способной пережить всѣ перемѣны температуры и всѣ толчки той ухабистой дороги, по которой совершаютъ свое жизненное путешествіе дѣльные и порядочные люди. При такой прочности, дружба — вещь драгоцѣнная, потому что она лучше всякой другой ассоціаціи утроиваетъ и учетверяетъ рабочія силы и мужественную энергію друзей. Но Иртеньевъ и Нехлюдовъ, какъ по молодости своихъ лѣтъ, такъ и по неразвитости своего ума, такъ и въ особенности по своему незнакомству съ серьезной работой жизни, — способны только къ той комнатной или тепличной дружбѣ, которая вся основана на капризныхъ симпатіяхъ и распадается въ прахъ также подъ вліяніемъ минутнаго каприза. Нѣтъ въ этой дружбѣ никакой серьезной причины существованія, а поэтому нѣтъ и ни малѣйшей серьезности въ отношеніяхъ между друзьями.

Послѣ исторіи о Васькѣ, когда надо было дѣйствительно сказать другу очень жесткое слово или, еще лучше, не говорить совсѣмъ ничего, Иртеньевъ мямлитъ, миндальничаетъ и говоритъ безцвѣтныя пошлости; а потомъ черезъ годъ, когда дружба утратила прелесть новизны, тотъ же кроткій Иртеньевъ въ минуту чисто личнаго и совершенно безпричиннаго раздраженія высказываетъ Нехлюдову, безъ малѣйшей надобности, самыя рѣзкія и оскорбительныя истины. Между тѣмъ можно сказать навѣрное, что два-три безжалостно правдивыя слова, произнесенныя Иртеньевымъ по поводу Васькиной головы, подѣйствовали бы на Нехлюдова гораздо сильнѣе и неизмѣримо глубже, чѣмъ цѣлѣя десятилѣтія нравственной гимнастики. Но, чтобы сказать человѣку такое слово, которое вывернуло бы на изнанку всю его душу и не забылось бы имъ до сѣдыхъ волосъ, надо быть не Иртеньевымъ, а чѣмъ-нибудь почище и покрѣпче. У Иртеньева же выходитъ вотъ что:—«Да, это очень нехорошо, я даже и не ожидалъ отъ тебя этого. Ну, что зубы твои?»—Хотя невозможно выдумать что-нибудь безцвѣтнѣе этого скромнаго порицанія, однако крутой поворотъ къ зубамъ показываетъ ясно, насколько Иртеньевъ стоитъ выше Нехлюдова. Видно, что Иртеньеву все-таки тяжело говорить пустячки о такой крупной гадости, а говорить о ней серьезно онъ или не умѣетъ, или совѣстится, вотъ онъ и сворачиваетъ въ сторону при первомъ удобномъ случаѣ. Но Нехлюдовъ не понимаетъ, что его другу тяжелъ этотъ разговоръ, и пускается въ длинныя и совершенно безплодныя размышленія на ту же начальную тему. Вотъ его слова:—«Прошли. Ахъ, Николинька, мой другъ!—заговорилъ Дмитрій такъ ласково, что слезы, казалось, стояли въ его блестящихъ глазахъ. (Удивительная логика! поколотилъ Ваську, а подлащивается къ Николинькѣ, точно будто именно передъ Николинькой виноватъ.) — Я знаю и чувствую, какъ я дуренъ, и Богъ видитъ, какъ я желаю и прошу Его, чтобъ Онъ сдѣлалъ меня лучше, но что̀-жъ мнѣ дѣлать, ежели у меня такой несчастный, отвратительный характеръ? Что̀-же мнѣ дѣлать?»

О, милѣйшій моралистъ, какъ же вы плохи по части опытной психологіи! Вы спрашиваете, что̀ вамъ дѣлать, чтобъ не колотить Ваську? А вотъ что. Объясните мнѣ, почему вы не поколотили вашу сестру, Вариньку, которая очень разогорчила васъ во время спора, а поколотили Ваську, который ничѣмъ васъ не обидѣлъ и не могъ обидѣть? Главная причина та, что въ спокойныя минуты вашей жизни вы обращаетесь съ вашей сестрой совсѣмъ не такъ, какъ съ Васькой. Переходъ отъ почтительнаго и дружелюбнаго обращенія къ ударамъ почти невозможенъ. Поэтому вы сестрѣ вашей сказали только вѣжливую колкость; горничной, пришедшей узнать о вашихъ зубахъ, крикнули: «ахъ, оставьте меня въ покоѣ!», а мальчика, котораго вы зовете «Васькой», послали къ чорту, а потомъ прибили кулаками. Градація соблюдена вполнѣ. Значитъ, если вы дѣйствительно желаете, чтобы Васькина голова была въ безопасности, обращайтесь съ нимъ въ спокойныя минуты вѣжливо и даже почтительно. Называйте его не только полнымъ именемъ, но даже по имени и отчеству, и говорите ему «вы». Это конечно очень смѣшно—называть крѣпостного мальчишку Василіемъ Степановичемъ или Василіемъ Антоновичемъ, но вы, какъ великій моралистъ, должны находить, что лучше быть посмѣшищемъ для дураковъ всей Москвы и даже цѣлаго міра, чѣмъ быть грязнымъ и подлымъ злодѣемъ. Если вы, не боясь насмѣшекъ умныхъ людей, преклоняетесь передъ Иваномъ Яковлевичемъ, то въ дѣлѣ Васьки вы и подавно должны поставить себя выше зубоскальства вашихъ пустоголовыхъ знакомыхъ, которые сначала поболтаютъ и посмѣются, а потомъ и привыкнутъ къ вашей необыкновенной почтительности.

Послушаемъ теперь вашу дальнѣйшую іереміаду. «Я стараюсь удерживаться, исправляться, но вѣдь это невозможно вдругъ и невозможно одному. (Вы были не одинъ, когда колотили Ваську.) Надо, чтобы кто-нибудь поддерживалъ, помогалъ мнѣ. (Выражаясь яснѣе, вамъ необходимы люди, которые хвалили бы васъ за красоту души и твердость воли. Невещественныя розги и невещественные пряники—безъ этихъ пособій вы не можете быть порядочнымъ человѣкомъ.) Вотъ Любовь Сергѣевна, она понимаетъ меня и много помогла мнѣ въ этомъ. (Оно и замѣтно по всему!?). Я знаю по своимъ запискамъ, что я впродолженіи года уже много исправился. (Пріятно слышать. Значитъ, по скольку же синяковъ въ день ложилось прежде на Васькину голову? До исправленія, его голова была въ своемъ родѣ очень любопытной лѣтописью. Примѣчайте кромѣ того, какъ уже въ послѣдней фразѣ тонъ слезливаго раскаянія переходитъ въ тонъ тихаго самовосхваленія. Это значитъ, милое дитя уже потянулось за невещественнымъ пряникомъ.) Ахъ, Николинька, душа моя!—продолжалъ онъ съ особенной непривычной нѣжностью и ужъ болѣе спокойнымъ тономъ послѣ этого признанія:—какъ это много значитъ вліяніе такой женщины, какъ она! Боже мой, какъ можетъ быть хорошо, когда я буду самостоятеленъ, съ такимъ другомъ, какъ она. Я съ ней совершенно другой человѣкъ.» (Что̀ значитъ эта послѣдняя фраза? Значитъ ли это: «я ея не бью, какъ прибилъ Ваську», или же это значитъ: «я никого не бью, когда нахожусь подъ ея вліяніемъ»? Въ первомъ случаѣ—это безсмыслица. Во-второмъ—это сладкая ложь. Вы, господинъ Нехлюдовъ, ходили къ Любови Сергѣевнѣ и бесѣдовали съ нею какъ разъ пе-

редъ той минутой, когда Васька предложилъ вамъ первый вопросъ о постеляхъ. Или можетъ быть вы хотите сказать, что только «въ ея присутствіи» вы совсѣмъ не безчинствуете. Это безъ сомнѣнія дѣлаетъ вамъ много чести, но вѣдь отъ этого мало пользы. Стало быть, когда вы женитесь на ней, вы будете находиться безотлучно при ея особѣ; а чуть она на минуту отвернулась—тутъ сейчасъ и пойдетъ крушеніе физіономій? Вѣрнѣе же всего, что вы просто сказали одну изъ тѣхъ совершенно безсмысленныхъ фразъ, безъ которыхъ жить не могутъ всѣ моралисты, подобные вамъ и вашей Любови Сергѣевнѣ.) Затѣмъ друзья наши забываютъ совершенно презрѣнную прозу жизни, и Дмитрій начинаетъ «развивать свои планы женитьбы, деревенской жизни и постоянной работы надъ самимъ собой». Оба совершенно веселы и болтаютъ «до вторыхъ пѣтуховъ». Пріятная и полезная бесѣда заканчивается слѣдующими словами:—«Ну, теперь спать,—сказалъ онъ.—Да, отвѣчалъ я:—только одно слово.—Ну?—Отлично жить на свѣтѣ!—сказалъ я.—Отлично жить на свѣтѣ,—отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ, что я въ темнотѣ, казалось, видѣлъ выраженіе его веселыхъ ласкающихся глазъ и дѣтской улыбки.»

О, прелестные малютки! что за «атласистость сердечная», какъ говоритъ Щедринъ о своихъ глуповцахъ! «Отлично жить на свѣтѣ!» Какъ вамъ это нравится? Это—заключительный выводъ изъ того ряда размышленій, который былъ вызванъ актомъ подлѣйшаго насилія. Преступленіе и раскаяніе не оставили послѣ себя рѣшительно ничего, кромѣ безпричиннаго восторга и полнѣйшаго самодовольства, и все это втеченіи одной короткой лѣтней ночи. Это стоитъ матери Гамлета, съ ея неизношенной парой башмаковъ. И ни одинъ изъ юныхъ моралистовъ не оглянулся назадъ на исходную точку разговора. Трехъ или четырехъ часовъ, посвященныхъ глупѣйшимъ мечтамъ, было совершенно достаточно, чтобы рѣшительно сбить ихъ съ толку и отшибить у нихъ всякую память. Вѣдь они бы поблѣднѣли и вскрикнули отъ ужаса, у нихъ выступилъ бы холодный потъ на лбу и дыбомъ поднялись бы волосы, еслибы одинъ изъ нихъ догадался задать другому вопросъ: съ чего мы начали и къ чему мы пришли? И что же это значитъ, что такое начало привело насъ къ такому заключенію? И какъ же это мы ухитрились извлечь для себя превеликое удовольствіе изъ... изъ... стыдно и страшно сказать, изъ чего? Гдѣ же наше нравственное чувство, гдѣ наша любовь къ людямъ, гдѣ же наконецъ нашъ умъ? Любовь къ людямъ! Подумалъ ли въ самомъ дѣлѣ Нехлюдовъ на минуту о томъ, какъ бы утѣшить избитаго ребенка? Даже намека не было на подобную мысль. Нехлюдовъ и не помышляетъ о томъ, чтобы лаской, добрымъ словомъ и добрымъ дѣломъ уменьшить то впечатлѣніе боли, которое онъ нанесъ живому существу; онъ старается только соскоблить какъ-нибудь то отвлеченное пятно, которое онъ положилъ на свою собственную опрятную личность и щекотливую совѣсть. Бездушный фарисей остается вѣренъ себѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Да и совѣсть-то совершенно по фарисейски засыпаетъ очень быстро во время пріятнаго разговора. И эти-то дрябленькіе человѣчки, съ такимъ неразвитымъ умомъ, который втеченіи трехъ или четырехъ часовъ уже теряетъ изъ виду руководящую идею разговора, эти-то маленькія и жалкія созданьица берутся тоже разсуждать о высшихъ вопросахъ жизни, нравственности и общаго міросозерцанія. Точно пятилѣтнія дѣти, толкующія о томъ, какъ они пойдутъ въ гусары или въ кирасиры! Поучиться надо сначала, милые малютки. Тогда авось и поумнѣете, и въ гусары поступите. А до тѣхъ поръ играйте въ куклы или, иначе, размышляйте о трюфеляхъ и пуляркахъ.

IX.

Доживши до девятнадцати лѣтъ и дойдя до третьяго курса университета, князь Дмитрій Нехлюдовъ убѣждается въ томъ, что онъ достаточно образованъ и что ему давно пора приниматься за практическую дѣятельность. Онъ пріѣзжаетъ на лѣто въ свое имѣніе, видитъ тамъ, что мужики его разорены до тла, и, рѣшившись посвятить свою жизнь на улучшеніе ихъ участи, выходитъ изъ университета съ тѣмъ, чтобы навсегда поселиться въ деревнѣ. Очеркъ его сельско-хозяйственной дѣятельности представленъ графомъ Толстымъ въ отдѣльной повѣсти: «Утро помѣщика». Нехлюдовъ занимается своимъ дѣломъ безкорыстно, добросовѣстно и очень усердно. По воскресеньямъ, напримѣръ, онъ обходитъ утромъ дворы тѣхъ крестьянъ, которые обращались къ нему съ просьбами о какомъ-нибудь вспомоществованіи; тутъ онъ внимательно вникаетъ въ ихъ нужды, присматривается къ ихъ быту, помогаетъ имъ хлѣбомъ, лѣсомъ, деньгами и старается посредствомъ увѣщаній внушать имъ любовь къ труду или искоренять ихъ пороки.

Одинъ изъ такихъ обходовъ составляетъ сюжетъ нашей повѣсти. Приходитъ Нехлюдовъ къ Ивану Чурисенку, просившему себѣ какихъ-то кольевъ или сошекъ для того, чтобы подпереть свой развалившійся дворъ. Видитъ Нехлюдовъ, что все строеніе дѣйствительно никуда не годится, и Чурисенокъ разсказываетъ ему совершенно равнодушно, что у него въ избѣ накатина съ потолка его бабу пришибла. «По спинѣ какъ колыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала». Нехлюдовъ, думая облагодѣтельствовать Чурисенка, предлагаетъ ему переселиться на новый хуторъ, въ новую каменную

избу, только что выстроенную по герардовской системѣ. «Я,—говоритъ,—ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ долгъ за свою цѣну; ты когда-нибудь отдашь». Но Чурисенокъ говоритъ: «воля вашего сіятельства», и въ то же время прибавляетъ, что на новомъ мѣстѣ имъ жить не приходится; а баба, та самая, что замертво лежала, бросается въ ноги къ молодому помѣщику, начинаетъ выть и умолять барина оставить ихъ на старомъ мѣстѣ, въ старой развалившейся и опасной избѣ. Чурисенокъ, тихій и неговорливый, какъ большая часть нашихъ крестьянъ, придавленныхъ бѣдностью и непосильнымъ трудомъ, становится даже краснорѣчивымъ, когда начинаетъ описывать прелесть стараго мѣста. «Здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное; и дорога, и прудъ тебѣ, бѣлье, что ли, бабѣ стирать, скотину ли поить — и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы — вотъ, что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу». Что тутъ будешь дѣлать? Нельзя же благодѣтельствовать насильно. Нехлюдовъ отказывается отъ своего намѣренія и совѣтуетъ Чурисенку обратиться къ крестьянскому міру съ просьбой о лѣсѣ, необходимомъ для починки двора. Къ міру, а не къ помѣщику приходится обращаться въ этомъ случаѣ потому, что Нехлюдовъ отдалъ въ полное распоряженіе самихъ мужиковъ тотъ участокъ лѣса, который онъ опредѣлилъ на починку крестьянскаго строенія.— Но у Чурисенка на всякое дѣло есть свои собственные взгляды, и онъ говоритъ очень спокойно, что у міра просить не станетъ.—Нехлюдовъ даетъ ему денегъ на покупку коровы и идетъ дальше. Входитъ онъ во дворъ къ Епифану или Юхванкѣ-Мудреному. Нехлюдову извѣстно, что этотъ мужикъ любитъ по-своему сибаритствовать, куритъ трубку, обременяетъ свою старуху-мать тяжелой работой и часто продаетъ для кутежа необходимыя принадлежности своего хозяйства. Теперь Нехлюдовъ узналъ, что Юхванка хочетъ продать лошадь; помѣщикъ хочетъ посмотрѣть, возможна ли эта продажа безъ разстройства необходимыхъ работъ. Оказывается, что продавать не слѣдуетъ, и Нехлюдовъ рѣшительно запрещаетъ Юхванкѣ эту коммерческую операцію. Юхванка въ разговорѣ съ бариномъ лжетъ ему въ глаза самымъ наглѣйшимъ образомъ и нисколько не смущается, когда Нехлюдовъ на каждомъ шагу выводитъ его на свѣжую воду. Нехлюдовъ, какъ юноша и моралистъ, старается растрогать Юхванкину душу увѣщаніями и упреками, а Юхванка, продувная бестія, каждымъ своимъ словомъ показываетъ своему барину совершенно ясно, что онъ непремѣнно расхохотался бы надъ его совѣтами, еслибы его не удерживало тонкое пониманіе галантерейнаго обращенія.—Пороть меня ты не будешь,—думаетъ Юхванка,—потому что совсѣмъ никого не порешь; на поселеніе тоже не сошлешь —пожалѣешь; а въ солдаты я не гожусь, спереди двухъ зубовъ нѣту. Значитъ, ничѣмъ ты меня не озадачишь, и на всѣ твои разговоры я вѣжливымъ манеромъ плевать намѣренъ.— И Нехлюдовъ, совершенно отмѣнившій въ своемъ хозяйствѣ тѣлесныя наказанія, до такой степени живо чувствуетъ свое безсиліе передъ сорванцомъ Юхванкой, что принужденъ по временамъ умолкать и стискивать зубы для того, чтобы не расплакаться тутъ же на Юхванкиномъ дворѣ передъ глазами нераскаяннаго грѣшника. Кончается визитъ тѣмъ, что баринъ, строго запретивъ продавать лошадь, тайкомъ отъ безпутнаго Юхванки, даетъ денегъ его матери на покупку хлѣба.

Затѣмъ слѣдуетъ картина другого безпутства. У Давыдки Бѣлаго нѣтъ въ избѣ ни крошки хлѣба; весь дворъ представляетъ собой мерзость запустѣнія, а самъ Давыдка цѣлые дни и ночи лежитъ на печкѣ подъ тулупомъ, даже весь отекъ и распухъ отъ сна. Баринъ будитъ «лѣниваго раба» и начинаетъ аргументировать, очень убѣдительно доказывая необходимость труда. «Лѣнивый рабъ слушаетъ тупо и покорно». Онъ молчалъ; но выраженіе его лица и положеніе всего тѣла говорило: «знаю, знаю, ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну, бейте же, коли такъ надо,— я снесу. Онъ, казалось, желалъ, чтобы баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибилъ его, даже больно прибилъ по пухлымъ щекамъ, но оставилъ скорѣе въ покоѣ». Приходитъ въ эту минуту мать Давыдки, дѣятельная и бойкая женщина, которая одна работаетъ за весь свой дворъ. Она начинаетъ жаловаться на своего лядащаго сына, ругаетъ и дразнитъ его, разсказываетъ, что жена Давыдки извела себя тяжелой работой, а потомъ умоляетъ барина, чтобъ онъ во второй разъ женилъ безпутнаго лѣнтяя. Нехлюдовъ говоритъ: съ Богомъ! но штука заключается въ томъ, что за Давыдку ни одна дѣвка по своей волѣ не пойдетъ и что мать проситъ у барина не позволенія для Давыдки, а приказанія для дѣвки. Баринъ отвѣчаетъ ей, что это невозможно, что хлѣба онъ имъ дастъ, а невѣсту сватать не берется. Потомъ Нехлюдовъ пошелъ къ богатому мужику Дутлову, предложилъ ему очень выгодное помѣщеніе для его денегъ, но мужикъ, разумѣется, съежился и тщательно таилъ свой капиталъ отъ помѣщика, и баринъ извлекъ изъ этого посѣщенія только тотъ результатъ, что его маленько покусали дутловскія пчелы, потому что онъ забрался на пчельникъ и по юношеской храбрости не пожелалъ надѣть предохранительную сѣтку. Нехлюдовъ отправляется домой и по дорогѣ задумывается. «Развѣ богаче стали мои мужики, думаетъ онъ:—образовались

или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжелѣе. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы жизни, — подумалъ онъ, и ему почему-то вспоминалось, что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильная машина къ общему смѣху мужиковъ только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ при многочисленной публикѣ пустили въ ходъ въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями».

Странная и печальная исторія! Умъ, молодость, энергія, стойкость, человѣколюбіе, — все, что дѣлаетъ человѣка сильнымъ и полезнымъ, все это есть у Нехлюдова, все это проявляется въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ и все это приводитъ за собой только неудачи и разочарованіе и въ концѣ концовъ безотрадное сознаніе той несомнѣнной истины, что «имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле». Причина всей нескладицы заключается въ томъ, что Нехлюдовъ — ни рыба, ни мясо, и что онъ, вслѣдствіе этой двусмысленности и неопредѣленности своего положенія и своего развитія, самымъ добросовѣстнымъ образомъ старается влить вино новое въ мѣха старые. Задача неисполнимая: мѣха ползутъ врозь, и вино проливается на полъ, или, говоря безъ метафоръ, новая гуманность пропадаетъ безъ пользы и даже приноситъ вредъ, когда приходитъ въ соприкосновеніе съ старыми формами крѣпостного быта. Еслибы дѣдушка или можетъ быть и папенька Нехлюдова пріѣхалъ въ свое имѣніе съ цѣлью поправить разстроенное хозяйство мужиковъ, то по всей вѣроятности онъ въ первую же недѣлю послѣ своего пріѣзда перепоролъ бы половину деревни, начиная, разумѣется, съ крѣпостныхъ приказчиковъ, бурмистровъ, старостъ и всякихъ другихъ деревенскихъ властей. Съ такимъ помѣщикомъ Юхванка пересталъ бы быть «мудренымъ», и Чурисенокъ переселился бы на новый хуторъ безъ малѣйшаго краснорѣчія. Еслибы кромѣ неумолимой строгости у этого помѣщика была малая толика практическаго ума и хоть какое-нибудь, даже самое рутинное знаніе сельскаго хозяйства, то въ пять-шесть лѣтъ мужики дѣйствительно поправили бы свои дѣлишки и дошли бы до той степени сытаго довольства, которой пользуются быки и бараны благоустроеннаго скотнаго двора и которая въ крѣпостномъ быту составляетъ предѣлъ, его же не прейдеши. И грозный помѣщикъ, съ своей точки зрѣнія, могъ бы сказать, что онъ свято исполнилъ свою гражданскую обязанность, потому что, разумѣется, онъ стоитъ неизмѣримо выше тѣхъ современниковъ своихъ, которые проживаютъ свои доходы въ столицахъ, предоставляя своихъ мужиковъ въ безконтрольное распоряженіе управляющихъ и бурмистровъ. Да этого еще мало. Грозный помѣщикъ стоитъ даже выше такого почти идеальнаго помѣщика, какимъ является намъ Нехлюдовъ.

Для помѣщика не было середины. Онъ могъ быть или суровымъ властелиномъ, или дойной коровой. На первый взглядъ можетъ показаться, что второй типъ лучше, отраднѣе и полезнѣе перваго, но это — только на первый взглядъ. Дойная корова побалуетъ мужиковъ три-четыре года, а потомъ и протянетъ ноги тѣмъ или другимъ манеромъ. Самый простой и естественный результатъ этого сантиментальнаго баловства обнаруживается намъ въ исторіи Нехлюдова: въ конторѣ ни копѣйки денегъ; имѣніе просрочено; его опишутъ, возьмутъ въ опеку, разорятъ еще хуже, а потомъ продадутъ съ аукціоннаго торга, и мужикамъ, привыкшимъ къ доенію коровы, придется такъ скверно при перемѣнѣ системы, что хоть въ петлю полѣзай. Ясно, кажется, что новое вино пролилось на полъ. Но, разумѣется, типъ суроваго властелина въ свою очередь хорошъ только въ той мѣрѣ, въ какой могло быть что-нибудь хорошее при существованіи крѣпостной зависимости. Сытое довольство скотнаго двора очевидно не благопріятствуетъ развитію высшихъ способностей человѣческаго ума и не можетъ создавать людей съ сильными и самостоятельными характерами. Вамъ случалось вѣроятно видѣть, какъ быстро спиваются съ кругу и затягиваются въ тину самаго оподляющаго разврата именно тѣ юноши, которые при жизни своихъ строгихъ родителей поражали васъ своимъ безукоризненнымъ и даже неестественнымъ благонравіемъ. «Эхъ, кабы старики-то были живы!» говорятъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ старые друзья покойниковъ, совершенно упуская изъ виду то, что именно сами-то покойники приготовили втеченіи всей своей жизни всю ту кутерьму, которая разыгралась на другой день послѣ ихъ строгости. Ежовыя рукавицы отняли у подвластнаго человѣка возможность пріобрѣтать себѣ самостоятельный житейскій опытъ, а неопытность оказалась той широкой дорогой, по которой поѣхали на человѣка всякія искушенія и всякія ошибки. Такая-то участь и постигаетъ обыкновенно мужиковъ грознаго помѣщика, какъ только ослабѣваетъ или прекращается давленіе его тяжелой руки.

Нехлюдову слѣдовало все это сообразить прежде, чѣмъ онъ пріѣхалъ въ деревню и предпринялъ свои благотворительныя нововведенія. Надо было сказать себѣ: грознымъ помѣщикомъ я

быть не могу, еслибы даже и желалъ имъ сдѣлаться. Дойной коровой я не хочу быть, потому что это глупо и безполезно. Значитъ, если я чувствую потребность расположить мои отношенія къ крестьянамъ сообразно съ моими гуманными стремленіями и убѣжденіями, то мнѣ остается только одна дорога: надо осторожно развязать и потомъ совершенно уничтожить всѣ обязательныя отношенія, существующія между мной и этими людьми. Приступая разумнымъ образомъ къ освобожденію своихъ крестьянъ, Нехлюдовъ долженъ былъ прежде всего освободить самого себя отъ крѣпостной зависимости. Онъ живетъ трудами своихъ мужиковъ или, другими словами, доходами съ своего имѣнія. А человѣкъ, который серьезно желаетъ сдѣлать въ своей жизни что-нибудь дѣйствительно полезное, долженъ непремѣнно жить своими собственными трудами. Кто не въ состояніи безъ посторонней помощи прокормить самого себя, тому нечего и думать о какой бы то ни было дѣятельности на пользу другихъ. Поэтому Нехлюдову надо было прежде всего узнать свои собственныя способности и выучиться какому-нибудь хлѣбному ремеслу. Сдѣлался ли бы онъ сапожникомъ или писателемъ, профессоромъ или кузнецомъ, машинистомъ или медикомъ, это уже совершенно все равно, и это вполнѣ зависитъ отъ особенной его умственной и вообще физической организаціи. Важно только то, чтобъ онъ сталъ въ совершенно независимыя отношенія къ своему собственному капиталу, въ чемъ бы этотъ капиталъ ни заключался, въ крѣпостныхъ ли мужикахъ, или въ землѣ, или въ деньгахъ.

Весь смыслъ вещей, весь міръ неодушевленной природы и живыхъ людей совершенно измѣняются въ глазахъ человѣка, когда этотъ человѣкъ чувствуетъ и сознаетъ, что онъ самъ— рабочая сила и что въ немъ самомъ, въ его головѣ и въ его рукахъ, заключается совершенно достаточное обезпеченіе его существованія, является смѣлость и предпріимчивость, непостижимыя для капиталиста, который знаетъ очень хорошо, что капиталъ его лежитъ внѣ его личности, что этотъ капиталъ можетъ быть утраченъ и что личность капиталиста, послѣ разлуки съ своимъ капиталомъ, должна превратиться въ нуль или, еще вѣрнѣе, въ минусъ. Работникъ, владѣющій капиталомъ, можетъ позволять себѣ такую роскошь, на которую никакъ не можетъ отважиться простой капиталистъ; онъ можетъ рисковать своимъ капиталомъ изъ любви къ своей идеѣ; напримѣръ, онъ можетъ тратить его на научные опыты, на ученыя экспедиціи, на проведеніе въ жизнь своихъ гуманныхъ тенденцій. Онъ можетъ ставить послѣднюю копѣйку ребромъ, а такая способность выдерживать, не бастуя и не уменьшая ставки до самаго конца игры, бываетъ часто совершенно необходима для успѣха всего предпріятія. Кромѣ того кормить себя собственнымъ трудомъ—значитъ относиться къ какому-нибудь практическому дѣлу совершенно серьезно и добросовѣстно, безъ всякой примѣси шарлатанства или диллетантизма. Чтобы относиться такимъ образомъ къ какому бы то ни было дѣлу, надо уже кое-что знать, надо предварительно присмотрѣться и къ самому себѣ, и къ разнымъ особенностямъ житейской практики. Вслѣдствіе этого, кромѣ смѣлости и предпріимчивости, у работника есть опытность и смѣтливость, недоступныя очень многимъ изъ тѣхъ людей, которые спокойно питаются процентами съ своихъ капиталовъ. Значитъ, работникъ будетъ дѣйствовать смѣло, но разсчетливо, то-есть рисковать только тамъ, гдѣ дѣйствительно надо рисковать и гдѣ важность успѣха совершенно окупаетъ собой невѣрность предпріятія. Итакъ:

Нехлюдовъ долженъ прежде всего сдѣлать изъ себя работника и испытать силы своего ума и характера надъ рѣшеніемъ той задачи, которая задается въ жизни огромному большинству людей, то-есть надъ самостоятельнымъ прокормленіемъ собственной особы. Для этого ему надо было бы непремѣнно кончить курсъ въ университетѣ, а потомъ еще поучиться очень серьезно впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, во-первыхъ для того, чтобы найти себѣ спеціальность, а во-вторыхъ для того, чтобы достаточно усовершенствоваться въ этой спеціальности. Еслибы Нехлюдовъ послѣ такого приготовленія рѣшился поселиться въ деревнѣ, то онъ вѣроятно придумалъ бы тамъ не свистѣлку, а настоящую молотилку. Дальнѣйшій же ходъ эмансипаціонной работы не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Если имѣніе заложено и еслибы вслѣдствіе этого нельзя было отпустить на волю крестьянъ, то надо сначала выкупить имѣніе, а для человѣка, который живетъ собственнымъ трудомъ и, стало быть, не нуждается въ доходахъ, это дѣло окажется совершенно исполнимымъ. Выкупилъ, отдалъ крестьянамъ полный надѣлъ земли, остальную землю продалъ въ другія руки для того, чтобы крестьяне видѣли возлѣ себѣ просто богатаго сосѣда, а не своего бывшаго барина, связаннаго съ ними патріархальными преданіями и обязаннаго оказывать имъ разныя щедроты; совершилъ всѣ формальности, отпускныя, дарственныя, купчія, да и уѣхалъ съ вырученными деньгами заниматься своимъ ремесломъ. Вотъ самое простое и единственно возможное рѣшеніе той задачи, надъ которой такъ усердно и такъ безуспѣшно трудится Нехлюдовъ. Посвящать всю свою жизнь крестьянамъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Пожалуйста, не посвящайте! Вѣдь изъ этого посвященія выйдетъ только то, что вы будете тратить деньги, заработанныя крестьянами, или на безтолковыя благодѣянія, или на сооруженіе свистѣльныхъ машинъ. Почему вы знаете, что вы способны быть помѣщикомъ, т. е. агрономомъ, ско-

томъ и отчасти администраторомъ? Потому что вамъ досталось отъ отца имѣніе въ семьсотъ душъ! Это—причина неудовлетворительная; тогда, значитъ, сынъ сапожника долженъ быть сапожникомъ, потому что отецъ оставляетъ ему въ наслѣдство колодку и шило. Такимъ путемъ мы приходимъ къ индѣйскимъ кастамъ, то-есть къ систематическому подавленію всякой личной оригинальности. Такого результата не можетъ желать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, и, стало быть, вы, господинъ Нехлюдовъ, должны быть не помѣщикомъ, а можетъ быть учителемъ математики, или архитекторомъ, или чѣмъ-нибудь другимъ, смотря по тому, каковы ваши личныя способности. А чтобы узнать свои способности, вы должны учиться, читать, размышлять, говорить съ умными людьми, а не закупоривать себя въ деревнѣ и не аргументировать съ Юхванкой и съ Давыдкой.

Значитъ, съ какого конца ни возьми дѣло, вездѣ оказывается все та же самая бѣда: незнаніе и опять-таки незнаніе. Гдѣ нѣтъ прочнаго знанія, тамъ вы не замѣните его ни усердіемъ, ни добродушіемъ, ни чистотой сердца, ни цѣломудріемъ, ни даже Иваномъ Яковлевичемъ. Все будетъ скверно, и все постоянно будетъ становиться хуже да хуже.

Собственно для того, чтобы освѣтить съ разныхъ сторонъ эту очень старую истину, я остановился такъ долго на разборѣ повѣсти: «Утро помѣщика». Иначе не зачѣмъ было бы говорить о ней такъ подробно, потому что крѣпостныя отношенія, изображенныя въ этой повѣсти, уже давно укатились въ вѣчность, «hinaus in's Meer der Ewigkeit», какъ говоритъ Шиллеръ въ своихъ «Идеалахъ». Но вопросъ о знаніи и полузнаніи стоитъ постоянно на очереди.

X.

Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ нашего стараго знакомаго, князя Нехлюдова, въ небольшомъ разсказѣ «Люцернъ». Онъ, то-есть не разсказъ, а Нехлюдовъ, путешествуетъ по Швейцаріи и записываетъ свои путевыя впечатлѣнія. Разсказъ «Люцернъ» составляетъ маленькій отрывокъ изъ этихъ записокъ. Дѣйствіе происходитъ въ Люцернѣ и относится къ 7 іюля 1857 года. Князю Нехлюдову въ это время, по моимъ хронологическимъ соображеніямъ, должно быть около 35 лѣтъ. Его характеръ надо считать уже окончательно сложившимся. Вотъ мы теперь и посмотримъ, какой результатъ выработался изъ тѣхъ задатковъ, съ которыми мы познакомились выше. Остановившись въ лучшей люцернской гостинницѣ, Швейцергофѣ, Нехлюдовъ изъ окна своей комнаты начинаетъ очень сильно восхищаться видомъ озера, горъ и вообще всякой другой природы. «Мнѣ захотѣлось,—говоритъ онъ,—въ эту минуту обнять кого-нибудь, крѣпко обнять, защекотать, ущипнуть его, вообще сдѣлать съ нимъ и съ собой что-нибудь необыкновенное». Однако онъ никого не обнялъ, не защекоталъ и не ущипнулъ, вѣроятно потому, что его восторги въ значительной степени охлаждались видомъ набережной, «прямой какъ палка» и возбудившей въ немъ съ самой первой минуты непримиримую ненависть. «Безпрестанно, — жалуется онъ,—невольно мой взглядъ сталкивался съ этой ужасно прямой линіей набережной и мысленно хотѣлъ оттолкнуть, уничтожить ее, какъ черное пятно, которое сидитъ на носу подъ глазомъ; но набережная съ гуляющими англичанами оставалась на мѣстѣ, и я невольно старался найти точку зрѣнія, съ которой бы мнѣ ея было не видно.» Война Нехлюдова съ бѣлой палкой набережной прерывается тѣмъ, что его зовутъ обѣдать за общій столъ. За обѣдомъ для Нехлюдова начинаются новыя огорченія. Его чрезвычайно волнуетъ то обстоятельство, что странствующіе англичане, которыми переполненъ Швейцергофъ, сидятъ слишкомъ чинно и занимаются во-время обѣда процесомъ ѣды, а не веселыми разговорами. Во время обѣда онъ размышляетъ объ англійской холодности, а потомъ, разогорченный ею до глубины души, идетъ шляться по городу въ самомъ невеселомъ расположеніи духа. Тутъ ему становится еще грустнѣе. «Мнѣ становилось ужасно душевно холодно, одиноко и тяжко, какъ это случается иногда безъ видимой причины при переѣздахъ на новое мѣсто». Но въ это время какой-то уличный музыкантъ заигралъ на гитарѣ и началъ пѣть пѣсни, и Нехлюдову вдругъ сдѣлалось ужасно хорошо и даже очень пріятно жить на свѣтѣ. «Всѣ воспоминанія, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ будто распустился свѣжій, благоухающій цвѣтокъ. Вмѣсто усталости, разсѣянія, равнодушія ко всему на свѣтѣ, которыя я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ потребность любви, полноту надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать? сказалось мнѣ невольно,—вотъ она со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими, полными глотками, насколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо...»

Набережная передъ глазами—досадно! Англичане молчатъ—грустно! На гитарѣ заиграли—ужасно весело! Какъ вамъ нравится такой человѣкъ, у котораго вся нервная система постоянно скрипитъ и поетъ такъ или иначе въ отвѣтъ на каждый ничтожный и мимолетный звукъ окружающаго міра? Такихъ людей называютъ многіе впечатлительными, отзывчивыми, тонко-чувствительными, художественными натурами; извѣстное дѣло, нѣтъ той дряни, которую нельзя было бы украсить какимъ-нибудь ласкательнымъ эпитетомъ; но мнѣ кажется, что такіе тонко-организованные субъекты очень похожи на тѣхъ

несчастныхъ больныхъ, которые, напитавшись ртутныхъ лекарствъ, превращаются въ ходячіе барометры, то есть чувствуютъ ломоту въ костяхъ передъ каждой малѣйшей перемѣной погоды. Эта тонкость организаціи есть не что иное, какъ совершенное разстройство нервной системы, —разстройство, порожденное праздностью и безтолковой суетливостью. За неимѣніемъ серьезной цѣли и полезной работы, умъ кидается на пустяки, гоняется за призраками, раздражается своими тщетными попытками поймать то, что никому не дается въ руки, и наконецъ, благодаря такимъ упражненіямъ, человѣкъ доходитъ до какого-то полусъумасшествія: постоянно волнуется, постоянно о чемъ-то хлопочетъ и самъ не только не можетъ, но даже и не пробуетъ объяснить себѣ, чего ему надо и о чемъ онъ груститъ, чему радуется и какой смыслъ имѣютъ всѣ его пошлыя бури въ стаканѣ воды. Когда человѣкъ дошелъ до такого безнадежнаго положенія, тогда, разумѣется, смѣшно и ожидать отъ него какой-нибудь дѣятельности; тогда надо его просить объ одномъ: сядь ты, голубчикъ, на мѣсто и постарайся поменьше кричать и кривляться. Но онъ и этой просьбы исполнить не въ состояніи; онъ все поетъ и все прыгаетъ, и ежеминутно откалываетъ такія удивительныя штуки, какихъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ нарочно не съумѣлъ-бы придумать.

Князь Нехлюдовъ находится именно въ этомъ положеніи совершеннаго умственнаго банкротства. Мысль и чувство его истрепались и измельчали до послѣдней крайности и дѣлаютъ ежеминутно нелѣпѣйшіе скачки, не имѣя уже силъ остановиться и сосредоточиться на какомъ бы то ни было отдѣльномъ впечатлѣніи. Когда звуки гитары и пѣсни открыли Нехлюдову смыслъ всѣхъ тайнъ и загадокъ міровой жизни, тогда онъ подошелъ къ тому мѣсту, откуда слышались эти волшебные звуки. Онъ увидалъ, что пѣвецъ поетъ передъ балкономъ Швейцергофа; его слушаетъ вся блестящая публика, живущая въ этой гостинницѣ, но ни одинъ изъ слушателей не даетъ ему ни копѣйки, когда онъ по окончаніи пѣсни снимаетъ шляпу и произноситъ просительную фразу. Нехлюдовъ пользуется этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы немедленно вознегодовать. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что въ этомъ фактѣ дѣйствительно нѣтъ ничего хорошаго, но я рѣшительно не могу объяснить, какимъ образомъ мужчина зрѣлыхъ лѣтъ можетъ находить подобные факты сколько-нибудь для себя удивительными. Мальчику позволительно кипятиться при видѣ каждаго неразумнаго или безчестнаго дѣла. Для мальчика это кипяченіе даже необходимо; оно пробуждаетъ его силы и внушаетъ ему желаніе бороться за то, что онъ считаетъ разумнымъ и справедливымъ. Но мальчикъ замѣтитъ очень скоро, что бороться разомъ противъ всего—значитъ тратить свои силы на вѣтеръ. Въ результатѣ можетъ получиться только крайнее утомленіе слишкомъ ретиваго бойца. Чтобы успѣть хоть въ чемъ-нибудь, надо непремѣнно взять себѣ какую-нибудь отдѣльную задачу и заняться добросовѣстно ея разрѣшеніемъ, не кидаясь по сторонамъ и не хватаясь съ безразсудной жадностью за всѣ мелкія проявленія зла, которыя ежеминутно попадаются на встрѣчу каждому цивилизованному европейцу. Когда мальчикъ такимъ образомъ окончательно выяснилъ себѣ свою отдѣльную задачу и когда онъ серьезно принялся за свою спеціальную работу, тогда мы можемъ сказать о немъ, что онъ сдѣлался зрѣлымъ мужчиной. Этотъ зрѣлый мужчина, встрѣчаясь съ какимъ-нибудь проявленіемъ нелѣпости, говоритъ самому себѣ совершенно спокойно: знаю я эту штуку, и корень ея знаю, и работаю я противъ нея такъ и такъ. А негодовать я не намѣренъ, да и разучился я заниматься этимъ пустымъ дѣломъ. Негодованіе есть мимолетный взрывъ чувства, а я вовсе не намѣренъ тратить мое чувство на пусканіе такихъ мыльныхъ пузырей. Мое чувство есть сила, приводящая въ движеніе весь мой организмъ, и эта сила приложена навсегда къ той работѣ, которую я себя выбралъ. Чувство негодующихъ людей есть то крошечное количество пара, которое, чортъ знаетъ зачѣмъ, поднимаетъ кверху крышку кипящаго самовара. А мое чувство есть тотъ-же паръ, но только проведенный въ такую благоустроенную машину, которая поднимаетъ тяжести и вертитъ колеса.

Нехлюдовъ, разумѣется, остановился навсегда въ положеніи самовара, фыркающаго очень громко и совершенно безтолково. Ему сдѣлалось очень досадно, зачѣмъ обитатели Швейцергофа не дали денегъ странствующему пѣвцу. Ну, что-жъ съ ними дѣлать? Вѣдь подъ судъ ихъ отдать за это нельзя. Значитъ, надо было только наградить обиженнаго пѣвца, то есть заплатить ему разомъ столько, сколько онъ могъ ожидать отъ всѣхъ своихъ слушателей. Нарушенная справедливость была бы совершенно возстановлена, но Нехлюдовъ не можетъ поступить такимъ образомъ, потому что это было бы слишкомъ просто. Онъ догоняетъ уходящаго пѣвца и приглашаетъ его выпить вмѣстѣ съ нимъ бутылку вина. Что жъ? И это не дурно. Но дурно то, что Нехлюдову тотчасъ приходитъ въ голову устроить, посредствомъ этой выпивки, какую то демонстрацію въ пику и въ назиданіе жестокосердымъ и скупымъ обитателямъ Швейцергофа. Вотъ это ужъ никуда не годится, потому что такая демонстрація вовсе не пріятна для пѣвца и не полезна ни для кого на свѣтѣ. Пѣвецъ предлагаетъ Нехлюдову войти въ простую распивочную лавочку, но Нехлюдовъ, по своей дурацкой фантазіи, тащитъ смущеннаго пѣвца въ настоящій Швейцергофъ. Это значитъ: пляши по моей дудкѣ, потому что я—русскій баринъ и потому что я тебя

холю, угощаю. Это какъ нельзя больше напоминаетъ мнѣ Ситникова, который кричитъ на мужиковъ: «надѣньте шапки, дураки!». Шапки они должны надѣвать потому, что Ситниковъ—прогрессистъ; а дураками они оказались потому, что Ситниковъ—баринъ.—Приходятъ въ Швейцергофъ. Ихъ отводятъ въ залу для простого народа, и тутъ начинается геройская борьба Нехлюдова противъ аристократизма, воплотившагося на этотъ вечеръ въ лакеяхъ блестящей гостиницы. Нехлюдову предлагаютъ простого вина, но онъ, «стараясь принять самый гордый и величественный видъ», требуетъ «шампанскаго и самаго лучшаго». Подаютъ шампанское, и вмѣстѣ съ шампанскимъ приходятъ два лакея посмотрѣть на потѣшное представленіе, которое даромъ разыгрываетъ нашъ полоумный соотечественникъ. «Два изъ нихъ сѣли около судомойки и, съ веселой внимательностью и кроткой улыбкой на лицахъ, любовались на насъ, какъ любуются родители на милыхъ дѣтей, когда они мило играютъ». Соотечественникъ нашъ чувствуетъ себя смущеннымъ, но утѣшаетъ себя той мыслью, что путь добродѣтели всегда усѣянъ колючими терніями. «Хотя,—говоритъ онъ,—мнѣ было и очень тяжело и неловко подъ огнемъ этихъ лакейскихъ глазъ бесѣдовать съ пѣвцомъ и угощать его, я старался дѣлать свое дѣло сколь возможно независимо». Это признаніе доказываетъ намъ, что наши соотечественники тратятъ за-границей на безполезные подвиги не только свои деньги, но и свою энергію. Враги нашего соотечественника сдвигаютъ свои силы. «Швейцаръ, не снимая фуражки, вошелъ въ комнату и, облокотившись на столъ, сѣлъ подлѣ меня. Это послѣднее обстоятельство, задѣвъ мое самолюбіе и тщеславіе, окончательно взорвало меня и дало исходъ той давившей злобѣ, которая весь вечеръ собиралась во мнѣ... Я совсѣмъ озлился той кипящей злобой негодованія, которую я люблю въ себѣ (странный вкусъ!), возбуждаю даже, когда на меня находитъ (самъ сознается, что *на него находитъ*), потому что она успокоительно дѣйствуетъ на меня и даетъ мнѣ хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергію и силу всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей». (На счетъ *моральныхъ способностей* позволю себѣ выразить сомнѣніе, потому что, какъ мы увидимъ дальше, онѣ совершенно подавляются и помрачаются той *кипящей злобой негодованія*, которую онъ *любитъ и даже возбуждаетъ въ себѣ.*) Вскипѣвшій самоваръ-Нехлюдовъ тотчасъ изливаетъ на преступныхъ лакеевъ потоки глупой, но язвительной рѣчи.—«Какое вы имѣете право смѣяться на этимъ господиномъ и сидѣть съ нимъ рядомъ, когда онъ—гость, а вы—лакеи? Отчего вы не смѣялись надо мной нынче за обѣдомъ (лакей могъ бы на это отвѣчать: я тогда еще не зналъ, что вы—такой шутъ гороховой) и не садились со мной рядомъ? Оттого, что онъ бѣдно одѣтъ и поетъ на улицѣ, а на мнѣ хорошее платье? Отъ этого? Онъ бѣденъ, но въ тысячу разъ лучше васъ, въ этомъ я увѣренъ; потому что онъ никого не оскорбилъ, а вы оскорбляете его.—Да я ничего, что вы,—робко отвѣчалъ мой врагъ-лакей.—Развѣ я мѣшаю ему сидѣть?—Лакей не понималъ меня, и моя нѣмецкая рѣчь пропадала даромъ». Послѣднее предположеніе Нехлюдова совершенно несправедливо. Судя по отвѣту лакея, можно утверждать, напротивъ того, что онъ превосходно понялъ и даже разбилъ на голову нашего свирѣпаго оратора. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ вся рѣчь Нехлюдова имѣла бы хоть какой-нибудь смыслъ только въ томъ случаѣ, когда-бы лакей мѣшалъ пѣвцу сидѣть. А иначе Нехлюдовъ попадаетъ въ безвыходное противорѣчіе. Ставя уличнаго пѣвца на ряду съ блестящими гостями Швейцергофа, онъ уничтожаетъ сословныя перегородки, а потомъ онъ тотчасъ во имя этихъ уничтоженныхъ перегородокъ кричитъ на лакеевъ и приказываетъ имъ встать. Это еще гораздо глупѣе ситниковскаго восклицанія: «надѣньте шапки, дураки!».—Кромѣ того само собой разумѣется, что эта сцена испортила пѣвцу все удовольствіе выпивки. Онъ самымъ жалобнымъ образомъ начинаетъ проситься домой, но Нехлюдовъ только что вошелъ въ настоящій вкусъ той кипящей злобы негодованія, которой онъ любитъ угощать самого себя. Онъ съ сильнымъ нахальствомъ тащитъ бѣднаго пѣвца на новыя мытарства. Выпилъ, дескать, каналья, такъ утѣшай барина до самаго конца. Соотечественникъ нашъ требуетъ, чтобы его вмѣстѣ съ пѣвцомъ вели въ парадную залу. Въ рѣчи, которую онъ произноситъ по этому поводу, есть и политика, и нравственная философія, и поэтическіе образы, и ариѳметическія соображенія. «И отчего вы привели меня съ этимъ господиномъ въ эту, а не въ ту залу? А?—допрашивалъ я швейцара, ухвативъ его за руку съ тѣмъ, чтобы онъ не ушелъ отъ меня.—Какое вы имѣли право по виду рѣшать, что этотъ господинъ долженъ быть въ этой, а не въ той залѣ? Развѣ, кто платитъ, не всѣ равны въ гостинницахъ? Не только въ республикѣ, но во всемъ мірѣ. Паршивая ваша республика!.. Вотъ оно равенство. Англичанъ вы-бы не смѣли провести въ эту комнату, тѣхъ самыхъ англичанъ, которые даромъ слушали этого господина, то есть украли у него каждый по нѣскольку сантимовъ, которые должно были дать ему. Какъ вы смѣли указать эту залу?»

Если вы представите себѣ, что вся эта бурда хорошихъ словъ была вылита на голову несчастнаго швейцара, котораго держатъ за руку, чтобы онъ не ушелъ, то вы вѣроятно согласитесь, что можетъ быть никогда еще типъ неисправимаго фразера или безтолковаго идеалиста не являлся передъ вами въ болѣе смѣшномъ и печальномъ положеніи.—Не забудьте,

что это положеніе вытекаетъ самымъ естественнымъ образомъ изъ всѣхъ уже извѣстныхъ намъ подробностей о воспитаніи и изъ прежней дѣятельности Нехлюдова, не забудьте, что мы, по повѣстямъ Толстого, можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ формированіе этого страшно-болѣзненнаго характера, не забудьте всего этого, говорю я, и тогда только вы убѣдитесь въ томъ, что повѣсти Толстого дѣйствительно заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія.—Нехлюдовъ одерживаетъ побѣду надъ лакеями и входитъ тріумфаторомъ въ парадную залу. «Зала была дѣйствительно отперта, освѣщена и за однимъ изъ столовъ сидѣли, ужиная, англичанинъ съ дамой. Несмотря на то, что намъ указывали особый столъ, я съ грязнымъ пѣвцомъ подсѣлъ къ самому англичанину и велѣлъ сюда подать намъ неконченную бутылку». Нехлюдовъ злится на англичанъ за ихъ чванство и за то, что они ничего не дали пѣвцу. Онъ хочетъ имъ сдѣлать какую-нибудь непріятность и для этого пускаетъ въ ходъ своего пѣвца, какъ комокъ грязи, который онъ кладетъ чуть-чуть не на тарелку ужинающихъ англичанъ. Англичане очень неправы; съ ихъ стороны очень непохвально брезгать человѣкомъ, потому что этотъ человѣкъ бѣденъ. Но Нехлюдовъ, вступающійся за этого бѣднаго человѣка, унижаетъ и тиранитъ его еще гораздо сильнѣе; вы представьте себѣ только, каково должно быть положеніе пѣвца, котораго превратили такимъ образомъ въ пассивное орудіе, и притомъ—въ орудіе наказанія. Его присутствіемъ наказываютъ другихъ людей; согласитесь, что трудно вообразить себѣ что-нибудь глупѣе и мучительнѣе его роли, и Нехлюдовъ самъ сознается, что бѣдный пѣвецъ сидѣлъ въ парадной залѣ «ни живъ, ни мертвъ» и торопливо допилъ все, что оставалось въ бутылкѣ, лишь-бы только поскорѣе выбраться вонъ. А тѣ англичане, которыхъ Нехлюдовъ хотѣлъ наказывать, разумѣется, тотчасъ-же ушли изъ залы, такъ что вся мучительная непріятность положенія обрушилась исключительно на несчастную причину торжества, то-есть на бѣднаго пѣвца, которому Нехлюдовъ хотѣлъ сначала доставить удовольствіе.

Вѣдь есть-же въ самомъ дѣлѣ такіе люди, у которыхъ мысль не можетъ ни на минуту остановиться на одномъ предметѣ и которые вслѣдствіе этихъ изумительныхъ скачковъ своей мысли не могутъ довести до конца самаго простого дѣла. И всего замѣчательнѣе въ психологическомъ отношеніи то обстоятельство, что многіе изъ этихъ полупомѣшанныхъ людей, дѣлая поразительныя глупости каждый божій день, съ ранняго утра до поздней ночи, въ то-же время никакъ не могутъ быть названы глупыми людьми. Надѣлавъ множество нелѣпостей, эти господа сами начнутъ разбирать свое диковинное дѣло и обнаружатъ въ своемъ анализѣ такъ много наблюдательности, тонкаго юмора и безпощадной ироніи надъ своими собственными ошибками, что вы будете вслушиваться въ ихъ рѣчи съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и съ самымъ сознательнымъ сочувствіемъ. Тотъ самый Нехлюдовъ, который держалъ швейцара за руку, чтобы пожаловаться на паршивость люцернской республики,—тотъ самый Нехлюдовъ, говорю я, черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода несчастнаго пѣвца называетъ свою *кипящую злобу негодованія*—дѣтской и глупой. Тотъ самый Нехлюдовъ описываетъ весь этотъ эпизодъ съ неподражаемымъ оттѣнкомъ грустнаго и задумчиваго юмора. И тотъ-же самый Нехлюдовъ на другой день навѣрное ухитрится сочинить новую нелѣпость, которая опять заставитъ его смѣяться и грустить надъ своей собственной изломанной и искривлявшейся особой.

Глупить и размышлять надъ сдѣланными глупостями, размышлять и потомъ опять глупить—вотъ все внутреннее содержаніе въ жизни людей, подобныхъ Нехлюдову. И нѣтъ такого сильнаго ума, который не пришелъ-бы къ тому-же самому безнадежному положенію, если онъ не воспитаетъ самого себя въ строгой школѣ положительной науки и полезнаго труда. Всѣ мы знаемъ давно, что человѣкъ—существо слабое, безпомощное и несчастное, пока онъ своими единичными силами пробуетъ бороться противъ силъ физической и органической природы, то-есть противъ стихій и противъ дикихъ животныхъ. И тотъ-же самый человѣкъ, соединяя свои силы съ силами другихъ людей, подчиняетъ себѣ воду и вѣтеръ, паръ и электричество, міръ растеній и міръ животныхъ. Тотъ-же самый законъ, въ полномъ своемъ объемѣ, прилагается какъ нельзя лучше къ развитію и совершенствованію отдѣльнаго человѣческаго ума. Умъ нашъ не можетъ развернуться правильно, онъ не можетъ даже оставаться крѣпкимъ и здоровымъ, если мы не будемъ соединять силъ нашего ума съ умственными силами другихъ людей. Въ общечеловѣческой наукѣ соединяются всѣ умственныя силы всѣхъ отжившихъ и всѣхъ живущихъ поколѣній, и поэтому искать себѣ умственнаго развитія *внѣ* науки—значитъ обрекать свой умъ на уродливое, мучительное и неизлечимое безсиліе. Въ этой мысли нѣтъ рѣшительно ничего новаго, но повторять и даже доказывать ее все еще необходимо. Мы были-бы очень умными и очень счастливыми людьми, еслибы многія старыя истины, обратившіяся уже въ пословицы или украшающія собой наши азбуки и прописи, перестали быть для насъ мертвыми и избитыми фразами. Слова наши часто бываютъ очень хорошими словами, но въ томъ-то и горе наше великое, что они навсегда остаются словами, и что мы сами уже давно къ нимъ прислушались и, потерявши всякое довѣріе къ пустому звуку, забыли въ то-же время и основную мысль, вѣчно живую и вѣчно плодотворную.

1865.

РОМАНЪ КИСЕЙНОЙ ДѢВУШКИ.

(Повѣсти, разсказы и очерки Н. Г. Помяловскаго. Два тома. Спб. 1865 г.)

I.

Двѣ главныя повѣсти Помяловскаго: «Мѣщанское Счастье» и «Молотовъ», связаны между собой личностью героя, Егора Ивановича Молотова.

Въ первой повѣсти Молотовъ является 22-хъ-лѣтнимъ юношей, только что окончившимъ курсъ въ университетѣ. Во второй — 33-хъ-лѣтнимъ мужчиной, достаточно ознакомившимся съ практической жизнью. По своему характеру и по общему складу своей дѣятельности, Молотовъ очень похожъ на Штольца. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что ихъ авторы смотрятъ на нихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Гончаровъ смотритъ на Штольца снизу вверхъ, а Помяловскій на Молотова—сверху внизъ. Гончаровъ относится къ Штольцу съ восторженнымъ благоговѣніемъ, а Помяловскій къ Молотову—съ дружелюбнымъ и неоскорбительнымъ состраданіемъ. Гончаровъ говоритъ: «давай намъ Богъ такихъ людей, какъ Штольцъ», а Помяловскій говоритъ: «какъ жаль, что большинство хорошихъ людей принуждено оставаться въ положеніи Молотова!» Для Гончарова Штольцъ есть идеалъ, о которомъ едва позволительно мечтать. Для Помяловскаго Молотовъ есть *minimum*, на которомъ едва-ли позволительно останавливаться. Сами герои смотрятъ на себя такъ, какъ смотрятъ на нихъ ихъ творцы. Штольцъ сіяетъ самодовольствомъ: «Я-ли, дескать, не уменъ, я-ли не великъ, я-ли не полезенъ. Я—соль земли и спаситель отечества.» Молотовъ, окончательно сформировавшійся, напротивъ того, тихъ, скроменъ, утомленъ и грустенъ. Онъ самъ говоритъ, что его жизнь—честная чичиковщина. О соленіи земли и о спасеніи отечества онъ конечно и не заикается. Именно поэтому Штольцъ—деревянная кукла, а Молотовъ—живой человѣкъ. Деревянность Штольца происходитъ именно оттого, что Гончаровъ нечаянно вложилъ въ него внутреннее противорѣчіе. Штольцъ въ одно и то-же время и уменъ, и глупъ. Уменъ, потому что лихо устраиваетъ свои дѣла и пикантно разсуждаетъ о разныхъ психологическихъ тонкостяхъ. Глупъ, потому что усматриваетъ въ себѣ героя и лѣзетъ на пьедесталъ. И получается поэтому въ общемъ результатѣ глупо-умная, то-есть невозможная и деревянная фигура. А Молотовъ постоянно уменъ, и въ практическихъ дѣлахъ, и въ теоретическихъ разсужденіяхъ, и во взглядѣ на свою собственную личность. «Подлости я никакой не сдѣлалъ, — думаетъ онъ, — но мнѣ все-таки грустно и совѣстно быть только не мошенникомъ. Упрекать я себя ни въ чемъ не могу, но и радоваться, и гордиться мнѣ нечѣмъ. Молодымъ дѣятелямъ, которымъ быть-можетъ удастся совершить подвиги *положительной* честности и активной любви, я скажу только: друзья мои, не судите меня строго. Не считайте меня тунеядцемъ и рабомъ лѣнивымъ, зарывшимъ свой талантъ въ землю. Разсмотрите внимательно мою жизнь, поставьте себя на мое мѣсто, взвѣсьте все—и размѣры моихъ силъ, и обстоятельства, и понятія моихъ современниковъ—и тогда вы чего добраго скажете, что я сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать. И тогда вы можетъ-быть съ дружескимъ чувствомъ пожмете мою руку за то, что я всегда ѣлъ хлѣбъ, заработанный собственнымъ трудомъ. Трудъ мой рѣдко приносилъ пользу обществу, да вѣдь что̀-же съ этимъ дѣлать? Откуда взять такой трудъ, который былъ-бы дѣйствительно полезенъ? Стоитъ напримѣръ на улицѣ извозчикъ. Каждая копѣйка достается ему тяжелымъ и честнымъ трудомъ. Чтобы привезти вечеромъ домой какихъ-нибудь два цѣлковыхъ, сколько онъ въ день натерпится и отъ снѣга, и отъ пыли, и отъ дождя, и отъ вѣтра, и отъ мороза! А развѣ трудъ его дѣйствительно полезенъ для общества? Развѣ всѣ концы, сдѣланные извозчикомъ, дѣйствительно были необходимы? Развѣ силы лошади и человѣка не тратились большей частью на то, чтобы возить праздношатающихся шалопаевъ къ другимъ праздношатающимся шалопаямъ, которые вовсе не желаютъ ихъ видѣть и которые тѣмъ не менѣе считаютъ своей обязанностью выражать въ подобныхъ случаяхъ притворную радость, неспособную обмануть даже маленькихъ дѣтей?—А вѣдь извозчикъ тутъ все-таки ничѣмъ не виноватъ.—Вотъ и я,—продолжаетъ Молотовъ,—былъ постоянно точно такимъ-же извозчикомъ. Титанъ, геній, сильный талантъ пробили-бы себѣ дорогу къ общеполезному труду. Но я—не геній, не титанъ, даже не сильный талантъ. Я не могу и никогда не могъ сказать людямъ та-

кое слово, которое заставило бы ихъ глубоко задуматься или очнуться отъ глубокаго сна. Я просто неглупый и вслѣдствіе этого не подлый человѣкъ. И прошу я васъ, молодые дѣятели, только объ одномъ: поставьте меня въ вашемъ мнѣніи не выше и не ниже того извозчика, который возитъ шалопаевъ, но, несмотря на то, обращается совершенно честно и съ хозяиномъ, и съ сѣдоками, и съ лошадью. Героемъ я себя не считаю, на пьедесталъ не лѣзу, но уваженіемъ умныхъ и честныхъ людей дорожу.»

И дѣйствительно, никакіе молодые дѣятели будущаго времени, никакіе титаны въ мірѣ не имѣютъ возможности смотрѣть съ презрѣніемъ на того обыкновеннаго человѣка, который, подобно Молотову, скромно сознавая свою обыкновенность и понимая невозможность передѣлать обстоятельства обыкновенными и изолированными силами, сосредоточилъ все свое вниманіе на той простой задачѣ, чтобы совершенно честно прокормить свою собственную личность. Еслибы Штольцъ былъ возможенъ, то онъ былъ бы смѣшонъ и гадокъ. Ему надо было бы дать щелчокъ въ носъ, чтобъ онъ слетѣлъ съ пьедестала, на который его суконное рыло не даетъ ему ни малѣйшаго права. Молотовъ, напротивъ того, совершенно возможенъ и очень симпатиченъ своей свѣтлой и тихой грустью. Причина его грусти очень понятна. Онъ сознаетъ, что трудъ его безполезенъ для общества. Онъ чувствуетъ, что при другихъ условіяхъ онъ могъ бы приносить людямъ дѣйствительную пользу. Но создать эти условія онъ не въ состояніи. Для этого нужно, чтобы общество, глубоко проникнутое инстинктивнымъ стремленіемъ къ новой жизни, воплотило эти стремленія въ геніальной личности; чтобы эта личность своей дѣятельностью сгруппировала и осмыслила разрозненныя силы многихъ честныхъ и не глупыхъ людей, подобныхъ Молотову; чтобы эти соединенныя силы дружно взялись за работу и превратили инстинктивное стремленіе общества въ разумный планъ и въ живое дѣло. Тогда Молотовъ былъ бы веселъ и счастливъ. Онъ быть можетъ все-таки остался бы чернорабочимъ; но какое счастье быть чернорабочимъ въ томъ дѣлѣ, которое любишь, уважаешь и понимаешь во всѣхъ его подробностяхъ и послѣдствіяхъ! Кто читалъ превосходный романъ Шпильгагена «Два поколѣнія», тотъ, разумѣется, помнитъ чернорабочаго Каіуса, который, сломавши себѣ правую руку, продержалъ лѣвой рукой корректуру длинной передовой статьи «in praesidentem». Въ каждомъ дѣлѣ такіе чернорабочіе дѣйствительно возможны. И каждому дѣлу такіе чернорабочіе безусловно необходимы.

II.

Помяловскій въ своихъ двухъ повѣстяхъ хотѣлъ показать, какимъ образомъ жизнь полегоньку щупаетъ ребра умному и развитому пролетарію, и какимъ образомъ пролетарій, опираясь исключительно на силы своего развитого ума, можетъ, несмотря на всѣ медвѣжьи ласки жизни, остаться свѣжимъ, неискалѣченнымъ и неразвращеннымъ человѣкомъ. «Среда заѣла», «жизнь изломала», «обстоятельства погубили»—все это мы слышали много разъ, все это повторялось и кстати, и некстати такъ часто, что все это превратилось наконецъ въ совершенно вывѣтрившуюся и очень вредную фразу. Сначала слова эти произносились умными людьми, размышлявшими объ участи другихъ умныхъ людей, потрудившихся на своемъ вѣку и сошедшихъ въ преждевременную могилу, не сдѣлавъ въ жизни того, что они хотѣли и могли бы сдѣлать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Тогда эти слова имѣли смыслъ. Тогда человѣкъ, произносившій эти слова, зналъ очень досконально, путемъ наблюденія и даже личнаго опыта, что̀ это за штука *среда*, и *жизнь*, и *обстоятельства*, и по какимъ причинамъ, и какими средствами, и для какой цѣли производятся разныя *заѣданія*, *ломанія* и *погубленія* людей умныхъ и много потрудившихся на своемъ вѣку. Умные люди, произносившіе слова, всегда прилагали ихъ къ какому-нибудь третьему лицу, сошедшему со сцены. Но слова эти спустились въ низшіе слои умственнаго міра, и тогда—«пошла писать губернія». Опредѣленный смыслъ словъ выдохся, и дряблые людишки стали этими словами заживо читать себѣ отходную. «Меня заѣла среда»—говорилъ какой-нибудь Ноздревъ, воротившись съ ярмарки съ опустошеннымъ карманомъ и съ ощипанными бакенбардами. «Меня изломала жизнь»—тоскливо произносилъ Тряпичкинъ, когда какая-нибудь редакція возвращала ему въ цѣлости толстыя кипы его безграмотныхъ повѣстей и стихотвореній. «Меня погубили обстоятельства»—сладко и томно твердилъ лейтенантъ Жевакинъ, которому какая-нибудь Миликтриса Кирбитьевна наплевала за излишнюю предпріимчивость въ его тусклые, бараньи глаза. И уѣздные города, и резиденціи сельскихъ джентльмэновъ на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества переполнились людьми заѣденными, погубленными и изломанными, которые однако, несмотря на весь трагизмъ своего положенія, ѣли, пили, спали, жирѣли и тупѣли во всю свою волю.

О, достойные сограждане! О, филейныя части человѣчества! Развѣ вы чѣмъ-нибудь отличаетесь отъ среды, жизни и обстоятельствъ, на которыя вы такъ безсмысленно жалуетесь? И развѣ можетъ какая-нибудь сила въ мірѣ заѣсть, изломать или погубить то, что̀ рыхло, мягко, дрябло и жирно, подобно вамъ? И какой-же человѣкъ, дѣйствительно способный почувствовать на своей особѣ медвѣжью лапу жизни, среды и обстоятельствъ, скажетъ когда-нибудь: *меня* заѣли, изломали или погубили? Самому признать себя заѣденнымъ, изломаннымъ и погубленнымъ—зна-

чить заживо лечь въ могилу, значитъ бѣжать съ пашни на лежанку въ то время, когда работаютъ сохи и бороны честныхъ и умныхъ сосѣдей, друзей и родственниковъ. Пока человѣкъ живъ, до тѣхъ поръ онъ борется и не признаетъ себя побѣжденнымъ; если онъ бѣденъ—онъ трудится, то есть борется съ своей бѣдностью; если онъ неучъ—онъ учится, то есть борется съ своимъ невѣжествомъ; если онъ боленъ—онъ лечится, то есть борется съ своей болѣзнью. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не одерживаетъ побѣды надъ своимъ врагомъ, или до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не падаетъ замертво на полѣ сраженія. Въ первомъ случаѣ человѣку не зачѣмъ говорить о своей изломанности или заѣденности; тутъ онъ самъ, напротивъ того, погубилъ, заѣлъ и изломалъ то, что мѣшало ему быть счастливымъ. А во второмъ случаѣ человѣку, упавшему замертво, уже некогда осыпать свою могилу цвѣтами сочувственнаго краснорѣчія; надгробное слово произнесутъ надъ нимъ другіе люди. Такимъ образомъ люди умные и энергическіе борются до конца, а люди пустые и никуда негодные подчиняются безъ малѣйшей борьбы всѣмъ мелкимъ случайностямъ своего безсмысленнаго существованія.

Надо сказать правду: люди вполнѣ умные и люди безнадежно пустые во всѣхъ человѣческихъ обществахъ почти одинаково рѣдки. Огромное большинство состоитъ вездѣ изъ людей посредственныхъ, которые съ одной стороны пороху не выдумаютъ, но съ другой стороны, по выраженію Щедрина, сальныхъ свѣчъ не ѣдятъ, стекломъ не утираются. Эти люди могутъ быть дѣятельными или праздными, гуманными или жестокими, полезными или вредными, смотря по тому, въ какую сторону направляется въ данную эпоху господствующее теченіе идей. Ходячія фразы имѣютъ значительное вліяніе на это человѣческое стадо, и важнѣйшая задача здоровой и честной литературы заключается именно въ томъ, чтобы всегда пускать въ обращеніе такія фразы, которыя въ данную минуту могутъ дѣйствовать благотворно на умъ и на волю безцвѣтныхъ и несамостоятельныхъ людей, составляющихъ большинство. При этомъ надо умѣть во-время мѣнять эти фразы, чтобы онѣ не затаскивались и не покрывались плѣсенью. Это производство и передвиганіе общеполезныхъ фразъ составляетъ прямую обязанность беллетристики и часто литературной критики, то есть тѣхъ отраслей словесности, которыя всего ближе прикасаются къ чувствамъ, интересамъ и условіямъ частной нравственности и будничной жизни.

Читатель не долженъ смущаться словомъ *фраза*. Каждая фраза появляется на свѣтъ, какъ формула или вывѣска какой-нибудь идеи, имѣющей болѣе или менѣе серьезное значеніе; только впослѣдствіи, подъ руками безцвѣтныхъ личностей, фраза опошляется и превращается въ грязную и вредную тряпку, подъ которой скрывается пустота или нелѣпость. Даровитые писатели чувствуютъ тотчасъ, что формула выдохлась и что пора выдвинуть на ея мѣсто новый пароль.

Я показалъ въ началѣ этой главы, какимъ образомъ фразы о средѣ, о жизни и объ обстоятельствахъ, имѣвшія сначала глубокій смыслъ, превратились понемногу въ нелѣпость, прикрывающую собой лѣнь и негодность дряблыхъ тунеядцевъ. Помяловскій своимъ здоровымъ чувствомъ и свѣтлымъ умомъ понялъ какъ нельзя лучше, что пора поворотить потокъ фразъ въ другую сторону. До Помяловскаго эта потребность чувствовалась многими изъ нашихъ лучшихъ беллетристовъ. Самая полезная сторона въ дѣятельности Тургенева клонилась именно къ тому, чтобы изобразить внутреннее ничтожество нашихъ домашнихъ Гамлетовъ, праздно толкующихъ о вредномъ вліяніи жизни, среды и обстоятельствъ. Большая часть тургеневскихъ повѣстей говоритъ ясно и выразительно: тѣ люди, которые жалуются на свое безсиліе, никуда не годятся. Къ этому сужденію Помяловскій своими двумя повѣстями придѣлалъ естественное продолженіе: а тѣ люди, которые на что-нибудь годятся, борются съ неблагопріятными обстоятельствами и по меньшей мѣрѣ умѣютъ отстоять противъ нихъ свое собственное нравственное достоинство.—И каждый здоровый и неглупый человѣкъ скажетъ на это съ полнымъ убѣжденіемъ: правда твоя, честный и даровитый труженикъ; правда твоя, бѣдный и забитый бурсакъ, умѣвшій счистить съ своего ума и съ своего чувства всю грязь, наложенную на нихъ бурсацкими розгами! И спасибо тебѣ, Помяловскій, за то, что ты сильнымъ и убѣдительнымъ своимъ словомъ заступился рѣшительно за святыню человѣческой личности, въ силѣ которой усомнились слабодушные охотники оплакивать несовершенства жизни, среды и обстоятельствъ!

Человѣкъ—продуктъ среды и жизни, но жизнь въ то же время вкладываетъ въ него активную силу, которая не можетъ быть мертвымъ капиталомъ для существа дѣятельнаго. Жизнь—дѣло въ высшей степени прогрессивное, и главныя двигательныя пружины ея прогресса сосредоточиваются въ мысляхъ и стремленіяхъ лучшихъ, то есть самыхъ здоровыхъ и нормально организованныхъ представителей нашей породы. Поэтому, склоняясь передъ незыблемыми законами вѣчной природы, современный мыслитель продолжаетъ сознательно вѣровать въ преобразующія и обновляющія силы человѣческаго ума. Все должно быть такъ, какъ есть въ дѣйствительности. Согласенъ. Но если я недоволенъ тѣмъ, что я вижу вокругъ себя, то и недовольство мое также *должно* быть и не можетъ не существовать. Если мое недовольство наводитъ меня на рядъ размышленій и поступковъ, то и размышленія, и поступки входятъ также въ об-

щій планъ природы. Стало быть, сознавать необходимость всѣхъ явленій, совершающихся въ природѣ, совсѣмъ не значитъ складывать руки и погружаться въ факирское созерцаніе. Я—также явленіе: и если *я* чего-нибудь хочетъ, ищетъ, домогается, то зачѣмъ-же стѣснять его естественныя стремленія?

III.

Помяловскій хотѣлъ представить въ Молотовѣ умнаго и развитого пролетарія безъ всякой примѣси сословныхъ элементовъ или предразсудковъ. Молотовъ—человѣкъ, совершенно оторванный отъ всякой почвы, у него—ни кола, ни двора, ни родныхъ, ни покровителей, совсѣмъ ничего нѣтъ, кромѣ умной головы и двухъ здоровыхъ рукъ. «А гдѣ-же тѣ липы,—спрашиваетъ у себя Молотовъ,—подъ которыми прошло мое дѣтство? Нѣтъ тѣхъ липъ, да и не было никогда». Молотовъ—сынъ бѣднаго мѣщанина, слесаря, одного изъ тѣхъ одинокихъ бобылей, которые очень нерѣдки въ сословіи ремесленниковъ. Жизнь его съ отцомъ шла не очень дурно. Отецъ былъ малый добрый, и маленькій Егорка не чувствовалъ передъ нимъ никакого раболѣпнаго страха. «Мальчикъ свободно относился къ отцу, точно взрослый, да и живетъ онъ дома не безъ пользы: онъ и въ лавочку сбѣгаетъ, и заказъ отнесетъ, съумѣетъ и кашу сварить, и инструментъ отточить, и пьянаго отца раздѣнетъ, спать уложитъ, да еще приговариваетъ:

«— Ну, ложись!... ишь ты нарѣзался!..

«— Молчи, Егорка!

«— Ладно, не разговаривай, лежи себѣ.

«Вотъ въ подобныхъ случаяхъ выпадали тяжелыя минуты въ жизни Егорки. Иногда придетъ отецъ сильно пьяный, злой, непокладный, и ни съ того, ни съ другого поколотитъ сына.

«— Не озорничай, тятька!.. чортъ этакой!.. право чортъ!—отвѣчаетъ ему сынъ.

«— Врешь, каналья, врешь!.. Я тебѣ овчину-то натреплю...

«При этомъ отецъ ловитъ Егорку за вихоръ и обижаетъ его. На другой день отецъ все припомнитъ: ему совѣстно, онъ не знаетъ, какъ и взглянуть на Егорку, какъ приступиться къ нему. Отецъ молчитъ и сынъ молчитъ; у обоихъ лица пасмурныя. Подъ вечеръ, взглянувъ изъ подлобья, отецъ сказалъ:

«— Полно, Егорка; ну, тебя...

«— А! теперь и рожу въ сторону!... стыдно, небось, стало?.. а ты не дерись!..

«— Да ну, тебя...

«— Ишь нарѣзался, на стѣны лѣзетъ!

«Отецъ замолчалъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ. Отецъ тяжело вздохнулъ на всю комнату. Егорка взглянулъ сердито и сказалъ:

«— Въ лавочку, что-ли, надо? давай! Чего молчишь-то? тутъ нечего молчать!

«Такая уступка со стороны Егорки служила шагомъ къ примиренію, и у отца отлегло отъ сердца.» «Дѣтская жизнь Егора Ивановича,—говоритъ Помяловскій въ другомъ мѣстѣ,—совершалась въ грязи, въ бѣдности, а вотъ и теперь онъ вспоминаетъ ее съ добрымъ чувствомъ.» И не мудрено. Каждый читатель, непритупленный фразами грошоваго либерализма, согласится, что отношенія между Егоркой и его отцомъ были такъ просты, естественны и здоровы, что они должны были дѣйствовать самымъ живительнымъ образомъ на первоначальное развитіе физическихъ и даже умственныхъ силъ дѣтскаго организма. Трепаніе овчины, разумѣется, не заключаетъ въ себѣ ничего прелестнаго и душеспасительнаго, но вѣдь это нѣчто вродѣ лѣтняго дождя, совершенно неспособнаго превратить ясную погоду въ пасмурную. А общій колоритъ отношеній совершенно ясенъ и свѣтелъ. Хорошо въ нихъ именно отсутствіе педагогическихъ тенденцій. Отецъ совсѣмъ не воспитываетъ своего Егорку, не муштруетъ его, ничего ему не внушаетъ; онъ просто живетъ съ нимъ, кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ его; а затѣмъ молодому организму, укрытому отъ слишкомъ тяжелыхъ столкновеній съ голодомъ, съ холодомъ, съ грубостью постороннихъ людей,—предоставляется полная свобода жить дѣйствительной жизнью, воспринимая «всѣ впечатлѣнія бытія», доступныя людямъ его соціальнаго положенія. Между жизнью и ребенкомъ нѣтъ той нелѣпой стѣны, которой тщательно обносятся со всѣхъ сторонъ благовоспитываемыя дѣти. Егорка собственными глазами смотритъ на подробности своего быта, собственными ушами слушаетъ разные толки, умные и глупые, и собственнымъ, неиспорченнымъ ребяческимъ разсудкомъ составляетъ себѣ понятія о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно, что̀ полезно и что̀ вредно, что̀ правда и что̀ вранье. Ошибается онъ часто, но ошибается самъ. Никакой мудрый педагогъ не завязываетъ ему глазъ и не ведетъ его съ благими цѣлями къ такимъ ошибкамъ, которыя питомецъ рано или поздно непремѣнно долженъ осмѣять и отвергнуть. Въ сердитую или пьяную минуту отецъ задаетъ Егоркѣ выволочку, но онъ никогда не унижаетъ его нравственнаго достоинства и не извращаетъ его самостоятельнаго сужденія непрошеннымъ и насильственнымъ вмѣшательствомъ въ процессъ его мысли. Онъ не требуетъ отъ Егорки, чтобы тотъ считалъ его образцовымъ человѣкомъ и непогрѣшимымъ авторитетомъ. Онъ самъ смиренно кается Егоркѣ въ своихъ грѣхахъ. «Отецъ бесѣдовалъ съ Егоркой, какъ со взрослымъ, разговаривалъ обо всемъ, что̀ занимало его: побранится-ли съ кѣмъ, получитъ-ли новый заказъ, болитъ-ли у него съ похмѣлья голова—все разскажетъ сыну.

«— Башка трещитъ, Егорка: вчера хватилъ лишнее. Выростешь, не пей много.

«— Я, тятька, пиво буду пить...

«— И молодецъ!... ты у меня молодецъ вѣдь?

«— Еще-бы! отвѣчаетъ сынъ.»

Отколотивши сына ни за что, ни про что, Иванъ Молотовъ не считаетъ себя правымъ и не требуетъ отъ Егорки, чтобы тотъ лобызалъ карающую десницу. Такіе побои не унизительны. Когда ребенокъ имѣетъ право дуться на своего отца и когда ему позволяется открыто выражать свое неодобреніе и неудовольствіе, тогда ребенокъ не озлобляется и не оподляется. Тятька его за вихоръ, а онъ тятьку въ глаза чортомъ выругаетъ: вотъ они и квиты; и къ вечеру опять начинается у нихъ дружелюбіе и глубокомысленныя бесѣды. Отецъ не смотритъ на себя, какъ на деспота de jure. Сынъ не смотритъ на себя, какъ на существо безправное и безгласное. Да и вообще ни отецъ, ни сынъ никакъ не смотрятъ на себя. У нихъ нѣтъ никакой теоріи взаимныхъ правъ, обязанностей и отношеній. Они живутъ въ первобытномъ состояніи, безъ кодекса, и прекрасно дѣлаютъ, потому что кодексъ они при своей неразвитости составили бы прескверный, а по натурѣ оба они—ребята добродушные и, стало быть, неспособные постоянно пилить и обижать другъ друга. Хорошую теорію правъ, обязанностей и отношеній составить очень трудно, а плохая теорія гораздо хуже, чѣмъ полное отсутствіе всякой теоріи. А сынъ совершеннаго неуча, Ивана Молотова, несравненно свѣжѣе и счастливѣе, чѣмъ семейства богатыхъ и полуграмотныхъ купцовъ, куралесящихъ въ драматическихъ произведеніяхъ Островскаго. Всѣ нищіе духомъ, всѣ алчущіе и жаждущіе грязи, извѣстной подъ названіемъ почвы, возрадуются и начнутъ уличать насъ, озорниковъ и отрицателей, въ непослѣдовательности. «Вотъ видите, — скажутъ они,—вотъ и вы-же признаете въ русской жизни свѣтлыя явленія. Вотъ и вы же находите, что воспитаніе Егорки, совершавшееся въ русской бѣдности и въ русской грязи, было здорово и полезно для мальчика.»

Торжество нашихъ близорукихъ противниковъ будетъ очень непродолжительно и повернется тотчасъ противъ ихъ же собственныхъ идей. Я нахожу воспитаніе Егорки здоровымъ и полезнымъ именно потому, что въ немъ нѣтъ никакихъ спеціально-почвенныхъ эмементовъ. Что такое отецъ Егорки? Это — человѣкъ, который трудится цѣлый день, чтобы подъ вечеръ съѣсть горшокъ гречневой каши, и ѣстъ онъ горшокъ гречневой каши, чтобы потомъ опять, проспавши на голыхъ доскахъ нѣсколько часовъ, трудиться цѣлый день. — Если замѣнить горшокъ каши блюдомъ вареннаго картофеля, да если кромѣ того дать въ руки Ивану Молотову менѣе допотопные инструменты, то жизнь Молотова окажется похожей, какъ двѣ капли воды, на жизнь бѣднаго ирландца или бѣднаго нѣмца. Трудиться—чтобы ѣсть, ѣсть—чтобы трудиться, та же исторія и завтра, и послѣ-завтра, и десятки лѣтъ подъ рядъ — съ этимъ, воля ваша, не разгуляешься, и о созиданіи какихъ-нибудь чисто-національныхъ теорій и бытовыхъ формъ не станешь задумываться по той простой причинѣ, что некогда и что національныя теоріи нисколько не помогаютъ человѣку ни во время труда, ни во время пищеваренія. Человѣкъ начинаетъ систематизировать свои отношенія къ другимъ людямъ только тогда, когда у него является досугъ и когда его умственныя силы не поглощаются безраздѣльно заботами о кускѣ хлѣба. Первыя попытки систематизированія бываютъ обыкновенно такъ-же уродливы, какъ вообще всякія первыя попытки. Голый фактъ, самъ по себѣ очень безобразный, возводится безъ дальнѣйшаго анализа въ теоретическій принципъ и черезъ это становится еще безобразнѣе. Взрослый мужчина сильнѣе всѣхъ другихъ членовъ своего семейства и вслѣдствіе этого тузитъ ихъ кулакомъ или плетью. Когда начинается систематизированіе отношеній, тогда мужчина говоритъ: я имѣю право и на мнѣ лежитъ даже священная обязанность учить васъ, дураковъ.—Когда побои перестаютъ такимъ образомъ быть дѣломъ свободной фантазіи и принимаютъ на себя догматически-обязательный характеръ, тогда положеніе подначальныхъ членовъ семейства становится гораздо хуже прежняго, потому что малѣйшее возраженіе съ ихъ стороны и малѣйшая попытка защищаться вмѣняется имъ по теоріи въ преступленіе, заслуживающее усугубленнаго наказанія.

Я—не такой знатокъ русскаго быта, чтобы я могъ выдавать мои соображенія за достовѣрные факты, но мнѣ кажется, что систематическое порабощеніе женщинъ и дѣтей гораздо значительнѣе въ семейной жизни достаточнаго купечества, чѣмъ въ семейной жизни бѣдныхъ крестьянъ и мѣщанъ, принужденныхъ постоянно работать изъ-за куска насущнаго хлѣба. Въ бѣдномъ семействѣ главная задача состоитъ постоянно въ томъ, чтобы общими силами бороться противъ голода и холода; жизнью бѣднаго семейства управляютъ не принципы, а ежедневные толчки суровой необходимости. И мужъ, и жена, и дѣти—всѣ должны работать, и работать часто врознь; каждый членъ семейства является такимъ образомъ до нѣкоторой степени самостоятельнымъ производителемъ; онъ самъ высматриваетъ свои выгоды, самъ приноровляется къ обстоятельствамъ, самъ отвѣчаетъ за свои поступки. Трудъ иногда изнуряетъ его силы, но тотъ же трудъ обезпечиваетъ за нимъ нѣкоторую долю неотъемлемой самостоятельности. Въ семействѣ русскаго капиталиста, крупнаго или мелкаго, еще нетронутаго общечеловѣческимъ образованіемъ, жизнь складывается иначе. Отецъ семейства кормитъ всѣхъ своихъ домочадцевъ процентами съ своего капитала и держитъ ихъ въ самой полной экономической зависимости. Кромѣ того кусокъ хлѣба всегда обезпеченъ, и

потому живутъ эти люди не такъ, какъ велятъ жить обстоятельства, а—такъ, какъ сами они считаютъ должнымъ и приличнымъ, то-есть—такъ, какъ жили отцы и дѣды. Поэтому жизнь достаточнаго русскаго человѣка, не увлекшагося грѣховными прелестями лукаваго Запада, представляетъ собой самый грязный и самый мрачный уголъ нашего отечественнаго быта. Тутъ нѣтъ ни физическаго труда, ни знанія, то-есть нѣтъ именно тѣхъ двухъ элементовъ, которые одни только и могутъ сохранить человѣческую природу отъ полнѣйшей деморализаціи.

Тотъ слой нашего общества, который выведенъ на свѣжую воду комедіями Островскаго, составляетъ дѣйствительно самое темное пятно среди множества темныхъ явленій нашей народной жизни. Это—темное пятно именно потому, что въ немъ могли сохраниться въ полнѣйшей неприкосновенности принципы, выработанные русской жизнью и нашедшіе себѣ превосходное выраженіе въ извѣстномъ Домостроѣ попа Сильвестра. Съ этимъ темнымъ пятномъ цѣлуются и обнимаются славянофилы и почвенники; но, увы и ахъ! Это темное пятно съ каждымъ десятилѣтіемъ становится меньше. Сверху на него давитъ европейская или общечеловѣческая наука; снизу его тормошатъ и подтачиваютъ запросы физическаго труда, то-есть, говоря проще, очень богатые капиталисты посылаютъ своихъ дѣтей въ университеты, а очень бѣдные поневолѣ берутся за ремесло и начинаютъ жить со дня на день, заботясь не столько о неприкосновенности дѣдовскихъ нравовъ, сколько о насыщеніи вопіющихъ желудковъ. Съ этимъ темнымъ пятномъ русской жизни и со всѣми спеціально-скверными особенностями почвы воспитаніе Егора Молотова не имѣло ничего общаго. По смерти своего отца маленькаго Егорку взялъ къ себѣ на воспитаніе старый холостякъ, отставной профессоръ. Молотовъ прошелъ черезъ гимназію и черезъ университетъ и такимъ образомъ присоединился къ той небольшой горсти мыслящихъ пролетаріевъ, которые ничѣмъ не связаны съ почвой и которые по своему положенію и образованію могутъ относиться совершенно безпристрастно ко всему въ нашей общественной жизни.

IV.

Слишкомъ двадцать лѣтъ жизнь обращалась съ Молотовымъ довольно милостиво. Она не баловала его излишней роскошью, но и не томила его суровой нуждой. Помяловскому было необходимо обставить первую молодость своего героя такими благопріятными условіями. По размѣрамъ своихъ умственныхъ силъ, Молотовъ—человѣкъ обыкновенный. Еслибы такой человѣкъ съ дѣтства былъ поставленъ въ необходимость страдать и бороться за свою нравственную самостоятельность, то онъ не выдержалъ-бы такой ранней и тяжелой борьбы; онъ превратился-бы въ человѣка забитаго, притупленнаго и развращеннаго. Самъ Помяловскій вышелъ побѣдителемъ изъ своей четырнадцатилѣтней борьбы съ бурсой, но для этого надо быть Помяловскимъ, да и Помяловскій, несмотря на атлетическое сложеніе своего тѣла и своего ума, вынесъ съ собой изъ бурсы роковое наслѣдство—ѣдкую и неизлечимую печаль о потерянномъ времени и, что еще того хуже, несчастную привычку топить эти невыносимо-тяжелыя ощущенія въ простомъ винѣ. Но Помяловскій не хотѣлъ и не могъ мѣрить людей и жизнь на свой аршинъ. Что могъ сдѣлать Помяловскій, то оказалось-бы по силамъ только немногимъ избраннымъ личностямъ. Еслибы Помяловскій въ лицѣ Молотова вздумалъ изобразить самого себя, то его произведеніе не имѣло-бы того практическаго смысла, который оно имѣетъ теперь. Тогда обыкновенные люди имѣли-бы право сказать, что жизнь Молотова ни въ какомъ отношеніи не можетъ служить имъ урокомъ и примѣромъ. Мы—люди маленькіе, сказали-бы они, а Молотовъ—вонъ какой большой. Надо было непремѣнно, чтобы Молотовъ былъ человѣкомъ обыкновеннаго роста. Надо было, чтобы борьба съ жизнью началась для него только тогда, когда физическія и нравственныя его силы были уже совершенно сформированы.

Повѣсть «Мѣщанское Счастье» представляетъ именно первое суровое столкновеніе юнаго Молотова съ шероховатостями вседневной дѣйствительности. Въ «Мѣщанскомъ Счастьѣ» онъ узнаетъ на практикѣ двѣ житейскія истины: во-первыхъ, что поступками людей управляютъ въ общей сложности не чувства, а интересы, и, во-вторыхъ, что очень мягкій и любящій человѣкъ можетъ иногда грубо и безжалостно наступить ногой на живое человѣческое тѣло, способное чувствовать самую жгучую боль.—Первую истину выясняютъ ему помѣщикъ Обросимовъ и его супруга; вторую—почерпаетъ онъ изъ своихъ отношеній къ *кисейной* дѣвушкѣ, Леночкѣ. Дѣло Молотова съ семействомъ Обросимовыхъ чрезвычайно просто, и только на мягкаго двадцатилѣтняго юношу, совершенно непотертаго жизнью, оно могло произвести прочное впечатлѣніе. Молотовъ поступилъ къ Обросимову домашнимъ секретаремъ; его хозяева, люди вовсе не грубые и не злые, обращались съ нимъ вѣжливо и ласково; Молотовъ съ искренностью, свойственной его лѣтамъ, привязался къ нимъ очень скоро и вообразилъ себѣ, что они тоже ужасно какъ любятъ его и видятъ въ немъ задушевнаго друга и почти родственника. На повѣрку-же выходитъ то, чего всегда слѣдовало ожидать. Обросимовы смотрятъ на него, какъ на наемника, изучаютъ внимательно и хладнокровно выгодныя и невыгодныя сто-

роны его характера, критикуютъ въ своемъ кругу его привычки, держатъ съ нимъ ухо востро и тщательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ за свое ничтожное жалованье какъ можно больше разнообразнѣйшихъ порученій, за которыя Молотовъ, по своей юношеской наивности, берется даже съ особеннымъ удовольствіемъ, усматривая въ этихъ порученіяхъ доказательства дружеской безцеремонности и откровенности.—Одинъ простой разговоръ между помѣщикомъ и помѣщицей, нечаянно услышанный Молотовымъ, разрушилъ совершенно въ его глазахъ фантастическую идиллію обросимовскаго дружелюбія. Выписываю отрывокъ изъ этого очень безобиднаго діалога.

«—Они, я говорю,—образованный народъ, продолжала жена:—но все-таки народъ чернорабочій и все какъ будто подачки ждутъ...

— Что-же? можно сдѣлать ему подарокъ какой-нибудь. Онъ стоитъ того.

— Я думаю, часы подарить...

— Это привяжетъ его.. А что ни говори, жена,— эти плебеи, такъ или иначе пробивающіе себѣ дорогу, вотъ сколько я ни встрѣчалъ ихъ, удивительно дѣльный и умный народъ... Семинаристы, мѣщане, весь этотъ мелкій людъ—всегда способные, ловкіе господа.

— Ахъ, душенька, всѣ голодные люди умные... Ты—дворянинъ, тебѣ не нужно было правдой и неправдой насущный хлѣбъ добывать; а этотъ народецъ изъ всего долженъ выжимать копѣйку. И посмотри, какъ онъ ѣстъ много. Намъ, разумѣется, не жаль этого добра; но... постоянный его аппетитъ обнаруживаетъ въ немъ плебея, человѣка, воспитаннаго въ черномъ тѣлѣ и невидавшаго порядочнаго блюда... Не худо-бы подарить ему, душенька, голландскаго полотна, а то, представь себѣ, по буднямъ манишки носитъ,— вѣдь неприлично!...

— Я не замѣчалъ этого...

— Гдѣ-жъ вамъ, мужчинамъ, замѣтить...

— О бѣдность, бѣдность!—сказалъ со вздохомъ Обросимовъ.»

Разговоръ этотъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Но прежде чѣмъ я буду разсматривать его въ подробностяхъ, я замѣчу мимоходомъ, что не только Молотовъ, но даже самъ Помяловскій смотритъ на этотъ разговоръ не совсѣмъ вѣрно. Юный Молотовъ обидѣлся, захандрилъ, укротилъ свой демократическій аппетитъ и даже вскорѣ послѣ того уѣхалъ отъ Обросимовыхъ. Это все понятно. Молотовъ пылалъ любовью и уваженіемъ къ Обросимову и вдругъ вмѣсто взаимности увидѣлъ въ перспективѣ кусокъ голландскаго полотна и часы. И пришлось юношѣ, влюбленному въ добродѣтельнаго помѣщика, сказать вмѣстѣ съ Шиллеромъ:

«Er ist dahin, der süsse Glaube
An Wesen, die mein Traum gebar,
Der rauhen Wirklichkeit zum Raube,
Was einst so schön, so göttlich war.»

(Она погибла, сладкая вѣра въ существа, порожденныя моей мечтой, и добычей суровой дѣйствительности сдѣлалось то, что было такъ прекрасно, такъ божественно.) Все это понятно. Но странно то, что слишкомъ десять лѣтъ спустя опытный и разсудительный мужчина Молотовъ, припоминая этотъ случай, говоритъ: помѣщикъ оскорбилъ меня, приходилось оставить мѣсто. Въ сущности оскорбленія не произошло ни малѣйшаго; помѣщикъ оказался только не «прекраснымъ» и не «божественнымъ», и добродѣтели этого помѣщика, сочиненныя самимъ Молотовымъ, сдѣлались, подобно шиллеровскимъ идеаламъ, «добычей суровой дѣйствительности». А вѣдь разочарованіе и оскорбленіе—двѣ вещи совершенно различныя. Изъ нѣкоторыхъ очень умныхъ разсужденій Помяловскаго видно, что онъ выводитъ слова Обросимовыхъ изъ аристократизма, барственной спѣси, неразвитости и слабоумія. Но мнѣ кажется, что причины ихъ страннаго взгляда на Молотова лежатъ глубже. Такой взглядъ неизбѣженъ вездѣ, гдѣ одинъ человѣкъ нанимаетъ или, другими словами, *покупаетъ на время* другого человѣка.

Весь разговоръ между Обросимовымъ и его женой вытекаетъ естественно и неизбѣжно изъ того обстоятельства, что Обросимовъ—наниматель, а Молотовъ—наемникъ. И будь Обросимовъ умнѣе перваго финансиста въ мірѣ, мистера Глэдстона, все-таки онъ могъ-бы говорить съ своей женой о Молотовѣ такъ, какъ онъ говорилъ въ повѣсти Помяловскаго. Обросимовъ долженъ непремѣнно думать о Молотовѣ такъ: «Я тебя, другъ любезный, купилъ и въ извѣстные сроки аккуратно плачу тебѣ деньги за твою-же собственную особу. Ты—малый ловкій; съ одной стороны это хорошо, но съ другой стороны это опасно. Хорошо потому, что купленный мною товаръ вслѣдствіе этого оказывается годнымъ на всякую подѣлку. Опасно потому, что этотъ ловкій и юркій товаръ можетъ ежеминутно выскользнуть у меня изъ рукъ. Ты, о товаръ, можешь надуть меня, ты можешь слишкомъ много отдыхать, отлынивать отъ работы и въ то-же время отводить мнѣ глаза твоей зловредной ловкостью. Ты, о товаръ, повидимому чувствуешь ко мнѣ симпатію. Но я—не дуракъ. Я знаю, зачѣмъ ты обнаруживаешь это чувство. Ты собираешься ускользнуть у меня изъ рукъ, ты начинаешь отводить мнѣ глаза, ты хочешь подвести подкопы подъ мое чувствительное сердце, чтобы я, распустивши нюни, не мѣшалъ тебѣ бить баклуши и произвелъ тебя изъ купленныхъ товаровъ въ полноправные человѣки. О, шельма ты, шельма! Ловкость твоя мнѣ нравится. На тебѣ гривенникъ на водку и ступай, бестія, работать!»

Мы знаемъ уже, что въ исторіи Молотова *гривенникъ на водку* принялъ на себя облагороженный видъ голландскаго полотна и часовъ. И все-таки я утверждаю, что во всѣхъ размышленіяхъ Обросимова нѣтъ ничего оскорбительнаго для Молотова. Тутъ нѣтъ столкновенія личностей; тутъ сталкиваются только двѣ отвлеченныя величины—наниматель и наемникъ. Имѣ-

етъ-ли Молотовъ какое-нибудь разумное основаніе чувствовать себя, именно *себя*, обиженнымъ, когда съ нимъ обращаются не хуже, чѣмъ со всѣми остальными честными и умными людьми, поставленными въ его положеніе? По моему мнѣнію,—не имѣетъ. Онъ обидѣлся, потому что былъ юнъ; доживши же до зрѣлаго возраста, онъ бы долженъ былъ осудить безусловно строй отношеній и оправдать также безусловно личность Обросимова.

Въ разговорѣ Обросимова съ женой любопытны двѣ слѣдующія черты: во-первыхъ, замѣчаніе помѣщицы о сильномъ аппетитѣ плебея; во-вторыхъ—восклицаніе помѣщика: «о бѣдность, бѣдность!», вырвавшееся у него по поводу молотовскихъ манишекъ. Есть на свѣтѣ люди, для которыхъ неимѣніе цѣльныхъ голландскихъ рубашекъ составляетъ симптомъ вопіющей бѣдности. Каково, думаютъ такіе люди, этотъ господинъ ѣстъ со мной за однимъ столомъ, разговариваетъ со мной, какъ съ равнымъ, и вдругъ—у него нѣтъ голландскаго бѣлья. О, бѣдный, о несчастный человѣкъ! И такъ близко мы, баловни судьбы, сталкиваемся въ жизни съ непокрытой нищетой!

Эта трогательная филантропія по поводу манишки показываетъ очень наглядно, до какой степени праздный богачъ можетъ одурѣть и избаловаться и до какой замѣчательной искусственности онъ можетъ довести весь свой образъ жизни. Но законы природы никогда не нарушаются безнаказанно. Замѣчаніе помѣщицы о плебейскомъ аппетитѣ даетъ намъ понятіе о неизбѣжномъ наказаніи. Аппетитъ убавляется, силы убываютъ, здоровье слабѣетъ, порода мельчаетъ и тупѣетъ въ тѣхъ людяхъ, которые постоянно потребляютъ, не производя ровно ничего и не освѣжаясь никогда живительными волнами физическаго и умственнаго труда. Это—явленіе повсемѣстное.

V.

У одной небогатой сосѣдки Обросимовыхъ есть дочь, молодая дѣвушка, Леночка. Эта барышня простодушно заигрываетъ съ Молотовымъ и безъ всякой задней мысли пишетъ къ нему нѣжное письмо, въ которомъ ни съ того, ни съ сего назначаетъ ему любовное свиданіе. Письмо написано такъ: «Егоръ Иванычъ! У васъ есть чувство, и вы завтра въ 6 часовъ придите на рѣку къ мельницѣ вечеромъ и здѣсь встрѣтите даму и, если любите, узнаете ее; а если нѣтъ, я останусь по гробъ вѣрная вамъ и любящая». Подписи нѣтъ. Молотовъ, юный и застѣнчивый, повергается этимъ письмомъ въ величайшее недоумѣніе. Молодое воображеніе разыгрывается, хотя милая безтолковость письма и фатальныя слова: «по гробъ вѣрная и любящая» значительно умѣряютъ его порывы. Онъ приходитъ къ назначенному мѣсту очень сконфуженный и конфузится еще сильнѣе, увидѣвъ Леночку, которая съ своей стороны уже и сама не рада собственной смѣлости. Выходитъ уморительная сцена. Невинные любовники ведутъ между собой солидный разговоръ о достоинствахъ погоды и затѣмъ расходятся по домамъ, не сказавши другъ другу ни слова о письмѣ и о томъ, зачѣмъ они встрѣтились.

«Странно было смотрѣть на молодыхъ людей. Леночка не менѣе Молотова боялась разговора о письмѣ. Она лишь только увидала Егора Иваныча, ей страшно стало за свой легкомысленный поступокъ, который она, кажется, сдѣлала такъ, спроста, по птичьи»... «Леночка теперь сама поняла, что слѣдовало бы надрать ей хорошенькое ея ушко»... «Она чуть не плакала и въ первую минуту едва не сказала:

— Егоръ Иванычъ, не говорите мамашѣ... я больше не буду». Но увидѣвъ, что Молотовъ едва-ли не больше ея струсилъ, она сказала себѣ: «онъ не страшный, онъ такой добрый», и рада была, что Молотовъ не говоритъ ничего о письмѣ. Теперь она была спокойна.

Егоръ Иванычъ наклонился и сорвалъ цвѣтокъ.

— Дайте мнѣ цвѣтокъ,—сказала Леночка.

— Извольте.

— Это мнѣ на память.

— Развѣ нельзя помнить безъ цвѣтка?

Молотовъ сорвалъ другой цвѣтокъ. Леночка опять:

— Дайте мнѣ цвѣтокъ.

— И этотъ на память?

— Дайте же,— сказала Леночка строго, вырвала неожиданно цвѣтокъ и ударила имъ по рукѣ Молотова. Все это сдѣлалось какъ-то ужъ очень наивно. Оба засмѣялись.»

Славная дѣвчонка эта Леночка! Она не ловитъ себѣ жениха, она не кокетничаетъ съ Молотовымъ. Она именно заигрываетъ съ нимъ, какъ здоровая дѣвушка, въ которой близость здороваго и красиваго мужчины возбуждаетъ радостное волненіе. Совершенная непосредственность и неподкрашенность простого физіологическаго влеченія составляетъ весь секретъ ея граціи. Въ изображеніи этой женской фигуры Помяловскій является чистымъ натуралистомъ. Базаровъ говоритъ о Феничкѣ: «чего ей стыдиться? Она—мать, стало-быть, и права». Помяловскій смотритъ на Леночку совершенно такъ, какъ Базаровъ на Феничку. Леночка и не развита, и не умна, и не сіяетъ никакими особенными добродѣтелями. Это просто живой и здоровый организмъ, и Помяловскій откровенно любуется этимъ превосходнымъ произведеніемъ природы; и нельзя не любоваться. Здоровому человѣку свойственно любить жизнь во всѣхъ ея неизуродованныхъ проявленіяхъ. А когда здоровый человѣкъ становится мыслящимъ человѣкомъ, тогда любовь къ міровой жизни дѣлается еще сильнѣе, потому что онъ получаетъ возможность изучать то, чѣмъ онъ прежде безсознательно любовался. Тургеневъ любитъ свою Асю. Помяловскій любитъ свою Леночку. Но Тургеневу, чтобы полюбить Асю, было необходимо сдѣлать изъ нея какое-то особен-

ное, странное, оригинальное и, мнѣ кажется, полу-фантастическое существо. Ему необходимо было окружить ее развалинами прирейнскихъ замковъ, сдѣлать изъ нея эффектную дикарку и показать читателю, что въ ея нетронутомъ умѣ таятся богатые задатки будущаго развитія. Словомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло «съ высшей натурой» (une nature d'élite), и Тургеневъ ни подъ какимъ видомъ не позволилъ бы своей Асѣ написать безграмотное billet-doux съ подписью «по гробъ вѣрная и любящая». Его покоробило бы отъ этой тривіальности, похожей на поэзію конфектныхъ билетиковъ. Помяловскій, напротивъ того, какъ реалистъ по складу своихъ убѣжденій и какъ совершенно послѣдовательный плебей, не дѣлитъ людей на высшія и низшія натуры, на дюжинныя и недюжинныя, на пошлыя и изящныя. Онъ совершенно безстрашно подходитъ къ самой мелкой, самой будничной прозѣ жизни, даже не къ сермяжнымъ ея явленіемъ, —сермяга имѣетъ въ себѣ своего рода эффектность, — а къ ситцевымъ и къ кисейнымъ; и даже тутъ его неисчерпаемая любовь къ жизни вообще и къ человѣку въ особенности не измѣняетъ себѣ ни на минуту. Леночка вовсе не дикарка. Она—чисто одѣтая и гладко причесанная барышня. Она нисколько непохожа на пушкинскую Татьяну. Это не тихій омутъ, въ которомъ черти водятся. Она совсѣмъ не отличается тишиной, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать въ ней присутствіе какихъ-нибудь чертей. Она вся какъ на ладони, и ее чрезвычайно легко понять съ перваго взгляда. Такіе характеры обыкновенно рисуются художниками на второмъ планѣ только для того, чтобы оттѣнить контрастомъ натуру высокую, изящную, глубокую, тихую и наполненную скрытыми чертями. Леночка похожа на сестру Татьяны, Ольгу, о которой говоритъ Онѣгинъ:

„Бѣла, кругла лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.“

Похожа она также на ту Агафью Матвѣевну, которая прельщала Обломова толстыми локтями. И кажется мнѣ еще, что мать Базарова, Арина Власьевна, въ молодости своей сильно смахивала на *кисейную дѣвушку*, Леночку. Но пушкинская Ольга поставлена на второмъ планѣ, и авторъ относится къ ней такъ же насмѣшливо, какъ самъ Онѣгинъ. Агафья Матвѣевна выведена на сцену единственно для того, чтобы сдѣлаться живой эмблемой того паденія, которое постигло Обломова за его предосудительную лѣность. Если она такимъ образомъ представляетъ собой воплощенное пугало, то, разумѣется, объ искреннемъ и непокровительственномъ сочувствіи автора къ ней не можетъ быть и рѣчи. Объ Аринѣ Власьевнѣ нечего и говорить; мы видимъ ее въ той порѣ жизни, когда она уже давно перестала быть женщиной. Сына любитъ, пороху не выдумаетъ, вотъ все, что можно о ней сказать.

Поэтому надо согласиться, что Помяловскій выбралъ себѣ и разрѣшилъ совершенно новую задачу, нетронутую до него ни однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ писателей. Онъ взялъ совершенно обыкновенную дѣвушку,—такую, отъ которой даже и въ будущемъ ничего нельзя ожидать, кромѣ дюжины толстомордыхъ ребятъ, и къ этой простѣйшей изъ простыхъ смертныхъ онъ отнесся съ безпримѣрной кротостью и нѣжностью. Онъ самъ знаетъ очень хорошо, что вся Леночка не что иное, какъ здоровое и красивое тѣло, но это его нисколько не смущаетъ и не отталкиваетъ. Онъ отъ нея и не требуетъ ни сильнаго ума, ни глубокаго чувства. Онъ говоритъ себѣ: этотъ молодой организмъ ищетъ и проситъ себѣ любви, счастья, наслажденья, того, что для него необходимо, какъ теплота, свѣтъ, воздухъ и сырость необходимы для растенія. Что мнѣ за дѣло до того, что этотъ глуповатый организмъ понимаетъ любовь, счастье и наслажденье не такъ, какъ понимаютъ ихъ мыслящіе люди? Неужели я буду осуждать кисейную дѣвушку за то, что она не умѣетъ и не можетъ быть счастлива *по моему?* Напротивъ того, я отъ души желаю, чтобъ она была счастлива *по своему*. Я горячо сочувствую ея радости, ея горю, ея тревогѣ и ея томленіямъ не потому, что я самъ способенъ такимъ же образомъ и по такимъ же причинамъ радоваться, горевать, тревожиться и томиться, а потому, что въ ней-то, именно въ ней, всѣ эти ощущенія совершенно естественны, неизбѣжны и неподдѣльны.— Вы скажете, что ея ощущенія слабы и мелки. Для *васъ*—да. Но для *нея* они не мелки и не слабы. Они соотвѣтствуютъ размѣрамъ ея силъ и широтѣ ея пониманія. Для самого себя каждое живое существо есть центръ и смыслъ всего мірозданія; для самаго ничтожнаго субъекта его собственныя радости, огорченія, усилія и заботы важнѣе и крупнѣе міровыхъ переворотовъ, совершающихся безъ его участія и не имѣющихъ вліянія на судьбу его личности.

Я до сихъ поръ ни разу не встрѣчалъ писателя, у котораго было бы такъ много самородной гуманности, какъ у Помяловскаго. Тургенева называютъ *симпатичнымъ* художникомъ, и я ничего противъ этого названія не имѣю. Но даже Тургеневъ улыбнется тонкой саркастической улыбкой при встрѣчѣ съ такими явленіями, на которыхъ Помяловскій съ неутомимой, пантеистической любовью останавливаетъ свой кроткій, задумчивый, безгранично-нѣжный и, несмотря на то, глубоко-умный взоръ. А между тѣмъ Помяловскій прослылъ и до сихъ поръ слыветъ у нашихъ журнальныхъ кликушъ грубымъ и грязнымъ обличителемъ, человѣкомъ черствымъ и безчувственнымъ. —Одинъ изъ новѣйшихъ мудрецовъ «Эпохи», попавшій въ эту журнальную

богадѣльню *изъ губерніи*, догадывается даже, что Помяловскаго сгубило именно его циническое отвращеніе ко всему нѣжному и изящному. Онъ требуетъ отъ Помяловскаго, чтобы тотъ выводилъ на сцену облагороженныхъ бурсаковъ, а не такихъ, которые говорятъ: *отчехвостить*, *стилибонить*, *смазь вселенская* и т. д. Кромѣ того онъ въ ноябрьской книжкѣ той-же грязной богадѣльни выражаетъ уморительную надежду, что реалисты, и преимущественно авторъ «Нерѣшеннаго Вопроса», откажутся отъ солидарности съ безнравственными повѣстями Помяловскаго. Истинно можно сказать: велика и обильна наша матушка Россія. Какія въ ней, подумаешь, бываютъ удивительныя *губерніи*, и какія въ этихъ непостижимыхъ губерніяхъ появляются иногда невиданныя свѣтила! И какъ въ самомъ дѣлѣ не употребить выразительное слово loucocheko въ разговорѣ о томъ источникѣ, изъ котораго льются мысли, подобныя вышеупомянутымъ хитросплетеніямъ. Помяловскій всегда говоритъ рѣзкими и грубыми словами о томъ, что̀ рѣзко и грубо въ дѣйствительности; но подъ твердой оболочкой рѣзкихъ и грубыхъ выраженій таится такая женственная нѣжность чувства, которая ощутительна и понятна для всякаго, мало-мальски неглупаго и не бездушнаго человѣка. О Помяловскомъ можно вполнѣ справедливо сказать то, что̀ Бёрне говоритъ о Байронѣ: «Его сердце было окружено сплошной стѣной твердыхъ и острыхъ колючекъ, *damit das Vieh nicht daran nage* (чтобы его не глодала скотина). И дѣйствительно, какъ только къ подобному сердцу сунется какая-нибудь тупая скотина, такъ она сейчасъ и отскочитъ назадъ съ окровавленной мордой и съ выраженіемъ комическаго негодованія въ своихъ оловянныхъ глазахъ.—*Dixi et animam laevavi!*» По-русски эти латинскія слова можно перевести такъ: «выругался во все свое удовольствіе!».

VI.

Помяловскій съ такой глубокой гуманностью относится къ своей кисейной Леночкѣ, что онъ даже не осмѣливается рѣшить окончательно вопросъ: дѣйствительно-ли изъ нея никогда не можетъ сформироваться мыслящее существо? Да и въ самомъ дѣлѣ, какое мы имѣемъ право, глядя на живого и шаловливаго ребенка, произнести надъ нимъ рѣшительный приговоръ вродѣ некрасовской колыбельной пѣсни:

Ты чиновникъ будешь съ виду
И подлецъ душой.

Чтобы произносить такіе приговоры, надо читать безошибочно характеръ и будущее людей по выпуклостямъ ихъ черепа и по чертамъ ихъ лица. Но подобнымъ умѣніемъ еще не обладаетъ никто, и слѣдовательно приговоръ отверженія можетъ иногда обрушиться на такихъ людей, которые способны подняться, окрѣпнуть и развиться. Въ самыхъ дюжинныхъ личностяхъ, поставленныхъ въ самую безцвѣтную среду, бываютъ иногда такіе взрывы мысли и чувства, которые вдругъ какой-то молніей освѣщаютъ передъ глазами обыкновеннаго человѣка и безграничное величіе всего живого міра, и неизвѣданную глубину собственной потрясенной души. Есть такіе взрывы и у кисейной Леночки, и кто же осмѣлится утверждать, что они совершенно безплодны, что они исчезнутъ безъ всякаго слѣда и что врожденная пошлость возьметъ непремѣнно верхъ надъ лучшими впечатлѣніями, если даже эти лучшія впечатлѣнія будутъ повторяться часто и послѣдовательно? Одинъ разъ Леночка рѣзвилась и шалила съ Молотовымъ и потомъ вдругъ затосковала, да такъ, что даже слезы досады и непонятной грусти выступили на ея живые, черные глаза. Объяснить, чего ей хотѣлось, она, разумѣется, не умѣла. Но понятно, что ее тяготила пустота, отсутствіе любимой мысли, дорогого чувства, отсутствіе всего, что̀ даетъ цвѣтъ и смыслъ человѣческому существованію. Молотовъ старается ее утѣшить, но при этомъ говоритъ только безполезныя слова; въ подобныхъ случаяхъ требуется не краснорѣчіе, а серьезная и дѣятельная помощь,—такая помощь, которая-бы перевернула всю жизнь тоскующаго человѣка. А когда не хочешь или не можешь оказать такой помощи, тогда ужъ просто молчи и пропускай мимо ушей всѣ жалобы твоего собесѣдника.

— «Читайте, учитесь,—продолжалъ Молотовъ и вдругъ остановился, вспомнивъ, что юноши наши всегда предлагаютъ это универсальное лекарство отъ всѣхъ дамскихъ болѣзней.» Эти слова могутъ навести читателя на мысль, что самъ Помяловскій сомнѣвается въ дѣйствительности «универсальнаго лекарства». Сомнѣвается-ли онъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что лекарство ни въ чемъ не виновато. Недѣйствительность его происходитъ отъ того, что «наши юноши», въ томъ числѣ и Молотовъ, предлагаютъ это лекарство чрезвычайно безтолково. «Читайте, учитесь!» Легко сказать! Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Эти слова: «читайте, учитесь!» намоминаютъ мнѣ очаровательный куплетъ изъ стихотвореній Гейне:

Въ морозы, прибавилъ онъ, надо всегда
Въ постели какъ можно плотнѣй укрываться,
И тутъ-же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровою пищей питаться.

Въ жалкой конурѣ подъ крышей два человѣка, мужчина и женщина, умерли въ морозную ночь отъ холода и отъ истощенія силъ. Пришелъ докторъ свидѣтельствовать ихъ трупы, и вотъ онъ-то именно и даетъ при этомъ удобномъ случаѣ разсудительные совѣты на счетъ здоровой пищи и теплаго одѣяла. Еще болѣе разсудительные совѣты даютъ «наши юноши», когда они произносятъ слова: «читайте, учитесь!». Бѣдняку не откуда взять теплое одѣяло и кусокъ ростбифа; но если вы ему дадите то и

другое, то онъ управится съ этими предметами безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Но если вы дадите десятки умнѣйшихъ книгъ такому человѣку, который никогда не читалъ, не учился и не размышлялъ и который кромѣ того живетъ въ совершенно неподвижномъ обществѣ, то вы не принесете ему рѣшительно никакой пользы. Надо сдѣлать такъ, чтобъ онъ самъ потянулся къ книгѣ и чтобы онъ собственной энергіей побѣдилъ скуку и трудности перваго начала. Тогда все пойдетъ хорошо и не зачѣмъ будетъ произносить безполезныя слова: «читайте, учитесь!». Но для того, чтобы возбудить въ человѣкѣ желаніе и дать ему возможность читать и учиться, надо постоянно дѣйствовать на него словомъ и примѣромъ; надо много, долго, откровенно и задушевно говорить съ нимъ обо всемъ, что̀ расширяетъ нашъ умственный горизонтъ; надо ловить въ немъ каждую минуту его раздумья и его одушевленія; надо однимъ словомъ сдѣлаться его лучшимъ другомъ и неутомимымъ руководителемъ.

Когда дѣло происходитъ между мужчиной и женщиной, тогда вопросъ ставится еще проще. Если вы любите или расположены полюбить данную особу, тогда смѣло и серьезно принимайтесь за великую дѣятельность просвѣтителя; если-же нѣтъ,—тогда оставьте въ покоѣ тоскующую женщину и уходите отъ нея подальше, потому что ваши безсильныя утѣшенія и непримѣнимые совѣты не дадутъ ей ровно ничего, кромѣ лишняго горя. Брошенныя на вѣтеръ слова: «читайте, учитесь!» составляютъ двойное кощунство; во-первыхъ,—надъ безпомощнымъ положеніемъ огорченной женщины, живущей въ такомъ обществѣ, гдѣ все мѣшаетъ читать и учиться; а вовторыхъ—надъ святыней «универсальнаго лекарства», которое дѣйствительно оказывается безсильнымъ только тогда и тамъ, когда и гдѣ его безтолково сыпятъ на полъ вмѣсто того, чтобы подавать его въ руки паціенту. Поэтому «нашимъ юношамъ» дѣйствительно не помѣшаетъ намотать себѣ на усъ, что проповѣдывать о величіи науки въ пустынѣ или въ конюшнѣ значитъ превращать святую и великую истину въ безсмысленную фразу, надъ которой съ особеннымъ наслажденіемъ станутъ хохотать всѣ многочисленные подлецы и идіоты. Возбуждать такой хохотъ вредно, и слѣдовательно надо говорить о наукѣ и о разумномъ чтеніи только тѣмъ лицамъ, которыхъ вы намѣрены серьезно просвѣщать и руководить. Да и вообще *говорить о наукѣ* не зачѣмъ, а надо постоянно употреблять науку въ дѣло, какъ орудіе, разбивающее нелѣпость и расширяющее умственный горизонтъ всякаго человѣка, безъ различія пола и общественнаго положенія.

Заигрыванія Леночки съ Молотовымъ доходятъ до того, что она его цѣлуетъ. Онъ держитъ себя совершенно пассивно, то-есть не отталкиваетъ ее прочь и не говоритъ ей ни слова о любви. Она ему нравится, ея ласки волнуютъ его, но онъ постоянно смотритъ на нее сверху внизъ, такъ что ему и въ голову не приходитъ мысль о возможности посвятить всю жизнь этой кисейной дѣвушкѣ. Дѣйствительно-ли правъ Молотовъ въ своемъ высокомѣрномъ взглядѣ на Леночку? Дать на этотъ вопросъ прямой отвѣтъ очень трудно. Молотовъ, какъ человѣкъ обыкновенный по размѣрамъ своего ума, не можетъ смотрѣть на Леночку иначе. У Молотова нѣтъ той сильной и горячей вѣры въ человѣческую природу, которая дается только очень даровитымъ и глубокимъ натурамъ и которой обладалъ въ такой значительной степени самъ Помяловскій. Плебей Молотовъ былъ бариномъ въ отношеніи къ Леночкѣ,—бариномъ очень снисходительнымъ и милостивымъ, но тѣмъ болѣе неспособнымъ поставить кисейную дѣвушку съ собой на одну доску. Ему бросались въ глаза тривіальныя выраженія Леночки, какъ г-жѣ Обросимовой бросались въ глаза тривіальныя манишки и тривіальный аппетитъ Молотова.— Шокируясь выраженіями, онъ забывалъ о томъ, что̀ вызывало эти выраженія, о томъ, что искало и не умѣло найти себѣ выхода изъ души искренней, простой, честной и любящей дѣвушки. Она бросилась къ нему на шею безъ разсчета, безъ условій, безъ кокетливыхъ уловокъ, именно по птичьи, — такъ, какъ Богъ на душу положилъ.

VII.

Въ прощальной сценѣ Молотова съ Леночкой бухгалтерская безукоризненность юнаго Егора Иваныча доходитъ просто до комизма, и кисейная дѣвушка, на которую Молотовъ взираетъ съ величественной снисходительностью, оказывается, по энергіи и задушевности чувства, неизмѣримо выше, прекраснѣе и сильнѣе умнаго и развитого мужчины, только что соскочившаго съ университетской скамейки. Являясь рядомъ съ Леночкой, Молотовъ уподобляется какому-то печеному яблоку, и Помяловскій превосходно понимаетъ его безсиліе и несостоятельность. Прощальная сцена до такой степени замѣчательна, что я разберу ее очень подробно, хоть-бы мнѣ пришлось написать о ней страницъ десять. Критикѣ не часто приходится встрѣчаться съ такими явленіями, какъ повѣсти Помяловскаго, и когда встрѣтишься съ ними, тогда ужъ не хочется и разставаться. — Молотовъ приходитъ къ Леночкѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ услышалъ убійственный разговоръ о манишкахъ и объ аппетитѣ. Онъ до такой степени разстроенъ этимъ разговоромъ, что отношенія къ Леночкѣ представляются ему только докучливой прибавкой къ обуревающимъ его заботамъ. «Еще Леночка! еще Леночка на моихъ рукахъ!» повторяетъ онъ про себя и отправляется къ ней съ твердымъ намѣреніемъ все покончить.

Я напомню здѣсь читателю то величественное

равнодушіе и невозмутимое хладнокровіе, съ которымъ Базаровъ выслушиваетъ и отражаетъ дерзости Павла Петровича. Будь Базаровъ на мѣстѣ Молотова, онъ-бы и вниманія не обратилъ на обросимовскія разсужденія и не подумалъ-бы изъ-за такой ничтожной причины отказываться отъ удобнаго мѣста. Ѣлъ-бы онъ попрежнему за четверыхъ, потому что при заключеніи условій ему не было поставлено въ обязанность сидѣть впроголодь; и манишки носилъ-бы онъ, нисколько не смущаясь, а когда-бы ему поднесли кусокъ голландскаго полотна и часы, тогда-бы онъ спокойно замѣтилъ, — это лишнее, потому что, заключая условія, помѣщикъ не выговорилъ себѣ права дѣлать Базарову какіе-бы то ни было подарки. И тогда Обросимовы уразумѣли-бы, что Базарова нельзя ласкать по произволу, а надо сначала пріобрѣсти его уваженіе для того, чтобы онъ позволилъ любить и ласкать себя. Базаровъ не сталъ-бы говорить: «*Еще* Леночка!». Отношенія къ любящей женщинѣ стояли-бы въ его глазахъ постоянно на первомъ планѣ, и для него было даже просто непостижимо, какимъ образомъ можно, хотя на минуту, поставить рядомъ съ этими серьезными и обаятельными отношеніями какую-нибудь дурацкую болтовню о неприличіи манишекъ и здороваго аппетита? Но мелочное самолюбіе Молотова оскорблено такъ сильно, что подъ вліяніемъ обросимовскаго разговора въ его умѣ поднимается безтолковѣйшая буря безсвязныхъ размышленій о жизни, о призваніи, о дѣятельности, о назначеніи человѣка. Ни къ чему эти размышленія не приводятъ, но Молотовъ до такой степени занятъ ими, что, придя къ Леночкѣ съ намѣреніемъ объясниться и проститься навсегда, онъ прежде всего начинаетъ гамлетствовать, что̀ очевидно нисколько не относится къ главному предмету. Леночка по обыкновенію встрѣчаетъ его нѣжными, веселыми и довѣрчивыми ласками. Видя его торжественную мрачность, она тревожно и заботливо разспрашиваетъ его о здоровьѣ; въ голосѣ ея слышатся слезы; она старается развеселить его шуткой.— «Ишь какой!—сказала Леночка:—что̀ дуться-то! муху, что̀-ли, проглотилъ?» Но лучъ веселости не проникаетъ въ мрачную душу Молотова, наполняемую манишками, аппетитомъ и «*еще Леночкой*». И вдругъ Молотовъ начинаетъ задавать своей собесѣдницѣ міровые вопросы.—«Что̀-бы вы сказали,—говоритъ онъ,—когда-бы привели къ вамъ кого-нибудь и спросили: дайте этому человѣку дѣло на всю жизнь, но такое, чтобы онъ былъ счастливъ отъ него?—Зачѣмъ это вамъ?—Нужно.—Да этого никогда не бываетъ.—Бываетъ.»

И вретъ. Дѣйствительно никогда не бываетъ, чтобы приводили одного человѣка къ другому и чтобы этотъ другой на всю жизнь пристроивалъ перваго и доставлялъ ему полное счастье, на которое первый рѣшительно ничѣмъ не пріобрѣлъ себѣ разумнаго права. Счастье завоевывается и вырабатывается, а не получается въ готовомъ видѣ изъ рукъ благодѣтеля. И самая трудная часть задачи состоитъ именно въ томъ, чтобы составить себѣ понятіе о счастьи и отыскать себѣ ту дорогу, которая должна къ нему привести. Когда жизненная борьба уже превратилась въ сознательное стремленіе къ опредѣленной цѣли, тогда человѣкъ можетъ уже считать себя счастливымъ, хотя-бы ему пришлось упасть и умереть на дорогѣ, не вступивши въ ту обѣтованную землю, которую покойный А. Григорьевъ такъ игриво называетъ *бѣлой Арапіей*. Но сознательность стремленій также вырабатывается трудомъ и борьбой, и ни одинъ благодѣтельный мудрецъ въ мірѣ не можетъ переложить эту сознательность изъ собственной головы въ неокрѣпшія головы своихъ учениковъ и прозелитовъ.

«—Леночка задумалась, наклонила голову и затихла. Хорошо выраженіе лица дѣвушки, когда она занята серьезной мыслью, а Леночка почувствовала женскимъ инстинктомъ, что ей не пустой вопросъ заданъ. Она, ей Богу, отъ всей души желала-бы разрѣшить его, но ничего не смыслила тутъ.—Не знаю, сказала она и посмотрѣла на Молотова,—что̀ съ нимъ будетъ.— Онъ усмѣхнулся.»

Молотовъ, доѣзжающій Леночку глупо возвышенными вопросами, чрезвычайно похожъ на двѣнадцатилѣтняго гимназиста, щеголяющаго на каникулахъ передъ сестрами лонгиметріей, планиметріей, логарифмами и всякими другими мудреными вещами. Молотовъ очевидно спрашиваетъ не затѣмъ, чтобы получить удовлетворительный отвѣтъ, а затѣмъ именно, чтобы усмѣхнуться и чтобы въ эту усмѣшку влить малую толику своей клокочущей желчи. Вотъ, дескать, они мои манишки осмѣяли, и я имъ за это ничего не могу сдѣлать, а теперь я твое невѣжество осмѣю и ты со мной тоже ничего не сдѣлаешь. Молотовъ сгорѣлъ-бы отъ стыда, еслибы онъ совершенно ясно отдалъ себѣ отчетъ въ этомъ движеніи мелкой и дрянной злости, и бѣдная, простодушная Леночка, разумѣется, не стала-бы такъ добросовѣстно ломать свою нехитрую голову надъ неразрѣшимымъ вопросомъ, еслибы она знала, что ея ненаглядный Егорушка ищетъ только случая поважничать и поломаться. Но въ этомъ-то и бѣда Леночкина, что она черезчуръ благоговѣетъ передъ умомъ и образованностью своего кумирчика; еслибъ она благоговѣла поменьше, тогда можетъ быть и кумирчикъ не оттолкнулъ-бы отъ себя прочь ея чистую и неразсчетливую любовь. — Послѣ своей усмѣшки надъ незнаніемъ Леночки Молотовъ продолжаетъ пускать мрачныя и глубокомысленныя рулады. Напримѣръ, вотъ этакія:

«—Неужели моя жизнь пропадетъ даромъ?.. Гдѣ моя дорога?.. Неужели такъ я и ненуженъ никому на свѣтѣ?.. Онъ крѣпко задумался. Елена все смотрѣла на него, ожидая признаній; но при послѣднихъ словахъ Молотова она неожиданно обвила его шею руками и осыпала все лицо попѣ-

луями крѣпкими и жаркими, какими еще никогда не цѣловала его.—Егоръ Иванычъ!.. душка!.. ты—герой!..—Молотовъ пожалъ плечами и чуть вслухъ не сказалъ: «Душка!.. герой!..—вонъ куда хватила!..» Поцѣлуи не разогрѣли его, несмотря на то, что Леночка первый разъ охватила его такъ страстно. Молотовъ ничего не замѣтилъ. Онъ смотрѣлъ угрюмо въ землю...»

Я замѣтилъ въ предыдущей главѣ, что бываютъ и у кисейной дѣвушки такіе великолѣпные взрывы чистаго и могучаго чувства, которые хотя на минуту поднимаютъ ее неизмѣримо выше мелкой и копѣечной пошлости ея будничной жизни. Читатель видитъ теперь, что замѣчаніе мое не было брошено на вѣтеръ. Взрывъ описанъ у Помяловскаго такъ превосходно, что первый художникъ въ мірѣ не прибавилъ-бы ни одной черточки къ выписаннымъ мною строкамъ. Но чтó-же значитъ этотъ взрывъ, который такъ естественно сдѣланъ кисейной дѣвушкой, «по гробъ вѣрной и любящей»? — И почему Молотовъ для нея «душка» именно въ ту минуту, когда онъ хмурится и грубіянитъ? И почему она видитъ въ немъ «героя» именно тогда, когда онъ слабѣетъ и унываетъ? И то, и другое совершенно понятно. Ты чувствуешь себя одинокимъ и никому не нужнымъ, думаетъ она. Тѣмъ лучше. Я для тебя все въ эту минуту. Никто и ничто не становится между мной и тобой. Хоть-бы ты никому на свѣтѣ не былъ нуженъ,—ты мнѣ нуженъ. И жизнь твоя не можетъ пропасть даромъ, потому что я возьму ее себѣ, и она дастъ мнѣ полное счастье. Когда все на свѣтѣ смотритъ на тебя холодно и равнодушно, тогда я одна выростаю въ твоихъ глазахъ, ты сильнѣе обыкновеннаго привязываешься ко мнѣ, и я тоже особенно сильно люблю тебя, потому что понимаю, какъ полезна тебѣ моя помощь въ эти тяжелыя минуты. И кромѣ того ты самъ ошибаешься. Человѣкъ, котораго можно любить такъ, какъ я тебя люблю, никогда не сдѣлается на свѣтѣ лишнимъ и ненужнымъ человѣкомъ. Если тебя дѣйствительно стоитъ любить, то ты непремѣнно найдешь себѣ въ жизни хорошее дѣло. Ты унываешь не оттого, что ты слабъ и негоденъ, а оттого, что ты не удовлетворяешься тѣми гнилыми крупицами, которыя подбираютъ съ такимъ успѣхомъ мелкіе и дрянные людишки. Твое уныніе не можетъ быть продолжительнымъ. Явится спокойное размышленіе, вспыхнетъ съ новой силой твоя мужественная энергія, и опять закипитъ у тебя подъ руками честное и полезное дѣло. И я въ то время буду смотрѣть на тебя и радоваться, и гордиться тобой, и гордиться тѣмъ, что въ твоей бодрости есть частица моего живительнаго и утѣшающаго вліянія. И вездѣ, и всегда я буду рядомъ съ тобой. И трудъ, и лишенія, и опасности, и тревогу, и сомнѣнія, и горе — все пополамъ. Я на все готова, и эта готовность удесятеряетъ мои силы.

Слившись въ неопредѣленный, но чрезвычайно сильный порывъ страстной любви, весь этотъ рядъ мыслей промелькнулъ съ неуловимой быстротой въ головѣ Леночки, когда она бросилась на шею къ Молотову и когда вся фигура ея выросла и просіяла подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на нее новыхъ и непонятныхъ для нея ощущеній. Молотовъ ничего этого не понялъ по той простой причинѣ, что все его раздумье вытекало изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Всѣ безсвязные возгласы о дорогѣ, о жизни, о собственной ненужности выражали собой въ сущности только плачъ и скрежетъ зубовъ надъ посрамленными манишками. Когда его назвали героемъ, то ему сдѣлалось совѣстно, что его манишки залетѣли въ такія высокія хоромы. Но вмѣсто того чтобы откровенно назвать самого себя дуракомъ за мелочность своего огорченія, онъ въ душѣ обругалъ дурой Леночку за наивную преувеличенность выраженій, которыя впрочемъ вовсе не были-бы преувеличенными, еслибы слова Молотова о разныхъ высокихъ матеріяхъ были дѣйствительно глубоко продуманы и прочувствованы, а не напущены со стороны глупымъ разговоромъ Обросимовыхъ.

Значитъ, Леночка провинилась только тѣмъ, что повѣрила на слово любимому человѣку, то есть, выражаясь яснѣе,—тѣмъ, что любила глубоко и сильно. Въ ту минуту, когда она осыпала своими «горячими и бѣшеными» поцѣлуями постную фигуру Молотова, проглотившаго муху и не умѣющаго съ ней справиться, въ умѣ ея возлюбленнаго шевелились по всей вѣроятности очень мелкія и буржуазныя мысленки. «Да, думалъ онъ о себѣ съ подавленной злобой, ѣстъ много, неприличныя манишки носитъ, и ко всему-бы этому великолѣпію еще жену пріобрѣсти, «по гробъ вѣрную и любящую», которая при всѣхъ будетъ на шею вѣшаться и ни къ селу, ни къ городу визжать: «душка» и «герой». Куда какъ интересно!» — Опять тривіальность выраженій заслонила собой въ глазахъ честнаго Чичикова величіе искренняго чувства. — Красота Леночки, просвѣтленной своимъ порывомъ, осталась незамѣченной для ея собесѣдника, погруженнаго въ мучительное созерцаніе манишекъ и собственной ненужности.

VIII.

Молотовъ пришелъ къ Леночкѣ затѣмъ, чтобы сбыть ее съ рукъ. Но онъ до такой степени углубленъ въ свое собственное копѣечное раздумье, что повидимому совершенно забываетъ настоящую цѣль своего прихода. Еслибы онъ нарочно хотѣлъ причинить Леночкѣ какъ можно больше страданія, то онъ не могъ-бы придумать нравственную пытку утонченнѣе той, которую онъ заставилъ ее выдержать по своей непростительной невнимательности.

Если онъ пришелъ съ твердымъ намѣреніемъ все покончить, то съ какой стати онъ задаетъ ей

мудреные вопросы, интересные только для него и неимѣющіе для нея ровно никакого значенія? Деликатно ли, позволительно ли искать себѣ утѣшенія и совѣта у той самой дѣвушки, которую рѣшился и собираешься оттолкнуть? Вѣдь это въ сущности хуже, чѣмъ еслибы Молотовъ на прощаніе выпросилъ у нея денегъ взаймы. И какъ онъ осмѣлился принимать ея поцѣлуи, съ какого права называлъ ее до послѣдней минуты Леночкой, когда въ головѣ его участь этой Леночки была уже окончательно рѣшена? Значитъ, онъ до послѣдней минуты воровалъ ея поцѣлуи и ласки. Онъ разбудилъ въ ея головѣ совершенно непривычную для нея работу мысли, онъ расшаталъ всю ея нервную систему красивой наружностью своего дрянного горя, онъ далъ ей полное право думать, что пришелъ къ ней подѣлиться заботами и сомнѣніями, онъ раздразнилъ ее чуть не до истерики, — и все это для того, чтобы сказать ей вѣжливо-бухгалтерскимъ тономъ: сударыня, честь имѣю съ вами раскланяться!

Не напоминаетъ ли это вамъ, господа, гоголевскаго Ивана Иваныча, который бесѣдуетъ съ голоднымъ нищимъ о говядинѣ, о галушкахъ, о горѣлкѣ, и потомъ, наболтавшись досыта, говоритъ съ замѣчательной кротостью: «ну, ступай же, любезный, вѣдь я тебя не бью!» — Теперь мнѣ придется сдѣлать очень большую выписку.

— «Елена Ильинишна, — сказалъ онъ серьезно.

«— Что?

«— Намъ пора объясниться...

«У Леночки сжалось сердце. Она предчувствовала какое-то горе; никогда Егоръ Иванычъ не говорилъ такъ съ ней.

«— Развѣ мы не объяснились? — спросила она. (Совершенно справедливое замѣчаніе. Какое тутъ еще требуется объясненіе, когда люди давно цѣлуются?)

«— Нѣтъ, не объяснились; все у насъ было, кромѣ объясненій. (Аккуратному Егору Иванычу желательно, чтобы все дѣлалось по формѣ, но безалаберная Леночка врядъ ли способна понять, чтобы объясненія были еще необходимы тогда, когда уже было «все». Впрочемъ это «все» не должно пугать читателя. Это «все» ограничивалось невиннымъ обмѣномъ поцѣлуевъ. Собственно поэтому формалистъ Молотовъ и не считаетъ себя связаннымъ.)

«—Ну, скажите,—отвѣтила Леночка, боязливо глядя на собесѣдника.

«—Вы меня любите? (Какой дурацкій вопросъ!)

«Леночка хотѣла обнять его. Онъ уклонился. (Леночка очевидно предпочитаетъ мимическія объясненія словеснымъ, но Молотову уже становится совѣстно продолжать кражу поцѣлуевъ.)

«— Я васъ очень люблю... (Какъ много дѣло подвинулось впередъ отъ этого отвѣта!)

«— Но, разумѣется, можете привыкнуть къ той мысли, что мы не всегда будемъ поддерживать наши отношенія? (Представьте себѣ, что въ уголовную палату призываютъ преступника и говорятъ ему: «вы, разумѣется, можете привыкнуть къ той мысли, что васъ будутъ драть плетьми на площади!» — Преступникъ на это отвѣчаетъ: «воля ваша, а привыкнуть къ такой мысли я никакъ не могу».—«Что-жъ дѣлать, mon cher, говорятъ ему, постарайтесь привыкнуть».— Что бы вы, читатель мой, подумали о такихъ судьяхъ, которые позволили бы себѣ подобныя шутки? Вы бы вѣроятно назвали ихъ большими негодяями? А вѣдь Молотовъ, по своей деревянной неловкости, поступаетъ точно такимъ же образомъ, только не съ преступникомъ, а съ доброй и милой дѣвушкой, которая его любитъ. Къ чему клонится его вопросъ? Скажетъ ли она *да*, скажетъ ли *нѣтъ*, не все ли равно? Развѣ ея отвѣтъ измѣнитъ хоть въ чемъ-нибудь его рѣшеніе? Она это предчувствуетъ и уклоняется отъ отвѣта.)

«— Къ чему же объ этомъ говорить? (Вотъ это правда.)

«— Подумайте, пожалуйста, и выскажитесь откровенно. (Скажите на милость, чего этотъ анаѳема отъ нея добивается? Зачѣмъ онъ изъ нея душу тянетъ?)

«Ей никогда не приходилъ такой вопросъ на умъ, и она съ замѣшательствомъ отвѣчала: —Да, я васъ люблю... (Ничего больше она и сказать не можетъ. Отвѣчаетъ она такъ не потому, что «ей никогда не приходилъ такой вопросъ на умъ», а потому, что вопросъ Молотова изъ рукъ вонъ глупъ и оскорбителенъ. Ей надо было или пропустить этотъ вопросъ безъ вниманія, или отвѣчать на него рѣзкимъ упрекомъ. Если сформулировать вопросъ Молотова яснѣе, то получится слѣдующій результатъ: «вѣдь вамъ, разумѣется, все равно, кого ни цѣловать, меня ли, другого ли мужчину?»—Бѣдной, добродушной Леночкѣ въ голову не приходило, чтобы Егорушка рѣшился нанести ей такое незаслуженное оскорбленіе. Потому, если даже она разобрала въ вопросѣ Молотова этотъ гнусный смыслъ, то она немедленно отбросила прочь это предположеніе, увѣрила себя, что она поняла невѣрно, и вслѣдствіе этого съумѣла только повторить съ замѣшательствомъ свою незатѣйливую пѣсенку: «да, я васъ люблю». Тутъ Молотовъ находитъ, что онъ уже достаточно приготовилъ преступницу къ принятію плетей и начинаетъ дѣйствовать.)

«— Простите же меня, Елена Ильинишна, я вамъ не могу отвѣчать тѣмъ же... (Какъ вамъ нравится эта перемѣна декорацій! «Да плюй-же, плюй ему прямо въ лохань!», какъ выражаются «хорошіе люди» города Глупова.) — Леночка взглянула на него испуганнымъ взглядомъ и вскрикнула. (Подумаешь, какъ это странно. Преступница кричитъ, точно будто ее не пригото-

вляли заранѣе къ сильному ощущенію.) Болѣзненно отозвался этотъ крикъ въ душѣ Молотова.—«Вотъ она такъ любила!» подумалъ онъ.

«— Елена Ильинишна, кто-жъ виноватъ? кто виноватъ? вы должны помнить, что не я первый... Молотовъ оборвался на полуфразѣ, потому что невольно почувствовалъ угрызеніе совѣсти. «Чтó-жъ такое, что не я первый?» шевельнулось у него въ душѣ, и онъ кончилъ иначе, нежели началъ:— Боже мой, чтó-же это на меня напало!...» (Здѣсь опять авторъ съ изумительной твердостью выдержалъ характеръ своего героя. Это не мерзавецъ, хладнокровно играющій чужимъ счастьемъ; это—милая и добрая размазня, способная только отсиживаться отъ всякой напасти. Для него немыслимъ крупный активный поступокъ: вмѣсто того, чтобы съ самаго начала, съ перваго свиданія спугнуть глупую бабочку, которая летитъ прямо на свѣчку, онъ умѣетъ только отмалчиваться; вмѣсто того, чтобы теперь, когда бабочка уже обожгла себѣ крылья, махнуть на все рукой и смѣло повести ее подъ вѣнецъ, не заботясь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, онъ умѣетъ только сидѣть и добродушно сокрушаться. Подлецомъ его, пожалуй, и нельзя назвать: онъ не завлекалъ, онъ не обѣщалъ, онъ и теперь страдаетъ искренно; но вѣдь вотъ въ чемъ штука: бываютъ въ жизни такіе случаи, когда мямля можетъ насолить ближнему не хуже отъявленнаго негодяя.) «...Послышалось всхлипываніе и тихое, ровное мучительное рыданіе; запрется въ груди звукъ, надтреснетъ, переломится и разрѣшится долгой нотой плача; слезы катились градомъ...»

«—Никому мы не нужны... кому любить такихъ?

«Она зарыдала сильнѣе...» ...«Жаль,невыносимо жаль стало ему этой бѣдной дѣвушки...глупенькой кисейной дѣвушки... Она такъ жить хотѣла, такъ любить хотѣла и доживала послѣднюю лучшую минуту жизни. Впереди ея пошлость, позади тоже пошлость. Теперь она могла-бы воскреснуть и развиться, но... суждено уже такъ, что изъ нея выйдетъ не человѣкъ-женщина, а баба-женщина. Молотовъ чувствовалъ это. Страшно ему было за Леночку. «Пропадетъ она!» думалъ онъ». И, думая такимъ образомъ, онъ все-таки отталкивалъ ее прочь отъ себя, назадъ въ ту трясину пошлости, изъ которой бѣдная дѣвушка старалась высвободиться съ такими судорожными усиліями, съ такими горькими и мучительными рыданіями. И все это оттого, что онъ, изволите видѣть, не любилъ ея. Точно будто нужно любить человѣка какой-нибудь особенной любовью для того, чтобы протянуть ему руку, когда онъ зоветъ васъ къ себѣ на помощь. Точно будто доставляя другому человѣку счастливое и разумное существованіе, мы не наслаждаемся вмѣстѣ съ нимъ, и даже гораздо больше его самого, той свѣтлой жизнью, которую мы ему доставили. Осчастливить ту женщину, которую мы сами любимъ страстно,—это, разумѣется, очень пріятно. Но подарить счастье той женщинѣ, которая любитъ насъ,—это также очень недурно, тѣмъ болѣе, что человѣку свойственно привязываться очень сильно къ тѣмъ людямъ, которымъ онъ сдѣлалъ добро. Счастье мыслящаго человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы играть въ жизни милыми игрушками, а въ томъ, чтобы вносить какъ можно больше свѣта и теплоты въ существованіе всѣхъ окружающихъ людей. Молотовъ еще плохо понимаетъ эту простую истину, и это обстоятельство показываетъ ясно, что онъ подходитъ гораздо ближе къ тщедушному идеалу Гончарова, чѣмъ къ сильнымъ и мужественнымъ реалистамъ новѣйшаго времени. Молотовъ такъ наивно неделикатенъ, что онъ, уже измучивъ бѣдную Леночку, все еще эксплоатируетъ въ свою пользу ея безпредѣльную доброту. Послѣ сцены рыданія, когда ему надо было уйти прочь безъ оглядки, чтобы не мозолить ей глаза, онъ все сидитъ, да не только сидитъ, а открываетъ ей свою душу, то-есть разсказываетъ ей, какъ его обидѣли Обросимовы. «Она слушала его съ увлеченіемъ, положивъ на его плечо свою хорошенькую головку. Тогда она не сказала ему свое оригинальное: «да этого не бываетъ»...

«— Я ихъ не люблю,— сказала она горячо...

«Молотовъ поцѣловалъ ее, но это былъ не страстный, а добрый поцѣлуй. (И даже глупый.)

«— Богъ съ ними, — сказалъ онъ... (Какое великодушіе!)

«— Никогда ихъ не буду любить... Я тебя люблю; я не сержусь на тебя... (Вотъ тутъ дѣйствительно кротость и доброта доходятъ до величественныхъ и, пожалуй, даже до безобразныхъ размѣровъ. Онъ ее оскорбилъ, онъ оттолкнулъ прочь ея святую любовь, онъ осудилъ ее на безвыходно-пошлое существованіе, и она же утѣшаетъ и успокаиваетъ его, и она же принимаетъ горячо къ сердцу трагическую участь его манишекъ. Это наконецъ глупо и отвратительно. Любить и прощать — прекрасное занятіе, но иного осла не мѣшаетъ и по мордѣ треснуть, чтобы заставить его одуматься.)

«Они разстались добрыми друзьями,но Леночка всю ночь проплакала и все понять не могла, «отчего же насъ любить нельзя?... отчего?»—Э, Леночка, Леночка! Охота тебѣ изъ-за одного дурака задавать себѣ такіе радикальные вопросы! Васъ можно любить и васъ будутъ любить, и вы сдѣлаетесь умными, мыслящими и полезными людьми. Никакого въ васъ органическаго порока не оказывается. Но, чтобы увидать и развернуть тѣ задатки здороваго ума, которые въ васъ таятся, надо обладать не такими силами, какими располагалъ твой ненаглядный Егорушка. Дрянной народъ тѣ мужчины, съ которыми вамъ приходится имѣть дѣло. Оттого вы такъ часто и плачете.—Каждая слеза, которую проливаетъ въ

современныхъ обществахъ любящая женщина, есть тяжелое обвиненіе противъ мужчины. Взялъ женщину подъ свою опеку, отнялъ у нея самостоятельность, ослабилъ ея умъ и ея физическія силы,—такъ умѣй-же по крайней мѣрѣ дать ей за это счастье. А не умѣешь,—такъ на что-же годится твоя дурацкая опека?

IX.

«Насъ много такихъ дѣвушекъ», замѣчаетъ сама Леночка. «У насъ не мало встрѣчается такихъ женщинъ, какъ Леночка», прибавляетъ отъ себя Помяловскій. И это правда. Къ типу добродушной кисейной дѣвушки подходятъ всѣ женщины, не отличающіяся сильнымъ и блестящимъ умомъ, не получившія порядочнаго образованія и въ то-же время еще не испорченныя и не сбитыя съ толку шумомъ и суетой такъ называемой свѣтской жизни. У этихъ женщинъ развита только одна способность, о которой заботится уже сама природа,—именно способность любить. Вся судьба такой женщины рѣшается безусловно тѣмъ, кого она полюбитъ. Попадется хорошій и умный человѣкъ, — и она сама тоже сдѣлается хорошей, даже умной женщиной, потому что отъ природы она не глупа, а только никогда не имѣла ни возможности, ни надобности упражнять и укрѣплять свой умъ. Попадется дуракъ и негодяй—тогда въ ней замретъ даже способность любить, и превратится она въ автомата, который будетъ рожать, кормить, няньчить и обливать слезами дѣтей, не умѣя ни вразумить, ни защитить ихъ противъ самодурства супруга.

Женщина, подобная Леночкѣ, быть-можетъ ни при какихъ условіяхъ не сдѣлается совершенно самостоятельной и сильной личностью; она всегда, болѣе или менѣе, будетъ искать себѣ опоры и руководителя въ любимомъ мужчинѣ; но, несмотря на это врожденное стремленіе къ нѣкоторой зависимости, такая женщина не была бы тягостной и вредной обузой даже для очень умнаго и развитого мужчины. Она была-бы способна увлекаться совершенно искренно широкими планами и титаническими стремленіями любимаго человѣка; можетъ быть она довольно смутно понимала бы необходимую связь между отдѣльными мыслями; можетъ быть строгая теорія или дѣловой проектъ представлялись бы ей въ неопредѣленныхъ и расплывающихся очертаніяхъ, свойственныхъ воздушнымъ замкамъ. Но зато воодушевленіе, овладѣвающее любимымъ человѣкомъ, находило бы во всемъ ея существѣ ясный, полный и совершенно безъискусственный отголосокъ. Она не стала бы пилить любимаго человѣка безтолковымъ ворчаніемъ или мелкими жалобами въ то время, когда онъ чувствуетъ потребность подѣлиться съ нею результатами своихъ размышленій, наброcанными планами и смѣлыми надеждами. Этого конечно мало, но вѣдь гдѣ же и взять теперь много такихъ женщинъ, которыя были бы способны серьёзно работать вмѣстѣ съ своими мужьями? Ужъ и то было бы хорошо, еслибы женщины не мѣшали работать. А какимъ образомъ онѣ могутъ мѣшать, это всего лучше будетъ видно изъ самаго простого и скромнаго примѣра. Представьте себѣ, что вамъ предлагаютъ два мѣста. Одно совершенно соотвѣтствуетъ вашимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ. Другое—совсѣмъ напротивъ. Первое даетъ вамъ 60 рублей въ мѣсяцъ, второе—80. Вы приходите домой, разсказываете все, какъ есть, вашей женѣ и объявляете ей, что вы хотите взять мѣсто въ 60 рублей. Жена таращитъ на васъ глаза и говоритъ, что вы съ ума сошли, что 20 рублей на улицѣ не валяются и что такіе капризы вамъ совсѣмъ не по состоянію.—Да пойми же ты, другъ мой, убѣждаете вы,—что на томъ мѣстѣ я буду просто мученикомъ. Оно мнѣ противно. Мнѣ гадко будетъ смотрѣть на самого себя. — Скажите, пожалуйста, какія нѣжности,—отвѣчаетъ супруга. —А это, небось, не гадко смотрѣть, что жена въ стоптанныхъ башмакахъ ходитъ!—И много другихъ варіацій разыгрывается на ту же самую, вовсе не интересную для васъ, тему. Если вы человѣкъ твердый, то вы остаетесь непоколебимы и берете все-таки 60-ти-рублевое мѣсто; но зато ваша семейная жизнь втеченіе нѣсколькихъ недѣль скрипитъ, какъ немазанная телѣга. Если же вы такой размазня, какъ огромное большинство русскихъ людей, то вы уступаете, жена даетъ вамъ за вашу разсудительность несчетное число «безешекъ», и черезъ нѣсколько времени ваше отвращеніе къ подлой должности исчезаетъ, потому что подъ вліяніемъ развращающей обстановки весь строй вашихъ понятій медленно понижается. Такимъ образомъ общество, по милости вашей супруги, потеряло въ вашей особѣ полезнаго работника и пріобрѣло лишняго эксплоататора. Но такія супруги формируются только изъ тѣхъ женщинъ, которыя совершенно сбиты съ толку кринолинами, гуляньями, шляпками и тряпками. Женщины же, подобныя Леночкѣ, понимаютъ очень хорошо, что шелковое платье и счастье жизни — двѣ вещи разныя; и эти послѣднія женщины не промѣняютъ любимаго человѣка не только на шляпку, но даже и на цѣлый бурнусъ. Если вы станете объяснять Леночкѣ, почему вы не хотите или не можете взять мѣсто въ 80 рублей, она можетъ быть и не совсѣмъ успѣшно пойметъ ваши доводы, но она во всякомъ случаѣ повѣритъ вамъ. Она увидитъ, что вамъ было бы тяжело на томъ мѣстѣ, и этого будетъ для нея совершенно достаточно. Словомъ, простыя женщины, подобныя Леночкѣ, умѣютъ по крайней мѣрѣ любить, а это умѣнье совсѣмъ не такая ничтожная вещь, которой при нашей непокрытой бѣдности было бы позволительно пренебрегать. Разумѣется, змѣиная мудрость лучше голубиной кротости, но на нѣтъ и

суда нѣтъ. За неимѣніемъ лучшаго, умѣйте и голубиную кротость обращать себѣ въ пользу. А извлекать изъ нея пользу очень возможно, потому что человѣку, измученному и утомленному ежедневной борьбой съ глупостью и подлостью, не только пріятно, но даже необходимо имѣть возлѣ себя честное, кроткое и любящее существо, у котораго всегда можно найти неподдѣльную ласку и безкорыстное участіе.

Теперь читатель понимаетъ, что типъ кисейной дѣвушки имѣетъ очень важное значеніе, тѣмъ болѣе, что такихъ женщинъ много. Надо объяснить обществу, что эти силы, хорошія и здоровыя, хотя и не блестящія, не должны пропадать даромъ. Надо объяснить преимущественно умнымъ и образованнымъ юношамъ, что на этихъ простыхъ женщинъ они должны смотрѣть не только безъ высокомѣрнаго предубѣжденія, но даже съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Путь жизни длиненъ и труденъ. Работа утомительна. Отдыхъ для обыкновенныхъ людей необходимъ. Умныхъ женщинъ мало. Поэтому, если вамъ встрѣтится Леночка, и если она съ ребяческой довѣрчивостью бросится къ вамъ на шею, подумайте, серьезно подумайте, существуетъ ли дѣйствительно какая-нибудь необходимость отворачиваться отъ союза съ этимъ милымъ ребенкомъ.—Леночка не дастъ вамъ того великаго, безмѣрнаго счастья, которое даетъ только мыслящая женщина, но по крайней мѣрѣ она не превратитъ васъ ни въ подлеца, ни въ филистера, ни въ закабаленнаго батрака. Она не будетъ васъ эксплоатировать; у нея есть искренность, а это — свойство очень драгоцѣнное. Но какъ бы вы ни рѣшили вопросъ о вашихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ той или другой Леночкѣ, не смѣйте ни въ какомъ случаѣ смотрѣть свысока на этихъ женщинъ и обращаться легкомысленно съ ихъ чувствами.

Существуетъ на Руси поговорка, что женскія слезы — вода; эта поговорка, подобно многимъ другимъ, доказываетъ только весьма наглядно, что на Руси во всякое время было достаточное количество дураковъ и подлецовъ. Вы умнѣе, вы образованнѣе, вы крѣпче Леночки; вы не заплачете о томъ, о чемъ она заплачетъ; всѣ ваши доблести и преимущества при васъ и остаются; но все это не даетъ вамъ никакого права думать, что вы чувствуете глубже ея и что всѣ ея маленькія огорченія скользятъ съ нея, какъ съ гуся вода. Абсолютной мѣрки для глубины чувства не существуетъ. Всякому свои слезы солоны, и кто своимъ легкомысліемъ заставляетъ плакать безотвѣтное существо, подобное Леночкѣ, тотъ поступаетъ глупо и подло, хотя быть можетъ онъ и не дуракъ, и не подлецъ. Важнѣйшее житейское искусство состоитъ именно въ томъ, чтобы пробираться бережно и осмотрительно въ путаницѣ личностей и интересовъ, не наступая никогда нечаянно на живое человѣческое тѣло.— Мудреное искусство жить и дѣйствовать, не обижая безвредныхъ людей, пріобрѣтается не вдругъ. Молодымъ людямъ случается часто наступать на живое тѣло безъ всякаго злого или подлаго умысла, по неопытности, по неловкости, по неумѣнью ясно разсмотрѣть ту пограничную черту, гдѣ кончаются естественныя права собственной личности и гдѣ начинаются естественныя права сосѣда. Это наступаніе на живое тѣло производитъ, съ одной стороны, боль, съ другой— стыдъ и угрызеніе совѣсти. Такіе уроки не проходятъ даромъ. Кто наступилъ одинъ разъ и кто пережилъ всѣ тяжелыя ощущенія, развивающіяся изъ такого событія, тотъ постарается на будущее время вести свои дѣла внимательнѣе и осторожнѣе. Опытъ здѣсь, какъ и вездѣ, дѣйствуетъ сильнѣе всякаго кабинетнаго размышленія.

Но подобные опыты обходятся слишкомъ дорого, и было бы очень полезно замѣнить ихъ, насколько это возможно, плодами теоретическихъ размышленій. Польза беллетристики и литературной критики состоитъ преимущественно въ томъ, что онѣ заставляютъ читателя размышлять о такихъ житейскихъ вопросахъ и формировать себѣ взгляды на такія стороны и явленія вседневной жизни, которыя незнакомы читателю по собственному опыту. Читая напримѣръ простую исторію Молотова съ Леночкой, неопытный молодой человѣкъ задумывается надъ нею, вглядывается въ слова и поступки обѣихъ личностей и произноситъ надъ ними свое сужденіе; было бы очень неосновательно думать, что такое упражненіе мысли остается совершенно безплоднымъ и не имѣетъ никакого вліянія, прямого или косвеннаго, на собственные поступки юнаго читателя. Литературная критика должна поддерживать, усиливать и направлять ту работу мысли, которую пробуждаетъ въ головѣ читателя беллетристическое произведеніе. Разбирая романъ или повѣсть, я постоянно имѣю въ виду не литературное достоинство даннаго произведенія, а ту пользу, которую изъ него можно извлечь для міросозерцанія моихъ читателей.

Легко можетъ быть, что читателя утомляютъ иногда мои длинныя микроскопическія изслѣдованія надъ такими мелкими явленіями, какъ любовныя радости и огорченія какой-нибудь ничтожной Леночки. Читателю досадно, зачѣмъ я анализирую почти каждое движеніе и комментирую почти каждое слово Молотова и кисейной дѣвушки. Но мнѣ кажется, что досада читателя неосновательна. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что эти микроскопическія явленія, эти будничныя мелочи наполняютъ собой цѣлую жизнь цѣлыхъ милліоновъ людей. Изъ необдуманныхъ словъ, изъ мелкихъ непослѣдовательностей, изъ незамѣтныхъ оплошностей складывается мало-по-малу большая часть человѣческихъ страданій и человѣческихъ подлостей. Вѣдь Молотовъ по-

ступилъ съ Леночкой очень подло; онъ и самъ сознается себѣ въ этомъ; а между тѣмъ скажите по совѣсти, мои двадцатилѣтніе читатели, многіе-ли изъ васъ съумѣли-бы или рѣшились-бы на мѣстѣ Молотова поступить такъ, чтобы не вышло подлости? Вотъ и надо было показать подробнѣйшимъ анализомъ, какимъ образомъ отвратительный ядъ подлости слагается изъ самыхъ невинныхъ и безвредныхъ элементовъ. Подлость Молотова именно тѣмъ и поучительна, что Молотовъ самъ нисколько не подлецъ. Я относился къ нему очень жестко, когда я разбиралъ его отношенія къ Леночкѣ, тамъ я смотрѣлъ только на одну сторону дѣла: я констатировалъ вредъ и боль, нанесенные кисейной дѣвушкѣ,—существу совершенно невинному и беззащитному. Теперь мнѣ надо возстановить въ глазахъ читателя репутацію Молотова, на котораго мы можемъ сердиться за его неуклюжесть, но котораго было-бы несправедливо презирать. Собственно полная реабилитація Молотова возможна только тогда, когда мы познакомимся съ дальнѣйшимъ ходомъ его жизни. Молотовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ все въ жизни дается довольно туго. Поэтому тридцатилѣтній Молотовъ гораздо лучше двадцатилѣтняго. Толчки и удары жизни шлифуютъ и закаляютъ его. Онъ превосходно пользуется опытомъ. Что̀ пережито имъ, то уже оставляетъ неизгладимую черту въ его умѣ и въ его характерѣ. Но у Молотова нѣтъ того, чѣмъ обладаютъ очень даровитыя личности, подобныя Базарову. У него нѣтъ умѣнья угадывать жизнь; онъ не можетъ силой творческой и анализирующей мысли забѣгать впередъ и рѣшать заранѣе, совершенно безошибочно, такія задачи, которыхъ еще не задавала ему дѣйствительная жизнь. Молотовъ выходитъ изъ университета розовымъ птенцомъ, простирающимъ во всѣ стороны свои объятія, тоскующимъ, когда ему приходится обнимать пустое пространство, и робѣющимъ, когда въ его объятія попадаетъ живая дѣвушка, принявшая его безпредметное доброжелательство за опредѣлившееся чувство. Базаровъ входитъ въ жизнь сильнымъ, страстнымъ, смѣлымъ и энергическимъ мужчиной, уже выработавшимъ себѣ въ мірѣ книжныхъ занятій драгоцѣнное умѣнье кое-что ненавидѣть, многое презирать, къ очень многому относиться равнодушно и все на свѣтѣ подвергать анализу. Базаровъ на видъ гораздо страшнѣе и свирѣпѣе Молотова. Та женщина, которая съ радостной довѣрчивостью подходитъ къ Молотову, едва осмѣлилась-бы заговорить съ Базаровымъ, или даже при Базаровѣ. Одинъ взглядъ Базарова, быстрый и небрежный, совершенно смутилъ сестру Одинцовой, Катю. А между тѣмъ Молотовъ гораздо опаснѣе Базарова. Базаровъ только смутитъ или испугаетъ, а Молотовъ безъ всякаго злого умысла истерзаетъ женщину и изуродуетъ ея жизнь. Еслибы Базаровъ получилъ письмо Леночки, «по гробъ вѣрной и любящей», то онъ тотчасъ рѣшилъ-бы, какъ ему дѣйствовать, вести-ли дѣло впередъ, или оборвать его въ самомъ началѣ. Въ первомъ случаѣ Леночка сдѣлалась-бы счастливѣйшей женщиной. А во второмъ случаѣ Базаровъ сразу такъ обжогъ-бы ее насмѣшливымъ взглядомъ и правдивымъ словомъ, что Леночка тотчасъ убѣжала-бы со свиданія домой и навсегда закаялась-бы писать нѣжныя цыдулки къ молодымъ людямъ. Леночка стала-бы говорить о Базаровѣ, что онъ и злой, и гордый, и страшный, но Леночкѣ не пришлось-бы рыдать на дерновой скамейкѣ, не пришлось-бы плакать напролетъ цѣлыя ночи и не пришлось-бы повторять съ безвыходнымъ отчаяніемъ ужасныя слова: «никому мы не нужны!.. Кому любить такихъ?..» И злой, гордый, демоническій Базаровъ оказался-бы здѣсь, какъ и вездѣ, гораздо лучше добраго, нѣжнаго, ласковаго Молотова.

СЕРДИТОЕ БЕЗСИЛІЕ.

I.

Я знаю очень хорошо, что наша публика безконечно добра и простодушна; но иногда эти похвальныя свойства ея характера проявляются въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что меня разбираетъ охота повторить съ нѣкоторыми измѣненіями непочтительныя слова Бёрне: «Каждый человѣкъ,—говоритъ этотъ писатель въ своихъ «Парижскихъ письмахъ»,—имѣетъ полное право быть глупымъ, но нѣмцы злоупотребляютъ этимъ правомъ». Мнѣ кажется, что наша читающая публика въ прошломъ году злоупотребила правомъ быть доброй и простодушной. Она не только прочитала, но даже превознесла до небесъ романъ Клюшникова «Марево». Еслибы этотъ романъ могъ попасть лѣтъ двадцать тому назадъ въ руки покойнаго барона Брамбеуса, то Брамбеусъ бросилъ-бы его подъ столъ и написалъ-бы о немъ всего полстроки: «Ванька, это твоя литература!» Еслибы наша публика въ общей массѣ своей дѣйствительно поумнѣла со временъ Брамбеуса, то мнѣ, разумѣется, и въ голову не могла-бы прійти дикая мысль писать критическую статью о такомъ произведеніи, какъ романъ Клюшнико-

ва. Даже теперь, принимаясь за такую постыдную работу, я чувствую потребность извиниться передъ мыслящей частью нашей читающей публики. Разбирать романъ Клюшникова — занятіе крайне неприличное. Невозможно говорить просто: «Клюшниковъ», «романъ Марево». Надо непремѣнно говорить такъ: «съ позволенія сказать Клюшниковъ», «съ позволенія сказать романъ Марево». Что-бы вы сказали напримѣръ, господа мыслящіе читатели, еслибы я осмѣлился поднести критическую статью о драматическихъ произведеніяхъ Дьяченки, или о романахъ Воскресенскаго, или о философіи Аскоченскаго, или о какомъ-нибудь прейсъ-курантѣ винъ и колоніальныхъ товаровъ? Вы-бы сказали вѣроятно, что я съ ума сошелъ и что я начинаю шутить съ вами совершенно неприличныя шутки; вы-бы замѣтили совершенно основательно, что во всѣ эти вещи можно, пожалуй, завертывать мыло, сыръ или копченую рыбу, но что о нихъ нѣтъ никакой возможности размышлять и писать критическія статьи, потому что всѣ эти вещи совсѣмъ не литература, а только печатная бумага.

И все это вы имѣете полное право сказать мнѣ теперь, когда вы видите, что я имѣю дерзость говорить съ вами о романѣ «Марево». И въ тоже время я васъ могу увѣрить честью, что я не сошелъ съ ума и вовсе не намѣренъ позволять себѣ въ отношеніи къ вамъ неприличныя шутки. Что-же прикажете дѣлать, какъ прикажете не говорить объ этомъ произведеніи россійскаго генія, когда наша публика уже успѣла забыть все, что толковалъ ей великій эстетикъ Бѣлинскій? Подумаешь въ самомъ дѣлѣ, что наша публика любитъ и уважаетъ Бѣлинскаго: издано 12 томовъ его сочиненій; томы эти раскупаются, разрѣзываются и даже читаются; самые убогіе писаки называютъ Бѣлинскаго своимъ учителемъ, великимъ бойцомъ, основателемъ русской критики, законодателемъ въ области эстетики. Подумаешь въ самомъ дѣлѣ, что всѣ истины, высказанныя и доказанныя великимъ критикомъ, вошли уже въ плоть и кровь читающихъ людей и сдѣлались навсегда тѣмъ общимъ капиталомъ, которымъ непремѣнно долженъ обладать каждый образованный русскій человѣкъ. Подумаешь, что теперь уже не зачѣмъ твердить зады и что теперь можно уже смѣло строить дальше на томъ прочномъ фундаментѣ, который заложенъ Бѣлинскимъ. Подумаешь—и жестоко ошибешься! Публика читаетъ Бѣлинскаго и похваливаетъ: какъ, дескать, у него складно все выходитъ!—Публика читаетъ «Марево» и замираетъ отъ восторга: «ухъ! какъ интересно! страсть, какъ интересно!». Чему-же научилась масса публики у Бѣлинскаго, когда она до сихъ поръ не умѣетъ отличать въ литературныхъ произведеніяхъ жизненную правду отъ риторической лжи? Чѣмъ подвинулась публика впередъ въ своемъ взглядѣ на литературу съ тѣхъ баснословныхъ временъ, когда она трепетала отъ волненій надъ переводными романами Поля Феваля и заливалась то смѣхомъ, то слезами надъ такими-же переводными романами Поль-де-Кока? — Ни у Феваля, ни у Поль-де-Кока вы никогда не найдете ничего подобнаго тому, что создалъ Клюшниковъ. Не о тенденціяхъ этого начинающаго романиста я намѣренъ здѣсь говорить. Я слишкомъ уважаю самого себя, чтобы вступать съ Клюшниковымъ въ какія-бы то ни было теоретическія препирательства: это совсѣмъ не его ума дѣло. Противъ моего всегдашняго обыкновенія, я посмотрю на романъ Клюшникова съ чисто эстетической точки зрѣнія, потому что ни съ какой другой точки зрѣнія на него не стоитъ смотрѣть. Я поставлю и рѣшу только вопросъ: годится-ли на что-нибудь этотъ романъ? То-есть можно-ли въ немъ найти хоть малѣйшую искру ума или таланта? Есть-ли въ немъ по крайней мѣрѣ хоть капля здраваго смысла и знанія дѣйствительной жизни? Похожи-ли его дѣйствующія лица хоть немного на живыхъ людей? Если мнѣ на всѣ эти вопросы придется отвѣчать отрицательно, то никакихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о романѣ «Марево» и быть не можетъ. Развѣ есть въ самомъ дѣлѣ возможность разсуждать о жизненныхъ явленіяхъ, затронутыхъ въ романѣ, когда окажется, что романъ не затронулъ совсѣмъ никакихъ явленій.

Въ клеветѣ, въ карикатурѣ можетъ все-таки проявиться умъ, талантъ, своеобразный взглядъ на то или другое явленіе дѣйствительной жизни. Но въ каракулькахъ, написанныхъ или нарисованныхъ пятилѣтнимъ ребенкомъ, которому подарили листъ бѣлой бумаги и очиненный карандашъ, нельзя усмотрѣть рѣшительно ничего, кромѣ неумѣнья рисовать и ребяческой нетвердости руки. Обыкновенно художественныя произведенія пятилѣтнихъ Рубенсовъ оставляются всѣми здравомыслящими людьми безъ вниманія; всякій видитъ, что это—каракульки, и всякій понимаетъ, что не за чѣмъ и разсуждать о нихъ безсмысленности. Обыкновенно также литературныя произведенія бездарныхъ писателей оставляются безъ вниманія здравомыслящими критиками. Всякій видитъ, что это — хламъ, и всякій понимаетъ, что безъ хлама не обходится ни одна литература, и что отъ хлама не отобьешься никакой критикой, потому что на свѣтѣ всегда будетъ очень много людей, совмѣщающихъ въ себѣ геніальность шестинедѣльнаго ягненка съ честолюбіемъ Александра Македонскаго. Но когда честолюбивый ягненокъ пріобрѣтаетъ себѣ своими каракульками всероссійскую извѣстность, тогда критика поневолѣ должна нарушить свое презрительное молчаніе. Критика должна во всякомъ случаѣ удовлетворять умственнымъ потребностямъ публики. Если публика еще способна обольщаться каракульками, значитъ, она нуждается въ томъ, чтобы ей объяснили негодность такихъ художественныхъ произведеній.

Нечего дѣлать! Давайте разбирать каракульки и обсуживать претензіи честолюбивыхъ ягнятъ. Это—очень печальная обязанность, но дѣлать нечего. Не публика существуетъ для удовольствія критиковъ, а критики существуютъ для того, чтобы приносить пользу публикѣ.

II.

Бездарный, но честолюбивый писатель Клюшниковъ силится изобразить въ своемъ уморительномъ романѣ борьбу двухъ міровыхъ силъ, доброй и злой. Добрая сила воплощена въ кандидатѣ Владимірѣ Русановѣ, а злая—въ графѣ Владиславѣ Бронскомъ. Между этими двумя силами качается, какъ маятникъ, «святая женская душа», которую Клюшниковъ называетъ Инной и которую онъ старается сдѣлать весьма интересной. Клюшниковъ увѣряетъ насъ, что эта интересная Инна влюблена въ добродѣтельнаго Русанова. Мы ему, разумѣется, охотно вѣримъ и желаемъ молодымъ людямъ всякаго благополучія, тѣмъ болѣе, что и Русановъ пылаетъ нѣжной, но цѣломудренной страстью. Но авторъ никакъ не можетъ согласиться на ихъ бракъ, потому что тогда не произошло бы никакого «Марева». На сцену является злое начало, и «святая женская душа», продолжая любить Русанова, обольщается демоническими рѣчами Бронскаго и вовлекается въ его злые умыслы. Вслѣдствіе такихъ предосудительныхъ поступковъ «пери молодая» изгоняется изъ эдема, такъ что послѣдняя часть романа переноситъ насъ уже за-границу.

Коварная фантасмагорія, разлучившая пару родственныхъ душъ, напоминаетъ Клюшникову то явленіе природы, которое называется въ степяхъ южной Россіи «маревомъ», а въ обыкновенномъ литературномъ языкѣ—миражемъ. Роману, какъ видите, дано заглавіе эмблематическое, нелишенное значительныхъ претензій на глубокомысліе. Дѣйствующихъ лицъ въ романѣ очень много, и всѣ они выведены отчасти для бо̀льшаго посрамленія злого начала, отчасти-же, и даже преимущественно потому, что надо-же чѣмъ-нибудь наполнять страницы, благо есть еще на Руси добродушные люди, покупающіе печатную бумагу не пудами, а въ видѣ книжекъ. Весь романъ есть неисчерпаемое море безсвязной болтовни, посредствомъ которой Клюшниковъ старается показать публикѣ, что онъ слыхалъ въ своей жизни всякіе разговоры, читалъ всякія статьи и умѣетъ изобразить на бумагѣ, безъ орѳографическихъ ошибокъ, всякое мудреное слово. Эти старанія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, и добродушная публика узнаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ Россіи народился еще одинъ литераторъ, еще одинъ двигатель отечественнаго прогресса, еще одинъ просвѣтитель общественнаго сознанія. Если Петръ Иванычъ Бобчинскій живъ и здоровъ до настоящей минуты,—онъ, разумѣется, уже не станетъ обращаться къ Хлестакову съ просьбой довести до свѣдѣнія важныхъ особъ, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Иванычъ Бобчинскій. Онъ просто напишетъ романъ для «Русскаго Вѣстника» или критическую статью для «Эпохи». Редакціи примутъ его трудъ съ благодарностью, и честолюбивый идіотъ не только увидитъ свою фамилію въ печати, но даже получитъ за это удовольствіе денежное вознагражденіе, потому что, какъ говорятъ французы: «chaque sot trouve toujours un plus sot qui l'admire».—Вотъ вамъ напримѣръ одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, посредствомъ которыхъ Клюшниковъ двигаетъ отечественный прогрессъ и просвѣщаетъ общественное сознаніе. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, на балѣ у мѣстнаго предводителя дворянства.

«— «Ахъ!»—крикнула одна дама, замотавшись.—Русановъ подхватилъ ее, думая, что съ нею обморокъ. Она глядѣла черезъ плечо: весь задъ платья, оторванный отъ лифа, спустился и открылъ бѣлыя юбки. (Послѣ такого событія, дамѣ повидимому слѣдовало-бы бѣжать въ уборную и поправлять разстроенный туалетъ. Въ дѣйствительности такъ всегда и бываетъ, но въ романѣ Клюшникова такъ случиться не можетъ, потому что тогда трудно было бы понять, зачѣмъ разсказанъ эпизодъ о разорванномъ платьѣ. Дама остается въ залѣ и начинается поучительная сцена, клонящаяся къ посрамленію какихъ-то представителей злого начала.)

«—Извините,—бормоталъ сконфуженный Коля (пятнадцатилѣтній гимназистъ, рано развращенный вліяніемъ злыхъ элементовъ).

«— Медвѣжонокъ! (Дама продолжаетъ показывать танцующему обществу свои бѣлыя юбки, единственно для того, чтобы поругаться съ развращеннымъ мальчишкой, который при этомъ случаѣ долженъ обнаружить передъ смущенными читателями всю гнусность и закоснѣлость заблуждающейся молодежи.)

«Тотъ проворчалъ что-то и пошелъ было. (Но она все-таки не пошла въ уборную.)

«— Что̀ такое?—сказала та, поднявъ носикъ.

«— Я говорю: вольно-жъ вамъ такіе шлейфы отращивать, что ходить нельзя.

«— Да какъ вы смѣете? дерзкій мальчишка! (Да уведите-же вы ее, ради Бога, въ уборную и вразумите ее тамъ, что въ порядочномъ обществѣ дамы не ругаются за случайную неосторожность. Наступивши ей на платье, Коля сконфузился и сказалъ: «извините!». Чего-же ей еще отъ него хочется? Называя его медвѣжонкомъ, она сама напрашивается на дерзость.)

«— А вы—синица долгохвостая! (Ну вотъ, раздразнила ребенка, онъ и обругалъ ее.)

«— Г. Горобецъ (это фамилія Коли), извольте отправиться въ гимназію и объявить дежурному надзирателю, что вы мною арестованы въ кар-

церъ,—сказалъ подошедшій инспекторъ губернской гимназіи. (Этотъ инспекторъ, увлекшись рыцарскимъ желаніемъ поддержать обиженную даму, совершенно забываетъ, вмѣстѣ съ Клюшниковымъ, условія времени и мѣста. Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, во время каникулъ, и балъ дается не въ губернскомъ, а въ уѣздномъ городѣ. Коля живетъ на хуторѣ у своего дяди и пріѣхалъ на балъ безъ всякихъ пожитковъ, такъ, какъ люди обыкновенно ѣздятъ въ гости. И дядя вовсе не уполномочилъ его скакать, сломя голову, въ ночь въ губернскій городъ, до котораго, какъ видно изъ другихъ мѣстъ романа, надо считать по меньшей мѣрѣ верстъ сорокъ или пятьдесятъ. Куда-же это пастырь добрый посылаетъ своего буйнаго питомца? И зачѣмъ-же этотъ пастырь добрый такъ глупъ, что даетъ ему неисполнимое приказаніе?)

«— Позвольте вамъ замѣтить, г. Егоровъ,— отвѣтилъ, нисколько не смутившись, юноша,— что вы мой начальникъ только въ зданіи гимназіи, а здѣсь—такой-же гражданинъ, какъ и я. (Къ кому или къ чему Клюшниковъ хочетъ обратить такое поученіе—я рѣшительно не знаю, но ясное дѣло, что мудреное слово «гражданинъ» употреблено не спроста. Мнѣ часто случалось слышать, какъ гимназисты грубятъ начальству, но никогда въ подобныхъ случаяхъ не произносилось ни слова о гражданскихъ правахъ, потому что это было бы ужъ черезчуръ глупо. Значитъ, тутъ говоритъ не гимназистъ; тутъ говоритъ какая-то эмблема какого-то таинственнаго зла. Коля Горобецъ есть лицо аллегорическое или символическое, но подъ этой многозначительной каракулькой слѣдуетъ непремѣнно подписать, что она направлена противъ такихъ-то и такихъ-то явленій дѣйствительной жизни; а то безъ этой подписи никто не угадаетъ тайныхъ поползновеній автора. Клюшниковъ кого-то или что-то обличаетъ, но его обличительное кряхтѣнье вызываетъ въ читателѣ только сострадательный смѣхъ надъ *сердитымъ безсиліемъ* честолюбиваго ягненка.)

«Разстроившійся rond собрался вокругъ спорившихъ. (А что-же даму увели въ уборную? Или Русановъ все еще продолжаетъ ее поддерживать и созерцать вмѣстѣ съ нею развалины ея платья?—Клюшниковъ такъ увлекается гимназической теоріей гражданскаго равенства, что, занявшись изложеніемъ этого спорнаго вопроса, навсегда забываетъ о существованіи дамы и ея платья. Такъ до самаго конца романа мы ничего больше о нихъ и не узнаемъ.)

«—Что̀ такое? Что̀ такое?—раздавались голоса.

«—Ну, всѣ на одного,—кричалъ разгорячившійся питомецъ гимназіи: — милости просимъ, я давно до васъ добирался. (До кого добирался? И что̀ значитъ «добирался»? И съ какой цѣлью добирался? Всѣ эти вопросы на вѣчныя времена остаются нерѣшенными.)

«— А вотъ я тебѣ уши выдеру,—не стерпѣлъ инспекторъ. (Молодецъ мужчина! Хвалю за энергію! Тутъ по крайней мѣрѣ ясно видно, до чего человѣкъ добирается. Но если взглянуть на дѣло не съ воинственной, а съ педагогической стороны, то окажется, что инспекторъ глупъ, какъ пробка. Онъ начинаетъ съ того, что даетъ своему питомцу неисполнимое приказаніе; питомецъ отвѣчаетъ ему поразительной глупостью, а инспекторъ оставляетъ эту глупость безъ вниманія и лѣзетъ драться. Развѣ такъ надо учить юношество уму-разуму? Инспекторъ, подобно дамѣ съ оборваннымъ платьемъ, самъ напрашивается на дерзость и съѣдаетъ весьма невкусный грибъ.)

«— Прошу рукамъ воли не давать,—отвѣтилъ тотъ, взявшись за стулъ;—вы сами прозвали меня нигилистомъ! (Послѣ этого отвѣта, подкрѣпленнаго выразительной мимикой, инспекторъ умолкаетъ и стушевывается. Клюшниковъ, которому подвернулось подъ руку новое мудреное слово, совершенно забываетъ о существованіи инспектора, такъ, какъ онъ уже забылъ о существованіи дамы, заварившей всю кашу своимъ стремленіемъ поругаться. Что̀-же это наконецъ такое? Коля рѣшительно держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ весь провинціальный beau-monde. Назвалъ даму долгохвостой синицей—та замолчала. Погрозилъ инспектору стуломъ—тотъ поджалъ хвостъ. А что̀-же дѣлаетъ во все это время хозяинъ дома? Что̀-же это за колпакъ, если онъ не умѣетъ вступиться за даму и усмирить двумя-тремя спокойно сказанными словами буйныя страсти пятнадцатилѣтняго нигилиста?... Нигилиста!.. Вотъ оно—роковое слово! Вотъ вамъ надлежащая подпись къ обличительной каракулькѣ, измышленной сердитымъ, но безсильнымъ писателемъ. Коля Горобецъ есть символъ или эмблема нигилизма. Весь задъ дамскаго платья оторванъ отъ лифа, дама ругается, инспекторъ говоритъ глупости—единственно для того, чтобы обрисовать съ разныхъ сторонъ чудовище, пожирающее умственныя способности русскаго общества. Обрисовываніе, начатое съ такимъ успѣхомъ, продолжается въ слѣдующихъ строкахъ.)

«—Вотъ они, вредоносные-то плоды литературы,—вмѣшался старый чиновникъ. (Не на радость себѣ онъ вмѣшался! И читатель рѣшительно не знаетъ, зачѣмъ Клюшниковъ вложилъ въ его уста это глупое изреченіе? Затѣмъ-ли, чтобы ущипнуть старыхъ чиновниковъ и заявить такимъ манеромъ свой собственный тихенькій либерализмъ, или затѣмъ, чтобы изъ-за угла пустить противъ литературы то невинное замѣчаніе, что она развращаетъ гимназистовъ.)

«— Это вы говорите потому, что я васъ въ вѣдомостяхъ обличилъ, да еще въ воровствѣ? (Старый чиновникъ тотчасъ исчезаетъ со сцены и присоединяется къ лицамъ, навсегда забытымъ авторомъ. А въ отвѣтѣ Коли заключается такой-

же обоюдоострый мечъ, какой мы видѣли въ изреченіи стараго чиновника. Съ одной стороны Клюшниковъ повидимому выражаетъ ту смѣлую и новую мысль, что въ Россіи есть старые чиновники, способные нарушать правила строгой честности. Но съ другой стороны Клюшниковъ также повидимому усиливается доказать, что обличать старыхъ чиновниковъ «въ вѣдомостяхъ, да еще въ воровствѣ», способны только такіе развращенные пошляки, какъ Коля Горобецъ.—Легко можетъ быть, что Клюшниковъ писалъ свои діалоги безъ малѣйшаго умысла, по избытку своего простодушія, по непосредственному влеченію своей природы, такъ, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ. Но что̀ дѣлать? Бываютъ ужъ такія избранныя организаціи, у которыхъ «перлы и адаманты» такъ и сыпятся изо рта, даже помимо ихъ собственнаго желанія. Что̀ ни скажетъ, что̀ ни напишетъ—все, каждое слово выходитъ непремѣнно или глупо, или пошло. Въ этомъ отношеніи только одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ писателей можетъ сравниться съ Клюшниковымъ. Это—Николай Соловьевъ, начавшій съ недавняго времени украшать своими статьями критическій отдѣлъ «Эпохи». Невинность и простодушіе этого писателя сквозятъ въ каждой его строкѣ. А между тѣмъ въ каждой изъ этихъ невинныхъ и безсвязныхъ строкъ притаилась—незамѣтная для простодушнаго автора, но очевидная для внимательнаго читателя,—злокачественная инсинуація. Николай Соловьевъ имѣетъ привычку читать всѣ мои статьи; чтобы мои нелестныя для него слова не показались ему бездоказательной бранью, я напомню ему только то мѣсто изъ ноябрьской книжки «Эпохи», въ которомъ онъ, на основаніи повѣстей Помяловскаго, старается уличить нигилистовъ и реалистовъ въ систематической ненависти къ родителямъ. Пусть наивный критикъ задумается надъ этимъ мѣстомъ и посыплетъ пепломъ свою убогую голову.—Однако все это въ скобкахъ; пора воротиться къ свирѣпому гимназисту (нагнавшему страхъ на провинціальное общество).

«— Il est poli, ce petit bonhomme — нечего сказать!—слышались женскіе голоса.

«—Это вы говорите оттого, что я не хочу съ вами ногъ вывертывать, какъ ученая собачка, или оттого, что у васъ подъ шляпками вмѣсто мозговъ цвѣты на сажень торчатъ. (Эта рѣчь буйнаго юноши не обращена ни къ кому въ частности. Это—отвѣтъ на возгласы «женскихъ голосовъ». Это—воззваніе ко всему женскому полу вообще. Въ дѣйствительной жизни такія воззванія совершенно невозможны, потому что разобиженный человѣкъ всегда привязывается съ своей бранью къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя его оскорбили, но въ романѣ «Марево» человѣческія страсти разыгрываются иначе. Здѣсь тщедушное воплощеніе нигилизма, стараясь заявить свою собственную глупость и гнусность, оскорбляетъ все общество и всѣхъ женщинъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Слово *мозги* употреблено съ очевидной цѣлью попрекнуть нигилистовъ Молешотомъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что южно-русскіе нигилисты, какъ видно изъ словъ Коли Горобца, предписываютъ дамамъ носить *мозги* не внутри черепа, а снаружи, подъ шляпками,—тамъ, гдѣ въ настоящее время, по изящному выраженію того-же Коли, «торчатъ на сажень цвѣты». Такъ какъ ни одна дама не носитъ подъ шляпкой цвѣтовъ «на сажень» и такъ какъ съ другой стороны носить мозги *на* головѣ неопрятно и безполезно, то читатель долженъ согласиться, что нигилизмъ совершенно несостоятеленъ, ибо нигилисты лгутъ безсовѣстнымъ образомъ и для своихъ преступныхъ цѣлей извращаютъ основныя истины анатоміи и физіологіи).

«—Позвольте васъ спросить, милостивый государь, гдѣ вы воспитывались?—сказалъ Бронскій, подойдя въ свою очередь. (*Самъ* демонъ выступаетъ на сцену, чтобы защитить несчастное общество отъ неукротимаго пятнадцатилѣтняго злодѣя. Однако, надо сказать правду, первый вопросъ демона поразительно глупъ. Къ чему этотъ разговоръ о воспитаніи, когда забывшійся мальчикъ обругалъ всѣхъ дамъ дурами? Его просто надо было увести изъ комнаты и надо было предложить ему стаканъ холодной воды для успокоенія взволнованныхъ его страстей. Но, разумѣется, демонъ и не можетъ быть умнымъ, потому что онъ созданъ Клюшниковымъ, а, извѣстное дѣло, творецъ можетъ дать своему творенію только тѣ свойства, которыми онъ самъ обладаетъ).

«—Оставьте его,—шепнулъ Доминовъ:—это забавно. (Доминовъ—молодой, но уже очень солидный чиновникъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты. По какому случаю и съ какой точки зрѣнія этотъ господинъ можетъ находить забавными глупыя и неприличныя выходки Коли Горобца—это остается для читателя непроницаемой тайной).

«— Нѣтъ, онъ можетъ повредить...— также полу-шопотомъ отвѣчалъ Бронскій. (Кому повредить, чѣмъ повредить — это опять неразгаданная шарада. Авторъ очевидно старается напустить какъ можно больше таинственности; простодушные читатели ловятся на эту балаганную штуку и быстро поглощаютъ одну страницу за другой, въ надеждѣ найти наконецъ желанное объясненіе. Никакого объясненія они не находятъ, но они не злопамятны; имъ надо было только убить время. Если авторъ усыпаетъ свой разсказъ глухими намеками на какую-то интригу, то читатели, по своему добродушію, не потребуютъ отъ него, чтобъ онъ имъ показалъ всѣ нити и весь смыслъ интриги; они до самаго конца романа будутъ чего-то ждать, а потомъ, ничего не дождавшись, смиренно поблагодарятъ дюжиннаго писаку за доставленное имъ удовольствіе).

«—Наше поколѣніе само себя воспитывало,— продолжалъ Коля. (Вотъ вамъ третье мудреное слово, — «гражданинъ», «нигилистъ», «наше поколѣніе» — все это слова весьма предосудительныя, которыя могутъ произносить только неблагонравные гимназисты).

«—И съ перваго разу поретъ дичь,—спокойно возразилъ Бронскій. — Что это за ваше поколѣніе? Развѣ не каждую минуту люди родятся?

«— Браво! браво!—раздалось вокругъ. (Ахъ, какой умный Бронскій и какое умное общество! Чему-жъ они такъ обрадовались и съ какой стати закричали «браво»? По словамъ Бронскаго выходитъ, что столѣтній старикъ и грудной ребенокъ принадлежатъ къ одному поколѣнію. Ихъ раздѣляетъ, правда, промежутокъ времени въ девяносто-девять лѣтъ, но вѣдь это ровно ничего не значитъ. Годъ состоитъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ, мѣсяцъ—изъ тридцати дней, день—изъ 24 часовъ, часъ—изъ 60 минутъ, а люди родятся каждую минуту. Столѣтній старикъ принадлежитъ къ одному поколѣнію съ тѣмъ человѣкомъ, который родился минутой позднѣе его, и съ тѣмъ также, который родился двумя минутами позднѣе, и тремя, и четырьмя, и пятью, и такъ далѣе; если продолжать такой разсчетъ очень долго, то и окажется, что столѣтній старикъ и грудной ребенокъ принадлежатъ къ одному поколѣнію. Это — варіація на извѣстный софизмъ старой схоластической логики — о плѣшивомъ. Вамъ предлагаютъ вопросъ: «если вырвать у васъ одинъ волосъ, сдѣлаетесь-ли вы плѣшивымъ?» — Вы, разумѣется, отвѣтите: «нѣтъ». — «А если вырвать еще одинъ?»—«Нѣтъ».—«А еще одинъ?» —«Нѣтъ». Но наконецъ вамъ придется же сказать: «да», и тогда вашъ собесѣдникъ объявитъ вамъ, что вы сдѣлались плѣшивымъ отъ потери *одного* волоса, или же—что между плѣшивымъ и не плѣшивымъ человѣкомъ нѣтъ никакой разницы. Тотъ, кто первый выдумалъ эту штуку, былъ конечно очень остроуменъ, но прилагать эту старую выдумку къ различнымъ частнымъ случаямъ—совсѣмъ не трудно. Но даже въ частномъ приложеніи стараго софизма Клюшниковъ ползетъ по чужимъ слѣдамъ. «Русскій Вѣстникъ», питающій нѣжную страсть ко всякой схоластической дребедени, уже давно старался доказать схоластическими ухищреніями, что молодое поколѣніе есть миѳъ, сочиненный двумя-тремя злонамѣренными журналистами).

«— Что тутъ значатъ лѣта? Тутъ важны одинаковыя убѣжденія. (Четвертое мудреное слово, вложенное въ уста Коли для опошленія! Толковать объ убѣжденіяхъ могутъ только малолѣтніе грубіяны).

«— Значитъ, ничего не признавая, признаемъ классификаціи, признаемъ убѣжденія... (Тутъ я даже втупикъ становлюсь передъ величіемъ этой пошлости. Откуда это почерпнулъ Бронскій то свѣдѣніе, что Коля Горобецъ ничего не признаетъ? И что это значитъ — ничего не признавать? И кто это ухитрился не признавать классификацій и убѣжденій? Если я не признаю классификацій, то, значитъ, я смѣло могу утверждать, что орангъ-утангъ есть металлъ, что дубъ есть млекопитающее, а желѣзо—растеніе. Такъ, что-ли?—Но въ сущности это все равно. Дѣло не въ томъ. Клюшниковъ очевидно полагаетъ, что есть на свѣтѣ люди, непризнающіе ничего, непризнающіе классификацій и убѣжденій. Въ этомъ мнѣніи Клюшникова нѣтъ ничего особенно изумительнаго. Вѣдь полагаетъ же странница Феклуша, появляющаяся на сценѣ въ «Грозѣ» Островскаго, что есть люди съ песьими головами. Я не вижу ни малѣйшаго резона, почему и Клюшникову не имѣть столь же оригинальныхъ понятій о землѣ и о тваряхъ, на ней живущихъ. Что позволительно Феклушѣ, то вовсе не должно составлять запретный плодъ и для Клюшникова. Но вѣдь вы вотъ что возьмите въ расчетъ: Бронскій видитъ Колю Горобца въ первый разъ въ жизни; въ словахъ Коли не было высказано еще ни одного намека на какія бы то ни было признаванія или отрицанія. Спрашивается, какимъ же процессомъ мысли Бронскій могъ добраться до той непостижимой нелѣпости, которую онъ произноситъ? Клюшниковъ, какъ кліентъ «Русскаго Вѣстника», очень сердится на какихъ-то людей съ песьими головами. Мысль объ этихъ чудовищахъ не даетъ покоя Клюшникову, но зачѣмъ же онъ навязываетъ свою собственную галлюцинацію тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ романа, которыя никакъ не могутъ думать, чувствовать и говорить такъ, какъ думалъ, чувствовалъ и говорилъ бы на ихъ мѣстѣ самъ Клюшниковъ?)

«— А, да чортъ васъ побралъ бы,—крикнулъ гимназистъ и улизнулъ изъ залы.

«— Молодецъ графъ, не нынѣшнимъ—чета! замѣтилъ солидный господинъ, съ большимъ интересомъ слѣдившій за этимъ объясненіемъ».

Вы видите, что солидные господа принимаютъ Колю Горобца за одного изъ «нынѣшнихъ». Какъ лестно должно быть графу, что его называютъ «молодцомъ» такіе умные люди! И какъ пріятно должно быть графу то сознаніе, что онъ передъ лицомъ всего уѣзднаго общества съумѣлъ побѣдить въ словесномъ турнирѣ даже пятнадцатилѣтняго гимназиста! Да и мудрено было не побѣдить! Какъ ни глупы были выходки Коли, однако фразы Бронскаго еще неизмѣримо глупѣе, а глупость, доведенная до колоссальныхъ размѣровъ, можетъ ослѣпить, оглушить, ошеломить и окончательно сбить съ толку самаго искуснаго діалектика. Спорить можно только съ тѣмъ человѣкомъ, который дѣйствительно работаетъ умомъ во время спора. Побѣдить въ спорѣ можно только того человѣка, у котораго есть въ головѣ здоровая, естественная логика. Говоря съ такимъ человѣкомъ, вы можете прослѣдить весь процессъ его мысли и отыскать ту точку, въ которой кроется основная причина ва-

щего разногласія. Но что-же вы станете дѣлать съ такимъ собесѣдникомъ, который неспособенъ связать въ своей головѣ двухъ мыслей? Скажетъ онъ вамъ напримѣръ фразу; вы увидите въ этой фразѣ нелѣпость; начнете вы доказывать ему, что онъ ошибся, онъ сейчасъ отпуститъ вамъ вторую фразу, опять съ нелѣпостью, неимѣющей даже никакой логической связи съ первой; вы кинетесь къ этой второй фразѣ и начнете ее распутывать, онъ вамъ—третью, такого-же достоинства и такъ-же совершенно независимую отъ двухъ первыхъ. И такимъ образомъ онъ отчеканитъ десятки фразъ, безъ малѣйшаго утомленія, потому что онъ не думаетъ, а только говоритъ. Но вы, разумѣется, очень скоро совершенно ошалѣете отъ безплодныхъ усилій отыскать между его фразами какую-нибудь логическую связь. Вы попросите пощады или, подобно Горобцу, улизнете изъ комнаты, а вашъ глупый собесѣдникъ будетъ считаться въ солидномъ обществѣ такимъ молодцомъ, который «не нынѣшнимъ чета». Бронскій спрашиваетъ у Горобца, гдѣ онъ воспитывался; тотъ ему отвѣчаетъ; Бронскій, не продолжая своей прежней мысли, ухватывается за одно слово въ отвѣтѣ Горобца и на этомъ словѣ строитъ фразу; Горобецъ отвѣчаетъ на эту фразу; Бронскій опять выхватываетъ одно слово изъ отвѣта и опять на этомъ словѣ строитъ новую фразу. Такая забава можетъ продолжаться до безконечности.—Клюшниковъ заставляетъ Бронскаго говорить глупости не потому, что желаетъ представить его безтолковымъ человѣкомъ. Напротивъ того, Бронскій—по замыслу Клюшникова—продувная шельма, демонъ, хитрый и опасный человѣкъ; Клюшниковъ стремится увѣрить насъ, что Бронскій опуталъ своими интригами цѣлый край; Клюшниковъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы въ каждое слово Бронскаго вложить нѣчто многозначительное и молніеносное; но Клюшниковъ все-таки остается Клюшниковымъ, и поэтому Бронскій оказывается пигалицей вмѣсто того, чтобы быть лукавымъ демономъ. И читатель припоминаетъ съ сострадательной улыбкой ту неосновательную лягушку, которая старалась усвоить себѣ тучность вола. Клюшникову было-бы очень выгодно, еслибы мы повѣрили ему на слово; тогда-бы онъ намъ просто сказалъ: «Бронскій и Русановъ—умные люди»; мы-бы этимъ увѣреніемъ тотчасъ удовлетворились; но мы—тоже люди хитрые и несговорчивые; мы на это возражаемъ Клюшникову: «а вы намъ нарисуйте умныхъ людей! Вы намъ покажите, какъ умные люди говорятъ, дѣйствуютъ. Ну-ка, попробуйте!»—Клюшниковъ пробуетъ, но тучность вола остается для него недостижимымъ идеаломъ. И Бронскій, и Русановъ, и всякіе Горобцы мужескаго и женскаго пола наводятъ на читателя уныніе и оцѣпенѣніе, потому что на всѣхъ этихъ особахъ сіяетъ неизгладимая печать ихъ общаго фабриканта.

III.

Разобранная мною сцена занимаетъ въ романѣ Клюшникова двѣ небольшія странички. Когда-же я взялъ на себя печальный трудъ отмѣтить и распутать всѣ безсмыслицы, украшающія эту сцену, тогда мнѣ пришлось написать слишкомъ десять страницъ большого формата. Вы у меня вѣроятно спросите: ради чего-же я такъ усердствовалъ?—А вотъ видите-ли: мнѣ хотѣлось показать публикѣ, какимъ образомъ слѣдуетъ читать русскія книги. Если вы прочтете сцену безъ вниманія, то вы не увидите въ ней ничего особеннаго: гимназистъ оторвалъ платье, поругался съ почтенными людьми, убѣжалъ изъ комнаты—все это вещи возможныя, нисколько не нарушающія законовъ природы. Но прочтите ту-же сцену со вниманіемъ, и вы увидите въ ней поразительную безтолковщину. Всѣ дѣйствующія лица—какія-то куколки на пружинкахъ; всѣ говорятъ совсѣмъ не то, что они могутъ и должны говорить по своему положенію и характеру; отвѣты не вяжутся съ вопросами; каждый городитъ свою собственную чепуху, и вы никакъ не можете понять, какая побудительная причина выталкиваетъ изъ него столь неожиданные и неправдоподобные звуки.

Еслибы наша публика выучилась читать внимательно романы и журнальныя статьи, еслибы она постоянно требовала отъ писателя строгаго отчета въ каждомъ написанномъ имъ словѣ, еслибы она проникнулась тѣмъ убѣжденіемъ, что каждое слово должно непремѣнно выражать собой мысль, совершенно понятную для того, кто пишетъ это слово,—тогда литература наша навсегда очистилась-бы отъ такихъ худосочныхъ прыщей, какъ романъ «Марево», или журналъ «Эпоха». Весь романъ «Марево», съ первой страницы до послѣдней, написанъ совершенно такъ, какъ разобранная мною сцена. Попробуйте, господа читатели, раскрыть его на удачу въ разныхъ мѣстахъ и разобрать попавшіяся вамъ двѣ-три страницы съ той тщательностью, съ какой я разобралъ 54-ю и 55-ю страницы перваго тома. У васъ просто голова кругомъ пойдетъ отъ этого убійственнаго чтенія; а между тѣмъ въ прошломъ году этотъ романъ читался на-расхватъ. Что-же дѣлать критикѣ противъ этого скандальнаго торжества бездарности? Публикѣ были даны еще со временъ Бѣлинскаго превосходные руководящіе принципы. Но что-же дѣлать, если она сама еще не умѣетъ прикладывать ихъ къ частнымъ случаямъ? Остается только одно послѣднее средство: надо въ критическихъ статьяхъ, кромѣ теоріи, давать еще и практику. Надо не только дать публикѣ въ руки букварь, но надо еще читать вмѣстѣ съ нею нараспѣвъ: буки-азъ—ба, вѣди-азъ—ва и такъ далѣе. Мой разборъ клюшниковской сцены есть именно такое чтеніе нараспѣвъ. Это очень скучно

и утомительно, но больше вы ничѣмъ не остановите наплыва бездарностей, позорящихъ нашу литературу во всѣхъ ея отрасляхъ. Чего добраго, мнѣ скоро придется возиться со статьями Николая Соловьева такъ, какъ я вожусь теперь съ романомъ Клюшникова. Бездарность душитъ насъ со всѣхъ сторонъ.

Мы видѣли, какъ прелестно Клюшниковъ рисуетъ мельчайшія подробности вседневной жизни. Посмотримъ теперь, искусенъ-ли онъ въ группированіи и освѣщеніи крупныхъ событій, на которыхъ лежитъ весь психологическій интересъ его романа. Посмотримъ, каково задуманы и обрисованы главные характеры. Разумѣется, важнѣе всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ кандидатъ Русановъ, добродѣтельный юноша, которому авторъ вполнѣ сочувствуетъ и который даже, по словамъ одного эстетика, Эдельсона, представляетъ собой лицо идеальное. Намъ очень пріятно познакомиться съ такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Посмотримъ-же теперь, какими глазами лицо идеальное созерцаетъ міръ запутанныхъ человѣческихъ отношеній?

Русановъ, только-что кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, пріѣзжаетъ въ одну изъ украинскихъ губерній, на хуторъ къ своему дядѣ, и, заинтересовавшись одной барышней, Инной Горобецъ, рѣшается поселиться въ тихомъ уголкѣ и занять тамъ должность мирового посредника. Онъ въ одно прекрасное утро отправляется по сосѣднимъ хуторамъ знакомиться съ помѣщиками и, объявляя имъ свое желаніе, проситъ ихъ содѣйствія на предстоящихъ выборахъ. Странное дѣло! Лицо идеальное сразу ставитъ себя въ самое смѣшное положеніе. Представьте себѣ, что вы—помѣщикъ. Къ вамъ пріѣзжаетъ незнакомый вамъ юноша и говоритъ: «честь имѣю рекомендоваться. Я—кандидатъ Русановъ. Потрудитесь подать за меня голосъ, когда вамъ придется выбирать мирового посредника».—Если вы человѣкъ благоразумный, то вы вѣроятно посмотрите на вашего гостя съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Онъ только-что успѣлъ показать вамъ свою физіономію и произнести свою фамилію, и онъ уже думаетъ, что имѣетъ нѣкоторыя права на ваше довѣріе и уваженіе. Онъ полагаетъ, что вы сами добровольно отдадите въ его руки заботы о такомъ важномъ для васъ вопросѣ, какъ полюбовное размежеваніе вашихъ интересовъ съ интересами крестьянъ. Изъ любопытства вы спросите у вашего гостя: «давно-ли вы изволили пріѣхать въ наши края?»—Онъ вамъ отвѣтитъ: «три недѣли».—«А прежде гдѣ вы изволили жить?»—«Въ Москвѣ. Я учился въ тамошнемъ университетѣ».—Изъ этихъ двухъ краткихъ отвѣтовъ вы уразумѣете, что вашъ собесѣдникъ никогда не былъ деревенскимъ жителемъ и слѣдовательно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ людяхъ, съ которыми ему придется имѣть дѣло, ни о тѣхъ матеріальныхъ интересахъ, которые онъ такъ отважно берется размежевывать. Такъ какъ вашъ юный гость стремится къ званію мирового посредника, не обращая никакого вниманія на свою очевидную неопытность и некомпетентность, то вы имѣете полное право видѣть въ немъ или заносчиваго и пустоголоваго вѣтрогона, хватающагося за всякую работу и неимѣющаго даже понятія о тѣхъ серьезныхъ трудностяхъ, которыя сопряжены съ добросовѣстнымъ отправленіемъ каждой общественной должности,—или-же молодого пройдоху, пошлаго искателя приключеній, которому хочется только сорвать съ земства полторы тысячи рублей на канцелярскіе расходы и потомъ вести дѣло на-авось, спустя рукава, безъ всякихъ расходовъ и трудовъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ вы принуждены будете отнестись къ вашему новому знакомому съ сострадательнымъ презрѣніемъ, которое по всей вѣроятности нисколько не подвинетъ его впередъ къ желанной цѣли. Идеальное лицо—Русановъ повидимому долженъ былъ все это предвидѣть заранѣе. Но Русановъ о такихъ пустякахъ не думаетъ. Онъ рѣшается быть мировымъ посредникомъ совершенно неожиданно для себя и для читателя, такъ, какъ онъ рѣшился-бы выкупаться въ рѣкѣ или пойти на охоту, или сыграть съ добрымъ пріятелемъ партію на билліардѣ. Неужто въ самомъ дѣлѣ идеальныя лица должны приниматься за общественную дѣятельность съ такой младенческой беззаботностью?

Вы можетъ быть попробуете сказать въ оправданіе Русанова, что онъ еще очень молодъ, не знаетъ жизни, видитъ вещи въ розовомъ свѣтѣ, слишкомъ много надѣется на свои юношескія силы и вслѣдствіе этого слишкомъ смѣло и необдуманно хватается за такую дѣятельность, о которой онъ имѣетъ самое поверхностное понятіе. Нѣтъ. Ваше оправданіе не идетъ къ дѣлу. Въ студенческіе годы мы не знаемъ дѣйствительной жизни, но мы живемъ въ области мысли; мы въ это время долго, упорно и серьезно думаемъ о нашей будущей дѣятельности: мы подходимъ къ явленіямъ дѣйствительности съ очень строгими, быть можетъ даже неосуществимыми требованіями; взглядъ нашъ на человѣческія отношенія и на предстоящій трудъ отличается въ молодости скорѣе излишней торжественностью, чѣмъ излишнимъ легкомысліемъ. Вѣтреными юношами выходятъ изъ университета только тѣ личности, которыя во все время своего студенчества не переставали быть прилежными ученицами или рѣзвыми малютками. Молодые люди, мало-мальски умные и даровитые, переживаютъ обыкновенно во время своего студенчества, при столкновеніи съ живой струей науки, много тяжелыхъ и незабвенныхъ минутъ внутренней борьбы и умственнаго броженія. Молодой человѣкъ углубляется въ самого себя и съ замираніемъ сердца задастъ себѣ рѣшительные вопросы:

«что̀ я такое? Какъ я проживу на свѣтѣ? Каковъ складъ моего ума? Каковы размѣры моихъ силъ? На что̀ я годенъ? Къ чему я себя пристрою? Чѣмъ я обезпечу за собой право подавать руку честнымъ людямъ и смотрѣть имъ прямо въ глаза?» Рѣшеніе этихъ вопросовъ тѣмъ болѣе мучительно, что молодость всегда нетерпѣлива. Молодость тратитъ неразсчетливо все, начиная отъ своего двугривеннаго и кончая своей величайшей драгоцѣнностью—живыми силами организма. Но когда неразсчетливый юноша схватываетъ себя за голову и, потрясенный какимъ-нибудь новымъ впечатлѣніемъ, вдругъ съ поразительной ясностью чувствуетъ потребность рѣшить вопросы жизни,—тогда юношѣ кажется, что время не терпитъ, что каждая минута драгоцѣнна, что надо тотчасъ сдѣлать рѣшительный выборъ, тотчасъ готовить себя къ извѣстной дѣятельности, что малѣйшее промедленіе вредно и преступно, какъ медленное самоубійство или какъ позорное отступничество. Въ умѣ молодого человѣка поднимается буря; вопросы рѣшаются сегодня такъ, завтра—иначе, черезъ недѣлю—на третій манеръ. Молодой человѣкъ злится, бранитъ себя за безхарактерность, выбивается изъ силъ, унываетъ, потомъ принимается за работу хладнокровнѣе, потомъ опять горячится, опять изнемогаетъ, и понемногу въ этихъ необходимыхъ и спасительныхъ буряхъ нашей молодости созрѣваетъ и складывается сильный и мужественный характеръ, который будетъ встрѣчать и переносить съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ добродушнѣйшей веселостью все то, что̀ пугаетъ, давитъ, развращаетъ и уродуетъ мелкихъ людишекъ, незакаленныхъ въ суровой школѣ внутренней борьбы и умственныхъ страданій. Если молодой человѣкъ по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ мѣняетъ рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ жизни, то эта подвижность вовсе не доказываетъ, что рѣшенія даются ему дешево и что онъ относится легкомысленно къ своей будущей дѣятельности. Мѣняетъ онъ свои рѣшенія совсѣмъ не для того, чтобы увеселять себя разнообразіемъ; онъ худѣетъ и блѣднѣетъ, онъ ночей не спитъ отъ этого увеселенія; чѣмъ чаще приходится мѣнять, тѣмъ сильнѣе онъ страдаетъ; да вѣдь что же дѣлать? Такіе вопросы не рѣшаются кое-какъ, и невозможно-же, изъ любви къ умственному комфорту, оставлять неизмѣннымъ такое рѣшеніе, которое уже перестало казаться удовлетворительнымъ.

Юношамъ приписываютъ обыкновенно способность мечтать о будущемъ; *юность* и *мечты*—два понятія неразлучныя; нѣтъ того риѳмоплета, нѣтъ того бездарнаго писаки, который-бы не отпустилъ нѣсколько казенныхъ пошлостей о золотыхъ или о розовыхъ мечтахъ юности. Риѳмоплетъ или бездарный беллетристъ въ своей юности дѣйствительно только на то и были годны, чтобы мечтать о розовомъ предметѣ, напримѣръ о какой-нибудь барышнѣ, или о золотомъ предметѣ, напримѣръ объ офицерскихъ эполетахъ. Можетъ-быть у этихъ господъ были кромѣ того и караковыя мечты, направлявшіяся къ верховой лошади такой масти, и сѣдыя мечты, клонившіяся къ бобровому воротнику, который въ свое время будетъ весьма картинно серебриться морозной пылью, по незабвенному выраженію Пушкина, величайшаго спеціалиста по части всякихъ юношескихъ мечтаній, пѣгихъ и буланыхъ, о маленькихъ ножкахъ и объ издѣліяхъ вдовы Клико. Всѣ подобныя мечтанія чрезвычайно усладительны; но то юношество, которое понесетъ на своихъ плечахъ судьбу общества въ ближайшія десятилѣтія, то юношество, въ которомъ лежатъ задатки мужественной зрѣлости,—мечтаетъ мало. Оно думаетъ, и его думы награждаютъ его ранними морщинами и преждевременными лысинами. Объ этой крѣпкой, страстной и серьезной дѣятельности юношеской мысли Клюшниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Его идеальное лицо—Русановъ мечталъ въ университетѣ объ общественной дѣятельности такъ, какъ современники Пушкина мечтали о шампанскомъ и о балетѣ. Возвышеннѣе такого идеала Клюшниковъ, разумѣется, и не можетъ ничего создать. Безсиліемъ автора и узкостью его пониманія только и объясняется то хлестаковское нахальство, съ которымъ лицо идеальное пытается сунуть свой носъ въ совершенно неизвѣстную ему отрасль серьезной практической дѣятельности. Зрѣлище выходитъ умилительное и уморительное. Герой дѣлаетъ пошлѣйшую изъ пошлостей, а романистъ одобрительно и даже почтительно киваетъ головой. Это напоминаетъ мнѣ ту сцену изъ «Мертвыхъ Душъ», когда Маниловъ съ радостнымъ умиленіемъ, свойственнымъ глупому отцу, превозноситъ геніальныя способности своего вислоухаго Ѳемистоклюса, котораго въ эту самую минуту насильственно сморкаетъ лакей.

Плохія газеты, стараясь заявить свой либерализмъ, подтруниваютъ обыкновенно надъ какой-нибудь несчастной Турціей, или упрекаютъ въ ретроградствѣ какого нибудь шанхайскаго мандарина. Плохіе беллетристы, подобные Клюшникову, стремясь обнаружить свою образованность и тонкость своего юмора, рисуютъ обыкновенно съ великосвѣтской насмѣшливостью картины дикихъ провинціальныхъ нравовъ. Ироническіе отзывы о закоснѣлости Турціи и о провинціальномъ mauvais-genre питаютъ и грѣютъ многихъ либеральныхъ каплуновъ, которымъ барская спѣсь и непобѣдимая лѣнь мѣшаютъ взяться за пиленіе дровъ или за таскаліе воды.—Описывая путешествіе Русанова по сосѣднимъ хуторамъ, Клюшниковъ, разумѣется, развертываетъ сокровища своего юмора и бросаетъ насмѣшливые взгляды на обитателей украинскаго захолустья. Но просвѣщенный либералъ не за-

мѣчаетъ того, что чѣмъ больше онъ издѣвается надъ смиренными провинціалами, тѣмъ глупѣе и смѣшнѣе становится фигура его любимаго героя, сунувшагося въ воду, не спросясь броду.—«Ну, будетъ по сумасшедшимъ домамъ шляться!—восклицаетъ Русановъ, объѣхавъ около десятка хуторовъ».—О, милѣйшій господинъ Русановъ, какъ жестоко вы поражаете этимъ возгласомъ вашу собственную особу! Вы сами напрашивались на такую должность, которая приводила-бы васъ въ ежедневныя соприкосновенія съ самыми допотопными типами провинціальной жизни. Вы называете вашихъ сосѣдей сумасшедшими? Прекрасно! Но, къ счастью для васъ, у этихъ сумасшедшихъ все-таки хватило здраваго смысла на то, чтобы отклонить вашу просьбу о мировомъ посредничествѣ. А что-бы вы запѣли въ томъ случаѣ, еслибы сумасшедшіе не оказались благоразумнѣе васъ и еслибы они исполнили ваше желаніе? Вѣдь вамъ, мой неразсудительный другъ, пришлось-бы тогда каждый день бывать въ какомъ-нибудь сумасшедшемъ домѣ и каждый день по нѣскольку часовъ подъ-рядъ вести юридическія или экономическія бесѣды то съ помѣщицей Коробочкой, то съ Собакевичемъ, то съ Ноздревымъ. У васъ голова закружилась отъ нѣсколькихъ легкихъ разговоровъ о погодѣ и объ урожаѣ, а каково-бы вамъ пришлось тогда, когда надо было-бы толковать обитателямъ сумасшедшихъ домовъ положеніе 19-го февраля, объяснять имъ, что такое уставная грамота, выкупная сдѣлка, разверстаніе угодій? Какъ-же вы осмѣлились просить себѣ званія мирового посредника, когда вы даже приблизительно не знали умственной и нравственной физіономіи того общества, въ которомъ вамъ пришлось-бы судить и рядить? Если вы называете сумасшедшими вашихъ сосѣдей, смиренно сидящихъ въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, то какъ прикажете назвать Владиміра Ивановича Русанова, образованнаго юношу, врывающагося въ міръ сумасшедшихъ домовъ для полученія тысячи пятисотъ рублей за такую работу, которую онъ никакъ не можетъ выполнить добросовѣстно и удовлетворительно?

На одномъ изъ хуторовъ Русановъ бесѣдуетъ съ сантиментальной помѣщицей, которая послѣ первыхъ двухъ словъ наводитъ разговоръ на амурныя дѣла. Русановъ цѣломудренно уклоняется отъ этого щекотливаго предмета и выдвигаетъ впередъ свое желаніе быть мировымъ посредникомъ. Происходитъ маленькое недоразумѣніе, созданное Клюшниковымъ для того, чтобы уязвить и осмѣять провинціалку, которую онъ называетъ «дебелой красавицей». Но несчастный Русановъ при этомъ недоразумѣніи оказывается несравненно смѣшнѣе «дебелой красавицы».

«— Я желалъ-бы переговорить съ вашимъ супругомъ,—говоритъ Русановъ... я желалъ-бы быть посредникомъ.

— О, шалунъ! Вы знаете, какъ это опасно! Вы хотите быть посредникомъ между жертвой и тираномъ.

— Какъ-съ?

— Между замужней женщиной...

— Нѣтъ-съ, мировымъ посредникомъ...

— А-а-а! Я вѣдь сказала вамъ, мужа нѣтъ дома. Это не по моей части...»

«Дебелая красавица» желаетъ пошалить съ молодымъ человѣкомъ. Это конечно очень безнравственно, но совсѣмъ не глупо, потому что многіе молодые люди—большіе охотники до шалостей; стало-быть, красавица не могла знать заранѣе, что ея желаніе не осуществится. Молодой человѣкъ заговариваетъ «съ дебелой красавицей» о мировомъ посредничествѣ. Это конечно нисколько не безнравственно, но зато очень глупо, потому что молодой человѣкъ долженъ былъ сразу увидѣть и понять, что «дебелая красавица» способна заниматься только тѣмъ, что «по ея части». Стало-быть, бесѣдовать съ нею о дѣлахъ государственной или общественной службы было совершенно неумѣстно.

IV.

Потерпѣвши неудачу въ исканіи мирового посредничества, Русановъ поступаетъ на службу въ гражданскую палату и получаетъ мѣсто столоначальника. Когда ему уже было обѣщано это мѣсто, онъ ведетъ слѣдующій разговоръ съ своимъ бывшимъ университетскимъ товарищемъ, Бронскимъ.

«— Вы все такой-же, Владиславъ,—говоритъ Русановъ.—Вотъ вы опять утонули въ мечтахъ; когда-то вы ихъ приложите?

«— А вы свои приложите?

«— Да, помните, какъ мы, разставаясь на станціи, пили наше вступленіе въ жизнь? (*Пить вступленіе въ жизнь* запрещено законами русскаго синтаксиса. Еслибы можно было пить вступленіе въ жизнь, то было-бы также совершенно позволительно пить день рожденія или свадьбу. Но до сихъ поръ никому не приходила въ голову такая преступная мысль). Съ завтрашняго дня я—столоначальникъ гражданской палаты.

«— Съ чѣмъ васъ и поздравляю!—сказалъ графъ, отодвигаясь».

Разумѣется, трудно повѣрить тому, чтобы идеальное лицо—Русановъ мечталъ, при выходѣ изъ университета, именно о мѣстѣ столоначальника гражданской палаты. Молодые люди, одержимые демономъ честолюбія, мечтаютъ обыкновенно о болѣе возвышенномъ положеніи въ служебной іерархіи, напримѣръ о министерскомъ портфелѣ или по меньшей мѣрѣ о превосходительномъ титулѣ, о звѣздѣ, о лентѣ, о золотомъ ключѣ. Но я думаю, что даже Клюшниковъ постыдится оффиціально заявлять свое сочувствіе къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые смотрятъ на государственную службу исключительно какъ на средство удовлетворять прихотямъ мелочного

тщеславія. Поэтому я готовъ допустить, что Русановъ при выходѣ изъ университета мечталъ не о чинахъ и знакахъ отличія, а о той пользѣ, которую онъ будетъ приносить обществу, занимая въ государственной службѣ какую-нибудь скромную должность. Словомъ, Русановъ мечталъ въ университетѣ такъ, какъ Надимовъ и великодушный становой Львова мечтали на сценѣ Александринскаго театра. Можно было-бы замѣтить, что эти мечты составляютъ уже для русскаго общества разогрѣтое кушанье, но я буду снисходителенъ до конца, постараюсь забыть несвоевременность русановскихъ мечтаній и произнесу надъ ними приговоръ только на основаніи тѣхъ фактовъ, которые изобрѣтаетъ самъ Клюшниковъ. — Черезъ нѣсколько времени послѣ поступленія Русанова на службу помощникъ новаго столоначальника, Чижиковъ, приглашаетъ его къ себѣ пообѣдать запросто. Послѣ очень скромнаго обѣда Чижиковъ пускается съ своимъ начальникомъ въ откровенный разговоръ.

« — По правдѣ сказать, Владиміръ Иванычъ, я не безъ задней мысли и пригласилъ васъ поглядѣть на наше житье-бытье... Я васъ побаивался...

— Меня-то?

— Вы вѣдь того-съ... изъ нынѣшнихъ,—сказалъ Чижиковъ, посмѣиваясь:—а я... лучше ужъ разомъ покаяться... Я беру взятки... А вы погодите, вы не сразу казните... Я и уроки даю, получаю рублей пятнадцать въ мѣсяцъ; ну, мезонинъ доставляетъ пятьдесятъ ежегодно. Этимъ-бы можно и жить, да вы возьмите то: начальство требуетъ, чтобъ являться въ своемъ видѣ, не оборвышемъ, ну, и сапоги... Хотя съ высшей точки зрѣнія, казалось-бы, что̀ такое сапоги! А тутъ благодарятъ двумя-тремя рубликами... Не бралъ-съ, ей Богу не бралъ, пока оставалось кой-что у жены; все надѣялся на повышеніе, а вышло вотъ что!...

Чижиковъ пустилъ густое, бѣлое кольцо дыму; оно плыло, расширилось въ темную ленту и пропало въ воздухѣ.

— Скажите пожалуйста,—началъ Русановъ, желая прекратить тяжелое объясненіе:—неужели Ишимовъ ничего не далъ за сестрой?»

Вмѣсто того, чтобы описывать весьма картинно, какимъ образомъ бѣлое кольцо дыму плыло, плыло и пропадало въ воздухѣ, Клюшникову не мѣшало-бы задуматься надъ тѣмъ двусмысленнымъ положеніемъ, въ которое попалъ Русановъ вслѣдствіе «тяжелаго объясненія» съ своимъ подчиненнымъ. Но Клюшниковъ даже не замѣтилъ никакой двусмысленности и никакого положенія. Русановъ, который, разумѣется, не можетъ быть дальновиднѣе своего творца, также отнесся ко всему этому разговору очень легко и игриво. Онъ только своротилъ въ сторону отъ «тяжелаго объясненія» и затѣмъ счелъ все дѣло оконченнымъ. Этого мало. Онъ даже въ домѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ, Горобцовъ, «началъ описывать чиновный міръ и пошелъ по своей колеѣ съ свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ». По какой колеѣ ходитъ обыкновенно Русановъ въ своихъ разговорахъ—этого я не знаю, потому что всѣ его разговоры, приведенные въ романѣ, совершенно безсвязны, безалаберны, наполнены внутренними противорѣчіями и ни въ какую опредѣленную колею не могутъ быть втиснуты. Что Русанову свойственъ какой-то юморъ, этому я также не могу повѣрить, потому что во всѣхъ его разговорахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ юмора. Въ добродушіи-же я, пожалуй, не откажу Русанову, если только подъ этимъ именемъ мнѣ позволено будетъ подразумѣвать его абсолютную неспособность отнестись серьезно къ какому-бы то ни было явленію жизни и довести послѣдовательно до конца какую-бы то ни было дѣльную мысль.—На *добродушные* разсказы Русанова о чиновномъ мірѣ злобный Бронскій дѣлаетъ слѣдующее возраженіе. — «Какъ не пожалѣть, въ самомъ дѣлѣ! Жена, дѣти et caetera et caetera... О, благодѣтели! Неужели это оправданіе?»—И затѣмъ онъ принялся говорить въ духѣ такой нетерпимости, что Русановъ рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ.

Возраженіе Бронскаго показываетъ ясно, что Русановъ изощрялъ свой *добродушный юморъ* надъ чѣмъ-нибудь вродѣ *тяжелаго объясненія*, происходившаго въ квартирѣ Чижикова. Я вовсе не хочу заподозрить Русанова въ томъ, что онъ зубоскалилъ на счетъ горемычнаго житья бѣдныхъ чиновниковъ. Нѣтъ. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ. Тутъ важно то обстоятельство, что Русановъ относился весело и добродушно къ такому явленію, которое радикально подрываетъ для него всякую возможность остаться на службѣ. Основная тема русановскихъ разсказовъ о чиновномъ мірѣ состоитъ очевидно въ томъ, что, молъ, никакъ нельзя—жена, дѣти, поневолѣ беретъ.—Хорошо! Русановъ, какъ мы видѣли, узналъ, что его подчиненный беретъ взятки. Это *тяжелое объясненіе* каждому мыслящему человѣку, находящемуся на мѣстѣ Русанова, дало-бы почувствовать, что онъ попалъ въ такія страшные тиски, изъ которыхъ нѣтъ другого выхода, кромѣ чистой отставки. Къ чему обязываютъ Русанова его присяга, его совѣсть, требованія высшей идеи общественнаго быта? Очевидно, къ тому, чтобы безпощадно искоренять взяточничество. Какъ ближайшій начальникъ Чижикова, онъ долженъ донести о его противозаконныхъ поступкахъ и употребить всѣ свои усилія на то, чтобы врагъ общественнаго блага былъ отданъ подъ судъ. Если у Русанова не дрогнетъ рука задавить Чижикова и пустить по міру его жену; если Русановъ твердо рѣшился давить точно такимъже образомъ во все продолженіе своей службы всѣхъ бѣдныхъ чиновниковъ, подобныхъ Чижикову; если Русановъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, производя въ своемъ вѣдомствѣ это постоянное избіеніе младенцевъ, онъ дѣйствительно искореняетъ взяточничество и оказываетъ великія благодѣянія своему отечеству,—тогда Русановъ смѣло можетъ оставаться на службѣ и утвер-

ждать во всеуслышаніе, что его студенческая мечта о полезной общественной дѣятельности осуществилась блистательно. Но Русановъ поступаетъ совсѣмъ не такъ. Онъ не давитъ Чижикова и даже остается съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. *И въ то же время Русановъ не выходитъ въ отставку.* Вотъ это уже верхъ непослѣдовательности, той жалкой, старушечьей непослѣдовательности, которая происходитъ не отъ пылкостей страстей, а отъ слабости разсудка. Если Русановъ помиловалъ Чижикова, тогда онъ очевидно долженъ миловать постоянно всѣхъ чиновниковъ, находящихся подъ его начальствомъ. Какъ-бы широко ни шла служба Русанова, какъ-бы быстро ни подвигалась впередъ его карьера, какъ-бы широко ни раздвигались размѣры его власти и дѣятельности—все равно: Русановъ все-таки не можетъ сдѣлать ни шагу для прекращенія чиновническихъ злоупотребленій. Чижиковъ—хорошій человѣкъ, и у него на рукахъ жена; но вѣдь какой-нибудь Степановъ—тоже чудесный человѣкъ и у него на рукахъ старуха-мать, а чѣмъ-же дуренъ Фадѣевъ, у котораго на рукахъ двѣ сестры? И за что-же обижать вдовца Тиханова, у котораго на рукахъ пятеро малолѣтнихъ дѣтей?—Всѣ берутъ по необходимости, всякому деньги не безполезны и у всякаго есть что-нибудь на рукахъ. Значитъ, къ чему-же сводится, при такихъ условіяхъ задачи, студенческая мечта Русанова о полезной общественной дѣятельности? И чѣмъ-же будетъ отличаться идеальный чиновникъ Русановъ отъ всѣхъ матеріальныхъ чиновниковъ, служившихъ еще во времена Очакова и покоренія Крыма? Развѣ только тѣмъ, что тѣ воровали, а Русановъ *самъ* не будетъ воровать?—Значитъ, Русановъ служитъ не для того, чтобы приносить положительную пользу, не для того, чтобы искоренять зло, а для того, чтобы *не участвовать* во злѣ. На вопросъ: «что вы дѣлаете въ гражданской палатѣ?»—Русановъ долженъ отвѣчать: «*я не ворую*». Но тогда можно ему замѣтить, что этому отрицательному занятію онъ можетъ съ величайшимъ успѣхомъ предаться и у себя на хуторѣ, и въ Петербургѣ, и за-границей, и гдѣ угодно. Для того, чтобы *не воровать*, нѣтъ абсолютной необходимости носить вицмундиръ и ходить каждое утро въ гражданскую палату. Поступать на службу для того, чтобы со временемъ своимъ вліяніемъ реформировать и обновить цѣлыя обширныя части канцелярскаго механизма,—это еще куда ни шло; объ этомъ, пожалуй, могутъ мечтать юноши, созерцающіе жизнь изъ прекраснаго далека; но мечтать о томъ, чтобы быть въ своей жизни только безвреднымъ, готовить себя совершенно сознательно къ тому, чтобы сдѣлаться навсегда пассивнымъ винтомъ въ ветхомъ механизмѣ,—уже явный симптомъ такой вялости и хилости, такой собачьей старости, которая во всякомъ энергическомъ человѣкѣ возбуждаетъ полнѣйшее отвращеніе. О, великій романистъ, Клюшниковъ! О, великій редакторъ, Катковъ! О, великій эстетикъ, Эдельсонъ! Такъ это воплощеніе собачьей старости есть, по вашему мнѣнію, лицо идеальное?

Но позвольте! Это еще не все. Внутреннія противорѣчія въ поведеніи Русанова какъ-будто нарочно доводятся авторомъ до послѣднихъ предѣловъ комическаго безобразія. И авторъ такъ слѣпъ, что даже не замѣчаетъ этихъ противорѣчій. На страницѣ 109 Русановъ, придя въ первый разъ на службу, безъ малѣйшей надобности вступаетъ съ однимъ старымъ столоначальникомъ въ ожесточенный споръ по вопросу о взяткахъ. Вотъ вамъ эта поучительная бесѣда, въ которой Русановъ сіяетъ чисто-надимовскимъ благородствомъ души и безкорыстіемъ помысловъ.

«— Горячо вы очень къ сердцу принимаете, не обтерпѣлись еще, не настоящій чиновникъ!—увѣщевалъ старичокъ.

— Съ такимъ, какъ вы говорите, терпѣньемъ и до взятокъ недалеко,—рѣзко замѣтилъ Русановъ.

— Хе-хе!... Молода еще...

— Что?

— Въ Саксоніи не была... Эхъ, молодой человѣкъ! кто беретъ взятки? Это запрещено закономъ, за это лишаютъ чиновъ, дворянства...

— А все-таки берутъ...

— Да не взятки-же: благодарность за труды! Если вы примѣрно ночь просидите за какимъ-нибудь дѣломъ, изготовите къ докладу, какая-же это взятка? Развѣ вы обязаны сидѣть ночь? Въ Сводѣ Законовъ полагается присутствовать только до двухъ часовъ...

И старичокъ, доставъ красный фуляръ, высморкался съ полнымъ сознаніемъ неотразимаго аргумента.

— Да, почтеннѣйшій collega, — перебилъ Русановъ,—если предлагаютъ деньги, такъ вѣрно не за очередное: то и безъ того доложится... Стало-быть, взятка!

— Погодите, послужите, попривыкните къ нашему порядку...

— Ну, ужъ это дудки! Это вамъ придется къ нашему порядку-то приглядываться...»

На страницѣ 110 Русановъ горячится и говоритъ, что «это дудки», а на слѣдующей, 111-й страницѣ, Чижиковъ приглашаетъ его къ себѣ обѣдать и послѣ обѣда—на страницѣ 114—начинаетъ «тяжелое объясненіе», которое Русановъ прекращаетъ на страницѣ 115.—Спрашивается теперь, съ умысломъ ли, или безъ умысла Клюшниковъ поставилъ рядомъ двѣ сцены, одну между Русановымъ и старичкомъ, развивающимъ теорію благодарности, а другую между тѣмъ-же Русановымъ и Чижиковымъ, развивающимъ теорію необходимости? Если это сопоставленіе двухъ сценъ произошло нечаянно, тогда вопіющее слабоуміе автора не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію. Тогда, значитъ, Клюшниковъ пишетъ одну сцену за другой по какой-то силѣ инерціи, совершенно машинально: безъ всякаго общаго плана, не умѣя даже понимать смыслъ собственныхъ своихъ фразъ. Онъ пишетъ такъ, какъ деревенскіе дьячки читаютъ

псалтырь. И это толкованіе чрезвычайно выгодно для Клюшникова, потому что, если я предположу, что обѣ сцены написаны сознательно, съ умысломъ, тогда выйдетъ результатъ изъ рукъ вонъ пакостный,—такой результатъ, который покажется пакостнымъ всѣмъ пишущимъ и читающимъ людямъ, безъ различія литературныхъ партій. — Старичокъ говоритъ Русанову: «попривыкнете къ нашему порядку», и Русановъ дѣйствительно втеченіи какихъ-нибудь двухъ недѣль привыкаетъ. Старичокъ говоритъ: «благодарность за труды», и Русановъ горячится; Чижиковъ говоритъ: «благодарятъ двумя-тремя рубликами», и Русановъ отвиливаетъ отъ этого разговора, какъ человѣкъ, старающійся заглушить въ себѣ голосъ совѣсти. Значитъ, что-же это такое? Значитъ, старичокъ былъ правъ и слова его были пророчествомъ. Значитъ, человѣкъ возмущается взятками только тогда, когда «молода еще, въ Саксоніи не была», а какъ только побываетъ «въ Саксоніи», такъ сейчасъ и увидитъ, что взяточничество освящено законами природы, на вѣки нерушимыми, противъ которыхъ ратуютъ только по своей безтолковости безпокойные вольтеріанцы и фармазоны. Значитъ, даже и противъ взяточничества ратовать не слѣдуетъ. Значитъ, самые умные, самые честные, самые крѣпкіе молодые люди должны съ тупымъ спокойствіемъ травоядныхъ животныхъ тянуть старую канитель, завѣщанную прадѣдами, потому что извѣстное дѣло, яйца курицу не учатъ, и все это не нами началось и не нами должно кончиться.

Множество романовъ и повѣстей посвящались и посвящаются до сихъ поръ описанію того, какимъ образомъ молодые люди понемногу мирятся со всѣми мерзостями дѣйствительной жизни; но авторы этихъ романовъ и повѣстей никогда не осмѣливались оправдывать это примиреніе; они относились къ примирившимся юношамъ болѣе и менѣе сурово, иногда съ сострадательнымъ презрѣніемъ, можетъ-быть съ тихой грустью, но ужъ во всякомъ случаѣ безъ восторженнаго сочувствія. Эти романы и повѣсти были всегда варіаціями на знаменитыя слова Гоголя въ главѣ о Плюшкинѣ,—на тѣ слова, которыми Гоголь совѣтуетъ юношамъ забирать съ собой смолоду свѣжія чувства, потому что потомъ не подымешь на дорогѣ. — А въ романѣ Клюшникова дѣло идетъ совсѣмъ на выворотъ. Русановъ, примирившійся съ взяточничествомъ, остается для автора идеаломъ и героемъ. Этотъ самый Русановъ, участвующій своимъ молчаніемъ въ мелкихъ плутняхъ Чижикова, стремится пролить и дѣйствительно проливаетъ за отечество нѣкоторую часть своей благонамѣренной крови. Значитъ, тутъ и рѣчи быть не можетъ о нравственномъ паденіи героя и о сострадательномъ презрѣніи автора. Еслибы Клюшниковъ относился къ Русанову неодобрительно, то, разумѣется, Клюшниковъ не поставилъ бы этого опозореннаго человѣка въ картинную позу Курція, бросающагося въ зіяющую пропасть для спасенія отечества. Всякій истинный патріотъ долженъ понимать, что только *чистые* люди имѣютъ право совершать чистые подвиги патріотизма. Отдавать въ литературномъ произведеніи эти подвиги въ руки замаранныхъ и оподленныхъ личностей,—значитъ проституировать идею патріотизма и усыплять въ обществѣ ту чуткость нравственныхъ требованій, которая составляетъ самое прочное и разумное основаніе любви къ отечеству и къ согражданамъ.

Итакъ, Клюшниковъ поставленъ въ необходимость выбрать одно изъ двухъ предложенныхъ мною объясненій: или онъ пишетъ безсознательно, въ припадкахъ хроническаго сомнамбулизма, не понимая того, что выходитъ изъ-подъ его пера; или-же онъ умышленно проводитъ въ своемъ романѣ тенденціи старичка и старается реабилитировать взяточничество. Пусть попробуетъ кто-нибудь изъ защитниковъ романа «Марево» объяснить какъ-нибудь иначе смыслъ тѣхъ сценъ, которыя я разобралъ въ этой главѣ. Передъ такой задачей станетъ втупикъ даже такой неустрашимый софистъ, какъ Катковъ. А между тѣмъ въ этомъ вопросѣ прямо заинтересована честь Каткова, если только она еще можетъ чѣмъ-нибудь интересоваться. Романъ «Марево» былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Пускай-же «Русскій Вѣстникъ» торжественно проситъ у публики прощенія въ томъ, что опаиваетъ ее такимъ дурманомъ. Или-же пускай онъ прямо объявитъ себя адвокатомъ взяточничества и торжественно проклянетъ даже «Губернскіе очерки» Щедрина, положившіе основаніе всему величію Каткова и Леонтьева. Систематическая апологія взяточничества будетъ дѣломъ безпримѣрнымъ даже въ нашей журналистикѣ, опозорившей себя всякими нелѣпостями и гнусностями. Наши литературныя партіи расходятся между собой очень сильно по всѣмъ возможнымъ вопросамъ; даже въ вопросѣ о взяточничествѣ онѣ несогласны на счетъ тѣхъ средствъ, которыя должны привести за собой искорененіе этого общественнаго зла. Но до сихъ поръ я былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ и не можетъ быть даже у насъ такой литературной партіи, которая рѣшилась-бы публично провозгласить взяточничество явленіемъ нормальнымъ и не требующимъ искорененія. Я даже и теперь осмѣливаюсь думать, что «Русскій Вѣстникъ» не рѣшится защищать умствованія Клюшникова и скромно промолчитъ, чувствуя себя въ безвыходномъ положеніи.

V.

Мы любовались на Русанова, какъ на гражданскаго дѣятеля. Посмотримъ теперь на его отношенія къ любимой женщинѣ. Здѣсь безси-

ліе автора выражается вполнѣ въ безцвѣтной вялости героя. Клюшниковъ готовъ намъ побожиться, что Инна любитъ и уважаетъ Русанова, но мы не повѣримъ никакой божбѣ; мы скажемъ автору: покажите намъ такого Русанова, котораго женщина могла-бы любить и уважать; передайте намъ тѣ разговоры или поступки Русанова, которые могли-бы произвести на женщину глубокое впечатлѣніе; съумѣйте создать сильную, умную, мужественную личность, и тогда мы вамъ повѣримъ безъ всякой божбы.

«Помилуйте, господа читатели,—отвѣтитъ авторъ,—чего вы отъ меня требуете? Развѣ можетъ Пульхерія Ивановна изобрѣсти какую-нибудь машину? Развѣ можетъ странница Феклуша написать изслѣдованіе по сравнительной анатоміи? И когда-же это видано, и когда-же это слыхано, чтобы курочка бычка родила, поросеночекъ яичко снесъ? Послѣ этого какъ-же вы отъ меня требуете, чтобы я создалъ сильную, умную, мужественную личность? Какъ-же вы хотите, чтобы я сочинилъ для моего Русанова умные разговоры или поступки?»—«Ну, такъ не зачѣмъ вамъ и божиться въ томъ, что Русанова любитъ и уважаетъ женщина, — отвѣтитъ читатель. Сказали-бы просто, что онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на деревенскую барышню своимъ атлетическимъ тѣлосложеніемъ и своей румяной физіономіей. Этому мы, пожалуй, повѣримъ, тѣмъ болѣе, что мы уже видѣли, какъ заигрывала съ вашимъ героемъ «дебелая красавица». Но Клюшниковъ пропускаетъ этотъ отвѣтъ мимо ушей и продолжаетъ божиться. Божится-же онъ преуморительно. Такъ напримѣръ, мы видѣли уже, что онъ приписалъ Русанову добродушный юморъ. Но еслибы читатели спросили: «а гдѣ-жъ онъ, юморъ-то? подавайте его сюда!», то Клюшникову осталось-бы только сказать: «былъ, да весь вышелъ. Ей-Богу былъ. У меня, господа, Русановъ—самый настоящій юмористъ, да только я этого выразить никакъ не умѣю». Въ другомъ мѣстѣ, на страницѣ 30, авторъ увѣряетъ читателя, что Русановъ говоритъ иногда «горячія тирады о значеніи современнаго движенія». Читатель сейчасъ входитъ во вкусъ и требуетъ: «давайте мнѣ сюда горячую тираду. Что въ печи, то на столъ мечи». Но горячія тирады такъ и остаются въ печи, и читатель рѣшительно не знаетъ, что именно Русановъ называетъ *современнымъ движеніемъ* и какое онъ въ немъ усматриваетъ значеніе. Автору опять приходится божиться, что *горячія тирады* — не миѳъ. Вмѣсто горячихъ тирадъ и добродушнаго юмора, авторъ представляетъ намъ напримѣръ слѣдующій эпизодъ изъ его бесѣдъ съ Инной. «Русановъ ходилъ за ней, раздвигая вѣтви, жевалъ листья и все собирался говорить о чемъ-то. Одинъ разъ онъ будто и рѣшился, кашлянулъ. — Славный нынче день!—сказалъ онъ и опустилъ глаза подъ пристальнымъ взглядомъ Инны». Впрочемъ можетъ-быть именно въ этомъ эпизодѣ сидятъ и горячность, и тирады, и добродушіе, и юморъ. Но читатель не знаетъ навѣрное, куда пристроить эти слова. Тираду мы нашли: «славный нынче день!» Разговоръ о свойствахъ *нынѣшняго* дня есть, безъ сомнѣнія, самый *современный* изъ всѣхъ возможныхъ разговоровъ. Но какъ-же мы поступимъ дальше? Съ одной стороны, легко можетъ быть, что Русановъ «*ходилъ за ней*» съ добродушіемъ, *раздвигалъ вѣтви* съ юморомъ и *жевалъ листья* съ горячностью; но, съ другой стороны, весьма правдоподобно и то предположеніе, что онъ *рѣшался* съ горячностью, *кашлялъ* съ юморомъ и *опускалъ глаза* съ добродушіемъ. Просимъ Клюшникова вывести насъ изъ тягостнаго недоумѣнія.

На 30-й страницѣ, на той самой, на которой Клюшниковъ приписываетъ своему герою способность произносить горячія тирады, авторъ объявляетъ намъ, что «вмѣстѣ съ наступавшей темнотой Русановъ становился смѣлѣе». У читателя, разумѣется, бьется сердце и замираетъ духъ. Даже тогда, когда было свѣтло, Русановъ рискнулъ заговорить о такомъ современномъ вопросѣ, какъ свойства нынѣшняго дня; даже тогда онъ уже жевалъ листья съ горячностью. Что-же способенъ онъ сдѣлать теперь, при наступленіи темноты, когда онъ становится даже *еще* смѣлѣе? Теперь онъ будетъ жевать и глотать дубовыя вѣтки и кирпичи. А ужъ о чемъ онъ заговоритъ—этого я и представить себѣ не могу, потому что современнѣе нынѣшняго дня быть ничего не можетъ. Но какова-же будетъ горячность его тирадъ! Онъ просто испепелитъ ими сердце несчастной дѣвушки, и Инна умретъ на мѣстѣ, какъ умерла Тамара, поцѣловавшись съ шаловливымъ кавказскимъ демономъ, котораго на старости лѣтъ разобрала охота влюбляться. Сдѣлавшись *еще* смѣлѣе, Русановъ дѣйствительно царапнулъ слѣдующую тираду: —«Инна Николаевна, хотѣлось-бы вамъ побывать въ Москвѣ?» Послѣ этого вопроса разговоръ становится уже менѣе замѣчательнымъ. Иннѣ какимъ-то непостижимымъ чудомъ удалось спастись отъ испепеленія; но читатель конечно согласится, что Русановъ достаточно обнаружилъ свою увеличившуюся смѣлость. Клюшниковъ до такой степени внимателенъ къ своему герою, что даже считаетъ священнымъ долгомъ сообщать читателю подробности о тѣлодвиженіяхъ его лошади. На стр. 140 мы узнаемъ, что «лошадь Русанова кашлянула и попробовала укусить его шенкель». Это замѣчательное покушеніе произошло во время одной кавалькады, когда Русановъ ѣхалъ рядомъ съ Инной. Къ Иннѣ-же Клюшниковъ, къ сожалѣнію, менѣе внимателенъ, и поэтому не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о поведеніи ея ло-

щади. Но, несмотря на постоянную внимательность автора къ герою, мы все-таки не узнаемъ рѣшительно ничего изъ разговоровъ Русанова съ Инной.

Чтобы Клюшниковъ или его защитники не могли обвинить меня въ произвольномъ искаженіи фактовъ, я передамъ тотчасъ съ педантической точностью содержаніе всѣхъ бесѣдъ, происходившихъ между героемъ и героиней, до той самой минуты, когда Инна убѣжала съ Бронскимъ, не какъ любовница, а какъ сообщница. На стр. 29 Русановъ, искавшій въ это время мирового посредничества, жалуется Иннѣ на необразованность провинціаловъ и прибавляетъ слѣдующія слова: «а я-то думалъ, что это Аркадія какая-то». Эти слова доказываютъ, что Русановъ не только ничего въ своей жизни не видалъ, но даже ничего не читалъ; еслибы онъ зналъ дѣйствительную жизнь только по русскимъ романамъ и повѣстямъ гоголевской школы, то и тогда бы онъ пересталъ мечтать объ Аркадіи. Впрочемъ мы не знаемъ, какъ Русановъ жаловался на провинціаловъ. У Клюшникова приведена только одна фраза Русанова: «Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!» А затѣмъ сказано глухо, что «онъ началъ описывать ей свои странствованія». И описывалъ, должно быть, прескучно, потому что она сказала ему: «будетъ!»—На стр. 30 Русановъ задаетъ свой смѣлый вопросъ насчетъ Москвы, а Инна за это говоритъ ему, что онъ «точно Подколесинъ»; Русановъ, развивая далѣе свою мысль, спрашиваетъ у нея, желала-ли бы она насладиться развлеченіями, театромъ, обществомъ? Инна отвѣчаетъ на это, что она не любитъ «вообще многолюдства, а въ частности—того, что называется обществомъ».—Русановъ случайно услышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ Инной въ то время, когда она думала, что она одна въ саду; слова эти были обращены къ водолазу Ларѣ. «Ты думаешь, онъ придетъ?—говорила Инна.—Ихъ нѣтъ больше на свѣтѣ... Ни одного...» Потерпѣвши неудачу въ разговорѣ о московскихъ развлеченіяхъ, Русановъ спрашиваетъ: «кто это они, кого нѣтъ больше на свѣтѣ?» Послѣ нѣкоторыхъ отнѣкиваній Инна отвѣчаетъ: «Они—тѣ, которые съумѣли стать выше земли».—«Романтики? идеалисты?»—спрашиваетъ Русановъ. —«Они—тѣ,—говоритъ Инна,—чья душа и темна, и свѣтла, какъ эта ночь; они—тѣ, что не продадутъ своей совѣсти ни за какія... коврижки.»—«Только-то?—сказалъ онъ, чтобы что-нибудь сказать». Въ этомъ діалогѣ ясно выражается желаніе Клюшникова сдѣлать изъ Инны весьма интересное, глубокомысленное и загадочное существо. Но на всякое хотѣніе есть терпѣніе. Вмѣсто глубокомыслія, фразы Инны заключаютъ въ себѣ только пустоту и напыщенность. А Русановъ здѣсь, какъ и вездѣ, говоритъ только для того, «чтобы что-нибудь сказать».—На стр. 63 Инна приглашаетъ Русанова сдѣлать съ нею обходъ по деревнѣ; Русановъ, видя ея приготовленія, спрашиваетъ съ улыбкой: «посѣщеніе болящихъ?» Улыбка, должно быть, выходитъ у него приторная и глупая; по крайней мѣрѣ Иннѣ она не нравится. «Да чему-же улыбаться то?—строго спросила она.»—Въ употребленіи слова «болящихъ», вмѣсто «больныхъ», авторъ повидимому старается проявить «добродушный юморъ» Русанова. Выходитъ плоскость.—Побывавши въ одной мужицкой хатѣ, Русановъ утверждаетъ, что «надо, во что бы то ни стало, развить эстетическія наклонности въ народѣ». Инна осмѣиваетъ и освистываетъ эту новую пошлость, сказанную Русановымъ по всей вѣроятности для того, «чтобы что-нибудь сказать». На стр. 67 Русановъ продолжаетъ пошлѣть: «увидавъ на грязномъ тѣлѣ красную рану обжога», онъ изображаетъ на своемъ лицѣ «конвульсивную гримасу». Инна говоритъ ему: «дайте мазь, да не падайте въ обморокъ». На слѣдующей страницѣ Русановъ произноситъ слова: «Какъ вы должны быть счастливы въ такія минуты!» Такъ какъ эта фраза произносится «восторженно», то читатель можетъ принять ее за «горячую тираду о современномъ движеніи» дамскихъ чувствъ. Но дама русановскаго сердца понимаетъ вещи не такъ, какъ ея кавалеръ; на «восторженную» тираду о счастіи посѣщать «болящихъ» Инна отвѣчаетъ почти съ отчаяніемъ: «все безполезно! все напрасно! ни къ чему не ведетъ!» Иной кавалеръ полюбопытствовалъ бы узнать причину этого отчаянья и вступилъ бы съ своей дамой въ разговоръ, вызывающій на размышленіе. Если дамское отчаяніе указываетъ на расположеніе Инны къ нигилизму или къ какой-нибудь другой зловредной пакости, то повидимому прямая обязанность Русанова, постигнувшаго несостоятельность всякаго зла, заключалась въ томъ, чтобы разумнымъ словомъ отвлечь тоскующую душу отъ бездны заблужденій. Но Русановъ чувствуетъ свою умственную убогость и не спрашиваетъ о причинахъ отчаянія, смутно сознавая, что разговоръ на эту тему можетъ принять очень головоломный характеръ и что въ такомъ трансцендентальномъ разговорѣ не выѣдешь ни на добродушномъ юморѣ, ни на горячей тирадѣ, ни даже на раздвиганіи вѣтвей и на жеваніи листьевъ. Русановъ поспѣшно переводитъ бесѣду на реальную почву и разсказываетъ Иннѣ, что онъ вчера подслушалъ заговоръ, направленный противъ нея; Инна совсѣмъ не хотѣла слушать, въ чемъ состоитъ заговоръ, и намъ тоже нѣтъ никакой надобности заниматься имъ, потому что самъ Клюшниковъ по своему обыкновенію тотчасъ-же совершенно забываетъ о его существованіи. На дальнѣйшій ходъ романа заговоръ не имѣетъ никакого вліянія; значитъ—ясное дѣло,—онъ былъ измышленъ для наполненія страницъ прі-

ятными пустяками. Бесѣда снова принимаетъ направленіе психологическое и головоломное. «Развѣ у меня не можетъ быть привязанности?—вопрошаетъ Русановъ.—У васъ? Полноте!—отвѣтствуетъ Инна». Тогда Русановъ не на шутку приходитъ въ азартъ и пускаетъ «горячую тираду». Вотъ она вся цѣликомъ:—«Инна Николаевна! Вы вотъ смотрите на меня, да только и говорите, что полноте, а есть ли какая-нибудь возможность выдаваться такъ, чтобы вы этого не сказали? Чѣмъ же я виноватъ, что это случается только въ романахъ, да еще въ тѣхъ, что Бѣлинскій велитъ Ванькѣ по субботамъ читать». — Кажется, Русановъ приписалъ тутъ Бѣлинскому фразу барона Брамбеуса, но это еще не велика бѣда. Но вотъ что очень плохо: Русановъ думаетъ, что выдаваться изъ толпы пошляковъ можно только какими-нибудь подвигами во вкусѣ Еруслана Лазаревича; онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что въ XIX столѣтіи людей выдвигаетъ впередъ не ломаніе казенныхъ стульевъ по случаю Александра Македонскаго, а умственная оригинальность и нравственная самостоятельность. Умные люди и честные работники встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, а совсѣмъ не въ пошлыхъ романахъ. Всѣ изобрѣтатели, всѣ замѣчательные изслѣдователи, всѣ даровитые писатели, всѣ добросовѣстные преподаватели, наконецъ всѣ люди, умѣющіе мыслить и трудиться, выдаются изъ толпы такъ, что ни одна умная женщина не скажетъ имъ: «полноте!» А развѣ эти люди встрѣчались когда-нибудь въ романахъ Загоскина, Рафаила Зотова или Воскресенскаго? Значитъ, «горячая тирада» Русанова оказалась безцвѣтной глупостью, неудачно направленной къ тому, чтобы оправдать собственное, безцвѣтно-глупое прозябаніе говорящей личности.—Русановъ объявляетъ далѣе Иннѣ, что онъ завтра ѣдетъ въ губернскій городъ на службу. Инна говоритъ ему: «я все-таки лучше объ васъ думала», и спрашиваетъ потомъ: «неужели нельзя пробить свою тропинку?» Русановъ тотчасъ отхватываетъ новую тираду; въ первой онъ цитировалъ Бѣлинскаго, въ этой—ссылается на Лермонтова. Я опять привожу его краснорѣчіе безъ утайки. «Вотъ что! Ну, это точно, какъ вамъ сказать вѣрнѣе, выше или ниже силъ... Помните, Лермонтовъ говоритъ, что онъ живетъ, точно читаетъ дурной переводъ книги послѣ оригинала? Да, горько, когда жизнь разбиваетъ всѣ мечты, а намъ и того хуже, мы опытны».

Оно и замѣтно, что *опытны*. Опытные люди всегда ожидаютъ найти Аркадію въ захолустьѣ, наполненномъ всѣми миловидными продуктами и остатками крѣпостного права. Опытные люди всегда суются въ мировые посредники, не имѣя понятія о крестьянскомъ бытѣ и о помѣщичьихъ правахъ. Опытные люди всегда толкуютъ о томъ, что надо развивать эстетическія наклонности въ народѣ, у котораго нѣтъ ни школъ, ни больницъ, ни повивальныхъ бабокъ. «То-есть,—продолжаетъ *опытный* человѣкъ Русановъ,—у насъ и мечты-то никакой нѣтъ, нечѣмъ и въ молодости-то было скрасить дѣйствительность».

Опять пустословіе и вранье! Изъ разговора Русанова съ Бронскимъ, выписаннаго мною въ началѣ моей IV главы, мы уже знаемъ, что у обоихъ товарищей были мечты, когда они на станціи вмѣсто вина «*пили вступленіе въ жизнь*». Русановъ даже упрекаетъ Бронскаго въ томъ, что онъ опять утонулъ въ мечтахъ. А Бронскій принадлежитъ къ одному поколѣнію съ Русановымъ. Значитъ, какой же смыслъ имѣютъ слова Русанова—*у насъ?* Какихъ это *насъ* онъ противополагаетъ поколѣнію Лермонтова? И зачѣмъ же Русановъ намекаетъ на существованіе *поколѣній*, когда Клюшниковъ уже доказалъ посредствомъ Бронскаго заблуждающемуся гимназисту, Колѣ Горобцу, что никакихъ поколѣній быть не можетъ, ибо люди родятся каждую минуту? А кстати можно замѣтить, что на стр. 27 Клюшниковъ самъ, отъ своего авторскаго лица, употребляетъ слово «поколѣніе», которое онъ потомъ на стр. 56 побѣдоносно осмѣиваетъ. Значитъ, какъ же мы рѣшимъ мудреный вопросъ: существуютъ ли дѣйствительно поколѣнія, или же они изобрѣтены журнальными свистунами? Русановъ ставитъ себѣ въ заслугу то, что у него были такія мечты, которыя не могли скрасить дѣйствительность; онъ драпируется въ тогу гордаго страданія и говоритъ: «намъ и того хуже». Но слова «намъ и того хуже», которыя онъ произноситъ съ тайной гордостью, должны быть, напротивъ того, произнесены съ глубочайшимъ смиреніемъ. Въ нихъ заключается, по настоящему, слѣдующій смыслъ: «я очень глупъ въ сравненіи съ Лермонтовымъ; у меня нѣтъ ни ума, ни чувства, ни фантазіи, и поэтому даже мои юношескія мечты были тусклы, какъ старый, стертый четвертакъ».

Одинъ мужикъ мечталъ такимъ образомъ: кабы я, говоритъ, былъ царемъ, я-бы каждый день свиное сало ѣлъ! Одна кухарка аккуратно каждую ночь видѣла во снѣ, что она стоитъ передъ плитой и ворочаетъ разныя кастрюли. Мечты мужика и сновидѣнія кухарки очень мало способны «скрасить дѣйствительность», потому что онѣ почти совсѣмъ не отдѣляются отъ ихъ дѣйствительности, но этотъ трезвый характеръ ихъ грезъ вовсе не доказываетъ намъ, что этотъ мужикъ и эта кухарка—мыслящіе реалисты и отличные работники. Это доказываетъ только, что они задавлены и притуплены до крайности безцвѣтнымъ однообразіемъ своего существованія. Ихъ умственный горизонтъ такъ узокъ, ихъ жизнь такъ бѣдна впечатлѣніями, что имъ не откуда взять красокъ для разрисовыванія фантастическихъ картинъ. Если русановскія мечты проникнуты ароматомъ свиного сала и

кухонной посуды, если, вступая въ жизнь, онъ не требовалъ отъ нея почти ничего и готовъ былъ удовлетвориться самыми мизерными размѣрами дѣятельности, то это доказываетъ не то, что Русановъ *опытенъ* и годенъ на какое-нибудь практическое дѣло, а только то, что Русановъ—бездарный, вялый, тряпичный человѣкъ, перешедшій прямо изъ дѣтства въ старость. Мыслящіе юноши—лучше юношей мечтающихъ; но мечтающіе юноши все-таки лучше юношей «умѣренныхъ и аккуратныхъ». Безтолковый идеалистъ Рудинъ стоитъ все-таки неизмѣримо выше искуснаго практика Молчалина. Но Русановъ стоитъ даже ниже Молчалина, потому что Молчалинъ по крайней мѣрѣ дѣйствительно опытенъ, а у клюшниковскаго героя даже и этого достоинства не имѣется.—«Инна Николаевна,—говоритъ Русановъ далѣе,—да кто-жъ мнѣ мѣшалъ жить въ Москвѣ, сложа руки? Тамъ у меня и домъ есть, и доходъ порядочный. Нѣтъ, это мое убѣжденіе, только такъ и можно что-нибудь сдѣлать; все остальное безсильно...» Что именно *хотѣлъ* сдѣлать Русановъ и что подразумѣваетъ онъ въ словѣ «*что-нибудь*»—этого я не знаю. Но что онъ *сдѣлалъ*—это намъ доподлинно извѣстно. Онъ посмотрѣлъ на бѣлое кольцо дыма, пущенное Чижиковымъ, и уклонился отъ «*тяжелаго объясненія*». И какой, подумаешь, всезнающій человѣкъ этотъ Русановъ! «*Все остальное безсильно...*» значитъ, все извѣдано Русановымъ, все обдумано и взвѣшено. Каковъ мудрецъ! Сущій Гёте!

«Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.»

Но позвольте, господинъ столоначальникъ Гёте! «Все остальное»? Все, кромѣ чего? Все, кромѣ гражданской палаты? Значитъ, теперь, когда гражданская палата будетъ совершенно передѣлана судебной реформой, теперь все безъ исключенія сдѣлается безсильнымъ. Ахъ, милѣйшій господинъ Русановъ, Гёте тожъ, зачѣмъ вы издаете звуки, въ которыхъ вы сами не можете усмотрѣть никакого опредѣленнаго смысла? Зачѣмъ вы говорите *обо всемъ остальномъ*, когда вы совсѣмъ ни о чемъ, да вѣдь рѣшительно ни о чемъ не имѣете никакого понятія?—«Ахъ, оставьте меня въ покоѣ,—отвѣчаетъ разобиженный Русановъ.—Я-то чѣмъ виноватъ? Это все Клюшниковъ подсказываетъ мнѣ такія глупости. И охота же вамъ обращаться ко мнѣ, какъ къ живому человѣку, когда я просто «кипа печатной бумаги».—Это я, господинъ Русановъ, знаю, а обращаюсь къ вамъ только по игривости моего характера.—По окончаніи разговора Инна, глядя вслѣдъ Русанову, подумала: «*пхе*!» (Sic).

VI.

На стр. 135 Русановъ говоритъ Иннѣ: «я боюсь, что вы попадетесь подъ вліяніе Бронскаго.»—«А что?—возражаетъ Инна.—Развѣ онъ брыкается?»—Русановъ боится за Инну, а между тѣмъ наканунѣ, когда Бронскій при Иннѣ заговорилъ въ духѣ страшной нетерпимости, тотъ-же самый Русановъ «рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ». Да, конечно, «удаляясь въ уголокъ», мудрено противодѣйствовать вліянію такого человѣка, который говоритъ смѣло и горячо. Отступая отъ честной и открытой борьбы съ идеями Бронскаго, Русановъ, какъ старая салопница, старается пошептать кое-что противъ Бронскаго во время его отсутствія. Зачѣмъ-же Русановъ наканунѣ «рѣшился уступить поле противнику»? Или онъ не хотѣлъ, или не могъ спорить съ Бронскимъ. Не хотѣлъ? Странное предположеніе! Любящій мужчина видитъ, что любимая женщина находится въ опасности, и для ея спасенія *не хочетъ* шевельнуть мозгомъ и возвысить голосъ. Хороша любовь и хорошъ мужчина!—Оказывается, что не могъ. Инна спрашиваетъ прямо: «развѣ не правду говорилъ онъ вчера?»—Русановъ отвѣчаетъ «правду!». Иначе онъ и не можетъ отвѣтить, потому что тогда Инна тотчасъ задала-бы ему вопросъ: зачѣмъ-же вы его вчера не опровергали, и на это Русанову пришлось-бы отвѣтить: потому, Инна Николаевна, что я еще гораздо глупѣе Бронскаго, хотя и Бронскій глупъ весьма достаточно. Но, сознавшись въ томъ, что Бронскій говоритъ правду, Русановъ прибавляетъ тотчасъ: «да вѣдь это все одни слова». Русанову хотѣлось повидимому, чтобы изо рта Бронскаго сыпались вмѣсто словъ червонцы и алмазы. Къ сожалѣнію, этого не бываетъ. Когда человѣкъ говоритъ, онъ всегда произноситъ только слова, и весь вопросъ состоитъ въ томъ, правдивы-ли эти слова, или нѣтъ. Еслибы Инна увлекалась *правдивыми* словами Бронскаго, то она очевидно поддалась-бы не вліянію Бронскаго, а вліянію истины. Признавая слова Бронскаго за выраженіе истины, Русановъ отнимаетъ у себя всякую возможность противодѣйствовать его вліянію. Впрочемъ я крѣпко сомнѣваюсь въ томъ, чтобы Бронскій дѣйствительно былъ способенъ высказывать такія истины, которыя могутъ увлечь умную женщину. Изъ сцены Бронскаго съ Колей мы уже видѣли, что Бронскій несетъ чепуху страшную. А что онъ говорилъ, когда Русановъ удалился въ уголокъ,—этого мы не знаемъ, потому что Клюшниковъ не мастеръ сочинять для своихъ героевъ рѣчи, вызывающія на размышленіе. У Клюшникова сказано очень глухо, что «Бронскій громилъ все съ плеча, говорилъ съ жаромъ... отъ чиновничества перешелъ къ обществу... досталось и литературѣ». Обо всемъ этомъ можно говорить очень умно, но можно также говорить и очень глупо. Я полагаю, что Бронскій говорилъ очень глупо, по

той простой причинѣ, что онъ есть дѣйствующее лицо въ романѣ «Марево», сочиненномъ Клюшниковымъ. А Инна и Русановъ слушали его, развѣсивъ уши, потому что они оба нисколько не уступаютъ Бронскому въ слабоуміи. Продолжая разговоръ о вліяніи Бронскаго, Инна задаетъ Русанову вопросъ: «какой-же вашъ-то идеалъ? Обрисуйте»... Русановъ на это отвѣчаетъ, что у нихъ въ гражданской палатѣ товарищъ предсѣдателя Доминовъ—очень хорошій человѣкъ, и что этотъ Доминовъ однажды въ городскомъ саду объяснилъ ему, Русанову, какимъ образомъ муравьи сосутъ сладкій сокъ, выдѣляемый тлями. Если читатель не вѣритъ мнѣ на слово, что такой отвѣтъ дѣйствительно былъ данъ Русановымъ на вопросъ объ идеалѣ, то я убѣдительно прошу читателя взглянуть на 137 страницу I-го тома романа «Марево». На стр. 160 Русановъ разсказываетъ Иннѣ «грустныя извѣстія, полученныя имъ изъ Петербурга». Эти «грустныя извѣстія» такъ глупы, несвязны и неправдоподобны, что я о нихъ по всегдашней моей скромности умолчу. «Ну-съ,—перебила Инна,—наговорили вы много; къ какому результату вы пришли?» Этотъ вопросъ застаетъ Русанова врасплохъ и ставитъ его втупикъ. Онъ спрашиваетъ простодушно: «какой же тутъ результатъ?» Онъ разсказывалъ слухи такъ, какъ словоохотливыя кухарки разсказываютъ другъ другу всякія сплетни, и вдругъ отъ него потребовали какого-то результата. Разумѣется, онъ вытаращилъ глаза и немедленно стушевался. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Русановъ—любимецъ Клюшникова. Именно по этой причинѣ Русановъ глупѣе всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ отъ всѣхъ получаетъ щелчки по носу и на всѣ эти ласки отвѣчаетъ только оханьемъ и соболѣзнованіями о человѣческой испорченности.—На стр. 167 Русановъ объявляетъ, что ему не нравится ороографія Кулиша. На стр. 168 онъ спрашиваетъ, «что такое духъ времени?» Изъ этого вопроса мы можемъ заключить, что у Русанова память очень коротка; на стр. 147 онъ упрекалъ Бронскаго въ томъ, что Бронскій кланяется «духу времени», потому что ему уже совѣстно кланяться генераламъ. Значитъ, на 147 страницѣ Русановъ зналъ, чтò такое духъ времени, но съ тѣхъ поръ успѣлъ позабыть. А впрочемъ можетъ быть и то, что Русановъ на 147 стр. употреблялъ такое слово, котораго смыслъ для него не понятенъ. Такіе случаи вовсе не рѣдки. Еслибы всякій дуракъ непремѣнно желалъ понимать все, чтò онъ самъ говоритъ, то многимъ дуракамъ пришлось бы обречь себя на вѣчное безмолвіе. У насъ же дураки не только говорятъ неутомимо, но еще кромѣ того пишутъ, печатаютъ и издаютъ журналы, газеты и книги.—На стр. 168 Русановъ порицаетъ идеалы Шевченка; но я осмѣлюсь замѣтить, что Русановъ, быть можетъ, судитъ Шевченка слишкомъ строго; вѣдь легко можетъ быть, что Шевченко не былъ знакомъ съ товарищемъ предсѣдателя Доминовымъ, не гулялъ съ нимъ по городскому саду и не слышалъ отъ него разсказовъ объ отношеніяхъ между муравьями и тлями. Послѣ этого, посудите сами, есть ли возможность требовать отъ несчастнаго поэта, чтобы онъ выработалъ себѣ тотъ высокій идеалъ, который обрисованъ Русановымъ на стр. 137? Когда мы судимъ о человѣкѣ, надо всегда принимать въ соображеніе обстоятельства, облегчающія его вину. — На стр. 170 Русановъ объявляетъ, что у него «отъ этой литературы ужъ голова трещитъ».—«Такъ и порѣшили ничего не читать, чтобы голова всегда свѣжа была?» спрашиваетъ Инна.—«Такъ и порѣшилъ»,—отвѣчаетъ «съ неудовольствіемъ» любимецъ Клюшникова, расписываясь этимъ отвѣтомъ въ полученіи полновѣснаго щелчка по носу.—На стр. 180 Русановъ, разговаривая съ Инной въ саду, днемъ, обнаруживаетъ внезапно такую предпріимчивость, что Инна кричитъ въ испугѣ: «Владиміръ!» и потомъ, чтобы успокоить разгулявшагося шалуна, говоритъ ему: «ужо! ужо!» Такъ какъ Клюшникову угодно, чтобы Инна любила Русанова, то оказывается, что она сама дрожитъ отъ страсти въ русановскихъ объятіяхъ и вырывается изъ нихъ только изъ уваженія къ условіямъ времени и мѣста. Однако Русанову не пришлось дождаться никакого «ужо!» Вскорѣ послѣ нескромныхъ объятій Инна убѣгаетъ съ Бронскимъ за-границу. Русановъ, узнавши о ея побѣгѣ, гонится за ней верхомъ по большой дорогѣ, куда-то пропадаетъ впродолженіи двухъ дней, никого не успѣваетъ догнать и пріобрѣтаетъ себѣ горячку. Изъ этого подвига можно заключить, что Русановъ—неустрашимый всадникъ, но весьма плохой мыслитель и діалектикъ; ему надо было дѣйствовать на Инну силой убѣжденія тогда, когда она еще была способна слушать совѣты. Когда же молодая дѣвушка ошалѣла настолько, что рѣшилась бѣжать, тогда уже поздно и глупо лупить за ней во всѣ лопатки по большой дорогѣ. Чѣмъ именно Бронскій околдовалъ Инну—это остается для насъ тайной. Побѣгъ ея составляетъ для читателя совершенный сюрпризъ. Убѣгая вмѣстѣ съ Бронскимъ, Инна оставляетъ Русанову, по приказанію Клюшникова, разные похвальные аттестаты. Въ письмѣ, написанномъ ею передъ самымъ побѣгомъ, изображены слѣдующія слова: «едва вы сказали первое слово любви, едва я поглядѣла вамъ въ глаза, я узнала одну изъ тѣхъ страстныхъ, упорныхъ привязанностей, которыя часто длятся цѣлую жизнь...» «Чѣмъ больше мы съ вами сходились, тѣмъ больше убѣждалась я, что вы—превосходный человѣкъ», и такъ далѣе. Бумага все терпитъ; написать на ней

можно, что угодно; но какъ-бы ни расхваливалъ Клюшниковъ свое любимое созданіе, какъ-бы онъ ни божился въ томъ, что Русановъ — самый первый сортъ, отмѣннѣйшей доброты, мыслящій читатель все-таки будетъ только смѣяться надъ этой гостинодворской замашкой автора превозносить собственныя издѣлія, которымъ онъ не умѣетъ придать никакихъ дѣйствительныхъ достоинствъ. — На стр. 340 мы читаемъ отрывки изъ дневника Инны: 15 іюня она находитъ въ Русановѣ «дикія понятія», 17 іюня—честныя, «славныя понятія»; 19 іюня—«я перестаю подавать ему руку»; 29 іюня—«этотъ человѣкъ—загадка». — Такъ нагло до сихъ поръ еще ни одинъ писатель не насмѣхался надъ публикой. Мы рѣшительно не знаемъ, какими сужденіями или поступками Русановъ производилъ на Инну тѣ противорѣчивыя впечатлѣнія, которыя она занесла въ свой дневникъ. Этотъ дневникъ составляетъ для насъ тарабарскую грамоту; это еще одно проявленіе усерднаго, но чрезвычайно неискуснаго и неудачнаго шарлатанства.

VII.

Прибавлю еще одно короткое замѣчаніе. Клюшниковъ вводитъ насъ въ губернскую гимназію и, бредя ощупью, натыкается тамъ на педагогическій вопросъ. Гимназисты распущены до нельзя, дурачатся, не хотятъ учиться и лѣзутъ въ политику. Пріѣзжаетъ изъ Петербурга новый инспекторъ Разгоняевъ. Онъ собираетъ учителей на педагогическій совѣтъ и спрашиваетъ, какъ они намѣрены вести воспитаніе юношества. Одинъ изъ педагоговъ говоритъ, что у нихъ мальчишки «все такой народъ—аховый». Другой говоритъ: «кто съ борку, кто съ сосенки». *Аховый* характеръ и древесное происхожденіе мальчишекъ доказываютъ ясно, что противъ нихъ надо дѣйствовать *аховыми* и древесными средствами. Нѣмецъ говоритъ, что «нужно...розга». Молодой учитель математики объясняетъ безпорядки въ классѣ тѣмъ, что учительскія и надзирательскія обязанности соединяются въ одномъ лицѣ. По его мнѣнію, необходимо, чтобы въ классѣ сидѣлъ надзиратель. Однако самъ Клюшниковъ быстро уличаетъ этого учителя во враньѣ: безпорядки происходятъ въ дортуарахъ, гдѣ постоянно торчитъ надзиратель. Инспекторъ совѣтуетъ учителямъ обходиться съ воспитанниками помягче и представлять ему немедленно о всякомъ наказаніи. Но вскорѣ этотъ инспекторъ, подобно Иннѣ, подпадаетъ подъ вліяніе злыхъ людей, и безпорядки въ гимназіи не прекращаются. А Клюшниковъ, по своему обыкновенію, наткнувшись на мудреный вопросъ, оставилъ его неразрѣшеннымъ и представилъ такіе факты, которые ведутъ за собой неблаговидныя заключенія. Какими-же мѣрами можно усмирить свирѣпость *аховаго* народа? «Драть или не драть? вотъ въ чемъ вопросъ».—Клюшникову хочется повидимому рѣшить этотъ гамлетовскій вопросъ въ томъ смыслѣ, что драть не годится, а посѣкать не мѣшаетъ. А «Русскій Вѣстникъ» рѣшитъ вѣроятно этотъ вопросъ такъ: въ филологическихъ гимназіяхъ давать воспитанникамъ заразъ по 25 розогъ; въ реальныхъ-же—по крайней мѣрѣ вдвое, потому что естественныя науки развиваютъ въ юношахъ *аховое* направленіе, которое нуждается въ столь-же *аховомъ* противодѣйствіи. — Убѣдительно прошу мыслящую часть русской публики извинить меня, что я такъ долго возился съ романомъ «Марево».

ПРОГУЛКА ПО САДАМЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Въ прошломъ году (1864) умеръ послѣдній крупный представитель россійскаго идеализма. Друзья и сотрудники покойника превознесли его похвалами, которымъ я нисколько не намѣренъ противорѣчить. Возвеличивая отдѣльную личность, эти похвалы убиваютъ наповалъ тотъ принципъ, за который эта личность сражалась. Читатель быть-можетъ уже догадался, что я говорю объ Аполлонѣ Григорьевѣ, умершемъ въ половинѣ прошедшаго года и воспѣтомъ въ «Эпохѣ» Страховымъ и Достоевскимъ. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ объ А. А. Григорьевѣ» Страховъ говоритъ объ умершемъ дѣятелѣ почти съ благоговѣніемъ; онъ называетъ его своимъ учителемъ, говоритъ, что Григорьевъ былъ «зрячѣе и чутче другихъ», что Григорьевъ имѣлъ полное право принимать «въ журналѣ» тонъ человѣка, власть имущаго, «что письма Григорьева читались въ редакціи «Времени» вслухъ для общаго назиданія, что сочиненія Григорьева, собранныя въ полномъ изданіи, «представляютъ цѣлыя громады мыслей», дадутъ «неистощимую пищу», и такъ далѣе, и такъ далѣе. Кромѣ того въ той-же статьѣ Страхова разсыпано множество похвалъ искренности Григорьева, и въ этомъ послѣднемъ свойствѣ покойнаго идеалиста дѣйствительно не могутъ усомниться ни друзья его, ни враги. Читая всѣ эти похвалы, я улыбаюсь, потираю себѣ руки и говорю про себя: «прекрасно! превосходно! Хвалите больше, господа! Чѣмъ выше вы поднимете личность Григорьева, тѣмъ глубже,

безвозвратнѣе вы зароете въ могилу все ваше литературное направленіе. Статья Страхова есть нѣкоторымъ образомъ литературное самоубійство. Разсмотрѣть ее съ этой стороны будетъ очень любопытно и увеселительно, потому что этой статьей посягаетъ на свою убогую жизнь не только цѣлый журналъ, но даже цѣлый строй понятій,—весь тотъ строй, который, прикрываясь различными фирмами и вывѣсками, старается задушить и истребить всѣ проявленія нашего новорожденнаго реализма. Въ самомъ дѣлѣ, если Григорьевъ «былъ человѣкъ, власть имущій», если онъ былъ «зрячѣе и чутче другихъ», если эти другіе тотчасъ послѣ его смерти находятъ необходимымъ печатать—вѣроятно «для всеобщаго назиданія»—частную переписку покойника, и притомъ печатать съ такой скрупулезной точностью, что обозначаютъ даже точками тѣ мѣста, гдѣ Григорьевъ ругается непечатными словами, если, говорю я, Григорьева признаютъ такимъ образомъ великимъ вождемъ цѣлаго направленія,—то, разумѣется, мы имѣемъ полное право принимать за наличную монету тѣ сужденія, которыя этотъ вождь самъ произноситъ о своемъ направленіи. Кажется, господа почвенники, идеалисты и эстетики не могутъ упрекнуть насъ въ недостаткѣ великодушія, если мы, вступая съ ними въ литературное состязаніе, будемъ опираться на авторитетъ того писателя, которому они поклоняются. Хорошо. Посмотримъ-же, что изъ этого маневра произойдетъ.—Спрашивается, вѣрилъ-ли самъ Григорьевъ въ побѣдоносную силу тѣхъ идей, за которыя онъ неутомимо боролся? Письма Григорьева, изданныя Страховымъ, даютъ на этотъ основной вопросъ совершенно отрицательный отвѣтъ. Григорьевъ любилъ свои идеи неистребимой любовью, онъ былъ имъ фанатически преданъ, онъ не могъ имъ измѣнить, онъ боролся за нихъ съ мужествомъ отчаянья и въ то-же время онъ понималъ съ мучительной ясностью, что эти идеи отжили свой вѣкъ, что у нихъ нѣтъ будущаго и что онѣ врядъ-ли когда-нибудь воскреснутъ. Всѣ письма его проникнуты глубокимъ уныніемъ, вытекающимъ не изъ личныхъ огорченій, а изъ страданія за умирающую идею. Какъ человѣкъ, который былъ «зрячѣе и чутче другихъ», Григорьевъ понималъ то, чего эти другіе не понимали. Онъ видѣлъ ясно, что все безполезно и что никакими медоточивыми рѣчами невозможно увлечь отрезвляющееся общество въ старую область эстетики и мистицизма. Когда *другіе*, менѣе зрячіе и чуткіе люди стали издавать эстетико-мистическій журналъ съ примѣсью планетныхъ жителей и французскихъ уголовныхъ процессовъ, тогда Григорьевъ не отказалъ имъ въ своемъ содѣйствіи, но въ душѣ его постоянно сохранялось то безотрадное убѣжденіе, что

«Какъ ни садитесь,
А все въ музыканты не годитесь»,

потому что музыкантъ новые люди, такъ называемые теоретики, которыхъ всѣ слушаютъ и съ которыми эстетическіе разводы и мистическіе туманы никакъ не могутъ тягаться. Григорьевъ называлъ себя «однимъ изъ ненужныхъ людей» и говорилъ своимъ друзьямъ, какъ свидѣтельствуетъ Страховъ, «что онъ дѣйствительно человѣкъ ненужный въ настоящее время, что ему нѣтъ мѣста для дѣйствительности, что духъ времени слишкомъ враждебенъ къ людямъ такого рода, какъ онъ». Григорьевъ сознается передъ своими друзьями, что только чудо можетъ воскресить его идеи и повернуть общество назадъ, къ старымъ идеаламъ. «А этого,—пишетъ онъ,—Богъ знаетъ, дождемся-ли мы!—Шутка—чего я жду! Я жду того стиха, который-бы

«Ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой»,

—того упоенія, чтобы «журчаніе этихъ стиховъ наполняло окружающій насъ воздухъ... Шутка! Вѣдь это—вѣра, любовь, порывъ, лиризмъ!...» Изъ этихъ словъ ясно видно, что Григорьевъ ожидалъ спасенія только отъ чуда, и что, несмотря на весь свой мистицизмъ, онъ самъ плохо вѣрилъ въ возможность такого чуда. Дѣйствительно, хоть наше общество и очень простодушно, но все-таки оно въ послѣднее десятилѣтіе успѣло поумнѣть настолько, что «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой» можетъ въ настоящее время никакъ не стихъ, а развѣ только какое-нибудь великое историческое событіе или какое-нибудь колоссальное научное открытіе. Тогда, пожалуй, отъ полноты души и стихи посыпятся, и общество станетъ ихъ слушать съ удовольствіемъ, но сила очевидно будетъ все-таки заключаться не въ стихахъ, а въ той общей причинѣ, которая ихъ вызывала.

Какъ человѣкъ, неизлечимо влюбленный въ отжившую идею,—Григорьевъ постоянно съ болѣзненно-напряженнымъ вниманіемъ ловилъ въ каждомъ мельчайшемъ событіи текущаго времени какіе-нибудь проблески несбыточной надежды; онъ съ глубокимъ отчаяніемъ въ душѣ все-таки не смѣлъ произнести надъ своимъ міросозерцаніемъ рѣшительный, смертный приговоръ; онъ все ждалъ, не шевельнется ли его отжившая идея, не поднимется-ли изъ могилы его мертвая красавица. «Извѣстіе, сообщенное «Сѣверной Пчелой»,—пишетъ онъ,—объ окончаніи Островскимъ «Кузьмы Минина»,—вотъ это событіе. Тутъ вотъ прямое *быть или не быть* положительному представленію народности — можетъ быть такой толчокъ *впередъ*, какого еще и не предвидѣлось.» «Кузьма Мининъ» вышелъ въ свѣтъ, и Россія его не замѣтила, несмотря на то, что онъ былъ напечатанъ на самомъ виднномъ мѣстѣ, въ самомъ любимомъ журналѣ. Григорьевъ упивался «Кузьмой» и даже врачевалъ имъ свои душевные недуги, но не могъ-же Григорьевъ не видѣть, что никакого «событія» не

произошло и никакого толчка ни впередъ, ни назадъ не получилось. Почти въ одно время съ «Кузьмой» вышелъ въ свѣтъ романъ Тургенева, отъ котораго Григорьевъ «не ждалъ многаго въ отношеніи къ содержанію», и этотъ романъ поднялъ цѣлую бурю въ литературѣ и въ обществѣ, несмотря на то, что самый сильный и любимый журналъ старался убить и похоронить его тотчасъ послѣ его появленія. Очевидно все развитіе нашей умственной жизни шло въ разрѣзъ съ симпатіями и стремленіями Григорьева.

Насколько этотъ разладъ былъ глубокъ и радикаленъ, — это обнаружилось совершенно ясно въ 1863 году. Если когда-нибудь мертвая красавица Григорьева могла воскреснуть, то именно въ этомъ году. Для теоретиковъ этотъ годъ былъ невыносимо тяжелъ. Разныя совершенно нелитературныя обстоятельства привлекали вниманіе общества къ такимъ предметамъ, которые не поддавались спокойному анализу. Лирическіе восторги были въ полномъ ходу. Можно было ожидать тѣхъ же дифирамбовъ, какіе мы слышали во времена Синопа и Башъ-Кадыкъ-Лара. Повидимому «Кузьма Мининъ» необходимо долженъ былъ въ такое время развернуться во всемъ величіи своей красоты. Не тутъ-то было. «Кузьма» продолжалъ оставаться незамѣченнымъ, несмотря на всѣ выгоды, предоставленныя ему данной минутой. И этого мало. Чтобы окончательно огорошить Григорьева, безжалостная и насмѣшливая судьба взяла на себя трудъ устроить обратное испытаніе. Ты видишь, о Григорьевъ, говоритъ судьба, что твои собственныя идеи совершенно безсильны, даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Посмотримъ же мы съ тобой теперь, каковы силы твоихъ противниковъ, при самыхъ невыгодныхъ для нихъ условіяхъ. — И посмотрѣли. Весной 1863 года появилось въ свѣтъ то, что̀ Григорьевъ весьма игриво называлъ «эпопеей о бѣлой Арапіи». Говорятъ, что тѣ книжки «Современника», въ которыхъ напечатана эта бѣлая Арапія, обратилась теперь въ библіографическую рѣдкость *).

Но зачѣмъ ссылаться на неопредѣленные слухи? Гораздо основательнѣе будетъ указать на то, что̀ говорятъ печатно о «Бѣлой Арапіи» ея неутомимые противники. Весьма враждебная намъ, но чрезвычайно наивная «Эпоха» даетъ намъ въ этомъ случаѣ самые подходящіе матеріалы. Въ ноябрьской книжкѣ этого журнала помѣщена небольшая статья М. Ва. «Литературныя впечатлѣнія новопріѣзжаго». Авторъ этой статьи говоритъ, что онъ почти два съ половиной года прожилъ за-границей и совсѣмъ отсталъ отъ того движенія мысли, которое совершалось въ это время въ Россіи. И какіе-же факты приводитъ онъ въ доказательство своей отсталости? Мнѣ придется выписать подлинныя слова этого господина, и я это сдѣлаю безъ зазрѣнія совѣсти, несмотря на то, что въ этихъ словахъ упоминается моя собственная фамилія. «Ибо тотъ фактъ, что я отсталъ, — говоритъ М. Ва., — для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я не только не читалъ «талантливыхъ статей» *) г. Писарева, но я, къ собственному ужасу, долженъ признаться, что не читалъ даже «Что̀ дѣлать?». Вы поймете конечно, сколько побужденій къ стыду и отчаянью таилось въ этомъ фактѣ». — Слова: «талантливыхъ», «къ собственному ужасу», «къ стыду и отчаянью» употреблены, разумѣется, ради ироніи; но тутъ дѣло не въ томъ, какъ смотритъ на теоретиковъ самъ М. Ва. Тутъ важно его откровенное признаніе, что вся русская литература заключается именно въ теоретикахъ. Отстать отъ литературы — значитъ, по его собственнымъ словамъ, не читать того, что̀ пишутъ теоретики. Человѣкъ пріѣзжаетъ изъ за-границы и спрашиваетъ у своихъ знакомыхъ: «что̀ новаго дѣлается въ нашей литературѣ?» — Ему на этотъ вопросъ не говорятъ, что Клюшниковъ написалъ романъ «Марево», что Боборыкинъ кончаетъ романъ «Въ путь-дорогу!», что возникъ новый журналъ «Эпоха», что сіяетъ, подъ господствомъ новой редакціи, старая газета «Московскія Вѣдомости». Нѣтъ! Ему говорятъ, какъ о самой крупной новости, о романѣ «Что̀ дѣлать?» и о другихъ работахъ теоретическаго лагеря. Скажите на милость, есть-ли возможность болѣе чистосердечно признать превосходство теоретиковъ надъ всѣми остальными направленіями русской мысли? И это говорятъ наши враги! И это говорится о тѣхъ двухъ годахъ, когда мы находились въ самомъ невыгодномъ положеніи! Послѣ подобныхъ признаній, какой же смыслъ имѣетъ извѣстная фраза: «Славянофилы побѣдили»? Можно, пожалуй, сказать только, что славянофилы еще не совсѣмъ побѣждены и что они возвышаютъ голосъ тогда, когда общество, испуганное историческими обстоятельствами, кидается на короткое время въ безсмысленную сантиментальность и въ позорную мыслебоязнь. Но побѣдить они никогда не могутъ, потому что ихъ полная умственная несостоятельность обнаружится въ ту самую минуту, когда они привлекутъ на себя вниманіе общества.

Такимъ образомъ жестокая судьба весьма наглядно показала Григорьеву, что онъ нисколь-

*) *Эпопеей о бѣлой Арапіи* А. Григорьевъ называлъ романъ Н. Г. Чернышевскаго «Что̀ дѣлать?».

*) Кавычки при словахъ «талантливыхъ статей» поставлены въ подлинникѣ. Значитъ, въ эпитетѣ «талантливыхъ» скрывается ѣдкая иронія, и это обстоятельство должно совершенно успокоить мою авторскую скромность. Значитъ, я выписалъ эти слова не затѣмъ, чтобы похвастаться полученнымъ комплиментомъ.

ко не ошибается, называя себя человѣкомъ ненужнымъ. Письма Григорьева къ Страхову повѣствуютъ еще объ одномъ очень любопытномъ разочарованіи покойнаго идеалиста. Въ концѣ 1861 года была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья Щапова «Велико-русскія области во времена междуцарствія». Въ календарѣ на 1862 годъ была напечатана статья профессора Павлова «Тысячелѣтіе Россіи». Эти двѣ статьи привели Григорьева въ восторгъ. На этотъ разъ ему показалось, что его мертвая красавица сію минуту раскроетъ глазки и что нѣкій стихъ немедленно

Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой.

«Вотъ эта статья, да статья Павлова въ новомъ календарѣ,—восклицаетъ Григорьевъ,—эпохи, а не... повѣствованіе въ водяныхъ стихахъ о «чувствіяхъ!...» Тутъ, въ этихъ статьяхъ, новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое— и въ этихъ статьяхъ, и можетъ-быть въ «Мининѣ» Островскаго,—идетъ на конечное истребленіе б....словія «Вѣстника», празднословія западниковъ, суесловія «Дня», хохлословія Костомарова и буесловія «Современника».—Подъ именемъ «повѣствованія въ водяныхъ стихахъ о чувствіяхъ» подразумѣвается, какъ видно изъ другихъ мѣстъ тѣхъ же самоубійственныхъ «воспоминаній», поэма Полонскаго, то «Свѣжее преданіе», въ которомъ редакція «Времени» усматривала великое событіе въ исторіи русской литературы. Съ особеннымъ удовольствіемъ я отмѣчаю то обстоятельство, что Григорьевъ наградилъ это «повѣствованіе» какимъ-то такимъ эпитетомъ, котораго даже невозможно было изобразить печатно. Пріятно также замѣтить, что «Русскій Вѣстникъ» обвиняется въ какомъ-то б....словіи, то-есть въ чемъ то столь неблаговидномъ, что даже и сказать нельзя. И все это говоритъ не озорникъ, не теоретикъ, не нигилистъ! Не правъ ли я былъ, когда я назвалъ «Воспоминанія объ А. А. Григорьевѣ» литературнымъ самоубійствомъ цѣлаго направленія? Почвенники стараются поставить своего учителя какъ можно выше, чтобы удары его, падая сверху, поражали ихъ самихъ какъ можно больнѣе. Намъ остается только радоваться этому добросовѣстному самоизбіенію. То «новое», которое, по мнѣнію Григорьева, шло «на конечное истребленіе» разныхъ непріятныхъ вещей,— повернуло однако совсѣмъ не туда, куда желалъ его направить пылкій идеалистъ. Одинъ изъ представителей «новаго», нашъ сотрудникъ Щаповъ, совершенно обманулъ ожиданія Григорьева. Вмѣсто того чтобы воскрешать мертвую красавицу, Щаповъ принялся изучать Либиха, Дарвина, Ляйелля, Карла Фохта и другихъ, столь-же вредныхъ и легкомысленныхъ негодяевъ. Эти безнравственныя занятія, разумѣется, привели его прямымъ путемъ въ «Русское Слово». Какъ только Григорьевъ почувствовалъ въ статьяхъ Щапова струю естествознанія, такъ, разумѣется онъ съ негодованіемъ отвернулся отъ этихъ статей, потому что онъ, какъ вѣрный, но несчастный рыцарь мертвой красавицы, ненавидѣлъ естественныя науки по крайней мѣрѣ такъ-же сильно, какъ ненавидятъ ихъ въ настоящее время знаменитые русскіе натуралисты: Страховъ, Игдевъ, Аверкіевъ и Николай Соловьевъ. Разочарованіе Григорьева въ Щаповѣ изображено имъ, какъ замѣчаетъ самъ Страховъ, въ послѣдней его критической статьѣ, помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Эпохи». Такимъ образомъ «Кузьма» не вывезъ, Щаповъ перебѣжалъ въ непріятельскій лагерь, и Григорьеву оставалось только, обращаясь къ Страхову, повторить слова Сенеки на счетъ того, что «вѣтеръ крѣпкій

Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей».

И прекрасно, господа, могу я прибавить отъ себя. Туда вамъ и дорога. Каковы-бы ни были высокія достоинства вашихъ *личностей*, во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что ваши идеи негодны для общества, потому что онѣ дѣйствуютъ на него, какъ опіумъ или гашишъ. Онѣ быть-можетъ доставляютъ обществу очаровательныя видѣнія, но дѣйствительная жизнь представляетъ собой мерзость запустѣнія въ тѣ счастливыя эпохи, когда риѳмованныя строчки лупятъ по сердцамъ съ невѣдомою силой. А что Григорьевъ относился равнодушно и съ грубѣйшимъ непониманіемъ къ самымъ великимъ и грознымъ запросамъ дѣйствительной жизни, это обнаруживается съ достаточной ясностью все въ тѣхъ-же самоубійственныхъ «воспоминаніяхъ». Какъ вамъ нравятся напримѣръ слѣдующія строки? Мнѣ кажется, достаточно однѣхъ этихъ строкъ, чтобы навсегда отбить у общества охоту стремиться къ григорьевскимъ идеаламъ. «Есть, —пишетъ необузданный идеалистъ,—вопросъ и глубже, и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ, — и вопроса (каковъ цинизмъ?) *) о крѣпостномъ состояніи, и вопроса (о, ужасъ!) о политической свободѣ. Это вопросъ о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*. Въ допотопныхъ формахъ этотъ вопросъ явился только въ покойникѣ «Москвитянинѣ» 50-хъ годовъ,—явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями (Островскій, Писемскій и т. д.). О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія высокія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ созна-

*) Слова въ скобкахъ принадлежатъ самому Григорьеву.

тельно, несмотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!» Ну-съ! И благополучно вы изволили дойти? И къ чему-же васъ привело ваше сознательное хожденіе къ великой и честной цѣли? — Григорьевъ самъ немедленно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. «Пуста и гола жизнь послѣ этого сна», говоритъ онъ.—Значитъ, вашъ «молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями» вопросъ «о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*» былъ только сонъ. Значитъ, весь этотъ *глубокій и обширный* вопросъ исчерпался въ юношескихъ попойкахъ и не оставилъ послѣ себя никакихъ результатовъ, кромѣ тяжелаго похмелья. И между тѣмъ этотъ *сонъ* оказывается «глубже и обширнѣе по своему значенію» вопроса о крѣпостномъ состояніи и политической свободѣ. И это говорятъ обожатели русскаго народа! Правда, что эти обожатели—идеалисты, и что они слѣдовательно любятъ свой предметъ платонической любовью. До конкретнаго русскаго мужика, который можетъ чувствовать боль и удовольствіе, имъ нѣтъ никакого дѣла. Для нихъ драгоцѣнна только *идея* о русскомъ мужикѣ, и поэтому «высокія пророческія рѣчи, изливаемыя на попойкахъ», кажутся имъ важнѣе тѣхъ вопросовъ, которые своимъ разумнымъ разрѣшеніемъ могутъ создать экономическое благосостояніе цѣлыхъ милліоновъ. Что прикажете думать о такихъ курьезныхъ заявленіяхъ? Въ нихъ, разумѣется, нѣтъ ни *цинизма*, ни *ужаса*. Въ нихъ есть только изумительное невѣжество, которое съ своей всегдашней наивностью принимаетъ себя за проявленіе величайшей мудрости, доступной только немногимъ избраннымъ. Всѣ идеалисты хромаютъ на эту ногу, и, комментируя приведенный мною отрывокъ, я обращался не къ личности покойнаго Григорьева, а ко всему лагерю нашихъ пѣгихъ противниковъ.

II.

Глубокое уныніе, которымъ проникнуты всѣ письма и вся дѣятельность Григорьева, тяготѣетъ надъ всей нашей литературой, кромѣ такъ называемаго теоретическаго лагеря. У Григорьева, какъ у человѣка, глубоко преданнаго отжившимъ идеямъ, была по крайней мѣрѣ неопредѣленная надежда на какой-то чудодѣйственный стихъ, который ударитъ, и т. д. Онъ чего-то страстно желалъ и потому онъ не могъ относиться къ будущему совершенно враждебно. Это обстоятельство ставитъ его гораздо выше всѣхъ остальныхъ дѣятелей отжившихъ направленій. У этихъ остальныхъ дѣятелей, то-есть почти у всѣхъ русскихъ людей, пишущихъ и печатающихъ стихи, романы, повѣсти, драмы, критическія, ученыя и политическія статьи,— нѣтъ никакихъ завѣтныхъ надеждъ, никакихъ опредѣленныхъ желаній. У нихъ нѣтъ ничего, кромѣ тупой ненависти и безотчетнаго страха къ будущему. Имъ-бы хотѣлось ничего не видѣть, ничего не слышать, ни о чемъ не думать и только повторять тѣ уроки, которые они заучили въ дѣтствѣ или въ крайней молодости. И, разумѣется, имъ хотѣлось-бы еще получать отъ благодарныхъ соотечественниковъ за повтореніе этихъ уроковъ большія деньги и большіе лавровые вѣнки. Это не консерваторы, это даже не реакціонеры,—это египетскія муміи, вынутыя изъ пирамидъ и приведенныя въ движеніе какимъ то необыкновеннымъ гальваническимъ аппаратомъ. Консерваторы и реакціонеры политическаго міра понятны; мудрено имъ сочувствовать, но по крайней мѣрѣ можно отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего они хотятъ и почему именно они хотятъ того, а не другого.

Но консерваторы въ мірѣ идей составляли-бы для меня навсегда неразрѣшимую загадку, если-бы я долженъ былъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, которые дѣйствительно чего-нибудь хотятъ и которые пишутъ и печатаютъ для того, чтобы въ чемъ-нибудь убѣдить своихъ читателей. Бояться движенія мысли, смотрѣть съ ужасомъ на все, что еще не обратилось въ избитую фразу, и въ то-же время быть писателемъ, то-есть фабрикантомъ идей, — это такое смѣшное внутреннее противорѣчіе, которое можетъ объясниться только тѣмъ предположеніемъ, что наши писатели смотрятъ на литературу такъ, какъ старые титулярные совѣтники смотрятъ на свою службу. Далъ-бы, дескать, намъ только Господь Богъ умереть спокойно на тѣхъ теплыхъ мѣстахъ, которыя мы занимаемъ. Повышенія намъ никакого ожидать невозможно, а, напротивъ того, можетъ случиться какая-нибудь непріятность, вродѣ сокращенія штатовъ. Вотъ поэтому-то мы и боимся всякаго движенія мысли; поэтому-то мы сами ежимся и отплевываемся всякій разъ, какъ только мы слышимъ какой-нибудь свѣжій и энергическій голосъ. Именно такъ разсуждаютъ про себя тѣ писатели, которые декламируютъ громко и торжественно противъ поспѣшности и неосмотрительности такъ называемыхъ теоретиковъ. Иногда они сами проговариваются чрезвычайно наивно. Напримѣръ Писемскій, написавши очень хорошій разсказъ «Батька», пускается подъ конецъ въ размышленія, начинаетъ тосковать о несовершенствахъ жизни и вдругъ изумляетъ читателя слѣдующей руладой: «о, если-бы, — говоритъ онъ, — можно было забыть прошедшее и не понимать будущаго!» Не знаю, удалось-ли Писемскому забыть прошедшее, но вторая половина его желанія, относящаяся къ будущему, исполнена въ наилучшемъ видѣ. Онъ дѣйствительно не понимаетъ будущаго, и даже счелъ долгомъ торжественно заявить свое непониманіе въ своемъ знаменитомъ романѣ, доказывающемъ очень убѣдительно необходимость мертваго застоя. Послѣ

«Взбаломученнаго Моря» Писемскому оставалось только превратиться въ веселаго разсказчика смѣхотворныхъ анекдотовъ, и это превращеніе дѣйствительно произведено имъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ онъ описываетъ въ настоящее время «Русскихъ лгуновъ». Эти разсказцы могли-бы съ большимъ успѣхомъ фигурировать даже въ московскомъ «Развлеченіи», и я не теряю надежды на то, что Писемскій, вымолившій себѣ непониманіе будущаго, когда-нибудь дѣйствительно пойдетъ оканчивать свою литературную карьеру въ какой-нибудь столь-же мизерной газеткѣ. Далеко не всѣ наши пишущіе рутинеры высказываютъ свои задушевныя желанія такъ откровенно, какъ высказалъ Писемскій, но эти желанія обнаруживаются у нихъ въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ. Всѣ они трусливо и злобно отвертываются отъ будущаго, но отвертываются въ разныя стороны, смотря по своимъ личнымъ наклонностямъ и смотря по обстоятельствамъ. Одни, самые бойкіе и задорные, стараются увѣрить себя и другихъ, что будущее совсѣмъ не существуетъ, что это все одна фантасмагорія, что стоитъ только топнуть ногой и крикнуть: «аминь, аминь, разсыпься!» для того, чтобы все это проклятое будущее исчезло безъ малѣйшаго слѣда, и для того, чтобы скверные мальчишки, осмѣливающіеся размышлять, тотчасъ превратились въ милыхъ попугаевъ, повторяющихъ заданные уроки. Эти бойкіе и задорные, но въ сущности трусливые и тупоумные ненавистники будущаго пишутъ истребительные романы и повѣсти вродѣ «Взбаломученнаго Моря», «Марева» и «Некуда».—Долго толковать объ этой категоріи писателей не стоитъ, тѣмъ болѣе, что въ статьѣ моей «Сердитое безсиліе» я достаточно охарактеризовалъ одного изъ такихъ истребителей. Не могу однако пройти молчаніемъ одну любопытную замѣтку, помѣщенную въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» Стебницкимъ, авторомъ истребительнаго романа «Некуда». Находя вѣроятно, что онъ еще недостаточно уронилъ себя своимъ романомъ, Стебницкій пожелалъ еще довершить это дѣло особымъ «объясненіемъ», напечатаннымъ въ томъ-же журналѣ, который такъ любовно усыновилъ романъ «Некуда».

Въ этомъ объясненіи доблестный Стебницкій говоритъ, что «многимъ петербургскимъ литераторамъ крайне не нравится направленіе романа», и что вслѣдствіе этого «антрепренерами литературныхъ труппъ, лицедѣйствующихъ въ либеральныхъ комедіяхъ, на редакцію *Библіотеки для Чтенія* были спущены вѣрные люди». Но, разумѣется, Стебницкому нечего было бояться «вѣрныхъ людей». «Нападать на меня прямо, — говоритъ онъ, — за направленіе романа было неудобно по многимъ существующимъ положеніямъ, а простить этого направленія мнѣ не могли, и придрались къ подысканному кѣмъ-то *внѣшнему* сходству нѣкоторыхъ лицъ романа съ лицами живыми изъ литературнаго міра,—и пошли писать.»

Съ небольшимъ три года тому назадъ, въ самомъ концѣ 1861 года, въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ разнесся слухъ, что профессоръ Чичеринъ, написавшій тогда какую-то статью, сдѣлался почему-то лицомъ неприкосновеннымъ для литературной критики. Этотъ слухъ вскорѣ дошелъ до Москвы, и «Русскій Вѣстникъ» съ горячимъ негодованіемъ сталъ опровергать этотъ слухъ, какъ вздорную сплетню, пущенную въ ходъ для того, чтобы набросить тѣнь на личность профессора Чичерина. Искусственная неприкосновенность считалась, стало-быть, три года тому назадъ весьма незавиднымъ подаркомъ фортуны. Теперь, когда сформировался типъ истребителей, литературные нравы повидимому измѣнились. Теперь люди насильно врываются въ журналъ для того, чтобы заявить передъ читающей публикой, что нападать на нихъ прямо никакъ невозможно. Впрочемъ я полагаю, что авторское самолюбіе ослѣпляетъ Стебницкаго. На него не нападали прямо за направленіе совсѣмъ не потому, что это было неудобно, а потому, что это было безполезно. На такихъ джентльмэновъ, какъ Писемскій, Клюшниковъ и Стебницкій, всѣ здравомыслящіе люди смотрятъ, какъ на людей отпѣтыхъ. Съ ними не разсуждаютъ о направленіяхъ; ихъ обходятъ съ той осторожностью, съ какой благоразумный путникъ обходитъ очень топкое болото. Нападенія нѣкоторыхъ критиковъ на «*внѣшнее* сходство» нисколько не были придирками, и оправданія, которыя представляетъ Стебницкій, доказываютъ всего лучше, что эти обвиненія были въ высшей степени основательны. Начало оправданія заключается въ томъ, что Стебницкій пишетъ курсивомъ слово *внѣшнее.* Онъ не отрицаетъ сходства, а доказываетъ только, что оно было чисто *внѣшнее.* Онъ ссылается на примѣръ нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. Привожу цѣликомъ его ссылку на Писемскаго: «съ выходомъ *Взбаломученнаго Моря*, всѣ, читавшіе этотъ романъ въ Петербургѣ, въ одно слово говорили, что Галкинъ Писемскаго есть извѣстное въ столичномъ коммерческомъ мірѣ лицо, и опять, безъ дальнихъ обиняковъ, называли это лицо прямо по имени. Но никто-же на основаніи этого сходства не сталъ требовать опознаваемое живущее лицо къ отвѣту за убійство, совершенное въ романѣ по иниціативѣ Галкина, и Писемскаго не обязывали къ представленію юридическихъ уликъ въ доказательство этого, конечно вымышленнаго имъ, преступленія». Заручившись ссылками на авторитеты, Стебницкій бросается на своихъ критиковъ и, подобно маленькому, но очень сердитому вулкану, изливаетъ на нихъ потоки не лавы, а грязи Тутъ-то

и встрѣчаются тѣ «многочисленные намеки», которые сконфузили редакцію *Библіотеки.* Но стыдливость ея тутъ неумѣстна. Если редакція, печатая сотни страницъ такого романа, какъ «Некуда», пожелала слизнуть пѣнку съ этого ароматическаго напитка, то отчего же ей не проглотить и подонки?—Произведя изверженіе, вулканчикъ продолжаетъ свое разсужденіе о сходствѣ. «Ссылаюсь,—говоритъ онъ,—на безпристрастный судъ каждаго, кто прочтетъ эти строки: могутъ ли идти всѣ только слегка помѣченные мною поступки въ параллель съ тѣмъ, что въ одномъ изъ лицъ или въ нѣсколькихъ лицахъ романа встрѣчается какое-то чисто внѣшнее сходство съ живущими людьми, которые (въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія) *никогда не дѣлали ничего такого, что̀ дѣлаютъ дѣйствующія лица въ романахъ*, и слѣдовательно не могутъ нести ни похвалы, ни упрековъ за эти *вымышленныя* дѣйствія?»

Этими краткими выписками я исчерпалъ все внутреннее содержаніе замѣтки. Посмотримъ, насколько убѣдительны оправдательные аргументы Стебницкаго. Замѣтьте, во-первыхъ, что онъ постоянно говоритъ о *внѣшнемъ*, о чисто внѣшнемъ сходствѣ, и что онъ ни разу не употребляетъ слова «*случайное* сходство»,—того единственнаго слова, которое сразу могло бы совершенно оправдать его. Еслибы Стебницкій сказалъ: «что вы ко мнѣ пристаете! Я никогда въ глаза не видалъ тѣхъ людей, которыхъ вы узнаете въ моемъ романѣ; сходство вышло случайное».—Еслибы онъ это сказалъ, говорю я, критикамъ его оставалось бы только развести руками. Но онъ этого не сказалъ; значитъ, по всей вѣроятности *не могъ* сказать; то-есть онъ не имѣлъ возможности отречься печатно отъ знакомства съ тѣми живыми людьми, которые оказались нарисованными во весь ростъ въ его романѣ. Итакъ, для насъ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что Стебницкій нарисовалъ своихъ знакомыхъ. Спрашивается теперь: есть ли возможность нарисовать портретъ своего знакомаго *нечаянно*? Разумѣется, нѣтъ. Значитъ, знакомые были нарисованы *съ умысломъ*. Н. Стебницкій говоритъ, что эти нарисованные знакомые «*никогда не дѣлали ничего такого, что̀ дѣлаютъ дѣйствующія лица въ романахъ*». Фраза очевидно безсмысленная! Въ романахъ дѣйствующія лица ѣдятъ, пьютъ, ходятъ, сидятъ, думаютъ, чувствуютъ, разсуждаютъ. Неужели Стебницкій твердо увѣренъ въ томъ, что его знакомые «*никогда не дѣлали ничего такого*», то-есть никогда не ѣли, не пили, не ходили, не сидѣли, не думали, не чувствовали и не разсуждали? Но простимъ Стебницкому его безграмотность. Онъ очевидно говоритъ совсѣмъ не то, что̀ хочетъ сказать. Онъ хочетъ сказать, что его знакомые не произносили тѣхъ неблагонамѣренныхъ словъ и не позволяли себѣ тѣхъ предосудительныхъ или нелѣпыхъ поступковъ, которые онъ приписываетъ дѣйствующимъ лицамъ своего романа. Прекрасно! Но тѣмъ хуже для Стебницкаго. Еслибы онъ рисовалъ своихъ шалопаевъ съ такихъ живыхъ оригиналовъ, которые шалопайствуютъ въ дѣйствительной жизни, то онъ воздалъ бы каждому по его заслугамъ. Но вы представьте себѣ слѣдующую штуку: Стебницкій записываетъ ваши примѣты, особенности вашего костюма и вашей походки, ваши привычки, ваши поговорки; онъ изучаетъ васъ во всѣхъ подробностяхъ и потомъ создаетъ въ своемъ романѣ отъявленнаго мошенника, который всѣми *внѣшними* признаками похожъ на васъ, какъ двѣ капли воды. А между тѣмъ вы — честнѣйшій человѣкъ и провинились только тѣмъ, что пустили къ себѣ въ домъ этого подслушивающаго и подсматривающаго господина. А между тѣмъ всѣ ваши знакомые узнаютъ *васъ* въ изображенномъ мошенникѣ и съ изумленіемъ разспрашиваютъ другъ друга о томъ, есть-ли какая-нибудь доля правды въ томъ, что̀ о васъ написано. Начинаются догадки, предположенія и сплетни. Какъ вы находите, пріятно ваше положеніе, или нѣтъ? Къ суду васъ никто не потянетъ, но это именно и скверно. Въ судѣ вы могли бы оправдаться, но противъ сплетень, возбужденныхъ наглой мистификаціей Стебницкаго, вы оказываетесь совершенно беззащитнымъ. Въ «Ревизорѣ» давно уже было сказано: «хорошо если мошенникъ, а что, если еще того хуже?» Въ романѣ Стебницкаго выведены именно не мошенники, а «еще того хуже», такъ что попасть въ разрядъ этихъ людей «еще того хуже»—можетъ быть гораздо опаснѣе, чѣмъ прослыть мошенникомъ.

Ссылка на Писемскаго, разумѣется, ничего не доказываетъ. Если прототипъ Галкина не сдѣлалъ никакого преступленія, то со стороны Писемскаго было въ высшей степени скверно накладывать на честнаго человѣка темное пятно, отъ котораго этотъ господинъ не имѣетъ никакой возможности отмыться. Такія продѣлки называются именно бросаніемъ камней и грязи *изъ-за угла.* Косвенная инсинуація неизмѣримо хуже прямого доноса, именно потому, что составитель инсинуаціи не обязанъ представлять никакихъ доказательствъ и всегда имѣетъ полную возможность увернуться въ сторону, ссылаясь на свободную игру своей фантазіи.

Спрашивается, съ какимъ же умысломъ Стебницкій превратилъ своихъ знакомыхъ въ натурщиковъ, съ которыхъ онъ копировалъ наружность своихъ «еще того хуже»? Если Стебницкій скажетъ, что это была пріятельская шутка, то ему на это возразятъ, что это шутка глупая, плоская и дерзкая. Всего интереснѣе то, что самъ же Стебницкій въ концѣ своего романа произноситъ приговоръ надъ подобной

шуткой. Извольте послушать: «Да, говоритъ одна барыня, представьте себѣ, у нихъ живописцы работали. Ну, она на воротахъ назначила нарисовать страшный судъ—картину. Ну, мой внукъ, разумѣется, мальчикъ молодой... знаете, скучно, онъ и далъ живописцу двадцать рублей, чтобы тотъ въ аду нарисовалъ и Агнію, и всѣхъ ея главныхъ помощницъ....» — «Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо, сказалъ за стуломъ Евгеніи Петровны Розановъ». «Вѣстимо, отвѣчала хозяйка». При этомъ надо замѣтить, что Розановъ и Евгенія Петровна — любимцы автора. Изъ - за чего же Стебницкій вламывался въ журналъ со своимъ «объясненіемъ»? Зачѣмъ онъ оправдывался, когда онъ самъ произнесъ надъ собой приговоръ? Ну да, именно. «Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо». Хорошо! Но что, если рисованіе знакомыхъ было совершено затѣмъ, чтобы напакостить ближнему, чтобы отомстить за оскорбленіе или чтобы доставить плохому роману тотъ успѣхъ, который называется *un succès de scandale?* Что тогда?— Тогда, чего добраго, изреченіе Розанова придется передѣлать такъ: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грязно». — Меня очень интересуютъ слѣдующіе два вопроса: 1) Найдется ли теперь въ Россіи—кромѣ «Русскаго Вѣстника»—хоть одинъ журналъ, который осмѣлился бы напечатать на своихъ страницахъ что-нибудь выходящее изъ подъ пера Стебницкаго и подписанное его фамиліей? 2) Найдется ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ настолько неостороженъ и равнодушенъ къ своей репутаціи, что согласится работать въ журналѣ, украшающемъ себя повѣстями и романами Стебницкаго? — Вопросы эти очень интересны для психологической оцѣнки нашего литературнаго міра *).

III.

Отъ свирѣпыхъ истребителей будущаго я перехожу къ тѣмъ болѣе кроткимъ людямъ, которые, не видя для себя впереди ничего привлекательнаго, уходятъ всѣми своими помыслами въ темную глубину давнопрошедшаго. Съ легкой руки Островскаго, воспѣвшаго «Козьму Минина» въ какомъ то странномъ произведеніи, нисколько не похожемъ на драму, — историческія трагедіи, драмы и комедіи начинаютъ плодиться въ нашей литературѣ. Въ прошломъ году Чаевъ напечаталъ въ «Библіотекѣ» трагедію «Князь Александръ Михайловичъ Тверской»; въ томъже году Аверкіевъ,—тотъ самый, который терпѣть не можетъ популяризаторовъ вообще и Карла Фохта въ особенности, — помѣстилъ въ «Эпохѣ» драму «Мамаево побоище». Наконецъ въ нынѣшнемъ году Островскій нагрузилъ январьскую книжку несчастнаго «Современника» комедіею «Воевода», изображающей нравы XVII столѣтія. «Князь Тверской» занимаетъ 84 страницы, «Мамаево побоище»—136, «Воевода»— 135. Итого — 355. «Князь Тверской», отличаясь похвальной скромностью въ отношеніи къ объему, отличается еще другимъ важнымъ достоинствомъ: онъ написанъ прозой и въ немъ есть одна не совсѣмъ плохая сцена; именно, 2-я сцена 2-го дѣйствія,—та, гдѣ псковичи, отстаивая Александра Михайловича, сажаютъ его къ себѣ на княженіе и разрываютъ свою связь съ Новгородомъ и съ Иваномъ Калитой. Вслѣдствіе этого я оставлю въ покоѣ «Князя Тверского», надѣясь на то, что Чаевъ, какъ писатель начинающій, можетъ еще обратиться на путь истины и уразумѣть всю суетность историческаго драмодѣланія. Аверкіевъ—дѣло другое; онъ уже съ головой окунулся въ мутную премудрость «Эпохи» и въ своихъ многочисленныхъ критическихъ статьяхъ заплатилъ уже такую обильную дань духу мракобѣсія и сикофанства *), что навсегда отрѣзалъ себѣ дорогу къ прямой литературной дѣятельности. Его «Мамаево побоище» есть тенденціозный панегирикъ прошедшему, которое, разумѣется, должно казаться Аверкіеву очень привлекательнымъ, потому что въ XIV столѣтіи еще не было людей, способныхъ выводить на свѣжую воду литературныхъ шарлатановъ. Впрочемъ легко можетъ быть, что и шарлатановъ было тогда поменьше, чѣмъ теперь.

«Мамаево побоище», написанное стихами, снабжено предисловіемъ, въ которомъ почтенный авторъ объясняетъ, что главная цѣль его произведенія—«изобразить въ картинахъ прошлую жизнь съ возможно - большаго числа сторонъ». Въ этомъ же предисловіи Аверкіевъ даетъ нѣсколько совѣтовъ относительно сценической постановки пьесы; первый изъ этихъ совѣтовъ показываетъ намъ наглядно, что Аверкіевъ умѣетъ понимать слова лѣтописей совершенно навыворотъ. Полюбуйтесь остроуміемъ и проницательностью писателя, взявшагося «изобразить прошлую жизнь съ возможно большаго числа сторонъ».—Должна быть ярко изображена противоположность между дворами московскимъ и рязанскимъ. При первомъ господствуетъ своеобразная вѣжливость и утонченность нравовъ; при второмъ—отношенія болѣе простыя и грубыя. Не даромъ же москвичи говорили, что «рязанцы — люди суровые, свирѣпые, высокоумные, гордые, чаятельные, вознесшись умомъ и возгордившись величаніемъ, помыслили въ высокоуміи своемъ, полоумные люди, какъ чудища».

---

*) И журналовъ, и писателей такихъ оказалось въ изобиліи... *Изд.*

*) Сикофантами назывались въ Аѳинахъ клеветники и наушники.

Кто былъ грубѣе, рязанцы или москвичи,— этого я не знаю. Я русскихъ лѣтописей не читалъ и никогда не буду читать. Можетъ быть Аверкіевъ дѣйствительно правъ, но неподражаемымъ комизмомъ дышитъ тотъ фактъ, что въ подтвержденіе своей мысли Аверкіевъ приводитъ такія слова, которыя ее опровергаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ изъ отзыва москвичей о рязанцахъ можно заключить, что москвичи смотрѣли на рязанцевъ сверху внизъ, какъ цивилизованные люди смотрятъ на полудикарей? Совсѣмъ напротивъ. Слова, приведенныя Аверкіевымъ, можно было бы безъ малѣйшаго измѣненія вложить въ уста какого-нибудь мелкопомѣстнаго дворянина, отзывающагося съ горькой завистью и съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія о богатомъ и гордомъ сосѣдѣ. «*Вознесшись умомъ и возгордившись величаніемъ*»— не правда ли, какъ ясно указываютъ эти слова на «*отношенія болѣе простыя и грубыя*»? Посѣтивши Константинополь и насмотрѣвшись на тамошнія придворныя церемоніи, русскій человѣкъ XIV столѣтія навѣрное сказалъ бы также, что византійцы — «*вознесшись умомъ и возгордившись величаніемъ*», а Аверкіевъ со свойственнымъ ему остроуміемъ навѣрное вывелъ бы то заключеніе, что при византійскомъ дворѣ господствовали «*отношенія болѣе простыя и грубыя*», чѣмъ при московскомъ. Если я напомню публикѣ то обстоятельство, что авторъ «Мамаева побоища», такъ успѣшно понимающій навыворотъ слова лѣтописей, вступалъ въ состязанія съ Н. Костомаровымъ,— то, разумѣется, надъ злополучнымъ Аверкіевымъ засмѣются не только всѣ читатели, но даже всѣ куры и цыплята великой, малой и бѣлой Россіи.

Посуливши намъ «изобразить прошлую жизнь съ возможно-бо́льшаго числа сторонъ», Аверкіевъ на самомъ дѣлѣ изображаетъ только безконечно-растянутые и удивительно безцвѣтные разговоры между князьями и боярами. Есть, правда, двѣ-три сцены якобы простонародныя; но эти сцены состоятъ исключительно въ томъ, что мужики, уходя на войну, говорятъ: «мы ихъ, такихъ-сякихъ, шапками закидаемъ»; а бабы ревутъ и говорятъ: «дай вамъ, Господи, добраго здоровья». Вотъ вамъ и вся «прошлая жизнь», и все «возможно-большее число сторонъ».

Но удовольствуемся тѣмъ, что́ даетъ намъ авторъ. Посмотримъ по крайней мѣрѣ, какъ обрисованы князья и бояре. Что Аверкіевъ желалъ представить ихъ въ самомъ привлекательномъ видѣ,—это намъ доподлинно извѣстно, потому что Аверкіевъ сражался съ Костомаровымъ именно изъ-за того, что сей послѣдній недостаточно благоговѣлъ передъ доблестями древнихъ москвичей вообще и Дмитрія Донского въ особенности. Но Аверкіевъ, подобно всѣмъ писателямъ, удрученнымъ бездарностью и честолюбіемъ, совершенно равнымъ его бездарности, всегда оказываетъ медвѣжьи услуги тѣмъ лицамъ и принципамъ, которые онъ принимаетъ подъ свое просвѣщенное покровительство. Дмитрій Донской и его сподвижники представлены у Аверкіева такими чудаками, что даже мнѣ, человѣку, не питающему ни малѣйшей нѣжности къ людямъ XIV столѣтія, придется защищать этихъ людей противъ ихъ остроумнаго панегириста. Всѣ дѣйствующія лица «Мамаева побоища» безъ исключенія одержимы неизлечимымъ пристрастіемъ къ риторическому размазыванію; то, что̀ можно выразить въ трехъ словахъ, растягивается ими по меньшей мѣрѣ на десять строкъ. Съ точки зрѣнія литературнаго гонорара, такая наклонность куликовскихъ героевъ очень понятна и даже извинительна, потому что Аверкіеву, разумѣется, пріятнѣе было помѣстить въ журналѣ 136 страницъ, чѣмъ помѣстить только 40 или 50. Но такъ какъ Аверкіевъ корчитъ изъ себя патріота и такъ какъ онъ даже пристаетъ къ другимъ русскимъ писателямъ съ упреками въ недостаткѣ патріотизма, то я полагаю, что при воспѣваніи куликовскихъ героевъ Аверкіеву не мѣшало-бы думать поменьше объ умноженіи печатныхъ строчекъ и побольше о достоинствѣ тѣхъ историческихъ личностей, которыя по его милости превращены въ болтуновъ.

Великая княгиня, жена Дмитрія, совѣтуетъ мужу сходить передъ выступленіемъ противъ Мамая къ игумну Сергію. Кажется, дѣло очень простое и естественное; совѣтъ хорошъ; онъ доказываетъ, что княгиня—женщина благочестивая; но такъ какъ въ XIV столѣтіи всѣ русскіе люди были очень благочестивы, то въ этомъ хорошемъ совѣтѣ нѣтъ ничего особенно новаго и удивительнаго; Дмитрій пошелъ бы къ игумну по собственному влеченію, безъ всякихъ посторонних внушеній. Посмотрите же теперь, что̀ тутъ дѣлаетъ Аверкіевъ:

КНЯГИНЯ.

Послушай, княже, моего совѣта
И къ Сергію игумену сходи.
Со всѣхъ сторонъ народъ къ нему стремится,
Печальные идутъ со всѣхъ концовъ.
Несутъ къ нему тяжелую кручину,
А отъ него идутъ съ веселой думой,
Веселымъ сердцемъ славословятъ Бога.
Сходи къ нему въ своемъ великомъ горѣ,
Повѣдай тяжкую свою печаль;
Онъ словомъ Божіимъ тебя утѣшитъ,
Разумною бесѣдой ободритъ.

Итого *одиннадцать* строкъ, чтобы сказать: «сходи къ Сергію!» Но вѣдь это еще далеко не всѣ. Князю надобно теперь благодарить княгиню за ея краснорѣчіе, хотя впрочемъ за это краснорѣчіе платятъ деньги не Дмитрію Донскому, а Дмитрію Аверкіеву.

в. князь.

Спасибо, милая моя голубка!
Самъ думалъ я объ этомъ, самъ хотѣлъ
Сходить къ игумену.

Кажется, тема исчерпана, и разговоръ долженъ прекратиться или принять другое направленіе.—Ничуть не бывало! Вы не знаете изобрѣтательности Аверкіева. Княгиня продолжаетъ долбить своего мужа:

княгиня.

Да, милый княже,
Сходи къ нему; сходи ты безпремѣнно.

в. князь.

Вотъ, какъ управлюсь, такъ сейчасъ схожу.

Но княгиня наладила свою пѣсню и непремѣнно желаетъ доставить Аверкіеву еще нѣсколько копѣекъ:

княгиня.

Не отлагай ты дѣла въ долгій ящикъ;
Еще успѣешь разослать гонцовъ,
Собрать полки еще успѣешь, княже,
А главное—ты къ Сергію сходи.

в. князь.

Схожу, голубушка.

Когда остроумная княгиня такимъ образомъ окончательно убѣдила Дмитрія, что разсылать гонцовъ и собирать полки — самое пустое и вздорное занятіе, тогда читатель начинаетъ думать, что дѣло о хожденіи къ Сергію наконецъ рѣшено и что о немъ не будутъ больше толковать. Вѣдь и то ужъ Аверкіевъ сколотилъ себѣ на эту тему *двадцать двѣ* строчки. Можно бы, кажется, удовлетвориться. Не тутъ то было. Разговоръ о хожденіи къ Сергію, угасши на страницѣ 17, возгорается съ новой силой на страницѣ 30, когда княгиня узнаетъ, что совѣщаніе князя съ боярами окончилось.

княгиня.

Ну, слава Богу! Только знаешь, Дмитрій,
Не отъ людей—отъ Господа удача;
Ты къ Сергію игумену сходи,
У Троицы усердно помолися.

Можно было ожидать, что Дмитрію надоѣдятъ наконецъ эти безконечныя повторенія, и что онъ скажетъ княгинѣ: «ахъ, матушка, да оставь-же ты меня въ покоѣ! Что я, нехристь, что ли, какой-нибудь? Не знаю я, что ли, когда и гдѣ мнѣ нужно молиться?»—Но Дмитрій, сотворенный Аверкіевымъ, этого не говоритъ. Онъ даже приходитъ въ какой-то совершенно непонятный восторгъ, точно будто княгиня подала ему совершенно новую мысль, которая безъ ея помощи ни за что не пришла бы ему въ голову.

в. князь.

О, милая голубка, дорогая!
Совѣтовъ много слышалъ я сегодня:
Свою повѣдали мнѣ братья думу,
И молвили свое бояре слово.
Но твой совѣтъ—дороже всѣхъ совѣтовъ,
Разумнѣй всѣхъ твоя простая дума;
Какъ солнце, слово милое горитъ,
Горитъ оно и путь мнѣ указуетъ,
Надежный путь къ обители Господней,
Къ честнымъ вратамъ монастыря святого.

Глядишь: еще *четырнадцать* стишковъ набѣжало. *Двадцать два* да *четырнадцать*—выходитъ *тридцать шесть.* При такихъ условіяхъ патріотизмъ оказывается очень хорошей оброчной статьей.

Желая оживить свою драму комической струей, Аверкіевъ считаетъ необходимымъ устроить дѣло такъ, чтобы Дмитрій въ думѣ обругалъ одного изъ бояръ «дуракомъ». Что-жъ? Эффектъ придуманъ не дурно, и для Аверкіева не безвыгодно, потому что на подготовленіе и произнесеніе двухсложнаго слова «дуракъ», въ которомъ заключается вся соль сцены, потрачено *двадцать пять* строкъ.—На другую, столь-же комическую сцену, основанную на томъ, что бояринъ, получившій «дурака», труситъ и старается отдѣлаться отъ похода, отговариваясь болѣзнью, — израсходовано *пятьдесятъ пять* строкъ, хотя эта сцена, происходящая только между двумя совершенно второстепенными лицами, не рисуетъ ни «прошлой жизни», ни «возможно-большаго числа сторонъ». На прощаніе Боброва съ женой отпущено *семьдесятъ три* строки, хотя прощаются они такъ, какъ и въ наше время могутъ прощаться супруги. Характернаго въ этой сценѣ нѣтъ ровно ничего, кромѣ ея непомѣрной растянутости, которая впрочемъ характеризуетъ собой не XIV столѣтіе, а Аверкіева. Какія глупости городятъ князья и бояре на военномъ совѣтѣ за два дня до рѣшительной битвы,—такъ это просто уши вянутъ. Вмѣсто того, чтобы разсуждать о планѣ сраженія, о движеніи и расположеніи войскъ, они упражняются въ литературномъ изливаніи похвальныхъ чувствъ, точно будто они воспитаны на критическихъ статьяхъ Аверкіева и Николая Соловьева. Вотъ вамъ образчики.

к. дм. ольгердовичъ.

Что было тамъ за Пьяной,—я не знаю;
Ты, можетъ, былъ; тебѣ и книги въ руки.
А я читалъ другія, какъ князь Игорь
Шеломомъ зачерпнулъ воды изъ Дона,
Какъ напоилъ коня струей донскою,
Какъ рыскала хоробрая дружина,
Что волки сѣрые, по чисту полю,
Себѣ искали чести, князю—славы.

Это называется подавать свое мнѣніе на военномъ совѣтѣ.—Другой Ольгердовичъ, Андрей, соревнуя своему брату, желаетъ также сказать нѣсколько глупостей и, разумѣется, исполняетъ свое желаніе:

кн. анд. ольгердовичъ.

И за Донъ перейдемъ, да побѣдимъ,
Коль есть на то Господня воля; нѣтъ,—
Такъ отъ бѣды и здѣсь не уберечься.

А мысль моя такая, княже Дмитрій
Ивановичъ: коль ты пришелъ на дѣло,
Коль крѣпкаго ты бою хочешь,
Сегодня-же вели перевозиться.
И у кого на мысли ворочаться,
Пусть эту мысль отброситъ; пусть никто
Не думаетъ спастись отъ смерти; бьется
Съ погаными безъ хитрости, и смерти
Пусть съ часу на часъ ждетъ. А говорятъ,
Что сила велика у нихъ, то что
На это намъ смотрѣть. Не въ силѣ Богъ,
А въ правдѣ.

В. КНЯЗЬ.

Ай да, князь Андрей, спасибо!
Такія рѣчи, право, любо слушать.

Скажите, пожалуйста, не правду-ли я говорилъ, что мнѣ придется защищать куликовскихъ героевъ противъ ихъ усерднаго, но крайне ограниченнаго панегириста? Надо переходить за Донъ, говоритъ Андрей Ольгердовичъ, на томъ основаніи, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. А Дмитрій Донской благодаритъ и находитъ, что такія рѣчи пріятно слушать.

Желая расписать самыми яркими красками благочестіе нашихъ предковъ, Аверкіевъ очевидно хватилъ черезъ край, возвелъ русское «авось» въ религіозный догматъ и навязалъ несчастнымъ сподвижникамъ Дмитрія чистѣйшій магометанскій фатализмъ, противъ котораго всегда возмущался здравый смыслъ всѣхъ европейскихъ народностей. Аверкіевъ до самаго конца остается вѣренъ себѣ: послѣ побѣды Дмитрій три раза подъ рядъ благодаритъ войско въ самыхъ витіеватыхъ выраженіяхъ, а войско отвѣчаетъ ему на разные манеры: «рады стараться». На эти взаимные комплименты уходитъ *сто* строкъ.—И это, по мнѣнію Аверкіева, называется «изобразить прошлую жизнь съ возможно-бòльшаго числа сторонъ»?

IV.

Къ «Воеводѣ» Островскаго не приложено никакого предисловія, и это очень жаль, потому что было-бы желательно, чтобы къ этой комедіи было приложено два предисловія: одно—отъ автора, другое — отъ редакціи «Современника». Въ первомъ—авторъ долженъ былъ объяснить русской публикѣ, чтò такое онъ хотѣлъ выразить своимъ новымъ произведеніемъ и съ какой стати онъ его написалъ. Сама комедія на эти вопросы не даетъ рѣшительно никакого отвѣта. Во второмъ предисловіи редакція «Современника» должна объяснить, съ какой точки зрѣнія она находитъ комедію Островскаго интересной или полезной вообще и для подписчиковъ «Современника» въ особенности. Упорство, съ которымъ «Современникъ» держится за увядшій талантъ Островскаго, составляетъ для меня необъяснимую загадку, тѣмъ болѣе, что тотъ-же «Современникъ» не разъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу ту стоическую твердость, съ которой онъ отвернулся отъ Тургенева, какъ только замѣтилъ въ немъ фальшивыя ноты. Тургеневъ, при всѣхъ своимъ немощахъ, несравненно свѣжѣе Островскаго, и было-бы несравненно приличнѣе для «Современника» напечатать даже «Призраки», чѣмъ печатать «Воеводу». Островскій былъ дорогъ для «Современника», какъ изобрѣтатель «Темнаго царства», но о «Темномъ царствѣ» Островскій давно произнесъ свое послѣднее слово и теперь онъ странствуетъ по такимъ пустынямъ и дебрямъ, въ которыхъ онъ можетъ встрѣтиться только съ Кохановской, съ Аксаковымъ, Юркевичемъ, а никакъ не съ мыслящими реалистами нашего времени.

Сюжетъ «Воеводы» изумляетъ читателя своей несообразностью. Въ одномъ приволжскомъ городѣ господствуетъ въ половинѣ XVII столѣтія старый воевода Шалыгинъ, защекотавшій до смерти двухъ своихъ женъ и желающій на старости лѣтъ жениться еще разъ для того, чтобы защекотать третью. Онъ дѣлаетъ предложеніе одной красивой дѣвицѣ, Прасковьѣ, дочери богатаго посадскаго, Власа Дюжого. Его предложеніе принимаютъ съ радостью, и будущая его теща, Настасья, уже заранѣе обнаруживаетъ свою гордость тѣмъ, что, идя по улицѣ, ни съ того, ни съ сего, кричитъ на всѣхъ прохожихъ: «фу! смерды». Но прохожіе, съ своей стороны, обнаруживаютъ свою самостоятельность, отвѣчая ей такъ: «шире народъ, навозъ плыветъ». Еслибы Островскій снабдилъ свою комедію объяснительнымъ предисловіемъ, то изъ этого предисловія мы узнали-бы навѣрное, для чего созданъ діалогъ между гордой Настасьей и самостоятельными прохожими: для того-ли, чтобы очертить нравы XVII столѣтія, или-же для того, чтобы въ XIX столѣтіи породить хохотъ и рукоплесканія въ райкѣ Александринскаго театра. Теперь-же, за неимѣніемъ предисловія, мы недоумѣваемъ.—Придя съ визитомъ къ Власу Дюжому, воевода случайно сталкивается съ Марьей, младшей сестрой Прасковьи, и тотчасъ рѣшаетъ, что лучше жениться на Марьѣ, чѣмъ на Прасковьѣ. Марья влюблена въ молодого помѣщика Бастрюкова, котораго отецъ, поссорившись съ Шалыгинымъ, поѣхалъ въ Москву жаловаться на воеводу отъ лица цѣлаго города. Молодой Бастрюковъ хочетъ похитить Марью, но шутъ воеводы подкарауливаетъ ихъ и разстраиваетъ ихъ планъ. Воевода, чтобы уберечь Марью отъ ея поклонника, перевозитъ ее въ одинъ изъ своихъ теремовъ еще до свадьбы. Самъ-же онъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней за городъ по дѣламъ. Въ одной избѣ онъ видитъ пророческіе сны: будто молодой Бастрюковъ похищаетъ Марью; потомъ будто старый Бастрюковъ пожаловался на него, Шалыгина, въ Москвѣ, и будто ѣдетъ на воеводство дворянинъ Поджарый. Встревоженный снами, онъ возвращается въ городъ, захватываетъ Марью въ ту самую минуту, когда она совсѣмъ собралась бѣжать, и начинаетъ ее щекотать; но въ

это время является на сцену новый воевода, Поджарый, и Марья, избавленная отъ щекотанія, находитъ себѣ счастье въ объятіяхъ Бастрюкова.

Вотъ вамъ и комедія вся. Комедія, разумѣется, изобилуетъ вводными лицами: тутъ есть и пустынникъ, размышляющій о суетности земного величія; и разбойникъ, смахивающій на Карла Моора; и старая нянька Недвига, разсказывающая сказки; и корыстолюбивая вдова Ульяна, исполняющая при особѣ Марьи роль дуэнны; и колдунъ Мизгирь, появляющійся на сценѣ въ оковахъ; есть даже и домовой, настоящій домовой, который ходитъ по сценѣ съ фонаремъ, декламируетъ стихи и сшибаетъ шлыкъ съ головы спящей Недвиги. Но Островскій и этимъ не удовлетворился: для большей фантастичности онъ устроилъ такъ, что пророческіе сны воеводы разыгрываются передъ глазами всѣхъ зрителей. Воевода лежитъ на сценѣ и спитъ, а въ это время на заднемъ планѣ открывается новая сцена, на которой изображается въ лицахъ то, что̀ воевода видитъ во снѣ. Черезъ это комедія начинаетъ смахивать на волшебную оперетку и получаетъ для райка удвоенную занимательность. Но мыслящій читатель, наткнувшись на домового и на пророческіе сны, болѣе чѣмъ когда-либо, начинаетъ чувствовать необходимость тѣхъ двухъ предисловій, о которыхъ я говорилъ выше. Возникаетъ вопросъ: вѣритъ или не вѣритъ Островскій въ существованіе домовыхъ и въ пророческія свойства сновидѣній? Что люди XVII столѣтія вѣрили въ то и въ другое, это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію. Но тутъ дѣло не въ томъ. Домовой ходитъ по сценѣ и говоритъ; значитъ, его видятъ и слышатъ не только дѣйствующія лица комедіи, а кромѣ того еще всѣ зрители, то-есть люди XIX вѣка. Собственно говоря, онъ даже приходитъ на сцену только для зрителей, потому что дѣйствующія лица всѣ спятъ въ минуту его появленія и просыпаются только послѣ его ухода.—Такое-же реальное существованіе имѣютъ для зрителей пророческіе сны Шалыгина. Зрители видятъ и слышатъ все ясно, что̀ грезится воеводѣ; и потомъ тѣ-же зрители видятъ и слышатъ также ясно, что всѣ эти грезы осуществляются съ буквальной точностью. Что̀-же это въ самомъ дѣлѣ значитъ? Если Островскій вѣритъ во всякую чертовщину, то чего-же смотритъ редакція «Современника»? Если Островскій, не вѣря въ чертовщину, считаетъ своей обязанностью поддѣлываться подъ народное міросозерцаніе и *смиряться передъ народной правдой* до признанія домовыхъ и пророческихъ сновъ включительно, — то опять-таки, чего-же смотритъ редакція «Современника»? Если наконецъ Островскій, отложивъ попеченіе о какомъ-бы то ни было серьезномъ взглядѣ на литературу, наполняетъ свои досуги сочиненіемъ комико-магическихъ оперетокъ, то и въ этомъ случаѣ мы въ крайнемъ недоумѣніи повторяемъ тотъ-же самый вопросъ: чего-же смотритъ редакція «Современника»,— та самая редакція, которая ведетъ непримиримую войну съ Тургеневымъ?

Безъ двухъ предисловій съ «Воеводой» невозможно справиться.

V.

Яростные романы, вродѣ «Марева» и «Некуда», очень скоро набиваютъ публикѣ оскомину; археологическія драмы, вродѣ «Кузьмы Минина» и «Мамаева побоища», всегда нагоняютъ на читателей истерическую зѣвоту. Поэтому писатели, желающіе систематически усыплять общественное самосознаніе, должны пускать въ ходъ какое-нибудь другое, болѣе тонкое и привлекательное наркотическое вещество. Къ счастью для этихъ писателей, такое наркотическое вещество изобрѣтено съ незапамятныхъ временъ. Чтобы отвлекать людей отъ серьезныхъ размышленій, чтобы отводить имъ глаза отъ крупныхъ и мелкихъ нелѣпостей жизни, чтобы скрывать отъ нихъ насущныя потребности вѣка и народа,—писатель долженъ уводить своихъ читателей въ крошечный мірокъ чисто-личныхъ радостей и чисто-личныхъ огорченій; онъ долженъ рисовать имъ миловидныя картинки любовныхъ томленій и любовнаго восторга; онъ долженъ обставлять свои разсказцы очаровательными описаніями лунныхъ ночей, лѣтнихъ вечеровъ, страстныхъ замираній и роскошныхъ бюстовъ; и при этомъ—самое главное—онъ долженъ тщательно маскировать отъ читателя ту неразрывную связь, которая существуетъ между участью отдѣльной личности и положеніемъ цѣлаго общества. Если всѣ эти условія будутъ соблюдены, то простодушный читатель разнѣжится, замечтается и повѣритъ хитрому усыпителю, что человѣкъ прежде всего долженъ отыскать себѣ родственную душу, а потомъ втеченіи всей своей жизни упиваться пѣніемъ соловья, восходомъ солнца и блескомъ луны. Разумѣется, *одинъ* пріемъ такого наркотическаго вещества усыпляетъ и разслабляетъ человѣка не надолго, но когда пріемы быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, когда вся литература переполнена гашишемъ платоническихъ и анакреонтическихъ сладостей, когда ни откуда нѣтъ отпора этимъ пошлостямъ, тогда самыя здоровыя головы тупѣютъ и теряютъ способность мыслить.

Западный романтизмъ вначалѣ нынѣшняго столѣтія сбилъ съ толку и изуродовалъ по меньшей мѣрѣ два поколѣнія французовъ и нѣмцевъ. Мы въ настоящее время довольно прочно застрахованы противъ подобной опасности; дряхлый романтизмъ смѣшонъ и гадокъ для нашей здоровой молодежи, но тѣмъ не менѣе романтизмъ существуетъ, какъ въ беллетристикѣ, такъ и въ критикѣ нашихъ рутинныхъ журна-

ловъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны тѣ повѣсти, которыми украшаетъ себя «Русскій Вѣстникъ». Всѣ онѣ очень недалеко уѣхали отъ «Бѣдной Лизы» Карамзина и отъ «Барышни-Крестьянки» Пушкина. Всѣ онѣ стремятся къ тому, чтобы терзать чувствительныя сердца *кисейныхъ дѣвушекъ*, совершенно неспособныхъ обороняться отъ глупыхъ людей и отъ глупыхъ книгъ.—Въ концѣ прошлаго года, начиная съ сентября, «Русскій Вѣстникъ», отложивъ въ сторону бранные доспѣхи, ударился въ буколическое направленіе и поднесъ своимъ читателямъ нѣсколько повѣстей, такихъ сладостныхъ и усыпительныхъ, какія рѣдко можно встрѣтить въ нашемъ желѣзномъ и тревожномъ вѣкѣ. — Въ сентябрьской книжкѣ помѣщена повѣсть г. Н. О. «Гдѣ-же счастье?» Вся повѣсть состоитъ изъ писемъ. Замужняя сестра, Наталья, пишетъ своей незамужней сестрѣ, Екатеринѣ, что она чрезвычайно счастлива. Счастье наводитъ Наталью на самыя удивительныя размышленія. «Бьетъ два часа. Я люблю эту ночную тишину; одна вода все клокочетъ, бьется и шумитъ на мельницѣ, подъ горой, и какъ будто тоже бесѣдуетъ о моемъ блаженствѣ съ незримымъ духомъ, подающимъ жизнь всему живущему». Блаженство Натальи, о которомъ бесѣдуетъ вода на мельницѣ, состоитъ въ томъ, что мужъ ея, Валерьянъ, восемь лѣтъ подъ рядъ говоритъ ей сладости и цѣлуетъ ея руки. Вотъ образчикъ ея блаженства. «Какой-то подрядчикъ досадилъ мужу; онъ разсердился на него и презлой пришелъ къ обѣду, сталъ придираться, ворчать. Я вижу, что онъ раздраженъ чѣмъ-то, и молчу. Онъ кричитъ, шумитъ и уже мнѣ говоритъ дерзости; я уткнулась въ работу и ни слова. Вижу: человѣкъ дурно настроенъ—ну, что̀-жъ съ этимъ дѣлать? Валерьянъ посердился и опять убѣжалъ на стройку. Вечеромъ... какъ-бы ты думала? возвратился до того сконфуженъ, что смѣшно смотрѣть; не смѣетъ глазъ на меня поднять, совѣстится, проситъ прощенія; но, видя, что я улыбаюсь, опускается передо мной на колѣни. И тутъ послѣдовалъ взрывъ горячаго раскаянья, пламенной любви, восторга... Ну, точь-къ-точь какъ будто ему 18 лѣтъ! Да, истинная любовь съ лѣтами какъ будто юнѣетъ до того, что превращается наконецъ въ какую-то дѣтскую привязанность. Я слушала, слушала его и потомъ съ гордостью эѳіопской царицы протянула ему руку, сказавъ: «дерзай, слабый смертный!» Повѣришь-ли, онъ и тутъ еще не увидѣлъ шутки, не разглядѣлъ комизма, а серьезно превозносилъ мою кротость, уступчивость, благоразуміе и тысячу другихъ добродѣтелей. Ей Богу, боюсь, Катя, онъ меня совсѣмъ избалуетъ. Я, пожалуй, зазнаюсь». Но вдругъ мрачная туча набѣгаетъ на тотъ эдемъ, въ которомъ *истинная любовь превращается въ дѣтскую привязанность*, въ которомъ *слабый смертный* ползаетъ на колѣняхъ передъ *эѳіопской царицей* и въ которомъ *вода бесѣдуетъ съ незримымъ духомъ о блаженствѣ* Натальи Николаевны Голубинцевой. Мрачная туча эта является въ видѣ коварной женщины, Клеопатры Александровны, которая своимъ преступнымъ кокетствомъ разрушаетъ *дѣтскую привязанность* и отвлекаетъ *слабаго смертнаго* отъ *эѳіопской царицы. Эѳіопская царица* начинаетъ рвать и метать и доводитъ себя разными глупостями до того, что рождаетъ раньше срока мертваго ребенка.

Вотъ напримѣръ исторія одной кавалькады, происходившей въ эдемѣ послѣ водворенія въ немъ *мрачной тучи*. «Я чувствовала себя опять очень дурно и рѣшилась было остаться дома; но когда увидѣла изъ окна, что Клеопатра Александровна въ изящной амазонкѣ, съ хлыстикомъ въ рукѣ, вышла на крыльцо въ ожиданіи верховой лошади, а Валерьянъ готовился сопровождать ее верхомъ... вся кровь закипѣла въ моихъ жилахъ и прилила къ сердцу съ такой силой, что, забывъ все на свѣтѣ, я объявила Валерьяну, что поѣду съ нимъ въ кабріолетѣ. Это его озадачило: онъ пробовалъ меня убѣждать; но я на-отрѣзъ сказала ему, что, если онъ не сдѣлаетъ по моему, я... не пощажу никого!»—Угроза подѣйствовала. *Эѳіопскую царицу* повезли въ кабріолетѣ, но *мрачная туча* посылаетъ *слабому смертному* такой взоръ, въ которомъ скрывалось «что-то повелительно-насмѣшливое» и который «и ласкалъ, и кололъ въ одно и то-же время». Не выдержавши долѣе «*этой пытки*», беременный Отелло начинаетъ буянить такъ, что Валерьянъ говоритъ: «помилосердуй, Наташа!» Но свирѣпая Наташа нисколько не милосердуетъ, а, напротивъ того, поднимаетъ въ кабріолетѣ лютую возню, чтобы отнять у мужа какую-то желтенькую записку, случайно выглянувшую изъ его раскрывшейся сигарочницы. Неумѣстная возня кончается тѣмъ, что кабріолетъ опрокидывается и что воинственную царицу Эѳіопіи, лежащую въ обморокѣ, отвозятъ домой. Поздно вечеромъ, оправившись отъ испуга, она подходитъ къ окну и тутъ при свѣтѣ молніи видитъ такую картину, которая очевидно должна разодрать на части всѣ чувствительныя сердца кисейныхъ дѣвушекъ. «Вдругъ молнія широко раскинулась, освѣтивъ флигель; на стеклѣ итальянскаго окна ясно нарисовались двѣ фигуры. Но что̀ это? Игра воображенія?... или ужасающая дѣйствительность?.. Опять все стемнѣло... Сердце такъ сильно билось въ моей груди, что мѣшало дышать свободно. Вотъ еще блеснула молнія... И на этотъ разъ я ясно увидѣла... Это онъ! Это она! Какъ страстно прижалъ онъ ее къ своему сердцу! Какъ нѣжно обвилась рука ея около его шеи... Голова ея покоится у него на груди... Я обомлѣла... Высунулась въ окно, таращу глаза, хочу убѣдиться еще разъ въ потрясающей истинѣ, но вся природа погрузилась въ страш-

ный мракъ, и съ шумомъ полилъ дождь». Надо полагать, что на этотъ разъ дождевая вода ни съ кѣмъ не бесѣдовала о блаженствѣ Натальи Николаевны, которая къ утру родила мертваго ребенка.—Затѣмъ слабый смертный съ своей супругой ѣдетъ въ Москву, но и тамъ продолжаетъ свои амуры съ Клеопатрой, которой безнравственность нисколько не должна изумлять читателей, потому что «о, не даромъ у нея мать—полька», говоритъ Наталья Николаевна. — Далѣе Наталья Николаевна уѣзжаетъ отъ мужа въ Дрезденъ, гдѣ и умираетъ черезъ два года отъ разбитости своего любящаго сердца и отъ пустоты своей убогой головы. Еще далѣе коварная дочь польки разбиваетъ сердце Валерьяна; она выходитъ за стараго князя Бахрушинскаго и прерываетъ всѣ сношенія съ своимъ бывшимъ любовникомъ.—Еще того далѣе Валерьянъ, который такъ-же глупъ, какъ его покойная супруга, впадаетъ въ помѣшательство и умираетъ. Вся повѣсть заканчивается тѣмъ, что толстый и добродѣтельный кузенъ покойнаго Валерьяна, Василій фонъ-Лембахъ, въ письмѣ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, подобно здравосуду старинныхъ комедій, произноситъ нравоученіе. Онъ говоритъ, что княгиня Бахрушинская очень безпощадно румянится, очень «низко вырѣзываетъ свои лифы» и очень «безъ ума» отъ молодого гусара «съ рыжими усами и съ нахальнымъ видомъ». Изъ этихъ данныхъ глубокомысленный фонъ-Лембахъ выводитъ то заключеніе, что порокъ непремѣнно будетъ наказанъ или, какъ онъ выражается, что «перстъ Божій близокъ». Кромѣ того тотъ-же мыслитель утверждаетъ, что «дни бѣгутъ, новые люди тѣснятся въ жизнь, а мы все не хотимъ сомкнуться». Надо полагать, что когда эти «*мы*» сомкнутся, тогда дни перестанутъ бѣжать, и новымъ людямъ будетъ строго воспрещено тѣсниться въ жизнь.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» напечатана повѣсть «Нѣмая» В. К—ова. Тутъ даже и усладительнаго нѣтъ ничего. Одинъ юноша, богатый помѣщикъ, влюбляется въ нѣмую красавицу неизвѣстнаго происхожденія, усыновленную дворовымъ человѣкомъ и воспитанную въ барскомъ домѣ. Нѣмая отвѣчаетъ ему взаимностью, и влюбленные проводятъ нѣсколько недѣль въ самыхъ идиллическихъ увеселеніяхъ. «Мнѣ,—разсказываетъ юноша,—доставляло безконечное удовольствіе, гуляя съ Леттой,—учиться у нея деревенскимъ лакомствамъ, вродѣ пупырей, просвирки и т. п. Она показывала мнѣ, какъ дѣлаются *кольшки* изъ березовой коры для собиранія земляники; найдя крупную ягоду и радуясь, какъ ребенокъ, она жестомъ требовала, чтобъ я подставилъ ей губы, и осторожно, будто выкармливая молодую птичку, опускала мнѣ ее въ ротъ».—Разумѣется, юношу очень скоро одолѣла скука, и всѣ деревенскія лакомства вмѣстѣ съ самой Леттою надоѣли ему, какъ горькая рѣдька. Порхая, подобно мотыльку, съ цвѣтка на цвѣтокъ, юноша влюбился въ Лисхенъ, дочь своего новаго управляющаго. Онъ поѣхалъ съ ней въ Петербургъ и хотѣлъ на ней жениться, но ему пришлось убѣдиться въ томъ, что Лисхенъ—продувная шельма. За нѣсколько дней до свадьбы онъ подслушалъ слѣдующій разговоръ между купцами, у которыхъ Лисхенъ дѣлала различные заказы.—«За Fräulein тепло,—говорилъ одинъ;—она своихъ не выдаетъ; вотъ напримѣръ я дѣлаю карету: мнѣ она стоитъ пятьсотъ, а въ счетѣ тысяча слишкомъ; профитъ пополамъ съ ней. S'ist rund, Kamerad? А?—Хе-хе! Мы всѣ очень довольны,—отвѣтилъ другой.—Давай Богъ здоровья!»—Юноша возмущенъ и, разорвавъ всякія сношенія съ коварной Лисхенъ, хочетъ возвратиться къ добродѣтельной, но безсловесной Леттѣ. Но оказывается, что возвращаться уже не къ кому, потому что покинутая Летта, предавшись безутѣшной тоскѣ, умерла отъ чахотки. Юноша, сокрушенный всѣми этими ударами судьбы, уѣзжаетъ на Кавказъ, а потомъ возвращается назадъ и завѣряетъ читателей «Русскаго Вѣстника», «что двойная фальшь—чувственной вспышки и головного чувства,—не прошла ему даромъ». — «Я сталъ неспособенъ, — продолжаетъ онъ,—къ истинному, живому чувству и не думаю, чтобъ оно когда-нибудь пробудилось во мнѣ.» Это какъ вамъ угодно будетъ, скажутъ читатели.

Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» напечатана «Скромная доля», повѣсть Л. Я. Черкасовой. Эта повѣсть гораздо проще всѣхъ предыдущихъ, но зато гораздо скучнѣе и безсвязнѣе ихъ. У помѣщика Луговскаго умираетъ молодая жена. Сцена смерти написана по возможности раздирательно. Луговскій съ горя хочетъ пойти въ монастырь. Его не пускаетъ Надежда Николаевна, сестра покойницы. При помощи Надежды Николаевны Луговскій принимается за хозяйственныя заботы и за воспитаніе своихъ осиротѣвшихъ дѣтей. Сосѣди распускаютъ сплетни на счетъ Луговскаго и Надежды Николаевны. Надежда Николаевна не обращаетъ на нихъ вниманія. Ей дѣлаетъ предложеніе богатый помѣщикъ Гребенской. Она ему отказываетъ. Потомъ пріѣзжаетъ въ имѣніе Луговскаго молодой докторъ, Ланинъ, приглашенный для управленія вновь устроенной крестьянской больницей. Надежда Николаевна влюбляется въ Ланина, но Ланинъ, уже влюбившись въ нее, говоритъ какія-то глупости о томъ, что онъ долженъ посвятить себя наукѣ, что любовь—роскошь, которую не смѣетъ себѣ позволить бѣднякъ, и что онъ никогда не женится. Это называется *moral restraint* по всѣмъ правиламъ мальтузіанской политической экономіи. Но потомъ оказывается, что все это — пустой разговоръ. Происходятъ нѣжныя объятія; Ланинъ женится на Надеждѣ Николаевнѣ, и «Скромная доля» оканчивается, захва-

тивши собой ровно *пятьдесятъ* страницъ.

Теперь будемъ подводить итоги.

VI.

Многимъ читателямъ по всей вѣроятности уже давно хочется предложить мнѣ вопросъ: «да чѣмъ-же плохи разсказанныя вами повѣсти? И почему вы разсказывали ихъ насмѣшливымъ и даже презрительнымъ тономъ?»—А тѣмъ онѣ плохи, отвѣчу я, что онѣ совершенно безполезны. И разсказывалъ я ихъ съ оттѣнкомъ насмѣшливаго презрѣнія потому, что нѣтъ никакой возможности сочувствовать радостямъ и страданіямъ тѣхъ фигуръ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ. Я не говорю, что эти фигуры вымышлены авторами и не встрѣчаются въ дѣйствительной жизни,—нѣтъ. Напротивъ того. Дѣйствительная жизнь переполнена такими фигурами, но до ихъ радостей и страданій здравомыслящему человѣку все-таки не можетъ быть никакого дѣла, потому что всѣ эти радости и страданія—не что иное, какъ естественный результатъ хроническаго тунеядства. Когда человѣкъ не трудится совершенно серьёзно, то-есть, когда онъ не зарабатываетъ себѣ собственнымъ трудомъ того куска хлѣба, которымъ онъ питается,—тогда онъ не можетъ быть счастливъ, тогда онъ скучаетъ, блажитъ, фантазируетъ, диллетантствуетъ, донжуанствуетъ, разстраиваетъ себѣ нервную систему глупыми чувствами, глупыми мыслями, глупыми желаніями и глупыми поступками, тиранитъ самого себя, тиранитъ другихъ, все чего-то ищетъ и никогда не находитъ того, что̀ ему необходимо. При такихъ условіяхъ каждая радость оказывается непрочной и быстро ведетъ за собой пресыщеніе, а каждое горе становится невыносимымъ, потому что не встрѣчаетъ себѣ никакого отпора. При такихъ условіяхъ человѣку не достаетъ того, что̀ придаетъ огромную силу мыслящему работнику; ему не достаетъ нравственной связи съ тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ живетъ; его гнететъ чувство его собственной безцѣльности и ненужности; и это чувство не искореняется никакими филантропическими подвигами; надо быть работникомъ, вполнѣ работникомъ, съ головы до ногъ, съ утра до вечера, или-же надо помириться со всѣми печалями тунеядства, подобно тому, какъ старый подагрикъ поневолѣ мирится съ своей неизлечимой болѣзнью.

Всѣ три повѣсти «Русскаго Вѣстника» изображаютъ жизнь такихъ людей, которые живутъ на всемъ готовомъ и которые съ самой ранней молодости, чтобы не умереть во цвѣтѣ лѣтъ отъ невыносимой скуки, должны были искусственно наполнять свою жизнь разными хитрыми развлеченіями. Тутъ подоспѣваютъ къ нимъ на помощь и утонченное обжорство, и облагороженное пьянство, и высокое искусство, которое всегда обиваетъ пороги у всѣхъ богатыхъ тунеядцевъ, и азартная игра, и псовая охота, и швейцарскія горы, и итальянское небо, и парижскія лоретки, и наконецъ любовь въ своихъ безчисленныхъ варіаціяхъ и модуляціяхъ. Любовь, разумѣется, оказывается обыкновенно занимательнѣе и пріятнѣе всѣхъ остальныхъ развлеченій, потому что любовь вытекаетъ изъ естественной, неистребимой и чрезвычайно сильной потребности животнаго организма. Но тунеядецъ и въ любви является несчастнымъ человѣкомъ. Чѣмъ искреннѣе и сильнѣе онъ любитъ, тѣмъ хуже для него. Онъ видитъ весь міръ въ любимомъ существѣ; весь смыслъ въ жизни сосредоточивается для него въ одномъ чувствѣ; онъ носится въ этимъ чувствомъ, какъ съ какой-нибудь неземной драгоцѣнностью; онъ разсматриваетъ его съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и, разумѣется, открываетъ въ немъ кое-какія пятнышки, которыхъ благоразумный работникъ не замѣтилъ-бы и не захотѣлъ-бы замѣчать, но которыя для несчастнаго тунеядца становятся обильнымъ источникомъ глупѣйшихъ сомнѣній и страданій. Эти сомнѣнія и страданія приводятъ за собой или тотъ результатъ, что тунеядецъ, надоѣвши своему предмету нелѣпой придирчивостью, позорно изгоняется изъ эдема, или-же тотъ—что тунеядецъ по собственной охотѣ мѣняетъ старый эдемъ на новый, который издали кажется ему болѣе привлекательнымъ и безукоризненнымъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ происходитъ разбитіе какого-нибудь тунеядческаго сердца, мужского или женскаго. Это разбитіе можетъ быть очень эффектно изображено въ повѣсти или въ романѣ. Но всѣ подобные романы и повѣсти, какъ-бы ни были они талантливо написаны, непремѣнно фальшивы въ основномъ взглядѣ автора на предметъ. Герои или героини оказываются трогательными жертвами необъяснимой случайности. Это—чистый вздоръ, сохраняющій внѣшній видъ правдоподобія только потому, что авторъ не умѣетъ или не желаетъ показать намъ тѣ уродливыя отношенія, которыя существуютъ между героемъ и всей массой общественнаго организма. Еслибы эти отношенія были обрисованы, то герои оказались-бы гнилыми наростами на общественномъ тѣлѣ, и тогда читатель понялъ-бы, что эти герои носятъ въ себѣ съ самаго ранняго дѣтства зародышъ разложенія и что они страдаютъ именно отъ этого зародыша, воспитаннаго въ нихъ всѣмъ направленіемъ ихъ праздной жизни, а вовсе не отъ того, что ихъ одурачила какая-нибудь коварная кокетка. Еслибы отношенія между обществомъ и праздношатающимся героемъ были ясно поняты и вѣрно очерчены авторомъ, то герой навѣрное былъ-бы разжалованъ изъ героевъ; все сочувствіе автора было-бы перенесено на сторону общества, а для героя не осталось-бы ничего, кромѣ презрительнаго состраданія; вдумываясь въ отношенія тунеядца къ обществу, авторъ разгля-

дѣлъ-бы въ обществѣ столько серьезнаго страданія, столько глубокаго и реальнаго горя, столько неподдѣльнаго и громаднаго трагизма, что какія-нибудь трогательныя разбитія паршивыхъ тунеядческихъ сердецъ показались-бы ему приличнымъ сюжетомъ развѣ только для водевильчика съ переодѣваньями.

Позволительно-ли сокрушаться надъ любовными неудачами и надъ измѣнами въ такихъ обществахъ, гдѣ сплошь и рядомъ свирѣпствуютъ надъ живыми людьми голодъ, холодъ, суевѣріе, невѣжество, самодурство и разныя другія столь-же ощутительныя неудобства? Какая-нибудь несчастная любовь кажется горемъ только тогда, когда вы изолируете ее отъ всего остальнаго міра, когда вы вносите ее въ оранжерею и ставите ее подъ стеклянный колпакъ. А попробуйте вынести ее изъ теплицы на открытый воздухъ, въ суровую атмосферу дѣйствительной, трудовой жизни,—въ тотъ міръ, гдѣ «стонъ раздается надъ великой русской рѣкой»,—ничего отъ нея и не останется. Плюнуть не на что̀ будетъ, не только что сокрушаться и сочувствовать. Поэтому писатель, заглянувшій серьезно въ самую глубину общественной жизни и общественнаго горя, никогда не будетъ въ состояніи тратить свое чувство и свою наблюдательность на изображеніе *слабыхъ смертныхъ* и *ѳіопскихъ царицъ*, изнывающихъ подъ бременемъ несчастной любви. Для него эти страданія будутъ стоять на ряду со страданіями несчастнаго гастронома, испортившаго себѣ аппетитъ. Имѣя всегда въ виду интересы общественнаго организма, писатель пойметъ, что всякіе тунеядцы—будь они гастрономы, азартные игроки или несчастные любовники,—составляютъ для общества отрѣзанный ломоть, который не можетъ и даже не желаетъ прилѣпиться обратно къ хлѣбу. Писатель пойметъ, что общество не можетъ получить отъ всѣхъ этихъ дряблыхъ страдальцевъ никакой пользы, и что вслѣдствіе этого оно само не можетъ предложить имъ ни малѣйшаго утѣшенія. Усвоивши себѣ эти очевидныя истины, писатель навсегда отвернется отъ всѣхъ коптителей неба и займется изученіемъ того настоящаго горя, которое дѣйствительно требуетъ себѣ облегченія, которое дѣйствительно можетъ быть облегчено, когда оно обратитъ на себя вниманіе и сочувствіе общественныхъ дѣятелей. И начнетъ этотъ писатель изображать съ одной стороны «*бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни*», а съ другой стороны—тѣ проблески самосознанія и энергіи, которые даютъ намъ право разсчитывать въ будущемъ на облегченіе нашего общественнаго горя, то-есть на постепенное обузданіе голода, холода, суевѣрія, невѣжества и самодурства.

Теперь читатель мой по всей вѣроятности понимаетъ, почему я осмѣялъ четыре повѣсти, помѣщенныя въ прошлогоднемъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Смѣшно въ этихъ повѣстяхъ именно то, что ихъ авторы относятся серьезно къ такимъ радостямъ и огорченіямъ, которыя не стоятъ выѣденнаго яйца. Смѣшно то, что авторы обращаются съ вѣчными недорослями, какъ съ взрослыми людьми, и съ полоумными существами, какъ съ особами совершенно здравомыслящими.

VII.

Отмѣтивъ жалкія и смѣшныя стороны нашей беллетристики, я обращаюсь къ тому, что̀ исправляетъ должность критики въ нашихъ филистерскихъ журналахъ. Здѣсь умственное безсиліе нашего пишущаго филистерства проявляется съ особенной яркостью. «Русскій Вѣстникъ», стоящій выше всѣхъ остальныхъ филистерскихъ журналовъ по своему вліянію на общественное мнѣніе, выбралъ себѣ благую часть. Онъ совершенно отказался отъ критики, и это самое лучшее, что̀ только можно было придумать, находясь въ его положеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ Добролюбовъ создалъ реальную критику, филистерская критика сдѣлалась невозможной. Съ тѣхъ поръ, какъ ясно обозначилось въ нашей литературѣ строго-опредѣленное міросозерцаніе такъ называемаго теоретическаго лагеря, каждый пишущій человѣкъ долженъ непремѣнно или примыкать къ этому міросозерцанію, или-же противопоставлять ему какое-нибудь другое міросозерцаніе, совершенно самостоятельное и такъ-же строго-опредѣленное. Постоянное и послѣдовательное проведеніе того или другого міросозерцанія въ оцѣнкѣ всѣхъ текущихъ явленій жизни, науки и литературы называется въ наше время критикой. У нашихъ филистеровъ нѣтъ и не можетъ быть своей критики, потому что у нихъ нѣтъ и не можетъ быть міросозерцанія, нѣтъ и не можетъ быть такихъ принциповъ, которые они выдерживали и проводили-бы до конца съ непреклонной энергіей и съ неутомимымъ постоянствомъ. Что̀ такое принципы «Русскаго Вѣстника» или принципы «Отечественныхъ Записокъ»? Этотъ вопросъ похожъ на злую насмѣшку, потому что у нихъ нѣтъ никакихъ принциповъ. У нихъ есть журнальная снаровка, тактика или политика, но руководящихъ идей, основныхъ взглядовъ нѣтъ и быть не можетъ.

Наши филистеры всѣ безъ исключенія—эклектики, то-есть люди, наполнившіе свою голову такими идеями, которыя взаимно уничтожаютъ другъ друга и никакими средствами не могутъ быть примирены между собою. Съ одной стороны у нихъ множество предразсудковъ, отъ которыхъ они не желаютъ отдѣлаться; съ другой стороны у нихъ множество отрывочныхъ знаній, которыми они очень сильно гордятся; повидимому должно было-бы произойти одно изъ двухъ: или предразсудки должны были исчезнуть, или знанія должны были подвергнуться изгнанію, какъ вредныя заблужденія. Но у филистера дѣло идетъ

не такъ: и предразсудки, и знанія живутъ тихо и смирно рядомъ въ одной и той же головѣ, потому что эта голова разгорожена на нѣсколько отдѣльныхъ клѣтокъ, не имѣющихъ между собой никакого сообщенія. Въ одной клѣткѣ лежитъ у филистера политическая экономія; въ другой—нравственная философія; въ третьей—эстетика; въ четвертой—уголовное право; въ пятой—физіологія; въ шестой—исторія, и такъ далѣе. Ключами отъ всѣхъ этихъ клѣтокъ завѣдуетъ самородная чичиковщина, которая знаетъ очень хорошо, что въ однихъ случаяхъ слѣдуетъ выпускать на свѣтъ политическую экономію, въ другихъ—нравственную философію, и такъ далѣе. Разумѣется, перегородки между клѣтками могутъ возникнуть и окрѣпнуть только въ такой головѣ, для которой процессъ мышленія никогда не былъ серьезнымъ дѣломъ, поглощающимъ и увлекающимъ всего человѣка. Тяжелыя сомнѣнія, умственныя бури, умственныя страданія и умственные перевороты, хорошо знакомые всѣмъ людямъ, мыслившимъ честно и безстрашно, переломали-бы въ головѣ всякія перегородки и не успокоились-бы до тѣхъ поръ, пока не уничтожилось-бы безъ остатка послѣднее внутреннее противорѣчіе. Но филистеры предоставляютъ это тревожное и стремительное мышленіе такъ называемымъ теоретикамъ; филистеры сами мыслятъ умѣренно и аккуратно, берутъ себѣ съ идей удовлетворительные доходы и никогда не привязываются къ идеямъ настолько, чтобы изъ-за идей сѣсть на мель или налетѣть на подводный камень. Пока въ обществѣ не было людей, искренно мыслящихъ, или пока эти люди не были въ состояніи высказаться, до тѣхъ поръ филистеры или эксплоататоры идей могли находить себѣ слушателей и могли передъ этими слушателями выкладывать, съ тупымъ самодовольствомъ, разнохарактерное содержаніе своихъ клѣтокъ. Это выкладываніе называлось критикой. Но людямъ свойственно любить неподдѣльную силу и неразсчетливую искренность человѣческой мысли. Какъ только послышались въ литературѣ голоса, проникнутые искреннимъ воодушевленіемъ, какъ только выразились цѣльныя и опредѣленныя убѣжденія, такъ филистерское фокусничество тотчасъ было оцѣнено по достоинству. Противъ такихъ фанатиковъ идеи, какъ Добролюбовъ, могли выступить съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ только фанатики противоположнаго направленія.

Чистымъ и честнымъ фанатикомъ отжившаго романтическаго міросозерцанія былъ Григорьевъ. Григорьева должны были носить на рукахъ, какъ священный палладіумъ, всѣ литературные враги добролюбовской школы. Но именно въ судьбѣ Григорьева выразилось все трусливое безсиліе нашего филистерства. Ненавидя Добролюбова, филистеры въ то-же время боялись Григорьева, какъ человѣка, смѣло идущаго въ самый вопіющій обскурантизмъ. Добролюбовъ былъ для филистеровъ непримиримымъ врагомъ; но Григорьевъ, неспособный лавировать и дипломатизировать, былъ для тѣхъ-же филистеровъ слишкомъ опаснымъ союзникомъ. Вслѣдствіе этого Григорьевъ, единственный человѣкъ, способный выдвинуть какое-нибудь міросозерцаніе противъ нашего міросозерцанія, постоянно принужденъ былъ скитаться изъ журнала въ журналъ, вездѣ попадалъ подъ опеку такихъ людей, которые въ умственномъ отношеніи приходились ему по колѣно, и нигдѣ не могъ довести до конца того, что онъ хотѣлъ высказать.

Проклиная Добролюбова и почтительно сторонясь отъ Григорьева, филистеры очевидно обрекали себя на полное ничтожество въ области мысли. Изъ этого затруднительнаго положенія оберъ-филистеръ «Русскій Вѣстникъ» выпутался съ замѣчательной находчивостью. Подобно лисицѣ, разсуждающей о незрѣлости винограда, онъ сталъ относиться съ презрительнымъ равнодушіемъ ко всему, что было ему недоступно, то-есть ко всему тому, что имѣло общій интересъ для всѣхъ образованныхъ людей вообще. Всякія размышленія объ основахъ житейства, общества, нравственности «Русскій Вѣстникъ» называлъ безплодной болтовней. Всякую мысль, шедшую въ глубину разбираемаго вопроса, онъ отталкиваетъ въ негодованіемъ. Достаточно вспомнить напримѣръ его разсужденія о женщинахъ въ мартовской книжкѣ 1861 года. Не имѣя ни малѣйшей возможности дѣйствовать на общечеловѣческія убѣжденія своихъ читателей, «Русскій Вѣстникъ» постоянно наполнялъ себя такими статьями, которыя были интересны только для людей извѣстной профессіи. Такъ напримѣръ, одна статья была занимательна для золотопромышленниковъ, другая —для преподавателей латинскаго языка, третья—для лѣсоводовъ, четвертая—для юристовъ, пятая—для винокуровъ, и такъ далѣе. Искусство редакціи состояло въ томъ, чтобы изъ множество односторонностей составлять какое-то подобіе разносторонности и общезанимательности. Редактированіе журнала превратилось при такихъ условіяхъ въ ловкое сшиваніе спеціальныхъ статеекъ, не имѣющихъ и не могущихъ имѣть между собой ни малѣйшей солидарности. Если назначеніе литературы состоитъ въ томъ, чтобы быть самосознаніемъ общества, чтобы связывать единствомъ общихъ руководящихъ идей разрозненные умы отдѣльныхъ личностей, чтобы превращать всѣхъ золотопромышленниковъ, преподавателей, лѣсоводовъ, юристовъ и винокуровъ въ мыслящихъ членовъ одного общественнаго организма, то, разумѣется, «Русскій Вѣстникъ» всегда стоялъ и всегда будетъ стоять внѣ литературы. Изъ отрывочныхъ клочковъ спеціальныхъ знаній невозможно сложить общее міросозерцаніе, но зато этими клочками можно приманить къ журналу

самую разнообразную публику. Эта цѣль дѣйствительно была достигнута, и такимъ образомъ внутренняя слабость журнала была очень удачно замаскирована.

Но эта внутренняя слабость обнаруживается каждый разъ, когда «Русскому Вѣстнику» приходится рѣшать какой-нибудь вопросъ, выходящій изъ сферы узкой спеціальности и требующій самостоятельнаго обсужденія. Такъ напримѣръ, въ послѣднее время «Московскія Вѣдомости», находящіяся, какъ извѣстно, въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», разсуждали очень много о превосходствѣ классическаго образованія надъ реальнымъ и столько-же много негодовали противъ дерзкихъ защитниковъ реальнаго образованія. Чтобы разгромить своихъ противниковъ и чтобы убѣдить своихъ читателей, «Московскія Вѣдомости» очевидно должны были доказать, что изученіе латинскаго и греческаго языковъ приноситъ огромную пользу умамъ учащагося юношества, и что это изученіе не можетъ быть замѣнено съ пользой для воспитанниковъ никакимъ другимъ учебнымъ занятіемъ. Еслибы «Московскія Вѣдомости» поступили такимъ образомъ, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ классическаго и реальнаго образованія оказался-бы совершенно исчерпаннымъ и окончательно рѣшеннымъ въ ту или въ другую сторону. Но «Московскія Вѣдомости» распорядились совсѣмъ не такъ; онѣ даже не коснулись основного вопроса; о вліяніи классическихъ занятій на умы юношества не сказано ни слова; въ пользу этого вліянія не представлено ни одного аргумента; всѣ разсужденія ограничиваются ссылками на авторитеты. *Всѣмъ извѣстно*, да *всѣми признано*, да *вся Европа такъ дѣлаетъ*—вотъ и все, что «Московскія Вѣдомости» съумѣли сказать въ пользу классическаго образованія. *Вся Европа*—это, разумѣется, авторитетъ очень почтенный, но не мѣшаетъ помнить, что *вся Европа* сжигала еретиковъ и колдуновъ, что *вся Европа* считала пытку и мучительныя казни необходимой принадлежностью уголовнаго процесса. *Вся Европа* дѣлала очень много глупостей, и если она могла дѣлать капитальныя глупости въ XVII и XVIII вѣкѣ, то почему-же мы должны быть несокрушимо увѣрены въ томъ, что она не дѣлаетъ въ XIX столѣтіи рѣшительно никакихъ глупостей? Русскому писателю конечно очень позволительно ошибиться вмѣстѣ со *всей Европой*, но позволительно только въ томъ случаѣ, когда онъ ошибается по собственному, добросовѣстно составленному убѣжденію. Если-же онъ рѣшаетъ вопросы съ чужого голоса, не давая себѣ труда всмотрѣться и вдуматься въ ихъ настоящій смыслъ, то его умственная пассивность не можетъ быть оправдана никакими ссылками на примѣръ *всей Европы*. Никакой авторитетъ въ мірѣ не можетъ снять съ насъ нравственную обязанность обсуживать каждый вопросъ силами нашего собственнаго ума. «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» не знаютъ или, вѣрнѣе, не хотятъ знать этой простой истины.

VIII.

Трудно составить себѣ понятіе о томъ плачевномъ положеніи, въ которомъ находится критика филистерскихъ журналовъ, не послѣдовавшихъ примѣру «Русскаго Вѣстника». Зачѣмъ пишутся ихъ критическія статьи и чѣмъ онѣ наполняются—это просто уму непостижимо. Слезливыя жалобы на «нашу журналистику» и безсильныя попытки сказать теоретикамъ какую-нибудь непріятность составляютъ все содержаніе этихъ несчастныхъ статей. Слово «наша журналистика» всегда обозначаетъ собой только два журнала: «Современникъ» и «Русское Слово». Изъ этого обстоятельства не трудно вывести то заключеніе, что «Эпоха», «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія» не считаютъ себя за журналистику. Мы, съ своей стороны, можемъ только поощрительно кивнуть имъ головой за эту похвальную и совершенно основательную скромность. Вотъ, напримѣръ, отзывъ «Библіотеки» о Дмитріевѣ. «Онъ стоитъ внѣ этихъ направленій, и если напоминаетъ кого-нибудь по своему пріему и поэтическому вѣянію страницъ, то развѣ Фета,—ну, а извѣстно, что въ глазахъ нашей журналистики Фетъ есть уже явленіе прошедшее». Вы видите, что критикъ проговорился совершенно неумышленно. Въ чьихъ-же глазахъ Фетъ есть явленіе прошедшее? «Библіотека» и «Русскій Вѣстникъ» до настоящей минуты печатаютъ стихотворенія Фета. «Эпоха» и «Отечественныя Записки» ни разу не отзывались о немъ съ пренебреженіемъ. Значитъ, «*наша журналистика*»=«Русское Слово»+«Современникъ». Все-же остальное, по приговору самихъ филистеровъ,—не журналистика, а торричелліева пустота. И такихъ нечаянныхъ признаній можно было-бы набрать довольно много. На эту тему пишутся даже очень злобныя стихотворенія. Напримѣръ, въ той-же книжкѣ «Библіотеки» Бабиковъ изливаетъ свои страданія въ слѣдующихъ звукахъ, имѣющихъ самое непосредственное отношеніе къ «Русскому Слову» и къ «Современнику»:

«Теперь мы жалки и смѣшны,
Обломки прошлыхъ поколѣній;
Въ борьбѣ за святость убѣжденій—
Увы!—мы всѣ побѣждены.»

Позвольте, г. Бабиковъ! кому-же это вы жалки и смѣшны? «Библіотекѣ» вы не жалки и не смѣшны, потому что она васъ печатаетъ. «Эпохѣ» вы также не жалки и не смѣшны, потому что она не только печатаетъ ваши стихи и ваши романы, но даже хвалится вами въ своемъ объявленіи, какъ постояннымъ сотрудникомъ. «Рус-

скому Вѣстнику» и «Отечественнымъ Запискамъ» вы также не жалки и не смѣшны, потому что эти два журнала очень дорожатъ всякими обломками прошлыхъ поколѣній. Легко можетъ быть, что «Русскому Слову» и «Современнику» вы дѣйствительно жалки и смѣшны, но и объ этомъ вамъ можно только догадываться, потому что до сихъ поръ ни «Современникъ», ни «Русское Слово» не говорили о васъ ни одного слова, ни прямо, ни косвенно. Но еслибы даже и въ самомъ дѣлѣ вы были жалки и смѣшны въ глазахъ этихъ двухъ послѣднихъ журналовъ, то стоитъ ли объ этомъ сокрушаться? Почти вся масса литературы на вашей сторонѣ, а литература, какъ вамъ извѣстно, считается выраженіемъ общественнаго самосознанія; значитъ, все или почти все общество сочувствуетъ вамъ, а вы хотите насъ увѣрить, будто вы всѣ побѣждены въ борьбѣ за святость убѣжденій. Какъ же это такъ случилось, что *васъ всѣхъ* побѣдила небольшая кучка писателей, и побѣдила въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ борьба за святость убѣжденій? Что-то не вѣрится. Еслибы ваши убѣжденія были дѣйствительно святы, и еслибы вы сами горячо вѣрили въ ихъ святость, то вы продолжали бы за нихъ бороться вмѣсто того, чтобы писать себѣ заживо надгробное слово четырехстопными ямбами:

«Намъ говорятъ: пора заснуть,
Намъ дѣла нѣтъ въ той жизни новой,
Въ которой новые бойцы
Идутъ на бой со зломъ упорнымъ».

А вольно-жъ вамъ вѣрить тѣмъ людямъ, которые вамъ это говорятъ. Вамъ говорятъ: «пора заснуть», а вы отвѣчаете: «нѣтъ, я гулять хочу». Вамъ говорятъ, что вамъ нѣтъ дѣла *въ той жизни новой*, а вы отвѣчаете: «ну, это мы еще посмотримъ». Если-же вы сами опускаете руки и отказываетесь отъ работы *въ той жизни новой*, то ужъ позвольте винить вашу собственную дряблость и трусость, а никакъ не *новыхъ бойцовъ*, которые рѣшительно ни въ чемъ не виноваты.—Но Бабиковъ этого не принимаетъ въ соображеніе и въ пылу негодованія пророчитъ намъ, что въ заблужденіяхъ своихъ мы кончимъ безславно свой вѣкъ. Что-жъ? Это правда. Отъ того, что вы называете нашими заблужденіями, мы не откажемся никогда, а на счетъ славы мы можемъ вамъ объяснить, что мы за нею не гонимся. Но Бабиковъ такъ на насъ сердитъ, что добирается даже до нашихъ будущихъ гробовъ:

«Ни чья слеза не упадетъ
На ваши сумрачные гробы,—
За то, что полны вы лишь злобы,
За то, что злоба лишь клянетъ».

Бабиковъ очевидно находитъ, что самъ онъ —*полонъ лишь любви*, и что, фантазируя о какихъ то *сумрачныхъ* гробахъ, онъ нисколько не *клянетъ новыхъ бойцовъ*, а, напротивъ того, благословляетъ ихъ на великіе подвиги и желаетъ имъ всякаго благополучія. Впрочемъ, если Бабиковъ дѣйствительно желаетъ обидѣть и запугать *новыхъ бойцовъ*, то я совѣтую ему придумать какія-нибудь проклятія болѣе страшныя, потому что—скажу ему по секрету—*новые бойцы* вовсе не интересуются вопросомъ: упадутъ или не упадутъ чьи-нибудь слезы на ихъ могилы.

Я остановился на стихотвореніи Бабикова единственно потому, что оно выражаетъ очень вѣрно то общее настроеніе, которое уже лѣтъ семь или восемь господствуетъ въ нашей филистерской журналистикѣ. Уныніе, озлобленіе, мелкая придирчивость и поразительное безсиліе характеризуютъ нашихъ пишущихъ филистеровъ. Вотъ напримѣръ Аверкіеву, сотруднику «Эпохи», захотѣлось уличить реалистовъ въ незнаніи народной жизни, въ заносчивости, въ верхоглядствѣ и во многихъ другихъ преступленіяхъ. Несчастный почвенникъ напрягаетъ всѣ силы своего ума и достигаетъ только того результата, что самъ попадаетъ въ просакъ, да еще въ какой просакъ-то. Жертвой своего обличенія онъ выбираетъ разсказъ Рѣшетникова «Подлиповцы», напечатанный въ «Современникѣ». Выписывается изъ этого разсказа слѣдующій эпизодъ, относящійся къ бурлакамъ. «Пила купилъ пекарскую булку. Разломивъ ее на четыре части, *они съѣли чуть не разомъ* *).— Што? говоритъ Пила.—Давай ишшо, проситъ Сысойко.—Они купили еще и съѣли, и все-таки *не наѣлись*».— Выписавши еще нѣсколько строкъ, Аверкіевъ начинаетъ свое обличеніе. «Какое глубокое знаніе быта!—восклицаетъ онъ.— Какой языкъ! И интересно, какъ бурлакамъ ѣсть хотѣлось,—двѣ булки съѣли, одну *чуть не разомъ* вчетверомъ, и еще ѣсть хотѣли! Глубоко замѣчено, и главное—естественно!»

Вся соль и даже весь осязательный смыслъ обличенія заключаются очевидно въ томъ, что Аверкіевъ принялъ *пекарскую булку* за одну изъ тѣхъ *французскихъ* трехкопѣечныхъ булокъ, которыя продаются въ петербургскихъ булочныхъ. Увлекаясь желаніемъ обличить Рѣшетникова, критикъ «Эпохи» не замѣтилъ, что его обличеніе становится совершенно неправдоподобнымъ. Допустимъ на минуту, что Рѣшетниковъ не знаетъ народнаго быта; предположимъ даже, что онъ никогда не видалъ бурлаковъ и писалъ свой очеркъ, сидя въ Петербургѣ и произвольно выдумывая разныя подробности бурлацкой жизни. Но если Рѣшетниковъ, какъ петербургскій житель, не знаетъ бурлаковъ, то во всякомъ случаѣ французскія булки онъ долженъ знать какъ нельзя лучше. Онъ долженъ знать по собственному ежедневному опыту, что *одинъ* человѣкъ можетъ безъ малѣйшаго труда съѣсть сразу цѣлую французскую булку. Стало-быть, Рѣшетни-

*) Курсивъ употребленъ Аверкіевымъ.

ковъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ выдумать, что *четверо* бурлаковъ съѣли *чуть не разомъ* французскую булку. Возможное-ли дѣло, чтобы Рѣшетниковъ сталъ приписывать своимъ вымышленнымъ бурлакамъ аппетитъ, равняющійся только четвертой долѣ нашего обыкновеннаго аппетита? Стараясь навязать Рѣшетникову такую невозможную нелѣпость, Аверкіевъ обнаруживаетъ только свое смѣшное озлобленіе и свою изумительную недогадливость. Не трудно было, кажется, понять изъ общей связи разсказа, что пекарская булка должна быть чѣмъ то вродѣ очень большого каравая, фунтовъ въ десять или въ двѣнадцать вѣсомъ. И кто же оказался человѣкомъ, незнающимъ быта? Кто примѣнилъ петербургскія понятія къ явленіямъ бурлацкой жизни? Именно самъ обличитель, самъ сотрудникъ почтеннаго журнала. Что же касается до Рѣшетникова, то его, пожалуй, можно упрекнуть въ нѣкоторой сухости изложенія, но о незнаніи быта не можетъ быть и рѣчи. Кто прочелъ хоть одинъ изъ его разсказовъ, тотъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что Рѣшетниковъ описываетъ только такія явленія, которыя онъ видѣлъ очень близко, изучилъ очень внимательно или даже испыталъ на своей собственной особѣ.

Другой писатель «Эпохи», Николай Соловьевъ, взявшій себѣ за правило сокрушаться и скрежетать зубами по поводу каждой изъ моихъ критическихъ статей, далеко превосходитъ Аверкіева въ дѣлѣ несообразительности. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, до какихъ размѣровъ могутъ доходить человѣческое тупоуміе и человѣческая безсовѣстность, я выпишу и разберу здѣсь нѣкоторыя разсужденія Соловьева изъ его статьи «Женщинамъ», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Эпохи» за прошлый годъ. Я долженъ признаться, что ничего подобнаго этой статьѣ я никогда не встрѣчалъ въ печати. Читая одну фразу за другой, я рѣшительно не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ отдѣльныя мысли или, вѣрнѣе, клочки отдѣльныхъ мыслей связываются между собой въ головѣ этого пѣгаго критика. Соловьевъ объявляетъ, что онъ намѣренъ поговорить о «женщинахъ, затронутыхъ литературой и чреватыхъ современными идеями». Онъ говоритъ, что «лесть эмансипаторовъ слишкомъ преувеличиваетъ мнѣніе о готовности женщинъ на всякое дѣло: готовность эта безъ всякихъ слѣдовъ самостоятельности». Въ этой фразѣ Соловьева, какъ и во всѣхъ его остальныхъ фразахъ, нѣтъ никакого осязательнаго смысла, а есть только безсильное желаніе облаять и оклеветать какихъ то эмансипаторовъ. Въ какихъ это эмансипаторахъ Соловьевъ усмотрѣлъ «лесть»? Какіе это эмансипаторы говорятъ «о готовности женщинъ на всякое дѣло»? И что такое значитъ «готовность на всякое дѣло»? Значитъ ли это, что женщина уже всему на свѣтѣ выучилась и можетъ принять на себя исполненіе всякихъ общественныхъ обязанностей? Или же это значитъ, что женщина почувствовала желаніе учиться и готова взяться за книгу и пойти на лекцію?—Что женщина всему выучилась—объ этомъ наши эмансипаторы никогда не говорили ни слова. Они повторяли и повторяютъ до сихъ поръ, что женщины почти ничему не учатся и почти ничего не знаютъ, но что сами женщины въ этомъ нисколько не виноваты. А что женщины, затронутыя литературой, желаютъ учиться и трудиться—это правда. Стало-быть, въ чемъ же состоитъ лесть эмансипаторовъ и что такое они преувеличиваютъ? Соловьевъ очевидно самъ не знаетъ, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ даже ровно ничего не хотѣлъ сказать. Написалось что-то, а что именно, объ этомъ вы его не допрашивайте. «Говорятъ,—продолжаетъ Соловьевъ, напримѣръ ей, что она должна жить безъ предразсудковъ—и она живетъ». Отъ какихъ-же это предразсудковъ эмансипаторы стараются избавить женщину? А вотъ послушайте. «Женщина,—поучаетъ насъ Соловьевъ, отнюдь не должна трусить въ любви; но трусливость со слезами и стыдливость съ прихотями—свойства, зависящія не отъ воспитанія или привычки, а отъ того, что женщинѣ дѣйствительно есть чего трусить, есть о чемъ плакать и есть кого стыдиться». Безграмотность этой фразы я оставлю безъ вниманія; посмотримъ, есть ли тутъ какой нибудь смыслъ. Женщина не должна трусить въ любви—это, по мнѣнію Соловьева, говорятъ эмансипаторы. Если выразить ту же мысль яснѣе, то не трусить въ любви—значитъ отдаваться, очертя голову, первому встрѣчному. И это, извольте видѣть, говорятъ какіе то эмансипаторы! Любопытно узнать, въ какой это овощной лавочкѣ или въ какомъ распивочномъ заведеніи Соловьевъ собиралъ свѣдѣнія объ эмансипаторахъ? Въ одномъ мѣстѣ своей статьи онъ самъ очень наивно сознается, что изучалъ женскій вопросъ въ петербургскихъ танцклассахъ. Онъ съ сокрушеніемъ объявляетъ провинціаламъ, что въ этихъ безнравственныхъ собраніяхъ бываютъ «и люди чиновные, и люди ученые. А жизнь все ждетъ своихъ дѣятелей, а наука—служителей; силы тратятся, а женщина падаетъ все ниже и ниже». Въ будущемъ Соловьевъ предвидитъ еще болѣе ужасныя вещи; «танцующіе будутъ разсуждать о разныхъ вопросахъ, а женскій, быть можетъ, и совсѣмъ порѣшатъ». Изъ всѣхъ этихъ воплей вы имѣете полное право вывести то заключеніе, что въ мукомольномъ заведеніи, которое изъ вѣжливости мы назовемъ головой Соловьева, царствуетъ невообразимый хаосъ: танцклассы смѣшиваются съ женскимъ вопросомъ; люди чиновные и ученые, отхватывающіе канканъ, оказываются эмансипаторами; камеліи становятся рядомъ съ женщинами, затронутыми литературой. А редакція «Эпохи» печатаетъ и одобряетъ. Но даже самое крайнее слабоуміе редакціи и ея со-

трудниковъ не можетъ оправдать ту грязную клевету, которую позволяетъ себѣ Соловьевъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Любящій обыкновенно думаетъ о глубинѣ чувства, о силѣ страсти, о первыхъ дняхъ блаженства; все-же прочее, какъ напримѣръ тяжесть беременности, презрѣніе общества, адскія муки родовъ и несчастное затѣмъ материнство,—оставляетъ безъ вниманія. Всякаго, задумывающагося надъ такимъ положеніемъ, мужчины побойчѣе называютъ даже тряпкой; несчастныя послѣдствія оправдываютъ необходимостью природы. Случаи эти составляютъ неистощимыя темы для повѣстей. Авторы-же, одаренные сильнымъ половымъ влеченіемъ, больше ни о чемъ и не пишутъ; а критики нѣкоторые даже допускаютъ въ любви обманъ».

Что есть негодяи, соблазняющіе неопытныхъ дѣвушекъ и бросающіе ихъ на произволъ судьбы въ самую критическую минуту ихъ жизни,—это мы знаемъ очень хорошо безъ указаній Соловьева. Что есть другіе негодяи, одобряющіе подобные поступки, это также не подлежитъ сомнѣнію. Но, во-первыхъ, говоря о такихъ мерзавцахъ, не зачѣмъ употреблять слово «*любящій*», а во-вторыхъ, что̀ общаго имѣютъ эти мерзавцы съ авторами повѣстей и критическихъ статей? Какіе это авторы и критики оправдывали въ своихъ произведеніяхъ поруганіе беззащитныхъ и довѣрчивыхъ дѣвушекъ? Въ какихъ это авторахъ Соловьевъ подмѣтилъ сильное половое влеченіе и въ какихъ критическихъ статьяхъ онъ вычиталъ допущеніе любовнаго обмана? Повѣсти и критическія статьи совсѣмъ не то, что̀ неопредѣленные слухи и толки. Пока Соловьевъ разсуждалъ о томъ, что̀ говорятъ какіе-то эмансипаторы, до тѣхъ поръ мы не имѣли возможности требовать отъ него фактическихъ доказательствъ. Соловьевъ могъ сослаться на разговоры *людей чиновныхъ и ученыхъ*, посѣщающихъ петербургскіе танцклассы, и мы остались-бы ни съ чѣмъ; мы не могли-бы изслѣдовать вопросъ: какіе *люди чиновные и ученые* бесѣдовали съ Соловьевымъ, и что̀ именно они ему говорили, и въ какой степени эти собесѣдники заслуживаютъ названіе эмансипаторовъ. Но повѣсти и критическія статьи—это печатные документы, которые тотчасъ могутъ уличить во лжи безсовѣстнаго шарлатана. Тутъ ужъ невозможно пустить въ ходъ безтолковыя фразы и уклончивыя отговорки. Вопросъ поставленъ просто и ясно: есть-ли въ русской литературѣ такія повѣсти и такія критическія статьи, которыя оправдываютъ обольщеніе женщинъ и которыя совѣтуютъ соблазнителямъ бросать любовницъ, когда онѣ забеременѣютъ? Соловьевъ говоритъ: есть. А я говорю, что такихъ повѣстей и критическихъ статей въ русской литературѣ никогда не было и нѣтъ до сихъ поръ, и что Соловьевъ солгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Если-же Соловьевъ не согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, то онъ долженъ привести заглавія тѣхъ повѣстей и статей, которыя оправдываютъ обольщеніе. Онъ долженъ указать на тѣ журнальныя книжки, въ которыхъ эти повѣсти и статьи напечатаны. И кромѣ того онъ долженъ доказать подробнымъ разборомъ названныхъ повѣстей и статей, что въ нихъ дѣйствительно заключается тотъ грязный смыслъ, который онъ имъ приписываетъ.

Любопытно будетъ посмотрѣть, какимъ маневромъ тупоумный сотрудникъ «Эпохи» вывернется изъ своего затруднительнаго положенія. Любопытно будетъ также посмотрѣть, какими аргументами редакція «Эпохи» будетъ оправдывать грязную клевету, пущенную въ свѣтъ ея убогимъ сотрудникомъ.

IX.

Свѣжая волна новой мысли плеснула недавно на сухія страницы «Отечественныхъ Записокъ», и филистерская редакція, изнывающая отъ скуки въ аравійской пустынѣ своего собственнаго журнала, встрѣтила эту волну съ величайшимъ восторгомъ и даже не замѣтила, что эта коварная волна несетъ съ собой совершенно не подходящія идеи такъ называемаго теоретическаго лагеря.

Въ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» (январь № 2 и февраль № 1) напечатанъ критическій этюдъ Маркова: «Народные типы въ нашей литературѣ», и редакція сдѣлала отъ себя примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что «*съ удовольствіемъ*» помѣщаетъ «*этотъ превосходный этюдъ*», хотя въ журналѣ уже была напечатана статья Евгеніи Туръ о томъ-же предметѣ... и хотя, прибавлю я отъ себя, Марковъ очень остроумно осмѣиваетъ эту самую статью Туръ. *Этотъ превосходный этюдъ* дѣйствительно очень недуренъ, но я замѣчу только редакціи «Отечественныхъ Записокъ», что, помѣщая въ своемъ журналѣ и превознося такіе этюды, она отнимаетъ у себя всякое право глумиться надъ тѣми писателями, которые допускаютъ вліяніе чая и кофе на развитіе историческихъ событій. Если-же редакція продолжаетъ глумиться,—что̀ мы дѣйствительно видимъ на страницахъ первой январьской книжки,—то она подобными выходками доказываетъ только свою неспособность къ связному мышленію.

Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, какія идеи преобладаютъ въ *превосходномъ этюдѣ* Маркова, я выпишу изъ него нѣсколько очень выразительныхъ строкъ. «Жизнь кабана и буйволицы показалась графу Толстому отраднѣе и выше жизни какихъ-нибудь губернскихъ барышень. И онъ съ чистотой душевной, съ прямотой древнихъ германцевъ плюетъ на нашихъ франтовъ и барышень и указываетъ намъ на Ерошку, говорящаго кабана, на Марьянку—красивую, молоденькую буйволицу съ горячими гла-

зами. Онъ не прячется за преувеличеніями и украшеніями, не пытается дѣлать никакихъ натяжекъ. «*Человѣкъ есмь, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо*» у него просто на просто передѣлывается въ «*скотъ есмь, и ничто скотское мнѣ не чуждо*», и этотъ зоологическій языкъ графъ Л. Толстой откровенно прибиваетъ надъ главнымъ входомъ въ свой романъ, чтобы всѣ сразу видѣли,—кто живетъ и какъ живетъ» (февр. № 1, стр. 470). Тотъ-же самый *зоологическій ярлыкъ* прибитъ также откровенно надъ главнымъ входомъ въ *превосходный этюдъ*, но редакція «Отечественныхъ Записокъ» все-таки не съумѣла разглядѣть, *кто живетъ и какъ живетъ* въ *превосходномъ этюдѣ*.

Одобряя *зоологическій языкъ*, я конечно не могу одобрить разсужденій Маркова объ искусствѣ. Марковъ въ концѣ своего этюда нападаетъ на отрицателей чистаго искусства и такимъ образомъ платитъ дань старому филистерству, но мнѣ кажется, что позиція Маркова въ этомъ пунктѣ очень слаба и ненадежна. Мнѣ кажется даже, что авторъ *превосходнаго этюда* самъ чувствовалъ шаткость своего положенія. Вотъ что онъ говоритъ объ отрицателяхъ: «Эти люди, сами того не замѣчая, дѣлаются врагами общества. Они не умѣютъ смотрѣть на него, какъ на живой организмъ, въ которомъ хотя каждый органъ функціонируетъ сообразно своему характеру, но всѣ органы безъ исключенія служатъ общей жизни. Остановить дѣятельность высшихъ сторонъ человѣческаго духа на томъ основаніи, что массы еще не удовлетворены въ насущныхъ своихъ потребностяхъ,—это все равно, что прекратить дѣятельность молодого мозга подъ тѣмъ предлогомъ, что не всѣ еще хрящи скелета успѣли окостенѣть».

Въ словахъ Маркова очевидно уже начинаетъ пробиваться утилитарный взглядъ на искусство. Онъ смотритъ на общество, какъ на живой организмъ. Мы смотримъ на общество точно такъ-же. Онъ говоритъ, что каждый органъ долженъ функціонировать сообразно своему характеру! Мы и съ этимъ положеніемъ совершенно согласны. Мы никогда не говорили и не скажемъ, что Дарвинъ и Либихъ должны служить обществу посредствомъ паханія земли. Марковъ утверждаетъ далѣе, что «всѣ органы безъ исключенія служатъ общей жизни». Что всѣ органы *должны* служить общей жизни или, говоря яснѣе, что всѣ члены общества *должны* каждый на своемъ мѣстѣ приносить пользу обществу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но что всѣ органы *дѣйствительно служатъ* общей жизни и что они никогда не могутъ уклониться отъ этого служенія — это такая очевидная нелѣпость, которую Марковъ конечно не рѣшится поддерживать. Это значило-бы утверждать, что въ обществѣ нѣтъ и никогда не можетъ быть ни тунеядцевъ, ни паразитовъ, ни эксплоататоровъ. Такимъ образомъ Марковъ, уподобивъ общество живому организму, не сдѣлалъ еще ровно ничего для реабилитаціи искусства. Разсматривая художника, какъ члена извѣстнаго общества, онъ наложилъ на него обязанность—приносить пользу этому обществу. Пусть художникъ *функціонируетъ сообразно своему характеру*, но пусть онъ этимъ *функціонированіемъ* приноситъ пользу. Это и мы говоримъ то-же самое.

Теперь Марковъ долженъ доказать, что этотъ *функціонирующій* художникъ дѣйствительно приноситъ пользу. Тутъ ужъ общія сентенціи ничего не сдѣлаютъ. Каждый отдѣльный случай долженъ быть разобранъ самъ по себѣ. Метафора на счетъ мозга и хрящей также совершенно безполезна. Противъ нея можно выдвинуть другую метафору, которая докажетъ совершенно противное. Можно напримѣръ напомнить Маркову, что обуздывать половую дѣятельность несложившагося отроческаго организма не только полезно, но даже необходимо, потому что слишкомъ раннее развитіе половой системы разслабляетъ организмъ вмѣсто того, чтобы служить общей жизни. Значитъ, метафоры надо отложить въ сторону и надо просто и серьезно анализировать вопросы: полезна-ли музыка, полезна-ли скульптура, полезна-ли живопись? и т. д. Если вы докажете осязательно, что онѣ полезны, то мы съ величайшимъ уваженіемъ преклонимся передъ ихъ величіемъ. Но, взявшись доказывать ихъ пользу, вы сами уже превратились въ реалиста, потому что поклонникъ чистаго искусства никогда не позволилъ-бы себѣ даже завести рѣчь о полезности своего кумира. Пушкинъ восклицаетъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ, что «мраморъ сей есть богъ», а вы должны будете доказывать, что мраморъ сей есть тотъ-же печной горшокъ, но что онъ только *функціонируетъ сообразно своему характеру*.

Далѣе мы видимъ, что Марковъ самъ, ставши на точку зрѣнія реализма, плохо вѣруетъ въ полезность искусства. «Исторія,—говоритъ онъ—убѣждаетъ насъ, что образованіе, несмотря на постоянное обвиненіе его въ непрактичности, почти исключительно одно работало съ пользой для счастья человѣчества». — Позвольте, позвольте, г. Марковъ! Зачѣмъ-же вы подмѣнили слово *искусство* словомъ *образованіе?* Вѣдь *искусство* и *образованіе*—двѣ вещи разныя. Доказывать полезность образованія черезчуръ легко. Искусство только тѣмъ и держится въ общественномъ мнѣніи, что постоянно выдаетъ себя за родную сестру науки. А на повѣрку оказывается, что эти двѣ родныя сестры такъ непохожи другъ на друга и такъ враждебны другъ друга по своимъ тенденціямъ, что очень многіе историческіе дѣятели, систематически давившіе науку, также систематически покровительствовали развитію искусства.

Наука была опаснѣйшимъ врагомъ ихъ могущества въ то время, когда искусство было ихъ раболѣпныхъ союзникомъ.

Итакъ, г. Марковъ, если вы точно хотите побѣдить отрицателей искусства,— потрудитесь отдѣлить искусство отъ науки и доказывайте намъ историческими и всякими другими аргументами пользу *искусства*, а не пользу *образованія*. Въ пользѣ образованія никто изъ насъ не сомнѣвается. Но мнѣ кажется, что Марковъ недолго удержится на той точкѣ зрѣнія, которую онъ занимаетъ въ настоящую минуту. Года черезъ два, а можетъ-быть и раньше, онъ по всей вѣроятности разорветъ послѣднія связи съ филистерской рутиной и примкнетъ окончательно—даже по вопросу объ искусствѣ—къ міросозерцанію послѣдовательныхъ реалистовъ.— Я не теряю надежды встрѣтиться когда-нибудь съ Марковымъ въ редакціи «Русскаго Слова». Поэтому говорю ему: до свиданья!

X.

Во второй, февральской, книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена критическая статья подъ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: «Предисловіе къ литературному обозрѣнію. О качествѣ и количествѣ прогресса въ новѣйшемъ движеніи нашей литературы». Подписано: «Incognito». Эта статья представляетъ собой опустошительный набѣгъ на «Русское Слово» и преимущественно на «Нерѣшенный Вопросъ», который, какъ извѣстно, уже почти полгода волнуетъ мятежное сердце нашего пріятеля, Посторонняго Сатирика. Посторонній Сатирикъ и «Incognito», вполнѣ сходящіеся между собой въ чувствѣ ненависти къ «Нерѣшенному Вопросу» *), совершенно непохожи другъ на друга по своимъ полемическимъ пріемамъ. Incognito можетъ сдѣлать своимъ девизомъ извѣстный стихъ Пушкина: «Я ѣду-ѣду—не свищу», а Посторонній Сатирикъ, напротивъ того, долженъ будетъ вывернуть этотъ стихъ на изнанку и приложить его къ своимъ полемическимъ подвигамъ въ слѣдующемъ видѣ: «свищу-свищу—и не ѣду». Дѣйствительно, Incognito ни слова не говорилъ о «Нерѣшенномъ Вопросѣ» и потомъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, разобралъ его по косточкамъ и доказалъ, что онъ весь составленъ изъ внутреннихъ противорѣчій. Это значитъ — наѣхалъ и не спустилъ. Посторонній Сатирикъ, напротивъ того, все собирается разгромить «Нерѣшенный Вопросъ», и все никакъ не можетъ собраться съ силами, такъ что я начинаю думать, что онъ никогда на меня не наѣдетъ. Впрочемъ съ Постороннимъ Сатирикомъ мы еще поговоримъ впослѣдствіи, а теперь мнѣ надо отражать тѣ жестокіе удары, которые наноситъ мнѣ Incognito.

Когда я повѣствовалъ читателю о томъ, что голова филистера разгорожена на множество отдѣльныхъ клѣтокъ, тогда я не имѣлъ въ виду голову Incognito. Теперь-же, всматриваясь въ статью этого писателя, я замѣчаю съ особеннымъ удовольствіемъ, что моя теорія головныхъ клѣтокъ получаетъ себѣ блистательное оправданіе на отдѣльномъ примѣрѣ. Incognito не только самъ обладаетъ головой, разгороженной на множество несообщающихся между собой клѣтокъ, но онъ даже настоятельно требуетъ, чтобы всѣ другіе люди обладали точно такими-же разгороженными головами. Отсутствіе общаго міросозерцанія вмѣняется въ непремѣнную обязанность каждому человѣку, каждому мыслителю и каждому писателю. Incognito съ горькой ироніей задаетъ читателю слѣдующій вопросъ: «изъ всѣхъ литературно-критическихъ статей, въ такомъ обиліи посвященныхъ передовымъ движеніямъ, «Отцамъ и Дѣтямъ» или вызванныхъ «Взбаломученнымъ Моремъ» и постоянно вызываемыхъ болѣе мелкими явленіями текущей литературы, случалось-ли ему (читателю) прочитать хоть одну, которая при своей чисто-литературной матеріи не касалась-бы или философскаго ученія о свободѣ человѣческой воли, или теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ, или воззрѣній Бокля на развитіе цивилизаціи въ человѣческомъ родѣ, или вообще не стремилась-бы установить истиннаго взгляда на сущность всѣхъ вещей и ихъ отношенія между собой? Читатель не можетъ сказать, чтобы ему случалось и это». Incognito очевидно не нравится то, что литературной критикъ позволяетъ себѣ говорить о такихъ вопросахъ, которые не входятъ въ курсъ риторики и піитики, иначе говоря, находятся въ разныхъ перегородкахъ головы Incognito. Онъ даже категорически выражаетъ свою жалобу на отсутствіе перегородокъ. «Этому-то недостаточному разграниченію различныхъ областей человѣческаго духа мы безъ сомнѣнія и обязаны тѣмъ фактомъ, печальнымъ даже для насъ самихъ, что, говоря о нашемъ движеніи, какую-бы фактическую нелѣпость мы ни приписали ему, она все-таки можетъ быть подтверждена примѣромъ».

Достаточное разграниченіе, котораго требуетъ Incognito, клонится очевидно къ тому, чтобы ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не смѣлъ задавать себѣ вопроса объ отношеніи отдѣльныхъ отраслей человѣческой дѣятельности къ общей жизни человѣчества и народа. Короче сказать, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ никогда не долженъ быть ни человѣкомъ, ни гражданиномъ. Представьте себѣ, что вы взяли очень дорогой билетъ въ итальянскую оперу; съ той минуты, какъ вы вошли въ театральную залу, вы должны превратиться въ меломана; вы имѣете право радоваться только тому, что Тамберликъ беретъ *ut-dièse*,

*) Статья эта помѣщена въ настоящемъ томѣ подъ своимъ первоначальнымъ заглавіемъ «*Реалисты*».

и огорчаться только тѣмъ, что Полонини деретъ уши. На другой день послѣ оперы вы узнаете, что въ Вологодской губерніи начался сильный голодъ; тутъ вы тотчасъ должны превратиться въ филантропа и устремить всѣ силы вашего духа на то, чтобы помочь страждущимъ братьямъ. Потомъ вы приходите домой, и ваша супруга говоритъ вамъ, что для вашего сына необходимо нанять гувернера; тутъ вы должны немедленно превратиться въ чадолюбиваго отца и погрузиться въ семейные интересы. Вслѣдъ затѣмъ вы отправляетесь въ какое-нибудь ученое общество, и вамъ объявляютъ ваши товарищи, что снаряжается ученая экспедиція для отысканія верховьевъ Нила; тутъ вы должны превратиться въ воплощенную любознательность и употребить всѣ усилія на то, чтобы экспедиція состоялась.— Но позвольте-же однако: духъ бодръ, а плоть немощна; кошелекъ-же, который долженъ оплачивать и меломанію, и филантропію, и чадолюбіе, и любознательность, — еще немощнѣе всякой плоти. Для того, чтобы свести концы съ концами, то-есть для того, чтобы *ut-dièse* не отбилъ хлѣба у вологжанъ или вологжане не съѣли гувернера, или африканская экспедиція не поглотила гувернера, вологжанъ и *ut-dièse*, для того, чтобы всѣ эти издержки уживались мирно другъ возлѣ друга, необходимо-же, чтобы явился какой-нибудь общій регуляторъ, поддерживающій между ними нѣкоторое равновѣсіе. Необходимо, чтобы вы сами были не только поочередно меломаномъ, филантропомъ, чадолюбивымъ отцомъ и любознательнымъ ученымъ, но еще кромѣ того постоянно благоразумнымъ человѣкомъ и расчетливымъ хозяиномъ, соображающимъ отдѣльныя цифры расхода съ общей цифрой дохода. Иначе выйдетъ кутерьма и банкротство. И такая-же кутерьма, и такое-же банкротство, только менѣе быстрыя и менѣе очевидныя, получаются тогда, когда цѣлое общество, увлекаясь ежеминутно частными впечатлѣніями и мимолетными интересами, никогда не задаетъ себѣ вопроса о томъ, въ какой связи находятся эти впечатлѣнія и интересы съ его постоянными жизненными потребностями. Если-же вы допустите, что общество должно возвышаться до самосознанія и до всеобъемлющаго взгляда на свою собственную жизнь, то вы должны также признать необходимость такихъ людей, которые при встрѣчѣ съ каждымъ отдѣльнымъ явленіемъ жизни, науки или искусства тотчасъ стараются разсмотрѣть отношеніе этого частнаго явленія ко всей совокупности жизненныхъ отправленій общественнаго организма. Я вовсе не думаю утверждать, что *мы*, именно *мы*, то-есть «Русское Слово» и «Современникъ», выполняемъ эту громадную задачу удовлетворительно. Я вовсе не утверждаю, что мы—вполнѣ достойные органы общественнаго самосознанія. Я только констатирую тотъ фактъ, что общественное самосознаніе необходимо, что оно въ настоящее время стремится создать себѣ достойныхъ выразителей, что мы изображаемъ собой первыя, слабыя и робкія попытки общества на этомъ новомъ для него пути, и что филистеры, требующіе вмѣстѣ съ Incognito *достаточнаго разграниченія различныхъ областей человѣческаго духа*, совершенно не понимаютъ смысла и необходимости того умственнаго движенія, изъ котораго должно выработаться общественное самосознаніе.

Incognito обвиняетъ насъ въ противорѣчіяхъ именно потому, что не умѣетъ подняться на нашу точку зрѣнія. Вы, говоритъ онъ, отрицаете поэзію и въ то-же время восхищаетесь стихами Гейне; вы относитесь съ пренебреженіемъ къ великимъ поэтамъ, Шиллеру и Пушкину, и въ то-же время посвящаете цѣлый рядъ статей роману второстепеннаго художника Тургенева.

Гдѣ-же тутъ противорѣчія? спрашиваю я. Можно находить, что война—великое зло, и въ то-же же время можно глубоко уважать такого воина, какъ Вашингтонъ, и можно съ величайшимъ сочувствіемъ слѣдить за военными подвигами Гарибальди. Можно находить, что алхимія — пустая мечта, и въ то-же время можно глубоко уважать алхимика Джафара, открывшаго тѣ кислоты, безъ которыхъ химическій анализъ былъ-бы невозможенъ. Все дѣло въ томъ, что подвиги Гарибальди и Вашингтона клонятся къ истребленію войны, и что открытія Джафара клонятся къ разсѣянію того мрака, который поощрялъ своимъ существованіемъ развитіе алхимическихъ бредней.—Стихотворенія Гейне не отклоняютъ, а отрезвляютъ читателя; поэтъ самъ разрушаетъ вредное обаяніе поэзіи; поэтъ осмѣиваетъ то, чему поклоняются другіе поэты; на этомъ основаніи всѣ отрицатели поэзіи считаютъ Гейне своимъ естественнымъ и чрезвычайно полезнымъ союзникомъ.—Что-же касается до цѣлаго ряда статей, посвященныхъ роману Тургенева, то, мнѣ кажется, нетрудно понять, что этотъ рядъ статей клонится не къ прославленію романа, а къ пораженію тупыхъ филистеровъ, подобныхъ Дудышкину, и близорукихъ реалистовъ, подобныхъ Антоновичу. Смотрите на это чудовище, заговорили филистеры, указывая юнымъ нигилистамъ на фигуру Базарова, только-что появившагося въ печати. Ваши идеи приведутъ васъ прямымъ путемъ къ этому ужасному результату, поэтому отрекайтесь тотчасъ отъ вашихъ заблужденій. Близорукіе и робкіе реалисты, подъ предводительствомъ Антоновича, дѣйствительно приняли Базарова за чудовище и стали доказывать, путаясь и сбиваясь въ своихъ разсужденіяхъ, что ихъ идеи никогда не могутъ привести ихъ къ ужасному результату, изобрѣтенному Тургеневымъ. На этой позиціи реалистамъ грозило неизбѣжное пораженіе, потому что филистеры могли доказать, какъ дважды-два—четыре, что Базаровъ—не клевета, не карикатура, а со-

вершенно вѣрный итогъ реалистическихъ тенденцій. Поэтому надо было повернуть вопросъ иначе; надо было доказать, что Базаровъ—не чудовище, а мыслящій работникъ и превосходный человѣкъ. Эту задачу я постарался выполнить, и мнѣ кажется, что я могу считать мою цѣль достигнутой, потому что до сихъ поръ ни филистеры, ни «Современникъ» не представили ни одного возраженія противъ моего взгляда на личность Базарова. Филистеры нападаютъ на разныя частности «Нерѣшеннаго Вопроса», не касаясь анализа базаровскаго типа, а «Современникъ» не производитъ до сихъ поръ ничего, кромѣ угрожающихъ демонстрацій. Если-же наша литература принуждена будетъ признать умственныя и нравственныя достоинства Базарова, то вмѣстѣ съ тѣмъ она принуждена будетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ нелѣпыхъ предубѣжденій противъ нашего реализма. Значитъ, рядъ статей о Базаровѣ былъ написанъ затѣмъ, чтобы защитить и разъяснить весь строй нашихъ понятій, а не за тѣмъ, чтобы выставить напоказъ красоты тургеневскаго романа. Въ какомъ чинѣ состоитъ Тургеневъ на службѣ у Аполлона, до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла; если вы мнѣ скажете, что Тургеневъ — второстепенный поэтъ, а Пушкинъ—первоклассный геній, я съ вами даже и спорить не буду, потому что этотъ вопросъ меня нисколько не интересуетъ. Я вамъ скажу только, что Тургеневу посчастливилось поднять въ нашей умственной жизни такой вопросъ, какого никогда не поднималъ и не могъ поднять Пушкинъ. Поэтому о Тургеневѣ я писалъ для того, чтобы разъяснить поднятый имъ вопросъ; о Пушкинѣ-же я буду писать только за тѣмъ, чтобы образумить суевѣрныхъ обожателей этого устарѣлаго кумира. Въ томъ и другомъ случаѣ я имѣю въ виду только то количество пользы, которое могутъ доставить данному обществу, въ данную минуту, тѣ или другія идеи. Идеи Базарова я считаю полезными,—поэтому я говорю о нихъ съ уваженіемъ; идеи Пушкина я считаю безполезными,—поэтому я говорю о нихъ съ пренебреженіемъ. Спрашивается: гдѣ-же тутъ внутреннее противорѣчіе?

Само собою разумѣется, что Incognito не можетъ допустить той мысли, что произведенія Пушкина въ настоящую минуту устарѣли и сдѣлались безполезными. Онъ старается доказать, что Пушкинъ полезенъ: «Фактъ состоитъ въ томъ,—разсуждаетъ Incognito,—что если, благодаря стихамъ Пушкина, сотни тысячъ русскихъ умовъ, сотни тысячъ сердецъ, сотни тысячъ воображеній, въ одно-ли время, или въ разныя времена, поражаются и будутъ поражаться одними и тѣми-же представленіями, то между этими сотнями тысячъ образуется духовное родство, образуется связь, которая дѣлаетъ русскихъ болѣе людьми одного племени и одной земли, то-есть связь, которая составляетъ ту самую, если не общечеловѣческую, то общерусскую солидарность, которая въ устахъ критика отдается только мертвымъ звукомъ простой вокабулы».

Какъ видите, вопросъ о стихахъ Пушкина отожествляется съ вопросомъ о существованіи русской литературы. Это—тактика Маркова, подмѣняющаго слово *искусство* словомъ *образованіе*. Incognito ставитъ вопросъ такъ: что лучше—читать Пушкина, или совсѣмъ не читать?—Но русскимъ людямъ совсѣмъ не предстоитъ такая трагическая альтернатива и, стало-быть, нѣтъ никакого разумнаго основанія предлагать такіе поразительные вопросы. Отказываясь отъ Пушкина, сотни тысячъ русскихъ умовъ, сердецъ и воображеній вовсе не утратятъ своего «духовнаго родства», потому что эти сотни тысячъ попрежнему будутъ поражаться одними и тѣми-же представленіями, но только не тѣми, которыми они поражались въ былое время. Прежде они поражались представленіями «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Кавказскаго Плѣнника», а теперь они будутъ поражаться представленіями «Параднаго Подъѣзда», «Молотова» и романа «Что дѣлать?». Значитъ, со стороны духовнаго родства вы можете быть совершенно спокойны, и если вы хотите доказать полезность и необходимость Пушкина, то вы должны доказать, что представленія «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Кавказскаго Плѣнника» дѣйствуютъ на сотни тысячъ умовъ, сердецъ и воображеній *болѣе* благотворнымъ образомъ, чѣмъ представленія «Параднаго Подъѣзда», «Молотова» и «Что дѣлать?». Если-же вы этого не докажете, то ваше дѣло передъ судомъ русской читающей публики будетъ проиграно.

Съ апрѣльской книжки я начну рядъ статей о Пушкинѣ *), обѣщанный мною въ прошломъ году, и тогда господамъ обожателямъ Пушкина представится удобный случай выдвинуть впередъ все, что имѣется у нихъ въ запасѣ по части защитительныхъ аргументовъ. Предупреждаю только заранѣе моихъ будущихъ оппонентовъ, что я совершенно устраняю въ вопросѣ о Пушкинѣ историческую точку зрѣнія. Я очень хорошо знаю, что «Евгеній Онѣгинъ» гораздо лучше «Фелицы» Державина и что «Капитанская Дочка» стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше «Бѣдной Лизы» Карамзина. Я нисколько не обвиняю Пушкина въ томъ, что онъ не былъ проникнутъ тѣми идеями, которыя въ его время не существовали или не могли быть ему доступны. Я задамъ себѣ и рѣшу только одинъ вопросъ, слѣдуетъ-ли намъ читать Пушкина въ настоящую минуту, или-же мы можемъ поставить его на полку, подобно тому, какъ мы уже это сдѣлали съ Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ и Жуковскимъ?

Защитивъ по своему Пушкина, то-есть, не за-

---

*) Статья Писарева «Пушкинъ и Бѣлинскій» помѣщена въ 5-мъ томѣ его «Сочиненій». Изд.

щитивъ его нисколько, Incognito обращается ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: «полагаетъ-ли онъ, что слѣдуетъ издать такой органическій законъ, которымъ-бы повелѣвалось писать однимъ только Шекспирамъ, а всѣмъ прочимъ было-бы приказано молчать до самаго второго пришествія Шекспира и послѣ?»—Смѣшной и безтолковый вопросъ! Нисколько я этого не полагаю. Я полагаю, что литература можетъ и должна всегда управляться сама собой безъ всякихъ органическихъ законовъ. Пускай пишетъ всякій все, что̀ ему угодно; пусть пишутъ Фетъ, Майковъ и Полонскій; пусть пишутъ Боборыкинъ, Аверкіевъ и Дудышкинъ; пусть пишутъ даже Клюшниковъ, Стебницкій и Николай Соловьевъ; пусть пишетъ и печатаетъ всякая тварь, умѣющая держать перо въ рукахъ и имѣющая желаніе и возможность оплатить типографскіе расходы. Мы нисколько не желаемъ имъ въ томъ препятствовать; мы только будемъ читать и осмѣивать ихъ произведенія, если они покажутся намъ смѣшными; если смѣхъ нашъ будетъ разуменъ и честенъ, то публика насъ послушаетъ и отвернется отъ осмѣяннаго писателя; если смѣхъ нашъ будетъ нелѣпъ или пристрастенъ, то публика назоветъ насъ дураками или негодяями и отвернется отъ насъ самихъ, какъ отъ бездарныхъ и завистливыхъ зоиловъ.

Видите, г. Incognito, что дѣло можетъ обойтись безъ всякихъ органическихъ законовъ. Намъ даже нѣтъ ни малѣйшаго основанія желать такихъ законовъ, потому что и безъ ихъ содѣйствія наши идеи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ Incognito, прививаются довольно успѣшно къ общественному сознанію. По словамъ Incognito, «наши выступающіе беллетристы» уже проникнуты «новѣйшимъ» реализмомъ; «они съ голоса передовыхъ критиковъ и не хуже ихъ самихъ наперерывъ стремятся показать, какъ сильно въ нихъ желаніе заявить себя тоже «новѣйшими» реалистами, какъ діаметрально-противоположными эстетикамъ». Ну, вотъ и чудесно! Какого-же намъ еще органическаго закона желать, когда мы и безъ того уже сформировали цѣлую школу беллетристовъ и когда старая школа вопитъ устами Бабикова: «увы! мы всѣ побѣждены». Если кто-нибудь изъ пишущихъ людей желаетъ какихъ-нибудь не литературныхъ и анти-литературныхъ органическихъ законовъ, то ужъ во всякомъ случаѣ къ этимъ желающимъ невозможно причислить новѣйшихъ реалистовъ.

Incognito утверждаетъ, что я прикидываю къ продуктамъ человѣческой дѣятельности мѣрку моихъ собственныхъ потребностей, и что изящное не подходитъ подъ эту мѣрку. «Но опять,—продолжаетъ онъ,—для того, чтобы оно подходило подъ нее, не слѣдуетъ-ли ему расширить кругъ этихъ потребностей, не ограничивая его стриженіемъ ногтей, перемѣной бѣлья и тому подобными обыденностями?—Именно слѣдуетъ». То-есть, если я въ настоящую минуту могу обходиться безъ итальянской оперы, безъ балета, безъ концертовъ, безъ картинъ и статуй, то, по мнѣнію Incognito, мнѣ слѣдуетъ втянуться въ эти наслажденія и привыкнуть къ нимъ настолько, чтобы они сдѣлались для меня потребностями. Положимъ, что я исполнилъ совѣтъ Incognito: втянулся. Что̀ же изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что я, расширивъ кругъ моихъ потребностей, оказываюсь очень доволенъ собой и жизнью. Результатъ прекрасный, но къ сожалѣнію я долженъ объявить Incognito, что я и теперь, до расширенія круга, очень доволенъ собой и жизнью. Стало-быть, что̀ же я выиграю? Очень мало или совсѣмъ ничего. Между тѣмъ, расширивъ кругъ моихъ потребностей, я гораздо больше, чѣмъ теперь, буду зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Кромѣ того—и это самое важное—мое содержаніе будетъ обходиться обществу гораздо дороже, чѣмъ оно обходится теперь. Опера, балетъ, концерты, картины, статуи—все это стоитъ денегъ, а деньги, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, изображаютъ собой видоизмѣненный продуктъ тяжелаго народнаго труда.—«Расширяйте ваши потребности», говоритъ мнѣ Incognito.—Я спрашиваю «зачѣмъ?»—«Затѣмъ, чтобы поглощать какъ можно больше продуктовъ народнаго труда».—Я опять спрашиваю: «зачѣмъ?»—«Затѣмъ, чтобы у васъ были очень широкія потребности».—Въ той-же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ которой Incognito рекомендуетъ мнѣ оперу и балетъ, сообщены слѣдующія подробности о частной жизни Прудона. «Когда онъ издавалъ газету *Народный Голосъ*, то выручалъ много денегъ: газета расходилась нарасхватъ; но себѣ онъ оставлялъ изъ прибыли лишь 5 фр. въ день, остальное отдавалъ бѣднымъ. Случались дни, когда газета продавалась въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ, но и тогда Прудонъ не оставлялъ себѣ болѣе пяти франковъ». Любопытно мнѣ было бы узнать, что̀ думаетъ Incognito о такомъ чудакѣ, какъ Прудонъ; еслибы Incognito умѣлъ быть послѣдовательнымъ, то-есть, еслибы его филистерская голова не была разгорожена на отдѣльныя клѣтки,—онъ долженъ былъ бы смотрѣть на Прудона съ сострадательнымъ презрѣніемъ, потому что очевидно при ежедневномъ расходѣ въ 5 франковъ (1 р. 25 к. с.) кругъ личныхъ потребностей Прудона не могъ быть широкимъ и не могъ вмѣщать въ себя ни оперы, ни балета, ни разныхъ другихъ проявленій изящнаго. Меня Incognito долженъ уважать несравненно болѣе, чѣмъ Прудона, потому что кругъ моихъ потребностей гораздо шире.

Впрочемъ сущность моего возраженія состоитъ не въ томъ, что человѣкъ долженъ употреблять на подвиги частной благотворительности всѣ деньги, остающіяся у него въ рукахъ послѣ

покрытія необходимыхъ издержекъ. Благотворительность всегда будетъ и всегда должна быть свободнымъ дѣломъ личной наклонности. Но вопросъ въ томъ: долженъ или не долженъ человѣкъ своимъ образомъ жизни поощрять въ обществѣ развитіе непроизводительныхъ отраслей труда? Вопросъ въ томъ, какой человѣкъ полезнѣе: тотъ-ли, который покупаетъ у художниковъ картины и статуи, или тотъ, который на свои деньги заводитъ фермы и фабрики, а полученные барыши употребляетъ на заведеніе новыхъ фермъ и фабрикъ? По разсужденіямъ Incognito выходитъ, что первый полезнѣе второго, или по крайней мѣрѣ, что второй есть существо низшаго разряда въ сравненіи съ первымъ. Если-же Incognito отречется отъ этого заключенія, тогда онъ долженъ будетъ снять съ меня обязанность втягиваться въ оперу и въ балетъ. И тогда отъ его аргументаціи не останется камня на камнѣ.

Incognito старается поддержать изящное историческими аргументами. Онъ говоритъ, что сознательная человѣческая исторія «началась съ плясовыхъ пѣсенъ, съ хороводныхъ круженій вокругъ камней и чурбановъ, съ воспѣванія славы солнцу на небѣ высокомъ—словомъ, со всего того, чего никакъ не могло быть, еслибы оно не вызывалось потребностями человѣческой природы». Эта историческая аргументація доказываетъ слишкомъ много и вслѣдствіе этого не доказываетъ ровно ничего. Если принять эту аргументацію во всемъ ея объемѣ, то придется оправдать и рабство, и войну, и человѣческія жертвоприношенія, и содомскій грѣхъ, и проституцію, потому что всѣ эти явленія повторяются у всѣхъ историческихъ народовъ и вызываются всѣ безъ исключенія различными потребностями человѣческой природы. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, какъ удовлетворяются существующія потребности человѣческой природы; такъ-ли, что отъ этого удовлетворенія не страдаетъ ни одно человѣческое существо, или же такъ, что, удовлетворяя своимъ потребностямъ, одна группа людей обездоливаетъ другую группу? Если у васъ есть потребность слушать пѣніе, и если вы удовлетворяете эту потребность вашими собственными средствами, то никто не имѣетъ права возражать противъ этого удовлетворенія: пойте или мурлыкайте, сколько душѣ вашей будетъ угодно. Но если вы для удовлетворенія вашей потребности формируете себѣ цѣлую школу пѣвцовъ, которыхъ содержаніе ложится на плечи трудящихся людей, то всякій мыслящій человѣкъ имѣетъ право вамъ замѣтить, что вы отнимаете у работниковъ необходимое для того, чтобы доставить себѣ такое развлеченіе, безъ котораго вы легко можете обойтись. Историческій прогрессъ состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы понемногу возвращать трудящимся массамъ тотъ насущный хлѣбъ, который въ темныя времена насилія и невѣжества былъ у нихъ отнятъ на неразсчетливое удовлетвореніе слишкомъ широко развернувшихся потребностей. Поэтому до-историческое существованіе плясовыхъ пѣсенъ и хороводныхъ круженій нисколько не можетъ служить оправданіемъ современной оперы и новѣйшаго балета.

Въ пользу живописи Incognito приводитъ тотъ аргументъ, что новѣйшій реалистъ можетъ «пожелать когда-нибудь, по какому-нибудь случаю, имѣть портретъ своей вышеозначенной трудолюбивой и начитанной подруги». Въ пользу живописи я самъ въ третьей части «Нерѣшеннаго Вопроса» привелъ гораздо болѣе сильный аргументъ, именно тотъ, что въ учебникахъ и въ популярныхъ, а также и въ ученыхъ сочиненіяхъ по многимъ отраслямъ знанія необходимы хорошіе рисунки. Что же касается до портретовъ «трудолюбивой и начитанной подруги», то мнѣ кажется, что обществу нѣтъ никакой надобности заботиться о ихъ изготовленіи. Бѣды не будетъ никакой, если новѣйшій реалистъ останется безъ портрета, тѣмъ болѣе, что очень многіе люди остаются по недостатку матеріальныхъ средствъ не только безъ изящнаго портрета, но даже и безъ оригинала, то-есть безъ «трудолюбивой и начитанной подруги». А есть и такіе люди, которые остаются не только безъ подруги, но даже безъ теплаго платья и безъ куска хлѣба. При такихъ условіяхъ сокрушаться объ изящныхъ портретахъ по меньшей мѣрѣ смѣшно.

Впрочемъ я считаю своей обязанностью успокоить Incognito и всѣхъ добродушныхъ людей, полагающихъ, что реалистическая критика стремится къ конечному истребленію всѣхъ живописцевъ, музыкантовъ, скульпторовъ и другихъ эксплоататоровъ человѣческой наивности. Реалистическая критика очень хорошо понимаетъ, что такая цѣль недостижима; поэтому она и не задаетъ себѣ этой задачи. Чего же она хочетъ? А вотъ чего. Въ Россіи каждый годъ нѣсколько десятковъ тысячъ юношей средняго сословія задаютъ себѣ вопросъ: куда мы пойдемъ? за какое дѣло мы возьмемся? Какимъ ремесломъ мы будемъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ? Въ тѣ дни, когда гремѣли имена великаго Брюллова, великаго Глинки, великаго Мочалова, въ тѣ дни, когда наша критика стояла на колѣняхъ передъ святымъ искусствомъ вообще и передъ Пушкинымъ въ особенности, сотни, а можетъ быть тысячи легковѣрныхъ юношей тянулись всѣми своими помышленіями къ лавровому вѣнку художника. Нарисуетъ юноша двѣ березы въ альбомъ своей кузины, и вообразитъ себѣ, что у него непреодолимая страсть къ живописи, что онъ обязанъ развивать свой талантъ, что онъ поѣдетъ сначала въ Петербургъ, потомъ въ Италію, а потомъ въ храмъ славы, гдѣ признательное человѣчество увѣнчиваетъ своихъ вдохновенныхъ благодѣтелей. — Подыщетъ юноша музыку къ какому-нибудь водевильному куплети-

ку, и сейчасъ уразумѣетъ, что онъ музыкантъ, что ему необходимо отростить длинные волосы, напустить на лицо задумчивое выраженіе и отказаться навсегда отъ всякой полезной работы, потому что

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ
Мы рождены—для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

Сыграетъ юноша безъ особеннаго посрамленія роль водевильнаго *jeune premier* на домашнемъ спектаклѣ, и въ одну минуту сообразитъ, что ему невозможно не идти по слѣдамъ Мочалова. И почнетъ онъ колотить себя въ грудь и выводить нараспѣвъ монологи изъ «Гамлета», который однако, по его мнѣнію, далеко не такъ забористъ, какъ «Уголино» Полевого или «Джуліо Мости» Кукольника.

Чтó вы о всемъ этомъ скажете, гг. эстетики? Хороша была вся эта катавасія? Хорошо это было, что неглупые молодые люди, способные сдѣлаться хорошими хозяевами, честными конторщиками, смышлеными машинистами, изображали своими особами лягушку, желающую раздуться до размѣровъ вола? Хорошо это было, что эти несчастные недоросли, обманутые въ своихъ нелѣпыхъ надеждахъ, спивались съ кругу, объѣдали своихъ родственниковъ и превращались въ отъявленныхъ мерзавцевъ или во всякомъ случаѣ въ праздношатающихся шелопаевъ? Хорошо это было, что самые счастливые изъ этихъ юношей, сдѣлавшись посредственными актерами, посредственными музыкантами, посредственными живописцами, лебезили передъ откупщиками, чтобы отобѣдать у нихъ на даровщинку, или чтобы всучить имъ за выгодную цѣну картину, билетъ на концертъ или ложу на бенефисъ? Если положить на одну чашку вѣсовъ великаго Брюллова, великаго Глинку, великаго Мочалова, а на другую—многія тысячи несчастныхъ лягушекъ, соблазненныхъ славой воловъ и лопнувшихъ во время нелѣпыхъ попытокъ—дорости до ихъ величія, то—какъ вы думаете, гг. эстетики,—которая изъ двухъ чашекъ перетянетъ? Или другими словами, стоитъ ли овчинка выдѣлки? Стоитъ ли уродовать *тысячи* человѣческихъ существованій для того, чтобы добыть *одну* безплодную знаменитость?—Реалистическая критика думаетъ, что *не стоитъ*, и вслѣдствіе этого своего глубокаго убѣжденія она старается на мѣсто именъ великаго Брюллова, великаго Глинки, великаго Мочалова подставить имена великаго Дарвина, великаго Либиха, великаго Клода Бернара. Критика Бѣлинскаго стояла на колѣняхъ передъ святымъ искусствомъ. Реалистическая критика стоитъ на колѣняхъ передъ святой наукой. Стремясь по слѣдамъ Глинки, Брюллова и Мочалова, довѣрчивые юноши не пріобрѣтали ничего, кромѣ печальной привычки къ тунеядству и къ сивухѣ. Выбирая себѣ въ образцы и въ руководители Дарвина, Либиха, Бернара и другихъ, довѣрчивые юноши пріобрѣтаютъ и будутъ пріобрѣтать себѣ знанія, привычку къ труду и уваженіе къ силѣ человѣческаго разума, то-есть такія сокровища, которыя пригодятся имъ на всякомъ житейскомъ поприщѣ. До Бернара не доростетъ быть можетъ ни одинъ изъ десяти тысячъ, но зато общество обогатится многими хорошими уѣздными лекарями. Либихомъ не сдѣлается ни одинъ изъ десяти тысячъ, но зато общество обогатится многими дѣльными агрономами.

Посредственный художникъ, даже по мнѣнію эстетиковъ, есть отрицательная величина; посредственный ученый, напротивъ того, можетъ быть очень полезенъ, несмотря на свою посредственность. Чтò же касается до геніальныхъ натуръ, то ихъ не остановитъ и не собьетъ съ толку никакая реалистическая критика. Геніальныя натуры преодолѣваютъ самыя серьезныя препятствія; онѣ борятся съ деспотической волей родителей, съ предразсудками общества, съ бѣдностью, съ невѣжествомъ, и все-таки, несмотря ни на что, идутъ туда, куда ихъ тянетъ преобладающая страсть. Если у насъ народится какой-нибудь Рафаэль или Моцартъ, то онъ ни за какія коврижки не пойдетъ въ машинисты или въ медики, и наплюетъ на всякія реалистическія проповѣди. Значитъ, реалистическая критика не давитъ великихъ талантовъ, потому что ихъ задавить невозможно. Она только кормитъ здоровой умственной пищей ту толпу, которую эстетики опаивали дурманомъ.

XI.

Дерзкій авторъ «Нерѣшеннаго Вопроса» осмѣлился уподобить *лукошку* того великаго Антоновича, который считаетъ себя въ настоящую минуту единственнымъ представителемъ реальной критики и единственнымъ законнымъ преемникомъ Добролюбова. Великій Антоновичъ, какъ человѣкъ неглупый, не обратилъ никакого вниманія на непочтительную выходку такъ называемаго *enfant terrible*. Но Посторонній Сатирикъ, какъ человѣкъ очень раздражительный и очень ограниченный, огорчился *лукошкомъ* до глубины души и началъ изливать свои страданія въ горячихъ и безтолковыхъ полемическихъ статьяхъ. Надо полагать, что *лукошко* дѣйствуетъ подобно шпанской мушкѣ, сохраняя притомъ свою раздражающую силу втеченіи многихъ мѣсяцевъ. Съ каждымъ мѣсяцемъ страданія Постронняго Сатирика становятся невыносимѣе, такъ что наконецъ въ январьской книжкѣ «Современника» несчастный Донъ-Кихотъ, удрученный *лукошкомъ*, впадаетъ въ горячечный бредъ и съ болѣзненной странностью принимаетъ свои видѣнія за существующіе факты. Ему мерещится какой-то призракъ, который онъ называетъ «Русскимъ Словомъ»; ему кажется, что этотъ «призракъ» отлыниваетъ отъ его вопросовъ и увертывается отъ прямыхъ объясне-

ній съ нимъ; ему кажется, что онъ, Посторонній Сатирикъ, бѣжитъ за этимъ призракомъ, схватываетъ его, окружаетъ его сплошной стѣной занумерованныхъ «*тезисовъ и вопросовъ*», тычетъ его носомъ «*на номеръ, не получившій отвѣта или объясненій*», разбиваетъ его на всѣхъ пунктахъ и заставляетъ его «*расхлебать кашу*», которую онъ, призракъ, заварилъ «Нерѣшеннымъ Вопросомъ». Бѣдный страдалецъ обращается къ своему призраку съ слѣдующимъ монологомъ: «я непремѣнно выведу васъ на турниръ, и вы непремѣнно будете отвѣчать мнѣ; я заставлю васъ отвѣчать и вашими-же отвѣтами доведу васъ до молчанія. Вы уже предчувствуете, какая участь ожидаетъ васъ на турнирѣ; вы видите предъ собой прахъ поверженнаго мною Косицы и начинаете дрожать за себя. Не бойтесь, съ вами я не поступлю такъ жестоко, какъ съ нимъ; васъ я не обращу пока въ прахъ; но все-таки побѣду надъ вами отпраздную торжественно». Всѣ эти разговоры можно вести только съ призракомъ, а никакъ не съ «Русскимъ Словомъ», потому что настоящее, реальное «Русское Слово» говоритъ и молчитъ, когда ему угодно, не тревожится никакими предчувствіями, не дрожитъ даже предъ великимъ Антоновичемъ и не разсыплется въ прахъ даже отъ поразительныхъ карикатуръ всеусыпляющаго «Будильника». Между тѣмъ боль отъ *лукошка* усиливается, и галлюцинація становится еще безсвязнѣе; Постороннему Сатирику представляется, что Зайцевъ и Благосвѣтловъ превратились въ два *буттерброда;* это видѣніе по всей вѣроятности выражаетъ собой желаніе паціента съѣсть живьемъ Зайцева и Благосвѣтлова; однако Постороннему Сатирику не суждено насладиться полнымъ блаженствомъ даже въ области горячечныхъ видѣній; буттерброды минуютъ его зіяющую пасть; одинъ изъ бруттербродовъ заключаетъ союзъ съ американскими плантаторами, другой — обижаетъ Воронова; сердце Посторонняго Сатирика изнываетъ за негровъ, изнываетъ за бѣдствующаго литератора, недописавшаго повѣсть «Тяжелые Годы», изнываетъ за покойнаго А. Григорьева, обворованнаго Писаревымъ, изнываетъ за «одно лицо», обиженное призракомъ, изнываетъ за Антоновича, увѣнчаннаго «*лукошкомъ*», изнываетъ за Шопенгауэра, искаженнаго Зайцевымъ, — и не изнываетъ только за «Современникъ», который безконечно позорится всѣми этими безсмысленными изнываніями.

Я до сихъ поръ говорилъ о подвигахъ Посторонняго Сатирика шутливымъ тономъ, потому что о нихъ по настоящему не стоитъ говорить серьезно; но такъ какъ Сатирикъ, по своему безграничному самолюбію, можетъ принять мой шутливый тонъ за неспособность опровергнуть его болтовню серьезными аргументами, то я дамъ ему небольшой образчикъ моего полемическаго искусства. Во-первыхъ, позвольте вамъ замѣтить, г. Посторонній Сатирикъ, что «Русское Слово» ни отъ чего не отлынивает; тотъ отвѣтъ, котораго вы требовали отъ «Русскаго Слова» на счетъ «Нерѣшеннаго Вопроса», былъ вамъ данъ въ октябрьской книжкѣ; этотъ отвѣтъ, совершенно ясный и опредѣлительный самъ по себѣ, былъ подкрѣпленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «Русское Слово» продолжало печатать «Нерѣшенный Вопросъ» до самаго конца, несмотря на всѣ ваши восклицанія и несмотря на то, что вы въ октябрьской книжкѣ «Современника» замѣтили совершенно основательно, будто «Нерѣшенный Вопросъ» могъ быть напечатанъ съ большимъ удобствомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» или въ «Эпохѣ». Неосновательность этого послѣдняго замѣчанія доказывается какъ нельзя лучше тѣмъ обстоятельствомъ, что «Отечественныя Записки» напечатали именно *противъ* «Нерѣшеннаго Вопроса» статью Incognito, а «Эпоха» напечатала также *противъ* «Нерѣшеннаго Вопроса» двѣ статьи Николая Соловьева. («Теорія пользы и выгоды» и «Безплодная плодовитость».) Изъ этого факта вы можете вывести для себя одно изъ двухъ заключеній: или то, что вы не понимаете тенденціи тѣхъ журналовъ, о которыхъ беретесь разсуждать, или то, что вы желали оклеветать «Нерѣшенный Вопросъ», отбрасывая его въ категорію тѣхъ статей, которыя могутъ быть напечатаны въ филистерскихъ журналахъ.

Итакъ, «Русское Слово» отвѣчало вамъ совершенно ясно и въ то-же время очень умѣренно, что оно не видитъ никакой надобности отказываться отъ солидарности съ «Нерѣшеннымъ Вопросомъ». Послѣ этого отвѣта всякія предварительныя объясненія съ вашей стороны были безполезны. Вы должны были прямо приступить къ разгромленію той статьи, которая вамъ не нравилась. Если-же вы не приступали, то въ этомъ вы должны винить исключительно самого себя. Если вы медлили вслѣдствіе великодушнаго состраданія къ заблуждающимся грѣшникамъ, то я долженъ вамъ замѣтить, что ваше милосердіе было совершенно неумѣстно. Ваше долготерпѣніе никого не обратило на путь истины. Вы имѣете дѣло съ людьми неблагодарными, закоснѣлыми во грѣхѣ и чрезвычайно недовѣрчивыми. Эти люди думали и думаютъ до сихъ поръ, что ваше великодушіе есть не что иное, какъ замаскированная пустота. У васъ нѣтъ доводовъ противъ «Нерѣшеннаго Вопроса», у васъ нѣтъ самостоятельнаго міросозерцанія, которое вы могли-бы противопоставить нашимъ идеямъ, у васъ нѣтъ даже щедринской веселости, которая умѣла осмѣивать и оплевывать то, чего она не понимала *) — у васъ нѣтъ ничего, кромѣ грошова-

*) См. разсказъ Щедрина «Новый Нарциссъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1868 г.
Изд.

го самолюбія, а между тѣмъ вы стоите на виду, вы — первый атлетъ «Современника», на вашихъ плечахъ лежитъ фирма журнала, за вами добролюбовскія преданія, за вами «Полемическія красоты», все это вы должны поддержать, каждая ваша ошибка будетъ замѣчена и осмѣяна вашими многочисленными противниками, и все это вы понимаете вполнѣ. И поневолѣ, по истинктивному чувству самосохраненія, вы стараетесь отдалить ту непріятную минуту, когда ваше безсиліе обнаружится во всей своей наготѣ. Вы придираетесь къ мелочамъ, вы валите съ больной головы на здоровую, вы кидаетесь по сторонамъ, вы хватаетесь то за негровъ, то за Воронова, вы собираете сплетни, вы выдумываете небылицы и въ то-же время притворяетесь неустрашимымъ бойцомъ и великодушнымъ героемъ. Но когда-нибудь вся эта плоская комедія должна-же кончиться. Положимъ, вы наполните еще пять-шесть книжекъ «Современника» *предварительными объясненіями*, — ну, а потомъ что̀ будетъ? Съ «Нерѣшеннымъ Вопросомъ» вы все-таки ничего не сдѣлаете; а между тѣмъ у васъ не хватитъ честности и мужества на то, чтобы откровенно отказаться отъ «Асмодея нашего времени», какъ отъ грубой, но извинительной ошибки. Стараясь защитить проигранное дѣло, вы окончательно запутаетесь въ софизмахъ и заведете критику «Современника» въ тѣ дебри, въ которыхъ гнѣздится наше филистерство. Я васъ предостерегаю заранѣе, но вы, разумѣется, меня не послушаете и будете попрежнему сыпать цѣлыми лукошками самаго неблаговиднаго лганья и наконецъ такъ уроните вашъ журналъ, что васъ не выручатъ никакія добролюбовскія преданія. Во всякомъ случаѣ вы видите теперь, что вамъ больше не зачѣмъ великодушничать и что всякія дальнѣйшія промедленія выставятъ васъ въ глазахъ вашихъ читателей въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ. Поэтому или принимайтесь за «Нерѣшенный Вопросъ», или признавайтесь на чистоту, что вы до сихъ поръ говорили о Базаровѣ пустяки, и что «Асмодей нашего времени» написанъ великимъ критикомъ по неопытности.

Кстати объ «Асмодеѣ». Посторонній Сатирикъ совершенно напрасно проводитъ ту мысль, что отвѣтственность за эту статью лежитъ на томъ лицѣ, которое въ то время завѣдывало редакціей «Современника». Еслибы въ статьѣ Антоновича заключались очевидныя нелѣпости или глупости, тогда конечно эта статья составляла-бы пятно на совѣсти редактора, потому что добросовѣстный редакторъ долженъ читать все, что̀ онъ помѣщаетъ въ своемъ журналѣ. Но для того, чтобы увидѣть несостоятельность «Асмодея», редакторъ долженъ былъ прочесть сначала — и прочесть очень внимательно — самый романъ Тургенева. «Асмодей» былъ напечатанъ въ мартовской книжкѣ «Современника», а романъ Тургенева — въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Значитъ, антрактъ между напечатаніемъ романа и напечатаніемъ статьи былъ такъ не великъ, что редакторъ, какъ человѣкъ, заваленный работой, имѣлъ полное право не прочитать романа во время этого антракта. Редакторъ обязанъ читать все, что̀ пишутъ его сотрудники для журнала, но онъ нисколько не обязанъ читать все, что̀ читаютъ его сотрудники. Въ январьской книжкѣ «Русскаго Слова» помѣщена напримѣръ статья Щапова, биткомъ набитая ссылками на Лепехина, на Кастрена, на Палласа, на Миддендорфа и еще чортъ знаетъ на какіе мудреные источники и пособія. Неужели-же редакторъ «Русскаго Слова» обязанъ провѣрить всѣ эти ссылки и перечитывать все, что̀ прочиталъ Щаповъ? Ничуть не бывало. Отвѣтственность за основную мысль, за ея направленіе лежитъ на авторѣ *и на редакторѣ*. Но отвѣтственность за вѣрность сообщаемыхъ фактовъ лежитъ *исключительно на одномъ авторѣ*. Если-бы кто-нибудь доказалъ, что Щаповъ исказилъ слово лѣтописей или путешественниковъ, то одному Щапову и пришлось-бы за это развѣдываться съ критикомъ. И еслибы какой-нибудь озорникъ поднесъ Щапову *лукошко*, то ни одна частица этого *лукошка* не досталась-бы редактору «Русскаго Слова». Печатая статью Антоновича, редакторъ «Современника» имѣлъ полное право довѣряться Антоновичу настолько, чтобы не заподозрѣвать его въ злонамѣренномъ искаженіи или въ неумышленномъ непониманіи разбираемыхъ фактовъ. Если оказывается теперь, что Антоновичъ обманулъ это довѣріе, то вся вина ложится цѣликомъ на одного Антоновича.

Статья Посторонняго Сатирика, помѣщенная въ январьской книжкѣ «Современника», даетъ мнѣ превосходный примѣръ для подтвержденія этой мысли. Въ этой статьѣ мы читаемъ слѣдующія поучительныя строки: «я утверждалъ и утверждаю, что взглядъ Писарева на Катерину, какъ на свѣтлое явленіе русской жизни, несогласенъ со взглядомъ Добролюбова, а согласенъ со взглядомъ А. Григорьева, который высказалъ свой взглядъ прежде Писарева; слѣдовательно, взглядъ этотъ принадлежитъ А. Григорьеву, а не Писареву. Ужели-же это не правда, и есть только мое изобрѣтеніе?» На оберткѣ январьской книжки написано: «редакторъ Н. Некрасовъ». Но я никакъ не рѣшусь утверждать, что ложное обвиненіе въ литературномъ воровствѣ взведено на меня по милости Некрасова. Некрасовъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ не обязанъ помнить наизусть всѣ критическія статьи, напечатанныя въ русскихъ журналахъ. Онъ не обязанъ знать, что Писаревъ никогда ни въ чемъ не сходился съ Григорьевымъ. Когда человѣкъ говоритъ: «*я утверждалъ и утверждаю*», тогда ни одному честному человѣку въ голову не придетъ подумать, что это *я утверждаю и утверждаетъ* чистѣйшую ложь, неоснован-

ную рѣшительно ни на чемъ. Помѣщая въ своемъ журналѣ клевету Посторонняго Сатирика, Некрасовъ былъ навѣрное глубоко убѣжденъ въ томъ, что печатаетъ святую истину. А между тѣмъ это—*клевета*, и Посторонній Сатирикъ самъ долженъ будетъ признать себя *клеветникомъ*, если не представитъ въ подтвержденіе своихъ словъ фактическихъ доказательствъ, то есть, если не укажетъ печатно на тотъ нумеръ журнала, въ которомъ были изложены взгляды Григорьева, совпадающіе съ моими взглядами на Катерину. Но за статью «Денежное несчастье съ Благосвѣтловымъ» отвѣтственность падаетъ на редактора, потому что тутъ дѣло не въ фактахъ, а въ тенденціи. Некрасовъ долженъ былъ сообразить, что, печатая эту статью, онъ возстаетъ противъ принципа гласности, когда этотъ принципъ прилагается къ отношеніямъ литераторовъ между собой. Кто громитъ Лохвицкаго, тому возставать противъ гласности не приходится.—Затѣмъ прощайте, господа. *Dominus vobiscum!*

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ.

I.

Въ средневѣковыхъ государствахъ господствовала такая путаница политическихъ элементовъ, о которой человѣкъ XIX столѣтія съ трудомъ можетъ составить себѣ ясное и отчетливое понятіе. О разграниченіи судебныхъ, административныхъ и законодательныхъ властей нечего было и думать. Невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается господство церковной іерархіи и гдѣ начинается дѣятельность свѣтской власти. Все зависѣло отъ частныхъ обстоятельствъ, мѣста и времени. Все обусловливалось наклонностями, дарованіями и минутными интересами отдѣльныхъ личностей, державшихъ въ своихъ рукахъ ту или другую отрасль общественной власти. Разумѣется, хаосъ былъ всего сильнѣе въ первые вѣка послѣ великаго переселенія народовъ. Всѣ умные правители, начиная отъ Теодориха Великаго, старались распутывать и приводить въ порядокъ нестройные элементы общественной жизни. Но хаосъ на всѣхъ пунктахъ упорно отстаивалъ свое нелѣпое существованіе. То, что называется духомъ времени—именно мысли, чувство и страсти тогдашнихъ людей,—шло въ разрѣзъ съ самыми умными и добросовѣстными привычками организаторовъ. Что сильный и геніальный человѣкъ устраивалъ втеченіи цѣлой жизни съ изумительной настойчивостью и съ громадными усиліями, то разваливалось послѣ его смерти само-собой или разстроивалось въ какое-нибудь десятилѣтіе слабыми и глупыми преемниками безъ малѣйшаго труда. Личныя страсти, неукрощенныя образованіемъ, рвали и ломали всѣ рамки общественной жизни. Чтобы эти страсти улеглись и подчинились контролю разума, необходима была не желѣзная воля какой-нибудь одной, хотя-бы и геніальной личности, а долговременное, постоянное, глухое, но неотразимое вліяніе цѣлыхъ вѣковъ. Надо было, чтобы дикари переродились въ гражданъ, а всякія перерожденія органическихъ существъ совершаются въ природѣ съ такой невыносимой медленностью, которая всегда приводитъ въ отчаяніе всѣхъ историческихъ дѣятелей, успѣвшихъ переродиться раньше своихъ современниковъ.

Для католической іерархіи средневѣковая путаница общественныхъ отношеній была очень выгодна. Пользуясь хаосомъ понятій и учрежденій, іерархія захватила въ свои руки всю жизнь средневѣковаго общества и начала диктаторскимъ тономъ произносить свои приговоры въ такихъ дѣлахъ, которыя никакое благоустроенное государство въ мірѣ никогда не рѣшится отдать въ распоряженіе церкви. Конечно европейскіе дикари были совсѣмъ не такіе люди, чтобы безусловно подчиняться кому бы то ни было, когда это подчиненіе было черезчуръ невыгодно или стѣснительно. Въ самые золотые вѣка римскаго владычества личныя страсти сплошь и рядомъ брали вверхъ надъ суевѣріемъ. Полудикій баронъ или рыцарь, изобиженный какимъ нибудь черезчуръ задорнымъ аббатомъ или епископомъ, садился на коня, бралъ въ руки какое-нибудь дреколье, колотилъ крестьянъ своего обидчика, вытаптывалъ ихъ поля, при случаѣ захватывалъ въ плѣнъ неприкосновенную личность самого церковнослужителя, прикасался къ этой личности очень безцеремонно и, закусивши такимъ образомъ удила, не смирялся даже передъ проклятіями соборовъ и папъ. Но церковь все-таки одерживала верхъ. Дикіе феодалы умѣли только драться, а представители церкви умѣли кромѣ того интриговать, аргументировать, опутывать своихъ противниковъ кляузными трактатами, поддѣлывать старинные документы и, что всего важнѣе, вести общими силами стройную и послѣдовательную политику тамъ, гдѣ

ихъ свѣтскіе и безграмотные противники дѣйствовали вразсыпную, безъ всякаго плана, по внушенію личной страсти или подъ вліяніемъ ближайшаго, мелкаго и минутнаго интереса.— На средневѣковомъ латинскомъ языкѣ слово «clericus» имѣло два значенія: во-первыхъ,— церковникъ, причетникъ; во-вторыхъ,—грамотный человѣкъ. Соединеніе этихъ двухъ значеній въ одномъ словѣ показываетъ ясно, что было время, когда всѣ грамотные люди входили въ составъ духовенства. Вмѣстѣ съ грамотностью духовенство удерживало въ своей средѣ и скудные остатки классической образованности. Это обстоятельство, разумѣется, давало духовенству огромный перевѣсъ надъ представителями свѣтской власти. Духовныя лица занимали важнѣйшія государственныя должности и, пользуясь самымъ высокимъ положеніемъ, поддерживали съ нетерпимой энергіей всѣ интересы своего сословія и всѣ неумѣреннѣйшія требованія церковной іерархіи. Когда грамотность начала распространяться между свѣтскими людьми, когда свѣтскіе люди начали составлять себѣ общія понятія о теченіи государственныхъ дѣлъ, тогда они увидѣли, что церковь захватила все, и что императоры, короли, герцоги и всѣ прочіе властители земли превращены de jure, если не de facto, въ крѣпостныхъ работниковъ римскаго первосвященника. Тогда началась борьба, не такая, какую вели прежде разрозненные буяны, а борьба систематическая, въ которой уже обѣ стороны—папство и свѣтская власть—стали драться и оружіемъ, и аргументами, и насиліемъ, и надувательствомъ, и ссылками на вымышленные или подложные историческіе документы.

Разсматривать причины или предлоги каждой отдѣльной схватки я конечно не буду. Причина въ сущности была всегда одна и та же: обѣимъ властямъ хотѣлось развернуться пошире, а предлогъ найти было ужъ очень нетрудно при тогдашней неопредѣленности всѣхъ правъ, обязанностей и отношеній. Гораздо интереснѣе будетъ бросить бѣглый взглядъ на пріемы, употреблявшіеся въ этой борьбѣ обѣими сторонами. Любопытно посмотрѣть, на какія общественныя силы опирались съ одной стороны—папа, съ другой стороны—императоръ и короли. Не мѣшаетъ также взвѣсить и измѣрить количество той добросовѣстности и деликатности, которую обнаруживали обѣ стороны въ выборѣ и употребленіи полемическихъ средствъ.

Для достиженія этихъ двухъ цѣлей всего удобнѣе будетъ разсказать нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ изъ этой драматической борьбы. Разсказы эти покажутъ читателю, въ чемъ заключалось вліяніе этой борьбы на умственную жизнь средневѣковой Европы. Я начну съ XIII вѣка, потому что физіономія предыдущихъ столѣтій была уже очерчена мною въ статьѣ «Историческое развитіе Европейской мысли», помѣщенной въ 3 томѣ моихъ «Сочиненій».

II.

Въ 1198 году на папскій престолъ вступилъ, подъ именемъ Иннокентія III, тридцати-семилѣтній умный и энергическій итальянецъ, графъ Сеньи. Онъ тотчасъ началъ борьбу противъ свѣтской власти въ самомъ Римѣ, въ Италіи и во всей Европѣ. Онъ повторилъ и поддерживалъ втеченіи всей своей жизни всѣ требованія Григорія VII, подчинившаго папской власти, по крайней мѣрѣ въ теоріи, всѣхъ государей католическаго міра. Прежде всего онъ разрѣшилъ жителей Рима и другихъ городовъ папской области отъ присяги императору; всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ императоромъ, онъ или смѣнилъ, или подчинилъ себѣ. Чтобы навсегда загородить нѣмцамъ путь въ среднюю Италію, онъ убѣдилъ тосканскіе города составить федерацію, подобную той, которая уже давно существовала въ Ломбардіи и которая уже не разъ дѣлала императорамъ много хлопотъ и непріятностей. Работая такимъ образомъ противъ свѣтской власти, папа поневолѣ принужденъ былъ опираться на республиканскій и демократическій элементъ. Но такъ какъ этотъ элементъ былъ опасной игрушкой въ рукахъ римскаго первосвященника, то Иннокентій избралъ другое оружіе для борьбы съ свѣтской властью, а именно—интригу и обманъ одного властителя на счетъ другого, смотря по надобности. Соперники зорко слѣдили другъ за другомъ, подсиживали одинъ другого и пользовались всѣмъ, что могло ослабить или опрокинуть оплошавшаго врага. И мнѣ еще не разъ придется замѣтить, что, взаимно подкапывая другъ друга, представители двухъ враждующихъ принциповъ оказывали, помимо собственнаго желанія, драгоцѣннѣйшія и незамѣнимыя услуги развитію народной свободы и прогрессивному движенію европейской мысли.

Въ первыя двѣнадцать лѣтъ своего царствованія неумолимый Иннокентій III успѣлъ перессориться со всѣми сильнѣйшими государями католическаго міра. Въ 1199 году онъ отлучилъ отъ церкви Филиппа-Августа французскаго; въ 1208—Іоанна Безземельнаго англійскаго; въ 1210—Оттона IV германскаго. Проклиная государей, Иннокентій въ то же самое время вытягивалъ изъ ихъ государствъ людей и деньги. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ успѣлъ направить въ разныя стороны три крестовые похода: одинъ—въ Палестину, другой—въ Испанію противъ мавровъ, третій—въ южную Францію противъ еретиковъ. Эти подвиги Иннокентія тѣмъ болѣе замѣчательны, что крестовые походы въ это время уже потеряли прелесть новизны; они продолжались уже цѣлое столѣтіе; Европа была утомлена пожертвованіями и неудачами; надежда слабѣла, энтузіазмъ угасалъ; раждалось пе-

чальное подозрѣніе, что деньги расходятся по карманамъ итальянскихъ прелатовъ; подозрѣніе это высказывалось даже такъ громко, что Иннокентій, приказавши духовенству проповѣдывать новый крестовый походъ, былъ принужденъ сдѣлать особенное распоряженіе. «Онъ объявилъ,—говоритъ Шлоссеръ, — что жертвуетъ на крестовый походъ десятую часть своихъ доходовъ, и обложилъ все духовенство западной церкви сборомъ на это предпріятіе по полтора процента со всѣхъ церковныхъ доходовъ; когда же стали говорить, что онъ возьметъ эти деньги себѣ, Иннокентій приказалъ, чтобы каждый епископъ при содѣйствіи одного іоаннита и одного тампліера раздавалъ собранныя суммы крестоносцамъ своей епархіи».

Хотѣлъ или не хотѣлъ Иннокентій зажилить пожертвованія благочестивыхъ католиковъ, это —дѣло его личной совѣсти, которой приходится рѣшать много подобныхъ вопросовъ. Для историка же чрезвычайно важенъ и интересенъ тотъ фактъ, что уже въ началѣ XIII вѣка общественное мнѣніе такъ или иначе контролировало поведеніе папъ, и что даже такой желѣзный человѣкъ, какъ Иннокентій III, не могъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ неопредѣленному говору толпы. Чтобы снова поднять на ноги утомленную Европу, Иннокентій употреблялъ всѣ средства; въ циркулярахъ своихъ онъ повторялъ съ дикой энергіей насмѣшки магометанъ надъ безсиліемъ христіанской религіи. «Гдѣ,— говорилъ онъ отъ лица магометанъ,—гдѣ нашъ Богъ, когда Онъ не можетъ избавить васъ отъ нашихъ рукъ? Смотрите! мы осквернили ваши святилища, мы простерли впередъ наши руки, мы взяли съ перваго приступа, мы держимъ въ обиду вамъ эти ваши желанныя мѣста, въ которыхъ зародилось ваше суевѣріе. Гдѣ же вашъ Богъ? Пускай поднимется! Пусть придетъ спасать васъ и самого Себя!—Если ты въ самомъ дѣлѣ Сынъ Божій, защити себя, если можешь: вырви изъ нашихъ рукъ страну, въ которой Ты родился. Возврати поклонникамъ креста твой крестъ, который мы захватили».

Этотъ риторическій пріемъ Иннокентія имѣетъ конечно свои достоинства; онъ могъ подѣйствовать, какъ шпанская мушка или какъ хорошій ударъ кнута на чувство утомленныхъ, но искреннихъ католиковъ. Онъ могъ вызвать еще нѣсколько судорожныхъ усилій; но нельзя не замѣтить, что, пуская въ ходъ такое краснорѣчіе, папа ставилъ на карту отчаянно-крупный кушъ. Онъ самъ ревностно распространялъ въ массѣ католическаго населенія ту чрезвычайно-опасную и соблазнительную мысль, что истинность и достоинство религіи могутъ и даже должны измѣряться успѣхомъ чисто-земного предпріятія. И эта мысль прививалась особенно легко къ умамъ тогдашнихъ европейцевъ. Ордаліи и судебный поединокъ считались въ то время превосходными юридическими доказательствами. Если какой-нибудь Иванъ обвинялъ какую-нибудь Марью въ томъ, что она завела себѣ любовника, то Марьѣ не зачѣмъ было оправдываться фактическими и логическими аргументами: надо было только, чтобы ея любовникъ, или какой-нибудь другой человѣкъ убилъ или изувѣчилъ Ивана въ назначенное время на опредѣленномъ мѣстѣ и при законныхъ свидѣтеляхъ; тогда Ивана объявляли подлымъ клеветникомъ, а Марью—цѣломудренной женщиной. Если приводили въ судъ старуху, обвиненную въ колдовствѣ, то судьѣ не зачѣмъ было разбирать вопроса, дѣйствительно ли она совершила взведенное на нее преступленіе и возможно ли такое преступленіе вообще?—«Бросить старуху въ прудъ», командовалъ судья. — Старуху раздѣвали и бросали; если она шла ко дну, ее вытаскивали и отправляли домой; если она оставалась на поверхности воды, ее сжигали, потому что тогда уже невозможно было сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно — колдунья и любовница сатаны.—Въ одномъ народномъ собраніи германцевъ возникъ вопросъ: должны ли дѣти вступать во владѣніе отцовскимъ наслѣдствомъ при жизни своего дѣда? Одни говорили въ пользу дѣтей, другіе поддерживали права дѣда. Голоса раздѣлялись поровну; тогда положено было рѣшить спорный вопросъ судомъ божьимъ. Каждая сторона выдвинула одинаковое число бойцовъ. Партія дѣтей побѣдила, и законъ былъ составленъ въ ихъ пользу. Гражданскія тяжбы, уголовные процессы и законодательные вопросы съ одинаковымъ успѣхомъ рѣшались испытаніемъ или поединкомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ внутреннимъ смысломъ разбираемаго дѣла.

Понятно, что простые и недальновидные люди были не прочь отъ того, чтобы прикладывать тотъ же самый привычный масштабъ къ религіознымъ вопросамъ. Простодушный фанатикъ Францискъ, основавшій съ разрѣшенія Иннокентія III орденъ нищенствующихъ монаховъ францисканцевъ, вздумалъ проповѣдывать христіанство египетскому султану и при этомъ дошелъ до такого паѳоса, что предложилъ испытать посредствомъ суда божія, которая изъ двухъ религій лучше,—христіанство или магометанство. «Прикажи,—говорилъ онъ,—зажечь два костра: на одинъ я брошусь, а на другой пусть бросится кто нибудь изъ твоихъ имамовъ: кто изъ насъ останется живъ и здоровъ—тотъ и правъ». Султану это предложеніе показалось остроумнымъ, но неисполнимымъ. «Нашихъ имамовъ,— замѣтилъ онъ,—на эту штуку не поймаешь: они знаютъ безъ всякихъ испытаній, что человѣку неудобно лежать въ огнѣ». Но единовѣрцамъ Франциска это предложеніе вовсе не казалось забавнымъ; они были твердо увѣрены въ томъ, что Богъ непремѣнно долженъ творить по первому

востребованію чудеса для своихъ усердныхъ и незаблуждающихся поклонниковъ.

Римская іерархія старалась поддерживать и эксплоатировать эту увѣренность во всѣхъ мелкихъ случаяхъ вседневной жизни. Въ мелкихъ случаяхъ эта тактика была дѣйствительно очень удобна, потому что мелкое чудо можно было подделать разными дешевыми средствами. Такъ оно и дѣлалось. Но во всемъ надо знать мѣру. Не слѣдуетъ уподобляться глупому скрягѣ, зарѣзавшему золотоносную курицу. Католическіе іерархи ни подъ какимъ видомъ не должны были выходить изъ безопасной области мелкаго чудотворенія. Подвергать свой принципъ такому испытанію, которое по своей міровой колоссальности не допускало никакой подтасовки,—значило ставить на карту основной капиталъ, съ котораго можно было постоянно получать самые приличные проценты. Многимъ отдѣльнымъ папамъ, епископамъ и монахамъ крестовые походы доставили много денегъ, почета и могущества, но для теократическаго принципа они были гибельны. Всѣ проповѣдники крестовыхъ походовъ говорили въ сущности то же самое, что говорилъ Иннокентій III, хотя быть-можетъ въ ихъ выраженіяхъ было меньше горечи и энергіи. Всѣ они такъ или иначе возбуждали въ своихъ простодушныхъ слушателяхъ страстную надежду и фанатическую увѣренность, что самъ Богъ поведетъ крестоносное воинство къ желанной цѣли и поразитъ нечестивыхъ враговъ истинной религіи. «Того хочетъ Богъ! того хочетъ Богъ!» кричали на Клермонтскомъ соборѣ тысячи народа, выслушавъ рѣчи Петра Пустынника и папы Урбана II; и эти тысячи кинулись въ крестовый походъ совершенно слѣпо, безъ денегъ, безъ провіанту, почти безъ оружія и безъ малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ лежитъ Святая Земля и далеко ли до нея, и какія встрѣчаются на пути трудности и опасности. Взрывъ религіознаго чувства былъ очень грандіозенъ, но зато и реакція была ужасно сильна. Извѣстно, что безпорядочныя массы, пошедшія за Петромъ Пустынникомъ, за Вальтеромъ Голякомъ и за Готшалькомъ, погибли, большей частью даже не добравшись до Малой Азіи. А массы эти были очень значительны; въ нихъ было слишкомъ 250.000 человѣкъ; и эти люди принадлежали къ самымъ низшимъ слоямъ народонаселенія. Легко представить себѣ, какое глубокое и неизгладимое впечатлѣніе долженъ былъ произвести трагическій исходъ великаго предпріятія на всѣхъ родственниковъ, друзей и сосѣдей погибшихъ фанатиковъ. Эти родственники, друзья и сосѣди были такъ неразвиты и такъ задавлены трудомъ, бѣдностью и притѣсненіями, что имъ было невозможно слѣдить за событіями политическаго и религіознаго міра; что бы ни дѣлали папы и прелаты, императоры и короли,—эти простые люди все-таки не пустились бы въ критическія размышленія. Но тутъ, когда всемірная исторія проникла въ каждую бѣднѣйшую хижину, когда колоссальная борьба двухъ религій дала себя почувствовать каждому отдѣльному семейству, когда католическая политика отняла мужа у жены, брата у сестры, сына у матери, отца у малолѣтнихъ дѣтей, тогда поневолѣ вся Европа, отъ мала до велика, призадумалась надъ своими утратами и стала задавать себѣ вопросы: ведутъ ли къ чему-нибудь всѣ эти пожертвованія? И дѣйствительно ли того хочетъ Богъ?

То воодушевленіе, которое обнаружилось на Клермонтскомъ соборѣ, не повторилось больше никогда. Такіе порывы усердія обходятся слишкомъ дорого и вслѣдствіе этого ведутъ за собой горькое разочарованіе. Послѣ перваго крестоваго похода религіозная температура Европы вдругъ понизилась на значительное число градусовъ. Европу пришлось подогрѣвать искусственными средствами, и всѣ эти подогрѣванія, всѣ проповѣди Бернара изъ Клерво, Фулька изъ Нельси и другихъ монаховъ, всѣ циркуляры папъ производили только частичное, мѣстное вліяніе. Время общаго, свѣжаго, естественнаго энтузіазма прошло безвозвратно. Теперь спрашивается: умѣстно ли, благоразумно ли, политично ли было писать такія неистовыя воззванія, какія пускалъ въ ходъ Иннокентій III? Одно изъ двухъ: или народы католической Европы могли слѣпо повѣрить словамъ папы, или же они могли отнестись къ нимъ съ сомнѣніемъ. Второй случай крайне неудобенъ для теократическаго принципа, потому что папа, которому не вѣрятъ на слово, превращается въ простого смертнаго; но этотъ второй случай все-таки лучше перваго, потому что, если бы католики повѣрили Иннокентію совершенно слѣпо, еслибы они рѣшились испытать достоинство католицизма посредствомъ судебнаго поединка, произведеннаго въ громадныхъ размѣрахъ, то Иннокентій навѣрное оказался бы послѣднимъ папой. Судебный поединокъ кончился бы для католицизма полнѣйшимъ пораженіемъ, а тотъ крестовый походъ, который былъ устроенъ самимъ Иннокентіемъ, оказался не въ примѣръ скандальнѣе, безобразнѣе и неудачнѣе всѣхъ остальныхъ. Крестоносцы попали въ кабалу къ венеціанскимъ купцамъ, которые заставили ихъ платить натурой, и притомъ впередъ, за провозъ въ Палестину. Плата натурой состояла въ томъ, что крестоносное воинство принуждено было сдѣлать для венеціанцевъ нѣсколько завоеваній въ Далмаціи. Когда кончилась эта работа, тогда явилась вдругъ совершенно непредвидѣнная необходимость вмѣшаться въ дѣла дряхлой Византійской имперіи. Крестоносцы взяли Константинополь, разграбили его, раздѣлили между собой провинціи покореннаго государства, основали такъ называемую Латинскую имперію и, удививши весь міръ совершенно не крестоноснымъ характеромъ своихъ подвиговъ, сочли свое

дѣло оконченнымъ, хотя они даже издали не видали не только стѣнъ Іерусалима, но даже береговъ Обѣтованной земли.

Другой крестовый походъ, затѣянный также Иннокентіемъ и направленный противъ еретиковъ южной Франціи, оказался несравненно удачнѣе палестинскаго предпріятія. Въ южную Францію сбѣжалась со всѣхъ сторонъ такая огромная толпа вооруженной сволочи, что еретики были совершенно задавлены и истреблены, несмотря на свое отчаянное сопротивленіе.

Неуспѣхъ палестинскаго похода, предпринятаго въ 1202 году, и успѣхъ альбигойской войны, начавшейся въ томъ же десятилѣтіи, именно въ 1208 году, составляютъ, вмѣстѣ взятые, важное барометрическое указаніе для мыслящаго историка. Въ палестинскомъ походѣ религіозный мотивъ долженъ былъ стоять на первомъ планѣ. Путь былъ далекъ; трудности и опасности значительны; добыча совершенно ничтожна, потому что уже въ XIII столѣтіи можно было сказать о Палестинѣ:

Вотъ у ногъ Іерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.

Значитъ, для успѣха предпріятія требовалось непремѣнно религіозное воодушевленіе. Напротивъ того, въ альбигойской войнѣ можно было покончить все дѣло безъ дальнѣйшаго подогрѣванія католическихъ сердецъ. Театръ войны лежалъ подъ руками; дорога была отвсюду легкая и открытая; страна, «обреченная мечу и пожарамъ», была богата и привлекательна во всѣхъ отношеніяхъ; значитъ, надо было только найти добрыхъ людей, способныхъ рѣзать, жечь, грабить и безчинствовать. Такихъ людей въ тогдашней Европѣ было слишкомъ достаточно. Эти люди были очень невѣжественны и вслѣдствіе этого, разумѣется, довольно суевѣрны. Когда этимъ людямъ указали на легкую добычу, тогда они кинулись на нее съ величайшимъ удовольствіемъ. Когда же за любезное для нихъ дѣло разбоя и безчинства имъ посулили отпущеніе грѣховъ, тогда, разумѣется, они охотно повѣрили этому обѣщанію и еще усерднѣе принялись за свою работу. Герои альбигойской войны вѣрили всему, что имъ говорили аббаты и монахи, но вѣрили преимущественно потому, что еще не выучились ни въ чемъ сомнѣваться. Стремительная сила религіознаго чувства, воодушевляющаго людей XI вѣка, уже значительно ослабѣла въ XIII столѣтіи. Массы еще ни въ чемъ не сомнѣвались сознательно, но ко многому относились уже очень спокойно и дѣйствовали усердно въ пользу католицизма только тамъ и тогда, гдѣ и когда интересы католицизма совпадали съ ихъ собственными, личными наклонностями и матеріальными выгодами. Мнѣ кажется, что конецъ XI вѣка, именно время Клермонтскаго собора и перваго крестоваго похода, составляетъ верховный пунктъ религіознаго энтузіазма въ католическомъ мірѣ. Послѣ этого начинается довольно быстрое пониженіе. Въ XIII столѣтіи горячій и поэтическій элементъ католическаго фанатизма уже въ значительной степени успѣлъ улетучиться. Дальновидные защитники клерикальныхъ принциповъ начинаютъ тревожиться и суетиться, имъ уже чего-то недостаетъ. Иннокентій III мечется во всѣ стороны, ругается, проклинаетъ, интригуетъ, учреждаетъ ордена нищенствующихъ монаховъ и вообще показываетъ историку своею изумительной дѣятельностью и подвижностью, что вліяніе папства на умы уже требуетъ ремонта и что чувства католиковъ уже нуждаются въ подогрѣваніи.

III.

Ссоры Иннокентія III съ королями французскимъ и англійскимъ показываютъ очень наглядно, что папскія проклятія начинаютъ понижаться въ цѣнѣ. Въ 1193 году французскій король Филиппъ-Августъ, страдая безденежьемъ—хронической и наслѣдственной болѣзнью всѣхъ королевскихъ династій прекрасной Франціи,—предложилъ руку и сердце сестрѣ датскаго короля, Ингеборгѣ, у которой наличныхъ денегъ было очень много. Бракосочетаніе совершилось въ августѣ 1193 года. На другой день послѣ свадьбы, когда новая королева должна была короноваться, супругъ ея объявилъ совершенно неожиданно, что никакъ не можетъ жить съ нею, потому что чувствуетъ къ ней непреодолимое отвращеніе. Къ деньгамъ-же ея Филиппъ чувствовалъ, напротивъ того, непреодолимую нѣжность и потому, разумѣется, никакъ не могъ разстаться съ ними. Поправивъ на нѣкоторое время свои денежныя обстоятельства и озадачивъ Ингеборгу такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Филиппъ весело и спокойно началъ составлять новые планы брачнаго союза, точно будто эпизодъ съ Ингеборгой никогда не существовалъ. Французскіе епископы по приказанію короля объявили его бракъ недѣйствительнымъ и подали Ингеборгѣ добродушный совѣтъ удалиться обратно въ Данію или поселиться въ какомъ-нибудь французскомъ монастырѣ. Ингеборга не соглашалась ни на то, ни на другое, но ея согласія никто не спрашивалъ, и Филиппъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій посадилъ ее въ монастырь, гдѣ съ ней, какъ говоритъ Шлоссеръ, «обходились чрезвычайно дурно».

Тогдашній папа, дряхлый старикъ Целестинъ III, нашелъ всю эту процедуру не совсѣмъ правильной и передалъ это дѣло на разсмотрѣніе собора французскаго духовенства. Но между французскими прелатами нашлось мало охотниковъ ссориться съ Филиппомъ. «Епископы вели себя,— по выраженію одного современнаго писателя,—

какъ нѣмыя собаки, которыя, боясь за свою шкуру, не смѣли лаять» (Шлоссеръ, т. VII, стр. 115). Въ 1196 году Филиппъ, совершенно игнорируя Ингеборгу, продолжавшую сидѣть въ монастырѣ, женился на Маріи-Агнесѣ, дочери герцога Меранскаго, владѣвшаго обширными землями въ Германіи и находившагося въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ Генрихомъ VI. Впродолженіи двухъ лѣтъ ничто не нарушало счастья обоихъ супруговъ. Но Иннокентій III, сдѣлавшись папой, поднялъ всю старую исторію Ингеборги съ самаго начала. Увидѣвъ со стороны Филиппа непобѣдимое упорство, онъ въ 1199 году наложилъ на Францію интердиктъ, то-есть запретилъ французскому духовенству совершать богослуженіе и церковныя требы. Ударъ былъ хорошъ, но коса нашла на камень. Сразившись съ Филиппомъ, Иннокентій встрѣтилъ себѣ такого противника, который не уступалъ ему ни въ энергіи, ни въ изобрѣтательности. Папскій интердиктъ сдѣлался для короля новымъ источникомъ доходовъ. Чуть только какой-нибудь епископъ или аббатъ обнаруживалъ наклонность повиноваться папскому приказанію, Филиппъ тотчасъ отрѣшалъ его отъ должности и бралъ въ казну его имѣніе; такъ-же круто поступалъ онъ и съ баронами, которые, опираясь на папскій указъ, перестали считать короля своимъ сюзереномъ; если какой-нибудь городовой магистратъ держалъ сторону папы, Филиппъ облагалъ городъ огромнымъ налогомъ. Папа принужденъ былъ уступить; онъ призналъ разводъ Филиппа и приказалъ своему легату созвать соборъ французскаго духовенства для того, чтобы придать всему дѣлу наружный видъ благообразія и законности. Но Филиппъ не согласился на этотъ послѣдній компромиссъ. Не обращая никакого вниманія на то, что̀ происходитъ въ соборѣ, онъ взялъ Ингеборгу къ себѣ во дворецъ и сталъ жить открыто съ двумя женами. А Иннокентій въ 1201 году даже призналъ законными обоихъ дѣтей Маріи-Агнесы.

Во всей этой исторіи Филиппъ, какъ частный человѣкъ, поступалъ безсовѣстно, но, какъ политическій дѣятель, онъ держалъ себя превосходно. Папа заступился за оскорбленную и ограбленную женщину. Это очень похвально и великодушно съ его стороны; но *какъ* онъ заступился? Онъ наложилъ интердиктъ на Францію; если-бы его приказаніе было выполнено въ точности, то втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ, на всемъ пространствѣ французской территоріи новорожденныя дѣти оставались-бы некрещенными, женихи и невѣсты—необвѣнчанными, больные умирали-бы безъ исповѣди и причастія и мертвецы зарывались-бы въ землю безъ отпѣванія. Когда папское слово обладало такой силой, которая мгновенно могла парализировать дѣйствія духовенства въ цѣломъ королевствѣ, тогда, разумѣется, жители этого королевства вѣровали горячо и искренно въ непогрѣшимость папы. Стало-быть, когда интердиктъ не былъ пустымъ словомъ, тогда онъ былъ жестокимъ наказаніемъ. А на кого падало это наказаніе? на массу народа, на толпу простодушныхъ бѣдняковъ; и съ особенной тяжестью ложилось оно именно на ревностнѣйшихъ защитниковъ папы, на его лучшихъ друзей, на самыхъ искреннихъ и усердныхъ католиковъ. Чтобы насолить сильному врагу, папа билъ въ самое чувствительное мѣсто своихъ слабыхъ и бѣдныхъ друзей. Интердиктъ клонился всегда къ той цѣли, чтобы возбудить въ государствѣ волненія и посредствомъ этихъ волненій довести провинившагося государя до необходимости покориться волѣ папы. Штука придумана недурно, но посмотрите, что̀ изъ этого выходитъ. Положимъ, что цѣль интердикта достигнута; волненіе произошло; король смирился передъ папой; папа простилъ короля; миръ заключенъ къ обоюдному удовольствію высокихъ особъ; а потомъ что̀? Потомъ, разумѣется, король, успокоивши и обезпечивши себя со стороны духовнаго начальства, принимается очень серьезно и совсѣмъ не ласково за тѣхъ подданныхъ, которые своей непокорностью заставили его смириться передъ папой. Происходитъ въ грандіозныхъ размѣрахъ та сцена изъ «Ревизора», когда городничій, послѣ отъѣзда Хлестакова, бесѣдуетъ съ купцами: «А, самоварники! жаловаться?»—Непріятно было положеніе самоварниковъ, но положеніе возмущавшихся подданныхъ было еще гораздо неудобнѣе. Размѣры всей сцены были грандіозны; начинались пытки, вѣшанія, колесованія, четвертованія. И на кого сыпались всѣ эти непріятности? Именно на самыхъ лучшихъ католиковъ,—на тѣхъ, которые шли безтрепетно на самую опасную борьбу, лишь-бы только избавиться отъ невыносимаго для нихъ интердикта. А папа чего смотрѣлъ? Да папѣ до этого и дѣла никакого не было; до него можетъ-быть и слухи объ этихъ казняхъ не доходили; велика важность, что два-три десятка неспокойныхъ людей отправятся на плаху, на висѣлицу, въ застѣнокъ и на колесо; въ средніе вѣка на подобныя мелочи ни одинъ порядочный человѣкъ не обращалъ никакого вниманія. Да и не могъ-же папа требовать отъ короля, чтобы онъ остановилъ въ своихъ владѣніяхъ правильный ходъ уголовнаго правосудія. Мятежниковъ слѣдуетъ наказывать, и церковь можетъ только напутствовать ихъ своими молитвами. Вотъ настоящее значеніе того механизма, который назывался интердиктомъ и который не разъ пускался въ ходъ съ самымъ полнымъ успѣхомъ въ цвѣтущія времена клерикальнаго абсолютизма.

Теперь не трудно будетъ понять, почему я замѣтилъ выше, что Филиппъ-Августъ дѣйствовалъ, въ ссорѣ своей съ папой, какъ превосходный политическій дѣятель. Папа по обыкновенію смотрѣлъ на массу народа, какъ на средство, какъ на chair à canon, какъ на подножіе своего

святительскаго престола. Ему не было дѣла до того, что народъ будетъ страдать отъ прекращенія богослуженія, что онъ будетъ волноваться и что за эти волненія его будутъ бить и разорять. Такъ оно и должно быть, думалъ папа; народъ на то и созданъ, чтобы держать на своихъ плечахъ все бремя моего могущества. Въ мирное время онъ долженъ давать мнѣ свои деньги, въ военное время—свою кровь. Безъ этого и папой быть не стоитъ, да и невозможно. Но Филиппъ-Августъ поставилъ вопросъ иначе. Ты, святой отецъ, думалъ онъ, на кого сердишься? На меня? Прекрасно. За что̀? За то, что я на двухъ женахъ женатъ? Превосходно. Вотъ ты и ухитрись наказать меня, именно меня, преступнаго двоеженца. Попробуй достать меня, если руки не коротки. А французовъ моихъ не трогай. Они тутъ ни при чемъ. Имъ отъ моихъ двухъ бракосочетаній не досталось ни денегъ, ни удовольствій. А кто вздумаетъ исполнять твое глупое приказаніе и тиранить моихъ подданныхъ, отказывая имъ въ томъ, что̀ для нихъ составляетъ глубочайшую потребность, съ тѣмъ я съумѣю распорядиться по-своему. Умъ и твердость Филиппа сдѣлали то, что грозный интердиктъ остался для Франціи мертвой буквой. Не было ни безтолковыхъ волненій, ни безплодныхъ казней.

Глубокій и роковой трагизмъ того положенія, въ которомъ уже съ XIII вѣка находилась римская теократія, заключается именно въ томъ, что самыя энергическія мѣры, предпринимаемыя для возвышенія и укрѣпленія папскаго авторитета, обращались неизбѣжно во вредъ тому дряхлѣющему принципу, который они должны были поддерживать. Разумѣется, папство въ XIII вѣкѣ было еще очень сильно, но оно уже не могло ни подниматься кверху, ни даже остановиться на той высотѣ, которую оно занимало. Оно неизбѣжно должно было спускаться внизъ, и никакія усилія даровитыхъ личностей, подобныхъ Иннокентію III, могущественныхъ корпорацій, подобныхъ монашескимъ орденамъ, и спеціальныхъ учрежденій, подобныхъ инквизиціи, не могли остановить этого необходимаго паденія. Чего-чего только не придумывалъ Иннокентій и все шло совсѣмъ не туда и не такъ, куда и какъ слѣдовало бы идти по его клерикальнымъ соображеніямъ. Поднялъ крестовый походъ—вышелъ европейскій скандалъ, крестоносцы осрамились; ѣхали они въ Палестину, а пріѣхали въ Константинополь. Вступился за угнетенную женщину, захотѣлъ постращать безсовѣстнаго супруга,—вышла ничтожнѣйшая демонстрація, отъ которой потомъ самому пришлось отказываться. Супругъ попрежнему остался безсовѣстнымъ, и папѣ пришлось поотрять двоеженство, признавая законность дѣтей, родившихся отъ второй жены при жизни первой. Наступали тяжелыя времена.

IV.

Тенденціи XIII вѣка воплотились съ особенной силой въ личности и дѣятельности германскаго императора Фридриха II, того самаго Фридриха, который въ дѣтствѣ своемъ, будучи королемъ сицилійскимъ, находился подъ опекой Иннокентія III. — Фридрихъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ передовымъ человѣкомъ своего времени. Но, произнося о немъ такое сужденіе, мы должны твердо помнить, что передовые люди XIII вѣка нисколько не похожи на передовыхъ людей XIX столѣтія. Въ наше время передовой человѣкъ долженъ быть непремѣнно умнымъ, честнымъ и гуманнымъ человѣкомъ; онъ долженъ работать всѣми своими силами на пользу своихъ согражданъ и современниковъ, долженъ любить свою полезную дѣятельность больше всего на свѣтѣ и долженъ понимать совершенно сознательно, къ чему клонятся всѣ его труды и пожертвованія. Но въ XIII вѣкѣ *такихъ* передовыхъ людей не было и не могло быть. А были *другіе* передовые люди, и самымъ крупнымъ изъ этихъ другихъ, какъ по положенію, такъ и по личнымъ талантамъ, былъ императоръ Фридрихъ II.

Сильный умъ составляетъ необходимое условіе для всѣхъ передовыхъ людей, къ какому бы вѣку они ни принадлежали. Передовые люди отличаются отъ массы своихъ современниковъ именно тѣмъ, что прямѣе, смѣлѣе и сознательнѣе ихъ ставятъ и рѣшаютъ общіе вопросы, вытекающіе изъ данныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Гдѣ масса бредетъ ощупью, робѣя и спотыкаясь на каждомъ шагу, тамъ передовой человѣкъ идетъ твердой и развязной походкой. Для такой твердости и развязности очевидно необходима природная сила ума, укрѣпленная возможно лучшимъ образованіемъ. Но честность, гуманность, сознательное стремленіе къ общей пользѣ, разныя другія хорошія качества, перечисленныя мною выше, вовсе не составляютъ *во всякое время* необходимыхъ аттрибутовъ передового человѣка. Напротивъ того, бываютъ такія историческія эпохи, когда эти качества именно въ передовомъ человѣкѣ совершенно невозможны и немыслимы. Бываютъ такія эпохи, когда передовые люди, то есть умнѣйшіе, неизбѣжно дѣлаются безчестными, жестокими и своекорыстными личностями. Отсталые же люди въ это самое время могутъ блистать самыми трогательными и возвышенными добродѣтелями. XIII вѣкъ представляетъ намъ одну изъ такихъ трагическихъ эпохъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости моего замѣчанія, стоитъ только сравнить передового человѣка Фридриха II съ отсталымъ человѣкомъ Людовикомъ IX. У перваго безсовѣстность была возведена въ принципъ, второй никогда въ жизни не измѣнялъ данному слову. Еслибы Фридрихъ II и Людовикъ IX оба были живы теперь, то, разумѣется, я-бы вамъ сказалъ: держите ухо востро съ первымъ и смѣло довѣряйте второму

ваши деньги, вашу честь, вашу сестру, жену или дочь, словомъ—все, что хотите. Но вѣдь достовѣрно извѣстно, что оба они скончались; поэтому и разсуждать о нихъ слѣдуетъ совсѣмъ не такъ, какъ мы разсуждаемъ о живыхъ людяхъ, способныхъ насъ обокрасть, зарѣзать или ошельмовать. Когда мы становимся на всемірно-историческую точку зрѣнія, то есть когда мы задаемъ себѣ вопросъ: какимъ путемъ шло человѣчество къ своему теперешнему положенію?—тогда всѣ отдаленныя личности, Фридрихи, Людовики, Иннокентіи, Колумбы, Лютеры, Гуттенберги, становятся для насъ отвлеченными величинами. Встрѣчаясь съ какимъ-нибудь собственнымъ именемъ, мы прежде всего задаемъ ему вопросъ: ты что́ такое? Ты—плюсъ или минусъ? То-есть, другими словами: куда ты толкалъ людей — впередъ или назадъ? А *чѣмъ* толкалъ — добродѣтелями или пороками, умомъ или глупостью, дѣятельностью или праздностью? — Это вопросы, которые мы задаемъ себѣ не для того, чтобы хвалить или порицать толкавшую личность, а для того, чтобы изучить въ подробностяхъ самый механизмъ толканія. Поэтому, встрѣчаясь съ Фридрихомъ II, мы говоримъ: это—плюсъ; это—передовой человѣкъ, который шибко толкалъ людей впередъ. А чѣмъ толкалъ?—Умомъ и безсовѣстностью. Встрѣчаясь съ Людовикомъ IX, мы говоримъ: это — минусъ; это — отсталый человѣкъ; онъ упорно тянулъ людей назадъ. А чѣмъ?—Тупоуміемъ.

Спрашивается теперь, почему-же въ политическомъ мірѣ XIII вѣка умъ и добросовѣстность взаимно исключали другъ друга? То есть почему передовой политическій дѣятель того времени и настоящій двигатель общечеловѣческаго прогресса никакъ не могъ быть честнымъ человѣкомъ? А вотъ видите ли: бываютъ въ исторіи эпохи органическія и эпохи критическія, или, другими словами, эпохи положительныя и эпохи отрицательныя. Во время эпохъ органическихъ или положительныхъ система вѣрованій, идей и бытовыхъ формъ складывается, растетъ и укрѣпляется. Во время эпохъ критическихъ или отрицательныхъ готовая система дряхлѣетъ и разрушается. Въ XII вѣкѣ закончилась органическая эпоха католицизма. Съ XIII вѣка уже ясно начинается для него критическая эпоха. Въ IX, въ X и въ XI вѣкѣ умнѣйшіе европейцы были еще искренними католиками. Умнѣйшіе европейцы XIII вѣка оказываются уже индифферентистами и скептиками. И еслибы въ умахъ тогдашнихъ европейцевъ не совершился этотъ поворотъ, то на земномъ шарѣ до настоящей минуты не было бы ни желѣзныхъ дорогъ, ни электрическихъ телеграфовъ, ни телескопа, ни микроскопа, ни химіи, ни физіологіи, ни медицины. Папская власть систематически давила бы всѣ зародыши научнаго изслѣдованія. Всякому же извѣстенъ тотъ фактъ, что римская инквизиція осудила Галилея за астрономическія открытія, и что въ училищахъ Церковной Области будутъ отрицать движеніе земли до тѣхъ поръ, пока Викторъ-Эммануилъ или его преемники не овладѣютъ Римомъ. Стало быть, кто дорожитъ пріобрѣтеніями европейской науки и произведеніями европейской промышленности, тотъ долженъ сказать прямо, что индифферентизмъ къ папскому принципу XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ былъ безусловно необходимъ для нашего теперешняго благосостоянія. Но индифферентистъ очевидно не можетъ обладать тѣми симпатичными качествами характера, которыми отличается мечтатель и энтузіастъ. Но само собой разумѣется, чистый типъ энтузіаста, какъ и все чистое, бываетъ во всякое время чрезвычайно рѣдокъ. Въ эпохи похвальнаго энтузіазма обыкновенный человѣкъ всегда бываетъ только *немножко* энтузіастомъ, и это *немножко* плаваетъ въ его натурѣ на значительномъ количествѣ поздревскихъ, чичиковскихъ, плюшкинскихъ или какихъ-нибудь другихъ помоевъ такого же высокаго достоинства. Эти пѣгіе энтузіасты, разумѣется, любятъ другъ друга немножко, а грызутъ другъ друга много, потому что поступки ихъ опредѣляются преимущественно ихъ личной грязью, а не общимъ ихъ воодушевленіемъ. Если хотите взглянуть на чистаго энтузіаста, возьмите Людовика IX. Чище его вы не найдете, да и врядъ-ли найдете другого такого человѣка между политическими дѣятелями католическаго міра. Но этотъ поборникъ папскаго принципа могъ развернуть свои силы съ пользой для человѣчества въ VI или въ VII вѣкѣ, а никакъ не въ XIII. Ему надо было жить во времена Григорія I и дѣйствовать заодно съ миссіонеромъ Бонифаціемъ, обращавшимъ въ христіанство прирейнскихъ германцевъ и погибшимъ смертью мученика въ землѣ дикихъ фризовъ. При такихъ условіяхъ Людовикъ былъ бы передовымъ и полезнымъ человѣкомъ, потому что во времена миссіонера Бонифація историческая задача, стоявшая на очереди, заключалась въ томъ, чтобы связать единствомъ какой-нибудь высшей идеи разрозненныя племена европейскихъ дикарей. Но въ XIII вѣкѣ стояла на очереди совсѣмъ другая историческая задача. Надо было во что бы то ни стало поколебать силу папства. А кто могъ въ то время сражаться съ папствомъ и одерживать надъ нимъ побѣды? Разумѣется, не теоретики, не ученые, не мыслители. На всѣ аргументы этихъ людей папство отвѣчало бы тѣми неопровержимыми доводами, которыми оно побѣдило вольнодумцевъ южной Франціи. Мудрено аргументировать противъ такого принципа, который отстаиваетъ свою неприкосновенность огнемъ и желѣзомъ. Бороться съ папствомъ могли въ XIII вѣкѣ только тѣ люди, которые сами держали въ рукахъ огонь и желѣзо.

Но какія побудительныя причины должны бы-

ля вовлечь свѣтскую власть въ борьбу съ папствомъ? За какую-нибудь идею свѣтская власть бороться не могла; энтузіазма невозможно ожидать отъ ея представителей. Въ XIII столѣтіи не зарождались еще идеи сознательнаго человѣколюбія и безконечнаго прогресса XVIII вѣка. Столкновеніе между папствомъ и свѣтской властью могло произойти только изъ-за личныхъ, узкихъ и мелкихъ интересовъ. Деньги и господство — вотъ яблоко раздора между клерикалами и феодалами. Властолюбіе и корыстолюбіе—вотъ двигатели важнѣйшихъ историческихъ событій, поколебавшихъ зданіе папства. Вѣровать въ непогрѣшимость папы умные политики XIII вѣка уже не могли; любить людей и работать для общаго блага они еще не умѣли. Стало-быть, имъ оставалось только жить по возможности въ свое личное удовольствіе, копить или тратить награбленныя деньги, вести опустошительныя войны и безсовѣстныя интриги единственно для того, чтобы наслаждаться ощущеніемъ собственнаго могущества, физическаго и умственнаго. И чѣмъ умнѣе былъ политическій дѣятель того времени, тѣмъ безграничнѣе была его безсовѣстность. А выработать себѣ новыя идеи онъ все-таки былъ не въ состояніи, какъ-бы ни былъ онъ геніаленъ. Въ той жизни, которая его окружала, не было еще никакихъ матеріаловъ для выработки этихъ новыхъ идей. И поэтому для умнаго политика XIII вѣка существовало только одно нравственное правило: не зѣвай, то есть умѣй всегда, какими бы то ни было средствами, устраивать такъ, чтобы матеріальная сила была на твоей сторонѣ. Такими передовыми людьми XIII столѣтіе было очень богато; и такіе люди, похожіе на хищныхъ звѣрей, опасные для союзниковъ и для враговъ, оказали своей дѣятельностью незамѣнимую услугу развитію европейскаго ума. Ихъ дрянныя страсти, ихъ полнѣйшая безсовѣстность, ихъ неукротимая энергія и ихъ изворотливый умъ, взятые вмѣстѣ и соединенные притомъ съ матеріальной силой, сдѣлали ихъ такими опасными бойцами, противъ которыхъ никакъ не могло устоять папское могущество, еслибы оно рѣшилось держать въ отношеніи къ нимъ строгооборонительную тактику. А когда дрянныя страсти властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ политиковъ расшатали папское зданіе, тогда явилась для европейцевъ возможность наблюдать, размышлять, учиться, дѣлать открытія и распространять знанія въ обществѣ.

Теперь мы можемъ обратиться къ біографіи Фридриха II, умнѣйшаго и безсовѣстнѣйшаго изъ передовыхъ людей XIII вѣка. Это — Филиппъ-Августъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ.

V.

Сицилійское королевство Фридриха II, лежавшее по обѣ стороны Мессинскаго пролива, было самымъ промышленнымъ, самымъ богатымъ и самымъ образованнымъ государствомъ тогдашней Европы. Сицилія и южная Италія были наполнены арабами и евреями; какъ и вездѣ, эти двѣ народности, отличаясь трудолюбіемъ, предпріимчивостью и смышленостью, дали сильнѣйшій толчокъ экономическому и умственному развитію страны. Земледѣліе, фабричная промышленность и торговля Сицилійскаго королевства находились въ цвѣтущемъ состояніи. Умственная жизнь страны сосредоточивалась въ трехъ знаменитыхъ училищахъ, привлекавшихъ въ предѣлы государства тысячи любознательныхъ иностранцевъ. Въ Салерно славилась школа медицины и естественныхъ наукъ; преподавателями были арабы и евреи; благодаря ихъ усиліямъ, скептическая философія арабовъ, отрѣшившихся въ то время отъ поклоненія корану, пускала корни въ умы разноплеменныхъ слушателей, которые потомъ распространяли тѣ-же идеи во всѣхъ концахъ католической Европы. Другая школа, въ Амальфи, формировала юристовъ, смотрѣвшихъ на государственныя учрежденія совсѣмъ не такъ, какъ того желали клерикалы. Эти средневѣковые законовѣды во всѣхъ столкновеніяхъ церкви съ свѣтской властью поддерживали послѣднюю всѣми правдами и неправдами утонченной юридической діалектики. Тутъ безсовѣстность облекалась всегда въ приличныя и величественныя формы. Третья школа, въ Неаполѣ, была также посвящена правовѣдѣнію.

Роскошный климатъ Сициліи и блестящая обстановка богатаго двора развили въ молодомъ Фридрихѣ наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Сдѣлавшись королемъ на третьемъ году жизни и выросши безъ отца и безъ матери среди придворныхъ льстецовъ, онъ остался до самой смерти страстнымъ и непреклоннымъ властолюбцемъ. Получивши блестящее образованіе, онъ смотрѣлъ на поэзію, на искусства и на науки очень благосклонно, какъ на хорошее средство украшать и разнообразить жизнь различныхъ меценатовъ, подобныхъ ему самому. Онъ любилъ держать при своемъ дворѣ мыслителей и поэтовъ; онъ даже самъ въ свободныя минуты занимался риѳмоплетствомъ вмѣстѣ съ своимъ канцлеромъ и другомъ, Петромъ а-Винеисъ. Арабы, евреи, поэты, мыслители, придворные, все, что окружало молодого Фридриха, все было насквозь пропитано скептицизмомъ, не слишкомъ глубокимъ, но очень заразительнымъ. Двусмысленныя распоряженія королевскаго опекуна, Иннокентія III, запускавшаго безъ церемоніи свою клерикальную лапу въ сундуки сицилійскаго казначейства, давали ежедневно новую пищу остроумію дворцовыхъ скептиковъ, и Фридрихъ, рано начавшій тяготиться непрошенной и убыточной опекой, по всей вѣроятности слушалъ съ удовольствіемъ и поощрялъ насмѣшки своихъ приближенныхъ надъ политикой римскаго іерарха. Такимъ образомъ вырабатывался изъ

даровитаго мальчика, сидѣвшаго на сицилійскомъ престолѣ,—образованный эпикуреецъ, суровый властитель и совершенный космополитъ въ дѣлѣ религіи. Фридриху нравились обычаи магометанъ: онъ любилъ носить ихъ костюмъ; онъ держалъ въ своемъ дворцѣ роскошный гаремъ, составленный большей частью изъ магометанокъ; онъ находился въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ магометанскими государями Европы, Азіи и Африки; онъ обмѣнивался съ ними подарками и пользовался ихъ уваженіемъ; но къ ученію корана онъ относился равнодушно, насмѣшливо и даже презрительно. При его дворѣ жили сыновья знаменитаго арабскаго ученаго Аверроэса, открыто смѣявшагося надъ Магометомъ. «Однѣ свиньи, — говорилъ Аверроэсъ, — могутъ считать ученіе этого человѣка разумнымъ, единственно потому, что Магометъ принялъ свиней подъ свое покровительство, запретивъ людямъ употреблять въ пищу свиное мясо».—Фридрихъ рано возмужалъ: ему было всего пятнадцать лѣтъ, когда у него родился первый законный сынъ, Генрихъ; незаконныя дѣти рождались быть-можетъ еще раньше. Двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1215 году, онъ принялъ въ Ахенѣ корону германскаго короля и вслѣдствіе этого три года воевалъ съ императоромъ Оттономъ IV. Война эта кончилась смертью Оттона, въ 1218 году. Фридрихъ два раза обманулъ папу, чтобы привлечь его на свою сторону. Во-первыхъ, онъ обѣщалъ ему, что сицилійская корона никогда не будетъ соединена съ германской. Сицилію онъ обязался отдать своему старшему сыну Генриху, отказываясь за него отъ всякихъ притязаній на Германію и на императорскую корону. Поступилъ же онъ какъ разъ наоборотъ. Онъ оставилъ за собой и Сицилію, и Германію и сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы имперскіе князья выбрали Генриха его преемникомъ. Онъ вполнѣ достигъ своей цѣли и тогда написалъ къ папѣ, что государственные чины выбрали его сына безъ его вѣдома. Къ счастью для Фридриха, папой былъ уже не Иннокентій, а Гонорій III, котораго не трудно было успокоивать выдумками и обѣщаніями. Вторая уловка Фридриха состояла въ томъ, что онъ при своемъ коронованіи далъ торжественную клятву отправиться въ крестовый походъ. Ему, отъявленному скептику и другу магометанъ, было, разумѣется, очень смѣшно говорить торжественно о религіозной войнѣ и о благочестивой ненависти къ невѣрнымъ. Однако онъ выдержалъ свою роль превосходно, повторилъ обѣщаніе въ Римѣ, принимая изъ рукъ папы въ 1220 году императорскую корону, и втеченіи тринадцати лѣтъ (1215—1228) морочилъ всю Европу, показывая видъ, будто дѣлаетъ колоссальныя приготовленія для завоеванія Палестины.

Благонамѣренная маска крестоносца была полезна для Фридриха въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она задобрила папу въ то время, когда Оттонъ былъ еще живъ и когда Фридрихъ еще не былъ императоромъ, а во-вторыхъ, она втеченіи многихъ лѣтъ давала Фридриху возможность вооружаться и собирать вокругъ себя рыцарей, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ тѣхъ людяхъ, противъ которыхъ вооруженное рыцарство должно было направиться. Вся политика Фридриха клонилась преимущественно къ одной главной цѣли: ему хотѣлось, во что бы то ни стало, стереть съ лица земли федерацію ломбардскихъ городовъ и утвердить навсегда императорскую власть въ сѣверной Италіи. Не трудно понять, почему ломбардскіе города сосредоточивали на себѣ все вниманіе Фридриха. Независимая федерація этихъ городовъ разрѣзывала пополамъ его владѣнія; сверхъ того только эта федерація, державшая въ своихъ рукахъ ключи альпійскихъ проходовъ, могла сколько-нибудь обезпечить самостоятельность папы. Еслибы Фридриху, господствовавшему въ Германіи и владѣвшему южной Италіей, удалось завоевать Ломбардію, то папа мгновенно превратился-бы въ императорскаго чиновника. Возобновились-бы тогда времена Карла Великаго и Оттоновъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ, папы временъ Фридриха II поддерживали постоянно самый тѣсный союзъ съ ломбардской демократіей; за нападеніе на эти города папа всегда гнѣвался, бранился и мстилъ, какъ за личное оскорбленіе. Занимаясь интригами и мелкими войнами въ сѣверной Италіи, путешествуя постоянно изъ Германіи въ Сицилію и обратно, Фридрихъ въ то же время нѣсколько разъ распускалъ слухи, что въ такой-то день, въ такомъ-то приморскомъ городѣ онъ непремѣнно сядетъ на корабль и поплыветъ въ Палестину. Кораблей у него, какъ у короля сицилійскаго, всегда была достаточно, и онъ дѣйствительно держалъ ихъ наготовѣ, такъ что слухи оказывались чрезвычайно правдоподобными. Имъ вѣрили и папа, и европейскіе государи, и тѣ благочестивые авантюристы, которые стремились загладить свои прегрѣшенія войной съ невѣрными.

Въ 1217 году въ Палестину отправилось многочисленное и чрезвычайно разноплеменное крестоносное воинство, подъ начальствомъ многихъ отдѣльныхъ вождей. Не сдѣлавъ ничего путнаго въ Палестинѣ, многіе изъ этихъ крестоносцевъ вернулись домой, другіе отправились воевать въ Египетъ. Фридрихъ въ это время по своему обыкновенію дѣлалъ видъ, что собирается выступить въ походъ противъ невѣрныхъ. При этомъ онъ постоянно поддерживалъ тайныя дипломатическія сношенія съ магометанскими государями. Разумѣется, походъ его не состоялся, и онъ жестоко повредилъ успѣху всего предпріятія именно тѣмъ, что обѣщалъ принять въ немъ участіе и обнаруживалъ притворную готовность исполнить свое обѣщаніе. Крестоносцы, отправившіеся въ

Египетъ, ожидали его со дня на день и въ этихъ безплодныхъ ожиданіяхъ провели цѣлый годъ; когда же они наконецъ рѣшились дѣйствовать безъ Фридриха, то благопріятная минута оказалась упущенной; магометане, успѣвши уладить свои домашнія дѣла, встрѣтили христіанъ съ такимъ единодушіемъ, что весь крестовый походъ кончился мирнымъ договоромъ, по которому крестоносцы получили позволеніе уйти изъ Египта по-добру, по-здорову. Фридрихъ отъ души смѣялся со своими приближенными надъ неудачнымъ исходомъ священной войны и для поддержанія своей благочестивой роли отправилъ къ берегамъ Египта сорокъ галеръ тогда, когда эти галеры не могли принести крестоносцамъ ни малѣйшей пользы. Разумѣется, эти галеры прогулялись по Средиземному морю и вернулись назадъ, а Фридрихъ сталъ писать къ папѣ раздирательныя письма о бѣдственномъ положеніи святой земли, обмѣниваясь въ то же время дружескими комплиментами съ египетскимъ султаномъ. Въ 1223 году Фридрихъ повидался съ папой, наговорилъ ему несмѣтное множество хорошихъ словъ, показалъ себя усерднѣйшимъ изъ крестоносцевъ и взялъ себѣ только двухлѣтнюю отсрочку, доказывая неопровержимо, что такая отсрочка должна непремѣнно обезпечить успѣхъ всего предпріятія. Для большей убѣдительности Фридрихъ тогда же обручился съ Іолантой, дочерью іерусалимскаго короля, Іоанна Бріенскаго. Прошло два года, и Фридрихъ, разумѣется, не тронулся съ мѣста. Но чтобы еще разъ показать свое крестоносное усердіе, онъ въ 1225 году женился на Іолантѣ или, «правильнѣе, — какъ говоритъ Шлоссеръ, — взялъ ее въ свой гаремъ, къ другимъ женамъ». Совершивъ такой великій подвигъ, Фридрихъ почувствовалъ необходимость отдохнуть и потребовалъ себѣ отъ папы новую двухлѣтнюю отсрочку, объявивъ торжественно, что если и черезъ два года онъ не разгромитъ магометанъ, то пусть отлучаютъ его отъ церкви. Женившись на Іолантѣ, Фридрихъ принялъ титулъ и пріобрѣлъ права іерусалимскаго короля; «права же эти, — по словамъ Шлоссера, — были ему полезны тѣмъ, что давали возможность еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, усиливать флотъ и войско на суммы, жертвуемыя благочестивыми людьми для религіозныхъ цѣлей». Желая показать, что онъ смотритъ серьезно на свой новый титулъ, Фридрихъ послалъ въ Палестину епископа амальфійскаго съ порученіемъ принять отъ іерусалимскихъ бароновъ присягу. — Наступилъ новый срокъ, торжественно назначенный самимъ Фридрихомъ. Нѣсколько тысячъ крестоносцевъ собралось къ этому времени въ южной Италіи; другіе отправились впередъ въ Палестину. Разумѣется, всѣ эти ожиданія оказались совершенно напрасными; крестоносцамъ пришлось разъѣхаться по домамъ, но большая часть изъ нихъ умерла въ Апуліи отъ жаркаго климата. Осенью 1227 года преемникъ папы Гонорія III, Григорій IX, произнесъ надъ Фридрихомъ отлученіе отъ церкви.

Еслибы Фридрихъ просто уклонялся отъ крестоваго похода, то папа врядъ ли рѣшился бы на такую энергическую мѣру. Отсрочка слѣдовала бы за отсрочкой, и дѣло понемногу заглохло бы само собой. Но Фридрихъ въ послѣднее время слишкомъ усердно хлопоталъ о завоеваніи Ломбардіи, и тогда папа изъ чувства самосохраненія принужденъ былъ пустить въ ходъ противъ предпріимчиваго императора всю тяжелую артиллерію папскихъ ругательствъ и проклятій. Къ сожалѣнію Фридриха было очень мудрено запугать какимъ бы то ни было оружіемъ, свѣтскимъ или духовнымъ. На проклятія папы онъ отвѣчалъ рѣзкими манифестами. Въ то же время онъ такъ успѣшно велъ противъ папы сложныя и запутанныя интриги, что въ пасху 1228 года римскій народъ выгналъ папу изъ Рима. И въ это же самое время онъ доказывалъ въ своихъ циркулярахъ, что онъ—покорный сынъ церкви и угнетенная невинность, а папа—жестокосердый тиранъ, терзающій и проклинающій, по своимъ личнымъ разсчетамъ, самыхъ усердныхъ защитниковъ католицизма. И циркуляры были написаны такъ убѣдительно, факты были подобраны и освѣщены такъ искусно, что Европа поневолѣ изумлялась и вѣрила. Осенью 1228 года Европѣ пришлось изумиться особенно сильно: Фридрихъ поѣхалъ въ Палестину по приглашенію египетскаго султана Камеля и пріобрѣлъ отъ него Іерусалимъ и другія святыя мѣста, не проливши ни одной капли крови. Дѣло въ томъ, что Камель искалъ себѣ въ Фридрихѣ надежнаго союзника противъ своихъ единовѣрцевъ и ближайшихъ родственниковъ. Камель, подобно Фридриху, держался того правила, что въ государственныхъ дѣлахъ слѣдуетъ руководствоваться не религіознымъ чувствомъ, а политическимъ разсчетомъ. Весной 1229 года, заключивъ съ Камелемъ мирный договоръ, Фридрихъ вступилъ въ Іерусалимъ, самъ надѣлъ на себя корону въ церкви святого гроба и вслѣдъ затѣмъ возвратился въ Европу. Въ это время папа навербовалъ себѣ солдатъ и опустошалъ южную Италію, пользуясь отсутствіемъ Фридриха. Тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Европу Фридрихъ разогналъ шайки бандитовъ и немедленно заявилъ всѣмъ правительствамъ католическаго міра, что папа ограбилъ его владѣнія въ то время, когда онъ, Фридрихъ, совершалъ въ Палестинѣ богоугодныя дѣла. Папа, съ своей стороны, старался доказать, что эти дѣла совсѣмъ не богоугодныя, и что Фридрихъ заключилъ въ Палестинѣ союзъ съ дьяволомъ, то-есть съ Камелемъ; но общественное мнѣніе Европы рѣшительно склонилось на сторону императора, и Григорій IX въ 1230 году принужденъ былъ снять съ него отлученіе отъ церкви.

VI.

Въ 1231 году Фридрихъ обнародовалъ для своего Сицилійскаго королевства новый сводъ законовъ, составленный его канцлеромъ, Петромъ а-Винсисъ. Чтобы господствовать въ Германіи, чтобы раздавить ломбардскую федерацію, чтобы окончательно смирить папу, Фридриху необходимо было располагать постоянно огромными суммами денегъ. Поэтому финансы составляли центръ всей системы его управленія. Онъ вмѣстѣ съ своимъ канцлеромъ старался разрѣшить слѣдующую политическую задачу: брать съ подданныхъ какъ можно больше денегъ, но такъ, чтобы самые источники государственныхъ доходовъ не истощались, то-есть чтобы основной капиталъ народа не уменьшался. Для этого очевидно надо было устроить такъ, чтобы по возможности всѣ деньги, собираемыя съ народа, поступали въ государственное казначейство и чтобы какъ можно меньше народныхъ денегъ уходило въ карманы частныхъ лицъ и корпорацій; кромѣ того надо было по возможности устранить все то, что̀ мѣшало народу трудиться, промышлять, торговать и совершенствоваться въ различныхъ отрасляхъ ремесленной, фабричной, художественной и научной дѣятельности.

Фридрихъ II и его канцлеръ поняли свою задачу именно такимъ образомъ: оба они смотрѣли на Сицилійское королевство такъ, какъ дѣльные хозяева смотрятъ на доходныя имѣнія. Народъ былъ для нихъ оброчной статьей, но по крайней мѣрѣ оба они, какъ люди очень умные, понимали довольно вѣрно тѣ условія, при которыхъ эта оброчная статья можетъ постоянно приносить значительные доходы. Этого правильнаго пониманія было совершенно достаточно для того, чтобы поставить законодательство и администрацію Фридриха неизмѣримо выше всей теоріи и практики его современниковъ. Въ новомъ кодексѣ было много постановленій, ограждавшихъ права короля и народа отъ неумѣренныхъ притязаній духовенства; евреямъ и магометанамъ предоставлялась полная религіозная свобода; церковныя помѣстья облагались податью наравнѣ съ другими землями; духовныя лица должны были подчиняться гражданскимъ законамъ наравнѣ со всѣми остальными подданными; всѣмъ сицилійцамъ запрещалось продавать или дарить родовыя имѣнія церквамъ, монастырямъ и монастырскимъ рыцарскимъ орденамъ. Ордаліи, то-есть различныя судебныя испытанія водой, желѣзомъ, огнемъ, совершенно отмѣнялись; судебный поединокъ допускался только въ очень немногихъ случаяхъ; говоря о судебныхъ поединкахъ, кодексъ Фридриха открыто выражаетъ ту мысль, очень смѣлую для XIII вѣка, что побѣда зависитъ отъ силы и ловкости бойца, а не отъ правоты его дѣла. «Свидѣтельствуя объ обширномъ, независимомъ умѣ Фридриха,—говоритъ Шлоссеръ, — этотъ кодексъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ, что въ Италіи общественная жизнь въ то время была болѣе развита, чѣмъ гдѣ-либо; это видно между прочимъ изъ того, что Фридрихъ счелъ нужнымъ опредѣлить, какую часть съ цѣнности предмета процесса имѣлъ право адвокатъ требовать отъ кліента. Слѣдовательно, юридическая защита въ судахъ уже была тогда необходима. То же самое доказывается и постановленіями о медицинской полиціи: въ нихъ точно опредѣлялись обязанности врача, плата за посѣщеніе больныхъ, и все, касающееся аптекъ; а отъ всякаго, желающаго практиковать, медика требовался строгій экзаменъ и указывалось, какъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія.»

Медицинская школа, находившаяся въ Салерно, пользовалась постояннымъ покровительствомъ Фридриха; ученые могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ, не боясь ежеминутно, что ихъ обвинятъ въ безбожіи или въ колдовствѣ. Изъ ненависти къ верхне-итальянскимъ городамъ Фридрихъ основалъ въ Неаполѣ превосходный университетъ. Студентамъ неаполитанскаго университета были предоставлены такія права и привилегіи, какими никогда и нигдѣ еще не пользовались средневѣковые студенты. Фридрихъ довелъ свою внимательность къ учащейся молодежи до такихъ неслыханныхъ размѣровъ, что особымъ эдиктомъ гарантировалъ иностранцамъ, желавшимъ учиться въ Неаполѣ, безопасность дороги, дешевизну жизни и полную свободу во время всего пребыванія ихъ въ предѣлахъ Сицилійскаго королевства. Въ этомъ эдиктѣ были даже публикованы цѣны квартиръ и объявлялось кромѣ того, что правительство заботится о кредитѣ для учащихся и о хорошемъ качествѣ помѣщеній. Еслибы Фридрихъ издавалъ такіе необыкновенные эдикты изъ безкорыстной любви къ просвѣщенію, то его смѣло можно было бы поставить рядомъ съ Элоизой, родившей на свѣтъ сына и не нашедшей для него лучшаго имени, какъ Астролябія. Покровительствовать просвѣщенію — дѣло прекрасное; но когда правитель обширнаго государства публикуетъ въ своихъ эдиктахъ цѣны студенческихъ квартиръ и гарантируетъ своевластно кредитъ для учащихся юношей, тогда очевидно любовь къ наукѣ превращается у этого правителя въ мономанію, которая можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для всѣхъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства. Но ясный, глубокій и холодный умъ Фридриха былъ совершенно обезпеченъ противъ всякой мономаніи. Необыкновенный эдиктъ о квартирахъ и о кредитѣ былъ вызванъ не любовью императора къ наукѣ и къ студентамъ, а его враждебными отношеніями къ городамъ верхней Италіи, и преимущественно къ Болоньѣ, которая была богата и сильна, единственно благодаря своему знаменитому университету, привлекавшему ежегодно болѣе двѣнадцати тысячъ иностранцевъ. Этихъ иностранцевъ

Фридриху желательно было перетянуть въ Неаполь для того, чтобы купцы, ремесленники и домохозяева Болоньи остались на бобахъ и заскрежетали зубами.

Разоряя обывателей города Болоньи, новый неаполитанскій университетъ кромѣ того солилъ также самымъ чувствительнымъ образомъ всегдашнему благопріятелю Фридриха, папѣ. Болонскій университетъ находился подъ покровительствомъ папы и, проводя въ своемъ преподаваніи теократическія тенденціи, распространялъ клерикальныя идеи по всей католической Европѣ, посредствомъ тѣхъ двѣнадцати тысячъ иностранцевъ, которые ежегодно упивались болонской премудростью. Въ Неаполѣ же любознательнымъ иностранцамъ предлагалась вмѣстѣ съ кредитомъ и дешевыми квартирами премудрость совсѣмъ другого сорта. Въ неаполитанскомъ университетѣ господствовала философія Аристотеля въ совершенно неискаженномъ видѣ. Многія важнѣйшія каѳедры были заняты арабами и евреями; скептическое направленіе преподаванія нисколько не считалось предосудительнымъ; при такихъ условіяхъ рьяный католицизмъ былъ очевидно немыслимъ. По приказанію Фридриха, ученые неаполитанскаго университета въ первый разъ перевели всѣ сочиненія Аристотеля прямо съ греческаго языка на латинскій; до того времени Европа знала Аристотеля только по переводамъ, сдѣланнымъ изъ вторыхъ рукъ, съ арабскихъ переводовъ. Новый, настоящій Аристотель быстро распространился по всѣмъ тогдашнимъ университетамъ; клерикалы, и во главѣ ихъ самъ папа, старались остановить это умственное движеніе. Григорій IX въ 1231 году запретилъ католикамъ читать сочиненія Аристотеля о философіи природы до тѣхъ поръ, пока эти книги не будутъ исправлены и очищены учеными богословами. Запрещеніе это ни къ чему не повело; Аристотель остался неочищеннымъ, и студенты всѣхъ націй продолжали читать его съ неимовѣрной жадностью.

Всматриваясь въ такіе факты, какъ основаніе неаполитанскаго университета и переводъ Аристотеля, мы поневолѣ должны изумляться дальновидности Фридриха II. Этотъ властолюбивый эпикуреецъ, невѣрившій въ безсмертіе души и презиравшій судъ исторіи, умѣлъ однако, подобно всѣмъ геніальнымъ людямъ, смотрѣть впередъ, въ далекое будущее, и, независимо отъ своей собственной воли, по непосредственной геніальности своего ума, выбиралъ противъ своихъ враговъ такія средства, которыя подрывали ихъ могущество въ основномъ принципѣ и которыя дѣйствовали на многія поколѣнія, дѣйствовали тогда, когда уже и самъ Фридрихъ, и всѣ его личные враги давнымъ давно лежали въ могилахъ.

VII.

Установивъ на прочныхъ основаніяхъ внутреннее управленіе Сицилійскаго королевства, Фридрихъ II съ 1236 года сосредоточилъ все свое вниманіе на покореніи Ломбардіи. Ломбардцы защищались отчаянно. Къ нимъ примкнули морскія державы Италіи: Генуя и Венеція. Папа старался сперва урезонить властолюбиваго императора, но Фридрихъ попросилъ его разъ навсегда не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Тогда папа, вовсе не желая исполнить эту нескромную просьбу, открыто присоединился къ союзу верхне-итальянскихъ городовъ и въ 1239 году снова отлучилъ отъ церкви своего стариннаго врага. Съ этой минуты до самой смерти Фридриха, то-есть до 1250 года, борьба его съ папствомъ уже не прекращалась. Воюющія стороны осыпали другъ друга проклятіями, ругательствами и публичными обвиненіями. Фридрихъ писалъ ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что папа —воръ, пьяница и развратникъ. Григорій IX объявилъ съ своей стороны, что императоръ — негодяй, еретикъ и безбожникъ, невѣрующій въ Христа и осмѣивающій таинства религіи.—«Недостойный намѣстникъ Христа,—писалъ Фридрихъ,—сидитъ въ своемъ дворцѣ, какъ купецъ въ лавкѣ, и за золото продаетъ отпущеніе грѣховъ, пишетъ и подписываетъ векселя и пересчитываетъ деньги. Онъ только потому и преслѣдуетъ меня своей ненавистью, что я не согласился женить на его племянницѣ моего побочнаго сына Энціо, теперешняго короля Сардиніи... Среди церкви,—продолжаетъ онъ,—возсѣдаетъ бѣснующійся кудесникъ, человѣкъ лжи, святитель, оскверненный преступленіями и развратомъ... Онъ пьяница, и хмельной, называетъ себя повелителемъ неба и земли».—Григорій, разумѣется, не оставался въ долгу и отвѣчалъ блистательными ругательствами на обличительное краснорѣчіе Фридриха.—«Изъ волнъ морскихъ—возвѣщаетъ папа—вышелъ звѣрь, на которомъ написано крупными буквами его имя: «богохульство».—Оказывается, что этотъ звѣрь не что иное, какъ самъ Фридрихъ II.—«Онъ (то-есть звѣрь или Фридрихъ) утверждаетъ ложно, что я взбѣшенъ по поводу несостоявшагося брака между моей племянницей и его побочнымъ сыномъ. Онъ лжетъ еще болѣе безсовѣстнымъ образомъ, утверждая, что я продалъ мою вѣру ломбардцамъ».

Доминиканцы, бывшіе постоянно самыми твердыми защитниками папства, неутомимо проповѣдывали противъ Фридриха въ самыхъ низшихъ слояхъ европейскаго народонаселенія; любимой темой ихъ проповѣдей были извѣстныя сношенія Фридриха съ магометанскими правителями; при этомъ не забывались, разумѣется, и тѣ права, которыми пользовались въ Сицилійскомъ королевствѣ евреи и арабы. Изъ всѣхъ этихъ неопровержимыхъ и совершенно достовѣрныхъ фактовъ усердные монахи выводили то очень натянутое заключеніе, что Фридрихъ со-

вершенно отказался отъ христіанства и старается истребить его оружіемъ, учеными сочиненіями и дерзкими насмѣшками. Для большей убѣдительности и для красоты слога проповѣдники приписывали Фридриху разныя нелѣпыя кощунства, которыхъ, разумѣется, никогда не позволилъ бы себѣ при постороннихъ свидѣтеляхъ умный и осторожный правитель, особенно если принять въ соображеніе, что этому правителю было уже слишкомъ сорокъ лѣтъ, и что онъ съ самой ранней молодости выучился владѣть собой и обманывать всю Европу своимъ лицемѣріемъ. Ходили, правда, какіе-то темные слухи о какой-то таинственной книгѣ, говорили, что эта книга наполнена дерзкими выходками противъ христіанства и что ее написалъ самъ Фридрихъ или по крайней мѣрѣ его канцлеръ, Петръ а-Винсисъ; но книга эта до насъ не дошла; извѣстія о ней чрезвычайно отрывочны и смутны; ссылаются на эту книгу злѣйшіе враги Фридриха II; а на самомъ дѣлѣ очень трудно повѣрить тому, чтобы серьезные государственные люди, заваленные разнообразнѣйшими заботами по всѣмъ отраслямъ законодательства, дипломатіи, судопроизводства, финансовой и гражданской администраціи, вздумали сочинять нелѣпый памфлетъ, отъ котораго они не могли ожидать себѣ ничего, кромѣ хлопотъ и непріятностей. Всего правдоподобнѣе, что вся эта книга есть чистый миѳъ, созданный епископами и монахами Сицилійскаго королевства. Само-собой разумѣется, что всѣ клерикалы южной Италіи и Сициліи были озлоблены до глубины души законодательной и административной дѣятельностью Фридриха, которому постоянно помогалъ его канцлеръ. Выразиться въ вооруженномъ возстаніи это озлобленіе не могло, потому что Фридрихъ былъ очень бдителенъ и поступалъ очень круто съ нарушителями общественнаго спокойствія. Значитъ, надо было мстить осторожно, посредствомъ клеветы; а клевету всего удобнѣе было направить противъ той стороны въ личности Фридриха и его канцлера, которая дѣйствительно вызывала въ народѣ толки и сомнѣнія. Императоръ ведетъ дружбу съ невѣрными—чего-же лучше? Сейчасъ можно прицѣпить къ этому обстоятельству обвиненіе въ отступничествѣ, въ безбожіи, въ насмѣшкѣ надъ святыней. И, разумѣется, не зачѣмъ было останавливаться на неопредѣленныхъ толкахъ; можно было сочинить цѣлые разсказы съ именами дѣйствующихъ лицъ, съ указаніемъ мѣста и времени, съ приведеніемъ фантастическихъ заглавій, принадлежащихъ несуществующимъ сочиненіямъ.

Въ то время, когда Фридрихъ, отлученный отъ церкви, ругался съ папой передъ лицомъ всей католической Европы, въ то время, когда доминиканцы громили его въ своихъ проповѣдяхъ,—францисканцы стояли за него горой и распространяли въ народѣ разные слухи, невыгодные для папства. Генералъ францисканскаго ордена, Илія, непосредственный преемникъ святого Франциска, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха. Этотъ глубокій раздоръ клерикаловъ между собой показываетъ особенно наглядно ветхость католицизма. Если можно было оставаться католикомъ, монахомъ и проповѣдникомъ, поддерживать заклятыхъ враговъ папы, людей, отлученныхъ отъ церкви и обвиненныхъ въ безбожіи, то очевидно католицизмъ переставалъ быть дѣломъ искренняго убѣжденія и превращался въ мертвую массу условныхъ формальностей даже для тѣхъ людей, которые по своему оффиціальному положенію были обязаны проводить и поддерживать словомъ и примѣромъ католическія идеи. Впрочемъ Фридрихъ съ своей стороны старался по возможности, разными подвигами благочестія, облегчать трудную задачу услужливыхъ францисканцевъ, взявшихъ на себя его защиту. Чтобы доказать католической Европѣ, что онъ не совсѣмъ пропащій человѣкъ и что лютые доминиканцы взводятъ на него чистѣйшую напраслину, Фридрихъ преслѣдовалъ, пыталъ и сжигалъ въ верхней Италіи тѣхъ самыхъ еретиковъ, которыхъ папа со временъ альбигойской войны безпощадно истреблялъ въ южной Франціи. Но Григорій IX ни за что не хотѣлъ уступить Фридриху въ двуличности. Григорій принялъ итальянскихъ еретиковъ подъ свое покровительство и сталъ проклинать Фридриха за его жестокость въ то самое время, когда папскіе легаты и доминиканскіе инквизиторы продолжали свирѣпствовать противъ еретиковъ южной Франціи. Одинъ мучилъ и казнилъ такихъ людей, которыхъ онъ очевидно считалъ совершенно невинными; а другой изъ ненависти къ первому оплакивалъ этихъ несчастныхъ, которыхъ онъ самъ въ другое время охотно изжарилъ бы на медленномъ огнѣ. И оба усерднѣйшимъ образомъ выводили другъ друга на свѣжую воду; оба вмѣстѣ всевозможными средствами старались убѣдить Европу въ томъ, что папа и императоръ рѣшительно никуда не годятся. Мудрено ли, что Европа, прислушиваясь къ ихъ скандальнымъ словамъ и присматриваясь къ ихъ безсовѣстнымъ поступкамъ, понемногу начала терять довѣріе, какъ въ папство, такъ и въ священную римскую имперію.

Взаимно истребляя другъ друга, папство и священная римская имперія оказали Европѣ незабвенную услугу, тѣмъ болѣе важную, что ея не могла оказать никакая третья, посторонняя сила. Освобожденіе европейской мысли могло возникнуть только изъ роковой ошибки двухъ величайшихъ авторитетовъ. Жизнь Фридриха II наполнена самыми черными преступленіями; всѣ мрачныя стороны его неукротимой личности выдвинулись впередъ и обрисовались особенно рельефно во время его послѣдней, продолжительной,

ожесточенной и совершенно безуспѣшной борьбы съ городами верхней Италіи. Раздраженный непобѣдимымъ сопротивленіемъ свободныхъ итальянцевъ, непреклонный деспотъ превратился въ отчаяннаго игрока, для котораго исчезли всякія соображенія, не относящіяся къ начатой игрѣ. Монголы угрожали Германіи съ Востока, неаполитанцы и сицилійцы роптали противъ невыносимыхъ налоговъ, уходившихъ на военные расходы, ломбардцы просили мира и предлагали выгодныя условія, но Фридрихъ, какъ страстный игрокъ, не обращалъ вниманія ни на что. Онъ требовалъ безусловной покорности и, приводя своихъ враговъ въ отчаяніе неумѣренностью этого требованія, продолжалъ безпощадную и безплодную войну, разорялъ своихъ подданныхъ, разорялъ своихъ враговъ и позволялъ монголамъ опустошать Венгрію и тревожить восточныя области Германской имперіи. И между тѣмъ этотъ безсовѣстнѣйшій человѣкъ, не отступавшій ни передъ грабежемъ, ни передъ насиліемъ, ни передъ юридическимъ убійствомъ, до такой степени соотвѣтствовалъ требованіямъ своего вѣка и своего народа, что народъ долго любилъ и помнилъ его энергическую личность. Нѣмцы воспѣли и прославили въ немъ именно ту черту его дѣятельности, что онъ не давалъ простыхъ людей въ обиду духовенству. Фридрихъ тотчасъ послѣ своей смерти сдѣлался героемъ народныхъ легендъ, и этотъ легендарный образъ, очищенный фантазіей отъ всякой грязной примѣси, надѣлалъ много хлопотъ одному изъ лучшихъ преемниковъ Фридриха, Рудольфу Габсбургскому.

«Какъ ни благодѣтельно было управленіе Рудольфа,—говоритъ Шлоссеръ,—но память о Гогенштауфенахъ жила еще въ народѣ. Было даже повѣрье, что Фридрихъ II воскреснетъ и преобразуетъ испорченную религію; вслѣдствіе того въ Германіи появилось множество самозванцевъ. Изъ 20 или 30 подобныхъ людей одинъ пріобрѣлъ такое значеніе, что Рудольфъ долженъ былъ лично выступить противъ него, но и тутъ онъ дѣйствовалъ съ обычнымъ хладнокровіемъ, умомъ и умѣренностью. Этотъ самозванецъ, Тиле Колунъ или Деревянный Башмакъ, былъ простой крестьянинъ изъ окрестностей Кельна, но съумѣлъ такъ повести дѣло, что привлекъ къ себѣ все населеніе отъ Кельна до Майнца и даже многихъ рыцарей. Ему охотно вѣрили вслѣдствіе общаго ожесточенія противъ духовенства и потому, что были еще живы многіе солдаты Фридриха, обогатившіеся въ итальянскихъ походахъ. Рудольфъ долженъ былъ приступить къ Майнцу, гдѣ находился Тиле, но жители отказались его выдать, такъ что императору пришлось начать осаду. Желая кончить дѣло мирнымъ путемъ, онъ послалъ въ городъ бургграфа Нюренбергскаго и графа фонъ-Катцелленбогена, которые доказали народу, во возрасту Тиле, что онъ не можетъ быть Фридрихомъ II. Тогда Тиле бѣжалъ въ Веттерау и попалъ въ плѣнъ; его осудили за чародѣйство и сожгли, но предварительно имперскій маршалъ выгналъ изъ него волшебную силу».

Такимъ образомъ уже во второй половинѣ XIII вѣка нѣмецкій народъ размышлялъ или, вѣрнѣе, мечталъ о преобразованіи испорченной религіи. И трудъ этого преобразованія онъ поручалъ въ своихъ мечтахъ не какому-нибудь святому отшельнику, а, напротивъ того, знаменитому государственному человѣку и отъявленному врагу папы.

VIII.

Доминиканцы были постоянно самыми надежными орудіями клерикальнаго деспотизма, но орденъ францисканцевъ вскорѣ послѣ своего основанія примкнулъ къ врагамъ папства и даже заразился еретическими доктринами, чрезвычайно опасными для римской теократіи. Въ концѣ XII вѣка была написана какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ странная книга, носившая названіе «вѣчнаго евангелія». Эта книга произвела на своихъ первыхъ читателей такое сильное впечатлѣніе, что о ней тотчасъ составилась легенда. Стали разсказывать, что подлинникъ этого сочиненія, написанный на мѣдныхъ доскахъ, былъ принесенъ съ неба ангеломъ и врученъ священнику Кириллу, который передалъ его аббату Іоахиму. Этотъ Іоахимъ былъ извѣстенъ въ католическомъ мірѣ безукоризненной чистотой своей жизни и глубокой искренностью своего благочестія; когда онъ былъ живъ, его считали угодникомъ божьимъ и пророкомъ; послѣ его смерти римская церковь причислила его къ лику своихъ святыхъ. Ясно, стало-быть, что имя Іоахима пользовалось между клерикалами сильнымъ авторитетомъ. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ его смерти книга «вѣчное евангеліе» стала распростаняться въ монастыряхъ францисканскаго ордена; къ этой книгѣ было уже въ это время придѣлано введеніе, объяснявшее ея смыслъ и написанное Іоанномъ Пармскимъ, генераломъ францисканцевъ. Въ этомъ введеніи Іоаннъ доказывалъ, что угодникъ и пророкъ Іоахимъ, проникнувшись идеями «вѣчнаго евангелія», считалъ дѣло римской церкви совершенно оконченнымъ и предсказалъ ей неизбѣжное паденіе. Далѣе, введеніе Іоанна раскрывало значеніе мистическихъ образовъ, наполнявшихъ эту таинственную книгу, и давало имъ такія толкованія, которыя никакъ не могли понравиться папству. Іоаннъ говорилъ, что божественный Промыслъ ведетъ человѣчество черезъ различныя эпохи или періоды; во время ветхозавѣтнаго или еврейскаго періода міръ находился подъ непосредственнымъ господствомъ Бога-Отца; во время христіанскаго періода надъ міромъ господствовалъ Богъ-Сынъ; теперь же, говоритъ онъ, наступаетъ царство Бога-Духа Святого. Въ этомъ новомъ

царствѣ вѣра перестанетъ быть необходимой, потому что все будетъ совершаться по законамъ разума и мудрости. Эти законы заключаются, по его словамъ, въ «вѣчномъ евангеліи», которое должно замѣнить собой новый завѣтъ, подобно тому, какъ новый завѣтъ сталъ на мѣсто ветхаго завѣта.

Папа Александръ IV проклялъ еретическую книгу и сталъ преслѣдовать ея адептовъ. Доминиканцы, облеченные инквизиторской властью, съ особеннымъ удовольствіемъ принялись ловить, пытать и жечь своихъ соперниковъ, францисканцевъ. Много еретиковъ, называвшихъ себя *спиритуалистами*, и много экземпляровъ опасной книги погибло отъ руки палача. Гоненіе произвело свое обыкновенное дѣйствіе. Броженіе умовъ усиливалось и число фанатиковъ, готовыхъ терпѣть мученіе и смерть за «новое ученіе», стало быстро увеличиваться. Въ орденѣ францисканцевъ произошло странное раздвоеніе: нѣкоторые монастыри измѣнили обѣту нищенства и втянулись въ роскошь; другіе продолжали вести воздержный и суровый образъ жизни, заставляя своихъ монаховъ ходить по городамъ и селамъ, питаться подаяніемъ и постоянно говорить проповѣди простому народу. Эти нищіе проповѣдники, настоящіе духовные дѣти святого Франциска, могли сильно дѣйствовать на умъ и чувство простыхъ людей; но именно эти суровые ненавистники всякой роскоши заразились до мозга костей идеями «новаго ученія». Они проповѣдывали неутомимо, но для папства было бы гораздо лучше, если бы они не говорили ни слова. Ихъ проповѣди только усиливали и осмысливали то негодованіе, съ которымъ простые люди давно уже смотрѣли на эпикурейскую жизнь епископовъ, аббатовъ и монаховъ.

Въ концѣ XIII вѣка одинъ изъ обожателей «вѣчнаго евангелія» написалъ истолкованіе апокалипсиса и раздѣлилъ въ этомъ сочиненіи христіанскую эпоху на семь отдѣльныхъ періодовъ: первый—проповѣдь апостоловъ; второй—страданія мучениковъ; третій—борьба съ еретиками; четвертый—подвиги отшельниковъ; пятый—господство монастырской системы; шестой—низверженіе антихриста; седьмой — наступленіе блаженнаго тысячелѣтія (Millenium). Авторъ истолкованія утверждалъ, что его современники живутъ въ шестомъ періодѣ, что настало время низвергнуть антихриста и что подъ этимъ послѣднимъ именемъ слѣдуетъ подразумѣвать папу. Римскую церковь онъ называлъ блудницей, облеченной въ пурпуръ; онъ говорилъ, что вся ея іерархія сдѣлалась излишней и ни на что негодной, что ихъ дѣло сдѣлано и что «ихъ приговоръ запечатанъ послѣдней печатью». Идеи этого писателя были подхвачены на лету тысячами нищенствующихъ монаховъ и пробрались съ ужасающей быстротой въ низшіе слои европейскаго народонаселенія. Францисканскіе фанатики проповѣдывали публично, что духовенство развращено, что папа—антихристъ и человѣкъ грѣха, что церковныя таинства потеряли свою спасительную силу, что пришла пора покаяться и начать новую жизнь. У нѣкоторыхъ францисканскихъ общинъ оппозиція противъ господствующей церкви дошла даже до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что онѣ поставили своего патрона, Франциска, выше самого Спасителя.

Все это совершалось за двѣсти лѣтъ до Лютера. Въ это тревожное и зазорное время, въ самомъ концѣ XIII и въ самомъ началѣ XIV вѣка, на папскомъ престолѣ сидѣлъ страстный и взбалмошный человѣкъ, Бонифацій VIII, усердный, но неудавшійся подражатель Григорія VII и Иннокентія III. Притязанія Бонифація были безгранично широки; онъ говорилъ съ королями католической Европы тономъ полновластнаго диктатора; но зато, кромѣ властолюбія и корыстолюбія, у этого задорнаго папы не было никакихъ политическихъ дарованій; перевѣсъ матеріальной, денежной и даже умственной силы былъ на сторонѣ его противниковъ; Бонифацій умѣлъ только раздражать своихъ враговъ ругательствами и проклятіями; никто изъ нихъ не чувствовалъ къ нему ни страха, ни уваженія; смѣшная безтактность его диктаторскихъ замашекъ втянула его въ жестокую борьбу съ свѣтской властью, которая, собравши вокругъ себя всѣхъ многочисленныхъ противниковъ папства, воспользовалась этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нанести смертельный ударъ теократическому принципу римской клерикальной политики. Послѣ Бонифація папство стало превращаться въ блестящій анахронизмъ, опасный только для скромныхъ кабинетныхъ мыслителей и совершенно безвредный для политическихъ дѣятелей.

Главнымъ противникомъ и счастливымъ побѣдителемъ неосторожнаго Бонифація былъ французскій король, Филиппъ IV Красивый, одинъ изъ крупныхъ представителей того типа, съ которымъ я познакомилъ моихъ читателей въ характеристикѣ императора Фридриха II. Споръ между двумя властями возникъ, разумѣется, изъ-за денегъ. Обѣ стороны съ одинаковымъ усердіемъ старались молотить рожь на обухѣ. Филиппъ чеканилъ фальшивую монету, ограбилъ всѣхъ евреевъ своего королевства и наконецъ подъѣхалъ съ самыми хищными намѣреніями къ имуществамъ церквей и монастырей, неплатившихъ никакихъ податей. Бонифацій, съ своей стороны, торговалъ епископскими должностями и кардинальскими шапками, отбиралъ деньги у нищенствующихъ монаховъ, доказывая имъ очень убѣдительно, что они должны нищенствовать, а не богатѣть,—и наконецъ придумалъ устроить въ 1300 году юбилейный

годъ, то-есть объявилъ, что всѣ люди, желающіе получить полное отпущеніе грѣховъ, должны втеченіи этого года побывать въ Римѣ на богомольѣ.

Само-собой разумѣется, что два виртуоза, подобные Филиппу и Бонифацію, непремѣнно должны были столкнуться между собой на тернистомъ пути систематическаго обиранія. Бонифацій не умѣлъ уступать и не понималъ необходимости дѣйствовать осторожно; а Филиппъ видѣлъ, что ему выгодно унизить папу и что ему не зачѣмъ съ нимъ церемониться. Передъ глазами Филиппа находился очень поучительный примѣръ: его современникъ и ближайшій сосѣдъ, англійскій король Эдуардъ I, безъ всякаго шума и кровопролитія, принудилъ свое духовенство нести часть государственныхъ повинностей. Англійскіе епископы и аббаты долго отказывались платить подати, но Эдуардъ приказалъ судьямъ всего королевства выслушивать всѣ жалобы, поступающія въ суды противъ духовенства, и въ то же время отвергать безъ разбора всѣ жалобы, подаваемыя самими духовными. «Кто не платитъ налоговъ,—говорилъ Эдуардъ,—тотъ не имѣетъ права пользоваться покровительствомъ законовъ». При такомъ порядкѣ вещей англійскимъ епископамъ и аббатамъ пришлось такъ жутко, что они очень скоро покорились и согласились платить подати наравнѣ со свѣтскими землевладѣльцами. Этотъ примѣръ былъ очень соблазнителенъ для Филиппа, тѣмъ болѣе, что у него также находились подъ руками опытные юристы, готовые по первому его приказанію рѣшить въ ту или другую сторону, съ соблюденіемъ всѣхъ тончайшихъ приличій, самые запутанные вопросы гражданскаго, уголовнаго, каноническаго, государственнаго и всякаго другого, естественнаго или неестественнаго права. Въ 1226 году Бонифацій издалъ буллу «Clericis laicos», въ которой онъ запрещалъ духовенству платить подати свѣтской власти. Въ отвѣтъ на эту буллу Филиппъ запретилъ вывозить изъ Франціи драгоцѣнные металлы, оружіе и лошадей. Вслѣдствіе этого Бонифацій потерялъ значительную часть своихъ доходовъ; кромѣ того всѣ итальянскіе купцы начали кричать, что папа своими глупыми выдумками подрываетъ ихъ торговлю. Бонифацій попробовалъ запугать Филиппа новой буллой, еще болѣе рѣзкой, но Филиппъ въ своихъ манифестахъ заговорилъ объ изнѣженности духовенства и высказалъ такъ много горькихъ истинъ, что папа смягчился и началъ извиняться, говоря, что буллы его совсѣмъ не относятся къ Франціи. Полемика между королемъ и папой прекратилась, но Бонифацій долго помнилъ данный ему урокъ. Въ 1301 году, поссорившись съ Филиппомъ изъ-за одного епископа, онъ объявилъ въ буллѣ «Ausculta fili», что папѣ принадлежитъ верховный судъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Филиппъ, окруженный умными, учеными, хитрыми и опытными совѣтниками изъ юристовъ, тотчасъ съумѣлъ дать своей новой ссорѣ съ Бонифаціемъ такой характеръ, что она превратилась въ дѣло всего французскаго народа. Король сказалъ, что, защищая по своей обязанности національную независимость и честь Франціи, онъ отвергаетъ торжественно всѣ беззаконныя притязанія римскаго первосвященника. Папская булла была публично сожжена въ Парижѣ. Вслѣдъ затѣмъ Филиппъ созвалъ депутатовъ дворянства, духовенства и городовъ, и въ этомъ собраніи государственныхъ чиновъ (états généraux), несмотря на робкую оппозицію клерикаловъ, требованія Бонифація были объявлены совершенно безразсудными. Бонифацій издавалъ новыя буллы, созывалъ въ Римѣ соборы, ругалъ и проклиналъ короля и его совѣтниковъ, наконецъ отлучилъ Филиппа отъ церкви; но всѣ эти рѣзкія мѣры не наносили ни малѣйшаго вреда никому, кромѣ самого папы. Общественное мнѣніе Франціи было обработано такъ ловко, съ одной стороны учеными юристами, съ другой стороны нищенствующими монахами, ругавшими богатое духовенство на всѣхъ перекресткахъ, что весь народъ смотрѣлъ на своего корыстолюбиваго короля, какъ на естественнаго защитника французской чести и самостоятельности.

Понимая свою силу, юристы Филиппа быстро перешли изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Въ 1303 году совѣтники короля, и во главѣ ихъ Вильгельмъ Ногаре, доказали новому собранію государственныхъ чиновъ, что Бонифацій VIII незаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ папскую тіару, что онъ торгуетъ церковными должностями, предается распутству, не вѣруетъ въ Бога, отрицаетъ безсмертіе души, глумится надъ величайшими таинствами религіи. Въ этомъ обвиненіи, какъ и во всѣхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ, несомнѣнныя истины были перемѣшаны съ нелѣпѣйшими выдумками. Взведя на Бонифація всѣ преступленія, когда-либо совершенныя на земномъ шарѣ, усердные обвинители пришли къ тому заключенію, что такого отъявленнаго негодяя слѣдуетъ низложить, арестовать и предать суду вселенскаго собора. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ обвинителей, и въ томъ же 1303 году Филиппъ, не желая болѣе тратить время на безплодныя перебранки, отправилъ Вильгельма Ногаре въ Италію съ большими денежными суммами и векселями. Ловкій агентъ французскаго короля соединился съ римской фамиліей Колонны, которая уже давно старалась погубить Бонифація. Нанявши толпу вооруженныхъ людей, искусные и смѣлые союзники захватили папу въ плѣнъ, и при этомъ случаѣ французскій чиновникъ Вильгельмъ Ногаре далъ преемнику Григорія VII и Иннокентія III ту

знаменитую пощечину, которая на вѣчныя времена записана въ исторіи. Бонифацій умеръ въ томъ же 1303 году, такъ что судъ надъ нимъ не состоялся.

Слѣдующій папа, Бенедиктъ IX, прожилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, а преемникъ Бенедикта, французъ Бертранъ, архіепископъ бордосскій, принявшій имя Климента V, сдѣлался папой по милости Филиппа Красиваго и оставался подъ его вліяніемъ втеченіи всей своей жизни. По требованію Филиппа онъ перенесъ свою резиденцію изъ Рима въ южную Францію, въ городъ Авиньонъ. Вмѣстѣ съ Филиппомъ онъ засудилъ и ограбилъ богатыхъ тампліеровъ. Самый орденъ тампліеровъ былъ уничтоженъ, имѣнія его раздѣлены между папой и королемъ, а рыцари, обвиненные во многихъ чрезвычайно неправдоподобныхъ и грязныхъ преступленіяхъ, были измучены тюремнымъ заключеніемъ и пытками, а потомъ, какъ водится, сожжены. Въ Авиньонѣ папы жили весело и роскошно почти семьдесятъ лѣтъ. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія ихъ вавилонское плѣненіе окончилось; Григорій XI воротился въ Римъ, но величіе и нравственное могущество папства оказались невозвратными. На папскія проклятія почти никто уже не обращалъ вниманія: миланскій герцогъ Варнава Висконти, получивъ папскую буллу, отлучавшую его отъ церкви, заставилъ кардиналовъ, вручившихъ ему это грозное посланіе, съѣсть цѣликомъ весь пергаментъ, на которомъ оно было написано, вмѣстѣ съ свинцовой печатью и съ шелковымъ снуркомъ. Въ Англіи уже проповѣдывали въ это время ученый мыслитель Виклефъ и неукротимый фанатикъ Джонъ Булль. Одинъ дѣйствовалъ на высшіе классы общества, другой волновалъ народныя массы; оба съ одинаковой силой возставали противъ злоупотребленій римской іерархіи, осуждали роскошь духовенства и старались возстановить чистоту и простоту первобытнаго христіанства. Идеи Виклефа перелетѣли на материкъ; въ Богеміи заговорилъ, въ началѣ XV вѣка, неустрашимый проповѣдникъ Іоаннъ Гуссъ. Въ то время, когда старое зданіе католицизма трещало и разваливалось повсемѣстно, кардиналы ухитрились выбрать двухъ папъ, которые начали ругать и проклинать другъ друга. Соборъ, созванный кардиналами въ Пизѣ, низложилъ обоихъ папъ и выбралъ третьяго. Но низложенные папы не признавали компетентности собора; на его приговоры они отвѣчали проклятіями, и такимъ образомъ, къ изумленію всѣхъ католиковъ, сохранившихъ еще средневѣковую наивность міросозерцанія, оказалось разомъ три папы, и взаимная брань дошла до послѣднихъ предѣловъ неприличія.

Въ 1416 году Констанцскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ императора Сигизмунда, положилъ конецъ этимъ безпорядкамъ и, для возстановленія древняго благочестія, осудилъ Іоанна Гусса на смертную казнь, несмотря на охранную грамоту, данную ему тѣмъ же самымъ Сигизмундомъ. Гуссъ сгорѣлъ на кострѣ, но цѣль осталась недостигнутой, древнее благочестіе не возстановилось, и въ половинѣ XV вѣка ученый и умный католикъ, Эней Сильвій, говоритъ съ холоднымъ отчаяньемъ: «вѣра умерла; католическій міръ превратился въ тѣло безъ головы, въ республику, не имѣющую ни правительства, ни законовъ. Папа и императоръ могутъ блистать величіемъ своихъ титуловъ и пышностью своихъ костюмовъ; но они не въ силахъ повелѣвать, и никто не расположенъ имъ повиноваться». Начинается новая жизнь. Европейская мысль старается заявить свою самостоятельность и полноправность по всѣмъ отраслямъ научной и практической дѣятельности. Корабль Колумба причаливаетъ къ берегамъ новаго міра. Телескопъ Галилея открываетъ тысячи невиданныхъ звѣздъ. Типографскій станокъ создаетъ на развалинахъ римской духовной власти небывалую общественную силу. Тяжелый средневѣковой кризисъ оканчивается блистательнымъ выздоровленіемъ.

IX.

Въ XIII столѣтіи блаженный Рихальмъ, аббатъ шентальскаго монастыря, написалъ очень любопытное изслѣдованіе «о козняхъ и коварствахъ демоновъ противъ людей». Книга Рихальма была выпущена въ свѣтъ послѣ смерти автора и разошлась во многихъ спискахъ по тогдашнимъ монастырямъ. Издатель этой книги—монахъ, которому Рихальмъ диктовалъ результаты своихъ наблюденій — зналъ хорошо умственныя потребности своихъ будущихъ читателей и умѣлъ оцѣнить высокія достоинства издаваемаго сочиненія. «Это очень печальное обстоятельство, — говоритъ издатель въ предисловіи къ труду Рихальма, — что мы не знаемъ ничего или знаемъ такъ мало подробностей о продѣлкахъ нашихъ невидимыхъ враговъ. Я хочу теперь обнародовать открытія аббата, который занимался втеченіи всей своей жизни наблюденіями надъ демонами, который ихъ видѣлъ и слышалъ, который зналъ всѣ ихъ ухищренія».

Аббатъ Рихальмъ занимался своимъ дѣломъ, какъ добросовѣстный ученый изслѣдователь, и умѣлъ съ замѣчательной ясностью передавать свои наблюденія читателямъ. «Думаютъ вообще, — пишетъ онъ, — что каждый человѣкъ искушается и терзается демономъ. Это—грубое заблужденіе. Вообразите себѣ, что вы погружены въ воду совсѣмъ съ головой. Вода давитъ васъ сверху, давитъ снизу, давитъ справа и слѣва: вотъ наглядное изображеніе зловредныхъ духовъ, которые окружаютъ и смущаютъ васъ со всѣхъ сторонъ; они безчисленны, какъ пы-

линки, носящіяся въ солнечномъ лучѣ, и даже еще безчисленнѣе; воздухъ—не что иное, какъ туча демоновъ». — «Человѣкъ,—продолжаетъ нашъ изслѣдователь,—не можетъ ни говорить, ни думать, ни дѣйствовать безъ того, чтобы его не искушали черти. Они привязаны къ намъ такъ тѣсно, что почти отождествляются съ нами; ихъ тѣло простирается надъ нашимъ тѣломъ, оно впитывается въ наше тѣло, оно сливается съ нашимъ тѣломъ; вотъ почему они говорятъ нашими устами и дѣйствуютъ нашими членами». Послѣ этого ясно, что самыя простыя отправленія нашей физической жизни оказываются продуктами дьявольскаго коварства. Такъ напримѣръ, кашель есть «голосъ одного демона, призывающаго къ себѣ на помощь своихъ товарищей». Высказавъ эту новую истину, Рихальмъ самъ дивится своему открытію. «Кто-бы могъ это подумать!» восклицаетъ онъ. Почтенный аббатъ боится даже, что читатели примутъ его не за дурака, а за чародѣя. Само собой разумѣется, что всѣ мельчайшія проявленія зла составляютъ проказы неутомимыхъ чертей. «Укушенія блохъ и вшей,—говоритъ аббатъ, — производятся демонами. Еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ прежде такую штуку, я бы назвалъ его полоумнымъ; но теперь я знаю это навѣрное по моему собственному долголѣтнему опыту». Черти искушаютъ и тиранятъ всѣхъ людей; но по своему неисчерпаемому коварству они привязываются съ особеннымъ ожесточеніемъ къ тѣмъ избраннымъ личностямъ католическаго міра, которыя стремятся достигнуть нравственнаго совершенства. Разумѣется, монахи терпятъ отъ демоновъ больше, чѣмъ міряне. Въ монастыряхъ ухищреніямъ дьявольскимъ нѣтъ числа. Ночью демоны мѣшаютъ спать монахамъ для того, чтобы монахи спали днемъ, когда надо работать или молиться. Когда монастырскій колоколъ призываютъ монаховъ въ церковь, тогда всѣ черти поднимаютъ величайшую возню и тревогу; всѣ черти собираются въ кучу, и самые ретивые подзадориваютъ лѣнивыхъ и вялыхъ. «Что вы, дармоѣды, здѣсь дѣлаете? зачѣмъ вы не идете въ церковь? Бѣгите, торопитесь, не мѣшкайте!» Тогда они врываются въ капеллу вслѣдъ за монахами, и цѣлая армія бѣсовъ бросается тотчасъ въ глаза аббату, такъ что тотъ поневолѣ смыкаетъ отяжелѣвшія вѣки. Въ это время другіе лиходѣи создаютъ искусственный мракъ, и бѣдный аббатъ уносится въ царство сновидѣній. А когда спитъ аббатъ, тогда ужъ о простыхъ монахахъ нечего и спрашивать: вся церковь наполняется ихъ храпѣніемъ, и бѣсы торжествуютъ побѣду.

Рихальмъ много разъ испыталъ на самомъ себѣ, что черти терпѣть не могутъ душеспасительныхъ книгъ; какъ только Рихальмъ принимался за душеспасительное чтеніе, черти тотчасъ заставляли его зѣвать и нагоняли на него глубокій сонъ; но Рихальмъ, какъ человѣкъ опытный, умѣлъ обороняться противъ ихъ коварства искусственными мѣрами; онъ обнажалъ свою руку, чтобы холодъ отгонялъ отъ него сонъ; тогда черти производили въ этой рукѣ невыносимый зудъ, подобный укушенію многихъ блохъ; Рихальмъ убиралъ руку подъ рясу; рука согрѣвалась, и тогда уже не оставалось никакой возможности бодрствовать и читать; аббатъ закрывалъ глаза, сознавая свое человѣческое безсиліе и неутомимость вражескихъ козней. Работа также не нравится дьяволу; когда монахи трудятся, черти стѣсняютъ ихъ дыханіе или бросаются къ нимъ на ноги и на руки и такимъ образомъ ежеминутно возбуждаютъ въ нихъ желаніе опочить отъ трудовъ. Когда однажды Рихальмъ вмѣстѣ съ монахами носилъ камни въ монастырскомъ саду для построенія ограды, одинъ изъ мѣстныхъ чертей сталъ декламировать во всеуслышаніе стихи Горація, прославлявшіе прелести праздной и изнѣженной жизни. «Кто это сказалъ,— прибавилъ искуситель,—тотъ былъ человѣкъ не глупый. Вамъ-бы слѣдовало устроить себѣ жизнь по примѣру Горація; невозможно долго выдержать тяжелую работу, къ которой васъ приневоливаютъ». — Когда монахи садятся за столъ, черти дѣлаютъ имъ всякія пакости; иной разъ они отнимаютъ у монаховъ аппетитъ, чтобы довести ихъ до разслабленія; чаще всего они заставляютъ ихъ ѣсть такъ много, что у нихъ раздувается животъ и начинается тошнота. Когда въ большіе праздники подается къ столу хорошее вино, тогда прибѣгаютъ стаи чертей и напаиваютъ монаховъ до положенія ризъ. А когда монаху необходимо пить вино, тогда тѣ же черти внушаютъ ему къ вину непобѣдимое отвращеніе. Такое несчастіе испыталъ на себѣ самъ Рихальмъ, которому вино было необходимо для поддержанія здоровья.

Вся наука Рихальма основана на непосредственномъ наблюденіи; онъ говорилъ съ демонами, слышалъ рѣчи и проникалъ во всѣ тайны ихъ разговоровъ и злоумышленій. Въ своей способности слышать и понимать языкъ чертей, недоступный для большинства смертныхъ, аббатъ шентальскій видѣлъ проявленіе особеннаго вдохновенія. Онъ боялся, что этотъ даръ возбудитъ въ душѣ его пагубную гордость, и во избѣжаніе этого зла распорядился такъ, что его изслѣдованіе осталось неизданнымъ до самой его смерти. Опасенія скромнаго Рихальма были основательны: твореніе опытнаго демонолога вошло въ славу, и монахи XIII вѣка выразили о немъ ту мысль, что оно «должно сдѣлаться настольной книгой для философовъ, теологовъ и аскетовъ». Въ этомъ сужденіи нѣтъ ничего удивительнаго. Величайшіе средневѣковые мыслители, Альбертъ Кельнскій, Рожеръ Бэконъ, Ѳома Аквинскій, Бонавентура, Петръ

Достопочтенный, Жерсонъ, всѣ безъ исключенія, по всѣмъ правиламъ аристотелевской логики, съ величайшей добросовѣстностью ломали себѣ головы надъ мудреными и очень спеціальными вопросами, касавшимися до нечистой силы и до ея разнообразныхъ сношеній съ людьми. Аристотелевская логика давала этимъ людямъ возможность вводить въ свое изслѣдованіе тончайшія подраздѣленія и разграниченія понятій; но никакая логика въ мірѣ не можетъ отвѣтить ни да, ни нѣтъ на вопросъ о томъ: соотвѣтствуютъ ли разбираемымъ понятіямъ какія-нибудь явленія живой дѣйствительности? Логика помогала средневѣковымъ философамъ превосходно анализировать галлюцинаціи; логика выводила изъ этихъ галлюцинацій все, что можно было изъ нихъ вывести; но такъ какъ исходная точка всего изслѣдованія была выбрана неудачно, то и заключенія оказывались чрезвычайно странными и дикими даже у такихъ людей, которые были гораздо умнѣе простодушнаго Рихальма. Лютеръ считается великимъ историческимъ дѣятелемъ, и его дѣйствительно невозможно выкинуть изъ исторіи человѣческаго ума, а между тѣмъ этотъ самый Лютеръ имѣлъ несчастье неоднократно видѣть чорта собственными глазами и пускать ему въ физіономію собственную чернильницу. Лютеръ утверждалъ, не хуже Рихальма, что хлѣбъ, который мы ѣдимъ, вода, которую мы пьемъ, воздухъ, которымъ мы дышемъ, платье, которое мы носимъ,—словомъ, все, что составляетъ нашу жизнь, — принадлежитъ дьяволу и безчисленнымъ его бѣсенятамъ. Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что всѣ наши болѣзни производятся лукавыми продѣлками чертей, и что на этомъ основаніи люди должны лечиться не лекарствами, а психическими средствами.

Пока человѣческій умъ усиливался проникнуть въ ту высшую и таинственную область, которая навсегда останется для него недоступной,—до тѣхъ поръ лучшія умственныя силы геніальныхъ мыслителей тратились постоянно на собираніе и комментированіе разныхъ галлюцинацій, подобныхъ изслѣдованіямъ аббата Рихальма. Люди хотѣли понять то, что само по себѣ непостижимо, и, разслабляя свой умъ въ этой непосильной и невозможной работѣ, теряли способность отличать истину отъ нелѣпости и дѣйствительность отъ горячечнаго бреда. Романтики и реакціонеры западной Европы стараются увѣрить всѣхъ и каждаго въ томъ, что средніе вѣка были золотымъ временемъ истиннаго благочестія. Эти господа морочатъ себя и свою довѣрчивую публику. На самомъ дѣлѣ въ средневѣковой жизни не было ни настоящей религіи, ни настоящей науки, а была какая-то очень безобразная смѣсь тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ при благопріятныхъ условіяхъ можетъ выработаться то и другое. Область религіи, въ которой должно господствовать чувство, была загромождена нелѣпыми тонкостями схоластической діалектики. Монахи и священники католической Европы диспутировали о догматѣ, вмѣсто того чтобы проводить въ жизнь истины религіознаго ученія. Область чистаго знанія была завалена неразрѣшимыми вопросами и фантастическими представленіями. Средневѣковые ученые, то есть тѣ же монахи и священники, диспутировали о высокихъ матеріяхъ, вмѣсто того чтобы скромно изучать видимыя явленія. Для умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣчества, для спасенія европейскихъ мозговъ отъ галлюцинацій аббатовъ Рихальмовъ было необходимо отдѣлить навсегда область положительнаго знанія отъ области схоластическихъ умствованій, сосредоточенныхъ въ католическихъ монастыряхъ. Здѣсь я постараюсь показать въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ и при какимъ условіяхъ совершалось это необходимое размежеваніе двухъ существенно различныхъ отраслей человѣческой дѣятельности.

X.

Начиная съ XII вѣка, а быть можетъ и гораздо раньше, мы замѣчаемъ постоянно возрастающій разладъ между клириками и мірянами, между католической церковью и гражданскимъ обществомъ. Свѣтская власть ведетъ ожесточенную борьбу противъ іерархіи и наконецъ въ началѣ XIV столѣтія одерживаетъ надъ ней рѣшительную побѣду. Представители католицизма уступаютъ неодолимому напору физической силы, но въ теоріи продолжаютъ поддерживать свои притязанія во всей ихъ средневѣковой неумѣренности. Папы XIV столѣтія живутъ въ Авиньонѣ и чувствуютъ на себѣ всю тяжесть французскаго вліянія, но въ то же время они всѣми силами стараются увѣрить себя и другихъ, что они попрежнему располагаютъ судьбой царей и народовъ, казня и милуя по своему благоусмотрѣнію всѣхъ сильныхъ и великихъ міра. Папы этого періода разсыпаютъ свои буллы во всѣ концы католической Европы, боясь повидимому, что безъ этой предосторожности ихъ легкомысленная паства совсѣмъ забудетъ о ихъ существованіи. Шумная литературная дѣятельность авиньонскихъ плѣнниковъ, обширность ихъ претензій, совершенно не соотвѣтствующая размѣрамъ ихъ наличныхъ силъ, возбуждаютъ въ догадливыхъ католикахъ насмѣшливое презрѣніе, котораго они даже вовсе не желаютъ скрывать. — Странствующіе рыцари XIV вѣка при удобномъ случаѣ совершенно безразлично грабятъ самого папу наравнѣ со всѣми остальными смертными. «По дорогѣ въ Испанію, — говоритъ Шлоссеръ, — Бертранъ провелъ свои дикія орды черезъ Авиньонъ и другія мѣстности южной Франціи, чтобы

доставить имъ случай поживиться на счетъ тамошняго населенія и папы. Вмѣсто потребованной ими огромной суммы денегъ, Урбанъ V предложилъ имъ разрѣшеніе церкви грабить, жечь и убивать; но хищники насмѣшливо отвѣтили ему, что безъ его разрѣшенія они обойдутся, а безъ денегъ никакъ. Папа былъ вынужденъ уплатить имъ 200,000 золотыхъ флориновъ и вознаградилъ себя за этотъ убытокъ налогомъ на французское духовенство».

Но если папа былъ безсиленъ и беззащитенъ, то и вся масса католическаго духовенства находилась въ такомъ же печальномъ положеніи. Свѣтская власть, въ лицѣ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ представителей, непремѣнно хотѣла сравнять права клириковъ съ правами мірянъ, а клирики, разумѣется, считали это неслыханное стремленіе такой тяжкой обидой, послѣ которой и на свѣтѣ жить не стоитъ. Набравши себѣ несмѣтное количество земель и капиталовъ, епископы и аббаты очень убѣдительно доказывали королямъ, баронамъ и юристамъ, что религія строго запрещаетъ духовенству платить подати, налагаемыя свѣтской властью. «Это не наше имущество,—говорили клирики: — это все принадлежитъ нищимъ и убогимъ, вдовицамъ и сиротамъ. Смѣемъ ли мы расхищать на суетныя предпріятія воинственныхъ и жестокихъ правителей то, что̀ вручено намъ для облегченія человѣческихъ страданій?» — На эту аргументацію, подкрѣпленную почтеннымъ количествомъ почтенныхъ цитатъ, короли и бароны отвѣчали обыкновенно насильственнымъ захватываніемъ того, чего имъ не давали добровольно. Народъ обыкновенно глубоко сочувствовалъ такому насилію, и, надо сказать правду, свѣтская власть была поставлена всѣмъ теченіемъ прежнихъ историческихъ событій въ такое безвыходное положеніе, при которомъ насиліе было безусловно необходимо.

Клерикалы, пользуясь невѣжествомъ и суевѣріемъ мірянъ, дѣйствуя своими увѣщаніями на полоумныхъ стариковъ или слабыхъ женщинъ втеченіи многихъ вѣковъ, успѣли добыть въ свою пользу громадную массу завѣщаній и дарственныхъ записей. Пріобрѣтая постоянно, они никогда не выпускали и не могли выпустить законнымъ путемъ изъ своихъ рукъ ни одного клочка земли. Что̀ попадало въ церковь, то оставалось на вѣчныя времена церковнымъ достояніемъ. Личности умираютъ, фамиліи и династіи исчезаютъ безъ слѣда, но корпораціи безсмертны. Еслибы короли и бароны не выжимали иногда силой то, что̀ было захвачено въ пользу церкви хитростью, то духовенство сдѣлалось бы наконецъ единственнымъ собственникомъ, владѣтелемъ всей западной Европы; а мірянамъ, всѣмъ безъ исключенія, пришлось бы превратиться въ тѣхъ нищихъ, которымъ католическіе монахи раздаютъ утромъ и вечеромъ, у монастырскихъ воротъ, даровыя порціи супа и хлѣба. Народу вовсе не нравилась подобная перспектива, и поэтому народъ очень добросовѣстно поддерживалъ правительство, когда оно, нуждаясь до зарѣзу въ деньгахъ, принималось выжимать сокъ изъ зажиточныхъ монсиньоровъ. Такія выжиманія облекались иногда въ очень оригинальныя формы. Въ 1118 году правитель или подеста италъянскаго города Фано потребовалъ отъ мѣстнаго епископа, чтобы онъ, пользуясь безопасностью за городскими стѣнами, вносилъ извѣстную сумму денегъ на ремонтъ этихъ спасительныхъ стѣнъ. Епископъ, разумѣется, поддержалъ достоинство своего званія, то-есть отказался на отрѣзъ и разразился приличнымъ количествомъ цитатъ и аргументовъ. Но подестѣ хотѣлось получить деньги, а не проповѣдь. Чтобы смягчить сердце и развязать кошелекъ его преподобія, подеста запретилъ всѣмъ городскимъ обывателямъ продавать епископу съѣстные припасы, и нечестивые итальянцы выполнили эту инструкцію съ такимъ неподдѣльнымъ усердіемъ и съ такой буквальной точностью, что почтенный прелатъ, скрежеща зубами, принужденъ былъ дорогой цѣной откупиться отъ голодной смерти.

Маневръ итальянскаго подесты повторился съ нѣкоторыми усовершенствованіями во Франціи. Въ 1159 году графъ ангулемскій отлучилъ отъ гражданскаго общества все духовенство своего города. Онъ запретилъ всѣмъ горожанамъ вступать съ клириками въ какія бы то ни было торговыя сношенія; кромѣ того онъ запретилъ клирикамъ пользоваться водой городскихъ фонтановъ и колодцевъ. Разумѣется, никакая полиція въ мірѣ не могла бы услѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ удивительныхъ предписаній. Но сами горожане сочувствовали распоряженіямъ грознаго феодала, и духовенству пришлось такъ круто, что оно, гонимое голодомъ и жаждой, принуждено было выселиться изъ Ангулема.

Отказываясь платить налоги, клирики не хотѣли также подчиняться дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ. У нихъ былъ свой собственный судъ, при которомъ они могли безбоязненно нарушать всѣ права остальныхъ гражданъ. Папа Целестинъ III, царствовавшій въ самомъ концѣ XII вѣка, установилъ для духовенства слѣдующую таксу наказаній: за воровство или убійство клирикъ лишается духовнаго знанія; за вторичное преступленіе его отлучаютъ отъ церкви; за третье — его поражаютъ самымъ тяжкимъ проклятіемъ; наконецъ, за четвертое — неисправимаго и закоснѣлаго грѣшника предаютъ въ руки свѣтскаго правосудія, которое, разумѣется, немедленно исправляетъ виновнаго висѣлицей, колесомъ или ка-

кими-нибудь другими, столь же назидательными средствами.

Такимъ образомъ глаза католической церкви торжественно обязался три раза укрывать своихъ преступныхъ подчиненныхъ отъ преслѣдованій свѣтскихъ трибуналовъ; только третье убійство уравнивало клирика съ простыми смертными и только четвертое подводило его подъ общій уголовный законъ. Португальскій король донъ-Педро Правосудный нагляднымъ образомъ показалъ неудовлетворительность этого церковнаго постановленія. Одинъ португальскій священникъ совершилъ убійство; за это церковный судья отнялъ у него священство. Педро велѣлъ одному каменщику убить разжалованнаго преступника и вслѣдъ затѣмъ за сдѣланное убійство отнялъ у этого каменщика право тесать камни. Духовенству вовсе не понравилось это распоряженіе. Не давая, съ своей стороны, обществу никакихъ гарантій, клирики желали въ то же время, чтобы общество самыми строгими мѣрами гарантировало ему полную неприкосновенность личности и имущества. Такія несправедливыя требованія, разумѣется, были несовмѣстны съ развитіемъ общественной жизни и всегда возмущали нравственное чувство народныхъ массъ. Когда католическое духовенство было сильно и когда оно дѣйствительно пользовалось своими неестественными привилегіями, тогда оно возбуждало противъ себя въ обществѣ зависть и ненависть. Когда же духовенство, сдѣлавшись слабымъ, продолжало заявлять слезливымъ тономъ свои чудовищныя притязанія, тогда на него посыпались со всѣхъ сторонъ презрительныя насмѣшки и грубыя оскорбленія. Раздраженное общество мстило жестоко за многолѣтнее поруганіе своихъ разумныхъ правъ.

Къ ужасу и негодованію клириковъ, юристы или, по тогдашнему, легисты сформулировали и привели въ систему требованія свѣтской власти и общественнаго мнѣнія. Тутъ коса нашла на камень; теорія напала на теорію; ученость сразилась съ ученостью; крючкотворство и пронырство встрѣтились лицомъ къ лицу съ пронырствомъ и крючкотворствомъ. Равняясь съ своими противниками въ нравственной неразборчивости, легисты имѣли на своей сторонѣ то огромное преимущество, что они все-таки, добросовѣстно или недобросовѣстно, сражались за правое дѣло. Они говорили клирикамъ: вы извращаете смыслъ текстовъ, вы искажаете исторію, вы подрываете основанія общества, вы ссылаетесь на подложные документы; и всѣ эти суровыя обвиненія были справедливы. Представители свѣтской власти ревностно старались придавать этимъ обвиненіямъ самую обширную гласность, а народныя массы съ восторгомъ подхватывали на лету эти оффиціальныя выраженія тѣхъ мыслей и желаній, которыя волновали всѣ умы и давно искали себѣ возможности вырваться на свободу.

XI.

Праздность, богатство и отсутствіе отвѣтственности развращаютъ обыкновенно какъ отдѣльную личность, такъ и цѣлыя сословія или корпораціи. Католическое духовенство, долго господствовавшее надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ, пропиталось насквозь всѣми пороками, составлявшими естественное и необходимое слѣдствіе его привилегированнаго положенія. Вмѣсто того, чтобы служить мірянамъ примѣромъ безукоризненной нравственности, клирики развращали ихъ своимъ вліяніемъ. Уже въ XII столѣтіи еретики отличались отъ католиковъ преимущественно скромностью и цѣломудріемъ. Кто не пьянствовалъ и не развратничалъ, того католическое начальство брало на замѣчаніе, какъ подозрительнаго человѣка. Если, чего Боже сохрани, оказывалось, что этотъ воздержный человѣкъ осмѣливается читать въ своемъ домѣ Библію,—участь этого лиходѣя была рѣшена. Читаетъ Библію—значитъ еретикъ, и притомъ самый опасный, потому что онъ посягаетъ на право духовенства, которое очевидно не можетъ позволить всякому простому смертному изучать и понимать по своему священное писаніе. На такого человѣка необходимо подать доносъ, а за доносами у клириковъ никогда не останавливалось дѣло. Доносить и клеветать — значило, по ихъ мнѣнію, жить и дѣйствовать. «Около 1170 гога, — говоритъ Лоранъ, — одинъ реймскій клирикъ, встрѣтивъ одну молодую дѣвушку, гулявшую безъ провожатаго, захотѣлъ ее соблазнить; она отклонила его любезности, говоря, что на вѣки погубитъ свою душу, если когда-нибудь лишится дѣвственности. Ревностный клирикъ понялъ изъ этого суроваго отвѣта, что дѣвушка принадлежитъ къ богомерзкой сектѣ манихеевъ. Пылая усердіемъ, онъ составилъ доносъ противъ той, которая отказалась удовлетворить его сластолюбіе. Дѣвушку эту сожгли; входя на костеръ, она не произнесла ни одной жалобы и не пролила ни одной слезы». («La Réforme».)

Желая возвысить свою власть въ глазахъ мірянъ, Григорій VII обрекъ все католическое духовенство на самую строгую одинокую жизнь. Великій папа не сообразилъ только того простого обстоятельства, что кускомъ пергамента невозможно пересоздать человѣческую природу. Плоды соборнаго рѣшенія и папскаго декрета о безбрачіи духовенства далеко не соотвѣтствовали намѣреніямъ Григорія VII и его совѣтниковъ. Плоды получились вотъ какіе. «Архіепископъ Кентерберійскій, — говоритъ Шлоссеръ, — также былъ публично осмѣянъ, когда вздумалъ прибѣгнуть къ высшей духовной вла-

сти, и городская полиція жестоко отмстила духовенству, арестовавъ его любовницъ и выставивъ ихъ на позоръ, какъ публичныхъ женщинъ». Еще непочтительнѣе поступилъ съ чешскимъ духовенствомъ императоръ Венцславъ: «онъ вытребовалъ однажды,—говоритъ Шлоссеръ,—всѣхъ любовницъ пражскаго духовенства и выставилъ ихъ къ позорному столбу вмѣстѣ съ прелатами, у которыхъ онѣ жили». Эти печальныя событія происходили въ концѣ XIV столѣтія, а въ XIII столѣтіи произошелъ случай еще болѣе замѣчательный. Датчане и фризы потребовали отъ своихъ клириковъ, чтобы они взяли себѣ любовницъ, лишь-бы только «не оскверняли ложе другихъ людей». (Raumer, «Geschichte der Hohenstaufen».)

Всѣ монашескіе ордена безъ исключенія были увлечены въ тотъ же омутъ безнравственности, въ которой тонула вся масса католическаго духовенства. Въ каждомъ вѣкѣ было нѣсколько чистыхъ и энергическихъ личностей, добросовѣстно стремившихся къ аскетическому совершенству и смотрѣвшихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ на гадости современной дѣйствительности. Эти люди проповѣдывали противъ пороковъ словомъ и примѣромъ, увлекали за собой многихъ послѣдователей, давали монастырямъ строгіе уставы, оживляли на короткое время фанатическія страсти мечтателей, основывали новые ордена и умирали съ той простодушной надеждой, что спасли навсегда честь и достоинство католическаго монашества. Но само собой разумѣется, что сила обстоятельствъ брала свое, несмотря ни на какіе подвиги Бернаровъ, Петровъ Достопочтенныхъ, Доминиковъ и Францисковъ Ассизскихъ. Въ два-три десятилѣтія новыя ордена такъ ловко успѣвали потускнѣть и загрязниться, что ихъ никто въ мірѣ не съумѣлъ бы отличить отъ самыхъ старыхъ. Чѣмъ строже были требованія новыхъ уставовъ, тѣмъ сильнѣе развивалось лицемѣріе и тѣмъ искуснѣе оказывались монахи въ прiисканіи себѣ разныхъ лазѣекъ, увертокъ и кляузныхъ оправданій. Прикрываясь благовиднѣйшими предлогами, монахи дѣлали какъ разъ все то, что строго запрещено было уставами ордена. Всѣмъ монахамъ безъ исключенія предписывалось отрекаться отъ міра и отъ всѣхъ его суетныхъ интересовъ. Но уже съ XII вѣка монахи взялись за изученіе права и стали заниматься адвокатурой. Множество соборовъ дѣлали имъ за это суетное стремленіе строгія замѣчанія; имъ запрещали изучать законы, но запрещенія эти были безсильны; ихъ стыдили и бранили, они выслушивали брань и пропускали ее мимо ушей.

«Пламя жадности,— говоритъ одинъ соборъ въ 1131 году,—возжигаетъ сребролюбіе монаховъ; они смѣшиваютъ правду съ неправдой, чтобы пріобрѣсти себѣ какъ можно больше денегъ».—«Не стыдно ли для монаховъ,—говоритъ другой соборъ, въ 1269 году,—гоняться за суетнымъ блескомъ судебнаго краснорѣчія? Эти болтуны думали сравняться съ Цицерономъ! Они были скорѣе похожи на квакающихъ лягушекъ». А монахи все-таки продолжали сутяжничать и, когда начальство подступало къ нимъ слишкомъ близко, оправдывались тѣмъ, что они хлопочутъ не изъ-за денегъ и не изъ честолюбія, а для того, чтобы защитить отъ притѣсненій сильнаго и богатаго вдовъ и сиротъ, убогихъ и неимущихъ. Начальство наконецъ утомилось и махнуло рукой на монашествующихъ юристовъ.—Пріобрѣтая себѣ репутацію ловкихъ дѣльцовъ, соперники Цицерона выдвигались впередъ и поступали на государственную службу. Монахъ становился чиновникомъ. Соборы гремѣли противъ этихъ поразительныхъ нарушеній монастырскаго устава, но монахи не унимались, а свѣтская власть вербовала себѣ опытныхъ законовѣдовъ, не обращая вниманія на покрой ихъ одежды.— Монахи изучали медицину и хирургію и лечили людей ланцетомъ и микстурами, между тѣмъ какъ католическіе уставы допускали, въ случаѣ болѣзни, только постъ и молитву. Монахи пускались въ коммерческія предпріятія; монахи отдавали деньги въ ростъ; монахи занимались банкирскими спекуляціями. Тутъ благочестивымъ людямъ оставалось только ахать и разводить руками. «Деньги,—пишетъ строгій францисканецъ, св. Бонавентура, — этотъ смертельный врагъ нашего ордена, возбуждаютъ въ нашихъ братьяхъ такую алчность, что прохожіе боятся съ ними встрѣчаться и бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ наглыхъ грабителей. Наша бѣдность есть ужаснѣйшая ложь. Мы просимъ милостыню, какъ бѣдняки, и плаваемъ въ роскоши».

Усердно поклоняясь золотому тельцу, клирики всѣхъ сортовъ неутомимо грызлись между собой за барыши. Ссорамъ, сплетнямъ, взаимнымъ попрекамъ и скандальнымъ выдумкамъ не было конца. «Францисканцы и доминиканцы вырывали другъ у друга щедроты вѣрующихъ, ссорились между собой изъ-за собиранія милостыни, переманивали другъ у друга адептовъ и взаимно воровали другъ у друга даже проповѣди; они проповѣдывали одни противъ другихъ и публично, на церковной каѳедрѣ, читали скандальную хронику враждебнаго ордена. Эти взаимныя обвиненія засвидѣтельствованы въ особомъ мирномъ договорѣ, заключенномъ между обоими орденами въ 1255 году и возобновленномъ въ 1278 году». («La Réforme».) Если мы припомнимъ, что основатели этихъ орденовъ, Доминикъ и Францискъ, умерли— первый въ 1221 году, а второй въ 1226 году, то увидимъ ясно, съ какой неудержимой быстротой развращались до мозга костей самыя

строгія общины католическихъ монаховъ. Ненавидя другъ друга, нищенствующіе ордена презирали всѣхъ остальныхъ монаховъ; бѣлыхъ бенедиктинцевъ они называли неучами и полумірянами, а черныхъ—гордецами и эпикурейцами. «Одна обѣдня нищенствующаго монаха,—говорили они,—стоитъ четырехъ обѣдень простого священника». Бѣлые и черные монахи также вели между собой ожесточенную войну и старались уронить другъ друга во мнѣніи свѣтскаго общества. «Я часто видалъ, — пишетъ Петръ Достопочтенный,—какъ черный монахъ, встрѣчаясь съ бѣлымъ, смѣялся надъ нимъ, точно будто онъ видѣлъ въ немъ какое-нибудь странное чудовище, кентавра или химеру. Отчего эти монахи, имѣющіе одного общаго отца, до такой степени ненавистны другъ другу? Причина ихъ вражды заключается въ гордости. Черные монахи, имѣющіе за себя свою древность, не могутъ простить бѣлымъ того, что послѣдніе отбили у нихъ уваженіе народа, а бѣлые, съ своей стороны, гордятся тѣмъ, что обновили орденъ св. Бенедикта».—«Клирики,—жалуется генералъ францисканцевъ-миноритовъ, св. Бонавентура, — ненавидятъ насъ хуже, чѣмъ жидовъ, за то, что мы знаемъ ихъ пороки. Подавленные своимъ невѣжествомъ, они завидуютъ намъ, потому что мы больше ихъ нравимся вѣрующимъ; наконецъ они боятся, что убавятся ихъ доходы вслѣдствіе той милостыни, которую мы собираемъ; тутъ и есть главная причина ихъ жестокой ненависти, потому что они гораздо больше заботятся о грязномъ барышѣ, чѣмъ о спасеніи человѣческихъ душъ».

Втеченіи цѣлыхъ столѣтій католическое духовенство старалось такимъ образомъ всѣми силами подрывать свое вліяніе на умы народныхъ массъ, и, несмотря на безпредѣльное простодушіе и долготерпѣніе средневѣковой публики, эти добросовѣстныя и неутомимыя старанія увѣнчались наконецъ вожделѣннымъ успѣхомъ. Ужъ съ XIII вѣка вплоть до самой реформаціи, то-есть до XVI столѣтія, всѣ западные европейцы, знатные и простые, ученые и неученые, умные и глупые—всѣ въ одинъ голосъ кричатъ, поютъ и пишутъ, что духовенство никуда не годится. Народу нравились въ это время всего больше тѣ пѣсни, сказки и романы, которые смѣлѣе и рѣзче другихъ осмѣивали и позорили іерархію. Въ XII вѣкѣ появилась латинская поэма сатирическая «Reinardus Vulpes» (Рейнардъ-Лиса), въ которой неизвѣстный авторъ продергивалъ съ безпощадной рѣзкостью властолюбіе и жадность римскаго первосвященника. Поэма эта произвела фуроръ; ее передѣлали на старо-французскій языкъ и на старо-нѣмецкій; ее учили наизусть; картины изъ этой поэмы составляли любимое украшеніе комнатъ; эти картины проникли даже въ монастыри и увеселяли собой спасающихся отшельниковъ. А въ поэмѣ встрѣчаются между прочимъ такіе эпизоды: авторъ описываетъ аллегорическій корабль, составленный изъ всевозможныхъ грѣховъ. «Дно сдѣлано изъ дурныхъ мыслей; борты—изъ измѣны, сплочены гнусностью и постыдными дѣлами очень хорошо закрѣплены. Изъ плутовства сдѣлана мачта, якорь—изъ коварства и вѣроломства, корма выкована изъ подлости, изъ жестокости и изъ пронырства; корабль обложенъ сѣрымъ сукномъ, вытканнымъ изъ лицемѣрія, лѣности и развратной жизни». И на этомъ кораблѣ, представляющемъ символъ всякаго зла, сидитъ въ чинѣ адмирала самъ папа, кардиналы его помощники, а экипажъ составленъ изъ католическихъ священниковъ и монаховъ.

Въ началѣ XV вѣка гусситы, какъ извѣстно, стали истреблять католическихъ священниковъ и монаховъ, какъ дикихъ звѣрей. Этотъ дурной примѣръ оказался соблазнительнымъ даже для самихъ католиковъ. «Постоянныя злоупотребленія и грабительства духовенства,—пишетъ *кардиналъ* Юліанъ Чизарини,—такъ озлобили нѣмцевъ, что, того и гляди, они, подобно гусситамъ, перебьютъ духовенство и сожгутъ монаховъ».—Императоръ Сигизмундъ въ это же самое время подробно развиваетъ ту же неутѣшительную мысль: «Я боюсь,—пишетъ онъ,—что нѣмецкіе горожане поступятъ съ іерархіей точно такъ же, какъ чехи; уже городъ Магдебургъ выгналъ своего архіепископа вмѣстѣ со всѣми канониками и, подобно гусситамъ, разграбилъ ихъ имущество; союзные же Магдебургу ганзейскіе города готовятся послѣдовать этому примѣру; по слухамъ, и на Рейнѣ собирались тысячи мірянъ, чтобы заставить городъ Вормсъ выдать духовенство и евреевъ; нассаусцы хотятъ взять приступомъ замки своихъ епископовъ, а бамбергцы ведутъ открытую войну съ духовенствомъ за привилегіи, данныя имъ королемъ». Около этого же времени папскій секретарь, Леонардо Аретино, обращается къ монахамъ съ слѣдующей непочтительной рѣчью: «Васъ, — говоритъ онъ, — называютъ комедіантами, и вамъ этимъ названіемъ дѣлаютъ слишкомъ много чести, потому что вы хуже канатныхъ плясуновъ; тѣ надѣваютъ маску, чтобы забавлять зрителей, а вы носите маску добродѣтели, чтобы разорять вѣрующихъ; актеры разыгрываютъ свои фарсы въ несвященномъ мѣстѣ, вы же оскверняете святилища храмовъ... Ваше лицемѣріе возрастаетъ вмѣстѣ съ вашими притязаніями на совершенство; величайшими лицемѣрами въ вашей средѣ оказываются тѣ, которые прикидываются самыми добродѣтельными; гробы повапленные, они блестятъ снаружи; загляните подъ оболочку,—вы не найдете ничего, кромѣ гнили!... Посмотрите на этихъ смиренниковъ, съ потухшимъ взглядомъ, съ опущенными глазами,—вы бы приняли ихъ за святыхъ угодниковъ; но если вы оскорбите ихъ въ ничтожнѣйшей мелочи, ихъ ярость

и ихъ гнѣвъ разразятся: они покажутся вамъ Агамемнонами, Ахиллами или какими-нибудь другими героями, еще болѣе вспыльчивыми и надменными».

Чтобы оцѣнить все значеніе этой жестокой тирады, надо помнить, что это говоритъ не какой-нибудь легкомысленный поэтъ или озлобленный пролетарій, а солидный ученый, жившій при папскомъ дворѣ на готовыхъ и очень сытныхъ хлѣбахъ. Другіе знаменитые богословы и ученые XV и XVI столѣтій, Клеманжи, д'Альи, Жерсонъ, Эразмъ, повторяютъ тѣ-же самые упреки въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Изъ всѣхъ фактовъ и свидѣтельствъ, собранныхъ въ этой главѣ, не трудно вывести то заключеніе, что, начиная съ XII вѣка, нравственное могущество католической іерархіи постоянно ослабѣвало по мѣрѣ того, какъ утрачивалась его нравственная чистота. Къ началу XV вѣка духовенство сдѣлалось до такой степени грязнымъ, что всѣ стали его презирать, и до такой степени безсильнымъ, что всѣ могли безнаказанно наносить ему оскорбленія.

XII.

Навлекая на себя ненависть и презрѣніе общества, католическое духовенство не только подтачивало свое собственное могущество, но еще кромѣ того,—что̀ гораздо важнѣе,—порождало и воспитывало въ народныхъ массахъ равнодушіе, или даже враждебное чувство къ самой католической религіи. Въ цвѣтущія времена своего господства духовенство старалось и дѣйствительно съумѣло слить въ одно неразрывное цѣлое свои личные интересы съ интересами религіи. Выражаясь точнѣе, оно подставило свои интересы на мѣсто интересовъ религіи, такъ что быть религіознымъ человѣкомъ на языкѣ простодушныхъ католиковъ—значило угождать во всемъ аббатамъ и монахамъ. Это было безъ сомнѣнія очень выгодно для духовенства, пока оно пользовалось всеобщимъ уваженіемъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ варваровъ; но какъ только духовенство опозорило себя своей безнравственностью въ глазахъ поумнѣвшаго средневѣковаго общества, такъ уже для него, то-есть для духовенства, не осталось возможности ухватиться за принципъ и удержать себя такимъ образомъ отъ окончательнаго паденія. Массы понимали это какъ нельзя лучше и, отвертываясь отъ духовенства, отвертывались въ то-же самое время и отъ католическаго принципа. Надо было быть очень ученымъ богословомъ, чтобы отдѣлить религіозную истину отъ тѣхъ произвольныхъ прибавокъ, украшеній и искаженій, которыя были пущены въ ходъ властолюбіемъ и корыстолюбіемъ клириковъ. Трудъ этотъ былъ не по силамъ массы, и она быстрыми шагами шла отъ слѣпого обожанія къ такому же слѣпому и неразборчивому отрицанію.

Такъ оно и было дѣйствительно въ XIV и въ XV столѣтіяхъ. Клерикальная политика и клерикальный обманъ, называвшійся въ средніе вѣка благочестивой хитростью (fraus-pia), пропитали насквозь и переработали своимъ опошляющимъ вліяніемъ всѣ составныя части католическаго клира. Попы и монахи поддѣлывали легенды, поддѣлывали чудеса и наконецъ съ величайшимъ успѣхомъ поддѣлывали даже цѣлые догматы. Святой Діонисій считался патрономъ Франціи, а св. Іаковъ Компостельскій—патрономъ Испаніи; о томъ и о другомъ существовало множество разсказовъ, выдававшихся за неприкосновенную истину; въ этихъ разсказахъ изображалось подробно, какъ св. Діонисій Ареопагитъ прибылъ во Францію, св. апостолъ Іаковъ—въ Испанію, и какъ они тамъ жили, и что̀ они тамъ дѣлали, и какъ они тамъ умерли. Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что первый изъ этихъ святыхъ никогда не былъ и не могъ быть во Франціи, а второй никогда не былъ и не могъ быть въ Испаніи. Сочинить святого съ цѣлой исторіей, съ мощами и съ чудесами ровно ничего не стоило средневѣковымъ клирикамъ. Вотъ какой случай разсказываетъ лѣтописецъ Glaber Radulphus, монахъ XII вѣка. «Одинъ человѣкъ изъ простонародья, шарлатанъ отъявленный, занимался раскапываніемъ могилъ и продавалъ добываемыя кости, называя ихъ мощами. Совершивъ въ Галліи безчисленное множество плутней, онъ пришелъ въ одинъ англійскій городъ. Тамъ, по своему обыкновенію, онъ собралъ кости перваго попавшагося покойнаго и сталъ утверждать, будто ангелъ открылъ ему, что это—мощи святого Юста. Вслѣдствіе этого слуха сбѣжалось невѣжественное населеніе сосѣднихъ деревень и тутъ-же, при помощи мелкихъ подарковъ, было совершено много чудесъ. Аббаты тотчасъ начали эксплоатировать эти чудеса и святого, сфабрикованнаго мошенникомъ, несмотря на то, что просвѣщенные люди, и въ томъ числѣ монахъ Laurent, открыли обманъ и обличили пройдоху». (Laurent, «La Réforme».) Соорудить исторію мнимой святыни было чрезвычайно легко, потому что отъ такой исторіи не требовалось ни малѣйшаго правдоподобія. Здѣсь господствовалъ во всемъ своемъ величіи знаменитый принципъ: «credo, quia absurdum» (вѣрю, потому что нелѣпо).

До какой дерзости доходили составители этихъ исторій, это ясно видно изъ двухъ легендъ: о святомъ клювѣ и о святой слезѣ. Вотъ какимъ образомъ извѣстный французскій эллинистъ, Генрихъ Этьеннъ, разсказываетъ легенду святого клюва, которую онъ совершенно справедливо ставитъ на одну доску съ самыми нелѣпыми баснями Геродота: «Когда Никодимъ снялъ Спасителя со креста, онъ собралъ нѣсколько капель его крови въ палецъ своей перчатки, которымъ онъ послѣ того сдѣлалъ нѣсколько ве-

ликихъ чудесъ. Вслѣдствіе этого, терпя преслѣдованія отъ іудеевъ, онъ разстался со своей реликвіей посредствомъ удивительно-замысловатой выдумки. Написавши на пергаментѣ всѣ чудеса и всю исторію этой святыни, онъ вложилъ кровь вмѣстѣ съ этимъ пергаментомъ въ большой птичій клювъ и, завязавши его какъ можно тщательнѣе, бросилъ его въ море, поручая его милосердію Божію. Случилось-же такъ, что тысячу или тысячу двѣсти лѣтъ спустя этотъ святой клювъ, поплававши достаточно по всѣмъ морямъ Востока и Запада, прибылъ въ Нормандію. Тутъ его выбросило море въ прибрежные кусты. Одинъ нормандскій герцогъ въ этихъ мѣстахъ охотился за оленемъ, и вдругъ олень вмѣстѣ съ собаками куда-то пропалъ; оказалось, что олень стоитъ между кустами на колѣняхъ, а собаки—рядомъ съ нимъ, совсѣмъ смирныя и тоже на колѣняхъ. Это зрѣлище до такой степени умилило добраго герцога, что онъ приказалъ тотчасъ расчистить это мѣсто, гдѣ и нашелся святой клювъ. Тогда герцогъ основалъ на этомъ мѣстѣ аббатство, которое до сихъ поръ называется по этой причинѣ аббатствомъ Клюва; оно владѣетъ такими богатыми помѣстьями, что одинъ клювъ питаетъ очевидно множество животовъ». (Ibid.) Въ XVП столѣтіи бенедиктинскіе монахи напечатали книжку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Истинная исторія святой слезы, пролитой нашимъ Спасителемъ надъ Лазаремъ: какъ и кѣмъ она была принесена въ монастырь Святой Троицы Вандомской. Кромѣ того многія превосходныя (beaux) и отмѣнныя (insignes) чудеса, случившіяся втеченіи 630 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она была чудеснымъ образомъ посвящена этому святому мѣсту». Въ этой книгѣ бенедиктинцы разсказываютъ безъ малѣйшаго смущенія, что когда Спаситель оплакивалъ смерть Лазаря, тогда Ангелъ подхватилъ одну слезу, вложилъ ее въ маленькій сосудъ, въ которомъ она сохраняется до сихъ поръ; потомъ вложилъ первый сосудъ во второй, побольше, и вручилъ все это Магдалинѣ. Магдалина привезла эту святыню во Францію, когда она, вмѣстѣ съ Лазаремъ, съ Маѳою, со святымъ Максиминомъ и со святымъ Келидоніемъ, пріѣхала въ марсельскую гавань. Когда Магдалина почувствовала приближеніе смерти, она призвала къ себѣ епископа ахенскаго, Максимина, и отдала ему святую слезу, которую тотъ тщательно хранилъ втеченіи всей своей жизни. Потомъ святая слеза попадаетъ какимъ-то манеромъ въ Константинополь, потомъ въ 1040 году она появляется въ Вандомскомъ монастырѣ и начинаетъ творить чудеса.

Легенды о святомъ клювѣ и о святой слезѣ любопытны, какъ образчики той безумной дерзости, съ которой корыстолюбивое католическое духовенство уродовало даже Евангеліе своими нелѣпостями. Такимъ образомъ клирики ворвались первые со своими безнравственными тенденціями и безтолковыми фантазіями въ самую священную твердыню религіи. Мудрено-ли послѣ этого, что скептики, ободренные этимъ примѣромъ, пошли за клириками туда-же съ своей неумолимой критикой? Клерикальная фантазія была неистощима и неумолима: аббаты и монахи показывали католикамъ куски Ноева ковчега, рога Моисея, бороду Аарона, перья архангела Гавріила, святое сѣно, т.-е. сѣно, лежавшее въ ясляхъ, свѣчку, горѣвшую въ минуту Рождества Христова. Колоссальные размѣры выдумки никогда не пугали изобрѣтателей; въ Кельнѣ до сихъ поръ лежатъ одиннадцать тысячъ дѣвъ, которыя совсѣмъ не были дѣвами и никогда не исповѣдывали христіанской религіи. Исторія этой груды костей очень поучительна. Легенда утверждаетъ, что въ Бретани жила одна принцесса, Урсула, и что какой-то языческій король попросилъ ея руки. Урсула, повинуясь внушенію свыше, потребовала себѣ отсрочки, собрала 11,000 дѣвъ и пустилась съ ними въ морское путешествіе. Три года продолжалось ихъ плаванье. Когда приблизился день, назначенный для свадьбы, тогда по молитвѣ Урсулы поднялась буря, которая перенесла на материкъ всю дѣвственную армію. Одиннадцать тысячъ дѣвъ ѣдутъ вверхъ по Рейну до Кельна, потомъ плывутъ въ Базель, оттуда идутъ пѣшкомъ въ Римъ, возвращаются назадъ по той же дорогѣ и въ окрестностяхъ Кельна погибаютъ подъ ударами дикихъ гунновъ. Зачѣмъ ихъ было именно 11,000, зачѣмъ онѣ плавали по морю и шлялись по материку—объ этомъ легенда, по своему простодушію, ни мало не заботится.

Легенда эта была составлена въ началѣ XП вѣка по тому случаю, что въ окрестностяхъ Кельна было найдено нѣсколько женскихъ скелетовъ. Въ 1123 году Норбертъ, основатель ордена премонстратовъ, нашелъ еще много скелетовъ; наконецъ въ 1155 году монахи напали на такую богатую массу костей, что ее пришлось разрабатывать втеченіи десяти лѣтъ, подъ руководствомъ двухъ аббатовъ. Въ это время исторія 11,000 дѣвъ была уже сочинена и пущена въ ходъ. Но вдругъ вмѣстѣ съ женскими скелетами стали попадаться скелеты мужчинъ; монахи смутились, но къ счастію у одного изъ нихъ была сестра, Елизавета изъ Шенау, страдавшая галлюцинаціями, которыя считались въ то время видѣніями и откровеніями свыше; эта монахиня сгородила вмѣстѣ съ своимъ изобрѣтательнымъ братомъ новую кучу нелѣпостей для объясненія мужскихъ скелетовъ. Все это сошло за чистую монету, потому что Елизавету считали блаженной. Стали рыть дальше: нашли кости дѣтей. Это уже было совсѣмъ некстати, потому что бросало невыгодную тѣнь на репутацію дѣвственныхъ спутницъ Урсулы. Елиза-

веты въ это время уже не было на свѣтѣ. Обратились за совѣтомъ къ какому-то ученому монаху, и тотъ наложилъ на легенду третій слой безсмыслицы, такъ что и дѣтскія кости оправдали свое существованіе. Спрашивается теперь, откуда же взялась эта масса костей, съ которой монахи возились десятки лѣтъ, напрягая свои мускулы и изощряя свою фантазію?—Ларчикъ открывался очень просто. Тутъ было римское кладбище; вмѣстѣ съ костями находились саркофаги, латинскія надписи, оружіе, посуда,—вещи, очень извѣстныя всѣмъ антикваріямъ и не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, кому принадлежатъ скелеты. Принадлежатъ они римскимъ язычникамъ различнаго пола и возраста. О дѣвственныхъ мученицахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Къ довершенію комизма, новѣйшіе нѣмецкіе ученые доказали, что самая Урсула, считающаяся католической святой и покровительницей города Кельна, была языческой богиней. Все это нисколько не мѣшало вырытымъ костямъ приносить кельнскому духовенству обильные доходы. Механика была очень незамысловата. «Каждый день,—пишетъ одинъ правдивый монахъ XI столѣтія,—ходятъ отъ одной церкви къ другой разные бродяги, которые прикидываются слѣпыми, разслабленными или бѣсноватыми; они валяются по ступенькамъ храмовъ или по гробницамъ святыхъ, а потомъ увѣряютъ всѣхъ, что получили исцѣленіе; эта поддѣлка чудесъ производится для того, чтобы привлекать щедроты вѣрующихъ».

Предпріимчивость духовенства была такъ велика и изобрѣтательность его такъ роскошна, что даже многіе соборы считали необходимымъ сдерживать эту оргію клерикальнаго воображенія. Уже въ IX вѣкѣ ахенскій соборъ упрекаетъ епископовъ въ томъ, что они фабрикуютъ чудеса для пріобрѣтенія денегъ. Въ 1215 году, при Иннокентіи III, Латеранскій соборъ говоритъ, что «въ очень многихъ мѣстахъ пускаютъ въ ходъ ложныя легенды и ложные документы для того, чтобы обманывать вѣрующихъ и тянуть изъ нихъ деньги». Въ 1261 г. Майнцскій соборъ описываетъ подробно тѣ фокусы, посредствомъ которыхъ клирики морочили простой народъ. Такія же точно обвиненія повторяются въ XIV и XV столѣтіяхъ.

XIII.

Подчиняясь финансовымъ и политическимъ соображеніямъ, клирики поддѣлывали цѣлые догматы и даже старались извратить нравственное чувство католической паствы. Духовенство самымъ наивнымъ образомъ боготворило себя, какъ отдѣльную корпорацію, стоящую безконечно выше гражданскаго общества.—«Мірянинъ,—говоритъ кардиналъ Даміанъ,—какъ бы онъ ни былъ благочестивъ, не можетъ выдержать сравненія даже съ очень несовершеннымъ монахомъ; золото, даже нечистое, драгоцѣннѣе чистой мѣди». Но и это показалось недостаточнымъ; въ XII вѣкѣ аббатъ монастыря св. Тьери сталъ доказывать, что монахи уподобляются самому Богу, потому что небо называется по-латыни coelum, а келья—cellula, и еще потому, что монастырская жизнь ничѣмъ не отличается отъ райскаго блаженства. Умные католики смотрѣли съ негодованіемъ на это идолопоклонство, ставившее святыхъ на мѣсто Бога. «Въ одномъ соборѣ этого королевства,—пишетъ Клеманжи, ученый богословъ XIV вѣка,—читаютъ отъ доски до доски подвиги святыхъ и въ то же время едва читаютъ по нѣсколько строкъ изъ священнаго писанія». Служеніе Богу исчезаетъ съ лица земли. Преступленія вѣрующихъ католиковъ составляли очевидно для духовенства важнѣйшій источникъ доходовъ. Чѣмъ крупнѣе и многочисленнѣе были грѣхи, тѣмъ трусливѣе становился грѣшникъ и тѣмъ сподручнѣе было обирать его въ пользу церкви.

Это обстоятельство даетъ намъ право предположить a priori, что католическая мораль должна была не обуздывать, а, напротивъ того, поощрять порочныя наклонности средневѣковыхъ европейцевъ; вглядываясь въ историческія данныя, мы видимъ, что это предположеніе совершенно оправдывается дѣйствительными фактами. Вотъ напримѣръ какую легенду разсказываетъ кардиналъ Даміанъ, причисленный католической церковью къ лику святыхъ: «Одинъ человѣкъ, прожившій всю свою жизнь во грѣхѣ, умираетъ внезапной смертью. Бѣсы и ангелы спорятъ между собой за его душу; ангелы начинаютъ уступать, видя слишкомъ ясныя доказательства виновности покойника, но въ это время появляется Пресвятая Дѣва. Сначала пораженные ужасомъ, демоны оправляются и обращаются къ правосудію Мадонны. Марія отвѣчаетъ, что Іисусъ Христосъ не позволитъ сатанѣ захватить такого человѣка, который передъ своей смертью обратился съ молитвой къ Богоматери. Черти настаиваютъ на своемъ и говорятъ, что покойникъ совершилъ громадный грѣхъ, въ которомъ онъ не покаялся. Чтобы спасти виновнаго, Мадонна воскрешаетъ его и приказываетъ ему пойти немедленно въ монастырь на исповѣдь. Монахи дали ему разрѣшеніе, и онъ тотчасъ вошелъ вслѣдъ за своей покровительницей въ царство небесное».

Упитанные такими легендами, вѣрующіе католики были твердо убѣждены въ томъ, что «человѣкъ, читающій ежедневно молитвы, никогда не будетъ осужденъ на адскія мученія въ тотъ день, когда онъ успѣлъ ихъ произнести». Поэтому католическія легенды, какъ искусно разставленныя ловушки, были очень полезны для денежнаго и политическаго могущества клерикаловъ. Я не стану утверждать, что клерикалы въ изобрѣтеніи этихъ легендъ ру-

ководствовались дѣйствительно тѣмъ тонкимъ и глубокимъ психологическимъ разсчетомъ, который указанъ въ предыдущихъ строкахъ. Какъ составлялись эти легенды — этого я не знаю. Но какъ онѣ дѣйствовали—это намъ достовѣрно извѣстно. Мы знаемъ какъ нельзя лучше, что средневѣковые люди грѣшили очень храбро, а потомъ, когда дѣло доходило до расплаты, ударялись въ самое подлое ханжество и платили за формальное отпущеніе грѣховъ самыя несообразныя цѣны. Важнѣйшій догматъ клерикальной нравственности, знаменитый догматъ индульгенцій, весь построенъ на этой психологической особенности средневѣкового человѣчества. Когда оказалось въ обществѣ много охотниковъ покупать себѣ формальное отпущеніе грѣховъ, тогда изворотливымъ казуистамъ клерикальнаго лагеря было уже совсѣмъ не трудно отыскать приличное догматическое оправданіе для такихъ своеобразныхъ коммерческихъ оборотовъ. Сначала представители духовной власти отпускали грѣхи тѣмъ людямъ, которые, изъявляя сердечное раскаяніе, старались кромѣ того, по совѣту или по приказанію священника, загладить сдѣланное преступленіе добрыми дѣлами. Противъ этого трудно найти какое-нибудь основательное возраженіе: раскаянье и серьезное исправленіе должны примирять преступника, какъ съ его собственной совѣстью, такъ и съ человѣческимъ обществомъ. Но такъ какъ отъ священника зависѣло назначить кающемуся грѣшнику ту программу, по которой онъ долженъ былъ совершать свои подвиги искупленія, то, разумѣется, клерикальному произволу открывался самый широкій просторъ. Такъ напримѣръ, поссорившись съ императоромъ Генрихомъ IV, папа Григорій VII обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ грѣшникамъ, которые возстанутъ противъ Генриха и примкнутъ къ его противнику Рудольфу. Съ политической точки зрѣнія этотъ маневръ былъ очень искусенъ, но куда же дѣвалось при подобномъ распоряженіи необходимое раскаянье, и почему же нарушеніе присяги, участіе въ мятежѣ и злодѣяніе междоусобной войны превратились вдругъ въ добрыя дѣла, способныя мгновенно заглаживать самыя позорныя преступленія?

Когда начались крестовые походы, тогда папы укоренили въ народныхъ массахъ ту мысль, что переѣздъ въ Палестину очищаетъ крестоносца отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ. При такомъ гуртовомъ прощеніи очевидно не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ нравственномъ исправленіи и совершенствованіи каждой отдѣльной личности. Когда папы начали вести ожесточенную борьбу съ Гогенштауфенами, особенно съ Фридрихомъ II, тогда папамъ сдѣлались до зарѣзу необходимы очень значительныя суммы наличныхъ денегъ. Вотъ тутъ-то и началась въ обширныхъ размѣрахъ продажа вѣчнаго блаженства за звонкую монету; и тутъ явилась необходимость подтасовать новый догматъ, который и былъ изобрѣтенъ великимъ казуистомъ схоластическаго богословія, доминиканцемъ Ѳомой Аквинскимъ, прозваннымъ Doctor angelicus.

Ѳома утверждаетъ, что одинъ вѣрующій можетъ своими заслугами искупить грѣхи другого вѣрующаго, потому что вѣрующіе суть члены одного общаго духовнаго тѣла—церкви; стало быть, если одинъ членъ церкви сдѣлалъ больше подвиговъ, чѣмъ сколько было нужно для его собственнаго спасенія, то излишекъ его заслугъ можетъ быть обращенъ въ пользу другихъ членовъ. Но этотъ избытокъ заслугъ не остается въ распоряженіи отдѣльной личности, а поступаетъ въ общую сокровищницу церкви, которая распредѣляетъ эти духовныя блага по своему благоусмотрѣнію. Актъ индульгенціи состоитъ именно въ томъ, что папа, какъ казначей духовнаго сокровища, вынимаетъ оттуда нѣкоторую долю запасныхъ заслугъ и отдаетъ эту долю тому человѣку, котораго онъ хочетъ спасти отъ адскихъ мученій или отъ чистилища. «Въ этомъ случаѣ, — говоритъ неустрашимый діалектикъ Ѳома,— нѣтъ надобности принимать въ соображеніе вѣру или дѣла того лица, которое получаетъ индульгенціи, тутъ имѣетъ значеніе только сокровище заслугъ, находящееся въ распоряженіи церкви; это сокровище неистощимо, и церковь распредѣляетъ его какъ ей угодно и какъ того требуютъ ея интересы». Ѳома ухитрился подчинить господству папы даже души умершихъ; онъ доказалъ очень убѣдительно, что папа можетъ давать индульгенціи тѣмъ душамъ, которыя уже находятся въ чистилищѣ: какъ только эта индульгенція выдана, такъ душа сію минуту переносится въ рай; папы воспользовались аргументаціей Ѳомы и даже предоставили нѣкоторымъ церквамъ право вѣчныхъ индульгенцій; это значило, что за каждую обѣдню, отслуженную въ этой церкви, можно было выводить изъ чистилища по одной душѣ; само собой разумѣется, что за эти особенныя обѣдни и цѣна была совсѣмъ особенная; въ Римѣ было пять такихъ привилегированныхъ церквей, и на каждой изъ нихъ красовалась вывѣска, обращавшая вниманіе прохожихъ на спеціальныя достоинства предлагаемыхъ обѣдень.

Для продажи индульгенцій живымъ грѣшникамъ римскій дворъ устроилъ таксу всѣхъ грѣховъ: маленькіе грѣхи были подешевле, большіе—подороже, а самый крупный и отборный товаръ по части грѣховъ былъ доступенъ только очень богатымъ людямъ. Но папы постоянно нуждались въ деньгахъ, и имъ пришлось вслѣдствіе этого не только понижать тарифъ этой духовной таможни, но даже разсылать во всѣ

концы Европы множество разносчиковъ, которые предлагали отпущеніе грѣховъ встрѣчнымъ и поперечнымъ за самую умѣренную цѣну. Дѣло дошло до того, что многіе искуснѣйшіе агенты и коммиссіонеры папства стали продавать отпущеніе будущихъ грѣховъ. Тутъ клерикальная нравственность произнесла очевидно свое послѣднее слово. Дальше этого финансовая геніальность идти не можетъ. Тутъ даже самые близорукіе люди увидѣли ясно, что клирики систематически поощряютъ преступленіе съ тѣмъ, чтобы потомъ такъ же систематически брать съ него взятки. Тутъ лопнуло терпѣніе обманутыхъ и обобранныхъ массъ, и всеобщее негодованіе выдвинуло впередъ Лютера.

XIV.

Какъ бы ни были значительны клерикальныя злоупотребленія, однако надо замѣтить, что постепенное и неудержимое увяданіе католическихъ идей обусловливается преимущественно не злоупотребленіями, а другими, гораздо болѣе важными и глубокими причинами. Дѣло въ томъ, что свѣтское общество и католическая церковь всегда радикально расходились между собой въ своихъ взглядахъ на жизнь и на обязанности человѣка. Лучшіе представители католическаго принципа, люди «безукоризненной честности и незапятнанной нравственности» ненавидѣли міръ, хотѣли увести за собой все человѣчество въ монастырь, терзали свое тѣло голодомъ и розгами и превращали совершенно сознательно свою жизнь въ медленное самоубійство. Міряне, напротивъ того, хотѣли жить въ свое удовольствіе и обыкновенно пропускали мимо ушей горячую проповѣдь самоистязанія. Кто былъ правъ—клирики или міряне, — этого я рѣшить не берусь, но достовѣрно извѣстно изъ исторіи то, что тенденціи мірского общества одержали рѣшительную побѣду. Массу всегда пугали строгія требованія искреннихъ аскетовъ, старавшихся своей проповѣдью разрушить всѣ связи, соединяющія человѣка съ другими людьми. Масса впродолженіи цѣлыхъ столѣтій склоняла голову передъ тѣми проклятіями, которыми клирики поражали всѣ проявленія жизни, чувства и мысли; но, не осмѣливаясь возражать противъ этихъ проклятій, масса продолжала любить все то, что проклиналось великими проповѣдниками. А проклиналось ими очень многое; весь міръ былъ, по ихъ мнѣнію, царствомъ сатаны, и спасеніе могло быть найдено только въ монастырѣ. Съ высоты своего клерикальнаго величія, св. Ансельмъ осуждаетъ даже крестовые походы, какъ суетное земное предпріятіе, отвлекающее людей отъ подвиговъ созерцательной жизни. Св. Бернаръ не находитъ словъ, чтобы выразить свою радость, когда ему удается привлечь въ монастырь новаго адепта. Когда же родители или родственники удерживаютъ въ мірѣ молодыхъ фанатиковъ, тогда гнѣву св. Бернара нѣтъ предѣловъ. «Вы мнѣ не родители, — пишетъ онъ отъ имени одного юноши, — вы мои враги. Что я имѣю отъ васъ, кромѣ грѣха и бѣдствія? — Вамъ мало того, что вы, несчастные, бросили несчастнаго въ эту жизнь несчастья; вамъ мало того, что вы, грѣшники, родили грѣшника во грѣхѣ; вы еще хотите изъ зависти отнять у меня божественную благодать, которая спасаетъ меня отъ смерти; вы стремитесь превратить меня въ добычу геенны». Когда же мірское вліяніе родителей одержало верхъ, тогда Бернаръ разразился проклятіями противъ самого юноши, покидающаго монастырское убѣжище. «Богъ призвалъ тебя къ себѣ, — писалъ онъ, — и вдругъ ты покидаешь Его, чтобы идти вслѣдъ за дьяволомъ. Твои родители ввергаютъ тебя въ пасть льва; они погружаютъ тебя въ бездну смерти; черти караулятъ тебя и готовы тотчасъ схватить свою добычу».

Люди XII вѣка были вообще очень невѣжественны, но фанатики даже въ то время находили возможность проклинать зловредную науку. «Монахи, — говоритъ кардиналъ Даміанъ, — оставляютъ духовныя упражненія, чтобы знакомиться съ глупостями земной науки. Не значитъ ли это покидать цѣломудренную супругу, чтобы связываться съ блудницами театра?» — «Они называютъ себя философами, — говоритъ Бернаръ, — а мы гораздо справедливѣе можемъ назвать ихъ любопытными и вздорными людьми; наука вѣка сего опьяняетъ, но не даетъ милосердія; она наполняетъ, но не питаетъ; она раздуваетъ, но не поучаетъ; она засоряетъ умъ, но не укрѣпляетъ». Такимъ же тономъ говорятъ о наукѣ и всѣ другіе клерикалы, и въ числѣ этихъ другихъ мы встрѣчаемъ даже Петра Достопочтеннаго, того самаго, который учился въ магометанской Испаніи, переводилъ коранъ и укрылъ въ своемъ аббатствѣ несчастнаго Абеляра, гонимаго соборами, папой и св. Бернаромъ. Наконецъ, въ XIII вѣкѣ, Доминикъ и Францискъ прокляли собственность и трудъ. Чтобы достигнуть совершенства, человѣкъ долженъ, по ихъ мнѣнію, нищенствовать, молиться, голодать и стегать себя почаще розгами или плетью. Противъ этого опаснаго обоготворенія нищенства и праздности возсталъ въ томъ же XIII вѣкѣ парижскій университетъ, и во главѣ его ученый и здравомыслящій богословъ, Вильгельмъ de Sancto Amore, написавшій противъ нищенствующихъ монаховъ книгу подъ заглавіемъ: «De Periculis Ecclesiae» («Объ опасностяхъ церкви»). «Трудъ, — говоритъ Вильгельмъ, — есть назначеніе человѣка; это — законъ, который далъ ему Богъ, создавая его въ состояніи нравственнаго совершенства; это — обязанность, возложенная на него послѣ его грѣхопаденія. Мы

естественнымъ образомъ обязаны дѣлать то, что̀ необходимо для существованія человѣчества; безъ труда человѣчество погибнетъ; стало быть, мы рождены для того, чтобы трудиться».— «Жизнь, — продолжаетъ онъ, — налагаетъ на насъ обязанности; мы должны дѣйствовать, развертывать по всѣмъ направленіямъ наши человѣческія способности; трудъ на пользу общества стоитъ выше подвиговъ созерцательной жизни». Съ точки зрѣнія политической экономіи, разсужденія Вильгельма безукоризненны, но средневѣковыхъ клириковъ подобныя разсужденія могли только привести въ негодованіе. Вильгельмъ говорилъ, что человѣчество погибнетъ, если никто не будетъ трудиться. А что̀ за дѣло было клирикамъ до погибели человѣчества? По мнѣнію св. Бернара, сынъ обязанъ проклинать своихъ родителей за то, что они, грѣшники, родили его, грѣшника, на свѣтъ во грѣхѣ. Такія проклятія направлены очевидно противъ самаго существованія человѣчества и слѣдовательно противъ всего того, что̀, такъ или иначе, поддерживаетъ это грѣховное существованіе. Поэтому нищенствующіе монахи утверждали совершенно послѣдовательно, что «трудъ есть преступленіе». Но, не рѣшаясь высказать прямо ту мысль, что они хотятъ истребить человѣчество, они призывали себѣ на помощь логику супернатурализма и сулили своимъ слушателямъ, что «земля будетъ приносить плоды въ безпредѣльномъ изобиліи, когда всѣ люди, оставивъ полевыя работы, посвятятъ всѣ свои силы молитвѣ».

Эти проповѣди были однако не опасны для Вильгельма, потому что народъ плохо вѣрилъ подобнымъ обѣщаніямъ и смотрѣлъ на нищенствующихъ монаховъ не столько съ сочувствіемъ, сколько съ недоумѣніемъ. Бѣлое духовенство враждовало съ новыми орденами; народные поэты, напримѣръ, Rutebeuf и авторъ «Романа о розѣ» («Roman de la Rose»), относились къ доминиканцамъ и францисканцамъ недружелюбно и насмѣшливо. Словомъ, общественное мнѣніе было на сторонѣ Вильгельма; его поддерживалъ парижскій университетъ; ему сочувствовало все умное сословіе тогдашней Франціи; но противъ него выступили два опасные противника, два знаменитые писателя XIII вѣка: за доминиканцевъ заговорилъ Ѳома Аквинскій, а за францисканцевъ — генералъ ихъ ордена, Бонавентура. Надо сказать правду, эти діалектики, оставаясь на чисто теологической почвѣ, своими аргументами и цитатами разбили въ прахъ всю политическую экономію Вильгельма de Sancto Amore. Они даже не стали разбирать вопроса о томъ, что̀ вредно и что̀ полезно для человѣчества. Этотъ вопросъ не имѣлъ для нихъ ни малѣйшаго смысла. Они доказали только ссылками на высшіе авторитеты, что абсолютная бѣдность возведена уже очень давно въ идеалъ нравственнаго совершенства. Утвердивши эту мысль на незыблемыхъ основаніяхъ, они совершенно справедливо назвали еретикомъ и врагомъ религіи того дерзкаго человѣка, который осмѣливался осуждать нищенство монаховъ, какъ преступленіе противъ естественныхъ законовъ общества. Противники ихъ говорили, что міръ созданъ Богомъ, и что вслѣдствіе этого человѣкъ не обязанъ ненавидѣть міръ. «Не вещи, созданныя Богомъ,—разсуждали они, — производятъ несовершенство, а производитъ его слабость человѣка, неумѣющаго пользоваться благами жизни». Этотъ аргументъ былъ пущенъ въ ходъ противъ нищенства,то-есть противъ абсолютнаго презрѣнія къ земнымъ благамъ и къ физическому труду. Бонавентура доказалъ неопровержимо, что надо сдѣлать одно изъ двухъ, или признать это разсужденіе несостоятельнымъ и противнымъ религіи, или же приложить его ко всѣмъ проявленіямъ католической нравственности. «Такъ какъ земныя блага созданы Богомъ,—говорилъ Бонавентура,— такъ какъ женщины созданы Богомъ, такъ какъ бракъ учрежденъ Богомъ, такъ какъ свободная воля дарована Богомъ,—то совершенство, стало-быть, состоитъ въ томъ, чтобы жить въ роскоши, жениться, пользоваться свободной волей».— Противникамъ нищенствующихъ орденовъ поставлена такимъ образомъ безвыходная дилемма: или они должны оправдать нищенство, какъ стремленіе къ идеалу, или же они должны осудить всѣ монашескіе обѣты, какъ дерзкія попытки человѣка навсегда отречься отъ того, что̀ создано для него Богомъ.

Несмотря на сочувствіе общества, Вильгельмъ de Sancto Amore потерпѣлъ въ оффиціальномъ мірѣ полнѣйшее пораженіе. Папа осудилъ книгу «De Periculis», какъ «нечестивое, гнусное, отвратительное» сочиненіе. Онъ приказалъ ее сжечь и объявилъ врагами церкви тѣхъ людей, которые осмѣлятся защищать ее такъ или иначе. Онъ написалъ множество писемъ къ французскому королю, къ архіепископамъ и епископамъ для того, чтобы добиться строжайшаго исполненія этого приказанія. Парижскій университетъ струсилъ и попятился назадъ; доктора, поддерживавшіе идеи Вильгельма, отказались отъ своихъ заблужденій для того,чтобы сохранить свои должности. Но самъ Вильгельмъ остался непоколебимымъ и говорилъ даже не разъ,—какъ свидѣтельствуютъ его враги, — что онъ готовъ идти на смерть за свои вѣрованія. Тѣ же враги обвиняютъ Вильгельма въ томъ, что онъ убѣждалъ своихъ слушателей твердо стоять за правое дѣло. Эти ужасныя обвиненія очень правдоподобны; Вильгельма отрѣшили отъ должности, Вильгельма выгнали изъ Парижа, а Вильгельмъ все-таки не изъявилъ ни малѣйшаго желанія раскаяться. Папа то грозилъ ему разными ужасами, то старался обратить его на путь истины кроткими совѣтами и обольстительными обѣщаніями, но

Вильгельмъ былъ такъ грубъ и непочтителенъ, что не обращалъ никакого вниманія на всѣ эти начальственныя демонстраціи. Тогда папа, съ сокрушеніемъ сердца, объявилъ во всеуслышаніе, что Вильгельмъ повергнутъ дьяволомъ въ «бездну упрямства». А Вильгельмъ заупрямился еще сильнѣе и даже осмѣлился апеллировать на рѣшеніе папы ко вселенскому собору. Апелляція эта осталась, разумѣется, безплодной тратой словъ, потому что вселенскаго собора въ то время не было, и неисправимый Вильгельмъ остался до самой своей смерти въ крайности, въ изгнаніи и въ «безднѣ упрямства». Вильгельмъ de Sancto Amore втеченіи нѣсколькихъ столѣтій считался очень опаснымъ писателемъ. Въ XVIII столѣтіи его сочиненія были напечатаны, но французское правительство, по просьбѣ доминиканцевъ, запретило продавать эти сочиненія подъ страхомъ смертной казни.

Побѣда схоластиковъ надъ представителемъ утилитарнаго направленія была блистательна, но безплодна. Можно было согнать профессора съ каѳедры, можно было сжечь его сочиненія, не мудрено было даже и самого автора взвалить на костеръ, но уничтожить радикальное противорѣчіе между аскетическимъ идеаломъ и стремленіями живой дѣйствительности было совершенно невозможно. Жизнь не подчинилась католическому уставу; напротивъ того, она сама проникла въ монастыри и своимъ неотразимымъ вліяніемъ превратила въ мертвую букву самые строгіе уставы. Монахи ѣли много, монахи развратничали, монахи занимались учеными изслѣдованіями и судебными процессами, монахи вели торговлю и наживали себѣ капиталы,—ясное дѣло, что дѣйствительная жизнь одерживала побѣду надъ требованіями идеала. Столкновеніе между живыми инстинктами человѣческой природы и монастырскими понятіями о нравственномъ совершенствѣ описаны очень наглядно и остроумно во многихъ произведеніяхъ средневѣковой поэзіи.—Утомившись шумомъ лагерной жизни и чувствуя приближеніе старости, герои рыцарскихъ романовъ часто удаляются въ монастырь, но они и въ монастырѣ хотятъ жить по своему, заявляя тамъ при каждомъ удобномъ случаѣ всю свою феодальную необузданность. Одинъ изъ такихъ героевъ, Ренуаръ, никогда въ жизни своей не бывалъ въ церкви; по какому то особенному случаю онъ рѣшается поступить въ монастырь; его брѣютъ, постригаютъ, одѣваютъ въ монашеское платье; онъ ко всему этому церемоніалу присматривается и молчитъ; превративши рыцаря въ монаха, аббатъ приказываетъ своему новому подчиненному поститься по четыре дня въ недѣлю, носить на голомъ тѣлѣ власяницу и каждую ночь читать положенныя молитвы. Тутъ бывшій рыцарь выходитъ изъ себя; онъ кричитъ на весь монастырь, что аббатъ вретъ чепуху; потомъ онъ клянется самыми страшными клятвами, что онъ во всякомъ случаѣ будетъ ѣсть жирныхъ каплуновъ и отличную дичь, будетъ пѣть, когда ему вздумается, и все, что ему будетъ угодно.—Другой рыцарь, Вильгельмъ Курносый, поступивши въ монахи, нагоняетъ страхъ на весь монастырь. Онъ ѣстъ за шестерыхъ, пьетъ во все свое удовольствіе, и въ пьяномъ видѣ дѣлаетъ всѣмъ своимъ товарищамъ самыя чувствительныя непріятности. Однажды аббатъ посылаетъ его за рыбою и предупреждаетъ его, что ему придется идти черезъ лѣсъ и что тамъ водятся мошенники, которые по всей вѣроятности постараются отнять у него деньги или съѣстные припасы, закупленные для монастыря.—«Хорошо, отвѣчаетъ Вильгельмъ: со мной не сладятъ. Я возьму свое оружіе».—«Нѣтъ, возражаетъ аббатъ, уставъ св. Бенедикта положительно запрещаетъ намъ употребленіе меча».—«А если они на меня нападутъ!»—«Ты ихъ попросишь, сынъ мой, именемъ Бога, оставить тебя въ покоѣ».—«А если они захотятъ взять у меня шубу, рубашку, сапоги, чулки?»—«Надо все отдать имъ, сынъ мой», отвѣчаетъ аббатъ.—«Правила рыцарства, по моему, гораздо лучше, оретъ Вильгельмъ: рыцари сражаются съ турками и часто проливаютъ свою кровь, а вы только и дѣлаете, что пьете да ѣдите, и спите!»

Уже съ XIII вѣка поэты стали относиться враждебно не только къ клерикальнымъ злоупотребленіямъ, но даже къ основнымъ принципамъ католицизма. Одинъ нѣмецкій миннезингеръ въ пѣснѣ о возвращеніи Фридриха Барбароссы говоритъ, что императоръ уничтожитъ всѣ монастыри, что монахи женятся на монахиняхъ и что всѣ они вмѣстѣ примутся пахать землю и обрабатывать виноградники. Когда въ началѣ XIV вѣка папа Климентъ V уничтожилъ орденъ тампліеровъ, одинъ англійскій поэтъ написалъ пѣсню о будущемъ уничтоженіи всѣхъ остальныхъ орденовъ. Какъ бы мы ни относились къ этому историческому факту—благосклонно или недоброжелательно,—во всякомъ случаѣ самое существованіе факта не подлежитъ сомнѣнію: общество отталкивало прочь схоластическій идеалъ.

XV.

Разладъ между католической доктриной и свѣтскимъ обществомъ выразился съ особенной рѣзкостью въ ихъ взглядахъ на женщину. Трудно представить себѣ болѣе рѣшительную противоположность. Средневѣковые богословы постоянно стараются отзываться о женщинѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ. «Женщина, — пишетъ Гуго de Sancto Victoe,—есть причина зла, начало заблужденія, источникъ грѣха; она соблазнила человѣка въ раю, она продолжаетъ соблазнять его на землѣ, и она же увлечетъ его въ бездну ада».—«Женщина,—говоритъ Винцентій изъ Бове,—есть сладкій ядъ, дающій вѣчную смерть; это—факелъ сатаны, дверь, черезъ

которую входитъ дьяволъ». — Спеціалистъ по части демонологіи, епископъ Вильгельмъ Овернскій, утверждаетъ, что черти являются всегда подъ видомъ женщины. — Аристотель смотритъ на женщину презрительнѣе всѣхъ остальныхъ философовъ древности. «Природа, — говоритъ онъ, — всегда стремится создать мужчинъ; женщинъ же она создаетъ только по безсилію или случайно». Ѳома Аквинскій, цитируя эти слова, совершенно соглашается съ ними и прибавляетъ отъ себя то замѣчаніе, что мужчина есть типъ совершенства, а женщина — типъ несовершенства. «Даже безъ грѣхопаденія, — продолжаетъ онъ, — женщина была бы подчинена мужчинѣ, потому что у мужчины естественнымъ образомъ имѣется больше разсудка». Повторяя мнѣнія Августина, Ѳома утверждаетъ, что женщина создана только для того, чтобы рождать дѣтей, «подобно тому, какъ земля необходима для того, чтобы сѣмена производили растенія». «Въ самомъ дѣлѣ, — разсуждаютъ Августинъ и Ѳома, — женщина, очевидно, создана не за тѣмъ, чтобы помогать мужчинѣ въ его трудахъ, потому что, разумѣется, мужчина могъ бы быть для мужчины болѣе полезнымъ помощникомъ. И конечно не за тѣмъ она создана, чтобы утѣшать мужчину: развѣ два друга мужескаго пола не были бы счастливѣе вмѣстѣ, чѣмъ мужчина и женщина?»

При такомъ взглядѣ на женщину бракъ безъ сомнѣнія долженъ казаться зломъ. Такъ оно и было дѣйствительно. — Презрѣнными людьми оказываются такимъ образомъ, по приговору Вантадура, всѣ искренніе аскеты, потому что всѣ они отплевывались отъ любви, какъ отъ самаго лютаго изъ дьявольскихъ искушеній. Тутъ можно сдѣлать два предположенія, и оба они приводятъ насъ къ тому результату, что внутренняя, умственная связь между средневѣковымъ идеаломъ и обществомъ была чрезвычайно слаба даже въ то время, когда церковь господствовала надъ государствомъ. Одно изъ двухъ: или Вантадуръ сознательно направилъ свои слова противъ этого идеала, или же онъ написалъ эти слова безъ особеннаго умысла, увлекаясь воспѣваніемъ любви и стараясь какъ можно ярче выразить свое благоговѣніе къ этому чувству. Въ первомъ случаѣ мы видимъ смѣлую оппозицію, во второмъ — еще того хуже; во второмъ — мы видимъ, что поэтъ можетъ совершенно забывать, игнорировать и оставлять безъ вниманія тѣ идеи, которыми живутъ лучшіе представители его религіи. — Поэты были большей частью безукоризненными католиками и сами считали себя даже вѣрующими и ревностными католиками, но все ихъ міросозерцаніе, — всѣ ихъ симпатіи и тенденціи были радикально противоположны тѣмъ мыслямъ, чувствамъ и стремленіямъ, которыя вырабатывались въ настоящихъ твердыняхъ католицизма лучшими представителями его. Значитъ, католицизмъ былъ всегда для огромного числа западныхъ европейцевъ собраніемъ догматовъ, формулъ и обрядовъ, которымъ они придавали очень важное значеніе, но изъ которыхъ они не извлекали никакихъ руководящихъ началъ для своей вседневной, практической и умственной жизни. Жизнь развивалась по своимъ собственнымъ, внутреннимъ законамъ, совершенно независимо отъ неподвижнаго принципа, и когда она дошла въ своемъ развитіи до яснаго самосознанія, тогда она начала разрывать даже ту чисто-внѣшнюю связь, которая соединяла ее съ католицизмомъ. Католическіе богословы утверждаютъ, что даже бракъ не оправдываетъ собой любви къ женщинѣ; поэты, напротивъ того, оказались такими пакостниками, что возвеличили и обоготворили свободную любовь. Это, разумѣется, было съ ихъ стороны очень дурно и безнравственно, но тутъ дѣло не въ томъ. Поэты высказывали только то, что въ данную минуту чувствовало и думало большинство ихъ современниковъ. Поэзія отражала въ себѣ дѣйствительную жизнь. Въ дѣйствительной жизни рыцарь становился на колѣни передъ женщиной, съ которой онъ не былъ связанъ брачнымъ союзомъ. Эта женщина брала его руки въ свои руки, подобно тому, какъ дѣлалъ это сюзеренъ, принимая отъ своего вассала присягу въ вѣрности. И рыцарь, стоя такимъ образомъ на колѣняхъ передъ посторонней женщиной, давалъ ей торжественную клятву обожать ее вѣчно и служить ей вѣрно до самой смерти. Дама принимала эту клятву, давала рыцарю кольцо и, поднимая его съ колѣнъ, цѣловала его въ губы. И рыцари были твердо убѣждены въ томъ, что супругъ нарушилъ-бы законы чести, еслибы вздумалъ обращаться съ своей законной супругой, какъ съ дамой своего сердца. Дамой сердца непремѣнно должна была быть посторонняя женщина, потому, какъ говорили поэты и рыцари, что жена зависитъ отъ мужа и ни въ чемъ не можетъ отказать ему, а любовь должна быть совершенно свободна.

Все это очень непохвально, но я совсѣмъ не для того и распространяюсь объ этихъ обычаяхъ, чтобы восхвалять ихъ. Я хочу только обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что всѣ эти обычаи и понятія сформировались и окрѣпли именно въ то время, когда католическая церковь полновластно господствовала надъ обществомъ. Всѣ эти обычаи и понятія діаметрально-противоположны католическимъ принципамъ, а между тѣмъ католическіе принципы позволили имъ развернуться и не могли ихъ подавить даже тогда, когда они, католическіе принципы, находились въ самой цвѣтущей порѣ своего могущества.

XVI.

Католическое духовенство было испорчено; притязанія католической іерархіи были несовмѣ-

стимы съ существованіемъ государства; догматы католицизма были изуродованы, поддѣланы и перетолкованы, сообразно съ узкими житейскими выгодами клерикальной корпораціи; наконецъ все католическое міросозерцаніе, какъ понимали его лучшіе представители католицизма, находилось въ непримиримомъ противорѣчіи съ инстинктами и стремленіями свѣтскаго общества. Всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно полное историческое банкротство католическихъ идей. Равнодушіе къ нимъ стало обнаруживаться очень рано: уже въ половинѣ XII столѣтія одинъ соборъ говоритъ съ укоризной о такихъ людяхъ, которые презираютъ церковныя церемоніи. Съ XIII вѣка индифферентизмъ становится уже хронической болѣзнью католическихъ народовъ и постепенно превращается даже въ сознательное невѣріе. Соборы постоянно принимаютъ разныя карательныя мѣры противъ тѣхъ людей, которые по воскресеньямъ не ходятъ въ церковь. Латеранскій соборъ, въ 1214 году, приказываетъ каждому католику причащаться по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ. Это приказаніе было вызвано тѣмъ фактомъ, что очень многіе католики не причащались совсѣмъ никогда. Простой народъ, по словамъ Альберта Великаго, жившаго въ XIII вѣкѣ, скучалъ въ церкви и считалъ для себя болѣе удобнымъ проводить воскресные дни въ кабакахъ. Во времена Альберта Великаго число индифферентистовъ было такъ значительно, что Альбертъ находилъ возможнымъ раздѣлить ихъ на нѣсколько разрядовъ. Одни, невѣрующіе,—ослѣплены руководствомъ дьявола и отвергаютъ спасительную силу религіи. Другіе, равнодушные,—заняты житейскими дѣлами, увлечены денежными оборотами и совсѣмъ не думаютъ о религіи. Третьи, нечестивые,—запятнаны преступленіями и, привязавшись къ своему гнусному образу жизни, не хотятъ очищать свою совѣсть молитвой и покаяніемъ.

Духовенство, разумѣется, было очень недовольно охлажденіемъ католической паствы; принимались противъ религіознаго равнодушія самыя разнообразныя мѣры, но дѣло съ каждымъ десятилѣтіемъ шло все хуже да хуже. Въ XIV вѣкѣ одинъ авиньонскій епископъ погрозилъ церковнымъ проклятіемъ тѣмъ авиньонскимъ католикамъ, которые отлынивали отъ богослуженія; но врядъ-ли проклятіе могло быть особенно страшно для тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые были равнодушны къ религіи. Многіе соборы XIV вѣка пытались устроить особаго рода инквизицію для выслѣживанія тѣхъ людей, которые не исповѣдывались и не причащались. Другіе соборы, не зная, что̀ дѣлать съ этими безчувственными людьми, запретили имъ входить въ церкви. Потомъ противъ индифферентистовъ была пущена въ ходъ система денежныхъ штрафовъ. Всѣ эти мѣры только раздражали общество, плодили доносчиковъ и лицемѣровъ, превращали равнодушныхъ людей въ ненавистниковъ католицизма и вообще постоянно расширяли ту бездну, которая отдѣляла католическую церковь отъ католическихъ народовъ. Люди, отлученные отъ церкви, говорили открыто, что они попрежнему ѣдятъ и пьютъ съ великимъ удовольствіемъ, и что поля ихъ не перестаютъ приносить имъ обильныя жатвы. А иногда дѣло доходило до того, что отлученные міряне произвольно присвоивали себѣ духовныя должности и со всей надлежащей серьезностью служили обѣдни, какъ настоящіе священники.

Іерархія сама втеченіи многихъ столѣтій заботилась о томъ, чтобы превратить католицизмъ въ собраніе внѣшнихъ обрядовъ, на которые народъ долженъ былъ смотрѣть съ благоговѣніемъ. Іерархія сама мѣшала народу слушать или читать священное писаніе на родномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого католикъ считалъ себя католикомъ единственно потому, что въ извѣстные дни ходилъ въ церковь и въ извѣстныя времена года отказывался отъ мясной пищи. Когда католикъ выучивался презирать пьяныхъ и развратныхъ монаховъ, когда онъ начиналъ относиться равнодушно и насмѣшливо къ соблюденію внѣшнихъ формальностей, тогда разрывалась всякая связь между католической паствой и его частной жизнью, тогда ему ровно ничего не стоило жить и умирать совсѣмъ безъ религіи. Отрѣшившись отъ раболѣпнаго уваженія къ духовенству, католикъ, какъ ученикъ, вырвавшійся на свободу, не зналъ границъ своей шаловливой радости, осмѣивалъ сплошь, безъ всякаго дальнѣйшаго разбора все, что̀ онъ недавно уважалъ по приказанію строгаго учителя. «Le Roman du Renard» представляетъ въ цѣломъ своемъ составѣ очень яркій образчикъ такого сплошного осмѣянія; и этотъ образчикъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что «Романъ о лисицѣ» былъ, какъ я замѣтилъ выше, любимой умственной пищей средневѣковыхъ читателей. Осмѣивая испорченность духовенства, авторъ этого романа осмѣиваетъ заодно католическую религію, во всѣхъ ея обрядахъ. Такъ напримѣръ, преступную лисицу отлучаютъ; эту церемонію исполняетъ оселъ. При этомъ описываются во всѣхъ подробностяхъ,—но, разумѣется, въ карикатурномъ видѣ,—всѣ обряды экскоммуникаціи. Но лисица не унываетъ. «Что̀ мнѣ дѣлать?—восклицаетъ она съ насмѣшкой.—Меня отлучаютъ отъ церкви. Теперь мнѣ придется отказываться отъ пищи до тѣхъ поръ, пока я не почувствую голода или аппетита. Теперь супъ мой не будетъ кипѣть до тѣхъ поръ, пока подъ нимъ не разложатъ огня». Словомъ, лисица находитъ, что сокрушаться не о чемъ, потому что все пойдетъ попрежнему. Надѣлавши множество грѣховъ, лисица отправляется на исповѣдь,

перечисляетъ всѣ свои преступленія, объявляетъ прямо, что совсѣмъ не желаетъ исправляться, и получаетъ торжественное прощеніе.—Вся католическая обѣдня осмѣивается самымъ циническимъ образомъ.—Ложась спать, лисица молится Богу, проситъ себѣ заступничества, произноситъ двѣнадцать разъ Pater noster и поминаетъ въ своихъ молитвахъ «всѣхъ воровъ, всѣхъ мошенниковъ, всѣхъ подлецовъ и всѣхъ развратниковъ».

И все это читалось съ величайшимъ увлеченіемъ современниками Людовика Святого. Массу вели къ невѣрію чисто отрицательныя причины, то есть несовершенства господствующей религіи. Но у мыслящихъ людей тогдашняго общества были и положительныя причины; на этихъ мыслящихъ людей дѣйствовали, съ неотразимой и постоянно возрастающей силой, два вліянія, въ высшей степени враждебныя католическимъ идеямъ, — вліяніе древней Греціи и вліяніе арабовъ.—Греція проникла даже въ тотъ лагерь, къ которому принадлежали самые ревностные защитники католицизма; вся схоластика была построена на діалектикѣ Аристотеля, и случалось не разъ, что Аристотель неотразимымъ обаяніемъ своей логической послѣдовательности увлекалъ какого-нибудь добросовѣстнаго католическаго богослова къ такимъ умозаключеніямъ, которыя никакъ не могли быть одобрены папой и соборами. Средневѣковые ученики Аристотеля страстно любили своего учителя и видѣли въ его книгахъ высшее проявленіе человѣческой мудрости. Нравственная философія Аристотеля читалась на ряду съ Евангеліемъ, или, точнѣе, нравственная философія пользовалась предпочтеніемъ («La Réforme»). Эта преступная любовь католиковъ къ язычнику повела за собой самыя гибельныя послѣдствія. Ученикамъ захотѣлось, во что-бы то ни стало, спасти обожаемаго учителя отъ адскихъ мученій. Богословы написали нѣсколько книгъ «о спасеніи Аристотеля». Въ схоластическомъ мірѣ появилась та опасная мысль, что языческіе философы получили вѣчное блаженство за чистоту своей нравственности и за благотворное вліяніе на развитіе человѣческой мысли. Дерзкіе умы стали разрабатывать эту идею: «если, — разсуждали они, — Платонъ и Аристотель попали въ рай, то, значитъ, вообще люди могутъ спасаться во всякой религіи»; индифферентизмъ былъ такимъ образомъ возведенъ на степень философской доктрины.

Этому систематизированію индифферентизма содѣйствовало въ значительной степени вліяніе арабскихъ скептиковъ и преимущественно Аверроэса, который не только презиралъ все, но даже отвергалъ безсмертіе души и, вмѣсто личнаго Бога, признавалъ только безличную совокупность вѣчныхъ законовъ природы. Средневѣковые католики называютъ Аверроэса «бѣшеной собакой, которая, увлекаясь отвратительной яростью, лаетъ постоянно противъ Христа и противъ католической религіи». Въ XIII столѣтіи эта бѣшеная собака нашла себѣ многихъ послѣдователей въ парижскомъ университетѣ и во всей католической Европѣ. Парижскій епископъ нѣсколько разъ предавалъ проклятію эти вредныя идеи; Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій писали противъ нихъ ученые трактаты; но аверроизмъ продолжалъ дѣйствовать на умы и подрывать авторитетъ католицизма. Въ половинѣ XIII вѣка одинъ папскій легатъ запретилъ діалектикамъ заниматься богословіемъ, а богословамъ пускаться въ богословскія изслѣдованія, говоря, что смѣшеніе богословія съ философіей ежедневно порождаетъ новыя заблужденія. Всѣ лукавые вольнодумцы съ радостью ухватились за это запрещеніе; они объявили, что не смѣютъ углубляться въ непостижимыя тайны богословія, и стали развивать такія философскія доктрины, которыя были совершенно противоположны установленнымъ догматамъ. Папа и парижскій соборъ съ величайшимъ негодованіемъ возстали противъ этой коварной тактики. «Нѣкоторые люди утверждаютъ, — писалъ папа,— что есть вещи истинныя по философіи, но неистинныя по религіи, точно будто могутъ существовать двѣ противоположныя истины, и точно будто истина, находясь въ противорѣчіи съ Священнымъ Писаніемъ, можетъ заключаться въ книгахъ тѣхъ проклятыхъ язычниковъ, о которыхъ сказано: «я погублю мудрость мудрецовъ».

Запрещенныя мысли хитрили, виляли, принимали на себя различныя маски и все-таки прокладывали себѣ дорогу въ общество. Въ XIV вѣкѣ Петрарка говоритъ о множествѣ людей, систематически презиравшихъ католическую религію: «Еслибы казни уголовнаго правосудія не пугали ихъ гораздо больше, чѣмъ наказанія божьи,—пишетъ онъ,—они осмѣлились бы нападать не только на ученіе о сотвореніи міра, но даже на католическую религію и на священный догматъ Христа. Въ своихъ оффиціальныхъ рѣчахъ они клянутся, что ихъ разсужденія не затрогиваютъ религіи; но въ частныхъ бесѣдахъ они позволяютъ себѣ всевозможныя богохульства, шутки и сарказмы, которые вызываютъ со стороны ихъ слушателей восторженныя рукоплесканія. Разумѣется, эти преступныя насмѣшки не могли долго удовлетворять человѣческую мысль; отвергнувъ религію, дойдя до атеизма и до полнаго матеріализма, мыслители XV вѣка стали искать себѣ новой работы; богословіе уже потеряло для нихъ всякую занимательность; они не считали его больше за науку, и вслѣдствіе этого они принялись съ величайшимъ увлеченіемъ за изученіе природы и классической литературы. Паденіе Константинополя, переселеніе многихъ ученыхъ грековъ въ Италію, великія морскія открытія и изобрѣтеніе книго-

печатанія были тѣми внѣшними историческими событіями, которыя дали могущественное развитіе новому направленію умственной дѣятельности, одержавшему рѣшительную побѣду надъ средневѣковой схоластикой.

Въ XV столѣтіи побѣда была уже одержана: католическій богословъ, Петръ д'Альи, жалуется, что богословіе забыто и что богословы занимаются исключительно свѣтскими науками. Правда, реформація снова, на цѣлыя два столѣтія, выдвинула впередъ безъисходные теологическіе диспуты, но въ то время, когда Лютеръ и Кальвинъ диспутировали, было уже много мыслящихъ людей, занимавшихся серьезными научными изслѣдованіями. Математика, астрономія, физика, механика и анатомія развивались втихомолку въ то самое время, когда вся западная Европа была наполнена шумомъ протестантскихъ сектъ, интригами іезуитовъ и кровопролитными сценами религіозныхъ войнъ. — Положительная наука росла и укрѣплялась...

МЫСЛИ ВИРХОВА О ВОСПИТАНІИ ЖЕНЩИНЪ.

I.

Одинъ изъ замѣчательныхъ европейскихъ натуралистовъ нашего времени, Рудольфъ Вирховъ, высказалъ недавно нѣсколько очень свѣтлыхъ мыслей о воспитаніи женщинъ. Мысли эти важны не столько по своему прогрессивному характеру, сколько по своей практичности, безобидности и осуществимости. Прогрессивныхъ мечтаній по вопросу о женщинахъ было высказано чрезвычайно много. Еслибы человѣчество могло подвигаться впередъ посредствомъ рисованія блестящихъ идеаловъ, то всѣ эти мечтанія были бы чрезвычайно полезны. Къ сожалѣнію, это рисованіе идеаловъ составляетъ только самую легкую и самую незначительную часть той работы, которая должна вести человѣчество къ его будущему благосостоянію. Если вы нарисовали идеалъ, то вы должны еще кромѣ того показать обществу, какимъ путемъ оно должно идти къ осуществленію этого идеала. Если вы сказали обществу: «вотъ чѣмъ *должна* быть женщина!» то на васъ лежитъ еще обязанность объяснить вашимъ современникамъ, какимъ образомъ она *можетъ* придти къ указанной вами цѣли. Принимаясь за эту вторую часть задачи, вы должны брать въ разсчетъ не только отвлеченную возможность, но и реальную удобоисполнимость. Есть множество вещей, совершенно возможныхъ по законамъ природы и въ то же время совершенно неисполнимыхъ при данныхъ условіяхъ мѣста и времени. Данныя условія, мѣшающія осуществленію прекрасныхъ идеаловъ,—это конечно штука очень нелѣпая и несносная; но будете ли вы ихъ проклинать, будете ли вы ихъ игнорировать — это рѣшительно все равно; ни ваши проклятія, ни ваше игнорированіе не сдвинутъ ихъ съ мѣста и не принесутъ ни малѣйшей пользы вашей любимой идеѣ; вы будете, въ счастливомъ невѣдѣніи матеріальныхъ препятствій, ублажать себя великолѣпными теоретическими построеніями, а дѣйствительная жизнь будетъ попрежнему тащиться по своей колеѣ.

Чтобы быть настоящимъ прогрессистомъ не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы быть реалистомъ, а не мечтателемъ, вы должны изучать данныя условія, каковы бы они ни были. Вы должны постоянно принимать ихъ въ соображеніе, вы должны даже, скрѣпя сердце, поддѣлываться къ нимъ для того, чтобы передѣлывать ихъ по своему. Вы видите напримѣръ, что какая-нибудь любимая, высоко-гуманная и прогрессивная идея ваша осмѣяна и оклеветана тѣми людьми, которые неспособны ее понять. Испытавши такое пораженіе, вы все-таки не должны останавливаться на томъ безотрадномъ заключеніи, что общество еще не доросло до пониманія своихъ собственныхъ выгодъ. Если общество, по своей неразвитости или по какимъ-нибудь другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, неспособно воспользоваться вашей идеей въ той формѣ, въ которой вы ее предложили сначала, то вы должны измѣнить эту форму и повторить вашу попытку, и повторять эти попытки до тѣхъ поръ, пока не добьетесь успѣха. Каждая великая и плодотворная идея обладаетъ такой гибкостью, эластичностью и живучестью, которая рано или поздно должна побѣдить или пережить всѣ препятствія. Для каждой великой и плодотворной идеи можно придумать такое скромное приложеніе, которое не покажется предосудительнымъ даже самому отъявленному рутинеру.

Эти общія размышленія о великихъ и плодотворныхъ идеяхъ прилагаются въ частности съ величайшимъ удобствомъ къ великой и плодотворной идеѣ раціональнаго воспитанія женщинъ. Нѣкоторые умные и честные люди высказали въ нашей періодической литературѣ ту мысль, что женщина должна быть дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества, что слѣдовательно она должна учиться и трудиться. Другіе возразили

на это, также въ нашей періодической литературѣ, что женщинѣ въ обществѣ нечего дѣлать, что ея мѣсто у семейнаго очага, что она должна быть исключительно женой, матерью и хозяйкой. Я называю этихъ возражателей людьми неумными и нечестными, потому что они прикинулись защитниками очень почтенныхъ вещей, на которыя никто не думалъ нападать. По поводу вопроса о серьезномъ научномъ образованіи женщинъ они защищали цѣломудріе дѣвушки, которое не подвергалось ни малѣйшей опасности. По поводу вопроса объ артельномъ трудѣ они защищали семейныя добродѣтели супруги, противъ которыхъ также никто не говорилъ худого слова. Такими дешевыми средствами они ухитрились набросить на своихъ литературныхъ противниковъ неблаговидную тѣнь и съумѣли упрочить за собой репутацію зоркихъ и благонамѣренныхъ блюстителей общественной нравственности. Публика, при которой производились эти незамысловатые фокусы, по своему обыкновенію благодушествовала, хлопала глазами, развѣшивала уши. Женскій вопросъ при такихъ условіяхъ, разумѣется, сѣлъ на мель, и снимать его съ этой мели стало дѣломъ почти опаснымъ.

Мнѣ кажется однако, что вопросъ сѣлъ на мель собственно потому, что у нашихъ прогрессистовъ не хватило практической находчивости и изворотливости. Располагая нѣкоторой дозой этихъ драгоцѣнныхъ качествъ, можно было извлечь для даннаго вопроса самую существенную пользу даже изъ возраженій; можно было совершенно неожиданно стать на точку зрѣнія этихъ софистовъ и разбить ихъ на голову ихъ собственнымъ оружіемъ. Эти благодѣтели нашего общества твердятъ безъ умолку, что женщина должна быть исключительно женой, матерью и хозяйкой. Прекрасно. Это очень хорошо, что они высказали свои желанія, и притомъ высказали ихъ такъ неоднократно, такъ громко и торжественно, что имъ уже невозможно отъ нихъ отпереться. Теперь остается только спросить у нихъ, желаютъ ли они, чтобы женщина была *хорошей* женой, *хорошей* матерью и *хорошей* хозяйкой? Если на этотъ вопросъ они отвѣтятъ *нѣтъ*, то можетъ быть даже наша благодушная публика перестанетъ пить шампанское за ихъ здоровье. Если же они, какъ и слѣдуетъ того ожидать, отвѣтятъ *да*, то прогрессисты могутъ считать свое дѣло выиграннымъ и могутъ прочитать мистификаторамъ очень блистательное и очень назидательное поученіе. «Послушайте вы, благодѣтели,—скажутъ прогрессисты:—знаете ли вы, что̀ значитъ быть *хорошей* женой, *хорошей* матерью и *хорошей* хозяйкой? Знаете ли вы, какія для этого требуются обширныя и основательныя свѣдѣнія? Знаете ли вы, какое тутъ необходимо высокое развитіе? Знаете ли вы, какія радикальныя преобразованія надо произвести во всей системѣ женскаго воспитанія для того, чтобы это воспитаніе дѣйствительно давало обществу *хорошихъ* женъ, *хорошихъ* матерей и *хорошихъ* хозяекъ? Если вы этого не знаете, то вы — пустые фразеры. Если же вы это знаете, то вы, толкующіе безъ умолку о женахъ, матеряхъ и хозяйкахъ, должны дѣйствовать съ нами за-одно и хлопотать еще усерднѣе насъ о серьезности и разносторонности женскаго образованія. А такъ какъ вы сами стараетесь помѣшать всему, что̀ клонится къ образованію *хорошихъ* женъ, *хорошихъ* матерей и *хорошихъ* хозяекъ, то вы опять-таки пустые фразеры и ничтожные мистификаторы. Тѣ люди, которымъ дѣйствительно дорого процвѣтаніе и совершенствованіе русскаго семейства и русскаго хозяйства, должны отвернуться отъ вашей лицемѣрной болтовни и прислушаться къ тому, что̀ говорятъ честные граждане и мыслящіе наблюдатели общественной жизни».

Такой филиппикой прогрессисты могли зажать ротъ непризнаннымъ оберегателямъ общественнаго цѣломудрія. Затѣмъ, вырвавъ изъ ихъ рукъ знамя семейныхъ добродѣтелей и убѣдивъ общество въ томъ, что эти добродѣтели не подвергаются ни малѣйшей опасности, прогрессисты могли развернуть программу того образованія, которое дѣйствительно формируетъ женъ, матерей и хозяекъ. Эта программа, силой своей очевидной разумности, привлекла бы къ себѣ полное сочувствіе и полное довѣріе всѣхъ безпристрастныхъ и неразвращенныхъ людей нашего общества. Самые робкіе и недальновидные умы поняли бы безъ труда ея несомнѣнную практическую пользу, и великая идея женскаго образованія и женскаго труда привилась бы къ нашему обществу именно благодаря тому обстоятельству, что она явилась къ нему въ самой скромной, элементарной и неблестящей формѣ.

По вашему мнѣнію, господа филистеры, мыслящія женщины составляютъ вредную и опасную роскошь. Вы не знаете, что̀ съ ними дѣлать. Вы повторяете стихи вашего милаго Пушкина о семинаристахъ въ желтой шали и объ академикахъ въ чепцѣ. Вамъ нужны только жены, матери и хозяйки. Прекрасно. Будемъ формировать добросовѣстно женъ, матерей и хозяекъ и не будемъ вовсе заботиться о формированіи мыслящихъ женщинъ. Вы, господа филистеры, останетесь спокойны и довольны, а мыслящія женщины придутъ сами собой, и когда онѣ придутъ, тогда вы будете знать, что̀ съ ними дѣлать, и тогда вы забудете или осмѣете стихи вашего милаго Пушкина.

Всѣ эти размышленія вызваны публичной лекціей Вирхова, прочитанной 20 февраля 1865 года въ Берлинѣ, къ пользу общества домашняго и народнаго воспитанія. Эта лекція носитъ заглавіе: «О воспитаніи женщины для ея назначенія». Я передамъ изъ нея тѣ мѣста, которыя имѣютъ чисто практическій характеръ.

II.

«При теперешнемъ положеніи общества,—говоритъ Вирховъ,—вліяніе отца на дѣтей несравненно болѣе слабо, чѣмъ въ прежнія времена, когда сословіе, занятія, ремесло отца заранѣе рѣшали вопросъ о томъ, къ какому сословію, къ какимъ занятіямъ, къ какому ремеслу будетъ принадлежать ребенокъ. Движеніе общества, становясь съ каждымъ днемъ болѣе свободнымъ, даетъ возможность даже ребенку простолюдина выбирать себѣ свое будущее назначеніе по собственному желанію; вслѣдствіе этого, на основаніи весьма понятныхъ психологическихъ причинъ, сила отцовскаго вліянія уменьшается; а съ другой стороны постоянно возрастающее раздѣленіе труда и перенесеніе рабочихъ центровъ прочь отъ домашняго очага отнимаютъ также у отцовъ и физическую возможность слѣдить постоянно за воспитаніемъ дѣтей. Такимъ образомъ усиливается то вліяніе, которое сама природа отводитъ матери, хозяйкѣ дома.»

Вирховъ приходитъ къ тому общеизвѣстному заключенію, что воспитаніе подрастающихъ поколѣній составляетъ высшее назначеніе женщины.

«Забота о мужѣ,—продолжаетъ онъ,—стоитъ уже на второмъ планѣ. Мужъ прежде всего долженъ заботиться самъ о себѣ, и подмога жены должна быть для него именно только подмогой. Въ общемъ домашнемъ хозяйствѣ мужу принадлежатъ естественнымъ образомъ внѣшнія заботы, а женѣ—внутреннія. Обратный порядокъ вещей никогда не превратится въ общее правило, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ возможенъ и даже совершенно законенъ. Но еслибы этотъ обратный порядокъ сдѣлался общимъ правиломъ, еслибы вообще люди попробовали осуществить ту *эманципацію женщины*, къ которой стремились нѣкоторые отдѣльные кружки со временъ французской революціи,—то это могло бы произойти только въ ущербъ семейству. Этого никогда и не отрицали послѣдовательные мыслители, занимавшіеся этой задачей. Эманципація женщины, разрушеніе семейства, гуртовое воспитаніе дѣтей съ пеленокъ,—все это неизбѣжно идетъ одно къ одному. По странному смѣшенію понятій, это считалось послѣдовательнымъ проведеніемъ идеи свободы. Но тутъ надо помнить одно: все, что выигрываетъ при этомъ женщина, не столько въ свободѣ, сколько въ своеволіи, то теряетъ ребенокъ. Вся обезпеченность индивидуальнаго развитія, на которомъ основаны полное чувство личности и отвѣтственности, и всѣ ручательства независимости, порядка и свободы,—утратилась бы совершенно при гуртовомъ воспитаніи дѣтей. Вся будущность человѣчества была бы поставлена на карту для того, чтобы осуществить произвольно-придуманную и притомъ все-таки только мнимую свободу женщины.»

Видите, господа филистеры, какой благонадежный человѣкъ Вирховъ! Даже порицаетъ эманципацію женщинъ и даже за будущность человѣчества трепещетъ. И я нарочно привелъ вамъ все это мѣсто для того, чтобы вы возликовали, и для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ вы немедленно убѣдились въ преждевременности и неосновательности вашего ликованія. Вы подумайте только, *какую* эманципацію женщинъ осуждаетъ Вирховъ? Развѣ ту, на которую нападали вы? Нѣтъ-съ, извините, совсѣмъ не ту. О той эманципаціи женщинъ, которая находится въ ближайшей и непосредственной связи съ французскими мыслителями XVIII вѣка и ихъ послѣдователями нашего времени, у насъ не было никогда ни слуху, ни духу. Вспомните, что въ нашей журналистикѣ проводились по этому вопросу исключительно идеи чисто-англійскаго или англо-американскаго происхожденія. Вспомните, что краеугольнымъ камнемъ всѣхъ нашихъ прогрессивнѣйшихъ разсужденій о женщинѣ оказалась извѣстная статья солиднѣйшаго англійскаго ученаго, Джона Стюарта Милля, который также похожъ на сенъ-симониста или на фурьериста, какъ Катковъ—на В. Гюго. Вспомните, что самымъ крайнимъ выраженіемъ радикализма считается со стороны нашихъ женщинъ отрицаніе косы и кринолина. Вспомните, что самыя отпѣтыя изъ нашихъ озорницъ требуютъ себѣ только науки и труда. Вспомните все это—и тогда вы убѣдитесь въ томъ, что еслибы вы обратились къ Вирхову съ жалобой на нашихъ прогрессистовъ и на нашихъ эманципированныхъ женщинъ, и еслибы вы, въ подтвержденіе вашихъ жалобъ, представили ему самые поразительные факты изъ нашей жизни и изъ нашей печати, то Вирховъ пришелъ-бы въ крайнее недоумѣніе и спросилъ бы у васъ съ самымъ искреннимъ изумленіемъ: «Да на что же вы жалуетесь? И что вы тутъ видите дурного? И гдѣ вы тутъ ухитрились откопать эманципацію женщинъ?»—Легко можетъ быть, что Вирховъ съ самымъ неподдѣльнымъ соболѣзнованіемъ пощупалъ бы даже вашъ пульсъ и освѣдомился бы о вашемъ здоровьѣ.

Выгородивъ такимъ образомъ совершенно нашъ вопросъ о женскомъ образованіи и о женскомъ трудѣ, я могу теперь замѣтить изъ безкорыстной любви къ истинѣ, что трепетанье Вирхова за будущность человѣчества составляетъ въ его лекціи такое ораторское украшеніе, которому самъ Вирховъ, какъ очень умный человѣкъ, конечно не могъ придавать никакого серьезнаго значенія. Дѣйствительно, если эманципація женщинъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее нѣкоторые французскіе мыслители, идетъ въ разрѣзъ съ естественными стремленіями человѣческаго организма, то она останется навсегда неосуществимой мечтой, потому что всѣ эти французскіе мыслители не имѣли и никогда не будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи для распространенія своихъ идей никакихъ средствъ, кромѣ словесной и печатной проповѣди. Въ такомъ случаѣ ихъ заблужденіе никому не опасно и ни для кого не заразительно; стало-быть, незачѣмъ и трепетать за будущность человѣчества.

Можно замѣтить вообще, что вседневная жизнь людей слагается всегда не по искусственнымъ теоріямъ, а по законамъ природы. Когда и что ѣсть, когда и какъ спать, какъ обращаться съ

женой и съ дѣтьми,—все это такіе вопросы, на которые огромное большинство людей никогда не согласится искать отвѣта въ той или другой книгѣ. Масса будетъ жить такъ, какъ она привыкла; привычки ея безъ сомнѣнія измѣняются, но ихъ измѣняютъ важныя историческія событія, а не книжныя теоріи. Введеніе картофеля, распространеніе желѣзныхъ дорогъ, примѣненіе химіи къ земледѣлію, развитіе машиннаго производства, вліяніе кооперативныхъ обществъ —вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ явленій жизни, которыя перевоспитываютъ массу, то-есть измѣняютъ ея основныя привычки иногда въ хорошую, а иногда и въ дурную сторону. Книжная теорія можетъ также подѣйствовать на массу, но не прямо, то-есть не такъ, что масса прочтетъ книгу и въ одинъ прекрасный день скажетъ: «давайте осуществлять теорію». Чтобы подѣйствовать на массу, книжная теорія должна сначала воплотиться въ жизни очень небольшого кружка самыхъ усердныхъ и вѣрующихъ адептовъ. Этотъ небольшой кружокъ сдѣлается зародышемъ чисто-практическаго движенія. Къ нему начнутъ примыкать понемногу новые кружки, и члены этихъ кружковъ, подчиняясь указаніямъ теоріи въ своей вседневной жизни, будутъ исподволь пріобрѣтать себѣ новыя привычки. Войдя такимъ образомъ въ жизнь, какъ воспитательный элементъ, теорія передѣлаетъ характеры и взаимныя отношенія своихъ адептовъ. Такъ поступили напримѣръ съ своими адептами теоріи квакерства и мормонизма. Если теорія такъ сильна по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, что она можетъ подчинить своему господству цѣлое общество, то эти же самыя внутреннія достоинства, упрочившія за нею побѣду, устранятъ также и тѣ второстепенныя неудобства, которыя могли бы отравить ея благотворное вліяніе.

«Но меня спросятъ,—продолжаетъ Вирховъ,—неужели единственное назначеніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть женой, матерью? Конечно нѣтъ. Многимъ женщинамъ совсѣмъ не суждено сдѣлаться супругами и матерями, и, разумѣется, о такихъ женщинахъ нельзя сказать, что призваніе ихъ—быть *старыми дѣвами. Судьба* человѣка и его *призваніе*—двѣ вещи разныя. Даже для супруги и для матери вся задача жизни вовсе не ограничивается тѣмъ, чтобы быть именно только супругой и матерью. Многимъ женщинамъ даны отъ природы самыя обширныя средства дѣйствовать на судьбу человѣчества, и я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія сомнѣваться въ томъ, что женщина способна посвящать себя разрѣшенію такихъ болѣе общихъ задачъ. Пусть каждая отдѣльная личность сама обдумываетъ и рѣшаетъ, какая дѣятельность соотвѣтствуетъ размѣрамъ ея личныхъ силъ. Современное общество отчасти уже выработало въ себѣ, отчасти еще выработаетъ, какъ естественный результатъ дальнѣйшаго развитія, ту степень индивидуальной свободы, которая необходима для того, чтобы и женскій полъ самодѣятельно (selbstthätig) принималъ надлежащее участіе въ разрѣшеніи общихъ задачъ человѣчества.»

Да, selbstthätig! Я не даромъ выписывалъ это нѣмецкое слово, которое доказываетъ совершенно очевидно, что Вирховъ непремѣнно пощупаетъ вашъ пульсъ, если вы пойдете жаловаться ему на русскую эманципацію женщинъ. Вы ужъ лучше и не ходите.

III.

«Почти 200 лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Вирховъ,—почтенный Фенелонъ написалъ слѣдующія слова: «женщину слѣдуетъ обучать тому, что составляетъ задачу жизни. Ей придется наблюдать за воспитаніемъ дѣтей, — сыновей до извѣстнаго возраста, дочерей—до ихъ замужества, — наблюдать за образомъ жизни, за нравственностью и за службой домочадцевъ, наблюдать за всѣмъ ходомъ хозяйства, за расходами и т. д. Въ этомъ заключается ея обязанность, и по этимъ предметамъ она должна обладать свѣдѣніями.» — «Но, продолжаетъ Вирховъ,—эти слова окажутся благочестивыми желаніями, если мы сравнимъ ихъ съ общимъ состояніемъ женскихъ училищъ, какъ они существовали въ XVIII столѣтіи и какъ они существуютъ даже въ XIX-мъ. Ни высшія, ни низшія женскія школы не стремятся къ той цѣли, чтобы воспитывать *для жизни*. Онѣ можетъ-быть развертываютъ умственныя способности воспитанницъ для впечатлѣній искусства и науки; онѣ можетъ-быть доставляютъ имъ обильный запасъ знаній, выучиваютъ ихъ разнымъ художествамъ, изощряютъ ихъ въ различныхъ отрасляхъ женскаго рукодѣлья; онѣ можетъ-быть приготовляютъ даже хорошихъ учительницъ, но онѣ не образуютъ хозяекъ (Hausfrauen). Когда я говорю «хозяекъ», то, послѣ всего вышесказаннаго, я подразумѣваю тутъ не только супругъ и матерей, но вообще такихъ женщинъ, которыя сознательно могутъ взять въ свои руки всѣ отрасли домашняго управленія,—такихъ женщинъ, которыя самостоятельно могутъ заниматься ухаживаніемъ за дѣтьми, попеченіями о больныхъ, кухней, садомъ. Поэтому я оставляю здѣсь совершенно въ сторонѣ спеціальный вопросъ о «воспитаніи женщины для мужа»; я также не буду касаться здѣсь вопроса о «воспитаніи женщины для общества». По моему мнѣнію, какъ первый, такъ и второй вопросы предполагаютъ непремѣнно *воспитаніе женщины для дома*. Но какъ должно быть ведено это воспитаніе? Мнѣ скажутъ, что подобное воспитаніе не составляетъ задачи женскихъ школъ и пансіоновъ. Да, я долженъ признаться, что имъ не задавали этой задачи и что отъ нихъ даже несправедливо было-бы требовать ея разрѣшенія. Но тѣмъ не менѣе сама жизнь ставитъ эту задачу. Вѣдь навѣрное-же для большинства молодыхъ дѣвушекъ наступитъ когда нибудь такое время, когда имъ придется нянчить дѣтей, ухаживать за больными, завѣдывать кухней, погребомъ или садомъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ можно думать, что все это дѣлается само собою, что все это изучается въ одну минуту? Сколько горькихъ опытовъ приходится тутъ пережить, какъ много тяжелыхъ заботъ приходится перенести! Какое множество браковъ было-бы гораздо счастливѣе, еслибы время перваго ученья было пережито раньше свадьбы! Какъ часто случается, что положеніе супруги было бы гораздо самостоятельнѣе, еслибы она во время своей дѣвической жизни была лучше приготовлена къ супружеству! Много необходимыхъ свѣдѣній можно усвоить себѣ теоретически; ко многому можно приготовиться посредствомъ теоріи; заботы объ этой теоретической части женскаго воспитанія

составляютъ конечно прямую обязанность женскихъ школъ.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о тѣлесномъ уходѣ, собственно о *гигіенѣ*. Никому не придетъ въ голову та мысль, что суевѣрныя примѣты, доходящія до насъ путемъ изустнаго преданія, рисуютъ намъ, хотя бы въ самыхъ грубыхъ очеркахъ, картину жизни здороваго и больного организма. Естествознаніе, преподаваемое въ женскихъ школахъ, подрываетъ отчасти авторитетъ этого преданія, но оно не ставитъ на ея мѣсто ничего цѣлостнаго. Конечно анатомія и физіологія—такія науки, о которыхъ думали прежде, что онѣ не смѣютъ показываться въ хорошемъ обществѣ, и что молодыя дѣвушки по возможности не должны даже подозрѣвать ихъ существованія. Но то, что естественно, не всегда бываетъ опасно, даже въ томъ случаѣ, когда оно является въ полной наготѣ; опытъ научилъ насъ, что прикрываніе бываетъ часто гораздо опаснѣе. Кромѣ того, мы не настаиваемъ на томъ, чтобы въ женскихъ школахъ читался полный курсъ анатоміи и физіологіи, и конечно всегда найдется возможность выбрать изъ этихъ наукъ тѣ отдѣлы, которые не подѣйствуютъ возмущающимъ образомъ ни на какую душу.»

По тону Вирхова видно, что эту послѣднюю уступку онъ дѣлаетъ очень неохотно; и можно сказать рѣшительно, что онъ дѣлаетъ ее совершенно напрасно; онъ самъ высказалъ ту мысль, что знаніе естественнаго закона неопасно и что прикрываніе бываетъ опаснѣе наготы; эту мысль онъ долженъ былъ выдержать до конца и провести до самыхъ крайнихъ ея послѣдствій. Если только допустить систему утаиваній и закрываній, то невозможно будетъ опредѣлить заранѣе, гдѣ остановится маскирующая дѣятельность педагоговъ. Вѣдь тогда и о пищевареніи придется говорить съ деликатными выпусками; пока пища находится въ желудкѣ, тогда еще куда ни шло; но когда она попадетъ въ такое неприличное мѣсто, какъ кишечный каналъ, тогда стыдливому преподавателю конечно придется потерять ее изъ виду. А ужъ о прямой кишкѣ онъ даже и подумать посовѣстится во время своего пребыванія въ стѣнахъ женской школы. Какъ поставить что-нибудь *цѣлостное* на мѣсто преданій народной медицины? И если преподавать анатомію и физіологію съ нѣкоторыми опущеніями, то зачѣмъ же отзываться съ насмѣшкой о тѣхъ временахъ, когда анатомія и физіологія не смѣли показываться въ хорошемъ обществѣ? Нѣтъ, нехорошо поступилъ тутъ Вирховъ. Онъ уже черезчуръ дружелюбно и ласково относится здѣсь къ предразсудкамъ, противъ которыхъ можетъ и долженъ сказать свое полновѣсное и откровенное слово такой авторитетъ науки, какъ Рудольфъ Вирховъ. Если такіе люди, какъ Вирховъ, будутъ церемониться и вилять хвостомъ передъ общественными предразсудками, то у кого же хватитъ рѣшимости вступить съ ними въ борьбу и, самое главное, у кого хватитъ нравственнаго авторитета на то, чтобы заставить общество выслушать и принять разумное мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ господствующимъ заблужденіемъ?

«Чтобы завѣдывать кухней правильнаго хозяйства,—продолжаетъ Вирховъ,—надо же знать, что удобоваримо и что нѣтъ. Хозяйка обыкновенно усваиваетъ себѣ это знаніе втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ посредствомъ опыта. Для этого нѣсколько членовъ семейства должны сначала неоднократно испортить себѣ желудки. Но почему именно они себѣ испортили желудки, этого хозяйка все-таки не узнаетъ, и черезъ нѣсколько времени это происшествіе повторяется снова, и набирается такимъ образомъ запасъ опытныхъ знаній. Насколько этотъ родъ опытовъ недостаточенъ для того, чтобы на нихъ можно было основать цѣлесообразное приготовленіе кушаній, это очень ясно видно изъ того обстоятельства, что во вседневной жизни считается удобоваримымъ все, что не производитъ боли въ желудкѣ или въ животѣ. А между тѣмъ удобоваримо только то, что дѣйствительно переваривается, то есть растворяется и *входитъ въ кровь*. Удобоваримое можетъ сдѣлаться вреднымъ, а неудобоваримое можетъ только быть потрачено даромъ. А пища маленькихъ дѣтей,—какъ ошибоченъ бываетъ часто ея выборъ! И сколько кушаньевъ, которыя можно было бы ѣсть безъ вреда, подаются на столъ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ бы это нужно было для успѣшнаго хода пищеваренія!»

За этотъ геніальный маневръ Вирхова читатель можетъ ему простить даже его разсужденіе о цѣломудренной анатоміи. Онъ попалъ въ слабую струну филистеровъ. Онъ понялъ, что на нихъ надо дѣйствовать желудочными аргументами. Хотя они обыкновенно прикидываются идеалистами, хотя они съ добродѣтельнымъ ужасомъ относятся къ реальному и утилитарному направленію, которое, по ихъ мнѣнію, включаетъ человѣка въ разрядъ безсловесныхъ скотовъ, — однако на самомъ дѣлѣ они живутъ исключительно въ желудокъ и въ немъ обрѣтаютъ себѣ весь смыслъ и всю поэзію человѣческаго существованія. Поэтому Вирховъ поражаетъ ихъ именно въ желудокъ. Смотрите, филистеры, говоритъ онъ имъ, учите вашихъ маленькихъ дочерей уму-разуму, а то у васъ на старости лѣтъ каждый день будетъ животъ болѣть по ихъ милости. Онѣ будутъ мстить вамъ за свое невѣжество самымъ естественнымъ и, въ то же время, жестокимъ образомъ. Онѣ будутъ учиться физіологіи надъ вашими почтенными особами. Онѣ будутъ производить химическіе опыты надъ вашими собственными животами. Нравится ли вамъ такая мрачная перспектива? Пріятно ли солидному гражданину и отцу семейства играть въ отношеніи къ собственной дочери ту пассивную роль, которую выполняютъ кролики и собаки на столѣ у профессора экспериментальной физіологіи? Надъ этимъ, господа, стоитъ вамъ призадуматься.

IV.

«Для того,—продолжаетъ Вирховъ,—чтобы судить объ этихъ простѣйшихъ вещахъ, надо же по крайней мѣрѣ знать, какъ устроенъ желудокъ и какимъ манеромъ онъ ухитряется пере-

варить пищу и питье, и изъ какихъ составныхъ частей состоятъ кушанья и напитки, и что дѣлается съ этими составными частями въ человѣческомъ тѣлѣ, и на что онѣ пригодны, и такъ далѣе. Для всего этого требуется не только кое-что изъ физіологіи, но также кое-что изъ химіи, изъ ботаники и многое другое. И это знаніе должно быть не внѣшнимъ знаніемъ, не собраннымъ изъ отрывочныхъ лоскутковъ, не такимъ, при которомъ надо было бы долго размышлять, чтобы додуматься до того, какъ надо дѣйствовать; это знаніе должно быть цѣльнымъ и живымъ знаніемъ, такъ чтобы оно во всякую данную минуту было подъ руками и чтобы оно постоянно само собой поддерживало и направляло работу мысли. Въ такомъ же точно положеніи находятся вопросы о согрѣваніи и о пріученіи къ холоду, о вентиляціи и объ одѣваніи и объ устройствѣ постели. Всѣ эти вопросы могутъ быть обработаны теоретически, и основные принципы ихъ могутъ быть изложены такъ просто, что самое посредственное пониманіе усвоитъ ихъ легко и запомнитъ ихъ отчетливо. Все это можно было бы преподавать въ каждой школѣ дѣвушкамъ старшаго возраста.»

Всѣ эти совѣты Вирхова замѣчательно хороши именно потому, что они одинаково убѣдительны, какъ для самыхъ трусливыхъ консерваторовъ, такъ и для самыхъ размашистыхъ прогрессистовъ. Консерваторы должны принять эти совѣты съ восторгомъ; женщину хотятъ готовить для семейства; изъ нея хотятъ сформировать образцовую хозяйку; чего же лучше? Вѣдь это завѣтный идеалъ консерваторовъ; вѣдь этимъ идеаломъ они постоянно поражаютъ всѣхъ своихъ противниковъ по женскому вопросу; вѣдь только за неприкосновенность этого идеала они и сражаются съ такъ-называемыми эманципаторами женщины. Но, приводя въ восторгъ консерваторовъ, совѣты Вирхова въ то же время совершенно удовлетворяютъ и прогрессистовъ. Въ своихъ надеждахъ и желаніяхъ, въ своихъ взглядахъ на будущее обѣ партіи остаются конечно въ непримиримомъ разногласіи. Одни надѣются, что женщина засядетъ въ кухнѣ и въ дѣтской и углубится въ научное штопанье, въ научное стиранье грязнаго бѣлья и въ столь-же научное приготовленіе превосходнѣйшихъ кулебякъ. Другіе питаютъ въ своихъ преступныхъ душахъ совсѣмъ другія надежды; они не отрицаютъ ни бѣлья, ни кулебякъ, но они осмѣливаются думать, что каждая умная и образованная женщина, поддерживая порядокъ въ своемъ домѣ, съумѣетъ оставить въ своей жизни очень просторное мѣсто для такихъ идей и дѣйствій, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ бѣльемъ, ни съ кулебякой. Но пусть каждая партія надѣется по своему; кто изъ нихъ угадывалъ вѣрно физіономію будущаго и кто ошибался въ своихъ разсчетахъ—это видно будетъ впослѣдствіи; спорить и горячиться изъ-за надеждъ и желаній рѣшительно не стоитъ; стоило бы спорить и горячиться только въ томъ случаѣ, если-бы въ данную минуту существовали два противоположныя мнѣнія на счетъ того, *какъ надо поступать* въ разбираемомъ вопросѣ. Но двухъ противоположныхъ мнѣній быть не можетъ. Рисуйте себѣ какой угодно идеалъ—образцовую хозяйку или мыслящую женщину—это все равно: въ данную минуту наша женщина стоитъ одинаково далеко какъ отъ перваго изъ этихъ идеаловъ, такъ и отъ второго; чтобы сдвинуть ее съ мѣста и чтобы сколько-нибудь приблизить ее къ тому или къ другому идеалу, ей во всякомъ случаѣ надо дать образованіе. Вотъ это, значитъ, первый пунктъ, на которомъ должны согласиться между собой всѣ оттѣнки мнѣній. Кромѣ того они сойдутся еще и на второмъ пунктѣ. Спрашивается: какое образованіе надо дать женщинѣ? Обожатели образцовой хозяйки скажутъ конечно, что ей надо дать такое образованіе, которое выучило бы ее хозяйничать. А Вирховъ доказываетъ ясно, какъ дважды два—четыре, что благоразумное хозяйничаніе немыслимо безъ основательной теоретической подготовки, и что эта подготовка должна состоять въ изученіи природы вообще и человѣческаго организма въ особенности. То-есть, другими словами: обожатели образцовой хозяйки, если у нихъ есть въ головѣ капля здраваго смысла, должны настоятельно требовать, чтобы женщинѣ было дано обширное научное и притомъ *реальное* образованіе. Ну, и слава тебѣ Господи! Обожатели мыслящей женщины только этого въ данную минуту и желаютъ.

Программа Вирхова превосходна въ томъ отношеніи, что она соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества общаго и спеціальнаго образованія,—такого, которое должно выпускать женщину прямо изъ школы въ жизнь, и такого, которое должно приготовлять ее для болѣе серьезныхъ научныхъ занятій. Пройдя черезъ школу, устроенную по идеѣ Вирхова, однѣ дѣвушки, одаренныя обыкновенными умственными способностями, сдѣлаются хорошими хозяйками, а другія, болѣе даровитыя, получатъ такой толчокъ впередъ, что поймутъ ясно свое призваніе и, смотря по складу своего ума, сдѣлаются медиками, натуралистами, механиками, технологами, мыслительницами, писательницами, вообще чѣмъ угодно. Школа, готовившая ихъ преимущественно или даже исключительно для хозяйственной дѣятельности, заложитъ въ ихъ умныя головы, благодаря своему реальному направленію, такой прочный фундаментъ дѣльныхъ мыслей и основательныхъ знаній, который пригодится имъ на всякомъ житейскомъ поприщѣ и изощритъ ихъ умственныя способности для всякой дальнѣйшей работы.

Спеціальное образованіе обыкновенно стѣсняетъ умственный кругозоръ учащагося и нерѣдко уродуетъ человѣка для того, чтобы сформировать искуснаго ремесленника. Но этотъ упрекъ совершенно неприложимъ къ тому спеціальному

образованію, которое Вирховъ рекомендуетъ женщинамъ. Такое специальное образованіе, которое цѣликомъ основано на изученіи природы, оказывается неизмѣримо выше всѣхъ возможныхъ общихъ образованій. Еслибы предложили умнѣйшему изъ прогрессистовъ составить такой планъ женскаго образованія, который, не клонясь ни къ какимъ спеціальнымъ цѣлямъ, долженъ былъ бы направляться исключительно къ тому, чтобы развернуть и укрѣпить всѣ умственныя способности учениць, — то прогрессистъ навѣрное пришелъ бы къ тѣмъ самымъ практическимъ выводамъ, къ которымъ подошелъ Вирховъ съ другой стороны, посредствомъ анализа чисто-хозяйственныхъ потребностей, недосмотровъ и недостатковъ. Та практическая тенденція, которую Вирховъ рекомендуетъ женскимъ школамъ, имѣетъ очень важное и очень полезное значеніе для общаго развитія умственныхъ способностей. То знаніе, которое усваивается для того, чтобы потомъ прикладываться къ дѣлу, должно быть непремѣнно живымъ и цѣльнымъ знаніемъ. Химія, ботаника и физіологія, которыя должны каждый день являться на помощь къ будущей хозяйкѣ, стоящей передъ кухонной плитой, будутъ конечно изучаться не такъ, какъ изучаются теперь въ женскихъ и даже въ мужскихъ заведеніяхъ разныя науки, необходимыя только для того, чтобы придать блескъ выпускному экзамену и занять почетное мѣсто въ аттестатѣ или въ дипломѣ. Если только мысли Вирхова когда-нибудь найдутъ себѣ достойныхъ исполнителей, то во многихъ европейскихъ государствахъ молодые люди мужескаго пола принуждены будутъ завидовать тому образованію, которое будутъ получать прусскія дѣвушки.

V.

«Но,—продолжаетъ Вирховъ,—и основные принципы *душевной гигіены*—преимущественно въ приложеніи къ дѣтямъ—могутъ безъ труда быть развиты въ общихъ чертахъ. Педагогическихъ образцовъ имѣется достаточно; ихъ быть можетъ даже больше, чѣмъ діэтическихъ и гигіеническихъ образцовъ; и молодая мать стала бы смотрѣть съ большей смѣлостью и самоувѣренностью на своего перваго младенца, еслибы она не принуждена была сознаваться самой себѣ, что онъ—ея *пробный ребенокъ*,—тотъ ребенокъ, надъ которымъ она болѣе или менѣе самостоятельно, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, должна производить свои педагогическіе эксперименты. Нечего грѣха таить, наше домашнее воспитаніе стоитъ до сихъ поръ на томъ низкомъ уровнѣ развитія, на которомъ находилось въ прошедшемъ столѣтіи народное хозяйство. Это—чисто первобытное хозяйство. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы ввести въ жизнь *науку воспитанія*, которая положила-бы конецъ производству безконечныхъ педагогическихъ экспериментовъ и воспитанію дѣтей по неопредѣленнымъ слухамъ.»

Такимъ образомъ Вирховъ вводитъ въ свою программу еще новую черту, которая окончательно отстраняетъ отъ нея всякій упрекъ въ односторонности. Изучая химію, ботанику, анатомію, физіологію и другія отрасли естествознанія, дѣвушки должны кромѣ того знакомиться съ тѣми законами, по которымъ развиваются и крѣпнутъ съ самаго ранняго дѣтства умъ и характеръ человѣка. Теоретическая часть *науки воспитанія*, какъ понимаетъ ее Вирховъ, должна конечно заключать въ себѣ сводъ наблюденій, рисующій передъ ученицами полную и вѣрную картину тѣхъ психическихъ видоизмѣненій, черезъ которыя проходитъ ребенокъ, начиная отъ колыбели и кончая юношескимъ возрастомъ. Эта теоретическая часть должна быть направлена преимущественно къ тому, чтобы заставить молодую дѣвушку уважать въ ребенкѣ будущаго человѣка.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашего воспитанія состоитъ именно въ томъ, что мы слишкомъ легко и, смотря по нашему минутному настроенію, то слишкомъ игриво, то слишкомъ презрительно относимся къ мыслямъ, чувствамъ, желаніямъ и требованіямъ дѣтей. Намъ почти никогда не приходитъ въ голову, что ребенокъ есть человѣческая личность, не только имѣющая, но даже сознающая свои естественныя и неотъемлемыя права. Мы почти никогда не умѣемъ сообразить, что, легкомысленно нарушая законныя права ребенка, мы пріучаемъ его смотрѣть съ такимъ же нахальнымъ легкомысліемъ на права другихъ людей, съ которыми ему впослѣдствіи придется имѣть сношенія. Ежеминутно оскорбляя ребенка нашей невнимательностью къ его разумнымъ желаніямъ, требованіямъ и возраженіямъ, мы ежеминутно, ни къ селу, ни къ городу, подольщаемся къ нему то ласками, то поцѣлуями, то пряниками. Такимъ образомъ мы какъ будто нарочно воспитываемъ въ ребенкѣ презрѣніе къ нашему уму и нашему характеру, а потомъ, когда плоды нашей педагогической безтолковщины начинаютъ созрѣвать, мы начинаемъ выть и орать, что злонамѣренная журналистика выдумала молодое поколѣніе и посѣяла раздоръ между отцами и дѣтьми.

Всѣ эти печальныя явленія нашей вседневной жизни происходятъ преимущественно оттого, что наше домашнее воспитаніе есть «*чисто первобытное хозяйство*», то-есть оттого, что мы не имѣемъ никакого понятія о самыхъ элементарныхъ истинахъ опытной психологіи. Мы знаемъ напримѣръ очень хорошо, что пятилѣтній мальчикъ лѣтъ черезъ пятнадцать сдѣлается двадцати-лѣтнимъ юношей; но изъ этого положенія мы не умѣетъ вывести самыхъ естественныхъ и необходимыхъ послѣдствій; мы не умѣемъ понять, что въ нервной системѣ пятилѣтняго мальчика заключается въ видѣ зародыша весь складъ ума, весь темпераментъ и весь характеръ будущаго мужчины, и что этотъ заро-

дышъ разовьется правильно или уродливо, расцвѣтетъ или зачахнетъ, смотря потому, будемъ ли мы своимъ вліяніемъ содѣйствовать или мѣшать его развитію, будемъ ли мы охранять лабораторію молодой мысли отъ всякихъ постороннихъ посягательствъ, или же, напротивъ того, врываться въ эту лабораторію съ нашими глупыми фантазіями и съ нашимъ грубымъ самодурствомъ.

Для того, чтобы мы дѣйствительно проникнулись глубокимъ уваженіемъ къ тому живому матеріалу, который мы имѣемъ подъ руками въ дѣлѣ воспитанія, мы нуждаемся конечно не въ умилительныхъ наставленіяхъ о великой задачѣ воспитателя, не въ риторическихъ словоизліяніяхъ объ отвѣтственности передъ обществомъ и передъ собственной совѣстью, а именно въ томъ, чтобы мыслящіе наблюдатели нарисовали намъ полную и вѣрную картину развитія отдѣльнаго человѣка. Глядя на эту картину, вдумываясь во всѣ ея подробности, замѣчая, что одна фаза вытекаетъ необходимо изъ другой, что всѣ эти фазы неразрывно связаны между собой, что онѣ взаимно объясняютъ другъ друга, и что взрослый юноша, вступающій въ дѣйствительную жизнь, есть не что иное, какъ продуктъ и результатъ впечатлѣній, пережитыхъ имъ въ родительскомъ домѣ и въ школѣ, — каждая мать семейства пойметъ, глубоко прочувствуетъ и навсегда запомнитъ ту великую истину, что во всей человѣческой жизни нѣтъ ни одной минуты, въ которую было бы позволительно относиться къ человѣку легкомысленно и безпечно, и что человѣкъ имѣетъ полное и неотъемлемое право на уваженіе своихъ ближнихъ съ самаго своего появленія на свѣтъ.

Любопытно замѣтить, что законодательство всѣхъ образованныхъ народовъ обогнало въ этомъ отношеніи нравы вседневной жизни. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ жизнь и собственность грудного ребенка ограждены такъ-же прочно, какъ жизнь и собственность всѣхъ остальныхъ гражданъ. Законъ признаетъ права человѣка съ минуты его рожденія; но тамъ, гдѣ прекращается охранительное дѣйствіе закона,— тамъ начинается полный произволъ взрослыхъ; отецъ не смѣетъ ни убить, ни обобрать своего ребенка, но онъ нисколько не посовѣстится высѣчь его безвинно, прикрикнуть на него ни за что, ни про что, дать ему неисполнимое приказаніе и заставить его молчать, когда ребенокъ представляетъ ему дѣльныя возраженія. А между тѣмъ всѣ эти проявленія родительской халатности ложатся грязными пятнами и безобразными рубцами на характеръ будущаго человѣка; всѣ они отзываются болѣзненно на самихъ же родителяхъ; и всѣ они могли-бы найти себѣ крѣпкую узду въ основательномъ изученіи законовъ человѣческаго развитія.

Мы увидимъ сейчасъ, какъ серьезно понимаетъ Вирховъ то преподаваніе педагогики, которое онъ рекомендуетъ женскимъ училищамъ.

«Конечно,—говоритъ онъ,—я не держусь того мнѣнія, что такая *наука воспитанія* окажется достаточной, если она будетъ преподаваться въ женскихъ школахъ *только* теоретически. Не думаю я также, чтобы слѣдовало предоставлять на произволъ судьбы изученіе *педагогической практики*, которая такимъ образомъ усвоивалась бы старшей сестрой только въ томъ случаѣ, если журавлю заблагоразсудится принести ей еще братца или сестрицу. Надо устроить такъ, чтобы *педагогическая практика* сдѣлалась одной изъ нормальныхъ составныхъ частей женскаго воспитанія.»

Разумѣется, Вирховъ не ограничивается однимъ голымъ заявленіемъ существующей потребности; онъ показываетъ, какимъ образомъ можно удовлетворить эту потребность. Эта часть его лекціи составляетъ ея лучшее украшеніе. Тутъ Вирховъ подаетъ мысль дѣйствительно новую, очень оригинальную и до такой степени простую и удобоисполнимую, что остается только удивляться тому, какимъ образомъ она могла оставаться до сихъ поръ новой и оригинальной въ Германіи, въ классической странѣ педагогики. Впрочемъ одна изъ характеристическихъ особенностей всѣхъ замѣчательныхъ умовъ состоитъ именно въ томъ, что они умѣютъ открывать новыя стороны въ такихъ предметахъ, которые всѣмъ давно извѣстны и всѣ давно успѣли намозолить глаза. А потомъ, когда замѣчательный умъ подалъ новую мысль, тогда всѣ начинаютъ удивляться тому, какъ это они сами давнымъ-давно не додумались до такой простой и очевидной истины.

VI.

«Для того,—продолжаетъ Вирховъ,—чтобы большинство молодыхъ дѣвушекъ могло изучить практическую часть педагогики, надо воспользоваться тѣми учрежденіями, которыя находятся подъ руками и которыя могутъ быть созданы повсемѣстно каждой общиной (Gemeinde) и каждымъ обществомъ (Verein). Я подразумѣваю здѣсь заведенія для маленькихъ дѣтей (Kleinkinderbewahranstalten), такъ-называемыя *ясли* (Krippen) и дѣтскіе сады (Kindergärten). Они совершенно приспособлены къ тому, чтобы играть въ развитіи созрѣвающаго женскаго поколѣнія ту роль, которую играютъ больница и клиника въ образованіи молодого медика. Они могутъ сдѣлаться образовательными заведеніями, въ которыхъ будетъ изучаться на практикѣ воспитаніе дѣтей, какъ съ физической, такъ и съ моральной стороны. Можно пользоваться и другими заведеніями тамъ, гдѣ они существуютъ, напримѣръ воспитательными домами (Findelhäuser) и сиротскими пріютами, но ужъ дѣтскіе сады и заведенія для храненія маленькихъ дѣтей можно имѣть почти повсемѣстно.»

Написавши эти слова Вирхова, я вспомнилъ, что очень недавно я встрѣтилъ въ одномъ журналѣ, кажется въ «Современникѣ», извѣстіе о первомъ дѣтскомъ садѣ, заведенномъ въ Петербургѣ госпожей Люгебиль. Въ самомъ прогрес-

сивномъ изъ русскихъ городовъ, въ Петербургѣ, только - что начинаетъ появляться то, что, по словамъ Вирхова, встрѣчается въ Пруссіи на каждомъ шагу, то-есть почти въ каждой деревнѣ и ужъ навѣрное въ каждомъ изъ самыхъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ. Славянофилы наши имѣютъ полное основаніе порадоваться тому, что мы очень упорно сопротивляемся разлагающему вліянію тлетворнаго Запада.

«Всѣ эти заведенія,—говоритъ Вирховъ далѣе,—до сихъ поръ существовали только ради тѣхъ дѣтей, которыя туда принимались, или ради ихъ родителей; иногда съ этими учрежденіями связывались также церковныя цѣли. До сихъ поръ было упущено изъ виду, что эти заведенія могутъ быть питомниками дѣятельной добродѣтели и основательнаго знанія для женской молодежи, семинаріями хорошихъ матерей и хозяекъ, если только воспользоваться ими для практическаго изученія педагогики подъ руководствомъ опытныхъ учителей и учительницъ. Такимъ образомъ къ готовому *знанію* присоединится готовое умѣнье.—Когда дѣвочка лежитъ еще въ люлькѣ, вы даете ей куклу, и она играетъ ею до тѣхъ поръ, пока подростетъ. Потомъ вы отдаете въ ея распоряженіе кукольную комнату и убираете эту комнату всѣми принадлежностями, какія вы только можете пріобрѣсти. Зачѣмъ это дѣлается? Затѣмъ, чтобы въ играхъ ребенка подготовить будущую спеціальную дѣятельность женщины; затѣмъ, чтобы пробудить чувство женщины, чтобы пріучить малютку къ заботамъ дѣтской комнаты. Очень хорошо! Но затѣмъ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Куклу ставятъ въ уголъ. Весь міръ появляется передъ дѣвушкой въ какомъ-то замаскированномъ видѣ. Только въ лицѣ своего собственнаго ребенка молодая мать встрѣчаетъ снова передъ собой реальный предметъ. Неужели вы не чувствуете, что здѣсь оказывается въ воспитаніи большая ошибка,—самая тяжелая изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ общество? Неужели вы не понимаете, что это грѣхъ — довѣрять живого ребенка такой матери, которая только въ кукольной комнатѣ приготовлялась къ исполненію своихъ серьезныхъ материнскихъ обязанностей? Да еще къ тому-же такой матери, которой приходится платить дань всѣмъ запутаннымъ условіямъ современной общественной жизни, переполненной суетными удовольствіями, искаженной странными модами, подавленной превратными и суевѣрными понятіями! Эту ошибку можно устранить только тѣмъ, чтобы вслѣдъ за кукольной комнатой вести теоретическую подготовку женской школы, а потомъ практическое образованіе дѣтскаго сада.»

Этими цитатами я исчерпалъ все содержаніе лекціи Вирхова. Собственно новой можетъ быть названа въ этой лекціи только мысль о практическомъ изученіи дѣтскихъ нравовъ въ дѣтскихъ садахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Но эта мысль очень плодотворна, потому что она въ высшей степени удобоисполнима. Кромѣ того вся лекція очень замѣчательна, какъ сжатая и дѣльная программа послѣдовательнаго реализма, примѣненнаго къ воспитанію женщины. Эту программу я въ самомъ началѣ этой статьи назвалъ *безобидной* въ томъ смыслѣ, что она не испугаетъ никого изъ самыхъ безнадежныхъ филистеровъ. Это достоинство очень немаловажное, потому что многія превосходныя идеи остаются неосуществленными единственно по той причинѣ, что онѣ, благодаря своему яркому блеску, однимъ своимъ появленіемъ возбуждаютъ противъ себя оглушительное возраженіе. Программа Вирхова не возбудитъ противъ себя никакого негодованія.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ.

I.

Почти всѣмъ нашимъ журналистамъ чрезвычайно хочется быть законодателями и администраторами и чрезвычайно не хочется быть журналистами. Они очень любятъ говорить публикѣ: надо поступить такъ-то — и очень не любятъ объяснять ей, почему именно надо поступить такъ, а не иначе. Эти особенности нашихъ журналистовъ выразились недавно въ спорахъ о классическомъ и реальномъ образованіи. Защитники классицизма твердили на разные лады, что надо открыть повсемѣстно классическія гимназіи, и никто изъ этихъ защитниковъ не потрудился до сихъ поръ объяснить обществу, въ чемъ именно состоитъ превосходство классическаго образованія надъ реальнымъ. Защитники классицизма наивно убѣждены въ томъ, что все дѣло будетъ благополучно окончено, какъ только откроется значительное число классическихъ гимназій. Понимаетъ-ли общество или не понимаетъ пользу этихъ заведеній, сочувствуетъ оно имъ или не сочувствуетъ—это, по ихъ мнѣнію, рѣшительно все равно, и не стоитъ тратить ни одной минуты времени и ни одной капли чернилъ на то, чтобы дать обществу то пониманіе и то сочувствіе, которыхъ у него нѣтъ въ настоящую минуту. — Особенно сильно проявляются эти законодательскія и администраторскія наклонности въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Считая себя, подобно «Times», шестой великой державой, Катковъ очевидно можетъ объясняться только съ правительствами, а никакъ не съ обыкновенными читателями своей газеты.

«Родители,—говоритъ онъ съ величественнымъ презрѣніемъ,—мѣстныя общества, земскія собранія, въ которыхъ большинство никогда не слы-

хало ни о классическихъ, ни о реальныхъ гимназіяхъ и едва-ли съумѣетъ правильно выговорить имя этихъ заведеній,—вотъ, кромѣ самихъ учениковъ-гимназистовъ, авторитеты, на которые указываютъ «Голосъ», «День», «Воронежскій Листокъ» и нѣкоторые другіе, подобные имъ, поборники петербургскихъ педагогическихъ фантазій, и имъ кажется, что они въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ въ либеральномъ духѣ и обнаруживаютъ полное уваженіе къ потребностямъ общества.» («Моск. Вѣд.», № 71.)

Спрашивается, для кого пишутся и печатаются «Московскія Вѣдомости»?—Для разныхъ родителей и для членовъ разныхъ мѣстныхъ обществъ и разныхъ земскихъ собраній. Если эти родители, мѣстныя общества и земскія собранія никогда не слыхали о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, и если они не умѣютъ правильно выговорить имя этихъ заведеній, то, я думаю, прямая обязанность журналиста, распинающагося за классицизмъ, состоитъ въ томъ, чтобы разсказать этимъ людямъ объ этихъ заведеніяхъ и выучить ихъ правильно выговаривать мудреныя слова. *Шестая держава* поступила бы весьма благоразумно, еслибы она, вмѣсто того чтобы законодательствовать, администраторствовать и глумиться надъ невѣжествомъ своихъ читателей, посвятила себя устраненію этого невѣжества. Подобно Петру Иванычу Бобчинскому, Катковъ постоянно стремится вести знакомство съ великими міра и бѣжать за экипажемъ, хоть пѣтушкомъ. Въ дѣлѣ классическихъ гимназій онъ очень много суетится, очень много гнѣвается и обличаетъ,—словомъ, дѣлаетъ множество смѣшныхъ эволюцій, никому и ни на что ненужныхъ, и не дѣлаетъ именно того, что онъ обязанъ дѣлать, то-есть не объясняетъ обществу пользы того образованія, за которое онъ стоитъ горой. Катковъ такъ недальновиденъ, что не умѣетъ даже задать себѣ слѣдующаго вопроса: чьи дѣти будутъ учиться въ будущихъ классическихъ гимназіяхъ? Еслибы онъ съумѣлъ задать себѣ этотъ вопросъ, и еслибы у него достало сообразительности отвѣтить на него, какъ слѣдуетъ, и потомъ изъ этого отвѣта вывести ближайшія слѣдствія, то онъ понялъ бы, что вся судьба классицизма зависитъ оттого, какъ будутъ относиться къ нему тѣ родители, мѣстныя общества и земскія собранія, на которые онъ, Катковъ, смотритъ съ олимпійскимъ презрѣніемъ.

Тѣ люди, которые не умѣютъ выговорить имя заведенія, конечно не понимаютъ того, какую пользу можетъ принести ихъ дѣтямъ изученіе двухъ мертвыхъ языковъ. Дѣти этихъ людей поступаютъ въ такую гимназію, гдѣ преподаются эти языки. У этихъ дѣтей рождается естественнымъ образомъ вопросъ: зачѣмъ заставляютъ ихъ учить эти мудреныя склоненія, спряженія, исключенія и конструкціи? Дѣти обращаются съ этимъ вопросомъ къ родителямъ и къ родственникамъ, то есть къ членамъ мѣстныхъ обществъ и земскихъ собраній. Родители и родственники не отвѣчаютъ совсѣмъ ничего или даютъ такіе уклончивые и неопредѣленные отвѣты, которые не могутъ удовлетворить пытливыхъ и умныхъ ребятъ. Ребята начинаютъ думать, что изученіе двухъ мертвыхъ и очень трудныхъ языковъ совершенно безцѣльно и безполезно. Они продолжаютъ учиться, потому что такъ велѣно, но учатся неохотно, единственно для того, чтобы получить хорошій баллъ въ классѣ и на экзаменѣ. При такихъ условіяхъ уроки плохо идутъ въ голову и забываются тотчасъ послѣ того, какъ они сданы съ рукъ. Когда ученикъ принимается за свои учебныя занятія съ отвращеніемъ и съ предубѣжденіемъ, тогда эти занятія не развиваютъ, а, напротивъ того, притупляютъ его способности. Кромѣ того ученикъ съ самаго ранняго возраста пріобрѣтаетъ себѣ умѣнье служить не дѣлу, а лицамъ. Его равнодушіе къ самому предмету и его желаніе отличиться передъ учителемъ воспитываютъ въ немъ со школьной скамьи одного изъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые отъ дѣла не бѣгаютъ, а дѣла не дѣлаютъ. Это бываетъ обыкновенно съ тѣми учениками, которые считаются гордостью и украшеніемъ заведенія. Большинство учениковъ, натыкаясь на ненавистный предметъ, котораго польза для нихъ непонятна, выбираютъ себѣ другую дорогу. Они просто пренебрегаютъ этимъ предметомъ и учатся плохо, несмотря на дурные баллы, выговоры и наказанія. Они сидятъ по нѣсколько лѣтъ въ одномъ классѣ и потомъ выходятъ изъ школы въ жизнь, ничему не выучившись и воспитавши въ себѣ глубокое отвращеніе къ наукѣ.

Ловкое шарлатанство такъ-называемыхъ лучшихъ учениковъ и пассивная оппозиція такъ-называемыхъ худшихъ составляютъ въ дѣлѣ распространенія прочныхъ знаній такое серьезное препятствіе, которое не можетъ быть устранено никакими внѣшними преобразованіями гимназическихъ уставовъ. Чтобы устранить это препятствіе, надо дѣйствовать убѣдительными и увлекательными доказательствами на сознаніе того общества, среди котораго растутъ будущіе гимназисты и изъ котораго эти гимназисты почерпаютъ себѣ свои первоначальныя понятія, наклонности и предубѣжденія. Пока само общество будетъ относиться вяло и пассивно, лѣниво и равнодушно къ основнымъ принципамъ своего собственнаго образованія, до тѣхъ поръ самые превосходные уставы будутъ оставаться мертвой буквой. Воспитывать въ обществѣ ясное сознаніе его матеріальныхъ и умственныхъ потребностей, пробуждать и поддерживать въ немъ живое и дѣятельное сочувствіе ко всему, что можетъ принести ему пользу,—вотъ самая важная и даже единственная серьезная обязанность журналистики. Но для того, чтобы успѣшно выполнять эту обязанность, и даже для того, чтобы только понять и почувствовать всю ея важность, надо обладать совсѣмъ не такими силами, какія

находятся въ распоряженіи нашей *шестой державы*. Шестая держава рѣшительно поворачивается спиной къ этой обязанности и не хочетъ замѣчать ее даже тогда, когда другіе люди настоятельно приглашаютъ ее обратить на нее вниманіе. «Моск. Вѣд.», въ 71 №, выписываютъ изъ «Голоса» слѣдующія строки: «Многіе родители думаютъ, что греческимъ и латинскимъ языками ученики будутъ заниматься насильно». Выписавъ эти слова, «Моск. Вѣдом.» начинаютъ разсуждать такъ: «и этотъ аргументъ кажется петербургской газетѣ достаточнымъ для того, чтобы въ нашихъ гимназіяхъ не было классическихъ языковъ, а преподавалось нѣчто такое, что̀, не требуя серьезнаго труда, приходилось бы наиболѣе по вкусу ученикамъ гимназій».

Чтобы замаскировать свою несостоятельность въ дѣлѣ теоретической защиты классицизма, какъ принципа, «Московскія Вѣдомости» относятся въ полнымъ пренебреженіемъ къ наклонностямъ гимназистовъ и впадаютъ въ самую грубую психологическую ошибку. Онѣ утверждаютъ, что ученикамъ гимназій можетъ нравиться только то, что̀ не требуетъ серьезнаго труда. Это — совершенная нелѣпость не только для гимназистовъ, но даже для самыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Ребенку, какъ всякому человѣку вообще, противенъ и несносенъ тотъ трудъ, въ которомъ онъ не видитъ никакой цѣли. Самое легкое занятіе можетъ быть невыносимо-скучнымъ и самый напряженный умственный трудъ можетъ быть въ высшей степени пріятнымъ. Все зависитъ отъ того, затрогиваетъ ли этотъ трудъ умъ и чувство трудящагося человѣка, или оставляетъ ихъ неподвижными. Трудная работа и скучная работа— два понятія нисколько не равносильныя. Устранить изъ учебныхъ занятій элементъ серьезнаго труда нѣтъ никакой возможности и ни малѣйшей надобности, потому что серьезный трудъ закаляетъ умъ и формируетъ характеръ ученика. Но устранить изъ учебныхъ занятій элементъ скуки и принужденія—прямая обязанность раціональной педагогики, потому что скука, порождаемая безучастностью ученика къ труду, во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на его умственныя способности, а принужденіе, въ какой бы утонченной и облагороженной формѣ оно ни выражалось, во всякомъ случаѣ развращаетъ ученика въ нравственномъ отношеніи. Что есть возможность устранить скуку и принужденіе—это доказала яснополянская школа. Въ томъ дѣлѣ, о которомъ я говорю теперь, для устраненія скуки и принужденія требуется только одно условіе: пусть защитники классицизма растолкуютъ обществу пользу и необходимость двухъ мертвыхъ языковъ. Пусть они дадутъ ясный и вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: для чего русскому юношеству слѣдуетъ начинать свое школьное ученіе съ латинской и греческой грамматики? Вмѣсто того, чтобы серьезно задуматься надъ этимъ вопросомъ, «Московскія Вѣдомости» эскамотируютъ его и кидаются по сторонамъ, то на «Голосъ», то на родителей, то на гимназистовъ, которые нисколько не виноваты въ томъ, что великій защитникъ классицизма не умѣетъ мыслить.

II.

Когда «Московскія Вѣдомости», прекративъ свои набѣги на «Голосъ», на родителей и на гимназистовъ, стараются доказать превосходство классическаго образованія надъ всѣми другими возможными системами, тогда онѣ бѣдностью и безсвязностью своихъ доводовъ повергаютъ читателя въ сострадательное недоумѣніе. Между прочимъ ихъ классическая философія поучаетъ, что теорія и въ подметки не годится факту, именно потому, что она—теорія, т. е. потому, что она, какъ новое произведеніе человѣческаго ума, еще не успѣла пустить корень въ жизнь. Когда въ XV вѣкѣ нашлись чудаки, которые хотѣли печатать книги, вмѣсто того чтобы переписывать ихъ, тогда, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», надо было отвѣчать имъ: «вы все врете! это—теорія; жизнь съ ея фактами говоритъ намъ, что книги должны непремѣнно переписываться». Когда въ томъ же XV вѣкѣ Колумбъ выпрашивалъ себѣ два корабля у испанскаго правительства, чтобы открыть цѣлый новый міръ, тогда надо было непремѣнно отвѣтить ему, что жизнь съ ея фактами запрещаетъ открывать новыя земли. И такой отвѣтъ дѣйствительно былъ данъ ему многими почтенными представителями жизни и ея фактовъ. Когда въ концѣ XVI столѣтія Джордано Бруно своими сочиненіями и лекціями сталъ распространять систему Коперника, тогда ему доказали очень осязательно, что *иное дѣло—фактъ, иное дѣло—теорія. Фактъ* сначала посадилъ *теорію* въ тюрьму, а потомъ сжегъ ее на кострѣ. Въ XVII столѣтіи Галилей былъ теоріей, а папская инквизиція была фактомъ. Въ XVIII столѣтіи сочиненіе Беккарія противъ смертной казни было теоріей, а пытка, висѣлица и колесованіе—фактами. Во времена Наполеона пароходъ былъ теоріей, а насмѣшка Наполеона надъ пароходомъ была фактомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія эманципація русскихъ крестьянъ была теоріей, а крѣпостное право было фактомъ. И откупъ, и закрытый судъ, и тѣлесныя наказанія въ свое время были также весьма почтенными фактами.

Но иное дѣло—фактъ, иное дѣло—теорія, твердятъ «Московскія Вѣдомости», и совершенно успокоиваются на этомъ величественномъ приговорѣ, составляющемъ самое торжественное и категорическое признаніе собственной духовной нищеты и полнѣйшей неспособности анализировать или опровергать какую бы то ни было теорію. Повторивши два раза свою безсмысленную фразу, «Московскія Вѣдомости» совершенно забы-

ваютъ о тѣхъ двухъ вопросахъ, съ которыхъ онѣ хотѣли было начать свое изслѣдованіе о достоинствахъ классицизма. Усыпленный пустословіемъ газетнаго болтуна, читатель также давно забылъ объ этихъ двухъ вопросахъ, и такимъ образомъ поднятое дѣло затихло, къ обоюдному удовольствію писателя и публики. Писатель почтительно раскланялся съ фактомъ, какъ съ важнымъ бариномъ, бросилъ презрительный взглядъ на теорію, какъ на искательницу приключеній, наполнилъ неизвѣстно чѣмъ нѣсколько столбцовъ и успокоился на томъ усладительномъ сознаніи, что далеко подвинулъ впередъ дѣло классицизма въ Россіи. Читатели быть-можетъ не повѣрятъ мнѣ, если я имъ скажу, что я исчерпалъ все содержаніе передовыхъ статей, помѣщавшихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ защиту классицизма.

Такъ какъ я не могу и не хочу наполнять «Русское Слово» цитатами, въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ внутренней пустоты, то я приглашаю любопытнаго и недовѣрчиваго читателя прочитать передовыя статьи въ №№ 43, 54 и 71. Скука, которую онъ испытаетъ, послужитъ ему достаточнымъ наказаніемъ за его недовѣрчивость. Аргументовъ вы не найдете никакихъ, кромѣ уже извѣстной вамъ пѣсенки о томъ, что *иное дѣло — фактъ, иное дѣло — теорія*. Приводятся слова двухъ авторитетовъ, но эти слова не заключаютъ въ себѣ никакого аргумента. Оба авторитета заявляютъ только свою нѣжную любовь къ классическому образованію и утверждаютъ совершенно голословно, что молодые люди, прошедшіе черезъ классическую школу, оказываются гораздо дѣльнѣе тѣхъ, которые кончили курсъ въ реальныхъ училищахъ. Еслибы даже Александръ Гумбольдтъ и Чарльзъ Дарвинъ высказали эти мысли, то и тогда мы имѣли бы полное право потребовать отъ нихъ подробныхъ фактическихъ доказательствъ. Что же касается до тѣхъ авторитетовъ, передъ которыми преклоняется публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей», систематически презирающій теорію, то имъ мы тѣмъ болѣе не имѣемъ ни малѣйшей надобности вѣрить на слово. Что классическое образованіе имѣетъ въ Европѣ очень многихъ вліятельныхъ и ученыхъ защитниковъ,—это мы знаемъ очень хорошо безъ всякихъ цитатъ. Еслибы этого не было, то классическое образованіе не могло бы существовать. Но что между людьми учеными и вліятельными есть очень много слѣпыхъ обожателей *факта* и столь же слѣпыхъ гонителей *теоріи*—это мы также знаемъ какъ нельзя лучше. Нѣтъ того важнаго научнаго открытія, нѣтъ той плодотворной идеи, которыя не встрѣчали бы себѣ самыхъ ожесточенныхъ враговъ именно въ университетахъ и въ академіяхъ. Францискъ Бэконъ съ презрѣніемъ относился къ астрономическимъ открытіямъ Галилея; Ріоланъ, знаменитѣйшій профессоръ медицины въ XVII вѣкѣ, не хотѣлъ признавать кровообращенія, открытаго Гарвеемъ; знаменитѣйшіе палеонтологи тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія не обратили никакого вниманія на изслѣдованія Шмерлинга, доказывавшія одновременное существованіе человѣка съ такъ-называемыми допотопными животными. Предвзятыя мнѣнія вліятельныхъ ученыхъ людей бываютъ обыкновенно очень упорны, и потому слова генерала Морена и господина Шмидта, тѣхъ двухъ авторитетовъ, которыми хвастаются «Московскія Вѣдомости», доказываютъ только то, что генералъ Моренъ и господинъ Шмидтъ очень влюблены въ существующій фактъ. Мы не можемъ и не желаемъ имъ въ томъ препятствовать, но влюбляться вслѣдъ за ними, потому только, что они—генералъ Моренъ и господинъ Шмидтъ, мы не видимъ до сихъ поръ никакого достаточнаго основанія.

III.

«День» также стоитъ за классицизмъ и даже очень обижается тѣмъ, что «Московскія Вѣдомости», увлеченныя пылкостью своей фантазіи, причислили его къ любителямъ реальнаго образованія. Въ 16 и въ 17-омъ нумерахъ «Дня» напечатана статья Шаврова «Классическое и реальное воспитаніе». Эта статья стоитъ неизмѣримо выше фразерства «Московскихъ Вѣдомостей». Авторъ этой статьи обнаруживаетъ по крайней мѣрѣ похвальное желаніе размышлять о предметѣ собственнымъ умомъ, и читателю остается только пожалѣть о томъ, что такіе доброжелательные люди, какъ Шавровъ, бываютъ часто чрезвычайно плохими мыслителями и кромѣ того не знаютъ азбуки того предмета, о которомъ они толкуютъ. Шавровъ беретъ слова: *классицизмъ* и *реализмъ* въ такомъ широкомъ и глубокомъ значеніи, что читатель даже перестаетъ видѣть въ этихъ двухъ словахъ какой-нибудь опредѣленный смыслъ. Какъ настоящій идеалистъ, какъ усердный ученикъ Хомякова, Кирѣевскаго и другихъ подобныхъ мыслителей, Шавровъ совлекаетъ съ предмета все конечное, временное и случайное и посредствомъ этого совлеченія доводитъ дѣло до того, что классицизмъ и реализмъ становятся похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Выводы этого геніальнаго философскаго пріема оказываются очень значительными. Сбросивъ съ себя оковы матеріи, Шавровъ можетъ называть классицизмъ реализмомъ, а реализмъ—классицизмомъ. Кромѣ того онъ, по вдохновенію, можетъ называть то классицизмомъ, то реализмомъ такія вещи, которыя съ нашей временной, конечной и случайной точки зрѣнія нисколько непохожи ни на то, ни на другое. Если ему угодно быть защитникомъ классицизма, — онъ можетъ называть всякое дурное воспитаніе реальнымъ, а всякое хорошее—классическимъ. Если же ему угодно прославлять реализмъ,—то никто и ничто не

помѣшаютъ ему поступать какъ разъ наоборотъ. Неудобства этого геніальнаго пріема состоятъ только въ томъ, что такимъ образомъ разбиваются въ прахъ и возносятся на пьедесталъ только *слова*; самыя же явленія, противъ которыхъ или за которыя слѣдовало спорить, остаются совершенно незатронутыми.

Простодушный читатель конечно почерпнетъ изъ статьи Шаврова то свѣдѣніе, что *классицизмъ* есть нѣчто прелестное, а *реализмъ* — нѣчто пакостное; но ни простодушный, ни проницательный, ни даже лукавый читатель не узнаютъ изъ этой статьи, — почему мертвые языки изучать слѣдуетъ, а естественныя науки изучать не годится. Въ самомъ началѣ своей статьи Шавровъ объясняетъ, что «подъ этими двумя названіями (то-есть подъ названіями классицизма и реализма) разумѣются два воспитательные типа».—«Разберите—продолжаетъ Шавровъ тотчасъ же,—внимательно воспитаніе, какое даетъ дикарь своему сыну или дочери,—вы непремѣнно найдете въ этомъ воспитаніи который нибудь изъ двухъ типовъ, хотя и въ изуродованномъ видѣ». Изъ этихъ словъ читатель замѣчаетъ съ ужасомъ, что Шавровъ хватаетъ изумительно далеко и съ величайшей развязностью можетъ усмотрѣть классическое воспитаніе у готтентотовъ, а реальное — у папуасовъ. Поднявшись вмѣстѣ съ Шавровымъ сразу на такую высоту умозрѣнія, читатель начинаетъ краснѣть за свою недавнюю близорукость, вслѣдствіе которой онъ всю сущность вопроса видѣлъ въ томъ, что̀ будутъ изучать наши гимназисты: греческую грамматику или физіологію? Читатель видитъ теперь, что для рѣшенія вопроса о греческой грамматикѣ необходимо сначала окинуть философскимъ взглядомъ всю исторію человѣчества. Нечего дѣлать, давайте окидывать. Впрочемъ, не желая изучать изуродованный классицизмъ готтентотовъ, Шавровъ приглашаетъ насъ обратиться вмѣстѣ съ нимъ «къ тѣмъ эпохамъ исторіи, когда эти типы проявлялись въ своемъ болѣе совершенномъ видѣ». Переносясь такимъ образомъ въ греко-римскій міръ, Шавровъ замѣчаетъ о немъ, что, «по своей отдаленности отъ насъ, онъ можетъ подвергаться и дѣйствительно очень часто подвергается разнаго рода перетолкованіямъ». Это замѣчаніе въ высшей степени справедливо, умѣстно и своевременно, потому что несчастный греко-римскій міръ, *по своей отдаленности* отъ Шаврова, *дѣйствительно подвергается* со стороны этого ученаго писателя такимъ *перетолкованіямъ*, отъ которыхъ волосы поднимутся дыбомъ на головахъ всѣхъ историковъ-эллинистовъ и латинистовъ нашего отечества.—До чего мы дожили! воскликнутъ эти господа. *Кто* насъ защищаетъ? И *какими* аргументами? И съ *какими* знаніями? И это—*лучшій* изъ нашихъ защитниковъ!— Шавровъ твердо убѣжденъ въ томъ, что аѳиняне и римляне получали классическое образованіе. Онъ слыхалъ, что греко-римскій міръ называется классическимъ, и, *по своей отдаленности* отъ этого міра, отважно умозаключилъ, что въ классическомъ мірѣ все должно быть классическое, и люди, и лошади, и собаки, и лягушки, и носы, и деревья, а, стало-быть, также и образованіе. *По своей отдаленности* отъ всякихъ историческихъ знаній, Шавровъ не сообразилъ, что греко-римскій міръ сталъ называться *классическимъ* только въ то время, когда онъ былъ уже мертвымъ міромъ и когда онъ послѣ возрожденія наукъ и искусствъ въ XV вѣкѣ сталъ изучаться въ школахъ или въ *классахъ*. Когда за древнимъ міромъ упрочилось названіе *классическаго* міра, тогда *классическимъ* стало называться то образованіе, которое было основано на изученіи этого міра. Но образованіе *классическаго* юношества и *классическое* образованіе юношества—двѣ вещи совершенно различныя. То-есть, молодые люди Греціи и Рима учились совсѣмъ не такъ и не тому, какъ и чему учились нѣмецкіе, итальянскіе, французскіе и англійскіе школьники XVI, XVII и слѣдующихъ вѣковъ. По всей вѣроятности юный римлянинъ не имѣлъ понятія о томъ, что̀ значитъ разрѣшать конструкцію *Accusativus cum Infinitivo*, за которую пороли и порютъ до сихъ поръ школьниковъ новой Европы; по всей вѣроятности юный грекъ никогда не ломалъ себѣ голову надъ аористами и управлялся съ ними такъ же легко, какъ мы теперь управляемся съ изумительной безалаберщиной нашего глагола, непостижимаго для иностранцевъ. Параллель между новѣйшими школьниками и древними юношами была бы возможна только въ томъ случаѣ, еслибы греки и римляне изучали въ своихъ училищахъ языки санскритскій и египетскій, или вообще такіе языки, которые существовали бы только въ школѣ и для школы. Но такъ какъ греки и римляне этого не дѣлали, то не зачѣмъ и обижать свободныхъ и веселыхъ юношей древняго міра сравненіемъ съ несчастными школьниками, выбивающимися изъ силъ надъ аористами и конструкціями. — *Отдаленность* Шаврова отъ историческихъ знаній нисколько не мѣшаетъ ему быть добрѣйшимъ человѣкомъ. «Древнихъ не учили,— объясняетъ онъ, — но они сами учились. Дѣло воспитателей и наставниковъ у нихъ состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть хорошими собесѣдниками для питомцевъ, умѣющими поддержать въ нихъ умственную и нравственную энергію и живой интересъ къ предметамъ изученія, и опытными руководителями, способными давать должное и вѣрное направленіе уму и чувству питомцевъ. Но при этомъ они не стѣсняли и не подавляли ихъ самостоятельности и въ то же время заботились о сохраненіи и укрѣпленіи полной гармоніи между умомъ и чувствомъ въ питомцахъ». — Этими словами Шав-

ровъ очевидно обрисовываетъ намъ свой собственный педагогическій идеалъ. Идеалъ недуренъ. Къ нему стремились всегда и вездѣ люди, отдававшіе себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ въ тѣхъ законахъ, по которымъ совершается умственное развитіе человѣка. Именно за то, что Шавровъ способенъ составить себѣ такой идеалъ, я ставлю этого писателя неизмѣримо выше того жалкаго фразера, который утверждаетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что гимназисты не могутъ заниматься серьезной работой безъ принужденія. Но, отдавая полную справедливость добросердечію Шаврова, я все-таки долженъ замѣтить, что его слова нисколько не характеризуютъ собой древняго міра, а только даютъ самый общій и неопредѣленный очеркъ той задачи, которую долженъ постоянно имѣть въ виду каждый умный воспитатель или учитель. Всѣ они должны поддерживать въ питомцахъ *умственную и нравственную энергію*, всѣ должны возбуждать въ нихъ *живой интересъ къ предметамъ изученія*, всѣ должны давать *вѣрное направленіе* ихъ *уму и чувству*. Всѣ *должны*, но не всѣ *могутъ* и *умѣютъ*. Безсиліе и неумѣнье происходятъ не оттого, что метода невѣрна, и не оттого, что предметы изученія никуда не годятся, а просто оттого, что между педагогами точно такъ же, какъ и между людьми всѣхъ остальныхъ профессій, встрѣчается гораздо больше дюжинныхъ и ограниченныхъ субъектовъ, чѣмъ умныхъ и даровитыхъ личностей. Всякую науку, которая дѣйствительно достойна этого имени, можно преподавать и очень увлекательно, и очень усыпительно. Все зависитъ тутъ не отъ педагогической теоріи, а отъ живой личности преподавателя. Слова Шаврова выражаютъ именно тѣ требованія, которыя могутъ быть выполнены только педагогическимъ искусствомъ, то-есть личными дарованіями педагоговъ. Но такъ какъ въ древности были и хорошіе преподаватели, и посредственные, и совсѣмъ дрянные, то очевидно эти требованія выполнялись далеко не всегда, и когда они выполнялись, то характеризовали собой не древность, а только отдѣльныя личности умныхъ и добросовѣстныхъ учителей. «*Педагогика, педагогъ*»—эти два слова или названія,— продолжаетъ Шавровъ, — дошедшія до насъ отъ эпохи истинно классическаго образованія, хорошо опредѣляютъ его основную задачу». — *Эти два слова или названія* опредѣляютъ только то, что Шавровъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. Онъ слышалъ, что слово *педагогъ* составлено изъ двухъ греческихъ словъ, изъ которыхъ одно (Πάις) значитъ *ребенокъ*, а (ἄγω) значитъ *веду*, — и со свойственной ему отважностью умозаключилъ, что *педагоги* были въ древности *руководителями* юношества въ *умственномъ* и въ *нравственномъ* отношеніи. Но съ этой пріятной иллюзіей Шавровъ долженъ разстаться. Педагогами назывались въ древности не тѣ люди, которые *ведутъ* юношество по пути добродѣтели и мудрости, а тѣ лакеи или рабы, которые, въ буквальномъ, а не въ переносномъ смыслѣ, *водили* дѣтей въ школу и при этомъ несли за ними книжки и письменныя принадлежности. Свое теперешнее, возвышенное значеніе *эти два слова или названія* получили совсѣмъ не въ эпоху того образованія, которое Шаврову угодно назвать *классическимъ*. Далѣе Шавровъ объясняетъ, что *педагоговъ въ классическомъ духѣ* одушевляли три мысли. *Первая* — «та, что человѣческая душа есть источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго, а самопознаніе—путь къ этому обильному источнику». Шавровъ не замѣчаетъ того, что этой первой мысли онъ никакъ не можетъ сочувствовать. Эта мысль — не что иное, какъ обоготвореніе человѣчества. Именно къ этой мысли пришла крайняя, лѣвая сторона гегельянской школы, и именно за эту мысль на нее сыпались всевозможныя обвиненія и проклятія. Что Шавровъ вовсе не желаетъ приходить къ такимъ результатамъ, въ этомъ я твердо убѣжденъ, во-первыхъ потому, что онъ пишетъ въ «Днѣ»,а во-вторыхъ потому, что онъ самъ сильно вооружается противъ какого-то *безчестнаго реализма*, который будто бы старается *подорвать коренныя религіозныя вѣрованія* дѣтей. Но что Шавровъ самъ не знаетъ, что́ онъ пишетъ, это для меня совершенно очевидно изъ той первой мысли, которую онъ приписываетъ своимъ *педагогамъ въ классическомъ духѣ*.—Вторая мысль—«та, что лучшее средство къ образованію души и органическому ея развитію есть тоже самое ея самопознаніе». Первая мысль состояла въ томъ, что «самопознаніе есть путь къ обильному источнику всего истиннаго, добраго и прекраснаго». Сличая эту первую мысль со второй, мы видимъ, что вторая ровно ничего не прибавляетъ къ первой, а только повторяетъ ее другими словами. — Третья мысль, «*не менѣе вѣрная и разумная, какъ и обѣ* (?) *первыя*», заключается въ томъ, «что человѣкъ, съ юныхъ лѣтъ собственной самодѣятельностью достигшій самопознанія, никогда не оставитъ дѣла ученія». Въ подкрѣпленіе этой послѣдней мысли, Шавровъ приводитъ изреченіе: «наука обширна, а жизнь коротка», и утверждаетъ, что «это мудрое изреченіе или поговорка составилась на почвѣ классическаго міра и отразила на себѣ искреннее убѣжденіе лицъ, дававшихъ и получавшихъ это образованіе». Здѣсь мы опять имѣетъ дѣло съ недослышаннымъ и непонятымъ звономъ. До Шаврова дошли какимъ-нибудь случайнымъ образомъ двѣ отрывочныя сентенціи— одна: «познавай самого себя», другая: «наука обширна, а жизнь коротка». Эти сентенціи очень понравились Шаврову, и изъ нихъ онъ немедленно склеилъ крошечную теорію, которую и

выдаетъ въ настоящее время публикѣ съ неподражаемымъ добродушіемъ за картину умственной жизни греко-римскаго міра. Онъ чистосердечно убѣжденъ въ томъ, что древніе греки постоянно погружены были въ самоизученіе и предавались этому пустому занятію втеченіи всей своей жизни. Но и съ этой иллюзіей онъ долженъ разстаться. Прежде всего я скажу ему, что совѣтъ познавать самого себя былъ высказанъ Сократомъ, и что большая часть философскихъ школъ, какъ до Сократа, такъ и послѣ него, занимались очень мало изученіемъ собственной души. Іонійская и элеатская школы занимались преимущественно размышленіями о мірѣ во вкусѣ Кифы Мокіевича и судьи Ляпкина-Тяпкина; киренейская школа, эпикурейцы и циники имѣли преимущественно практическое направленіе; наконецъ Аристотель и александрійская школа создавали положительную науку, то-есть занимались математикой, астрономіей, физикой, химіей и медициной. Второе изреченіе насчетъ науки и жизни было произнесено Анаксагоромъ и *отразило на себѣ* не *искреннее убѣжденіе* въ необходимости вѣчно учиться, а, напротивъ того, искреннее отчаяніе геніальнаго человѣка, понимавшаго вполнѣ, что его вѣкъ не создалъ такихъ орудій наблюденія, которыми можно было бы вырвать у природы ея тайны. Въ своемъ необорванномъ и неперетолкованномъ видѣ мысль Анаксагора выражается слѣдующимъ образомъ: умъ слабъ, чувства обманчивы, знаніе недостовѣрно, наука (то-есть область неизвѣстнаго) обширна, жизнь коротка. Если-же Шавровъ полагаетъ, что самоизученію предавались отроки, посѣщавшіе элементарныя школы, то и въ этомъ онъ ошибается. Отроки занимались грамматикой, математикой, музыкой и гимнастикой. Школа вела своихъ воспитанниковъ совсѣмъ не къ *обильному источнику всего истиннаго*, *добраго и прекраснаго*, а только къ обильному источнику гражданскихъ почестей. Она готовила изъ нихъ отличныхъ актеровъ; она учила ихъ хорошо говорить, декламировать и дѣлать граціозные жесты, чтобы водить за носъ глупую толпу, которая принимала ловкихъ балагуровъ и краснобаевъ за великихъ патріотовъ и за геніальныхъ администраторовъ.

IV.

Побожившись читателю въ томъ, что самоизученіе называется классическимъ образованіемъ, Шавровъ начинаетъ расхваливать это образованіе. «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—получившій классическое образованіе, не только самъ совершенно чуждъ всякаго рода иллюзій, всякой мечтательности и сантиментальности, но чувствуетъ какую-то антипатію къ этимъ недостаткамъ, встрѣчая ихъ въ другихъ». Я бы могъ сказать точь въ точь то-же самое о человѣкѣ, получившемъ реальное образованіе. Но такіе отзывы не имѣютъ рѣшительно никакого осязательнаго значенія. Что такое *иллюзіи?* Что такое *мечтательность* и *сантиментальность?* Надо сначала условиться въ томъ смыслѣ, который мы будемъ придавать этимъ выраженіямъ. Когда я читаю «День», то въ каждой строкѣ я вижу или *иллюзію*, или *мечтательность*, или *сантиментальность*. Когда Шавровъ читаетъ «Русское Слово», то онъ по всей вѣроятности не видитъ въ немъ ровно ничего, кромѣ *иллюзіи*, *мечтательности* и *сантитентальности*. Спрашивается теперь, отъ *какихъ* иллюзій, отъ *какой* мечтательности, отъ *какой* сантиментальности избавляетъ человѣка классическое воспитаніе? Если это классическое образованіе оставляетъ нетронутыми всѣ иллюзіи, всю сантиментальность и всю мечтательность, которыя гнѣздятся въ самомъ Шавровѣ и которыя этотъ мыслитель считаетъ лучшимъ украшеніемъ человѣка, то можно сказать, что не стоитъ благодарности, потому что въ такомъ случаѣ окажется, что классическое образованіе совсѣмъ ничего не сдѣлало. «Съ другой стороны,—продолжаетъ Шавровъ, — онъ (человѣкъ, получившій классическое образованіе) отличается особенной зоркостью и проницательностью въ пониманіи всякаго рода фактовъ и явленій жизни, умѣньемъ понять ихъ въ собственномъ ихъ смыслѣ и какой-то ловкостью овладѣть ими, — качествами, которыя дѣлаютъ его способнымъ къ дѣятельной жизни».—Послѣ этого остается только напечатать въ газетахъ объявленіе: нѣтъ болѣе дураковъ! или вѣрнѣйшее средство излечиваться греческой грамматикой отъ всѣхъ острыхъ и хроническихъ видовъ глупости, тупоумія и ограниченности.—Прочитавъ слова Шаврова о неизбѣжной зоркости, проницательности, ловкости всѣхъ классиковъ, читатель можетъ составить себѣ довольно отчетливое понятіе о томъ, насколько этотъ мыслитель способенъ разсуждать объ иллюзіяхъ и мечтательности, и насколько онъ способенъ цѣнить зоркость, проницательность и ловкость. Сдѣланъ-ли до сихъ поръ первый шагъ для того, чтобы построить сравнительную оцѣнку различныхъ системъ образованія на твердыхъ и положительныхъ *статистическихъ* данныхъ? Если вы хотите сравнивать между собой различныя системы образованія по тѣмъ результатамъ, которые отъ нихъ получаются, до вы должны принять величайшія предосторожности для того, чтобы имѣть дѣло дѣйствительно съ результатами образованія, а не съ результатами разныхъ другихъ, совершенно побочныхъ условій. Но, спрашивается, какимъ образомъ вы ухитритесь устранить эти побочныя условія? Какимъ образомъ вы напримѣръ убѣдитесь въ томъ, что зоркость, проницательность и ловкость даны человѣку вашей классической школой, а не получены имъ по наслѣд-

ству отъ родителей и не развиты въ немъ столкновеніями съ дѣйствительной жизнью послѣ его выхода изъ школы? Разумѣется, вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи былъ бы порѣшенъ на вѣчныя времена, еслибы существовала какая-нибудь возможность воспользоваться въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ статистики. Еслибы напримѣръ можно было доказать (доказать *цифрами*), что въ такомъ-то году поступило въ классическія и реальныя школы по пяти тысячъ мальчиковъ, одинаково умныхъ отъ природы, и что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ пять тысячъ классиковъ оказались гораздо умнѣе и дѣльнѣе пяти тысячъ реалистовъ, — тогда приверженцы реализма могли бы признавать себя побѣжденными. Но вѣдь стоитъ только поставить это требованіе, чтобы увидать въ ту же секунду, что оно неосуществимо. *А*—инженеръ, *Б*—профессоръ римскаго права, *В*—негоціантъ, *Г*—журналистъ, *Д*—мировой посредникъ—прошу покорно сравнивать ихъ между собой и оцѣнивать, который изъ нихъ дѣльнѣе. Это почти то же самое, что складывать аршины съ фунтами или дѣлить ведра на минуты. Если-же вы хотите сравнивать между собой людей одной профессіи,—вы натыкаетесь на новое затрудненіе: одинъ могъ выбрать эту профессію по призванію, другой могъ взять ее по принужденію, подъ гнетомъ такихъ обстоятельствъ, съ которыми невозможно было справиться. На каждомъ шагу вы встрѣчаете побочныя условія и почти никогда вы не можете опредѣлить съ точностью, какую долю вліянія надо отвести каждому изъ этихъ условій въ томъ общемъ результатѣ, который вы должны занести въ вашу статистическую таблицу. Кромѣ того сравнительная оцѣнка двухъ системъ образованія совершенно невозможна уже и потому, что, по признанію самихъ классиковъ, во всей Европѣ господствовала до сихъ поръ *только одна* система, а другая стояла постоянно въ тѣни, на заднемъ планѣ, и не имѣла ни малѣйшей возможности вступить въ состязаніе съ первой. На сторонѣ господствующей системы находятся, во-первыхъ, всѣ фактическія выгоды и, во-вторыхъ, всѣ предубѣжденія тѣхъ людей, которые берутся сравнивать результаты обѣихъ системъ. Допустимъ даже, что генералъ Моренъ, Шмидтъ и Шавровъ говорятъ чистую истину; допустимъ, что въ настоящее время дѣйствительно воспитанники классическихъ гимназій умнѣе и дѣльнѣе юныхъ реалистовъ. Если даже это явленіе подмѣчено вѣрно,—за что никакъ нельзя поручиться,—то явленіе это объясняется очень легко и естественно именно тѣмъ обстоятельствомъ, что классическія гимназіи, какъ господствующая система, стоятъ высоко во мнѣніи общества: объ этихъ гимназіяхъ говорятъ въ обществѣ, что тамъ учиться очень трудно, но что зато и выучиться можно превосходно. Очень естественно, что, постоянно слыша о нихъ такіе отзывы, родители помѣщаютъ своихъ дѣтей именно туда, если думаютъ, что ребенокъ, по своимъ дарованіямъ, выдержитъ успѣшно трудное ученіе; по той-же самой причинѣ родители слабыхъ и вялыхъ мальчиковъ боятся помѣщать своихъ дѣтей въ такую школу, въ которой имъ предстоитъ непосильная работа. Такимъ образомъ все, что посильнѣе, потянется къ господствующей системѣ, то-есть къ классицизму, который еще болѣе усилится отъ этого притока свѣжаго матеріала; а все, что послабѣе, потянется къ второстепенной системѣ, то-есть къ реализму, который вслѣдствіе этого еще ниже упадетъ въ глазахъ генерала Морена, Шмидта и Шаврова. При такихъ условіяхъ удивительно не то, что вліятельные и ученые обожатели существующаго факта прославляютъ классицизмъ, какъ вѣрное лекарство противъ всякой умственной немощи, а то, что эти вліятельные и ученые люди еще принуждены аргументировать противъ реализма. Что реализмъ не одержалъ до сихъ поръ и еще долго не одержитъ побѣды надъ классицизмомъ — это очень естественно: мудрено побѣдить такого врага, который слишкомъ три столѣтія тому назадъ воцарился надъ обществомъ; но что, несмотря на эти невыгодныя условія, реализмъ борется и дѣлаетъ успѣхи въ общественномъ мнѣніи, — это можетъ служить самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за его внутреннія достоинства. Наполнивши около двухъ столбцовъ голословными разсужденіями на ту тему, что греческая грамматика радикально излечиваетъ всякое тупоуміе, Шавровъ объявляетъ, что «жизнь отдѣльнаго-ли человѣка, или цѣлаго народа имѣетъ двѣ стороны, проистекающія изъ одной и той-же субстанціи человѣческаго духа». Наговоривъ разнаго вздора о субстанціи человѣческаго духа, онъ далѣе открываетъ *цѣлый родникъ нетронутыхъ духовныхъ силъ*.

По соображеніямъ Шаврова оказывается, что путь къ *роднику* россійскихъ *силъ* лежитъ черезъ грамматику Востокова и хрестоматію Галахова. Указывая этотъ путь, Шавровъ по своему обыкновенію витаетъ въ возвышенныхъ сферахъ отвлеченнаго мышленія и не называетъ ни Востокова, ни Галахова; но я ловлю на лету мысль Шаврова, стаскиваю ее за крылья внизъ на землю, даю ей кровь и плоть и довожу ее до той степени опредѣленности, которая необходима для ея практическаго осуществленія. За всѣ эти операціи Шавровъ долженъ питать ко мнѣ нѣжнѣйшую дружбу и глубочайшую признательность. Если-же за весь мой неблагодарный трудъ онъ заплатитъ мнѣ холоднымъ равнодушіемъ, то мнѣ останется только вздохнуть о томъ, что классическое образованіе, надѣлившее Шаврова *зоркостью*, *проницательностью и ловкостью* и украсившее его умъ множе-

ствомъ блестящихъ историческихъ познаній, убило въ немъ, вмѣстѣ съ *сантиментальностью* и *мечтательностью*, всѣ лучшія чувства человѣческой души. «Есть матеріалъ,—говоритъ Шавровъ, указывая путь въ *роднику*,—который, обладая наглядностью, даже пластичностью, до того нѣженъ, гибокъ, даже духовенъ, что можетъ отражать на себѣ самыя неуловимыя движенія человѣческаго духа и слѣдовательно полнѣе, чѣмъ что-нибудь другое, показывать, что̀ такое духъ самъ въ себѣ, что̀ такое онъ—въ своихъ внутреннѣйшихъ стремленіяхъ и сокровеннѣйшихъ направленіяхъ. Этотъ матеріалъ — человѣческое слово, языкъ.» — Затѣмъ Шавровъ приводитъ выраженіе Бюффона: «въ слогѣ — весь человѣкъ» (le style—c'est l'homme), и полагаетъ, что этимъ выраженіемъ рѣшается безапелляціонно вопросъ о томъ, какъ узнать вполнѣ достовѣрно внутреннюю субстанцію тридцатилѣтняго человѣка и какъ угадать будущее назначеніе тысячелѣтней Россіи. Тридцатилѣтній человѣкъ сдѣлается для васъ совершенно понятенъ, если вы изучите, съ синтаксической точки зрѣнія, всѣ его письма и записочки. А Россія немедленно раскроетъ передъ вами внутренній родникъ своихъ жизненныхъ силъ, если вы продумаете и прочувствуете достаточно глубоко грамматику Востокова, хрестоматію Галахова и еще для большей полноты «Историческіе очерки» Буслаева. Эта теорія Шаврова очень блистательна, но для ея окончательнаго торжества необходимо, чтобы авторъ разрѣшилъ нѣкоторыя недоумѣнія, способныя поставить втупикъ грубыхъ эмпириковъ. Такъ напримѣръ, не мѣшало бы ему доказать, что въ чистомъ и изящномъ латинскомъ языкѣ Саллюстія Криспа отразился весь характеръ этого человѣка, который, какъ извѣстно, своимъ живодерствомъ, взяточничествомъ и корыстолюбіемъ поражалъ даже своихъ современниковъ, вовсе неотличавшихся кротостью, безкорыстіемъ и честностью. Недурно было бы также, еслибы онъ объяснилъ намъ, какимъ образомъ языкъ Франциска Бэкона Веруламскаго *отразилъ на себѣ самыя неуловимыя движенія его духа*, весьма склоннаго къ вѣроломству и всегда готоваго продаться за наличныя деньги. Анализируя рѣчи Мирабо, Шавровъ долженъ показать намъ, что этотъ человѣкъ былъ подкупленъ дворомъ. Изучая сочиненія Кювье, Шавровъ, по ихъ языку, долженъ угадать, что Кювье былъ мягкій честолюбецъ, превратившій себя въ послушное орудіе бурбонской реакціи. Потомъ, перейдя отъ отдѣльныхъ личностей къ цѣлымъ народамъ, Шавровъ долженъ объяснить раздѣлъ Польши несовершенствами польскаго синтаксиса, бѣдствія Ирландіи—особенностями кельтскихъ склоненій и спряженій, историческую ничтожность литовскаго племени—бѣдностью литовскаго языка, который однако, по единогласному мнѣнію всѣхъ компетентныхъ знатоковъ сравнительной филологіи, приближается богатствомъ своихъ грамматическихъ формъ къ санскритскому языку. Кромѣ того Шавровъ долженъ объяснить, по какому случаю самые богатые и совершенные языки земного шара,—санскритскій, греческій и латинскій,—сдѣлались мертвыми языками, между тѣмъ какъ англійскій языкъ, неимѣющій почти никакой грамматики, живетъ и удовлетворяетъ собой во всѣхъ отношеніяхъ двѣ такія націи, въ сравненіи съ которыми греки и римляне оказываются недорослями и школьниками. Если въ языкѣ заключается *родникъ жизненныхъ силъ*, то какимъ же образомъ этотъ родникъ не выручилъ грековъ и римлянъ ни тогда, когда на нихъ нападали германцы и славяне, у которыхъ родникъ было гораздо хуже, ни тогда, когда на Византійскую имперію напали турки, у которыхъ родникъ былъ уже совсѣмъ плохъ? Всѣ эти вопросы Шавровъ долженъ разрѣшить непремѣнно, потому что если онъ берется читать въ грамматикѣ Востокова *будущую* судьбу Россіи, то тѣмъ болѣе, *à plus forte raison*, онъ обязанъ прочитать въ той же самой книжкѣ все *прошедшее* нашего отечества. Если же онъ объяснитъ посредствомъ русской грамматики всѣ событія русской исторіи, то по разнымъ другимъ грамматикамъ онъ прочитаетъ всѣ событія всемірной исторіи.—Особенность греко-римскаго образованія, по мнѣнію Шаврова, состояла именно въ томъ, что это образованіе погружало питомцевъ въ самый родникъ жизненныхъ силъ, то-есть вело ихъ къ самопознанію путемъ самаго тщательнаго изученія языка. «Развивая необыкновенную чуткость къ слову и всему выражаемому словомъ, направляя вниманіе главнѣйшимъ образомъ на живую связь между словомъ, мыслью и чувствомъ, оно (это изученіе) предохраняло древнихъ отъ всѣхъ злоупотребленій словомъ. Извѣстное изреченіе мудреца новѣйшихъ временъ и новѣйшаго образованія: «языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли», оправдываемое нерѣдко практикой нынѣшней жизни, въ древности показалось бы величайшей безсмыслицей».—Невѣжество и храбрость Шаврова рѣшительно приводятъ меня въ недоумѣніе. Я понять не могу, какимъ образомъ можно печатно разсуждать о древности, не прочитавши ни одного древняго историка. Еслибы Шаврову были извѣстны только первыя главы тацитовскихъ анналъ, то и тогда бы онъ воздержался отъ весьма многихъ нелѣпостей. Изреченіе новѣйшаго мудреца, Талейрана, какъ будто нарочно сказано для того, чтобы охарактеризовать поведеніе Тиверія послѣ смерти Августа. Тиверій постоянно пользовался языкомъ для того, чтобы скрывать свои мысли, и Тацитъ въ первыхъ главахъ своихъ анналъ превосходно описываетъ ту продолжительную и тяжелую комедію, кото-

рую Тиверій игралъ съ сенаторами. Тиверій былъ великолѣпнымъ виртуозомъ притворства и лицемѣрія, но развѣ Тиверій былъ выродкомъ, аномаліей, исключеніемъ изъ общаго правила? Напротивъ того, и Августъ, и Цезарь, и Сулла, и Сципіоны, и Периклъ, и Пизистратъ, и всѣ лучшіе политики древности постоянно шли къ верховному господству путемъ систематическаго лицемѣрія; они постоянно выражали на словахъ глубочайшее уваженіе къ тѣмъ самымъ формамъ и законамъ, которые они сами совершенно сознательно подкапывали своими поступками. Та же самая ложь господствовала въ отношеніяхъ между сенатомъ и народомъ, между патриціами и плебеями, между богачами и пролетаріями. То же самое хроническое и организованное лицемѣріе гнѣздилось въ дѣлахъ религіи; не вѣруя ни во что, образованные люди Греціи и Рима притворялись вѣрующими отчасти для того, чтобы не раздражать черни, отчасти для того, чтобы господствовать надъ этой чернью, эксплоатируя ея суевѣріе. Вольнодумцы принимали санъ первосвященниковъ, совершали жертвоприношенія, возвѣщали волю боговъ, гадали по полету птицъ и по внутренностямъ животныхъ. Почти всѣ философы древности говорятъ единогласно, что господствующая религія никуда не годится, но что ее слѣдуетъ поддерживать для народа.—Такъ какъ Шавровъ любитъ поговорки и анекдотическія мелочи, то я напомню ему то извѣстное замѣчаніе, что авгуры, встрѣчаясь между собой, имѣли обыкновеніе опускать глаза, чтобы не расхохотаться, глядя другъ на друга. Спрашивается теперь, зачѣмъ былъ данъ языкъ всѣмъ этимъ лицемѣрамъ, — затѣмъ ли, чтобы высказывать свою мысль, или затѣмъ, чтобы ее скрывать?— Можно сказать навѣрное, что выраженіе Талейрана никому изъ великихъ лицемѣровъ древности не показалось бы безсмыслицей. — «Знающіе греческій и латинскій языки,—продолжаетъ Шавровъ,—согласятся, что «болтать», т. е. говорить безъ мысли и безъ чувства, говорить для одного процесса говоренія —нѣтъ никакой возможности ни на томъ, ни на другомъ языкѣ.»—Разумѣется, нѣтъ возможности, потому что нѣтъ привычки. Латинскимъ языкомъ пользуются обыкновенно люди серьезные, въ серьезныхъ случаяхъ; по латыни говорятъ между собой ученые во время диспутовъ и доктора у постели больного; когда же этимъ господамъ хочется болтать, шутить и балагурить, тогда они конечно обращаются къ тому языку, на которомъ они привыкли думать, и который слѣдовательно своими формами нисколько не стѣсняетъ свободнаго теченія ихъ мыслей. Болтать на какомъ-нибудь языкѣ вообще гораздо труднѣе, чѣмъ диспутировать на немъ, потому что для болтовни, которая обыкновенно быстро перескакиваетъ съ одного предмета на другой, требуется самое полное и притомъ совершенно практическое знаніе языка. Что никто не болтаетъ по-гречески, это, мнѣ кажется, не очень удивительно, потому что если бы какимъ-нибудь чудомъ народился на свѣтѣ такой своеобразный болтунъ, то ему пришлось бы проѣхать многія сотни верстъ или миль, чтобы отыскать себѣ равносильнаго собесѣдника. «Тѣмъ болѣе,—продолжаетъ Шавровъ,—это было невозможно, когда оба языка были живыми языками».—*Тѣмъ болѣе!* Какъ вамъ нравится это «*тѣмъ болѣе*»? Какое высокое понятіе можетъ дать одно это *тѣмъ болѣе* о мыслительныхъ способностяхъ добродушнаго Шаврова! Значитъ, онъ полагаетъ, что на мертвомъ языкѣ, существующемъ только въ школѣ и для школы, легче, да и гораздо легче болтать, чѣмъ на живомъ языкѣ, распространенномъ во всѣхъ слояхъ общества. Значитъ, онъ полагаетъ, что греки и римляне никогда не болтали. Значитъ, молодой кутила древняго міра, распивая фалернское вино со своей любовницей, женщиной легкаго поведенія, разсуждалъ съ нею о Кзинтиліанѣ или объ атомистической теоріи міра. Значитъ, молодые римскіе денди, собираясь въ модную цирюльню или въ баню, рѣшали государственные вопросы. Значитъ, у этихъ денди никогда не было разговора о гетерахъ, о лошадяхъ, о собакахъ, о городскихъ сплетняхъ и скандалахъ, или же всѣ эти разговоры, обыкновенно считающіеся болтовней, у нихъ были проникнуты мыслью и чувствомъ. Значитъ, Ювеналъ и Персій врутъ, упрекая тогдашнюю молодежь въ умственной пустотѣ и въ нравственной гнилости; и, значитъ, наконецъ всѣ комедіи Аристофана, Плавта и Теренція взяты не изъ греческой и не изъ римской жизни, а изъ бурятской и алеутской. Надо также полагать, что римская чернь никогда не болтала о гладіаторскихъ играхъ, а всегда разсуждала о нихъ съ мыслью и чувствомъ, точь въ точь такъ, какъ въ наше время диспутируютъ ученые и совѣщаются доктора. «Тогда,—продолжаетъ Шавровъ,—было чрезвычайно трудно и говорить на нихъ что-нибудь противное совѣсти и убѣжденіямъ говорящаго, и отселѣ-то произошла извѣстная поговорка: «только честный человѣкъ можетъ быть ораторомъ» (nemo orator, nisi vir bonus)». — *Отселѣ* или *оттолѣ* произошла эта поговорка— этого я не знаю, но осмѣлюсь замѣтить Шаврову, что его слабость къ поговоркамъ и его ребяческая манера строить на поговоркахъ цѣлыя теоріи ежеминутно заставляютъ его излагать печатно самыя поразительныя нелѣпости. Если грекамъ и римлянамъ было *чрезвычайно трудно говорить что-нибудь противное совѣсти и убѣжденіямъ*, то во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что они мужественно боролись съ этими трудностями и превозмогали ихъ съ величайшимъ успѣхомъ. Весь эффектъ, произведенный латинской поговоркой Шаврова, можетъ быть совершенно уничтоженъ однимъ сло-

вомъ—«*софистъ*». Извѣстно ли Шаврову это слово? Оно перешло въ новые европейскіе языки изъ греческаго языка. То явленіе, которое обозначается этимъ словомъ, возникло въ греческой жизни. Софистами назывались такіе мыслители или, вѣрнѣе, такіе говоруны, которые совершенно отрицали существованіе объективной истины и которые утверждали, что можно доказать и опровергнуть одинаково сильными аргументами какую угодно мысль. Собирая вокругъ себя многочисленныхъ слушателей, увлекая за собой цѣлыя толпы учениковъ, софисты дѣйствительно доказывали и опровергали, что угодно, и передавали своимъ послѣдователямъ свое удивительное умѣнье поворачивать діалектическое оружіе, смотря по желанію или по обстоятельствамъ, то въ ту, то въ другую сторону. По всей вѣроятности историческія изслѣдованія Шаврова привели его къ тому убѣжденію, что софисты говорили не по-гречески, а по-китайски или по-готтентотски. Если же Шавровъ еще не пришелъ къ этому результату и даже не надѣется придти къ нему впослѣдствіи, то онъ долженъ согласиться, что отъ всѣхъ его размышленій о «*родникѣ жизненныхъ силъ*» и о путешествіи къ этому роднику посредствомъ изученія языка не осталось въ настоящую минуту камня на камнѣ. «Такимъ образомъ слово,—продолжаетъ Шавровъ,—было своего рода гарантіей общественной честности.» Мы уже знаемъ теперь, какова была эта общественная честность, и потому можемъ составить себѣ достаточно ясное понятіе о томъ, какъ много пользы доставила древнимъ обществамъ эта *своего рода гарантія*, породившая и воспитавшая софистовъ и риторовъ, лицемѣровъ и льстецовъ, шарлатановъ и комедіантовъ политическаго міра.—Изъ моего анализа шавровскихъ теорій читатель по всей вѣроятности достаточно убѣдился въ томъ, что обожатель и защитникъ классицизма, Шавровъ, изучалъ самъ классическую древность по тѣмъ собраніямъ дѣтскихъ анекдотовъ, въ которыхъ повѣствуется о справедливости Аристида, о безкорыстіи Фокіона, о патріотизмѣ Регула и о мужествѣ Муція Сцеволы.

V.

На предыдущихъ страницахъ я достаточно охарактеризовалъ какъ великую проницательность, такъ и глубокую ученость того бойца, котораго «День» выдвинулъ противъ реалистовъ. Чтобы никто не могъ обвинить меня въ бездоказательности, я сдѣлалъ изъ статьи Шаврова очень много, даже слишкомъ много выписокъ. Теперь я могу подвигаться впередъ быстрѣе, поэтому я буду теперь резюмировать и опровергать только тѣ мнѣнія нашего просвѣщеннаго писателя, которыя или особенно замѣчательны по своей нелѣпости, или же дадутъ мнѣ поводъ развить мои собственныя мысли о разбираемыхъ вопросахъ.

Шавровъ замѣчаетъ, что у новыхъ народовъ мы видимъ постоянную борьбу консерватизма и рьянаго, ослѣпленнаго прогрессизма, между тѣмъ какъ у грековъ и у римлянъ «не было ни консерваторовъ, ни прогрессистовъ, а всѣ были и консерваторы, и прогрессисты». При семъ удобномъ случаѣ Шавровъ дѣлаетъ подстрочное замѣчаніе: «изъ новыхъ народовъ англичане приближаются нѣсколько къ древнимъ въ этомъ отношеніи».—О, Господи! померетъ можно со смѣху, читая такія историко-философскія соображенія. По своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, всѣ мыслящіе греки и римляне были строгими и неумолимыми консерваторами. Величайшіе философы древняго міра, Платонъ и Аристотель, составляли планы идеальнаго государства, но эти планы, по ихъ мнѣнію, могли осуществиться не посредствомъ естественнаго и свободнаго развитія существующихъ народныхъ силъ, а только посредствомъ внезапнаго и насильственнаго вмѣшательства законодательной власти. Въ одинъ прекрасный день законодатели должны были объявить народу, что съ этой минуты начинается существованіе новой, идеальной республики, въ которой все будетъ устроено такъ-то и такъ-то. Затѣмъ, послѣ утвержденія идеальнаго порядка, все должно было оставаться неподвижнымъ и неизмѣннымъ на вѣчныя времена. И Платонъ, и Аристотель признавали въ области политической жизни возможность абсолютнаго совершенства. Оба они и вмѣстѣ съ ними всѣ мыслящіе люди древности не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что идеи, чувства и желанія человѣчества постоянно измѣняются, что каждое новое поколѣніе приноситъ съ собой новыя требованія, что отношенія человѣка къ силамъ неорганической и органической природы не остаются неподвижными, что распредѣленіе богатствъ между отдѣльными личностями и цѣлыми сословіями подвержено постояннымъ колебаніямъ, и что вслѣдствіе всѣхъ этихъ и многихъ другихъ причинъ всѣ политическія учрежденія могутъ имѣть только временное и мѣстное значеніе, то-есть, что эти учрежденія, порожденныя силой извѣстныхъ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ этими обстоятельствами живутъ, растутъ, видоизмѣняются, дряхлѣютъ и умираютъ. Причины этого строгаго теоретическаго консерватизма понять нетрудно.—Вся ремесленная и промышленная дѣятельность древняго міра находилась въ рукахъ рабовъ. Наука никогда не заглядывала ни на земледѣльческую плантацію, ни на скотный дворъ, ни въ мастерскую. Архимедъ прикладывалъ свои математическія знанія къ сооруженію военныхъ машинъ, но ему никогда не приходило въ голову придумать какой-нибудь новый плугъ или ручную мельницу, или верстакъ. Во все продолженіе греко-римскаго періода не было сдѣлано въ области промышленности ни одного такого открытія, которое зна-

чительно усилило бы господство человѣка надъ природой и повело бы за собой замѣтное сбереженіе человѣческаго труда. Промышленность развивалась такъ медленно и трудъ былъ постоянно такъ дешевъ, что древнему человѣку не было ни надобности, ни возможности думать о томъ, чтобы замѣнить рабочую силу раба какими-нибудь стихійными силами природы. Общество безъ рабовъ для древняго человѣка было немыслимо, тѣмъ болѣе, что всѣ свободные люди глубоко презирали всякій производительный трудъ. Когда промышленность не совершенствуется и когда масса населенія обречена вѣчно исправлять должность вьючнаго скота, тогда очевидно прогрессъ общества можетъ состоять только въ томъ, что это общество будетъ обогащаться войной и грабежомъ, и что отдѣльные члены этого общества будутъ драться между собой за добычу и за политическое господство. Очень понятно, что къ *такому* прогрессу мыслящіе люди древности относились въ теоріи совершенно отрицательно. Но этотъ строгій теоретическій консерватизмъ приводилъ грековъ и римлянъ только къ тому результату, что въ ихъ гражданскихъ обществахъ сталкивались и боролись между собой не идеи и убѣжденія, а страсти и интересы. Люди, невѣрующіе въ прогрессъ, подрывали основы общественнаго зданія, когда того требовали ихъ мелкія страсти и ихъ личныя выгоды. Какой общечеловѣческій или общенаціональный смыслъ имѣютъ всѣ тѣ микроскопическіе перевороты, которыми наполнена исторія древне-греческихъ республикъ и въ которыхъ ежедневно проливалась по каплямъ втеченіи нѣсколькихъ столѣтій кровь умнаго и даровитаго народа? То олигархи убьютъ тирана, то чернь передушитъ олигарховъ съ тѣмъ, чтобы превратить демагога въ новаго тирана; то метрополія начнетъ обижать колонію, то колонія начнетъ грубить метрополіи; шума происходитъ очень много, кровь и капиталы тратятся на военные грабежи, а между тѣмъ общество нисколько не подвигается впередъ. Наконецъ, когда древнему міру приходится рѣшать дѣйствительно важные вопросы, тогда происходитъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и въ самыхъ грубыхъ формахъ то столкновеніе *крайняго консерватизма* и *ослѣпленнаго прогрессизма*, которое Шавровъ предоставляетъ новѣйшей Европѣ въ исключительную собственность. Является напримѣръ вопросъ о римскомъ пролетаріатѣ,—вопросъ неотразимый, потому что дѣйствительно масса римскаго народа, повелителя вселенной, гніетъ въ физическомъ, умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Какъ же рѣшается этотъ вопросъ? — Гракхи, одинъ за другимъ, предлагаютъ проекты законовъ, очень доброжелательныхъ, но совершенно неспособныхъ устранить зло. Обоихъ Гракховъ можно назвать *ослѣпленными* прогрессистами, потому что у нихъ обоихъ было много мужества и гражданской честности, но не было ни малѣйшей теоретической подготовки. Сенаторовъ же и оптиматовъ, погубившихъ обоихъ реформаторовъ, можно совершенно основательно назвать *крайними* консерваторами, потому что они эскамотировали и задушили весь вопросъ, въ которомъ заключалась вся будущая судьба римскаго народа. Еще болѣе *ослѣпленными* прогрессистами можно назвать тѣхъ невольниковъ и гладіаторовъ, которые возмутились, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, подъ предводительствомъ Спартака. Они были прогрессистами поневолѣ,—прогрессистами изъ животнаго чувства самосохраненія; они желали разрушить и перестроить то общество, въ которомъ имъ, разумѣется, невозможно и невыносимо было жить, потому что ихъ въ этомъ обществѣ били, увѣчили, распинали и высылали на арену для потѣхи зрителей. Но *какъ* разрушить и, особенно, *какъ* перестроить,—этого они, разумѣется, не знали, такъ точно, какъ бѣшеный быкъ, вырвавшійся изъ стойла, не знаетъ, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ. Стало быть, названіе *ослѣпленныхъ прогрессистовъ* идетъ къ этимъ несчастнымъ людямъ несравненно болѣе. чѣмъ къ какимъ бы то ни было яростнымъ радикаламъ и коммунистамъ новѣйшей Европы. Увѣряю васъ, г. Шавровъ, что эти люди своей *рьяностью* и своимъ *ослѣпленіемъ* превосходили даже всѣхъ ненавистныхъ вамъ сотрудниковъ «Русскаго Слова».—Но зато и Красса, побѣдившаго этихъ ослѣпленныхъ прогрессистовъ, можно назвать очень *крайнимъ* консерваторомъ. Крассъ распялъ на крестахъ десятки тысячъ плѣнныхъ мятежниковъ, значитъ, *крайностью* своихъ консерваторовъ, *ослѣпленностью* своихъ прогрессистовъ древній міръ далеко превосходитъ новѣйшую Европу.

«Противники классическаго образованія,—говоритъ Шавровъ,—стараясь заподозрить его значеніе, любятъ указывать на тотъ историческій фактъ, что древняя цивилизація и образованность была непродолжительна и слѣдовательно непрочна.» Но Шавровъ опровергаетъ это возраженіе слѣдующимъ образомъ: «Какъ бы разумно и цѣлесообразно ни было воспитаніе со стороны своего направленія и цѣлей, но, если будетъ узокъ кругъ идей и воззрѣній у народа, тѣмъ болѣе, если эти воззрѣнія будутъ не вполнѣ истинны,—цивилизація и образованность народа не будутъ прочны и продолжительны». Если перевести это разсужденіе Шаврова съ отвлеченнаго языка на конкретный, то окажется, что причиной паденія классической цивилизаціи Шавровъ считаетъ язычество. Положимъ, что это дѣйствительно такъ. Но Шавровъ забываетъ, что ни одинъ народъ на всемъ земномъ шарѣ не обошелся безъ язычества; ни одинъ не былъ христіанскимъ народомъ съ самаго начала своего существованія. Почему же другіе народы *могли* совершить пе-

реходъ отъ язычества къ христіанству, а греки и римляне *не могли?* Почему для другихъ народовъ христіанство было обновляющимъ и укрѣпляющимъ элементомъ, а для греко-римскаго міра оно было смертельнымъ ударомъ? Неужели языческая религія виновата въ томъ, что Римская имперія не была въ состояніи отразить варваровъ? Послѣдніе императоры были христіанами, а между тѣмъ Аттила, Аларихъ, Гензерихъ, Радагайсъ, Одоакръ дѣлали свое дѣло попрежнему и разрывали старую имперію на части.—Жизненныя силы Римской имперіи были истощены не язычествомъ, а тѣмъ уродливымъ соціальнымъ устройствомъ, вслѣдствіе котораго производительный трудъ считался позоромъ для всякаго свободнаго человѣка. Когда въ предѣлы имперіи стали вторгаться варвары, тогда истощеніе силъ было уже такъ велико, что не оставалось ни малѣйшей возможности спасти древнюю цивилизацію. Но соціальное устройство, погубившее классическій міръ, находилось въ самой тѣсной причинной связи съ той системой воспитанія, которую такъ добродушно и велерѣчиво превозноситъ Шавровъ.

Шавровъ самъ сознается, что «древніе въ дѣлѣ образованія руководились духомъ узкаго аристократизма».—«Той простой истины,—продолжаетъ онъ, — что на образованіе имѣетъ право каждый человѣкъ и что чѣмъ больше разольется образованіе по массѣ народа, тѣмъ образованность его будетъ лучше и выше въ качественномъ отношеніи,—они не понимали, и только избранные, только люди изъ высшихъ и богатѣйшихъ классовъ получали у нихъ образованіе, между тѣмъ какъ большинство довольствовалось тѣмъ поверхностнымъ развитіемъ, какое могла доставить имъ общественная жизнь на площадяхъ, форумахъ, судилищахъ и проч.» — Большинство во всѣхъ древнихъ государствахъ составляли рабы, и это большинство не пользовалось даже тѣмъ поверхностнымъ развитіемъ, о которомъ витійствуетъ Шавровъ. Но меня кромѣ того изумляетъ неспособность Шаврова сдѣлать самое простое умозаключеніе изъ тѣхъ посылокъ, которыя содержатся въ его собственныхъ словахъ. Онъ самъ говоритъ, что, чѣмъ больше разливается образованіе въ массѣ народа, тѣмъ лучше и выше становится оно въ качественномъ отношеніи. Это положеніе онъ называетъ даже *простой истиной*. Онъ говоритъ, что древніе не понимали этой простой истины. Онъ говоритъ, что въ дѣлѣ образованія они руководились духомъ узкаго аристократизма. Значитъ, образованіе было мало разлито въ массѣ народа. А если оно было мало разлито, если большинство довольствовалось поверхностнымъ развитіемъ или, еще точнѣе, не получало совсѣмъ никакого развитія, то, прилагая къ дѣлу *простую истину* Шаврова, мы немедленно приходимъ къ тому неотразимому выводу, что древнее образованіе было *дурно* и *низко* въ качественномъ отношеніи. Если Шавровъ допускаетъ пропорцію: «чѣмъ больше разлито, тѣмъ лучше и выше», то онъ, по всѣмъ правиламъ здравой человѣческой логики, долженъ допустить и обратную пропорцію: «чѣмъ меньше разлито, тѣмъ хуже и ниже». Но какъ только древнее образованіе стало бы разливаться въ массу народа; какъ только оно проникнуло бы въ глубину рабочаго населенія, такъ, становясь *лучше и выше въ качественномъ отношеніи*, оно подвергнулось бы самому радикальному перерожденію и совершенно утратило бы тотъ характеръ философскаго диллетантизма, которымъ восхищается добродушный Шавровъ. Дѣти *избранныхъ* людей, то-есть богатыхъ рабовладѣльцевъ, имѣли полную возможность безнаказанно тратить время на восхищеніе красотами Гомера и сокровищами отечественнаго языка. Отъ нечего дѣлать они даже, пожалуй, могли погружаться въ самоизученіе и отыскивать дорогу то къ *роднику жизненныхъ силъ*, то къ *источнику всего истиннаго, добраго и прекраснаго*. Но все это были барскія затѣи, совершенно недоступныя для такихъ людей, которые зарабатывали себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ и которые вслѣдствіе этого, зная цѣну времени, были принуждены тратить его разсчетливо. Такіе люди поневолѣ внесли бы въ школу утилитарныя цѣли, и притомъ совсѣмъ *не тѣ* утилитарныя цѣли, которыя вносили въ нее *избранные*.—Богатые рабовладѣльцы требовали отъ школы, чтобы она превратила ихъ въ хорошихъ говоруновъ и чтобы такимъ образомъ она содѣйствовала ихъ успѣхамъ на политическомъ поприщѣ. Бѣдные люди, которымъ прежде политической карьеры надо думать еще о насущномъ пропитаніи, стали бы требовать отъ школы, чтобы она готовила изъ нихъ дѣльныхъ работниковъ. Они стали бы налегать преимущественно на математику, точно такъ, какъ *избранные* налегали преимущественно на словесность. Бѣдные люди развили бы приложеніе математики къ техническому производству точно такъ, какъ избранные развили приложеніе грамматики и риторики къ систематическому надуванію народныхъ массъ. Когда совершилось бы это *возвышеніе и улучшеніе образованія въ качественномъ отношеніи*, тогда Шаврову нечѣмъ было бы восхищаться.

VI.

Переходя къ характеристикѣ реальнаго образованія, Шавровъ объявляетъ намъ, что *для бо́льшей ясности* онъ будетъ *раскрывать дѣло исторически*. Историческое раскрываніе дѣла начинается съ того, что спартанское воспитаніе оказывается реальнымъ. Во первыхъ, спартанцы преслѣдовали въ питомцахъ всѣ индивидуальныя особенности и старались пригонять питомцевъ къ *общей нормѣ или униформѣ*.

Во вторыхъ, спартанцы ненавидѣли языкъ и требовали, чтобы человѣкъ выражалъ свою мысль какъ можно короче. Въ третьихъ, они готовили своихъ дѣтей для военной жизни. Въ четвертыхъ, они ихъ очень больно сѣкли. Послѣ этого очевидно не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что спартанцы были реалистами. Обыкновенный наблюдатель сказалъ бы можетъ быть, что они были просто дикарями. Но съ той высшей точки зрѣнія, на которой стоитъ Шавровъ, различіе между дикаремъ и реалистомъ становится незамѣтнымъ. Еслибы Шавровъ, какъ идеалистъ, не питалъ глубокаго презрѣнія ко всѣмъ млекопитающимъ, то онъ навѣрное съ своей высшей точки зрѣнія открылъ-бы міру ту удивительную истину, что лошадь, которую гоняютъ на кордѣ и которую пріучаютъ къ ружейному огню, получаетъ чисто реальное образованіе. Это открытіе было бы совершенно неизбѣжно, потому что воспитаніе древняго спартанца подходитъ гораздо ближе къ воспитанію лошади, чѣмъ къ современному реальному образованію.

Продолжая «*раскрывать дѣло исторически*», Шавровъ находитъ, что «схоластика — другой образчикъ реальнаго воспитанія». Затѣмъ гувернеры и гувернантки, заставляющіе дѣтей зубрить французскіе и нѣмецкіе вокабулы и діалоги, также оказываются педагогами-реалистами. Всѣ пансіоны, гимназіи и проч. учебныя заведенія, въ которыхъ преподается нестройная масса пестрыхъ и разнородныхъ знаній, — все это реальныя заведенія. «*Раскрывши*» такимъ образомъ «*дѣло исторически*», то-есть побросавши въ одну кучу всѣ педагогическія нелѣпости и назвавши эту кучу *реализмомъ*, Шавровъ приглашаетъ читателя посмотрѣть на «питомцевъ въ реальномъ духѣ, пока они въ школѣ». Тутъ передъ читателемъ открывается картина печальная и даже мрачная. Воспитанники ненавидятъ науку, и эту ненависть къ наукѣ переносятъ и на тѣхъ людей, отъ которыхъ они получаютъ эту науку. Когда юные реалисты находятся въ веселомъ настроеніи духа, тогда они осмѣиваютъ и передразниваютъ своихъ наставниковъ; когда-же эти буйные потомки спартанцевъ и схоластики взволнованы и раздражены, тогда они возстаютъ противъ своихъ наставниковъ и даже оскорбляютъ ихъ. Читатель видитъ, что мрачныя краски этой картины очень хорошо подходятъ къ той бурсѣ, которую описалъ Помяловскій. Поэтому надо полагать, что въ бурсацкой наукѣ Шавровъ видитъ также одно изъ многочисленныхъ проявленій россійскаго реализма.—Затѣмъ Шаврову желательно взглянуть на воспитанниковъ реальныхъ заведеній по ихъ выходѣ изъ школы. «Что въ нихъ нѣтъ живой любви къ наукѣ, — говоритъ онъ,—что въ нихъ нѣтъ основательности и глубины въ воззрѣніяхъ, что они шатки въ своихъ убѣжденіяхъ и мѣняютъ ихъ скоро и легко — все это понятно, все это естественное слѣдствіе полученнаго ими образованія, которое не развивало ихъ душевныхъ силъ. Но вотъ странная особенность, которая больше или меньше замѣчается во всѣхъ людяхъ, получившихъ реальное образованіе: вялые, неустойчивые, измѣнчивые, когда нужно дѣйствовать положительно, проводить въ жизни какое-нибудь убѣжденіе, они чрезвычайно энергичны, чтобы дѣйствовать отрицательно, идти противъ установившагося строя жизни, противъ общепринятаго порядка. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ они—прогрессисты въ пошломъ смыслѣ этого слова.»

Кисть Шаврова кладетъ краски густо и бойко; любопытно было бы только узнать: съ кого именно писанъ этотъ портретъ, — съ древнихъ-ли спартанцевъ, или съ средневѣковыхъ схоластиковъ, или наконецъ съ бывшихъ товарищей Помяловскаго, или же просто съ какихъ-нибудь знакомыхъ автора, успѣвшихъ возбудить въ немъ противъ себя недоброжелательныя чувства? — Къ древнимъ спартанцамъ и къ средневѣковымъ схоластикамъ описаніе это врядъ ли подходитъ; Шавровъ самъ говоритъ, что спартанская и схоластическая системы воспитанія были направлены именно къ тому, чтобы поддерживать statu quo спартанскаго государства и папской гегемоніи. Значитъ, мудрено себѣ представить, чтобы воспитанники спартанскихъ и схоластическихъ школъ по выходѣ въ жизнь обращали всю свою энергію на борьбу противъ общепринятаго порядка. А если такимъ образомъ основной признакъ того портрета, который рисуетъ Шавровъ, не подходитъ ни къ спартанцамъ, ни къ схоластикамъ, то, мнѣ кажется, нашъ талантливый портретистъ долженъ былъ бы сообразить, что его *историческое раскрываніе дѣла* ни къ чему не ведетъ, ничего не раскрываетъ, ничего не объясняетъ и во всѣхъ отношеніяхъ оказывается безцѣльнымъ сопоставленіемъ фактовъ, не имѣющихъ между собой ни малѣйшаго сходства и ни малѣйшаго историческаго сродства. Далѣе, въ этомъ портретѣ, съ кого-бы онъ ни былъ писанъ, есть даже грубое внутреннее противорѣчіе, вслѣдствіе котораго этотъ портретъ не можетъ быть похожъ ни на кого въ цѣломъ мірѣ. Шавровъ утверждаетъ, что реалисты не умѣютъ проводить въ жизни никакого убѣжденія, и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же говоритъ, что они «*чрезвычайно энергичны, чтобы дѣйствовать отрицательно*». О, святая простота! Да развѣ можно безъ убѣжденія быть чрезвычайно энергичнымъ отрицателемъ? И развѣ дѣйствовать отрицательно съ чрезвычайной энергіей не значитъ проводить въ жизни убѣжденіе, именно то убѣжденіе, что отрицаемый предметъ дуренъ?—Что же касается до слова «*прогрессистъ*», то я еще не слыхалъ, чтобы это слово пріобрѣло себѣ какой-нибудь пошлый смыслъ; но я знаю положительно, что всякое

хорошее слово можетъ быть опошлено; поэтому я считаю очень правдоподобнымъ, что слово «*прогрессистъ*» становится пошлымъ словомъ, когда оно встрѣчается въ статьяхъ такихъ геніальныхъ мыслителей, какъ Шавровъ. Но обращать вниманіе на это временное и мѣстное опошленіе словъ нѣтъ никакой возможности, потому что иначе честнымъ и мыслящимъ русскимъ писателямъ пришлось бы создавать себѣ цѣлый новый лексиконъ.

По соображеніямъ Шаврова оказывается, что въ отрицательной дѣятельности воспитанниковъ реальныхъ заведеній виноватъ духъ скептицизма, обуревающій реальныя училища. Здѣсь мы опять рѣшительно не знаемъ, о *какихъ* реальныхъ училищахъ толкуетъ Шавровъ Онъ, какъ дельфійская Пиѳія, постоянно извергаетъ безсвязныя слова, предоставляя намъ, простымъ смертнымъ, отыскивать въ нихъ какой угодно смыслъ. Мы ищемъ и ровно ничего не находимъ. Шавровъ утверждаетъ, что духъ сомнѣнія полезенъ въ наукѣ, но никуда не годится въ школѣ. «Скептикъ ученый, —говоритъ онъ,—явленіе нормальное, но школьникъ-скептикъ—ужасная аномалія». Изъ этихъ словъ видно, что нашъ мыслитель не имѣетъ никакого понятія ни о томъ, что̀ такое научный скептицизмъ, ни о томъ, что̀ такое наука, ни о томъ, чѣмъ должна быть школа. Спрашивается, *какой* скептицизмъ полезенъ въ наукѣ? Конечно не тотъ, который ухитряется посредствомъ разныхъ діалектическихъ тонкостей отрицать существованіе видимаго міра или собственной особы мыслящаго субъекта. Такой метафизическій скептицизмъ одинаково безобразенъ и одинаково безплоденъ, какъ въ школѣ, такъ и въ наукѣ. Полезенъ въ наукѣ только тотъ благоразумный скептицизмъ, который не позволяетъ изслѣдователю успокаиваться на неполномъ или неточномъ объясненіи изучаемыхъ явленій. Этотъ скептицизмъ, составляющій естественный аттрибутъ каждаго здороваго и сильнаго ума, полезенъ вездѣ и всегда, и въ наукѣ, и въ политикѣ, и въ литературной критикѣ, и въ обыденной жизни. Вездѣ и всегда человѣкъ долженъ смотрѣть трезвыми глазами на самое явленіе, на голый фактъ, не обращая никакого вниманія на ту красивую или некрасивую формальную оболочку, въ которую нарядилось это явленіе по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Вездѣ и всегда человѣкъ долженъ говорить себѣ прямо и рѣшительно: «вотъ это я понимаю, а вотъ этого не понимаю». При этомъ онъ никогда не долженъ довольствоваться такимъ объясненіемъ, которое маскируетъ данный вопросъ, вмѣсто того чтобы дѣйствительно разрѣшать его. Эта умственная требовательность, эта превосходная способность строго различать знаніе и незнаніе, это презрѣніе къ самодовольному полу-знанію и полу-пониманію— все это такъ же умѣстно и необходимо въ школѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Говоря о греко-римскомъ мірѣ, Шавровъ выражаетъ желаніе, чтобы образованіе развивало въ питомцахъ *умственную и нравственную самодѣятельность и самостоятельность*, и чтобы преподаватели поддерживали въ ученикахъ *умственную и нравственную энергію и живой интересъ къ предметамъ изученія.* Прекрасное и похвальное желаніе! Но къ сожалѣнію я долженъ теперь замѣтить, что, выражая это прекрасное и похвальное желаніе, Шавровъ безсознательно лепеталъ такія рѣчи, которыхъ смыслъ для него самого непонятенъ. Защитникъ *умственной и нравственной самостоятельности* желаетъ теперь выгнать изъ школы тотъ скептицизмъ, который по его же собственному замѣчанію полезенъ въ наукѣ. Въ чемъ же, о, свѣтило «Дня», будетъ состоять *умственная и нравственная самостоятельность* ученика, въ чемъ будетъ проявляться его *умственная и нравственная энергія*, въ чемъ будетъ обнаруживаться его *живой интересъ къ предметамъ изученія*, если вамъ удастся отнять у него здоровый и естественный скептицизмъ, то-есть стремленіе понимать совершенно ясно и отчетливо изучаемый предметъ,—стремленіе успокаиваться только на такихъ доказательствахъ, которыя дѣйствительно имѣютъ для ума обязательную силу?— Представьте себѣ напримѣръ, что учитель разсказываетъ ученикамъ исторію Персидскаго государства; по вашему выходитъ такъ, что ученики должны, подавивши въ себѣ духъ *ужасной аномаліи*, то-есть скептицизма, сидѣть, затаивъ дыханіе, слушать съ напряженнымъ вниманіемъ и потомъ къ слѣдующему классу повторить своими словами весь разсказъ учителя. Такой результатъ привелъ бы васъ въ восторгъ, и вы усмотрѣли бы бездну *самостоятельности, энергіи и живого интереса* именно въ томъ крошечномъ фактикѣ, что ученики излагаютъ урокъ *своими словами.* Дальше этого вашъ педагогическій либерализмъ не идетъ. Всѣ либералы, подобные вамъ, умѣютъ возставать только противъ розогъ, да противъ зубренія, и воображаютъ себѣ, что этими куриными протестами они не-вѣсть какое благодѣяніе оказываютъ обществу и наукѣ. Такъ какъ я не имѣю чести принадлежать къ несмѣтному легіону этихъ смѣхотворныхъ либераловъ, то я осмѣливаюсь замѣтить, что съ точки зрѣнія *самодѣятельности, энергіи и живого интереса* было бы очень недурно, еслибы кому-нибудь изъ учениковъ пришло въ голову перебить разсказъ учителя слѣдующей почтительной рѣчью: «позвольте васъ спросить, г. Н., какимъ образомъ до насъ дошло извѣстіе о всѣхъ этихъ событіяхъ, совершившихся слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени?». Учителю пришлось бы тогда заговорить о греческой исторіографіи, о сохраненіи рукописей во время среднихъ вѣковъ, объ

изученіи и изданіи этихъ рукописей въ эпоху Возрожденія и наконецъ о трудахъ изслѣдователей, очистившихъ историческую истину отъ легендарныхъ искаженій и примѣсей. Учителю пришлось бы такимъ образомъ ввести любознательнаго ученика въ самую лабораторію исторіи, и ученикъ навѣрное проникнулся бы глубокимъ уваженіемъ къ изучаемому предмету, когда объясненія учителя заставили бы его задуматься надъ тѣмъ фактомъ, что *каждая строка* его учебника куплена трудами и безсонными ночами тѣхъ людей, которые составляютъ соль земли и цвѣтъ человѣчества. Вопросъ любознательнаго ученика очевидно былъ бы внушенъ ему тѣмъ самымъ духомъ скептицизма, который создалъ и усовершенствовалъ историческую критику. Между тѣмъ я осмѣливаюсь думать, что такой любознательный ученикъ представляетъ собой не *ужасную аномалію*, а, напротивъ того, отрадное исключеніе изъ очень сквернаго общаго правила. Я полагаю также, что каждый добросовѣстный и умный преподаватель очень желалъ бы встрѣчать въ своемъ классѣ какъ можно больше такихъ *ужасныхъ аномалій*. Ходъ преподаванія значительно замедлялся бы вопросами учениковъ и объясненіями учителя, но зато ученики не превращались бы въ попугаевъ, излагающихъ *своими словами* чужія мысли, нисколько непереработанныя ихъ умами.

VII.

Изъ всей утомительной болтовни Шаврова читатель не выноситъ никакого яснаго понятія о томъ, что̀ такое классическое образованіе и что̀ такое реальное, и чѣмъ первое выше послѣдняго. Тѣ резоны, которые представляетъ Шавровъ въ пользу изученія древности, рѣшительно оказываются безсмысленнымъ наборомъ словъ. «Если,—говоритъ онъ,—въ кругъ классическаго образованія входитъ изученіе древности (древнихъ языковъ, литературъ, древней жизни и пр., и пр.), то отнюдь не съ той цѣлью, чтобы сдѣлать всѣхъ воспитанниковъ греками и римлянами (А?! Неужели? А мы были увѣрены въ томъ, что древность изучается въ школахъ именно для того, чтобы воспитанники, окончивъ курсъ, отказались навсегда отъ фраковъ и сапоговъ и, облекшись въ тоги, подвязавъ подъ ноги сандаліи, приносили бы каждый день жертву Юпитеру Капитолійскому, Аполлону и Палладѣ-Аѳинѣ. Теперь, благодаря Шаврову, мы успокоиваемся и начинаемъ понимать, что фраки и сапоги не подвергаются ни малѣйшей опасности), а единственно съ той цѣлью, чтобы яснѣе и полнѣе понимали они настоящую, современную жизнь, которая, состоя въ связи, хотя и отдаленной, съ древней жизнью, во многихъ своихъ чертахъ будетъ и темна, и непонятна для нихъ безъ изученія послѣдней». (Меня изумляетъ та скромная и солидная самоувѣренность, съ которой Шавровъ говоритъ непроходимѣйшія нелѣпости. Онъ увѣряетъ, что безъ изученія древности современная жизнь во многихъ своихъ чертахъ будетъ темна и непонятна).

Далѣе, по мнѣнію Шаврова, воспитанникамъ необходимо изучать то, что̀ находится *въ связи, хотя и отдаленной*, съ современной жизнью; это требованіе заставляетъ насъ предполагать, что воспитанники уже знаютъ вдоль и поперекъ современную жизнь. Но развѣ это предположеніе оправдывается фактами? Развѣ воспитанники дѣйствительно знаютъ современную жизнь? Они не знаютъ ни законовъ того государства, въ которомъ они живутъ, ни умственныхъ интересовъ того общества, съ которымъ они связаны кровными узами, ни тенденцій той эпохи, къ которой они принадлежатъ. Куда бы вы ни привели воспитанника гимназіи или даже студента университета—на фабрику, въ присутственное мѣсто, въ деревню, въ редакцію журнала, въ типографію, — вездѣ онъ окажется новичкомъ, вездѣ онъ встрѣтитъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ явленій, къ которымъ онъ долженъ будетъ присматриваться и привыкать. Въ этомъ незнаніи современной жизни нѣтъ даже рѣшительно ничего ненормальнаго. Та наука, которая должна заниматься изученіемъ общественной жизни, до такой степени многосложна, что она до сихъ поръ не могла даже вполнѣ организоваться. Занимать воспитанниковъ изученіемъ этой еще несложившейся и неопредѣлившейся науки,—значило бы сбивать ихъ съ толку. Современная жизнь до сихъ поръ можетъ изучаться только посредствомъ житейской практики; что же касается до школы, то она должна давать молодымъ умамъ не теорію современной жизни, а основательное знаніе тѣхъ простѣйшихъ наукъ, которыя уже окончательно сложились и опредѣлились. Въ ряду этихъ наукъ первое мѣсто занимаетъ математика; за нею слѣдуютъ астрономія, физика, химія и наконецъ вся семья біологическихъ наукъ, то-есть тѣхъ наукъ, которыя занимаются изученіемъ растительнаго и животнаго организма. Если же нѣтъ надобности изучать въ школѣ современную жизнь, то нѣтъ никакой необходимости изучать то, что̀ находится *въ связи, хотя и отдаленной*, съ современной жизнью.

И вотъ все, что̀ Шавровъ умѣетъ сказать въ пользу изученія мертвыхъ языковъ. Я рѣшительно не знаю, какихъ несчастныхъ читателей онъ думаетъ убѣдить такими игрушечными аргументами.

VIII.

Въ одномъ изъ мартовскихъ нумеровъ «Сѣверной Почты» помѣщенъ отрывокъ изъ «Записки статсъ-секретаря Танѣева о мнѣніяхъ, высказанныхъ иностранными педагогами, разсматривавшими проектъ устройства нашихъ учеб-

ныхъ заведеній».—Иностранные педагоги склоняются рѣшительно въ пользу классицизма; надо полагать, что они въ этомъ случаѣ руководствуются какими-нибудь очень основательными соображеніями, но къ сожалѣнію ихъ мнѣнія изложены въ запискѣ Танѣева такъ коротко, что причины ихъ наклонности къ классическимъ языкамъ остаются необъясненными. «Не вдаваясь во всѣ подробности обширныхъ соображеній, изложенныхъ по сему предмету,—говоритъ Танѣевъ, — ограничусь одними главными доводами, приведенными иностранными рецензентами въ защиту изложенныхъ ими мнѣній. Въ числѣ таковыхъ доводовъ и доказательствъ они ссылаются на Англію, Германію, Францію, Бельгію и Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ реальному образованію указано мѣсто второстепенное, тогда какъ образованіе классическое или гуманное, состоящее въ изученіи древнихъ языковъ, помѣщено на переднемъ планѣ и признано во всѣхъ сихъ государствахъ главнымъ двигателемъ просвѣщенія.»

До сихъ поръ мы видимъ не доказательства, а только ссылку на существующій фактъ. Иностранные педагоги стараются однако объяснить и оправдать существованіе этого факта. «Между прочимъ они говорятъ, что распространеніе знанія древнихъ языковъ имѣло постояннымъ послѣдствіемъ возвышеніе уровня просвѣщенія и возрожденіе литературы и искусствъ.»

Было бы очень недурно, еслибы гг. рецензенты объяснили подробно, что они называютъ *возвышеніемъ уровня просвѣщенія*. Въ какихъ именно явленіяхъ жизни выражалось это *возвышеніе уровня?* Еслибы рецензенты отвѣтили обстоятельно на этотъ вопросъ, то мы узнали бы тогда, составляетъ ли это *возвышеніе уровня* дѣйствительное благо, или же оно оказывается оптическимъ обманомъ. Если напримѣръ господа рецензенты видятъ *возвышеніе уровня* въ томъ явленіи, что лучшія умственныя силы страны обращаются отъ различныхъ скромныхъ отраслей производительнаго труда къ блестящимъ занятіямъ поэзіей, живописью и скульптурой, то можетъ быть позволительно будетъ усомниться въ томъ, чтобы такое *возвышеніе уровня* было дѣйствительно полезно и желательно для общества. Такъ какъ господа рецензенты рядомъ съ *возвышеніемъ уровня* ставятъ *возрожденіе литературы и искусствъ*, то легко можетъ быть, что они понимаютъ *возвышеніе уровня* именно въ томъ смыслѣ, который я указалъ въ предыдущихъ строкахъ.

«Вліяніе это объясняется, по ихъ мнѣнію, указанными выше преимуществами языковъ латинскаго и греческаго и кромѣ того непрерывнымъ воздѣйствіемъ на духовную жизнь новѣйшихъ обществъ духа и учрежденій древняго міра, которыя безъ основательнаго знанія языковъ классическихъ, служащихъ живыми проводниками въ тайны давно минувшаго, но знаменательнаго времени, не могутъ быть ни оцѣнены, ни поняты и остаются нѣмыми, бездушными памятниками какой-то отдаленной старины.»

Указанныя выше преимущества классическихъ языковъ нуждаются, какъ мы видѣли выше, въ подробныхъ разъясненіяхъ и доказательствахъ. Безъ этихъ разъясненій и доказательствъ нѣтъ никакой возможности понять, въ чемъ состоятъ эти преимущества. Что же касается до *непрерывнаго воздѣйствія духа и учрежденій древняго міра*, то желательно было бы узнать, какія именно стороны этого духа и этихъ учрежденій могутъ, по мнѣнію господъ рецензентовъ, обнаружить благодѣтельное и плодотворное вліяніе на міросозерцаніе и на общественную жизнь современныхъ европейцевъ. Наука находилась тогда въ младенчествѣ; соціальное устройство было ниже всякой критики; промышленность была ничтожна; религіей было грубое идолопоклонство; даже всѣ отрасли искусства, за исключеніемъ скульптуры, стояли на довольно низкой степени развитія. Спрашивается слѣдовательно, чему же именно мы должны учиться у древнихъ и въ какія *тайны давно-минувшаго времени* классическіе языки должны служить намъ *живыми проводниками?* Въ какомъ отношеніи это *давно-минувшее время* считается особенно *знаменательнымъ?*

«Затѣмъ иностранные педагоги обращаются къ практическимъ, очевиднымъ и слѣдовательно вполнѣ неоспоримымъ, по ихъ мнѣнію, результатамъ классическаго образованія.»

Мы сейчасъ увидимъ, что эти результаты оказываются *очевидными* и *неоспоримыми* именно только *по ихъ мнѣнію*, которое, въ данномъ случаѣ, никакъ не можетъ быть признано безусловно вѣрнымъ и неопровержимымъ.

«Они указываютъ на общественныхъ дѣятелей иностранныхъ государствъ, и прежде всего на англичанъ, которые достигли высокой степени образованія и пріобрѣли знаменитость въ государственной жизни, будучи къ тому подготовлены путемъ изученія древнихъ языковъ.»

Господа иностранные педагоги дѣлаютъ въ своемъ умозаключеніи ту извѣстную ошибку, которая называется post hoc, ergo propter hoc. Англичанинъ изучаетъ въ школѣ древніе языки, потомъ этотъ же самый англичанинъ *пріобрѣтаетъ знаменитость въ государственной жизни*. Подмѣтивъ совершенно вѣрно эти два факта, слѣдующіе одинъ за другимъ, господа педагоги умозаключаютъ совершенно произвольно, что эти два факта находятся между собой въ необходимой причинной связи. Этотъ англичанинъ, размышляютъ они, пріобрѣлъ знаменитость въ государственной жизни *потому*, что онъ изучалъ въ школѣ древніе языки. Это *потому* рѣшительно ничѣмъ не оправдывается.

Изъ того факта, что англичанинъ, изучавшій въ школѣ древніе языки, пріобрѣлъ знаменитость въ государственной жизни, можно вывести только то умозаключеніе, что изученіе древнихъ языковъ не составляетъ непреодолимаго препятствія въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаменитости въ государственной жизни. Если же иностранные педагоги, упоминая объ англичанахъ, хотятъ сослаться не на отдѣльныя личности, а на цѣлый народъ, котораго высшія и среднія сословія дѣйствительно получаютъ строго классическое образованіе, то и тогда имъ можно доказать, что ихъ умозаключеніе несостоятельно. Господа педагоги разсуждаютъ такъ: Англія процвѣтаетъ; въ Англіи господствуетъ классическое образованіе, слѣдовательно классическое образованіе содѣйствуетъ ея процвѣтанію. Подражая логическимъ пріемамъ господъ педагоговъ, я строю слѣдующій силлогизмъ: Англія процвѣтаетъ; въ Англіи всѣ тяжебныя дѣла продолжаются обыкновенно чрезвычайно долго и всегда сопряжены съ громадными издержками, слѣдовательно такое устройство гражданскихъ судовъ, которое содѣйствуетъ продолжительности и дороговизнѣ тяжебныхъ дѣлъ, возвышаетъ благосостояніе страны. Если анализъ сравнительнаго достоинства различныхъ образовательныхъ наукъ былъ произведенъ тѣми самыми господами педагогами, которые считаютъ процвѣтаніе Англіи *очевиднымъ и неоспоримымъ результатомъ* классическаго образованія, то я осмѣливаюсь думать, что этотъ анализъ врядъ ли можетъ похвалиться логикой защитниковъ классическаго образованія.

Затѣмъ господа педагоги разсматриваютъ тѣ «вредныя послѣдствія, которыя влечетъ за собой нерѣдко реальное образованіе.»

«По ихъ мнѣнію, курсъ реальныхъ училищъ въ его прямомъ, настоящемъ смыслѣ имѣетъ предметомъ не окончательное, ученое изученіе реальныхъ предметовъ, а лишь энциклопедическое приготовленіе къ извѣстнымъ техническимъ отраслямъ. Такой энциклопедизмъ въ изученіи предметовъ весьма обширныхъ и весьма сложныхъ ведетъ къ большей или меньшей поверхностности и знанія, и сужденія; а эта поверхностность въ дѣлѣ естествоиспытанія, составляющаго настоящій центръ тяжести всего реальнаго курса, имѣетъ, по удостовѣренію рецензентовъ, обыкновеннымъ послѣдствіемъ уклоненіе ума отъ истины, безнравственность въ семейномъ и общественномъ быту и наконецъ скептицизмъ въ дѣлахъ вѣры или даже полное безвѣріе.»

Я никакъ не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ изученіе латинскаго и греческаго языковъ можетъ спасать юношество отъ скептицизма и отъ безвѣрія. Исторія всѣхъ европейскихъ литературъ говоритъ намъ, что очень многіе скептики и атеисты знали превосходно древніе языки и древнія литературы, и что эти знанія нисколько не помѣшали имъ быть скептиками и атеистами. Ученые и поэты XV и XVI вѣковъ были страстно влюблены въ классическую древность; эта любовь была особенно сильна въ тогдашней Италіи, а между тѣмъ именно тогдашняя Италія была и разсадникомъ скептицизма и даже полнаго безвѣрія. Опираясь на всѣ эти соображенія, я полагаю, что господа иностранные педагоги напрасно приводятъ гимназическій реализмъ въ причинную связь съ духомъ скептицизма и даже полнаго безвѣрія. Гимназическій реализмъ—самъ по себѣ, а скептицизмъ и даже полное безвѣріе — тоже сами по себѣ. Между этими явленіями нѣтъ никакой взаимной зависимости.—Другое возраженіе господъ педагоговъ противъ реальныхъ гимназій я считаю совершенно основательнымъ. Поверхностный энциклопедизмъ дѣйствительно очень нехорошъ, не потому, что онъ ведетъ за собой будто бы «безнравственность въ семейномъ и общественномъ быту», а потому, что онъ засоряетъ молодые умы грудами отрывочныхъ и слѣдовательно неосмысленныхъ и неудобоваримыхъ знаній. Но эти неудобства поверхностнаго энциклопедизма говорятъ только противъ данной программы реальныхъ гимназій, а не противъ реализма вообще. Чтобы избавиться отъ этого поверхностнаго энциклопедизма, нѣтъ никакой необходимости хвататься за классическую древность, какъ за единственный якорь спасенія. Надо только составить новую реальную программу, въ которой преподаваніе было бы сосредоточено на математикѣ, на физикѣ, на космографіи и на химіи. «Если,—говоритъ «Сѣверная Почта», —общество признаетъ реальныя училища полезными, то безъ сомнѣнія устроитъ ихъ собственной инціативой, собственными средствами». Это мнѣніе «Сѣверной Почты» совершенно основательно. Если общество дѣйствительно дорожитъ реальнымъ образованіемъ, то оно не должно ожидать, чтобы это образованіе свалилось къ нему, какъ снѣгъ на голову, въ готовомъ видѣ. Пусть само общество выработаетъ себѣ тѣ формы реальнаго образованія, которыя соотвѣтствуютъ его потребностямъ. Если оно съумѣетъ это сдѣлать, тогда, значитъ, оно дѣйствительно сознаетъ необходимость послѣдовательнаго реализма. Если же у него не хватитъ смѣтливости и энергіи на то, чтобы рѣшить эту задачу собственными силами, тогда нечего и жалѣть о томъ, что эта задача не рѣшена новымъ гимназическимъ уставомъ. О реальномъ образованіи и о той формѣ, которую оно должно принять въ нашемъ обществѣ, я поговорю впослѣдствіи. Что же касается до классическаго образованія, то весь предшествующій анализъ приводитъ меня къ тому заключенію, что до сихъ поръ во всей нашей періодической литературѣ не было высказано ни одного убѣдительнаго аргумента въ пользу изученія мертвыхъ языковъ. Посмотримъ, что дастъ намъ въ этомъ отношеніи будущее.

РАЗРУШЕНІЕ ЭСТЕТИКИ.

I.

Когда какая-нибудь новая мысль только-что начинаетъ прокладывать себѣ дорогу въ умы людей, тогда неизбѣжная борьба старыхъ и новыхъ понятій начинается обыкновенно съ того, что представители новой мысли подводятъ итоги всему запасу убѣжденій, выработанныхъ прежними дѣятелями, превратившихся въ общее достояніе и господствующихъ надъ умами образованной массы. Это подведеніе итоговъ необходимо для того, чтобы строгій приговоръ, долженствующій поразить всю отжившую систему понятій, не показался обществу голословнымъ и бездоказательнымъ наборомъ смѣлыхъ парадоксовъ. Подводя итоги, представитель новой идеи принужденъ становиться на точку зрѣнія своихъ противниковъ, хотя онъ знаетъ очень хорошо, что эта точка зрѣнія никуда не годится. Онъ принужденъ поражать своихъ противниковъ ихъ собственнымъ оружіемъ, хотя онъ знаетъ очень хорошо, что тотчасъ послѣ своей побѣды онъ изломаетъ и броситъ навсегда это старое и заржавленное оружіе. Еслибы представитель новой идеи поступилъ иначе, еслибы онъ, не обращая вниманія на старыя нелѣпости, прямо началъ проповѣдывать свою теорію, то защитники нелѣпости заговорили бы громко и смѣло, что онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ. Этотъ говоръ былъ бы очень неоснователенъ, но такъ какъ численный перевѣсъ былъ бы на сторонѣ защитниковъ нелѣпости, то общество повѣрило бы неосновательному говору, и успѣхъ новой мысли былъ бы въ значительной степени ослабленъ или замедленъ этимъ обстоятельствомъ. Значитъ, на первыхъ порахъ надо говорить съ филистерами на филистерскомъ языкѣ и надо подходить къ нимъ съ нѣкоторыми предосторожностями, потому что филистеры—народъ пугливый и всегда готовый поднять безтолковый и оглушительный гвалтъ, очень вредный для общества и для всякихъ новый идей. Но когда филистеры поражены и доведены до молчанія, когда новая идея уже пустила корень въ обществѣ и начала развиваться, тогда всѣ предварительныя работы, произведенныя для посрамленія филистеровъ, уходятъ въ тихую область исторіи вмѣстѣ съ той старой системой, которую эти работы подкопали и разрушили. Случается иногда, что на эти предварительныя и неизбѣжно-эфемерныя работы уходитъ цѣлая жизнь очень замѣчательныхъ дѣятелей. Книга «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», написанная десять лѣтъ тому назадъ, совершенно устарѣла не потому, что ея авторъ былъ въ то время неспособенъ написать что-нибудь болѣе долговѣчное, а именно потому, что автору надо было въ началѣ опровергать филистеровъ доводами, заимствованными изъ филистерскихъ арсеналовъ. Авторъ видѣлъ, что эстетика, порожденная умственной неподвижностью нашего общества, въ свою очередь поддерживала эту неподвижность. Чтобы двинуться съ мѣста, чтобы сказать обществу разумное слово, чтобы пробудить въ разслабленной литературѣ сознаніе ея высокихъ и серьезныхъ гражданскихъ обязанностей, надо было совершенно уничтожить эстетику, надо было отправить ее туда, куда отправлены алхимія и астрологія. Но, чтобы дѣйствительно опрокинуть вредную систему старыхъ заблужденій, надо приниматься за дѣло осторожно и разсчетливо. Если сказать обществу прямо: «бросьте вы эти глупости; у васъ есть дѣла гораздо поважнѣе и поинтереснѣе»,—то общество изумится, испугается вашей дерзости, не повѣритъ вамъ и приметъ вашъ разумный совѣтъ за гаерскую выходку. Поэтому надо говорить съ обществомъ въ томъ тонѣ, къ которому оно привыкло. Надо говорить такъ: «вы, господа, уважаете эстетику. Ахъ, и я тоже уважаю эстетику. Займемтесь же вмѣстѣ съ вами эстетическими изслѣдованіями».—Привлекши къ себѣ такимъ образомъ сердце довѣрчиваго читателя, лукавый послѣдователь новой идеи конечно займется своими эстетическими изслѣдованіями такъ успѣшно, что разобьетъ всю эстетику на мелкіе кусочки, потомъ всѣ эти мелкіе кусочки превратитъ по одиночкѣ въ мельчайшій порошокъ и наконецъ развѣетъ этотъ порошокъ на всѣ четыре стороны.—«Куда жъ ты, озорникъ, дѣвалъ мою эстетику, которую ты уважаешь?»—спроситъ огорченный читатель, наказанный за свою довѣрчивость.—«Улетѣла твоя эстетика,—отвѣтитъ писатель,—и давно пора тебѣ забыть о ней, потому что не мало у тебя всякихъ другихъ заботъ.»—И вздохнетъ читатель, и поневолѣ примется за соціальную экономію, потому что эстетика дѣйствительно разлетѣлась на всѣ четыре стороны, благодаря эстетическимъ изслѣдованіямъ коварнаго писателя. Когда читатель будетъ такимъ образомъ обузданъ и посаженъ за работу, тогда, разумѣется, эстетическія изслѣдованія, погубившія эстетику, потеряютъ всякій современный интересъ и останутся только любопытнымъ историческимъ памятникомъ авторскаго коварства.

II.

Авторъ «Эстетическихъ Отношеній» уже на III страницѣ своего введенія показываетъ изда-

ли догадливому читателю тотъ результатъ, къ которому онъ желаетъ придти. «Уваженіе къ дѣйствительной жизни,—говоритъ онъ, — недовѣрчивость къ апріорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ—вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ.» *Если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ*—оговорка очень замѣчательная! Всякій немедленно пойметъ изъ этой оговорки, что вопросъ объ эстетикѣ былъ уже давно рѣшенъ въ умѣ этого писателя, когда онъ принимался за свою магистерскую диссертацію. Авторъ давно понимаетъ, что говорить объ эстетикѣ стоитъ только для того, чтобы радикально уничтожить ее и навсегда отрезвить тѣхъ людей, которыхъ морочитъ философствующее и тунеядствующее филистерство. Поэтому авторъ, разумѣется, имѣлъ въ виду не основаніе новой, а только истребленіе старой и вообще всякой эстетической теоріи.

Эстетика или наука о прекрасномъ имѣетъ разумное право существовать только въ томъ случаѣ, если *прекрасное* имѣетъ какое-нибудь самостоятельное значеніе, назависимое отъ безконечнаго разнообразія личныхъ вкусовъ. Если же прекрасно только то, что нравится намъ, и если вслѣдствіе этого всѣ разнообразнѣйшія понятія о красотѣ оказываются одинаково законными, тогда эстетика разсыпается въ прахъ. У каждаго отдѣльнаго человѣка образуется своя собственная эстетика, и слѣдовательно общая эстетика, приводящая личные вкусы къ обязательному единству, становится невозможной. Авторъ «Эстетическихъ Отношеній» ведетъ своихъ читателей именно къ этому выводу, хотя и не высказываетъ его совершенно открыто. «Здоровый человѣкъ,—говоритъ авторъ,—встрѣчаетъ въ дѣйствительности очень много такихъ предметовъ и явленій, смотря на которые не приходитъ ему въ голову желать, чтобы они были не такъ, какъ есть, или были лучше. Мнѣніе, будто человѣку непремѣнно нужно «совершенство»,—мнѣніе фантастическое, если подъ «совершенствомъ» понимать такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всевозможныя достоинства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ, какіе, отъ нечего дѣлать, можетъ отыскать въ предметѣ фантазія человѣка съ холоднымъ или пресыщеннымъ сердцемъ. «Совершенство для меня то, что для меня вполнѣ удовлетворительно въ своемъ родѣ». Такимъ образомъ «совершенство» для меня одно, для васъ—другое, для Ивана—третье, для Марьи—четвертое и такъ далѣе до безконечности, потому что каждая отдѣльная личность является единственнымъ и верховнымъ судьей въ вопросѣ о томъ, что для нея удовлетворительно. Развивать свой вкусъ для того, чтобы сдѣлать себя взыскательнымъ и разборчивымъ,—авторъ считаетъ дѣломъ совершенно излишнимъ. Онъ называетъ «здоровымъ» того человѣка, который удовлетворяется легко; въ прихотливой строгости требованій онъ видитъ только вредныя послѣдствія праздности, холодности и пресыщенности.

Само собой разумѣется, что всѣ эти мнѣнія автора относятся къ области прекраснаго,—къ той области, въ которой недовольство дѣйствительностью не можетъ повести за собой ничего, кромѣ безплоднаго страданія. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что созерцаніе рафаэлевскихъ картинъ и древнихъ статуй до такой степени воспламенило ваше воображеніе, что всѣ живыя женщины, съ которыми вы встрѣчаетесь, кажутся вамъ некрасивыми. Какая же польза получится изъ вашего недовольства для васъ самихъ или для другихъ людей? Русскія женщины дѣйствительно не такъ красивы, какъ тѣ итальянки, которыхъ видѣлъ Рафаэль, или какъ тѣ гречанки, которыхъ знали древніе скульпторы; но какъ бы ни было велико ваше недовольство, русскія женщины отъ него нисколько не похорошѣютъ, и вы со всѣмъ вашимъ недовольствомъ все-таки до скончанія вѣка не придумаете ничего такого, что могло бы увеличить ихъ красоту. Значитъ, вы же сами останетесь въ чистомъ проигрышѣ, потому что будете совершенно безполезно хмуриться и тосковать тамъ, гдѣ другіе будутъ любоваться, влюбляться и наслаждаться. Недовольство дѣйствительностью, совершенно безплодное и нелѣпое, когда оно обращено на красоту, становится, напротивъ того, очень полезнымъ и уважительнымъ чувствомъ, когда оно направлено противъ житейскихъ неудобствъ, устроенныхъ руками и умами людей. Тутъ недовольство ведетъ за собой преобразовательную дѣятельность и слѣдовательно приноситъ очень реальные и осязательные результаты. Всякая эстетика, старая или новая или новѣйшая, строится непремѣнно на томъ основномъ предположеніи, что люди должны усиливать, очищать и совершенствовать въ себѣ свое врожденное стремленіе къ красотѣ. Кто отвергаетъ это основное предположеніе, тотъ отвергаетъ не какія-нибудь частныя ошибки той или другой эстетики, а самый принципъ, самый фундаментъ всякой эстетики вообще. Авторъ «Эстетическихъ Отношеній» поступаетъ именно такимъ образомъ. Видя, что здоровый человѣкъ удовлетворяется такими предметами и явленіями, въ которыхъ можно замѣтить и неправильности очертаній, и недостаточное богатство красокъ, и разныя другія шероховатости, авторъ становится безусловно на сторону этого здороваго человѣка и вовсе не требуетъ, чтобы этотъ здоровый человѣкъ отвернулся, во имя высшей красоты, отъ того, что доставляетъ ему безвредное и освѣжительное наслажденіе. Этотъ здоровый человѣкъ до-

воленъ тѣмъ, что̀ онъ видитъ передъ собой; и прекрасно, больше ничего не нужно; не зачѣмъ мудрить надъ этимъ человѣкомъ; не зачѣмъ отравлять ему его естественное и законное наслажденіе; чѣмъ скромнѣе его требованія, тѣмъ лучше для него и для всѣхъ, потому что тѣмъ больше у него будетъ шансовъ наслаждаться часто, не причиняя никому ни хлопотъ, ни непріятностей.

Вотъ процессъ мысли, скрытый въ тѣхъ словахъ автора, которыя я выписалъ выше; такъ какъ, по естественному развитію этихъ мыслей, каждый здоровый человѣкъ признается высшимъ авторитетомъ въ дѣлѣ эстетики, то очевидно эстетика, какъ наука, становится такой-же нелѣпостью, какой была бы напримѣръ наука о любви. Каждый любитъ по своему, не справляясь ни съ какими учеными книжками. И каждый наслаждается всѣми впечатлѣніями жизни также по своему, также не справлялясь ни съ какими учеными книжками. Слѣдовательно, наука о томъ, какъ и чѣмъ должно наслаждаться, превращается въ безсмыслицу.

III.

«Прекрасное—говоритъ авторъ,—есть жизнь; прекрасно то существо, въ которомъ видимъ мы жизнь такую, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни.»

Это опредѣленіе до такой степени широко, что въ немъ совершенно тонетъ и исчезаетъ то, что̀ называется красотой въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ. Это опредѣленіе показываетъ ясно, что авторъ, какъ мыслящій человѣкъ, относится совершенно равнодушно къ прекрасному въ узкомъ и общепринятомъ смыслѣ этого слова. По этому опредѣленію всякій вполнѣ здоровый и нормально развившійся человѣкъ прекрасенъ; все, что̀ не изуродовано въ большей или въ меньшей степени, то прекрасно. Это можетъ показаться парадоксомъ, а между тѣмъ это совершенно вѣрно. Когда дѣло идетъ напримѣръ о человѣческой физіономіи, то, разумѣется, вопросы о томъ, великъ или малъ ротъ, толстъ или тонокъ носъ, густы или жидки волосы, словомъ, всѣ вопросы, касающіеся собственно до такъ называемой писаной красоты, могутъ быть интересны только для гоголевской Агафьи Тихоновны и для людей обоего пола, стоящихъ на одномъ уровнѣ развитія съ этой прекрасной дѣвицей. Съ тѣхъ поръ, какъ солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ, ни толстый носъ, ни большой ротъ, ни жидкіе или рыжіе волосы не помѣшали никому сдѣлаться полезнымъ и великимъ человѣкомъ; кромѣ того они даже никому не помѣшали пользоваться всѣми наслажденіями взаимной любви. Чѣмъ дольше человѣчество живетъ на свѣтѣ и чѣмъ умнѣе оно становится, тѣмъ равнодушнѣе оно относится къ чистой красотѣ и тѣмъ сильнѣе оно дорожитъ тѣми аттрибутами человѣческой личности, которые сами по себѣ составляютъ дѣятельную силу и реальное благо. Цвѣтущее здоровье и сильный умъ кладутъ свою печать на человѣческую физіономію, жизнь мысли, чувства и страстей оставляетъ на ней свои слѣды; эта печать и эти слѣды заставляютъ каждаго умнаго человѣка совершенно забыть о томъ, великъ ли ротъ, толстъ ли носъ и жидки ли волосы. Но здоровье и умъ существуютъ не для того, чтобы класть свою печать на физіономію; человѣкъ живетъ, мыслитъ, чувствуетъ и волнуется также не для того, чтобы пріобрѣтать себѣ то или другое выраженіе лица: печать здоровья и ума, и слѣды пережитыхъ впечатлѣній ложатся на лицо безъ нашего вѣдома и помимо нашего желанія; здоровье, умъ и впечатлѣнія жизни имѣютъ для насъ свое самостоятельное значеніе, совершенно независимое отъ того выраженія, которое они придаютъ нашимъ физіономіямъ, и гораздо болѣе важное, чѣмъ это выраженіе. Когда мы видимъ по лицу человѣка, что онъ здоровъ, уменъ и много пережилъ на своемъ вѣку, то его лицо нравится намъ, не какъ красивая картинка, а какъ программа нашихъ будущихъ отношеній къ этому человѣку. Мы, судя по лицу, расположены сблизиться съ этимъ человѣкомъ, потому что его лицо говоритъ намъ то, чего не могъ-бы намъ сказать самый безукоризненный греческій профиль. Глядя на это лицо, мы невольно угадываемъ и предчувствуемъ въ его обладателѣ энергическаго, твердаго, вѣрнаго, умнаго и полезнаго друга. Когда лицо нравится намъ такимъ образомъ, какъ намекъ на умъ, характеръ и біографію даннаго субъекта, тогда очевидно эстетика остается не причемъ. Мы смотримъ на лицо человѣка такъ, какъ при покупкѣ серебряной или золотой вещи мы смотримъ на пробу. Проба не придаетъ вещи никакой красоты; она только ручается за ея цѣнность. При томъ опредѣленіи прекраснаго, которое даетъ намъ авторъ, эстетика, къ нашему величайшему удовольствію, исчезаетъ въ физіологіи и въ гигіенѣ.

Я не буду слѣдить за борьбой нашего автора съ нѣмецкимъ эстетикомъ Фишеромъ по вопросу о прекрасномъ въ дѣйствительности. Намъ нѣтъ дѣла до этой борьбы, потому что для насъ въ настоящую минуту не имѣютъ рѣшительно никакого значенія всѣ глубокомысленныя умозрѣнія Фишера и другихъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Результатъ борьбы состоитъ въ томъ, что, по мнѣнію нашего автора: «прекрасное въ объективной дѣйствительности вполнѣ прекрасно и совершенно удовлетворяетъ человѣка». А если это такъ, то, разумѣется, «искусство рождается вовсе не отъ потребности человѣка восполнить

недостатки прекраснаго въ дѣйствительности». Выражаясь другими словами, цѣль искусства состоитъ не въ томъ, чтобы создать такое чудо красоты, котораго нѣтъ и не можетъ быть въ природѣ. Въ чемъ же состоитъ цѣль искусства? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, авторъ перебираетъ всѣ различныя отрасли искусства, и на этомъ анализѣ я считаю нелишнимъ остановиться.

IV.

Авторъ начинаетъ свой анализъ съ архитектуры и съ перваго же шага ставитъ господамъ эстетикамъ убійственную дилемму. По его мнѣнію, надо или выключить архитектуру изъ числа искусствъ, или причислить къ искусствамъ садоводство, мебельное, модное, ювелирное, лѣпное мастерство и вообще «всѣ отрасли промышленности, всѣ ремесла, имѣющія цѣлью удовлетворять вкусу или эстетическому чувству». Если какой-нибудь портикъ или палаццо есть произведеніе искусства на томъ основаніи, что онъ построенъ красиво и радуетъ глазъ правильностью своихъ формъ, то на такомъ-же точно основаніи надо будетъ назвать произведеніями искусства—аллею съ подстриженными деревьями и кресло съ рѣзной или точеной спинкой, и фарфоровый чайникъ съ закорюченной ручкой, и штуку обоевъ, расписанныхъ яркими красками, и дамскую шляпку, украшенную цвѣтами, перьями и блондой, и дамскую прическу, придуманную и исполненную какимъ-нибудь знаменитымъ artiste en cheveux. Мало того, даже клюквенный кисель, вылитый въ кухонную форму, оказывается также произведеніемъ искусства. Въ самомъ дѣлѣ, кисель можно было бы подать на столъ въ видѣ сплошной, безформенной массы, лежащей на блюдѣ; онъ былъ-бы точно такъ-же вкусенъ и удобоваримъ; но его подаютъ въ видѣ башни съ зубчиками и фестончиками, и это дѣлается именно потому, что человѣкъ не есть грубый скотъ; ему мало того, чтобы отправить кисель въ желудокъ; ему хочется кромѣ того погрузиться въ созерцаніе зубчиковъ и фестончиковъ и, уничтожая эти фестончики и зубчики, умиляться душой надъ непрочностью земной красоты. Такимъ образомъ кисель, вылитый въ форму, не только удовлетворяетъ эстетическому чувству обѣдающаго человѣка, но даже пробуждаетъ въ его отзывчивой душѣ высокія размышленія, точно такія же размышленія, какія обыкновенно обуреваютъ впечатлительнаго путешественника, созерцающаго какой-нибудь обвалившійся портикъ временъ Септимія Севера или какой-нибудь опустѣлый палаццо венеціанскаго патриція. Значитъ, ясно, что архитектура не имѣетъ ни малѣйшаго права обитать въ такихъ хоромахъ, въ которые, по распоряженію непослѣдовательныхъ эстетиковъ, не допускаются ея родныя сестры и ближайшія родственницы. Французы давно это поняли, и поэтому парикмахеры называются у нихъ artistes en cheveux, и нашъ знаменитый мебельный мастеръ Туръ навѣрное посмотрѣлъ бы на васъ съ глубокимъ презрѣніемъ, еслибы вы вздумали оспаривать у него право на титулъ художника. Такъ оно дѣйствительно и должно быть, если сущность, цѣль и оправданіе искусства заключаются въ его стремленіи къ красотѣ. Тогда и старуха, которая бѣлится и румянится передъ зеркаломъ, окажется художникомъ, превращающимъ свою собственную особу въ художественное произведеніе. Всѣ отрасли промышленности, говоритъ нашъ авторъ, всѣ ремесла, имѣющія цѣлью удовлетворять вкусу или эстетическому чувству, мы признаемъ искусствами въ такой же степени, какъ архитектуру, когда ихъ произведенія замышляются и исполняются подъ преобладающимъ вліяніемъ стремленія къ прекрасному и когда другія цѣли (которыя всегда имѣетъ архитектура) подчиняются этой главной цѣли.

Совершенно другой вопросъ о томъ, до какой степени достойны уваженія произведенія практической дѣятельности, задуманныя и исполненныя подъ преобладающимъ стремленіемъ произвести не столько что-нибудь дѣйствительно нужное или полезное, сколько произвести прекрасное. Какъ рѣшить этотъ вопросъ — не входитъ въ сферу нашего разсужденія; но какъ рѣшенъ будетъ онъ, точно такъ же долженъ быть рѣшенъ вопросъ и о степени уваженія, который заслуживаютъ созданія архитектуры въ значеніи чистаго искусства, а не практической дѣятельности. Какими глазами смотритъ мыслитель на кашемировую шаль, стоющую 10,000 франковъ, на столовые часы, стоющіе 10.000 франковъ, такими же глазами долженъ смотрѣть онъ и на изящный кіоскъ, стоющій 10,000 фр. Быть можетъ онъ скажетъ, что всѣ эти вещи—произведенія не столько искусства, сколько роскоши; быть можетъ онъ скажетъ, что истинное искусство чуждается роскоши, потому что существеннѣйшій характеръ прекраснаго—простота».

Мыслитель будетъ совершенно правъ, если посмотритъ съ презрѣніемъ на шаль, на часы и на кіоскъ, но онъ будетъ совершенно неправъ, когда начнетъ утверждать, что *истинное искусство чуждается роскоши*. Истинному искусству нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до экономическихъ соображеній. Истинное искусство есть чужеядное растеніе, которое постоянно питается соками человѣческой роскоши. Являясь всегда и вездѣ неразлучнымъ спутникомъ роскоши, оно никакъ не можетъ ея чуждаться. И Микель Анджело, и Рафаэль расписывали своими фресками потолки и простѣнки папскаго дворца, подобну тому, какъ различные московскіе художники украшаютъ «пукетами и аму-

рами» стѣны тѣхъ аппартаментовъ, въ которыхъ Лазарь Елизарычъ Подхалюзинъ наслаждается радостями семейной жизни съ своей супругой Олимпіадой Самсоновной, урожденной Большовой. Фрески Рафаэля, по мнѣнію такого чистокровнаго и даровитаго эстетика, какъ Анри Тенъ, не имѣютъ почти никакого самостоятельнаго значенія. Онѣ составляютъ просто дополненіе архитектуры. «Въ самомъ дѣлѣ,—разсуждаетъ Тенъ,—отчего же фрескамъ и не быть дополненіемъ архитектуры? Не ошибочно ли разсматривать ихъ отдѣльно? Чтобы понимать идеи живописца, надо становиться на его точку зрѣнія. А Рафаэль, разумѣется, смотрѣлъ на всю задачу именно такимъ образомъ. *Пожаръ въ Борго* составляетъ украшеніе арки, которую ему поручено было чѣмъ-нибудь наполнить. *Парнассъ* и *Освобожденіе св. Петра* украшаютъ простѣнки надъ дверью и надъ окномъ, и ихъ мѣсто обязываетъ ихъ принять извѣстную форму. Эти картины не приставлены къ стѣнамъ зданія; онѣ сами составляютъ часть зданія; онѣ облекаютъ зданіе такъ, какъ кожа облекаетъ тѣло. Если онѣ принадлежатъ къ архитектурѣ, то какъ же имъ не подчиняться архитектурнымъ требованіямъ?...» «Вотъ, — объясняетъ онъ далѣе,—арка окна выгибается величественно и просто; линія этой арки благородна (noble!) и бордюра изъ лѣпныхъ украшеній сопровождаетъ ея прекрасную округлость, но мѣста по бокамъ и наверху остаются пустыми; надо ихъ наполнить, а для этого годятся только фигуры, неуступающія архитектурѣ въ полнотѣ и серьезности; лица, предающіяся увлеченію страсти, составили бы диссонансъ; здѣсь не можетъ быть мѣста безпорядку естественныхъ группъ. Надо, чтобы дѣйствующія лица выравнивались сообразно съ высотой простѣнка; наверху арки должны стоять маленькія дѣти или согнувшіяся фигуры, а по бокамъ—большія, вытянутыя во весь ростъ»*).

А вѣдь мы право не умѣемъ цѣнить достоинствъ нашей отечественной литературы; вѣдь у насъ даже въ эстетической «Эпохѣ» или въ столь же эстетическомъ «Атенеѣ» были немыслимы словоизверженія о томъ, что «la ligne est noble» и что «les personnages s'étagent selon la hauteur du panneau». А у французовъ это—сплошь и рядомъ, такъ что даже самый ревностный реалистъ начинаетъ конфузиться за автора только тогда, когда ему по какому-нибудь странному случаю приводится переводить эти деликатессы на русскій языкъ.

Какъ бы то ни было, а изъ словъ Тена всетаки видно очень ясно, что истинное искусство съ величайшей готовностью превращало себя въ лакея роскоши. Художникъ подчинялся всѣмъ требованіямъ роскоши такъ раболѣпно, что соглашался уродовать въ угоду имъ свои картины, соглашался разставлять группы по ранжиру, — словомъ, весьма охотно проституировалъ свою творческую мысль. Можетъ ли мыслитель сказать послѣ этого, что *истинное искусство чуждается роскоши?* Если же мыслитель рѣшится выгнать изъ храма *истиннаго искусства* Рафаэля Санціо, то, спрашивается, кто же останется въ этомъ храмѣ послѣ изгнанія главнаго жреца? И спрашивается еще, не превратится ли тогда этотъ храмъ *истиннаго искусства* въ мастерскую человѣческой мысли, въ которой изслѣдователи, писатели и рисовальщики, каждый по своему, будутъ стремиться къ одной великой цѣли — къ искорененію бѣдности и невѣжества?

Въ умѣ автора «Эстетическихъ Отношеній» это превращеніе совершилось давнымъ-давно; но въ 1855 году наше общество было еще совершенно не приготовлено къ понимапію такихъ плодотворныхъ идей; поэтому автору и приходится до поры до времени оставлять въ неприкосновенности какой-то призракъ *истиннаго искусства,* въ существованіе котораго онъ, человѣкъ, осмѣлившійся заговорить въ эстетическомъ трактатѣ о *10.000 франкахъ*, уже нисколько не вѣритъ.

V.

Выбрасывая архитектуру изъ храма *истиннаго искусства*, авторъ «Эстетическихъ Отношеній» не считаетъ нужнымъ даже упомянуть мимоходомъ о томъ безбрежномъ морѣ фразъ, которое изливаютъ насчетъ архитектурныхъ памятниковъ разные туристы и диллетанты, считающіе себя любителями и цѣнителями изящнаго во всѣхъ его проявленіяхъ. Авторъ совершенно правъ въ своемъ спокойномъ презрѣніи къ этимъ фразамъ; возражать противъ нихъ серьезно нѣтъ никакой возможности, а смѣяться надъ ними очень неудобно въ такомъ трудѣ, который долженъ былъ подвергнуться суду ученаго ареопага. Но такъ какъ литературные враги автора могутъ прикинуться, будто они принимаютъ его презрительное молчаніе за доказательство его невѣдѣнія или его неумѣнія опровергнуть фразерство диллетантовъ, — то я брошу здѣсь бѣглый взглядъ на несостоятельность этого фразерства.

Каждому читателю случалось конечно не разъ слышать и читать возгласы о томъ, что архитектура такого-то вѣка и такого-то народа воплотила въ себѣ всю жизнь, все міросозерцаніе, всѣ духовныя стремленія этого вѣка и этого народа. Французскіе историки и туристы особенно бойко и самоувѣренно умѣютъ читать исторію и мысли отжившихъ народовъ въ каменныхъ сводахъ, колоннахъ, портикахъ, капителяхъ, фронтонахъ и разныхъ другихъ архитектурныхъ украшеніяхъ. У этихъ господъ на

*) «L'Italie et la vie italienne». («Revue des deux Mondes». 1865, 1 janvier.

каждомъ шагу встрѣчаются выраженія: «гранитная поэма», «эпопея изъ мрамора»; эти выраженія прикладываются ими къ очень большимъ зданіямъ, вродѣ Колизея, Ватикана или собора св. Петра; еслибы они были послѣдовательны, то маленькія строенія, съ претензіями на элегантность, должны были бы называться на ихъ фигурномъ языкѣ мадригалами изъ кирпича или сонетами изъ дуба.

Если повѣрить этимъ господамъ на слово, то окажется, что имъ для основательнаго изученія прошедшаго совсѣмъ не нужны письменные документы; они берутся угадать и разсказать вамъ всю подноготную на основаніи мраморныхъ поэмъ и гранитныхъ эпопей. Приведите такого господина въ древній греческій храмъ и предупредите его заранѣе, что это—точно греческій храмъ, вашъ господинъ сію минуту начнетъ вамъ объяснять, что во всемъ характерѣ и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ архитектуры отразилась свѣтлая и гармоническая полнота греческаго духа. И столь усладительно начнетъ онъ вамъ повѣствовать о греческомъ духѣ и такую элегическую грусть онъ на себя напуститъ по тому случаю, что древніе греки всѣ померли, и такую онъ передъ вами развернетъ картину олимпійскихъ игръ или элевзинскихъ таинствъ, что вы совсѣмъ растаете и припишете все его краснорѣчіе чудотворному вліянію греческаго духа, замурованнаго въ стѣны, въ колонны и въ своды древняго храма. Приведите этого господина въ Алгамбру и скажите ему, что она была построена въ такомъ-то вѣкѣ такимъ-то калифомъ, — сію минуту польются увлекательныя рѣчи о пылкости арабской фантазіи. А въ готическій соборъ лучше ужъ совсѣмъ не водите вашего словоохотливаго туриста,—тутъ ужъ конца не будетъ чтенію гранитныхъ поэмъ; въ каждомъ стрѣльчатомъ окошкѣ онъ будетъ усматривать выраженіе средневѣкового идеализма, стремившагося оторваться отъ земли и улетѣть въ пространство эѳира. Словомъ, туристъ всегда будетъ угадывать вѣрно по той простой причинѣ, что онъ, какъ человѣкъ довольно начитанный, будетъ всегда знать заранѣе, *что̀ именно* въ данномъ случаѣ должно быть угадано. Если мы знаемъ заранѣе, что такое-то зданіе было построено тогда-то, такимъ-то человѣкомъ, для такого-то употребленія, то, разумѣется, входя въ это зданіе, мы невольно вспоминаемъ о томъ, какъ жилъ этотъ человѣкъ, что̀ онъ дѣлалъ, что̀ онъ думалъ. А такъ какъ большинство людей не умѣетъ анализировать свои собственныя впечатлѣнія, то этимъ людямъ и кажется, что ихъ воспоминанія расшевеливаются въ нихъ именно самой *формой* зданія, и что слѣдовательно эта форма находится въ необходимой внутренней связи съ жизнью, съ дѣятельностью и съ образомъ мыслей того человѣка, о которомъ приходится вспоминать.

Несостоятельность этого мнѣнія можетъ быть доказана совершенно очевидно и осязательно посредствомъ анализа нѣкоторыхъ другихъ, совершенно аналогическихъ процессовъ нашей мысли. Показываютъ вамъ напримѣръ картину, на которой нарисовано нѣсколько мужчинъ и нѣсколько женщинъ; физіономіи у нихъ очень молодыя, но волосы — бѣлые, какъ снѣгъ; вы конечно тотчасъ соображаете, что они напудрены, и мысль ваша немедленно переносится въ XVIII столѣтіе. Пудра и XVIII столѣтіе — два представленія, неразрывно связанныя между собой въ нашемъ умѣ; мы знаемъ, что мода эта существовала именно тогда; мы знаемъ, что она не существовала ни въ какое другое время; мы видѣли множество картинъ и портретовъ, на которыхъ люди XVIII вѣка представлены съ напудренными головами, и такимъ образомъ мы совершенно незамѣтно и нечувствительно привыкли къ той мысли, что пудра дѣйствительно характеризуетъ собой XVIII столѣтіе. Но кто-же въ самомъ дѣлѣ рѣшится утверждать, что эта странная мода находится въ необходимой внутренней связи съ жизнью, съ дѣятельностью и съ образомъ мыслей тогдашнихъ людей? Въ этой модѣ есть конечно одна черта, характеризующая собой тогдашнее общество; но эту черту мы находимъ во многихъ другихъ модахъ; эта черта заключается въ искусственности и вычурности этой моды; эта искусственность и вычурность показываютъ намъ, что преобладающимъ значеніемъ пользовалось въ тогдашней Европѣ сословіе совершенно праздное, которое отъ нечего дѣлать принимало съ восторгомъ самыя нелѣпыя выдумки парикмахеровъ и другихъ законодателей моды. Но почему искусственность и вычурность проявились при Людовикѣ XV въ посыпаніи головы бѣлымъ порошкомъ, а при Людовикѣ XIV—въ ношеніи огромныхъ париковъ,—этого ни одинъ мыслитель въ мірѣ не объяснитъ намъ общими причинами, заключавшимися въ духѣ времени и народа. Конечно и пудра, и парики имѣютъ свою причину, но причину такую мелкую, частную и случайную, которая можетъ быть интересной только для собирателя историческихъ анекдотовъ.

То же самое можно сказать и объ архитектурнымъ памятникахъ. То обстоятельство, что въ данное время строилось въ данной странѣ значительное количество безполезныхъ и великолѣпныхъ зданій, доказываетъ конечно, что въ данной странѣ были въ данное время такіе люди, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ огромные капиталы или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ могли располагать по своему благоусмотрѣнію громадными массами дешеваго труда. А по этой канвѣ политической и соціальной безалаберщины пылкая фантазія архитекторовъ и декораторовъ, подогрѣваемая хорошимъ жалованьемъ или страхомъ наказанія,

конечно должна была вышивать самые величественные и самые пестрые узоры; но видѣть въ этихъ узорахъ проявленіе народнаго міросозерцанія, а не индивидуальной фантазіи,—позволительно только тѣмъ туристамъ, которые серьезно разсуждаютъ о благородствѣ круглой арки или о возвышенности стрѣльчатаго окна.

VI.

Бросивъ бѣглый взглядъ на скульптуру и на живопись, авторъ «Эстетическихъ отношеній» приходитъ къ тому выводу, что «произведенія того и другого искусства, по многимъ и существеннѣйшимъ элементамъ (по красотѣ очертаній, по абсолютному совершенству исполненія, по выразительности и т. д.), неизмѣримо ниже природы и жизни». Доказательства въ пользу этого положенія авторъ беретъ отчасти изъ личныхъ впечатлѣній, отчасти изъ анализа тѣхъ необходимыхъ отношеній, которыя существуютъ между идеаломъ художника и живой дѣйствительностью. «Мы должны сказать,—говоритъ авторъ,—что въ Петербургѣ нѣтъ ни одной статуи, которая по красотѣ очертаній лица не была бы гораздо ниже безчисленнаго множества живыхъ людей, и что надобно только пройти по какой-нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ. Въ этомъ согласится большая часть тѣхъ, которые привыкли думать самостоятельно».

Такъ какъ авторъ сказалъ уже въ самомъ началѣ своего разсужденія, что «прекрасное есть жизнь», и такъ какъ красота статуй заключается не въ жизни, то-есть не въ выраженіи лица, а въ строгой правильности очертаній и въ совершенной соразмѣрности частей, то, разумѣется, каждое неизуродованное и умное лицо живого человѣка оказывается гораздо красивѣе всевозможныхъ мраморныхъ или мѣдныхъ лицъ. Только въ этомъ смыслѣ и могутъ быть поняты слова автора, потому что иначе трудно было бы себѣ представить, какимъ образомъ въ Петербургѣ, который, какъ извѣстно, вовсе не славится красотой своихъ обитателей, могутъ встрѣчаться на каждой многолюдной улицѣ по нѣскольку лицъ, болѣе прекрасныхъ, чѣмъ лица статуй Кановы. Мое предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ говоритъ о «*красотѣ очертаній*», а не о «*правильности*». Очевидно, что *правильность* не имѣетъ въ его глазахъ почти никакого значенія. Объ идеалѣ скульптора авторъ говоритъ, что онъ «никакъ не можетъ быть по красотѣ выше тѣхъ живыхъ людей, которыхъ имѣлъ случай видѣть художникъ. Силы творческой фантазіи очень ограничены: она можетъ только комбинировать впечатлѣнія, полученныя изъ опыта».

Противъ этой очевидной истины могутъ спорить только неисправимые идеалисты, способные до сихъ поръ принимать за чистую монету разсказы о томъ, что «художники, какъ боги, входятъ въ зевсовы чертоги и, читая мысль его, видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ то, что́ смертнымъ въ доляхъ малыхъ открываетъ божество». Кто не вѣритъ въ прогулки художниковъ по чертогамъ Зевса и кто не признаетъ существованія врожденныхъ идей, тотъ конечно долженъ согласиться, что художникъ, подобно всѣмъ остальнымъ смертнымъ, почерпаетъ изъ опыта все свое внутреннее содержаніе и слѣдовательно всѣ мотивы своихъ художественныхъ произведеній.

Говоря о живописи, авторъ обращаетъ вниманіе на несовершенство ея техническихъ средствъ. «Краски ея,—говоритъ онъ,—въ сравненіи съ цвѣтомъ тѣла и лица—грубое, жалкое подражаніе; вмѣсто нѣжнаго тѣла, она рисуетъ что-то зеленоватое или красноватое». «Руки человѣческія грубы,—говоритъ онъ далѣе,—и въ состояніи удовлетворительно сдѣлать только то, для чего не требуется слишкомъ удовлетворительной отдѣлки; «топорная работа» — вотъ настоящее имя всѣхъ пластическихъ искусствъ, какъ скоро сравнимъ ихъ съ природой». Къ ландшафтной живописи авторъ также относится безъ малѣйшаго благоговѣнія. Онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы живопись могла лучше самой природы сгруппировать пейзажъ, и говоритъ, что «человѣкъ съ неиспорченнымъ эстетическимъ чувствомъ наслаждается природой вполнѣ, не находитъ недостатковъ въ ея красотѣ».

Говоря о музыкѣ, авторъ прежде всего отдѣляетъ вокальную музыку отъ инструментальной. Потомъ, разсматривая вокальную музыку или пѣніе, онъ отдѣляетъ естественное пѣніе отъ искусственнаго. Естественнымъ онъ называетъ то пѣніе, которое возникаетъ у человѣка само собой, въ минуту радости или грусти, изъ потребности излить накопившееся чувство, а вовсе не изъ стремленія къ прекрасному. Это естественное пѣніе авторъ считаетъ произведеніемъ практической жизни, а не произведеніемъ искусства. Искусственное пѣніе, по мнѣнію автора, прекрасно въ той мѣрѣ, въ какой оно приближается къ естественному. А инструментальная музыка въ свою очередь прекрасна настолько, насколько она приближается къ вокальной. «Послѣ того,—говоритъ авторъ,—мы имѣемъ право сказать, что въ музыкѣ искусство есть только слабое воспроизведеніе явленій жизни, независимыхъ отъ стремленія нашего къ искусству».

Въ поэзіи авторъ находитъ тотъ неизбѣжный недостатокъ, что ея образы всегда оказываются блѣдными и неопредѣленными, когда мы начинаемъ ихъ сравнивать съ живыми явленіями. «Образъ въ поэтическомъ произведеніи,—говоритъ авторъ,—точно такъ же относится къ дѣйствительному, живому образу, какъ слово

относится къ дѣйствительному предмету, имъ обозначаемому, — это не болѣе, какъ блѣдный и общій, неопредѣленный намекъ на дѣйствительность.»

Кто усомнится въ вѣрности этой мысли, тому я могу предложить слѣдующее доказательство. Извѣстно, что высшій родъ поэзіи—драма; извѣстно, что лучшія драмы въ мірѣ написаны Шекспиромъ; выше шекспировскихъ драмъ въ поэзіи нѣтъ ничего; стало-быть, если образы шекспировскихъ драмъ окажутся блѣдными и неопредѣленными намеками на дѣйствительность, то о всѣхъ остальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ нечего будетъ и говорить. Но всякій знаетъ, что всѣ драмы, въ томъ числѣ и драмы Шекспира, достигаютъ нѣкоторой опредѣленности, приближающей ихъ къ дѣйствительности, только тогда, когда онѣ играются на сценѣ; всякій знаетъ далѣе, что играть удовлетворительнымъ образомъ шекспировскія роли могутъ только замѣчательные актеры; значитъ, необходима цѣлая новая отрасль искусства для того, чтобы придать поэтическимъ образамъ нѣкоторую опредѣленность; значитъ, необходимы умъ, талантъ и образованіе для того, чтобы понимать, комментировать *блѣдные и неопредѣленные намеки на дѣйствительность*. Это пониманіе и комментированіе составляютъ всю задачу талантливаго актера, и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ этой задачи актеръ пріобрѣтаетъ себѣ всемірную извѣстность. Стало-быть, задача дѣйствительно очень трудна и *намеки* дѣйствительно *блѣдны и неопредѣленны*. Но это еще не все. Всякому извѣстно, что одна и та же роль играется различными актерами совершенно различно и между тѣмъ одинаково удовлетворительно. Одинъ понимаетъ характеръ дѣйствующаго лица такъ, другой — иначе, третій — опять по своему, и если всѣ они одинаково талантливы, то самый внимательный и требовательный зритель останется совершенно доволенъ; значитъ, всѣ понимаютъ вѣрно и, значитъ, поэтическій образъ уподобляется неопредѣленному уравненію, которое, какъ извѣстно, допускаетъ множество различныхъ рѣшеній. Послѣ этого, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что поэзія по самой сущности своей можетъ давать только блѣдные и неопредѣленные намеки на дѣйствительность.

Перебравъ такимъ образомъ всѣ искусства, авторъ приходитъ къ тому общему заключенію, что прекрасное въ живой дѣйствительности всегда стоитъ выше прекраснаго въ искусствѣ. Если слѣдовательно искусство не можетъ создавать такихъ чудесъ красоты, какихъ не бываетъ въ дѣйствительности, то, спрашивается, что̀ же оно должно дѣлать? Оно должно по мѣрѣ своихъ силъ воспроизводить дѣйствительность. — Что̀ именно оно должно воспроизводить? — Все, что̀ есть *интереснаго* для человѣка въ жизни.—Для чего нужно это воспроизведеніе?—На этотъ послѣдній вопросъ авторъ отвѣчаетъ такъ: «потребность, раждающая искусство, въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящныя искусства), есть та же самая, которая очень ясно высказывается въ портретной живописи. Портретъ пишется не потому, чтобы черты живого человѣка не удовлетворяли насъ, а для того, чтобы помочь нашему воспоминанію о живомъ человѣкѣ, когда его нѣтъ передъ нашими глазами, и дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ людямъ, которые не имѣли случая его видѣть. Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что̀ интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности.»

Если художникъ долженъ знакомить насъ съ *интересными* сторонами жизни, то очевидно онъ самъ долженъ быть настолько мыслящимъ и развитымъ человѣкомъ, чтобы умѣть отдѣлить интересное отъ неинтереснаго. Въ противномъ случаѣ онъ потратитъ весь свой талантъ на рисованіе такихъ мелочей, въ которыхъ нѣтъ никакого живого смысла, и всѣ мыслящіе люди отнесутся къ его произведенію съ улыбкой состраданія, хотя бы даже мелочи, выбранныя художникомъ, были воспроизведены превосходно. «Содержаніе,—говоритъ авторъ,—достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто оно—пустая забава, чѣмъ оно и дѣйствительно бываетъ чрезвычайно часто: художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно важностью своей идеи не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: да стоило-ли трудиться надъ подобными пустяками? Безполезное не имѣетъ права на уваженіе. Человѣкъ—самъ себѣ цѣль; но дѣла человѣка должны имѣть цѣль въ потребностяхъ человѣка, а не въ самихъ себѣ.» Напирая на ту мысль, что искусство воспроизводитъ и должно воспроизводить не только прекрасное, но вообще интересное, авторъ со справедливымъ негодованіемъ отзывается о томъ ложномъ розовомъ освѣщеніи, въ которомъ является дѣйствительная жизнь у поэтовъ, подчиняющихся предписаніямъ старой эстетики и усердно наполняющихъ свои произведенія разными *прекрасными* картинами, то-есть описаніями природы и сценами любви. «Привычка изображать любовь, любовь и вѣчно любовь, — говоритъ авторъ,—заставляетъ поэтовъ забывать, что жизнь имѣетъ другія стороны, гораздо болѣе интересующія человѣка; вообще вся поэзія и вся изображаемая въ ней жизнь принимаютъ какой-то

сантиментальный, розовый колоритъ; вмѣсто серьезнаго изображенія человѣческой жизни, произведенія искусства представляютъ какой-то слишкомъ юный (чтобы удержаться отъ болѣе точныхъ эпитетовъ) взглядъ на жизнь, и поэтъ является обыкновенно молодымъ, очень молодымъ юношей, котораго разсказы интересны только для людей того-же нравственнаго или физіологическаго возраста.»

Весь смыслъ и вся тенденція «Эстетическихъ Отношеній» концентрируются въ слѣдующихъ превосходныхъ словахъ автора: «наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не унизительно для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея—понять и объяснить дѣйствительность, потомъ примѣнить къ пользѣ человѣка свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признаться, что цѣль его: для вознагражденія человѣка, въ случаѣ отсутствія полнѣйшаго эстетическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью,—воспроизвести, по мѣрѣ силъ, эту драгоцѣнную дѣйствительность и ко благу человѣка объяснить ее. Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности—быть нѣкоторой замѣной ея и быть для человѣка учебникомъ жизни.»

VII.

Познакомившись съ содержаніемъ «Эстетическихъ Отношеній», мы посмотримъ теперь, какое направленіе должна была принять критика, построенная на тѣхъ теоретическихъ основаніяхъ, которыя заключаетъ въ себѣ эта книга. «Эстетическія Отношенія» говорятъ, что искусство ни въ какомъ случаѣ не можетъ создавать свой собственный міръ, и что оно всегда принуждено ограничиваться воспроизведеніемъ того міра, который существуетъ въ дѣйствительности. Это основное положеніе обязываетъ критика разсматривать каждое художественное произведеніе непремѣнно въ связи съ той жизнью, среди которой и для которой оно возникло. Налагая на критика эту обязанность, «Эстетическія Отношенія» ограждаютъ его отъ опасности забрести въ пустыню стариннаго идеализма. Затѣмъ «Эстетическія Отношенія» предоставляютъ критику полнѣйшую свободу. Роль критика, проникнутаго мыслями «Эстетическихъ Отношеній», состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы прикладывать къ художественнымъ произведеніямъ различныя статьи готоваго эстетическаго кодекса. Вмѣсто того, чтобы исправлять должность безличнаго и безпристрастнаго блюстителя неподвижнаго закона, критикъ превращается въ живого человѣка, который вноситъ и обязанъ вносить въ свою дѣятельность все свое личное міросозерцаніе, весь свой индивидуальный характеръ, весь свой образъ мыслей, всю совокупность своихъ человѣческихъ и гражданскихъ убѣжденій, надеждъ и желаній. «*Искусство,* — говоритъ авторъ,—*воспроизводитъ все, что есть интереснаго для человѣка въ жизни*». Но что именно интересно и что неинтересно? Этотъ вопросъ не рѣшенъ въ «Эстетическихъ Отношеніяхъ», и онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть рѣшенъ разъ навсегда; каждый критикъ долженъ рѣшать его по своему, и будетъ рѣшать его такъ или иначе, смотря по тому, чего онъ требуетъ отъ жизни и какимъ образомъ онъ понимаетъ характеръ и потребности своего времени. «*Содержаніе,*— говоритъ авторъ, — *достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто-бы оно—пустая забава.* —Что такое *мыслящій человѣкъ?* Что именно *достойно вниманія мыслящаго человѣка?* Эти вопросы опять-таки должны рѣшаться каждымъ отдѣльнымъ критикомъ. А между тѣмъ отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приговоръ критика надъ художественнымъ произведеніемъ. Рѣшивши, что содержаніе *неинтересно* или, другими словами, *недостойно вниманія мыслящаго человѣка,* критикъ, основываясь на подлинныхъ словахъ автора «Эстетическихъ Отношеній», имѣетъ полное право посмотрѣть на данное произведеніе искусства *съ презрѣніемъ* или *съ сострадательной улыбкой.* Положимъ теперь, что одинъ критикъ посмотритъ на художественное произведеніе съ презрѣніемъ, а другой — съ восхищеніемъ. Столкнувшись такимъ образомъ въ своихъ сужденіяхъ, они затѣваютъ между собой споръ. Одинъ говоритъ: содержаніе неинтересно и недостойно вниманія мыслящаго человѣха. Другой говоритъ: интересно и достойно. Само собой разумѣется, что споръ между этими двумя критиками съ самаго начала будетъ происходить совсѣмъ не на эстетической почвѣ. Они будутъ спорить между собой о томъ, что такое—мыслящій человѣкъ, что долженъ этотъ человѣкъ находить достойнымъ своего вниманія, какъ долженъ онъ смотрѣть на природу и на общественную жизнь, какъ долженъ онъ думать и дѣйствовать. Въ этомъ спорѣ они принуждены будутъ развернуть все свое міросозерцаніе; имъ придется заглянуть и въ естествознаніе, и въ исторію, и въ соціальную науку, и въ политику, и въ нравственную философію, но объ искусствѣ между ними не будетъ сказано ни одного слова, потому что смыслъ всего спора будетъ заключаться въ *содержаніи*, а не въ *формѣ* художественнаго произведенія. Именно потому, что оба критика будутъ спорить между собой не о формѣ, а о содержаніи, именно потому, что они такимъ образомъ будутъ оба признавать, что содержаніе важнѣе формы, — именно поэтому они оба окажутся адептами то-

го ученія, которое изложено въ «Эстетическихъ Отношеніяхъ». И ни одинъ изъ обоихъ критиковъ не будетъ имѣть права упрекать своего противника въ отступничествѣ отъ основныхъ истинъ этого ученія; оба они будутъ стоять одинаково твердо на почвѣ общей доктрины и будутъ расходиться между собой въ тѣхъ именно вопросахъ, которые эта доктрина сознательно и систематически предоставляетъ въ полное распоряженіе каждой отдѣльной личности.

Доктрина «Эстетическихъ Отношеній» именно тѣмъ и замѣчательна, что, разбивая оковы старыхъ эстетическихъ теорій, она совсѣмъ не замѣняетъ ихъ новыми оковами. Эта доктрина говоритъ прямо и рѣшительно, что право произносить окончательный приговоръ надъ художественными произведеніями принадлежитъ не эстетику, который можетъ судить только о формѣ, а мыслящему человѣку, который судитъ о содержаніи, то-есть о явленіяхъ жизни. О томъ, каковъ долженъ быть мыслящій человѣкъ, «Эстетическія Отношенія», разумѣется, не говорятъ и не могутъ сказать ни одного слова, потому что этотъ вопросъ совершенно выходитъ изъ предѣловъ той задачи, которую они рѣшаютъ. Стало-быть, расходясь между собой въ вопросѣ о мыслящемъ человѣкѣ, критики не имѣютъ ни малѣйшаго основанія ссылаться на «Эстетическія Отношенія». Это было бы такъ-же остроумно, какъ еслибы кто-нибудь въ спорѣ о косвенныхъ налогахъ сталъ ссылаться на учебникъ математической географіи. Математическая географія — наука очень почтенная, но въ рѣшеніи соціальныхъ вопросовъ она совершенно некомпетентна.

ШКОЛА И ЖИЗНЬ.

I.

Представьте себѣ, что вы входите въ москотильную лавку и требуете какого-нибудь снадобья для истребленія таракановъ и клоповъ; вамъ подаютъ стклянку, наполненную жидкостью неопредѣленнаго цвѣта; вы спрашиваете, какъ употребляется эта жидкость? «Надо,— отвѣчаетъ вамъ купецъ, — поймать таракана или клопа и капнуть ему изъ этой стклянки на голову. Черезъ полчаса послѣ этой операціи онъ непремѣнно издохнетъ.»—Выслушавъ эту инструкцію, вы вѣроятно подумаете, что купецъ принимаетъ васъ за идіота и смѣется надъ вами въ глаза. Вы вѣроятно сообразите, что жидкость, дѣйствующая такимъ образомъ, совершенно безполезна, потому что когда тараканъ пойманъ, тогда его можно истребить безо всякой жидкости.—Не знаю, существуютъ-ли на свѣтѣ москотильщики, способные давать своимъ покупателямъ подобныя наставленія, но знаю навѣрное, что очень многіе добродушные писатели, стремящіеся обновить и возродить общество силой великихъ идей, преподаютъ своимъ читателямъ точь-въ-точь такіе совѣты касательно этого будущаго обновленія и возрожденія. Если вы хотите провести въ жизнь ваши плодотворныя идеи, говорятъ эти писатели, старайтесь реформировать воспитаніе; если хотите искоренить въ обществѣ вредные предразсудки, старайтесь прежде всего охранить отъ этихъ предразсудковъ подростающее поколѣніе. Словомъ, дѣйствуйте на школу для того, чтобы подѣйствовать на жизнь. Именно такъ: поймайте таракана, облейте ему голову вашей жидкостью, и тогда онъ навѣрное издохнетъ черезъ полчаса. Добродушные писатели, мечтающіе о торжествѣ новыхъ идей посредствомъ школы, упускаютъ изъ виду только одно крошечное обстоятельство, именно то, что школа вездѣ и всегда составляетъ самую крѣпкую и неприступную цитадель всевозможныхъ традицій и предразсудковъ, мѣшающихъ обществу мыслить и жить сообразно съ его дѣйствительными потребностями. Всѣ члены общества, питающіе искреннюю или притворную нѣжность къ традиціямъ и къ предразсудкамъ, охраняютъ школу отъ вліянія новыхъ идей такъ-же старательно, какъ старая нянька охраняетъ своего питомца отъ дурного глаза. Всѣ безкорыстные или корыстные приверженцы укоренившихся заблужденій понимаютъ какъ нельзя лучше, что если новая идея заберется въ школу и успѣетъ въ ней утвердиться, тогда эта новая идея по прошествіи двухъ-трехъ десятилѣтій, а можетъ-быть и раньше, охватитъ своимъ вліяніемъ всѣ жизненныя отправленія и стремленія общества. Этому они, разумѣется, будутъ сопротивляться всѣми силами, и ихъ сопротивленіе будетъ неодолимо до тѣхъ поръ, пока численный перевѣсъ будетъ находиться на ихъ сторонѣ, то-есть пока пассивное и безгласное большинство будетъ по старой привычкѣ считать ихъ софизмы за выраженія чистѣйшей истины. Такимъ образомъ не трудно понять, что овладѣть школой и перестроить воспитаніе можетъ только та идея, которая давно перешла въ наступательное положеніе и одержала рѣшительную побѣду въ сознаніи самаго общества, а совсѣмъ не та идея, которая, по своей крайней молодости, принуждена еще бороть-

ся за свое собственное существованіе. Когда взята уже школа, тогда борьба кончена, побѣда упрочена, тараканъ пойманъ... Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды, а никакъ не первый актъ борьбы. Взять школу — значитъ упрочить господство своей идеи надъ обществомъ. Но мечтать о томъ, чтобы черезъ школу пробить себѣ дорогу въ жизнь,—черезъ воспитаніе пересоздать общество,—это значитъ принимать окончательный результатъ за вспомогательное средство, компрометировать свою идею безтактными попытками, обрекать самого себя на вѣчное безсиліе и тратить жизнь на маниловскія фантазіи о великолѣпныхъ мостахъ съ каменными лавками. Это еще нелѣпѣе, чѣмъ истреблять таракановъ по рецепту моего вымышленнаго москотильщика. Поймать таракана все-таки возможно, хотя и нелѣпо ловить его для того, чтобы мочить ему голову; а перестраивать воспитаніе, не передѣлавши предварительно основныхъ понятій общества,—нѣтъ даже ни малѣйшей возможности.

Само собой разумѣется, что со временемъ послѣдовательный реализмъ, то-есть строго-научный и совершенно трезвый взглядъ на природу, на человѣка и на общество, силой своей собственной разумности одержитъ непремѣнно рѣшительную побѣду надъ всѣми произвольными построеніями праздной фантазіи. Фантастическій элементъ, вытѣсненный изъ жизни и міросозерцанія общества, конечно не удержится и въ школѣ. Система воспитанія сложится по тому же принципу, которымъ будутъ проникнуты всѣ остальныя отправленія общественной жизни. Къ такому порядку вещей идетъ вся образованная Европа; вслѣдъ за нашими европейскими учителями, мы также волей или неволей тянемся къ тому же самому результату, по извѣстной пословицѣ: «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней». Этотъ окончательный результатъ неизбѣженъ, но мы придемъ къ нему еще не очень скоро. Невѣжество, умственная робость, неповоротливость и вялость нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ соотечественниковъ окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ такими непроницаемыми дѣвственными лѣсами, въ которыхъ могутъ гнѣздиться совершенно безпрепятственно втеченіи цѣлаго столѣтія всевозможныя фантастическія нелѣпости. При существованіи этихъ нетронутыхъ лѣсовъ, въ которые не заглядывалъ до сихъ поръ ни одинъ лучъ строго-научнаго, положительнаго мышленія, нечего и думать о томъ, чтобы проводить въ общественное воспитаніе принципъ послѣдовательнаго реализма. Еслибы даже само правительство, при всѣхъ своихъ громадныхъ средствахъ дѣйствовать на общество, взялось за эту задачу, то и тогда задача оказалась бы неразрѣшимой. Попавши въ наши учебныя заведенія, послѣдовательный реализмъ быстро принялъ бы въ себя такое множество нереальныхъ ингредіентовъ самаго сомнительнаго достоинства, что въ общемъ итогѣ получилась бы такая же безсмысленная смѣсь *французскаго съ нижегородскимъ*, какая господствовала въ свѣтскихъ манерахъ высшаго общества «временъ Очакова и покоренья Крыма». Второстепенные и третьестепенные исполнители реальнѣйшихъ предписаній оказались-бы въ большей части случаевъ такъ-же хорошо приготовленными къ своей новой роли, какъ хорошо приготовлены чины земской полиціи къ собиранію статистическихъ матеріаловъ и къ засѣданію въ статистическихъ международныхъ конгрессахъ. Имѣя въ виду эти печальныя истины, въ которыхъ могутъ сомнѣваться только очень наивные оптимисты, «Русское Слово», какъ извѣстно нашимъ читателямъ, созерцало съ невозмутимымъ равнодушіемъ великую и славную борьбу нашихъ классикомъ съ нашими такъ называемыми реалистами, которыхъ «Русское Слово», по правдѣ сказать, даже и не признаетъ за настоящихъ реалистовъ. Втеченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, когда эта борьба находилась въ самомъ разгарѣ, «Русское Слово» всего только два раза коснулось вопроса о нашемъ общественномъ образованіи: въ первый разъ въ 1863 году—посредствомъ статьи «Наша университетская наука»; во второй разъ въ 1865 году—посредствомъ статьи «Педагогическіе софизмы». Обѣ эти статьи держатся на чисто отрицательной точкѣ зрѣнія и посвящены систематическому разоблаченію педагогическаго шарлатанства и доморощенной бездарности. Обѣ клонятся не къ тому, чтобы исправить существующіе недостатки—такая наивная претензія заключала бы въ себѣ слишкомъ много младенческой неопытности и самонадѣянности,—а къ тому, чтобы предостеречь отъ этихъ недостатковъ тѣхъ юныхъ и довѣрчивыхъ людей, которые способны восхищаться шарлатанами и благоговѣть передъ бездарностями.

Еще въ 1863 году «Русское Слово» выразило очень опредѣленнымъ образомъ то мнѣніе, что наши учебныя заведенія очень плохи и очень долго останутся еще въ своемъ неудовлетворительномъ положеніи,-потому что ихъ недостатки зависятъ не отъ какихъ-нибудь частныхъ несовершенствъ гимназическаго устава, а отъ невѣрности того основного понятія, которое общество составляетъ себѣ о цѣли общаго образованія. Въ послѣдніе два года это основное понятіе не могло измѣниться, и дѣйствительно нисколько не измѣнилось. Поэтому и «Русское Слово» естественнымъ образомъ остается при своемъ прежнемъ убѣжденіи. Нисколько не сочувствуя классицизму, мы однако нисколько не сокрушаемся о томъ, что гимназическій уставъ рѣшилъ вопросъ о нашемъ общественномъ обра-

зованіи въ пользу классическихъ гимназій. Если-бы вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу реальныхъ гимназій, то эти гимназіи во всякомъ случаѣ были бы реальными только по своему названію, и ихъ реализмъ могъ бы показаться вполнѣ удовлетворительнымъ только для скромныхъ и невзыскательныхъ публицистовъ «Голоса». Насъ такой реализмъ нисколько не прельщаетъ; а такъ какъ реализмъ болѣе чистой пробы долго еще не проникнетъ въ наши школы, то мы считаемъ совершенно лишнимъ дѣломъ ратовать противъ неизбѣжнаго хода вещей, который можетъ быть исправленъ только дѣйствіемъ и добросовѣстной работой мысли, направленной не на спеціальный педагогическій вопросъ, а на общіе вопросы общественнаго міросозерцанія. Намъ очень жаль, что наша учащаяся молодежь можетъ тратить, пожалуй, непроизводительнымъ образомъ значительную часть того времени, которое она проводитъ въ школѣ или употребляетъ на заучиваніе уроковъ. Но съ этой тратой времени мы готовы помириться. Мы видимъ и знаемъ, что очень многіе молодые люди по окончаніи полнаго учебнаго курса принимаются очень серьезно за свое самообразованіе, начинаютъ свою работу если не съ азбуки, то во всякомъ случаѣ съ ариѳметики, и, благодаря усиленнымъ трудамъ, успѣваютъ дѣлаться мыслящими людьми, послѣдовательными реалистами и полезными гражданами. Значитъ, заплативши въ своемъ отрочествѣ и въ своей первой молодости тяжелую дань неразвитому обществу, то-есть, истративъ лѣтъ десять на безполезныя учебныя занятія, человѣкъ еще сохраняетъ въ себѣ достаточное количество энергіи и умственной свѣжести на то, чтобы выработать себѣ самостоятельныя понятія о жизни. Значитъ, школа не убила въ человѣкѣ ни здраваго смысла, ни любознательности, ни трудолюбія. И за то спасибо. За неимѣніемъ лучшаго, и въ ожиданіи этого лучшаго съ существующими школами можно совершенно помириться на слѣдующемъ простомъ и скромномъ условіи: пусть школа поглощаетъ время воспитанниковъ, не давая имъ за это время прямо полезныхъ знаній, но пусть она по крайней мѣрѣ не посягаетъ на ихъ здоровье.— Неприкосновенность здоровья—вотъ, по моему мнѣнію, то единственное условіе, на исполненіи котораго есть возможность настаивать въ настоящее время, имѣя дѣло съ нашими учебными заведеніями. Пожалуй, можно было бы придумать очень много другихъ требованій, но навѣрное можно сказать, что бо̀льшая часть ихъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ остаться неисполнимой.

Вы смущены, мой читатель, и быть можетъ даже разсержены. *Неприкосновенность здоровья*—это требованіе до такой степени кротко и скромно, что вы даже никакъ не рѣшаетесь принять его за чистую монету. Въ моихъ кроткихъ и скромныхъ словахъ вы подозрѣваете или дерзкую насмѣшку, или отчаянный парадоксъ, или вообще какую-нибудь затаенную пакость. Развѣ, размышляете вы съ негодованіемъ, теперешнія школы посягаютъ на здоровье воспитанниковъ? И съ какой-же стати, продолжаете вы, ставить такое требованіе, которое и безъ того исполняется всѣми школами безъ исключеній? Нѣтъ, рѣшаете вы, это не спроста. Тутъ что-нибудь да не такъ. Навѣрное тутъ какой-нибудь «крокодилъ на днѣ лежитъ» *).

Успокойтесь, читатель. Въ требованіи моемъ нѣтъ никакихъ злокачественныхъ фокусовъ, и требованіе это къ сожалѣнію не можетъ считаться анахронизмомъ не только у насъ, но даже и въ западной Европѣ. Выдвигая это требованіе на первый планъ, я повторяю только слова европейскихъ медиковъ. Мало того: напирая на эту мысль, я поддерживаю такія мнѣнія, которыя очень опредѣленнымъ образомъ были выражены даже въ нашей литературѣ, но которыя, по непростительной небрежности нашихъ толстыхъ журналовъ и ежедневныхъ газетъ, были оставлены до сихъ поръ безъ вниманія всѣми наиболѣе распространенными органами нашей печати. «Давно уже,—пишутъ въ «Учителѣ»,—замѣченъ тотъ фактъ, что школа имѣетъ на дѣтей особенное вліяніе, рѣзче высказывающееся въ физическомъ отношеніи. Вліяніе это выражается въ томъ, что прежняя свѣжесть, бодрость и цвѣтущее здоровье дѣтей смѣняются вялостью, истомленностью и болѣзненностью. Нѣкоторыя даже перестаютъ расти; большинство теряетъ свою прежнюю беззаботную веселость и смотритъ какъ-то угрюмо и боязливо. Вліяніе это нерѣдко отражается и въ умственномъ отношеніи: дѣти тупѣютъ, теряютъ прежнюю даровитость и взамѣнъ ея пріобрѣтаютъ какую-то болѣзненную нервную раздражительность,—признакъ слабосилія. Поэтому не совсѣмъ неправы тѣ, которые говорятъ о вырожденіи человѣческаго рода подъ гибельнымъ вліяніемъ школы и воспитанія.» («Учитель». 1865 г. № 9, стр. 316.)

Картина нарисована чрезвычайно вѣрно. Она пугаетъ насъ, когда мы встрѣчаемся съ ней въ книгѣ; но къ сожалѣнію въ дѣйствительной жизни мы такъ приглядѣлись къ ея уродливымъ подробностямъ, что почти совершенно потеряли способность чувствовать и понимать ея глубокую и возмутительную ненормальность. Случается очень часто, что рѣзвый и веселый ребенокъ, помѣщенный въ учебное заведеніе, скучаетъ, тоскуетъ и плачетъ впродолженіи нѣсколькихъ недѣль послѣ своего поступленія. Мы находимъ съ свойственнымъ намъ философскимъ глубокомысліемъ, что эта продолжительная грусть, противорѣчащая всему основному

---

*) Стихъ Батюшкова.

характеру юнаго субъекта, совершенно естественна; мы говоримъ, что иначе и быть не можетъ, что ребенокъ тоскуетъ о своихъ родителяхъ, о своихъ ребяческихъ забавахъ, о всей обстановкѣ своей домашней жизни, съ которой ему во всякомъ случаѣ необходимо разстаться рано или поздно. Мы соображаемъ кромѣ того, что ребенокъ лѣнится, и что вслѣдствіе этого на его преступныя слезы не должно обращать ни малѣйшаго вниманія. Во время нашихъ глубокомысленныхъ соображеній насъ нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что ребенокъ не былъ лѣнивъ въ родительскомъ домѣ, и что учебное заведеніе, приводящее ребенка въ соприкосновеніе съ дѣтьми его лѣтъ, должно было бы, при нормальныхъ условіяхъ, пробуждать въ ребенкѣ соревнованіе, вмѣсто того чтобы погружать его въ плаксивую апатію. Философствуя о похвальныхъ или предосудительныхъ причинахъ дѣтскихъ слезъ, мы также не задаемъ себѣ вопроса о томъ, естественна-ли со стороны ребенка упорная и продолжительная грусть, и можетъ-ли здоровый ребенокъ оставаться впродолженіи нѣсколькихъ недѣль печальнымъ и неутѣшнымъ въ томъ случаѣ, если новая обстановка его жизни не причиняетъ ему тяжелыхъ ощущеній, постоянно и ежеминутно подновляющихъ въ немъ воспоминаніе о сдѣланной утратѣ. Само собой разумѣется, что наши глубокомысленныя соображенія не находятъ себѣ никакого отпора; на всѣ наши назидательныя внушенія ребенокъ отвѣчаетъ намъ молчаніемъ или слезами; этотъ послѣдній языкъ достаточно краснорѣчивъ, но краснорѣчивъ только для того, кто умѣетъ или желаетъ его понимать. Болѣе обстоятельныхъ объясненій мы не дождемся и не вправѣ требовать отъ ребенка. Во-первыхъ, ребенокъ не способенъ анализировать свои ощущенія; онъ чувствуетъ вообще, что ему скверно жить на свѣтѣ; но изъ какихъ отдѣльныхъ частей слагается этотъ скверный итогъ, этого онъ, разумѣется, не знаетъ. Во-вторыхъ, ребенокъ видитъ очень хорошо, что мы относимся къ его страданіямъ недовѣрчиво и недоброжелательно, потому что усматриваемъ въ этихъ страданіяхъ симптомы его порочныхъ наклонностей къ праздности, знаменитой матери всѣхъ пороковъ. — Вслѣдствіе этого ребенокъ, разумѣется, старается отдѣлаться отъ нашихъ распросовъ, которые, какъ ему извѣстно по горькому опыту, не приводятъ за собой ничего, кромѣ утомительныхъ нравоученій и обидныхъ упрековъ. Наконецъ въ-третьихъ, еслибы намъ удалось возбудить въ ребенкѣ откровенность, которую мы систематически подавляемъ въ немъ нашими глупо-скептическими взглядами на его огорченія, и еслибы сверхъ того у ребенка достало умѣнья описать намъ подробно все, чтó онъ чувствуетъ, то и тогда наше постыдное невѣжество помѣшало бы намъ извлечь изъ откровеннаго признанія несчастнаго ребенка какую бы то ни было пользу. Ребенокъ объяснилъ бы намъ, что ему по утрамъ ужасно хочется спать, что его утомляютъ уроки, что безконечное сидѣнье въ классѣ наводитъ на него тоску, что ему хотѣлось бы побѣгать и поиграть.

Спрашивается, какое заключеніе вывели бы мы изъ этихъ словъ маленькаго страдальца?— Разумѣется, мы немедленно отдали бы должную дань почтительнаго удивленія нашей собственной необыкновенной проницательности. Такъ и есть, сказали-бы мы; мы такъ и знали заранѣе. Ты, мальчуганъ, просто лѣнивъ, и это съ твоей стороны весьма непохвально. — Затѣмъ полились бы изъ нашихъ устъ нравоученія и упреки, которые по всей вѣроятности внушили бы безотвѣтной жертвѣ нашего краснорѣчія сильнѣйшее желаніе исправиться навсегда отъ неумѣстной откровенности со взрослыми.

Въ естественныхъ требованіяхъ дѣтскаго организма, по нашему остроумію и по совершенному отсутствію самыхъ элементарныхъ физіологическихъ познаній, мы видимъ обыкновенно порочныя наклонности, съ которыми необходимо вести упорную, истребительную войну. Дѣйствительно, эта курьезная война ведется неутомимо и добросовѣстно; въ большей части случаевъ наши воинственныя усилія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, потому что обезсилить, изломать и изуродовать нѣжный организмъ ребенка вовсе не трудно. Но,—странное дѣло!—наша блистательная побѣда надъ дѣтскимъ организмомъ нисколько не удовлетворяетъ и не радуетъ насъ. Созерцая прямые результаты нашихъ систематическихъ трудовъ, мы даже вовсе не замѣчаемъ того, что мы дѣйствительно одержали побѣду; напротивъ того, мы въ подобныхъ случаяхъ готовы даже признать себя побѣжденными. Когда мы смотримъ на слабаго, блѣднаго, вялаго и притупленнаго юношу, мы имѣемъ полное право сказать съ законной гордостью: вотъ дѣло рукъ нашихъ. Мы заставляли его учиться, когда ему хотѣлось спать; мы заставляли его сидѣть на мѣстѣ, когда ему хотѣлось бѣгать; мы держали его въ четырехъ стѣнахъ, когда ему необходимо было дышать чистымъ воздухомъ; мы мужественно боролись со всѣми естественными стремленіями этого строптиваго организма и, какъ видите, мы достигли того, что этотъ организмъ, утративъ всю свою строптивость, въ настоящую минуту не стремится рѣшительно ни къ чему.

Вотъ чтó мы имѣемъ право сказать; но обыкновенно мы говоримъ совсѣмъ не то. Почти всегда мы чувствуемъ себя чѣмъ-то обиженными; мы думаемъ и говоримъ, что получилось совсѣмъ не то, чего мы желали; намъ кажется, что какой-то враждебный и неумолимый рокъ уничтожилъ всѣ плоды нашихъ усилій; мы погружаемся въ сантиментальную задумчивость, произносимъ какой-нибудь безсмысленно-покорный афо-

ризмъ и потомъ, не вынеся изъ полученнаго результата никакого практическаго урока для будущаго, съ удвоеннымъ усердіемъ принимаемся истреблять порочныя наклонности слѣдующаго поколѣнія, которое также имѣетъ дерзость ненавидѣть длинные уроки и любить крѣпкій сонъ, веселую бѣготню и чистый воздухъ.

«Педагоги, — говоритъ «Учитель», — большей частью пропитанные неизлечимымъ спиритуализмомъ, видѣли въ ученикѣ только духъ; а вѣдь духъ,—говорили они,—безконеченъ; онъ неистощимъ въ своихъ силахъ; устаетъ только тѣло, а тѣло что такое? тѣло просто дрянь, нестоющая вниманія. На этомъ основаніи почтенные педагоги считали священной обязанностью своей безпрестанно понукать, подгонять и подстрекать ученика, не давая ему времени на отдыхъ; самая мысль объ отдыхѣ почиталась чѣмъ-то постыднымъ, какъ недостойная духа». (№ 9, стр. 316.)

Если исходная точка понукательной системы заключается въ спиритуализмѣ, то надо будетъ сознаться, что спиритуализмъ *почтенныхъ педагоговъ* никакъ не выдержитъ сравненія съ спиритуализмомъ ломовыхъ извозчиковъ. Эта послѣдная категорія гражданъ заходитъ въ своемъ спиритуализмѣ такъ далеко, что даже къ безсловесной твари примѣняетъ педагогическое ученіе о неистощимыхъ силахъ духа и о дрянности тѣла. Эти крайніе спиритуалисты также считаютъ своей обязанностью безпрестанно *подстрекать* своихъ четвероногихъ учениковъ, смотря по обстоятельствамъ, то сапогомъ по мордѣ, то веревочными возжами по спинѣ. Такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что общій уровень образованія въ средѣ ломовыхъ извозчиковъ стоитъ даже еще ниже, чѣмъ въ средѣ *почтенныхъ педагоговъ* понукательной школы, то не трудно будетъ додуматься до того заключенія, что необузданный спиритуализмъ составляетъ естественный и неизбѣжный продуктъ глубокаго невѣжества. Чѣмъ глубже невѣжество, тѣмъ чище и самоувѣреннѣе спиритуализмъ. Можно, разумѣется, умозаключать столь-же безошибочно и наоборотъ: чѣмъ чище и самоувѣреннѣе спиритуализмъ, тѣмъ глубже невѣжество. Кто желаетъ повѣрить это правило на отдѣльныхъ примѣрахъ, тому я предлагаю заняться изученіемъ нашихъ великихъ спиритуалистовъ, гг. Николая Соловьева, Каткова, Аверкіева, Юркевича, Страхова, Incognito *), Косицы и многихъ другихъ, имъ подобныхъ, ученыхъ мыслителей.

Понукательная система, выработанная вѣковой дѣятельностью педагогическаго *спиритуализма*, пустила такіе глубокіе корни во всѣ отрасли общественнаго преподаванія, что уничтожить эту систему могутъ только самыя радикальныя реформы, далеко превышающія силу единичныхъ дѣятелей педагогическаго міра. Вредное вліяніе школы на здоровье воспитанниковъ обусловливается не излишней строгостью начальствующихъ лицъ, не придирчивостью отдѣльныхъ учителей или надзирателей, не частными и мелкими злоупотребленіями недобросовѣстныхъ экономовъ. Это все—второстепенныя неудобства; это произвольныя уклоненія отъ основного принципа,—уклоненія, за которыя отвѣтственность падаетъ на отдѣльныя личности нарушителей, и которыя будутъ постоянно становиться болѣе рѣдкими и случайными, по мѣрѣ того, какъ общество будетъ обращать больше и больше вниманія на свои собственные интересы. Героическій періодъ кровопролитнаго сѣченія, педагогическихъ зуботычинъ, нетопленныхъ дортуаровъ и гнилой пищи очевидно приходитъ и быть можетъ даже пришелъ къ концу. Но остается другой источникъ вреднаго вліянія,—источникъ, гораздо болѣе глубокій, который никакъ не можетъ изсякнуть самъ собой, и передъ которымъ окажутся безсильными самыя блестящія умственныя качества и самыя трогательныя нравственныя совершенства новѣйшихъ педагоговъ, не увлекающихся *спиритуализмомъ* ломовыхъ извозчиковъ. Ни учитель, ни инспекторъ, ни директоръ не могутъ измѣнить основной программы заведенія: число учебныхъ часовъ для нихъ неприкосновенно; а это число чрезмѣрно велико и совершенно несообразно съ физическими и умственными силами малолѣтнихъ учениковъ. «Стоитъ только взглянуть, — говоритъ «Учитель», — на недѣльную роспись учебныхъ часовъ любого учебнаго заведенія нашего времени, чтобы убѣдиться, что педагоги далеко еще не отстали отъ своей привычки гнать учениковъ, какъ почтовыхъ лошадей. Эта недѣльная роспись для семи классовъ какой-нибудь гимназіи представила бы намъ сверхъ того много еще другихъ любопытныхъ вещей. Такъ напр., наши педагоги воображаютъ, что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и семнадцатилѣтнимъ юношей, и что отъ одного можно требовать столь-же продолжительнаго умственнаго напряженія, какъ и отъ другого. Четыре часа въ сутки (по моему разсчету выходитъ больше: отъ 9 до $2^1/_2$ — пять съ половиной часовъ; полчаса уходитъ на завтракъ, отъ 12 до $12^1/_2$; итого остается на классныя занятія *пять часовъ*) на классныя занятія положено одинаково во всѣхъ семи классахъ нашихъ гимназій, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ, т.-е. въ седьмомъ. Вѣроятно тѣ, которые составляли программу классныхъ занятій, руководились здѣсь началомъ симметріи. Для учениковъ седьмого класса, то-есть для молодыхъ людей лѣтъ 17 и 18, разсуждали они, нисколько не тяжело будетъ просидѣть въ классѣ какіе-нибудь четыре часа въ день (причемъ имъ приходило въ голову, что люди въ разныхъ кан-

*) Зарипъ.

целяріяхъ сидятъ и больше). А если такъ, то необходимо и для всѣхъ другихъ классовъ назначить столько же: иначе выйдетъ разнокалиберщина, путаница; а главное—такъ на бумагѣ выходитъ какъ-то красивѣе, аккуратнѣе, когда во всѣхъ классахъ одинаковое число уроковъ. Но по настоящему слѣдовало бы разсуждать совсѣмъ иначе, именно вотъ какъ: если я для перваго класса, то есть для дѣтей 11 лѣтъ, кладу въ день 4 часа на занятія, то сколько же придется положить для взрослыхъ, 17-лѣтнихъ юношей седьмого класса? По крайней мѣрѣ 16 часовъ. А сколько придется назначить часовъ на слушаніе лекцій студентамъ,—людямъ, въ которыхъ еще болѣе предполагается силы выдерживать продолжительное умственное напряженіе? Ужъ никакъ не меньше 24 часовъ въ сутки. Дойдя до этого, можно бы было убѣдиться, какъ неудобно назначать 4 часа въ сутки на классныя занятія, и что кромѣ того у тѣхъ же дѣтей бываютъ каждый день занятія внѣ класса (то-есть приготовленіе уроковъ), которыя и отнимаютъ у нихъ почти цѣлый день. Тутъ мы ужъ окончательно падаемъ ницъ передъ нашей педагогической практикой, ибо совершенно не понимаемъ ея. Какъ? До поступленія въ училище дитя ничему не учится, или учится, какъ извѣстно, очень мало; и вдругъ, поступивъ въ школу, оно должно цѣлый день сидѣть за книгою!! Гдѣ же тутъ знаніе дѣла, за которое берутся педагоги-практики??» («Учитель», № 9, стр. 317 и 318.)

Еслибы русскіе журналисты сколько-нибудь понимали свои обязанности въ отношеніи къ русскому обществу, они непремѣнно удостоили бы этотъ фактъ своего вниманія. Но нашимъ пишущимъ и печатающимъ *спиритуалистамъ* нѣкогда заниматься такимъ ничтожнымъ предметомъ, какъ здоровье подростающихъ поколѣній. Имъ, этимъ *великимъ спиритуалистамъ*, надо подавать законодательной власти драгоцѣнные совѣты на счетъ особаго представительства крупной поземельной собственности; имъ надо воевать за русскую народность, которую безъ нихъ непремѣнно обидѣли бы полтора рижскіе булочника и три съ половиной ревельскіе башмачника; имъ надо собирать сплетни всѣхъ уѣздныхъ старухъ о причинѣ частыхъ пожаровъ; имъ надо прислушиваться, не заговорилъ ли какой-нибудь обыватель Черниговской или Полтавской губерніи на малороссійскомъ нарѣчіи. При такомъ множествѣ разнообразныхъ занятій, достойныхъ трудолюбивой мартышки, наши спиритуалисты, которымъ кромѣ того приходится еще отстаивать чистое искусство и классическую древность, не имѣютъ, разумѣется, ни малѣйшей возможности сказать родителямъ и опекунамъ серьезное слово о томъ, что̀ подрываетъ и губитъ несложившіяся силы ихъ дѣтей и питомцевъ.

III.

Извѣстно, что лучшіе изъ современныхъ медиковъ ненавидятъ медицину въ узкомъ смыслѣ этого слова; они чувствуютъ глубокое недовѣріе къ разнымъ декоктамъ, микстурамъ, пилюлямъ и всякимъ другимъ героическимъ средствамъ такъ-называемой латинской кухни; они полагаютъ, что леченіе во всякомъ случаѣ составляетъ зло, и что всѣ усилія благоразумнаго человѣка должны направляться не къ тому, чтобы чинить и конопатить свой организмъ, какъ утлую и дырявую ладью, а къ тому, чтобы устроить себѣ такой раціональный образъ жизни, при которомъ организмъ какъ можно рѣже приходилъ бы въ разстроенное положеніе и слѣдовательно какъ можно рѣже нуждался бы въ починкѣ. Гигіена или изученіе тѣхъ условій, которыя необходимы для сохраненія здоровья, пріобрѣтаетъ себѣ въ настоящее время преобладающее значеніе въ глазахъ каждаго мыслящаго и свѣдущаго человѣка. Совершенное игнорированіе гигіены съ каждымъ годомъ становится менѣе возможнымъ для всѣхъ разнообразнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства. Медики совершенно основательно присваиваютъ себѣ совѣщательный голосъ во всѣхъ вопросахъ, относящихся до народнаго продовольствія, до производства общественныхъ работъ, до устройства мастерскихъ, фабрикъ и разныхъ другихъ промышленныхъ заведеній. Само собой разумѣется, что и школа не можетъ увернуться изъ-подъ контроля медиковъ-гигіенистовъ; зародыши очень многихъ тяжелыхъ, мучительныхъ и отчасти даже неизлечимыхъ болѣзней прививаются къ организму во время дѣтства, отрочества и первой молодости; чтобы разъяснить себѣ причины этихъ болѣзней и чтобы открыть противъ нихъ раціональныя предохранительныя средства, медики очевидно должны были подвергнуть самому тщательному анализу всю жизнь ребенка, отъ самаго его рожденія до его окончательной эманципаціи изъ-подъ власти родителей, опекуновъ, воспитателей и учителей.

Мнѣнія гигіенистовъ на счетъ школьнаго обученія оказались въ высшей степени единодушными. Всѣ свѣдующіе медики безъ исключенія твердятъ въ одинъ голосъ, на пространствѣ всей цивилизованной Европы, что заботливые педагоги начинаютъ учить своихъ питомцевъ слишкомъ рано и учатъ ихъ слишкомъ много. Пока эти мысли медиковъ формируются въ общихъ выраженіяхъ, до тѣхъ поръ существуетъ еще нѣкоторая возможность пропускать ихъ мимо ушей и видѣть въ нихъ маловажныя проявленія излишней медицинской мнительности. Но что̀ вы станете говорить тогда, когда медикъ начнетъ выставлять вамъ статистическіе факты, и когда онъ перечислитъ вамъ по пальцамъ цѣлый рядъ специфическихъ болѣзней, развивающихся именно въ школѣ, именно вслѣдствіе неестественной

продолжительности классныхъ занятій? Что вы скажете, когда медикъ заговоритъ съ вами объ искривленіи позвоночнаго столба, о школьномъ зобѣ, о хронической головной боли, о періодическомъ кровотеченіи изъ носа, о разстройствѣ пищеваренія, о неизлечимомъ притупленіи всѣхъ умственныхъ способностей?—Чѣмъ отразите вы аргументы медика, когда онъ начнетъ объяснять вамъ процессъ происхожденія и развитія всѣхъ этихъ болѣзней такъ наглядно и осязательно, что вы, профанъ въ анатоміи и въ физіологіи, несмотря на все ваше невѣжество, вникнувъ и вдумавшись въ его объясненія, поймете вполнѣ роковую связь этихъ болѣзней съ тѣми условіями, въ которыя вы ставите вашихъ дѣтей и воспитанниковъ?

Угодно вамъ знать напримѣръ, почему продолжительность классныхъ занятій искривляетъ позвоночный хребетъ? Извольте. Докторъ Вильдбергеръ, спеціально изучившій эти искривленія, немедленно удовлетворитъ вашу любознательность. Когда человѣкъ сидитъ, тогда онъ не находится въ положеніи полнаго покоя; туловище его поддерживается въ равновѣсіи мускулами спины, а голова—мускулами затылка; напряженіе тѣхъ и другихъ мускуловъ довольно значительно, и черезъ нѣсколько времени даетъ себя знать ломотой въ спинѣ и въ шеѣ даже взрослому человѣку,которому приходится сидѣть на одномъ мѣстѣ втеченіи трехъ или четырехъ часовъ. Ребенокъ, у котораго кости тонки и мягки, а мускулы слабы, въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ,утомляется гораздо скорѣе взрослаго. Что же дѣлаетъ утомленный ребенокъ? Онъ или отваливается назадъ, или прислоняется грудью къ столу, или сгорбливается, или кладетъ локоть на столъ и подпираетъ голову рукой. Первый случай сравнительно безвреденъ, но онъ не всегда возможенъ, потому что многіе остроумные педагоги усердно заботятся о сидѣніи на вытяжку, нарочно устраиваютъ скамейки такъ, чтобы ученику не къ чему было прислониться. Такимъ образомъ педагоги, въ простотѣ души своей, насильно заставляютъ несчастнаго ребенка принять одну изъ тѣхъ позъ, которыя непремѣнно поведутъ за собой вредныя послѣдствія для его здоровья. Прислоняясь грудью къ столу, ребенокъ сдавитъ себѣ грудную клѣтку и разстроитъ себѣ органы дыханія, то-есть наживетъ себѣ грудную боль, одышку, кровохарканіе и можетъ-быть чахотку. Сгорбливаясь, ребенокъ пріобрѣтаетъ себѣ сутуловатость; это искривленіе позвоночнаго столба подѣйствуетъ на ребра и, приведя ихъ въ ненормальное положеніе, повредитъ всѣмъ органамъ, лежащимъ въ полости груди и живота. Такъ какъ правая рука почти у всѣхъ людей развита болѣе лѣвой, то, подпирая голову рукой, ребенокъ обыкновенно будетъ класть на столъ правый локоть и будетъ при этомъ выворачивать наружу весь правый бокъ. Вслѣдствіе этого получится со временемъ искривленіе позвоночнаго столба въ правую сторону. Вильдбергеръ замѣтилъ, что на *двадцать* случаевъ искривленія позвоночнаго столба въ правую сторону приходится только *одинъ* случай искривленія въ лѣвую сторону, и эти послѣдніе, исключительные случаи встрѣчаются у тѣхъ людей, которые называются *лѣвшами*. Значитъ, искривленіе находится въ тѣсной связи съ тѣми обычными позами, которыя обусловливаются преобладающимъ развитіемъ той или другой руки. Но само собой разумѣется, что ребенку не предстояло бы ни малѣйшей надобности принимать эти уродующія позы, еслибы усердные педагоги не измучивали его слишкомъ продолжительныхъ сидѣніемъ.

Теперь вы можетъ быть желаете узнать, что такое *школьный зобъ?*—Докторъ Гильйомъ объяснитъ вамъ, что это — застой крови въ щитовидной железѣ, находящейся въ нижней части шеи; этотъ застой крови происходитъ отъ продолжительнаго вертикальнаго положенія головы, сопровождаемаго утомленіемъ мускуловъ; эта болѣзнь поражаетъ именно тѣхъ учениковъ, которые радуютъ сердца педагоговъ безукоризненнымъ сидѣніемъ на вытяжку; такимъ образомъ ученикамъ представляется пріятная альтернатива: или искривленіе позвоночнаго столба, какъ наказаніе за противозаконныя позы, или школьный зобъ въ видѣ награды за примѣрное повиновеніе всѣмъ законамъ педагогическаго этикета. — Гильйомъ производилъ свои наблюденія въ Нефшателѣ, гдѣ масса народонаселенія вовсе не страдаетъ зобомъ; оказалось, что въ нефшательскомъ Collége municipal изъ 731 ученика 414 успѣли отростить себѣ очень замѣтные школьные зобы. — Вы скажете можетъ-быть, что въ Россіи ничего не слышно о школьномъ зобѣ; я отвѣчу вамъ, что вы совершенно правы; дѣйствительно ничего не слышно; но я осмѣлюсь предложить вамъ вопросъ: въ какомъ положеніи находится наша медицинская статистика? Существуетъ ли она? Кажется мнѣ, что объ ней слышно такъ-же мало, какъ и о школьномъ зобѣ. Кромѣ школьнаго зоба, продолжительное сидѣніе въ классѣ производитъ еще хроническія головныя боли, происходящія отъ приливовъ крови къ головѣ. Эти приливы крови ведутъ за собой частыя кровотеченія изъ носа, которыя доставляютъ паціенту минутное облегченіе, но которыя во всякомъ случаѣ разслабляютъ его организмъ, и разслабляютъ именно въ то время, когда онъ еще растетъ и слѣдовательно нуждается во всѣхъ своихъ силахъ. Наблюденія Гильйома надъ учениками Collége municipal дали ему слѣдующія цифры:

Всѣхъ учениковъ 731.

Искривленій позвоночнаго столба . .	218
Школьныхъ забовъ.	414

Хроническая головная боль	296
Періодическія кровотеченія	155
Итого болѣзненныхъ случаевъ	1083

Еслибы раздѣлить эти болѣзни поровну между всѣми учениками Collége municipal, то на каждаго пришлось бы почти полторы болѣзни. Результатъ недуренъ, особенно если принять въ соображеніе, что всѣ эти болѣзни привиты къ дѣтямъ именно господствующей педагогической системой, и, замѣтьте,—не злоупотребленіями, не нарушеніями принципа, не небрежностью воспитателей, а именно безукоризненнымъ усердіемъ, примѣрной добросовѣстностью и неусыпной бдительностью. Какъ вы думаете, что сказалъ-бы древній грекъ, еслибы вы привели его въ этотъ великолѣпный разсадникъ слѣпыхъ, хромыхъ, калѣкъ и чающихъ движенія воды?—Вообразивши себѣ изумленіе и негодованіе этого древняго грека, вы можете составить себѣ легкое понятіе о томъ, какъ глубоко наши педагоги вникаютъ въ духъ той классической древности, которою они начиняютъ головы своихъ изуродованныхъ питомцевъ.

Чтобы положить конецъ этому непростительному поруганію человѣческаго образа, чтобы предохранить образованнѣйшую часть человѣчества отъ неминуемаго вырожденія, докторъ Гейеръ считаетъ необходимымъ обуздать пламенное усердіе педагоговъ слѣдующей нормой учебныхъ занятій:

Для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ. До обѣда—2 часа занятій. Послѣ обѣда—ничего.

Для дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ. До обѣда — 3 часа. Послѣ обѣда—ничего.

Отъ 12 до 15 лѣтъ. До обѣда—3 часа. Послѣ обѣда—2 часа.

Отъ 15 до 18 лѣтъ. До обѣда—4 часа. Послѣ обѣда—отъ 3 до 4 часовъ.

Въ это росписаніе, способное привести въ неописанный ужасъ ревностныхъ педагоговъ, включены не только классныя занятія, но и тѣ часы, которые ученики должны употреблять на приготовленіе заданныхъ уроковъ. Такъ какъ приготовленіе уроковъ происходитъ всегда послѣ обѣда, то изъ росписанія Гейера видно, что онъ допускаетъ уроки, только начиная съ 12 лѣтъ, т.-е. только съ третьяго класса нашихъ гимназій. Раньше этого возраста всѣ учебныя занятія должны происходить исключительно въ классѣ подъ руководствомъ самого учителя. Другой спеціалистъ, докторъ Шреберъ, идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше Гейера. Онъ требуетъ, чтобы дѣти до десятилѣтняго возраста учились въ сутки не болѣе 2-хъ часовъ, а послѣ 10 лѣтъ — не болѣе 3-хъ часовъ. Кромѣ того онъ замѣчаетъ, что ни одно дитя, какого-бы возраста оно ни было, не должно сидѣть въ школѣ болѣе двухъ часовъ сряду. По истеченіи двухъ часовъ ученія долженъ непремѣнно и во всякомъ случаѣ слѣдовать антрактъ по крайней мѣрѣ въ полчаса. Кто желаетъ подробнѣе познакомиться съ идеями и наблюденіями Вильдбергера, Гильома, Гейера и Шребера, тому предлагаю прочитать въ 9, 10 и 11 нумерахъ «Учителя» статьи подъ заглавіемъ: «Гигіеническія условія воспитанія».

IV.

Пока вышеозначенные факты лежали тихо и мирно въ брошюрахъ нѣмецкихъ и французскихъ медиковъ, до тѣхъ поръ наши журнальные и газетные мудрецы имѣли полное право не знать о ихъ существованіи. Гдѣ-же въ самомъ дѣлѣ намъ добираться собственнымъ умомъ до спеціальныхъ изслѣдованій?—Когда эти факты переѣхали изъ французскихъ и нѣмецкихъ брошюръ въ столбцы «Учителя», тогда наши мудрецы все еще не утратили возможности игнорировать и отмалчиваться.—«Учитель»—не что иное, какъ скромный, спеціально-педагогическій журналъ, въ который по всей вѣроятности никогда не заглядываютъ журнальные и газетные исполины, постоянно витающіе въ эмпиреяхъ высшихъ политическихъ и полицейскихъ соображеній. Но теперь я перенесъ интересные факты на страницы «Русскаго Слова», и съ этой минуты всякое игнорированіе становится невозможнымъ и безсмысленнымъ. «Русское Слово» одарено такимъ значительнымъ количествомъ пишущихъ и печатающихъ враговъ; оно пользуется такой единодушной и пламенной ненавистью журнальныхъ и газетныхъ мудрецовъ; оно читается этими мудрецами такъ пристально и внимательно, что черезъ недѣлю послѣ выхода каждой новой книжки «Русскаго Слова» всѣ изложенныя въ ней мысли и даже всѣ отдѣльныя выраженія уже сочтены, измѣрены, взвѣшены, обнюханы, прочувствованы и приняты къ свѣдѣнію.

Принимая въ разсчетъ это обстоятельство, которое не можетъ подлежать сомнѣнію ни для кого изъ читателей русскихъ журналовъ и газетъ, я могу сказать въ настоящую минуту, что вопросъ о вредномъ вліяніи школы на здоровье подростающихъ поколѣній поставленъ на очередь, и что всѣ тѣ журнальные и газетные дѣятели, которые будутъ теперь попрежнему отвертываться и отмалчиваться отъ этого вопроса, обнаружатъ передъ лицомъ всей читающей публики свое позорное, вполнѣ сознательное и во всѣхъ отношеніяхъ непростительное равнодушіе къ самымъ важнымъ и существеннымъ интересамъ общества. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ мѣста ни для личнаго самолюбія, ни для вражды литературныхъ или какихъ-бы то ни было другихъ партій. Я-ли, другой-ли поддержалъ и воспроизвелъ мысль «Учителя», это рѣшительно все равно; если эта мысль въ настоящее время имѣетъ практическое значеніе, то ея всестороннимъ обсужденіемъ и повсемѣстнымъ распро-

страненіемъ обязаны, положительно *обязаны* заняться всѣ органы русской печати. О борьбѣ противоположныхъ общественныхъ тенденцій здѣсь также не можетъ быть рѣчи. Къ чему-бы вы ни предназначали людей нашихъ подростающихъ поколѣній, къ какой-бы дѣятельности вы ихъ ни готовили, какія-бы различныя понятія вы ни составляли себѣ о ихъ будущихъ человѣскихъ и гражданскихъ обязанностяхъ и интересахъ,—во всякомъ случаѣ вы всѣ, консерваторы и прогрессисты, радикалы и ретрограды, должны желать одинаково сильно, чтобы эти будущіе русскіе люди были здоровыми, свѣжими и сильными людьми. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ разногласіе, кажется, невозможно и немыслимо. Но было бы въ высшей степени смѣшно и нелѣпо надѣяться, что этотъ послѣдній пунктъ уже совершенно обезпеченъ въ настоящее время, или что онъ достанется намъ самъ собой, не требуя съ нашей стороны никакихъ трудовъ и усилій. Мы знаемъ, въ какомъ положеніи находится наша педагогическая практика; мы знаемъ, какъ рѣзко противорѣчитъ она самымъ элементарнымъ началамъ гигіенической науки; мы знаемъ, какіе плоды приносятъ за-границей совершенно такія же нарушенія гигіеническихъ предписаній; не трудно, кажется, умозаключить, что точно такіе-же плоды постоянно развиваются и ежеминутно созрѣваютъ и у насъ на родинѣ.

Скажите, пожалуйста, что̀ можете вы противопоставить этому неотразимому умозаключенію? Кажется, ровно ничего, кромѣ вашего непомѣрнаго невѣжества, вашей непробудной апатіи да извѣстной и остроумной поговорки: «что̀ русскому здорово, то нѣмцу смерть». Эта поговорка состоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ столь же остроумнымъ изреченіемъ на счетъ закидыванія нашихъ враговъ шапками, которыя однако оказались, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительнымъ оружіемъ въ сравненіи съ цилиндро-коническими пулями и штуцерами Минье. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первая поговорка каждый день играетъ съ нами по мелочамъ такую же скверную штуку, какую вторая поговорка сыграла съ нами гуртомъ во время крымской войны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на такіе факты, которые каждому извѣстны и бросаются въ глаза. Подумайте напримѣръ, много ли вы найдете въ высшихъ и среднихъ классахъ общества молодыхъ людей, которые уже къ двадцати пяти годамъ не страдали бы отъ геморроя. Это такое обыкновенное явленіе, что оно даже перестало считаться болѣзнью. У насъ и даже у нашихъ медиковъ составилось убѣжденіе, что геморой есть неизбѣжное слѣдствіе нашего климата. Легко можетъ быть, что климатъ сѣверной и средней Россіи дѣйствительно предрасполагаетъ человѣка къ гемороюю; но согласитесь сами, что разсуждать о непреодолимомъ дѣйствіи климата мы имѣли бы право только въ томъ случаѣ, когда бы мы съ своей стороны, всѣмъ образомъ нашей жизни, старались бы противодѣйствовать развитію этой болѣзни. А мы что̀ дѣлаемъ? Мы являемся самыми постоянными и добросовѣстными союзниками того вреднаго климата, на который мы ежеминутно жалуемся и очень часто клевещемъ. Мы воспитываемъ геморой всевозможными искусственными средствами; мы лелѣемъ его и въ нашихъ канцеляріяхъ, и дома за письменнымъ столомъ, и въ гостяхъ за пульками преферанса, и въ оперѣ, и въ балетѣ, и въ концертѣ, за высокими наслажденіями глазъ, ушей и души. Это все еще куда ни шло. Наши канцеляріи необходимы для процвѣтанія государства и для воплощенія идеи справедливости; наши письменные столы обогащаютъ міръ великими истинами. Пулька преферанса подаетъ поводъ къ геніальнымъ комбинаціямъ и порождаетъ въ духѣ партнеровъ трепетное волненіе; опера, балетъ и концертъ представляютъ собой «нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса». Кто способенъ предаваться такимъ возвышеннымъ помысламъ и ощущеніямъ, тому ни почемъ идти на встрѣчу гемороюю, ибо тотъ способенъ стоически презирать страданія бреннаго тѣла. Но наше усердіе въ воздѣлываніи геморроя этимъ не ограничивается. Мы самымъ систематическимъ образомъ вводимъ его въ наши школы; мы обрекаемъ на служеніе гемороюю десятилѣтнихъ мальчишекъ, которые, по своей совершенной незрѣлости, еще не способны заниматься ни воплощеніемъ идеи справедливости, ни геніальными комбинаціями преферанса, ни даже «нѣкоторой игрой облагороженнаго вкуса». Мы насильно тянемъ этихъ безотвѣтныхъ страдальцевъ туда, куда они совсѣмъ не хотятъ идти и куда имъ совсѣмъ не слѣдуетъ идти. Потомъ, продѣлавши великое множество систематическихъ глупостей надъ собою и надъ ними, мы вмѣстѣ съ ними начинаемъ жаловаться на климатъ. А когда знающіе люди говорятъ намъ, что значительная доля этого такъ называемаго климата составляетъ дѣло нашихъ собственныхъ неуклюжихъ рукъ и нашего собственнаго неразвитого ума, тогда мы отмалчиваемся отъ этихъ нелестныхъ рѣчей или отвѣчаемъ на нихъ съ самодовольной улыбкой, которая вѣроятно также обязана своимъ происхожденіемъ мѣстному климату, что все это — нѣмецкія теоріи, не имѣющія для нашей русской жизни никакого практическаго значенія.

Мы можемъ взять еще другой примѣръ: поговорите съ любымъ психіатромъ, и вы услышите отъ него, что количество людей, лишающихся разсудка, съ каждымъ годомъ быстро увеличивается, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ существуютъ по этому предмету какія-нибудь статистическія наблюденія. Это увеличеніе оказывается, по своей

быстротѣ, совершенно несоразмѣрнымъ съ ежегодной прибылью народонаселенія. Возрастающая цифра ежегодныхъ самоубійствъ наводитъ насъ также на довольно поучительныя размышленія о крайней неудовлетворительности общественнаго здоровья. Многіе медики сильно сомнѣваются въ томъ, чтобы вполнѣ здоровый человѣкъ могъ побѣдить въ себѣ чувство самосохраненія. Конечно было бы въ высшей степени несправедливо и нелѣпо сваливать на школу всю вину этихъ печальныхъ проявленій физической дряблости. Самая значительная доля отвѣтственности падаетъ, разумѣется, на жизнь, которая идетъ за предѣлами школы. Собственно говоря, даже вся отвѣтственность должна обрушиться на эту жизнь, потому что школа составляетъ ея пассивный продуктъ; школа не имѣетъ безъ нея никакого самостоятельнаго значенія, и школа во всякую данную минуту можетъ быть совершенно обновлена и переформирована во всѣхъ своихъ частяхъ благотворнымъ вліяніемъ развивающейся жизни. Но какъ пассивный продуктъ, созданный и скрѣпленный дѣйствіемъ извѣстныхъ житейскихъ обстоятельствъ, школа все-таки изъ году въ годъ вноситъ свою вовсе не ничтожную лепту въ общую сокровищницу физическаго и умственнаго разслабленія: кости, мускулы и нервы, высота роста и физическая сила, красота и живучесть, смѣлость и веселость, умъ и характеръ—все это съеживается, вянетъ, линяетъ и искажается отъ мертвящаго, притупляющаго, обезцвѣчивающаго и обезсиливающаго прикосновенія теперешней школы.

И что̀ же даетъ намъ школа взамѣнъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ утратъ? — Обширныя знанія? Широкое умственное развитіе?—Да гдѣ-жъ она, наша широкая и смѣлая умственная дѣятельность? Покажите ее? Вѣдь это не такая незамѣтная вещица, которую надо искать днемъ съ огнемъ, если она дѣйствительно существуетъ въ данномъ обществѣ. И развѣ жъ могутъ обширныя и дѣйствительно плодотворныя знанія уложиться въ такомъ мозгу, котораго естественное и здоровое развитіе нарушено вмѣшательствомъ понукательной педагогики? Развѣ способна къ широкой и упорной умственной дѣятельности такая голова, которая сидитъ на изнеможенномъ туловищѣ и ежеминутно страдаетъ то приливами, то отливами крови?

Наша школа не можетъ похвалиться громкими именами тѣхъ дѣятелей, которыхъ она до сихъ поръ подарила нашему обществу; но еслибы даже наша школа могла доказать, что изъ каждой сотни ея бывшихъ учениковъ формировалось по десяти Ньютоновъ, то весь этотъ рядъ блестящихъ именъ не могъ бы убѣдить безпристрастнаго наблюдателя въ томъ, что наше общественное воспитаніе устроено раціонально. Геній людей, подобныхъ Ньютону, родится вмѣстѣ съ этими людьми: онъ, разумѣется, зависитъ не отъ школы, а отъ счастливаго стеченія благопріятныхъ условій эмбріологическаго развитія и самаго первоначальнаго, чисто физическаго воспитанія. Но для того, чтобы Ньютонъ дѣйствительно сдѣлался Ньютономъ, то-есть для того, чтобы онъ совершилъ въ области мысли всѣ тѣ великіе подвиги, до которыхъ могъ возвыситься его геній, для этого ему необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи значительную массу времени, то есть, необходимо было прожить очень долго. Геніальность безъ долговѣчности возбуждаетъ много блестящихъ надеждъ и вслѣдъ затѣмъ еще больше страстныхъ сожалѣній; но она даетъ людямъ мало существенной пользы. Такіе геніи, которые, подобно Паскалю и Биша, умираютъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, не могутъ сдѣлаться великими преобразователями ни въ области знанія, ни въ области общественной жизни. Если же мы зададимъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ дѣйствуетъ школа на долговѣчность своихъ питомцевъ? — то, разумѣется, отвѣтъ получится самый неутѣшительный. Ослабляя здоровье воспитанниковъ, школа конечно сокращаетъ ихъ жизнь, то-есть, во-первыхъ, приближаетъ минуту ихъ смерти, а во-вторыхъ, заставляя ихъ тратить много времени на леченіе различныхъ благопріобрѣтенныхъ немощей, значительно уменьшаетъ то число дней и часовъ, которое можетъ быть употреблено на полезный трудъ или на здоровое наслажденіе жизнью.

Медицинская статистика до сихъ поръ собрала еще немного матеріаловъ, относящихся къ учебнымъ заведеніямъ; но, несмотря на то, въ подкрѣпленіе моихъ словъ, я могу привести изъ книги Мишеля Леви «Traité d'hygiène publique et privée» слѣдующія цифры, заимствованныя этимъ извѣстнымъ гигіенистомъ изъ архивовъ политехнической школы. Втеченіи 1850, 1851 и 1852 годовъ въ политехнической школѣ перебывало 586 воспитанниковъ. —Изъ этого общаго числа лечилось въ лазаретѣ 425 человѣкъ, то-есть почти $72^1/_2$ процента.—А нездоровыми чувствовали себя впродолженіи этихъ трехъ лѣтъ, не имѣя надобности лечиться въ лазаретѣ, 650 человѣкъ, то-есть—111 процентовъ; или, другими словами, всѣ 586 воспитанниковъ прихворнули слегка по одному разу, а человѣкъ 60 изъ нихъ—даже по два раза. Умершихъ втеченіи этихъ трехъ лѣтъ оказалось трое. «Такъ какъ гигіеническія условія соблюдены въ политехнической школѣ превосходно, прибавляетъ Леви, то эти результаты выражаютъ собой только: во-первыхъ,—вліяніе индивидуальныхъ особенностей тѣлосложенія у молодыхъ людей, слабыхъ отъ природы или разстроившихъ свои силы предварительными работами; и во-вторыхъ, — вліяніе школьныхъ занятій.» («Traité d'hygiène». Tome II.,

р. 874.) Если школьныя занятія дѣйствуютъ такъ сильно даже на взрослыхъ студентовъ политехнической школы, то не трудно понять, что эти занятія должны дѣйствовать еще гораздо разрушительнѣе на дѣтей, которымъ воздухъ и движеніе необходимы для здоровья и для полнаго развитія физическихъ силъ.

V.

Съ одной стороны, гигіена запрещаетъ школѣ обременять дѣтей непосильными учебными занятіями; съ другой стороны, общество совершенно справедливо требуетъ отъ школы, чтобы она выпускала въ жизнь не олуховъ, а образованныхъ и развитыхъ людей, способныхъ и желающихъ сдѣлаться полезными работниками. Школа, разумѣется, обязана мирить требованія общества съ предписаніями гигіены; это—задача очень трудная; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать эту задачу неисполнимой. До сихъ поръ школа думала только о томъ, чтобы угодить обществу, и вслѣдствіе этого общество было постоянно недовольно школой, которая, увлекаясь порывами своего усердія, постоянно выпускала въ жизнь вялыхъ и дряблыхъ людей, лишенныхъ всякой энергіи и проникнутыхъ глубокимъ отвращеніемъ къ полезному труду. Видя безуспѣшность ея усилій, общество дѣлало школѣ строжайшій выговоръ; озадаченная этимъ выговоромъ, школа удвоивала свои губительныя старанія, и, разумѣется, результатъ оказывался вдвое хуже прежняго по той простой причинѣ, что гигіеническая сторона воспитательнаго дѣла тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе оттѣснялась на задній планъ, чѣмъ напряженнѣе становились добросовѣстныя усилія заблуждающихся педагоговъ. Этотъ рядъ неудачъ, возраставшихъ вмѣстѣ съ усиліями, доказалъ наконецъ тѣмъ людямъ, которые способны чему-нибудь научиться изъ опыта, что задача воспитанія не допускаетъ одностороннихъ рѣшеній, и что ученикъ, въ которомъ школа старается развить умственныя способности въ ущербъ физическому здоровью, оказывается обыкновенно не только болѣзненнымъ человѣкомъ, но еще кромѣ того очень плохимъ мыслителемъ.

Въ теоріи между современными педагогами не существуетъ уже разногласія насчетъ того пункта, что гигіеническая точка зрѣнія имѣетъ преобладающую важность въ дѣлѣ воспитанія. Но когда дѣло доходитъ до примѣненія теоретическихъ началъ къ жизни, тогда начинаются ежеминутныя отступленія отъ гигіеническихъ правилъ,—отступленія, которыя или извиняются существующими потребностями общества, данными обстоятельствами мѣста и времени, или даже ничѣмъ не извиняются, потому что гигіеническая точка зрѣнія обыкновенно забывается тотчасъ послѣ того, какъ ея существенная необходимость оказалась прилично оговоренной въ теоретическомъ вступленіи.

Эти нерѣшительныя отношенія педагогики къ гигіенѣ и вообще практической рутины къ разумной теоріи кладутъ свою печать на все устройство современной школы. Слѣды этихъ нерѣшительныхъ отношеній можно найти въ новомъ уставѣ гимназій и прогимназій. Такъ напримѣръ, обязанности гимназическаго врача опредѣляются слѣдующимъ образомъ въ § 36 этого устава. «Обязанности врача, кромѣ пользованія воспитанниковъ и постоянной заботливости объ ихъ здоровьѣ, заключаются въ наблюденіи: а) чтобы въ гимназію и прогимназію не поступали воспитанники, имѣющіе тѣлесные недостатки или болѣзни, препятствующіе вступленію въ общественное заведеніе; б) чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможности гигіеническія условія, и в) чтобы упражненія воспитанниковъ въ гимнастикѣ соображались съ требованіями правильнаго развитія и укрѣпленія физическихъ силъ юношества. Врачъ обязанъ замѣчанія свои по симъ предметамъ представлять начальству учебнаго заведенія и предъявлять оныя педагогическому совѣту для обсужденія и внесенія въ протоколъ его засѣданій.»

Этотъ параграфъ имѣетъ очевидно чисто-теоретическое значеніе, подобно всѣмъ остальнымъ статьямъ закона, опредѣляющимъ обязанности различныхъ должностныхъ лицъ. Чтобы оцѣнить практическую силу подобныхъ статей, надо посмотрѣть, насколько и какимъ образомъ онѣ приводятся въ исполненіе. Хорошо или дурно гимназическіе врачи будутъ исполнять свои обязанности—этого, разумѣется, никто не можетъ знать заранѣе; это такой вопросъ, котораго рѣшеніе всегда будетъ зависѣть въ очень значительной степени отъ личныхъ особенностей того или другого врача; но, совершенно оставляя въ сторонѣ личныя особенности будущихъ исполнителей, мы на основаніи текста самаго устава можемъ высказать то предположеніе, что § 36 врядъ-ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь будетъ исполняться совершенно удовлетворительно. Мы заглядываемъ въ штаты гимназій и прогимназій и находимъ тамъ, что врачу полагается 300 рублей годового содержанія. Эта цифра доказываетъ очевидно, что законъ обязываетъ гимназическаго врача заниматься посторонней практикой и изъ этой практики извлекать себѣ самую значительную часть своего годового дохода. Можно сказать навѣрное, что порядочной медикъ, живущій въ столицѣ или въ губернскомъ городѣ, захочетъ получать въ годъ по меньшей мѣрѣ — 1500 рублей. Слѣдовательно, къ 300 рублямъ, получаемымъ изъ гимназіи, ему придется еще присоединить 1200 рублей изъ различныхъ постороннихъ источни-

ковъ; а чтобы заработать эти 1200 рублей практикой, ему надо будетъ втеченіи года сдѣлать не менѣе 400 визитовъ. Кромѣ того порядочный медикъ долженъ непремѣнно употреблять очень много времени на серьезное чтеніе для того, чтобы постоянно слѣдить за быстрыми успѣхами различныхъ медицинскихъ наукъ. При такихъ условіяхъ гимназическій врачъ, имѣющій на рукахъ значительную городскую практику, будетъ, разумѣется, заглядывать въ гимназію въ видѣ любезнаго гостя, и *постоянная заботливость* о здоровьѣ воспитанниковъ, которую вмѣняетъ ему въ обязанность буква устава, будетъ существовать только на бумагѣ. При такихъ условіяхъ врачъ конечно не сдѣлается регуляторомъ всей внутренней жизни учебнаго заведенія; врачъ останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ: онъ будетъ щупать пульсы, осматривать бѣлые языки и прописывать микстуры и промывательныя; собственно гигіеническое его значеніе едва-ли можетъ сдѣлаться полнымъ; намекъ на это послѣднее обстоятельство мы видимъ даже въ томъ самомъ 36-мъ параграфѣ, который опредѣляетъ обязанности врача. Мы читаемъ въ этомъ параграфѣ: «б) чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможности гигіеническія условія».

Слова *по возможности* составляютъ чрезвычайно сильное и выразительное ограниченіе. Законъ не знаетъ и не допускаетъ такихъ ограниченій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ необходимымъ то или другое распоряженіе. Законъ не говоритъ напримѣръ, что виновные въ такомъ-то проступкѣ сажаются *по возможности* подъ арестъ; онъ просто приказываетъ сажать ихъ подъ арестъ непремѣнный, потому что тутъ не можетъ быть и не предполагается никакихъ невозможностей; значитъ, если въ дѣлѣ гигіеническихъ соображеній употреблена оговорка «*по возможности*», то ее слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что гигіеническая точка зрѣнія считается умѣстной только тогда, когда она не противорѣчитъ педагогическимъ или хозяйственнымъ, или вообще какимъ-нибудь другимъ, высшимъ и болѣе важнымъ разсчетамъ. Эта ограничительная оговорка даетъ директору гимназіи вѣрнѣйшее средство довести врача до молчанія всякій разъ, какъ только замѣчанія врача покажутся ему почему нибудь непріятными или неумѣстными. Врачъ говоритъ директору: «въ такомъ-то дортуарѣ не соблюдены гигіеническія условія».—«Милостивый государь,—отвѣчаетъ ему директоръ, они соблюдены *по возможности*. Стало-быть, по закону мы съ вами оба правы: вы правы потому, что замѣтили существующій недостатокъ, а я—потому, что соблюдаю гигіеническія условія.... не вполнѣ, но *по возможности*.» Въ *распредѣленіе времени занятій воспитанниковъ* врачъ по всей вѣроятности совсѣмъ не будетъ вмѣшиваться. Если этотъ врачъ одаренъ кротостью нрава и придерживается похвальнаго правила: отъ дѣла не бѣгай, а дѣла не дѣлай, то онъ будетъ ограничиваться смотрѣніемъ бѣлыхъ языковъ во избѣжаніе всякихъ непріятныхъ столкновеній съ педагогическими властями. Если-же онъ дѣйствительно знаетъ и любитъ свое дѣло, то онъ также не будетъ ни во что вмѣшиваться, потому что увидитъ тотчасъ свое совершенное безсиліе. Онъ увидитъ, что уроковъ слишкомъ много, что число ихъ неприкосновенно не только для него, но даже и для директора, и что слѣдовательно какъ ихъ ни распредѣляй, а все-таки будетъ черезчуръ много, и правила гигіены все-таки окажутся нарушенными. Размысливъ такимъ образомъ, несчастный врачъ вздохнетъ, пожметъ плечами и поневолѣ примется каждый день чинить аптечными снадобьями молодые организмы, которые каждый день будутъ скрипѣть и расклеиваться.

Вліяніе врача на гимнастическія упражненія воспитанниковъ конечно могло бы принести очень много пользы, еслибы врачъ былъ въ состояніи изучить внимательно индивидуальную организацію каждаго отдѣльнаго воспитанника, и еслибы онъ имѣлъ возможность присутствовать каждый день при гимнастическихъ упражненіяхъ. Тогда врачъ назначилъ бы каждому воспитаннику такой комплектъ гимнастическихъ движеній, который совершенно соотвѣтствовалъ-бы его тѣлосложенію и въ должныхъ размѣрахъ упражнялъ и развивалъ бы его силы по всѣмъ направленіямъ. Тогда врачъ могъ бы подмѣтить въ самомъ зародышѣ всякую ненормальность тѣлосложенія и могъ бы совершенно успѣшно противодѣйствовать развитію этой ненормальности цѣлесообразнымъ устройствомъ гимнастическихъ упражненій. Но такъ какъ врачу очевидно некогда будетъ заниматься спеціальнымъ изученіемъ гимназистовъ, то, разумѣется, его вліяніе на гимнастику ограничится тѣмъ, что онъ посовѣтуетъ въ общихъ выраженіяхъ учителю этого предмета избѣгать такихъ движеній, при которыхъ воспитанники могутъ переломать себѣ руки и ноги или свихнуть себѣ шею. Кромѣ того гимнастика не можетъ имѣть серьезнаго вліянія на здоровье воспитанниковъ уже и потому, что она не обязательна. Къ § 40 присоединено въ уставѣ слѣдующее примѣчаніе: «къ числу учебныхъ предметовъ принадлежатъ также пѣніе и гимнастика для желающихъ». Гимнастика поставлена такимъ образомъ на одну доску съ пѣніемъ, которое предполагаетъ въ учащемся присутствіе особеннаго таланта, которое не можетъ имѣть никакого серьезнаго гигіеническаго значенія и которое слѣдовательно никакъ не можетъ считаться необходимымъ для всѣхъ. Приведенное мною примѣчаніе позволяетъ уклоняться отъ гимнастики всѣмъ тѣмъ вос-

питанникамъ, которые, обладая флегматическимъ тѣлосложеніемъ, чувствуютъ расположеніе къ сидячей жизни и непремѣнно превратятся къ 25-ти-лѣтнему возрасту въ Обломовыхъ, если только раціональное физическое воспитаніе не будетъ сильно и постоянно противодѣйствовать развитію ихъ квіетистическихъ наклонностей. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ теоріи новый уставъ выражаетъ очень строгія гигіеническія требованія, но что въ практическихъ подробностяхъ того же устава гигіена попрежнему занимаетъ очень скромное мѣсто. Къ тому же самому заключенію приводитъ насъ исторія новаго устава, изложенная довольно подробно въ прошлогодней декабрьской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія».

Уставъ вырабатывался спеціалистами педагогическаго дѣла впродолженіи *восьми* лѣтъ; онъ прошелъ черезъ *четыре* редакціи; каждая изъ этихъ редакцій печаталась и подвергалась самому разностороннему обсужденію, какъ въ педагогическихъ совѣтахъ, такъ и въ періодической литературѣ; вторая редакція была переведена на англійскій, французскій и нѣмецкій языки и отправлена заграницу на разсмотрѣніе извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ и ученымъ. Всѣ замѣчанія, полученныя министерствомъ какъ отъ нашихъ, такъ и отъ заграничныхъ педагоговъ, были собраны и изданы въ нѣсколькихъ объемистыхъ сборникахъ. Одинъ изъ этихъ сборниковъ былъ разосланъ «въ учебныя заведенія и къ разнымъ лицамъ» въ числѣ 2,200 экземпляровъ; другой—въ числѣ 658 экземпляровъ; третій — въ числѣ 1,912 экземпляровъ; четвертый — въ числѣ 1,943 экземпляровъ. Министерство очевидно не жалѣло ни времени, ни денегъ, ни трудовъ на то, чтобы довести проектъ устава до возможной степени зрѣлости и всесторонняго совершенства. Мы не можемъ отказать гг. составителямъ устава въ глубокомъ уваженіи къ добросовѣстности и неутомимости ихъ усилій; но мы не можемъ также не отмѣтить того факта, который бросается въ глаза безпристрастному наблюдателю: въ составленіи новаго устава не участвовала и не имѣла даже совѣщательнаго голоса наука о физической природѣ и о нормальныхъ потребностяхъ человѣческаго организма. Составителями и судьями министерскихъ проектовъ были преимущественно и почти исключительно педагоги, то-есть такіе дѣятели, которые, превосходно умѣя водворять и поддерживать въ учебныхъ заведеніяхъ благонравіе и прилежаніе учащихся, въ то же время обладаютъ очень недостаточными свѣдѣніями касательно тѣхъ условій, при которыхъ сохраняется и укрѣпляется человѣческое здоровье. Проекты не посылались на разсмотрѣніе физіологамъ, медикамъ и гигіенистамъ, и отсутствіе ихъ вліянія даетъ себя чувствовать во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ новаго устава. «У насъ-же,— говоритъ «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія»—физическое развитіе учащихся до сихъ поръ было въ полномъ пренебреженіи.» (1864, декабрь, стр. 44.) Съ этой мыслью я совершенно согласенъ; но я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ новый уставъ можетъ произвести въ этомъ отношеніи какую-нибудь существенную перемѣну?

VI.

Въ реальныхъ гимназіяхъ новый уставъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ число еженедѣльныхъ уроковъ:

Предметы.	Классы. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего недѣльныхъ уроковъ по часу съ ¼ на каждый.
Законъ Божій . . .	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ съ церковнославянскимъ и словесность	4	4	4	4	3	3	3	25
Французскій языкъ	3	3	3	4	3	3	3	22
Нѣмецкій языкъ . .	3	3	3	3	4	4	4	24
Математика . . .	3	4	4	4	4	3	3	25
Исторія	—	—	2	3	3	3	3	14
Географія	2	2	2	2	—	—	—	8
Естественная исторія и химія . .	3	3	3	3	3	4	4	23
Физика и космографія	—	—	—	—	3	3	3	9
Чистописаніе, рисованіе и черченіе	4	4	4	2	2	2	2	20
Итого . .	24	25	27	27	27	27	27	184

Замѣчаніе «Учителя» на счетъ того, что педагоги, составляя расписанія учебныхъ занятій, руководствуются началомъ симметріи,— очевидно совершенно непримѣнимо къ приведенной мною таблицѣ новаго устава. Симметрія нарушена въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, число уроковъ въ различныхъ классахъ не одинаково, а во-вторыхъ, во всѣхъ классахъ, кромѣ перваго, положено въ недѣлю такое число уроковъ, которое не дѣлится на цифру дней, то-есть на шесть. Вслѣдствіе этого у воспитанниковъ второго класса на пять дней въ недѣлѣ приходится по четыре урока, а на шестой день—пять уроковъ; у остальныхъ же пяти классовъ, начиная съ третьяго, приходится на три дня по четыре урока и на три дня по пяти. Но, отступая такимъ образомъ отъ безплодной симметріи прежнихъ расписаній, новый уставъ нисколько не приближается къ требованіямъ гигіены. — Въ первомъ классѣ десятилѣтніе мальчики должны будутъ учиться по пяти часовъ въ день, не считая того времени, которое имъ придется употреблять на выучиваніе заданныхъ уроковъ и на разныя письменныя работы.—Во второмъ классѣ одиннадцатилѣтніе мальчики должны будутъ одинъ

разъ въ недѣлю просиживать за ученіемъ шесть часовъ съ четвертью. Начиная съ третьяго класса, то-есть для двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, эти сеансы въ шесть часовъ съ четвертью будутъ повторятся уже по три раза въ недѣлю. Посмотримъ, насколько расходятся между собой, съ одной стороны, предписанія новаго устава, а съ другой стороны,—гигіеническія требованія доктора Гейера.

По уставу, ученики I класса будутъ учиться въ недѣлю 30 часовъ.

По Гейеру, они должны учиться 3 часа въ день, то-есть въ недѣлю 18 часовъ. Разница 12 часовъ.

По уставу, ученики II класса будутъ учиться въ недѣлю $31^1/_4$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $13^1/_4$ часа.

По уставу, ученики III класса будутъ учиться въ недѣлю $33^3/_4$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15^3/_4$ часа.

По уставу, ученики IV класса будутъ учиться въ недѣлю $33^3/_4$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15^3/_4$ часа.

По уставу, ученики V класса будутъ учиться въ недѣлю $33^3/_4$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15^3/_4$ часа.

По уставу, ученики VI класса будутъ учиться въ недѣлю $33^3/_4$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 24 часа Разница $9^3/_4$ часа.

По уставу, ученики VII класса будутъ учиться въ недѣлю $33^3/_4$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 24 часа. Разница $9^3/_4$ часа.

Складываю всѣ разницы и получаю:

$$12+13^1/_4+15^3/_4+15^3/_4+15^3/_4+9^3/_4+9^3/_4=92.$$

То-есть уставъ и Гейеръ расходятся между собой на 92 часа. Уставъ требуетъ для осуществленія своей программы по 230 часовъ въ недѣлю, а Гейеръ отпускаетъ на классныя занятія только 138 часовъ въ недѣлю. Читателю можетъ показаться страннымъ, что цифра 18 повторяется у Гейера, начиная отъ I класса и кончая V-ымъ, и что такимъ образомъ десятилѣтнія дѣти уравниваются съ пятнадцатилѣтними отроками. Я напомню читателю, что это уравниваніе относится только къ класснымъ занятіямъ, то-есть къ ученію до обѣда. Для десятилѣтнихъ и одиннадцатилѣтнихъ дѣтей Гейеръ не допускаетъ никакихъ занятій внѣ класса; а начиная съ двѣнадцати лѣтъ, онъ отводитъ имъ послѣ обѣда по два часа на приготовленіе заданныхъ уроковъ. Это обстоятельство составляетъ замѣтную раздѣлительную черту между учениками первыхъ двухъ классовъ и трехъ слѣдующихъ.

Такъ какъ я разбираю разницу между уставомъ и Гейеромъ, а не между нашей педагогической практикой и Гейеромъ, то я допустилъ для первыхъ двухъ классовъ то предположеніе, что преподаватели не задаютъ никакихъ уроковъ. Еслибы не было этого предположенія, то, разумѣется, разница вышла-бы еще гораздо значительнѣе. Однако и теперь, какъ-же намъ управиться съ разницей въ 92 часа? Есть-ли возможность соблюсти требованія гигіены и въ то-же время выпустить изъ гимназіи дѣльныхъ и развитыхъ молодыхъ людей? Я полагаю, что возможность есть; но, разумѣется, нечего и думать о томъ, чтобы въ 138 часовъ сдѣлать точь-въ-точь ту работу, на которую положено по уставу 230 часовъ. Если держаться той основной программы, которую дастъ уставъ, тогда конечно надо будето плевать на Гейера и на всю его гигіену; до сихъ поръ мы такъ и дѣлали, и нельзя сказать, чтобы такой смѣлый образъ дѣйствій доставлялъ намъ, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, особенно большія выгоды и удобства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что основная программа должна быть измѣнена не во имя чьихъ-нибудь вѣчныхъ предубѣжденій въ пользу классицизма или реализма, а просто во имя нашей общей и единодушной заботливости о здоровьѣ учащихся поколѣній.

Измѣнить основную программу можно двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, можно оставить неприкосновенными всѣ учебные предметы, но проходить каждый изъ нихъ въ сокращенномъ объемѣ. Во-вторыхъ, можно совершенно выкинуть нѣсколько учебныхъ предметовъ. Второй методъ, по моему мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ лучше перваго. Гимназическій курсъ и безъ того уже даетъ намъ только жалкіе остовы многихъ разнородныхъ предметовъ. Мы дотрогиваемся въ гимназіи слегка до всего и не изучаемъ основательно ровно ничего. Новый уставъ направленъ именно противъ этого недостатка нашего гимназическаго образованія; но мнѣ кажется, что онъ съ бо̀льшей пользой для дѣла могъ-бы пойти въ этомъ направленіи гораздо дальше. Система сокращенія и упрощенія курсовъ никуда не годится. Если мы изъ краткихъ гимназическихъ учебниковъ составимъ учебники еще болѣе краткіе, то, разумѣется, въ этихъ жалкихъ экстрактахъ не останется рѣшительно никакой образовательной силы. Надо, напротивъ того, сосредоточить вниманіе учениковъ на самомъ незначительномъ числѣ предметовъ настолько глубокимъ и основательнымъ, насколько это возможно безъ нарушенія гигіеническихъ условій. Какъ это сдѣлать? спрашиваетъ любопытный и недовѣрчивый читатель. Въ отвѣтъ

на этотъ вопросъ я представляю слѣдующую таблицу еженедѣльныхъ уроковъ.

Предметы.	Классы. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего недѣльныхъ уроковъ по часу на каждый.
Законъ Божій . . .	2	2	2	2	2	2	2	14
Математика	6	6	6	6	6	6	6	42
Русскій языкъ . . .	4	4	4	4	4	6	6	32
Французскій языкъ	2	2	2	3	2	2	2	15
Нѣмецкій языкъ . .	2	2	2	3	2	2	2	15
Чистописаніе . . .	2	2	2	—	—	—	—	6
Физика и космографія	—	—	—	—	2	6	6	14
Итого . . .	18	18	18	18	18	24	24	138

Эта таблица требуетъ конечно очень многихъ комментаріевъ. —Преподаваніе Закона Божія, какъ предмета совершенно неприкосновеннаго, оставлено въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ оно опредѣлено уставомъ. Преподаваніе математики усилено на 17 уроковъ, преподаваніе русскаго языка—на 7 уроковъ и преподаваніе физики и космографіи—на 5 уроковъ. Зато французскій и нѣмецкій языки ослаблены, первый—на 7, а второй—на 9 уроковъ. Чистописаніе, которое по уставу соединяется съ рисованіемъ и черченіемъ, сведено съ 20 уроковъ на 6, причемъ, разумѣется, рисованіе и черченіе откинуты прочь. Наконецъ,—о ужасъ, о позоръ!—четыре предмета подвергнуты полному изгнанію. И какіе-же предметы, Боже мой, какіе очаровательные предметы?! Отправлены въ изгнаніе исторія, географія, химія и естественная исторія.

Такъ какъ мои мысли подвергаются очень часто различнымъ печатнымъ перетолкованіямъ и искаженіямъ, то я тотчасъ спѣшу оговориться, что, исключая исторію, географію, химію и естественную исторію изъ гимназическаго курса, я вовсе не думаю подвергать сомнѣнію необходимость этихъ предметовъ въ кругу знаній каждаго образованнаго человѣка. Я только твердо увѣренъ въ томъ, что ни гимназія, ни университетъ, ни какое-либо другое учебное заведеніе не могутъ и никогда не будутъ въ состояніи выпускать въ свѣтъ совершенно образованныхъ людей, то-есть такихъ людей, которымъ больше незачѣмъ было-бы трудиться надъ собственнымъ развитіемъ и пріобрѣтать новыя знанія собственными усиліями. Полное банкротство всѣхъ существующихъ системъ общественнаго воспитанія объясняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что изобрѣтатели и распространители этихъ системъ желали и надѣялись рѣшить посредствомъ упорной, продолжительной и сознательной работы каждой отдѣльной уже созрѣвшей и возмужалой личности надъ своимъ собственнымъ образованіемъ. Когда школа хочетъ замѣнить человѣку самообразованіе, тогда она берется совсѣмъ не за свое дѣло и, стараясь сдѣлать для учащагося юношества черезчуръ много, не дѣлаетъ даже и того, что составляетъ ея прямую и естественную обязанность.

Самообразованіе составляетъ необходимую и въ высшей степени законную фазу здороваго человѣческаго развитія. Школа должна стремиться не къ тому, чтобы избавить человѣка отъ трудовъ самообразованія, а къ тому, чтобы сдѣлать эти труды возможными и плодотворными. Школа должна, во-первыхъ, разбудить въ человѣкѣ любознательность, и во-вторыхъ, развернуть и укрѣпить силы его ума настолько, чтобы человѣкъ, выходя изъ школы въ жизнь, могъ безъ постороннихъ руководителей искать и находить разумное удовлетвореніе для своей пробудившейся любознательности. Если школа имѣетъ какое-нибудь спеціально-практическое значеніе, то, разумѣется, она должна кромѣ того научить своихъ воспитанниковъ тому ремеслу, ради котораго она сама существуетъ.

Науки, преподающіяся въ каждой школѣ, можно такимъ образомъ раздѣлить на два разряда: 1) науки образовательныя и 2) науки прикладныя. Тѣ предметы, которые не входятъ ни въ тотъ, ни въ другой разрядъ, можно смѣло считать совершенно безполезными.—Что ни химія, ни географія, ни естественная исторія, ни всеобщая исторія не могутъ сдѣлаться для гимназистовъ прикладными науками, въ этомъ, надѣюсь, не можетъ быть никакого сомнѣнія. На химіи основаны конечно очень многія, въ высшей степени важныя отрасли заводской промышленности; но для того, чтобы приступить къ которой-нибудь изъ этихъ отраслей, надо, разумѣется, знать химію вдесятеро подробнѣе и основательнѣе, чѣмъ будутъ знать ее воспитанники реальныхъ гимназій.

Посмотримъ теперь, можно-ли приписать этимъ наукамъ образовательное значеніе при тѣхъ условіяхъ, которыми неизбѣжно будетъ обставлено ихъ преподаваніе въ гимназіяхъ. На химію вмѣстѣ съ естественной исторіей положено по уставу 23 урока. Подъ именемъ естественной исторіи здѣсь подразумѣвается цѣлая обширная группа наукъ; сюда входятъ минералогія, ботаника, зоологія, анатомія и физіологія; быть можетъ сюда придется еще присоединить геологію и палеонтологію; такимъ образомъ гимназистамъ предстоитъ обнять, посредствомъ 23 недѣльныхъ уроковъ, шесть, а можетъ-быть и восемь громадныхъ и сложныхъ наукъ. На каждую науку приходится въ первомъ случаѣ немного меньше *четырехъ*, а во второмъ—немного меньше *трехъ* еженедѣльныхъ уроковъ. Всѣ-же шесть или восемь наукъ, въ своей совокупности, считаются немного труднѣе французскаго и немного легче нѣмецкаго языка; это послѣднее заключеніе вытекаетъ изъ того обстоятельства, что уставъ опредѣляетъ на изученіе французскаго 22 урока, на изученіе

шести или восьми естественныхъ наукъ—23, а на изученіе нѣмецкаго—24 урока.

Эта изумительная быстрота и легкость изученія составляетъ первый изъ тѣхъ подводныхъ камней, на которыхъ разобьется предполагаемое образовательное значеніе естественной исторіи и химіи. Второй подводный камень можно усмотрѣть въ томъ, что преподаваніе естественной исторіи начинается съ перваго класса. Скажите, пожалуйста, какого рода естественную исторію можно преподавать десятилѣтнимъ ребятамъ? Одно изъ двухъ: или суровый учитель заставитъ ихъ зубрить классификацію, или же добродушный учитель станетъ увеселять ихъ разсказцами о смышлености животныхъ, о вѣрныхъ собачкахъ, о хитрыхъ лисичкахъ и о трудолюбивыхъ пчелкахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ овчинка не будетъ стоить выдѣлки, т. е. образовательное вліяніе такой естественной исторіи будетъ равняться нулю, и дѣти будутъ совершенно напрасно просиживать въ классѣ ежедневно по $3^3/_4$ часа, которые они съ громадной пользой для своего здоровья и физическаго развитія могли бы истратить на гимнастическія упражненія, на бѣганіе, на прыганіе, и вообще на всякія игры, свойственныя и необходимыя ихъ возрасту.

Образовательное вліяніе всѣхъ естественныхъ наукъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ укореняютъ въ человѣкѣ понятіе о вѣчныхъ и незыблемыхъ законахъ, управляющихъ всѣмъ мірозданіемъ и господствующихъ съ одинаковой силой надъ всѣми явленіями, доступными нашему изученію, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Это понятіе о вѣчныхъ и незыблемыхъ законахъ очевидно можетъ имѣть интересъ и значеніе только для зрѣлаго или по крайней мѣрѣ для созрѣвающаго человѣка, въ умѣ котораго уже шевелятся вопросы и тревожныя сомнѣнія; кому еще ни разу не случалось вглядываться и вдумываться въ явленія окружающей природы, кого никогда не волновалъ и не мучилъ нелѣпый разладъ между смысломъ естественныхъ явленій и фантастическими понятіями несмыслящаго большинства, — тому еще незачѣмъ открывать книгу естествознанія, и для того слова: *законъ* и *произволъ, необходимость* и *личная воля, естественное развитіе* и *необъяснимая катастрофа* оказываются еще одинаково пустыми и безцвѣтными словами, которыя ничего не затрагиваютъ, ничему не противорѣчатъ, ни съ чѣмъ не гармонируютъ и ни на что не даютъ отвѣта. Чтобы возвыситься до понятія о *законѣ*, надо пожить хоть немного жизнью мысли и чувства, надо выдти изъ того міра непосредственныхъ ощущеній, въ которомъ прозябаетъ ребенокъ, и надо наконецъ серьезно и основательно познакомиться съ тѣмъ порядкомъ явленій, въ которомъ естественные законы обнаруживаются съ самой простой и элементарной формѣ. Свойства чиселъ, свойства величинъ, линій, плоскостей и тѣлъ — вотъ тѣ естественныя явленія, на которыхъ прежде всего должны сосредоточиваться и изощряться умственныя способности ребенка.

Математика есть лучшее и даже единственное возможное введеніе къ изученію природы. Безъ геометріи и алгебры невозможно изученіе механики; безъ геометріи, алгебры и механики невозможно изученіе астрономіи; безъ геометріи, алгебры, механики и астрономіи невозможно изученіе физики и физической географіи; безъ физики нельзя взяться за химію; безъ физики и химіи нѣтъ возможности приступить къ физіологіи животныхъ и растеній. Разумное и плодотворное изученіе природы возможно только при соблюденіи самой строгой постепенности; надо непремѣнно начинать съ самаго начала и переходить къ сложнымъ явленіяхъ только тогда, когда уже вполнѣ усвоено знаніе всѣхъ, болѣе простыхъ явленій; прыгнуть разомъ на высшую ступеньку естесвознанія, не побывавъ предварительно на всѣхъ низшихъ, нѣтъ никакой возможности, и всякая попытка нарушить такимъ образомъ естественный порядокъ изученія ведетъ за собой только размноженіе фразеровъ и верхоглядовъ. Поэтому тѣ люди, которымъ дорого распространеніе реальныхъ знаній въ Россіи, должны желать особенно сильно, чтобы естественная исторія вмѣстѣ съ химіей была совершенно исключена изъ гимназическаго курса, и чтобы изученіе математики въ гимназіяхъ было доведено именно до тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые опредѣлены для нея въ моей таблицѣ.

Неумѣстность естественной исторіи въ гимназическомъ курсѣ обнаруживается особенно ярко въ томъ обстоятельствѣ, что многія, чрезвычайно важныя подробности изъ жизни растеній и животныхъ совершенно умалчиваются учебниками и преподавателями, потому что считаются неприличными и вредными для нравственности и даже для здоровья учащагося юношества. Всѣ половыя отношенія органическаго міра, всѣ факты эмбріологіи и дѣторожденія блистаютъ своимъ отсутствіемъ; вслѣдствіе этого въ знаніяхъ ученика оказывается огромный пробѣлъ, котораго онъ самъ конечно не можетъ не замѣтить и который однимъ голымъ фактомъ своего существованія непремѣнно будетъ направлять его нескромную любознательность именно туда, куда по соображенію педагоговъ эта нескромная любознательность совсѣмъ не должна заглядывать. Кромѣ того, что цѣлая масса фактовъ выкидывается такимъ образомъ вонъ изъ преподаванія, даже то, что остается на мѣстѣ, оказывается во многихъ отношеніяхъ изуродованнымъ и обезсмысленнымъ. Извѣстно напримѣръ, что самой раціональной классифи-

каціей животнаго царства считается въ настоящее время классификація по эмбріологическимъ даннымъ; но такъ какъ эмбріологія составляетъ для гимназистовъ слишкомъ скоромное кушанье, то, разумѣется, и раціональная классификація становится невозможной.

Но и это еще не все. Преподавая малолѣтнимъ ребятамъ жалкія лохмотья великой науки, учитель въ большей части случаевъ будетъ еще располагать и подкрашивать эти лохмотья такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и на воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать. То, что должно было по буквѣ устава быть изученіемъ природы, превратится такимъ образомъ въ шатобріановскія и ламартиновскія сахарно-слезливыя медитаціи. Образовательнаго вліянія нечего ожидать отъ этихъ медитацій, потому что, какъ бы онѣ ни были умилительны, однако можно поручиться за то, что ученики отнесутся къ нимъ недовѣрчиво и насмѣшливо,—такъ, какъ обыкновенно относятся дѣти ко всякой хитрой и замысловатой мистификаціи, направляемой противъ нихъ тенденціозной педагогикой. Математика не требуетъ никакихъ цѣломудренныхъ умолчаній и не допускаетъ никакихъ благонравныхъ тенденціозностей. Эти важныя преимущества еще болѣе упрочиваютъ за математикой ту роль, которую она по своему естественному положенію въ ряду другихъ наукъ неизбѣжно должна занимать въ первоначальномъ образованіи юношества.—Для естественной же исторіи подобная роль немыслима.

VII.

Если естественная исторія и химія не годятся для гимназическаго курса, то тѣмъ болѣе неумѣстны въ немъ политическая географія и всеобщая исторія. Научное значеніе политической географіи очевидно состоитъ въ изслѣдованіи той связи, которая существуетъ между землей и человѣкомъ. Научное значеніе всеобщей исторіи также очевидно состоитъ въ изслѣдованіи тѣхъ законовъ, по которымъ живутъ, развиваются и дѣйствуютъ другъ на друга идеи и учрежденія различныхъ человѣческихъ обществъ. Достаточно взглянуть внимательно на эти два опредѣленія для того, чтобы совершенно убѣдиться, до какой степени изученіе всеобщей исторіи и политической географіи не соотвѣтствуетъ ни умственнымъ силамъ, ни предварительно пріобрѣтеннымъ знаніямъ нашихъ гимназистовъ.

Преподаваніе политической географіи начинается по уставу въ первомъ классѣ и оканчивается въ четвертомъ, между тѣмъ какъ преподаваніе физики и космографіи начинается съ пятаго класса; гимназистамъ приходится такимъ образомъ разсматривать вліяніе земли на человѣка въ то время, когда они не имѣютъ еще ни малѣйшаго понятія о различныхъ свойствахъ и особенностяхъ земли, какъ физическаго тѣла. Такъ какъ это разсматриваніе при такихъ условіяхъ совершенно невозможно, то политическая географія, преподаваемая въ гимназіяхъ, неизбѣжно должна превратиться, и дѣйствительно всегда превращалась до сихъ поръ, или въ каталогъ государствъ, городовъ, рѣкъ, горъ и всякихъ достопримѣчательностей, или къ собраніе нравоучительныхъ разсказовъ о лапландцахъ и о сѣверномъ оленѣ, о бедуинахъ и о верблюдѣ, объ англичанахъ и о паровой машинѣ.

Каталогъ собственныхъ именъ и цифръ окончательно подвергнутъ опалѣ всѣми современными педагогами; къ нравоучительнымъ же разсказамъ педагоги, напротивъ того, питаютъ до сихъ поръ и вѣроятно долго еще будутъ питать глубокую нѣжность. Въ этихъ нравоучительныхъ разсказахъ дѣйствительно нѣтъ ничего особенно вреднаго; дѣтямъ не мѣшаетъ читать подобные разсказы, когда у нихъ пробуждается охота къ чтенію и когда гигіеническія соображенія не заставляютъ взрослыхъ противодѣйствовать этой пробудившейся наклонности. Но держать дѣтей въ классѣ и сидѣть передъ ними на каѳедрѣ для того, чтобы разсказывать имъ, какимъ образомъ бедуины ѣздятъ верхомъ на верблюдахъ,—значитъ превращать невинное развлеченіе въ важную и серьезную работу, которая однако, несмотря на всю торжественность обстановки, неспособна дать никакихъ важныхъ и серьезныхъ результатовъ. Когда учитель превращается въ разсказчика, тогда онъ немедленно становится безполезнымъ, потому что роль разсказчика можетъ съ величайшимъ удобствомъ играть хорошая книга, написанная яснымъ и правильнымъ языкомъ и незагроможденная мудрыми научными терминами. Обязанность учителя состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы разсказывать ученику тѣ факты, которые ученикъ долженъ запомнить, а въ томъ, чтобы постоянно укрѣплять и развивать умственныя способности ученика такими упражненіями, которыя во всякую данную минуту соотвѣтствовали бы размѣрамъ его наличныхъ силъ и которыя съ теченіемъ времени становились бы постоянно болѣе трудными и болѣе сложными.

Ни въ географіи, ни въ исторіи нѣтъ мѣста для подобныхъ упражненій. Въ этихъ предметахъ, насколько они доступны гимназистамъ, нечего понимать; въ нихъ надо рѣшительно все запонимать; поэтому работа учителя становится въ нихъ совершенно излишней, и усвоеніе тѣхъ историческихъ и географическихъ фактовъ, которыхъ знаніе необходимо для образованнаго человѣка, можетъ быть цѣликомъ предоставлено личной и самостоятельной дѣятельности каждаго отдѣльнаго ученика.

Куда какъ все это хорошо! замѣтитъ огромное большинство моихъ читателей. Ученикъ выйдетъ изъ гимназіи и не будетъ имѣть понятія о томъ, кто былъ Наполеонъ I; онъ не будетъ знать, что Рейнъ течетъ въ Германіи; услыхавъ въ разговорѣ слово *Европа*, онъ будетъ спрашивать, что̀ это за штука? На что-же это въ самомъ дѣлѣ похоже! Вѣдь въ этихъ словахъ сформулировано самое сильное возраженіе, какое только можетъ быть придумано противъ моихъ размышленій о необходимости исключить изъ гимназическаго курса исторію и географію.

Это возраженіе нисколько не кажется мнѣ неопровержимымъ. Я полагаю, что если молодой человѣкъ, вышедшій изъ гимназіи, чувствуетъ очень глубоко, ежеминутно и на каждомъ шагу, крайнюю недостаточность своихъ знаній и поразительную незаконченность своего образованія — это не совсѣмъ пріятное ощущеніе не можетъ принести этому молодому человѣку ничего, кромѣ самой существенной пользы. Къ восемнадцатилѣтнему возрасту образованіе человѣка никакимъ образомъ не можетъ и даже не должно быть закончено; восемнадцатилѣтній юноша еще растетъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, и было бы въ высшей степени не нормально и даже вредно, еслибы постоянно расширяющійся и усиливающійся умъ былъ принужденъ пробавляться той пищей, которая была имъ усвоена и удовлетворяла его потребностямъ во время одной изъ предыдущихъ фазъ его развитія. Новыя нарастающія силы требуютъ себѣ новой работы. Гимназическое образованіе, по самой сущности своего назначенія, должно быть непремѣнно неполнымъ и незаконченнымъ; эта неполнота и незаконченность нисколько не составляютъ для него недостатка, и всякія заботы объ устраненіи этихъ необходимыхъ и естественныхъ свойствъ гимназическаго образованія оказываются совершенно безплодными или даже наносятъ школѣ существенный вредъ.

Если неполнота и незаконченность составляютъ нормальное свойство гимназическаго образованія, то спрашивается теперь, что̀ лучше для молодого человѣка, окончившаго курсъ въ гимназіи: чтобы онъ ясно понималъ и глубоко чувствовалъ недостаточность своихъ знаній, или же, чтобы эта недостаточность была искусно и тщательно замаскирована отъ него самого и отъ окружающаго общества разными обманчивыми подобіями знаній? Само собой разумѣется, что первое несравненно лучше второго, потому что человѣку всегда выгодно и полезно имѣть ясное и вѣрное понятіе о своемъ положеніи, какъ-бы ни было это положеніе хорошо или дурно, утѣшительно или безотрадно. Если я бѣденъ, то никакъ не долженъ считать себя богачемъ, потому что въ такомъ случаѣ я запутаюсь въ долгахъ и доведу себя до окончательнаго разоренія.

Если я — недоучившійся школьникъ, то отнюдь не долженъ принимать себя за образованнаго человѣка, потому что въ такомъ случаѣ я рискую успокоиться на лаврахъ моего невѣжества и сохранить при себѣ это невѣжество до конца моей жизни. Воспитанники нашихъ теперешнихъ гимназій знаютъ, что Наполеонъ I былъ французскимъ императоромъ, что Рейнъ течетъ по Швейцаріи, по Германіи и по Голландіи, что Европой называется та часть свѣта, въ которой мы живемъ; они знаютъ кромѣ того множество другихъ собственныхъ именъ и отрывочныхъ фактовъ; они не осрамятся въ обществѣ какимъ-нибудь поразительнымъ проявленіемъ невѣжества; но развѣ-же можно въ самомъ дѣлѣ сказать о нихъ, что они знаютъ всеобщую исторію и политическую географію? Развѣ въ самомъ дѣлѣ позволительно оставаться по этимъ предметамъ на всю жизнь съ тѣми знаніями, которыхъ не могутъ сообщить даже превосходные гимназическіе учебники? А между тѣмъ именно то полузнаніе, которое спасаетъ молодого человѣка отъ полезнаго посрамленія, именно это полузнаніе, говорю я, и даетъ юношѣ возможность обходиться въ жизни безъ серьезнаго чтенія и останавливаться въ своихъ знаніяхъ и въ своемъ развитіи на той скромной ступени, на которую поставила его ферула школьнаго учителя. Напротивъ того, кто не вынесъ изъ школы даже элементарныхъ понятій о Наполеонѣ, о Рейнѣ и о Европѣ, тотъ рѣшительно не можетъ обойтись безъ чтенія; пробѣлы его образованія такъ очевидны, что они пугаютъ его и не даютъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не наполнитъ результатами собственныхъ занятій. А для наполненія этихъ ужасныхъ пробѣловъ онъ возьмется конечно не за гимназическіе учебники, а за научныя сочиненія по той простой причинѣ, что для взрослаго молодого человѣка гораздо легче и пріятнѣе прочитать десять толстыхъ томовъ серьезной книги, чѣмъ одинъ тощій томикъ учебника.

— Однако это оригинально!—возразитъ мнѣ читатель. — По вашему мнѣнію, задача школы состоитъ въ томъ, чтобы *не давать* своимъ питомцамъ знаній и чтобы подвергать этихъ питомцевъ *полезнымъ*, какъ вы говорите, посрамленіямъ. Тогда лучше всего совсѣмъ уничтожить всѣ школы; тогда ужъ навѣрное подростающія поколѣнія не будутъ получать никакихъ знаній; *полезное* посрамленіе ихъ будетъ самое полное, и гигіена окончательно восторжествуетъ, потому что дѣти будутъ бѣгать и кувыркаться съ утра до вечера.

Еслибы я самъ не привелъ противъ себя этого остроумнаго возраженія, то его навѣрное измыслилъ бы противъ меня кто-нибудь изъ

нашихъ остроумныхъ журналистовъ, хоть-бы напримѣръ кто-нибудь изъ атлетовъ, подвизающихся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я отвѣчу на это возраженіе, что школа должна давать своимъ воспитанникамъ такія знанія, которыя она можетъ сообщить имъ въ полномъ объемѣ, которыя развиваютъ и укрѣпляютъ ихъ умы, и которыя притомъ воспитанникамъ было бы трудно пріобрѣсти собственными усиліями, безъ содѣйствія и руководства преподавателя. По моей программѣ школа даетъ ученикамъ основательное знаніе математики и умѣнье превосходно владѣть отечественнымъ языкомъ. Кто пріобрѣлъ навыкъ обращаться легко и свободно со всевозможными алгебраическими и геометрическими выкладками и кто кромѣ того пріобрѣлъ умѣнье выражать всѣ оттѣнки своихъ мыслей яснымъ и точнымъ языкомъ, тотъ можетъ смѣло взяться за какую угодно отрасль самостоятельныхъ занятій. Фактическихъ знаній у него не много, но фактическія знанія усвояются очень легко такимъ человѣкомъ, у котораго умъ развитъ и закаленъ въ строгой школѣ математическаго образованія. Значитъ, я требую отъ школы, чтобы она давала своимъ питомцамъ *основательныя* знанія, и чтобы, оставивъ окончательно заботы о разносторонности и обширности своей программы, она направляла всѣ силы воспитанниковъ на глубокое и добросовѣстное изученіе немногихъ, но строго и раціонально подобранныхъ предметовъ. Подумайте въ самомъ дѣлѣ, давали-ли наши гимназіи до сихъ поръ основательныя знанія по какому-бы то ни было предмету? Нѣтъ, не давали, — отвѣтитъ вамъ каждый знающій человѣкъ, и правительство отвѣчаетъ на этотъ вопросъ точно такъ-же, потому что оно признаетъ необходимымъ произвести въ гимназіяхъ полное преобразованіе.—Почему не давали?—Потому,—отвѣтитъ вамъ каждый знающій человѣкъ,—что за всѣмъ хотѣли угоняться. — Стало-быть, что̀ же надо сдѣлать? — Надо ограничить претензіи гимназій, надо точнѣе опредѣлить ихъ назначеніе и избавить ихъ программу отъ вредной и безплодной многосторонности.

Именно такъ разсуждаютъ наши классики, и въ основномъ принципѣ, въ области чистой отвлеченности, я съ ними совершенно согласенъ. Но когда они хватаются за древніе языки, какъ за волшебный талисманъ, тогда я рѣшительно перестаю ихъ понимать. Ихъ нѣжность къ древнимъ языкамъ, при всей своей громадности, все-таки не внушаетъ имъ такой храбрости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ русскаго языка, отъ математики, отъ физики, отъ новыхъ языковъ, отъ исторіи и отъ географіи. Всѣ эти предметы оказываются, по ихъ мнѣнію, необходимыми, и кромѣ того необходимы еще языки латинскій и греческій. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы избавиться отъ многопредметности, которую они сами ежеминутно проклинаютъ, наши классики своими усиліями только увеличиваютъ эту многопредметность, ведущую за собой непремѣнно безплодную трату силъ и умственную деморализацію учащейся молодежи. Кто хочетъ дѣйствительно устранить вредную многопредметность, тотъ долженъ выбрать изъ массы гимназическихъ предметовъ самые необходимые и на этихъ необходимыхъ предметахъ сосредоточить все преподаваніе. Какіе же предметы — самые необходимые? Я думаю, отвѣчать не трудно: математика и отечественный языкъ. На этихъ двухъ предметахъ и слѣдуетъ сосредоточиться. Чѣмъ меньше будетъ посторонней примѣси, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ умственное развитіе учащихся. Я осмѣливаюсь думать, что въ моей программѣ посторонняя примѣсь доведена до возможнаго *minimum*'а. Кромѣ того я напомню читателю, что общій итогъ и распредѣленіе учебныхъ часовъ соотвѣтствуетъ буквально гигіеническимъ требованіямъ доктора Гейера.

VIII.

Программа моя можетъ вызвать еще нѣсколько возраженій, на которыя я постараюсь отвѣтить заранѣе.

1) Читатель можетъ изумиться и ужаснуться тому случаю, что русская исторія исключается повидимому изъ гимназій вмѣстѣ со всеобщей. Русская исторія въ настоящее время считается такимъ необходимымъ предметомъ, что она преподается даже въ уѣздныхъ училищахъ и чуть-ли даже не въ приходскихъ. Съ легкой руки «Московскихъ Вѣдомостей», люди, неспособные размышлять собственнымъ умомъ, усвоили себѣ даже тотъ странный предразсудокъ, будто-бы преподаваніе русской исторіи можетъ имѣть важное политическое значеніе, и будто оно совершенно необходимо для поддержки и укрѣпленія нашего патріотизма.

Еслибы этотъ предразсудокъ не былъ результатомъ самой безотвѣтной наивности, то онъ былъ-бы въ высшей степени оскорбителенъ для нашей національной чести, не говоря уже о томъ, что онъ находится въ самомъ вопіющемъ разладѣ съ самыми очевидными и знаменательными фактами нашей-же собственной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, хорошъ былъ бы тотъ народъ, котораго патріотизмъ нуждался бы въ искусственномъ подогрѣваніи и основывался бы на изученіи архивныхъ документовъ. Патріотизмъ для народа есть то же самое, что̀ инстинктъ самосохраненія для отдѣльной личности; человѣку свойственно любить и защищать собственное тѣло; точно такъ-же ему свойственно любить и защищать тѣхъ людей, ту землю, тотъ складъ жизни и понятій, къ которымъ онъ привыкъ и привязался съ первыхъ дней своего дѣтства. Это стрем-

ленiе любить и защищать совокупность тѣхъ предметовъ, которые составляютъ родину,—слабѣетъ и даже совершенно исчезаетъ только въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда человѣку нѣтъ никакой возможности привыкнуть и привязаться къ тому, что его окружаетъ. Эта невозможность привыкнуть и привязаться является очевидно тогда, когда сумма страданій постоянно и въ очень значительной степени перевѣшиваетъ сумму пріятныхъ ощущеній. Тогда, разумѣется, вмѣсто привязанности развивается, смотря по обстоятельствамъ и по особенностямъ народнаго характера, или тупое равнодушіе, или затаенная ненависть къ даннымъ условіямъ жизни. Для рабовъ и для народовъ, притупленныхъ долговременнымъ угнетеніемъ, не существуетъ отечества и не можетъ быть патріотизма, потому что человѣкъ не можетъ любить то, что отравляетъ его жизнь ежеминутными физическими или нравственными мученіями. Впрочемъ надо замѣтить, что природа человѣка чрезвычайно невзыскательна въ этомъ отношеніи и умѣетъ помириться съ такими условіями существованія, которыя въ глазахъ безпристрастнаго наблюдателя оказываются непрерывной цѣпью лишеній, неблагодарныхъ трудовъ и тяжелыхъ страданій. Со временъ Бориса Годунова напримѣръ положеніе нашихъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и превращенныхъ въ собственность, было конечно такъ плохо, что трудно даже представить себѣ что-нибудь худшее, а между тѣмъ эти же самые крестьяне съ величайшимъ воодушевленіемъ поднимались два раза на защиту того отечества, которое такъ неудовлетворительно исполняло въ отношеніи къ нимъ свои священныя обязанности. Крестьяне ходили съ Мининымъ подъ Москву, крестьяне шли толпами въ ополченіе 1812 года; конечно ихъ воодушевленіе поддерживалось не учебниками русской исторіи и конечно было бы въ высшей степени безразсудно и несправедливо ожидать, чтобы внутреннія психологическія причины этого воодушевленія утратили свою силу теперь, когда положеніе крестьянъ улучшилось во многихъ отношеніяхъ.

Чѣмъ легче и вольнѣе живется на свѣтѣ какому-нибудь народу, тѣмъ сильнѣе любитъ онъ свою родину и свои учрежденія. Единственное средство усилить патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать правильному, здоровому и успѣшному развитію народныхъ силъ и народной производительной дѣятельности. Школа конечно можетъ принести въ этомъ отношеніи значительную долю пользы; но для этого она должна превращать своихъ воспитанниковъ въ здоровыхъ и мыслящихъ людей, а не въ говоруновъ, почерпающихъ свой патріотизмъ изъ параграфовъ историческаго учебника. Мыслящій человѣкъ, выбравшій себѣ какую-нибудь отрасль труда и пристрастившійся къ своей дѣятельности, любитъ свою родину особенно сильно потому, что чувствуетъ себя полезнымъ для нея и лишнимъ во всякой другой странѣ. Трудъ составляетъ самую крѣпкую и надежную связь между тѣмъ человѣкомъ, который трудится, и тѣмъ обществомъ, на пользу котораго направленъ этотъ трудъ. Поэтому, развивая въ своихъ воспитанникахъ рабочія силы и любовь къ труду, школа готовитъ изъ нихъ превосходныхъ патріотовъ, хотя бы даже эти патріоты не имѣли никакого понятія о томъ, кто такой былъ Рюрикъ и что такое онъ сдѣлалъ 1000 лѣтъ тому назадъ.

Впрочемъ даже эта послѣдняя опасность устраняется сама собой. Я замѣтилъ уже въ самомъ началѣ этой главы, что русская исторія исключена изъ моей программы только *повидимому*. На самомъ же дѣлѣ преподаваніе этого предмета только соединено съ преподаваніемъ словесности, и это соединеніе въ высшей степени выгодно для обоихъ предметовъ. Когда исторія и словесность преподаются отдѣльно, тогда преподаваніе того и другого предмета рискуетъ вдаться и дѣйствительно вдается очень часто въ односторонность, свойственную каждому изъ этихъ двухъ предметовъ. Исторія въ подобныхъ случаяхъ сосредоточивается на внѣшней сторонѣ событій и, упуская изъ виду умственную жизнь народа, превращается въ перечень битвъ, осадъ, мирныхъ договоровъ и смертныхъ случаевъ; исторія словесности въ свою очередь переполняется или мелкими біографическими фактами, неимѣющими никакого общаго интереса, или туманными эстетическими разсужденіями, неимѣющими въ себѣ никакого осязательнаго смысла. Соединеніе обоихъ предметовъ естественнымъ образомъ предохраняетъ преподавателя отъ этихъ нелѣпыхъ и печальныхъ крайностей; въ случаѣ соединенія, преподаватель долженъ будетъ сосредоточить все свое вниманіе на тѣхъ сторонахъ и проявленіяхъ народной жизни, посредствомъ которыхъ исторія и словесность соприкасаются между собой и дѣйствуютъ другъ на друга. Изъ исторіи преподаватель принужденъ будетъ выбирать только такіе факты, которые такъ или иначе видоизмѣняли собой народную жизнь и вслѣдствіе этого налагали свою печать на словесныя и письменныя выраженія общественнаго самознанія.

Такимъ образомъ факты внутренней жизни оттѣснятъ далеко на задній планъ утомительныя и безплодныя перечисленія войнъ, трактатовъ, собственныхъ именъ, личныхъ пороковъ и личныхъ достоинствъ. Съ другой стороны, изъ груды литературныхъ памятниковъ преподаватель принужденъ будетъ выбирать только такія произведенія, которыя отражаютъ на себѣ умственную физіономію своей эпохи. При такихъ условіяхъ, имѣя постоянно въ виду историческое значеніе разбираемыхъ произведеній, препода-

ватель очевидно не можетъ удариться ни въ біографическую анекдотичность, ни въ эстетическую туманность. При такомъ методѣ преподаванія ученики узнаютъ изъ русской исторіи немногіе важнѣйшіе моменты, но узнаютъ ихъ по сырымъ матеріаламъ, во всей ихъ типической неподкрашенности; изъ словесныхъ памятниковъ они прочитаютъ также только кое-что; но зато въ этихъ немногихъ памятникахъ они найдутъ ключъ къ пониманію цѣлыхъ историческихъ эпохъ. Главная же цѣль всѣхъ этихъ чтеній и историческихъ толкованій будетъ конечно заключаться въ томъ, чтобы овладѣть вполнѣ всѣми богатствами русскаго языка. Знаніе нашего языка для насъ безусловно необходимо; мы до сихъ поръ очень скверно пишемъ и совсѣмъ не умѣемъ говорить. Наше неумѣнье говорить уже чувствуется теперь въ нашихъ земскихъ собраніяхъ и обнаружится во всей своей красотѣ въ нашихъ будущихъ гласныхъ судахъ. Гимназистамъ надо непремѣнно много читать и много писать по-русски. — Вмѣсто того чтобы читать какіе-нибудь пустяки и описывать «восходъ солнца» или «морскую бурю», имъ конечно всего лучше читать и комментировать письменно такіе памятники, которые своей величественной исторической физіономіей могутъ совершенно успокоить и умиротворить пылкія сердца самыхъ ревностныхъ патріотовъ.

2) Второе возраженіе относится къ географіи.—Въ нашихъ теперешнихъ гимназіяхъ,— разсуждаетъ читатель, — мальчикъ съ десяти лѣтъ выучивается обращаться съ географическими картами. Если же онъ не будетъ учиться географіи, то легко можетъ быть, что онъ до самаго конца гимназическаго курса не увидитъ ни одной географической карты. Когда онъ примется за свое географическое самообразованіе, тогда это неумѣнье обращаться съ картами можетъ сдѣлаться для него серьезнымъ препятствіемъ. — При тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ,—отвѣчу я,—до которыхъ доведено въ моей программѣ преподаваніе математики, существуетъ полная возможность и даже настоятельная необходимость отвести въ этомъ преподаваніи очень видное мѣсто различнымъ практическимъ упражненіямъ. Въ числѣ этихъ упражненій должны играть довольно важную роль различныя геодезическія и топографическія операціи; ученикамъ высшихъ классовъ, начиная съ пятаго, было бы очень полезно въ лѣтнее и въ осеннее время заниматься подъ руководствомъ учителя математики съемкой плановъ въ окрестностяхъ того города, въ которомъ находится гимназія. Вниманіе учителя должно здѣсь сосредоточиваться конечно не на красотѣ отдѣлки, а на вѣрности размѣровъ и контуровъ. Когда ученики выучатся наносить на планъ главныя особенности небольшой мѣстности, тогда учителю уже не трудно будетъ объяснить имъ совершенно осязательно, какимъ образомъ наносятся на планъ цѣлыя обширныя земли и части свѣта, и какимъ образомъ на этихъ планахъ изображаются различныя мѣстныя особенности: моря, материки, острова, рѣки, озера, горы и города.

3) Третье возраженіе относится къ преподаванію новыхъ языковъ. Читатель можетъ замѣтить совершенно справедливо, что на нихъ отведено слишкомъ незначительное число уроковъ. Я сознаю вполнѣ, что число уроковъ дѣйствительно недостаточно, но мнѣ кажется, что эта недостаточность не причинитъ ученикамъ чувствительнаго вреда. Знаніе иностранныхъ языковъ необходимо каждому, кто хочетъ серьезно заниматься какой-нибудь отраслью науки; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но извѣстно также, что знаніе иностранныхъ языковъ полезно только тогда, когда оно даетъ возможность читать иностранныя книги легко и бѣгло, à livre ouvert. Кому приходится отыскивать въ лексиконѣ по пятидесяти словъ на каждую страницу, тотъ конечно не можетъ извлечь себѣ никакой пользы изъ своихъ лингвистическихъ знаній, потому что, читая въ день по пяти или по десяти страницъ, не скоро сдѣлаешься начитаннымъ и свѣдущимъ человѣкомъ. О людяхъ, читающихъ такимъ образомъ иностранныя книги, говорятъ даже обыкновенно, что они совсѣмъ не знаютъ языка, несмотря на то, что они быть-можетъ усвоили себѣ вполнѣ всѣ грамматическія правила и даже исключенія.

Гимназіи наши до сихъ поръ давали обыкновенно, въ самыхъ лучшихъ случаяхъ, такое знаніе иностранныхъ языковъ, которое въ практическомъ отношеніи равняется отсутствію всякаго знанія. При выходѣ изъ гимназіи владѣютъ иностранными языками только тѣ ученики, которые выучились имъ дома и которые уже поступили въ гимназію, умѣя говорить на этихъ языкахъ. Конечно кто очень сильно желаетъ выучиться языку и кто понимаетъ вполнѣ пользу такого знанія, тотъ можетъ выучиться и въ гимназіи, но, признаюсь, я не видалъ такихъ примѣровъ, и я полагаю, что они должны быть очень рѣдки, потому что обыкновенно ясное пониманіе собственной пользы пробуждается у молодыхъ людей довольно поздно, при первыхъ серьезныхъ столкновеніяхъ съ дѣйствительной жизнью. Итакъ, кто желаетъ выучиться, тотъ успѣетъ это сдѣлать и при 15 урокахъ, а кто не желаетъ, тому не помогутъ въ этомъ отношеніи лишніе 8 или 9 уроковъ. Но такъ какъ равнодушные или нежелающіе составляютъ огромное большинство, то, разумѣется, не мѣшало бы придумать такое средство, которое влило бы въ ихъ головы практическое знаніе языковъ помимо ихъ собственнаго желанія. Мнѣ кажется, что такое средство существуетъ, но только искать его слѣдуетъ не въ гимназіяхъ, а въ воспитаніи ребенка до его поступленія въ учебное заведеніе.

Маленькія дѣти, отъ 3 до 10 лѣтъ, съ изумительной легкостью запоминаютъ слова и обороты рѣчи; въ этомъ возрастѣ они могутъ въ полгода, много въ годъ, выучиться говорить на иностранномъ языкѣ. Поэтому ихъ слѣдуетъ учить языкамъ именно въ этомъ возрастѣ. Но какъ учить, когда нѣтъ средствъ нанять для ребенка француженку или нѣмку, и когда сами родители не знаютъ языковъ? Мнѣ кажется, было бы очень возможно и удобно воспользоваться для практическаго изученія языковъ дѣтскими садами, которые по всей вѣроятности будутъ размножаться у насъ довольно быстро. Въ одномъ саду пусть господствуетъ во всѣхъ играхъ дѣтей нѣмецкій языкъ, въ другомъ—англійскій, въ третьемъ — французскій. Устроить это господство языковъ очень не трудно, если дѣтскій садъ помѣщается въ большомъ городѣ. Для этого не нужно даже никакихъ принудительныхъ мѣръ, никакихъ приказаній говорить именно на томъ, а не на другомъ языкѣ. Кто хочетъ устроить напримѣръ французскій садъ, тому надо для перваго начала отыскать полдюжину маленькихъ французиковъ, которые не знали бы никакого языка, кромѣ своего родного. Потомъ надо показать этимъ французикамъ нѣсколько забавныхъ игръ, въ которыхъ необходимо вести нѣкоторые разговоры. Потомъ, когда эти игры будутъ въ полномъ разгарѣ, надо открыть пріемъ русскихъ дѣтей, но открывать надо не вдругъ; принимать дѣтей надо сначала по одиночкѣ для того, чтобы русскіе не могли завести своихъ отдѣльныхъ игръ, и для того, чтобы они, поневолѣ присоединяясь къ веселой компаніи французовъ, поневолѣ выучивались господствующему языку. Плата за посѣщеніе сада будетъ конечно вполнѣ доступна даже и тѣмъ семействамъ, которыя не въ состояніи нанимать иностранныхъ нянекъ или гувернантокъ. Когда-же дѣти выучатся говорить на томъ или другомъ иностранномъ языкѣ, тогда 15-ти гимназическихъ уроковъ въ недѣлю будетъ совершенно достаточно для того, чтобы поддержать и систематизировать ихъ лингвистическія знанія, пріобрѣтенныя практическимъ путемъ.

IX.

Общество наше плохо знаетъ математику и вовсе не желаетъ съ ней знакомиться, потому что питаетъ къ ней глубокое, хотя и почтительное отвращеніе. Увидѣвъ въ моей программѣ, что преподаваніе математики назначено каждый день втеченіи всѣхъ семи лѣтъ гимназическаго курса, многіе читатели затрепещутъ отъ ужаса, подумаютъ, что я желаю превратить гимназію въ смирительное заведеніе, и возблагодарятъ Провидѣніе за то, что моя программа нисколько не похожа на росписаніе уроковъ, принятое новымъ гимназическимъ уставомъ. —Каждый день математика,—размышляетъ читатель;—это не только ужасно и безчеловѣчно, это даже просто невозможно. Это значитъ насиловать умственныя способности несчастныхъ дѣтей, и ученики навѣрное будутъ учиться изъ рукъ вонъ плохо, потому что математика, появляющаяся передъ ними каждый день, будетъ наводить на нихъ жесточайшую скуку.—Ужъ не думаете-ли вы,—спроситъ читатель въ заключеніе своей филиппики,—что вамъ удастся сдѣлать преподаваніе математики интереснымъ и увлекательнымъ?

Нѣтъ, читатель,—отвѣчу я,—этого я не думаю. Математика всегда, несмотря на всевозможныя усовершенствованія въ методѣ преподаванія, останется для учениковъ трудной работой; она никогда не будетъ давать никакой пищи ни чувству, ни воображенію, и поэтому ея преподаваніе никогда не сдѣлается интереснымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы называете интересными романы Диккенса или зоологическіе разсказы Одюбона и Брема. Но, во-первыхъ, одна изъ важнѣйшихъ обязанностей школы состоитъ въ томъ, чтобы пріучить учениковъ къ серьезному и упорному труду, а эта обязанность очевидно останется неисполненной и окажется даже неисполнимой, если вы постоянно, впродолженіи всего гимназическаго курса, будете продовольствовать учениковъ исключительно интересными разсказами. Выслушивать или прочитывать интересные разсказы—значитъ не трудиться, а сибаритничать. Предаваясь этому пріятному и непредосудительному занятію, можно невольно и нечаянно усвоить себѣ множество фактическихъ и даже полезныхъ знаній, но нѣтъ ни малѣйшей возможности придать своему уму необходимую крѣпость и гибкость, сформировать и закалить свой характеръ, и вообще приготовить себя къ столкновенію съ тѣми суровыми и серьезными сторонами умственной работы, безъ которыхъ не обходится и не можетъ обойтись никакая трудовая дѣятельность, достойная развитого человѣка и честнаго гражданина. Во-вторыхъ, хотя математика и не можетъ сдѣлаться эстетически-привлекательной наукой, однако при искусномъ преподаваніи она можетъ постоянно доставлять ученикамъ, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ, самыя чистыя и высокія наслажденія, особенно плодотворныя въ томъ отношеніи, что они заставятъ учениковъ пристраститься къ голому процессу труда, не смягченнаго и не украшеннаго никакими посторонними ингредіентами.

Всякому человѣку хочется быть сильнымъ, красивымъ, ловкимъ, смышленымъ, остроумнымъ и изобрѣтательнымъ. Всякому человѣку свойственно во всякомъ занятіи стремиться къ возможному совершенству и радоваться, когда мало по малу эта желанная виртуозность дѣйствительно пріобрѣтается. Что математика при сколько-нибудь разумномъ преподаваніи имѣетъ высокую образовательную силу, что она развертываетъ и упражняетъ превосходно умственныя

способности учащихся, въ этомъ не сомнѣвался еще никто изъ самыхъ заклятыхъ ненавистниковъ этой ужасной и неприступной науки. Смышленость учениковъ растетъ постоянно во время ихъ математическихъ занятій, это такъ-же вѣрно и неизбѣжно, какъ-то, что мускулы человѣка крѣпнутъ и ловкость его увеличивается, когда онъ занимается гимнастическими упражненіями. Съумѣйте же расположить и вести ваше математическое преподаваніе такъ, чтобы ученики сами замѣчали тотъ процессъ созрѣванія, который совершается въ ихъ головахъ. Какъ только ученики почувствуютъ и поймутъ совершенно отчетливо, что они съ каждымъ мѣсяцемъ, даже съ каждой недѣлей становятся умнѣе и расторопнѣе; какъ только дѣйствительное существованіе этого отраднаго психическаго факта сдѣлается для нимъ осязательнымъ и несомнѣннымъ; какъ только они сравнятъ свое недавнее прошедшее съ своимъ настоящимъ и увидятъ въ послѣднемъ значительный шагъ впередъ,—такъ они непремѣнно пристрастятся къ тѣмъ умственнымъ занятіямъ, которыя дали имъ возможность сдѣлать надъ собственными особами такія пріятныя и лестныя наблюденія. Il faut souffrir pour être belle, говорятъ кокетки, и онѣ дѣйствительно съ великой стойкостью выносятъ боль отъ узкихъ башмаковъ, отъ узкихъ перчатокъ и вообще отъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые такъ или иначе приближаютъ ихъ къ условному идеалу красоты. Не исковерканные съ дѣтства представители обоихъ половъ по крайней мѣрѣ такъ же сильно дорожатъ своими умственными достоинствами, какъ глупыя и пустыя женщины дорожатъ тонкостью своей таліи или малыми размѣрами рукъ и ногъ. Если послѣднія соглашаются страдать, терпѣть боль для соблюденія красоты, то какое-же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что первые будутъ съ удовольствіемъ заниматься скучными и трудными работами, когда они увидятъ, что умъ ихъ дѣйствительно крѣпнетъ и совершенствуется въ этихъ работахъ?

Но само собой разумѣется, что самобытное, свободное и сильное влеченіе къ трудной и утомительной работѣ пробудится въ ученикахъ только тогда, когда они *сами почувствуютъ, сами подмѣтятъ* развивающее дѣйствіе этихъ работъ, а не тогда, когда учитель будетъ краснорѣчиво описывать имъ это развивающее дѣйствіе. Искусство учителя именно въ томъ и должно состоять, чтобы всѣ занятія были расположены по такому плану, который естественнымъ образомъ наводилъ бы учениковъ на эти полезныя размышленія. При хорошемъ преподаваніи ученики должны полюбить математическія занятія по той же самой психической причинѣ, по которой они любятъ различныя игры, дающія имъ возможность обнаружить передъ собой и передъ другими отвагу, силу и ловкость. Математика вся сплошь составлена изъ такихъ трудностей, которыя учащійся долженъ преодолѣвать силой своего ума и постояннымъ, упорнымъ и энергическимъ напряженіемъ вниманія. Эти трудности приводятъ въ ужасъ несвѣдущихъ людей, но именно этими-то трудностями хорошій преподаватель и можетъ воспользоваться для того, чтобы внушить ученикамъ сильное влеченіе къ математическимъ занятіямъ. Надо, чтобы каждый шагъ впередъ доставался ученику послѣ тяжелой борьбы, и чтобы въ то же время эта тяжелая борьба никогда не превышала размѣровъ его наличныхъ умственныхъ силъ. При такихъ условіяхъ математическія занятія будутъ давать ученикамъ всѣ обаятельныя ощущенія настоящей борьбы; ученикъ будетъ смѣло подходить къ каждой новой трудности, будетъ съ воодушевленіемъ работать надъ ея усвоеніемъ и, одержавши надъ ней побѣду, будетъ выносить изъ этой побѣды новый запасъ силы и веселой энергіи. Поступая такимъ образомъ, ученикъ съ молодыхъ лѣтъ выучится понимать и чувствовать ту великую истину, что суровый и утомительный трудъ доставляетъ человѣку высокое наслажденіе, если только онъ не доходитъ до такихъ крайнихъ размѣровъ, при которыхъ онъ можетъ подрывать физическія и умственныя силы человѣческаго организма. Когда ученику удастся отыскать обаятельную сторону даже въ рѣшеніи алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ, тогда можно будетъ сказать навѣрное, что этотъ ученикъ вполнѣ способенъ принять на себя и довести до конца всякій умственный трудъ, какъ-бы ни былъ онъ сухъ и утомителенъ. Обаятельная сторона, отысканная ученикомъ, заключается въ томъ, что эти задачи упражняютъ умъ и энергію, а такъ какъ эта обаятельная сторона отыщется непремѣнно во всякомъ умственномъ, то-есть не машинальномъ трудѣ, то и оказывается въ концѣ-концовъ, что для ученика, воспитаннаго на математикѣ, всякій умственный трудъ будетъ привлекателенъ или по крайней мѣрѣ сносенъ. Такимъ образомъ математика сдѣлается для ученика превосходной школой не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Математика не только приготовитъ ученика къ изученію естественныхъ наукъ; она не только выучитъ его мыслить правильно и послѣдовательно; она еще кромѣ того воспитаетъ въ немъ неустрашимаго работника, для котораго *трудъ* и *скука* окажутся двумя взаимно исключающими другъ друга понятіями.

Для окончательнаго же успокоенія тѣхъ мнительныхъ людей, которые думаютъ, что гимназисты будутъ непремѣнно ненавидѣть и презирать ужасную математику, я предлагаю дать каждому классу слѣдующую организацію, направленную къ тому, чтобы усилить и регулировать соревнованіе. Положимъ, что въ первый классъ поступило 50 человѣкъ учениковъ. Въ продолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ препо-

даватели изучаютъ размѣры ихъ индивидуальныхъ способностей. По прошествіи этого времени преподаватели находятъ, что 7 учениковъ обладаютъ очень хорошими способностями, 29—посредственными и 14—слабыми. Тогда они раздѣляютъ классъ на 7 группъ, наблюдая притомъ, чтобы эти группы были равносильны между собой по общей массѣ входящихъ въ нихъ индивидуальныхъ способностей. На каждую группу придется такимъ образомъ по одному даровитому ученику, по два слабыхъ и по четыре посредственности. Въ одной изъ группъ окажется одна лишняя посредственность; но вліяніе ея будетъ совершенно нечувствительно; она не доставитъ ей того перевѣса надъ другими группами, который далъ бы ей лишній даровитый ученикъ, и не послужитъ ей также тѣмъ обремененіемъ, которымъ оказалась бы для нея одна лишняя бездарность. Затѣмъ, когда это раздѣленіе устроено, остается только въ концѣ каждаго мѣсяца выводить для каждой группы средній баллъ по всѣмъ предметамъ и объявлять классу, что такая-то группа оказалась первой, а такая-то второй—, и такъ далѣе. Этого будетъ совершенно достаточно; и можно поручиться за то, что при этой системѣ всякія награды за лѣность и всякія награды за прилежаніе сдѣлаются совершенно излишними.

Въ настоящее время во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе сильно начало личнаго соревнованія. Пожалуй, и это недурно; во всякомъ случаѣ лучше дѣйствовать на дѣтей посредствомъ личнаго соревнованія, чѣмъ посредствомъ физической боли. Но нетрудно замѣтить въ системѣ личнаго совернованія нѣсколько серьезныхъ недостатковъ. Во-первыхъ, эта система совершенно изолируетъ интересы каждой отдѣльной личности; даровитому ученику невыгодно тратить время на то, чтобы помогать бездарному; если онъ это дѣлаетъ, то онъ чувствуетъ самъ, что приноситъ жертву и оказываетъ товарищу благодѣяніе. Словомъ, эта система направляется къ тому, чтобы формировать близорукихъ эгоистовъ или сантиментальныхъ филантроповъ, но никакъ не къ тому, чтобы развивать въ ученикахъ чувство солидарности между отдѣльными людьми и личными интересами. Придерживаясь этой системы, школа совершенно забываетъ свою обязанность готовить хорошихъ гражданъ. Во-вторыхъ, личное соревнованіе дѣйствуетъ сильно только на самыхъ лучшихъ учениковъ; для массы оно не можетъ имѣть никакого значенія Подъ вліяніемъ личнаго соревнованія идетъ ожесточенная борьба только за первыя мѣста въ классѣ, а такъ какъ эта борьба доступна только для самаго ничтожнаго меньшинства, всего для какихъ-нибудь пяти-шести учениковъ, то весь остальной классъ присутствуетъ при этой борьбѣ въ качествѣ постороннихъ и лично-незаинтересованныхъ зрителей. Между первымъ и вторымъ мѣстомъ въ классѣ есть для ученика замѣтная разница; между вторымъ и третьимъ—тоже; между первыми тремя и остальной массой—тоже; но кто попалъ въ безразличную массу и сидитъ въ ней безвыходно, для того уже рѣшительно все равно, перейти ли изъ класса въ классъ семнадцатымъ, или двадцать шестымъ, или тридцать третьимъ. Эти оттѣнки становятся совершенно нечувствительными, и о нихъ нисколько не заботятся ни начальство, ни общественное мнѣніе школьнаго товарищества.—Въ-третьихъ, господствующая система личнаго соревнованія не хороша тѣмъ, что на практикѣ она обыкновенно приправляется различными наградами, которыя дѣйствуютъ или на тщеславіе воспитанниковъ, или за инстинктъ стяжанія, подготовляя такимъ образомъ для жизни усердныхъ искателей теплыхъ мѣстъ и видимыхъ знаковъ отличія.

Всѣ эти неудобства устраняются системой коллективнаго соревнованія. Для каждаго изъ членовъ группы одинаково важно, чтобы всѣ его товарищи по группѣ учились хорошо; дурные баллы, получаемые слабыми учениками, тянутъ назадъ всю группу; поэтому лучшіе ученики будутъ непремѣнно помогать слабымъ, и будутъ помогать имъ не изъ филантропіи, а изъ желанія поддержать общее дѣло и не дать себя въ обиду другимъ группамъ. Такимъ образомъ въ ученикахъ будутъ незамѣтно и нечувствительно вырабатываться здоровые общественные инстинкты. Слабые ученики съ своей стороны будутъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не сдѣлаться для своихъ ближайшихъ товарищей невыносимымъ бременемъ и причиной позорныхъ пораженій. Словомъ, всѣ—слабые, посредственные и сильные—будутъ дѣлать столько, сколько могутъ; всѣ они будутъ находиться подъ контролемъ товарищей, а этотъ контроль, разумѣется, оказывается всегда неизмѣримо бдительнѣй и строже всякой начальственной инспекціи. Такъ какъ этотъ контроль будетъ одинаково строгъ для всѣхъ, какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, то, разумѣется, при этой системѣ вовсе не окажется той безразличной и неподвижной массы, къ которой относится огромное большинство класса, при системѣ личнаго соревнованія. Наградъ не требуется никакихъ; соперничество между группами установится само собой, и начальство будетъ только ежемѣсячно сообщать этимъ группамъ простой статистическій фактъ, къ которому нѣтъ никакой надобности прибавлять какіе бы то ни было хвалительные или порицательные комментаріи.

— Почему же вы однако думаете,—спроситъ читатель,—что соперничество дѣйствительно установится?—Потому,—отвѣчу я,—что ребята очень любятъ хвастаться другъ передъ другомъ силой, ловкостью, храбростью, смѣтливостью. Какъ только познакомятся между собой два маль-

чика, неизуродованные чопорнымъ воспитаніемъ, такъ они непремѣнно начнутъ бороться или бѣгать взапуски, и вообще постараются превзойти другъ друга въ томъ или другомъ воинственномъ упражненіи. А борьба между группами еще гораздо занимательнѣе, чѣмъ борьба между отдѣльными личностями. Тутъ есть и союзники, и противники, и безпристрастные судьи, спокойно и хладнокровно читающіе ежемѣсячный статистическій отчетъ, пробуждающій во всѣхъ сгруппированныхъ сердцахъ цѣлыя бури разнообразныхъ, но чистыхъ и полезныхъ страстей. Система, которую я предлагаю здѣсь, уже дѣйствуетъ въ парижской ремесленной школѣ (école professionelle), и г-жа Маршевъ-Жираръ въ книгѣ своей: «Des facultés humaines et de leur développement par l'éducation», говоритъ, что полезные результаты, добываемые при помощи этого дѣленія на группы, далеко превзошли самыя смѣлыя ея ожиданія.

X.

Кромѣ всѣхъ своихъ вышеисчисленныхъ достоинствъ, моя программа имѣетъ еще достоинство дешевизны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить штатъ реальной гимназіи со штатомъ такого училища, которое было бы устроено по моей программѣ. Выписываю изъ штата реальныхъ гимназій тѣ статьи, которыя относятся собственно къ учителямъ:

			Недѣльн. уроки.	Жал.
1	Законоучителю	полагается за	14	1,020 р.
2	Учителямъ	русскаго языка »	25	1,860 »
2	»	математики . . »	28	2,040 »
2	»	естеств. ист. . »	29	2,100 »
1	»	ист. и геогр. . »	22	1,500 »
2	»	нѣмецк. яз. . . »	24	1,800 »
2	»	франц. яз. . . »	22	1,650 »
1	»	чистописанія . »	20	880 »
		Итого за	184	12,850 р.

При назначеніи жалованья учителямъ уставъ держится слѣдующаго правила: когда учитель имѣетъ 12 недѣльныхъ уроковъ или менѣе, то ему полагается за каждый урокъ по 75 р. въ годъ. Если же учитель имѣетъ больше 12 уроковъ, то за каждый урокъ сверхъ 12-ти онъ получаетъ въ годъ по 60 р. Такъ напр., законоучитель за 12 уроковъ получаетъ 12×75=900 руб., а за два урока сверхъ 12-ти, — 2×60= 120 руб. Всего 1,020 рублей. Прилагая тотъже самый разсчетъ къ моей программѣ, я получаю слѣдующіе результаты:

			Уроки.	Жал.
1	Законоучителю	за	14	1,020 р.
2	Учителямъ русскаго языка	»	32	2,280 »
3	» математики . .	»	42	3,060 »
1	Учителю физики	»	14	1,020 »
1	» нѣмецк. яз. . .	»	15	1,080 »
1	» франц. яз. . . .	»	15	1,080 »
1	» чистописанія .	»	6	*)300 »
		Итого за	138	9,840 р.

Вычитаю 9,840 изъ 12,850 руб. и получаю 3,010 рублей экономіи. Эту экономію было бы полезно употребить слѣдующимъ образомъ:

На жалованье гимназическому врачу	1,200 руб.
На ученическую библіотеку . .	810 »
На содержаніе токарной и столярной мастерской	1,000 »
Итого . .	3,010 руб.

Врачъ получалъ бы тогда всего 1,500 рублей. Тогда можно было бы вмѣнить ему въ обязанность, чтобы онъ присутствовалъ постоянно при гимназическихъ упражненіяхъ воспитанниковъ, чтобы онъ строго наблюдалъ за надлежащей вентиляціей классныхъ комнатъ и дортуаровъ, чтобы онъ изучалъ комплекцію и темпераментъ отдѣльныхъ воспитанниковъ, и чтобы наконецъ онъ представлялъ ежегодно медико-статистическіе отчеты по ввѣренному ему заведенію. Тогда врачъ дѣйствительно могъ бы сдѣлаться по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени регуляторомъ внутренней жизни въ гимназіи. При этомъ само собой разумѣется, что онъ, подобно директору, инспектору и воспитателямъ, долженъ имѣть квартиру въ самомъ заведеніи, и что каждое опредѣленіе педагогическаго совѣта должно подписываться врачомъ для того, чтобы получать законную силу.

Крайняя бѣдность гимназическихъ библіотекъ уже давно обращаетъ на себя вниманіе учебнаго начальства. Такъ-называемыя фундаментальныя библіотеки, заключающія въ себѣ ученыя сочиненія, необходимыя для преподавателей, не отличаясь богатствомъ и удовлетворительностью своего состава, могутъ однако до нѣкоторой степени выполнять свое назначеніе. Что же касается до такъ называемыхъ ученическихъ библіотекъ, предназначенныхъ для чтенія воспитанникамъ, то онѣ при многихъ гимназіяхъ вовсе не существуютъ, а при другихъ *находятся*, по выраженію попечителя казанскаго округа, *только въ зачаткѣ*. Въ казанскомъ округѣ имѣется 12 гимназій; изъ нихъ снабжены ученическими биліотеками только 7 гимназій; но читатель никакъ не долженъ думать, что эти счастливыя 7 гимназій дѣйствительно могутъ предложить своимъ воспитанникамъ богатый запасъ разнообразнаго чтенія. Самая богатая изъ этихъ счастливыхъ семи гимназій, Екатеринбургская, имѣетъ въ своей ученической библіотекѣ 505 томовъ; самая же бѣдная, Пермская, имѣетъ въ своемъ распоряженіи 77 томовъ, такъ что вся библіотека можетъ вѣроятно умѣститься на двухъ не очень большихъ полкахъ. Впрочемъ легко можетъ быть, что вятская библіо-

*) Учителю чистописанія уставъ назначаетъ меньшее жалованье на томъ основаніи, что отъ него не требуется прохожденія университетскаго курса. Я для ровнаго счета назначилъ ему по 50 руб. за урокъ, немного больше, чѣмъ назначаетъ ему уставъ.

тека еще бѣднѣе пермской. Въ отчетѣ попечителя цифра вятскихъ книгъ не показана, но сдѣлано замѣчаніе, что «особенно нуждаются въ пополненіи полезными для чтенія учениковъ книгами библіотеки вятская и пермская». — Показана-же цифра книгъ въ пяти библіотекахъ, и изъ этихъ пяти показаній мы получаемъ средній выводъ: 394. Сама по себѣ эта цифра не очень печальна; ученику некогда прочитать въ семь лѣтъ 394 тома; онъ читаетъ въ свободныя минуты, а свободныхъ минутъ у него не очень много, потому что большая часть того времени, которое не проводится въ классѣ и не употребляется на ученіе уроковъ, должна быть посвящена гимнастическимъ упражненіямъ и различнымъ играмъ, требующимъ физическаго движенія. Въ первые два или даже три года ученику вовсе не слѣдовало бы читать; если-же мы распредѣлимъ чтеніе 394 томовъ на послѣдніе четыре года, то на годъ придется по $98^1/_2$ тома, а на мѣсяцъ—слишкомъ по 8 томовъ; то-есть ученику придется прочитывать по одному тому въ три съ половиной дня. Стало-быть, еслибы книги ученическихъ библіотекъ были удовлетворительны по своему содержанію, то ученикамъ не пришлось бы терпѣть умственнаго голода. Но удовлетворительны-ли онѣ на самомъ дѣлѣ? Попечитель казанскаго округа не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о составѣ ученическихъ библіотекъ, но мы имѣемъ основаніе думать, что онѣ очень плохи въ качественномъ отношеніи; на эту мысль наводитъ меня слѣдующее замѣчаніе въ отчетѣ попечителя. «Между тѣмъ, имѣя огромное значеніе въ отношеніи развитія умственнаго и знаній учащихся, ученическія библіотеки не имѣютъ никакихъ постоянныхъ средствъ, которыя могли бы служить гарантіей ихъ улучшенія, такъ какъ частная благотворительность—весьма ненадежный источникъ и не вездѣ кромѣ того она проявляется съ одинаковой щедростью. Поэтому совершенно необходимо, въ видѣ постояннаго улучшенія и пополненія ученическихъ библіотекъ, назначить опредѣленную сумму на ихъ содержаніе, хотя-бы напримѣръ въ количествѣ 100 руб. въ гимназіяхъ и треть или четверть этой суммы въ уѣздныхъ училищахъ». Мы видимъ такимъ образомъ, что объ улучшеніи и пополненіи ученическихъ библіотекъ заботилась до сихъ поръ исключительно частная благотворительность. Но такъ какъ наша частная благотворительность обращалась до сихъ поръ преимущественно на монастыри и на остроги и проявлялась обыкновенно въ раздаваніи полушекъ на церковной паперти, или въ одѣленіи арестантовъ черствыми калачами, то надо полагать, что на украшеніе ученическихъ библіотекъ эта благотворительность устремлялась только тогда, когда благотворителю доставалось по наслѣдству отъ какого-нибудь стараго дядюшки нѣсколько десятковъ античныхъ книгъ, совершенно негодныхъ для личнаго употребленія. Что прикажете дѣлать съ такой коллекціей? Толкучаго рынка въ провинціи не имѣется; на оклейку комнатъ подъ обои эти книги не годятся, если онѣ переплетены; чердаки и кладовыя и безъ того биткомъ набиты всякой рухлядью, очевидно остается только навалить эти книги на телѣгу и отправить ихъ въ мѣстный храмъ наукъ, чтобы получить такимъ образомъ за весьма дешевую цѣну репутацію благотворителя и губернскаго мецената.

— Вотъ прекрасно!—возражаетъ читатель.—Развѣ допуститъ гимназическое начальство, чтобы ученическая библіотека сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ всякаго стараго храма?—Читатель мой,—отвѣчу я,—хламъ—выраженіе условное и эластическое. Если въ числѣ старыхъ книгъ, не нужныхъ для самого благотворителя, окажутся «La Pucelle» Вольтера, «Les bijoux indiscrets» Дидро, «Декамеронъ» Боккачіо, «Justine» маркиза де-Садъ, и разныя другія столь-же веселенькія произведенія, то легко можетъ случиться, что гимназическое начальство съ негодованіемъ отрѣжетъ имъ доступъ въ ученическую библіотеку, въ которой подобныя пряности дѣйствительно неумѣстны. Но представьте себѣ, что благотворитель присылаетъ въ гимназію сочиненія Сумарокова, Тредьяковскаго, Хераскова, Аблесимова, Кострова, Поповскаго, Озерова, Мерзлякова. Спрашивается: хламъ-ли это, или не хламъ? Вы скажете быть можетъ, что это хламъ, и я съ вами не стану спорить, но гимназическое начальство не будетъ имѣть ни малѣйшаго основанія на то, чтобы исключать подобныя книги изъ ученической библіотеки. Все это—орлы россійскаго парнаса, и гимназическое начальство не имѣетъ никакого права отгонять россійское юношество отъ живительныхъ струй нашей отечественной Гиппокрены. Начальство навѣрное поставитъ полученныя книги въ шкафъ, отмѣтитъ у себя въ каталогѣ, что ученическая библіотека обогатилась такимъ-то количествомъ томовъ, и воздастъ приличную благодарность усердному жертвователю. Но такъ какъ можно поручиться головой, что ни одинъ гимназистъ не прочитаетъ во всѣ семь лѣтъ своего пребыванія въ гимназіи ни одного тома Сумарокова или Хераскова, то очевидно, что изъ средней цифры 394 приходится вычесть всю массу тѣхъ книгъ, которыя по своей занимательности и поучительности равняются произведеніямъ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Легко можетъ быть, что послѣ этого вычитанія мы вмѣсто 394 томовъ получимъ чистый нуль. Очень правдоподобно, что въ ученическихъ библіотекахъ мы не найдемъ ни одного порядочнаго кругосвѣтнаго путешествія, ни одной дѣльной исторической книги и ни одного произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Писемскаго, Толстого, Помяловскаго, Островскаго и другихъ но-

вѣйшихъ писателей, безъ которыхъ невозможно даже составить себѣ ясное понятіе о современномъ положеніи русскаго языка.

Попечитель казанскаго округа желаетъ, какъ мы видѣли выше, чтобы ежегодно отпускалось на комплектованіе ученической библіотеки по 100 рублей. Скромность этого желанія доказываетъ ясно, что ученическія библіотеки не избалованы въ прошедшемъ, и что даже въ ближайшемъ будущемъ мудрено предсказывать имъ роскошное и блистательное развитіе. Положеніе фундаментальныхъ библіотекъ въ настоящее время гораздо болѣе утѣшительно. Между тѣмъ какъ для ученическихъ библіотекъ годовой бюджетъ по 100 рублей составляетъ еще отдаленную цѣль смѣлыхъ желаній, фундаментальныя библіотеки казанскаго округа израсходовали на выписку въ 1863 году среднимъ числомъ по 250 рублей. Больше всѣхъ истратила 2-я Казанская гимназія, именно 381 р., а меньше всѣхъ— Нижегородскій институтъ, именно 145 р. Какъ видите, даже этотъ minimum почти въ полтора раза больше той суммы, которую попечитель проситъ для комплектованія ученическихъ библіотекъ.

Если мы представимъ себѣ учебное заведеніе, устроенное по моей программѣ, то въ этомъ заведеніи отношенія между фундаментальной библіотекой и ученической будутъ установлены совсѣмъ не такъ, какъ они сложились въ теперешнихъ гимназіяхъ. Съ одной стороны, фундаментальная библіотека будетъ почти совершенно поглощена ученической. Съ другой стороны, ученическая библіотека будетъ составляться изъ такихъ книгъ, которыя интересны и поучительны не только для учениковъ, но и вообще для всѣхъ людей, способныхъ читать и понимать литературныя произведенія и популярно-научныя книги. Въ чисто-ученыхъ сочиненіяхъ преподаватели моего воображаемаго заведенія будутъ нуждаться очень мало. Трое изъ нихъ преподаютъ математику, двое—русскій языкъ, двое—новые языки и одинъ — физику. Собственно говоря, только одинъ преподаватель физики будетъ постоянно нуждаться въ новыхъ, строго и раціонально-ученыхъ сочиненіяхъ по своему предмету. Математики могутъ быть превосходными преподавателями, вовсе не заботясь о тѣхъ мелкихъ математическихъ мемуарахъ, которые представляются каждый годъ трудолюбивыми учеными въ различныя европейскія академіи. Можно сказать навѣрное, что время великихъ открытій и радикальныхъ переворотовъ окончательно миновало для математики, что теперешнее положеніе этой науки въ существенныхъ чертахъ своихъ останется непоколебимо-твердымъ на вѣчныя времена, что мелкіе мемуары современныхъ геометровъ не разрушаютъ въ этой наукѣ ничего стараго и не построятъ въ ней почти ничего новаго, и что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ добросовѣстный учитель математики ни въ какомъ случаѣ не рискуетъ оказаться отсталымъ по предмету своей спеціальности. Со стороны гимназическихъ математиковъ было бы даже гораздо благоразумнѣе, еслибы они заботились о расширеніи своего общаго образованія, вмѣсто того чтобы ловить на лету и изучать отъ доски до доски незначительные математическіе мемуары. А для общаго образованія имъ будетъ всего удобнѣе обращаться къ ученической библіотекѣ, которая должна быть направлена именно къ этой послѣдней цѣли. Преподавателямъ русскаго языка необходимо слѣдить за современнымъ развитіемъ русской литературы, но въ этомъ отношеніи ученическая библіотека должна удовлетворять всѣмъ ихъ требованіямъ, потому что эта библіотека непремѣнно должна выписывать лучшіе литературные журналы и пріобрѣтать себѣ всѣ замѣчательныя произведенія современной словесности. Кромѣ того преподавателямъ русскаго языка придется изрѣдка выписывать книги по исторіи литературы, вродѣ «Историческихъ очерковъ» Буслаева, или «Памятниковъ» Костомарова, или «Обзора славянскихъ литературъ» Спасовича и Пыпина; но такія книги выходятъ вообще такъ рѣдко, что врядъ-ли придется на этотъ предметъ тратить изъ года въ годъ больше десяти или пятнадцати рублей. Для нѣмца и француза даже и того не придется истратить, потому что гимназистамъ нужно знаніе языка, а не литературъ.

Итакъ, фундаментальная библіотека будетъ состоять почти исключительно изъ сочиненій по физикѣ и еще изъ лучшихъ произведеній по педагогической части. За развитіемъ педагогики, какъ науки и какъ искусства, за всѣми усовершенствованіями въ методахъ преподаванія все гимназическое начальство и весь педагогическій совѣтъ должны слѣдить пристально и неутомимо. Гимназіи должны выписывать непремѣнно всѣ лучшіе педагогическіе журналы и трактаты, какъ русскіе, такъ и заграничные; недостатка въ денежныхъ средствахъ оказаться не можетъ, напротивъ того, должна даже оказаться значительная экономія. Уставъ опредѣляетъ для реальныхъ гимназій на учебныя пособія 800 рублей. На эти деньги по уставу должны содержаться и ремонтироваться: 1) фундаментальная библіотека, 2) ученическая библіотека, 3) физическій кабинетъ, 4) зоологическія, ботаническія и минералогическія коллекціи, 5) химическая лабораторія, 6) географическія карты, глобусы, чертежи, рисунки и модели для рисованія, 7) музыкальныя ноты.—По моей программѣ всѣ эти статьи расхода уничтожаются, кромѣ *первой* и *третьей*, то-есть на эти 800 рублей придется ремонтировать только фундаментальную библіотеку и физическій кабинетъ. Ученическая библіотека будетъ имѣть, какъ мы видѣли выше, свой особенный годовой бюджетъ въ 810 рублей,

составленный изъ жалованья упраздненныхъ преподавателей; а всѣ остальные предметы: коллекціи, лабораторія, рисунки, модели, ноты, окажутся просто ненужными по основнымъ условіямъ программы. Ясно, стало-быть, что можно будетъ выписывать множество педагогическихъ сочиненій и обставить физическій кабинетъ самымъ блистательнымъ образомъ.

XI.

Такъ какъ малолѣтнимъ ребятамъ первыхъ трехъ классовъ гораздо полезнѣе въ свободное время бѣгать, играть и возиться, чѣмъ сидѣть смирно и читать нравоучительныя исторійки, то ученическая библіотека должна быть составлена вовсе не изъ дѣтскихъ, а изъ общезанимательныхъ и общедоступныхъ книгъ. Спеціально дѣтская литература всегда и вездѣ составляетъ и будетъ составлять одну изъ самыхъ жалкихъ, самыхъ ложныхъ и самыхъ ненужныхъ отраслей общей литературы. Развитіе дѣтской литературы и запросъ на дѣтскія книги, несомнѣнно существующій во всѣхъ современныхъ обществахъ, объясняются просто и легко разными уродливыми особенностями, укоренившимися, во первыхъ, въ господствующихъ системахъ первоначальнаго воспитанія и, во вторыхъ, въ нашихъ собственныхъ нравственныхъ привычкахъ. Не умѣя развивать правильнымъ образомъ физическія силы ребенка, совершенно забывая о томъ, что ребенокъ для укрѣпленія своего организма долженъ дѣлать какъ можно больше движенія, мы съ первыхъ лѣтъ жизни прививаемъ ребенку наклонность къ старческой усидчивости и радуемся, глядя на нашего питомца, который не шумитъ, не кричитъ, не топочетъ ногами по комнатѣ, а сидитъ себѣ за какимъ-нибудь благонравнымъ занятіемъ, вродѣ разсматриванія картинокъ или рисованія разныхъ каракулекъ. У такого ребенка, пріученнаго уже къ сидячей жизни и взирающаго на бѣганіе и прыганіе, какъ на занятія безсмысленныя и вовсе не комфортабельныя, у такого ребенка, —говорю я,—очень не трудно развить неестественную и преждевременную охоту къ чтенію.

Неестественность и преждевременность этой охоты обнаружится для насъ совершенно очевидно, какъ только мы серьезно зададимъ себѣ вопросъ о томъ, что̀ такое чтеніе или по крайней мѣрѣ чѣмъ оно по настоящему должно быть для человѣка?—Чтеніе есть тотъ актъ, посредствомъ котораго отдѣльная личность, чувствуя свое безсиліе передъ осаждающими ее вопросами, обращается къ коллективному уму человѣчества, къ лучшимъ представителямъ этого ума, чтобы отъ нихъ добыть себѣ отвѣтъ на эти вопросы, неразрѣшимые для индивидуальныхъ силъ.—Только такое чтеніе имѣетъ смыслъ и приноситъ пользу какъ самому читателю, такъ и обществу, пожинающему рано или поздно плоды этого разумнаго и цѣлесообразнаго чтенія. Но развѣ семи-восьми-десяти и даже двѣнадцатилѣтніе пузыры могутъ читать такимъ образомъ? Развѣ ихъ осаждаютъ какіе-нибудь вопросы? Развѣ они ищутъ какихъ-нибудь отвѣтовъ? Развѣ имъ есть какое-нибудь дѣло до коллективнаго ума человѣчества?—Они съ великой радостью промѣняютъ весь этотъ коллективный умъ со всѣми его отвѣтами на арабскія сказки Шехеразады. Они читаютъ просто для того, чтобы убить время, читаютъ для того-же самаго, для чего предаются чтенію всѣ любители романовъ Поль-де-Кока и обоихъ Дюма, père et fils. Это чтеніе безобразно и безнравственно, какъ гнусный продуктъ позорной праздности. И это убиваніе времени вдвойнѣ безобразно и безнравственно, когда дѣйствующими лицами являются дѣти. Если взрослый болванъ читаетъ для процесса чтенія, то на него уже можно махнуть рукой. Кто сдѣлался совершеннолѣтнимъ человѣкомъ, не выучившись цѣнить время, тотъ можетъ уже заниматься чѣмъ ему угодно, потому что во всякомъ случаѣ не займется ничѣмъ путнымъ. Ребенокъ, напротивъ того, только что втягивается въ искусство убивать время, и поэтому безцѣльное чтеніе,—эта профанація и проституція мысли, — имѣетъ еще для него развращающее значеніе, котораго оно уже больше не можетъ имѣть для окончательно-развращеннаго и кретинизированнаго взрослаго. Поэтому я огорошу читателя тѣмъ неожиданнымъ для него заключеніемъ, что такъ-называемыя хорошія дѣтскія книги гораздо безнравственнѣе и, по своему вліянію на общество, гораздо вреднѣе самыхъ грязныхъ и пустыхъ романовъ французской фабрикаціи. Читатель закричитъ конечно, что это вопіющій парадоксъ, но я попрошу его вглядѣться въ тотъ общеизвѣстный и очевидный фактъ, что мы вообще относимся чрезвычайно легкомысленно къ чтенію и вслѣдствіе этого также и къ литературѣ, и къ наукѣ, и ко всему, что̀ можетъ расширить кругъ нашихъ идей и возвысить насъ надъ грязнымъ уровнемъ нашихъ узкихъ, мелкихъ, копѣечныхъ и ложно - понимаемыхъ интересовъ. Пусть читатель вглядится въ этотъ фактъ и пусть онъ подумаетъ, не находится-ли этотъ фактъ въ тѣсной причинной связи съ тѣмъ другимъ, столь-же общеизвѣстнымъ и очевиднымъ фактомъ, что мы начинаемъ читать слишкомъ рано и что вслѣдствіе нашей крайней молодости и умственной незрѣлости мы поневолѣ пріучаемся видѣть забаву въ томъ процессѣ, который по настоящему долженъ быть серьезной и глубокообдуманной бесѣдой человѣка съ человѣчествомъ.

Другая причина существованія дѣтскихъ книгъ заключается въ полнѣйшей дрянности тѣхъ взрослыхъ людей, среди которыхъ дѣтямъ приходится расти и развиваться. Эта дрянность имѣетъ свою положительную и свою отрицатель-

ную сторону, то-есть распространенію дѣтскихъ книгъ содѣйствуютъ, во первыхъ, нѣкоторыя дурныя качества взрослыхъ и, во вторыхъ, отсутствіе у тѣхъ-же взрослыхъ нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ.

Защитники спеціально-дѣтской литературы прежде всего приведутъ въ ея пользу то разсужденіе, что тринадцати или четырнадцати лѣтъ субъекты дѣйствительно нуждаются въ чтеніи, и что между тѣмъ имъ невозможно давать тѣ книги, которыя читаются взрослыми. Обѣ части этого разсужденія довольно вѣрны; дѣйствительно, у тринадцатилѣтнихъ дѣтей уже начинаетъ пробуждаться серьезная любознательность, требующая себѣ удовлетворенія; и дѣйствительно, дрянныя книги, читаемыя взрослыми, могутъ разстроить здоровье молодыхъ людей, приближающихся къ критическому возрасту половой зрѣлости. Но развѣ-же это хорошо и нормально, что взрослые читаютъ съ наслажденіемъ пакостныя книги? Развѣ-же эти пакостныя книги полезны и необходимы для самихъ взрослыхъ? Развѣ было бы возможно такое извращеніе общественнаго вкуса въ такомъ обществѣ, въ которомъ не было бы мѣста для праздности, для умственной пустоты, для тунеядства и для разнообразнѣйшихъ проявленій экономической эксплоатаціи?

Здоровое общество всегда порождаетъ здоровую литературу, а здоровая литература одинаково полезна для всѣхъ грамотныхъ людей, безъ различія пола, возраста и состоянія. Необходимость отдѣльной дѣтской литературы указываетъ прямо на существованіе общественныхъ болѣзней, съ которыми мы свыклись и которыя мы стараемся удержать и сохранить, какъ величайшую драгоцѣнность и какъ источникъ любимѣйшихъ нашихъ наслажденій. Эта милая способность любить и лелѣять болѣзнь случается въ исторіи у очень многихъ народовъ: такимъ образомъ римляне любили гладіаторскія игры, испанцы—инквизицію, французы—централизацію, англичане — свою happy constitution, южные плантаторы—невольничество. Такъ точно и мы любимъ дѣтскую литературу, которая позволяетъ намъ, взрослымъ, оставаться пустоголовыми селадонами и относиться къ чтенію съ точки зрѣнія пріятныхъ возбудительныхъ специй.

Другой аргументъ въ пользу дѣтской литературы и даже въ пользу книгъ, написанныхъ для шести- и восьмилѣтнихъ ребятъ, состоитъ въ томъ, что надо пріучать дѣтей къ чтенію и вообще къ умственнымъ занятіямъ съ самаго ранняго возраста, потому что впослѣдствіи эти привычки пріобрѣтаются съ большимъ трудомъ; если оставлять ребенка безъ книгъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ пробудится любознательность,—разсуждаютъ многіе родители и педагоги,—то легко можетъ случиться, что эта желанная любознательность не пробудится въ немъ никогда; именно книги-то и содѣйствуютъ пробужденію его любознательности. Факты, на которыхъ построено это разсужденіе, подмѣчены совершенно вѣрно. Дѣйствительно можетъ случиться, что ребенокъ до четырнадцати лѣтъ будетъ играть въ бабки и въ лошадки, а послѣ четырнадцати лѣтъ, взявъ нѣсколько уроковъ у танцмейстера, начнетъ блистать сначала на дѣтскихъ вечерахъ, потомъ—на настоящихъ балахъ. Любознательность дѣйствительно не обнаружится ни въ эпоху бабокъ и лошадокъ, ни въ періодъ бальныхъ похожденій. Но такая атрофія любознательности возможна только тогда, когда всѣ взрослые люди, окружающіе ребенка, не имѣютъ въ головѣ ни одной дѣльной мысли, неспособны ни на одно глубокое чувство и не поставили себѣ въ жизни никакой серьезной цѣли. Если отецъ ребенка обратилъ всѣ свои способности на псовую охоту, дядя—на азартную игру, старшій братъ—на преслѣдованіе хорошенькихъ горничныхъ, мамаша—на куафюры и бурнусы, сестра—на усовершенствованіе цвѣта своего лица, то, разумѣется, и пробуждающаяся любознательность ребенка будетъ также тратиться вся безъ остатка на усвоеніе элементарныхъ свѣдѣній по тѣмъ предметамъ, которыми интересуются его ближайшіе родственники. Вотъ тутъ-то и выдвигается дѣтская литература, какъ противодѣйствіе той умственной пустотѣ и деморализаціи, которая постигла бы ребенка, еслибы онъ съ малыхъ лѣтъ почерпалъ всѣ свои мысли и чувства исключительно изъ своихъ всеневныхъ сношеній съ взрослыми родственниками. Это противодѣйствіе въ настоящее время полезно и даже необходимо, именно такъ, какъ полезенъ и необходимъ ядъ меркуріальнаго лекарства, истребляющій ядъ сифилитической болѣзни. Искусственность того книжнаго міра, въ который мы вводимъ ребенка, во всякомъ случаѣ есть зло; но пустота дѣйствительной жизни оказывается еще худшимъ зломъ, объ устраненіи котораго мы и можемъ только помечтать. Изъ двухъ золъ мы выбираемъ меньшее и по нашему обыкновенію довольствуемся жалкими палліативами въ такомъ дѣлѣ, гдѣ требуются радикальные перевороты. Мы пичкаемъ дѣтей добродѣтельными книжками и успокаиваемся на той надеждѣ, что эти книжки замѣнятъ имъ благотворное вліяніе честной трудовой жизни, въ которую мы не умѣемъ или не желаемъ вводить ихъ съ ранней молодости.

Итакъ, дѣтская литература есть жалкая, ложная и совершенно искусственная отрасль общей литературы. Въ ученическихъ библіотекахъ дѣтскія книги совершенно неумѣстны. Ученическая библіотека должна открываться для учениковъ только тогда, когда они уже будутъ въ состояніи понимать и читать съ удовольствіемъ книги, написанныя для взрослыхъ, разумѣется, не для такихъ взрослыхъ, которые ищутъ въ книгѣ

скоромныхъ описаній. Какія же книги должны входить въ составъ ученической библіотеки? — Произведенія лучшихъ беллетристовъ и критиковъ, русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, описанія замѣчательныхъ путешествій, историческія сочиненія и популярныя книги по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Если тратить каждый годъ сполна всѣ 810 рублей, назначенные на комплектованіе библіотеки, то, разумѣется, въ короткое время эта библіотека будетъ заключать около пяти тысячъ томовъ. Такія библіотеки будутъ конечно очень полезны воспитанникамъ во время ихъ пребыванія въ гимназіи, но онѣ могутъ принести имъ еще гораздо больше пользы послѣ ихъ выхода изъ заведенія. Если гимназистъ мало читаетъ или даже совсѣмъ ничего не читаетъ, это еще не очень большая бѣда, его время впереди: передъ нимъ лежитъ еще университетъ, который можетъ разбудить и направить къ полезному труду его дремлющія умственныя силы; но когда молодой человѣкъ уже кончилъ курсъ своего ученія и когда обстоятельства забросили его въ сонное царство провинціальной благодатной жизни, тогда хорошая библіотека можетъ рѣшить для него навсегда гамлетовскій вопросъ: «быть или не быть», то-есть думать или пить запоемъ, учиться или благодушествовать за преферансомъ и за стуколкой. Каждый годъ сотни неглупыхъ и небезчестныхъ молодыхъ людей, попавши въ кружокъ мелкаго провинціальнаго чиновничества или мѣстной землевладѣльческой аристократіи, глупѣютъ и развращаются именно потому, что нѣтъ ни человѣка, съ которомъ можно было бы отвести душу, ни книги, которая освѣжила бы въ памяти идеи, чувства и порывы свѣтлой и чистой студенческой юности. Поэтому было бы необходимо, чтобы каждая гимназія предоставляла своимъ воспитанникамъ право пользоваться ученическими библіотеками до конца жизни.

На это мнѣ возразятъ, разумѣется, что это право въ большей части случаевъ оказалось бы ни на что ненужнымъ, потому что воспитанникъ Костромской гимназіи можетъ попасть куда-нибудь въ Могилевъ, а могилевскій—въ Саратовъ, и такъ далѣе. Какъ же онъ изъ Могилева будетъ пользоваться костромской или изъ Саратова могилевской библіотекой? Очень просто, отвѣчу я. Для этого надо только, чтобы между всѣми ученическими библіотеками существовали отношенія взаимности. То-есть, выходя изъ гимназіи, ученикъ вмѣстѣ съ аттестатомъ получаетъ билетъ, который даетъ ему право пользоваться безплатно всѣми ученическими библіотеками на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи. Могилевскій гимназистъ будетъ читать книги въ саратовской библіотекѣ, саратовскій — гдѣнибудь въ вологодской, вологодскій—опять въ могилевской, и такъ далѣе. При этомъ круговомъ обмѣнѣ услугъ окажется, что всѣ гимназіи даютъ чужимъ воспитанникамъ столько, сколько ихъ воспитанники получаютъ отъ чужихъ гимназій. Общество при такомъ порядкѣ вещей останется въ чистыхъ барышахъ, потому что многіе изъ мелкихъ чиновниковъ, приказчиковъ, конторщиковъ и т. д., окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, будутъ читать хорошія книги вмѣсто того, чтобы пьянствовать, играть въ карты и безобразничать.

Въ настоящее время мѣста преподавателей въ гимназіяхъ отдаленныхъ губерній внушаютъ очень естественный ужасъ тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ они предлагаются. Заѣдешь туда въ эту глушь, думаютъ молодые кандидаты, мохомъ обростешь, отупѣешь, отстанешь отъ научныхъ занятій, бросишь чтеніе, оскотинишься, пить начнешь... Нѣтъ, ужъ лучше жить въ Петербургѣ или въ университетскомъ городѣ гдѣнибудь на чердакѣ, перебиваясь изо дня въ день грошовыми уроками, переводами или даже частной перепиской. Вслѣдствіе такихъ разсужденій молодыхъ кандидатовъ многія провинціальныя гимназіи, подобно имѣніямъ ирландскихъ ландлордовъ, жестоко страдаютъ абсентизмомъ. Мѣста учителей остаются незанятыми впродолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, такъ что многія поколѣнія учениковъ проходятъ черезъ гимназію, не получая даже смутныхъ понятій о нѣкоторыхъ предметахъ, которые однако продолжаютъ красоваться въ программѣ и на росписаніи еженедѣльныхъ уроковъ.—Десятки лѣтъ! восклицаетъ читатель. Быть не можетъ!— А? Быть не можетъ? Такъ вотъ же вамъ выписка изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»: — «Бывали случаи, что учительскія мѣста въ гимназіяхъ оставались незамѣщенными цѣлые годы и даже десятки лѣтъ: такъ напр., въ Астраханской гимназіи математика, русскій языкъ, исторія и географія не преподавались по пяти лѣтъ, по невозможности пріискать учителей; нѣмецкій языкъ по той же причинѣ не преподавался 27 лѣтъ, французскій—17 лѣтъ и латинскій—13 лѣтъ. Въ Архангельской гимназіи географія не преподавалась 8 лѣтъ, французскій языкъ—15 лѣтъ и англійскій—11 лѣтъ, и т. д.» (1864 г., декабрь. По поводу новаго устава гимназій и прогимназій. Стр. 91.) «Отчетъ по управленію Казанскимъ учебнымъ округомъ на 1863 годъ» показываетъ намъ, что такіе случаи не только *бывали*, но и *бываютъ* до настоящей минуты. Во всѣхъ 12 гимназіяхъ Казанскаго округа существуютъ незанятыя ваканціи; всѣхъ учительскихъ ваканцій имѣлось въ 1863 году 28, такъ что на каждую гимназію приходится по $2^1/_3$ вакантныхъ мѣста; въ Симбирской гимназіи напримѣръ не замѣщены четыре каѳедры: по русской словесности, по математикѣ, по естественной исторіи и по французскому языку; а въ Пензенской—пять каѳедръ: законовѣдѣніе, русская словесность, математи-

ка, французскій и нѣмецкій. Есть основаніе думать, что удовлетворительное положеніе ученическихъ библіотекъ, которыя конечно не будутъ составлять запретнаго плода для преподавателей, въ значительной степени ослабило бы бѣдствія этого учительскаго абсентизма. Какая-нибудь Вятка, Пермь или Уфа потеряютъ для молодого кандидата половину своего устрашающаго и отталкивающаго вида, когда онъ узнаетъ, что въ каждомъ изъ этихъ ужасныхъ городовъ есть порядочная библіотека, которая непремѣнно каждый годъ выписываетъ по нѣскольку литературныхъ журналовъ и по двѣ или по три сотни томовъ новѣйшихъ сочиненій по самымъ интереснымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Тогда не будетъ уже для молодого человѣка опасности заглохнуть и поглупѣть, и не будетъ слѣдовательно необходимости отказываться отъ учительскаго мѣста по чувству нравственнаго самосохраненія.

XII.

Въ началѣ X-ой главы я назначилъ изъ ежегодной экономіи по 1000 рублей въ годъ на содержаніе при гимназіи столярной и токарной мастерской. Я полагаю, что каждому человѣку, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни находился, необходимо во многихъ отношеніяхъ знать по крайней мѣрѣ одно ручное ремесло. Слѣдующія слова Руссо, которыя я беру изъ III-ей книги *«Эмиля»*, останутся на вѣчныя времена великой истиной:

«Помните,—говоритъ онъ,—что я требую отъ васъ не таланта; мнѣ нужно ремесло, настоящее ремесло, искусство чисто механическое, въ которомъ руки работаютъ больше головы и которое не ведетъ къ богатству, но при которомъ можно безъ него обойтись. Я видѣлъ, что въ семействахъ, вовсе не подвергавшихся опасности остаться безъ хлѣба, отцы, для предотвращенія всякихъ случайностей, давали своимъ дѣтямъ, кромѣ общаго образованія, такія свѣдѣнія, посредствомъ которыхъ можно было бы зарабатывать себѣ пропитаніе. Эти предусмотрительные отцы думаютъ сдѣлать много и не дѣлаютъ ничего, потому что тѣ средства, которыми они разсчитываютъ обезпечить своихъ дѣтей, зависятъ отъ того самаго богатства, выше котораго они стараются ихъ поставить. Обладатель всѣхъ этихъ прекрасныхъ талантовъ, попавши въ такую обстановку, которая не благопріятствуетъ ихъ проявленію, погибнетъ отъ бѣдности такъ точно, какъ будто бы у него не было ни одного таланта. Когда дѣло идетъ о проискахъ и объ интригахъ, тогда можно пожалуй направить ихъ на то, чтобы удержать за собой богатство вмѣсто того, чтобы при ихъ содѣйствіи выбиваться потомъ изъ бѣдности къ прежнему благосостоянію. Если вы занимаетесь искусствами, которыхъ успѣхъ зависитъ отъ репутаціи художника, если вы пріобрѣтаете себѣ способность исправлять такія должности, которыя получаются только по протекціи,—то къ чему послужитъ вамъ все это, когда, получивши справедливое отвращеніе къ свѣтскому обществу, вы съ презрѣніемъ будете смотрѣть на тѣ средства, безъ которыхъ невозможно добиться успѣха?—Вы изучили политику и интересы государей: это очень хорошо; но что вы будете дѣлать съ этими знаніями, если вы не умѣете отыскать дороги къ министрамъ, къ придворнымъ женщинамъ, къ начальникамъ департаментовъ, если вы не обладаете тайной нравиться имъ, если всѣ не найдутъ въ васъ тѣхъ качествъ, которыя для нихъ годятся?—Вы—архитекторъ или живописецъ: согласенъ; но надо доставить вашему таланту извѣстность. Развѣ вы думаете, что ваша работа ни съ того, ни съ сего попадетъ тотчасъ на публичную выставку? О, нѣтъ! дѣло идетъ совсѣмъ не такъ. Надо числиться въ академіи, надо даже пользоваться тамъ протекціей, чтобы добыть себѣ въ какомъ-нибудь уголкѣ теплое мѣстечко. Отложите въ сторону линейку и кисть. Наймите извозчика и отправляйтесь стучаться то въ ту, то въ другую дверь: знаменитость пріобрѣтается именно этимъ послѣднимъ средствомъ. Но вы должны знать, что у всѣхъ этихъ могущественныхъ дверей есть швейцары или привратники, которые понимаютъ только мимику и которыхъ уши находятся въ рукахъ. Хотите вы давать уроки по тѣмъ предметамъ, которые вы изучили, хотите сдѣлаться учителемъ географіи или математики, или языковъ, или музыки, или рисованія? Даже и для этого надо найти себѣ учениковъ, то-есть прежде всего надо завербовать хвалителей. Знайте впередъ, что главное дѣло заключается не въ искусствѣ, а въ шарлатанствѣ, и что вы всегда будете считаться невѣждой, если будете знать только вашу спеціальность.—Посмотрите же, какъ всѣ эти блестящія подспорья непрочны и какъ много вспомогательныхъ средствъ необходимо для того, чтобы извлекать изъ нихъ пользу. И кромѣ того, что съ вами сдѣлается въ этомъ позорномъ униженіи? Бѣдствія опошляютъ васъ, ничему васъ не научая; сдѣлавшись, болѣе чѣмъ когда-либо, игрушкой общественнаго мнѣнія, какимъ же образомъ подниметесь вы выше тѣхъ предразсудковъ, которые будутъ располагать самовластно вашей участью? Какимъ образомъ станете вы презирать низость и пороки, въ которыхъ вы нуждаетесь, какъ въ источникѣ пропитанія? Прежде вы зависѣли только отъ богатства, а теперь вы зависите отъ богатыхъ: вы только ухудшили ваше рабство и обременили его вашей бѣдностью; вы теперь бѣдны и при этомъ все-таки не свободны: это самое скверное изъ всѣхъ возможныхъ человѣческихъ положеній. Но если въ случаѣ нужды вы обращаетесь для добыванія насущнаго хлѣба не къ тѣмъ возвышеннымъ знаніямъ, которыя питаютъ душу, не заботясь о тѣлѣ, а къ вашимъ собственнымъ рукамъ и къ тому, что вы умѣете ими дѣлать, тогда всѣ затрудненія исчезаютъ, всѣ происки становятся безполезными, средство всегда готово въ ту минуту, когда надо имъ пользоваться; честность и нравственная самостоятельность перестаютъ быть помѣхами въ жизни: вамъ нѣтъ болѣе надобности подличать и лгать передъ вельможами, извиваться и ползать передъ мошенниками, угождать всѣмъ и каждому, занимать деньги или воровать, что почти равносильно, когда у васъ нѣтъ ничего за душой; мнѣніе другихъ людей до васъ не касается; никому вы не обязаны кланяться; вамъ не зачѣмъ льстить дураку, задобривать швейцара, подкупать и превозносить похвалами продажную женщину. Пускай мошенники заправляютъ крупными дѣлами, вамъ до этого нѣтъ дѣла; это не помѣшаетъ вамъ въ вашей скромной жизни быть честнымъ человѣкомъ и имѣть кусокъ хлѣба. Вы входите въ первую попавшуюся лавку того ремесла, которому вы учились.—Хозяинъ, мнѣ нужна работа.—Товарищъ, садитесь, работайте. Прежде чѣмъ наступитъ часъ обѣда, вы заработаете вашъ обѣдъ. Если

вы трудолюбивы и умѣренны, то не пройдетъ недѣли, какъ вы уже обезпечите вашимъ трудомъ ваше существованіе на слѣдующую недѣлю; и втеченіи всего времени вы будете оставаться свободнымъ, здоровымъ, трудолюбивымъ и честнымъ человѣкомъ. Жить такимъ образомъ не значитъ терять время по пустому».

Немножко велерѣчиво, немножко восторженно, немножко черезчуръ пропитано мелодраматическимъ презрѣніемъ къ богатству и стольже мелодраматической нѣжностью къ отвлеченной vertu, которую такъ любилъ впослѣдствіи покойникъ Робеспьеръ, но въ сущности, въ основной идеѣ, совершенно вѣрно. Нравственная самостоятельность дѣйствительно невозможна, когда человѣкъ прикрѣпленъ наглухо къ извѣстной профессіи, и когда ему некуда отступить назадъ въ случаѣ какихъ-нибудь несправедливыхъ преслѣдованій или неисполнимыхъ требованій со стороны тѣхъ лицъ или общественныхъ кружковъ, отъ которыхъ онъ зависитъ въ условіяхъ своего существованія. Всякій умственный трудъ можетъ поставить человѣка въ такое положеніе, въ которомъ ему приходится выбирать одно изъ двухъ: или ренегатство, или chomage, то-есть вынужденное прекращеніе работы, и слѣдовательно непріятный маневръ: *зубы на полку*. Такъ какъ на свѣтѣ мало такихъ героевъ, которые изъ любви къ своимъ убѣжденіямъ готовы смотрѣть въ глаза голодной смерти, и такъ какъ возможность отступить назадъ къ безопасному ручному ремеслу не существуетъ почти ни для кого, то, разумѣется, ренегаты растутъ какъ грибы по всѣмъ отраслямъ умственной дѣятельности. Такая перспектива способна запугать самыхъ храбрыхъ и расположить къ уступчивости самыхъ упорныхъ. Но такая перспектива была бы очевидно невозможна, еслибы каждый членъ образованнаго сословія выносилъ изъ школы вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ и съ научными свѣдѣніями основательное и совершенно практическое знаніе какого-нибудь ручного ремесла.

Ручное ремесло необходимо кромѣ того по своему важному и несомнѣнному вліянію на общій складъ умственнаго развитія. Источникъ всего нашего богатства, основаніе всей нашей цивилизаціи и настоящій двигатель всемірной исторіи заключаются конечно въ физическомъ трудѣ человѣка, въ прямомъ и непосредственномъ дѣйствіи человѣка на природу. Кто смотритъ на физическій трудъ издали и со стороны, кто не имѣетъ никакого понятія о томъ, что̀ значитъ собственноручно побѣждать сопротивленіе неодушевленной матеріи, тотъ по всей вѣроятности останется навсегда въ отношеніи къ самымъ важнымъ вопросамъ общественной жизни поверхностнымъ теоретикомъ и неискуснымъ, хотя и заносчивымъ, регламентаторомъ. Бюрократы пріобрѣли себѣ съ этой стороны всемірную и весьма печальную знаменитость, а въ сущности, что̀ такое бюрократъ? Бюрократъ есть именно человѣкъ, смотрящій на физическій трудъ издали и со стороны и наваливающій часто, по своему очень естественному незнанію, на чужія плечи такія тяжести, которыя превышаютъ размѣры человѣческихъ силъ. Поэтому вѣрнѣйшее средство положить конецъ дальнѣйшему размноженію бюрократовъ, которыхъ неудовлетворительность чувствуютъ въ настоящее время всѣ европейскія правительства, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать физическій трудъ необходимой составной частью общественнаго воспитанія.

Въ настоящее время вся историческая будущность западной Европы зависитъ отъ того, какимъ образомъ разрѣшится рабочій вопросъ, то-есть какимъ образомъ упрочится и обезпечится матеріальное существованіе рабочихъ населеній. Разрѣшимъ ли самъ по себѣ этотъ вопросъ или нѣтъ, объ этомъ можно высказывать разнородныя или даже противоположныя мнѣнія; но врядъ-ли возможно малѣйшее сомнѣніе на счетъ того пункта, что если этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ самъ по себѣ, то онъ разрѣшится не какими-нибудь посторонними благодѣтелями и покровителями, а только самими работниками, когда къ ихъ рабочей силѣ, практической смѣтливости и трудолюбію присоединятся ясное пониманіе междучеловѣческихъ отношеній и умѣнье возвышаться отъ единичныхъ наблюденій до общихъ выводовъ и широкихъ умозаключеній. Поэтому одна изъ важнѣйшихъ задачъ настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы совмѣстить въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ научное развитіе и физическій трудъ, между которыми лежала до сихъ поръ широкая и непроходимая бездна. Только такіе люди, которые умѣютъ въ одно и то же время работать и мыслить, окажутся способными разрѣшить вопросъ о разумной организаціи труда,—вопросъ, котораго названіе показываетъ ясно, что тутъ необходимо совокупное дѣйствіе мысли и рабочей силы. Благодаря младенческому состоянію нашей промышленности, рабочій вопросъ находится у насъ въ зародышѣ и вѣроятно долго еще не приметъ въ русской жизни тѣхъ колоссальныхъ и грозныхъ размѣровъ, которые характеризуютъ его въ Западной Европѣ; но съ нашей стороны было бы очень неосновательно думать, что эта чаша пройдетъ мимо насъ, и что наша общественная жизнь въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи никогда не наткнется на эту мудреную задачу. Поэтому, глядя на нашихъ западныхъ сосѣдей и вдумываясь въ ихъ поучительныя ошибки и страданія, мы должны заранѣе припасать тѣ матеріалы, которые требуются для удовлетворительнаго разрѣшенія этого неизбѣжнаго и неотвратимаго вопроса. Къ числу этихъ матеріаловъ должно отнести организацію прочной нравственной и умственной связи ме-

жду лабораторіей ученаго спеціалиста и мастерской простого ремесленника. Сближеніе образованнаго общества съ чернымъ народомъ, то сближеніе, о которомъ такъ уморительно и безтолково разсуждали наши умолкнувшіе *почвенники*, конечно необходимо, но только оно должно состоять не въ тупомъ уваженіи къ народной мудрости, которую совершенно справедливо осмѣиваетъ и отвергаетъ положительная наука, а въ разумной, полной, искренней и дѣятельной реабилитаціи физическаго труда, которому всѣ мы на словахъ свидѣтельствуемъ наше нижайшее почтеніе, и отъ котораго однако на дѣлѣ всѣ мы тщательно отстраняемся сами и отстраняемъ нашихъ возлюбленныхъ дѣтей. Если только физическій трудъ будетъ наравнѣ съ научными занятіями вмѣненъ въ обязанность воспитанникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній, то можно будетъ ручаться за то, что изъ этихъ заведеній будутъ выходить такіе люди, которые легко и свободно будутъ сближаться съ простымъ народомъ, и на которыхъ народъ не будетъ смотрѣть, какъ на чужихъ людей, неспособныхъ сознательно сочувствовать его интересамъ. Простой народъ всегда и вездѣ дѣлитъ все человѣчество на такихъ людей, которые работаютъ сами, и на такихъ, за которыхъ работаютъ другіе; первыхъ онъ считаетъ своими, а вторыхъ—чужими. Кто упускаетъ изъ виду эту простую истину, тому нечего и мечтать о сближеніи съ народомъ. Ничто, кромѣ физическаго труда, не ведетъ къ искреннему сближенію.

XIII.

Вводя физическій трудъ въ учебное заведеніе, надо, разумѣется, постоянно имѣть въ виду требованія гигіены. Поэтому очевидно, что въ учебномъ заведеніи совершенно неумѣстны такія ремесла, которыя вредятъ здоровью работника, или такія, которымъ надо заниматься сидя. Неудобными оказываются также тѣ работы, при которыхъ необходимо имѣть дѣло съ огнемъ или съ химическими кислотами. Ни булочниковъ, ни красильщиковъ, ни ткачей, ни кузнецовъ, ни слесарей, ни портныхъ, ни сапожниковъ нельзя формировать въ учебныхъ заведеніяхъ. Я совершенно соглашаюсь съ Руссо, выбравшимъ для своего Эмиля столярное ремесло; дѣйствительно, трудно найти другую отрасль физическаго труда, которая соединяла бы въ себѣ такъ много удобствъ и преимуществъ, какъ съ гигіенической, такъ и съ педагогической точки зрѣнія. Столяръ работаетъ большей частью стоя и дѣлаетъ руками сильныя и разнообразныя движенія, которыя могутъ служить превосходнымъ дополненіемъ гимнастики. Столяръ имѣетъ дѣло съ такимъ чистымъ матеріаломъ, который не даетъ отъ себя ни тяжелаго запаха, ни пыли, вредной для дыхательныхъ органовъ. Наконецъ столяръ, менѣе всякаго другого ремесленника, рискуетъ одурѣть и сдѣлаться автоматомъ. Столяру приходится постоянно размѣрять и соображать, упражнять вѣрность глаза и вѣрность руки, дѣйствовать циркулемъ и наугольникомъ, словомъ, прикладывать къ практическому дѣлу истины элементарной геометріи.

Принимая въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, я полагаю, что воспитанникамъ каждаго учебнаго заведенія было бы очень полезно во всѣхъ отношеніяхъ заниматься ежедневно, впродолженіи трехъ или четырехъ часовъ, столярнымъ и токарнымъ ремесломъ. Мнѣ кажется, что назначенная мною сумма 1,000 рублей совершенно покрыла бы всѣ издержки, необходимыя для содержанія мастерской, покрыла бы ихъ даже въ первые два или три года, когда неопытные работники портили бы матеріалъ и инструменты въ самомъ значительномъ количествѣ. Возьмемъ самыя невыгодныя условія: положимъ, что въ зданіи гимназіи нѣтъ мѣста для устройства мастерской, которая конечно требуетъ довольно просторнаго помѣщенія. Тогда надо будетъ нанять возлѣ гимназіи особенную квартиру; положимъ на наемъ квартиры 500 рублей; за эту цѣну можно нанять комнатъ пять или шесть даже въ Петербургѣ, а въ губернскомъ городѣ можно будетъ нанять цѣлый большой домъ. На жалованье того столяра, который будетъ управлять работами гимназистовъ, положимъ 300 рублей. На порчу матеріала остается 200 рублей. Неужели гимназисты испортятъ дерева больше чѣмъ на 200 рублей! и неужели мастерская въ первый годъ не сработаетъ ни одной такой доски, ни одного такого простого ящика, которые могли бы пойти въ продажу? Правда, что обученіе тѣхъ мальчиковъ, которые отдаются на выучку къ хозяевамъ, продолжается очень долго, года по четыре и больше, но вѣдь это происходитъ не отъ того, что ремесло дѣйствительно трудно и головоломно, а отъ того, что первые годы ученія тратятся мальчикомъ обыкновенно на исполненіе разныхъ мелкихъ коммисій, которыя даютъ ему хозяинъ и подмастерья и которыя, развивая быстроту его ногъ, въ то же время нисколько не знакомятъ его съ техническими тайнами мастерской. Такъ какъ воспитанники гимназіи ни одного дня не будутъ состоять на посылкахъ, то по всей вѣроятности усвоеніе мастерства пойдетъ у нихъ несравненно скорѣе, такъ что на третій или на четвертый годъ своего существованія мастерская будетъ содержаться своими собственными средствами, и управлять работами будетъ не наемный столяръ, а ремесленный комитетъ, составленный изъ опытныхъ и свѣдущихъ гимназистовъ старшихъ классовъ.

Въ гимназіяхъ, возражаетъ мнѣ читатель, учатся преимущественно приходящіе ученики, а время столярныхъ занятій будетъ назначено

по всей вѣроятности послѣ обѣда, потому что утромъ происходитъ классное ученіе; стало быть, ученикамъ придется ходить въ гимназію по два раза въ день. Это неудобно. Особенно неудобнаго тутъ нѣтъ ничего, отвѣчу я. Послѣобѣденные классы бывали во многихъ провинціальныхъ гимназіяхъ. Пройти лишній разъ по улицѣ не велика бѣда для здоровыхъ ребятъ. А для тѣхъ, которые живутъ отъ гимназіи слишкомъ далеко, можно устроить завтракъ и обѣдъ въ гимназіи за особенную плату. Ученики, ночующіе дома, но пользующіеся завтракомъ и обѣдомъ въ стѣнахъ заведенія, существуютъ въ настоящее время и называются *полупансіонерами*. О нихъ упоминается и въ новомъ уставѣ, въ § 83.

Въ гимназіи, возражаетъ далѣе читатель, бываетъ иногда до 300 учениковъ, иногда даже того больше. Если вы всю эту ватагу поведете въ мастерскую и отдадите подъ руководство одному мастеру, то вѣдь это выйдетъ столпотвореніе вавилонское. Что-жъ онъ одинъ съ ними сдѣлаетъ? Тутъ нужно по меньшей мѣрѣ человѣкъ тридцать учителей.—И прекрасно! отвѣчу я. Если нужно тридцать учителей, то ихъ и будетъ тридцать. А понадобится шестьдесятъ, и шестьдесятъ найдемъ. Устроить это очень не трудно. Никто вамъ не говоритъ, что съ перваго-же дня послѣ открытія мастерской надо сразу напустить туда цѣлый легіонъ учениковъ, неимѣющихъ понятія о столярномъ ремеслѣ. Это было-бы вѣрнѣйшее средство сразу испортить все дѣло такъ, что потомъ трудно было бы и поправить. Сначала надо выбрать изъ всей гимназіи человѣкъ десять, и потомъ ждать, покуда эти десять не выучатся настолько, чтобы быть помощниками мастера при управленіи работами. Когда эти десять будутъ готовы, тогда можно каждому изъ нихъ поручить по три ученика. Такимъ образомъ въ мастерской окажется уже сорокъ работниковъ. Черезъ нѣсколько времени къ этимъ сорока можно будетъ присоединить еще сорокъ, потомъ къ этимъ восьмидесяти—еще восемьдесятъ, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока вся гимназія не акклиматизируется въ мастерской. Сколько времени потребуется на акклиматизацію, этого я, разумѣется, не знаю. Это видно будетъ изъ опыта, и я могу только замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ тщательно избѣгать излишней торопливости, которая можетъ все перепутать, даже дискредитировать въ глазахъ общества основную идею. Само собой разумѣется, что первые десять учениковъ должны быть выбраны изъ четырехъ младшихъ классовъ для того, чтобы они успѣли выучиться сами и выучить другихъ до выхода своего изъ гимназіи. Понятно также, что эти десять должны быть взяты въ мастерскую не насильно, а по собственной охотѣ, и что ихъ слѣдуетъ выбрать изъ лучшихъ учениковъ для того, чтобы право работать въ мастерской считалось въ обществѣ воспитанниковъ за особенную честь. Всѣ эти предосторожности необходимы только въ самомъ началѣ дѣла для того, чтобы у воспитанниковъ не возникло предубѣжденія противъ физическаго труда, какъ противъ излишняго бремени, наложеннаго на нихъ по прихоти начальства. Когда же занятія въ мастерской обратятся въ общую привычку, тогда конечно всякое различіе между лучшими и худшими учениками должно будетъ совершенно сгладиться. Легко можетъ быть, и даже правдоподобно, что многіе молодые люди, очень мало расположенные къ научнымъ занятіямъ, окажутся превосходными ремесленниками и найдутъ себѣ свое настоящее мѣсто за токарнымъ станкомъ или за верстакомъ столяра.

А какимъ образомъ будетъ устроена промышленная часть мастерской? Кто будетъ принимать заказы, продавать готовыя издѣлія и производить закупку матеріала? Высшій контроль по всѣмъ этимъ дѣламъ долженъ конечно принадлежать директору гимназіи вмѣстѣ съ инспекторомъ и педагогическимъ совѣтомъ. Контроль этотъ долженъ однако имѣть чисто-охранительное значеніе; онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы не было самовольной и недобросовѣстной растраты суммъ. Что же касается до чисто промышленныхъ подробностей дѣла, то онѣ должны находиться сначала въ рукахъ нанятого столяра, а потомъ, когда этотъ столяръ окажется излишнимъ, въ рукахъ старшихъ и благонадежныхъ воспитанниковъ, достаточно ознакомившихся со всѣмъ механизмомъ этого дѣла. Выручаемыя деньги должны употребляться прежде всего на содержаніе мастерской, которая впослѣдствіи по всей вѣроятности будетъ поддерживать себя своими собственными средствами. Что-же касается до чистыхъ барышей, то, разумѣется, они должны дѣлиться между работниками по общему соглашенію, въ которое начальство совсѣмъ не должно вмѣшиваться.

Многіе изъ моихъ читателей давно уже начали улыбаться саркастической улыбкой, и теперь конечно, дойдя до того мѣста, гдѣ гимназисты превращаются въ промышленниковъ и дѣлятъ между собой барыши, эти насмѣшливые читатели помираютъ со смѣху и называютъ меня наивнѣйшимъ строителемъ воздушныхъ замковъ. На эти насмѣшки и на этотъ самодовольный хохотъ я не буду отвѣчать рѣшительно ни слова. Я знаю очень хорошо, что очень многіе солидные люди видятъ воздушные замки и нелѣпыя утопіи въ каждой идеѣ, не вполнѣ согласной съ общимъ строемъ ихъ закоренѣлыхъ привычекъ и неистребимыхъ предразсудковъ. Я знаю также, что этихъ почтенныхъ людей не проймешь логическими доказательствами, и что отъ нихъ не дождешься обстоятельныхъ возраженій. Совѣтую этимъ почтеннымъ людямъ

углубиться въ благоговѣйное чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей», а я пойду дальше, не обращая вниманія на ихъ остроумныя насмѣшки и восклицанія.

XIV.

Реформа гимназій, произведенная по вышеуказанному плану, естественнымъ образомъ влечетъ за собой столь-же радикальную реформу университетовъ. Въ настоящее время нѣкоторые факультеты университетовъ замѣтно пустѣютъ, а нѣкоторые другіе наполняются студентами вслѣдствіе чистаго недоразумѣнія, то-есть благодаря тому очень печальному обстоятельству, что большинство молодыхъ людей поступаетъ въ университетъ, не зная ни своихъ собственныхъ наклонностей, способностей и умственныхъ потребностей, ни общаго значенія тѣхъ наукъ, за изученіе которыхъ они принимаются. Къ пустѣющимъ факультетамъ относятся историко-филологическій и факультетъ восточныхъ языковъ. Около 1856 года по историко-филологическому факультету въ Петербургскомъ университетѣ кончилъ курсъ *одинъ* студентъ. Это фактъ вполнѣ достовѣрный; онъ извѣстенъ всѣмъ студентамъ того времени, и я до сихъ поръ запомнилъ даже фамилію того молодого человѣка, который впродолженіи цѣлаго года составлялъ своей особой весь четвертый курсъ историко-филологическаго факультета. Что этотъ единственный студентъ кончилъ курсъ *первымъ* кандидатомъ, въ этомъ мои читатели вѣроятно не усомнятся. На факультетѣ восточныхъ языковъ, если не ошибаюсь, число профессоровъ превышаетъ число студентовъ, несмотря на то, что этотъ факультетъ существуетъ только при двухъ университетахъ, и что слѣдовательно въ нихъ должны стекаться со всей Россіи всѣ молодые люди, желающіе обогатить свой умъ и развить свое эстетическое чувство изученіемъ арабской, турецкой, татарской, калмыцкой и многихъ другихъ столь же богатыхъ и просвѣтительныхъ литературъ. Умственное тяготѣніе Россіи къ Востоку съ одной стороны и къ классической древности съ другой стороны оказывается очевидно очень слабымъ, и я осмѣливаюсь думать, что оно съ каждымъ годомъ будетъ становиться все слабѣе и слабѣе, если только московскимъ публицистамъ не удастся придумать какой-нибудь особенный снарядъ для искусственнаго оживленія этихъ угасающихъ симпатій.

Къ числу факультетовъ, наполняющихся по недоразумѣнію, относятся безъ всякаго сомнѣнія факультеты юридическій и камеральный. Оба эти факультета переполнены слушателями, и это обстоятельство показываетъ намъ особенно наглядно, до какой степени поверхностными и безсознательными остаются до настоящаго времени отношенія нашего общества къ наукѣ. Наука служитъ нашему обществу даже не дойной коровой, а просто благообразной вывѣской, за которой скрывается въ совершенной безопасности старое непочатое невѣжество.—Юридическій факультетъ готовитъ или по крайней мѣрѣ старается готовить чиновниковъ; камеральный факультетъ старается избѣгнуть, и дѣйствительно избѣгаетъ съ полнымъ успѣхомъ всякой научной спеціальности и дѣятельности. Первый—однимъ своимъ названіемъ пробуждаетъ въ честолюбивыхъ родительскихъ душахъ обаятельныя грезы о блестящихъ бюрократическихъ карьерахъ; второй—изображаетъ собою диллетантизмъ, возведенный въ систему.

Именно въ этихъ особенностяхъ обоихъ факультетовъ заключается вся ихъ притягательная сила. Тѣ люди, которые ко всякой наукѣ относятся такъ же отрицательно, какъ относился къ ней Фамусовъ, — въ то же время чувствуютъ самую глубокую нѣжность ко всякимъ аттестатамъ и дипломамъ и поэтому очень желаютъ снабдить своихъ дѣтей такими документами, въ которыхъ было бы засвидѣтельствовано ихъ примѣрное прилежаніе. Какъ же это сдѣлать? Какъ пріобрѣсти благообразный документъ, не отдавая благовоспитанныхъ дѣтей на жертву скучнымъ и совершенно безполезнымъ наукамъ? Благовоспитанное дитя должно непремѣнно сдѣлаться кандидатомъ университета, но оно ни подъ какимъ видомъ не должно вдаваться въ ученость. Оно рождено для того, чтобы блистать въ свѣтѣ и купаться въ сливкахъ высшаго общества. Если оно измѣнитъ своему назначенію, если оно вздумаетъ погрузиться въ книжную пыль и запереться въ своемъ кабинетѣ, то его осмѣютъ его блестящіе сверстники, и тогда сердца его родителей будутъ непрестанно обливаться кровью. Какъ же устроить дѣло такъ, чтобы благовоспитанное дитя имѣло при себѣ кандидатскій дипломъ и чтобы оно въ то же время не утратило охоты и способности блистать наравнѣ со своими сверстниками?—Надо помѣстить благовоспитанное дитя на юридическій или камеральный факультетъ. Тамъ оно навѣрное ни къ какой наукѣ не пристрастится и тамъ оно пріобрѣтетъ себѣ желанный дипломъ посредствомъ усерднаго зубренія профессорскихъ записокъ во время приготовленія къ переходнымъ и къ выпускному экзаменамъ. Если благовоспитанное дитя не принадлежитъ къ разряду безнадежныхъ идіотовъ или самыхъ отчаянныхъ лѣнтяевъ, то конечно оно завоевываетъ себѣ кандидатскій дипломъ и отправляется, куда слѣдуетъ, служить и блистать.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: зачѣмъ это дитя появилось въ университетѣ? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать, что дитя было жертвой смѣшного и печальнаго недоразумѣнія, вслѣдствіе котораго люди, глубоко презирающіе науку, съ наивной жадностью хватаются за ея внѣшніе знаки и аттрибуты. Много лѣтъ тому назадъ

правительство, желая пріохотить нашихъ соотечественниковъ къ высшему образованію, предоставило по службѣ нѣкоторыя права и преимущества кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ университетовъ. Распоряженіе это, очевидно клонившееся къ тому, чтобы обогатить Россію развитыми и мыслящими людьми, послужило поводомъ къ громадному недоразумѣнію, которое не прекратилось до настоящей минуты. Наши университеты наполнились искателями правъ и преимуществъ, совершенно равнодушными къ знанію и способными только сдавать экзамены; наши присутственныя мѣста наполнились счастливыми обладателями дипломовъ, не усвоившими себѣ въ университетѣ ни практической опытности, ни теоретическаго развитія, ни даже твердыхъ нравственныхъ убѣжденій; а между тѣмъ наше общество, въ лицѣ самыхъ вліятельныхъ своихъ представителей, смотрѣло съ умиленіемъ на этихъ патентованныхъ недорослей и ласкало себя той увѣренностью, что чѣмъ больше оно наплодитъ такихъ кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ, тѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе разовьетъ оно въ себѣ самое блестящее образованіе. Для огромнаго большинства нашихъ учащихся юношей четырехлѣтнее пребываніе въ университетѣ превратилось въ обрядъ, который заканчивался полученіемъ диплома и потомъ дѣйствовалъ на всю дальнѣйшую жизнь бывшаго студента именно только посредствомъ правъ и преимуществъ, связанныхъ съ дипломомъ, а никакъ не посредствомъ какихъ-нибудь руководящихъ идей, воспринятыхъ въ университетѣ и развивающихся въ житейской практикѣ. Такъ какъ вся сила образованія заключается, по мнѣнію нашего общества, въ дипломѣ, а не въ идеяхъ, и такъ какъ всѣ факультеты университета даютъ своимъ слушателямъ равносильные дипломы, то, разумѣется, наше общество, неспособное и не желающее обсуживать образовательное значеніе различныхъ наукъ, предпочитаетъ юридическій факультетъ, какъ преддверіе гражданской службы, и камеральный, какъ разсадникъ милыхъ свѣтскихъ юношей, не углубляющихся ни во что, но имѣющихъ легкое понятіе обо всемъ.

Еслибы сегодня были отмѣнены права и преимущества, предоставленныя кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ, то на завтрашній же день число слушателей во всѣхъ нашихъ университетахъ убавилось бы по крайней мѣрѣ на половину, и почти всѣ наши юристы и камералисты переселились бы изъ университетскихъ аудиторій въ различныя канцеляріи или же преобразились бы въ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ юнкеровъ. Факультеты юридическій и камеральный опустѣли бы почти совершенно, между тѣмъ какъ на остальные факультеты отмѣна правъ и преимуществъ не произвела бы никакого замѣтнаго вліянія.

Почему обнаружилось бы между факультетами такое рѣзкое различіе — понять не трудно. Кто хочетъ сдѣлаться учителемъ математики — тотъ *дѣйствительно* нуждается въ математическихъ знаніяхъ. Кто хочетъ сдѣлаться натуралистомъ, тотъ *дѣйствительно* нуждается въ основательныхъ свѣдѣніяхъ по различнымъ отраслямъ естествознанія. Кто хочетъ сдѣлаться медикомъ, тому *дѣйствительно* необходимы профессорскія лекціи, анатомическій театръ и клиника. Для всѣхъ этихъ людей знанія составляютъ въ жизни рабочій инструментъ, и за этимъ рабочимъ инструментомъ они и отправляются въ университетъ. Вмѣстѣ съ инструментомъ имъ даютъ въ университетѣ дипломъ; они берутъ и дипломъ, потому что, во-первыхъ, нѣтъ причины не брать, а во-вторыхъ, нѣтъ возможности отказаться, еслибы даже и явилась подобная фантазія. Но если выдача дипломовъ прекратится, то притокъ людей, идущихъ въ университетъ за рабочимъ инструментомъ, нисколько не ослабѣетъ, именно потому, что эти люди добываютъ себѣ въ университетѣ не дипломъ, а рабочій инструментъ, который очевидно будетъ выдаваться имъ попрежнему.

У юристовъ и камералистовъ, напротивъ того, вопросъ ставится совсѣмъ иначе. Кто хочетъ сдѣлаться чиновникомъ, тотъ *дѣйствительно* нуждается только въ знаніи русскаго языка, въ умѣньи обращаться за справками къ Своду законовъ и въ служебномъ навыкѣ. Русскій языкъ изучается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а практическое знакомство со Сводомъ законовъ и съ служебной процедурой пріобрѣтается на самой службѣ по французской пословицѣ: «à force de forger on devient forgeron». Въ университетѣ не имѣется такого рабочаго инструмента, который былъ бы приложимъ къ канцелярской служебной дѣятельности, и поэтому теперешніе юристы и камералисты послѣ отмѣны правъ и преимуществъ сообразятъ немедленно, что имъ гораздо выгоднѣе употребить на усвоеніе служебнаго навыка тѣ четыре года, которые въ университетскихъ аудиторіяхъ потратились бы на философію права и на поучительный анализъ различныхъ юридическихъ фикцій, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ скромнымъ обязанностямъ столоначальника и его помощниковъ.

Думаете-ли вы, читатель, что русская наука и русская жизнь потеряли бы что нибудь вслѣдствіе этого основательнаго размышленія нашихъ юристовъ и камералистовъ? Если вы это думаете, то вамъ не мѣшало-бы въ этомъ разувѣриться. Значительная убыль въ общемъ числѣ русскихъ студентовъ и совершенное упраздненіе двухъ самыхъ многочисленныхъ факультетовъ—разсѣяли бы только тотъ долговременный оптическій обманъ, который до сихъ поръ скрываетъ отъ нашихъ добродушныхъ оптимистовъ нашу крайнюю умственную нищету. На самомъ

же дѣлѣ не произошло бы ни малѣйшей перемѣны въ худшему. Кто работаетъ, тотъ продолжалъ бы работать попрежнему, а кто джентльмэнствуетъ, тотъ попрежнему продолжалъ бы джентльмэнствовать, только безъ университетскаго диплома. Васъ, читатель мой, конечно сокрушаетъ то обстоятельство, что тогда значительно убавилось бы число чиновниковъ, получившихъ университетское образованіе. Это обстоятельство перестанетъ сокрушать васъ, какъ только вы убѣдитесь въ томъ, что вы до сихъ поръ любовались призраками и удовлетворялись милыми, но пустыми звуками. Вы привыкли давать общее имя университетскаго образованія семи совершенно различнымъ системамъ образованія, которыя никакъ не могутъ взаимно уравновѣшивать другъ друга. Одинъ студентъ занимается дифференціальнымъ исчисленіемъ и астрономіей, другой—зоологіей и ботаникой, третій—хирургіей и терапіей, четвертый—славянскими древностями и трагедіями Софокла, пятый—калмыцкой грамматикой и стихотвореніями Гафиза Фирдуси, шестой—Русской Правдой и пандектами Юстиніана; седьмой хватаетъ всего понемногу, то-есть слушаетъ однѣ лекціи съ юристами, другія—съ натуралистами, третьи—съ филологами. Пока эти семь человѣкъ носятъ одинаковой формы сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и съ синимъ воротникомъ, до тѣхъ поръ вы всѣхъ ихъ называете студентами. Потомъ, когда они показываютъ вамъ большой пергаментный листъ съ большой печатью, вы всѣхъ ихъ называете кандидатами (впрочемъ нѣтъ, одного изъ нихъ вы называете лекаремъ). Въ томъ и другомъ случаѣ всѣ они въ вашихъ глазахъ совершенно равны между собой; одинаково-синіе воротники и одинаково-величественные дипломы сглаживаютъ между ними всякое различіе; оказывается такимъ образомъ, что калмыцкая грамматика и дифференціальное исчисленіе, пандекты Юстиніана и зоологія, *всего понемножку* и медицина въ вашихъ глазахъ совершенно уравновѣшиваютъ другъ друга.

Не трудно понять однако, что образовательное вліяніе этихъ предметовъ вовсе не одинаково,—что мыслительныя способности семи разсматриваемыхъ субъектовъ развернутся далеко неравномѣрно и что ихъ міросозерцанія окажутся совершенно не сходными. Если вы это понимаете, то потрудитесь объяснить мнѣ, которое изъ данныхъ семи образованій вы предпочитаете всѣмъ остальнымъ? Если-же вы этого не понимаете и если всѣ семь различныхъ образованій сливаются для васъ въ одну неопредѣленную массу, къ которой вы питаете безотчетную нѣжность, то позвольте мнѣ объяснить вамъ, что васъ прельщаютъ просто непонятныя для васъ слова «*образованіе*» и «*университетъ*», и что еслибы при университетѣ былъ учрежденъ завтра какой-нибудь восьмой факультетъ, напримѣръ геральдическій,—для изученія гербовъ, то вы и на этотъ восьмой факультетъ распространили бы вашу всеобъемлющую и расплывающуюся нѣжность. Когда вы вдумаетесь въ это обстоятельство, то вы вѣроятно согласитесь сами, что при теоретическомъ обсужденіи серьезнаго дѣла на вашу безсознательную нѣжность къ плѣнительнымъ словамъ не стоитъ обращать ни малѣйшаго вниманія. Если чиновники наши не будутъ знакомы съ пандектами Юстиніана и съ философіей права Гегеля, то они отъ этого нисколько не сдѣлаются хуже теперешняго. Общество-же наше останется тогда въ чистомъ выигрышѣ, потому что оно яснѣе теперешняго будетъ понимать свои собственныя отношенія къ наукѣ и не будетъ называть наукой безплодную и мертвую юридическую метафизику, которую завѣщали намъ римляне и средневѣковые схоластики вмѣстѣ со многими другими столь-же драгоцѣнными сокровищами.

XV.

Чтобы опредѣлить тѣ основанія, на которыхъ должны быть перестроены за-ново наши университеты, надо прежде всего отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ такое общее образованіе, на что̀ оно нужно, чѣмъ оно полезно, въ чемъ должно состоять его вліяніе на жизнь и дѣятельность образованнаго человѣка. Мнѣ кажется, что общее образованіе есть скрѣпленіе и осмысленіе той естественной связи, которая существуетъ между отдѣльной личностью и человѣчествомъ. Общее образованіе выводитъ васъ изъ тѣснаго круга вашихъ непосредственныхъ личныхъ интересовъ, разъясняетъ вамъ ваши отношенія къ окружающей природѣ, описываетъ вамъ то мѣсто, которое вы, какъ человѣкъ, занимаете въ ряду другихъ органическихъ существъ, характеризуетъ вамъ потребности и стремленія того народа, среди котораго мы родились, и опредѣляетъ вамъ значеніе и направленіе тѣхъ историческихъ силъ и культурныхъ элементовъ, которые накладываютъ свою печать на вашу жизнь, личность и дѣятельность. Давая вамъ возможность интересоваться тѣми вопросами науки и жизни, которые занимаютъ лучшихъ и умнѣйшихъ людей вашего времени, общее образованіе обогащаетъ ваше существованіе такими тревогами и наслажденіями, которыя совершенно непонятны и недоступны вашимъ необразованнымъ современникамъ и соотечественникамъ. Польза общаго образованія и его живительное вліяніе на отдѣльную личность заключаются именно въ этихъ тревогахъ и наслажденіяхъ, въ которыхъ выражается способность понимать все и сочувствовать всему, что̀ въ данную минуту волнуетъ и радуетъ весь образованный міръ. Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за общими интересами современнаго человѣчества, подмѣчая и обсуживая каждую новую по-

бѣду разума надъ инерціей природы и надъ рутиной тупыхъ и близорукихъ людей, стараясь по мѣрѣ силъ упрочить и расширить вліяніе этой побѣды въ вашемъ собственномъ кругу, вы постоянно вносите въ вашу личную жизнь все величіе и всю чистоту тѣхъ непобѣдимыхъ и неистребимыхъ идей, за воплощеніе и осуществленіе которыхъ борются, страдаютъ и умираютъ лучшіе изъ вашихъ современниковъ.

Привязывая такимъ образомъ, по выраженію Некрасова, вашу лодку къ кормѣ большого корабля, вы навсегда застраховываете себя отъ нравственнаго измельченія и опошленія; умѣя понимать и любить все, что̀ подвигаетъ впередъ дѣло человѣческаго благосостоянія и умственнаго совершенствованія, умѣя направлять свои мысли и симпатіи въ такія земли, гдѣ вы никогда не бывали, и даже въ такую даль будущаго, до которой вы не доживете, — вы развиваете въ себѣ способность смотрѣть со стороны или, такъ сказать, à vol d'oiseau на тѣ мелкія препятствія, неудачи, утраты и непріятности, изъ которыхъ обыкновенно складывается наша вседневная жизнь, и которыя ежеминутно заставляютъ неразвитыхъ людей охать, плакать, рвать на себѣ волосы и выражать разными другими, столь же плоскими манерами крайнюю растрепанность своихъ чувствъ. Вы счастливы и спокойны въ то самое время, когда ваши знакомые считаютъ своимъ долгомъ сожалѣть о васъ, какъ о несчастнѣйшемъ страдальцѣ. Вы счастливы и спокойны, потому что видите, что *большой корабль* величественно и ровно подвигается впередъ, и что ваша маленькая лодка, привязанная къ нему крѣпкимъ канатомъ, легко и свободно слѣдуетъ за всѣми его движеніями. Чистая красота и постоянно возрастающее богатство вашего умственнаго міра съ избыткомъ вознаграждаютъ васъ за тѣ внѣшнія неудобства, которыя на гиперболическомъ языкѣ вашихъ знакомыхъ называются огорченіями, несчастіями и страданіями. Впрочемъ, наслаждаясь гармоніей вашего умственнаго міра, въ которомъ находятъ себѣ отзывъ всѣ великіе интересы современной дѣйствительности, вы вслѣдствіе этого нисколько не теряете способности устроивать основательно и благоразумно ваши собственныя личныя или семейныя дѣла. Напротивъ того, умѣя смотрѣть à vol d'oiseau на неизбѣжныя житейскія передряги, вы именно вслѣдствіе этого умѣнья сохраняете полное хладнокровіе и совершенное присутствіе духа, которыя и помогаютъ вамъ выпутаться изъ этихъ передрягъ быстро, дешево и успѣшно, между тѣмъ какъ другіе люди, называвшіе васъ мечтателями и считавшіе самихъ себя за образцовыхъ практиковъ, въ такихъ же точно передрягахъ унываютъ, теряются, запутываются и доводятъ себя со всей своей практичностью до безвыходнаго положенія.

Итакъ, общее образованіе даетъ всей жизни человѣка извѣстный колоритъ, извѣстный смыслъ и извѣстное направленіе; оно проникаетъ собой весь его характеръ и образъ мыслей. Общее и спеціальное образованіе взаимно дополняютъ другъ друга: спеціальное даетъ человѣку въ руки рабочій инструментъ, а общее образованіе заставляетъ человѣка пристроить свою рабочую силу такъ, чтобы она содѣйствовала общему движенію *большого корабля*. Чтобы удовлетворительнымъ образомъ исполнить свое назначеніе, общее образованіе очевидно должно снабдить человѣка такими знаніями, которыя позволяли бы ему понимать труды и тенденціи передовыхъ мыслителей и дѣятелей данной эпохи. Такъ какъ смыслъ этихъ трудовъ и тенденцій въ различныя историческія эпохи бываетъ различный, то не трудно понять, что и общее образованіе должно постоянно видоизмѣняться вмѣстѣ съ потребностями и обстоятельствами даннаго времени. Такъ напримѣръ, въ XVI столѣтіи общее образованіе должно было заключаться преимущественно въ тщательномъ изученіи латинскаго и греческаго языковъ, потому что въ это время философія и поэзія языческой древности производили полный переворотъ въ идеяхъ и въ чувствахъ образованныхъ европейцевъ. Безъ древнихъ языковъ въ то время не было возможности привязать *лодку* отдѣльной личности къ *большому кораблю* мыслящаго человѣчества. Въ настоящее время вопросъ ставится иначе. Умственное движеніе нашей эпохи совершается конечно не въ области классической филологіи. Въ эту опустѣлую область стараются затянуть насильно наше юношество именно тѣ достойные публицисты, которые систематически поворачиваются спиной къ умственному движенію нашего времени. Всѣ великія открытія, всѣ одушевленные споры и разсужденія нашего времени относятся или къ области естествознанія, или къ различнымъ отдѣламъ создающейся соціальной науки. Поэтому въ наше время естествознаніе составляетъ настоящій центръ общаго образованія. Кто знаетъ естественныя науки, тотъ знаетъ все, что̀ долженъ знать современно-образованный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что естественныя науки даютъ человѣку ту подготовку, при помощи которой онъ уже безъ руководителя можетъ слѣдить, втеченіи всей своей жизни, за развитіемъ и разработкой различныхъ соціальныхъ вопросовъ.

Основаніе изученію природы было положено въ гимназіяхъ посредствомъ тѣхъ усиленныхъ математическихъ занятій, которыя составляютъ существенный смыслъ этой программы. Университетъ очевидно долженъ строить дальше на томъ фундаментѣ, который заложенъ гимназіей. Университетъ долженъ давать *высшее общее* образованіе, и поэтому раздѣленіе на факультеты совершенно безполезно. Общее образованіе

въ каждую данную эпоху можетъ быть только *одно;* дробить его на части не слѣдуетъ и невозможно; а соединять въ одномъ заведеніи общее образованіе и нѣсколько спеціальныхъ — значитъ сбивать съ толку такое общество, которое и безъ того не отличается своей толковостью.

Уничтоженіе факультетовъ конечно кажется читателю чрезвычайно радикальной и даже дерзкой мыслью; но есть основаніе думать, что это уничтоженіе совершится естественнымъ образомъ. Факультеты историко-филологическій и восточный по всей вѣроятности скончаются естественной смертью, не дожидаясь даже отмѣны правъ. Факультеты юридическій и камеральный опустѣютъ немедленно, какъ только дипломы потеряютъ свою магическую силу; даже гласное судоустройство не удержитъ студентовъ на этихъ факультетахъ, если только университетскій дипломъ не сдѣлается необходимымъ *формальнымъ* условіемъ для каждаго практикующаго адвоката. Если можно будетъ заниматься адвокатурой безъ университетскаго диплома, то молодые люди, желающіе сдѣлаться адвокатами, будутъ поступать на нѣсколько времени въ ученики къ опытнымъ практикамъ, такъ точно, какъ это дѣлается въ Англіи.

Такимъ образомъ въ университетѣ останутся математики, натуралисты и медики. Каждый медицинскій факультетъ, какъ чисто-спеціальное училище, можетъ съ величайшимъ удобствомъ отдѣлиться отъ университета и превратиться въ медицинскую академію. Затѣмъ останутся только математики и натуралисты, то-есть два отдѣленія одного физико-математическаго факультета. Такъ какъ преподаваніе математики въ гимназіяхъ по моему плану значительно усилено, то въ гимназіяхъ будутъ проходиться многія изъ тѣхъ частей чистой математики, которыя теперь читаются въ университетѣ. Аналитическую геометрію можно будетъ цѣликомъ перенести въ гимназію. Что касается до дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, то его, разумѣется, надо будетъ оставить въ университетѣ, если оно окажется слишкомъ мудренымъ для шестнадцати и семнадцатилѣтнихъ гимназистовъ. — Два оставшіеся факультета, математическій и естественный, сольются въ одинъ факультетъ, пожертвовавши при этомъ сліяніи тѣми отдѣльными науками, въ которыхъ въ настоящее время выражается ихъ спеціализмъ. Послѣ этого сліянія университетскій курсъ расположится по слѣдующему плану, вполнѣ соотвѣтствующему тѣмъ требованіямъ, которымъ въ настоящее время должно удовлетворять общее образованіе.

I курсъ.

1) Дифференціальное и интегральное исчисленіе.
2) Теоретическая механика.
3) Астрономія.

II курсъ.

1) Высшая физика.
2) Неорганическая химія.
3) Органическая химія.

III курсъ.

1) Сравнительная анатомія растеній и животныхъ.
2) Сравнительная физіологія растеній и животныхъ.
3) Гигіена.

IV курсъ.

1) Геологія.
2) Географія.
3) Исторія.

XVI.

Въ предлагаемой программѣ я прошу читателя обратить вниманіе на два обстоятельства; во-первыхъ, на то, что науки расположены въ ней сообразно съ ихъ возрастающей сложностью, и во-вторыхъ, что вниманіе студентовъ втеченіи каждаго курса будетъ постоянно сосредоточиваться на очень незначительномъ количествѣ наукъ, которыя вслѣдствіе этого конечно будутъ изучаться основательнѣе, чѣмъ онѣ изучаются теперь, — затѣмъ я сдѣлаю еще нѣсколько частныхъ примѣчаній и поясненій къ моей программѣ.

Высшей физикой я называю тѣ части этой науки, которыя не были пройдены въ гимназіи или были пройдены слегка и поверхностно, по недостатку времени или же вслѣдствіе того, что воспитанники не были еще знакомы съ нѣкоторыми частями высшей математики. Читатель вѣроятно удивится тому, что въ моей программѣ совсѣмъ нѣтъ зоологіи и ботаники. Я полагаю, что сравнительная анатомія и сравнительная физіологія совершенно достаточно ознакомляютъ студентовъ съ устройствомъ и съ отправленіемъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, а также и съ главными видоизмѣненіями, которымъ подвергаются это устройство и эти отправленія на различныхъ ступеняхъ органической лѣстницы. При этомъ, разумѣется, студенты узнаютъ также основныя черты зоологической и ботанической классификаціи; что же касается до мелкихъ подробностей этой классификаціи, то, во-первыхъ, онѣ важны и интересны только для записныхъ натуралистовъ, а во-первыхъ, изученіе теперешней классификаціи по всей вѣроятности окажется скоро напрасной тратой времени, потому что идеи Дарвина навѣрное произведутъ въ ней очень глубокія измѣненія. Основательное изученіе гигіены я считаю необходимымъ, во-первыхъ, для вседневной жизни, гдѣ польза этой науки не можетъ подлежать сомнѣнію, и во-вторыхъ, для яснаго пониманія многихъ соціальныхъ вопросовъ, въ которыхъ гигіеническая точка зрѣнія съ каждымъ годомъ становится болѣе

важной и неизбѣжной. Вопросы о школахъ, о тюрьмахъ, о фабрикахъ, о народномъ продовольствіи, о рабочей платѣ, о числѣ рабочихъ часовъ, о народныхъ увеселеніяхъ и предразсудкахъ только тогда выступаютъ передъ нашими глазами во всей громадности своего общественнаго значенія, когда мы умѣемъ всматриваться и вдумываться въ ихъ гигіеническую сторону. Исторія, по моему мнѣнію, должна преподаваться студентамъ, уже совершенно созрѣвшимъ въ умственномъ отношеніи и основательно ознакомившимся съ общимъ строемъ физическихъ, химическихъ и физіологическихъ законовъ природы. Исторія человѣчества должна преподаваться въ ближайшей и тѣснѣйшей связи съ геологіей, т. е. съ исторіей нашей планеты, и съ географіей, т. е. съ описаніемъ той сцены и тѣхъ разнообразныхъ вліяній, среди которыхъ развертывается физическая и умственная жизнь человѣческихъ обществъ. Цѣль преподаванія исторіи должна заключаться въ томъ, чтобы объяснить всю цѣпь извѣстныхъ намъ событій и переворотовъ коренными свойствами человѣческаго организма, подвергающагося разнообразнымъ вліяніямъ окружающей природы. Вниманіе профессора должно сосредоточиваться преимущественно на преемственности различныхъ формъ народнаго труда, на колебаніяхъ народнаго богатства, и на филіаціи тѣхъ идей и учрежденій, которыя накладывали на экономическій бытъ народа печать своего полезнаго или вреднаго вліянія. Не знаю, много-ли найдется профессоровъ, способныхъ читать исторію по такой непривычной программѣ, но знаю навѣрное, что молодые люди, прошедшіе черезъ ту строгую школу положительной науки, которой планъ представленъ въ этой статьѣ,—ни за что не станутъ слушать тѣхъ пріятныхъ разсказчиковъ, которые, получивши легкое литературное образованіе, по своему трогательному простодушію считаютъ себя въ настоящее время замѣчательными профессорами исторіи.

Конечно было бы желательно, чтобы то общее образованіе, котораго программу я здѣсь предлагаю, усвоивалось предварительно всѣми молодыми людьми, посвящающими себя той или другой спеціальной дѣятельности. Говоря другими словами, было бы желательно, чтобы молодые люди принимались за изученіе спеціальности не раньше, какъ послѣ выхода изъ университета, перестроеннаго на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Но, разумѣется, желаніе это въ полномъ своемъ объемѣ такъ же неосуществимо, какъ другое еще болѣе смѣлое и завѣтное желаніе, чтобы общее образованіе, построенное на строго реальныхъ основахъ, сдѣлалось достояніемъ всей народной массы, безъ различія пола и состоянія. Многіе молодые люди, имѣющіе возможность дотянуть до конца гимназическій курсъ, не имѣютъ возможности поступить въ университетъ, т. е. еще на четыре года отложить свое превращеніе въ экономическихъ производителей. Надо заботиться о насущномъ пропитаніи, надо поскорѣе приниматься за хлѣбное ремесло: та же самая причина, которая въ бѣднѣйшихъ классахъ отрываетъ шести - лѣтняго ребенка отъ азбуки, мѣшаетъ въ среднемъ сословіи пятнадцатилѣтнимъ юношамъ изучать физику или астрономію. Многимъ молодымъ людямъ придется конечно поступать въ спеціальныя училища или приниматься за практическую дѣятельность до окончанія полнаго университетскаго курса. Въ этихъ случаяхъ, которые конечно будутъ очень многочисленны, молодымъ людямъ надо будетъ оставаться въ обще-образовательныхъ училищахъ до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ себѣ всѣхъ знаній, находящихся въ связи съ ихъ спеціальностью.

Рядъ примѣровъ тотчасъ пояснитъ вполнѣ эту послѣднюю мысль. Представьте себѣ, что въ гимназіи учатся нѣсколько юношей, которымъ домашнія обстоятельства не позволяютъ истратить одиннадцать лѣтъ (семь въ гимназіи и четыре въ университетѣ) на общее образованіе. Одинъ изъ этихъ юношей хочетъ сдѣлаться чиновникомъ, другой — армейскимъ офицеромъ, третій—морякомъ, четвертый—машинистомъ. пятый сахароваромъ, шестой—агрономомъ, седьмой—медикомъ, восьмой—профессоромъ какой-нибудь отрасли естествознанія. Будущій чиновникъ и будущій офицеръ могутъ опредѣлиться на службу тотчасъ по выходѣ изъ гимназіи; они даже *должны* поступить такимъ образомъ, если имѣютъ въ виду исключительно экономію времени. Во всемъ университетскомъ курсѣ они не найдутъ ни одного предмета, который бы имѣлъ прямое отношеніе къ ихъ будущимъ практическимъ занятіямъ. Собственно говоря, они могли-бы, даже безъ ущерба для своей практической дѣятельности, выдти изъ пятаго класса гимназіи, усвоивши себѣ въ первыхъ пяти классахъ основательное знаніе отечественнаго языка и развивши свои умственныя способности математическими упражненіями настолько, что имъ уже не придется стать втупикъ надъ нехитрыми логическими соображеніями, которыхъ потребуетъ отъ нихъ ихъ будущая практическая дѣятельность. Напротивъ того, третій гимназистъ, готовящій себя въ моряки, поступитъ неразсчетливо, если сойдетъ съ общеобразовательной дороги тотчасъ послѣ окончанія гимназическаго курса. Моряку понадобятся и астрономія, и дифференціалы, и механика. Значитъ, ему слѣдуетъ прослушать первый курсъ университета и потомъ свернуть въ сторону въ спеціальное училище. Будущій машинистъ долженъ поступить точно такъ же. И такъ же точно должны будутъ поступить будущій архитекторъ, будущій военный инженеръ, будущій кораблестрои-

тель. Но сахаровару слѣдуетъ идти дальше, прослушать полный курсъ химіи и потомъ уже свернуть на спеціальную тропинку. Точно такъже слѣдуетъ поступить тому юношѣ, который хочетъ сдѣлаться горнымъ инженеромъ или литейщикомъ, или винокуромъ. Медику и агроному слѣдуетъ прослушать еще и третій курсъ. Наконецъ будущему профессору какой бы то ни было науки необходимо пройти весь университетскій курсъ до конца и уже потомъ, бросивъ такимъ образомъ общій взглядъ на все поле реальнаго знанія, вполнѣ сознательно отмежевать себѣ въ этомъ полѣ отдѣльный участокъ, никогда не упуская при этомъ совершенно изъ виду всѣхъ остальныхъ участковъ, на которыхъ трудятся другіе спеціалисты.

Такимъ образомъ вся совокупность общаго и спеціальнаго образованія представляется намъ въ видѣ большой дороги, отъ которой уходятъ съ различныхъ пунктовъ въ разныя стороны многія мелкія тропинки. Каждый юный путникъ идетъ сначала по большой дорогѣ, идетъ по ней до тѣхъ поръ, пока позволяютъ обстоятельства, потомъ, проголодавшись, свертываетъ на одну изъ боковыхъ тропиновъ, которыя всѣ ведутъ къ какому-нибудь хлѣбному ремеслу. Эта система сворачиваній съ одной общей дороги имѣетъ два важныя преимущества сравнительно съ той системой, при которой различныя спеціальныя образованія представляются въ видѣ многихъ самостоятельныхъ, параллельныхъ дорогъ, неимѣющихъ никакого правильнаго сообщенія съ главной, столбовой дорогой общаго образованія. Первое преимущество состоитъ въ томъ, что педагогическое дѣло страны не дробится па множество замкнутыхъ и независимыхъ другъ отъ друга операцій. Между всѣми частями педагогическаго цѣлаго существуетъ живое сообщеніе и неизбѣжное взаимное вліяніе. Когда всѣ мелкіе спеціальные каналы почерпаютъ все свое содержаніе изъ одного общаго большого русла, и когда они такимъ образомъ получаютъ матеріалъ, испытавшій уже значительную переработку и окрѣпшій въ этой переработкѣ, тогда конечно всѣ они принуждены въ своей дальнѣйшей образовательной дѣятельности подчиняться тѣмъ руководящимъ идеямъ, которыя господствуютъ въ главномъ руслѣ. А такъ какъ въ главномъ руслѣ, по самому его устройству, будетъ господствовать чистѣйшій реализмъ, безъ всякой посторонней примѣси, то этотъ же самый безукоризненный реализмъ разольется также и по всѣмъ развѣтвленіямъ мелкихъ каналовъ. Второе важное преимущество моей системы состоитъ въ томъ, что она позволяетъ молодымъ людямъ выбирать себѣ спеціальность довольно поздно, по крайней мѣрѣ гораздо позднѣе, чѣмъ того требуетъ отъ нихъ господствующая система. Это преимущество обусловливается, во - первыхъ, строгимъ отдѣленіемъ общеобразовательныхъ наукъ отъ спеціальныхъ, и во-вторыхъ—строго-дѣловымъ характеромъ того общаго образованія, которое я рекомендую.

Курсъ спеціальныхъ училищъ долженъ ограничиваться чисто-прикладными науками, такъ чтобы молодому человѣку приходилось дѣлать рѣшительный шагъ, то-есть поступать въ спеціальное училище, именно въ ту минуту, когда онъ по своимъ общимъ знаніямъ и по своему умственному развитію способенъ прямо приниматься за изученіе выбраннаго ремесла. Но, разумѣется, это откладываніе рѣшительнаго шага до послѣдней минуты можетъ производиться безъ вредной потери времени только при такомъ общемъ образованіи, которое знакомитъ юношу съ настоящими *науками,* необходимыми на всякомъ дѣловомъ поприщѣ, а не съ какими-нибудь пріятными бездѣлушками, вродѣ разсказовъ о царѣ Горохѣ, поэмъ Гомера и Виргилія и анекдотовъ о смышлености животныхъ. А почему именно молодымъ людямъ полезно дѣлать рѣшительный шагъ какъ можно позднѣе—это, я думаю, очень понятно. Чтобы человѣкъ былъ хорошимъ работникомъ, ему необходимо любить свое ремесло; а любимъ мы только то, что соотвѣтствуетъ нашимъ способностямъ и наклонностямъ; а способности и наклонности наши выясняются постепенно по мѣрѣ того, какъ растетъ и крѣпнетъ вся наша личность. Кто выбираетъ себѣ ремесло тогда, когда способности и наклонности его еще не обозначились, тотъ дѣйствуетъ на авось и слѣдовательно рискуетъ ошибиться. Когда ошибка становится понятной самому субъекту, тогда начинается для него пора мучительнаго раздумья, сомнѣній и колебаній; потомъ, въ лучшемъ случаѣ, происходитъ торопливое перепрыгиваніе на какую-нибудь другую спеціальность, которую быть-можетъ придется перемѣнить на третью, а въ худшемъ случаѣ являются безплодныя усилія помириться съ ненавистнымъ ремесломъ, сознаніе невозможности этого примиренія и позорная рѣшимость тянуть лямку кое-какъ и работать спустя рукава. Все это, какъ видите, очень убыточно, какъ для отдѣльной личности, такъ и для цѣлаго общества: тратится время, тратятся молодыя силы, и въ результатѣ получаются или плохіе работники, или разочарованные тунеядцы, вродѣ Гамлета Щигровскаго уѣзда. При позднемъ выборѣ спеціальности, шансы ошибиться въ значительной степени ослабѣваютъ, и вслѣдствіе этого всѣ неудобства, вытекающія изъ ошибки, должны сдѣлаться гораздо рѣже. Всѣмъ извѣстно, что въ былое время у насъ готовили воиновъ, дипломатовъ, юристовъ, моряковъ, и такъ далѣе чуть-ли не съ восьмилѣтняго возраста; всѣмъ извѣстно также, что теперь правительство старается противодѣйствовать этому преждевременному втискиванію человѣческой личности въ спеціальную форму; желательно было бы, чтобы въ этомъ

послѣднемъ противодѣйствующемъ направленіи мы подвигались впередъ гораздо быстрѣе и рѣшительнѣе.

XVII.

— Къ чему вы написали всю эту статью?— спрашиваетъ меня читатель.—Неужели вы думаете, что вашу программу примутъ и осуществятъ?—Нѣтъ, читатель. Ни одной минуты не потратилъ я на такія несбыточныя мечтанія. Мнѣ хотѣлось только представить ясно и осязательно до послѣдней степени тотъ воспитательный идеалъ, во имя котораго мы относимся отрицательно къ нашей педагогической дѣйствительности. Ясность и осязательность доведены, какъ видите, до такихъ размѣровъ, что статья украсилась выкладками, цифрами и таблицами. Если выкинуть изъ статьи объяснительныя разсужденія, и если разбить ее на параграфы, то изъ нея выйдетъ дѣловой проектъ, совершенно исполнимый во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Послѣ этого, я полагаю, нашимъ литературнымъ противникамъ трудно будетъ обвинять насъ въ томъ, что мы отрицаемъ для процесса отрицанія, и что мы не съумѣли бы ничего построить на томъ мѣстѣ, которое намъ удалось бы очистить отъ существующихъ зданій готической архитектуры.

Эта статья, совершенно безполезная въ практическомъ отношеніи, можетъ служить образчикомъ тѣхъ *положительныхъ* плановъ, которые имѣются у насъ въ запасѣ. Главныя достоинства изложеннаго мною воспитательнаго плана заключаются въ слѣдующихъ его чертахъ: 1) Гигіеническія правила соблюдены строжайшимъ образомъ. 2) Вниманіе учащихся сосредоточено на самомъ незначительномъ количествѣ предметовъ, имѣющихъ дѣйствительную образовательную силу. 3) Физическій трудъ введенъ въ составъ общаго образованія. 4) Общее образованіе поставлено въ уровень съ умственнымъ движеніемъ нашего времени. 5) Между общимъ образованіемъ и спеціальностями проведена ясная пограничная черта. 6) Спеціальности подчинены господствующему направленію общаго образованія. Приглашаю нашихъ противниковъ доказать несостоятельность этихъ основныхъ идей.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Объявленія дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 19 Февраля 1897 года.

Пессимизмъ. *Д. Селли.* Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англ. Цѣна 1 р. 50 к.
Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи *Коллинса.* Перев. съ англійскаго *П. Мокіевскаго.* Ц. 2 р.
Прогрессивная нравственность. Проф. *Фаулера.* Переводъ подъ редакціей *Владиміра Соловьева.* Ц. 40 к.
Женщина передъ судомъ науки. *Ж. Лурбе.* Переводъ съ французскаго. Ц. 30 к.
Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Перев. съ англійскаго *Л. Давыдовой.* 360 стр. Ц. 80 к.
Кометы и падучія звѣзды. *Е. Предтеченскаго.* Съ 29 рис. Цѣна 40 к.
Живописная астрономія. *К. Фламмаріона.* Общее описаніе вселенной. Перев. *Е. А. Предтеченскаго.* 696 стр. Съ 382 рис. въ текстѣ и 3 хромолитографіями. Ц. 3 р.
Антропологія. *Л. Кржiвицкаго.* Перев. съ польск. подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 1 р. 50 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы* Перев. съ нѣмец. съ 35 рис. Ц. 1 р.
Соціологія. *Ш. Летурно.* Перев. подъ редакціей проф. *А. Трачевскаго.* Ц. 1 р. 50 к.
Физіологія страстей. *Летурно.* Перев. *В. Святловскаго.* Цѣна 1 руб.
Психологія характера. *Ф. Полана.* Перев. подъ редакц. *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 75 к.
Душевныя движенія. Д-ра *Ланге.* Ц. 40 к.
Психологія народовъ и массъ. *Г. Лебона.* Ц. 1 р.
Законы подражанія. *Тарда.* Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединиена.* Ц. 60 к.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединиена.* Ч. 1-я и 2-я. Ц. кажд. 50 к.
Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило.* 2-е изд. Ц. 40 к.
Гигіена семьи. *Гебера.* Переводъ съ нѣм. Ц. 50 к.
Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рисунками. 2-е изд. Цѣна 75 к.
Уходъ за больными дѣтьми. Д-ра *Э. Перье.* Ц. 50 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Варіо.* Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева.* Со мног. рис. Ц. 1 р.
Воспитаніе воли. *Ж. Пэйо.* 2 изд. Ц. 75 к.
Который часъ? *И. Вавилова.* Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. 2 изд. Ц. 30 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рисун. Изд. 2-е. Ц. 60 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. Съ 40 рисун. Цѣна 1 р. 25 к.
Фабричная гигіена. *Святловскаго.* Съ 153 рис. Ц. 4 руб.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. 2-е изд. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“ Со мн. рис. Ц. 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера.* Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ.* Съ 84 рис. Ц. 1 р.
Усталость. Популярно-научныя бесѣды проф. *А. Моссо.* Перев. *М. Манасеиной.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента.* Съ 109 рис. Перев. съ англійск. *Д. Головъ.* Ц. 1 р.
Физіологическая психологія. *Цигена.* Переводъ подъ редакціей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. 2-е изд. Ц. 75 коп.
Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.
Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Энцлера.* Ц. 50 к.
Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.
Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.
Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Переводъ съ французскаго. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Огородничество. Практич. настав. для народ. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Міръ грёзъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Пер. съ франц. Ц. 1 р.
Физіологія души. *А. Герцена,* професс. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 75 к.
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домаш. занятіямъ ремеслами. Пер. съ фр. 2-е дополн. изд. Съ 375 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ пап.—1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегаццы.* Переводъ съ 5-го итал. изданія *д-ра Лейненберга.* Ц. 1 р. 50 к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣн. 7-е изд. съ 65 рис. Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Перев. съ фр. *В. Черкасова.* Съ 100 рис. 4-е изд. Ц. 70 к.
Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды *Е. А. Предтеченскаго.* Съ мног. рис. Ц. 30 к.
Телефонъ и его практическія примѣненія. Соч. *Майера* и *Присса.* Пер. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Со мног. рисунками. Ц. 2 р.
Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перевелъ и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. *Сэломенса.* Съ англ. 81 рис. Ц. 1 р. 25 к.
О безопасности электрич. освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніе). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Пер. съ анг. *Головъ.* 2-е изд. Ц. 1 р.
Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге.* Перев. съ нѣмецкаго. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ.* 500 стр. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* Съ франц. 2-е изд. Ц. 40 к.
Психологія великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.
Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и рисунками. 3-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Составилъ *Г. Тисандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа.* Ц. 10 к.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ питомниковъ и обученіе садоводству. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ баронъ Н. Корфъ. Ц. 75 к.

Для дѣтей и юношества.

Научныя забавы. *Фэдо.* Перев. *Е. А. Предтеченскаго.* Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 60 к., въ перепл. 1 р. 10 к.
Къ свѣту. Разсказы для дѣтей *В. Огаркова.* Съ 29 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
Матери великихъ людей. *Блока.* Со многими рис. Ц. 60 к.
Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Съ 25 рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 40 к.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 рисунками. Перев. *Б. Порозовской.* Цѣна каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 к., въ изящномъ переп. по 3 тома—2 р. 50 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека *Ф. Павленкова.* Издается съ 1894 г. Всѣхъ книжекъ будетъ отъ 150 до 200. Вышло до 1-го октября 1896 г. семьдесятъ восемь книжекъ, отъ № 1 до 78. Цѣны книжекъ отъ 5 до 25 коп.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой:* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Ц. кажд. ром. 40 к. Въ пап. 50 к. въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ, 21) Приключенія Нигеля, 22) Редгантлетъ, 23) Сенъ-Ронанскія воды, 24) Робертъ графъ Парижскій, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. кажд. ром. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5 роман. Ц. 2 р. 80 к.

Pisarev, Dmitriĭ I

Sochineniia.